

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LIV

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ L I V

1893

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1893

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ОКТАБРЬ, 1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАВРЬ, 1893 г.

	СТР
I. Пограничная крѣпость. (Посвящается Ив. Ал. Бедрягѣ). IV—VI. (Продолженіе). А. И. Лемана	5
II. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XVIII. (Окончаніе)	29
III. Атаманъ Платовъ—завоеватель Индіи. А. В. Арсеньева	46
IV. Воспоминанія В. Н. Погожева. XIX—XXII. (Окончаніе)	74
V. На новыхъ мѣстахъ. (Изъ записной книжки). I—V. Н. В. Сорочкина	96
VI. Изъ воспоминаній артиста А. А. Нильскаго. (Провинція). I—III	121
VII. «Варшавскій Дневникъ» и первый его редакторъ. И. В. Любарскаго	148
VIII. Современные литературные дѣятели. М. Н. Альбовъ. — И. А. Саловъ. Б. П. Медвѣдскаго	160
IX. Въ подоскахъ перевала черезъ Тянь-Шань. (Изъ дневника). А. Е. Грумъ-Гржимайло	174
Иллюстраціи: 1) Китайскій лавочникъ.—2) Нашъ бивуакъ.	
X. Либеральный цензоръ и профессоръ-пессимистъ. (Биографическій очеркъ). І. Никитенко въ царствованіе Александра І. В. Р. Зотова	194
XI. Маршалъ Сянтя Борода. І. І. Ясинскаго	211
XII. Могилевская церковная смута. С. Н. Браиловскаго	231
XIII. Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ. (1815—1852 гг.). М—е	245
Иллюстраціи: 1) Портретъ П. А. Ѳедотова.—2) Его картины: «Свѣжій кавалеръ» и 3) «Сватовство маюра».—4) Рисунки: «Капиталисты» и «Квартальный и извозчикъ».	
XIV. Парижская печать. В. Т.	255
XV. Британка и библиографія	270
1) Исторія Аншеронскаго полка, 1700—1892 гг. Составилъ Л. Богуславскій. Три тома. Спб. 1892. Н. Орлова.—2) Великій князь Георгій Михайловичъ. Русскія монеты, чеканенныя для Пруссіи (1759—1762), Грузіи (1804—1833), Польши (1815—1841), Финляндіи (1864—1890). Спб. 1893. Съ 16 таблицами. Н. Лихачева.—3) І. Каблицъ (І. Юзовъ). Основы народничества. Часть II. Спб. 1893. А. Фаресова.—4) Труды Московскаго нумизматическаго общества. Подъ редакціей В. К. Трутовскаго и В. А. Уляницкаго. Первый полутомъ. Москва. 1893. Н. Лихачева.—5) Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго, подъ редакціей П. Адрианова. Томъ I. Книги I—V. Изданіе А. Г. Кузнецова. Москва. 1893. В. Б.—6) Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1890 г. Спб. 1893. М. М.—7) Н. Д. Чечулинъ. Русскія деревянныя жилища постройки въ XVI вѣкѣ. Спб. 1893. В. Б.—8) Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиіи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевъ. Томъ I. Вып. I. Спб. 1893. В. Б.—9) Проектъ новаго уложенія, составленный комиссіей 1754—1766 гг. Текстъ подъ редакціей В. Н. Латкина. Спб. 1893. В. Б.	
XVI. Историческія мелочи	286
1) Испанская легенда о смерти Торквемады.—2) Уничтоженіе королевскихъ гробницъ въ Сень-Дени въ 1793 году.—3) Отзывъ современника о засѣданіяхъ французскаго учредительнаго собранія въ 1790 году.—4) Племянникъ Наполеона и внучка Вашингтона.—5) Сыпъ Наполеона III.—6) Смертныя останки Софокла.	

См. слѣд. стр.

XVII. Заграничныя историческія новости	СТР. 295
XVIII. Смѣсь	303

1) Археологическій съѣздъ въ Вильнѣ.—2) Десятилѣтняя годовщина кончины Тургенева.—3) Пятидесятилѣтіе смерти Квитки.—4) Двадцатипятилѣтняя годовщина дѣятельности двухъ педагоговъ-писателей.—5) Четырехсотлѣтіе первой славянской книги.—6) Некрологи: А. Н. Апухтинъ; Н. Д. Ахшарумовъ; П. И. Небольсинъ; епископъ Гермогенъ (Добронравинъ); Н. Е. Лясковскій; Р. В. Зотовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Матвѣя Ивановича Платова.—2) Дворъ Карла IV. (La corte de Carlos IV). Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго Е. І. Уманецъ. XXII—XXIX. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБЪИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

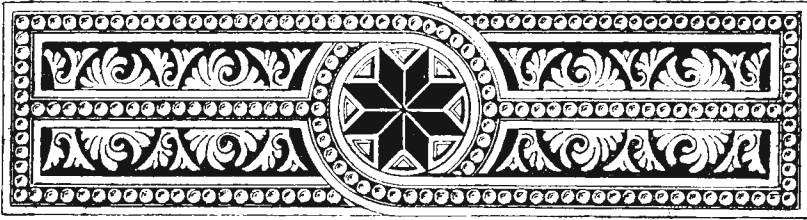
СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г. — Вѣщениосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дентфордѣ.—Императорскій тигуль.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карляковъ.—Московский маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синелера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирьяново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габріелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мниное завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу черезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій, 38), за пересылку ничего не платятъ.

ГРАФЪ МАТВѢЙ ИВАНОВИЧЪ ПЛАТОВЪ.

ДОН. ЦЕНЗ., СПЕ. 25 СЕНТЯБРЯ 1893 Г.

ПОГРАНИЧНАЯ КРѢПОСТЬ ¹⁾.

(Посвящается Ив. Ал. Бедрягѣ).

IV.

СЛНЦЕ заливало теплыми, яркими лучами комнату. Передъ койкой Султанова стоялъ Орѣшкинъ и осторожно толкалъ его въ плечо.

— Ваше благородіе, а, ваше благородіе! Вставайте, васъ въ роту требуютъ: Селиверстова убило.

— Что такое?—проговорилъ Султановъ, садясь на кровать и протирая глаза:—кого убило? Селиверстова? Какой вздоръ!

— Никакъ нѣтъ. Я самъ сейчасъ оттудова. Тамъ прикладка была. Значить, боевой патронъ попалъ.

Теперь Султановъ понялъ все. Сонъ окончательно оставилъ его.

— Ахъ, чертъ возьми!—воскликнулъ онъ:—скорѣй одѣваться!

У Орѣшкина было уже все готово. Поручикъ подцѣпилъ шашку, надѣлъ фуражку и отправился въ четвертую роту, въ которой онъ былъ старшимъ субалтернъ-офицеромъ, и которой командовалъ капитанъ Ершъ.

Рота помѣщалась въ казармѣ по этому же фасу. Въ чисто выбѣленныхъ казематахъ, не раздѣленныхъ поперечными стѣнками, стояли солдатскія койки, покрытыя байковыми малиновыми одѣя-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LIII, стр. 561.

лами, отличавшіяся чистотой и порядкомъ, достойными любого учебнаго заведенія. Въ той части помѣщенія, которое было свободно отъ коекъ, около стѣнъ находились бѣлые некрашенные столы, и тутъ оставалось довольно мѣста для строевыхъ ротныхъ занятій.

Теперь тутъ происходила суматоха. Солдаты стояли тѣснымъ кругомъ около убитаго, лежавшаго на полу. Круглая рана зіяла у него подъ правымъ глазомъ и безобразила все лицо. Кровь, вытекавшая изъ затылка, образовала лужу вокругъ головы. Солдаты разступились передъ Султановымъ. Онъ приказалъ поднять Селиверстова, на погонахъ котораго были унтеръ-офицерскія изъ бѣлыхъ тесемочекъ нашивки, и перенести въ сосѣднюю небольшую комнату. Тамъ его положили на двухъ составленныхъ столахъ. Сѣдой, низенькаго роста, полный фельдфебель, приложивъ руку къ козырьку, докладывалъ Султанову, какъ произошло несчастіе.

— Я отлучился въ канцелярію, а Селиверстовъ выстроилъ свое отдѣленіе и занялся прикладкой. Стало быть, роздалъ онъ холостые патроны, зашелъ съ праваго фланга и велѣлъ, какъ обыкновенно, цѣлиться въ глазъ. Какъ онъ скомандовалъ «пли», такъ его сразу и убило. Ирмія Мурмисъ застрѣлилъ. Онъ на правомъ флангѣ стоялъ.

— Чортъ побери!— вскричалъ Султановъ:— вѣдь тысячу разъ вамъ говорили цѣлиться въ зеркало. Вѣдь еще въ прошломъ мѣсяцѣ въ приказѣ объ этомъ было сказано. Какъ тебѣ не стыдно, Савчукъ!

Фельдфебель поморгалъ глазами.

— Да развѣ ихъ вразумишь, ваше благородіе? Селиверстовъ самъ старшій унтеръ-офицеръ, значить, понятіе имѣетъ. Кто же его знаетъ, какой грѣхъ вышелъ. Это ужъ отъ Бога.

— Извѣстно, отъ Бога,—сдержанно проговорили сзади солдаты.

Султановъ почувствовалъ, что ему, какъ начальнику, надо отдать какое нибудь распоряженіе, и сказалъ:

— Вели дневальнымъ кровь вытереть и полъ вымыть.

Фельдфебель, уже не моргая, твердо взглянулъ на поручика и, снова поднимая руку къ козырьку, проговорилъ:

— Нельзя-съ, ваше благородіе. Надо обождать до полковника.

Султановъ понялъ, что сдѣлалъ промахъ, и что фельдфебель правъ. Сердито закусивъ губу, онъ направился къ выходу. Въ дверяхъ онъ встрѣтился съ дряхлымъ сѣдымъ батальоннымъ докторомъ, который торопливо застегивался на ходу. Темнобагровое лицо его съ малиновымъ носомъ брезгливо и недовольно морщилось.

— Что тутъ случилось? Кого застрѣлили?—озабоченно и суетливо говорилъ онъ.

Въ казармахъ послышался шепотъ:

— Полковникъ, полковникъ.

И люди вытянулись, гдѣ кто стоялъ. Толстый приземистый полковникъ мѣшковатой и развалистой походкой вошелъ въ ка-

зарму. Сѣрые косые глаза его смотрѣли сурово. Темнорусые волосы, остриженные коротко, плотно лежали на его большой съ широкимъ затылкомъ головѣ, сидѣвшей на короткой, толстой, красной шеѣ. Онъ былъ крѣпокъ и силенъ, какъ медвѣдь. Его огромные тяжелые сапоги съ широкими голенищами, въ которыхъ были запряганы темнозеленныя брюки, его прочный, драповый на ватѣ, какъ у брандтъ-маюра, сюртукъ съ серебряными пуговицами и узкимъ до крайности бархатнымъ воротникомъ, и длинная тяжелая въ толстыхъ ножнахъ шашка, говорили о его дюжемъ и несокрушимомъ сложеніи.

— Здорово, ребята,—сказалъ онъ зычнымъ голосомъ.

— Здравія желаемъ,—дружно, но сдержанно, изъ чувства уваженія къ покойнику, отвѣтили саперы.

Дежурный по ротѣ, держа руку у козырька, подошелъ съ рапортомъ, закончивъ его скороговоркой твердо заученными словами:

— Въ четвертой ротѣ все обстоитъ благополучно!

— Ну, какое же благополучно,—сказалъ полковникъ, махнувъ рукой:—пошелъ!

Дежурный съ виноватымъ видомъ потупился. Солдаты выразительно переглянулись. Эта сѣрая, но развитая и чуткая толпа, не имѣвшая ничего общаго съ неравсуждающей армейской массой, хорошо понимала, что какъ дежурный, такъ и полковникъ совершенно правы: дежурный—потому, что онъ отрапортовалъ по уставу, полковникъ—потому, что онъ возразилъ по существу дѣла. Но опять-таки никто не позволилъ себѣ ничего лишняго, ни остраго слова, ни даже явной улыбки, изъ прежняго сдержаннаго и почтительнаго чувства, которое охватывало всѣхъ.

— Гдѣ онъ?—прибавилъ полковникъ, пожимая руку Султанову, доктору и успѣвшему, наконецъ, явиться капитану Ершу.

— Я приказалъ его перенести сюда,—заявилъ Султановъ.

Полковникъ ласково взглянулъ на него (онъ любилъ Султанова) и, прибавивъ: «очень хорошо», пошелъ къ убитому.

Селиверстовъ былъ крѣпкаго сложенія, очень бѣлокурый, двадцатипятилѣтній человекъ. Онъ лежалъ на спинѣ, раскинувъ не успѣвшія еще закоченѣть руки. Лицо его, залитое кровью, было прикрыто кѣмъ-то изъ солдатъ чистымъ бѣлымъ платкомъ. Докторъ приподнялъ платокъ, изъ-подъ котораго показались синевато-мраморныя щеки и странно желтѣвшій носъ. Нѣсколько отставшая нижняя челюсть обнаруживала рядъ крѣпкихъ ровныхъ зубовъ.

— Навылетъ,—сказалъ докторъ.

— Еще бы,—подтвердилъ полковникъ:—почти въ упоръ. Смотрите, щеку порохомъ обожгло. Нашли пулю?

— Никакъ нѣтъ,—отозвался фельдфебель:—въ стѣну ударила, щикатурку вышибла, а затѣмъ въ дверь, а куда потомъ дѣбалась—никакъ сыскать не могли.

— Поищите еще, — сказалъ полковникъ: — пулю надо непременно найти.

Не глядя болѣе на покойника, онъ вернулся въ казармы.

— Унтеръ-офицеры, впередъ!

Когда унтеръ-офицеры вышли, полковникъ произнесъ:

— Вамъ было сказано цѣлить въ зеркало, — зеркаловъ, что ли, у васъ нѣтъ? Не слушаете. Вотъ дождались.

Онъ показалъ рѣзкимъ движеніемъ руки на комнату, гдѣ лежалъ Селиверстовъ.

— Что я съ вами буду дѣлать! Когда на стрѣльбѣ были?

— Третьяго дня, — слышались отдѣльные голоса.

— Третьяго дня, — повторилъ полковникъ: — патроны счетомъ сдали? Какъ же могъ боевой патронъ къ холостымъ попасть? Вѣдь это безобразіе! Ирмія Мурмисъ!

Изъ толпы выступилъ высокаго роста рыжій, въ веснушкахъ, блѣдный, перепуганный еврей.

— Ну, что скажешь? Тебѣ патронъ данъ. Не могъ посмотрѣть, что у тебя въ рукахъ? Мало васъ учили, чтобы гильзу со всѣхъ сторонъ осмотрѣть, какая она: цѣльная или съ дырой. Кажется, не трудно. А ты такъ прямо патронъ маршь въ стволъ и баць. Дрянное дѣло, братъ. А знаешь ли ты, что каждый солдатъ у государя на счету, и о каждомъ изъ васъ ему особый докладъ. Вѣдь ты и начальника бригады, и меня, и всѣхъ насъ подвелъ. Ну, да о тебѣ у меня будетъ особая рѣчь. Ступай.

Полковникъ говорилъ, откровенно и искренне, и за эту прямоту солдаты любили его. Не смотря на нѣкоторую грубоватость, слова его были всегда дѣльны и понятны. Онъ не терпѣлъ лишнѣхъ разговоровъ, равно какъ и мелочной утомительной субординаціи. Выходило всегда, что онъ говорилъ, какъ власть имѣющей начальникъ и какъ человѣкъ, высказывающей необходимую правду. Отъ этого слова его получали двойную убѣдительность.

Полковникъ съ офицерами удалился. Скоро вышло приказаніе перенести Селиверстова въ госпиталь. Тогда же стало извѣстно, что тамъ произведутъ вскрытіе.

Султановъ не пошелъ въ канцелярію, куда отправился полковникъ, а вернулся къ себѣ въ комнату. Было десять часовъ. Проворный Орѣшкинъ принесъ кипящій самоваръ и подаль стаканъ и чайницу. Солнечные лучи ударили въ полъ, и весь казематъ казался наполненнымъ золотистымъ сіяніемъ. Султанову показалось въ комнатѣ душно, и онъ отворилъ окно. Легкій пріятный воздухъ пахнулъ на него.

— Какъ хорошо здѣсь, — подумалъ онъ: — поздняя осень, а какъ тепло. Гдѣ сегодняшній приказъ, Орѣшкинъ? — обратился онъ къ своему денщику.

Тотъ подаль ему гектографированный лиловыми чернилами

листъ писчей бумаги. Послѣ обычнаго заголовка, начинавшася съ того, гдѣ и когда и кѣмъ отданъ этотъ приказъ, слѣдовали параграфы, заключавшіе въ себѣ разныя распоряженія полковника, подписанныя имъ и скрѣпленныя подписью адъютанта.

Такъ какъ приказъ выходилъ каждый день и заключалъ въ себѣ не мало интересныхъ свѣдѣній, касавшихся внутренней жизни гарнизона крѣпости, то онъ до нѣкоторой степени замѣнялъ здѣсь газету. Впрочемъ каждая часть получала свой особый приказъ, и артиллерія, и резервные баталіоны, и саперы, такъ что этихъ газетъ было тутъ нѣсколько. Командиръ сапернаго баталіона любилъ краткость и выразительность. Послѣ необходимыхъ хозяйственныхъ распоряженій о мясѣ, дровахъ, мукѣ, слѣдовалъ списокъ денежныхъ писемъ, полученныхъ нижними чинами. Затѣмъ шелъ нарядъ на дежурство и караулъ. Этотъ параграфъ всегда прочитывался прежде всего молодыми офицерами, причемъ это чтеніе обыкновенно сопровождалось энергическими восклицаніями, напримѣръ: «Ахъ, чертъ побери! Сегодня меня опять запрягли», или: «Вотъ такъ штука! Три дежурства не въ очередь. Пусть-ка походить, голубчикъ, а мы отдохнемъ».

Само собою разумѣется, что слово «голубчикъ» относилось къ проштрафившемуся офицеру.

Когда Султановъ развернулъ приказъ, ему первымъ бросилось въ глаза сообщеніе полковника, что казначей Игнатовичъ подалъ рапортъ о болѣзни, и что на мѣсто его временно назначается исправляющимъ эту должность поручикъ Султановъ.

— «Когда же это онъ успѣлъ подать рапортъ,—подумалъ новый казначей, которому это извѣстіе въ приказѣ было весьма непріятно, такъ какъ онъ не любилъ заступать чью нибудь должность, хорошо зная по опыту, что это въ концѣ концовъ всегда ведетъ къ недоразумѣніямъ:—еще вчера съ нимъ кутили въ мѣстечкѣ. И какое нахальство: подалъ рапортъ, а самъ уѣхалъ изъ крѣпости. Нечего дѣлать, надо будетъ зайти въ канцелярію».

Онъ неторопливо пилъ чай, куря одну папироску за другой. Гдѣ-то вдали пробилъ барабанъ. Затѣмъ опять наступила тишина. За стѣной послышалось мурлыканье Орѣшкина, большого любителя музыки. Онъ бабимъ голосомъ потихоньку выводилъ:

«Подъ ве-ечеръ осени нена-астной...

«Въ пусты-ынныхъ дѣва шла мѣста-ахъ»...

Звонко ступая по каменной мостовой тяжелыми, обитыми гвоздями сапогами, прошла рота резервистовъ съ ружьями на плечахъ. Затѣмъ опять наступила тишина. Султановъ сидѣлъ и думалъ о пустотѣ своей жизни и о безцѣльности человеческого существованія вообще, причемъ эти размышленія сливались съ ощущеніемъ свѣта и тепла, и отъ всего этого утрачивали свою мрачность.

— А вѣдь другіе здѣсь весь вѣкъ живутъ,—думалъ онъ,—вотъ хоть бы взять Ремешкова. И передъ нимъ мелькнуло воспоминаніе о томъ, какъ онъ познакомился съ Ремешковымъ.

Это было прошлой зимой. Стоялъ тихій, туманный день. Возвращаясь изъ военнаго собранія, гдѣ онъ обѣдалъ, Султановъ вышелъ за крѣпостныя ворота къ дровяному двору Хайма-Арона и свернулъ къ рѣкѣ. Она разлилась на необозримое пространство и такъ замерзла. Вѣтеръ сдулъ съ ея поверхности снѣгъ, и гладкій, ровный мѣстами желтоватый ледъ лоснился, какъ паркетъ. Туманъ прозрачной молочной дымкой наполнялъ воздухъ. Слѣва разстилась широкая равнина притока, впадавшаго тутъ въ рѣку. Тамъ также блестѣлъ ледъ. Далеко впереди виднѣлась кучка деревьевъ, залитыхъ водой и теперь охваченныхъ льдомъ. Около нихъ, взявшись за руки, кружились три неопредѣленныя фигуры, какъ вѣдмы въ Макбетѣ.

Открывшееся огромное пространство манило къ себѣ Султанова. Онъ хорошо катался на конькахъ и вспомнилъ, что они есть у него. Ему захотѣлось сильными упругими размахами полетѣть впередъ по этой гладкой ледяной равнинѣ вдоль береговъ, покрытыхъ камышемъ и деревьями, и на желтоватую середину, на которой ледъ навѣрно мягокъ и будетъ рѣзаться, какъ воскъ, коньками. Кружившіяся фигуры заинтересовали его. Не смотря на свои соколиные глаза, онъ не могъ различить, были ли это въ самомъ дѣлѣ старухи, или дѣвочки подростки, или мальчики. Туманъ чрезвычайно увеличивалъ размѣры фигуръ и придавалъ что-то странное самымъ ихъ движеніямъ. Такъ Султановъ стоялъ нѣсколько минутъ, осматриваясь вокругъ. Изъ-за покрытаго снѣгомъ откоса выѣхалъ плотный, мѣшковатый офицеръ въ сѣрой солдатской короткой шинели и, неуклюже вывернувъ конекъ, остановился неподалеку.

— А вы не катаетесь?—спросилъ онъ Султанова.

— Катаюсь, но я не знаю, что здѣсь такой прекрасный ледъ.

— Помилуйте, въ нѣкоторомъ родѣ чудо природы,—отвѣчалъ незнакомый офицеръ,—если вамъ угодно, то можете хоть на двадцать верстъ въ любую сторону ѣхать. Только это не всякую зиму бываетъ. Я очень люблю это развлеченіе. Оно для моціона полезно.

— А вы давно тутъ?—спросилъ Султановъ.

— Собственно послѣ войны, а, если угодно, то я и родился здѣсь. Честь имѣю представиться: прапорщикъ резервнаго баталіона, Иванъ Ремешковъ.

Онъ протянулъ Султанову красную мужицкую руку. Рябоватое большое лицо его имѣло простодушное выраженіе, голубые нѣсколько выпуклые глаза смотрѣли привѣтливо. Онъ понравился Султанову.

— Вы изъ окружнаго училища?—спросилъ онъ Ремешкова, такъ

какъ воспитанники военныхъ училищъ выпускались подпоручиками.

— Нѣтъ-съ, я произведенъ за отличіе изъ нижнихъ чиновъ до сдачи экзамена; я вѣчный прапорщикъ.

Онъ засмѣялся.

— То-есть, какъ это? — спросилъ Султановъ. Онъ былъ еще молодымъ неопытнымъ офицеромъ.

— Да, такъ. Поступилъ я на службу охотникомъ, то-есть нижнимъ чиномъ, а затѣмъ былъ произведенъ въ офицеры. А вѣдь вамъ извѣстно, чтобы имѣть право на производство въ слѣдующій чинъ, такіе, какъ я, должны сдать экзаменъ при какомъ нибудь училищѣ. А то весь вѣкъ ихъ будутъ обходить чинами.

— Такъ вамъ непременно надо выдержать экзаменъ, — сказала Султановъ.

— Зачѣмъ? — спросилъ Ремешковъ.

— Какъ зачѣмъ? Для того, чтобы идти впередъ по службѣ.

— И, полноте. Во-первыхъ, къ экзамену мнѣ не подготовиться, а, во-вторыхъ, экзамена мнѣ не выдержать. Человѣкъ я маленькій, тихій, робкій, научныхъ познаній не имѣю, двухъ словъ предъ начальствомъ сказать не могу. А вы — на экзаменъ. Шутка сказать. Да и чѣмъ мнѣ такъ жить худо? Посудите сами: жалованья я получаю пятьдесятъ рублей. Квартира, дрова и все прочее казенное. Живетъ со мной матушка. Она у меня ведетъ все хозяйство, и мнѣ съ ней не скучно. Надо вамъ сказать, отецъ мой споконъ вѣку тутъ служилъ. Человѣкъ онъ былъ тоже простой, неученый, ну, а дѣло зналъ. Такъ я и остался жить при немъ. Когда года мнѣ вышли, началась война, я и пошелъ въ охотники. А такъ бы меня не взяли, я одинъ сынъ. Теперь смотрите, что выходитъ: живемъ мы безбѣдно, можно сказать, даже припѣваючи. Служба меня не тяготитъ, мѣста мнѣ все здѣсь родныя, знакомыя, и матушка всѣхъ въ крѣпости знаетъ. Нѣтъ, не говорите, какой тамъ экзаменъ. Я объ этомъ и думать забылъ.

Султановъ былъ пораженъ его словами.

— Помилуйте, — возразилъ онъ, — да вѣдь есть другая, болѣе полная и широкая жизнь. Вѣдь эта крѣпость похожа на необитаемый островъ, на который посадили нѣсколько семействъ. Здѣсь тѣсно, душно, здѣсь заглохнетъ любое дарованіе, опускаются руки, невольно погружаешься въ какую-то безпробудную спячку, ведешь какое-то растительное существованіе: ѣшь, спишь и спишь безъ просыпу.

— Что вы, — горячо отвѣтилъ Ремешковъ: — про какую это вы широкую жизнь говорите? Гдѣ она есть? Людямъ богатымъ, можетъ быть, лучше живется въ Петербургѣ, ну, а кто бѣденъ, тому вездѣ худо, если онъ не найдетъ себѣ своего настоящаго мѣста. А что тихо здѣсь и спокойно, такъ это не бѣда, а благодать. Вотъ

раза два въ годъ случается мнѣ ѣздить въ Варшаву. Попадешь туда—шумъ, гамъ, на улицахъ толпятся прохожіе, трамваи звонять, дружки гонять взапуски лошадей. Какая суматоха! Такъ сразу голова и заболитъ. Только и ждешь, какъ бы вырваться да пріѣхать сюда назадъ. Но что же мы, однако, стоимъ. Сходите-ка за коньками, да покатайтесь. Времени еще много.

— Нѣтъ, ужъ лучше въ другой разъ,—возразилъ Султановъ.

— Ну, тогда и я съ вами пойду,—сказалъ Ремешковъ и началъ снимать коньки.

— Кто же вы будете?—говорилъ онъ:—родители-то у васъ есть?

— Нѣтъ, родителей нѣтъ,—отвѣтилъ Султановъ:—отецъ мой былъ генералъ. Онъ давно умеръ.

— Вы точно не русскій, на кавказца похожи.

— Какъ вамъ сказать, я русскій, православный. Вы слышите, какъ чисто я говорю порусски. Ну, а дѣды мои были татарскаго происхожденія.

— Это видно,—говорилъ Ремешковъ, вытирая лезвія коньковъ полѳй шинели и выходя на берегъ.—Пойдемте, намъ дорога одна.

Они обогнули дровяной дворъ и перешли мостъ. Въ крѣпость надо было Султанову идти направо, а Ремешкову—налѣво.

— Вотъ гдѣ моя квартира,—говорилъ онъ, показывая на входъ въ казармы:—когда вздумаете, милости просимъ. Мы съ матушкой будемъ вамъ очень рады.

На другой день Султановъ катался на конькахъ съ Ремешковымъ и зашелъ къ нему. Тотъ жилъ совсѣмъ по-семейному. Мать его простая, добрая женщина, похожая на обжившуюся въ домѣ хорошую старую няню, оказалась большой хозяйкой. У нихъ было три комнатки, уставленные шкапами, сундуками и ларями. Въ почетномъ углу виднѣлся огромный кіотъ, наполненный иконами въ позолоченныхъ и серебряныхъ ризахъ. Пахло мятой и деревяннымъ масломъ. Султановъ провелъ тутъ вечеръ, причемъ ему показалось, что онъ попалъ въ какой-то глухой, провинціальный городъ, въ маленькую, живущую дневными интересами семью.

Въ помѣщеніи Ремешкова царилъ такой безмятежный покой, что это было удивительно даже и для крѣпости. За чаемъ Домна Филипповна (такъ звали мать Ремешкова) рассказывала, какъ ей жилось при покойномъ мужѣ, каковъ былъ прежній комендантъ, какъ повстанцы разграбили отправленную изъ крѣпости почту и похитили триста тысячъ рублей.

— И вѣдь какіе фальшивые это люди были,—присовокупила она:—главный ихъ доводца въ отчетѣ своемъ ржонду показалъ, что захватилъ лишь двѣсти пятьдесятъ тысячъ. Это мнѣ одинъ изъ ихнихъ говорилъ.

Знала она и окрестныхъ помѣщиковъ.

Черезъ Ремешкова Султановъ познакомился съ Селецкимъ. Это случилось такимъ образомъ.

Султановъ и Ремешковъ поѣхали на конькахъ по широкому притоку рѣки. Ледъ былъ хорошій, день свѣтлый и солнечный. Попутный вѣтеръ дулъ сзади и помогалъ имъ катиться впередъ. Султановъ со вниманіемъ осматривался вокругъ. Зимнія картины незнакомой природы были для него новы и интересны. Ровныя и гладкія поля смѣнялись вѣковымъ дремучимъ боромъ, въ которомъ водились рыси и кабаны. То открывался видъ на маленькую польскую деревушку, окруженную дворами и садиками. Тутъ ничто не напоминало жидовскаго мѣстечка. Въ деревнѣ слышалось мычаніе коровъ и голосистое пѣніе пѣтуховъ. Скирды сѣна, покрытые снѣгомъ, точно исполинскія сахарныя головы, виднѣлись на задворкахъ.

Между тѣмъ стемнѣло. Офицеры забрались такъ далеко, что о возвращеніи назадъ на конькахъ нечего было и думать, такъ какъ на рѣкѣ встрѣчались мѣстами полыньи. Ремешковъ предложилъ зайти къ пану Селецкому, говоря, что тотъ охотно довезетъ ихъ до крѣпости на своихъ лошадяхъ. Султановъ согласился.

Одноэтажный, сѣрый флигель, въ которомъ жилъ помѣщикъ, выходилъ окнами на рѣку. Офицеры подошли къ обнесенному высокимъ заборомъ двору и, отгоняя разношерстныхъ собакъ, добрались до крыльца. Тутъ ихъ встрѣтила старая невзрачная служанка, не знавшая никакого другаго языка, кромѣ польскаго. Она провела нежданныхъ гостей къ хозяину. Домъ Селецкаго состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, уставленныхъ старинной, потемнѣвшей мебелью, съ фамильными портретами на стѣнахъ и съ священными изображеніями новѣйшаго происхожденія. Большею частью это были хромотографіи. Матерь Божія и Христосъ были представлены не иначе, какъ съ трогательно сложенными руками и взорами, устремленными къ небу. На груди у нихъ виднѣлось оттушеванное въ рельефъ сердце въ видѣ червоннаго туза, обращеннаго острымъ концомъ къ низу. У Божіей Матери оно было обвито лиліями и алыми розами и проткнуто кинжаломъ. Сердце же Христа окружалъ терновый вѣнокъ съ окровавленными шипами. Кромѣ того, изъ сердца Христа, а также и Божіей Матери, исходило пламя. Это пламя должно было изображать пламенную любовь ихъ къ человечеству. Султанова поразили эти изображенія, и онъ недоумѣвалъ, почему къ обнаженной груди было приставлено такое сердце, и почему изъ него выходило пламя.

Селецкій оказался очень услужливымъ и любезнымъ паномъ со всѣми характерными чертами поляка. Онъ чисто говорилъ порусски, но съ акцентомъ. Былъ до притворности льстивъ, услужливъ и предупредителенъ. Пылкій и впечатлительный, слишкомъ довѣрчивый и неразборчивый Султановъ не сразу понялъ его характеръ. Селецкій показался ему очень гостепріимнымъ. Онъ уговорилъ го-

стей остаться ужинать (въ фольваркѣ ложились рано). Къ ужину вышла его сестра, панна Стефанія...

Звонкій голосъ Орѣшкина прервалъ мечтанія Султанова.

— Ваше благородіе, Рукавишниковъ чертежи принесъ. Прикажете ему войти?

— Пусть войдетъ,— отвѣтилъ Султановъ.

Отпугнутое воспоминаніе о Стефаніи растаяло передъ умственнымъ его взоромъ. Онъ окончательно вернулся къ дѣйствительности.

Вошелъ статный, бравый унтеръ-офицеръ, держа подъ мышкой кучу тетрадей, похожихъ на тѣ тоненькіе, длинныя въ дешевыхъ переплетахъ атласы, въ которыхъ школьники чертятъ свои карты.

— Оставь ихъ,— произнесъ Султановъ,— я просмотрю. А вечеромъ ты найди.

— Нельзя-съ, ваше благородіе. Сегодня у насъ фортификація. Надо минныя галлерей зачертить.

— Ну, когда такъ, не оставляй. А теперъ просматривать ихъ я не буду,— сказалъ Султановъ.

Онъ испыталъ то же чувство, которое явилось въ немъ, когда онъ приказалъ вымыть кровь въ казармѣ, и когда фельдфебель почтительно доложилъ ему, что этого до полковника никакъ нельзя сдѣлать.

— Слушаю-съ,— произнесъ Рукавишниковъ, повидимому, ожиданій этого отвѣта, и, не выпуская чертежей изъ рукъ, поклонился и, повернувшись, пошелъ изъ каземата.

— Я не буду сегодня въ школѣ,— крикнулъ ему вслѣдъ Султановъ.

— «Почему мнѣ не идти въ школу?— подумалъ онъ, когда дверь за Рукавишниковымъ затворилась:— все равно, дѣла у меня никакого нѣтъ».

Тайная мысль, на которой онъ не хотѣлъ остановиться, подсказывала ему, что ему отъ того тяжело идти въ школу, что Рукавишниковъ умѣетъ преподавать гораздо лучше его, Султанова, блистательно окончившаго курсъ по тридцати шести предметамъ, и что для самаго дѣла лучше, если онъ оставитъ за собой только общій контроль.

Онъ допилъ свой стаканъ чаю и отправился въ канцелярію. Она помѣщалась въ двухъ соединенныхъ большихъ казематахъ въ нижнемъ этажѣ казармы. Въ первой комнатѣ за нѣсколькими столами сидѣли писаря, переписывая бумаги. Во второй комнатѣ находились столы полковника, адъютанта, дѣлопроизводителя и казначея.

Полковникъ сидѣлъ у окна и курилъ. Комната была полна офицеровъ сапернаго баталіона, которые всѣ собрались тутъ передъ занятіями.

Офицеры дѣлились на двѣ рѣзко различавшіяся группы. Къ первой принадлежали старики, сѣдые и заслуженные штабъ-офицеры, которые много лѣтъ провели на службѣ и рассчитывали умереть въ строю. Всѣ они отлично знали свое дѣло и относились къ нему не особенно ретиво, но и не спусти рукава. Кромѣ полковника, къ этой группѣ принадлежали завѣдующій хозяйствомъ и ротные командиры. Другую группу составляли молодые оберъ-офицеры, большею частью только-что выпущенные изъ училища. Платье на нихъ было новенькое, мундиры модные, высокіе сапоги изъ американской блестящей кожи, погоны тканые, но отнюдь не кованые, изъ сплошнаго мѣднаго высеребреннаго листа, какой для прочности носили старые офицеры. Эта молодежь не умѣла жить, то-есть не умѣла сводить концы съ концами, вѣчно была въ неплатномъ долгу и уплачивала въ офицерскій капиталъ значительную часть своего жалованья. Но такъ какъ эти молодые офицеры получили превосходное теоретическое образованіе, какого въ большинствѣ случаевъ были лишены старые, то они не долго оставались въ строю, предпочитая идти въ академію. Такимъ образомъ выходило, что старые офицеры постоянно оставались на своихъ мѣстахъ, а молодые, побывъ года два въ баталіонѣ, исчезали, а взамѣнъ ихъ являлись другіе, столь же юные и неопытные въ жизни и практической службѣ.

Офицеры толковали о Селиверстовѣ. Кто-то высказалъ предположеніе, что, можетъ быть, этотъ выстрѣлъ не простая случайность. Ему съ жаромъ возразили, начался споръ, который прекратилъ полковникъ, напомнивъ господамъ офицерамъ, что имъ пора отправляться на занятія.

— Иванъ Андреевичъ,—сказалъ ему Султановъ,—я назначенъ за казначея?

— Да. Но вѣдь это одна только форма,—возразилъ полковникъ, глядя однимъ глазомъ на Султанова, а другимъ—въ потолокъ.

Поручикъ смотрѣлъ на него и чувствовалъ себя, какъ всегда, неловко.

— «Куда онъ смотритъ другимъ глазомъ?»—мелькало у него въ умѣ, и ему хотѣлось встать на такую линію, чтобы и другой глазъ смотрѣлъ на него.

— А вотъ что, голубчикъ,—продолжалъ полковникъ,—завтра вамъ придется отправиться на вскрытіе.

— Въ госпиталь?—спросилъ Султановъ.

— Въ госпиталь. Потомъ вы мнѣ, разумѣется, донесете рапортомъ о заключеніи докторовъ, какъ это всегда дѣлается. Еще вотъ что: я попрошу васъ сѣздить на почту за деньгами. Кстати зайдите къ Пейсаху Залману—это рядомъ—и скажите ему, мерзавцу, что если онъ, собачій сынъ, будетъ доставлять такое мясо, какъ въ прошлый разъ, такъ я съ нимъ раздѣлаюсь посвойски. Повѣстку я подписалъ, вы ее получите у адъютанта.

V.

— «Нѣтъ, не придется сегодня отправиться въ Свиняры», — думалъ Султановъ, выходя изъ канцеляріи. — «Только напрасно будетъ ждать меня Селецкій».

Онъ послалъ Орѣшкина за казенной бричкой и черезъ нѣсколько времени ѣхалъ по дорогѣ въ мѣстечко.

Теперь днемъ мѣстность имѣла другой видъ. Необозримая въ сумеркахъ равнина казалась болѣе плоской и замкнутой на горизонтѣ лѣсами. Поэтический элементъ совсѣмъ куда-то исчезъ. Мазанки мѣстечка стояли во всей своей отвратительной наготѣ. Острый запахъ чесноку и луку билъ въ носъ, когда приходилось проѣзжать мимо раскрытыхъ дверей еврейскаго жилища.

Получивъ деньги на почтѣ, Султановъ зашелъ въ сосѣдній домъ, принадлежавшій богатому мѣстному шохету (рѣзнику) Пейсаху Залману. Жена шохета, Ноземинь, беременная, костистая, черная еврейка съ блѣднымъ лицомъ и ястребинымъ носомъ, отгоняла многочисленныхъ, курчавыхъ, малолѣтнихъ дѣтей своихъ отъ печки, изъ которой доносился столь соблазнительный для нихъ запахъ росль-флейша, соуса изъ лука, мяса и перца.

— Отойдите, — кричала она на нихъ. — Каждый изъ васъ получить свое долю.

Для себя же она приготовляла вареную рыбу, что было для нея необходимо, такъ какъ талмудъ положительно утверждалъ, что если еврейка во время беременности ѣсть много рыбы, то она рождаетъ миловидное дитя. Шохету, по его званію принадлежавшему къ сословію когеновъ (духовныхъ), разумѣется, это было хорошо извѣстно.

— Вамъ мужа? — спросила еврейка, выглядывая на улицу: га! вы думаете, онъ можетъ сидѣть, сложа руки? Если онъ былъ бы богатый человекъ, то и тогда бы для него нашлось дѣло.

— Гдѣ же онъ? — нетерпѣливо спросилъ Султановъ.

— Лейзеръ, проводи пана къ отцу, — рѣзко оборвала еврейка и занялась своей стращней.

Босоногій, шестилѣтній Лейзеръ въ полосатомъ миткалевомъ халатишкѣ, съ бойкимъ измазаннымъ лицомъ, поскакалъ по грязному пустырю, оглядываясь на Султанова. Тотъ осторожно шелъ, стараясь обходить зловонныя лужи и шагая черезъ кучи отбросовъ, покрывавшихъ землю.

Мальчуганъ остановился около ветхаго сарайчика и, тыкая рукой на дверь, крикнулъ:

— Сюда, сюда.

Послѣ этого, не заботясь болѣе о Султановѣ и завидя на улицѣ кучу полунагихъ ребятъ, мальчуганъ поскакалъ къ нимъ.

Впереди виднѣлся загонъ, окруженный надолбами, въ которомъ сбилось въ кучу нѣсколько быковъ.

Тяжелый гнилостный запахъ обдалъ Султанова, когда онъ зашелъ въ сарай. Здѣсь было отгорожено узкое пространство, гдѣ рѣзали животныхъ. Два еврея прислужника съ грубыми грязными лицами, не обративъ вниманія на офицера, занимались своимъ дѣломъ.

Въ это время вошелъ толстый, заплывшій жиромъ шохеть, опоясанный наборнымъ поясомъ, на которомъ висѣло нѣсколько разной величины ножей. Въ рукахъ онъ держалъ острый, длинный и узкій похожій на смычекъ ножъ.

— Что угодно пану поручику?—спросилъ онъ.

— Полковникъ велѣлъ сказать вамъ, что если вы будете доставлять такое скверное мясо, какъ въ прошлый разъ, то онъ не посмотритъ на контрактъ и обратится къ Гиршелю. И какъ вамъ не стыдно, чуть не каждую недѣлю у васъ докторъ бракуетъ мясо, но вы, всетаки, доставляете чортъ знаетъ что такое.

— Ай, вай, зачѣмъ же такъ, сейчасъ и къ Гиршелю. Я знаю, Гиршель худой человѣкъ и повредить мнѣ желаетъ. Скажите, пожалуйста, пану полковнику, что теперь я буду такъ стараться, такъ стараться...

Онъ поднялъ указательный палецъ кверху и развелъ руками...

— О, Пейсахъ Залманъ умѣетъ держать свое слово. Вы думаете, у еврея нѣтъ своего слова? Есть. Увидите, что есть.

— Какой у васъ дурной обычай рѣзать скоть,—кинувъ взглядъ на узкій ножъ шохета, сказалъ Султановъ.—Неужели вы не можете для насъ бить быковъ кинжаломъ въ затылокъ, какъ это всюду дѣлается, а то пилите, пилите скотинѣ горло.

Шохеть лицемѣрно сложилъ на поясъ руки и, покачивая головою, проговорилъ:

— А вы подумайте, панъ поручикъ, кто-жъ тогда у бѣднаго Пейсаха будетъ покупать кошерное мясо? Всякій скажетъ: онъ нечистый рупе (грѣшникъ). Я продамъ вамъ пять пудовъ, а куда же мнѣ дѣвать остальное? О, если бы Пейсахъ Залманъ былъ богатый человѣкъ, то онъ имѣлъ бы двѣ бойни: русскую и еврейскую.

Султановъ пошелъ по пустырю къ своей бричкѣ. Впереди двѣ толстыя свиньи ухватили большую кость и тянули ее въ разные стороны. Затѣмъ, точно сговорившись, онѣ положили ее на землю и, поднявъ толстыя рыла, злобно смотрѣли другъ на дружку своими маленькими зеленоватыми глазками.

— Ну, ну,—сказалъ Султановъ, поднимая лѣвой рукой ножны пашки и разгоняя свиней.

Онѣ попятнулись, и онъ прошелъ между ними.

Шохеть презрительно глядѣлъ ему вслѣдъ, чувствуя свое высокое превосходство надъ невѣжественнымъ гоємъ, который не зналъ того, что мужчина не долженъ проходить между двухъ свиней, двухъ собакъ, двухъ женщинъ, двухъ ужей, потому что тамъ

всегда присутствует третій, то-есть нечистый. Но шохету, зна-току въ талмудѣ, это было хорошо извѣстно. Онъ могъ даже назвать страницу отдѣла «Псухимъ», гдѣ это было начертано.

— Куда прикажете?—спросилъ конюхъ, когда Султановъ сѣлъ въ бричку.

Поручикъ поглядѣлъ на часы и проговорилъ:

— Ступай на мызу.

Такъ въ крѣпости называли фольваркъ Селецкаго.

Бричка потащилась по грязной улицѣ. Султановъ задумался. Теперь мечты его остановились на паннѣ Стефаніи.

Когда онъ первый разъ увидалъ ее за ужиномъ, она ему показалась прелестной. Ея гибкая и граціозная фигура отличалась такой женственностью. Въ ея большихъ сѣрыхъ глазахъ отражались пылкая и страстная душа. Онъ вспомнилъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ глядѣлъ на ея нѣжную стройную шею, на ея бѣлыя прекрасныя руки съ длинными пальцами и точно выточенными розовыми ногтями. Но она смѣялась нѣсколько крикливо, а волосы ея были очень сухи и слишкомъ взбиты. Эти двѣ ничтожныя черты показались ему непріятными. Послѣ этого онъ нашелъ мало-по-малу множество другихъ чертъ, которыя присоединилъ сюда, и въ общемъ впечатлѣніе вышло не въ ея пользу. И она измѣнилась по отношенію къ нему; стала замкнутой, облеклась въ какую-то ледяную кору и не выходила, когда онъ пріѣзжалъ въ фольваркъ. Это тяготило Султанова, онъ сталъ избѣгать Селецкихъ.

И теперь, подъѣзжая къ мызѣ, онъ пришелъ къ тому выводу, что только непобѣдимая скука заставляетъ его искать себѣ тутъ какого нибудь развлечения.

— Ну, что, панъ поручикъ, ѣдемъ?—говорилъ Селецкій, встрѣтившій его на дворѣ.

На немъ были высокіе ботфорты и венгерка, расшитая толстымъ зеленымъ шнуромъ. Этотъ костюмъ очень шелъ къ его большимъ пушистымъ усамъ.

— Нѣтъ, не поѣду,—сказалъ Султановъ:—мнѣ никакъ нельзя. Игнатовичъ заболѣлъ, и меня назначили вмѣсто него. Я къ вамъ заѣхалъ на минутку. Былъ на почтѣ, получалъ деньги, а теперь надо возвращаться домой.

— Жаль, очень жаль,—произнесъ Селецкій, глаза котораго при словѣ деньги странно блеснули. — Ну, что-жъ, по крайней мѣрѣ, панъ не откажется у меня закусить?

Въ столовой былъ поданъ завтракъ. Здѣсь виднѣлась литовская колбаса всѣхъ сортовъ, полендвица—жесткое копченое мясо, завернутое въ кишку, графинчики со старкой, наливки запеканки и нѣсколько бутылокъ добраго венгржина (венгерскаго вина), безъ котораго, какъ извѣстно, не обходится ни одна хлѣбосольная польская закуска.

Султановъ ѣлъ и пилъ, не стѣсняясь. Онъ чувствовалъ себя легко. Панна Стефанія не вышла къ столу. Когда завтракъ былъ конченъ, и Султановъ уговорился съ Селецкимъ ѣхать въ Свиныры на другой день, тотъ сказалъ ему:

— А не перекинуть ли намъ въ картишки? Кстати за мной есть должокъ.

— Ну, что вы,—возразилъ Султановъ:—мнѣ некогда.

— Куда вамъ слѣзть,—говорилъ ласково Селецкій:—вотъ ваши десять рублей. Ихъ и поставимъ въ банкъ.

Съ этими словами онъ досталъ двѣ колоды картъ, а одну изъ нихъ положилъ на раскрытый ломберный столъ.

— Какъ хотите: вы или я промечу? Поставьте хоть одну карту. Идетъ на квить?

— Ну, идетъ,—сказалъ, добродушно улыбаясь, деликатный Султановъ.

Онъ вынулъ бубновую даму и прикрылъ ее ладонью. Селецкій срѣзалъ колоду и перевернулъ ее лицомъ кверху. Первой лежала дама. Карта Султанова была убита съ оника.

— Проигралъ,—сказалъ, вздохнувъ, Султановъ, приподнимаясь съ мѣста.

— Куда вы?—поспѣшно остановилъ его Селецкій:—то деньги ваши были, а теперь мои. Садитесь, можетъ быть, вы отыграетесь.

— Да я не хочу отыгрываться,—отвѣтилъ Султановъ.

Онъ подумалъ, что убить карту съ оника очень легко, подсмотрѣвъ, что ставить понтеръ, а у него явилась мысль, что Селецкій именно подглядѣлъ его даму. Однако онъ сѣлъ и поставилъ тройку.

— У меня правило,—говорилъ онъ:—играй, да не отыгрывайся.

— Почему?—спросилъ Селецкій, приготовляя игру.

— По рублю очко, да два рубля мазу.

— Не много ли будетъ?

— Ничего. Это карта маленькая.

Селецкій началъ метать, и тройка была дана.

— Ну, вотъ сразу наполовину и отыграли,—сказалъ банкومتъ:—да что у насъ такой мизерный банкъ. Позвольте, я прибавлю еще красненькую.

Игра продолжалась. Слѣдующія три карты Султанова были убиты, и онъ проигралъ тѣ шестнадцать рублей, которые у него были съ собой. Отъ выпитаго вина у него голова не кружилась, а отяжелѣла. Но соображалъ онъ и думалъ также ясно, какъ всегда. Ему почему-то сталъ непріятенъ его проигрышъ.

— Поиграю еще,—рѣшилъ онъ:—не можетъ быть, чтобы я проигрывалъ одну карту за другой.

Онъ вспомнилъ, что въ карманѣ у него лежитъ пакетъ съ казенными деньгами, и сказалъ Селецкому:

— Подождите меня, я сейчасъ вернусь. Я забылъ въ своемъ пальто портсигарь.

— Курите мои,—любезно отвѣтилъ тотъ.

Но Султановъ, отказавшись, вышелъ. Когда онъ потомъ припоминалъ, что съ нимъ случилось,—а это воспоминаніе навсегда оставалась у него неизгладимымъ въ мельчайшихъ подробностяхъ,—онъ проникался болѣзненнымъ стыдомъ. Съ этимъ стыдомъ онъ теперь вышелъ въ переднюю, вынулъ пакетъ съ казенными деньгами и разрѣзалъ его пашкой. Въ немъ было двѣсти рублей сотенными бумажками.

— Это ничего, что я вскрылъ пакетъ, — утѣшалъ онъ самъ себя:—все равно полковникъ всегда требуетъ, чтобъ Игнатовичъ провѣрялъ деньги на почтѣ, а я забылъ это сдѣлать.

Но на самомъ дѣлѣ онъ зналъ, что говорить неправду, и что онъ досталъ деньги только для того, чтобы играть на нихъ. Онъ вернулся назадъ и сѣлъ за столъ. На лицѣ Селецкаго было покойное и торжествующее выраженіе. Но Султановъ не замѣчалъ этого. Онъ поставилъ двѣ карты по десяти рублей и проигралъ ихъ. Потомъ немножко выигралъ. Затѣмъ сразу проигралъ пятьдесятъ рублей. Онъ не узнавалъ себя. Обыкновенно онъ не придавалъ выигрышу никакого значенія и вообще считалъ всякую игру занятіемъ унижительнымъ. Но теперь онъ горячился, ставилъ карту за картой, и не прошло и часу, какъ онъ проигралъ всѣ двѣсти рублей. Преодолевая смущеніе, онъ предложилъ Селецкому дѣлать записи, но играть на мѣлокъ тотъ отказался. Онъ не зналъ Султанова и не былъ на столько проникателенъ, чтобы опредѣлить, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Султановъ по всякой записи уплатилъ бы до копейки.

Онъ уѣхалъ отъ Селецкаго съ гнетущимъ сознаниемъ, что вель себя недостойно порядочнаго человѣка. Проигрышъ не пугалъ его. Онъ зналъ, что денегъ жиды ему достанутъ, и утѣшалъ себя тѣмъ, что Селецкій противъ воли вовлекъ его въ игру. Но разсудокъ подсказывалъ ему, что этого бы не случилось, еслибъ онъ самъ не захотѣлъ уступить.

Бричка подѣвжала къ крѣпости.

— Какъ же быть?—думалъ Султановъ:—вѣдь деньги придется сейчасъ отдавать, вмѣстѣ съ почтой. Ни одинъ іудей не успѣетъ выручить меня. Ступай на фортъ № 5!—крикнулъ онъ конюху.

Это приказаніе было неожиданно для него самого, и въ то же время оно, какъ нельзя болѣе, соответствовало разрѣшенію запутаннаго вопроса. Въ фортѣ № 5 жилъ капитанъ Панкратовъ, а про него ходили фантастическіе слухи, будто онъ владѣетъ несмѣтными наличными капиталами.

Фортъ № 5 почти ничѣмъ не отличался отъ другихъ фортвъ. Тутъ былъ такой же узкій дворъ, огромный валъ и казармы, притаившіяся за этимъ валомъ. Тамъ Панкратовъ занималъ просторное свѣтлое помѣщеніе изъ трехъ комнатъ, обстановка которыхъ показывала, что онъ умѣлъ устраиваться. Одна изъ комнатъ замѣняла ему залу. Тутъ стоялъ огромный рѣзной буфетъ и массивный раздвижной обѣденный столъ. Стулья съ прямыми спинками, подъ стать столу и буфету, съ мягкими, обитыми сафьяномъ сидѣньями стояли вдоль стѣнъ. Полъ былъ сплошь покрытъ, какъ и въ другихъ двухъ комнатахъ, сѣрымъ солдатскимъ сукномъ. Надъ столомъ висѣла, спускаясь съ потолка, тяжелая темной бронзы лампа, похожая на люстру.

Комната, налѣво изъ столовой, представляла кабинетъ, а направо — спальню хозяина. Въ кабинетѣ стоялъ оттоманъ. Передъ нимъ лежала медвѣжья шкура съ распластанными лапами, плоской головой и раскрытой пастью. Капитанъ былъ охотникъ, на что указывала коллекція ружей, украшавшая стѣны. Маленькій письменный столъ, шкафъ съ книгами и столиками съ курительными приборами довершали тутъ меблировку.

Капитанъ былъ холостой человѣкъ и велъ уединенный образъ жизни. Въ крѣпости онъ бывалъ только въ военномъ собраніи и то показывался тамъ, лишь когда ему предстоялъ случай поиграть въ карты съ начальникомъ инженернаго управленія, Лангевичемъ, или другими высшими лицами. Носился упорный слухъ, что онъ у нихъ постоянно выигрывалъ значительныя суммы. Злые языки при этомъ добавляли, что онъ умѣетъ самъ, когда слѣдуетъ, повернуть счастье на свою сторону. Но, какъ и всегда, это были одни предположенія, равно какъ и слухи о большихъ деньгахъ, переходившихъ въ его руки. Несомнѣнно было лишь только одно, что Панкратовъ ни въ комъ не нуждался, жилъ широко и угощалъ своихъ рѣдкихъ гостей такими винами и закусками, какія были достойны любаго спортсмена изъ знаменитаго Охотничьяго клуба въ Варшавѣ, гдѣ въ то время также процвѣтала игра.

Панкратовъ увидалъ изъ окна въѣхавшаго во дворъ Султанова. Онъ дружественно относился къ нему. Султановъ былъ единственнымъ поручикомъ, попадавшимъ сюда на вечера. Панкратовъ зналъ, что у Султанова есть средства, и что онъ не кутила. Поэтому онъ немного удивился, когда молодой офицеръ съ перваго слова попросилъ у него денегъ.

— Не можете ли вы мнѣ мѣсяца на два одолжить двѣсти рублей, — сказалъ Султановъ, садясь на диванъ въ кабинетѣ рядомъ съ хозяиномъ, сильно смущенный своей просьбой.

На Панкратовѣ былъ тотъ же самый новый длинный сюртукъ, дѣлавшій его фигуру еще болѣе огромной и высокой. На пухлыхъ бѣлыхъ пальцахъ съ короткими, тщательно обточенными ногтями попрежнему сіяли перстни.

По губамъ Панкратова мелькнула легкая усмѣшка и пропала въ бородѣ, какъ птица, нырнувшая въ чашу лѣса.

— Вамъ деньги нужны непременно сегодня? — спросилъ капитанъ.

— Не только сегодня, — отвѣтилъ Султановъ: — а если можно, то сейчасъ. Мнѣ такая крайность, что я вамъ даже сказать не могу...

— Какъ же быть, — со вздохомъ сказалъ Панкратовъ: — вѣдь, какъ нарочно, денегъ у меня свободныхъ нѣтъ. Представьте себѣ, какъ разъ завтра утромъ у меня срочный платежъ.

У Султанова сжалось сердце, и онъ съ тоской подумалъ, что ему придется уѣхать ни съ чѣмъ. Въ умѣ у него начали слагаться разные планы, какъ достать денегъ. Можно попросить у Устинова, у капитана Ерша, въ крайнемъ случаѣ у буфетчика въ военномъ собраніи.

Панкратовъ перебилъ его размышленія.

— Знаете, что я вамъ предложу. Я долженъ завтра уплатить Хаимъ-Арону именно двѣсти рублей. Не сдѣлать ли намъ такъ? Я попрошу его переписать вексель на сколько вамъ нужно, а деньги отдамъ вамъ. Да что, и спрашивать его, пожалуй, не стоитъ. Жидъ на все согласится, лишь бы была выгода. Вамъ придется развѣ только заплатить проценты.

Тронутый такой предупредительностью, Султановъ съ чувствомъ пожалъ руку Панкратову.

— Ахъ, капитанъ, я не могу выразить, какъ я вамъ благодаренъ. Черезъ два мѣсяца у меня будутъ деньги, и я легко расплачусь съ Хаимъ-Арономъ. Но что же вы хотите сдѣлать? Вѣдь вексель придется переписать на мое имя.

— Нѣтъ, пожалуй, и этого не стоитъ дѣлать. Но вы, конечно, сами знаете, что онъ проценты деретъ жидовскіе: двѣнадцать съ половиной въ мѣсяцъ. Но, что дѣлать, нашъ братъ офицеръ чело-вѣкъ не коммерческій. Нужны деньги, берешь и платишь. Вамъ за два мѣсяца придется пятьдесятъ рублей отдать.

— Ну, ничего, я отдамъ.

Панкратовъ пошелъ въ спальню, принесъ записную книжку, перевернулъ въ ней нѣсколько страницъ. Надавливая ногтемъ бумагу, онъ подчеркнул одну строчку, которую прочелъ:

«Хаиму-Арону съ процентами двѣсти рублей».

— Вотъ сами видите, — прибавилъ онъ, показывая записку. — По я сдѣлаю, какъ вамъ обѣщаль. Вы напишете мнѣ росписку на двѣсти пятьдесятъ рублей, и вамъ я отдамъ деньги.

Султановъ взялся за перо, а Панкратовъ ушелъ въ свою спальню и вынесъ двѣсти рублей. Султановъ получилъ деньги, горячо поблагодарилъ Панкратова и уѣхалъ.

Оставшись одинъ, капитанъ повисталъ и позвалъ своего вѣстоваго. Денщикъ не замедлилъ явиться.

— Сбѣгай къ Хаимъ-Арону, — приказаль ему капитанъ — и скажи, чтобъ онъ сейчасъ шель ко мнѣ.

Вѣстовой Сумкинъ пустился бѣгомъ къ дровяному двору, до котораго отъ форта было около версты.

Въ ожиданіи еврея капитанъ досталь бутылку вина и кусокъ сыру и принялся закусывать. Онъ тоже скучаль въ крѣпости. Онъ чувствовалъ, что ему не достаетъ простору для его дѣятельности. То его манилъ въ мечтахъ охотничій клубъ, гдѣ въ то время велась большая игра, и куда онъ, какъ офицеръ, не могъ имѣть доступа. То его грезы обращались къ Одессѣ, оставившей въ немъ самыя пріятныя воспоминанія, относившіяся къ тому времени, когда Одесса переживала военную лихорадку. И какое славное то было время! Золото лилось рѣкой. У всѣхъ его было много.

VI.

Хаимъ-Аронъ былъ маленькій, тщедушный, покрытый веснушками еврей. Пейсы его спускались до плечъ. Черный балахонъ согласно обычаю доходилъ до пятъ. Маленькіе, бѣловатые глазки его, окруженные большими вѣками, наполненными красной икрой, пугливо слезились. Но при всемъ томъ въ лицѣ его было что-то злое, ястребиное.

Съ длинной палкой въ рукѣ онъ ходилъ въ сопровожденіи Давидки около сваленныхъ бревенъ и внимательно пересчитываль ихъ. Къ нему подошелъ Пейсахъ Залманъ, который хотя и не имѣлъ права отлучаться со своей бойни до девяти часовъ вечера, но такъ какъ онъ покончилъ со своими утренними занятіями, то и разрѣшилъ себѣ отправиться къ Хаимъ-Арону, бывшему однимъ изъ вліятельныхъ членовъ кагала и даже у котораго въ домѣ помѣщалась кагальная изба (комната).

Пейсаха Залмана привело сюда важное дѣло. Нѣсколько времени тому назадъ кагалъ издалъ постановленіе взыскивать по три копейки съ каждаго фунта кошернаго мяса вмѣсто прежнихъ двухъ. Эта надбавка невыгодно отразилась на торговлѣ шохета, у котораго стали меньше брать мяса.

Послѣ обычнаго привѣтствія шохеть освѣдомился, не отмѣнить ли кагалъ свое распоряженіе, о чемъ дѣятельно хлопотали бѣдные жители мѣстечка. Хаимъ-Аронъ отвѣтилъ отрицательно и прибавилъ:

— Въ общественной кассѣ мало денегъ, и изыскиваютъ способы, откуда достать ихъ. Но ты не безпокойся. Теперь у тебя будутъ брать мяса больше прежняго, потому что и твои выгоды имѣлись въ виду. Соферъ (письмоводитель) Генделе здѣсь, и ты можешь справиться у него.

Хаимъ-Аронъ былъ суровъ и не словоохотливъ. Пейсахъ Залманъ понялъ, что отъ него ничего не добьешься, и нѣсколько вре-

мени стоялъ въ нерѣшимости. Наконецъ, онъ послѣдовалъ за Хаимъ-Арономъ, который пошелъ къ себѣ въ домъ. Приблизившись къ порогу, Хаимъ-Аронъ поднялся на цыпочки и благоговѣнно поцѣловалъ мезызе-пергаментный свитокъ, прибитый къ косяку двери, съ выписками изъ Торы, отгоняющій нечистыхъ духовъ. Менѣ ревнивый въ дѣлахъ благочестія, шохетъ, шедшій за хозяиномъ, удовольствовался тѣмъ, что приложилъ свои пальцы къ мезызе и потомъ поцѣловалъ ихъ. Что же касается до Давидки, то онъ былъ еще менѣ благочестивъ и поэтому счелъ нужнымъ только послать пергаментному свитку воздушный поцѣлуй, послѣ чего спокойно переступилъ порогъ.

Соферь, высокій пухлый мужчина съ румянымъ лицомъ и черной бородой, перелистывалъ дѣловыя бумаги и кагалныя акты.

Шохетъ подошелъ къ нему и сталъ жаловаться, что надбавка на мясо возбуждаетъ общее неудовольствіе.

— Если ты умный человѣкъ,—сказалъ соферь:—то рѣши самъ, что я могу тутъ сдѣлать. Если хочешь, чтобъ тебя слушали, то сдѣлайся однимъ изъ нашихъ предводителей и наравнѣ съ ними обсуждай дѣла.

Получивъ такой ироническій отвѣтъ, шохетъ хотѣлъ было выйти, но соферь остановилъ его и прочелъ:

«Представителями кагала постановлено, чтобы никто впредь не осмѣливался устраивать пира по случаю обрѣзанія изъ одной водки и пряниковъ, а непременно изъ мясныхъ блюдовъ, что и положено обнародовать».

Въ глазахъ шохета блеснуло удовольствіе, и онъ произнесъ:

— Но я уже объ этомъ слышалъ. Что-жъ изъ этого вышло?

— А, ты слышалъ,—сказалъ соферь:—ну, такъ слушай вотъ что еще.

Онъ перелистывалъ нѣсколько страницъ и нашелъ статью, гдѣ это распоряженіе кагала повторялось въ новой редакціи и очевидно уже по даннымъ опыта. Разница была съ прежней лишь въ такомъ дополненіи:

«Если же дѣлатель пира человѣкъ несостоятельный, то онъ долженъ устроить мясной пиръ, по крайней мѣрѣ, на десять человѣкъ, въ числѣ которыхъ должны быть канторъ и шамешъ (служба). Если же ктонибудь не устроитъ пира по вышеуказанному правилу, то воспрещается кантору въ день нареченія читать по немъ молитву Горахманъ. Также не слѣдуетъ призывать давателя пира изъ пряниковъ къ Торѣ, какъ обыкновенно водится для всѣхъ мужей родильницъ».

Когда соферь окончилъ чтеніе этой бумаги, настроеніе шохета совершенно измѣнилось. Онъ ласково и многозначительно пригласилъ софера къ себѣ въ гости, на что тотъ не замедлилъ дать свое согласіе. Затѣмъ шохетъ отправился въ другую комнату къ

Хаимъ-Арону, у котораго намѣревался купить тесу для своихъ построекъ.

Оставшись одинъ, соферь продолжалъ разбирать бумаги. Тутъ были разные акты и постановленія. Они относились рѣшительно ко всѣмъ сторонамъ внутренней жизни евреевъ и выказывали ту безграничную власть, какой кагалъ пользовался въ предѣлахъ своего района. Эта власть была такъ велика, что казалась просто невѣроятной. Подъ страхомъ каноническаго херима кагалъ держалъ въ рукахъ все окрестное населеніе. Онъ назначалъ взысканія, миловалъ, награждалъ, сдавалъ съ торговъ находившееся въ его вѣдѣніи общественное имущество, къ которому онъ причислялъ все, чѣмъ владѣли и жившіе въ предѣлахъ его района иновѣрцы.

Обитатели крѣпости не мало были бы удивлены, еслибъ узнали, что не только крѣпостныя казармы и валы, но и они сами, какъ рабы, раздѣлены кагаломъ на извѣстныя денежныя единицы и благополучно проданы всѣмъ желавшимъ пріобрѣсти столь странный товаръ.

Однако это было такъ. Имущество христіанъ (ноцирмъ), какъ и всѣхъ другихъ иновѣрцевъ, по ученію знаменитѣйшихъ раввиновъ считается «свободнымъ озеромъ», въ которое каждый правовѣрный можетъ опускать свои сѣти и брать весь уловъ. Въ данномъ случаѣ крѣпость и окрестныя фольварки, гдѣ ютились помѣщики, изображали это озеро, и правовѣрные рыбаки, во избѣжаніе ссоръ, предусмотрительно распродали общественное имущество по частямъ и скрѣпили дѣло надлежащими актами.

По большей части акты эти раздѣлялись на хозака (право на имущество гоя) и мэропіе (право на личность его). Теперь предъ соферомъ лежала одна изъ такихъ бумагъ «о продажѣ кагаломъ права на владѣніе сыроварней»:

«Четвергъ, по отдѣлу Ваэтхананъ 14-го Менахемъ Ава 5632 (1879) г.

«Такъ какъ панъ Селецкій намѣревается построить новую каменную сыроварню подлѣ своихъ воротъ, которая будетъ находиться близъ дома ребе Іегуды-Лейбы, сына ребе Іакова, то представителями кагала постановлено: продать право на владѣніе сей сыроварней сказанному р. Іегудѣ-Лейбѣ, продажей полной и окончательной отъ центра земли до высотъ небесъ. За это право онъ долженъ внести въ общественную кассу 25 рублей серебромъ, и по внесеніи оныхъ право это присвоивается на вѣкъ ему, его наслѣдникамъ и уполномоченнымъ. Если онъ не внесетъ денегъ до субботы по отдѣлу Экевъ, то лишится этого права, о чемъ и объявить ему».

Далѣе шло еще нѣсколько бумагъ подобнаго же рода. Но интереснѣе всѣхъ было дѣло о крѣпостномъ плацѣ, который продавался съ публичныхъ торговъ, и объявленія о нихъ были вывѣ-

шены во всѣхъ окрестныхъ синагогахъ. Въ каждой изъ бумагъ неизмѣнно повторялась главная формула, безъ которой купчая не имѣла значенія:

«Митгомъ ара адъ румъ ракія» (отъ центра земли до высотъ небесныхъ).

Наказанія провинившихся были чрезвычайно различны. Одна изъ бумагъ гласила:

«Суббота 25-го, Сивона. Такъ какъ ребе Иосифъ, сынъ ребе Аріа, причинилъ кагалу многіе убытки и расходы на христіанскихъ судей своими страшными доносами на кагалъ, раввина-гаона ¹⁾ и шамешимъ (нотаріусовъ), и которыми онъ чуть не подрылъ основъ святыхъ нашихъ законовъ, то представители кагала постановили: отнять половину его мѣста въ синагогѣ и отдать ее во владѣніе кагала въ вознагражденіе за эти расходы. Но такъ какъ этимъ не пополняется и десятая часть расходовъ, причиненныхъ имъ кагалу, то послѣдній оставляетъ за собой право пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы удовлетворить эти расходы изъ имущества Иосифа. Все это было постановлено въ собраніи всѣхъ предводителей, при наличномъ числѣ членовъ въ кагальной комнатѣ согласно законамъ и обычаямъ».

Въ иныхъ случаяхъ наказанія были необычайно странны и касались такой стороны семейной жизни, которая вообще не подлежитъ постороннему вмѣшательству. Но, тѣмъ не менѣе, старшины находили возможнымъ и тутъ выказывать свое могущество, о которомъ, между прочимъ, свидѣтельствовало такое краткое, но выразительное распоряженіе:

«Одному изъ шамешимъ (служекъ) кагала должно быть поручено: объявить женѣ ребе Дувида, что ей запрещается совершать обрядовое омовеніе до тѣхъ поръ, пока мужъ ея, ребе Дувидъ, не покорится рѣшенію бесдина (судьи). Пребывая нечистою, она остается отнынѣ запрещенною для своего мужа».

Что касается до наградъ и отличій, то онѣ были далеко не столь разнообразны и большею частью сводились къ пожалованію того или другаго ребе въ званіе морейне или благороднаго. Впрочемъ, при малѣйшемъ сопротивленіи бесдину, съ которымъ, какъ оказывалось, у евреевъ постоянно были дѣла, званіе морейне отнималось и замѣнялось званіемъ ховера (неблагороднаго). Акты этого рода составлялись слѣдующимъ образомъ:

«Понедѣльникъ, 22-го Швата. По усмотрѣнію представителей кагала ребе Аріа, сынъ Исаака-Айзика, произведенъ въ званіе морейне, каковымъ величаютъ его какъ въ приглашеніи къ Торѣ, такъ и во всѣхъ другихъ обычаяхъ Израіля. Постановлено съ общаго согласія членовъ кагала на основаніи законовъ и обычаевъ».

¹⁾ Гаоць—геній. Раввинъ-гаонъ, авторитетъ, главнѣйшій и т. д.

Пока софѣрь приводилъ въ порядокъ канцелярію, шохеть успѣлъ перетолковать о своихъ дѣлахъ съ Хаимъ-Арономъ.

— Товонъ (русскій) идетъ, — сказала бѣлотѣлая, румяная жена дровяника, замѣтивъ изъ окна подходившаго Сумкина.

Денщикъ вошелъ въ комнату и, не снимая шапки (такъ какъ всѣ евреи были въ ермолкахъ), сказалъ:

— Хаимъ-Аронъ, иди, тебя капитанъ Панкратовъ требуетъ.

— Панкратовъ?—переспросилъ еврей, сощуривъ свои зараженные трахомой глаза:—а зачѣмъ же я долженъ идти?

— Это намъ неизвѣстно. Они только говорили, чтобъ безпремѣнно сейчасъ.

— Когда такъ, я сейчасъ и пойду,—проговорилъ Хаимъ-Аронъ и началъ искать свою палку.

Передавъ приказаніе, Сумкинъ повернулся и поспѣшилъ назадъ.

Между тѣмъ Хаимъ-Аронъ захватилъ на всякій случай свои очки, отыскалъ палку и, надвинувъ на уши порыжѣвшій бархатный картузь, купленный лѣтъ двадцать тому назадъ въ Варшавѣ, тихой степенной походкой пошелъ по пересѣкавшей поле дорогѣ.

Фортъ № 5 принадлежалъ Хаимъ-Арону, и купчая на него была совершена по всѣмъ правиламъ талмудическаго закона. О таковой продажѣ ничего не было извѣстно не только въ Петербургѣ, но даже и въ самой крѣпости. Но, тѣмъ не менѣе, Хаимъ-Аронъ въ свое время, еще когда только фортъ рѣшено было строить, внесъ за него деньги и не считалъ себя въ убыткѣ. Когда тамъ поселился Панкратовъ, Хаимъ-Аронъ нашелъ не лишнимъ пріобрѣсти себѣ во владѣніе и этого весьма даровитаго капитана. Собственно съ перваго взгляда власть Хаима-Арона на свое имущество была незначительна и даже, пожалуй, незамѣтна. Фортъ выстроили, причѣмъ деньги за кирпичъ и инженерамъ заплатилъ не Хаимъ-Аронъ, а казна. Фортъ освятили, что уже вовсе не входило въ соображенія дровяника. Фортъ бесплатно населили солдатами. Но все это не мѣшало мѣстечку признавать Хаимъ-Арона полнымъ и безграничнымъ владѣтелемъ этого укрѣпленія.

Что касается до капитана Панкратова, то власть на него Хаимъ-Арона выражалась гораздо замѣтнѣе. Такъ, напримѣръ, капитанъ ничего не могъ купить въ мѣстечкѣ по такой цѣнѣ, по какой онъ пріобрѣталъ у Хаимъ-Арона, имѣвшаго у себя въ домѣ, подобно всѣмъ еврейскимъ обывателямъ, мелочную лавку. Капитанъ не могъ ни у кого занять денегъ. Долговья обязательства капитана, выданныя въ разное время буфетчику, Ицкѣ портному, шапочнику Берману, всѣ очутились въ рукахъ этого же Хаима-Арона.

Въ концѣ концовъ капитанъ почувствовалъ какую-то связь между собой и почтеннымъ дровяникомъ. Капитанъ не могъ бы опредѣлить истинной причины этой связи, но для него было ясно то, что если онъ хотѣлъ пріобрѣсти что нибудь по болѣе сходной

дѣнѣ, если онъ желалъ достать денегъ подъ не столь тяжкіе проценты, то все это онъ могъ найти лишь у Хаимъ-Арона. Какъ это ни странно, но между Хаимъ-Арономъ и капитаномъ установилось нѣчто въ родѣ дружбы. Капитанъ замѣчалъ, что ближайшимъ послѣдствіемъ этой дружбы было то, что къ Хаимъ-Арону уходять все жалованье и всѣ его выигрыши въ офицерскомъ собраніи и у кривоглазой Инды. Но такъ какъ капитану изъ долгаго опыта, вынесеннаго за всю свою офицерскую жизнь, было хорошо извѣстно, что деньги, перепадающія офицеру, непремѣнно всегда куда нибудь уходять, то онъ не особенно печалился объ этомъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время онъ сталъ чувствовать себя въ весьма стѣсненномъ положеніи. Долгъ Хаиму-Арону возросъ слишкомъ скоро до угрожающихъ размѣровъ. Наличныхъ денегъ едва хватало на погашеніе процентовъ. Мало-по-малу капитанъ началъ распродавать свою обстановку, вывезенную изъ Одессы. Въ душѣ онъ чувствовалъ, что если у него не будетъ этихъ послѣднихъ удобствъ, то что же у него останется.

Находясь въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, капитанъ, тѣмъ не менѣе, не счелъ возможнымъ отказать Султанову, когда тотъ обратился къ нему за деньгами. Капитанъ считалъ правиломъ, что каждый порядочный офицеръ долженъ во всемъ помогать своему товарищу. И хотя онъ слылъ азартнымъ игрокомъ и картежникомъ, но со стороны кодекса военной чести былъ безупреченъ.

Кряхтя и постукивая палкой, Хаимъ-Аронъ вошелъ въ прихожую капитана.

Панкратовъ пустилъ его въ кабинетъ, заперъ дверь на ключъ и сталъ толковать съ нимъ о дѣлахъ.

Анатолій Леманъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

XVIII ²⁾.

Консультація у Пирогова.—Представленіе наслѣднику-цесаревичу.—Его милостивый пріемъ.—Графъ А. В. Адлербергъ.—Докторъ Буяльскій.—Ш. С. Львовъ и его исторія.—Письмо великой княгини Маріи Николаевны.—Надежда на полученіе Георгіевскаго креста.—Разговоръ съ графомъ Киселевымъ.—Полученіе Георгіевскаго креста.—Женильба.—Князь М. Д. Горчаковъ.—Необходимость проститься съ Кавказомъ.

ОДНАКО, рука моя за послѣдніе дни дала себя знать. Приходилось заняться ею серьезно; но къ кому обратиться? Къ посредственностямъ не стоитъ, а знаменитости недоступны. Впрочемъ, мнѣ за достовѣрное говорили о существованіи Максимилиановской лечебницы, открытой для всѣхъ желающихъ воспользоваться медицинскими совѣтами всѣхъ свѣтилъ, не исключая Пирогова. Я рѣшился съѣздить туда. Войдя въ общую залу, я увидѣлъ въ концѣ ея знаме-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 581.

²⁾ Главой XVIII заканчивается первая половина «Воспоминаній» В. А. Полторацкаго. Вторая половина, — обнимающая болѣе близкое намъ время, именно пребываніе автора въ отставку, дѣятельность его по земскимъ учрежденіямъ, вторичное поступленіе въ военную службу, въ Туркестанскій край, участіе въ Хивинскомъ походѣ и въ послѣдней войнѣ съ Турціей, — можетъ быть напечатана лишь въ извлеченіяхъ, начало которыхъ уже находится въ распоряженіи редакціи. Такимъ образомъ, продолженіе интересныхъ «Воспоминаній» В. А. Полторацкаго появится на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ будущемъ году.

Ред.

нидаго профессора, окруженнаго десяткомъ ассистентовъ. Сидя въ креслѣ, Пироговъ выслушивалъ, спрашивалъ и осматривалъ больныхъ, вереницей подходившихъ къ нему за совѣтомъ или операцией, которую тутъ же, подъ личнымъ его наблюдениемъ, совершали его ассистенты. Обстановка всѣхъ хирургическихъ препаратовъ, столъ съ инструментами и слѣдами свѣжей крови, а рядомъ койка, покрытая клеенкой, при суетливомъ кругомъ движеніи врачей и фельдшеровъ, — внушительно на меня подѣйствовали, и шагъ за шагомъ передвигаясь впередъ, я обращался къ мысли, не лучше ли отретироваться подобру-поздорову. Ну, какъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій меня схватятъ, да и отрѣжутъ руку? Тутъ вѣдь не станешь входить въ аккомодацию, какъ съ Брашнѣевскимъ въ Кутаисѣ. Дрожь пробѣгала по всему тѣлу, а расстояние до Пирогова становилось все меньше и меньше. Убѣжать — такъ сейчасъ, — подсказывалъ мнѣ страхъ, но субъектъ, шагавшій впереди меня, припалъ въ сторону, и я, какъ будто неожиданно, очутился лицомъ къ лицу передъ грознымъ ареопагомъ. Какъ только выдвинулъ я больную руку, со всѣхъ сторонъ устремились къ ней здоровыя руки услужливыхъ помощниковъ-врачей, чтобы разбинтовать сложную повязку. Пироговъ всталъ, внимательно осмотрѣлъ входъ и выходъ пули, оцупалъ омертвѣлыя пальцы, опустилъ зондъ въ глубину раны и затѣмъ, не колеблясь ни секунды, рѣшительнымъ жестомъ указалъ на мѣсто на рукѣ, вершка полтора выше кисти къ локтю, лаконически проговоривъ ассистентамъ своимъ что-то полатыни. Они уже засуетились, когда Пироговъ, случайно отвѣдя глаза отъ руки моей на стѣнные противъ него часы, показывавшіе безъ двухъ минутъ 11, торопливо остановилъ медицинскіе порывы словами: «Впрочемъ сегодня уже поздно», и, обращаясь ко мнѣ, добавилъ: «Пожалуйте сюда въ четвергъ къ 10 часамъ». Напоминая собой крестьянина, выскакивающаго изъ рекрутскаго присутствія при счастливомъ для него возгласѣ: «затылокъ!», я безъ оглядки бросился изъ благодѣтельнаго учрежденія и благословляю въ настоящее время судьбу, спасшую меня отъ ножа Пирогова. Нѣтъ, господа, напрасно прождете вы меня въ четвергъ. Теперь ни за что не брошусь искать вашей спасительной помощи. Если сегодня вы не сумѣли изуродовать меня, то слуга покорный: на то, видно, предопредѣленіе свыше. На обратномъ пути заѣхалъ я возстановить упадокъ силъ моихъ къ благодѣтелю Дюссо, гдѣ встрѣтилъ Гришу Строганова, гораздо практичнѣе оказавшаго мнѣ помощь. Бутылка холоднаго *frappé à mort* вина, которую мы съ нимъ осушили, не знаю какъ ему, а мнѣ согрѣла кровь. Дома засталъ карточку отъ княгини Марьи Васильевны съ лаконической припиской: «*Demain, venez dîner absolument, affaire urgente!*». Къ 6-ти часамъ я былъ, конечно, въ Малой Морской, гдѣ засталъ, кромѣ обычныхъ гостей, князя Бориса Голицына, женатаго на

Левашевой, адъютанта государя цесаревича. Княгиня поспѣшила увлечь меня въ свой кабинетъ, гдѣ передала мнѣ запечатанное письмо отъ ея высочества великой княгини Маріи Николаевны къ наслѣднику Александру Николаевичу, причемъ великая княгиня въ запискѣ къ Марьѣ Васильевнѣ писала, чтобы я завтра явился въ Зимній дворецъ на половину цесаревича и, представляясь ему, лично передалъ прилагаемое письмо его высочеству. Когда князь Голицынъ услышалъ о предстоящемъ моемъ представленіи, а Марья Васильевна рассказала ему, въ чемъ дѣло, онъ обязательно предложилъ взять на себя передачу письма великой княгини государю наслѣднику, объяснивъ при этомъ, что такъ какъ его высочество завтра утромъ вмѣстѣ съ государемъ императоромъ пріѣдетъ изъ Гатчины въ Петропавловскую крѣпость отслушать панихиду по въ Бозѣ почившей императрицѣ Маріи Федоровнѣ, а затѣмъ прибудетъ въ Зимній дворецъ на короткое время, а онъ, князь Голицынъ, будетъ дежурнымъ при цесаревичѣ, то и успѣетъ вручить ему письмо ранѣе выхода его высочества къ представляющимся. «Сегодня дежурнымъ князь Владиміръ Бяратинскій, а завтра смѣню его я, и все устрою вамъ, только пріѣзжайте во дворецъ не позже половины перваго»,—любезно пояснилъ мнѣ князь Борисъ Дмитріевичъ.

Послѣ обѣда Клавдій Ермоловъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Ты, я думаю, не сомнѣваешься въ моемъ душевномъ къ тебѣ расположеніи и потому поймешь, что если хочу дать тебѣ добрый совѣтъ, то, конечно, изъ желанія тебѣ полного успѣха?

— Конечно, да, и впередъ обѣщаю принять его съ благодарностью,—отвѣтилъ я.

— Такъ вотъ, милый другъ, въ чемъ дѣло; съ государемъ наслѣдникомъ говори не робѣя все, что есть на душѣ, но только помни одно—имя князя Александра Ивановича Бяратинскаго не поминай, а тѣмъ болѣе, Боже сохрани тебя, не вздумай критиковать его распоряженій! Помни же, если хочешь выиграть твое совершенно правое дѣло, то о Бяратинскомъ ни гугу.

Я обѣщалъ принять къ исполненію его добрый совѣтъ и не произносить имени искренняго друга дѣтства его высочества. Но со всѣмъ тѣмъ, какъ же обойти его, если государю наслѣднику угодно будетъ разспросить меня о случившейся несправедливости? Извѣстіе о предстоящемъ счастіи—лично представиться и имѣть возможность изустно изложить его высочеству постигшее меня недоразумѣніе, сначала чрезвычайно меня обрадовало, но затѣмъ опасеніе чего нибудь не досказать, а еще хуже сказать лишнее и тѣмъ погубить мое дѣло безвозвратно, не давало мнѣ покоя. Часа два подбиралъ я въ умѣ выраженія, объясненія и отвѣты, которые неминуемо вызовутъ завтра аудіенція у его высочества, и,

повторяя ихъ самъ себѣ, поминутно сбивался. Что же будетъ при личномъ разговорѣ? Этимъ господамъ, которые чуть ли не съ малыхъ лѣтъ вращаются среди членовъ императорской фамиліи, хорошо говорить: «объясняйся, не робѣя, выскажи все, что на душѣ, но не касайся того, не упоминай о томъ-то». А нашему брату, котораго дежурный генераль, не царской крови, оборвалъ три дня назадъ, какъ плюговую собаченку,—идти въ кабинетъ къ наслѣднику всероссійскаго престола, говорить съ нимъ по душѣ, когда душа эта уйдетъ въ пятки,—нѣтъ, шалишь, господа! Въ Чечнѣ на заваль идти гораздо, во сто кратъ легче, чѣмъ предстоящая мнѣ аудіенція...

На слѣдующій день, ровно въ половинѣ перваго часа, вступилъ я въ пріемную залу государя наслѣдника, на половинѣ его высочества въ Зимнемъ дворцѣ. Дежурный адъютантъ князь Барятинскій, еще не смѣненный Голицынымъ, записалъ меня въ листокъ представляющихся и указалъ мѣсто, гдѣ встать. Изъ знакомыхъ прежде всѣхъ здѣсь попался мнѣ Фроловъ, преображенецъ, съ которымъ мы не встрѣчались съ самаго выпуска изъ Пажескаго корпуса. Фроловъ очень былъ смущенъ и, ожидая грозы неминуемой, рассказалъ мнѣ, что, состоя въ дѣйствующихъ батальонахъ Преображенскаго полка, давно выступившихъ въ Бѣлостокъ, онъ, вмѣсто того, чтобы быть при нихъ, только надняхъ вернулся въ Петербургъ изъ отпуска и получилъ повѣстку явиться къ августѣйшему главнокомандующему, ожидая, конечно, сильной головомойки. Въ пріемной залѣ толкалось много народа: тутъ были старшіе начальники частей и вѣдомствъ, Я. И. Ростовцевъ, Арбузовъ и другіе генераль-адъютанты, а также молодые офицеры, временные ординарцы отъ всѣхъ гвардейскихъ (частей) полковъ при особѣ его высочества, всѣ наши однокашники: графъ Александръ Мушинъ-Пушкинъ отъ Кавалергардскаго полка, Рылѣевъ отъ Преображенскаго и проч. Представляющихся государю наслѣднику оказалось насъ всего пятеро: одинъ штабъ-офицеръ Измайловскаго полка, Фроловъ — штабъ-капитанъ Преображенскаго, я — Куринскаго, и два молодыхъ офицера Прусскаго и Австрійскаго полковъ. По старшинству мнѣ пришлось стать третьимъ, то-есть въ срединѣ. Прошло около получаса въ ожиданіи пріѣзда его высочества изъ Петропавловской крѣпости. Наконецъ, изъ кабинета вышелъ новый дежурный адъютантъ, князь Борисъ Голицынъ, и, окинувъ всѣхъ взглядомъ, объявилъ, что его высочество сейчасъ изволить выдти. Черезъ минуту дверь изъ кабинета открылась снова, и его высочество, вступивъ въ залу, милостиво раскланялся на всѣ стороны и быстрыми шагами подошелъ къ представляющимся. Остановившись передъ правымъ фланговымъ штабъ-офицеромъ, его высочество, взглянувъ на меня, кивнулъ головою Фролову и прямо направился ко мнѣ.

— Полторацкій? — вопросительно обратился государь цесаревичъ.
 — Точно такъ, ваше высочество.
 — Вы тяжело ранены въ Чолокскомъ сраженіи, не такъ ли?
 — Точно такъ, ваше императорское высочество.
 — А куда именно?
 — Въ животъ, руку и ногу, ваше высочество.
 — А совѣтывались ли вы съ докторами? — съ особеннымъ участіемъ въ голосъ спросилъ государь наслѣдникъ.
 — Совѣтовался, ваше высочество, съ докторомъ Пироговымъ.
 — И что же онъ сказалъ? — нетерпѣливо спросилъ его высочество.

— Завтра въ 10 часовъ назначилъ ампутацію руки.

— Такъ и есть, — съ видимой досадой и раздраженіемъ воскликнулъ цесаревичъ, быстро оглянувшись кругомъ, а потомъ, сдѣлавъ шагъ ко мнѣ, милостиво взялъ меня за руку и сказалъ:

— Не слушайте этихъ мясниковъ и безчеловѣчныхъ живодеровъ, имъ бы только кромсать мясо человѣческое (въ эту минуту въ двухъ шагахъ отъ его высочества въ звѣздахъ и регаліяхъ торчали два лейбъ-медика Вилье и Енохинъ). Послушайте, Полторацкій, моего совѣта и прежде, чѣмъ отдаваться въ руки Пирогова, обратитесь къ Буяльскому. Если Буяльскій рѣшитъ, что руки сохранить нельзя, то дѣлать нечего; но безъ него ради Бога не давайте рѣзать руки вашей. Недавно былъ тому блистательный примѣръ, послушайте: графъ Нессельроде, сынъ канцлера, упалъ въ манежѣ съ лошади и, ударившись о барьеръ, разбилъ себѣ локтевую кость. Его подняли безъ чувствъ и передали въ руки Пирогова, который тотчасъ же хотѣлъ отнять руку выше локтя, но къ счастью подоспѣлъ Буяльскій и объявилъ, что можно спасти пострадавшаго безъ всякой ампутаціи. Мнѣніе Буяльскаго взяло верхъ, и о результатѣ вы можете, Полторацкій, посудить сами: съѣздите къ Нессельроде и взгляните на его руку. Въ шесть недѣль леченія онъ не только шевелить ею, но даже началъ владѣть пальцами. Что касается васъ, то непременно и прямо отсюда ступайте къ Буяльскому и отъ моего имени скажите ему, чтобъ онъ внимательно осмотрѣлъ ваши раны. А затѣмъ впослѣдствіи, если вамъ потребуется заграничное леченіе, то обращайтесь прямо ко мнѣ, и я съ особеннымъ удовольствіемъ буду содѣйствовать поѣздкѣ вашей за границу.

При этихъ словахъ его высочество милостиво опять пожалъ мнѣ руку и отошелъ къ ожидающимъ его генераламъ. Разговоръ съ ними продолжался нѣсколько минутъ, послѣ чего государь наслѣдникъ направился къ своему кабинету и уже взялся за ручку двери, когда опять обернулся къ намъ и произнесъ:

— Да, сегодня государь императоръ изволилъ получить донесеніе съ Кавказа о блистательномъ дѣлѣ барона Николаи на

Кумыкской плоскости съ огромными скопищами непріятеля. Вотъ вы, Полторацкій, должны знать хорошо эту мѣстность около Абу-латъ-Юрта. Представьте себѣ, до какой степени побѣда надъ горцами полная, что начальникъ лѣваго фланга баронъ Врангель представляетъ барона Николаи въ полковничьемъ чинѣ къ ордену св. Георгія 3-й степени.

Съ этими словами его высочество скрылся въ кабинетѣ. Въ ту же минуту я почувствовалъ крѣпкій на щекѣ моей поцѣлуй Фролова.

— Спасибо тебѣ, дружище, только по твоей милости меня миновала гроза. Ну, теперь съ Богомъ, удираемъ скорѣе, — пробасилъ рослый преображенецъ, подхвативъ меня подъ правую руку и увлекая къ выходу изъ залы.

Я очень хорошо сознавалъ, что при милостивомъ ко мнѣ вниманіи государя наслѣдника относительно моего физическаго состоянія животрепещущій вопросъ о моемъ дѣлѣ Георгіевскаго креста еще вовсе не былъ затронуть его высочествомъ; но, поддавшись усиленнымъ приглашеніямъ Фролова, а съ другой стороны въ силу того, что государь наслѣдникъ общимъ къ намъ поклономъ какъ бы положилъ конецъ приему, за неимѣніемъ сегодня времени продлить его, я спустился съ лѣстницы и въ швейцарской уже надѣлъ шинель, когда внезапно послышались усиленные съ верху крики: «Полторацкій, Полторацкій, назадъ, назадъ! его высочество васъ требуетъ!». Сбросивъ шинель, я, на сколько позволяли силы, поспѣшилъ наверхъ и, страшно запыхавшись, достигъ опять залы, изъ которой такъ поспѣшно увлекъ меня Фроловъ. «Куда вы исчезли, его высочество зоветъ васъ въ кабинетъ свой?» — съ упрекомъ встрѣтилъ меня князь Голицынъ, поспѣшно провожая меня къ двери кабинета. Въ небольшой комнатѣ, за письменнымъ столомъ стоялъ его высочество, а съ боку у него адъютантъ его, полковникъ графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ.

— Полторацкій, — самымъ ласковымъ и ободрительнымъ голосомъ изволилъ обратиться ко мнѣ цесаревичъ, — великая княгиня Марія Николаевна писала мнѣ, что вы имѣете право, а потому и просите награжденія васъ орденомъ св. Георгія. Расскажите мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Ваше императорское высочество, — сначала смущенно, но потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе заговорилъ я: — счастливая случайность помогла мнѣ въ сраженіи 4-го іюня на Чолокѣ при штурмѣ укрѣпленнаго турецкаго лагеря взойти первымъ на батарею, съ боя овладѣть двумя непріятельскими орудіями, доставленными начальству подъ росписку, и штыками опрокинуть два табора низама, а затѣмъ атаковать турокъ въ лагерѣ и на другой батарее, причемъ въ разное время и раненъ тремя пулями навзлетъ.

— И у васъ, Полторацкій, всему этому, какъ я слышалъ, есть письменныя доказательства? — съ замѣтнымъ участіемъ спросилъ государь наслѣдникъ.

— Есть, ваше высочество, свидѣтельства за подписью всѣхъ прямыхъ начальниковъ, князя Андронникова и генерала Майделя, а такъ же подлинный приказъ по отдѣльному кавказскому корпусу.

— Удивительно, какъ подобныя дѣла могутъ твориться на землѣ!—изумленно и вздернувъ плечами, произнесъ государь наслѣдникъ.

— Ваше высочество,—совершенно ободренный видимымъ сочувствіемъ моего августѣйшаго покровителя, бухнулъ я:—не даромъ на Кавказѣ говорятъ: «до Бога высоко, до царя далеко». Не со мною однимъ творятся тамъ возмутительныя несправедливости.

— Объясните, что вы этимъ хотите сказать,—слегка нахмуривъ брови, но снисходительно спросилъ цесаревичъ.

— А то, осмѣлюсь доложить вашему высочеству, что если я имѣлъ и физическія силы и матеріальныя средства доѣхать съ Кавказа въ Петербургъ, а главное достигнуть счастья быть допущеннымъ до личнаго объясненія съ вашимъ императорскимъ высочествомъ, то извольте, государь, войти въ положеніе тѣхъ изъ товарищей моихъ, которые, имѣя, какъ и я, несомнѣнныя права на награжденіе Георгіевскими крестами и также несправедливо вычеркнутые изъ представленія, теперь томятся на Кавказѣ ранеными, безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ для путешествія до Петербурга и безъ малѣйшихъ связей и протекцій, чтобы имѣть право на надежду быть допущенными къ принесенію жалобъ своихъ лично вашему императорскому высочеству.

Досказавъ послѣднія слова въ сильнѣйшемъ волненіи, я чувствовалъ, какъ слезы подступали къ горлу. Наслѣдникъ замѣтилъ мои страданія и самъ нетвердымъ голосомъ спросилъ меня: «Кто именно эти офицеры?». Я назвалъ Кутлера и Кирхмана, вкратцѣ изложивъ ихъ подвиги, перваго на Чолокѣ, а втораго въ Негойтахъ.

— Да,—съ глубокимъ вздохомъ произнесъ его высочество:—это возмутительно, но поправимо, такъ какъ возлюбленный монархъ, государь императоръ, всегда и во всемъ справедливъ и безгранично милостивъ. Мнѣ невозможно самому просмотрѣть всѣ ваши документы, но ты, Адлербергъ, останься сегодня здѣсь, прими и разбери всѣ бумаги Полторацкаго и завтра же привези ихъ мнѣ въ Гатчину, и я самъ составлю о нихъ докладъ его величеству. А вы, Полторацкій, условьтесь съ графомъ, когда вамъ свидѣться, и представьте ему, кромѣ своихъ свидѣтельствъ, записку о тѣхъ офицерахъ...

Въ эту минуту въ дверяхъ кабинета показался князь Голицынъ, поспѣшно объявившій: «Ваше высочество, государь императоръ уѣзжаетъ и ожидаетъ васъ!»—«Итакъ, до свиданья!»—протянувъ мнѣ руку, сказалъ государь наслѣдникъ, быстро зашагавъ черезъ залу на собственный его величества подъѣздъ. Толпою мы всѣ провожали его, когда вдругъ онъ спохватился, что второ-

пяхъ забылъ на письменномъ столѣ перчатки. Пока бросились за ними, и его высочество приостановился, графъ Адлербергъ подошелъ ко мнѣ и любезно спросилъ:

— Vous conviendrait-il de me faire le plaisir de passer chez moi ce soir entre 7 et 8 heures ¹⁾?

— Parfaitement, m-r le comte ²⁾,—отвѣтилъ я.

— Да, да, — милостиво вмѣшался наслѣдникъ, — но, всетаки, прежде ступайте къ Буяльскому прямо отъ меня и сейчасъ же!

И эти слова благодушнѣйшій цесаревичъ изволилъ проговорить съ такимъ выраженіемъ, что можно было подумать, что исполненіемъ его совѣта окажу одолженіе его высочеству.

Да, дѣйствительно съ такимъ душевнымъ человѣкомъ, какъ государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, никому не должно быть страшно говорить по душѣ. Не чувствуя подъ собою земли отъ счастья послѣ безгранично милостиваго приѣма его высочествомъ и съ твердой теперь надеждой на торжество справедливости, я покатилъ на Владимірскую, а оттуда въ Колокольный переулочекъ, въ домъ тайнаго совѣтника Буяльскаго. На звонъ мой входную дверь отворила мнѣ почтенная старушка, объявившая, что доктора Буяльскаго нѣтъ дома и что лучше мнѣ пріѣхать въ другой разъ; но когда я сообщилъ, что являюсь по личному приказанію его императорскаго высочества, то она привѣтливо пригласила войти, добавивъ, что, вѣроятно, докторъ скоро вернется со службы. Педантически чистая и порядчивая во всѣхъ мелочахъ обстановка уютной комнаты, въ которой водворила меня въ свою очередь замѣчательно опрятная и симпатичная хозяйка,—дышала теплотой, чистымъ воздухомъ и неуловимымъ вѣрованіемъ, что здѣсь живутъ отлично честные и сердечные люди. Не умѣю выразить—почему, но таково было мое настроеніе въ ожиданіи хозяина, не долго заставившаго меня размышлять въ одиночествѣ. Въ прихожей слышался стукъ калошъ, а секунду спустя мягкими шажками вкатился въ комнату маленькій, сѣденькій, чисто-выбритый старичекъ, въ мундирѣ, сплошь покрытомъ на всей груди безчисленными орденами и звѣздами. Подвижной иконостасъ этотъ съ привѣтливой улыбкой проворно подбѣжалъ ко мнѣ и, почтительно выслушавъ переданную мною волю его высочества, проговорилъ: «сію минуту я буду къ вашимъ услугамъ», послѣ чего быстро скрылся за боковую дверь. Не прошло и пяти минутъ, какъ почтенный докторъ опять очутился передъ мною, но вмѣсто мундира на немъ былъ надѣтъ длинный до самого полу ослѣпительной бѣлизны фартукъ, а рукава глянцовитаго камзола засучены по самые локти.

¹⁾ Удобно ли вамъ доставить мнѣ удовольствіе, заѣхать ко мнѣ сегодня вечеромъ, между 7 и 8 часами.

²⁾ Вполнѣ удобно, графъ.

— Теперь приступимъ къ дѣлу, спѣшите некуда, у меня есть время,—одобрительно произнесъ старикъ, усаживая меня противъ себя въ кресло.

Какъ только я снялъ повязку, Буяльскій подвинулся ко мнѣ и впился глазами въ мою руку. Около получаса продолжался осмотръ ея, съ систематическимъ, самымъ внимательнымъ изслѣдованіемъ раны и всѣхъ совершившихся ея послѣдствій на кисти и пальцахъ. Приемы и обращеніе Буяльскаго съ изувѣченною рукой моею отличались осторожностью и мягкостью. Нетерпѣливо ожидалъ я своего приговора, не умѣя во взглядѣ его прочесть впечатлѣнія, произведеннаго страшнымъ видомъ уродливой руки моею, жестоко раздутой, а вмѣстѣ безжизненной и мертво-блѣдной.

— Нѣтъ!—спокойнымъ голосомъ наконецъ проговорилъ докторъ,—нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Ампутировать не надо!

Я просіялъ, Буяльскій же продолжалъ съ разстановкой рѣчь свою:

— Рана ваша жестокая, всѣ мелкія кости, въ соединеніи ихъ у кисти руки раздроблены въ куски, страданія вы испытали ужасныя, и при отдѣленіи въ будущемъ осколковъ костей вамъ предстоитъ еще мученія. Рукою владѣть, какъ прежде, вы никогда не будете. Ея вы лишитесь навсегда, но ампутировать ни за что! Гдѣ вы намѣрены поселиться теперь?

— Въ провинціи, а болѣе въ деревнѣ,—отвѣтилъ я.

— Можно ли тамъ имѣть телятъ?

Неожиданный вопросъ этотъ привелъ меня въ недоумѣніе.

— Есть ли у васъ телята?—очень внятно повторилъ вопросъ Буяльскій.

— Есть, но довольно плохіе,—смирненно отвѣчалъ я.

— Это ничего, вамъ не кушать ихъ!—весело смѣясь, возразилъ веселый старичекъ.—Нужны животныя ванны, онѣ необходимы вамъ втеченіе шести или восьми мѣсяцевъ,—и, увидѣвъ мое прежнее недоумѣніе, объяснилъ мнѣ, что надо рѣзать молодаго теленка, всовывать во внутрь обнаженную до плеча больную руку, которою всячески стараться шевелить и двигать мускулами, пока температура высоко-теплая внутренностей теленка не охладится совершенно, примѣрно около трехъ четвертей часа.

— Угасающія жизненныя силы животнаго,—говорилъ Буяльскій,—неминуемо должны сообщаться омертвѣлымъ частямъ вашей руки и въ концѣ концовъ, въ извѣстной степени, возстановить жизнь, силу и даже движеніе вотъ въ этихъ двухъ пальцахъ, большомъ и указательномъ. Независимо отъ этихъ означенныхъ мною выгодъ сохранить руку, хотя и съ большимъ изъясномъ, есть не менѣе важная причина для избѣжанія ампутаціи: это—общее кровообращеніе. При нашемъ сложеніи избытокъ крови, обращающейся теперь во всей рукѣ, а по отнятїи ея, минуемо оставаясь въ

прежнемъ количествѣ, долженъ повестъ къ отученію, а въслѣдствіи къ апоплексическому удару. Поэтому еще разъ повторяю мое непреклонное убѣжденіе: рѣзать руку не слѣдуетъ.

Этимъ рѣшеніемъ Буяльскій еще не окончилъ своей инструкціи и подробно вдался въ указанія образа жизни и прочихъ условій, необходимыхъ для успѣшнаго пользованія раны моей, причемъ, совѣтуя больше моціона, абсолютно запретилъ охоту съ ружьемъ. Когда я сталъ забинтовывать руку, Буяльскій вышелъ изъ пріемной комнаты и тотчасъ же вернулся съ карточкой въ рукахъ.

— Вотъ по этому адресу въ означенномъ магазинѣ сегодня же закажите повязку изъ листоваго желѣза, обтянутаго сукномъ. Мастеръ бандажистъ знаетъ, что вамъ нужно; скажите ему отъ меня № 7; повязка та несравненно легче, прочнѣе и удобнѣе.

Заслушавшись его наставленій, я не замѣтилъ, какъ онъ, пожелавъ мнѣ скорѣйшаго выздоровленія, исчезъ изъ пріемной. Въ прихожей меня встрѣтила та же миловидная старушка.

— Докторъ совсѣмъ ушелъ?—спросилъ я.

— Да-съ, у нихъ тамъ другіе посѣтители,—добродушно улыбаясь, отвѣчала она.

— А какъ же за визитъ, за консультацію?—прискивая слова, допрашивалъ я.

— Они отъ раненыхъ никогда не пользуются,—возразила старушка.

— А отъ другихъ?—присталъ я.

— А другіе—что пожалуютъ вотъ въ эту кружку,—указала она на мѣдную съ какой-то надписью, вѣроятно, о цѣли благотворительной, кружку, прибитую къ стѣнѣ.

Я успѣшилъ достать десятирублевую бумажку и, не смотря на протестъ: «напрасно изволите беспокоиться», опустилъ ее въ глубь посуды. Вдвойнѣ довольный днемъ своимъ, я только что приѣхалъ домой, какъ явился камердинеръ тетушки съ приглашеніемъ пожаловать къ ея превосходительству.

— А кто у Софьи Борисовны?—слѣдуя на ея половину, спросилъ я.

— Никого-съ, они однѣ-съ и желаютъ васъ видѣть.

Тетушка встрѣтила меня вопросами о представленіи его высочеству и, очень довольная моими разказами, поощряла неизмѣнными фразами: «*Bien, très bien, mon cher; je suis très satisfaite, mon cher; je suis bien contente, à la bonne heure, mon cher*». Было уже не рано, пробило четыре часа, когда я сказалъ ей, что мнѣ слѣдуетъ съѣздить къ княгинѣ Марьѣ Васильевнѣ и ей разказать о результатѣ аудіенціи. «*Ah, cetrainement, mon cher, allez vite, vite! Vous devez de la reconnaissance à la princesse Marie, qui a eu tant de bontés pour vous. Dites-lui, mon cher, milles choses de ma part aussi!*»

Княгиня была очень довольна ходомъ моего дѣла, а князь Simon, удержавъ меня у нихъ обѣдать, любезно предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ къ гр. Адлербергу. Воспользовавшись свободнымъ часомъ времени до обѣда, я въ кабинетѣ князя составилъ на память записку о Кутлерѣ и Кирхманѣ и, приобщивъ ее къ своимъ документамъ, все подготовилъ для подробнаго доклада уполномоченному его высочествомъ. Въ началѣ восьмага часа карета князя Воронцова остановилась у подъѣзда дома гр. Адлерберга, принявшаго насъ въ роскошномъ своемъ кабинетѣ. Князь Simon, чтобы не стѣснять насъ своимъ присутствіемъ, отправился на половину хозяйки, а я, расположившись въ покойномъ креслѣ у камина, началъ перечитывать графу привезенныя свидѣтельства и приказы.

— Да тутъ и сомнѣнія никакого быть не можетъ,—неоднократно прерывалъ меня гр. Александръ Владиміровичъ.—Я повторю слова его высочества: «просто непостижимо, какъ у нихъ на Кавказѣ хватило духа не признать васъ достойнымъ Георгіевскаго креста».

На это я счелъ умѣстнымъ разсказать графу все, касающееся злополучнаго представленія, и наконецъ несбыточныя обѣщанія, которыми вздумалось соблазнять меня князю Барятинскому. Графъ Адлербергъ внимательно слушалъ и взялъ всѣ бумаги мои, а равно касавшіяся Кутлера съ Кирхманомъ, которыхъ даже просилъ о томъ увѣдомить. Распивая чай, мы долго разговаривали съ любезнымъ хозяиномъ о постороннихъ предметахъ и о Кавказѣ въ особенности, когда доложили, что свѣтлѣйшій князь приказалъ спросить, не обезпокоитъ ли насъ своимъ приходомъ. Черезъ пять минутъ онъ явился съ жалобой, что графиня, по случаю зубной боли, была съ нимъ очень не любезна, что онъ соскучился и хотѣлъ уже спастись бѣгствомъ. Графъ Адлербергъ, прежде чѣмъ отпустить его, передалъ князю Семену Михайловичу свой взглядъ на мое дѣло.

Вернувшись съ княземъ въ Малую Морскую, мы застали массу народа у княгини Марьи Васильевны, и я немедленно отправился домой, гдѣ опять засталъ Петра Сергѣевича Львова. Среди общихъ воспоминаній коснулись мы мистификаціи, случившейся съ нимъ и заслуживающей того, чтобы разсказать о ней.

Въ 1848 году разразилась здѣсь, въ Петербургѣ, извѣстная исторія политическаго характера—Петрашевскаго. Въ этомъ несчастномъ заговорѣ приняли участіе многіе изъ молодыхъ людей, которыхъ, при открытіи ихъ общества тайной полиціей, всѣхъ перехватили и засадили въ крѣпость. Въ числѣ ихъ однажды ночью совершенно неожиданно былъ поднятъ съ постели, арестованъ и отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость,—кто же?—лейбъ-егерскаго полка капитанъ Петръ Сергѣевичъ Львовъ, до мозга костей своихъ проникнутый вѣрноподданническими чувствами и преданностью

царю и отечеству. Львовъ, всецѣло поглощенный обязанностями ротнаго командира, едва ли не самаго ретиваго въ полку, не только никогда не помышлялъ сдѣлаться членомъ какого нибудь тайнаго общества, но даже, когда всѣ уже въ Петербургѣ заговорили объ открытіи его, онъ ничего не слышалъ, не зналъ и не подозрѣвалъ. Легко поэтому представить себѣ отчаяніе примѣрнаго слуги отечества, пятнадцать лѣтъ безпорочно и усердно вытягивавшаго носокъ на всѣхъ парадахъ и разводахъ, когда внезапно, неожиданно и негаданно, онъ очутился въ одиночномъ заключеніи въ страшной крѣпости. По строгому съ нимъ обращенію и всей неприглядной обстановкѣ ареста, Львовъ, конечно, догадался объ очень важномъ обвиненіи, обрушившемся на его неповинную голову, совершенно отказавшуюся помочь ему въ открытіи настоящихъ причинъ его бѣдственнаго положенія. Проходятъ мучительные часы, дни, недѣли. Больной и разбитый, Петръ Сергѣевичъ томится жестокою неизвѣстностью, почему и за что попалъ онъ въ тюрьму. Сообщеній и свиданій ни съ кѣмъ и ни подъ какимъ видомъ не допускается. Просьбы и мольбы, словесныя и письменныя, коменданту крѣпости остаются безъ отвѣта, а изъ полка, гдѣ у него было не мало пріятелей, ни малѣйшаго признака не только участія, но даже и воспоминанія о его существованіи. Мысль о переполохѣ, который неминуемо произвело въ семействѣ извѣстіе о его заключеніи, преслѣдуетъ бѣднаго узника день и ночь. По словамъ Львова (а не вѣрить ему въ этомъ случаѣ немислимо), онъ дошелъ до той степени отчаянія, что, не имѣя подъ рукой орудія, чтобъ покончить съ собой, онъ принялъ твердое рѣшеніе уморить себя голодомъ и пять дней уже не прикасался къ скудной пищѣ... Заскрипѣла тяжелая дверь, вошли какіе-то люди и стали будить и требовать, чтобы онъ одѣлся и слѣдовалъ за ними, а когда убѣдились, что онъ въ изнеможеніи не способенъ не только встать, но даже понять ихъ приказаній, они на рукахъ вынесли Львова въ карету и, усадивъ съ нимъ рядомъ жандарма, а другаго на козлы, повезли куда-то. Свѣжій воздухъ, пахнувшій на арестанта, нѣсколько освѣжилъ его и привелъ въ чувство. Карета остановилась, и его подъ руки ввели въ многолюдное собраніе судей и подсудимыхъ для очной ставки съ послѣдними.

— Это не онъ, этого мы не знаемъ!—послышались одинъ за другимъ отзвывы всѣхъ виновныхъ.

— Какъ не онъ? Это Львовъ, лейбъ-егерь Львовъ, который значится въ списокѣ сообщниковъ вашихъ,—утвердительно возглашаетъ грозный судья.

— Нѣтъ, не онъ, и мы его не знаемъ,—стоятъ на своемъ подсудимые.

Недоразумѣніе открывается: схваченъ и брошенъ былъ въ тюрьму невинный. Вскорѣ затѣмъ воспослѣдовала разгадка этому

прискорбному qui pro quo. Тайная полиція, открывшая существованіе общества Петрашевскаго, при обыскѣ одного изъ участниковъ, нашла списокъ всѣхъ членовъ его, въ которомъ, между прочимъ, значилось: лейбъ-егерь Львовъ, вслѣдствіе чего, не долго разсуждая, бросились въ лейбъ-егерскій полкъ и схватили капитана Петра Сергѣевича Львова, дальнѣйшая участь котораго и описана выше. На дѣлѣ же сообщникомъ тайнаго общества былъ вовсе не офицеръ лейбъ-егерскаго, а лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, Львовъ, даже не родственникъ Петра Сергѣевича. Тотъ же Львовъ преспокойно гулялъ на свободѣ и показывался въ обществѣ. Когда открылась истина, приняты были мѣры къ его поимкѣ, и гдѣ же арестовали его? Въ Петергофѣ, у подъѣзда гостинницы «Самсонъ», въ ту минуту, когда герой этотъ садился въ дилижансъ для обратной поѣздки въ Петербургъ. Освобожденіе изъ крѣпости Петра Сергѣевича Львова послѣдовало въ апрѣлѣ мѣсяцѣ за нѣсколько дней до обычнаго майскаго парада. Капитанъ Львовъ, вполне оправданный, вернулся къ полку и вступилъ по-прежнему въ командованіе своей ротой, большой и разстроенный испытанными огорченіями, но счастливый возстановленіемъ своей доброй репутаціи. Но одно негласное водвореніе Львова въ прежнія права представилось глазамъ его императорскаго величества слишкомъ неудовлетворительнымъ возмездіемъ за несправедливо испытанныя имъ страданія, и вотъ здѣсь Николай I явилъ еще разъ внушительный примѣръ безпредѣльнаго величія души своей. На Царицыномъ лугу, при сборѣ до 60 тысячъ войскъ и стеченіи не меньшаго количества любопытныхъ зрителей всѣхъ сословій столицы, когда части проходили мимо павильона, занятаго государыней императрицей и многолюдной свитой ея, и приблизился лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, въ которомъ и Львовъ парадировалъ передъ своимъ дивизиономъ,—его величество своимъ неподражаемымъ по звучности голосомъ изволилъ скомандовать: «Парадъ, стой!»; затѣмъ, знакомъ руки остановивъ музыку, императоръ далъ шпоры коню, подъѣхалъ къ Львову и громко во всеуслышаніе тысячамъ своихъ подданныхъ обратился къ нему:

— Львовъ, по несчастной ошибкѣ, ты несправедливо и совершенно неповинно пострадалъ! Я искренно прошу тебя великодушно простить меня! Бога ради забудь все случившееся съ тобой и обойми меня!

Съ этими словами его величество, склонившись съ коня, три раза крѣпко облобызалъ безгранично осчастливленнаго этою великою милостью своего государя Петра Сергѣевича. Для него незабвенная минута эта представила высшую награду.

На другой день я былъ опять на Владимірской, но уже у Николая Милютина, недавно женившагося на прелестной Марьѣ Агѣевнѣ Абазѣ. За обѣдомъ я познакомился съ очаровательной

моей кухней. Дѣйствительно, женственная грація, умъ и милость молодой Marie Милутиной, взятыя съ хорошимъ къ тому же и состояніемъ, составляютъ лакомый кусочекъ, доставшійся счастливцу Николаю Алексѣвичу. Онъ, впрочемъ, человѣкъ такой теплой и возвышенной души, что нельзя не порадоваться выпавшему на его долю благополучію. По возвращеніи отъ Милутиныхъ домой, швейцаръ передалъ мнѣ, что часъ назадъ пріѣзжала Марья Васильевна Воронцова и, очень сожалѣя, что не застала меня, приказала передать, что ей очень, очень нужно меня видѣть. Разумѣется, я сейчасъ же направился въ Малую Морскую, гдѣ ея свѣтлость, сіяющая удовольствіемъ, вручила мнѣ письмо къ ней ея высочества великой княгини Маріи Николаевны. Въ этомъ дорогомъ письмѣ значилось:

«Государь наслѣдникъ письменно сообщаетъ мнѣ, что вчера имѣлъ счастье докладывать государю императору о дѣлѣ de notre protégé Poltoratsky, на что его императорское величество изволилъ выразиться: «Полторацкій въ полномъ правѣ не просить, а требовать!». Поэтому, вслѣдствіе всемилостивѣйшаго воззрѣнія на справедливое домогательство обойденныхъ въ представленіи къ Георгіевскимъ крестамъ всѣхъ трехъ офицеровъ, по высочайшему повелѣнію, будетъ отправлено на мѣсто совершенныхъ ими подвиговъ довѣренное отъ его величества лицо для производства слѣдствія о причинахъ, побудившихъ кавказское начальство отказать помянутымъ офицерамъ въ должномъ вознагражденіи, какъ по строгой справедливости, такъ и по статуту Георгіевского креста. Сообщая объ этомъ пріятномъ оборотѣ интересующаго тебя вопроса, могу добавить отъ себя, что я вполне убѣждена въ успѣхѣ предположеннаго разслѣдованія и никогда не сомнѣваюсь, что въ скоромъ времени недоразумѣніе выяснится въ ихъ пользу».

По случаю счастливаго этого сообщенія княгиня Марья Васильевна за обѣдомъ потребовала шампанское, и поздравленіямъ не было конца. Вернувшись, я настроилъ нѣсколько словъ матери въ деревню, а главное Федору Федоровичу Кутлеру въ Пятигорскъ, гдѣ мой милый сотоварищъ томился въ неизвѣстности. Впрочемъ, изъ Ставрополя я черкнулъ Кутлеру два слова: «Бѣду въ Петербургъ вторично брать штурмомъ Георгіевскіе кресты себѣ и вамъ». Адресъ Кирхмана, къ сожалѣнію, мнѣ не извѣстенъ; а потому онъ узнаетъ о счастливомъ событіи только изъ высочайшихъ приказовъ.

Счастливое настроеніе мое снова оравлено было въ эти дни особенно жестокимъ приступомъ страданій въ рукѣ. Два дня и двѣ ночи сряду я неимоვნно страдалъ острою болью въ самой срединѣ раны, успокоившейся, наконецъ, послѣ вышедшей наружу косточки, по счету уже семнадцатой. Часъ спустя, я былъ уже въ каретѣ и катилъ по городу съ прощальными визитами. Брать бла-

годарить государя наслѣдника мнѣ добрые люди отсовѣтывали, находя это преждевременнымъ, но никто не помѣшалъ мнѣ излить чувства признательности всѣмъ, принявшимъ участіе въ моемъ затруднительномъ положеніи, Воронцовымъ въ особенности. Былъ я у обоихъ братьевъ Милютиныхъ, у Строганова, у Татьяны Борисовны Потемкиной, у Sophie Рибошьеръ и у графини Елены Орловой-Денисовой. Былъ и у пьедестала и пищу принималъ у него. Нигдѣ я такъ не торжествовалъ, какъ при свиданіи вчера съ именитымъ дядюшкой, графомъ Павломъ Дмитріевичемъ Киселевымъ. Принялъ онъ меня въ своемъ великолѣпномъ министерскомъ кабинетѣ съ обычною важностью и недосягаемымъ величіемъ.

— Я пріѣхалъ, дядюшка, откланяться; послѣзавтра возвращаюсь восвояси.

— А, ужъ уѣзжаешь, значитъ, дѣла свои здѣсь покончилъ? Видѣлъ докторовъ?— съ напускнымъ участіемъ удостоилъ меня вопросомъ надменный сановникъ.

— Видѣлъ Пирогова, который непремѣнно хотѣлъ отнять руку, но, благодаря совѣту Буяльскаго, это не удалось ему.

— Гм! А мнѣ говорили, что раны твои легкія... ну, а насчетъ другихъ хлопотъ твоихъ, что вѣдь правъ былъ я?

— Нѣтъ, дядюшка, къ счастью, вы были не правы.

— Какимъ образомъ?— нахмуривъ брови, видимо недовольный рѣзкимъ опроверженіемъ своей непогрѣшимости, спросилъ Павелъ Дмитріевичъ.

— Государь императоръ извоилъ выразить, что я вправѣ не просить, а требовать.

— Но кто же докладывалъ о тебѣ государю?— живо и съ видимымъ любопытствомъ спросилъ пьедесталь.

— Его высочество, государь наслѣдникъ.

— А кто просилъ наслѣдника?— съ возрастающимъ удивленіемъ вскрикнулъ онъ.

— Ея высочество великая княгиня Марія Николаевна, принявшая къ сердцу мое горестное безвыходное положеніе.

Графъ счелъ излишнимъ продолжать свой допросъ и, черезъ красивые усы свои засвиставъ какой-то мотивъ изъ оперы, съ нетерпѣніемъ сталъ рыться въ бумагахъ на письменномъ столѣ. Прошло нѣсколько минутъ натянутого молчанія.

— Такъ ты когда уѣзжаешь изъ Петербурга?— не глядя на меня, бросилъ онъ вопросъ.

— Послѣзавтра непремѣнно.

— А! въ такомъ случаѣ завтра пріѣзжай обѣдать.

Я всталъ и, только что заперъ за собою дверь, разразился неудержимымъ смѣхомъ.

На слѣдующій день дѣйствительно я обѣдалъ у Киселева въ обществѣ шести постороннихъ, изъ которыхъ одинъ былъ мнѣ не

чужой — Николай Милютинъ. Графъ Павелъ Дмитріевичъ былъ очень любезенъ, о вчерашнемъ неудовольствіи не было и помина, и вообще вопросъ о Георгіевскомъ крестѣ не возобновлялся, за то вниманію ко мнѣ не было границъ. Оно достигло неслыханныхъ размѣровъ за столомъ, когда графъ, взявъ себѣ на тарелку замысловатаго паштета, изволилъ собственноручно нарѣзать его и передать по моему адресу, какъ доказательство лестнаго соболѣзнованія своего къ безпомощности пролившаго кровь за отечество... Передъ уходомъ моимъ онъ позвалъ меня въ свой частный кабинетъ и, сунувъ мнѣ въ руку заготовленный конвертъ, съ оговоркой открыть его дома, ласково, даже нѣжно поцѣловалъ и пожелалъ мнѣ всякаго благополучія.

Съ теткой Софьей Борисовной я простился съ вечера. Вавила былъ очень радъ; онъ давно твердилъ, что пора уѣзжать въ его милое Завражье, такъ какъ столичные грандѣры пришли къ нему не по сердцу, и онъ считалъ придворный штатъ Софьи Борисовны не стѣяющимъ высокаго вниманія его, кавказскаго вояки.

Прошло два года. Много произошло перемѣнъ въ моей жизни. Георгіевскій крестъ я уже получилъ, права мои восстановлены; руку на сколько возможно вылечилъ животными ваннами по совѣту Буяльскаго; не владѣю только двумя пальцами, но и съ ними приспособляюсь. Наконецъ, по прошествіи одиннадцатимѣсячнаго отпуска, подалъ въ отставку, которую послѣ двукратнаго отказа, при лестномъ заявленіи, что такіе офицеры, какъ я, нужны для отечества, однако, всетаки, получилъ, и въ январѣ 1856 года женился по страстной любви на дочери Вѣры Яковлевны Левшиной, Софьѣ, моей троюродной сестрѣ. Въ томъ же году, въ августѣ мѣсяцѣ, пріѣхалъ я съ молодой женой изъ Торжка въ Москву къ предстоящимъ торжествамъ священнаго коронованія императора Александра II. Описывать блескъ, роскошь и богатство всѣхъ празднествъ незабвеннаго коронованія 1856 года было бы повторять давно и уже много разъ описанное всѣми современниками этого торжества. Волшебные фейерверки, иллюминаціи и народные праздники непрерывно смѣнялись величественными балами при высочайшемъ дворѣ, у иностранныхъ пословъ и многихъ частныхъ лицъ. Софья моя не пропустила ни одного празднества, была вездѣ, не исключая даже малаго бала у французскаго посла, графа Морни. Веселилась она отъ души, какъ только веселятся въ молодые годы, и я, глядя на нее, хотя далеко не поклонникъ шумныхъ баловъ, былъ счастливъ вполне.

Государь императоръ, при всякой встрѣчѣ со мною, осыпалъ меня всемилостивѣйшимъ вниманіемъ, а также ихъ высочества великіе князья Николай и Михайлъ Николаевичи. Послѣдній, на балѣ у Аванасія Алексѣевича Столыпина, долго разговаривалъ со

мною и сообщилъ, между прочимъ, новость о внезапной смерти стараго сослуживца моего, флигель-адъютанта князя Нико Эристова, ланчухтскаго героя. Бесѣдовалъ я на балѣ князя Эстергази и съ княземъ Горчаковымъ, бывшимъ главнокомандующимъ крымскою арміею. Впервые увидѣвъ меня и замѣтивъ руку мою въ повязкѣ, а также Георгіевскій крестъ, онъ поспѣшно подошелъ ко мнѣ и въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ разсыпался въ увѣреніяхъ своего полнаго удовольствія, что я достойно награжденъ за отличный подвигъ мой на какомъ-то Севастопольскомъ бастионѣ. Тщетно пробовалъ я разъяснить князю, что я служилъ и раненъ въ Азіатской Турціи, а въ Крыму никогда не былъ; полуглухой и вѣчно разсѣянный князь Михаилъ Дмитріевичъ, не внемля моимъ доводамъ, долго еще радовался моимъ успѣхамъ и восстановленію здоровья послѣ ранъ моихъ. Былъ я также у князя Александра Ивановича Барятинскаго, въ день священнаго коронованія произведеннаго въ генераль-отъ-инфантеріи съ назначеніемъ намѣстникомъ и главнокомандующимъ кавказскою арміею. Чрезвычайно привѣтливо встрѣтивъ меня, князь сдѣлалъ мнѣ лестное предложеніе поступить къ нему личнымъ адъютантомъ, на что я, при всемъ желаніи, не смѣлъ дать утвердительнаго отвѣта безъ согласія на то не Софьи, которая, я былъ увѣренъ, согласится со мною ѣхать на край свѣта, но страстно-нѣжной матери ея, ни за какія блага въ мірѣ неспособной къ разлукѣ съ возлюбленной дочерью. Для разрѣшенія этого жгучаго вопроса я бросился за помощію къ дядѣ графу Павлу Дмитріевичу, только что назначенному чрезвычайнымъ посломъ въ Парижъ. Въ тотъ же вечеръ онъ поспѣшилъ къ кузинѣ своей, Вѣрѣ Яковлевнѣ, чтобы устроить мое дѣло, но на этотъ разъ его дипломатическія способности встрѣтили непреклонный отпоръ тещи, предложившей въ замѣнъ Кавказа службу въ Москвѣ, адъютантомъ у графа Закревскаго, что вовсе не согласовалось съ моими видами и стремленіями. Дѣлать нечего, надо было покориться судьбѣ и наотрѣзъ отказаться отъ блестящаго предложенія вернуться опять на возлюбленный Кавказъ.

В. А. Полторацкій.

АТАМАНЪ ПЛАТОВЪ — ЗАВОЕВАТЕЛЬ ИНДИ.

I.

ТО БЫЛА необыкновенная эпоха во всемирной истории: кончилось славное царствование Екатерины Великой; заставили вздрогнуть весь мир ужасы французской революции. Наполеонъ потрясалъ свѣтъ своими подвигами, восходя къ зениту своей славы, а въ Россіи воцарился и началъ энергично дѣйствовать такой необычный государь, какъ Павелъ I.

Фактъ, который мы хотимъ рассказать здѣсь, могъ совершиться только въ эту эпоху чудесъ и, будучи задуманъ Наполеономъ, а исполненъ Павломъ, носитъ въ себѣ всѣ черты гениальности перваго и стремительности втораго. У императора Павла слово съ дѣломъ не расходилось: «gesacht-gemacht» было его правиломъ, хотя не всегда оно было «gedacht».

«Политическій горизонтъ» былъ въ это время заволоченъ тучами и туманомъ; лучшія государственныя головы терялись и не знали, чего держаться. Лишь одинъ Наполеонъ зналъ, куда идетъ, и кружилъ головы всего міра. Противъ Франціи составлялись коалиціи европейскихъ государствъ; коварная Англія мutilа всѣхъ и Павла I въ особенности.

Онъ послалъ маститаго измаильскаго героя Суворова въ Италію противъ французовъ; «завинтивъ свой измаильскій штыкъ», Суворовъ при Аддѣ, Требии и Нови разбилъ французскія войска, но вѣроломныя австрійцы-союзники, завистливыя къ его успѣхамъ, своимъ гофъ-кригсъ-ратомъ съ Тугутомъ во главѣ устроили Суворову такія препятствія, что этотъ опытный и мудрый полководецъ

за счастье почиталъ отозваніе свое съ арены громкихъ побѣдъ и вскорѣ послѣ этого скончался.

Пылкій и непосредственный императоръ Павелъ разочаровался въ своихъ вѣроломныхъ союзникахъ, разошелся съ ними, а тутъ Наполеонъ, которому расположеніе могущественнаго императора, повелителя шестидесяти милліоновъ, было дорого, сумѣлъ поддѣлаться къ нему съ изысканной любезностью.

Десять или двѣнадцать тысячъ русскаго войска, плѣннаго съ Бергомъ и Мамаевымъ въ Голландіи, Наполеонъ одѣлъ въ новые мундиры хорошаго тонкаго сукна, точь-въ-точь по формѣ, и послалъ къ императору Павлу съ весьма любезнымъ письмомъ безъ всякаго выкупа.

Этотъ поступокъ очень понравился нашему государю, и онъ перемѣнилъ свое мнѣніе о Наполеонѣ, котораго доселѣ очень не долюбивалъ. Императоръ Павелъ отправилъ Колычева къ Наполеону посломъ, а вскорѣ потомъ былъ посланъ генераль-отъ-инфантеріи и командиръ Семеновскаго полка В. И. Левашевъ для заключенія военной конвенціи противъ недавней нашей союзницы Англіи, которую Наполеонъ хотѣлъ допечь «континентальною системою», закрывъ всѣ европейскіе порты для торговли Англіи.

Планъ Наполеона былъ геніаленъ и, если бы былъ доведенъ до конца, то пресловутые «англійскіе интересы» потерпѣли бы окончательное крушеніе, и сама Великобританія была бы поставлена въ ряды второстепенныхъ державъ.

Геній Наполеона, поддержанный могуществомъ русскаго императора, былъ въ состояніи это сдѣлать: первый консулъ задумалъ уязвить Англію въ Индіи, средоточіи ея богатствъ и могущества, и никто, кромѣ русскаго императора, не могъ ему быть лучшимъ въ этомъ дѣлѣ помощникомъ. Для похода по среднеазиатскимъ степямъ надобно было легко-конное войско, и нигдѣ не было его столь много и такого хорошаго качества, какъ въ Россіи: двѣ области казачьяго войска, отлично храбраго въ битвахъ и удивительно выносливаго въ лишеніяхъ.

Эта легкая конница должна была перейти степи до границъ Индіи и тамъ возмутить все туземное населеніе противъ своихъ ненавидимыхъ поработителей-англичанъ; такое дѣйствіе появленія казаковъ-освободителей на умы индійцевъ, несомнительное и въ наши дни, въ то время имѣло больше шансовъ на успѣхъ.

Какъ ни губителенъ могъ быть этотъ маневръ для англичанъ, но это была только первая часть дѣла, задуманнаго Наполеономъ. Вслѣдъ за казаками самъ Наполеонъ хотѣлъ провести черезъ Россію полмилліона своей побѣдоносной арміи до Волги, на судахъ спустить ее до Астрахани, а тамъ по Каспійскому морю до самаго Астрабада. Отъ Астрабада до Индіи путь караваномъ очень хорошъ, а съ помощью рытья неглубокихъ колодезевъ можно добыть

и воду изъ-подъ песковъ пустыни. Ходу отъ моря до Индіи не болѣе трехъ недѣль, и, разъ египетскіе побѣдоносцы появятся въ Индіи со своимъ обожаемымъ предводителемъ, — только три или четыре мѣсяца, по словамъ Наполеона, требовалось, чтобы владычество Англій было свергнуто...

Англій грозилъ страшный ударъ; ея государственные люди и самъ Питтъ пришли въ смятеніе и стали придумывать всякія средства, чтобы отвести этотъ ударъ.

Императоръ Павелъ вполне склонился на это предпріятіе, заключилъ съ Наполеономъ конвенцію и объявилъ Англій войну. Это было въ концѣ 1800 года.

Павелъ началъ дѣйствовать энергично: первымъ дѣломъ велѣлъ арестовать все англійскіе торговые корабли въ русскихъ портахъ; въ Кронштадтѣ посланъ былъ чиновникъ коммерцъ-коллегіи д. ст. сов. П. С. Ильинскій съ приказаніемъ выгрузить изъ кораблей все товары, а самые корабли, выведя на рейдъ, торжественно сжечь.

Вмѣстѣ съ этимъ, ожидая прихода англійской эскадры въ Балтійское море, императоръ велѣлъ укрѣпить и умножить оборонительныя средства Кронштадта, построить новый рисбанкъ на 300 крѣпостныхъ орудій, направляющихъ свои выстрѣлы въ тотъ пунктъ, гдѣ непріятельскіе корабли должны по узости фарватера идти по одному въ кильватеръ (гуськомъ, или цугомъ).

Всю зиму 1800—1801 годовъ пять или шесть тысячъ извозчиковъ были заняты перевозкою лѣса по льду Финскаго залива отъ Петербурга до Кронштадта для вновь воздвигаемыхъ укрѣпленій...

II.

Атаманъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ въ послѣдній годъ царствованія Екатерины Великой возвратился изъ персидскаго похода, гдѣ главнокомандующимъ былъ Валеріанъ Зубовъ, братъ любимца, а походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ, въ чинѣ генераль-маіора, — Платовъ. Валеріанъ Зубовъ былъ предводитель не геніальный, и хитрые персы заманили его въ ловушку, откуда выручать его пришлось Платову.

Съ воцареніемъ Павла I дѣла круто измѣнились: Зубовы были отстранены, а походный атаманъ Платовъ попалъ сначала въ ссылку въ Кострому, гдѣ встрѣтился съ другимъ ссыльнымъ, екатерининскимъ орломъ (подполковникомъ артиллеріи тогда) А. П. Ермоловымъ, а потомъ въ Петропавловскую крѣпость (чего не избѣжалъ и Ермоловъ)¹⁾.

¹⁾ Здѣсь есть нѣкоторое разногласіе между показаніями А. П. Ермолова и самого Платова. Ермоловъ въ отрывкѣ своихъ записокъ, сохранившемся у его

Войсковымъ атаманомъ донцовъ послѣ смерти А. И. Иловайскаго (въ 1797 г.) былъ В. П. Орловъ, соратникъ Платова при знаменитомъ штурмѣ Измаила, но важность предпринимаемаго дѣла требовала отъ посылаемыхъ въ трудную экспедицію войскъ особаго одушевленія, а это могло быть достигнуто только тогда, когда войска поведетъ человѣкъ, горячо любимый войскомъ и имѣющій на него большое вліяніе. Таковымъ на совѣтѣ государя (у него еще были хорошіе совѣтники) оказался опальный Матвѣй Ивановичъ Платовъ, но онъ три года уже какъ былъ увезенъ фельдъегеремъ съ Дона неожиданно, и во все это время донское войско ничего не знало о своемъ любимомъ «батькѣ», живъ ли онъ и гдѣ находится, или его и въ живыхъ нѣтъ.

Сильно горевали о Платовѣ его донскіе «дѣтушки», а онъ сидѣлъ въ крѣпости, «какъ соленый огурецъ въ банкѣ съ уксусомъ, чтобы не потерялъ вкуса»¹⁾.

Когда пришла нужда въ его услугахъ, Платова вспомнили и, по собственному разсказу его, послали за нимъ въ казематъ крѣпости.

Интересна обстановка, въ которой, много лѣтъ спустя, Матвѣй Ивановичъ Платовъ разсказывалъ объ этомъ приключеніи. Это было въ 1812 году, когда казаки и Платовъ покрыли себя вѣчною славой, во время дневки на походѣ, въ день именинъ Матвѣя Ивановича.

Съ Дона любимому атаману (тогда уже графу) прислали къ именинамъ «атаманскій кусъ» — балыковъ, икры и знаменитаго шипучаго «цимлянскаго» вина. Все это было предложено командирамъ и офицерству гренадерской дивизіи, а послѣ сытнаго обѣда маститый шестидесяти-двухъ-лѣтній атаманъ началъ разсказъ о быломъ чудесномъ времени, недалеко по протекшимъ годамъ, но совершенно чуждомъ и баснословномъ для молодыхъ слушателей.

III.

Казематъ Петропавловской крѣпости, гдѣ сидѣлъ Платовъ, былъ сыръ и мраченъ; окошечко, освѣщавшее его, было высоко и величиною не больше «лаза для кошекъ», прорубаемаго въ дверяхъ амбаровъ.

денщика и обнаруженномъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г., кн. 3, говоритъ, что Платовъ былъ потребованъ въ Петербургъ изъ Костромы, тогда какъ самъ Платовъ въ своихъ разсказахъ всегда свидѣтельствовалъ, что онъ былъ потребованъ изъ крѣпости, гдѣ находился и Ермоловъ. Отмѣтивъ эту разницу, мы будемъ придерживаться разсказа, принадлежащаго Платову и дважды записаннаго въ мемуарахъ разныхъ лицъ.

¹⁾ Слова А. М. Тургенева, «Русская Старина», 1886 г., кн. 1.

Лѣтомъ въ этомъ каменномъ мѣшкѣ была холодная, пронизывающая сырость, отъ которой узникъ хворалъ жестокою горячкою, а зимой отъ печей несло такимъ чадомъ, отъ котораго глаза ѣло, «какъ отъ хрѣна». Стѣны были мокры и скользки, а по полу бѣгали крысы, не стѣсняясь, когда заключенный спалъ, прогуливаться и по его тѣлу. «Сначала мнѣ это казалось гадкимъ, а на послѣдокъ я къ этому гаду и онъ ко мнѣ, другъ къ другу, привыкли». Одеждою узнику былъ «затрапезный халатъ», и его одиночнаго заключенія никто не развлекалъ ни визитами, ни разговоромъ; сторожа у дверей были безмолвны ¹⁾).

Въ такомъ положеніи, по его словамъ, находился «батъко» донской легкой конницы, когда вспомнили о немъ и его военныхъ способностяхъ, потребовавшихся теперь для совершенія важнаго предпріятія.

Удрученный горемъ, не знавшій ни конца своему заключенію, ни ожидавшей его судьбы, сидѣлъ съ помутившейся отъ угара головою (дѣло было въ декабрѣ) Матвѣй Ивановичъ, какъ вдругъ услышалъ въ корридорѣ голоса и шаги; шумъ все приближался къ его каземату и, наконецъ, прекратился передъ его дверью; завизжали ржавые замки, загремѣлъ засовъ. Платовъ, ожидавшій всякой бѣды себѣ, вообразилъ, что идутъ за нимъ вести его на судъ или казнь, и началъ творить крестное знаменіе, благодаря Бога за окончаніе страданій.

— Благодарю тебя, Господи! Прости, отпусти мои прегрѣшенія!..

Свѣтъ нѣсколькихъ фонарей въ мрачномъ казематѣ, неожиданно появившійся, ослѣпилъ узника, на него «омракъ нашель», онъ стоялъ и крестился, тупо глядя на пришедшихъ, не узнавая никого.

— Матвѣй Ивановичъ!—услышалъ Платовъ окликъ и узналъ въ немъ голосъ коменданта крѣпости, Сергѣя Николаевича Долго-рукаго,—Матвѣй Ивановичъ! государь императоръ повелѣтъ соизволилъ, чтобы вы какъ можно скорѣе явились къ его величеству во дворець...

Какъ громомъ, поразили эти слова смущеннаго узника; онъ не понялъ ихъ сначала; ему пришло въ голову, что все это—сонное мечтаніе или наважденіе нечистаго.

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ пребываніе въ крѣпости «соузникъ» Платова Ероловъ: «Въ равелинѣ ничего не происходитъ подобнаго описываемымъ ужасамъ инквизиціи, но, конечно, многое заимствовано изъ сего благодѣтельнаго и человѣколюбиваго установленія. Спокойствіе ограждается могильною тишиною, совершеннымъ безмолвіемъ двухъ недремлющихъ сторожей, почти неразлучныхъ. Охраненіе здоровья заключается въ постоянной заботливости не обременять желудка ни лакомствомъ пищи, ни излишнимъ ея количествомъ. Жилища освѣщаются неугасаемою салною свѣчкою, опущенною въ жестяную съ водою трубку. Различный бой барабана при утренней и вечерней зарѣ служить исчисленіемъ времени; но когда бываетъ онъ не довольно внятнымъ, повѣрка производится въ корридорѣ, который освѣщенъ дневнымъ свѣтомъ и солнцемъ, незнакомыми въ преисподней» («Русскій Архивъ», 1867 г., кн. 3, стр. 370—371).

Платовъ перекрестился, перекрестилъ стоявшихъ передъ нимъ офицеровъ, они не пропали, а продолжали убѣждать его, что пришли за нимъ, чтобы вести его во дворецъ предъ очи императора.

— Аминь, аминь, разсыпся! Вы ли это, Сергѣй Николаевичъ?

— Я, Матвѣй Ивановичъ! Придите въ себя! Экъ вы засидѣлись здѣсь, что даже людей не узнаете. Собирайтесь къ государю во дворецъ...

— Подлинно вы... Да зачѣмъ же мнѣ къ государю?

— Это намъ не извѣстно, Матвѣй Ивановичъ. Собирайтесь.

— Постойте! Какъ же мнѣ явиться предъ его свѣтлыя очи, когда и грязень-то я, и свита-то на мнѣ ислѣбла, и зарось-то я волосами, какъ дѣдъ лѣсной!..

— Ничего, Матвѣй Ивановичъ, мы васъ вымоемъ, выбрѣемъ и одѣнемъ, мундиръ вашъ еще цѣлъ у насъ, и вы молодцомъ явитесь къ императору.

— Да голова у меня, князь, болитъ отъ этого проклятаго угару, ровно котель пустой... Какъ я буду съ его величествомъ говорить?..

— Провѣтритесь, Матвѣй Ивановичъ, покуда, свѣжаго воздуха хватите. Медить нельзя, вы знаете нашего государя! Собирайтесь, да и поидемте съ Богомъ. Дай вамъ, Господи, всякаго счастья! Поидемте!

Платова, потерявшаго образъ и подобіе человѣческое, повели въ канцелярію коменданта.

— Чудеса въ рѣшетѣ!—бормоталъ Платовъ,—и на что я понадобился государю?.. Коли хочетъ казнить, и казнилъ бы. Милость или судъ ожидаетъ меня? А я, видитъ Богъ, противъ родины и государя ничѣмъ не виновать...

Въ канцеляріи коменданта позвали цирульника, и тотъ живо обрилъ и остригъ Матвѣя Ивановича по формѣ, потомъ сводили въ баню, надѣли чистое бѣлье, а тамъ принесли и форму его, генераль-маіора донскаго войска. Освѣженный мытьемъ и выбритый, Платовъ одѣлся въ свою форму, причемъ она оказалась ему уже широковатою.

— Горѣлочки бы теперь, князь Сергѣй Николаевичъ, да закусить чегонибудь для храбрости, а то въ проклятомъ каменномъ мѣшкѣ всегда впроголодь сидѣлъ.

— Не моя вина, Матвѣй Ивановичъ! Сейчасъ я распоряжусь на скорую руку; фельдъегерь изъ дворца ждетъ васъ, время уже вечернее, не навлечъ бы намъ гнѣва государева...

— Да что за притча, князь Сергѣй Николаевичъ, не знаешь ли, скажи, ради Бога, зачѣмъ меня везуть къ государю во дворецъ?..

— Да вы, Матвѣй Ивановичъ, никакъ еще въ себя придти не можете отъ сидѣнья! Спрашиваете меня о томъ, что мнѣ и не должно быть извѣстно. Сидѣли вы здѣсь секретнымъ политическимъ номеромъ, а теперь развѣ мнѣ скажутъ, зачѣмъ васъ во

дворецъ требуютъ?.. Сказано: привезти во дворецъ такого-то — и шабашъ!..

Вымытый, одѣтый и причесанный, Матвѣй Ивановичъ Платовъ, подкрѣпившись «горѣлкою» и закусивъ, вышелъ, наконецъ, съ трепетомъ душевнымъ въ приемную, гдѣ ждалъ его верзила-фельдъегерь.

Недавній безыменный узникъ, Платовъ вышелъ теперь генераль-майоромъ, и фельдъегерь, вытянувшись, сдѣлалъ ему честь.

— Ну, благослови васъ Богъ, Матвѣй Ивановичъ,—сказалъ на прощанье комендантъ,—и помощи вамъ Господь не возвращаться сюда болѣе.

— Да ужъ, князь Сергѣй Николаевичъ, лучше на плаху прямо идти, чѣмъ опять къ вамъ сюда. Спасибо за пожеланье!

Фельдъегерскія сани стояли у крыльца, запряженные въ тройку; свѣжій морозный воздухъ охватилъ долго сидѣвшаго узника: онъ зашатался на крыльцѣ и, не будучи въ силахъ двинуться дальше, еле держась на ногахъ, прислонился къ стѣнѣ...

— Эхъ, ваше превосходительство, ослабѣли!—сказалъ съ собо-лѣзнованіемъ фельдъегерь,—вотъ держитесь за меня, я васъ усажу.

Поддержанный сильнымъ фельдъегеремъ, Матвѣй Ивановичъ усѣлся въ сани, тяжело дыша давно не ощущавшимся свѣжимъ воздухомъ.

— Во дворецъ! — скомандовалъ ямщику фельдъегерь, и токь встрѣчнаго свѣжаго воздуха началъ обвѣвать лицо донскаго атамана...

IV.

Въ нѣсколько минутъ перерѣзали сани фельдъегеря Неву по льду, наискось отъ крѣпости до Михайловскаго дворца; холодный вѣтеръ рѣзалъ лицо и уши проѣзжихъ, и вотъ сани остановились.

— Ваше превосходительство, пожалуйста, пріѣхали!—пробасилъ фельдъегерь, и Платовъ, съ помощью его, вылѣзъ изъ саней и вошелъ въ ворота черезъ подъемный мостъ, опущенный по оклику фельдъегеря.

Много широкихъ и освѣщенныхъ лѣстницъ прошелъ Платовъ, уже освѣженный проѣздкою; нѣсколько обширныхъ комнатъ и, наконецъ, приемная предъ кабинетомъ, гдѣ фельдъегерь сдалъ своего пассажира дежурному чиновнику и, считая свою роль оконченною, удалился.

Ошеломленный всѣмъ происшедшимъ такъ скоро и неожиданно, всталъ Платовъ въ уголокъ, мысленно молясь всѣмъ святымъ и призывая «царя Давида и всю кротость его».

Въ сношеніяхъ съ Павломъ I рѣдкій не твердилъ мысленно этой молитвы о «кротости», ибо никто не зналъ, чѣмъ кончится

аудиенція у вспылчиваго, какъ порохъ, и скорого на резолюціи государя.

Отъ охватившаго его безпокойства Платовъ не могъ даже сѣсть и, ожидая въ уголку призыва къ государю, всѣми силами старался придти въ себя, собраться съ мыслями. Нѣсколько минутъ, прошедшихъ въ этомъ томительномъ ожиданіи, показались Матвѣю Ивановичу годами, ибо онъ годы пережилъ мысленно въ это время: погарцовалъ на Дону съ любимыми дѣтушками-казаками, побывалъ съ ними въ Персіи, вспомнилъ костромскую ссылку и тюремное сидѣніе и, не зная будущаго, ожидалъ всего худшаго и даже смерти.

Но вотъ дверь, охраняемая двоими безмолвными часовыми, отворилась, вышелъ любимецъ государя графъ Кутайсовъ и пригласилъ Платова въ кабинетъ. Торопливо сотворивъ крестное знаменіе, двинулся Матвѣй Ивановичъ впередъ, навстрѣчу къ неизвѣстному и опасному.

Императоръ Павелъ стоялъ въ глубинѣ комнаты въ лентѣ мальтійскаго ордена, опершись на трость, и милостиво смотрѣлъ на входившаго казачьяго генерала. Платовъ по обычаю преклонилъ одно колѣно передъ императоромъ и облобызалъ его руку.

— Здравствуй, Матвѣй Ивановичъ,—началь государь,—очень радъ тебя видѣть!...

— «Радъ,—подумалъ Платовъ,—кабы ты былъ радъ меня видѣть, такъ не держалъ бы въ проклятомъ каменномъ мѣшкѣ съ вощаренія!... Однако, что за притча? встрѣчаетъ довольно ласково»...

Въ сторонѣ на длинномъ столѣ, освѣщенная свѣчами подъ абажуромъ, лежала развернутая географическая карта, и около нея стоялъ на вытяжкѣ въ высочайшемъ присутствіи, ожидая приказаній, «картмейстерскаго штаба» офицеръ.

— У меня до тебя большое дѣло есть, Матвѣй Ивановичъ,—продолжалъ государь, подходя къ развернутой картѣ: — подойди сюда и посмотри.

Платовъ подошелъ къ картѣ и устремилъ на нее внимательный взглядъ.

— Видишь эту дорогу на картѣ,—сказалъ Павелъ, указывая пальцемъ:—это прямой путь отъ Оренбурга до Индіи!...

Платовъ глядѣлъ на карту и, слабоватый въ географіи, видѣлъ только какую-то «длинную узенькую линеечку», а по бокамъ ея «бѣлую, какъ снѣгъ», бумагу... «Плантъ», какъ называлъ карты Матвѣй Ивановичъ, довольно неудовлетворительный, но онъ ждалъ, что будетъ дальше, и отвѣтилъ государю:

— Вижу, ваше императорское величество.

— Ты знаешь эту дорогу? она знакома тебѣ?...

Платова «какъ морозъ по кожѣ подернулъ»; дорога была ему совершенно не знакома; онъ видѣлъ ее въ первый разъ въ жизни,

какъ пройти по ней—не зналъ и хотѣлъ уже отвѣтить въ этомъ смыслѣ, но вспомнилъ хитрый донецъ, что такой отвѣтъ ничего не принесетъ ему хорошаго, а можетъ только возвратить въ казематъ Петропавловской крѣпости, и отвѣтилъ наудалую:

— Знаю, ваше величество!...

— Ты пройдешь съ казаками по этой дорогѣ въ Индію, Матвѣй Ивановичъ?—снова спросилъ государь Платова.

— Пройду, ваше величество!—отвѣтилъ Платовъ въ отчаяніи, а самъ думалъ: «а хоть къ чорту на рога, къ самому лукавому въ пекло идти, абы не въ этотъ проклятый гнилой казематъ!»...

Лицо императора прояснилось улыбкою; онъ не ошибся въ своемъ выборѣ; этотъ человѣкъ, тюремный сидѣлецъ, знаетъ эту дорогу, неизвѣстную ему и самому, и проведетъ по ней свою лихую конницу до самой Индіи, гдѣ они съ Наполеономъ натворятъ великихъ бѣдъ коварной Англїи.

— Генераль Платовъ!—торжественно произнесъ государь, отступя шагъ,—вотъ тебѣ въ награду моя табакерка съ портретомъ!

Ошеломленный Платовъ снова упалъ на колѣни, принимая осыпанную брилліантами табакерку и лобызая руку щедраго государя, а Павель I продолжалъ:

— Я всегда, Матвѣй Ивановичъ, былъ доволенъ твоею службою и любилъ награждать тебя!...

— Благодарю васъ, великій государь!—съ чувствомъ отвѣтилъ хитрый донецъ, а самъ думалъ: «да когда-жъ ты, великій государь, видѣлъ мою службу, коли съ самага начала заколотилъ меня въ ссылку и въ казематъ?... А такой награды твоей не пожелаю я и лихому татарину».

Происшествіе для Матвѣя Ивановича начинало становиться со-всѣмъ загадочнымъ и баснословнымъ: нѣсколько часовъ тому назадъ сидѣлъ онъ въ безразсвѣтной тѣмѣ каземата, съѣдаемый грязью, а теперь находится къ чертогахъ государя, награжденъ табакеркою, произведенъ въ высокое званіе, и задана ему задача, которой ни онъ, ни задающій ее хорошенько оба не понимаютъ... Отъ Оренбурга до Индіи!... Легко сказать!... Матвѣй Ивановичъ былъ человѣкъ ума не тонкаго, хотя и съ хитрецою, и эта фантазмагорія начала на него дѣйствовать мутящимъ разсудокъ образомъ.

«Не греза ли это сонная? не искушеніе ли это лукаваго? не самъ ли князь тьмы во образѣ владыки шутить надо мною грѣшнымъ и ведетъ душу мою къ гибели?» — да вспомнилъ Матвѣй Ивановичъ, что православный литой крестъ съ акаѣистомъ противъ нечистой силы: «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его!»—находится у него на шеѣ, и немного успокоился.

А грозный государь благосклонно беретъ его за руку и ласково говорить:

— Встань, Матвѣй Ивановичъ, сядь вотъ со мною и выслушай мое приказаніе словесное кое о чемъ.

Платовъ сѣлъ на диванъ рядомъ съ государемъ и приготовился слушать дальше.

— Ты поѣдешь, Матвѣй Ивановичъ, на Донъ...

— «Благодарю тебя, Господи милостивый,—подумалъ Платовъ,—хоть еще разъ увижу въ жизни мой милый тихій Донъ и своихъ дѣтушекъ-казаченекъ!»...

— Тамъ ты посадишь на-конь всѣхъ, кто только сидѣть можетъ и копье держать, и съ этимъ detaшементомъ иди ты немедленно съ Дона черезъ Уральскіе горы на Оренбургъ... Въ Оренбургѣ военный губернаторъ Бахметевъ дастъ тебѣ «языковъ» (переводчиковъ, знающихъ нарѣчія средне-азиатскихъ народовъ) и все нужное для похода. Отъ Оренбурга ты пустишься степями, мимо Хивы и Бухары, до самой Индіи. Квартирмейстерскій офицеръ будетъ отсюда командированъ въ Оренбургъ въ тотъ же день, какъ ты поѣдешь отсюда на Донъ. Съ дороги ты посылай черезъ день казака съ вѣстью въ Оренбургъ къ Бахметеву, а черезъ недѣлю разъ посылай казака съ рапортомъ прямо ко мнѣ въ Петербургъ... Понялъ, Матвѣй Ивановичъ?

— Понялъ, ваше императорское величество.

— Что ты долженъ предпринять дальше, подойдя къ границамъ Индіи, я тебѣ дамъ знать, когда ты подойдешь туда. Слышишь?

— Слышу, ваше императорское величество.

— Ну, такъ я надѣюсь на тебя, Матвѣй Ивановичъ! Мнѣ донское храброе войско издавна любезно, а тебя я всегда цѣнилъ; надѣюсь, что ты съ успѣхомъ исполнишь такое славное и трудное порученіе—и забыть мною не будешь...

— Благодарствую, великій государь,—сказалъ Платовъ, вставъ и поклонившись императору въ поясъ, причемъ коснулся по старому обычаю рукою до пола:—исполню твое повелѣніе въ точности, хотя бы пришлось и животь положить. За казаковъ своихъ тоже ручаюсь: они у меня молодцы, назадъ никогда не пятятся, полѣзутъ за мной хоть въ пѣкло!

— Ха, ха, ха! въ пѣкло!—развеселился Павелъ, вставъ:—это хорошо сказано: въ пѣкло!... у тебя совсѣмъ особенный выговоръ, Матвѣй Ивановичъ!... Въ пѣкло! ха, ха, ха!...

— Когда-жъ прикажете, ваше императорское величество, отправляться въ походъ?... Можетъ, сейчасъ или съ завтрашняго утра?...

— Нѣтъ, ты поживи здѣсь, отдохни, погости въ Петербургѣ, поразмысли хорошенько все, а черезъ три дня и на Донъ. Всѣхъ поднять—дѣло важное и къ чести Россіи служащее...

— Честь матушки Россіи и ваша, великій государь, мнѣ дороже жизни! радъ послужить вашему величеству до конца дней!—говорилъ Платовъ, кланяясь.

— Ну, такъ вотъ, Матвѣй Ивановичъ, я тебѣ въ короткихъ словахъ все сказала, подробности и всѣ распоряженія получишь завтра. Теперь прощай, Матвѣй Ивановичъ, ступай отдыхать домой, выпипись хорошенько!...

Государь милостиво протянулъ руку для поцѣлуя; Платовъ преклонилъ колѣно и, облобызавъ державную десницу, съ глубокими поклонами удалился изъ кабинета.

V.

Часовые и лакеи все такъ же недвижно стояли у своихъ дверей, когда Матвѣй Ивановичъ, ошеломленный всѣмъ происшедшимъ, проходилъ анфиладою великолѣпно убранныхъ комнатъ къ выходу.

— «Домой, отдохнуть! — думалъ Матвѣй Ивановичъ на ходу: — а гдѣ-жъ теперь у меня домъ?... Время позднее, куда я сунусь?... Не въ крѣпость же опять! Ахъ ты, грѣхъ! Были знакомые, да не знаю, гдѣ они, и дорогъ здѣсь не знаю...

— Не туда ваше превосходительство! — остановилъ его лакей, — вамъ къ выходу надобно? Вотъ пожалуйста направо, потомъ налево, тамъ прямо и опять направо...

— Да проводи ты меня, ради Бога, я вѣкъ отсюда не выберусь безъ того: въ первый разъ я здѣсь.

Лакей проводилъ Матвѣя Ивановича до широкой лѣстницы и воротился назадъ.

— «Просто, какъ во снѣ, хожу! — думалъ Платовъ, спускаясь съ лѣстницы, — крѣпость, царь, табакерка, атаманъ, походъ на Индію!... Теперь-то куда?»....

Внизу лѣстницы, въ широкомъ вестибюлѣ стояли недвижные часовые, нѣсколько лакеевъ и важный разодѣтый швейцаръ. Видя сходящаго съ лѣстницы генерала, лакеи вытянулись, швейцаръ приготовился распахнуть дверь, какъ вдругъ Платовъ обратился къ швейцару съ вопросомъ:

— А скажи мнѣ, любезный, не знаешь ли ты здѣсь какой нибудь квартиры, гдѣ бы мнѣ ночлеговать можно было?

Швейцаръ удивился: такой случай, чтобы генераль, удостоившійся аудіенціи у императора, не имѣлъ пристанища, былъ для него первый. Онъ не зналъ, что отвѣтить, и глядѣлъ на генерала во всѣ глаза, соображая... Форма казачья, никогда такого лица видать не приходилось пріѣзжающимъ, а сегодня этотъ генераль доставленъ съ фельдъегеремъ...—Эге-ге! этотъ фасонъ намъ извѣстенъ! — сообразилъ швейцаръ и спросилъ Платова:

— Вы, надо быть, пріѣзжій, ваше превосходительство?

— Да пріѣзжій, любезный, пріѣзжій.

— Экипажу вашего съ вами нѣтъ?

— Я не знаю, гдѣ мой экипажъ...—началь Матвѣй Ивановичъ и смутился... — «Что за чуха! коли-бъ былъ мой экипажъ, такъ былъ бы и верзила этотъ тутъ, онъ бы глазъ съ меня не спустилъ»...

— Видишь ли, любезный,—снова началъ Платовъ:—у меня нѣтъ экипажа... уѣхалъ онъ...

Швейцаръ и всѣ лакеи смотрѣли на путающагося въ рѣчахъ генерала странно, «какъ котъ на говядину», по словамъ самого Матвѣя Ивановича.

— Я, видишь ли, любезный, съ Дона, здѣсь у меня никого знакомыхъ нѣтъ, да и время позднее...

— Понимаемъ-съ, ваше превосходительство... Самое теперь для васъ лучшее идти въ трактиръ «Демута» и тамъ взять отдѣльный покоецъ.

— «Демута»? а гдѣ твой «Демуть»?

— Какъ, ваше превосходительство, вы и «Демута» не знаете? «Демута» у насъ старый и малый знаетъ въ Питерѣ.

— Ну, а я, видишь, не питерскій, я издалека, съ Дона! Сдѣлай милость, проводи меня къ этому «Демуту».

— Не могу я, ваше превосходительство, отлучиться, а поплю съ вами когонибудь изъ свободныхъ слугъ.

— Севастьяновъ,—обратился швейцаръ къ одному изъ лакеевъ:—пошли сюда какогонибудь истопника.

Черезъ минуту Матвѣй Ивановичъ вышелъ въ сопровожденіи истопника отъ дворца по подъемному мосту и направился по темнымъ и безмолвнымъ улицамъ, мимо бараконъ вокругъ дворца, мимо обширнаго бѣлѣвшаго снѣгомъ Царицына луга; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами; изрѣдка попадались будки, окрашенные по формѣ бѣлыми и черными полосами, и бутари спали въ нихъ, за-вернувшись въ собачьи тулупы и обнявъ длинныя аллебарды.

Матвѣй Ивановичъ кутался въ легкую шинель (такая съ нимъ осталась въ крѣпости) и шелъ, погруженный въ глубокія думы. Было отъ чего головѣ треснуть: происшествіе выходило совсѣмъ сказочнымъ; надо было собрать всѣ силы ума и души, чтобы не потеряться въ этой фантазмагоріи... Мертвое безмолвіе улицъ нарушалось только скрипомъ снѣга подъ ногами, и вдругъ въ тихомъ морозномъ воздухѣ прокатились черезъ Неву и широкую площадь Царицына луга унылые, хватающіе за сердце, звуки курантовъ крѣпостной церкви. Они точно стонали въ воздухѣ своей грустной мелодіей, и Матвѣй Ивановичъ вздрогнулъ и остановился. Слезы показались на его глазахъ.

— «Я не тамъ, я на свободѣ, я скоро ѣду на Донъ... Благодарю тебя, Господи!»—чуть не выкрикнулъ Платовъ въ умиленіи и сталъ творить крестное знаменіе и класть низкіе поклоны. Уди-

вленный истопникъ остановился и глядѣлъ на набожнаго генерала, ничего не понимая.

— Веди дальше!—приказаль Матвѣй Ивановичъ служителю. Душа его была переполнена разнородными чувствами...

VI.

Перейдя канаву, мимо царскихъ конюшенъ, свернули путники въ улицу и остановились передъ подъѣздомъ съ горящимъ фонаремъ.

— Вотъ здѣсь трактиръ «Демуть», — сказалъ истопникъ:— счастливо оставаться, ваше превосходительство.

Платовъ нашарилъ въ карманѣ кошелекъ съ деньгами (еще съ Дона остался) и заплатилъ слугѣ за проводы, а самъ позвонилъ у запертой двери.

Быль уже поздній часъ вечера, однако завѣдывавшій номерами приказчикъ еще не спалъ и пришелъ на зовъ слуги, удивляясь присутствію генерала въ такой часъ.

— Любезнѣйшій,—обратился къ нему Платовъ,—гдѣ бы мнѣ тутъ переночевать?..

— Можно-съ, ваше превосходительство, вамъ номерочекъ?

— Номерочекъ, или такъ какую каморочку, я заплачу.

— Дѣло извѣстное, что у насъ постояльцы за плату; пожалуйте, я вамъ покажу номерокъ.

Утомленный Платовъ не сталъ разсматривать отведеннаго ему помѣщенія; онъ радъ былъ добраться до мѣста; видъ чистой постели подъ пологомъ еще болѣе далъ ему почувствовать утомленіе. Онъ сѣлъ на стулъ у стола и потребовалъ себѣ чего нибудь поѣсть и горѣлочку. Слуга ушелъ исполнять приказаніе, а приказчикъ не уходилъ и мялся у двери.

— Чего тебѣ еще? Деньги? До завтра развѣ не можешь подождать? На, возьми!..

— Не деньги-съ, ваше превосходительство... а пожалуйте вашъ видъ или паспортъ, или, если проѣзжимъ дѣломъ, подорожную вашу пожалуйте...

— Нѣтъ у меня подорожной; развѣ нельзя безъ этого?

— Никакъ нельзя, ваше превосходительство! Знаете, какіе при нынѣшнемъ императорѣ порядки? Какъ васъ черезъ заставу-то пустили въ городъ безъ подорожной, коли вы пріѣзжій?! А намъ никакъ нельзя: изъ квартала строгій приказъ—доставлять бумаги пріѣзжихъ сію же минуту и безъ бумагъ не оставлять на ночлегъ никого...

— «Господи помилуй! Этого еще только не доставало! Чтожъ мнѣ теперъ дѣлать?.. Вотъ-тѣ и атаманъ всего Донскаго войска,

вотъ-тѣ и завоеватель Индіи!.. Усталую голову приклонить негдѣ!.. За безписьменность въ кварталъ могутъ стащить!»...

Такія мысли проносились въ головѣ Матвѣя Ивановича, пока онъ, огорченный рѣчью номернаго, не зналъ, что отвѣтить на это, и «сталъ въ пень», по его словамъ.

Можно бы напумѣть и прогнать надоѣднаго мужика, чтобы не мѣшалъ отдохнуть и выспаться до утра, но практичный и напуганный Матвѣй Ивановичъ сообразилъ, что это выйдетъ еще хуже и можно всерьезъ попасть на съѣзжую...— «Оно вотъ въ сибирѣ не такъ круто и жестко, какъ въ крѣпости, да все подъ карауломъ»,—думалось Платову, а ему такъ хотѣлось, наконецъ, быть на свободѣ, выспаться на хорошей постели, въ чистой комнатѣ со свѣжимъ воздухомъ...

Матвѣй Ивановичъ рѣшилъ лучше подняться на дипломатію и сталъ уговаривать номернаго:

— Послушай, любезный, я такъ усталъ, меня разбило дорогою, у меня всѣ кости и голова болятъ... Я теперь тебѣ ничего не могу сказать или вида дать: затерялся онъ у меня, что ли? Не знаю, при мнѣ нѣтъ... Да ты успокойся: я не бѣглый, я—генералъ казакскій, вотъ у меня и табакерка царская.. видишь, на ней портретъ императора... На-ка тебѣ, любезный, на горѣлочку, чтобы ты не беспокоился до завтра.

Платовъ далъ номерному серебряный рублевикъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство,—принялъ, кланяясь, рублевикъ исполнительный номерной, —одначе какъ же съ кварталомъ-то?.. очень ужъ мы обязаны...

— А плюнь ты на свой кварталъ!—вспылилъ было Платовъ, но тотчасъ перемѣнилъ тонъ:—ты вотъ что, любезный, коли ужъ такъ беспокоишься насчетъ меня, то вотъ тебѣ еще два рублевика, пошли ты когонибудь сейчасъ же на спѣхъ подѣ Невскій монастырь, въ казачьи слободы, къ землякамъ моимъ донскимъ казакамъ и веди сказать, что, молъ, Платовъ-атаманъ у тебя почуетъ и чтобы пришли утромъ со мной повидаться.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ немного успокоенный номерной, но совѣмъ оставить въ покоѣ своего страннаго постояльца еще не могъ. Въ это время слуга внесъ водку и закуски и вмѣстѣ съ этимъ подѣ мышкой большую книгу. Приказчикъ развернулъ ее передъ Матвѣемъ Ивановичемъ, обмакнулъ гусиное перо въ чернила и протянулъ къ нему.

— Это еще что за книгу живота ты принесъ? чего еще отъ меня надобно?..

— По крайности, ваше превосходительство, извольте записать вотъ здѣсь по линеечкамъ вапъ чинъ или званіе, имя, отчество, фамилію; теперь вотъ тутъ—на службѣ состоите, или въ отставкѣ

находитесь; тутъ вотъ—сколько при васъ слугъ, тутъ—откуда пріѣхали...

— «А не брякнуть ли: пріѣхалъ изъ крѣпостнаго каземата съ фельдъегеремъ?»—мелькнуло въ головѣ Платова.

— Тутъ извольте написать: по казенному ли порученію, или по своей надобности; на постоянное ли жительство, или проѣздомъ и сколько времени намѣрены пробыть въ резиденціи его величества...

Матвѣй Ивановичъ опять «сталъ въ пень»: какъ отвѣтить на большинство вопросовъ?.. Отвѣтить все правильно, какъ было, то выйдетъ такая неправдоподобная чуха, что примутъ за сумасшедшаго или проходимца и ужъ навѣрное стащатъ въ кварталъ за пачканье официальной книги арабскими сказками...

Матвѣй Ивановичъ опять взялся за дипломатію: выпилъ рюмку водки, закусилъ, взялъ съ видомъ величайшаго утомленія перо и написалъ собственноручно о чинѣ, фамиліи и о томъ, что состоитъ въ службѣ. Дальше онъ остановился, выпилъ опять и сказалъ:

— Довольно пока, любезнѣйшій, завтра я напишу остальное, а сегодня у меня голова треснуть хочетъ. Оставь ты меня въ покоѣ съ этой книгой живота и ступай себѣ спать, да и мнѣ дай отдохнуть. Завтра узнаешь все... Да не забудь, пожалуйста, послать подъ Невскій къ казакамъ сейчасъ же когонибудь. Я тебѣ за это еще заплачу... Ступай!..

Платовъ сердитымъ орломъ посмотрѣлъ въ глаза приказчику; тотъ вздохнулъ, почувствовавъ себя неловко подъ этимъ взглядомъ, забралъ свою книгу и съ поклономъ удалился изъ номера, мысленно рѣшивъ тотчасъ же послать подозрительныя показанія необычнаго постояльца въ кварталъ для очистки себя передъ полиціей.

— «Либо важная персона, либо мазурикъ!»—рѣшилъ въ своемъ умѣ номерной.

— «Ф-фу! слава тебѣ, Господи! отвязался!»—вздохнулъ, наконецъ, Платовъ и принялся за ужинъ.

Оставшійся слуга разостлалъ постель, приготовилъ все, что надо, остановился у двери, ожидая приказаній, и подозрительно поглядывалъ на пріѣзжаго генерала, у котораго нѣтъ паспорта, который о себѣ сказать ничего не можетъ, у котораго багажу нѣтъ ни нитки, слугъ ни одного даже казачка; а между тѣмъ стоитъ на столѣ, переливаясь всѣми цвѣтами радуги, брилліантовая табакерка съ портретомъ императора...

Матвѣй Ивановичъ плотно поѣлъ, хорошо выпилъ и, приказавъ все убрать и не беспокоить его больше, помолился усердно Богу, поцѣловалъ свой натѣльный крестъ и завалился послѣ всѣхъ тревоженнѣй спать богатырскимъ сномъ...

VII.

Казачьи слободки подь Невскимъ монастыремъ уже спали, послѣ пробитія зари, глубокимъ сномъ; лишь казаки-сторожа у воротъ кутались въ волчьи тулупы и дремали въ полглаза, сидя въ будочкахъ. Щедро вознагражденный приказчикъ трактира «Демута» исполнилъ просьбу своего постояльца, больше изъ боязни передь кварталомъ и для очистки себя, и послалъ подь Невскій въ ту же ночь.

Полусонный казакъ-дежурный сначала ничего не понялъ изъ объясненій посланнаго, а потомъ, услышавъ: «атаманъ Платовъ здѣсь и ждетъ васъ», схватилъ посланнаго подь руку и счелъ нужнымъ представить по начальству. Въ офицерскомъ флигелѣ еще не спали, и свѣтились огни. Вѣсть, принесенная посланнымъ, ошеломила всѣхъ неожиданностью. Онъ говорилъ объ опальномъ Платовѣ, сидящемъ въ крѣпости, какъ ходили между офицерства слухи, и слова трактирнаго слуги показались подозрительными.

Времена Павла I были полны доносами другъ на друга; самъ императоръ, не довѣрявшій окружающимъ, видѣвшій вездѣ и во всякомъ таящуюся крамолу, былъ порывисто подозрителенъ, и такимъ характеромъ государя многіе недобрые люди пользовались для низкихъ цѣлей и, вмѣсто успокоенія, еще разжигали эту подозрительность. И все государство было охвачено паникой; всякій боялся за себя и близкихъ, а нерѣдкіе примѣры неожиданной и быстрой кары поддерживали общество въ напряженномъ состояніи страха и подозрительности.

Казакамъ показались слова трактирнаго слуги ложнымъ слухомъ, подвохомъ, хитрой уловкой, чтобы подвести ихъ подь гнѣвъ императора какимъ нибудь доносомъ о ихъ неблагонадежности.

Задержавъ пока посланца у себя, они послали расторопнаго казака верхомъ съѣздить въ трактиръ и справиться объ истинѣ словъ неожиданнаго вѣстника.

И вѣрилось, и не вѣрилось. Радостно-невѣроятный слухъ съ необыкновенною быстротою разнесся по всѣмъ помѣщеніямъ; казаки просыпались отъ крѣпкаго сна, и всѣмъ донцамъ стало уже не до сна въ ожиданіи подтвержденія слуха о воскресеніи изъ мертвыхъ любимаго «батки» Платова...

Но вотъ проворный гонецъ пріѣхалъ съ вѣстями. Онъ исполнилъ порученіе, какъ слѣдуетъ: видѣлъ самъ книгу, гдѣ росписался Матвѣй Ивановичъ, а для лучшаго удостовѣренія упросилъ слугу вынести и показать ему и мундиръ атамана.

— Все, какъ есть, точно! Матвѣй Ивановичъ Платовъ тамъ спитъ и велѣлъ намъ утромъ пріѣхать повидаться съ нимъ,— подтвердилъ казакъ.

Нельзя описать радостнаго восторга, охватившаго всѣхъ донцовъ въ слободкѣ при этой вѣсти. Всѣ встали съ постелей, обнимались, поздравляли другъ друга и начали готовиться къ утру, чтобы ѣхать на свиданіе со своимъ «баткомъ». Начальство хотѣло взять небольшой отрядецъ, но казаки всѣ поголовно стали проситься для встрѣчи «батка-Платова».

Съ большимъ трудомъ удалось уговорить нѣкоторыхъ остаться дома. Въ дѣлѣ такомъ сердечномъ, какъ свиданіе съ заживо-погребеннымъ любимцемъ всего Дона, начальство не хотѣло дѣйствовать строгими приказаніями и окриками, да въ иррегулярныхъ войскахъ, создавшихся совсѣмъ иначе, какъ армія, это и не въ такомъ ходу. Тамъ начальниками были не бѣлой кости дворяне, а тѣ же простые казаки, личными достоинствами возвысившіеся надъ другими и всегда имѣвшіе нравственное вліяніе на своихъ подчиненныхъ, вѣрившихъ имъ, какъ избранникамъ «круга», ихъ святаго учрежденія. Со временемъ, когда русскіе государи стали жаловать отличившихся казаковъ землями, и когда казачьи офицерскіе чины были сравнены въ правахъ на дворянство съ чинами регулярной арміи, появился классъ казаковъ-дворянъ и землевладѣльцевъ. До этихъ поръ вся земля и угодыя были общими, а всѣ казаки равны породой, и атаманъ по окончаніи своего срока дѣлался простымъ казакомъ...

Едва забрежжило позднее зимнее утро, какъ уже донцы изготовились ѣхать встрѣчать «батка-Платова». Скоро они мелкими отрядами, приформившись, направились по петербургскимъ улицамъ къ трактиру Демута, гдѣ пребывалъ ихъ любимецъ, появившійся послѣ трехлѣтней пропажи, словно воскресшій изъ мертвыхъ. Начальство, да и всѣ казаки чуяли, что эта демонстрація, не предписанная правительствомъ, можетъ кое-кому и не понравиться и навлечь имъ непріятности, но общее сердечное влеченіе было такъ велико и непреодолимо доводами осторожности, что всѣ ѣхали съ восторгомъ, заранѣе покоряясь всякой карѣ, какой они могутъ подвергнуться.

Матвѣй Ивановичъ еще крѣпко спалъ въ номерѣ трактира, какъ на Конюшенную улицу, гдѣ помѣщался (какъ и теперь) «Демуть», начали отрядъ за отрядомъ въѣзжать донскіе казаки къ немалому удивленію не предупрежденной ни о чемъ полиціи. Они выстроивались по указанію хорунжихъ и сотниковъ противъ дома трактира въ еле брезжущемъ полусвѣтѣ зимняго утра, и скоро ряды ихъ заняли большое пространство по улицѣ. Начальство и офицеры спѣшили у подъѣзда и вошли въ трактиръ справиться, не проснулся ли генералъ Платовъ, но онъ еще спалъ, и его не стали тревожить. Удивленный приказчикъ суетился по корридорамъ, рассказывая донцамъ о вчерашнемъ появленіи казачьяго генерала невѣдомо откуда, и его рассказы слушались съ жадностью

казаками. Всѣ слуги выбѣжали за ворота посмотреть на неожиданную церемонію; никто не зналъ причины такого скопленія казаковъ. Проходившая публика останавливалась посмотреть на необычное скопленіе конныхъ казаковъ. Группа офицерскихъ лошадей въ поводу у денщиковъ стояла у подъѣзда трактира Демута, и между лошадьми замѣчался горячій вороной скакунъ, подъ великолѣпнымъ сѣдломъ, приведенный казаками для своего любимаго атамана.

Внимательный квартальный, уже освѣдомленный о прибытіи загадочнаго постояльца въ трактиръ и охваченный, какъ и номерной приказчикъ, сомнѣніями насчетъ личности ночлежника, собирався по долгу службы произвести подробное разслѣдованіе случая.

Для этого онъ рѣшилъ прежде всего допросить самого сомнительнаго атамана и уже пораньше направился къ трактиру, мечтая, что, можетъ быть, ему, для вящаго успѣха по службѣ, удастся прихлопнуть очень интереснаго затѣйника, рядящагося въ генеральскіе мундиры и не имѣющаго документовъ.

— «Что такое за атаманъ донской, о которомъ ни въ одномъ кварталѣ никогда слыхано не было? И въ заставы не проѣзжалъ, а ночью на ночлегъ явился... Самозванецъ, должно быть, явный»...

Обо всемъ этомъ исполнительный квартальный навелъ справки и шелъ на уловленіе, гордо надвинувъ треуголку на правое ухо и бросая по сторонамъ строгіе взгляды.

Но каково же было его удивленіе, когда, подойдя къ Конюшенной улицѣ, онъ замѣтилъ сначала скопленіе народа, а, протолкавшись сквозь толпу, увидѣлъ стройные ряды донскихъ казаковъ, стоявшихъ противъ трактира Демута.

Мысль о самозванствѣ, на которомъ квартальный строилъ все свое слѣдствіе, начала казаться ему несостоятельною, но, всетаки, о такой церемоніи ему по полиціи ничего не было извѣстно.

Квартальный вошелъ въ подъѣздъ трактира Демута.

— Проснулись! — доложилъ номерной ожидавшимъ донцамъ, слышавъ въ номерѣ Платова громкіе зѣвки хорошо выспавшагося человѣка: — я сейчасъ доложу о васъ!...

— Послушай! — обратился въ это время квартальный къ номерному: — что у васъ тутъ такое происходитъ?

— Не могу знать-съ, ваше благородіе! Кажись, донской генераль изволятъ ночевать здѣсь и велѣли вчера послать вотъ за ними-съ, — указалъ номерной на казаковъ.

— Человѣкъ! — послышался изъ номера зычный голосъ Платова, и номерной стремглавъ бросился на зовъ.

Квартальный не зналъ, что предпринять, но, увидя среди ожидавшихъ чины выше своего, заблагоразсудилъ почтительно пождать, что будетъ дальше...

— «Наше отъ насъ не уйдетъ»,—рѣшилъ онъ и всталъ въ уголку, прижавъ шпагу лѣвой рукой къ ногъ.

— Ихъ превосходительство просятъ господь казаковъ къ себѣ,— доложилъ номерной донцамъ, и всѣ гурьбой устремились въ корридоръ; сзади всѣхъ пошелъ и квартальный, крайне заинтересованный происшествіемъ.

Дверь номера отворилась; полковникъ, бывший съ Платовымъ въ персидскомъ походѣ и находившійся впереди всѣхъ, увидѣлъ среди комнаты его, самого «батъка Платова», но какъ измѣнились его черты... Онъ постарѣлъ, похудѣлъ, облысѣлъ, и его рѣдкіе кудри еще болѣе подернулись сѣдиною. Но это былъ онъ и даже въ томъ самомъ мундирѣ, въ которомъ онъ сломалъ персидскій походъ...

— Батъко нашъ! Матвѣй Иванычъ!—воскликнулъ полковникъ, бросаясь въ объятія любимаго атамана.

— Дѣтушки мои родные!—прошепталъ со слезами на глазахъ обрадованный Матвѣй Ивановичъ, крѣпко обнимая и цѣлуя своихъ донцевъ: — наконецъ-то Господь милостивый привелъ свидѣться съ вами! Думалъ, что ужъ и свѣту Божьяго не увижу въ проклятой дырѣ! Здоровеньки будьте, дѣтушки!..

— Здоровъ будь, батъко! Откуда ты? А мы по тебѣ ужъ панихиды служить хотѣли!.. Родной ты нашъ!..

— Не спрашивайте теперь, дѣтушки, послѣ все расскажу по ряду!.. Видѣлъ вчера пресвѣтлый ликъ императора и милость его многуу получилъ... Вотъ табакерка его...

— Батъко ты нашъ! Вина сюда!—послышались голоса.

— Проснулся! Всталъ! Вино пьютъ для встрѣчи!—переносились вѣсти въ ряды выстроенныхъ казаковъ, и ряды волновались; казаки глядѣли въ окна трактира, желая увидѣть Платова гдѣ нибудь...

Но вотъ дрогнула группа народа у подъѣзда; зашевелились денщики; обезпокоенные кони начали перебирать ногами...

— Идетъ, идетъ!—пронеслось по рядамъ казаковъ.

Посторонніе зрители стѣснились, задніе лѣзли на переднихъ, вытягивали шеи, чтобы разсмотрѣть что нибудь.

Изъ подъѣзда показалась группа донцевъ и между ними одинъ пожилой, съ сѣдыми кудрями.

— Онъ!.. батъко нашъ, Платовъ!—гудѣли казаки.

Группа офицеровъ съ атаманомъ живо вскочили на коней, и изъ всѣхъ орломъ выдѣлился впередъ онъ и, давъ нагайку коню, лихо подскакалъ къ правому флангу.

— Здоровы будьте, дѣтушки!—гаркнулъ онъ, мчась вдоль по рядамъ въ сопровожденіи своей свиты.

— Здоровъ будь, батъко нашъ!—загремѣли казаки по всѣмъ рядамъ. Всѣ впивались глазами въ лицо любимаго вождя. Моло-

дые, не видѣвшіе еще Платова, были уже наслышаны о немъ, и всѣ съ равной любовію и почтеніемъ смотрѣли на это простое, всѣмъ родное лицо своего «батъка»-атамана.

Радостные и мощные крики перекатывались изъ края въ край по рядамъ, пока объѣзжалъ ихъ Платовъ, и всѣ посторонніе зрители удивлялись этому зрѣлищу.

Квартальный, стоя въ подѣздѣ трактира, не зналъ, что и подумать, и уже составлялъ въ головѣ донесеніе по начальству, но на него никто не обращалъ вниманія.

Поздоровавшись съ казаками, Платовъ скомандовалъ имъ, и всѣ стройно завернули съ Конюшенной на Невскій, направляясь домой, подъ предводительствомъ группы офицеровъ, среди которой ѣхалъ радостный и вольной грудью дышавшій Матвѣй Ивановичъ Платовъ, снова попавшій въ родную любимую среду.

VIII.

Ровно три дня, какъ приказалъ императоръ Павелъ Петровичъ, Платовъ провелъ въ Петербургѣ въ казачьихъ слободахъ подъ Невскимъ монастыремъ, изготовляясь къ походу сначала на Донъ, а затѣмъ черезъ средне-азиатскія степи до пресловутой Индіи.

Разсказалъ онъ въ это время своимъ дѣтушкамъ-донцамъ всѣ свои злоключенія втеченіе трехъ лѣтъ и о своемъ чудесномъ и неожиданномъ избавленіи. Казаки шумно радовались возвращенію, или вѣрнѣе находкѣ, своего походнаго атамана.

На Донъ, къ войсковому атану Орлову¹⁾, полетѣли предписанія императора, посланъ квартирмейстерскій офицеръ и всѣ нужныя распоряженія.

Происшествіе со встрѣчей Платова не имѣло никакихъ худыхъ послѣдствій. Можетъ быть, оно осталось неизвѣстно императору Павлу, можетъ быть, онъ не нашелъ въ этомъ ничего худаго, а, можетъ быть, въ такую нужную для него минуту онъ не хотѣлъ ссориться съ предводителемъ легкой конницы.

Черезъ три дня Матвѣй Ивановичъ Платовъ умчался на Донъ собирать казаковъ для похода.

1801 года, 12-го января, императоръ Павелъ именнымъ указомъ повелѣлъ «собрать все донское войско на сборныя мѣста». Въ это время прибылъ на Донъ походный атаманъ Платовъ, и данъ былъ приказъ войсковаго атамана (еще Орлова), «чтобы всѣ наличные оберъ-офицеры и нижніе чины непременно въ шесть дней выступили о двухъ коняхъ и съ полутора-мѣсячнымъ провіантомъ»²⁾.

¹⁾ Уже въ слѣдующемъ 1801 году М. И. Платовъ былъ назначенъ вмѣсто Орлова войсковымъ атаномъ (и пробылъ въ этой должности до смерти въ 1818 году), но до похода на Индію или послѣ?

²⁾ Красновъ, Матеріалы для географіи и статистики земли войска Дон-

«Потребное число денег требовалось заимообразно отъ государственнаго казначея, кои должны быть возвращены генераломъ-отъ-кавалеріи Орловымъ (атаманомъ) изъ добычи той экспедиціи» (!).

Повелѣніе императора о немедленномъ выступленіи всего войска въ дальній походъ исполнялось въ точности и энергично, но хитрые донцы, не ожидая большой благостыни отъ такого смѣлаго похода, постарались свалить денежные расходы на государственное казначейство, туманно обѣщая возвращеніе ихъ изъ будущей добычи, которой могло и не быть.

Всѣхъ казаковъ собралось къ походу на сборное мѣсто двадцать семь тысячъ пятьсотъ семь человекъ; изъ нихъ составились сорокъ одинъ полкъ и двѣ роты конной артиллеріи. Часть казаковъ была отряжена еще на кавказскую границу.

Послѣ торжественной литургіи въ городѣ Черкасскѣ¹⁾, столицѣ Донскаго войска, отслужили въ походной церкви, среди площади, напутственный молебенъ, и казаки весело тронулись въ далекій и неизвѣстный путь, надѣясь на милосердіе Божіе и молитвы святыхъ угодниковъ. Огромные обозы съ провіантомъ и фуражемъ сопровождали этотъ двуконный походъ казаковъ до далекаго Оренбурга.

Пока шли въ предѣлахъ своихъ станицъ и городовъ, казаки весело распѣвали пѣсни; одушевленіе ни на минуту не покидало ихъ и дальше, въ Саратовской, Астраханской губерніяхъ и въ землѣ войска Уральскаго; стужа зимняго похода нисколько не смущала закаленныхъ въ лишенияхъ казаковъ, и пѣсни ихъ, гдѣ воспѣвался тихій Донъ и цвѣтуція виноградомъ станицы, раздавались во все время похода...

Совершалось необычайное дѣло: по слову всемогущаго императора двинулись въ необозримыя снѣжныя степи отборныя войска Русской земли въ походъ, имѣющій цѣлью достиженіе такихъ странъ, пути къ которымъ не прошло еще ни одно войско, а прежнія попытки терпѣли грустную неудачу. Примѣры подобныхъ походовъ считаются во всемірной исторіи единицами, и каждый изъ нихъ стяжалъ ихъ предводителю и войскамъ безсмертную славу.

И вождемъ такого знаменитаго похода былъ выбранъ тюремный сидѣлецъ, извлеченный изъ мрака каземата, и беззавѣтная преданность родной землѣ повела эти тысячи народа въ безвѣстный путь, гдѣ въ девяти случаяхъ изъ десяти ждала ихъ вѣрная смерть.

скаго; Филоновъ, Оренбургскій походъ, см. «Донскія Войсковыя Вѣдомости».

¹⁾ Теперь онъ называется «Старочеркасскъ» и представляетъ лишь жалкіе остатки былаго богатства жителей. Волею атамана Платова, но противъ желанія жителей, областной городъ былъ перенесенъ на другое мѣсто (нынѣшній «Новочеркасскъ») въ 1804—1805 годахъ. До 1837 года казаки, все еще не любя новаго мѣста, надѣялись на переносъ города, но императоръ Николай приказалъ «остаться здѣсь».

Въ Оренбургѣ наши молодцы узнали побольше о томъ, что придется имъ вытерпѣть въ средне-азиатскихъ степяхъ зимой, и вздохнули, но бодрости духа не теряли. Надо было изготавиться къ зимнему степному походу: весь обозъ переложить во вьюкахъ на верблюдовъ вмѣсто саней и телѣгъ, застаться особенно теплымъ платьемъ, топливомъ и палатками-юлламами. Цѣлая орда киргизъ-кайсаковъ присоединена была къ войскамъ для ухода за тысячами верблюдовъ, несшихъ провіантъ для людей, фуражъ для лошадей, дрова, палатки и все имущество отряда. Сами верблюды должны были питаться, когда отрядъ останавливался на отдыхъ, и для этого ихъ угоняли иногда за нѣсколько верстъ на мѣста, гдѣ верблюды могли найти подъ снѣгомъ скудную растительность. Такая кормежка называлась «тебеневкою» и была очень скудна, отчего верблюды спалили съ тѣла, заболѣвали, ослабѣвали и, наконецъ, измученные падали подъ вьюками, чтобы уже больше не встать...

Какъ огромная орда, втянулись казаки въ безграничныя, покрытыя снѣгомъ пустыни и пропали въ нихъ, словно маленькая кучка людей, подавленные необозримыми разстилавшимися кругомъ пространствами. Пошли морозы и вьюги; пѣсни попрязамолкли, потому что иногда усы примерзали къ бородѣ, а дыханіе падало прямо на грудь снѣгомъ.

На ночевкахъ и отдыхахъ палатки-«юлламейки» отаплились хворостомъ, иногда просто верблюжьимъ навозомъ, а люди спали въ нихъ, закутанные въ семь шкуръ. Къ трудностямъ похода присоединились и непріятности съ татарвой: киргизъ-кайсаки бѣгали и уводили съ собой верблюдовъ; съ пойманными казаки, на страхъ другимъ, поступали круто: при всѣхъ безъ дальнѣйшаго суда разстрѣливали.

Бодрились казаки на походѣ, но на душѣ начинали кошки скрести, и, всегда веселые и находчивые, они иногда впадали въ грустную и глубокую задумчивость.

Они шли уже недѣлю и другую, и третью, все углубляясь въ необозримыя степи, перешли рѣки Илекъ и Эмбу и очутились въ глухой азиатчинѣ, а цѣль ихъ похода была еще страшно, почти недостижимо далека...

Въ войскѣ начались болѣзни; верблюды, лошади падали; между людьми развилась цынга, простудныя болѣзни; многіе замерзали...

Въ теплый и безъвьюжный день родныя пѣсни, которыя-таки не замерли совсѣмъ и въ азиатскихъ степяхъ, а въ праздничные дни богослуженіе іеромонаха въ раскидной шелковой походной церкви, среди обширнаго круга казаковъ, развлекали нашихъ беззавѣтно-храбрыхъ молодцовъ въ ихъ лихой бѣдѣ.

По мѣрѣ углубленія въ азиатскія степи среди всевозможныхъ лишеній, «деташементъ» казаковъ таялъ, уменьшался и людьми, и лошадьми, и вьючными верблюдами, а цѣль была страшно далека...

IX.

Походъ начался въ половинѣ января 1801 года; въ это время казаки выступили «о дву-конь» изъ Черкаска до Оренбурга.

Если считать, что въ февралѣ они выступили въ настоящій степной походъ, то прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ они все углублялись и углублялись въ средне-азиатскія степи, приближаясь къ Хивѣ и Бухарѣ.

Приходило Матвѣю Ивановичу Платову въ голову, что государь, вѣря навѣтамъ его недоброжелателей, захотѣлъ наказать его еще трудной прогулкой по степямъ, но потомъ воротить же назадъ; однако это не сбывалось, вѣстникъ возвращенія не появлялся на горизонтѣ безграничныхъ снѣжныхъ степей.

Гонцы, которыхъ онъ по приказу императора посылалъ съ пути черезъ день въ Оренбургъ, а черезъ недѣлю къ самому государю въ Петербургъ, еще ни одинъ къ нему не возвращался ни съ какими дальнѣйшими инструкціями. Была у него въ рукахъ карта, копія той, что онъ видѣлъ у государя на столѣ, но эта карта ничего ему не говорила, потому что и картографія-то Средней Азій была въ то время крайне мало изслѣдована и еще хуже нанесена на планъ.

А ужасы сверхъестественнаго похода все увеличивались по мѣрѣ углубленія въ степи: начали появляться развѣдочныя партіи киргизовъ, чтобы напасть на русскій отрядъ, движеніе котораго въ степь вызывало подозрѣнія азіатовъ. Это держало казаковъ на чекѣ и увеличивало неудобства зимняго похода по необитаемой степи.

Смертность въ людяхъ и животныхъ увеличивалась; между казаками начался ропотъ, сначала глухой, когда казаки далеко отъ глазъ начальства жаловались другъ другу на злую судьбу, постигшую ихъ, а потомъ эти жалобы стали предъявляться и начальству, сначала низшему—хорунжимъ и сотникамъ.

Беззавѣтно преданный родинѣ и престолу казакъ не хотѣлъ бунтовать и сопротивляться распоряженіямъ, исходящимъ свыше, тѣмъ болѣе, когда ведетъ его такой любимый и испытанный въ походахъ начальникъ, какъ «батько» Платовъ, но, всетаки, ужасная дѣйствительность и видимая недостижимость конечной цѣли убѣждала его, что этотъ походъ будетъ для всѣхъ вѣрной гибелью безъ малѣйшей пользы для родины. Провіантъ и фуражъ, не смотря на донельзя уменьшенныя дачи, истощался, и полуторамѣсячнаго запаса его не хватало и на половину предположеннаго пути.

Другое дѣло, если бы казаки шли мѣстами населенными: тамъ казакъ и конь его никогда не останутся голодными, но въ покрытой снѣгомъ безграничной степи вся изворотливость казака была ему бесполезна.

Ропоть поднялся выше: полковники и старшины, видя конечную гибель людей и лошадей, которыхъ уже начали бить на прокормленіе себя, стали заговаривать съ походнымъ атаманомъ весьма нерадостно о послѣдствіяхъ похода.

— И самъ я, братики, думаю объ этомъ,—отвѣчалъ имъ Платовъ:—и вотъ какъ думаю, ажъ голова чуть не треснетъ, да что-жъ подѣлаешь, коли на то есть высочайшая воля? Пойдемте, братики, впередъ, авось дойдемъ куда надо...

Но дойти, въ концѣ концовъ, до Индіи не представлялось никакой возможности; дальнѣйшее движеніе впередъ было явнымъ путемъ къ конечной гибели всего отряда до послѣдняго человѣка. Это сознавали всѣ, и атаманъ Платовъ лучше всѣхъ.

Путь слѣдованія отряда отмѣчался палыми по сторонамъ верблюдами и лошадьми; іеромонахъ чуть не каждый день отпѣвалъ умершихъ казаковъ, а товарищи вырубали мерзлую землю и со слезами хоронили ихъ на чужой сторонѣ, въ незнаемой азіатчинѣ.

Наконецъ, терпѣніе у всѣхъ лопнуло.

— Батько!—взмолилося войско,—куда ты ведешь насъ? на вѣрную смерть? Вѣдь всѣмъ тутъ кости положить, а не дойти!

— И я, дѣтушки, съ вами костями лягу здѣсь! Видно, такова судьба наша!

— Веди насъ назадъ! Хоть половина изъ насъ останется да увидить свои станицы.

— Не увидимъ, дѣтушки, мы нашихъ станицъ! Воротимся мы вопреки царскому указу, самовольно, откажемся отъ военной службы, а насъ похваляютъ всѣхъ да по тюрьмамъ да острогамъ разсажаютъ, а меня съ полковниками такъ и просто разстрѣляютъ, какъ измѣнниковъ.

— А и впередъ идти—всѣмъ изгибнуть!

— А и назадъ пойти—смерть и казнь принять!...

Х.

Наступилъ уже мартъ мѣсяць 1801 года; холода стояли жестокіе; бѣдствія похода увеличивались.

Въ войскѣ общее недовольство стало проявляться открыто; казаки отказывались идти впередъ, и многихъ усилій стоило атаману Платову сдерживать ихъ отъ самовольнаго возвращенія назадъ.

Скоро и его авторитетъ сталъ дѣлаться слабымъ: «батько-Платовъ», прежде столь любимый, началъ казаться имъ врагомъ, ведущимъ ихъ на вѣрную гибель безъ всякой пользы, и уже начали поговаривать объ измѣнѣ и, если не о возвращеніи назадъ, то о томъ, чтобы передаться совсѣмъ туркамъ, какъ сдѣлали это казаки-некрасовцы, до сихъ поръ мирно живущіе въ Турціи, убѣжавъ отъ религіозныхъ притѣсненій.

Скверно чувствовалъ себя Матвѣй Ивановичъ Платовъ, видя, въ какое безвыходное положеніе попалъ онъ и любимые его дѣтушки-донцы.

Онъ колебался между самыми мучительными мыслями, и его сѣдая и облысѣвшая въ крѣпости голова подолгу была склонена на грудь въ тяжкихъ думахъ.

Наконецъ невыносимое, напряженное состояніе войска разрѣшилось открытымъ сопротивленіемъ; къ казакамъ пристали и всѣ начальники, полковники, эсаулы и сотники.

— Не пойдемъ, батъко, впередъ! Что хочешь съ нами дѣлай, не пойдемъ! Не сласть намъ погибать безвѣстно въ азіатчинѣ! — кричало все войско.

— Какой же я вамъ батъко, коли вы меня не хотите слушаться? Считайте меня «аманатомъ»¹⁾ вашимъ, а не атаманомъ походнымъ, коли мнѣ перестали повиноваться!

Тутъ выступилъ старый сѣдой эсаулъ, побывавшій съ Платовымъ во всѣхъ походахъ, и началъ рѣчь.

— Не считаемъ мы тебя, батъко, аманатомъ, и ты вѣдаешь нашу великую «охоту»²⁾ и къ родинѣ нашей, и къ престолу, и къ тебѣ, батъко. Однако, зачѣмъ же намъ принимать напрасный «проминашъ»³⁾ и «ходатайствовать»⁴⁾ безъ толку по степи? Въ войскѣ подымается большая «публика»⁵⁾, каждый казакъ считаетъ этотъ походъ за «побѣду»⁶⁾ всему войску, потому что приходится всѣмъ «рѣшиться»⁷⁾! Ты посмотри, батъко, сколько народу рѣшилось, а изъ тѣхъ, что остались, половина «вредныхъ»⁸⁾ ходатайствуетъ. Всю «домашность»⁹⁾ и «экипажъ»¹⁰⁾ растеряли, не глядя, что казаки издавна народъ «развратный»¹¹⁾ и ни къ какой «марали»¹²⁾ не причислены. Не прими, батъко, наши слова за «коммерцію»¹³⁾, никакого «качества»¹⁴⁾ мы не имѣемъ противъ Бога, царя и тебя, и народъ мы не совсѣмъ «натуральный»¹⁵⁾,

1) «Аманатомъ» — обманщикомъ.

2) «Охота» — любовь.

3) «Проминашъ» — трудъ.

4) «Ходатайствовать» — ходить.

5) «Публика» — шумъ.

6) «Побѣда» — обманъ.

7) «Рѣшиться» — умереть. Сборникъ словъ, усвоенныхъ донскими казаками съ особымъ значеніемъ. Красновъ, «Статистическое описаніе земли войска Донскаго», стр. 417.

8) «Вредный» — поврежденный въ здоровьѣ.

9) «Домашность» — имущество.

10) «Экипажъ» — мелкія вещи.

11) «Развратный» — расторопный.

12) «Маральный» — замаранный.

13) «Коммерція» — дурное поведеніе.

14) «Качество» — мошенничество.

15) «Натуральный» — грубый.

однако между народомъ пошла большая «республика» ¹⁾, и вотъ тебѣ наша «раздѣлюція» ²⁾: не идемъ на эту проклятую Индію, а повернемъ въ сторону и передадимся турецкому султану, коли на родинѣ насъ тюрьма, острогъ да разстрѣль ожидаютъ.

— Самъ я вижу, милые мои дѣтушки, «источные» ³⁾ казаки, что попали мы съ этимъ походомъ, какъ «сазаны» ⁴⁾ да «чекомасы» ⁵⁾ въ «илымъ» ⁶⁾, однако не можете вы и меня «диктовать» ⁷⁾, какъ «аманата»: я въ равной долѣ съ вами нахожусь, потому что въ одной съ вами «цербѣ» ⁸⁾ кидѣтъ мнѣ приходится... Жалко мнѣ васъ, да и себя жалко, дѣтушки. Думалъ я, думалъ, ажъ голова чуть не треснула... Дайте мнѣ еще подумать до завтра, а завтра поутру отслужимъ Богу молебствіе, и я скажу вамъ свое рѣшеніе, какое надумаю... Коли не понравится оно вамъ, тогда дѣлайте со мною, что хотите: не батько я больше вамъ и не атаманъ буду... Такъ-то, дѣтушки и братики, перестоймъ здѣсь до завтра, а завтра и «раздѣлюцію» свою сдѣлаемъ...

Сказалъ это твердымъ и яснымъ голосомъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, поклонился войску казачьему и ушелъ въ свою юлламу-палатку.

Бурнымъ кипящимъ моремъ зашумѣло войско донское, услышавъ такія слова атамана, и, обсуждая его рѣшеніе, разошлось по юлламейкамъ.

— Долго ждали и терпѣли, осталось ждать только ночь одну, переждемъ, — рѣшили казаки: — а тамъ наша воля, сдѣлаемъ, что хотимъ...

Тревожно заснулъ казачій станъ въ эту ночь; уложенные на подстилку послѣдніе измученные верблюды жалобно стонали...

XI.

Пока такъ мучился первый «деташементъ» легкой русской конницы въ степяхъ Средней Азіи, посланный геніальной мыслью Наполеона и скорымъ распоряженіемъ императора Павла, первый консулъ Франціи ничего еще не предпринималъ для завоеванія Индіи. Наполеонъ самъ, оставивъ свою побѣдоносную армію въ Египтѣ, возвратился во Францію, а въ это время турки съ англичанами разбили французовъ, и изгнанныхъ изъ Египта англичане на своихъ карабляхъ доставили во Францію.

¹⁾ «Республика» — безпорядокъ.

²⁾ «Раздѣлюція» — рѣшеніе, резолюція. Тамъ же.

³⁾ «Источные» — искусные.

⁴⁾ «Сазанъ» — карпъ.

⁵⁾ «Чекомасъ» — окунь.

⁶⁾ «Илымъ» — неводъ.

⁷⁾ «Диктовать» — поносить, ругать.

⁸⁾ «Церба» — уха. Тамъ же.

Побѣдоносное шествіе на Индію еще не предпринималось первымъ консуломъ и будущимъ императоромъ Франціи, а между тѣмъ уже первые піонеры геніальнаго плана, посланные въ степи, изгибали, «рѣшались» отъ стужи и лишній безъ надежды дойти до цѣли и наконецъ совсѣмъ остановились, рѣшившись идти назадъ...

Морозная ярковѣдная ночь подходила къ концу; атаманъ Платовъ только забылся тяжелымъ сномъ, всю ночь проворочавшись въ мучительныхъ думкахъ на кошмѣ, какъ вдругъ караульные казаки замѣтили запоздалаго всадника, закутаннаго и промерзшаго, поспѣшавшаго къ мѣсту ихъ остановки.

— По высочайшему повелѣнію, къ атаману Платову, съ рескриптомъ! — отвѣчалъ посланецъ на оклики и опросы дозорныхъ казаковъ и былъ немедленно препровожденъ къ юлламѣ походнаго атамана.

— Въ чемъ дѣло? Что такое? Съ чѣмъ пріѣхалъ? — допытывались дозорные казаки у посланца, но тотъ, замерзшій и оковенѣвшій, могъ только отвѣчать:

— Не знаю! шестеро насъ послано въ догонку изъ Оренбурга съ пакетами за вами...

— Ваше превосходительство! — окликнулъ денщикъ Платова, влетая подъ кошму юлламы и пропуская туда же измученнаго посланца, — ваше превосходительство, проснитесь, отъ государя императора бумага пришла!

Забывшійся тревожнымъ сномъ Матвѣй Ивановичъ въ испугѣ вскочилъ съ кошмы и схватился было за пистолеты и саблю, но денщикъ выскѣкъ огнемъ изъ кремня искры, зажегъ и раздулъ сухой труть, а отъ него восковую свѣчку.

— Обогрѣться, ради Бога, — говорилъ полузамерзшій гонецъ, и тотчасъ же ему былъ поднесенъ стаканъ крѣпкаго вина, а подъ таганчикомъ былъ разведенъ огонекъ.

Съ лихорадочной поспѣшностью былъ вскрытъ большой пакетъ, привезенный гонцомъ, и при свѣтѣ свѣчи внимательно прочитанъ.

— Возможно ли это?.. Благодарю тебя, Господи! — воскликнулъ внѣ себя отъ радости Матвѣй Ивановичъ и упалъ со слезами на колѣни передъ маленькимъ литымъ образомъ, повѣшеннымъ въ юлламѣ.

— Павелъ Петровичъ умре и императоръ Александръ Павловичъ предписываетъ намъ возвратиться домой!.. Давно пора было приказать это!.. Вина сюда! Жарь баранину на огнѣ! — приказалъ на радостяхъ Платовъ денщику, чтобы обогрѣть и угостить радостнаго вѣстника...

Обширный лагерь глубоко спалъ; всѣ, плотно забившись въ юлламейки и закутавшись, спасались отъ холода.

Рано утромъ, едва забрезжилъ свѣтъ, трескъ и грохотъ бара-

бановъ по всему лагерю заставилъ всѣхъ выльзти изъ теплыхъ юламеекъ, а около атаманской палатки уже раскидывали походную церковь, куда и стекались казаки, горя нетерпѣніемъ узнать, на чемъ наконецъ порѣшилъ ихъ атаманъ.

Вѣсть о пріѣздѣ посланца изъ Оренбурга уже разнеслась по всему лагерю, но вѣрнаго никто ничего не зналъ, и всѣ съ любопытствомъ толпились большимъ кругомъ около церкви и атаманской юламы, дѣлая всевозможныя догадки.

Въ юламѣ атамана собрались уже всѣ начальники, и казаки ждали ихъ выхода.

Вотъ откинулась кошма юламы, вышелъ іеромонахъ; полковники, эсаулы и сотники послѣдовали за нимъ, а наконецъ появился и самъ «батько» Платовъ въ парчевомъ кафтанѣ съ золотыми «площами» (пуговицами) и тканымъ шелковымъ поясомъ. Поверхъ кафтана была надѣта черкеска тонкаго сукна, обшитая позументомъ, съ откидными рукавами и «закавражьями» (обплатами). Въ красные сафьянные сапоги татарскаго покроя были заправлены широкіе шаровары. На головѣ его была соболья шапка съ краснымъ бархатнымъ верхомъ, а на плечи была накинута соболья шуба, опушенная бобримъ.

Казаки загудѣли и заволновались, увидя своего атамана въ такомъ парадномъ нарядѣ.

— Поздравляю, дѣтушки, съ походомъ домой!—громко произнесъ Матвѣй Ивановичъ, и весь лагерь загудѣлъ криками «ура»; шапки полетѣли вверхъ.

Войсковой писарь, выступивъ на средину, прочелъ высочайшій указъ новаго императора, и снова громогласное «ура» далеко огласило азіатскую степь.

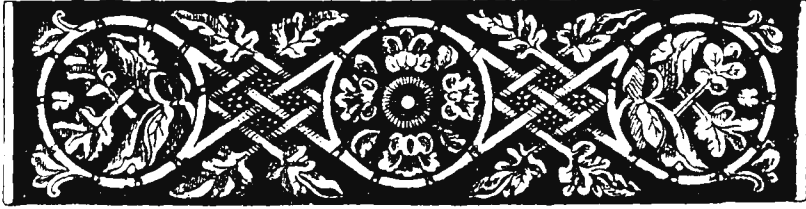
Торжественно началась Божественная служба; усердно, со слезами радости на глазахъ молилось казачество и было приведено къ присягѣ новому императору.

Загремѣли послѣ многолѣтія пушки и ружья; радостные казаки поздравляли другъ друга; пошелъ пиръ горой, и въ тотъ же день спѣшнымъ маршемъ повернули казаки назадъ, домой...

Снова раздались пѣсни; больные подбодрились; обратный походъ былъ быстръ и радостенъ...

Такъ кончился легендарный походъ атамана Платова на Индію. Индія осталась въ рукахъ англичанъ, зато и англичане такъ были рады кончинѣ Павла I, что въ Петербургѣ на другой день послѣ этого событія выносили за ворота своихъ домовъ цѣлыя карзины вина и угощали всѣхъ проходящихъ, поздравляя съ воцареніемъ Александра Павловича...

А. В. Арсеньевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ В. Н. ПОГОЖЕВА ¹⁾.

XIX.

Пріѣздъ въ Гатчино.—Петербургскіе визиты.—Таможенныя и другія мытарства.—Отѣздъ въ деревню.—Экспромтъ П. А. Катенина, въ музыкальномъ альбомѣ моихъ дочерей.—Именинный обѣдъ.—Отзывы печати и возобновившіяся мечты.—Возвращеніе въ Петербургъ.

МЫ ВЕРНУЛИСЬ въ Россію, и въ Гатчинѣ у брата Петра Николаевича прогостили нѣсколько дней, но нигдѣ не были, кромѣ архитектора Байкова, который особенно усердно приглашалъ меня пріѣхать къ нему съ дочерьми. Но едва вторая дочь моя, Наталья, начала играть на фортепіано сонату Бетховена, какъ дочери архитектора и жена моего брата начали громкій и жаркій разговоръ о платьяхъ и прочихъ нарядахъ. Старшая моя дочь, Вѣра, не стала вовсе играть, но дочь хозяина спѣла нѣсколько романсовъ, и мы отправились домой. Вотъ первый дебютъ моихъ дочерей по возвращеніи изъ-за границы въ Россію! На другой день жена архитектора съ дочерьми пріѣзжала къ женѣ моего брата и, чтобъ уязвить меня за неодобреніе ихъ инструмента, сказала:

— У насъ былъ сегодня одинъ кирасирскій офицеръ; онъ отлично играетъ на фортепіанахъ и очень хвалилъ наши фортепіаны.

Деньги у меня почти всѣ вышли, но, получивъ отъ матушки моей 100 рублей ассигнаціями, я надѣялся прожить ими въ Пе-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 662.

тербургѣ нѣсколько времени. Сестра жены моего брата, вдова Елизавета Алексѣевна Степанова, женщина добрая и умная, пригласила моихъ дочерей гостить къ себѣ, а я на Пескахъ, близъ ихъ квартиры, нанялъ себѣ небольшую квартиру. Я много обязанъ г-жѣ Степановой и двумъ ея любезнымъ дочерямъ за радушное, дружелюбное вниманіе.

Еще изъ Лейпцига писалъ я къ графу Матвѣю Юрьевичу Віельгорскому, извѣстному любителю музыки и покровителю артистовъ, прося его покровительства моимъ дочерямъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что «въ настоящее время итальянская опера убила всѣ концерты, и что даже извѣстный скрипачъ Эрнстъ въ Петербургѣ въ первые свои концерты не имѣлъ выгодъ и едва только черезъ мѣсяць могъ что нибудь сдѣлать. Петербургъ любитъ знаменитости, и надобно быть Листомъ или Берліозомъ, чтобъ имѣть успѣхъ. Много есть артистовъ, которые не осмѣливаются давать концерты въ Дворянскомъ собраніи, а даютъ утренніе или вечерніе концерты въ частныхъ залахъ, гдѣ собирается до двухъ сотъ особъ по 3 рубля ассигнаціями за билетъ; но для этого надобно имѣть много знакомыхъ». Такой отвѣтъ Віельгорскаго не порадовалъ меня, но я вынужденъ былъ поспѣшить возвращеніемъ въ Россію по политическимъ обстоятельствамъ. Какъ бы то ни было, однако же, надобно дѣйствовать. Неужели воспитанницы Лейпцигской музыкальной консерваторіи, ученицы Мошелеса, получившія похвалы и одобренія знаменитаго Мендельсона, имѣющія почетные дипломы, побоятся соперничества и зависти артистовъ? Неужели русская публика не пойметъ и не оцѣнитъ патріотическаго самоотверженія русскаго дворянина образовать музыкальные таланты двухъ дочерей своихъ, во славу русскаго имени и на пользу отечества? Неужели нѣтъ въ Россіи меценатовъ?

Я писалъ къ брату Віельгорскаго и князю Одоевскому, но отвѣтовъ не получалъ. Сидѣлъ у моря, да ждалъ погоды... При всемъ моемъ желаніи и даже необходимости устроить концертъ моихъ дочерей не для славы, а чтобъ существовать, это не могло скоро состояться, хотя, признаюсь, червякъ честолюбія и суетнаго тщеславія и грызъ мое сердце нетерпѣніемъ похвастаться заграничными успѣхами моихъ дочерей. Но, прежде всего, мнѣ предстояли хлопоты по паспорту для горничной, съ нами пріѣхавшей. Я долженъ былъ также хлопотать, чтобы избавиться отъ платежа 150 рублей за заграничный нашъ паспортъ, за который я уже заплатилъ 75 рублей передъ поѣздкою. Я подалъ объ этомъ лично докладную записку министру внутреннихъ дѣлъ графу Льву Алексѣевичу Перовскому, который сказалъ: «хорошо»,—и дѣло пошло безконечнымъ, канцелярскимъ порядкомъ.

Скучно, хлопоты не кончались, а увеличивались новыми казусными случаями. Изъ Лейпцига везли мы съ собою ящикъ съ

нотами и книгами; на границѣ Польши ихъ остановили и переслали на мой счетъ въ Варшаву. Здѣсь я долженъ былъ въ ожиданіи этихъ нотъ и книгъ прожить пятеро сутокъ, на что при безденежьи издержалъ 30 рублей ассигнаціями, да за пересылку нотъ и книгъ 12 рублей. Въ Варшавѣ цензурный комитетъ, осмотрѣвъ эти ноты и книги, возвратилъ ихъ мнѣ, но предупредилъ, что ихъ вновь будутъ осматривать въ городѣ Ковно въ русской пограничной таможенѣ и оттуда отправятъ въ цензуру въ Кіевъ или Харьковъ на мой счетъ, и что эти ноты и книги получу не прежде года, а потому совѣтывали мнѣ переслать эти ноты и книги до Ковно по почтѣ, а тамъ просить таможенное начальство, осмотрѣвъ, отправить ящикъ въ с.-петербургскій цензурный комитетъ. Я послѣдовалъ этому совѣту, заплатилъ за пересылку 12 рублей серебромъ и отъ Ковно до Петербурга 45 рублей 85 коп. Трудно было мнѣ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ заплатить эти деньги, но особенно ноты надобны были скоро. Являюсь, наконецъ, въ петербургскую таможену, тамъ открыли мой сундукъ и объявили, что я долженъ еще за переплеты книгъ и нотъ 34 рубля 20 коп. Я остолбенѣлъ; меня бросило въ холодный потъ. Не упомню, что я говорилъ въ таможенѣ, кажется, много лишняго и неумѣстнаго, но управляющій таможеню, узнавъ изъ рассказовъ моихъ, что я всѣмъ пожертвовалъ на музыкальное образованіе моихъ дочерей за границею, наставлялъ мнѣ тѣмъ комплиментовъ и приказалъ секретарю написать докладную записку директору департамента внѣшней торговли объ освобожденіи меня отъ платежа пошлинъ за переплеты нотъ и книгъ. Долго я ходилъ въ департаментъ, просилъ, кланялся чиновникамъ о скорѣйшемъ рѣшеніи моего дѣла, но мнѣ учтиво отвѣчали:

— Надобно просить лично директора.

Узнаю, что директоръ пріѣзжаетъ во второмъ часу дня. Являюсь въ это время въ департаментъ, но его превосходительство не изволилъ еще пріѣзжать. Спрашиваю у швейцара, что, можетъ быть, директоръ сегодня и вовсе не пріѣдетъ, и швейцаръ хладнокровно отвѣчаетъ:

— А, можетъ быть, и вовсе не пріѣдетъ. Впрочемъ,—прибавилъ усатый, огромный отставной гвардеецъ, служившій въ департаментѣ въ должности швейцара:—еслибъ не пріѣхалъ, то прислалъ бы курьера.

Дѣйствительно, въ половинѣ третьяго пріѣхалъ департаментскій курьеръ съ портфелемъ, а черезъ пять минутъ и самъ директоръ. Вхожу въ пріемную, но дежурный чиновникъ мнѣ говоритъ, что директора видѣть я не могу, потому что его превосходительство изволилъ принимать просителей по четвергамъ. Представьте мою досаду. Я долженъ дожидаться четверга, а сегодня пятница.

На другой день снова отправился въ таможену, но тамъ не было еще получено отвѣта по моему дѣлу. Иду въ департаментъ

податей и сборовъ узнать о дѣлѣ моемъ по наложенію взысканія за заграничный паспортъ, и тамъ объявили мнѣ, что 150 рублей за заграничный паспортъ сложить невозможно, потому что на это не существуетъ закона; но, впрочемъ, не угодно ли мнѣ по этому предмету объясниться съ начальникомъ отдѣленія, который будетъ въ департаментѣ во второмъ часу. Въ ожиданіи назначеннаго времени сталъ бродить по Невскому проспекту, зашелъ въ музыкальный магазинъ Бернара, встрѣчалъ тамъ и сямъ много знакомыхъ, выслушивалъ отъ многихъ привѣтствія и похвалы заграничнымъ успѣхамъ моихъ дочерей, и на вопросы, скоро ли онѣ дадутъ концертъ, лаконически отвѣчалъ съ пожатіемъ плечъ: «не знаю».

Пробило часъ, и я уже на лѣстницѣ департамента податей и сборовъ. Начальникъ отдѣленія сказалъ мнѣ то же, что и столоначальникъ, присовокупивъ, что хотя существуетъ законъ выдавать безплатные паспорта ѣдущимъ за границу для усовершенствованія своего въ наукахъ или искусствахъ, но о музыкѣ ничего не упоминается. Когда же я сказалъ, что музыка есть искусство, начальникъ отдѣленія возразилъ:

— Нѣтъ, музыка есть потѣха.

Что оставалось мнѣ дѣлать послѣ такого приговора двухъ министерствъ—финансовъ и внутреннихъ дѣлъ? Наконецъ, увидѣлъ я директора департамента внешней торговли, который обѣщалъ исполнить мою просьбу. И, дѣйствительно, на другой же день я получилъ изъ таможи ноты и книги безъ платежа за переплеты.

Изъ полиціи получилъ я требованіе 150 рублей за заграничный паспортъ. Что мнѣ было дѣлать? У меня не было въ карманѣ и 150 копеекъ; авось, концертъ поправитъ дѣло и дастъ способъ заплатить эти деньги. Но какъ приступить къ концерту, когда я не имѣлъ еще отвѣтовъ ни отъ графа Михаила Юрьевича Вильгорскаго, ни отъ князя Одоевскаго? Старый мой знакомый Евгений Павловичъ Гребенка (учитель словесности во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и извѣстный литераторъ), который съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ дочерей моихъ любовался ими, восхищался ихъ талантами и поощрялъ,—убѣждалъ, умолялъ меня не унывать въ неудачахъ и препятствіяхъ. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ къ секретарю князя Одоевскаго. Я съ нимъ отправился, приѣзжаемъ къ секретарю, сидимъ часъ, два; хозяинъ съ Гребенкой играютъ на биллиардѣ; наконецъ, уже прощаясь, заводятъ разговоръ о цѣли моего посѣщенія, чтобъ узнать, получу ли я и скоро ли отвѣтъ отъ князя на мое письмо. Секретарь далъ мнѣ обѣщаніе напомнить обо мнѣ князю, причемъ онъ выразилъ увѣренность, что князь самъ пріѣдетъ ко мнѣ

(Здѣсь пропускъ въ дневникѣ, ибо оказались вырванными нѣсколько страницъ).

Уладивъ свои дѣла въ Петербургѣ, мы получили, наконецъ, возможность уѣхать въ деревню для свиданія съ родною семьей. Приѣхавъ въ Ярославль, мы узнали, что и здѣсь тоже холера и, на нашихъ глазахъ, когда мы проѣзжали городомъ, человѣкъ упалъ въ корчахъ. Здѣсь недавно въ лучшей части города выгорѣло 50 домовъ.

Въ Костромѣ тоже былъ огромный пожаръ, который доказывалъ явную злоумышленность и поджогъ, а не случайность пожаровъ... Вотъ мы уже въ городѣ Макарьевѣ. Съ какимъ нетерпѣніемъ ѣхали мы послѣднюю станцію; лошади мчались, какъ вихрь, а мнѣ казалось, что мы тихо подвигаемся впередъ. Завидѣвъ повозку нашу, подѣхавшую къ воротамъ, матушка моя, при своихъ 65 годахъ, полураздѣтая, выбѣжала къ намъ на встрѣчу. Ей вынесли мантилью, и мы поздоровались, пошли вмѣстѣ къ намъ въ домъ, который былъ въ разстояніи 200 сажень отъ матушкиной усадьбы. Насъ встрѣтили моя жена и дѣти (Софья, Петръ и Павелъ).

Дома я нашелъ все благополучно и хозяйство въ возможномъ порядкѣ. Спасибо, большое спасибо женѣ за экономію и расчетливую распорядительность. Кто повѣритъ, чтобы съ имѣнія въ 38 душъ можно было въ 14 мѣсяцевъ выручить до 8 тысячъ рублей ассигнаціями. Однако, при этомъ надо принять въ соображеніе, что у насъ былъ дегтярный заводъ и зимою строились гусанки.

Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, хотя у насъ были своихъ два именинника—сыновья Петръ и Павелъ, однакожь, я долженъ былъ ѣхать къ сосѣду, генералу Павлу Александровичу Катенину. Послѣ обѣдни собралось у него дворянства особъ до двадцати пяти. Катенинъ, видѣвшій у насъ альбомъ моихъ дочерей, подаренный имъ Мошелесомъ, спросилъ, не привезъ ли я его съ собою. Я подалъ ему этотъ альбомъ, и онъ не болѣе, какъ въ четверть часа экспромтомъ написалъ слѣдующіе стихи:

«Вы здѣсь играли такъ прекрасно,
 «Что про себя все думалъ я:
 «Зачѣмъ нелегкая напрасно
 «Несетъ ихъ въ чуждые края?
 «Чего искать у иноземцевъ?
 «Какъ ни премудры ихъ дѣла,
 «Какъ мы ни почитаемъ нѣмцевъ,
 «Все слаще русскихъ похвала.
 «Я былъ неправъ: вы тамъ учились,
 «Вы съ пользой время провели
 «И съ честной славой возвратились
 «Въ предѣлы отеческой земли.
 «Побудьте съ нами, мастерицы!
 «Я не собрался до сихъ поръ
 «Взглянуть на новый блескъ столицы
 «Затѣмъ, что денегъ нѣтъ на сборъ;

«Но и въ Россіи прехолодной
 «Морозъ и вьюга не всегда,
 «И платять жатвою бесплодной
 «Поля за трудъ не всѣ года;
 «Живеть и ведро, и ненастье,
 «Снѣгъ таетъ—зеленѣетъ лугъ,
 «И колесо слѣпое счастья
 «Вверхъ дномъ повертываетъ вдругъ.
 «Авось, я въ Петербургъ приѣду,
 «А тамъ, какъ долгъ велитъ ужъ мнѣ,
 «Не только земляку, сосѣду,
 «Объ васъ спрошу я: «Гдѣ онѣ?»
 «И мнѣ отвѣтятъ: «не ищите;
 «Съ отцомъ уѣхали въ Берлинъ».
 «А ужъ конецъ тогда одинъ:
 «Я разсержусь; любовь къ искусству
 «Досадой въ сердцѣ задушу
 «И, вопреки уму и чувству,
 «На васъ сатиру напишу».

Такимъ образомъ этотъ альбомъ изъ музыкальнаго сдѣлался и литературнымъ, потому что, кромѣ именъ музыкальныхъ Мошелеса, Гензельта и друг., вписаны были туда имена литературныя: Бенедиктова, Зотова, Кони, Катенина и друг.

Именинный обѣдъ у Катенина былъ весьма продолжительный и церемонный; блюдь до 10-ти приготовлено было тремя поварами. Потомъ рѣчь зашла о министерствѣ народнаго просвѣщенія, о покойномъ Шишковѣ, котораго Катенинъ изобразилъ чековѣкомъ пустымъ, полуобразованнымъ, забывъ мудрое правило: «о мертвыхъ надобно говорить хорошо, или молчать». Я было началъ возражать, но Катенинъ рѣшительнымъ, диктаторскимъ тономъ сказалъ мнѣ:

— Вѣдь, вы, Василій Николаевичъ, не знали этого человѣка, а я его зналъ коротко и часто бывалъ у него.

Считая бесполезнымъ заводить новый споръ, я замолчалъ, чтобъ не сдѣлать въ домѣ хозяина, въ день его именинъ, скандальной исторіи, потому что, я слышалъ, Катенинъ бывалъ очень дерзокъ, когда ему противорѣчатъ, особенно, когда подошьетъ.

Я чувствовалъ, что мнѣ здѣсь въ деревнѣ долго не ужиться, и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ.

Задумано—сдѣлано. Сундуки и чемоданы уложены, тарантасъ исправленъ, я сдѣлалъ распоряженія по хозяйству, и 12-го сентября мы пустились въ дорогу... Скучно, несносно было ѣхать на почтовыхъ по частной подорожной; рѣдко уѣдешь со станціи безъ споровъ о прибавленіи лошадей въ упряжь. Надобно было имѣть большое терпѣніе, чтобъ спокойно и хладнокровно выдержать всѣ выходы и дерзости ямщиковъ, не говоря уже о притязаніяхъ смотрителей. Вотъ начнутъ, бывало, нѣсколько ямщиковъ поднимать свади тарантасъ, другіе считать сѣдоковъ, ссылаться на высочайшее повелѣніе о запряжкѣ лошадей по числу ѣдущихъ особъ; и пред-

ставьте себѣ, что при всей своей неисправности, не имѣя надлежащаго качества лошадей, надлежащихъ упряжи и телѣгъ, мерзавцы ямщики считали въ числѣ пассажировъ даже груднаго ребенка. Наглость ихъ ничѣмъ не возможно было унять... Смотрители, по большей части, люди пьяные, находясь на содержаніи ямщиковъ или почтосодержателей, не смѣли ничего сказать въ пользу проѣзжающихъ. Конечно, на каждой станціи была книга для записи жалобъ, но кому охота дорогою заниматься писаніемъ этихъ жалобъ. Да если бы кто и написалъ, то жалоба осталась бы безъ уваженія, и даже проѣзжающій былъ бы обвиненъ, а ямщикъ и смотритель оправданы, потому что за покровительство и защиту станціи почтосодержатель платитъ почтмейстерамъ, губернскому и уѣзднымъ, «калымъ» съ каждой пары или тройки лошадей. Наконецъ 22-го сентября мы были уже въ Петербургѣ; остановились въ гостинницѣ, но на другой же день переѣхали на квартиру. Добрый, честный нѣмецъ Виртъ обѣщалъ прислать намъ свой рояль, не смотря на то, что мы ему еще за прежній должны были съ 1844 года 150 рублией.

XX.

Е. П. Гребенка.—Вечеръ у графини Клейнмихель.—Семья отца и сына Зотовыхъ.—Бенефисъ Е. Я. Сосницкой.—Переѣздъ на новую квартиру.—Участіе моихъ дочерей въ различныхъ концертахъ.—Кончина Е. П. Гребенки и его послѣдніе стихи.—Недоброжелательство земляковъ.—Концертъ въ пользу принца Ольденбургскаго.

Добрый другъ нашъ Евгений Павловичъ Гребенка искренно обрадовался, увидавъ меня въ Петербургѣ. Онъ и поэтъ Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ знали моихъ дочерей, съ 5-ти и 7-ми-лѣтняго возраста, и постоянно восхищались ихъ музыкальными успѣхами, поощряя и убѣждая меня, не смотря на всевозможныя затрудненія и препятствія, стараться совершенствовать музыкальные таланты моихъ дочерей. Я нашелъ бѣднаго Гребенку очень больнымъ, такъ что врядъ ли онъ могъ бы поправиться. Игра на фортепіано производила чрезвычайное вліяніе на больного, и онъ говорилъ, что, при музыкальныхъ звукахъ, не чувствуетъ вовсе своихъ страданій, что ему легко, очень легко.

Дочери мои съ успѣхомъ играли во многихъ домахъ, и чрезъ Вонлярлярскаго я приглашенъ былъ съ ними къ графинѣ Клейнмихель. Въ этотъ вечеръ было много въ домѣ графа гостей, по случаю именинъ графини. Дочери мои играли хорошо, но такъ какъ многіе изъ гостей играли въ карты, иные же съ нетерпѣніемъ ожидали танцевъ, то игра ихъ не произвела особеннаго эффекта. Хвалила графиня, хвалили гости, и только. Милая дочь графини

(старшая) весьма ласково обошлась съ моими дочерьми и съ дозволенія матери приглашала ихъ прїѣзжать къ нимъ въ прїемные дни, по средамъ и воскресеньямъ. Но безпечность моя и этотъ случай пропустила. Графиня Клейнмихель, при выходѣ графа въ валь, представила ему меня, но графъ сказалъ, привѣтливо улыбаясь и подавая мнѣ руку:

— Да мы съ нимъ старые знакомые. Не думаете ли, г. Погожевъ, опять на службу?

Конечно, для большаго успѣха моихъ дочерей долженъ былъ бы я искать покровительства знатныхъ особъ, меценатовъ и журналистовъ, но не могъ я переломить своего упрямства, а болѣе всего опасался, чтобы этимъ искательствомъ не уронить достоинства моихъ дочерей.

Мы были на вечерѣ у Зотовыхъ. Отецъ Рафаилъ Михайловичъ, бывшій членъ репертуара с.-петербургскаго императорскаго театра, извѣстенъ своими литературными трудами, а сынъ Владиміръ Рафаиловичъ, воспитанникъ императорскаго лицея, талантливый молодой писатель и редакторъ «Литературной Газеты». Сынъ уже былъ женатъ, и оба семейства жили въ одной квартирѣ. По воскресеньямъ бывали у нихъ скромные семейные вечера, на которыхъ собирались родные и знакомые. Въ этотъ вечеръ дочери мои играли каждая порознь и обѣ вмѣстѣ въ четыре руки. Игра ихъ до того увлекала всѣхъ, что даже отчаянные игроки оставили карты и подошли къ роялю. На этомъ вечерѣ было нѣсколько литераторовъ, артистовъ театральныхъ и музыкальныхъ, а потому оцѣнка и разцѣнка была строгая. Въ числѣ посѣтителей на вечерѣ у Зотовыхъ былъ извѣстный артистъ императорскихъ театровъ Иванъ Ивановичъ Сосницкій съ женою Еленой Яковлевной. Спустя нѣсколько дней, она прїѣхала къ намъ съ молодымъ Зотовымъ просить моихъ дочерей участвовать въ бенефисѣ ея. Долго я на это не рѣшался, совѣтовался со многими, но въ Петербургѣ трудно добиться откровенности, добросовѣстнаго совѣта и прямого мнѣнія. Не добившись толку изъ разныхъ свѣдѣній, взвѣсивъ всѣ мнѣнія, я согласился, чтобъ дочери мои для перваго ихъ дебюта играли въ бенефисѣ г-жи Сосницкой на Александринскомъ театрѣ. Репетиціи происходили два дня сряду (6-го и 7-го октября), за ними прїѣзжала театральная карета и увозила обратно домой. Въ первую же репетицію двѣ піесы дочерей моихъ («Concert Stück», Вебера и «Каприччіо» Мендельсона) прошли хорошо, но я недоволенъ былъ аккомпанементомъ театральнаго оркестра, хотя имъ и дирижироваль человекъ талантливый, Кажинскій. На второй репетиціи піесы съ аккомпанементомъ шли лучше; Кажинскій много хлопоталь, но, когда при исполненіи Каприччіо, Allegro con fuoco, оркестръ не держаль равнаго такта, то Кажинскій сказалъ

Наташѣ, чтобы она согласовалась съ оркестромъ, но она отвѣчала на это:

— Я концертантка, играю соло, а цтому оркестръ долженъ за мною слѣдовать, а не я за оркестромъ.

Каково? Вотъ смѣлая артистическая выходка дебютантки противъ капельмейстера, доказывающая самобытность таланта, прочность музыкальнаго образованія и увѣренность въ себѣ.

Дочери мои послѣ бенефиса, въ 12 часовъ ночи, усталыя, съ триумфомъ возвратились домой изъ театра. Первый ихъ дебютъ, слава Богу, кончился весьма удачно. На другой день было повтореніе бенефиса, и дочери мои, по приглашенію театральной дирекціи, играли еще разъ на Александринскомъ театрѣ, и публика оба раза принимала ихъ восторженно и нѣсколько разъ вызывала. Г-жа Сосницкая пріѣзжала благодарить моихъ дочерей и подарила имъ по парѣ серегъ.

Вскорѣ (въ концѣ октября) мы перебрались на новую квартиру къ Знаменью, близъ Невскаго проспекта, которую нашелъ я случайно и нанялъ оригинально, благодаря музыкѣ. Проходя по Знаменской улицѣ, увидалъ я на воротахъ приклеенный билетъ объ отдачѣ въ наемъ квартиры. Вхожу на дворъ, спрашиваю дворника о квартирѣ; онъ показываетъ флигель, объявляя цѣну 700 рублей ассигнаціями въ годъ, по контракту. На вопросъ мой, нельзя ли эту квартиру отдать помѣсячно, безъ контракта, дворникъ предложилъ мнѣ самому лично переговорить съ хозяиномъ г. Мальгинымъ. Я отправился въ комнаты хозяина, но онъ съ перваго слова наотрѣзъ отказался отдать квартиру безъ контракта, но когда я уже уходилъ, то онъ, вѣроятно, изъ любопытства спросилъ меня, съ кѣмъ онъ имѣлъ удовольствіе говорить. Когда же я сказалъ, что я такой-то, то Мальгинъ спросилъ меня, не родственницы ли мнѣ дѣвицы Погожевы, которыя играли на Александринскомъ театрѣ въ бенефисъ г-жи Сосницкой. Едва успѣлъ я выговорить, что это мои дочери, какъ онъ закричалъ:

— Наденька! Наденька! (имя его жены). У насъ г. Погожевъ, отецъ русскихъ артистокъ Вѣры и Натальи Васильевны, нанимаетъ квартиру.

Въ залу вышла молодая, привѣтливая дама, и супруги въ одинъ голосъ сказали мнѣ, что для меня квартира будетъ отдана безъ контракта и помѣсячно, за 600 рублей ассигнаціями въ годъ.

На этой квартирѣ мы жили спокойно, но всего пріятнѣе было, что мы въ Мальгиныхъ, хозяевахъ дома, пріобрѣли истинныхъ друзей. Они были бездѣтны и, кажется, полюбили моихъ дочерей, какъ своихъ. Г-жа Мальгина ходила съ ними гулять, ѣздила въ театръ, концерты, на музыкальные вечера въ университетъ, въ симфоническое общество и на духовные концерты въ император-

скую придворную капеллу. Намъ Богъ послалъ квартиру у такихъ добрыхъ людей, какъ Мальгины. Онъ и она были большіе любители музыки, въ особенности онъ—страстный любитель. У нихъ въ первый четвергъ каждого мѣсяца бывали замѣчательные музыкальные вечера, на которыхъ собирался даже небольшой оркестръ любителей. Мальгинъ, Иванъ Глѣбовичъ, служилъ архитекторомъ при государственномъ заемномъ банкѣ и женатъ былъ на дочери протоіерея Герасима Павскаго.

Въ концѣ ноября дочери мои съ огромнымъ успѣхомъ играли въ симфоническомъ обществѣ на двухъ рояляхъ сочиненіе Мошелеса «Homage à Haendel», и когда восторженное общество любителей и музыкантовъ привѣтствовало ихъ криками «браво, браво, bis»,—дочери мои, вмѣсто повторенія той же пьесы, сыграли своего сочиненія вальсъ въ четыре руки изъ русскихъ пѣсенъ; восторгъ общества усилился еще болѣе. Дочери мои удостоились поступить почетными членами въ с.-петербургское симфоническое общество. Въ антрактѣ музыкальнаго вечера графъ Матвѣй Виельгорскій подошелъ ко мнѣ и извинялся, что не отвѣчалъ на мое письмо, потому что былъ занятъ какимъ-то особеннымъ порученіемъ государыни императрицы, и много наговорилъ мнѣ лестнаго о музыкальномъ талантѣ моихъ дочерей. Спасибо и за то, что пощекоталъ мое самолюбіе...

Съ графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ мы встрѣтились въ Пассаждѣ, и онъ тоже много хвалилъ игру моихъ дочерей и стремленіе ихъ къ совершенству, совѣтуя дать концертъ въ новой залѣ Пассажа. Какъ было не послушать русскаго мецената? Я устроилъ этотъ концертъ и, признаюсь, сдѣлалъ этимъ большую ошибку во всѣхъ отношеніяхъ. Главное былъ дурной выборъ пьесъ, и при томъ въ такой большой залѣ безъ оркеста, предъ публикой, большая часть которой не могла понимать фортепіанной игры и серьезныхъ, или такъ называемыхъ классическихъ пьесъ, какъ, напримѣръ, сонаты Бетховена, на двухъ рояляхъ «Homage à Haendel» Мошелеса и концертъ Моцарта, тоже на двухъ рояляхъ. Однимъ словомъ, слѣдовало бы дать концертъ съ оркестромъ, и хотя дочерямъ моимъ много аплодировали, много вызывали ихъ, бросали имъ превосходные и изящные букеты, но я, всетаки, недоволенъ былъ этимъ концертомъ.

19-го декабря 1848 года, въ 11 часовъ утра, въ церкви Андрея Первозваннаго, на Васильевскомъ островѣ, происходило отпѣваніе рано похищеннаго смертью талантливаго литератора, Евгенія Павловича Гребенки. Вотъ послѣдніе стихи Е. П. Гребенки, написанные акростихомъ въ альбомѣ моихъ дочерей:

«Лейпцигъ, городъ музыкальный,
«Вамъ не разъ рукоплескалъ
«И въ отчизнѣ вашей дальней

«Вамъ успѣхи предрекалъ.
 «Вотъ опять послѣ разлуки
 «Съ нами вы, и ваши звуки
 «Насъ чаруютъ и живутъ,
 «И покоятъ сердца муки,
 «И отрадою гремятъ!..
 «Такъ играйте-жь много, много,
 «Намъ въ созвучьяхъ говоря,
 «И игрой хвалите Бога
 «И Россію, и царя».

Успѣхъ моихъ дочерей въ Петербургѣ былъ медленный, отра-
 вяемый и замедляемый завистью нѣкоторыхъ учителей музыки
 и мелкихъ артистовъ. Впрочемъ, и Мошелесъ, прощаясь съ нами,
 говорилъ моимъ дочерямъ:

— Vous serez partout bien reçue, où l'on comprend la bonne
 musique; tachez seulement à éviter la jalousie des petits maitres ¹⁾).

Старый Мошелесъ, вѣроятно, нечаянно сказалъ каламбуръ...
 Дѣйствительно, справедливы оказались слова графа Матв. Юрьев.
 Виельгорскаго, что публика русская охладѣла къ концертамъ и
 виртуозности. Я самъ убѣдился, что безъ особеннаго покровитель-
 ства трудно русскимъ артисткамъ имѣть блестящій и скорый
 успѣхъ. Благотворительные концерты дочерей моихъ не обратили
 даже ни малѣйшаго вниманія кого либо изъ императорскаго дома.
 Можетъ быть, распущены были слухи въ разныхъ слояхъ обще-
 ства, что Погожевы не имѣютъ особаго таланта, кромѣ смышлен-
 ности и смѣлаго навыка, что отецъ ихъ спекулянтъ, рассчиты-
 вающій чрезъ дочерей нажить деньги, и т. п. Однако, самобыт-
 ность музыкальныхъ достоинствъ моихъ дочерей признана уже
 была музыкальными авторитетами Германіи и Россіи. Намѣренія
 мои были чисты, и я никогда не думалъ о деньгахъ. Основная
 моя цѣль была образовать музыкальныя способности моихъ доче-
 рей, замѣтя призваніе къ тому свыше, ибо ни я, ни жена моя
 не играли ни на какомъ инструментѣ. Главное, я желалъ, чтобы
 дочери мои современемъ принялись за преподаваніе музыкаль-
 ныхъ уроковъ юнымъ соотечественницамъ, преимущественно въ
 дѣвичьихъ институтахъ. Я былъ увѣренъ, что дочери мои препо-
 даваніемъ уроковъ разовьютъ въ Россіи музыкальное образованіе
 въ истинномъ значеніи, безъ фокусовъ и обмановъ нѣкоторыхъ
 учителей музыки, и, не увлекаясь самолюбіемъ, давая скромно
 за небольшую плату уроки, будутъ самостоятельны, самобытны и
 безбѣдны. Но, чтобъ постоянно имѣть уроки, надобно давать ихъ
 въ императорскихъ институтахъ, потому что тамъ уроки положи-
 тельные; приватные же уроки весьма измѣнчивы, то по болѣзни
 ученицы, то отца или матери, то по случаю именинъ или бала
 и по другимъ разнымъ причинамъ.

¹⁾ Вы будете приняты хорошо вездѣ, гдѣ понимаютъ хорошую музыку;
 итесъ только избѣгать зависти маленькихъ музыкантовъ.

Дочери мои давали свой концертъ 20-го февраля 1842 года въ Михайловскомъ театрѣ съ участіемъ пѣвицы г-жи Брюннингъ и пѣвца Гумбини. Мало было надежды на хорошей сборъ, и я не зналъ, чѣмъ заплатить въ театръ за освѣщеніе и оркестръ. Страшно, а дѣлать было нечего: отказаться нельзя, и поздно, и стыдно. Но благодареніе Всевышнему! Его императорское высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій прислалъ за ложу ту самую сумму, за которую онъ абонируетъ во французскомъ спектаклѣ—100 рублей, а часа черезъ два взялъ еще двѣ ложи по обыкновеннымъ цѣнамъ. Итакъ, я уже не боялся матеріальной неудачи концерта, а въ техническомъ отношеніи въ успѣхѣ былъ увѣренъ.

Послѣ другаго концерта, въ пользу приюта принца Ольденбургскаго, предсѣдатель комитета этого приюта, статскій совѣтникъ Я. Я. Дерингъ, пригласилъ моихъ дочерей, 6-го марта, въ церковь приюта къ обѣднѣ. По окончаніи божественной службы насъ пригласили въ залу, гдѣ собраны были дѣти приюта, привѣтствовавшія русскихъ пианистокъ троекратнымъ пѣніемъ «многія лѣта». Послѣ того, завѣдующій дѣлами комитета, г. Григоровскій, прочелъ актъ о благодарности дѣтей и комитета за оказанное вниманіе и значительное пособіе приюту исполненіемъ концерта 27-го февраля. По прочтеніи акта, четыре малютки-дѣвочки поднесли на подносѣ моимъ дочерямъ вышитую салфетку, на которой вышиты были слова: «Вѣрѣ и Натальѣ Погожевымъ отъ благодарныхъ дѣтей приюта принца Ольденбургскаго». Эта умиленная дѣтская признательность, замѣшательство и слезы душевнаго восторга молодыхъ русскихъ артистокъ невольно заставили проследиться и всѣхъ присутствующихъ. Предсѣдатель комитета приюта вручилъ моимъ дочерямъ отъ имени принца Ольденбургскаго два изящно и со вкусомъ сдѣланныхъ браслета. Восторженные похвалы, появлявшіяся всякій разъ въ печати, отчасти повредили дочерямъ моимъ въ успѣхѣ ихъ концертовъ, т. е. въ успѣхѣ матеріальномъ, а не артистическомъ, потому что всѣ концерты посѣщаемы были истинными любителями музыки и первоклассными артистами. Гензельтъ, Дамке и многіе другіе каждый концертъ Вѣры и Натальи Погожевыхъ удостоивали своимъ посѣщеніемъ. И, конечно, мелкіе, завистливые учителя музыки недовольны были, что такое вниманіе оказывалось молодымъ русскимъ артисткамъ. Злобныя выходки нѣкоторыхъ журналовъ, какъ-то: «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», и не совѣмъ доброе расположеніе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» рѣзко выразились въ нѣкоторыхъ статьяхъ. Однако, многіе любители музыки послѣ концертовъ дочерей моихъ желали познакомиться съ ними въ моемъ домѣ, гдѣ постоянно продолжались музыкальные вечера.

XXI.

Стихотвореніе Бенедиктова.—Новое назначеніе.—Дорожные сборы.—Отъездъ въ Москву.—Прибытіе въ Кострому.—Крестный ходъ на Волгу.—Мѣстныя церкви.—Обѣдъ у губернатора.—Скука въ ожиданіи пріѣзда семьи.—Архимандритъ Ага-вангель.—Музыкальный самородокъ и интрига противъ него.—Концертъ во время дворянскихъ выборовъ въ Костромѣ.

По поводу одной изъ первыхъ музыкальныхъ пьесъ моихъ дочерей («Пѣсни безъ словъ»), посвященной родинѣ, В. Г. Бенедиктовъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

КЪ РОДИНѢ.

«Слухъ, возрадуйся, воскресни!
Сердце русское, воспринь!
Вотъ безъ словъ четыре пѣсни,
Двухъ пѣвицъ отчизнѣ дань.
Здѣсь тебя, отчизна наша,
Нашихъ радостей приютъ,
Наши, Вѣра и Наташа,
Двѣ Погожевы поютъ.
Гдѣ языкъ нашъ безсловесенъ,
Сердцу внятень сердца кликъ,
Здѣсь безъ словъ въ аккордахъ пѣсенъ
Слыщенъ русскій нашъ языкъ.
Звуки музыки здѣсь дружно
Чувствомъ къ родинѣ горять.
Этимъ пѣснямъ словъ не нужно:
Звуки сами говорятъ.
Въ нихъ привѣтъ единодомцамъ,
Родшимъ, ближнимъ и друзьямъ,
Незнакомцамъ и внакомцамъ,
Руси дочерямъ и сынамъ;
Въ нихъ поклонъ орлу родному,
Слава русскому царю,
Слава царственному дому
И Господню алтарю!
Русь, увѣнчанная духомъ
Воздаянья и любви,
Преклонись же чуткимъ слухомъ:
Вотъ двѣ дочери твои!
Вдохновеньемъ въ сладкихъ мукахъ
Ихъ сердца окреплены,
И тебѣ въ сихъ первыхъ звукахъ,
Какъ родной, посвящены.
Русь! Отчизна безъ границы,
Подъ морозомъ теплый кровь,
Вотъ двѣ русскія пѣвицы,
Вотъ и пѣсни ихъ безъ словъ!
Здѣсь ихъ душъ начальный трепеть
Въ даръ тебѣ: прими его,
Такъ, какъ мать приемлетъ лепеть
Усть младенца своего!»

Въ концѣ апрѣля я отвезъ третью свою дочь, Софью, въ институтъ принцессы Ольденбургской, куда она принята была пансіонеркой принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго въ награду двумъ сестрамъ ея, Вѣры и Натальи, за концертъ, данный ими въ пользу дѣтскаго пріюта его высочества. Въ это же время я снова поступилъ на службу въ министерство путей сообщенія, въ Костромѣ. Здѣсь жилъ я сперва одинъ и очень скучалъ, хотя былъ знакомъ со всѣмъ высшимъ обществомъ города, но потомъ ко мнѣ пріѣхали жить жена и дочери Вѣра и Наталья, и жизнь значительно измѣнилась. Вѣра начала давать уроки музыки, но ихъ было мало, притомъ и брали ихъ неакуратно.

Въ Костромѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ архимандритомъ Агаангеломъ, ректоромъ Костромской семинаріи. Это весьма образованный и въ полномъ смыслѣ слова просвѣщенный человѣкъ и весьма замѣчательный по уму и учености монахъ, самой благочестивой жизни. Онъ хорошо зналъ французскій и особенно нѣмецкій языки и занимался германскою литературою, слѣдя за русскою и французскою. Онъ обладалъ артистическимъ вкусомъ и любилъ изящныя искусства: живопись, пѣніе и музыку. Я видѣлъ у него превосходныя итальянскія картины, слышалъ его умиленное и духовное восторженное пѣніе съ акомпанементомъ фортепіано. Но вотъ лучшее доказательство доброты души его и артистическаго вкуса. Въ Костромѣ въ числѣ пѣвчихъ архіерейскаго хора былъ 15-лѣтній мальчикъ Платонъ Козыревъ съ большою склонностью къ музыкѣ, такъ что онъ самоучкою на купленной имъ скрипкѣ, нѣчто въ родѣ гудка, выучился играть нѣсколько духовныхъ пѣсенъ по слуху. Другіе пѣвчіе рассказывали мнѣ, что бывало въ свободное время, когда они гуляли или занимались между собою разговорами, Козыревъ уйдетъ на чердакъ и тамъ играетъ на скрипкѣ. Любя музыку, я пожелалъ у себя на квартирѣ послушать пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ, а дочери мои имѣли намѣреніе во время великаго поста составить духовные концерты, на подобіе бывшихъ въ императорской придворной капеллѣ. Однажды мы и пригласили пѣвчихъ, но тотчасъ увидѣли невозможность что либо устроить порядочное изъ этого хора. Послѣ пѣнія пѣвчихъ, по просьбѣ регента, и дочери мои исполнили на роялѣ какую-то пьесу въ четыре руки. Онѣ уже окончили игру, пѣвчіе уже выходили изъ двери зала, а Козыревъ стоялъ, понуря голову, все на одномъ мѣстѣ, какъ бы въ оцѣпенѣніи, какъ бы въ столбнякѣ. Уже послѣ смѣха товарищей своихъ онъ опамятовался, но продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ.

— Развѣ ты любишь музыку?—спросилъ я его.

— Да-съ, очень люблю,—отвѣчалъ онъ.

— Онъ у насъ и на скрипкѣ играетъ,—замѣтилъ регентъ.

— Желалъ ли бы ты учиться играть на этомъ инструментѣ?—сказалъ я, указывая на рояль.

— Желалъ бы-съ, да это невозможно,—отвѣчалъ молодой пѣвчій.

— Наташа!—сказалъ я второй своей дочери.—Вотъ тебѣ случай сдѣлать доброе дѣло, а вѣдь ты жалуешься на то, что мало дѣлаешь добра на свѣтѣ. Давай уроки этому пѣвчему, и посмотришь, что изъ него выйдетъ. Приходи-ка, братъ, завтра часовъ въ девять утра къ намъ со своею скрипкою,—сказалъ я Козыреву.

Онъ низко поклонился и вышелъ вслѣдъ за своими товарищами.

На другое утро Козыревъ пришелъ къ намъ со скрипкою топорной работы, заигралъ: «О тебѣ радуется, Благодатная!» и послѣ перваго аккорда я съ дочерью переглянулся, мы невольно вмѣстѣ одобрительно улыбнулись, а по окончаніи игры дочери мои рѣшили, что у молодаго пѣвчаго большія музыкальныя способности. Дочь моя, Наталья, сказала ему, чтобъ онъ приходилъ каждый день, и Козыревъ началъ учиться игрѣ на фортепіано. Регентъ архіерейскихъ пѣвчихъ, дьяконъ Бѣловскій, сталъ завидовать молодому пѣвчему, опасаясь, что онъ займетъ его мѣсто. Этотъ безталанннй регентъ доложилъ преосвященному Леониду, что Козыревъ спалъ съ голоса, а потому бесполезенъ для хора, и что на его мѣсто можно взять изъ семинарскаго хора хорошаго баса. Узнавъ объ этомъ, я просилъ преосвященнаго оставить Козырева хотя на время въ хорѣ, впредь до полученія мною отвѣта отъ генерала Алексѣя Ѳедоровича Львова, котораго я и дочери мои просили о помѣщеніи Козырева въ императорскую пѣвческую капеллу. О томъ же просилъ преосвященнаго и архимандритъ Агаѳангелъ. Епископъ исполнилъ нашу просьбу, но спустя мѣсяць, во время отсутствія моего изъ Костромы по дѣламъ службы, его преосвященство утвердилъ вторичный докладъ регента о замѣщеніи Козырева другимъ пѣвчимъ—басомъ. Козыревъ остался безъ мѣста, безъ семинарскаго полнаго образованія, безпріютнымъ сиротою, потому что у него не было уже въ живыхъ отца, а старушка мать жила въ большой бѣдности. Тогда архимандритъ Агаѳангелъ пріютилъ Козырева у себя и назначилъ его регентомъ семинарскихъ пѣвчихъ, и чрезъ три мѣсяца эти пѣвчіе превзошли архіерейскихъ. Ровное, согласное пѣніе, безъ вскрикиваній и крика, соблюденіе форте и піано, выборъ сочиненій для обѣдни и благоговѣйное пѣніе очень понравились костромскимъ жителямъ. На свадьбы стали приглашать пѣвчихъ семинарскихъ, ко всеобщей и обѣднѣ начали ходить въ ту церковь, гдѣ они пѣли, особенно тамъ, гдѣ служилъ архимандритъ Агаѳангелъ. Но зависть терзала регента архіерейскихъ пѣвчихъ, и вотъ онъ успѣлъ выхлопотать у преосвященнаго разрѣшеніе о запрещеніи семинарскимъ пѣвчимъ пѣть на свадьбахъ и въ приходскихъ церквахъ, кромѣ монастырской, гдѣ служилъ архимандритъ, ректоръ семинаріи. Наконецъ, я получилъ письмо отъ генерала А. Ѳ. Львова, который съ комплиментами дочерямъ моимъ изъявлялъ согласіе принять въ пѣвческую капеллу

молодаго Козырева для обученія преподаванію пѣнія, но съ тѣмъ, чтобы содержаніе онъ имѣлъ собственное. Я было началъ составлять подписку на предметъ отправленія Козырева въ Петербургъ и содержаніе его тамъ года на два; но помѣщикъ Март. Никол. Сипягинъ сказалъ мнѣ, чтобы я не хлопоталъ о подпискѣ, что онъ свезетъ самъ Козырева въ Петербургъ и устроитъ его музыкальное образованіе. Въ самомъ дѣлѣ Сипягинъ вскорѣ отправился въ Петербургъ, взялъ съ собою Козырева, одѣлъ его тамъ съ ногъ до головы и помѣстилъ у извѣстнаго капельмейстера и артиста Людвигъ Маурера, у котораго Козыревъ и сталъ учиться на скрипкѣ, а игрѣ на фортепіано и генераль-басѣ—у Деккера. Для изученія преподаванія пѣнія онъ ходилъ въ императорскую пѣвческую капеллу.

Въ городѣ Костромѣ, по случаю дворянскихъ выборовъ, дочери мои, 21-го ноября 1850 г., давали концертъ, въ которомъ участвовали мѣстные любители музыки: Алексѣй Павловичъ Шиповъ, Федоръ Семеновичъ Унковскій и Елизавета Петровна Голохвастова, дочь костромскаго помѣщика. Не смотря на то, что помѣщики еще не съѣхались на зиму въ городъ, на концертѣ присутствовало двѣсти особъ изъ мѣстныхъ дворянъ и чиновниковъ съ ихъ семействами и человекъ пятнадцать изъ купечества. Замѣчательно, что въ этомъ концертѣ превосходно игралъ оркестръ помѣщика г. Горняковскаго, и всѣхъ крайне порадовало, что еще существуютъ въ провинціи частные оркестры. Оркестромъ управлялъ Захаръ Шацкій, вольноотпущенный помѣщика Карцева и капельмейстеръ его оркестра. Шацкій учился сперва играть на скрипкѣ у капельмейстера домашняго оркестра г. Карцева, усовершенствовался у Маурера и, наконецъ, образовалъ нѣсколько домашнихъ оркестровъ. Шацкій отличный музыкантъ и на концертѣ игралъ съ одною изъ моихъ дочерей партію на скрипкѣ въ дуэтѣ Беріо.

XXI.

Болѣзнь дочери моей Наталья вслѣдствіе чрезвычайнаго нервнаго утомленія занятіями музыкой и смерть ея въ Старой Руссѣ.—Безграничная скорбь объ уtratѣ и опасенія за здоровье другой дочери-артистки.—Предостереженіе родителямъ противъ равнаго развитія духовныхъ силъ дѣтей.—Путевыя впечатлѣнія.—Старая Руса и жизнь на минеральныхъ водахъ.—Нервное разстройство дочери Вѣры и ея кончина.

Вторая дочь моя, Наталья, года два страдала разстройствомъ нервъ отъ занятій музыкою и умозрительными науками. Она кашляла, замѣтно худѣла и слабѣла. Спустя девять лѣтъ послѣ того, какъ она, въ 1847 году, заболѣла въ Лейпцигѣ воспаленіемъ легкаго и лечилась у профессора Лейпцигскаго университета, д-ра

Кларуса-сына, который увѣрилъ, что у нея послѣ болѣзни «будетъ здоровая грудь и сильный голосъ», медики въ Костромѣ, Павловъ и Даниловъ, запрещали ей пѣть. Весною 1856 года извѣстный профессоръ Московскаго университета Фед. Ив. Иноземцевъ запретилъ ей заниматься музыкой и уроками и настоятельно приказывалъ какъ можно скорѣе отправиться въ Италію на зиму, а на лѣто въ Эмсъ на минеральныя воды. Къ сожалѣнію, житейскія обстоятельства воспрепятствовали этой поѣздкѣ. Московскій воздухъ тяготилъ больную, и она вздумала ѣхать въ городъ Старую Руссу, гдѣ жили двѣ сестры жены моей, у которыхъ былъ домъ съ садомъ. Мать проводила ее туда и возвратилась въ Москву къ другимъ дѣтямъ. Въ Ярославлѣ я получилъ вскорѣ два письма по почтѣ сразу: больная дочь моя очень слаба и меня вызывали поспѣшить приѣздомъ...

Страшно, до чего я дожилъ! Дочь моя лишилась разсудка! Но неужели это сумасшествіе? Нѣтъ, это усиленное расстройство нервовъ, потому что больная говорила много дѣльнаго, исповѣдалась, причастилась св. таинъ и соборовалась. Состояніе больной ясно доказывало истощеніе жизненныхъ силъ и преобладаніе духа надъ тѣломъ... Во время соборованія она была въ полной памяти, сидѣла, держала въ рукѣ горящую свѣчу, пламенно, со слезами молилась и даже внятно повторяла за священникомъ молитвы и семь евангелій. По окончаніи соборованія она опять начала говорить и пѣть, дѣлала изумительные вопросы священнику—своему духовнику, который умиленъ былъ ея набожностью и благочестіемъ. Она съ сотворенія міра пересказала св. исторію, прибавивъ:

— Я должна страдать; я сораспинаюсь Христу. Богъ явился мнѣ во снѣ, назвалъ меня своею дочерью и повелѣлъ страдать. О, какъ дурны, какъ грѣшны люди!

Она пересмотрѣла всѣ свои вещицы, раздарила, распредѣливъ, кому что останется послѣ нея. Подарки ихъ императорскихъ высочествъ—великой княгини Маріи Павловны, золотую съ камнями брошку, и принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, браслетъ, передала она сестрѣ Вѣрѣ.

Она давно уже изъявляла желаніе умереть, послѣдній годъ она постоянно твердила о смерти, но во время болѣзни подходила къ растворенному окну и, восхитительно улыбаясь, говорила:

— Боже, какъ прекрасенъ міръ! Какъ весело жить!

Сестра спросила у нея, что она чувствуетъ. Больная отвѣчала:

— Блаженство, блаженство! Мнѣ такъ легко, такъ хорошо! Я здорова; ты страдаешь; мнѣ жаль тебя, а помочь не могу. Вдыхай въ себя, мой другъ Вѣра, мое дыханіе, вдыхай скорѣе, а то оно скоро улетитъ; мое дыханіе чисто.

Д-ръ Ридеръ прописалъ страдалицѣ порошки, но послѣ перваго приѣма у нея пошла кровь горломъ, густая, черная; втеченіе трехъ

дней вышло болѣе двухъ фунтовъ. Д-ръ Гауделингъ пустилъ больной полчайной ложки крови, дабы остановить кровь изъ горла. Она впала въ безпамятство; восемь дней не пила, не ѣла; потомъ показался аппетитъ, но страданица впала въ безуміе. Она десять сутокъ пѣла громко и восхитительно, особенно одинъ меланхолическій напѣвъ, который приводилъ въ умиленіе и невольно заставлялъ плакать даже сосѣдей, нарочно проходившихъ, чтобъ послушать дивное, неземное, не человѣческое пѣніе.

Я пріѣхалъ въ Старую Руссу въ началѣ іюня 1856 года, въ 6 часовъ утра, но меня безъ доктора къ страданицѣ не пустили. Въ 8 часовъ пріѣхалъ д-ръ Ридеръ и прошель прямо въ садъ въ бесѣдку, гдѣ была больная, безумная дочь грѣшнаго, тщеславнаго отца. Я показался у окна, она простерла руки, вскричавъ: «Папенька, отецъ!». Я вбѣжалъ въ бесѣдку, палъ на колѣни передъ дочерью. Она обняла меня, поцѣловала нѣсколько разъ мою руку, кротко и привѣтливо улыбнулась; слеза скатилась изъ одного глаза по щекѣ и на половинѣ щеки остановилась... Нѣтъ, не могу всего выразить словами... Я еще могу плакать, и слезы облегчаютъ грудь мою. Скоро дочь моя опять впала въ прежнее состояніе...

Когда я подходилъ къ окну бесѣдки (мнѣ запрещали ей часто показываться), она мнѣ привѣтливо улыбалась и кланялась, кивая головой. Иногда она не узнавала меня, но просила денегъ заплатить за грѣхи.

— Дай мнѣ 500 тысячъ! Заплати же за меня!

Я страшно изстрадался, но Богъ милосердъ ко мнѣ: я еще могу плакать... Голова моя горѣла, сердце хотѣло выскочить... До чего я дожилъ? Страшно... О, гордость житейская, о славолюбіе и тщеславіе! Вотъ и всемірная слава! Дочь моя очень, очень любила меня. Въ 1855 году одна добрѣйшая, образованнѣйшая и любезнѣйшая статсъ-дама, супруга генераль-адъютанта, впоследствии оренбургскаго военнаго губернатора, В. И. Катенина, приглашала дочь мою въ Петербургъ, обѣщаясь, что она будетъ представлена къ императорскому двору. Она было согласилась, но на другой день, замѣтивъ мою грусть, бросилась ко мнѣ на грудь и съ чувствомъ сказала:

— Нѣтъ, папенька! Я васъ никогда не оставлю.

Все исчезаетъ... Нѣтъ ни малѣйшей надежды на исцѣленіе... У меня остались еще слезы и страданія; жена и дочь Вѣра не могутъ плакать... слезы изсякли... Я теряю голову... Больная запѣла восхитительную импровизированную мелодію:

— Je vous prie une rose... la France, la France... l'Italie... une bonne education... non, non, jamais une russe... Papa, у насъ paradis terrestre... Италія была... Ой, какъ мнѣ больно... больно отцу моему...

Она поетъ менѣе и тише; послѣдней лебединой пѣсней ея была— «Ангель», слова Лермонтова, музыка Варламова.

Да, я убійца дочери! Я погубилъ дочь, а, можетъ быть, обѣихъ, развитіемъ ихъ музыкальныхъ способностей. Я увлекся самолюбіемъ и тщеславіемъ видѣть въ семействѣ моемъ замѣчательныхъ артистокъ, отчуждивъ дочерей моихъ отъ обыкновенной, домашней жизни... И Богъ наказалъ меня за мою кичливую гордость... Но я по притчѣ евангельской желалъ усовершенить Богомъ данные дочерямъ моимъ таланты...

По временамъ несчастной страдалицѣ становилось какъ бы легче, но звонъ колоколовъ и въ паркѣ музыка ее сильно волновали. Она все твердила:

— Папѣ! Заплати за меня, заплати доктору... Вѣдь, докторъ и чортъ все равно.

Пріѣзжихъ въ Старую Руссу на ванны въ тотъ годъ было такъ много, что не было свободныхъ квартиръ, особенно отдѣльныхъ для успокоенія больной. Въ домѣ же нашихъ родныхъ красили въ комнатахъ полы, и запахъ масла былъ невыносимъ для больной. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Доктора рѣшили, что возможно больную перевезти въ Москву. Я на это рѣшился, тѣмъ болѣе, что женѣ моей непременно надобно было возвратиться въ Москву, гдѣ оставались четверо маленькихъ сыновей на попеченіи третьей моей 14-ти-лѣтней дочери. Мнѣ непременно надобно было послѣдить на службу для исполненія имѣвшихся у меня порученій. Слѣдовательно, на кого мы могли оставить больную и душею и тѣломъ дочь? Горничная, или, лучше сказать, другъ больной (прусская подданная Паулина Линдемуть изъ Мансфельда), истомилась въ уходѣ за больной и сама была въ опасности захворать. Отслуживъ путевой молебень, мы купили тарантасъ, больную помѣстили, обложивъ подушками, между матерью и горничною. Больная охотно отправлялась, просила даже ѣхать скорѣе.

.
Все кончено. Проѣхавъ двѣ станціи, дочь моя начала кончаться. Мать и горничная не смѣли плакать, боясь обезпокоить и потревожить умирающую. Я дрожалъ всею тѣлою... кровь во мнѣ застывала... Что мнѣ оставалось дѣлать? Я рѣшился возвратиться въ Старую Руссу, но, проѣхавъ назадъ шагомъ двѣ версты, дочь моя на рукахъ матери скончалась младенческою кончиною тихо, какъ и жила кроткою жизнью... Мать и горничная, предупрежденныя мною, что если будутъ плакать, то насъ не повезутъ въ городъ, и придется намъ дочь нашу схоронить въ ближайшемъ селѣ,— не смѣли плакать... И вотъ, не ужасно ли было состояніе матери, которая не смѣетъ плакать по усопшей дочери! Представьте себѣ положеніе матери и горничной—23 версты ѣхать шагомъ, держа на рукахъ покойницу! Онѣ, выѣхавъ изъ Старой Руссы въ 10 часовъ вечера, возвратились обратно на другой день въ 2 часа, то-есть просидѣли, не вставая изъ тарантаса, 16 часовъ.

Родные наши были удивлены нашим возвращеніемъ. Покойницу внесли въ домъ, обмыли и положили на столъ... Плакали родные и сторонніе, плакала и рыдала горничная, но мать и отецъ... были безъ слезъ; они оба окостенѣли или одеревенѣли... Эта дочь такъ была кротка, скромна, такъ не любила тщеславія и похвалъ.

Усопшую одѣли въ бѣлое платье; ее подняли и въ сидячемъ положеніи она казалась живою, полусонною, пальцы на рукахъ даже не окостенѣли... Я долго сомнѣвался, не жива ли она. Д-ръ Ридеръ два раза пріѣзжалъ и рѣшилъ, что она мертва, но вотъ уже четвертыя сутки со дня ея кончины, и никакого измѣненія нѣтъ... Заунывное, протяжное чтеніе псалтыря, пѣніе панихидъ, положеніе во гробъ при пѣніи пѣвчихъ штаба военныхъ поселеній, душу раздирающее рыданіе и вопли матери и горничной, плачь родныхъ и посѣтителей; наконецъ, привезли погребальную колесницу съ балдахиномъ, пришли пѣвчіе, священники и діаконы съ причтомъ; пріѣхалъ архимандритъ съ іеродіакономъ; послѣдняя литія... появились нѣсколько городскихъ дѣвушекъ, вынесли гробъ и несли его до церкви... Совершилась литургія, потомъ отпѣваніе; послѣдняя надгробная пѣснь, прощаніе и рыданія... Вся церковь плакала, всѣ присутствующіе, даже и архимандритъ съ прочимъ духовенствомъ, прослезились... Всѣ жалѣли о ранней кончинѣ молодой дѣвицы 19 лѣтъ, жалѣли, глядя только на прекрасное лицо усопшей... И болѣе бы жалѣли, еслибъ знали ея житейскія достоинства, ея музыкальный талантъ и какую пользу она приносила отцу и матери, братьямъ и третьей своей сестрѣ Софьѣ, а равно преподаваніемъ музыки юнымъ соотечественницамъ¹⁾...

Въ тотъ же день мы съ женою и горничной Паулиной уѣхали изъ Старой Руссы... Я по возможности старался скрывать мои страданія... Дочь моя оставила меня и еще живая отреклась отъ меня, называя себя «дочерью Бога». Притомъ, дочь моя Вѣра въ то время уже все хворала; здоровье ея съ малолѣтства было слабо... Что же будетъ, если и эта дочь, эта опора моего семейства, эта утѣха и надежда моей старости, умереть, не довершивъ своего великаго подвига—воспитать, образовать, поднять на ноги четырехъ братьевъ своихъ?...

Съ самаго малолѣтства Вѣра была болѣзненна, а вслѣдствіе этого капризна, своевольна. Оттого образовался у нея характеръ желчный, подозрительный, недоверчивый, неуважительный даже къ отцу; мать она любила, но, повидимому, не уважала. Одаренная отъ природы впечатлительнымъ характеромъ, отличными способностями для сцены и музыки, она не имѣла при этомъ терпѣнія достигать совершенства постепенно, а музыкальному успѣху своему

¹⁾ Некрологъ Н. В. Погожевой былъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 г., т. X, № 13, стр. 59—63.

обязана болѣе природнымъ способностямъ. И это ясно доказывается тѣмъ, что давно уже, именно въ 1848 году, то-есть съ выхода изъ Лейпцигской консерваторіи, она мало занималась музыкою, а навѣвъ давать музыкальные уроки въ императорскихъ московскихъ институтахъ, почти вовсе перестала сама играть, развѣ только въ дни рожденія своего и именинъ, а иногда и въ другое время, когда бывали гости.

Къ чему отнести это? Полагаю, причиною тому разстройство нервъ отъ институтскихъ уроковъ, которые она давала часовъ по десяти въ день. И, въ самомъ дѣлѣ, сидячая жизнь, слушаніе однѣхъ и тѣхъ же гаммъ и этюдовъ, лѣнность и непонятливость ученицъ, зависть нѣкоторыхъ учителей и учительницъ, поневолѣ сдѣлають дѣвушку съ энергичною душою желчною и оттого раздражительною. Желчь разлилась по тѣлу; ноги, руки до локтей уже года три постепенно болѣе и болѣе желтѣли; она ночью мало спала и если засыпала, то находилась въ тревожномъ состояніи духа, такъ что малѣйшій шорохъ ее пробуждалъ. Однимъ словомъ, она находилась въ напряженномъ состояніи духа. Все это страшило меня до такой степени, что я не могъ оставить службу, ожидая съ ужасомъ, что Вѣра будетъ имѣть участь подобную сестрѣ ея Натальѣ. Она близка къ сумасшествію, потому что нервы ея сильно разстроены, головныя боли усилились до того, что она находилась по цѣлымъ суткамъ и болѣе въ безчувственномъ состояніи. Разстроившись отъ уроковъ, она возвращалась домой, вмѣшивалась въ мелочныя домашнія дразги и до такой степени заботилась о чистотѣ комнатъ и мебели, особенно половъ и даже дверей, что даже братьямъ своимъ не позволяла входить въ залъ и гостиную и другія комнаты, кромѣ спальни ихъ и столовой. И дѣйствительно, комнаты были всегда въ отличной чистотѣ, полы натерты воскомъ, мебель благовидная и во всемъ убранствѣ комнатъ изящный вкусъ.

Послѣ одной изъ нашихъ ссоръ по поводу ея строптивыхъ замѣчаній о чистотѣ комнатъ, дочь моя съ восьми часовъ вечера до трехъ часовъ по полудни другаго дня въ забытій лежала, закрывъ глаза, руками держась за вѣки, стонала и, видимо, мучилась головной болью. Такое состояніе повторялось не разъ; она значительно уменьшила музыкальные уроки и, вѣроятно, придется и совсѣмъ оставить эти уроки. Что же это и чѣмъ все это кончится? Дочь моя увлекалась какими-то странными идеями о жизни, о грѣхахъ, и даже сказала мнѣ, что не можетъ уважать меня до тѣхъ поръ, пока я не очищусь отъ грѣховъ, пока я не перестану грѣшить... Боже Всемогущій, неужели и эту дочь потеряю я? Неужели и эта дочь лишится разсудка и должна меня оставить? Страшно! Кровь застываетъ, въ головѣ горитъ, сердце морально изсыхаетъ или разбивается на части. Однажды, въ концѣ октября 1858 года, Вѣра возвратилась изъ института въ 5 часовъ вечера; я въ это время

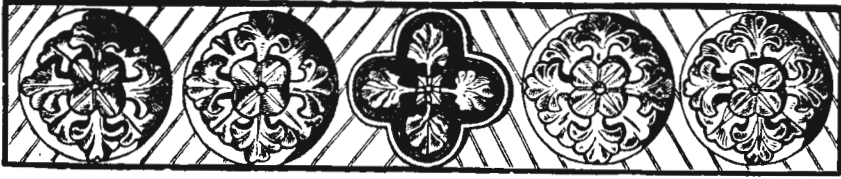
лежалъ въ кабинетѣ, запершись. Она стала стучать въ дверь и, когда я отворилъ, принесла свѣчу и зажгла ея у меня на столѣ стоявшую. Затѣмъ до 12-ти часовъ слѣдующаго дня она просидѣла въ образной комнатѣ и не ложилась спать. Она не могла хладнокровно на меня смотрѣть, присутствіе мое раздражало ее... Что-жъ мнѣ дѣлать? Оставить ее жаль по человѣчеству и по чувствамъ отца. Умъ ея помраченъ, рассудокъ затмевался; она желала умереть, и можно было опасаться, что она уморитъ себя голодомъ. Къ кому обратиться за совѣтами? Кого изъ знакомыхъ болѣе уважаетъ она? Кто бы могъ обратить ее къ жизни? Хотѣлъ было я послать за священникомъ, но приметъ ли она его? Я терялъ голову... До четырехъ часовъ по полудни она оставалась въ образной комнатѣ, но въ забытѣи, въ полулежащемъ положеніи; голоса отца и матери не можетъ слышать, допуская къ себѣ только сестру Софью. На предложеніе пригласить доктора или священника отвѣчала отрывисто:

— Не надобно, я ихъ въ шею выгоню; я скажу сама, когда позвать священника.

Въ семь часовъ вечера она пожелала получить мое благословеніе. Я вошелъ въ образную; она была очень слаба, голова горѣла какъ жаръ, пульсъ едва бился, дыханіе въ горлѣ сперлось отъ запекшейся мокроты и крови. Я ее трижды перекрестилъ, она взяла меня за руку, мать за другую, позвала сестру Софью... ходный потъ выступилъ на лицѣ ея, она, казалось, отходила въ другой міръ, но за священникомъ послать не соглашалась, говоря, что она не умираетъ еще. Она ничего не могла проглотить, все ей было противно, но я приказалъ принести святой воды, и она проглотила три чайныхъ ложки. Это ее ободрило и даже, можно сказать, воззвало къ жизни. Она уже сама показала рукою дать ей еще святой воды и, опять проглотивъ три ложечки, сказала, что теперь она еще поживетъ. Она проглотила шесть чайныхъ ложекъ чаю и забылась, задремавъ или заснувъ. Но часы ея уже были сочтены... Я потерялъ и эту дочь...

В. Н. Погожевъ.

НА НОВЫХЪ МѢСТАХЪ.

(Изъ записной книжки).

I.

СОЛНЦЕ зашло за громадную скалу, которая далеко выдвинулась въ море. Жаръ нѣсколько свалилъ, стало дышать свободнѣе. Вѣтеръ, свирѣпствовавшій цѣлый день, почти совсѣмъ стихъ и налеталъ только порывами.

Синее море, однако, никакъ не могло успокоиться. На сколько хваталъ глазъ, вездѣ виднѣлись бѣлые «зайчики», а у самого берега земля дрожала отъ прибоя. Безконечными рядами набѣгали здѣсь зеленыя волны и съ глухимъ ропотомъ вскакивали на камни, обдавая ихъ пѣной и брызгами.

Вдали, на горизонтѣ, затянутомъ мглою, виднѣется пароходъ съ длинной лентой чернаго дыма. Нѣсколько бѣлыхъ парусовъ то исчезаютъ, то снова появляются, ныряя между валами. Хлопотливо летаютъ чайки, рѣзко выдѣляясь своей бѣлизной на темномъ фонѣ морской равнины.

Я вмѣстѣ съ Z. съ самаго утра жарился на солнцѣ. Мы бродили по дѣвственному лѣсу, раскинувшемуся на огромномъ пространствѣ по берегу Чернаго моря, и только теперь вернулись на дачу, гдѣ и усѣлись на террасѣ, любуясь чуднымъ видомъ. Дача г. Z. стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ.

Отсюда можно было хорошо разсмотрѣть и полотно желѣзной дороги, идущей въ Батумъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моря. Немного правѣ строилось зданіе станціи, а пока пассажиры довольствовались платформой, наскоро сколоченной изъ бревенъ и до-

сокъ. Касса и телеграфъ помѣщались въ какомъ-то сарайчикѣ, а нѣсколько старыхъ вагоновъ, расположенныхъ тутъ же, служили убѣжищемъ для начальника станціи и другихъ служащихъ.

Съ боковъ и позади дачи громоздятся горы мрачныя, угрюмыя. На нихъ не видно ни скалъ, ни голыхъ вершинъ, ни обрывовъ. Вездѣ только одинъ сплошной лѣсъ, лѣсъ безъ конца...

И вотъ при такой-то обстановкѣ сидѣлъ я съ гостепріимнымъ хозяиномъ на террасѣ и слушалъ его интересные рассказы.

— Да, много пришлось испытать,—говорилъ Z., пуская кольца сигарнаго дыма.—Если кому рассказать всѣ нравственныя и физическія мученія, какія я извѣдалъ въ первую зиму моего здѣсь пребыванія,—право подумаетъ, что все это сочинено, что ничего подобнаго и случиться не могло.

— Почему же первая зима была вамъ такъ тяжела?—спросилъ я.

— По многимъ причинамъ. Поселился я здѣсь тотчасъ же послѣ взятія Батума. Въ административныхъ сферахъ царствовалъ хаосъ. Съ приобрѣтеніемъ земли, вводомъ во владѣніе, совершеніемъ купчей крѣпости и прочее пришлось испытать такія мытарства, что лучше не вспоминать, а тутъ еще съ работниками возни было не мало: кругомъ все турки, русскаго языка не понимаютъ, да и смотреть чортомъ.

— Отчего же вы не прискакали русскихъ? Вѣдь на Кавказъ ежегодно направляется масса переселенцевъ.

— Я сдѣлалъ, по моему мнѣнію, еще лучше, чѣмъ нанимать поселенцевъ, людей мнѣ совершенно неизвѣстныхъ, я привезъ съ собой изъ Россіи четырехъ человекъ хорошихъ садовниковъ и работниковъ. Но на нихъ-то и обрушились всѣ несчастія.

— Какія же?

— Если ужъ вамъ такъ интересно послушать, то я расскажу все по порядку, хотя, признаюсь, воспоминанія для меня очень тяжелы. Дѣло въ томъ, что незадолго до послѣдней турецкой войны я лишился моего батюшки. Покойный оставилъ порядочный капиталъ, который мнѣ хотѣлось употребить какъ нибудь поумнѣе. Такъ какъ я изучалъ въ университетѣ естественныя науки и съ малолѣтства имѣлъ пристрастіе къ садоводству, то я и рѣшился поселиться гдѣ нибудь на югѣ (въ Крыму или на Кавказѣ) и здѣсь заняться культурой декоративныхъ растений или спеціально винограднаками. Но, въ силу того соображенія, что изъ лекцій я зналъ только теоріи, пришлось отправиться за границу, въ южную Францію, для ознакомленія съ практической стороной дѣла.

Пока берега Чернаго моря дрожали отъ пушечныхъ выстрѣловъ, я занимался самымъ мирнымъ дѣломъ—изученіемъ садоводства. Наконецъ, дошли до меня слухи, что Батумъ отходитъ къ Россіи. Это извѣстіе встрѣчено было мною съ большою радостью.

Вотъ, думалъ я, поселюсь тамъ и буду однимъ изъ русскихъ пионеровъ.

Сказано — сдѣлано. Я поспѣшилъ вернуться въ нашъ уѣздный городъ, въ родное гнѣздо. Тамъ совершенно случайно гостилъ у своихъ знакомыхъ офицеръ, только что пріѣхавшій съ войны. Онъ находился въ кавказской арміи и участвовалъ во взятіи Батума. Какъ будто нарочно судьба складывалась такъ, чтобы я могъ все разузнать отъ человѣка, своими глазами видѣвшаго эту чудную, дѣвственную природу, и услышать о порядкахъ, заводимыхъ въ новыхъ владѣніяхъ. Все это еще больше подмывало меня двинуться въ невѣдомый край.

Я поѣхалъ въ свое помѣстье, ликвидировалъ тамъ дѣла и подобралъ четырехъ человѣкъ рабочихъ, которые были когда-то крѣпостными моего отца и съ которыми я игрывалъ бывало въ лошадки и солдатикки. Теперь они всѣ ужъ превратились въ крѣпкихъ, смышленныхъ мужиковъ и съ удовольствіемъ выразили полную готовность слѣдовать за мною хоть на край свѣта.

Особенно я былъ доволенъ тѣмъ, что удалось заручиться согласіемъ ѣхать въ турецкую сторону садовника Алексѣя, честнаго, опытнаго и безгранично преданнаго мнѣ.

Такимъ образомъ, я явился въ Батумъ съ деньгами, людьми и непоколебимымъ рѣшеніемъ добиться желаемаго результата.

Городъ былъ въ то время, конечно, не то, что вы теперь видите. Онъ представлялъ собою небольшую деревушку съ нѣсколькими мечетями. Дома частью стояли заколоченными, такъ какъ жители ихъ удалились въ Турцію, частью же представляли собою развалины. Наиболѣе крупныя зданія заняты были администраціей, войсками и людьми разныхъ профессій, явившимися въ новый край, чтобы вынюхать и развѣдать — гдѣ, что и какъ. Улицы были кривыя, узкія и грязныя. Многіе сады оказались вырубленными. Бухта была пуста...

Не входя въ подробности, скажу только, что прошло, по крайней мѣрѣ, мѣсяца два, прежде чѣмъ я могъ добиться кое-чего и выбралъ себѣ тридцать десятинъ лѣса, вотъ въ этой мѣстности, гдѣ мы теперь бесѣдуемъ съ вами.

Отсюда до Батума по желѣзной дорогѣ будетъ верстъ двадцать; но, конечно, тогда существовала только болѣе или менѣе торная тропинка, по которой можно было ѣздить верхомъ или съ трудомъ на арбѣ. Тропинка эта идетъ то по самому берегу моря, то сворачиваетъ въ сторону и, углубляясь въ дѣвственный лѣсъ, извиивается между скалами и огромными камнями. Иногда она высоко взбѣгаетъ на горныя кряжи, а иногда совсѣмъ исчезаетъ въ долинѣ, теряясь въ кустарникахъ и заросляхъ папоротника. Понятно, что, слѣдуя по такой дорогѣ до Батума, нужно было сдѣлать верстъ тридцать, а, можетъ, и больше.

Я долго выбиралъ мѣсто для постройки дома и только послѣ многихъ колебаній и соображеній остановился вотъ на этомъ холмѣ. Отсюда прекрасный видъ на море, хотя горы слишкомъ стѣсняють горизонтъ съ трехъ сторонъ; тамъ,halb, въ глубокой долинѣ, версты полторы отсюда, пріютилась маленькая турецкая деревенька, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ усадьбы бѣжитъ ручей превосходной воды, который впадаетъ въ море и составляетъ какъ бы естественную границу моихъ владѣній. Все это вмѣстѣ взятое и убѣдило меня въ томъ, что строить хуторъ надо здѣсь, а не гдѣнибудь въ другомъ мѣстѣ.

И вотъ закипѣла работа. Прежде всего, конечно, необходимо было соорудить какоенибудь помѣщеніе для всѣхъ насъ и приспособить его на зиму, а затѣмъ уже строить конюшню, сарайчикъ и всякія другія хозяйственныя зданія.

Стояла прекрасная осень, какую можно встрѣтить только здѣсь. Октябрь былъ на столько тепелъ, что я и мои работники трудились въ самомъ легкомъ костюмѣ, какой можно дозволить себѣ въ Россіи развѣ въ июлѣ, въ страдную пору. Купилъ я себѣ пару коней и арбу; въ случаѣ необходимости пріобрѣсти чтонибудь въ городѣ для постройки или запастись провизіей, ктонибудь изъ рабочихъ ѣздилъ въ этомъ двухколесномъ экипажѣ, чаще же случалось, что я самъ отправлялся въ Батумъ верхомъ и иногда въ тотъ же день возвращался назадъ.

Дѣло подвигалось быстро и весело. Особенно потѣшалъ насъ одинъ изъ садовниковъ—Миронъ. Отличаясь громаднымъ ростомъ и геркулесовской силой, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ незлобивъ, какъ ребенокъ, и вѣчно въ веселомъ настроеніи духа. Что бы онъ ни дѣлалъ, онъ всегда сопровождалъ свою работу пѣснями и прибаутками самаго уморительнаго содержанія.

Моимъ помощникомъ былъ Алексѣй, о которомъ я упоминалъ вскользь. Онъ представлялъ собою типъ строго религіознаго старика, который не любилъ даромъ терять словъ и не всегда поощрялъ шутки Мирона.

— И чего зубы скалить?—ворчалъ онъ.—Работать надо, а не смѣяться. Работа вещь не шуточная. Все равно, что работать, что Богу молиться, надо съ толкомъ, съ уваженіемъ. А то, вишь, вонъ какъ разбираеть!

Я, однако, когда мы оставались съ Алексѣемъ вдвоемъ, не переставалъ его урезонивать и просилъ не мѣшать общему веселью, объясняя, что всякая работа при веселомъ настроеніи становится не замѣтной. Алексѣй выслушивалъ меня терпѣливо, но по всему видно было, что такого взгляда онъ рѣшительно не раздѣляетъ.

Былъ у меня еще одинъ рабочій, по имени Өоушка. Небольшаго роста, худенькій, съ тонцей рыжеватой бородкой и такими же волосами, онъ имѣлъ чрезвычайно скромный видъ. Но, представьте

онъ одинъ изъ всѣхъ полюбилъ море, онъ просто влюбился въ эту зеленоватую, движущуюся массу воды, въ это безграничное, какъ бы живое пространство. Каждый вечеръ Омушка уходилъ на берегъ и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ тамъ, созерцая волны и прислушиваясь къ неугомонному гулу прибоя; еслибъ товарищи не звали его ужинать, мнѣ думается, что мечтатель могъ бы забыть даже голодъ.

Омушка относился къ морю, какъ къ живому существу. Когда буря грозно шумѣла и сѣдыя, пѣнистыя волны вскакивали на берегъ, онъ говорилъ, что «море сердится». Когда, наоборотъ, передъ его глазами разстилалась ровная голубая скатерть и прибой съ легкимъ шипѣніемъ тихо вкатывался на береговой песокъ, Омушка улыбался отъ удовольствія и утверждалъ, что «море ласкается». Когда одинъ изъ работниковъ, Николай (страшный насмѣшникъ), сталъ издѣваться надъ тѣмъ, что нашъ мечтатель сидитъ все на берегу, какъ будто къ чему-то прислушивается, Омушка отвѣтилъ скромно:

— А развѣ ты думаешь, что волны не рассказываютъ? Вѣдь онѣ тоже Божье произволенье! Только мы, значить, ихъ языка не понимаемъ.

Благодаря своей пылкой фантазіи, онъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, суевѣренъ: боялся начинать какое нибудь дѣло въ понедѣльникъ, считая этотъ день тяжелымъ, вѣрилъ въ домовыхъ и вѣдьмъ, былъ убѣжденъ, что не отпѣтые покойники выходятъ изъ могилъ, и проч., и проч. А когда бывало вечеромъ начнетъ тихимъ пѣвучимъ голосомъ рассказывать страшныя исторіи, гдѣ непременно первое мѣсто занимали утопленники да удавленники, то наводилъ на всѣхъ товарищей такой страхъ, что въ ту ночь почти никто изъ нихъ не спалъ, и каждому чудились стоны и видѣлись тѣни.

Николай каждый разъ послѣ этого бранился, называлъ Омушку старой бабкой и божился, что никогда на ночь не будетъ слушать глупости. И странное дѣло! Такія бесѣды повторялись очень часто, потому что всѣ работники видимо интересовались рассказами изъ міра сверхъестественнаго. Каждому какъ будто было и жутко, и сладко, и хотѣлось, и не хотѣлось еще разъ услышать какую нибудь «страсть».

И Омушка опять начиналъ рассказъ о душѣ убитаго кузнеца, которая не давала покоя его теткѣ Марьѣ.

— А то вотъ еще, братцы мои,—говорилъ онъ,—была одна окаязія. Такъ ужъ этому я самъ свидѣтелемъ былъ. Моя матушка, царство ей небесное, стала при концѣ своей жизни частенько прихварывать. Случалось, что по цѣлымъ недѣлямъ не слѣзала съ печи. Бывало, думали, что и конецъ ей скоро, а она, глядишь, поправится и опять съ палочкой за ворота выйдетъ, на заваленкѣ посидитъ, на солнышкѣ погрѣется.

Разъ случилось ей какъ-то прихворнуть; забралась на печь, да оттуда и не показывается. Ночью сплю я на скамейкѣ подъ окномъ и слышу сквозь сонъ, что кто-то около избы нашей ходитъ и таково тяжело ступаетъ, точно лошадь. Проснулся, гляжу, въ окно луна свѣтитъ, и опять все стихло. Не прошло и пяти минутъ, какъ слышу шаги снова... Кто-то подходитъ къ окну, остановился и въ стекло этакъ «стукъ»... Потомъ—въ другой и въ третій разъ... Оторопь на меня, братцы, напала... лежу ни живъ, ни мертвъ. Наконецъ, слышу, голосъ явственно такъ зоветъ: «Матрена, Матрена» (это мать мою Матреной, если помните, звали). Я испужался—страсть! А онъ опять: «Матрена, а Матрена!». И такъ до трехъ разъ... Потомъ подождалъ, подождалъ, да отъ нашей избы таково тяжело, да медленно сталъ уходить. Тутъ ужъ, братцы, откуда у меня храбрость взялась... вскочилъ это я и къ окошку. Луна ярко свѣтитъ, и вижу, какъ мужичекъ сѣдой да сгорбленный (совѣмъ, какъ покойникъ дѣдушка: вы, чай, тоже его помните) отъ насъ къ полю уходить. Потомъ дѣдъ остановился, оглянулся и пропалъ... Я всю ночь какъ въ лихорадкѣ трясся. Когда утромъ всѣ наши проснулись, я старшему брату Иннокентію и рассказалъ, что видѣлъ. — Ну, говорить, должно, наша старуха кончится; это за ней дѣдъ приходилъ! И что же вы думаете, братцы мои? ровнехонько черезъ шесть недѣль матушка померла. Вотъ какія дѣла на свѣтѣ бываютъ! Одинъ Господь милосливый все это понимаетъ...

Надо было видѣть, съ какимъ вниманіемъ слушали всѣ (не исключая и Алексѣя) эту исторію, затаивъ дыханіе и широко раскрывъ глаза.

Я живо помню первую ночь, которую мы провели здѣсь, когда пріѣхали изъ Батума, когда еще не было срублено ни одного дерева.

Моя арба служила мнѣ кабинетомъ и спальней; я размѣстился въ ней и, прикрывшись пледомъ, наблюдалъ, что творилось кругомъ. По сторонамъ стояли гигантскія деревья, вдали колыхалось море, облитое яркимъ луннымъ свѣтомъ. Вокругъ огромнаго костра расположились товарищи; тутъ же паслись стреноженные кони и помѣстились турки, доставившіе нашъ багажъ въ эти палестины. Миронъ досталъ даже гдѣ-то гармонику и привелъ большую черную собаку, которая скорѣе походила на скелетъ, чѣмъ на животное; онъ поймалъ ее въ городѣ, накормилъ, приласкалъ, и благодарный песь быстро подружился со всѣми нами.

На счетъ клички этого новаго товарища было довольно спора: одинъ называлъ его Арапкой, другой — Трезоркой, третій — Кудлашкой.

Но мрачный Алексѣй, читающій постоянно газеты, предложилъ дать ему имя Бисмарка.

— А что это значить? Какое это слово?—спросилъ Миронъ.

— Эхъ ты, необразованность! — брезгливо взглянулъ на него Алексѣй.—Бисмаркъ—это нѣмецкій генераль, который всю Европу смущаетъ. Онъ и насъ въ войну втянулъ, а самъ съ своими нѣмцами въ сторонѣ остался.

— Стало быть, этотъ самый Бисмаркъ молодець!—рѣшилъ Миронъ.—Вѣдь кабы войны не было, такъ мы бы и Батума не взяли. А вотъ теперь Батумомъ наши завладѣли, и мы сюда жить пріѣхали. Важно!.. Ну, ты, Бисмаркъ! На, вотъ тебѣ за это кусокъ хлѣба!..

Лежа у себя въ арбѣ и глядя на фигуры работниковъ, привезенныхъ изъ далекой Россіи, мнѣ вдругъ стало страшно отъ своихъ замысловъ.

— А что, думалось, если вся моя затѣя лопнетъ? Что если ничего изъ моего предпріятія не выйдетъ? Я привезъ ихъ сюда, слѣдовательно, я отвѣтственъ за нихъ.

И долго шевелились у меня въ головѣ безотрадные мысли и рисовались мрачныя картины...

Уже къ утру, когда потянуло холодкомъ отъ поблѣвшаго неба, я обозвалъ себя трусомъ и бабой, успокоился и заснулъ.

II.

Прошло мѣсяца полтора, и нашъ домикъ былъ оконченъ вчернѣ, т. е. въ немъ можно было провести батумскую зиму. Состоялъ онъ всего изъ двухъ большихъ комнатъ: въ одной помѣщался я съ своей библиотекой, а во второй—четыре моихъ товарища. Дверь ведущая изъ одного помѣщенія въ другое, была почти постоянно отворена; обѣдали и ужинали мы всѣ вмѣстѣ, чай пили такъ же. Однимъ словомъ, всѣ пятеро сплотились въ одну семью.

Дни начали становиться короткими, чаще перепали дожди, море бушевало и ревѣло сердито. По вечерамъ, при свѣтѣ дешевой керосиновой лампы, мы сидѣли обыкновенно за общимъ столомъ; я читалъ въ слухъ газету, которую получалъ черезъ Батумъ, и многое объяснялъ моимъ слушателямъ.

Или бралъ какую нибудь книгу, въ родѣ «Записокъ Охотника» Тургенева или сказокъ Пушкина; послѣднія особенно всѣмъ нравились.

Когда же я былъ чѣмъ нибудь занятъ и притворялъ дверь въ кабинетъ, Омушка начиналъ свои безконечныя рассказы о привидѣніяхъ.

Однажды мнѣ пришлось уѣхать въ Батумъ, чтобы получить тамъ письма и газеты, рассчитывая вернуться домой въ тотъ же день.

И вотъ, покончивъ свои дѣла, я уже почти выѣхалъ изъ города, какъ вдругъ дорогу мою перерѣзала похоронная процессія; несли сразу три или четыре гроба, а за ними шла небольшая кучка нашихъ солдатиковъ.

Я подъѣхалъ къ одному изъ провожавшихъ и спросилъ: кого это хоронятъ?

— Да изъ госпиталѣ. Каждый день носятъ по нѣскольکو.

— Отъ какой же болѣзни умираютъ?

— Отъ лихорадки. Въ нѣскольکو дней скашивается. Мѣстность проклятая, болотистая; чуть только кто не поостережется, напьется холодной воды или простудится, и кончено.

Я тронулъ лошадь и рысью пустился вонъ изъ города.

Дорога шла лѣсомъ. Солнце стояло еще высоко и порядочно припекало, когда приходилось въѣзжать на полянки. Но стоило только попасть въ ущелье или долину, заросшую вѣковыми деревьями, какъ чувствовалась какая-то горячая сырость; будто сразу попадалъ въ жарко натопленную баню. Блага тяжелымъ туманомъ лежала надъ землей и проникала до костей.

Роскошная картина лѣса, яркое солнце и глубокое море поражали меня красотой. Я сравнивалъ всю эту обстановку съ скромнымъ видомъ лѣсовъ средней полосы Россіи, и какими блѣдными красками рисовались въ моемъ воображеніи пейзажи далекаго роднаго помѣстья.

— Тамъ теперь уже дожди идутъ, холодно, вѣтеръ воетъ... А здѣсь на солнцѣ чуть не 20 градусовъ по Реомюру, и всѣ почти деревья еще не теряли своей листвы,—думалось мнѣ.

Мой конь бойко бѣжалъ по дорожкѣ, пофыркивая и шевеля ушами. Съ дороги здѣсь нельзя сбиться, такъ какъ она всего одна, и поэтому я совсѣмъ замечтался и подчасъ забывалъ, что сижу въ сѣдлѣ.

Изрѣдка попадались на встрѣчу турки, оборванные, худые, на поджарыхъ лошадяхъ и съ цѣлымъ арсеналомъ за поясомъ; тутъ виднѣлись и длинные пистолеты и крючковатые кинжалы, и какіе-то узкіе ножи.

Мы молча оглядывали другъ друга и молча продолжали путь.

Къ вечеру я подъѣхалъ къ своему хутору. Чуть не за версту встрѣтилъ меня съ радостнымъ лаемъ Бисмаркъ; онъ теперь представлялся красивымъ псомъ, съ шелковистой черной шерстью.

Мой домикъ съ большими окнами и новой желѣзной крышей утопалъ въ яркихъ лучахъ розоваго заката. Лиловыя тѣни потянулись по землѣ и удушающій ароматъ какого-то растенія далеко разносился въ воздухъ. Горы и лѣсъ неподвижно стояли кругомъ и кутались въ прозрачный туманъ. Солнце пряталось за синее море; оно горѣло золотомъ и сверкало такъ, что больно было глазамъ смотрѣть на него.

Когда я вы́халъ на небольшую площадку около дома, заваленную брусьями, кирпичемъ, известкой и другими принадлежностями постройки и которую мы называли громкимъ именемъ двора, всё мои четыре работника сидѣли на ступенькахъ только что оконченнаго крылечка.

Алексѣй молча подошелъ и взялъ мою лошадь; другіе привстали съ своихъ мѣстъ, но имѣли видъ какой-то смущенный, испуганный.

— Ну, братцы, давайте-ка чаю! Усталъ ужасно!—сказалъ я.

Николай ушелъ въ домъ ставить самоваръ, а Миронъ и Омушка продолжали смотрѣть въ землю и не проронили ни единого слова.

— Да вы что сегодня такіе? Точно васъ поколотилъ ктонибудь?

— Да мы—ничаво... то-есть...—почесалъ себѣ въ затылкѣ Омушка.

— Нѣтъ, чтонибудь навѣрно случилось!

— А вотъ эта старая бабка все смущаетъ!—съ какимъ-то ожесточеніемъ заговорилъ Миронъ, указывая на товарища.—Ей Богу, бабка! съ нимъ ничего не подѣлаешь, только въ смущеніе производитъ!

— Да въ чемъ дѣло?

— Ну, говори!—крикнулъ Миронъ, дергая Омушку за рукавъ.

— А что же говорить?—мягкимъ теноромъ затынулъ тотъ.—Вѣдь всё видѣли, всё могутъ сказать...

— Какіе вы несносные! да что видѣли?

— А вотъ что, баринъ... Нечистое мы мѣсто выбрали! — прошептала Омушка, наклоняясь близко къ моему лицу и даже оглядываясь, точно боялся, что ктонибудь подслушаетъ.

— Какъ—нечистое?

— Да ужъ такъ. Это я знаю. Стали мы рыть подъ тѣмъ деревомъ яму, чтобъ столбъ ставить для амбара, а только этакъ выкопали съ аршинъ глубины, а мой заступъ — щелкъ! во что-то и стукнулъ. Я повернулъ лопату, нажалъ ногой, поднялъ землю... глядь: въ ямѣ скелетъ лежитъ... Вотъ что!

— Ну, такъ что же? здѣсь, я думаю, много можно найти скелетовъ въ разныхъ мѣстахъ. Должно быть, ктонибудь былъ похороненъ.

— Вотъ то-то и есть! напали мы на могилу загубленной душеньки. Вѣдь дорога здѣсь идетъ въ двухъ шагахъ... Ну, вотъ должно, разбойники какогонибудь кушца уколотили, оттащили его въ кусты подальше, да и закопали.

— Я, всетаки, не понимаю: что же тутъ необыкновеннаго?

— Необыкновеннаго тутъ ничего нѣтъ, а что мѣсто здѣсь нечистое—такъ это тоже вѣрно: хоть бросай все и переходи на другое.

— Ну, ужъ за это спасибо! Только что выстроили домъ, и опять изъ-за суевѣрныхъ страховъ перетаскивай на новое мѣсто! Ты, братъ Ома, совсѣмъ спятилъ!

- Это какъ угодно! только спокою намъ не будетъ.
 — Почему же?
 — А потому, что вѣдь мертвецъ не отпѣтый, надъ нимъ молитвъ панихидныхъ не читали: какъ вы полагаете, можетъ его душа спокойна быть?
 — Ахъ ты, философъ! Да вѣдь это, вѣроятно, турокъ убитый, а не христiанинъ: какъ же ты хочешь, чтобъ его отпѣвали? похристiански что ли?
 — Да, и то правда!—обрадовался Миронъ.—Ну, какъ онъ можетъ быть отпѣтымъ, когда онъ другой, не нашей вѣры?
 Омущка опять почесаль въ затылкѣ.
 — Не знаю,—отвѣчалъ онъ.—Только мнѣ все это очень сумнительно, и хорошаго отсюда ничего не будетъ—увидите.
 — Эхъ ты, Бова пустая голова!—захохоталь Миронъ.—Сумнительно! Только на насъ раздумье нагналь—вотъ тебѣ баринъ все и объяснилъ.

Миронъ видимо обрадовался окончанiю нашего спора; онъ вздохнулъ свободно и совершенно спокойный, улыбающiйся пошелъ къ Алексѣю, который ставилъ лошадь въ конюшню.

Я тоже забрался въ свой кабинетъ и занялся полученной почтой. Каминъ ярко пылаль и освѣщаль всю комнату. Красные огоньки сверкали на развѣшанныхъ по стѣнамъ двухстволкахъ и кинжалахъ (у меня былъ цѣлый арсеналь).

Попивая горячiй чай и прочитывая газеты, я не замѣтилъ, какъ наступилъ вечеръ.

Въ сосѣдней комнатѣ, между тѣмъ, работники тоже опустошали чуть не пятый самоваръ и разговаривали въ полголоса.

Миронъ спорилъ и не соглашался съ доводами Омущки; Николай тоже, по обыкновенiю, сомнѣвался, а Алексѣй молчалъ. Наконецъ, пришли къ какому-то результату и умолкли.

— Что же ты не идешь на берегъ послушать, о чемъ говорить море?—спросилъ съ насмѣшкой Николай.—Поди, у него спроси про шкелеть, оно тебѣ скажетъ.

— Нѣтъ, сегодня я уже тамъ сидѣлъ, а теперь не пойду,—флегматично отвѣчалъ Ома.

— А что? видно, боишься, какъ бы съ мертвецомъ не встрѣтиться?

— Чего бояться? Отъ промысла Божiя не уйдешь, какъ про тебя написано у Господа милосливаго, такъ и случится.

— Просто, братъ, потрухиваешь.

— Нѣтъ! чаво потрухивать!

На томъ разговоръ и кончился. Я всталъ, выпелъ съ нимъ въ комнату и присѣлъ къ столу, около Алексѣя.

— Вотъ что, братцы, — сказалъ я. — Мнѣ слѣдовало бы васъ давно предупредить, да все забываль: не пейте вы холодной воды во время работы, когда всякiй бываетъ въ испаринѣ. А то здѣсь, въ

этой мѣстности, свирѣпствуютъ сильныя лихорадки, въ Батумѣ много солдатъ переболѣло.

— А вотъ я,—отозвался Миронъ,—сегодня даже въ морѣ искупался. Ничаво, хорошо! только вода холодна стала, долго согрѣться не могъ.

— Это ты напрасно сдѣлалъ,—пробурчала Алексѣй.—Потому—осень, какъ есть захвораетъ.

— Ничаво, теперь тепло стало!

— То-то ничаво, а потомъ съ тобой возись!

— Нѣтъ, братцы, купаться бросьте,—сказала я.—Хоть у меня хинина большой запасъ, а, всетаки, лучше не хворать.

Всѣ замолчали.

— Эхъ, теперь бы еще стаканчикъ выпить, да въ самоварѣ воды нѣтъ!—протянулъ Омушка, утирая красное, вспотѣвшее лицо.

— Ну, и пей, кто запрещаетъ?—покосился на него Алексѣй и поднялся съ мѣста, чтобы поставить свой стаканъ въ шкафъ домашняго производства.

— Да и я бы еще выпилъ,—прибавилъ Миронъ.

— Да и я,—сказала Николай.

Всѣ засмѣялись.

— Принесите воды ктонибудь!—скомандовала Алексѣй.

Миронъ нехотя взявъ ведро и вышелъ; но не прошло и пяти минутъ, какъ онъ съ шумомъ влетѣлъ опять въ комнату съ лицомъ, искаженнымъ ужасомъ. Онъ тяжело дышалъ и оглядывался назадъ, точно за нимъ ктонибудь бѣжалъ, преслѣдовалъ его.

Мы всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, перепуганные такою внезапностью.

— Что съ тобою, Миронъ?—спросилъ я.

— Стоить!... ей-Богу, стоитъ!—шепталъ парень, не спуская глазъ съ запертой входной двери...

— Кто стоитъ?

— Онъ!... самъ видѣлъ!

— Кто онъ?

— Шкелеть! Я только подошелъ къ ручью, чтобы воды зачерпнуть, глядь—около вырытой ямы стоитъ, весь въ бѣломъ, съ дырками вмѣсто глазъ. Я скорѣе оттуда, и ведро тамъ бросилъ!... вотъ страсть-то!..

— Вотъ то-то и есть! А мнѣ все не вѣрили!—прошепталъ Омушка, струсившій, повидимому, не меньше Мирона.

— Все это глупости!—сказала я.—Пойдемте и посмотримъ всѣ вмѣстѣ.

— Двухстволку захватить надо,—прибавилъ Алексѣй.

— Зачѣмъ? Развѣ душу застрѣлить можно?—возразилъ Ома.

— Пойдемте, пойдемте скорѣе!—торопилъ Миронъ.

Мы вышли. Было совсѣмъ темно. Ни одной звѣздочки не свѣ-

тилось на небѣ. Окружающій насъ лѣсъ слился въ какую-то черную громадную массу, которая какъ будто надвигалась на мой домикъ со всѣхъ сторонъ. На крыльцѣ вертѣлся Бисмаркъ, пома- хивая хвостомъ и взвизгивая отъ радости.

— Ну, веди же къ тому мѣсту,—сказалъ я Мирону.

— А вонъ пойдѣте за сарайчикъ, въ двухъ шагахъ отъ вырытой ямы. Правѣ надо держать, а то въ нее еще попадешь.

Николай чиркнулъ спичкой. Вспыхнувшій огонекъ освѣтилъ груды кирпича и сарайчикъ съ отворенной дверью, въ которой мелькнули двѣ привязанныя лошади. Затѣмъ спичка погасла, и темнота сдѣлалась какъ будто еще гуще.

Зажгли другую, потомъ—третью и такимъ образомъ дошли до ручья.

Свѣтлыя струйки воды журчали и неслись внизъ по скату; какъ разъ передъ нами онѣ образовали нѣчто въ родѣ каскада, и бѣлая пѣна крупными кусками уносилась подъ громадные корни столѣтняго дерева, наклонившагося надъ водой. Стволъ этого дерева совсѣмъ былъ лишенъ коры, а сучья, какъ руки, протягивались къ темному небу. Тутъ же, на берегу, валялось ведро.

— Ну, Миронъ, гдѣ же твой шкелеть?—спросилъ Николай.

Зажгли опять спичку, и при слабомъ свѣтѣ голубоватаго огонька голый стволъ дерева можно было, пожалуй, принять за какую-то бѣлую фигуру.

— Ты дерево принялъ за мертвеца,—сказалъ я Мирону.

Всѣ засмѣялись, исключая Оомы.

— Да, нѣтъ! Будто здѣсь кто-то стоялъ,—бурчалъ сконфуженный парень, озираясь кругомъ.—Неужто же это мнѣ померещилось.

Свѣтъ погасъ, и все погрузилось въ темноту, только мертвое дерево подымалось передъ нами въ видѣ бѣлой фигуры.

— Такъ оно и есть!—подтвердилъ Алексѣй.—Эхъ, парень! Бери воды да иди, ставь самоваръ въ наказаніе. Всѣхъ переполошилъ! Я думалъ, что турки забрались къ лошадямъ.

Миронъ взялъ наполненное ведро и окончательно развеселился. Онъ, повидимому, и на этотъ разъ былъ доволенъ тѣмъ, что всѣ необыкновенныя исторіи, которыя рассказывалъ Оома, въ сущности не что иное, какъ обманъ собственнаго воображенія.

Мы пошли назадъ, замкнули лошадей, осмотрѣли все кругомъ, и скоро громкій хохотъ и прибаутки Мирона окончательно разве- седили компанію.

Только Ооमुшка чувствовалъ себя не то сконфуженнымъ, не то оскорбленнымъ. Онъ открылъ окно, сѣлъ около него и сталъ прислушиваться къ шуму моря. Оно ревѣло то громче, то ослабѣвая... Вдали тянулся въ темноту бѣлый лучъ свѣта, кинутый Батумскимъ маякомъ, да чуть сверкалъ красный фонарь какого-то идущаго судна.

III.

На другой день я проснулся нѣсколько позднѣе обыкновеннаго. Въ домѣ стояла тишина, и только со двора доносились голоса рабочихъ. Напившись наскоро чаю, я вышелъ.

Чудное свѣжее утро подѣйствовало живительно на мои нервы. Мнѣ почему-то даже весело стало.

Алексѣй доложилъ, что скелеть перенесенъ въ другое мѣсто, подальше отъ усадьбы, и что столбы поставлены по ватерпасу. Затѣмъ указалъ мнѣ на двухъ турокъ, пришедшихъ изъ ближней деревеньки на работу. Они почти ничего не понимали порусски и имъ объясняли все знаками. Старшаго Омупка окрестилъ Ахметкой, и тотъ откликался, когда кто называлъ его этимъ именемъ. Если ему показывали, какъ бревно надо перерубить или расколоть, Ахметка кивалъ головой и произносилъ: «хорось, хорось!». Младшій же турокъ только улыбался, но понималъ приказанія также быстро.

Подойдя къ Мирону, который что-то возился около столба, я замѣтилъ, что у парня было какое-то несвойственное ему выраженіе лица; глаза смотрѣли тускло и безжизненно, на щекахъ горѣлъ яркій румянецъ, губы пересохли. Ко всему этому, онъ работалъ молча, безъ прибаутокъ и пѣсенокъ; даже на Бисмарка не обращалъ никакого вниманія, не смотря на то, что умный пестъ вертѣлся тутъ же и заглядывалъ участливо въ глаза своему хозяину.

— Ты здоровъ, Миронъ?—спросилъ я.

— Кто его знаетъ, здоровъ я или нѣтъ; всю ночь трясло, холодно было, а теперь горю, какъ въ огнѣ,—отвѣчалъ онъ.

— Тебѣ надо принять хининъ. Погоди, я принесу.

Меня точно въ сердце ударило. «Неужели съ нимъ лихорадка? Вчера выкупался, самъ говорилъ, что прозябъ очень, никакъ согрѣться не могъ; вотъ теперь и отозвалось!»

Руки мои сильно тряслись, когда я отвѣшивалъ лекарство.

Турки, взглянувъ на больного, покачали головой и рукой махнули, а Ахметка подошелъ ко мнѣ и шепнулъ на ухо: «никарось! ай, никарось!» и даже языкомъ щелкнулъ.

За обѣдомъ Миронъ ничего не ѣлъ. Я уложилъ его въ постель и сталъ употреблять всѣ извѣстныя мнѣ средства, чтобы вызвать испарину. Но все было напрасно! Къ вечеру жаръ усилился, глаза налились кровью, дыханіе сдѣлалось тяжелымъ и частымъ, тѣло горѣло, а кожа оставалась сухою.

Ночью больной бредилъ и только временами приходилъ въ себя, Онъ съ трудомъ ворочалъ языкомъ и все о чемъ-то просилъ меня. Всѣ товарищи съ грустью смотрѣли на страдальца, и каждый хотѣлъ хоть чѣмъ нибудь помочь ему.

Уже на зарѣ, когда стало совсѣмъ свѣтло, Миронъ уснулъ, показалась испарина.

— Ну, слава Богу, теперь полегчаетъ!—сказаль Алексѣй.—Ложитесь-ка, баринъ, усните хоть немного. Да и мы приляжемъ на часокъ.

Съ облегченнымъ сердцемъ ушелъ я въ свою комнату.

Долго ли длился мой сонъ, я не знаю, но когда проснулся, солнце стояло уже высоко, а Алексѣй дергалъ меня за рукавъ.

— Что случилось? Что—Миронъ?

— Да, плохъ!—сказаль онъ шепотомъ.—Турки говорятъ, что къ вечеру кончится. Вотъ напасть-то!

Я вскочилъ и побѣжалъ къ больному. Онъ лежалъ въ безсознательномъ состояннн и тихо бредилъ. По осунувшемуся лицу иногда пробѣгала улыбка, временами онъ даже немного открываль глаза и взглядываль на насъ, но взглядъ былъ бессмысленный, потухающнй.

— Надо за докторомъ послать!—сказаль я.—Я напишу письмо къ военному врачу, пусть Николай осѣдлаетъ лошадь и скачетъ въ Батумъ. Живо! Слышите?

Черезъ десять минутъ посланный исчезъ въ лѣсной дорожкѣ, а мы стали ждать. И вотъ потянулись длинные, скучные часы. Работа наша прекратилась, и только два турка равнодушно стучали топорами, очищая отъ коры срубленные деревья.

Между тѣмъ Миронъ совсѣмъ притихъ, руки вытянулись и начали холодѣть... Алексѣй нахмурилъ брови и молча смотрѣлъ въ окно, а Омушка шумно вздыхаль, сидя на полу около печи.

Солнце стало садиться въ тучу. По небу поползли тяжелыя облака, а къ вечеру заморосилъ мелкнй-мелкнй дождь. Потянуло холодомъ изъ ущелья, вѣтеръ зашумѣлъ въ лѣсу, море опять заворчало.

Быстро наступила темная ночь, и я сталъ было беспокоиться объ Николаѣ, какъ вдругъ Бисмаркъ радостно залаялъ. Вошелъ посланный весь иззябшнй, мокрый; съ картуза и съ кафтана струилась вода.

— Ну, что докторъ?—кинулись мы всѣ къ нему.

Николай махнулъ отчаянно рукой.

— И не ждите вашего доктора!—сказаль онъ.—Подаль я ему, значить, ваше письмо, а онъ прочиталь и говоритъ: «Скажи, говорить, своему барину, что мнѣ дѣла нѣтъ до его больныхъ; у самого, говорить, своихъ много въ госпиталѣ. Пусть, говорить, даеъ хину, все равно, говорить, помретъ. А ѣздить мнѣ некогда, да я ни за какнй тыщи и не поѣду!» Вотъ что дохтуръ сказаль.

Мы остолбенѣли. Я не зналъ, что же дѣлать, чѣмъ помочь бѣднягѣ.

Тѣмъ временемъ Николай сталъ снимать свое платье и съ удо-

вольствиемъ грѣлся у пылающей печи. Омушка пошелъ убрать лошадь.

— А еще сказалъ дохтуръ, — вспомнилъ Николай, — что и хоронить мы можемъ безъ попа, «потому, говорить, гдѣ вы попа возьмете? Въ Батумѣ ихъ очень немного, а ѣздить имъ за тридцать верстъ — не порядокъ. Потомъ, говорить, отпѣть можно». Такъ-то!.. Вотъ времена! Безъ христіанскаго отпѣванія людей закапывать разрѣшено! Все равно, какъ скотину какую, прости Господи!

Опять наступила длинная, безконечная ночь. Я и Алексѣй неотлучно были при больномъ. Онъ сталъ дышать теперь усиленно, съ хрипотой; грудь высоко и порывисто подымалась.

Лампа чуть-чуть кидала на умирающаго слабый красноватый свѣтъ.

Не помню, какъ я задремалъ, сидя на стулѣ.

Вдругъ слышу, Алексѣй поднялся съ своего мѣста и подошелъ къ Мирону.

— Что ты?

— Кончается! — какъ-то торжественно громко произнесъ онъ вмѣсто отвѣта.

И дѣйствительно Миронъ пересталъ дышать; онъ только судорожно вытягивался подъ одѣяломъ; лицо сразу приняло строго спокойное выраженіе.

Товарищи проснулись и стояли совершенно озадаченные.

— Царство ему небесное! — проговорилъ Омушка и набожно перекрестился. Николай — тоже.

Началась суета. Надо было хоть какънибудь сдѣлать похороны похожими на православное погребеніе. Группъ одѣли въ новую розовую ситцевую рубашку, широкіе плюшевые шаровары и положили на столъ. Омушка читалъ молитвы по молитвеннику и дѣлалъ это сосредоточенно, съ сознаниемъ важности взятой на себя обязанности; онъ началъ съ первой страницы, кончилъ — послѣдней, потомъ принялся снова за первую и т. д. Я и Алексѣй должны были при слабомъ свѣтѣ зарождающагося дня отыскать доски и сколотить гробъ. Николай выбралъ за ручьемъ мѣсто и сталъ копать могилу.

Звукъ пилы и стукъ забиваемыхъ гвоздей были для меня чистѣйшей пыткой; я не зналъ, куда дѣваться отъ этихъ ужасныхъ звуковъ. Мнѣ казалось, что Миронъ умеръ, благодаря моей небрежности, что надо было раньше предупредить рабочихъ о здѣшнихъ лихорадкахъ.

Наступило утро холодное, пасмурное. Мы бережно положили Мирона въ гробъ, побратски простились съ нимъ, прибили крышку и вынесли къ приготовленной могилѣ. Здѣсь я громко прочелъ «Отче нашъ» и вмѣстѣ съ другими опустил своего погибшаго товарища въ сырую яму.

Бисмаркъ сидѣлъ въ сторонкѣ и съ недоумѣніемъ поглядывалъ на нашу работу.

Когда мы вернулись съ похоронъ на дворикъ, турки уже были на своихъ мѣстахъ. Они нисколько не удивились скорой кончинѣ Мирона и кивали утвердительно головой. Ахметка все твердилъ: «никарось, никарось», и что-то показывалъ на грудь.

— Эхъ, баринъ!—обратился ко мнѣ Оомушка.—Позвольте этихъ чертей выгнать отсюда. Чего шлятся?

— Пусть работаютъ, тебѣ они не мѣшаютъ.

— Да вѣдь нехристи окаянные на нашу усадьбу несчастье накликали! Вотъ что!

Потомъ вдругъ Оомушка вспомнилъ что-то и даже какъ будто обрадовался.

— Вотъ, баринъ!—тихо произнесъ онъ, нагнувшись, по обыкновенію, почти къ самому моему лицу.—Вы теперь повѣрите?

— Чему повѣрю?

— А шкелеть? Правду я говорилъ? Бѣдный Миронъ не даромъ его первый увидалъ. Это шкелеть за нимъ приходилъ, звалъ его, вотъ онъ и умеръ.

— Убирайся ты къ чорту!—крикнулъ я и пошелъ въ домъ.

Я уѣхалъ въ Батумъ. Мнѣ хотѣлось сообщить (а кому—я и самъ хорошенько не зналъ) о смерти рабочаго и хотъ нѣсколько разсѣяться.

Тянуло меня также завернуть къ знакомому офицеру Ираклію Ивановичу Пещурову, съ которымъ я сошелся въ нѣсколько вечеровъ, проведенныхъ вмѣстѣ, когда проживалъ въ городѣ и хлопоталъ о покупкѣ земли.

Бываютъ такіе люди, съ которыми быстро сходишься. Вотъ къ числу такихъ принадлежалъ и Ираклій Ивановичъ. Не смотря на то, что онъ любилъ пошумѣть и покричать на своихъ солдатъ, они любили своего начальника до обожанія и считали его за отца, а не за командира.

Пещуровъ былъ еще не старый, красивый человѣкъ. Доброе лицо, загорѣлое отъ южнаго солнца, принимало багровый цвѣтъ, когда Ираклій Ивановичъ горячился; но горячность эта иногда была очень комична, такъ какъ проявлялась изъ-за пустяковъ. Въ концѣ концовъ «русскій офицеръ», какъ называлъ себя всегда Пещуровъ, самъ начиналъ смѣяться надъ собой. Вотъ къ этому милому человѣку я и поѣхалъ.

IV.

Однако въ городѣ я потерпѣлъ неудачу.

Во-первыхъ, къ кому ни обращался на счетъ умершаго рабочаго, всѣ выказывали самое удивительное равнодушіе. «Ну, что-жъ?—го-

ворили,—умеръ, царство небесное! Чего же вы хотите? Вѣдь никто не поѣдетъ къ вамъ на хуторъ наводить справки: дѣйствительно ли покончили свое земное существованіе вашъ Миронъ, или нѣтъ? Что за цѣль вамъ сочинять или выдумывать? Наконецъ, вѣдь вы закопали его? ну, и ладно! Подайте въ церковь помянуть душу новопреставленнаго раба, и кончено! И какъ это, право, вы съ такими глупостями (съ позволенія сказать) пристааете! тутъ дѣло по горло, а вы съ вашимъ Мирономъ! цѣлую область приводимъ въ порядокъ, заводимъ управление, а тутъ со всякой ерундой лѣзутъ!». Тѣмъ дѣло и кончилось.

Во-вторыхъ, когда я обратился къ знакомому доктору за разъясненіями: какъ и чѣмъ лѣчить въ случаяхъ заболѣванія такой болѣзней, отъ какой умеръ Миронъ, онъ только руками развелъ. «Ничего не могу сказать опредѣленнаго,—заявилъ эскулапъ откровенно.—Мы, врачи, этой болѣзни совсѣмъ не знаемъ. Не то это лихорадка кавказская, не то это чортъ знаетъ что такое! Можемъ только констатировать, что болѣзнь протекаетъ быстро и оканчивается, въ большинствѣ случаевъ, смертью. Вскрытій мы пока еще не дѣлали и, стало быть, не знаемъ, какіе органы поражаются и въ чемъ состоитъ причина смерти. Погодите, скоро вскрывать начнемъ. Болѣзнь, повидимому, эндемична, то-есть гнѣздится въ этой мѣстности. Нѣкоторые субъекты гибнутъ въ нѣсколько дней, въ нѣсколько пароксизмовъ, а слабые даже въ сутки (бывали примѣры). Въ виду же всего вышесказаннаго, что могу я вамъ сказать утѣшительнаго? Давайте хининъ, грановъ по шестьдесятъ на пріемъ, иногда это какъ будто помогаетъ. Мы, врачи, мало знаемъ вообще о формахъ злокачественныхъ лихорадокъ. Докторъ Кунце въ своемъ руководствѣ къ практической медицинѣ говоритъ, что иногда общее состояніе больного становится похожимъ на тифъ, показываются бредъ и конвульсіи, за которыми слѣдуетъ спячка; наконецъ, развиваются явленія остраго отека легкихъ и паралича сердца, конечности холодѣютъ, языкъ сохнетъ, и смерть можетъ наступить весьма быстро. Вотъ все, что мы знаемъ! Прощайте!».

Прочитавъ Кунце, врачъ, вѣроятно, рассчитывалъ, что онъ меня этимъ окончательно успокоилъ, что онъ все объяснилъ, и что больше и разговаривать нечего.

Въ-третьихъ, неудача постигла меня и у офицера, я не засталъ его дома. Послѣднее обстоятельство было особенно неприятно потому, что Ираклій Ивановичъ долго служилъ на Кавказѣ и, слѣдовательно, изъ практики зналъ, что дѣлать въ случаяхъ заболѣванія и какъ лѣчать горцы эту болѣзнь.

Я оставилъ ему записку, въ которой изложилъ происшествіе на моемъ хуторѣ и просилъ захватить хоть на сутки въ мои палестины.

Затѣмъ, нехотя, сѣлъ въ сѣдло и не спѣша пустился въ обратный путь.

Дома меня ожидала опять непріятность. Алексѣй, принимая лошадь, тихимъ голосомъ сообщилъ, что Николай, должно быть, вчера простудился, когда ѣздилъ въ Батумъ за докторомъ, потому что чувствуетъ себя нехорошо.

Я быстро вошелъ въ домъ. Въ комнатѣ для рабочихъ сидѣли Оумушка и Николай. Они привстали съ своихъ мѣстъ при моемъ появленіи, и я сразу замѣтилъ нѣчто неладное: Николай былъ точно нарумяненъ, до такой степени на его щекахъ игралъ яркій румянецъ; но онъ старался даже виду не показывать, что чувствуетъ себя нехорошо, и пустился спрашивать меня о Батумѣ и о дорогѣ.

Я отвѣчалъ тоже, какъ будто ничего не замѣчая, но приготовилъ въ своей комнатѣ лекарство и собирался уже идти къ больному, какъ вдругъ онъ самъ явился.

— Баринъ,—сказалъ онъ,—дайте мнѣ чегонибудь, мнѣ что-то не можется.

— А что, не простудился ли ты вчера?

— Не знаю-съ, но только вы дайте, такъ какъ я помирать не хочу.

— Богъ съ тобой! зачѣмъ же умирать?

— То-то! я не намѣренъ, еще мнѣ рано!—бодрился Николай.

Онъ выпилъ залпомъ огромный пріемъ хинина и скорчилъ гримасу.

— Ужъ да и горько какъ! Ну, отъ такой горечи всякая пакость убѣжить. Благодаримъ покорно. Теперь ничего, будто лучше стало.

Николай ушелъ, долго рассказывалъ по комнатѣ, разговаривалъ и смѣялся съ товарищами и вообще находился въ ажитаци.

Все это меня ужасно беспокоило, и хотя я улегся въ постель поздно, но спалъ плохо, поминутно просыпаясь.

На зарѣ меня точно кто толкнулъ. Я зажегъ свѣчу и пошелъ въ комнату, гдѣ спали рабочіе. Николай сидѣлъ на лавкѣ, прислонившись къ стѣнѣ головой, и горѣлъ, тяжело дыша.

Холодный потъ выступилъ у меня на тѣлѣ, когда я увидѣлъ такую картину.

— Ну, что Николай? лучше тебѣ послѣ лекарства?

— Теперь ничего, гораздо лучше... Только я умирать не намѣренъ!.. Нѣтъ, баринъ, миленькій, хорошій!.. дайте еще чегонибудь... Не хочу, не хочу умирать! за что же?.. чѣмъ я согрѣшилъ?

И онъ громко зарыдалъ, закрывъ лицо руками.

Я старался утѣшить, ободрить, далъ еще пріемъ хинина и совѣтовалъ лечь.

— Нѣтъ, не хочу ложиться! а то, какъ ляжешь, такъ и не встанешь! Я жить хочу, жить...

Онъ метался, разстегнувъ воротъ рубашки, озирался кругомъ.

— Вотъ вѣдь какая болѣзнь проклятая!—шепталь больной, задыхаясь.—Она хочетъ совладать и со мною. А я... не хочу.

Алексѣй проснулся и подошелъ тоже къ больному.

— Ты бы легъ, Николай,—сказаль онъ.—Тебѣ покойнѣе будетъ.

— Нѣтъ... не хочу...

Но силы больного видимо слабѣли, начинался бредъ. Кое-какъ удалось уложить Николая. Мы съ Алексѣемъ ни на минуту не отходили отъ него.

Прошла ночь, прошелъ день... Мы все находились между страхомъ и надеждой. Чуть только Николай приходилъ въ себя, мнѣ хотѣлось вѣрить въ то, что болѣзнь кончилась, что начинается выздоровленіе. Но бредъ возобновлялся, и всякая мысль спасти бѣдняка казалась несбыточною.

Такъ прошли сутки. Опять наступилъ вечеръ.

Өомушка зажечь лампадку передъ иконой и молился. Я поминутно наблюдалъ пульсъ, старался холодными компрессами утишить жаръ въ головѣ.

Наконецъ, далеко за полночь, Өомушка улегся спать, а я присѣлъ около лампы съ книгой, въ которой ничего не видѣлъ и ничего не понималъ.

Прошелъ еще часъ. Я подошелъ къ больному и помѣстился около него на лавкѣ.

Онъ нѣсколько времени лежалъ покойно, потомъ вдругъ всталъ, испуганно посмотрѣлъ кругомъ себя и крѣпко схватилъ меня за руку.

— Баринъ!.. я, кажись, умираю. Какъ темно стало... Сердце уже не стучить... Я не хочу... ей-Богу, не хочу!.. Да что-жь это со мною?

Двѣ крупныя слезы покатались изъ расширенныхъ глазъ, и Николай упалъ на подушки. Судорога пробѣжала по всему тѣлу, и человекъ не стало.

— Господи! Еще одна смерть! И все изъ-за меня!—думаль я, стоя, какъ окаменѣлый, передъ теплымъ трупомъ.

— Эхъ!—крякнулъ Алексѣй.—Жаль парня! Какъ ему, бѣдному, умирать не хотѣлось... Вѣдь это просто Божеское наказаніе!.. Өома! проснись!

Өомушка открылъ глаза и не могъ никакъ понять, что происходитъ передъ нимъ. Но скоро онъ съ ужасомъ увидѣлъ мертвеца, задрожаль всемъ тѣломъ такъ, что даже зубы зацелкали, и рѣшительно не зналь, что предпринять.

— Ахъ, Господи милосливый!—твердилъ онъ.—И Николка померъ, а ужъ на что здоровъ былъ! ахъ, Господи милосливый!

Принялись опять за неприятныя хлопоты. Опять пришлось копать могилу, сколачивать гробъ, убирать мертвеца. Опять Өомушка началъ читать молитвы.

Когда солнце встало, и пришли турки на работу, я обратился къ нимъ съ просьбой, чтобы они помогли намъ вынести и похоронить Николая. Сначала они ничего не понимали, но потомъ пошли въ комнату и здѣсь сообразили, въ чемъ дѣло. Ахметка покачалъ головой и произнесъ свое неизмѣнное: «никарось, никарось», а младшій улыбнулся и не стѣсняясь сказалъ «гяуръ».

— Ахъ, они, проклятые!—закричалъ Омушка.—Какъ же они смѣютъ насъ обзывать такъ?.. Да еще и мертвого обругали! Позвольте, баринъ, я имъ въ шею накладу.

Конечно, я не позволилъ, и намъ пришлось втроемъ нести гробъ съ останками бѣднаго Николая.

Я и сказать не могу, какъ тяжело было мнѣ возвращаться въ домъ. Мысль, что я всему причиной, что и этотъ работникъ умеръ по моей винѣ, простудился, благодаря моимъ распоряженіямъ, совсѣмъ убивала меня.

Постройка наша совсѣмъ остановилась. Алексѣй молча ходилъ, какъ потерянный, Омушка ушелъ на берегъ моря слушать, о чемъ рассказываютъ волны, а я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ истуканомъ. Не дай Богъ никому переживать подобныя минуты!

Вечеромъ всѣмъ намъ сдѣлалось какъ-то жутко. Безотчетный страхъ сжималъ сердце. А тутъ, какъ нарочно, ночь наступила темная, вѣтреная.

Сидя за столомъ, на которомъ пыхтѣлъ самоваръ, Ома поминутно оглядывался, прислушивался. Испуганными глазами смотрѣлъ онъ въ темные углы и трусилъ отчаянно. При каждомъ порывѣ вѣтра, когда стекла въ окнахъ слегка издавали слабый звонъ, онъ крестился.

— Съ нами крестная сила! Кто-то ходитъ подъ окнами! Слышишь, Алексѣй? Вѣдь это Миронъ съ Николаемъ по привычкѣ къ намъ войти хотятъ!.. Право слово! До сорока дней душа ходитъ по землѣ... А они, бѣдные, не скоро успокоятся, потому что неотпѣтые... Сегодня, какъ я у моря сидѣлъ, такъ явственно видѣлъ, какъ изъ волны мнѣ кивали оба—и Николай, и Миронъ. Теперь имъ вѣдь все равно, что суша, что вода.. Вотъ они въ морѣ и купаются!

— Да перестань ты!—окрысился Алексѣй.—И что ты болтаешь? Безъ тебя тошно!

— Да я ничаво! Я къ слову!.. Охъ, Господи милосливый, Господи милосливый!

А въ окно стучала буря.

V.

Наступилъ декабрь мѣсяць. Пришла зима.

Конечно, она нисколько не напоминала суровыхъ зимъ, которыя мнѣ приходилось переживать въ Россіи,—морозы въ нѣсколько

градусовъ, а о снѣгѣ нѣтъ и помину. Правда, иногда надвинутся снѣговые тучи, низко налягутъ на горы; начнутъ даже падать снѣжинки, но онѣ даже не долетаютъ до земли, а таятъ въ воздухѣ. И получается въ концѣ концовъ не снѣгъ, а холодный дождь.

Ручьи у самыхъ береговъ иногда покрываются тонкимъ ледкомъ, но проглянетъ солнце, и все растаетъ.

Еслибъ не оголенные деревья, да не короткіе дни, право, я бы не вѣрилъ, что у насъ зима.

Само собою разумѣется, что у меня въ домѣ было тепло; каминъ въ кабинетѣ не переставалъ пылать; около него просиживали мы втроемъ длинные вечера, и обмѣнивались грустными воспоминаніями о погибшихъ товарищахъ.

Постройки я окончилъ. Конюшня, сарай и небольшая кладовая срублены были изъ превосходнаго лѣса, запирались хорошими замками, а больше пока никакихъ сооружений не требовалось.

Изъ-за границы я получилъ сѣмена самыхъ разнообразныхъ растений, которыя предположено было развести весною, и вотъ по цѣлымъ вечерамъ мы всѣ занимались приготовленіемъ земли, горшковъ и ярышковъ.

Въ такихъ занятіяхъ проходили дни за днями.

Надоѣдали мнѣ сосѣди-турки. Ахметка съ товарищемъ и еще какіе-то оборванцы почти каждый день приходили къ намъ и спрашивали работы. Омушка бранился съ ними, Бисмаркъ ожесточенно лалялъ и кидался на непрошенныхъ гостей, но они не унимались и черезъ день, черезъ два, опять являлись съ тѣмъ же вопросомъ.

Немного оставалось уже времени до Рождества. Мнѣ взгрустнулось по родинѣ, вспомнилъ своихъ близкихъ и рѣшилъ непременно хоть письменно побесѣдовать съ ними.

И вотъ съ самаго ранняго утра присѣлъ я къ столу, вынулъ почтовую бумагу и принялся за дѣло. Вдругъ свирѣпый лай Бисмарка и громкіе голоса на дворѣ отвлекли меня отъ занятія, и я выглянулъ въ окно.

Передъ крыльцомъ стояло нѣсколько турокъ. Ахметка былъ тоже здѣсь и знаками объяснялъ что-то Алексѣю и Омушкѣ. Тѣ отрицательно вертѣли головами и слегка отталкивали ихъ, прогоняя подальше отъ дома. Турки жестикулировали и переглядывались другъ съ другомъ; нѣкоторые лукаво улыбались. Во время этой суматохи, Ахметка, озираясь по сторонамъ, подошелъ къ конюшнѣ, заглянулъ внутрь и осмотрѣлъ дверь, на которой висѣлъ отпертый замокъ крупный, крѣпкій, англійской работы. Старый, высокій и кривой турокъ въ зеленой чалмѣ подошелъ тоже къ конюшнѣ, перекинулся нѣсколькими фразами съ Ахметкой и, за-

тѣмъ, незамѣтно присоединился къ толпѣ, которую мои работники никакъ не могли выпроводить со двора.

Не придавши никакого значенія такому обычному явленію, я сѣлъ опять за письмо.

За обѣдомъ Алексѣй заявилъ мнѣ, что совсѣмъ «спокою» нѣтъ отъ этихъ «турковъ», все работы просятъ.

— Жулики они всѣ!—рѣшилъ Омушка, набивая себѣ ротъ огромнымъ кускомъ хлѣба. — Мнѣ все чуется, что они норовятъ стащить что нибудь. И ужь, конечно, стащили бы, еслибъ у насъ что плохо лежало. Гнать ихъ надо, прости Господи!

Я рассказалъ, что самъ видѣлъ, какъ Ахметка съ кривымъ туркомъ осматривали замокъ на дверяхъ конюшни.

— А что въ самомъ дѣлѣ? — спохватился Алексѣй.—Ужъ не укралъ ли?

Онъ побѣждалъ взглянуть, но тотчасъ же вернулся успокоенный.

— Напрасно грѣшишь Ома! — сказалъ онъ наставительно.— Люди честно хотятъ зарабатывать, а ты ихъ жуликами обзываешь.

— Я говорю, что рожи у нихъ жульническія, вотъ чтѣ! а не то, чтѣбъ...

— Напрасно грѣшишь!—еще разъ повторяю.

— Ну, ладно!

Обѣдъ былъ приготовленъ Алексѣемъ на славу. Никогда еще онъ не казался такимъ вкуснымъ.

Омушка аккуратно вытеръ свои жирныя губы, всталъ изъ-за стола, долго и истово крестился на икону, а въ заключеніе поклонился мнѣ и Алексѣю.

— Благодаримъ покорно вашей милости!—сказалъ онъ.—Теперь на море сходить можно. Что-то оно, сердешное, сегодня шумить.

Я сталъ разбирать газеты, книги, провѣрять счета и не замѣтилъ, какъ наступили сумерки.

Алексѣй зажегъ лампу и подалъ самоваръ. Омушки не было.

— Чудной этотъ Ома!—сказалъ старикъ, усаживаясь со мной за столъ.—Холодно, вѣтеръ, а онъ море слушаетъ! Еще, пожалуй, простудится и тоже помретъ. Что мы тогда вдвоемъ будемъ дѣлать?

— Зачѣмъ такъ думать? онъ сейчасъ вернется.

Выпили не спѣша по стакану, налили по другому, а нашъ мечтатель не являлся.

— Однако въ самомъ дѣлѣ можетъ простудиться!—подумалъ я вслухъ.

— Вотъ то-то я и говорю! совсѣмъ дурень, Богъ съ нимъ совсѣмъ!

— Ты, Алексѣй, пей, а я пойду на берегъ и позову этого сумасшедшаго.

— Слушаю-съ.

Я надѣлъ шапку, кликнулъ Бисмарка и пошелъ по дорогѣ.

Она, какъ и теперь, спускается отъ дачи довольно круто къ самому прибою.

По небу бѣжали тучи, невидимая луна бросала на все какой-то таинственный полусвѣтъ, который то становился ярче, то какъ будто потухалъ. Кусты съ голыми сучьями качались отъ вѣтра, а высокіе и сухіе стебли травъ кланялись мнѣ и о чемъ-то шептали.

Я спустился къ морю и крикнулъ. Никакого отвѣта. Волны мѣрно ударялись о песокъ и быстро взбѣгали къ моимъ ногамъ.

Бисмаркъ бѣгалъ кругомъ и обнюхивалъ землю. Не находя Оомушки, я направился вдоль берега и прошелъ, такимъ образомъ, съ версту. Всѣ поиски оставались тщетными.

Вдругъ Бисмаркъ радостно залапалъ и, махая хвостомъ, завертѣлся около какого-то большого камня. Волны не доходили до того мѣста, песокъ былъ свѣтлый и чистый. Я пошелъ туда.

За нѣсколько шаговъ можно было уже замѣтить, что на берегу лежитъ какой-то длинный предметъ.

— Неужели онъ заснулъ здѣсь въ такой холодъ? — недоумѣвалъ я.—Вотъ чудакъ! непременно простудится!

Дѣйствительно, у основанія крупной каменной глыбы лежалъ Оомушка въ самой покойной позѣ. Волны съ тихимъ ропотомъ добѣгали до его ногъ и смачивали сапоги.

— Оома! — крикнулъ я сердито.—Какъ тебѣ не стыдно спать здѣсь!

Никакого отвѣта.

— Слышышь? вставай скорѣе!

Я наклонился къ лицу спящаго и съ ужасомъ отскочилъ: горло было перерѣзано, а тулупъ на груди и бѣлая рубаха залиты кровью.

Луна на минуту выглянула изъ-за тучи. Лицо Оомы поражало своей блѣдностью, глаза были полуоткрыты, губы сжаты. Въ правой рукѣ трупа видѣлась какая-то тряпка, въ которой я тотчасъ узналъ зеленую чалму криваго турка, приходившаго сегодня къ намъ на дворъ просить работы. Не помню, какъ я побѣжалъ до дому и рассказалъ все Алексѣю.

Тотъ растерянно смотрѣлъ на меня и крестился.

— Дѣло у нихъ, стало быть, обдуманно хорошо! — сказалъ наконецъ ошеломленный старикъ.—Все это устроилъ Ахметка. Вы сами видѣли, какъ онъ съ кривымъ туркомъ осматривали сегодня замокъ на конюшнѣ. Вотъ они и рѣшили сообща: дескать ихъ теперь всего трое; если одного укокошить—двое останутся, а съ двоими справиться легко. Ахметка знаетъ, что Оомушка все на море глядѣть ходилъ: вотъ онъ турка криваго и послалъ прикончить его. Должно, Оома задремалъ, а кривой на него и наскочилъ. Только Оомушку не сразу одолѣли окаянные, видно боролись съ нимъ, иначе какъ зеленая чалма въ рукѣ у мертвеца очутилась? Ну, а въ концѣ концовъ, всетаки, зарѣзали. Теперь до насъ съ вами, ба-

ринъ, добираются, чтобы лошадей увести, а то такъ и все ваше достояніе подѣлать, а домъ спалить. Вотъ что у нихъ на умѣ. Надо осмотрѣть двухстволки, да зарядить всѣ четыре револьвера. Навѣрно, сегодня же ночью придутъ за нами.

Признаюсь, у меня мурашки побѣжали по спинѣ, и волосы на головѣ зашевелились. Я снялъ со стѣны двухстволки и досталъ револьверы; все оказалось въ порядкѣ.

— Какъ же теперь намъ съ Омушкой быть?—задалъ вопросъ Алексѣй.—Если его на берегу оставить на ночь, шакалы съѣдятъ. Я каждую ночь слышу, какъ они, проклятые, кругомъ двора бѣгаютъ; ихъ тутъ пропасть. Да и волковъ не мало.

— А вотъ какъ сдѣлаемъ,—предложилъ я.—Ты оставайся здѣсь, а я съ револьверомъ пойду за Омой и какъ нибудь притащу его сюда. Въ случаѣ же услышу выстрѣлы, прибѣгу скорѣе, а мертваго брошу. Такъ?

— Положимъ, что такъ. Только вы надорветесь: вѣдь тяжелъ мертвый человѣкъ.

— Пустяки. Итакъ, пойду—что Богъ дастъ!

Я взялъ два револьвера, засунулъ ихъ въ карманы пальто и двинулся въ путь. Алексѣй сошелъ тоже съ крыльца и оглядѣлся; но никого не было видно. Только издали доносился шумъ моря.

Быстро побѣжалъ я внизъ, желая поскорѣе вернуться. Конечно, если турки явятся, то явятся въ количествѣ нѣсколькихъ человѣкъ, слѣдовательно, надо непременно поспѣшить къ Алексѣю на выручку.

Густое облако скрыло луну, и приходилось идти наугадъ, чуть не ошупью, пока не выбрался на берегъ. Здѣсь я побѣжалъ и скоро очутился около трупа.

Съ невольнымъ страхомъ взялся я за холодное тѣло и съ трудомъ взвалилъ его къ себѣ на спину. Идти было трудно; я каждые три шага долженъ былъ останавливаться—трупъ скользилъ съ плечь, падалъ. Приходилось мѣстами тащить по землѣ, взявшись за окоченѣвшія руки. Не стану передавать вамъ того ужаснаго ощущенія, которое охватывало все мое существо, когда я оглядывался на бѣднаго Омушку: голова его, почти отдѣленная отъ позвонковъ, такъ страшно качалась изъ стороны въ сторону, что я минутами думалъ бросить трупъ и предоставить Алексѣю донести его потомъ до дома; мнѣ казалось, что лучше выдержать атаку цѣлой живой толпы разбойниковъ, нежели возиться ночью съ зарѣзаннымъ товарищемъ.

Подыматься на гору, къ дому, было еще труднѣе; поэтому я употребилъ, по крайней мѣрѣ, часа два на то, чтобы добраться до усадьбы. Мнѣ было необыкновенно жарко, потъ лилъ въ три ручья, силы окончательно истощались. Нѣсколько разъ я ложился на мерзлую землю, рядомъ съ бѣднымъ Омушкой, и отдыхалъ ми-

нута пять. Наконецъ, я издали увидалъ Алексѣя; онъ тоже замѣтилъ меня и поспѣшилъ на помощь. Вдвоемъ мы внесли трупъ въ домъ и положили на лавку.

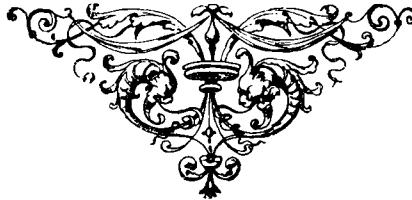
Старикъ такъ и всплеснулъ руками, увидя перерѣзанное горло несчастнаго парня.

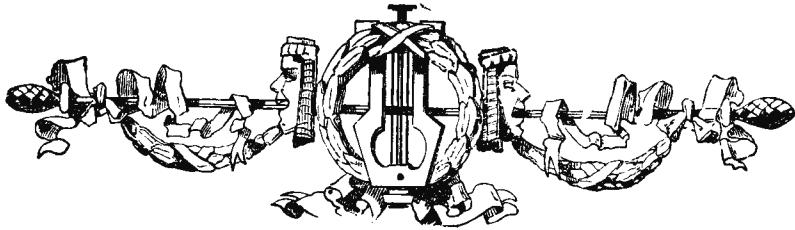
— Ахъ, они окаянныя! какъ человѣка изуродовали, проклятые!— твердилъ онъ, покачивая головой.

Я не могъ отъ усталости даже говорить и повалился на кровать, предоставляя своему единственному теперь слугѣ поступать, какъ ему заблагоразсудится. Черезъ минуту я впалъ въ какое-то забытье (иначе не могу назвать этотъ тяжелый сонъ, похожій скорѣе на обморокъ), и въ такомъ состояннн пролежалъ до самаго утра, не въ силахъ будучи двинуться ни однимъ членомъ.

Н. Сорокинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО.

(Провинція).

АРТИСТЪ императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ Александръ Александровичъ Нильскій, во время своей тридцатипятилѣтней артистической дѣятельности, имѣлъ обыкновеніе вносить въ свою памятную книжку различные закулисные событія, случаи и анекдоты. Любезно предоставивъ мнѣ архивъ своихъ отрывочныхъ записокъ, Александръ Александровичъ очень многое дополнилъ своими устными разсказами. На первый разъ я воспользовался только его «провинціальными воспоминаніями», отложивъ до болѣе благоприятнаго времени «хронику петербургскаго театра». Все нижеслѣдующее просмотрѣно, провѣрено и одобрено самимъ Нильскимъ, свѣдѣнія котораго уже потому заслуживаютъ довѣрія, что они въ хронологическомъ порядкѣ были заносимы имъ въ свою памятную книжку чуть ли не на самомъ мѣстѣ происшествія. Кстати слѣдуетъ оговориться, что нѣкоторые интересные эпизоды пришлось пропустить по ихъ преждевременности. Нѣкоторыя лица еще живы, воспоминанія еще свѣжи. За мѣнять же настоящія фамиліи псевдонимами—значило бы уничтожить всю соль разсказа.

М. В. Шевляковъ.

I.

Введеніе. — О. А. Бурдинъ. — Его предложеніе ѣхать въ провинцію. — Личность Бурдина. — Стотысячное наслѣдство. — Дружба Бурдина съ Островскимъ. — Карикатура на Бурдина. — Его самолюбіе. — Экспромтъ на него В. С. Курочкина. — Эпиграмма на Бурдина. — «Бурдинъ-счастливецъ». — «Бурдинизмъ», мѣткое выраженіе А. Григорьева.

Будучи пансіонеромъ петербургскаго театральнаго училища, я началъ свою артистическую карьеру съ императорскаго театра. Профессионально-провинціальнымъ же актеромъ никогда не былъ, но провинцію посѣщалъ много разъ и даже выступалъ кое-гдѣ гастролеромъ. Съ перваго же года моей службы начались мои «лѣтнія экскурсіи», имѣвшія видъ не болѣе какъ отдыха. Даже въ восьмилѣтній антрактъ своего «отлученія» отъ казеннаго театра я никогда не соблазнялся никакими выгодными предложеніями и не вступалъ въ длинный списокъ провинціальныхъ жрецовъ искусства, главнымъ образомъ потому, что мы, обыгравшіеся на столичной большой сценѣ, слѣдовательно воспитанные на извѣстныхъ традиціяхъ, не можемъ мириться съ тѣмъ закулиснымъ произволомъ, который царилъ и теперь беспощадно царитъ въ обширномъ кругу провинціального актерства. Этимъ, разумѣется, я порицаю не актеровъ, а тотъ складъ жизни, тѣ нравы, тотъ ремесленный взглядъ на искусство, начало которымъ положили многочисленные антрепренеры-кулаки, совершенно забывшіе, замусорившіе и загубившіе провинціальный театръ, когда-то обѣщавшій занять первенствующее мѣсто въ дѣлѣ воспитанія и образованія «массы».

Первой своей поѣздкой въ провинцію я всецѣло обязанъ своему сослуживцу, не безызвѣстному актеру Александринскаго театра Федору Алексѣевичу Бурдину, который какъ-то случайно спросилъ меня на репетиціи:

- Вы, юноша ¹⁾, что предполагаете дѣлать лѣтомъ?
- Ничего... Вѣроятно, уѣду къ роднымъ...
- Рано мечтать объ отдыхѣ такому молодому и цвѣтущему человѣку. Я старше васъ, а и то работаю, на сколько хватаетъ силъ.
- Отъ работы не прочь и я, но гдѣ ее найти лѣтомъ?
- А въ провинціи-то? Сколько угодно!... Вотъ кстати: я задумываю куда нибудь съѣздить нынче поиграть. Не хотите ли сдѣлать мнѣ компанію? Время проведете весело, за это я поручусь. А что касается путевыхъ расходовъ, то они всенепремѣнно окупятся и даже съ барышомъ.

— Безконечно радъ, — отвѣтилъ я Бурдину. — Я нигдѣ не былъ, ни о чемъ не имѣю понятія, и потому эта поѣздка соединить въ себѣ пріятное съ полезнымъ... только...

¹⁾ Бурдинъ такъ называлъ всѣхъ молодыхъ людей.

- Что «только»?—быстро подхватил собесѣдникъ.
 — У меня слишкомъ ограниченный репертуаръ. Мнѣ почти нечего играть...
 — Вздоръ! Будете играть то, что знаете. Насъ, «гастролеровъ», не посмѣютъ стѣснить репертуаромъ. Онъ будетъ зависѣть вполне отъ насъ.

Тотчасъ же между нами послѣдовало окончательное рѣшеніе относительно поѣздки, которую мы и предприняли весной 1861 года.

Федоръ Алексѣевичъ Бурдинъ былъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ представителей нашего закулиснаго мірка. Нѣкогда бѣднякъ-супфлеръ при московскомъ театрѣ, впослѣдствіи незначительный актеръ въ провинціи, онъ при самомъ сомнительномъ дарованіи и при недостаткѣ физическихъ средствъ занималъ видное положеніе въ труппѣ Александринскаго театра и даже пользовался за кулисами извѣстнымъ авторитетомъ. Всего этого онъ добился практическимъ складомъ ума, страстью къ сценѣ и, кажется, главнымъ образомъ своими большими матеріальными средствами, доставшимися ему по наслѣдству послѣ смерти извѣстнаго богача-откупщика Г—ва. Этотъ богачъ оставилъ Бурдину, который, какъ говорится, не былъ ему «ни сватомъ, ни братомъ», а просто хорошимъ знакомымъ, сто тысячъ рублей. Въ тѣ времена такой капиталъ былъ очень солиднымъ. Бурдину, сразу преобразившемуся въ «маленькаго миллионера», эти деньги показалиcя неисчерпаемымъ источникомъ. Онъ завелъ знакомство съ такъ называемымъ «вышимъ кругомъ» и завязалъ тѣсныя отношенія съ начальствомъ. Устроиваемые имъ вечера, рауты, а также пристрастіе къ картамъ, въ короткое время такъ истожили его карманъ, что Федоръ Алексѣевичъ принужденъ былъ просить преждевременную пенсію, въ которой, конечно, ему не отказали, и существовать только на нее да на жалованье.

Бурдинъ былъ очень уменъ и безусловно практиченъ, но, разумѣется, не въ денежномъ отношеніи, какъ это видно изъ его обращенія съ стотысячнымъ наслѣдствомъ. Онъ былъ практиченъ въ житейскомъ обиходѣ. Его «обращеніе» съ сослуживцами, начальствомъ, публикой и журналистами было всегда замѣчательно тактично и такъ вѣрно замыслу, что все у Федора Алексѣевича постоянно выходило «благополучно» и «хорошо». Это былъ дипломатъ, но такой, который казался совершеннымъ простакомъ и не возбуждалъ ни въ комъ положительно ничего наводящаго на сомнѣнія. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить его премьерства на сценѣ въ то время, когда на ней красовались Мартыновъ, Самойловъ, Максимовъ и др. При нихъ онъ игралъ первыя роли и получалъ высшій окладъ жалованья.

Его же умѣнью ладить съ людьми слѣдуетъ приписать пріязнь къ нему драматурга А. Н. Островскаго, который очень жа-

ловаль Федора Алексѣевича и во все время его службы на императорской сценѣ отдавалъ ему всѣ свои пьесы для бенефиса. Такое расположеніе знаменитаго писателя было болѣе чѣмъ цѣнно, въ особенности же, если принять въ соображеніе, что Островскій поручалъ Бурдину самыя лучшія, выигрышныя роли, чѣмъ способствовалъ господству и распространенію того мнѣнія среди зрителей, что Бурдинъ, должно быть, дѣйствительно замѣчательный актеръ, если самый выдающійся, талантливѣйшій драматургъ отдаетъ первыя роли въ своихъ пьесахъ ему, а не кому другому слѣдовательно, всѣ остальные по дарованію несравненно ниже его. Впрочемъ, не всѣ придерживались такого взгляда, нѣкоторые смотрѣли на все это посвоему, доказательствомъ чего можетъ послужить одна мѣткая и колкая карриатура на Бурдина въ какомъ-то сатирическомъ журналѣ. Въ кругу театраловъ она произвела сенсацію, и долго ею «изводили» Федора Алексѣевича.

На карриатурѣ изображенъ былъ Бурдинъ на кладбищѣ передъ вырытой могилой съ огромной связкой пьесъ Островскаго.

Подъ карриатурой подпись:

Ужь я золото
Хороню,
Хороню,
Двадцать лѣтъ его
Хороню,
Хороню.

Когда показали эту карриатуру Бурдину, онъ пренебрежительно на нее посмотрѣлъ и сказалъ:

— Совсѣмъ не остроумно! Всѣ пьесы Островскаго пользуются большимъ успѣхомъ, и до сихъ поръ ни одна изъ нихъ не проваливалась. А вѣдь не извѣстно, что было бы съ ними при другомъ составѣ исполнителей. Мной же Александръ Николаевичъ очень доволенъ.

— Это вѣрно, что не извѣстно, что могло съ ними быть при другомъ составѣ исполнителей,—замѣтилъ кто-то изъ закулисныхъ остряковъ, присутствовавшій при этой сценѣ.—Можетъ быть, онѣ и лучшій бы успѣхъ имѣли...

— Ну, ужъ вѣтъ!—быстро вступился за себя Бурдинъ.—Скорѣе бы ихъ изуродовали.

Вообще Федоръ Алексѣевичъ былъ чрезвычайно себялюбивъ, и его самолюбію не было границъ. Эта слабость и была единственной смѣшной стороною его характера. Онъ никогда нигдѣ, даже въ присутствіи артистовъ, не стѣснялся говорить о своемъ огромномъ талантѣ и о своихъ заслугахъ. Это было тѣмъ болѣе странно, что почтенный Бурдинъ пользовался репутаціею весьма умнаго, сдержаннаго и тактичнаго человѣка, принимаемаго въ лучшемъ обществѣ, имѣвшаго литературныя связи и ежегодно, во времена

своего богатства, ѣздившаго за границу изучать театральное искусство по образцамъ всемірныхъ знаменитостей. Ѳеодоръ Алексѣевичъ такъ много о себѣ всегда говорилъ, такъ страстно любилъ вездѣ и всюду выдѣляться и хвастать своимъ талантомъ, что породилъ о себѣ массу забавныхъ анекдотовъ и эпиграммъ.

Одна изъ послѣднихъ, принадлежащая перу извѣстнаго издателя не менѣе извѣстной «Искры», Василя Степановича Курочкина, имѣетъ цѣлую исторію.

Вскорѣ послѣ смерти незабвеннаго А. Е. Мартынова, какъ-то собралась группа артистовъ и литераторовъ позавтракать въ ресторанѣ Еремѣева, помѣщавшемся противъ Аничкина дворца на Невскомъ проспектѣ. Одно время этотъ ресторанъ пользовался симпатіями журналистовъ и актеровъ, частенько въ немъ встрѣчавшихся и коротавшихъ время совместно. Завтракъ былъ оживленъ и весель, чему, однако, не мало способствовало вино. Курочкинъ былъ, что называется, «въ ударѣ», и его остроумнымъ экспромтамъ не было конца. Когда рѣчь зашла о театрѣ, начали вспоминаться фамиліи не присутствовавшихъ на этомъ завтракѣ актеровъ. Послѣ какого-то разсказа о Бурдинѣ Василій Степановичъ попросилъ минуту молчанія. Всѣ, конечно, смолкли, предвкушая услышать что нибудь непремѣнно остроумно-ѣдкое, въ чемъ покойный поэтъ былъ не подражаемъ. Компания не ошиблась. Очень скоро готова была «пѣсенка», которую, по желанію автора, всѣ мы пѣли хоромъ.

Слова этой пѣсни таковы:

Хотя Мартыновъ и угасъ,
Но мы объ этомъ не жалѣемъ.
Степановъ, Яблочкинъ у насъ
И Леонидовъ съ Алексѣемъ ¹⁾).

И Пронскій, и Максимовъ, М. ²⁾,
И образецъ актерамъ всѣмъ
Есть у насъ одинъ—
Теодоръ Бурдинъ,
Бурдинъ, Бурдинъ, Бурдинъ.

* * *

Пусть Газе самъ въ театръ придетъ,
Съ своей эстетикой пѣмецкой.
Какъ Леонидовъ зареветь
Иль наскандалитъ Марковецкій,

Тогда и самъ увидитъ онъ,
Что значитъ нашъ хорошій тонъ.
Вѣдь у насъ одинъ
Теодоръ Бурдинъ,
Бурдинъ, Бурдинъ, Бурдинъ.

* * *

¹⁾ Алексѣй Михайловичъ Максимовъ.

²⁾ Въ отличіе отъ братьевъ Максимовыхъ актера Михаила Андреевича ставили на афишахъ: «М. Максимовъ».

Именъ, кончавшихся на овъ,
И безъ Мартынова не мало:
Зубровъ, Самойловъ, Горбуновъ
И «Павъ Степанычъ»¹⁾ для скандала.

Именъ, кончавшихся на пнъ,
Не только Яблочкинъ—нашъ Кинъ,
Есть еще одинъ
Теодоръ Бурдинъ,
Бурдинъ, Бурдинъ, Бурдинъ.

Послѣ каждаго куплета былъ еще потомъ придѣланъ припѣвъ:

Вотъ пьеса моя
Унылая.

Бурдинъ, Бурдинъ, Бурдинъ!

Къ концу завтрака явился запоздавшій Федоръ Алексѣевичъ.
Его встрѣтили дружнымъ хохотомъ.

— Чему это такъ радуетесь вы? — спросилъ онъ Курочкина,
удивленно разсматривая компанію.

— Да просто такъ, тѣснымъ кружкомъ веселимся, — отвѣчала
Курочкинъ и продекламировала:

Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій.

Когда Бурдинъ присоединился къ компаніи, кто-то не выдержалъ и сказалъ ему:

— А вѣдь ты у насъ героемъ завтрака былъ.

— Какъ такъ?

— А такъ, что про тебя пѣсня сочинена, и мы ее хоромъ пѣли.

— Какая пѣсня? — спросилъ тревожно Бурдинъ и, угадывая автора въ лицѣ Василя Степановича, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ужъ это навѣрно вы про меня чѣмъ нибудь обмолвились?

— Согрѣшилъ! — чистосердечно покаялся поэтъ.

— А ужъ если вы, — любезно замѣтилъ Федоръ Алексѣевичъ: — то я увѣренъ, что непременно очень остроумно. Пожалуйста, скажите эту пѣсню. Она меня интригуетъ.

— Сказать не могу, — отвѣтилъ Курочкинъ, — такъ какъ она собственность всѣхъ здѣсь присутствующихъ, а пропѣть ее мы можемъ.

— Все равно, хоть пропойте...

Курочкинъ всталъ въ дирижерскую позу и хоръ грянулъ пѣсню.

Къ общему удивленію, Бурдинъ не только не обидѣлся, а наоборотъ — остался этой пѣсенкой очень доволенъ и, въ пылу восторга, потребовалъ полдюжины шампанскаго.

Много позже Федоръ Алексѣевичъ удостоился болѣе злой эпитаграммы, написанной кѣмъ-то изъ «своихъ» по поводу возобновлен-

¹⁾ Павелъ Степановичъ Осдоровъ, приспомятанный начальникъ репертуара.

ной имъ въ свой воскресный бенефисъ мелодрамы «Парижскіе нищіе». Онъ долго и упорно упрашивалъ дирекцію дать ему бенефисъ въ праздничный день. Напрасно указывали ему на безпримѣрность праздничнаго бенефиса, онъ стоялъ на своемъ и, въ концѣ концовъ, достигъ того, разумѣется, благодаря своимъ хорошимъ отношеніямъ къ вліятельнымъ лицамъ, что его просьба была уважена, и бенефисъ состоялся въ воскресенье.

Какъ только вышла его бенефисная программа, за кулисами циркулировала такая эпиграмма, на которую Федоръ Алексѣевичъ заблагодарасудилъ обидѣться:

Лабазника спросилъ какой-то мѣщанинъ:
 — Никакъ, братъ, не пойму, зачѣмъ это Бурдинъ
 Въ свой бенефисъ на представленьѣ
 Поставилъ «нищихъ» въ воскресенье?
 — Какой же ты простакъ,—въ отвѣтъ сказалъ лабазникъ,—
 Вѣдь нищіе всегда собираютъ больше въ праздникъ.

Бурдинъ слылъ за самаго необыкновеннаго счастливца. Сто-
 тысячное наслѣдство отъ посторонняго человѣка, дружба съ Остров-
 скимъ, отдававшимъ ему свои шедевры для перваго представленія
 и тѣмъ обезпечивавшаго ему полный сборъ, пріятельскія отноше-
 нія съ властью имущими персонами, праздничные бенефисы и проч.,
 и проч., и проч., все это было довольно резоннымъ основаніемъ
 для укорененія такого мнѣнія. По этому поводу про него суще-
 ствовали даже такія вирши совершенно невѣдомаго пѣты:

Любимецъ розоваго Феба,
 Бурдинъ нашъ счастливъ безпримѣрно.
 И... п... съ холетниковаго неба
 Сорветъ онъ много звѣздъ навѣрно.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить остроуту актера К., встрѣ-
 тившаго Бурдина на Невскомъ проспектѣ, вскорѣ послѣ того, какъ
 въ газетахъ появились некрологи объ его мнимой смерти. Федоръ
 Алексѣевичъ былъ уже въ отставкѣ и проживалъ въ Курскѣ, а
 Петербургъ посѣщалъ изрѣдка наѣздомъ.

— Ба! Почтенный коллега!—воскликнулъ К., раскрывая объ-
 тія Федору Алексѣевичу.—А мы-то васъ тутъ, по милости досу-
 жихъ репортеровъ, давнымъ давно похоронили.

— Обижаютъ старика!—съ грустью промолвилъ Бурдинъ и
 прибавилъ:—но я на зло имъ воскресъ и явился пугать ихъ сво-
 имъ призракомъ.

— Этакій счастливецъ!—съ паѳосомъ воскликнулъ К.—Даже
 послѣ смерти ты еще продолжаешь жить на страхъ врагамъ.

— Да, это со мной бываетъ,—шутя же отвѣтилъ Бурдинъ.

— А хочешь я тебя научу жестоко отплатить и даже насолить
 репортерамъ?

— Ну?

— Попроси дебюта въ Александринкѣ и разошли всёмъ имъ по даровому билету.

— Ну, такимъ-то образомъ и ты можешь съ не меньшимъ успѣхомъ за меня сыграть и отомстить моимъ врагамъ! — отпарироваль Федоръ Алексѣевичъ остроумнаго К.

Покойный критикъ Апполонъ Григорьевъ, не смотря на свои пріятельскія отношенія къ Бурдину, безпощадно громилъ его въ своихъ статьяхъ и, въ концѣ концовъ, дошелъ до того, что все не нравящееся ему называлъ «бурдинизмомъ». Это мѣткое слово попало въ число общеупотребительныхъ выраженій и долго держалось какъ за кулисами, такъ и въ публикѣ, выражая собою насмѣшливое отрицаніе.

II.

Отъѣздъ. — П. И. Европеусъ. — В. Г. Васильевъ. — Анекдотъ про него. — Охота въ Тверской губерніи. — Юный охотникъ. — Его аппетитъ. — Село Еськи. — Странный обычай. — Бурдинъ заболѣваетъ. — Привалъ на мельницѣ. — Охота на воробья. — Арестъ. — Бѣжецкій помѣщикъ. — Его утки, убитыя нашими спутниками. — Отъ Бѣжецка до Рыбинска. — Лакей Бурдина. — Бекаса. — Политика Бурдина. — Его планы. — Рыбинскъ. — Гостиница Соболева. — Антрепренеръ Смирновъ. — Огромная трупна. — Превжній окладъ жалованья. — Визитъ къ антрепренеру. — Дипломатія Бурдина. — Красное сукно. — Встрѣча съ И. Ф. Горбуновымъ и П. В. Васильевымъ. — Наши гастроли. — Самонадѣянность Бурдина. — Сборы.

Послѣ долгаго размышленія мы надумали отправиться «гастролировать» на Волгу и, разумѣется, прежде всего въ Рыбинскъ, который въ то время пользовался репутаціей театральнаго города. Каждое лѣто туда съѣзжалось очень много артистовъ, какъ столичныхъ, такъ равно и выдающихся провинціальныхъ.

Но прежде, чѣмъ попасть въ Рыбинскъ, мы, по заранѣ начертанному маршруту, должны были побывать въ Твери и погостить въ имѣніи хорошаго знакомаго Бурдина, помѣщика Павла Ивановича Европеуса. Этотъ попутный «заѣздъ» мотивировался «охотой», которую, какъ оказалось, очень любилъ Федоръ Алексѣевичъ.

Не чувствуя никакой склонности къ охотѣ, я наотрѣвъ отказался принимать въ ней какое либо участіе. Поэтому «для компаніи» Бурдинъ пригласилъ съ собой прокатиться до Твери нашего симпатичнаго сослуживца Василія Григорьевича Васильева. Это былъ страстный охотникъ, за свою любовь къ дрессировкѣ охотничьихъ собакъ прозванный «фурманщикомъ». Онъ съ наслажденіемъ принялъ предложеніе Бурдина, и въ одно прекрасное утро мы выѣхали по Николаевской желѣзной дорогѣ въ Тверь.

Здѣсь кстати будетъ привести одинъ изъ охотничьихъ анекдотовъ про покойнаго В. Г. Васильева. Какъ-то сговорился онъ съ

однимъ изъ своихъ знакомыхъ отправиться на охоту въ ближайшій къ Петербургу лѣсъ.

— А билетъ на право охоты у тебя есть?—спросилъ его пріятель.

— Нѣтъ, но это ничего не значить. Сторожа такъ рѣдко бьвають на мѣстѣ, что можно вдосталь настрѣляться безъ всякихъ опасеній.

— Я-то не боюсь, у меня билетъ имѣется...

— Вздоръ! Никто на насъ не обратитъ вниманія...

Отправились въ лѣсъ. Охота была очень удачная. Въ полдень стали возвращаться. Навстрѣчу къ нимъ идетъ сторожевой лѣсникъ.

— А билеты есть?—спрашиваетъ онъ еще издали.

— Бѣги! — шепчетъ Васильевъ пріятелю. — Скорѣе бѣги... Выручай!

— Зачѣмъ?

— Не твое дѣло! Удирай!

Пріятель опрометью бросился въ противоположную сторону. Сторожъ за нимъ. Пробѣжавъ версты двѣ, сторожъ его настигаетъ и грозно рычитъ:

— Билетъ! Билетъ подавай!

— Вотъ онъ, — говоритъ спокойно охотникъ и передаетъ свой билетъ сторожу.

— Зачѣмъ же вы бѣжали-то отъ меня?

— А зачѣмъ, что у того, который остался, никакого права на охоту нѣтъ...

А Васильева между тѣмъ ужъ и слѣдъ простыль.

П. И. Европеусъ встрѣтилъ насъ очень радушно и въ охотничьихъ экскурсіяхъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе. Васильевъ, какъ истый охотникъ, неустанно цѣлыми днями бродилъ по лѣсамъ и болотамъ, Бурдинъ въ этомъ отношеніи отъ него отставалъ. Сначала онъ выказалъ увлеченіе, а потомъ сталъ предпочитать созерцаніе природы въ роскошномъ помѣстьѣ своего пріятеля, а болѣе всего карты.

Черезъ недѣлю начали собираться въ отъѣздъ, причемъ рѣшено было во все время пути до города Бѣжецка охотиться. Въ виду этого, въ дальнѣйшее съ нами путешествіе отправился Васильевъ и сынъ сельскаго священника изъ имѣнія Европеуса, очень молодой человѣкъ, проводившій все каникулярное время на охотѣ. Онъ былъ очень искуснымъ стрѣлкомъ и опытнымъ охотникомъ, такъ что его компанія для Бурдина и Васильева была пріятна и полезна, тѣмъ болѣе, что онъ превосходно зналъ окрестные лѣса и условія въ нихъ охоты.

Юноша этотъ обладалъ феноменальнымъ аппетитомъ и водку истреблялъ съ такимъ совершенствомъ и удовольствіемъ, что всѣ мы вслухъ высказывали ему свое удивленіе.

Онъ намъ на это говорилъ:

«истор. вѣстн.», октябрь, 1893 г., т. LIV.

— Что же это за охотникъ, который не пьетъ? Каждый хорошій охотникъ долженъ много пить. Это правило.

— Себя, очевидно, вы причисляете къ лучшимъ изъ лучшихъ?— иронически спросилъ его Бурдинъ.

— Безъ сомнѣнiя.

Федоръ Алексѣевичъ имѣлъ при себѣ различныя яства, частью прiобрѣтенныя еще въ Петербургѣ, частью вывезенныя изъ Твери. Когда на привалѣ мы совершали трапезу, Бурдинъ приходилъ прямо въ ужасъ отъ аппетита юнаго охотника.

Онъ его поминутно останавливалъ возгласомъ:

— Молодой человекъ, оставьте намъ хоть чуть-чуть понюхать!

Тотъ же, во время «процесса жратвы», какъ самъ онъ про себя выражался, не обращалъ ни малѣйшаго вниманiя ни на кого изъ насъ. И если мы не успѣвали воспользоваться вкуснымъ кускомъ, то нашъ попутчикъ уничтожалъ все попадавшееся ему подъ руку безъ остатка.

Когда онъ набросился на паштетъ изъ рябчиковъ, Бурдинъ воскликнулъ:

— Молодой человекъ, это вѣдь не творогъ!

— Я это вижу,—спокойно отвѣтилъ «молодой человекъ».

— Вы заболѣте! Деликатесовъ въ большомъ количествѣ ѣсть нельзя.

— Не беспокойтесь. У меня желудокъ семинарскiй, вылуженный.

По пути посѣтили село Еськи, расположенное на берегу рѣки Мологи. Село очень большое, въ немъ было жителей около тысячи душъ.

Нашъ юный спутникъ сообщилъ намъ, что обыватели «Еськи» оригинальнѣйшiй народъ.

— Чѣмъ?

— Они пятницу считаютъ праздничнымъ днемъ, а въ воскресенье, какъ въ будни, работаютъ.

— Это въ силу чего?

— Не знаю.

Мы проѣзжали это село какъ разъ въ пятницу и дѣйствительно были свидѣтелями праздничной бездѣятельности крестьянъ. Заинтересованные такимъ страннымъ обычаемъ, мы обращались съ разспросами къ мѣстнымъ жителямъ, но никто ничего положительнаго сказать не могъ.

— Такъ ужъ... значить, заведено... по какому ни на есть случаю... какъ отцы, такъ и мы... а только это у насъ всегда такъ...

Вблизи самаго Бѣжецка охота была особенно удачна. Бурдинъ скомандовалъ нашему возчику отправиться въ городъ и ожидать насъ. Мы раздѣлились на двѣ компанiи. Васильевъ съ юнымъ стрѣлкомъ отправился впередъ, я съ Бурдинымъ побрелъ позади. На почтовой же станціи въ Бѣжецкѣ мы согласились встрѣтиться и разстаться.

Не успѣли мы сдѣлать и полверсты, какъ вдругъ Бурдинъ почувствовалъ себя дурно. Къ счастью, не подалеку оказалась мельница. Я кое-какъ довелъ его до жилья мельника и уложилъ на скамейку. Вскорѣ ему полегчало; однако, онъ продолжалъ лежать, чтобы основательнѣе окрѣпнуть силами. Въ избѣ было жарко и скучно. Я взялъ ружье Бурдина и вышелъ на рѣку. Увидалъ прыгающаго воробья и первый разъ въ жизни попробовалъ поохотиться. Намѣтилъ и выстрѣлилъ. Вдругъ точно изъ земли предо мною появляются два здоровенныхъ мужика.

— А, это ты у насъ всѣхъ утокъ перестрѣлялъ?

— Какихъ утокъ?—удивился я.—Вотъ единственный разъ въ жизни вздумалъ поохотиться на воробья, да и то промахнулся.

— Сдѣлай милость, не ври... Отъ насъ не увернешься... Мы тебя нашему барину доставимъ, а ужъ ты ему какъ угодно Лазаря пой...

— Какому барину?

— Здѣшнему помѣщику.

— Да вы, братцы, съ ума сопли. Я вовсе не охотился, я тутъ у мельника нахожусь съ своимъ больнымъ товарищемъ.

— Не ты, такъ твои товарищи сейчасъ здѣсь были... Только намъ это все единственно, не будемъ сами предъ господиномъ отвѣтъ держать. Иди самъ отвѣтствовать.

Вижу, что отъ нихъ не отвязаться.

— Пойдемте, говорю, къ мельнику. Тамъ товарищъ, безъ него я пойти не могу.

Мужики согласились.

Являюсь къ Бурдину и рассказываю ему происшествіе.

— Ну, это вздоръ!—сказалъ Бурдинъ и, обращаясь къ мужикамъ, спросилъ:—что вамъ нужно за вашихъ утокъ?

— Ничего, потому что утки господскія, а не наши...

О «задержкѣ охотниковъ» узнали въ ближайшей деревнѣ. Къ мельницѣ явилась цѣлая орава крестьянъ, бабъ и ребятишекъ. Начались толки, сужденія, угрожавшіе превратиться въ скандалъ. Чтобы все это прикончить, Бурдинъ поднялся со скамейки и сказалъ:

— Гдѣ вашъ помѣщикъ? Ведите насъ къ нему... Я съ нимъ самъ переговорю...

— Микита, давай веревокъ! — крикнулъ одинъ изъ мужиковъ мельнику.

— Какихъ веревокъ? Зачѣмъ? — всполошились мы.

— Знаемъ вашего брата! Съ дороги-то тягу дадите, али пристрѣлить насъ пригрозите.

— Экіе вы дураки! Вотъ вамъ мое ружье, несите его сами.

— Нѣтъ, это не модель... Ежели безъ веревокъ, то подъ арестомъ...

— Какъ это подъ арестомъ?

— А такъ, что васъ на телѣгу усадимъ, а сами мы толпой кругомъ васъ поидемъ.

— Ну, ладно, везите насъ подъ арестомъ!

Усадили въ тряскую телѣгу и повезли подъ конвоемъ десяти-рыхъ крестьянъ.

Въѣхали, наконецъ, въ усадьбу. Остановили насъ у воротъ и пошли докладывать помѣщику объ «арестантахъ». Тотъ приказалъ привести насъ къ нему на балконъ, гдѣ онъ сидѣлъ съ женой и пилъ чай.

Насъ привели. Помѣщикъ (молодой офицеръ) строго оглядѣлъ насъ съ ногъ до головы и грубо крикнулъ:

— Чужую дичь стрѣлять! На чужихъ владѣнiяхъ хищничествомъ заниматься!

— Позвольте...

— Ничего я вамъ не позволю! Какъ вамъ не стыдно! Знаете ли вы, что ваши дѣйствiя подлежатъ къ категорiи покражъ?

— Этого я не знаю,—въ свою очередь закричалъ Бурдинъ,—а знаете ли вы, съ кѣмъ вы такимъ грубымъ и неприличнымъ тономъ разговариваете? Мы—артисты императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ, въ вашемъ имѣнiи оказались совершенно случайно и къ довершенiю всего ни одной птицы у васъ не убили.

Офицеръ смягчился.

— А кто же убилъ моихъ утокъ? Эй вы!—крикнулъ онъ мужикамъ.—Видѣли вы, какъ они стрѣляли?

— Видѣтъ не видѣли, а только, должно быть, ихъ товарищи баловали. Тѣхъ мы изымать не смогли.

— Позвольте предложить вамъ стоимость вашихъ утокъ,—сказалъ Бурдинъ:—чтобы вы дѣйствительно не подумали, что мы имѣли какую нибудь корыстную цѣль, проходя вашими владѣнiями съ ружьемъ за плечами.

— Денегъ не возьму, но утокъ вы должны мнѣ возвратить, если ваши товарищи не сдѣлаютъ этого.

Мы пообѣщались прислать къ нему живыхъ утокъ изъ Бѣжецка. Отъ помѣщика мы вышли уже безъ конвоя и наняли ту же самую телѣгу до города.

Въ Бѣжецкой почтовой станціи мы встрѣтили Васильева и юношу охотника и рассказали имъ о своихъ злоключенiяхъ. Они въ отвѣтъ расхохотались и показали намъ груды настрѣленныхъ утокъ.

— Какъ вамъ не стыдно!—укоризненно произнесъ Бурдинъ.

— Такъ и надо этому скареду!—сказалъ юный охотникъ.—Это такой грубый и деспотичный помѣщикъ, что мы на возвратномъ пути съ Василиемъ Григорьевичемъ всѣхъ послѣднихъ утокъ у него добьемъ.

— Смотрите, чтобъ не было непріятности...

— Утечемъ,—беззаботно произнесъ юноша и опять расхохотался.

Мы велѣли заложить намъ три тарантаса. Два для насъ — въ Рыбинскъ и одинъ для Васильева съ юношей въ Тверь. Затѣмъ мы дружески распрощались и разѣхались въ разныя стороны.

Въ первомъ тарантасѣ умѣстился я съ Бурдинымъ, во второмъ его лакей Иванъ Ивановичъ, очень представительный и типичный слуга старыхъ крѣпостныхъ временъ. Держалъ себя онъ очень степенно, говорилъ серьезно, обдуманно и не безъ поползновенія на авторитетъ. Бурдинъ былъ почти неразлученъ съ нимъ. Въстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ находились въ тарантасѣ—любимая собака Ѳедора Алексѣевича «Бекаска», которая во все время пути вела себя довольно спокойно, и два огромныхъ сундука съ платьемъ. Дорогой мы часто останавливались. Въ каждую остановку Бурдинъ, какъ заботливый баринъ, подходилъ къ своему «багажному» тарантасу и освѣдомлялся у слуги:

— Хорошо ли? Спокойно ли?

Иванъ Ивановичъ, не смотря на все неудобство близкаго соудства громоздкихъ сундуковъ и собаки, покорно отвѣчалъ:

— Ничего-съ! Только вотъ имъ (Бекаскѣ) какъ будто не по себѣ.

Этотъ отвѣтъ смѣшилъ Бурдина и, кажется, больше ради него онъ часто приостанавливался и выходилъ изъ тарантаса къ Ивану Ивановичу.

Подѣзжая къ Рыбинску, Ѳедоръ Алексѣевичъ повелъ со мной дѣловой разговоръ:

— Имѣйте въ виду, пожалуйста, что мы простые путешественники, а не странствующие гастролеры.

— Почему?

— Этого требуетъ политика. Не слѣдуетъ показывать вида антрепренеру, что мы пріѣхали играть. Онъ станетъ насъ эксплуатировать. Гораздо лучше, если мы объявимъ себя «проѣзжими». Тогда навѣрное онъ будетъ упрашивать насъ принять участіе въ его спектакляхъ, и ужъ въ такомъ случаѣ мы себя не продешевимъ. Во всемъ этомъ я очень опытенъ, почему вы должны безпрекословно подчиняться всѣмъ моимъ рѣшеніямъ, а главное не вмѣшиваться въ переговоры.

Я согласился.

— Съ антрепренерами нужно умѣть держать ухо востро,—продолжалъ Бурдинъ.—Это такой хитрый и ехидный элементъ челоувѣчества, что въ обращеніи съ ними нужно быть очень понаторѣвшимъ и ловкимъ, иначе обойдутъ. Вотъ посмотрите, какъ я поведу дѣла. Обставлю Смирнова ¹⁾ въ лучшемъ видѣ. У меня та-

¹⁾ Рыбинскій антрепренеръ.

кой планъ въ головѣ сложился, что мы сорвемъ съ него такую цифру, о которой вы и мечтать не смѣете.

Достигли наконецъ Рыбинска. Красивый, большой торговый городъ произвелъ на меня лучшее впечатлѣніе, нежели Тверь, не говоря уже о Бѣжецкѣ. Будучи впервые въ провинціи, я съ особеннымъ любопытствомъ вглядывался во все окружающее и приходилъ въ искренній восторгъ отъ волжскихъ картинъ. Хлѣбная набережная, полная кипучей жизни и безостановочной дѣятельности, въ разгарѣ сезона была положительно живописна и привлекательна. Теперь, благодаря желѣзнодорожной сѣти, широко раскинувшейся по отечеству, торговое значеніе Рыбинска не то, что было въ прежніе годы, но, всетаки, и теперь этотъ городъ не утрачиваетъ своей прелести въ лѣтнюю пору и попрежнему привлекаетъ къ себѣ вниманіе каждаго туриста.

Мы остановились въ гостинницѣ Соболева, находившейся какъ разъ противъ театра. Теперь этой гостинницы не существуетъ, такъ же какъ не существуетъ и стараго деревяннаго театра. На томъ мѣстѣ нынче красуется большой каменный театръ, прекрасной архитектуры, а на мѣстѣ гостинницы понастроены цѣлый рядъ каменныхъ домовъ. Въ общемъ этотъ уголокъ, выходящій фасадомъ на рѣку Черемху, теперь неузнаваемъ.

Антрепренерствовалъ въ Рыбинскѣ въ то время приснопамятный Василій Андреевичъ Смирновъ, въ театральномъ мірѣ личность весьма извѣстная и до сихъ поръ не забытая. Онъ «директорствовалъ» продолжительное время и у него переслужила масса актерскаго люда, разносившая о немъ по Руси безчисленное множество всевозможныхъ анекдотовъ. На этотъ счетъ онъ былъ весьма счастливъ. Въ особенности же пользовалась большою популярностью его неизмѣнная поговорка: «да, потому что да», безъ которой онъ не могъ связать буквально двухъ словъ.

Труппа у него была огромная, на каждое ампуа, по крайней мѣрѣ, человекъ по пяти, такъ что если бы разсортировать актеровъ, то ихъ хватило бы непременно на три сцены.

— Зачѣмъ у васъ такъ много народу? — какъ-то освѣдомился я у Смирнова.

— Благодарю, — хвастливо отвѣтилъ онъ, — даю возможность существовать. Много вѣдь теперь ихъ развелось, такъ что гдѣ ужъ имъ мѣста пріискивать...

И послѣ маленькой паузы откровенно признался, обнаруживъ истинную суть дѣла:

— Да вѣдь и дешевенькіе они у меня. Не дорого мнѣ обходятся. У меня первый любовникъ всего 30 цѣлковыхъ получаетъ... А чѣмъ одного хорошаго держать за сто, такъ я лучше трехъ средненькихъ нанимаю. Вдвойнѣ хорошо: и публика не балуется и разнообразія больше. На всякій вкусъ по актерики имѣется.

Дѣйствительно, жалованье въ то время въ провинціи было баснословно умѣренное, въ особенности у Смирнова доходило оно до ничтожности.

Отдохнувъ съ дороги и погулявъ по городу, Бурдинъ мнѣ сказалъ:

— Пора сдѣлать визитъ антрепренеру. Одѣвайтесь и пойдете.

Сказано—сдѣлано. Отправляемся къ Смирнову, ютившемуся въ верхнемъ этажѣ театра. Бурдинъ и Смирновъ облобызались, какъ старые знакомые. Я представился самъ. Бесѣда была очень оживленная и продолжительная, преимущественно театральная, но о «гастроляхъ» ни одного слова. Я очень внимательно слѣдилъ за «политикой» того и другаго, и въ концѣ-концовъ пришелъ къ убѣжденію, что они другъ друга «проводятъ». Никто изъ нихъ не хотѣлъ первымъ начать дѣловыхъ переговоровъ, хотя видимо оба горѣли нетерпѣніемъ, какъ можно скорѣе придти къ соглашенію. Однако, оба выдержали характеръ и разошлись, ничѣмъ не покончивъ.

На другой день явился къ намъ съ отвѣтнымъ визитомъ антрепренеръ. Опять нескончаемые разговоры объ отвлеченныхъ предметахъ и ни слова о «гастроляхъ». Наконецъ, Бурдину надоѣло выжидательное положеніе, и онъ пустилъ въ ходъ тонкую дипломатію. Предупредительно моргнувъ мнѣ глазомъ, онъ сказалъ:

— Александръ Александровичъ, что же это вы, батенька, не укладываетесь? Потомъ опять спѣшку пороть станете.

Я понялъ этотъ маневръ и блестяще поддержалъ его, отвѣтивъ:

— Да у меня почти все уже уложено. Это ваши вещи валяются не прибранными.

— Чего это вы? — всполошился Смирновъ. — Неужели въ отъѣздъ собираетесь?

— А то что же еще? Намъ здѣсь больше нечего дѣлать. Погуляли, отдохнули и въ путь...

— А я полагалъ, что сыграете у меня?

— Некогда намъ...

— Куда же это торопитесь?

— Къ Смолькову, въ Нижній! Онъ насъ давно поджидаетъ.

— Ну, полноте... погостите...

— Да, право, не можемъ...

— Ну, для меня.

— Охъ, ужъ вы! Всегда-то сумѣете уговорить! Ну, ужъ ладно, такъ и быть, для васъ только останемся...

Начались переговоры. Они имѣли видъ мелочнаго торга. Очень долго торговались и, наконецъ, порѣшили на томъ, что мы будемъ играть безъ вознагражденія двѣ недѣли, а потомъ возьмемъ по бенефису.

— Большаго, ей-Богу, дать не могу. Но и это очень выгодное для васъ условіе, потому что съ бенефисовъ рубликовъ по пяти сотъ нажить можете,—сказаль въ заключеніе Смирновъ.

Бурдину ужасно хотѣлось «показать себя», на основаніи чего онъ и согласился на это предложеніе. Вообще онъ любилъ играть и въ этомъ удовольствіи никогда себѣ не отказываль.

Впослѣдствіи антрепренеръ уразумѣль «дипломатическую выходку» Бурдина и какъ-то при случаѣ ему замѣтилъ:

— А вѣдь я теперь догадался, что вы со мной сплutowали.

— Какъ это сплutowаль? Когда? Что вы хотите сказать этимъ?

— Помните, насчетъ отъѣзда-то при мнѣ заговорили? Вы, вѣдь, и не думали уѣзжать, вы только заставили меня первымъ завести съ вами переговоры.

— Ну, конечно.

— Подловили! И, признаюсь, очень ловко!.. Теперь досажую нао себя, какъ это не сумѣль тогда же васъ понять... Мнѣ бы нужен было пожелать вамъ «добраго пути». Любопытно, чтѣ бы вы мнѣ отвѣтили.

— Поздно, батенька, опомнились.

Въ день нашего соглашенія съ антрепренеромъ былъ спектакль. Я и Бурдинъ, конечно, не пропустили возможности взглянуть на лицедѣйство мѣстной труппы. Отправляемся въ театръ и останавливаемся передъ нимъ въ полномъ недоумѣніи. Весь фасадъ и подъѣздъ задрапированы краснымъ сукномъ.

— Что это значитъ?—обращаемся къ театральному сторожу.

— Попраздничному, — туманно отвѣтилъ онъ, ничуть не удовлетворяя нашему любопытству.

Съ такимъ же вопросомъ подходимъ къ кассиру, но и онъ уклончиво ссылается на «приказаніе Василя Андреевича». Въ театрѣ розыскиваемъ Смирнова и спрашиваемъ его:

— Въ силу чего декорированъ театръ краснымъ сукномъ?

— Нарочно для сбора.

Просимъ объяснить.

— Надняхъ здѣсь былъ проѣздомъ наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, осчастливившій мой театръ своимъ благосклоннымъ посѣщеніемъ. Въ виду торжественности событія и для привлеченія народа я украсилъ театральное зданіе краснымъ сукномъ. Публика шла такъ хорошо, что даже и послѣ отъѣзда великаго князя я приказаль передъ каждымъ спектаклемъ «одѣвать театръ» нарочно для заблужденія. Всѣ думаютъ, не будетъ ли опять у меня высокой гость...

— И охотно разбираютъ билеты?—перебилъ Бурдинъ остроумнаго антрепренера.

— Совершенно справедливо. Торговля идетъ лучше.

— Такъ, значитъ, вы дѣлаете сборы сукномъ?

— Сукномъ-съ.

Чрезвычайно находчивый импрессарио!

Во время нашего пребыванія въ Рыбинскѣ пріѣхали еще «гастролеры»: И. Ф. Горбуновъ и покойный теперь П. В. Васильевъ. Жизнь сообща была несравненно лучше и веселѣе. Васильевъ вмѣстѣ съ Бурдинымъ началъ свои гастроли въ комедіи Островскаго «Свои люди сочтемся».

Послѣ того, какъ красное сукно не стало притягательной силой, сборы въ театрѣ упали до ничтожности. Мы, гастролеры, приходили въ отчаяніе и ужасно стѣснялись своимъ безсиліемъ способствовать пополненію кассы. Смирновъ же въ утѣшеніе говорилъ намъ неоднократно:

— Не конфузьтесь, это у меня всегда такъ; чѣмъ лучше исполнители, тѣмъ плоше дѣла. Вотъ почему у меня и набрана средненькая труппа...

— Вздоръ!—самонадѣянно возражалъ Бурдинъ.—Публика еще не всмотрѣлась въ насъ. Вотъ я поиграю, такъ негдѣ будетъ яблоку упасть.

Увы! Надежды его не оправдались. Зрители равнодушно смотрѣли на его гастроли, и театръ попрежнему пустовалъ.

Передъ бенефисомъ Бурдинъ предложилъ мнѣ:

— Не хотите ли бенефисы дѣлать пополамъ?

— То-есть, какъ это пополамъ?

— Вы получите половину барыша съ моего, а я съ вашего. Согласны?

— Согласенъ.

Первымъ былъ бенефисъ Бурдина, намъ очистилось по 25 рублей. Съ моего же бенефиса осталось только по пяти цѣлковыхъ.

— Не поняли насъ!—сказалъ въ свое оправданіе Ѳедоръ Алексѣевичъ и сталъ спѣшить выѣздомъ въ Нижній Новгородъ въ театръ Смолькова, съ которымъ велась уже переписка.

Такимъ блестящимъ образомъ окончились наши первые гастроли въ Рыбинскѣ.

III.

Рыбинскій режиссеръ Н. Я. Завидовъ.—Его воспоминанія о Мочаловѣ и Мартыновѣ.—Анекдоты о немъ.—Нотація антрепренеру на крестинахъ внука.—Военная хитрость.—Встрѣча съ Завидовымъ въ 1867 въ Нижнемъ Новгородѣ.—Трагикъ П—цкій.—Его разговоръ съ Бурдинымъ.—Его участіе въ комедіи «Любовь и предрасудокъ».

Самою оригинальною личностью въ труппѣ рыбинскаго театра былъ бесспорно Николай Яковлевичъ Завидовъ, исполнявшій обязанности режиссера и его помощника. Онъ обожалъ театръ до фанатизма и всю свою долгую жизнь буквально провелъ за кули-

сами. Его отецъ былъ крѣпостнымъ актеромъ, самъ онъ съ юныхъ лѣтъ подвизался на сценѣ, сперва въ качествѣ актера, а потомъ въ видѣ полу-режиссера, полу-сценаріуса. Я познакомился съ нимъ на закатѣ его артистической дѣятельности. Во время моего пребыванія въ Рыбинскѣ, ему было уже около семидесяти лѣтъ отъ роду, хотя онъ казался значительно моложавѣе, благодаря, главнымъ образомъ, той энергіи и той никогда не покидавшей его старательности, которую Завидовъ проявлялъ при исполненіи своихъ обязанностей. Портретъ Николая Яковлевича не многосложенъ: средній ростъ, необычайно худощавъ, съ громаднымъ носомъ, прозваннымъ за кулисами «клювомъ», и съ постоянной неизмѣнной гримасой на лицѣ, опредѣлить которую было очень затруднительно по той причинѣ, что она была чѣмъ-то среднимъ между презрѣніемъ, снисходительностью и безграничною добродушностью. Завидовъ былъ очень говорливъ, но каждую фразу онъ, что называется, «цѣдилъ» и непремѣнно съ «чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкой», что производило впечатлѣніе, будто бы каждое свое слово онъ основательно обдумывалъ и придавалъ ему авторитетное значеніе. Въ часы досуга Николай Яковлевичъ любилъ лакомиться водкой, которая, по его словамъ, давала ему возможность «забыться и заснуть», въ чемъ, однако, онъ вовсе не нуждался, такъ какъ обладалъ прекраснѣйшимъ сномъ и слишкомъ часто «забывался» на сценѣ во время представленія, что вызывало различныя *qui pro quo*.

Такъ, на примѣръ, слѣдитъ онъ за выходами артистовъ на сцену. Очень внимательно прислушивается къ дѣйствию и, безпрестанно обращаясь къ окружающимъ, повторяетъ: «Тш... тш... Пожалуйста, тише, нельзя ли не разговаривать». Потомъ, немного погодя успокоясь, складываетъ пьесу, по которой править, и, заложивъ руки назадъ, обращается къ близъ стоящему къ нему лицу.

— Вотъ что я вамъ скажу: когда старые артисты (царство имъ небесное) играли—это было наслажденіе. Слушаешь ихъ, бывало, и въ такомъ ощущеніи находишься, точно съ самой налюбимой женщиной разговариваешь. Покойничекъ Мочаловъ былъ великій артистъ. Какъ онъ игралъ! Боже ты мой, Боже! Какъ онъ игралъ! Выйдетъ, бывало, на сцену, не успѣетъ слова сказать, а ужъ публика плачетъ.

— А съ чего, Николай Яковлевичъ, публика-то плакала, если онъ еще ни слова не произносилъ?

— Отъ избытка чувствъ, молодой человѣкъ.

Во время этого разговора на сценѣ подымается суматоха. Завидовъ пропустилъ выходъ актера, дѣйствующія лица остановились и выдерживаютъ неловкую паузу, суфлеръ выходитъ изъ себя, шлепая корешкомъ книги объ полъ, публика въ самомъ патетическомъ мѣстѣ раздражается хохотомъ.

— Завидовъ, Завидовъ! Гдѣ вы? Опять пропустили? Что вы дѣлаете?—раздается со всѣхъ сторонъ за кулисами.

Николай Яковлевичъ срывается съ мѣста и на ходу замѣчаетъ своему собесѣднику тономъ упрека въ несправедливости:

— Вотъ тутъ и режиссерствуй! Вотъ тутъ и правь пьесой! Ка-торжные!..

Московского трагика, Павла Степановича Мочалова, Завидовъ считалъ своимъ другомъ и вспоминалъ о немъ всегда съ благоговѣніемъ.

— Это былъ мой лучший другъ,—говаривалъ Николай Яковле-вичъ. — Я его уважалъ, любилъ и буду оплакивать еще цѣлое столѣтіе.

— Да вы такъ много не проживете,—бывало ктонибудь его перебивалъ шутя.

— Все можетъ быть. Если небесамъ будетъ угодно, я могу про-жить еще нѣсколько вѣковъ.

— То-то выработается изъ васъ опытный режиссеръ!

— Я не дуракъ, чтобы въ древніе годы сталъ режиссерствовать.

— Что же вы будете дѣлать?

— Ничего, потому что буду жить въ богадѣльнѣ.

Завидовъ любилъ выражаться фигурально. При воспоминаніи о Мочаловѣ, Николай Яковлевичъ многозначительно произносилъ:

— Нынѣшніе актеры передъ Павломъ Степановичемъ—блохи.

— Какъ это блохи?

— Онъ на сценѣ жилъ, слова автора чувствовалъ, воплощалъ идеи, настоящія слезы проливалъ, а нынѣшніе только прыгаютъ. Ни основательности, ни серьезности нѣтъ и пьютъ только по за-веденному обычаю передъ обѣдомъ да передъ ужиномъ. А у него на все вдохновеніе было: или совѣмъ ни капли въ ротъ, или съ полнымъ удовольствіемъ сколько влѣзеть... Однажды изъ-за Павла Степановича я даже заплатился своимъ положеніемъ, но и, всетаки, не претендую на него.

— Какъ же это вы заплатились своимъ положеніемъ?

— А вотъ какъ. Проживалъ я съ Мочаловымъ въ Нижнемъ вмѣстѣ, въ одной гостиницѣ и даже въ одномъ номерѣ. Любили мы другъ друга крѣпко и были неразлучны. Однажды всю ночь ку-тили мы съ нимъ въ компаніи именитаго купечества. Какъ попали домой, это прямо слѣдуетъ присоединить къ чудесамъ. Стали укла-дываться спать. Мнѣ вдругъ и говоритъ Павелъ Степановичъ: «Николай, нужно хорошенько выспаться; кто бы ни пришелъ ко мнѣ, гони всѣхъ къ чорту». Улеглись и сладко почиваемъ. Утромъ слышу: кто-то въ нашу дверь колотится. Привстаю съ постели и не отирая спрашиваю:

— Кто тутъ?

— Можно видѣть Павла Степановича?—откликается чей-то незнакомый голосъ.

— Нѣтъ, говорю, нельзя.

— Почему?

— А ужъ это не ваше дѣло. Лучше скажите-ка: кто вы такой?

— Здѣшній губернаторъ князь У—въ.

— Очень радъ, ваше сіятельство, только Павелъ Степановичъ приказалъ мнѣ послать васъ къ чорту.

— Что такое?

— Точно такъ, убирайтесь къ чорту!

Потомъ-то оказалось, что онъ къ моему другу пріѣзжалъ съ визитомъ. Съ нимъ былъ еще кто-то, и въ коридорѣ толпилась вся гостинничная прислуга. Такой афронтъ при всей компаніи, конечно, ему не понравился. Ему было не пріятно мое товарищеское отношеніе, онъ обидѣлся и велѣлъ мнѣ убираться подобру-поздорову вонъ изъ города... Ну, а, строго-то разбирая, можно ли меня обвинять за этотъ случай? Развѣ я могъ поступить иначе? Вѣдь не смѣлъ же я ослушаться незабвеннаго Павла Степановича? Я считалъ себя обязаннымъ въ точности выполнить его приказаніе, потому что я его уважалъ и преклонялся предъ его могучимъ талантомъ...

Про А. Е. Мартынова Завидовъ отзывался такъ же восторженно.

— Это былъ удивительно справедливый человекъ! -- говорил Николай Яковлевичъ. — Во время его гастролей въ Нижнемъ я имѣлъ возможность съ нимъ подружиться. Познакомился же я съ нимъ самымъ оригинальнѣйшимъ образомъ...

— А именно?

— На афишѣ значилась комедія «Кащей». Мнѣ была поручена заглавная роль. Передъ самымъ спектаклемъ вдругъ узнаю, что пріѣхалъ Мартыновъ и даже находится въ театрѣ. Тотчасъ же я отправляюсь къ антрепренеру и категорически ему заявляю, что играть не буду.

— Это почему?—удивляется антрепренеръ.

— А потому, что въ театрѣ находится Мартыновъ. При немъ я играть «Кащей» не осмѣливаюсь.

— Да ты не помѣшался ли? Причемъ Мартыновъ? Какое дѣло тебѣ до него?

— А такое, что въ его репертуарной роли я выступать не смѣю. Онъ обо мнѣ будетъ дурнаго мнѣнія, потому что онъ талантъ, а я жалкая ничтожность. Онъ можетъ меня осмѣять въ душѣ, а я своею репутаціею дорожю...

Антрепренеръ махнулъ на меня рукою и удалился въ контору. Черезъ нѣсколько минутъ онъ требуетъ и меня туда же. Отправляюсь

и сталкиваюсь тамъ съ Мартыновымъ. Осмотрѣлъ онъ меня съ ногъ до головы и потомъ спрашиваетъ:

— Почему ты отказываешься играть?

— Трушу... Говорятъ, вы такъ хорошо играете «Кащея», что въ нашемъ присутствіи мнѣ даже и вспоминать объ этой роли нельзя.

— Вздоръ!

— Ни за что сегодня не выйду на сцену.

— Ахъ, ты мерзавецъ! — не утерпѣлъ Александръ Евстаеви-
вичъ.—Да какъ же ты смѣешь отказываться?! Играй!

Это убѣжденіе на меня подѣйствовало. Я загримировался и игралъ. Послѣ спектакля въ уборную зашелъ Мартыновъ и одобрилъ меня.

— Молодецъ, молодецъ! — сказалъ онъ. — Спасибо, что послушался...

— Какъ же не послушаться-то васъ?—отвѣтилъ я.—Ласковое слово на всякаго человѣка дѣйствуетъ хорошо.

Таковы его воспоминанія о Мочаловѣ и Мартыновѣ. Когда же Завидовъ былъ «въ градуссахъ», то эти имена вызывали на его старческихъ рѣсницахъ умильные слезы.

— Эхъ вы!—задумчиво произносилъ онъ тогда свою стереотипную фразу.—Пророки! Говорили, что ничего изъ меня путнаго не будетъ, и вѣрно, ничего путнаго нѣтъ!.. Я пью. А зачѣмъ я пью? Этого никто не знаетъ. А я знаю—затѣмъ, что пить хочется...

У Николая Яковлевича существовала своя собственная логика, вслѣдствіе чего его разсужденія были забавны до послѣдней степени. Надъ нимъ смѣялись самымъ жестокимъ образомъ, но онъ этого никогда не замѣчалъ.

Въ рыбинскомъ же театрѣ служилъ актеромъ его сынъ, большимъ талантомъ не отличавшійся, но въ разрядѣ полезностей занимавшій не послѣднее мѣсто. Николай Яковлевичъ его очень любилъ и, по снисходительности родительскаго сердца, считалъ его чрезвычайно выдающимся водевильнымъ исполнителемъ. О немъ онъ разговаривалъ со всѣми такъ:

— Колю моего въ «Любовномъ зельѣ» видѣли?

— Нѣтъ.

— Жаль, чрезвычайно жаль.

— А что?

— Онъ могъ бы вамъ доставить эстетическое удовольствіе. За-
мѣчательно хорошо въ этой пьескѣ играетъ. И не потому, конечно, я его хвалю, что онъ мой, такъ сказать, единоутробный сынъ, а потому что дѣйствительно очень способная личность. Вы бы посмотрѣли, какъ онъ рисуетъ хорошо. Удивительно даже!

Бурдинъ въ свой бенефисъ ставилъ водевиль «Школьный учитель». Роль Корьо Ѳедоръ Алексѣевичъ считалъ своею лучшею ролью. Обращается онъ къ Завидову, какъ къ режиссеру, и про-

ситъ назначить репетицію водевиля, а такъ же нанять необходимое количество мальчишекъ для изображенія учениковъ.

— Не нужно репетицій,—рѣшилъ Николай Яковлевичъ.

— Почему?

— А потому, что этотъ водевиль у насъ игрался уже, и мальчишки знаютъ свои роли превосходно.

— Въ такомъ случаѣ сдѣлаемъ для облегченія труда только одну репетицію въ день спектакля.

— Разумѣется.

Наступаетъ день спектакля. Прорепетировали пьесу, начинается водевиль.

— А гдѣ же ребятишки?—освѣдомляется Бурдинъ.

— Они теперь милостыню собираютъ.

— Какъ милостыню?

— Они нищіе.

— Однако, безъ нихъ репетиціи быть не можетъ.

— Они знаютъ, а теперь вотъ мы за нихъ поговоримъ.

— Позвольте-съ, вѣдь есть куплеты. Они должны будутъ ихъ пѣть.

— Куплетики-то всегда мы поемъ.

— Какъ вы? да вѣдь на сценѣ-то дѣйствуютъ одни мальчишки.

— Это ничего. Мы вамъ споемъ изъ-за кулисъ.

Бурдинъ разсердился и не безъ злобы крикнулъ Завидову:

— Отчего не изъ Ярославля?

Дѣйствительно, по винѣ Николая Яковлевича, обстановка «Школьнаго учителя» была убійственная. Мальчишки, конечно, не знали своихъ ролей и все путали, а Завидовъ, распѣвавшій куплеты за сценой въ то время, когда ребятишки стояли передъ зрителями съ разинутыми ртами (таково было приказаніе режиссера), приводилъ всю почтеннѣйшую публику въ неудержимый хохотъ.

У Завидова младшаго родился сынъ. Были устроены торжественныя крестины, на которыхъ присутствовала вся рыбинская труппа во главѣ съ антрепренеромъ. Былъ и я съ Бурдинымъ. Завтракъ прошелъ очень оживленно, всѣ чувствовали себя очень хорошо, и въ «выпивкѣ» не ощущалось недостатка. Въ концѣ-концовъ, когда Николай Яковлевичъ уже достаточно захмелѣлъ, надъ нимъ кто-то вздумалъ добродушно подшутить.

— Николай Яковлевичъ, отчего вы сами не снимете гдѣ нибудь театра? Изъ васъ безпримѣрный бы антрепренеръ вышелъ.

— Это дѣйствительно! Я бы сумѣлъ поддержать почетное званіе антрепренера такъ, что актеры пальчики бы облизали. А все потому, что у меня есть въ достаточномъ количествѣ врожденный гоноръ, самоуваженіе и барская жилка...

— Что же это за барская жилка?

— То-есть имѣю обширныя понятія объ аристократизмѣ... Нынѣшніе антрепренеры—что?—дрянь...

— Ну, ты потише,—хотѣлъ было перебить его Смирновъ, но Завидовъ продолжалъ:

— Да-съ, совершеннѣйшая дрянь. Нынѣшніе антрепренеры мелочны, жадны, грубы и подлы. Вотъ взять, напримѣръ, нашего многоуважаемаго и почтеннаго Василя Андреевича. Развѣ это антрепренеръ? Что въ немъ такого антрепренерскаго? Плисовый пиджакъ да полосатыя брюки, но этого мало. Онъ даже не умѣетъ себя держать поантрепренерски.

— Ну, завелъ волюнку! — сказалъ Смирновъ недовольнымъ тономъ.

— Да-съ, завелъ, но не угодно ли я вамъ продиктую, какъ долженъ проводить время настоящій антрепренеръ?

— Ну, продиктуй.

— Извольте. Настоящій антрепренеръ, желающій пользоваться всеобщимъ уваженіемъ, обязанъ поступать слѣдующимъ образомъ: встать утромъ, умыться, помолиться Богу и... Вы что по утрамъ кушаете: чай или кофе?

— Чай,—отвѣтилъ, насмѣшливо улыбаясь, Василій Андреевичъ.

— Прекрасно, я тоже предпочитаю чай... Такъ вотъ: помолиться Богу и выкушать два стакана чая... Потомъ, прочитавъ газету отправиться погулять по бульвару. Для моціона это очень хорошо... Затѣмъ, зная, что на сценѣ идетъ репетиція, зайти въ театръ, плотно усѣсться въ кресло, поданное бутафоромъ, и полчаса пошутить съ актерами. Потомъ вѣжливо обратиться ко мнѣ, къ режиссеру, и спросить: «Все ли у тебя въ порядкѣ?». Я отвѣчаю утвердительно. Затѣмъ отправиться домой, пообѣдать, отдохнуть до спектакля и явиться передъ самымъ началомъ представленія въ свою директорскю ложу и съ критической точки зрѣнія слѣдить за исполнителями. Въ концѣ-концовъ забрать себѣ выручку и идти спокойно почивать... Вотъ программа дѣйствій настоящаго антрепренера. Вообще же во всѣ дѣла театра вы вмѣшиваться не должны, потому что это вашему высокому положенію не подобаетъ. На это есть служащіе. Такъ это и знайте и кстати запомните мои слова, что никогда изъ васъ ничего путнаго не выйдетъ, если вы не будете жить такимъ способомъ, который я вамъ сейчасъ рекомендовалъ.

Въ преподаваніи подобныхъ совѣтовъ Завидовъ былъ неисчерпаемъ. Онъ всякому начертывалъ подробную программу дѣйствій и ужасно былъ не доволенъ, что его теорію никто не примѣняетъ на практикѣ. Читалъ онъ и мнѣ лекцію, «какъ держать себя гастролеру», которая оканчивалась такимъ резюме:

— Чѣмъ гастролеръ жаднѣе къ деньгамъ, тѣмъ онъ въ глазахъ зрителей талантливѣе. Это ужъ повѣрьте моей долготѣней

опытности. Отчего на васъ и на Бурдина публика нейдетъ? Потому что вы даромъ играете. А хватили бы со Смирнова нѣсколько сотъ рубликовъ—вотъ вамъ и прекрасные сборы. Очень жаль, что ни вы, ни Василій Андреевичъ до этого не додумались собственнымъ умомъ...

А въ этомъ, быть можетъ, онъ былъ правъ.

Въ послѣдній передъ нашимъ отъѣздомъ спектакль Завидовъ въ силу какихъ-то «стороннихъ обстоятельствъ» явился на сцену для отправленія своихъ режиссерскихъ обязанностей слишкомъ навеселѣ.

На него набросился Смирновъ:

— Намочилъ морду! Ахъ, ты разбойникъ, душегубъ, разоритель...

— Нишкни!

— Честяѣ тебя въ Сибирь ссылаютъ!

Въ концѣ концовъ эта «полемика» окончилась задорнымъ скандаломъ, и разбушевавшася режиссера, не устоявшаго на ногахъ и растянувшася посреди сцены, по распоряженію антрепренера, вывели вонъ изъ театра.

На другое утро является къ намъ въ номеръ Николай Яковлевичъ и, не сказавъ обычнаго привѣтствія, спрашиваетъ:

— Вчера вечеромъ меня видѣли?

— Видѣли.

— А хорошо ли всмотрѣлись въ выраженіе моего лица?

— Отлично.

— И все поняли?

— Все.

— Что же вы поняли?

— Вы пьяны были.

— Нѣтъ-съ, не то, это была съ моей стороны военная хитрость.

— ??

— Да-съ, я нарочно хотѣлъ доказать этому эксплуататору, что безъ меня онъ пропадетъ.

— Однако, не пропалъ, и спектакль прошелъ благополучно.

— Ничего не значить, а, всетаки, онъ побѣсилъ. Я ему отравилъ нѣсколько минутъ жизни.

— Но вѣдь потерпѣли неприятности и сами?

— Это ничего не значить. Я-то ко всему привыкъ. Меня-то ужъ сколько разъ изъ театра выводили, а вотъ его златъ не часто...

Разставшись съ Завидовымъ въ Рыбинскѣ, я о немъ не имѣлъ никакихъ вѣстей до вторичнаго съ нимъ свиданія въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1867 году.

Являюсь однажды на репетицію и встрѣчаю на сценѣ старика, одѣтаго въ отрепанное полувоенное пальто и въ форменную фуражку. Долго всматриваюсь въ него и нахожу въ чертахъ его фи-

зіюномі что-то давно знакомое. Началась репетиція, прошли три или четыре акта, въ продолженіе которыхъ меня неотступно мучилъ вопросъ: что это за старикъ, несомнѣнно знакомый, но совершенно изгладившійся изъ памяти?

Наконецъ, вспоминаю: это—Завидовъ. Радостно подхожу къ нему и спрашиваю:

— Николай Яковлевичъ, это вы?

— Я-съ.

— А меня узнали?

— Еще бы! Затѣмъ только и въ театръ завернулъ, чтобы съ вами повидаться.

— Такъ отчего же вы мнѣ сразу не признались?

— А я, изволите ли видѣть, хотѣлъ испытать: узнаете вы меня, или нѣтъ?

По окончаніи репетиціи я пригласилъ его къ себѣ и разспросилъ подробно о его настоящемъ положеніи.

— Въ богадѣльнѣ живу, объѣдаю общество!—не безъ горечи отвѣтилъ Завидовъ.—Старъ сталъ и къ труду совершенно не пригоденъ, между тѣмъ дармоѣдничать стыдно... А еслибъ вы знали, какихъ неимовѣрныхъ усилій стоило добрымъ людямъ устроить меня въ богадѣльню! Бѣднаго, престарѣлаго актера весьма не охотно принимаютъ подъ свое призрѣніе наши благотворительныя учрежденія. Въ этомъ отношеніи мы, актеры, беспомощны и несчастны. И такъ-то всю жизнь работаемъ впроголодь, а придетъ старость—издыхай подъ заборомъ...

Положеніе актера въ старости, дѣйствительно, таково. Его социальное положеніе не даетъ ему никакихъ правъ, никакихъ притязаній на общественную помощь. Корпоративныя основанія различныхъ богадѣленъ въ этомъ отношеніи почти неумолимы, и въ провинціи по сіе время встрѣчается много заслуженныхъ сценическихъ дѣятелей, нуждающихся въ кускѣ насущнаго хлѣба.

Другою интересною личностью въ рыбинской труппѣ былъ актеръ П—цкій, считавшій себя величайшимъ исполнителемъ трагическихъ ролей. Въ то время онъ былъ только-что начинавшимъ свою сценическую карьеру и весьма шепетильнымъ въ отношеніяхъ съ антрепренеромъ. Когда для Бурдина поставлена была «Бѣдность не порокъ», ему поручили роль Мити. На репетицію пришелъ онъ разобиженный. Завидовъ освѣдомился о причинѣ его недовольства.

— Здоровъ ли ты?

— Нѣтъ, не здоровъ.

— Что же ты чувствуешь?

— Антрепренерское свинство.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1893 г., т. LIV.

— Что же это за болѣзнь? Новая какая-то?

— Всѣ подлецы! Вотъ что я вамъ на это скажу...

Къ разобиженному трагику подошелъ Бурдинъ и участливо спросилъ:

— Обижаютъ васъ?

— Ужасно.

— Чѣмъ же именно?

— Даютъ играть роли не моего амплуа. Развѣ не нашлось у нихъ когонибудь другаго для изображенія Митьки? Я не привыкъ къ такимъ мелкимъ типамъ...

— А какія же роли вы считаете своими?

— Донъ Сезарь де-Базанъ, Донъ-Карлосъ, Гамлетъ, Отелло...

— Но вѣдь, проживая въ Рыбинскѣ, вы больше видите Миткѣ, чѣмъ Донъ Сезарь де-Базановъ, Гамлетовъ и проч.

— То-есть, какъ это въ Рыбинскѣ?—важно воскликнулъ трагикъ.—Я былъ и въ Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ...

— Вы меня не поняли... Я хочу сказать, что типъ Митьки вамъ понятнѣе, нежели типъ Гамлета.

— Я все отлично понимаю, не беспокойтесь... Митька мнѣ не къ лицу, потому что я по рожденію салонистъ.

Слово «салонистъ» онъ производилъ отъ слова салонъ и выраженія «салонныя роли».

Въ другой разъ П—цкій съ какимъ-то ожесточеніемъ началъ порицать московскихъ артистовъ.

— Позвольте, позвольте,—перебилъ его Бурдинъ.—Откуда вы нахватались такихъ нелѣпостей про московскій славный театръ?

— Это мнѣніе всѣхъ московскихъ театраловъ.

— Но гдѣ вы его почерпнули?

— «Но» въ буфетѣ...

Въ комедіи «Любовь и предразсудокъ» я игралъ Сюлливана, П—цкій—Фридерика.

На званомъ и важномъ собраніи у Дженкинса онъ вдругъ является въ сѣромъ костюмѣ. По окончаніи акта я замѣчаю ему:

— Нужно было выдти во фракъ или, по крайней мѣрѣ, въ черномъ сюртукѣ.

— Зрителей въ театрѣ не много, такъ что все равно.

— Но вѣдь этимъ вы выказываете небрежность не къ зрителямъ, а къ своимъ обязанностямъ.

— Да, кромѣ того, почему кто знаетъ, можетъ быть, дочь Дженкинса свѣтлые цвѣта предпочитаетъ, и я, въ угоду ея вкусу, ношу сѣрую пару.

Въ послѣднемъ актѣ, по своему обыкновенію, онъ не обошелся безъ оговорки. Ему слѣдовало сказать:

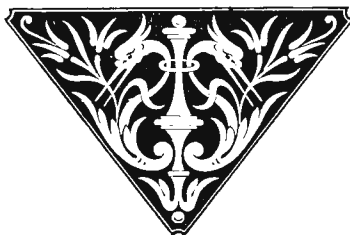
— Я долженъ былъ жениться на дочери извѣстнаго негоціанта Дженкинса. Богатство баснословное, колоссальное...

Вмѣсто этого П—цкій выпалилъ скороговоркой:

— Хотя я и долженъ былъ жениться на дочери извѣстнаго музыканта Дженкинса, но не женился, потому что у нея глаза безподобные.

А. А. Нильскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ И ПЕРВЫЙ ЕГО РЕДАКТОРЪ ¹⁾.

РЕЖДЕ чѣмъ иной историческій фактъ или личность выдающагося общественнаго дѣятеля обрисуются на страницахъ исторіи правдивыми штрихами, позднѣйшему бытописателю приходится иногда разбираться во множествѣ разнорѣчивыхъ, подчасъ даже противоположныхъ отзывовъ современниковъ объ одномъ и томъ же предметѣ. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что лица, живущія въ эпоху наблюдаемыхъ ими событій, часто не сходятся между собою въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ проявленій жизни. На это есть много вполне законныхъ причинъ, перечислять которыя было бы излишнимъ. Но чѣмъ больше матеріала оставляютъ современники для сужденія объ извѣстномъ фактѣ, тѣмъ полнѣе онъ можетъ быть освѣщенъ со всѣхъ сторонъ и тѣмъ ближе къ правдѣ установится его смыслъ и значеніе. Не даромъ у французовъ сложилась поговорка: изъ столкновенія мнѣній вытекаетъ истина. Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову при чтеніи крайне интересныхъ статей г. Анучина о намѣстникѣ въ царствѣ Польскомъ графѣ Ѳ. Ѳ. Бергѣ, помѣщенныхъ въ первыхъ книгахъ «Русской Старины» за 1893 годъ, гдѣ многоуважаемый авторъ, между прочимъ, высказалъ неодобрительное слово о русской газетѣ въ царствѣ въ первые годы ея существованія и первомъ редакторѣ ея Н. И. Павлицевѣ. Я лично если и не былъ воспріемникомъ отъ купели русскаго органа печати, народившагося въ Варшавѣ по усмиреніи

¹⁾ Въ этомъ очеркѣ не вездѣ могли быть выставлены точныя даты, такъ какъ записи автора утеряны; но положеніе дѣла разсказано вѣрно въ фактическомъ отношеніи.

послѣдняго польскаго возстанія, то былъ свидѣтелемъ первыхъ шаговъ младенца и принималъ нѣкоторое участіе въ доставленіи ему духовной пищи. Полагаю поэтому, что и мое слово о «Варшавскомъ Дневникѣ» и его покойномъ пѣстунѣ не будетъ лишнимъ, хотя оно и расходится съ мнѣніемъ вышеназваннаго другаго современника. Не имѣя претензіи выступать съ опроверженіемъ отзывовъ и сужденій автора, котораго я искренно почитаю въ числѣ другихъ приснопамятныхъ борцовъ за русское дѣло въ Польшѣ, я постараюсь, какъ бывший сотрудникъ «Варшавскаго Дневника», отклонить завѣсу съ внутренней жизни этой газеты въ періодъ редакторства Н. И. Павлицева и, по силѣ моего разумѣнія, выяснитъ положеніе на этомъ трудномъ посту бывшаго руководителя означеннаго органа во время намѣстничества графа Берга. Цѣль моя освѣтитъ факты съ той стороны, которая была мнѣ близко извѣстна.

Официальнымъ печатнымъ органомъ царства Польскаго, за долго до политическихъ беспорядковъ начала шестидесятыхъ годовъ, былъ «*Dziennik Powszechny*» («Всеобщій Дневникъ»), издававшійся въ Варшавѣ. Въ немъ печатались на мѣстномъ языкѣ всѣ правительственныя распоряженія, относившіяся къ этому краю, и изрѣдка появлялись такія обсуждения мѣстныхъ фактовъ, которыя желательно было правительству провести въ массу польскаго населенія. Послѣдняя задача, однакъ, не достигала цѣли, потому что систематически была парализуема частными органами печати, которыхъ и въ то время издавалось въ Варшавѣ порядочное количество. Нельзя сказать, чтобы варшавскія газеты пользовались большою свободой, но онѣ, со свойственною польскому характеру ловкостью и изворотливостью, установили разные условныя приемы писательства, съ виду легальныя, посредствомъ которыхъ пресса находилась въ самомъ тѣсномъ духовномъ общеніи съ читающею публикой. Польскій читатель умѣлъ извлекать особенный сокровенный смыслъ изъ самыхъ, повидимому, простыхъ и опредѣленныхъ фразъ; онъ прочитывалъ между строкъ то, что оставалось невидимымъ для цензуры, и привыкъ самымъ темамъ публицистическихъ разсужденій придавать иносказательное значеніе. Обсуждается въ газетѣ, на примѣръ, какое нибудь событіе изъ государственной жизни Франціи времянь Наполесна III, на котораго въ то время поляки возлагали свои мечтательныя надежды. Польскій читатель непремѣнно уловитъ нужнаго ему волчка, и высказанное въ статьѣ порицаніе или поощреніе обязательно примѣнитъ къ положенію своего края. Несомнѣнно, что поляки-цензора понимали суть дѣла, но при начавшемся съ 1860 года броженіи умовъ вели общую съ интеллигентными «родаками» политику. Правда, надъ цензорами былъ еще «директоръ періодической печати» въ лицѣ состоявшаго при главнокомандующемъ войсками тайнаго совѣтника Николая

Ивановича Павлицева, назначеннаго на эту должность въ сентябрѣ 1863 года. Это былъ человѣкъ высокообразованный, закаленный русскій патриотъ и глубокой знатокъ края и его населенія, чему отчасти служить доказательствомъ изданныя имъ въ 1837 году «Седмицы польскаго мятежа 1863—1864 гг.», составлявшія еженедѣльные обзорѣнія, представлявшіяся на высочайшее прочтеніе, но ему одному слѣдить пристально за тѣми ворохами макулатуры, которые ежедневно выходили изъ-подъ типографскаго станка, не было никакой физической возможности. Большею частью, онъ являлся только рѣшителемъ сомнѣній цензоровъ, которые представляли ему на просмотръ статьи, почему либо явно ненадежныя, за которыя могла бы пасть отвѣтственность на ближайшихъ пѣстуновъ печати. Тогда, какъ и теперь, въ Варшавѣ издавались въ значительномъ числѣ и большія газеты для достаточнаго интеллигентнаго класса и дешевые листки, въ родѣ разныхъ «Курьеровъ», расходившіеся среди мѣщанъ, мелкихъ торговцевъ, разныхъ официалистовъ, городскихъ извозчиковъ и составлявшіе необходимую принадлежность каждаго общественнаго мѣста до баварій и кабаковъ включительно.

Среди такого множества частныхъ изданій оффиціальныи «Всеобщій Дневникъ» былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Читающая публика частью принимала лишь къ свѣдѣнію то, что въ немъ печаталось, а большею частью совершенно его игнорировала. Только когда начались уже безпорядки въ краѣ, и поляки, благодаря безпримѣрной слабости властей, пришли въ силу, рѣшено было принять противъ правительственнаго органа активныя мѣры, что и выразилось въ убіеніи наряженными отъ ржонда кинжалъщиками редактора «Дневника» Минишевскаго за статью, осуждавшую безумныя манифестаціи въ краѣ и взывавшую къ здравому смыслу населенія. Вскорѣ послѣ этого претенціозный титулъ «Всеобщаго Дневника», который такъ названъ былъ по примѣру Наполеонскаго *Moniteur Universel*, былъ замѣненъ болѣе скромнымъ заглавіемъ: «*Dziennik Warszawski*». Когда я познакомился съ этою газетою въ 1864 году, то редакторомъ ея былъ А. М. Цвѣрчакевичъ, присяжный журналистъ, поставлявшій ежедневно обзорѣнія текущей иностранной политики, а главнымъ сотрудникомъ состоялъ при газетѣ А. П. Невяровскій, талантливый беллетристъ и борзописецъ. Оба были вполне легальныя поляки, каковыхъ въ то время не много обрѣталось въ Варшавѣ.

Въ описываемую эпоху, благодаря несокрушимой энергіи главнаго работника бывшаго учредительнаго комитета въ царствѣ, князя Черкаскаго,—энергіи, не допускавшей оттяжекъ и компромиссовъ, русская власть уже сильно чувствовалась въ Польшѣ, и взволнованная мятежомъ жизнь края начинала принимать формы внѣшняго порядка. Естественно, что въ русскомъ лагерѣ, откуда

исходили реформы для кореннаго обузданія мятежныхъ посползовеній, возникла мысль объ основаніи въ Варшавѣ русской газеты, долженствующей быть органомъ правительственныхъ мѣропріятій. вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалась потребность знакомить поляковъ съ Россіей въ ея истинномъ свѣтѣ, въ противовѣсъ частнымъ польскимъ газетамъ, которыя имѣли у себя рубрики для всѣхъ государствъ свѣта, кромѣ Русскаго; если же изрѣдка онѣ и удостоивали своимъ вниманіемъ наше отечество, то не иначе, какъ въ формѣ заимствованія изъ русскихъ газетъ какихъ либо наиболѣе безобразныхъ фактовъ изъ русской жизни, которые, само собою разумѣется, случаются въ каждомъ обществѣ любого государства.

Въ то время, при послѣднемъ издыханіи «повстанья», въ правительственныхъ сферахъ царства Польскаго образовались двѣ партіи: одна князя Черкаскаго, поддерживаемая и вдохновляемая статсъ-секретаремъ Н. А. Милютинымъ, желавшая рѣшительныхъ и быстрыхъ реформъ и мѣропріятій, другая намѣстника графа Берга, который полагалъ небезопаснымъ слишкомъ рѣзко повернуть польскую общественность въ новое русло и потому считалъ болѣе политичнымъ дѣйствовать осторожно и медленно, щадя по возможности укореившіяся традиціи и вѣковыя мѣстныя учрежденія и не прибѣгая къ крутой ломкѣ. Въ сущности графъ Федоръ Федоровичъ стремился къ той же цѣли, но предпочиталъ другіе приемы. Въ шутку называли тогда эти партіи красною и бѣлою, или русскою и нѣмецкою. Вѣроятно, по своимъ консервативнымъ соображеніямъ намѣстникъ не сочувствовалъ и учрежденію въ Варшавѣ русской газеты (какъ впоследствии, кажется, уже въ 1876 году, счелъ «несвоевременнымъ» разрѣшить капеллѣ Славянскаго прибыть для концертовъ въ Варшаву). Однакожъ, русская партія взяла верхъ, и въ октябрѣ 1864 года въ Варшавѣ появился русскій «Варшавскій Дневникъ» рядомъ съ польскимъ.

Содержаніе этихъ газетъ-двойниковъ было одно и то же, хотя и не всегда печаталось въ обѣихъ въ одинъ и тотъ же день. Первоначально русскій «Дневникъ» выходилъ въ меньшемъ форматѣ, чѣмъ теперь, изрѣдка прибавляя къ обычному выпуску еще поллистка. Хотя газета съ самаго начала не отличалась богатствомъ содержанія, но помню, что появленіе ея было привѣтствовано съ удовольствіемъ и даже радостно, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ русскихъ кружкахъ, гдѣ мнѣ приходилось вращаться въ Польшѣ. Мы смотрѣли на этотъ фактъ, какъ на одинъ изъ признаковъ русской силы и власти. Редакторомъ народившейся газеты графъ Бергъ назначилъ Н. И. Павлицева, съ 1831 года служившаго въ царствѣ Польскомъ на разныхъ высшихъ административныхъ должностяхъ и въ то же время не мало потрудившагося и на педагогическомъ поприщѣ въ качествѣ члена совѣта мѣстнаго народнаго про-

свѣщенія. Николай Ивановичъ ⁴⁾ горячо принялся за свое новое дѣло и влагалъ въ газету всю свою душу. Онъ тотчасъ началъ подыскивать подъ рукой подходящихъ сотрудниковъ и завелъ сношенія съ провинціальными пунктами царства (въ то время Варшава неофициально называлась столицей), приглашая корреспондентовъ сообщать извѣстия изъ мѣстной жизни. Такимъ образомъ, и я завелъ сношенія съ редакціей въ качествѣ сотрудника и провинціального корреспондента. Въ іюль 1865 года, непосредственнымъ редакторомъ русской газеты былъ назначенъ сынъ Николая Ивановича, Левъ Николаевичъ Павлицевъ, состоявшій тогда также по военному министерству, а Николай Ивановичъ сталъ именоваться директоромъ «Варшавскихъ Дневниковъ», но эта перемѣна нисколько не измѣнила отношеній Павлицева-отца къ русской газетѣ: онъ попрежнему продолжалъ принимать въ ней самое близкое участіе.

«Варшавскій Дневникъ» сразу окрасился мѣстнымъ колоритомъ, занимаясь попреимуществу интересами, касавшимися Польши, особенно изъ самой послѣдней фазы ея жизни. Только-что угасшее несчастное повстаніе давало богатый матеріалъ для очерковъ, воспоминаній, рассказовъ и бытовыхъ картинъ, и газета дѣйствительно отражала въ себѣ многое изъ того, что въ данное время занимало и даже волновало мѣстное какъ русское, такъ и польское общество. Но въ частности чувствовалась односторонность направленія, недосказанность и даже полное умолчаніе о такихъ сторонахъ политическаго теченія, о которыхъ слѣдовало бы говорить смѣло и властно. Впослѣдствіи эта загадка для меня разъяснилась, когда я сталъ въ ближайшія отношенія къ редакціи, переселившись въ 1866 году на службу въ Варшаву. Оказалось, что для «Дневника» дана была самая тѣсная рамка, и Н. И. Павлицевъ былъ до крайности связанъ стѣснительными условіями, иначе, при его обширномъ литературномъ образованіи и врожденной публицистической жилкѣ, онъ сумѣлъ бы поставить газету на должную высоту.

Главное стѣсненіе шло отъ намѣстника графа Берга, который какъ будто опасался, чтобы въ газетѣ не проскользнуло что либо такое, которое считалось, по его мнѣнію, «неудобнымъ» или «несвоевременнымъ». Въ виду этого, Павлицевъ долженъ былъ въ опредѣленный день недѣли являться въ бывшій королевскій замокъ съ докладомъ, при которомъ разъяснялись недоумѣнія, и испрашивалось разрѣшеніе—печатать данную вещь или же не печатать. Основные принципы, преподанные газетѣ изъ замка для руковод-

⁴⁾ Супруга его, Ольга Сергѣевна, была родною сестрой нашего знаменитаго Пушкина; по болѣзни глазъ она проживала въ Петербургѣ, пользуясь у тамошнихъ окулистовъ.

ства, были слѣдующіе: привлекать на свою сторону евреевъ, по возможности падить ксендзовъ и осторожно касаться польскихъ помѣщиковъ.

Понятно, какъ трудно было лавировать Николаю Ивановичу, при его закаленномъ въ борьбѣ съ враждебными стихіями патріотизмъ и глубококомъ проникновеніи во всѣ пружины вчерашняго мятежа. Относительно перваго пункта дѣло еще ладилось. По исконному свойству еврейства—примыкать къ той сторонѣ, которая сильнѣе, польскіе евреи, по самоупраздненіи русской власти въ царствѣ, вольно или невольно оказали не малое содѣйствіе революціи денежными «офьярами» (жертвами), а были и такіе изъ числа «поляковъ Моисеева закона», которые лично участвовали въ революціонной организаціи. Но какъ только подпольный ржондъ, расправлявшійся кинжаломъ, веревкой и ядомъ, пересталъ быть страшнымъ, то солидарность жидовъ съ поляками сразу ослабѣла. Поэтому, противъ перваго пункта «замковой» программы Николай Ивановичъ, по своимъ убѣжденіямъ, ничего имѣть не могъ, и дѣйствительно въ «Варшавскомъ Дневникѣ» появлялись отъ времени до времени благопріятныя для евреевъ статьи, занимавшіяся ихъ бытомъ и разъяснявшія положеніе ихъ въ государствѣ. Но относительно двухъ послѣднихъ пунктовъ честный публицистъ не могъ идти на компромиссъ, не искажая исторіи и не нарушая правды, ибо кому же не было извѣстно, что ксендзы почти поголовно своимъ революціоннымъ вліяніемъ на народъ тайно и явно разжигали страсти и поддерживали ультрапольскій фанатизмъ, а помѣщики и деньгами, и личнымъ участіемъ въ мятежной организаціи, и предводительствомъ въ бандахъ служили активными дѣятелями мятежа. Отсюда проистекало для Павлицева много личныхъ непріятностей. Сколько разъ, по моимъ близкимъ отношеніямъ, я находилъ маститаго русскаго дѣятеля въ его кабинетѣ разстроеннымъ и удрученнымъ поды впечатлѣніемъ свѣже испытаннаго удара. Первые отъ природы были у него крѣпкіе; это былъ обстрѣленный воинъ въ борьбѣ съ чужими и своими, но и онъ по временамъ впадалъ въ отчаяніе. Какъ-то разъ, вечеромъ, я засталъ Николая Ивановича, угрюмо сидѣвшаго за письменнымъ столомъ, на которомъ лежалъ того дня номеръ «Варшавскаго Дневника».

— Вотъ,—сказалъ онъ,—полюбуйтесь, какіе иногда падаютъ на меня неожиданные громы. Сейчасъ принесли изъ замка.

И подалъ мнѣ газету. На полѣ крупнымъ и неровнымъ почеркомъ намѣстника написано было карандашемъ пофранцузски: «Заявляю мое крайнее омерзѣніе (dégout) къ этой литературѣ и строго подтверждаю, чтобы ничего подобнаго не печаталось». Я не списалъ этой резолюціи, но хорошо помню ея содержаніе, особенно это dégoût врѣзалось въ моей памяти. А инкриминированная статья была самага обыденнаго свойства. Рассказывалось объ одномъ

ксендзѣ, безъ указанія фамиліи и мѣстности, противъ котораго даже обычно покорные польскіе прихожане возроптали за его безнравственный образъ жизни. Фактъ этотъ выставлялся въ газетѣ въ видѣ отдѣльнаго и исключительнаго случая, безъ всякаго обобщенія и безъ малѣйшей тѣни осужденія католическаго духовенства вообще.

Графъ Бергъ, хотя самъ лютеранинъ, былъ женатъ на итальянкѣ, ревностной католичкѣ, для которой въ самомъ замкѣ находилась католическая часовня. Польскіе ксендзы отправляли здѣсь богослуженіе и были самыми приближенными людьми къ графинѣ. Они-то (какъ ходили слухи) чрезъ свою духовную дочь вліяли на намѣстника, который въ предѣлахъ своей власти оказывалъ покровительство всему польскому духовенству, на сколько это явно не противорѣчило общей политикѣ изъ Петербурга. Въ приведенномъ инцидентѣ съ газетой самъ графъ едва ли усмотрѣлъ бы провинность «Дневника», тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ даже времени акуратно прочитывать его, но, по всей вѣроятности, приближенные люди прислужились графинѣ, а она уже своимъ заступничествомъ побудила супруга къ такому рѣзкому шагу. Вѣрно ли толковала молва подобные факты, судить не берусь: *relata refero*.

Изъ множества однородныхъ случаевъ осталось у меня въ памяти запрещеніе, постигшее интересный историческій очеркъ М. П. Устимовича, подъ заглавіемъ: «Правда о польскомъ повстаніи». Въ «Дневникѣ» 1865 года появился рядъ статей подъ вышеозначеннымъ названіемъ, крайне заинтересовавшихъ какъ русскихъ, такъ и польскихъ читателей (въ польскомъ «Дневникѣ»). Но послѣ нѣсколькихъ нумеровъ статьи эти прекратились. Оказалось, что въ замкѣ признано было печатаніе ихъ несвоевременнымъ, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы не раздражать мѣстнаго населенія, хотя, правду сказать, очеркъ былъ составленъ объективно, на основаніи документальныхъ данныхъ и безъ малѣйшей тѣни какого нибудь задора.

Графъ Бергъ, очевидно, терпѣлъ Н. И. Павлицева только потому, что въ случаѣ смѣщенія его съ редакторства могли изъ Петербурга прислать лицо съ опредѣленными полномочіями, опирающееся на солидныя столичныя связи и не привыкшее видѣть въ намѣстникѣ альфу и омегу всяческой власти, какъ это усвоивалось людьми, долго служившими въ этомъ обособленномъ краѣ. А что графъ Бергъ не жаловалъ Павлицева, видно изъ того, что во времена его намѣстничества многіе генералы и крупные чиновники, служившіе въ царствѣ, получили крупныя маіораты. Одинъ Павлицевъ былъ обойденъ, хотя онъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣлъ состоянія и былъ едва ли не самымъ долговременнымъ русскимъ дѣятелемъ въ царствѣ Польскомъ еще въ тѣ времена, когда оно сохраняло многія особенности своего автономическаго упра-

вленія. Будучи однимъ воиномъ въ полѣ, Павлицевъ пользовался всякимъ случаемъ провести русскую идею въ густую стихію полонизма и, между прочимъ, съ этою цѣлью составилъ въ 1843 г. на русскомъ языкѣ учебникъ польской исторіи для учебныхъ заведеній царства и настоялъ на принятіи его въ руководство въ то время, когда все преподаваніе велось тамъ исключительно попольски и, конечно, въ ультра-польскомъ направленіи. Но заслуги Павлицева не были приняты во вниманіе, при надѣленіи другихъ земными благами: только впоследствии, находясь уже не у дѣль, онъ получилъ аренду взамѣнъ маюрата 16-го февраля 1870 года, незадолго до упраздненія званія директора обоихъ «Варшавскихъ Дневниковъ».

Хотя Н. И. Павлицевъ былъ, такъ сказать, верховнымъ цензоромъ въ Варшавѣ, но, какъ директоръ «Варшавскихъ Дневниковъ» и періодической печати, самъ находился подъ ферулою разныхъ административныхъ цензуръ. Въ первые годы послѣ мятежа русскія власти были до крайности чутки къ мѣстному печатному слову и постоянно были насторожѣ, какъ бы не вышло наружу чего либо шокирующаго ихъ вѣдомство. Поэтому было установлено, чтобы имѣющіяся въ редакціи сообщенія, если они хотя бы косвенно касались какого либо административнаго круга, предварительно посылались на просмотръ начальникамъ подлежащихъ вѣдомствъ и печатались не прежде, какъ по полученіи отвѣта, что, молъ, къ печатанію не имѣется препятствій. Дѣло доходило до такой щепетильности, что если, напримѣръ, поступала замѣтка репортера, что на такой-то улицѣ образовались выбои и что не мѣшало бы поправить мостовую, то замѣтка эта посылалась къ президенту города. Сообщить ли кто въ видѣ происшествія, что гдѣ либо въ портерной, на окраинѣ города, пьяные «челядники» изувѣчили солдата, нужно было сноситься съ оберъ-полицеймейстеромъ и комендантомъ города. Получается изъ провинціи корреспонденція, что помѣщикъ по злобѣ на крестьянъ не продаетъ имъ лѣса на постройки, отчего ветхія хаты валятся, между тѣмъ какъ у того же помѣщика жида скупаютъ лѣсъ на срубъ,—безъ санкціи сенатора Соловьева нельзя было этого печатать. Задыхаясь въ подобныхъ тискахъ, Николай Ивановичъ часто не безъ зависти указывалъ на то, какъ счастлива наша столичная печать, пользующаяся значительною свободой, вслѣдствіе упраздненія предварительной цензуры, и съ горечью жаловался, что нѣкоторыя наши газеты, не зная варшавскихъ условій или игнорируя ихъ, нерѣдко упрекали «Варшавскій Дневникъ» за скудость мѣстныхъ извѣстій.

— Хотѣлъ бы я одѣть ихъ въ мою шкуру,—говаривалъ онъ,—и посмотрѣть издали: сумѣли бы ли они повести газету лучше меня ¹⁾.

¹⁾ Вслѣдъ за Н. И. Павлицевымъ варшавская русская газета редактировалась несомнѣнно талантливыми литераторами: П. И. Вейнбергомъ и Н. В. Бер-

Въ одномъ только была предоставлена «Дневнику» полная свобода, это—разоблачать революціонныя интриги и всяческія махинаціи такъ называемой польской эмиграціи. Извѣстно, что польская революція 1863 года была подготовлена за границей. Послѣ разгрома возстанія 1831—1832 гг. очень многіе поляки бѣжали за границу, преимущественно во Францію, и, находясь на чужбинѣ, не только не умудрились понять, подѣ воздействиемъ печальнаго опыта, всю тщету своихъ революціонныхъ затѣй, но, напротивъ, тоскуя по родинѣ, еще болѣе разжигались мечтой произвести новую революцію и возвратить себѣ отечество. Идея возстановленія Польши по Дѣлѣ сдѣлалась религіознымъ культомъ, вокругъ котораго образовались революціонныя польскія общества. Ряды ветерановъ 1832 года постоянно увеличивались приливомъ новыхъ революціонныхъ элементовъ, главнымъ образомъ, изъ нашей Польши, частью изъ Познани и Галиціи. Эти-то фанатики польской идеи работали цѣлыхъ тридцать лѣтъ, пока, наконецъ, достигли цѣли и вновь замутили русскую Польшу къ пагубѣ ея населенія. Они собирали деньги на революцію, вели устную и печатную пропаганду, наводняли изъ-за границы польскія губерніи зажигательными воззваніями, высылали къ намъ эмиссаровъ, которые разбѣжались по городамъ и весямъ, давали своимъ единомышленникамъ инструкціи, учреждали отдѣлы революціоннаго ржонда и подбодряли нерѣшительныхъ обѣщаніемъ вѣрной помощи отъ Франціи. Для этого распускались самые невѣроятные слухи, которымъ, подѣ влияніемъ патріотическаго возбужденія, охотно вѣрили. Передавался, на примѣръ, за фактъ слѣдующій анекдотъ. Польская графиня Замоиская, проживавшая въ Парижѣ, отличалась сверхъестественною красотой и пользовалась особеннымъ благоволеніемъ Наполеона III (существовала ли въ дѣйствительности такая графиня, не извѣстно). На одномъ балу императоръ, ухаживая за красавицей, настойчиво спрашивалъ: отчего она такъ печальна. Вдругъ графиня преклонила колѣна передъ царственнымъ кавалеромъ и, залившись слезами, стала умолять спасти Польшу. Наполеонъ наморщилъ чело и будто бы изрекъ: «Мертвыхъ не воскрешаю, но кто подаетъ признаки жизни, можетъ рассчитывать на мою крѣпкую руку». Ergo, стоитъ только зашевелиться, и дѣло, молъ, наше выиграно. Эмиссары, наконецъ, провозили въ Польшу оружіе и порохъ, а потомъ нѣкоторые пошли въ банды. Словомъ, въ глазахъ того класса польскаго населенія, который не отрѣшился отъ идеи возстановленія Польши отъ моря до моря, эмигранты являлись передовыми бойцами и спасителями ойчизны.

гомъ, и при томъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ; но въ этотъ періодъ своего существованія «Варшавскій Дневникъ» былъ до такой степени безцвѣтенъ и безсодержателенъ, что представлялъ простую макулатуру. Очевидно, для такого дѣла требуется не исключительно литераторъ-художникъ, но главнымъ образомъ публицистъ. И. Л.

Послѣ новаго разгрома 1863—1864 гг. политическіе бѣженцы опять наводнили многіе европейскіе центры и опять принялись за старую работу «отбудованія ойчизны». Главныя скопища эмиграціи теперь сосредоточились въ двухъ пунктахъ: поляки, мечтавшіе возстановить Польшу въ видѣ королевства, собрались въ Парижѣ, вокругъ отеля Ламбертъ, мѣстопробыванія будущаго короля, князя Чарторійскаго; тѣ же эмигранты, которые бредили польскою республикой, свили себѣ гнѣздо въ Швейцаріи, въ Рапперсвилѣ, на какой-то Ослиной горѣ (Эвельбергѣ), гдѣ учредили польскій, преимущественно повстанскій, музей, служившій имъ въ то же время клубомъ. И тамъ, и здѣсь собирались сеймы, произносились зажигательныя рѣчи, направленныя, главнымъ образомъ, противъ Россіи, устраивались національныя празднества съ одноглавыми орлами, кунтушами, конфедератками, прочитывались письма, полученныя отъ единомышленниковъ изъ польскихъ краевъ, докладывались статьи, предназначаемыя для революціонныхъ польскихъ газетъ; словомъ, эмиграція изъ своего безопаснаго далека хотѣла попрежнему импонировать своимъ патріотическимъ величіемъ и давать тонъ и политическое направленіе польскому обществу и всему польскому населенію въ предѣлахъ Русскаго государства.

Н. И. Павлицевъ задался цѣлью раскрыть истинное значеніе всѣхъ этихъ махинацій и показать всю мелочность ихъ и пустоту, а вмѣстѣ съ тѣмъ низвести съ высокаго пьедестала верховодниковъ польской революціи и наглядно изобразить, что они только издали могли казаться въ глазахъ «родаковъ» героями и избранниками, а въ дѣйствительности были эксплуататоры польскаго кармана и польскаго легкомыслія. Съ этою цѣлью, ужъ не знаю какимъ образомъ, Н. И. завелъ корреспондентовъ для своей газеты въ средѣ самихъ революціонныхъ обществъ, въ Парижѣ, Цюрихѣ, Лондонѣ и даже Нью-Йоркѣ. Корреспонденты эти, очевидно, принимали живѣйшее участіе въ жизни эмиграціонныхъ кружковъ, судя по тому, что на страницахъ «Варшавскаго Дневника» постоянно печатались письма съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ дѣйствій ихъ, затѣй и плановъ и всѣхъ походовъ генераловъ-отъ-революціи, большею частью компрометирующаго свойства. Въ этихъ корреспонденціяхъ изображались разныя ультра-патріотическія сцены въ такомъ комическомъ видѣ, а дѣйствующія лица являлись такими шутами, что невозможно было читать этихъ повѣствованій безъ улыбки. Цѣль достигалась: газетныя разоблаченія, быть можетъ, не безъ натяжекъ и преувеличеній, расхолаживали горячія головы въ Польшѣ, взиравшія съ упованіемъ на свою соль земли за границей. Эмигранты понимали тотъ подрывъ, который причиняли престижу ихъ печатавшіяся разоблаченія, и съ своей стороны принимали энергическія мѣры къ упраздненію ненавистныхъ корреспонденцій. Съ этою цѣлью предпринимались обыски, облавы и

травли на заподозрѣнныхъ измѣнниковъ. Многихъ изъ своей среды эмигранты жестоко избивали и подвергали остракизму; тѣмъ не менѣе письма изъ Парижа, Цюриха, Рапперсвилля, продолжали безостановочно появляться въ газетѣ, часто съ игривымъ описаніемъ переполоха, возбуждаемаго корреспонденціями въ эмиграціонныхъ муравейникахъ, а также казней, учиняемыхъ надъ заподозрѣнными собратьями.

Другою задачей Н. И. Павлицева, въ осуществленіи которой ему не препятствовали, было—бороться съ закордонною польскою печатью. Въ первыя десять лѣтъ послѣ польскаго повстанія тѣ общественные элементы, которые сочувствовали мятежу, кипѣли страстною ненавистью и адскою злобой противъ Россіи. Органами такого безшабашнаго ожесточенія служили почти всѣ польскія газеты, издающіяся за границей. Въ этотъ періодъ рѣшительныхъ реформъ въ царствѣ, направленныхъ, между прочимъ, къ тому, чтобы сдѣлать невозможными мятежническія начинанія, каждое правительственное мѣропріятіе систематически извращалось въ польской печати; вмѣстѣ съ тѣмъ рассказывались ужасы о небывалыхъ притѣсненіяхъ и поборахъ, и измышлялись самыя грязныя клеветы на русскихъ дѣятелей въ Привислянскомъ краѣ. Хотя подобныя газеты не допускались къ выпискѣ въ нашу Польшу, тѣмъ не менѣе онѣ контрабанднымъ путемъ въ порядочномъ количествѣ проникали въ край черезъ границу, ходили по рукамъ отъ одного къ другому и производили возбужденіе умовъ. За границей же эти памфлеты своимъ порядкомъ дѣлали свое дѣло, дискредитируя насъ въ мнѣніи легковѣрной публики, непріязненно настроенной по отношенію ко всему русскому. Чтобы слѣдить за ходомъ интриги, редакція русской газеты ежедневно получала цѣлые вороха этихъ изданій. Тутъ были: «Газета Народова», «Познанскій Дневникъ», «Часъ», «Глосъ Вольный», «Неподлеглость» (Независимость) и мн. др. Двѣ послѣднія газеты издавались эмиграціонными кружками и служили имъ органами. Располагая такимъ обильнымъ матеріаломъ, «Варшавскій Дневникъ» отъ времени до времени выступалъ съ изобличеніями газетной польской лжи, ссылаясь на неоспоримыя данныя, правдивость и доказательность которыхъ были для всѣхъ очевидны. Думаю, что эти опроверженія, не взирая на предубѣжденіе къ оффиціальному органу, всетаки, до нѣкоторой степени разсѣивали злосамѣренно напускаемый туманъ и отрезвляли умы. По крайней мѣрѣ, заграничные антагонисты не оставляли подобныхъ статей безъ вниманія; напротивъ, польскія газеты обнаруживали всякій разъ безпокойство и силились, хотя и голословно, опровергать ихъ.

Н. И. Павлицевъ не питалъ къ полякамъ непріязни и не считалъ ихъ безнадежными въ смыслѣ нравственнаго умиротворенія. Для этого, по его мнѣнію, необходимо воспитать въ польской интеллигенціи здоровое славянское самосознаніе. Но такъ какъ на

страницахъ «Варшавскаго Дневника» культивировать этотъ предметъ было «несвоевременно», а съ другой стороны къ официальному почину, какъ бы онъ ни былъ доброжелателенъ, мѣстное население могло относиться недовѣрчиво, то Н. И. возымѣлъ смѣлую и, казалось, несбыточную мысль основать за границей среди полонизма журналъ на польскомъ языкѣ съ славянскимъ направлениемъ и поставить во главѣ его мѣстнаго публициста. Планъ этотъ, однакожь, удался. Нашелся во Львовѣ (въ Галиціи) солидный литераторъ, Рапацкій, представлявшій рѣдкій среди польской интеллигенціи типъ славянофила съ сочувствіемъ къ Россіи. Благодаря исходатайствованной Павлицевымъ ничтожной субсидіи въ 300 рублей въ годъ (если не ошибаюсь изъ министерства внутреннихъ дѣлъ при Маковѣ), въ концѣ шестидесятыхъ годовъ сталъ появляться во Львовѣ двухнедѣльный «Słowianin», начавшій трезво и спокойно обсуждать русско-польскія отношенія и рисовать Русское государство въ правдивомъ свѣтѣ¹⁾. Не взирая на гоненія, воздвигнутыя въ Галиціи на «Славянина» враждебною партіей даже съ выбитіемъ оконъ въ редакціи, Рапацкій твердо и убѣжденно велъ свой журналъ, кажется, около двухъ лѣтъ. Но потомъ изъ Петербурга пошло другое вѣяніе, и мизерная субсидія журналу была прекращена; вмѣстѣ съ тѣмъ прекратился и «Славянинъ», такъ какъ на средства отъ подписки онъ существовать не могъ. А жаль: вліяніе его, по крайней мѣрѣ, въ Галиціи начало уже сказываться: сначала мѣстная интеллигенція враждовала противъ журнала, потомъ стала привыкать, а подъ конецъ нѣкоторые мѣстные ученые и литераторы уже предлагали свои услуги сотрудничать въ журналѣ въ славянофильскомъ направленіи. Думаемъ, что дальновидный планъ Н. И. Павлицева не былъ пустою мечтой.

Въ заключеніе выскажемъ свое убѣжденіе, что если бы Н. И. Павлицеву, этому цѣльному русскому дѣятелю, суждено было выступить въ Варшавѣ на поприще русской публицистики въ настоящее время, когда главный начальникъ края, І. В. Гурко, съ его широкимъ пониманіемъ государственныхъ интересовъ, является во главѣ всѣхъ патріотическихъ начинаній въ Привислинскомъ краѣ, то газета Павлицева, по меньшей мѣрѣ, не заслужила бы упрека за скудость содержанія и односторонность направленія.

И. Любарскій.

1) При свиданіи со мною Рапацкій исповѣдывался, что, начитавшись заграничныхъ газетъ, онъ вскорѣ послѣ усмиренія возстанія со страхомъ предпринялъ путешествіе въ Варшаву и русскія губерніи, ожидая всяческихъ сюрпризовъ, и вынесъ такое убѣжденіе, что въ Русскомъ государствѣ личность честнаго гражданина гораздо болѣе свободна и обезпечена, чѣмъ въ пресловутой Австріи, гдѣ, не смотря на конституцію, полицейскій режимъ нестерпимо давитъ и тѣснитъ každого.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

М. Н. Альбовъ. — И. А. Саловъ.

АСТОЕВСКИЙ не любилъ Тургенева. Тургеневъ также не питалъ особенной пріязни къ автору «Преступленія и наказанія». Нѣкоторые критики и воспоминатели объясняютъ это завистью со стороны Достоевскаго; въ свою очередь, поклонники Достоевскаго этому же источнику готовы приписать нерасположеніе Тургенева. Весьма вѣроятно, что и тѣ и другіе до извѣстной степени правы, но точная разгадка интереснаго явленія лежитъ глубже. Достоевскій и Тургеневъ рѣшительно не имѣютъ ничего общаго между собою; ихъ міросозерцаніе, приемы творчества, симпатіи и непріязнь, наконецъ самый характеръ житейской опытности безконечно различны. Еще незадолго до смерти Достоевскаго была также глубокая разница и въ степени вліянія обоихъ писателей. Тургеневская школа опредѣлилась очень быстро и съ каждымъ днемъ увеличивалась. Школы Достоевскаго не существовало. Здѣсь, конечно, имѣли значеніе чисто внѣшнія причины: Достоевскій печатался въ журналахъ, не пользовавшихся общими симпатіями, и былъ чуждъ извѣстныхъ прогрессивныхъ тенденцій. Но слагать всю вину на однѣ внѣшнія причины несправедливо. По самому своему существу творчество Достоевскаго не могло вызвать многочисленныхъ послѣдователей и подражателей. Чтобы творить во вкусъ Достоевскаго, нужно быть писателемъ изломаннымъ, писателемъ, для котораго не существуютъ широкія перспективы; нужно умѣть закрывать глаза на

всю жизнь, на всѣ житейскія явленія и замкнуться въ тѣсный кругъ самоанализа да наблюдений надъ такими же замкнувшимися, полуискалѣченными людьми. Я вовсе не касаюсь вопроса, по скольку великъ Достоевскій въ избранной имъ сферѣ, не имѣю также въ виду параллели между имъ и Тургеневымъ; для моей задачи важны только главнѣйшіе пункты сходства или несходства, важны нѣкоторыя общія особенности творчества того или другаго писателя.

Достоевскаго можно любить, можно ненавидѣть, такъ же точно какъ можно любить или ненавидѣть Тургенева. Но есть нѣчто безспорное, стоящее внѣ зависимости отъ «нравится — не нравится»; есть атмосфера, въ которой мы чувствуемъ себя бодрыми, свѣжими, помолодѣвшими, и есть атмосфера, которая угнетаетъ, лишаетъ послѣдней бодрости, душитъ вѣру въ счастье бытія. Жизненною атмосферою является атмосфера произведений Тургенева. Для созданія такихъ произведений мало одного таланта, недостаточно широкаго знанія жизни; здѣсь талантъ долженъ обладать особымъ свойствомъ, какимъ обладаетъ, на примѣръ, весна и какого нѣтъ ни у зимы, ни у осени. Житейскій опытъ также долженъ обладать особымъ свойствомъ; это долженъ быть опытъ благородный, опытъ челоуѣка, попадавшаго не только въ темныя полосы жизни, но и выходявшаго на свѣтъ, на просторъ. Нужно, чтобъ этотъ челоуѣкъ зналъ, какъ дышется полной грудью, и могъ другимъ рассказать объ этомъ; чтобы онъ зналъ, какъ темныя полосы жизни тонуть въ ея ослѣпительномъ блескѣ; чтобы онъ зналъ, наконецъ, какъ всемогущъ, всепобѣждающъ этотъ блескъ, свѣтившій безчисленному множеству людскихъ поколѣній.

Тургеневъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу такихъ счастливыхъ людей, умудренныхъ благороднымъ опытомъ. Его произведенія залиты блескомъ солнца, въ нихъ есть воздухъ, безбрежная даль.

Совсѣмъ иную атмосферу создаютъ произведенія Достоевскаго. Это сплошная ночь, и даже не ночь, а зимнія петербургскія сумерки, хмурыя, гнилыя, безнадежныя. Его героевъ давить низкое мутное небо; они дышатъ вредною изморозью и ѣдкимъ дымомъ изъ огромныхъ фабричныхъ трубъ; даль передъ ними застлана многоэтажными домами или перерѣзана сѣрыми покачнувшимися заборами глухихъ окраинъ. На какой бы просторъ ни вырвался челоуѣкъ, выросшій подъ такимъ небомъ, надышавшійся такого воздуха, ему уже нѣтъ исцѣленія. Онъ прячется отъ свѣта, уходитъ въ себя или жметъ къ такимъ же изломаннымъ, отравленнымъ людямъ. Конечно, это униженные и оскорбленные, но униженные и оскорбленные не стеченіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, а самою природой; никакія обстоятельства, никакая ширь, никакое раздолье не измѣняютъ этихъ поконченныхъ людей.

Повторяю, здѣсь приведены лишь общія, рѣзко бросающіяся въ глаза особенности творчества Достоевскаго. По этимъ особенностямъ легко заключить, что подражаніе Достоевскому не можетъ протекать изъ одного только желанія подражать, но должно находиться въ зависимости отъ духовнаго склада подражателя, именно отъ духовнаго склада, а не отъ размѣра таланта, не отъ особенностей міросозерцанія. До сихъ поръ въ литературѣ мы знаемъ только двухъ настоящихъ подражателей Достоевскаго: Гаршина и Альбова. Надъ творчествомъ обоихъ этихъ писателей тяготѣетъ что-то невыносимо тяжелое, что-то мучительно безотрадное и глубоко безсильное. Прежде всего какъ въ томъ, такъ и въ другомъ поражаетъ отсутствіе продуктивности. Гаршинъ написалъ всего три жиденькихъ томика рассказовъ. Г. Альбовъ написалъ нѣсколько больше, но врядъ ли количество его произведеній на много увеличится впоследствии, онъ пишетъ все рѣже. Такова первая и главнѣйшая особенность г. Альбова, несомнѣннаго подражателя Достоевскому. Нужны своего рода гигантскія силы, чтобы плодить ту «психологию», которую плодилъ Достоевскій; если перечитывать Достоевскаго — пытка, то въ какой же мѣрѣ ужасенъ самый процессъ подобнаго творчества! Передъ Достоевскимъ г. Альбовъ не Богъ вѣсть какая величина, однако и его произведенія производятъ впечатлѣніе кошмара, и ихъ перечитываніе составляетъ пытку. Какъ у Достоевскаго, такъ и у г. Альбова мы встрѣчаемся съ героями «исключительными». Первое мѣсто среди нихъ безспорно принадлежитъ Глазкову («День итога»). По мнѣнію одного критика, авторъ «задался здѣсь цѣлью изобразить одного изъ тѣхъ странныхъ людей, которые погибаютъ жертвою своей неспособности найти себѣ мѣсто въ природѣ. Сущность типа Глазковыхъ въ томъ и заключается, что они обладаютъ всѣми данными для того, чтобы имѣть обыкновенный успѣхъ въ жизни, и сознаютъ за собою права на «счастье», но почему-то его не достигаютъ. Не достаетъ какого-то винтика, который соединилъ бы отдѣльные колеса въ одинъ стройный механизмъ. Мало того, есть въ ихъ духовной организаціи нѣчто такое, что все больше и больше раздвигаетъ колеса, все уменьшаетъ и уменьшаетъ возможность соединенія въ одну систему, которая дала бы возможность достигнуть когда нибудь душевнаго удовлетворенія. На сколько мы понимаемъ типъ Глазковыхъ, это нѣчто является результатомъ несоотвѣтствія нервной ихъ организаціи съ малымъ запасомъ силъ, отпущенныхъ имъ природой. Глазковы представляютъ собою поряду анемичныхъ, малокровныхъ субъектовъ, чуждыхъ истинной страсти, но въ то же время обладающихъ чрезвычайно утонченной нервной организаціей и потому живущихъ исключительно въ мірѣ мозговыхъ возбужденій. Что можетъ быть необузданнѣе самолюбія этихъ господъ?»

Другой критикъ, сравнивая Глазкова съ Раскольниковымъ, отдаетъ предпочтеніе герою Достоевскаго, а Глазкова аттестуетъ, какъ «героя реакціонной эпохи, страдающаго дворянскими недугами разнузданнаго самолюбія, развинченныхъ нервовъ и нравственнаго безсилія». Глазковъ, по выраженію того же критика, «красуется на гордомъ пьедесталѣ и проповѣдуетъ блаженство поклониться себѣ».

Обѣ характеристики Глазкова не слишкомъ блестящи и глубоки, но въ значительной степени справедливы. Мало только сказать, что Глазковъ герой реакціонной эпохи, страдающій недугомъ разнузданнаго самолюбія, или анемичный, малокровный субъектъ, чуждый истинной страсти; далеко не всѣ анемичные и малокровные субъекты—самопоклоняющіеся психопаты и кончаютъ такъ, какъ кончилъ Глазковъ. При извѣстныхъ условіяхъ они могутъ исцѣлиться, герой же г. Альбова совершенно безнадежный человѣкъ. Онъ тщательно оберегаетъ себя отъ каждаго свѣжаго дуновенія жизни, онъ предается полному бездѣйствію и, цѣлыми днями валяясь на продавленномъ диванѣ (необходимый атрибутъ этихъ «гамлетизированныхъ поросятъ»), тѣшитъ себя «мозговыми возбужденіями», то-есть, попросту сказать, передумываніемъ всевозможнаго вздора.

У вѣчно валяющагося на продавленномъ диванѣ Глазкова есть мучитель; этотъ мучитель, конечно, онъ самъ. Глазковъ бесѣдуетъ съ собою въ діалогической формѣ, его нравственное существо раздвоено, но раздвоено чисто искусственнымъ путемъ, потому что нѣтъ никакой разницы между Глазковымъ—мучителемъ и Глазковымъ—мученикомъ. «Пойми,—шепчетъ мучитель,— что это уже рѣшено, рѣшено, я принужу тебя, не отстану, заставлю! Не уйди тебѣ отъ меня! Вотъ ты лежишь теперь: блѣдный, малокровный, кашляешь... Экій ты жалкій! И самъ это знаешь, отлично все знаешь. Кто другой сумѣетъ лучше тебя разобрать по косточкамъ себя самого? Ты эгоистъ, мелочень, ты посредственность жалкая, а главное—самолюбьишко, самолюбьишко: вотъ несчастье! Такъ ли? Молчишь... самъ знаешь... Все это прекрасно и совсѣмъ не мѣшаетъ; только одно и есть, что не можетъ твое упрямство сломить: ты трусь, вотъ въ чемъ вся штука!

«Глазковъ дернулся на диванѣ, но не сказалъ ничего, только заломилъ свои руки, такъ что слышно было въ ночной тишинѣ, какъ хруснули кости.

— «Вишь, какъ тебя зацѣпило... хе-хе-хе! Нѣтъ для тебя болѣе кровной обиды... А ужъ какъ бы хотѣлось тебѣ показать, что не трусь! правда? а? Что же мѣшаетъ? Рѣшись, согласишься — вотъ и довольно! А главное—самолюбьишку, самолюбьишку-то будетъ раздолье! Соблазнительно вѣдь... Подумай, рискни? а? хе-хе-хе».

Нетрудно видѣть изъ этой тирады, что мучитель Глазкова—

идіотъ едва способный произносить членораздѣльные звуки. Совершенно достаточно этихъ членораздѣльныхъ звуковъ, чтобы понять всю сущность героя «Дня итога». Странное, жалкое существо! Трудно дойти до большаго безсилія, до большей потерянности и расслабленности. Человѣкъ мечтаетъ о самоубійствѣ, какъ о нѣкоторомъ подвигѣ, способномъ удовлетворить самолюбешко. Самолюбешко—дрянная вещь, но самолюбешко, играющее при мысли о самоубійствѣ, уже изъ дряней дрянь! Естественно, возникаетъ вопросъ, стоитъ ли заниматься Глазковыми, стоитъ ли думать надъ ними, вникать въ ихъ психологію. Глазковъ — конечный пунктъ человѣческой мизерности, и мы съ большимъ изумленіемъ слушаемъ тѣхъ критиковъ, которые видятъ въ Глазковѣ типъ человѣка семидесятыхъ годовъ. Оставимъ въ сторонѣ условность подраздѣленія людей на шестидесятниковъ, семидесятниковъ, восьмидесятниковъ. Каждое поколѣніе имѣетъ сильныхъ и слабыхъ представителей, въ каждомъ поколѣніи бывають выродки, и заниматься этими выродками хоть не особенно интересно, не особенно пріятно, тѣмъ не менѣе иной разъ полезно; за то трудно представить себѣ что либо отвратительнѣе возведенія выродковъ на нѣкоторый пьедесталь. Я рѣшаюсь утверждать, что г. Альбовъ ставитъ своего Глазкова на пьедесталь: въ «Днѣ итога» нѣтъ ярко и рѣзко противоположнаго Глазкову типа. Г. Альбовъ отдаетъ герою очень много вниманія, онъ слѣдитъ за всѣми стадіями его мелкой бессмысленной борьбы, ясно очерченной въ приведенной нами тирадѣ. Столь же ясно обрисовывается психопатизмъ Глазкова и въ рѣчи, произносимой имъ на собраніи старыхъ друзей. Глазковъ является на это собраніе, какъ мертвецъ изъ могилы въ среду живыхъ людей. Разумѣется, живые люди ему ненавистны, и онъ ихъ громитъ: «Я хочу передать свое впечатлѣніе,—говоритъ онъ,—которое испыталъ при приходѣ сюда. Это было впечатлѣніе человѣка, попавшаго туда, гдѣ ему не слѣдуетъ быть. Всѣ отъ меня сторонились, и это въ порядкѣ вещей! Каждый вѣдь изъ васъ тащится за какимъ нибудь ярлыкомъ, каждый изъ васъ тѣшится какой нибудь погремушкой—и вдругъ является человѣкъ совсѣмъ безъ всего, на него дико глядѣть! Не правда ли? Я это замѣтилъ. Вы думаете, я обиженъ и жалуюсь? О, нисколько, напротивъ, я радъ, я затѣмъ сюда и поѣхалъ... да, да, только затѣмъ. Вамъ это странно... Но если вы можете представить себѣ, какъ я васъ всѣхъ презираю, то вы меня непременно поймете... Я себя потѣшить пріѣхалъ! Знаете ли вы, что я страшно гордъ? Мнѣ хотѣлось пощекотать свою гордость. Я думалъ: это вѣдь въ миниатюрѣ все русское общество, ergo сборище разныхъ типовъ людскаго безсилія... Все это мечется, бьется въ жизненной тинѣ подъ разными кличками, и носители идеаловъ, и просто карманники. Все это лѣзетъ изъ кожи въ погонѣ за какимъ нибудь вздоромъ, въ чемъ каждый

полагаетъ свое личное счастье, и все это сводится къ одному удовлетворенію своего самолюбія... Господа, какъ все это мелко и пошло! Вскарabalся на одинъ вершокъ повыше — и счастливъ: смотрите, дескать, какой я молодець!... О, мелкія, мелкія души, вамъ только бы лишь по вершочкамъ... Гдѣ вамъ широко хватать! Рѣшитесь ли вы на достиженіе чего нибудь большаго, на достиженіе такого блаженства, отъ котораго захватило бы духъ, такого блаженства, больше и выше котораго даже самъ организмъ бы не вынесъ? Въ состояніи ли вы даже себѣ представить его? Знаете ли вы, про что я говорю? Блаженство поклониться себѣ — вотъ оно то самое. Выше его ужъ ничего быть не можетъ».

Глазковъ испытываетъ это блаженство, бросаясь съ набережной въ Неву. Съ полнымъ правомъ можно сказать: туда ему и дорога. Глазковы не могутъ возбуждать ни участія, ни соболѣзнованія, и мы должны радоваться, что время поклоненія Глазковымъ прошло безвозвратно. А это время было еще недавно, отзвуки его мы находимъ въ различныхъ публицистическихъ и критическихъ статьяхъ, признающихъ, напримѣръ, рѣчь Глазкова сумасшедшимъ бредомъ и въ то же время усматривающихъ въ ней важную основную мысль. Такая мысль, по мнѣнію одного критика, «не вырабатывается въ одинокомъ мозгу больнаго человѣка, она можетъ быть плодомъ только коллективной работы, только отзвукомъ пѣлой полосы общественной жизни, обильной высокимъ идеализмомъ». Характерны эти строки: воистину онѣ являются отзвукомъ эпохи, обильной всевозможными заблужденіями, преимуществу злыми и вредными; какъ ни безцвѣтна переживаемая нами эпоха, однако не вырабатываетъ она людей, которые бы падали ницъ предъ самопоклоняющимся безсиліемъ. Какое, въ самомъ дѣлѣ, умиленное зрѣлище: валяется человѣкъ на продавленномъ диванѣ и мечтаетъ о блаженствѣ поклониться себѣ въ то время, когда будетъ летѣть съ набережной въ рѣку. Намечтавшись, этотъ встрепанный мозглякъ отправляется бродить по улицамъ, а слѣдомъ за нимъ идутъ «высокіе идеалисты», идутъ и рты разѣваютъ: «вотъ человѣкъ!». Вотъ человѣкъ, въ которомъ нѣтъ ни ума, ни способности, ни физической, ни нравственной силы; вотъ человѣкъ, который облѣнился до послѣдней степени, облѣнился до ожесточенія противъ всего живущаго. Очевидно, въ поклоненіи этому человѣку заключается какое-то недоразумѣніе. И точно, недоразумѣніе вскорѣ разѣялось; стало ясно, что Глазковъ—тотъ же Обломовъ, но Обломовъ, выросшій не на деревенскомъ привольѣ, не среди милыхъ, простыхъ, здоровыхъ людей, а въ петербургскомъ омутѣ, въ интеллигентномъ подпольѣ, имѣвшемъ когда-то гордую претензію монополизировать «истину». Худо ли, хорошо ли, но подполье жило, думало, боролось. Въ Глазковѣ не было силъ ни для жизни, ни для мысли, ни для борьбы, поэтому онъ проникся презрѣніемъ къ людямъ, которые

нашли въ себѣ достаточно мужества, чтобы разтаться съ продавленнымъ диваномъ. Но полная нравственная негодность не могла пройти для Глазкова безнаказанно. Этотъ мозглякъ не имѣетъ ни малѣйшаго права на жизнь, и жизнь, отъ которой онъ такъ тщательно убѣгалъ, отъ которой онъ прятался, уткнувшись лицомъ въ продавленный диванъ, его въ концѣ концовъ настигла и вышвырнула въ Неву.

Таковъ «тузовый» герой г. Альбова. Авторъ съ любовью поработалъ надъ его изображеніемъ. Но Глазкову не удалось занять обособленное мѣсто въ беллетристикѣ послѣдняго времени; подобнаго же Глазкова изобразилъ Гаршинъ въ рассказѣ «Ночь», и Гаршинскій Глазковъ несравненно, вразумительнѣе Глазкова, созданнаго г. Альбовымъ. У Гаршинскаго героя хватило на столько здраваго смысла, чтобы понять, какую роковую ошибку допустилъ онъ, отдѣливъ себя отъ жизни, съ головою уйдя въ свое мурье; герой г. Альбова до этой справедливой мысли не додумался, онъ такъ и умеръ въ сознаніи своего великолѣпія. Чтобы благосклонно рисовать Глазковыхъ, нужно имѣть особаго рода дарованіе. Дарованіе г. Альбова несомнѣнно особаго рода: къ чему бы онъ ни прикоснулся, все тотчасъ же вянетъ и блекнетъ. Есть у г. Альбова, на примѣръ, рассказъ: «Сутки на лонѣ природы» — тоже «психологическій этюдъ». Свѣтская барыня, пріѣхавъ въ свою усадьбу, вспоминаетъ, какъ она попала сюда юной институткой и какъ, въ силу недѣлю сложившихся обстоятельствъ, отдалась молодому парню садовнику. За этой катастрофой послѣдовалъ цѣлый рядъ различныхъ неурядицъ и несчастій. Опозоренная институтка принуждена была выйти замужъ за шантажировавшаго ее нелюбимаго человѣка. Этотъ человѣкъ обращался съ нею варварски; она до сихъ поръ не можетъ вспомнить безъ содроганія о прошломъ. Не нужно подробно излагать исторію бѣдной институтки, чтобы уяснить всю искусственность и злостную придуманность этого произведенія. Ни на одну минуту вы не забываете, что вамъ рассказываютъ вымышленную исторію, что здѣсь нѣтъ ни одного жизненнаго, правдиваго штриха, и что при желаніи можно было бы нагородить еще и не такихъ недѣльныхъ подробностей. Но вотъ вопросъ, для чего все это нужно и въ чемъ здѣсь «психологія». Я не дерзаю отрицать писательской способности и г. Альбова, но рѣшительно не вижу ни малѣйшаго смысла въ его quasi-психологическихъ этюдахъ. Интересна психологія людей, дѣйствительно встрѣчающихся въ жизни, психологія, которую мы сами можемъ провѣрить, но психологія монстровъ, психологія выдуманыхъ героев и героинь врядъ ли имѣетъ цѣну.

Гораздо интереснѣе тѣ немногочисленные рассказы г. Альбова, въ которыхъ онъ передаетъ наблюденія надъ бытомъ разныхъ заходустныхъ обывателей, мелкихъ чиновниковъ и тому по-

добнаго люда; эту среду авторъ видѣлъ и знаетъ. Такъ, повѣсть «Конецъ невѣдомой улицы» и очеркъ «Воспитаніе Лельки» положительно являются лучшими произведеніями нашего автора. Въ повѣсти г. Альбовъ съ безспорнымъ искусствомъ даетъ цѣлую хронику глухой петербургской улицы, совершенно обособленной отъ большаго города въ нравахъ, обычаяхъ, типахъ и понятіяхъ. Хотя «Конецъ невѣдомой улицы» и носить на себѣ очевидные слѣды подражанія г. Глѣбу Успенскому, тѣмъ не менѣе въ этомъ подражаніи не трудно различить то, что безспорно принадлежит самому г. Альбову: безъ надлежащаго знанія быта, только подражая, такой вещи написать нельзя. Въ очеркѣ «Воспитаніе Лельки» опять таки живо, правдоподобно и занимательно авторъ изображаетъ нравы мелкаго чиновничества.

По скольку г. Альбовъ кажется своеобразнымъ въ психологическихъ этюдахъ («День итога», «Сутки на лонѣ природы»), по стольку онъ баналенъ въ бытовыхъ очеркахъ, но эта своеобразность и эта банальность только кажущіяся. Своеобразность г. Альбова-«психолога» проистекаетъ изъ неестественности, изъ придуманности положенія и лицъ; вполне ясно, чего стоитъ подобная своеобразность. Въ нравоописательныхъ очеркахъ нашъ авторъ гораздо проще, естественнѣе, искреннѣе: онъ изображаетъ жизнь безъ всякихъ поползновеній на оригинальничанье и не заботится о томъ, чтобы не повторить уже извѣстнаго. Послѣдняя категория произведеній г. Альбова является единственнымъ матеріаломъ, годнымъ для общихъ заключеній объ этомъ писателѣ. Его дарованіе отнюдь не жестокое дарованіе: это просто писатель съ узкимъ кругозоромъ, съ запасомъ одностороннихъ наблюденій, кромѣ того, — писатель, охотно подражающій Достоевскому именно въ силу своей односторонней наблюдательности и неширокаго міросозерцанія.

Полную противоположность г. Альбову составляетъ И. А. Саловъ. Г. Саловъ принадлежит къ школѣ беллетристовъ сороковыхъ годовъ и въ частности можетъ быть названъ послѣдователемъ Тургенева. Повѣсти этого писателя начали появляться съ 1877 года, въ «Отечественныхъ Запискахъ». По своему міросозерцанію, г. Саловъ далеко не оптимистъ, но въ немъ нѣтъ также и предвзятости, заставляющей смотрѣть на явленія жизни сквозь черную призму. «Психологія», отличающей г. Альбова, въ произведеніяхъ г. Салова нѣтъ и помину. Въ авторѣ «Грачевскаго крокодила» и «Ольшанскаго молодаго барина» мы чувствуемъ здороваго, бодрого человѣка, понимающаго жизнь, ея могущество и примиряющую силу. Взять хотя бы повѣсть «Грачевскій крокодилъ». Повѣсть нѣсколько растянута и съ претензіями на юморъ, не всегда удачными. Въ сущности это—анекдотъ изъ деревенской

жизни семидесятыхъ годовъ, но анекдотъ довольно обширнаго содержанія, со многими дѣйствующими лицами. Содержаніе же таково. Въ рѣкѣ Грачевкѣ, около одноименной усадьбы появилось нѣкоторое чудовище, пугавшее крестьянскихъ дѣвушекъ и даже престарѣлыхъ особъ духовнаго званія, въ лицѣ дьячка мѣстной церкви. Хотя никто этого чудовища не видѣлъ, тѣмъ не менѣе, благодаря остроумнымъ гипотезамъ сельскаго учителя г. Знаменскаго, было опредѣлено, что чудовище не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ крокодиломъ. На этой канвѣ и разыгрывается вся трагикомедія. Знаменскій, фанатичный поборникъ науки, пишетъ о грачевскомъ крокодилѣ корреспонденціи, пріобрѣтаетъ на послѣдніе гроши массу книгъ, въ которыхъ надѣется найти изложеніе способовъ ловли крокодиловъ, учреждаетъ, при содѣйствіи мѣстныхъ интеллигентовъ, особое общество «ревнителей пополненія естественной исторіи вообще и поимки грачевскихъ крокодиловъ въ особенности», бороздитъ бреднями рѣку Грачевку и вообще обнаруживаетъ всѣ признаки «помѣшательства на крокодилахъ». Малый это несомнѣнно добрый, большой чужакъ и довольно типическая фигура. Но центръ тяжести, конечно, не въ крокодилманѣ, и наибольшій интересъ возбуждаетъ другой персонажъ повѣсти—Асклиподотъ Психологовъ, сынъ мѣстнаго протоіерея. Асклиподотъ, не смотря на всѣ его прекрасныя качества и способности, непрерывно терпитъ неудачи. Былъ онъ сначала въ духовномъ училищѣ, потомъ въ семинаріи; въ духовномъ училищѣ шелъ прекрасно, но въ семинаріи его прилежаніе остыло. Асклиподота рѣшительно не интересовали науки, преподаваемыя въ этомъ учебномъ заведеніи. Послѣ длиннаго ряда всевозможныхъ приключеній, Асклиподотъ разстался съ семинаріей и поступилъ на службу на желѣзную дорогу. Здѣсь его вскорѣ сдѣлали помощникомъ начальника станціи, назначивъ приличное жалованье. Недолго побылъ неудачникъ и на желѣзной дорогѣ. Желѣзнодорожную службу онъ бросилъ также, какъ семинарію, и нанялся репетиторомъ къ дѣтямъ богатаго князя Баталина. Успѣшныя занятія съ молодыми князьями пріобрѣли Асклиподоту симпатію стараго князя, и положеніе молодаго человѣка, повидимому, упрочилось. На бѣду Асклиподотъ сошелся съ молоденькой нѣмкой гувернанткой, на которую имѣлъ свои виды старый князь. Близость молодыхъ людей была обнаружена, и Асклиподотъ, вмѣстѣ съ нѣмкой, подвергся остракизму. Тутъ ему пришлось пережить много тяжелыхъ минутъ. Родился ребенокъ, сожительница заболѣла, средствъ не было никакихъ. Чтобы спасти ребенка и любовницу, Асклиподотъ пошелъ на отчаянное дѣло: вытацилъ у своего товарища, Скворцова, изъ незапертаго письменнаго стола двѣсти рублей. Хотя невольный преступникъ и покаялся въ своемъ проступкѣ, обѣщая возвратить похищенное, тѣмъ не менѣе Сквор-

цовъ принялъ свои мѣры и подалъ на Асклиподота жалобу. Дальнѣйшія перипетіи застаютъ Асклиподота уже въ родномъ селѣ. Здѣсь онъ сошелся съ хорошенькой, молоденькой племянницей грачевской помѣщицы, семидесятилѣтней Аноисы Ивановны. Все шло болѣе или менѣе благополучно, хотя Асклиподота и беспокоили по дѣлу Скворцова. Тѣмъ не менѣе стараніями отца Ивана, уплатившаго истцу шестьсотъ рублей, неприятная исторія была улажена. «Общество ревнителей пополненія естественной исторіи» дѣйствовало на прежнихъ основаніяхъ. Становой обычнымъ порядкомъ рыскалъ по деревнямъ, выколачивая подати. Однимъ словомъ жизнь текла мирно и гладко. И вдругъ эта гладь была неожиданно смущена: становой обнаружилъ появленіе среди крестьянъ предосудительныхъ книжекъ. Тотчасъ же всполошилась вся администрація: и жандармскій полковникъ, и прокуроръ, и исправникъ. Полетѣли въ Грачевку ловить крокодиловъ, но уже не тѣхъ, о которыхъ хлопоталъ г. Знаменскій. У отца Іоанна перерыли весь домъ, ища компрометирующихъ Асклиподота документовъ; не нашли ничего. Племянница же Аноисы Ивановны какъ разъ за день до этого переполоха неизвѣстно куда скрылась, оставивъ записку, свидѣтельствовавшую объ ея самозванствѣ. Желая, однако, въ подробностяхъ разслѣдовать дѣло, власти принялись за мѣстныхъ интеллигентовъ и прежде всего за ревнителей естествознанія. Асклиподотъ также попалъ въ передѣлку, и хотя невиновность привлеченныхъ была установлена, тѣмъ не менѣе ихъ репутація и особенно репутація Асклиподота оказалась подорванной навсегда. Тщетно молодой человекъ отыскивалъ себѣ мѣсто, поступить секретаремъ въ управу ему не удалось: «опасались»; на желѣзную дорогу также не приняты. Пробовалъ Асклиподотъ поступить въ судебныя пристава, и предсѣдатель суда уже далъ свое согласіе, но затѣмъ, вспомнивъ нѣчто, спохватился, принялся извиняться передъ ходатайствовавшимъ за сына отцомъ Иваномъ, сослался на имѣющихся уже кандидатовъ, и мнимый грачевскій бунтарь отправился восвояси ни съ чѣмъ. Когда же, чтобы занять себя чѣмънибудь, Асклиподотъ вмѣстѣ съ отцомъ Іоанномъ устроили школу для крестьянскихъ дѣтей, къ нимъ нагрянулъ становой и попросилъ, за добра ума, прекратить это баловство.

Такова въ общихъ чертахъ исторія грачевскаго крокодила, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія Асклиподота Психологова. Ничего веселаго въ ней нѣтъ, и передраги, испытанныя Асклиподотомъ, возбуждаютъ въ читателѣ горькое чувство, но повѣсть отнюдь не производитъ впечатлѣнія кошмара; наоборотъ, вы чувствуете, что какъ ни туго приходилось порою Асклиподоту, онъ, всетаки, жилъ, жилъ настоящей жизнью, дышалъ полной грудью и есть ему о чемъ вспомнить. Попутно вы отдыхаете на такихъ персонажахъ, которые не составляютъ по своему существу чего либо

отраднaго, но зато, являясь опять таки продуктомъ настоящей полной жизни, производятъ впечатлѣнiе живыхъ людей, бодро и твердо ведущихъ борьбу съ житейскими невзгодами. Такимъ персонажемъ является, на примѣръ, отецъ Иванъ, отличный хозяинъ, приумножившій свое благосостоянiе, ловкiй дѣлецъ и вообще чело-вѣкъ изъ породы тѣхъ, которые не пропадаютъ. Любопытную фигуру представляетъ также семидесятилѣтняя помѣщица Анeиса Ивановна, уже почти выжившая изъ ума. Фигура эта очень удалась г. Салову; старушка цѣликомъ выхвачена изъ прошлаго и и обрисована довольно тонкими штрихами, что придаетъ ея физиономiи много жизненности. Нѣсколько утрированъ г. Знаменскiй, но и въ немъ опять таки немало чертъ, оживляющихъ этотъ типъ.

Я уже сказалъ, что повѣсть «Грачевскiй крокодилъ» мѣстами растянута; то же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ произведенiяхъ г. Салова. Онъ очень много мѣста удѣляетъ описанiямъ природы, которую безспорно знаетъ превосходно. Нерѣдко описанiя природы появляются въ самый разгаръ дѣйствiя и тѣмъ ослабляютъ впечатлѣнiе. Но эта слабость нашего автора имѣетъ и хорошую сторону: вы все время чувствуете себя на вольномъ воздухѣ, на просторѣ. Сознанiе, что вы на вольномъ воздухѣ и на просторѣ, помогаетъ вамъ справедливѣе относиться къ людямъ, глубже понимать смыслъ наблюдаемыхъ явленiй.

Изображая бытъ пореформенной деревни, г. Саловъ обнаруживаетъ не только основательное знанiе того, о чемъ пишетъ, но и большое безпристрастiе. Въ повѣсти «Грачевскiй крокодилъ» есть типъ крикуна становаго, выколачивающаго недоимки и мечтающаго объ уловленiи неблагонадежныхъ личностей. Можетъ показаться, что авторъ въ описанiи становаго умышленно сгустилъ краски. Но въ слѣдующемъ же разказѣ вы встрѣчаетесь съ типомъ мирового судьи, къ которому естественно должны были тяготѣть симпатiи автора, однако г. Саловъ не превознесъ судью, а изобразилъ его формалистомъ, сухимъ и даже смѣшнымъ. Не благоговѣетъ г. Саловъ и передъ культурными нѣмцами, обирающими богатыхъ русскихъ помѣщиковъ, не возводитъ на пьедесталъ и мужиковъ. Деревенскiе кулаки, изображаемые авторомъ, конечно, не могутъ вызвать нашего сочувствiя, но и ихъ г. Саловъ не пишетъ одной краской.

Собственно съ помѣщиками въ произведенiяхъ нашего симпатичнаго писателя приходится встрѣчаться довольно рѣдко, и это совершенно понятно. Деревня той эпохи, которую знаетъ г. Саловъ, не изобиловала помѣщиками; здѣсь уже орудовалъ кулакъ, ютилось всякое разночинство, а изъ аборигеновъ оставались только крестьяне да священники. Почти въ каждомъ разказѣ г. Салова дѣйствуетъ духовная особа или особа духовнаго званiя. Духовныхъ

особь г. Саловъ не идеализируетъ (какъ, напримѣръ, отца Ивана въ «Грачевскомъ крокодилѣ»), но съ полною охотой отмѣчаетъ симпатичныя особенности сельскаго духовенства.

Интересны типы деревенскихъ пролетаріевъ, напоминающіе Тургеневскіе типы, но между тѣми старыми типами и болѣе новыми громадная разница, такая же разница, какъ между дореформеннымъ и пореформеннымъ строемъ деревенской жизни. Деревенскій пролетарій, нерѣдко особа изъ духовнаго званія, въ большинствѣ случаевъ неудачникъ, иной разъ просто забудыга, однако сильно отличающійся отъ забудыги городского. Изъ числа деревенскихъ пролетаріевъ я выберу одного—Пушиловскаго регента (въ разсказѣ того же названія). Судьба Пушиловскаго регента—грустная судьба. Будучи въ семинаріи, онъ обратилъ на себя вниманіе прекраснымъ голосомъ и былъ взятъ въ хоръ. Разумѣется, ученье пошло по-боку, и пѣвчаго выпустили по второму разряду, хотя онъ и на это не имѣлъ права. Изъ архіерейскихъ пѣвчихъ молодой семинаристъ попалъ временно къ помѣщику. Вскорѣ ему пришлось близко сойтись съ мѣстнымъ дьячкомъ, у котораго была молоденькая и хорошенькая дочка Таня. Полюбивъ дѣвушку, регентъ рѣшилъ выхлопотать себѣ мѣсто священника и обзавестись домкомъ. Но случилось иначе: къ помѣщику, у котораго служилъ регентъ, пріѣхала племянница, свѣтская барышня; почему-то ей вздумалось обратить вниманіе на регента, и она увлекла его. Съ Таней регенту уже не суждено было сойтись больше. Романъ съ свѣтской барышней кончился тѣмъ, что ихъ поймали. Барышня повернула все дѣло такъ, какъ будто виноватъ регентъ, а она не при чемъ. Регенту оставалось покинуть деревню и попытаться счастья въ городѣ.

— «Но едва,—разсказываетъ пушиловскій регентъ:—успѣлъ я прибыть въ городъ, какъ меня потребовали къ владыкѣ.

— «Ты что это!...—прошипѣлъ онъ, весь дрожа отъ гнѣва и держа въ рукахъ письмо старухи Пошехонской.

«Сѣдые волосы его были растрепаны, голова приподнята, взоръ полонъ гнѣва...

— «Ты что это, а? Ахъ, ты, гусь лапчатый!.. Дьяческую дочь соблазнилъ да еще благородную дѣвицу обезчестить затѣялъ... Якобинецъ!.. Вонъ!

«И, топнувъ ногой, владыка приказалъ меня вытолкать.

«На другой же день я былъ исключенъ изъ духовнаго званія. Теперь я приписался къ мѣщанскому обществу, имѣю, значитъ, положеніе; но, тѣмъ не менѣе, всетаки остался, какъ говорится, крыть небомъ и обнесенъ вѣтромъ».

Въ разсказѣ «Пушиловскій регентъ» отчетливо выступаетъ только образъ самого рассказчика-регента, что же касается великосвѣтской племянницы, то она совсѣмъ осталась въ туманѣ. И напрасно. Было бы интересно, если бы авторъ подробно расска-

заль намъ столкновеніе неиспорченнаго душою деревенскаго пролетарія съ прожженой свѣтской особой, которую даже изъ Москвы попросили убраться за всевозможныя безобразія.

Въ этюдѣ «Грызуны» очень недурно обрисованъ типъ нѣмца лѣсничаго, обрабатывающаго какого-то богатаго графа. Въ томъ же очеркѣ встрѣчаемъ любопытную фигуру деревенскаго адвоката изъ семинаристовъ, человѣка безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, окончательно сбившагося съ круга. Интересенъ и купецъ Требухинъ, бывшій нѣкогда прасоломъ, а затѣмъ сдѣлавшійся богатѣйшимъ землевладѣльцемъ.

Вообще типы, представленные нашимъ авторомъ, довольно разнообразны и почти всегда жизненны. Какъ я сказалъ уже выше, г. Саловъ рисуетъ не лучезарную дѣйствительность, но рассказы его не угнетаютъ читателя. Мнѣ кажется, происходитъ это оттого, что авторъ умѣлъ понять ясный и опредѣленный складъ деревенской жизни. Можно считать этотъ складъ прекраснымъ или безобразнымъ, но важно то, что онъ вполне опредѣленъ. Вы знаете, что можете встрѣтиться съ щукой, всегда готовой васъ проглотить; но эту щуку, этого кулака, выработала сама жизнь, снабдила его особой физономіей, и вы, такъ или иначе, можете избѣжать грустной участи быть проглоченнымъ. Наконецъ, каждое темное явленіе въ такой строго опредѣленной жизни легко регистрируется и уясняется; оно не можетъ дѣйствовать исключительно удручающимъ образомъ, потому что жизнь, въ своей массѣ, неизмѣримо сильнѣе отдѣльныхъ случайностей, какъ бы прискорбны онѣ ни были. Наконецъ, и внѣшняя обстановка жизни, здоровый воздухъ, свободная рѣка, свободный лѣсъ, ясное небо, неоглядныя поля—все это стоитъ на стражѣ человѣческаго духа и помогаетъ въ извѣстную минуту.

Совсѣмъ иной складъ городского прозябанія. Здѣсь этой шири и опредѣленности нѣтъ, особенно, если вы заберетесь въ среду психопатовъ, подобныхъ герою «Дня итога»; тутъ все спутано, смутно, неизвѣстно откуда произошло и для чего существуетъ. Безспорно, контрастъ рѣзкій. Столь же рѣзкій контрастъ между произведеніями г. Альбова и произведеніями И. А. Салова. Нельзя сказать, чтобы послѣдній обладалъ большимъ талантомъ; талантъ г. Салова не особенно крупныхъ размѣровъ, но какъ много интереснаго и поучительнаго можно найти въ его книгахъ! Для ознакомленія съ деревенскимъ бытомъ г. Саловъ положительно сдѣлалъ не меньше, чѣмъ такъ называемые народники, которые во всѣ стороны поворачивали мужика и анализировали не только его ревисскую душу, но даже лапти и пестредяные порты. У г. Салова нѣтъ предвзятости, съ которой народники приступаютъ къ изображенію деревенской жизни, а поэтому нѣтъ и скачковъ, которые наблюдаются у всѣхъ народниковъ, и особенно у такихъ, какъ,

напримѣръ, покойный Каронинъ (Петропавловскій). Начнутъ такіе народники изображать мужика въ идеальномъ видѣ, а потомъ, въ силу особыхъ соображеній, вдругъ перемѣнятъ фронтъ и начнутъ представлять уже окончательно безсмысленной скотиной. Не много вынесешь изъ такого описанія народной жизни,—описанія явно тенденціознаго, согласованнаго съ предвзятой идеей. Очевидно, и здѣсь, то-есть, въ компаніи народниковъ, г. Саловъ будетъ не на мѣстѣ: онъ принадлежитъ цѣликомъ Тургеневской художественной школѣ, и въ этомъ его величайшее достоинство. Сопоставляя г. Салова съ г. Альбовымъ, я, разумѣется, не имѣлъ въ виду показать преимущество литературной школы сороковыхъ годовъ передъ школой нашихъ такъ называемыхъ психологовъ. Задача эта требуетъ цѣлаго изслѣдованія, но мнѣ кажется, что изъ настоящей статьи можно сдѣлать одно общее заключеніе, касающееся двухъ названныхъ школъ. Именно, въ «психологію» ударяются попреимуществу авторы, недостаточно широко понимающіе жизнь и наблюдающіе ее въ какой нибудь ограниченной сферѣ. Этимъ авторамъ, естественно, остается одно: выбравъ какого нибудь худосочнаго Глазкова, начать «анализировать» его вдоль и поперекъ, разглядывая каждый изгибъ мелкой, неинтересной душонки. Наоборотъ, писатели, любящіе и знающіе жизнь, писатели, которые сами принимаютъ въ ней непосредственное участіе и стараются въ своихъ наблюденіяхъ захватить какъ можно больше житейскихъ явленій различнаго порядка,—эти писатели невольно отказываются отъ мертвыхъ приемовъ психологической школы и остаются вѣрными старинѣ. Я далекъ отъ мысли о необходимости русской литературы застыть въ томъ положеніи, которое создано нашими корифеями. Литература должна двигаться впередъ, должна выработывать новыя формы и новые методы, но она должна также двигаться широкимъ путемъ, обращать вниманіе на каждое явленіе жизни, стараться захватить всю жизнь, а не путешествовать только по зыбучимъ мосткамъ невѣдомыхъ улицъ, по трупобамъ озвѣрѣвшихъ психопатовъ да еще по тѣмъ страннымъ усадьбамъ, въ которыхъ, будто бы, институтки отдаются садовникамъ. Пора русской литературѣ выйти на свѣжій воздухъ. Какъ это необходимо доказывается тѣми писателями, которые, подобно г. Салову, не разучились понимать и наблюдать жизнь. За эту непредвзятость наблюденія, за эту любовь къ жизни имъ воздалось сторицею: обладая далеко не первоклассными талантами, они создали достаточное количество произведеній поучительныхъ, интересныхъ, художественныхъ и глубоко жизненныхъ.

Вотъ какая изъ всего этого вытекаетъ мораль, если только она нужна.

К. Медвѣдскій.

ВЪ ПОИСКАХЪ ПЕРЕВАЛА ЧЕРЕЗЪ ТЯНЬ-ШАНЬ.

(Изъ дневника).

КИТАЙСКІЯ власти насъ игнорировали, торгоуты обманывали ¹⁾. Послѣдніе довели насъ до какихъ-то поселковъ и бросили: «здѣсь земля наша кончилась, а дальше идите, какъ знаете!»...

— Но вы же обязались провести насъ до перевала черезъ Боро-хоро?! ²⁾.

— Сколько здѣсь ни живемъ, а о такомъ и не слыхивали!.. Но мы обѣщались довести васъ до китайскихъ властей и, какъ видите, исполнили свое обѣщаніе!..

Это была наглая ложь, да и вся фигура говорившаго выражала столько наглости и безстыдства, что единственнымъ отвѣтомъ ему могла быть только нагайка. Но... мы воздержались и, прогнавъ проводниковъ, остались одни среди плантацій мака и полей ячменя и пшеницы. Нѣсколько дальше показались сбитые изъ глины заборы, какія-то полуразвалившіяся строенія, а наконецъ и все селеніе Бортунгэ.

Благодаря отсутствію проточной воды, которая вся была разобрана на поливку полей, мы нѣкоторое время совершенно не знали, гдѣ пріютиться хотя бы только до завтрашняго утра. Сбѣжавшіеся китайцы наперерывъ предлагали намъ чудовищныхъ размѣровъ редиску, яйца и хлѣбъ, но относились безучастно къ нашимъ вопросамъ о водѣ... Наконецъ, выискался одинъ, который рѣшился

¹⁾ Торгоуты извѣстны подъ именемъ калмыковъ въ Россіи.

²⁾ Боро-Хоро—массивный, почти на всемъ своемъ протяженіи вѣчноснѣговой хребетъ, принадлежащій къ группѣ Центрально-Тянь-Шаньскихъ горъ.

указать намъ превосходное мѣсто, гдѣ мы, по его увѣренію, можемъ найти въ изобиліи все то, что намъ нужно...

— «Пусть «да-лойя» ¹⁾ мнѣ только довѣрится, а я ужъ знаю, гдѣ найти воду!»...

Вслѣдъ за нимъ мы побрели вонъ изъ селенія, свернули въ сторону отъ дороги и пошли среди камышей. Камыши кончились, и мы увидали передъ собой крошечный прудъ стоячей, зацвѣтшей воды, съ одного края взбаломученной стадомъ тутъ же валявшихся китайскихъ свиней; это былъ даже не прудъ, а всего скорѣе грязная лужа...

— Послушай, любезный, да развѣ возможно пить эту воду?

Вопросъ этотъ, однако, былъ лишнимъ, потому что одинъ изъ китайскихъ мальчугановъ, цѣлой гурьбой бѣжавшихъ за нами, тутъ же демонстрировалъ способъ, какимъ пользуется мѣстное населеніе для утоленія жажды. Онъ поднялъ рубашку, прыгнулъ въ воду и принялся пить ее точъ въ точъ также, какъ и наша собака, уже самодовольно расхаживавшая теперь въ этой лужѣ...

— Да неужели же у васъ здѣсь нѣтъ иной воды, кромѣ этой?..

— У насъ есть рѣчка... Да вы не безпокойтесь, вамъ вѣдь и этой воды хватить съ избыткомъ!...

Едва растолковали китайцамъ, что не въ количествѣ дѣло, а въ качествѣ. Но это только распотѣшило многихъ изъ нихъ, въ лицахъ же другихъ мы ясно прочли себѣ осужденіе. Нашелся, впрочемъ, ораторъ, который объявилъ, что знаетъ причину, почему мы гнушаемся этой воды: «причиной всему наши свиньи... вѣрно и у заморскихъ чертей ²⁾ не очень-то долюбиваютъ этихъ животныхъ!».

Когда мы уже собирались продолжать путь нашъ дальше, къ намъ вдругъ протолкался весьма прилично одѣтый китаецъ и объявилъ, что возникшее затрудненіе легко устранить, такъ какъ въ любой изъ арыковъ можно немедленно же пустить проточную воду...

— И вы это сдѣлаете?

— Я уже отдалъ соответствующія распоряженія.

Со стороны китайцевъ это было очень любезно, и мы не замедлили, разумѣется, выразить имъ живѣйшую свою благодарность. Вода, однако, прибыла къ намъ не ранѣе, какъ часа черезъ два, да и то пустили ее не мѣстные жители, а наши казаки...

¹⁾ То-есть «большой чиновникъ».—тоже въ Китаѣ, что «ваше сіятельство» въ устахъ петербургскихъ извозчиковъ.

²⁾ Чертей китайцы изображаютъ съ рыжими волосами (таковы, напримѣръ, Шоу-гузъ, всѣ Ю-джины и нѣкоторые другіе). Вотъ почему, вѣроятно, и первые европейцы, явившіеся изъ-за моря въ Китаѣ, получили названіе «заморскихъ чертей» (янгъ-гуйзы). Съ тѣхъ поръ это названіе удержалось за ними и стало браннымъ.

Вечеромъ мы разговорились съ китайцами.

— Не знаете ли вы, достопочтенные люди, гдѣ дорога на переваль черезъ горы, которыя вотъ тамъ бѣлбють своими вершинами?..

— Нѣтъ, да-лоя, такой дороги мы вовсе не знаемъ...

— Но, можетъ быть, вы что нибудь слыхали о ней?

— Нѣтъ, и не слыхали рѣшительно ничего...

— И не отыщется среди васъ никого, кто бы могъ указать намъ людей, ходившихъ за переваль?..

— Изъ китайцевъ на переваль никто не ходилъ, намъ зачѣмъ же туда? Но всѣ калмыки, безъ сомнѣнія, знаютъ его. Отчего вы у нихъ не спросили?

— Спрашивали, да они насъ обманули...

— Ахъ, черепахи ¹⁾! такихъ «чрезвычайныхъ уполномоченныхъ» ²⁾ обмануть!.. да вы обжалуйте ихъ въ Урумчи... То-то достанется имъ!..

Была ли это только насмѣшка, или китайцы въ самомъ дѣлѣ совершенно искренно выражали свое негодование? Я думаю—ни то, ни другое. Они по хорошей цѣнѣ распродали свои овощи, яйца и хлѣбъ, получили въ подарокъ кое-какія лѣкарства, шкуру барана, его внутренности и голову и, вѣроятно, въ порывѣ признательности, а, можетъ быть, и въ надеждѣ на другія подачки, рѣшились высказать по нашему адресу нѣсколько сочувственныхъ словъ, которыя, конечно, ихъ ни къ чему не обязывали.

Какъ бы то ни было, но послѣ этой бесѣды насъ разобрало сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, куда же завтра идти?... Рѣшили добраться до первой рѣки и ея русломъ подняться вверхъ, доколѣ возможно... Что же, однако, потомъ? Ну, тамъ, можетъ быть, на кого нибудь и наткнемся, кто за хорошія деньги согласится быть нашимъ вожатымъ...

Съ тѣмъ и уснули...

Когда на слѣдующій день мы потянулись селеніемъ Бортунгэ, новые пріятели наши вышли толпой пожелать намъ счастливой дороги, но едва мы съ ними разминовались, какъ кто-то изъ нихъ все же не утерпѣлъ и крикнулъ въ догонку «черти заморскіе!».

Было часовъ девять утра. На небѣ ни облачка, въ воздухѣ тишь и необыкновенная духота, окрестности—волнистая глинисто-песчаная степь, покрытая густой, но уже пожелтѣлой травой: блеклыя краски, скучный ландшафтъ! А въ дали фіолетовые массивы горъ, увѣнчанные снѣгами,—соединеніе столькихъ контрастовъ съ

¹⁾ «Черепеха» въ Китаѣ бранное слово.

²⁾ Такъ слѣдуетъ переводить слово «чинъ-сей» по мѣстному и «цинъ-чай» по пекинскому произношенію.

Китайскій лавочникъ.

этою унылою мѣстностью... И подъ вліяніемъ зноя и пыли всѣ эти столь обычныя тамъ дикія скалы или густые ельники, перерѣзанные ручьями и полные прохлады и тѣни, рисовались воображенію нашему вдвое заманчивѣе, чѣмъ, можетъ быть, были въ дѣйствительности... Когда же, наконецъ, мы туда попадемъ?!

Передній эшелонъ нашихъ вьюковъ сталъ вдругъ быстро спускаться, но куда—съ того мѣста, гдѣ я тогда находился, еще не было видно...

— Хоргось!

— А... наконецъ-то!..—и я рысью пустился обгонять безпощадно пылившихъ вьючковъ.

Хоргось, какъ и большинство другихъ рѣкъ Джунгаріи, вырылъ себѣ глубокое и обширное ложе въ послѣтретичныхъ кон-

гломератахъ. Смотришь сверху: точно ручьи, сплетаясь и разбиваясь на рукава, бѣгутъ по каменистому руслу, а спустишься внизъ—реветь бездна потоковъ, несущихъ громаду мутной воды... И счастье еще, что послѣдняя разбросалась, а протекай она здѣсь одною только трубой, пожалуй, не всегда была бы даже возможна и переправа черезъ нее.

На противоположномъ еще болѣе крутомъ берегу одиноко ютилась какая-то китайская фанза—начало поселка, заслоненнаго отъ большой дороги цѣпью песчаныхъ бугровъ. Тутъ же, только спиной къ этимъ постройкамъ, расположилась и лавочка, въ которой какой-то предприимчивый китаецъ бойко торговалъ всякимъ мелкимъ товаромъ. Завидя насъ, онъ вышелъ изъ-за прилавка и съ большой развязностью сталъ приглашать насъ на чашку-другую горячаго чая.

— На улицѣ жарко, а у меня вы найдете и необходимую вамъ прохладу и чашку настоящаго «джу-лани» ¹⁾.

Предложеніе было соблазнительно, и нужно ли еще говорить, что мы на него согласились? И хотя китаецъ вмѣсто обѣщаннаго «джу-лани» разлилъ намъ въ чашки какую-то горьковатую и затхлую гадость, но мы и ее выпили съ удовольствіемъ... А пока мы пили, онъ, болтая безъ умолку, успѣлъ таки навязать намъ не мало всякаго хлама.

— Вы дорожные люди, вы странники, и всѣ добрые люди должны, безъ сомнѣнія, вамъ помогать... Выбирайте въ лавкѣ этой все, что вамъ нужно, и я продамъ вамъ не дорого... Вамъ очень нужны, напримѣръ, эти спички... извольте!.. Я торговецъ, и, не правда ли, было бы очень глупо жалѣть вещь, которую желаетъ приобрести покупатель?! Но замѣьте себѣ: эти спички изъ Россіи и, безъ сомнѣнія, только въ такомъ магазинѣ, какъ мой, вы можете найти такой доброкачественный товаръ.. А вотъ изюмъ и урюкъ ²⁾, сладкій и превосходный... развѣ только въ Турфанѣ можно еще встрѣтить подобный!.. ³⁾. Вотъ веревки... онѣ вамъ нужны, и я очень охотно вамъ уступлю... Но вотъ на что обратите ваше вниманіе—на этотъ фарфоръ... это настоящій цзинь-деженскій фарфоръ! и если, какъ я, впрочемъ, не сомнѣваюсь, вамъ требуется посуда, то лучшихъ чашекъ вы, разумѣется, нигдѣ не найдете...

Къ сожалѣнію, даже при помощи переводчика, мы съ трудомъ могли услѣдить за такой живой рѣчью...

— Что онъ тамъ бормочетъ еще, Николай?

¹⁾ Высшій сортъ чая послѣ императорскаго «му-ху».

²⁾ Сушеный абрикось.

³⁾ Турфанъ славится своими сушеными фруктами, въ особенности изюмомъ.

— Да вотъ показывается холстину... говорить, что въ ней получилъ недавно товаръ изъ Россіи, съ Ирбити...

— Ого! съ Ирбити!.. каково?! А, ну, покажи...

На грубой холстинѣ ясно было выведено слово «Boston».

Странно... англійскихъ товаровъ почти вовсе нѣтъ въ Южной Джунгаріи...

— Это не русская надпись... спроси: откуда у него эти тряпки и что за товаръ онъ въ ней получилъ?

Но китаецъ только разсмѣялся въ отвѣтъ и такъ нахально, безцеремонно...

Мы стали прощаться, предварительно съ лихвой заплативъ и за чай и за отдыхъ въ его лачугѣ, насквозь пропахшей джюнь-джюнемъ ¹⁾, китайскимъ уксусомъ и имъ подобными пахучими веществами. Чрезвычайно довольный такимъ необычнымъ въ Китаѣ финаломъ, лавочникъ не зналъ ужъ, какъ и чѣмъ заслужить передъ нами. Онъ бросился къ лошадямъ, схватилъ первую, что попалась, и подвелъ ее къ брату, но очень смутился, когда оказалось, что эта лошадь принадлежитъ казаку, а не брату.

— Ну, хоть на прощанье скажи намъ, откуда у тебя та холстина?

— Изъ Хумэзы, Хумэзы ²⁾, да-лоя, прихватилъ ее въ одной лавкѣ...

— А не знаешь ли, до перевала отсюда еще далеко?

— До перевала?.. о какомъ же перевалѣ вы говорите?

— А вотъ... черезъ горы...

Китаецъ хитро улыбнулся.

— Я тамъ не былъ, да-лоя, но знаю, что небольшія партіи калмыковъ приходятъ сюда ранней весной, спускаясь по рѣчкѣ Гинь-джа-хо, которую сами называютъ Улань...

— Ну, спасибо! прощай же и наживайся!..

Отъѣхавъ за сосѣдній уваль, мы тотчасъ же составили совѣщаніе: идти ли вверхъ по Хоргосу, или свернуть на рѣчку Улань? Рѣшились на послѣднее и пошли по указанной намъ тропѣ, своротивъ сюда же и далеко впередъ ушедшихъ въюковъ.

Дорожка побѣжала сначала логомъ, потомъ стала огибать бугоръ за бугромъ и наконецъ совсѣмъ затерялась въ плантаціяхъ мака... ³⁾. Кое-какъ мы выбрались къ задворкамъ селенія Нью-джань-цзы, но произвели здѣсь своимъ появленіемъ страшный пере-

¹⁾ Джюнь-джюнь—китайская плохо очищенная водка.

²⁾ То-есть Урумчи, главнаго города Си-Цзяньской провинціи; правильное произношеніе «Хунь-мяо-цзо».

³⁾ Плантаціи мака составляютъ большое богатство Южной Джунгаріи, и это происходитъ главнѣйшимъ образомъ потому, что изъ мѣстнаго мака получается наиболѣе высокой сортъ опія.

полохъ: собаки залаяли, двери захлопали, и все, что въ селеніи, кажется, только было живаго, куда-то мигомъ запряталось...

Чего это они испугались?..

Но кто же изъ насъ могъ отвѣтить на этотъ вопросъ? А изъ мѣстныхъ жителей кругомъ ни души...

— Чортъ знаетъ, куда теперъ ѣхать! Спроси тамъ когонибудь, Николай!

Николай свернулъ въ первую фанзу, ворота которой оказались отворенными, и сталъ вызывать когонибудь изъ мужчинъ, но, не дождавшись отвѣта, слѣзъ съ лошади и толкнулся въ сосѣднюю дверь...

Она отворилась, и на порогѣ показался старикъ. Онъ былъ очень грязенъ, оборванъ и, очевидно, страшно взбѣшенъ. Съ визгомъ наскочилъ онъ на Николая и сталъ ему быстро, быстро что-то выкрикивать, отчаянно жестикулируя своими костлявыми руками... Онъ визжалъ, хрипѣлъ, плевался, и даже отъ злости подпрыгивалъ на одномъ мѣстѣ, корчился и билъ себя по колѣнямъ и ляжкамъ...

Въ такой степени ярости намъ еще впервые приходилось видѣть китайца, которому съизмалѣтства внушается заповѣдь знаменитаго императора Тай-Цзуна ¹⁾: «будь властелиномъ сердца твоего и всѣхъ его побужденій», но на Николая отвратительный старикъ не произвелъ впечатлѣнія. Онъ въ свою очередь плюнулъ и сталъ, не торопясь, набивать табаккомъ свою трубку.

— За что онъ ругается, Николай?

— А вотъ, зачѣмъ я къ нему поступался...

— Эка персона!

И казаки, помирая отъ смѣха, поочередно заглядывали въ ворота, гдѣ старикашка, стоя на томъ же мѣстѣ, все еще продолжалъ, но уже совершенно охрипшимъ голосомъ, выкрикивать что-то для одного Николая понятное...

— Экъ его!... Ну, и язва же тебя побори!... Вотъ хрычъ!... Ну, что, скажи, взѣрепенился?!...

— Бѣшенный, что ли?

— Нѣ-ѣтъ... только злющій...

Проѣхавъ одинъ переулочъ и свернувъ въ другой, мы увидели китайца, который собирался садиться верхомъ.

— Эге, джангуда ²⁾, куда тутъ выѣхать опять на дорогу?

Но китаецъ, точно не къ нему обратились, вскочилъ на лошадь и молча, даже не взглянувъ въ нашу сторону, поѣхалъ въ томъ направленіи, откуда мы сами только что появились...

¹⁾ Съ 631 по 654 г.

²⁾ «Джангуда» — китайское обращеніе, соответствующее русскому — «человѣкъ!» или «любезный!».

— Вотъ тебѣ на! Да что это значить?!...

— Эй, лойя!...

Но китаецъ ужъ скрылся...

Дѣлать нечего, пришлось идти наудачу, и мы выбрали ту изъ дорогъ, которая казалась намъ и шире, и болѣе наѣзженной, чѣмъ другія. Но и эта дорога вскорѣ какъ-то растаяла. Она добѣжала до небольшого ручья и дальше потянулась вдоль его праваго берега уже узкой тропой. Очевидно, мы шли не туда... Но когда мы ужъ совсѣмъ было рѣшились возвратиться обратно, передъ нами неожиданно выросъ китаецъ, гнавшій лошадей и коровъ...

— Э, любезный, куда идетъ эта дорога?...

— Въ горы...

— А ею можно пройти на перевалѣ?

— Можно... Только сперва вы все же выйдете въ долину рѣки Гинь-джахо...

— Ну, слава Богу, значить мы на пути...

И мы прибавили ходу и вскорѣ дѣйствительно втянулись въ ущелье, въ которомъ и заночевали у опушки еловаго лѣса. Но ущелье оказалось глухимъ, а рассказы пастуха преднамѣренной ложью...

Отъ мѣста нашей стоянки дорога круто взвивалась по косогору. Все выше и выше. Наконецъ, мы на гребнѣ отрога. Впереди громадныя скалы голаго камня, справа и слѣва глубочайшія щели, поросшія лѣсомъ. Дорожка кончилась, и послѣдніе слѣды ея затерялись въ травѣ чуть не по поясъ. Куда же теперь? Неужели возвращаться обратно въ селеніе Нью-джанъ-цзы?...

— Нѣтъ, господа, ужъ лучше спускаться вонъ этимъ логомъ... Куда нибудь да выйдемъ же мы, наконецъ!

И мы стали спускаться. Вьючныхъ лошадей пришлось разобратъ по рукамъ, а верховыхъ погнали пустыми. При всемъ томъ хлопотъ было не мало. Начать хотя бы съ того, что щеки оврага цѣликомъ состояли изъ спекшихся на солнцѣ глинисто-песчаныхъ крутѣйшихъ откосовъ, по которымъ лошадямъ нашимъ приходилось буквально сползать, рискуя при этомъ ежеминутно сорваться на низъ, а тогда вѣдь прощай наши пожитки! А затѣмъ, когда мы съ грѣхомъ пополамъ сползли съ этой кручи, внизу мы встрѣтили новое затрудненіе: чащу ели и всевозможныхъ кустарниковъ, продираться черезъ которую съ вьюками дѣло вовсе не шуточное. Но, наконецъ, и съ этой задачей мы справились и вышли на лугъ, который пересѣкала во всю его ширь большая арбяная дорога.

— Колесный путь, ваше благородіе!

— А вонъ и калмаки!

— Гдѣ, какіе калмаки?!

Вьюки были брошены, и всѣ мы, кто былъ только свободенъ, поскакали къ аулу. Но мы тамъ никого не нашли, кромѣ двухъ, трехъ подростковъ, пугливо озиравшихся на незнакомыхъ пришельцевъ. Они до такой степени были поражены появленіемъ нашимъ, что на первыхъ порахъ, очевидно, даже не знали, на что имъ рѣшиться; но, наконецъ, сочли за лучшее испугаться, бросились въ юрту и забились тамъ между кошемъ.

Мы хотѣли уже было броситься на розыски взрослыхъ, когда вдругъ они сами точно изъ земли выросли передъ нами.

— Господа, мы видѣли, какъ вы подѣхали къ нашимъ юртамъ, и поспѣшили сюда... Хотя мы и бѣдные люди, но все же предлагаемъ вамъ войти въ наши жилища и подкрѣпить свои силы...

— Спасибо, но мы очень спѣшимъ...

— Но откуда же вы пріѣхали къ намъ, и гдѣ остались почтенныя ваши семейства?

— Мы, какъ видите, русскіе... ваши земли намъ незнакомы, и мы заблудились. Покажите же, какъ пройти намъ на переваль черезъ этотъ хребетъ...

— На переваль? Но вы ни черезъ одинъ изъ переваловъ теперь не пройдете! Здѣсь дикія горы, плохія дороги, снѣгъ на перевалахъ повсюду глубокій, но въ это время года уже рыхлый на столько, что нѣтъ ни малѣйшей возможности пробраться черезъ него...

— Но какъ же насъ увѣряли китайцы, что есть хорошій переваль въ верховьяхъ рѣчки Уланъ?

— Ахъ, что знаютъ китайцы! Переваль тамъ дѣйствительно есть, но какъ вы теперь до него доберетесь? Уланъ-усу въ бродъ вѣдь лѣтомъ вовсе не проходимъ...

— Однако, мы хотимъ попытаться... Пусть только кто нибудь изъ васъ насъ проводитъ...

Но на это предложеніе они отвѣтили совершеннымъ отказомъ. Какъ можно! Они развѣ свободные люди? Они работники-дровосѣки, закабаленные китайцами и обязанные къ сроку доставить значительную партію лѣса въ Манась... Но указать дорогу въ долину рѣки Гинь-джа-хо они могутъ и не отказываются... И они дѣйствительно ее указали, а двое изъ нихъ даже проводили насъ съ версту...

— А та арбяная дорога куда же пошла?...

— Да куда. Она вонъ здѣсь, много, если въ полуверстѣ, и кончается. Это—лѣсная дорога: по ней мы лѣсъ въ Манась возимъ...

Простившись съ калмыками, мы двинулись въ указанномъ направленіи и, пройдя не болѣе восьми верстъ среди высокихъ глинистыхъ и песчаниковыхъ холмовъ, кое-гдѣ прикрытыхъ еще зелеными злаками и въ распадахъ густо заросшихъ кустами таволги

(*Spiraea* sp.) и караганы (*Caragana tragacanthoides*), выбрались, наконецъ, безъ особенныхъ затрудненій въ долину «Красной рѣки»¹⁾, которая какъ бы въ противорѣчїе съ даннымъ ей монголами прозвищемъ несла теперъ воды, столь же чистыя, какъ кристалль.

Переправившись черезъ нее безъ труда и вдоволь по этому случаю насмѣявшись надъ неудачной выдумкой торгоутовъ испугать насъ этой мелкой водой, мы раскинули свой бивуакъ на прелестной лужайкѣ, окруженной скалами, лѣсомъ и крутой излучиной Гинь-джа-хо. Для того, однако, чтобы безъ проводника пуститься впередъ, надо было хоть въ общихъ чертахъ познакомиться съ характеромъ предстоящаго движенія по ущелью, и мы рѣшились изслѣдовать его въ тотъ же день...

Съ этою цѣлью и были нами посланы вверхъ по рѣкѣ казаки Комаровъ и Глаголевъ. Они проѣздили часовъ шесть и вернулись, когда уже была темная ночь на дворѣ. Но пока они ѣздили, а нѣкоторые изъ насъ экскурсировали въ окрестныхъ горахъ, на бивуакѣ у насъ вотъ что происходило.

Едва мы принялись было за послѣобѣденный чай, какъ изъ-за лѣса донесся до насъ тотъ колокольный звонъ, который мы уже называли «благовѣстомъ пустыни». Все ближе и ближе...

— Что это—никакъ караванъ? ишакчи?²⁾

— Слава Богу, если только это они... Пристроимся къ каравану и айда вмѣстѣ съ ними на переваль!

— Но нѣтъ, не они... Изъ лѣсу показался китаецъ съ котомкой за плечами и съ большимъ звонкомъ на шеѣ: идетъ и звонить...

— Кто это? чего онъ звонить?

— А китайскій разносчикъ... Они всегда такъ звонять, чтобы дать знать о себѣ...

Интересно...

— Эге, джангуда! куда-жъ ты это плетешься?...

— А къ вамъ...

— Какъ къ намъ?!

— Да такъ. Узналъ, что остановились здѣсь русскіе, и пришелъ показать свой товаръ...

— Ну, коли такъ, такъ показывай, что ли!

И наши спутники тотчасъ же обступили его тѣснымъ кольцомъ, вѣрнѣе всей компаніей усѣлись на корточки вокругъ на корточки же присѣвшаго китайца и котомки его.

Кто хоть разъ видѣлъ, чѣмъ торгуетъ китайскій разносчикъ, тотъ, безъ сомнѣнія, уже знаетъ, чѣмъ торгуютъ и всѣ остальные

¹⁾ Уланъ-усу—Красная рѣка.

²⁾ Погонщики ословъ. Во всемъ Восточномъ Туркестанѣ и даже въ Джунгаріи для перевозки товаровъ пользуются всего чаще ослами и рѣже всего верблюдами.

разносчики Небесной имперіи, потому что во всѣхъ ихъ коробахъ встрѣтятся неизмѣнно одинъ и тотъ же товаръ: шелковыя ленточки, затканныя цвѣтами, куски туши, различныхъ цвѣтовъ шелковыя и бумажныя нитки, грошевыя вѣера, игральныя карты, иглы грубой работы и, наконецъ, маленькія зеркала съ соблазнительными картинками на оборотѣ, а иногда и безъ оныхъ...

Пересмотрѣли все и, разумѣется, ничего не купили: «на что намъ все это?».

— Какъ на что?!... Женамъ свезите, а дочери есть—дочерямъ свезите! Скажутъ спасибо!... А вотъ это, безъ сомнѣнія, и вамъ самимъ пріятно будетъ купить...

И китаецъ однимъ ловкимъ жестомъ развернулъ передъ зрителями серію картинъ самаго нецензурнаго содержанія.

— Фу, ты! чѣмъ вздумалъ прельщать!...

— Ишь, дьяволы!...

— Ну, что же, покупаетъ изъ васъ ктонибудь эти картинки?

— Какъ можно, ваше благородіе, да купи кто изъ насъ—засмѣютъ, и въ станицу вернешься, и тамъ засмѣютъ...

Такъ и проводили китайца, ничего у него не купивъ.

Но не успѣлъ еще покинуть онъ нашей площадки, какъ уже на опушкѣ ея, точно на смѣну ему, показалось нѣсколько всадниковъ. Они слѣпились и, подобострастно кланаясь, робко приближились къ нашимъ юртамъ.

— А, торгоуты! добро пожаловать... вы куда?

— Къ вамъ, господинъ...

— Опять къ намъ? Да что вамъ нужно отъ насъ?

Торгоуты замаялись, потомъ отвели въ сторону Николая и стали ему что-то настойчиво и съ жаромъ внушать.

— Чего они, Николай?

— Это торгоуты...

— Ну, знаемъ, что торгоуты... а дальше-то что?

— Эхъ, не знаю, какъ это порусски сказать... Чуркинъ! айда-ка сюда.

И онъ сталъ послѣднему на киргизскомъ нарѣчій объяснять, что торгоуты, живущіе въ этихъ горахъ, испугались, узнавъ, что русскіе намѣрены идти вверхъ по рѣкѣ Гинь-джа-хо... Это вѣдь для всего отряда вѣрная гибель! И кто же тогда будетъ въ отвѣтъ? Не кто, разумѣется, другой, какъ только они, торгоуты... Вотъ почему они и рѣшились ѣхать немедленно къ намъ и умолять не трогаться дальше...

Въ самомъ дѣлѣ, пусть лучше не довѣряются этой рѣкѣ. И теперь ужъ въ вершинахъ своихъ она мѣстами не проходима, но что же будетъ впослѣдствіи, черезъ нѣсколько дней, когда вода въ ней пойдетъ очень замѣтно на прибыль? И это не все. За переваломъ протекаетъ другая рѣка, которую въ низовьяхъ называютъ

Нашъ бивуакъ.

Манасъ, а въ верховьяхъ Хуста: это громадный потокъ, черезъ который, и то только въ истокахъ, переправляются случайно ранней весной, обыкновенно же въ то еще время, когда воды ея скованы льдомъ. «Что же будетъ,—добавляли въ ужасѣ торгоуты,—если вы теперь же достигнете береговъ этой рѣки? А то, что вы попадете въ каменный ящикъ, изъ котораго нѣтъ выхода ни взадъ, ни впередъ... Страшнѣе положеніе и въ перспективѣ голодная смерть!».

Торгоуты насъ такъ часто обманывали, а китайцы такъ беззастѣнчиво лгали, что мы давно перестали имъ вѣрить. Не повѣрили и теперь, а подумали: «врутъ, негодяи! вѣрно снова хотятъ, чтобы мы уклонились съ прямого пути. Ужъ подождемъ лучше нашихъ казаковъ, да выслушаемъ раньше, что скажутъ они».

И дождались, наконецъ, и наговорили они намъ порядочно ужасовъ.

— А не вѣрите, ваше благородіе, навѣдайтесь сами!

— Да неужто же нѣтъ обхода нигдѣ?

— Можетъ, и есть, да гдѣ ихъ было сегодня искать?! Къ тому же и ту тропинку, по которой мы ѣхали, пожалуй, что вовсе за тропинку и почестъ невозможно... а что ужъ мѣсяца два, какъ ею не ѣздилъ никто, то, вѣрьте совѣсти, вѣрно!

Рѣшено было на слѣдующій же день самимъ изслѣдовать какъ можно дальше ущелье. Но все же на душѣ стало грустно... Приходилось, повидимому, окончательно разстаться съ надеждой попасть на южные склоны Боро-Хоро.

А ночь, между тѣмъ, тихая и прекрасная, уже давно успѣла раскинуть надъ нами свой темный шатеръ. Изъ-за еловаго лѣса и скаль, которыя приняли при этомъ очертанія совсѣмъ фантастическія, намъ былъ виденъ далеко не весь небосклонъ, но какими мириадами звѣздъ блестяла и эта частица его, и какъ ярко освѣщалась она еще пока незримой луной, которая того и гляди должна была уже выглянуть изъ-за каменнаго колосса, въ своей тѣни запрятавшаго и насъ съ нашей крошечной луговинной и добрую половину протівоположнаго нагорнаго берега рѣки. Зато выше послѣдній ясно рисовался намъ своими прихотливыми формами, напоминающими развалины какого нибудь былого замка гигантовъ... Тишина въ воздухѣ невозмутимая, и только вода шумитъ и рокочетъ, явственно ворочая на пути своемъ гальку, да еще нѣтъ-нѣтъ да и пронесется надъ нами издадека какой-то странный звукъ, не то крикъ филина, не то вѣсть что... Дикое мѣсто! Но зато же ясно и чувствуется, что все, что ни есть кругомъ васъ—дѣвственная природа, до которой еще не успѣла коснуться разрушительная рука человѣка... И это—отрадное чувство!..

Мы едва ли отъѣхали и нѣсколько сотъ сажень отъ нашего бивуака, какъ уже Комаровъ нашель нужнымъ предупредить:

— Переправа!

— Какъ, уже?!

Мы бухнулись въ воду и совершенно неожиданно зачерпнули въ голенища воды...

— Ого, глубоко!

Но дальше насъ ждалъ еще новый сюрпризъ.

Рѣка неслась съ страшной стремительностью, билась среди валуновъ и, обдавая ихъ то и дѣло ключьями пѣны и миллионами брызгъ, уносилась въ даль сплошной бѣлой пѣной... А нѣсколько выше, стѣной въ два-три аршина, изъ-подъ загромоздившаго русло рѣки бурелома выбивались мощныя струи воды, разбивавшіяся о каменные твердыни со стономъ и ревомъ, наполнявшимъ всю эту щель до того, что въ двухъ шагахъ уже ничего не было слышно... И сырость, и этотъ шумъ, и царившая здѣсь полутьма, которую разсѣкалъ одинъ только солнечный лучъ, упавшій въ рѣку откуда-то съ высоты и въ ней утонувшій, и всѣ эти скалы, словно щетиной поросшія ельникомъ, и, наконецъ, эти валуны, отшлифованные водой и теперь влажные отъ тумана,—все это производило на насъ какое-то странное впечатлѣніе: не то содрогалась душа отъ восторга, не то отъ какого-то страха... Да, глухое, дикое мѣсто! И представьте же себѣ наше вдругъ изумленіе, когда наша тропинка добѣжала до водопада, круто свернула къ нему и на глазахъ ушла подъ пѣнящуюся поверхность воды...

— Да неужели же здѣсь переправа?

— Здѣсь... вотъ гребнемъ воды, ваше благородіе.

Жутко, даже очень жутко, но... что же подѣлаешь? Главное надо помнить всегда, что колебанія въ такихъ случаяхъ очень опасны. Неувѣренность всадника живо передается и лошади, и тогда хоть возвращайся назадъ! Она будетъ трусить, а если и добьешься нагайкой до того, что она, наконецъ, ринется въ воду, то зашагаетъ такъ робко, что и не такая струя собьетъ ее въ камни...

Болѣе или менѣе благополучно мы проѣхали еще шесть такихъ переправъ, все въ томъ же родѣ. Двѣ изъ нихъ удалось обойти, черезъ остальные придумали способъ перевести вьючныхъ лошадей и барановъ и, довольные своей поѣздкой, вернулись обратно.

— Завтра чѣмъ свѣтъ къ перевалу!

Приказаніе отдано, но мы не могли скрыть отъ себя, что идемъ на авось. Впрочемъ, мы имѣли свой планъ. За восьмой переправой мы отыскали прекрасное мѣсто для стойбища. Здѣсь остановимся на день,—думали мы,—изучимъ ущелье еще верстъ на десять выше, перетащимся, можетъ быть, и туда, а тамъ, вѣроятно, будетъ уже не далеко и до перевала...

Вечеромъ вторично явились къ намъ торгоуты.

— Ну, что же, всетаки, ѣдете?

— Ёдемъ...

— А далеко уѣзжали сегодня вверхъ по рѣкѣ?

— Да до ключа, что впадаетъ въ Уланъ.

— Далекое... Должно быть, хорошіе у васъ кони... а наши такой дороги не сдѣлаютъ... Ну, что-жь, давай Богъ вамъ успѣха!..

Искренній тонъ послѣдняго пожеланія насъ очень встревожилъ: «Неужели же правда все то, что они говорили намъ о предстоящей дорогѣ?».

Глухой ревъ рѣки все покрывалъ... Слышенъ былъ только говоръ ближайшихъ, да изрѣдка доносился сюда громкій окрикъ Глаголева, могучая, почти нагая фигура котораго отчетливо рисовалась на каменной глыбѣ, выше другихъ торчавшей надъ бурною поверхностью пѣнящагося потока:

— Лови!

И вслѣдъ затѣмъ взвивался арканъ, расходящеюся спиралью проносился надъ водопадомъ и попадалъ въ руки другаго казака, который въ одной рубашкѣ безстрашно балансировалъ на стволѣ старой ели, сильно накренившейся надъ клокотавшей пучиной. Конецъ его привязывался къ вьюку, завьюченному чуть не къ самой спинѣ, раздавалась команда: «айда! пошелъ!» — и вслѣдъ затѣмъ можно было наблюдать, какъ переправлялся черезъ водопадъ юркій худошавый Григорій, съ головы до ногъ уже мокрый, но въ лихо набокъ заломленномъ картузѣ, уже нѣсколько разъ погружавшійся вмѣстѣ съ своей лошадыю въ воду...

Онъ ликовалъ, и вся его фигура, казалось, намъ говорила: «Каковъ, въ самомъ дѣлѣ, я молодець!». Да, и дѣйствительно молодець! Другіе по разу и по два проводили по гребню водопада вьюковъ, онъ же одинъ свелъ ихъ двѣнадцать... И мы хвалили его: «Ай да молодецъ, Григорій!».

Но въ силу, вѣроятно, этихъ похвалъ онъ сталъ вскорѣ даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ посматривать какъ на тѣхъ, кто съ ногъ до головы не былъ столь же мокрымъ, какъ онъ, такъ и на тѣхъ, кто вертѣлся и съ дѣломъ, и безъ дѣла между вьюковъ. Въ особенности же доставалось отъ него Давыдкѣ-дунганину и переводчику Николаю.

— Ну, ты, кошка, подавай, что ли, вьюковъ! Ну, ты, орда, чортова перечница, держи, что ли, лошады! — сыпалъ онъ и вправо и влево, и ему и держали, и подавали... Онъ нѣкоторымъ образомъ чувствовалъ себя на положеніи героя, а потому суетился, приказывалъ и вообще изо всѣхъ силъ старался держать персону свою на виду. Наконецъ, Ташбалтѣ онъ примелькался...

— Ты чего раскомандовался тутъ, какъ баринъ какой! Кукишъ ты, а не баринъ!.. Пошелъ вонъ, и безъ тебя здѣсь все обойдется!..

Ташбалта Ходжаевъ—ветеранъ всѣхъ моихъ путешествій; подобная переправа ему, разумѣется, вовсе не новость, но онъ смотритъ на нее, какъ на серьезное дѣло, а не ищетъ въ ней только забавы или, тѣмъ болѣе, предлога выказать свое молодечество. Какъ и всѣ остальные, онъ терпѣть не можетъ Григорія, парня пустаго и вороватаго, и радъ при случаѣ его осадить...

Николай и Давидъ тотчасъ же примкнули къ Ходжаеву...

Чтобы помирить враждовавшихъ, я отправилъ Григорія къ тому мѣсту, гдѣ переправляли барановъ. Онъ пригорюнился было сначала, но, взглянувъ впередъ, просіялъ. Дѣйствительно, я посылая его на забавное дѣло! Тамъ вязали поперекъ тѣла барановъ и, не смотря на отчаянное сопротивленіе съ ихъ стороны, подтаскивали къ водѣ и съ розмаха бросали въ пѣну потока... Теченіе тотчасъ же, разумѣется, уносило несчастныхъ впередъ, но, благодаря аркану, они всякій разъ неизмѣнно добирались до камней противоположнаго берега, гдѣ уже ихъ и встрѣчали двѣ спасительныя руки человѣка... Картина обычная, но доставившая Григорію необычное наслажденіе. Роль зрителя онъ тотчасъ же перемѣнилъ на роль главнаго дѣйствующаго лица, и ни одинъ баранъ ужъ не могъ миновать его рукъ...

Жалкій, искалѣченный воспитаніемъ человѣкъ! Сынъ офицера, но выросшій безъ призора и образованія, онъ влачилъ трудное существованіе, когда вдругъ на его горизонтѣ мелькнуло нѣчто, за что, уцѣпившись, онъ могъ бы, пожалуй, изъ себя что нибудь выработать... Мы набирали въ Вѣрномъ людей. Онъ заручился рекомендаціей и явился къ намъ наниматься. Знакомые офицеры приодѣли его, а мы, не зная хорошо его прошлаго, включили въ составъ экспедиціи. Но онъ очень скоро выказалъ себя съ такой худой стороны, что уже изъ Турфана мы были вынуждены отправить его обратно въ Россію.

Когда всѣ лошади стояли уже на правомъ берегу Гинь-джа-хо, я съ козакомъ Глаголевымъ уѣхалъ впередъ, а братъ остался съ вьюками, взявъ на себя присмотръ и руководство дальнѣйшимъ движеніемъ вверхъ каравана. За третьимъ бродомъ мы, въ свою очередь, съ Глаголевымъ раздѣлились: я еще разъ переправился черезъ потокъ, а онъ остался на мѣстѣ, потому что каждому изъ насъ приходилось расчищать и исправлять свой участокъ дороги.

Не мало, должно быть, прошло уже времени, сажень десять-двадцать просѣки ширилось уже у меня за спиной, а нашихъ вьюковъ все еще не видать... Что бы такое?! И я направился къ берегу...

Каково же было мое изумленіе, когда на противоположной сторонѣ я засталъ такую картину.

Что-то даже совсѣмъ необычно! Повидимому, уже весь караванъ тамъ столпился. Бѣгали, суетились, одни почему-то крупными фестопами развѣшивали по ближнимъ деревьямъ штуки пестрыхъ ситцевъ и кумача ¹⁾, другіе несли въ чашу лѣса сундуки и мѣшки или уводили туда же уже развѣюченныхъ лошадей... Два казака прибѣжали, схватили арканы и опять убѣжали. И оттуда, куда убѣжали, раздался вдругъ выстрѣлъ, гулко отозвавшійся среди скалъ...

— Что тамъ такое?

Но меня не слыхали... Я бросился къ лошади и тутъ только замѣтилъ впервые, что случилось съ рѣкой...

Нѣсколько часовъ тому назадъ совершенно прозрачныя воды «Красной рѣки» окрасились теперь дѣйствительно въ этотъ цвѣтъ, но одновременно съ этимъ и поднялись на столько значительно, что залили даже всѣ камни, служившіе намъ раньше указателемъ брода.

Положеніе становилось опаснымъ, и медлить было нельзя... Я въѣхалъ въ дико ревущій потокъ... Что было со мной вслѣдъ затѣмъ, описать трудно. Я испыталъ чувство, которое долженъ былъ бы, какъ мнѣ кажется, испытать человѣкъ, низвергнутый въ пропасть, съ тою, впрочемъ, существенной разницей, что одновременно я принималъ и холодный душъ. Когда я очнулся отъ неожиданности, я увидѣлъ себя среди влокочущей пѣны и торчащихъ всюду каменныхъ глыбъ. Мнѣ казалось, что я нахожусь на вершинѣ наклонной плоскости, съ которой съ чрезмѣрной быстротой и несусь куда-то внизъ, въ какую-то черную щель, гдѣ опять-таки ничего, кромѣ бѣлой пѣны и черныхъ вершинъ валуновъ, не видать... И странно! Въ этотъ серьезный моментъ я не ощущалъ ничего: ни испуга, ни стремленія выбраться такъ или иначе изъ опаснаго положенія... Еще помню одинъ только моментъ: меня точно метнуло вокругъ черной скалы, и тутъ же я какъ-то сразу и понялъ, что нахожусь уже внѣ всякой опасности: лошадь ощутила подъ ногами твердую почву и страшнымъ прыжкомъ выскочила на камни... Еще одно усиліе, и мы оба были на берегу... но, къ сожалѣнію, не на томъ, гдѣ находились наши выюки...

Все рассказанное длилось одинъ только мигъ, вотъ почему и люди наши, хотя и видѣли мое приключеніе, но не успѣли сообразить даже, чѣмъ и какъ мнѣ помочь. Они на всѣ лады махали руками, указывали на что-то и силились перекричать ревъ потока, но, увы! совершенно напрасно, такъ какъ до меня едва доносились бессмысленные: укъ! укъ!...

Выбравшись на тропинку, я еще разъ попробовалъ переправиться, взялъ много выше и съ грѣхомъ пополамъ добрался-таки до своихъ...

¹⁾ Везлись нами для подарковъ и на случай выгоднаго обмѣна на барановъ.

- Слава тебѣ, Господи! А мы уже думали...
- Эхъ, хозяинъ, я кричалъ тебѣ: вода большой, не ходи!.. Вечеръ меньше будетъ... а ты ходилъ...
- Да у васъ-то тутъ что?! Братъ гдѣ?..
- Эхъ! И у насъ-то не вовсе, чтобъ ладно... Трое лошадей въ воду свалилось... едва спасли, а ужъ вещи всѣ подмокли. Это что случилось съ папиросами барина, да и съ прочими всѣми вещами, хоть не рассказывай!.. А одну лошадь, Чуркинова гнѣдка, пристрѣлили... Должно, ногой попалъ въ камни и толи вывихнулъ ее, толи сломалъ, а только ужъ тронуться съ мѣста не могъ... Его благо-родіе, должно, и по сей поры еще тамъ...

Такъ закончился первый переходъ нашъ вверхъ по рѣкѣ Гинь-джа-хо—предсказанія тургоутовъ сбывались...

Вечеромъ пошелъ дождь, а мы, забравшись въ казачью юрту, сообща обсуждали вопросъ: продолжать ли движеніе наше вверхъ по рѣкѣ или, пока не поздно, вернуться назадъ?

Рѣшили, не смотря ни на что, идти къ перевалу.

Проѣхавъ нѣсколько переправъ, мы достигли, наконецъ, того мѣста, гдѣ рѣка каскадомъ выбивается изъ щели. Комаровъ сунулся было въ рѣку, но водой его тотчасъ же сбило съ сѣдла, и оба, казакъ и лошадь, едва выбрались затѣмъ на берегъ.

— Надо искать, ребята, обхода... Съ вьюками здѣсь все равно не пройти...

— Гдѣ ужъ съ вьюками...

Поручивъ лошадей нашихъ Григорію, вдвоемъ съ казакомъ Чуркинымъ мы полѣзли на сосѣдную гору. Лиственный лѣсъ кончился, и мы уперлись въ скалу. Здѣсь было сыро, росли бурьянъ и крапива. Еще выше—мохъ, а тамъ обрывъ скалы и площадка...

— Ну, здѣсь также съ вьюками не проберешься!

Однако, все же мы полѣзли впередъ, такъ какъ я хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, познакомиться съ характеромъ горъ и засѣчь нѣкоторыя изъ выдающихся вершинъ этихъ послѣднихъ.

Камень обнажился повсюду. Гольцы были донельзя крутые, и мы вынуждены были пользоваться самыми ничтожными выступами камня, чтобы хоть нѣсколько подвигаться впередъ. Въ концѣ концовъ мы все же, однако, выбрались на вершину отрога, съ котораго хотя и раскрывалась широкая панорама горъ, но, къ сожалѣнію, только на западъ, а востокъ попрежнему все еще оставался скрытымъ за сосѣднимъ отрогомъ. Подозрѣвая я тогда, какія громадныя скопленія снѣга маскируетъ онъ, я, безъ сомнѣнія, не пожалѣлъ бы трудовъ, спустился бы въ падъ и поднялся бы на противоположную гору, но теперь я почелъ это излишнимъ. И безъ того мы употребили на подъемъ больше часа, вышли за верх-

нѣй горизонтъ ельниковъ и достигли зоны ползучаго можжевельника. Рѣка казалась отсюда узкой бѣлѣющей лентончкой, замкнутой въ узкихъ черныхъ щехахъ, выше которыхъ, куда ни взгляни, торчалъ ельникъ, который сплошнымъ лѣсомъ одѣвалъ все сопки вплоть до горизонта гольцовъ. Изумрудными змѣйками луговинъ, устилающихъ пади, дѣлился этотъ лѣсъ на участки, и каждый участокъ представлялъ изъ себя оцетинившійся конусъ, тѣсно прижавшійся къ каменному валу, сложенному, по всему видно, изъ такихъ же метаморфическихъ сланцевъ, какъ и все окрестныя горы. Версты съ двѣ впереди рѣка Гинь-джа-хо круто поворачивала на юго-востокъ и ея долины намъ отсюда было уже вовсе не видно; зато былъ хорошо виденъ ея главный притокъ, который сбѣгалъ съ снѣговыхъ полей, подпертыхъ, точно барьеромъ морены, узкимъ поясомъ крупныхъ осыпей, среди которыхъ то тамъ, то здѣсь струились ручьи.

Думая скольконибудь выгодать при спускѣ, мы взяли правѣе, но вскорѣ раскаялись. На первыхъ порахъ все еще шло хорошо. Кое-какъ мы даже спустились съ отвѣсной скалы, но затѣмъ уже выбрались на такую площадку, откуда не было выхода. Впереди пропасть, позади и съ обѣихъ сторонъ—каменные откосы, по которымъ спуститься еще была хоть какая-нибудь возможность, но взобраться на которые—никакой. Чуркину, впрочемъ, какъ-то еще удалось, буквально обхвативъ руками и ногами каменную глыбу, проползти на сосѣднѣй выступъ скалы, но я чувствовалъ, что подобный экспериментъ будетъ мнѣ не по силамъ, что я оборвусь непременно, и колебался... Но другаго выхода не было, и я, что дѣлать, рѣшился...

— Сюда, сюда ногу, правѣй, правѣй!..

Конвульсивно ухватившись руками за какой-то выступъ скалы, я повисъ надъ бездной, тщетно пытаюсь найти на гладкой поверхности камня хоть какой-нибудь упоръ для ноги. Наконецъ, послѣднѣй нашелся, но зато правая нога такъ и осталась у меня на вѣсу... Я распластался на камнѣ и не имѣлъ силы перекинуть руки впередъ...

— Теперь хватайтесь за кустъ!

Я видѣлъ этотъ кустъ, жалкій и почти высохшій можжевельникъ, торчащій изъ ближайшей щели, но не могъ до него дотянуться!.. Но вотъ и это кое-какъ удалось... Довѣрившись крѣпости деревца, я опять повисъ въ воздухѣ, дѣлая тщетныя усилія отыскать ногами новый выступъ скалы.

— Правѣй, правѣй!.. Ради Бога, скорѣе!.. Смотрите, кустъ!..

Кустъ, дѣйствительно, медленно вылѣзалъ изъ щели. Очевидно, его корни не могли выдержать моей тяжести... Я этого не видѣлъ, а чувствовалъ... И при одномъ этомъ сознаніи у меня потемнѣло въ глазахъ. Я выпустилъ кустъ изъ лѣвой руки и сталъ ею ма-

пинально хвататься за всевозможныя выпуклости скалы; я ухватился за что-то колючее и, не смотря на острую боль, сжалъ это нѣчто въ рукѣ. Затѣмъ еще нѣсколько усилій ногами, и я уже былъ внѣ опасности...

— Уфъ! Чуть было не сорвался!..

Оглядѣвшись на новой площадкѣ, мы поняли, что изъ огня попали да въ пѣлымя: послѣдняя также кончалась обрывомъ, а сзади упиралась въ скалу. На наше счастье, однако, на скалу навалилась старая ель, съ которой время не только успѣло уже содрать всю кору, но и окрасить ее въ густой сѣрый цвѣтъ... Довѣрившись вполнѣ ея крѣпости, мы спустились по ней и вскорѣ почувтились снова въ еловомъ лѣсу, путь по которому уже не представлялъ никакихъ затрудненій.

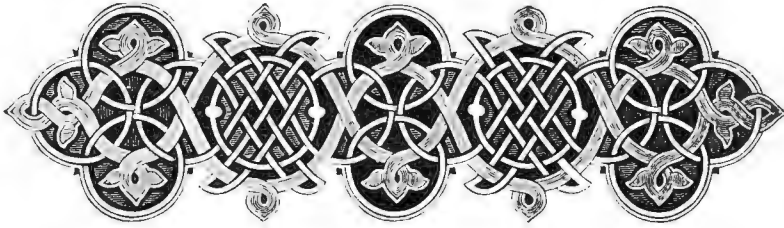
Григорія мы застали внизу одного, казаки же, насъ не дождавшись, переправились гдѣ-то ниже и уѣхали на переваль.

Они вернулись тоже не съ радостными вѣстями: «Лѣзли мы, лѣзли, бросили, наконецъ, лошадей и, прыгая съ камня на камень, прошли, эдакъ, съ версту, но все же до перевала не добрались и вернулись»...

Рѣшеніе наше выбраться на южные склоны Тянь-Шаня, такимъ образомъ, оказалось несуществимымъ, и мы повернули назадъ...

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

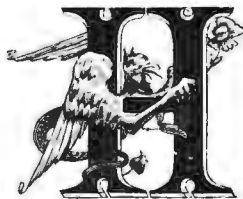

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНЗОРЪ И ПРОФЕССОРЪ-ПЕССИМИСТЪ.

(Биографическій очеркъ).

I.

Никитенко въ царствованіе Александра I.

НЫНѢШНИМЪ лѣтомъ вышла въ Петербургѣ книга въ три объемистыхъ тома, заключающая въ себѣ 1.550 страницъ, то-есть до ста печатныхъ листовъ. Стоитъ она не дорого, но нашлись ли у нея читатели при общемъ застоѣ на книжномъ рынкѣ—не знаемъ. Но что она не нашла себѣ оцѣнки въ органахъ періодической печати, это очевидно по отсутствію сколько нибудь серьезныхъ, критическихъ статей о ней въ нашихъ журналахъ. А между тѣмъ въ этой книгѣ—исторія нашего умственного, литературнаго и общественнаго движенія за полвѣка, протекшіе со времени послѣднихъ двухъ царствованій, исторія не полная, отрывочная, но замѣчательная своею правдивостью, вѣрнымъ взглядомъ автора на событія его времени, безпристрастнымъ отношеніемъ къ лицамъ и явленіямъ. Въ этой книгѣ такая масса фактовъ, мѣткихъ наблюденій, любопытныхъ подробностей объ университетской, журнальной, административной и салонной жизни при Николаѣ I и Александрѣ II, что историкъ этого времени не обойдется безъ нея при изслѣдованіи нашего развитія въ теченіе полустолѣтія. Равнодушіе къ этой книгѣ нашей публики, — мы говоримъ, конечно, о той публикѣ, которая

читаетъ что нибудь, кромѣ отношеній и предписаній или афишъ объ аркадійскихъ «звѣздахъ» и фурорахъ,—можно объяснить себѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что книга эта, прежде своего выхода въ свѣтъ, появилась уже по частямъ на страницахъ журнала. Въ августѣ 1888 года «Русская Старина» начала печатать «Записки и дневникъ» бывшаго цензора и профессора А. В. Никитенко, умершаго въ 1877 году. Петербургу была памятна симпатичная личность умнаго малоросса, талантливаго лектора и либеральнаго цензора, пробившагося изъ крѣпостныхъ людей въ тайные совѣтники, всегда отстаивавшаго интересы массы, науки, литературы, свободнаго слова. Интеллигентная Россія съ большимъ сочувствіемъ встрѣчала главы «Дневника», аккуратно появлявшіяся въ каждой книжкѣ журнала въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ (по апрѣль 1892 года), хотя разчетливый Михаилъ Ивановичъ Семевскій крошилъ эти главы уже на слишкомъ гомеопатическіе приемы, отчего страдала цѣльность впечатлѣній и выводовъ. Но «Дневникъ» возбуждалъ, всетаки, огромный интересъ, особенно въ лицахъ, близкихъ къ умственному движенію въ нашемъ отечествѣ. Удивлялись болѣе всего открытому неодобренію авторомъ не только отдѣльныхъ административныхъ мѣръ, но и цѣлой системы управленія при томъ или другомъ министрѣ. Чиновникъ, служившій въ самомъ строгомъ и стѣснительномъ вѣдомствѣ—въ цензурѣ, читавшій лекціи съ университетской кафедрой, нерѣдко являлся въ прямой оппозиціи съ цензурными постановленіями, съ университетскими порядками. Не то, чтобы эта оппозиція отличалась своею рѣзкостью или крайними воззрѣніями: Никитенко и по складу характера и по официальному положенію никогда не выдѣлялся радикальными взглядами, не принадлежалъ къ числу непримиримыхъ, а, напротивъ, постоянно повторяетъ въ своемъ «Дневникѣ», что онъ либераль весьма умѣренный и, въ сущности, консерваторъ, признающій необходимость повиновенія всякой власти, хотя и не признающій ея непогрѣшимость. Но мы уже такъ привыкли къ отсутствію въ подначальныхъ лицахъ всякой самостоятельности, всякихъ независимыхъ убѣжденій, что цензоръ, стоящій за свободу мысли, профессоръ, относящійся съ насмѣшкой пессимиста къ предписаніямъ начальства, представляютъ у насъ дѣйствительно рѣдкое, почти небывалое явленіе. И смѣлая, независимая сужденія Никитенки, проникнутыя скорѣе здравымъ, логичнымъ отношеніемъ къ дѣлу и людямъ, чѣмъ либерализмомъ, всетаки, доказывали, что не все обстоитъ благополучно въ лучшемъ изъ управленій, даже и въ сравнительно недавнее время.

И сужденія эти болѣе всего способствовали успѣху «Записокъ» и должны увеличить его, особенно теперь, когда «дневникъ» является въ полномъ своемъ составѣ, дополненный замѣтками изъ послѣднихъ пяти лѣтъ (1873—1877), не появившимися въ «Русской Старинѣ». И эти полторы тысячи страницъ, наполненныя мелкими и,

отрывочными замѣтками, интереснѣе всякаго романа, потому что рисуютъ не официальную, а дѣйствительную, всеневную жизнь со всѣми ея волненіями, общественными надеждами, промахами властей, фактами, быстро смѣняющимися, но оставляющими иногда глубокіе слѣды. Авторъ умалчиваетъ о многомъ, но все, о чемъ онъ говорить, записанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ данной минуты, до того вѣрно, сужденія его такъ искренни, что, съ трудомъ отрываясь отъ «дневника», хочется ближе узнать этого правдиваго, гуманнаго автора, если и не всегда раздѣляешь его интересные взгляды и снисходительные выводы. И съ этою талантливою личностью, игравшею выдающуюся роль въ исторіи нашего развитія, насъ вполнѣ знакомить вышедшая теперь книга, изданная дочерьми покойнаго «по чувству долга передъ обществомъ», такъ какъ дневникъ «болѣе общественное, чѣмъ семейное наслѣдство человѣка, уму и сердцу котораго были такъ дороги судьбы русской умственной и общественной жизни». Издательницы говорятъ также совершенно основательно, что приведенныя въ порядокъ авторомъ замѣтки выиграли бы въ изложеніи и освѣщеніи. Но и въ настоящемъ отрывочномъ видѣ онѣ представляютъ много интереснаго и поучительнаго. Записанные подъ живымъ впечатлѣніемъ факты и безъ искусственной группировки и субъективныхъ выводовъ сами говорятъ убѣдительно краснорѣчивыхъ комментариевъ и въ своей неприкрашенной правдивости представляютъ драгоценный матеріалъ для историка данной эпохи.

Но, относясь съ благодарностью къ изданію «Дневника», мы должны, однако, и упрекнуть редакцію его въ непомѣщеніи указателя, положительно необходимаго такой книгѣ, гдѣ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, приходится упоминать о сотняхъ лицъ и не разъ возвращаться къ однимъ и тѣмъ же событіямъ. Для читателя нерѣдко бываетъ не только интересно, но и обязательно свести мнѣнія автора объ извѣстныхъ лицахъ и явленіяхъ, при началѣ его замѣтокъ, и по прошествіи даннаго времени. И что стоило при чтеніи корректуры отмѣчать хотя бы одни собственные имена и составить потомъ алфавитный списокъ! Мы бы даже считали далеко не лишнимъ—отмѣчать отдѣльныя философскія мысли и афоризмы автора о предметахъ, касающихся житейской морали и вопросовъ, интересующихъ наше общество. Никитенко не считалъ и не называлъ себя философомъ, но въ его выводахъ, даже въ случайныхъ, бѣглыхъ замѣткахъ, столько здравыхъ, свѣтлыхъ идей, сколько ихъ не встрѣчается въ широковѣщательныхъ измышленіяхъ нашихъ доморощенныхъ мыслителей. Въ своемъ «Дневникѣ» онъ касался, хотя осторожно и политично, почти всѣхъ «проклятыхъ вопросовъ», волновавшихъ общество его времени, какъ волнуютъ они наши кружки и будутъ волновать нашихъ потомковъ; свести въ одно цѣлое, если не въ теорію, то хоть въ систему, от-

дѣльныя мысли и тезисы, разбросанные въ трехъ томахъ, было бы любопытно и поучительно: дѣльная, своеобразная натура Никитенки явилась бы тогда болѣе рельефною, рѣзче очерченною. Собрать въ одну ярко освѣщенную картину всѣ черты его характера—было бы необходимо для того, чтобы составить вѣрную оцѣнку этого замѣчательнаго человѣка, почти всю жизнь боровшагося, если не упорно, то постоянно, съ темными, ретроградными силами, возникавшими въ нашемъ обществѣ и въ администраціи противъ всего, что гуманно, разумно, прогрессивно. Къ самому себѣ Никитенко относится безпристрастно, сознаваясь въ своихъ ошибкахъ, въ недостаткѣ увлеченія и геройства. Онъ не Катонъ, не Регуль, не Цинцинать,—онъ человѣкъ своего времени и своего племени, медленно, но вѣрно идущій къ своей цѣли, твердо вѣрящій, что капля долбитъ камень не силою, а частымъ паденіемъ на одно и то же мѣсто. Изучая въ его «Запискахъ» этого терпѣливаго, упрямаго, невозмутимаго малоросса, удивляешься его отстаиванію идей справедливыхъ, прогрессивныхъ, но къ которымъ враждебно относились лица, имущія власть. И для чего ему было не идти общей дорогой, не прислуживаться всѣмъ этимъ Уваровымъ, Поровымъ, Шихматовымъ, Ковалевскимъ, спорить съ университетскими, цензурными, академическими гасильниками? Вѣдь, не идя въ разрѣзъ съ желаніями, съ направленіемъ всѣхъ этихъ столбовъ административной іерархіи, онъ гораздо скорѣе и безъ всякихъ трудовъ достигъ бы и благосостоянія и самыхъ большихъ чиновъ. Чего ему стоило хоть бы попасть въ университетъ, когда по закономъ крестьянинъ, то-есть человѣкъ закрѣпощенный тѣломъ своему душевладѣльцу, не могъ и подумать получить образованіе выше уѣздной школы.

Объ этомъ вступленіи въ свою жизнь Никитенко рассказываетъ подробно въ отдѣльномъ эпизодѣ, которымъ начинаются его «Записки». Издательницы ихъ говорятъ, что онъ хотѣлъ такимъ же образомъ обработать и весь дневникъ, который онъ велъ съ четырнадцати лѣтъ, но масса разнородныхъ дѣлъ оставляла ему слишкомъ мало досуга для спокойнаго кабинетнаго труда, не входившаго въ кругъ ежедневныхъ обязательныхъ занятій. Мы не думаемъ, чтобы слѣдовало жалѣть о томъ, что авторъ не успѣлъ придать литературную форму своимъ бѣглымъ замѣткамъ, которыя могли потерять отъ этой обработки свою свѣжесть, то что французы называютъ *spontanéité*. При томъ множествѣ обязательныхъ занятій, какія набралъ себѣ Никитенко на службѣ, въ академіи, въ цензурѣ, при лекціяхъ въ университетѣ, въ женскихъ институтахъ, въ военныхъ школахъ, въ римско-католической академіи, въ частныхъ домахъ, при сочиненіи разныхъ рѣчей, программъ, рецензій, официальныхъ бумагъ—мыслимо было только набрасывать дневникъ, а не обрабатывать его.

Дѣтство свое Никитенко представилъ въ литературной отдѣлкѣ въ отдѣльной обширной статьѣ, озаглавленной «Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ». Но писалъ онъ, не мудрствуя лукаво, не только о себѣ, но о своихъ предкахъ и родителей, о жизни мелкаго люда въ Малороссіи въ началѣ нынѣшняго вѣка. Семья Никитенко пришла въ Воронежскую губернію изъ Украйны, вмѣстѣ съ другими малороссами, по вызову правительства, для охраны границъ отъ вторженія крымскихъ татаръ. Поселились хохлы на берегахъ рѣки Сосны, между Острогожскомъ и Бирючемъ, въ большой слободѣ Алексѣевкѣ, и вскорѣ же «русская политика сдѣлала ихъ крѣпостными, чего они вовсе не ожидали». Закрѣпостили ихъ графу Шереметеву, у котораго было до ста пятидесяти тысячъ душъ. И всѣмъ этимъ владѣла одна довольно мелкая душа, вельможа вѣка Екатерины II, жившій блистательно и пышно. «Онъ къ этому только и былъ способенъ», — прибавляетъ авторъ дневника, отзывающійся не безъ ироніи, но безъ всякихъ упрековъ о своемъ бывшемъ господинѣ. Дѣдъ автора былъ сапожникъ, добродушный и искусный, хотя и любившій заглядывать въ кабакъ; отецъ въ молодости взятъ въ пѣвчіе и отвезенъ въ Москву въ графскую капеллу. При ней была школа, и бойкій хохоль быстро выучился не только грамотѣ, но и французскому языку. 17-ти лѣтъ онъ спалъ съ голоса и былъ отправленъ на родину завѣдывать, въ званіи старшаго писаря, канцеляріей въ Алексѣевкѣ, къ которой съ разными хуторами было приписано до двадцати тысячъ душъ. Населеніе слободы раздѣлялось на двѣ партіи: зажиточныхъ мѣщанъ изъ русскихъ и хуторянъ-малороссовъ. Первые постоянно обижали послѣднихъ и старались подчинить ихъ своей власти, взваливая на нихъ все бремя общественныхъ тягостей. У хохловъ «москаль» было словомъ ругательнымъ, вмѣщавшимъ въ себѣ понятіе «о воровствѣ, обманѣ, московской удали, надувательствѣ — вещахъ неслыханныхъ у малороссовъ», — прибавляетъ авторъ, вообще пристрастный къ своимъ сородичамъ и ни разу не помянувшій объ ихъ хитрости, лѣнности, упрямствѣ и другихъ національныхъ недостаткахъ. Но и надъ всероссійскими Капулетти и Монтеки была еще власть, примиряющая ихъ и одинаково грабившая объ партіи: это былъ графскій управитель и его довѣренныя лица, думавшія, конечно, не о благѣ подчиненныхъ имъ лицъ, а о томъ, какъ бы только разжиться. Между тѣмъ, отецъ Никитенки задумалъ дѣйствовать въ пользу крестьянъ и ихъ общаго блага. Отдѣлившись не только умственно, но и нравственно отъ окружавшей его среды, онъ началъ бороться съ ея неурядицей.

Знакомый только съ героями исторіи и романовъ, а не съ практической жизнью, онъ хотя и скоро «убѣдился, что грубая сила и богатство, а не человѣчность и справедливость располагають дѣлами людей», но, всетаки, принималъ всегда сторону преслѣдуе-

мыхъ произволомъ и неправдою. Въ то же время онъ женился по любви на бѣдной дѣвушкѣ. Его мать, дочь священника, пришла въ ужасъ, узнавъ, что избранная ея сына не зажиточная мѣщанка, а дочь ничтожнаго кравца, шившаго мужицкіе тулупы. Не весела была поэтому семейная жизнь Василія Никитенки, и жена его «не знала въ жизни ничего, кромѣ страданій, но съ рѣдкимъ достоинствомъ прошла свой скорбный путь». Авторъ дневника отзывается о ней съ особеннымъ сочувствіемъ. Исходъ борьбы со слободскими властями не могъ быть сомнительнымъ. При первомъ же рекрутскомъ наборѣ Никитенко-отецъ вступился за одну вдову, у которой отнимали единственнаго сына и кормильца. На протестъ, конечно, не обратили вниманія, тогда Никитенко написалъ къ Шереметеву и раскрылъ всѣ злоупотребленія. Поднялась страшная суматоха, явились отъ графа уполномоченные ревизоры, взяли, какъ водится, съ виновныхъ огромныя взятки и нашли ихъ чуть не святыми, а доносчика признали клеветникомъ, отрѣшили отъ должности и посадили въ тюрьму. Онъ, однако, не успокоился и раскрылъ продѣлки ревизоровъ. Въ тюрьмѣ ему, конечно, не позволяли писать, но жена его пронесла мужу въ своемъ объемистомъ очипкѣ (чепцѣ) съ упругимъ верхомъ перо и бумагу, а чернильницу въ краюшкѣ хлѣба, и новое письмо полетѣло въ Москву. Авторъ былъ потребованъ туда же для личныхъ объясненій, ни къ чему, однако, не послужившихъ. Его признали человѣкомъ безпокойнымъ, волнующимъ умы, заботящимся не о графскихъ выгодахъ, а о какихъ-то ничего не стоящихъ людяхъ. Его заковали въ цѣпи и привезли обратно въ слободу, гдѣ велѣли жить подъ надзоромъ мѣстныхъ властей, подвергшихъ его униженіямъ, гоненіямъ и лишеніямъ всякаго рода. И еще авторъ «Дневника» говоритъ, что графъ принялъ бѣдняка «благосклонно». Слишкомъ ужъ тонкой ироніей отзывается эта благосклонность.

И чего же могъ ожидать бѣднякъ отъ этого человѣка, характеристики котораго онъ самъ набросалъ заранѣе? Николай Петровичъ Шереметевъ былъ оберъ-камергеръ, «что не придавало ему, впрочемъ, ни нравственнаго, ни умственнаго значенія: онъ всегда оставался только ничтожнымъ царедворцемъ, избалованнымъ деспотомъ, глубоко испорченнымъ счастьемъ. Утопая въ роскоши, онъ не зналъ другого закона, кромѣ прихоти, скоро опротивѣлъ самому себѣ и сдѣлался такимъ же бременемъ для себя, какимъ былъ для другихъ». Природа лишила его сна. Въ его громадныхъ богатствахъ ни одинъ предметъ не доставлялъ ему удовольствія, все возбуждало въ немъ одно отвращеніе. За пять лѣтъ до смерти онъ пристрастился къ одной дѣвушкѣ, актрисѣ его домашняго театра, и та сумѣла заставить его жениться на ней. Но она скоро умерла, и онъ окончательно помѣшался. Послѣ него остался одинъ малолѣтній сынъ Дмитрій. «Въ воспитаніи его приняла живое участіе императрица

Марія Ѳеодоровна, но природа отказала ему въ способностяхъ, и онъ, не смотря на всѣ заботы о немъ, недалеко ушелъ ни въ наукахъ, ни въ развитіи». Мы приводимъ эти черты характеристики потому, что въ витіеватыхъ жизнеописаніяхъ нашихъ именитыхъ мужей говорится обыкновенно только объ ихъ подвигахъ, а не о личномъ характерѣ. А Шереметевъ, кромѣ того, былъ еще совершенно безсердечный человѣкъ. Никитенко самъ рассказываетъ о печальной судьбѣ одного изъ товарищей своей молодости: другой крѣпостной графа, Дегтяревскій, родился съ рѣшительнымъ призваніемъ къ искусству, онъ былъ музыкантъ отъ природы. Необыкновенный талантъ обратилъ на него вниманіе знатоковъ, и Шереметевъ далъ ему средства образоваться. Дегтяревскаго учили музыкѣ лучшіе учителя, и онъ былъ посланъ въ Италію, гдѣ его музыкальныя сочиненія доставили ему почетную извѣстность. Онъ написалъ много прекрасныхъ пьесъ преимущественно для духовнаго пѣнія, до сихъ поръ извѣстныхъ любителямъ церковной музыки. Но онъ не былъ такъ остороженъ, какъ пѣвецъ Ивановъ, навсегда оставшійся въ Италиі, а вернулся въ Россію, надѣясь, что его талантъ и музыкальныя композиціи исходатайствуютъ ему свободу. Только объ одной свободѣ онъ умолялъ своего жестокаго барина, но холодный деспотъ, владѣя душою гениальнаго человѣка, захотѣлъ присвоить себѣ и его вдохновеніе. Дегтяревскій возмутился противъ такого варварства: его высѣкли, какъ непослушнаго крѣпостнаго. Онъ пришелъ въ отчаяніе, началъ пить и дошелъ до ранней могилы, написавъ передъ смертью трогательную молитву для хора. Авторъ дневника прибавляетъ: «это была одна изъ жертвъ того ужаснаго положенія вещей, когда высокія дарованія и преимущества духа выпадаютъ на долю человѣка въ посмѣяніе и позоръ ему. Дегтяревскаго погубили талантъ и рабство».

Александръ Васильевичъ Никитенко родился, «кажется, 12-го марта 1804 или 1805 года». О своемъ лѣтосчисленіи тогда не очень заботились, и бойкій здоровый мальчикъ росъ, какъ всѣ крестьянскія дѣти въ имѣннѣ Ударовкѣ, гдѣ отецъ его былъ учителемъ четырехъ дѣтей помѣщицы Александровой, крестной матери автора, барыни лѣтъ сорока, любившей особенно общество офицеровъ квартировавшаго въ окрестностяхъ полка и угощавшей ихъ не только вкусными обѣдами и наливками, но и своими отцвѣтающими прелестями. «Это была въ сущности добрая женщина, хотя и была скалкой свою любимую горничную, брила голову другой, надѣвая ей на шею тяжелую рогатку, а остальныхъ сѣкла крапивой, надѣлая ихъ пощечинами... Это никого не возмущало,—прибавляетъ авторъ,—потому что было въ нравахъ общества и времени». Онъ не говоритъ о томъ, каково было это общество, въ которомъ сколько нибудь порядочный и гуманный человѣкъ считался рѣдкимъ исключеніемъ. О своемъ дѣтствѣ авторъ не рассказываетъ ничего

особеннаго: онъ выдержалъ чрезвычайно сильную натуральную оспу. Отецъ его, кончивъ обученіе дѣтей Александровой, купилъ на скопленное жалованье хату въ родной слободѣ, устроилъ кое-какъ свою семейную жизнь и добывалъ средства къ существованію, продолжая давать уроки въ школахъ и у частныхъ лицъ. Малороссы,—говоритъ авторъ,—выказывали гораздо болѣе, чѣмъ русскіе, склонность къ ученію, и Малороссія, до соединенія съ Россіей была образованнѣе, чѣмъ теперь.

Но враги Никитенки не могли оставить его въ покоѣ: онъ былъ хотя и безсильный, но, всетаки, свидѣтель ихъ беззаконій, и потому его опять очернили передъ графомъ, и тотъ, не разобравъ ничего по обыкновенію и повѣривъ клеветникамъ, предписалъ конфисковать имущество отца, а его съ семействомъ сослать въ глухую деревню Гжатскаго уѣзда Смоленской губерніи. Этотъ скорый и милостивый судъ разомъ разрушилъ все благосостояніе семьи, скопленное годами честнаго, тяжелаго труда. Зимой два сторожа отвезли ссыльнаго съ женою, шестилѣтнимъ сыномъ и годовалымъ ребенкомъ въ жалкій поселокъ и водворили въ курной, дымной избѣ, гдѣ помѣщались и ея хозяйева съ домашнимъ скотомъ. Но крестьяне смоленской деревни были люди добрые и, чѣмъ могли, помогали ссыльнымъ. Вскорѣ Никитенко-отецъ и тутъ нашель учениковъ у сосѣднихъ помѣщиковъ и переселился къ одному изъ нихъ въ свѣтлую и не дымную избу. Ссылка была, впрочемъ, непродолжительна: на второй годъ ея умеръ старый графъ, надъ сыномъ его учредили опеку, а покровительство приняла на себя Марія Ѳеодоровна. Никитенко-отецъ рѣшился писать къ ней, прося возвратить его на родину и позволить ему пріѣхать въ Петербургъ, чтобы снять съ себя незаслуженныя обвиненія. Непосредственное обращеніе къ императрицѣ поразило дерзостью друзей упрямаго хохла, но онъ поставилъ посвоему, и получилъ отъ опекуновъ разрѣшеніе вернуться на родину и пріѣхать въ Петербургъ. Графской конторѣ велѣно было выдать ему деньги на путевыя издержки. Зато ему ничего не вернули изъ имущества, отобраннаго при отправленіи въ ссылку. Семья теперь уже изъ троихъ дѣтей сильно бѣдствовала: будущій тайный совѣтникъ ходилъ босикомъ, въ одной рубашонкѣ. Въ ссылкѣ онъ выучился плести лапти и съ удовольствіемъ надѣлъ бы ихъ, но малороссы до того гнушались этой обувью, что мальчикъ не смѣлъ носить ее, опасаясь, чтобы товарищи не закидали его камнями. Въ Алексѣевкѣ у мальчика развилась не только страсть къ чтенію, но и къ писанію: онъ выучился выражать свои мысли и впечатлѣнія въ формѣ писемъ къ воображаемымъ пріятелямъ. Онъ въ полной мѣрѣ упивался деревенскою жизнью въ тепломъ благодатномъ климатѣ среди родныхъ ему малороссовъ. «Это славянское племя,—говоритъ онъ,—какъ и большинство одноплеменниковъ его, не могло или не сумѣло соста-

вить себѣ независимое существованіе, хотя и стремилось къ тому сильно во времена Хмельницкаго. Но въ нихъ больше, чѣмъ въ сѣверныхъ славянахъ, сохранились коренныя славянскія свойства, любовь къ природѣ и мирные нравы семейно-земледѣльческаго быта: они именно тѣ поляне, которыхъ такъ привлекательно описываетъ Несторъ». Со всѣмъ этимъ можно вполне согласиться.

Никитенко-отецъ достигъ въ Петербургѣ чего желалъ—полнаго оправданія, выхлопоталъ себѣ полную независимость отъ волостныхъ властей и право жить, гдѣ пожелаетъ. Ему опостылѣло мѣсто, гдѣ онъ испыталъ столько обидъ, и онъ задумалъ переселиться въ среду такихъ малороссовъ, которыхъ «еще не коснулась московская цивилизація». Сенаторъ Алексѣевъ, одинъ изъ опекуновъ, принявшій въ немъ участіе, предлагалъ ему мѣсто въ Петербургѣ, но хохоль побоялся столичнаго климата, хворая все время послѣ смоленской ссылки, и вернулся въ Алексѣевку. Неудачная операція съ покупкой покосныхъ луговъ опять лишила семью земли и средствъ для добыванія хлѣба физическимъ трудомъ. Кромѣ того, у бѣдной матери былъ еще новый источникъ огорченій: романическій духъ мужа приводилъ его въ сильное раздраженіе, пылкая натура увлекала его за предѣлы домашняго очага, и «когда представлялось искушеніе со стороны, онъ не былъ въ силахъ противиться ему». Искушеніе это являлось не только въ видѣ чарки, губящей всю интеллигентную и не интеллигентную Россію, но и въ видѣ молодой вдовы хуторянки. Никитенко-отецъ влюбился въ нее, и эта нераздѣленная любовь мучила его до конца жизни. Онъ получилъ вскорѣ мѣсто управляющаго въ имѣніи помѣщицы Бедряги, въ Богучарскомъ уѣздѣ. Тутъ уже жили одни малороссы, но крѣпостничество также процвѣтало во всей силѣ; жестокое обращеніе сопровождалось развратомъ: «помѣщикъ безнаказанно лакомился каждою красивою женою или дочерью своего вассала, какъ арбузомъ или дынею со своей бахчи». Людьями торговали не только дворяне, но и зажиточные мужики, записывая крѣпостныхъ на имя какого нибудь чиновника. Помѣщица Бедряга была олицетворенною злобою и обрекала своихъ горничныхъ на вѣчное цѣломудріе, не позволяя имъ выходить замужъ, а при малѣйшемъ нарушеніи цѣломудрія виновныхъ безпощадно сѣкъ на конюшнѣ хромоногій садовникъ, особенный мастеръ этого дѣла. У Бедряги было трое дѣтей: дочь, вышедшая за казацкаго генерала Денисова и прогнанная имъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы за непомѣрную злость; старшій сынъ, впоследствии предсѣдатель уголовной палаты въ Воронежѣ, засѣкалъ людей до смерти и былъ настоящимъ палачомъ, но не бралъ взятокъ; младшій сынъ былъ распутный негодяй. Во всей этой семьѣ былъ только одинъ хорошій человекъ, конечно, не жившій съ нею, братъ Бедряги. Онъ какъ будто подтверждалъ мысль автора, что «рядомъ со зломъ непре-

мѣнно гдѣ нибудь да гнѣздится частичка добра: иначе въ мірѣ былъ бы нарушенъ вѣчный законъ правды и справедливости». Но въ томъ-то и дѣло, что эта частичка добра уже черезчуръ мала, и въ мірѣ не легко найти законъ правды и справедливости, да еще вѣчной.

Въ домъ Бедряги сходились по временамъ лучшее общество окрестныхъ интеллигентныхъ дворянъ, но, хотя былъ 1812 годъ, «всѣ равнодушно относились къ судьбамъ отечества. Никогда не слышалъ я въ ихъ разговорахъ ноты теплаго участія къ событіямъ времени. Имя Наполеона возбуждало скорѣй удивленіе, чѣмъ ненависть». Это происходило отъ апатіи, свойственной людямъ отчужденнымъ, какъ были тогда русскіе, отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и привыкшихъ не разсуждать о томъ, что вокругъ дѣлается, а лишь безпрекословно повиноваться приказаніямъ начальства. Извѣстно, до чего довело насъ это повиновеніе и неразумное сужденіе.

Одиннадцати лѣтъ Никитенко былъ отвезенъ за двѣсти верстъ въ Воронежъ и отданъ въ уѣздное училище. «Меня тревожило, говорить онъ,—что я буду жить среди москалей? Истинный хохоль, я не питалъ къ нимъ расположенія». Объ училищѣ авторъ говоритъ немного; учился онъ хорошо и былъ сдѣланъ сначала аудиторомъ, потомъ цензоромъ, «что было предзнаменованіемъ моего будущаго званія на государственной службѣ, гдѣ я претерпѣлъ столько невзгодъ и гдѣ каждый часъ отправленія моихъ обязанностей грозилъ бѣдой». Кромѣ школьныхъ занятій, онъ учился играть на скрипкѣ, но не пошелъ дальше нѣсколькихъ пѣсенокъ и экосезовъ, «между тѣмъ я очень любилъ музыку, но она, очевидно, меня не любила». Въ 1815 году онъ вышелъ изъ училища съ похвальнымъ листомъ и, какъ первый ученикъ, прочелъ съ кафедръ двѣ рѣчи, одну по нѣмецки «о честности», другую порусски «о храмѣ славы російскихъ героев». Листъ ему вручилъ преосвященный Антоній, «очень любезный въ обществѣ, особенно въ дамскомъ», но возстановившій противъ себя общественное мнѣніе тѣмъ, что отрѣшился отъ должности всѣми уважаемаго благочиннаго и замѣнилъ его собственнымъ своимъ безпутнымъ братомъ. «Мнѣ было 13 лѣтъ, когда я кончилъ курсъ въ училищѣ»,—говоритъ авторъ. Стало быть, онъ родился не въ 1804 и не въ 1805 г., а въ 1802 г. Передъ выходомъ его изъ училища, отецъ его отказался отъ мѣста у Бедряги. Съ такой дамою трудно было ужиться такому человѣку, но видя, что онъ твердо рѣшился уйти, она не задумываясь приказала крестьянамъ оцѣпить его домъ и не выпускать никуда ни его самого, ни его семью. Гдѣ искать защиты? Вездѣ стояли сторожа. На счастье это были тѣ же крестьяне, ненавидѣвшіе свою помѣщицу. Они помогли бѣжать арестованному, привлечшему въ судъ барыню, не признававшую никакихъ законовъ. Началась тяжба, надѣлавшая

шуму на всю губернію и бывшая источникомъ нескончаемыхъ безпокойствъ. Пришлось и владѣлицѣ двухъ тысячъ душъ бороться съ бѣднякомъ, не имѣвшимъ общественнаго положенія и часто ни гроша денегъ, чтобы купить гербовой бумаги для подачи прошенія. Но это былъ настойчивый хохоль, опиравшійся на свою правоту, умѣвшій писать дѣловыя бумаги. Судьи были, конечно, на сторонѣ помѣщицы, но боялись быть открыто несправедливыми и, по обыкновенію, тянули дѣло. Истецъ такъ и умеръ, не дождавшись конца тяжбы. Уже много лѣтъ спустя вернули наконецъ вдовѣ его захваченное Бедрягой ихъ имущество, хранившееся потомъ въ судѣ: сундуки были всѣ по счету, но въ нихъ оказалось какое-то отрепье да старыя бумаги; все цѣнное исчезло безвозвратно. Помѣщица очень развязно доказывала суду, что управлявшій ея имѣніемъ разорилъ его, и потому она задержала его вещи, купленныя на ея деньги. Она продолжала и потомъ преслѣдовать его, и когда одна донская станица пригласила его заняться устройствомъ ея дѣлъ, богучарскій судъ, по настоянію той же Бедряги, написалъ начальству станицы, что бывшій управляющій, какъ находящійся подъ слѣдствіемъ, не имѣлъ права оставлять мѣсто своего жительства и долженъ быть задержанъ и заключенъ въ тюрьму. Такъ вмѣсто честнаго и полезнаго дѣла бѣдняку пришлось сидѣть въ заключеніи. Начальникъ станицы, однако, скоро разобралъ его дѣло и освободилъ его. Но ему пришлось еще посидѣть въ тюрьмѣ, въ Воронежѣ, куда онъ пріѣхалъ за сыномъ. Тамъ онъ «крупно поговорилъ съ губернаторомъ (прибавляетъ авторъ): онъ не хотѣлъ понять, что жить въ странѣ бюрократическаго произвола, и что такому бѣдняку, какъ онъ, неприлично опираться на право тамъ, гдѣ въ сущности никто не имѣетъ ни на что права, а онъ меньше всѣхъ». Губернаторъ велѣлъ посадить его въ тюрьму, въ темное, грязное, вонючее отдѣленіе вмѣстѣ съ ворами и мошенниками. Продержавъ его дней десять въ тюрьмѣ, его отправили въ Богучары. Сынъ его напрасно пытался попасть въ гимназію: среднее образованіе, какъ и высшее, было закрыто для крѣпостныхъ.

Въ 1816 году онъ съ семьей поселился въ Острогожскѣ. «Тяжелымъ бременемъ для края было генераль-губернаторство съ Балашовымъ во главѣ. Съ какою цѣлью было создано это управленіе? Развѣ для того только, чтобы дать приличный постъ удаленному отъ двора сановнику, распорядившемуся въ пяти губерніяхъ не хуже любого паши? Можетъ быть, самъ онъ и не бралъ взятокъ, но его канцелярія и агенты съ неудержимой жадностью занимались взяточничествомъ. Балашовъ то и дѣло развѣзжалъ по своему вилайету и его первой задачей было задать какъ можно больше страху». Авторъ «Дневника» рисуетъ неутѣшительную, но знакомую картину управленія такого сатрапа. Самоуправствомъ высшей власти въ краѣ заразились, конечно, и всякія другія эдильства:

даже епископъ Антоній смѣнилъ любимаго всѣми благочиннаго и посадилъ на его мѣсто своего пьянаго брата, котораго укрощалъ побоями напивавшійся съ нимъ дьяконъ. «Какъ могло относительно развитое общество терпѣть среди себя втеченіе пятнадцати лѣтъ этого безпутнаго гуляку?—спрашиваетъ авторъ.—Къ сожалѣнію у насъ часто такъ: погорячатся, пошумятъ и въ заключеніе ко всему привыкнутъ». Никитенки жили въ большой бѣдности, «когда четырнадцатилѣтнему мальчику было предложено давать уроки». Онъ могъ такимъ образомъ и помогать семьѣ и продолжать свои занятія. Онъ много читалъ серьезныхъ книгъ: Монтескье, Бакмейстера, Юста, Роллена, Вольтера, Боссюэта, Миллера. Въ 1818 году вышла «Исторія философскихъ системъ», Галича. Онъ прочелъ ее, но сознается, что не одолѣлъ ея философскихъ выводовъ. Между тѣмъ, у шестнадцатилѣтняго юноши была только одна цѣль—поступить въ университетъ. Онъ понималъ, что это невозможно, и нравственные муки его были невыносимы. Успокоила его странная мысль: «пусть я не самъ себѣ господинъ, пусть я ничто въ глазахъ людей и ихъ законовъ, но у меня все же есть одно право, котораго никто не въ силахъ лишить меня: это право смерти». И онъ добылъ пистолеть, пороху, и подъ защитою права смерти взялъ себѣ девизомъ изреченіе жить съ честью или умереть. Вторымъ его афоризмомъ было: мудрость есть терпѣніе. Зналъ ли авторъ, что французскій мыслитель—даже геній опредѣлили терпѣніемъ?

Не совладавъ съ Галичемъ и потерпѣвъ крушеніе на почвѣ чистаго разума, Никитенко бросился въ другую крайность—сталъ искать свѣта въ мистицизмѣ. Этотъ мнимый свѣтъ около 1820 года проникъ въ малоросійское захолустье, но, по словамъ автора, умъ его оставался холоднымъ ко всему таинственному и даже относился къ нему критически. Онъ прочелъ Экартсгаузена, Юнга Штилинга и даже посмѣивался надъ ними. Тогда онъ обратился къ евангелію, не изслѣдуя его ученія, «не вдаваясь ни въ какія разсужденія,—говоритъ онъ:—вѣра моя была чисто дѣтская». Такою она осталась въ немъ и до смерти. Онъ сознается, однако, что «внѣшніе религиозные обряды исполнялъ вяло и не всегда охотно. Причина тому была въ примѣрѣ окружающихъ: «всѣ пріятели, зараженные свободомысліемъ Вольтера, пренебрегали церковными обрядами». Никитенко рисуетъ портреты этихъ пріятелей большею частью симпатическими чертами, но, изображая вѣрныя, хотя и далеко не привлекательныя характеристики помѣщицъ и чиновниковъ, онъ уже слишкомъ снисходителенъ къ интеллигентнымъ лицамъ. Такъ, расхваливая Астафьева, онъ сознается, что этотъ любезный, деликатный, тонкообразованный господинъ страдалъ запоемъ и на цѣлыя недѣли запирался у себя въ кабинетъ, прячась отъ всѣхъ въ пьяномъ видѣ. Неужели въ этой чертѣ слѣдуетъ видѣть тонкую образованность и деликатность? Только одно лицо между этими

знакомыми автора, о которомъ онъ, къ сожалѣнію, говоритъ очень мало,— поручикъ Кондратій Рылѣвъ дѣйствительно выдается между всѣми этими генералами временъ Александра I, у которыхъ «густые эполеты признавались лучшимъ залогомъ ума, знанія и способностей, даже на поприщахъ, гдѣ, повидимому, требуется спеціальная подготовка». Управляя и мирнымъ гражданскимъ обществомъ, эти эполетоносцы вносили и въ него «начало безусловнаго повиновенія, содѣйствуя видамъ правительства, которое, казалось, поставило себѣ задачею дисциплинировать государство, то-есть привести его въ такое состояніе, чтобы ни одинъ человѣкъ въ немъ не думалъ и не дѣйствовалъ иначе, какъ по одной волѣ». Въ этомъ мнѣніи восемнадцатилѣтняго философа о системѣ, называемой имъ «казарменной», уже видна его склонность къ пессимизму, развившаяся еще больше впоследствии. Кто же могъ повѣрить, что можно миллионы людей заставить дѣйствовать и даже думать по одной волѣ?... Никитенко поступилъ учителемъ къ дѣтямъ генерала Юзефовича, потерявъ въ это время отца, о которомъ говорилъ: «можно ли винить его, что онъ не всегда умѣлъ противиться страстямъ? Нѣтъ, пусть ищутъ горюевъ, гдѣ хотятъ, но не въ русскомъ крѣпостничествѣ». Юзефовичъ, какъ командиръ конногвардейской егерской дивизіи, переселился съ Никитенкомъ въ Елецъ, гдѣ городничій, полковникъ безъ ноги, «дралъ съ живого и мертваго, купцы плутовали не меньше чиновниковъ, нравы были наивно-грязные и грубые, набожность горожанъ не шла дальше сооруженія домашнихъ кіотовъ со множествомъ иконъ. Послѣ обжорства жирными стерлядями горожане знаменіемъ креста осѣняли себѣ лобъ и чрево, но, завидѣвъ попа, усердно отплевывались». Никитенко, однако, скоро вернулся въ Острогожскъ, побывавъ въ Чугуевѣ, гдѣ Юзефовичъ, составившій проектъ распространенія военныхъ поселеній еще на три уѣзда Воронежской губерніи, сошелъ съ ума. Въ Острогожскѣ авторъ открылъ у себя въ домѣ школу; начались доносы и интриги со стороны казенныхъ учителей; формальнаго разрѣшенія преподавать ему, какъ крѣпостному, не могли дать, но обошли законъ, какъ это дѣлается всегда тамъ, гдѣ неловко нарушать его прямо. Но Никитенко не оставлялъ мысли объ университетѣ и написалъ къ Шереметеву, прося отпустить его на волю для довершенія своего образованія. «Но графъ былъ очень ограниченъ; его много учили, но онъ ничему не научился: онъ былъ ничто въ рукахъ своихъ слугъ, да еще товарищей, офицеровъ конногвардейскаго полка; слуги его безсовѣстно обирали, пріятели дѣлали то же, только въ болѣе приличной формѣ. Самъ графъ былъ даже неспособенъ наслаждаться своимъ богатствомъ, онъ былъ близокъ съ танцовщицею Истоминою, и та стояла ему болѣе трехсотъ тысячъ, но это была ничтожная сумма въ сравненіи съ тѣмъ, что похищали у него приближенные. Наконецъ, его огромное

состояніе поколебалось». Его спасъ царскосельскій профессоръ Кунинъ, устроивъ дѣла его и остановивъ потокъ безумныхъ издержекъ. Графъ даже не отвѣчалъ ничего на просьбу своего крѣпостного. Онъ написалъ еще разъ въ 1821 году, тогда послѣдовала чрезъ вотчинную контору милостивая резолюція: «оставить безъ уваженія». Но это не остановило упрямаго хохла. «Мнѣ не вѣрилось,—пишетъ онъ,—чтобы я дѣйствительно былъ обреченъ навсегда оставаться въ рукахъ другого человѣка, да еще умственно и нравственно ничтожнаго». А вѣдь въ подобномъ же положеніи находились милліоны людей и оставались въ немъ еще сорокъ лѣтъ.

Въ концѣ 1822 года въ Острогжскѣ возникъ отдѣлъ Библейскаго общества. Такіе отдѣлы учреждались вездѣ въ Россіи подъ названіемъ «сотовариществъ». Это было прямое слѣдствіе идеи Священнаго союза. О немъ и характерѣ Александра I авторъ, рѣдко занимающійся политикою, высказываетъ слѣдующее мнѣніе: предлогомъ къ Священному союзу было упроченіе блага народовъ въ духѣ христіанства. «Но на самомъ дѣлѣ у него была другая тайная цѣль. Созданный Меттернихомъ союзъ этотъ имѣлъ въ виду парализовать движеніе народныхъ массъ къ свободѣ, къ обузданію произвола, къ установленію великаго принципа, что не народы существуютъ для правителей, а правители для народовъ. Союзъ этотъ былъ настоящій заговоръ противъ народовъ. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь и религію и проповѣдь о смиреніи и повиновеніи. Обходя идею братскаго равенства, составляющую главную суть ученія Христа, онъ держался только буквы извѣстныхъ истинъ, которыя всегда могутъ быть искажены по произволу. Такъ поступали обскуранты всѣхъ временъ: они пользовались религіей, какъ средствомъ для отупленія умовъ, съ цѣлью лишать ихъ всякой инициативы. Такъ поступали папы и ультрамонтаны, а у насъ Руничи и Магницкіе. Александръ I былъ человѣкъ съ чистыми намѣреніями и возвышеннымъ образомъ мыслей, но ума не глубокаго и шаткой воли. Такіе люди всегда искренно расположены къ добру, но при недостаткѣ характера пригодны для обыкновеннаго порядка вещей, а не для отвѣтственнаго положенія, когда являются властителями народныхъ судебъ и руководителями событий, отъ которыхъ зависитъ благо цѣлыхъ обществъ. Въ Александрѣ произошелъ переворотъ послѣ первыхъ неудачъ, встрѣтившихъ его либеральные планы. Сердце его даже охладѣло къ Россіи, когда оказалось, что ея грубые нравы, невѣжество, административныя неурядицы, не могутъ быть переработаны такъ скоро, какъ ему этого хотѣлось. Онъ отказался отъ реформъ, которыя передъ тѣмъ самъ признавалъ нужными и полезными, отказался потому, что онѣ требовали систематически-твердой политики. Вступая въ Священный союзъ, онъ наивно вѣрилъ, что достаточно провозгласить христіанскія истины, чтобы между людьми установилось

согласіе, уваженіе къ закону, а чиновники перестали грабить казну и народъ. Онъ былъ честнѣе Меттерниха и не дѣлалъ изъ религіи орудіе политическихъ интригъ, но видѣлъ въ ней союзницу, сѣявшую въ сердцахъ людей нравственность для того, чтобы легче было управлять ими». Поэтому онъ благосклонно смотрѣлъ на возникавшія у насъ библейскія общества. Никитенко былъ избранъ секретаремъ острогожскаго общества и написалъ рѣчь о пользѣ и значеніи такихъ обществъ. Для напечатанія ея потребовалось разрѣшеніе министра просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Алекс. Никол. Голицына. Министръ призналъ въ авторѣ талантъ и благородный образъ мыслей. Тогда друзья и покровители автора написали Голицыну о желаніи автора — поступить въ университетъ, для чего необходимо было увольненіе изъ крѣпостного званія. Министръ отвѣчалъ, что вошелъ въ личныя сношенія съ графомъ по этому дѣлу, и вызвалъ Никитенка въ Петербургъ, куда авторъ пріѣхалъ въ маѣ 1824 года. Но безъ позволенія графа онъ не могъ даже явиться къ Голицыну. Министръ ласково принялъ молодого человѣка и написалъ графу о его увольненіи изъ крѣпостного сословія. Кавалергардскій поручикъ даже не удостоилъ отвѣтомъ князя Голицына, но распорядился, чтобы надѣждавшаго ему раба отправить учителемъ въ одну изъ графскихъ вотчинъ. Даже день отправки былъ назначенъ, конечно, тайно отъ него. Его спасъ Голицынъ личнымъ заступничествомъ, но графъ, всетаки, вздумалъ оставить его своимъ секретаремъ, находя, что онъ уже достаточно ученъ и больше учиться не слѣдуетъ. Вступились за него и другіе добрые люди: Дмитрій Ив. Языковъ и особенно управляющій канцеляріею американской торговой компаніи, Кондратій Ѳеодоровичъ Рылѣевъ. Онъ тогда только что кончилъ свою поэму «Войнаровскийъ» и прочелъ ее Никитенкѣ въ присутствіи молодого армейскаго офицера Баратынскаго. Но отъ поэта авторъ пришелъ еще въ большій восторгъ, чѣмъ отъ его стиховъ. «Я не знавалъ,— говоритъ онъ,— другого человѣка, который обладалъ бы такой притягательной силой, какъ Рылѣевъ. Онъ съ перваго взгляда вселялъ обаяніе. Стоило взглянуть въ его удивительные глаза, чтобы всѣмъ сердцемъ безвозвратно отдаться ему. Въ первое же посѣщеніе я испыталъ на себѣ чарующее дѣйствіе его гуманности и доброты». Рылѣевъ начерталъ планъ кампаніи въ пользу Никитенки и обратился сначала за содѣйствіемъ къ Донауровой, «большой пріятельницѣ графа Шереметева, но щепетильная барыня нашла неудобнымъ вмѣшиваться въ такое щекотливое дѣло». Тогда Рылѣевъ заинтересовалъ судьбою бѣдняка кавалергардскихъ офицеровъ, товарищей графа. Они составили настоящій заговоръ и рѣшили сдѣлать коллективное представленіе графу и предложить ему выкупъ за крѣпостного. «Всѣхъ энергичнѣе дѣйствовали два офицера: Александръ Михайловичъ Муравьевъ и князь Евгенийъ Петровичъ Обо-

ленскій. Неожиданный натискъ смутилъ графа: онъ не захотѣлъ уронить себя въ глазахъ товарищей и далъ слово исполнить ихъ требованіе». Но, не смотря на данное обѣщаніе, онъ все не рѣшался разстаться со своимъ крѣпостнымъ. На одномъ вечерѣ графиня Чернышева поблагодарила его за то, что онъ подарилъ обществу полезнаго члена съ выдающимися дарованіями. «Графъ растерялся, расшаркался и пробормоталъ, что радъ доставить удовольствіе ея сіятельству», но, всетаки, тянулъ дѣло. Въ свои именины онъ далъ еще разъ собравшимся у него товарищамъ категорическое обѣщаніе—отпустить на свободу челоуѣка, у котораго было столько заступниковъ. Но и тутъ начальнику графской канцеляріи Мамонтову надо было употребить много усилій, чтобы безхарактерный аристократъ подписалъ отпускную. Онъ сдѣлалъ это наконецъ въ октябрѣ 1824 года, съ раздраженіемъ и со словами: «Надо ему, всетаки, хорошенько намылить голову за то, что онъ надѣлалъ столько шума. Точно я не могъ самъ по себѣ сдѣлать того, что дѣлаю теперь изъ уваженія къ другимъ». Но не изъ уваженія къ другимъ, а къ собственному достоинству, къ гуманности и справедливости слѣдовало съ самаго начала, по доброй волѣ, безъ отказовъ и виланья, сдѣлать то, къ чему принудилъ его, наконецъ, голосъ общественной совѣсти.

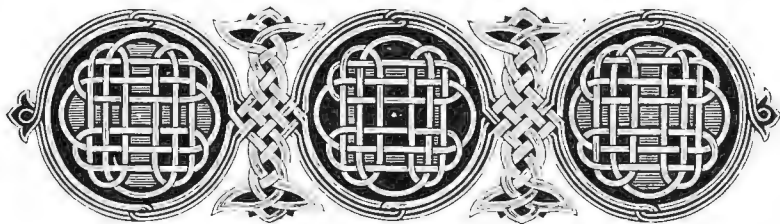
Вѣчною благодарностью тѣмъ, кто помогъ ему возродиться къ новой жизни, заканчиваетъ Никитенко этотъ разсказъ о своей судьбѣ при переходѣ въ новое царствованіе, когда собственно начинается его дневникъ, прерванный только смертью автора въ концѣ іюля 1877 года. Литературно обработанное вступленіе къ дневнику представляетъ вѣрную и любопытную картину сельской и провинціальной жизни въ царствованіе Александра I. Мы извлекли изъ очерковъ автора все, что въ нихъ было типичнаго и болѣе интереснаго. Но у автора еще много портретовъ оригинальныхъ лицъ, съ которыми онъ сталкивался въ дѣтствѣ, сценъ, рисующихъ нравы той эпохи, описаній мѣстностей, гдѣ ему приходилось жить, даже описаній природы. Нѣтъ у него только почти никакихъ сужденій о политическихъ и общественныхъ вопросахъ той эпохи, кромѣ небольшой, приведенной нами, характеристики Александра I и Священнаго союза. О 1812 годѣ и Наполеонѣ упоминается только по поводу равнодушія общества къ дѣламъ родины и Европы. Конечно, въ то время авторъ былъ еще молодъ и не могъ судить объ этихъ дѣлахъ, но его окружали лица въ зрѣломъ возрастѣ, и онъ могъ передать ихъ мнѣнія. Но апатичное отношеніе къ міровымъ событіямъ составляло, какъ это видно изъ его дневника, отличительную черту характера Никитенки. Онъ говоритъ очень мало о революціяхъ 1830 и 1848 года, о польскомъ возстаніи 1831 года, о крымской войнѣ, а о польскомъ бунтѣ 1863 года не упоминаетъ ни однимъ словомъ. Близкое знакомство съ декабри-

стами, вѣроятно, придало особый интересъ дневнику 1825 года, но и слѣдовъ этого года не осталось въ бумагахъ Никитенки, должно быть, уничтожившаго ихъ послѣ 14-го декабря. Редакція его записокъ говорить глухо, что хроника эта, вѣроятно, исчезла въ декабрьскомъ погромѣ 1825 года, когда авторъ «сблизился съ передовыми людьми тогдашней молодой Россіи и едва не былъ вовлеченъ въ водоворотъ, гдѣ погибло столько свѣжихъ силъ и надеждъ». Въ этомъ году онъ вступилъ въ университетъ безъ экзамена, но съ обязательствомъ выдержать его при переходѣ во второй курсъ. Средствъ къ жизни у него не было: великодушный вельможа выдалъ ему при отпускной сто рублей асигнаціями. Поэтому вольноотпущенникъ принялъ приглашеніе князя Евгенія Оболенскаго жить вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ воспитателя его младшаго брата. Тамъ былъ центръ тогдашняго прогрессивнаго движенія. «Согрѣтый лучами высокой гуманности, царившей въ этомъ обществѣ, Никитенко былъ принятъ въ немъ съ истинно братскимъ радушіемъ, хотя покровители и друзья не посвящали его въ тайну замышляемаго ими государственнаго переворота. Тѣмъ не менѣе, когда разразился ударъ, онъ не могъ не отразиться косвенно и на Никитенкѣ», жившемъ съ однимъ изъ заговорщиковъ и часто видѣвшемся съ другими. Поэтому начало дневника перваго года новаго царствованія, къ которому мы теперь переходимъ, полно тревогъ и опасеній всякаго рода.

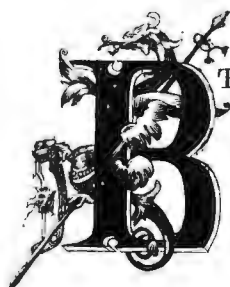
Вл. Зотовъ.

(Продолженіе съ слѣдующей книжкѣ).

МАРШАЛЬ СИНЯЯ БОРОДА.

ВЪ ОДНОМЪ изъ послѣднихъ романовъ Юисманса, объявившаго себя противникомъ Золя и старающагося стать во главѣ «новаго идеализма», изложена исторія маршала Жюля де-Рэ, извѣстнаго больше подъ именемъ Синей Бороды.

Исторію маршала разработываетъ герой романа, и она проходитъ черезъ всю книгу, переплетаясь съ ея фэбулой, какъ двѣ разноцвѣтныя, вмѣстѣ спущенныя нити. Нельзя отрицать остроумія и глубины психологическаго анализа, съ какими Юисмансъ приступилъ къ страшной исторіи маршала и далъ ей новое и весьма оригинальное освѣщеніе.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на содержаніи романа, наполненнаго изображеніемъ современной чертовщины, увлекающей съ нѣкотораго времени Парижъ и носящей общее названіе окултизма. Мы хотимъ только познакомить русскаго читателя съ тѣмъ, какъ французскій романистъ, обладая, какъ видно, значительной исторической эрудиціей, воспользовался своимъ поэтическимъ талантомъ для того, чтобы воспроизвести, съ возможной рельефностью и жизненностью, одинъ изъ самыхъ темныхъ эпизодовъ средневѣковой жизни и нарисовать портретъ таинственнаго барона, прославившагося своей кровожадностью и ставшаго сказочнымъ героемъ.

Авторъ имѣлъ подъ рукой копию съ мемуара, поданнаго королю наслѣдниками Жюля де-Рэ, съ бумагахъ, относящихся къ уголовному процессу маршала, происходившему въ Нантъ, и затѣмъ онъ пользовался нѣкоторыми книгами, каковы сочиненія Армана Геро и абата Босара. Онъ справедливо называетъ Жюля де-Рэ сатанинской

фигурой XV вѣка, съ изысканно-артистической, утонченно-жесточкой душой, и самымъ преступнымъ изъ людей, когда либо существовавшихъ.

Дѣтство Жилия де-Рэ неизвѣстно. Онъ родился въ 1404 году на границахъ Бретани въ Анжу въ замкѣ Машкуль. Отецъ его умеръ въ октябрѣ 1415 года, мать непосредственно вслѣдъ затѣмъ вышла замужъ за сира Эстовиля и бросила дѣтей, Жилия и другаго мальчика Ренэ. Жиль поступилъ подъ опеку своего дѣда Жана де-Крона, владѣтеля Шантосе и де-Лясюзъ, челоуѣка стараго и «ветхозавѣтнаго», какъ свидѣтельствуяютъ тексты хроникъ. Старикъ не обращалъ вниманія на воспитанника и отдѣлялся отъ него, женивъ на Катеринѣ де-Туарѣ 30-го ноября 1420 г., т. е. шестнадцати лѣтъ.

Пять лѣтъ спустя, Жиль де-Рэ появляется при дворѣ дофина. Современники говорятъ о немъ, какъ о челоуѣкѣ нервномъ и сильномъ, необыкновенно красивомъ и съ элегантными манерами. Нѣтъ свѣдѣній о томъ, какую роль игралъ онъ при дворѣ, но, по всей вѣроятности, онъ тамъ первенствовалъ, потому что Жиль былъ самый богатый баронъ во всей Франціи, а король былъ бѣденъ.

Карль VII сидѣлъ безъ денегъ. Уваженіе, которымъ пользовалась королевская власть, не простиралось на его личность. Значеніе его было ничтожно. Города вдоль Лоары едва ему повиновались. Франція была опустошена войнами, а за годъ передъ тѣмъ чумой. Положеніе ея было ужасающее. Она была истощена въ конецъ Англіей, которая завладѣла Бретанью, Нормандіей, частью Пикардій, Иль-де-Франсомъ, всѣмъ сѣверомъ, всѣмъ центромъ до самаго Орлеана. Деревни были мертвенно пустынно; города влачили жалкое существованіе.

Напрасно Карль VII требовалъ отъ подданныхъ субсидій, изобрѣталъ налоги—все было бесполезно; обездоленные города и опустошенныя поля, населенныя волками, не могли оказать королю никакой помощи. Къ тому же, законность королевской власти казалась сомнительной. Въ Шивонѣ, гдѣ находился королевскій дворъ, сплела свое гнѣздо интрига, обагрявшая кровью ступени трона. Отъ нечего дѣлать, чтобы какъ нибудь утѣшиться, король и его сторонники предавались всевозможнымъ излишествамъ—это и сблизало ихъ. Король кутилъ и искалъ забвенія въ объятіяхъ распутныхъ фрейлинъ. Отецъ его былъ сумасшедшій, мать известная развратница. Портретъ Карла VII, писанный Фуке, виситъ въ Луврѣ. Ничтожное лицо. Такія лица бывають только у деревенскихъ ростовщиковъ. Онъ былъ мелочно жестокъ и трусливъ, велѣлъ убить Жана Безстрашнаго и покинулъ Жанну д'Аркъ.

Разумѣется, Жиль де-Рэ, снарядившій на свой счетъ нѣсколько полковъ, былъ принятъ при дворѣ съ распростертыми объятіями. Нельзя сомнѣваться, что онъ давалъ турниры и банкеты, что онъ

сорилъ деньгами и что самому королю онъ одолжилъ большія суммы. Но, не смотря на придворный успѣхъ, онъ не погрязъ окончательно въ эгоизмѣ мелкихъ удовольствій. Весьма скоро онъ очутился въ Анжу и въ Мэнѣ, защищая ихъ отъ англичанъ. Хроники утверждаютъ, что онъ былъ отважный полководецъ. Впрочемъ, численность врага заставила его бѣжать. Англійскія войска соединились, наводнили страну и завладѣли центромъ. Король подумывалъ о томъ, чтобы удалиться на югъ и бросить Францію. Тутъ явилась Жанна д'Аркъ.

Жиль вернулся къ Карлу, который приказалъ ему беречь и защищать воинственную дѣвственницу. Жиль всюду слѣдуетъ за нею, онъ присутствуетъ въ битвахъ, которыя она даетъ, не отстаетъ отъ нея въ Реймсѣ, и король назначаетъ его французскимъ маршаломъ. Маршалу было всего двадцать пять лѣтъ.

Хотя Вале де-Виривиль упрекаетъ Жюля де-Рэ въ томъ, что онъ измѣнилъ Жаннѣ д'Аркъ, но абатъ Босаръ утверждаетъ напротивъ, что онъ оставался ей преданъ до конца и что онъ долженъ былъ разстаться съ нею, только благодаря обстоятельствамъ, которыя были сильнѣе его. Фактъ спорный, но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что Жиль де-Рэ долгое время находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Жанной д'Аркъ, и что приключенія ея и подвиги, необыкновенность и почти сверхъестественность которыхъ современникамъ должна была казаться, дѣйствительно, дѣломъ Божиимъ, особенно могли повліять на развитіе въ маршалѣ мистическихъ идей, помимо общей благопріятной среды, какую представляли для мистицизма средніе вѣка. Жиль де-Рэ воочию видитъ чудо, совершаемое простой крестьянкой: она перерождаетъ дворъ трусовъ и бандитовъ, воодушевляетъ короля, дѣлаетъ его блестящимъ рыцаремъ и покоряетъ себѣ Лягира и Ксентрайля, Бомануара и Шабаня, Дюнуа и Гокура и многихъ другихъ, людей свирѣпыхъ и распущенныхъ, которые изъ волковъ становятся овечками. Онъ самъ, подобно прочимъ начальникамъ отдѣльныхъ частей, благоговѣлъ передъ Жанной, считалъ ее святой, исповѣдовался и пріобщался передъ каждой битвой. Онъ видѣлъ, что Орлеанская дѣвственница исполняетъ свои обѣщанія: она прогнала врага отъ стѣнъ Орлеана, помазала короля въ Реймсѣ и, наконецъ, объявила, что миссія ея кончена. Все это не могло не отозваться на впечатлительной натурѣ Жюля де-Рэ. Франція, благодаря Жаннѣ д'Аркъ, окрѣпла и обособилась въ прочное государство. Не надо забывать, что въ XV вѣкѣ Англія была не что иное, какъ Нормандія, и языкъ, обычаи и кровь ея она еще сохраняла. Если бы Жанны д'Аркъ не было, Карль VII былъ бы свергнутъ съ престола, и война кончилась бы; Плантагенеты царствовали бы въ Англіи и во Франціи, обѣ страны слились бы въ одну территорію, раздѣленную только узкимъ проливомъ.

Послѣ того, какъ Жанна д'Аркъ совершила свою задачу, была плѣнена и погибла на кострѣ, Жиль де-Рэ нѣкоторое время ускользаетъ отъ глазъ историка. Есть указаніе, что онъ старался спасти Жанну д'Аркъ. Двадцати шести лѣтъ онъ поселился въ замкѣ Тиффожъ, въ немъ развились новыя стороны. Онъ пересталъ быть военнымъ, сталъ художникомъ и ученымъ.

Маршалъ жилъ въ своемъ замкѣ почти въ полномъ одиночествѣ. Въ то время какъ его сосѣди, такіе же благородные бароны и графы, какъ онъ, были обыкновенными смертными, то-есть, по-просту говоря, животными, которыхъ онъ презиралъ за ихъ невѣжество и грубость, онъ углублялся въ искусство и грезилъ о тайнахъ высшаго знанія. Онъ даже самъ сочинилъ трактатъ о томъ, какъ вызывать демоновъ. Онъ восторгался церковной музыкой и окружалъ себя рѣдкими предметами и драгоценными вещами. Латынь онъ зналъ въ совершенствѣ. Онъ былъ остроумный собеседникъ, великодушный и вѣрный другъ. Его библіотека была необыкновенна по своему времени, когда ограничивались только чтеніемъ теологическихъ книгъ и житій святыхъ. Его любимыми манускриптами были: Светоній, Валерій Максимъ и Овидій, писанные на пергаментѣ, переплетенные въ красную кожу и отдѣланные эмалью. Этихъ авторовъ онъ всюду возилъ съ собой. Художникъ, по имени Томасъ, расписывалъ его книги миниатюрами, а самъ онъ былъ специалистомъ по эмальямъ и дѣлалъ ихъ, какъ настоящій артистъ. У него былъ странный вкусъ къ старинной мебели, онъ любилъ пышныя ткани, темный бархатъ съ сумрачно-золотымъ отливомъ. Столъ его былъ пряный, вина ароматныя, густыя и жгучія. Онъ собиралъ камни и платилъ за нихъ бѣшенныя деньги. Посуда его была золотая и серебряная.

Все, что онъ любилъ, стоило дорого. Но еще дороже стоило ему содержаніе своего двора въ Тиффожѣ, представлявшемъ собою почти неприступную крѣпость. Гвардія его состояла изъ двухсотъ чловѣкъ, изъ рыцарей, капитановъ, конюховъ, пажей, которые, въ свою очередь, держали слугъ и одѣвали ихъ на средства Жилия. Роскошь его капеллы доходила до безумія. У него былъ свой митрополитъ, деканъ, викарій, казначей, каноники, клерки, дьяконы, понамари, былъ свой хоръ. Всѣ они блистали богатствомъ одѣяній. Алтари были покрыты краснымъ сукномъ, шелкомъ изумруднаго цвѣта, пурпурнымъ бархатомъ, фіолетовыми тканями съ золотой бахромой, дамасскими матеріями цвѣта зари. Дьяконы ходили въ атласныхъ кафтанахъ. Балдахины были украшены чеканеннымъ золотомъ. Вся утварь въ капеллѣ сверкала драгоценными камнями, имѣвшими форму кабошоновъ, и камьями. Рака св. Оноре была вся серебряная. Въ замкѣ жилъ особый золотыхъ дѣлъ мастеръ и постоянно былъ заваленъ работой.

Столъ Жилия былъ открытъ для всѣхъ и cadaго. Со всѣхъ

угловъ Франці тянулись караваны къ замку, гдѣ артисты, художники, ученые находили широкое гостепріимство, гдѣ ихъ встрѣчали съ любовью и лаской, богато дарили при встрѣчѣ и еще богаче на прощаніе.

Денежныя дѣла Жилиа отчасти уже разстроились расходами на военныя потребности, но роскошь его частной жизни серьезно колебала его состояніе. Онъ сталъ дѣлать займы, подѣ залогъ своихъ замковъ, продавалъ земли, иногда онъ даже закладывалъ свои драгоценности и книги. Манера разоряться въ средніе вѣка ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ нашего времени, съ тою только разницею, что тогда не существовало ни Монако, ни биржи.

Жиль разорился въ какихъ нибудь восемь лѣтъ. Громадныя имѣнія: Конфоланъ, Шабанезъ, Шатоморанъ, Ломберъ были проданы одному капитану за ничтожную сумму. Фонтенмилонъ и земли Гра-текюисъ были куплены епископомъ Анжерскимъ. Крѣпость Сентъ-Этьенъ была приобрѣтена Вильгельмомъ Леферонномъ. Замокъ Блезонъ и Шемилье былъ захваченъ де-Ляжюмилберомъ. Существуетъ цѣлый длинный списокъ проданныхъ такимъ образомъ за безцѣнокъ имѣній Жилиа де-Рэ.

Но у него оставалось еще нѣсколько земель и замковъ. Испуганное такой расточительностью, семейство маршала обратилось къ просьбой о вмѣшательствѣ. И дѣйствительно, въ 1436 г. Карль VII, принимая въ соображеніе, что сиръ де-Рэ дурно управляетъ своимъ имуществомъ, запретилъ ему продавать свои имѣнія и запретилъ также ихъ приобрѣтати кому бы то ни было. Герцогъ Бретанскій Жанъ V отказался опубликовать въ своихъ владѣніяхъ эдиктъ короля. Такъ какъ никто не осмѣливался больше покупать что нибудь у маршала, изъ страха навлечь, съ одной стороны, гнѣвъ короля, а съ другой—ненависть герцога, то Жанъ V сталъ самъ исключительнымъ приобрѣтателемъ и самъ назначалъ цѣны. Герцогъ былъ ростовщикомъ по натурѣ. Это докончило разореніе Жилиа де-Рэ. Онъ пришелъ въ ярость, удалилъ жену и дочь въ замокъ Пузожъ и забылъ о нихъ.

Можно предполагать, что жалобы на расточительность Жилиа со стороны жены и другихъ его родственниковъ были и прежде подаваемы Карлу VII. Пока онъ имѣлъ самъ нужду въ деньгахъ Жилиа, одѣвавшего на свой счетъ войска, онъ не находилъ, что маршалъ расточителенъ; но, подобно тому, какъ онъ отвернулся отъ Жанны д'Аркъ, переставшей быть для него полезной, такъ онъ отвернулся и отъ Жилиа и отомстилъ ему за услуги, которыя тотъ оказалъ ему нѣкогда. Такова должна быть причина, почему Жиль предпочиталъ уединенную жизнь замка шумной жизни двора. Но было и еще кое-что. Конечно, онъ усталъ отъ кочевыхъ приключеній вѣчнаго похода, у него явилось отвращеніе къ лагернымъ привычкамъ, ему захотѣлось подышать мирной атмосферой, за-

ряться въ книги. Кажется, что страсть къ алхиміи постепенно овладѣла имъ, что онъ все оставилъ для нея. Наука эта была его любимой—онъ надѣялся сдѣлать золото, и такимъ образомъ избавиться отъ бѣдности, начинавшей ему угрожать. И какъ онъ раньше, подъ вліяніемъ общенія съ Жанной д'Аркъ, стремился къ Богу и порывался къ небесамъ, такъ теперь его потянуло къ сатанѣ; отъ мистицизма къ сатанизму, какъ отъ восторженной надежды къ безысходному отчаянію, часто бываетъ одинъ только шагъ; крайности соприкасаются въ сверхчувственной области. Къ тому же, его окружила толпа святотатцевъ, дѣлателей золота и вызывателей демоновъ; Жанна умерла, и Жиль попалъ въ руки волшебниковъ. Но они были не простыми знахарями. Они были тонкими знатоками латинской мудрости, говорили краснорѣчиво и интересно, обладали давно забытыми рецептами и никому невѣдомыми тайнами. Очевидно, Жиллю легче жилось съ ними, чѣмъ съ господами Дюнуа и Лягирами. Многіе близорукіе историки представляютъ себѣ этихъ маговъ, какъ низкихъ мошенниковъ и гнусныхъ приживальщиковъ. Но на самомъ дѣлѣ они были аристократами ума въ XV вѣкѣ. Не найдя мѣста въ церкви, гдѣ они могли бы только быть кардиналами или папами, они поневолѣ искали убѣжища у такихъ синьоровъ, какъ Жиль, который, къ тому же, былъ единственный интеллигентный человѣкъ и достаточно образованный, чтобы ихъ понимать.

Прирожденный мистицизмъ, съ одной стороны, и ежедневныя сношенія съ учеными знатоками сатанизма—съ другой. Разрастающійся призракъ бѣдности на горизонтѣ, который можетъ быть истребленъ при помощи дьявола. Пылкая любознательность, влеченіе къ запрещенному плоду. Мало-по-малу Жиль укрѣпляетъ свои связи съ алхимиками или волшебниками и, заблудившись во мракѣ таинственности, приходитъ шагъ за шагомъ къ невѣроятнымъ преступленіямъ.

Впрочемъ, что касается до преступленій, то Жиль сталъ совершать ихъ послѣ того, какъ убѣдился въ тщетѣ алхиміи, и, какъ преступникъ, онъ не отличался особенно отъ бароновъ того времени. Онъ превосходилъ ихъ, такъ сказать, роскошью своей безнравственности, обиліемъ убійствъ, и только. Владѣтельные принцы той эпохи всѣ были страшные мясники. Тогда жилъ нѣкто де-Жіакъ, который отравилъ свою жену, посадилъ ее верхомъ на лошадь и гналъ ее пять миль, пока она не умерла. Другой схватилъ отца, повелъ его босикомъ по снѣгу, подморозилъ и бросилъ въ тюрьму, гдѣ тотъ и умеръ. Сколько другихъ примѣровъ! Въ военное время маршалъ не сдѣлалъ ни одного серьезнаго преступленія. Онъ любилъ вѣшать измѣнниковъ, но многіе полководцы находятъ висѣлицу полезной. Еще въ числѣ причинъ, опредѣлившихъ дальнѣйшее поведеніе маршала, слѣдуетъ указать на его гордость.

Впослѣдствіи во время процесса онъ сказалъ: «Я родился подъ такой звѣздой, что никто въ мірѣ никогда не сдѣлалъ и не можетъ сдѣлать того, что я дѣлалъ». Стоитъ вступить такому гордецу на путь смертныхъ грѣховъ, и его честолюбіе станетъ питаться кровью, какъ честолюбіе святаго питается подвигами милосердія и самоотверженія.

Алхимія процвѣтала уже за цѣлый вѣкъ до рожденія Жилия. Люди, занимавшіеся алхиміей, или герметики, читали сочиненія Альберта Великаго и манускрипты Николая Фламеля. Несомнѣнно, что Жиль, любившій все странное, пріобрѣталъ ихъ. Слѣдуетъ прибавить, что приказъ императора Карла V, запрещавшій, подъ страхомъ тюремнаго заключенія и пытки, алхимическія занятія, и булла папы Іоанна XXII, громившая алхимиковъ, еще не утратили своей силы и своего значенія. Алхимическія сочиненія были, значить, запрещеннымъ плодомъ и тѣмъ болѣе желательны. Маршалъ ихъ прилежно изучалъ, но понималъ ли онъ ихъ — другой вопросъ.

Въ самомъ дѣлѣ, герметическія книги представляли собою образчики невѣроятной галиматіи и самыхъ запутанныхъ шарадъ; каждая мысль была облечена въ аллегорическія формы, въ темныя метафоры; эмблематическій, параболическій и загадочный характеръ словъ и цифръ долженъ былъ приводить въ отчаяніе читателя. Книга еврея Абрагама и Николая Фламеля Ашъ Мезарефъ, переведенная и истолкованная Элифасомъ Леви, заключаетъ въ себѣ, на примѣръ, рецептъ философскаго камня. Рецептъ переданъ такъ: нарисована бутылка, а въ ней зеленый левъ, наклонившій голову надъ полумѣсяцемъ; въ другихъ бутылкахъ голуби. По словамъ Леви, комментатора трактата, философскій камень добудетъ тотъ, кто прочитаетъ рецептъ, но онъ погибнетъ, если расскажетъ общедоступнымъ языкомъ, какъ именно онъ добылъ камень.

Не смотря на то, что эмблемы, параболы и шарады алхимиковъ прикрывали большею частью невѣжество, нельзя отрицать, что алхимія, всетаки, была наукой. Въ погонѣ за чудеснымъ, она сдѣлала много полезныхъ открытій и наблюденій. Даже ея основная идея о томъ, что металлы суть сложныя тѣла, и что поэтому составъ ихъ идентиченъ, такъ что при нѣкоторыхъ условіяхъ можно было бы ртуть превращать въ серебро, а свинецъ въ золото, не кажется дикой современному химику. Занимающимся химіей извѣстно, что французскій ученый Дюма былъ глубоко убѣжденъ, что матерія едина и что вся она состоитъ изъ одного простаго тѣла, находящагося въ разнообразныхъ частичныхъ соединеніяхъ между собою, по всей вѣроятности, водорода. Въ средніе вѣка этотъ предполагаемый философскій водородъ называли меркуріемъ, подразумѣвая подъ нимъ не простую ртуть, которая носила названіе металлической спермы, а ртуть философовъ, назы-

вавшуюся также зеленымъ львомъ, змѣей, молокомъ дѣвы. Но какъ водородъ Дюма есть предположеніе и, какъ утверждаютъ критики, научный абсурдъ (надо помнить, что Дюма величайшій химикъ нашего времени), такъ ртуть алхимиковъ тоже была только предположеніемъ и научнымъ абсурдомъ. Философскій камень алхимики старались найти: въ мышьякѣ, въ обыкновенной ртути, въ оловѣ, въ селитрѣ, въ желудкахъ голодныхъ жабъ, въ человѣческой уринѣ, въ молокѣ и въ другихъ выдѣленіяхъ женщинъ.

По словамъ нѣкоторыхъ историковъ, философскій камень, все-таки, не былъ неуловимъ. Быть можетъ, Николаю Фламелью онъ былъ «извѣстенъ». Великій химикъ XVII вѣка Ванъ-Гельмонтъ добылъ четверть грана философскаго камня и превратилъ въ золото восемь унцій ртути. Гельвецій былъ врагомъ алхимиковъ, а тѣмъ не менѣе обратилъ слитокъ олова въ золото. Спиноза допускалъ возможность такихъ превращеній. А что подумать о таинственномъ человѣкѣ, объ Александрѣ Сетонѣ, который, подъ именемъ «Космополита», проѣхалъ по всей Европѣ и передъ всѣми публично превращалъ простые металлы въ золото? Онъ былъ посаженъ Христианомъ II, саксонскимъ избирателемъ, въ тюрьму. Золота онъ при себѣ никогда не имѣлъ и жилъ, какъ нищій, утверждая, что открыть секретъ онъ никому не можетъ, что получилъ онъ его отъ Бога. Напрасно избиратель поролъ несчастнаго алхимика и про-низывалъ его тѣло желѣзными иглами; «Космополитъ» сохранилъ тайну. Есть указанія, что до сихъ поръ занимаются алхиміей. По словамъ Юисманса, адепты многочисленны не только во Франціи, но и въ въ ГанOVERѣ и Баваріи. Во Франціи пылаетъ еще болѣе сорока алхимическихъ горновъ. Современные алхимики думаютъ, что философскій камень есть не что иное, какъ ферментъ, который, будучи брошенъ въ расплавленные металлы, производитъ частичное превращеніе, подобное тому, какое испытываютъ органическія матеріи подъ вліяніемъ дрожжей.

Жиль де-Рэ искалъ философскій камень. Но въ Тиффожѣ онъ не могъ обойтись безъ помощниковъ. Тогда герметическимъ центромъ во Франціи былъ Парижъ, гдѣ алхимики собирались подъ сводами собора Notre Dame и изучали гіероглифы, начертанные на порталѣ передъ своею смертію Николаемъ Фламельемъ въ видѣ кабалистическихъ эмблемъ. Такъ какъ маршалъ не могъ поѣхать въ Парижъ, изъ опасенія попасть въ плѣнъ къ англичанамъ, завладѣвшимъ всѣми дорогами, то избралъ болѣе простое средство: онъ созвалъ въ Тиффожѣ самыхъ знаменитыхъ трансмутаторовъ, то-есть дѣлателей золота, что, разумѣется, обошлось ему не дешево. Изъ сохранившихся документовъ видно, что онъ построилъ въ замкѣ алхимическій горнъ, что онъ накупилъ колбъ и ретортъ и обставилъ нѣсколько лабораторій, гдѣ работали съ нимъ Антуанъ де-Палернъ, Франсуа Ломбаръ, Жанъ Пти.

Ничто не удавалось. Къ концу опытовъ герметики одинъ за другимъ исчезли, и тогда въ Тиффожъ на смѣну имъ поѣхали заклинатели и адепты со всѣхъ угловъ Бретани, изъ Пуату, изъ Мена, одни или въ сопровожденіи своихъ колдуній. Капеланъ Евстахій Бланше специально ѣздилъ въ Италію къ тамошнимъ металургамъ и привозилъ ихъ въ замокъ. Жиль де-Рэ не терялъ мужества. Онъ сталъ вѣрить, что ни одно алхимическое открытіе невозможно безъ помощи сатаны.

Какъ-то ночью волшебникъ, прибывшій изъ Пуатье, Жанъ де-Ляриверъ отправился въ лѣсъ, прилегавшій къ замку Тиффожъ. Онъ стоялъ вмѣстѣ съ Жилемъ и съ своими слугами Анріе и Пуату на лѣсной опушкѣ. Ночь была безлунная и нѣмая. Оба, и волшебникъ и баронъ, дрожали, прислушиваясь къ тяжелому молчанію мрака; слуги тоже дрожали. Вдругъ раздался рѣзкій мучительный крикъ. Всѣ бросились бѣжать, а Ляриверъ сталъ шептать потихоньку Жилію де-Рэ, что дьяволъ показался ему подъ видомъ леопарда и прошелъ мимо, не сказавъ ни слова и даже не взглянувъ. На другой день волшебникъ убѣждалъ, но на его мѣсто явился другой; фамилія его Дюмесниль. Онъ потребовалъ, чтобы Жиль написалъ своей кровью росписку, въ которой объявлялся отдать дьяволу все, чего тотъ пожелаетъ, за исключеніемъ жизни и души. Но, хотя Жиль и согласился отслужить въ капеллѣ, на праздникъ всѣхъ святыхъ, «службу проклятыхъ», сатана не появился.

Маршалъ сталъ сомнѣваться въ могуществовъ своихъ маговъ. Но одно обстоятельство убѣдило его, что иногда дьяволъ таки показывается. Неизвѣстный демонологъ, — имя его забыто и утрачено, — пріѣхалъ въ Тиффожъ, очертилъ на полу кругъ и ввелъ въ него Жилия и его кузена и друга Силле. Силле отказывался, объятый страхомъ, котораго онъ не могъ объяснить; онъ сталъ трепетать, подбѣжалъ къ окну и открылъ его, бормоча заклятія. Жиль, болѣе смѣлый, оставался въ кругѣ. Но какъ только волшебникъ сталъ произносить роковыя слова вызова, онъ, въ свою очередь, затрепеталъ и хотѣлъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. Демонологъ приказалъ ему не шевелиться. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его за затылокъ. Жиль бился въ невидимой рукѣ и началъ умолять Святую Дѣву спасти его. Вызыватель духовъ яростно вытолкнулъ его изъ круга. Жиль бросился въ дверь, Силле — въ окно. Сойдясь внизу, они услышали, какъ въ комнатѣ, гдѣ они только что были, кто-то рычалъ, звенѣли шпаги, сыпались металлическіе удары, раздавались стоны, крики отчаянія. Въ ужасѣ они долго слушали. Когда же шумъ затихъ, они осмѣлились вернуться въ комнату и нашли волшебника распростертаго на паркетѣ, совершенно измученнаго, съ разбитымъ лбомъ, залитого кровью. Они унесли его. Жиль положилъ его на собственной

постели, цѣловаль, оплакиваль и велѣль его исповѣдывать, опасаясь, что тотъ умретъ. Нѣсколько дней волшебникъ былъ между жизнью и смертью, наконецъ, выздоровѣль и убѣжалъ.

Жиль уже отчаивался получить отъ дьявола рецептъ, какъ дѣлать золото, когда Евстахій Бланше вернулся изъ Итали и привезъ съ собою флорентинскаго мага, вызывателя демоновъ и лярвъ, Франциска Прелати.

Итальянецъ удивилъ Жюля. Ему было едва двадцать три года, и ужъ онъ считался однимъ изъ образованнѣйшихъ, однимъ изъ утонченнѣйшихъ людей своего времени. Прелати родился въ Пистоѣ и былъ рукоположенъ въ священники епископомъ Аренцо. Передъ этимъ онъ сдѣлался ученикомъ тауматурга Жана де-Фонтенеля и заключилъ договоръ съ однимъ дьяволомъ, по имени Баррономъ. Аббатъ, который очаровываль всѣхъ своей ученостью и прелестью обращенія, предался святотатственнымъ и кощунственнымъ дѣламъ и сталъ практиковать братоубійственный ритуальъ черной магіи.

Какъ только появился въ Тиффожѣ Франсуа Прелати, вспыхнули снова алхимическіе горны, и философскій камень, гибкій, хрупкій, красный, пахнуцій морской солью, какъ увѣряль Прелати, сталъ добываться Жюлемъ де-Рэ. Научные опыты сопровождались молитвами дьяволу.

Но опять и опять попытки оказались тщетными. Жюль удвоилъ старанія, но они кончились дурно: однажды Прелати чуть не заплатилъ жизнью.

Капеланъ Бланше замѣтилъ въ одной изъ галлерей замка, что маршалъ плачетъ; а за дверью комнаты, въ которой Прелати вызываль дьявола, слышались вздохи и жалобы. «Бѣдный мой Франсуа: его бьетъ демонъ. Умоляю тебя, войди!»—закричалъ Жюль. Но Бланше испугался и убѣжалъ. Тогда Жюль рѣшился, не смотря на страхъ, силою открыть дверь, и Прелати бросился къ нему въ объятія, обливаясь слезами и кровью. Маршалъ положилъ его въ свою комнату; но удары, полученные Прелати, были такъ сильны, что онъ бредилъ; лихорадочное состояніе не унималось. Жюль, полный отчаянія, сидѣль возлѣ друга, ухаживаль за нимъ, заставляль его исповѣдаться; плакаль отъ счастья, когда оказалось, что опасность смерти миновала.

Повторилось то же самое, что съ неизвѣстнымъ волшебникомъ. Документы, которые свидѣтельствуютъ о тождественности обоихъ этихъ случаевъ, несомнѣнны и подлинны. Если бы злой духъ явился Прелати и Жюлю въ видѣ какого нибудь призрака, можно было бы допустить, что это галлюцинація; но появленіе демона сопровождалось ранами и ударами; стоило вложить палець въ рану, чтобы убѣдиться въ ея дѣйствительности. Жюль де-Рэ, разумѣется, сталъ вѣрить въ реальность дьявола и могъ надѣяться, что онъ,

наконецъ, понравится сатанѣ, и имъ будетъ найденъ чудодѣйственный порошокъ, который дастъ ему безграничныя богатства и почти безсмертіе, потому что въ то время философскій камень считался не только обладающимъ способностью превращать подлые камни въ благородные, но и вылечивать отъ всѣхъ болѣзней, а также продолжать жизнь до предѣла, котораго достигали когда-то одни патріархи.

Какое лицо у дьявола и какова вообще его внѣшность, Жиль не могъ составить никакого представленія объ этомъ предметѣ; онъ вызывалъ дьявола, хотѣлъ съ нимъ говорить. А, между тѣмъ, дьяволъ уже былъ вызванъ и воплотился въ самомъ Жилѣ. Мы читали въ какомъ-то психологическомъ сочиненіи, чуть ли не принадлежащемъ перу извѣстнаго харьковскаго психолога, профессора Ковалевскаго, что маршалъ Жиль де-Рэ былъ сумасшедшій. Если у него было сумасшествіе, то такъ называемое перемежающееся. Но Юисмансъ не смотритъ на де-Рэ, какъ на безумца. По его мнѣнію, всѣ новѣйшія теоріи Ломброзо и Моцли не даютъ возможности понять странное извращеніе умственныхъ и нравственныхъ способностей маршала. Де-Рэ легко причислить къ мономанамъ, потому что мономаномъ называется всякій человѣкъ, у кого преобладаетъ одна какая нибудь опредѣленная идея—*idea fixa*. Съ этой точки зрѣнія, всѣ люди болѣе или менѣе мономаны, потому что у каждаго есть свой конекъ, въ особенности, если кто посвятилъ себя той или другой специальности; каждый психіатръ мономанъ, потому что мысль его устремлена на то, какъ отыскивать мономанію у другихъ; каждый художникъ мономанъ, каждый ремесленникъ. Вопросъ болѣе интересный заключается въ томъ, какъ маршалъ сталъ мономаномъ. Отвѣтить на такой вопросъ едва ли въ состояніи Ломброзо или Моцли; тутъ психіатрія имѣетъ дѣло съ конечными причинами. Вскрытія показали, что черепа и самый мозгъ убійцы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, носятъ на себѣ печать особыхъ измѣненій—аномалій. Но какую печать кладетъ на мозгъ вліяніе безнравственнаго человѣка, развращающаго чистую душу и побуждающаго ее къ совершенію преступленій? Почему называть безумцемъ по преимуществу мерзавца, грѣшника и преступника, а человѣка, совершающаго добрыя дѣла и и даже умирающаго за другихъ,—нормальнымъ? То и другое—только два полюса душевной дѣятельности: одинъ съ отрицательнымъ знакомъ, другой съ положительнымъ: Жанна д'Аркъ и маршалъ Жиль де-Рэ—вотъ два яркихъ примѣра нравственной полярности. Мѣщанская тенденція современныхъ психологовъ считать сумасшедшими всѣхъ, кто выше или ниже нуля, не выдерживаетъ строгой критики. Въ психологіи и психіатріи, не смотря на то, что науки эти могутъ быть тоже объективными, какъ и другія, въ значительной степени (замѣтимъ кстати) играетъ роль субъек-

тивный методъ, и каждый наблюдатель ставитъ себя точкой отправленія...

Какъ бы то ни было, въ замкѣ Тиффожѣ, гдѣ жилъ де-Рэ, бывали страшныя ночи. Юисмансъ поѣхалъ взглянуть на замокъ. Легенда Синей Бороды до сихъ поръ жива въ окрестностяхъ замка, расположеннаго въ Вандеѣ. «Это былъ молодой человѣкъ, который худо кончилъ»,—говорили дѣвушки; старухи крестились; дѣти пугались при его имени. Маршалъ извѣстенъ только по прозвищу, но призракъ его еще не поблѣднѣлъ. Замокъ сохранился. Башня окружена рвомъ, на днѣ котораго растутъ гигантскія деревья. Стѣны хранятъ на себѣ зубцы бойницъ. Внутри множество залъ, печальныхъ и холодныхъ, высѣченныхъ изъ гранита, со сводчатыми потолками. Всюду винтовыя лѣстницы, соединяющія между собой комнаты и корридоры, глубокия ниши и погребя.

По направленію къ низу, корридоры по наклонной плоскости спускаются, раздваиваясь, къ каменнымъ подземнымъ тюрьмамъ, гдѣ тамъ и здѣсь, то по срединѣ, то гдѣ нибудь сбоку виднѣются колодцы и такъ называемыя мѣшки (oubliette).

На вершинѣ одной изъ башенъ существовала крытая галерея, поднимавшаяся винтообразно и назначенная для защиты замка отъ нападенія: въ ней помѣщалась вооруженная стража.

Вообще замокъ производитъ впечатлѣніе крѣпости, которая могла выдержать продолжительную осаду.

Ночью, при лунѣ, замокъ Тиффожѣ, погруженный до половины въ мракъ, ужасенъ. Развалины голы, черны и угрюмы.

Но когда-то мертвыя руины Тиффожя были великолѣпны. Можно по документамъ возстановить ихъ бывшее величіе. Стѣны залъ были одѣты рѣзнымъ дубомъ и коврами, затканными золотомъ. Полы были сложены изъ зеленыхъ и черныхъ твердыхъ кирпичей или изъ бѣлыхъ плитъ. Потолки росписаны лазурью и золотыми звѣздами, гербами и девизами маршала. Мебель была скульптурная, съ высокими спинками, всюду стояли сундуки и шкафы, покрытые мѣдью и черепахой, картины изображали святыхъ и Благовѣщеніе, кроткихъ мученицъ и бѣлокрыхъ ангеловъ.

Въ замкѣ, представлявшемъ собою послѣднее слово архитектурнаго искусства среднихъ вѣковъ, захлебываясь роскошью, жилъ, такимъ образомъ, маршалъ де-Рэ и томился жаждой невѣдомаго. Прелаты и Бланше убѣждали его, что надо продать чорту душу—иначе помощь его сомнительна. Но маршалъ берегъ свою душу. Этотъ человѣкъ, такой храбрый и мужественный на поляхъ битвъ, сподвижникъ и защитникъ Жанны д'Аркъ, дрожалъ передъ дьяволомъ и боялся Бога. Точно также боялись небесныхъ силъ и соучастники маршала. Чтобы заручиться ихъ скромностью, онъ заставилъ ихъ поклясться на Евангеліи, что они не выдадутъ

тайнъ замка. Въ средніе вѣка самый отвѣленный бандитъ не посмѣлъ бы нарушить подобную клятву.

Въ замкѣ почти не было женщинъ. Жиль ненавидѣлъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ при королевскомъ дворѣ и насмотрѣлся тамъ на распутныхъ красавицъ. Онъ привязывался къ дѣтямъ, пѣвшимъ въ капеллѣ; по словамъ хроникъ, они были прекрасны, какъ ангелы.

Но законъ зла и сатанизма требуетъ, чтобы отвѣдавшій грѣха спускался въ преисподнюю по спиральной лѣстницѣ и достигалъ, наконецъ, дна. Первою жертвою маршала былъ совсѣмъ крошечный мальчикъ, который былъ имъ задушенъ въ угоду дьяволу. Отрѣзавъ у ребенка обѣ ручки, вырвавъ сердце и глазки, маршалъ отнесъ ихъ въ комнату Прелати, а тотъ завернулъ въ полотно и похоронилъ ихъ близъ капеллы. Кровь же была собрана Жилемъ для писанія заклинаній. Съ этого времени онъ совершилъ цѣлый рядъ такихъ же убійствъ, погубивъ множество дѣтей.

Съ 1432 по 1440 годъ, въ теченіе восьми лѣтъ, жители Анжу, Поату и Бретани бродили по дорогамъ въ слезахъ, тщетно розыскивая своихъ малютокъ, исчезавшихъ то тамъ, то здѣсь, чуть не каждый день. Пропадали маленькіе пастухи, отправившіеся въ поле; мальчики, выходящіе изъ школъ; дѣвочки, собиравшія въ лѣсу ягоды и грибы. Списокъ жертвъ маршала, добытый слѣдствіемъ, безконеченъ и, всетаки, далеко не полонъ.

Сначала народъ, пораженный ужасомъ, думалъ, что въ странѣ поселились злые геніи и безсердечныя феи, которыя рѣшились уничтожить всѣхъ дѣтей. Но мало-по-малу начались страшныя подозрѣнія. Стоило маршалу отправиться изъ Тиффожа въ замокъ Шантоса, или въ крѣпость Делясюзъ, или въ городъ Нантъ, какъ на всемъ протяженіи его пути на другой день не досчитывались ребятъ. Позади себя маршалъ оставлялъ потоки слезъ. Крестьяне рассказывали также, что мальчики исчезали вездѣ, гдѣ появлялись Прелати, Рожеръ де-Бриквилъ, Жиль де-Силле и другіе приближенные маршала. Наконецъ, стали замѣчать, что старуха Перрина Мартенъ, одѣтая во все сѣрое и съ лицомъ, закрытымъ черной вуалю, бродитъ по окрестностямъ, приближается къ дѣтямъ, заговариваетъ съ ними, поднимаетъ вуаль, и рѣчи ея и выраженіе глазъ и губъ такъ плѣнительны, такъ она обаятельна, что всѣ слѣдуютъ за нею до какой нибудь опушки лѣса, откуда выскакиваютъ люди, хватаютъ дѣтей, сажаютъ въ мѣшки и уносятъ.

Эмисары маршала охотились за дѣтьми по деревнямъ и бургамъ подъ предводительствомъ сира Бриквила. Недовольный добычею, Жиль самъ садился у оконъ замка и, когда нищенки, привлеченныя слухами о его необыкновенной щедрости, подходили и просили милостыни, онъ выбиралъ изъ нихъ тѣхъ, которыя

больше ему нравились, и ихъ бросали въ подземныя тюрьмы, гдѣ кормили и ухаживали за ними до тѣхъ поръ, пока у маршала не являлась охота въ одинъ прекрасный вечеръ поужинать ими.

Сколькихъ дѣтей осквернилъ и зарѣзалъ Жиль де-Рэ? Онъ самъ не могъ опредѣлить числа своихъ жертвъ. Слѣдственный списокъ насчиталъ ихъ отъ семисотъ до восьмисотъ, но цифра неточна и гораздо ниже дѣйствительной. Были опустошены цѣлыя области; въ деревнѣ Тиффожъ не было совсѣмъ молодежи, въ Лясюзъ то же самое; остались только дѣвочки. Въ Шантосэ весь подвалъ главной башни былъ наполненъ трупиками. До сихъ поръ еще наталкиваются на слѣды убійствъ маршала. Два года тому назадъ въ Тиффожѣ одинъ докторъ открылъ каменный мѣшокъ, въ которомъ оказалось множество маленькихъ череповъ и костей.

Жиль де-Рэ самъ разсѣкалъ дѣтей широкимъ ножомъ по частямъ. Вскрывъ грудь, онъ упивался дыханіемъ легкихъ. Потухающій взглядъ жертвы доставлялъ ему страшныя радости. Онъ говорилъ: «Ни на одно удовольствіе не промѣнялъ бы я вида мученій и слезъ, ужаса, внушаемаго мною, и крови, которую я проливалъ». Онъ живыми вскрывалъ мальчиковъ и дѣвочекъ и садился въ грязь ихъ теплыхъ внутренностей. Онъ медленно выпивалъ у дѣтей горло и изобрѣталъ всевозможнаго рода муки малюткамъ, радуя дьявола, сидѣвшаго въ немъ. Маршалу стали нравиться также мертвецы. Созерцаніе свѣжихъ труповъ было для него праздникомъ; иногда онъ плакалъ отъ артистическаго восторга; и, отрубивъ съ одного размаха головку ребенку, онъ хваталъ ее за волосы и долго цѣловалъ въ похолодѣвшія губы. Сатанинская страсть къ истребленію рода человѣческаго, все развиваясь, дошла у маршала до любви къ зародышамъ и, хотя крайне рѣдко, онъ позволялъ себѣ роскошь: распарывалъ беременныхъ женщинъ. Затѣмъ, когда вампиризмъ его былъ удовлетворенъ, послѣ страшныхъ эксцессовъ, онъ впадалъ, истощенный и измученный, въ коматозное состояніе—родъ летаргіи. Вампиризмъ одна изъ самыхъ рѣдкихъ и мало изслѣдованныхъ болѣзней человѣческаго духа. Но если допустить, что Жиль де-Рэ страдалъ, между прочимъ, вампиризмомъ, ему слѣдуетъ отвести первое мѣсто среди преступниковъ, потому что онъ отличался отъ своихъ собратій еще необыкновенной утонченностью звѣрства. При видѣ крови и въ ожиданіи страшныхъ наслажденій, онъ становился не только дикимъ животнымъ, которое играетъ тѣломъ своей жертвы; его свирѣпость не была только плотская; онъ становился актеромъ, былъ сатанински ласковъ съ дѣтьми, добивался ихъ нѣжности и любви къ нему, ихъ благодарности, радостныхъ слезъ, чистыхъ объятій. Несчастнаго ребенка Бриквилъ, Прелати и Силле вводили въ комнату и вѣшали на крюкъ, вбитомъ въ стѣну. Ребенокъ

задыхался. Жиль приказывалъ его снять и развязать веревку. Нѣжно бралъ онъ на руки малютку, сажалъ къ себѣ на колѣни, цѣловалъ, ласкалъ, баюкалъ, утиралъ его слезы, говорилъ, что люди злы, но что онъ добръ и не позволить обижать бѣдняжку, а непременно вернуть его домой: «Не бойся, милочка, я отдамъ тебя мамѣ!». Когда же ребенокъ, внѣ себя отъ радости, кидался на шею маршалу, тотъ, продолжая покрывать его поцѣлуями, ударялъ его острымъ орудіемъ ниже затылка. Ему нравилось смотрѣть, какъ наклоняется головка, слегка отдѣленная отъ туловища, и купать въ крови свои руки. «Нѣтъ никого на землѣ, кто осмѣлился бы сдѣлать что нибудь подобное!»—кричалъ онъ съ гордостью, обращаясь къ своимъ приближеннымъ.

Но если прекрасное и благородное, доброе и святое доступно нѣкоторымъ душамъ далѣе извѣстнаго предѣла, начертаннаго вѣчной любовью, согрѣвающею человѣческія сердца; зато въ области зла есть такія границы, перешагнуть которыя не можетъ ни одинъ человѣкъ. Маршалъ дошелъ до этихъ границъ и увидѣлъ за ними пустоту. Онъ пресытился. Дьяволъ смотрѣлъ на него изъ пустоты и смѣялся. Въ такія минуты Жиль де-Рэ плакалъ, просилъ у Бога прощенія, обѣщалъ богатые вклады въ разные монастыри, давалъ обѣтъ поступить въ монастырь, идти пѣшкомъ въ Іерусалимъ и, какъ нищій, выпрашивать по дорогѣ подаваніе. Въ Машкулѣ онъ построилъ коллегію во имя невинно Иродомъ избіенныхъ младенцевъ. По ночамъ его посѣщали самыя благочестивыя желанія. Онъ бродилъ въ окрестныхъ лѣсахъ и рыдалъ, простирая къ небесамъ руки. Его слухъ тревожили воспоминанія о крикахъ дѣтей, призывавшихъ на помощь отца и мать и умолявшихъ о пощадѣ. Но вдругъ въ самомъ разгарѣ покаянной тоски онъ, еще плача и терзаясь, велѣлъ приводить къ себѣ малютокъ, вырывалъ у нихъ вѣки и билъ ихъ терновникомъ по головѣ, пока не брызгалъ мозгъ. Слезы его кончались зубовнымъ скрежетомъ и хохотомъ, наводившимъ страхъ даже на его друзей.

Замѣчательно, что біографія Жилия де-Рэ распадается на три періода: первый, когда онъ былъ благочестивымъ и отважнымъ рыцаремъ безъ страха и упрека; второй, когда онъ сталъ утонченнымъ поклонникомъ всего прекраснаго и преступникомъ; и третій періодъ, когда онъ сдѣлался кающимся грѣшникомъ. Глядя на панораму его жизни, можно отыскать противовѣсъ каждому его пороку. Добродѣтель вовсе не была чужда душѣ маршала, но только ничто не соединяло злаго и добраго начала въ движеніяхъ его сердца; они выходили не изъ одного источника. Онъ былъ грозенъ и гордъ, тщеславенъ и честолюбивъ и онъ же палъ на колѣни передъ народомъ, заливаясь слезами, исполненный того уничиженія, которое можно наблюдать только у святыхъ. Его свирѣпость превзошла все, что когда либо видѣло человѣчество, и

однакожь онъ былъ милосердъ, обожалъ своихъ друзей, братски любилъ ихъ, и на его дружбу можно было положиться, какъ на каменную гору. Онъ былъ стремителенъ въ своихъ желаніяхъ и въ то же время терпѣливъ; храбръ въ сраженіяхъ, трусливъ, когда шло дѣло о чертяхъ. Его деспотизмъ и грубость легко уступали ласкѣ. Душа его состояла изъ яркихъ вершинъ и самыхъ низкихъ и мрачныхъ глубинъ. Когда спросили у него, какъ онъ могъ рѣшиться на такія преступленія, онъ отвѣтилъ: «Меня толкало къ нимъ мое воображеніе». Онъ обвинялъ себя въ праздности, въ томъ, что онъ постоянно хорошо и сытно ѣлъ и что крѣпкими напитками онъ будилъ въ себѣ звѣря; а главнымъ образомъ его поощряла къ преступленіямъ полная безнаказанность.

Уже всѣ знали, что дѣти погибаютъ въ замкѣ, и что похищаетъ ихъ маршалъ, что злые феи и недобрые геніи тутъ не при чемъ. Но никто не смѣлъ жаловаться на маршала. Завидѣвъ его высокую красивую фигуру, всѣ разбѣгались въ разные стороны, запирались въ хижины, прятались за изгороди—и только. Съ другой стороны, пѣры не имѣли ни малѣйшаго намѣренія срамить своего сосѣда изъ-за такихъ пустяковъ, никто изъ окрестныхъ бароновъ не возвысилъ голоса противъ маршала, всѣ какъ будто находили въ порядкѣ вещей его поведеніе; а его непосредственный сюзеренъ, бретанскій герцогъ Жанъ V, даже ласкалъ его и всячески поддерживалъ, покупая у него по низкой цѣнѣ земли и замки. Существовала только одна власть, которая могла подняться на него и отомстить феодалу за слабыхъ и униженныхъ—церковь. На самомъ дѣлѣ, въ лицѣ Жана де-Малеструа, нантскаго епископа, она возстала, наконецъ, на Жюля де-Рэ и сразила чудовище. Жанъ де-Малеструа былъ близкимъ родственникомъ Жана V и такъ святъ, такъ проникнутъ христіанскою ученостію, что его уважалъ самъ герцогъ. Рыданія деревень, опустошенныхъ Жюлемъ, достигли до епископа. Молча онъ началъ производить слѣдствіе, установилъ за маршаломъ надзоръ и ждалъ только случая.

Случай не замедлил представиться. Чтобы поправить какънибудь свои дѣла, Жюль продалъ Сентъ-Этьенъ, одно изъ имѣній, Вильгельму Ферону, который послалъ брата своего Жана вступить во владѣніе имѣніемъ. Нѣсколько дней спустя, маршалъ собралъ двѣсти человѣкъ, вооружилъ ихъ и пошелъ на Сентъ-Этьенъ. Былъ Троицынъ день. Народъ стоялъ въ храмѣ и слушалъ обѣдню. Маршалъ кинулся на народъ, разогналъ его, схватилъ передъ алтаремъ Жана Ферона и сталъ грозить ему смертью. Богослуженіе было прервано. Жюль пощадилъ жизнь Ферона, насильно занялъ проданный имъ замокъ, но плѣнника отправилъ въ Тиффожъ и заточилъ въ тюрьму. Онъ совершилъ двойное преступленіе: безъ согласія герцога бароны не имѣли права воевать другъ съ другомъ;

кромѣ того, онъ осквернилъ церковь и плѣнилъ Жана Ферона, который принадлежалъ къ духовному сословію. Епископъ тотчасъ же увѣдомилъ о происшествіи Жана V. Герцогъ колебался; однако военный отрядъ направился къ Сентъ-Этьену, откуда Жиль бросился въ Машкуль со своими войсками и тамъ заперся. Другой отрядъ осадилъ замокъ Тиффожъ.

Между тѣмъ, Жанъ де-Малеструа дѣятельно продолжалъ слѣдствіе и по всѣмъ деревнямъ разслалъ эмисаровъ и прокуроровъ, собирая свѣдѣнія о пропавшихъ дѣтяхъ. Не довольствуясь этимъ, онъ самъ выѣхалъ изъ Нанта. Народъ раскрылъ, наконецъ, уста, палъ на колѣни передъ епископомъ и получилъ отъ него торжественное обѣщаніе, что правосудіе будетъ совершено. Достаточно было одного мѣсяца, чтобы дѣло было кончено. Жанъ де-Малеструа обнародовалъ «инфамацию» противъ Жила и, когда вся каноническая процедура была продѣлана, отдалъ приказъ объ арестѣ маршала; онъ перечислилъ краснорѣчивымъ языкомъ всѣ ужасы, совершенные Жилемъ де-Рэ, и повелѣлъ своей діоцезѣ идти на убійцу и взять его. На слѣдующій день, капитанъ Жанъ Лобе, дѣйствовавшій именемъ герцога, и Робенъ Гильоме, дѣйствовавшій именемъ епископа, явились, въ сопровожденіи небольшого отряда, въ замокъ Машкуль. Маршалъ, который могъ долго и упорно защищаться въ укрѣпленномъ замкѣ, сдался безъ сопротивленія. Рожеръ де-Бриквилъ и Жиль де-Силле, его постоянные совѣтники и спутники, бѣжали; а онъ остался вмѣстѣ съ Прелати и позволилъ надѣть на себя цѣпи. Робенъ Гильоме осмотрѣлъ крѣпость. Онъ нашелъ множество окровавленныхъ рубашечекъ и обгорѣлыхъ костей. Сопровождаемые проклятіями и криками ужаса, Жиль и его слуги были препровождены въ Нантъ и заточены въ Новую Башню.

По всей вѣроятности, арестъ былъ произведенъ въ то время, когда маршалъ хандрилъ и мучился угрызениями совѣсти, послѣ какихъ нибудь новыхъ ужасовъ, на что указываютъ значительныя количества найденнаго Робеномъ Гильоме окровавленнаго дѣтскаго бѣлья. А, быть можетъ, онъ рассчитывалъ на продажность герцога и на заступничество пэровъ, которые считали себя оскорбленными, что епископъ осмѣлился судить могущественнаго и благороднаго барона. Какъ только Жиль и его соучастники были брошены въ тюрьму, организовалась два трибунала—одинъ духовный для разсмотрѣнія преступленій церковнаго характера, другой—гражданскій. Послѣдній трибуналъ совершенно поглотился церковнымъ трибуналомъ; его роль ограничилась только произнесеніемъ уголовного приговора, на томъ основаніи, что церковь не проливаетъ крови—*ecclēzia abhorret a sanguine*. Церковный судъ длился мѣсяцъ и восемь дней, гражданскій сорокъ восемь часовъ. Кажется, что Бретанскій герцогъ нарочно сузилъ роль гражданского суда, чтобы избѣжать упрековъ въ осужденіи барона и свалить все на церковь.

На судѣ предсѣдательствовалъ Жанъ де-Малеструа; его ассесорами было нѣсколько другихъ епископовъ и высокихъ сановниковъ, юристовъ и адвокатовъ, бакалавровъ и лиценціатовъ; были представители и инквизиціоннаго трибунала. Процессъ начался утромъ, потому что судьи и свидѣтели должны были, по обычаю того времени, ничего не ѣсть. Ввели Жюля де-Рэ и начали читать обвинительный актъ въ присутствіи народа, который собрался въ залу суда. За звѣрское избіеніе дѣтей, за волшебство и за магію обвинитель требовалъ отлученія Жюля отъ церкви, какъ вызывателя демоновъ и еретика и какъ содомита и святотатца. Маршалъ нѣкоторое время велъ себя надменно и порицалъ трибуналъ; но потомъ онъ смирился, въ особенности, когда къ нему въ тюрьму привели его друга Прелати. При видѣ его Жюль залился слезами, обнялъ его и сказалъ: «Прощай, Францискъ, мой другъ! Никогда ужъ мы не встрѣтимся на этомъ свѣтѣ. Я буду просить Бога, чтобы онъ далъ терпѣніе. Если ты будешь надѣяться на него, увидимся въ раю. Молись за меня, а я буду молиться за тебя». Маршала хотѣли пытать, но онъ заявилъ, что ничего не скроетъ. И вотъ наступилъ торжественный день, когда набралось столько народа, что онъ толпился даже на лѣстницахъ, на дворѣ, на улицѣ и наполнялъ сосѣдніе переулки. Крестьяне пришли издалека, чтобы посмотреть на звѣря, терзавшаго ихъ дѣтей. Женщины плакали, вспоминая горестныя утраты. Вышли судьи. Громадная, сумрачная зала, поддерживаемая тяжелыми колоннами, на которыя опирался сводъ, была освѣщена мутнымъ свѣтомъ октябрьскаго дня, разбивавшимся сквозь свинцовые переплеты узкихъ оконъ. Когда судьи входили, заиграли трубы. Епископы блистали золотыми одеждами и митрами, на шеѣ у нихъ горѣли ожерелья изъ карбункуловъ; медленно сѣли они въ первомъ ряду, а посреди, на высокомъ креслѣ возвышался неподвижный и безстрастный Жанъ де-Малеструа. Жюль вошелъ, окруженный стражей.

Онъ постарѣлъ лѣтъ на двадцать за одну ночь. Глаза его горѣли въ сморщенныхъ вѣкахъ, щеки дрожали. Онъ началъ повѣствовать о своихъ преступленіяхъ. Глухимъ голосомъ сквозь слезы онъ разсказалъ о томъ, какъ онъ похищалъ дѣтей, какъ онъ ихъ заманивалъ, какъ онъ притворялся передъ ними любящимъ и нѣжнымъ, какъ онъ страшно ихъ убивалъ и осквернялъ, онъ признался, что вырывалъ у нихъ сердца. Разсказывая, онъ смотрѣлъ на свои пальцы и шевелилъ ими, словно съ нихъ стекала кровь. Народъ хранилъ гробовое молчаніе, которое по временамъ прерывалось только отрывистыми криками; женщины падали въ обморокъ, ихъ уносили.

Маршалъ ничего не слышалъ и не видѣлъ. Онъ продолжалъ страшную «литанію» своихъ преступленій. Потомъ голосъ его сталъ громче, онъ дошелъ до описанія такихъ ужасовъ, что епископы

поблѣднѣли, не смотря на то, что во времена демономаніи они привыкли слышать самыя страшныя признанія. Прелаты, которыхъ не удивляло никакое извращеніе чувствъ и никакая язва души, перекрестились, а Жанъ де-Малеструа всталъ и изъ стыдливости закрылъ ликъ Христа. Всѣ они склонили чело и, не обмѣнявшись ни словомъ другъ съ другомъ, слушали маршала, который, съ искаженнымъ лицомъ, обливаясь потомъ, смотрѣлъ на распятіе — на терновый вѣнецъ, виднѣвшійся изъ-подъ покрова.

Онъ кончилъ исповѣдь. Тутъ силы оставили его. Онъ упалъ на колѣни и, потрясаемый рыданіями, вскричалъ: «О, Господи, Искупитель мой, будь милосердъ и прости!». Затѣмъ, обратившись къ народу, онъ сказалъ со слезами: «Вы, родители тѣхъ, кого я такъ жестоко умерщвлялъ, ахъ, дайте мнѣ, дайте облегченіе вашими молитвами!»

Произошло замѣчательное событіе. Величавый духъ среднихъ вѣковъ выказалъ себя во всей своей необыкновенной свѣтозарности. Жанъ де-Малеструа покинулъ свое кресло, подошелъ къ обвиняемому, который ударялъ лбомъ по каменнымъ плитамъ пола, обнялъ его, поцѣловалъ и заплакалъ вмѣстѣ съ нимъ; Жиль склонилъ голову къ нему на грудь. «Молись! — сказалъ епископъ преступнику, — молись, чтобы страшный гнѣвъ Всевышняго замолчалъ. Плачь, чтобы слезы твои омыли грязь твоей безумной души». Вся зала преклонила колѣни, и всѣ начали молиться за маршала.

Послѣ нѣкотораго промежутка, епископы и ассесоры снова стали безстрастны и молчаливы. Прокуроръ сказалъ, что преступленія ясны и открыты, что доказательства на лицо, что теперь судъ можетъ приступить къ наказанію виновнаго, и просилъ назначить день для произнесенія приговора. Трибуналъ назначилъ слѣдующій день.

Приговоръ состоялъ въ томъ, что маршала Жюля де-Рэ судъ отлучилъ отъ церкви. Когда же онъ былъ произнесенъ, епископъ и инквизиторъ сказали маршалу: «Желаете ли вы теперь, проклявъ ваши заблужденія и ваши другія преступленія, опять сдѣлаться членомъ церкви, нашей общей матери?». Маршалъ началъ страстно умолять принять его опять въ лоно церкви. Его приняли и причастили. Небесное правосудіе было удовлетворено: преступленіе признано, наказано и смыто слезами раскаянія и примиренія. Оставалось одно человѣческое правосудіе.

Гражданскій судъ приговорилъ маршала къ смертной казни и конфискаціи его имущества. Прелаты и другіе соучастники маршала были въ то же время осуждены на висѣлицу и на костры. Жиль де-Рэ попросилъ объ одной милости: казнить его друзей одновременно съ нимъ. Жанъ де-Малеструа принялъ его просьбу.

Затѣмъ маршалъ пожелалъ, чтобы отцы и матери погубленныхъ имъ дѣтей присутствовали при казни.

Народъ рыдалъ отъ жалости; въ баринѣ-демономанѣ онъ видѣлъ только несчастнаго, оплакивавшаго свои преступленія. Съ утра народъ ходилъ по городу процессіей, на улицахъ звучали псалмы, и многіе давали обѣщаніе поститься три дня, чтобы успокоить душу Жюля де-Рэ. Въ одиннадцать часовъ народъ направился къ тюрьмѣ и сопровождалъ маршала до самаго костра. Маршалъ ободрялъ своихъ соучастниковъ, цѣловалъ ихъ, заклиналъ съ отвращеніемъ думать о томъ, что они дѣлали вмѣстѣ съ нимъ, и, ударяя себя въ грудь, умолялъ Святую Дѣву пощадить ихъ. Вспыхнулъ огонь, повалилъ черный дымъ. Духовенство и крестьяне продолжали пѣть псалмы.

Такъ кончилась страшная исторія страшнаго маршала. Прозвище «Синяя Борода», данное ему, прежде принадлежало бретонскому королю Комору, замокъ котораго, построенный въ VI вѣкѣ, до сихъ поръ существуетъ еще въ видѣ развалинъ близъ лѣса Карноэ. Коморъ попросилъ однажды у графа Герока руки его дочери Трифины. Герокъ отказалъ, потому что слышалъ, что Коморъ постоянно вдовѣтъ и душилъ своихъ женъ. Наконецъ, святой Гильдасъ пообѣщалъ ему возвратить дочь здоровой и невредимой. Герокъ отдалъ дочь замужъ за Комора, и свадьба была отпразднована. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Трифина узнала, что Коморъ дѣйствительно убивалъ своихъ женъ, какъ только онѣ становились беременными. Сама она забеременѣла, испугалась своего преступленія и убѣжала отъ мужа; но была поймана и зарѣзана имъ. Отецъ Трифины обратился къ святому Гильдасу съ просьбой сдержать свое обѣщаніе и воскресить дочь. Въ старину подобныя чудеса нерѣдко случались, и Трифина ожила. Легенда эта ближе всего подходитъ къ исторіи Синеѣ Бороды, обработанной остроумнымъ сказочникомъ Перро. Но какимъ образомъ прозвище «Синяя Борода» перешло отъ Комора къ Жюлю де-Рэ, неизвѣстно. Быть можетъ, до Жюля де-Рэ король Коморъ былъ самымъ популярнымъ изъ легендарныхъ преступниковъ, но Жюль де-Рэ превзошелъ его и заставилъ потонуть въ блескѣ своей кровавой славы.

Достойно вниманія, что какъ Жанна д'Аркъ, величайшая изъ свѣтлыхъ личностей средневѣковаго періода исторіи, такъ и Жюль де-Рэ, самая сатанинская фигура того времени, оба погибли на кострѣ. Что человѣчество не прощаетъ выдающихся злодѣяній, это понятно; но оно не прощаетъ также и выдающихся добродѣтелей!

I. Ясинскій.

МОГИЛЕВСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ СМУТА.

I.

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда вся Россія 25-го декабря 1812 года возносила благодарственныя молитвы Богу за избавленіе отъ Наполеонова нашествія, когда все въ Россіи ликовало и радовалось, среди духовенства Витебской и Могилевской епархіи царил смятеніе и тревога.

Въ здѣшней консисторіи получено было извѣстіе, что изъ Петербурга ѣдетъ въ Могилевъ членъ святѣйшаго синода, архіепископъ рязанскій, посланный, по высочайшему повелѣнію, для разслѣдованія на мѣстѣ о поступкахъ витебскаго и могилевскаго архіепископа Варлаама и другихъ духовныхъ лицъ во время пребыванія Наполеона въ предѣлахъ Россіи. Въ ночь на 29-е число, дѣйствительно, изъ Смоленска въ Могилевъ пріѣхалъ давно ожидаемый архіепископъ рязанскій. Не успѣвъ хорошенько отдохнуть послѣ дальняго зимняго пути, онъ въ восемь часовъ утра явился въ консисторію, куда приказалъ собраться всему высшему духовенству города и членамъ консисторіи, а равно послалъ за архіепископомъ Варлаамомъ.

Заволновалось все духовенство, члены и всѣ служащіе въ консисторіи чиновники, въ ожиданіи рѣшенія роковаго вопроса, что ихъ ждетъ въ будущемъ. Волненіе распространилось и на все населеніе Могилева. Оставался, повидимому, спокоенъ лишь одинъ человѣкъ, которому больше всего угрожала опасность. То былъ виновникъ всей тревоги и пріѣзда слѣдователя архіепископъ Варлаамъ Шипацкій.

Спокойно и съ достоинствомъ вошелъ онъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ въ креслахъ, поджидая его, архіепископъ рязанскій. Послѣ краткаго привѣтствія, членъ синода началъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— Не съ радостною вѣстью я пріѣхалъ къ вамъ. Мнѣ выпала на долю печальная необходимость объявить вамъ именной его императорскаго величества указъ, данный синоду 5-го декабря сего 1812 года, коимъ повелѣно мнѣ, удаливъ васъ отъ управленія епархіею, произвести на мѣстѣ вѣрнѣйшее изслѣдованіе о поступкахъ вашихъ во время нашествія врага и по изслѣдованіи представить его величеству свое мнѣніе. Надѣюсь, вы понимаете всю важность даннаго мнѣ порученія и не только чистосердечно откроете причину вашихъ поступковъ, но, по силѣ возможности, убѣдите и другихъ, причастныхъ къ этому дѣлу, поступить точно такимъ же образомъ.

Архіепископъ рязанскій остановился на минуту и вытеръ платкомъ выступившія на лбу крупныя капли пота, хотя въ комнатѣ было не особенно жарко.

— Милость государя безконечна. Если онъ убѣдится въ вашей невинности, то одно слово его разсѣетъ скопившуюся надъ вашею головою грозу...

Варлаамъ, молча, наклонилъ голову, какъ бы подтверждая справедливость словъ своего собрата по власти.

— Итакъ,—продолжалъ слѣдователь,— не угодно ли будетъ вамъ сдѣлать разъясненіе вашихъ поступковъ?

— Скрывать свои поступки я не хочу и не могу, ибо они ясны изъ подлинныхъ дѣлъ, которыя хранятся здѣсь, въ консисторіи, и которыя вы можете потребовать и разсмотрѣть; я же съ готовностію дамъ, какія потребуются, объясненія на оныя,—медленно и тихимъ голосомъ проговорилъ Варлаамъ.

— Хорошо,—сказалъ, подумавъ, архіепископъ рязанскій,— я потребую указанныя вами дѣла и разсмотрю ихъ; а пока долженъ объявить вамъ, что, въ силу даннаго мнѣ высочайшаго указа, поставляю здѣшней консисторіи въ обязанность наблюдать за вами и обревизовать по книгамъ казенное архіерейскаго дома и семинаріи имущество. Объ удаленіи васъ отъ управленія епархіею сообщу въ Могилевское и Витебское губернское правленіе.

— Дѣлайте, какъ вамъ внушаютъ долгъ и совѣсть,—проговорилъ съ поклономъ Варлаамъ и удалился изъ комнаты.

II.

Никого и ничего не замѣчая, прошелъ Варлаамъ нѣсколько комнатъ и длинный коридоръ зданія консисторіи, сѣлъ въ поджидавшую его у подъѣзда карету и приказалъ везти себя домой. Видно

было, что онъ старался побороть въ себѣ сильное душевное волненіе. Большія усилія дѣлалъ онъ передъ архіепископомъ Рязанскимъ, чтобы скрыть, подъ видомъ притворнаго спокойствія, страхъ и волненіе. Очутившись въ каретѣ, онъ впалъ въ изнеможеніе, тяжело переводилъ дыханіе, и слезы невольно навертывались у него на глазахъ. Но, по мѣрѣ приближенія кареты къ архіерейскому дому, самообладаніе вновь нашлось у него, и онъ почти спокойный, какъ будто не произошло ничего чрезвычайнаго, направился, выйдя изъ кареты, по широкой устланной ковромъ лѣстницѣ въ свои покои. Оставшись одинъ, онъ старался успокоить себя тѣмъ, что собравшаяся надъ его головою гроза пронесется мимо, и его поступокъ во время нашествія Наполеона не будетъ истолкованъ, какъ явная измѣна долгу своего сана, отечеству и царю.

— «Ужели,—думалъ онъ,—вся моя прошлая дѣятельность не прибавитъ въ пользу мою ни одного свидѣтельства?».

Онъ поникъ головою, и ему вспомнились разные моменты его 63-лѣтней жизни.

Вспомнилъ онъ себя простымъ мальчикомъ въ селѣ Красиловкѣ, Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи. Потомъ мелькнули предъ нимъ годы ученія, когда онъ прилежно, не жалѣя силъ и не теряя даромъ времени, изучалъ философію, богословіе, языки—латинскій, греческій, нѣмецкій и польскій. По окончаніи курса въ академіи, онъ попалъ учителемъ въ Переяславскую семинарію. Его всегда тянуло къ жизни тихой, уединенной, къ жизни, посвященной всецѣло различнымъ умственнымъ трудамъ, и потому въ 1776 году онъ постригся въ монашество; а вскорѣ послѣ того былъ назначенъ сперва префектомъ, а потомъ и ректоромъ той же семинаріи. Въ 1780 году его произвели въ игумены Минской епархіи въ бывший прежде заштатный Польской области Мошно-Горской монастырь, а оттуда перевели въ Переяславскій Михайловскій. По упраздненіи Переяславской епархіи и по учрежденіи вмѣсто нея Новгородсѣверской, онъ въ 1785 году переведенъ на должность ректора Новгородсѣверской семинаріи и начальствовалъ въ Макошинскомъ монастырѣ. Кромѣ того, и въ Переяславской и въ Новгородсѣверской епархіяхъ онъ былъ членомъ консисторіи. Въ 1787 г., указомъ синода, отправленъ былъ въ Польшу для управленія тамъ Виленскимъ Святодуховскимъ и другими приписными къ нему монастырями. Когда произошло въ Польшѣ возмущеніе, онъ удалился оттуда и по опредѣленію синода въ 1791 году произведенъ въ архимандрита во второклассный, Новгородской епархіи, Вяжицкій (Николаевскій) монастырь, изъ котораго вслѣдствіе именнаго высочайшаго повелѣнія отправленъ къ минскому архіепископу ¹⁾ для

¹⁾ Виктору Садковскому. Дѣло было 26-го мая 1794 году. См. Арх. Филаретъ, Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи, 1872 года, часть 3.

пособія ему въ обращеніи тамошнихъ униатовъ къ православію, съ назначеніемъ ему мѣстопробыванія и настоятельства въ Дятловицкомъ-Преображенскомъ монастырѣ. Труды его были замѣчены, и 12-го апрѣля 1795 года ¹⁾, по именному высочайшему указу, онъ посвященъ въ епископа житомирскаго. Въ 1805 году всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени и переведенъ въ Могилевскую епархію, а въ 1808 году, марта 23-го, возведенъ въ санъ архіепископа.

Ужели этою жизнью не заслужилъ онъ довѣрія и репутаціи преданнаго православію и царю слуги? Ужели одинъ его промахъ (при воспоминаніи о которомъ старческое лицо Варлаама покрылось краскою) разрушить все, что создано годами долгой жизни и дѣятельности?

III.

Въ первыхъ числахъ января 1813 года, въ той же самой комнатѣ консисторскаго зданія, гдѣ началось рассказываемое нами, за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣлъ архіепископъ рязанскій, а противъ него Варлаамъ Шишацкій.

Передъ членомъ синода лежала кипа бумагъ, которыя онъ перелистывалъ и сортировалъ. Въ сторонѣ, у окна, за небольшимъ столомъ сидѣлъ, повидимому, секретарь архіепископа Рязанскаго. Въ комнатѣ царило неловкое и тягостное молчаніе.

— Я разсмотрѣлъ всѣ дѣла,—прервалъ, наконецъ, это молчаніе слѣдователь,—относящіяся къ вашему поступку, а равно допросилъ и лицъ, прикосновенныхъ къ оному или бывшихъ свидѣтелями онаго, и на основаніи добытаго мною составилъ въ нѣсколькихъ пунктахъ донесеніе, которое прошу васъ выслушать и сдѣлать свои замѣчанія.

— Ивановъ,—обратился онъ къ секретарю,—прочтите мое донесеніе.

Секретарь, толстенькій человѣчекъ, мелкими шагами подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли архіепископъ рязанскій и Варлаамъ, отыскалъ въ грудѣ бумагъ одну довольно толстую тетрадь и, перелиставъ нѣсколько страницъ, откашлялся и началъ было громко: «Донесеніе синодальнаго члена»...

— Читайте прямо пункты!—перебилъ его нетерпѣливо архіепископъ рязанскій.

Секретарь пробѣжалъ глазами нѣсколько строкъ и затѣмъ продолжалъ:

¹⁾ По свѣдѣніямъ Филарета, 1795 года 3-го іюня (см. тамъ же) онъ былъ назначенъ только викаріемъ къ тому же архіепископу Виктору. Спустя четыре года, Волинско-Житомирская епархія сдѣлана самостоятельной, а Варлаамъ опредѣленъ мѣстнымъ епископомъ сей епархія, 1799 года октября 16-го.

«Первое: По вступленіи въ Могилевъ непріятели, учреждена въ ономъ временная комиссія, изъ которой къ архіепископу Варлааму, 13-го іюля, прислано отношеніе о учиненіи на вѣрность французскому императору присяги и воспоминаніи его при богослуженіи; почему на другой день, то-есть іюля 14-го, поговоря онъ, архіепископъ, напередъ объ ономъ требованіи съ консисторскими членами и секретаремъ, и особо съ посѣтившимъ его греко-россійскаго исповѣданія генераль-маіоромъ Хаментовскимъ, отправился въ кафедральный соборъ и тамъ со всѣми ими и со всѣмъ народомъ по формѣ учинилъ на послушаніе новому правительству присягу, что подтвердили сдѣлавшіе то же консисторскіе присутствующіе и секретарь съ канцелярскими служителями, при чемъ онъ, архіепископъ, отслужилъ литургію и молебенъ съ воспоминаніемъ имени того императора, что наблюдалъ въ другое при священнослуженіи время; о подобномъ же исполненіи и во всей епархіи по резолюціи его предписано изъ консисторіи всѣмъ подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ, но по замѣчанію его, архіепископа, было у таковой присяги духовенства не менѣе двухъ третей, ибо до нѣкоторыхъ мѣстъ непріятели власть не достигала, въ другихъ слабо дѣйствовала, а затѣмъ православные духовные удобно могли отъ присяги уклониться, хотя консисторія для виду объ оной имъ подтверждала. О исполненіи таковыхъ предписаній и неоднократныхъ по приказаніямъ архіепископа Варлаама подтвержденій присланы въ консисторію рапорты отъ благочинныхъ и духовныхъ заводовъ по городамъ: Могилеву, Мстиславлю, Чаусу, Быхову и Черикову. Сколько же и кто именно присягали, о томъ за отсылкою въ упоминаемую комиссію присяжныхъ листовъ не извѣстно; но таковой присяги не учинено въ Кописѣ, за неявкою съ свѣтской стороны чиновника, а въ Климовичахъ потому, что тамошній духовный заказъ не понялъ силы консисторскаго предписанія, и хотя посланъ былъ въ Могилевъ съ донесеніемъ о семъ церковникъ, но сей, не дойдя туда по причинѣ побоевъ отъ польскихъ солдатъ, отдалъ то донесеніе въ городѣ Чаусахъ протопопу. Оставленные присутствующими къ консисторіи, подписавшіе присяжные листы, архимандритъ Іоасафъ и ключарь Стратановичъ показали: первый, что онъ, отнюдь не желая сдѣлать таковую присягу, искалъ средство скрыться, но, будучи не въ силахъ отъ причиненныхъ ему непріятеlemъ побоевъ сего учинить, остался въ монастырѣ и по настоянію консисторскому подписалъ 15-го августа только присяжный листъ, имѣя мысль всегда быть вѣрнымъ своему государю императору, и во все время плѣненія во всѣхъ священнослуженіяхъ возносилъ имена своего законнаго государя императора и высочайшую фамилію, а Наполеона никогда не поминалъ и молебствія за него не служилъ; второй, что когда непріятель приблизился къ границамъ могилевскимъ, то многократно

просили архієпископа нѣкоторые изъ гражданскаго духовенства, а тѣмъ болѣе консисторіи присутствующіе, въ числѣ коихъ и онъ, ключарь, о позволеніи имъ удалиться, но онъ даже накрѣпко запретилъ имъ выѣзжать изъ Могилева и сказалъ, наконецъ: «Я остаюсь, и вамъ всѣмъ оставаться!».

«13-го іюля по полудни, въ двѣнадцатомъ часу, призванъ былъ къ архієпископу, отъ коего получилъ приказаніе нарядить къ 14-му числу священниковъ для служенія съ нимъ въ соборѣ, ибо де получилъ онъ отношеніе служенія о учиненіи присяги, а кому и какой присяги, ничего ему, ключарю, не сказалъ; на другой день архієпископъ въ соборѣ служилъ самъ литургію и потомъ учинилъ присягу, онъ же, Стратановичъ, въ то время, когда читана была присяга, стоялъ въ алтарѣ и формально не присягалъ, а только вызванъ былъ изъ алтаря для подпису.

«Второе: По отношенію городской могилевской полиціи, послѣдовавшему 1-го августа о торжественіи того августа 3-го числа тезоименитства французскаго императора и объ освященіи церкви и домовъ, сдѣлано имъ, архієпископомъ Варлаамомъ, предписаніе слѣдующее: 1) всѣмъ чернаго и бѣлаго духовенства начальникамъ тотчасъ дать надлежащее предписаніе, и 2) чтобы оно со всею точностью и исправностью было выполнено, на сей конецъ учинить надзирателей, а при литургіяхъ, имъ, архієпископомъ, отправляемыхъ, какъ-то 8-го, такъ и 13-го числъ августа, въ день рожденія императрицы французской, говорены были священникомъ того собора Піючевскимъ проповѣди его, архієпископа, сочиненія, о коихъ священникъ Піючевскій показалъ, что содержаніе первой проповѣди было вообще о вседѣйствующемъ Промыслѣ Божіемъ, съ обращеніемъ въ заключеніи, какъ припомнить онъ, къ французскому императору Наполеону такимъ выраженіемъ: «На комъ болѣе дѣйствуетъ Всевышній Промыслъ, какъ не на великомъ Наполеонѣ? Предпріятія его чрезвычайны! Подвиги велики! Дѣла пресловуты! Событія дальновидныхъ его намѣреній приводятъ въ удивленіе всю вселенную!» Какого-жъ содержанія была вторая проповѣдь, онъ, Піючевскій, не припомнить, потому что она дана ему самимъ архієпископомъ Варлаамомъ, по приѣздѣ его въ церковь къ служенію, въ самой церкви, чрезъ канцеляриста Козакевича, рукою коего писаны обѣ сіи проповѣди, и отобраны отъ него по проговореніи обратно къ архієпископу»...

— Позвольте мнѣ сдѣлать маленькое объясненіе! — обратился Варлаамъ къ архієпископу Рязанскому и прервалъ чтеца.

— Сдѣлайте одолженіе! — съ живостью проговорилъ послѣдній.

Секретарь быстро направился къ своему столику и приготовился записывать показаніе Варлаама.

— Я долженъ объяснить вамъ, что тѣ проповѣди на два высокаторжественные дня, по требованію французскаго правитель-

ства, я приказалъ изготавить соборному протоіерею и ключарю; но какъ они за краткостью времени сдѣлать того не успѣли, то, опасаясь истязаній, я велѣлъ поспѣшно списать печатныя съ отмѣною нѣкоторыхъ словъ и со включеніемъ имени французскаго императора, разумѣя, что онѣ будутъ тоже, что и церковныя молитвы, въ коихъ мы поневолѣ его вспоминали. Когда тѣ проповѣди священникомъ Піючевскимъ были прочитаны въ церкви, то я велѣлъ ихъ истребить, дабы не осталось и слѣда изъ того, чѣмъ духовенство наше принуждено было украшать празднество своего супостата.

Обвиняемый умолкъ, а секретарь, положивъ записанное предъ слѣдователемъ, снова принялся за чтеніе.

«Третье. По поводу дошедшаго архіепископу Варлааму свѣдѣнія, что могилевскій градской Воскресенской церкви священникъ Андрей Добровольскій, по совершеніи іюля 22-го дня литургіи, отправлялъ молебствіе, вспоминая во время онаго фамилію императорскаго россійскаго двора, велѣно отъ него, архіепископа, учинить въ томъ строжайшее изысканіе, вслѣдствіе чего священникъ сей того-жъ 22-го числа въ консисторіи показалъ, что онъ какъ на литургіяхъ, такъ и на молебнѣ фамилію императорскаго россійскаго двора не воспоминалъ, а въ силу предписанія своего начальства воспоминалъ французскаго императора, что утвердили своими показаніями исправлявшіе причетническія должности двое мѣщанъ.

«Четвертое. По отношенію, писанному на польскомъ языкѣ отъ бывшаго въ городѣ Могилевѣ мера, о подаваніи ему священно и церковнослужителями понедѣльно вѣдомостей: о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ, на учиненномъ могилевскою консисторіею сентября 9-го дня опредѣленіи для опубликованія онаго по церквамъ прихожанамъ чинить не отложно исполненіе, резолюція отъ архіепископа Варлаама послѣдовала такова: «исполнить заразъ».

«Пятое. Августа 11-го далъ онъ, архіепископъ, консисторіи свое опредѣленіе съ означеніемъ требованія губернатора о строжайшемъ подтвержденіи всему духовенству, чтобы въ городѣ при церквахъ отъ захожденія до совершеннаго восхожденія солнца въ колокола отнюдь нигдѣ не звонить, да и въ день къ литургіи и вечернѣ звонили бы тихо и непродолжительно, что и исполнилось.

«Шестое. На учиненномъ консисторіею 22-го іюля опредѣленіе о разсылкѣ въ подчиненныя мѣста присланныхъ въ оную изъ временной комиссіи трехъ бумагъ на польскомъ языкѣ, дабы крестьяне повиновались помѣщикамъ своимъ и чинили арміи французской въ требованіяхъ ея вспомошествованія, резолюція архіепископа Варлаама послѣдовала такова: «исполнить заразъ».

«Седьмое. Членъ синода, архіепископъ рязанскій, въ могилев-

ской консисторіи нашелъ подлинныя ставленническія дѣла о произведеніи четырехъ во священники и діаконы, кои при семь случаѣхъ учинили присягу не вашему императорскому величеству, а врагу нашего отечества Наполеону. По сему случаю предписалъ онъ, синодальный членъ, могилевской консисторіи всѣмъ имъ запретить священнослуженіе, что и синодомъ утверждено, до разсмотрѣнія о поступкахъ архіепископа Варлаама дѣла. Сверхъ того, онъ, синодальный членъ, предписалъ консисторіи послать изъ оной во всѣ подчиненныя мѣста указы о возношеніи во всѣхъ священно и церковнослуженіяхъ вашего императорскаго величества и высочайшей фамиліи, а бывшее мятежное постановленіе о воспоминаніи Наполеона уничтожить».

Секретарь, окончивъ чтеніе, положилъ передъ архіепископомъ рязанскимъ тетрадь, удалился къ своему столику и приготовился писать то, что скажетъ обвиняемый.

— Что вы можете возразить на прочитанное? — спросилъ синодальный членъ Варлаама.

— Я не отрицаю всего, что мнѣ прочитано,—тихо и медленно проговорилъ онъ.—Но прошу выслушать и донести чрезъ синодъ его императорскому величеству тѣ побужденія, кои принудили меня учинить врагу выше упомянутую присягу на временное послушаніе.

Тутъ онъ остановился на минуту, какъ бы собираясь съ мыслями, и продолжалъ рѣчь, которую спѣшно записывалъ за нимъ секретарь.

— Учинить присягу на временную вѣрность врагу его императорскаго величества и Россіи побудили меня не плѣнь мой, отъ коего не захотѣло предохранить меня гражданское могилевское начальство, и не страхи, кои меня, человѣка стараго, тогда, правда, не мало обуревали; нѣтъ, я нашелся бы въ силахъ отринуть жестокое мучительской власти повелѣніе. Не я ли доказалъ свою непоколебимую вѣрность ко всероссійскому престолу, когда въ 1849 году, будучи въ Польшѣ настоятелемъ Виленскаго монастыря, дать королю и Рѣчи Посполитой присягу въ минскомъ повѣтовомъ судѣ торжественно отказался и съ величайшею опасностію жизни убѣжалъ въ Россію; но состояніе мое при нашествіи Наполеона весьма различествовало отъ тогдашняго. Местъ раздраженнаго противъ меня врага, конечно, излилась бы на мою паству, и я невольно сдѣлался бы причиною злключеній для тѣхъ, за коихъ въ нужномъ случаѣ душу свою положить долженъ. По сему-то уваженію рѣшилъ я обязательства вѣрноподданнаго по наружности нарушить, дабы въ самомъ дѣлѣ тѣмъ паче ихъ выполнить, сохраняя въ спокойствіи и тишинѣ врученную мнѣ церковь. Что я не обманулся въ мнѣніи своемъ, то очевидно доказываютъ Божьи храмы, къ которымъ вражеская рука не прикоснулась, и весь православный народъ съ его духовенствомъ, которымъ за вѣру ихъ

никакого ни отъ кого оскорбленія не учинено. Вотъ все, что я прошу донести его императорскому величеству и святѣйшему синоду,—проговорилъ въ волненіи обвиняемый и, простившись, вышелъ изъ комнаты.

IV.

Около 10-ти часовъ утра, 29 іюня того же 1813 года, замѣтно было необыкновенное движеніе въ Черниговѣ, по улицѣ, ведущей къ собору. Все, что было знатнаго и чиновнаго въ городѣ, въ каретахъ, коляскахъ и простыхъ дрожкахъ направлялось къ церковной оградѣ городского собора и затѣмъ спѣшило занять мѣсто въ холодной соборной церкви. За знатью и чиновниками валомъ валилъ простой народъ и занялъ всю соборную площадь. Но толпа эта не галдѣла, какъ обыкновенно бываетъ при сборищахъ народныхъ; напротивъ, въ ней царило какое-то молчаливое недоумѣніе и взоры всѣхъ устремлялись въ неопредѣленную даль улицы...

Въ ней, наконецъ, показалась карета четверикомъ, въ сопровожденіи стражи изъ полицейскихъ служителей. По толпѣ пробѣжалъ неясный шепотъ удивленія и радости, что дождались таки чего нибудь. Горожане молча разступились, при приближеніи кареты, и дали ей возможность проѣхать въ ограду церковную и остановиться у боковыхъ дверей теплой соборной церкви. Дверца кареты открылась, и изъ нея вышелъ въ своемъ обычномъ одѣяніи бывшій могилевскій и витебскій архіепископъ Варлаамъ Шишацкій.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ туда же и черниговскій архіерей Михаилъ.

Облачившись въ архіерейскія церковныя одежды, Михаилъ подошелъ къ Варлааму, когда его облачали также въ полное архіерейское одѣяніе, и тихо сказалъ ему:

— Мужайтесь и съ покорностью несите тяжелый крестъ, на васъ возлагаемый.

Затѣмъ, въ сопровожденіи пѣвчихъ, онъ направился въ алтарь холодной соборной церкви, помолился у престола и сталъ на амвонѣ, поджидая того, кого и всѣ ждали съ большимъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ, тою же дверью, но въ сопровожденіи стражи, вошелъ Варлаамъ и неровною поступью, низко опустивъ голову, направился къ амвону и сталъ передъ нимъ. Толпа замерла, точно въ церкви никого не было. Взоры ея жадно устремились къ лицу несчастнаго іерарха, которое было блѣдно и носило слѣды тяжелыхъ страданій; глаза совершенно потухли, весь онъ какъ-то осунулся и согнулся; горе, очевидно, давило его и преклоняло къ землѣ. Варлаамъ ничего не видѣлъ; для него вся толпа слилась въ одно темное пятно, которое заполонило весь храмъ. Вдругъ раздался густой и громкій басъ соборнаго протодіакона, напоминавшій бывшему

архіепископу о его позорѣ... Вотъ, точно отдѣльные удары грома, поражаютъ больную душу Варлаама слова приговора: «Святѣйшій синодъ, разсмотрѣвъ во всей подробности поступки архіепископа витебскаго и могилевскаго Варлаама, напелъ его виновнымъ въ томъ, что, будучи извѣстенъ о приближеніи непріятеля, не только не настоялъ требованіями своими къ гражданскому правительству въ пособіяхъ къ удаленію своему съ подчиненными изъ предѣловъ его епархіи, но когда сіи на такое удаленіе просили у него неоднократно дозволенія, то вмѣсто того приказалъ имъ остаться съ собою, и хотя онъ, архіепископъ, въ объясненіи своемъ и старается къ оправданію своему приводить, что тогдашніе страхи не оставляли его ни на минуту; что месть раздраженнаго противу его врага могла-бъ излиться и на его, архіепископа, паству и, наконецъ, что учиненная имъ врагу присяга сдѣлана только по наружности и тѣмъ самымъ сохранена въ спокойствіи и тишинѣ врученная ему церковь съ духовенствомъ и прихожанами. Но, напротивъ, того не видно изъ дѣлъ, чтобы къ таковой присягѣ было какое принужденіе или насиліе, кромѣ одного письменнаго изъ временной комиссіи отношенія, да если-бъ было и оное, то и тогда слѣдовало ему, архіепископу, поступить по долгу званія своего и учиненной его величеству присяги, чего не только не соблюлъ во всей точности и не показалъ себя примѣромъ паствѣ своей въ непоколебимой вѣрности законному своему государю, но вовлекъ въ таковое преступленіе многихъ изъ подчиненныхъ ему, кои хотя и не желали впасть въ оное, но доведены были до того неоднократно его, архіепископа, предписаніями; а покоря себя такимъ образомъ непріятелю, не только выполнялъ съ крайнею поспѣшностію требованія его, но даже, по слухамъ, о непоминовеніи якобы Наполеона на молебствіи подвергалъ священника строящему суду.

«По такимъ обстоятельствамъ синодъ, принимая во основаніе слово Божіе, правило святыхъ апостолъ и государственныя узаконенія, полагаетъ мнѣніе:

«Первое. Его архіепископа Варлаама, яко оказавшагося явнымъ клятвопреступникомъ и потому нетерпимаго болѣе въ семъ санѣ, лишивъ архіепископства и священства, а притомъ отобравъ знаки ордена св. Анны первой степени, жить ему Черниговской епархіи въ первоклассномъ въ Новгородско-Сѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ на содержаніи, какое благоугодно будетъ его величеству повелѣть производить.

«Второе. Священно- и церковнослужители, участвовавшіе въ такомъ же преступленіи, хотя по законамъ подлежатъ явному лишенію ихъ званій, но, пріемля во уваженіе, что сіи священно- и церковнослужители доведены были до того клятвопреступленія примѣромъ его, архіепископа, и настоятельными предписаніями и

подтверженіями, оставить ихъ всѣхъ въ прежнихъ званіяхъ, предоставивъ синоду для очищенія совѣсти ихъ сдѣлать сообразное тому распоряженіе.

«Третіе. Что касается до консисторскаго секретаря, на мѣсто коего опредѣленъ уже другой, а также приказныхъ служителей и прочихъ свѣтскаго званія учинившихъ таковую же присягу, на разсмотрѣніе и сужденіе объ нихъ вмѣстѣ съ подобными имъ по гражданскому вѣдомству представить свѣтскому начальству.

«На каковомъ докладѣ святѣйшаго синода мая 1-го сего 1813 года его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «быть по сему».

«Александръ».

Едва произнесъ протодиаконъ послѣднее слово приговора, какъ иподіаконъ и другіе духовные подступили къ Варлааму, быстро совлекли съ него архіерейское одѣяніе, орденъ, облекли его въ простую монашескую рясу и вывели изъ церкви боковыми дверями.

Изумленная публика молчала; всѣ были поражены видѣнною картиною... Тишину нарушилъ тотъ же голосъ протодиакона, призывавшій православныхъ къ божественной литургіи.

V.

Жаркое іюльское солнце еще не скрылось за горизонтомъ, а за высокою оградой Спасо-Преображенскаго Новгородсѣверскаго монастыря царилъ уже тихій прекрасный вечеръ. По дорожкѣ, устланной каменными плитами и усаженной стройными кленами, взадъ и впередъ медленно ходилъ слѣпой старикъ-монахъ, держась то правою, то лѣвою рукою за веревку, протянутую между двумя замыкавшими дорожку деревьями.

Кто узналъ бы въ этомъ совершенно дряхломъ, еле передвигающемъ ноги слѣпомъ старцѣ-монахѣ бывшаго архіепископа витебскаго и могилевскаго Варлаама Шишацкаго? Не годы, а горе окончательно разрушило его здоровье. Слезы, которыми онъ неустанно оплакивалъ свою несчастную судьбу, притупили его зрѣніе, а потеря послѣдняго внесла еще большій мракъ въ его душу.

Мало-по-малу онъ, впрочемъ, примирился съ своимъ положеніемъ и жизнью въ Новгородсѣверскомъ монастырѣ. Да и не могъ онъ жаловаться на свою жизнь здѣсь. Вся братія монастырская съ уваженіемъ относилась къ нему, испытывая невольное чувство состраданія къ образованному иноку, бывшему прежде архіепископомъ могилевскимъ. Учителя духовнаго училища, нахо-

дядягося при монастырѣ, съ любовью приходили бесѣдовать съ нимъ, но особенно привязался къ нему молодой учитель-академикъ Владимиръ Николаевичъ Аристовъ, развлекавшій Варлаама не только бесѣдою, но и чтеніемъ разныхъ журналовъ. Не видѣлъ лица своего собесѣдника Варлаамъ, но полюбилъ его всею душою, привыкъ къ его ежедневнымъ посѣщеніямъ и сильно скучалъ, если дѣла не позволяли Владимиру Николаевичу навѣститъ его. Большія средства, которыя привезъ съ собою Варлаамъ въ монастырь, позволяли ему ни въ чемъ не отказывать себѣ. Однимъ словомъ, ему жилось тихо и покойно.

Съ теченіемъ времени стало забываться выпавшее на его долю несчастье, скорбь утихла, на душу по временамъ сходила отрада, и ему оставалось только молить у Бога мирной кончины... Но по временамъ онъ испытывалъ непонятную тревогу; какой-то затаенный грѣхъ тревожилъ его душу; совѣсть, очевидно, не совѣмъ была чиста у бывшего владыки. Нерѣдко, погруженный въ думы, онъ сидѣлъ неподвижно въ стоявшемъ у входа въ настоятельскіе покои старенькомъ креслѣ.

Вотъ и сегодня онъ также глубоко задумался...

— О чемъ задумались, отче Варлааме?—пріятнымъ баритономъ спросилъ подошедшій къ нему Владимиръ Николаевичъ и, поцѣловавъ его въ щеку, сѣлъ на стоявшую подлѣ кресла скамейку.

— А вы хотите знать мои думы?—живо и съ какимъ-то непонятнымъ волненіемъ спросилъ Варлаамъ, оборачивая свои слѣпые глаза къ своему собесѣднику.

— Не только хочу, но прошу васъ хоть разъ подѣлиться ими со мною,—тихо проговорилъ Аристовъ и какъ будто самъ испугался высказаннаго желанія.

Наступило минутное молчаніе.

— Не подумайте, что простое любопытство побуждаетъ меня просить васъ объ этомъ,—продолжалъ свою рѣчь Владимиръ Николаевичъ.—Мнѣ хотѣлось бы знать отъ васъ все въ истинномъ свѣтѣ. Въ жизни часто самое простое и ясное явленіе такъ затемняется разными толками и предположеніями, что не легко отдѣлать вымыселъ отъ правды. Простите, что рѣшаюсь бередить вашу рану, отче Варлааме, но у меня уже давно явилась мысль спросить васъ, ужели правда все то, въ чемъ обвинили васъ?...

Онъ остановился и ждалъ отвѣта. Но отвѣта не было; только слышно было, какъ тяжело дышалъ Варлаамъ.

Наконецъ, онъ поднялъ голову и, взявъ за руку Аристова, привлекъ его къ себѣ и взволнованнымъ шепотомъ началъ говорить:

— На закатѣ дней своихъ припоминая все пережитое мною, прихожу къ заключенію, что человѣкъ странное существо. Онъ такъ устроенъ, что все нечистое привлекаетъ его сильнѣе, чѣмъ чистое, а разъ достигнутое побуждаетъ его стремиться къ еще

большему. Живое подтвержденіе тому моя жизнь. Кажется, чего бы мнѣ не доставало, когда изъ крестьянскаго мальчика я превратился, испытавъ высочайшія милости, въ архіепископа могилевскаго и витебскаго? Но стоило подосланнымъ ко мнѣ отъ Наполеона французскимъ посламъ нарисовать предо мною картину еще большаго величія, и я... не устоялъ. Да еще какъ подло поступилъ, какъ совѣсть свою насилывалъ!.. Я выплакалъ глаза, оплакивая свое глубокое паденіе. Меня соблазнило величіе Наполеона, а равно и обѣщанная награда, по окончаніи похода на Россію. Папа черезъ своихъ слугъ сулилъ мнѣ кардинальскую шапку, если бы я пожелалъ перейти въ католичество. Послѣдняго я никогда бы не сдѣлалъ, но обѣщаніе Наполеона погубило меня. Мнѣ казалось въ то время возможнымъ обмануть царя и Бога, а равно и самого себя, такъ какъ я искренно вѣрилъ, что спасу свою паству отъ грабительствъ и насилій непріятеля... То золото, которое я по нуждѣ проживаю теперь здѣсь, оно—французское; я его получилъ отъ французскихъ чиновниковъ для раздачи наградъ высшему духовенству моей епархіи за покорность Наполеону. Оно у меня осталось, потому что я не успѣлъ употребить его для предназначенной цѣли... Мнѣ противно это золото; совѣсть грызетъ меня. Наказаніе же государя считаю милостію, ибо меня, какъ измѣнника, давно уже слѣдовало предать лютой казни...

Владимиръ Николаевичъ неподвижно сидѣлъ и слушалъ исповѣдь Варлаама, а въ душѣ его поднималось какое-то досадливое чувство противъ этого слѣпого, слабого и несчастнаго старца...

VI.

Прошли многіе годы съ того времени, какъ случилось рассказанное. Быстро несущаяся рѣка забвенія унесла въ своихъ волнахъ память о могилевской церковной смутѣ и ея виновникѣ. Стала забываться несчастная судьба Варлаама Шишацкаго. Дольше память о немъ хранилась на мѣстѣ послѣдняго его успокоенія. Нынѣ въ оградѣ Спасо-Преображенскаго Новгородсѣверскаго монастыря среди могилъ, окружающихъ главный холодный храмъ, указываютъ одну весьма скромную, гдѣ въ 1823 году похоронили прахъ монаха Варлаама. Многіе ли изъ посѣщающихъ теперь храмъ монастырскій знаютъ, кто былъ этотъ монахъ Варлаамъ и какова была его несчастная судьба?

Смутная память о немъ живетъ нынѣ среди крестьянъ нѣкоторыхъ ближайшихъ къ Новгородсѣверску деревень. Такъ, намъ приходилось слышать смутное преданіе о «заклятыхъ червонцахъ», которые похитили у какого-то слѣплаго монаха бывшій его служба и принесли въ свою деревню. Кто былъ этотъ слѣ-

пой монахъ и почему его червонцы заклѣты, этого не разскажутъ теперь и самые словоохотливые изъ крестьянъ и крестьянокъ...

Но безвѣстная могила не все взяла съ собою. О жизни и дѣятельности Варлаама Шишацкаго, а равно объ учиненной имъ въ Могилевѣ церковной смутѣ, хранятся нѣкоторые документы въ сырыхъ и холодныхъ башняхъ монастырскихъ. Мы отыскали эти документы и по нимъ написали свой разсказъ.

С. Браиловскій.

ПАВЕЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ ФЕДОТОВЪ¹⁾.

(1815—1852 гг.).

ПЕ МНОГО найдется въ исторіи русскаго искусства личностей съ столь трагическою судьбою, какъ Павелъ Андреевичъ Федотовъ, родоначальникъ нашего жанра. Одаренный превосходными силами, талантливый на всѣ руки, онъ очень поздно, когда ему было уже подъ тридцать лѣтъ, принимается серьезно заниматься искусствомъ; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорнаго труда овладѣваетъ техникою его, обращаетъ на себя общее вниманіе и къ тридцати семи годамъ умираетъ, оставляя безъ исполненія намѣченные планы и неразработанныя мысли, умираетъ къ тому же сумасшедшимъ. Всю жизнь передъ нимъ горѣло исключительно только свѣточъ искусства, заслоня возможность личнаго счастья, выгоды и удобства; въ немъ самомъ всегда и неугасимо горѣло стремленіе только къ добру, пламенное желаніе дѣятельности и совершенствованія; и это пламя сожгло его, не давши ему пройти и половины пути, на который позволялъ рассчитывать его крупный талантъ. Это горькая, трагическая доля, а условія его жизни еще усугубляютъ трагизмъ положенія.

Есть художники, находящіеся въ счастливыхъ условіяхъ для развитія своихъ дарованій, но рядомъ съ ними сколько тѣхъ, кого судьба поставила въ самыя неблагопріятныя обстоятельства, кому всякій шагъ дается съ боя, тяжелымъ, упорнымъ трудомъ и кто падаетъ, сраженный раньше, чѣмъ слѣдуетъ. Хорошо, если подобнымъ борцамъ еще удастся заявить истинный размѣръ своихъ да-

¹⁾ П. А. Федотовъ и его произведенія. Фототипическое и автотипическое изданіе Ѳ. И. Булгакова. Спб. 1893.

рованы, обратить на себя вниманіе, выказавши хотя часть своихъ силъ, встрѣтить сочувствіе къ себѣ. Тогда въ нихъ горькой долѣ есть хотя извѣстное утѣшеніе. Но порой не бываетъ и этого: судьба отнимаетъ отъ нихъ все, и близорукіе судьи не замѣчаютъ и не хотятъ даже замѣтить неоспоримаго таланта.

П. А. Федотовъ принадлежитъ къ числу художниковъ, которыхъ судьба не баловала отъ первыхъ дней существованія и во всю его короткую жизнь, за исключеніемъ развѣ сравнительно небольшого періода ея, когда онъ достигъ извѣстности и посвоему могъ считать себя довольнымъ. Онъ родился въ Москвѣ, въ очень бѣдной семьѣ, — отецъ его былъ отставной офицеръ, — въ которой, какъ съ трогательною простотою замѣчаетъ самъ въ своей автобіографической запискѣ, ему приходилось «необходимо подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ». Почему—необходимо? Сколько другихъ товарищей Федотова избѣгло необходимости гнетущей бѣдности! Зная, какъ плохи были его матеріальныя обстоятельства даже въ періодъ его петербургской извѣстности, о чемъ любопытныя подробности сообщаетъ А. В. Дружининъ въ воспоминаніяхъ о немъ, можно представить, какъ жутко проходила жизнь мальчика Федотова, если этотъ терпѣливый, скромный человекъ самъ отмѣчаетъ ея тяжесть. Да и не въ одной бѣдности дѣло. Когда семьѣ съ трудомъ приходится удовлетворять первымъ насущнымъ потребностямъ жизни, то, конечно, не можетъ быть рѣчи о культурности ея, о существованіи въ ней интеллектуальныхъ интересовъ. Писатели, художники, артисты, выходящіе изъ достаточныхъ семействъ, уже съ самаго дѣтства входили въ общеніе съ культурными интересами высшаго порядка. Живописецъ же Федотовъ въ дѣтствѣ даже и не подозрѣвалъ о существованіи на свѣтѣ картинъ, не подозрѣвалъ, что есть особая умственная область — искусство. Дальше приходскаго или уѣзднаго училища онъ не долженъ былъ идти при обыкновенныхъ условіяхъ своей жизни и, конечно, не эти училища могли бы расширить его умственный горизонтъ.

По счастью, отецъ его могъ такъ или иначе помѣстить сына въ корпусъ. При всей извѣстной педагогической несостоятельности прежнихъ корпусовъ, всетаки, въ образовательномъ смыслѣ они стояли неизмѣримо выше тѣхъ школъ, куда Федотовъ долженъ былъ бы попасть, если бы отецъ его не былъ военнымъ. Въ корпусѣ мальчикъ учился отлично, такъ что кончилъ курсъ первымъ, что и дало ему возможность быть выпущеннымъ въ Петербургѣ въ гвардію. Федотовъ не рассказываетъ, какимъ образомъ у него явилась въ корпусѣ страсть къ рисованію, что именно дало толчокъ его скрытымъ способностямъ и притомъ въ такой области, которую, казалось бы, исключала и самая система корпуснаго воспитанія. Какъ онъ самъ рассказываетъ, въ юности еще больше живописи онъ любилъ музыку; точно также появленіе и этой страсти остается

для насъ непонятнымъ. Для развитія же склонности къ живописи у него явился чисто внѣшній поводъ. Онъ поправлялъ рисунки товарищей, «получая за это булки»; его, безъ сомнѣнія, хвалили за эти рисунки, тщеславіе его удовлетворялось, и толчокъ былъ данъ для развитія способнаго мальчика въ новомъ и исключительномъ для него направленіи, для сосредоточенія его мыслей на извѣстномъ только предметѣ. Фантазія его вообще была велика; какъ онъ самъ рассказываетъ, для него, на примѣръ, исторія «была рядомъ драматическихъ сценъ въ костюмахъ и съ приличною обстановкою, географія переносила его подъ чужое небо: онъ ясно видѣлъ чужую природу, звѣрей, птицъ и людей; военныя науки заставляли его какъ бы лично присутствовать при битвахъ, осадахъ крѣпостей, приступахъ и т. д.

Когда 18-ти лѣтъ отъ роду онъ очутился въ Петербургѣ, въ душѣ его уже бродило смутное влеченіе къ искусству, которое ждало или болѣе сильнаго толчка, чтобы вспыхнуть сильнѣе и разгорѣться яркимъ огнемъ, или совсѣмъ потухнуть подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Какъ бываетъ почти всегда, на помощь ему пришелъ случай, подѣйствовавшій въ первомъ направленіи. Федотовъ сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ портретовъ карандашомъ съ своихъ товарищей; тотчасъ же въ полку онъ получилъ реноме хорошаго рисовальщика. «Самолюбіе было затрунуто»,—замѣчаетъ его автобіографическая записка, и въ свободные отъ службы часы онъ начинаетъ усердно посѣщать академію.

Но онъ еще долго не отдаетъ себѣ яснаго отчета, что ему слѣдуетъ дѣлать. Мысль оставить службу является у него уже много позднѣе и чуть ли не была подсказана ему самимъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Дѣло было такъ: у великаго князя Михаила Павловича, которому живописные его труды,—рисунки акварелью,—были уже извѣстны, Федотовъ просилъ о пособіи «на рисовальныя удобства», ибо скромнаго офицерскаго жалованья на нихъ ему, не хватало. Великій князь сообщилъ объ этой просьбѣ государю, и Николай Павловичъ, «удостоивъ вниманія способности рисующаго офицера,—рассказываетъ автобіографическая записка,—предоставилъ ему добровольное право оставить службу (на чтѣ онъ, вѣроятно, не имѣлъ права, получивъ казенное воспитаніе въ корпусѣ) и посвятить себя живописи, съ содержаніемъ по 100 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ». Федотовъ сразу не рѣшился воспользоваться этою милостью; онъ просилъ для основательнаго испытанія своихъ художественныхъ силъ полтора года времени и, только увидѣвъ, что и дальнѣйшіе его труды идутъ хорошо, вышелъ въ отставку (въ 1844 г.). Объ его колебаніяхъ рассказываетъ его близкій пріятель, писатель А. В. Дружининъ, служившій вмѣстѣ съ нимъ въ Финляндскомъ полку. По словамъ Дружинина, Федотова въ то время даже смущала мысль оставить полкъ, къ которому онъ былъ

привязанъ и обычною жизнью котораго удовлетворялись въ известной степени его художественныя потребности. Затѣмъ вліялъ на нерѣшительность будущаго художника и знаменитый К. П. Брюлловъ, къ которому онъ обратился за совѣтомъ.—«Вамъ 25 лѣтъ,—отвѣчалъ Брюлловъ,—теперь поздно пріобрѣтать механизмъ, технику искусства, а безъ нея что же вы сдѣлаете, будь у васъ бездна воображенія и таланта. Двухъ только художниковъ мы знаемъ въ исторіи живописи, которые принялись за краски въ тридцать лѣтъ и достигли цѣли. Попробуйте, пожалуй; чего не можетъ твердая воля, постоянство, трудъ».

Брюлловъ былъ совершенно правъ въ своемъ скептицизмѣ, понимая все значеніе внѣшнихъ условій въ данномъ случаѣ. Сколько лишнихъ силъ долженъ тратить человѣкъ 25-ти лѣтъ, принужденный взяться за азбуку и нагонять товарищей, уже давно и далеко ушедшихъ впередъ! Какъ тяжело долженъ чувствовать себя художникъ, фантазія котораго и умственные силы находятся въ полномъ расцвѣтѣ молодости, а крылья, ноги подрѣзаны на каждомъ шагу несовершенствомъ его техники и знаній! Сколько бесполезныхъ мукъ, сколько подтачивающаго сомнѣнія въ самомъ себѣ долженъ онъ вынести, ища въ 25—30 лѣтъ то что другіе обязательно знаютъ въ 15—20 лѣтъ отъ роду! Сколько даромъ ушедшаго времени! Какая масса здоровья уходитъ на спѣшную нагонку того, что другимъ доставалось естественнымъ, ровнымъ путемъ! Все это не могло не отразиться на здоровьѣ Федотова и отразилось много гибельнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Онъ понималъ рискъ, на который идетъ, но, въ концѣ концовъ, природное влеченіе взяло верхъ, и Федотовъ оставилъ службу, ободряемый многими знатоками, но имѣя на плечахъ уже 28 слишкомъ лѣтъ. Преодолѣть трудныя условія для развитія своего таланта онъ успѣлъ, но цѣною своего здоровья и гибели организма.

Ему приходится работать страшно много. «Онъ работалъ,—разсказываетъ Дружининъ,—утромъ, вечеромъ и ночью, при лампахъ или при солнечномъ свѣтѣ, въ академіи или дома,—работалъ такъ, что даже смотрѣть страшно, не давая себѣ ни пощады, ни снисхожденія, ни отдыха и при этомъ еще живя въ холодѣ и впроголодь». Наконецъ, черезъ четыре года подобнаго существованія онъ достигъ предположенной цѣли: на выставкѣ 1847 года появились двѣ картины его «Послѣдствія пирушки» и «Горбатый женихъ». Картины имѣли значительный успѣхъ, но истинная его популярность началась съ слѣдующаго года, когда онъ выставилъ «Сватовство маіора». Тутъ успѣхъ былъ уже прямо колоссальный; академія дала ему званіе академика, публика тѣснилась толпою около его картины, успѣху которой содѣйствовали отчасти и стихи, писанные къ ней Федотовымъ.

1) Портретъ П. А. Федотова.—2) Его картины: «Свѣжій кавалеръ» и
3) «Сваговство маіора».—4) Рисунки: «Капиталисты» и «Квартальный
и извозчикъ».

Кто изъ лицъ, помнящихъ себя уже въ пятидесятихъ годахъ нашего вѣка, десятками разъ не слыхалъ тогда этихъ стиховъ вездѣ, въ разныхъ домахъ и городахъ, при самыхъ разнородныхъ случаяхъ! Эти стихи, своего рода небольшая поэма, пользовались необыкновенной популярностью даже среди людей, совершенно равнодушныхъ къ живописи и, по всей вѣроятности, никогда не видѣвшихъ ни картины Оедотова, ни снимковъ съ нея и даже, быть можетъ, не подозрѣвавшихъ, кто былъ ихъ авторъ. Это указываетъ, между прочимъ, на то, что обличительное направленіе и въ то время, какъ всегда, было по сердцу русскому обществу. Оедотова можно признать не жанристомъ только, но прямо обличительнымъ живописцемъ. Совершенно справедливо г. О. Булгаковъ, прекрасное изданіе котораго послужило предметомъ нашей статьи, сравниваетъ его съ Гоголемъ. Оедотова сравнивали и съ Гогартомъ, что въ пятидесятихъ годахъ, въ эпоху нашего особенно сильнаго преклоненія передъ иностраннымъ искусствомъ, было довольно естественно; но въ сущности особой чести тутъ для нашего художника нѣтъ. Гогартъ больше всего каррикатуристъ и въ исторіи англійской живописи, какъ основательно замѣчаетъ г. Булгаковъ, даже не имѣетъ опредѣленнаго мѣста. Оедотовъ, наоборотъ, сильно повліялъ на направленіе многихъ изъ нашихъ живописцевъ: онъ создалъ рядъ послѣдователей, новый родъ искусства (жанръ), котораго у насъ не было, или который былъ въ примитивныхъ зачаткахъ. При нѣкоторыхъ общихъ чертахъ съ Гогартомъ, Оедотовъ во всѣхъ отношеніяхъ глядѣлъ шире на свои задачи, да и дарованіе его было гораздо сильнѣе чѣмъ у англійскаго художника. Надо согласиться съ замѣчаніями, высказываемыми г. Булгаковымъ относительно обычныхъ сравненій Оедотова съ Гогартомъ, но еще болѣе надо признать справедливость его опредѣленія значенія Оедотова, какъ «Гоголя русской живописи».

Я беру только нѣсколько шире эту характеристику, чѣмъ г. Булгаковъ. Гоголь то же былъ не только жанристъ-юмористъ, но нерѣдко и каррикатуристъ, любившій «копаться въ отбросахъ жизни», какъ мѣтко выразился о немъ недавно одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ (г. Меньшиковъ), копаться въ жизненномъ хламѣ, на который въ сущности не стоило обращать вниманія и тратить силы. То же надо сказать и о Оедотовѣ. Не малое число его рисунковъ является не жанромъ, а прямо каррикурою. Къ числу такихъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ изданіи г. Булгакова, надо отнести «Первое утро обманутаго молодого», «Пѣвицу», «Любознательнаго племянника» и разные рисунки карандашемъ изъ коллекціи гг. Беггрова и Сомова. Но не слѣдуетъ забывать, что эти рисунки въ дѣйствительности только подготовка Оедотова къ большимъ работамъ, что они имѣютъ значеніе матеріаловъ для будущей дѣятельности художника и представляютъ ретроспективно-историческій интересъ для

его біографа и для теперешняго поколѣнія. Но за то какъ Гоголь широко понималъ задачи писателя, такъ широко понималъ цѣли искусства и Федотовъ. Читалъ ли онъ «Переписку съ друзьями— я не знаю, но онъ думалъ объ искусствѣ приблизительно такъ какъ Гоголь о значеніи и обязанностяхъ писателя. Онъ тоже считалъ задачею художественнаго произведенія непосредственное «исправленіе нравовъ». Вообще въ послѣдніе годы жизни, по его же словамъ, онъ началъ «сознавать всею душою, что всякій художникъ новаго періода не можетъ жить безъ книги»... Чтеніе ему нужно было для того, чтобы натолкнуться на такой сюжетъ, выборъ котораго «уже есть половина успѣха». Какъ ни былъ онъ наблюдателемъ, какъ часто ни попадались ему на улицахъ Петербурга его сюжеты, онъ понималъ, что художнику такихъ наблюденій не достаточно, и съ нѣкоторою завистью отзывался о французскихъ художникахъ, «поднимавшихъ для своихъ картинъ» Данте, Гете, Байрона, Боккаціо и другихъ великихъ писателей. «Вѣрьте мнѣ,— говорилъ онъ Дружинину,— что тотъ изъ новыхъ нашихъ художниковъ, который введетъ на практикѣ то, что мы говоримъ между собою, сдѣлаетъ бездну пользы для нашего отечества». Ему надобна была идея въ картинѣ, по возможности широкая, тогда какъ уличныя сцены могли дать ему развѣ только техническій или бытовой матеріалъ.

Что сдѣлалъ бы онъ на дальнѣйшемъ своемъ пути, во что выросла бы его художественная фигура, что выполнилъ бы онъ изъ мелькавшихъ въ его головѣ плановъ, трудно сказать. Только шесть лѣтъ прошло послѣ того, какъ онъ сдѣлался настоящимъ мастеромъ, и неумолимая судьба уже ставила предѣлы его дѣятельности. Да и въ эти шесть лѣтъ, въ которыхъ, по словамъ Дружинина, онъ былъ-будто бы-истинно счастливымъ человѣкомъ, онъ въ сущности страдалъ, горѣлъ, но не жилъ и не могъ быть довольнымъ. Его постоянная, пламенная работа жгла его физическія силы, истощала его организмъ. За все время послѣ своего выхода изъ полка онъ только дважды позволилъ себѣ небольшія вакаціи. Да и при какихъ обстоятельствахъ долженъ былъ онъ трудиться! Хотя на бѣдность свою—правильнѣе, на свою нищету—онъ не обращалъ вниманія, но когда приходится сидѣть въ нетопленной комнатѣ и питаться обѣдомъ въ 15 копеекъ, то подобной обстановки при лихорадочной дѣятельности не выдержать даже и стальные силы. Его картины покупались, это правда,—но, во-первыхъ, въ то время и цѣны на картины стояли у насъ не такія какъ теперь, а, во-вторыхъ, Федотовъ всегда помогалъ своимъ родственникамъ. Онъ, конечно, могъ бы устроиться иначе, обезпечить себя, позаботиться по основательнѣе о себѣ, какъ дѣлаетъ большинство. Но, преслѣдуемый мыслью художественнаго совершенства, желаніемъ передать въ образахъ все, что у него сидѣло въ мозгу, онъ не обращалъ вниманія на постороннія искусства вещи и за то долженъ былъ по-

платиться. Трогательны рассказы, касающіеся чувства достоинства, съ которыми онъ не переносилъ, а просто не замѣчалъ своей бѣдности, и однако можно пожалѣть, зачѣмъ это было именно такъ, а не иначе!

Бѣдность, какъ замѣчено выше, всегда преслѣдовала его. Сохранился, напримѣръ, такой рассказъ о времени, когда онъ былъ еще офицеромъ, но уже занимался живописью, тратя на нее послѣдніе свои гроши: Федотовъ имѣлъ пріятный голосъ и любилъ пѣть, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Жилъ онъ въ это время въ Парголовѣ, гдѣ стояла его рота. Гуляющіе, обратившіе вниманіе на его голосъ, часто просили его денщика пускать ихъ въ садикъ дачи, чтобы послушать вблизи его пѣніе. Денщикъ, ему преданный, задумалъ было ради улучшенія финансовъ своего барина взимать плату съ слушателей,—разумѣется, грошовую, не говоря барину ни слова. По нѣкоторымъ признакамъ улучшенія своего бѣднаго хозяйства Федотовъ замѣтилъ, что дѣло не ладно, узналъ, тайну слуги и, конечно, прекратилъ свои концерты. Каково заниматься искусствомъ при подобныхъ жалкихъ условіяхъ! Каково мечтать о картинахъ, когда тяжелая дѣйствительность на каждомъ шагу обрываетъ и мѣшаетъ нашимъ стремленіямъ! Нѣтъ, Федотовъ не могъ никогда чувствовать себя счастливымъ, не былъ счастливъ и въ послѣдніе годы своей жизни, когда роковая болѣзнь незамѣтно для другихъ, но замѣтно для него самого уже подкрадывалась къ нему. Оглядываясь на свое прошлое горькое существованіе, зная, какъ всѣ условія этого существованія только мѣшали ему, какъ художнику, онъ не могъ быть и спокойнымъ: о счастья же и рѣчи не стоитъ заводить! Сами его ближайшіе друзья признаются, что они не знали какъ слѣдуетъ его душевной, внутренней жизни; они говорятъ, что онъ былъ откровененъ только до известной границы, дальше которой не впускалъ никого; сокровенные тайники его души оставались всѣмъ неизвѣстными. Поэтому и эти друзья не имѣютъ права говорить о душевномъ спокойствіи и само удовлетвореніи его послѣднихъ лѣтъ. Его роковую болѣзнь вызвала именно его усиленная дѣятельность, а послѣдняя обусловливалась желаніемъ догнать упущенное время. Онъ поэтому долженъ былъ только страдать,—не физически, конечно, а нравственно.

Гораздо вѣрнѣе этихъ легкомысленныхъ пріятелей смотреть г. Булгаковъ, указывая въ его басняхъ объясненіе къ его жизненнымъ обстоятельствамъ. «Въ баснѣ «Пчела и цвѣтокъ», говоритъ г. Булгаковъ, подъ видомъ цвѣтка нужно разумѣть художника, лишеннаго средствъ къ полнѣйшему расцвѣту его таланта и потому вынужденнаго прозябать въ тѣни на положеніи посредственности. Басню «Лучъ и солнце», можно понимать такъ: тѣнь—это обстоятельства, парализующія развитіе таланта; въ такихъ высокиихъ сферахъ, откуда свѣтитъ благодатное свѣтило, какъ бы не существуетъ

понятія о тѣни, которая лишается солнечныхъ лучей, озаряющихъ и согрѣвающихъ всѣхъ одинаково, и потому талантъ въ этихъ сферахъ отъ самого солнца не встрѣчаетъ себѣ ни сочувствія, ни помощи противъ гнетущихъ его обстоятельствъ. Ярче трудно выразить взглядъ самого художника на безвыходно роковое положеніе его таланта».

Совершенно вѣрно! Съ этимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться. Но за то нельзя и говорить, что при подобныхъ обстоятельствахъ люди чувствуютъ себя счастливыми. Какое счастье можетъ испытывать художникъ, видя, напримѣръ, себя осужденнымъ изъ-за денегъ дѣлать то, что не хочетъ, какъ это было съ Федотовымъ. Бѣдный художникъ!.. И тѣмъ болѣе чести ему, что при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ онъ, всетаки, выказалъ свое богатое дарованіе, оставилъ такой прочный слѣдъ въ искусствѣ. Энергія, способности и бодрость духа великоруссовъ ярко проявились въ немъ, какъ въ и грустная судьба этихъ великоруссовъ, обыкновенно работающихъ только для другихъ. Великоруссы могутъ гордиться этимъ талантливымъ представителемъ ихъ племени.

Къ счастью для Федотова, его сумасшествіе продолжалось сравнительно не долго; его умственное разстройство обнаружилось въ началѣ лѣта 1852 года, а въ половинѣ ноября этого же года его уже не было на свѣтѣ. Погибли быстро, но не бесплодно, богатая натура и свѣтлый умъ. Федотовъ обнаружилъ недюжинное стихотворное дарованіе, выразившееся какъ въ безчисленныхъ подписяхъ къ его произведеніямъ, такъ и въ юмористическихъ поэмахъ и басняхъ. Меньшее значеніе имѣютъ его музыкальныя произведенія, изъ которыхъ одно—романсъ «Душенька», приведено въ изданіи г. Булгакова; здѣсь видны только общія мѣста стиля романсовъ сороковыхъ годовъ, не болѣе. Но трудно и ожидать отъ одного человѣка приблизительно одинаковыхъ успѣховъ въ разныхъ областяхъ дѣятельности; самая же разнородность дѣятельности уже свидѣтельствуетъ о богатствѣ дарованія вообще, объ истинно талантливой натурѣ.

Картинъ масляными красками, въ томъ числѣ и нѣсколько портретовъ, Федотовъ оставилъ не много, но рисунковъ сепіею, акварелью и карандашемъ—цѣлую массу. Въ изящномъ изданіи г. Булгакова воспроизведены слѣдующія картины: «Утро послѣ пирушки», «Сватовство маіора», «Вдовушка», портретъ графини Е. П. Ростопчиной, мужской портретъ и «Прерванный завтракъ аристократа»; остальное—въ количествѣ 74 номеровъ—составляютъ снимки съ акварелей и рисунковъ художника. Все изданіе позволяетъ намъ сдѣлать полное и наглядное знакомство съ Федотовымъ. Снимки прекрасно передаютъ Федотовскіе оригиналы.

Текстъ занимаетъ видное мѣсто въ изданіи г. Булгакова и состоитъ, во-первыхъ, изъ вступительной статьи издателя о значеніи

Федотова въ нашей живописи, причемъ высказано нѣсколько цѣнныхъ и вѣрныхъ замѣчаній, какъ общаго характера, такъ и относящихся къ художнику, а, во-вторыхъ, изъ воспоминаній разныхъ лицъ о Федотовѣ, включая сюда и автобиографическую записку послѣдняго, напечатанную Погодинымъ въ «Москвитянинѣ» 1853 года. Затѣмъ помѣщены всѣ стихотворенія, басни, а также пѣсни и романсы Федотова.

Новое изданіе г. Булгакова является прекраснымъ продолженіемъ намѣченной имъ себѣ задачи—сдѣлать доступными публикѣ произведенія выдающихся нашихъ художниковъ. Этими изданіями, популяризирующими искусство, г. Булгаковъ оказываетъ истинную услугу какъ искусству, такъ и публикѣ. Мы надѣемся, что онъ еще долго не остановится на этомъ благотворномъ пути, и вслѣдъ за изданіями, вышедшими ранѣе, мы увидимъ цѣлый рядъ другихъ.

ПАРИЖСКАЯ ПЕЧАТЬ.

АВНО уже парижская печать не играла такой выдающейся роли и не обращала на себя такого всеобщаго вниманія, какъ въ настоящемъ году. Ассоціація парижскихъ журналистовъ устроила въ Парижѣ выставку портретовъ писателей и журналистовъ XIX вѣка, на которой можно было познакомиться въ лицахъ со всѣми главными дѣятелями столѣтняго развитія французскихъ газетъ; на одной изъ парижскихъ площадей открытъ памятникъ основателю французской прессы Ренодо, который выпустилъ въ свѣтъ первую французскую газету 30-го мая 1631 года; на международной выставкѣ прессы въ Брюсселѣ первое мѣсто занимала обширная коллекція французскихъ газетъ, отъ маленькаго, скромнаго листка Ренодо до только что вышедшихъ изъ типографіи обширныхъ номеровъ современныхъ газетъ, съ ихъ блестящими иллюстрированными прибавленіями, которая представляла наглядную исторію превращенія французской газеты изъ еженедѣльнаго сборника новостей въ четыре странички маленькаго формата въ теперешней могучій органъ общественнаго мнѣнія, справедливо названный на Западѣ представителемъ четвертой власти; на происходившемъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ежегодномъ собраніи въ Лондонѣ института англійскихъ журналистовъ среди впервые приглашенныхъ континентальныхъ журналистовъ первую роль играли французы: редакторъ «Figaro», Маньяръ, хроникеръ нѣсколькихъ газетъ Орельянъ Шель, делегатъ «Petit Journal», Жифаръ и въ особенности Эмиль Зола, принимавшій въ прежнее время дѣятельное участіе въ различныхъ органахъ парижской прессы, теперь помѣщающій иногда свои

статьи въ «Figaro», или въ прибавленіяхъ къ «Echo de Paris» и прочитавшій по предложенію комитета института журналистовъ лекцію объ анонимности въ газетахъ, въ концѣ которой онъ предложилъ организовать ежегодные международные конгрессы печати, что было одобрено всѣмъ собраніемъ, а присутствовавшіе бельгійскіе журналисты немедленно выработали планъ практическаго осуществленія этого проекта общаго братства всесвѣтныхъ журналистовъ на ежегодныхъ торжественныхъ собраніяхъ въ Брюсселѣ, или Антверпенѣ; наконецъ, въ настоящую минуту парижская печать въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, составившихъ особый комитетъ, подготавливаетъ блестящій приѣмъ русскимъ морякамъ, что вызвало посылку сочувственнаго адреса петербургской прессы къ своимъ французскимъ сотоварищамъ. Естественно, что всѣ эти любопытныя и знаменательныя злобы дня парижской печати возбудили цѣлый рядъ статей въ иностранныхъ газетахъ и журналахъ о прошедшемъ и настоящемъ французской прессы, а «Revue Encyclopédique» посвятила цѣлый отдѣльный номеръ, снабженный многочисленными иллюстраціями, историческому очерку происхожденія и развитія до нашихъ дней ежедневной прессы во Франціи. Пользуясь свѣдѣніями, собранными вполне компетентными авторами этого интереснаго очерка: биографомъ Ренодо, Жилемъ де-ла-Туретъ, историками Морисомъ Турнѣ и Генри Вельшинже и журналистомъ Жоржемъ Монторгелемъ, мы постараемся представить, хотя въ общихъ чертахъ, картину рожденія, дѣтства, юности и наконецъ зрѣлаго возраста парижской прессы; но, конечно, для рельефности и полноты этого эскиза мы будемъ руководствоваться и лучшимъ сочиненіемъ по этому предмету—восьмитомной «Политической и литературной исторіей прессы во Франціи» только что умершаго Луи Гатена, статьями «Энциклопедическаго словаря» Ларуса о французскихъ газетахъ, остроумной брошюрой Ед. Лабулэ «Исторія парижской прессы», живой характеристикой главныхъ органовъ этой прессы въ статьѣ американскаго публициста Т. Чайльда въ «Fortnightly Review» и ежегодникомъ французской прессы («Annuaire de la presse Française»).

I.

Не говоря о римскихъ «Acta Diurna», греческихъ «Ephemerides» и китайскомъ «Кингъ-чо», выходящемъ въ Китаѣ съ 911 года, первой газетой въ свѣтѣ былъ рукописный листокъ, издававшійся венеціанскимъ правительствомъ въ половинѣ XVI вѣка и сообщавшій извѣстія о войнѣ съ турками. Хотя этотъ листокъ назывался «Notizie Scritte», то-есть «Писанныя Новости», но такъ какъ онъ продавался за мелкую монету, носившую названіе «Gazetta»,

то вскорѣ сталъ извѣстенъ всюду подѣ этимъ именемъ, а когда съ теченіемъ времени подобные листки начали печататься и выходить не только въ Венеціи, но и во всей Италіи, Франціи, Испаніи и Англии, то они уже стали прямо называться «газетами». Всѣ они, однако, появлялись не постоянно, а только по случаю необыкновенныхъ событій, и сообщали почти исключительно извѣстія о войнахъ и придворныя новости; только съ начала XVII столѣтія возникаютъ настоящія газеты, выходящія если не ежедневно, то еженедѣльно, или въ опредѣленные сроки; первая изъ нихъ была основана въ 1605 году въ Антверпенѣ Абрагамомъ Верховеномъ подѣ названіемъ «Nieuwe Tijdingen» (Новыя Новости), и, странно сказать, была, въ одно и то же время, первой газетой вообще и первой иллюстрированной газетой въ особенности, такъ какъ среди текста, печатавшагося пофранцузски и пофламандски, появлялись отъ времени до времени рисунки, географическія карты и даже ноты. Хотя такимъ образомъ первая газета выходила на французскомъ языкѣ, но собственно во Франціи завелась своя газета уже послѣ того, какъ подобныя періодическія изданія появились въ Германіи (1615 г.), въ Англии (1619 г.) и въ Испаніи (1626 г.); именно докторъ Теофрастъ Ренодо выпустилъ въ свѣтъ 30-го мая 1631 года первый номеръ своей знаменитой «Газеты», впоследствии принявшей названіе «Газеты Франціи» (La Gazette de France) и подѣ этимъ именемъ выходящей донинѣ. По поводу открытія статуи этого прародителя французской печати «Историческій Вѣстникъ» (іюль 1893 года, «Историческія мелочи») сообщилъ о немъ краткія біографическія свѣдѣнія и потому только укажемъ теперь на странную иронию судьбы, благодаря которой французская печать, подвергавшаяся всевозможнымъ преслѣдованіямъ во время ея двухъ сотъ шестидесятилѣтняго существованія отъ различныхъ правительствъ, была, такъ сказать, воспринята отъ купели не только самымъ авторитетнымъ изъ государственныхъ людей Франціи, кардиналомъ Ришелье, но и королемъ Людовикомъ XIII. Они оба покровительствовали Ренодо и были усердными его сотрудниками; первый понималъ, какимъ могущественнымъ орудіемъ могла быть газета въ рукахъ правительства для руководства общественнымъ мнѣніемъ, и постоянно, или самъ писалъ, или внушалъ Ренодо статьи, сообщавшія всей Европѣ его взгляды на современныя событія, а король, не смѣвшій выражать своего мнѣнія передъ могущественнымъ кардиналомъ и даже передъ своей женой, находилъ особое удовольствіе собственноручно писать въ газетѣ Ренодо подѣ тайной анонимности саркастическіе отзывы о придворныхъ интригахъ и даже политическихъ вопросахъ, но преимущественно о своихъ частыхъ столкновеніяхъ съ королевой. Отецъ Гриффэ, одинъ изъ историковъ Людовика XIII, видѣлъ два тома статей для газеты Ренодо, писанныхъ рукой короля и исправленныхъ имъ

карандашемъ. Послѣ смерти этихъ могущественныхъ покровителей бѣдному журналисту пришлось дорого заплатить за ихъ сотрудничество, такъ какъ парламентъ, лишившій Ренодо, благодаря кознямъ Парижскаго университета, права лечить и закрывшій основанныя имъ филантропическія учрежденія, мативировалъ свой приговоръ преступнымъ характеромъ именно тѣхъ статей, которыя были написаны Ришелье и королемъ. Но «Газета» осталась не прикосновенной, потому что парламентъ боялся уничтоженіемъ ея возбудить негодованіе парижанъ, которые такъ привыкли каждую субботу читать всѣ новости, сообщаемыя «Газетой», что уже не могли обойтись безъ нея. Ренодо продолжалъ издавать ее до послѣдняго дня своей жизни, не смотря на всѣ преслѣдованія и постоянно увеличивавшуюся бѣдность, а послѣ него основанное имъ дѣло перешло въ руки его сыновей, а потомъ внука, извѣстнаго академика. Въ 1762 году Людовикъ XV придалъ «Газетѣ» характеръ вполне оффиціального органа и, перемѣнивъ ея названіе на «Газету Франціи», подчинилъ ее департаменту иностранныхъ дѣлъ. Еще при Ренодо возникло нѣсколько конкурентовъ его газеты, но они преимущественно перепечатавали его статьи, не смотря на то, что онъ пользовался правительственной монополіей; то же продолжалось послѣ него, и вообще при Людовикахъ XIV и XV парижская печать не могла освободиться отъ пеленокъ дѣтства, такъ какъ ей дозволялось только прославлять королевскія побѣды, а тѣ изъ тогдашнихъ французскихъ журналистовъ, которые хотѣли говорить не стѣняясь правду, должны были переселиться въ Голландію, родину свободнаго слова, гдѣ издавалось нѣсколько газетъ на французскомъ языкѣ: «Nouvelles des Cours de l'Europe» (Новости Европейскихъ Дворовъ), «Nouvelles de la République des Lettres» (Новости Литературной Республики), редакторомъ которой былъ знаменитый Бейль, «Bibliothèque Universelle» (Всемирная Библіотека) и т. д. Въ этихъ-то первыхъ органахъ независимой печати, возбуждавшихъ подъ общимъ, огульнымъ названіемъ «голландскихъ газетъ» (Les Gazettes de Hollande) негодованіе французскихъ королей, подготовлялась революція, благодаря которой только возникла во Франціи политическая пресса въ полномъ смыслѣ этихъ словъ.

II.

Съ революціонной эпохой совпадаетъ юношескій возрастъ французской прессы, со всѣми его пламенными увлеченіями и крайностями. Передъ 1789 годомъ существовало въ Парижѣ только четыре газеты, выходившія съ разрѣшенія правительства и подъ предварительной цензурой: «Gazette de France», «Mercure», «Journal de Paris» и «Journal Général», которыя сообщали читателямъ только то, что администрація считала нужнымъ довести до все-

общаго свѣдѣнія. Кромѣ того, были распространены независимые органы печати на французскомъ языкѣ, которые частью издавались за границей, а частью тайно въ Парижѣ, или въ провинціальныхъ французскихъ городахъ: «Journal de Geneve», «Journal de Bruxelles», «Gazette de Leyde», «Gazette de Cleves» и «Courier de l'Europe», но и они боялись высказывать прямо и свободно тѣ горькія истины о старыхъ порядкахъ, которыя открыто печатались въ тысячахъ брошюрахъ, появившихся безъ цензуры, согласно одному изъ постановленій изданнаго 5-го іюля 1788 года королевскаго декрета о созваніи генеральныхъ штатовъ и въ силу котораго всѣ «ученые и образованные люди» приглашались высказать свое мнѣніе насчетъ условій практическаго осуществленія этого великаго событія. Первый смѣло заговорилъ о свободѣ печатнаго слова Бриссо въ вышедшемъ 16-го марта 1789 года объявленіи объ изданіи новой газеты «Le Patriote Français» съ эпиграфомъ: «Газета-часовой, охраняющей народныя права». «Но,— говоритъ Бриссо въ текстѣ объявленія:—эти слова, заимствованныя у англійскаго публициста Джебба, подразумѣваютъ газету свободную, независимую, потому что тѣ газеты, которыя подчинены какой либо цензурѣ, несутъ на себѣ печать позора. Власть, руководящая ими, не дозволяетъ, или можетъ не дозволять, что одно и то же, обнародованіе фактовъ и мыслей, могущихъ просвѣтить народъ, а съ другой стороны ее подозрѣваютъ въ насильственномъ навязываніи похвалъ. Но это постыдное положеніе прессы во Франціи, унизившее ремесло журналиста, столь почтенное въ свободной странѣ, теперь прекратится, и власть, болѣе просвѣщенная, не будетъ ни мѣшать, ни повелѣвать мысли, а слѣдовательно гениальные люди и добрые граждане получатъ возможность свободно высказывать свои идеи. Пользуясь этимъ счастливымъ порядкомъ вещей, мы будемъ издавать газету политическую, національную, свободную, независимую отъ цензуры и всякаго вліянія». Но попытка Бриссо оказалась преждевременной, и правительство запретило его газету. Той же участи подвергся и слѣдовавшій по его стопамъ Мирабо, хотя ему удалось выпустить не только объявленіе о своей газетѣ «Etats Généraux», но и два ея номера съ подробнымъ отчетомъ о подготовительныхъ засѣданіяхъ, предшествовавшихъ открытію генеральныхъ штатовъ. Однако, запретивъ Мирабо печатать отчеты о засѣданіяхъ генеральныхъ штатовъ, правительство, противорѣча самому себѣ, дозволило помѣщать подобные отчеты, но безъ всякихъ обсужденій, не только существовавшимъ уже офиціознымъ газетамъ, но и нѣсколькимъ новымъ органамъ печати, которые были разрѣшены подъ условіемъ вести себя съ благоразумной умѣренностью. Только послѣ взятія Бастиліи появляется на свѣтъ въ Парижѣ настоящая газета, какъ ее понимаютъ теперь, и основателемъ ея, подъ заглавіемъ «Les Revolutions

de Paris», былъ невѣдомый промышленникъ, книгопродавецъ, переплетчикъ и торговецъ канцелярскими принадлежностями, Луи Прюдомъ. Затѣмъ, по мѣрѣ быстрого хода революціи, стали съ неизмовѣрной скоростью плодиться и газеты всѣхъ партій, всѣхъ оттѣнковъ, при полной свободѣ печати. Невозможно перечислить всѣхъ этихъ газетъ, такъ какъ библиографы насчитываютъ ихъ до трехъ сотъ, но самыми замѣчательными и вліятельными органами французской революціонной прессы, игравшей громадную роль въ тогдашнихъ политическихъ событіяхъ, были: «Les Revolutions de France et de Brabant»—Камила Демулена, «L'Ami du Peuple»—Марата, «La Sentinelle»—органъ жирондистовъ, «Le Journal de la Montagne» — органъ якобинцевъ, «Journal des Débats», основанный Бертенемъ, «Moniteur Universel», ловко умѣвшій лавировать среди самыхъ ужасныхъ политическихъ бурь, «Le Pere Duchaine», знаменитый своимъ цинизмомъ, и «Le Tribun du Peuple», проповѣдывавшій социалистическія идеи Бабѣфа. Но если революція даровала французской печати свободу и могущество, то она же указала путь послѣдующимъ правительствамъ къ преслѣдованію и ограниченію правъ свободнаго слова; прежде всего Парижская коммуна запрещаетъ роялистскія газеты, затѣмъ Конвентъ уничтожаетъ жирондистскіе органы, а Директорія отдаетъ всю прессу подъ присмотръ полиціи, ограничиваетъ свободную продажу газетъ на улицахъ и запрещаетъ десятками враждебные ей органы печати.

При Консульствѣ и Имперіи французская пресса не существовала, а лишь прозябала; о свободѣ печатнаго слова не было и помина. Наполеонъ говорилъ что, «распустивъ печать, я не сохранию власти три мѣсяца», и тотчасъ послѣ 18-го брюмера сократилъ число парижскихъ газетъ до тринадцати, а въ концѣ Имперіи существовало ихъ только четыре, въ томъ числѣ «Journal des Débats», называвшійся «Journal de l'Empire» и имѣвшій оффиціального редактора. Все, что появлялось въ этихъ немногихъ листкахъ, не только проходило черезъ цензуру, но и просматривалось лично самимъ Наполеономъ. Однако, не смотря на все свое презрѣніе къ журналистамъ и безцеремонное обращеніе съ печатью, Наполеонъ понималъ ея великое значеніе, считалъ цензуру никуда негоднымъ учрежденіемъ и во время Ста Дней включилъ въ обнародованную имъ новую либеральную конституцію полное признаніе свободы печати. Это позднее обращеніе къ могущественной помощи общественнаго мнѣнія, однако, не спасло Наполеона.

III.

Хотя реставрація была эпохой возрожденія французской прессы отъ мрачнаго столбняка временъ Консульства и Имперіи, но газеты были одолжены своимъ блестящимъ расцвѣтомъ не Людовику XVIII и Карлу X, съ ихъ болѣе или менѣе консервативными министрами, а таланту, энергіи и пламенной преданности свободному слову тогдашнихъ журналистовъ, во главѣ которыхъ стояли такіе выдающіеся политическіе и литературные дѣятели, какъ Бенжамень Констанъ, Ройэ Колларъ, Шатобрианъ, Арманъ Карель, Гизо, Тьеръ, Ламенэ и проч. Эти люди, съ одной стороны, поставили газеты, въ которыхъ они участвовали: «Quotidienne», «Constitutionnel», «Débats», «Courrier Français» и «National», на такую высокую степень по внутреннему содержанію и внѣшнему вліянію, на которой еще никогда не стояли европейскія газеты, а съ другой—пятнадцатилѣтней борьбой за свободу печати, какъ перомъ, такъ и рѣчами въ палатѣ, постепенно освобождали прессу отъ тѣхъ узъ, которыми правительство желало ее связать, не смотря на то, что харгія 1814 года прямо гарантировала французамъ право печатать свои мнѣнія, подчиняясь лишь законамъ, каравшимъ злоупотребленіе этимъ правомъ. На практикѣ же оказалось, что подъ карой злоупотребленій печати правительство разумѣло преслѣдованіе всѣхъ враждебныхъ, или просто несочувственныхъ ему органовъ и цѣлымъ рядомъ законовъ, то проводимыхъ, то отмѣняемыхъ въ виду слишкомъ сильной оппозиціи общественнаго мнѣнія, возстановляло правительственное разрѣшеніе, временное приостановленіе и запрещеніе газетъ, взносъ издателями крупнаго обезпеченія и цензуру. Благодаря тому, что относительно этихъ предупредительныхъ мѣръ и усиленія судебныхъ каръ правительство постоянно колебалось, пресса не только процвѣтала, приобрѣтая еще больше значенія отъ мученическаго вѣнца, но достигла такой силы, что въ послѣдніе годы царствованія Лудовика XVIII, который самъ помѣщаль довольно остроумныя статьи въ «Nain Jaune», министры ввели новое орудіе въ борьбу съ журналистами, именно тайную покушку газетъ на счетъ казны, что повело къ громадному скандалу съ «Quotidienne», которая обнаружила подкупъ. Карлъ X пренебрегъ подобными миролюбивыми способами вліять на прессу и рѣшился дѣйствовать круто; сначала онъ возбудилъ цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ противъ различныхъ газетъ, но общественное мнѣніе было такъ настроено противъ министерства Полиньяка, что журналисты выходили изъ суда оправданными. Завязался смертельный бой между двумя противниками: одиннадцать газетъ съ «National» во главѣ ежедневно обвиняли правительство въ желаніи унижить и погубить Францію, а министры постоянно докладывали королю, что при неистовствахъ разнузданной печати невозможно

управлять страной. Наконецъ, король подписалъ знаменитые июльскіе «ordonnances», уничтожавшіе свободу печати, распускавшіе палату и ограничивавшіе избирательное право, а одиннадцать газетъ обнародовали не менѣе знаменитый протестъ, который возбудилъ революцію 1830 года.

Этотъ моментъ въ исторіи французской печати составляетъ одну изъ ея самыхъ блестящихъ страницъ, и, достигнувъ тутъ вполне своего зрѣлаго возраста, она естественно пожала плоды одержанной побѣды. Июльская монархія, одолженная ей своимъ престоломъ, щедро отплатила за этотъ даръ обезпеченіемъ ея неограниченной свободы. Въ продолженіе пяти лѣтъ парижскія газеты совершенно свободно, безъ всякихъ ограниченій, могли писать все что имъ угодно и, къ удивленію консерваторовъ, они не злоупотребляли этой свободой. Но мало-по-малу, съ развитіемъ демократическихъ идей, тогдашняя пресса, состоявшая изъ двадцати газетъ, дорого стоющихъ и читаемыхъ исключительно шестьюдесятью тысячами подписчиковъ, оказалась, не смотря на свой блескъ, недостаточной и неудовлетворительной для тридцати пяти милліонной націи. Хотя еще Кормененъ говорилъ, что «только дешевая пресса можетъ конституціонно воспитать народъ», а Бенжаменъ Констанъ стремился къ тому, чтобъ «газета замѣнила книгу, которую читаль бы одинаково и нищій, и король», но лишь Эмилю Жиардену суждено было сдѣлаться великимъ реформаторомъ французской прессы и создать дешевую газету. 1-го іюля 1836 года явился первый номеръ газеты «Presse», основанной этимъ ловкимъ журналистомъ, и въ тотъ же день стала издаваться другая газета «Le Siècle» на тѣхъ же основаніяхъ. Эти основы заключались въ дешевизнѣ, популярности изложенія, разнообразіи извѣстій, печатаніи впервые романовъ въ фельетонахъ и посвященіи четвертой страницы объявленіямъ. Успѣхъ идеи Жиардена былъ громадный: въ нѣсколько мѣсяцевъ его газета уже имѣла двадцать тысячъ подписчиковъ, и по его почину возникла невѣдомая еще тогда многочисленная мелкая, бульварная пресса. Конечно, старые, почтенные органы печати гнѣвно возстали противъ этого превращенія журнальной трибуны въ уличный базаръ, и наибольшій пылъ обнаружилъ въ открывшейся полемикѣ Арманъ Карель, который былъ общепризнаннымъ главою либеральной прессы со временъ реставраціи. Жиарденъ отвѣчалъ на всѣ нападки обвиненіемъ своихъ противниковъ въ исключительномъ доктринерствѣ и, вызвавъ на дуэль Армана Кареля, убилъ его на мѣстѣ. Эта кровь славнаго журналиста не омрачила успѣха дешевой прессы, которая, конечно, нѣсколько унизила общій, возвышенный дотолѣ тонъ парижской печати и придала ей бульварный, чисто коммерческій характеръ, но, всетаки, за Жиарденомъ остается великая заслуга демократизаціи современной газеты и распространенія не только среди Франціи, но и

всей Европы жажды къ чтенію газетъ, хотя сначала главнымъ предметомъ интереса для массы читателей были романы Дюма, Ежена Сю и т. д. Могущественнымъ противовѣсомъ мелкой прессы были старыя и новыя газеты, которыя перомъ такихъ пламенныхъ защитниковъ прогресса, въ лучшемъ значеніи этого слова, какъ Ламартинъ, Викторъ Гюго, Луи Бланъ, Ледрю Ролень, Жоржъ Зандъ, Прудонъ и т. д., поддерживали на прежней высотѣ славу французской печати. Въ послѣдніе годы июльской монархіи, однако, начались преслѣдованія радикальныхъ органовъ и въ особенности карикатурныхъ листковъ, въ которыхъ изображали Луи-Филиппа въ видѣ груши, такъ какъ его лице имѣло съ нею отдаленное сходство, а также снова введено внесеніе издателями газетъ значительной суммы въ видѣ обезпеченія, и они подвергнуты оплатѣ тяжелаго налога, выражавшагося въ приложеніи гербоваго штемпеля къ каждому номеру.

Но подобное возвращеніе къ доброму старому времени продолжалось не долго, и февральская революція вполнѣ освободила отъ всякихъ узъ парижскія газеты, которыя стали плодиться не по днямъ, а по часамъ; среди нихъ наиболѣе замѣчательными были: «Le Peuple Constituant» Ламенэ, «L'ami du Peuple» Распайя, «Le Triomphe du Peuple» Прудона, «La Cause du Peuple» Жоржъ Занда, «L'ère Nouvelle» Ламартина, «La Liberté» Гюго и «Le Nouveau Monde» Луи Блана. Отличительной чертой тогдашней парижской прессы было, кромѣ ея неограниченной свободы, появленіе четырехъ газетъ, редакторами и главными сотрудниками которыхъ были женщины. При диктатурѣ Кавеньяка опять наступили черные дни для парижскихъ журналистовъ: были восстановлены административныя запрещенія газетъ, и изобрѣтено новое орудіе противъ печати, именно обязательная подпись авторовъ подъ статьями, что давало просторъ ихъ преслѣдованію. Но все это были только цвѣточки реакціи, а ягодки явились послѣ декабрьскаго переворота.

IV.

Вторая имперія составляетъ одну изъ самыхъ позорныхъ страницъ французской исторіи, и парижская пресса того времени служить за немногими исключеніями полнѣйшимъ отраженіемъ преобладавшихъ тогда политическаго застоя, общественнаго разложенія, циничной продажности, разнузданнаго разврата, низкопоклоннаго лакейства, глумленія надъ всѣмъ святымъ для современнаго человѣка и поклоненія всему, что есть худшаго въ животныхъ инстинктахъ человѣка. Пятнадцать лѣтъ продолжалось это униженное положеніе парижской печати, и лучшую его характеристику представляетъ Лабулэ въ саркастическомъ дифирамбѣ порядкамъ, существовавшимъ во время всемірной выставки 1868

года, когда имперія была въ апогеѣ своей внѣшней славы. «Какой-то древній портной,—говоритъ онъ:—хотѣлъ шить одежду на луну и, конечно, это было безумной мыслью, но что можетъ быть проще, мудрѣе и хитрѣе, какъ снабдить глазъ каждаго любопытнаго человѣка очками, силу и цвѣтъ которыхъ можно измѣнять по произволу? Эту операцію именно производитъ декретъ 1852 года, который до настоящаго времени руководитъ печатью и составляетъ образецъ политическаго законодательства, или законодательной политики. Все въ немъ придумано, предусмотрѣно и рассчитано съ неимовѣрной точностью. Благодаря ему, пресса не только умиротворена, но совершенно превращена въ нѣчто новое, невѣдомое. Прежде въ ней раздавался рѣжущій слухъ диссонансъ различныхъ мнѣній и интересовъ, а теперь она представляетъ однообразную клавиатуру, тонъ которой понижается по мѣрѣ того, какъ напираютъ на педаль. Почти всегда правительство даетъ мотивъ и останавливаетъ не нравящіяся ему варіаціи. Поэтому, по словамъ творца декрета, Персиньи, пресса сдѣлалась «скромной и благоразумной», она болѣе «не прививаетъ къ странѣ духа безпорядка», а въ то же время «не наложено руки на свободу ума». Дѣйствительно, нельзя не назвать свободной ту прессу, которая говоритъ, когда ей слѣдовало бы молчать, и молчитъ, когда необходимо говорить. Каждый журналистъ имѣетъ право осуждать либерализмъ министровъ и рукоплескать администраціи. Конечно, и это право ограничивается обязанностью газетъ получить разрѣшеніе правительства, внести крупную сумму въ видѣ обезпеченія и платить налогъ гербоваго штемпеля, а слѣдовательно газеты могутъ только издаваться людьми состоятельными и пользующимися расположеніемъ правительства. Войдемъ теперь въ редакцію газеты и посмотримъ, какъ на практикѣ осуществляется эта удивительная система надзора. Прежде чѣмъ написать хоть одно слово, каждый сотрудникъ долженъ взвѣсить свою отвѣтственность и задать себѣ вопросъ, не нарушаетъ ли онъ своей статьей какого нибудь существующаго, или не существующаго закона, такъ какъ администрація не ограничиваетъ своихъ дѣйствій одними существующими законами. Затѣмъ редакторъ просматриваетъ набранную статью, съ цѣлью убѣдиться, нѣтъ ли въ ней чего либо опаснаго и могущаго, или оскорбить, или возбудить негодованіе кого бы то ни было изъ сильныхъ міра сего. Часто статья проходитъ черезъ руки третьяго цензора, издателя, или собственника газеты, и только послѣ такого тройнаго, тщательнаго пересмотра газета является на свѣтъ. Тогда наступаетъ очередь администраціи, имѣющей въ своихъ рукахъ цѣлый рядъ орудій для того, чтобъ образумить и направить какъ слѣдуетъ газету, начиная отъ сообщенія, исправляющаго невправильныя извѣстія, и отеческаго совѣта—не касаться тѣхъ, или другихъ вопросовъ, до двухъ предостереженій, временнаго пріоста-

новленія, запрещенія и судебного преслѣдованія со всѣми его карами». Не удивительно, что при такомъ положеніи вещей въ самую блестящую эпоху декабрской имперіи существовало въ Парижѣ только четырнадцать газетъ, и въ числѣ ихъ лишь «Journal des Débats» и «Siècle» осмѣливались въ самой скромной формѣ являться отголосками оппозиціи—первый орлеанистской, а послѣдній республиканской. Всѣ же остальные органы печати непрерывно прославляли существовавшіе порядки и, за полнымъ застоємъ политической жизни, посвящали все свое вниманіе скандальной хроникѣ. Но такъ какъ число газетныхъ читателей все росло, то стали появляться новые органы печати, и естественно они старались быть на высотѣ, или лучше сказать, на низкой ступени тогдашняго общественнаго развитія; во главѣ ихъ были: «Figaro», основанный Вильмесаномъ, и «Petit Journal», созданный Моисеемъ Мильо, но одолженный своимъ неимовернымъ успѣхомъ хроникеру Тимотею Триму; оба эти бульварные листка процвѣтали, лишь угождая развращеннымъ вкусамъ публики, требовавшей только сенсационнаго чтенія и мельчайшихъ подробностей объ ежедневной жизни кокотокъ и кокодезовъ, этихъ достойныхъ героевъ и героинь декабрской имперіи.

Однако, въ эту мрачную эпоху печатнаго слова во Франціи, когда парижане тщетно старались скрыть смѣхомъ слезы униженія, появились на свѣтъ двѣ газеты, пытавшіяся противодѣйствовать, на сколько было возможно, тогдашнему позорному направленію общества и прессы: это были «Le Temps», основанный Нефцетромъ, органъ буржуазнаго либерализма, который, благодаря своей умѣренности, сумѣлъ уцѣлѣть, и «Le Courrier du Dimanche», запрещенный послѣ семи лѣтъ борьбы благодаря статьямъ Прево Парадоля и другихъ молодыхъ представителей орлеанистскихъ и республиканскихъ идей. Впрочемъ, эта журнальная жертва была какъ бы провозвѣстникомъ окончанія той пляски св. Витта, которой безумно предавалась такъ долго декабрская имперія и въ послѣдніе четыре года ея существованія, отъ того ли что она тѣшила себя мечтой примирить возрождавшееся общественное мнѣніе съ своимъ прошедшимъ цѣною либеральныхъ уступокъ, или просто подъ гнетомъ обстоятельствъ, которыя неудержимо влекли ее къ гибели, но парижская пресса нѣсколько вздохнула... Въ ней появились новые органы: «Le Rappel», основанный сыновьями и сторонниками Виктора Гюго, «La Rue» Валеса, «La Marseillaise» Рошфора и его же знаменитая «Lanterne», которая послѣ первыхъ же номеровъ стала издаваться въ Брюсселѣ. Всѣ они съ пламеннымъ энтузіазмомъ били въ набатъ и быстро разрушали нѣкогда грозное зданіе декабрской имперіи. Это былъ ея похоронный звонъ, и когда произошла революція 4-го сентября, вызванная Седанскимъ погромомъ, то уже вся Франція была подготовлена къ установленію

республики, которая существует, не смотря на всѣ козни своихъ враговъ, ровно двадцать три года и въ настоящую минуту вѣнчаетъ свое болѣе долговременное существованіе, чѣмъ всѣ чередовавшіяся въ ней въ настоящее столѣтіе монархіи, знаменательнымъ пріемомъ русскихъ моряковъ въ Парижѣ, причѣмъ играетъ первенствующую роль ея безгранично свободная печать.

V.

Послѣдняя, продолжающаяся доселѣ, эпоха развитія парижской прессы началась въ тяжелое время германской осады, но не смотря на всѣ бѣдствія, разразившіяся надъ Парижемъ во время этой роковой осады и слѣдовавшей затѣмъ комуны, возникло до полтора ста новыхъ газетъ, изъ числа которыхъ наибольшее значеніе имѣли «Le Mot d'Ordre» Рошфора, «Le Cri du Peuple» Валеса, «Le Patrie en danger» Бланки, «Le Combat» Феликса Пья и «Le Père Duchaine» Вермеша. Конечно, излишне говорить, что это все были органы самаго крайняго радикализма, но тотчасъ послѣ торжества версальцевъ основаны были хотя республиканскія, но болѣе умѣренные газеты: «Evénement», «XIX Siècle» Абу, «République Française» Гамбетты и многія другія, изъ которыхъ болшая часть существуетъ до сихъ поръ.

Перейдя къ настоящему положенію парижской прессы, прежде всего необходимо замѣтить, что она пользуется полнѣйшей свободой, и если что нибудь еще напоминаетъ о прежнихъ ограниченіяхъ, то лишь запрещеніе газетчикамъ, со временъ борьбы противъ буланжизма, выкликать на улицахъ содержаніе продаваемыхъ ими газетъ, что замѣняется печатаньемъ крупными буквами на первой страницѣ заголовка ея главной сенсаціонной статьи. По словамъ Лабулэ, «сосчитавъ число газетъ въ извѣстной странѣ, можно узнать, какую ступень она занимаетъ въ лѣстницѣ цивилизаціи», а потому Франція смѣло можетъ гордиться, что занимаетъ высокую ступень въ этой лѣстницѣ, такъ какъ въ ней издается 5.726 газетъ, а въ томъ числѣ на Парижъ приходится около 2.000. Точно опредѣлить послѣднюю цифру очень трудно, такъ какъ ежедневно являются и исчезаютъ на парижскихъ бульварахъ многочисленные печатные листки. Не говоря о всевозможныхъ специальныхъ газетахъ и разумѣя, какъ общепринято, подъ парижской печатью лишь около 200 ежедневно выходящихъ политическихъ газетъ, можно смѣло сказать, что она имѣетъ полное право соперничать съ прессой всего остальнаго міра. Хотя среди теперешнихъ парижскихъ журналистовъ нѣтъ такихъ крупныхъ талантовъ, какъ въ прежнія времена, потому что всѣ выдающіеся политическіе, общественные и литературные дѣятели XIX вѣка во Франціи были почти безъ исключенія газетными

сотрудниками, но вообще французская литература по примѣру всѣхъ современныхъ литературъ переживаетъ эпоху очевиднаго упадка и, всетаки, парижская печать можетъ выставить цѣлый рядъ общеуважаемыхъ газетъ, какъ «Temps», «Justice», «Intransigeant», «Rappel», «Radical», такихъ блестящихъ редакторовъ, какъ Гебраръ, Клемансо, Рошфоръ, Вакри, Марэ, и такихъ талантливыхъ сотрудниковъ, какъ публицисты Пельтанъ, Фукье, Локруа, Ранкъ, Эмберъ, хроникеры: Шоль, г-жа Северинъ, Кловисъ Гюгъ, Ришпенъ, Бержера, театральные критики: Сарсе, Леметръ, литературные рецензенты: Фаре, Женности, романисты: Зола, Додэ, Бурже и т. д. Что касается до политическаго направленія теперешней прессы, то въ ней преобладаютъ республиканскіе органы различныхъ оттѣнковъ отъ умѣренно-либеральныхъ «Débats» и «Temps» до крайне радикальнаго «Intransigeant», который издается Рошфоромъ изъ Лондона, гдѣ онъ живетъ со времени своего бѣгства отъ суда надъ буланжистами, и самыхъ красныхъ социалистическихъ листковъ. Рядомъ продолжаютъ существовать и газеты оппозиціи настоящимъ порядкамъ отъ бонапартистскаго «Autorité» Касаньяка, клерикальнаго «Univers» и орлеанистскаго «Soleil» Гервэ, до «Figaro» и «Gaulois», которые сами не знаютъ, за что стоятъ, и только ежедневно забрасываютъ грязью республику. Что попрежнему политическій элементъ занимаетъ первое мѣсто въ парижской прессѣ, это яснымъ доказывается той важной ролью, которую она играла на недавнихъ парламентскихъ выборахъ, на которыхъ избрано въ депутаты двадцать шесть журналистовъ, въ томъ числѣ впервые крайній радикаль Паскаль Груссе, социалистъ Гэдъ и Эмберъ, нѣкогда сосланный вмѣстѣ съ Рошфоромъ въ Новую Каледонію за участіе въ комунѣ, а теперь предсѣдатель муниципальнаго совѣта въ Парижѣ и душа всѣхъ блестящихъ приготовленій къ приему русскихъ моряковъ. Хотя на этихъ выборахъ потерпѣли поражение такіе выдающіеся журналисты-депутаты, какъ Клемансо и Касаньякъ, но въ этомъ неуспѣхѣ вовсе не виновна ихъ журнальная дѣятельность.

Конечно, политическое значеніе парижской прессы нисколько не мѣшаетъ тому несомнѣнному факту, что въ послѣднее время она значительно преобразилась и что, не смотря на ея прежнюю политическую силу въ критическія минуты, весь интересъ газетъ въ обыкновенные моменты ежедневной жизни сосредоточенъ теперь для большинства читателей не въ передовыхъ статьяхъ, а въ отчетахъ репортеровъ, и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которые подъ названіемъ «интервьюеровъ» сообщаютъ свои бесѣды съ героями дня. Какъ хроникеры замѣнили во времена декабрьской имперіи серьезные публицисты, такъ нынѣ ихъ отодвинули на задній планъ интервьюеры, которые бесѣдуютъ со всѣми о всемъ

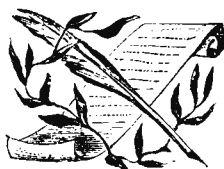
и приучили публику интересоваться не дѣйствіями политическихъ и общественныхъ людей, не новыми книгами и драматическими произведеніями извѣстныхъ писателей, или игрой знаменитыхъ актеровъ и актрисъ, а мелочными подробностями ихъ жизни и ихъ мнѣніями о невозможныхъ предметахъ. Конечно, это направленіе, въ сущности превращающее газету изъ органа политической, общественной, литературной и художественной дѣятельности въ сборникъ сплетенъ, не возвышаетъ, а, напротивъ, унижаетъ ея уровень, но, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ парижскихъ публицистовъ, Марэ, эта новая фаза въ развитіи парижской прессы не должна пугать ея друзей, видящихъ въ ней четвертую, если не первую власть въ странѣ и лучшее орудіе для распространенія цивилизаціи, такъ какъ это явленіе скоропроходящее, и добросовѣстные журналисты всегда имѣютъ возможность бороться съ нимъ, усиливая свою серьезную, честную въ политическомъ, общественномъ и литературномъ отношеніяхъ работу. Главная опасность, по его словамъ, грозитъ парижской прессѣ не отъ репортеровъ, какую бы форму они ни приняли, а отъ все большаго и большаго вліянія на нее финансистовъ, которые забираютъ въ свои руки одну газету за другой и превращаютъ ихъ изъ органовъ свободной, независимой мысли въ подкупное орудіе плутократіи. На сколько велика эта опасность, доказали панамскіе скандалы, набросившіе такую мрачную тѣнь на многія изъ парижскихъ газетъ, но въ этомъ отношеніи также нельзя приходить въ отчаяніе, и тотъ же Марэ вполне основательно говоритъ: «Пока остаются честные, неподкупные слуги печатнаго слова, честь прессы будетъ поддержана, а таковыя всегда найдутся, но еслибъ даже дѣло дошло до того, что вся пресса теряетъ понятіе о своемъ призваніи въ безумной погонѣ за наживой, то подобное роковое паденіе ея было бы лишь сигналомъ къ ея возрожденію, такъ какъ свободное, честное печатное слово безсмертно, а то, что безсмертно, не можетъ погибнуть, а подвержено лишь временному затменію». При этомъ не надо забывать, что пресса во всякомъ случаѣ только голосъ общества, и потому, если этотъ голосъ издаетъ фальшивыя ноты, то въ этомъ виновато само общество, а какъ чутко отзывается парижская пресса на потребности своихъ читателей, доказываетъ, между прочимъ, ея теперешнее стремленіе къ дешевизнѣ и къ изданію приложеній всякаго рода, преимущественно литературныхъ и иллюстрированныхъ.

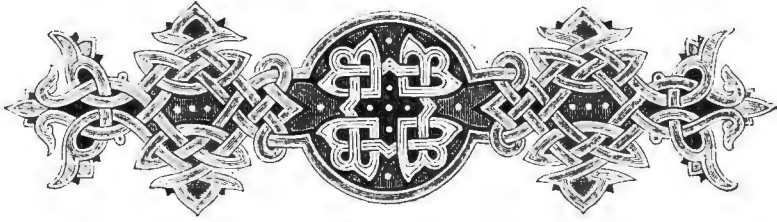
Въ настоящее время большинство парижскихъ газетъ, почти исключительно покупаемыхъ номерами въ десяткахъ и сотняхъ тысячахъ, даже въ миллионѣ экземпляровъ (какъ «Petit Journal»), стоятъ десять и пять сантимовъ; даже столѣтилѣтній «Débats» въ нынѣшнемъ году сбавилъ свою цѣну съ двадцати сантимовъ до десяти и сталъ выходить два раза въ день, причемъ утреннее и ве-

чернее изданія представляютъ совершенно самостоятельный, отдѣльный и разнообразно составленный матеріалъ для чтенія. Относительно прибавленій первое мѣсто занимаетъ «Figaro», который выпускаетъ два раза въ недѣлю прибавочный листъ, ежемѣсячно иллюстрированную тетрадь большого формата и, по мѣрѣ надобности, спеціальныя номера съ картинками. Его примѣру слѣдуютъ: «Gil Blas», «L'Echo de Paris», «Gaulois», «Le Petit Journal», «Le Petit Parisien», «Le Journal» и т. д.; всѣ они, кто даромъ, кто за самую незначительную приплату, преподносятъ своимъ читателямъ еженедѣльные и чрезвычайныя иллюстрированныя прибавленія, въ которыхъ участвуютъ такіе писатели, какъ Зола, Додэ, Дюма, Бурже и т. д.

Вотъ въ общихъ, бѣглыхъ чертахъ краткій очеркъ парижской печати, которая такъ радушно протянула дружескую руку русской прессѣ по случаю устраиваемыхъ всей Франціей празднествъ въ честь нашихъ моряковъ и предложила надняхъ устами Зола положить всесвѣтными конгрессами журналистовъ начало къ образованію всеобщаго братства служителей печатнаго слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по выраженію того же Зола, и служителей «человѣческой интеллигенціи, верховной силы въ свѣтѣ».

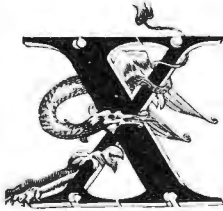
В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія Апшеронскаго полка, 1700—1892 гг. Составилъ Л. Богуславскій. Три тома. Спб. 1892.

ХОТЯ СФОРМИРОВАНЪ полкъ (подъ именемъ Астрабатскаго) 9-го іюня 1724 г., но старшинство его считается съ 1700 г., со времени сформированія Великолуцкаго и Шлиссельбургскаго полковъ, отъ которыхъ по баталіону вошло въ составъ новаго полка. Тотчасъ полкъ началъ свою боевую дѣятельность: сначала въ войнѣ съ Персіей и на Кавказѣ до 1734 года, потомъ въ Миниховской войнѣ (подъ начальствомъ Ласси) съ Турціей 1736 — 1739 годахъ и въ войнѣ со Швеціей 1741 — 1744 гг. Въ 1748 году Апшеронскій полкъ совершилъ походъ въ Австрію, на случай принятія участія въ войнѣ за австрійское наслѣдство, затѣмъ слѣдуетъ Семилѣтняя война, военныя дѣйствія въ Польшѣ, 1-я и 2-я турецкія войны при Екатеринѣ, опять 3 года (1792—1794 гг.) войны въ Польшѣ, походъ Суворова 1799 г. въ Италію и Швейцарію, война съ Франціей въ 1805 г., Турецкая война 1806—1811 гг., Отечественная война 1812 г. и послѣдовавшіе походы 1813 и 1814 гг. Далѣе полкъ переходитъ на Кавказъ и здѣсь наступаетъ продолжительный, 45-ти-лѣтній (1819—1864 гг.), періодъ непрерывной упорной войны для покоренія Кавказа. За послѣднее 20-лѣтіе полкъ участвовалъ въ хивинскомъ походѣ (1873 г.), при подавленіи возстанія въ Дагестанѣ (1877—1878 гг.) и въ покореніи Ахаль-Теке (1879—1881 гг.). Въ общемъ, если исключить періодъ 1700—1724 гг., оказывается мирнаго времени только 58 лѣтъ, а боевой жизни 110 лѣтъ. И какой жизни! Все побѣды, почти всегда удача, несчастія крайне рѣдки. Въ исторіи полка блестятъ славныя дѣла: взятіе Азова (1736 г.), пораженіе шведовъ подъ Вильманстрандомъ (1741 г.), побѣда надъ пруссаками подъ Гросс-Егерсдорфомъ (1757 г.) и надъ самымъ великимъ полководцемъ Фридрихомъ подъ Кунерсдорфомъ (1759 г.), взятіе Берлина

(1760 г.), побѣда горсти русскихъ (23 тыс.) надъ полчищами турокъ (150 т.) при Кагулѣ (1770 г.), знаменитые бои подъ начальствомъ великаго Суворова при Фокшанахъ и Рыжикѣ (1789 г.), при ужасныхъ штурмахъ Измаила (1790 г.) и польской Праги (1794 г.), въ битвахъ на Треббѣи и при Нови, при переходѣ черезъ Чортовъ мостъ (1799 г.), ударъ французамъ при Кремсѣ (1805 г.) на переправѣ черезъ Березину (1812 г.), подъ Лейпцигомъ (1813 г.) и Парижемъ (1814 г.), громкіе кавказскіе подвиги при Ахульго (1839 г.), Дарго (1845 г.), Салты (1847 г.) и взятіе Шамиля въ Гунибѣ (1859 г.); наконецъ, послѣдніе перлы—Хива (1873 г.) и Геокъ-Тепе (1881 г.). Повсюду апшеронцы являются героями. Не даромъ въ полку до сего времени сохранилось преданіе, что за Кунерсдорфское сраженіе (1759 г.) были пожалованы красныя чулки, въ ознаменованіе того, что люди во время боя ходили по колѣно въ крови. Замѣчательныя военныя качества полка преемственно передаются изъ поколѣвія въ поколѣніе, нисколько не ослабѣвая. Когда командиру полка, Діомиду Пассеку, въ бою съ горцами при Кака-Шурѣ (1844 г.) понадобилось перейти въ отчаянное наступленіе, онъ крикнулъ: «Татарва бѣжить! Кто апшеронецъ—за мной! Ура!». Апшеронцы бросились въ штыки—непріятель былъ опрокинутъ; Пассекъ зналъ, что онъ дѣлалъ, зналъ, какую струну надо было затронуть.

Приведемъ на выдержку еще нѣсколько довольно яркихъ случаевъ изъ жизни Апшеронскаго полка.

Въ 1818 г. при оборонѣ Чирахскаго поста штабсъ-капитанъ Щербина съ 40 чел. занималъ мечеть возлѣ русскаго укрѣпленія. Два дня уже отбивалъ отъ нападенія скопища горцевъ, но видя, что дальнѣйшая защита ни къ чему не поведетъ, отпустилъ команду въ укрѣпленіе, а самъ съ 4 стрѣлками и большимъ запасомъ патроновъ заперся на минаретѣ, откуда билъ на выборъ непріятеля и не допускалъ его къ укрѣпленію. Тогда Сурхай-ханъ приказалъ подкопать основаніе минарета, который и опрокинулся на землю, но такъ удачно, что Щербина и четверо охотниковъ остались невредимы. Удивленные такой храбростью мусульмане рѣшили пощадить ихъ и предложили русскимъ сдаться, но въ отвѣтъ получили пять выстрѣловъ, вырвавшихъ еще 4 жертвы. Такое неслыханное упорство привело горцевъ въ ярость, и герой Щербина съ товарищами погибъ подъ ударами вражескихъ пашекъ. Ослѣпленные злобой горцы изрубили тѣла защитниковъ мечети въ мелкіе куски въ виду самаго укрѣпленія. Щербина нанесъ непріятелю уронъ однимъ убитыми—50 чел.

6-го сентября 1843 г. мюриды напали на недостроенное укрѣпленіе Патаныхъ. Военскій начальникъ, Дементьевъ, уже человекъ преклонныхъ лѣтъ, съ ограниченными понятіями, любившій придерживаться чарочки, совсѣмъ опустился и даже одѣвался весьма неряшливо. Онъ уже выслужилъ пенсію и дожидался выхода въ отставку. Но при дальнихъ обстоятельствахъ Дементьевъ преобразился, явилъ необычную дѣятельность, даже выбрился и надѣлъ новый сюртукъ. Въ пламенной рѣчи онъ напомнилъ гарнизону его обязанности и, между прочимъ, сказалъ: «Какъ начальникъ вашъ, я умру послѣднимъ, но не изъ трусости, а чтобы посмотреть, кто осмѣлится меня пережить». Нападенія Шамиля были геройски отбиты Дементьевымъ, уронъ горцевъ простирался до 500 чел., но и защитниковъ оставалось только 80 чел. На многократныя предложенія сдаться русскіе отвѣчали отказомъ и продолжали обороняться. Горцы ворвались въ

укрѣпленіе. Дементьевъ съ оставшимися 15 человѣками заперся въ сакль и нанесилъ непріятелю страшный уронъ. Тогда мюриды разломали крышу, проникли въ саклю и захватили въ добычу только 10 израненныхъ нижнихъ чиновъ—все остальное погибло.

Необыкновенной храбростью отличается и переправа апшеронцевъ черезъ рѣку Койсу въ 1859 г. (т. II, стр. 300); высокаго трагизма исполнено движеніе 12-й роты, подъ начальствомъ поручика Гриневича, въ 1873 г. отъ Ильтедня до Бешъ-Акты на разстояніи 185 верстъ по знойной пустынѣ, при пользованіи колодцами, вода въ которыхъ совершенно испортилась отъ оборвавшихся въ нихъ ведеръ Мангышлагскаго отряда, и притомъ безъ мяса и только съ 2—3 фунтами сухарей на человѣка на весь походъ.

Въ ночь на 29-е декабря 1880 г. текинцы сдѣлали отчаянную вылазку, вырѣзали 14-ю роту, изъ которой только 30 чел. отступили на редуть № 1, сдерживая напоръ несмѣтной массы непріятеля, готового прорвать расположеніе русскихъ войскъ. Туркестанская рота, расположенная въ редутѣ № 1, дала залпъ, чтобы остановить текинцевъ, но, замѣтивъ въ толпѣ нашихъ солдатъ, остановилась въ нерѣшительности, продолжать ли стрѣльбу. Забывая собственную опасность, имѣя въ виду только общее дѣло, 30 апшеронскихъ героевъ кричатъ: «Стрѣляйте, братцы, стрѣляйте; насъ тутъ мало—все больше текинцы!». Что можетъ быть проще, а потому и величественнѣе этого возгласа.

Такимъ образомъ исторія Апшеронскаго полка представляетъ обширную рамку (около 200 лѣтъ существованія, полнаго тревогъ) и богатое содержаніе для чудной картины, которую долженъ былъ изобразить историкъ. Что же сдѣлано имъ въ дѣйствительности въ напечатанныхъ трехъ обширныхъ томахъ? Сочиненіе г. Богуславскаго написано сухо (собственно первая половина), обременено массой ненужнаго матеріала и читается не особенно легко. Конечно, для уясненія дѣйствій полка необходимо излагать его исторію въ связи съ операціями всей арміи, то-есть слѣдуетъ дать понятіе объ окружавшей обстановкѣ, иначе описаніе дѣйствій полка, выхваченное изъ описанія цѣлаго сраженія или операціи, походило бы на партію одного изъ инструментовъ оркестра, сыгранную отдѣльно; но авторъ злоупотребилъ: онъ рассказываетъ цѣлыя кампаніи, гдѣ полкъ вовсе не участвовалъ, излагаетъ событія, имѣвшія къ полку развѣ самое отдаленное отношеніе. Зачѣмъ, напримѣръ, приводится описаніе операцій Миниха въ Крыму (т. I, стр. 14—17), если полкъ въ нихъ не участвовалъ, а находился въ колоннѣ Ласси? То же нужно сказать о походѣ 1737 г., въ описаніи котораго полкъ и не упоминается; вся 2-я глава перваго тома лишняя, самъ авторъ говоритъ: «Безспорно полкъ принималъ участіе и во всѣхъ дальнѣйшихъ походахъ и сраженіяхъ, находясь постоянно въ арміи графа Ласси, но положительно невозможно опредѣлить степень участія его въ томъ или другомъ сраженіи, ибо въ архивныхъ документахъ того времени, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, всѣ свѣдѣнія ограничиваются показаніемъ только лишь количества войскъ». Въ такомъ случаѣ нѣтъ нужды приводить и описаніе всѣхъ этихъ походовъ. Вѣдь никто не будетъ изучать кампаній по исторіи какого нибудь полка, а обратится къ источникамъ спеціальнымъ; а между тѣмъ излишнія описанія только загромаждаютъ самое сочиненіе. На стр. 30-й и 31-й перваго тома авторъ приводитъ даже текстъ такого проекта мирныхъ условій между Швеціей и Россіей, который вовсе и не

быль принятъ; для разсказа этотъ документъ тоже не нуженъ. Случается, что авторъ сначала разскажетъ событіе своими словами, а потомъ въ точности приводитъ о томъ же документъ, напримѣръ, о походѣ къ Вильманстранду въ 1741 г. Если реляція Ласси объ этомъ событіи показалась имѣющей особое значеніе, то ее можно было привести въ приложеніяхъ, а не загромождать текста. Вообще выписокъ изъ документовъ слишкомъ много, что вредитъ самому разсказу; намъ кажется, что къ подлиннымъ словамъ источниковъ надо прибѣгать только въ тѣхъ случаяхъ, когда попадаетея особенно характерное, сильное выраженіе, когда требуется сохранить слова въ точности для установки самого историческаго факта, и т. д.; если же сочиненіе безъ надобности изобилуетъ выписками, то оно получаетъ видъ труда необработаннаго, только сборника матеріала. Матеріалъ замѣтно овладѣлъ авторомъ, а не наоборотъ; напримѣръ, какое отношеніе къ исторіи полка имѣетъ сцена арестованія посла нашего въ Константинополь, Обрескова, въ 1768 г.? Очевидно, авторъ увлекся эффектнымъ извѣдомъ.

Солидно разработанная исторія полка можетъ имѣть значеніе: 1) научное, какъ первоисточникъ для исторіи вообще; 2) для исторіи военнаго искусства, какъ отражающая въ себѣ состояніе военнаго искусства въ соответствующія эпохи; 3) какъ подробное изложеніе жизни полка за опредѣленный періодъ. Предъявляя эти требованія къ сочиненію г. Богуславскаго, мы находимъ, что оно не вполне имъ удовлетворяетъ.

Судить о томъ, на сколько достовѣрно сообщаемое въ исторіи Апшеронскаго полка, какую цѣну можно придавать собраннымъ фактамъ,—невозможно, ибо ссылки на источники почти нѣтъ; много сдѣлано ссылокъ на архивныя дѣла, но почти вездѣ безъ указанія страницъ и листовъ; наконецъ, нигдѣ нѣтъ оцѣнки рукописнаго матеріала, которымъ пользовался авторъ, а между тѣмъ несомнѣнно, что качество документовъ неодинаково.

Довѣріе къ приводимымъ выдержкамъ изъ документовъ подрывается если обнаруживается неточность ихъ передачи. Такъ, въ т. I приведена диспозиція Суворова отъ 16-го іюня 1773 г. для поиска на Туртукай; «она на столько интересна,—говоритъ г. Богуславскій,—что мы приводимъ ее цѣликомъ». При проверкѣ этой диспозиціи мы обнаружили въ ней пропускъ именно, на стр. 151 послѣ 13 строки сверху пропущены слова: «Вторая линия: Астраханскій карабинерный, и за нимъ резервъ, Фишеръ съ Апшеронскимъ батальономъ, два эскадрона Ингерманландскаго, 40 казаковъ». На стр. 152 письмо Суворова къ Салтыкову отнесено ко 2-му поиску на Туртукай, между тѣмъ г. Петрушевскій («Генералиссимусъ князь Суворовъ», т. I, стр. 154) относитъ его къ первому. Объ извѣстномъ обращеніи Суворова къ гарнизону Измаила передъ штурмомъ 1790 г. сказано: «словесно же велѣлъ передать...» (т. I, стр. 191); между тѣмъ оно было сдѣлано письменно, о чемъ можно найти въ нашемъ трудѣ «Штурмъ Измаила», стр. 133. Сраженіе на рѣкѣ Аддѣ въ 1799 г. изложено, правда, всего въ 15 строкахъ (т. I, стр. 236), но совершенно извращено (сравни стр. 72—96 нашего труда: «Суворовъ. Разборъ военныхъ дѣйствій въ Италіи», Спб., 1892) и неосновательно названо трехдневнымъ. На стр. 243 невѣрно указана причина движенія корпуса Розенберга изъ Алессандріи къ Асти, на самомъ дѣлѣ онъ пошелъ не вслѣдствіе какихъ либо стратегическихъ соображеній, а просто потому, что австрійцы тамъ заготовили продовольствіе. На стр. 321 говорится про бой у Городечны въ 1812 г.: «не взирая на численный пере-

вѣсь противника, мы удержали, всетаки, за собою позиціи, тѣмъ не менѣе генераль Тормасовъ рѣшилъ отступить за рѣку Стырь»—изложеніе патриотично, но у читателя невольно является вопросъ: зачѣмъ же было отступать? это-то и не разъяснено. А дѣло-то объясняется просто: непріятельскій корпусъ Ренъе обошелъ позицію Тормасова съ лѣваго фланга. На стр. 330 предположеніе о началѣ осенняго похода 1813 г. изложено совершенно не вѣрно, а между тѣмъ оно составляетъ замѣчательную стратегическую комбинацію, зародившуюся въ головѣ нашего генерала Толя. Сраженіе при Кацбахѣ въ 1813 г. (стр. 331) совершенно извращено. Конечно, очень трудно изучить въ точности всю военную исторію, но вѣдь это и не понадобилось бы автору, если бы онъ держался ближе къ изложенію собственно исторіи полка, относительно же кампаній и сраженій ограничился бы только нѣсколькими словами для связи и общей картины.

Для исторіи военнаго искусства сдѣлано весьма мало. Способы дѣйствія въ бою, построенія, обученіе войскъ, вообще тактика въ различные періоды совѣмъ не изслѣдованы; изложеніе системы полковаго ховаяства и способа снабженія отсутствуют; не всегда видна преемственность въ измѣненіяхъ организаціи полка; измѣненія въ обмундированіи и вооруженіи даны отдѣльно въ приложеніи, не связаны со всемъ ходомъ исторіи, и не объяснено, подъ вліяніемъ какихъ причинъ происходили эти измѣненія. Матеріалъ для такого изслѣдованія имѣется, если же это не было сдѣлано по какимъ либо особымъ причинамъ, то слѣдовало оговорить въ самомъ сочиненіи.

Полковая жизнь изслѣдована весьма не полно: очень мало сказано о бытовой сторонѣ, а между тѣмъ изображеніе этой стороны именно важно въ исторіи полка. Если трудно было (хотя возможно) отыскать подобный матеріалъ для первыхъ лѣтъ жизни полка, то для послѣдующихъ онъ имѣется въ изобиліи¹⁾. Только въ главѣ 17, начало царствованія Александра I, благодаря мемуарамъ Э. Глинки, имѣются кое-какія бытовые черты, да и то говорится про полкъ весьма не много, а больше про шефа Милорадовича; еще встрѣчаются бытовые картинки при изложеніи похода въ Ахаль Теке; вотъ и все. Продолжительный періодъ участія полка въ кавказской войнѣ вноситъ въ рассказъ большое оживленіе, но только благодаря изумительнымъ подвигамъ, а собственно жизнь полковой семьи, все-таки, остается въ сторонѣ.

Фактическая часть исторіи тоже имѣетъ много пробѣловъ; напримѣръ, бой 24-го октября (5-го ноября) 1805 г. рассказанъ только по мемуарамъ Глинки, а слѣдовало бы разработать и по другимъ источникамъ: вѣдь это рѣдкій и замѣчательный примѣръ штыковой свалки между противниками, достойными другъ друга. Въ 1799 г. полкомъ командуетъ подполковникъ, а полковникъ служитъ баталіоннымъ командиромъ; авторъ оставляетъ неразъясненнымъ этотъ бросающійся въ глаза фактъ.

Изданіе съ вѣшной стороны сдѣлано роскошно: прекрасные портреты императора Александра III, Наслѣдника, особъ, царствовавшихъ въ Россіи со времени сформированія полка, Суворова, Милорадовича, нынѣшняго

¹⁾ На стр. 458, т. II, встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе: «о первоначальныхъ дѣйствіяхъ отряда кн. Накашидзе (1877 г.) мы можемъ дать только весьма краткій отчетъ, ибо дѣло главнаго штаба, гдѣ находились описанія этихъ дѣйствій, утеряно».

шефа великаго князя Георгія Михайловича, которымъ издана разбираемая исторія, и нѣкоторыхъ полковыхъ командировъ; изданіе украшено 20 рисунками формъ полка, 3 листами рисунковъ медалей, полученныхъ полкомъ, и 17 листами поистинѣ превосходныхъ плановъ и картъ. Однако, нельзя не пожалѣть, что въ этомъ отношеніи дѣло не доведено до конца. Хотя полкъ больше всего воевалъ на Кавказѣ, однако карты Кавказа нѣтъ, и слѣдить за походами полка нельзя; карта сѣвернаго и нагорнаго Дагестана для этого недостаточна, ибо не заключаетъ всего района дѣйствій полка и не имѣетъ многихъ названій, упоминаемыхъ въ текстѣ; это относится и къ картѣ войны съ Турціей. Точно также нѣтъ карты финляндской войны 1741 г., Семилѣтней войны; карта Польши плоха, она заимствована изъ сочиненія Петрушевскаго (впрочемъ сдѣлана хорошо), но тамъ преслѣдовалась другая цѣль — біографія Суворова, и въ обстоятельной картѣ не было нужды. Плановъ многихъ сраженій также нѣтъ: Кремль (1805 г.), Вауценъ (1813 г.), Шампоберъ (1814 г.) и друг. Этотъ недостатокъ идетъ рядомъ съ излишней роскошью; напримѣръ, замѣчательный планъ осады Азова, по нашему мнѣнію, вовсе не нуженъ для объясненія дѣйствій полка, которыя даже и выслѣдить по плану невозможно. Другіе планы представляютъ удивительную по совершенству копию (въ краскахъ) съ плановъ подлинныхъ, хранящихся въ архивахъ, и, вѣроятно, стоятъ дорого. Въ послѣднее время вообще начинается распространяться манера воспроизводить при историческихъ сочиненіяхъ подлинные планы сраженій и осадъ. Это и хорошо, и дурно. Планы эти имѣютъ значеніе, какъ всякіе другіе документы, а потому приложеніе ихъ весьма важно; но вѣдь исторія не состоитъ изъ однихъ документовъ: они только служатъ основаніемъ и источникомъ для обработанныхъ сочиненій; тѣмъ обработка сдѣлана лучше, тѣмъ сочиненіе имѣетъ больше достоинствъ; въ концѣ концовъ и надо стремиться къ разработанной исторіи, а не къ сборникамъ документовъ, подлинный же планъ есть документъ. Военному историку слѣдуетъ сличать подлинные планы между собою, со съемками нынѣшняго времени, съ текстомъ различныхъ источниковъ и отсюда получать дѣйствительно исторически вѣрный планъ. Стоитъ только подумать, на сколько въ прежнія времена стояло низко искусство съемки, чтобы заключить о несовершенствѣ плановъ той эпохи; съ плановъ настоящаго времени должно брать изображеніе неровностей мѣстности (рельефъ) и другія очертанія (контуры), которыя не могли измѣниться съ тѣхъ поръ. Конечно, такая работа для историка труднѣе, но за то и плодотворнѣе. Приложенные планы страдаютъ еще отсутствіемъ стрѣлки, указывающей сѣверъ, а потому невозможно правильно ориентировать планъ и понять текстъ; напримѣръ, планъ Кальберба 1761 г. начерченъ, такъ сказать, кверху ногами, а стрѣлки нѣтъ; да и названія на немъ не согласованы съ текстомъ. Нѣтъ стрѣлки на планѣ сраженій при Ларгѣ, Кагулѣ (1770 г.), Прагѣ (1794 г.); все это вредитъ ясности пониманія.

Мы потому такъ долго остановились на исторіи Ашшеронскаго полка, что она представляетъ выдающійся трудъ среди другихъ исторій полковъ. Не смотря на указанные недостатки, она имѣетъ и капитальныя достоинства. Надо знать, съ какими затрудненіями сопряжено составленіе вообще исторія полка, чтобы понять, сколько автору пришлось приложить энергіи и труда при исполненіи своей работы, притомъ сравнительно въ короткое время; счастливъ онъ, что нашлись средства и могущественная помощь для

изданія сочиненія. Авторъ прослѣдилъ съ замѣчательнымъ упорствомъ почти всю исторію полка по архивнымъ документамъ, хранящимся на противоположныхъ концахъ Россіи; кое что изъ военно-историческихъ фактовъ установлено вновь. Многіе изслѣдователи, не имѣющіе доступа въ архивы, будутъ ссылаться на сочиненіе г. Богуславскаго. Н. Орловъ.

Великій князь Георгій Михайловичъ. Русскія монеты, чеканенныя для Пруссіи (1759—1762), Грузіи (1804—1833), Польши (1815—1841), Финляндіи (1864—1890). Спб. 1893. Съ 16 таблицами.

Колоссальное нумизматическое предпріятіе великаго князя Георгія Михайловича, о которомъ намъ приходилось говорить не разъ, подвигается впередъ безостановочно. Вновь вышедшій томъ представляетъ уже шестой выпускъ, изданный съ прежними роскошью и изяществомъ. Изображенія монетъ исполнены съ поразительнымъ совершенствомъ. Какъ и въ прежнихъ томахъ, описанію монетъ предшествуетъ сборникъ архивныхъ документовъ, на этотъ разъ имѣющей и чисто историческое значеніе. Какъ извѣстно, въ началѣ 1758 года русскія войска заняли Восточную Пруссію, и въ г. Кенигсбергѣ было учреждено русское управленіе. Только съ воцареніемъ Петра III русскіе покинули Пруссію, управленіе же Кенигсбергомъ было сдано въ руки прусскихъ чиновниковъ лишь въ первые дни царствованія Екатерины II. Фридрихъ Великій, подавленный финансовыми затрудненіями, среди непрерывныхъ войнъ, прибѣгъ къ чеканкѣ «обманныхъ и дурныхъ»,—по выраженію извѣстнаго мемуариста Болотова,—денегъ. Тотчасъ по занятіи русскими Кенигсберга обнаружилось, что русская высокопробная монета безслѣдно исчезаетъ изъ обращенія, вымѣниваемая на прусскій низкопробный биллонъ. Такое нежелательное явленіе и вынудило русское правительство начать чеканку собственной монеты, которая по достоинству болѣе соотвѣтствовала бы прусскимъ размѣрнымъ деньгамъ. Документы, изданные нынѣ августѣйшимъ авторомъ, собраны изъ различныхъ русскихъ архивовъ и государственнаго архива въ Кенигсбергѣ. Они даютъ не только подробную исторію чекана монетъ для Пруссіи, но и рисуютъ современное положеніе Пруссіи и роль, которую пришлось играть русскимъ властямъ въ Кенигсбергѣ. Нельзя не обратить особеннаго вниманія на то, что, за исключеніемъ пяти документовъ, весь сборникъ представляетъ акты неизданные, дающіе отнюдь не одну официальную сторону дѣла, но подробную исторію мѣропріятій, предположеній, мотивовъ, иногда и тайныхъ. Такъ, рескриптъ императрицы Елисаветы отъ 16-го іюня 1760 года, данный губернатору Корфу, откровенно объясняетъ причины передѣлки монеты: «... повелѣваемъ дѣланіе монеты сколько можно продолжать, передѣлывая нашу серебряную монету въ такую изъ дѣлываемыхъ, которая прибыльнѣе, ибо надежды и безъ того мало или и совсѣмъ нѣтъ, чтобы она пакы въ Нашу Имперію возвратилась, но только надобно при томъ такой секретъ хранить, чтобы о томъ, кому не надлежитъ, отнюдь извѣстно не было...». Рисунки монетъ для Пруссіи нарисованы были А. Т. Болотовымъ, о чемъ онъ самъ подробно рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ (т. I, стр. 899—900), а успѣхъ этой монетной операціи былъ на столько великъ, что вызвалъ прекрасныя мѣстныя поддѣлки. Любопытенъ фактъ необыкновеннаго, поразительнаго обилія штемпелей этой русско-прусской монеты. Ва-

рианты многих отдѣльных типовъ насчитываются десятками и просто не поддаются описанію.

Не менѣе интересенъ и отдѣлъ, дающій исторію и описаніе монетъ, чеканенныхъ для Грузіи на Тифлисскомъ монетномъ дворѣ въ 1804—1833 гг. Большинство документовъ выбрано изъ малодоступныхъ фоліантовъ актовъ кавказской археографической комиссіи и пополнено изъ архива департамента государственнаго казначейства. Ясно обрисовываются и причины, вызвавшія начало чекана монеты съ грузинской надписью, и обстоятельства закрытія тифлискаго двора, во все время своего существованія приносившаго казѣ исключительно только убытки.

Исторія грузинско-русской монеты на столько была малоизвѣстна, что пришлось въ предисловіи устанавливать чтеніе надписей и опредѣлять монетную единицу, о чемъ были извѣстны противорѣчивыя мнѣнія Шодуара, Ланглуа и Броссе. Между монетами описанъ рядъ рѣдкихъ и пробныхъ, можно пожалѣть только, что при описаніи не отмѣчено, какія монеты издаются впервые, и какія кѣмъ и гдѣ были уже описаны (что сдѣлано въ прочихъ отдѣлахъ). Жаль еще, что не приведены монеты Ираклія II, царя грузинскаго, чеканившіяся съ російскимъ орломъ и имѣющія такимъ образомъ прямое отношеніе къ русской нумизматикѣ. Можетъ быть, онѣ появятся при описаніи монетъ Екатерины II, какъ вассальные нумизматическіе памятники ея времени.

Документы, касающіеся чекана монетъ для Польскаго королевства, даютъ почти полную исторію монетнаго дѣла за это время и объясняютъ рядъ нумизматическихъ проблемъ. Не смотря на то, что польская нумизматика имѣетъ много работниковъ и хорошо изслѣдована, новое описаніе представляетъ не мало монетъ, еще неизданныхъ, и экземпляровъ даже единственныхъ. Въ видѣ дополненія къ русско-польскимъ монетамъ изданы и монетные знаки, выбитые въ 1813 году въ Замостьѣ, во время осады его російскими войсками. Весь этотъ эпизодъ превосходно освѣщенъ документами, собранными и напечатанными въ сборникѣ. Монеты Замостья имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ русской нумизматикѣ, но за помѣщеніе ихъ нельзя не поблагодарить августѣйшаго автора. Зато съ полнымъ основаніемъ можно было бы пропустить описанные подъ № 210 (табл. VII, № 21) десять грошей 1831 года съ надписью «V oblekaniu Zamoscia». Подъ описаніемъ въ примѣчаніи значится: «Единственно извѣстный экземпляръ находится въ коллекціи гр. А. С. Платеръ. Существованіе этой монеты можетъ найти свое объясненіе лишь въ спекулятивной цѣли ея приготовленія». Это не болѣе, какъ фантастическій, да еще и нелѣпный штемпель, имѣющій право на помѣщеніе въ русскую нумизматическую книгу только въ томъ случаѣ, если было бы доказано его происхожденіе съ варшавскаго монетнаго двора. Гораздо болѣе правъ на внесеніе въ альбомъ имѣли бы нѣкоторыя монеты герцогства Варшавскаго. Помѣщеніе ихъ было бы обусловлено словами самого августѣйшаго автора, что «въ продолженіе 1815 года для предотвращенія недостатка въ ходячей монетѣ въ царствѣ Польскомъ чеканилась монета подъ штемпелемъ герцогства Варшавскаго. На ней былъ выставленъ 1814 годъ» (предисловіе, стр. III).

Описаніе монетъ, чеканенныхъ для Финляндіи въ 1864—1890 гг., конечно, представляетъ новостъ для любителей нумизматики. Выясняется, что монета чеканилась далеко не каждый годъ; любопытны по рѣдкости пробныя экземпляры 1866 года (20 пенни и 2 пенни).

Въ заключеніе необходимо замѣтить, что каждый изъ четырехъ отдѣловъ книги сопровождается объяснительнымъ предисловіемъ и прекрасными указателями. Все это вмѣстѣ съ вышесказаннымъ дѣлаетъ выполнение новаго нумизматическаго труда августѣйшаго автора близкимъ къ идеальнымъ научнымъ требованіямъ. Съ нетерпѣніемъ ждемъ появленія запутанной нумизматики XVIII столѣтія, гдѣ автору придется преодолѣть множество затрудненій, объяснить рядъ нумизматическихъ загадокъ и невыясненныхъ вопросовъ, а для критики вслѣдствіе этого естественно представится обширное поле.

Н. Лихачевъ.

І. Каблицъ (І. Юзовъ). Основы народничества. Часть II. Спб. 1893.

Во второй части «Основы народничества» г. Каблицъ утверждаетъ, что въ благополучіи народа преобладающую роль играетъ чувство, а не умъ (а тѣмъ болѣе наука), и что настроеніе народныхъ массъ, живущихъ мірской и артельной жизнью, всегда гуманнѣе и справедливѣе отдѣльныхъ сословій, будутъ ли то феодалы, буржуа или интеллигенція. Отсюда вытекаетъ необходимость народу самому устроить себѣ жизнь, независимо отъ руководителей и опекуновъ, когда послѣдніе не хотятъ исполнять его собственныя желанія, а стремятся господствовать надъ нимъ во имя прогресса науки или наилучшихъ общественныхъ формъ. Насиліе какъ правыхъ, такъ и лѣвыхъ одинаково тягостно народному чувству: бурбоны и якобинцы, стюарты и республиканскіе солдаты Кромвеля одинаково заставляли страдать народъ и вывели его изъ терпѣнія. Только тѣ партіи желательны, идеалы которыхъ не требуютъ насилія надъ массою, примѣнимы ко всей націи, а не къ одному ея родовитому, денежному или умственному классу. Требовать силу, во имя пользы, отъ народа, чтобы онъ обязательно предпочиталъ Л. Толстого лубочнымъ писателямъ, ходилъ въ школу, а не въ кабакъ, такъ же для него тяжело, какъ было бы и для «интеллигенціи», если бы ее заставили обязательно превратиться въ мужиковъ во имя той же пользы. Поэтому, пишетъ г. Каблицъ, «народничество утверждаетъ, что нельзя заботиться объ «интересахъ» народа, не принимая во вниманіе его «мнѣній» объ этихъ «интересахъ». Оно не третируетъ личности крестьянина и не считаетъ себя вправѣ обходиться съ нимъ, какъ съ малолѣтнимъ, не имѣющимъ возможности жить самостоятельно, безъ опеки. Поэтому оно признаетъ, что въ числѣ главныхъ «интересовъ» народа находится и потребность руководствоваться въ своей дѣятельности собственнымъ «мнѣніемъ», а не благодѣтельнымъ приказомъ интеллигентнаго руководителя. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы народничество проповѣдывало невмѣшательство интеллигенціи въ жизнь народа; оно лишь утверждаетъ, что это послѣднее должно выражаться только въ видѣ духовнаго воздѣйствія на «мнѣнія» народа, и отрицаетъ всякое насильственное вторженіе въ народную жизнь: «въ рай за волоса не тянуть». Основная точка зрѣнія народничества та, что «соціальная жизнь, находясь подъ вліяніемъ только культурныхъ классовъ, получаетъ уродливое, искусственное, одностороннее развитіе и направляется на удовлетвореніе потребностей не всей страны, а только однихъ культурно-интеллигентныхъ классовъ. При томъ же изобрѣсти путемъ научныхъ изслѣдованій абсолютно-прекрасную общественную форму невозможно, и попытки подобнаго рода уже окончательно отвергнуты соціологіей. Область соціологіи есть попре-

имуществу область дѣятельности человѣческой личности, въ которой чувства, мысли и желанія личности играютъ главную роль. Достоинство общественной формы измѣряется не тѣмъ, на сколько она приближается къ какому-то научному идеалу, а тѣмъ, на сколько она приспособлена къ желаніямъ живыхъ личностей, составляющихъ данное общество. Самая прекрасная форма будетъ гибельна для общества, если она не соотвѣтствуетъ желаніямъ его членовъ, ибо въ этомъ случаѣ она можетъ держаться только насиліемъ, которое представляетъ собою начало развращающее и разрушающее». Такимъ образомъ, г. Каблицъ для практической дѣятельности не признаетъ научнаго идеала, указывающаго намъ въ нашей жизни степень нашего отъ него отклоненія, и требуетъ принесенія его въ жертву существующимъ желаніямъ массъ, хотя бы эти массы были у насъ враждебны противоположнымъ мѣрамъ, а во Франціи—республикѣ. Еще болѣе остается удивляться, когда онъ и народникамъ противопоставляетъ собственнаго толка «народолюбцевъ» представителей «либерально-буржуазнаго направленія» (Л. Полонскаго) и «интеллигентно-бюрократическаго» (гг. Пыпина, Михайловскаго, Слонимскаго, Модестова и др.), которые всѣ, по мнѣнію г. Каблицы, «требуютъ подчиненія народа культурному обществу впредь до выхода народа изъ темноты» и которые хотятъ «подгонять сверху бюрократическимъ кнутомъ ходъ народной жизни по пути прогресса, иначе невѣжественное крестьянство навѣки останется на мѣстѣ безъ всякаго движенія. Характерная черта народолюбцевъ—любовь къ народу, соединенная съ полнымъ неуваженіемъ правъ личности крестьянина. Они на столько глубоко презираютъ права этой личности, что даже неспособны замѣчать дѣлаемыхъ ими нарушеній этихъ правъ. Имъ все кажется, что народъ ничего больше не желаетъ, какъ только того, чтобы они устроили его «интересы», не спрашиваясь его самого, забывая, что онъ говоритъ: «За чужой головой ино и легче жить, да—тошнѣе». Они способны нарушать основныя права личности, даже не помышляя о томъ, что они дѣлаютъ, какъ будто имѣютъ дѣло не съ людьми, а съ любимыми собаками и кошками».

Русское общество достаточно знакомо съ дѣятельностью поименованныхъ ученыхъ и публицистовъ, чтобы не повѣрить тому, что они любятъ свой народъ, какъ кошекъ и собакъ, что для нихъ дорогъ прогрессъ, а люди ничего не стоятъ, и т. д. Несомнѣнно, что въ ихъ ученыхъ и литературныхъ трудахъ можно встрѣтить мѣста, въ которыхъ нравы русскаго народа представляются весьма далекими отъ добродѣтели, политическія симпатіи наиболѣе отсталыми, чѣмъ нѣкоторыя мѣропріятія сверху, и высказывается естественное желаніе успѣхавшимъ нѣкоторымъ мѣропріятіямъ. Но вѣдь это происходитъ именно отъ того, что такъ называемымъ либеральнымъ писателямъ дороги люди, а не одніи теоріи, что для живого дѣла можно жертвовать нѣкоторыми своими симпатіями, и т. д. Еслибъ у насъ законодательная дѣятельность исходила съ одобренія народа, а гг. «народолюбцы» (они же интеллигентные бюрократы и либералы, по терминологіи г. Каблицы) не уважили бы его и хотѣли бы сами господствовать надъ нимъ во имя науки, то борьба, которую ведетъ съ ними г. Каблицъ, имѣла бы смыслъ. Но вѣдь этого нѣтъ, и всѣ либералы, напротивъ, хлопочутъ о лучшихъ общественныхъ формахъ, при которыхъ народъ могъ бы выражать свои мнѣнія. Поэтому нѣтъ никакого основанія говорить у насъ о злоупотребленіи народомъ во имя науки или лучшихъ политическихъ формъ, и наши даровитые публицисты никогда не были

проникнуты «народолюбивымъ интеллигентнымъ бюрократизмомъ» и благоговѣніемъ къ «идолу пользы», съ претензіей сдѣлать образованіе «предлогомъ для привиллегій», а себя самихъ предназначить «въ наслѣдники феодализму и капиталистическому строю». Для исправленія мнимыхъ пороковъ народолюбцевъ (или интеллигентныхъ бюрократовъ) г. Каблицъ совѣтуетъ имъ сдѣлаться «народниками», т. е. не только любить народъ, но и уважать его, корень народного благополучія полагать въ счастья личности, счастье личности—узнать «опросомъ самой личности», русскую цивилизацію строить на общенародныхъ желаніяхъ, чувствахъ и мнѣніяхъ; имѣя возвышенный идеаль, искать въ народѣ такіе элементы, которые увлекаютъ народъ къ этому возвышенному идеалу, такъ какъ осуществленіе желаній народа будетъ дѣйствительно ближайшей станціей по направленію къ идеалу. «Идеаль не рушился, не исчезъ, онъ такъ и остался путеводной звѣздой; но жизненная практическая работа истиннаго народника стала приравливаться къ осуществленію ближайшей цѣли, которую, какъ мы уже говорили, онъ нашелъ въ общественныхъ идеяхъ русскаго народа».

Не напоминаютъ ли эти реплики извѣстнаго консерватора, который, сдерживая прогрессивную дѣятельность правительства и частныхъ лицъ, указывалъ на то, что если мы сами несчастны съ своей цивилизаціей и прогрессомъ, то имѣемъ ли право насаждать то и другое въ народѣ, по собственной инициативѣ, и не лучше ли дать ему хотя бы палача, если онъ проситъ и желаетъ этого? А, главное, не наввно ли со стороны г. Каблицы увѣрять, что именно такіе писатели, какъ г. Пыпинъ, добиваются «интеллигентно-бюрократическаго насажденія въ душахъ людей любви къ свободѣ и независимости попираніемъ этой свободы и независимости, ради, будто бы, болѣе быстро прогресса, безсмысленно противопоставляемаго «мнѣнію» и желаніямъ народа?»

Расходясь, такимъ образомъ, съ г. Каблицемъ по извѣстнымъ пунктамъ, слѣдуетъ, всетаки, признать его книгу за солидный трудъ, съ ярко выраженными симпатіями, заставляющими читателя интересоваться мыслями автора до послѣдней страницы и во многомъ провѣрять самого себя. Такія книги, въ которыхъ авторы крайне систематично излагаютъ тѣ или другія господствующія понятія, не безынтересны. Въ литературномъ отношеніи «Основы народничества» написаны яснымъ и простымъ языкомъ, что весьма рѣдко бываетъ въ русскихъ книгахъ по социологіи и философіи.

А. Фаресовъ.

Труды Московскаго нумизматическаго общества. Подъ редакціей В. К. Трутовскаго и В. А. Уляницкаго. Первый полутомъ. Москва. 1893.

Изъ всѣхъ вспомогательныхъ отраслей исторической науки нумизматика является въ Россіи наиболѣе разработанной. Не говоря уже о томъ, что на поприщѣ нумизматики Востока русскіе ученые главенствуютъ до сихъ поръ, почти по всѣмъ частямъ нумизматическаго знанія въ русской литературѣ найдутся статьи, составляющія цѣнный вкладъ въ литературу общевропейскую. До послѣдняго времени, однако, русскимъ нумизматамъ не удавалось имѣть свой специальный органъ. Въ русскихъ ученыхъ обществахъ нумизматика и труды по ней входили, какъ часть, поглощались въ

болѣ широкою понятію археологіи. Петербургскій и московскій нумизматическіе кружки сливались съ мѣстными археологическими обществами, не будучи въ состояніи выдѣлится въ нѣчто вполне самостоятельное. Только въ мартѣ 1888 года былъ Высочайше утвержденъ уставъ спеціальнаго «Московского нумизматическаго общества».

Только что вышедшій первенецъ изданій новаго общества производит самое благоприятное впечатлѣніе и можетъ выдержать даже строгую и придирчивую критику. Нельзя не обратить вниманія на такія статьи, какъ: 1) Карзинкинъ, А. А. — «О медаляхъ царя Дмитрія Ивановича (Іжедмитрія І.); 2) Живневскій, А. К. — «Монеты Городецкія или Городецкія»; 3) Уляницкій, В. А. — «Монеты, чеканенныя польскими королями для Галицкой Руси въ XIV и XV вв.». Всѣ эти статьи представляютъ небольшія монографіи, сдѣланныя на основаніи всего извѣстнаго матеріала. Особенно хорошъ трудъ г. Уляницкаго — самостоятельная и притомъ критическая переработка всего, что сдѣлано по данному вопросу польскими нумизматами Ступницкимъ, Стрончинскимъ, Пекосинскимъ и др.). А надо замѣтить, что за послѣднія десятилѣтія поляки чрезвычайно много сдѣлали по изученію отечественной исторіи и древностей. Нерѣдко ихъ прекрасныя и колоссальныя изданія могутъ служить прямымъ укоромъ нашей лѣности. Тѣмъ необходимо слѣдить за этой богатой литературой, что поляки склонны вносить во все обычную имъ страстность и тенденціозность. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ В. А. Уляницкаго дѣло идетъ, между прочимъ, о Владиславѣ Опольскомъ (о немъ см. замѣчанія И. А. Линниченко). Вотъ историческій дѣятель, личность котораго до сихъ поръ недостаточно выяснена, и русскій взглядъ на смыслъ его дѣятельности едва ли окажется тождественнымъ съ польскимъ.

Цѣнная статейка М. Г. Деммени «Къ исторіи Екатеринбургскаго монетнаго двора» излагаетъ вкратцѣ результаты изслѣдованія Екатеринбургскаго горнозаводскаго архива и даетъ, между прочимъ, интересныя и совершенно новыя данныя относительно русской квадратной монеты.

А. Д. Нечаевъ помѣстилъ описаніе нѣкоторыхъ русскихъ монетъ и медалей изъ собраній Императорскаго Россійскаго историческаго музея и А. Н. Лѣнинова. Въ этой статьѣ мы находимъ описаніе нѣсколькихъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ экземпляровъ, какъ, напримѣръ, алтынъ 1710 года съ М. Д., серебряная копейка 1730 года. Изъ рѣдчайшихъ монетъ изъ собранія А. Н. Лѣнинова нельзя не отмѣтить золотой медали «1703 Февраля 9 числа»¹⁾. Подобныя медали 1702 и 1073 годовъ представляютъ необыкновенную рѣдкость, и самое происхожденіе ихъ загадочно. Въ Историческомъ музеѣ нашелся второй экземпляръ мѣднаго пятикопеечника съ клеймомъ: «10 копѣекъ 1809». Наше мнѣніе о происхожденіи этого клейма мы уже высказали на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ рецензіи на книгу его императорскаго высочества великаго князя Георгія Михайловича: «Монеты императора Александра І».

Обращаютъ на себя вниманіе и замѣтки г. Габріэля Густафсона «Sur une monnaie rare du grand duc Jaroslaw I»²⁾ и дополненія къ нимъ, сдѣланныя

¹⁾ Отмѣтимъ, что на стр. 70 при описаніи полуполтинника 1703 года вкралась досадная опечатка У вмѣсто Ц въ буквахъ года.

²⁾ Статья эта напечатана во французскомъ оригиналѣ и въ русскомъ переводѣ. Мы лично стоимъ за правильность такого приѣма и находимъ прекраснымъ

Н. И. Черневымъ. Дѣло идетъ о вновь найденномъ (въ селеніи Несбое, Клейвскаго прихода, близъ города Мольде, въ Норвегіи) экземплярѣ «Ярослава серебра» скандинавскаго чекана, монеты, столь знаменитой полемикой изъ-за нея между барономъ Кене, графомъ Строгановымъ и А. А. Куникомъ. Новая находка подтвердила всѣ предположенія, высказанныя объ этихъ загадочныхъ монетахъ въ 1882 году графомъ И. И. Толстымъ.

Будемъ надѣяться, что дѣло молодого общества упрочится, что послѣдующія изданія будутъ еще лучше перваго полутома, и что мы отъ дѣятельности этого общества дождемся выполненія такъ давно необходимыхъ для русской нумизматики предпріятій, какъ изданіе монографіи о Джучидскихъ монетахъ или, напримѣръ, составленіе систематически полной критической библиографіи книгъ и статей по нумизматикѣ. Н. Лихачевъ.

Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго, подъ редакціей П. Адрианова. Томъ I. Книги I—V. Изданіе А. Г. Кузнецова. Москва. 1893.

Въ настоящее время, благодаря трудамъ нашихъ филологовъ, мы имѣемъ возможность читать лучшихъ латинскихъ и греческихъ авторовъ, какъ прозаиковъ, такъ и поэтовъ, на русскомъ языкѣ. Профессоръ Модестовъ далъ намъ прекрасный переводъ Тацита, профессоръ Мищенко перевелъ Геродота, Фукидида, Страбона, переведены Гораций, Вергилій и другіе. Переводъ исторіи Тита Ливія, сдѣланный подъ редакціей г. Адрианова учителями Оренбургскаго учебнаго округа и предпринятый по инициативѣ попечителя округа И. Я. Ростовцева, восполнилъ собой значительный пробѣлъ въ нашей переводной литературѣ. Исторія Тита Ливія, представляющая собой простую компиляцію трудовъ Кв. Фабія Пиктора, Цинція, Пизона и другихъ, не имѣетъ, конечно, особеннаго значенія, какъ историческое изслѣдованіе. Ливій не изслѣдовалъ, а просто компилировалъ, но компилировалъ въ высшей степени художественно. Его исторія, написанная съ тенденціей—нарисовать современникамъ картину величія древняго Рима, имѣющая небольшое значеніе, какъ историческій источникъ, замѣчательна по своей художественности, которую цѣнили какъ древніе такъ и новые читатели Ливія. По словамъ Нибура, Ливій «подарилъ своей литературѣ колоссальное образцовое произведеніе, которому греческая литература ничего не можетъ приравнять въ этомъ родѣ и подобнаго которому не можетъ выставить ни одна новая литература». Переводъ такого автора несомнѣнно имѣетъ большое значеніе, но несомнѣнно также сопряженъ съ большими трудностями. Переводить произведеніе художественное гораздо труднѣе, чѣмъ переводить что нибудь другое. Переводчикъ долженъ обладать такимъ же художественнымъ чутьемъ, какъ и самъ авторъ, для того, чтобы передать впечатлѣнія, производимое оригиналомъ. По заявленію г. Адрианова, онъ старался «дать переводъ, близкій къ подлиннику и въ то же время правильный русскій». Къ сожалѣнію, нужно сказать, что переводъ, будучи въ большинствѣ случаевъ «близкимъ» къ подлиннику, далеко не всегда можетъ быть названъ переводомъ точнымъ. Не говоря уже

примѣръ, подаваемый въ этомъ направленіи Императорскимъ Русскимъ историческимъ обществомъ.

о томъ, что сплошь и рядомъ встрѣчаются слова и выраженія, совершенно оставленныя безъ перевода (какъ, на примѣръ, «*dein Palatium*», кн. I, гл. 5, «*per occasionem*», кн. I, гл. II, и др.), нерѣдко переводъ совершенно расходится съ текстомъ. Какъ на примѣръ, укажемъ на слѣдующее мѣсто: «*Inde exercitu victore reducto ipse (Ромуль) cum factis vir magnificus, tum factorum ostentator haud*» и т. д... Въ переводѣ это мѣсто передано такимъ образомъ: «Возвратившись домой съ побѣдоноснымъ войскомъ и будучи мужемъ не столь великимъ по своимъ подвигамъ, сколь любящимъ блеснуть ими, онъ повѣсилъ и т. д.» (стр. 18), т. е. какъ разъ наоборотъ. Не смотря, однако, на недостатки и неточности такого рода, переводъ въ общемъ удовлетворителенъ, и нельзя не пожелать, чтобы онъ былъ доведенъ до конца.

В. Б.

Отчетъ Императорской Публичной библиотекы за 1890 годъ. Спб. 1893.

Императорская Публичная библиотекa, повидимому, рѣшила воспользоваться своими отчетами, сдѣлавъ выходъ ихъ болѣе своевременнымъ, и въ нынѣшнемъ году выпустила уже второй отчетъ, за 1890 годъ. Не будемъ останавливаться на статистикѣ библиотекы, о которой намъ еще недавно приходилось говорить при обзорѣ отчета за 1889 годъ: цифры, разумѣется, разнятся мало. Укажемъ на пріобрѣтенія библиотекы за отчетный годъ. Первое мѣсто занимаетъ обширная коллекція рукописей, пріобрѣтенная покупкою у новгородскаго крестьянина Ш. Д. Богданова. Часть этого собранія еще въ 1888 году была принесена библиотекѣ въ даръ. Подробное описаніе рукописей Богданова, составленное И. А. Вычковымъ, находится въ приложеніи къ отчету. Собраніе заключаетъ въ себѣ 150 рукописей и 31 рисунокъ. Все это преимущественно раскольничья литература, и здѣсь не мало новыхъ документовъ для исторіи раскола и неизвѣстныхъ доселѣ сочиненій раскольниковъ. Есть новыя для ученыхъ житія раскольничьихъ святыхъ (Кирилла, Виталія, Епифанія, Геннадія Качалова, Филимона и Тарасія), новыя матеріалы для біографій Денисовыхъ, Бабушкина, Андрея Борисова и др., множество сочиненій протопопа Аввакума и др. Сочиненія раскольниковъ касаются вопросовъ о бракѣ (о едосѣвцевѣ), о царемоленіи, титулахъ на крестѣ, крещеніи и т. д. Устьскаго селскаго общественаго собранія принесло 95 рукописей и актовъ въ обмѣнъ на дубликаты, высланныя Публичною библиотеккою, преимущественно по изящной словесности, — примѣръ, заслуживающій подражанія со стороны нашихъ провинціальныхъ библиотекъ, которымъ совершенно не нужны старинныя рукописи. Въ числѣ этихъ рукописей особенно любопытно «Написаніе сіцево изложено вкратцѣ о святѣй и велицѣй Лаврѣ сей Соловецкой, иже есть во отоцѣ сущемъ во окиянстемъ море, на полунощной странѣ, како стоитъ, и о чинѣ церковнемъ и о устроеніи мирскомъ». Цѣннымъ вкладомъ оказалось и переданное изъ ховяйственнаго управленія при святѣйшемъ синодѣ небольшое собраніе книгъ церковно славянскаго печати XVII—XIX вѣковъ, изъ которыхъ многія не были извѣстны библиографамъ, а въ Публичной библиотекѣ изъ поступившихъ 43 не было 26. Наконецъ, цѣнную коллекцію поднесъ сенаторъ Д. А. Ровинскій. Какъ извѣстно, этимъ ученымъ любителемъ и коллекционеромъ издано роскошное полное собраніе гравюръ Рембранта

(1.000 фототипий), вытребованное сполна за границу. Д. А. Ровинскій, кромѣ того, что поднесъ библиотекѣ лучший экземпляръ изданія, передалъ ей также всѣ фотографіи, исполненныя для этого изданія, и стекла съ фотографическими снимками.

При настоящемъ отчетѣ въ приложеніяхъ помѣщенъ «Каталогъ славяно-русскихъ рукописей П. Д. Богданова», составленный И. А. Бычковымъ (вып. 2-й), и «Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена къ А. А. Краевскому». Эта переписка представляетъ высокій интересъ и уясняетъ отношенія названныхъ писателей къ редактору-издателю «Отечественныхъ Записокъ». Характеръ ея преимущественно дѣловой: содержанія писемъ представляютъ главнымъ образомъ расчеты и просьбы о деньгахъ, сообщенія о предполагаемыхъ статьяхъ для «Отечественныхъ Записокъ» и т. п.

М. М.

Н. Д. Чечулинъ. Русскія деревянныя жилыя постройки въ XVI вѣкѣ. Спб. 1893.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Чечулинъ написалъ изслѣдованіе «Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ», въ которомъ, на основаніи писцовыхъ книгъ, попытался опредѣлить составъ городского населенія, его занятія, вообще внутренній бытъ городского населенія. Настоящая работа, матеріаломъ для которой послужили тѣ же писцовыя книги, имѣетъ цѣлью воссоздать вѣншнюю обстановку древне-русскаго быта. Г. Чечулинъ опредѣляетъ величину посадскаго и двороваго мѣста, число построекъ на крестьянскихъ дворахъ и, наконецъ, роды и размѣры тогдашнихъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ. Изъ его изслѣдованія видно, что вся усадьба чернаго и ратнаго двора на посадѣ равнялась 350 саженьямъ, а въ городѣ—40 кв. саж. На этой усадьбѣ, очень рѣдко огороженной частоколомъ, помѣщалась обыкновенно изба, рубленная изъ бревень, нерѣдко—клѣти, сѣнники, мыльницы, овины, житницы, поварни, хлѣбни, хлѣва, повалуши и другія деревянныя постройки. Дворы ставились безъ всякаго опредѣленнаго плана, хотя и существовали улицы и переулки. Въ заключеніе г. Чечулинъ приводитъ подробное описаніе нѣсколькихъ крупныхъ дворовъ—государева двора въ городѣ Коломнѣ, двора князя Владимира Андреевича, князя И. Вѣльскаго и другихъ.

В. Б.

Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѣи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевъ. Томъ I. Вып. I. Спб. 1893.

Давно уже высказывалась мысль, что было бы очень важно и полезно собрать воедино и перевести всѣ извѣстія древнихъ писателей о Южной Россіи и Кавказѣ. До сихъ поръ, однако, ничего не было сдѣлано въ этомъ родѣ. Г. Латышевъ взялъ на себя трудъ выполнить эту задачу, и передъ нами первый выпускъ его изданія. Сюда вошли только извѣстія греческихъ писателей—Екатея Милетскаго, Геродота, Ксенофонта, Страбона, Діона Христомоса, Евстаоія, Арріана, Птолемея и др. Авторъ приводитъ подлинный текстъ (по наиболее вѣрной редакціи) и en regard переводъ. Разночтенія, которыми такъ любятъ усащать наши классики свои ученыя изданія,

звѣсь почти отсутствуютъ. Авторъ приводитъ ихъ только въ томъ случаѣ, когда это было необходимо для пониманія текста. Переводъ, сдѣланный подъ редакціей г. Латышева, вездѣ вѣрно передаетъ оригиналъ, и потому изданіемъ можетъ пользоваться даже человѣкъ, не знающій древнихъ языковъ. Жаль только, что г. Латышевъ не нашелъ возможнымъ снабдить свое изданіе необходимыми комментаріями. Будемъ надѣяться, что со временемъ автору удастся восполнить этотъ пробѣлъ, а также довести свое изданіе до конца, т. е. «издать такимъ же образомъ извлеченія изъ римскихъ и греческихъ классиковъ до самаго начала Русскаго государства». В. Б.

Проектъ новаго уложенія, составленный комиссіей 1754—1766 гг. Текстъ подъ редакціей В. Н. Латкина. Спб. 1893.

По инициативѣ гр. П. И. Шувалова, въ 1754 году, какъ извѣстно, рѣшено было созвать комиссію для специальныхъ законодательныхъ работъ. Въ августѣ того же года комиссія открыла свои засѣданія, на которыхъ выработала программу своихъ будущихъ занятій въ формѣ плана новаго уложенія, а въ апрѣлѣ 1755 г. уже представила на усмотрѣніе сената и императрицы двѣ части уложенія — «судную» и «криминальную». Елисавета Петровна не утвердила ни той, ни другой, но комиссія продолжала работать надъ составленіемъ остальныхъ частей уложенія. Въ 1761 г. комиссія предложила созвать депутатовъ отъ трехъ сословій: духовенства, дворянства и купечества—по два дворянина отъ каждой провинціи и по два купца—отъ каждой губерніи. Такимъ образомъ, комиссія требовала созванія земскаго собора въ томъ видѣ, какъ это практиковалось въ XVII вѣкѣ. Само собой понятно, что тѣ же затрудненія, которыя повели къ прекращенію соборовъ въ XVII вѣкѣ, не могли не сказаться и здѣсь. Депутаты съѣхались въ Петербургъ, но въ 1763 г. были уже распущены по домамъ, а въ 1767 г. прекратила свое существованіе и сама комиссія, такъ какъ дѣла ея въ послѣдніе три года пришли въ окончательное разстройство. Результатомъ своей дѣятельности комиссія оставила три части уложенія: часть I «о судѣ», часть II «о розыскныхъ дѣлахъ» и часть III «о состояніи подданныхъ вообще». Г. Латкинъ въ настоящемъ томѣ издалъ послѣднюю часть. Изъ трехъ редакцій, въ которыхъ дошло до насъ уложеніе, г. Латкинъ выбралъ третью, какъ самую полную и обстоятельную. Въ выноскахъ, впрочемъ, и приложенияхъ онъ приводитъ цѣликомъ главы и статьи двухъ первыхъ редакцій, не вошедшія въ третью. Разборъ этого памятника былъ сдѣланъ уже давно г. Латкинымъ въ его трудѣ «Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи». Было бы очень любопытно теперь, когда достаточно накопилось новаго матеріала, особенно для царствованія Екатерины II, разсмотрѣть исторію кодификаціонныхъ комиссій въ Россіи, начиная съ «Уложенія» Алексѣя Михайловича и кончая «Наказомъ» Екатерины, выяснить причины неудачъ послѣднихъ и т. д. Думаемъ, что этотъ вопросъ, равно какъ и вопросъ о прекращеніи земскихъ соборовъ, далеко не удовлетворительно выясненъ въ нашей исторической литературѣ. В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ИСПАНСКАЯ легенда о смерти Торквемады. Очень поэтично и художественно пересказываетъ Генри Ла-Любернь во второй августовской книжкѣ «Revue Nouvelle» народную испанскую легенду о томъ, какъ явился однажды на землю Сынъ Человѣческій, и какъ его встрѣтилъ великій инквизиторъ Торквемада, умершій на слѣдующій день. Это было въ Севильѣ въ самый разгаръ инквизиціи. Наканунѣ въ присутствіи короля, королевы, знатныхъ грандовъ, духовенства, городскихъ корпорацій и безчисленной толпы были сожжены во славу Божію девяносто семь еретиковъ, но теперь никто не думалъ о роковомъ кострѣ, о раздирающихъ душу вопляхъ пожираемыхъ огнемъ жертвъ, и безпечный андалузскій городъ веселился, пѣлъ и плясалъ на своихъ живописныхъ улицахъ и площадяхъ. Неожиданно все стихло, и совершилось чудо, о которомъ тщетно молили небо столько вѣковъ вѣрующіе христіане. Сынъ Человѣческій вернулся на землю не во славу своего втораго пришествія, среди сонма ангеловъ, а одинъ, какъ въ тѣ времена, когда на берегахъ Геннисаретскаго озера Онъ училъ людей любить другъ друга. Тихо, молча шелъ Онъ среди толпы; небесной лазурью и безпредѣльнымъ всепрощеніемъ свѣтились его глаза, любовью дышали его всемирносердечныя уста, чудной красотой сіяло его блѣдное лицо. За минуту передъ тѣмъ веселые севильцы набожно слѣдовали за Нимъ въ религиозномъ энтузіазмѣ, одни бросались къ его ногамъ, другіе прикасались къ его одеждѣ, и отъ этого прикосновенія слѣпой прозрѣвали, нѣмой начиналъ говорить. Наконецъ, Онъ остановился, поднялъ руки и благословилъ колѣнопреклоненную толпу. Изъ груди всѣхъ старыхъ и малыхъ вырвался тогда крикъ торжества, крикъ освобожденія: «Осанна въ вышнихъ, Осанна въ вышнихъ!». Въ эту минуту по площади св. Франциска проходилъ Торквемада, въ монашеской рясѣ, съ бѣлымъ крестомъ на груди, въ сопровожденіи пятидесяти служителей инквизиціи и двухъ сотъ воиновъ. Этотъ старикъ высокаго роста, прямой какъ палка, не смотря на свои семьдесятъ-восемь лѣтъ, съ пожелтѣвшимъ, испытаннымъ лицомъ и сверкавшими дикимъ огнемъ глазами остановился и взглянулъ на толпу. Онъ сразу все понялъ и, указывая на Сына Человѣческаго, сказалъ своимъ приближеннымъ:

«Возьмите его». Воины схватили указанную имъ жертву, а толпа въ инстинктивномъ испугѣ упала на землю, пока великій инквизиторъ удалялся съ своей грозной стражей. Въ ту же ночь Торквемада одианъ, съ глухимъ фонаремъ въ рукѣ отправился въ мрачное подземелье, гдѣ святая инквизиція пытала людей во славу Божию. Среди ужасныхъ орудій пытки, передъ пылающимъ огнемъ на громадной жаровнѣ, стоялъ Сынъ Человѣчскій. Торквемада упалъ на колѣни и, простирая руки, произнесъ: «Нынѣ отпускаешь раба Твоего; очи мои, подобно Симеоновымъ, узрѣли Тебя, о Господи. Ты, Господи, доволенъ мною, Твоимъ вѣрнымъ смиреннымъ слугою, исполнившимъ Твой завѣтъ о томъ, что страданія все искупаютъ. Я истязалъ людей, подобно тому, какъ Ты подвергъ Себя истязаніямъ, и теперь Ты явился на землю, чтобъ подтвердить Твой завѣтъ и подвергнуться новымъ истязаніямъ отъ моей недостойной руки. Ты милосердно хочешь освятить дѣло инквизиціи Твоими Божественными страданіями. Я Тебя понимаю и со слезами радости подвергну Тебя тому истязанію, которое Ты найдешь достойнымъ для доказательства Твоей любви къ людямъ. Но прежде тѣмъ наступитъ эта страшная минута, благослови меня Господи. Твое благословеніе утвердитъ мое сердечное спокойствіе и уничтожитъ во мнѣ навсегда всякій укоръ совѣсти». Сынъ Человѣчскій не двинулся, не раскрылъ своихъ Божественныхъ устъ. «Какъ,—воскликнулъ Торквемада, вставая и съ изумленіемъ смотря на Того, Которому онъ за минуту передъ тѣмъ поклонился, какъ своему Богу:—Ты нѣсколько часовъ тому назадъ благославлялъ городскую чернь, а не хочешь благословить меня Твоего, вѣрнаго слугу, свято исполняющаго Твой завѣтъ? Или Ты явился, чтобъ осудить меня и святое дѣло инквизиціи! Нѣтъ, это невозможно. Святое дѣло инквизиціи установлено самимъ Богомъ, Твоимъ Отцемъ, который уничтожилъ возставшихъ противъ Него ангеловъ, изгналъ изъ рая перваго человѣка и всегда каралъ безмилосердно всѣхъ, сопротивлявшихся Ему. Онъ передалъ это право кары св. Петру, который поразилъ смертельной немочью Ананія и Саиру, а папы, наслѣдники св. Петра, вручили это право намъ, своимъ смиреннымъ слугамъ, которые подвергаютъ страданіямъ человѣческое тѣло, чтобъ спасти душу». Великій инквизиторъ умолялъ, ожидая отвѣта, но уста, учившія только завѣту любви и всепрощенія, не дрогнули. Какъ дикій звѣрь, зашпалъ Торквемада среди ужасныхъ орудій пытки и, оставившись, черезъ нѣсколько минутъ продолжалъ тономъ презрительнаго сарказма: «Если Ты не явился для новой Голгофы, то для чего Ты пришелъ? Не для того ли, чтобъ продолжать Твою возвышенную, но наивную проповѣдь о томъ, чтобъ подставлять правую щеку, если ударяютъ по лѣвой? Эту проповѣдь нельзя даже назвать утопіей мечтателя. Ты возбудилъ своей вдохновенной рѣчью народъ на берегахъ Геннисаретскаго озера и Ты умеръ на крестѣ за то царствіе Божіе, которое, осуществившись на землѣ, было бы народоправствомъ. Чего Ты хочешь отъ меня? Чтобъ я открылъ двери этихъ темницъ, выпустилъ на свободу всѣхъ узниковъ, уничтожилъ пытки, закрылъ святую инквизицію? Ты желаешь, чтобъ были уничтожены суды, пытки, казни, распущены войска, уничтожены монастыри, чтобъ всѣ, въ томъ числѣ и духовныя лица, имѣли бы по одной женѣ и не посягали на женъ другихъ, чтобъ богатые раздѣлили свои сокровища съ бѣдными, повсюду царяла бы свобода, и никто не зналъ бы, что такое голодъ или преступленіе, такъ какъ все было бы общее? Ты молчишь, значить, Ты этого хочешь. Но вѣдь тогда король Испаніи переста-

нетъ быть королемъ, а я генераль-инквизиторомъ. Нѣтъ, этому не бывать. Хотя Ты Богъ, но я Тебя сожгу, какъ еретика, передъ глазами той самой толпы, которая сегодня поклонялась Тебѣ. Твое царство придетъ, это вѣрно, и наступитъ когда нибудь на землѣ то Божье царство, которое Ты проповѣдывалъ, но теперь во имя Твоей же церкви я сожгу Тебя и завтра же!». Грозный голосъ великаго инквизитора умолкъ, и онъ, всетаки, ждалъ отвѣта. Но Сынъ Человѣческой не разверзъ Своихъ Божественныхъ устъ, а молча подошелъ къ нему и нагнулся, чтобъ запечатлѣть поцѣлуй любви и всепрощенія на старческомъ челѣ Торквемады. Въ эту минуту передъ глазами безжалостнаго фаватика пронеслось странное видѣніе: онъ видѣлъ, какъ въ Геосиманскомъ саду стоялъ Христось, и Иуда, окруженный солдатами, подоидя къ Нему, поцѣловалъ Его. «А!—глухо произнесъ старикъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и въ ужасѣ отступая къ двери:—Ты пришелъ, чтобъ отдать мнѣ лобзанье Иуды! Уходи и не возвращайся на землю никогда, никогда!». Великій инквизиторъ широко открылъ дверь подземелья, и Сынъ Человѣческой исчезъ во мракѣ ночи. На слѣдующій день, по словамъ испанской легенды, 16-го сентября 1493 года, Торквемада умеръ, оплакиваемый всей католической церковью.

— Уничтоженіе королевскихъ гробницъ въ Сень-Дени въ 1793 году. Ровно сто лѣтъ тому назадъ, по опредѣленію Конвента, гробницы французскихъ королей и королевъ, покоившихся втеченіе двѣнадцати вѣковъ подъ сводами церкви въ Сень-Дени, были преданы уничтоженію; бронза и свинецъ, получившіяся при этомъ, препровождены въ національныя мастерскія для обращенія въ пушки и военные снаряды, а найденныя кости похоронены на сосѣднемъ кладбищѣ въ общей могилѣ. По случаю вѣковой годовщины этого событія и недавняго открытія нѣсколькихъ королевскихъ костей въ Луврскомъ архивѣ, М. Брие въ номерѣ отъ 15-го августа «La Vie Contemporaine», какъ стала теперь называться «Revue de Famille», возобновляетъ на основаніи документовъ, хранящихся въ архивѣ Сень-Дени, факты «варварскаго оскверненія, по его словамъ, вѣчнаго сна пятидесяти королей и королевъ Франціи съ Дагоберта I до послѣдняго Бурбона, тѣло котораго дождалось у двери, чтобъ преемникъ занялъ его мѣсто». Первое вниманіе обратилъ на королевскія гробницы муниципалитетъ Сень-Дени, постановивъ пригласить знатоковъ искусства для опредѣленія, стоитъ ли сохранять остатки феодализма въ церкви бывшаго аббатства, а 1-го августа 1793 года Бареръ предложилъ Конвенту для достойнаго правдowanія 10-го августа уничтожить, напоминающіе о короляхъ, пышные мавзолеи въ Сень-Дени. Конвентъ съ нимъ согласился и сдѣлалъ свое знаменитое постановленіе, основанное на томъ мотивѣ, что нація нуждалась для своей защиты въ свинецъ и бронзу этихъ гробницъ; въ числѣ комиссаровъ, назначенныхъ для исполненія державной воли французскаго народа, находились два бывшіе монаха: Дрюанъ и Пуарье. Мэромъ Сень-Дени состоялъ тогда также бывшій патерь, и подъ его руководствомъ рабочіе сломали въ три дня пятьдесятъ одинъ надгробный памятникъ, въ томъ числѣ великолѣпные художественные мавзолеи Людовика XII и Генриха II, причемъ мраморныя изваянія частями спесены на сосѣднее кладбище, а вѣ металлическія части отправлены въ національныя мастерскія. Сохранена была только гробница Тюрена, но саркофагъ Дю-Геклена также пострадалъ, хотя герой не былъ королемъ. Въ виду существованія легендъ о богатствахъ, скрытыхъ въ королевскихъ гробахъ, они были открыты, но нашли только въ гробѣ Шепина

нити фальшиваго золота и въ гробѣ Констанціи Кастильской золотой перстень. На этотъ разъ очень мало костей было вынуто изъ гробовъ и снесено на кладбище; громадное большинство труповъ остались неприкосновенными на своихъ мѣстахъ, но не надолго. 7-го сентября Конвентъ постановилъ, по предложенію Лекинью, вынуть изъ свинцовыхъ гробовъ въ Севъ-Дени «королевскія муміи» и предать ихъ землѣ, а гробы сплавить для военныхъ снарядовъ, для чего и устроить плавильную печь на соседнемъ кладбищѣ. При этомъ оскверненіи покойниковъ присутствовали нѣкоторые изъ членовъ Конвента, въ томъ числѣ Камилъ Демуленъ и Робеспьеръ; первый отрѣзалъ себѣ на память палецъ Тюрена, а послѣдній, по словамъ очевидцевъ, былъ видимо тронутъ, увидавъ тѣло Генриха IV, такъ хорошо сохранившагося, что онъ казался умершимъ только наканунѣ. Четырнадцать дней продолжалась эта отвратительная работа, наполнявшая миазмами церковные склепы, гдѣ помѣщались гробы; всѣ найденныя тѣла, начиная съ Дагобера, умершаго въ 638 году, были брошены въ общую могилу, а все, что нашлось металлическаго, въ томъ числѣ сосуды, въ которыхъ сохранялись сердца и внутренности покойниковъ, сдано на сплавку. Драгоценностей найдено очень мало: золотая корона и серебряный скипетръ Карла V, золотой перстень Иоанны Бурбонской и немногіе другіе предметы. Не смотря на всѣ поиски, остались не открытыми около тридцати пяти гробовъ, въ томъ числѣ кардинала Ретца, который случайно отыскался въ 1807 году. Такъ какъ присутствовать при работахъ дозволено было всякому, то растащено много отдѣльныхъ костей и зубовъ знаменитыхъ покойниковъ, а потому неудивительно, что до сихъ поръ ихъ находятъ въ различныхъ мѣстахъ, какъ недавно въ Луврѣ. 25-го октября все было кончено, и жители Севъ-Дени собрали остатки уничтоженныхъ гробницъ для пьедестала статуи «Свободы».

— Отзывъ современника о засѣданіяхъ французскаго учредительнаго собранія въ 1790 году. Недавно учреждена въ Англіи историческая коммиссія для разбора семейныхъ архивовъ аристократическихъ родовъ; она по временамъ печатаетъ доклады о своихъ работахъ и прилагаетъ къ нимъ подлинники важнѣйшихъ открытыхъ ею документовъ. Послѣдній изъ этихъ докладовъ посвященъ архиву замка покойнаго лорда Гренвиля, бывшаго министромъ иностранныхъ дѣлъ въ одномъ изъ кабинетовъ Гладстона, и англійская, а вслѣдъ за нею и французская, печать заимствовала изъ ряда любопытныхъ историческихъ документовъ, хранящихся въ этомъ архивѣ, письмо лорда Морнингтона, впоследствии маркиза Велесли, старшаго брата знаменитаго Веллингтона, о впечатлѣніи, произведенномъ на него засѣданіями учредительнаго собранія во время его пребыванія въ Парижѣ въ 1790 году. «Я ходилъ нѣсколько разъ въ собраніе, — пишетъ этотъ очень умный государственный человѣкъ, но заклятый врагъ Франціи, противъ которой онъ впоследствии энергично дѣйствовалъ въ Индіи и Испаніи: — и трудно себя представить болѣе странное зрѣлище. Смятеніе въ немъ такое, какаго, конечно, никогда не существовало на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ установилась какая нибудь правительственная система, и самъ предсѣдатель — настоящій анархистъ, подливающій масло въ огонь общей сумятицѣ. Нѣтъ установленныхъ правилъ для преній; одни говорятъ съ своихъ мѣстъ, другіе съ трибуны, третьи, остановившись въ любомъ мѣстѣ залы и т. д. Говорятъ безъ приготовленія, и мнѣ показалось, что многіе очень краснорѣчивы, особенно, когда ихъ рѣчи не длинны, хотя

«истор. вѣстн.», октябрь, 1893 г., т. LV.

въ этихъ случаяхъ, благодаря царящему шуму, трудно разслышать произнесенныя двѣ, или три фразы. Иногда до ста человѣкъ говорятъ разомъ, и столько же ораторовъ имъ отвѣчаютъ слово за слово; тогда предсѣдатель затыкаетъ себѣ уши обѣими руками и, стараясь водворить порядокъ, кричитъ такъ громко, словно зоветъ извозчика на улицѣ. По временамъ онъ приходитъ въ такое отчаяніе, что стучитъ кулакомъ по столу, бьетъ себя въ грудь и, кажется, осыпалъ бы ударами своихъ секретарей, еслибъ они не были отдѣлены отъ него попитромъ; но чаще всего онъ ломаетъ себѣ руки и, вѣроятно, громко бранится, хотя этого не слышно въ общемъ хаосѣ. Наконецъ, воспользовавшись минутнымъ спокойствіемъ, онъ пускаетъ революцію на голоса, или даетъ слово опредѣленному оратору, что служитъ поводомъ къ пятистамъ протестамъ, заявляемымъ въ одинъ голосъ; поднятый шумъ только тогда стихаетъ, когда ораторы принуждены замолчать отъ хрипоты, но тотчасъ ихъ смѣняютъ свѣжія силы, и бой продолжается. Въ важныхъ случаяхъ ораторы входятъ на трибуну и большею частью произносятъ заранее написанныя рѣчи, но Мирабо, Мори и Барнавъ составляютъ исключеніе, хотя иногда даже они читаютъ свои рѣчи. Нѣтъ ничего утомительнѣе, какъ слушать такое чтеніе рѣчей, отнимающее у преній всякій интересъ, всякую живость. Однако, къ сожалѣнію, я не слыхалъ длинныхъ рѣчей ни одного изъ лучшихъ ораторовъ. Мирабо и Мори произносили при мнѣ только по нѣсколько фразъ среди бурныхъ засѣданій. Мори мнѣ больше понравился: у него манера проще, смѣлѣе, а голосъ великолѣпный; у Мирабо голосъ дурной, а рѣчи его отличаются манерностью, но это не мѣшаетъ ему считаться лучшимъ ораторомъ. Въ четырехъ галлереяхъ сидятъ слушатели, которыхъ вдвое болѣе, чѣмъ посѣтителей въ англійской палатѣ, и, что совершенно необыкновенно, эти слушатели рукоплещутъ, или громко выражаютъ свое неодобреніе ораторамъ, какъ въ театрѣ. Обыкновенно они выражаютъ свое восторженное сочувствіе Мирабо и его партіи, что возбудило слухи о подкупѣ ихъ, но этотъ фактъ ничѣмъ не доказанъ». Конечно, не надо забывать, что авторъ этихъ замѣтокъ истый англичанинъ, привыкшій къ порядкамъ палаты общинъ, и потому понятно, что его всего болѣе удивило во французскомъ собраніи—это пристава, ходившіе по залѣ въ бурные моменты, громко требуя, чтобы депутаты замолчали, и насильно усаживая на свои мѣста увлекающихся ораторовъ. Также лорду Морнингтону показалось очень комичнымъ, что нѣкоторые ораторы и даже самъ предсѣдатель по временамъ забывали о декретѣ собранія, уничтожившаго титулы, и называли Мирабо графомъ.

— Племянникъ Наполеона и внучка Вашингтона. Недавно Легуве сожалѣлъ, что въ крови Наполеона I не было хотя капли крови Вашингтона; теперь оказывается изъ статьи Матильды Маккивелъ въ августовскомъ номерѣ «Century Magazine», подъ заглавіемъ «Принцъ и принцесса Ашиль Мюрать въ Флоридѣ», что это желанное французскимъ академикомъ смѣшеніе крови двухъ знаменитыхъ семействъ составляетъ историческій фактъ, хотя результатъ его былъ во всѣхъ отношеніяхъ бесплоденъ. Сынъ сестры Наполеона, Каролины, вышедшей замужъ за короля Неаполитанскаго, Мюрата, принцъ Ашиль, изгнанный изъ Франціи и Італіи послѣ паденія имперіи, уѣхалъ въ Америку, поселился въ главномъ городѣ Флориды, Талахасси и тамъ въ 1826 г. женился на молодой прелестной вдовѣ Екатеринѣ Грей, которая была дочерью племянницы Вашингтона. Оба они отличались поразительнымъ сходствомъ съ своими великими род-

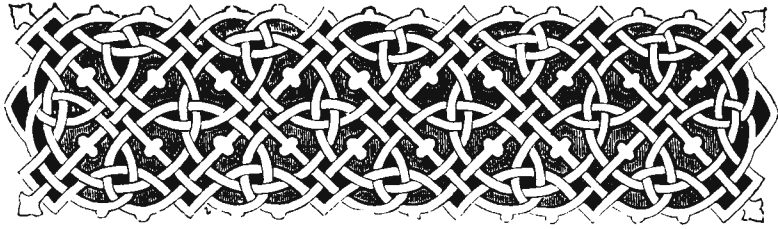
ственниками, такъ что старыя наполеоновскіе солдаты, встрѣчая принца, почтительно цѣловали его руки, а принцессу часто спрашивали на улицахъ, не родственница ли она «Отца Отечества»; но, кромѣ этого вѣшняго сходства между принцемъ и его дядей, а также между принцессой и ея дѣдушкой, не было ничего общаго; въ виду же того, что у нихъ не было дѣтей, нельзя судить, какіе результаты дало бы это смѣшеніе крови величайшаго деспота съ кровью самаго безукоризненнаго бойца свободы. Во всякомъ случаѣ племянникъ Наполеона на столько сроднился съ своимъ новымъ отечествомъ, что былъ достойнымъ гражданиномъ Американской республики и, не смотря на свои эксцентричности, пользовался общимъ уваженіемъ, а внучка Вашингтона, очень красивая, добрая и образованная женщина, была боготворима всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ, въ особенности неграми какъ ея, такъ и сосѣднихъ плантацій. Всю свою жизнь они провели во Флоридѣ и Луизианѣ, кромѣ двухъ продолжительныхъ посѣщеній Европы, во время которыхъ они жили два года въ Брюсселѣ и около года въ Лондонѣ; послѣднее пребываніе ознаменовалось тѣсной дружбой съ Людовикомъ-Наполеономъ, который постоянно говорилъ прелестной принцессѣ: «Кухина Кэти, когда я буду императоромъ, то вы получите замокъ и все, что вамъ угодно, въ вознагражденіе за вашу теперешнюю доброту ко мнѣ». Бѣдный принцъ не дожилъ до второй имперіи, а то онъ, конечно, игралъ бы блестящую роль въ Тюльерійскомъ дворцѣ, но Наполеонъ III сдержалъ слово, данное кузинѣ Кэти, и, сдѣлавшись императоромъ, выписалъ ее въ Парижъ, осыпалъ ее милостями и предложилъ остаться жить во Франціи, какъ члену императорской семьи. Но она отъ этого отказалась, не желая разставаться съ Флоридой и своими неграми, впрочемъ съ удовольствіемъ взяла 40.000 долларовъ, подаренныхъ ей императоромъ, и возвратилась въ Америку съ императорской ливреей для своихъ слугъ. Послѣ войны Сѣвера съ Югомъ, во время которой она всѣми силами помогала успѣху южанъ, пожертвовала всѣ свои драгоценности на устройство лазаретовъ и сама ухаживала за ранеными, принцесса совершенно разорилась и не знала, что дѣлать съ собой и своими неграми, но тутъ выручила ее щедрость Наполеона III. Узнавъ объ ея печальномъ положеніи, онъ пожаловалъ ей значительный пенсіонъ, и всего лучше характеризуютъ эту добрую женщину ея слова авторшѣ статьи въ американскомъ журналѣ, пользовавшейся ея дружбой: «въ одну ночь я не спала, не зная, что дѣлать безъ денегъ, а въ продолженіе слѣдующей — я не сомкнула глазъ, думая, какъ лучше употребить неожиданно полученныя деньги. Да благословить Господь добраго Луи. Его щедрость пригодится многимъ вдовамъ и сиротамъ». Дѣйствительно, большая часть этихъ денегъ пошла на помощь любимымъ ею неграмъ, среди которыхъ она тихо умерла въ 1867 году, вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ вторичной поѣздки въ Парижъ, гдѣ снова она была окружена императоромъ и всей его семьей самымъ любовнымъ вниманіемъ. Замѣчательно, что Наполеонъ III съ любопытствомъ разспрашивалъ ее тогда о подробностяхъ борьбы Юга съ Сѣверомъ, а когда она спросила, отчего онъ, такъ сочувствуя южанамъ, не оказалъ имъ помощи, онъ отвѣчалъ: «Кухина Кэти, я всегда желалъ успѣха вамъ и вашимъ друзьямъ, но, въ виду поддерживаемаго вами рабства, я не смѣлъ послать арміи къ вамъ на помощь, потому что въ такомъ случаѣ возмущился бы Парижъ».

— Сынъ Наполеона III. Въ томъ же «Century Magazine» извѣстный военный корреспондентъ Арчибальдъ Форбесъ рассказываетъ свои воспо-

минанія о послѣднихъ дняхъ императорскаго принца, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Лулу. По его словамъ, этотъ юноша не имѣлъ ни одной французской черты, ни физической, ни нравственной; это былъ настоящій испанецъ по его длинному овалному лицу, чернымъ волосамъ и главамъ, а также по гордости, меланхолич, безшабашной смѣлости и любви къ эффектамъ. До такой степени онъ не имѣлъ ничего общаго съ французомъ, что на экзаментѣ въ Вульвичской военной академіи, куда онъ поступилъ по водвореніи его родителей въ Англіи послѣ Седанскаго погрома, худшія его отмѣтки были во французскомъ языкѣ, что вынудило его выйдти седьмымъ. Это, однако, не мѣшало ему считаться наслѣдникомъ французскаго императорскаго престола, хотя онъ никогда не позволялъ своимъ приверженцамъ называть его Наполеономъ IV, и, услыжавъ въ день похоронъ отца крикъ, поднятый нѣкоторыми банапартистами: «Да здравствуетъ Наполеонъ IV», онъ прекратилъ эту демонстрацію словами: «Благодарю васъ, друзья, но вашъ императоръ умеръ, будемъ же вмѣстѣ кричать: Да здравствуетъ Франція». Онъ на столько былъ благообразенъ, что отклонялъ всѣ предложенія пламенныхъ друзей добиться престола интригами, или насильственнымъ переворотомъ и, при торжественномъ празднованіи его совершеннолѣтія въ Чивельгерстѣ, онъ сказалъ: «Если наступитъ день, когда мои соотечественники почтутъ меня публичнымъ выраженіемъ своего довѣрія и въ восьмой разъ общая подача голосовъ во Франціи выскажется въ пользу имени Наполеона, то я съ гордостью преклонюсь передъ волей большинства французскаго народа и приму на себя предложенную мнѣ отвѣтственность». Почему-то онъ былъ увѣренъ, что это событіе совершится черезъ десять лѣтъ, и всегда говорилъ: «*Dix ans de patience et après*», а потому, когда этотъ срокъ сталъ приближаться, то онъ обнаружилъ пламенное желаніе отличиться на полѣ брани и тѣмъ напомнить о себѣ французамъ, но его просьба о дозволениіи участвовать въ Тонкинской экспедиціи была отклонена республиканскимъ правительствомъ, не смотря на открытое содѣйствіе президента Макъ-Магона, и онъ рѣшилъ хотя въ рядахъ англійской арміи стяжать себѣ военныя лавры, которыя въ его глазахъ должны были проложить ему дорожку къ императорскому престолу. Тутъ подвернулася война съ зулусами, и принцъ выразилъ желаніе вступить въ ряды экспедиціоннаго корпуса, такъ какъ на основаніи своего Вульвичскаго экзамена онъ имѣлъ право на офицерскій чинъ въ англійской артиллеріи. «Этотъ поступокъ,—замѣчаетъ Форбесъ:—былъ совершенно понятенъ, и въ немъ не было ничего предосудительнаго. Принцъ желалъ вступить на путь, который привелъ бы его къ опредѣленной, очевидной цѣли, если бы только Англія протянула ему руку помощи. Но такъ какъ его конечная цѣль была для всѣхъ ясна, то было въ высшей степени неприлично и неразумно со стороны англійскихъ властей, содѣйствуя достиженію этой цѣли, подать поводъ къ вполнѣ основательному неудовольствію сосѣдняго дружественнаго государства. Африканская экспедиція принца была не чѣмъ инымъ, какъ интригой англійскаго двора, враждебнаго республикѣ, интригой, имѣвшей цѣлью превратить республиканскую Францію въ императорскую и возвести на потерянный его отцемъ пре толь молодого человека, котораго, по слухамъ, намѣревались женить на младшей дочери королевы, принцессѣ Беатрисѣ, впоследствии вышедшей замужъ за принца Батенбергскаго. Главнокомандующій англійской арміей протестовалъ потому, что онъ былъ человѣкъъ благообразный и съ тактомъ, но его сопротивленіе ни къ

чему не повело, онъ долженъ былъ преклониться передъ высшей волей и принцъ отправился въ Африку изъ Виндзора, наутраченный добрыми пожеланіями королевы. Франція съ нахмуреннымъ челомъ слѣдила за его похождениями въ Южной Африкѣ, и если бы они окончились иначе, то это національное неудовольствіе могло принять другую форму, но и теперь на вопросъ, почему впродолженіе четырнадцати лѣтъ Франція никогда не выражала и тѣни дружескаго сочувствія къ своей сосѣдкѣ, отвѣтъ одинъ— «благодаря интригѣ, пославшей сына Наполеона III въ Африку». Если Форбесъ откровенно осуждаетъ роль англійскаго правительства, во главѣ котораго тогда стоялъ лордъ Виконсфильдъ, относительно экспедиціи принца, то онъ еще строже отзывается о легкомысленномъ поведеніи англійскихъ военныхъ властей въ Африкѣ, не умѣвшихъ предохранить отъ опасности слишкомъ смѣлаго юношу, и о позорной трусости поручика Карей, который ускакалъ со своими солдатами при неожиданномъ нападеніи дикарей, оставивъ принца на волю судьбы. Эта трагическая катастрофа тѣмъ болѣе омрачаетъ честь англійской арміи, что главнокомандующій экспедиціей, лордъ Чельмсфордъ, которому былъ порученъ принцъ герцогомъ Кембриджскимъ, узнавъ о безшабашной храбрости принца, бросавшагося сломя голову впередъ при малѣйшемъ появленіи враговъ, приказалъ своему квартирмейстеру, полковнику Гаррисону, поручить принцу только штабную работу, преимущественно по составленію плановъ, а не выпускать его изъ лагеря безъ письменнаго разрѣшенія. Эта кабинетная работа была не по сердцу смѣлому юношѣ, которому очень понравились стычки съ дикарями, хотя онъ и говорилъ, что не желалъ бы умереть въ такомъ безславномъ бою и, воспользовавшись случаемъ перемѣщенія лагеря на другое мѣсто, онъ просилъ у Гаррисона позволенія сдѣлать съемку на мѣстѣ для исправленія составленныхъ плановъ; тотъ сначала отказалъ, но когда поручикъ Карей вызвался сопровождать принца и заявилъ, что онъ самъ наканунѣ осматривалъ мѣстность, вблизи которой не было и слѣда дикарей, Гаррисонъ согласился и приказалъ Карею взять съ собою эскортъ въ двѣнадцать человекъ. Первая вина Карей заключалась въ томъ, что онъ взялъ съ собой всего шесть человекъ, а вторая и главная,—что когда на нихъ неожиданно во время отдыха напали зулусы, то онъ вскочилъ на лошадь и первый ускакалъ, приказавъ солдатамъ слѣдовать за нимъ, что они и сдѣлали, причемъ двое изъ нихъ были убиты. Принцъ также хотѣлъ ускакать, но лошадь его взбѣсилась, онъ не могъ на нее вскочить, выпустилъ ее изъ рукъ и принужденъ былъ бѣжать за мчащимися всадниками. Около двадцати дикарей нагнали его, и дальнѣйшая трагедія доселѣ неизвѣстна; на слѣдующее утро его тѣло было найдено, совершенно обнаженное и покрытое многочисленными ранами отъ зулусскихъ копій. Дикари оставили на немъ только одинъ носокъ и на шеѣ золотую цѣпочку съ медальономъ, въ которомъ находились портретъ его матери и частица Креста Господня, данная папой Львомъ III Карлу Великому и потомъ переходившая, какъ талисманъ, отъ одной династіи французскихъ государей къ другой, но зато они похитили бывшую при немъ шпагу, которая не покидала Наполеона I отъ Арколя до Ватерло и показывая которую Форбесу за нѣсколько дней до своей смерти принцъ сказалъ: «Я долженъ пріобрѣсти болѣе правое носить эту шпагу, чѣмъ то, которое мнѣ даетъ одно мое имя». Впослѣдствіи эта историческая шпага возвращена зулусами лорду Чельмсфорду.

— Смертные останки Софокла. Весь ученый міръ былъ недавно пораженъ извѣстіемъ объ открытіи въ Дикеліи гробницы великаго греческаго драматурга Софокла, а теперь нѣмецкія газеты сообщаютъ докладъ извѣстнаго профессора Вирхова Берлинской академіи наукъ объ изслѣдованіи доставленнаго ему скелета, который найденъ въ этой гробницѣ. Изъ этого доклада видно, что смотритель королевскихъ дворцовъ въ Афинахъ, Мюнтеръ, пришелъ къ заключенію, что гробница автора Эдипа должна была находиться не на его родинѣ, въ Колоносѣ, близъ Афинъ, а въ Дикеліи, такъ какъ, по свидѣтельству древнихъ писателей, рассказывающихъ о смерти Софокла, на его похоронахъ присутствовала спартанскій гарнизонъ Дикеліи. Поэтому онъ сталъ производить раскопки въ этой мѣстности и на Ахарнайской дорогѣ нашелъ наконецъ гробницу съ тремя саркофагами, изъ которыхъ два мраморные, а одинъ изъ простаго камня. Въ послѣднемъ находились предметы женскаго туалета и, между прочимъ, бронзовое зеркало, а потому слѣдуетъ заключить, что въ немъ помѣщался женскій скелетъ. Другіе два саркофага заключали въ себѣ мужскіе скелеты и обычные въ гробницахъ древнихъ грековъ предметы, въ томъ числѣ алебастровые сосуды. Одинъ изъ этихъ скелетовъ, очевидно, старческой, и рядомъ съ нимъ находилась загнутая палка, которая, при первомъ прикосновеніи, рассыпалась въ прахъ. Мюнтеръ полагаетъ, что это именно скелетъ Софокла, похороненнаго, согласно свидѣтельству древнихъ писателей, въ гробницѣ его семьи. Лежавшая рядомъ съ нимъ палка, или посохъ, вѣроятно, была той *καυρή bacteria*, которую изобрѣлъ или во всякомъ случаѣ ввелъ на греческую сцену великій драматургъ. Отъ жителей сосѣдняго селенія Мениди Мюнтеръ узналъ, что въ прежнее время на холмѣ, покрывавшемъ гробницу, находилась большая мраморная доска съ изваяннымъ на ней лавровымъ вѣнцомъ и греческой надписью. На верху этой мраморной доски видѣлось глубокое четырехугольное отверстіе, въ которомъ, по предположенію Мюнтера, была укрѣплена бронзовая статуя сирены, или Діонисія, украшавшая, какъ извѣстно, гробницу Софокла. Эту доску сломали въ недавнее время и употребили на постройку дома. Относительно самаго скелета, доставленнаго Вирхову, знаменитый ученый удостовѣряетъ, что это скелетъ старика, какимъ долженъ былъ быть Софоклъ во время своей смерти, такъ какъ онъ умеръ на девяносто первомъ году жизни, и что этотъ старикъ былъ небольшого роста, также какъ Софоклъ, хотя, замѣчаетъ Вирховъ, «малый ростъ не былъ рѣдкостью среди древнихъ грековъ». Черепъ скелета очень любопытный: онъ — маленькій, длинный, не объемистый и имѣетъ черты экцентричнаго человѣка, согласно теоріи френологовъ. Съ другой стороны его высокій лобъ доказываетъ присутствіе въ немъ большаго ума; лице у него было длинно, орбиты глазъ—большія, широкія, а, судя по носовымъ отверстіямъ, носъ былъ длинный и прямой. Вообще, Вирховъ приходитъ къ тому заключенію, что изслѣдованный имъ скелетъ имѣетъ близкое сходство съ чертами знаменитаго греческаго драматурга въ его статуѣ, находящейся въ Латеранскомъ музеѣ; это сходство гораздо большее, чѣмъ то, которое существуетъ, напрямѣръ, между муміями египетскихъ фараоновъ и ихъ статуями. «Но вотъ все, что можно сказать съ достовѣрностью въ настоящее время», — говоритъ Вирховъ въ концѣ своего интереснаго доклада.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Лермонтовъ въ нѣмецкомъ переводѣ г. Фидлера.—Нѣмецкая литература, возникшая прежде государственной и военной дѣятельности Германіи.—Литература въ Голандіи.—Современное направленіе шведской литературы.—Датскіе беллетристы и ученые.—Умственная и творческая дѣятельность въ Бельгіи.—Сочиненія о Колумбѣ и послѣднія произведенія въ испанской литературѣ.—Греческая беллетристика и научныя сочиненія.—Венгерская литература.

В Т. ОБЗОРЪ нѣмецкой литературы за 1892—1893 годъ, помѣщенномъ въ «Атенеумѣ», Р. Циммерманъ не упоминаетъ о замѣчательномъ и интересномъ для русскихъ читателей переводѣ мелкихъ лирическихъ стихотвореній Лермонтова, явившемся нынѣшней весной въ Лейпцигѣ (Gedichte von M. J. Lermontoff). Небольшой томикъ въ 120 страницъ, красиво изданный, съ біографіей и гравированнымъ портретомъ поэта, заключаетъ въ себѣ переводъ 117-ти его стихотвореній, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ—отъ 1829 по 1841 годъ. Здѣсь все, что написалъ лучшаго, въ лирическомъ родѣ, нашъ поэтъ въ теченіе десяти лѣтъ (въ 1833—1835 г. онъ не создавалъ мелкихъ стихотвореній). Переводчикъ Ф. Фидлеръ—русскій нѣмецъ давно живущій въ Россіи, даже гдѣ-то учительствующій и не похожій на своихъ собратьевъ, эксплуатирующихъ наше отечество и въ то же время игнорирующихъ его писателей и его языкъ. Онъ извѣстенъ въ нѣмецкой литературѣ мастерскимъ переводомъ пѣсень Коллцова, размѣромъ подлинника и изданіемъ сборника «Русскій Парнасъ», составленнаго изъ переводовъ нашихъ лучшихъ поэтовъ. Нѣкоторыя изъ лермонтовскихъ пѣсень были уже напечатаны въ этомъ сборникѣ. Всѣ онѣ переведены размѣромъ подлинника, что еще больше придаетъ значенія труду г. Фидлера, передающаго звучными, сильными стихами всѣ оттѣнки лермонтовской поэзіи. Встрѣчается не мало пѣсень, заставляющихъ положительно удивляться точности,

гармоніи и поэтичности передачи на нѣмецкій языкъ всѣхъ особенностей дарованія русскаго поэта. Къ такимъ пьесамъ принадлежитъ «Ангель» (Um Mitternacht shwebte mit leisem Gesang ein Engel den Himmel entlang), «Русалка», «Вѣтка Палестины», «На смерть Пушкина» (здѣсь только слабо переданъ стихъ: «свободы, генія и славы палачи»—«für Ruhm und Freiheit hasserfüllt», и вовсе не переведено выраженіе: «наперсники разврата»), «Бородино», «Молитва», «Поэтъ», «Пѣсня про царя Ивана Васильевича», «Дары Терека», «Казачья колыбельная пѣсня», «Моя отчизна», «Споръ», «Свиданіе», «Морская царица», «Пророкъ». Къ неудачнымъ переводамъ мы можемъ отнести только «Молитву» («Въ минуту жизни трудную»). Вторая и третья строфы далеко не передаютъ на нѣмецкомъ языкѣ гармоніи подлинника: поэтъ видитъ «благодатную силу въ созвучьи словъ живыхъ, дышавшихъ непонятною прелестью», а переводчикъ говоритъ, что въ нихъ «дышитъ примиряющая съ Богомъ поэзія красоты». Подобныя измѣненія если не мыслей, то выраженій поэта встрѣчаются и въ другихъ пьесахъ, но безусловно точные переводы поэтическихъ произведеній немислимы ни на какомъ языкѣ: достаточно, если переданъ духъ поэта и особенности его таланта, а этого вполне достигнулъ даровитый переводчикъ Лермонтова.

— Циммерманъ говоритъ, что греки были долгое время политическимъ народомъ полководцевъ и государственныхъ людей, прежде чѣмъ сдѣлались литературною націею поэтовъ и мыслителей. У нѣмцевъ замѣчается обратное явленіе. Гете и Шиллеръ, Кантъ и Гегель были у нихъ прежде Бисмаркъ и Мольтке. Послѣ золотого вѣка литературы у нихъ настала вѣкъ крови и желѣза. Прежде у нихъ былъ литературный классицизмъ и философскій идеализмъ, теперь—литературный реализмъ и философскій материализмъ. Нѣмецкій поэтъ говоритъ, что на деревь поэзіи цвѣты растутъ густо, но не всѣ они одинаковаго аромата. Въ этой области творчества существовалъ всегда расколъ между натуралистами и идеалистами. Всегда выходили «альманахи музъ», только разнаго направленія: саксонскіе—подъ вліяніемъ Бюргера, швабскіе—Уландъ, классическіе—Гете и Шиллера, романтическіе—Шлегеля и Тика. Въ изданномъ нынѣ вѣковою фирмою Котты альманахѣ помѣщены произведенія не современныхъ поэтовъ. Феликсъ Данъ, Розенбергъ, Готшаль, Рокетъ не принадлежатъ къ моднымъ реалистамъ, а семидесятилѣтній Вильгельмъ Горданъ, пламенный поклонникъ Нибелунговъ, доказываетъ, что поэтическая молодость не измѣряется календарными годами. Эдуардъ Паулусъ, также близкій къ старости, издалъ «Картины Италіи», въ которыхъ современные страсти прикрыты старымъ романтизмомъ. Въ такомъ же родѣ поэзіи опасной соперницей ему является Марія делле Граціе въ своихъ «Римскихъ вѣнечкахъ». Эта поэтеса, шестнадцати лѣтъ написавшая огромную поэму «Германъ», вышедшими нынѣ стихами и книгою «Изъ Неаполя» упрочила свою извѣстность. Итальянка по происхожденію, она прославилась, вѣроятно, по закону атавизма, нѣмецкими стихами родину своихъ предковъ. Другой поэтъ, родомъ изъ Штетина, Гансъ Гофманъ, воспѣлъ развалины Партегона и артистическія сокровища Акрополя; со временъ викинговъ прелесть юга всегда увлекали сѣверныхъ варваровъ, и Гофманъ сдѣлался поэтомъ Греціи изъ учителя прусской классической гимназіи и послѣ своего юмористическаго описанія восточной Помераніи. Но не всѣхъ поэтовъ мертвая Эллада увлекаетъ въ свои сѣти: какъ истый нѣмецъ, Фердинандъ фонъ-Сааръ воспѣваетъ метрическими стихами

въ «Вѣнскихъ элегіяхъ» красоты своего родного города. Молодое поколѣніе поэтовъ издало свой «Современный альманахъ музъ» съ произведеніями Дотлефа-Лиліенкрона, Буссе, Вирбаума, Гольца и другихъ далеко небездарныхъ писателей. Драматическая премія, учрежденная Грильпарцеромъ, не была никому присуждена: втеченіе года не явилось «лучшей драмы, имѣвшей большій успѣхъ на сценѣ». Лучшею пьесою былъ «Потерянный рай» Фульды, но это—комедія и потому не могла получить преміи. Въ драмѣ Видмана «Видъ добра и зла» писатель, изучающій исторію Италіи, а въ жизни поступающій безчестно, обманывающій свою жену, исправляется и дѣлается порядочнымъ человѣкомъ, увидя во снѣ, что онъ превратился въ кондотьера Малатесту, время Цезаря Борджии. Въ новой драмѣ Судермана «Родива» Магда, дочь стараго полковника, бѣжитъ изъ провинціального городка, увлеченная жаждою жизни и блеска, и дѣлается жертвою обманувшаго ее негодяя, но не падаетъ духомъ и становится знаменитою актрисою. Возвратившись на родину, она примиряется съ отцомъ, но тотъ требуетъ, чтобы она загладила грѣхъ молодости, выйдя за своего обольстителя, который, чтобы не драться на дуэли, соглашается на бракъ, но съ тѣмъ, чтобы Магда оставила сцену. Негодяй знаетъ, что актриса никогда не согласится на это, и дѣйствительно она отвѣчаетъ отказомъ на требованіе отца, который хочетъ убить ее, потому что самъ всю жизнь шельмъ путемъ чести, долга и нравственности.—«А увѣренъ ли ты въ томъ, что это былъ истинный путь?»—спрашиваетъ дочь цинично, и отецъ падаетъ, пораженный апоплексіей. Драма Гауптмана «Ткачи» представляетъ вѣрную картину жизни силезскихъ ткачей въ Исполинскихъ горахъ въ эпоху Фридриха-Вильгельма IV. Вильбрандта «Пальмирскій учитель»—основанъ на метампсихозѣ, а «Бернгардъ Ленцъ» на борьбѣ идеаловъ съ наукой. Изъ романовъ успѣхъ имѣли «Женщина» Пауля Гейзе—исторія писателя, попадающаго въ сѣти куртизанки, Эберса «По тернистому пути»—эпизодъ изъ злодѣйствъ Каракаллы въ Египтѣ, Луизы Бунзенъ «Противъ теченія», Френцеля «Права женщины», гдѣ героиня, жирондистка Роланъ, изображена не съ легендарной, а съ чисто исторической стороны. Марія Эбнеръ-Эшенбахъ издала шесть томовъ собранія своихъ сочиненій и повѣсть «Безъ вѣры», гдѣ герой, молодой священникъ теряетъ всякую увѣренность въ томъ, чему учитъ другихъ. Фонтанъ въ «Женни Трейбель», Карлвейсъ въ «Сынѣ своего вѣка» и Цоллингъ въ «Духахъ кулисъ» описываютъ вѣнскіе нравы, а Ниманъ берлинскіе—въ романѣ «На всѣхъ парахъ». Веймарское Гетевское общество издало новѣйшія изслѣдованія о двухъ женщинахъ, любимыхъ великимъ писателемъ: Христіанѣ, воспѣтой имъ въ «Римскихъ элегіяхъ», и Фредерикѣ Бріонъ, дочери зассенгеймскаго пастора. Послѣдняя, какъ доказываетъ Дюнгъръ, была даже помолвлена съ Гете, а по смерти его не выходила замужъ, какъ Катерина Фрелихъ, вѣчная невѣста Грильпарцера. Причины, по которымъ этотъ драматургъ остался холостякомъ на всю жизнь, вѣроятно, объяснить вѣнское Грильпарцерское общество, которому писатель завѣщалъ вскрыть его бумаги не раньше 1920 года. Изъ книги о Бисмаркѣ замѣчательна переписка съ нимъ Герлаха. Изъ мемуаровъ любопытны «Воспоминанія Эхельгейзера 1848—1850 г., котораго Франція въ 1849 году отказалась признать, какъ посланника эрц-герцога Іоанна отъ имени Германской имперіи, не признавая этой имперіи. О 1848 годѣ интересны также воспоминанія австрійскаго дипломата Гюбнера, бывшаго посланникомъ въ Парижѣ и взятаго въ плѣнъ итальянцами.

— Голландская беллетристика не создала ничего особенно замѣчательнаго. Изъ разсказовъ выдаются: «Элина» Коуперуса, выдержавшая три изданія, «Маленькій Югансенъ» ван-Эдена, «Эгоизмъ» Нетчера. Странно, что въ такой богобоязненной и добродѣтельной странѣ въ большомъ ходу порнографическая литература, въ которой отличаются два писателя, излающіе свои произведенія подъ псевдонимами: Брамъ и Копрадъ ван-дер-Аиде, также псевдонимъ, доходящій въ своихъ разсказахъ до крайняго цинизма. Изъ молодыхъ авторовъ болѣе даровитые — Лоогъ, г-жа Рообель и Гбра Адема, обнаружившая въ разсказѣ «Теа» большой талантъ, хотя съ оттѣнками таинственности и мистицизма. Изъ писателей, уже составившихъ себѣ извѣстность, лейденскій профессоръ Янъ тен-Бринкъ вывелъ въ своихъ разсказахъ старыхъ и молодыхъ писателей. Лучшія повѣсти принадлежатъ Мелати, миссъ Гюйгенсъ, миссъ Мейендалъ и Винсенту Лоосіесъ. Перелеръ въ романѣ «Нордвестъ и Зюйдостъ» описываетъ войну съ Ачиномъ, Якобсъ—сцены военной жизни въ голландской Индіи, Дермонтъ—торговлю кофеемъ, Тереза Ховенъ—сцены домашней жизни. Изъ драмъ замѣчательны: пьеса Гоогеверфа «Петръ Датенусъ», бѣлыми стихами, наполненная религіозными бесѣдами, «Золотая рыба» Ноогюйса, явившаяся уже въ передѣлкѣ на лондонской сценѣ, «Дитя» Бѣлена и «Дора Кремеръ» Геперманса. Елена Свартъ, живущая въ Бельгіи, издала томъ сонетовъ, Брамъ—описательную поэму «Фелиція». Кальфъ, амстердамскій учитель, издалъ исторію голландской литературы въ XVI столѣтіи. Поэтъ Гониге издалъ сборникъ избранныхъ беллетристическихъ произведеній голландскихъ авторовъ. Докторъ Нигофъ написалъ политическую исторію Голландіи, профессоръ Пирсонъ—«Элладу», картину религіознаго, артистическаго и моральнаго развитія этой страны. Восьмидесятилѣтній Гауве отказался отъ намѣренія окончить свою исторію Амстердама, доведенную имъ въ семи томахъ до 1578 года. Хранитель роттердамскихъ архивовъ Унгеръ составилъ исторію муниципальнаго управленія своего города отъ 1328 года по 1892 г. Филологія въ Голландіи не процвѣтаетъ: это доказывается тѣмъ, что профессоръ англійскаго языка Бульбриягъ въ Гронингенѣ читаетъ свой предметъ въ голландскомъ университетѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Профессоръ Бокъ написалъ исторію парламентскаго управленія отъ 1849 года по 1888, Фокема Андреа—исторію голландской юриспруденціи.

— Въ Швеціи самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ втеченіе года являются мемуары (Minnen) де-Геэра. Маситый государственный дѣятель, хотя и не принадлежащій къ высокодаровитымъ личностямъ, но полный любви къ правдѣ и безукоризненной честности, рисуетъ вѣрную картину прожитаго имъ времени. Онъ касается многихъ историческихъ событій, въ которыхъ принималъ участіе, но о лицахъ, еще живущихъ, не высказываетъ своихъ сужденій. Большую потерю понесла шведская литература со смертью Анны-Шарлоты Лефлеръ. Эта даровитая писательница освободилась въ послѣднее время отъ пагубнаго вліянія Ибсена и его отвлеченныхъ измышленій и, наученная опытомъ, прониклась сочувствіемъ къ интересамъ жизни, когда смерть неожиданно прервала ея литературную карьеру. Послѣднее ея произведеніе, вышедшее послѣ ея смерти, посвящено ея подругѣ, умершей годомъ раньше, профессору математики Стокгольмскаго университета, Софіи Ковалевской. Въ этой книгѣ разсказана увлекательно и сочувственно интересная и тревожная жизнь русской женщины, въ высшей

степени талантливой и симпатичной. Шведскіе писатели стремятся сплотиться въ одно общество для взаимопомощи и огражденія своихъ интересовъ. Къ сожалѣнію, книжный рынокъ въ Швеціи переполненъ переводами, отъ которыхъ прежде всего приходится очищать беллетристику. Норденскіольдъ издалъ письма и мемуары шведскаго химика Шелле и старается доказать, что этотъ ученый открылъ кислородъ. Этими тремя произведениями Тигерскіольдъ ограничиваетъ свой очеркъ шведской литературы. Дополняемъ его слишкомъ краткій отчетъ перечнемъ авторовъ и произведеній, не упоминаемыхъ въ статьѣ. Въ послѣднее время въ Швеціи выдается особенно публицистъ и критикъ Ола Гансенъ, представившій въ своей «Молодой Скандинавіи» картину новѣйшаго умственнаго движенія въ характеристикахъ Якобсена, Стриндберга, Гарбога и другихъ сѣверныхъ писателей. Гансенъ издалъ также нѣсколько томовъ стихотвореній и рассказовъ. Между первыми выдаются: «Пѣсни молодого Офегя», между вторыми—«Шаріи»—картина органическаго расстройства и болѣзни воли, нѣрѣдко встрѣчающихся въ современномъ обществѣ, и «Женщина»—изслѣдованіе особенностей фізіологіи любви. Гансенъ уже пять лѣтъ не живетъ въ Швеціи и пишетъ на нѣмецкомъ языкѣ въ журналахъ Германіи. Лучшій шведскій поэтъ, Августъ Стриндбергъ, замѣчательнъ прежде всего, какъ ненавистникъ женщинъ. Въ шведской поэзіи почти вовсе нѣтъ любовныхъ стихотвореній, распѣваемыхъ въ Даніи и даже въ Финляндіи. Въ жизни поэтъ брался за все: онъ былъ школьнымъ учителемъ и актеромъ, проповѣдникомъ и телеграфистомъ, докторомъ и живописцемъ, журналистомъ и бібліотекаремъ, на службѣ правительства. Онъ писалъ историческія драмы, фантастическія легенды, психологическіе трактаты, соціологическія изслѣдованія, сцены народной жизни, исторію умственнаго движенія въ Швеціи, сатиры, автобіографію, этюды о политическихъ сношеніяхъ Швеціи съ Франціей, о французскихъ крестьянахъ и проч., изучалъ ботанику, рыбоводство, даже китайскій языкъ; онъ былъ попеременно піетистомъ, скептикомъ, революціонеромъ, социалистомъ, теперь проповѣдуетъ интеллектуальный аристократизмъ, превосходство мозга и мускуловъ умственно развитаго человѣка надъ пролетаріемъ и женщиной. Ему еще нѣтъ сорока лѣтъ, и онъ не разъ уже мѣнялъ свои идеалы. Принужденный оставить отечество послѣ рѣзкихъ насмѣшекъ надъ нимъ и стокгольмскимъ правительствомъ, онъ семь лѣтъ странствовалъ по Франціи, Германіи, Швейцаріи, печаталъ свои драмы «Отецъ» и «Товарищи» за границей, а пьеса «Кредиторы», имѣвшая громадный успѣхъ въ Берлинѣ, была играна сначала въ Даніи. Онъ вернулся на родину только въ 1889 году. Умерла романистка Викторія Бенедиктсонъ, писавшая подъ псевдонимомъ Эрнстъ Альгрень. До 33-хъ лѣтъ она жила въ деревнѣ, замужемъ за почтамтскимъ чиновникомъ и, страдая неизлечимою болѣзнію, начала писать повѣсти изъ жизни крестьянъ, имѣвшія большой успѣхъ. Еще понравился ей романъ «Деньги» — печальная исторія брака интеллигентной дѣвушки и богатаго, но необразованнаго землевладѣльца. Бенедиктсонъ зарѣзалась притупленной бритвой. Перестала также писать Гильма Стрендбергъ, телефонистка въ приморскомъ городѣ, авторъ хорошихъ повѣстей. Она вышла за рабочаго и уѣхала съ нимъ въ Америку. Исчезла также Стелла Клеве, авторъ слишкомъ откровенныхъ рассказовъ по части любовной фізіологіи. У Швеціи есть свои ученые балетоманы, и Оскаръ Левентинъ написалъ академическій трактатъ «О театрахъ и танцоркахъ

XVI вѣка». Торъ Гедбергъ напечаталъ психическую характеристику Іуды Искаріота.

— Въ Даніи литература не процвѣтаетъ: въ беллетристикѣ подражатели преобладаютъ надъ оригинальными писателями; поэты пишутъ въ духѣ Бодлера, нувелисты увлекаются Метерлинкомъ, драматурги—Ибсеномъ. Переводятъ много съ англійскаго и изучаютъ серьезно литературу Великобританіи. Ведель написалъ замѣчательный этюдъ о Стернѣ, Геллерунъ—о Дарвинѣ и Спенсерѣ и перевелъ оды Свинберна, Гёфдингъ переводитъ англійскихъ философовъ, Мёллеръ—Броунинга; поэтъ Тёргенсенъ пишетъ подъ сильнымъ вліяніемъ Шелли и составилъ выдающуюся характеристику англійскаго поэта, а Гансенъ перевелъ его «Освобожденнаго Прометей». Вышла замѣчательная монографія Торвальдсена съ иллюстраціей его работъ. Профессоръ Гансенъ составилъ исторію королевскаго датскаго театра, доведенную до нашихъ временъ, также съ превосходными рисунками. Гетель издалъ біографическій словарь выдающихся датчанъ. Карлъ Брунъ—исторію Копенгагена, Ведель—ислѣдованіе о Данте и его поэмѣ, Тесперсенъ—о Чосерѣ. Изъ путешествій вышли книги о Кавказѣ о калмыкахъ—доктора Каарсберга. Анна Гуде получила докторскій дипломъ за исторію Даніи.

— Въ бельгійской литературѣ, которую англичане продолжаютъ отдѣлять отъ французской, главныя явленія—изданіе легенды Костера объ Эйленшигелѣ и драма Метерлинка «Пелей и Мелизандра». Карлъ Костеръ былъ первый бельгіецъ, издавшій на французскомъ языкѣ фламандскія легенды въ 1857 году. Вышедшая нынѣ легенда, напоминающая похожденія Донъ-Кихота и Санчо-Пансы, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній. Драма Метерлинка, такая же дикая, какъ его «Принцеса Малейнъ», не поправилась во Франціи. Изъ нувелистовъ лучшіе—Лемонье и Роденбахъ живутъ и пишутъ въ Парижѣ. Посмертный рассказъ Жана Руссо «Моя Жюльета» очень трогательная исторія. Лучшіе поэты—Иванъ Жилкисъ, Фонтенисъ и абать Гарнаертъ. Драма Декамна «Африка», получившая премію въ Парижѣ, написала съ цѣлью уничтоженія невольничества. Хотелъ издать «исторію бельгійской литературы съ французскимъ направленіемъ», Воттезъ—«очерки нидерландской поэзіи въ Бельгіи», Экгудъ—этюды англійской литературы «въ вѣкъ Шекспира», гентскій профессоръ Логеманъ—«исторію литературныхъ сношеній Голландіи съ Англійей», гдѣ доказываетъ, что англичане заимствовали у голландцевъ поему о Лисѣ Рейнеке, «Улей римской церкви» у Мерника Альдегонде, а Мильтонъ очень многое взялъ у Юста ван-Фонделя. Готфридъ Куртъ издалъ выдающуюся поэтическую «исторію Меровинговъ», брюссельскій профессоръ Филипсонъ «исторію Маріи Стюартъ», генераль Ван-дер-Смиссенъ, командовавшій бельгійскимъ отрядомъ при Максимиліанѣ—«Воспоминанія о Мексикѣ 1864—1867 г.». Продолжавшееся сорокъ лѣтъ изданіе патера Намеша «Курсъ національной исторіи» остановилось въ 29-мъ томѣ на 1804 годѣ, за смертью 82-хъ-лѣтняго автора. Просперъ Клейесъ въ книгѣ «Гентскій палацъ» рассказалъ исторію обязанностей и привилегій этого лица отъ среднихъ вѣковъ до нашего времени. Профессоръ Дискайль составилъ характеристику Шарля Рожье, одного изъ главныхъ дѣятелей бельгійской революціи 1830 года. Издано много интересныхъ, хотя и мѣстныхъ, историческихъ документовъ, дополненіемъ къ которымъ служатъ цѣнный трудъ Ширенна «Вибліографія бельгій-

ской исторіи». Резасъ, хранитель антверпенскаго музея, закончилъ пятимъ томомъ свой капитальный трудъ «Творенія Рубенса»; Альфредъ Габетсъ составилъ монографію русскаго композитора Бородина, Луи Франкъ — эту же «о женщинѣ на общественныхъ должностяхъ». Къ бельгійской литературѣ въ «Атенеумѣ» присоединена и фламандская, которую скорѣе слѣдуетъ отнести къ голандской. По смерти лучшаго поэта Кетмана, представитель фламандской поэзіи — абать Гезель, глава сепаратистовъ въ западной Фландріи. Изъ нувелистовъ лучшіе Смитсъ, описывающій сельскую жизнь, и Ловелингъ, авторъ прочувствованнаго разсказа «Идилія». Поттеръ и Вуйльстекъ издали исторію Гента. 75-ти-лѣтній, но не старѣющій критикъ, Слеекъ написалъ монографію Гильена де-Кастро, Гаувертъ — хронику фламандскаго театра въ XVIII вѣкѣ. Много сочиненій вышло о необходимости возрожденія фламандскаго языка, который, всетаки, не болѣе какъ испорченное нарѣчіе голандскаго.

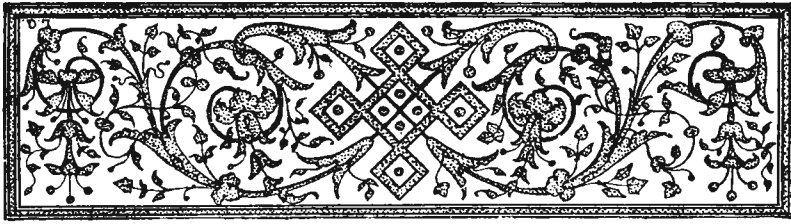
— Отпраздновавъ четырехсотлѣтнюю годовщину открытія Америки, Испанія принялась за изданіе всякаго рода документовъ, относящихся къ этой эпохѣ. Герцогиня Альба напечатала нѣсколько найденныхъ вновь писемъ Колумба, Ламаркъ издалъ поэму «Кристобаль Колонъ», Гойосъ — «Колонъ и католическіе короли», Видертъ — «Колонъ и Бовадилла, или неблагодарность Испанія», Вигонъ въ своемъ изслѣдованіи «Отечество Колумба» доказываетъ, что онъ родился въ Савонѣ; вышли также двѣ біографіи Алонзо Пинсона. Виньяса получилъ премію за изслѣдованіе «Туземныхъ языковъ Америки». Такихъ языковъ въ сѣверной центральной Америкѣ насчитываютъ до 600, но, конечно, между ними много незначительныхъ нарѣчій. Академія издала «Жалобы Колумба», собраніе исковъ и юридическихъ притязаній Колумба. Вышло также нѣсколько изслѣдованій о мусульманской Испаніи, о сношеніяхъ ея съ Марокко, переводы испано-арабскихъ историковъ, какъ Абу Альфораджа. Сааведра издалъ выдающійся этюдъ о вторженіи мавровъ въ Испанію. Паретъ издалъ четвертый томъ «Исторіи Каталоніи», Балагеръ — «Кастилія и Арагонъ во время открытія Америки». Изданіе «Собранія неопубликованныхъ документовъ по исторіи Испаніи» достигло 105 томовъ. Лирическими и драматическими произведеніями прошлый годъ былъ очень бѣденъ, только Кампоаморъ издалъ небольшую поэму о Колумбѣ, Эчегарай — двѣ драмы «Маріанна» и «Долоресъ», Хуанъ Гусманъ — сборникъ старинныхъ романсовъ, Пелао — сочиненія Лопеса де-Веги. Вышли также новыя изданія Сорильи, Моратина и Гонгоры.

— Чтобы ознакомиться съ общественной жизнью Греціи, надо прочесть сборникъ разсказовъ Каркавицаса: ихъ всего шесть, но каждый изъ нихъ рисуется какую нибудь сторону новогреческихъ нравовъ. Изъ поэтовъ выдаются Константинъ Паламосъ, издавшій сборникъ «Глаза моей души», и Константинъ Кристаллисъ — поэму «Пѣвецъ деревни и садовъ». Оба пишутъ народнымъ языкомъ и въ народномъ духѣ; первый — философъ и мистикъ, второй — дитя природы, мало образованный, но съ большимъ дарованіемъ. Стратегисъ въ его новыхъ стихотвореніяхъ, особенно въ поэмѣ «Амуръ и Психея», премированной академіей, принялъ и академическое классическое направленіе. По вопросу о томъ, слѣдуетъ ли языку принять древнія формы или сохранить народный говоръ, вышло три сочиненія: Газидакиса, Полисаса и Роядиса. Спиридонъ Ламброво издалъ третій томъ исторіи Греціи а Камбуроглосъ — второй томъ «Исторіи аеинянъ подъ турецкимъ владыче-

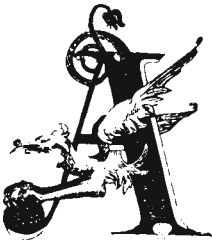
ствомъ», Карамидесъ—«Великую войну за освобожденіе». Карлъ Реніерисъ написалъ біографію іерусалимскаго патріарха Критондоса, переписывавшагося въ 1617—1628 г. съ англійскими и нѣмецкими учеными, а Калогерасъ—біографію Евгенія, эфесскаго епископа, борца за національную идею во время паденія Византійской имперіи. Трифонъ Евангелидесъ составилъ подробную исторію короля Отгона. Алкивіадъ Сакеліонъ окончилъ начатое его отцомъ изданіе каталога рукописей національной бібліотеки въ Афинахъ, всѣхъ рукописей 1.856. Аванасій Пападопулосъ-Керамеусъ издалъ въ Петербургѣ на греческомъ и русскомъ языкахъ жизнь 60-ти мучениковъ, не обнаруженныхъ письма патріарха Фотія и отрывокъ изъ неизвѣстной исторіи Александра Македонскаго, найденный въ Іерусалимѣ. Діонисій Терейносъ издалъ «Очеркъ стоической философіи», Неоклесъ Кизасисъ—«Энциклопедію и методологію законовѣдѣнія». Вышли также сочиненія недавно умершаго публициста Анастасія Византиса, большею частью политическаго и публицистическаго содержанія.

— Въ Венгріи возникла также школа реалистовъ и символистовъ. Ференге Гервегъ въ разсказѣ «Дьюрковическія дѣвушки» нарисовалъ живую картину венгерскаго общества. Повѣсть Ага «Прахъ и пепель» имѣла большой успѣхъ. Табори, въ разсказѣ «Крупная игра», выводитъ типы игроковъ. Старый романистъ Юкай издалъ пятитомный историческій романъ «Братъ Георгъ». Андоръ Космо въ поэмѣ «Дуэль» возстаетъ противъ этого дикаго обычая. Лучшій драматургъ Арпадъ Берцигъ. Ирена Цергалми издала изслѣдованіе «о вліяніи французскаго романтизма на венгерскую драматургію». Генрихъ Мордали написалъ «Исторію Маріи-Терезіи» и «Исторію нашего времени» (1825—1880). Георгій Греца издалъ «Жизнь и дѣла Кошута», Арпадъ Абони — «Картины Босніи», профессоръ Фельдесъ—«Соціальную экономію», выдающійся и серьезный трудъ. Изъ области соціальныхъ наукъ замѣчательны также: «Исторія венгерской промышленной ассоціаціи» Геллера и «Коммунальныя общины» Пильзы. Выходитъ также «Лексиконъ Палласа»—огромная энциклопедія въ родѣ британской или Мейера; она будетъ состоять изъ 16-ти томовъ, каждый до 900 страницъ.

С М Ъ С Ъ .

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ съездъ въ Вильнѣ. Въ августѣ открылись въ Вильнѣ занятія IX археологическаго съезда. Этотъ съѣздъ имѣетъ громадное значеніе для западной окраины нашей родины, сохранившей драгоцѣнные остатки древностей, которые прольютъ свѣтъ науки на исторію народности въ этой части Россіи. Въ съѣздѣ принимали дѣятельное участіе выдающіеся русскіе археологи и знатоки историческихъ, юридическихъ и церковныхъ древностей. Предсѣдателемъ съезда единогласно была избрана графиня П. С. Уварова, предсѣдателемъ распорядительнаго комитета Ю. О. Крачковскій; предсѣдателями отдѣленій—профессоръ В. Б. Антоновичъ, Н. И. Веселовскій, Н. И. Петровъ, А. И. Кирпичниковъ, Ф. И. Успенскій, В. Н. Стороженко и др. Въ числѣ делегатовъ разныхъ ученыхъ учреждений были профессоръ Д. И. Иловайскій (отъ Московскаго Археологическаго Общества), проф. Д. Н. Ануцинъ, баронъ де-Бай (отъ французской асоціаціи для распространенія знаній), С. М. Середонинъ (отъ Археологическаго института) и др. Государь пожаловалъ на изданіе трудовъ съезда 5.000 р., Наслѣдникъ—2.000 рублей. Въ первомъ засѣданіи делегатъ французскаго общества древностей произнесъ привѣтственную рѣчь. Далѣе были прочтаны доклады В. Н. Стороженко о московскомъ управленіи въ Вильнѣ XVII вѣка, проф. А. И. Павянскаго о Подляшскомъ воеводствѣ въ XVII вѣкѣ и проф. А. И. Маркевича — «Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморіи». Болѣе интереснымъ былъ докладъ В. Н. Стороженка.

Довольно значительный матеріалъ для исторіи польскихъ войнъ двухъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ находится въ столбцахъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи подъ не совсѣмъ точною рубрикою столбцовъ «московскаго стола разряда» и разбираемыхъ для академическаго изданія «Акты Московскаго государства». Первый томъ этого изданія вышелъ еще въ 1890 г., второй долженъ выйти въ началѣ будущаго

года. Акты второго тома представляютъ рядъ донесеній виленскаго воеводы московскому правительству («отписки») и отвѣтныхъ на нихъ или указныхъ грамотъ. Они выясняютъ направленіе и характеръ политики московскаго правительства въ процѣсѣ округленія границъ Московскаго государства. Эти акты обнаруживаютъ страстное желаніе московскаго правительства удержать за собой Литву и Жмудь, такъ что оно должно было всячески привлечь сторонниковъ Москвы. Продовольственное дѣло, защита города, разрѣшеніе разнаго рода казусовъ гражданскаго и уголовнаго порядковъ, вопросы хозяйственной администраціи и т. п. составляли предметъ вѣдомства виленскаго воеводы, крайне ограниченнаго докладомъ государю и страхомъ жалобы на него со стороны мѣстнаго населенія, такъ что о самостоятельности воеводской власти въ Вильнѣ можно говорить только условно. Референтъ въ заключеніе высказалъ, что для изученія такого любопытнаго эпизода изъ исторіи первой польской войны царя Алексѣя Михайловича, какъ пребываніе Вильны въ рукахъ московскаго правительства XVII вѣка, много помогло бы подлинное дѣлопроизводство воеводскаго управленія князя М. С. Шаховскаго въ Вильнѣ. Ему извѣстенъ одинъ документъ, косвенно относящійся къ дѣлопроизводству воеводскаго управленія, интересный для исторіи города Вильны и не вошедшій во второй томъ «Актовъ Московскаго государства»: это—книги приходныхъ каменнишнихъ 1658 г. по городу Вильнѣ.

Въ засѣданіи отдѣленія памятниковъ искусствъ и художествъ были прочитаны доклады академика архитектуры В. В. Сулова и проф. Н. В. Покровскаго о Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ Мирожскомъ монастырѣ въ Псковѣ и проф. Н. И. Петрова—о монетахъ великаго князя Изяслава Ярославича. Въ настоящее время съ развитіемъ церковной археологіи обращено особенное вниманіе на возстановленіе фресковой живописи во многихъ древнихъ русскихъ храмахъ. Къ числу такихъ храмовъ относится и Спасо-Преображенскій соборъ, постройку котораго докладчики относятъ къ XII вѣку. Древнія окна, очертанія первоначальныхъ архитектурныхъ формъ, фресковая живопись, заключающая не мало такихъ композицій, какихъ нѣтъ ни въ одномъ русскомъ памятникѣ первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи, — все это задѣлано позднѣйшими штукатурными накладками. Всѣ композиціи вообще весьма удовлетворительны, типы превосходны, нѣкоторые костюмы отличаются роскошью. Размѣщеніе изображеній въ храмѣ носитъ отпечатокъ византійскаго обычая.

Росписи средней части храма, согласно византійскому и древне-русскому обычаю, выражаютъ идею торжествующей церкви Христовой: въ зенитѣ купола—на тронѣ Спаситель, въ трибунахъ купола—апостолы и пророки, въ парусахъ сводовъ — изображенія четырехъ евангелистовъ, безъ символовъ; своды, стѣны и арка росписаны сценами изъ евангельской исторіи. Большой интересъ, съ точки зрѣнія исторіи иконографіи, представляютъ изображенія, относящіяся къ дѣтству Богоматери. Въ заключеніе Н. Я. Покровскій коснулся вопроса о желательности реставраціи Мирожскаго Спасо-Преображенскаго собора и вообще — о реставраціи древнихъ русскихъ церковныхъ стѣнописей. Въ засѣданіи отдѣленія первобытныхъ древностей были прочитаны доклады проф. В. З. Завитневича о «Формахъ погребальнаго обряда въ Мозырскомъ, Рѣчицкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ Минской губ.», проф. В. В. Антоновича о «Погребальномъ типѣ могилъ радимичей» и М. В. Фурсова — о «Раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ въ 1892 году въ пяти центральныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи».

Предметомъ научнаго наблюденія для проф. Завитневича послужили 627 изслѣдованныхъ имъ кургановъ, которые, по формѣ погребальнаго обряда, дѣлятся на двѣ категоріи: курганы съ трупосожженіемъ, и курганы съ зарываніемъ покойниковъ въ землю. Обрядъ трупосожженія не былъ господствующимъ въ данной области; такъ какъ форма этого обряда по направленію

къ Днѣпру усиливается, то представляется вѣроятнымъ, что она занесена на западную сторону Днѣпра съ восточной, гдѣ въ бассейнѣ р. Десны она имѣетъ господствующее значеніе. Обрядъ погребенія въ ямахъ къ сѣверу отъ Припечи игралъ второстепенную роль и занесенъ былъ сюда, по всей вѣроятности, съ южнаго берега, гдѣ, въ области древлянскихъ поселеній, онъ былъ господствующимъ. Господствующее же значеніе въ изслѣдованной области имѣлъ обрядъ погребенія на поверхности земли. Изъ 627 раскопанныхъ кургановъ эта форма встрѣтилась въ 443. Встрѣчающіеся въ курганахъ предметы можно раздѣлить на двѣ категоріи: практически бытовые и служившіе украшеніемъ. Первые предметы свидѣлствуютъ, что люди курганной эпохи жили въ желѣзномъ вѣкѣ и находились на сравнительно высокой степени культурнаго развитія. Изъ предметовъ украшенія особеннаго вниманія заслуживаютъ бусы филигранной работы, повидимому, мѣстнаго приготовленія. Для опредѣленія хронологіи разсматриваемой курганной культуры служить извлеченныя изъ кургановъ три монеты X вѣка: двѣ арабскихъ самаркандскаго чекана и одна византійская, времени Константина Порфиророднаго. Въ краниологическомъ отношеніи преобладаетъ долихоцефализмъ.

Главныя черты погребальнаго типа могилъ радимичей состоятъ, по заключенію проф. Антоновича, въ слѣдующемъ. Покойники были погребены на возвышенности; ложе, постланное подъ ними, состоитъ изъ смѣси золы съ зернами угля и свѣтлаго песку безъ всякаго, впрочемъ, признака сожженія или обугленія костей. Дерево въ устройствѣ могилы встрѣчалось рѣдко. Скелеты лежали головою къ западу, на спинѣ, руки протянуты вдоль тѣла; ноги тоже протянуты. Измѣрено было 33 черепа, изъ нихъ 28 оказались длинноголовыми, ростъ выше средняго. При покойникахъ ни разу не было найдено оружія. Сосуды, глиняные горшки двухъ типовъ, встрѣчались очень часто; они стояли у головы или у ногъ и были наполнены органическимъ перегноемъ. Горшки не симметрической формы, вѣроятно, сдѣланы безъ гончарнаго круга. Раскопанные 262 кургана докладчикъ относитъ къ X столѣтію.

Засѣданія съѣзда приняли оживленный характеръ со дня пріѣзда великаго князя Сергѣя Александровича и великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Дополненіемъ докладовъ проф. Завитневича и Антоновича явился рефератъ М. К. Фурсова. При раскопкахъ кургановъ въ пяти центральныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи найдены: большія серебряныя кольца на груди скелетовъ съ привѣсками изъ сердолика, горнаго хрустала и стеклянныхъ золоченныхъ бусъ, массивные браслеты изъ серебра, изящное кольцо съ камнемъ, золотой съ эмалью крестъ (со сломаннымъ нижнимъ концомъ); литая изъ мѣди фигура человѣка, въ одеждѣ славянина-коловеда (весьма характерная).

Въ засѣданіи отдѣленія церковныхъ древностей были прочитаны рефераты М. П. Истомина: «Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ въ прошломъ столѣтіи», Н. И. Троицкаго: «Пѣснь пѣсней во фрескахъ тульскаго Успенскаго собора», и проф. Н. П. Петрова: «О новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ Кіевѣ и о новооткрытыхъ фрескахъ Кіево-Софійскаго собора». Въ описаніи Кіево-Печерской лавры митрополита Евгенія иконописъ 1772 — 1776 г. великой лаврской церкви именуется «превосходною греческою». Это мнѣніе о греческомъ характерѣ лаврской живописи прошлаго столѣтія требуетъ, по словамъ г. Истомина, тщательной провѣрки. Два документа: одинъ, хранящійся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, другой — въ архивѣ Кіево-Печерской лавры устанавливаютъ фактъ пребыванія въ этомъ монастырѣ живописца Беніамина Фридериче. Его мы здѣсь встрѣчаемъ еще въ концѣ 1760 г. Изъ разобранныхъ дѣлъ видно, что ему поручена была какая-то работа администраціею лавры. Профессоръ Истоминъ полагаетъ, что Фридериче были поручены росписи лаврской церкви. Фактъ пребыванія въ Кіево-Печерской лаврѣ итальянскаго живописца свидѣлствуетъ о томъ, что въ

церковной иконописи Западной Руси имѣло мѣсто и западное вліяніе, которое должно было отразиться на видоизмѣненіи прежнихъ образцовъ и композицій, унаслѣдованныхъ отъ Византии. Съ этой точки зрѣнія получаетъ научный интересъ и изученіе того немногаго, что уцѣлѣло въ Кіево-Печерской лаврѣ отъ живописи прошлаго столѣтія. Находясь въ зависимости отъ ярославскихъ подлинниковъ, фрески тульского Успенскаго собора имѣютъ, по словамъ Н. И. Троицкаго, свою весьма замѣчательную особенность и въ составѣ изображеній, и въ стилѣ писанія. Главное отличіе тульскихъ фресокъ составляетъ сложность ихъ состава и полнота содержанія, ее обусловливающая: эти фрески воспроизводятъ все содержаніе книги «Пѣснь Пѣсней» и даютъ свое особенное толкованіе основной ея идеѣ. «Пѣснь Пѣсней» воспѣваетъ глубокую любовь ветхозавѣтной церкви къ Искупителю. Такой идеѣ книги соответствуетъ и размѣщеніе фресокъ на западной стѣнѣ храма.

Проф. Петровъ сообщилъ, что при выемкѣ земли въ Кіевѣ для прокладки канализаціонныхъ трубъ по Большой Владимірской улицѣ открыта была древняя кладка изъ квадратныхъ тонкихъ кирпичей. Какое тутъ было въ древности зданіе, это объясняется планомъ г. Кіева XVII в., хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. На этомъ планѣ обозначено два крѣпостныхъ вала на старомъ Кіевѣ—оба съ воротами. Ворота перваго вала обозначены приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ открыта древняя кладка. Это — древній городъ св. Владиміра. Далѣе, на планѣ обозначенъ городъ Ярославовъ со св. Софією въ центрѣ. Очевидно, оба вала сохранились до XVII в. и занесены были на планъ.

Фрески въ Кіево-Софійскомъ соборѣ открыты двоякаго рода: однѣ на арочныхъ столбахъ алтаря, который, очевидно, не закрывался въ древности иконостасомъ, а другіе въ аркахъ притвора, облежавшаго соборъ съ трехъ сторонъ, и въ такъ называемой крещальнѣ, находящейся на правой сторонѣ отъ главнаго западнаго входа въ соборъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи графъ Флери прочелъ рефератъ о «Неолитической стоянкѣ въ Кемпѣ».

Мѣстность стоянки—пограничіе Гродненской губерніи въ разстояніи одного километра отъ сліянія Нарева и Бобра. Это островокъ кварцевыхъ песковъ, возвышающійся надъ окрестными заливными лугами; равнину обрамляютъ холмы, усѣянные гранитнымъ камнемъ ледниковаго происхожденія. Населеніе этой стоянки жило рыбной ловлей и охотой, не знало желѣза. Въ обилии были найдены кремневые орудія разныхъ типовъ, и лишь незначительное количество бронзовыхъ украшеній.

Богатую коллекцію кремневыхъ орудій въ прекрасной сортировкѣ на таблицахъ докладчикъ предложилъ на разсмотрѣніе собранія. Затѣмъ были выслушаны доклады барона де-Бая объ Асторгскомъ ковчежцѣ для мощей, князя Путятіна: «Къ вопросу о дѣленіяхъ предметовъ каменнаго вѣка въ Россіи», и графа Флери: «О церкви св. Михаила въ Ломжѣ».

Болѣе цѣннымъ докладомъ на сѣздѣ былъ рефератъ исследовательницы русскаго обычнаго права А. Я. Ефименко о малоизвѣстныхъ «копныхъ судахъ». Наука исторіи права, въ авторитетныхъ представителяхъ, утверждаетъ, что судъ, со времени призванія князей, составлялъ принадлежность государственной власти. Совсѣмъ въ иномъ освѣщеніи является этотъ вопросъ при подробной разработкѣ г-жей Ефименко 18-го тома актовъ виленской археографической комисіи. Этотъ томъ даетъ единственный въ своемъ родѣ матеріалъ: онъ представляетъ превосходную картину архаическаго суднаго процесса копныхъ судовъ, существовавшихъ до начала XVIII столѣтія включительно. Копный судъ, по словамъ докладчицы, есть судъ народнаго собранія, копы, купы, громады, вѣча. Каждый копный судъ предполагаетъ свой копный округъ. Судный процессъ, по копному праву, представляетъ тѣ же три главные момента, какъ и процессъ современный. Первая копа, го-

рячая, есть актъ предварительнаго дознанія. Вторая копа — большая, великая, вальная, генеральная — представляетъ судебное слѣдствіе. Третья копа, завитая, есть судебное рѣшеніе, соединенное съ приведеніемъ его въ исполненіе. Горячая копа имѣла случайный характеръ. Главная ея обязанность гнать слѣдъ. Слѣдъ приводитъ иногда къ необходимости «трасти домъ» (дѣлать обыскъ). Когда не надо было ни гнать слѣдъ, ни трасти, горячей копѣ приходилось дѣлать опытъ, т. е. опросъ лицъ, которыя могли что нибудь знать, обликъ, т. е. осмотръ. Такими путями горячая копа собираетъ матеріалъ для дальнѣйшаго хода дѣла.

На великой копѣ несомнѣнно сосредоточивается центръ тяжести копнаго процесса. Она обставляла свои засѣданія торжественно. Слѣдствіе состояло: изъ «вольнаго правнаго мовенья» (состязательство сторонъ) и предъявленія судебныхъ доказательствъ, которыя имѣли вполнѣ архаической характеръ. Таковъ обычай ставить или кидать въ черту шапку, ставить и приставлять ногу или голень. Присяга имѣла особенное значеніе. Она играла роль могучаго рычага, при посредствѣ котораго легко, быстро и свободно двигался судный процессъ. Къ присягѣ могли требоваться или допускаться и стороны и ихъ сосѣди или родственники въ качествѣ соприсяжниковъ и свидетели. Она была или обвинительная или очистительная.

Завитая копа собиралась лишь для преступника, для «злудѣя». Всякій членъ копнаго округа имѣлъ право попытаться злудіа о свои «шкоды», т. е., если онъ раньше пострадалъ и не могъ разыскать шкодника, то теперь имѣетъ право подвергнуть преступника пыткѣ, чтобъ добиться у него признанія. Такимъ образомъ, преступникъ дѣлался общественнымъ достояніемъ и неизбѣжно подвергался пыткѣ огнемъ. Единственно только полное добровольное сознаніе могло предупредить пытку, да и то не всегда. Окончательный исходъ почти всегда былъ одинъ — висѣлица. Освободиться отъ нея было трудно.

Взаключеніе докладчица высказала, что господствующее до сихъ поръ и общепринятое мнѣніе о судѣ, какъ необходимомъ атрибутѣ княжеской власти, по меньшей мѣрѣ, требуетъ пересмотра.

Ю. О. Крачковскій сдѣлалъ цѣнное сообщеніе: «Къ исторіи старой Вильны». Докладчикъ представилъ общій очеркъ религіозныхъ отношеній въ центрѣ Литвы въ XVI и XVII вѣкахъ.

Въ пору начала реформациі въ Германіи отчужденіе отъ Рима и папы выразилось вполнѣ опредѣленно въ средѣ виленаго общества и особенно литовской знати. Протестантскія идеи нашли въ Вильнѣ готовую почву и быстро тамъ распространились подъ покровительствомъ Радзивилла и съ его помощью кальвинисты утвердились въ мѣстности нынѣшняго конвикта по сосѣдству отъ костела бернардиновъ. Рѣзкій переворотъ въ настроеніи руководящихъ сферъ того времени произошелъ вмѣстѣ съ призваніемъ іезуитовъ въ Вильну. Будучи вызваны епископомъ Протасевичемъ, они скоро сумѣли твердо устроиться въ новомъ мѣстѣ. Завладѣвъ сначала однимъ домомъ, который пріобрѣлъ для нихъ епископъ отъ нѣкоего Ясискаго, они вскорѣ оказались обладателями значительной части тогдашней Вильны.

Другимъ докладомъ явился рефератъ проф. В. Б. Антоновича: «О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра». Классификація, установленная скандинавскими учеными относительно дѣленія доисторическаго времени на 3 эпохи: каменную, бронзовую и желѣзную, допускаетъ значительныя исключенія. Можно привести много примѣровъ, гдѣ въ цѣлой странѣ не достаетъ одного изъ членовъ упомянутой классификаціи.

Разсматривая памятники до-исторической древности въ Россіи, референтъ пришелъ къ заключенію, что на значительномъ пространствѣ ея отсутствуетъ бронзовый вѣкъ, и что желѣзная культура прямо наслочилась на каменную. На всемъ промежуткѣ между Западнымъ Бугомъ и бассейномъ

Камы бронзовой культуры не было. Въ Финляндіи, Остзейскомъ краѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, центральной Россіи и бассейнѣ средняго Днѣпра находятъ лишь немногочисленные спорадически разсыянные бронзовые предметы, но вовсе нѣтъ ни мастерскихъ, ни гробницъ бронзоваго вѣка. Исключеніе составляетъ лишь побережье Чернаго моря (Новороссійскій край), гдѣ присутствіе бронзовой культуры можно доказать, но невозможно указать ея происхожденіе. Область Дона остается совсѣмъ не изслѣдованною въ археологическомъ отношеніи.

Интереснымъ былъ также рефератъ П. В. Владимірова: «Новыя данныя къ изученію литературной дѣятельности кн. А. Курбскаго». Референтъ заявилъ, что въ одномъ изъ сборниковъ XVI вѣка московской Синодальной библиотеки заключаются нѣкоторые новыя неизвѣстные доселѣ переводы кн. Курбскаго изъ Симеона Метафраста, Евсевія Кесарійскаго, Нивифора Каллиста и другихъ. Затѣмъ г. Владиміровъ высказалъ желаніе, чтобы литературная дѣятельность кн. Курбскаго, этого талантливаго, плодовитаго и разнообразнаго писателя XVI вѣка, подверглась всестороннему изученію, чтобы сочиненія и переводы его были изданы на основаніи сличенія всѣхъ извѣстныхъ списковъ.

А. А. Кочубинскій прочелъ рефератъ: «Литовскій языкъ и наша старина». Выяснивъ значеніе литовскаго языка, какъ хранителя аризма, т. е. главныхъ чертъ языковъ арійской семьи, референтъ замѣтилъ, что всестороннее изученіе литовскаго языка — нашъ долгъ передъ европейскою наукою.

Въ теченіе 11 дней сѣздъ имѣлъ 25 засѣданій, въ которыхъ прочитано свыше 80 рефератовъ; 15 сообщеній остались недоложенными за недостаткомъ времени. Всѣхъ членовъ сѣзда насчитывалось 411, изъ нихъ около 150 пріѣзжихъ. Десятый сѣздъ состоится въ Ригѣ, въ 1896 году.

Десятилѣтняя годовщина кончины Тургенева. 22-го августа память нашего великаго писателя чествовали очень скромно въ Орлѣ, гдѣ родился Тургеневъ. «Орловскій Вѣстникъ» говорилъ передъ этой годовщиной: «домъ, въ которомъ, 75 лѣтъ назадъ, была колыбель великаго человѣка, находится на Борисоглѣбской улицѣ и принадлежитъ г. Смирнову (прежній владѣлецъ этого дома — помѣщикъ Соковнинъ). Многіе изъ орловцевъ, быть можетъ, имѣли счастье лично видѣть знаменитаго Тургенева, славу и гордость дорогаго отечества нашего, вели съ нимъ продолжительныя бесѣды и до сихъ поръ сохраняютъ въ сердцѣ образъ гениальнаго поэта. Такая близость нашихъ отношеній къ Тургеневу, наши родственныя связи обязываютъ насъ почитать память его въ день его смерти, хотя одинъ разъ въ теченіе десяти лѣтъ. Въ числѣ 179 депутацій отъ различныхъ городовъ и учрежденій, существовавшихъ при похоронахъ И. С. Тургенева 27-го сентября 1883 г., упоминаются депутаціи отъ Ташкента, Баку, Тифлиса и отъ другихъ отдаленныхъ мѣстъ, но не было депутаціи отъ его роднаго города. «Лучше поздно, чѣмъ никогда», говоритъ русская пословица».

Лучшимъ чествованіемъ памяти Тургенева со стороны его роднаго города было бы, какъ замѣчаетъ «Кіевское Слово», приобрѣтеніе въ общественную собственность дома, въ которомъ родился писатель, и основаніе въ немъ общепользнаго учрежденія (школы, народнои читальни и т. п.) имени Тургенева. Ничего подобнаго не было сдѣлано. Въ Орлѣ, кромѣ обычной панихиды утромъ, вечеромъ въ зданіи городского театра былъ устроенъ вокально-музыкальный вечеръ съ туманными картинами изъ произведеній покойнаго. Этимъ и ограничилось чествованіе.

Петербургскіе литераторы оставили этотъ день безъ вниманія, и литературный фондъ не потрудился заказать панихиду на могилѣ Тургенева. Никто не догадался даже послать телеграму въ Орель орловскому комитету народныхъ чтеній, который взялъ на себя устройство чествованія, хотя о предполагаемомъ чествованіи уже давно было извѣстно изъ газетъ.

Только одинъ человѣкъ вспомнилъ о Тургеневѣ и прислалъ телеграму въ Орель. Это... камердинеръ Тургенева Петръ Перегримовъ: «Съ глубокимъ благоговѣніемъ чту память своего добраго господина».

И это единственная телеграмма!

Пятидесятилѣтіе смерти Квитки. 8 августа исполнилась пятидесятилѣтняя годовщина смерти одного изъ болѣе выдающихся малорусскихъ писателей начала нынѣшняго столѣтія Григорія Ѳедоровича Квитки-Основьяненко, родившагося 18-го ноября 1778 г. въ родовомъ имѣніи—сельцѣ Основѣ, отъ имени котораго онъ и принялъ себѣ литературный псевдонимъ «Основьяненко». Скончался Г. Ѳ. Квитка въ родномъ городѣ Харьковѣ, гдѣ онъ принималъ дѣятельное участіе по устройству харьковской публичной библиотеки; имъ же пожертвовано все его состояніе на устройство харьковского института благородныхъ дѣвицъ, завѣдующимъ дѣлами котораго онъ состоялъ первое время. Прослужилъ онъ также мѣстному дворянству въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ качествѣ харьковскаго уѣднаго предводителя дворянства. Литературную дѣятельность началъ въ 1816 году въ журналѣ «Украинскій Вѣстникъ». На могилѣ его отслужили панихиду, въ присутствіи нынѣшняго представителя фамиліи Квитокъ—Андрея Валерьяновича Квитки, внучатого племянника писателя. Было около 150 человѣкъ. Представители земства собрались въ этотъ день почтить память Квитки въ другомъ мѣстѣ—въ земской школѣ его имени въ сел. Основа. Еще недавно заброшенный памятникъ на могилѣ покойнаго писателя теперь заново реставрированъ; онъ состоитъ изъ мраморнаго обелиска съ мраморнымъ же на немъ крестомъ. На памятникѣ находятся лишь двѣ простыя надписи; на одной сторонѣ:

«Здѣсь покоится прахъ Григорія Ѳедоровича Квитки (Основьяненко) род. 18 ноября 1778, сконч. 8 августа 1843».

На другой сторонѣ:

«Анна Григорьевна Квитка, урожденная Вульфъ, родилась 17-го мая 1800 г., скончалась 31 января 1852 года».

Двадцатипятилѣтняя годовщина дѣятельности двухъ педагоговъ-писателей. 1-го августа, на дачѣ петербургскаго училища глухонѣмыхъ (въ Лисичанскомъ лѣсничествѣ, въ 16^{1/2} верстахъ отъ ст. Тосно по Николаевской желѣзной дорогѣ) происходило празднество по случаю 25-ти лѣтняго юбилея педагогической и литературной дѣятельности директора означеннаго училища и редактора журнала «Образованіе» Василія Дмитріевича Сиповскаго. Въ залѣ училища отслуженъ молебенъ въ присутствіи воспитанниковъ и воспитанницъ, воспитателей и воспитательницъ заведенія. По окончаніи молебствія сослуживцы поднесли В. Д. адресъ, хлѣбъ соль и проч. За завтракомъ были провозглашены задравные тосты сослуживцами и бывшими учениками В. Д. и прочтаны поздравительныя телеграммы.

Четверть вѣка посвятилъ онъ учащемуся юношеству, какъ педагогъ, публицистъ и общественный дѣятель. Какъ директоръ училища глухонѣмыхъ, онъ поставилъ это учебное заведеніе выше многихъ западно-европейскихъ заведеній такого же рода. Ревнитель женскаго развитія и редакторъ-издатель журнала «Образованіе», авторъ прекраснаго руководства отечественной исторіи, выдержавшаго нѣсколько изданій, членъ многихъ педагогическихъ и филантропическихъ обществъ, Василій Дмитріевичъ состоитъ также товарищемъ предсѣдателя общества вспомоствованія народнымъ учителямъ и учительницамъ и пожизненнымъ членомъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ столицѣ.

Исполнилось также 23 лѣтъ учено-педагогической службѣ Александра Николаевича Страннолюбскаго, извѣстнаго не только своей преподавательской дѣятельностью въ Морскомъ корпусѣ, на женскихъ педагогическихъ курсахъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и своими литературными

трудами, напечатанными въ разныхъ, преимущественно педагогическихъ журналахъ. Ему принадлежитъ обстоятельный очеркъ «Народное образованіе въ Россіи» и докладъ о значеніи и дѣятельности высшихъ женскихъ курсовъ, представленный въ особую комисію, образованную при министерствѣ народнаго просвѣщенія для разсмотрѣнія вопроса о женскомъ образованіи въ Россіи. А. Н. Страннолюбскій особенно много потрудился для развитія общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Онъ былъ учредителемъ этого общества и состоялъ 14 лѣтъ членомъ комитета и 12 лѣтъ секретаремъ общества. Юбилару въ настоящее время 54 года.

Четырехсотлѣтіе первой славянской книги. Юбилейныя празднества въ Цетиньѣ, состоявшіяся въ воспоминаніе основанія Ободской печати и выхода изъ нея (въ 1493 г.) первой, напечатанной кириллицею книги («Октоиха»), отличались чрезвычайно торжественностью. На торжествахъ присутствовали почетные гости, и въ числѣ ихъ представители отъ многихъ европейскихъ университетовъ (отъ Оксфордскаго проф. Козень-Гарди, отъ Парижскаго хирургъ Пуарье, отъ Сербіи — цѣлый рядъ делегатовъ и пр.). Отсутствовали только хорваты... Изъ русскихъ здѣсь были В. И. Ламаевскій, А. И. Смирновъ, П. А. Кулаковскій, А. И. Александровъ, П. А. Сырку, К. Н. Гортановъ, прот. Ѳ. П. Кардасевичъ, О. А. Марковъ (изъ Львова) и друг. Адресы присланы: отъ нашей академіи наукъ, университетовъ, археологическаго общества, духовныхъ академій и пр. Всѣ адреса и привѣтствія будутъ напечатаны отдѣльною книгою, причемъ въ главѣ ея телеграмма, посланная князю черногорскому Государемъ въ отвѣтъ на телеграму князя:

«Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру III въ Петербургъ.

«Цетинье, 13-го іюля. Моя земля правдуетъ торжественно юбилей четырехсотлѣтней годовщины первой книгопечатни въ Черногоріи. Прибыло значительное число представителей русскихъ университетовъ. Сердечно желаю дожить объ этомъ первому великому Славянину, прося его благословенія этому истинно славянскому празднеству.

«Съ почтеніемъ преданный Николай».

«Николаю I, Черногорскому князю, въ Цетинье.

«Петербургъ, 14-го іюля. Присоединяясь всею душою къ чувствамъ, которыя пробуждаетъ въ Россіи истинно славянское празднество, празднуемое Черногоріею съ своимъ возлюбленнымъ княземъ, прошу ваше высочество принять мое поздравленіе и искреннюю благодарность за выраженные мнѣ чувства.

«Александръ».

† 17 го августа одинъ изъ талантливыхъ представителей современной поэзіи Аленсѣй Николаевичъ Апухтинъ, сохранившій традиціи добраго стараго времени. Его стихотворенія немногочисленны, но красивы, колоритны и мелодичны. Лирикъ по поэтическому творчеству, Апухтинъ посвятилъ большинство своихъ стихотвореній изображенію неудавшейся любви. Изъ нихъ большею извѣстностью пользуются: поэма «Годъ въ монастырѣ», «Съ курьерскимъ поѣздомъ», «Въ убогомъ рубищѣ, недвижна и мертва». Особенно популярно стихотвореніе «Недостроенный памятникъ», которое часто произносится съ эстрады. Апухтинъ выступилъ на литературное поприще въ 1859 г. по окончаніи курса въ училищѣ правовѣдѣнія. Первые десять его стихотвореній были напечатаны въ «Современникѣ», подъ заглавіемъ «Деревенскіе очерки», и вызвали восторженные отзывы Тургенева и Некрасова, привѣтствовавшихъ молодого поэта. Затѣмъ онъ печаталъ свои произведенія въ «Русской Рѣчи», «Времени», а въ послѣднее время въ различныхъ пе-

рідическихъ изданіяхъ. Въ 1886 г. появился сборникъ его стихотвореній отдѣльной книгой и выдержалъ потомъ три изданія. Онъ не принадлежалъ къ числу современныхъ поэтовъ, превратившихъ поэзію въ ремесло, ни салъ мало и рѣдко. Онъ славился также среди знакомыхъ блестящимъ и подчасъ очень злымъ остроуміемъ. Апухтинъ происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, родился въ 1841 году и умеръ отъ водянки, на 52-мъ году.

† Извѣстный беллетристъ Николай Дмитріевичъ Ахшарумовъ на 74 году, 18-го августа, въ имѣніи сенатора Д. А. Ровинскаго, близъ станціи Кунцово подлѣ Москвой. Умеръ онъ послѣ мучительной болѣзни, явившейся результатомъ нервнаго удара, и похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ. Въ 1845 г. онъ написалъ пьютку «Маскарадъ», поставленную на сценѣ Александринскаго театра, въ бенефисъ Сосницкой. Черезъ пять лѣтъ онъ напечаталъ первую повѣсть «Двойникъ» въ «Отечественныхъ Запискахъ», подлѣ псевдонимомъ Чернова, но имя его сдѣлалось извѣстнымъ и популярнымъ въ 60-хъ годахъ, когда онъ сталъ печатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» романъ «Чужое имя». Для своихъ романовъ и повѣстей Ахшарумовъ выбиралъ занимательный, часто фантастическій, сюжетъ и обрабатывалъ его съ большимъ умѣньемъ, ярко и интересно обставляя событія разсказа. Ему принадлежатъ слѣдующія произведенія: «Игрокъ» («Отеч. Зап.» 1858 г.), «Мудреное дѣло» («Эпоха» 1864 г.), «Натурщица» («Отеч. Зап.» 1866 г.), «Граждане лѣса» («Всем. тр.» 1867 г.), «Мандаринъ» («Заря» 1870 г.), «Концы въ воду» («Отеч. Зап.» 1872 г.), «Во что бы то ни стало» («Нов. Вр.» 1881 г.), «Подъ колесомъ» («Нива» 1883 г.), «Всесловная семья» («Вѣстп. Евр.» 1885 г.), «Ванзампія», «Гемная карта», «Опасная игра», «Конецъ съ красной мѣткой», «Блудный сынъ», «Новая деревня» и др. Его послѣднее произведеніе «Старые счеты» напечатано въ 1892 г. въ «Русск. Обзорѣ». Какъ авторъ критическихъ статей, Ахшарумовъ являлся противникомъ тенденціозности въ литературныхъ произведеніяхъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ имъ изданы «Русскія сказки», пользующіяся большою популярностью до настоящаго времени. Ахшарумовъ родился 3-го декабря 1819 г., воспитывался въ Царскосельскомъ лицѣѣ, гдѣ кончилъ курсъ съ серебряной медалью. По выходѣ изъ лиція онъ посѣщалъ университетъ и рисовальныя классы академіи художествъ. Покойный умеръ холостякомъ.

† Въ Вильнѣ 76-ти лѣтъ членъ московскаго географическаго общества, Павелъ Ивановичъ Небольсинъ, занимавшій четверть столѣтія должность виленакаго цензора. Онъ кончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ и поступилъ на службу, но не оставлялъ занятій по литературѣ и наукѣ и былъ однимъ изъ энергичныхъ дѣятелей въ географическомъ обществѣ. По порученію этого общества имъ была совершена этнографическая поѣздка въ Сибирь. Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько научныхъ сочиненій. Лучшія изъ нихъ о Сибири и Ермакѣ помѣщены въ «Отеч. Запискахъ».

† 17-го августа на Ярославскомъ Благовѣщенскомъ подворьѣ Гермогенъ, епископъ псковскій и порховскій, вызванный недавно для присутствованія въ синодѣ. Гермогенъ, въ мѣрѣ Константинъ Петровичъ Добронравинъ, уроженецъ петербургской епархіи, родился въ 1820 г., образование получилъ въ семинаріи, затѣмъ въ петербургской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1843 г. со степенью магистра богословія. До епископства онъ состоялъ законоучителемъ 3-й петербургской гимназіи, затѣмъ смотрителемъ Александро-Невскаго училища. По смерти жены онъ постригся. Въ 1873 г. назначенъ епископомъ выборскимъ и викаріемъ петербургской епархіи. На этой каедрѣ онъ состоялъ 9 лѣтъ, наблюдая за преподаваніемъ закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1882 г. Гермогенъ назначенъ былъ на самостоятельную каеэдру епископа таврическаго, а въ 1885 на каеэдру епископа псковскаго и порховскаго. Изъ печатныхъ

трудоў яго извѣстны: учебное руководство по литургикѣ, по исторіи христіанской церкви (примѣнительно къ гимназической програмѣ), «Минуты пастырскаго досуга», «Историко-статистическое описаніе Таврической епархіи», «Разговоръ отца съ дѣтьми о церквѣ въ ономъ пѣніи» и др. Онъ былъ знатокъ церковной музыки и самъ написалъ нѣсколько произведеній этой музыки, существующихъ въ печати. Онъ обладалъ и даромъ поэтическаго творчества. Такъ, ему принадлежатъ задушевное стихотвореніе: «Дай, добрый товарищъ, мнѣ руку свою». Это стихотвореніе до сихъ поръ считается любимой семинарской пѣней. Музыка на нее написана кн. Голицынымъ.

† Въ Харьковѣ заслуженный профессоръ Николай Евстаѣевичъ Ляновскій, одинъ изъ лучшихъ и глубокихъ знатоковъ агрономіи и сельскаго хозяйства. Имя его пользовалось вполне заслуженной извѣстностью не только у насъ въ Россіи, но и за границей. Образование онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, кончилъ курсъ по физико-математическому факультету въ 1860 г. и тотчасъ же по полученіи диплома уѣхалъ на собственные средства за границу, гдѣ пробылъ два года, слушая лекціи по агрономіи у извѣстныхъ профессоровъ и занимаясь практическими опытами по сельскому хозяйству. По возвращеніи въ Москву Н. Е. приступилъ къ работѣ по составленію магистерской диссертациі и въ 1865 г., блистательно защитивъ ее, утвержденъ магистромъ сельскаго хозяйства и въ томъ же году назначенъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ агрономіи въ Московскомъ университетѣ. Въ этомъ же году онъ началъ читать лекціи и въ московской земледѣльческой школѣ. Начавъ свою преподавательскую карьеру, онъ поступилъ въ члены московскаго общества сельскаго хозяйства, былъ утвержденъ доцентомъ по кафедрѣ агрономіи въ университетѣ и командированъ за границу съ ученою цѣлью. Въ 1874 г. защитилъ диссертацию на доктора агрономіи «О проростаніи тыквенныхъ сѣмянъ» и назначенъ профессоромъ по кафедрѣ агрономической химіи. Въ 1890 году утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора. Среди студентовъ Московскаго университета онъ оставилъ по себѣ благодарную память. Въ 1891 г. былъ назначенъ членомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ и въ послѣднее время много трудился надъ опытами по улучшенію свекловичныхъ сѣмянъ. Онъ состоялъ давнишнимъ членомъ вольнаго экономическаго общества и въ прошедшую зиму былъ избранъ предсѣдателемъ его перваго отдѣленія.

† 16-го сентября редакторъ «Морского Сборника», Рафаиль Владиміровичъ Зотовъ, 45-ти лѣтъ. Всего третій годъ завѣдывалъ онъ этимъ журналомъ, но успѣлъ поставить его такъ, что обратилъ на него вниманіе публики. По окончаніи курса въ Морскомъ корпусѣ, онъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе, изъ котораго вывезъ много знаній, но и расстройство организма. Страстно любя море и хорошо знакомый съ морскими науками, онъ, сверхъ того, занимался историческими изысканіями и недавно издалъ замѣчательное изслѣдованіе о Черниговскихъ князьяхъ. Безвременная смерть его тяжела для всѣхъ, кто зналъ его, какъ человѣка и серьезнаго писателя.

чтобъ ты играла больше! Когда я вижу, какъ изъ залы всѣ смотрятъ на тебя влюбленными, восхищенными глазами, то я готовъ броситься въ толпу и передушить ихъ всѣхъ!

— Ты меня пугаешь,— сказала Долоресъ.—Ты не Исидоро, ты олицетворенный Отелло. Успокойся, Бога ради! Ты прекрасно знаешь, какъ сильно я тебя люблю. Къ чему же ты мучаешь меня неосновательной ревностью?

— Разсѣй ее.

— Какъ же я могу это сдѣлать, когда я не знаю за собой вины? Твой невоздержный характеръ можетъ навлечь на меня много неприятностей. Успокойся, ради Бога! Не будь такимъ сумасшедшимъ!

— Я успокоился бы, еслибъ ты меня любила. Ты не знаешь меня. Исидоро не терпитъ соперниковъ ни на сценѣ, ни внѣ ея. Надо мной еще ни разу въ жизни не потѣшалась ни одна женщина, и не смѣялся ни одинъ мужчина. Пойми это хорошенько.

— Да, сеньоръ mio, я это понимаю,— отвѣтила ему Долоресъ веселымъ тономъ и вставая, чтобъ уйти.—Но какъ мнѣ ни пріятенъ этотъ разговоръ, я должна удалиться. Знаешь, вѣдь я тебя боюсь.

— Можетъ быть, и не безъ основанія. Но куда-жъ ты такъ торопишься?—сказалъ онъ, стараясь удержать ее.

— Да мнѣ надо идти,—отвѣтила она.—Скоро начнется третій актъ.

И она вышла легко, какъ серна. Въ эту минуту раздались аплодисменты Пепѣ Гонзалесъ за хорошо исполненные куплеты. Она вбѣжала въ комнату, вся сіяющая, съ раскраснѣвшимся лицомъ и запыхаясь бросилась на диванъ.

XXII.

— Ахъ, Исидоро! Отчего ты не пошелъ меня слушать?—воскликнула она въ волненіи.—Говорятъ, что я очень хорошо пропѣла. Мнѣ много аплодировали.

— Ахъ, оставь меня съ твоими глупостями!—сказалъ Исидоро не особенно любезнымъ тономъ.

— Да, кстати; говорятъ, что Долоресъ играетъ роль Дездемоны лучше, чѣмъ я. Вотъ что значить красота! Съ ея красивой рожцею она свела съ ума всѣхъ мужчинъ. Особенно одинъ съ нея глазъ не сводитъ и, должно быть, онъ...

— Ты замолчишь, наконецъ!—рѣзко крикнулъ актеръ.

Затѣмъ, какъ человѣкъ, принявшій какое-то непоколебимое рѣшеніе, онъ разгладилъ морщины на лбу, сѣлъ около моей госпожи и началъ такъ:

— Пепя, у меня есть къ тебѣ просьба.

— Проси чего хочешь.

— Ты всегда съ большой благодарностью относилась къ каждой моей услугѣ тебѣ и не разъ говорила мнѣ: «Исидоро, что мнѣ сдѣлать, чтобы отблагодарить тебя за все?». Такъ вотъ, видишь ли, милая, теперь ты можешь оказать мнѣ большую услугу, которой ты вполне вознаградишь меня за то, что я вытащилъ тебя изъ нищеты, что я научилъ тебя сценическому искусству, далъ тебѣ положеніе, славу и состояніе.

— Я буду тебѣ благодарна до конца дней моихъ, Исидоро,— отвѣтила она серьезно.— Скажи, чего ты отъ меня хочешь?

— Если бы дѣло касалось только моего сердца, то я примирился бы съ этимъ; я умѣю страдать. Но дѣло идетъ о моемъ самолюбіи, о моей гордости, и ни за что на свѣтѣ не соглашусь я выступить передъ моими друзьями въ комической роли.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Долоресъ призналась мнѣ, что ты ревнуешь; если бы ты видѣлъ, какъ она хохотала, называя тебя: бѣдный Отелло!

— Мы не должны обращать вниманія на мнѣніе лицъ, болѣе высокыхъ по своему общественному положенію, чѣмъ мы. Цѣлая пропасть отдѣляетъ насъ отъ нихъ, и если иногда мы и увлечемъ ихъ нашимъ талантомъ, то это не надолго, они скоро раскаются въ своемъ увлеченіи нами. Мы всѣ, имѣющіе успѣхъ на сценѣ, должны согласиться съ этой грустной истиной. Не согласна ли ты со мною?

— Да,— отвѣтила моя госпожа,— и мнѣ кажется, что ты именно получилъ очень тяжелый урокъ.

— Эти особы,— продолжалъ Исидоро,— видятъ изображаемые нами великіе характеры, благородныя, возвышенныя страсти, любовь, геройство, преданность и влюбляются не въ насъ, а въ идеальную личность, изображаемую нами. Ихъ воображеніе возбуждено, они ищутъ насъ за кулисами и внѣ театра; но когда, познакомившись съ нами поближе, видятъ, что мы такіе же простые смертные, какъ и всѣ остальные, что безъ фальшивыхъ камней и рыцарскихъ плащей мы ничуть не интереснѣе другихъ,—они разочаровываются и считаютъ насъ недостойными своего вниманія. До сихъ поръ, Пепилья, я не обращалъ большаго вниманія на эти разочарованія, но теперь, скажу откровенно, мнѣ тяжело...

— Ты очень любишь Долоресъ?

— Да, къ несчастію; эта страсть не изъ тѣхъ мимолетныхъ, которыя остываютъ послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ. Эта женщина сумѣла глубоко засѣсть въ мое сердце. Конечно, ея кокетство, игривость ея характера, а затѣмъ ревность и боязнь сдѣлаться посмѣшищемъ другаго до того волнуютъ меня, что я не могу за себя поручиться...

— Ага, сеньоръ Отелло! Вотъ до чего дошло! — радостно воскликнула Пепя.— Кого же вы намѣрены убить?

— Не хохочи, глупая! — продолжалъ Маиквесь. — Ты видѣла въ залѣ этого несчастнаго Маньяра?

— Да, онъ сидитъ въ первомъ ряду и не сводитъ глазъ съ Дездемоны. Право, я не хочу усиливать твоихъ подозрѣній, но его энтузіазмъ привлекъ вниманіе всѣхъ зрителей, и даже четверо замѣтили, что онъ дѣлаетъ какіе-то знаки Долоресъ. И, кромѣ того... я сама не видѣла, но мнѣ сказали...

— Что тебѣ сказали?..

— Что герцогиня также переглядывается съ нимъ, и что нельзя не замѣтить, что она какъ будто играетъ для него одного. Она такъ подчеркиваетъ каждую страстную фразу, какъ будто вотъ-вотъ готова броситься ему на шею.

— Охъ, это несомнѣнно! — внѣ себя воскликнулъ Исидоро.— И всѣ смѣются надо мной!.. Ахъ, Пепа, я хочу во что бы то ни стало узнать, въ чемъ дѣло... я хочу сразу прекратить эти мучительныя подозрѣнія! Я хочу сорвать маску съ этой коварной женщины, и если я узнаю, что она меня обманываетъ, если я узнаю, что она предпочла любовь такого человѣка, какъ я, ухаживаніямъ этого проходимца... Ахъ, Пепа, Пепа, моя месть будетъ ужасна!.. И ты мнѣ поможешь отомстить, не правда ли, ты мнѣ поможешь? Ты мнѣ многимъ обязана и, помогая мнѣ въ этомъ дѣлѣ, ты сто-рицею заплатишь мнѣ за все, что я для тебя сдѣлалъ.

Исидоро всталъ и началъ ходить по маленькой комнаткѣ, какъ разъяренный тигръ. Онъ отрывисто бормоталъ какія-то непонятныя слова. Меня очень удивило, что кроткая Пепа только смѣялась ему въ отвѣтъ.

— Ты смѣешься,—сказалъ Маиквесь, останавливаясь передъ ней.—Ты хорошо дѣлаешь; настало время, что и театральные сторожа могутъ смѣяться надъ Исидоро. Ты ничего не понимаешь въ этомъ, милая,—прибавилъ онъ и снова сѣлъ.—У тебя нѣтъ глупбины чувства. Я удивляюсь тебѣ, потому что прекрасно знаю, что до сихъ поръ ты никого серьезно не любила. Ты только для препровожденія времени слегка увлекалась однимъ, чтобъ возбудить ревность во всѣхъ остальныхъ ухаживателяхъ; но до сихъ поръ тебѣ незнакома та любовь, которая мучитъ человѣка, когда онъ понимаетъ, что становится посмѣшищемъ. Не дай Богъ тебѣ испытать такое чувство!

— Какъ ты самоувѣренъ!—серьезно отвѣтила она.—Ты и въ этомъ даже хочешь знать больше другихъ.

— Если ты способна серьезно любить, то остерегайся этихъ салонныхъ шаркуновъ, готовыхъ отвѣтить на твое чувство только изъ тщеславія. Они не будутъ тебя любить благородной, самоотверженной любовью.

— Я способна любить только того, кто будетъ мнѣ равенъ и не будетъ считать наши отношенія унижительными для него.

— Вотъ это хорошо, Пепилья! Откуда у тебя такіе взгляды? Но я совѣтую тебѣ не любить актера, потому что тогда ты наживешь себѣ враговъ въ женскомъ персоналѣ. Ты знаешь это?

— Слишкомъ хорошо.

— Такъ что ты уже любишь когонибудь изъ труппы? Это большое несчастье. Хорошо еще, если твой избранникъ будетъ лишенъ таланта, и за нимъ не будутъ ухаживать актрисы. Но мнѣ кажется, ты будешь счастлива; если захочешь выйти замужъ, то рассчитывай на мою поддержку.

— О, я слишкомъ далека отъ этой надежды!

— Неужели этотъ негодяй не любитъ тебя? Или онъ извѣстнѣе тебя?

— Несравненно извѣстнѣе,—сказала Гонзалесъ, дѣлая надъ собой усиліе, чтобъ казаться серьезной.

— Въ такомъ случаѣ это, вѣроятно, одинъ изъ оперныхъ теноровъ. Если онъ тебѣ не отвѣчаетъ и предпочитаетъ твоему спокойному чувству увлеченіе какойнибудь легкомысленною свѣтскою сеньорою, вздыхающею за театральными кулисами, то поручи это дѣло мнѣ, я расправлюсь съ этимъ негодяемъ.

— Я сама слишкомъ хорошо знаю его жизнь, Исидоро,—отвѣтила она довѣрчивымъ тономъ:—но я вижу примѣръ на тебѣ, ты еще не вполне увѣренъ въ своемъ несчастіи, а уже не знаешь, какой стороны тебѣ держаться. Я знаю навѣрное, что меня не любить, и обстоятельства сложились такъ, что мнѣ представляется случай отомстить.

— О, Пепа! Я не узнаю тебя.. Я не считалъ тебя способной на это...—воскликнулъ Исидоро.—Ты будешь мстить! Прекрасно; я помогу тебѣ, если ты поможешь мнѣ наказать Долоресъ за ея коварство. Но скажи мнѣ, милая, имя этого человѣка. Будь откровенна со мною; вѣдь я твой лучшій другъ.

— Я скажу его тебѣ позднѣе, Исидоро. Теперь я должна сохранить его въ тайнѣ.

Артистъ задумался, затѣмъ продолжалъ:

— А знаешь ли, Пепа, я никакъ не рассчитывалъ найти въ тебѣ столько общаго со мною? И этотъ несчастный увлекается другою, и онъ не видитъ всей прелести твоего вѣрнаго сердца! Скажи мнѣ, кто это. Ужъ не самъ ли Мануэль Гарція, антрепренеръ оперы? Въ такомъ случаѣ, милая, ты испытаешь, то униженіе, какое испытываемъ мы, когда знаемъ, что насъ не цѣнятъ по заслугамъ, что ты, у ногъ которой лежитъ толпа поклонниковъ, ты обманута и не любима. Твое самолюбіе будетъ страшно оскорблено, и ты будешь плакать горькими слезами надъ твоимъ униженіемъ.

— Въ этомъ мы съ тобой не сходимся, нѣтъ, не сходимся,—искренно произнесла артистка.—Ты страшно ревнивъ, но въ тебѣ

страдаетъ не сердце, а гордость великаго артиста, который презираетъ всѣхъ, но никогда никѣмъ не былъ презираемъ, ты не можешь перенести мысли, что надъ тобой могутъ смѣяться. Этотъ планъ мести тебѣ диктуетъ не любовь, а гордость. Я не такая: я люблю тайно и если бы я побѣдила, я была бы безконечно счастлива. Что мнѣ до того, что за любимымъ человѣкомъ будутъ ухаживать всѣ сензоры міра, если онъ любить только меня одну.

— Какая ты оригинальная, Пепилья! Ты мнѣ открыла такія сокровища твоей души, о которыхъ я никогда и не подозрѣвалъ.

— Я живу только для него,—въ волненіи продолжала Гонзалесъ,—а до остальныхъ мнѣ нѣтъ дѣла. Съ тобой я могу быть откровенна, но его имени никто не долженъ знать. Я не знаю, какъ началась эта любовь; мнѣ кажется, что она всегда жила во мнѣ, и чѣмъ больше я старалась забыть ее, тѣмъ больше она росла. Я охотно пожертвовала бы жизнью за этого человѣка. Ты, можетъ быть, не поймешь этого, но для него я готова пожертвовать моей артистической карьерой и поклоненіемъ толпы. Что мнѣ до этого? Пусть меня любятъ за меня самое, а не изъ-за тщеславія обладать извѣстной артисткой.

— Тотъ, который возбудилъ въ тебѣ такое высокое, благородное чувство, долженъ всѣмъ пожертвовать для тебя, — произнесъ Исидоро.— Не могу ли я узнать имя той женщины, которую онъ предпочелъ тебѣ?

— Нѣтъ, ты и этого не долженъ знать,—отвѣтила она, будучи не въ силахъ удержаться отъ слезъ.— Я вовсе не жестока, я не искала вредной мести, она сама подвернулась мнѣ, и я воспользуюсь ею.

— И прекрасно сдѣлаешь. Отомсти за себя, а я буду мстить за меня. Мы поможемъ въ этомъ другъ другу. Не могу ли я быть тебѣ въ чемъ нибудь полезенъ?

— Во многомъ,—произнесла моя госпожа, вытирая слезы.— Я жду отъ тебя существенной помощи.

— А я могу рассчитывать на твою?

— И ты еще спрашиваешь!

— Слушай же. Долоресъ довѣряетъ твоей дружбѣ: не назначала ли она въ твоемъ домѣ свиданья съ этимъ молодымъ человѣкомъ?

— До сихъ поръ — нѣтъ.

— Но она назначить. Если она не сдѣлаетъ этого сама, то предложи ей твои услуги.

— Къ чему же это послужить?

— Я хочу поймать ее на мѣстѣ преступленія съ Маньяра. Она всегда старается укрыться у своихъ знакомыхъ, которые ниже ея по положенію, съ цѣлью избѣжать ревности мужа и разныхъ толковъ.

— Понимаю.

— Я надѣюсь, что ты не откажешься сдѣлать это для меня, твоего покровителя и друга. Если они придутъ къ тебѣ, ты удержишь ихъ и предупредишь меня. Ужъ этотъ молодецъ будетъ всю жизнь меня помнить!

— Ты уже дрожишь отъ радости при одной мысли о твоёмъ мщеніи,—сказала она.—То же самое чувствую и я, но мнѣ удастся отомстить прежде, чѣмъ тебѣ.

— Могу ли я рассчитывать на тебя? Расскажешь ли ты мнѣ обо всемъ, что случится?

— Можешь быть совершенно спокоенъ, Исидоро. Ты меня мало знаешь; я дамъ тебѣ случай узнать меня поближе.

— А что ты думаешь обо всемъ этомъ?—съ любопытствомъ спросилъ артистъ.—Правъ ли я? Любитъ ли Долоресъ этого человѣка?

— Да; мнѣ кажется, что она обманываетъ тебя самымъ недостойнымъ образомъ; всѣ присутствующіе въ залѣ поднимаютъ тебя на смѣхъ, а ея избранникъ не помнитъ себя отъ счастья и чувства удовлетвореннаго самолюбія.

— А вотъ я имъ покажу себя!—неистово воскликнулъ Маиквесь.—О, Пепилья, какъ я люблюю тобой и завидую твоему спокойствію! Дай Богъ никогда въ жизни не испытать тебѣ, что значитъ весь этотъ ядъ въ груди, вся эта жажда мести! О, какой талантливый человѣкъ былъ Шекспиръ, написавшій «Отелло»! Какъ чудно изобразилъ онъ безумную ревность, какая глубокая мысль въ этомъ желаніи повергнуть къ ногамъ любимой женщины трупъ ея возлюбленнаго! О, какъ я понимаю этого мавра, наслаждавшагося муками оскорбившаго его человѣка! Съ какимъ наслажденіемъ я взглянулъ бы на его трупъ!

— На чей же, Исидоро? На его трупъ или на ея?—холодно спросила моя госпожа.

— Ихъ обоихъ!—отвѣтилъ онъ, сжимая кулаки.—Такъ ты говоришь, что надо мной смѣются? И всѣ это знаютъ, всѣ это видятъ—какой позоръ! Надо мной будутъ смѣяться, отворачиваться отъ меня, указывать на меня пальцемъ. Но ты, вѣдь ты же знала объ этомъ, почему же ты меня не предупредила? О, у меня нѣтъ истинныхъ друзей, никому нѣтъ никакого дѣла до моего оскорбленнаго самолюбія!.. Я одинъ, покинутъ всѣми... Но, видитъ Богъ, я отомщу за себя!

Сказавъ это, онъ всталъ съ рѣшительнымъ видомъ. Въ эту минуту постучали въ дверь: это былъ знакъ, что актеры должны собираться для третьяго акта. Маиквесь хотѣлъ выйти, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ какой-то предметъ отъ его пояса упалъ на полъ. Это былъ небольшой кинжалъ съ серебряной ручкой; Пепя во время разговора машинально играла длинной цѣпочкой, на которой онъ висѣлъ, и цѣпочка порвалась.

— Это ничего,—сказала моя госпожа,—я сейчас закрѣплю ее и принесу тебѣ.

Исидоро ушелъ, а донья Пепа, подойдя къ столу, открыла ящикъ и взяла изъ него что-то, чего я не могъ разсмотрѣть, но подумалъ, что это новая цѣпочка для кинжала. Наконецъ, она вышла изъ комнаты, и я, высвободившись изъ моей душной засады, побѣжалъ къ сценѣ.

XXIII.

Я остановлюсь на послѣднемъ актѣ, гдѣ хитрый Яго шагъ за шагомъ старается возбудить ревность въ подозрительномъ маврѣ. Во время моей первой сцены съ Отелло я замѣтилъ, что онъ глазъ не сводитъ съ Маньяра, сидѣвшаго въ первомъ ряду. На нѣкоторыя мои фразы Маиквесь вовсе ничего не отвѣчалъ, порою пропускалъ цѣлые монологи и былъ слабъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему обыкновенно особенно аплодировали. Зрители, видимо, были недовольны такой невнимательной игрой на этомъ спектаклѣ, участіе въ которомъ считалось особой честью. Тихій шепотъ неудовольствія отвѣчалъ на холодныя, непрочувствованныя фразы короля нашихъ актеровъ. Не раздавалось ни одного аплодисмента.

Очевидно, всѣ ждали слѣдующей сцены Отелло съ Яго, когда этотъ послѣдній, чтобы подтвердить свои клеветы, подаетъ ему, какъ доказательство невѣрности Дездемоны, діадему, подаренную ею Родриго, и письмо, которое отецъ заставилъ написать ее, угрожая ей смертью. Какъ діадема, такъ и вынужденное письмо еще болѣе усилили ревность Отелло, и въ немъ пробуждается звѣрь.

Когда я стоялъ еще за кулисами, то я слышала, что вялую игру Исидоро приписываютъ не ему, а мнѣ, или вѣрнѣе моей отвратительной декламации. Это меня оскорбило, и я рѣшился употребить всевозможныя усилія, чтобъ заслужить аплодисменты.

Моя госпожа, какъ я уже сказала, режиссировала спектаклемъ; она назначала выходы и подавала актерамъ необходимыя на сценѣ предметы. Подавъ мнѣ діадему и письмо, она пошла за Отелло, просматривавшимъ въ уборной свою роль. Тогда, выйдя на сцену, я обратился къ Исидоро съ вопросомъ Яго:

— Ты можешь ли страдать?

Мрачно глядя на меня, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Меня учили.

— И безъ волненія вѣсть грустную ты можешь ли услышать?— продолжалъ я.

Онъ отвѣтилъ мнѣ спокойно:

— Я человекъ.

Еще нѣсколько фразъ, и Маиквесь воодушевился, вдохновился, вошелъ въ свою роль. Когда онъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

«Мерзавецъ, ты обязанъ
Мнѣ доказать развратъ моей жены,
Или клянусь души моей спасеньемъ,
Что лучше бы тебѣ родиться псомъ,
Чѣмъ ярости, въ груди моей возставшей,
Давать отвѣтъ!»

онъ такъ неистово сжалъ мнѣ горло и такъ сверкнулъ глазами, что я растерялся и забылъ роль. Но я скоро опомнился, подаль ему діадему и затѣмъ письмо.

Въ ту минуту, когда письмо уже было въ его рукахъ, я задрожалъ съ головы до ногъ и онѣмѣлъ отъ испуга. По цвѣту бумаги и почерку я узналъ, что это было то самое письмо, которое донья Долоресъ дала мнѣ для передачи Маньяра въ Эскуріалѣ, и которое затѣмъ донья Пепа вытащила у меня изъ кармана въ Мадридѣ.

Отелло долженъ былъ прочесть вслухъ слѣдующее:

«Отецъ мой, я чувствую, что оскорбила васъ. Только вы одни могли располагать судьбою вашей дочери

«Дездемоны».

Но въ письмѣ, сунутомъ мнѣ въ руки коварной Пепой, стояло слѣдующее:

«Мой возлюбленный Хуанъ.

«Я прощаю тебѣ нанесенное мнѣ оскорбленіе, но если ты хочешь, чтобъ я искренно повѣрила въ твое раскаянье, то приходи поужинать со мной сегодня вечеромъ, и я разсѣю въ прахъ твою неосновательную ревность. Вѣрь мнѣ, что я никогда не любила и не могу любить Исидоро, этого дикаря, посредственнаго актеришку, съ которымъ я и разговаривала-то всего одинъ разъ, и то для того, чтобъ позабавиться надъ его глупой страстью. Приходи же, если ты не хочешь разсердить твою

«Долоресъ».

«P. S. Не бойся, что тебя арестуютъ. Перваго арестуютъ короля».

Произошло нѣчто странное. Исидоро прочелъ письмо про себя; его сухія губы задрожали, а въ глазахъ выразилось такое удивленіе, какъ будто онъ не вѣрилъ тому, что читалъ. Онъ снова и снова перечелъ письмо, между тѣмъ какъ зрители, не понимая причины этого молчанія, начинали неодобрительно перешептываться.

Наконецъ Исидоро поднялъ голову, провелъ рукою по лбу, какъ будто просыпаясь отъ мучительнаго сна; онъ пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ словъ, закрылъ на мгновеніе глаза, какъ бы для того, чтобъ успокоиться и припомнить роль, сдѣлалъ два-три рѣшительныхъ шага къ рампѣ и тотчасъ же отступилъ назадъ. Ропотъ толпы усилился; суфлеръ почти громко началъ напоминать Исидоро его монологъ. Тогда онъ весь вздрогнулъ, лице его вспых-

нуло, онъ сжалъ кулаки и, размахивая руками, топая ногами, страшнымъ голосомъ прокричалъ:

«О Яго! Эта діадема и письмо!..
 «О, я злодѣя Кассіо заставлю
 «Во всемъ покаяться, потомъ...
 «Потомъ несчастнаго я растерзаю!..
 «Нѣтъ... сначала растерзаю, а потомъ
 «Покаяться во всемъ заставлю!..
 «О, я предчувствовалъ—предчувствіе
 «Меня не обмануло..
 «О, эта женщина съ спокойствіемъ чела
 «Коварную въ себѣ измѣну затаила!..
 «Возможно ли?.. Признайся же! О, дьяволь!...»

(Падаетъ въ судорогахъ).

Никогда еще на испанской сценѣ этотъ монологъ не былъ сказанъ такъ сильно и выразительно. Передъ публикой стоялъ не венеціанскій мавръ, а живой, страдающій, оскорбленный человѣкъ. Громъ оглушительныхъ рукоплесканій пробѣжалъ по залѣ. Женщины плакали, мужчины начали сморкаться, чтобъ скрыть свое волненіе. Въ эту минуту всякій изъ зрителей жилъ жизнью и страдалъ страданіями Отелло.

Когда во время дѣйствія въ комнатѣ Дездемоны я вышелъ со сцены, меня засыпали вопросами о томъ, что случилось съ Исидоро; я не зналъ, что отвѣтить.

За кулисами всѣ искали Исидоро, но никто не могъ понять, куда онъ дѣлся. Дездемона съ необыкновеннымъ чувствомъ провозносила свой монологъ, не переставая глядѣть на Маньяра. Казалось, ея кокетливый взоръ говорилъ: «Какъ хорошо играю!». А восхищенный взглядъ счастливаго любовника отвѣчалъ ей: «Какъ ты хороша!».

И это была правда. Долоресъ была обворожительна въ этомъ свободномъ бѣломъ платьѣ, съ длинными распущенными волосами. Вошла Эмилія, ея повѣренная, и Дездемона начала высказывать ей свои опасенія. Что за грустный, искренній тонъ мелодичнаго голоса! Какое участіе вызывала она къ себѣ своимъ рассказомъ! Много разъ я видѣлъ на сценѣ эту трагедію и уже потерялъ иллюзію, но теперь я невольно чувствовалъ какой-то тайный страхъ за судьбу несчастной, невинной Дездемоны.

Чтобы облегчить свои страданья, она взяла арфу, провела рукой по струнамъ и запѣла:

«Бѣдняжка сидѣла въ тѣни сикоморы, вздыхая—
 «О, пойте зеленую иву!
 «Склонившись къ колѣнамъ головкой, грудь ручкой сжимая—
 «О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!
 «Ручьи тамъ бѣжали и стоны ея повторяли—
 «О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!»

«А горкія слезы и жесткіе камни смягчали...

«О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!»

«О, пойте зеленую иву, что́ будетъ вѣнкомъ для меня!

«Его не браните, его обвинять не хочу я»¹⁾).

Дездемона. Слышишь, Эмилія, кто-то стучитъ?

Эмилія. Это вѣтеръ.

Дездемона (поеть).

«Я другу сказала «измѣнникъ». И что же онъ мнѣ отвѣчалъ?

«О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!»

«Люблю я всѣхъ женщинъ—люби ты мужчинъ», онъ сказалъ.

«О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!»

Долоресъ пропѣла пѣсенку необыкновенно нѣжно, грустно и выразительно, но публика съ такимъ напряженіемъ ждала появленія Отелло, что почти не аплодировала ей. Гробовое молчаніе царило въ залѣ... Мнѣ казалось, что я слышу, какъ бьются сердца зрителей, но это громко билось мое собственное сердце. Необыкновенное безпокойство овладѣло мной, я обернулся назадъ, чтобы подѣлиться съ кѣмъ нибудь впечатлѣніемъ. Сзади меня стояла донья Пепа. Она была блѣдна и съ дѣланной улыбкой сказала мнѣ:

— Какъ хорошо играетъ Долоресъ свою роль! Я признаю себя побѣжденной; она играетъ въ тысячу разъ лучше меня. Но сейчасъ выйдетъ Исидоро, онъ сегодня особенно вдохновился.

Маиквесъ уже стоялъ у постели своей Дездемоны и говорилъ тихимъ голосомъ:

«Но не хочу пролить я эту кровь,

«Я не хочу царапать эту кожу

«Бѣлѣ снѣга, глаже изваяній

«Альбастровыхъ, а умереть ей должно»²⁾...

Послышались всхлипыванія женщины. Отелло нагнулся къ лицу Дездемоны, освѣщенному свѣтомъ свѣчи, стоящей на столѣ, и проговорилъ съ пыломъ сдержанной страсти:

«Задуть свѣчу, а тамъ... Задуть свѣчу?

«Когда тебя, мой огненный прислужникъ,

«Я загашу, то, если въ томъ раскаюсь,

«Могу опять зажечь; но, загасивъ

«Свѣтильникъ твой, чудесное созданье,

«Прекраснѣйшій природы образецъ,

«Найду ли гдѣ я пламя Прометея,

«Чтобъ вновь зажечь потухшій твой огонь?»

Еще нѣсколько монологовъ, и Дездемона просыпается.

Дездемона. Кто здѣсь? Отелло ты?

Отелло. Я Дездемона.

Дездемона. Что-жъ не идешь ложиться ты, мой другъ?

¹⁾ Отъ переводчицы. Переводъ пѣсни сдѣланъ по П. И. Вейнбергу, «Отелло», изданіе А. С. Суворина.

²⁾ Отъ переводчицы. Переводъ по Вейнбергу.

Отелло. Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Дездемона. Да, милый мой.

Отелло. «Когда ты за собою
«Какой нибудь припомнить можешь грѣхъ,
«Котораго не отпустило небо,
«Молись скорѣй».

Дездемона. Что это значить, милый?

Онъ нагнулся къ ней, какъ бы желая сбросить ее съ кровати, и развернулъ передъ ней письмо. Публика замерла... Долоресь страшно вскрикнула и не могла продолжать своего монолога. Въ рукахъ Отелло сверкнулъ стальной кинжалъ. Дездемона въ испугѣ вскочила съ кровати и побѣжала по сценѣ, крича, какъ сумасшедшая:

— Спасите, спасите! Онъ убьетъ меня!..

Трудно описать то, что происходило въ эту минуту на сценѣ и за сценой. Зрители первыхъ рядовъ старались взобраться снизу на сцену, въ то время какъ Исидоро, поймавъ Долоресь, схватилъ ее за руку. Въ это мгновеніе словно кто-то толкнулъ меня, я бросился къ Долоресь и заслонилъ ее собою. Кинжалъ Исидоро поднялся надо мной. Но присутствіе третьяго лица очевидно привело его въ себя; онъ хотѣлъ найти прежній апломбъ, выронилъ кинжалъ и, схвативъ меня за плечи, какъ будто я Дездемона, сталъ бормотать какія-то несвязныя слова; Долоресь безъ чувствъ упала на полъ, и въ то же время мы очутились среди цѣлой толпы людей. Все это произошло въ какую нибудь минуту.

XXIV.

Герцогиню тотчасъ же подняли и стали приводить въ чувство. Скоро она открыла глаза и произнесла нѣсколько словъ. Она все не была ранена, только страшно перепугалась. Сильная блѣдность покрывала ея лице, но среди присутствующихъ былъ одинъ человекъ еще блѣднѣе ея: это моя госпожа.

Исидоро опомнился и очевидно раскаивался. Его поступокъ почти всѣ приписали артистическому экстазу, говорили, что онъ до такой степени вошелъ въ свою роль, что забылъ окружающую дѣйствительность.

— Я никогда еще не видалъ Маиквеса въ такомъ страстномъ возбужденіи, — сказала одинъ молодой человекъ. — Мнѣ кажется, что онъ игралъ ужъ черезчуръ реально.

Знакомый подошелъ къ нему и сталъ что-то шептать на ухо; оба они засмѣялись. Въ это время мимо прошелъ Маньяръ, и всѣ стали смотрѣть на него.

— Ну, какъ вамъ понравилась трагедія, сеньоръ герцогъ? — спросилъ кто-то мужа доньи Долоресь.

— О, великолѣпная вещь и чудная игра!—воскликнулъ тотъ.— Вотъ это называется играть! Это сама реальность. Но я ни за что не соглашусь, чтобы моя жена въ другой разъ выступила на сценѣ. Она такъ хорошо играетъ, что доводитъ до энтузіазма другихъ актеровъ.

Изящный вѣеръ дотронулся до плеча герцога; онъ обернулся, за нимъ стояла Амаранта.

— Вѣдь я говорила вамъ, сеньоръ герцогъ, что нечего бояться,— произнесла она своимъ мелодичнымъ голосомъ.—Это былъ не болѣе, какъ драматическій экстазъ.

— Я вообще противъ экстазовъ,—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ казалось одну минуту, что этотъ драматическій экстазъ будетъ стоить жизни моей женѣ.

— Но, можетъ быть, — продолжала Амаранта, — здѣсь кроется еще что нибудь, чего мы не знаемъ...

Говоря это, Амаранта почувствовала, что подъ ея ногу попалъ какой-то предметъ. Она слегка отступила назадъ, всѣ присутствующіе сдѣлали то же самое и увидѣли, что около ея ногъ лежитъ какая-то записка. Она такъ быстро нагнулась, какъ будто передъ ней лежало какое нибудь сокровище, подняла записку, взглянула на нее и бережно опустила въ карманъ. Это было роковое письмо доньи Долоресъ.

— Кроется что нибудь, чего мы не знаемъ? — повторилъ герцогъ, продолжая начатый разговоръ.

— Да,—отвѣтила Амаранта,—и мнѣ кажется, что я могла бы разяснить ваши сомнѣнія... Но мнѣ надо идти въ комнату Гонзалесъ. Я буду тамъ ждать васъ, герцогъ, и мы поговоримъ.

Мужчины остались одни. Вскорѣ къ нимъ подошла маркиза, хозяйка дома.

— Неужели придется отложить водевиль?—съ огорченіемъ произнесла она.—Пепа!... Гдѣ дѣвалась Пепа?

Этотъ вопросъ былъ обращенъ ко мнѣ, и я тотчасъ же отправился на поиски за моей госпожей. Я не нашелъ ея въ ея комнатѣ; она сидѣла въ уборной Маиквеса, который старался казаться спокойнымъ, почти веселымъ, но видимо былъ взволнованъ и разстроенъ.

— Какая жестокая шутка, Исидоро! — сказала ему маркиза, остановясь въ дверяхъ.—Я до сихъ поръ еще не могу опомниться.

— Это правда, сеньора, — сказалъ артистъ, — но сеньора герцогиня отчасти сама виновата въ этомъ, такъ какъ артистически играла свою роль. Ея несравненный талантъ увлекъ не только ее самое, но и меня заставилъ забыть дѣйствительность. Еще ни разу съ тѣхъ поръ, какъ я ступилъ на подмостки, со мной не случилось ничего подобнаго. Одинъ англійскій актеръ, игравшій Отелло,

удушилъ актрису, игравшую Дездемону. Мнѣ казалось это невѣроятнымъ, но теперь я понимаю, что это возможно.

— Водевиль не отложится?

— Ни въ какомъ случаѣ, сеньора. Намъ даже необходимо немножко посмѣяться.

Маркиза вышла успокоенная, и въ уборной остались только Маиквесъ, донья Пепа и я.

— Поди сюда, — сказалъ мнѣ Исидоро, крѣпко сжавъ мою руку. — Кто далъ тебѣ это письмо?

Я указалъ на мою госпожу.

— Это я, — сказала Пепа. — Я хотѣла, чтобъ ты узналъ коварное сердце Долоресъ.

— Почему ты не отдала мнѣ его при иной обстановкѣ? Вѣдь я былъ на одинъ шагъ отъ преступленія! Когда я прочелъ это письмо, мною овладѣло такое бѣшенство, что какъ я ни старался, я не въ силахъ былъ успокоиться... и ты знаешь, чѣмъ кончилось. Въ послѣднемъ дѣйствіи я вспомнилъ ея нѣжныя обѣщанія, ея страстные любовные порывы, и я почувствовалъ, что долженъ наказать всю фальшь и коварство этой женщины. Когда я увидѣлъ, что вмѣсто деревяннаго кинжала у меня стальной, я не помнилъ себя отъ восторга. Ахъ, Пепа, что это была за минута! Я не понимаю только, какъ я ея не убилъ. Если бы Габріэль не бросился между мною и ей, то теперь случилось бы то... нѣтъ, я не хочу думать объ этомъ.

— То теперь, — договорила моя госпожа, — ты бы рыдалъ надъ трупомъ твоей возлюбленной, погибшей отъ твоей руки...

— Нѣтъ, Пепа, нѣтъ! Я ея не люблю больше. Съ той минуты, какъ я прочелъ это письмо, я почувствовалъ къ ней презрѣніе, почти отвращеніе. Мнѣ даже неприятно вспоминать, что я любилъ такую женщину. Но скажи мнѣ, ужъ не ты ли перемѣнила мой деревянный кинжалъ на стальной.

— Да, я.

— Такъ это ты все подготовила? — съ удивленіемъ спросилъ онъ. — Но для чего? Почему?

— Потому что я ненавижу ее отъ всей души.

— И ты хотѣла сдѣлать меня орудіемъ злодѣянія? Да, я помню, ты говорила о мести. За что же ты ненавидишь Долоресъ?

— Я ненавижу ее за то... за то, что ненавижу.

— И совѣсть не упрекаетъ тебя за это дурное чувство, толкавшее тебя на преступленіе?

— Совѣсть!... Преступленіе!... — съ раздраженіемъ произнесла моя госпожа, но затѣмъ, закрывъ лицо руками, горько зарыдала, восклицая: — О, Боже мой, какая я несчастная!

— Пепа, что съ тобой? Что это? — произнесъ Исидоро, садясь

подлѣ нея и стараясь отнять ея руки отъ лица. — Но ты... Такъ ты... неужели?!..

Въ это время раздался стукъ въ дверь, и чей-то голосъ проговорилъ изъ коридора:

— Сейчасъ начинается водевиль!

Но эти слова не развлекли артистовъ: Пепа продолжала плакать, а Исидоро сидѣлъ подлѣ нея въ нѣмомъ изумленіи.

XXV.

Я счелъ за самое благоразумное удалиться, не потому, что я былъ здѣсь лишній, а потому, что въ головѣ моей возникъ проектъ, который я рѣшился, не теряя времени, привести въ исполненіе. Я рѣшительными шагами направился въ уборную моей госпожи и засталъ тамъ Амаранту одну.

— А, Габріэль,—сказала она, увидя меня,—и ты имѣешь дерзость показываться мнѣ на глаза? Развѣ ты забылъ, какимъ страннымъ способомъ ты исчезъ отъ меня? Теперь я вижу, что ты такъ хитеръ, что тебѣ нельзя довѣрять. Скажи, пожалуйста, это ты всегда поступаешь такъ съ твоими благодѣтелями?

— Сеньора,—отвѣтилъ я, нимало не смущаясь,—служба, которую вы предлагали мнѣ во дворцѣ, совсѣмъ не въ моемъ вкусѣ; но если я не простился съ вами, то только потому, что боялся, что меня арестуютъ, если я еще промедлю нѣсколько времени.

— Не могу отрицать,—произнесла она и засмѣялась,—что ты очень ловко провелъ слѣдователя. Я была права, утверждая, что ты далеко пойдешь. Я была бы вполнѣ довольна тобой, если бы ты передалъ мнѣ письмо.

— Но вѣдь оно не вамъ было адресовано.

— Да, но вѣдь оно все равно не попало въ руки того, кому предназначалось. Пепа вытатила его у тебя и воспользовалась имъ. Она также не пожелала дать мнѣ его, но судьба сдѣлала такъ, что оно въ моихъ рукахъ. Ты видишь?

И она показала мнѣ письмо.

— Я надѣюсь, что вы мнѣ его вернете, сеньора. Это письмо мое, и я долженъ вручить его по назначенію,—рѣшительно произнесъ я.

— Вернуть тебѣ его! Да ты съ ума сошелъ!—воскликнула Амаранта и такъ расхохоталась, какъ будто я сказалъ какую нибудь невозможную глупость.

— Да, сеньора, я долженъ его получить обратно, потому что это дѣло чести,—отвѣтилъ я.

— Чести! — произнесла она и еще сильнѣе засмѣялась.—Такъ у тебя есть честь? Да знаешь ли ты, что это такое?

— Какъ же не знать, сеньора. Когда вы предложили мнѣ роль

шпіона, то я почувствовалъ, какъ краска стыда залила мое лицо. Я представилъ себѣ себя самого подслушивающимъ, наушничающимъ, лгущимъ, и это показалось мнѣ отвратительно. Когда сеньора герцогиня спросила у меня сегодня письмо, то я былъ такъ смущенъ, что не зналъ, куда дѣваться, и рѣшилъ внутренно, что я буду негодяй, если позволю другимъ воспользоваться этимъ письмомъ. Если это не честь, сеньора, то я ужъ и не знаю, что же это такое.

Амаранта казалась удивленной подобными доводами и сказала мнѣ съ добротою въ голосѣ.

— Ты высказываешь чужія мысли. Когда ты возмужаешь, ты поймешь, что такое честь. Но во всякомъ случаѣ я вижу, что ты работаешь головой, и это очень хорошо. Мнѣ кажется, что и это для начала недурно, и что мои уроки пошли тебѣ впрокъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, сеньора, ваши уроки мнѣ много помогутъ въ жизни.

— И ты не отказался отъ своихъ проектовъ... помнишь, ты мечталъ Богъ знаетъ о чемъ?

— О, нѣтъ, далеко не отказался.

— Но скажи мнѣ, неужели ты серьезно думалъ, что тебѣ такъ съ разу и преподнесутъ генеральскую шпагу или герцогскую корону?—съ любопытствомъ спросила она.

— Да, я былъ вполне увѣренъ въ этомъ, сеньора, особенно съ той минуты, когда вы поддерживали во мнѣ эту увѣренность.

— То-есть какъ это? Я не понимаю.

— Я хочу сказать, что съ того времени, какъ вы велѣли мнѣ подслушивать за драпировками и передавать сплетни изъ одного дома въ другой, я, самъ того не желая, узнаю такіе секреты, какіе вовсе не хотѣлъ бы слышать.

— Ахъ, ты хочешь открыть мнѣ какую нибудь подслушанную тайну,—произнесла она почти ласково.—Садись и рассказывай.

— Я сдѣлалъ бы это съ большимъ удовольствіемъ, если бы сеньора вернула мнѣ письмо.

— Объ этомъ и не думай.

— Въ такомъ случаѣ я буду молчать, какъ нѣмой. А вмѣсто тайны я расскажу вамъ исторію, подобную той, которую вы мнѣ рассказывали въ Эскуриалѣ, только я не умѣю такъ хорошо говорить, какъ вы, сеньора... Я не вычиталъ этой исторіи изъ книги, я просто слышалъ ее... Эти проклятыя уши...

— Такъ рассказывай же,—произнесла графиня, и въ ея голосѣ мнѣ послышалась тревога.

— Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Мадридѣ жила одна очень, очень красивая сеньора, которую звали... впрочемъ, я забылъ ея имя. Это происходило не въ какомъ нибудь тридцатомъ царствѣ, а просто въ Мадридѣ, и дѣло идетъ не о султанахъ и великихъ и

малыхъ визиряхъ, а просто объ одной очень красивой сензорѣ, которая влюбилась въ молодого человѣка хорошей фамиліи, пріѣхавшаго ко двору искать счастья. Родные ея не желали этого брака, но красивая сензора такъ сильно полюбила молодого человѣка, что тайно сошлась съ нимъ...

Амаранта поблѣднѣла и отъ удивленія не могла произнести ни слова. Я продолжалъ:

— У этой сензоры родилась дочь...

— Мнѣ, право, некогда слушать твои сказки,—произнесла, наконецъ, Амаранта внѣ себя отъ гнѣва.

— Я сейчасъ кончу. Такъ вотъ у этой сензоры родилась дочь... Молодой человѣкъ, боясь преслѣдованій, бѣжалъ во Францію, а ея родные постарались скрыть все это, и при дворѣ объ этомъ ничего не знали. Потомъ сензора вышла замужъ за какого-то графа... Вотъ и все.

— Я вижу, что ты страшный дуракъ. Я не хочу больше слушать твоихъ глупостей,—сказала она и вся вспыхнула.

— Сію минуту кончу. Много времени спустя, объ этой тайнѣ узнали нѣкоторыя личности и говорили въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я могъ ихъ слышать; но я очень любопытенъ, и такъ какъ взялъ нѣсколько уроковъ сплетенъ и подслушиванья, необходимыхъ мнѣ для достиженія высокаго положенія, то я и не могу удовольствоваться только этимъ и намѣренъ отправиться къ одной женщинѣ, живущей на берегу Мансанареса, около дома одного художника и узнать отъ нея подробности.

— Ахъ, убирайся отсюда, дерзкій негодяй!—съ негодованіемъ воскликнула Амаранта. — Какое дѣло мнѣ до твоихъ глупыхъ исторій?

— А такъ какъ эти исторіи никого не касаются, то я и хочу рассказать ихъ сензорѣ маркизѣ, чтобы она помогла мнѣ въ моихъ розыскахъ. Не правда ли, графиня, это превосходная мысль?

— Я вижу, что ты умѣешь извлекать пользу изъ клеветы и низкихъ интригъ. Я даже догадываюсь, кто былъ твоимъ учителемъ. Уйди отсюда, Габріэль, ты мнѣ внушаешь отвращеніе.

— Я уйду и буду молчать, но я васъ прошу возвратить мнѣ письмо.

— Негодный мальчишка! Ты намѣренъ смѣяться надо мной? Ты намѣренъ дѣйствовать на меня твоимъ отвратительнымъ оружіемъ?—воскликнула она, подымаясь съ мѣста.

Ея рѣшительный видъ нѣсколько смутилъ меня, но я скоро оправился и продолжалъ:

— Для того, чтобы сдѣлать карьеру, необходимо пользоваться шпіонствомъ и интригами...

— Уйди отсюда, я не желаю тебя видѣть! Ты слышалъ?

— Но прежде потрудитесь вернуть мнѣ письмо. Иначе я все

передамъ сенъорѣ маркизѣ или сенъору дипломату; онъ, какъ чело-
вѣкъ сдержанный, не разскажетъ объ этомъ никому...

— Ахъ, негодяй, какъ я презираю тебя! — воскликнула она, нервнымъ движеніемъ опустивъ руку въ карманъ. — Вотъ возьми твое письмо, убирайся съ нимъ и никогда не смѣй показываться мнѣ на глаза!

Сказавъ это, она бросила на полъ письмо, которое я тотчасъ и поднялъ.

Затѣмъ она снова сѣла, обернула ко мнѣ свое прекрасное лице и спросила:

— Кто это тебѣ разсказалъ эти басни? Право, ты совсѣмъ дуракъ.

— Изъ дураковъ дѣлаются умные, — отвѣтилъ я. — Къ тому же я учился у такого учителя, что... Еслибъ вы меня не просвѣтили... Слушая и наблюдая, можно многому научиться, сенъора, а я съ тѣхъ поръ, какъ служилъ у васъ, не теряю времени даромъ. Разъ что мнѣ открыли глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, то я и пользуюсь этимъ. Для того, чтобы сдѣлаться умнымъ, необходимо раньше быть глупымъ.

Когда я произнесъ послѣднюю фразу, Амаранта взглянула на меня съ невыразимымъ презрѣніемъ и рукою указала мнѣ на дверь. Ахъ, какъ она была хороша въ эту минуту! Ея благородная осанка, горящіе глаза, разругавшіяся щеки и высоко вздымающаяся отъ волненія грудь приковывали мой взоръ; я не могъ ее ненавидѣть.

Я уходилъ, когда въ комнату вошелъ герцогъ въ сопровожде-
ніи стараго дипломата.

— Вотъ я и здѣсь, сенъора Амаранта, — сказалъ герцогъ. — Вы говорили мнѣ о чемъ-то неизвѣстномъ намъ...

— Не говори ему ничего, племянница! — воскликнулъ маркизъ. — Развѣ ты не видишь, что онъ ревнуетъ? Онъ говоритъ, что на мѣстѣ Отелло поступилъ бы точно также.

— Да, — сказалъ герцогъ, — еслибъ я подозрѣвалъ мою жену, то я убилъ бы ее.

— Я хотѣла только сказать, что Маиквесь впалъ въ артистическій экстазъ, — сухо произнесла Амаранта.

— Я ни за что не позволю моей женѣ играть съ этимъ варваромъ. Бѣдняжка, вѣроятно, страшно перепугалась. Но я вижу, что за мое отсутствіе здѣсь произошло не мало новостей. Я слышала, что жену мою хотѣли арестовать. Ахъ, бѣдная! Какія же могли быть къ этому причины?... Вѣдь Долоресъ сама доброта, сама нѣжность.

— Вѣдь въ этомъ заговорѣ многіе были замѣшаны... — отвѣтила Амаранта. — Но по моему настоянію Долоресъ немедленно освобо-
дили.

— Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ, дорогая графиня! Конечно, вы съ Долоресъ близкіе друзья съ самаго дѣтства, а это никогда не забывается... Скажите, ее больше не тронуть?

— Нѣтъ, — сказалъ дипломатъ. — Къ счастью, она сумѣла отвлечь отъ себя подозрѣнія. Не правда ли, племянница?

— Да, принцъ Фердинандъ публично покаялся во всемъ, а судьи удалили отъ слѣдствія, кого считали нужнымъ удалить, и придали заговору такую окраску, которую пожелали.

— Это очень благоразумно и свидѣтельствуешь о тактичности страны, — замѣтилъ маркизь. — А Наполеонъ?

— Наполеонъ хотѣлъ остаться въ сторонѣ отъ всего этого. Хотя и доказано, что Фердинандъ переписывался съ нимъ и велъ переговоры съ его посланникомъ, но судьи уничтожили всѣ документы, чтобы сдѣлать пріятное Бонапарту.

— Хорошо, хорошо, теперь я буду спокоенъ, — заявилъ дипломатъ, — и такъ и доложу принцу Боргезе, принцу Шомбино, его свѣтлости великому герцогу Аренбергскому. Но, понятно, вы не должны никому рассказывать о моихъ проектахъ. Слышишь, Амаранта? Слышите, герцогъ? Ахъ, герцогу нельзя довѣрять тайны! Онъ сейчасъ ее разболтаетъ.

— А что такое? — спросила Амаранта.

— Необходимо быть сдержаннымъ, необходимо окутывать мракомъ неизвѣстности такія отношенія, на примѣръ, какія установились у меня съ Пепой Гонзалесъ...

— Ахъ, маркизь все еще вѣренъ своимъ прежнимъ увлеченіямъ, — сказалъ герцогъ.

— Нѣтъ, это совсѣмъ новое... Я тутъ не при чемъ. Пепита Гонзалесъ уже не разъ намекала мнѣ, что во мнѣ есть что-то очаровательное... Но она не умѣетъ ничего скрыть. Вотъ сейчасъ она пѣла романсъ и кидала на меня такіе пламенные взгляды, что... Но какъ она дивно пѣла сегодня! Я никогда еще не видалъ ея такой оживленной и граціозной. Но вы не повѣрите, ея взгляды просто компрометировали меня! Неловко, да и только. Когда она окончила романсъ, то я не могъ удержаться, чтобы не подойти къ ней и не сказать: «Опомнитесь, Пепи, не забывайте, что осторожность родная сестра дщи... то есть я хотѣлъ сказать... любви». Она, конечно, тотчасъ же послушалась меня и взяла подъ руку Исидора, чтобы разсѣять подозрѣнія. Повидимому, они были такъ довольны другъ другомъ, что кто нибудь менѣе опытный, чѣмъ я, могъ бы принять ихъ за двухъ влюбленныхъ.

— Отчего же и нѣтъ? — произнесла Амаранта.

Я вышелъ изъ комнаты. Когда послѣ долгихъ поисковъ я нашелъ, наконецъ, донью Долоресъ и вручилъ ей письмо, то она, пряча его, проговорила дрожащимъ голосомъ:

— Ахъ, Габріэлильо! Сегодня ты мнѣ дважды спасъ жизнь!

Я не хотѣлъ больше оставаться здѣсь; я рѣшилъ навсегда протѣяться съ этими актерами, актрисами, свѣтскими интриганками и фатами. Меня потянуло къ Инезильѣ. Я сталъ подыматься по черной лѣстницѣ на четвертый этажъ и дорогою рвалъ съ себя наклеенные усы, парикъ, украшенія. Я считалъ невозможнымъ и неприличнымъ показаться во всемъ этомъ въ уютномъ уголкѣ дорогихъ мнѣ людей.

Патерь Челестино отворилъ мнѣ дверь, и я сейчасъ же замѣтилъ, что у него заплаканы глаза.

— Бѣдная Хуана скончалась два часа тому назадъ, — отвѣтилъ онъ на мои разспросы.

Отъ этого извѣстія я весь похолодѣлъ. Гробовая тишина царила въ квартирѣ. Дверь въ залу была отворена, и оттуда виднѣлся красноватый свѣтъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ я подошелъ на цыпочкахъ и увидалъ на кровати, въ черномъ платьѣ, мать Инезильи. Руки у нея были сложены на груди, глаза закрыты, а по блѣдному, мертвому лицу разлито то неземное спокойствіе, которое отражается послѣ смерти на лицахъ достойныхъ, честныхъ тружениковъ.

У кровати на полу сидѣла Инезилья и плакала тихими слезами, какъ человѣкъ, безропотно покоряющійся волѣ Божіей. Она не взглянула на меня, да я и не старался привлечь ея вниманіе. Высокая восковая свѣча горѣла у изголовья покойницы, и лики святыхъ на стѣнѣ, озаряемые этимъ одинокимъ свѣтомъ, казались еще строже.

Мною овладѣло такое странное чувство, что я не умѣю даже его объяснить. Я преклонялся передъ этимъ горемъ, передъ этими тихими слезами сироты, не возмущавшейся, не роптавшей. Эта молоденькая дѣвушка была на столько чиста и религіозна, что даже это горе она принимала, какъ должное, какъ неисповѣдимый путь Провидѣнія. Я смотрѣлъ на нее и чувствовалъ, что я самъ становлюсь лучше, чище.

Не помню, сколько времени простоялъ я у дверей. Патерь Челестино тихонько вызвалъ меня.

— Бѣдная Хуана не дожидла до той минуты, когда исполнилась наконецъ моя завѣтная мечта, — сказалъ онъ мнѣ, глотая слезы.

— А что? Развѣ вы...

— Да, дитя мое. Едва она скончалась, какъ я получилъ бумагу, въ которой говорится, что я назначенъ патеромъ въ одной изъ церквей Аранхуэса. Наконецъ-то вспомнили меня. Вѣдь я говорилъ тебѣ, что получу мѣсто на будущей недѣлѣ. Видишь, Габріэлильо? Богъ не забылъ насъ въ нашемъ несчастіи! Теперь Инезилья не останется безъ куска хлѣба, и ей не придется просить помощи у родственниковъ.

— Бѣдная Инезилья!—воскликнулъ я.—Я посвящу ей всю мою жизнь. Я буду жить только для нея.

— Ахъ, знаешь, какая странность, Габріэль? Бѣдная Хуана передъ смертью сдѣлала мнѣ одно признаніе... я могу тебѣ открыть его, потому что ты вѣдь намъ, какъ родной...

— Что такое?

— Послѣ исповѣди и причастія она подозвала меня и призналась, что Инезилья не ея дочь... Если-бъ ты зналъ, какая это странная исторія! Я страшно удивленъ. Такъ, видишь ли, Инезилья не ея дочь, а дочь одной важной сеньоры, которая...

— Что вы говорите!—воскликнулъ я, внѣ себя отъ удивленія.

— То, что ты слышишь... ея настоящая мать... ну, понимаешь, это тайна, которую нужно было скрыть, чтобъ не скомпрометировать одну аристократическую семью... Ребенокъ отданъ былъ на воспитаніе Хуанѣ.

— Но скажите же мнѣ имя этой сеньоры.

— Хуана хотѣла открыть мнѣ его, но этотъ рассказъ такъ утомилъ ее, что она не могла докончить его, и имя матери Инезильи уже готово было сорваться съ ея губъ, когда смерть сжала ихъ на вѣки.

Это извѣстіе поразило меня; я вернулся въ залу и сталъ смотрѣть въ лицо покойницы, какъ бы ожидая, что ея застывшія губы произнесутъ ожидаемое мною имя.

— Возможно ли, о Боже,—мысленно восклицалъ я,—чтобы лучъ жизни не оживилъ этого трупа, и мы не узнали тайну!

Одну минуту во мнѣ блеснула надежда, что это такъ и будетъ, что эта женщина оживетъ и расскажетъ намъ о происхожденіи Инезильи.

— Господи, я съ ума схожу!—прошептала я, наконецъ, и вышла изъ комнаты.

Съ этихъ поръ Инезилья дѣйствительно сдѣлалась для меня цѣлью всей моей жизни. Если раньше я не любилъ ее, то ея несчастье разбудило во мнѣ эту любовь. Двѣ тысячи реаловъ, полученныхъ мною за роль Яго, я употребилъ на похороны доньи Хуаны и на переѣздъ патера Челестино и Инезильи въ Аранхуэсъ. Я устроилъ ихъ тамъ и вернулся въ Мадридъ.

XXVI.

Прошло четыре мѣсяца. Я поступилъ наборщикомъ въ типографію «Дневника Мадрида» и зарабатывалъ по три реала въ день. Типографская работа вообще очень скучная вещь и только, когда я приобрѣлъ извѣстную привычку и быстроту движеній, мнѣ удавалось, перебирая буквы, думать о другомъ.

Конечно, этотъ машинальный трудъ скорѣе притуплялъ мысль, чѣмъ дѣйствовалъ развивающимъ образомъ, и работать въ типографіи не значило дѣлать карьеру, но, пока въ виду не было ничего лучшаго, приходилось довольствоваться и этимъ. Быстро дѣйствуя руками, я думалъ:

— Моя Инезилья въ Аранхуэсѣ съ своимъ дядей, патеромъ Честино дель-Мальварь. Инезилья бѣдная сирота, но это не помѣшаетъ ей, съ Божьей помощью, сдѣлаться современемъ моей женой. Ей шестнадцать лѣтъ, значить она годомъ моложе меня. Она очень хороша собою; на мой взглядъ лучше ея нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. Но красота ея ничто въ сравненіи съ ея умомъ; она умнѣ всѣхъ ученыхъ.

И по мѣрѣ того, какъ въ головѣ носились эти мысли, руки двигались все быстрѣе и быстрѣе, изъ чугунныхъ буквъ составлялись слоги, слова, фразы, параграфы, рѣчи, фельетоны. Каждая буква вставлялась на опредѣленное ей мѣсто, и затѣмъ по отпечатаніи я снова раскладывалъ ихъ въ большой ящикъ съ мелкими клѣтками. И эта механическая работа тянулась изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяць. Но наступала суббота, и я перерождался. Въ этотъ день для меня и солнце свѣтило ярче, и воздухъ былъ чище, и люди добрѣе.

Въ субботу, послѣ полудня, работа у насъ кончалась. Я летѣлъ къ себѣ домой и немедленно принимался умываться. Разъ до пяти я мылъ руки и лицо, чтобы на нихъ не оставалось слѣда типографскихъ чернилъ. Затѣмъ я прогуливаюсь по улицамъ Мадрида, чтобы какъ нибудь убить время до вечера, потомъ торопливо одѣваюсь въ мое лучшее платье и бѣгу на станцію дилижансовъ.

Мнѣ кажется, что мы ѣдемъ слишкомъ медленно; мои безпрестанные вопросы сердятъ кондукторовъ и надоѣдаютъ имъ. Мы проѣзжаемъ Толедскій мостъ, оставляемъ направо дороги Карабанхеля и Толедо и останавливаемся кормить лошадей и отдохнуть. Наконецъ, къ утру мы пересѣкаемъ обширную долину, гдѣ сливаются Тахо и Урама, ѣдемъ по знаменитому широкому мосту и въѣзжаемъ въ Аранхуэсъ.

Среди густыхъ деревьевъ мои глаза ищутъ колокольню знакомой церкви. Еще нѣсколько минутъ, и я вхожу на паперть, откуда до меня уже доносится ясный и спокойный голосъ патера Честино, произносящій: «Gloria in excelsis Deo» (Слава въ вышнихъ Богу). Я набожно крещусь и съ тайнымъ замираніемъ сердца вхожу въ церковь. Сквозь цвѣтныя стекла льется мягкій солнечный свѣтъ на золоченый алтарь и фигуры святыхъ; звенятъ колокольчики, а снаружи звонятъ колокола, и всѣ опускаются на колѣни, смиренно ударяя себя въ грѣшную грудь. Служба продолжается и затѣмъ оканчивается; я безпрестанно посматриваю на группы женщинъ, на эти безконечныя черныя кружевныя мантильи, закрывающія

голову, и между ними узнаю Инзилю. Я узналъ бы ее среди тысячной толпы.

По окончаніи службы Инзиля подымается съ своего мѣста, и ея глаза ищутъ меня среди мужчинъ, какъ мои искали ее среди женщинъ. Наконецъ она меня видитъ, мы видимъ другъ друга, но не говоримъ ни слова. Я предлагаю ей освященной воды, и мы выходимъ. Казалось бы, что мы должны были засыпать другъ друга безконечными вопросами, но мы говоримъ мало. Намъ все хочется смѣяться.

Рука объ руку мы входимъ въ домикъ, близъ церкви. Тамъ насъ уже ждетъ padre Челестино въ новой сутанѣ. Мы вмѣстѣ объдаемъ и затѣмъ всѣ трое идемъ гулять въ садъ del Principe; я съ Инезильей впереди, а ея дядя позади и опираясь на палку. На каждомъ шагу добрый padre Челестино проситъ насъ не идти такъ скоро; мы нѣсколько замедляемъ шагъ и не перестаемъ разговаривать и словами и глазами. Погулявъ по саду, мы садимся на берегу Тахо, близъ того мѣста, гдѣ ея волны сливаются съ Уарамой, и изъ двухъ жизней какъ бы образуется одна. Видъ этихъ рѣкъ невольно напоминаетъ намъ съ Инезильей насъ самихъ.

Къ великому нашему прискорбію, день оканчивается, хотя намъ и хотѣлось бы, чтобъ солнце не спускалось со своего зенита. Наступаетъ вечеръ, и я дѣлаюсь въ нервномъ настроеніи то въ веселомъ, то въ грустномъ, потому что приближается часъ моего отъѣзда. Я возвращаюсь въ Мадридъ по той же дорогѣ и иду въ типографію. Этотъ понедѣльникъ—самый скучный, сонливый день во всей недѣлѣ. Работать не хочется, и изъ стоящаго передо мной ящика съ буквами выбираю восемь и составляю изъ нихъ одно лишь имя: Инезилья.

Но вотъ кто-то неожиданно опускаетъ руку мнѣ на плечо. Я вздрагиваю и вижу подлѣ себя хозяина типографіи, который подаетъ мнѣ для набора одно изъ ежедневныхъ объявленій, печатающихся въ «Дневникѣ Мадрида». Прежде чѣмъ начать работу, я читаю:

«Нуженъ молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати или восемнадцати, знающій счетную часть и умѣющій брить и причесывать хотя бы мужчину. Необходимы хорошія рекомендаціи. Желающихъ просятъ обращаться въ улицу de la Sal, № 5-й, въ магазинъ мануфактурныхъ и полотняныхъ товаровъ Мауро Реквехо, гдѣ они и узнаютъ подробности».

— Мауро Реквехо! — прошепталъ я, прочтя это объявленіе. — Гдѣ это я слышалъ такое имя?

XXVII.

Въ одну изъ моихъ еженедѣльныхъ поѣздокъ въ Аранхуэсъ, въ мартѣ 1808 года, я пріѣхалъ, когда обѣдня уже окончилась, и, подходя къ церковному домику, услышалъ веселые звуки флейты патера Челестино, свидѣтельствовавшіе о томъ, что у него все благополучно. Инезилья вышла мнѣ навстрѣчу и послѣ первыхъ привѣтствій сказала:

— Дядя Челестино получилъ письмо изъ Мадрида, и оно его очень обрадовало.

— Отъ кого?

— Онъ не сказалъ мнѣ этого, но только объявилъ, что въ этомъ письмѣ есть хорошія новости для меня.

— Это странно,—замѣтилъ я не безъ смущенія. — Кто же это можетъ писать ему изъ Мадрида письма, въ которыхъ есть хорошія новости для тебя?

— Не знаю; но наше любопытство скоро будетъ удовлетворено. Дядя сказалъ мнѣ: «Когда пріѣдетъ Габріэль и мы сядемъ обѣдать, я вамъ расскажу содержаніе письма. Эта новость интересуется всѣхъ насъ: тебя, потому что дѣло касается твоего счастья, меня, потому что я твой дядя, и его, потому что онъ современемъ будетъ твоимъ мужемъ».

Мы больше не говорили объ этомъ и прошли въ комнату патера. У стѣны стояла узкая желѣзная кровать, покрытая бѣлымъ одѣяломъ, у окна сосновый столъ и нѣсколько стульевъ въ симметрическомъ порядкѣ, въ углу коммодъ стариннаго фасона. На стѣнѣ висѣло распятіе и изображеніе Богородицы въ платѣ; оба образа были убраны оливковыми листьями. На столѣ и на коммодѣ лежало много книгъ, тетради нотъ, чернила и бумага, на которой онъ писалъ свои латинскія оды. Окно выходило въ чистенькій огородъ. Такова была комната патера Челестино.

Мы всѣ трое сѣли, и дядя Инезильи сказалъ мнѣ:

— Габріэлильо, я хочу прочесть тебѣ оду, которую я посвятилъ *Principe de la Paz*, моему земляку, другу и даже, кажется, родственнику. Она стоила мнѣ цѣлой недѣли труда. Ты увидишь, какимъ изящнымъ языкомъ она написана. Прежде чѣмъ читать ее тому, кому она посвящена, я прочту ее тебѣ, чтобы ты сказалъ мнѣ твое мнѣніе.

— Но, сеньоръ донъ-Челестино, вѣдь полатыни я не знаю ни одного слова, кромѣ *Dominus vobiscum*.

— Это ничего не значить. Профаны-то и есть лучшіе судьи,—съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ онъ.

Инезилья сдѣлала мнѣ знакъ глазами, чтобы я подчинился его желанію, и чтеніе началось. Время отъ времени донъ-Челестино останавливался и, обращаясь къ намъ, спрашивалъ: «Ну, какъ вамъ

нравится?». Мы, разумѣется, отвѣчали, что мы въ восторгѣ, хотя ровно ничего не понимали изъ этого тяжелаго шестистопнаго ямба.

— Такъ какъ это вамъ такъ понравилось, мои милые, — произнесъ онъ, складывая свою рукопись, — то въ другой разъ я прочту вамъ поэму. Я хочу продлить для васъ это удовольствіе, потому что если сразу съѣсть много лакомства, то оно можетъ надоѣсть.

— И вы думаете прочесть ее также *Principe de la Paz*? — спросилъ я.

— А для кого же я ее и писалъ? Я знаю, что его свѣтлость ужасно любитъ латинскія стихотворенія, и думаю быть у него на этихъ дняхъ. Кстати, что дѣлается въ Мадридѣ? Я слышалъ, что тамъ всѣ возбуждены. Что же такое происходитъ?

— Да тамъ не знаютъ, что и думать. Теперь ужъ всѣ побаиваются французовъ, вошедшихъ въ Испанію. Говорятъ, что король вовсе не позволялъ ввести въ свою страну такое огромное количество войска, но Наполеонъ, повидимому, не обращаетъ никакого вниманія на Россію и дѣлаетъ то, что желаетъ.

— Это только недалекіе люди могутъ такъ разсуждать, — отвѣтилъ патерь Челестино. — Годой и Бонапартъ знаютъ, что дѣлаютъ. Здѣсь всѣ желаютъ знать больше самихъ полководцевъ, поэтому и приходится выслушивать глупости.

— А съ Португаліей вышло совсѣмъ не такъ, какъ ожидали. Тамъ сидитъ теперь французскій генераль; говорятъ, будто онъ хвалится: «Этой страной можетъ управлять только императоръ и я отъ его имени».

— Трудно судить, не зная подробностей...

— И съ Испаніей будетъ то же самое, — продолжалъ я, — такъ какъ король и королева теперь напуганы, а *Principe de la Paz* такъ смущенъ, что не знаетъ, что ему дѣлать, то...

— Что ты говоришь, глупый! — возмутился патерь. — Какъ ты смѣешь съ такимъ неуваженіемъ отзываться о первомъ министрѣ? Ты самъ не знаешь, что болтаешь.

— Нѣтъ, знаю! Наполеонъ всѣхъ проведетъ. Многіе въ Мадридѣ радуются, видя такую массу французскаго войска, и воображаютъ, что оно будетъ помогать принцу Фердинанду при вступленіи на престоль. Вотъ дураки-го!

— Дураки, негодяи! — разсердился патерь Челестино.

— Вотъ поживемъ — увидимъ. Если они пришли съ хорошими намѣреніями, то съ какой стати стали бы они завладѣвать нашими крѣпостями? Замѣтите, они обманули гарнизонъ и проникли въ Пампелону, затѣмъ въ Барселону, гдѣ есть большая крѣпость, называемая *Monjuich*. Потомъ они овладѣли огромной крѣпостью въ Фигуэрахъ и, наконецъ, проникли въ Санъ-Себастьянъ. Какъ тамъ ни говори, а это для насъ плохіе друзья. Испанское войско въ самомъ плачевномъ состояніи, особенно на сѣверныхъ границахъ; говорятъ,

что французы смѣются прямо въ лицо нашимъ солдатамъ. А знаете, какіе толки ходятъ въ Мадридѣ?

— Ну, гдѣжь мнѣ знать, дитя мое? И къ тому же какъ можемъ мы предугадать все то, что дѣлаютъ эти великіе люди для нашего счастья?

— Такъ вотъ, видите ли, говорятъ, что королевская семья такъ испугалась Бонапарта, что рѣшилась уѣхать въ Бразилію и на дняхъ изъ Аранхуэса отправится въ Кадиксъ. Конечно, приверженцы принца Фердинанда очень этому рады и надѣются провозгласить его королемъ.

— Ахъ, дураки!—воскликнулъ патеръ, оживляясь вновь.—И они воображаютъ, что на это согласится когда нибудь *Principe de la Paz*, мой землякъ, другъ и даже, кажется, родственникъ! Но не будемъ волноваться раньше времени, Габріэль; пойдемъ лучше обѣдать, мой желудокъ проситъ подкрѣпленья.

Инезилья, вышедшая за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, пришла сказать намъ, что обѣдъ поданъ. Во время обѣда патеръ повѣдалъ намъ содержаніе таинственнаго письма.

— Дѣти мои, я сейчасъ сообщу вамъ пріятную новость,—началъ онъ, садясь за столъ.—Ты увидишь, Инезилья, что Господь никогда не забываетъ вѣрующихъ въ Него. Ты вѣдь знаешь, что у твоей матери, царство ей небесное, былъ двоюродный братъ Мауро Реквехо, комерсантъ полотняныхъ издѣлій. У него есть магазинъ въ Почтовой улицѣ.

— Донъ Мауро Реквехо...—произнесъ я, припоминая,—да, теперь я помню, что покойная донья Хуана не разъ упоминала при мнѣ его имя, и еще недавно я набиралъ для «Дневника Мадрида» его публикацію.

— Да, теперь и я помню,—сказала Инезилья.—Онъ и его сестра были единственными родственниками моей матери въ Мадридѣ. Онъ никогда намъ не помогаль, хоть мы и нуждались; два раза я видѣла его у насъ. И вы думаете, дядя, что онъ приходилъ помочь намъ? Совсѣмъ нѣтъ. Онъ заказывалъ моей матери платья и при расплатѣ отдавалъ только половину условленной цѣны; говоря: «Должны же родственники быть на что нибудь полезны». Какъ онъ, такъ и его сестра очень много толковали о своей честности, объ услѣхахъ въ торговлѣ, и имъ и въ голову не пришло, что мы нуждаемся.

— Въ такомъ случаѣ я не могу не сказать, что они страшные негодяи!—воскликнулъ я.

— Не торопись,—остановилъ меня патеръ,—дай мнѣ кончить. Конечно, двоюродный братъ дурно поступалъ съ твоей матерью, Инезилья, но теперь Господь открылъ его сердце, и онъ хочетъ искупить свою вину. Благодаря своему трудолюбію и экономіи, онъ сталъ человѣкомъ богатымъ, и вотъ сегодня утромъ я полу-

чиль отъ него письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что хочетъ взять тебя, къ себѣ въ домъ, какъ родственницу, и что ты ни въ чемъ не будешь терпѣть недостатка. Наконецъ-то Господь вспомнилъ о тебѣ, племянница! Еслибъ ты знала, какъ въ письмахъ Мауро интересуется тобою, какъ онъ тронуть твоимъ сиротствомъ. Повторяю тебѣ, что онъ, благодаря своему неустанному труду, очень разбогатѣлъ. Какая блестящая будущность ожидаетъ тебя, Инезилья! Вотъ что онъ пишетъ мнѣ въ концѣ письма: «Кому же намъ оставить все, что мы имѣемъ, какъ не нашей дорогой племянницѣ?».

Инезилья была нѣсколько смущена этой переѣвной родственныхъ чувствъ въ тѣхъ, которые еще недавно не хотѣли ее знать. Она взглянула на меня, какъ бы желая понять, что я думаю на этотъ счетъ; но я смотрѣлъ на это дѣло совсѣмъ иными глазами и молчалъ.

— Меня это удивляетъ,—сказала она:—если мои родственники почувствовали ко мнѣ вдругъ такую нѣжность, то тутъ, вѣроятно, что нибудь кроется.

— Кроется только то, что Господь открылъ имъ глаза,—отвѣтилъ патерь Челестино, со своимъ обычнымъ оптимизмомъ. — Зачѣмъ же тутъ искать дурное? Конечно, донъ Мауро имѣетъ, какъ и всякій человѣкъ, свои недостатки, но что значать они въ сравненіи съ его добротой?

А Инезилья все смотрѣла, какъ бы спрашивая:

— А ты какъ думаешь?

Годъ тому назадъ я съ довѣріемъ принялъ бы это предложеніе Мауро Реквехо, но жизнь за это время научила меня, что нельзя всѣмъ довѣрять. Поэтому я сказалъ самымъ невозмутимымъ тономъ:

— Такъ какъ твой новый дядюшка всегда былъ порядочнымъ негодяемъ, то я не вижу, почему мы теперь должны считать его святымъ.

— Ты неопытный мальчикъ, и больше ничего, — сказалъ мнѣ патерь Челестино, начиная сердиться. — Мнѣ не слѣдовало совѣтоваться съ тобой объ этомъ. Я самъ сумѣю отличить хорошее отъ дурнаго. Если дядя хочетъ позаботиться о твоёмъ будущемъ, Инезилья, если онъ хочетъ оставить все свое состояніе племянницѣ, то почему же не воспользоваться этимъ? Я могъ бы многое сказать тебѣ по этому поводу, но онъ самъ сдѣлаетъ это лучше меня.

— Какъ? Онъ прійдетъ въ Аранхуэсъ? — съ испугомъ спросила она.

— Да, милая, — отвѣтилъ патерь. — Я берегъ эту новость къ концу. Въ ближайшее воскресенье ты будешь имѣть удовольствіе видѣть здѣсь твоего благодѣтеля. Ахъ, Инезилья! я буду очень

скучать безъ тебя, но меня поддержитъ мысль, что ты довольна и счастлива. А когда я приѣду въ Мадридъ навѣстить тебя, то, я надѣюсь, ты встрѣтишь меня ласково и не свысока, потому что я, всетаки, родной братъ твоего покойнаго отца, между тѣмъ какъ онъ...

Патеръ Челестино смутился и я тоже, только по иной причинѣ.

— Да, черезъ недѣлю онъ будетъ здѣсь, — продолжалъ онъ. — Онъ пишетъ, что купилъ землю около Аранхуэса и приѣдетъ посмотреть ее и повидаться съ тобою. Онъ надѣется, что ты отправишься въ Мадридъ съ нимъ и его сестрой, Реститутой, которую мы также будемъ имѣть удовольствіе видѣть здѣсь.

Мы всѣ примолкли. Голова моя была полна самыхъ разнообразныхъ мыслей, и я спросилъ Инезилью:

— А что этотъ человѣкъ женатъ?

Она, со свойственной ей догадливостью, поняла меня и торопливо отвѣтила:

— Онъ вдовецъ.

Мы снова замолчали; со двора донесся какой-то шумъ. Я всталъ, выпелъ въ корридоръ и услыхалъ рѣзкій голосъ:

— Здѣсь живетъ латинистъ и музыкантъ донъ Челестино Сантосъ дель Мальваръ, патеръ церкви?

Донъ Мауро Реквехо и его сестра донья Реститута, родственники Инезильи, входили въ комнату.

XXVIII.

Входя въ комнату и увидавъ свою племянницу, донъ Мауро направился къ ней съ открытыми объятіями и, сжимая ее въ нихъ, воскликнулъ, смягчая голосъ:

— Дорогая моя Инезилья, милое дитя моей кузины Хуаны! Наконецъ-то я тебя вижу! Какъ мнѣ благодарить Бога за такую радость! Какая ты красавица! Поди сюда, поцѣлуй меня еще разъ.

Донья Реститута сдѣлала то же самое только съ еще болѣе кислосладкимъ выраженіемъ лица. Затѣмъ они стали здороваться съ донемъ Челестино, который такъ расчувствовался, что вытиралъ слезы; я съ моей стороны готовъ былъ удушить ихъ за эти родственныя объятія.

Я сдѣлаю вполнѣ важное опредѣленіе личности дона Мауро Реквехо, если назову его лѣвшой. У cadaго человѣка правая сторона развита болѣе, чѣмъ лѣвая. Работаетъ, лѣпнеть, шьетъ, водить смычкомъ, дѣйствуетъ шпагой, водить кистью по полотну, дѣлаетъ крестное знаменье исключительно правая рука. Лѣвая сама по себѣ почти не имѣетъ значенія, она не развита, не ловка и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ помогаетъ правой. Почти такое же отношеніе къ правой ногѣ имѣетъ лѣвая. Какъ извѣстно, вся лѣвая

сторона человѣка развита менѣе правой и даже, хоть это почти и не замѣтно, и по величинѣ меньше.

Я привелъ это сравненіе для того, чтобы сказать, что обѣ стороны Мауро Реквехо были лѣвыя; онъ былъ мѣшковатъ, неловокъ, неподвиженъ, тяжелъ, рѣзокъ. Казалось, что его тяготятъ его собственные руки, онъ не зналъ, куда дѣвать ихъ, и какъ будто осматривался по сторонамъ, ища, куда бы спрятать эти ненужные ему члены. Онъ поминутно вытиралъ платкомъ свое потное лицо, какъ будто онъ только что поднималъ страшную тяжесть.

Онъ не могъ сидѣть спокойно; то ноги мѣшали ему, то онъ хватался за часовую цѣпочку, какъ бы желая убѣдиться, тутъ ли она, не пропала ли. Кромѣ того, онъ безпрестанно вертѣлъ головою, вѣроятно, потому, что туго накрахмаленный воротничекъ рубашки прищемлялъ ему шею. Лице его было кругло, какъ часовой циферблатъ, и красноватый носъ стремился къ лѣвой щекѣ, зеленноватые глаза смотрѣли безъ всякаго выраженія изъ-подъ черныхъ бровей. Смѣялся онъ громко и неожиданно. Мнѣ казалось, что у него есть пружинка для смѣха. Нажметъ пружинку и засмѣется, отпустить, и сразу сдѣлается серьезнымъ.

Трудно сказать, была ли донья Ресститута моложе, или старше своего брата; имъ обоимъ было далеко за сорокъ, но, сходясь по годамъ, во всемъ остальномъ они представляли полную противоположность другъ другу; она не тяготилась сама собою и умѣла сидѣть спокойно.

— Этотъ,—сказала она, указывая на брата,—такъ торопился, что мы не успѣли привезти съ собою гостинца.

Донъ Челестино поблагодарилъ ее любезной улыбкой.

— Да мнѣ такъ хотѣлось поскорѣй взглянуть на эту землю,—сказалъ донъ Мауро,—что я... и въ то же время такъ хотѣлось увидеть дорогую племянницу, бѣдную сиротку... Да, донъ Челестино, я заплатилъ за землю вѣдь не пустякъ какой нибудь, а цѣлыхъ триста сорокъ восемь реаловъ, тринадцать мараведи, не считая мелкихъ расходовъ. Да, сеньоръ, все выплатилъ песета въ песету!

— Все выплатилъ,—подтвердила донья Ресститута, по очереди взглянувъ на каждого изъ насъ. — Этотъ не любитъ быть въ долгу.

— О, я скорѣй позволю себя повѣсить, чѣмъ задолжать хоть одинъ мараведи!—воскликнулъ Мауро, поднося руку къ галстуку, сжимавшему ему шею.

— Поэтому-то, вѣроятно, ваши дѣла и идутъ такъ успѣшно,—сказалъ патеръ Челестино.

— Судьба! — сказалъ Реквехо. — Намъ очень посчастливилось. Къ тому же эта такая неутомимая работница...

— Нѣтъ, мы всѣмъ обязаны твоей честности, — великодушничала Ресститута.—Этотъ пользуется такимъ довѣріемъ всѣхъ коммерсантовъ, что они готовы повѣрить ему цѣлое состояніе.

Подобный разговоръ шелъ съ четверть часа; мы съ Инезильей только удивлялись и молчали.

— Но что это моя племянница такъ молчалива? — произнесъ вдругъ Реквехо и сразу сталъ серьезенъ.

Инезилья улыбнулась, но ничего не сказала, потому что ей положительно нечего было сказать.

— Ахъ, кровь никогда не обманетъ! — воскликнулъ Реквехо, поднося руку къ губамъ, чтобы скрыть зѣвоту. — Какъ она похожа на свою мать, на мою дорогую кузину Хуану! И какъ неожиданно скончалась эта бѣдняжка!

— Да, эта примѣрная женщина перешла въ лучшую жизнь, — сказала Реститута. — Не будемъ лучше говорить о ней, это только разстроитъ насъ и эту бѣдную дѣвушку, хотя она почти еще ребенокъ, а дѣти скоро утѣшаются.

Инезилья вся поблѣднѣла; патерьъ счелъ за лучшее перемѣнить разговоръ и спросилъ:

— А вы ужъ видѣли купленную землю?

Мауро нажалъ пружинку смѣха и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, еще, но мнѣ очень хвалили ее. Эта настаивала, чтобъ я купилъ, и я исполнилъ ея желаніе.

— Да, я всегда говорю, что надо покупать пахотную землю, — замѣтила сестра, — такъ деньги гораздо цѣлѣе. Слава Богу, мы живемъ, донъ Челестино, ни въ чемъ не нуждаясь. Конечно, мы не ѣдимъ въ каретахъ и не тратимся на ненужную роскошь, но зато у насъ каждый день курица въ супѣ, и мы съ этимъ не можемъ обойтись безъ извѣстныхъ удобствъ.

— Что касается меня, — перебилъ ее Реквехо, — то мнѣ очень мало нужно. Кусокъ хлѣба съ водой и ломоть мяса — вотъ и вся моя ѣда, но эта каждый день покупаетъ свѣжее мясо, дичь, ветчину, а въ день святаго Мауро огромныхъ индюшекъ.

— Да, ужъ я не люблю отказывать себѣ во вкусномъ блюдѣ и хорошемъ платьѣ. Слава Богу, мы живемъ счастливо, и намъ не достаетъ только какой нибудь близкой родственницы, которой мы могли бы завѣщать все наше состояніе, нажитое праведнымъ трудомъ.

Услышавъ это, Мауро снова надавилъ пружинку смѣха и, взглянувъ на Инезилью, сказалъ:

— А вотъ теперь Господь послалъ намъ на утѣшеніе мою племянницу, эту прелестную розу, которая, какъ двѣ капли воды, похожа на свою покойную мать.

— Ради Бога, Мауро, — воскликнула Реститута, — не упоминай объ этой святой женщинѣ. Я еще не утѣшилась послѣ этой потери и, какъ вспомню о ней, то слезы такъ и выступаютъ у меня на глаза.

— На все святая воля Божья, — сказалъ Реквехо, отпустивъ

пружинку смѣха.—Я хочу только сказать, что мы на все готовы для нашей восхитительной племянницы.

— О, да, о, да!—лукаво подмигнула Реститута.—У нея не мало будетъ ухаживателей. Маркизы и графы такъ и будутъ стоять передъ нашимъ балкономъ, когда узнаютъ, что у насъ въ домѣ хранится такое сокровище.

Донъ Челестино, видя, что Инезилья все молчитъ, на такія обѣщанія счелъ нужнымъ сказать:

— Она отъ души благодаритъ васъ за всѣ ваши благодѣянія.

— Я доволенъ, сеньоръ донъ Челестино,—сказалъ Реквехо.—Мнѣ не доставало только одного, и это у меня будетъ. Я сдѣлаю Инезилью моей наслѣдницей. Инезилья выйдетъ замужъ за человѣка достойнаго ея; она будетъ счастлива, и мы также.

— Не говорите много объ этомъ, а то я заплачу,—произнесла Реститута.—Какое счастье въ нашемъ одиночествѣ видѣть около себя молодое существо. Ахъ, Инезилья, я такъ полюбила тебя, что если насъ разлучать съ тобою, право, мнѣ кажется, я этого не переживу!

И, сказавъ это, она заключила Инезилью въ свои объятія.

— Такъ какъ Инезилья горитъ нетерпѣніемъ ѣхать съ нами, то мы увеземъ ее сегодня же вечеромъ,—сказалъ Реквехо.

— Какъ! Сегодня же вечеромъ!—въ испугѣ вскричала молодая дѣвушка.

— Дитя мое,—сказала ей Реститута,—ты не конфузься. Мы твои родные, и ты можешь даже не благодарить насъ за то, что мы для тебя дѣлаемъ, потому что это нашъ долгъ.

— Она, конечно, приготовится къ отъѣзду,—застѣнчиво произнесъ патеръ Челестино,—но такъ скоро... она еще не свыклась съ этой мыслью.

— Какъ она не хочетъ ѣхать!—съ удивленіемъ воскликнулъ Реквехо.—Такъ, значитъ, наша племянница насъ не любитъ... Боже мой, какое несчастье!

— Нѣтъ... она васъ любитъ...—успокоилъ его патеръ и въ то же время былъ смущенъ отвращеніемъ, выразившимся на лицѣ его племянницы.

— Ахъ, братецъ, ты не знаешь, что говоришь,—сказала Реститута.—Наша племянница очень скромна. Неужели ты хочешь, чтобъ она отъ радости запрыгала по залѣ? Это было бы не прилично. Она молчалива, застѣнчива, хорошо воспитана, какъ и подобаетъ дочери такой святой женщины, какъ Хуана.

— Въ такомъ случаѣ, сеньоръ донъ Челестино,—обратился Реквехо къ патеру,—мы сейчасъ отправимся осматривать землю, а потомъ вернемся за Инезильей и поѣдемъ въ Мадридъ.

— Если она согласна, то я противъ этого ничего не имѣю,—отвѣтилъ тотъ, взглянувъ на племянницу.

И, не ожидая выраженія ея согласія, Реквехо поднялись съ своихъ мѣстъ, распрощались и, не взглянувъ даже на меня, вышли изъ дому.

XXIX.

Какъ только они ушли, я попросилъ Инезилью оставить меня не надолго вдвоемъ съ патеромъ и спросилъ его:

— Неужели, padre Челестино, вы способны согласиться на то, чтобъ эти Реквехо увезли съ собой Инезилью?

— Дитя мое,—отвѣтилъ онъ,—донъ Мауро очень богатъ, донъ Мауро можетъ дать Инезильѣ всѣ удобства, какихъ я не могу и дать, донъ Мауро сдѣлаетъ ее своей наслѣдницей.

— И вы этому вѣрите? Не похоже, что вамъ шестьдесятъ лѣтъ. А я всегда скажу, что этотъ Реквехо фарсунъ и льстець. Я бы на вашемъ мѣстѣ вытолкалъ его за дверь.

— Я бѣденъ, дитя мое, а они богаты, и Инезилья отправится съ ними. Въ случаѣ, если они будутъ дурно обращаться съ нею, то мы возьмемъ ее обратно.

— Они не будутъ дурно обращаться съ нею, нѣтъ,—отвѣтилъ я, задыхаясь.— Я боюсь другаго и на это я не соглашусь ни за что на свѣтѣ!

— Посмотримъ, чего же ты боишься.

— Вѣдь вы знаете, что Инезилья не дочь донны Хуаны, что она дочь одной придворной сеньоры, имени которой мы не узнали. Вы знаете все это и какъ же вы не можете понять намѣреній Реквехо?

— Какихъ намѣреній?

— Реквехо всегда ненавидѣли донью Хуану, они никогда не помогли ей даже пустякомъ, они не навѣстили ея даже во время болѣзни, и вотъ теперь, изволите ли видѣть, они безъ слезъ не могутъ слышать имени покойной, они въ восторгѣ отъ племянницы, и все это, конечно, потому, что они, вѣроятно, узнали, кто были отецъ и мать Инезильи, и теперь хотятъ заманить ее къ себѣ, чтобы принудить выйти замужъ за этого отвратительнаго Мауро.

— Успокойся, милый мой, и выслушай меня. Очень можетъ быть, что Реквехо имѣютъ въ виду то намѣренье, о которомъ ты только что сказалъ, и очень можетъ быть также, что они искренны. Такъ какъ я всегда склоненъ думать скорѣй хорошее, чѣмъ дурное, то я вѣрю въ искренность донна Мауро, пока онъ какимъ нибудь поступкомъ не подорветъ этой вѣры. Почему ты знаешь, очень можетъ быть, что мы увидимъ Инезилью, разгѣзжающую въ собственномъ экипажѣ съ лакеемъ и въ брилліантахъ?

— Ба! это похоже на то, какъ я мечталъ быть принцемъ и генералиссимусомъ. Такія вещи можно говорить въ семнадцать лѣтъ, но не въ шестьдесятъ.

— Живя со мною, Инезильѣ пришлось бы во многомъ отказывать себѣ. Не лучше ли ей жить съ родственниками ея матери, которые на видъ очень добрые люди? И во всякомъ случаѣ, Габріэль, если ей тамъ не понравится, она всегда можетъ вернуться ко мнѣ.

— Но зачѣмъ же вы ее отпускаете?

— Затѣмъ, что Реквехо очень богаты, пойми, наконецъ. Инезилья будетъ жить у нихъ, какъ принцесса, и очень вѣроятно, что выйдетъ замужъ за какого нибудь богатаго коммерсанта...

— Нѣтъ, это ужъ оставьте!—воскликнулъ я внѣ себя.—Что такое вы толкуете о замужествѣ Инезильи? Она выйдетъ только за меня. Подите-ка, поговорите съ ней о женихахъ!

— Это правда, я совсѣмъ и забылъ,—сказалъ патеръ съ оттѣнкомъ насмѣшки.—Жениться въ семнадцать лѣтъ! Да что же бракъ—это игрушка, что ли? И потомъ скажи мнѣ, пожалуйста, сколько ты зарабатываешь въ типографіи?

— Около трехъ реаловъ въ день.

— Это значить девяносто три реала въ мѣсяцъ изъ тридцати одного дня. Видишь ли, когда Инезилья каждый день привыкнетъ ѣсть курицу за обѣдомъ и индюшекъ по праздникамъ, когда она будетъ хорошо одѣваться, то врядъ ли она благосклонно посмотритъ на претендента, зарабатывающаго девяносто три реала въ мѣсяцъ.

— Это ужъ ея дѣло выбирать,—рѣзко отвѣтилъ я:—я знаю, что она меня любить и не промѣняетъ на сотню этихъ Реквехо. Въ концѣ концовъ, скажите мнѣ, радге Челестино, вы дѣйствительно рѣшились отпустить ее сегодня же вечеромъ съ Мауро?

— Рѣшился, милый мой, для меня это дѣло совѣсти.

— А кто же это вамъ сказалъ, что на девяносто три реала нельзя содержать семью? Я хочу жениться; да-съ, сеньоръ.

— Жениться въ семнадцать лѣтъ, когда бракъ не долженъ совершаться раньше тридцати пяти? Жизнь проходитъ быстро, пожди немного. Со временемъ вы можете жениться.

— Но вѣдь я и теперь могу получить хорошее мѣсто.

— Это вовсе не такъ легко, какъ ты думаешь.

— Почему же? Вѣдь мѣста созданы для того, чтобъ ихъ раздавать тѣмъ, кто въ нихъ нуждается.

— Милый мой, пріемныя переполнены просителями. Вспомни, не смотря на то, что я землякъ, другъ и, кажется, даже родственникъ Principe de la Paz, но и я ждалъ мѣста цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ.

— Да, но теперь вы бываете у принца Годоя и разговариваете съ нимъ, вы могли бы попросить для меня какое нибудь мѣсто.

— Ахъ!—воскликнулъ патеръ Челестино,—я никогда не забуду того дня, когда я представилъ себя его свѣтлости, и тѣхъ ласковыхъ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНИЕ.

НОЯВРЬ, 1893 г.

	стр.
I. Отжившіе типы. Кузина Катя. I—VII. Н. И. Мердеръ (Северинъ)	313
II. Наброски въ прошлаго. I. Князя Д. Д. Оболенскаго	349
III. Пограничная крѣпость. (Посвящается Ив. Ал. Бедрягѣ). VII—X. (Продолженіе). А. И. Лемана	375
IV. На новыхъ мѣстахъ. (Изъ записной книжки). VI—IX. (Окончаніе). Н. В. Сорокина	406
V. Изъ воспоминаній артиста А. А. Нильскаго. (Провинція). IV—VI. (Продолженіе)	435
VI. Борисъ Годуновъ. 1584—1603. (Опытъ характеристики). I—V. А. Е. Мерцалова	460
VII. Забытый герой. С. А. Адрианова	476
VIII. Баранта. Эпизодъ на большой дорогѣ въ Китаѣ. (Изъ дневника). Г. Е. Грумъ-Гржимайло	494
Иллюстраціи: 1) Китайскій постоялый дворъ.—2) Китайскій оберъ-офицеръ.—3) Китайскій солдатъ Зеленаго знамени.	
IX. Либеральный цензоръ и профессоръ-пессимистъ. (Біографическій очеркъ). II. Никитенко въ царствованіе Николая I. (Продолженіе). В. Р. Зотова	511
X. Дипломатія въ манежѣ. (По документамъ, заимствованнымъ изъ Саксонскаго архива въ Дрезденѣ). А. Г. Брикнера	559
XI. Изъ нравовъ недавняго времени. А. А. Танкова	566
XII. Критика и бібліографія	572

1) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Томъ I. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ до учрежденія Виленскаго учебнаго округа, 1783—1803. Изданіе министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1893. М. С.—2) П. Житенцкій. Мысли о народныхъ малорусскихъ думкахъ. Киевъ. 1893. С. Т.—снѣго.—3) П. Ковалевскій. Иванъ Грозный и его душевное состояніе. Харьковъ. 1893. В. Б.—4) Исторія среднихъ вѣковъ. (Курсъ систематическій). Примѣнительно къ послѣдней программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, составилъ К. А. Ивановъ. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1893. Н. Рыжкова.—5) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпуски XIII (съ 14 таблицами), XIV, XV и XVI. Тифлисъ. 1892—1893. Н. О.—6) Завѣщаніе отеческое. Сочиненіе П. Т. Посошкова. Новое изданіе, дополненное вновь открытою второю половиною «Завѣщанія». Издано подъ редакціей Е. М. Прилежаева. Спб. 1893. В. Б.—7) Д. А. Столыпинъ. О существованіи научныхъ естественныхъ законовъ для общественныхъ явленій. Къ рѣшенію вопроса объ общинѣ. Москва. 1893. М. Л.—снѣго.—8) Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями, бібліографическими прилѣжаніями и портретами. Издается подъ редакціей С. А. Венгерова. Выпускъ I. Спб. 1893. М. М.—9) Въ память девятисотлѣтняго юбилея Волынской епархіи (992—1892). Городъ Владиміръ, Волынской губерніи, въ связи съ исторіей Волынской іерархіи. Историческій

См. слѣд. стран.

очеркъ Н. И. Теодоровича. (съ 9-ю гравюрами. Почаевъ. 1893. В. Б.—10) La littérature russe. Notices et extraits des principaux depuis les origines jusqu'à nos jours. Par Louis Leger, professeur au Collège de France. Paris. 1893. И. Жукова

XIII. Историческія мелочи 588

1) Кто были прародители народовъ Западной Европы.—2) Открытіе Англии греками въ 330 г. до Р. Хр.—3) Королева Елизавета, какъ союзница турокъ и торговка невольниками.—4) Сподвижница Орлеанской Дѣвы.—5) Столѣтняя годовщина смерти Маріи-Антуанетты.—6) Статуя Андреаса Гофера.—7) Мемуары Макъ-Магона.—8) Отчего Гуно не сдѣлался монахомъ.—9) Французскіе журналы о Россіи.

XIV. Заграничныя историческія новости 606

XV. Смѣсь 614

1) Трехсотлѣтняя годовщина Донскаго монастыря.—2) Присужденіе премій митрополита Макарія.—3) Пятидесятилѣтній юбилей барона Ф. А. Бюлера.—4) Двадцатипятилѣтній юбилей генерала Драгомирова.—5) Александровская публичная библіотека въ Самарѣ.—6) Классическое отдѣленіе Императорскаго Русскаго археологическаго общества.—7) Некрологи: И. Д. Попка; В. Т. Сверчковъ; Ю. Х. Клохъ; А. Н. Плещеевъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Ф. И. Лысенка**.—2) Дворъ Карла IV. (La corte de Carlos IV). Историческій романъ **Переса Гальдоса**. Переводъ съ испанскаго **Е. И. Уманецъ**. XXX—XXXVIII. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» **А. С. Суворова**.

ФЕДОРЪ ИЛЬИЧЪ ЛЫСЕНКО.

доч. цез., сиб. 20 октября 1893 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ СЕНТЯБРЬ 1893 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

- Агинъ, А.** Сто четыре рисунка къ поэму Н. В. Гоголя „Мертвыя душа“. 4-е изд. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Альтгаузенъ, Э.** Основы и принципы аптекарскихъ таксъ. М. 1893 г. Ц. 60 к.
- Андерсенъ.** Полное собраніе сказокъ въ переводѣ С. Майковой. Т. III. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к.
- Анненская, А.** Робинзонъ-Крузе. Новая переработка темы Де-Фо. Съ 10-ю картинками и 35 политип. Изд. 4-е. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Арефа, Н.** Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ. Сост. по офиц. изданію 1892 г. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Арцишъ, В.** Порча и ремонтъ паровоза. Вып. I. Порча и ремонтъ паровознаго котла. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Пенза. 1893 г. Ц. 1 р.
- Барановъ, А.** Собраніе стихотвореній крестьянина-ярославца. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Бенетова, М.** Друзья челоѣчества). Сердечное слово, № 9). Спб. 1893 г. Ц. 10 к.
- Беллами, Э.** Черезъ 100 лѣтъ. Соціологическій романъ. Съ прибавленіемъ научно-предсказательнаго очерка Ш. Рише „Куда мы идемъ“. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Васильевъ, А.** Сборникъ памятниковъ византийскаго литературн. Anecdota graecobyzantina. Pars prior. М. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вербицкій, В.** Алтайскіе инородцы. Сборникъ этнографическихъ статей и изслѣдованій алтайскаго миссіонера, подъ ред. А. Ивановскаго. М. 1893 г. Ц. 2 р.
- Виларе, А., д-ръ.** Энциклопедическій медицинскій словарь. Пер. подъ ред. проф. И. Тарханова и д-ра В. Окса. Спб. 1893 г. Выходить выпусками по 60 коп. каждый. Вышелъ выпускъ 20-й.
- Виндельбандъ.** Исторія древней философіи. Съ прил. *Виндельбанда*—Августинъ и Средніе вѣка. *Фульме*—Исторія схоластики. Перев. слух. Высш. Женск. Курс. подъ ред. проф. А. Введенскаго. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Волжинъ, В.** Наши тулуповцы. Повѣсти. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Гаммондъ, Ф., проф.** душ. и нервн. болѣзней. Сонъ, безсонница и разстройство сна. Гигіена ночи. Спб. 1894 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
- Гартенбахъ, д-ръ.** Искусство пріобрѣсти превосходную память. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Гвоздиковъ, Б.** Учебникъ теоріи словесности. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.
- Георгіевскій, П.** Историческій очеркъ развитія путей сообщенія въ XIX вѣкѣ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Геркулесъ-Рюрикъ, О.** Краткое объясненіе, что такое право, и изложеніе исторіи русскаго права. Смоленскъ. 1893 г. Ц. 10 к.
- Гиляровъ, А.** Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы (1881—1893). Кіевъ. 1894 г. Ц. 3 р.
- Гладновъ.** Фехтованіе на шашкахъ и пикахъ для занятій въ строевыхъ частяхъ конницы и артиллеріи. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Голицынъ, Д., князь (Муравлинъ).** Дѣти. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гольдштейнъ, С.** Научныя основы кухоннаго искусства. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.
- Горбатовъ, П.** Бесѣда о „движеніи“. Спб. 1893 г. Ц. 25 к.
- Городцевъ, П.** Очерки христіанскаго православнаго вѣроученія. Съ указаніемъ и съ краткимъ разборкомъ разностей католическаго, лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Греческіе классики въ русск. переводѣ В. Краузе: Филоклетъ, драма Софокла. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

Гротъ, К. Мадыяры и славяне въ прошломъ. Историч. справки о славизмѣ въ государств. жизни Угрии. Варшава. 1893 г. Ц. 25 к.

Грѣшница. Поэмы И. Полежаева, А. Толстого, В. Крестовскаго и Д. Минаева. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

Гурвичъ, П. Сиятезь глюкозы и современное воззрѣніе на строеніе этихъ соединений. Казань. 1893 г. Ц. 40 к.

Гусевъ, А. Основныя „религіозныя“ начала гр. Л. Толстого. Апологетическое сочиненіе. Казань. 1893 г. Ц. 2 р.

* Гого, В. Трудники моря. Романъ въ 3-хъ томахъ. (Дешеваѣ бібліотека А. С. Суворина, №№ 240, 241 и 242). Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

* — Тоже на велеевой бумагѣ. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей, въ огранич. колич. экз.). Ц. 1 р. 50 к.

Даниловъ, И. Положеніе о сельскомъ состояніи, дополненныя всѣми позднѣйшими узаконеніями, съ разъясняющими ихъ извлеченіями изъ рѣшеній Прав. Сената, циркуляр. минист. внутр. дѣлъ и др. распоряж. правит. (Въ 4-хъ частяхъ). Часть I. Общее положеніе и положеніе о выкупѣ (прод. 1890—1891 гг.). Изд. 4-е, испр. и доп. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

Дмитріевъ, И. Руководство къ обученію письму и скорописи, согласованное съ современными требованіями школьной гигиены. Пособіе для учащихся въ школѣ и дома. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.

Дорошевичъ, В. «Папильоти». Юмористическій сборникъ. М. 1893 г. Ц. 60 к.

Duval, M., et P. Constantin. Элементарный учебникъ анатоміи и физиологіи чловѣка. Пер. съ франц. В. Фаусека. Съ 368 рис. въ текстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Егоровъ, П. Практическій способъ „легко научиться правильно писать“. Для самообученія. Екатеринославъ. 1893 г. Ц. 40 к.

Езерскій, Э. Капитальная книга и календарь-счетоводъ на 1894 г. Ц. въ перепл. 60 к.

Жераръ, Э. Курсъ электричества. Вышла 2-я половина тома I и выдается подписчикамъ. Спб. 1893 г. Ц. за полное изданіе 8 р.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова: *Савонарола*, его жизнь и обществ. дѣятельность, біограф. очеркъ А. Шеллера. — *Робертъ Оуэнъ*, его жизнь и обществ. дѣятельность, біограф. очеркъ А. Каменскаго. — Э. Кантъ, его жизнь и философск. дѣятельность, очеркъ М. Филиппова. —

В. Перовъ, его жизнь и художеств. дѣятельность, очеркъ Л. Дитерихса. Съ портретами. Спб. 1893 г. Ц. 25 к.

Заводская книга русскихъ рысаковъ. Сост. по распоряженію Гл. Упр. Гос. Конноз. подъ ред. Ю. Юрлова. Томъ XVI. Спб. 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Золотавинъ, Н. Бесѣды о холерѣ. Что нужно знать, чтобы уберечься отъ нея, и какъ это сдѣлать. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 20 к.

* Иллюстрированная жизнь животныхъ по Брэму и многимъ другимъ источникамъ въ популярномъ изложеніи *Эльте*. Домашняя кошка. Съ 1-й хромолитографіей и 9 рис. въ текстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Историческій очеркъ обложенія и промысловъ въ Россіи, съ прил. матеріаловъ по торгово-промышленной статистикѣ. (Изд. департамента торг. и мануфактуръ). Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Календарь для учащихся 1893—94 г. Кіевъ. Ц. въ перепл. 40 к.

Календарь-ежедневникъ на 1894 г. (изд. Э. Гоппе). Ц. 75 к.

— Тоже на глянцевиой папкѣ съ золотомъ. Ц. 75 к.

Календарь Большой Ежедневникъ на 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Тоже на глянцевиой папкѣ съ золотомъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Для хозяекъ на 1894 г. Ц. 1 р.

Казанская, А. Рассказы изъ народнаго быта для дѣтей: Анна.—Няня.—Маринка. Кіевъ. 1893 г. Ц. каждой книги 10 к.

Кантъ, И. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки. Перев. В. Соловьева. (Труды Моск. Псих. Общ. Вып. II). Изд. 2-е. М. 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Каринскій, М. Объ истинахъ самоочевидныхъ. Вып. I. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кауфманъ, И. Государственный долгъ Англіи съ 1688—1890 г. Опытъ историко-статистической монографіи кредитныхъ операцій, производившихся въ Англіи въ связи съ экстра-ординарными финансами. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Кенигсбергъ, М. д-ръ мед. Главныя основы анатоміи, физиологіи и гигиены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рис. въ текстѣ. Оренбургъ. 1893 г. Ц. 2 р.

Кнейппъ, С. Мое водолеченіе. Средства для излеченія болѣзней и сохраненія здоровья. Съ рис. въ текстѣ. Пер. съ 46 нѣм. изданія Б. Заффермана. Изд. 2-е. Кіевъ. 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Книжный Вѣстникъ. Журн. книж. торговли, издательской и литературной дѣя-

- тельности въ Россіи. Выходитъ 1 разъ въ мѣсяцъ. №№ 7 и 8. Ц. 60 к.
- Нобеляцій, А.** Полный сборникъ узаконеній о наймѣ рабочихъ на фабрики, заводы и мануфактуры; о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, о фабричной инспекціи и о надзорѣ за заведеніями фабрично-заводской промышленности. Съ толкованіями и разъясненіями. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Новалевскій, С.** Учебники физики для средне-учебныхъ заведеній. Изд. 3-е, пересмотрѣнное. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 20 к.
- Коренблигъ, А.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вышелъ выпускъ XIV. М. 1893 г. Ц. 40 к.
- Ночетова, О.** Краткая пластическая анатомія для начинающихъ. Съ 90 р. на отд. таблиц. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.
- Крашевскій, Остапъ** Бондарчукъ. (Моя Библ., №№ 37, 38, 39 и 40). Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.
- Крижаничъ, Ю.** Собраніе сочиненій. Вып. III. М. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Крыжановская, В.** (Рочестеръ). Торжище брака. Романъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Местъ еврея. Романъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лебедевъ, Н.** Изъ военнаго быта. Рассказы. Спб. 1893 г. Ц. 30 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Пособіе. Рассказъ. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и народа. № 13). Спб. 1893 г. Ц. 3 к.
- Марьенголь, Ж.** Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени 1270—1610. Переводъ съ франц. Съ 111 рис. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Мебиусъ, Д-ръ.** Гигіена, діета и леченіе нервныхъ людей. Пер. съ нѣм. подъ ред. д-ра мед. Ершова. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Мерсье.** Вырази съ солями золота. (Библ. фотографа, кн. 2-я). Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Месковскій, А.** Образцовый самоучитель нѣмецкаго языка. Составлено для русскихъ по новѣйшей американской системѣ, д-ровъ Г. и М. Розенталя. Съ прил. „Ключа“. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.
- Михельсонъ, М.** Мѣткія и ходячія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ словицъ, изреченій и выраженій. Спб. 1894 г. Ц. въ пер. 4 р.
- Настольный энциклопед. словарь.** Вып. 72-й (Нажакъ-Насоновъ). 1 рис. М. 1893 г. Ц. 30 к., на велен. бум. 40 к.
- Нечаевъ, А.** Пиръ. Философская поэма любви. Опытъ поэтическаго изложенія Платона. Спб. 1893 г. Ц. 15 к.
- Новые матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII и XVIII вв.** Собранны М. Лилеевымъ. Кіевъ. 1893 г. Ц. 2 р.
- Носенно, Д.** Производство дѣлъ объ узаконеніи и уснотвл. дѣтей. М. 1893 г. Ц. 80 к.
- N. O. De gré ou de force.** Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Нюрнбергъ, А.** Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками. Съ прил. всѣхъ новыхъ узаконеній. Изд. 2-е, исправленное и значит. дополненное. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Обзоръ иностранныхъ законодательствъ о промышленномъ обложеніи.** Изд. Департ. торговли и мануфактуръ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- «Отче нашъ». 16 картинъ Поля Тумана. Съ прил. стихотворенія М. Лотера. Вольный переводъ А. Коринфскаго. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Павловъ, А.** Элементарная геометрія съ практическими приложеніями для городскихъ училищъ. Съ 548 рис. въ текстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.
- Павловская, Л.** Холерные годы въ Россіи. Историческій очеркъ. Съ 18-ю рис. Спб. 1893 г. Ц. 20 к.
- Пастернацій, Э.** Газированное молоко, какъ вкусовой, питательный и цѣлебный напитокъ, и способъ его приготовленія. Съ 6-ю рис. въ текстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 45 к.
- Пасыпкинъ, А.** Раздѣленіе угла на нечетное число равныхъ частей. Спб. 1893 г. Ц. 35 к.
- Перебаскинъ, Н.** Элементарная механика съ дополнительными статьями къ математикѣ. Курсъ механики для военныхъ училищъ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 30 к.
- Передольскій, В.** Бытовые остатки поселеніевъ Ильменско-Волховскаго побережья и земель Велико-Новгородскаго Державства каменнаго вѣка. Объясненіе Археологической выставки въ Николаевскомъ дворцѣ въ Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Планъ С.-Петербурга,** съ показаніемъ сѣти конно-железныхъ дорогъ, описаніемъ улицъ, по которымъ проходятъ линіи и вратками правилами движенія. Спб. 1893 г. Ц. 20 к.
- * **Плутархъ.** Сравнительныя жизнеописанія Г. VII, вып. 1-й Фокіонъ и Катонъ младшій. (Деш. Библіотека А. С. Суворина, № 175). Ц. 15 к.
- Тоже на велен. бумагѣ. 30 к.
- Поваренное руководство.** Вып. 12-й (Статья о кумысѣ и кефирѣ.—Печь. Сах. глазурь.—Кремы). М. 1893 г. Ц. 10 к.
- Посошковъ, И. Т.** Забѣщаніе отеческое. Новое изданіе, дополнено вновь открытою второю половиною забѣщанія. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Постери, Э.** Подъ маской благочестія.

Историческій романъ-хроника. Перев. съ итальянск. Спб. 1893 г. Ц. 1^р.

Преображенскій, Ф. Вопросы крестьянскаго самоуправления. Сельскія учрежденія и должностныя лица. М. 1893 г. Ц. 50 к.

Ребьеръ. Курсъ элементарной тригонометрии и собраніе примѣровъ и упражненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Рейхъ, М. д-ръ. Научно популярная оптическая гигиена глазъ. Для педагоговъ, учителей, студентовъ, врачей неопулистовъ, образованныхъ людей вообще. Съ 11-ю рис. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Рибо, Г. Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Пер. съ 8-го дополн. франц. изданія. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Пер. съ франц. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими примѣчаніями и портретами. Издается подъ ред. С. Венерова. Вып. I. *Каптемиръ*, П. *Тредьяковский*, III. *Домошсовъ*. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Русскія народныя картины. Собралъ и описалъ Д. А. *Ровинскій*. Атласъ. Т. IV. Ц. 25 р., въ перепл. 30 р.

Русская хрестоматія. Курсъ пригот. и 1-го кл. ср. учеб. завед. Спб. 1893 г. Ц. 15 к.

Русскіе писатели въ классѣ. Редакція П. *Вейнберга*. Выпускъ IV. *Карамзинъ*. Изд. 3-е. Спб. 1893 г. Ц. 30 к.

«Сельскій хозяинъ». Еженедѣльное иллюстрированное изданіе, К. И. Масленникова. №№ 43, 44, 45 и 46. Спб. 1893 г. Ц. отд. № 20 к.

Сигалинъ, Н. О пользѣ кефира при холерной эпидеміи. Варшава. 1893 г. Ц. 25 к.

Сигеде, С. Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. Новгородъ. 1893 г. Ц. 60 к.

Сногъ, Вальтеръ. Пертская красавица. День св. Валентина. Историч. романъ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Смирновскій, П. Маленькая русская хрестоматія для дѣтей, проходящихъ курсъ русскаго языка, соотв. пригот. классу при гим. Мин. Нар. Просв. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 15 к.

Собраніе римскихъ и греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ, съ примѣчаніями. Геродотъ. Вып. I. 1-я книга исторіи. Ц. 50 к.—Цицеронъ. Вып. I. Рѣчь за Милона. Ц. 40 к.—Вып. IV. Рѣчи противъ Катилины. Ц. 50 к.—Вып. V.

Рѣчь за Дейотара. Ц. 30 к.—Гай Саллюстій Криспъ. Вып. II. О югуртинской войнѣ. Ц. 50 к.—Платонъ. Вып. IV. Эвтифронъ. Ц. 30 к.

Старчевскій, А. *Сибирскій переводчикъ* по линні строящейся Сибирской и Уссурийской жел. дорогъ и по всѣмъ пароходнымъ сибирскимъ рѣкамъ. (Для объясненій съ нашими инородцами, живущими на прилегающихъ къ этимъ дорогамъ и рѣкамъ мѣстностямъ). Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Страховъ, Н. Ученіе о Бобѣ по началамъ разума (въ общедоступномъ изложеніи). М. 1893 г. Ц. 40 к.

Строгановъ, В. Бактеріологическія изслѣдованія полового канала женщины въ различные періоды ея жизни. Со включеніемъ матеріаловъ къ вопросу о самозащитѣ организма противъ патогенныхъ микробовъ со стороны полового канала. Диссертация на степень д-ра медиц. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Студитскій, Ф. Школа въ лѣсу. Рассказъ. Изд. 3-е Спб. 1893 г. Ц. 10 к.

Субботинъ, А. Отъ Петербурга до Парижа. Путевныя и экономическія наброски. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

*) Суворинъ, А. С. Въ концѣ вѣка. Любовь. Романъ. Изд. 2-е Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Съворскій, Я. Памятники древне-русскаго законодательства. Русская Правда.—Судныя Грамоты.—Судебники. Съ предварительными замѣчаніями и краткимъ словаремъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Телловъ, Ф. Графъ Іоаннъ Канодистрія, президентъ Греціи. Историческій очеркъ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Тихановъ, П. Преподобные князь Олегъ и Поликарпъ, брянскіе чудотворцы. Матеріалы для русск. агіологіи. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Тонвиль, А. Воспоминанія. М. 1893 г. Ц. 2 р.

Тураевъ, Б. Очеркъ исторіи изученія финнискійской древности. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Определеніе древесныя вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ, древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. Съ 55 рис. и 2-мя таблицами. М. 1893 г. Ц. 75 к.

Фельднеръ, И. Общедоступный спутникъ механика-строителя. 4-е изданіе, исправленное и дополненное инж.-техн. А. Ладгинимъ. Съ 164 грав. на деревѣ рисунками. Киевъ. 1894 г. Ц. 2 р.

Фетъ, А. Скорби Овидія (Tristia). М. 1893 г. Ц. 1 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1894 ГОДУ

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1894 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія четырнадцать лѣтъ (1880—1893).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

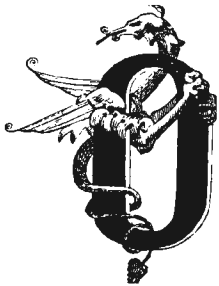
Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ОТЖИВШЕ ТИПЫ.

Кузина Катя.

I.

КАТЪ заговорили въ нашей семьѣ съ тѣхъ поръ, какъ дяденька Федоръ Николаевичъ сталъ ухаживать за тетенькой Людмилой Васильевной.

— Всѣмъ бы хороша партія: и богатъ, и чиновень, да вотъ только дѣти.

Ихъ было пять человѣкъ, малъ-мала меньше, а старшая дочь, Катенька, на всю губернію прославилась своеволіемъ и упрямствомъ.

— Бунтовщица. Сызмальства по своей волѣ живетъ. Такъ набалована, никто ей слова не скажи. Хозяйку изъ себя представляетъ. Не только что остальные дѣти и вся прислуга, но и отецъ у нея въ подчиненіи находится; всѣ, однимъ словомъ, по ея дудкѣ пляшутъ,—такъ говорили про нее тѣ, кому была извѣстна домашняя обстановка на барской усадьбѣ, въ селѣ Зобовѣ.

Наша бабушка дѣлала видъ, что она въ отчаяніи отъ тяжелой судьбы, выпавшей на долю ея любимой дочери Людмилочки.

— Выйти за вдовца съ пятью дѣтьми, ахъ, какъ это тяжело! Большую отвѣтственность беретъ на себя моя Людмилочка,—вздыхала она, поднимая глаза къ небу, точно призывая въ свидѣтели Бога, что она тутъ не при чемъ.

Ее утѣшали.

— Ничего, Варвара Ивановна, и за вдовцами, случается, что хорошо живутъ.

— Оно такъ-то такъ, а всетаки... Вѣдь вы только подумайте— пять человѣкъ дѣтей! А про старшую-то прямо говорятъ, что разбойница,—прибавляла она, таинственно понижая голосъ.

— Чтожъ вы хотите, выросла безъ матери, въ деревнѣ, какіе она примѣры видѣла, можно себѣ представить! Вапа Людмила Васильевна ее исправитъ, Богъ дастъ, вѣдь она у васъ такая умница, воспитанная.

— Да ужъ могу сказать, ничего для дѣтей не жалѣла, — съ гордостью выпрямлялась бабушка. — Три зимы сряду въ Москвѣ прожила, единственно для дочерей.

— Ну, вотъ видите, всему, значить, онѣ у васъ обучены, какъ же съ ребенкомъ не справиться?

— Дай-го Богъ! Я ее не неволила, я ей прямо сказала, когда Ѳедоръ Николаевичъ сталъ за нею волочиться: смотри, душа моя, вѣдь у него семья большущая, а про старшую его дочь всѣ единодушно говорятъ, что съ нею сладу нѣтъ. Но Людмилочка моя такая покорная да богобоязненная: «Чтожъ дѣлать, маменька, говорить, видно ужъ судьба моя такая, чтобъ несчастнымъ сиротамъ замѣсто матери быть».

— Да, да, она у васъ прекрасная дѣвушка, и Ѳедоръ Николаевичъ за счастье долженъ считать, что у него будетъ такая жена.

— Ужъ именно за счастье,—подтверждала бабушка.—Я, говорить, маменька, ужъ и теперь его дѣтей, какъ родныхъ, люблю.

Я помню, что, слушая эти бесѣды, всегда задавала себѣ вопросъ: «Зачѣмъ это бабушка говоритъ неправду?». Совсѣмъ иного рода разговоры происходили между нею и дочерью по поводу сватовства Ѳедора Николаевича. Тетенька Людмила цѣлыхъ три дня упиралась и повторяла, что ей легче живой въ гробъ лечь, чѣмъ за такого страшнаго выйти. Насилу-насилу ее, наконецъ, уломали.

— Да пойми ты, глупая, что у него тысяча душъ въ черноземной полосѣ,—внушала ей мать.

— Богатой помѣщицей будешь, полковницей,—толковали ей родственницы и родственники.

— Препочтенный и прекрасный человѣкъ,—увѣрялъ нашъ отецъ.

— И, наконецъ, надо же тебѣ замужъ выйти,—замѣчала маменька,—а такія партіи не часто представляются. Посмотри, какъ за нимъ у Зеленкиныхъ ухаживаютъ: тебѣ же будетъ хуже, если Наденька Зеленкина раньше тебя замужъ выскочитъ, вѣдь ты ее на цѣлыхъ пятнадцать мѣсяцевъ старше.

— Да вѣдь онъ старый!—жалобно растягивая слова и морщась, возражала тетенька Людмилочка.

— Глупая! Онъ на рукахъ тебя будетъ носить. Лучше, что ли, за молодого-то выйти, вотъ какъ Лиза.

Лиза была другая бабушкина дочь, старшая сестра Людмиллы.

— Много ли у нея отъ приданаго-то осталось? Муженекъ давно уже все свое растранижилъ, а теперь за ея состояніе принялся; у нихъ скоро ничего не останется. Слава Богу, что дѣтей нѣтъ. Вотъ они, молодые-то. Со старичкомъ куда покойнѣе!

Людмилочка смолкала, конечно: чтожъ ей было сказать? Всѣмъ было извѣстно, что сестра ея очень дурно вышла замужъ, что мужъ ея вѣтренникъ и кутила, и что оба они идутъ къ гибели.

Но надо и то сказать, что шли они къ гибели такъ весело, что всюду вносили за собой радость и оживленіе. Стоило имъ только къ намъ прѣхать, и смѣхъ раздавался по всему дому.

— Ахъ, Лиза, какая ты, душа моя, беззаботная!—упрекала ее часто наша мать.—Дѣла ваши такъ скверно идутъ, а ты все хочешь.

— Да развѣ они лучше пойдутъ, если я буду плакать?

— Не плакать, а быть посерьезнѣе,—съ досадой стояла на своемъ маменька.—Вотъ вы, говорятъ, Липовку продать хотите.

— Надо же съ долгами раздѣлаться.

— Но чѣмъ же вы тогда будете жить?

— Колѣ мѣсто обѣщали.

Всѣ недовѣрчиво покачивали головами на это заявленіе и тогда только убѣдились, что мужъ тети Лизы можетъ служить, когда послѣ ихъ отъѣзда въ Петербургъ мы узнали, что онъ занимаетъ генеральское мѣсто въ какомъ-то министерствѣ.

— А вѣдь какой былъ шалопай,—дивились всѣ.

Но это случилось много позже, а въ то время, когда тетюшку Людмилочку отдавали замужъ, ничего подобнаго невозможно было предвидѣть, и бабушка, радуясь, что хоть одной изъ ея дочерей представляется хорошая партія, пугаломъ выставляла ей примѣръ старшей сестры.

Наконецъ, ее уговорили, и она была торжественно объявлена невѣстой.

По этому поводу разговоры про дѣтей Ѳедора Николаевича не смолкали, особенно всѣхъ интересовала эта дѣвочка Катя, съ которой сладу не было.

Мы, разумѣется, добивались узнать: что она именно дѣлаетъ? Неужели только грубить, не слушается и шалить? Но на всѣ наши вопросы старшіе отвѣчали уклончиво, видно было, что и сами они хорошенько не умѣютъ опредѣлить дурныя свойства этого ребенка.

Когда мы шумѣли при гостяхъ, намъ говорили: «Вы хотите чтобъ васъ, какъ Катю Зобину, по всему городу осуждали?».

То же самое говорилось, когда мы дрались между собою, капризничали, или лѣнились.

У нея, значить, были тѣ же самые пороки, что и у насъ, но было еще и другое, о чемъ старшіе разсуждали всегда шепотомъ, предварительно выгнавъ вонъ изъ комнаты дѣтей.

Господи, въ какомъ мы были волненіи отъ любопытства!

И вдругъ, намъ совершенно случайно удалось проникнуть въ эту тайну. Разъ какъ-то, не замѣтивъ моего присутствія, тетенька Елизавета Васильевна сказала, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если эта дѣвочка не хочетъ, чтобъ у нихъ была мачеха.

— Она вѣрно очень любитъ отца и ревнуетъ его...

Вотъ, значить, въ чемъ штука! Эта дѣвочка не хочетъ, чтобъ отецъ ея женился на тетенькѣ Людмилѣ.

Я побѣжала сообщить объ этомъ братьямъ. Не знаю, почему именно, но намъ это такъ понравилось, что мы съ этой минуты единогласно рѣшили любить эту Катю.

«Любить» по нашимъ понятіямъ значило жалѣть ее, объяснять всякій ея поступокъ въ хорошую сторону и вообще принимать въ ней самое горячее участіе.

Рѣшеніе это, конечно, надо было держать въ секретѣ отъ старшихъ, и обстоятельство это придавало нашему заговору особенную таинственную прелесть.

Все время, пока тетенька Людмила была невѣстой, а также во время свадебныхъ пиршествъ, длившихся добрыхъ десять дней, у насъ въ дѣтской только и рѣчи было, что про Катю.

Мелькнула было надежда, что мы ее увидимъ; кто-то сказалъ, что Ѳедоръ Николаевичъ хочетъ выписать дѣтей на свою свадьбу. Но всѣ противъ этого возстали и первая бабушка.

— Для чего это, помилуйте! Людмила сама еще ребенокъ, и вдругъ пять человекъ дѣтей, да это даже неприлично, поймите же, наконецъ!

Но женихъ этого не хотѣлъ понимать.

— Да вѣдь она взялась замѣнить моимъ дѣтямъ мать,—говорилъ онъ съ сдержаннымъ гнѣвомъ.

— Да, и она исполнить свое обѣщаніе, она посвятить и вамъ, и вашимъ дѣтямъ всю свою жизнь, но дайте ей хоть немного освоиться съ новымъ положеніемъ, нельзя же такъ вдругъ все на нее наваливать. Она у меня въ такой скромности воспитывалась, такъ чиста и невинна, понятія не имѣетъ о томъ, что такое бракъ, вы ее беречь должны, а не пугать и не конфузить.

— Вотъ именно для избѣжанія конфуза я и предлагалъ обвѣнчаться какъ можно скромнѣе, вдали отъ любопытныхъ глазъ, въ нашей сельской церкви, — угрюмо возразилъ Ѳедоръ Николаевичъ.

Но тутъ ужъ бабушка вознегодовала еще больше и объявила, что дочь ея не какая нибудь дѣвочка простаго званія, чтобъ вѣнчаться безъ всякой помпы, тайкомъ.

И Федоръ Николаевичъ какъ ни морщился, а долженъ былъ покориться всѣмъ требованіямъ своей будущей тещи, дѣтей оставить въ деревнѣ, и пышную свадьбу справить, вѣнчаться въ соборѣ, съ архіерейскими пѣвчими и голосистымъ дьякономъ, и, наконецъ,—а это ему было всего непріятнѣе,—нанять въ городѣ меблированную квартиру съ людьми и экипажами, чтобъ было куда пріѣхать ему съ молодой женой изъ церкви.

— Не лучше ли намъ прямо въ деревню ѣхать?—пытался онъ протестовать.

— Въ деревню? Сейчасъ послѣ вѣнца? Да что съ вами, Федоръ Николаевичъ! Вѣдь Людмилочка васъ еще вовсе не знаетъ, дайте же ей къ вамъ, по крайней мѣрѣ, привыкнуть, прежде чѣмъ совсѣмъ оторваться отъ матери и отъ родныхъ.

Онъ уступилъ. Да и какъ было не уступить, когда онъ былъ влюбленъ. И не такія бы жертвы принесъ онъ, чтобъ сдѣлаться мужемъ «розончика», какъ онъ называлъ свою невѣсту.

Названіе это къ ней шло: она дѣйствительно напоминала розу свѣжестью и румянцемъ. Какъ это случилось, что онъ не разглядѣлъ въ ея голубыхъ глазахъ того страннаго, далеко не дѣтскаго упорства, которое замѣчали въ нихъ даже мы, дѣти, а въ изгибахъ рта выраженіе капризной гримаски, появлявшейся каждый разъ, когда она была чѣмъ нибудь недовольна! За эту гримаску ей много доставалось отъ старшихъ, она ее старила лѣтъ на пять, по крайней мѣрѣ, и врядъ ли Федоръ Николаевичъ влюбился бы въ свою жену, еслибъ онъ увидѣлъ ее на миломъ личикѣ въ первую минуту ихъ встрѣчи. Тогда совсѣмъ другое впечатлѣніе произвела бы на него тетенька Людмила. И впечатлѣніе это сохранилось бы, заслоняя собой, точно волшебной завѣсой, все остальное.

Не понимаю, почему называли его у насъ въ семьѣ старымъ,—тоже предвзятое убѣжденіе, явившееся Богъ знаетъ откуда. Правда, что блѣдное, болѣзненное лицо его, съ глубокими, черными глазами, было серьезно, задумчиво и рѣдко улыбалось, но у него не было ни одного сѣдого волоса ни въ длинныхъ, черныхъ усахъ, ни въ высокомъ кокѣ, тоже черномъ, какъ смоль, а улыбка его была предобрая. Онъ былъ очень недурень, нашъ новый дяденька, и ему было всего на всего тридцать семь лѣтъ, когда онъ женился во второй разъ, но когда дамы цѣлаго города рѣшались что нибудь, такъ и остается, какъ бы ни противорѣчило ихъ убѣжденіе здравому смыслу и дѣйствительности.

Мужчины были о немъ другого мнѣнія, говорили, что онъ далеко бы пошелъ, еслибъ вмѣсто того, чтобъ выйти въ отставку, когда его ранили на войнѣ, онъ перешелъ въ статскую службу, и всѣ серьезные люди, начиная съ нашего отца, находили его замѣчательно умнымъ и образованнымъ человѣкомъ.

Онъ поселился въ деревнѣ послѣ смерти первой своей жены, скончавшейся родами. Меньшему его сыну было три года, когда онъ женился во второй разъ, а старшей, пресловутой Катѣ, тринадцать. Въ промежуткѣ была еще дѣвочка лѣтъ восьми, да два мальчика, девяти и десяти лѣтъ.

Тетеньку Людмиллу Ѳедоръ Николаевичъ увидалъ въ первый разъ на дворянскомъ балѣ, во время выборовъ.

До сихъ поръ ее еще не вывозили, хотя ей ужъ минуло восемнадцать лѣтъ. Но у бабушки были какія-то свои комбинаціи, въ силу которыхъ рѣшено было Людмиллу годомъ позже противъ общепринятыхъ правилъ произвести въ чинъ взрослой дѣвицы.

Балъ былъ на славу. Съѣздъ дворянъ огромный, и въ блестящихъ кавалерахъ недостатка не было. Хорошенькими же и богатыми невѣстами наша губернія тогда славилась, но, не смотря на конкуренцію, тетенька Людмила произвела эффектъ.

Правда, что бабушка мастерски умѣла свой товаръ лицомъ показать.

Людмилочка, бѣленькая, нѣжная блондинка, съ голубыми глазами, была въ бѣломъ *tulle d'illusion* платьѣ, подхваченномъ букетами изъ незабудокъ; гирлянда изъ тѣхъ же цвѣтовъ, была приколота на ея пышно взбитые локоны. Въ этомъ нарядѣ она была похожа на ангела, посланнаго съ неба для утѣшенія смертныхъ. Невинная улыбка, скромно опущенные глазки, нѣжный румянецъ на щечкахъ—все это прельстило Ѳедора Николаевича. Онъ сталъ про нее разспрашивать, не скрывая своего восхищенія этимъ олицетвореніемъ невинности и чистоты.

Разумѣется, это тотчасъ же было донесено бабушкѣ, которая мигомъ сообразила выгоду положенія: полковникъ, тысяча душъ, у дѣтей отдѣльное состояніе отъ матери, можно такъ устроить, что при жизни онъ все свое личное имущество передать женѣ...

Атака была поведена искусно. Передъ масляницей Ѳедоръ Николаевичъ сдѣлалъ предложеніе, а свадьбу назначили на красную горку.

Съ приданымъ такъ торопились, что не только у бабушки, но и у насъ, а также у тетеньки Елизаветы Васильевны, дворовыя дѣвки шили по цѣлымъ днямъ и по цѣлымъ ночамъ напролетъ. А, кромѣ того, выписали множество нарядовъ изъ Москвы, да и здѣшнимъ модисткамъ заказано было не мало.

Хорошо, что бѣлье, вышивки и прочее давно ужъ было готово, а то ни за что бы не справиться въ такой короткій срокъ.

Постомъ женихъ раза два ѣздилъ въ свое имѣніе, верстъ за триста отъ нашего города, и единственно для того, чтобъ навѣстить дѣтей.

Бабушкѣ это было очень непріятно.

— Могъ бы, кажется, и повнимательнѣе быть къ невѣстѣ, не negliжировать ею для дѣтей. Людмилочка вчера новое платье къ

обѣду для него надѣла, у насъ мороженное было заказано, и любимое его вино приготовлено, а онъ человѣка съ запиской прислалъ: «не могу быть, потому что въ деревню долженъ ѣхать». А чего долженъ, просто отъ этой дряни, Катъки, посланный прискакалъ съ письмомъ, требуетъ, вѣрно, паленку домой. Противно дѣлается, когда подумаешь, какъ онъ ее балуетъ!

— Такое еще дитя, а сколько ужъ въ ней каверзы, — смиренно замѣчала приживалка Надежда Акимовна.

— Эхъ, розга-то по ней плачетъ! — подхватывала другая бабушкина наперстница, Марья Антоновна, столь же грубая и рѣзкая, сколько первая была вкрадчива и сладкорѣчива. — Много съ нею будетъ хлопотъ нашей Людмилѣ Васильевнѣ.

— Да, ужъ нечего сказать, птичка, должно быть, — соглашалась бабушка.

И, обращаясь къ дочери, прибавляла:

— Ты, Людмилочка, первымъ долгомъ такъ должна себя поставить, чтобъ всѣ къ тебѣ въ домѣ со страхомъ и уваженіемъ относились, какъ къ хозяйкѣ, понимаешь?

— Да, маменька.

— Никому спуску не давай, ни челяди, ни дѣтямъ, а главное этого змѣеныша, Катъку, въ руки заberi, чтобъ она у тебя пикнуть не смѣла. Такая еще дѣвченка, а какую силу себѣ забрала, скажите, пожалуйста! Да это даже неприлично, въ куклы бы должна еще играть, дрянъ эдакая.

Но въ менѣе интимномъ кружкѣ бабушка выражалась другимъ тономъ. На соболѣзнованіе городскихъ дамъ она отвѣчала со вздохами, что на все воля Божія. Онъ послалъ крестъ ея Людмилочкѣ, Онъ поможетъ его и нести.

Крестъ — это была Катя.

— Замужъ бы ее скорѣе отдать, — совѣтовали дамы.

— Ахъ, это всего было бы лучше, — соглашалась бабушка.

— А сколько за нею?

— Да у каждаго изъ дѣтей по двѣсти душъ въ Московской губерніи. Мать ихъ оттуда была. Да капиталъ тысячь въ сто на имя дѣвочекъ какимъ-то ихъ дядей положенъ. Каждой по пятидесяти тысячь достанется.

— Богатыя невѣсты, значить. А собой какова она? — любопытствовали дамы.

— Не дурна, говорятъ, худая только, да черная, въ отца.

— Отъ злости, — рѣшали дамы.

Бабушка отвѣчала на это только вздохомъ. Но когда гости уѣзжали, она обращалась къ намъ съ такой фразой:

— *Voilà ce que c'est que d'être méchant, mes enfants*, весь городъ про эту дѣвочку знаетъ, прославилась, нечего сказать.

Что насъ тогда всего больше интересовало, это — сколько ей лѣтъ.

Изъ того, что про нее говорили, никакъ нельзя было этого узнать. Если она ребенокъ, и если ее еще сѣчь можно, то значить замужъ ее нельзя отдавать. Кто же былъ правъ—тѣ ли, кто требовалъ отъ нея, чтобъ она въ куклы играла, или тѣ, кто совѣтовалъ ей скорѣе жениха найти?

Мы терялись въ догадкахъ.

А между тѣмъ дѣло было очень просто. Катенька была именно въ такомъ возрастѣ, когда ее еще, *à la rigueur* и по тогдашнимъ понятіямъ, отлично можно было высѣчь, а года черезъ два и даже раньше ничего не стоило и замужъ ее выдать. Въ то время частенько вѣнчали пятнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ, а ей, какъ выше сказано, ужъ минуло тринадцать.

Какъ намъ ее хотѣлось видѣть, эту дѣвочку, про которую такъ много говорили!

Но желанію этому не суждено было въ скоромъ времени осуществиться.

Слухи про Катю не умолкали. Каждый день бабушка пріѣзжала къ намъ жаловаться на тяжелый нравъ своего новаго зятя и на то, что и Людмила стала совсѣмъ другая съ тѣхъ поръ, какъ замужъ вышла.

— Безчувственная какая-то сдѣлалась и никому не рада, даже мнѣ. Онъ, должно быть, страсть какъ ревнивъ, никого у нихъ никогда не встрѣтишь. Да и понятно, кому же охота его гримасы переносить! Вчера я къ нимъ послѣ обѣдни съ Марьей Антоновой заѣхала, такъ онъ все время молча сидѣлъ, уткнувшись носомъ въ газету. Въ деревню ужъ собираются. Не только что бала, но даже и вечеринки не хочетъ дать. Скупущій. Обѣдомъ никого не покормить. Надняхъ губернаторъ у нихъ пѣлый вечеръ просидѣлъ, такъ хоть бы закуску подали, ничего, одинъ только чай. А Людмила, представьте, отлично поняла его характеръ и ужъ выучилась къ нему поддѣлываться, тоже стала мнѣ грубить. «Оставьте насъ, маменька, въ покоѣ», говоритъ. Какъ вамъ это нравится? Точно я къ нимъ для того ѣзжу, чтобъ ихъ беспокоить! Не могу же я у нихъ не бывать. Онъ ее изъ дому не выпускаетъ, надо же мнѣ знать, что у нихъ дѣлается, вѣдь у меня спрашиваютъ; я и то все ихъ покрываю передъ чужими, все повторяю, что она нездорова, или что вотъ-вотъ сейчасъ была, да уѣхала. У меня и людямъ приказано говорить гостямъ, когда спрашиваютъ: «дома ли барыня?»—«дома-съ, сейчасъ у насъ молодые господа были». Но вѣдь на всякій часъ не убережешься, врешь, врешь, да и проврешься.

Нашу мать эти сѣтованія раздражали.

— Да зачѣмъ вы это, маменька? Оставили бы вы ихъ въ покоѣ, если они не желаютъ, чтобъ въ ихъ жизнь вмѣшивались.

— Что ты, та сѣгел? Да вѣдь Людмилочка-то мнѣ не чужая.

— А скоро они уѣзжаютъ?

— На будущей недѣлѣ. Онъ своей Каткѣ каждые три дня длинныя письма пишетъ, съ нарочнымъ посылаетъ, и она ему...

Но дальше намъ рѣдко удавалось чтонибудь подслушать. При имени Кати маменька непременно оглядывалась по сторонамъ и, замѣтивъ котораго нибудь изъ насъ, говорила:

— Идите въ дѣтскую, дѣти.

II.

Федоръ Николаевичъ поставилъ-таки на своемъ и, недѣли черезъ двѣ послѣ свадьбы, увезъ свою молодую жену въ деревню.

Наканунѣ отъѣзда они у насъ обѣдали и провели весь вечеръ. Приѣхала и тетенька Елизавета Васильевна. Тетенька Людмила вовсе не была похожа на жертву деспотизма, она была очень весела и, въ то время, какъ мужъ ея игралъ въ карты въ кабинетѣ, рассказывала нашей матери и сестрѣ про свои планы, про то, какъ она зимой поѣдетъ съ мужемъ въ Петербургъ, про подарки, которые онъ ей дѣлаетъ каждый день, и какъ она надѣется веселиться въ деревнѣ, верхомъ ѣздить, съ сосѣдями познакомиться и проч., и проч.

Мужъ подарилъ ей пять тысячъ рублей, въ хорошенькомъ филиграновомъ ящичкѣ, обитомъ внутри розовымъ бархатомъ. Она всѣмъ его показывала.

— И еще дастъ,—самоувѣренно повторяла она, хвастаясь подаркомъ, который, переходя изъ рукъ въ руки, дошелъ и до дѣвичьей.

Всѣ ахали и восхищались.

Тетенька Людмила съ своей шкатулкой не разставалась и даже, когда ѣхала въ гости, брала ее съ собой.

— Мало ли что можетъ случиться, — говорила она, — мы живемъ не у себя; къ шифоньеркѣ, что стоитъ въ спальнѣ, можно подобрать ключи, и готово. Ищи потомъ вора. Федоръ Николаевичъ всѣ свои деньги въ письменномъ столѣ держитъ, ну, это его дѣло, а я ужъ лучше поберегу себя.

— Однако, какая ты вдругъ сдѣлалась осторожная да благо-разумная,—говорила со смѣхомъ маменька,—вотъ что значить за-мужъ-то выйдти.

— Нельзя же вѣкъ дурой быть, — возражала тетенька Людмила.

— Всегда ты была, матушка, скупа и только о себѣ думала,—тоже смѣясь, замѣчала тетенька Елизавета Васильевна.

— Такъ что-жь, скупость—не глупость.

Въ дѣвичьей по поводу денежнаго подарка, сдѣланнаго Федоромъ Николаевичемъ молодой женѣ, тоже шли оживленные толки.

— Ишь какъ сумѣла къ нему подбиться, капиталомъ ужъ сталъ дарить.

— Машка сказывала: выпросила она у него.

Машка была горничная, отданная тетенькѣ Людмилѣ въ приданое. У нея было много родственниковъ на нашемъ дворѣ, и черезъ нее можно было узнавать все, что дѣлается у молодыхъ.

— Понятно выпросила... Она... знаемъ мы ее!.. она себя еще покажетъ.

— Да еще какъ покажетъ!

— Дѣтки-то бѣдныя!—вздыхала наша няня, старушка такая добрая, что всѣ ее въ домѣ любили, а мы, дѣти, ее обожали. Для насъ не было большаго удовольствія, какъ посидѣть въ сумеркахъ на ея кровати, за ситцевой занавѣской, въ проходѣ между столовой и буфетной. Тутъ у нея горѣла всегда лампадка передъ кіотикомъ, и пахло сушеными травами съ примѣсю корицы и постнаго масла. Въ сумеркахъ она тутъ отдыхала и всегда, бывало, который нибудь изъ насъ сидитъ на ея перинѣ, покрытой одѣяломъ изъ лоскутковъ, и слушаетъ ея сказки.

Чудесныя знала она сказки! Нигдѣ потомъ я такихъ не слыживала и ни въ одной книжкѣ не находила. Какъ часто досадуя я на себя за то, что не записала этихъ сказокъ, когда они еще свѣжи были въ моей памяти. Теперь непременно начнешь дополнять воображеніемъ то, что она говорила, и выйдетъ ужъ не то.

Она соболѣзновала о дѣтяхъ Федора Николаевича и тоже, какъ и мы, любила нашу Катю, хотя никогда ея не видала, а потому мы не стѣснялись выражать при ней наши соображенія насчетъ этой дѣвочки, но тогда только, когда оставались съ няней наединѣ.

— Онъ, поди чай, такимъ манеромъ Людмилѣ Васильевнѣ весь свой капиталъ передать, а дѣти-то тогда съ чѣмъ же останутся? — разсуждала Матрена, маменькина горничная, степенная женщина среднихъ лѣтъ, жена папенькинаго камердинера Ивана.

— Весь не весь, а ужъ понятно, что отъ дѣтской доли поубавится,—соглашались съ нею прочія горничныя и швеи.

— И, дѣвыньки! не въ томъ бѣда, что денегъ у нихъ, у сиротинушекъ, будетъ меньше, а въ томъ горе, что мачеха у нихъ въ домѣ проявится, вотъ въ чемъ горе, — печально покачивая головой, вздыхала няня.

— Старшиньяка-то барышня, сказываютъ, ужъ такъ-то убивается, такъ-то убивается, — начинала которая нибудь изъ молодыхъ, но няня обрывала ее на полусловѣ.

— Ну, что тамъ, Богъ милостивъ!—замѣчала она, знаками указывая на насъ и сердито сдвигая брови.

А мы, убѣдившись, что напрасно только тутъ торчимъ, все равно ничего не услышимъ про Катю, убѣгали въ дѣтскую и тамъ

принимались между собою дополнять воображеніемъ то, что отъ насъ такъ тщательно скрывали.

У насъ въ то время и игра такая завелась. Любимую мою восковую куклу, съ голубыми глазами, мы назвали Катей, а другую, втрое ея больше и очень дорогую, но которую мы почему-то съ перваго раза не влюбились, мы окрестили Людмиллой и разыгрывали съ ними цѣлыя сцены.

На эти выдумки былъ большой мастеръ нашъ старшій братъ Костя. Онъ сочинялъ цѣлыя діалоги между Людмиллой и Катей, кончавшіеся вмѣшательствомъ какого нибудь добраго волшебника или другімъ какимъ нибудь образомъ, но всегда благопріятнымъ для нашей любимицы.

Костѣ было тогда шестнадцать лѣтъ. Это былъ красивый, статный юноша, съ милыми, ласковыми, карими глазами и совѣмъ еще дѣтскимъ складомъ ума. Въ свободное отъ уроковъ время (котораго у него, къ нашему великому сожалѣнію, было очень мало) онъ игралъ съ нами, какъ съ равными ему по лѣтамъ, и предпочиталъ наше общество обществу своихъ сверстниковъ. Его готовили въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и должны были отвезти въ Петербургъ осенью. Онъ былъ очень добрый и на всякое горе отзывчивый, но положенія Кати онъ не принималъ къ сердцу такъ близко, какъ мы, и часто подтрунивалъ надъ нашимъ пристрастіемъ къ этому совершенно незнакомому намъ ребенку. Однако, это не мѣшало ему играть съ нами въ «Катю и въ Людмиллу» и заставлялъ насъ волноваться воображаемыми сценами, которыя онъ устраивалъ между нашими героинями.

А молодые наглы между тѣмъ уѣхали, и мало-по-малу толки о нихъ смолкли. Изрѣдка только бабушка объявляла, что получила письмо отъ Людмиллы.

— Ну, что-жъ она?—спрашивала маменька.

— Да ничего, очень всѣмъ довольна, кажется, за хозяйство принялась. «Каждый день въ пять часовъ утра, говоритъ, встаю; если за этими хамами не присматривать, все разворуютъ».

— Однако!

— Да, я всегда говорила, что изъ нея дѣльная хозяйка выйдетъ,—объявляла бабушка. Но нельзя сказать, чтобы въ голосѣ ея звучали торжество и радость. Не взирая на блестящіе дебюты ея любимицы на новомъ поприщѣ, бабушка въ ней все больше и больше разочаровывалась, это по всему было замѣтно.

— А съ дѣтьми какъ она?—продолжала любопытствовать тетенька Елизавета Васильевна, почти всегда присутствовавшая при этихъ разговорахъ, происходившихъ не иначе, какъ въ самомъ тѣсномъ родственномъ кружкѣ.

— Что-жъ съ дѣтьми,—неохотно отвѣчала бабушка:—при дѣтяхъ няньки, да та родственница, что жила у нихъ раньше.

— И съ Катенькой нѣтъ исторій?

Бабушку эти разспросы начинали раздражать.

— Почему я знаю, развѣ отъ Людмиллы добьешься чего нибудь! Такія письма писать, что хоть на площади ихъ всѣмъ читай, ничего интереснаго. Это онъ ее такой сдѣлалъ,—продолжала она съ возрастающимъ негодованіемъ,—у самого все секреты, ну, и она тоже.

— Всегда Людмила была скрытная,—замѣчала тетенька Елизавета Васильевна.

— Ужъ, пожалуйста, не говори глупостей. Разумѣется, она никогда не была такой болтушкой, какъ ты, но со мной она была всегда, всегда откровенна.

— Правда, сплетничать на всѣхъ она была мастерица,—смѣялась тетушка Елизавета Васильевна.

Но бабушка заступалась за свою любимицу и объявляла, что если она и ласкала ее больше другихъ, то это потому, во-первыхъ, что она всѣхъ моложе, а, во-вторыхъ, потому, что ни братья, ни сестра ея не любятъ.

— Вы съ Сергѣемъ ее всегда ненавидѣли.

Сергѣй былъ нашъ отецъ, и маменька считала своимъ долгомъ обижаться за мужа.

— Что это вы, маман, за что же Сергѣю ненавидѣть Людмилу? Онъ обѣихъ своихъ сестеръ любить и много разъ это доказывалъ.

— Ахъ, ужъ, пожалуйста, знаю я, все знаю!—махая руками, вскрикивала бабушка.

Маменька съ улыбкой переглядывалась съ тетенькой Елизаветой Васильевной, и обѣ смолкали. Имъ понятны были страданія бабушки: не легко разочароваться въ существѣ, любимомъ съ ранняго дѣтства, а бабушка начинала серьезно разочаровываться въ тетенькѣ Людмилѣ, хотя и не хотѣла еще сознаться въ этомъ даже передъ самой собою.

Съ наступленіемъ лѣта нашъ интересъ къ Катѣ сталъ ослабѣвать. Нашего милаго Костю отправляли въ Петербургъ, и мы всецѣло были поглощены приготовлениями, которыя дѣлались въ домѣ для его путешествія, не говоря ужъ про печаль при мысли о предстоящей разлукѣ. Намъ такъ было его жалко, что мы пользовались каждой минутой, чтобъ съ нимъ побыть. Не легко было и ему расставаться съ роднымъ гнѣздомъ, и какъ онъ ни крѣпился, какъ ни старался выказать себя молодцомъ и мужчиной, когда наступила роковая минута разлуки, не выдержалъ и разрыдался, какъ ребенокъ.

Очень было грустно въ домѣ послѣ его отъѣзда. Маменька слегла въ постель отъ печали, и долго не видали мы улыбки на ея лицѣ. Но потомъ стали приходиться отъ него письма, веселыя,

ласковыя, въ которыхъ онъ постоянно упоминалъ о скоромъ свиданіи съ нами и изъ которыхъ мы видѣли, что онъ все еще живетъ съ нами душой, вдали, какъ и вблизи, и печаль наша стала притупляться, а потомъ мы мало-по-малу привыкли къ разлукѣ къ Костей, хотя и любили его поспрежнему.

Про Катю всѣ слухи смолкли.

Когда которая нибудь изъ знакомыхъ дамъ освѣдомлялась о томъ, какъ поживаютъ молодые, и спрашивала, между прочимъ:

— А какъ Людмила Васильевна съ дѣтьми справляется?

— Ничего, у нихъ все отлично идетъ,—отвѣчала маменька. — Людмила удивительно благоразумна для своихъ лѣтъ, мы ей просто удивляемся.

— Ну, и слава Богу! Вѣдь старшая-то очень буйнаго характера, говорятъ?

— Да вѣдь она еще ребенокъ,—уклончиво возражала маменька.

И разспросы на эту интересную для насъ тему прекращались.

III.

Прошло болѣе полугода.

Однажды вечеромъ, было уже поздно, большіе сѣли за чай внизу, въ столовой, а насъ укладывали спать, какъ вдругъ со двора сталъ доноситься странный шумъ: растворились ворота, снѣгъ закрипѣлъ подъ полозьями, слышалось позвякиваніе бубенчиковъ съ подвязаннымъ у заставы колокольчикомъ и стукъ лошадиныхъ копытъ о замерзшую землю.

— Няня, няня! Къ намъ кто-то пріѣхалъ,—вскричала я, кидаясь къ окну.

Сквозь заиндѣввшія стекла плохо различались предметы, и можно было скорѣе догадаться, чѣмъ видѣть, колымаги, подползавшія къ парадному подъѣзду нашего дома.

— Кто это, няня? Ужъ не Костя ли?—проговорила я, захлебываясь отъ радостнаго изумленія.

— О, Господи, Царица небесная! Да какъ же онъ такъ, не предупредивши-то!—вымолвила крестясь моя старушка.

Она была взволнована не менѣе меня и тоже прильнула морщинистымъ лицомъ къ стекламъ, стараясь разглядѣть причину переполоха.

Но ужъ и въ домѣ поднялся шумъ. Изъ второго этажа, гдѣ были парадныя комнаты, а также спальня маменьки, кабинетъ отца и столовая, раздавались громкія восклицанія, оживленный

говоръ, торопливые шаги по всѣмъ направлѣнiямъ и шумъ отодвигаемыхъ стульевъ и растворяемыхъ дверей.

Няня со всѣхъ ногъ кинулась въ корридоръ, изъ котораго шла лѣстница внизъ, и я за нею, конечно, но въ дверяхъ мы столкнулись съ мальчиками.

— Это тетенька Людмила съ мужемъ.

Они только это и успѣли намъ закричать. Съ противоположнаго конца большими, поспѣшными шагами направлялся къ нимъ мсьё Франсуа, ихъ гувернеръ, у котораго они вырвались изъ рукъ полураздѣтые, чтобъ узнать, кто прiѣхалъ. Онъ схватилъ ихъ за руки и сердито потащилъ назадъ въ ихъ комнаты.

— Такъ вотъ это кто!—печально протянула я, тоже возвращаясь къ себѣ.

— Ишь вѣдь, прямо къ намъ прикатили, точно у маменьки мѣста нѣтъ,—проворчала няня.

— Это они, вѣрно, проѣздомъ въ Петербургъ,—замѣтила я, вспомнивъ толки, ужъ давно ходившіе между старшими о томъ, что Людмилочкѣ удалось таки поставить на своемъ и уговорить мужа показать ей Петербургъ.

А внизу, между тѣмъ, шумъ не стихалъ, и, наконецъ, мы съ няней явственно услышали черезъ растворенную дверь голосъ тетеньки Людмилы Васильевны у самой нашей лѣстницы.

Она проходила съ маменькой, вѣроятно, въ уборную, и говорила рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ:

— Все равно... въ спальнѣ, такъ въ спальнѣ... А Федору Николаевичу можно диванъ въ кабинетъ поставить...

— Нѣтъ... Сергѣй не любитъ...

Что дальше сказала маменька, мы разслышать не могли, у нея голосъ былъ очень мягкій, и она всегда говорила тихо.

— Ну, такъ въ диванной можно ширму поставить...

Но маменька и на это что-то такое возразила, и опять раздался крикливый голосъ тетеньки Людмилы.

— Экая важность! Взять у нея, да и все тутъ! Если съ каждой мамзелью церемониться...

Они прошли дальше.

— Ишь ты, распоряжается-то какъ!—покачивая сѣдой головой и ухмыляясь иронической улыбкой, замѣтила няня.

— Какой у нея сдѣлался визгливый голосъ, няничка, отчего это?—спросила я.

— Барыня теперь, помѣщица, вотъ и фарситъ,—все съ той же усмѣшкой отвѣчала няня.—А ты ложись-ка, ложись съ Богомъ, а я внизъ побѣгу. Тамъ, можетъ, подсобить кому нужно, съ ногъ, поди чай, всѣ сбились, да и бѣлье постельное надо вынуть.

Уложивъ меня и перекрестивъ, она поправила фитиль въ лампадѣ передъ образомъ, задула свѣчку и поспѣшно вышла, притво-

ривъ за собой плотно дверь. Но я продолжала прислушиваться и чего-то ждать, пока, наконецъ, все внизу не стихло.

И тогда только, убѣдившись, что до завтрашняго утра мнѣ ничего новаго не узнать, я заснула.

Когда на слѣдующее утро няня вошла въ мою комнату, мой первый вопросъ былъ про Катю.

— И, дитятко, молись хорошенько Божинькѣ, чтобы Онъ далъ маменькѣ съ папенькой васъ выростить, нѣтъ того хуже для дѣтей, какъ безъ родной матери рости, — проговорила она со вздохомъ.

— Она еѣ мучить, няня? — допытывалась я съ замирающимъ сердцемъ, вглядываясь въ слезы, набѣгавшія на ея выпцвѣтшіе глаза.

— Тише ты, тише! не надо объ этомъ спрашивать, маменька не хочетъ, чтобы вы объ этомъ знали, — прошептала она, указывая на притворенную дверь, мимо которой то и дѣло шмыгали казачки и горничныя.

— Да ты знаешь что нибудь, няня?

— Ничего я не знаю, да и знать-то нечего. Одѣвайся скорѣе, да бѣги внизъ, маменька ужъ два раза про тебя спрашивала, давно ужъ за чаемъ всѣ сидятъ. Сегодня класса тебѣ не будетъ, мамзель твою въ гостинный дворъ услали, за образчиками для тетеньки Людмилы Васильевны.

Я въ припрыжку спустилась по лѣстницѣ и прибѣжала въ столовую.

За чайнымъ столомъ, кромѣ отца нашего, который ужъ уѣхалъ на службу, всѣ были въ сборѣ.

Рядомъ съ маменькой, разливавшей, по обыкновенію, чай, сидѣла тетенька Людмила Васильевна, а возлѣ ея мужъ.

Онъ показался мнѣ еще худѣе, блѣднѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ былъ прежде, но зато какой у нея былъ цвѣтущій видъ!

Ее трудно было узнать, такъ она пополнѣла. И что за самоувѣренный тонъ, какіе повелительные жесты! Тетя Лиза, сидѣвшая противъ нея, казалась передъ нею совсѣмъ дѣвочкой.

— Какова, какова наша Людмилочка-то сдѣлалась! — смѣялась она своимъ милымъ, серебристымъ смѣхомъ, указывая на младшую сестру.

И, обращаясь къ Федору Николаевичу, она прибавила:

— Что это у васъ, въ деревнѣ-то, воздухъ что ли, или вода дѣйствуютъ на здоровье, жена у васъ въ полгода такъ расцвѣла, что ее узнать невозможно?

Онъ самодовольно усмѣхался, не спуская глазъ съ своей супруги.

— Влюбленъ какъ котъ, скрыть даже не можетъ, — сказала тетя Лиза, когда гости ушли въ приготовленную для нихъ комнату, чтобы одѣваться.

Братья тоже отправились учиться съ гувернеромъ, но моя мамзель, не успѣвъ еще управиться съ порученіями тетеньки Людмиллы, не возвращалась и, пользуясь тѣмъ, что меня не гнали изъ гостинной, я забила въ мой любимый уголокъ за маменькинымъ кресломъ и стала слушать ея разговоръ съ тетей Лизой.

— Да, она его совсѣмъ въ руки забрала,—сказала маменька.— Сережа говорить, что онъ даже поглупѣлъ за это время.

— Поглупѣешь съ такой звѣздой! Какъ она его третируетъ, точно мальчишку! Ты бы ей сказала, Соня, вѣдь это даже неприлично. Онъ человѣкъ почтенный, это не то, что мой Колька.

Маменька замахала руками.

— Ахъ, пожалуйста! Ты знаешь, какъ я не люблю вмѣшиваться въ чужія дѣла. Пусть ей лучше папан скажетъ.

— И зачѣмъ они у васъ остановились, а не у нея?

— Ѳедоръ Николаевичъ не любитъ папан, ты знаешь.

— Но вѣдь она разсердится.

— Разумѣется, разсердится, но я-то чѣмъ же виновата? Мы ихъ не приглашали, Сережа ей прямо сказалъ: «папан будетъ въ претензіи, что вы не у нея остановились». Но Людмилѣ все равно. «Намъ у васъ удобнѣе», говорить.

— И долго они останутся здѣсь?

— Дня три-четыре. Всю ночь она со мною проболтала, только къ утру ушла.

— Что-жъ она рассказывала?

— Да все про себя, какъ она отлично устроилась, какъ ловко забрала въ руки мужа, какое у него прекрасное состояніе. Онъ, оказывается, богаче, чѣмъ мы думали, у него есть еще имѣніе въ Полтавской губерніи. Это имѣніе она, кажется, хочетъ, чтобъ онъ на ея имя перевелъ. «Надо же мнѣ себя обезпечить, говорить, вѣдь мало ли что можетъ случиться, онъ человѣкъ болѣзненный».

— Такъ и говорить? Фу, какая мерзость!—вскричала съ негодованіемъ тетя Лиза.—И увидишь, что ей это удастся! Такимъ пройдохамъ все удастся.

— Разумѣется, удастся. Вѣдь ей и папан больше, чѣмъ тебѣ, дала въ приданое. Сергѣй очень сердился, когда про это узналъ.

— Стоитъ сердиться!—беззаботно пожимая плечиками, сказала тетя Лиза.—Намъ ничего и не надо, вѣдь мы все равно промотаемъ, сколько бы намъ ни дали,—прибавила она со смѣхомъ.

— Ахъ, Лиза, Лиза, какая ты беззаботная!—съ нѣжнымъ упрямкомъ проговорила маменька, обнимая ее и цѣлуя въ лобъ.

— Да чего заботиться-то, Соня? Оба мы здоровы, любимъ другъ друга, слава Богу, чего же еще? Остальное, когда нужно будетъ, само собою придетъ.

— Дай-то Богъ! Но, всетаки, хорошо, что у васъ дѣтей нѣтъ.

— Дѣти... Ахъ, я и забыла у тебя про самое-то главное спросить!—вскричала тетя Лиза, не кончивъ начатой фразы. — Говорила она тебѣ чтонибудь про дѣтей?

— Какъ же, какъ же. Со старшей у нихъ большія были исторіи,—начала было маменька, но не успѣла я насторожить уши, какъ, прервавъ рѣчь на полусловѣ, она оглянулась по сторонамъ и спросила: — Ты здѣсь, Маничка?

Я должна была выйти изъ своей засады.

— Здѣсь, мамочка.

— Ступай въ дѣтскую, душка.

Дѣлать нечего, надо было удалиться, не дослушавъ самаго интереснаго.

Но мальчикамъ удалось кое-что узнать отъ людей, горничной и лакея, пріѣхавшихъ съ гостями, и опять нашъ интересъ къ Катѣ, найдя себѣ пищу, на нѣкоторое время разгорѣлся.

IV.

Катю въ деревнѣ любили и раньше, но съ тѣхъ поръ, какъ туда явилась новая хозяйка, всѣ стояли за нее горой, не только дворня, но и крестьяне.

Къ ней привыкли. Она съ первой же минуты своего пріѣзда сюда, десятилѣтней дѣвочкой, стала разыгрывать роль хозяйки. И весьма удачно. Всѣ доклады барину шли черезъ маленькую барышню, онъ во всемъ съ нею совѣтовался.

Убитый горемъ послѣ смерти первой жены, съ которой онъ прожилъ одиннадцать лѣтъ душа въ душу, Федоръ Николаевичъ и представить себѣ не могъ, чтобы печаль его когданибудь придурилась, и чтобы онъ могъ во второй разъ жениться.

Онъ чувствовалъ себя преждевременно состарившимся, разбитымъ нравственно и физически и вполне преданъ дѣтямъ.

Катей онъ особенно усердно занимался, она была старше всѣхъ и похожа на мать. Только съ нею онъ и отдыхалъ душой, только съ нею и не чувствовалъ себя вполне одинокимъ.

Онъ дѣлился съ нею мыслями, какъ съ взрослой, припоминалъ съ нею о прошломъ, дѣлалъ планы на счетъ будущаго, и въ этихъ планахъ никогда не упоминалось о другой женщинѣ, говорилось только о той, которая умерла, и съ такою страстною любовью, съ такимъ жгучимъ сожалѣніемъ, что и у дѣвочки развился въ душѣ культъ къ покойницѣ, проявлявшійся даже въ мелочахъ. Она спрашивала про нее у отца и у всѣхъ ее знавшихъ, про ея вкусы и привычки, чтобы во всемъ слѣдовать ея примѣру, и никогда не была она такъ счастлива, какъ когда говорили про нее, что она вылитая мать.

Въ такомъ исключительномъ положеніи, какъ то, въ которомъ очутилась Катя, дѣти развиваются рано. Тринадцати лѣтъ она во многихъ отношеніяхъ дѣйствовала, думала и чувствовала, какъ взрослая, но во многомъ другомъ осталась ребенкомъ, разумѣется. Житейской опытности у нея еще совсѣмъ не было, и она вѣрила отцу безусловно, какъ Богу.

И вдругъ онъ ее обманулъ, онъ нашель себѣ другую жену, какую-то чужую, которая ихъ любить не можетъ, потому что она ихъ совсѣмъ не знаетъ, и къ которой они, кромѣ ненависти, ничего не могутъ чувствовать.

Можно себѣ представить, въ какое отчаяніе пришла бѣдная дѣвочка, когда узнала объ этомъ! Она такъ умоляла отца отказаться отъ несчастной мысли привести въ домъ «чужую», что Федоръ Николаевичъ чуть было не отступилъ отъ своего намѣренія. У бабушки хранилось письмо, въ которомъ онъ выражалъ сомнѣніе относительно того, будетъ ли съ нимъ Людмила Васильевна счастлива, и не лучше ли имъ разстаться, пока еще не поздно.

На письмо это отвѣчала подъ диктовку матери сама невѣста и въ такихъ выраженіяхъ, что онъ, какъ безумный, къ ней прибѣжалъ и на колѣняхъ умолялъ забыть про его сомнѣнія.

Если бы Катя была старше и лучше понимала свою пользу, она бы смирилась, хотя наружно; старалась бы незамѣтнымъ образомъ ослабить вліяніе мачехи надъ отцомъ, и ей, можетъ быть, удалось бы отстоять права свои надъ нимъ, какъ дочери, и сохранить его любовь, но вѣдь по лѣтамъ она была еще ребенокъ, хотя и воображала себя совсѣмъ взрослой. Она не хотѣла и не могла смириться.

Да и какъ тутъ смириться, когда «чужая» заняла ея мѣсто въ семьѣ, когда ей ужъ не даютъ ни чай, ни супъ разливать за столомъ, не позволяютъ ни на минуту оставаться наединѣ съ отцомъ, когда все, чѣмъ она раньше распоряжалась, все, что ее радовало и занимало, взяла на себя другая и самовластно хозяйничаетъ въ домѣ, который Катя всю жизнь привыкла считать своимъ. Какъ тутъ смириться?

Катя стала въ открытую оппозицію противъ мачехи. На всѣ просьбы и увѣщанія отца она либо молчала, стиснувъ губы, либо у нея вырывались такія фразы:

— Зачѣмъ ты ее привезъ? Вѣдь ты обѣщалъ нашей мамѣ никогда не жениться... Никогда, никогда мы ее не будемъ любить!.. Она намъ чужая, чужая, чужая,—повторяла она, топая ногами, не помня себя отъ отчаянья, блѣдная, какъ смерть, и съ сверкающими злобой глазами.

Ее отдалили отъ меньшихъ дѣтей, чтобъ примѣръ ея на нихъ пагубно не подѣйствовалъ, разлучили съ любимой няней и съ той старушкой, Любовью Андреевной, родственницей ея матери, которой

на смертномъ одрѣ покойница поручила дѣтей, но ей было все равно, она повторяла, что никого больше не любить и не жалѣть. Ей объявили, что и къ отцу ее пустять тогда только, когда она раскается и попроситъ прощенія у новой ихъ матери, но и это не подѣйствовало.

Побившись съ нею такимъ манеромъ съ мѣсяць, ее рѣшили оставить въ покоѣ. И вотъ она теперь пропадала Богъ знаетъ гдѣ по цѣлымъ днямъ, возвращаясь домой только къ вечеру, черезъ заднее крыльцо, усталая, растрепанная, часто промокшая до костей и голодная, пробиралась, какъ травленный звѣрь, въ свою горенку, на верхъ.

Прежде тутъ, рядомъ съ нею, жили ея маленькіе братья и сестра, но теперь ихъ перевели внизъ и помѣстили вмѣстѣ съ нѣмкой, Луизой Ѳедоровной, въ большой угловой, рядомъ съ столовой.

Луизу Ѳедоровну, по приказанію молодой барыни, управляющей сманилъ съ мѣста у помѣщика Куромятова, и изъ этого возгорѣлась страшная ссора между сосѣдами.

Въ ссору эту впутался весь уѣздъ: одни стояли за Зобовыхъ, другіе—за Куромятовыхъ.

— Можете себѣ представить, какъ эти Куромятовы взбѣсились, когда ихъ мамзель къ намъ переѣхала!—разсказывала тенька Людмила маменька. — Нѣтъ, это была такая умора!

Она помирала со смѣху при одномъ воспоминаніи о происшедшемъ по ея милости скандалѣ.

— Сама ко мнѣ прискакала. Толстая такая, неуклюжая, красная, точно изъ бани вышла. И какой на ней уморительный бурнусъ былъ, если бы вы видѣли!—старого, старого фасона, какъ наши бабушки носили, потѣха! И шляпа тоже какая-то маскарадная. Ѳедоръ Николаевичъ ее испугался, сталъ меня уговаривать, чтобъ я къ ней не выходила. «Она тебѣ, говоритъ, дерзостей надѣлаетъ». Дерзостей! Какъ бы не такъ! Разумѣется, я его не послушала и вышла въ залу. Въ гостиную мы ее не пустили, конечно. Ну, тутъ у насъ и произошло объясненіе, просто вспомнить не могу безъ смѣха! На прошлой недѣлѣ я ночью расхоталась. Ѳедоръ Николаевичъ испугался, думалъ—со мной истерика. «Что съ тобой, Людмилочка?»—спрашиваетъ.—«Что съ тобой, ангель мой?». А я слова не могу выговорить отъ смѣха. Ну, какъ сказала я ему, что вспомнила про мое объясненіе съ Куромятовой, онъ успокоился и тоже началъ смѣяться.

— Чтожь тутъ особенно смѣшного? — недовольнымъ тономъ спросила маменька.

— Да какъ же не смѣшно, послушайте, чтò дальше-то было. Я у нея спрашиваю: «Что вамъ угодно и для чего вы къ намъ пожаловали?». А она мнѣ на это: «Вы, говоритъ, гувернантку у насъ сманили, это вы не подворянски изволили поступить». «А развѣ

она ваша крѣпостная?» — спрашиваю и, знаете, пресерьезно. А сама пристально, прямо въ упоръ на нее смотрю. Вижу, что растерялась, и все ближе да ближе на нее наступаю, такъ что она у насъ, наконецъ, къ двери стала пятиться и все свое шепчетъ: «Не подворянски, не пососѣдски»... Ну, дура, однимъ словомъ.

— Разумѣется, ты не хорошо поступила, — замѣтила маменька.

— Какъ не хорошо? — вскричала тетенька Людмила. — Да намъ же нужна была нѣмка, и чѣмъ выписывать ее издалека, да тратиться на ея переѣздъ, не выгоднѣе ли было отъ сосѣдей сманить? Дѣвушка прекрасная, я ею очень довольна, она и шить умѣетъ, и плоить, и гладить, и кружева стирать, въ случаѣ надобности отличной горничной можетъ быть. Причесывать умѣетъ. И чтобъ я такое сокровище оставила у кого бы то ни было, когда она мнѣ самой нужна, да что я за дура!

Въ этихъ словахъ сказывалась вся натура тетеньки Людмиллы.

V.

Она вернулась съ мужемъ изъ Петербурга послѣ праздниковъ и, проѣздомъ въ деревню черезъ нашъ городъ, опять у насъ остановилась.

— Мама дѣлается пренесносная, у нея какія-то допотопныя идеи насчетъ всего, и она постоянно забываетъ, что я уже замужемъ, и что меня учить нечего. Она насъ только раздражаетъ, ужъ мы лучше у васъ проживемъ эти три, четыре дня, — отвѣчала тетенька Людмила, когда ей замѣчали, что бабушка очень оскорблена тѣмъ, что они ее игнорируютъ, и дѣлаетъ изъ-за этого сцены своему сыну и невѣсткѣ.

— Ну, и пусть сердится, очень нужно обращать вниманіе, — коротко и ясно объявляла на это тетенька Людмила: — каждый поступаетъ такъ, какъ ему выгоднѣе и пріятнѣе.

И она принималась рассказывать про свое пребываніе въ Петербургѣ. Она была въ восторгѣ отъ этого города, и только о томъ и бредила, чтобъ совсѣмъ туда переселиться.

— Ужъ я этого добьюсь, вотъ увидите. Федоръ Николаевичъ, по моему настоянію, былъ съ визитомъ у своего знакомаго министра, и когда онъ пріѣхалъ намъ отдать визитъ, я ему прямо сказала, что онъ долженъ дать мѣсто моему мужу, и онъ обѣщаль. Тамъ у меня теперь одному человѣку поручено узнавать, когда вакансія откроется, и какъ получу отъ него извѣстіе, сейчасъ заставлю Федора Николаевича написать министру. Вы только представьте себѣ, съ такимъ состояніемъ, какъ у насъ, да въ Петербургѣ служить, вѣдь это будетъ отлично! У насъ своихъ тысячь двадцать въ годъ, и если къ нимъ еще тысячь семь, восемь жалованья прибавить...

— Такое мѣсто трудно получить въ Петербургѣ, — замѣтила маменька.

— Какъ кому, а намъ не трудно, у насъ прекрасныя связи. Я со всѣми прежними знакомыми Ѳедора Николаевича перезнакомилась, между ними есть люди, которые намъ могутъ быть полезны, и вообще я тамъ все разузнала. Мы въ меблированныхъ комнатахъ жили, я и тутъ нашла людей, отъ которыхъ пропасть полезныхъ вещей узнала—цѣны квартиръ, провизіи и всего. Можно очень хорошо устроиться. Я абонируюсь въ оперу, съ кѣмънибудь, конечно: одной ѣздить невыгодно... Ахъ, какіе чудные вечера проводила я съ Ломакиными въ оперѣ! Маріо, Гризи, Лаблашъ! что за прелесть! И вовсе не дорого, мы въ складчину. Мы всѣ поровну платили, но всегда такъ выходило, что мнѣ лучшее мѣсто доставалось, такъ ужъ съ перваго разу завелось. Помоему, если не хорошо видно, лучше и не ѣхать совсѣмъ.

Когда старшіе замѣчали, что мы прислушиваемся къ разсказамъ тетеньки Людмиллы, намъ читали нотации.

— Помните, дѣти, что никогда не слѣдуетъ только о себѣ думать, надо заботиться, чтобъ другимъ было удобно и хорошо, тогда и объ васъ тоже подумаютъ.

Иногда это говорилось при тетенькѣ Людмиллѣ, вслѣдъ за какойнибудь развязной выходкой съ ея стороны, и мы отлично понимали, что обращенное къ намъ замѣчаніе относится больше къ ней, чѣмъ къ намъ, но она не обращала на это никакого вниманія. Ей было все равно, что бы ни думали про нее; со дня на день дѣлалась она наглѣе.

— Воображаю, что она тамъ, у себя въ деревнѣ, творить!—говорила тетя Лиза, оставшись наединѣ съ маменькой.

— А онъ-то, онъ-то! Ну, можно ли въ короткое время такъ измѣниться! Какъ онъ обожалъ своихъ дѣтей, помнишь? А теперь, ты замѣтила, онъ даже и не вспоминаетъ про нихъ, точно ихъ совсѣмъ и на свѣтѣ нѣтъ.

Но это было не совсѣмъ вѣрно: они привезли изъ Петербурга французенку для дѣтей. Мѣсто и въ возкѣ, и въ кибиткѣ было, а за двѣ тройки все равно надо было платить—везутъ ли онѣ четырехъ людей, или пятерыхъ.

— Да вѣдь ты была довольна твоей нѣмкой? — замѣчала маменька.

— Она мнѣ теперь больше не нужна.

— Почему же такъ?

— Да, во-первыхъ, моя Машка выучилась у нея отлично чистить кружева и причесывать, а, во-вторыхъ, французенку имѣть въ домѣ несравненно интереснѣе. Она превеселая и шляпки умѣетъ дѣлать, да и во всѣхъ отношеніяхъ французскій языкъ гораздо полезнѣе знать, чѣмъ нѣмецкій.

— Но для чего же ты ту-то сманила?—настаивала маменька.

— Ахъ, Боже мой! нужна была, и сманила, стоитъ про это толковать.

Въ то время, какъ разговоры эти происходили въ маменькиной спальнѣ и въ гостиной, дяденька Ѳедоръ Николаевичъ толковалъ съ папенькой о томъ, что онъ думаетъ воспользоваться своими связями въ Петербургѣ, чтобъ хлопотать о мѣстѣ.

— Да вѣдь вамъ не здоровъ петербургскій климатъ, — возражалъ нашъ отецъ.

— Ничего, привыкну, Богъ дастъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, запереть такую молоденькую особу, какъ моя жена, въ деревнѣ, это было бы просто преступленіемъ съ моей стороны.

— А хозяйство-то на кого же вы покинете?

— Найдемъ управителя. И надо же о дѣтяхъ позаботиться: моему старшему сыну одиннадцать лѣтъ минуло, а онъ никуда еще не приготовленъ.

Про Катю ни слова, точно она и не существовала. У насъ въ домѣ это всѣхъ возмущало, но у Ѳедора Николаевича лицо такъ омрачалось, когда ему напоминали про его старшую дочь, что долго никто не рѣшался заговаривать съ нимъ о ней, но, наконецъ, маменька не выдержала и, воспользовавшись минутой, когда жены его дома не было, она приступила къ этому щекотливому вопросу.

— А что же вы думаете дѣлать съ вашей Катей, Ѳедоръ Николаевичъ? — спросила она. — За ея воспитаніе пера бы серьезно приняться.

— Что же съ нею дѣлать, ма сœur? Эта дѣвочка—мой крестъ, совсѣмъ отъ рукъ отбилась. Вы, вѣрно, слышали, она съ первой минуты возненавидѣла Людмилочку, и до сихъ поръ это продолжается,—печально проговорилъ онъ.

— Вы бы ее въ институтъ помѣстили, — посовѣтовала маменька.

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Поздно, ма сœur.

Маменька помолчала. Онъ правду сказалъ, въ институтъ Катю бы не приняли, ей шель ужъ тогда пятнадцатый годъ.

— Однако надо же, такъ или иначе, ею заняться,—снова начала наша мать:—отдайте ее хоть въ пансіонъ, что ли.

— Это ужъ какъ Людмилочка рѣшить. Для меньшихъ мы французенку привезли, ну, а ужъ Катя... Мое положеніе очень тяжело, ма сœur.

И стоило только взглянуть на его лицо, чтобъ убѣдиться въ томъ, что онъ говоритъ правду: столько сердечной муки выражалось въ его глазахъ, грустно было на него смотрѣть.

Въ тотъ же вечеръ маменька говорила тетѣ Лизѣ:

— Мнѣ эту дѣвочку такъ жалъ, что еслибъ я не боялась, что она своимъ примѣромъ испортитъ нашу Маничку, я бы ее взяла къ намъ въ домъ.

А тетя Лиза на это замѣтила:

— Представь себѣ, та же самая мысль и намъ съ Колей приходила въ голову, но положеніе наше такое неопредѣленное, мы, какъ птицы на вѣткѣ, сегодня здѣсь, завтра тамъ. Липовка-то наша-ужъ въ продажу назначена за долгъ Ахматову. Ты, вѣрно, слышала?

VI.

Прошло два года.

За это время перемѣнъ въ нашей семьѣ произошло не много.

Вмѣсто бонны, мамзели, какъ ее звали люди, мнѣ взяли англичанку. Пофранцузски я продолжала учиться у мсье François. Мальчиковъ готовили прямо въ университетъ, къ нимъ для этого ходили учителя изъ гимназіи. Это стоило очень дорого, но маменька и слышать не хотѣла о томъ, чтобъ разставаться съ дѣтьми. Довольно съ нея было и разлуки съ Костей; она такъ о немъ тосковала, что папенька повезъ ее съ нимъ повидаться въ Петербургъ. Они привезли оттуда его портретъ масляными красками, и мы долго налюбоваться имъ не могли, такъ онъ возмужалъ и похорошѣлъ за эти три года, въ которые мы его не видали. У него уже усики замѣтно пробивались, и онъ казался совсѣмъ взрослымъ молодымъ человѣкомъ, но онъ былъ все такой же добрый, ласковый и веселый, какимъ мы его всегда знали, и ужъ по одному тому, какіе онъ намъ подарки прислалъ, мы могли убѣдиться, что онъ насъ все попрежнему любить и помнить: такъ хорошо сумѣлъ онъ приоровиться къ вкусамъ каждаго изъ насъ.

Между прочимъ, былъ присланъ театръ, укладывавшійся весь съ декораціями и дѣйствующими лицами въ картонку величиной въ полъ-аршина, но какое множество интересныхъ вещей мы тамъ нашли!

Разбирая разрисованныя картонныя фигурки, приклеенныя къ деревяннымъ подставочкамъ, чтобы онѣ не валились, и разставляя ихъ на большомъ столѣ, мы замѣтили, что на каждой изъ нихъ была надпись на оборотѣ, сдѣланная рукой Кости.

Надписи эти относились къ играмъ, которыхъ онъ былъ главный изобрѣтатель и устроитель, когда еще жилъ съ нами. Тутъ былъ Робинзонъ Крузе и Пятница, наши излюбленные герои изъ сказокъ, Красная Шапочка, волкъ, бабушка, прелестный принцъ, Сандрильона, и, наконецъ, мы нашли на оборотѣ одной изъ фигуръ, представлявшей прехорошенькую дѣвочку въ бѣломъ платьѣ, съ золотистыми кудрями, надпись «Катя», а на другой, изображавшей

даму съ пунцовымъ тюрбаномъ, стояло имя тетеньки Людмиллы. Для большаго эффекта и чтобъ усилить впечатлѣніе свирѣпости, которое она производила, онъ придѣлалъ ей усы тушью и свель вмѣстѣ ея дугообразныя, страшныя брови.

Онъ не забылъ и нашей послѣдней игры, милый, милый Костя! Это насъ тѣмъ болѣе тронуло, что представленіе о Катѣ у насъ въ то время все дальше и дальше отходило на задній планъ. Да и понятно, слухи о ней доходили до насъ очень рѣдко и отличались большимъ однообразіемъ: совсѣмъ одичала, поселилась во флигелькѣ въ саду, туда ей и кушать несутъ, когда она не уйдетъ куда нибудь далеко въ лѣсъ, за рѣку. Видѣли ее даже въ дальнихъ селахъ, за пятнадцать, за двадцать верстъ. Одѣваться стала мужичкой. Повадилась къ амоновскому управителю, онъ ей изъ господскаго дома книги цѣлыми охапками таскаетъ. Тамъ вѣдь книгъ что дровъ, три большихъ горницы съ книгами въ шкапахъ, въ три, въ четыре ряда и все въ переплетахъ.

Съ отцомъ у Кати происходили еще раза два переговоры, но онъ возвращался отъ нея въ такомъ разстройствѣ, что жена перестала его пускать къ дочери. Вотъ и все, что намъ приходилось черезъ долгіе промежутки времени слышать про Катю.

Въ первый же годъ своего замужества, вскорѣ послѣ ея возвращенія изъ Петербурга, у тетеньки Людмиллы родилась дѣвочка Лена, но это не помѣшало ей слѣдующей зимой опять ѣхать въ Петербургъ, и опять проѣздомъ они у насъ останавливались. Вернулись они назадъ позднѣе прежняго, передъ страстной недѣлю, и тетенька Людмила съ восторгомъ рассказывала, что выхлопотала таки мѣсто своему мужу. Къ будущей зимѣ его, навѣрное, назначатъ на мѣсто одного старичка, который долженъ въ отставку выйдти, какъ только до пенсіи дослужится. Ей самъ министръ обѣщалъ. О, когда она за что нибудь возьмется, то ужъ доведетъ до конца, не беспокойтесь!

Федоръ Николаевичъ похудѣлъ еще больше, онъ имѣлъ видъ умирающаго, но бодрился и увѣрялъ, что чувствуетъ себя отлично.

Жена же его все въ ширь расплзалась и стала tout à fait comtine; такія у нея сдѣлались рѣзкія, непріятныя манеры, и она такъ кричала, когда говорила, что даже бабушка приходила въ негодованіе и увѣряла, что она становится похожа на Капитолину Степановну.

Обиднѣе этого сравненія ничего нельзя было придумать. Про эту даму, Капитолину Степановну, рассказывали, что она до замужества была крѣпостная, и принимали ее въ общество только для мужа, который занималъ важный постъ въ городѣ, съ нею же лично никто не сближался.

Тетенька Людмила во второй свой пріѣздъ была опять беременна.

— Какъ блины печеть,— смѣялась маменька.

Катѣ шель шестнадцатый годъ.

— Хоть бы ее замужъ скорѣе отдать, а то вѣдь срамъ, все, я думаю, позабыла, чему ее ребенкомъ учили; постоянно съ мужиками, можно себѣ представить, что у нея за манеры!— сѣтовала маменька, увы, ужъ не съ тетей Лизой (мужъ тети Лизы поступилъ въ Москву на службу, и она туда съ нимъ уѣхала), а съ папенькой или съ бабушкой.

Но бабушка гораздо больше интересовалась мужемъ Людмилочки, чѣмъ ея падчерицей, и каждый разъ, когда заходила о нихъ рѣчь, повторяла со вздохомъ:

— Обезпечилъ ли онъ ее, по крайней мѣрѣ?

— Не безпокойтесь, папан, Людмилочка себя не забудетъ, — успокоивали ее всѣ, кто зналъ тетеньку Людмилу.

И вдругъ пришла вѣсть о его смерти.

Случилось это поздней осенью, когда у насъ ужъ поговаривали о томъ, что скоро должны сюда пріѣхать дяденька Ѳедоръ Николаевичъ съ тетенькой Людмиллой, проѣздомъ въ Петербургъ.

Никогда не забуду я переполоха, поднявшагося въ нашемъ домѣ при этомъ извѣстїи.

Посланецъ изъ ихъ деревни прискакалъ ночью, всѣхъ перебудилъ. Не взирая на поздній часъ, приказано было заложить дрожки, и папенька поѣхалъ къ бабушкѣ, чтобъ сообщить ей о томъ, что зять ея скончался, а, вернувшись назадъ, онъ приказалъ послать за почтовыми лошадьми и чуть свѣтъ уѣхалъ къ сестрѣ.

Дня три спустя опять оттуда явился гонецъ съ письмомъ къ маменькѣ. Прочитавъ его, она приказала позвать няню и Ивана и стала съ ними совѣщаться, куда помѣстить тетеньку Людмилу, которая собиралась къ намъ пріѣхать съ дѣтьми и прожить здѣсь довольно долго.

— Сережа пишетъ: «можетъ быть, до шести недѣль у насъ останутся». Къ ней по дѣламъ будутъ ходить, надо такъ устроить, чтобъ насъ это не касалось,—говорила маменька.

— Что-жъ, сударыня, самое лучшее имъ весь верхъ отдать,— посоветовала няня.

И, потолковавъ еще немного, маменька рѣшила, что дѣйстви-тельно лучше этого ничего не придумать.

— И Катя тоже съ ними пріѣдетъ?— приставали мы съ разспросами къ нянѣ, когда она вышла изъ барыниной спальни, и всѣ узнали, для чего ее призывали.

— Должно быть, и ее привезутъ,—отвѣчала няня.

— И намъ позволять съ нею говорить?—продолжали мы любопытствовать.

— Ужъ у насъ въ домѣ будетъ, такъ какъ же съ нею не говорить.

Можно себѣ представить, въ какомъ мы были волненіи!

Меня съ англичанкой перевели внизъ и помѣстили въ большой комнатѣ, занятой шкафами, рядомъ съ маменькиной уборной; мальчиковъ съ m-g François поселили во второй папенькинъ кабинетъ, а весь верхъ стали готовить для пріѣзжихъ.

Для чего именно пріѣзжала сюда тетенька Людмила тотчасъ послѣ похоронъ мужа, мы этого тогда не знали, да и не пытались узнать, насъ въ то время совсѣмъ другое занимало—наконецъ-то мы увидимъ Катю!

Послѣднія о ней свѣдѣнія вполне согласовались съ понятіемъ, которое мы о ней составили. Намъ очень нравилось, что она ни въ чемъ не хочетъ покориться тетенькѣ Людмилѣ, что она живетъ отдѣльно въ саду, съ одной только дворовой дѣвченкой, которая ей и печки топить, и приносить кушать изъ кухни. Мужество ея приводило насъ въ восторгъ, она ничего не боится, ходитъ вездѣ одна и дѣлаетъ все, что ей хочется, это ли не героизмъ? Разумѣется, все это гораздо интереснѣе, чѣмъ жить такъ, какъ мы живемъ, сидѣть въ классной и зубрить *participe passé* и тому подобную тощицу, гулять всегда съ гувернанткой и выслушивать постоянно выговоры: *tenez-vous donc droite, ne courez pas si fort, pensez à ce que vous dites*, и тому подобное. И мы между собой ужъ давно рѣшили, что Катѣ, должно быть, очень и очень недурно живется въ положеніи дикой дѣвочки, отъ которой всѣ отказались.

Но что будетъ она теперь дѣлать, когда отецъ ея умретъ?

Все это мы надѣялись отъ нея узнать при личномъ свиданіи, но пришлось разочароваться. Съ недѣлю послѣ своего отъѣзда папенька вернулся назадъ и объявилъ, что тетенька Людмила привезетъ сюда только двухъ своихъ старшихъ пасынковъ да меньшую падчерицу, десятилѣтнюю Вѣрочку, съ тѣмъ, чтобъ обоихъ мальчиковъ отправить въ корпусъ, а дѣвочку въ институтъ.

Они были приняты на казенный счетъ еще при жизни отца, и оставалось только найти попутчика, который доведетъ бы ихъ до Петербурга.

Катю тоже хотѣли привезти, чтобъ помѣстить въ пансіонъ, который содержала въ нашемъ городѣ одна французенка, но послѣ похоронъ отца она куда-то скрылась.

— Ее по всему околотку искали, когда я уѣхалъ,—разсказывалъ нашъ отецъ маменькѣ,—не знаю ужъ, нашли ли теперь, но только Людмилѣ врядъ ли удастся ее сюда привезти, она у нихъ совсѣмъ отъ рукъ отбилась, вѣдь ужъ два съ половиной года на своей волѣ живетъ, совсѣмъ одичала.

— Ты ее видѣлъ?

— Видѣль. Она отъ тѣла отца ни на минуту не отходила и точно окаменѣла съ горя, блѣдная, взглядъ растерянный, въ глазахъ ни слезинки. Мы съ ихъ священникомъ все боялись, чтобъ съ нею что нибудь не случилось. Хорошій старикъ этотъ священникъ и всей семьѣ очень преданъ. Обѣщалъ за нею присматривать, когда Людмила съ дѣтьми уѣдетъ.

— А собой какая она?—любопытствовала маменька.

— Да какъ тебѣ сказать, мнѣ кажется, что еслибъ ее одѣть какъ слѣдуетъ, да причесать, она была бы не дурна. Глаза прекрасные, и всѣ черты довольно тонкія. На видъ ей больше пятнадцати лѣтъ, высокая такая, стройная, *tout à fait formée*.

— Безъ корсета, разумѣется?—съ брезгливой гримаской спросила маменька.

— Какой тамъ корсетъ!

— Что же съ нею дальше будетъ?

— Что же дальше, она богата, замужъ, вѣроятно, выйдетъ. Разумѣется, не мѣшало бы ее прежде обтесать хоть немножко, но теперь, когда отецъ ея умеръ, кто же можетъ это сдѣлать? Надъ нею и опеки нельзя назначить, только попечительство, вѣдь ей уже шестнадцать лѣтъ скоро минетъ.

— Ѳедоръ Николаевичъ духовной не успѣлъ сдѣлать?

— Не успѣлъ. Но Людмила ужъ навѣрное себя обезпечила.

— О, конечно!

До насъ разговоры эти долетали только отрывками, но мы спрашивали у няни и у *m-r François*, что значить опека, попечительство и проч. Намъ объясняли, что могли, и прибавляли къ этому, что еслибъ тетенькѣ Людмилѣ удалось заставить мужа измѣнить духовное завѣщаніе, сдѣланное раньше, чѣмъ онъ на ней женился, тогда Катѣ пришлось бы плохо, но мачехѣ ея не удалось сдѣлать такъ, чтобъ онъ назначилъ ее опекушкой надъ дѣтьми, и чтобъ онъ подчинилъ ей старшую падчерицу, а потому руки у нея связаны.

И благодаря всѣмъ этимъ толкамъ, дяденька Ѳедоръ Николаевичъ, игравшій такую ничтожную роль въ нашей жизни, когда онъ былъ живъ, вдругъ выросъ въ нашихъ глазахъ и заслонилъ собой всѣ наши другіе интересы, мы только о немъ и разговаривали между собою, только о немъ и спрашивали, кого только могли.

Съ дѣтьми, которыхъ тетенька Людмила привезла съ собой, намъ запрещено было говорить про ихъ отца; ихъ приказано было развлекать, чтобъ они скорѣе забыли свое горе и утѣшились.

Впрочемъ, съ ними ни о чемъ нельзя было говорить, такъ они были робки и застѣнчивы, особенно дѣвочка, казавшаяся года на три моложе своихъ лѣтъ. Прижимаясь другъ къ другу, они забивались въ уголки и выглядывали оттуда испуганными глазами.

ками, какъ звѣрки. Напрасно предлагали мы имъ наши игрушки, потчевали ихъ сластями и ласкали, ни на что они не поддавались. И отъ родителей нашихъ они точно также отвергивались, какъ и отъ насъ, одной только нянѣ удалось ихъ крошечку приручить, и я какъ сейчасъ ихъ вижу на ея постели за занавѣской, какъ они сидятъ, прижавшись другъ къ другу, въ своихъ черненькихъ, фланелевыхъ костюмчикахъ, съ бѣлыми плерезами.

Прожили они у насъ только нѣсколько дней. Изъ нашего города, съ первымъ саннымъ путемъ, поѣхалъ въ Петербургъ купецъ Рыбакинъ за товаромъ, и ему поручили довести сиротъ въ Петербургъ къ какому-то ихъ родственнику, который долженъ былъ позаботиться о дальнѣйшей ихъ судьбѣ.

Осталась у насъ одна тетенька Людмила со своей любимой горничной, вѣрной Машкой (какъ ее у насъ называли), да съ старымъ буфетчикомъ Потапычемъ, и всецѣло предалась дѣламъ, узнавала, кого назначать опекуномъ надъ малолѣтними, и хлопотала о томъ, чтобъ выборъ палъ на человѣка ей болѣе или менѣе извѣстнаго и покладастаго, чтобъ ей попрежнему всѣмъ распоряжаться. У нея была дарственная на имѣніе въ Полтавской губерніи, приносившее крупный доходъ, да увѣряли, что она успѣла перетаскать у покойника капиталъ тысячъ въ двадцать; въ бюро его, послѣ смерти, не нашли ни одного золотого и ни одного билета, но ей всего этого было мало, и она дѣлалась багровая отъ злости, когда рѣчь заходила про состояніе, оставшееся дѣтямъ Ѳедора Николаевича, особенно Катѣ.

— Мои дѣти ниція передъ ними будутъ, ниція,—повторяла она своимъ рѣжущимъ уши, крикливымъ голосомъ.

— Полно Бога гнѣвить, душа моя,—возражала на это маменька,— у тебя осталось прекрасное состояніе, ты теперь богаче насъ всѣхъ.

— Да, но у меня могло бы быть вдвое, втрое больше,—визжала она.

Людей ея поселили вмѣстѣ съ нашими, и отъ нихъ мы услышали мало-по-малу (первое время изъ страха, что барыня узнаетъ про ихъ болтовню, они очень скрытничали) всѣ подробности про смерть дяденьки Ѳедора Николаевича. Скончался онъ внезапно; еще наканунѣ вечеромъ чувствовалъ себя хорошо, кушалъ чай съ женой и бесѣдовалъ про хозяйство съ управителемъ, но во время ужина ему вдругъ задурнилось, насилу до спальни добрелъ. Довели его подъ руки Потапычъ съ барыней, уложили въ постель, послали въ городъ верхового за докторомъ и стали домашними средствами пользоваться, бутылки съ горячей водой къ ногамъ, горчишники, но ничего не помогало, на минутку только, передъ тѣмъ, какъ ужъ совсѣмъ кончиться, открылъ глаза и сталъ ими водить вокругъ себя, точно искалъ чего-то.

— Барыня къ нимъ нагнулись: «я здѣсь, мой другъ». Но они

сдвинули брови и головой закачали: «не тебя, дескать, мнѣ нужно». Кто-то шепнулъ: «за барышней послать», они это услышали, да такъ головкой: «пошлите», дескать. Побѣжали въ садъ, къ ея домику. Сейчасъ прибѣжала, какъ была въ одной сорочкѣ, въ туфляхъ на босую ногу; дорогой, спасибо, кто-то ей свой чепанъ на плечики накинулъ. Какъ кинется къ нему: «папочка! папочка! не умирай, папочка!». А онъ ужъ совсѣмъ отходить сталъ, поднялъ руку, чтобъ ее благословить вѣрно, да не смогъ, такъ безъ креста и опустилъ руку ей на голову...

Лица омрачались, слушая этотъ разсказъ, многіе всхлипывали, и я въ томъ числѣ. Няня крестилась, приговаривая съ затаеннымъ ужасомъ:

— Охъ, не къ добру это, не къ добру!

Она приписывала какое-то таинственное значеніе тому обстоятельству, что дяденька Ѳедоръ Николаевичъ скончался, не успѣвъ благословить дочь, мы это понимали, и намъ тоже это наполняло душу страхомъ и тоской.

VII.

Окончивъ всѣ свои дѣла въ городѣ, тетенька Людмила Васильевна вернулась въ деревню, и долго мы ничего про нее не слышали.

А про Катю еще меньше. Ей назначили въ попечители одного изъ ихъ сосѣдей, старика Андрея Гавриловича Шилова, очень добро и почтеннаго человѣка, принявшаго въ сиротахъ самое живое, сердечное участіе.

Катю онъ зналъ съ дѣтства и всегда ее любилъ и жалѣлъ.

Разъ какъ-то, съ годъ послѣ смерти дяденьки Ѳедора Николаевича, онъ къ намъ пріѣхалъ и сталъ разсказывать, что Катя ужъ не живетъ въ Зобинѣ, а переѣхала въ имѣніе, доставшееся ей отъ бабушки и названное въ честь ея Екатериновкой. Имѣніе это находилось въ ста верстахъ отъ того, въ которомъ жила ея мачеха со своими дѣтьми и съ восьмилѣтнимъ пасынкомъ, Ѳедей.

— Какъ же это она тамъ одна живетъ?—съ удивленіемъ спросила маменька.

— Да вѣдь Екатерина Ѳедоровна и раньше однѣ жили, съ тѣхъ поръ, какъ Ѳедоръ Николаевичъ изволили жениться въ второй разъ,—возразилъ Андрей Гавриловичъ, вынимая серебряную табакерку изъ кармана.—Онѣ ужъ привыкли. Въ Зобинѣ онѣ все равно ни съ кѣмъ не сообщались. Какъ былъ живъ ихъ папенька, онѣ еще кое-когда забѣгали черезъ заднее крыльцо на братцевъ своихъ съ сестрицей посмотрѣть, ну, а ужъ потомъ ни разу въ домѣ не были. Братишка самъ къ ней выучился бѣгать. Присматривать-то за нимъ некому, ну, вотъ онъ все у сестрицы. Очень имъ грустно

было съ нимъ разставаться, да ничего не подѣлаешь, ихъ Людмила Васильевна за непокорность изъ Зобина почти что выгнали, можно сказать,—прибавилъ онъ, тайнственно понижая голосъ и оглядываясь по сторонамъ, не подслушивается ли кто изъ прислуги.

Разговоръ этотъ происходилъ въ моемъ присутствіи. Меня ужъ теперь не усылали въ дѣтскую, когда говорили про Катю. Я вышла изъ тѣхъ лѣтъ, когда дурной примѣръ непокорной и своенравной дѣвушки могъ пагубно на меня повліять, мнѣ шельъ четырнадцатый годъ, и теперь маменька другаго для меня опасалась. Отъ меня тщательно скрывали все, что могло подѣйствовать на мое воображеніе, мнѣ постоянно твердили, что я слишкомъ экзальтирована, подмѣчали во мнѣ страсть къ романическимъ бреднямъ, увѣряли, будто бы у меня глаза загораются, когда рѣчь заходитъ о какомъ бы то ни было романѣ, въ книгѣ или въ дѣйствительной жизни.

Я начинала проходить французскую литературу съ m-r François, и ему безпрестанно доставалось за то, что онъ не довольно строгъ въ выборѣ стихотвореній, которые онъ задавалъ мнѣ выучивать наизусть, и отрывковъ изъ классическихъ произведеній, которые я должна была переводить, или, изучивъ, написать своими словами.

Бѣдная маменька! Она даже Paul et Virginie находила скабрёзымиъ.

Андрей Гавриловичъ, между прочимъ, рассказывалъ, какая отличная хозяйка вышла изъ Кати.

— Вездѣ сама. И такъ съ крестьянами управляетъ, что лучше и не надо. Домикъ себѣ новый собираетъ выстроить. Вотъ везу въ опеку ея планъ. Чтожъ, помоему, они его должны утвердить. Денегъ изъ общаго капитала она для этого не требуетъ, накопила изъ доходовъ достаточно, дѣльная дѣвушка.

Катю ужъ давно перестали называть дѣвочкой, съ тѣхъ поръ, какъ отецъ ея умеръ, и она такъ поставила себя съ мачехой, что всѣ про нихъ теперь говорили: «коса на камень нашла».

Ненависть ея къ тетенькѣ Людмилѣ нисколько не ослабѣла, но приняла другой характеръ, болѣе спокойный, хотя точно также озлобленный и непреклонный.

Про ихъ послѣднюю стычку, вслѣдствіе которой онѣ разстались, Андрей Гавриловичъ рассказывалъ слѣдующимъ образомъ.

— Людмилѣ Васильевнѣ понадобились деньги, и она вздумала сдать на покосы лужокъ въ отдаленной пустоши, принадлежавшей ей сообща съ Екатериной Ѳедоровной, но такъ какъ этого безъ согласія Екатерины Ѳедоровны невозможно было сдѣлать, она стала къ ней подѣзжать, прислала имъ съ своей вѣрной Машкой фруктовъ изъ оранжереи и приказала спросить, не нужно ли какія нибудь поправки въ ихъ домикѣ сдѣлать. Столяры дескать съ малярами у насъ теперь въ большомъ домѣ работаютъ, такъ заразъ бы

все исправили. Когда доложили объ этомъ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ, онѣ сейчасъ сами къ вѣрной Машкѣ вышли и говорятъ: «Скажи ей, что ничего мнѣ отъ нея не нужно, и чтобъ не ждала и отъ меня ничего получить. Я, говорить, всё ея хитрости и каверзу насквозь вижу, ей отъ меня согласія на лужокъ нужно, что въ Демьяновской пустыши, но я лучше сама буду убытки терпѣть, чтобъ только и она со мной терпѣла, такъ и скажи». Ну, та, конечно, все въ точности передала, да еще и своего яду при этомъ удобномъ случаѣ подпустила. Людмила Васильевна разгнѣвались, конечно, и стали громко ругать не хорошими словами Екатерину Ѳедоровну и грозить, что она ее вонъ изъ отцовской усадьбы выгонитъ. «Пусть куда хочетъ идетъ»..... такое срамное слово выговорили, что невозможно повторить, — прибавилъ старикъ, краснѣя и опуская глаза.

Но Катя не дождалась, чтобъ ее выгнали; на другой же день она чуть свѣтъ выѣхала изъ Зобина. Въ ея Екатериновкѣ господская усадьба состояла изъ избы на юру, съ колодцомъ, безъ единого деревца возлѣ, у самой деревни и далеко отъ лѣсу и отъ рѣки, но она ни на минуту не задумалась туда переселиться. Чуть свѣтъ сбѣгала на деревню, наняла у купца съ краснымъ товаромъ, гостившаго ту недѣлю на счастье въ Зобинѣ, телѣгу съ лошадыю, взвалила на телѣгу весь свой скарбъ, сундучиншко съ тряпками, перину съ подушками и поѣхала.

Мачеха объ этомъ узнала ужъ тогда, когда отъ нея и слѣдъ простыль.

— Кто смѣлъ дать ей лошадь? Кто помогаль ей вещи укладывать?—кричала она на весь домъ и на весь дворъ, внѣ себя отъ бѣшенства.—Найти сейчасъ этихъ мерзавцевъ! Я съ ними такъ расправлюсь, что вѣкъ не забудутъ.

Но расправляться было не съ кѣмъ. Купецъ, свезшій барышню въ Екатериновну, былъ человекъ вольный, его на конюшнѣ не разложишь, да не выпорешь, а зажился онъ въ Зобинѣ по желанію самой же барыни, которая торговала у него ситецъ на обивку мебели да коленкоръ на сторы и все никакъ въ цѣнѣ не могла съ нимъ сойтись.

И помогать укладываться барышня никого изъ дворовыхъ не призывала, все сама сдѣлала. Они тогда ужъ прибѣжали ее провожать, когда она въ телѣгу садилась. Прибѣжалъ изъ большого дома и Ѳеда. (Кто его разбудилъ да сказалъ, что сестрица его родная изъ родительской усадьбы навсегда уѣзжаетъ, такъ никто и не узналъ). Когда онъ кинулся обнимать сестру да плакать съ нею вмѣстѣ, бабы, что кругомъ ихъ толпились, рева ревели, причитывая, какъ о покойникахъ.

Рано еще было, солнышко не вставало, когда Катя уѣхала.

Барынѣ доложили объ этомъ часа три спустя и, не зная, на

комъ сорвать злобу, она послала гонца за Андреемъ Гавриловичемъ.

А къ нему, ѣдучи мимо, Катя ужъ успѣла захватить, да все рассказать. Онъ, значить, предупрежденный явился къ тетенькѣ Людмилѣ Васильевнѣ. И какъ закричала она на него:

— Вы попечителемъ надъ нею назначены, ваша обязанность ее усмирить, заставить мнѣ повиноваться!

Онъ тотчасъ же нашелся, что отвѣтить:

— Да вѣдь вы же сами изволили Екатерину Ѳедоровну изъ родительской усадьбы выгнать, сами кричали на весь домъ: «пусть вонъ убирается»,—возразилъ старикъ.

— Такъ чтожъ изъ этого? Мало ли что говорится! Все таки она должна была предупредить меня... И вещи, наконецъ, сдать. Кто ее знаетъ, что она увезла, вонъ у насъ третій день чайной ложечки не досчитываются.

— У Екатерины Ѳедоровны и у самихъ серебра достаточно. У меня на все ихъ имущество, что у вашей милости въ кладовыхъ хранится, опись имѣется, самая обстоятельная. Серебро съ ихнимъ вензелемъ, а также посуда фарфоровая и бѣлье столовое и постельное, все это имъ еще папенька ихъ покойный въ приданое заготовилъ, обѣимъ дочкамъ поровну, сколько Екатеринѣ Ѳедоровнѣ, столько и Вѣрѣ Ѳедоровнѣ. А въ случаѣ смерти одной изъ барышень до замужества другая всему наслѣдуетъ. Все это у покойнаго Ѳедора Николаевича очень обстоятельно прописано, до послѣдней мелочи. А опись вещамъ Екатерины Ѳедоровны я съ собой захватилъ, извольте посмотреть. Имъ теперь эти вещи понадобятся, онѣ желаютъ своимъ домкомъ зажить и все хозяйство, какъ слѣдуетъ барышнямъ помѣщицѣ, завести.

Съ этими словами онъ вытащилъ изъ боковаго кармана четверо сложенную бумагу, но не успѣлъ подать ее тетенькѣ Людмилѣ, какъ она вырвала ее у него изъ рукъ и разорвала въ мелкіе куски, приговаривая поблѣвшими отъ ярости губами:

— Вотъ вамъ ваша опись... вотъ вамъ! И убирайся съ глазъ моихъ долой, предатель! Это ты ее, разбойникъ, на все подбилъ! Погоди, я найду на тебя расправу!

Она была очень страшна въ эту минуту, топала ногами, стучала кулаками по столу, визжала, какъ изступленная, но Андрей Гавриловичъ, не взирая на свою прирожденную робость и деликатность, ея не испугался, преспокойно объявилъ, что подлинникъ описи, коію съ которой она изволила разорвать, находится въ опекѣ и, вѣжливо раскланявшись, направился къ двери. Тутъ онъ на минуту остановился, чтобъ объявить, что обо всемъ, что произошло, долженъ будетъ, къ величайшему своему прискорбію, донести въ опеку.

— Доноси, доноси, предатель! Я ничего не боюсь, — кричала ему вслѣдъ тетенька Людмила.

Предателемъ она потому считала себя въ правѣ его называть, что сама хлопотала о назначеніи его опекуномъ меньшихъ дѣтей и попечителемъ надъ Катей.

Она не знала этого старика; ей казалось, что, такъ какъ онъ бѣденъ, деликатенъ и почтителенъ со всѣми, съ нимъ можно будетъ дѣлать все что угодно, и она будетъ помыкать имъ, какъ пѣшкой.

Но она ошиблась въ своихъ расчетахъ, старичекъ оказался съ характеромъ и съ стойкими правилами. Онъ взялъ въ серьезъ свою обязанность опекуна и попечителя и такъ надоѣдалъ опекѣ жалобами на тетеньку Людмиллу, что давно бы исполнили ея просьбу и выбрали бы другаго на его мѣсто, еслибъ нашъ отецъ его не отставалъ.

Обстоятельство это породило между тетенькой Людмиллой и нашимъ отцомъ вражду, длившуюся до самой смерти.

Но вражда эта была не явная. Обращаться съ братомъ, какъ съ другими, она не смѣла и при встрѣчахъ всегда притворялась любящей и преданной сестрой, но съ тѣхъ поръ у насъ не оставалась проѣздомъ въ Петербургъ и всѣмъ жаловалась, что она отъ родныхъ ничего, кромѣ непріятностей, не видитъ.

— Даже на роднаго брата нельзя полагаться.

Она не называла паленку, но всѣ понимали, на кого она намекаетъ.

У насъ къ этому относились равнодушно. Мнѣ кажется, что маменька даже рада была, что избавилась отъ посѣщеній «воительницы».

«Воительницей» прозвали тетеньку Людмиллу наши люди, и кличка эта за нею осталась.

Съ тѣхъ поръ, какъ Катя поселилась отдѣльно отъ мачехи, мы слышали о ней только отъ Андрея Гавриловича, который пріѣзжалъ въ городъ рѣдко. Онъ восхищался ею, рассказывалъ, въ какой образцовый порядокъ привела она свое имѣніе, развела садъ, построила хорошенькій домикъ и весь день, съ утра до вечера, то въ полѣ, то въ саду занимается.

— И ей не скучно?—дивилась маменька.

— Нисколько, она предовольна. Лошадь верховую купила у Куромятовыхъ, съ сѣдломъ дамскимъ, верхомъ теперь разъѣзжаетъ.

— Все одна?

— Одна. Говорить, что привыкла. Зимой и въ дурную погоду книжки читаетъ. Руководѣльничать не любить. Мнѣ, говорить, всѣ эти бабьи работы противны.

Я ужъ тогда читала потихоньку романы.

У моей англичанки на всѣхъ столахъ въ комнатѣ валялись книжки, между прочимъ, нѣсколько томиковъ Жоржъ-Занда, которой она была страстная поклонница. Она сквозь пальцы смотрѣла на то, что я у нея таскала произведенія ея любимаго автора.

Искушеніе было слишкомъ сильно, невозможно было ему не поддаться. Я перечитала, или, лучше сказать, жадно проглотила «Mauprat», «André», «Consuelo», и, слушая рассказы про Катю, находила между нею и героинями Жоржъ-Занда большое сходство. Та же благородная гордость и независимость характера, та же твердость въ убѣжденіяхъ и смѣлость въ поступкахъ.

Мнѣ ужасно хотѣлось, чтобъ она и наружностью не уступала моимъ любимымъ героинямъ, но о томъ, хороша ли она, или дурна собой, мнѣ не хотѣлось разузнавать, я боялась разочароваться, боялась, что дѣйствительность меня не удовлетворить.

А между тѣмъ, когда я увидѣла ее въ первый разъ, она показала мнѣ еще интереснѣе, чѣмъ я воображала.

Вотъ какъ это случилось.

У насъ было съ тысячу десятинъ земли въ томъ самомъ уѣздѣ, гдѣ находилась и Зобино, мѣстопребываніе тетеньки Людмиллы, и Катина Екатериновна.

Долго землю эту папенька отдавалъ въ аренду какому-то нѣмцу, но нѣмецъ этотъ умеръ и, прежде чѣмъ заключить контрактъ съ другимъ арендаторомъ, отецъ нашъ поѣхалъ осмотрѣть это имѣніе, чтобъ самому удостовѣриться, удобно ли будетъ переселить сюда нѣсколько крестьянскихъ семей изъ нашей Псковской деревни.

Ему понравилась мѣстность. Барская усадьба состояла только изъ двухъ деревянныхъ флигелей, соединенныхъ между собою крытой галлереей, но можно было построить домикъ побольше. Для лѣтняго помѣщенія не Богъ знаетъ какіе хоромы нужны. Можно было и паркъ сдѣлать, прорубивъ нѣсколько аллей въ рощѣ.

— Все это намъ тысячъ въ пять-шесть станеть, не больше, но у тебя съ дѣтьми будетъ, по крайней мѣрѣ, убѣжище на лѣто, все же лучше на свѣжемъ воздухѣ знойное время прожить, чѣмъ въ городской пыли и духотѣ,—говорилъ папенька.

Но маменька деревни не любила и къ проекту этому отнеслась такъ холодно, что и папенька къ нему охладѣлъ. Однако, ему, все-таки, захотѣлось, чтобъ мы хоть взглянули на это имѣніе и прожили бы тамъ недѣли три.

— Въ іюль, когда здѣсь такъ жарко и непріятно, что изъ дому невозможно выходить, на короткое время можно и въ тѣхъ флигелькахъ поселиться, въ которыхъ арендаторъ жилъ съ семей: крытая галлерей намъ можетъ служить гостиною и столовой, а въ домикахъ спать.

На это маменька съ удовольствіемъ согласилась, и въ концѣ юня мы поѣхали въ Березовку.

Въ тотъ годъ у насъ гостилъ дорогой гость, нашъ Костя.

Онъ ужъ во второй разъ пріѣзжалъ къ намъ въ отпускъ, два года тому назадъ зимой, когда его произвели въ офицеры, но только на двѣ недѣли, такъ что мы его почти и не видѣли, но зато теперъ онъ цѣлый мѣсяцъ долженъ былъ у насъ прожить и въ такое время, когда ни баловъ, ни вечеровъ въ городѣ не было, значить онъ намъ принадлежалъ вполне.

Всю жизнь не забуду я этого перваго моего путешествія за предѣлы роднаго города. Ѣхали мы на долгихъ. Поѣздъ нашъ состоялъ изъ пяти или шести экипажей: дорожной кареты, въ которой сидѣли папенька съ маменькой, двухъ таранцовъ для насъ съ гувернеромъ и гувернанткой, брички, тѣсно набитой прислугой, и телѣги, нагруженной вещами. Безпрестанно пересаживались мы изъ одного экипажа въ другой, останавливались на пути то въ лѣсоцкѣ, чтобъ нарвать цвѣтовъ или ягодъ, то въ открытомъ полѣ, чтобъ побѣгать, не говоря ужъ про остановки въ селахъ, гдѣ были выставлены лошади, и гдѣ мы чай пили, обѣдали, ужинали и ложились на постели изъ душистаго сѣна, среди никогда еще не виданной обстановки, въ которой все насъ занимало и приводило въ восторгъ.

Я все больше была съ Костей. Мы очень подружились за послѣднее время. Онъ обращался со мной совѣтъ, какъ съ взрослой, и повѣрялъ мнѣ даже свои тайны. Онъ рассказывалъ мнѣ про даму, въ которую былъ влюбленъ въ Петербургѣ, и про ея мужа, стараго генерала, презлаго и пристрашнаго. Костина мечта, которую онъ отъ всѣхъ, кромѣ меня, тщательно скрывалъ, заключалась въ томъ, чтобъ драться съ нимъ на дуэли, убить его и жениться на его вдовѣ, а если это не удастся, похитить ее и бѣжать съ нею въ Америку.

— Но гдѣ же ты денегъ возьмешь? — спрашивала я, замирая отъ страха и волненія.

— Раньше какъ черезъ три года, разумѣется, объ этомъ нечего и думать,—отвѣчалъ онъ уклончиво.

— Ну, а тогда?

— Тогда... Мало ли что можетъ случиться въ три года! Но ты только представь себѣ, какъ мы будемъ счастливы! Она такая красавица и тоже меня любить...

Вообще онъ гораздо охотнѣе распространялся о самой цѣли, къ которой стремился, чѣмъ о томъ, какъ онъ ее достигнетъ, и послѣ каждаго подобнаго разговора строго-на-строго рекомендовалъ мнѣ не разболтать его тайны.

— Никогда никому про это не говори, Маничка, это большой секретъ, мы отъ всѣхъ скрываемъ нашу любовь; мужъ у нея та-

кой ревнивый, что ему ничего не стоит ее убить, если онъ догадается, для чего я такъ часто у нихъ бываю. О, какое это чудное чувство, любовь! Ты этого еще не понимаешь...

Какъ не понимала? Отлично даже понимала. Жоржъ-Зандъ такъ прекрасно описывала любовь, да и другіе писатели тоже.

Не взирая на неудобство, тѣсноту и недостатокъ множества вещей первой необходимости, намъ было отлично въ деревнѣ, и три недѣли пролетѣли такъ быстро и такъ пріятно, что еслибъ срокъ Костиного отпуска не близился къ концу, мы остались бы въ нашей Березовкѣ еще на мѣсяць.

Тетенька Людмила жила отъ насъ верстахъ въ тридцати, но мы съ нею не видѣлись. Она занята была какой-то постройкой, а, можетъ быть, ждала приглашенія; такъ или иначе, но она къ намъ не ѣхала, и маменька была этому очень рада.

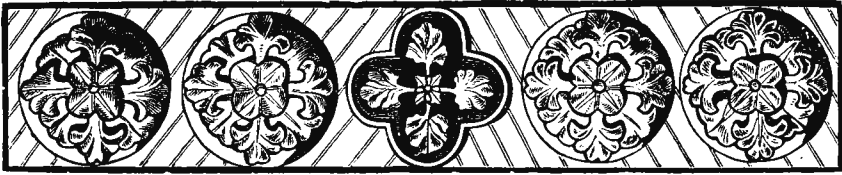
— Начнетъ тутъ кричать, во все виѣшиваться, скучно,—говорила она, когда рѣчь заходила о томъ, что мы отъ нея близко, и что, еслибъ ее пригласили, она тотчасъ же явилась бы.

И до Катинаго имѣнія отъ Березовки было недалеко, но, всецѣло поглощенные новыми интересами, мы никогда и не вспоминали про нее.

Н. И. Мердеръ (Северинъ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАБРОСКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Мой дѣдъ И. П. Бибииковъ. — Наша родня и знакомые. — Графъ А. А. Закревскій. — Чаадаевъ и его заступничество за Болеслава Марковича. — Князь Д. В. Голицынъ. — Д. Г. Бибииковъ. — Его характеристика. — Анекдотъ о князѣ М. И. Кутузовѣ. — Рѣчь Бибиикова кievскому дворянству. — Объясненіе Бибиикова съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. — Портретъ князя Я. Ѳ. Долгорукаго. — Увольненіе Бибиикова отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. — Анекдоты о немъ. — Разсказъ объ императорѣ Александрѣ I. — Декабристы Цибриковъ, Лореръ и Загорѣцкій. — Князь В. М. Голицынъ. — Разсказъ объ императорѣ Павлѣ I. — Полковникъ Сокоревъ. — Л. Д. Исамайловъ. — Анекдоты о немъ.

НАЧАЛЪ себя помнить очень рано. Отецъ мой скончался въ годъ моего рожденія, въ 1844 году; матушка, оставшись вдовою, постоянно держала меня, единственнаго сына, при себѣ. Живя въ Москвѣ, она выѣзжала много въ свѣтъ; я помню массу лицъ, у нея бывавшихъ и у которыхъ мы были. Я могу сказать мы, потому что матушка, дѣлая визиты или посѣщая знакомыхъ, часто брала меня съ собою.

Родни и знакомыхъ было много, очень много.

Матушка моя, рожденная Бибиикова, была родною племянницей, игравшихъ столь видную роль при императорѣ Николаѣ I, Дмитрія Гавриловича Бибиикова, кievскаго генераль-губернатора, а впоследствии министра внутреннихъ дѣлъ, и Ильи Гавриловича Бибиикова, виленскаго генераль-губернатора. Вся огромная семья Бибииковыхъ, а также князя М. И. Кутузова, который былъ женатъ на Екатеринѣ Ильиничнѣ Бибииковой, были намъ близки; кромѣ

того, родня отца, родъ князей Оболенскихъ, тоже могъ похвататься многочисленностью.

Такимъ образомъ, въ знакомыхъ и родныхъ недостатка не было. А Москва конца сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ была наполнена барами, которые жили широко и роскошно,—не то, что теперь, когда «бѣлокаменная» сдѣлалась чисто коммерческимъ и промышленнымъ центромъ и когда купеческій элементъ вытѣсняетъ дворянскій.

Моя бабушка, Софья Гавриловна Бибикова (замужемъ за Иваномъ Петровичемъ Бибиковымъ), была высокообразованная и умная женщина. Старшая въ семьѣ, она прекрасно воспитала своихъ младшихъ братьевъ: Дмитрія, Илью, Павла, Гавриила и Александра Гавриловичей; поэтому они съ особеннымъ уваженіемъ относились къ ней, и у бабушки я видѣлъ всю нашу высокопоставленную родню.

Отъ бабушки и отъ дѣдушки я наслушался много разказовъ про Отечественную войну и про времена Екатерины II, Павла и Александра I. Я ужасно любилъ разказы про старину и часто приставалъ о томъ къ дѣдушкѣ. А словоохотливый дѣдушка, Иванъ Петровичъ Бибиковъ, страстный и знаменитый въ свое время охотникъ, псовый и ружейный, дѣлавшій кампаніи 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ, разказывалъ мнѣ, мальчику, массу анекдотовъ и случаевъ, изъ которыхъ многіе сохранились въ моей памяти, а многіе, увы, изгладились.

Дѣдушка простудился на охотѣ, когда въ сороковыхъ годахъ шель, ровняясь полями, изъ своего Данковского имѣнія, с. Сергѣевского, въ наше, с. Маклецъ, Богородицкаго уѣзда, гдѣ жила моя мать, и я провелъ дѣтство свое. Выйдя изъ Епифани въ прекрасный октябрьскій день, похожій на лѣтній, онъ съ своими охотниками и собаками разровнялся по такъ называемой графской степи (графовъ Бобринскихъ). День былъ чудный, по его словамъ, было просто жарко. Щегольская охота въ красныхъ кунтушахъ красиво ровнялась и травила направо и надѣво отъ него... Самъ онъ ѣхалъ въ легкомъ, лѣтнемъ платьѣ. Вдругъ внезапно пошелъ дождь; не прошло и часу, какъ дождь превратился въ снѣгъ, сдѣлался холодъ, и въ самое короткое время у всѣхъ ѣхавшихъ образовалась на платьѣ ледяная кора. Дѣдушка страшно простудился, его еле довели до Маклеца, онъ слегъ, и послѣ этого здоровье его никогда болѣе не поправлялось. Онъ цѣлыми мѣсяцами не выходилъ изъ халата, сидя у окна; его любимымъ занятіемъ были разговоры про охоту и про былое время. Зимой въ Москвѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ, Данковского уѣзда, доживалъ онъ свой вѣкъ, почти не выходя изъ комнаты; онъ и ходилъ съ трудомъ.

Меня часто возили къ дѣдушкѣ, а иногда мать моя проводила по нѣсколько дней у своихъ родныхъ. Тогда, по утрамъ, я бѣгалъ

къ дѣду и слушалъ его разговоръ, обращенный иногда ко мнѣ, иногда къ кому нибудь изъ постороннихъ, такъ какъ всегда кто нибудь бывалъ у него въ гостяхъ. Я еще потому многое запомнилъ, что, какъ и всѣ старики, дѣдушка повторялся, и мнѣ приходилось одинъ и тотъ же рассказъ слышать по нѣскольکو разъ. Я многое запоминалъ, а если не все понималъ, то, запомнивъ, я послѣ, сдѣлавшись взрослымъ, сталъ вполнѣ понимать ту или другую личность, тотъ или другой фактъ, освѣщенный разсказами дѣда, бабушки или ихъ гостей, въ которыхъ недостатка не было.

Огромная родня Бибиковыхъ большею частью жила въ Петербургѣ, а въ Москвѣ только нѣкоторыя, именно: сестры бабушки, Марья Гавриловна Дюклу (ея дочь была за А. Ѳ. Ладыженскимъ), Вѣра Гавриловна Хрущова (ея сынъ, Дмитрій Петровичъ Хрущовъ, былъ товарищъ министра, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сошелъ съ ума) и Варвара Гавриловна Муромцева. Мужъ послѣдней, Матвѣй Матвѣевичъ Муромцевъ, былъ герой Кульма, когда-то адъютантъ Ермолова, а послѣ градоначальникъ Таганрога; отъ него тоже слышалъ много я интереснаго (самъ дѣдушка былъ адъютантомъ Торماسова, впослѣдствіи графа и генераль-губернатора Москвы). Зато родня отца, князя Оболенскіе, жили въ Москвѣ. У старѣйшаго тогда въ Москвѣ князя Александра Петровича Оболенскаго, на Солянкѣ, по воскресеньямъ, собирались князя Оболенскіе, и меня ребенкомъ возили туда на поклонъ. Дядя моего отца (мнѣ дѣдъ), князь Евгенийъ Петровичъ Оболенскій, былъ декабристомъ; вслѣдствіе этого многіе декабристы, ранѣе вернушіеся изъ ссылки, благоволили ко мнѣ, ребенку, ибо князь Евгенийъ Оболенскій пользовался между ними большимъ уваженіемъ и любовью, а, видя меня при немъ, старики относились и ко мнѣ очень симпатично. Князь Евгенийъ пробылъ въ Сибири тридцать лѣтъ. Я впервые увидалъ его только въ 1857 году, когда онъ вернулся изъ ссылки послѣ коронаціи императора Александра II, въ силу манифеста. Онъ былъ въ перепискѣ съ моею матерью, и мнѣ памяты эти письма, даже по формѣ ихъ. Они шли очень долго и сперва прочитывались въ III Отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи, гдѣ зачеркивалась надпись, которую всякій политическій ссыльный того времени обязанъ былъ дѣлать на конвертѣ: «отъ государственнаго преступника такого-то». Надпись эту, хотя и зачеркнутую, можно было видѣть насквозь.

Зимы мы проводили въ Москвѣ, какъ только я себя сталъ помнить. Матушка принимала тогда у себя, могу сказать, цвѣтъ тогдашней интеллигенціи. Лѣто же мы проводили въ Тульской губерніи, которая въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ была передовая по обществу помѣщиковъ; я сужу, по крайней мѣрѣ, по нашимъ сосѣдямъ. Въ числѣ ихъ были и декабристы, возвращенные изъ Сибири и жившіе въ своихъ имѣніяхъ, не имѣя права вѣзда

въ Москву и Петербургъ. Видалъ я ихъ часто и отъ нихъ слышалъ многія подробности о 14-мъ декабря 1825 года, не попавшія въ печать. Чаще другихъ видѣли мы: князя Валеріана Михайловича Голицына, женатаго на княгинѣ Ухтомской, Михаила Михайловича Нарышкина съ женою, урожденною графинею Коновницыною, Лорера, который служилъ въ польскихъ войскахъ во времена Александра I и обучалъ ихъ, въ качествѣ русскаго офицера, пофранцузски, такъ какъ русскій языкъ въ польскихъ войскахъ не допускался. Еще жилъ недалеко старикъ Николай Романовичъ Цебриковъ; онъ вернулся, ничего не имѣя, и управлялъ имѣніями моего дяди, И. А. Раевского.

Разказы, общество людей, изъ которыхъ всякій имѣлъ въ тотъ крутой вѣкъ значеніе своего собственнаго «я», не могли не имѣть на меня, хотя еще и ребенка, сильнаго вліянія. Какъ ни незначительны факты, коихъ я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, какъ ни мелки слышанные мною разказы, тѣмъ не менѣе для характеристики нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей, для характеристики времени, они могутъ быть интересны; особенно въ Россіи, гдѣ не было ни политической жизни, ни свободы печати, анекдотъ—явленіе болѣе серьезное, чѣмъ въ другихъ краяхъ. По анекдоту приходится судить не только людей, ихъ характеръ и дѣятельность, но и цѣлую эпоху. Вотъ почему я рѣшился набросать на бумагу свои воспоминанія.

Выше я сказала, что мать моя, живя въ Москвѣ, принимала у себя цвѣтъ тогдашней интеллигенціи, и не только московской, но и петербургской, такъ какъ многіе у насъ бывали проездомъ. Въ гостиной у нея я съ дѣтства привыкъ видѣть и уважать князей Владиміра, Евгенія, Константина Черкасскихъ, В. П. Боткина, братьевъ Раевскихъ (одинъ изъ нихъ, Иванъ Артемьевичъ, былъ женатъ на сестрѣ моей матери, Екатеринѣ Ивановнѣ Бибиковой), Орловыхъ, графовъ Льва и С. Толстыхъ, Васильчиковыхъ, гр. Апраксиныхъ, гр. Бобринскихъ, многихъ литераторовъ и др. Выѣзжая въ свѣтъ, матушка выдерживала иногда и нападки за пріемъ у себя литераторовъ. Какъ теперь помню, одинъ великосвѣтскій господинъ, встрѣтивъ выходящаго В. П. Боткина, спросилъ у матушки: «Что, вы у него чай покупаете?» (Боткинъ торговалъ чаемъ),—на что матушка отвѣчала: «Нѣтъ, подаю ему чай».

Мы жили сперва у моего крестнаго отца, московскаго губернатора Н. А. Небольсина, домъ котораго—на Садовой, въ приходѣ Ермолая, впоследствии Пцербатовой, отданъ нынѣ подъ больницу. Дочь Небольсина вышла замужъ за моего дядю, А. И. Бибикова, брата моей матери, а другая—за графа И. А. Апраксина.

Въ выборѣ своихъ знакомыхъ матушка была очень осторожна; такъ, на примѣръ, она никогда не хотѣла посѣщать домъ тогдашняго генераль-губернатора гр. Закревскаго, благодаря его супругѣ

и дочери. Не смотря на всяческія приставанія, матушка осталась при своемъ: не знакомилась и никогда не бывала у Закревскихъ (я лишь впоследствии понялъ и вполне оцѣнилъ это). Какъ-то дворъ былъ въ Москвѣ; гр. Закревскій давалъ чудный, костюмированный балъ. Были костюмы, по парѣ, кавалеръ и дама, отъ каждой изъ русскихъ губерній, и мальчикъ несъ впереди каждой пары гербъ той губерніи. Какъ ни просили, матушка сама не поѣхала и меня не пустила нести гербъ какой-то губерніи. Репутація домашняго очага гр. Закревскаго была самая печальная, и старая бабушка, Софья Гавриловна, вполне поддерживала взгляды матушки, не желая, чтобы дочь ѣздила къ Закревскимъ. Дѣдъ, Ив. П. Биби-ковъ, терпѣть не могъ Закревскаго и всегда говаривалъ про него: «Какой онъ графъ — онъ изъ сдаточныхъ!». Я помню отзывы и Дм. Гав. Бибикова: онъ тоже не любилъ гр. Закревскаго, какъ администратора. Уже впоследствии, когда я въ 1870-хъ годахъ жилъ въ Петербургѣ, въ домѣ Дмитрія Гавриловича, онъ высказывалъ, что, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, рѣдко уважалъ представленія гр. Закревскаго; но что многое дѣлалось помимо его, такъ какъ императоръ Николай Павловичъ, напротивъ, любилъ Закревскаго: у послѣдняго были даже бланки государя императора.

Закревскій часто, распекая, пугалъ тѣмъ, что у него есть бланки, что онъ можетъ и то, и то... Грубый и холодный съ виду, Закревскій былъ, однакожь, доступенъ иногда добродушному чувству. И кто бы могъ думать, что извѣстный Чаадаевъ имѣлъ вліяніе на гр. Закревскаго, то-есть могъ иногда выпросить у него льготу тому или другому лицу, особенно невинно пострадавшему человѣку отъ графскаго гнѣва. Вотъ что случилось однажды. При гр. Закревскомъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій, впоследствии довольно извѣстный писатель, Болеславъ Маркевичъ. Въ концѣ же 1840-хъ годовъ онъ былъ самымъ моднымъ въ Москвѣ кавалеромъ. Прекрасный танцоръ, элегантный кавалеръ, талантливый актеръ, онъ создалъ можно сказать, въ Москвѣ роль Чацкаго, играя въ комедіи «Горе отъ ума» на столько хорошо, что императоръ Николай I похвалилъ его прекрасную игру... Какъ-то Маркевичъ въ чемъ-то проштрафился, провинился передъ Закревскимъ, который раскричался на него и велѣлъ въ 24 часа убраться не только со службы, но и изъ Москвы. Никакія заступничества дамъ и даже домашнихъ Закревскаго не помогали. Графъ былъ неумолимъ и запретилъ говорить себѣ о Маркевичѣ. И вотъ утромъ на другой день, столь печальный для Маркевича, пріѣзжаетъ къ Закревскому, какъ всегда запросто, Чаадаевъ. Уже при входѣ въ кабинетъ Чаадаева Закревскій встрѣтилъ его словами:

— Знаю, знаю, пріѣхали просить за Маркевича. Напрасный трудъ — и не говорите, впередъ отказываю!

— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ Чаадаевъ:—я пріѣхалъ рассказать вамъ анекдотъ, со мною когда-то случившійся въ Кіевѣ.

— Тогда очень радъ, садитесь!

— Это было давно, очень давно,—началъ Чаадаевъ,—когда еще въ Кіевѣ былъ главнокомандующій фельдмаршалъ гр. Каменскій. Я былъ къ нему тоже вхожъ, какъ и къ вамъ, графъ; забѣгаю разъ къ нему утромъ, точь-въ-точь какъ сегодня къ вамъ, и застаю Каменскаго внѣ себя отъ гнѣва и не узнаю его—рветъ и мечетъ, кричитъ, изъ себя выходитъ: разстрѣляю, разжалую! Что случилось?—спрашиваю.—Да адъютантъ мой,—кричитъ Каменскій,—чортъ знаетъ что надѣлалъ, напроказничалъ, ну, и рассказываетъ цѣлую мнѣ исторію, въ самомъ дѣлѣ некрасивую, и при этомъ пересыпаетъ рассказъ бранью и крикомъ: выгону, подь судъ упеку и т. д., ну, однимъ словомъ, разсвирѣпѣлъ. Я далъ высказаться, успокоиться, и началъ ему доказывать, что молодость имѣетъ свои права, что адъютантъ человекъ молодой, ну, увлекся, а теперь раскался, и довелъ гр. Каменскаго до того, что онъ по моей просьбѣ простилъ своего адъютанта, который въ свою очередь совсѣмъ исправился и сдержалъ обѣщаніе, да вышель и служака первостепенный, а впослѣдствіи даже и дѣятель серьезный. Вы его, вѣроятно, знаете, ваше сіятельство!.. Это—это графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій.

Закревскій былъ очень пораженъ рассказомъ Чаадаева; да, это былъ онъ, теперь грозный генераль-губернаторъ, когда-то адъютантъ Каменскаго, котораго спасъ когда-то Чаадаевъ отъ гнѣва Каменскаго. Очередь была за нимъ, и онъ простилъ Маркевича, поблагодаривъ за рассказанный Чаадаевымъ анекдотъ.

Вообще Закревскаго въ Москвѣ не любили тѣмъ болѣе, что онъ вступилъ вскорѣ послѣ свѣтлѣйшаго князя Д. В. Голицына, который 24 года былъ главнокомандующимъ Москвы и про котораго ходили рассказы совершенно другаго свойства.

Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ императора Николая Павловича, и у него тоже находились бланки государя, которые никогда не были выпущены, за исключеніемъ, говорятъ, одного, и вотъ при какомъ случаѣ. Въ одномъ изъ многочисленныхъ имѣній князя Дмитрія Владиміровича, вѣроятно, безъ его вѣдома, одинъ изъ его управляющихъ затѣялъ тяжбу съ бѣдною сосѣдкою-помѣщицею о какой-то землѣ, которая составляла все достояніе этой помѣщицы. Права ли она была, нѣтъ ли, мы не знаемъ, но она проиграла свое дѣло во всѣхъ инстанціяхъ, начиная съ уѣзднаго суда и кончая общимъ собраніемъ сената. Куда было жаловаться дальше?—одному царю,—а какъ и съ какими средствами ѣхать въ Петербургъ? При такомъ печальномъ положеніи дѣла кто-то посовѣтовалъ помѣщицѣ обратиться прямо къ самому свѣтлѣйшему: такъ

звалъ народъ генераль-губернатора. Какъ же къ нему—кому проигранъ процессъ? Однако, подъ давленіемъ окружающихъ, помѣщица подала князю Дмитрію Владиміровичу докладную записку о своемъ и его дѣлѣ. Князь Дмитрій Владиміровичъ велѣлъ доложить себѣ все дѣло и, когда докладчикъ доложилъ, что онъ, князь, главнокомандующій, ничего не можетъ уже сдѣлать противъ сената, свѣтлѣйшій возразилъ: «А бланки на что?» И вотъ на такомъ-то бланкѣ было написано, что все дѣлопроизводство по такому-то дѣлу подлежитъ прекращенію, то-есть отмѣнѣ, земля возвращается, какъ неправильно отобранная, такой-то помѣщикѣ, а всѣ судебныя издержки возлагаются на князя Д. В. Голицына... Это и былъ единственный бланкъ императора Николая, выпущенный княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ. Да, были люди въ старину...

Съ интеллигенціею того времени вернувшіеся декабристы имѣли общія черты: они были всѣ болѣе или менѣе идеалистами и высоко-образованными людьми. Но люди сороковыхъ годовъ отличались тѣмъ, что являлись дѣятелями съ будущимъ, тогда какъ декабристы, уже отжившіе люди, не вѣрили даже въ возможность освобожденія крестьянъ. При задуманномъ переворотѣ они мечтали о свободѣ политической, о конституціи, свободѣ печати; но нигдѣ въ ихъ дѣятельности, въ ихъ письмахъ, не проглядывало желаніе освободить отъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Одинъ Пестель говорилъ, что эмансипація необходима; но другіе, даже главные вожаки декабристовъ, и не думали объ этомъ, чѣмъ, конечно, не выказали государственной мудрости. Люди же 1840-хъ годовъ, то-есть интеллигентная часть, только и говорили о невозможности продолженія существующихъ отношеній къ крѣпостнымъ.

Бабушка моя въ 1840-хъ годахъ неоднократно повторяла, что «*cet ordre de choses ne peut continuer longtemps*»; она говорила и особенно писала пофранцузски замѣчательно, порусски же писала и говорила рѣдко. Братъ ея, Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ, помоему, первый, который на поприщѣ освобожденія крестьянъ сдѣлалъ фактической шагъ, отъ слова перешелъ къ дѣлу: ввелъ въ Юго-Западномъ краѣ инвентари. Этотъ деспотъ, чуть не извергъ, какъ его называлъ Герценъ, на своихъ плечахъ вынесъ въ Юго-Западномъ краѣ инвентарную реформу; а впоследствии, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, ввелъ ее въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ чрезъ Илью Гавриловича Бибиикова. Инвентари были первымъ шагомъ къ освобожденію крестьянъ, то-есть установленіемъ и узаконеніемъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Самъ Дмитрій Гавриловичъ рассказывалъ мнѣ многія подробности этого интереснаго времени. Императоръ Николай Павловичъ пламенно желалъ освобожденія; но высшая аристократія была противъ, даже самъ государь-наслѣдникъ. Въ государственномъ со-

вѣтъ, гдѣ проводили инвентарные законы, было нѣсколько серьезныхъ столкновений у Д. Г. Бибикова съ наслѣдникомъ престола. Вслѣдствіе этого Дмитрій Гавриловичъ навлекъ на себя гнѣвъ государя-наслѣдника, почему, тотчасъ по воцареніи императора Александра II, Д. Г. Бибикову пришлось выйти въ отставку.

Когда Ю. О. Самаринъ былъ выпущенъ изъ крѣпости, куда попалъ за свои письма объ «Окраинахъ Россіи», Д. Г. Бибиковъ пригласилъ его къ себѣ на службу, что тогда было осуждено, такъ какъ Ю. О. Самаринъ считался яко бы краснымъ. На это Дмитрій Гавриловичъ возражалъ, что, у него «всѣ равны и могутъ быть только вѣрноподданными государя своего».

Личность Д. Г. Бибикова такова, что, помоему, на ней слѣдуетъ остановиться подольше. Мнѣ кажется, что она доселѣ еще не оцѣнена по достоинству; многое тяжелое еще не забыто, но, несомнѣнно, исторія воздастъ ему должное. Да позволено мнѣ будетъ сказать о немъ, что я слышалъ и запомнилъ.

Родной племянникъ Александра Ильича Бибикова, укротителя Пугачевского бунта и предсѣдателя знаменитой Екатерининской комиссіи, Дмитрій Гавриловичъ былъ сынъ Гавріила Ильича, котораго Екатерина II очень любила и, какъ энергическаго человека, уважала. Какъ-то, услыхавъ, что Гавріилъ Ильичъ говорить, что можетъ со своимъ полкомъ поспѣть очень скоро изъ Гатчины въ Петербургъ, императрица рѣзко сказала ему: «Да! но ко мнѣ, а не къ Павлу Петровичу». Какъ видно, императрица никогда не забывала переворота 28-го іюня 1762 года.

Князь Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ женатъ на теткѣ Дмитрія Гавриловича—Екатеринѣ Ильинишнѣ Бибиковой, и въ 1812 году Дмитрій Гавриловичъ сдѣлался адъютантомъ Кутузова. Во время Бородинскаго боя онъ рапортовалъ и показывалъ что-то Кутузову, когда ядромъ оторвало ему кисть лѣвой руки.

— Несчастный Бибиковъ!—вскричалъ Кутузовъ.

— Ничего, осталась еще другая послужить отечеству, — отвѣчалъ Дмитрій Гавриловичъ и продолжалъ свое донесеніе.

Князь Кутузовъ прогналъ его на перевязочный пунктъ. Тамъ никто изъ докторовъ не хотѣлъ обратить вниманія на молодого офицера.

— Мы добрались только до полковниковъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—поѣзжайте въ Можайскъ, тамъ перевязуйте.

Число раненыхъ, дѣйствительно, было страшно велико; но истекать кровью тоже не хотѣлось. Пришлось пустить въ ходъ протекцію.

— Я адъютантъ и родной племянникъ князя Кутузова,—сказалъ Д. Г. Бибиковъ.

Не успѣлъ онъ это выговорить, какъ его сняли съ лошади...

Съ нимъ сдѣлалось дурно, и онъ уже не помнилъ, какъ ему отрѣзали руку. Онъ очнулся послѣ операціи, по дорогѣ въ Москву, куда и его повезли вслѣдъ за отступающей арміей.

Кстати, отъ другаго дѣда я слышалъ слѣдующее. Въ 1812 году, во время стоянки въ Филяхъ, только что знаменитый совѣтъ рѣшилъ участь Москвы, и князь Кутузовъ сидѣлъ въ раздумьѣ передъ избой, какъ подлетѣла коляска, и изъ нея выскочилъ Ростопчинъ, главнокомандующій Москвой. Онъ настаивалъ на томъ, что необходимо дать сраженіе подъ Москвою, говорилъ о патриотизмѣ войска, о своихъ прокламаціяхъ, о томъ, что онъ съ народомъ поможетъ и проч. Князь Кутузовъ возражалъ кое-что и кончилъ тѣмъ, что разсердился.

— Не могу я драться подъ Москвой: я къ полудню буду безъ войска!

— Какъ это?—удивился Ростопчинъ.

— Да! всѣ по Москвѣ разбредутся. У васъ кабаки и теперъ ужъ разбиты: всѣ тамъ будутъ! Раненаго понесутъ четверо, ни одинъ не вернется въ строй.

Затѣмъ Кутузовъ изрекъ свое знаменитое предсказаніе, что Москва Наполеона погубить, засосѣтъ. Такъ и случилось.

Д. Г. Бибииковъ прошелъ всевозможныя степени военнаго и, главнымъ образомъ, гражданскаго служенія, такъ какъ былъ человѣкомъ безукоризненной честности. Одно время онъ завѣдовалъ всѣми нашими таможами. Но, собственно говоря, его государственная дѣятельность начинается съ генераль-губернаторства въ Кіевѣ, гдѣ его хотя и одна, но желѣзная рука управляла краемъ 14 лѣтъ. На него жаловались, какъ на деспота; но, между тѣмъ, онъ не сдѣлалъ никого несчастнымъ. Онъ казался болѣе страшнымъ, чѣмъ былъ. Въ сущности это былъ гуманный человѣкъ, что и доказали его инвентари, введенные *contre tout et tous*. Онъ видѣлъ людей и слабости ихъ насквозь, а тѣмъ болѣе зналъ польскій характеръ и петербургскія интриги. Уже будучи въ отставкѣ, онъ писалъ своему бывшему правителю канцеляріи, Н. Е. Писареву: «помните время, когда мы съ вами боролись противъ польской крамолы?.. впрочемъ, нѣтъ: противъ Петербурга, гдѣ всегда былъ корень зла», и т. д. И это совершенно вѣрно. Не разъ Дмитрій Гавриловичъ рассказывалъ, какъ ему навязывали то или другое назначеніе, или распоряженіе, прямо вредное, и сколько усилій надо было, чтобы отстоять ту или другую полезную мѣру. Между тѣмъ, сами поляки оцѣнили дѣятельность Д. Г. Бибиикова и потомъ жалѣли, что онъ ушелъ. Если бы держались системы Бибиикова, не было бы и возстанія, не было бы тѣхъ несчастій, отъ коихъ до сихъ поръ не здоровится и русскимъ и полякамъ.

Твердый, непреклонный, умный исполнитель воли своего государя, Д. Г. Бибииковъ никогда не былъ флюгеромъ. Убѣдившись

разъ въ необходимости реформы, онъ ее настойчиво проводилъ. Его характеръ и система вылились, можно сказать, въ рѣчи, имъ сказанной кievскому дворянству, при открытіи выборовъ, 8-го мая 1851 года. Вотъ она дословно.

«Мм. Гг.! 14 лѣтъ я нахожусь въ этомъ краѣ и уже нѣсколько разъ имѣлъ честь быть съ вами во время выборовъ дворянскихъ. Я хочу пройти съ вами весь періодъ моего управленія, отъ самаго прїѣзда моего, съ 1838 года, до настоящаго времени. Я хочу сдѣлать это, мм. гг., не въ видѣ отчета, ибо генераль-губернаторъ западныхъ губерній отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только одному, котораго тронъ на сѣверѣ, который владѣетъ пространствомъ отъ Вислы до Байкала и отъ Ахалцыха до Ледовитаго моря, которому повинуются 60 милліоновъ людей. Мы всѣ должны, мм. гг., ежедневно и въ каждую минуту молиться Всемогущему о долгой жизни, спокойствіи и счастіи нашего добраго великаго государя для нашего счастія и спокойствія Европы. Я хочу разсмотрѣть съ вами мои дѣйствія въ финансовомъ, административномъ, политическомъ и судебномъ отношеніяхъ. Въ 1838 году, прїѣхавъ сюда, засталъ я въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, демократическія общества, даже въ учебныхъ заведеніяхъ, въ Бердичевѣ, въ женскомъ пансіонѣ. Всѣ эти общества стремились къ одному: уничтожить всѣ законы, всѣ дворянскія права и преимущества, весь благоустроенный порядокъ гражданскаго общества. Одна коясисторія, которой имени не назову, дошла даже до того, что проповѣдовала во всеуслышаніе: будто Иисусъ Христосъ не есть Сынъ Божій, Матерь Божія — простая женщина, а папа — шарлатанъ. Я преслѣдовалъ ихъ со всею злостью, которая во мнѣ находится, и истребилъ зло въ самомъ его началѣ. Приступимъ къ финансовой системѣ. Прїѣхавъ въ этотъ край, я засталъ въ Бердичевѣ такъ называемую секцію польскаго банка, въ которой были въ заставѣ и въ залогѣ почти всѣхъ помѣщиковъ имѣнія. Эта секція привлекала только имепемъ управлявшаго ею. Она брала не по 6 и 8, а по 11 и 14⁰/₀. Въ послѣднее время были только въ курсѣ облигаціи польскія, а золото и серебряныя монеты совершенно исчезли; многіе помѣщичьи разорены въ пухъ. Фельдмаршалъ (Паскевичъ), по моему представленію, послалъ курьера къ государю императору, и она уничтожена. Для денежныхъ оборотовъ помѣщиковъ и коммерческихъ операцій учреждена была въ Кіевѣ контора государственнаго коммерческаго банка. Кто на нее смѣетъ жаловаться? Кого тамъ притѣсняютъ? Кто замѣтилъ тамъ злоупотребленія? Скажите, кто? Перехожу къ правамъ дворянства. Когда я прїѣхалъ, засталъ здѣсь, что всѣ были дворяне: помѣщикъ ѣдетъ въ каретѣ—дворянинъ, кучеръ на козлахъ—дворянинъ, лакей за каретою—дворянинъ, сторожъ—дворянинъ; дворянинъ подавалъ ему сапоги и, когда онъ, разсердясь, хотѣлъ взыскать съ него, тогда служитель отвѣчалъ ему: «не имѣешь права, я тебѣ равенъ». Государь императоръ именуетъ себя первымъ дворяниномъ въ Россіи—спрашивается: можетъ ли онъ подать руку также дворянину, повару или лакею? Была фабрика дворянскихъ документовъ въ Бердичевѣ, гдѣ продавались патенты по рублю серебромъ. Были коммиссіи для провѣрки дѣйствій депутатскихъ собраній, но не принесли никакой пользы. Я собралъ эти коммиссіи въ одну центральную, которая, по разборѣ такъ называемаго дворянства, исключила изъ этого благороднаго сословія 64.000 семействъ, не имѣвшихъ права остаться въ ономъ.

Онѣ приписались въ разныя податныя сословія и сдѣлались на своемъ мѣстѣ полезными членами гражданскаго общества. Когда герольдія утвердить уже многіе дворянскіе роды, окончить разсмотрѣніе дѣлъ дворянскихъ, то каждый изъ насъ будетъ увѣренъ, подавая руку подобному себѣ, что подаетъ руку такому же дворянину, какъ и онъ самъ. Многіе въ этомъ краѣ возстали противъ законнаго правительства, желая ниспровергнуть религію и престоль. Они были преслѣдуемы по всей строгости законовъ и получили заслуженное наказаніе; нѣкоторые изъ нихъ уже прощены, другіе на жительствѣ въ среднихъ губерніяхъ, а два только главныхъ преступника не прощены, но и тѣмъ участь облегчена: они уже не въ каторжной работѣ, а въ Сибири на поселеніи. Я былъ строгъ, я долженъ былъ употребить всѣ мѣры для прекращенія и предупрежденія тѣхъ горестныхъ послѣдствій, которыя мы видѣли въ другихъ мѣстахъ. Нашъ великій государь хочетъ, чтобы западныя губерніи были душою и тѣломъ воссоединены съ Россією, потому и введено въ этомъ краѣ русское законодательство. Нѣкоторые хвалили статутъ литовскій, а многіе ли его читали? Нѣкоторые помѣщики мнѣ признавались, что они его никогда не читали. И никто не читалъ, и никто не знаетъ, какое въ немъ законоположеніе, которое, при нестройномъ совмѣщеніи со множествомъ конституцій, устарѣло, неудобопримѣнимо къ настоящимъ гражданскимъ отношеніямъ и дѣламъ, замедляетъ ихъ только и умножаетъ до безконечности. Да и отыскать его очень трудно: я досталъ въ оригиналѣ два экземпляра. Итакъ, введены русскіе законы въ одинъ день, въ одинъ часъ, и теперь не гораздо ли меньше дѣлъ, не проще ли, не быстрѣ ли дѣлопроизводство? Случилось въ 1850 году, что два помѣщика Радомысльскаго и Овручскаго уѣзда имѣли одного крестьянина Іосифа, который въ недѣлю работалъ одному помѣщику три дня и другому—три дня; спрашиваю я васъ, что же ему осталось? Было много злоупотребленій помѣщичьей властью—введены инвентари. Много было недовольныхъ, сулили большія публичныя бѣдствія, сулили бунты, назначали день и часъ, когда начнется рѣзня. Но, Богъ милостивъ, зарѣзали ли кого изъ помѣщиковъ, или даже эконома? били ли кого? Никогда. Было ли у насъ что либо подобное тому, что было въ Галиціи? Напротивъ, мм. гг., инвентари, сдѣланные для блага помѣщиковъ, усилили ихъ власть, возвысили ихъ значеніе и, опредѣливъ отношенія крестьянина къ владѣльцу, опредѣлили крестьянскія права и обязанности. Случались отступленія отъ нѣкоторыхъ правилъ, но не со стороны самихъ помѣщиковъ, а только ихъ управляющихъ и экомомовъ, поссессоровъ, или же со стороны тѣхъ старыхъ бабъ, которымъ не платятъ, а которыя сами платятъ своимъ любовникамъ, во зло употребляющимъ помѣщичью власть. Послѣ введенія инвентарей, спрашиваю я васъ, пала ли дѣна на имѣнія? Я имѣю официальные свѣдѣнія, кои доказываютъ противное. Въ прошедшіе выборы я имѣлъ честь вамъ сказать, что на мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, нынѣ замѣщаемыя чиновниками, поступать дворяне по вашему усмотрѣнію, когда ознакомятся съ русскимъ языкомъ и законодательствомъ. Нынѣ, благодаря Бога, многіе ознакомились съ русскимъ языкомъ; но, тѣмъ не менѣе, я въ настоящую минуту поставленъ въ невозможность не назначать на эти мѣста чиновниковъ по опредѣленію отъ правительства. Но это переменится, и для этой цѣли я посылаю молодыхъ людей въ должность стряпчихъ, чтобы они, привыкнувъ практически къ дѣлопроизводству, могли быть

впослѣдствіи полезны при дворянскихъ выборахъ. И тогда уже всѣ мѣста, согласно коренному закону, будутъ замѣщены дворянами, по выборамъ дворянства. Нынѣ, по моей болѣзни и по милости великаго государя, я для излеченія уволенъ въ отпускъ за границу на 4 мѣсяца. Вмѣсто меня вступить въ управленіе западными губерніями князь Васильчиковъ. Это — человекъ благороднѣйшихъ чувствъ; вы имъ будете довольны, коль исполнить всѣ тяжкія обязанности того бремена, которое я несу 14 лѣтъ. Вашъ начальникъ губерніи исполняетъ свое призваніе отлично; онъ никому изъ васъ не сдѣлалъ зла, а многимъ сдѣлалъ добро — вы не можете не отдать ему этой справедливости. Популярности я не искалъ, любви отъ васъ я не имѣю, но вы меня уважаете. Позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу въ этомъ краѣ, ваши дѣти будутъ благодарны моимъ дѣтямъ — въ томъ увѣренъ. Теперь вы приступили къ выборамъ, надѣюсь, что давнія службы найдутъ у васъ преимущества, что вы постараетесь отличить по достоинству тѣхъ, которыхъ отличаетъ государь и которые всегда защищали права дворянства и облегчали мнѣ то бремя, которое я такъ долго двигалъ. Простите, прощайте. Если я умру, не поминайте лихомъ!»

Послѣ этого Д. Г. уѣхалъ въ Петербургъ и вскорѣ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Не смотря на кажущуюся желѣзную натуру и безсердечіе, были, однако, случаи, когда Бибиковъ выказывалъ много доброты...

Когда Дмитрій Гавриловичъ былъ генераль-губернаторомъ въ Кіевѣ, одинъ изъ директоровъ департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, нѣкто С., постоянно сплетничалъ ему на министра. Когда же самъ Бибиковъ былъ назначенъ министромъ, директоръ С. вообразилъ, что Дмитрій Гавриловичъ его особенно повиситъ за эту самую болтовню; но, увы, вышло иначе. Послѣ представленія новому министру всѣхъ чиновниковъ, Дмитрій Гавриловичъ обратился къ С. и очень холодно спросилъ его:

— Кому же изъ генераль-губернаторовъ будете вы теперь сплетничать на меня?

С. пришлось перейти въ другое министерство.

Въ концѣ 1860-хъ годовъ я жилъ въ домѣ Д. Г., и для меня было великимъ удовольствіемъ слушать его рассказы про Отечественную войну, про введеніе инвентарей и проч. Какъ-то разъ, сидя у него въ кабинетѣ, я обратилъ вниманіе на висѣвшую миниатюру князя Якова Долгорукаго.

— А я и не знаю, отъ кого получилъ ее, но при очень интересныхъ обстоятельствахъ...

И Дмитрій Гавриловичъ рассказалъ мнѣ слѣдующее.

— Нынѣшній государь (то-есть Александръ Николаевичъ) былъ противъ инвентарей. Онъ видѣлъ въ нихъ ослабленіе значенія дворянства. Мнѣ часто приходилось возражать цесаревичу въ государственномъ совѣтѣ, иногда даже рѣзко. Однажды, явившись къ императору Николаю Павловичу, я засталъ его не въ духѣ; госу-

даръ тоже не соглашался съ моимъ докладомъ. Вслѣдствіе какого-то моего возраженія, государь сказалъ:

— Вы должны гордиться, что я такъ цѣню ваши заслуги.

При этомъ государь указалъ на мою, покрытую крестами, грудь. На это я отвѣчалъ, что и «ваше величество можете гордиться такимъ подданнымъ. Все, что мнѣ дали ваше величество, вправѣ отнять. Одного я бы не отдалъ — это Георгіевскій крестъ: его за Бородино повѣсилъ мнѣ самъ покойный императоръ Александръ Павловичъ». Николай Павловичъ всталъ и, хлопнувъ дверью, ушелъ, сказавъ очень раздраженно: «ты меня сегодня сердишь!». Оставшись одинъ въ кабинетѣ, я написалъ рапортъ объ отставкѣ. Вернувшись домой, я сказалъ домашнимъ, что выхожу въ отставку и съ минуты на минуту ожидаю приказанія сдать министерство. Прошло три дня — ни слуху, ни духу. Какъ вдругъ, вечеромъ четвертаго дня, ко мнѣ бѣжить курьеръ и докладываетъ: «Государь наслѣдникъ!». Крайне удивленный, зная нерасположеніе ко мнѣ великаго князя Александра Николаевича, я вышелъ встрѣчать его высочество. «Вы можете предполагать, Дмитрій Гавриловичъ, — сказалъ входя наслѣдникъ цесаревичъ, — что, вѣроятно, нѣчто серьезное меня къ вамъ вызвало?» Чему обязанъ посѣщеніемъ вашего высочества? — спросилъ я. — «Вы отца моего знаете лучше меня, — сказалъ государь наслѣдникъ: — и потому вы должны знать, что онъ никогда никого не будетъ просить остаться на службѣ, кто бы ему ни подалъ въ отставку?» Знаю, ваше высочество. «И съ вами то же: императоръ никогда не попроситъ васъ взять свою отставку назадъ; но я, не смотря на наши отношенія, пріѣхалъ лично просить васъ: сдѣлайте это сами для меня. Я знаю, вы этимъ доставите государю большое удовольствіе». Смѣю ли я возражать вашему высочеству послѣ такой чести? Я счастливъ буду продолжать службу моему государю, — сказалъ я. — «Такъ вотъ и отставка. Я увѣренъ былъ, что вы не откажете мнѣ, и захватилъ ее съ собой». При этомъ цесаревичъ вынулъ изъ кармана мою отставку и отдалъ мнѣ ее.

Дмитрій Гавриловичъ былъ глубоко тронутъ. Прошло нѣсколько дней; государь болѣе не упоминалъ о случившемся эпизодѣ. Разъ Бибииковъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и занимался, когда вошедшій курьеръ подалъ ему свертокъ, объяснивъ, что какой-то господинъ подалъ его швейцару для передачи министру. Дмитрій Гавриловичъ развернулъ — это была миниатюра князя Якова Долгорукова; кто ее прислалъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

При воцареніи Александра II, Бибииковъ, зная нерасположеніе къ нему новаго государя, тотчасъ же приготовился выйти въ отставку. Онъ ни шагу не сдѣлалъ, чтобы остаться министромъ внутреннихъ дѣлъ, будучи увѣренъ въ томъ, что императоръ Александръ II, какъ противникъ инвентарей, никогда не рѣшится

уничтожить крѣпостное право. Въ тѣ времена у министровъ не было установленныхъ дней для докладовъ государю (исключая военнаго министра, докладывавшаго лично ежедневно). Докладъ посылался письменный; но тотъ или другой министръ испрашивалъ разрѣшенія лично докладывать, такъ что по меньшей мѣрѣ ежедневно каждый министръ имѣлъ возможность быть на докладѣ у государя лично. Со дня воцаренія Александра II, Бибииковъ посылалъ свой докладъ государю письменно и ни разу не испрашивалъ себѣ аудіенціи или личнаго доклада.

Въ августѣ 1855 г. государь императоръ потребовалъ къ себѣ въ Царское Село Д. Г. Бибиикова, который немедленно же и явился. Послѣ первыхъ привѣтствій государь обратился къ Дмитрію Гавриловичу.

— Неужели въ теченіе почти шести мѣсяцевъ у министра внутреннихъ дѣлъ не было надобности личнаго у меня доклада?

— Не было. Я посылалъ еженедѣльно письменный докладъ вашему императорскому величеству.

— Вѣдь вы понимаете, Дмитрій Гавриловичъ, что при такихъ условіяхъ служить нельзя?!

— Совершенно вѣрно, ваше величество: я привезъ отставку, — сказалъ Д. Г. Бибииковъ, передавая прошеніе государю.

— Кого бы вы мнѣ посоветовали назначить на ваше мѣсто?

— Я увѣренъ, государь, что всякій выборъ, сдѣланный вами, будетъ лучшей.

— Я предназначаю министромъ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскаго.

— Это будетъ прекрасный министръ внутреннихъ дѣлъ.

На этомъ разговоръ оборвался. Государь поцѣловалъ Дмитрія Гавриловича, который вышелъ изъ кабинета его величества, чтобы никогда уже не возвращаться. На другой день появился указъ объ отставкѣ, въ коемъ Дмитрій Гавриловичъ оставленъ въ званіи генераль-адъютанта и членомъ государственнаго совѣта. Но упрямый Бибииковъ немедленно подалъ прошеніе объ увольненіи и отъ должности члена государственнаго совѣта и отъ званія генераль-адъютанта.

1863 годъ, польскія смуты и волненія въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, а также на Волыни доказали, на сколько Д. Г. Бибииковъ былъ правъ. Сами поляки говорили, что останься онъ — смуть не было бы на Волыни. Вспомнили и въ Петербургѣ о Дмитріѣ Гавриловичѣ. Послѣ князя Горчакова ему предлагали ѣхать на мѣстникомъ въ Польшу, но онъ отказался.

— Я во всю жизнь никогда не подписывалъ смертнаго приговора, а теперь безъ этого не обойдется; къ тому же я и старъ, — говорилъ онъ.

Точно такъ же отказался онъ отъ предложеннаго ему, съ огром-

ными полномочіями, кіевскаго генераль-губернаторства, хотя въ 1863 г. и говорили шутя: «привезите чучело Бибикова въ Кіевъ, на Волянъ, и все утихнетъ».

Про Дмитрія Гавриловича ходила масса анекдотовъ. Не разъ ему угрожали, что его убьютъ. Такъ, во время постройки въ Кіевѣ моста черезъ Днѣпръ, устроена была корзина, въ которой по канату переправляли черезъ рѣку. Д. Г. Бибиковъ узналъ, что арестанты будто бы подкуплены и что, если его будутъ перевозить, то на срединѣ рѣки его спустятъ въ воду, чтобы утопить. Дмитрій Гавриловичъ тотчасъ отправился на берегъ, чтобы переправиться на другую сторону Днѣпра. Подѣхавъ къ мѣсту переправы, онъ спросилъ: «кто здѣсь работаетъ?»— Каторжные!—отвѣчали ему. — «Вѣряю себя вашей чести»,—обратился къ нимъ Д. Г. Бибиковъ и сѣлъ въ корзинку. Громкое «ура» было ему отвѣтомъ. Онъ хотѣлъ переправиться одинъ, но адъютанты его требовали, чтобы ихъ взяли. Переправа туда и назадъ совершилась благополучно: каторжные были польщены прямымъ обращеніемъ къ ихъ чести.

У Дмитрія Гавриловича былъ пакетъ съ бланками императора Николая I. Послѣ 14-ти-лѣтняго управленія онъ привезъ ихъ государю обратно, не истративъ ни одного изъ нихъ.

Въ духовной своей Д. Г. Бибиковъ просилъ, чтобы его похоронили безъ воинскихъ почестей; но это не было исполнено, такъ какъ онъ былъ георгіевскій кавалеръ.

Въ Бородинской битвѣ участвовали четыре брата Бибиковыхъ: Александръ, Гавріиль, Дмитрій и Илья Гавриловичи. Павелъ Гавриловичъ, отецъ княгини Елены Павловны Кочубей, былъ убитъ подъ Витебскомъ, у Дмитрія Гавриловича оторвало руку при Бородинѣ, остальные отдѣлались легче. Вслѣдствіе ранъ Д. Г. Бибиковъ пошелъ по штатской службѣ и до 1830-хъ годовъ служилъ въ министерствѣ финансовъ директоромъ департамента, а въ 1837 году перешелъ въ военную службу съ назначеніемъ кіевскимъ генераль-губернаторомъ.

Пугать Д. Г. Бибиковъ былъ мастеромъ. Ему однажды навязали для одного изъ институтовъ директрису-польку. Какъ онъ ни противился, ему ее прислали. При вступленіи въ должность, онъ прочелъ ей очень строгую нотацию, чтобы въ институтѣ не допускалась политическая пропаганда, иначе директриса пускай пеняетъ на себя. Конечно, панна клялась... Но, увы, не прошло двухъ лѣтъ, какъ Дмитрій Гавриловичъ узнаетъ, что польская пропаганда въ полномъ ходу, что воспитанницы поютъ запрещенныя пѣсни и гимны, однимъ словомъ начиналось то, на что мы насмотрѣлись въ 1862—1863 годахъ. Послали за несчастной директрисой, предъ которой предсталъ уже грозный кіевскій генераль-губернаторъ Бибиковъ.

— Вы забыли мою отвѣдь, — сказала Дмитрій Гавриловичъ:—я все знаю, и вы немедленно отправитесь въ Сибирь.

Полуживую директрису посадили на телѣжку съ жандармомъ и помчали по всѣмъ главнымъ улицамъ Кіева. Затѣмъ на второй, чуть ли даже не на первой станціи отъ города ей объявили, что она свободна, но чтобы болѣе не являлась въ предѣлахъ Юго-Западнаго края. Зато отѣздъ ея съ жандармами надолго устранилъ изъ института духъ польской пропаганды. Разъ Бибикову донесли, что арестованъ молодой полякъ за то, что пѣлъ «Еще Польша не сгинѣла». Д. Г. послалъ ему въ крѣпость приглашеніе къ себѣ на вечеръ. Смущенный молодой человекъ пріѣхалъ. Д. Г. принялъ его очень радушно. Оказалось, что молодой человекъ хорошій музыкантъ. Д. Г. упросилъ его спѣть ему кое-что, сыграть и, наконецъ, потребовалъ, чтобы онъ ему спѣлъ «Еще Польша не сгинѣла». Тотъ долго отпѣкивался, но долженъ былъ исполнить просимое.

Тогда Д. Г. спросилъ:

— А «Боже, царя храни» умѣете?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ выучитесь, вы хорошій музыкантъ.

Пришлось и это исполнить. И что же «Боже, царя храни», спѣтое полякомъ въ домѣ генераль-губернатора, на столько стало всюду извѣстно, что пѣвшій его потерялъ всякое политическое вліяніе. Конечно, онъ былъ выпущенъ изъ крѣпости тогда же.

Года за два передъ смертью Д. Г. Бибикова, я жилъ у него въ домѣ на Дворцовой набережной; онъ занималъ нижній этажъ, а я жилъ у его дочери, тогда княгини Львовой (нынѣ вторымъ бракомъ графиня Кассини), на верху, и часто ходилъ къ покойному дядѣ. Однажды, утромъ, у Дмитрія Гавриловича сидѣлъ какой-то старый, престарый генералъ, должно быть, не только временъ Николаевскихъ, но скорѣе еще Александра I; они о чемъ-то бесѣдовали, причемъ постоянно слышались слова Михаилъ Павловичъ, Константинъ Павловичъ, и т. д. Въ это время пріѣхалъ князь Василій Андреевичъ Долгорукій. Это было вскорѣ послѣ Каракозовскаго выстрѣла; князь Василій Андреевичъ былъ оберъ-камергеръ, онъ недавно только оставилъ мѣсто шефа жандармовъ. Разговаръ, сперва общій, сосредоточивался на князѣ Василіѣ Андреевичѣ, который, разсуждая съ Дм. Гавр., увлекся и началъ разсказывать, что онъ тотчасъ послѣ выстрѣла Каракозова подалъ въ отставку, которую мотивировалъ въ письмѣ къ государю Александру II тѣмъ, что сегодняшній выстрѣлъ есть полнѣйшее осужденіе не только всей его дѣятельности, какъ шефа жандармовъ, но и всей системы, почему ему, Долгорукову, немислимо оставаться на посту, имъ занимаемомъ. Затѣмъ князь распространился объ этомъ письмѣ, именно насчетъ того, что въ немъ онъ указывалъ на невозмож-

ность останавливаться на пути начатыхъ реформъ, что нужны новые люди, что старые не годятся, однимъ словомъ, на тему: «Не вливайте вина новаго въ мѣха старые»... Письмо это, крайне интересное, должно находиться въ копіи у внуковъ кн. Вас. Андреевича, у сыновей покойнаго князя Александра Васильевича Долгорукаго.

Старичекъ генераль все молчалъ, но когда кн. В. А. Долгорукій вышелъ, онъ вздохнулъ и, обратясь къ Д. Г. Бибикову, говорилъ:

— Вотъ въ чемъ и бѣда, Д. Г., что молодежь наша все либеральничаетъ.

Подъ этуо молодежью онъ подразумѣвалъ князя Василя Андреевича, бывшаго военнаго министра и шефа жандармовъ.

Д. Г. Бибиковь не могъ удержаться и расхохотался и тотчасъ послалъ за княземъ Е. А. Львовымъ, своимъ зятемъ, чтобы разсказать ему о его либеральномъ дядѣ, такъ какъ кн. В. А. былъ родной дядя князю Евгению, то-есть, братъ матери князя, княгини Маріи Андр. Львовой.

Князь Юрій Николаевичъ Голицынъ, когда-то тамбовскій предводитель дворянства, а потомъ знаменитый дирижеръ хора своей капеллы, всей Россіи и Европѣ извѣстнаго (въ родѣ Славянскаго), былъ въ свое время большой балагуръ и шутникъ. Будучи губернскимъ предводителемъ въ Тамбовѣ, онъ часто приходилъ въ канцелярію губернатора иногда по дѣлу, а иногда и такъ себѣ.

Въ губернаторской канцеляріи служилъ старый регистраторъ Иванъ Ивановичъ, фамиліи его не знали, но онъ часто бывалъ мишенью для шутокъ Ю. Н. Голицына. Какъ-то въ одно изъ своихъ посѣщеній князь Юр. Ник. засталъ Ивана Ивановича очень озабоченнымъ и въ суетѣ. Что случилось?—«Да вотъ, ваше сіятельство, отправляемъ въ первый разъ эстафетъ въ новому министру Бибикову», и князь увидалъ, какъ Иванъ Ивановичъ выводилъ на конвертѣ красивымъ почерномъ «въ собственныя руки».

— Вы что это пишете?—спросилъ Голицынъ.

— Да сами изволите видѣть: его высокопревосходительству въ собственныя руки.

— Ну, влетитъ же вамъ,—сказалъ спокойно Голицынъ:—развѣ вы не знаете, что у министра одна рука?

— Какъ же надо?—спросилъ, не на шутку испугавшись, Иванъ Ивановичъ и остановился писаньемъ.

— Да обязательно надо писать въ собственную руку: иначе министръ обидится, что подчиненные не знаютъ, что ли, что у него одна рука, а пишутъ «въ собственныя руки».

— Да такъ ли?—переспросилъ Иванъ Ивановичъ

— Да ужъ вѣрно говорю вамъ, — увѣрилъ Ивана Ивановича Голицынъ.

Но каково же было разочарованіе бѣднаго Ивана Ивановича, когда онъ подалъ исправленный согласно съ указаніемъ Ю. И. Голицына «пакетъ въ собственную руку министра» директору канцеляріи, который, обругавъ Ивана Ивановича, велѣлъ въ третій разъ переписать пакетъ.

— И Бога вы не боитесь, — выговаривалъ Иванъ Ивановичъ Голицыну, который прехладнокровно ожидалъ результата своей шутки.

Дѣдушка Иванъ Петровичъ Бибиковъ, отецъ моей матери, неоднократно сопровождалъ въ путешествіяхъ императора Александра Павловича, то-есть ѣздилъ въ его свитѣ. Вояжи эти были интересны. Какъ-то проѣзжали чрезъ селеніе бѣлопашцевъ (Костромской губерніи), потомковъ Сусанина, которые ждали этого давно и вышли встрѣчать императора Александра I. Почему-то государю очень не хотѣлось этой встрѣчи, и передъ въѣздомъ въ селеніе онъ заснулъ. Никто не посмѣлъ разбудить императора, такъ что торжественная встрѣча не состоялась. Вышелъ одинъ графъ Аракчеевъ, потолковалъ и сказалъ, чтобы не шумѣли, такъ какъ его величество почиваетъ.

Въ одномъ селеніи крестьяне на колѣнахъ ожидали государя. Когда императоръ вышелъ изъ экипажа, оказалось, что это погорѣльцы, числомъ до десяти дворовъ. Государь велѣлъ имъ дать по пятацотъ рублей на дворъ. Немного отѣхавъ, Александръ Павловичъ приказалъ остановиться и подозвалъ дѣда, ѣхавшаго въ другомъ экипажѣ.

— Вернись въ деревню, — сказалъ онъ, — и раздай имъ деньги самъ: вѣдь чрезъ полицію они никогда ничего не получаютъ.

Дѣдъ вернулся, роздалъ деньги и затѣмъ догналъ поѣздъ царскій.

Въ эту же поѣздку, на одномъ постояломъ дворѣ, хозяйка предложила государю домашніе щи, которыя ему такъ понравились, что онъ потребовалъ другую тарелку. Передъ выѣздомъ изъ селенія государь спросилъ:

— Сколько заплатили хозяйкѣ?

Отвѣчали—сто рублей.

— Какъ такъ?—сказалъ государь:—я съѣлъ двѣ тарелки. Уплатите двѣсти рублей немедленно.

Мнѣ жаль, что я не запомнилъ многого, что дѣдушка рассказывалъ.

Я уже сказалъ, что въ сосѣдствѣ нашемъ жили вернушіеся изъ ссылки декабристы. Про Николая Романовича Цебрикова сохранилось много анекдотовъ. Управляя имѣніями И. А. Раевского, Цебриковъ часто съ дядею заѣзжалъ къ намъ и многое рассказывалъ, а словоохотливый дядя говорилъ про него еще больше, чѣмъ онъ самъ.

Цебриковъ въ самомъ заговорѣ не участвовалъ и не зналъ про него, а пріѣхалъ въ Петербургъ не задолго до 14-го декабря; онъ служилъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ гвардіи. По пріѣздѣ въ столицу, онъ купилъ себѣ военную фуражку самаго моднаго покроя. Заговорщики же все носили фуражки одинаковаго покроя, почему покроемъ этотъ и попалъ въ моду. Проходя 14-го декабря по Галерной, Цебриковъ увидѣлъ смятеніе и отправился смотрѣть, въ чемъ дѣло. Вдругъ видитъ онъ, что рота пѣхоты бѣжитъ, преслѣдуемая кавалеріею. Какъ пѣхотинецъ, онъ не вытерпѣлъ, закричавъ: «Пѣхота! стройся въ карре противъ кавалеріи!»—принялъ начальство и отбилъ атаку кавалеріи...

Уже послѣ оказалось, что пѣхота эта была изъ числа возмущившихся полковъ, а кавалерія гнала ее съ Сенатской площади. Возвратившись домой, Цебриковъ нашель у себя моего дѣда, Евгенія Оболенскаго (друга Рылѣва), который и рассказалъ обо всемъ случившемся, о заговорѣ и проч. Князя Евгенія Оболенскаго арестовали на квартирѣ у Цебрикова. Послѣдній былъ очень радъ, что попалъ въ такую интересную исторію. Какъ укрывателя, его тоже арестовали; а тутъ еще фуражка мятежнаго покроя явилась уликою противъ бѣднаго Николая Романовича, который все болѣе и болѣе входилъ въ роль настоящаго заговорщика. Когда видѣвшіе, какъ онъ командовалъ мятежною ротою противъ кавалеріи, спросили, кричалъ ли онъ, чтобы пѣхота строилась въ карре, Цебриковъ самъ взвелъ на себя небылицу, сказавъ, что онъ кричалъ: «en avant les Carbonari!». Вся эта болтовня сдѣлала то, что ему единственному императоръ Николай не только не смягчилъ наказанія, но прибавилъ еще и отъ себя. Цебриковъ сперва былъ сосланъ, а потомъ долго еще служилъ солдатомъ. Коротко остриженный, бѣлый, какъ лунь, съ очень умными глазами—я, какъ теперь, его вижу, вмѣстѣ съ дядею И. А. Раевскимъ, весело шутившимъ надъ нимъ у насъ, въ домѣ, за чайнымъ столомъ, за шумѣвшимъ самоваромъ.

Изъ другихъ декабристовъ памятенъ мнѣ еще Лореръ и его рассказы; я рѣдко слышалъ такого хорошаго рассказчика. Особенно помню его рассказъ о томъ, какъ онъ, русскій офицеръ, служившій въ польскихъ войскахъ, подошелъ къ императору Александру Павловичу съ рапортомъ и пофранцузски сталъ рапортовать: такъ было приказано. Послѣ рапорта государь ему съ улыбкой сказалъ:

— А, старый знакомый!

И почему это государь такъ его вспомнилъ? Рассказъ относится ко времени кампаніи 1813—1814 г. (за освобожденіе Германіи), которую Лореръ дѣлалъ. Рассказъ этотъ былъ тогда же записанъ княземъ Вл. Черкасскимъ и, кажется, напечатанъ въ «Русской Бесѣдѣ».

Лореръ тогда, то-есть въ 1813 г., квартировалъ во время похода у министра финансовъ одной нѣмецкой владѣтельной особы и спасъ его отъ австрійцевъ, которые хотѣли чуть ли не за измѣну разстрѣлять его. По просьбѣ семьи злосчастнаго министра, арестованнаго ночью, Лореръ побѣжалъ прямо къ самой владѣтельной княгинѣ, во дворецъ; но въ дверяхъ двое часовыхъ перекрестили штыки, чтобы его не пропустить. Онъ мало обратилъ вниманія на нѣмецкихъ солдатъ и, какъ лихой русскій офицеръ, перепрыгнулъ черезъ перекрещенныя ружья. Затѣмъ онъ влетѣлъ прямо въ гостиную и—о, ужасъ!—тамъ, вмѣстѣ съ владѣтельной княгиней, сидѣлъ императоръ Александръ... Государь нахмурился и строго спросилъ своего офицера, какъ онъ смѣлъ безъ доклада войти, особенно, когда онъ, государь, тутъ. Онъ чистосердечно рассказалъ, что ночью его хозяина, то-есть министра финансовъ ея свѣтлости, арестовали, что семья въ отчаяніи и просила спасти отца, котораго хотятъ разстрѣлять... Владѣтельная особа страшно разгнѣвалась, а государь кусалъ себѣ губы, чтобы не засмѣяться во время разсказа молодаго офицера: такъ ему показалась смѣшна вся исторія. Государь взялся устроить дѣло, а потомъ при всякой встрѣчѣ вспоминалъ, какъ Лореръ вбѣжалъ и какъ испугался.

Памятенъ мнѣ также и Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ добрыхъ людей, какихъ я когда либо встрѣчалъ. Я его особенно любилъ: ужъ очень ласковъ былъ онъ ко мнѣ, совершенному мальчику.

Однимъ изъ послѣднихъ декабристовъ, которыхъ я видѣлъ, былъ Загорѣцкій. Это было уже въ 1860-хъ годахъ, когда я служилъ предводителемъ дворянства въ Ефремовѣ. Онъ былъ уполномоченнымъ, или, такъ сказать, представителемъ интересовъ казенныхъ крестьянъ въ дѣлѣ размежеванія. Въ 1868 году, когда я съ нимъ познакомился, ему было около 75 лѣтъ. Онъ былъ очень взволнованъ, когда я ему отрекомендовался, какъ внукъ Евгенія Оболенскаго.

— Боже, сколько воспоминаній возникаетъ у меня при этомъ имени!—сказалъ онъ мнѣ:—я вѣдь шелъ съ княземъ Евгениемъ въ ссылку!...

Многое онъ мнѣ рассказывалъ. Между прочимъ, что франк-массоны оказывали огромную услугу ссыльнымъ, присылали деньги, вещи.

— Должно быть, князю Евгению Петровичу была поручена задача пособій тому, кто нуждался, но дѣлалось это очень деликатно. Можетъ быть, князь Евгенийъ и свои деньги мнѣ далъ. При разставаніи въ Сибири онъ подарилъ мнѣ кисеть съ табакомъ. Смотрю, что-то тяжелъ кисеть; глядь, а тамъ деньги... А князя Евгенія уже нѣтъ—не успѣлъ и спасибо сказать!

Случайно Загорѣцкій захватилъ съ собою въ Сибирь книжку,

оказавшуюся механикой; случайно и онъ сдѣлался механикомъ. Около двадцати лѣтъ онъ прожилъ на поселеніи, въ отдаленнѣйшей части Сибири, устроилъ себѣ хижину, досталъ ружье и предался охотѣ, которая и кормила его. Онъ показывалъ мнѣ: знаменитый кисеть, часы, которые самъ сдѣлалъ, благодаря книжкѣ-механикѣ, и чучело собаки, единственнаго его спутника на поселеніи.

Семидесятипятилѣтній старикъ Загорѣцкій ежедневно дѣлалъ по 10—15 верстъ пѣшкомъ, на лыжахъ, вокругъ Ефремова, выслѣживая зайцевъ, и это было ему не почемъ.

Князь Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ жилъ тоже безвыѣздно въ Хованщинѣ, Епифанскаго уѣзда, такъ какъ ему былъ воспрещенъ въѣздъ въ Москву. По конфирмаціи суда онъ, кромѣ того, былъ лишенъ княжескаго титула и долженъ былъ называться Михайловымъ. Конечно, всѣ воздавали ему княжеское достоинство: его любили за веселый характеръ и умъ. Когда онъ былъ на Кавказѣ солдатомъ, имъ всѣ интересовались; но, получивъ офицерскіе эполеты, князь какъ бы потерялъ престижъ. Эту смѣшную сторону Лермонтовъ описалъ въ Грушницкомъ; это, конечно, не князь В. М. Голицынъ, но эпизодъ Грушницкаго, надѣвшаго послѣ солдатскихъ погоновъ офицерскіе эполеты, взятъ съ князя Голицына.

Князь Валеріанъ Михайловичъ былъ хорошій хозяинъ. Всѣхъ своихъ крестьянъ онъ обязалъ учиться какому либо мастерству. Вслѣдствіе этого село Хованщина славилось по всему уѣзду своими малярами, штукатурами и особенно хорошими печниками. Хованскіе крестьяне до сихъ поръ помнятъ и благодарятъ князя: всѣ они, благодаря мастерствамъ, зажиточны и богаты.

Въ 1856 г., при коронаціи императора Александра II, В. М. Голицыну возвращено княжеское достоинство, и по наслѣдству присоединенъ еще титулъ графа Остерманъ-Толстаго. Этотъ послѣдній былъ герой Кульма, гдѣ потерялъ руку. (Князь Голицынъ былъ племянникъ графа Остермана).

Дѣдъ мой также много рассказывалъ и про графа Ѳ. А. Остермана, особенно про его разсѣянность, вошедшую въ пословицу. Графъ былъ такъ разсѣянъ, что иногда вмѣсто шляпы бралъ съ окна горшокъ съ цвѣтами и уходилъ съ нимъ; только въ передней его останавливали.

Наслѣдство графа Остермана не принесло счастья князю В. М. Голицыну. Хлопоты оказались ему не подъ силу, особенно въ 1861 году, и онъ подъ бременемъ заботъ занемогъ и скончался. Запустѣла его Хованщина, садъ вырубилъ и, гдѣ когда-то веселились, все разрушилось... Однѣ только руины свидѣтельствуютъ о добромъ старомъ времени.

Такого общества, какъ тогда, теперь нельзя собрать ни въ одномъ углу Россіи, ни въ самой столицѣ. Цвѣтъ интеллигенціи

тогда жилъ въ деревняхъ, въ своихъ имѣніяхъ. Служить никому не хотѣлось при тогдашнихъ строгихъ порядкахъ. Единственно возможная служба была служба предводителя дворянства, на обязанности котораго лежало наблюденіе, чтобы не было злоупотребленій съ крѣпостными, но и это было не легко, ибо многіе помѣщики обращались плохо съ крѣпостными. Общество по губерніямъ жило тоже весьма обширное: всѣ мѣста тутъ были выборыя и замѣщались исключительно дворянами, поэтому общество было огромное... Куда все это дѣлось? Съ потерей всѣхъ своихъ правъ на мѣста въ судѣ и администраціи, дворянство разбрелось кое-куда. Усадьбы большею частью запусѣли; появились новые люди въ видѣ Колупаевыхъ, Разуваевыхъ et tutti quanti, дотла разорившіе наши дворянскія гнѣзда. А въ окружныхъ и другихъ судахъ дворянскій элементъ тоже вытѣсненъ, смѣнившіе не замѣнили его... О нихъ, впрочемъ, comme des presents on ne parle pas. Будемъ говорить о прошломъ.

Меня часто возила матушка гостить къ дѣду и бабушкѣ, въ ихъ деревню Данковскаго уѣзда. А у нихъ, какъ у старшихъ въ краѣ, собиралась масса гостей. Какихъ только не видалъ я тамъ типовъ!.. Многихъ я помню словно въ туманѣ, а нѣкоторыхъ и не видалъ, но о нихъ столько слыхалъ отъ дѣда, что, кажется, будто я ихъ видѣлъ всѣхъ.

Дѣтямъ многого не говорятъ, или выражаются при нихъ индифферентно. Но дѣти всегда догадливы, чѣмъ думаютъ; многое, на что большіе не обращаютъ вниманія, не ускользаетъ отъ проницательнаго взгляда молодыхъ глазъ и ушей. Я по себѣ знаю: бывало, что захочешь узнать, непременно узнаешь. Отъ меня, напримеръ, хотѣли скрыть и скрывали одно драматическое происшествіе въ семьѣ; мнѣ никто не говорилъ о немъ, а, между тѣмъ, я догадался, какъ—и самъ не знаю, а догадался...

Разказы дѣдовъ, какъ я уже сказалъ, имѣли для меня особую прелесть. Съ такимъ же наслажденіемъ слушалъ я разказы дяди И. А. Раевского, обладавшаго удивительнымъ даромъ слова и прекрасно передававшаго все имъ видѣнное; къ тому же онъ умѣлъ искусно передразнивать. Онъ прелестно передавалъ разказы про старину часто въ самомъ смѣшномъ видѣ.

Я упомянулъ о нѣкоторыхъ лицахъ, посѣщавшихъ матушку, но о нихъ скажу послѣ. Возвращаюсь теперь къ разказамъ дѣда и бабушки, которые помнили императора Павла и его пребываніе въ Москвѣ.

Разъ бабушка ѣхала по Москвѣ съ своею матерью, когда вдругъ увидала идущаго пѣшкомъ по тротуару императора. А приказъ былъ такой: при встрѣчѣ останавливаться и выходить изъ экипажа, чтобы поклониться императору. Московская прислуга, никогда не выдававшая государя, не обращала никакого вниманія на иду-

шаго пѣшкомъ Павла Петровича и продолжала ѣхать, не слыша криковъ бабушки: «стой, стой!» — шумъ колесъ заглушалъ эти крики. Императоръ, увидавъ испугъ двухъ московскихъ барынь, улыбнулся и, будучи близко отъ кареты, сказалъ очень ласково:

— Calmez-vous, mesdames — ce n'est rien.

Я помню еще старика И. И. Раевского, прозваннаго «Зефиромъ». Онъ рассказывалъ, какъ его императоръ Павелъ отправилъ въ Москву съ фельдъегеремъ прямо съ бала, въ чулкахъ и башмакахъ, изъ Петербурга и велѣлъ посадить подъ арестъ на Ивановскую колокольню, гдѣ былъ устроенъ карцеръ. Отправили же его съ бала за минутъ, который онъ какъ-то неудачно протанцовалъ съ княжной Лопухиной.

У дѣдушки, И. П. Бибикова, въ Сергіевскомъ по мѣсяцамъ жилъ въ гостяхъ нѣкто полковникъ Сокоревъ. Онъ былъ изъ гатчинскихъ офицеровъ Павловскаго времени и обожалъ императора Павла. Вздыхая, Сокоревъ вспоминалъ, что и онъ имѣлъ бы 2.000 душъ, если бы государь процарствовалъ дольше и если бы его, Сокорева, 12-го марта не смѣнили съ караула... Все его состояніе состояло изъ брички, четверки лошадей и двухъ крѣпостныхъ: слуги Африкана и кучера Зимы. И вотъ живетъ полковникъ Сокоревъ два, три мѣсяца у Бибикова, потомъ ѣдетъ къ другому сосѣду и т. д. весь годъ, снова возвращаясь къ дѣду; другаго приюта онъ не имѣлъ, а дѣдъ его любилъ. Сокоревъ былъ страстнымъ охотникомъ и часто отправлялся съ дѣдомъ въ отъѣзжія поля; но всегда былъ какъ-то особенно несчастливъ: или протравить звѣря, или самъ упадетъ и расшибется, или искалѣчитъ собакъ. Старикъ Сокоревъ былъ человекъ съ гоноромъ и не позволялъ себѣ, такъ сказать, наступать на ногу. Когда его собаки, бывало, протравятъ зайца, онъ цѣлые дни не говоритъ ни съ кѣмъ; съ горя молчитъ, пока дѣдъ его не успокоитъ, увѣривъ, что нельзя было догнать зайца, или придумавъ какую нибудь другую причину, отчего заяцъ ушелъ, не умаляя достоинствъ Сокоревской собаки.

Въ Епифанскомъ уѣздѣ жилъ въ старыя годы Левъ Дмитріевичъ Измайловъ, стяжавшій себѣ незавидную славу творимыми имъ на охотѣ ужасами, кутежами, чудачествомъ, подчасъ щедростью и пр. Охотясь въ 1860-хъ годахъ въ Хитровщинѣ, бывшемъ имѣніи Измайлова, я слыхалъ про него разные рассказы. Мой старикъ доѣзжачій, Лаврентій, даже помнилъ Измайлова, умершаго въ 1830-хъ годахъ, ѣздилъ у него выжлятникомъ, когда съѣзжались на охотѣ съ дѣдомъ Бибиковымъ и Напокинымъ.

Измайловъ имѣлъ репутацію изверга. Дѣйствительно онъ не рѣдко мучилъ людей. У него было устроено нѣчто въ родѣ арестантской, гдѣ людей сажали въ рогатки такъ, что они не могли двинуться. Дѣдъ же мой, Бибиковъ, былъ крайне добродушенъ. Когда онъ съ своею охотою въѣзжалъ въ Хитровщину, то первымъ дѣломъ говорилъ Льву Дмитріевичу:

— Что это ты людей мучаешь? Если сейчас не выпустишь всѣхъ, минуты не останусь у тебя!

Измайловъ дорожилъ дружбою моего дѣда и тотчасъ выпустилъ всѣхъ изъ колодокъ... Приѣзда дѣда ждали люди въ Хитровщинѣ, какъ свѣтлаго праздника.

Съ людьми своими Измайловъ обращался звѣрски. Они подавали на него жалобы, но въ тѣ времена трудно было добиться чего нибудь. Впрочемъ, въ архивѣ Енифанской дворянской опеки я нашелъ дѣло о взятіи въ опеку Измайлова за жестокое обращеніе съ людьми, и замѣчательный указъ императора Николая Павловича объ изъятіи дѣла сего изъ вѣдомства тульскихъ присутственныхъ мѣстъ, въ виду ихъ продажности, и о передачѣ дѣла въ присутственныя мѣста Рязанской губерніи. Тамъ такъ же была учреждена опека, ибо часть имѣній Измайлова находилась въ Рязанской губерніи. Слѣдствіе было поручено моему дѣду, но онъ отказался, указавъ на свои дружескія отношенія съ Измайловымъ.

Въ молодости Измайловъ былъ лихимъ командиромъ полка, называвшагося, по обычаю того времени, его именемъ. Когда скончалась императрица Екатерина II, то полкъ Измайлова опоздалъ къ присягѣ императору Павлу. Объ этомъ узнали въ Петербургѣ. Измайлова схватили подъ Коломною и, пыльнаго, грязнаго, въ телѣжкѣ примчали въ Петербургъ, прямо во дворецъ. Былъ праздникъ, и толпа придворныхъ ожидала выхода государя. Увидя, что Измайлова, одного изъ первыхъ богачей имперіи, привезли подъ стражею, никто, конечно, не узналъ его, или не хотѣлъ узнать. Вышелъ государь и сурово обратился къ Измайлову:

— Отчего это вы, сударь мой, опоздали съ полкомъ на цѣлую недѣлю въ Москву къ присягѣ мнѣ?

— Не опоздалъ я, государь, — отвѣтилъ бойко Измайловъ: — а не могъ посидѣть. Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ я пою-кормлю на свой счетъ полкъ, не получая ни копейки изъ казначейства. А когда потребовали полкъ въ Москву, то поставщики прислали за расчетомъ. Я и долженъ былъ это сдѣлать, чтобы успокоить народъ; иначе была бы сумятица.

— Это правда, сударь мой?

— Суцая правда, государь!

Его отпустили съ почетомъ, и Измайловъ не зналъ, какъ отдѣлаться отъ придворныхъ, которые жали ему руки и увѣряли, что очень рады его видѣть. Усталый, взбѣшенный отъ безумной скачки на перекладныхъ, да еще подъ конвоемъ, Измайловъ отправился въ гостинницу отдохнуть. Къ нему явился отъ императора Павла графъ Толстой спросить, какую милость онъ желаетъ получить за причиненное ему безпокойство и непріятность. Измайловъ наговорилъ дерзостей графу Толстому, который до выхода государя тоже не узнавалъ его.

— Одно мое желаніе,—рѣшилъ Измайловъ:—никогда васъ не видать больше!

Обиженный Толстой вернулся и передалъ, что Измайловъ ничего не хочетъ, да еще нагрубилъ. Императоръ снова разгнѣвался. Отъ Измайлова отобрали полкъ; ему приказано было немедленно выѣхать изъ Петербурга и навсегда поселиться въ своихъ помѣстьяхъ. Тамъ и жилъ Измайловъ и куролесилъ, какъ Мих. Вас. Куролесовъ, въ запискахъ Багрова.

Кутежи Измайлова были опасны даже для гостей его. Такъ, разъ именно этотъ самый Сокоревъ поѣхалъ отъ дѣда моего на именины къ Льву Дмитріевичу, въ Хитровщину. Гости было множество; гуляли на славу. Какъ на бѣду, Измайловъ за обѣдомъ спросилъ шампанскаго, а это былъ плохой признакъ. Пилъ онъ рѣдко, но зато, когда запивалъ, бѣда! У него шампанское подавали не бутылками, не дюжинами, а ящиками... Раскутился Измайловъ и велѣлъ подать знакъ, чтобы охота его прискакала. Охотничій дворъ былъ за нѣсколько верстъ, въ Жмуровѣ, но изъ усадьбы было видно, какъ съ горы скакали охотники. (Бѣдило же 25 человекъ подъ гончими и 25—съ борзыми). Картина вышла чрезвычайно красивой, ибо люди были на чудесныхъ лошадяхъ и роскошно одѣты. Прискакалъ первый охотникъ и поздравилъ своего господина, который далъ ему тысячу рублей ассигнаціями, второй получилъ 500 и такъ все меньше и меньше. Наконецъ, прискакалъ послѣдній; этому несчастному Измайловъ приказалъ тутъ же дать сто палокъ. Сидѣвшій рядомъ съ Измайловымъ, Сокоревъ нахмурился и воскликнулъ:

— Отмѣните сейчасъ это приказаніе, ибо я не для того въ гостяхъ у васъ, чтобы видѣть подобныя гадости!

— Что?!—заревѣлъ Измайловъ:—да ты забываешь, что ты у Измайлова, что я тебя...

— Ни слова больше!—твердо сказалъ Сокоревъ, прикасаясь къ рукояткѣ кинжала, висѣвшаго у него на поясѣ:—или я этотъ кинжалъ воткну въ вашъ бокъ по самую рукоятку! Отмѣните приказаніе сейчасъ же.

Измайловъ смутился. Слова Сокорева были произнесены такъ внушительно, что не было сомнѣній, что угрозу свою онъ привелъ бы въ исполненіе.

— Полноте, пожалуйста, не горячитесь: я вѣдь пошутилъ,—сказалъ Измайловъ.

— То-то же, такъ-то лучше,—закончилъ Сокоревъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, досидѣлъ обѣдъ.

Умеръ старикъ Сокаревъ, предвозвѣстивъ свою кончину. Онъ рассказалъ моей бабушкѣ, что ему въ Сергіевскомъ, гдѣ онъ гостилъ, былъ видѣніе. Явился къ нему какой-то якобы монахъ и предрекъ, что онъ умретъ чрезъ столько-то времени отъ ноги.

Такъ и случилось: онъ упалъ изъ брички и расшибъ себѣ ногу; она стала болѣть, и онъ отъ раны умеръ.

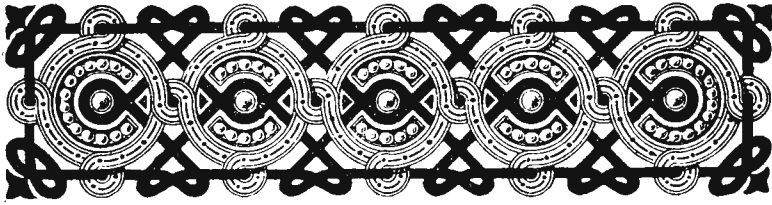
Измайловъ доживалъ свой вѣкъ больной въ подагрѣ; но молва о немъ гремѣла по Тульской и Рязанской губерни, и молва не въ его пользу. Нервный, жестокий, онъ, всетаки, иногда, какъ въ припадкѣ, бывалъ великодушенъ и щедръ. Такъ, купивъ у бѣдной помѣщицы деревню съ крестьянами, страшно перепуганными переходомъ къ Измайлову, онъ крестьянъ этихъ просто облагодѣтельствовалъ, построилъ имъ прекрасные дома, и они жили припѣваючи. Своихъ же собственныхъ крестьянъ мучилъ донельзя. Несчастные подали жалобу на него, но до окончанія слѣдствія перемерли въ острогѣ, молва говорить, отъ блиновъ, имъ подосланныхъ. Измайловъ вѣчно боялся своихъ крѣпостныхъ и былъ донельзя подозрителенъ, такъ что люди рѣдко могли угодить ему.

Измайловъ въ Хитровщинѣ держалъ цѣлый гаремъ; жизнь въ немъ несчастныхъ женщинъ была ужасна.

Князь Д. Д. Оболенскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОГРАНИЧНАЯ КРѢПОСТЬ ¹⁾.

(Посвящается Ив. Ал. Бедрягѣ).

VII.

ЯКУТОВЪ и Устиновъ подходили къ крѣпости. Часовой недружелюбно покосился на штатскаго и отдалъ честь офицеру. Налѣво отъ воротъ главнаго вала виднѣлось небольшое каменное зданіе гауптвахты, а направо былъ караульный домъ. Нѣсколько солдатъ, сидѣвшихъ для развлечения на ступенькахъ гауптвахты, почтительно встали.

— Это военная гауптвахта,—сказалъ Устиновъ:—здѣсь стоитъ военный карауль, и тутъ отбываютъ арестъ наши солдаты. По ту сторону крѣпости у противоположныхъ воротъ находится другая гауптвахта. Тамъ содержатся каторжники и всякіе пересыльные арестанты, такъ какъ здѣсь острога нигдѣ по близости нѣтъ.

— Какая странная вещь крѣпость,—произнесъ Якутовъ:—тутъ все не похоже на то, что видимъ въ другихъ мѣстахъ, къ чему привыкъ глазъ. Мнѣ она напоминаетъ какой-то чудовищный каменный корабль, затерянный среди пустыннаго океана. Да и въ самомъ дѣлѣ развѣ не похожа эта необозримая низменная равнина на океанъ? Подумай, сколько верстъ до ближайшаго порядочнаго города—сто, двѣсти, триста. Кругомъ все болота, лѣса, лѣса и бо-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LIV, стр. 5.

лота. А крѣпость вмѣстѣ съ фортами—развѣ это не эскадра, неподвижно стоящая на мѣстѣ въ неподвижныхъ волнахъ? А, всетаки, тутъ хорошо. Можетъ быть, хорошо теперь, когда дни нѣжны и теплы, когда увядающая природа тихо отходить къ зимнему сну, и по какому-то внутреннему чувству знаешь, что не будетъ восьмимѣсячной жестокой мертващей зимы съ саженными сугробами и безконечными вьюгами.

— Да, конечно, это правда, — согласился Устиновъ: — но, всетаки, иной разъ здѣсь скучновато. Хуже всего то, что всѣмъ извѣстенъ каждый твой шагъ.

Теперь они шли по крѣпостному бульвару. Не смотря на то, что было еще свѣтло, въ окнахъ кое-гдѣ виднѣлись огни. Якутовъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на двухъэтажный желтый домъ, окруженный небольшими пирамидальными тополями, стоявшими около крѣпостнаго собора. Тутъ помѣщалось комендантское управленіе, и жилъ самъ комендантъ.

Затѣмъ товарищи отправились дальше. Якутовъ захотѣлъ взглянуть на «гражданскую» гауптвахту. Мрачныя испитыя лица, выглядывавшія изъ-за желѣзной рѣшетки, сѣрые кафтаны, бряцаніе цѣпей, доносившееся изъ помѣщенія арестантовъ, теперь, при навигавшемся сумракѣ, производили тягостное впечатлѣніе.

Устиновъ предложилъ Якутову зайти въ военное собраніе. Они пошли назадъ по бульвару. На крѣпостномъ дворѣ было уже темно. Огромнымъ сомкнутымъ кольцомъ опоясывали его освѣщенные изнутри окна казематовъ. За ними чувствовалась особая, странная незнакомая жизнь.

Военное собраніе помѣщалось въ пяти-шести большихъ комнатахъ, изъ которыхъ одна служила танцевальной залой, а, кромѣ того, въ концѣ ея была устроена небольшая домашняя сцена. Здѣсь любители изъ чиновниковъ и офицеровъ подвизались въ разныхъ роляхъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Къ «искусству» крѣпость была весьма снисходительна.

Молодые люди сѣли за столикъ въ буфетной и спросили себѣ ужинать. Гарнизонный солдатъ (ихъ было нѣсколько въ военномъ собраніи, и они вполне замѣняли официантовъ) подалъ имъ приборы и то, что они потребовали по карточкѣ. Изъ сосѣдней комнаты, гдѣ раздавалось четкое щелканье бильярдныхъ шаровъ, вышелъ Султановъ. Увидавъ Устинова и Якутова, онъ подсѣлъ къ нимъ.

— Ну, какъ вамъ нравится наша крѣпость? — спросилъ онъ молодаго ученаго.

— Да ничего, — отвѣчалъ тотъ, разрѣзывая сочный кровавый бифштексъ: — но вѣдь мнѣ тутъ все ново и поэтому интересно. Вотъ онъ говоритъ, что ему здѣсь скучно.

— Работы мало, — сказалъ Султановъ такимъ тономъ, какъ будто бы самъ былъ дѣльцомъ перваго сорта.

Взглядъ его упалъ на бифштексъ, который съ такимъ аппетитомъ разрѣзывалъ и ѣлъ Якутовъ. Онъ вспомнилъ Пейсаха Залмана и его бойню и сказалъ съ улыбкой:

— А вѣдь это трѣфное мясо.

Якутовъ пожалъ плечами.

— Вѣроятно, вамъ нельзя достать другаго. Впрочемъ, не всякое трѣфное мясо дурно. То, что вредно, по мнѣнію законодателя, для евреевъ, то на самомъ дѣлѣ весьма часто не вредно для человѣческаго организма вообще.

— Представьте, я сегодня въ первый разъ видѣлъ, какъ евреи бьютъ скотъ,—сказалъ Султановъ:—мнѣ пришлось быть утромъ въ мѣстечкѣ. Два прислужника распластали вола на полу ногами кверху, волю былъ большой, сильный, это имъ долго не удавалось, завернули ему назадъ голову. Тогда пришелъ главный рѣзникъ и перерѣзалъ горло.

— Ну, да, они привели вола въ горизонтальное положеніе. Этого требуетъ ритуальъ закланія, — проговорилъ Якутовъ, доканчивая свою порцію.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ Султановъ:—что такое кошеръ и трѣфъ. Эти выраженія постоянно слышишь вокругъ себя. Помните, я васъ спрашивалъ про талмудъ. Теперь объясните мнѣ про трѣфъ.

Якутовъ положилъ ножъ и вилку, закурилъ папиросу и съ видомъ человѣка, сознающаго свое собственное достоинство, что теперь было особенно замѣтно рядомъ съ наивнымъ простодушіемъ Султанова, произнесъ:

— У евреевъ есть книга Шулханъ-Арухъ, сборникъ законовъ, почерпнутыхъ изъ талмуда. Такъ въ немъ есть трактатъ Горе-Деи, заключающій 86 талмудическихъ главъ о зарѣзѣ и трѣфѣ, раздѣленныхъ на 642 параграфа, которые всѣ должны знать рѣзники, шохеты.

— Ого,—сказалъ, смѣясь, Устиновъ:—да это цѣлая наука.

— А вотъ всѣ основы этой науки,—продолжалъ Якутовъ:—ножъ долженъ быть безъ зазубрины. Если въ немъ оказалась хоть малѣйшая зазубринка, то животное, зарѣзанное имъ, уже негодно въ пищу сынамъ израиля. Затѣмъ ножъ долженъ быть равно безъ зазубринъ какъ до зарѣза, такъ и послѣ его. Потомъ пойдутъ мелочи: напримѣръ, если ножъ будетъ совершенно безъ зазубринъ, но тупой, то такимъ ножомъ позволяется рѣзать скотину, и мясо будетъ кошеръ, хотя бы это рѣзаніе продолжалось цѣлый день. Собственно же ученіе о трѣфѣ составляютъ пункты о больной и раненой скотинѣ.

Офицеры слушали, не перебивая Якутова. Когда онъ кончилъ, Султановъ проговорилъ:

— Теперь мнѣ все понятно! Но вы вотъ о чемъ не упомянули: тухлое мясо вѣдь запрещается ѣсть евреямъ?

— Запрещается, равно какъ и запрещена для пищи невейла (падаль).

— Ну, вотъ, а, представьте, нашъ поставщикъ очень часто доставляетъ негодное мясо.

Устиновъ засмѣялся.

— Какой вы странный, Султановъ! Да вѣдь мы презрѣнные язычники въ ихъ глазахъ.

— Нѣтъ, погодите,—горячился Султановъ:—у насъ въ батальонѣ, можетъ быть, тридцать процентовъ евреевъ: вѣдь имъ тоже приходится есть это мясо.

— Это въ расчетъ не берется,—проговорилъ Якутовъ:—состоящіе на службѣ евреи считаются ихъ соотечественниками, какъ бы находящимися въ плѣну. Имъ прощается все, даже употребленіе свиного мяса. Ну, а что касается до падали, то еще въ Торѣ (пятикнижїи) сказано: «ѣсть падаль запрещается вамъ, отдавать же такую чужестранцу, живущему посреди васъ, или продавать ее ленахри, иновѣрцу, можете». Для справки загляните во Второзаконіе.

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ еще нѣсколько времени. Потомъ Султановъ пригласилъ къ себѣ Якутова и Устинова.

На дворѣ было совсѣмъ темно. Со стороны военной гауптвахты слышались рѣзкіе звуки трубы. Протяжные и звенящіе, они проносились по крѣпости, навѣвая тоскливое чувство. Казематы попрежнему, не мигая, смотрѣли своими красными огненными глазами. Дворъ былъ совершенно пустъ. Труба все выводила свои ноты...

— Повѣстка безъ четверти девять, — сказала Султановъ: — въ девять будутъ зарю играть.

Якутовъ не поинтересовался узнать, что такое повѣстка. Онъ шелъ, погруженный въ свои размышленія. Внутренняя жизнь крѣпости становилась ему все болѣе и болѣе понятной. Онъ услышалъ, какъ Устиновъ спросилъ Султанова: «кто убилъ Селиверстова?» — на что тотъ отвѣтилъ: «Ирмія Мурмисъ», и сказалъ громко:

— Какъ вы во всемъ перепутались съ вашими евреями.

Въ казематѣ у Султанова было прибрано, и горѣлъ огонь. Орѣшкинъ не замедлилъ подать самоваръ. Это былъ вороватый, блудливый, но ловкій и расторопный денщикъ. Къ чаю были поданы закуски и вино по обычаю въ крѣпости, и начатая въ военномъ собраніи бесѣда продолжалась съ прежнимъ воодушевленіемъ.

— Мы много разъ спрашивали васъ о евреяхъ,—говорилъ Султановъ:—скажите теперь, что вы думаете вообще о еврейскомъ вопросе въ Россіи.

— Однако куда мы зашли!— улыбаясь отвѣчалъ Якутовъ.

Но ему былъ пріятень этотъ разговоръ. Онъ чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ. Напротивъ, его тяготило, когда рѣчь заходила о военныхъ предметахъ и пестрѣла военными терминами. Тогда онъ скучалъ и утомлялся.

— Опять я буду кратокъ, — началъ онъ: — предупреждаю васъ, что я не юдофобъ и не юдофилъ. Безъ сомнѣнія, я признаю, что всѣ люди братья, и что человѣконенавистничество скверная вещь. Но я буду говорить только правду и что я думаю.

Представьте себѣ огромную масонскую ложу, всѣ члены которой тѣсно сплочены между собой. У нихъ общіе цѣли и интересы. Въ рукахъ гротмейстера свѣтская и духовная власть и матеріальныя средства. Представьте теперь, что такая ложа переходитъ изъ государства въ государство. Вступая въ страну, она является для нея совершенно чуждымъ элементомъ въ силу тѣхъ уставовъ ордена, которыми обусловлено самое его существованіе. Не будь этихъ уставовъ, разложеніе ордена началось бы немедленно, и онъ слился бы съ остальнымъ населеніемъ. Такимъ образомъ, гдѣ бы ни находилась эта ложа, всегда она неминуемо должна представлять нѣчто обособленное, замкнутое, являющееся тормазомъ развитія природныхъ силъ государства. Если теперь предположить, что такихъ масонскихъ ложъ разсѣяно по свѣту много, и всѣ онѣ находятся въ тѣсной связи между собой, то тогда ихъ роковое значеніе возвысится еще болѣе.

Еврейская община та же масонская ложа. Евреи ревниво охраняютъ законы и обычаи. У нихъ существуетъ кагальное управленіе и Бетъ-динъ, верховный талмудическій судъ. Ихъ раввины облечены талмудомъ въ такую власть, которая имъ даетъ возможность владычествовать надъ невѣжественной массой. Уступая только самой крайней необходимости, евреи подчиняются общимъ законамъ государства, но при этомъ всегда это подчиненіе только наружное. Да съ своей точки зрѣнія они и правы. Подумайте, государство вырабатываетъ законы сообразно религіи и характеру жителей и природѣ страны. Вѣра у насъ православная. Слѣдовательно, толковать о семи омовеніяхъ или призывѣ муэдзиновъ къ молитвѣ ужъ совершенно нечего. Характеръ славянскаго племени не предполагаетъ возможности тѣхъ добродѣтелей и преступленій, какія присущи, на примѣръ, индусамъ или китайцамъ. Если въ Бенаресѣ факиры бросаются подъ колесницу Джагернаута въ жаждѣ нирваны, а женъ сжигаютъ на могилѣ мужей, все это считается дѣломъ богоугоднымъ, даже святымъ. Но было бы странно издавать у насъ законъ, запрещающій сжигать женъ, потому что это слишкомъ чуждо нашему племени. Между тѣмъ въ нашу страну съ ея кроткимъ, довѣрчивымъ и въ большинствѣ случаевъ беззащитнымъ противъ людскаго хищничества населеніемъ вошло новое маленькое государство съ своими нравами, обычаями и зако-

нами, которому поэтому самому нисколько не нужны наши обычаи и наши законы: они чужды имъ и совершенно не годятся для нихъ. Правительство скоро увидало, что евреи являются не только чуждымъ, но и враждебнымъ элементомъ въ государствѣ, и поэтому оно стало ограничивать ихъ. До сихъ поръ самой успѣшной мѣрой противъ нихъ оказалась черта осѣдлости. И по этому самому ничто такъ не возмущаетъ еврея, какъ эта злополучная черта.

Якутовъ поднялся и большими шагами сталъ ходить по комнатѣ.

— А какіе у нихъ идеалы!—произнесъ онъ, какъ бы говоря съ самимъ собою.—Какіе у нихъ умственные горизонты! Жалкая языческая плѣсень, не достойная человѣческаго ума! Къ чему направлены всѣ ихъ вожелѣнія? Къ всемірному владычеству, къ основанію земнаго царства, которое поглотитъ всѣ другія. Въ самыхъ отвлеченныхъ вопросахъ они остаются грубыми материалистами. Ихъ Мессія, который долженъ вернуть имъ утраченное величіе, по ихъ вѣроученію, обыкновенный человѣкъ. Онъ родится отъ женщины естественнымъ образомъ. Онъ будетъ отличаться острою чувствъ, что нужно ему для того, чтобы предотвращать козни враговъ. Онъ будетъ слышать такъ, что можетъ подслушать всякій заговоръ, хотя бы онъ затѣвался на другомъ концѣ свѣта. Онъ будетъ видѣть такъ, что прочтетъ написанную гдѣ угодно строку. Онъ будетъ такъ храбръ, что его не устрашитъ никакая опасность. Этоть-то полководецъ и поведетъ евреевъ съ мечемъ въ рукахъ къ побѣдѣ. Хорошъ Мессія! Стоитъ дожидаться такого Мессіи.

Онъ задумался и черезъ нѣсколько времени продолжалъ:

— Говорятъ, что у евреевъ нѣтъ своей земли, а еслибъ была, то тамъ бы они основали села и деревни, мирно занимались бы земледѣліемъ и составили бы свое мирное, прекрасное государство. Какое заблужденіе! Еслибъ у нихъ была потребность создать свое государство, они бы давно создали его. Вѣдь они же бѣжали изъ Египта, ушли съ рѣкъ вавилонскихъ! Кто же мѣшалъ бы имъ уйти изъ Россіи, Германіи, Франціи? Но вотъ въ томъ-то и несчастіе, что они не думаютъ уходить. Говорятъ, что Ротшильдъ собирается купить Палестину и отдать ее евреямъ. Какая дѣтская мысль! Неужели серьезно можно думать, что евреи отправятся туда? Что они будутъ тамъ дѣлать? Пусть попробуетъ какойнибудь жидовскій банкиръ купить новые калифорнскіе рудники и подарить ихъ евреямъ. Тогда они тотчасъ же, не трогаясь съ мѣста, пошлютъ туда управляющихъ и рабочихъ добывать золото, которое они будутъ раздавать подъ проценты въ Европѣ.

— Позвольте,—возразилъ Султановъ,—но вѣдь мы же знаемъ, что существуютъ въ южной Россіи еврейскія колоніи.

Якутовъ горько усмѣхнулся.

— Зачѣмъ вамъ отправляться такъ далеко? Съѣздите лучше въ ближайшее еврейское мѣстечко и поглядите, что такое оно пред-

ставляетъ изъ себя. Всякое еврейское мѣстечко, — проговорилъ онъ, сверкая глазами, — представляетъ изъ себя загонъ хищныхъ звѣрей, которые сидятъ тамъ взаперти. Бросьте туда корову или лошадь, и эти звѣри сразу растерзаютъ ее. Поселите рядомъ съ ними человѣка, у котораго есть что взять, они возьмутъ. Рубашки на немъ не оставятъ. Они грязны, они бѣдны, они несчастны, потому что за этой оградой имъ не у кого брать то, что сдѣлало бы ихъ сильными, богатыми, счастливыми. О, вы не знаете евреевъ! Вы живете тутъ бокъ-о-бокъ съ ними и все думаете, что это кроткіе агнцы, которые подъ вліяніемъ нищеты озлобились. Вотъ оно значеніе черты осѣдлости! Каждый сколько нибудь разсуждающій еврей только живетъ и думаетъ, какъ бы ему проскользнуть черезъ эту черту и вцѣпиться когтями и зубами въ первое попавшееся ему живое теплое тѣло. Уничтожьте эту черту, и вся эта черная рать, какъ саранча, тронется изъ литовскихъ и польскихъ провинцій, поѣдомъ все поѣдая на пути.

— Позвольте мнѣ сказать слово, — вмѣшался Устиновъ, — вы говорите о справедливости. Но какая же тутъ справедливость, что Польша отдана на съѣденіе евреямъ?

— А, вы теперь переносите вопросъ на эту почву, — проговорилъ Якутовъ: — а знаете ли, какъ это случилось? У насъ, въ Западномъ краю, насчитывается до восьми милліоновъ евреевъ. Такого числа не было въ Палестинѣ въ самую цвѣтущую пору ихъ жизни тамъ. Евреи проникли въ нашу страну давно. Съ незапамятныхъ временъ они были на Волгѣ и въ Кіевѣ, но нигдѣ ихъ не было особенно много. А если они появились въ такомъ множествѣ въ Польшѣ, то этимъ поляки обязаны своему королю Казимиру Великому. Этотъ великій король влюбился въ еврейку Эстеръ и, уступая ей просьбамъ, которыя ей внушали раввины, предоставилъ евреямъ такія права и льготы, какихъ не имѣли сами исконные жители Рѣчи Посполитой. Дѣло кончилось тѣмъ, что евреи хлынули со всѣхъ государствъ въ новую обѣтованную землю и наводнили ее. Оправдываясь въ такихъ мѣрахъ, Казимиръ говорилъ, что онъ привлекаетъ евреевъ для заселенія безлюдныхъ провинцій. Но провинціи эти такъ и остались безлюдными, потому что евреи скупались по городамъ. Когда Польша отошла къ Россіи, наше правительство, почти во всѣхъ мѣропріятіяхъ болѣе гуманное и либеральное, чѣмъ тѣ, кого принято называть либералами, сохранило за евреями многія права и лишь впоследствии стало понемногу стѣснять ихъ. Да нельзя было этого не дѣлать, когда они пускали по міру сотни семействъ. Настоящая черта осѣдлости, — съ горечью прибавилъ онъ, — необходимо должна быть дополнена мѣрой, которая принесетъ свои благотѣльные плоды. Слѣдуетъ запретить евреямъ даже въ чертѣ осѣдлости жить въ городахъ, имѣющихъ населеніе свыше десяти тысячъ. Взгляните на Одессу. Вѣдь это не

русскій городъ, а новый Иерусалимъ! Изъ шести большихъ газетъ, издающихся тамъ, пять принадлежатъ евреямъ и отстаиваютъ исключительно еврейскіе интересы. Ломбардъ, почти всѣ банкирскіе дома, самые богатые магазины, винные склады, сахарные заводы, типографіи, желѣзныя дороги, пароходы—все это есть полная еврейская собственность. Ну, а Варшава, Гродно, Ковно, Вильно—все это задыхается въ еврейскихъ когтяхъ!

Онъ закрылъ лицо руками и утомленный опустился на стулъ. Устиновъ и Султановъ поднялись съ мѣста.

— Успокойтесь,—тихо проговорилъ Султановъ,—вы слишкомъ взволнованы.

Якутовъ не отвѣчалъ.

— Я отворю окно, вамъ надо освѣжиться,—продолжалъ Султановъ.

Онъ открылъ форточку, но, подумавъ, распахнулъ все окно. Свежій ночной воздухъ повѣялъ въ комнату. Якутовъ вздохнулъ полной грудью, отеръ лицо платкомъ и пересѣлъ на подоконникъ.

— Стало быть, ихъ надо выселить?—проговорилъ Устиновъ.

— Нельзя выселить изъ страны миллионы людей,—горячо возразилъ Якутовъ.—На это не хватитъ никакихъ средствъ. Но, конечно, это была бы самая радикальная мѣра. Но извините, господа, я не буду говорить больше.

— Не надо, не надо,—подхватилъ Султановъ,—вы еще слишкомъ разстроены.

— Мнѣ надо завтра ѣхать,—сказалъ Якутовъ,—такъ что я сегодня и распрощаюсь съ вами. Все-таки, я увезу пріятное воспоминаніе о крѣпости. Я видѣлъ, какъ вы живете. Можетъ быть, вамъ скучно, но зато жизнь тутъ спокойна и, право, не хуже, чѣмъ гдѣ нибудь. Вотъ еще, мой юный, пылкій другъ,—сказалъ онъ, ласково и привѣтливо улыбаясь Султанову,—простите за откровенность. Вы говорили, что увлекаетесь какой-то прекрасной еврейкой. Оставьте ее. Повѣрьте, изъ этого не выйдетъ ничего хорошаго. Вы и себѣ, и ей причините много бѣдъ. Она навѣрно будетъ несчастна.

Султановъ густо покраснѣлъ и проговорилъ:

— Я видѣлъ ее только одинъ разъ. Я съ ней не сказалъ ни одного слова. Она мнѣ показалась красивой, и я рассказалъ вамъ лишь объ этомъ впечатлѣніи. Но что будетъ далѣе, я не знаю. Можетъ быть, мнѣ никогда не придется встрѣтиться съ нею.

— Пусть будетъ такъ,—проговорилъ Якутовъ и всталъ.—Ну, капитанъ, намъ пора въ фортъ.

— Теперь я доведу васъ,—произнесъ Султановъ, вспомнивъ, что, вступивъ въ обязанности казначея, онъ можетъ располагать казенной бричкой. Онъ позвалъ Орѣшкина и приказалъ ему распорядиться насчетъ лошади.

Нѣсколько времени спустя они ѣхали по темному полю, и каждый былъ полонъ своими мыслями. Якутовъ думалъ, что ему нужно сдѣлать по прїѣздѣ въ Варшаву. Устиновъ соображалъ, когда ему приняться за вѣдомости о стрѣльбѣ, а Султановъ мечталъ, когда онъ увидитъ прекрасную Зельду.

VIII.

Поѣздъ отходилъ рано утромъ. Султанову хотѣлось проводить Якутова, и поэтому онъ приказалъ Орѣшкину разбудить себя заблаговременно. Такъ какъ онъ продолжалъ пользоваться казначейскими привилегіями, то потребовалъ казенную бричку и отправился на вокзалъ.

Утро было пасмурное, но тихое. Вся окрестность была передернута нѣжнымъ прозрачнымъ жемчужнымъ туманомъ. Глубокая тишина лежала на поляхъ. И въ мѣстечкѣ, и въ крѣпости все еще спало. Направо за лѣсомъ показался клубъ чернаго дыма, и слышался слабый свистокъ.

— Вѣдь это поѣздъ,—подумалъ Султановъ и, спустя минуту, разглядѣлъ катившійся по рельсамъ локомотивъ, за которымъ, извиваясь, неслась вереница вагоновъ. Густой дымъ валилъ изъ трубы и, не поднимаясь высоко, тянулся надъ рельсами, напоминая длинную, черную расходящуюся къ концу трубу.

— Опоздалъ,—рѣшили Султановъ, но приказалъ погонять лошадей.

Онъ нагналъ Устинова и Якутова у самаго вокзала. Поѣздъ уже стоялъ и звонилъ первый звонокъ. Якутовъ послѣдилъ за нять мѣсто въ вагонѣ и послалъ артельщика взять билетъ.

Какъ всегда бываетъ, послѣ того, какъ билетъ былъ взятъ и обычная суматоха улеглась, выдалась минута затишья, которая явилась на столько неожиданной для отъѣзжавшаго и провожавшихъ, что они не находили, что сказать другъ другу, и обмѣнивались молчаливыми взглядами. Якутовъ стоялъ на тормазѣ, а Устиновъ и Султановъ—на платформѣ.

— Прощай, не поминай лихомъ, братъ,—сказалъ, наконецъ, Устиновъ.

Султановъ молчалъ. Якутовъ взглянулъ на него и произнесъ:

— Прїѣзжайте въ Варшаву. Вотъ тамъ мы повеселимся и потолкуемъ съ вами.

— Объ еврейхъ?—съ улыбкой спросилъ Султановъ.

Лицо Якутова сдѣлалось серьезнымъ.

— Да, если хотите, и о еврейхъ. Вотъ вамъ мое послѣднее слово. Раввины говорятъ, что ихъ вѣроученіе и христіанская религія имѣютъ одинъ источникъ—библію. Слѣдовательно, эти двѣ «великія» религіи, такъ сказать, параллельны. Это я вамъ пере-

даю квинтъ-эссенцію раввинскаго мнѣнія. Но подумайте сами. Основной принципъ ветхаго завѣта: «око за око, зубъ за зубъ»,— жестокой и отвергнутый христіанской этикой принципъ, которому Христосъ противопоставилъ: «возлюби ближняго, какъ самого себя», и «кто ударить тебя по одной ланитѣ, подставь ему и другую». Какая разница! Вѣдь это высшій идеаль человѣческой нравственности. И послѣ этого говорить, что источникъ обѣихъ религій одинъ и тотъ же!...

Но уже прозвонилъ третій звонокъ, и поѣздъ тронулся.

— Прощайте, прощайте,—повторяли офицеры, прикладывая по военной привычкѣ руку къ козырку.

Якутовъ кланялся имъ и кивалъ головой.

Вагоны катились все быстрѣе и быстрѣе. Наконецъ, поѣздъ пошелъ полнымъ ходомъ и исчезъ въ облакахъ дыма.

Вернувшись въ свой казематъ, Султановъ надѣлъ мундиръ и отправился на вскрытіе. Провожая его, Орѣшкинъ сказалъ:

— Ваше благородіе, въ ротъ говорятъ, что Ирмія Мурмисъ сильно злобился на Селиверстова.

— Какой вздоръ,—возразилъ Султановъ на тайную мысль вѣстоваго, которой тотъ не высказалъ.

Прежде чѣмъ отправиться въ госпиталь, онъ зашелъ въ роты. Люди ушли на занятія, и казармы были пусты. Султанову попался на глаза Ирмія Мурмисъ.

— Ты почему же не въ школь?—спросилъ онъ.

— Я отпросился пригонять брюки.

— Ну, для этого ты могъ бы найти другое время. А кстати,—произнесъ Султановъ,—покажи-ка свои вещи.

Онъ вспомнилъ, что, какъ ротный офицеръ, обязанъ наблюдать за тѣмъ, чтобы вещи нижнихъ чиновъ находились въ порядкѣ, и чтобы въ нихъ не было чего либо запрещеннаго. Такіе осмотры предоставлялось военнымъ уставомъ производить офицерамъ, когда имъ вздумается. Какъ извѣстно, саперы составляютъ либеральную часть арміи. Тамъ обыкновенно на эти стѣснительныя мелочи обращаютъ мало вниманія.

Ирмія Мурмисъ распахнулъ одинъ изъ тѣхъ столиковъ, которые стояли въ головахъ каждой койки, и показалъ сложенную амуницію, ремни, перочинный ножъ, щетки, мыло, гребешокъ и тому подобныя вещи, которыя всегда можно найти у всякаго солдата.

— Мурмисъ,—послышался голосъ каптенармуса,—иди, што-ль?

Толстое, бородатое лицо выглянуло изъ цейхгауза. Увидавъ офицера, каптенармусъ выпрямился и принялъ почтительный видъ. Султановъ махнулъ ему рукой, чтобы онъ занимался своимъ дѣломъ, и сказалъ Мурмису:

— Ну, что-жъ, у тебя столикъ въ порядкѣ. А гдѣ твой сундукъ?

Мурмись съ смущеніемъ проговорилъ:

— У меня ничего нѣтъ въ сундукѣ.

— Все равно покажи,—продолжалъ Султановъ и, обращаясь къ каптенармусу, крикнулъ:—отопри-ка кладовую.

Затѣмъ онъ пошелъ въ сопровожденіи Мурмиса и дежурнаго по ротѣ въ цейхгаузъ, узкую, длинную комнату, гдѣ стояли шкафы, наполненные мундирами и сапогами, гдѣ на полкахъ хранились ранцы, а въ углахъ возвышались пирамиды запасныхъ ружей. Каптенармусъ отворилъ дверь въ маленькое, темное помѣщеніе, откуда Мурмись, съ дежурнымъ по ротѣ, вынесъ небольшой самодѣльный сундукъ, обитый желѣзомъ и съ крѣпкимъ замкомъ. Мурмись неохотно несъ его, говоря, что потерялъ ключъ. Но замокъ былъ обыкновенный, и ключъ скоро подобрали.

Въ рухляди, наполнявшей сундукъ, отыскалось нѣсколько пачекъ съ боевыми патронами и двѣ бутылки, наполненныя высыпаннымъ изъ гильзъ порохомъ. Каптенармусъ и дежурный по ротѣ были поражены этой находкой.

— Ну, голубчикъ,—проговорилъ Султановъ:—это тебѣ такъ не пройдетъ. Ты, стало быть, казенный порохъ продаешь?

Мурмись сталъ клясться и божиться, что онъ сберегъ порохъ отъ прошлогоднихъ маневровъ, и что онъ никому не продаетъ его, а сохраняетъ для себя, такъ какъ онъ страстный охотникъ. Но его объясненія никого не удовлетворили.

— Отнести это въ канцелярію,—приказалъ Султановъ, указывая на пачки и бутылки, и, взглянувъ на часы, вспомнилъ, что ему пора поспѣшить на вскрытіе.

До госпиталя было недалеко. Стоило только перейти крѣпостной дворъ. Госпиталь занималъ нижнюю часть казармъ у военной гауптвахты. По обѣ стороны длиннаго корридора шли палаты, наполненныя койками. Дежурный фельдшеръ указалъ Султанову, куда пройти.

Въ большой, совершенно пустой комнатѣ, на выкрашенномъ бѣлой краской столѣ лежало обнаженное тѣло убитаго. Фельдшерскій ученикъ раскладывалъ на табуреткѣ хирургическіе инструменты. Скоро пришелъ главный докторъ, маленькій, живой, раздражительный человекъ, и врачъ сапернаго баталіона. Они бѣгло осмотрѣли трупъ, причемъ старшій докторъ сказалъ:

— Молодецъ какой былъ! Какая грудь, покровы какіе! Сто лѣтъ бы ему жить.

— Прикажете начинать?—спросилъ ученикъ, приготавлиаясь разрѣзать мертвецу грудь и животъ.

— Я думаю, не нужно полнаго вскрытія?—вполголоса проговорилъ старшій врачъ, обращаясь къ батальонному доктору, и, махнувъ рукой, прибавилъ громко:—одну только голову.

Фельдшерскій ученикъ принялся за работу.

Старшій врачъ наклонился и сказалъ:

— Ну, такъ я и зналъ. Пуля прошла навывлетъ. Смотрите, она совершенно разрушила лѣвое полушаріе малаго мозга.

Малый мозгъ, приходившійся на затылкѣ, напоминалъ огромную бабочку съ выпуклыми слоистыми крыльями. Лѣвое крыло ея было совершенно уничтожено.

— Закрывай,—сказалъ докторъ фельдшерскому ученику и пошелъ вмѣстѣ съ своимъ ассистентомъ въ пріемную, гдѣ и приказалъ фельдшеру писать протоколъ. Султановъ тоже присѣлъ къ столу и сталъ составлять свой рапортъ. Старшій докторъ, замѣтивъ это, спросилъ:

— Ну, что вы такое пишете? Отчего по вашему онъ умеръ?

— Оттого, что пуля попала ему голову,—спокойно проговорилъ Султановъ.

— Ерунда, чушь, галиматья!—воскликнулъ медицинскій генералъ, размахивая руками:—отъ сквозной огнестрѣльной раны большого мозга, разрушившей лѣвое полушаріе малаго,—выкрикнулъ онъ:—такъ и запишите.

Сдерживая улыбку, Султановъ сложилъ рапортъ и направился въ баталіонную канцелярію.

— Ну, что скажете?—спросилъ его полковникъ:—что тамъ нашли эскулапы?

Султановъ подалъ ему рапортъ. Тотъ пробѣжалъ его глазами.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ.

Султановъ увидалъ на окнѣ двѣ бутылки и пачки съ патронами, найденныя имъ у Мурмиса.

— Вотъ, господинъ полковникъ,—произнесъ онъ:—что прикажете насчетъ Мурмиса?

Полковникъ развелъ руками.

— Уликъ противъ него никакихъ нѣтъ. Да мы и не можемъ разбирать этого дѣла съ этой стороны. Закатать его, каналю, подъ арестъ сутокъ на двадцать. Вотъ пока и все. Я отдамъ въ приказѣ.

Султановъ вышелъ изъ канцеляріи. Теперь онъ считалъ свои служебныя обязанности на весь день поконченными. Ничто не помѣшало ему отправиться къ Селецкому, чтобы ѣхать съ нимъ въ Свиныары. Онъ такъ и сдѣлалъ. Селецкій принялъ его очень радушно. Султановъ не придавалъ никакого значенія своему проигрышу. Онъ зналъ, что Селецкій при случаѣ можетъ тоже проиграть ему. Этотъ легкомысленный, хвастливый полякъ на самомъ дѣлѣ былъ хорошій товарищъ и веселый собутыльникъ.

Селецкій приказалъ заложить коляску четверкой гнѣдыхъ лошадей цугомъ. Кучеръ, въ старой гороховой ливреѣ, съ длиннымъ бичемъ, взгромоздился на козлы, и молодые люди съ нѣкоторой торжественностью, какъ подобало настоящимъ шляхтичамъ, покачали по проселочной дорогѣ.

Селецкій былъ въ хорошемъ расположеніи духа и напѣвалъ вполголоса польскую пѣсенку, которая показалась Султанову любопытной:

У поляка така душа,
 Же якъ умже, то сень руша,
 И поляка то цехус,
 Же хоць умже, а цалуе...
 (У поляка такая душа,
 Что и мертвая шевелится).

— Какіе вы поляки!—произнесъ Султановъ, когда Селецкій кончилъ:—безпечные, задорные, къ женщинамъ относитесь, какъ къ игрушкамъ, и ихъ приучили смотрѣть на себя также.

Онъ повторилъ двѣ строки изъ пѣсни:

«А поляка то цехус,
 «Же и умже, а цѣлуе»,

И тутъ же перевелъ стихами:

Поляка то отличаетъ,
 Что и мертвый онъ лобзаетъ.

— Красотку,—добавилъ Султановъ уже прозой, такъ какъ лишнее слово, казавшееся ему необходимымъ, никакъ не укладывалось въ рифмованный переводъ.

Селецкій засмѣялся.

— А что-жъ, развѣ это дурно? Это значить, что въ насъ вѣчно кипитъ юное сердце, что мы—народъ бодрый, живой, энергичный. Я былъ у васъ, въ Петербургѣ. Какая скука! Улицы пусты, по тротуарамъ степенно идутъ прохожіе съ постными, неподвижными лицами. Никто не улыбнется. Не услышишь ни одной шутки. А ваши женщины! Какъ онѣ одѣты! Какъ онѣ неуклюжи! Эхъ,—онъ махнулъ рукой,—развѣ можно сравнить съ Варшавой. Пройдитесь послѣ обѣда по Краковскому предмѣстью или загляните въ Саксонскій садъ. Какія паненки! Отборныя милочки! Каждая—заглядѣнье. Головка, талія, ножки! Бронзовыя туфельки мелькаютъ, хвостикъ этакъ колыхнется—просто глазъ не оторвешь.

И онъ показалъ рукой, какъ колыхнется хвостикъ.

— Все это однѣ глупости,—говорилъ Султановъ:—и не дѣлаетъ вамъ чести.

— Почему это? Но я еще не кончилъ. Выйдешь на любую улицу, и вездѣ толпа народу. Кругомъ смѣхъ, шутки. Все такъ красиво, нарядно. Магазины блестятъ. Экипажи щегольскіе, а какіе извозчики! Ни одинъ мѣщанинъ не поѣдетъ иначе, какъ въ коляскѣ съ парой лошадей и съ дружкой въ ливрѣѣ.

— Ну, что-жъ, все это такъ,—возразилъ Султановъ:—вотъ вы форсили да щеголяли и до чего теперъ дошли? Ваши сосѣди взяли да подѣлили ваши земли.

Селецкій вздохнулъ.

— Ну, что объ этомъ говорить. Въ этомъ виноваты не мы, а естественныя условія. Вотъ ваша Россія на какое пространство раскинулась. Германія и Австрія — это тоже большія державы. Польша всегда была точно среди трехъ огней.

— Что вы говорите,—возразилъ Султановъ:—двѣсти лѣтъ назадъ Польша была самой большой страной въ Европѣ. Ваши границы доходили до Днѣпра, вы владѣли Киевомъ, вамъ фактически принадлежало все пространство до Чернаго моря. И что же изъ этого вышло? То, что вы пировали да пили венгерское изъ атланскихъ башмачковъ паненокъ, да и махнули на все прочее рукой. А Россія въ то время состояла чуть не изъ четырехъ губерній.

— Ну, да, конечно, тутъ были свои историческія причины,—оправдывался Селецкій и замурыкалъ новую пѣсенку о молодой женѣ, промѣнявшей сѣдого мужа на черноусаго польскаго гусара.

Селецкій принадлежалъ къ тому роду поляковъ, которые не считаются «патріотами». На нихъ либеральные ревнителѣ ойчизны не возлагаютъ никакихъ надеждъ: ихъ считаютъ отсталыми. Въ кружкахъ они не играютъ никакой роли. А, извѣстно, въ Польшѣ нѣтъ ни одного города, гдѣ бы не было патріотическаго кружка, и гдѣ бы юныя сердца не горѣли страстнымъ желаніемъ возстановить «ойчизну».

Дорога шла по кочковатой равнинѣ, на которой кое-гдѣ попадались бѣлыя хаты съ жидкими деревьями. Панская четверка бѣжала рѣзво. Встрѣчавшіеся хлопцы неохотно сворачивали съ дороги. Всѣхъ вѣжливѣе оказывались жидаы. Вѣхали на высокую гору, и впереди показался лѣсъ, по опушкѣ котораго блеснула спокойная гладь широкой рѣки. Впереди, далеко за лѣсомъ виднѣлись крыши господской усадьбы.

— Вотъ Дубовицы,—говорилъ Селецкій:—тамъ живетъ помѣщикъ съ хорошенькой дочкой. Я не прочь былъ бы поволочиться за ней. А вонъ тамъ дальше за усадьбой Свиныры. Дикое мѣсто, точно ваша крѣпость. Вы бывали здѣсь?

Султановъ медленно проговорилъ:

— Представьте себѣ, вѣдь я тутъ былъ. Я даже знакомъ съ генераломъ и съ Александрой Матвѣевной, такъ, кажется, зовутъ его дочь?

Селецкій покрутилъ усы и проникательно поглядѣлъ на Султанова.

— А, и вы знаете, гдѣ раки зимуютъ. А я думалъ, вы сидите въ крѣпости и никуда носа не высовываете. Когда же это вы успѣли съ ними познакомиться?

— Въ прошломъ году. Помните, зимой рѣка замерзла, и сдѣлались заторы. Такъ мнѣ пришлось взрывать ледъ.

Вниманіе Селецкаго было отвлечено хорошенькой поселянкой, ѣхавшей на возу съ сѣномъ. Она замѣтила барскіе взгляды и,

конфузливо хихикая, закрывала лицо платкомъ. Но коляска скоро оставила далеко позади возъ, и этотъ маленькій сельскій жанръ кончился самъ собой.

Султановъ задумался. Теперь онъ хорошо припомнилъ, какъ началось его знакомство съ обитателями Дубовицъ.

Замерзла быстрая, широкая, горная рѣка, протекавшая ниже и около крѣпости. Съ недѣлю стояли большіе морозы, рѣдкіе въ этомъ краю, и рѣка на пережатъ промерзла до дна. Образовалась ледяная плотина, и вода, выступивъ изъ береговъ, затопила поля. Губернаторъ немедленно телеграфировалъ въ крѣпость, прося выслать гальванеровъ для того, чтобы разрушить ледъ и тѣмъ устранить причину наводненія. Изъ сапернаго баталіона была послана часть четвертой роты съ капитаномъ Ершомъ и Султановымъ.

Опытный въ жизни и службѣ капитанъ охотно уступалъ свое мѣсто другимъ. Онъ хорошо зналъ, каковы эти заторы. Это значило, что надо было недѣли двѣ прожить на берегу рѣки, ночуя въ какой нибудь убогой жидовской хатѣ, а весь день проводя на морозѣ, наблюдая за производствомъ работъ. Но всѣ остальные капитаны были не менѣе его опытны въ жизни, и волей-неволей ему пришлось отправиться въ путь самому.

Но для Султанова было тутъ все ново. Онъ съ интересомъ наблюдалъ, какъ саперы подъ руководствомъ толковыхъ унтеръ-офицеровъ высверливали колодцы, закладывали заряды и производили взрывъ. Ледяной проходъ начинали дѣлать снизу затора, идя вверхъ по теченію, и продолжали взрывать ледъ до тѣхъ поръ, пока напоромъ теченія не размывало его совсѣмъ. Такъ вотъ однажды, когда работы были уже доведены до половины, сидя на берегу рѣки, покуривая трубку, капитанъ Ершъ сказалъ Султанову:

— Что намъ тутъ торчать? Они вѣдь знаютъ свое дѣло. Пойдемте-ка со мной въ гости. Тутъ по сосѣдству живетъ старый генералъ, Гауптъ. Онъ большой хлѣбосоль и навѣрное будетъ очень радъ нашему пріѣзду.

Такъ они и сдѣлали. Генералъ точно оказался радушнымъ. Онъ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями и угостилъ на славу. Тогда Султановъ и познакомился съ его дочерью. Это была стройная, живая, темнорусая дѣвушка, съ блестящими глазами, очень пылкая и впечатлительная. Коротко обрѣзанные курчавые волосы пышно лежали на ея стройной головѣ. Она отнеслась къ офицерамъ вѣжливо, но съ холоднымъ достоинствомъ. Султановъ почувствовалъ, что она стѣсняется его. Онъ говорилъ, взвѣшивая каждое слово, и былъ остороженъ въ выборѣ выраженій. Раза два она взглянула на него съ такимъ видомъ, который показывалъ, что она невысокаго мнѣнія о его черныхъ усахъ и щегольскомъ мундирѣ.

На капитана Ерша она совсѣмъ не обращала вниманія. Видно было, что она считаетъ его просто старымъ служакой. Послѣ этого нѣсколько разъ Султановъ ѣздилъ сюда и одинъ, и съ капитаномъ Ершомъ. Установившіяся отношенія между нимъ и генеральской дочерью не мѣнялись.

Вызывая теперь въ своей памяти всѣ подробности своихъ поѣздовъ сюда, онъ вдругъ вспомнилъ о Зельдѣ.

— Рѣшительно я видѣлъ ее тутъ,—произнесъ вполголоса онъ, говоря самъ съ собой.

Ему представилась большая комната, уставленная шкапами съ книгами. Онъ вошелъ сюда изъ залы безъ доклада и увидалъ за круглымъ столомъ двухъ дѣвушекъ, склонившихся надъ географической картой. Одна изъ нихъ была дочь хозяина, другая—молоденькая еврейка. Онъ мелькомъ замѣтилъ, какъ онѣ вспыхнули, точно онъ засталъ ихъ врасплохъ, и еврейка, какъ тѣнь, исчезла. Молодая хозяйка въ тотъ вечеръ обошлась съ нимъ болѣе сухо, чѣмъ обыкновенно.

— Чортъ побери, никакъ будетъ буря!—воскликнулъ Селецкій, прерывая его размышленія.

Съ запада надвигалась огромная лиловая туча. Прикрывъ глаза рукой, Султановъ разсмотрѣлъ впереди узкую полосу дождя, которую пронизывали солнечные лучи. Полоса эта быстро приближалась.

— Такъ и есть,—продолжалъ волноваться Селецкій.—Куда бы намъ дѣться? Здѣсь иной разъ бываютъ такіе ливни, что упаси Боже.

— Развѣ мы не успѣемъ доѣхать до Свинаяръ?—спросилъ Султановъ.

— Врядъ ли. Намъ осталось лѣсомъ еще версты четыре. Какъ размоетъ дорогу, къ ночи не доѣдемъ.

Кучеръ озабоченно погонялъ лошадей. Коляска быстро поехала. Но вѣтеръ гналъ тучу еще быстрѣе, и скоро крупныя капли дождя шумно застучали вокругъ. Небо потемнѣло. Солнце скрылось. Вѣтеръ завылъ въ вѣтвяхъ лѣсныхъ великановъ, у подножія которыхъ теперь ѣхали путники. Привычныя лошади продолжали ретиво бѣжать впередъ. Въ лѣсу было темно, точно наступалъ уже вечеръ. Дождь не переставалъ, и скоро водяные потоки заструились по краямъ дороги. Султановъ и Селецкій закрылись ковромъ, который вынули изъ-подъ сидѣнья. Гороховая ливрея была предоставлена на жертву разбушевавшейся стихіи.

IX.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Дубовицахъ поселился новый владѣлецъ, отставной генералъ Гауптъ. Онъ пріѣхалъ сюда съ шестнадцатилѣтней дочерью Сашей, двумя гувернантками и цѣлымъ штатомъ прислуги. У генерала было свое состояніе. Дубо-

вицы достались ему по наслѣдству отъ жены. Разстроенное здорье, а, какъ говорили другіе, неудачи на служебномъ поприщѣ были причиной того, что генераль оставилъ Петербургъ и избралъ своимъ мѣстопробываніемъ Дубовицы. Имѣніе это нравилось ему; кромѣ того, онъ здѣсь былъ избавленъ отъ стѣснительной обязанности поддерживать сношенія съ сосѣдями. Окрестными фольварками владѣли поляки, а въ то время они неохотно сближались съ русскими.

У генерала была дѣятельная натура. Съ ранняго утра онъ былъ на ногахъ, обходя службы, заглядывая въ конюшни и на скотный дворъ. Съ перваго взгляда онъ поражалъ своими хозяйственными свѣдѣніями и неутомимымъ рвеніемъ. Но дворня скоро разглядѣла, что при всемъ томъ онъ слишкомъ довѣрчивъ и добръ, и поэтому начала безъ стѣсненія обкрадывать его. Генераль выписалъ себѣ симментальскихъ быковъ, тирольскихъ коровъ и завелъ сыроварню. Все это стоило большихъ денегъ и не приносило никакихъ выгодъ.

Погруженный въ свои заботы, генераль не обращалъ вниманія на дочь, всецѣло довѣривъ ея воспитаніе гувернанткамъ.

Характеромъ Саша походила на отца. Въ ней тоже билось горячее сердце, и она жаждала дѣятельности. Еслибъ отецъ былъ проникательнѣе, онъ бы понялъ, какой она могла бы быть драгоценной помощницей для него. Но онъ не зналъ женщинъ, считая ихъ существами слабыми, нѣжными, неспособными къ труду, и поэтому всякій разъ отстранялъ Сашу отъ участія въ своихъ дѣлахъ. Сперва это огорчало ее, но потомъ она привыкла къ своему одиночеству. Она кончила курсъ въ институтѣ. Гувернантки были взяты для того, чтобы заниматься съ ней музыкой и языками. Все это отнимало у Саши мало времени. Она постаралась сдѣлать такъ, чтобы наставницы не беспокоили ея. Она посвящала музыкѣ часа два въ день, равнодушно исполняя упражненія на фортепіано. Что же касается до изученія языковъ, то она довольствовалась лишь мимолетнымъ разговоромъ съ своими иностранками.

Мало-по-малу она устроилась такъ, что весь день былъ въ ея распоряженіи. Утромъ она вставала, когда хотѣла, иногда выходя къ чаю, а иногда требуя его къ себѣ въ комнату. Затѣмъ она отправлялась бродить по дому, ища какогонибудь занятія. Домъ въ Дубовицахъ былъ огромный, наполненный старинными вещами. Здѣсь была большая библіотека, картинная галлерей, гдѣ, кромѣ портретовъ, сохранилось много и произведеній итальянской и фламандской школы. Кромѣ того, здѣсь находилось собраніе гравюръ, которыя вмѣстѣ съ вылинявшими нѣжными акварелями были вклеены въ позолоченныя бумажныя рамки и закрыты сверху стекломъ. Саша любила просиживать въ библіотекѣ цѣлые часы. Сперва ее удивляло количество книгъ въ кожаныхъ переплетахъ съ красными, зелеными и синими тиснеными золотомъ корешками.

Она съ жадностью набросилась на французскіе романы прошлаго вѣка. Они воспламенили ея воображеніе и возбудили въ ней мечтательность. Часто, отбросивъ книгу, сидѣла она, откинувшись на креслѣ со взоромъ, неподвижно устремленнымъ вдаль, погруженная въ мечты. Въ это время она сама не знала, чего желала. Иногда на нее находила грусть, и она чувствовала себя отрѣзанной отъ всего міра.

Въ первый разъ ощутила она приливъ такой непонятной тоски весной. Погасаль тихій, ясный вечеръ. Нѣжныя перламутро-розовые облачка покрывали прозрачное небо, дышавшее мягкимъ тепломъ. Нагрѣтыя жаркими лучами закатившагося солнца, цвѣтушія бѣлыя акаціи разливали густой, сладостный, раздражающій ароматъ. Пышно цвѣли яблони, груши, вишни. Во всемъ чувствовалась трепетная жизнь пробудившейся природы. Среди царившей кругомъ тишины доносились короткіе, глухіе звуки, напоминавшіе отдаленные раскаты грома. Саша знала, что это стрѣляютъ изъ пушекъ въ крѣпости. Она много слыхала про эту крѣпость, лежавшую верстахъ въ пятнадцати отсюда, и всякій разъ, когда крѣпость напоминала о себѣ, испытывала безпокойное чувство, котораго она не умѣла объяснить себѣ.

Она встала и вышла въ садъ. Это былъ огромный, старинный, запущенный садъ, въ которомъ находились парники, оранжереи, сажалки съ рыбой и фруктовыя деревья, гроты, искусственныя насыпи, длинныя тополевыя аллеи и темныя, узенькіе, зеленые туннели изъ выстриженныхъ мелколистныхъ акацій. Обветшавшая каменная ограда окружала его со всѣхъ сторонъ. Въ самомъ отдаленномъ и глухомъ концѣ сада, въ оградѣ была калитка, на которой постоянно висѣлъ тяжелый заржавѣвшій замокъ. Саша любила взбираться тутъ на ограду, покрытую сверху мягкимъ серебристымъ мохомъ.

За оградой зеленѣли озими. За ними виднѣлось унылое еврейское кладбище, обнесенное валомъ, съ посаженными на немъ кустами бузины и вербы. Посреди этого кладбища возвышалось мрачное, каменное зданіе съ черепичной кровлей. Это была синагога. Дальше виднѣлись тѣсно скученные дома мѣстечка, на которое надвигался со всѣхъ сторонъ, какъ бы грозя раздавить его, густой дремучій боръ. Узкая дорога огибала кладбище, тянулась мимо Дубовицъ и тоже скрывалась въ лѣсу.

Эта страшная глушь поражала свѣжаго человѣка своею неподвижностью и безмолвіемъ. Огромный лѣсъ, казалось, навѣки отрѣзалъ мѣстечко отъ остального міра, о которомъ изрѣдка напоминали тутъ выстрѣлы крѣпости. Саша медленно шла по дорожкѣ. Она сорвала пахучую каштановую вѣтку, усыпанную блѣднорозовыми стрѣльчатými цвѣтками, и, помахивая ею, отгоняла налетавшихъ комаровъ. Она подходила къ калиткѣ, какъ легкій по-

рохъ въ кустахъ сирени заставилъ ее остановиться. Она увидала два огромныхъ черныхъ глаза, живые и блестящіе, съ любопытствомъ и боязнью наблюдавшіе за ней. Она вздрогнула отъ неожиданности и спросила:

— Кто тутъ?

Отвѣта не послѣдовало. Тогда она подошла ближе и увидала еврейскую дѣвочку-подростка, очень красивую, съ нѣжными смуглыми щеками и темными бархатными бровями. Дѣвочка сдѣлала движеніе убѣжать. Саша остановила ее.

— Постой, не бойся меня. Какъ ты сюда попала?—говорила она.

Она увидала въ рукахъ у дѣвочки цѣлую охапку цвѣтущихъ сиреневыхъ вѣтокъ.

— Возьми себѣ это,—успокоительно сказала Саша и этимъ окончательно ободрила дѣвочку.

— Какъ тебя зовутъ?

— Зельда.

— Ты вѣрно изъ мѣстечка и перелѣзла черезъ ограду?

Вмѣсто отвѣта дѣвочка опять сдѣлала пугливое движеніе.

Саша снова остановила ее. Онѣ разговорились. Зельда сообщила, что она дочь богача Берахія Генделя. Она произнесла эти слова съ такимъ простодушіемъ, что удивила Сашу.

— Почему же ты говоришь богача?—полюбопытствовала она.

— Потому что его такъ зовутъ,—отвѣтила Зельда.

— Есть у тебя братья, сестры?

— Есть. Маленькій Рафаиль и большой Гейковъ. Только Гейкова у насъ нѣтъ. Онъ уѣхалъ далеко, далеко. Но я должна идти, госпожа. Скоро стемнѣетъ, а я боюсь идти мимо синагоги.

— Чего же ты боишься, глупая?

— Потому что тамъ по ночамъ собираются души мертвецовъ.

— Какой вздоръ!—со смѣхомъ сказала Саша:—умѣешь ли ты читать и писать?

Зельда отрицательно покачала головой. Этотъ безмолвный отвѣтъ удивилъ Сашу, которой не приходило въ голову, чтобъ можно было въ такомъ возрастѣ не быть грамотной.

— Хочешь, я тебя выучу?—сказала она:—да ты не спиши. Это все вздоръ. Никакихъ душъ въ синагогѣ не бываетъ.

— Ахъ, нѣтъ,—съ убѣжденіемъ произнесла дѣвочка:—какъ же ребе Нухимъ наканунѣ субботы всякій разъ ставитъ въ синагогѣ стаканъ съ водой и кладетъ опрѣснокъ. Онъ говорилъ Рафаилу, что это для душъ, витающихъ въ пространствахъ.

Сашѣ представился цѣлый міръ невѣжества и суевѣрія, въ который были погружены умы этихъ дѣтей, и въ ней проснулось сожалѣніе къ нимъ.

— Ну, я не знаю твоего брата,—сказала она,—но мнѣ бы хотѣлось научить тебя отличать истину отъ басенъ. Не можешь ли

ты приходишь сюда? Или ты должна быть всегда дома и работать съ матерью?

— О, нѣтъ, у насъ есть служанки, — съ гордостью отвѣтила дѣвочка, — и я, и мой папа, и всѣ мы можемъ ничего не дѣлать. Я же вамъ сказала, отецъ мой — богачъ Берихія Гендель. У насъ только три такихъ богача: онъ, Цеви-Гиршъ и Самуэль бенъ-Ахиба.

Саша засмѣялась.

— Ну, мнѣ это все равно. Но ты мнѣ нравишься. У меня много свободнаго времени, и я охотно займусь твоимъ образованіемъ. Но прежде всего ты должна выучиться читать и писать. Это самое главное. Непремѣнно приходи завтра вечеромъ сюда.

— Вечеромъ не могу. Вѣдь завтра пятница, — выразительно сказала дѣвочка.

— Такъ что-жь? — спросила Саша.

— Пятница, шабесъ.

— Ахъ, я забыла совсѣмъ, что у васъ свои обряды, — воскликнула съ улыбкой Саша.

Ей представилось, какъ она однажды вечеромъ, возвращаясь домой, проѣзжала съ отцомъ черезъ мѣстечко. Была пятница. Въ окнахъ всѣхъ хатъ виднѣлось множество зажженныхъ шабашувокъ, тоненькихъ сальныхъ свѣчекъ. Ей сказали тогда, что это шабашъ. Съ тѣхъ поръ съ этимъ понятіемъ въ умѣ Саша явилось представленіе о какомъ-то суевѣрномъ, странномъ обрядѣ, при исполненіи котораго не премѣнно должны горѣть свѣчи, заперты двери и окна, и производиться что-то необыкновенное.

— Утромъ я могу придти, — сказала Зельда и, кивнувъ Сашѣ головой, какъ серна, вскочила на ограду и исчезла за ней.

На другой день онѣ снова встрѣтились. Саша принесла съ собой карандашъ и листъ бумаги. Она объяснила своей ученицѣ, что такое буквы, и заставила ее выводить ихъ. Сначала преподаваніе шло плохо. Саша выходила изъ себя и сердилась на Зельду, которая не умѣла держать карандашъ въ пальцахъ и постоянно ломала его. Съ чтеніемъ дѣло пошло скорѣе. Саша увидала, что у ученицы ея прекрасныя способности, и захотѣла развить ее.

Въ то время еще не прошла полоса того движенія, когда особенно было въ модѣ помогать меньшему брату, просвѣщая его и «раціонально» развивая его способности. Но занятія скоро увлекли Сашу. Это было новое живое дѣло, пользу котораго она видѣла. вмѣсто скучныхъ и безцѣльныхъ прогулокъ по саду теперь она приходила къ старой бесѣдкѣ у ограды, гдѣ ее уже поджидала Зельда.

Обѣ дѣвушки подружились между собою и сблизились, на сколько позволяла разница въ ихъ общественномъ положеніи и образованіи. Зельда была на два года моложе своей наставницы, но она знала практическую жизнь и имѣла понятіе о такихъ вещахъ, о

какихъ генеральская дочь никогда не слыхала. За чтеніемъ и письмомъ пошли маленькія занятія ариѳметикой, рассказы изъ географіи и исторіи. Сапа хотѣла познакомить Зельду съ Закономъ Божиимъ, какъ это преподавалось въ институтѣ, но ее оставило то, что ученица ея еврейка.

Сапа ничего не знала о еврейской религіи, кромѣ общихъ отрывочныхъ, темныхъ свѣдѣній, въ родѣ того, что евреи молятся въ синагогѣ и празднуютъ шабесъ. Однажды она попросила Зельду рассказать ей, какъ живутъ ея родители, что они пьютъ и ѣдятъ, какъ у нихъ выходятъ замужъ. Отвѣты Зельды чрезвычайно заинтересовали ее.

Не смотря на свою молодость, Зельда очень хорошо усвоила себѣ обрядовую сторону жизни мѣстечка и въ особенности твердо знала все то, что относилось къ женщинамъ. Она передавала Сашѣ, какъ у нихъ готовятся къ Пасхѣ, какъ вступаютъ въ бракъ, чему учатъ въ хедерѣ (школѣ) и какъ хоронятъ мертвыхъ. При этомъ Зельда съ нѣкоторымъ ужасомъ говорила о могуществѣ и власти погребальнаго братства, которое, по соглашенію съ кагаломъ, назначало родственникамъ, сколько надо заплатить за похороны, отнимая иногда у нихъ все наслѣдство.

— Какъ же такъ?—спрашивала удивленная Сапа.

— Да такъ. Если кагалъ почему нибудь недоволенъ покойнымъ, то братство оставляетъ его безъ погребенія нѣсколько дней, требуя внесенія всѣхъ денегъ: иногда пятьсотъ, а иногда тысячу рублей.

Мало-по-малу въ умѣ Саши создались отчетливыя изображенія еврейскихъ обрядовъ. Обреченная на одиночество, блуждая по огромнымъ комнатамъ дубовицкаго дома, она погружалась въ мечты. Тогда міръ представлялся ей только въ двухъ формахъ: въ видѣ огромной безформенной массы, лежавшей гдѣ-то за лѣсами и потрясавшей выстрѣлами воздухъ—это была таинственная крѣпость, и въ видѣ шумнаго, неугомоннаго, крикливаго мѣстечка съ его странными законами и обычаями.

Вотъ ей казалось, что она слѣдуетъ за Зельдой въ синагогу. Угрюмое зданіе погружено во мракъ. Молча стекаются туда темныя фигуры. Мужчины остаются внизу, а женщины поднимаются въ свою половину и сквозь узкія, похожія на бойницы, отверстія съ трепетомъ и благоговѣніемъ глядятъ внизъ. Тамъ впереди виднѣется возвышеніе, гдѣ производится чтеніе Торы (Пятикнижія) и произносятся проповѣди. Это возвышеніе—Синайская гора. Вотъ шамешъ (служка), стоявшій у дверей и внимательно смотрѣвшій на небо, возвѣщаетъ о появленіи вечерней звѣзды. Вспыхиваютъ огни, и синагога озаряется сотнями горящихъ свѣчъ. Начинаются молитвы, сопровождаемыя крикливыми гортанными возгласами. Входящіе на эстраду облачаются въ священныя плащи и отходя

снимаютъ ихъ. Потому собраніе медленно расходится. Что тутъ происходило, о чемъ молились всѣ эти люди, она не знала. Зельда не умѣла рассказать ей, въ чемъ состоитъ внутренняя сторона еврейской вѣры. Въ другой разъ Саша представляла себѣ, какъ Зельда выйдетъ замужъ.

Ей выберутъ въ мужа молодого еврея, знающаго талмудъ и непременно богача, такъ какъ Зельда сама принадлежитъ къ богатой семьѣ. Вотъ въ мѣстечкѣ объявлено объ этой свадьбѣ. По обычаю невѣсту наканунѣ поведутъ въ баню, и все женское населеніе высыплетъ на улицу, чтобы слѣдить за каждымъ шагомъ дѣвушки.

Баня—это страшное мѣсто. Здѣсь замужнія еврейки должны совершать обрядовое омовеніе разъ въ мѣсяцъ. Въ сыромъ, грязномъ и тускло освѣщенномъ подземельѣ толпа нагихъ женщинъ съ распущенными волосами, съ подрѣзанными до крови ногтями, дрожа и коченѣя отъ холода, тѣснится вокругъ глубокой, наполненной густой мутной водой ямы, изъ которой поднимаются удушливыя испаренія. Каждая стремится занять мѣсто ближе къ лѣстницѣ, ведущей въ эту пропасть.

Между тѣмъ внизу, въ темномъ смрадномъ омутѣ женщина, съ самоотверженіемъ преодолевая отвращеніе и тошноту отъ зловонія перегнившей воды, скрѣпя сердце, судорожно медленно совершаетъ таинственное трехкратное погруженіе. Тусклый свѣтъ разливаетъ сальный огарокъ, который держитъ въ рукахъ стоящая на лѣстницѣ тукерке (надзирательница), изрекающая завѣтное слово кошеръ, которымъ, возвѣстивъ одной о благополучномъ окончаніи обряда, зоветъ въ яму другую. И вотъ, выполоскавъ ротъ водой, очищенная поднимается и медленно уходитъ.

Вотъ Зельда подходитъ къ невысокому каменному строенію, раздѣленному на двѣ половины: мужскую и женскую, и вступаетъ въ баню.

Это мрачное грязное помѣщеніе съ землянымъ поломъ, въ которомъ выкопанъ миква, или очистительный колодецъ. Низкій потолокъ, крошечныя окна сгущаютъ сумракъ и производятъ угнетающее впечатлѣніе. Зельда дѣвушка и ни разу не была здѣсь, такъ какъ сюда допускаются только женщины, которыя должны по закону совершать погруженіе въ очистительную воду колодца. Но какая это вода!

Саша вздрагиваетъ, и нервный трепетъ охватываетъ ее.

Это зеленовато-бурая, застоявшаяся жижа. Сотни грязныхъ, обнаженныхъ женскихъ тѣлъ перебивали въ ней. Зельда знаетъ это. Она вздрагиваетъ и останавливается на порогѣ. Двѣ старыя, грубыя женщины, насквозь пропитанныя фанатизмомъ, поручительницы ея невинности и чистоты, силой вталкиваютъ ее въ баню. Она закрываетъ лицо руками и судорожно плачетъ. Ей предста-

вляется, что надъ ней хотятъ совершить какое-то надруганіе, и всячески старается защитить себя отъ него.

Но вотъ поручительницы начинаютъ раздѣвать ее. Краска стыда заливаеъ ея щеки. Женщины не обращаютъ на нее вниманія. Онѣ расплетаютъ ея косы и срѣзываютъ ногти съ ея маленькихъ пальцевъ. Затѣмъ онѣ осматриваютъ, нѣтъ ли ссадины на ея тѣлѣ, покрытой струпомъ. Онѣ замѣчаютъ на рукѣ у нея царапину отъ иголки и немедленно соскабливаютъ струпь, изъ-подъ котораго появляется свѣжая кровь. Зельда опять вздрагиваетъ и дѣлаетъ движеніе вырваться изъ ихъ рукъ.

— Нужно,—говорятъ женщины,—чтобы святая вода омыла всѣ части твоего тѣла.

Наконецъ, она совершенно раздѣта. Женщины подводятъ ее къ ступенямъ колодца. Въ отчаяніи она закрываетъ глаза, но еще сопротивляется.

— Успокойся, Зельда,—слышитъ она увѣщаніе старухи.—Колодець не глубокъ, вода теплая. Троекратное омовеніе очиститъ тебя, и ты предстанешь предъ мужемъ своимъ, какъ невинная голубка.

Все темнѣетъ въ глазахъ обреченной. Зеленая жидкость разступается и покрываетъ ее, согласно закону, съ кончиками волосъ. Задыхаясь, она рвется наружу, но прежній голосъ раздается надъ ней:

— Разъ, два, три. Кошеръ!

Все остальное происходитъ уже, какъ во снѣ. Она не помнитъ, какъ ее отводятъ отъ колодца, вытираютъ и надѣваютъ платье. Потомъ ее ведутъ домой.

Ея комната наполнена женщинами. Онѣ осматриваютъ ея подвѣчное платье и ея приданое, пробуютъ остроту ножницъ, которыми сейчасъ отрѣжутъ ея длинные, густые волосы. Отнынѣ ихъ будетъ прикрывать накладка—грубый парикъ съ проборомъ посрединѣ, который должны всегда носить замужнія женщины. И вотъ ее сажаютъ на стулъ посреди комнаты. Любопытный шепотъ слышится вокругъ. Среди водворившейся тишины раздается лязганье ножницъ, и ея косы падаютъ.

Съ улицы доносится звонъ литавръ и бой барабана, покрывающіе визгливые звуки скрипки. Слышится шумъ возбужденной толпы.

— Женихъ, женихъ,—раздается вокругъ.

Появляется шамешъ и кричить:

— Каболатъ понимъ легахатамъ (встрѣчайте жениха!).

Дверь распаивается, и входитъ онъ. На плечахъ у него богатая шуба, знакъ его зажиточности. Онъ подходитъ къ Зельдѣ и окутываетъ лицо ея шелковымъ покрываломъ.

Женщины, волнуясь и быстро переговариваясь, осыпаютъ его

хмелемъ. Тотчасъ съ музыкой впереди и съ зажженными свѣчами шаферы открываютъ торжественный ходъ къ мѣсту, гдѣ стоитъ хупе, или балдахинъ. Этотъ балдахинъ поставленъ на ближайшемъ школьномъ дворѣ. За шаферами съ праздничнымъ видомъ медленно выступаютъ родители, дружки и приглашенные, которые ведутъ невѣсту. Женихъ становится подъ балдахинъ первый. Невѣста, описавъ семь круговъ около жениха, помѣщается справа около него.

Наступаетъ тишина. Родители благословляютъ новобрачныхъ. Толпа любопытныхъ все увеличивается. Со всѣхъ концовъ мѣстечка сбѣгаются мужчины, женщины, дѣти. Они оцѣпляють кругомъ школьный дворъ и даже влѣзаютъ на крыши. Между тѣмъ начинается самое вѣнчаніе. Его совершаетъ ученѣйшій изъ присутствующихъ, талмудъ-хахамъ.

Тутъ мечты Саши прерываются, и она вспоминаетъ, какъ много разъ она спрашивала Зельду:

— Почему же не раввинъ или священникъ?

— У насъ нѣтъ священниковъ, — отвѣчала всегда Зельда: — у насъ каждый отецъ, глава семьи, можетъ совершать всѣ обряды. Наша синагога совсѣмъ не походитъ на вашу церковь, о которой вы мнѣ такъ много рассказывали. Тамъ, гдѣ соберется десять совершеннолѣтнихъ, и гдѣ есть пергаменный свитокъ Торы, тамъ у насъ и синагога. Совершеннолѣтнимъ же считается всякій, кто имѣетъ тринадцать лѣтъ и одинъ день.

Не смотря на такое убѣдительное объясненіе, Саша никакъ не хотѣла помириться съ тѣмъ, что бракосочетаніе у евреевъ можетъ совершить кто угодно.

Такъ вотъ вѣнчаніе продолжается. Талмудъ-хахамъ произноситъ молитву надъ чашей съ водой. Послѣ него шамешъ читаетъ кетубу, свадебный документъ, написанный на халдейскомъ языкѣ и заключающій обязанности мужа по отношенію къ женѣ. За чтеніемъ кетубы слѣдуетъ и обрядъ кедушинъ, или обрученіе. Женихъ подаетъ невѣстѣ кольцо и говоритъ:

— Этимъ кольцомъ ты мнѣ обручена по закону Моисея и Израиля.

Толпа жадно слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ. Произнесши эти слова, онъ раздавливаетъ ногой стаканъ, чтобы и въ эту торжественную минуту не забыть о паденіи Іерусалима. Затѣмъ снова слѣдуетъ краткая молитва, и молодые пьютъ освященную воду изъ чаши.

Раздаются общія поздравленія, и съ музыкой молодыхъ ведутъ домой.

Затѣмъ въ разгоряченномъ воображеніи Саши представляется картина свадебнаго пира: столъ, надъ которымъ тѣснятся курчавыя головы съ пейсами и ермолками. Ея фантазія дорисовываетъ остальные подробности свадебнаго торжества. Къ пиру приступаютъ, со-

вершивъ омовеніе рукъ въ тазу. Расторопные сервары (слуги) разносятъ мясо, рыбу, плоды, стараясь подавать почетнѣйшимъ изъ присутствующихъ лучшіе куски.

Затѣмъ начинаютъ говорить рѣчи, въ которыхъ поздравляютъ молодыхъ и желаютъ имъ благополучія.

Шутъ и фокусникъ, непремѣнный членъ всякой свадьбы, во всеуслышаніе требуетъ себѣ подарковъ, которые ему и вручаютъ присутствующіе.

Наконецъ, все торжество завершается заключительнымъ обрядомъ. Это кошеръ-танецъ. Подъ звуки музыки одинъ за другимъ присутствующіе подходятъ къ невѣстѣ, которая держитъ въ рукахъ платокъ. Взявъ за этотъ платокъ, каждый дѣлаетъ съ ней одинъ кругъ.

Послѣднимъ подходитъ женихъ и по окончаніи своего тура уводитъ невѣсту въ опочивальню.

Въ домѣ царитъ безмолвіе. Саша не знаетъ, гдѣ ея гувернантки, и что дѣлаетъ ея отецъ. Она одна въ библиотекѣ. Массивные дубовые шкапы, наполненные книгами, сурово глядятъ на нее. Въ углу виднѣется бюстъ Вольтера. Какъ попалъ онъ сюда? Его худое выбритое лицо съ острымъ носомъ и язвительной усмѣшкой глядитъ на нее. Ей становится жутко, но ей не хочется уйти отсюда. Здѣсь такъ тихо и спокойно. И вотъ она вновь принимается мечтать.

— Но если они не любятъ другъ друга, вѣдь они могутъ развестись,—думаетъ она и воспоминаетъ слова Зельды о томъ, что у нихъ разводъ совершается очень легко. Стоитъ только хорошо заплатить раввину и старшинамъ. Ей приходитъ на умъ шутка Зельды о томъ, что у нихъ въ день можно жениться и развестись двѣнадцать разъ.

Теперь Саша вновь размышляетъ о своей вышедшей замужъ ученицѣ, которая хочетъ освободиться отъ мужа. Онъ согласенъ дать ей разводъ. Всѣмъ залочено, сколько кому слѣдуетъ. Въ назначенный часъ Зельда съ своимъ мужемъ идетъ къ дому раввина. Въ приѣмной комнатѣ много народу. Это все почтенныя лица въ общинѣ, знатоки въ талмудѣ, строгіе охранители законовъ и обычаевъ. Они сидятъ на деревянныхъ скамьяхъ, разставленныхъ вдоль стѣнъ.

Противъ входа на противоположномъ концѣ комнаты стоитъ столъ, за нимъ сидитъ въ креслѣ старый раввинъ въ бѣломъ атласномъ балахонѣ и такой же ермолкѣ. Надѣвъ круглые серебряные очки, онъ медленно перелистываетъ большой фоліантъ, лежащій передъ нимъ на столѣ. Около него находится помощникъ, синагогальный староста и соферъ.

Супруги становятся передъ ними.

— Согласенъ ли ты, сынъ мой, дать ей разводъ? — говоритъ раввинъ.

— Согласенъ, — слышится отвѣтъ.

— Согласна ли ты, дочь моя, дать ему разводъ? — повторяетъ раввинъ.

— Согласна.

Не дожидаясь ихъ отвѣта, соферь, выводя каждую букву, пишетъ бракоразводный актъ. Это — трудное дѣло. Надо, чтобы онъ весь уписался въ четырнадцать строкахъ, а если выйдетъ тринадцать или двѣнадцать, то все дѣло испорчено. Онъ тщательно вымѣриваетъ строчки. Работа подходит къ концу. Но вдругъ на лицѣ его выражается разочарованіе. Онъ молча подаетъ актъ раввину, который качаетъ головой и вручаетъ его экспертамъ. Тѣ тоже глубокомысленно покачиваютъ головами.

Нѣтъ, актъ не годится, приходится писать новый. Общее напряженное вниманіе и тишина возбуждаютъ Зельду. Съ ней готовъ сдѣлаться нервный припадокъ, какъ она слышитъ слова раввина:

— Теперь вы свободны и именовъ Всевышняго имѣете право вступить въ новый законный бракъ. Да благословитъ васъ всѣхъ Господь...

— Александра Матвѣевна, — раздается громкій голосъ генерала: — гдѣ вы? Гдѣ вы?

Саша торопливо выбѣгаетъ въ залу. Генераль продолжаетъ кричать:

— Куда вы спрятались, сударыня? Васъ ищутъ по всему дому!

Но его вспышка тотчасъ проходитъ.

Поданъ чай. Ровно льется свѣтъ лампы. Саша принимаетъ изъ рукъ гувернантки свою тоненькую китайскую чашку. Но мечты ея далеко и витаютъ около ея ученицы, продолжающей совершать воображаемый жизненный путь.

Знакомство съ Зельдой часто заставляло Сашу задумываться о странной судьбѣ евреевъ. Она не понимала, почему не любятъ ихъ и стараются оградиться отъ нихъ. Только потомъ, много лѣтъ спустя, когда у нея установились взгляды на жизнь и расширился кругозоръ, ей стало ясно, почему это необходимо, и она съ глубокимъ вниманіемъ прочла тѣ слова, съ которыми одинъ изъ выдающихся еврейскихъ проповѣдниковъ обратился къ своимъ соплеменникамъ:

«Народъ, не имѣющій отечества, прилаживающійся и приманивающійся ко всѣмъ, кто даетъ ему жалкій пріютъ, никогда не будетъ ни хозяиномъ, ни гостемъ въ домѣ, гдѣ онъ принятъ изъ состраданія, какъ попрошайка, вымаливающій себѣ право на существованіе. Онъ навсегда останется въ немъ чужимъ и долженъ будетъ довольствоваться тѣмъ положеніемъ, какое пожелаютъ его хозяева дать ему».

X.

Дождь пересталъ. Небо позади расчистилось, и тяжелыя сѣрыя облака быстро уносились впередъ. Селецкій и Султановъ сложили коверъ. Оба они избѣгли ливня, но гороховая ливрея была насквозь промочена имъ. Еще болѣе жалкій видъ представляла панская коляска. Кузовъ и колеса ея были густо залѣплены грязью. Испачканныя мокрыя лошади, опустивъ головы, медленно тащились по размытой дорогѣ. Впереди показалась сторожка. Кучеръ остановилъ лошадей, слѣзъ съ козелъ и сталъ поправлять постромки. Затѣмъ онъ взглянулъ на своего господина, какъ бы желая что-то спросить, и, не сказавъ ни слова, скрылся за сторожкой. Тамъ онъ снялъ ливрею и, крѣпко отжавъ ее, надѣлъ опять. Но это было напрасный трудъ, потому что вскорѣ снова закапалъ дождь, и опять набѣжали тучи.

— Чертовская погода, — сказалъ Султановъ: — придется подождать здѣсь, пока дождь перестанетъ.

Селецкій приказалъ кучеру свернуть съ дороги и отправился за Султановымъ въ сторожку.

Это была большая, срубленная изъ свѣжаго тесу изба. Вокругъ нея не было ни изгороди, ни забора. Внутри она была совершенно пуста. Вдоль стѣнъ стояли лавки, покрытыя не убранными стружками. Въ углу виднѣлся бѣлый, свѣже-вытесанный столъ. Выбѣленная печь казалась только что сложенной.

— Ничего, жить можно будетъ, — говорилъ Селецкій, оглядывая сторожку: — должно быть, недавно срубили. Мѣсяца два назадъ я проѣзжалъ тутъ, ничего еще не было.

Дождь застучалъ въ окна. Въ сѣняхъ слышались шаги. Туда вошелъ кучеръ, отыскавшій себѣ убѣжище въ чуланѣ. Султановъ смахнулъ съ лавки стружки, разостлалъ коверъ и улегся на немъ. Селецкій примостился тоже на лавкѣ. Вѣтеръ гудѣлъ въ лѣсу. Темнѣло все болѣе и болѣе. Такъ прошло нѣсколько времени. Султановъ услышалъ скрипъ колесъ. Онъ приподнялъ голову и прислушался. Гдѣ-то далеко въ лѣсу ѣхала телѣга.

Стукъ колесъ становился явственнѣе. Султановъ вышелъ поглядѣть на застигнутыхъ непогодой путниковъ. Дождь пересталъ. Въ разорванныхъ облакахъ, плывшихъ надъ лѣсомъ, мелькали звѣзды. Онъ увидалъ около сторожки бричку, въ которой находились двѣ женщины. Усталая лошадь, тащившая ее, почувявъ чужихъ лошадей, привѣтственно фыркнула, въ отвѣтъ на что слышалось звонкое ржаніе. Женщины съ испугомъ посмотрѣли на Султанова, не осмѣливаясь остановиться у сторожки. Но ихъ лошадь круто свернула съ дороги, и бричка покачнулася. Одна изъ путницъ выскочила изъ нея.

— Мы ѣдемъ въ Свиныяры и вотъ запоздали,—проговорила она, приблизившись къ Султанову:— позвольте намъ подождать тутъ, пока отдохнетъ наша лошадь.

Это она сказала попольски, принимая Султанова за управляющаго или лѣснаго надсмотрщика.

У него сильно забилося сердце. Передъ нимъ стояла Зельда.

— Насъ самихъ застигла непогода,—отвѣтилъ онъ, мѣшая рускія слова съ польскими:— мы тоже ѣдемъ въ Свиныяры. Войдите, пожалуйста.

Зельда колебалась.

— А тамъ много пановъ?—спросила она, не рѣшаясь войти.

— Нѣтъ, только еще одинъ помѣщикъ.

Зельда обернулась и тихо произнесла:

— Маріамъ.

Ея спутница подошла къ ней, и онѣ пошептались. Затѣмъ Зельда послѣдовала за Султановымъ. Тотъ бросилъ поспѣшный взглядъ на крѣпко заснуващаго Селецкаго. Зельда скромно сѣла поодаль на лавку. Маріамъ возилась на дворѣ около своей лошади.

— А вѣдь я васъ знаю,—проговорилъ офицеръ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:— это вы пріѣзжали къ намъ въ крѣпость и гостили у Хаимъ-Арона. Васъ зовутъ Зельдой.

Услыхавъ свое имя, она повернула голову.

— Откуда вы это знаете?

— Я еще могу прибавить,—продолжалъ онъ:— вы живете въ Свиныярахъ, а вашъ отецъ, Берахія Генделе, поставляетъ шпалы на желѣзную дорогу.

Зельда улыбулась. Ея улыбка ободрила Султанова.

— Но такъ какъ вы меня не знаете, то позвольте представиться.

Онъ назвалъ себя и подалъ ей руку. Она протянула свою и, прикусивъ губу, отвернулась.

— «Какъ все это странно»,—думалъ онъ, не выпуская руки Зельды и стоя передъ ней. Рука у нея была узкая, нѣжная и теплая.

— Я васъ тоже видала,—вдругъ произнесла она.

— Гдѣ?—совсѣмъ обрадовавшись, спросилъ онъ.

— Прежде всего въ домѣ генерала Гаупта, потомъ въ крѣпости, тамъ на берегу, въ челнокѣ. Вы еще сидѣли и курили.

Она не могла сдержатъ смѣха и тихо разсмѣялась. Султановъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ отъ блаженства. Онъ стоялъ передъ той, о которой столько мечталъ. Она уже знала его, интересовалась имъ. Какое счастье!

Селецкій, глубоко вздохнувъ, повернулся на другой бокъ. Султановъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на него, опасаясь, какъ бы онъ не проснулся и не нарушилъ бы его бесѣды съ Зельдой. Но

Селецкій и не думалъ просыпаться и уже храпѣлъ еще пуще прежняго.

Султановъ сѣлъ около Зельды, не находя словъ для продолженія разговора. Онъ безмолвно глядѣлъ на нее горящими глазами. Она не отводила глазъ отъ его лица.

Царившую кругомъ тишину нарушали только налетавшіе порывы вѣтра.

Дверь заскрипѣла, и на порогѣ показалась Маріамъ. Султановъ сразу узналъ ее. Это была та жилистая старуха, которая ходила съ Зельдой за водой. Нѣсколько удивленная темнотой въ комнатѣ и безмолвіемъ, она озабоченно осматривалась кругомъ. Зельда заговорила съ ней поеврейски. Старуха, кряхтя, забралась на печь и улеглась тамъ.

Опять Султановъ почувствовалъ себя счастливымъ.

— Вамъ не холодно?—заботливо спросилъ онъ, наклоняясь къ Зельдѣ:—хотите, я разведу огонь? Тутъ много стружекъ. Онѣ хорошо разгорятся. Право, я сейчасъ сдѣлаю это. Я люблю, когда горитъ каминъ. У насъ будетъ нѣчто въ родѣ камина.

Онъ наклонился и тихо прибавилъ:

— Я хочу видѣть ваше лицо.

Онъ сказалъ это настойчивымъ, страстнымъ голосомъ и, быстро поднявшись, положилъ въ устье печки стружекъ. Пламя вспыхнуло и озарило красноватымъ нервнымъ свѣтомъ бревенчатыя стѣны. Старуха на печи завозилась, но Зельда опять сказала ей нѣсколько словъ, и она успокоилась. Султановъ сѣлъ на лавку и любовался тонкими изящными чертами прекраснаго лица молодой еврейки. Онъ чувствовалъ, что нравится ей, и это придавало ему смѣлости и раздувало страсть къ ней.

Мелкія стружки скоро сгорѣли, и пламя опало. Но теперь Султановъ не заботился о немъ. Онъ придвинулся къ Зельдѣ и осторожно обвилъ рукой ея талію. Она тихонько отстранилась, но онъ удержалъ ее, и она уступила.

— Вы ѣдете домой,—шепталъ онъ прерывающимся голосомъ:— я довезу васъ. Вы сядете въ нашу коляску. Вамъ будетъ тамъ покойнѣе. Я хочу быть около васъ. Какая вы удивительная красавица! Я никогда не встрѣчалъ такой, какъ вы. Я только разъ встрѣтился съ вами и уже никогда не забуду васъ. Я живу всегда въ крѣпости. Я поѣхалъ сюда, чтобы только встрѣтиться съ вами, хоть мелькомъ, издали взглянуть на васъ.

Она, какъ очарованная, внимала каждому его слову. Точно забытые находило на нее.

Ей было такъ хорошо, и она хотѣла, чтобы такое состояніе длилось вѣчно.

— Но вы бы могли не найти меня;—произнесла она, удивляясь сама своему трепещущему голосу:—я такъ рѣдко выхожу изъ дому

Онъ говорилъ ей, что не отступилъ бы ни передъ чѣмъ, чтобы увидѣть ее.

Тишина, стоявшая въ комнатѣ, сумракъ, струйки огня, перебѣгавшія по угольямъ и отражавшіяся на стеклахъ, придавали этому мимолетному свиданію какой-то волшебный характеръ. И Султанову, и Зельдѣ казалось, что они находятся точно во снѣ.

Селецкій внезапно проснулся и, сѣвъ на лавку, глядѣлъ вокругъ широко раскрытыми глазами, не понимая, гдѣ находится, и что съ нимъ. Затѣмъ онъ шумно вздохнулъ и проговорилъ:

— Кажется, я заснулъ. Султановъ, вы здѣсь? Намъ пора ѣхать. Дождь прошелъ? Гдѣ Стась?

— Онъ, кажется, спитъ въ чуланѣ, — отвѣтилъ Султановъ и, подойдя къ Селецкому, прошепталъ: — здѣсь Зельда. Пожалуйста, будьте съ ней вѣжливы и не позволяйте себѣ вашихъ шутокъ. Она тоже ѣдетъ въ Свиныры.

Селецкій увидалъ Зельду и тихо проговорилъ:

— Надѣйтесь на меня. Однако вамъ, кажется, везетъ. Давно она приѣхала? Какъ же я не слыхалъ ничего?

— Вы спали. Можно посадить ее въ вашу коляску?

— О, разумѣется. Но согласится ли она?

— Согласится. Не ѣхать же ей въ бричкѣ. Тамъ она себѣ въ эту проклятую темень всѣ кости переломаетъ.

Селецкій вышелъ въ сѣни, поглядѣлъ на небо и ударомъ ноги отворилъ дверь въ чуланъ, гдѣ на охапкѣ сѣна лежалъ его кучеръ...

— Стась, мы сейчасъ ѣдемъ. Подавай лошадей.

Разбуженный кучеръ торопливо вскочилъ на ноги. Селецкій вернулся въ комнату.

Услышавъ стукъ колесъ, Маріамъ слѣзла съ печи и вышла на дворъ. Зельда сѣла въ коляску рядомъ съ Султановымъ, а Селецкій помѣстился на скамеечкѣ напротивъ, и коляска тронулась. Лошади тяжело ступали по вязкой дорогѣ. Лѣсъ порѣдѣлъ. Впереди показались огни.

— Вотъ Дубовицы, — говорилъ Селецкій: — можетъ быть, хотите заѣхать къ генералу?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ Султановъ: — поѣдемте прямо въ Свиныры.

— Я и самъ такъ думаю. Намъ будетъ гораздо удобнѣе остановиться въ корчмѣ. Тамъ у Аврумки отличное помѣщеніе.

Скоро Дубовицы остались позади. Проѣхали мимо кладбища съ одиноко стоявшей на немъ синагогой. Зельда попросила остановить лошадей.

— Я должна пересѣсть теперь въ бричку, — сказала она.

Султановъ вышелъ и помогъ ей выйти изъ коляски.

— Я хочу васъ завтра видѣть, — проговорилъ онъ, провожая ее къ бричкѣ.

— Мнѣ нельзя,—потупясь отвѣтила она.

— Я прошу васъ. Устройте это какъ нибудь. Можетъ быть, вамъ можно будетъ придти въ корчму?

Она покачала головой.

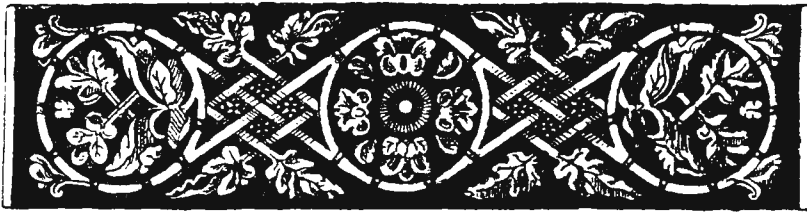
— Въ корчму? Нѣтъ, это невозможно. Вотъ видите этотъ садъ. Тутъ въ каменной оградѣ есть калитка. Войдите туда и увидите бесѣдку. Утромъ въ десять часовъ я буду тамъ.

Въ порывѣ признательности Султановъ сжалъ ея руки и вернулся къ коляскѣ. Стасъ погналъ лошадей, и бричка осталась далеко позади.

Анатолій Леманъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НА НОВЫХЪ МѢСТАХЪ ¹⁾.

(Изъ записной книжки).

VI.

КЪ ОБЪДУ слѣдующаго дня, рядомъ съ двумя могилами, явился холмикъ свѣжей земли. Подъ нимъ успокоился Омушка. Его похороны были совершены на скорую руку, по немъ некому было даже читать молитвъ. Я и Алексѣй спѣшили вырыть могилу и предать землѣ тѣло, рассчитывая немного отдохнуть передъ наступленіемъ ночи; мы были увѣрены, что турки нападутъ на насъ сегодня. Днемъ это сдѣлать было не такъ удобно, потому что по дорогѣ то и дѣло проѣзжалъ или проходилъ кто нибудь; съ наступленіемъ же вечера не многіе отваживались пускаться въ путь по лѣсной дорогѣ этой пустынной мѣстности.

Солнце начинало прятаться за горы, когда я вышелъ изъ своего дворика и остановился около тропинки, ведущей въ Батумъ.

Вдали показались два всадника; они неспѣша трусили на маленькихъ лошадкахъ и должны были проѣхать мимо меня. Скоро я замѣтилъ, что всадники—наши солдаты, возвращающіеся, вѣроятно, изъ какихъ нибудь разъѣздовъ. Счастливая мысль мелькнула у меня въ головѣ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIV, стр. 96.

Когда верховые поровнялись со мною, я подошелъ къ старшему и спросилъ, не знаетъ ли онъ офицера Ираклія Ивановича Пещурова.

— Какъ не знать, ваше выс-коб-родіе! — отвѣчалъ онъ улыбаясь. — Въ одномъ батальонѣ служимъ.

— Такъ вотъ, братцы, чго. Заѣзжайте ко мнѣ на дворъ, отдохните, выпейте водочки. А я, тѣмъ временемъ, напишу записку, которую вы, пожалуйста, передайте ему сейчасъ же, какъ только пріѣдете въ Батумъ.

— Слушаемъ, ваше выс-коб-родіе!

Солдатики напились чаю, пропустили по стаканчику спирта и, кромѣ того, получили по рублю за предстоящіе труды. Конечно, письмо мое было бережно уложено въ фуражку, а посланные, веселые и довольные, вскочили на своихъ коней.

— Счастливо оставаться, ваше выс-коб-родіе! — гаркнули они въ одинъ голосъ и въ карьеръ вынеслись на дорогу.

Въ письмѣ своемъ я упрекалъ Ираклія Ивановича за то, что онъ не сдержалъ своего слова, до сихъ поръ не пріѣзжалъ навѣстить меня, и подробно описалъ ему наше положеніе, которое въ буквальный смыслъ могло быть названо опаснымъ. Въ заключеніе я умолялъ его немедленно пріѣхать.

Алексѣй, узнавъ о моемъ планѣ, немного пріободрился и даже похвалилъ мою затѣю, а этого еще ни разу не случалось.

Тѣмъ временемъ стало темнѣть. Туманъ закрылъ даль. Потянуло сырымъ холодомъ.

Мы вооружились, надѣли патронныя сумки и сѣли у окна, выходящаго на дворикъ. Отсюда можно было видѣть всякаго, кто подойдетъ къ конюшнѣ или кладовой. Само собой разумѣется, что эти постройки мы тщательно заперли большими англійскими замками.

Въ комнатѣ мы не зажигали огня и тихо разговаривали о несчастьяхъ, которыя такъ быстро, одно за другимъ, посыпались на насъ.

Я боялся, что Алексѣй выразитъ сожалѣніе о томъ, что пріѣхалъ сюда и обязанъ поневолѣ испытывать такіа нравственныя потрясенія; мнѣ думалось, что онъ начнетъ упрекать меня за то, что я подбилъ ихъ бросить свои семьи и превратиться въ какихъ-то искателей приключеній. Вѣдь не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, Алексѣй понять моихъ плановъ, моихъ стремленій? Развѣ не было возможно, что онъ на мою затѣю взглянетъ, какъ на пустое препровожденіе времени? И вотъ изъ-за непонятной цѣли богатаго барченка погибло уже три человѣка, загублено три души!

Но вѣрный слуга ни однимъ словомъ, ни единымъ намекомъ не позволилъ себѣ кольнуть меня. И я былъ этимъ хоть немного успокоенъ.

— А вотъ, баринъ, — заговорилъ онъ, — какъ тутъ ни разсуждай, а Омушка точно угадалъ, что мѣсто здѣсь несчастливое! Кто знаетъ, отчего это такъ случилось, а мы все только съ покойниками имѣли дѣло.

— Мѣсто тутъ не при чемъ. Просто случайность. Если бы домъ выстроили на сто сажень въ ту или другую сторону, развѣ, ты думаешь, не случилось бы того, что было? Неужели во всемъ виновать скелетъ?

— А кто знаетъ?! Можетъ быть, душа этого убитаго не хочетъ видѣть здѣсь насъ, русскихъ? можетъ быть, она мститъ за свою смерть?

— За что же ей мстить намъ, ни въ чемъ неповиннымъ людямъ?

— Это, положимъ, такъ... Только, всетаки, мы съ вами ничего насчетъ этого не знаемъ. Скрыто это все отъ насъ. Какъ померемъ— все узнаемъ.

— Вѣроятно.

— А вѣдь помереть мы и сегодня можемъ?

— Можемъ.

— Придутъ турки, такъ они съ нами церемониться не станутъ!

— Конечно.

— Вотъ то-то и есть.

Мы замолчали. Въ углу затрепалъ сверчокъ.

Прошло около часа. Темнота сгустилась такъ, что съ трудомъ можно было видѣть надворныя постройки. Луна еще не показывалась.

— Выйдемъ на крыльцо, — предложилъ я. — Сядемъ на ступеньки съ ружьями и будемъ ждать.

— Пойдемте.

Вышли. Я сѣлъ около одной колонки, Алексѣй — около другой. Тишина была кругомъ мертвая, только повремениамъ издали доносился шумъ моря.

Бисмаркъ очень обрадовался намъ и сѣлъ тутъ же, настороживъ уши и пристально вглядываясь въ темноту.

Вдругъ гдѣ-то далеко, за ручьемъ, въ лѣсу, завылъ шакалъ; ему отвѣчалъ другой голосъ, нѣсколько ближе. Бисмаркъ зарычалъ.

— Экіе проклятые эти шакалы, — сказалъ Алексѣй. — Вѣдь точно больное дитя кричитъ; таково жалобно, что просто за сердце хватаетъ.

Собака тихо сошла съ крыльца и, крадучись, направилась къ сарайчику; она точно замѣтила кого-то.

И дѣйствительно, не прошло и пяти секундъ, какъ мы услышали озлобленный лай; Бисмаркъ кидался на кого-то.

— Должно быть, на звѣря! — объяснилъ Алексѣй. — Такъ и есть! слышите, какъ погналъ? Скоро же пустился наутѣкъ, видно, съ нашимъ Бисмаркомъ шутки плохія, право такъ!

Лай удалялся, а затѣмъ и совсѣмъ прекратился. Черезъ нѣсколько времени собака вернулась, легла около насъ, но никакъ не могла успокоиться—рычала, вскакивала съ мѣста и снова ложилась.

— Что, Бисмаркъ?—ласкалъ я нашего вѣрнаго сторожа.— На кого это ты такъ разсердился? Ну, перестань! ты вѣдь умная собака!

Песъ взглядывалъ на меня, лизалъ руки, но оставался возбужденнымъ.

Тѣмъ временемъ я сталъ замѣчать, что со мною творится что-то неладное: голова болѣла, руки и ноги точно были налиты свинцомъ, во рту пересыхало. Съ утра еще чувствовалось недомоганіе, но за хлопотами я не обращалъ на это никакого вниманія. Страшная картина изуродованнаго Өомушки, его печальныя похороны и ожиданіе турокъ—до такой степени взвинтили мои нервы, что некогда было подумать о себѣ. Теперь же головная боль усиливалась, а, благодаря внутреннему жару, въ глазахъ стояли какія-то красныя пятна; эти пятна то удлинялись, то превращались въ кольца, то какъ змѣи извивались и уплывали медленно куда-то...

— А знаешь что?—сообщилъ я Алексѣю.— Мнѣ что-то очень не можется. Какъ бы лихорадки проклятой не было! Вотъ будетъ исторія, если я помру, а ты останешься одинъ.

— Господь съ вами, баринъ!—испуганно отвѣчалъ старикъ.— Это вы вчера немного простудились, какъ Өомушку несли. Примите-ка чтонибудь!

— А вотъ какъ станетъ свѣтать, проглочу гранъ 60 хинина.

Вдругъ Бисмаркъ кинулся съ лаемъ, и въ ту же минуту мы замѣтили всадника, осторожно вѣхавшаго на дворъ. Шаги лошади были совершенно не слышны, такъ какъ, по всей вѣроятности, копыта ей обвернули тряпками. Можно было замѣтить, что всадникъ повернулъ лице къ намъ и держалъ ружье наготовѣ. Съ нимъ вмѣстѣ показались двѣ пѣшія фигуры, которыя, крадучись, направились прямо къ конюшнѣ. Наконецъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ строенія виднѣлся еще человекъ и тоже съ ружьемъ.

Я придвинулся къ Алексѣю и шепнулъ ему, чтобы онъ не спѣшилъ стрѣлять, что надо подождать, когда турки начнутъ ломать замки.

На Бисмарка никто изъ разбойниковъ не обращалъ никакого вниманія.

У меня тряслись руки отъ волненія, а красныя пятна такъ и прыгали въ глазахъ. Я приподнялся съ своего мѣста, сталъ за коллону и навелъ ружье въ одного изъ двухъ турокъ, которые суетились около двери конюшни. Грянулъ выстрѣлъ, раздался стонъ.

Въ эту минуту всадникъ подскочилъ къ нашему крыльцу и тоже выстрѣлилъ. Но разбойникъ, стоявшій вдали, что-то крикнулъ и нырнулъ въ кусты; верховой на секунду остановился, а затѣмъ повернулъ лошадь... Этимъ моментомъ воспользовался я, чтобы выстрѣлить въ него изъ другого ствола. Видно было, какъ онъ покачнулся въ сѣдлѣ и припалъ на шею лошади.

— Алексѣй, стрѣляй! — крикнулъ я и, схвативъ револьверъ, бросился къ конюшнѣ. Но не успѣлъ я сбѣжать съ крыльца, какъ одинъ изъ разбойниковъ, здоровенный парень, схватилъ уже своего раненаго товарища на плечи, кинулся за сарайчикъ и скрылся въ темнотѣ. Бисмаркъ бросился за нимъ. На дворѣ не осталось никого.

— Что же ты не стрѣлялъ, Алексѣй? Вѣдь мы бы еще когонибудь зацѣпили. А то вотъ, видишь, всѣ ушли. Ну, двое-то будутъ насъ помнить! Верховому я, кажется, въ спину угодилъ, а другому не знаю куда... Ты что же молчишь?

Я подошелъ къ сидящему старику, который держалъ ружье въ рукахъ.

Онъ не отвѣчалъ, но хрипѣлъ.

У меня волосы встали дыбомъ. При слабомъ свѣтѣ восходящей луны можно было замѣтить только, что одна рука его судорожно прижималась къ сердцу.

— Алексѣй!.. дорогой мой! что съ тобою?

— Не слуга я вамъ... баринъ... Прямо въ грудь стрѣльнулъ... Прощайте... помираю... вотъ...

И Алексѣй упалъ на ступеньку.

Я совсѣмъ растерялся. Собравъ всѣ свои силы, я подхватилъ раненаго, поставилъ на ноги и, поддерживая, ввелъ въ свой кабинетъ; здѣсь зажегъ свѣчу и принялся осматривать рану. Какъ разъ посреди груди виднѣлось маленькое отверстіе, изъ котораго медленно сочилась кровавая струйка.

Алексѣй легъ на кушетку и съ испугомъ глядѣлъ куда-то въ пространство передъ собою. Дышалъ онъ хрипло, тяжело...

— Вотъ... — шептала онъ. — Предчувствовалъ я... что сегодня смерть придетъ... такъ и случилось... Испить бы...

Я подалъ стаканъ воды. Больной съ жадностью осушилъ его весь.

Не могу я рассказать вамъ, какія чувства охватили меня, — такъ жаль было Алексѣя, точно родной умиралъ теперь на моихъ рукахъ, а я не въ силахъ былъ спасти его. Я заплакалъ, какъ нервная женщина, и не стыдился своихъ слезъ.

— Теперь... баринъ... прощайте! — хрипло проговорилъ умирающій и умолкъ.

Кругомъ наступила тишина. Комната, освѣщаемая огаркомъ, показалась мнѣ неудобной, холодной. Изъ темныхъ угловъ выглядывали какія-то фигуры.

Съ тупымъ отчаяніемъ сѣлъ я за свой письменный столъ.

— Что теперь дѣлать? послѣдній человѣкъ убить. Я одинъ... беспомощный, больной... Вѣдь если турки вернутся теперь, то, конечно, долго мнѣ не придется защищаться... Скрутятъ, свяжутъ... разграбятъ домъ, а потомъ сожгутъ вмѣстѣ со мною... Но, положимъ, они не придутъ. Чтò я буду дѣлать съ бѣднымъ Алексѣемъ? Вырыть яму и похоронить—одному невозможно! Чувствую, что лихорадка начинаетъ одолевать меня... руки дрожать, силы быстро слабѣютъ. Голова готова развалиться, въ вискахъ стучить. И вдругъ начнется безсознательное состояніе, и буду лежать полумертвый съ мертвецомъ, пока и самъ не стану трупомъ!

Я всталъ и прошелся по комнатѣ. Кругомъ—мертвая (въ буквальномъ смыслѣ слова) тишина. По спинѣ у меня пробѣжалъ холодокъ, мнѣ стало жутко.

Позвать Бисмарка въ комнату также не рѣшился,—онъ былъ теперь единственнымъ моимъ сторожемъ.

Я зажегъ лампу и сѣлъ у себя на кровати. Лихорадка развивалась все больше, жаръ усиливался. Пришлось запереть изнутри входную дверь крѣпкимъ желѣзнымъ засовомъ, осмотрѣть тщательно задвижки на окнахъ и лечь. Я чувствовала, что если этого не сдѣлаю сію минуту, то черезъ четверть часа буду уже не въ состояніи встать на ноги.

Не помню, долго ли я пролежалъ въ какомъ-то забытѣ. Мнѣ чудились какіе-то звуки, звонъ колоколовъ, мнѣ слышались голоса, какъ будто даже кто-то сердито стучалъ въ дверь, и Бисмаркъ отчаянно лаялъ. Но, всего этого, быть можетъ, и не было.

И вдругъ вижу—подымается половица, и изъ-подъ нея валитъ бѣлый густой паръ. Паръ принимаетъ форму человѣка, а человѣкъ оказывается Омушкой. Я знаю, что все это галлюцинація, тѣмъ не менѣе наблюдаю очень внимательно, какъ Ома улыбається и садится ко мнѣ на кровать, въ ногахъ... Опять изъ-подъ пола подымается бѣлая фигура и превращается въ Мирона; онъ смѣется, оправляетъ свою новую розовую рубаху и тоже садится около Омушки... Наконецъ, такимъ же способомъ въ комнатѣ очутился Николай. Всѣ трое сидятъ у меня на кровати и молча смотрятъ въ лице. И я чувствую, что въ ихъ глазахъ стоитъ упрекъ: зачѣмъ я привезъ ихъ сюда? зачѣмъ загубилъ ихъ жизнь? Мнѣ становится невыносимо подъ этими пристальными, холодными взглядами... Вдругъ всѣ трое поворачиваютъ голову и протягиваютъ руки куда-то въ сторону. Къ нимъ подходит Алексѣй съ окровавленной грудью. Онъ тоже хочетъ сѣсть ко мнѣ на кровать, но мѣста нѣтъ; онъ толкаетъ своихъ товарищей, и тѣ валятся на меня съ хохотомъ, крикомъ, воемъ... Все завертѣлось кругомъ, и я почувствовалъ, что меня заперли въ какой-то темный узкій сундукъ и захлопнули крышку...

Сознаніе покинуло меня окончательно...

Пришелъ въ себя я отъ страшнаго холода. Не открывая еще глазъ, я уже слышалъ надъ собой голоса... Кто-то теръ мнѣ виски, вливалъ что-то горькое въ ротъ, давалъ нюхать...

— Ну, наконецъ-то, пришли въ себя, ангель мой, а я думалъ, что вамъ—капуть! Сколько времени бьюсь!

Это говорилъ Ираклій Ивановичъ Пещуровъ. Онъ уже съ часъ какъ прискакалъ съ солдатами, но никакъ не могъ войти въ домъ. Пришлось выбить раму и забраться черезъ окно.

Цѣлыхъ двое сутокъ хлопоталъ Пещуровъ, подкрѣпляя упавшія мои силы какими-то настойками.

Алексѣя закопали, а меня Ираклій Ивановичъ рѣшилъ взять съ собой въ Батумъ, чтобы тамъ я могъ вылечиться окончательно.

Смутно помню, какъ мое полумертвое тѣло положили въ арбу, какъ везли по лѣсу, какъ внесли въ незнакомую комнату...

VI.

Двѣ недѣли пролежалъ я между жизнью и смертью на квартирѣ Ираклія Ивановича. Какъ во снѣ, видѣлъ я, что кругомъ меня двигались какіе-то люди, что надо мной о чемъ-то говорили, спорили. Иногда мнѣ представлялось, что Ираклій Ивановичъ сидитъ одинъ около моей кровати и смотритъ на меня грустными, добрыми глазами. Потомъ опять все путалось въ головѣ, соображеніе притуплялось. Точно густой удушливый туманъ охватывалъ все мое существо, налегалъ ужасной тяжестью на грудь, проникалъ до самаго сердца. За такимъ состояніемъ слѣдовали минуты просвѣтлѣнія, а потомъ—опять туманъ...

Наконецъ, какъ-то я проснулся въ свѣтлый, ясный день. Ираклій Ивановичъ сидѣлъ недалеко за маленькимъ столикомъ и пилъ чай. Замѣтивъ, что я открылъ глаза, онъ быстро подошелъ ко мнѣ съ озабоченнымъ видомъ и участливо спросилъ:

— Чтѣ вы, мой ангель?

— Ёсть хочу,—еле проговорилъ я.

— Клянусь честью, это хорошо, ангель мой! Чемодановъ! эй!

Вошелъ денщикъ.

— Сейчасъ, сію минуту сварить два яйца въ смятку! Слышишь? Въ одну минуту чтобы было готово, а то, клянусь честью русскаго офицера, запорю до полусмерти!

— Слушаюсь, ваше выс-коб-родіе!

— Ну, какъ же вы, ангель мой, себя чувствуете?

— Я совсѣмъ здоровъ. Только, кажется, встать не могу.

— Ха-ха-ха, ангель мой! клянусь честью, это смѣшно! Прележали двѣ недѣли не ѣвши, не пивши и говорите, что встать не можете!.. Хорошо сказано! Клянусь честью, ангель мой, это правда!

Ираклій Ивановичъ былъ очень веселъ. Его, видимо, обрадовало мое выздоровленіе, и онъ суетился, не зная, гдѣ сѣсть, что предпринять.

— Вотъ что, ангель мой!—сказалъ онъ, усаживаясь, наконецъ, на край моей кровати.—Теперь, если вы сѣдите немного и если отъ этого ничего дурнаго не воспослѣдуетъ (въ чемъ я убѣжденъ), то, клянусь честью, я заставлю васъ выпить рюмку водки. Не будь я Ираклій Пещуровъ, офицеръ русской службы, если я этого не сдѣлаю!

Онъ опять сорвался съ мѣста, и глаза его до такой степени вышли изъ своихъ орбитъ и лице до такой степени посинѣло, что я думалъ—съ нимъ сейчасъ сдѣлается ударъ. Однако, ничего подобнаго не случилось. Ираклій Ивановичъ только захохоталъ и началъ дрожащими руками вертѣть папироску.

— Вотъ, ангель мой, даже курить бросилъ за вашу болѣзнь, первую папироску на радостяхъ выкурю... Ужъ какъ я радъ, клянусь честью!

Дверь открылась, и Чемодановъ внесъ на блюдечкѣ два яйца, ложечку, солонку и ломоть бѣлаго хлѣба.

— Молодецъ, Чемодановъ, клянусь честью! Рубль тебѣ на водку!

— Радъ стараться, ваше выс-коб-родіе!

— Хвалю!.. водки подай.

— Сію минуту—съ, ваше выс-коб-родіе!

— Теперь кушайте, ангель мой, вотъ вамъ все необходимое, чтобы подкрѣпить силы.

Ираклій Ивановичъ приподнял мою голову, подложилъ что-то подъ подушку, и я могъ удобно приступить къ завтраку.

Чемодановъ принесъ водку и двѣ огромныхъ рюмки.

— Ставь на столъ... Теперь, мой ангель, тарелку я отъ васъ приму, а рюмку водки подамъ, и вы должны непременно выпить.

— Но, Ираклій Ивановичъ, я не могу одолѣть такую лохань! Вѣдь я слабъ еще, и мнѣ, пожалуй, приключится чтонибудь очень нехорошее.

— Нехорошее приключится отъ водки? Ха-ха-ха! Ахъ, ангель мой, какіе пустяки вы городите! Пейте сейчасъ, а не то, не будь я Ираклій Пещуровъ, офицеръ русской службы, если я на васъ не разсержусь! Клянусь честью!

— Но, послушайте...

— Да что вы все затвердили «но»... Говорю вамъ, ангель мой, выпейте и завтра будете плясать камаринскую. Вѣрьте мнѣ! Не одного васъ я такимъ образомъ отъ смерти спасъ.

Я выпилъ и чуть не задохнулся.

— Прекрасно, ангель мой! Ничего, ничего, сейчасъ все пройдетъ! Отъ матушки водки ни одинъ батюшка еще не умиралъ, клянусь честью!

Ираклій Ивановичъ выпилъ самъ, закусилъ кусочкомъ хлѣба съ солью и принялся болтать безъ умолку. Разсказъ свой онъ прерывалъ хохотомъ и часто багровѣлъ и таращилъ глаза. Скоро, однако, звукъ голоса и хохоть стали какъ будто отъ меня удаляться, становилось все тише и тише, и я заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Очнулся я только на другой день и, конечно, первое что увидѣлъ — добрѣйшаго своего спасителя; онъ сидѣлъ опять со стаканомъ чая и былъ, повидимому, увѣренъ въ рациональности своего леченія.

— Bravo, ангель мой! — крикнулъ онъ. — Поздравляю! Теперь, клянусь честью русскаго офицера, вы спасены! Поздравляю отъ души!

И Ираклій Ивановичъ чуть не раздавилъ меня въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ. Дѣйствительно, мнѣ было такъ хорошо, что я самъ могъ приподняться и сѣсть на кровати. Подали завтракъ, напоили чаемъ, и чувствовалось, какъ въ мое исхудавшее, обезсиленное тѣло что-то врывается широкой струей; явилась какая-то безотчетная радость, слезы навертывались на глаза, жить захотѣлось...

— Добрѣйшій Ираклій Ивановичъ, — сказалъ я, — подойдите сюда.

— Извольте, мой ангель... что угодно?

Я обнялъ Пещурова и заплакалъ, какъ ребенокъ, припавъ къ его мощной груди.

— Охъ! ангель мой, что вы это? Перестаньте, клянусь честью!.. Съ чего это вы выдумали!.. Нервы, все нервы... еще слабы, клянусь честью!

Онъ уложилъ мою голову на подушку, а слезы такъ и текли, текли безъ конца, и остановить ихъ я не могъ... На душѣ было свѣтло и радостно.

Ираклій Ивановичъ какъ будто тоже разстроился и, желая скрыть это отъ меня, выскакивалъ поминутно въ другую комнату, возвращался, подходилъ къ окну, садился и не зналъ, куда себя дѣвать.

Съ этого дня здоровье мое быстро возстановлялось, и я подолгу бесѣдовалъ съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ. Оказалось, что когда онъ меня привезъ въ Батумъ, то призванный врачъ прямо заявилъ, что на мое выздоровленіе нѣтъ никакой надежды, такъ какъ, кромѣ злокачественной лихорадки, ко мнѣ еще привязалось нѣчто въ родѣ нервной горячки.

И вотъ тогда-то Ираклій Ивановичъ самъ принялся лечить меня способами, которые употребляются у горцевъ. Онъ обложилъ все мое тѣло горчичниками, насильно вливалъ въ ротъ какія-то настойки и вообще продѣлывалъ надо мною самыя энергичныя манипуляціи, въ результатѣ чего получилось полное выздоровленіе. Эскулапъ былъ сконфуженъ, а мой хозяинъ торжествовалъ и горячился такъ, что становился багровымъ.

Ираклій Ивановичъ распорядился также и моимъ хозяйствомъ. Изъ Батума было отправлены ко мнѣ на хуторъ четыре солдата, снабженные припасами и боевыми патронами. Кромѣ того, въ моемъ домѣ уже находились еще два воина, оставленные Иракліемъ Ивановичемъ въ тотъ день, какъ онъ увозилъ меня полумертваго въ городъ. Такимъ образомъ, мой дворъ превратился въ укрѣпленіе, и за имущество мнѣ нечего было опасаться; шесть храбрецовъ, вооруженныхъ, какъ въ военное время, конечно, смѣло могли выдержать нападеніе шайки разбойниковъ. Кромѣ того, солдатамъ было приказано, въ случаѣ появленія между ними случаевъ заболѣванія лихорадкой, тотчасъ же дать знать Ираклію Ивановичу, чтобы можно было или замѣнить заболѣвшаго, или же предпринять энергичное леченіе, въ родѣ того, на примѣръ, которое спасло меня самого.

Какъ бы то ни было, но мнѣ оставалось только благодарить «русскаго офицера» за его распорядительность и участіе; безъ него я несомнѣнно погибъ бы, а мое гнѣздо было бы разорено.

Прошла еще недѣля, и я сталъ поговаривать о томъ, что пора мнѣ и домой. Ираклій Ивановичъ не сразу согласился на это, и послѣ долгихъ шумныхъ разговоровъ и преній рѣшилъ такъ: онъ беретъ отпускъ и ѣдетъ со мною на хуторъ; тамъ устроить хозяйство мое окончательно, т. е. найметъ людей въ Батумѣ, способныхъ къ дѣлу, и перевезетъ на мѣсто, а если таковыхъ не окажется, то доставить нѣсколько отставныхъ солдатъ, которые живо поймутъ, какъ надо работать въ саду и виноградникѣ, и согласятся переселиться ко мнѣ; наконецъ, если это понадобится, онъ своей собственной персоной согласенъ прожить со мной сколько угодно времени.

Сборы были недолги. Я и Пещуровъ взобрались на арбу и подъ конвоемъ шести солдатъ, назначенныхъ замѣнить тѣхъ, которые жили на хуторѣ, двинулись изъ Батума.

Стояли послѣднія числа января, но уже чувствовалось приближеніе весны. Вѣтеръ не рѣзалъ такъ лицо, солнце свѣтило ярче. Быть можетъ, этого на самомъ дѣлѣ и не было, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ представлялось. Ужъ очень я радовался своему выздоровленію, молодость взяла свое!

Въ разговорахъ и не замѣтили, какъ добрались до дома.

Бисмаркъ чуть не сошелъ съ ума отъ радости: онъ визжалъ такимъ голосомъ, что можно бы было подумать, что его рѣжутъ, кидался на грудь, лизалъ лицо, потомъ бросался отъ меня, съ лаемъ летѣлъ въ сторону, точно преслѣдовалъ невидимаго звѣря, дѣлалъ большой кругъ и опять кидался на шею. Однимъ словомъ, бѣдный песъ не зналъ, какъ выразить свое удовольствіе. Всѣ шесть солдатъ, жившихъ у меня, выскочили на крыльцо, вытянулись въ струнку и приложили руки подъ козырекъ.

— Здравствуйте, ангелы мои, клянусь честью! — крикнулъ весело Ираклій Ивановичъ.

— Здравія желаемъ, ваше выс-коб-родіе! — гаркнули солдаты въ отвѣтъ.

— Ну, что, благополучно все было?

— Слава Богу, ваше выс-коб-родіе!

— Ну, молодцы, ангелы мои!

— Рады стараться, ваше выс-коб-родіе!

Въ одну минуту нашъ небольшой багажъ былъ внесенъ въ кабинетъ. И какъ радостно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ грустно было мнѣ входить въ этотъ домъ! Какъ живо представились покойники и всѣ подробности ихъ смерти! Я нѣсколько минутъ не могъ совладать съ собою и долженъ былъ сѣсть, чтобы немного собраться съ силами, слезы душили меня.

А между тѣмъ громкій голосъ Ираклія Ивановича слышался со двора; онъ отправлялъ въ городѣ прежнихъ и водворялъ новыхъ солдатиковъ.

Черезъ полчаса все вошло въ новую колею. Ираклій Ивановичъ закурилъ папирску и, сидя за чаемъ, объявилъ съ радостью:

— Знаете ли, ангель мой! Кривой-то турокъ попался нашимъ молодцамъ, они его застукали: въ деревнѣ показали зеленую чалму и заставили многихъ сосѣдей признаться въ томъ, что кривая рожа дѣйствительно исчезала изъ дома въ ночь смерти Омьы. Тогда солдатики стали зорко слѣдить за кривымъ дьяволомъ и одинъ разъ поймали около усадьбы (онъ куда-то ѣхалъ мимо). Конечно, подлець былъ схваченъ, приведенъ на дворъ, и здѣсь ему влѣпили нагаекъ двѣсти въ спину. Такъ его исполосовали, что мерзавецъ и кричать пересталъ. Тогда проклятую свинью посадили на его лошадь и пустили на всѣ четыре стороны. Клянусь честью!

Утомленный переѣздомъ и чувствуя еще себя довольно слабымъ, я рано легъ въ постель. Ираклій Ивановичъ бесѣдовалъ съ Чемодановымъ, котораго взялъ съ собою, и давалъ ему какія-то приказанія. Хотя онъ видимо старался умѣрнить свой голосъ, но это не всегда удавалось, и часто изъ широкой груди русскаго офицера вырывалась такая громкая нота, что всякій мертвецъ проснулся бы въ гробѣ. Я открывалъ испуганно глаза, а Ираклій Ивановичъ конфузился и начиналъ извиняться:

— Ей Богу, ангель мой, нечаянно крикнулъ, клянусь честью! Спите спокойно, не обращайтесь на меня вниманія. Я буду говорить тихо, клянусь честью! Это все ты, мерзавецъ, Чемоданишко, виновать!

Такъ и уснулъ я подъ сдержанный говоръ, ужъ очень утомила меня дорога.

VII.

Прошло еще нѣсколько дней.

Погода все это время была вѣтреная, почему Ираклій Ивановичъ меня изъ комнаты не выпускалъ, а самъ распоряжался по хозяйству.

Готовилъ кушанья Чемодановъ. Это былъ солдатикъ, никогда ни о чемъ не разсуждавшій и который старался только всегда буквально исполнять приказанія. Широкое лицо съ толстымъ небольшимъ носомъ, крупными губами и рыжими подстриженными усами невольно располагало къ себѣ всякаго, а въ зеленоватыхъ небольшихъ глазкахъ, кромѣ добродушія, видна была одна покорность начальству. Именно такой денщикъ и былъ нуженъ Ираклію Ивановичу, который требовалъ, чтобы съ нимъ никто не разсуждалъ, а исполнялъ бы беспрекословно его приказанія. Чемодановъ боготворилъ своего начальника, а начальникъ любилъ своего «Чемоданишку».

И вотъ, помню я, сидѣли мы съ Пещуровымъ за шахматнымъ столикомъ и играли чуть ли не десятую игру подрядъ. Тутъ же стояла лампа подъ зеленымъ абажуромъ, кипѣлъ самоваръ.

— Ахъ, чортъ этакій! Клянусь честью, вѣдь этакъ вы, ангель мой, опять выиграете партію!—горячился Ираклій Ивановичъ.

— Да. Еще одинъ ходъ—и мать!

— Вѣрно, ангель мой, вѣрно!.. Не могу я сегодня играть!

Дѣйствительно, мой гость съ самаго утра былъ чѣмъ-то разстроенъ. Онъ ходилъ по комнатѣ, начиналъ пѣть «Помолись, милый другъ, за меня», даже произносилъ громко какія-то фразы.

— Да что съ вами?—спросилъ я.

— Эхъ, ангель мой! Этотъ день я не могу быть покойнымъ, клянусь честью!

— То-есть въ какой день?

— А въ сегодняшній. Сегодня 3-е февраля, день святой Анны, ангель мой!

— Ну, такъ что же?

— Ха-ха-ха, клянусь честью, онъ для меня весьма и весьма знаменателенъ! Рана еще не совсѣмъ зажила!

— Да въ чемъ же дѣло, какая рана? Я ровно ничего не понимаю!

Ираклій Ивановичъ всталъ, прошелся, подошелъ къ окну, посмотрѣлъ въ темноту, даже пальцами по стеклу побарабанилъ.

— Видите ли, ангель мой! Мы съ вами сошлись съ перваго раза, клянусь честью! Насъ связала судьба. Вы у меня умирали и воскресли. Между нами установилась кака-то духовная связь! Подобное иногда бываетъ, ангель мой! И вотъ эта-то духовная связь

можетъ, пожалуй, заставить меня рассказать вамъ одну исторію изъ моей жизни. Клянусь честью!

— Пожалуйста, расскажите.

— А смѣяться, ангель мой, не станете?

— Какъ вамъ не стыдно, Ираклій Ивановичъ!

— Ну, да ладно, ладно! Не будь я Ираклій Пешуровъ, офицеръ русской службы, если я васъ не полюбилъ, какъ роднаго брата. Смѣю думать, что издѣваться надъ чувствами моими не станете. Итакъ, видите ли, въ чемъ дѣло, ангель мой. Много лѣтъ тому назадъ изъ кадетскаго корпуса я вышелъ, въ одинъ день и одинъ часъ, съ своимъ другомъ Александромъ Чернышевымъ. Связывали насъ самыя тѣсныя узы дружбы, какъ это говорится высокимъ слогомъ. Но чуть ли не черезъ два дня послѣ выпуска судьба разлучила обоихъ надолго: его прикомандировали въ царство Польское, а меня на югъ въ Малороссію. Прошли года. Сначала мы, какъ водится, переписывались, а потомъ—перестали... Послѣ долгихъ странствованій по Россіи я попадаю въ Тифлисъ, и вотъ въ одномъ изъ публичныхъ садовъ, вдругъ вижу, идетъ Саша Чернышевъ съ дамой. Ну, конечно, свиданіе было самое задушевное.

Саша представилъ меня своей женѣ, красавицѣ, которой на видъ было никакъ не больше девятнадцати, двадцати лѣтъ. Анна Ивановна дѣйствительно была хороша! Такой фигуры, такой граціи въ движеніяхъ, такого ротика, чудной русой косы и сѣрыхъ глазъ я съ тѣхъ поръ и не встрѣчалъ! А ужъ голосъ— просто одна музыка, клянусь честью!

Женился Саша года два-три тому назадъ въ Москвѣ, и въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ перевелся въ Тифлисъ, занявъ мѣсто въ интенданствѣ.

Жили молодые супруги, казалось, душа въ душу. «Гдѣ видишь одного, другой—ужъ вѣрно тамъ!»—какъ говорится въ баснѣ. Вели большое знакомство.

Анна Ивановна вращалась въ высшемъ обществѣ, участвовала въ спектакляхъ, устраивала съ важными дамами аллегри, и такъ далѣе. Саша гордился своей Нюрочкой, и ему многіе завидовали. Конечно, въ поклонникахъ красивой жвнщины недостатка не было. Но Саша такъ былъ увѣренъ въ женѣ, что только подсмѣивался, глядя на воздыханія обожателей. Клянусь честью!

Конечно, я началъ бывать часто у своего друга, и Нюрочка стала считать меня за своего семьянина. Бывало, придешь утромъ, когда Саша на службѣ, и начнешь помогать Нюрочкѣ что нибудь дѣлать: то бисеръ нанизываешь на шелковинку своими толстыми пальцами, то по канвѣ гарусомъ вышиваешь и путаешь узоръ, то, наконецъ, читаемъ вмѣстѣ.

Вотъ насчетъ чтенія я долженъ сознаться, что моя собесѣдница вообще книгъ не любила и обращалась къ нимъ въ самыхъ край-

нихъ случаяхъ, когда всё начинали говорить о какомънибудь новомъ, только что появившемся романѣ или повѣсти. Ну, тогда Нюрочка брала журналъ въ руки, начинала съ какойнибудь главы и въ часъ или два оканчивала все произведеніе.

— Я никогда не могу заставить себя прочитать описаніе природы, — сознавалась она. — Это ужасно скучно! А то вотъ еще тоска, когда авторъ излагаетъ историческія свѣдѣнія о той мѣстности, гдѣ дѣйствіе происходитъ. Ну, зачѣмъ это мнѣ понадобится?

Я, конечно, не спорилъ, потому что считалъ всякое возраженіе съ своей стороны непозволительнымъ. Клянусь честью!

— Да и память у меня плоха! — грустно прибавляла Нюрочка. — Что сегодня прочла, завтра все забыла. Иногда я начинаю, напримеръ, припоминать походы Чичикова и затрудняюсь сказать, чѣмъ кончилась его исторія? Не то онъ поѣхалъ на фрегатѣ «Палладѣ» вокругъ свѣта, не то онъ былъ сосланъ въ Сибирь вмѣстѣ съ Раскольниковымъ и Карамазовымъ!.. Пожалуйста, не смѣйтесь!..

Даже разговаривать о чемънибудь серьезномъ красавица не любила. Она видимо начинала въ такихъ случаяхъ скучать и даже слегка зѣвала.

Но при этомъ ротикъ такъ мило открывался, и бѣлые зубки такъ сверкали, что, конечно, всякіе разговоры прекращались моментально, и я ограничивался молчаливымъ созерцаніемъ своей собесѣдницы.

И такимъ-то способомъ проводили мы цѣлые дни. По вечерамъ я, бывало, принесу свой корнетъ-а-пистонъ, и мы съ Нюрочкой задаемъ такіе дуэты, что подъ окнами собиралась публика слушать насъ и часто даже аплодировала. Клянусь честью!

— Такъ вы и музыкантъ, Ираклій Ивановичъ!

— Былъ, ангель мой!

— Гдѣ же вашъ корнетъ?

— А вотъ послѣ этой исторіи совсѣмъ музыку бросилъ и инструментъ подарилъ. Итакъ, продолжаю. Прошло много времени... Мнѣ очень нравилось бывать у своихъ друзей, и я отдыхалъ тамъ душой. Но... нельзя сказать, чтобы красота Нюрочки на меня не дѣйствовала. Ея граціозныя движенія, каждый поворотъ бѣлой лебединой шейки, лѣнивая походка — все это производило у меня головокруженіе. А ужъ голосъ! Какъ бывало заговорить, такъ сердце и затрепещетъ. И въ этомъ... какъ вамъ назвать, мучительномъ состояніи я находилъ своего рода прелесть! Между тѣмъ, я и виду не показывалъ, что начинаю увлекаться, хотя замѣтилъ, что Нюрочка скоро поняла, на сколько она мнѣ нравится.

Разъ какъ-то вечеромъ сидѣлъ я съ Нюрочкой въ ея будуарѣ и помогалъ разматывать гарусъ, то-есть разставилъ неуклюже огромныя руки, а она растянула на нихъ мотокъ шерсти. Должно быть, я въ тотъ вечеръ оказался очень неловкимъ, потому что она разъ

десять ударила меня по пальцамъ своими ручками и назвала ихъ граблями. Клянусь честью!

Каждый разъ это меня бросало въ жаръ и холодъ. А ужъ какъ хороша была она въ голубой блузѣ съ широкими рукавами!

— Ахъ, какой вы сегодня несносный, Ираклій Ивановичъ!— сказала Нюрочка и надула очаровательныя губки.

— Это правда, я сегодня несносный!— машинально повторилъ я.

— Отчего же это?

— Ли-ли-лихорадка со мной!—брякнулъ я ни съ того, ни съ сего, и еще больше сконфузился.

— Такъ примите хининъ!.. хотите я вамъ дамъ?

— Съ удовольствіемъ, клянусь честью!

Нюрочка лукаво улыбку.

— А если я вамъ дамъ хининъ, надолго васъ оставитъ лихорадка?—спросила она.

— На два года!—сказалъ я и прыснулъ со смѣха.

Нюрочка тоже засмѣялась, но вся вспыхнула, а ноздри ея чуднаго носика такъ и заходили, какъ у кровной лошади.

— Хорошо, нагнитесь... Я вамъ дамъ десять гранъ!

Я недоумѣвая нагнулся, а она схватила меня за голову и крѣпко, крѣпко поцѣловала въ губы. Что со мной было потомъ, я хорошенько и сказать не умѣю,—все спуталось въ головѣ! Помню только, что я, какъ безумный, обнималъ это чудное, гибкое тѣло и цѣловалъ губки, щечки, шейку... Клянусь честью!

Наконецъ, Нюрочка первая опомнилась и быстро вышла.

Я остался одинъ... я задыхался отъ счастья...

Вернулась скоро и она.

— Нѣтъ! никого изъ прислуги въ комнатахъ не было!—сказала моя богиня и вскочила ко мнѣ на колѣни.

— Ну, ты доволенъ моимъ леченіемъ?—спросила Нюрочка.—Смотри же, будь умница! А это что за книжка у тебя въ карманѣ? Давай сюда скорѣе! Я ужасно любопытна!

И прежде чѣмъ я успѣлъ открыть ротъ, мой китель былъ разстегнуть, и книжка вынута изъ кармана.

— Постой, постой, моя дорогая!—защищался я.—Здѣсь я бѣлье записываю, когда отдаю прачкѣ. Клянусь честью!

— Ничего! посмотримъ, какъ ты пишешь—съ ошибками или безъ ошибокъ? Вѣроятно, затрудняешься, гдѣ ставить букву ѣ?

Потомъ Нюрочка вынула изъ своей блузы карандашъ и, улыбаясь, что-то написала на одной изъ страницъ книжки.

— Вотъ возьми, спрячь теперь, а дома, какъ придешь, прочти... Насегодня довольно! Ступай домой, а я уйду, лягу спать. Скоро вернется мужъ и еще, пожалуй, спроситъ, отчего я такая красная и взволнованная! Прощай, моя радость! Спи спокойно!

Въ восторгѣ полетѣлъ я къ себѣ на квартиру, дрожащими руками зажегъ свѣчу и развернулъ книжку. Въ одномъ мѣстѣ красивымъ почеркомъ было написано:

«26 апрѣля. При воспоминаніи о хорошемъ времяпрепровожденія знай, что будущее будетъ еще лучше!».

Отъ радости я подскочилъ на мѣстѣ, тысячу разъ цѣловаль дорогія строки и вообще превратился въ помѣшаннаго. Конечно, спалъ ту ночь плохо, очень плохо. Клянусь честью!

И вотъ замелькали чудные дни! Такое время въ жизни бываетъ одинъ разъ, когда человѣкъ впервые любить!

Меня только мучилъ Саша; я не могъ смотрѣть ему прямо въ глаза, мнѣ было стыдно, я чувствовалъ, до какой степени я плохо поступаю. Тѣмъ не менѣе все шло по заведенному порядку. Я не герой, и поэтому у меня не хватало духу разрушить свое личное счастье, ради... Ну, чортъ его знаетъ, какъ выразиться!? Однимъ словомъ, я оставался мерзавцемъ и каждый день ходилъ къ Чернышевымъ, гдѣ и сидѣлъ съ утра до вечера. А наступалъ вечеръ, и Нюрочка, одѣтая въ пенъюаръ самаго обольстительнаго фасона, убѣждала мужа идти прогуляться. Саша уходилъ, предварительно расцѣловавъ свою красавицу-жену, которая такъ заботилась о его здоровьѣ...

Въ то время чуть ли не вся Россія занималась спиритизмомъ, начиная отъ знаменитыхъ профессоровъ университета и кончая офицерами русской арміи. Само собою разумѣется, что и мы съ Нюрочкой не отставали отъ вѣка и вертѣли столъ. Темнота, необходимая при такихъ занятіяхъ, была очень кстати, и иногда до стола мы и не дотрогивались за все время сеанса. Ни одна душа умершаго къ намъ не являлась; у насъ для смерти и покойниковъ не было мѣста. Клянусь честью!

Счастье, свалившееся на меня такъ неожиданно, подхватило меня, какъ вихрь, какъ ураганъ, и закружило окончательно. Я ничѣмъ не могъ заняться, ни о чемъ думать. Я весь былъ у Нюрочки или съ Нюрочкой.

Прошло ровно двѣ недѣли. Однажды, я прихожу вечеромъ и по обыкновенію застаю Нюрочку одну. Весело и радостно подсаживаюсь на знакомый мягкій диванчикъ и цѣлую милую ручку.

Нюрочка не сопротивлялась, но никакого удовольствія не выразила.

— Нюрочка, ангелъ мой, что съ тобою сегодня?—говорю.

— А видите ли, Ираклій Ивановичъ. Намъ надо съ вами кончить.

— То-есть что кончить?

— Надо прекратить то, что было.

Меня точно кипяткомъ обдало.

— Что это значитъ?—прошепталъ я.

— Не хорошо вѣдь мы дѣлаемъ, что мужа обманываемъ. Ну, вотъ это сознаніе и заставило меня обратиться къ вашему благо-разумію. Останемся друзьями, но о прошломъ ни слова. Пожили, покутили, и довольно!

— Но какъ же это такъ внезапно безъ всякихъ поводовъ, ангель мой?

— Къ тому же сегодня ночью... я видѣла покойнаго отца своего. Онъ явился ко мнѣ, подошелъ къ кровати и погрозилъ пальцемъ...

— Нюрочка, ты шутишь, ангель мой!—засмѣялся я.—Зачѣмъ только такъ безбожно шутить! Если твой отецъ и погрозилъ пальцемъ, такъ этимъ онъ хотѣлъ сказать: «Смотри, Нюрочка, не разлюби Ираклія Ивановича!»—вотъ что означаетъ этотъ грозно поднятый палецъ, клянусь честью!

И я сладко поцѣловалъ розовую щечку красавицы.

— Прошу васъ, безъ фамиллярностей! — строго поднялась Нюрочка съ своего мѣста.—Я вамъ сказала все, и больше отъ меня не услышите ни одного слова! Прощайте!

Длинный голубой шлейфъ мелькнулъ въ дверяхъ, и русскій офицеръ остался одинъ на диванѣ, свидѣтель его прошлаго счастья...

Послѣ всего, что случилось, мнѣ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ хлопотать о переводѣ куда нибудь, хоть къ чорту на рога, клянусь честью! Предложили въ Оренбургъ и я, конечно, съ радостью согласился.

Когда все уже было готово къ отъѣзду, надо было забѣжать проститься съ Сашей.

Мой другъ казался искренно огорченнымъ; онъ упрекалъ меня въ скрытности, говорилъ, что могъ бы исхлопотать болѣе удачное перемѣщеніе, и т. д.

Нюрочка стояла тутъ же, спокойная, цвѣтушая.

— Ну, прощай, Саша! Спасибо тебѣ за все!—сказалъ я, удерживая слезы.

— Прощай, голубчикъ!

Мы братски обнялись.

— Прощайте, Анна Ивановна!

— Прощайте, Ираклій Ивановичъ. Не вспоминайте лихомъ!—улыбнулась она.

При этой фразѣ я весь вспыхнулъ и готовъ былъ выругаться—до такой степени гадкою, бездушною показалась мнѣ Нюрочка. Клянусь честью!

Я молча поклонился и вышелъ.

Что испытало мое бѣдное сердце въ первое время разлуки, передать нельзя! Ну, конечно, потомъ все понемногу улеглось, но забыть Нюрочку я не могъ и до сихъ поръ не могу, клянусь честью!

Прошло двадцать лѣтъ ровнехонько. Куда только не бросала меня судьба за это время! Гдѣ только не побывалъ я!.. И вотъ перебрался опять на Кавказъ, въ Дагестанъ. Получилъ я какъ-то долгую командировку въ Тифлисъ и очутился снова на знакомыхъ улицахъ, у подножія горы, на которой стоитъ очаровательная церковь св. Давида.

Пріѣхалъ я въ городъ поздно вечеромъ и идти тотчасъ же къ Чернышевымъ постѣснился. Поэтому, наскоро приведя себя въ порядокъ, направился въ одинъ изъ загородныхъ садовъ.

Все тамъ было попрежнему. Вдругъ вижу, за однимъ изъ столиковъ сидитъ старый товарищъ-офицеръ.

— Ба-ба-ба!—закричалъ онъ.—Пещуровъ! Какими судьбами?

Поздоровались и начали пить красное вино. Зашелъ разговоръ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ обществѣ за такой огромный промежутокъ времени.

— Ну, а Чернышевы все еще здѣсь? Анна Ивановна жива?—спросилъ я.

— Жива и живетъ попрежнему. У нея доктора находятъ порокъ сердца, и поэтому барынька каждое лѣто куда нибудь уѣзжаетъ на воды. Ну, конечно, даромъ времени не тратитъ и жжетъ свѣчку съ двухъ концовъ! У нея не порокъ сердца, а порочное сердце. Клянусь честью!

— А Саша?

— Тотъ все деньги добываетъ и боится, что Нюрочка умретъ моментально. Только я въ болѣзнь, право, не вѣрю; больная женщина не можетъ себя вести такимъ образомъ. Вѣдь, представь себѣ, сразу по нѣсколько поклонниковъ имѣетъ и одновременно всѣмъ умѣетъ угодить. И это творится теперь, когда она представляетъ собою почти развалину — подводитъ брови, красится, бѣлится. Клянусь честью!

— Неужели? Будто ужъ она такъ измѣнилась?

— Сатурнъ неумолимъ! Каждому овощу свое время! Только она хочетъ не поддаваться старости. Да вотъ для примѣра расскажу о послѣдней исторіи. Появился у насъ въ Тифлисъ одинъ красавецъ-офицеръ, и не прошло недѣли послѣ его пріѣзда, какъ ужъ онъ сталъ бывать у Чернышевыхъ запросто. Въ это же самое время похаживалъ къ нимъ другой офицеръ, изъ хохловъ, страстно влюбленный въ Анну Ивановну. И что же ты думаешь? Какъ поступала барыня? Съ хохломъ она амурничала у себя дома, а къ красавцу ѣздила въ казармы; накинеть поверхъ своего пальто офицерскую шинель, на голову—военную фуражку и отправляется въ путь. Клянусь честью!

— Неужели все это правда?

— Весь городъ объ этомъ знаетъ, исключая, конечно, мужа.

Я не сталъ больше слушать, пожалъ руку собесѣднику и ушелъ съ самыми тяжелыми мыслями. И это—мой кумиръ, которому я поклонялся! За себя стыдно!

Тѣмъ же на другой день я взялъ фазетонъ и поѣхалъ къ Чернышевымъ. Любопытство было сильно возбуждено, клянусь честью!

Было воскресенье, и Сапа сидѣлъ дома. Онъ мнѣ очень обрадовался. Добрякъ почти совсѣмъ не измѣнился, только волосы слегка подернулись серебромъ, да брюшко отросло.

— Нюрочка, Нюрочка! Посмотри, кто явился!—кричалъ онъ, таща меня за руку. Я чувствовалъ, что сердце мое сжималось какъ-то особенно не то отъ страха, не то отъ радости.

Изъ дальнихъ комнатъ показалась Анна Ивановна. Вся фигура, походка и умѣнье одѣться остались все тѣ же, но лицо... Я чуть не ахнулъ, клянусь честью! Представьте себѣ мертвую маску, вмѣсто прежняго очаровательнаго личика! Брови подкрашены, губки подкрашены, щечки подкрашены... Однимъ словомъ все подкрашено!..

Нюрочка удивленно открыла подрисованные глазки и улыбнулась, сотни тонкихъ морщинокъ побѣжали по лицу, ихъ не могло скрыть притиранье, клянусь честью!

— Боже! кого я вижу? Ираклій Ивановичъ!—сказала она, протягивая маленькую ручку, пальцы которой совсѣмъ исчезали подъ перстнями.

Я опять услышалъ волшебный голосъ и опять затрепеталъ.

— Ну, садитесь, поболтаемъ! Давно, давно мы не видались!—пригласила она меня на мягкое кресло. — Вы мало измѣнились, только на вискахъ сѣдина показалась. А въ общемъ вы, помоему, сдѣлались даже болѣе интереснымъ.

— Правда, правда, Нюрочка!—закричалъ Сапа.—И я тоже нахожу! Какія баки роскошныя, а глаза-то... одинъ огонь!

Я смущенно что-то лепеталъ, не отдавая отчета въ своихъ словахъ. Должно быть, моя фигура была очень смѣшна, клянусь честью!

Меня оставили обѣдать, и такимъ образомъ я цѣлый день провель у Чернышевыхъ. Вечеромъ Сапа ушелъ зачѣмъ-то въ кабинетъ, а я очутился глазъ-на-глазъ съ Нюрочкой.

— Скажите по правдѣ, Ираклій Ивановичъ, сильно я постарѣла?—спросила она.

— Помоему вы все та же,—отвѣтилъ я и отвѣтилъ искренно.

Дѣло въ томъ, что за эти нѣсколько часовъ звукъ голоса и прелесть всего существа Анны Ивановны сдѣлали то, что я видѣлъ ее не въ настоящемъ ея видѣ, а передо мной стояла прежняя волшебница, которая такъ властно царилла въ моемъ сердцѣ. Чѣмъ болѣе я вглядывался въ это поношенное лицо, тѣмъ силь-

нѣ настоящая Анна Ивановна исчезала, уходила куда-то, и тѣмъ рельефнѣе выступала передо мною прежняя Нюрочка, когда она была дѣйствительно и молода, и хороша... Какъ объяснить подобный процессъ, происходившій въ моемъ мозгу, я не знаю; представляю это ученымъ психіатрамъ или тамъ, чортъ ихъ знаетъ, кому, клянусь честью, но только, ей-Богу, не лгу!

— Нѣтъ, вы неправду говорите!—возразила грустно моя себе-сѣдница. — Вы смѣтрите на меня сейчасъ не прямыми глазами, а черезъ очки воспоминанія (если можно такъ выразиться). Я сама чувствую приближеніе старости, она идетъ ко мнѣ быстрыми шагами. Нѣтъ, Нюрочка теперь уже не прежняя, а отжившая. Я подвела подъ жизнью черту и вывела итогъ: счеты покончены...

— Съ какихъ же это поръ?—осмѣлился я спросить.

— Да ужъ лѣтъ восемь, какъ я перестала быть живымъ человѣкомъ, женщиной.

— Что-то не вѣрится, клянусь честью!

Нюрочка опустила голову на руку и задумалась. Я смотрѣлъ на острый худой локоть, на высохшую шею, покрытую морщинами, и жалко мнѣ стало отцвѣтающей красоты.

Пришелъ Саша, скоро сѣли за ужинъ, а потомъ разошлись. На сердцѣ у меня было тяжело, грустно, клянусь честью!

На другой день Саша заѣхалъ за мною, отвезъ къ Нюрочкѣ, а самъ, извинившись, отправился на службу.

— Ступай къ Аннѣ Ивановнѣ! — сказалъ онъ, прощаясь на подъѣздѣ.—Надѣюсь, она будетъ любезною хозяйкой.

И дѣйствительно хозяйка была очень изящна въ какомъ-то пестромъ платьѣ, спитомъ изъ восточной матеріи. Настроеніе ея духа было также лучше.

Мы усѣлись за завтракъ и много смѣялись. О прошломъ вспоминали безъ всякаго озлобленія и бесѣдовали, какъ самые хорошіе пріятели, клянусь честью!

— А ужъ какъ я худѣю!—сказала, между прочимъ, Нюрочка. — Не по днямъ, а по часамъ. Посмотрите на мои руки.

Она отвернула широкіе рукава платья и показала все еще прекрасныя ручки.

— А шея на что похожа? Взгляните, вѣдь это однѣ кости!

Нюрочка быстро разстегнула воротъ, обнажила грудь и постучала пальцемъ по выдавшейся ключицѣ.

Я весь вспыхнулъ и потушился, клянусь честью!

— Красная дѣвушка, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ! не правда ли?—улыбнулась она.—Ну, возьмите мою руку и пожмите ее такъ, какъ прежде жали, въ хорошее, давнопрошедшее время.

Маленькая ручка протянулась ко мнѣ. Я, конечно, прильнулъ къ ней губами и вдыхалъ запахъ какихъ-то особенныхъ дорогихъ духовъ. Ручка не вырывалась, и когда я взглянулъ на Нюрочку,

ей глаза сверкали, а ноздри такъ и раздувались. Клянусь честью!

— Зачѣмъ вы это дѣлаете, Анна Ивановна? — спросилъ я. — Вѣдь у васъ уже черта подведена?

— Я этого еще сама не знаю... въ этомъ не увѣрена... Можетъ быть, мнѣ только казалось такъ. Вѣдь вы мой добрый, хорошій, дорогой?.. да?

Я не зналъ, куда дѣваться, клянусь честью!

— Ну, что же вы мнѣ ничего не скажете? вѣдь вы все прежній? вѣдь вы, я увѣрена, до сихъ поръ любите меня? вѣдь такъ, моя радость?

— Анна Ивановна! но развѣ не вы такъ безжалостно оттолкнули меня въ то время?—выпалилъ я.

— Ахъ, мой милый, вспомните, что я тогда говорила вамъ? Мнѣ было такъ совѣстно обманывать мужа!

— А теперь?

— Нѣтъ, теперь мы другъ другу совѣмъ чужіе. Я по нѣкоторымъ причинамъ потеряла къ Сашѣ всякое уваженіе, а безъ уваженія любовь существовать не можетъ. Разъ я не люблю мужа, то могу считать себя свободною вести себя, какъ мнѣ заблагоразсудится. Сапа просилъ меня не покидать его только потому, что я нужна ему, какъ украшеніе квартиры, какъ необходимое дополненіе къ богатой обстановкѣ. А вѣдь вы знаете, какъ онъ дорожитъ наружнымъ блескомъ. Стало быть...

Я молчалъ и смотрѣлъ на маленькую ручку, которая лежала на столѣ, около моей тарелки; она раздражала меня, и сотни поцѣлуевъ самыхъ страстныхъ посыпались на розовую ладонь и каждый пальчикъ. Клянусь честью!

Чувствуя, что у меня голова начинаетъ кружиться, я сдѣлалъ надъ собой усиліе, быстро всталъ и большими шагами направился къ двери.

— Куда вы, Ираклій Ивановичъ? — закричала вслѣдъ Ню-рочка. — Какъ же это можно уходить, не простившись? Вотъ это мило!.. что съ вами?

— Голова болитъ, простите!—крикнулъ я уже изъ другой комнаты и выбѣжалъ на улицу.

Весь слѣдующій день я пробылъ у себя на квартирѣ, не хотѣлъ идти къ Ню-рочкѣ, предугадывая, что дѣло можетъ кончиться чѣмъ нибудь нежелательнымъ; разъ меня уже поддѣли, теперь буду осторожнымъ. Клянусь честью!

Вечеръ наступилъ прекрасный. Надо было идти въ какой нибудь ресторанъ обѣдать. Вышелъ я на Головинскій проспектъ. Народу на улицѣ было пропасть. Экипажи катились длинной вереницей, гуляющіе сплошной толпой двигались по широкимъ тротуарамъ.

Вдругъ, какъ разъ около дворца великаго князя, кто-то называлъ меня по имени.

Оборачиваюсь—стоитъ Нюрочка и лукаво смотреть.

— Что это значитъ, Ираклій Ивановичъ?—спросила она, протягивая руку.—Во-первыхъ, вы сегодня у насъ не были, а, во-вторыхъ, встрѣтившись сейчасъ со мною, даже не поклонились? Развѣ вы сердитесь за чтонибудь?

— Увѣряю васъ, я не замѣтилъ въ толпѣ...

— А теперь куда вы бѣжите? Пойдемте обѣдать къ намъ.

— Благодарю васъ... Только... у меня дѣло спѣшное... Никакъ не могу. Клянусь честью!

— Богъ съ вами, если дѣло спѣшное. А вечеромъ зайдете?

— Постараюсь. Прощайте. Я спѣшу...

Нюрочка съ удивленіемъ смотрѣла на меня и улыбалась.

Мы распростились, и я бѣгомъ пустился прочь отъ соблазна.

Пять дней не выходилъ я изъ своихъ меблированныхъ комнатъ. Наконецъ, послѣ обѣда на шестой, Саша захвалъ узнать о моемъ здоровьѣ.

— Ну, не грѣшно ли не дать о себѣ знать?—кричалъ онъ, входя въ комнату.—И я, и Нюрочка беспокоиться начали. Сегодня рѣшился нагрянуть и посмотрѣть на тебя, что съ тобой.

— Да мнѣ все время не здоровилось. Легкій ознобъ и жаръ по вечерамъ, должно быть, простудился,—вралъ я напропалую, клянусь честью.

— А вотъ поѣдемъ къ намъ, я тебя вылечу особенной настойкой. Право, не шучу! Собирайся. Жена рада будетъ!

Дѣлать было нечего, я поѣхалъ.

Нюрочка встрѣтила меня сдержанно и слегка даже дулась. Зато Саша тараторилъ, налилъ мнѣ какой-то бурды въ рюмку и до тѣхъ поръ не успокоился, пока я не выпилъ. Клянусь честью!

— Вотъ теперь какъ рукой сниметъ всякую хворь!—кричалъ онъ на всю комнату.—Тѣмъ не менѣе, ты прости меня, пожалуйста. Сейчасъ я долженъ отправляться въ засѣданіе продовольственной комиссіи. Теперь шесть часовъ, а надо быть непременно въ шесть съ половиной. Бѣжать далеко... Если ты уйдешь рано, и я тебя больше сегодня не увижу, то позволь разъ навсегда объявить: приходи ежедневно обѣдать къ намъ. Брось всякія кухмистерскія, тамъ не будешь сытъ, а наживешь себѣ только катарръ желудка. Ну, прощай, дорогой другъ. Нюрочка, прощай.

Онъ поцѣловалъ жену и, переваливаясь, какъ утка, исчезъ въ дверяхъ.

Мы остались вдвоемъ. Наступило молчаніе. Я сосредоточенно разсматривалъ узоръ ковра, разостланнаго во всю комнату. Нюрочка смотрѣла прямо, куда-то въ пространство.

— Ну-съ, Ираклій Ивановичъ?—проговорила наконецъ она.

— Ну-съ, Анна Ивановна?

— Что же это долго будетъ такъ продолжаться?

— То-есть какъ?

— Долго вы будете меня и себя мучить? Вѣдь я за эти пять дней столько перестрадала! Я готова была идти къ вамъ на квартиру. Слышите ли вы это?.. За что же вы меня терзаете?

Голосъ Нюрочки дрогнулъ, и она закрыла лицо платкомъ; плечи вздрагивали, она плакала, клянусь честью!

Я совсѣмъ растерялся (слезъ не могу видѣть!) и попробовалъ взять ручку.

— Ради Бога, не плачьте, добрая моя Анна Ивановна! Право, я не думалъ... я не зналъ...—заговорилъ я, путаясь.

— Ну, просите прощенья, несносный вы человѣкъ!—шутливо крикнула Нюрочка, открывая заплаканное личико.—Просите сію минуту! На колѣни становитесь! Слышите?

Я опустился на колѣни и сталъ цѣловать ея ручки.

— Безсовѣстный! все не вѣрять, что я совсѣмъ голову потеряла.

— Но... чему же я долженъ вѣрять?

Нюрочка обхватила мою шею руками, привлекла къ себѣ и долго смотрѣла мнѣ въ глаза, блаженно улыбаясь. Клянусь честью!

Вдругъ въ передней раздался звонокъ. Мгновенно мы очутились на разныхъ креслахъ.

— Слушайте, моя радость! — быстро прошептала Анна Ивановна.—Завтра я именинница, и поэтому приходите пораньше на цѣлый день. Слышите? Не смѣйте надувать!

Въ дверяхъ появилась одна изъ высокопоставленныхъ дамъ, и начался гостинный разговоръ о необходимости творить добрыя дѣла.

Я раскланялся и ушелъ.

Наступило третье февраля. Я еще лежалъ въ постели, когда денщикъ передалъ мнѣ записку слѣдующаго незатѣйливаго содержания:

«Дорогой мой! жду съ нетерпѣніемъ моего милаго, хорошаго, ненагляднаго; прилагательнымъ (подобнымъ) не было бы конца, если бы только я располагала временемъ. Все та же».

Сто разъ перечитывалъ и цѣловалъ я почтовый листокъ. Клянусь честью!

Я побѣждалъ покупать букетъ и явился къ именинницѣ въ самый разгаръ визитовъ. Весь городъ перебивалъ у Чернышевыхъ, принося свои заученныя поздравленія и пожеланія. Хозяйка была въ роскошномъ костюмѣ, но, по правдѣ сказать, слишкомъ ужъ разрисована. Это бросалось въ глаза даже мнѣ, отуманенному любовью, и непріятно царапало по моему бѣдному сердцу.

Не стану рассказывать о суматохѣ, толкотнѣ и безсодержательности разговоровъ, обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ. Наконецъ,

послѣ лукуловскаго обѣда всѣ гости разѣхались, а Сережа пошелъ въ клубъ.

— Простите меня, Ираклій Ивановичъ, — сказала хозяйка. — Я пойду переодѣнусь, а то корсетъ ужасно давить грудь. Клянусь честью!

Не прошло и четверти часа, какъ въ будуаръ, освѣщенный висячимъ фонарикомъ, явилась Нюрочка въ какомъ-то фантастическомъ халатикѣ, — вездѣ кружева, вездѣ просвѣчиваетъ тѣло, ручки голыя, не стѣсняемая широчайшими шелковыми рукавами.

Признаться, я совсѣмъ опѣшилъ и глядѣлъ, открывши ротъ.

— Вотъ теперъ сядемъ на этомъ диванчикѣ и поболтаемъ! — говорила Нюрочка, усаживаясь уютно между мягкими подушками. — Ну-съ, скорѣе сюда ко мнѣ!

Я, конечно, не заставилъ себя ждать.

— Ну, моя радость, мы одни и можемъ кутнуть!

— Какъ кутнуть? Я и безъ того уже много выпилъ шампанскаго. Клянусь честью!

— Ахъ, какой глупый! садись ближе ко мнѣ и поцѣлуй хорошенько. Вотъ что значитъ кутнуть!

Тутъ начались ласки, ласки безъ конца...

Черезъ часъ я сидѣлъ на коврѣ и держалъ маленькія ножки въ своихъ рукахъ; я цѣловалъ ихъ, любовался ажурными чулочками.

— Какой ты добрый, радость моя! — говорила Нюрочка, играя моими кудрями. — Ты не смотришь на мою старость!

Вмѣсто отвѣта я еще страстнѣе началъ цѣловать ножки, клянусь честью!

Она взяла мою голову и положила къ себѣ на колѣни, продолжая ласкать.

— Впрочемъ, можетъ быть, такъ тебѣ неудобно? У меня теперь не колѣни, а однѣ кости.

— И это—кости?! Да знаешь ли, что твои колѣни идеальныя... Только на статуяхъ Венеры можно встрѣтить подобныя очертанія! — увѣрялъ я съ жаромъ.

Нюрочка смѣялась счастливымъ, довольнымъ смѣхомъ.

Уже было поздно, когда я началъ собираться домой. Я присѣлъ на кресло и взялся за фуражку.

— Ни за что такъ рано не отпуска! — запротестовала Нюрочка. — Теперь я выдумала вотъ что: я сяду къ тебѣ, и кутнемъ еще разъ!

Она дѣйствительно вскочила ко мнѣ на колѣни и опять принялась цѣловать мои щеки, глаза, губы.

Я совсѣмъ одурѣлъ, клянусь честью!..

И такое сумасшествіе продолжалось почти два мѣсяца. Я бывалъ каждый день у Чернышевыхъ. Нюрочка казалась мнѣ восхитительной и, смѣясь, называла меня оглашеннымъ. Какъ-то разъ написала даже на маленькомъ клочкѣ газетной бумаги «мой доро-

гой оглашенный» и отдала мнѣ на память, увѣряя, что это будетъ ея послѣдняя любовная записка въ жизни. Я не придалъ никакого значенія подобнымъ словамъ и смѣялся вмѣстѣ съ ней. Клянусь честью!

Наконецъ, дня за два до моего отъѣзда изъ Тифлиса, такъ какъ командировка кончалась, я зашелъ къ Нюрочкѣ.

Она встрѣтила меня сдержанно и заявила, что чувствуетъ себя очень нехорошо.

— Что же съ тобою?

— Я всю ночь думала...

— О чемъ?

— О томъ, что во мнѣ огонекъ потухъ.

— Какой огонекъ? клянусь честью!

— Тотъ, который былъ причиной нашего сумасшествія.

— Какъ? Я ничего не понимаю!

— Если хотите, чтобы я сказала вамъ еще понятнѣе, извольте— я васъ разлюбила! И, пожалуйста, безъ комедій! Не будемъ объ этомъ говорить больше! Огонь потухъ, слѣдовательно... о чемъ же тутъ толковать?

Комната закружилась передо мною, и сама Нюрочка какъ будто поплыла по воздуху. Я сидѣлъ, какъ пораженный громомъ, клянусь честью!

— Однако, уходите, Ираклій Ивановичъ!— сказала она, приподымаясь съ мѣста.— Мнѣ необходимо отправляться въ лавки... Не задерживайте, прошу васъ!

Какъ я не убилъ Анну Ивановну тогда на мѣстѣ, не знаю! Вся любовь превратилась въ невыразимую злобу, и я моментально возненавидѣлъ эту куклу безъ души, безъ сердца. Нюрочка въ моихъ глазахъ стала сразу хуже всякой проститутки, клянусь честью!

Я уѣхалъ изъ проклятаго Тифлиса, и вотъ уже цѣлый годъ ничего не слышалъ о Чернышевыхъ.

Теперь я знаю только свою службу и водку! На войнѣ я хотѣлъ забыться, искалъ смерти и нашелъ Георгіевскій крестъ. Меня стали считать за храбреца, а никто не знаетъ, что причиной храбрости, удали, презрѣнія къ смерти была подлая женщина! Это странно, очень странно, но, клянусь честью, я не лгу! Мнѣ подчасъ становилось стыдно, что я поддался куклѣ, которой мѣсто совѣмъ не въ честномъ обществѣ... клянусь честью!

Глядя въ настоящую минуту на мои манеры и неуклюжую фигуру, вы, пожалуй, не повѣрите, что я могъ еще недавно нравиться женщинамъ. Но вѣдь теперь я имѣю дѣло только съ солдатами, да съ такими же старыми холостяками, какъ вашъ покорный слуга, ну, а въ такомъ обществѣ, конечно, всякій лоскъ сходить очень быстро. Да мнѣ его и не надо, клянусь честью!

Въ семейныхъ домахъ я избѣгаю бывать. Не могу видѣть фальшиваго семейнаго счастья, такъ какъ не вѣрю въ безупречность женъ. Я глубоко увѣренъ, что если не всѣ представительницы прекраснаго пола, связанныя узами Гименея, измѣняютъ своимъ мужьямъ, такъ это только потому, что не представляется случая къ измѣнѣ.

Вспомните слова величайшаго изъ поэтовъ, Лермонтова:

Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ;
Лишь по желанью случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставить въ грѣхъ
Та—одного, та—многихъ, эта—всѣхъ!

Великая истина, клянусь честью русскаго офицера! Чтобы противиться соблазну, грѣху, пороку, необходимы твердыя убѣжденія; ну, а гдѣ же ихъ найти у куколъ? Вы, можетъ быть, скажете, что я по одному примѣру не имѣю права обобщать, кидать грязью на весь прекрасный полъ. Но дѣло въ томъ, что мнѣ приходится дѣлать выводъ изъ фактовъ, извѣстныхъ не только одному мнѣ, а всему человѣчеству.

Повторяю — женщина, особенно красивая, можетъ оставаться честною только благодаря тому, что ей не представляется случая измѣнить мужу. Клянусь честью! Ну, а что же удивительнаго, если всѣ безобразныя женщины безупречны!

Одна особа, представительница высшаго общества, говорила мнѣ откровенно: «какъ глупы вы, господа мужчины, что требуете отъ жены вѣрности! Если бы вы знали, до какой степени можетъ надоѣсть одна и та же рожа, съ которой связала судьба на всю жизнь и отъ которой нѣтъ средствъ отдѣлаться; все одно и то же: однѣ и тѣ же привычки, одинъ и тотъ же голосъ, и ни малѣйшаго разнообразія! Конечно, ищешь себѣ развлеченія временнаго, скоропреходящаго, потому что и другой мужчина тоже вѣдь надоѣсть!».

Подобное признаніе похвально, клянусь честью! Откровенно и искренно!

Этимъ я и окончу мою исторію. Не судите строго и не смѣйтесь надъ чувствами русскаго офицера, ангель мой!

Ираклій Ивановичъ прошелся по комнатѣ, выпилъ сразу двѣ рюмки какой-то настойки и потомъ замурлыкалъ «Помолись, ангель мой, за меня!».

— Признайтесь, Ираклій Ивановичъ! этотъ романсъ, вѣроятно, пѣла когда-то Нюрочка? не правда ли?

— Правда, правда, клянусь честью! воображала, что она большая музыкантша, что умѣетъ хорошо играть и пѣть! ну, а на самомъ дѣлѣ, какъ пьянистка, Нюрочка была очень и очень заурядная, а романсы исполняла всегда фальшиво! Конечно, фальшь для

нея необходима во всемъ, это ея вторая натура, клянусь честью!.. Ахъ, чортъ съ ней совсѣмъ, перестанемъ говорить объ этомъ, ей-Богу, не стоитъ!..

VIII.

На другой день было гораздо теплѣе. Съ моря тянулъ вѣтерокъ мягкій, нѣжный, ласкающій.

Мы съ Иракліемъ Ивановичемъ вышли на терасу и расположились въ мягкихъ креслахъ, пригрѣваемые солнышкомъ. Бесѣдовали о всякихъ матеріяхъ и не замѣтили, какъ наступило время завтрака. Надо было пойти распорядиться.

Вдругъ изъ-за ближняго дерева раздался выстрѣлъ; пуля просвистѣла мимо моего уха и ударилась въ стѣну.

— Это что такое? клянусь честью! — несвоимъ голосомъ заревѣлъ Ираклій Ивановичъ и ринулся къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ спрятаться стрѣлявшій.

Я, конечно, побѣжалъ слѣдомъ. Изъ дворика выскочили солдаты съ ружьями и всѣ устремились къ загадочному неприятелю.

— Вонъ онъ, мерзавецъ! вонъ бѣжитъ по лѣсу! — оралъ Пещуровъ, весь багровый отъ ярости. — Это опять кривой турокъ! навѣрно! клянусь честью! Ловите его, вяжите, бейте!

Въ это время мимо насъ, тоже съ ружьемъ, спѣшилъ Чемодановъ.

— Слушай ты, рожа проклятая! — остановилъ его Ираклій Ивановичъ. — Ступай слѣдомъ за другими и чтобы эта кривая свинья больше не существовала! слышишь? Изрѣжь его въ куски, пристрѣли, исковеркай, задуши! Однимъ словомъ, чтобы его духа подлаго на сей землѣ не осталось! Это онъ мститъ за нагайки, которыя ему всыпали, подлецу!... Ну, такъ ты раздѣлайся съ нимъ! Слышишь ли ты, Чемоданишко отвратительный, ангелъ мой?

И Ираклій Ивановичъ багровый, съ страшными глазами и пѣной у рта, трясъ денщика за плечи.

— Точно такъ, ваше выс-коб-родіе! — отвѣчалъ Чемодановъ, повидимому, запоминая приказанія начальства.

— Ступай, ангелъ мой, но только посмѣй мнѣ не отыскать турка, я тогда съ тобой раздѣлаюсь!

Чемодановъ побѣжалъ за другими солдатами въ лѣсъ, а Пещуровъ никакъ не могъ придти въ себя.

— Ахъ, свинья этакая! — кричалъ онъ. — Вѣдь чуть было не убилъ васъ! Вотъ съ такими сосѣдами и живи, какъ знаешь и какъ хочешь, клянусь честью!

Я старался успокоить русскаго офицера и увести опять на террасу.

— Нѣтъ, вы только подумайте, что возьми онъ немного лѣвѣе, и вы были бы уже трупъ въ настоящую минуту. Развѣ это не

подло, не предательская манера бить изъ-за угла?... Головою ручаюсь, что это кривой турокъ! Ахъ, они черти, дьяволы!... клянусь честью!

— Довольно вамъ, Ираклій Ивановичъ, волноваться! Пойдемте-ка лучше завтракать.

Домъ совершенно опустѣлъ; даже Бисмаркъ увлекся преслѣдованіемъ турка. Мы достали изъ печи вкусныя котлеты, поставили самоваръ и расположились опять на террасѣ.

Изъ лѣса доносились крики солдатъ, лай Бисмарка и по временамъ выстрѣлы. Эхо повторяло на тысячу ладовъ эти звуки, и можно было подумать, что тамъ, гдѣ-то въ лѣсной труппѣ, идетъ кровопролитное сраженіе.

Пальба все болѣе и болѣе удалялась и, наконецъ, наступила полнѣйшая тишина. Только мѣрный шумъ прибоя долеталъ съ моря, да какія-то быстрыя мелкія пташки съ веселымъ чирканьемъ проносились надъ нашими головами.

Послѣ завтрака мы легли немного отдохнуть, а къ вечеру вернулись и солдатики.

— Ну, что, ангелы мои, поймали?—кричалъ еще издали Ираклій Ивановичъ.

— Такъ точно, ваше выс-коб-родіе!—весело отвѣчалъ Чемодановъ.

— Кривой?

— Такъ точно-съ.

— Гдѣ же онъ?

— Прикончили, ваше выс-коб-родіе.

— Какъ прикончили?

— Да, значитъ, сначала мы его подстрѣлили; онъ упалъ,—бѣжать-то и не можетъ... Ну, извѣстно, я доскочилъ, да раза два прикладомъ по бритой башкѣ стукнулъ... Ну, и шабашъ!

— Ахъ, вы, ангелы мои!... какое свинство, однако, сдѣлали, клянусь честью! Вѣдь, стало быть, вы лежачаго били, безпомощнаго?

— Какъ приказали, ваше выс-коб-родіе, такъ и сдѣлали! чтобъ его, значитъ, со свѣта сжить!... я запомнилъ!... — оправдывался Чемодановъ.

— Ну, хорошо, ангелы мои! вотъ вамъ на водку.

И Ираклій Ивановичъ бросилъ имъ трехрублевку.

— Рады стараться, ваше выс-коб-родіе!—гаркнули довольные солдаты и, посмѣиваясь, пошли въ домъ.

Какъ Ираклій Ивановичъ, такъ и я чувствовали себя не совѣмъ хорошо. Мнѣ непріятна была вся эта охота за человѣкомъ, но... что же дѣлать? *à la guerre, comme à la guerre!*

Мы вошли въ кабинетъ. Русскій офицеръ запѣлъ «Помолись, милый другъ, за меня!» и направился къ шкафу, гдѣ стояла водка.

Тутъ Z. замолчалъ и закурилъ новую сигару. Я былъ такъ заинтересованъ, что съ нетерпѣніемъ ждалъ продолженія этой исторіи.

— Вотъ вамъ и весь разсказъ,—сказалъ мой собесѣдникъ.—Какъ видите, дѣйствительно много пришлось переиспытать за первую зиму моего пребыванія на этихъ новыхъ мѣстахъ. Ну, а потомъ все устроилось къ лучшему; я привыкъ, освоился, сдѣлался опытнымъ... Съ проведеніемъ же желѣзной дороги стало и совсѣмъ хорошо. Новое мѣсто оказалось превосходнымъ; я больше ничего не желаю. Живу одинъ, самъ себѣ хозяинъ, никому не подѣ шапку. А главное—пользуюсь душевнымъ покоемъ.

Ираклій Ивановичъ живъ до сихъ поръ. Онъ поселился въ Батумѣ и довольно часто навѣщаетъ меня, а когда выслужитъ пенсію, переберется ко мнѣ окончательно. Такъ это у насъ давно порѣшено.

Право, я счастливъ своимъ положеніемъ!...

Черезъ часъ Z. проводилъ меня на полустанокъ. Мы пришли какъ разъ во время, потому что скоро поѣздъ тяжело подѣхалъ къ платформѣ, гремя цѣпями...

Н. Сорокинъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

(Провинція).

IV.

Отъѣздъ въ Нижній Новгородъ.—Яхть-клубская фуражка Бурдина.—Опоздали!—Нижегородская труппа.—Гастроли Бурдина.—Мой дебютъ.—Девять репетицій въ одинъ день.—Антрепренеръ Смольковъ.—Его отношенія къ театру.—Проѣздъ черезъ Нижній Новгородъ императора Александра Николаевича.—Торжественный спектакль.—Участіе въ немъ Бурдина.—«Торжество добродѣтели».

НЗЪ Рыбинска мы отправились въ Нижній Новгородъ на пароходъ. Для меня, впервые видѣвшаго Волгу, поѣздка эта доставила громадное удовольствіе, гораздо большее, нежели наши гастроли, на которыя такъ много возлагалось надеждъ и которыя ничуть ихъ не оправдали, ни въ матеріальномъ отношеніи, ни въ отношеніи успѣха.

Бурдинъ, усаживаясь на пароходъ, замѣнилъ свою шляпу форменной позументной фуражкой яхть-клуба, тогда только-что народившагося въ Петербургѣ. Онъ былъ членомъ этого спортоваго кружка, хотя въ морскомъ спортѣ никогда не принималъ ни малѣйшаго участія.

— Зачѣмъ вы, Федоръ Алексѣевичъ, перерядились?—спросилъ я его.

— Ну, всетаки, лучше... спокойнѣе...

— Въ какомъ отношеніи спокойнѣе?

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIV, стр. 121.

— Имѣя видъ моряка, я могу пользоваться въ извѣстныхъ случаяхъ авторитетомъ...

— На что вамъ этотъ авторитетъ?

— Въ моемъ присутствіи не позволять какихъ либо небрежностей или задержекъ...

Вскорѣ послѣ этого объясненія, когда мы съ нимъ сидѣли на палубѣ парохода и любовались живописными волжскими картинами, къ нему подсаживается лоцманъ и заводитъ фамиллярный разговоръ:

— Куда? Домой?

— Что?—переспросилъ Бурдинъ, сооривъ брезгливую гримасу и отодвигаясь отъ него въ сторону.

— Домой, говорю, на побывку ѣдешь, что ли?

— Ахъ, ты, негодяй!—вскрикнулъ Федоръ Алексѣвичъ.— Не видишь, что ли, грубиянъ неотесанный, съ кѣмъ разговариваешь? Да я тебя...

Лоцманъ испуганно вскочилъ съ мѣста и, сознавая свое ошибочное предположеніе о Бурдинѣ, какъ о шкиперѣ, дрожа, произнесъ умоляющимъ голосомъ:

— Виновать, ваше превосходительство!..

— Ну, то-то!..

Отскочивъ отъ Бурдина, лоцманъ бросился со всѣхъ ногъ бѣжать на носъ парохода, замѣтивъ мимоходомъ одному изъ парходныхъ служащихъ:

— Ахъ, чтобъ его! На адмирала нарвался!..

Вслѣдъ за этимъ инцидентомъ послѣдовалъ второй. На кормѣ парохода сидѣла группа мужиковъ и бабъ, изъ которыхъ одна была съ такимъ безпокойнымъ ребенкомъ, что пассажиры просто изнемогали отъ его непрерывнаго плача. Прогуливаясь по палубѣ, Бурдинъ какъ-то приближается къ кормѣ, гдѣ его окликаетъ мать этого ревуна:

— Эй, милый человѣкъ, подь-ка сюды...

— Что тебѣ?

— Попужай, сдѣлай милость, младенца... Онъ такихъ-то боится...

— Экая ты дура!—отвѣтилъ Федоръ Алексѣвичъ.— Чѣмъ же я страшень?

— Будто баринъ...

Бурдинъ усмѣхнулся, отошелъ и глубокомысленно мнѣ замѣтилъ:

— Вотъ оно, уродское воспитаніе. Съ малыхъ лѣтъ вооружаютъ мальчишку противъ господина. Развѣ можно ребенка бариномъ пугать?!

Хотя Бурдинъ и увѣрялъ меня, что «дѣло въ шляпѣ», то-есть, въ яхтъ-клубской фуражкѣ, однако дорогой было много задер-

жекъ, и пароходъ нашъ прибылъ въ Нижній Новгородъ съ опозда-
ніемъ на полсутки. Мы пріѣхали въ десять часовъ вечера того
дня, когда Бурдинъ долженъ былъ участвовать въ комедіи «Бѣд-
ность не порокъ». Проѣзжая по улицамъ къ гостинницѣ, мы ви-
дѣли расклеенныя по городу громадныя афиши, извѣщавшія по-
чтеннѣйшую публику о первомъ гастролѣ петербургскаго артиста
Ө. А. Бурдина.

Намъ потсмъ передавали, что антрепренеръ Смольковъ впро-
долженіе всего дня испытывалъ танталовы муки. Онъ поставилъ
на пристани дежурныхъ, на обязанности которыхъ лежало до-
ждаться парохода и тотчасъ же извѣстить его о прибытіи гастро-
лера. Раза два-три онъ самъ ѣздилъ на берегъ и, наконецъ, пе-
редъ самымъ спектаклемъ поручилъ роль Любима Торцова актеру
Башкирову, уже неоднократно ее игравшему. Противъ чаянія, ни-
какой демонстраціи со стороны публики въ театрѣ сдѣлано не
было, и спектакль прошелъ благополучно.

Съ слѣдующаго дня начались правильные гастроли Бурдина,
а вскорѣ затѣмъ и мои.

Нижегородская труппа въ тотъ годъ была велика. Въ ней на-
ходились, временно, извѣстный московскій трагикъ Корнелій Ни-
колаевичъ Полтавцевъ, артистка московскаго Малаго театра Ни-
кулина-Косицкая, служили бывшая артистка Александринскаго
театра Баранова, Востоковъ и мн. др., въ большинствѣ очень да-
ровитыя личности. Вообще нижегородскіе спектакли въ то время
пользовались большимъ успѣхомъ и, благодаря участию въ нихъ
талантливыхъ исполнителей, славились по всей Волгѣ. Немного
позже изъ Рыбинска перекочевалъ къ Смолькову же и И. Ө. Гор-
буновъ. Потомъ пріѣхалъ А. Н. Островскій, прогостившій въ на-
шемъ обществѣ продолжительное время.

Въ Нижнемъ Новгородѣ Бурдинъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ.
Зрители отнеслись къ нему очень сочувственно и аплодировали
ему старательно. Онъ былъ, разумѣется, очень доволенъ и нахо-
дилъ, что Нижній Новгородъ несравненно театральнѣе Рыбинска,
и публика гораздо культурнѣе, вполне развитая до степени пони-
манія драматическаго искусства.

— Поиграйте и вы!—совѣтовалъ мнѣ Өедоръ Алексѣевичъ.—
Раскаиваться не придется. Я сегодня же натравлю на васъ Смоль-
кова, и онъ васъ нынче же пригласитъ гастролить.

Дѣйствительно, Смольковъ въ тотъ же день сдѣлалъ мнѣ предло-
женіе принять участіе въ его спектакляхъ, но съ такимъ микро-
скопическимъ вознагражденіемъ, которое едва-едва окупало скром-
ные дневные расходы.

Для перваго дебюта я выбралъ водевилъ графа Сологуба «Бѣда
отъ нѣжнаго сердца». Являюсь на репетицію. Нѣкоторые стара-
тельные исполнители свои роли знали, а немногіе, и въ томъ

числѣ Башкировъ, которому была поручена роль старика Золотникова, говорили все время по суфлеру.

— Такъ нельзя,—замѣтилъ я послѣдному,—непремѣнно нужно выучить роль.

— Выучу, не безпокойтесь.

— Смотрите же, въ противномъ случаѣ я откажусь отъ участія, потому что не намѣренъ ставить себя въ неловкое положеніе передъ зрителями, которые меня совершенно не знаютъ. Я, какъ и всякій артистъ, дорожу первымъ впечатлѣніемъ.

— Да ужъ ладно, выучу...

Наступаетъ день спектакля. Начинается репетиція. Слѣжу за Башкировымъ и вижу, что онъ не произноситъ ни одного живаго слова, между тѣмъ у меня съ нимъ самыя большія и выигрышныя сцены.

— Какъ же вы,—говорю ему,—обѣщали выучить роль?

— Выучу... не безпокойтесь...

— Помилуйте, какъ же не безпокойться. Вѣдь я являюсь главнымъ страдательнымъ лицомъ.

— Къ спектаклю знать буду.

Я потребовалъ на сцену антрепренера и объявилъ ему, что при такихъ условіяхъ я играть не могу. Смольковъ, съ свойственной ему сообразительностью, разсудилъ:

— Условія малы? Ну, ладно: я вамъ нѣсколько цѣлковыхъ еще накинута.

— Не денегъ я у васъ требую, а порядка, правильнаго отношенія къ дѣлу. Башкировъ не знаетъ ни слова, и я затрудняюсь вести съ нимъ сцену.

— Это пустяки!

— Какъ пустяки?

— А такъ, что репетируйте весь день, вотъ онъ и будетъ знать.

— Какъ же это весь день?

— Очень просто: до самаго вечера.

Пришлось воспользоваться рѣшеніемъ антрепренера, чтобы не разстроивать спектакля. Мы сдѣлали девять рядовыхъ репетицій, и цѣль успѣшно была достигнута. Въ концѣ-концовъ Башкировъ зналъ свою роль и во время спектакля ничуть не мѣшалъ ни мнѣ, ни остальнымъ участвующимъ.

Нижегородскій антрепренеръ Оедоръ Константиновичъ Смольковъ былъ оригинальнѣйшимъ человѣкомъ. Впродолженіе многихъ лѣтъ въ актерской сферѣ онъ былъ «притчею во языцехъ», и о немъ ходило множество анекдотовъ; нѣкоторые изъ нихъ, сохранившіеся въ моей памяти, я приведу ниже... Смольковъ заикался самымъ неимовернымъ образомъ, не имѣя возможности правильно выговаривать буквально ни одного слова, что его ужасно сердило; онъ топалъ ногами, уда-

рялъ себя по колѣнамъ, гримасничалъ и вообще продѣлывалъ такія эволюціи, что никакой серьезный и спокойный собесѣдникъ не могъ бы удержаться отъ спазматическаго смѣха. Однако, въ заиканьѣ Смолькова была большая странность: при разговорѣ его языкъ отказывался отъ повиновенія, а при чтеніи вслухъ онъ былъ послушенъ и ни одной буквой не выдавалъ своего обладателя.

Его отношенія къ сценѣ были слишкомъ просты. На театрѣ онъ смотрѣлъ исключительно только съ коммерческой точки зрѣнія. Режиссеровъ не долюбивалъ, старался болѣе обойтись «домашнимъ способомъ», что, разумѣется, вызывало небрежности, анахронизмы и такія уродства драматическихъ произведеній, что теперь даже и подумать стыдно. Однако, счастье везло ему и все прелюбополучно сходило съ рукъ. Впрочемъ, въ тѣ времена провинціальныя зрители были чрезвычайно снисходительны и смотрѣли на театрѣ, не какъ на искусство, а какъ на обыкновенное увеселительное заведеніе.

Какъ образецъ небрежныхъ отношеній Смолькова къ сценѣ, можно привести такой случай. Репетируется комедія Н. А. Потѣхина «Дока на доку». Я игралъ барона, а мою мать, баронессу, которую возятъ въ креслахъ, какая-то полурастрепанная женщина съ испуганнымъ выраженіемъ лица. Суфлеръ подавалъ ей слова роли, она ихъ произносила, но такимъ не актерскимъ тономъ, что я счелъ необходимымъ подойти къ ней и спросить:

— Вы, вѣроятно, поздно получили роль и не успѣли ее просмотрѣть?

— Охъ, батюшка, какая тутъ роль! до роли ли мнѣ?!

— А что такое?

— Какая же я актриса? Я не актриса, я гардеробщица.

— Кто же васъ заставилъ на сцену выходить?

— Ну, конечно, Ѳедоръ Константиновичъ... Ему хоть бы что, а у меня-то сердце не на мѣстѣ. Вдругъ чтонибудь пропадетъ...

Въ этой же пьесѣ игралъ молодой человѣкъ, находившійся подъ сильной протекціей актрисы Барановой. Онъ изображалъ моего пріятеля, шафера.

На послѣдней репетиціи, видя, что онъ не знаетъ ни слова изъ роли и поминутно путается, я подошелъ къ нему и тихо, по товарищески, сказалъ:

— Трудно вамъ будетъ суфлера ловить. Вы зачеркните свои слова, оставьте только реплики.

— Съ удовольствіемъ!—обрадовался актеръ.—Сегодня-то ужъ, разумѣется, не заучить мнѣ.

— Ну, вотъ то-то и есть.

Придя къ такому скорому соглашенію, мы подошли къ суфлеру и велѣли сдѣлать купюры.

Узнала объ этомъ Баранова и, думая, что это съ моей стороны

интриги, подходит въ концѣ репетиціи ко мнѣ и внушительно заявляетъ:

— За что вы сконфузили этого молодого человѣка? Это нехорошо. Онъ, какъ и вы, начинающій, а потому на первыхъ порахъ заявлять себя интриганомъ некрасиво.

— Помилуйте, какая же это интрига? Онъ самъ согласенъ, что роли не знаетъ, и потому съ понятнымъ равнодушіемъ сдѣлалъ купюры...

— Да-съ, но на это вы его натолкнули, самому бы ему никогда до этого не додуматься.

— Простите. Я попрошу суфлера сейчасъ же возстановить зачеркнутыя мѣста.

— Всенепремѣнно.

Вслѣдъ за нею подходитъ ко мнѣ Смольковъ, которому объ этомъ обстоятельствѣ, очевидно, уже передали.

— Не забирайте, — говорить, — этого молодого...

— Я противъ него ничего не имѣлъ и не имѣю...

— Пусть все по пьесѣ говорить...

— На доброе здоровье.

— Онъ вѣдь еще молодой, и ему, конечно, очень хочется поговорить.

Вечеромъ же, во время спектакля, передъ выходомъ на сцену, приходитъ ко мнѣ въ уборную этотъ молодой актерствующій человѣкъ и говорить:

— Пожалуйста, разговаривайте на сценѣ одинъ.

— Какъ одинъ? А вы-то что будете дѣлать?

— Молчать.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? мнѣ давеча за васъ читали нотацію и Баранова, и Смольковъ!

— А мы, всетаки, будемъ играть такъ, какъ сговорились съ вами... Вѣдь я-то вовсе не хочу говорить на сценѣ, это она того требуетъ...

— Зачѣмъ же ей нуженъ вашъ разговоръ?

— Она меня любитъ!

Вотъ при какихъ отношеніяхъ къ театру самого антрепренера и актеровъ развивалось искусство въ провинціи.

Во время нашего пребыванія у Смолькова вдругъ появляется извѣстіе, что императоръ Александръ Николаевичъ проѣздомъ остановится на короткій промежутокъ времени въ Нижнемъ Новгородѣ. Разумѣется, такая вѣсть произвела радостную сенсацію. Всполошилось все населеніе, и въ особенности Федоръ Константиновичъ, отправившійся къ губернатору просить разрѣшенія устроить торжественный спектакль. Губернаторъ, конечно, охотно таковой разрѣшилъ и сказалъ ему, что государь, по всей вѣроятности, посѣтитъ, между прочимъ, его театръ. Счастливый и радостный Смоль-

ковъ прибѣгаетъ на репетицію, останавливаетъ ее и передаетъ актерамъ слова начальника губерніи. Тутъ же стали рѣшать, что и съ кѣмъ поставить. Изъ чувства деликатности мы, представители императорскихъ театровъ, должны были отказаться отъ участія въ этомъ спектаклѣ, дабы дать возможность провинціальнымъ актерамъ показаться императору. Актеры торжествовали и высказывали намъ свою признательность.

Спектакль былъ сборный, то-есть было предположено къ постановкѣ нѣсколько небольшихъ пьесокъ и въ заключеніе балетный дивертиссементъ. Спѣшка была страшная. Актрисы не спали всю ночь наканунѣ представленія, торопяся приготовить себѣ новыя платья. Актеры занимались детальнымъ изученіемъ ролей, а антрепренеръ отдѣлывалъ и приводилъ въ порядокъ театральное зданіе.

Все шло хорошо.

Рано утромъ въ день спектакля Бурдинъ уходилъ изъ дому; возвращается только въ семь часовъ вечера и торопливо приказываетъ лакею собрать въ чемоданъ нѣкоторые предметы изъ платья.

— Куда это вы?—спрашиваю его я.

— Играю... играю сегодня...

— Какъ играете? Развѣ назначенныя пьесы отмѣняются? Или заболѣлъ кто?

— Перемѣна спектакля. Я сегодня былъ у губернатора и категорически заявилъ ему, что назначенная пьеса въ присутствіи государя исполнена быть не можетъ.

— Отчего?

— Оттого, что она глупа. Съ разрѣшенія губернатора, ее замѣнили «Картинкой съ натуры».

— Но вѣдь въ ней такъ мало дѣйствующихъ лицъ, я представляю себѣ отчаяніе здѣшнихъ актеровъ.

— Сами виноваты, не выбирай ерунды.

И дѣйствительно, какъ только это стало извѣстнымъ за кулисами, поднялся бунтъ. На Бурдина вознегодала положительно вся труппа, приписывая переменѣ пьесы исключительно ему одному. Разумѣется, до нихъ быстро дошелъ слухъ, что Бурдинъ былъ у губернатора и убѣдилъ его совершенно несправедливо, что предназначенная для представленія комедія не прилична: Болѣе всѣхъ возмущался Полтавцевъ и общалъ вызвать Бурдина на дуэль. Корнелій Николаевичъ, отличавшійся вообще добрымъ сердцемъ, не могъ простить Бурдину его продѣлки съ меньшей актерской братіей, и безъ того не много видящей въ своей жизни хорошаго и рѣдко ощущающей что либо особенно пріятное и торжественное. Однако, общими усиліями на другой день удалось его уговорить оставить этотъ случай безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что Бурдину затѣя не удалась, и государь его не видѣлъ.

Случилось же это такимъ образомъ.

«Картинка съ натуры» должна была идти первою. Все было готово къ началу спектакля. Проходить назначенный часъ, а государя нѣтъ. Взволнованный Смольковъ стоитъ у подъѣзда. Вдругъ пріѣзжаетъ вѣстовой съ приказаніемъ начать представленіе, не дожидаясь императора, который, будучи задержанъ важными дѣлами, прибудетъ позже. Взялся занавѣсъ, и началось представленіе. Театръ былъ переполненъ народомъ. Только что окончилась «Картинка съ натуры», пріѣзжаетъ государь. Мѣстные актеры, не принимавшіе участія въ спектаклѣ по винѣ Бурдина, ликовали. Ѳедоръ же Алексѣевичъ былъ раздосадованъ на неудачу. Его ползновенія сыграть въ присутствіи императора не увѣнчались успѣхомъ. Такимъ образомъ, къ общему удовольствію, порокъ былъ наказанъ, а добродѣтель восторжествовала.

V.

Вторая моя поѣздка въ Нижній Новгородъ. — Постановка трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго». — Ѳ. К. Смольковъ и анекдоты про него. — Актеръ Востокъ. — Анекдоты про него.

Вторая моя поѣздка въ Нижній Новгородъ состоялась въ 1867 году, по приглашенію самого Смолькова, поставившаго первымъ пунктомъ нашего условія «исполненіе роли царя Іоанна Грознаго» въ трагедіи графа А. К. Толстаго. На сценѣ императорскаго театра я въ то время игралъ Годунова и въ Нижнемъ, конечно, имѣлъ намѣреніе выступить въ этой же роли, но Смольковъ настоялъ на томъ, чтобы я игралъ Грознаго.

Постановка этой пьесы была очень хорошая. Смольковъ не поскупился на костюмы, на декораціи, на бутафорію, и трагедія произвела на зрителей на столько благоприятное впечатлѣніе, что прошла во время ярмарки пять разъ при полныхъ сборахъ.

Изъ остальныхъ участвующихъ помню: Ральфа, Н. Самойлова, А. П. Ленскаго и Мельникову-Самойлову. Первый изображалъ Годунова, второй — Шуйскаго, третій — царя Ѳедора и послѣдняя — царицу. Въ общемъ прекрасный ансамбль и грандіозный успѣхъ.

При воспоминаніи объ этихъ спектакляхъ въ Нижнемъ Новгородѣ, невольно припоминается маленькій эпизодъ, характеризующій Смолькова-анекдотиста. На второе представленіе «Смерти Іоанна Грознаго», когда театръ былъ совершенно переполненъ публикою, пріѣзжаетъ нѣкая очень важная столичная административная особа, проѣздомъ посѣтившая ярмарку. Ѳедоръ Константиновичъ съ достоинственнымъ почетомъ встрѣчаетъ высокаго гостя и объявляетъ, что, къ крайнему сожалѣнію, нѣтъ ни одного свободнаго мѣста.

— Жаль! А я хотѣлъ было взглянуть, какъ у васъ играютъ? Говорятъ, хорошо...

— Даже очень хорошо, и если вы не погнушаетесь, я какъ нибудь пристрою васъ на сценѣ. Гдѣ нибудь въ кулисахъ приставлю стулъ.

— Если только никому тамъ не помѣшаю, то съ благодарностью воспользуюсь вашею любезностью.

Смольковъ усадилъ его у портала, близъ занавѣса и безцеремонно взялъ за это пять рублей. Кто-то шепнулъ ему про неловкость его поступка.

— Ничего,—отвѣтилъ антрепренеръ,—это для него наука.

— Какая наука?

— Впередъ заранѣе запастись билетомъ будетъ...

Изъ безчисленнаго множества анекдотовъ про Смолькова въ памяти моей сохранились очень не многіе, и то благодаря только тому, что я былъ, если можно такъ выразиться, ихъ очевидцемъ.

Но прежде, чѣмъ рассказывать о немъ анекдоты, не мѣшаетъ сдѣлать легкую обрисовку его внѣшняго вида. Худощавый, черный ¹⁾, съ растеряннымъ взглядомъ, всегда серьезный, онъ производилъ на первыхъ порахъ вѣчатлѣніе челоуѣка очень дѣловитаго и далеко не глупаго. Онъ ко всему внимательно присматривался, обладалъ «собственной логикой» и въ приговорахъ старался быть безапелляціоннымъ. При дальнѣйшемъ же съ нимъ знакомствѣ можно было сдѣлать безошибочное заключеніе, что это мелкій коммерсантъ, ничего общаго съ театромъ не имѣющій и смотрящій на искусство, какъ на доходную статью, ограниченный, малообразованный и при всемъ томъ искренній чудакъ. Если же ко всему этому прибавить его заиканье и метрономъ ²⁾, съ которымъ Ѳедоръ Константиновичъ былъ неразлученъ и который онъ постоянно ставилъ передъ собой во время разговора, то получится полный фотографическій снимокъ съ одного изъ извѣстнѣйшихъ антрепренеровъ, стяжавшаго на этомъ поприщѣ славу и даже нѣкую толику денегъ, что дѣлаетъ его исключительнымъ представителемъ провинціальной храмины Мельпомены.

Представленію «Смерти Іоанна Грознаго» предшествовали многочисленныя репетиціи. Шились новые костюмы, рисовались новыя декорации, изготовлялись бутафорскія вещи. Когда трагедія шла уже, какъ говорится, безъ сучка и задоринки, я какъ-то кстати замѣтилъ Смолькову:

— Пора бы назначить ее въ репертуаръ.

— Знаю-съ, знаю, да никакъ нельзя.

— Что такое? Почему?

— Несчастье тяготитъ.

¹⁾ Онъ былъ на самомъ дѣлѣ рыжій, но постоянно красился.

²⁾ Приборъ, отбивающій тактъ.

— Какое?

— Бутафорскія вещи не готовы.

— Ну, это несчастье не велико. А за какими именно вещами остановка?

— Да вот за тѣми, которыя царь приготовляетъ для подарка своей невѣстѣ.

— А ихъ-то какъ разъ и не надо.

— Какъ не надо? — съ ужасомъ воскликнулъ Смольковъ, трепеща передъ напрасными расходами.—Почему не надо?

— Потому что эта сцена съ подарками у насъ не пойдетъ. Она даже и на императорской сценѣ исключена.

— Что вы? Неужели?

— Да. Всего только она и имѣла мѣсто на первомъ представленіи, а на послѣдующихъ она пропускалась по желанію самого автора.

— Какъ же вамъ было не стыдно не сказать этого заранее?! Позвать скорѣе ко мнѣ бутафора!—крикнулъ онъ одному изъ плотниковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился бутафоръ. Смольковъ встрѣтилъ его радостнымъ возгласомъ:

— Не надо!

— Чего не надо?

— Подарковъ дѣлать.

— Почему?

— А потому, что ты, видно, пьесы не знаешь...

— Да и знать мнѣ ее не нужно, я работалъ по вашему заказу.

— Такъ ты подумай-ка, вѣдь эти вещи нужны для первыхъ сценъ послѣдняго акта?

— Да.

— Ну, а вѣдь въ послѣднемъ-то актѣ Іоаннъ Грозный умираетъ?

— Что-жъ изъ этого?

— А то, что если онъ помирать собирается, то ему не до подарковъ... Не нужно, не нужно ихъ... напрасно, братецъ, старался...

Смольковъ былъ потѣшенъ во всемъ. Какъ-то репетируемъ «Горе отъ ума». Я игралъ Чацкаго, а какой-то актеръ читалъ роль Горича. Онъ путалъ, вралъ и вообще такъ ее велъ, что я вынужденъ былъ обратиться къ антрепренеру съ жалобой.

— Такъ относиться къ Грибоѣдовскому произведенію нельзя,—говорю я Ѳедору Константиновичу.—Онъ несетъ околесную...

— Это вы про кого? — перебилъ меня Смольковъ.

— Да вотъ я про этого господина.

— Не безпокойтесь, въ спектаклѣ онъ не участвуетъ.

— Я васъ не понимаю.

— Онъ такъ, приставной... Горича будетъ играть другой ар-

тисть, Востоковъ, а онъ только поставленъ для репетиціи, чтобы вамъ веселѣе было...

— Но, позвольте, это тоже не дѣло: репетировать будетъ одинъ, а играть другой.

— Ничего, другой-то у меня больше жалованья получаетъ и безъ репетицій бываетъ хорошъ...

Въ нижегородской труппѣ служилъ на выходныхъ роляхъ какой-то отчаянный пьяница, однако, скрывавшій свою слабость и притворявшійся трезвымъ.

Однажды проходить онъ мимо Ѳедора Константиновича, сильно покачиваясь. Тотъ его останавливаетъ строгимъ замѣчаніемъ:

— Пьянъ?

Актеръ понялъ, что скрыть своего состоянія нельзя, гордо выпрямился и отвѣтилъ:

— И горжусь этимъ!

— Дуракъ!

— Не сердись, благородный джентльменъ.

— Ахъ, ты безобразникъ! Хочешь, чтобы я тебя оптрафовалъ?!

— За что?

— А вотъ за этого самаго джентльмена.

Когда этотъ анекдотъ былъ пересказанъ покойному драматургу А. Н. Островскому, то онъ очень много смѣялся и даже въ послѣдствіи воспользовался имъ въ одной изъ своихъ пьесъ, позаимствовавъ, впрочемъ, только первую его половину.

Будучи свободнымъ въ одинъ изъ спектаклей, сижу я въ ложѣ съ Смольковымъ и созерцаю какую-то мелодраму. Одинъ изъ участвующихъ былъ противъ обыкновенія плохъ. По этому поводу я повелъ разговоръ съ антрепренеромъ.

— Почему онъ сегодня не интересенъ? Въ прошлый разъ онъ былъ несравненно лучше...

— Онъ сегодня хорошо играть не можетъ.

— Почему?

— У него деньги пропали.

Большинство актеровъ, служившихъ у Ѳедора Константиновича, пользовались казенной квартирой. Около театра возвышался полуразвалившійся деревянный домъ, который раздѣленъ былъ на крохотныя квартиры, въ одну и двѣ комнаты. Одинокіе пользовались комнатой, семейные двумя. Въ этомъ домѣ проживала почти вся труппа; не гнушались казенной квартирой также и такіе артисты-гастролеры, какъ Полтавцевъ, Милославскій и другіе.

Входныя двери на сцену были обращены къ фасаду этого флигеля. Какъ-то выходитъ со сцены Смольковъ и за нимъ актеръ В. Останавливаются у подъѣзда и ведутъ жаркій разговоръ. Милославскій привлеченный шумомъ съ улицы, облокотился на подоконникъ и сталъ слѣдить за спорящими, которые въ концѣ-кон-

цовъ дошли до крика. Антрепренеръ ужасно волновался и, въ пылу негодованія, обругалъ В. мерзавцемъ.

— Что? Ты подлишь, а я оказываюсь мерзавцемъ?!—разсвирѣпѣлъ В.—Такъ вотъ же тебѣ!

Быстрымъ движеніемъ руки повалилъ его на землю и сталъ наносить ему ударъ за ударомъ. Когда же этой экзекуціи наступилъ конецъ, и В., довольный своею побѣдой, удалился, Ѳеодоръ Константиновичъ тяжело поднялся съ земли, оправился и, увидавъ Милославскаго, произнесъ:

— Видѣли?

— Видѣлъ.

— Удивляетесь?

— Нѣтъ.

— Отлудилъ таки... Говорятъ, давно собирался...

Отставной артистъ императорскихъ петербургскихъ театровъ Прусаковъ послѣдніе годы жизни пребывалъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Когда Смольковъ жаловался, что негдѣ достать хорошихъ актеровъ, я указалъ ему на талантливаго Прусакова, сидѣвшаго не у дѣлъ.

— Онъ невозможенъ,—отвѣтилъ Ѳеодоръ Константиновичъ.

— Отчего?

— Зашибаетъ очень.

— Вѣроятно, отъ бездѣлья, а если его пристроить къ работѣ, можетъ быть, онъ остепенится.

— Пробовалъ я, да ничего не выходитъ. Поручилъ было ему роль Муромскаго въ «Свадьбѣ Кречинскаго», но вдосталь наплакался... Въ первомъ актѣ всю публику привелъ онъ въ восторгъ. Зрители не могли нахвалиться. Во второмъ онъ не выходитъ, все было тихо и хорошо. Въ третьемъ же его еле-еле на сцену вывели. Упился такъ, что вся публика изъ театра разбѣжалась... Впрочемъ, это ужъ пьеса такая глупая.

— А пьеса-то при чемъ?

— А при томъ, что авторъ вѣдь зналъ, что Муромскаго долженъ резонеръ играть. А резонера въ каждомъ актѣ выпускать нужно, потому что всѣ они пьяницы. Какъ гдѣ ихъ пропустите, тамъ они и напьются.

У Смолькова былъ какой-то складъ вина или просто винный погребъ. Поэтому онъ очень охотно ссужалъ своихъ служащихъ «натурой» и потомъ ихъ ругалъ «пьяницами». Жалованье любилъ задерживать и вообще предпочиталъ выдачу его мелочами.

Является къ нему однажды актеръ Г—ни и просить денегъ.

— Нѣтъ!—отрѣзалъ антрепренеръ.

— Но я очень нуждаюсь, у меня семья...

— Это все равно.

— Я вѣдь не авансомъ прошу, у меня есть заработанныя...

— Неужели ты не понимаешь, что у коммерческаго человѣка не можетъ быть свободныхъ капиталовъ.

— Да вѣдь мнѣ нѣсколько цѣлковыхъ всего, — при чемъ тутъ капиталы?!

— Хочешь водкой брать — бери, а чистоганомъ расплатиться не могу.

— Помилуйте, на что мнѣ водка?

— Можешь продать.

Наконецъ, послѣ долгаго препирательства, выдаетъ онъ ему цѣлковый.

— Что же это вы смѣяться надо мной вздумали, что ли?

— Нисколько.

— Что я могу сдѣлать на цѣлковый?

— Ежели скромно жить, то можно на него дня четыре быть сытымъ.

— Это съ семьей-то?

— Конечно... Поди по лавкамъ, хорошенько поторгуйся, можетъ, гдѣ и на мекената наскочишь—что нибудь въ подарокъ дастъ...

— Такъ вѣдь можно и безъ вашего рубля идти милостыню собирать...

— Эхъ, ты! Знать, еще нужды не испыталъ...

— Ну, служа у васъ, трудно ее не испытать!

— Ахъ, ты, неблагодарный! Я ли стѣсняю изъ васъ кого: сколько хочешь, бери у меня вина и даже авансомъ...

Подобные разговоры у Смолькова бывали заурядъ. Онъ пресерьезно считалъ себя благодѣтелемъ и cadaго корилъ тѣмъ, что «виномъ не стѣсняетъ», а потомъ удивлялся всѣмъ и находилъ всѣхъ «пропойцами».

Служилъ у Ѳедора Константиновича комикомъ Константинъ Загорскій, который, при постановкѣ комедіи «Любовь и предразсудокъ», такъ удачно загримировался Смольковымъ въ роли зайки Пикока, что весь театръ помиралъ со смѣха, поглядывая то на оригиналъ, то на копію. Смольковъ вмѣстѣ съ другими хохоталъ, а потомъ, когда кто-то намекнулъ ему, что Загорскій на сценѣ передразнилъ его, онъ разсердился. Прибѣжалъ за кулисы и внушительно закричалъ на актера:

— Какъ ты смѣлъ мной выходить? Я тебя за это оптрафую и засужу.

— Помилуйте, Ѳедоръ Константиновичъ, за что же?

— А за то, что нельзя хозяина представлять въ комическомъ видѣ. Другое дѣло, если бы ты представилъ меня молодымъ, красивымъ и безъ порока.

— Но вѣдь тогда я не былъ бы на васъ похожъ ни на іоту.

— Ничего не значитъ. Всетаки мнѣ пріятнѣе видѣть себя прекраснымъ.

Послѣ гастролей, въ 1867 году, мнѣ приходилось получить съ Смолькова около 1.300 рублей. Всю эту сумму онъ уплатилъ мнѣ мелочью, то-есть, далъ цѣлую кипу грязныхъ, засаленныхъ рублевыхъ, трехрублевыхъ и пятирублевыхъ бумажекъ.

— Неужели нѣтъ денегъ покрупнѣе?

— Нѣтъ... Впрочемъ, если васъ стѣсняетъ это, то можете сдѣлать промѣнъ мелочи на большія бумажки въ главномъ ¹⁾ домѣ. Я дамъ вамъ записку къ казначею...

Отправляюсь въ главный домъ. Любезно встрѣчаетъ меня казначей и соглашается выдать мнѣ требуемую сумму сторублевокъ. Начинаетъ считать мои деньги, и вдругъ къ своему ужасу я замѣчаю, что онъ равнодушнѣйшимъ образомъ выкидываетъ изъ пачки нѣкоторыя бумажки, очевидно, подозрѣвая ихъ фальшивыми. Когда окончился счетъ, я не утерпѣлъ и спросилъ его.

— А эти деньги для чего вами отложены?

— Получите ихъ обратно; хотя въ сущности я не имѣю права ихъ возвращать, но зная, что ими васъ наградила Ѳеодоръ Константиновичъ, рекомендую промѣнять ихъ тотчасъ же у него.

— Значить, онѣ фальшивыя?

— Да.

Ѳду къ Смолькову.

— Что вы надѣлали, — заявляю, — фальшивыхъ бумажекъ мнѣ надавали! Хорошо еще, что на мѣстѣ я вздумалъ ихъ мѣнять...

— Это пустяки.

— Какъ пустяки? Ихъ могли конфисковать?!

— Ну, мало ли что могли... Давайте ихъ мнѣ, я вамъ промѣняю.

Когда Ѳеодоръ Константиновичъ сдѣлалъ обмѣнъ кредитокъ, я спросилъ его:

— Что же вы теперь будете дѣлать съ фальшивыми деньгами?

— У насъ уйдетъ, — сказалъ онъ равнодушно. — У насъ фальшивыя бумажки не залежатся...

— Какъ уйдутъ? Куда?

— Во время вечерней продажи онѣ у насъ идутъ хорошо. Прекрасно ихъ сбываемъ...

Покидая Нижній Новгородъ, я разговорился съ Смольковымъ о дальнѣйшихъ театральныхъ дѣлахъ его.

— Будете, — спрашиваю, — ставить еще «Смерть Іоанна Грознаго»?

— Непремѣнно... Сорву еще сборика два навѣрное...

— А кто у васъ будетъ играть заглавную роль? Она тяжела.

— Трусовъ.

— Но вѣдь она не въ его средствахъ. Онъ занимаетъ амплуа молодыхъ людей...

¹⁾ Ярмарочномъ.

— Нѣтъ, онъ хорошо и стариковъ играетъ. Они у него отлично выходятъ...

Про актера Востокова Ѳедоръ Константиновичъ выражался такъ:

— Хорошій онъ актеръ, очень хорошій...

— Да, если бы не страдалъ алкоголизмомъ, былъ бы выдающимся.

— Онъ и теперъ очень выдающійся актеръ... Прекрасный актеръ...

— Чѣмъ же, помилуйте, теперъ-то? Всегда пьянъ и никогда роли не знаетъ.

— Да я не за сцену его хвалю.

— А за что?

— На счетъ денегъ не спорить. Передашь ли ему, не додашь ли, молчить и никакого скандала.

Въ дѣйствительности П. В. Востоковъ былъ очень способною личностью, къ несчастью, загубленною пристрастіемъ къ горячей влагѣ. Кромѣ своего сценическаго дарованія, онъ обладалъ недурнымъ литературнымъ перомъ и прекрасно перевелъ нѣсколько драмъ, комедій и водевилей, которые въ свое время держались въ репертуарѣ и пользовались успѣхомъ. Разумѣется, эти работы его принадлежатъ къ раннему періоду жизни, ко времени пребыванія его на сценѣ московскаго Малаго театра. Я познакомился съ Востоковымъ въ періодъ его полнѣйшаго расслабленія, когда всѣ отъ него сторонились, по причинѣ его невоздержности и того брезгливаго чувства, которое онъ внушалъ всѣмъ и каждому. Востоковъ былъ толстъ, одутловатъ, небреженъ въ костюмѣ и съ сивушнымъ запахомъ, дававшимъ знать о его приближеніи чуть не за сажень. Когда онъ, бывало, подходилъ съ изъясненіемъ своихъ чувствъ къ А. Н. Островскому, то знаменитый драматургъ спѣшилъ остановить его въ отдаленіи отъ себя, говоря:

— Не раздражайте аппетита. Я еще не обѣдалъ.

Или, если Востоковъ, не смотря на это заявленіе, всетаки, не останавливался въ почтительномъ разстояніи, Александръ Николаевичъ умоляюще просилъ его:

— Подвиньтесь... окажите благодареніе... еще... еще... Благодарю васъ!

Является однажды Востоковъ на репетицію. Его встрѣчаютъ артисты и энергично высказываютъ свое неудовольствіе за «опозданіе».

— Задержали, — сталъ было оправдываться Востоковъ. — Ей-Богу, не по своей винѣ.

— Кто же тебя задержалъ?—освѣдомился И. Ѳ. Горбуновъ.

— Купецъ одинъ... хорошій такой... Ужъ я давно старался отъ него отдѣлаться, да не выпускалъ онъ меня...

— А ты попробовалъ бы на него дыхнуть,—сострилъ Иванъ Ѳедоровичъ.—Ему сдѣлалось бы дурно, а ты въ это время и убѣжалъ бы.

VI.

Изъ своихъ и чужихъ воспоминаній.— М. С. Щепкинъ.— И. В. Самаринъ.—
В. И. Живокини.

Имѣя большое закулисное знакомство, мнѣ очень много приходилось слышать разказовъ изъ жизни выдающихся представителей какъ императорской, такъ и провинціальной сцены. Въ большинствѣ случаевъ эти разказы характеризуютъ актеровъ не только въ ихъ житейской обстановкѣ, но и какъ исключительныхъ дѣятелей извѣстной сферы, вносившихъ въ дѣло свои традиціи, признаваемые потомками и до сихъ поръ сохраняющіяся во всей своей силѣ и красотѣ. Особенно богата традиціями сцена московскаго Малаго театра, гдѣ духъ Щепкина, Садовскаго, Живокини, Самарина, Шумскаго незримо витаетъ за кулисами и бодритъ и вдохновляетъ нынѣшнихъ представителей русской драмы въ Бѣлокаменной. Различные анекдоты и разказы изъ ихъ жизни представляютъ богатый матеріалъ, назидательный и очень пригодный для всякаго любящаго и уважающаго родной театрѣ.

Къ чести нашихъ современныхъ актеровъ слѣдуетъ приписать то, что они, по крайней мѣрѣ, въ анекдотическихъ повѣствованіяхъ вспоминаютъ своихъ славныхъ предшественниковъ и очень часто руководствуются ихъ взглядами на искусство, ихъ отношеніями къ дѣлу, ихъ принципами, что, по моему мнѣнію, не даетъ имъ совершенно погрязнуть въ тинѣ театральныхъ болотъ.

Въ актерскихъ разказахъ и воспоминаніяхъ самое видное мѣсто занимаетъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, имя котораго крупными буквами начертано на скрижаляхъ театральной лѣтописи. Его взгляды на сцену, его поступки, его мнѣнія, конечно, имѣютъ большое значеніе, и я полагаю, что привести о немъ нѣкоторые разказы, сохранившіеся въ моей памяти, будетъ далеко не лишнимъ, тѣмъ болѣе, что все нижеприведенное передано мнѣ очевидцами, а иному я былъ и самъ личнымъ свидѣтелемъ.

Съ какой строгостью Щепкинъ относился къ своему актерскому дѣлу, видно изъ такого эпизода. Идетъ репетиція. Онъ внимательно прислушивается къ репликамъ играющихъ съ нимъ актеровъ. Но вдругъ прерываетъ одного изъ второстепенныхъ исполнителей и говорить:

— Я вѣдь не понимаю, какъ ты будешь играть. Ты, пожалуйста, дай мнѣ ноту.

Актеръ недоумѣвающе всматривается въ Михаила Семеновича и робко спрашиваетъ:

— Ноту? Какую ноту? Для чего?

— Какъ для чего? Разумѣется, для аккорда.

Въ простомъ разговорномъ языкѣ, во время сценическаго дѣй-

ствія, Щепкинъ желалъ достигнуть музыкальной прелести ансамбля.

Лично я познакомился съ Щепкинымъ во время его гастролей на петербургской сценѣ. Впрочемъ, я знавалъ его и раньше въ Москвѣ, но наше московское знакомство ограничивалось только почтительнымъ расшаркиваніемъ съ моей стороны и какой нибудь ласковой фразой—съ его. Въ то время я былъ еще юношей, и дальше этого обмѣна привѣтствій наше знакомство, конечно, идти не могло. Отецъ мой, какъ москвичъ и большой театраль, пользовался постоянной дружбой Михаила Семеновича, съ которымъ часто короталъ время въ англійскомъ клубѣ, гдѣ оба они были членами. Какъ извѣстно, Щепкинъ первый изъ актеровъ былъ избранъ въ члены этого знаменитаго тогда клуба... Всего только разъ довелось мнѣ, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву, встрѣтиться на клубскомъ обѣдѣ съ Михаиломъ Семеновичемъ и въ памятной для меня бесѣдѣ провести съ нимъ весь вечеръ. Никогда не забуду, съ какой энергіей и воодушевленіемъ онъ высказывалъ мнѣ свои строгія, но справедливыя сужденія объ актерѣ и его обязанностяхъ. Называя лучшихъ того времени артистовъ и признавая за ними таланты, Щепкинъ безпощадно порицалъ ихъ за недостаточность вниманія и нерадѣнія къ сценѣ. Говоря, на примѣръ, о лучшемъ и до сихъ поръ незамѣнимомъ въ роляхъ барѣ, теперь тоже покойномъ, И. В. Самаринѣ, Михаилъ Семеновичъ обвинялъ его въ томъ, что тотъ иногда бываетъ небреженъ и, вмѣсто аристократа, изображаетъ какого-то купеческаго сына.

— А почему это? Потому что безспорно талантливый коллега слишкомъ самонадѣянъ, не желаетъ слушать моихъ добрыхъ совѣтовъ. Между тѣмъ, со стороны-то виднѣе. А его уродуетъ ложный стыдъ; онъ думаетъ, что я стараюсь умалить его сценическія достоинства, менторствую и «поучаю».

По рассказамъ сослуживцевъ Щепкина, въ разучиваніи ролей онъ былъ до педантизма точенъ и не упускалъ ни одной малѣйшей детали. Точно такого же отношенія къ «задачамъ автора» (его выраженіе) онъ требовалъ и отъ всего остального персонала труппы.

Однажды, по внезапной болѣзни какой-то актрисы, пришлось наканунѣ вечеромъ, во время спектакля, перемѣнить назначенную на слѣдующій день пьесу и замѣнить ее другою, а именно комедіей «Горе отъ ума». Щепкинъ въ этотъ спектакль былъ занятъ. Узнавъ въ уборной о перемѣнѣ завтрашняго спектакля и не смотря на то, что роль Фамусова игралъ съ первой постановки Грибоѣдовскаго произведенія, онъ отправляется къ режиссеру С. П. Соловьеву и спрашиваетъ:

— Скажите, въ которомъ часу завтра утромъ репетиція?

— Какой пьесѣ, Михаилъ Семеновичъ?

— Какъ какой! Да вѣдь завтра идетъ «Горе отъ ума».

— Помилосердствуйте,—возражаетъ Соловьевъ.—Зачѣмъ дѣлать репетицію «Горю»? Вѣдь мы ее на той недѣлѣ играли? Позвольте актерамъ отдохнуть. Вѣдь ужъ какъ они знаютъ свои роли, тверже никакъ нельзя.

Щепкинъ призадумался и послѣ минутнаго размышленія сказалъ

— Ну, пожалуй, репетиціи не надо; только, всетаки, попрошу хоть слегка пробѣжать мои сцены. Я актеровъ не задержу...

И репетиція состоялась, не взирая на то, что «Горе отъ ума» шло въ московскомъ Маломъ театрѣ совершенно безъ суфлера. Онъ молча сидѣлъ въ своей будкѣ и слѣдилъ за участвующими, всегда игравшими эту комедію наизусть.

Актеръ П. В. Востоковъ, во время своей службы на казенной сценѣ, отличался хроническимъ незнаніемъ поручаемыхъ ему ролей. Его за это не долюбивалъ Щепкинъ и всегда читалъ ему нотации, которыя Востоковъ терпѣливо выслушивалъ и, пообѣщавъ въ будущемъ исправиться, продолжалъ попрежнему оставаться небрежнымъ къ прямымъ своимъ обязанностямъ.

Какъ-то Востоковъ вздумалъ для поправленія своихъ истощенныхъ кармановъ устроить литературно-артистическій вечеръ. Для обезпеченія сбора порѣшилъ пригласить Михаила Семеновича, который для подобныхъ концертовъ былъ всегда притягательной силой. Будучи великолѣпнымъ актеромъ, онъ былъ еще болѣе неподражаемымъ чтецомъ.

Со страхомъ и надеждой отправляется Востоковъ къ Щепкину, который встрѣтилъ его любезно и спросилъ:

— Чего тебѣ, почтенный, нужно?

Востоковъ, робѣя при мысли, что Щепкинъ потребуетъ за свое участіе большой гонораръ, начинаетъ излагать свою «покорнѣйшую просьбу».

Выслушавъ его внимательно, Щепкинъ спросилъ:

— А хватитъ ли у тебя, почтенный, средствъ заплатить мнѣ за то, если я возьмусь у тебя читать?

Востоковъ, смутясь, отвѣтилъ, что онъ съ удовольствіемъ готовъ заплатить все, что угодно будетъ назначить Михаилу Семеновичу, лишь бы только онъ не отказался.

— Охъ, братъ, сильно боюсь, станеть ли тебя на это, я вѣдь очень дорого беру.

Востоковъ, воображая, что онъ запроситъ не менѣе полутораста рублей, дрожащимъ голосомъ спрашиваетъ:

— Какая же ваша цѣна, Михаилъ Семеновичъ? Не томите ради Бога.

— Моя цѣна вотъ какая: учи, братъ, подтверже свои роли. Если дашь мнѣ слово и будешь учить роли, тогда, изволь, буду и я участвовать въ твоемъ вечерѣ; можешь ставить меня на афишу.

Этими словами Щепкинъ покончилъ свой разговоръ. Востоковъ не зналъ, какъ его благодарить, и Михайлъ Семеновичъ дѣйствительно участвовалъ безъ всякой платы.

Въ подтвержденіе того, какъ Щепкинъ заботился о детальномъ исполненіи каждой играемой имъ роли, не могу не рассказать о томъ, что я самъ видѣлъ.

Однажды на Маломъ московскомъ театрѣ шла драма «Жизнь ирока», и Щепкинъ игралъ въ ней старика-отца Жермани. Придя въ театръ очень рано, я отправился на сцену и засталъ тамъ одного только Михаила Семеновича, который за цѣлый часъ до увертюры, уже совсѣмъ одѣтый и загримированный для роли, рассказывалъ взадъ и впередъ отъ кулисы къ кулисѣ и что-то озабоченно бормоталъ про себя.

На отданный ему мною поклонъ онъ отвѣтилъ невнимательнымъ кивкомъ головы и стереотипной фразой:

— Добрый годъ!

И потомъ, тѣмъ же порядкомъ продолжая бормотать себѣ что-то подъ носъ, ни на что не глядя, продолжалъ прохаживаться отъ одной стороны сцены къ другой. Это продолжалось довольно долго. Я за нимъ съ понятнымъ любопытствомъ слѣдилъ и вдругъ, неожиданно, созерцаю такую картину: Щепкинъ быстро подбѣгаетъ къ одной изъ декорацій и громко дрожащимъ голосомъ восклицаетъ, приправляя слова соотвѣтствующей жестикуляціей:

— Сынъ неблагодарный! Сынъ безчеловѣчный!

Это начало монолога изъ роли.

А затѣмъ опять началъ продолжать свое шептаніе.

Потомъ, когда съѣхались остальные артисты, я освѣдомился у кого-то, всегда ли такъ рано забирается въ театръ Щепкинъ, и мнѣ отвѣтили утвердительно.

— И замѣтьте, такимъ образомъ онъ проходитъ каждую роль, хотя-бы переигранную имъ сотни разъ. Да вотъ вамъ и Жермани— онъ играетъ его десятки лѣтъ подъ рядъ.

Трудно себѣ представить ту любовь и уваженіе къ сценѣ, какія сохранялъ Щепкинъ до самой глубокой старости. Кто видѣлъ этого великаго актера въ лучшихъ его роляхъ, не говоря о репертуарѣ произведеній Гоголя, Грибоѣдова, Мольера, но даже и въ такихъ пьесахъ, какъ «Москаль-чарыvníкъ» или «Свадьба Кречинскаго», тотъ никогда не забудетъ его. Кромѣ того, Щепкинъ былъ замѣчательнымъ чтецомъ.

Покойный Самаринъ какъ-то, между прочимъ, рассказывалъ мнѣ, что когда его въ первый разъ назначили преподавателемъ драматическаго искусства въ императорскомъ театральномъ училищѣ и поручили ему классъ выразительнаго чтенія, то онъ началъ свое преподаваніе съ того, что пригласилъ Щепкина въ школу и просилъ, чтобы тотъ прочелъ его будущимъ ученикамъ нѣсколько ба-

сенъ Крылова, единственно для того, чтобы тѣ могли имѣть приблизительное понятіе о томъ, какъ можно и должно читать стихи. Самъ же И. В. Самаринъ не брался показать себя такимъ образцовымъ чтецомъ, въ особенности басенъ, по его мнѣнію самаго труднаго для чтенія рода поэзіи. Самаринъ утверждалъ, что тому, кто можетъ хорошо читать басни, всего легче сдѣлаться и хорошимъ актеромъ.

Объ Иванѣ Васильевичѣ Самаринѣ я долженъ сказать, что въ юности ни одинъ актеръ не производилъ на мое молодое воображеніе такого чарующаго впечатлѣнія, какъ онъ. Да и до сихъ поръ я не могу отрѣшиться отъ убѣжденія, что Самаринъ былъ такимъ идеальнымъ исполнителемъ молодыхъ людей въ драмѣ и комедіи, что до сихъ поръ остается незамѣнимымъ. Онъ былъ въ своемъ родѣ единственнымъ и неподражаемымъ актеромъ - самородкомъ. Получивъ образованіе въ театральной школѣ и проведя всю жизнь въ Москвѣ, онъ не имѣлъ возможности подсмотрѣть образцовыхъ представителей драматическаго искусства за границей, а между тѣмъ его игра отличалась именно тою изящностью, какую приходится встрѣчать исключительно у знаменитыхъ иностранцевъ.

Доказательствомъ этому можетъ послужить то, что, будучи очень еще юнымъ, при гастрояхъ на московскомъ театрѣ знаменитаго трагика В. А. Каратыгина и его не менѣе знаменитой жены А. М. Каратыгиной, Самаринъ игралъ съ ними въ Шиллеровской «Маріи Стюартъ» роль Мортимера и до того превосходно игралъ ее, что даже отвлекалъ вниманіе зрителей отъ знаменитыхъ гостей и имѣлъ успѣхъ, равный съ Каратыгиними.

Самаринъ въ свое время былъ лучшимъ исполнителемъ роли Чацкаго изъ всѣхъ до него и послѣ него бывшихъ артистовъ. Въ особенности превосходенъ былъ Самаринъ въ мелодрамѣ и пьесахъ французскаго репертуара. Ни одного парижскаго актера, не исключая Вертона и Дююи, я не могу сравнить съ Иваномъ Васильевичемъ. Болѣе эффектнаго, ловкаго и красиваго актера мнѣ не доводилось видѣть ни у насъ, ни на заграничныхъ сценахъ. Въ бытовомъ репертуарѣ, а въ особенности въ пьесахъ Островскаго, онъ очень рѣдко принималъ участіе, не находя въ нихъ подходящихъ для себя ролей.

И. В. Самаринъ, доживъ до своего пятидесятилѣтняго юбилея, который торжественно, хотя и не совсѣмъ удачно, былъ отпразднованъ въ Большомъ московскомъ театрѣ, всю жизнь почти безвыѣздно провелъ въ Москвѣ. Онъ очень мало ѣздилъ на гастроли и, на сколько извѣстно мнѣ, врядъ ли гдѣ еще игралъ, кромѣ Петербурга и Нижняго Новгорода. Въ началѣ своего сценическаго поприща, вѣроятно, въ надеждѣ лучшей для себя карьеры, Самаринъ пытался перейти на петербургскую сцену и даже игралъ нѣкоторое время въ Александринскомъ театрѣ, но ему не посчастли-

вилось въ сѣверной Пальмирѣ, вслѣдствіе невозможности конкурировать съ любимцемъ петербуржцевъ А. М. Максимовымъ, пользовавшимся расположеніемъ не только обыкновенныхъ театраловъ, но и многихъ высочайшихъ особъ.

Мнѣ очень памяты послѣдніе гастролы Ивана Васильевича въ Петербургѣ, въ «Озерковскомъ» театрѣ. Незадолго до смерти, его ловко обошелъ нѣкій столичный эксъ-антрепренеръ Щ—ковъ, владѣлецъ огромнаго балагана, носившаго названіе театра, который ютился близъ самаго полотна Финляндской желѣзной дороги, въ мѣстности, именуемой «Озерками».

Этотъ предприимчивый импрессаріо задумалъ пригласить на гастролы Самарина, съ каковою цѣлью лично совершилъ путешествіе въ Москву и, являсь къ Ивану Васильевичу, чуть не съ колѣнопреклоненіемъ умолялъ спасти отъ гибели его и его антреприву.

Самаринъ, который въ то время, какъ и всегда лѣтомъ, жилъ на дачѣ въ селѣ Иваньковѣ, долго колебался и, не давая рѣшительнаго отвѣта на неоднократныя увѣщанія Щ—кова, просилъ у него время для размышленія. Долго ли, коротко ли одинъ упрашивалъ, а другой размышлялъ, но въ какой-то несчастный день судьба этотъ вопросъ порѣшила. Случилось это не совсѣмъ обыкновенно. Иванъ Васильевичъ ѣхалъ въ открытомъ экипажѣ съ дачи въ Москву. Былъ сильный вѣтеръ. Дорогой вздумалось Самарину закурить папиросу. Не успѣвалъ онъ зажечь спичку, какъ она отъ вѣтра моментально гасла. Промучившись такимъ образомъ болѣе получаса, упорно продолжая зажигать спичку за спичкой и одновременно съ этимъ размышляя о просьбѣ пріѣзжаго антрепренера, онъ вдругъ загадалъ: если папироса закурится—ѣхать играть, не закурится—оставаться дома. На счастье Щ—кова, Самарину удалось сохранить огонь и раскурить папироску.

— Дѣлать нечего, значитъ надо рѣшиться на поѣздку! — сказалъ самъ себѣ артистъ и на другой же день далъ свое согласіе антрепренеру.

Не подозрѣвая, что съ нимъ, какъ и съ Москвой, которая въ двѣнадцатомъ году погибла отъ копеечной свѣчки, можетъ случиться крахъ въ Петербургѣ, онъ отправился гастролить въ «Озерки».

Въ первый спектакль съ участіемъ Ивана Васильевича я пріѣзжалъ въ Озерки, гдѣ видѣлъ его и на сценѣ и въ уборной. Конечно, театръ былъ переполненъ, и успѣхъ гастролера былъ громадный. Антрепренеръ въ порывѣ восторга, по окончаніи спектакля, явился въ уборную Самарина съ условенными деньгами за сыгранный спектакль. Иванъ же Васильевичъ, усталый отъ роли Фамусова и продолжая еще въ уборной представлять московскаго стараго барина, съ гримасой отвѣтилъ Щ—кову:

— Оставьте, пожалуйста, пока ихъ у себя... Не беспокойтесь... сочтемся послѣ, въ свое время...

Антрепренеръ охотно исполнилъ желаніе Самарина и оставилъ деньги у себя и, какъ оказалось впоследствіи, на вѣчныя времена.

Иванъ Васильевичъ, послѣ нѣсколькихъ еще сыгранныхъ спектаклей въ Озеркахъ, не только не получилъ ни копѣйки, но даже не могъ еще хоть разъ полюбоваться на благородныя черты пригласившаго его импрессарію. Щ—ковъ точно съвозъ землю провалился.

Приѣхавъ въ Петербургъ, съ расчетомъ получить деньги за гастроли, Самаринъ не взялъ съ собой достаточно презрѣннаго металла изъ дому и оставался безъ гроша, пока, съ помощью сдѣланнаго у нѣкоторыхъ знакомыхъ займа, не уѣхалъ обратно въ Москву.

Оставшись въ живыхъ послѣднимъ изъ своихъ прежнихъ товарищей-могиканъ русскаго театра, Самаринъ пользовался большимъ почетомъ и уваженіемъ Москвы, и какъ послѣдній представитель нѣкогда славнаго Малаго театра, и какъ профессоръ драматическаго искусства московской консерваторіи. Мнѣ неизвѣстны заслуги Самарина, какъ драматическаго учителя, но достаточно упомянуть его ученицу — Гликерію Николаевну Ѳедотову, которая одна можетъ составить гордость и славу Ивана Васильевича.

Къ разряду этихъ же могиканъ принадлежитъ и достославный комикъ Василій Игнатьевичъ Живокини, съ которымъ я тоже имѣлъ удовольствіе быть знакомымъ и о которомъ много слышалъ отъ его друзей и сослуживцевъ.

Это былъ актеръ исключительный. Онъ обладалъ громаднымъ и исполнѣ своеобразнымъ комическимъ талантомъ и былъ безсмѣннымъ любимцемъ москвичей впродолженіе десятковъ лѣтъ и до сихъ поръ еще не забытъ. Будь Василій Игнатьевичъ не русскимъ актеромъ, а какимъ нибудь иностраннымъ, а въ особенности французскимъ, его имя было бы извѣстно всей Европѣ, точно такъ, какъ извѣстно имя Фридерика Леметра, слухомъ о дарованіи котораго полнилась земля. И Живокини при другихъ условіяхъ былъ бы европейскою знаменитостью и даже, вѣроятно, большею, чѣмъ Леметръ и друг., главнымъ образомъ благодаря тому, что это былъ неподражаемо оригинальный буффъ съ громаднымъ врожденнымъ юморомъ.

Я называю Живокини исключительнымъ актеромъ потому, что это былъ такого рода комикъ, что для оцѣнки его таланта вовсе не требовалось выбирать ту или другую извѣстную его роль, а просто-на-просто, увидя его фамилію на афишѣ, можно было смѣло отправляться въ театръ, въ расчетѣ провести время безконечно весело. Онъ заставлялъ публику хототать до истерики одинаково въ любой пьесѣ, въ которой бы ни участвовалъ. Василій Игнатье-

вичъ на сценѣ былъ свободнѣе, чѣмъ у себя въ комнатѣ, съ публикой обращался запросто, какъ съ самымъ близкимъ и любящимъ пріятелемъ. Его веселость была заразительна; юморъ, находчивость, экспромптомъ сказанное смѣшное слово онъ умѣлъ такъ ловко повторить, что хохотъ въ театрѣ не прерывался во все продолженіе дѣйствія.

Простота его отношеній къ зрителями рельефно характеризуется слѣдующимъ эпизодомъ, имѣвшимъ мѣсто въ московскомъ Маломъ театрѣ. Идетъ извѣстный воевиль «Азь и Фертъ». Живокини играетъ Мордашева. Въ самомъ концѣ водевиля онъ говоритъ громадный монологъ, передъ самымъ началомъ котораго поднимается изъ кресель офицеръ и направляется къ выходу. Василий Игнатьевичъ его окликнулъ со сцены:

— Не уходите! Пожалуйста, не уходите!.. Оставайтесь дослушать! Вы вѣдь не знаете, въ чемъ дѣло, почему все это такъ случилось, а я вамъ расскажу.

Офицеръ сконфузился и при общемъ хохотѣ всего театра сѣлъ на свое мѣсто.

Живокини окончилъ свой монологъ, и офицеръ вмѣстѣ со всѣми отъ души аплодируетъ талантливому артисту. Вообще Василий Игнатьевичъ часто позволялъ себѣ подобные фарсы, и всѣ они проходили въ видѣ безобидной шутки. Никто на своего любимца не сердился, а напротивъ хохоталъ надъ его выдумками до упаду.

Въ другой разъ, въ водевилѣ «Подставной женихъ», представленномъ передъ комедіей «Свадьба Кречинскаго», которая при своей постановкѣ въ Маломъ театрѣ имѣла колоссальный успѣхъ и билеты на нее добывались положительно съ бою по предварительной записи, Живокини сдѣлалъ такую вставку, на закулисномъ языкѣ называемую «отсебятиной».

Въ самомъ концѣ, когда, по обыкновенію всѣхъ вообще водевильныхъ либретто, къ общему благополучію дѣло оканчивается свадьбой, Живокини долженъ былъ по замыслу автора предложить своей дочери-невѣстѣ пригласить на свое свадебное пиршество присутствующую въ театрѣ публику.

— Иди, иди, проси къ себѣ на бракосочетаніе!—говоритъ Живокини дочери, указывая на зрителей.

Дочь, изображаемая наивною барышнею, конфузится.

— Ну, я за тебя попрошу, — заявляетъ отецъ и, приближаясь къ рампѣ, обращается къ публикѣ, переполнявшей театръ: — моя дочь выходитъ замужъ! Черезъ недѣлю состоится ея свадьба! Удостоите чести молодыхъ—пожалуйте на ея бракосочетаніе... Что-съ?... Вы молчите?... Вамъ не угодно?

— Ахъ, папенька!—робко шепчетъ невѣста.

— Не хотятъ!—съ комическою горечью произнесъ Живокини.— На твоей свадьбѣ побывать не хотятъ, а вотъ на «свадьбу Кречин-

скаго», какого-то проходимца, посмотри-ка, какъ лѣзутъ, мѣстъ не хватаетъ...

Все это, разумѣется, возможно было только въ старину. Теперь такихъ «отсебятинъ» не потерпѣли бы, не взирая ни на какую находчивость всегда остроумнаго Василю Игнатьевича, очень часто выносившаго на своихъ плечахъ такіе нелѣпные водевили, которые при другихъ исполнителяхъ позорно проваливались. Его фарсамъ не было конца, и они живили пьесы, которыя, благодаря этому, смотрѣлись публикою съ одинаковымъ удовольствіемъ по нѣсколько разъ.

Его находчивость сказалась и въ водевилѣ «Комедія съ дядюшкой». Живокини изображалъ дядюшку. Выходитъ онъ на сцену и, проговоривъ свой монологъ, ожидаетъ выхода Бороздиной ¹⁾, игравшей жену его племянника. Оказывается, что она не успѣла переодѣться. Объ этомъ шепчетъ ему изъ-за кулисъ режиссеръ Соловьевъ:

— Продлите сцену... Бороздина не готова...

Василій Игнатьевичъ усѣлся на диванъ и экспромptomъ началъ рассказывать свои дорожныя впечатлѣнія. Публика хотела до безконечности. Когда же рассказъ пришелъ къ концу, онъ началъ пѣть, послѣ пѣнія опять разговаривать. Наконецъ, все это ему надоѣло, и онъ искреннѣйше произнесъ:

— Фу, какая скука! Хотъ бы кто нибудь вышелъ...

Затѣмъ, явилась Бороздина, и водевилъ продолжался своимъ порядкомъ.

Живокини очень часто бывалъ въ Нижнемъ Новгородѣ и пользовался тамъ неограниченною любовью всего купечества. Отъ своихъ нижегородскихъ бенефисовъ онъ имѣлъ обыкновенно большой барышъ, благодаря очень умѣлой распродажѣ билетовъ. За недѣлю до бенефиса онъ устраивалъ въ ресторанѣ большой обѣдъ, на который приглашалъ всѣхъ именитыхъ купцовъ; поилъ ихъ дорогимъ виномъ, шампанскимъ, и когда тѣ приходили въ блаженное состояніе, онъ вынималъ торжественно изъ кармана билеты и продавалъ своимъ гостямъ. Разумѣется, торговля шла бойкая. Купцы другъ передъ другомъ щеголяли своею щедростью, и сотенныя бумажки въ изобиліи сыпались въ карманы находчиваго бенефицианта. Подобный обѣдъ Василю Игнатьевичу обходился въ сто двѣсти рублей, а собиралъ онъ съ него по тысячѣ—по двѣ и больше.

При этомъ будетъ умѣстно упомянуть о выходкѣ двухъ купцовъ съ ярмарки, которые въ спорѣ начали хвастаться своею любовью къ актерамъ.

— Я больше тебя актеровъ обожаю.

— Ну, врешь! Я больше...

— Анъ нѣтъ—я...

— Нѣтъ—я...

¹⁾ Евгенія Васильевна.

На другой день одинъ изъ купцовъ идетъ въ театръ и спрашиваетъ, много ли продано билетовъ на бенефисъ такого-то.

— Еще не было почину,—отвѣчаетъ кассиръ,—потому что рано: бенефисъ будетъ только черезъ четыре дня.

— Что стоятъ всѣ билеты?

Кассиръ сказалъ цифру полного сбора.

— На, вотъ получи за весь театръ, а билетики подавай сюда.

Забралъ купецъ всѣ бенефисные билеты и роздалъ ихъ бесплатно знакомымъ и незнакомымъ на ярмаркѣ.

Когда это дошло до другаго купца, онъ съ усмѣшкой сказалъ:

— Экая важность—откупить бенефисъ да потомъ устроить даровую раздачу билетовъ. Это не похвальба!

Дождался онъ слѣдующаго бенефиса, который выпалъ на долю мѣстной премьерши. Онъ точно такимъ же образомъ является въ театръ и заявляетъ кассиру:

— Билеты на этотъ бенефисъ всѣ за мной! Сколько нужно за нихъ уплатить?

Кассиръ сказалъ сумму.

Купецъ отдалъ за весь театръ и къ этому прибавилъ еще пятьсотъ рублей, каковыя и приказалъ передать бенефицианткѣ въ видѣ подарка. Выданные ему изъ кассы билеты онъ разорвалъ на клочки и на прощанье сказалъ кассиру:

— А теперь продавай снова!

Вотъ въ старину были какіе своеобразные меценаты.

А. Нильскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

1584—1605.

(Опытъ характеристики).

СРЕДИ правителей Русской земли мы встрѣчаемъ на рубежѣ XVI и XVII столѣтій замѣчательную личность Бориса Годунова, съ которымъ въ теченіе двадцати лѣтъ была связана судьба русскаго народа и государства. Страннымъ образомъ, ни на одномъ изъ нашихъ историческихъ дѣятелей не тяготѣетъ такъ сильно злой рокъ, какъ на Годуновѣ. Историки, изучавшіе его время и личность, не могутъ отрицать его выдающихся умственныхъ и нравственныхъ качествъ; и, тѣмъ не менѣе, этотъ замѣчательный дѣятель до-Петровской Руси представляется ими въ одностороннемъ освѣщеніи, съ преобладающею чертою честолюбія, которая накидываетъ густую тѣнь на всю его дѣятельность и затемняетъ его реальный историческій образъ.

Мы не ставимъ себѣ задачу реабилитировать историческую репутацію Годунова, а желаемъ только указать на тѣ стороны его характера и дѣятельности, которыя остаются въ тѣни.

I.

Какъ извѣстно, Годуновъ выступилъ въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля по смерти Ивана Грознаго ¹⁾. Если возможны историческія аналогіи, то мы найдемъ нѣчто общее во внутреннемъ и

¹⁾ 17-го марта 1584 г.

внѣшнемъ положеніи Россіи послѣ Запольскаго и Парижскаго мира. Быть можетъ, такая аналогія покажется нѣсколько смѣлой, но мы воспользуемся ею для болѣе наглядной обрисовки событій и, какъ мы думаемъ, безъ всякаго ущерба для исторической истины. На сколько мы понимаемъ Грознаго, онъ не былъ тираномъ народа en masse; его жестокія и кровавыя мѣры были главнымъ образомъ направлены противъ московской родовой знати, составлявшей потомство удѣльныхъ князей. Онъ хотѣлъ раздавить ее, уничтожить, и въ потокахъ крови утопить ея воспоминаніе о быломъ величіи предковъ. Вытекала ли эта жестокость изъ сознанный имъ необходимости нивелировать высшее сословіе, или была просто слѣдствіемъ его тяжелыхъ юношескихъ воспоминаній и чрезвычайной раздражительности его природы, рѣшить довольно трудно; тѣмъ не менѣе, его кровавая расправа, длившаяся цѣлые годы, совершенно деморализировала высшій служилый классъ. Въ то же время произволь и безправіе, внесенные въ русскую жизнь опричиной, тяжелыя и продолжительныя войны, набѣги крымцевъ, доходившихъ до самой Москвы, — все это разстроило государственный организмъ и подготовило рядъ пораженій Россіи въ борьбѣ съ сосѣдями. Вообще положеніе Московскаго государства въ послѣдніе годы царствованія Грознаго было въ высшей степени печально. Западные области, опустошенныя польской и шведскою войной, были урѣзаны въ пользу сосѣдей: по Запольскому миру (1581 г.) Польша получила обратно завоеванную русскими Ливонію, Велижъ и Полоцкъ, а Швеція по договору на рѣкѣ Слисѣ (1583 г.) удержала Эстонію и русскіе города: Ямъ, Иванъ-городъ и Копорье ¹⁾. Внутри государства тяглый народъ страшно обѣднѣлъ отъ тяжелыхъ податей и казенныхъ кабаковъ, впервые введенныхъ при Грозномъ, и «брель розно» на вольныя мѣста и въ только что завоеванную Сибирь. Низшій служилый классъ страдалъ отъ тягостей и лишений продолжительнаго военнаго времени и отъ безлюдства своихъ помѣстій, изъ которыхъ крестьяне «сходили безвѣстно», или уходили на земли крупныхъ собственниковъ, князей и бояръ. Торговые люди жаловались на привилегіи, данныя Грознымъ англійскимъ купцамъ, на стѣсненія отъ множества сборовъ и пошлинъ и торговую конкуренцію самого правительства ²⁾; притомъ же и народная производительность за это время сильно упала, такъ что вывозъ сырья по нѣкоторымъ статьямъ сократился въ тридцать разъ. Высшее, монашесствующее духовенство было недовольно от-

¹⁾ Въ то время подъ городомъ разумѣлось не одно городское поселеніе, но и та земля, которая «изстари къ нему потягла». Слѣдовательно названные города отошли къ Швеціи вмѣстѣ съ ихъ землями, или уѣздами.

²⁾ Въ то время правительство само вело торговлю: закупало по дешевой цѣнѣ какой нибудь товаръ и съ большимъ барышемъ продавало купцамъ; иногда присваивало себѣ даже монополію въ извѣстной отрасли торговли.

мѣною права брать вкладами по душамъ умершихъ населенныя земли, состоявшеюся на духовномъ соборѣ 1583 года. Такимъ образомъ люди всякихъ чиновъ тяготились своимъ положеніемъ, жаловались и роптали: «бысть, по словамъ лѣтописи, въ людяхъ туга и скорбь велія» ¹⁾. Въ Москвѣ же родовитая знать, приниженная при Грозномъ, натерпѣвшаяся всякихъ бѣдъ отъ его худородныхъ любимцевъ, теперь начала подымать голову и съ презрѣніемъ смотрѣла на Годунова, какъ на представителя этой ненавистной среды.

II.

Вотъ при какихъ условіяхъ пришлось Борису выступить въ роли правителя, и неудивительно, что первымъ его дѣломъ было столкновение съ боярами. Предвидя, что съ воцареніемъ Феодора власть перейдетъ въ руки Годунова, какъ его ближайшаго родственника по женѣ, они замыслили провозгласить царемъ младшаго сына Грознаго, маленькаго Дмитрія. Этотъ замыселъ нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только ненавистью къ Годунову. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Дмитрій былъ взрослый и способенъ къ управленію государствомъ, предпочтеніе его Феодору имѣло бы основаніе; но двухлѣтній ребенокъ не могъ имѣть никакихъ преимуществъ передъ старшимъ, хотя бы умственно ограниченнымъ, братомъ, который, однако, былъ уже давно женатъ и отличался тихостію нрава и примѣрною набожностію. Тѣмъ не менѣе, сторонники Дмитрія произвели смуту въ Москвѣ и ложными слухами взволновали народъ. Годуновъ хорошо понималъ источникъ этой смуты и видѣлъ, что бояре всѣми мѣрами стараются загородить ему путь къ власти, какъ представителю не родовой ²⁾, а служилой знати, которая впервые получила значеніе при дворѣ Грознаго, и теперь, въ его лицѣ, готовилась стать у кормила правленія. Надобно перенестись въ тотъ вѣкъ и сродниться съ укоренившимися мѣстническими взглядами, чтобы понять, какое подавляющее впечатлѣніе производило на боярскую среду возвышеніе Бориса. Въ ея глазахъ онъ былъ такой же «страдникъ», какъ Басмановы, Грязной и Малюта-Скуратовъ, возвышенные милостями Грознаго.

Желая скорѣе прекратить смуту и примирить бояръ съ неизбежностью своего возвышенія, Годуновъ предложилъ образовать

¹⁾ «Русская исторія», Н. И. Костомарова, т. I, стр. 492, изд. 1873 г.

²⁾ Родъ Годуновыхъ происходилъ отъ татарскаго мурзы Чета, принявшаго крещеніе и поселившагося на Руси около 1330 года. Отъ его правнука, Ивана Годуна, пошла Годуновы. Ирина, жена царя Феодора Ивановича, и Борисъ приходились ему пра-правнуками. (Родословн. книга, изд. «Русск. Стар.», 1876 г., томъ II, стр. 39—45).

при царѣ правительственный совѣтъ, въ который входили онъ самъ и Никита Романовичъ Романовъ ¹⁾, въ качествѣ ближайшихъ родственниковъ Ѳеодора, а князя Петръ Шуйскій и Иванъ Мстиславскій, какъ представители именитаго боярства. Тогда сторонники Димитрія утихли, и царевича съ матерью и ея родственниками немедленно отправили въ Угличъ, назначенный ему въ удѣлъ отцомъ. Одинъ Богданъ Бѣльскій, какъ опекунъ Димитрія, прямо, а не побочно, заинтересованный его участью, продолжалъ фронтировать и поддерживалъ народное волненіе, однако не находилъ уже сочувствія въ боярской средѣ; напротивъ, бояре возстали на него, ему грозила смерть, и только благодаря заступничеству Годунова, онъ остался живъ и былъ сосланъ въ Нижній Новгородъ. Чтобы подорвать въ корни поводъ къ смутамъ, вытекавшій изъ вопроса о престолонаслѣдіи, Годуновъ съ боярами рѣшилъ созвать земскую думу, которая состоялась въ маѣ 1584 года и единогласно признала царемъ Ѳеодора Ивановича.

Прошло около двухъ лѣтъ совмѣстнаго правленія Годунова съ товарищами. Будучи умнѣе и вліятельнѣе ихъ, онъ естественно первенствовалъ въ дѣлѣ управленія, тѣмъ болѣе, что другой царскій родственникъ, Никита Романовъ, скоро заболѣлъ и не принималъ участія въ совѣтахъ. Свои челобитчики и иноземцы стали обращаться исключительно къ Борису Ѳеодоровичу и у него одного искали защиты и милости. Такое выдающееся положеніе Годунова вооружило противъ него соправителей: Шуйскаго и Мстиславскаго, съ ихъ многочисленными сторонниками. Мстиславскій, человекъ очень ограниченный, по свойственной ему простотѣ, рѣшилъ быстро отдѣлаться отъ Бориса: зазвать его къ себѣ на пиръ и убить. Годуновъ предупредить этотъ замыселъ, сослалъ Мстиславскаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и велѣлъ постричь, а единомышленниковъ его—Воротынскихъ, Колычевыхъ и Головиныхъ, выслалъ изъ столицы. Замѣчательно, что одинъ изъ Головиныхъ бѣжалъ при этомъ въ Польшу и убѣждалъ Баторія идти на Москву, утверждая, что Годунова тамъ не терпятъ и не стануть защищать его. Очевидно, бояре такъ ненавидѣли Бориса, что готовы были жертвовать интересами отечества, лишь бы только избыть его. Это былъ первый случай, когда враги Годунова начали интриговать противъ него въ Польшѣ; затѣмъ, какъ мы увидимъ, подобныя интриги повторялись не разъ и впоследствии увѣнчались измышленіемъ самозванца. Неудача Мстиславскаго не утратила бояръ; напротивъ, только усилила ихъ раздраженіе. Князь Петръ Шуйскій рѣшилъ подать царю челобитную, подписанную преданными ему купцами и служилыми людьми, чтобы Ѳеодоръ развелся съ

¹⁾ Онъ былъ братъ царицы Анастасіи, матери Ѳеодора, и слѣдовательно приходился ему дядею.

Ириною, вслѣдствіе ея неплодія, и женился на другой. Желаніе подкопаться подъ Годунова было такъ велико, что челобитчики въ своемъ увлеченіи забыли молодость царской четы ¹⁾, которая давала надежду на рожденіе у нихъ дѣтей, забыли и наличнаго наследника престола, царевича Дмитрія, въ пользу котораго они недавно такъ горячо ратовали. Годуновъ узналъ объ этомъ новомъ замыслѣ и разъяснилъ митрополиту Діонисію полную его неосновательность. Митрополитъ, сначала бывший на сторонѣ челобитчиковъ, повидимому, убѣдился его доводами и уговорилъ Шуйскаго прекратить это дѣло. Однако, тотъ не унимался. Сознывая, что путемъ подачи челобитной ему, дѣйствительно, ничего не достичь, Шуйскій, въ расчетѣ на крѣпкую поддержку своей среды и на преданность ему московскихъ купцовъ и части служилыхъ людей, сталъ думать, какъ бы уничтожить самого Θεодора. Объ этомъ былъ поданъ извѣтъ холопами Шуйскихъ, и тогда Годуновъ наложилъ на нихъ свою тяжелую руку. Князья Иванъ и Андрей были сосланы: первый на Бѣлоозеро, другой—въ Каргополь и тамъ убиты, а наиболѣе скомпрометированные изъ числа знатныхъ бояръ, какъ князь Василій Скопинъ-Шуйскій, князья Татевы и Урусовы, Быковы и Колычевы, были отправлены въ ссылку по разнымъ родамъ.

Изложивъ борьбу Годунова съ боярами въ первые годы его правленія, мы находимъ нужнымъ замѣтить, что нѣкоторые изъ нашихъ историковъ ²⁾, смотря на Бориса, какъ на отъявленнаго честолюбца, находившаго всѣ средства въ борьбѣ дозволенными, допускають, что умысль Мстиславскаго на жизнь Годунова и заговоръ Шуйскаго противъ царя Θεодора были просто клепомъ со стороны Бориса, желавшаго погубить ихъ. Такое предположеніе было бы возможно, еслибъ не былъ прочно установленъ фактъ существованія крайней ненависти бояръ къ Годунову, который бросается въ глаза всякому безпристрастному изслѣдователю. Мы далеки отъ того, чтобы представлять Бориса агнцемъ, безропотно сносившимъ боярскія козни; мы хотимъ только сказать, что всѣ, принятыя имъ, мѣры были дѣйствительно вызваны тою удивительною настойчивостію, съ какою бояре пытались устранить его отъ власти, и легко объясняются чувствомъ самосохраненія. Къ этому прибавимъ, что для того жестокаго времени онѣ были не особенно круты и не особенно кровавы. Пристально вглядываясь въ событія того времени, мы видимъ, что власть Бориса была тогда еще не крѣпка и не прочна. Въ самомъ дѣлѣ, высшій классъ ненави-

¹⁾ Θεодору было тогда 29 лѣтъ; какъ извѣстно, онъ родился въ 1557 году, а описываемыя событія относятся къ 1586 году.

²⁾ Напримѣръ, Н. И. Костомаровъ: см. его «Русскую исторію», т. I, стр. 569—571.

дѣлъ его, а духовенство и низшіе слои народа его не знали; онъ держался только своимъ родствомъ съ царемъ, власть котораго вначалѣ оспаривалась, а затѣмъ пошли умыслы уничтожить и самое родство. Положеніе было далеко нелегкое, и Годунову пришлось тратить много ума и энергіи на борьбу съ врагами въ то самое время, когда тяжелое наслѣдство, оставленное Грознымъ, требовало отъ него иныхъ, болѣе существенныхъ работъ и попеченій.

Посмотримъ же, что сдѣлалъ для государства Годуновъ-правитель?

III.

Прежде всего Борисъ заботился о сохраненіи мира съ сосѣдями, справедливо полагая, что государство, обезсиленное войнами и внутреннимъ нестроеніемъ, болѣе всего нуждается въ покоѣ, въ чемъ вполне сходилъ съ желаніемъ народа ¹⁾. Это признаютъ даже историки, враждебно настроенные къ Годунову. Однако, сохранить миръ, безъ ущерба для своего достоинства, было въ то время не легко. Поляки, разлакомленные побѣдами Баторія и выгоднымъ Запольскимъ миромъ, думали, что съ воцареніемъ слабаго Феодора имъ будетъ легко отнимать у Россіи городъ за городомъ, область за областью. Самъ Баторій только и думалъ о возобновленіи войны и потому принялъ горячо къ сердцу увѣренія бѣглеца Головина, о которомъ мы говорили выше. Въ время узнавъ объ этомъ, Годуновъ отправилъ въ Польшу специальное посольство увѣрить пановъ Рады, что Головинъ—не бѣглецъ, а лазутчикъ, подосланный боярами, чтобы вовлечь ихъ въ войну, такъ какъ теперь Московское государство оправилось и легко можетъ дать имъ отпоръ. Повѣрили ли паны этимъ сообщеніямъ пословъ, остается неизвѣстнымъ; тѣмъ не менѣе, они предложили имъ продолжить перемиріе, заключенное у Запольскаго яма, еще на два года, что собственно и нужно было Годунову, который своимъ дипломатическимъ изворотомъ ступшеваль постыдные извѣты Головина и вмѣстѣ съ тѣмъ достигъ продленія мира. То же удалось ему и относительно Швеціи. Въ 1586 году истекалъ трехлѣтній срокъ перемирія съ нею, заключеннаго въ Плисъ, и Годуновъ успѣлъ продолжить его еще на четыре года. Одновременно съ успокоеніемъ западныхъ рубежей шла дѣятельная постройка городовъ на южной окраинѣ государства, гдѣ возникли Курскъ, Ливны и Воронежъ; они должны были служить главными охранными пунктами въ такъ называемомъ «дикомъ полѣ», отдѣлявшемъ населенныя русскія земли отъ степныхъ

¹⁾ «Русская исторія», Костомарова, т. I, стр. 578.

хищниковъ. Между ними заводились поселенія поменьше (станицы), куда на житье зазывались охочіе люди; между станицами ставились «острожки», гдѣ сидѣли небольшіе сторожевые отряды, наблюдавшіе за движеніемъ въ степи татаръ и ногайцевъ. Кромѣ крѣпостей и засѣкъ, Годунову удалось оградить себя отъ крымскаго хищника и дипломатическимъ путемъ. Онъ принялъ подъ свое покровительство двухъ тамошнихъ царевичей и поселилъ ихъ въ Астрахани, въ качествѣ соперниковъ царствовавшаго хана Исламъ-Гирея, для котораго они были постоянною угрозою. На восточной окраинѣ, по Волгѣ, черемисы отъ времени до времени продолжали волноваться; для укрощенія ихъ Борисъ приказалъ построить Цивильскъ, Уржумъ, Царевококшайскъ, Царевосанчурскъ, Саратовъ, Переволоку и Царицынъ, которые скоро сдѣлались значительными русскими поселеніями среди этого инородческаго края. Въ то же время въ Астрахани были устроены каменные стѣны, и этотъ украинный городъ, скоро забывшій свою самостоятельность, сталъ еще болѣе надежнымъ оплотомъ русской власти.

Мы думаемъ, что устройствомъ вѣковой сторожевой грани на югѣ государства и учрежденіемъ колонизаціонныхъ пунктовъ среди инородческаго племени на востокѣ Годуновъ обнаружилъ свой чисто русскій, крѣпкостоятельный государственный умъ, который видѣлъ не только нужды своего времени, но и глядѣлъ далеко въ будущее своего народа.

Въ дѣлѣ внутренняго распорядка Годуновъ замѣнилъ крайне суровый режимъ Грознаго кроткими мѣрами управленія; облегчилъ тяглый народъ уничтоженіемъ казенныхъ кабаковъ и дарованіемъ нѣкоторыхъ льготъ. Такъ, на примѣръ, онъ первый сталъ строить городовыя укрѣпленія наймомъ, а не натуральной повинностью, какъ это дѣлалось прежде, чтобы дать возможность заработка обѣднѣвшему люду. Вообще самая идея общественныхъ работъ для поддержанія экономическаго быта народа принадлежитъ у насъ на Руси именно Годунову. Онъ живо отзывался на всякое общественное бѣдствіе: выдавалъ деньги погорѣльцамъ, голоднымъ посылалъ хлѣбъ; и это давалось не въ видѣ богатой милостыни, а имѣло характеръ широкой и притомъ безвозмездной правительственной помощи. Въ 1596 году Борисъ предпринялъ путешествіе къ западной границѣ, чтобы лично познакомиться съ положеніемъ народа и осмотрѣть строившіяся тогда каменные стѣны въ Смоленскѣ. Дорогою онъ останавливался въ городахъ и селахъ, ласково говорилъ съ народомъ и угощалъ его; участливо выслушивалъ просителей, а бѣдняковъ одарялъ щедрою милостынею.

Разумная и попечительная дѣятельность Бориса скоро отозвалась на общемъ положеніи государства. По отзыву современника голландца, далеко не панегириста Годунова, «состояніе Московіи за это время значительно улучшилось, и она начала богатѣть, бла-

годаря необыкновеннымъ способностямъ црavitеля» ¹⁾). Этотъ отзывъ подтверждается Соловьевымъ, который говоритъ, что при Иванѣ IV продажа излишка податей, доставляемыхъ натурою, приносила приказу большаго двorca до 60 тысячъ рублей ²⁾ ежегодно, а при Ѳеодорѣ до 230 тысячъ рублей ³⁾. Такие факты для насъ чрезвычайно важны, такъ какъ неопровержимо свидѣтельствуютъ о благихъ результатахъ государственной дѣятельности Бориса. Съ увеличившимся благосостояніемъ народа возросла и его производительная дѣятельность, продукты которой (ленъ, пенька, рыба, икра, деготь, поташъ, сало, кожи, медъ, воскъ) служили предметомъ вывоза для англичанъ. По договору съ ними, заключенному при Грозномъ, они получили право беспошлинной оптовой и розничной торговли. Первую они вели съ русскими купцами исключительно мѣновымъ способомъ и, разумѣется, пользовались возможностью поприжать ихъ, такъ какъ русскіе не имѣли права сами вывозить свой товаръ въ Англію на тамошніе рынки. Русскіе торговые люди были недовольны такими порядками, и Годуновъ внялъ ихъ справедливымъ жалобамъ. По новому торговому договору, заключенному имъ въ 1587 г. съ королевой Елизаветой, право беспошлинной оптовой торговли было предоставлено одной только англійской компаніи, такъ что всѣ другіе иностранцы, даже англичане, не входившіе въ нее, должны были платить пошлину; розничная же торговля англичанамъ вовсе запрещалась ⁴⁾. Для лучшаго урегулированія иностранной торговли, по приказанію Годунова, былъ построенъ у Бѣлаго моря Архангельскъ, скоро ставшій важнымъ торговымъ пунктомъ.

Для того, чтобы сохранять почетный и прочный миръ, чего такъ желалъ Годуновъ, тогда, какъ и теперь, нужно было имѣть хорошее войско. Въ Московскомъ государствѣ главный контингентъ вооруженныхъ силъ поставляли служилые люди, получавшіе отъ правительства за свою службу населенные земельные участки, называвшіеся помѣстьями. Во время войны они обязаны были являться на службу «конно, людно и оружно», причемъ число выставляемыхъ ими людей зависѣло отъ количества земли и крестьянъ въ ихъ помѣстьяхъ. Мы уже замѣтили, что тягости продолжительныхъ войнъ Грознаго очень сильно отозвались на этомъ сословіи, тѣмъ болѣе, что помѣстья за это время сильно опустѣли частію вслѣдствіе гибели людей въ битвахъ, отчасти вслѣдствіе безвѣстнаго ухода изъ помѣстій на украины государ-

¹⁾ Сказанія Массы и Геркмана о Смутн. вр., 1874 г., стр. 39.

²⁾ Русскій рубль второй половины XVI вѣка равнялся 60—74 нынѣшнимъ рублямъ. (Исслѣдов. В. О. Ключевского: Русскій рубль въ XVI—XVIII вѣкѣ; 1885 г.).

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. 1870 г., т. 7, стр. 349.

⁴⁾ Русская исторія, Костомарова, т. I, стр. 576.

ства и въ новооткрытую тогда Сибирь, но болѣе всего отъ перехода крестьянъ на земли богатыхъ владѣльцевъ, а также на владѣчныя и монастырскія земли, гдѣ имъ жилось гораздо лучше, чѣмъ у мелкихъ владѣльцевъ. Какъ извѣстно, въ то время крестьяне пользовались правомъ свободного перехода отъ одного владѣльца къ другому въ осенній Юрьевъ день; но часто, увлекаемые льготами богатыхъ собственниковъ или привольемъ новооткрытыхъ земель, они уходили, не доживъ условнаго срока и не исполнивъ обязательствъ, принятыхъ на себя «по рядной» съ помѣщикомъ. Отъ этого бѣдные землевладѣльцы не могли исправно нести возложенной на нихъ государствомъ военной службы; и никогда это зло, подрывавшее военныя силы Россіи, не было такъ ощутительно, какъ въ это время. Поэтому Годуновъ, около 1592 года, издалъ указъ, по которому такіе, самовольно вышедшіе, крестьяне должны были считаться бѣглыми и возвращались къ своимъ помѣщикамъ для отработки ряднаго времени; позднѣе, въ 1597 году, другимъ указомъ была установлена пятилѣтняя давность, съ которой помѣщики могли отыскивать своихъ бѣглыхъ судомъ. Кромѣ того, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка не одинъ разъ крестьянамъ былъ запрещаемъ («заказанъ») обычный осенній переходъ, впрочемъ, не далѣе, какъ на одинъ годъ. Безъ сомнѣнія, эта мѣра принималась съ цѣлю—дать возможность служилымъ людямъ нѣсколько оправиться въ своихъ помѣстьяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріостановить массовое передвиженіе народа, которое въ то время было такъ сильно, что одинъ англичанинъ, проѣхавшій отъ Вологды до Ярославля, видѣлъ по дорогѣ до 50-ти деревень, оставленныхъ жителями. Мы указали всѣ распоряженія Годунова, сдѣланныя имъ для урегулированія отношеній между помѣщиками и крестьянами; ни о какомъ прикрѣпленіи послѣднихъ къ землѣ, будто бы узаконенномъ имъ, не можетъ быть и рѣчи въ виду послѣднихъ изслѣдованій этого вопроса, сдѣланныхъ нашими историками. Теперь представляется несомнѣннымъ, что это прикрѣпленіе совершилось не вдругъ, а постепенно, и было обусловлено не правовыми, а экономическими явленіями крестьянской жизни. До самаго уложенія 1649 года крестьяне юридически сохраняли право выхода отъ помѣщиковъ, но не могли уже пользоваться имъ на дѣлѣ, такъ какъ въ большинствѣ не имѣли средствъ уплатить владѣльцамъ ссуды, полученныя при водвореніи на земли¹⁾.

Съ вопросомъ о помѣстныхъ крестьянахъ былъ связанъ другой—о тарханахъ, то-есть, о льготахъ и преимуществахъ мона-

¹⁾ Статья г. Гутьяра: «Какъ объясняютъ русскіе историки происхожденіе крѣпостнаго права?». Въ ней приведены мнѣнія по данному вопросу К. Аксакова, Погодина, Бѣляева и Ключевского. «Историческій Вѣстникъ» за 1892 г., кн. III).

стырскихъ и владычныхъ имѣній. Мы уже упоминали, что эти привилегіи были приманкою для крестьянъ изъ помѣстій служилыхъ людей, которые жаловались на то, что ихъ крестьяне убѣгали въ тарханья вотчины. Вслѣдствіе этого Годуновымъ былъ созванъ соборъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ (1584 г.), на которомъ было постановлено—уничтожить всѣ тарханья грамоты. Уравнивая права духовенства съ служилымъ сословіемъ на экономической почвѣ, Годуновъ въ то же время задумалъ сообщить ему въ іерархическомъ отношеніи особое значеніе и блескъ учрежденіемъ патріархіи. Русская церковь давно уже была автокефальною, но управлялась митрополитомъ; между тѣмъ, даже малочисленныя восточныя паствы имѣли во главѣ своей патріарховъ; притомъ же въ западной половинѣ русской церкви былъ другой митрополитъ—кіевскій, это обстоятельство какъ бы умаляло значеніе духовнаго главы московской церкви. Воспользовавшись пріѣздомъ въ Москву константинопольскаго патріарха Іереміи для сбора милостыни, Борисъ предложилъ ему возвести въ санъ патріарха митрополита Іова, посвященіе котораго и совершилось 26-го января 1589 года.

IV.

На ряду съ внутреннимъ строеніемъ государства, касавшимся всѣхъ сторонъ народной жизни, Годуновъ не упускалъ изъ вида и отношеній Россіи къ иноземцамъ. Смерть Стефана Баторія, послѣдовавшая въ концѣ 1586 года, навела его на мысль посредствомъ личной уніи соединить Россію и Польшу и тѣмъ надолго, если не навсегда, обезпечить миръ на западномъ рубежѣ государства. Это была очень смѣлая для того времени идея, заключавшая въ себѣ, однако, самый практическій способъ для прекращенія вѣковой борьбы двухъ братскихъ народовъ; и если она не увѣнчалась успѣхомъ, то въ этомъ слѣдуетъ винить поляковъ, но не Годунова. Въ случаѣ избранія Θεодора королемъ польскимъ, Борисъ, именемъ его, письменно обѣщаль панамъ, что царь не будетъ вмѣшиваться въ дѣла римско-католической вѣры и во внутреннее управленіе: пусть де паны управляются сами собой... Не будетъ онъ также вступаться въ королевскіе доходы и не потребуетъ никакихъ расходовъ для себя, даже въ случаѣ временнаго пріѣзда въ Польшу: пусть только она будетъ въ мирѣ и единеніи съ Московскимъ государствомъ. Зато царь будетъ защищать польскія владѣнія своими силами, построить тамъ на свой счетъ нужныя крѣпости; отвоюетъ у шведовъ Эстонію и отдастъ ее Рѣчи Посполитой; заплатитъ изъ своей казны долги покойнаго короля и предоставитъ польскимъ людямъ право безошплинной торговли въ своемъ государствѣ. Никакой другой кандидатъ не могъ пред-

ложить полякамъ болѣе выгодныхъ условій. Они сами сознавали это, и потому на избирательномъ сеймѣ большинство голосовъ оказалось на сторонѣ русскаго царя; но когда была образована сеймовая коммиссія изъ 15 членовъ для переговоровъ съ московскими послами, дѣло приняло другой оборотъ. Паны вдругъ предъявили несообразныя требованія, которыхъ никогда не могли принять русскіе: чтобы царь приступилъ къ соединенію съ римскою церковью, вѣнчался королевскимъ вѣнцомъ отъ гнѣзненскаго архіепископа и въ своемъ титулѣ писалъ бы Польское королевство выше Московскаго государства. Но, главное, они требовали, въ видѣ избирательной взятки, 200 тысячъ рублей наличными, что на наши деньги составитъ огромную сумму въ 12 милліоновъ рублей¹⁾. Годуновъ поторопился выслать имъ 20 тысячъ рублей, но этого было мало, и избраніе Θεодора не состоялось. Русскіе послы успѣли заключить съ панами перемиріе на 15 лѣтъ; польскимъ же королемъ сталъ Сигизмундъ Ваза, сынъ Екатерины Ягеллонъ, и замѣчательная политическая комбинація Годунова не осуществилась. Костомаровъ приписываетъ²⁾ эту неудачу недостатку «ума и умѣнья» у Бориса, но съ этимъ нельзя согласиться. Скорѣе вина въ ней падаетъ на развращенную польскую олигархію, которая пренебрегла интересами отчизны для своихъ личныхъ, карманныхъ интересовъ.

Спустя съ небольшимъ два года послѣ неудачной избирательной кампаніи въ Польшѣ, истекъ срокъ перемирія съ Швеціей. Годуновъ сознавалъ, что для Россіи было очень тяжело навсегда лишиться западнаго моря, между тѣмъ шведы удерживали занятую ими при Грозномъ часть Вотской пятины, примыкавшей къ морю. Избѣгая войны, Борисъ предложилъ имъ уступить ее за денежное вознагражденіе, однако эта попытка не имѣла успѣха, и въ 1590 году началась война. Успѣхъ ея былъ на сторонѣ русскіхъ, и шведы сами стали просить мира, уступая при этомъ города: Ямъ, Копорье и Иванъ-городъ. Тогда, въ свою очередь, русскіе не удовлетворились этимъ и потребовали еще Корелу и Нарву. Они осадили этотъ послѣдній городъ, но приступъ ихъ былъ неудаченъ³⁾. Тогда Борисъ согласился заключить перемиріе на предложенныхъ шведами условіяхъ, и только спустя четыре года ему удалось воротить одну Корелу, а Нарва осталась за Швеціей. Однако, это было, всетаки, пріобрѣтеніе. Безъ сомнѣнія, Годуновъ

¹⁾ Тогдашній рубль равнялся 60-ти нынѣшнимъ. См. «Исслѣдованіе» г. Ключевскаго.

²⁾ См. его «Русскую исторію», т. I, стр. 575.

³⁾ Масса рассказываетъ, что Борисъ хотѣлъ повторить приступъ, но царь Θεодоръ, находившійся при войскахъ, опечаленный большою потерей людей, велѣлъ отступить. (Сказ., стр. 39).

успѣлъ бы современемъ воротить отъ шведовъ всѣ утраты Грознаго, если бы смерть царя Θεодора и послѣдующія событія не увлекли его въ водоворотъ внутреннихъ осложненій.

V.

Именно во время шведской войны случилось въ Московскомъ государствѣ то загадочное событіе, которое имѣло такое роковое вліяніе на судьбу Годунова при жизни и наложило на его память позорное клеймо убійцы. Я говорю о смерти царевича Димитрія. Вслѣдъ за воцареніемъ Θεодора, царевичъ вмѣстѣ съ матерью, царицей Маріей, и дядями, Нагими, былъ отправленъ на житіе въ Угличъ, въ сопровожденіи стольниковъ, стряпчихъ, дѣтей боярскихъ, двухъ сотъ человѣкъ жильцовъ; «для сбереганія и ради царскія чести» послано было съ царевичемъ изъ Москвы четыре приказа стрѣльцовъ: московскихъ приказъ, приказъ конныхъ и два приказа пѣшихъ¹⁾. Не забыты были даже «робятки», то-есть сверстники изъ дѣтей незнатныхъ служилыхъ людей, съ которыми могъ забавляться Димитрій. Въ Угличѣ находился старинный великокняжескій дворецъ, построенный княземъ Андреемъ, сыномъ Василія Темнаго: въ немъ и помѣстилась царица съ сыномъ, со своимъ ближайшимъ штатомъ и прислугой. Для надзора за домашнимъ обиходомъ царицы правительство держало въ Угличѣ своихъ приставовъ, которые должны были доносить въ Москву обо всемъ, что дѣлалось при дворѣ царевича. Съ 1590 года такими приставами были: дьякъ Михаилъ Битяговскій (которому вѣрены были также и земскія дѣла Углича), его сынъ Данило и племянникъ—Никита Качаловъ. Царица и ея братья не терпѣли ихъ и постоянно ссорились съ ними. Нагіе дѣйствительно были вздорливые люди, а царица—женщина тупая и злобная. Они недоѣдали приставамъ своею заносчивостью и претензіями въ чаяніи скорой власти; жаловались на скудость и убожество своего содержанія, а пристава винили ихъ въ роскоши, въ неумѣренной тратѣ государскаго жалованія. Между тѣмъ Димитрій подросталъ. Въ 1591 году ему шель уже девятый годъ, и про него начали ходить нехорошіе слухи: говорили, что онъ будетъ такъ же злобенъ, какъ его отецъ; что онъ мучитъ животныхъ, и разъ, надѣлавъ изъ снѣга челоуѣкоподобныя фигуры, рубилъ имъ головы. Вѣроятно, эти слухи были преувеличены; основаніемъ же для нихъ могла служить падучая болѣзнь, соединенная съ припадками бѣшенства, которою страдалъ Димитрій. Дядя его, Андрей Нагой, рассказывалъ, что царевичъ въ припадкѣ бѣшенства искусалъ руки его

¹⁾ «Дворецъ Димитрія царевича въ Угличѣ», 1892 г., стр. 5.

маленькой дочери. Быть можетъ, падучая Дмитрія патологически объясняется тѣмъ, что онъ родился отъ Грознаго въ то время, когда царь былъ уже физически разстроены своими бѣшенными страстями.

Въ началѣ второй половины мая мѣсяца 1591 года въ Москву пришла изъ Углича вѣсть, что царевича Дмитрія не стало, и вслѣдъ затѣмъ пошелъ слухъ, что онъ былъ убитъ приставами по приказанію Годунова. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что этотъ слухъ вышелъ изъ среды бояръ, враждебныхъ Годунову. Его удачная правительственная дѣятельность, благодаря которой Московское государство такъ быстро оправилось отъ внутреннихъ нестроений и внѣшнихъ неудачъ; его ласковость и обходительность, вытекавшія изъ присущей ему гуманности и снискавшія ему народное расположеніе, — все это только усиливало зависть и ненависть къ нему бояръ. Потому-то они обвиняли Годунова во всѣхъ печальныхъ и тяжелыхъ событіяхъ и все готовы были приписать ему, чтобы очернить его въ глазахъ народа. Его обвиняли въ убійствѣ маленькой королевны Евѳиміи ¹⁾, умершей у Троицы въ 1589 году; въ поджогахъ Москвы, въ наведеніи крымцевъ; въ отравленіи дочери Θεодора—Θеодосіи; въ попыткахъ отравить Дмитрія и самого Θεодора. Даже раздача хлѣба голоднымъ и пособія погорѣвшимъ ставились ему въ вину, ибо объяснялись коварнымъ желаніемъ приобрести расположеніе народа. Немудрено поэтому, что при первой вѣсти о смерти Дмитрія бояре сейчасъ же приписали ее Годунову. Между тѣмъ, Борисъ поспѣшилъ отправить въ Угличъ комиссію для производства слѣдствія о смерти царевича. Во главѣ ея находился князь Василій Ивановичъ Шуйскій, типичный представитель московской родовой знати, а въ частности—той княжеской вѣтви, которая стояла во главѣ враговъ Годунова; другими членами комиссіи были: митрополитъ Крутицкій Геласій, окольникій Андрей Клепшинъ и дьякъ Елизаръ Вылузгинъ. Слѣдователи прибыли въ Угличъ вечеромъ 19-го мая и тотчасъ же поставили свидѣтелей къ допросу. Опрошены были Нагіе, лица изъ штата царицы и изъ дворцовой прислуги. Михаилъ и Андрей Нагіе показали ²⁾, что царевича зарѣзали Данила Битяговскій, Никита Качаловъ и Осипъ Волоховъ. Всѣ другіе свидѣтели, напротивъ, удостовѣрили, что Дмитрій «самъ накололся» на ножъ, играя въ тычку, въ припадкѣ падучей болѣзни. Далѣе выяснилось, что смерть царевича приключилась около полудня 15-го мая, на дворцовомъ дворѣ, куда, по звуку

¹⁾ Дочь Маріи Владиміровны, двоюродной племянницы Грознаго, бывшей за Магнусомъ, королемъ ливонскимъ.

²⁾ Однако, не въ качествѣ очевидцевъ, такъ какъ въ это время они обѣдали по своимъ дворамъ.

набата, прибѣжали углицкіе посадскіе люди и увидѣли, что мертваго царевича держитъ кормилица Ирина Жданова, а царица Марія бьетъ полѣномъ мамку Василису Волохову и кричитъ, что царевича убили Осипъ Волоховъ, Битяговскій и Качаловъ. Толпа бросилась за ними, отыскала ихъ въ разрядной избѣ и убила. Когда на подворье царицы прибѣжалъ изъ своего дома Михаилъ Битяговскій и сталъ успокаивать народъ, его также убили; затѣмъ отыскали Волохова, притащили къ царицѣ, находившейся уже въ церкви св. Спаса у тѣла Димитрія, и на глазахъ ея такъ же убили, а мать его посадили «за сторожи». Хотѣли также убить жену Михаила Битяговскаго съ двумя дочерьми, но ихъ спасло заступничество духовенства.

Всѣ эти свѣдѣнія были записаны слѣдователями, завѣрены подписями, представлены Годунову, а имъ внесены на разсмотрѣніе духовнаго собора съ патриархомъ во главѣ. По прочтеніи обыска, соборъ выслушалъ заявленіе своего сочлена, митрополита Сарскаго, что царица Марія созналась ему, будто убійство Битяговскаго съ товарищами дѣло грѣшное, и убиты де они невинно. Соборъ заключилъ, что Нагіе и углицкіе посадскіе люди виновны противъ великаго государя въ самоуправствѣ, ибо царевичу Димитрію «смерть учинилась Божьимъ судомъ», и они побили на царицыномъ подворьѣ людей безвинно, а потому достойны наказанія по усмотрѣнію государя. И виновные были наказаны безъ послабленія: царицу Марію сослали въ Судинъ монастырь, близъ Череповца, и постригли подъ именемъ Мары; ея братьевъ, Нагихъ, разослали по разнымъ городамъ; жителей Углича, принимавшихъ участіе въ мятежѣ, казнили, а всѣхъ другихъ выселили въ городъ Пелымъ.

Замѣчательна участь угличскаго обыска: ему не вѣрятъ не только историки, обвиняющіе Годунова въ убійствѣ Димитрія, но и тѣ, которые оправдываютъ его въ этомъ дѣлѣ, за исключеніемъ, впрочемъ, г. Бѣлова¹⁾. Недовѣріе первыхъ вполне понятно и логично: Борисъ приказалъ убить царевича и затѣмъ велѣлъ направить слѣдствіе такъ, чтобы выходило, будто онъ закололся самъ. Но какъ объяснить недовѣріе вторыхъ²⁾? Они не признаютъ Бориса виновнымъ въ угличскомъ дѣлѣ и допускаютъ, что царевичъ былъ

¹⁾ Статья: «О смерти царевича Димитрія», въ которой онъ приводитъ рядъ доводовъ о возможности самоубійства, помѣщена въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1873 г., тт. 7 и 8.

²⁾ Единодушіе, съ которымъ всѣ историки самыхъ противоположныхъ воззрѣній отвергаютъ достовѣрность фактовъ слѣдственнаго дѣла, не позволяетъ прикннуть къ единичному мнѣнію г. Бѣлова, какъ это дѣлаетъ г. Мерцаловъ, признающій за этимъ документомъ значеніе достовѣрнаго историческаго источника. Ср. Карамзинъ, т. X, гл. II; Соловьевъ, т. VII, стр. 387; Костомаровъ, Историч. моногр., т. XIII, стр. 321; «Русская Мысль», 1892 г., № 1 (Обозрѣніе журналовъ); «Христіанское Чтеніе», 1886 г., №№ 1—2, стр. 149; 1891 г., №№ 11—12, стр. 395—420 и др.

Примѣч. ред.

убить помимо его, по проискамъ бояръ, желавшихъ и имѣвшихъ нѣкоторое право занять русскій престолъ по смерти бездѣтнаго Θεодора. Такъ, напримѣръ, поступаетъ г. Боцяновскій ¹⁾ и указываетъ при этомъ на князя Василя Шуйскаго, какъ на весьма возможнаго убійцу Димитрія. По мнѣнію его, Шуйскій, въ качествѣ главнаго слѣдователя, запуталъ угличское дѣло и измыслилъ самоубійство изъ опасенія, чтобы Борисъ самъ не принялся за это дѣло и не раскрылъ его участія въ убійствѣ. Но какъ же Годуновъ, съ его яснымъ умомъ и тонкимъ знаніемъ людей и современныхъ обстоятельствъ, могъ позволить Шуйскому провести себя въ такомъ важномъ дѣлѣ? Почему же онъ не докопался до правды и не вывелъ на свѣтъ убійцы, кто бы онъ ни былъ? Вѣдь зналъ же онъ о склонности бояръ все худое приписывать именно ему и могъ предвидѣть, что они не замедлятъ приписать ему и убійство Димитрія?

Мы полагаемъ, что для обѣленія Годунова нѣтъ надобности розыскивать невѣдомыхъ убійцъ Димитрія. Оправдывая Бориса, мы должны быть такъ же логичны, какъ его обвинители, и не можемъ отвергать слѣдственное дѣло. По нашему глубокому убѣжденію, вся тяжесть вопроса о виновности Годунова заключается въ его принципиальной сторонѣ. Мы спрашиваемъ себя: могъ ли онъ имѣть надежду на достиженіе престола въ случаѣ убійства Димитрія? И отвѣтимъ: да, могъ, но только при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы царь Θεодоръ назначилъ его своимъ преемникомъ. Въ самомъ дѣлѣ, окруженный крайне враждебными боярами, едва выносившими его, какъ правителя, запятанный преступленіемъ, которое не могло укрыться отъ его враговъ, могъ ли Борисъ надѣяться на избраніе въ цари? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Если же онъ рѣшился устранить Димитрія и не остановился передъ убійствомъ, то что же мѣшало ему идти до конца и при помощи сестры-царицы провозгласить себя наслѣдникомъ державы? Важнѣйшимъ доказательствомъ невинности Бориса Годунова въ этомъ отношеніи служить то обстоятельство, что всѣ фактическія основанія для обвиненія совершенно не выдерживаютъ критики. Мы разумѣемъ здѣсь всѣ сказанія объ угличкомъ дѣлѣ, возникшія вскорѣ послѣ канонизаціи царевича Димитрія ²⁾.

Еще угличскіе слѣдователи не успѣли вернуться въ Москву, какъ здѣсь вспыхнулъ пожаръ, истребившій значительную часть Бѣлаго города. Годуновъ, по обычаю своему, сталъ милосердовать о погорѣльцахъ: раздавалъ пособія и на свой счетъ выстраивалъ

¹⁾ Его статья: «Кто убилъ царевича Димитрія?» («Историч. Вѣстникъ», 1891 г., кн. V).

²⁾ С. О. Платоновъ, Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, Спб., 1888 г.

цѣлыя улицы. И вдругъ пошелъ слухъ, что пожаръ произведенъ по его приказанію... Спустя два мѣсяца, когда крымскій ханъ неожиданно бросился на Русь и быстро дошелъ до Москвы, но былъ отраженъ Мстиславскимъ и Годуновымъ, снова пошелъ слухъ, что Борисъ нарочно призвалъ хана, чтобы отвлечь народъ отъ толковъ о смерти Димитрія. Эти нелѣпыя, невозможныя слухи, распускавшіеся недоброжелателями Годунова, невольно наводятъ на мысль, что точно также возникъ и разошелся по Руси слухъ объ убійствѣ Димитрія по приказанію Бориса; затѣмъ былъ занесенъ въ лѣтописи и сказанія и преобразился въ историческій фактъ безъ всякаго реальнаго основанія.

А. Е. Мерцаловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ.

КАКОГО ТАКОГО Ѳедора Ильича Лысенко? Трудно теперь найти человека, который сумел бы ответить на этот вопрос. Лысенка забыли. А, между тем, в свое время это имя было далеко небезызвѣстно. Всѣ знали офицера, взявшаго въ плѣнъ знаменитаго польскаго патриота Костюшку. Своимъ очеркомъ мы хотимъ напомнить о немъ публикѣ, пользуясь темъ обстоятельствомъ, что г-жа Толинская недавно доставила въ редакцію «Историческаго Вѣстника» портретъ Ѳедора Ильича Лысенка, описаніе его могилы и нѣкоторыя подробности изъ его биографіи, почерпнутыя изъ семейныхъ воспоминаній.

Ѳедоръ Ильичъ Лысенко родился 19-го февраля 1751 г.¹⁾ въ Тимскомъ уѣздѣ, Курской губерніи. Его отецъ былъ малорусскій казакъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Лысенко чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ военной службѣ. Въ 1771 г., когда ему было около двадцати лѣтъ, онъ желалъ поступить въ гусары, но родители ни за что не хотѣли отпускать отъ себя сына. Тогда Лысенко тайно убѣжалъ изъ родной хаты въ ближайшій городъ Корочу и записался тамъ въ солдаты. Однако, на этотъ разъ отецъ

¹⁾ Сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ», написавшій биографію Лысенка на основаніи его разсказовъ, считаетъ годомъ рожденія Ѳедора Ильича 1750 г. Тотъ же годъ находится и на оборотѣ портрета, присланнаго г-жей Толинской. Мы считаемъ болѣе близкимъ къ истинѣ годъ, выставленный на надгробномъ памятникѣ, какъ основанный, вѣроятно, на бумагахъ покойнаго. Первые же два показанія, данныя, повидимому, самимъ Лысенкомъ, подоврительны, такъ какъ крестьяне часто не знаютъ точно года своего рожденія.

вскорѣ розыскалъ его и заставилъ вернуться домой. Неудача не охладила молодого казака. Въ ближайшую зиму онъ снова бѣжить изъ дому, но уже не въ Корочу, а на южную границу Россіи, гдѣ тогда стоялъ Харьковскій гусарскій полкъ. Командиръ охотно принялъ къ себѣ на службу «молодца съ розовымъ, геройскимъ лицомъ, станомъ легкаго и сильнаго» ¹⁾). Такимъ образомъ 1-го января 1772 г. исполнилась завѣтная мечта Лысенка. На границѣ Крыма родители не могли уже найти его. Будучи въ полку, Ѳедоръ Ильичъ научился грамотѣ и, благодаря этому, вскорѣ былъ произведенъ въ капралы, а затѣмъ въ квартирмейстеры и вахмистры. Вмѣстѣ съ своимъ полкомъ онъ участвовалъ во второй Турецкой войнѣ: въ 1788 г. былъ при осадѣ Очакова и на приступѣ, въ 1790 г. отличился при взятіи Килии ²⁾).

Въ 1794 г. мы находимъ Лысенка уже въ Польшѣ, которая доживала тогда послѣдніе дни своего самостоятельнаго существованія.

Послѣ втораго раздѣла и паденія конституціи 3-го мая, жалкій осколокъ Рѣчи Посполитой, сохранившій *de jure* свою самостоятельность, фактически сталъ достояніемъ Россіи. Польша, правда, имѣла еще короля, но его власть, по выраженію Сиверса, была не болѣе власти тверского генераль-губернатора. Онъ не имѣлъ ни права, ни силы повелѣвать своимъ подданнымъ, и начальники русскихъ войскъ въ Варшавѣ, сначала Сиверсъ, потомъ Игельстромъ, опираясь на русскіе штыки, держали и Станислава и Польшу въ своихъ рукахъ. Австрія и Пруссія зорко слѣдили за польскими дѣлами, предвидя новый раздѣлъ и желая извлечь изъ него возможно большія выгоды для себя. Конечно, такое положеніе дѣлъ не могло продолжаться долго. Сосѣди Рѣчи Посполитой только ждали удобнаго случая, чтобы окончательно стереть съ лица земли заживо разлагавшееся государственное тѣло. Случай не замедлил представиться.

Польскіе патріоты не могли примириться съ униженіемъ ихъ родины и рѣшились еще разъ попытать счастья въ вооруженной борьбѣ съ врагами «ойчизны». Составился обширный заговоръ, душой котораго былъ Тадеушъ Костюшко, и который считалъ въ рядахъ своихъ сторонниковъ массу пановъ и шляхты. Французская революція, взволновавшая тогда всю Европу, сильно повліяла и на горожанъ крупныхъ польскихъ городовъ: многіе изъ нихъ во имя равенства и свободы примкнули къ заговору. На сторону революціи стали и польскія войска. Однако, главные вожаки возста-

¹⁾ «Отечественныя Записки» 1822 г., т. XII, стр. 49 (статья: «Плѣнитель Костюшки, Ѳедоръ Ильичъ Лысенко»).

²⁾ «Отечественныя Записки», *ibid.*, стр. 49—51; «Военный Журналъ», 1811 г., ч. XII, стр. 67.

нія считали еще несвоевременнымъ начинать борьбу, когда обстоятельства принудили ихъ взяться за оружіе. Костюшко появился въ Краковѣ. Его популярное имя привлекло подъ знамена много ратниковъ, такъ что первая его стычка съ русскими кончилась поражениемъ нашего отряда. Успѣхъ опьянилъ поляковъ, и возстаніе сразу разрослось до громадныхъ размѣровъ. Однако, Игельстромъ, занимавшій Варшаву, не придавалъ особаго значенія дѣйствіямъ Костюшки и никакъ не хотѣлъ понять, что не сегодня, завтра, къ Костюшкѣ присоединятся всѣ поляки, не исключая даже королевскихъ войскъ. Игельстромъ, правда, вызвалъ въ Варшаву нѣсколько новыхъ полковъ, въ томъ числѣ и Харьковскій, въ которомъ служилъ Лысенко, но рѣшительныхъ мѣръ не предпринималъ. Между тѣмъ, заговорщики не дремали. Во главѣ варшавянъ сталъ башмачникъ Килинскій, человекъ очень ловкій и дѣятельный, который на глазахъ у самого Игельстрома велъ дерзкую пропаганду. Распуская ложные слухи и соря деньгами, онъ разжегъ противъ русскихъ все варшавское населеніе, а затѣмъ разгласилъ по всему городу, что въ первый день Пасхи русскіе собираются произвести всеобщую рѣзню въ Варшавѣ, и что, слѣдовательно, надо предупредить враговъ возстаніемъ. Днемъ возстанія назначенъ былъ четвергъ страстной недѣли 6-го (17-го) апрѣля.

Ночью, съ 5-го на 6-е апрѣля, все было спокойно на улицахъ, и чѣмъ ближе было къ взрыву, тѣмъ менѣе можно было ожидать его. Но въ 4 часа утра послышалось какое-то движеніе въ арсеналѣ. Вслѣдъ за тѣмъ весь городъ былъ оглашенъ звуками набата и сигнальными залпами изъ пушекъ. На улицахъ поднялся страшный шумъ: одинъ за другимъ неслись польскіе военачальники съ криками: «do broni, do broni»; ревушая чернь стремилась со всѣхъ концовъ города къ арсеналу и ружейнымъ лавкамъ, забирала тамъ оружіе и нападала на застигнутыхъ врасплохъ русскихъ. Польскіе полки присоединились къ возставшимъ. Наши войска совершенно растерялись и не знали, что дѣлать. «Русскіе солдаты привыкли дѣйствовать въ чистомъ полѣ, брать города; а теперь они были застигнуты мятежомъ въ тѣсныхъ улицахъ, гдѣ на каждомъ шагу засада, гдѣ стрѣляютъ изъ оконъ домовъ; до чего могло доводить это движеніе по закоулкамъ, доказательствомъ служить, что одинъ русскій баталіонъ, шедшій для соединенія со своими, встрѣтилъ ихъ, принялъ за поляковъ и такъ попотчевалъ пушечными ядрами, что тѣ должны были рвануться въ сторону. Баталіоны, расположенные по одиночкѣ въ разныхъ мѣстахъ, были предоставлены самимъ себѣ, не могли стягиваться для общаго дѣйствія, ибо не было общаго направленія, не было общаго начальника, сообщеніе было прервано, адъютанты не могли скакать съ приказаніями: ихъ били повстанцы... Послѣ этого нечему удивляться, что большая часть русскихъ войскъ, стянувшихся подъ

начальствомъ генерала Новицкаго, ушла изъ Варшавы, не зная, что дѣлается у квартиры Игельстрома, предоставляя своего главнаго начальника собственной его судьбѣ¹⁾».

А квартира Игельстрома была тѣмъ временемъ цѣлью самыхъ яростныхъ нападеній бунтующей черни и регулярныхъ польскихъ войскъ. 6-го апрѣля генераль еще удержался въ ней, но 7-го, когда всѣ силы возставшихъ соединились около его дома, онъ принужденъ былъ отступить и успѣлъ пробиться за городъ со своимъ небольшимъ отрядомъ, сильно порѣдѣвшимъ. Маленькіе русскіе отряды, оставшіеся въ разныхъ частяхъ Варшавы, послѣ упорнаго сопротивленія были истреблены или забраны въ плѣнъ.

Лысенко, какъ мы уже сказали выше, находился въ эти ужасные дни также въ Варшавѣ. Въ суматохѣ онъ отбился отъ своего полка и попалъ въ самый разгаръ рѣзни; подъ нимъ были убиты двѣ лошади, онъ принужденъ спѣшиться. Случай натолкнулъ Лысенка на пѣхотный отрядъ маіора Батурина. Вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ онъ заперся въ какой-то тѣсный дворъ, гдѣ имъ удавалось нѣкоторое время отражать ожесточенныя нападенія повстанцевъ. Затѣмъ, видя, что помощи ждать неоткуда, горсть храбрецовъ отважилась на отчаянную вылазку. Большинство ихъ легло на мѣстѣ, остальные успѣли пробиться за городъ и соединиться съ Игельстромомъ. Въ грудѣ раненыхъ и убитыхъ остался и Лысенко. Но его рана оказалась неопасной: онъ скоро очнулся и съ наступленіемъ ночи кое-какъ доползъ до русскихъ отрядовъ. Его положили въ лазаретъ и наградили чиномъ корнета²⁾.

Итакъ, русскіе были выбиты изъ Варшавы. Но этимъ и ограничились успѣхи поляковъ. Среди сыновъ Рѣчи Посполитой не было единодушія. Въ то время какъ Костюшко писалъ пламенные универсалы, стараясь пробудить патріотическій духъ въ шляхтѣ и привлечь на сторону повстанья хлоповъ, въ то время какъ нѣсколько патріотовъ употребляли геройскія усилія, чтобъ отстоять самостоятельность «ойчизны», масса населенія оставалась равнодушной къ движенію, и это въ лучшемъ случаѣ, а гораздо чаще борцы за свободу встрѣчали нерасположеніе и открытое сопротивленіе своимъ планамъ. Горожане недовольны были безпокойствомъ и денежными поборами, вызываемыми повстаньемъ; оступѣлые отъ

¹⁾ «Исторія паденія Польши», сочиненіе Сергѣя Соловьева, Москва, 1863, стр. 334. Интересныя подробности о варшавской революціи сообщаютъ очевидцы: Dzień 17 i 18 Kwietnia 1794 w Warszawie przez naocznego świadka opowiedziany w zapiskach Kałinicckiego należony (въ «Pamiętniki z ośmnastego wieku», Poznań, 1860, стр. 149—167.); Powstanie w Warszawie przez naocznego świadka I. G. Seumego, въ «Pamiętniki księdza J. Kitowicza», Poznań, 1845, т. III, стр. 148—177 (Uzupełnienia).

²⁾ «Отечественныя Записки», *ibid*, стр. 52—54; «Военный Журналъ», *ibid*, стр. 67.

долгата рабства хлопы не обнаруживали никакого сочувствія къ «панскому» дѣлу; шляхта возставала противъ намѣренія революціонной партіи даровать свободу хлопамъ, не откликалась на объявленіе «посполитаго рушенья» и не хотѣла жертвовать имуществомъ для общаго блага. Съ другой стороны, сосѣднія государства вооружились противъ повстанья. Прусскій король прямо объявилъ войну, а Австрія, на помощь которой рассчитывали вожди революціи, тоже двинула свои войска въ польскіе предѣлы. Впрочемъ, пруссаки скоро ушли изъ Польши, обезпокоенные бунтомъ въ провинціяхъ, полученныхъ по второму раздѣлу, а австрійскія войска пребывали въ полнѣйшемъ бездѣйствіи. Вся тяжесть борьбы съ революціей пала на русскихъ. Но и однихъ русскихъ войскъ было вполне достаточно, чтобы справиться съ повстаньемъ. Поляки повсюду отступали. Съ появленіемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій Суворова, дѣла приняли рѣшительный оборотъ. Знаменитый полководецъ обезоружилъ все польскія войска въ Украинѣ, разбилъ корпусъ Сѣраковского подъ Брестомъ и затѣмъ пошелъ на соединеніе съ корпусомъ генерала Ферзена, находившимся къ югу отъ Варшавы. Тогда Костюшко, желая предупредить соединеніе русскихъ армій, стянулъ къ Мацѣювицамъ около 10 тысячъ польскаго войска и далъ Ферзену битву, кончившуюся такъ несчастно для поляковъ. Вотъ описаніе этой битвы, которое мы приводимъ довольно подробно, въ виду того, что для выясненія дальнѣйшаго намъ необходимо знать расположеніе и движенія русскихъ войскъ.

«Маленькая рѣчка течетъ въ Вислу черезъ мѣстечко Мацѣювицы. На берегу ея стоялъ замокъ; отъ этого замка вдоль рѣчки на лѣвомъ ея берегу расположились поляки. Рѣчка, впадая въ Вислу, образуетъ уголь; отъ этого угла вдоль Вислы стояли русскіе... По составленному Ферзеномъ плану, генераль Хрущовъ ударилъ на поляковъ прямо. Корпусъ Денисова обошелъ вправо и ударилъ на поляковъ въ лѣвый флангъ. Корпусъ Тормасова направилъ свой ударъ лѣвѣе отъ Хрущова, а еще лѣвѣе двинулся корпусъ Рахманова, перешелъ рѣчку, пошелъ вдоль ея по правой сторонѣ, потомъ снова перешелъ на лѣвую сторону и ударилъ въ тылъ. Сначала сыпались на поляковъ ядра и гранаты, потомъ, когда русскіе приблизились, со всехъ сторонъ открылся по нимъ убійственный ружейный огонь. Тогда русскіе ударили въ штыки. Все мѣшалось, кидало оружіе, бѣжало, но бѣжать было некуда. Русскіе окружили поляковъ»¹⁾. Побѣда была полная. Много польскихъ генераловъ, въ томъ числѣ и самъ Костюшко, попали въ плѣнъ. Фѣдоръ Ильичъ Лысенко былъ главнымъ виновникомъ того, что повстанскія войска лишились своего генералиссимуса, един-

¹⁾ «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», историч. монографія Николая Костомарова, изд. 3-е, Спб., 1886 г., томъ II, стр. 603—604.

ственного человека, который своей энергией и беззаветным патриотизмом удерживал дело «ойчизны» от полной гибели. Но такое важное дело, какъ взятіе въ плѣнъ главнаго начальника польскихъ войскъ, было слишкомъ почетно для того, чтобы никто другой изъ участниковъ битвы не заявилъ притязаній на эту честь. Казацкій атаманъ Денисовъ увѣряетъ въ своихъ запискахъ, что взятіе въ плѣнъ Костюшки есть всецѣло дело рукъ его, Денисова. Попробуемъ разобратъся, кто же дѣйствительно полонилъ Костюшку.

Приведемъ сначала въ извѣстность тотъ матеріалъ, которымъ мы располагаемъ для рѣшенія даннаго вопроса.

На первомъ планѣ, конечно, должны быть поставлены свидѣтельства самихъ претендентовъ—Лысенка и Денисова. Отъ Лысенка мы имѣемъ, во-первыхъ, письмо его въ редакцію «Военнаго Журнала», куда онъ вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ и свои документы, извлеченіе изъ которыхъ напечатано редакторомъ вслѣдъ за самымъ письмомъ¹⁾; во-вторыхъ, статью въ «Отечественныхъ Запискахъ», на которую мы ссылались выше, и которая представляетъ біографію Лысенка, составленную на основаніи его собственныхъ разсказовъ и документовъ. Въ-третьихъ, наконецъ, Григ. Яковл. Гуслистый (род. 1796 г., † 1862 г.), случайно столкнувшійся съ Лысенкомъ въ 20-хъ годахъ, слышалъ также его разсказъ про взятіе въ плѣнъ Костюшки и впоследствии записалъ его. За предоставленіе этой рукописи въ наше распоряженіе приносимъ благодарность Дм. Григ. Гуслисту, сыну покойнаго Григорія Яковлевича.

Отъ Денисова остались его записки, напечатанныя въ «Русской Старинѣ» за 1874 г.²⁾ Среди польскихъ мемуаровъ того времени намъ могутъ пригодиться воспоминанія Нѣмцевича³⁾, неразлучнаго спутника Костюшки, который лично участвовалъ въ Мацѣвицкой битвѣ и былъ взятъ во время нея въ плѣнъ русскими. Интересныя подробности заключаются также и въ книгѣ ксендза Китовича⁴⁾. Сверхъ того, въ высшей степени важенъ для насъ трудъ Костомарова, на который мы ссылались выше. Костомаровъ не зналъ ни показаній Лысенка, ни записокъ Денисова и писалъ исключительно по польскимъ источникамъ, намъ неизвѣстнымъ. Кромѣ вышеназванныхъ трудовъ, имя Лысенка было еще два раза упомянуто въ печати. Именно, въ «Военномъ энциклопеди-

¹⁾ «Военный Журналъ», 1811 г., книжка 12-я, стр. 65—68.

²⁾ «Записки донскаго атамана Денисова» (1763—1841), см. «Русская Старина», 1874 г., т. X и слѣд.

³⁾ «Pamiętniki czasów moich». Dzieło posmiertne Juliana Ursina Niemcewicza. Paryż. 1848.

⁴⁾ Pamiętniki księdza I. Kitowicza dopanowania Stanisława Poniatowskiego z manuskryptu dotąd drukiem nieogłoszonego, Poznań, 1845.

ческомъ словарѣ» подъ словомъ «Костюшко» сдѣлано извлеченіе изъ «Отечественныхъ Записокъ»¹⁾. Затѣмъ въ статьѣ г. И. Н. Бо—ва²⁾ приведены выписки и изъ мемуаровъ Денисова, и изъ «Военнаго энциклопедическаго лексикона», и изъ Костомарова, но авторъ, констатировавъ открывающееся такимъ образомъ противорѣчіе, не дѣлаетъ никакой попытки разрѣшить его³⁾.

Итакъ, приступаемъ къ показаніямъ Лысенка.

Уже лѣтъ десять спустя послѣ паденія Польши, Лысенко, бывшій тогда въ отставкѣ и жившій въ Малороссіи, прочиталъ въ одномъ жизнеописаніи Суворова слѣдующія строки: «Стараясь спастись скоростію своей лошади, (Костюшко) былъ перехваченъ нѣсколькими казаками конной команды генерала Ферзена, корнетомъ Харьковскаго легкоконнаго полку Пилипенкомъ и однимъ унтеръ-офицеромъ»⁴⁾. Видя, что такимъ образомъ его подвигъ приписывается другому лицу, Лысенко отправился въ Петербургъ съ цѣлью возстановить истину. Заручившись разными документами, онъ написалъ въ редакцію «Военнаго Журнала» письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «Какое было мое неудовольствіе, когда нашель я въ ней (то-есть, книгѣ Парпуры), что знаменитый Костюшка взятъ въ плѣнъ какимъ-то Харьковскаго легкоконнаго полка Пилипенкомъ. Служивъ 15 лѣтъ въ семь полку, я никогда не слыхивалъ даже про такое имя; не удовольствуясь симъ, я справлялся въ военной коллегіи и взятымъ изъ оной свидѣтельствомъ, которое при семь прилагаю, удостовѣрился, что такового корнета въ семь полку дѣйствительно никогда не бывало. Что-жъ касается до Костюшки, то при семь прилагаю подлинный указъ о моей отставкѣ и аттестаты генераль-маіора Рахманова. Изъ сихъ бумагъ вы усмотрите, что знаменитаго Костюшку взялъ въ плѣнъ не Пилипенко, а я, ударивъ съ двумя рейтарами и двумя казаками на его конвой, состоявшій изъ 10 человекъ,... и ранивъ самого Костюшку. Поступокъ мой былъ гласенъ въ цѣлой арміи, и я на-

1) «Военный энциклопедическій лексиконъ, издаваемый обществомъ военныхъ, литераторовъ, и посвященный его императорскому высочеству наследнику цесаревичу великому князю Александру Николаевичу», изд. 2-е, томъ VII, стр. 432 (статья Брыкина).

2) «Русскій Вѣстникъ», 1892 г., октябрь, стр. 167—209, статья: «Изъ исторіи польскихъ повстаній. Оаддей Косцюшко».

3) Авторъ статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» утверждаетъ, что о Лысенкѣ говорится на 71 стр. книги: Жизнь и военныя дѣянія генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. Переводъ съ нѣмецкаго. Издавъ И*. Н*. М. 1800. (ссылка невѣрная. Тамъ ничего не говорится о Лысенкѣ («Косцюшко, раненъ будучи двумя ударами сабли и проколотъ копьемъ, палъ полумертвой съ лошади» — и больше ничего).

4) Жизнь и военныя дѣянія генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго; съ виньетами и планами, изданная Максимомъ Парпукою, Спб., 1800, т. III, стр. 70.

граждень за оный чиномъ поручика, да впослѣдствіи графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій прислалъ мнѣ 500 червонныхъ, изъ которыхъ удѣлили я часть своимъ соратникамъ и 200 червонныхъ храброму поручику Пастуховскому, который при упомянутомъ нападении потерялъ свою лошадь и единственно оттого не участвовалъ въ нашемъ подвигѣ.

«Двадцать лѣтъ служилъ я своему отечеству; двадцать лѣтъ блисталъ мечъ мой въ бояхъ и на приступахъ и, наконецъ, рѣшилъ судьбу государства, которое нѣкогда потрясало Россію; теперь, въ преклонныхъ лѣтахъ, когда хладная старость уноситъ остатки силъ моихъ, когда несчастный жребій мой оставилъ меня на жертву ужаснѣйшей бѣдности, больно видѣть, что даже самая исторія не отдаетъ должной справедливости тому, который презиралъ смерть, чтобы жить въ потомствѣ.

«Если духъ вашъ соотвѣтствуетъ вашему званію воина и россиянина, то подвиги воинскіе должны быть драгоцѣнны сердцу вашему, и скорбь моя должна тронуть душу вашу. Вступитесь за соотечественника вашего, вступитесь за истину, успокойте бѣднаго воина, который посѣдѣлъ во браняхъ, неоднократно проливалъ кровь свою за отечество и, страдая подъ игомъ нищеты, молитъ, чтобы хотя имя его не было сокрыто отъ потомства».

Вслѣдъ за письмомъ помѣщено извлеченіе изъ упоминаемыхъ Лысенкомъ документовъ. Тутъ мы читаемъ: «... подъ Мацѣювицами въ колоннѣ генераль-маіора Рахманова, зашедшей въ тылъ непріятелю, (Лысенко) отличилъ себя въ бою и плѣнилъ знаменитаго непріятельскаго вождя, за что произведенъ былъ въ поручики».

Въ главныхъ чертахъ разсказъ «Отечественныхъ Записокъ» совпадаетъ съ вышеприведеннымъ, но подробности носятъ на себѣ явные слѣды преувеличенія. Причину этого надо искать въ томъ, что авторъ статьи цвѣтистымъ слогомъ и гиперболами хотѣлъ придать своему изложенію болѣе занимательности.

Этого недостатка нѣтъ въ рукописи Г. Я. Гуслистаго. Авторъ ея служилъ ординаторомъ въ Обуховской больницѣ. Въ 1822 или 1823 году въ палату, которой онъ завѣдовалъ, поступилъ Лысенко. «Рослый, плечистый, однимъ словомъ дюжій мужчина, говорившій болѣе малороссійскимъ, нежели русскимъ нарѣчіемъ», привлекъ вниманіе молодого ординатора, который не замедлилъ вступить въ разговоръ съ ротмистромъ. Во время этого разговора выяснилось для Гуслистаго, что Лысенко взялъ въ плѣнъ Костюшка. На вопросъ: «какъ же это было?»—Лысенко разсказалъ слѣдующее: «Мы подъ предводительствомъ генерала Ферзена спѣшили къ Варшавѣ. Значительный корпусъ польскихъ конфедератовъ подъ предводительствомъ Костюшка заслонялъ намъ дорогу; надо было пробиться. Сраженіе послѣдовало при мѣстечкѣ Мацѣювицахъ. Нѣсколько разъ мы нападали, но безъ успѣха и со значительною потерей. Поляки

дрались отчаянно. Съ нашей стороны употребляли различныя хитрости... напоследокъ принялись за рѣшительное дѣло. Свалка была ужасная. Мы поляковъ разбили въ пухъ. Подо мною была убита лошадь. Много лежало на полѣ убитыхъ и раненыхъ, много бродило лошадей безъ сѣдковъ. Я пошелъ по полю добыть себѣ лошадь. Тутъ бродили и нѣсколько казаковъ. Лошадь я себѣ досталъ добрую и, остановившись у одного лежавшаго на полѣ раненаго поляка, спросилъ его, не знаетъ ли онъ, куда бѣжалъ Костюшко?—«Онъ долженъ быть тутъ гдѣ нибудь недалеко,—отвѣчалъ раненый:— онъ у насъ поле сраженія оставляетъ послѣдній; теперь, вѣроятно, скрывается въ ближайшей рощѣ». У меня сердце забилось. Екатерина матушка обѣщала большую награду за жизнь или свободу Костюшки: это было извѣстно во всей арміи. Я подговорилъ семь человекъ казаковъ пуститься на поискъ. Они согласились. Подѣхавъ къ рощѣ, находившейся въ недалекомъ разстояніи отъ поля сраженія, мы замѣтили, что по пролѣску пробирались нѣсколько человекъ въ богатыхъ мундирахъ. Я предложилъ ударить на нихъ. Два казака не согласились и повернули назадъ, а остальные пять пустились со мной въ догоню. Поляки стали уходить, а мы за ними. Видя настойчивое преслѣдованіе съ нашей стороны, они обратились, стали въ боевой порядокъ и, подпустивъ на пистолѣтный выстрѣлъ, сдѣлали по намъ залпъ изъ пистолетовъ. У насъ оказалось все благополучно. Мы, пришпоривъ лошадей, ринулись на нихъ со всего духу. Первый попавшійся мнѣ, просто одѣтый, обнажилъ саблю. Я ёго якъ пелехнувъ разъ, два, по затылку и по спинѣ саблей, такъ онъ съ лошади и повалился. Оставивъ просто одѣтаго, я погнался за богатымъ мундиромъ и загналъ его въ болото. Онъ началъ просить пардону. Я его спросилъ: «Ты Костюшко?»—«Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—я его адъютантъ, а ты Костюшку вонъ тамъ повалилъ». Обезоруживъ его, прибылъ съ нимъ къ Костюшкѣ, лежавшему еще на землѣ. Вскорѣ и прочіе казаки собрались, и нѣкоторые съ добычею. Съ Божьею помощію мы скоро добрались до своего лагеря съ плѣнными. Насъ представили къ Ферзену».

Разсказъ очень подробный и очень толковый. Но, полагаясь вполнѣ на общее освѣщеніе событія, мы имѣемъ право принять подробности только тогда, когда онѣ не будутъ противорѣчить другимъ источникамъ, такъ какъ Г. Я. Гуслистый записалъ свой разговоръ съ Лысенкомъ лишь черезъ 40 лѣтъ¹⁾. Очевидно, что за такой періодъ времени подробности могли легко извратиться въ

¹⁾ Время, къ которому относится рукопись Г. Я. Гуслистаго, опредѣляется довольно легко: она не могла быть написана раньше конца 1861 г., такъ какъ въ ней упоминается о сентябрьской книжкѣ «Русскаго Слова» за этотъ годъ. Съ другой стороны, Григорій Яковлевичъ скончался въ 1862 г.

памяти пересказчика. Да и самъ Г. Я. Гуслистый въ своей рукописи говоритъ: «Я долженъ присовокупить, что мною здѣсь написанное есть дѣло памяти давно прошедшаго времени. Можетъ быть, я что нибудь и не такъ выразилъ, какъ говорилъ Лисенко; но мнѣ крѣпко врѣзались въ память его слова: «Я его якъ пелехнувъ по затылку и по спинѣ саблюю—разъ, два, такъ онъ съ лошади и повалився». Если не упускать изъ виду этого обстоятельства, то рукопись Г. Я. Гуслистаго можетъ намъ оказать немалую помощь, тѣмъ болѣе, что, не противорѣча официальнымъ даннымъ, она тѣмъ самымъ доказываетъ свою близость къ истинѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что притязанія Лысенка опираются на официальные документы и потому должны считаться вполне основательными. Справедливости ихъ не пришлось бы и доказывать, если бы не слѣдующій разсказъ въ запискахъ донскаго атамана Денисова, одного изъ участниковъ Мацѣювицкой битвы.

«Когда все польское войско обратилось въ бѣгство,—пишетъ Денисовъ,—по собраніи сотъ до четырехъ казаковъ, поскакали мы искать начальника поляковъ Костюшку... Проѣхавъ одно селеніе, я увидалъ, что поляки бѣгутъ врозь, по тремъ направленіямъ; поэтому счелъ я за лучшее раздѣлить казаковъ также на три части... Они пустились въ погоню, а я остался въ ожиданіи прибытія казаковъ, такъ какъ у меня ихъ было уже весьма немного.

«Вскорѣ нѣсколько офицеровъ съ казаками подоспѣли ко мнѣ, и я поскакалъ съ ними влѣво.

«Проѣхали версты три, или около того; вдругъ сказываютъ мнѣ, что со стороны скачетъ одинъ казакъ ко мнѣ, что-то кричитъ и машетъ шапкой. Я увидѣлъ его, остановилъ команду и подскакалъ къ нему; казакъ донесъ, что они поймали начальника Костюшку.

«Будучи обрадованъ симъ, приказалъ я моей командѣ спѣшить ко мнѣ, пустился во всѣ ноги къ мѣсту, гдѣ его казакъ показывалъ. Прискакавъ, вижу нѣсколько убитыхъ поляковъ; казакъ указываетъ на одного, что долженъ быть онъ. Я сошелъ съ лошади и зачалъ разсматривать его, но не могъ узнать, хотя и зналъ Костюшку. Онъ былъ живъ, но столь блѣденъ, что болѣе на мертвеца походилъ: голова была вся въ крови, ноги безъ сапогъ, одѣтъ въ кафтанѣ со многими вязаными пуговками, въ атласномъ жилетѣ и панталонахъ. Я вспомнилъ, что при мнѣ былъ гравированный его портретъ для подобныхъ случаевъ; вынимаю, сличаю и нахожу большое сходство. Во все то время онъ ни слова не сказалъ. Я замѣтилъ, что, такъ какъ онъ лежалъ на голой землѣ, то очень озябъ, а потому приказалъ постлатъ нѣсколько казачьихъ плащей, положить его на оныя и прикрыть такимъ же числомъ. Когда все сіе было сдѣлано, то зачалъ онъ метаться, какъ бы умиралъ; но его вырвало, отчего сдѣлался цвѣтъ лица тотчасъ лучше, и онъ проглянулъ.

«Я его спросилъ: «не хочетъ ли онъ чего?» — на чтò отвѣчалъ спокойно, что «ничего».

«Тогда я ему сказалъ, что (я) его знаю, и что великому человеку готовъ сдѣлать всякую помощь.

«Онъ отвѣчалъ, что онъ также меня знаетъ, что я — полковникъ Денисовъ, и сказалъ еще нѣсколько словъ.

«Хотя я его и спросилъ, полагая, что онъ скоро умретъ, о нѣкоторыхъ важныхъ предметахъ, но онъ не отвѣчалъ.

«Перевязавъ ему галстуками и платками раны, которыхъ онъ имѣлъ еще двѣ или три въ спинѣ дротиками, послалъ я за казаками (поскакавшими впередъ), чтобъ воротились; затѣмъ приказалъ.... сдѣлать на дротикахъ носилки... (Вскорѣ) носилки были готовы, на которые положили Костюшку; нѣсколько казаковъ пѣшихъ понесли его подъ прикрытіемъ маіора Денисова».

Нѣсколько ниже рисуетъ самая сцена взятія Костюшки: «Разскажу благосклонному читателю по сущей справедливости, по строгому розысканію, мною произведенному и по точнымъ доказательствамъ, отъ бывшихъ при томъ казаковъ собраннымъ, о томъ, какъ взять польскій начальникъ Костюшко. Многимъ вѣрно вѣдомо, что въ Польшѣ всѣ почти дороги отъ полей отгорожены весьма слабою загорожею. Дорога, по которой Костюшко съ малымъ числомъ къ нему приверженныхъ бѣжалъ, также была отгорожена. Дорога при выѣздѣ изъ селенія, гдѣ я расположилъ послать казаковъ въ три отдѣленія, пересѣкалась поперечною дорогою-жъ, гдѣ городьба имѣла уголъ, на изрядную дистанцію давно уже передъ тѣмъ, вѣрно, по слабости огорожи и небреженіемъ изломанная. Нѣсколько казаковъ, безъ офицеровъ, видя ихъ и угадывая по изрядству лошадей, что это господа и что съ ними есть деньги и богатые вещи, погнались и уже были близко. Костюшко, засмотрѣлся ли, или съ намѣреніемъ спибся съ дороги, взялъ влѣво и за пряслами скакалъ близъ дороги, самъ четверть только, ибо другіе скакали по дорогѣ. Казаки, не зная, что тутъ польскій начальникъ, раздѣлясь по своей волѣ и случайно по одному, одни догоняли неприятели по дорогѣ, а другіе погнались за тѣми, гдѣ былъ Костюшко, и нагнали его на болотистомъ мѣстѣ, гдѣ тотчасъ бывшаго при немъ маіора и одного рядового убили. Третій въ замѣшательствѣ успѣлъ, бросившись съ лошади, притвориться мертвымъ, но по приверженности къ начальнику иногда поглядывалъ на него. Костюшко бросился въ болото. Подъ нимъ лошадь увязла и билась, что онъ видя соскакиваетъ съ оной. Тутъ казакъ досталъ его дротикомъ, два раза ранилъ и приказалъ возвратиться къ нему. Лошадь безъ сѣдока, сдѣлавъ нѣсколько усилій, вырвавъ поводъ, изъ болота выскочила и ушла. Тогда Костюшко отдался въ волю казаковъ. Они его вывели изъ болота и зачали обирать, а онъ и самъ имъ подалъ кошелекъ съ

небольшимъ числомъ червонныхъ и часы, не сказывая, кто онъ. Въ это самое время прискакалъ къ нимъ вахмистръ коннаго нашего полка и при видѣ, что между казаками стоитъ польскій офицеръ, ударилъ его въ голову палашемъ, отчего въ ту же минуту Костюшко замертво упалъ. Тотъ же полякъ, о которомъ я выше сказалъ, что притворился убитымъ, лежалъ и надзиралъ за ними. Видя сіе и забывая свою опасность, вскакиваетъ, кричитъ, чтобъ не убивали, что это начальникъ. Всѣ отъ сего испужались, и вахмистръ поскакалъ первый назадъ; казаки сдѣлали то-жъ, но одинъ старый и опытный казакъ видѣлъ, куда я поскакалъ съ командою, и поспѣшилъ меня догнать. Вотъ точная исторія, какъ Костюшко взятъ, которую я безъ малѣйшей посторонней матеріи описываю; и ежели-бъ не случился тутъ одинъ изъ живыхъ поляковъ, то Костюшко, можетъ (быть), и умеръ бы, не бывъ познанъ... Всѣ чиновники нашего корпуса за сіе дѣло были награждены; но не знаю, почему я и благодарности не получилъ отъ моихъ начальниковъ...

«Какъ бы то ни было, обойденъ я и обиженъ предъ всѣми»¹⁾.

Такимъ образомъ, по словамъ Денисова, Костюшко былъ взятъ въ плѣнъ казаками изъ отряда его, Денисова, Лысенко же тутъ не при чемъ, если только не отождествить его съ вахмистромъ²⁾, который прискакалъ подъ конецъ и рубнулъ Костюшка саблей, а затѣмъ, неизвѣстно чего испугавшись, исчезъ. Разсказъ этотъ на столько живой, на столько обстоятельный, что дѣйствуетъ на читателя подкупающимъ образомъ, и на первый взглядъ кажется, что онъ представляетъ правдивое показаніе очевидца. Но ближайшее знакомство съ нимъ, а также пристальное изученіе всѣхъ записокъ Денисова въ цѣломъ даютъ основаніе заподозрѣть автора въ тенденціи. Дѣло въ томъ, что донской атаманъ повсюду въ своемъ повѣствованіи выдвигаетъ на первый планъ доблести и подвиги донского казачества и старается замолчать удачныя дѣйствія остальныхъ частей арміи, а иногда даже прямо выставляетъ своихъ соратниковъ въ крайне невыгодномъ для нихъ свѣтѣ. Примѣровъ этому можно набрать массу, но мы для краткости ограничимся двумя. Такъ онъ говоритъ, что Багратіонъ по злобѣ и зависти къ нему не давалъ ему во время Итальянскаго похода достаточно войскъ, и что въ этомъ заключалась причина важныхъ упущеній, сдѣланныхъ тогда Денисовымъ³⁾. Или, чтобъ объяснить свою неудачу въ одной стычкѣ съ французами, онъ сваливаетъ всю вину на австрійскій вспомогательный отрядъ, бывший подъ его командой, и рассказываетъ такой анекдотъ: «по сближеніи

¹⁾ «Русская Старина», 1874 г., т. XI, стр. 405—409.

²⁾ Лысенко былъ тогда корнетомъ.

³⁾ «Русская Старина», 1874 г., XI, стр. 631.

французовъ я приказалъ австрійской пѣхотѣ стрѣлять, но она отказалась, поставляя въ резонъ, «что какъ непріятель силенъ, то законъ ихъ не позволяетъ въ такомъ случаѣ сражаться». Видя сіе и не имѣя времени исправить оное чѣмъ другимъ, приказалъ я съ поспѣшностію отступить, но и сего австрійцы не хотѣли сдѣлать, полагая, «что по близости непріятели не могутъ уже отретироваться». Тогда прискакалъ я самъ съ командою казаковъ и приказалъ бѣжать, или велю ихъ всѣхъ побить, чему они и повиновались»¹⁾. Даже и для австрійцевъ подобный законъ невѣроятенъ. Въ этихъ случаяхъ тенденція Денисова совершенно ясна. Но и въ рассказѣ про плѣнъ Костюшка нѣкоторыя фразы выдають атамана головой. Что, напримѣръ, какъ не хвастливое преувеличеніе слѣдующая тирада: «непріятели столько меня уважали, что ежели я атакую ихъ казаками, и они о семъ узнають, то за лучшее считали изъ почтенія бѣжать»²⁾. Не звучитъ ли завистливой ироніей его заявленіе, что вахмистръ (не казакъ) первый поскакалъ прочь, когда выяснилось, что израненный до полусмерти плѣнникъ—Костюшко? И, наконецъ, къ чему эти чуть не клятвенныя увѣренія, что рассказъ истинный, что въ немъ нѣтъ ничего выдуманнаго? Этимъ Денисовъ прямо показываетъ, что онъ самъ видѣлъ возможность сомнѣнія въ достовѣрности его повѣствованія. Но заподозрѣвъ данный источникъ въ тенденціозности, мы не можемъ еще отвергать его цѣликомъ. Возможно, что среди преувеличеній и вымысла въ немъ есть не мало и правды. Чтобы отдѣлать въ рассказѣ Денисова пшеницу отъ плевелъ, намъ придется обратиться къ третейскому суду польскихъ источниковъ.

Нѣмцевичъ попалъ въ плѣнъ раньше Костюшка³⁾, и потому самой сцены его взятія не видалъ. Но онъ видѣлъ, какъ изранен-

¹⁾ Ibid., стр. 632.

²⁾ Ibid., стр. 407.

³⁾ Любопытны въ бытовомъ отношеніи подробности плѣна Нѣмцевича: «на насъ нападаетъ цѣлая масса московскихъ драгуновъ, офицеръ хватаетъ коня моего за узду; раненый (въ правую руку), безоружный, я не могъ далѣе обороняться, сдался военнопленнымъ. Офицеръ тогда отвелъ меня въ ближайшій лѣсокъ и сталъ тамъ моимъ камердинеромъ (szatnym): ввязъ у меня сначала часы и кошелекъ съ деньгами, снялъ окровавленную мою куртку. Затѣмъ увидаль прекрасный перстень на моемъ пальцѣ и набросился на него, желая его снять; но рука и палецъ вслѣдствіе раны затекли кровью, и снять было трудно. Офицеръ прибѣгъ тогда къ быстрѣйшему способу: вложилъ палецъ въ ротъ и хотѣлъ его вмѣстѣ съ перстнемъ отгрызть; почувявъ уже его зубы, я завопилъ: «Подожди, я его самъ сниму». Хорошенько послунивь палецъ, я со страшною болью снялъ перстень и отдалъ его; тогда, ничего уже не имѣя взять, снялъ онъ мундиръ съ убитаго жолнера, напялил его на меня и пустилъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше слабѣлъ я отъ сильной потери крови. Со всѣхъ сторонъ скакали московскіе офицеры, и каждый изъ нихъ, ругая меня грубыми словами, билъ по плечамъ плетью. Не знаю, какъ долго продолжались бы эти жесто-

наго начальника принесли въ русскій станъ, и въ немногихъ, но выразительныхъ словахъ описываетъ эту сцену: «Когда я въ безпокойствѣ спрашивалъ всѣхъ, чтоъ случилось съ Костюшкомъ, и мнѣ уже сказали, что онъ палъ въ бою, я вдругъ увидалъ жолнеровъ, несущихъ на носилкахъ страшно искалѣченнаго человѣка: то былъ отважный, но несчастный начальникъ нашъ. Кровь, которой онъ былъ покрытъ, составляла страшный контрастъ съ мертвенно синей блѣдностью его лица: Костюшко получилъ глубокой ударъ въ голову и двѣ раны отъ пика выше бедеръ. Онъ едва дышалъ. Сжалось сердце мое, слезы потекли изъ глазъ» ¹⁾).

Самая сцена взятія Костюшки довольно подробно описана у Китовича: «Костюшко погнался за кавалеріей,—сказано тамъ,—желая возвратить ее къ исполненію ея долга... Но казаки помчались, чтобыло духу, за Костюшкомъ, который, преслѣдуемый своимъ злымъ рокомъ, упалъ вмѣстѣ съ конемъ въ ровъ и былъ придавленъ лошадыю. Два казака ранили его пиками, а одинъ драгунъ, или конный карабинеръ, съ налету рубнулъ его въ голову. Обмершій отъ паденія и ранъ, Костюшко, лежалъ какъ неживой, поэтому казаки, принявъ его за мертваго, начали сдирать съ него одежду. Тутъ Костюшко промолвилъ: «воды». Казаки спросили его: «а кто ты такой?». Костюшко отвѣчалъ: «Я Костюшко». Услыхавъ это, казаки одѣли его опять въ одежду, которую съ него содрали, взяли на дровки отъ пикъ и такъ унесли къ замку Мацѣювскому, гдѣ, благодаря заботамъ фельдшеровъ, онъ приведенъ былъ въ чувство» ²⁾).

Нѣмцевичъ и Китовичъ, подтверждая нѣкоторыя частности въ разсказѣ Денисова и противорѣча другимъ, не даютъ возможности рѣшить главнаго вопроса, какую роль игралъ Лысенко въ дѣлѣ взятія Костюшка. Выйти изъ затруднительнаго положенія помогаетъ намъ Костомаровъ. Онъ, какъ мы уже замѣтили, не зналъ ни показаній Лысенка, ни записокъ Денисова, а пользовался исключительно польскими источниками. И вотъ у него мы находимъ такія строки: «Костюшко бросился за бѣгущею кавалеріей; онъ думалъ остановить ее и двинуть въ бой. За нимъ пустились въ догонку Харьковскаго легкоконнаго полка корнетъ Лысенко, да Ели-

кости, если бы на счатѣе мое не прибылъ подполковникъ Толстой; онъ разгромилъ этихъ палачей, взялъ меня съ собой и отправилъ на главную квартиру». «Pamiętniki czasów moich», J. U. Niemcewicza, Paryż, 1848. Отрывокъ изъ этихъ воспоминаній, относящейся къ Мацѣювицкой битвѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями напечатанъ въ «Pamiętniki księdza Kitowicza», т. III, стр. 284—296 (Uzupełnienia). Костомаровъ пользовался именно этимъ отрывкомъ, отчего у него вкрались нѣкоторыя неточности.

¹⁾ Niemcewicz, стр. 226.

²⁾ Pamiętniki księdza I. Kitowicza do panowania Stanisława Poniatowskiego, Poznań, 1845, т. II, стр. 265.

саветградскаго конно-егерскаго полка корнетъ Смородскій, да два казака, Лосевъ и Топилинъ. Конь Костюшка споткнулся и упалъ. Казаки, доскакавъ, дали ему два удара пикою, а Лысенко ударилъ его саблею по головѣ. Казаки бросились обирать его... Офицеръ присмотрѣлся и закричалъ: «Это Костюшко!». — «Я Костюшко, воды!» — проговорилъ раненый начальникъ. Воины прониклись уваженіемъ къ храброму, честному и уже безсильному врагу. Одинъ изъ казаковъ побѣжалъ за водою. Офицеры приказали надѣть на него прежнюю одежду, перевязали ему раны. Онъ впалъ въ безпамятство. Казаки изъ пикъ устроили носилки и понесли его» ¹⁾. Итакъ, Костомаровъ, не зная показаній Лысенка, на основаніи источниковъ совершенно иного происхожденія приходитъ къ полнѣйшему согласію съ нимъ и даже значительно дополняетъ его. Что же касается до Денисова, то и общій характеръ его мемуаровъ, и противорѣчіе съ другими источниками ясно показываютъ, что при описаніи взятія Костюшка онъ нѣсколько извратилъ факты, съ цѣлью приписать эту честь себѣ и своимъ казакамъ. Нѣкоторыя подробности его разсказа можно признать справедливыми, но въ общемъ все дѣло должно быть представлено въ слѣдующемъ видѣ.

Изъ вышеприведеннаго описанія Мацѣвицкой битвы видно, что корпусъ Денисова ударилъ на польскую кавалерію лѣваго фланга и погналъ ее на сѣверо-западъ, какъ разъ въ ту сторону, гдѣ былъ корпусъ Рахманова, въ которомъ находился и Лысенко. Во время преслѣдованія бѣгущихъ оба корпуса перемѣшались. Въ это-то время Лысенко во главѣ маленькой кучки нашихъ, состоявшей изъ двухъ гусаръ и двухъ казаковъ, наткнулся случайно на бѣгущаго вмѣстѣ съ польской кавалеріей Костюшка, и загналъ его въ топкое мѣсто. Тутъ польскій главнокомандующій былъ раненъ двумя ударами казацкихъ пикъ и пашкой Лысенка. Въ то время какъ казаки начали грабить пораженнаго врага, Лысенко узналъ въ немъ Костюшка и, понимая драгоцѣнность такой добычи, велѣлъ бережно отнести его въ русскій лагерь. Чинъ поручика и 500 червонцевъ послужили ему наградой за взятіе главы польскаго повстанья.

Мацѣвицкая битва нанесла смертельный ударъ революціи 1794 года. Затѣмъ взятіе Праги, во время котораго Лысенко первый взшелъ на непріятельскія укрѣпленія ²⁾, повлекло за собой сдачу Варшавы. Польша опять всецѣло очутилась въ рукахъ русскаго правительства. Въ столицѣ распоряжались русскіе генералы, а король долженъ былъ уѣхать въ Гродно.

Онъ не возвращался болѣе въ Варшаву; Польша исчезла съ карты Европы ³⁾.

¹⁾ Костомаровъ, *op. cit.*, т. II, стр. 604—605.

²⁾ «Отеч. Зап.», стр. 179—180; «Военн. Журн.», стр. 67.

³⁾ Соловьевъ, *op. cit.*, стр. 356.

Что же случилось съ О. И. Лысенкомъ? Его постигло большое несчастіе. Вотъ какъ про это разсказывается въ рукописи Г. Я. Гуслистаго: «На другой день (послѣ взятія Костюшка) мнѣ объявлено быть готову ѣхать въ С.-Петербургъ съ донесеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ еще до свѣта я получилъ бумаги и отправился, но не успѣлъ отѣхать и 100 верстъ, какъ курьеръ меня догналъ и воротилъ къ Ферзену, а съ донесеніемъ въ Петербургъ отправился его сынъ. Отобрали у меня бумаги, арестовали и на другой день передали суду за то, что я осмѣлился ранить главнокомандующаго безъ сопротивленія съ его стороны. «Вотъ тебѣ и награда!»—подумалъ самъ себѣ! Не скоро я отдѣлался отъ добрыхъ судей. Спаси ихъ, Господи! Они меня помиловали и только выгнали со службы». О томъ, что Лысенко повезъ Костюшка въ Петербургъ, говорить и авторъ статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», говорить онъ и о томъ, что съ дороги Лысенка вернули назадъ, но ни причины этого, ни мытарствъ Ѳедора Ильича въ судѣ не разсказываетъ, вѣроятно, по «независящимъ» обстоятельствамъ: вѣдь онъ восхваляетъ и превозноситъ Лысенка всѣми способами, поэтому и судъ надъ нимъ автору пришлось бы выставить, какъ несправедливость по отношенію къ герою, между тѣмъ этого напечатать было нельзя. А судъ надъ Лысенкомъ несомнѣнно былъ, ибо иначе совершенно необъяснимо, почему подвиги Ѳедора Ильича остались долго ненагражденными. Даже штурмоваго пражскаго креста, который раздавался тогда всѣмъ участникамъ штурма, Лысенко не получилъ. Да и отставка его, несомнѣнно, была въ связи съ судомъ, иначе совершенно непонятно, зачѣмъ онъ, такъ пламенно привязанный къ военной службѣ, кинулъ ее. Правда, онъ не былъ прогнанъ, какъ читаемъ у Г. Я. Гуслистаго, а былъ уволенъ по прошенію и съ чиномъ штабсъ-ротмистра, но это было, конечно, не болѣе, какъ снисхожденіемъ, оказаннымъ, всетаки, заслуженному воину. Другая неточность, находямая въ рукописи Г. Я. Гуслистаго, заключается въ томъ, что въ ней судъ слѣдуетъ непосредственно за Мацѣвицкой битвой. Вѣрнѣе, что этотъ судъ состоялся уже послѣ кампаніи, такъ какъ иначе участіе Лысенка во взятіи Праги несомнѣнимо съ продолжительностью суда. Да и отставка состоялась лишь въ ноябрѣ 1798 года, а она несомнѣнно должна была случиться немедленно по окончаніи дѣла. Послѣ отставки Лысенко отправился въ Малороссію, гдѣ и пробылъ до 1804 года, проживая у разныхъ помѣщиковъ ¹⁾. Когда такая скитальческая жизнь надоѣла ему, онъ отправился въ Петербургъ, получилъ тутъ по ходатайству князя Ливена 90 рублей пенсіи, а въ слѣдующемъ году, по протекціи Д. П. Трошинскаго, попалъ на службу въ почтамтъ съ жалованьемъ въ 375 рублей. Послѣ перенесенной имъ бѣдности такое содержа-

¹⁾ «Отеч. Зап.», стр. 180—184; «Военн. Журн.», стр. 67.

ніе показалось Ѳедору Ильичу цѣлымъ богатствомъ, и онъ позволилъ себѣ въ виду этого нѣкоторую роскошь, женился, имѣя уже около 60 лѣтъ отъ роду. Къ этому же времени относится и письмо его въ редакцію «Военнаго Журнала», показывающее, какъ ревниво охранялъ онъ свою славу.

До 1812 года наслаждался Лысенко семейнымъ счастіемъ. Но во время Отечественной войны въ старомъ рубакѣ проснулась прежняя страсть съ новой силой, и онъ добился разрѣшенія опять вступить въ ряды нашей арміи. Въ 1812—1814 гг. Лысенко участвовалъ въ 31 сраженіи и не разъ показалъ при этомъ, что его рука и на старости лѣтъ не разучилась владѣть оружіемъ. Онъ возвратился домой 20-го августа 1814 года съ чиномъ штабсъ-капитана и массой аттестатовъ, свидѣтельствующихъ о его заслугахъ. Изъ нихъ особенно любопытенъ одинъ, съ выраженіемъ благодарности отъ города Идштейна, въ которомъ онъ былъ временно комендантомъ, пока русскія войска проходили черезъ Нассаускія владѣнія. Очевидно, что Лысенко былъ не только храбрымъ солдатомъ, но и умѣлъ защищать мирныхъ жителей отъ неприяностей, которыя такъ часто случаются въ военное время. Послѣ окончанія борьбы съ Наполеономъ Лысенко опять подалъ въ отставку, которую и получилъ въ 1816 году. Онъ былъ уволенъ съ чиномъ ротмистра, мундиромъ и пенсіей въ 140 рублей.

Очевидно, что на такія скудныя средства трудно было прожить съ семьей. Поэтому Лысенко сначала пользовался поддержкой курскаго помѣщика Сомова, а когда Сомовъ умеръ, то онъ обратился за вспоможеніемъ къ государю Александру I. Просьба была уважена: въ февралѣ 1820 года велѣно было «отвести ротмистру Лысенку въ награду ревностной долговременной его службы 1.000 десятинъ въ Саратовской губерніи и пожаловать 1.000 рублей единовременно для проѣзда туда» ¹⁾).

Когда Лысенко былъ уже въ дорогѣ къ своему новому помѣстью, состоялся указъ, чтобы за малочисленностью земель, оставшихся въ той губерніи, пріостановить вообще раздачу ихъ. Пришлось бѣдному старику тащиться опять въ Петербургъ, опять хлопотать. Императора въ столицѣ онъ не засталъ. Надо было дожидаться его пріѣзда. Между тѣмъ кошелекъ Лысенка совершенно истощился, и онъ дошелъ чуть не до нищенства. Въ это-то время и встрѣтилъ его сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ», разговорился съ нимъ и, узнавъ, кто онъ такой, напечаталъ въ своемъ журналѣ статью, въ которой излагаетъ всю жизнь и приключенія Лысенка. Къ тому же времени относится и болѣзнь его, заставившая его лечь въ Обуховскую больницу, гдѣ онъ поступилъ на поченіе Г. Я. Гуслистаго ²⁾). Послѣ возвращенія государя дѣла Лы-

¹⁾ «Отеч. Зап.», стр. 194.

²⁾ Дальнѣйшія свѣдѣнія почерпаемъ изъ замѣтокъ г-жи Толицкой.

сенки опять поправились: взаменъ прежняго подарка, ему были пожалованы 1.000 десятинъ земли въ Самарской губерніи. Но земля была неплодородная. Тогда Федоръ Ильичъ продалъ ее за 800 рублей и на эти деньги купилъ себѣ домъ въ г. Тимѣ Курской губерніи. Тутъ на родинѣ провелъ онъ послѣдніе годы своей жизни вмѣстѣ съ женой и дочерью и умеръ въ бѣдности 30-го апрѣля 1832 года.

На окраинѣ города Тима близъ Знаменской церкви находится кладбище. Есть на немъ одна старая могила, заросшая травой и едва замѣтная между затѣйливыми памятниками позднѣйшаго времени. Когда-то надъ ней красовался памятникъ въ видѣ гробницы, покрытый сѣрой масляной краской съ ярко-красной выбитой надписью. Камень этотъ мало-по-малу вросъ въ землю, отъ масляной краски и слѣда не осталось, но выбитыя буквы еще сохранились. Вотъ что онѣ гласять:

Здѣсь тѣло
отставнаго
ротмистра
Федора Ильича
Лысенко роди-
лся 1751 года
Февралѣ 19-дня
жилъ 81 годъ
2 мѣца и 1.1 дней
въ жизни своей
на войнѣ самъ
взвелъ Костюшку
въ плѣнъ

С. Адриановъ.

БАРАНТА.

Эпизодъ на большой дорогѣ въ Китаѣ.

(въ дневника).

ЛЛУБОКАЯ ночь. Даже на восточномъ краю горизонта нѣтъ еще никакихъ признаковъ приближающагося разсвѣта. Морозно и тихо. Тихо въ воздухѣ, тишина и на улицѣ. Однако, это не та невозмутимая тишина, къ которой очень скоро привыкаешь въ пустынь; наоборотъ, здѣсь масса звуковъ, слабыхъ и неотчетливыхъ, которые сливаются въ нѣчто неуловимое, но, тѣмъ не менѣе, ясно свидѣтельствующее, что вы не одни... Дѣйствительно, кругомъ васъ поселокъ, и темная громада его черными силуэтами рисуется на густой синевѣ небосклона...

Это Куръ-ту — пикетъ и одновременно станція на большомъ торговомъ пути, съ незапамятныхъ временъ проложенномъ въ Южной Джунгаріи, вдоль сѣверныхъ склоновъ Тянь-Шаня.

Въ пикетѣ квартируетъ теперь полулянза китайскихъ конныхъ солдатъ; на станціи же столпилось до десятка фургоновъ, изъ коихъ добрая половина законтрактована подъ вещи какого-то китайскаго сановника, проживающаго въ Суйдунѣ или Кульджѣ.

Какъ и всякое иное мѣсто китайской осѣдлости, Куръ-ту окруженъ совершенно особой атмосферой; но теперь, вслѣдствіе необыкновенной тишины въ воздухѣ и мороза, вся эта отвратительная и прогорклая смѣсь китайскаго кухоннаго чада, конюшни, дыма и опія точно парить надъ селеніемъ и прочно въѣдается въ платье каждаго проѣзжага человѣка.

Впрочемъ, ужъ и этотъ проѣзжій здѣсь человѣкъ!

Отъ высшаго чиновника до послѣдняго разночинца всѣ лѣзутъ въ одно помѣщеніе—какое-то логовище безъ оконъ и съ дырами вмѣсто дверей, и располагаются на грязномъ канжинѣ¹⁾, подтапливаемомъ снизу смѣсью помета и изжеванныхъ сырыхъ дудокъ камыша и соломы. У кого есть какая нибудь подстилка, тотъ забирается на нее, а бѣдняки довольствуются и грязной, въ лохмотьяхъ, циновкой, на которой и спать всѣ въ повалку, или же сообща отравляются опиѣмъ... Зимой въ такихъ притонахъ еще, можетъ быть, сносно, но лѣтомъ они кипятъ паразитами...

Подобныхъ гостинницъ, или постоянныхъ дворовъ, во всей «Поднебесной» разбросано пропасть; рѣдкая изъ нихъ лучше описанной, зато всѣ онѣ носятъ самыя заманчивыя названія: «гостинница прекрасныхъ качествъ», «вѣчной дешевизны», «трехъ совершенствъ», и имъ подобныя, и нѣтъ сомнѣнія, что постоянный дворъ въ Курь-ту гордился не менѣе лестной кличкой, выведенной китайскими іероглифами на темносинемъ кускѣ грубой бумажной матеріи, замѣняющемъ вывѣску. Но темнота ночи скрывала ее. Къ тому же прочесть эту любопытную надпись было бы теперь рѣшительно некому: грамотныхъ людей въ гостинницѣ не случилось, а спавшіе на дворѣ ямщики, давно уже знакомые со всѣми ея закоулками, безъ сомнѣнія, мало интересовались ея официальнымъ названіемъ...

Какъ ни устали за весь день ямщики, но нѣкоторымъ изъ нихъ не спалось, морозъ донималъ, и они безпокойно ворочались, инстинктивно напяливая на себя какіе-то войлочные обрывки...

Наконецъ, одинъ изъ нихъ поднялся, прислушался: «а, лошади ужъ перестали жевать!»—пихнулъ въ бокъ товарища, и оба направились къ коновязямъ. Забравъ въ поводъ своихъ лошадей, они толкнулись въ ворота и шумно стали звать «управляющаго гостинницей»...

Спокойствіе на дворѣ было нарушено. Разомъ поднялось еще нѣсколько человѣкъ; послышались то сильные, то визгливые голоса, китайская рѣчь, ржаніе коней и отчаянный, переворачивающій всѣ внутренности, ревъ многихъ кошировъ²⁾... Дѣловой день начинался!...

Однако, на улицѣ не становилось свѣтлѣе. Даже, напротивъ того, заблеставшій въ двухъ-трехъ мѣстахъ огонекъ сгустилъ темноту на столько, что и привычныя къ ней глаза ямщиковъ пере-

¹⁾ «Канжиномъ», или «каномъ», навывается глиняный выступъ стѣны, съ одной или нѣсколькими топками внизу. Размѣры этихъ лежанокъ весьма непостоянны и вполнѣ зависятъ отъ величины того помѣщенія, въ которомъ строятся.

²⁾ Мѣстное, тюркское, названіе муловъ.

стали уже различать ясно предметы. А между тѣмъ именно теперь нѣкоторые изъ этихъ ямщиковъ торопились, напоивъ своихъ лошадей, задать имъ послѣднюю дачу изъ смѣси отрубей и соломѣ¹⁾ и впопыхахъ наталкивались то на своихъ дремавшихъ товарищей, то на всевозможные предметы, которыми, какъ нарочно, оказался теперь заваленнымъ дворъ... Много шуму и крику, но вовсе нѣтъ смѣха — характерная особенность каждого китайскаго сборища... Къ тому же, и настроеніе ямщиковъ не могло быть особенно радостнымъ: къ разсвѣту морозъ постепенно окрѣпъ, да и предстоящій путь казался опаснымъ: носились какіе-то неопредѣленные слухи о спустившейся съ горъ значительной партіи киргизскихъ барантачей...

Вѣсть эту еще наканунѣ привезъ какой-то проѣзжіи, по всему видно—дунганинъ. Онъ даже видѣлъ ихъ лично: ихъ было семеро, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ... Они остановили его и обстоятельно разспросили о торговыхъ караванахъ, которые пришлось ему обогнать на пути... И хотя болѣе вѣскихъ доказательствъ справедливости извѣстія дунганинъ и не приводилъ, но ему и такъ всё повѣрили...

— Баранта на пути!...—побѣжало по людямъ, дошло и до начальника гарнизона Санъ-гуанъ-Ванга, но тотъ сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на этотъ слухъ никакого вниманія; но потомъ все же, какъ говорятъ, вызвалъ къ себѣ дунганина и долго его о чемъ-то разспрашивалъ...

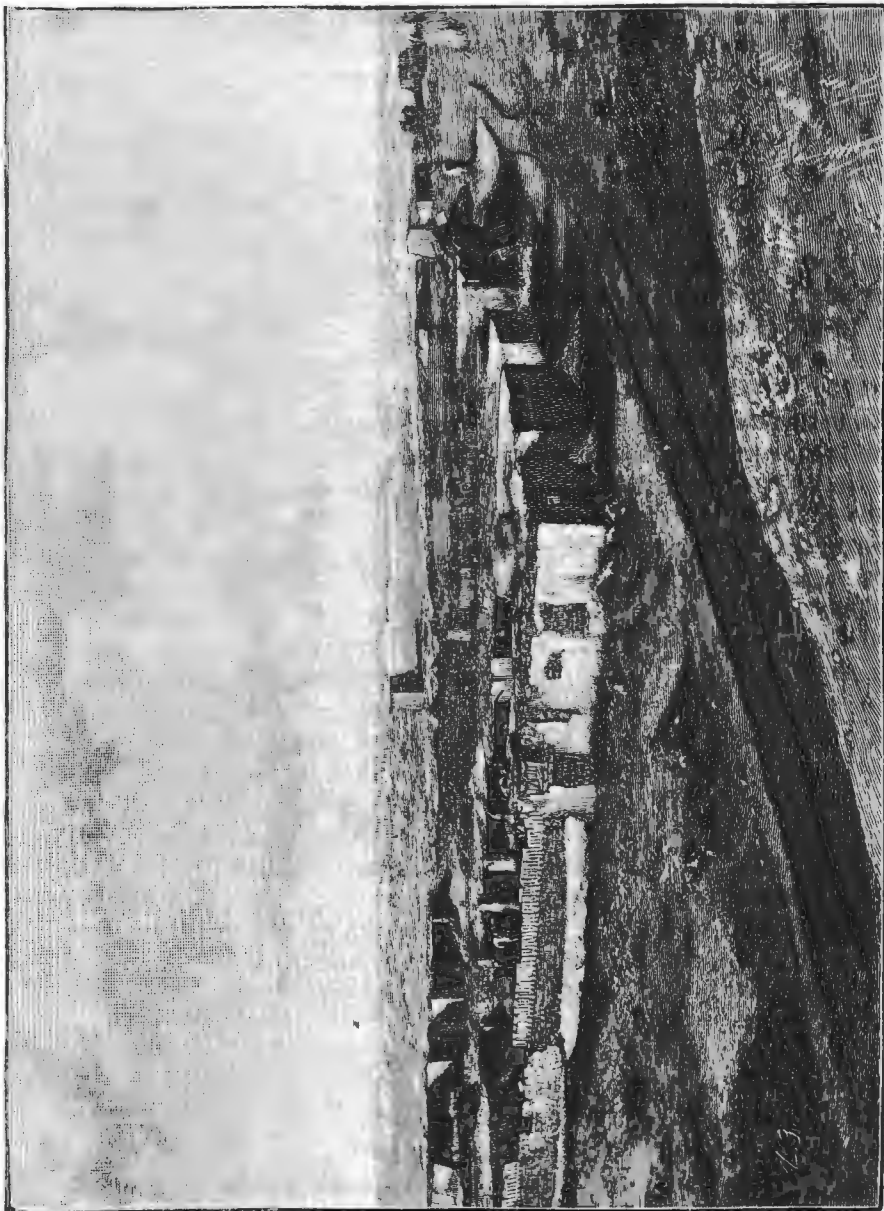
Наконецъ, извозчики, направлявшіеся въ Или-хо, собрались. Они успѣли наскоро позавтракать блюдомъ лапши²⁾ и заложили уже въ фургоны своихъ лошадей и кошировъ. Скрипнули раскрывавшіяся ворота, щелкнулъ длинный бичъ, послышались обычныя «ого-го ухъ! цо, цо!...» и со звономъ, на рысяхъ, выкатились телѣги одна за другой за ограду.

А въ ней снова все стихло, огни погасли, оставшіеся ямщики еще крѣпче закутались въ лохмотья свои, и даже «распорядитель гостинницы» пересталъ шмыгать взадъ и впередъ и убрался досыпать въ коморку свою, гдѣ тотчасъ же и заснулъ, какъ убитый.

Но отзвукъ движенія транспорта еще долго доносился сюда; даже съ особенной отчетливостью можно было разобраться въ шумѣ, сопровождавшемъ переѣздъ послѣдняго черезъ рѣку Энтэ. А затѣмъ всё эти ого-го ухъ! цо, цо! щелканье бичей, колокольчики, стукъ тяжелыхъ колесъ о промерзлую землю и скрипъ деревянныхъ осей становились все тише и тише и, наконецъ, совершенно замерли въ воздухѣ... Транспортъ ушелъ.

¹⁾ Китайцы кормятъ своихъ лошадей просяной соломой (*Panicum italicum*), предпочитая ее всѣмъ остальнымъ.

²⁾ Ни извозчики, ни верблюдовожатые въ Китаѣ чая не пьютъ по утрамъ.

Китайский постоялый дворъ (Тинь).

Медленно, съ грохотомъ и звономъ, подвигался обозъ къ конечной цѣли суточного своего перехода—полустанку Ту-ду. Въ совершенной темнотѣ переѣхавъ черезъ полузамерзшую рѣку и миновавъ длинные барханы песку, тянувшіеся вдоль ея широкаго плеса, ямщики вступили въ туграковый лѣсъ.

Не многимъ, конечно, извѣстно, что такое туграковый лѣсъ. Тугракъ это тюркское названіе разнолистаго тополя (*Populus diversifolia*), низкорослаго, дуплистаго и коряваго дерева, годнаго развѣ лишь на топливо и растущаго обыкновенно рѣдкими насажденіями въ такихъ участкахъ каменистыхъ и песчаныхъ пустынь, гдѣ подпочвенная влага находится сравнительно неглубоко подъ земною поверхностью. Во всякое время года картина этого лѣса печальная: ни молодой подсады какъ-то вовсе не видно, ни какихъ бы то ни было растеній, прикрывающихъ почву... развѣ гдѣ нибудь пріютятся солянки (*Salsola carinata*, *Hoganiovia ulicina* и нѣкоторыя другія) да тощими кустиками торчатъ адрасманъ (*Pegonum harmala*), терескенъ (*Eurotia cerasoides*) или, наконецъ, какое нибудь другое, еще болѣе убогое растеніе дикой пустыни.

Но туграковый лѣсъ къ западу отъ Эптэ представлялъ исключеніе. Здѣсь, кромѣ тополя, росли узколистая ива, тамарискъ и множество кустарниковъ. Глины и пески, навороченные въ страшномъ безпорядкѣ, и всюду растущій высокій камышь придавали и днемъ характеръ совершенной глуши всей этой мѣстности, ночью же, безъ сомнѣнія, впечатлѣніе это только усиливалось. Черные силуэты отдѣльно стоявшихъ деревьевъ, протягивавшихъ надъ дорогой свои цѣпкія вѣтви, темныя массы кустарниковъ, среди которыхъ какъ-то загадочно блестѣли кучи бѣлаго снѣга, наконецъ, таинственный шелестъ вѣчно шумящаго камыша, все это должно было дѣйствовать на душу, подготовленную уже къ воспріятію всякихъ страховъ, самымъ угнетающимъ образомъ. И дѣйствительно ямщики шли по давно имъ уже знакомой дорогѣ, точно не узнавая ея... Они озирались по сторонамъ, пристально всматривались впередъ и то неестественно громко выкрикивали свои понуканія, то, наоборотъ, дѣлали попытки къ тому, чтобы съ возможно меньшимъ шумомъ проскользнуть мимо подстерегающихъ ихъ гдѣ-то барантачей...

Но верста за верстой тянулась дорога, дебри стали ужъ замѣтно рѣдѣть, становилось на столько свѣтло, что всѣ окрестные предметы были видны такъ же ясно, какъ днемъ, а ничего подозрительнаго извозчики все же еще не примѣтили. Они стали даже надѣяться, что вся бѣда однимъ ихъ страхомъ только и ограничится, какъ вдругъ... за однимъ поворотомъ дороги блеснулъ огонекъ... Что это?... Костеръ?... Да, это костеръ, и около него какіе-то люди!...

Китайцы попятнулись... Они инстинктивно придержали своихъ лошадей и съ минуту рѣшительно не знали, что предпринять...

— Да никакъ это не худые люди, а прохожіе изъ Шень-си ¹⁾)?

— Но, нѣтъ, не они!...

Въ дѣйствительности же это были чанъ-ту ²⁾ изъ Джинъ-хо, одинъ — сапожникъ по ремеслу, другой — такъ себѣ, какой-то празднопатающейся, у обоихъ были ослы, которые тутъ же подбирали съ земли опавшіе листья туграка.

Разговорились.

Чанъ-ту плохо говорили покитайски, китайцы еще хуже по-туркски, но все же имъ удалось кое-какъ объясниться: чанъ-ту два дня ужъ въ пути, но рѣшительно ничего о барантачахъ не слышали... «Можетъ, гдѣ и объявились послѣдніе, но только не между Куръ-ту и Ту-ду... Къ тому же тутъ людно: вонъ, только что прошла партія поселенцевъ! да и въ Ту-ду ожидается проѣздомъ какой-то важный чиновникъ... Какая ужъ тутъ баранта!»...

Въ самомъ дѣлѣ чего опасаться? До Ту-ду уже близко, лѣсъ кончается скоро, солнце взопло...

И извозчики, выбравивъ дунганина черепахой ³⁾, полѣзли въ телѣги, откуда вскорѣ и послышались ихъ веселые и громкіе окрики лошадей... Черезъ минуту послѣдній китайскій фургонъ скрылся за сосѣднимъ бугромъ, и только шумъ колесъ, бубенцы да окрики «ого-го ухъ, цо, цо!» нѣкоторое время доносились еще до слуха обоихъ чанъ-ту...

Мѣстность измѣнилась. Лѣсъ кончился. Камышь и кое-какой кустарникъ хотя и виднѣлись еще по обѣ стороны отъ дороги, но не представляли уже сплошныхъ зарослей и ютились незначительными островками въ распадахъ плоскихъ уваловъ, усыпанныхъ мелкою черною галькой. Горы, въ низахъ закутанныя туманомъ, заняли весь юго-западъ и югъ горизонта и казались отсюда какъ-то особенно близко: точно дорога свернула прямо на нихъ...

На одномъ изъ такихъ уваловъ ясно обрисовалась фигура одинокаго всадника. Извозчики снова встревожились. Но, нѣтъ, это не киргизъ, это китаецъ, китайскій почтарь.

Дѣйствительно, китайскій солдатъ, съ небольшимъ ящикомъ за плечами, на сытой лошаdkѣ, обвѣшанной колокольчиками, крупной рысью проѣхалъ мимо фургоновъ.

— Спокойно ли на дорогѣ?

Но вопросъ этотъ былъ, безъ сомнѣнія, лишнимъ. Такимъ, вѣроятно, онъ показался и почтарю, потому что тотъ ничего не от-

¹⁾ Провинція Западнаго Китая. Большинство земледѣльческаго китайскаго населенія Кульджинскаго района пришлое изъ этой провинціи.

²⁾ Китайское прозвище таранчей. Чанъ-ту значитъ чалмоносецъ.

³⁾ Черепаха у китайцевъ бранное слово.

вѣтилъ и только всей фигурой своей изобразилъ удивленіе: что же тутъ спрашивать, когда видать, что онъ благополучно пробѣхалъ.

Протащились еще, можетъ быть, съ версту. До полустанка Ту-ду оставалось уже не болѣе 17—18 ли ¹⁾. Вдругъ точно выросли на дорогѣ киргизы...

— Эй, вы, кап'ръ ²⁾, вылѣзайте ужъ, что ли! Берите своихъ кошировъ да и проваливайте подобру, поздорову!... ³⁾.

Китайцы не сопротивлялись... Они послушно отпрягли своихъ муловъ и, минуто спустя, уже скакали обратно въ Куръ-ту.

А киргизы между тѣмъ живо распорядились съ добромъ суйдунскаго мандарина: все, что нашли въ немъ полегче да поцѣннѣ завьючили на своихъ заводныхъ лошадей и затѣмъ свернули съ дороги къ горамъ и сухимъ саемъ ⁴⁾ временнаго потока потянулись къ зимовьямъ Кызаевъ ⁵⁾ на южныхъ склонахъ Боро-Хоро.

Прошелъ часъ... какъ вдругъ на поворотѣ дороги показался цѣлый кортежъ: верховые солдаты съ магазинками у сѣдла, чиновникъ съ перомъ и бѣлой шишкой на форменной шляпѣ, китайскій экипажъ ⁶⁾, запряженный двумя коширами цугомъ... При видѣ разграбленныхъ китайскихъ фургоновъ все это мигомъ остановилось... Должно быть, храбрѣйшій изъ нихъ объѣхалъ кругомъ весь обозъ, и когда вернулся съ докладомъ, то изъ повозки послышалось какое-то рѣзкое приказаніе. Солдаты повернули назадъ, за ними повернулъ и возокъ, и весь этотъ странный поѣздъ также быстро затѣмъ скрылся изъ вида, какъ за мновеніе передъ тѣмъ здѣсь появился.

И снова все стихло на этомъ пути, и только вѣтеръ безпокойно шумѣлъ еще въ комнатѣ, да откуда-то издалека доносился сюда клохтъ монгольскихъ фазановъ...

Двѣнадцать съ половиной столѣтій назадъ мудрый императоръ Тай-Цзунъ ⁷⁾ какъ-то сказалъ, что-то, «что однажды было цѣле-

¹⁾ Ли—нѣсколько менѣе полуверсты.

²⁾ Кап'ръ — язычникъ. Тюрки-мусульмане очень часто зовутъ такъ китайцевъ.

³⁾ Во время своихъ разбойничьихъ набѣговъ киргизы избѣгаютъ брать кошировъ, потому что послѣдніе всегда могутъ служить уликой грабителямъ. Кошировъ киргизы не разводять; имъ, стало быть, не откуда и взяться у нихъ.

⁴⁾ «Сай» тюркское слово, которымъ обозначается усыпанный галькою плесъ какъ временнаго потока, такъ и постоянной рѣки.

⁵⁾ «Кызай» одинъ изъ киргизскихъ родовъ, кочующихъ въ горахъ западной Джунгаріи.

⁶⁾ Китайскій экипажъ по устройству своему ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной арбы; только размѣрами онъ значительно меньше, да, кромѣ того, его верхъ устроенъ прочнѣе.

⁷⁾ Танской династіи, съ 631 по 654 г.

Китайскій оберъ-офицеръ.

сообразно устроено, не должно впоследствии измѣняться», и этотъ принципъ съ давнихъ временъ легъ въ основу всей внутренней жизни Китая. Онъ обусловилъ культурный застой этого государства и его современный регрессъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наложилъ особую печать и на весь китайскій народъ, который замеръ въ самообожаніи и по уши погрузился въ то, что всего скорѣе можно назвать національною тупостью. Да! для современнаго китайца «нынѣшнее» не существуетъ; они живутъ стариной и въ ней одной черпаютъ указанія на рѣшеніе различныхъ житейскихъ проблемъ... И такъ—во всемъ и всегда...

Во всей Небесной имперіи «импани», то-есть небольшія сторожевыя укрѣпленія, выстроены по одному шаблону, выработавшемуся еще, можетъ быть, въ тѣ эпическія времена, когда люди сражались однимъ только холоднымъ оружіемъ; но традиціи въ Ки-

таѣ всеильны, уроки настоящаго не служатъ тамъ ни къ чему, и правительство имперіи съ необыкновеннымъ тупоуміемъ и упрямствомъ продолжаетъ сооружать новые импани взаи́мъ заброшенныхъ и разоренныхъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ созидало ихъ, вѣроятно, и въ первые вѣка нашей эры...

Импанъ Куръ-ту ничѣмъ не хуже и не лучше другихъ той же Бэйлу¹⁾. Четырехугольникъ изъ глинобитныхъ, довольно высокихъ и зубчатыхъ съ амбразурами стѣнъ; деревянныя, наполовину обитыя желѣзомъ и жестью ворота, противъ нихъ—маленькій домикъ, помѣщеніе начальника крѣпостцы; затѣмъ рядъ другихъ построекъ, прислоненныхъ къ стѣнамъ справа и слѣва, все какія-то коморки, въ которыхъ должны подвое и потрое мѣститься солдаты; наконецъ, общая кухня, складъ, стойла и коновязи—все это выстроено здѣсь также, какъ и въ тысячахъ другихъ такихъ же импаняхъ, разбросанныхъ по всему необъятному пространству Середи́нной имперіи («Чжунъ-го»).

Въ обыкновенное время здѣсь царствуетъ невыразимая, какая-то даже гнетущая скука, и когда ни загляни въ ворота импани, не найдешь тамъ ничего, кромѣ давно всѣмъ пріѣвшеяся, ординарной картины: одна треть гарнизона, лежа на своихъ канжинахъ, курить опи́умъ, другая треть дуется въ карты и послѣдняя наконецъ или визгливо, совершенно побабъи, бранится или, раздѣвшись чуть не донага, яростно занимается охотой на паразитовъ. Ни о строевыхъ занятіяхъ, ни о какихъ бы то ни было работахъ здѣсь нѣтъ и помину, и тунейство самое безграничное составляетъ необходимый удѣлъ cadaго, кто въ качествѣ «лянь цзюня», то-есть обучаемаго, переступаетъ порогъ этого развращающаго вертепа...

Единственное удовольствіе, которое выпадаетъ на долю солдата, это выйти за ворота импани, забраться въ трактиръ и пошлыми шутками встрѣчать и провожать ямщиковъ, или еще—забраться въ тань и тамъ вступить въ бесѣду съ проѣзжающими китайцами... Но обыкновенно это—забава для новичковъ. Опій, водка и карты очень скоро вполне овладѣваютъ несчастнымъ, и тогда онъ уже не чувствуетъ болѣе необходимости разсѣяться свѣжими впечатлѣніями: онъ или у себя на канжинѣ, или гдѣ нибудь на дворѣ, въ кучкѣ карточныхъ игроковъ...

Сегодняшняя тревога въ импанѣ подняла даже лѣнливыхъ... Не только солдаты, вся улица здѣсь, и всѣ жестикулируютъ и шумятъ, какъ жестикулировать и шумѣть умѣютъ только китайцы... Гамъ такой, что свѣжему человѣку разобраться въ немъ невозможно...

¹⁾ «Бэй-лу», «Сѣверная дорога»—такъ называется путь, идущій вдоль сѣверныхъ склоновъ Тянь-Шаня изъ Баркуля въ Кульджу.

Прежде всего ясно было, что большинство ругаетъ извозчиковъ: зачѣмъ поѣхали ночью? зачѣмъ на дожидались утра?!...¹⁾

— Да вѣдь киргизы ограбили насъ днемъ, а не ночью...

— Все равно!... должны были ждать... А то на, поди, отбивай теперь ваше добро...

— Да не наше добро... «да-женя»²⁾ имущество...

— Вы отвѣтите...

— Ну, и отвѣтимъ... А, можетъ, и не отвѣтимъ?!...

И споръ тотчасъ же сбился на тему, кому отвѣчать за погромъ, причемъ мнѣнія раздѣлились: одни увѣряли, что въ отвѣтъ будутъ солдаты Курь-ту³⁾, другіе кричали, что отвѣчать тутъ рѣшительно не за что, потому что, безъ сомнѣнія, киргизы давно уже убрались за предѣлы ихъ пограничной черты, а тамъ уже не они, а солдаты другихъ импаней должны преслѣдовать негодяевъ...

Въ это время вышелъ начальникъ импана. Онъ держалъ въ рукахъ два пакета: одинъ съ донесеніемъ въ Джинъ-хо, другой къ начальнику военного лагеря въ Курь-кара-усу (Ши-хо)...

Отправивъ гонцовъ, онъ приказалъ двадцати солдатамъ готовиться къ немедленной погонѣ за похитителями. Но тѣ рѣшительно воспротивились...

За что?! почему они, а не всѣ? а не другой ктонибудь?!...

Остававшіеся приняли сторону командира.

— Вамъ приказано, вы и поѣзжайте!... И чего вы боитесь?! Ихъ вѣдь не много... да и вѣрно вы ихъ не догоните!... гдѣ ужъ догнать!...

Но назначенные не поддавались такимъ увѣщаніямъ: со всѣми поѣдутъ, одни ни за что...

Тогда началась потасовка. Точнѣе, нѣсколько солдатъ сдѣлали видъ, что рѣшились вступить въ рукопашную: не смотря на морозъ, они скинули съ себя свое верхнее платье и стали другъ противъ друга, страстно жестикулируя и задорно выкрикивая свой вызовъ: «hin! hin!»...—совершенныя обезьяны⁴⁾!

Согласно обычаю, ихъ, однако, не допустили схватиться, и пѣтухи разошлись совершенно довольные тѣмъ, что успѣли всѣмъ показать свою удалъ...

¹⁾ Китайскіе извозчики всегда предпочитаютъ ночь для движенія, вдобавокъ же слѣдующій переходъ отъ Ту-ду до Джинъ-хо очень великъ и труденъ по обилію песковъ: вотъ почему въ Ту-ду надо было дать большой отдыхъ лошадамъ, безостановочно шедшимъ не одну сотню верстъ.

²⁾ То-есть «большаго человѣка». «Да-жень» употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ и «да-лойя».—«большой чиновникъ».

³⁾ По китайскимъ законамъ гарнизоны отвѣчаютъ за неподаніе своевременной помощи штрафомъ, соответствующимъ общей суммѣ расхищеннаго имущества. Мѣра эта, однако, рѣдко приводится въ исполненіе, такъ какъ очень трудно доказать бездѣятельность военной власти.

⁴⁾ Китайцы вступаютъ въ драку весьма рѣдко, да и въ этомъ случаѣ дерутся чаще всего своими косами или царапаются и кусаются, какъ дѣти.

Въ то же время безпорядки усилились... Откуда-то сорвался кирпичъ, пролетѣлъ выше толпы и ударился въ стѣну квартиры начальника... Зрители хлынули назадъ, по пути смяли кого-то, завопившаго благимъ матомъ, и стѣснились въ воротахъ...

Тогда Санъ-гуанъ-Вангъ объявилъ, что въ экспедицію противъ разбойниковъ онъ посылаетъ почти весь гарнизонъ. Но извѣстіе это, успокоившее однихъ, страшно раздражило другихъ, и трудно сказать, чѣмъ бы происшествіе это кончилось, если бы совершенно неожиданно изъ толпы не выступило трое дунганъ: «давайте намъ ружья и сабли—мы одни справимся съ такими трусами, какъ киргизы!».

Но дунганъ не отправили: двухъ почему-то задержали въ Курьту, а третьяго, вооруживъ плохенькой пашкой, въ качествѣ провожатаго, вѣроятно, присоединили къ отряду китайскихъ солдатъ...

— «Всетаки лучше, если хоть одинъ храбрець будетъ въ отрядѣ»¹⁾,—говорилъ себѣ начальникъ импаня, провожая глазами быстро удалявшуюся на западъ нестройную толпу той части войска Серединой имперіи, которая носить прозвище «юновъ», то-есть «храбрѣйшихъ»...

Китайскіе солдаты никогда не ходятъ въ строю. Вооруженіе ихъ въ высшей степени разнообразно: у одного ружье, у другаго пашка, у третьяго ружье и пашка, у четвертаго и пятаго пика, у шестаго, наконецъ... но всего не перечтешь! Унтеръ-офицеры имѣютъ револьверы и пашки, офицеры же ничѣмъ не вооружены. На первыхъ порахъ это кажется страннымъ, но затѣмъ быстро свыкаешься съ этой характерной особенностью китайскаго регулярнаго войска; тѣмъ болѣе, что тутъ же вдругъ узнаешь, что большинство офицеровъ послѣдняго не только не получило никакой специально-военной подготовки къ занятію своихъ должностей, но что даже едва ли и десятая доля изъ нихъ умѣетъ стрѣлять... Это еще болѣе странно, конечно, но, тѣмъ не менѣе, это фактъ.

Стрѣльба изъ лука пѣшкомъ и на лошади, фехтованье на сабляхъ и умѣнье носить и бросать тяжести—вотъ современный императорскій экзаменъ для высшихъ офицеровъ, докторовъ военныхъ наукъ²⁾. Что же касается низшихъ офицеровъ, то послѣдніе набираются изъ состава людей, еще менѣе подготовленныхъ къ подобнаго рода службѣ, преимущественно же изъ такъ называемыхъ

¹⁾ Дунгане совершенно справедливо пользуются репутаціей людей отважныхъ и рѣшительныхъ.

²⁾ Сравни «Сборникъ новѣйшихъ свѣдѣній о вооруженныхъ силахъ европейскихъ и азиатскихъ государствъ», изданіе главнаго штаба, 1892 г. Судя по лубочнымъ картинамъ, подобнаго рода экзаменъ практиковался и во времена Сунской династіи (960—1280 гг.).

Китайскій солдатъ Зеленаго знамени.
(на заднемъ планѣ импань).

«го-чи-ха», то-есть прислуги начальниковъ отдѣльныхъ частей¹⁾, ихъ конюховъ и, наконецъ, изъ отставленныхъ по суду гражданскихъ чиновниковъ. Въѣстѣ съ тѣмъ высшихъ военныхъ должностей рѣдко достигаютъ лица, хотя и не образованныя въ китайскомъ значеніи этого слова, но, тѣмъ не менѣе, долгое время служившія въ строю, а потому сжившіяся съ солдатской жизнью и хорошо знакомыя со всѣми достоинствами и недостатками тѣхъ частей войскъ, среди коихъ протекла лучшая ихъ жизненная пора. Въ Китаѣ существуетъ обычай ввѣрять всѣ отвѣтственные посты лицамъ гражданского вѣдомства, какъ болѣе образованнымъ, а потому и болѣе будто бы способнымъ руководить военными операціями. Но подобный обычай, можетъ быть, нѣкогда и имѣвшій значеніе, въ настоящее время отзывается гибельно какъ на духѣ, такъ и на дисциплинѣ войскъ Небесной имперіи. Различныя, совершенно бессмысленныя акробатическія кунштюки²⁾, ревъ для запугиванія непріятеля, какая-то странная пляска, въ извѣстныхъ интервалахъ которой производится безцѣльная стрѣльба исключительно только для произведенія шума; наконецъ, преобладающее значеніе, остающееся и до сихъ поръ, за луками, пиками и бердышами,—вотъ главные элементы обученія войскъ. Парады характеризуются преобладаніемъ декоративнаго оружія и частыми колѣнопреклоненіями. Громадное количество яркихъ знаменъ, вой военныхъ гудковъ, крики солдатъ, наконецъ, ихъ причудливые прыжки или, наоборотъ, подкрадываніе ползкомъ къ воображаемому непріятелю,—все это приводитъ въ восторгъ вновь назначенныхъ военныхъ инспекторовъ и корпусныхъ командировъ, прошедшихъ полжизни за письменнымъ столомъ своего ямыня и наивно воображающихъ, что въ такой дѣтской забавѣ кроется вся суть военного искусства...

Впрочемъ, такой характеръ обученія войскъ господствуетъ только въ старыхъ войскахъ и милиціи³⁾. «Юны» же не обучаются почти ничему. Достаточно взглянуть на ихъ ружья и на ихъ приемы стрѣльбы для того, чтобы убѣдиться, до какой степени окажутся безпомощными эти войска при столкновеніи съ европейски обученнымъ противникомъ. Солдаты не имѣютъ понятія о чисткѣ и разборкѣ ружья и рѣшительно не соблюдаютъ никакихъ правилъ для его сбереженія. Достаточно сказать, что солдатъ дѣлаетъ даже

¹⁾ Ibidem, а также см. «Сборникъ географическихъ, статистическихъ и топографическихъ матеріаловъ по Азій», выпускъ XXVIII, 1867 г.

²⁾ Напримѣръ, обучаютъ кувырканью черезъ голову съ тѣмъ, чтобы обмануть непріятеля мнимой равной и одновременно дать возможность приблизиться къ нему на длину копья; или еще лучше: заставляютъ тщедушнаго пѣхотинца дѣлать выпаденія и наносить удары пикой, длиной въ семь аршинъ и на столько тяжелой, что ужъ трехъ минутъ такихъ упражненій совершенно достаточно для того, чтобы довести послѣдняго до совершеннаго изнеможенія.

³⁾ То-есть въ войскахъ «зеленаго знамени» (лу-инъ) попреимуществу.

со скорозаряднымъ ружьемъ все, что ему вздумается: онъ его укорачиваетъ, обрѣзая съ дула или казны, употребляетъ въ качествѣ рычага или же изъ двухъ ружей устраиваетъ нѣчто въ родѣ носилокъ. Ружья «юновъ» покрыты ржавчиной, часто съ отбитыми мушками и прицѣлами, о значеніи коихъ никто изъ китайцевъ на западѣ не имѣетъ, впрочемъ, понятія, или, наконецъ, съ погнутыми и мѣстами даже сплюснутыми стволами. Скорозарядныя ружья «юновъ» стѣсняють, они не знаютъ обращенія съ ними и очень непріязненно относятся къ сдѣланному нововведенію: «изъ старыхъ ружей мы знали какъ стрѣлять, а изъ этихъ боимся»... не разъ жаловались они, и мы должны были согласиться, что жалобы эти имѣютъ свои основанія.

Холодное оружіе «юновъ» хуже, пожалуй, оружія какихъ нибудь дикихъ негрскихъ племенъ Внутренней Африки, и, безъ сомнѣнія, сами «юны» сознають это прекрасно. Вотъ почему они не отваживаются пускать его въ ходъ и всегда пасуютъ при встрѣчѣ съ непріателемъ, вооруженнымъ старыми, но имъ столь любезными, кремневыми ружьями.

Если ко всему сказанному добавить еще вѣчное существованіе солдатъ впроголодь, хроническія болѣзни, которыми страдаетъ большинство людей въ каждой сотнѣ, и нравственную распущенность, вызванную тунеядствомъ и опиѣмъ, то не трудно понять, какой жалкій видъ должны представлять изъ себя отряды такихъ «хребцовъ».

И они дѣйствительно жалки... И когда видишь этихъ солдатъ въ отрепьяхъ, слабыхъ и истощенныхъ, но нахальныхъ и дерзкихъ, то невольно приходитъ на память китайская поговорка: «изъ хорошаго желѣза не куютъ гвоздей, хорошихъ людей не обращаютъ въ солдатъ»...

«Юны» Куръ-ту ѣхали рысью.

Китаецъ любитъ своего коня и холить его; онъ отлично ходитъ за нимъ и ѣздитъ толково; вотъ почему и наблюдается такой рѣзкій контрастъ между сѣдокомъ и животнымъ: послѣднее, очевидно, гордость хозяина, и дѣйствительно зачастую онъ тратитъ свои послѣдніе гроши для того, чтобы купить своему любимцу какое нибудь украшеніе—красную кисть, ленту или бубенчикъ. Такое отношеніе къ животному, безъ сомнѣнія, весьма симпатично и не разъ подкупало насъ въ пользу китайскихъ солдатъ...

Лошади, очевидно, рады были промяться, да и сѣдоки въ свою очередь то и дѣло ихъ горячили: нѣтъ-нѣтъ, да и вынесется лихо впередъ который либо изъ нихъ, за нимъ другой, третій... Проскачутъ съ версту, а тамъ останоятся поджидать передовыхъ полусотни весело, но шумно и безпорядочно для отряда регулярныхъ войскъ, шедшаго на поиски дерзкихъ барантачей...

Подъѣхали къ полуразрушенному полустанку Та-джоза, напоили здѣсь своихъ лошадей, подкрѣпились и сами нѣсколькими глотками вина и готовились уже снова пуститься въ дорогу, какъ вдругъ впереди замѣтили облако пыли... Это было небольшое стадо барановъ, которое гнали въ Куръ-кара-усу въ своихъ желтыхъ одеждахъ двое ламъ-торгоутовъ¹⁾).

— Встрѣчали киргизъ?

— Встрѣтили. За полустанкомъ Хуа-шунъ-инза въ сторонѣ отъ дороги и ли съ двадцать ближе къ горамъ; но теперь, пожалуй, они уже далеко²⁾).

Извѣстіе было важное. Солдаты крупной рысью поѣхали въ указанномъ направленіи и на первыхъ порахъ усиленно подгоняли своихъ лошадей. Но вскорѣ ихъ взяло раздумье... Ужъ поздно: до заката не болѣе двухъ часовъ, а затѣмъ ночь и, по всѣмъ вѣроятіямъ, такая темная ночь, что будетъ не до преслѣдованія... Нѣтъ, ужъ лучше переночевать въ Хуа-ши-инза, а затѣмъ чѣмъ свѣтъ пуститься по слѣду разбойниковъ...

На томъ и порѣшили солдаты.

Чуть свѣтало, когда солдаты, оставивъ въ сторонѣ большую дорогу, вышли на степь. Сперва отрядъ шелъ будто бы и по слѣду, но затѣмъ послѣдній совершенно исчезъ. Тогда пошли наугадъ, придерживаясь направленія, указаннаго калмыками.

Не смотря на безчисленныя, хотя сравнительно и неглубокія водомойны, отрядъ пустилъ лошадей своихъ рысью: «юны», очевидно, торопились сегодня же развязаться такъ или иначе съ киргизами и еще засвѣтло вернуться въ Куръ-ту...

¹⁾ Торгоуты—калмыки.

²⁾ Должны оговориться: подобный разговоръ вовсе не передаетъ характера рѣчи монголовъ. Прежде чѣмъ спросить о чемъ нибудь или отвѣтить на предлагаемый вопросъ, монголы наговорятъ много лишняго; почти то же слѣдуетъ сказать о китайцахъ... Напрямѣръ, въ вышеприведенномъ случаѣ разговоръ долженъ былъ бы принять такую послѣдовательность:

— Господа ламы, на какую мѣстность пала въ послѣдній разъ ваша тѣнь?

— Мы ѣдемъ изъ урочища Юдна-голь.

— Мирно ли совершали вы свое путешествіе?

— До сихъ поръ ѣхали счастливо... Но откуда вы сами отважные воины?

— Мы изъ Куръ-ту.

— Все ли попрежнему благополучно въ окрестностяхъ вашей твердыни?

— Нѣтъ, мы посланы розыскать дерзкихъ грабителей, не испугавшихся ограбить на большой дорогѣ беззащитныхъ людей... Вы, можетъ быть, дорогой ихъ встрѣтили?

— Да, мы ихъ видѣли... Они... и т. д.

Но мы рѣшились избѣгать подобныхъ длиннотъ. Желающихъ же познакомиться ближе съ характеромъ бесѣдъ различныхъ азіатскихъ народностей отсылаемъ къ прекрасному сочиненію Гюка «Черезъ Монголію въ Тибетъ».

Пески и глину смѣнили галька и солончакъ. Тополь и томарискъ попадались ужъ рѣже, зато всюду замелькали хвойникъ и саксауль. Мѣстность приобрѣтала еще болѣе пустынный характеръ, но и соотвѣтственно съ такой переменной ландшафта горизонтъ все болѣе и болѣе расширялся...

Все ближе и ближе къ горамъ. Вотъ уже совершенно отчетливо рисуются и передніе контрфорсы Тянь-Шаня, пустынные и столь же дикіе, какъ и окрестная степь, а о киргизахъ нѣтъ и помину...

— Безъ сомнѣнія, они давно ужъ въ горахъ, и мы только совершенно напрасно мучаемъ лошадей и себя...—слышался все болѣе и болѣе громкій ропотъ солдатъ.

А вотъ и дорога! Множество полузатертыхъ конскихъ слѣдовъ, Богъ знаетъ, когда и кѣмъ здѣсь оставленныхъ, но среди нихъ нѣтъ ни одного свѣжаго: очевидно, киргизы здѣсь не ѣхали. Но откуда и куда ведетъ эта дорога? Никто изъ китайцевъ раньше здѣсь не былъ и на подобный вопросъ отвѣтить не могъ... Миновали ее и, надавъ ходу, направились къ яру, въ которомъ подозрѣвалась рѣка.

— Напоимъ лошадей, да и обратно въ Куръ-ту!

Яръ близко... уже слышенъ рокотъ рѣки... вдругъ изъ него выскочилъ человѣкъ.

— Кирзизь!!

Китайцы остановились, какъ вкопанные... Человѣкъ тоже исчезъ, но черезъ мгновеніе онъ появился на лошади и марш-маршемъ понесся на оторопѣлыхъ китайцевъ...

— Какъ?! что?! одинъ на насъ всѣхъ?..

Они схватились инстинктивно за ружья. Но киргизъ промчался мимо и черезъ мгновеніе уже скрылся за сосѣднимъ холмомъ, прикрывавшимъ ущелье...

— Лови, лови его!.. бей!..

Нѣсколько человѣкъ ринулись за нимъ вслѣдъ, но куда!—проскакавъ съ полверсты, они вернулись назадъ...

А между тѣмъ на окраинѣ яра появились новыя лица. Эти уже были пѣшкомъ. Они тотчасъ же припали къ землѣ, выставили впередъ длинные стволы своихъ ружей и безтрепетно ждали китайцевъ...

— Сколько ихъ тамъ? Семь... а вотъ и еще одинъ—восемь... Можетъ быть, даже и больше... Въ яру развѣ что нибудь видно? Къ тому же они здѣсь хозяева, а мы даже не знаемъ, откуда слѣдуетъ ожидать нападенія... Если мы окружимъ этихъ киргизъ, то черезъ мгновеніе, можетъ быть, въ свою очередь будемъ окружены... Нѣтъ, при подобныхъ условіяхъ борьба невозможна... Слѣдуетъ отступить...

И среди китайцевъ стало обнаруживаться чрезвычайное замѣ-

шательство: одни порывались впередъ, доказывая, что, пока придетъ помощь, этихъ киргизъ все же удастся схватить, другіе твердили свое и не трогались съ мѣста. Среди первыхъ былъ и дунганинъ.

— Труссы! труссы!—завопилъ онъ:—я вамъ покажу, чего стоятъ ружья этихъ плутовъ!

И понесся впередъ, но понесся одинъ, потому что китайцы не тронулись съ мѣста, но и минуту спустя разомъ повернули назадъ своихъ лошадей и чуть не въ карьеръ понеслись съ мѣста своего посрамленія...

Въ день возвращенія «юновъ» въ Куръ-ту въ сумерки вступили и мы въ это селеніе. Но едва расположились на постояломъ дворѣ, какъ къ намъ изъ «импаня» явилась какая-то личность.

— Господа проѣзжіе, потрудитесь показать свои паспорта!

— Это зачѣмъ? Въ такихъ крошечныхъ пунктахъ, какъ Куръ-ту, визированіе паспортовъ не вмѣнено намъ вовсе въ обязанность...

— Вы правы. Но это дѣлается только для васъ. Передній путь очень опасенъ, и если мы будемъ знать, что вы—наши гости, то дадимъ вамъ сильный конвой.

— Поблагодарите вашего командира... Мы нисколько не сомнѣваемся въ доблестныхъ качествахъ вашихъ солдатъ, но рассчитываемъ также вполне и на нашихъ людей...

— Вы отказываетесь? Вы правы... ваши люди въ сто разъ храбрѣе нашихъ солдатъ.

И, тѣмъ не менѣе, не смотря на такое откровенное признаніе, отказъ нашъ видимо покоробилъ китайцевъ, потому что въ аттестаціи, выданной намъ высшими мѣстными властями, значилось, что мы люди «опрометчивые и своевольные».

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНЗОРЪ И ПРОФЕССОРЪ-ПЕССИМИСТЪ ¹⁾.

(Биографическій очеркъ).

II.

Никитенко въ царствованіе Николая I.

СЪ ПЕРВЫХЪ страницъ дневника 1826 года видно, что авторъ былъ очень близокъ съ Я. И. Ростовцевымъ. Какъ они сошлись, Никитенко объ этомъ не упоминаетъ, но видно, что связь эта была прочная, хотя и охладѣла съ теченіемъ времени, и авторъ, обращаясь по временамъ къ своему другу, отзываясь о немъ не съ особенною симпатіею. Ростовцевъ просилъ его переѣхать къ нему, но—«одна крайность развѣ заставила бы меня на это рѣшиться», а между тѣмъ «государь его торжественно благодарилъ, имя его сдѣлалось предметомъ жаркихъ толковъ въ столицѣ». Квартиру и столъ предложила автору родственница князя Оболенскаго, г-жа Штеричъ, за подготовку ея сына къ дипломатическому поприщу. По поводу нашего общественнаго воспитанія Никитенко высказываетъ рѣзкое сужденіе: «Добрыя нравы составляютъ въ воспитаніи предметъ почти посторонній. Наука преподается поверхностно. Начальники учебныхъ заведеній смотрять больше въ свои карманы, чѣмъ въ сердца своихъ питомцевъ. Въ одномъ только среднемъ классѣ замѣтны порывы къ высшему развитію и рвенію къ наукамъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIV, стр. 194.

того, какъ наше дворянство, утопая въ невѣжествѣ, мало-по-малу приходитъ въ упадокъ, средній классъ готовится сдѣлаться настоящимъ государственнымъ сословіемъ». Гдѣ нашелъ у насъ авторъ среднее сословіе съ такими широкими задачами, неизвѣстно. О высшемъ обществѣ онъ также не высокаго мнѣнія. «Существа, населяющія нашъ большой свѣтъ, — сущіе автоматы, — говоритъ онъ: — они живутъ, мыслятъ и чувствуютъ, не сносясь ни съ сердцемъ, ни съ умомъ, ни съ долгомъ, налагаемымъ на нихъ званіемъ чело-вѣка. Вся жизнь ихъ укладывается въ рамки свѣтскаго приличія. У нихъ совершенно тѣ же пороки, что и въ низшемъ классѣ, только безъ прирожденныхъ ему добродѣтелей. Въ женщинахъ большого свѣта самоувѣренность исключаетъ скромность». Не лучше этотъ демократъ-пессимистъ отзывается и о своихъ собратяхъ: «въ наше время стали появляться писатели, отвергающіе здравый смыслъ и думающіе, что вмѣсто всякихъ знаній достаточно обладать фантазіей и сомнительнымъ остроуміемъ. Мы вообще мало любимъ углубляться въ суть предметовъ. Все, что отзывается трудомъ, для насъ нестерпимо. Я удивляюсь невѣжеству модныхъ литераторовъ и рѣзкости ихъ сужденій о предметахъ, имъ очень мало извѣстныхъ».

Въ этомъ же году явилось въ «Сынъ Отечества» сочиненіе Никитенки «О преодолѣніи несчастій». Увидя его въ печати, онъ остался, однако, имъ недоволенъ, хотя его хвалили Бутырскій и другіе университетскіе профессора. Редакторы журнала Булгаринъ и Гречъ очень любезно отнеслись къ автору, хотя, конечно, не заплатили ему ни гроша за статью, а онъ терпѣлъ большую нужду. Но онъ не хотѣлъ просить свое начальство о пособіи, опасаясь, чтобы его не включили въ число казеннокоштныхъ студентовъ, а это положеніе онъ считалъ своего рода крѣпостничествомъ. Попечитель учебнаго округа Бороздинъ избавилъ его отъ нужды, давъ ему мѣсто въ своей канцеляріи съ жалованьемъ въ 500 рублей. Никитенко рисуетъ также портреты университетскихъ профессоровъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, но въ этихъ характеристикахъ нѣтъ ничего замѣчательнаго: профессора большею частью были очень плохи. Самъ онъ учился очень хорошо; не давался ему только латинскій языкъ и, приводя слухи о введеніи у насъ классической системы, онъ отзывается о ней съ ѣдкой ироніей: «Возстановленіе классической учености въ Россіи — мѣра важная. Мы будемъ изучать древнихъ, подражать имъ — и творческій самостоятельный духъ нашъ мало-по-малу притупится: мы научимся повиноваться, чтобы не сказать — рабствовать». Возражаетъ онъ также противъ толковъ о введеніи въ преподаваніе такой логики, которая «навязала бы нашему уму самые предметы мышленія и заставила называть черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ, потому только, что у насъ извращенный порядокъ вещей. Можно заставить не говорить извѣстнымъ образомъ и объ извѣстныхъ предметахъ — и это уже много, но не

мыслить! Насиліе можетъ только на время остановить законы человѣческаго развитія: варваръ и рабъ отживаютъ свое урочное время, человѣчество же всегда существуетъ». О Николаѣ I Никитенко говорить, что онъ «знаетъ науку царствовать. Его строгость къ другимъ въ связи со строгостью къ самому себѣ. Это, конечно, рѣдкость въ государяхъ самодержавныхъ. Но ему недостаетъ главнаго—людей, которые могли бы быть ему помощниками. У насъ есть придворные, но нѣтъ министровъ; есть люди дѣловые, но нѣтъ людей съ умомъ самостоятельнымъ, съ душою возвышенною. Одинъ Сперанскій». О государѣ Никитенко рассказываетъ анекдотъ, какъ одно важное лицо не хотѣло отдавать денегъ, взятыхъ подъ вексель. Кредиторъ пожаловался Николаю, и тотъ, взявъ вексель, велѣлъ маклеру сдѣлать надпись о передачѣ долга Николаю Павловичу Романову и, взыскавъ сумму, передалъ просителю. Къ Ростовцеву государь былъ холоденъ, хотя и назначилъ его адъютантомъ къ великому князю Михаилу, но честолюбивый временщикъ хотѣлъ не того. Объ извѣстномъ письмѣ его, поданномъ государю наканунѣ бунта 14-го декабря, авторъ дневника приводитъ нѣкоторыя свѣдѣнія. По мнѣнію Никитенки, въ письмѣ, «кромѣ республиканской смѣлости, видна нѣкоторая затѣйливость и натяжка патріотизма. Ростовцевъ хотѣлъ показаться слишкомъ благороднымъ, а это, въ соединеніи съ сомнительнымъ положеніемъ, въ какомъ онъ находился, можетъ показаться многимъ только хитрою стратагемою, посредствомъ которой онъ хотѣлъ въ одно время выпутаться изъ бѣды и явиться человѣкомъ доблестнымъ. Онъ объявилъ заговорщикамъ о своемъ разговорѣ съ государемъ наканунѣ бунта и даже далъ имъ копію съ своего письма къ нему. Этотъ поступокъ могъ быть сдѣланъ и съ хорошимъ намѣреніемъ—остановить заговорщиковъ, но съ другой стороны онъ хотѣлъ показать имъ, что дѣйствуетъ не какъ предатель. Онъ не назвалъ заговорщиковъ передъ государемъ, а предоставилъ имъ самимъ объясниться или скрыться».

Никитенко много читалъ, но о прочитанномъ отзывался только въ общихъ фразахъ. Такъ, о Байронѣ онъ говоритъ, что его поэзія «подобна Эоловой арфѣ, на которой играетъ буря: нѣтъ гармоніи, но слышны такіе акорды, которые насъ потрясаютъ, какъ стоны умирающаго друга или любовницы». Все это одна риторика, до которой авторъ большой охотникъ, какъ видно и изъ сравненія Плутарха съ Тацитомъ: «Плутархъ возвышенъ, Тацитъ великъ; въ одномъ сила, въ другомъ могущество. Плутархъ изобразилъ дѣянія великихъ людей золотыми буквами, Тацитъ выразилъ ихъ неизгладимыми чертами на страницахъ исторіи. Красота одного въ краснорѣччи, другого—въ отсутствіи его». Что же это, какъ не однѣ фразы?

Въ слѣдующемъ году авторъ заговорилъ въ своемъ дневникѣ о любви. Онъ познакомился съ Анной Петровной Кернъ, рожденной

Полторацкой, оставившей своего старого мужа генерала, вслѣдствіе его невозможно грубаго обращенія. Она кокетничала съ молодымъ студентомъ, говорила, что раздѣляетъ его понятія, что постоянна въ своихъ чувствахъ, понимаетъ его и желаетъ участвовать въ его литературныхъ трудахъ, хотя труды эти ограничивались только разсужденіемъ «о преодолѣніи несчастій». Мудрено ли, что студентъ увлекся, хоть и не надолго. Черезъ нѣсколько дней онъ нашелъ ее уже въ совершенно другомъ настроеніи: «она находилась въ упоеніи радости отъ пріѣзда поэта А. С. Пушкина, съ которымъ давно была въ дружеской связи». Онъ встрѣтилъ у нея поэта, который «на первый взглядъ не представлялъ изъ себя ничего особеннаго». Никитенку остановили только его глаза, блестяшіе «лучами того огня, которымъ согрѣты его стихи, прекрасные, звучные, полные силы и чувства». Любовь не ослѣпила студента, и онъ въ восторгѣ отъ стиховъ поэта, отъ третьей главы Онѣгина, гдѣ «что ни стихъ, то новая красота. И какое глубокое знаніе русскаго языка, какая рѣдкая правильность среди самыхъ своенравныхъ оборотовъ! Никто изъ русскихъ поэтовъ не можетъ сравниться съ нимъ живостью, блескомъ, свѣжестью красокъ въ картинахъ, созданныхъ его воображеніемъ». Но, какъ къ человѣку, авторъ относится къ нему строго: «убѣжая въ деревню, Пушкинъ проигрался въ карты; говорятъ, что онъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ ухлопалъ 17.000 рублей. Прискорбно такое нравственное противорѣчіе въ соединеніи съ высокимъ даромъ. Ни чьи стихи не услаждаютъ такой плѣнительной гармоніей, и рядомъ съ этимъ, говорятъ, онъ плохой сынъ, сомнительный другъ. Не вѣрится!». Любовь студента продолжалась еще нѣсколько времени. Кернъ прислала ему часть своихъ записокъ, чтобы онъ принялъ ихъ за сюжетъ романа, который она подстрекала его продолжать. Въ запискахъ она придавала себѣ характеръ, «составленный ею изъ всего, что почерпнуло ея воображеніе изъ всего, читаннаго ею». Эта «переуточненность» не понравилась ему, какъ не понравилось и ей то, что онъ сочинилъ въ формѣ отрывковъ изъ романа. Собственный романъ ихъ такъ ничѣмъ и не кончился. Послѣ нѣсколькихъ туманныхъ бесѣдъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что она «тщеславна и своенравна» и хотѣла сдѣлать изъ него своего исторіографа, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ ея панегиристомъ, а потомъ, «когда она выжала бы изъ лимона весь сокъ, она выбросила бы его за окошко». Онъ не возвращается уже болѣе къ этой первой любви въ слѣдующихъ главахъ дневника, гдѣ вообще нѣтъ ни слова ни о какихъ нѣжныхъ чувствахъ и похощеніяхъ.

Онъ напечаталъ въ это время еще «сочиненіе о политической экономіи», и цензура сильно урѣзала его. Въ одномъ мѣстѣ говорилось: «Адамъ Смитъ полагалъ свободу промышленности краугольнымъ камнемъ обогащенія народовъ». Слово краугольный вычеркнуто

потому, «какъ глубокомысленно замѣчаетъ цензоръ, что краеугольный камень есть Христось, и потому этого эпитета нельзя примѣнять ни къ чему другому». Это былъ образчикъ цензурныхъ понятій того времени. Вслѣдъ затѣмъ студентъ познакомился и съ административными взглядами: попечителю округа сдѣланъ строжайшій выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ, а директоръ департамента народнаго просвѣщенія, достойный Языковъ, посаженъ на гауптвахту за медленное доставленіе свѣдѣній по какому-то училищу. «Это неслыханное у насъ наказаніе, примѣняющее военныя мѣры къ чисто гражданскимъ промахамъ, всѣхъ поразило ужасомъ и повергло въ уныніе». Дальше, впрочемъ, Никитенко не ужасается и въ уныніе не повергается.

Выпущенный кандидатомъ изъ университета, Никитенко тотчасъ же отлично устроилъ свои дѣла: онъ поступилъ секретаремъ къ попечителю округа съ жалованьемъ въ 1.200 рублей, сталъ читать лекціи въ пансіонѣ Курнанда за 1.600 рублей, а Ростовцевъ доставилъ ему уроки русской словесности у своего родственника Уварова, по десяти рублей за два часа, когда въ Острогжскѣ эта же сумма получалась въ мѣсяць и за пять часовъ ежедневныхъ уроковъ. Въ бесѣдахъ съ другомъ, Ростовцевъ сильно озабочивался общественнымъ мнѣніемъ о немъ. «Что скажетъ обо мнѣ потомство?—спрашивалъ онъ:—я боюсь суда его. Пойметъ ли оно и признаетъ ли побудительныя причины, руководившія мною въ бѣдственные декабрскіе дни? Не сочтетъ ли оно меня доносчикомъ или трусомъ, который только о себѣ заботился?». Никитенко утѣшалъ его тѣмъ, что потомство будетъ судить о немъ не по одному поступку, а по характеру всей дѣятельности. Авторъ «дневника» могъ бы прибавить, что дѣятельность эта при освобожденіи крестьянъ можетъ искупить всѣ прегрѣшенія юности. Попечитель Демидовскаго училища въ Ярославлѣ предлагалъ ему мѣсто профессора исторіи съ чиномъ, 2.000 рублей жалованья, казенной квартирой и всѣми удобствами жизни обеспеченной и независимой, но Никитенко отказался и предпочелъ «болѣе обширное поле дѣятельности, не смотря на его бури и превратности». Тамъ его ждали—обыкновенная доля и спокойствіе, здѣсь больше дѣла и пользы, хотя больше труда и заботъ. «Первое благоразумнѣе, второе благороднѣе». Тогда же попечитель поручилъ ему составить дополненіе къ цензурному уставу, который «гасители свѣта» положили пересмотрѣть, съ цѣлью его ограниченія. Никитенко взялся за работу, «съ цѣлью огражденія правъ русскихъ гражданъ на самостоятельную, духовную жизнь». Но рвеніе автора съ первыхъ же шаговъ было поставлено въ тѣсныя рамки: «статью о сатирическихъ сочиненіяхъ на пороки духовенства надо было значительно передѣлать». Въ слѣдующемъ году философско-юридическій факультетъ университета предложилъ ему кафедру естественнаго права, но университетскій совѣтъ не согла-

сился на это, и только черезъ годъ его сдѣлали помощникомъ Бутырскаго по кафедрѣ политической экономіи.

Военныя кары противъ мирныхъ, статскихъ писателей усиливались съ каждымъ годомъ: «Въ январѣ 1831 года Воейковъ въ первомъ номерѣ «Славянина» напечаталъ стихи «Цензоръ», въ которомъ досталось какому-то Г., «ханжѣ и невѣждѣ». Мы получили повелѣніе (это мы относится къ университету, при которомъ состоялъ тогда цензурный комитетъ) спросить у цензора, какъ онъ осмѣлился пропустить эти стихи, а у Воейкова, кто именно просилъ его напечатать оныя? Я цѣлый день отыскивалъ Воейкова, чтобъ отобрать отъ него показанія, но не нашелъ его. Цензурный уставъ предписываетъ не преслѣдовать писателей: хорошо было бы не только въ теоріи, но на практикѣ держаться этого правила», прибавляетъ Никитенко, но изъ его словъ мы узнаемъ, что университетскимъ профессорамъ поручали исполнять курьерскую обязанность и рыскать по городу, розыскивая провинившихся. Пріятное занятіе. Цензоръ Сербиновичъ показалъ, что въ пропущенныхъ имъ стихахъ онъ «не могъ знать, что это личности, тѣмъ болѣе, что это переводъ съ французскаго. Воейковъ отвѣчалъ, какъ и слѣдовало, что не помнить, кто ему доставилъ стихи, и хотя тогда еще не существовало закона, по которому редакторъ обязанъ знать всѣхъ своихъ сотрудниковъ, ихъ адреса и метрическія свидѣтельства, но былъ, всетаки, посаженъ на гауптвахту. Въ одно время съ нимъ посажены Грець и Булгаринъ, «будто бы за неумѣренныя и пристрастныя литературныя рецензіи» (стало быть, гауптвахта служила внушеніемъ благонамѣренной критики). Въ Москвѣ цензоръ Глинка также заключенъ на двѣ недѣли. «Бѣдное сословіе писателей!—прибавляетъ авторъ:—у насъ ему недостаетъ развитія. Отчего? причины очевидны: мы можемъ быть на столько развиты и просвѣщенны, на сколько это позволяютъ условія нашей жизни». Будущій цензоръ выражается мягко, но мысль его ясна.

Объ этомъ годѣ вообще онъ высказывается уже тономъ совершеннаго пессимиста: «истекшій годъ принесъ мало утѣшительнаго для просвѣщенія въ Россіи. Надъ нимъ тяготѣлъ унылый духъ притѣсненія. Многія сочиненія запрещались по самымъ ничтожнымъ причинамъ, можно сказать, даже безъ всякихъ причинъ, подъ вліяніемъ овладѣвшей цензорами паники. Цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ. Намъ пришлось удостовѣриться въ горькой истинѣ, что на землѣ Русской нѣтъ и тѣни законности. Умы возвращаются, видя, какъ законы сокрушаются тѣми самыми, кто ихъ составляетъ. Внутреннія условія нашей жизни, промышленность, правосудіе и проч. тоже не улучшились за этотъ годъ». Въ видѣ подарка русскимъ писателямъ, въ цензурѣ получено повелѣніе, чтобы ни одно сочиненіе не допускалось къ печати безъ подписи авторскаго имени. Въ «Литературной Газетѣ» было помѣщено

четверостишіе къ французамъ, погибшимъ во время іюльской революціи: отъ Бенкендорфа пришла бумага со строгимъ требованіемъ увѣдомить его, какъ осмѣлился цензоръ пропустить сіи стихи, и кто далъ ихъ для напечатанія? Объ этой революціи и о брусельской Никитенко говорить всего шесть строкъ, но какъ истый демагогъ: «Франціи удалось оттолкнуть отъ себя руку, готовившуюся сковать ее цѣпями. Въ три дня въ ней остались однѣ развалины отъ безумнаго деспотизма, который стремился въ ней водворить Карль X». О нашемъ министрѣ просвѣщенія онъ отзывается также рѣзко, по поводу казеннаго студента Троицкаго. Попечитель хотѣлъ оставить этого юношу съ отличными дарованіями въ Петербургѣ, гдѣ такъ рѣдки хорошіе преподаватели русской словесности, но министръ велѣлъ отправить его въ Могилевъ, хоть здѣсь у него была невѣста, съ которою онъ долженъ теперь разстаться. «Все было истощено въ его пользу, но что значать наши слабыя усилія противъ власти начальника, не согрѣтаго ни чувствомъ патриотизма, ни чувствомъ человѣколюбія!» Не даромъ Никитенко такъ боялся сдѣлаться казеннымъ студентомъ, что не согласился ни просить пособія у министра, ни отправиться за границу въ числѣ лучшихъ учениковъ. Личное положеніе его въ этомъ году, впрочемъ, еще больше улучшилось: онъ началъ давать уроки дѣвицѣ Зиновьевой и поступилъ преподавателемъ русской словесности въ Екатерининскій институтъ, гдѣ его привели въ риторическій восторгъ ученицы «съ отпечаткомъ тихой непорочности, еще не омраченной страстями свѣта». Читалъ онъ попрежнему много, восхищался Шекспиромъ и—даже ужъ не въ мѣру—Шеллингомъ, прочелъ даже «Исторію русскаго народа» Полевого, хотя остался и не очень доволенъ ею, какъ не доволенъ и Карамзинымъ, написавшимъ исторію не народа, а «исторію русскихъ князей и царей, не удовлетворяющую требованіямъ идеи».

Въ новый 1831 годъ къ Никитенкѣ явилось много лицъ съ поздравленіями. «Вѣроятно, что меня начинаютъ считать за человѣка,—говоритъ онъ. Въ толпѣ просителей, являющихся въ канцелярію попечителя учебнаго округа, есть люди вполнѣ достойные помощи. Но при нашихъ порядкахъ весьма немногимъ удастся помочь». Сожалѣя о ранней смерти барона Дельвига, онъ опять является крайнимъ пессимистомъ, обвиняя въ этой смерти «Бенкендорфа, который за помѣщеніе въ «Литературной Газетѣ» четверостишія Казимира Делавина назвалъ Дельвига въ глаза якобинцемъ и далъ ему почувствовать, что правительство слѣдитъ за нимъ. Газету его было запрещено ему издавать. Это поразило человѣка благороднаго и чувствительнаго и ускорило развитіе его болѣзни». Даже въ «Горѣ отъ ума», по мнѣнію автора, осталось только одно «горе, такъ искажена пьеса роковымъ ножомъ Бенкендорфской литературы». Князь Вяземскій перевелъ «Адольфа»;

цензура затруднялась пропустить этотъ романъ, потому что онъ написанъ Бенжаменомъ Констаномъ. «Сколько труда стоило мнѣ доказать предсѣдателю цензурнаго комитета, человѣку образованному, что одно имя автора не есть еще статья, оскорбляющая наше правительство или грозящая революціей Россіи. Вотъ подъ вліяніемъ какихъ понятій должны мы совершенствоваться сами и совершенствовать молодое поколѣніе!» Въ «Сѣверной Пчелѣ» явилась юмористическая статья Булгарина «Станціонный смотритель», гдѣ, между прочимъ, человѣкъ сравнивается съ лошадей, для которой нуженъ только хорошій хозяинъ и кучеръ, чтобы она сама была хороша. Министръ просвѣщенія князь Ливенъ увидѣлъ въ этой статьѣ воззваніе къ бунту и сдѣлалъ докладъ государю, чтобы отрѣшить цензора В. Семенова и наказать автора. «Станный способъ успокоивать умы и броженіе идей, смѣшивая мѣры рѣшительныя съ насильственными». По поводу холеры и безпорядковъ на Сѣнной площади Никитенко разразился противъ полиціи, увѣряя, что она забирала въ холерныя больницы всякихъ больныхъ и даже пьяныхъ. «Полиція наша,—говоритъ онъ,—и всегда отличающаяся дерзостью и вымогательствами, вмѣсто усердія и дѣятельности въ эту плачевную эпоху, только усугубила свои пороки». Какой-то кварталный прочелъ ему «лекцію опытной психологіи», доказывая, что у насъ «въ средѣ низшихъ чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ царствуетъ величайшій развратъ. Хороши у насъ также правосудіе и администрація: у меня въ кварталѣ есть нѣсколько отъявленныхъ воровъ, уже раза по три оправданныхъ уголовною палатою, куда ихъ представляла полиція. Что же прикажете дѣлать намъ, полиціи, когда нигдѣ нѣтъ правды?» Самъ Никитенко въ 1832 году сдѣланъ, послѣ долгой борьбы, адъюнктомъ русской словесности, которую читалъ Плетневъ, получилъ перстень за лекціи институткамъ, и уроки у Шулепникова. Министръ долго не соглашался утвердить его адъюнктомъ, потребовалъ его диссертацию, чего никогда не дѣлалось, для представленія въ академію наукъ, «а тутъ добра не ждаты: академія не благопріятствуетъ русскимъ ученымъ», прибавляетъ будущій академикъ. Да министръ и не отсылалъ никуда диссертации, а замѣтилъ открыто попечителю, что не дастъ адъюнктура Никитенкѣ, потому что онъ не нѣмецъ. Не мудрено, что въ своемъ дневникѣ онъ раздражается по временамъ даже такими выходками: «Европейца» запретили. Тьфу! Да что же мы, наконецъ, будемъ дѣлать на Руси? Пить и буянить? И тяжело, и стыдно, и грустно!» Тутъ же замѣчаетъ онъ, что въ сказкахъ Луганскаго нашли какой-то страшный умыселъ противъ верховной власти и т. д. Познакомился онъ въ это время съ Гоголемъ и нашель, что онъ «пріятной наружности, но въ фізіономіи его есть доля лукавства, которая возбуждаетъ къ нему недовѣріе». Написалъ онъ въ «Сѣверную Пчелу» некрологъ моло-

дого чиновника и писателя Шипулинскаго, но и тутъ пришлось выбросить изъ статьи слѣдующія строки: «среди занятій своихъ по должности онъ не покидалъ литературы. Дѣла службы не погасили въ немъ чистой, благородной любви къ литературѣ, любви, которая, возвышая душу, не только не препятствуетъ исполненію другихъ обязанностей, но, напротивъ, питаетъ въ насъ рвеніе къ подвигамъ правды и чести». «Чиновнику,—прибавляетъ авторъ,— вмѣняется въ преступленіе заниматься литературою—и этого мѣста нельзя напечатать. O tempora, o mores!».

Въ слѣдующемъ году Никитенко началъ преподавать словесность и въ аудиторскомъ училищѣ. Нахватавъ столько лекцій, трудно было обрабатывать свой дневникъ. Вступленіе въ управленіе новаго министра, Уварова, не смягчило пессимизма профессора. Написавъ рѣчь «о происхожденіи и духѣ литературы», онъ не согласился вычеркнуть изъ нея, по совѣту попечителя, мѣста, полныя политической благонамѣренности, но которыя могли перетолковать въ дурную сторону, и говорить по этому поводу: «Неужели въ самомъ дѣлѣ все честное и просвѣщенное такъ мало уживается съ общественными порядками? На что же тогда заводить университеты? Непостижимое дѣло! Велѣно отправить за границу 20 молодыхъ людей для усовершенствованія въ наукахъ, а что они будутъ дѣлать тутъ, возвратясь со своими познаніями, съ благороднымъ стремленіемъ озарить свое поколѣніе свѣтомъ истины?.. Было время, что нельзя было говорить объ удобреніи земли, не сославшись на тексты изъ священнаго писанія. Магницкіе и Руничи требовали, чтобы философія преподавалась по программѣ, сочиненной въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, чтобы, преподавая логику, старались увѣрить слушателей, что законы разума не существуютъ, а, преподавая исторію, говорили, что Греція и Римъ вовсе не были республиками, и походили на государства съ неограниченной властью, въ родѣ турецкой или монгольской. Теперь требуютъ, чтобы литература процвѣтала, но никто бы ничего не писалъ, требуютъ, чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли, а учащіеся не читали книгъ и никакъ не смѣли думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлую голову вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ на мундирѣ». И послѣ такой горячей филиппики, Никитенко принявъ мѣсто цензора, ничего не возразилъ министру, рекомендовавшему дѣйствовать «не по одному цензурному уставу, но согласно съ обстоятельствами и ходомъ, вещей и притомъ такъ, чтобы публика не имѣла права заключать, будто правительство угнетаетъ просвѣщеніе». Новый цензоръ сознается только, что въ его дѣятельности «нѣтъ солнца истины, нѣтъ постепеннаго животворнаго сіянія», и произноситъ патетическіе афоризмы: «горе людямъ, которые осуждены жить въ такую эпоху, когда всякое развитіе счи-

тается нарушеніемъ общественнаго порядка». На это ему можно было бы замѣтить, что выборъ эпохи, когда пришлось жить, зависѣлъ не отъ него, но принятіе цензорскаго званія въ эпоху, которую онъ призналъ такою печальною, зависѣло вполне отъ него.

Государь, посѣтивъ первую гимназію, «выразилъ неудовольствіе, что одинъ изъ воспитанниковъ, хотя и лучший по поведенію и наукамъ, сидѣлъ облокотясь. Въ этомъ увидѣли нарушеніе дисциплины. Повелѣно попечителю отставить отъ должности учителя Турчанинова. «Послѣ сего государь вошелъ въ классъ къ священнику—и здѣсь исторія. Одинъ мальчикъ сидѣлъ, прислонясь спиной къ заднему столу. Священнику былъ сдѣланъ выговоръ, на который онъ, однако, отвѣчалъ съ подобающимъ почтеніемъ: «Государь, я обращаю болѣе вниманія на то, слушаютъ ли они мои наставленія, нежели на то, какъ они сидятъ». Попечитель учебнаго округа «благородный, просвѣщенный начальникъ, полный любви къ людямъ и Россіи, Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ, принужденъ подать въ отставку». Дневникъ этого года оканчивается строкою, помѣченною 10-го августа: «вотъ уже мѣсяцъ какъ я женатъ». Онъ не прибавляетъ, что женился на помѣщицѣ Могилевской губерніи, въ имѣніе которой уѣзжалъ потомъ на лѣтній отдыхъ. О польскихъ дѣлахъ и польскомъ возстаніи онъ не говоритъ ни слова.

Лѣтомъ 1834 года Никитенко осматривалъ съ новымъ попечителемъ округа М. А. Дондуковымъ-Корсаковымъ гимназіи сѣверныхъ губерній. Въ замѣткахъ объ этой поѣздкѣ нѣтъ ничего выдающагося.

Какъ цензоръ, Никитенко испыталъ много непріятностей на первыхъ же шагахъ своего поприща. Ему поручили цензуру «Библиотеки для Чтенія», а на ея редактора Сенковскаго правительство смотрѣло весьма неблагоклонно, хотя онъ «изъ боязни или благоразумія никогда не выставлялъ себя либераломъ. Съ этимъ журналомъ мнѣ много заботъ. Надо соединить три не соединимыя вещи: удовлетворить требованіямъ правительства, требованіямъ писателей и требованіямъ своего собственнаго, внутренняго чувства. Цензоръ считается естественнымъ врагомъ писателей. Въ сущности это не ошибка». Въ виду того, что Уваровъ открыто обвинялъ его въ полонизмъ и въ площадныхъ островахъ, Сенковскій официально отказался отъ редакторства «Библиотеки для Чтенія», хотя неофициально продолжалъ завѣдовать ею.

Въ 12-й книжкѣ журнала за 1834 годъ Никитенко пропустилъ переводъ извѣстныхъ, прекрасныхъ стиховъ Виктора Гюго «Къ красавицѣ»: «Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру». Черезъ двѣ недѣли попечитель объявилъ ему, что «митрополитъ испросилъ у государя особую аудіенцію и умолялъ его, какъ православнаго царя, оградить церковь и вѣру отъ поруганій поэзіи. Государь приказалъ посадить цензора на гауптвахту». Преступ-

ника посадили на лучшую новоадмиралтейскую гауптвахту, отвѣдя ему крошечную, въ высшей степени не опрятную комнату, съ грязнѣйшимъ поломъ, съ стѣнами, покрытыми плѣсенью и пятнами отъ сырости, безъ всякой мебели, и гдѣ было еще двое арестантовъ офицеровъ, удивившихся, что товарищъ ихъ заточенія—цензоръ. «Одного арестовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ за какую-то неисправность въ мундирахъ кадетъ, которыхъ онъ представлялъ его высочеству. Другой, служившій 15 лѣтъ ротный командиръ, за какую-то ошибку въ маршѣ солдатъ лишился этой роты и арестованъ не извѣстно на сколько времени». Никитенко легъ спать на полу и проснулся «съ головою болью, съ платьемъ, пропитаннымъ вонью отъ клоповъ. Приѣзжалъ осматривать гауптвахту плацъ-маіоръ Болдыревъ, величайшій невѣжа изъ всѣхъ маіоровъ въ мірѣ. Онъ разругалъ дежурнаго офицера, прибилъ жестоко фухтелями стараго сторожа, шумомъ, площадною бранью и побоями заявивъ о своемъ начальническомъ санѣ, сей почтенный воинъ отправился отсюда прямо за карточный столъ, за которымъ проводилъ все время, не занятое службой». Три дня просидѣлъ Никитенко; приѣзжали къ нему пріятели: Дондуковъ-Корсаковъ, Плетневъ, комендантъ Мартыновъ, докладывавшій государю, не благоугодно ли ему будетъ освободить арестанта. Государь отвѣчалъ: я самъ назначу срокъ. Прошло еще шесть дней. Явился «чиновникъ адмиралтейства, совѣтникъ, глупый, подлый въ обращеніи, какъ жидъ. Съ самыми отвратительными ужимками старался онъ завести съ нами разговоръ о правительствѣ. Гвардейскіе офицеры, назначенные въ корпуса, жалуются на пустоту и ничтожество своей службы. Впрочемъ, они не страдаютъ обиліемъ идей: немножко больше свободы во фронтѣ, немножко меньше грубостей со стороны главныхъ начальниковъ—вотъ всѣ ихъ повятія о лучшемъ». Черезъ восемь дней его выпустили. Онъ отправился къ министру. Уваровъ принялъ его очень благосклонно, безъ всякихъ укоровъ или совѣтовъ и сказалъ: «Государь вовсе на васъ несердитъ, прочитавъ стихи, онъ замѣтилъ только: прозѣвалъ! Но онъ вынужденъ дать удовлетвореніе главѣ духовенства и притомъ публичное и гласное. Онъ освѣдомился у коменданта, не слишкомъ ли вы беспокоитесь, и выразилъ удовольствіе, узнавъ, что вы спокойны. Митрополитъ вообще не много выигралъ своимъ поступкомъ. Государь недоволенъ тѣмъ, что его утруждали мелочью. Итакъ не тревожьтесь, вамъ больше ничего не грозитъ».

Никитенко узналъ, что главнымъ виновникомъ его заключенія былъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ, благочестивый авторъ скучнѣйшаго «Путешествія ко святымъ мѣстамъ» и пустѣйшей трагедіи «Тиверіада». «Это фанатикъ, который, впрочемъ, себѣ на умѣ и, съ помощью монаховъ, на святости идей строить свое земное счастье. Однако и онъ не много выигралъ своимъ доносомъ на меня.

Въ публикѣ клеймятъ имя Муравьева, и государь черезъ Бенкендорфа далъ замѣтить митрополиту, что вовсе не благодаренъ ему за шумъ, который около двухъ недѣль наполняетъ столицу». Очевидно, Муравьеву съ братіей не того хотѣлось. Вообще въ первый же годъ своего цензурства Никитенко близко познакомился со всѣми пріятностями этого званія. «Плохой литераторъ Олинъ написалъ похвальное слово нынѣшнему царствованію съ напыщенными похвалами государю и Паскевичу... Такихъ книгъ запрещать нельзя, а пропускать ихъ какъ-то неловко. Я вычеркнулъ нѣкоторыя мѣста, напримѣръ, то, гдѣ авторъ называлъ Николая I богомъ. Государю, всетаки, не понравились неумѣренные похвалы, и онъ поручилъ министру объявить цензорамъ, чтобы впредь подобныя сочиненія не пропускатись». Такихъ патріотовъ у насъ всегда было не мало. Объ одномъ изъ нихъ, Лобановѣ, Никитенко говорить: «что это за люди, эти педанты-патріоты, которые думаютъ, что для того, чтобы прослыть народниками, достаточно кричать во все горло: давайте, будемъ патріотами, давайте, будемъ народными! Они забываютъ, что прежде всего надо быть человѣкомъ и при томъ честнымъ. Патріотизмъ плодъ чести, а гдѣ у нихъ эта честь?».

Священникъ Сидонскій написалъ весьма дѣльную книгу «Введеніе въ философію». Монахи за это отняли у него кафедру философіи въ Александроневской академіи. Московскіе цензора нашли въ «Аскольдовой могилѣ» Загоскина что-то о Владимірѣ Равноапостольномъ и послали романъ на разсмотрѣніе духовной цензуры. Она въ конецъ растерзала его. Бенкендорфъ выхлопоталъ позволеніе напечатать книгу, хоть и съ урѣзками, но оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода подалъ Уварову жалобу на богомерзкій романъ Загоскина. Филаретъ московскій жаловался Бенкендорфу на стихъ Пушкина въ Онѣгинѣ: «и стаи галокъ на крестахъ». Въ этомъ митрополитъ нашелъ оскорбленіе святыни. Цензоръ, котораго призывали къ отвѣту, объяснялъ, что «галки, сколько ему извѣстно, дѣйствительно садятся на крестахъ московскихъ церквей, но, по его мнѣнію, виновать въ этомъ болѣе всего московскій полицеймейстеръ, допускающій это, а не поэтъ и цензура. Бенкендорфъ отвѣчалъ учтиво Филарету, что это дѣло не стоитъ того, чтобы въ него вмѣшивалась такая почтенная духовная особа»... «У насъ, — прибавляетъ Никитенко, — на образованіе смотрятъ, какъ на заморское чудовище: повсюду устремлены на него рогадины; немудрено, если оно взбѣсится». «Московскій Телеграфъ» запрещенъ по приказанію Уварова. Государь хотѣлъ сначала поступить очень строго съ Полевымъ, но потомъ сказалъ министру: «мы сами виноваты, что такъ долго терпѣли этотъ безпорядокъ». Уваровъ долго говорилъ Никитенкѣ о Полевомъ, доказывая необходимость запрещенія его журнала: «Это — проводникъ революціи. Онъ уже нѣсколько лѣтъ систематически распространяетъ разрушительныя правила. Онъ не

любить Россіи. Я говорилъ ему въ Москвѣ, что наши аристократы не такъ глупы, какъ онъ думаетъ, далъ ему оффиціальныи выговоръ,—это не помогло. Я бы могъ отдать его подъ судъ, но это погубило бы его. Надо было отнять у него право говорить съ публикою. Это правительство всегда властно сдѣлать и притомъ на основаніяхъ вполнѣ юридическихъ: въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права письменно обращаться къ публикѣ. Это привилегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда хочетъ. У насъ есть партія, жаждущая революціи. Декабристы не истреблены. Полевой хотѣлъ быть ихъ органомъ. Съ Гречемъ и Сенковскимъ я поступилъ бы иначе: они трусы, имъ стоитъ пригрозить гауптвахтой, и они смиряются. Но Полевой фанатикъ, онъ готовъ претерпѣть все за идею, для него нужны рѣшительныи мѣры». Въ «Библиотекѣ для Чтенія» явились въ честь царя плохіе стихи офицера Маркова, получившаго уже разъ за подобное произведеніе бриліантовый перстень и, вѣроятно, захотѣвшаго получить другой. «Я представлялъ стихи министру, и ни я, ни онъ не замѣтили одного глупаго стиха, въ которомъ авторъ, говоря о великихъ дѣлахъ Николая, называетъ его «поборникомъ грядущихъ золъ». По выходѣ книги этотъ промахъ былъ тотчасъ замѣченъ. Попечитель поѣхалъ къ Смирдину; отобрали всѣ еще не разосланные экземпляры, перепечатали страницу, замѣнивъ «поборника» «рушителемъ»—и дѣло обошлось, хотя Булгаринъ собрался уже съ доносомъ въ III Отдѣленіе. Романъ Гюго «Церковь Парижской Богоматери» Уваровъ не позволилъ перевести, хотя отзывался о немъ съ величайшей похвалою, но сказалъ, что «намъ рано еще читать такія книги». Даже «Исторію Наполеона» Вальтеръ-Скотта разрѣшено было имѣть въ Петербургѣ только шести или семи государственнымъ людямъ. Цензору Семенову сдѣланъ строгій выговоръ за то, что онъ назвалъ одну святую «представительницею слабаго пола». Гречъ разсказалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» содержаніе «Роберта-дьявола» по французскому оригиналу, а не такъ, какъ эта опера играется на нашей сценѣ. «Его величество велѣлъ сказать ему за это, что еще одинъ такой случай, и Гречъ будетъ высланъ изъ столицы». Уваровъ говорилъ Никитенкѣ о Гречѣ: «Я имѣю такое повелѣніе государя, которымъ могу въ одно мгновеніе обратить его въ ничто». Сенковскій въ статьѣ о Фридрихѣ II написалъ, что онъ основалъ новую форму правленія въ Европѣ—военное самодержавіе, что эта форма есть лучшая, особенно для Россіи, гдѣ она и осуществляется съ такимъ успѣхомъ. Министръ велѣлъ исключить изъ статьи все, что относится къ Россіи. Строгости цензуры распространялись не только на литературу, но и на всѣ искусства: «двумъ первокласснымъ живописцамъ нашимъ Егорову и Шебуеву заказаны образа для иконостаса Измайловской церкви. Образы были одобрены назначенною для этого комисіею и поставлены въ цер-

ковъ. Пріѣзжаетъ министръ двора и находитъ образа не по своему вкусу. Самъ ли онъ нашель это или какой нибудь флигель-любителъ изящнаго, только получилось приказаніе: отдать Егорову и Шебуеву образа обратно за то, что они дурно написаны, а деньги, если оныя уже выданы имъ, взыскать съ нихъ въ казну; если же не выданы, то и не выдавать и внести это въ ихъ послужные списки». Хорошо еще, что о талантѣ художниковъ судятъ не по ихъ формулярамъ.

Мудрено ли, что при такихъ, если и не крупныхъ, то чуть не всякій день повторяющихся явленіяхъ, либеральный цензоръ и профессоръ впадаетъ въ крайній пессимизмъ. Онъ не доволенъ и литераторами, и учеными, и администраторами, вообще всеѣмъ порядкомъ вещей. Обо всеѣхъ писателяхъ онъ отзывается неблагоклонно, кромѣ Галича, Павскаго и Пушкина; да и восторгаясь послѣднимъ, онъ замѣчаетъ, что поэтъ, получая отъ Смирдина по червонцу за стихъ, требовалъ, чтобы эта уплата была ему произведена и за тѣ строки, которыя Уваровъ вычеркнулъ въ поэмѣ «Андрело». Крылова онъ упрекаетъ не только за его неряшливость, но и за то, что онъ получалъ по девяти тысячъ въ годъ со Смирдина, давши свое имя, какъ редакторъ «Библіотеки для Чтенія», и ничего не дѣлая; въ Кукольникѣ онъ видитъ скорѣе чиновника, чѣмъ поэта, и называетъ монологи Ляпунова «рабскимъ писаньемъ». Марлинскій «выражается какимъ-то варварскимъ языкомъ». Гоголь, «переходя отъ матеріальной жизни къ идеальной, становится надутымъ и педантичнымъ или расплывается въ ребяческихъ восторгахъ. Тогда и слогъ его дѣлается запутаннымъ, пустоцвѣтнымъ и пустозвоннымъ; трактуя о предметахъ возвышенныхъ, онъ теряетъ всякую оригинальность». На каѳедрѣ онъ былъ посмѣшищемъ студентовъ. О Павлѣ Петровичѣ Свиньинѣ передается анекдотъ, какъ онъ явился къ Смирдину и увѣрилъ его, что министръ просвѣщенія поручаетъ ему редакцію «Библіотеки для Чтенія», тогда какъ министръ назвалъ его чуть не дуракомъ. Погодинъ и Надеждинъ — педанты и фразеры, старающіеся затмить другъ друга варварской терминологіей и туманнымъ краснорѣчіемъ. Карамзинъ представляетъ Іоанна IV какимъ-то романическимъ тираномъ, Погодинъ считаетъ его человѣкомъ ограниченнымъ, Полевой видитъ въ немъ великое, могучее орудіе и оправдываетъ потому, что онъ былъ грозой аристократовъ. «Русь обагрется кровью и смиренно говоритъ: такъ угодно батюшкѣ. Какая доблесть! — восклицаютъ наши патриоты: — удивительный, великій народъ! А Іоаннъ просто звѣрь, чудовище, сумасшедшій отъ страстей, которыя нигдѣ не встрѣчали себѣ узды. А Русь — покорная раба, до полусмерти забытая татарами и своими князьями, потонувшая въ фатализмѣ христіанства, духъ коего былъ подавленъ буквою». Увлекаясь мизантропіей, Никитенко рѣзко отзывается и о лицахъ, которыхъ видитъ въ первый

разъ, не дожидаясь, чтобы ихъ послѣдующая дѣятельность опровергла его. Такъ, представляясь новому товарищу министра просвѣщенія, графу Протасову, онъ говоритъ: «это молодой человѣкъ безъ физіономіи, флигель-адъютантъ. У насъ молодые люди, разъ напечатавшіе гдѣ нибудь въ журналѣ свое имя, считаютъ себя геніями, такъ же точно люди, надѣвшіе военный мундиръ съ густыми эполетами, считаютъ себя государственными людьми, наравнѣ съ Меттернихами и Талейранами».

Изъ сплошнаго погрома литературы и администраціи приводимъ главные выводы: «Состояніе нашей литературы наводитъ тоску. Ни свѣтлой мысли, ни искры чувства, все пошло, мелко, бездушно. У насъ есть молодые люди съ благородными стремленіями, но какъ они могутъ писать, когда имъ запрещено мыслить? Основное начало нынѣшней политики очень просто: одно только то правленіе твердо, которое основано на страхѣ; одинъ только тотъ народъ спокоенъ, который не мыслить. Характеристическая черта нашего времени — холодный, бездушный эгоизмъ, другая черта — страсть къ деньгамъ, такъ какъ это единственное средство къ относительной независимости. Никакого честолюбія, никакого благороднаго жара къ вольной дѣятельности. Одно горькое чувство согрѣваетъ избранныя души, чувство это — негодованіе. Среди людей, имѣющихъ претензіи дѣйствовать на духъ общественный, нѣтъ никакой нравственности; нѣтъ ни обществолюбія, ни человѣколюбія. О благородномъ, великомъ говорятъ съ насмѣшкой даже въ книгахъ. Литераторы въ своихъ произведеніяхъ восхваляютъ чистую красоту, и сами полны нравственнаго безобразія. Настоящее поколѣніе мыслящихъ людей не было такимъ, когда вступало на попріще умственной дѣятельности. Но власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности. Не уничтожая наукъ, они затруднили насъ цензурою, частыми преслѣдованіями и общимъ направленіемъ. Сначала мы судорожно рвались къ свѣту, но когда увидѣли, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, что общество принимаетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать, тогда молодое поколѣніе нравственно оскудѣло. Нравственный складъ жизни пришлось ломать и на развалинахъ его строить канцелярскія камеры и солдатскія будки. Конечно, эта эпоха пройдетъ, какъ все проходитъ на землѣ, но она можетъ затянуться на 50—60 лѣтъ»...

И послѣ такихъ ювеналовскихъ тирадъ и сожалѣній, что изъ дворянскаго полка выходитъ ежегодно въ армію 50 офицеровъ, едва умѣющихъ подписать свое имя, Никитенко бралъ на себя новую должность преподавателя русской словесности въ артилерійскомъ

училищѣ. Онъ не отиѣчаетъ, сколько получаетъ за всѣ эти уроки и лекціи; какъ профессоръ, онъ имѣлъ 3.900 рублей.

Запрещеніе «Телескопа» за философскія письма Чаадаева произвело «ужасную суматоху въ цензурѣ и литературѣ. Надеждинъ былъ сосланъ въ Устьсысольскъ (есть у насъ и такіе города, о существованіи которыхъ узнаешь только, когда туда кого нибудь ссылаютъ). Редактору было назначено по сорока копеекъ ассигнаціями содержанія въ день. Надеждинъ просилъ, чтобы его лучше заперли въ крѣпость, гдѣ онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ не умереть съ голоду. Бенкендорфъ исходатайствовалъ ему позволеніе писать и печатать сочиненія подъ своимъ именемъ». О распоряженіи на счетъ того, что онъ будетъ ѣсть, не упоминается. Болдыревъ, пропустившій статью, отрѣшенъ отъ всѣхъ своихъ должностей—цензора, профессора и ректора. О томъ, что Чаадаевъ былъ объявленъ сумасшедшимъ, ничего не говорится. Цензоры при такомъ переполохѣ потеряли, конечно, и ту долю разсудительности, какою обладали иные изъ нихъ. Гаевскій сталъ сомнѣваться, можно ли пропускать въ печати извѣстія, что такой-то король скончался. Гречъ подалъ доносъ въ цензурный комитетъ, что въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Плюшара статья «18-е Брюмера» неблагонамѣренная, либеральная и вредная для Россіи, потому что въ ней говорится о революціяхъ и конституціяхъ. «Я предложилъ въ комитетѣ вопросъ: должны ли мы французскую революцію считать революціей и позволено ли въ Россіи печатать, что Римъ былъ республикой, а въ Англіи конституціонное правленіе? или не лучше ли принять за правило: думать и писать, что ничего подобнаго на свѣтѣ не было и нѣтъ?». Крыловъ глубокомысленно отвѣчалъ, что исторію и статистику нельзя измѣнять, но предсѣдатель комитета нашель, что въ статьѣ «18-е Брюмера» нельзя пропустить слѣдующее выраженіе: «добрые французы сокрушались, видя правительство не твердымъ, и повсюду во Франціи царствующее безначаліе». И фразу не потому надо запретить, что правительство не можетъ быть не твердымъ, а потому, что «во Франціи не могло быть тогда ни одного добраго человѣка». Этотъ поразительный логическій аргументъ не былъ, однако, принятъ во вниманіе, и статью «18-е Брюмера» положено «не считать зловредною». Въ цензурный комитетъ были собраны редакторы и издатели всѣхъ журналовъ, «чтобы выслушать высочайшее повелѣніе о запрещеніи «Телескопа» и приказаніе беречься той же участи. Всѣ они вышли согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники... Признана система угнетенія, считаютъ ее системою твердости. Ошибаются. Угнетеніе есть угнетеніе, особенно, когда оно является слѣдствіемъ гнѣвныхъ вспышекъ..., а не искусно разсчитанныхъ мѣръ».

Въ слѣдующемъ году, говоря о смерти Пушкина, авторъ высказываетъ теплое, искреннее чувство: «Похороны Пушкина были дѣй-

ствительно народныя похороны. Все, что сколько нибудь читаетъ и мыслить въ Петербургѣ, все стекло въ церкви, гдѣ отпѣвали поэта. На всѣхъ лицахъ лежала печаль, по крайней мѣрѣ, наружная. Церковь, куда впускали только въ мундирахъ и по билетамъ, была наполнена знатю. Весь дипломатическій корпусъ присутствовалъ... «И такъ торжественно спокоенъ былъ стройный миръ его чеда»... И тутъ же по обыкновенію были нелѣпѣйшія распоряженія. Народъ обманули: сказали, что Пушкина будутъ отпѣвать въ Исаіевскомъ соборѣ; такъ было означено и на билетахъ, а между тѣмъ тѣло изъ квартиры было вынесено ночью, тайкомъ въ Конюшенную церковь. Въ университетѣ получено строгое предписаніе, чтобы профессора не отлучались отъ своихъ кафедръ, и студенты присутствовали на лекціяхъ. (Въ чужихъ краяхъ даже лавки запираютъ, когда хоронятъ выдающихся дѣятелей). Я не удержался: выразилъ попечителю свое прискорбіе. Русскіе не могутъ оплакивать своего согражданина, принесшаго имъ честь своимъ существованіемъ! Иностранцы приходили поклониться поэту въ гробу, а профессорамъ университета и русскому юношеству это воспрещено. Они тайкомъ, какъ воры, должны были прокрадываться къ нему. Попечитель отвѣчалъ, что студентамъ лучше не быть на похоронахъ; они могли бы собраться въ корпораціи (?), нести гробъ Пушкина, могли бы пересолить. Краевскій, Гречъ получили строгій выговоръ за нѣсколько строкъ, посвященныхъ памяти поэта. Я получилъ приказаніе вымарать такія же строки въ «Библіотекѣ для Чтенія». И все это дѣлалось среди всеобщаго участія къ умершему, среди всеобщаго глубокаго сожалѣнія. Боялись, но чего? вмѣсто очередной лекціи я читалъ студентамъ о заслугахъ Пушкина».

Никитенко передаетъ еще слѣдующій эпизодъ, относящійся къ похоронамъ великаго русскаго поэта: «Дня черезъ три послѣ отпѣванія Пушкина увезли тайкомъ трупъ его въ деревню. Жена моя возвращалась изъ Могилева и на одной станціи недалеко отъ Петербурга увидѣла простую телѣгу, на телѣгѣ солому, подъ соломой гробъ, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовомъ дворѣ, хлопотали, чтобы скорѣе перепрячь курьерскихъ лошадей и скакать дальше съ гробомъ. — «Что это такое?» — спросила моя жена у одного изъ собравшихся тутъ крестьянъ. — «А Богъ знаетъ что! Вишь, какой-то Пушкинъ убитъ, и его мчатъ на почтовыхъ въ рогожѣ и соломѣ, прости, Господи, какъ собаку».

Запрещеніе, чтобы о Пушкинѣ ничего не писать, продолжалось. Относительно новаго изданія его сочиненій состоялась резолюція государя: «согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы все найденное мною неприличнымъ въ изданныхъ уже сочиненіяхъ было исключено, и чтобы ненапечатанныя еще сочиненія были строго рассмотрѣны». А между тѣмъ поэма «Мѣдный всадникъ» была лично запрещена

государемъ, а въ рукописи «Бориса Годунова», съ его цензурою, многое имъ вычеркнуто. «Вотъ почему печатный «Годуновъ» кажется неполнымъ, почему въ немъ столько пробѣловъ, заставляющихъ иныхъ критиковъ говорить, что пьеса эта только собраніе отрывковъ». Уваровъ и Дондуковъ-Корсаковъ обрадовались резолюціи государя и растолковали ее такъ, что всѣ и прежде уже являвшіяся въ печати сочиненія поэта надо вновь пересмотрѣть и подвергнуть строгой цензурѣ. Никитенко «въ защиту здраваго смысла» возсталъ въ комитетѣ противъ такого толкованія, доказывая, что вновь выпущенныя мѣста всѣ будутъ еще усерднѣе твердить наизусть. Курторга сослался на общественное мнѣніе, которое конечно, осудить всякое искаженіе Пушкина, а князь возразилъ, что правительство не должно смотрѣть на общественное мнѣніе». Никитенко отвѣчалъ: «Что выиграетъ правительство, искажая въ Пушкинѣ то, что знаетъ наизусть вся Россія? Да и вообще не худо бы иногда уважать общественное мнѣніе, хоть изрѣдка. Россія существуетъ не для одного дня и, возбуждая безъ всякой надобности негодованіе въ умахъ, мы готовимъ для нея неутѣшительную будущность». Побѣда осталась, конечно, не за возмущающимся цензоромъ, и нужно было вліяніе Жуковского, чтобы рѣшить этотъ вопросъ согласно со здравымъ смысломъ. По ходатайству Жуковского, государь разрѣшилъ печатать всѣ прежде изданныя сочиненія поэта безъ измѣненій. «Какъ это взбѣситъ кое-кого», — прибавляетъ Никитенко, не называя министра даже въ своемъ дневникѣ.

Но скорѣе и самъ благодушный цензоръ взбѣсился при обнаруженіи новаго цензурнаго закона, постановившаго, что каждая журнальная статья должна разсматриваться двумя цензорами, и тотъ и другой могутъ исключать, что имъ вздумается. Сверхъ того, установленъ еще одинъ цензоръ, родъ контролера, обязанность котораго будетъ состоять въ провѣркѣ того, что пропущено другими. «Спрашивается: можно ли что писать и издавать въ Россіи (говоритъ Никитенко). Поневоля опускаются руки при всей готовности стоять охранителемъ русской мысли и русскаго слова. Но ни удивляться, ни сѣтовать не должно». Видя, что при новомъ законѣ «цензоръ становится лицомъ жалкимъ, безъ всякаго значенія, но подъ огромной отвѣтственностью и подъ непремѣннымъ шпионствомъ высшаго цензора», Никитенко не выдержалъ и объявилъ князю о своемъ намѣреніи выйти въ отставку. «Князь удивился и посовѣтовалъ не дѣлать этого вдругъ, чтобы не навлечь на себя страшнаго нареканія въ возмущеніи. Послѣ жаркаго объясненія заключенъ миръ, и пока я остаюсь еще цензоромъ». Князь откровенно сознался, что «раздѣляетъ его мнѣніе о новомъ законѣ, но въ комитетѣ долженъ былъ говорить иначе». Цензоръ удовольствовался такою растяжимою моралью своего начальника и отложилъ

свою отставку на многіе годы, а благодѣтельный законъ просуществовалъ двадцать лѣтъ. Зато въ этомъ году Никитенко получилъ степень доктора философіи, защитивъ диссертацию «О творческой силѣ въ поэзіи». Онъ познакомился также съ Владиміромъ Ивановичемъ Соколовскимъ, авторомъ поэмы «Мірозданіе». «Это—человѣкъ, много претерпѣвшій. За нѣсколько смѣлыхъ куплетовъ, прочитанныхъ имъ въ кругу пріятелей, изъ коихъ двое были шпіоны, онъ просидѣлъ около года въ московскомъ острогѣ и около двухъ лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Ему поставили въ государственную измѣну даже нѣсколько факсимиле сановниковъ, собранныя для приложенія къ ихъ біографіямъ». Въ острогѣ онъ попалъ въ новую бѣду изъ-за перочиннаго ножа, даннаго однимъ изъ товарищей по заключенію, котораго онъ не хотѣлъ назвать. Полицеймейстеръ часто грозилъ ему истязаніями. Въ крѣпости онъ выучился еврейскому языку, написалъ поэму «Хеверь», но здоровье его убито. 5-го іюля въ дневникѣ записано: «Новая потеря для нашей литературы: Александръ Бестужевъ убитъ. Да и къ чему въ Россіи литература!».

Въ 1838 году дневникъ передаетъ слѣдующій анекдотъ о Полевомъ: Дуббельтъ, передавая ему перстень за «Дѣдушку русскаго флота», сказалъ: «Вотъ вы теперь на хорошей дорогѣ. Это гораздо лучше, чѣмъ попусту либеральничать».

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ, низко кланяясь, Полевой:—я написалъ еще одну пьесу, въ которой еще болѣе вѣрно-подданническихъ чувствъ. Надѣюсь, вы ею тоже будете довольны. «Стыдно!—замѣчаетъ авторъ:—выйдемъ изъ этого мрака на свѣтъ. Но гдѣ искать этого выхода?». Анекдотъ сообщенъ Владиславлевымъ, извѣстнымъ жандармомъ-литераторомъ, и потому подверженъ сильному сомнѣнію. Писатель, котораго Уваровъ называлъ фанатикомъ, не могъ такъ низкопоклонничать, хотя въ его послѣднихъ пьесахъ дѣйствительно много приторной лести. Въ 1839 году мы видимъ автора преподавателемъ въ Смольномъ институтѣ и въ аудиторской школѣ, хотя изъ дневника не видно, когда онъ поступилъ туда. За школу Клейнмихель далъ ему аннинскій крестъ, хотя на экзаменѣ «свирѣпствовалъ, какъ ураганъ. Это ужасъ и бичъ для подчиненныхъ. Генералы трепещутъ передъ нимъ, какъ овцы передъ волкомъ. Онъ убѣжденъ, что если хочешь повелѣвать, то долженъ быть звѣремъ». Ученики школы изъ солдатскихъ дѣтей—питомцы полка. И Никитенко рѣшилъ оставить ее, такъ какъ «всегда долженъ былъ насиловать себя, когда ѣхалъ туда преподавать. Я не могъ внести туда ни одной свѣтлой мысли, такъ все тамъ грубо, жестко, не развито. Но жалованье хорошее—по 300 рублей за часъ. Такимъ образомъ я сразу лишаюсь 1.200 рублей». Онъ, однако же, не лишился ихъ и остался въ школѣ инспекторомъ, принявъ порученіе составить проектъ преобразованій.

Лѣто этого года авторъ провель въ деревнѣ, въ Могилевской губерніи. Замѣтки его о ея жителяхъ и властяхъ весьма неутѣшительны: дѣти въ отречьяхъ, грязные, больные; взрослые—безжизненны и тупы, терпятъ крайнюю нужду и угнетеніе. Глубочайшее невѣжество и суевѣріе гнѣздятся въ ихъ душныхъ логовищахъ. «Крестьяне, отправляясь въ церковь, говорятъ, что они идутъ молиться богамъ и божкамъ; къ господамъ они боятся подходить: «все кажется, что по ухамъ заѣдутъ»; дѣвки выходятъ замужъ потому, что господа велятъ; «ихъ соединяютъ, какъ скотовъ для приплода»,—прибавляетъ авторъ. Власти въ краѣ очень своеобразны: главный правитель Дьяковъ нѣсколько лѣтъ уже признанъ сумасшедшимъ и, тѣмъ не менѣе, ему поручена важная должность генераль-губернатора надъ тремя губерніями. Онъ собственноручно колотитъ дамъ-дворянокъ, сѣчетъ беременныхъ женщинъ на конюшнѣ; портному, просившему уплаты, приказываетъ дать столько ударовъ плетями, сколько рублей долженъ ему. Предсѣдатель гражданской палаты въ Могилевѣ воръ, обокравшій богатую помѣщицу, у которой былъ управляющимъ (онъ же и камергеръ); предсѣдатель уголовной палаты убилъ челоуѣка, за что и находится подъ слѣдствіемъ. «Зато всѣ они патріоты въ родѣ академика-поэта Лобанова, выражавшаго такія сужденія: «каждая новая идея—заблужденіе, французы—подлецы, нѣмецкая философія—глупость, а все вмѣстѣ—либерализмъ». Впрочемъ, что же удивляться такимъ мнѣніямъ, когда Магницкій доказывалъ въ официальныхъ докладахъ, что революція въ Неаполѣ произошла отъ книги профессора Куницына «Естественное право», изданной на русскомъ языкѣ. «Россіи нуженъ новый Петръ Великій,—говоритъ Никитенко:—первый Петръ ее построилъ, второму надлежало бы ее устроить. Теперь въ ней все въ хаосѣ. Кто выведетъ ее изъ этого хаоса?».

Изъ литературно-цензурныхъ курьезовъ этого года дневникъ отмѣчаетъ суматоху, возникшую изъ-за грознаго вопроса: кто осмѣлился пропустить портретъ Бестужева въ альманахѣ «Сто русскихъ литераторовъ»? Авторъ не упоминаетъ, что высшій чиновникъ III Отдѣленія Мордвиновъ потерялъ изъ-за этого мѣсто. Портретъ былъ вырѣзанъ изъ всѣхъ экземпляровъ сборника и только чрезъ полвѣка въ огромномъ количествѣ появился на толкучкѣ, сохранившись, всетаки, для потомства. По статьѣ цензурнаго устава всѣ книги церковнаго содержанія, хотя бы основанныя на священномъ писаніи и съ текстами изъ него, пропускаются обыкновенною цензурою, а въ духовную отсылаются только—догматическія и церковно-историческія. Но министръ далъ предписаніе, основанное на отношеніи св. синода, чтобы всѣ сочиненія духовнаго содержанія, и какой бы то формы ни было отсылались въ духовную цензуру. «Законъ, изданный державною властью, отмѣнялся оберъ-про-

куроромъ св. синода. Но въ такомъ случаѣ рѣдкую журнальную статью не придется отсылать духовенству. Сдѣлали представленіе министру: чему должно слѣдовать—новому распоряженію, или высочайше утвержденному тексту цензуры?. О томъ, какъ рѣшенъ этотъ вопросъ, Никитенко умалчиваетъ. По случаю смерти начальницы Смольнаго института, Адлербергъ, кавалерственной статсъ-дамы и проч., онъ говоритъ: «она никому не сдѣлала зла, но не сдѣлала также и добра. Она могла бы дать новые штаты институту, о чемъ ей не разъ докладывали, но не сдѣлала этого, боясь быть «докучливою» при дворѣ. Таковы, впрочемъ, царедворцы. Для нихъ приличіе составляетъ высочайшій нравственный законъ. Они думаютъ, что уже много дѣлаютъ, если не дѣлаютъ зла. Впрочемъ, они правы: и то хорошо». Самъ Никитенко взялъ на себя въ этомъ году редакцію «Сына Отечества», за что Смирдинъ назначилъ ему 7.500 рублей.

«Бѣда, когда умъ есть только стремленіе, а не сила,—говоритъ онъ,—есть умы, только стремящіяся, и есть умы дѣйствующіе. Одни захватываютъ себѣ огромное поле, которое не въ состояніи воздѣлывать, это завоеватели обширныхъ пустынь, которыя, ничего не производя, никому не нужны; другіе довольствуются небольшимъ участкомъ, но разрабатываютъ его со стараніемъ. Самый обширный умъ—тотъ, который умѣетъ примѣняться къ тѣснотѣ своего положенія и ясно видитъ то добро, которое можетъ тамъ сдѣлать». И умный малороссъ дѣйствительно умѣлъ примѣняться ко всякому положенію и дѣлалъ въ немъ добро, сколько могъ. Его обязанности сводили его со всѣми выдающимися людьми того времени. Онъ сошелся съ М. И. Глинкой, «котораго необходимо одушевлять и затѣмъ поддерживать въ немъ одушевленіе шампанскимъ», съ К. Брюловымъ, «обращеніе котораго не отличается гибкостью и прелестью, съ Кольцовымъ, котораго развратили «Отечественныя Записки», и онъ началъ бредить субъектами и объектами до того, что Владиміръ Строевъ заподозрѣлъ его въ нетрезвости, а молчаливый и скромный Бенедиктовъ только пожималъ плечами. «Познакомился онъ и съ разными отчизнолюбцами, которые зря громятъ западъ и все, что не отзывается родной поэзіей кнута и штыка». Рѣзкой діаatribой встрѣтилъ онъ 1841 годъ: «Печальное зрѣлище представляетъ наше современное общество. Въ немъ ни великодушныхъ стремленій, ни правосудія, ни простоты, ни чести въ нравахъ. Мелкія души истощаются въ мелкихъ сплетняхъ общественнаго хаоса. Все идетъ на шаромыжку. Умъ и плутовство синонимы. Слова «честный человѣкъ» означаютъ у насъ простяка, близкаго къ глупцу, тоже и «добрый человѣкъ». Образованность наша—одно лицемѣріе. Учимся мы безъ любви къ наукѣ, безъ сознанія достоинства и необходимости истины. Да и зачѣмъ заботиться о приобрѣтеніи познаній въ школѣ, когда наша жизнь и общество

въ противоборствѣ со всѣми великими идеями и истинами, ^{когда} всякое покушеніе осуществить какую нибудь мысль о справедливости, о добрѣ, о пользѣ общей, клеймится и преслѣдуется, какъ преступленіе! Къ чему воспитывать въ себѣ благородныя стремленія? Вѣдь рано или поздно, все равно—придется пристать къ массѣ, чтобы не сдѣлаться жертвою!».

И этотъ же строгій цензоръ нравовъ, какъ цензоръ мысли, находить, что Ольдекопъ пропустилъ безнравственную драму Великопольскаго «Янетерскій» «по непонятному недоразумѣнію». Министръ уволилъ цензора въ отставку и «велѣлъ повсюду отобрать экземпляры пьесы и сжечь. Въ 11 часовъ утра состоялось это аутодафе, при которомъ велѣно было присутствовать мнѣ и Курторгѣ». Гдѣ именно, при чемъ содѣйствіи и при какихъ обстоятельствахъ совершился этотъ торжественный «актъ вѣры» (auto da fe), Никитенко не поясняетъ, но прибавляетъ, что при этомъ были два хорошіе поступка: Великопольскій предложилъ прогнанному по его милости цензору три тысячи рублей, пока онъ прищеть себѣ мѣсто,—черта дѣйствительно рѣдкая, и послѣ только что сказанныхъ авторомъ словъ: «сколько мерзостей совершается въ нашей литературѣ!». Но что еще болѣе удивительно: Ольдекопъ отказался отъ предложенія. Все это время Никитенко, уже заслуженный, выдающійся дѣятель, просилъ графа Шереметева, чтобы тотъ далъ свободу его матери и брату — и все напрасно. «Полумный вельможа имѣетъ право мнѣ отказать,—это называется правомъ! Вся кровь кипитъ во мнѣ; я понимаю, какъ люди доходятъ до крайностей!». Если такъ думалъ цензоръ и разныхъ орденовъ кавалеръ, то можно ли обвинять бѣдняковъ, не выносившихъ гнета своихъ душевладѣльцевъ? Онъ говоритъ также и о даровитомъ живописцѣ изъ крѣпостныхъ, которому графъ Головкинъ тоже ни за что не хотѣлъ дать свободу. Какъ назрѣло и въ то время это большое мѣсто Россіи, доказываютъ частыя выходки Никитенки противъ «отвратительной системы рабства» и внесенные имъ въ дневникъ слухи объ освобожденіи крестьянъ ко дню свадьбы Наслѣдника. «Почему бы Николаю этого не сдѣлать?—говоритъ онъ. Какое лучшее употребленіе можетъ онъ сдѣлать изъ своей самодержавной власти?». Мать и братъ Никитенки получили свободу только вслѣдствіе ходатайства Жуковскаго.

Странно, что въ дневникѣ не говорится ни слова о смерти Лермонтова, какъ не говорилось ни слова о его стихахъ. Что авторъ сочувствовалъ поэту, это несомнѣнно и доказывается напечатаніемъ статьи о его стихотвореніяхъ, написанной и помѣщенной Никитенкомъ въ первой книгѣ «Сына Отечества» за 1841 годъ. Почему же дневникъ молчитъ объ этомъ? Досадные пробѣлы встрѣчаются въ немъ нерѣдко, и авторъ, обѣщая поговорить о чемъ нибудь, часто не исполняетъ своихъ обѣщаній. Не видно, какой ходъ

получаютъ тѣ или другіе его проекты. Такъ, говоря о своемъ проектѣ закона о періодическихъ изданіяхъ и о томъ, что проектъ будетъ читанъ въ слѣдующемъ цензурномъ засѣданіи, онъ не возвращается больше ни къ этому засѣданію, ни къ проекту. Зато онъ подробно излагаетъ свой взглядъ на обязанности профессора и на свои лекціи. Вотъ его основныя положенія: «Главными элементами моей силы я считаю не эрудицію, а мысль и слово, которое дѣйствовало бы на умы и пробуждало въ слушателяхъ стремленіе къ высокому, къ гуманному. Мое естественное влеченіе обратиться каедрѣ въ трибуну. Я желаю больше дѣйствовать на чувство и волю людей, чѣмъ развивать передъ ними теоріи науки. Мнѣ кажется, что я болѣе ораторъ, чѣмъ профессоръ. Познанія у меня средство, а не цѣль». Намъ кажется, это не вполне вѣрная оцѣнка: для профессорства у Никитенки дѣйствительно не доставало систематическаго образованія. Онъ самъ жалуется въ дневникѣ, что не знакомъ съ иностранными языками, и это мѣшаетъ ему дѣлать въ своихъ рѣчахъ сравненія и подтвержденія цитатами древнихъ и западныхъ писателей. Но это незнакомство ведетъ еще къ большому неудобству, заставляя его въ своихъ рѣчахъ выдавать за новыя истины то, что давно уже сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ Европѣ. Онъ не «научовый» человѣкъ, выражаясь языкомъ «Москвитянина», надъ которымъ, какъ и надъ славянофилами, онъ ѣдко подсмѣивается, называя ихъ «выраженіемъ нашей младенчествующей самостоятельности, отчаянными систематиками, признающими, что Западъ гнѣетъ и умираетъ и только въ Россіи можно жить и учиться, такъ какъ это страна благополучія и великихъ убѣжденій». Но если Никитенко не образцовый профессоръ, то онъ и не ораторъ въ европейскомъ значеніи этого слова. «Еслибъ я былъ дѣятель политическій,—говоритъ онъ,—я старался бы, чтобы люди были довольны своимъ внѣшнимъ положеніемъ; но такъ какъ мнѣ это не дано, я долженъ содѣйствовать ихъ внутреннему благоустройству». Но кто же, даже полвѣка тому назадъ, ограничивалъ свои стремленія только внутреннимъ благоустройствомъ? Вѣдь онъ самъ же говоритъ, что изящное—только орудіе, что искусство должно служить человѣчеству, и что надо заботиться не о міровомъ, не о судьбѣ цѣлаго, а о недѣлимомъ, хотя его судьба часто приносится въ жертву цѣлому. «Цѣлое—отвлеченная идея. Не цѣлое живетъ, а живутъ недѣлимые, которыя одни могутъ страдать или не страдать. Заботьтесь же о недѣлимыхъ, а цѣлое всегда будетъ независимо отъ вашей воли... Невѣжество охотно подчиняется вліянію первой силы, которая смѣло сумѣетъ положить на него иго, первой мысли, которая испугаетъ, изумитъ его минутнымъ блескомъ. Время и властолюбцы укрѣпляютъ эту мысль—и вотъ священныя преданія. Но люди просвѣщенные не хотятъ быть управляемы ни произволомъ, ни слу-

чаемъ: они требуютъ законовъ и правосудія. Все общественныя волненія проистекаютъ изъ скрытой борьбы права съ властью, которая не хочетъ знать никакого права или дурно примѣняетъ его». Вотъ противъ такого-то безправія и долженъ вооружиться и ораторъ, и профессоръ, а на томъ и другомъ поприщѣ нельзя довольствоваться однимъ «внутреннимъ благоустройствомъ». Никитенко былъ талантъ самородный, глубокий мыслитель, но его ораторству и профессурѣ мѣшало его цензорство, его «умѣренность и аккуратность», его семинарская подчиненность преданіямъ, схоластическія формы его краснорѣчія, его слишкомъ уступчивый и уклончивый консерватизмъ. И все же въ тяжелое время онъ сумѣлъ возбудить въ сердцахъ уваженіе къ подвигамъ ума и просвѣщенія и «по туманному и безжизненному полю нашего общества прописать нѣсколько свѣтлыхъ, благородныхъ идей». Эти слова гораздо лучше характеризуютъ автора и его эпоху, чѣмъ слѣдующая за ними тирада, полная пессимизма: «Для насъ въ Россіи еще не настала періодъ нравственныхъ потребностей. Общественное устройство подавляетъ всякое развитіе нравственныхъ силъ. Быть солдатомъ, а не человѣкомъ—вотъ наше единственное назначеніе. Возвѣщать науку? Гдѣ потребность въ ней? Она не имѣетъ поддержки въ жизни. Поневолѣ становишься въ ряды шарлатановъ. Особенно моя наука—сухая нелѣпость и противорѣчіе. Я долженъ преподавать русскую литературу, а гдѣ она? Развѣ литература пользуется у насъ правами гражданства? Я обманываю и обманываюсь, произнося слова: развитіе, направленіе, мысль, основныя идеи искусства... это просто говореніе словъ въ воздухъ. Часто я бываю пораженъ глубокимъ, мрачнымъ сознаніемъ моего ничтожества. Кровью сердца написалъ бы я исторію моей внутренней жизни. Проклято время, гдѣ существуетъ выдуманная, официальная необходимость моральной дѣятельности безъ дѣйствительной въ ней нужды, гдѣ общество возлагаетъ на васъ обязанности, которыя само презираетъ».

Въ такое гамлетовское отчаяніе отъ безсилія воли, отъ «горькаго сознанія бесплодно растроченныхъ силъ» добродушный мыслитель впадаетъ, впрочемъ, не часто. Тонъ его дневника преимущественно ироническій, а не патетическій. О примѣрахъ низости онъ отзывается съ насмѣшкой, а не съ негодованіемъ: «Профессоръ И. И. Давыдовъ въ большой милости у Уварова. Онъ добился этого грубою лестью, которую министръ принимаетъ съ простодушіемъ ребенка, чему нельзя не удивляться, ибо у него нельзя отнять ума, если не глубокаго, то сметливаго. Давыдовъ особенно завоевалъ его сердце статью о «Порѣчьѣ», деревнѣ министра, до того льстивою, что она всѣхъ насмѣшила». Уваровъ заставилъ его прочитать двѣ лекціи въ Смольномъ и Екатерининскомъ институтахъ, объявивъ воспитанницамъ, что онѣ услышатъ русскаго Вильмена.

Въ Смольномъ, читая о русской литературѣ, Давыдовъ «отказалъ Державину въ поэтическомъ дарѣ и вовсе не упомянулъ о Пушкинѣ, желая угодить министру, который никакъ не можетъ забыть «Выздоровленія Лукулла». Въ заключеніе Давыдовъ сказалъ, что всему въ Россіи даетъ жизнь и направленіе министерство народного просвѣщенія. И все это въ присутствіи Уварова, который не покраснѣлъ и тогда даже, когда Давыдовъ торжественно заявилъ, что «если сказалъ что нибудь хорошее, то этимъ обязанъ не себѣ, а присутствію его высокопревосходительства», и что самъ онъ, Давыдовъ, «только Мемнонова статуя, возбужденная лучезарнымъ солнцемъ». Послѣ лекціи Уваровъ сказалъ начальницѣ Смольнаго, Леонтьевой: «Вѣдь вы напишете государю о моемъ посѣщеніи?» Затѣмъ онъ уѣхалъ и увезъ съ собой оратора. «А вѣдь и тотъ, и другой слывутъ за умныхъ людей! — прибавляетъ Никитенко. Кромѣ лести, у насъ царствуетъ и протекція. Государь съ негодованіемъ говорилъ о враждебномъ направленіи нашей литературы и о ея нападкахъ на высшіе классы. Цензору Очкину сдѣланъ строгій выговоръ за пропускъ одной статьи въ сборникѣ Кукольника «Сказка за сказкой», гдѣ дворянство наше выставлено съ невыгодной стороны, а цензору Корсакову не сдѣлано даже официальнаго выговора за пропускъ въ сборникѣ Башуцкаго «Наши» статьи «Водовозъ» съ чисто демократическимъ направленіемъ, гдѣ, между прочимъ, сказано, что «народъ нашъ терпитъ притѣсненія и добродѣтель его состоитъ въ томъ, что онъ не шевелится». Бенкендорфъ, призвавъ къ себѣ автора, «сдѣлалъ ему лишь умѣренное увѣщаніе. Хорошо имѣть начальникомъ брата», заключаетъ авторъ, называя П. А. Корсакова—хамелеономъ. Но нельзя не назвать преувеличеннымъ мнѣніе Никитенки, что «у всѣхъ писателей, пишущихъ въ народномъ духѣ, начиная съ Полевого, тайная мысль та, чтобы возбуждать массу». Вѣдь эта масса еще меньше развита, чѣмъ интеллигентные классы, хоть авторъ и говоритъ: «Наше высшее сословіе не имѣетъ никакихъ нравственныхъ опоръ и естественно должно падать съ развитіемъ образованія въ среднихъ и низшихъ классахъ. Кто, напримѣръ, учится въ университетахъ? плебеи, а аристократы только «проходятъ курсъ» для аттестата. Мнѣ памятенъ Пажескій корпусъ, изъ котораго я, не смотря на ласки начальства, ушелъ, потому что не видѣлъ въ аристократическомъ юношествѣ ни малѣйшаго сочувствія ни къ наукѣ, ни къ ея представителямъ». Въ дневникѣ прежнихъ годовъ авторъ не говоритъ ни слова о своемъ приглашеніи въ Пажескій корпусъ, а объясненіе причинъ, почему онъ ушелъ изъ этого привилегированнаго заведенія, было бы, конечно, очень любопытно. Недоволенъ онъ и воспитаніемъ институтокъ: «Съ чѣмъ же онѣ выходятъ въ жизнь? Съ пѣніемъ и плясками, съ очень легкимъ запасомъ познаній, съ привычками къ роскоши и съ совершеннымъ

непониманіемъ жизни, съ незнаніемъ ея темныхъ сторонъ и своихъ обязанностей».

«Четыре бѣдствія постигли Россію въ послѣдней четверти года, — отмѣчаетъ дневникъ: — пожаръ въ Казани, пожаръ въ Перми, крушеніе корабля «Ингерманландія» и приказы Клейнмихеля. Не знаешь, чему больше удивляться въ этихъ приказахъ: цинизму тона и выраженій, или слѣпотѣ произвола, который идетъ напроломъ, не признавая ни обстоятельствъ, ни закона... Плевать въ глаза обществу, издѣваясь надъ тѣмъ, что оно терпитъ, — это ужъ черезчуръ гнушно. Величайшее зло для властителя, когда онъ не имѣетъ около себя людей просвѣщенныхъ и благодушныхъ. На всѣхъ дѣлахъ его лежитъ тогда печать неудачи и его лучшія намѣренія искажаются». И у этого же Клейнмихеля Никитенко обѣдаетъ, преподаетъ въ его училищѣ, расхваливаетъ его любезность, хотя изъ-за него же и въ этомъ году попалъ на гауптвахту. Цензурныхъ курьезовъ было немного: Бенкендорфъ жаловался, что литераторы непристойно бранятся, какъ Булгаринъ въ «Комарахъ». Государь велѣлъ запретить сборникъ Машкова «Сплетни», гдѣ осмѣяны генераль-губернаторъ Эссенъ подъ именемъ «Недремлющаго ока»; но въ концѣ декабря потребовали къ Дубельту Никитенку и Куторгу. — «Ахъ, мои милые, — сказалъ шефъ жандармовъ, — думайте, сколько хотите, вы никакъ не догадаетесь, почему государь не доволенъ вами». Онъ указалъ на два мѣста, отмѣченныя въ повѣсти Ефибовскаго «Гувернантка», въ «Сынѣ Отечества». Въ повѣсти говорилось о фельдъегерѣ, считающемъ себя кавалеристомъ, и о прапорщикѣ путей сообщенія съ огромными эполетами и высокимъ воротникомъ. «Графъ Клейнмихель жаловался государю, что его офицеры оскорбились этимъ», — прибавилъ Дубельтъ. Никитенко замѣтилъ: «Настоящій случай равняется кѣмъ снѣга, свалившемуся на васъ. Противъ такихъ взысканій нѣтъ ни заслугъ, ихъ предупреждающихъ, ни предосторожностей, потому что они выходятъ изъ ряда дѣлъ разумныхъ, изъ круга человѣческой логики». Дубельтъ послалъ виновныхъ къ Бенкендорфу, объявившему имъ съ лицомъ важнымъ и печальнымъ: «государь очень огорченъ и считаетъ неприличнымъ нападать на лица, принадлежащія къ его двору (фельдъегеръ), и на офицеровъ. Я говорилъ все, что могъ, въ вашу пользу, но онъ приказалъ арестовать васъ на одну ночь». Никитенко просилъ представить государю, въ какомъ тяжкомъ затрудненіи находится цензура, рѣшительно не понимающая, чего отъ нея требуютъ, и страдающая только потому, что постороннему лицу вздумается вмѣшаться въ ея дѣла. Въ восемь часовъ вечера осужденные отправились въ Зимній дворецъ къ коменданту, а тотъ препроводилъ Никитенку на сенатскую гауптвахту, а Куторгу — на Сѣнную. Карательный офицеръ распорядился, чтобы первому достали кровать,

и далъ ему на ночь свою шинель покрыться. На утро плацъ-адъютантъ объявилъ, что они свободны.

Никитенко поѣхалъ къ попечителю и «высказалъ ему все, что у него накипѣло на душѣ: съ цензорами обращаются, какъ съ мальчишками или безбородыми прапорщиками, сажаютъ ихъ подъ арестъ за пустяки, не стѣяющіе вниманія, а между тѣмъ возлагаютъ на нихъ обязанность охранять умы и нравы, общественный духъ, законы, наконецъ, самое правительство. Какой же логической дѣятельности можно отъ насъ требовать?». Но логики никто и не требовалъ отъ цензуры, и равенство и братство цензоровъ, писателей и прапорщиковъ передъ гауптвахтой продолжалось вплоть до 1855 года. Уваровъ писалъ Бенкендорфу, прося доложить государю, что министерство въ большомъ затрудненіи относительно цензуры: «люди благонадежные не хотятъ брать на себя этой несчастной должности, и если Никитенко и Куторга остаются еще цензорами, то единственно по просьбѣ министра, который боится, что цензурное дѣло вскорѣ сдѣлается всѣмъ ненавистно. Государь прочелъ это письмо и не сказалъ ни слова. Куторга выразилъ опасеніе, что такой случай можетъ повториться. — Могу васъ увѣрить, — отвѣчалъ министр, — что при первомъ подобномъ случаѣ я подаю въ отставку. Но что же значить замѣна одного лица другимъ тамъ, гдѣ вся система ложная?.. Исторія эта имѣла, однако, эпилогъ въ университетѣ: студенты устроили овацію Никитенкѣ, кричали ему «браво», аплодировали. Государь спросилъ Бенкендорфа, знаетъ ли онъ объ этомъ. Тотъ отвѣчалъ, что считаетъ это мелочью, не заслуживающею вниманія, тѣмъ болѣе, что самъ Никитенко возстановилъ нарушенный порядокъ. «Однако министръ дурно сдѣлалъ, что не увѣдомилъ меня объ этомъ, — замѣтилъ государь: — сказать ему это и подать мнѣ списокъ студентовъ, которые были на лекціи». Тогда новый попечитель князь Григорій Петровичъ Волконскій написалъ заднимъ числомъ донесеніе министру о происшедшемъ въ университетѣ, и оба они положили не доносить объ этомъ государю, какъ о пустякахъ, которыми не стоило его утруждать. Все это Бенкендорфъ передалъ государю со спискомъ студентовъ, и тотъ сказалъ: «если всѣ находятъ это дѣло неважнымъ, то и мнѣ остается тоже дѣлать». Онъ просмотрѣлъ списокъ студентовъ и только замѣтилъ: какъ мало извѣстныхъ именъ. Общественное мнѣніе было, конечно, на сторонѣ Никитенки; всѣ клеймили Клейнмихеля, и на балѣ во дворцѣ многіе изъ знати выговаривали ему. Онъ извинялся передъ Уваровымъ.

Въ томъ же году Никитенко получилъ еще мѣсто преподавателя русской словесности въ римскокатолической духовной академіи, гдѣ «воспитывается до сорока поляковъ съ цѣлью внушить имъ, что папа не долженъ считаться ихъ господиномъ, и что, кромѣ императора, не существуетъ другого главы церкви».

Въ 1843 году вступилъ въ управленіе новый министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, «составившій себѣ прекрасную репутацію въ публикѣ тѣмъ, что строго смотритъ за вѣсами, за мѣрами, за тѣмъ, чтобы русскіе купцы не мошенничали, безъ чего они, впрочемъ, какъ безъ воздуха, не могутъ жить. Вотъ первый министръ, обращающій свою дѣятельность туда, куда надо, то-есть на настоящія народныя нужды. Это привело всѣхъ въ восторгъ. А, кажется, тутъ нѣтъ ничего необычайнаго: это только простое исполненіе своего долга; однако это у насъ величайшая рѣдкость, и никто не заботится о томъ, что бѣдной Россіи ѣсть нечего, что воры-чиновники грабятъ послѣднее достояніе народа, что правды въ ней нѣтъ и проч., и проч.». Своего министра онъ также хвалитъ за то, что втеченіе его десятилѣтняго управленія «ни одинъ человѣкъ не былъ, по его волѣ, преслѣдуемъ за идеи». А какъ же всѣ эти прекращенія журналовъ, высылки редакторовъ, гауптвахты, кара цензоровъ и писателей? «Даже ограниченный князь Ливенъ и тотъ не обошелся безъ того, чтобы не лягнуть нашего образованія, растерзавъ вмѣстѣ съ Адеркасомъ Нѣжинскій лицей. Если мы потеряемъ Уварова, Богъ знаетъ еще какой солдатъ будетъ у насъ командовать умами и распоряжаться воспитаніемъ гражданъ и идей». А между тѣмъ этотъ же министръ, говорившій свои рѣчи по риторикѣ Кошанскаго, повторявшій въ нихъ: «государь и я, я и государь», сдѣлавшій выговоръ Никитенкѣ, зачѣмъ онъ позволилъ автору «Сплетней» Машкову называться Кукуреку, «какъ будто существуетъ законъ, налагающій запрещеніе на то или другое имя», постановилъ «неожиданную, нелѣпую мѣру», предписавъ цензорамъ «быть какъ можно строже», такъ какъ онъ нашелъ въ журналахъ статьи, гдѣ «подъ видомъ философскихъ и литературныхъ изслѣдованій распространяются вредныя идеи». За одно приказано бдительноѣ смотрѣть и за переводами французскихъ романовъ. Но всего лучше и неожиданнѣе были слѣдующія слова министра своему помощнику, князю Волконскому: «я хочу, чтобы наконецъ русская литература прекратилась. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ что нибудь опредѣленное, а главное я буду спать спокойно». За одно уже онъ объявилъ, что «будетъ карать цензоровъ безпощадно». Пріятная перспектива!—прибавляетъ Никитенко, но еще пріятнѣе желаніе, откровенно высказанное русскимъ министромъ просвѣщенія, чтобы русская литература прекратилась. Какимъ образомъ думалъ онъ достигнуть этой блестящей цѣли, ведущей къ спокойному сну, для котораго, повидному, только и назначаются министры? Чѣмъ же лучше такое признаніе Фамусовской мѣры: «забрать бы книги всѣ да сжечь», или Скалозубовскаго назначенія въ Вольтеры фельдфебеля, готоваго мигомъ успокоить всякаго, кто пикнетъ.

Любопытно, что въ то же время Булгаринъ подалъ доносъ на цензуру, на попечителя и на самого министра. Цензурный коми-

теть рѣшился положить конецъ журнальнымъ ругательствамъ, «доходящимъ до отвратительнаго цинизма». Въ «Сѣверной Пчелѣ» Булгаринъ напечаталъ, что Краевскій унижаетъ Жуковскаго, не смотря на то, что Жуковскій—авторъ нашего народнаго гимна «Боже царя храни». Князь Волконскій велѣлъ сообщить Булгарину рѣшеніе комитета не официально, а въ видѣ предостереженія, чтобы тотъ больше не трудился писать такихъ мерзостей, такъ какъ цензура будетъ безжалостно вымарывать ихъ. Булгаринъ написалъ Волконскому дерзкое письмо, гдѣ поднималъ нелѣпное обвиненіе въ томъ, что у насъ существуетъ партія мартинистовъ, положившихъ себѣ цѣлью ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, и что представителемъ этой партіи являются «Отечественныя Записки», а цензура имъ потворствуетъ. Приведя нѣсколько неудачныхъ и совершенно невинныхъ выписокъ изъ журнала, Булгаринъ говорилъ князю: «но съ того времени, какъ вы предсѣдательствуете въ комитетѣ, пропускаются вещи почище и посильнѣе этого». Далѣе расходившійся полякъ упрекалъ министра, что онъ не видитъ того, что у него дѣлается подъ носомъ, и давалъ понять, что онъ или протѣкачъ или покровитель либерализма. Затѣмъ онъ требовалъ назначенія слѣдственной комисіи, передъ которой онъ предстанетъ, «какъ доноситель», для обличенія партіи, колеблющей вѣру и престоль, и будетъ просить государя разобрать это дѣло, а если до государя не дойдутъ отвѣты его, Булгарина, то онъ будетъ просить прусскаго короля довести до свѣдѣнія государя все, что Булгаринъ находитъ нужнымъ сказать «въ огражденіе его священной особы и его царства». Письмо «патріотическаго предателя» заключалось рѣзкою фразою: «я не позволю, чтобы на меня, какъ на собаку, цензура надѣвала намордникъ». Такъ какъ это письмо заключало въ себѣ форменный доносъ по государственному дѣлу, министръ препроводилъ его официально Бенкендорфу, но въ то же время доложилъ государю, что у министра мало власти, и просилъ, чтобы ему дали право немедленно прекращать журналы, найдя въ нихъ что нибудь бранное. Государь отвѣчалъ, что нѣтъ надобности измѣнять цензурныхъ уставовъ, что у цензоровъ достаточно власти: «у нихъ есть карандаши, это ихъ скипетры» (?). Но, прочитавъ письмо Булгарина, онъ отдалъ его Бенкендорфу со словами: «сдѣлай такъ, какъ будто я объ этомъ ничего не знаю и не зналъ». «Тутъ что-то много темнаго»,—прибавляетъ Никитенко.

Другіе цензурные курьезы этого года не важны, хотя также характерны. Фельетониста М. Сорокина по высочайшему повелѣнію посадили на гауптвахту за то, что онъ расхвалилъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» Віардо-Гарсію въ «Севильскомъ цирюльникѣ», когда спектакль былъ отмѣненъ. Оказалось, что за такую ужасную вину гауптвахты недостаточно, и «Инвалиду» запретили вовсе писать о театрѣ, какъ будто газета была виновата въ промахѣ ея сотруд-

ника. Одно высокопоставленное лицо увидѣло въ Варшавѣ пѣвицу Ассандри и захотѣло, чтобы она была въ Петербургѣ. На бѣду она на столько же плохо поетъ, на сколько хороша собою, и ее жестоко ошικάли въ нашей итальянской оперѣ. Въ «Пчелѣ» явилась замѣтка: «Мы не скажемъ объ этомъ представленіи ни слова. Гораздо больше имѣли мы наслажденія въ звѣринцѣ Зама» и т. д. Министръ двора потребовалъ отъ цензуры отвѣта для доклада государю, «на какомъ основаніи осмѣлились пропустить сію неприличную фразу, и кто ея сочинитель?». Комитетъ отвѣчалъ, что цензура не находитъ въ этой статьѣ ничего ни для кого обиднаго, а въ простомъ сближеніи двухъ разнородныхъ предметовъ—оперы и звѣринца, видитъ только дурной вкусъ автора статьи, противъ чего нѣтъ никакихъ цензурныхъ правилъ, а, напротивъ, уставъ требуетъ, чтобы цензора не вмѣшивались въ дѣла личнаго вкуса. Удовольствовался ли этимъ отвѣтомъ высокій покровитель «прелестной и трикраты счастливой Ассандри», какъ ее называетъ Никитенко, неизвѣстно. Но счастье пѣвицы было во всякомъ случаѣ не продолжительно: послѣдній изъ ея трехъ покровителей, начальникъ репертуара Неваховичъ, видя ея фiasco въ Петербургѣ, повезъ ее по окончаніи сезона по Россіи, полагая, что наши провинціи удовольствуются лицеизрѣніемъ красавицы, а не ея пѣніемъ, но вскорѣ же вернулся съ дефицитомъ и безъ успѣха.

Но случилось другое событіе, уже не театральное: въ корпусѣ путей сообщенія мальчишки освистали учителя-офицера, обращавшагося съ ними нестерпимо грубо. «Дерзкая шалость заслуживала школьнаго взысканія. Но какъ же поступили съ неразумными дѣтьми? Шестерыхъ бросили сначала въ какой-то подвалъ, потомъ сбѣкли передъ всѣмъ заведеніемъ, и такъ, что докторъ пересталъ отвѣчать за жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Затѣмъ лишили дворянства, разжаловали въ солдаты и по этапу, какъ колодниковъ, отправили на Кавказъ. Ужасъ и ужасъ! Директоръ заведенія генералъ-лейтенантъ Готманъ уволенъ. Наказаніе дѣтей, какъ будто они были полноправными гражданами и настоящими преступниками, потрясло всѣ умы. Нѣсколько матерей на другой же день взяли изъ корпуса своихъ сыновей. Нѣтъ, тотъ, кто присовѣтовалъ подобную мѣру,—измѣнникъ и врагъ существующаго порядка». Какой-то офицеръ, сеидъ Клейнмихеля, вадумалъ прославить его, напечатать его портретъ.—Вы хотите пустить его въ продажу?—спросилъ Клейнмихель:—ну, такъ ручаюсь вамъ, что за мой портретъ никто гроша не дастъ, и вы останетесь въ убыткѣ. Выходитъ, что онъ и самъ о себѣ раздѣляетъ мнѣніе многихъ о немъ». Начальница Смольнаго монастыря не даромъ говорила Никитенкѣ: «будьте увѣрены, что сила Клейнмихеля будетъ расти по мѣрѣ усиленія къ нему ненависти и презрѣнія въ обществѣ».

Упоминаетъ авторъ и о покушеніи на жизнь государя: «Въ при-

дворной церкви былъ благодарственный молебенъ, также и въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Государь проѣзжалъ мостъ въ Познани и пересѣлъ въ другую карету, не желая встрѣчаться съ какими-то похоронами. Когда экипажи поѣхали по мосту, раздалось семь выстрѣловъ, и семь пуль полетѣли въ карету, гдѣ долженъ былъ находиться государь, но его тамъ не было; оконтузили какого-то писаря». Въ Петербургѣ государь посѣтилъ первую гимназію, и директоръ ея, Калмыковъ, подвергся опалѣ. «Государь пріѣхалъ сердитый. Ему не понравилось лицо одного изъ воспитанниковъ.—Это что за чухонская фізіономія!—воскликнулъ онъ гнѣвно, глядя на него, и сказалъ директору:—у васъ все хорошо по наружности, но что за лица у вашихъ воспитанниковъ! Первая гимназія должна быть первою по всему: у нихъ нѣтъ этой живости, этой полноты, этого благородства, какими, на примѣръ, отличаются воспитанники четвертой гимназіи». Встрѣчаются въ дневникѣ мѣткія, хоть и краткія характеристики. Вотъ, на примѣръ, писатель и чиновникъ Константинъ Степановичъ Сербиновичъ: «Это—маль-человѣчекъ, нѣчто въ родѣ чиновнаго котенка, воспитанникъ іезуитовъ, поборникъ православія, дающаго кресты и большіе оклады, фанатикъ и другъ Карамзинскаго періода, низенькій, чистенькій, акуратненькій, любящій старинный порядокъ, за исключеніемъ, однако, кнута, и потому чиновникъ новой генераціи, почти либераль, называющій всякую новую мысль не православною, а всякій новый оборотъ въ языкѣ, отступающій отъ Карамзинской стрижки,—непонятнымъ». На завтракъ у начальницы Смольнаго монастыря «митрополитъ Антоній—бодрый старикъ: въ выговорѣ его мало-россійское произношеніе, въ фізіономіи что-то добродушно-пошлое. Это—добрый сельскій священникъ, повидимому, готовый побалагурить и повеселиться. Протодьяконъ—гигантъ, геркулесъ, ѣдунъ. Завтракали, впрочемъ, очень умѣренно. Вѣроятно, экономъ положилъ половину завтрака себѣ въ карманъ». О Бѣлинскомъ Никитенко говоритъ только: «онъ уменъ, замѣчанія его часто вѣрны и остроумны, но проникнуты горечью». О Герценѣ только два слова: «замѣчательный человѣкъ».

Отдѣльными мыслями дневникъ богатъ; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Человѣку нужна не столько истина, сколько убѣжденіе. Сколько поколѣній жило, считая за истину нелѣпныя суевѣрія, но они жили хорошо, когда слѣдовали имъ съ сердечною вѣрою и опирались на нихъ всѣми своими нравственными силами. Да и не въ томъ ли состоитъ истина, чтобы вѣрить и дѣйствовать по вѣрѣ? Истина есть то, что есть». Хотя эта мысль и напоминаетъ Гегелевское «что существуетъ, то разумно», но при всей своей парадоксальности она не лишена основанія. Онъ посмѣивается надъ прославленіемъ патріархальнаго быта Россіи: «что за несообразность—семейство, состоящее изъ пятнадцати милліоновъ дѣтей? гдѣ тутъ

семейное право?». «Важную роль въ русской жизни играютъ воровство и такъ называемыя злоупотребленія: это наша оппозиція, нашъ протестъ». Это тоже парадоксъ, хоть и остроумный. «Власть думаетъ, что для нея нѣтъ невозможнаго, что ея воля нигдѣ не встрѣчаетъ сопротивленія. Между тѣмъ, ни одно ея предписаніе не исполняется такъ, какъ она хочетъ. Исполнители притворяются въ раболѣпной готовности все сдѣлать, что отъ нихъ потребуютъ, а на самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаютъ такъ, какъ отъ нихъ требуютъ». Глубокая истина. Съ институтками Никитенко рѣшился окончательно разстаться, убѣдившись послѣ тринадцати лѣтъ службы, что «у него руки опускаются и ему здѣсь дѣлать нечего. Головы дѣвицъ кружатъ красными ливреями да галунами: въ нихъ не развиваютъ ни моральной силы, ни познанія семейныхъ и общественныхъ обязанностей. Въ результатѣ выходитъ, что русское дворянство раститъ своихъ сыновей для розогъ, а дочерей... Не всѣ, конечно, внесутъ въ свои семьи безнравственность, но много времени понадобится, чтобы изъ этихъ выточенныхъ куколъ сдѣлать хорошихъ женъ и матерей». Отставку свою отъ цензурства онъ, какъ говорить, носилъ съ собой въ карманѣ, но не подавалъ ея, находя это еще преждевременнымъ. Съ аудиторской школой онъ не разставался.

Въ 1844 году кievскій генералъ-губернаторъ Бибииковъ пожаловался министру внутреннихъ дѣлъ, что въ «Библиотекѣ для Чтенія» высказывается пристрастіе къ Польшѣ и оскорбленіе малороссійской національности словами, что «народъ ея составился изъ бѣглыхъ польскихъ холопей». Цензурный комитетъ отвѣчалъ, что журналъ относительно малороссійскаго народа высказываетъ только свое личное мнѣніе, въ которомъ каждый воленъ, что въ статьѣ, напротивъ, много мѣстъ, гдѣ Польша порицается, и даже прямо говорится, что «Малороссія никогда не составляла отдѣльнаго политическаго общества, дѣлала много глупостей и зла сосѣдямъ, но все это кончилось, когда она соединилась съ Россіей. Государь прекрасно рѣшилъ это дѣло: если въ статьяхъ журнала заключается ложь, то ее слѣдуетъ опровергнуть литературнымъ образомъ, только безъ брани». Клейнмихель просилъ Никитенку читать лекціи въ корпусѣ путей сообщенія и вообще привести тамъ въ порядокъ преподаваніе. «Это заведеніе, — прибавилъ онъ, — было вертепомъ разврата, разбоя и либерализма. Я уничтожу этотъ духъ». И онъ думалъ обуздать эти никому невѣдомые разбои своею бюрократическою властью. Но «хотѣтъ управлять народомъ посредствомъ одной бюрократіи, безъ содѣйствія самого народа, значить въ одно и то же время угнетать народъ, развращать его и подавать поводъ бюрократамъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ. Есть части правленія, которыя должны непремѣнно находиться подъ вліяніемъ народа или общества. Напримѣръ, часть судебная,

и это можетъ быть достигнуто безъ нарушенія чьихъ либо правъ. Надо только, чтобы власть имѣла меньше эгоизма». О новомъ указѣ касательно взиманія ста рублей за заграничные паспорта онъ выражается также рѣзко, какъ и о другихъ постановленіяхъ: «А если болѣзнь требуетъ поѣздки въ Карлсбадъ или на другія воды? Въ такомъ случаѣ милостиво позволяется больному умирать у себя дома. Приняты все мѣры, чтобы сдѣлать Россію Китаемъ. Мѣра эта крайне не ловкая, не говоря уже о ея насильственности... Вездѣ насилія и насилія, стѣсненія и огражденія, нигдѣ простора бѣдному русскому уму. Когда же и гдѣ этому конецъ?».

Изъ Екатерининскаго института Никитенко, наконецъ, ушелъ. Высшій начальникъ его, принцъ Ольденбургскій, за что-то не любилъ его и за 13 лѣтъ службы «не сказалъ даже простого спасибо». Начальница института уже помимо принца доложила императрицѣ, и та послала ему перстень, который онъ продалъ въ кабинетъ за 800 рублей. Въ обществѣ и цензурѣ надѣлала много шума книга «Продѣлки на Кавказѣ», гдѣ рѣзко обнаружены «безпорядки въ управленіи и разныя административныя мерзости». Военный министръ ужаснулся и сказалъ Дубельту: «Книга эта тѣмъ вредна, что въ ней что ни строчка, то правда». Чернышевъ, конечно, не могъ не считать вредомъ обличеніе военныхъ гадостей. Книгу отобрали въ Петербургѣ, но въ Москвѣ она успѣла разойтись. Никитенко написалъ разборъ ея въ «Отечественныхъ Запискахъ», приведя и выписки. Изъ III Отдѣленія дали знать, что книга запрещена, и слѣдовательно о ней нельзя говорить, а тѣмъ болѣе дѣлать изъ нея выписки. Никитенко опять ждалъ кары, но на этотъ разъ обошлось безъ гауптвахты. Однако, Краевскій долженъ былъ уничтожить разборъ книги въ еще не разосланныхъ экземплярахъ журнала. Ректоръ Петербургской духовной академіи, епископъ Аѳанасій, подалъ доносъ на цензуру за пропускъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» статей о реформаціи, извлеченныхъ изъ исторіи Ранке. «Аѳанасій слыветъ за фанатика, поборника того православія, которое держится не смысла, а буквы религіи. Я говорилъ съ клеветомъ его, нашимъ университетскимъ законоучителемъ Райковскимъ, но не получилъ въ отвѣтъ ни слова путнаго. Онъ только сказалъ: «Въ нашемъ собственномъ духовенствѣ много лицъ, напитанныхъ протестантскими идеями, поэтому надобно преслѣдовать реформацію.

— «Но вѣдь она фактъ,—возразилъ я:—развѣ можно выкинуть его изъ исторіи? Да и что въ немъ общаго съ нашею церковью? А если наши попы склонны къ протестантизму, какое-жъ дѣло до этого свѣтской цензурѣ? Виноваты духовныя власти—зачѣмъ онѣ допускаютъ до этого».

«Бѣда, если монахамъ дать волю,—прибавляетъ онъ,—опять настанутъ времена Магницкаго. Нынѣ и то ужъ слишкомъ много

толкують о православіи, бранятъ Петра Великаго, хотять воскресить блаженныя времена до-петровской Руси и т. д.». О нашихъ клерикалахъ вообще Никитенко, самъ человѣкъ вѣрующій, отзывается такъ: «Они изво всѣхъ силъ хлопчатъ о церкви, а о религіи не думаютъ, ибо у нихъ нѣтъ ея въ сердцѣ. Они не любятъ искренно ни Бога, ни людей, прячутся за народностью, за патриотизмомъ и т. д. Бѣда въ томъ, что многіе считаютъ идею за силу и воображаютъ, что они могутъ дѣйствовать, тогда какъ они могутъ только думать».

Въ слѣдующемъ году вышло высочайшее повелѣніе: «Не дозволять печатать никакихъ статей о постройкахъ по вѣдомству путей сообщенія безъ сношенія съ его главнымъ начальствомъ. У насъ всякій отдѣльный начальникъ,—прибавляетъ Никитенко,—избѣгаетъ гласности и старается окружить непроницаемымъ мракомъ всѣ свои дѣйствія. Такъ, конечно, лучше: во мракѣ все возможно. Чудная это вещь, русская администрація!» Плетневъ, предсѣдательствуя въ цензурномъ комитетѣ, за отсутствіемъ попечителя, первое употребленіе своей власти выказалъ въ притѣсненіи журналовъ: они выходятъ изъ программы, печатая иностранныя романы, когда обѣщали только повѣсти. Никитенко разбилъ его въ комитетѣ, и нелѣпая придирка была отвергнута. Гоголь написалъ Уварову письмо съ благодарностью за полученіе отъ государя денежнаго пособія: «Мнѣ грустно, когда я посмотрю, какъ мало я написалъ достойнаго этой милости,—говорилъ онъ,—все написанное мною до сихъ поръ и слабо, и ничтожно до того, что я не знаю, какъ могу загладить передъ государемъ невыполненіе его ожиданій. Можетъ быть, однако, Богъ поможетъ мнѣ сдѣлать что нибудь такое, чѣмъ онъ будетъ доволенъ». «Печальное самоуничженіе со стороны Гоголя! — прибавляетъ авторъ,—вѣдь это человѣкъ, взявшій на себя роль обличителя нашихъ общественныхъ язвъ и дѣйствительно разоблачающій ихъ не только мѣтко и вѣрно, но и съ тактомъ, съ талантомъ гениальнаго художника. Жаль, жаль!». Въ «Иллюстраціи» Кукольникъ помѣстилъ ребусъ: усердіе безъ денегъ и лачуги не построить. Это очевидно, пародія на извѣстныя слова, данныя въ девизъ Клейнмихелю за постройку Зимняго дворца. Никитенко не пропустилъ разгадки, но она, всетаки, явилась въ журналѣ «по небрежности типографіи». «Литературной Газетѣ» не позволено выходить по три раза въ недѣлю и переставлять статьи съ одного мѣста на другое, на примѣръ, печатать повѣсти въ видѣ фельетона. «И на все это есть важныя государственныя причины! У насъ чрезвычайно богаты на эти причины. Если бы вамъ запретили согнать муху съ носа, это по государственнымъ причинамъ. Вѣдь издалъ же три года навадъ здѣшній генералъ-губернаторъ прокламацію, чтобы дѣти въ одеждѣ не отступали отъ предписанной формы, о которой,

однако, никто ничего не зналъ. Вѣроятно, и на это была государственная причина». Дневникъ этого года, заключающій въ себѣ 8 страницъ, заканчивается эпизодами въ томъ же духѣ мрачнаго пессимизма. «Я начинаю думать, что 1812 годъ не существовалъ, что это мечта или вымыселъ. Онъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ нашемъ народномъ духѣ, не заронилъ въ немъ никакой гордости, самосознанія, уваженія къ самимъ себѣ, не далъ намъ никакихъ общественныхъ благъ. Станный гнетъ, безмолвное раболѣпство—вотъ что Россія пожала на этой кровавой нивѣ. Не фальшь ли все, что говорятъ о народномъ патриотизмѣ? Не ложь ли это, столь привычная нашему холопскому духу? Или нашъ народъ въ самомъ дѣлѣ никогда ничего не дѣлалъ, а за него дѣлали—власть и лица? Неужели онъ всѣмъ обязанъ только тому, что всегда повиновался? Ужасъ, ужасъ! Вотъ уже сколько лѣтъ проработано на нивѣ человѣческихъ бѣдствій, страстей и заблужденій? Какая же жатва?»

Въ дневникѣ 1846 года—двѣ съ половиною страницы. Въ немъ является новый попечитель округа и предсѣдатель цензурнаго комитета. «Что такое Мусинъ-Пушкинъ?—спрашиваетъ Никитенко. Не страдаетъ ли онъ по временамъ умопомѣшательствомъ? Недавно онъ позвалъ къ себѣ нѣсколькихъ учителей гимназій и разругалъ ихъ болванами, дураками, тупыми головами, шутами. И онъ таковъ со всѣми подчиненными. Дамамъ, приходящимъ къ нему съ просьбами, онъ кричитъ: поди вонъ! Словомъ, это звѣрь. Онъ началъ было также обращаться и со студентами, но ему пригрозили, что поколотятъ его. Онъ притихъ. И этого человѣка выбрали попечителемъ университета въ столицѣ! Но опять-таки приходится сказать, что всякое общество управляется, какъ оно того заслуживаетъ. Никто изъ оскорбленныхъ попечителемъ даже не пожаловался министру. Двое, однако, подали въ отставку. Что же онъ дѣлалъ въ Казани 17 лѣтъ, когда здѣсь таковъ? Тамъ терпѣли и сносили. Должно полагать, и у насъ стерпятъ и снесутъ. По цензурѣ онъ ничего не понимаетъ, кричитъ только, что въ русской литературѣ много либерализма. Мнѣнія свои онъ почерпаетъ у Бориса Михайловича Федорова, несчастнаго автора дѣтскихъ книжонокъ, обруганнаго всѣми журналами. Жажда мести увлекла его къ доносамъ, на которые онъ прежде и покушался. Теперь же онъ окончательно опредѣлился въ шпионы къ казанскому хану». Цензоръ Крыловъ пропустилъ книгу «Словарь иностранныхъ словъ», составленную «какимъ-то обществомъ молодыхъ людей». Книгу отобрали у книгопродавцевъ. Вотъ все, что сообщаетъ авторъ о попыткѣ Петрашевскаго провести либеральныя идеи подъ фирмой справочнаго учебника. Полевой, по поводу смерти его, названъ необыкновеннымъ человѣкомъ. Уваровъ пришелъ въ неописанный восторгъ, получивъ графскій титулъ. Никитенко былъ утвержденъ редакторомъ «Современника».

Въ началѣ 1844 года общество занимала исторія со стихами Ростопчиной: «Насильственный бракъ», появившимися въ «Сѣверной Пчелѣ». Эта баллада представляла весьма прозрачную аллегорію отношеній Россіи къ Польшѣ, хотя публика и цензура увидѣли въ жалобахъ молодой жены на барона семейныя дѣла графини и намеки на ея непріязненныя отношенія къ мужу. Государь былъ очень недоволенъ и хотѣлъ запретить Булгарину издавать «Пчелу», но его отстоялъ графъ Орловъ, объяснивъ, что редакторъ не понялъ значенія стиховъ. На это послѣдовалъ очень остроумный отвѣтъ: «если Булгаринъ не виноватъ, какъ полякъ, онъ виноватъ, какъ дуракъ». Но Ростопчину вытребовали въ Петербургъ. Авторъ замѣчаетъ съ ироніей, что «мы напрасно жалуемся на безсодержательность нашей общественной жизни. У насъ есть свои событія и вопросы; умы напрягаются въ сужденіяхъ о важныхъ задачахъ. Вотъ, напримѣръ, теперь весь городъ занятъ толками о казенныхъ воровствахъ. Наши администраторы подняли страшное воровство по Россіи. Высшая власть стала ихъ унимать, а они, движимые духомъ оппозиціи, заворовали еще больше. Сначала председатель здѣшной управы благочинія Клевецкій укралъ полтораста тысячъ рублей сер. Затѣмъ огромную сумму своровали начальники—генералы и полковники—резервнаго корпуса. Они препроводили къ князю Воронцову семнадцать тысячъ рекрутъ безъ одежды и безъ хлѣба, такъ что только меньшая часть ихъ пришла на мѣсто назначенія, остальные перемерли. Генераль Тришатный, главный начальникъ, былъ посланъ разслѣдовать дѣло и донесъ, что все обстоитъ благополучно, и рекруты благоденствуютъ, вѣроятно, на небесахъ, куда они отправились по его милости. И Тришатный, и другіе генералы воровали съ тѣхъ поръ, какъ получали по своему положенію возможность воровать. Еще гвардейскій генераль-любимецъ, красивый, бравый молодецъ (авторъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, замѣняетъ фамилію звѣздочками, забывая, что вѣдь онъ пишетъ исторію своего времени въ назиданіе потомству), растратилъ деньги, принадлежащія экономіи Семеновскаго полка (къ тремъ звѣздочкамъ прибавлено только окончаніе ***—деръ, совершенно напрасно относящееся къ такимъ извѣстнымъ фамиліямъ, какъ Мердеръ, Ребиндеръ и др.). Еще растратилъ деньги одинъ генераль, попечитель Харьковскаго университета. Онъ взялъ 140.000 изъ приказа общественнаго призрѣнія и откровенно признался въ этомъ государю, умирая.

Въ дѣтскомъ журналѣ «Звѣздочка» Кулишъ помѣстилъ краткую исторію Малороссіи съ демократическими и сепаратистскими тенденціями. Рекомендованный Плетневымъ, онъ былъ посланъ академіей наукъ за границу для изученія славянскихъ нарѣчій. Онъ доѣхалъ только до Варшавы, гдѣ его схватили, потому что въ это время въ Кіевѣ было открыто тайное общество, стремив-

шеися къ конфедераціи всѣхъ славянъ, на демократическихъ началахъ, въ формѣ Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Взятъ были и другіе члены общества: Костомаровъ, Шевченко, Гулакъ-Артемовскій. Взяли на границѣ и Чижова, «хитрѣйшаго изъ всѣхъ настоящихъ и будущихъ славянофиловъ», какъ его называетъ авторъ. Но этотъ отдѣлался дешево: его продержали 10 дней въ III Отдѣленіи и выпустили на свободу даже съ его огромной бородой, послѣ того какъ онъ написалъ тамъ откровенную исповѣдь, въ которой сознался сначала «въ заблужденіи относительно соединенія всѣхъ славянъ въ одну монархію подъ скипетромъ Россіи, и это заблужденіе, какъ проистекающее отъ избытка любви, было ему прощено. Затѣмъ онъ явился горячимъ патріотомъ совсѣмъ въ духѣ самодержавія, православія и народности, чуждый всего европейскаго и даже враждебный Европѣ. Онъ въ припадкѣ увлеченія даже воскликнулъ, что Петръ I былъ величайшимъ и опаснѣйшимъ революціонеромъ. Въ заключеніе его почтенные духовники—Дубельтъ и графъ Орловъ, остались имъ вполне довольны. Конечно, въ своей исповѣди онъ не коснулся демократическихъ началъ славянофильской проповѣди и вышелъ совершенно чистымъ и бѣлымъ. По этому поводу въ чрезвычайномъ собраніи университетскаго совѣта читалось предписаніе министра, составленное по высочайшей волѣ и гдѣ объяснялось, какъ надо понимать намъ нашу народность, и что такое славянство по отношенію къ Россіи. «Народность наша состоитъ въ безпредѣльной преданности и повиновеніи самодержавію, а славянство западное не должно возбуждать въ насъ никакого сочувствія. Оно само по себѣ, а мы сами по себѣ. Профессора должны были развивать съ каедръ нашу народность не иначе, какъ по этой программѣ и по повелѣнію правительства. Попечитель объявилъ, что онъ видѣлъ, какъ мы тронуты, ректоръ благодарилъ за довѣріе правительства, увѣрялъ во всеобщемъ усердіи и т. д. И тутъ же цензора поспѣшили запретить остроумную статью Сенковского противъ славянофиловъ, совершенно въ духѣ тѣхъ идей, которыя мы только что слышали въ совѣтѣ. А три дня тому назадъ за такую же точно статью въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскій получилъ въ III отдѣленіи благодарность отъ имени государя. Что за хаосъ, что за смѣшеніе понятій!»

Вслѣдъ затѣмъ Уваровъ предлагалъ, чтобы переводныхъ романовъ цензура не позволяла печатать безъ разрѣшенія попечителя. «Другими словами: цензура уже не читаетъ этихъ произведеній, цензурный комитетъ отмѣняется, и высочайшій законъ не существуетъ. Я говорилъ попечителю о нарушеніи устава, о невозможности исполнять предписаніе министра. Комитетъ положилъ—предписанія не исполнять и все оставить попрежнему, хотя попечитель объявилъ, что надо совсѣмъ вывести романы въ Россіи,

чтобы никто не читалъ ихъ. Я еще не встрѣчался на моемъ служебномъ поприщѣ съ такимъ... Онъ шумить, кричить, размахиваетъ руками, пока не стукнется лбомъ о какую нибудь отчаянную нелѣпость—и тогда уже остановится».

Въ этомъ году у Никитенки умеръ единственный сынъ его, взрослый мальчикъ.

1848-й годъ начался грозой для Краевскаго: у учениковъ Горнаго корпуса найдены либеральныя идеи. Одинъ изъ мальчиковъ сознался, что почерпнулъ ихъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Великій князь Михаилъ Павловичъ призывалъ редактора, «сдѣлалъ ему нѣсколько суровыхъ замѣчаній насчетъ духа журнала и объявилъ, что питаетъ глубокое нерасположеніе ко всѣмъ журналамъ и журналистамъ». О февральской республикѣ во Франціи и революціонномъ движеніи въ Европѣ дневникъ говоритъ, въ концѣ апрѣля, нѣсколько отдѣльныхъ фразъ: «Авторитетъ лицъ уничтоженъ и на мѣсто его водворенъ авторитетъ челоуѣчности. Но по мѣрѣ того, какъ въ Европѣ рѣшаются вопросы всемірной важности, у насъ разыгрывается драма, невыразимо печальная для лицъ, съ нею соприкосновенныхъ: въ качествѣ доносчиковъ и убогихъ литераторовъ, какъ Булгаринъ, Ключниковъ, Ѳедоровъ, выступили лица гораздо болѣе сильныя. Графъ Строгановъ, бывшій попечитель Московскаго университета, движимый злобой на министра Уварова, бывшаго причиною увольненія его отъ должности попечителя, представилъ государю записку объ ужасныхъ идеяхъ, будто бы господствующихъ въ нашей литературѣ, особенно въ журналахъ, благодаря слабости министра и его цензуры. Баронъ М. А. Корфъ, желая занять мѣсто Уварова, представилъ другую такую же записку. Вслѣдствіе этихъ доносовъ учрежденъ былъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ морскаго министра Меншикова: изъ Корфа, Бутурлина, Строганова (брата попечителя), Дегаля и Дубельта, съ цѣлью обузданія литературы и журналовъ. «Чудная эта земля Россія!—говоритъ дневникъ:—полтора ста лѣтъ мы прикидывались стремящимися къ образованію—оказывается, что это было при творство и фальшь; мы улепетываемъ назадъ быстрѣе, чѣмъ когда либо шли впередъ. Бутурлинъ, предлагавшій закрыть университеты, предсѣдатель какого-то высшаго негласнаго комитета въ цензурѣ, дѣйствуетъ такъ, что становится невозможнымъ что бы то ни было писать и печатать. Умному, благородному Далю запрещено писать. «Въ «Москвитянинѣ» помѣщенъ его рассказъ, гдѣ выведена цыганка-воровка. Ее ищутъ, обращаются къ мѣстному начальству, но и оно не находитъ ее. Бутурлинъ доложилъ государю, что Даль «своимъ рассказомъ вселяетъ въ публикѣ недовѣріе къ правительству. Но такъ какъ сочиненіе это не представляетъ ничего вреднаго, то онъ полагалъ бы сдѣлать автору замѣчаніе, а цензору выговоръ. Послѣдовала революція: «сдѣлать и

автору выговоръ, тѣмъ болѣе, что онъ служить». Въ то же время министръ Перовскій, къ которому Бутурлинъ отнесся съ вопросомъ: не служить ли Даль у него въ министерствѣ, предложилъ автору на выборъ: писать—такъ не служить, служить—такъ не писать».

Уваровъ сбросилъ Строганова съ мѣста попечителя, Строгановъ обвинилъ министерство просвѣщенія въ либерализмъ и коммунизмъ, но, бывши еще въ Москвѣ, разрѣшилъ напечатать въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей» переводъ книги Флетчера, гдѣ послѣдній невыгодно отзывается объ Иванѣ IV и объ обрядахъ нашей церкви, что было уже, впрочемъ, напечатано въ запискахъ Бера. «Шевыревъ, нѣкогда ухаживавшій за Строгановымъ, представилъ теперь Уварову, какъ неблаговидно печатать Флетчера, и какъ дурно дѣлаетъ Строгановъ, допуская это, причемъ, какъ это всегда бываетъ на святой Руси, покрѣплялъ свое представленіе завѣреніями въ собственной преданности и усердіи. Уваровъ остановилъ печатаніе и доложилъ государю. Послѣдовало повелѣніе: объявить графу Строганову строжайшій выговоръ чрезъ московскаго генераль-губернатора. Это неслыханный случай съ генераль-адъютантомъ. Закревскій не поцеремонился и послалъ къ Строганову надзирателя, съ приглашеніемъ явиться для полученія выговора. Но дѣло не въ этомъ. Строгановъ, по выраженію Гоголя, нагадилъ Уварову, Уваровъ—Строганову. Это въ порядкѣ вещей на Руси. Но за что погибла книга Флетчера, полезная для нашей исторіи? За что пострадалъ секретарь общества Бодянскій, редакторъ «Чтеній», котораго выслали въ Казань?.. А въ ученомъ и учебномъ кругу вотъ какъ поставлены люди: если ты худо дѣлаешь свое дѣло, тебя выгоняютъ за неспособность; если ты дѣлаешь хорошо, тебя выгоняютъ за то, что ты человѣкъ способный. Какъ же тутъ быть? Въ средніе вѣка жгли за идеи и мнѣнія, по крайней мѣрѣ, каждый зналъ, что можно и чего нельзя». Стало быть, въ средніе вѣка жить было лучше?—можно бы спросить при этомъ профессора-пессимиста. Въ этомъ мѣстѣ его дневника очень много точекъ, и афоризмы его очень отрывочны и туманны. «Событія на Западѣ вызвали страшный переполохъ. Произволь въ апогеѣ. Никогда еще не почитали его столь законнымъ, какъ нынѣ. Наука блѣднѣетъ и прячется. Невѣжество возводится въ систему. И теперь уже простодушные люди твердятъ: видно, наука и впрямь дѣло нѣмецкое, а не наше. Дѣло нѣмецкое, и на западѣ идетъ назадъ».

Молодой магистръ Варнекъ защищалъ въ университетѣ диссертацию «О зародышѣ слизняковъ», наполненную иностранными научными терминами, такъ какъ у насъ свои еще не выработались. Профессоръ Шиховскій вывелъ изъ этого заключеніе, что Варнекъ не любитъ своего отечества, презираетъ свой языкъ и

склоненъ къ матеріализму. Диспутантъ, пораженный такимъ способомъ опроверженія, не нашелся, что отвѣчать, и диссертация была забракована. «Какой-то негодяй Ар—въ (даже и мошенникъ не названъ полнымъ именемъ), рязанскій помѣщикъ, промотавшій свое состояніе, пріѣхавъ въ Петербургъ, объявилъ, что ему извѣстно существованіе заговора противъ правительства, и онъ откроетъ участниковъ, если ему дадутъ средства, то-есть, деньги. Ему дали ихъ, и онъ началъ задавать пиры въ трактирахъ, гдѣ, напоивъ гостей, тутъ же передавалъ ихъ въ руки переодѣтыхъ жандармовъ. Такимъ образомъ было перехвачено человѣкъ семьдесятъ, пока узнали, что Ар—въ плутъ и вориска».

Въ 1849 году Никитенко не упоминаетъ вовсе о дѣлѣ Петрашевскаго, за то подробно говорить о дѣлѣ Магницкаго, которое ему удалось прочесть. Этотъ изувѣръ ввелъ въ университетѣ слѣдующую дисциплину: во время обѣда, очень плохого, читались молитвы. Студентъ, въ чемъ нибудь провинившійся, назывался грѣшникомъ. Его отводили въ комнату уединенія, гдѣ не было ничего, кромѣ распятія и картины страшнаго суда. Къ нему посылали священника, передъ которымъ онъ долженъ былъ принести покаяніе. Затѣмъ его пріобщали. Студенты во время общихъ молитвъ молились за грѣшника. Двухъ молодыхъ людей Магницкій отдалъ въ солдаты за то, что отъ нихъ пахло виномъ. Назначенныя для учебныхъ пособій пять тысячъ рублей украсть. Дѣйствовалъ произвольно, предписаній министра не исполнялъ. О профессорѣ Куницкомъ писалъ, что видитъ въ немъ «орудіе врага Божія, потрясающее Неаполь, Мадридъ, Туринъ, Лисабонъ, внушающее Каннингу его политику и вооружающее до 200.000 штыковъ и 200 линейныхъ кораблей». О философіи онъ говоритъ, что «преподаваніе этой науки невозможно безъ пагубы религіи и престола». Это мнѣніе представлено на обсужденіе главнаго управленія училищъ. Болѣе умные письменные отзывы по этому дѣлу дали Муравьевъ-Апостоль, Крузенштернъ, Мартыновъ, самые нелѣпые—Карнѣевъ и Ширинскій-Шихматовъ. Карнѣевъ, бывшій харьковскій попечитель, осуждалъ философію за то, «что она ни во что ставитъ чорта и волшебниковъ, отрицая ихъ существованіе, тогда какъ чортъ и колдуны много бѣдъ производятъ на свѣтѣ». Нѣкоторые члены правленія видѣли даже въ логикѣ И. И. Давыдова безбожныя мысли, другіе нашли ее только темною и неудобною для преподаванія, и потому было рѣшено исключить ее изъ числа учебныхъ книгъ, а цензурѣ сдѣланъ выговоръ за пропускъ ея. Въ статьяхъ историка С. М. Соловьева, хотя и «признанныхъ благонамѣренными и не вредными, Бутурлинъ нашелъ, что не слѣдовало говорить о Болотниковѣ!! Цензору велѣно сдѣлать замѣчаніе. Цензоръ Мехелинъ вымарываетъ изъ древней исторіи имена всѣхъ сражавшихся за свободу отечества или бывшихъ

республиканцами. Мусинъ-Пушкинъ, сдѣланный сенаторомъ, говорилъ, что, «читая сенатскія записки, онъ приходитъ въ ужасъ отъ безпорядковъ и злоупотребленій, свирѣпствующихъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Онъ еще новичокъ въ этой сферѣ, и потому его поражаетъ гнилая атмосфера». Куторга отставленъ отъ цензорскаго званія и посаженъ на десять дней на гауптвахту за пропускъ мистическихъ нѣмецкихъ стиховъ, относящихся къ 1847 году. «Великій инквизиторъ Бутурлинъ нашель въ стихахъ неблаговидные намеки, не согласные съ нашею народностью. Развѣ можно кого нибудь обвинять такимъ мистическимъ образомъ? Самаринъ посаженъ въ крѣпость за то, что, служа въ Ригѣ, вздумалъ описать состояніе остзейскихъ нѣмцевъ и управление ими. Пожаловался генераль-губернаторъ А. А. Суворовъ. Самаринъ, впрочемъ, былъ скоро выпущенъ, послѣ бесѣды съ государемъ, который сказалъ ему, между прочимъ: «Пятая глава твоего сочиненія могла бы произвести новое четырнадцатое декабря. Ты пустиль въ народъ опасную идею, толкуя, что русскіе цари со временъ Петра Великаго дѣйствовали только по внушенію и подъ вліяніемъ нѣмцевъ. Если эта мысль пройдетъ въ народъ, она произведетъ ужасныя бѣдствія». Другой славянофилъ И. С. Аксаковъ три дня просидѣлъ въ III отдѣленіи, гдѣ долженъ былъ дать письменный отчетъ объ образѣ своихъ мыслей.

Въ 1850 году является новый министръ просвѣщенія Ширинскій-Шихматовъ и новый товарищъ его Норовъ. Никитенко ничего не говоритъ объ отставкѣ Уварова и причинахъ ея, и начинаетъ дневникъ этого года только извѣстіемъ, что министръ утвердилъ его ординарнымъ профессоромъ русской словесности. Положено преподаваніе философіи въ университетахъ ограничить логикой и психологіей, поручивъ то и другое духовнымъ лицамъ. Блудовъ настаивалъ, чтобы читалась и исторія философіи, министръ не согласился, ссылаясь на то, что «польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ». Новый предсѣдатель негласнаго комитета Ник. Ник. Анненковъ, замѣнившій Бутурлина, прислалъ въ цензурный комитетъ запросъ: «Вышла гадальная книга, кто ея авторъ, и почему онъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на людей. Комитетъ отвѣчалъ, что книгу эту напечаталъ сотымъ изданіемъ какой-то книгопродавецъ, а почему онъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на людей, это комитету неизвѣстно». Анненковъ набралъ въ разныхъ книжкахъ и журналахъ шестнадцать обвинительныхъ пунктовъ противъ литературы и приготовилъ докладъ. М. А. Корфъ успѣлъ доказать нецѣпность этихъ придиорокъ, но принужденъ былъ уступить въ двухъ пунктахъ. Онъ говорилъ, что «все, происходящее въ негласномъ комитетѣ, приводитъ его въ омерзѣніе, и онъ давно бы бѣжалъ оттуда, если бы не надежда—иногда что нибудь сдѣлать въ пользу преслѣдуемыхъ». Учреждено

новое цензурное вѣдомство для учебныхъ и всякихъ книгъ, относящихся къ ученію и воспитанію. Никитенко насчитываетъ двѣнадцать отдѣльныхъ цензуръ и говорить, что число лицъ, завѣдующихъ ими, больше числа книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года. Корпусное начальство нашло, что военно-учебныя программы Ростовцева неосуществимы. «Роль Якова Ивановича постоянно какая-то двойственная»,— прибавляетъ Никитенко. Новое постановленіе о чиновникахъ: начальство имѣетъ право исключить чиновника изъ службы «за неблагонадежность, или за проступки, которыхъ доказать нельзя, не изясняя ему даже причинъ его увольненія и не принимая отъ него никакихъ объясненій и оправданій», тогда какъ и преданный уголовному суду имѣетъ право оправдываться. Въ постановленіи предусмотрена возможность злоупотребленія власти со стороны начальниковъ и, всетаки, ничего не сдѣлано для ограниченія ихъ права—самовольно рѣшать судьбу людей. Въ гимназіяхъ приказано учить фронту.

Дневника за 1851 годъ въ бумагахъ автора вовсе не оказалось. Въ 1852 году все тѣ же цензорскіе курьезы. Въ книгѣ археолога Ал. Уварова цензоръ замѣнилъ въ переводѣ греческой надписи слово демось—народъ, словомъ «граждане» и не позволялъ говорить о римскихъ императорахъ, что нѣкоторые изъ нихъ были убиты, а замѣнилъ это глаголомъ «погибли». «Петербургскія Вѣдомости», говоря о новомъ танцѣ «Мазепа», выдуманномъ въ Парижѣ, замѣтили, что этотъ танецъ, вѣроятно, распространится. Министру показалось, что тутъ скрывается насмѣшка надъ Россіей. Онъ призвалъ Очкина и сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ, съ угрозой отдать подъ судъ. Подвергнуты запрещенію Кантемиръ и двѣ басни Хемницера. На докладѣ главнаго управленія цензуры написано: «Согласенъ. Кантемира во всякомъ случаѣ нѣтъ пользы печатать, онъ только занимаетъ мѣсто на заднихъ полкахъ бібліотекъ». Въ статьѣ Никитенки о Жуковскомъ Фрейгангъ потребовалъ замѣнить слова «движеніе умовъ». Елагинъ не пропустилъ въ физикѣ выраженія «силы природы». На гауптвахту попадали не одни писатели и цензора: посаженъ генераль, оберъ-аудиторъ, тайный совѣтникъ и александровскій кавалеръ, Ноинскій, за ошибку писаря, принявшаго восьмидѣтнее пребываніе одного подсудимаго въ дворянскомъ полку за службу въ дѣйствительномъ полку. Кажется, и статсъ-секретарь Гавріиль Степановичъ Поповъ посаженъ на гауптвахту почти за такую же ошибку, какъ въ дѣлѣ Ноинскаго. Въ обществѣ ходили толки о странной исторіи въ Одессѣ. Предсѣдатель тамшняго комерческаго суда Гамалей забралъ у казначея казенныхъ денегъ до ста тысячъ рублей подъ обыкновенныя росписки. Когда казнокрада не выбрали вторично въ предсѣдатели, онъ принесъ казначею пакетъ будто бы съ деньгами, требовалъ свои росписки, бросилъ ихъ въ каминъ, а когда казначей вмѣсто

асигнацій нашель въ пакетѣ простую бумагу, предложилъ ему отравиться, но тотъ открылъ все дѣло.

О Гоголѣ, по поводу его смерти, Никитенко отзывается безъ особенной симпатіи, хотя и говоритъ, что онъ «много пробудилъ въ обществѣ идей самопознанія и былъ одною изъ сильныхъ опоръ партіи движенія свѣта и мысли. «Нѣтъ, не религиозное чувство одушевляло Гоголя, когда онъ рассказывалъ знакомымъ, что лукавый внушилъ ему сначала сжечь нѣкоторыя бумаги, а потомъ такъ его подзадорилъ, что онъ сжегъ всё. Это или душевная болѣзнь, или просто тревога слабой души, не способной вынести величія мысли и изнемогающей подъ бременемъ своихъ полувѣрваній и полубѣжденій». Но зато онъ съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ заключенію Тургенева, по высочайшему повелѣнію, на мѣсяцъ на съѣзжую, за статью о смерти Гоголя. Къ этому событію Никитенко возвращается нѣсколько разъ, посвящая ему противъ своего обыкновенія не нѣсколько строкъ, а цѣлыя страницы. «Въ Тургеневѣ хотѣли, конечно, заклеить званіе литератора,—говоритъ онъ:— но онъ, кромѣ того, еще чистокровный русскій дворянинъ, и унижительное наказаніе, какому его подвергли, едва ли произведетъ на публику то впечатлѣніе, на какое рассчитывали. Въ немъ одновременно оскорблены чувства дворянства и всѣхъ образованныхъ людей. Продержавъ его въ настоящей съѣзженской тюрьмѣ мѣсяцъ, велѣно потомъ выслать изъ столицы въ деревню, подъ надзоръ полиціи. Вообще такія мѣры никогда не препятствуютъ распространенію идей. Болѣе того, одна такая мѣра опаснѣе десяти напечатанныхъ либеральныхъ статей. Не слѣдуетъ плевать въ глаза уму, хотя бы онъ и заблуждался, и наказаніе не должно превращать въ обиду. Страшное, удручающее впечатлѣніе произвела на меня бѣда, стрясаяся надъ Тургеневымъ. Давно не помню, чтобы меня что нибудь такъ трогало и огорчало. Сознаю, что тутъ нѣтъ еще ничего необычайнаго, что Тургеневъ вовсе не мученикъ за истину, что, назвавъ Гоголя великимъ, онъ въ сущности терпитъ и не за идею, а за риторическую фигуру. Но тѣмъ хуже, тѣмъ сильнѣе поражаетъ меня безпомощность мысли въ настоящее время. Тургеневу даже не объявлено, за что онъ посаженъ на съѣзжую. Онъ узналъ объ этомъ только отъ посѣщавшихъ его друзей. Онъ съ большой похвалой отзывается о вѣжливомъ, даже почтительномъ обращеніи съ нимъ полиціи. Частный приставъ просто удивилъ его гуманностью: онъ изъ воровской тюрьмы перевелъ его въ чистую, свѣтлую, просторную горницу. Впечатлѣніе на всѣхъ отъ заключенія Тургенева самое тяжелое. Даже если и считать его виноватымъ, то вина его совсѣмъ потонула бы въ несоизмѣрности наказанія. Въ повелѣніи полиціи арестовать Тургенева выставили причиною не статью его, а то, что, «не смотря на объявленное помѣщику Тургеневу запрещеніе, онъ осмѣлился напечатать свою

статью въ Москвѣ». Но вотъ этого-то объявленія и не было. Предсѣдатель цензурнаго комитета просто объявилъ, что не будетъ пропускать статей въ пользу Гоголя, «лакейскаго писателя». У Тургенева не требовали никакихъ объясненій, никто его не допрашивалъ, а прямо подвергли наказанію. Причиною всей бѣды было донесеніе Мусина-Пушкина, подвигнутаго на это Булгаринымъ.

Вышелъ новый уставъ о пенсіяхъ по учебному вѣдомству, года три ходившій по разнымъ мытарствамъ. Сначала проектъ сочинялъ Блудовъ. Онъ, между прочимъ, проводилъ мысль, что пенсія не вознагражденіе за службу государству, а милость правительства, и поэтому ее слѣдуетъ назначать только по личному усмотрѣнію властей, соображаясь съ общественнымъ положеніемъ лицъ. «А вѣдь Блудовъ вовсе не злой человѣкъ и считается однимъ изъ образованнѣйшихъ государственныхъ людей. Знающіе его близко, правда, считаютъ его поверхностнымъ, болтливымъ, охотникомъ до беспочвенныхъ идей и до воздушныхъ замковъ, которые онъ принимаетъ за гениальныя созданія мысли. По части законодательныхъ работъ главный авторъ ихъ Губе. Проектъ Блудова о преобразованіи университетовъ замѣчательный хаосъ». Нынѣшній уставъ принадлежитъ Ростовцеву. Многіе предлагали вовсе уничтожить преимущества пенсій для ученыхъ: «ибо что такое ученые? Они служатъ въ день всего два-три часа, читая на кафедрѣ. Если пенсіи эти не совсѣмъ обрѣзаны, то благодаря только заступничеству наследника». Дневникъ оканчивается описаніемъ обѣда у Панаева, гдѣ были: «М. Н. Лонгиновъ, авторъ стихотвореній, замѣчательныхъ по формѣ, но отвратительныхъ по цинизму, Дружининъ, Некрасовъ, Гаевскій. Читали «Парголовскія элегіи», во вкусѣ Баркова. Авторы ихъ превзошли самихъ себя по цинизму образовъ. Вотъ гдѣ теперь надо искать русскую литературу. Неужели это весело, господа?»...

1853 годъ начинается воровствомъ Политковского. Въ Кіевѣ уѣздный казначей укралъ 80.000 рублей и бѣжалъ за границу, оставивъ записку, что беретъ эти деньги за двѣнадцатилѣтнюю службу. «Дѣйствія цензуры превосходятъ всякое вѣроятіе. Ахматовъ остановилъ печатаніе одной ариеметики, потому что въ одной задачѣ былъ цѣлый рядъ точекъ. Онъ подозрѣваетъ здѣсь какой-то умыселъ. Елагинъ не пропустилъ въ географической статьѣ, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ, и потребовалъ, чтобы это было подтверждено со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Пейкеръ не пропустилъ метеорологической таблицы, гдѣ числа мѣсяцевъ выставлены по старому стилю надъ строкой и по новому—подъ строкой, и потребовалъ, чтобы новый стиль стоялъ вверху строки, а старый внизу. А для этого надо было перепечатывать всѣ таблицы, и никто не нашелся замѣтить строгому цензору, что, ставя новый стиль на верхнее мѣсто, онъ поступаетъ не патріотично... Адъюнктъ

Милютинъ задавалъ студентамъ темы по исторіи русскаго права. Одна изъ нихъ: «показать, на основаніи лѣтописей, какія у насъ были совѣщательныя лица при князьяхъ и какъ они назначались», признана была либеральною «важнымъ лицомъ». «Послѣ этого,—замѣчаетъ Никитенко,—на лекціяхъ нельзя слова сказать безъ опасенія, что самую простую мысль сочтутъ за либеральную». Норовъ не нашелъ въ темѣ ничего «неблагонамѣреннаго» и обѣщаль поговорить съ министромъ. Сенковскому велѣно сдѣлать строжайшій выговоръ за рецензію «Процилей», со внушеніемъ черезъ министра, что «такія статьи не только не приносятъ пользы литературѣ, но напротивъ вредятъ ей». Булгарину строжайшій выговоръ за статью объ извозчикахъ.

О Ширинскомъ-Шихматовѣ по поводу его смерти Никитенко говоритъ: «онъ былъ добръ, справедливъ, простъ и доступенъ. Постъ министра засталъ его врасплохъ. Онъ самъ сознавалъ свою несостоятельность въ этомъ отношеніи. На его долю выпало управлять министерствомъ въ тяжелое время, когда противъ просвѣщенія возстали, съ одной стороны, поборники до-петровской тьмы, а съ другою—смущенное правительство терялось и не знало, чего ему держаться. Князь не имѣлъ достаточно ни нравственнаго, ни гражданскаго мужества, чтобы бороться противъ возставшихъ стихій. Онъ не имѣлъ никакого вѣса даже въ глазахъ своихъ подчиненныхъ. На него смотрѣли съ пренебреженіемъ—естественнымъ слѣдствіемъ его политическаго безсилія». Онъ самъ говорилъ Норову во всѣхъ случаяхъ, когда требовалось энергическое дѣйствіе: «да будетъ вамъ извѣстно, что у меня нѣтъ ни своей мысли, ни своей воли. Я только слѣпое орудіе воли государя». О другомъ министрѣ Вронченко, умершемъ незадолго передъ тѣмъ, авторъ отзывается гораздо короче: «онъ былъ человѣкъ рутинны; его цѣнили за безмолвную исполнительность; съ подчиненными онъ былъ грубъ и циникъ въ жизни». О смерти Жуковскаго говорится только нѣсколько словъ, по поводу статьи, написанной о немъ авторомъ. Говоритъ онъ и о своихъ дѣлахъ и все собираетъ оставить Клейнмихеля и аудиторское училище, съ которымъ возится уже 21 годъ. Онъ долженъ былъ принять урокъ у Бернадаки, иначе не могъ бы переѣхать на дачу, и не разъ жалуется на свои стѣсненныя обстоятельства, когда, казалось бы, при этомъ множествѣ лекцій и занятій только стоило обирать деньги. Военный министръ представляетъ его въ дѣйствительные статскіе совѣтники, но государь отвѣчалъ, что еще рано. Министръ замѣтилъ, что онъ уже девять лѣтъ статскій совѣтникъ, а его величество повторилъ: всетаки рано еще. И впрямь рано: ну, какой я въ самомъ дѣлѣ генералъ?—спрашиваетъ Никитенко тономъ наивнаго простодушія или простодушной наивности. Академія наукъ избрала его членомъ-корреспондентомъ. Хлопоталъ онъ также о какомъ-то важномъ мѣстѣ по министерству

финансовъ и даже получилъ на это разрѣшеніе министра просвѣщенія, но о результатахъ своей попытки не говорить ни слова.

О политическихъ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ, о начавшейся войнѣ, помѣщены въ концѣ октября только слѣдующія три строки: «Война. Говорятъ, турки перешли Дунай или заняли на немъ островъ, который командуетъ переправой. Наша флотилія, по слухамъ, пострадала на Дунаѣ». Замѣчательно также равнодушіе интеллигентнаго человѣка къ событіямъ, потрясавшимъ Европу. О венгерской войнѣ въ дневникѣ не было ни одного слова, но и о войнѣ Россіи съ четырьмя державами въ 1854 году нѣтъ ни одной строки. Весь дневникъ этого года наполненъ мелкими цензурными, университетскими и личными замѣтками. Какой-то архіерей нашель, что въ рѣчи автора на актѣ «мало религіознаго. — «Вѣрно, онъ ждалъ услышать съ кафедры университетской отрывокъ изъ Четьи-Минеи или Патерика?» — спрашиваетъ Никитенко. Въ «Саратовскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» напечатано нѣсколько народныхъ пѣсенъ не совсѣмъ нравственнаго содержанія. Негласный комитетъ, управляемый Корфомъ, донесъ объ этомъ государю. Велѣно: губернатору сдѣлать выговоръ, а директора гимназій, цензуровавшаго газету, выдержать мѣсяцъ на гауптвахтѣ и спросить у министра: благонадеженъ ли онъ продолжать дальше службу? Еще Ширинскій-Шихматовъ исходатайствовалъ повелѣніе — считать сборники за журналы. Теперь Татьяна Петровна Пассекъ задумала издать педагогическій сборникъ для юношества. Пришлось испрашивать высочайшее разрѣшеніе. Послѣдовала резолюція: «и безъ того много печатается». Въ «Москвитяинѣ», въ повѣсти Лихачева «Мечтатель», «три-четыре мѣста лучше бы не пропускать», но цензора Похвисневъ и Ржевскій пропустили ихъ, и министръ уволилъ ихъ въ отставку. «Норовъ поступаетъ съ цензурой ничуть не лучше, чѣмъ его робкій и неспособный предшественникъ. Онъ привязывается къ самымъ невиннымъ фразамъ, и стѣбитъ только комунибудь, Комаровскому или Волкову, указать на самое безупречное мѣсто въ журналѣ, тотчасъ готовъ выговоръ». Объ этихъ клеветкахъ министра авторъ выражается рѣзко: «удивительные люди эти директора канцелярій! Никто уже и не ждетъ отъ нихъ ни ума, ни сообразительности, ни государственной смѣтливости, но они не умѣютъ даже толково составить бумагу. Вотъ хоть бы директоръ министерской канцеляріи Берте (умершій въ нынѣшнемъ году и давно всѣми позабытый). Всѣ серьезныя дѣла, проходящія черезъ его руку, цѣликомъ передѣлываются мною или министромъ. А между тѣмъ какое чванство, высокомеріе, какое презрѣніе къ наукѣ и ея представителямъ! Другой, П. И. Гаевскій, бывший цензоръ, тайный совѣтникъ, смотрящій въ товарищи министра, что называется — почтенный человѣкъ, то-есть, когда говоритъ, не кричитъ, не машетъ руками, не пьетъ, не волочится, не воруетъ и — не

имѣть собственнаго мнѣнія. Онъ резонабеленъ, ходитъ ощупью, все чего-то боится, во всѣмъ сомнѣвается, ничего не видитъ дальше своего директорскаго носа, который очень коротокъ. Но этотъ, по крайней мѣрѣ, не надувается, добросовѣстно стряпаетъ свои бумаги на канцелярской кухнѣ, гдѣ готовится изъ нихъ департаментскій винегретъ отношеній за нумерами». Такихъ мѣткихъ характеристикъ у Никитенки не мало. «Ив. Ив. Давыдовъ, сей великій ловець земныхъ благъ, получилъ Владимірскую звѣзду и совѣмъ помутился отъ радости. Для поощренія начальства къ доставленію ему вящихъ наградъ, онъ придумалъ слѣдующее. Съ большимъ шумомъ словъ онъ подалъ министру сообщеніе, что педагогическій институтъ весь рѣшается стать подъ ружье и просить, чтобы его немедленно же начали учить военнымъ эволюціямъ. Министръ не зналъ, что дѣлать съ такимъ радикальнымъ усердіемъ. А Иванъ Ивановичъ хлопочетъ только объ одномъ, чтобы это дошло до государя. Норовъ распорядился прекрасно: онъ далъ этому характеръ ребяческаго усердія и въ такомъ тонѣ передалъ дѣло наслѣднику, замѣтившему: «да вѣдь намъ нужны также и педагоги». Онъ выразилъ также удовольствіе, что Норовъ не далъ этому officialнаго хода. Такъ Иванъ Ивановичъ и остался, какъ говорится, съ носомъ». Въ комитетъ для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ было представлено новое изданіе «Исторіи» Смарагдова. Давыдовъ, какъ предсѣдатель комитета, потребовалъ исключить изъ книги все, что касается Магомета, такъ какъ «онъ былъ негодяй и основатель ложной религіи». Члены изумились, профессоръ Фишеръ сказалъ: «чего же вы хотите, ваше превосходительство? Чтобы учащіеся исторіи не знали того, что происходитъ на свѣтѣ? Какую же вѣру исповѣдуютъ магометане? Неужели наука состоитъ въ томъ, чтобы завѣдомо распространять ложь?» Давыдовъ долженъ былъ взять назадъ свое предложеніе.

Вотъ характеристика поэтесы Павловой: «Каролина Павловна, написавшая «Разговоръ въ Кремлѣ», ужасно хвастается фразой: «пусть гибнуть наши имена — да возвеличится Россія!» Любовь къ отечеству чувство похвальное, но выраженіе этой любви хорошо, когда оно не пустая фраза. Сказать: пусть гибнуть наши имена, лишь бы возвеличилось отечество, значитъ сказать великолѣпную нелѣпность. Отечество возвеличивается именно своими избранными, доблестными, даровитыми сынами, которые не гибнутъ безъ смысла, безъ достоинства, безъ самоуваженія. Оно первое чтитъ сильныя имена этихъ сыновъ, сохраняетъ ихъ въ своей благодарной памяти, гордится ими, указываетъ на нихъ грядущимъ поколѣніямъ, какъ на образецъ для подражанія. То, что говоритъ Павлова,—гипербола и фальшь. Она не безъ дарованія, но особа крайне напыщенная, навязчивая и единственный предметъ ея разговора—она сама и ея стихи». По поводу ея авторъ говоритъ о размножившихся

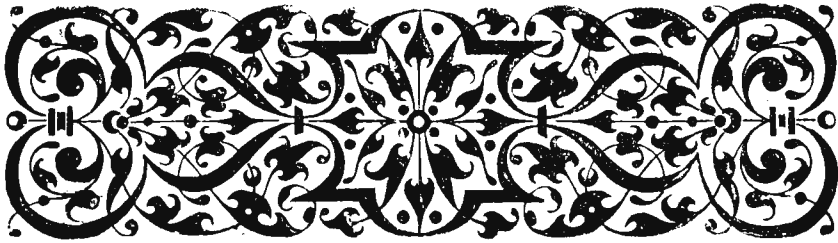
патріотическихъ стихотвореніяхъ. «Всѣ эти поэты,—говорить онъ,—вдохновляются не столько патріотизмомъ, сколько вождельніемъ къ перстнямъ, табакеркамъ и т. п. Вѣрноподданническія изліянія повергаются къ стопамъ монарха въ надеждѣ получить желаемые плоды». Пессимизмъ продолжаетъ попрежнему прорываться на страницахъ дневника: «Полуобразованность—наше бѣдствіе, говоритъ онъ. Отсюда лживость и поверхностность—эти два бича, удручающіе наше образованное общество. Истинная человѣчность въ томъ, чтобы въ каждомъ человѣкѣ уважать его особенности, его личность, права, призваніе и убѣжденія, если они разумны и законны, и прощать ему, если они неразумны. Но чѣмъ больше узнаешь людей, тѣмъ менѣ находишь ихъ достойными уваженія, и тѣмъ труднѣе становится имъ прощать».

Дневникъ 1855 года прерывается на 18 февраля. Вотъ его послѣднія строки: «Государь скончался! Его убила эта несчастная война. Начиная ее, онъ не предвидѣлъ, что она превратится въ такое бремя, какого не вынесутъ ни его нравственныя, ни физическія силы. Длинная и, надо сознаться, безотрадная страница въ исторіи Русскаго царства дописана до конца. Новая страница перевертывается въ ней рукою времени. Какія событія занесетъ въ нее новая царственная рука, какія надежды осуществить она?»...

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Вл. Зотовъ.

ДИПЛОМАТІЯ ВЪ МАНЕЖЪ.

(По документамъ, заимствованнымъ изъ саксонскаго архива въ Дрезденѣ).

ИСТОРИЯ такъ называемой Бироновщины известна въ подробностяхъ. Записки современниковъ, на примѣръ, письма леди Рондо, донесенія ея мужа, англійскаго дипломата Рондо, мемуары князя Шаховскаго, документы, которыми пользовался С. М. Соловьевъ при составленіи XIX-го и XX-го томовъ «Исторіи Россіи», матеріалы, напечатанные въ «Сборникѣ Историческаго Общества», и проч. даютъ намъ довольно точное понятіе о личности Бирона и о той роли, которую онъ игралъ при дворѣ во время царствованія императрицы Анны Іоанновны и въ первое время царствованія Іоанна Антоновича. Отзывы современниковъ о Биронѣ почти всѣ, безъ исключенія, неблагопріятны. Нельзя отрицать, что многія отталкивающія черты въ его жизни и дѣятельности даютъ намъ очень невысокое понятіе о нравственности этого временщика, но, тѣмъ не менѣе, полной и безпристрастной оцѣнки личности Бирона пока еще нѣтъ. Не даромъ лучшей знатокъ исторіи царствованія Анны Іоанновны, Д. А. Корсаковъ, замѣтилъ, что отзывы современниковъ о Биронѣ, въ томъ числѣ и отзывы о немъ фельдмаршала Миниха и его адъютанта Манштейна, пристрастны и представляютъ герцога Эрнста-Іоганна не въ настоящемъ свѣтѣ.

Объ умственныхъ способностяхъ Бирона судили различно. Такъ какъ внѣшнею политикою въ это время главнымъ образомъ занимался Остерманъ, иностранные дипломаты только развѣ въ видѣ

исключенія обращались къ Бирону для совѣщаній о дѣлахъ. Поэтому донесенія иностранныхъ дипломатовъ не изобилуютъ данными о взглядахъ временщика на политику. Князь М. М. Щербатовъ въ своей запискѣ «О поврежденіи нравовъ», упрекая Бирона въ чрезмѣрной гордости и жестокости, допускаетъ, что онъ былъ «одаренъ здравымъ разсудкомъ»; въ то же время, однако, Щербатовъ замѣчаетъ, что въ Биронѣ не было «ни малѣйшаго просвѣщенія». Не соглашаясь съ этимъ, г. Корсаковъ пишетъ въ своей характеристикѣ Бирона: «Свѣдѣнія Бирона были не обширны, но весьма несправедливо обвинять его въ исключительномъ знаніи одной гиппологии и лошадиныхъ нравовъ и обычаевъ. Биронъ воспитывался въ Кенигсбергскомъ университетѣ, оказывая склонность преимущественно къ прикладнымъ наукамъ; онъ очень хорошо понималъ значеніе науки и высшаго образованія, относясь всегда съ уваженіемъ къ ученымъ, слѣдя за тогдашнею нѣмецкою литературою и имѣя драгоценную библіотеку».

Какъ бы то ни было «гиппология» занимала при русскомъ дворѣ во время «бионовщины» самое видное мѣсто. Есть указанія, будто бы Биронъ началъ свою карьеру берейторомъ. По словамъ Манштейна, русскіе острили, что «Биронъ, говоря о лошадяхъ или съ лошадьми, разсуждалъ какъ человѣкъ; говоря же о людяхъ или съ людьми, онъ разсуждалъ какъ лошадь».

При громадномъ вліяніи Бирона на императрицу Анну Иоанновну нельзя удивляться тому, что «гиппология» въ это время была характеристическою чертою придворнаго быта. Особенно наглядны въ этомъ отношеніи слѣдующія цифры. Въ 1734 году было истрачено на содержаніе двора 260.000 рублей; на содержаніе императорской конюшни 100.000 рублей ¹⁾. Еще при императрицѣ Екатеринѣ I при русскомъ дворѣ знали о Биронѣ, какъ о специалистѣ въ гиппологии. Сохранился указъ императрицы Вестужеву (1725 г.): «немедленно отправить въ Бреславль оберъ-камеръ-юнкера Бирона для смотрѣнія и покупки лошадей» ²⁾.

Въ исторіи конныхъ заводовъ въ Россіи, благодаря Бирону, царствованіе Анны Иоанновны занимаетъ довольно видное мѣсто. Особенно въ послѣдніе годы этого царствованія состоялось учрежденіе нѣкоторыхъ конныхъ заводовъ. Въ 1733 году была учреждена канцелярія придворной конюшни. Между придворными того времени мы встрѣчаемъ иностранцевъ-экспертовъ, напримѣръ, «оберберейтора» Шидера, «шталмейстера» фонъ-Финка, «футер-маршала» Августа Гурдана, конюха Ваншенъера и проч.

Въ источникахъ упоминается очень часто о верховой ѣздѣ, игравшей тогда при дворѣ очень важную роль. Такъ, напримѣръ,

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», 3-е изд., XX, стр. 185.

²⁾ Соловьевъ, *op. cit.*, XIX, стр. 157—158.

въ одной изъ депешъ англійскаго консула Рондо, разсказанъ слѣдующій случай, характеризующій также привязанность императрицы Анны Иоанновны къ Бирону: «6-го іюля (1731 г.) императрица должна была обѣдать у графа М. Г. Головкина, но оберъ-камергеръ (Биронъ) имѣлъ несчастье, сопровождая ее, упасть съ лошади и вывихнуть себѣ ногу, и она вернулась съ нимъ во дворецъ. Этотъ случай вызываетъ размышленія у каждого: очень странно, что ея величество не поѣхала къ графу Головкину и не обѣдала у него только потому, что графъ Биронъ не могъ быть съ нею» ¹⁾. Можно думать, что Биронъ и во время ссылки при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ оставался вѣрнымъ этому спорту и что онъ во время двадцатилѣтняго пребыванія въ Ярославлѣ обзавелся тамъ очень порядочно обставленною конюшнею. Въ запискахъ Василія Александровича Нащокина, посѣтившаго павшаго регента въ Ярославлѣ, разсказано, что Биронъ, пригласивъ Нащокина къ обѣду, подарилъ ему послѣ обѣда лошадь ²⁾.

Слѣдующія черты придворнаго быта въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны Иоанновны характеризуютъ значеніе этого спорта въ означенное время. Онѣ заимствованы нами изъ королевскаго саксонскаго архива въ Дрезденѣ. Сношенія между Россією и саксонско-польскимъ дворомъ въ это время были довольно оживленными. Поэтому депеши саксонскихъ дипломатовъ, пребывавшихъ при русскомъ дворѣ во время «Бироновщины», могутъ считаться довольно важнымъ источникомъ для исторіи этой эпохи вообще. Донесенія Лефорта, Линара, Зума, Пецольда и др. сдѣлались отчасти доступными историкамъ. Депеши Лефорта были, хотя и не вполне, изданы Императорскимъ Историческимъ Обществомъ. Профессоръ Эрнстъ Германъ воспользовался этими значительною долею неизданными матеріалами при составленіи своей извѣстной «Geschichte des Russischen Staats». Нами были особенно изучаемы донесенія саксонскаго дипломата, тайнаго совѣтника Зума (Zumh), находившагося въ Россіи съ 1737 до 1740 года.

Зумъ былъ свидѣтелемъ довольно важныхъ событій при русскомъ дворѣ. Къ тому времени относятся турецкая война и заключеніе Бѣлградскаго мира; въ это время прибылъ въ Россію извѣстный французскій дипломатъ, маркизъ де-ла-Шетарди, игравшій при русскомъ дворѣ особенно выдающуюся роль и содѣйствовавшій нѣкоторому сближенію между Россією и Франціей; тогда же послѣдовала катастрофа Волынскаго; Биронъ при дворѣ занималъ первенствующее мѣсто; съ нимъ саксонскій дипломатъ, котораго тогда при дворѣ принимали особенно благосклонно, главнымъ образомъ имѣлъ дѣло. Вотъ почему въ депешахъ Зума сохранились нѣкото-

¹⁾ Сборникъ Истор. Общества, LXVI, стр. 340.

²⁾ Записки Нащокина, Спб., 1842, стр. 77.

рья подробности, относящіяся къ придворному быту и оставшіяся до сихъ поръ неизвѣстными. Оставляя въ сторонѣ данныя о текущихъ дѣлахъ и о придворной жизни вообще, мы намѣрены указать лишь на тѣ черты въ донесеніяхъ саксонскаго дипломата, которыя относятся къ придворному манежу и къ страсти Бирона къ лошадямъ.

Манежъ, построенный для двора, былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Бирона и императрицы. Сюда весьма часто приглашали иностранныхъ дипломатовъ для совѣщаній о дѣлахъ. Зумъ очень часто сообщаетъ въ своихъ донесеніяхъ польскому королю, что онъ по цѣлымъ часамъ долженъ былъ находиться въ манежѣ, гдѣ бесѣдовалъ съ Бирономъ. Въ такихъ случаяхъ, предметомъ бесѣды служили главнымъ образомъ лошади. Такъ, напримѣръ, въ депешѣ отъ 2-го марта 1737 года, писанной вскорѣ послѣ пріѣзда саксонскаго дипломата въ Петербургъ, Зумъ сообщаетъ о содержаніи своей бесѣды съ Бирономъ слѣдующее. Биронъ горько жаловался на разныя болѣзни лошадей, причемъ было упомянуто о недостаткѣ въ порядочно знающихъ свое дѣло кузнецахъ; далѣе онъ говорилъ о затрудненіяхъ, съ которыми ему приходилось бороться при выпискѣ особенно высокой породы лошадей изъ Испаніи. Биронъ намѣревался было обратиться по этому вопросу къ герцогу Лирійскому¹⁾.

Въ ноябрѣ того же года Зумъ опять доносилъ о подобной же бесѣдѣ, происходившей въ манежѣ. Саксонскій дипломатъ, узнавъ, что Биронъ, сдѣлавшійся уже герцогомъ Курляндскимъ, занимался постройкою великолѣпнаго замка въ Митавѣ, совѣтовалъ ему, въ видѣ украшенія замка, заказать картину на гобеленовой ткани, изображающую созданіе лошади (*la fable de la création du cheval par un coup de trident de Neptune*); въ то же время Зумъ, желая задобрить всемогущаго временщика, обѣщалъ ему достать изображеніе этой легенды. Для этой цѣли Зумъ обратился къ саксонскому министру Брюлю съ просьбою подарить Бирону эту гобеленовую картину. Въ официальной перепискѣ Зума встрѣчаются еще нѣкоторыя данныя, относящіяся къ тому же вопросу. Польскій король, умѣя цѣнить значеніе благопріятнаго отношенія Бирона къ Саксоніи и Польшѣ, выразилъ готовность подарить ему для митавскаго замка упомянутую драгоценную картину (*tenture représentant le manège*). Оставалось лишь разузнать подробности о размѣрахъ залы, въ которой Биронъ желалъ помѣстить это произведеніе гобеленоваго искусства. Зумъ въ апрѣлѣ 1738 года приложилъ къ одному изъ своихъ донесеній планъ Митавскаго замка, выставя

¹⁾ Несомнѣнно, тутъ идетъ рѣчь о родственникѣ герцога Лирійскаго, сына Бервика и ввуча англійскаго короля Якова, бывшаго въ качествѣ испанскаго посла въ Россіи отъ 1727 г. до начала царствованія Анны Іоанновны и скончавшагося въ 1733 году въ Неаполь.

при этомъ случаѣ на видѣ, что этотъ подарокъ (tapisserie) непременно окажется удобнымъ средствомъ снискать расположеніе герцога. «Страсть герцога къ хорошимъ лошадямъ,—сказано въ донесеніи Зума отъ 19-го апрѣля 1738 г.,—со дня на день развивается сильнѣе» (la passion du duc pour les beaux chevaux ne fait que croître tous les jours).

И другіе дипломаты заискивали расположенія герцога подобными же подарками. Датскій посланникъ распорядился, чтобы въ Даніи были куплены для герцога лошади особенно изящной породы, и самъ король датскій хлопоталъ объ исполненіи этого порученія. У австрійскаго дипломата, маркиза Ботта, Биронъ купилъ нѣкоторое число итальянскихъ лошадей (un bel attelage qu'il a à Crémone). Подарокъ датскаго короля заключается въ семи коняхъ (донесеніе Зума отъ 19-го августа 1738 г.). Король прусскій обѣщаль также подарить Бирону лошадей.

Все это считалось тогда дѣломъ самымъ важнымъ. Въ донесеніи Зума отъ 6-го декабря 1738 года сказано: «На послѣднемъ куртагѣ герцогъ говорилъ особенно много съ иностранными дипломатами о лошадяхъ, останавливаясь особенно подробно на великолѣпныхъ испанскихъ коняхъ, прибывшихъ недавно изъ Испаніи въ Дрезденъ. Подробности этой бесѣды заставляютъ меня думать, что герцогъ говорилъ объ этомъ предметѣ умышленно, съ особенною цѣлью; я не сомнѣваюсь въ томъ, что король можетъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы доставить герцогу особенное удовольствіе, удовлетворяя его страсти и перещеголявъ, буде возможно, королей датскаго и прусскаго чрезвычайно драгоценнымъ подаркомъ»¹⁾. Еще въ одномъ изъ своихъ донесеній (отъ 21-го марта 1739 г.) саксонскій дипломатъ, возвращаясь къ этому предмету, обращаетъ вниманіе саксонскаго правительства на необходимость позаботиться объ особенно тщательной перевозкѣ испанскихъ лошадей, отправленныхъ въ Россію для Бирона.

Пребываніе двора въ манежѣ представляло для иностранныхъ дипломатовъ значительныя неудобства, особенно потому, что воздухъ въ манежѣ былъ испорченъ, благодаря дурному устройству печей. Неоднократно саксонскій дипломатъ въ своихъ донесеніяхъ жаловался на сильную головную боль вслѣдствіе угара въ манежѣ²⁾. Зумъ даже сдѣлалъ самому Бирону замѣчаніе на этотъ счетъ,

¹⁾ A la dernière cour le duc a parlé beaucoup au cercle des ministres étrangers des chevaux d'Espagne arrivés à Dresde relevant surtout qu'il y eut des cavalles parmi; de la manière que son discours m'a été rapporté, je comprends, qu'il l'a tenu exprès à cette fin, et ne doute pas que le roi n'ait eu main de lui faire grand plaisir dans sa passion favorite et d'y effacer net et les caps de More venus de Copenhague et les Rosenbourg qui viennent de Prusse.

²⁾ Trois fourneaux y causent tant de vapeurs que j'en suis revenu la tête toute embarrassée, et quoiqu'il y aient deux cheminées qui doivent attirer ces vapeurs du manège, comme c'est précisément là que se tient le duc, on n'avale qu'un très mauvais air.

однако «страсть къ лошадямъ, — какъ сказано въ донесеніи Зума отъ 2-го января 1740 г. къ министру Брюлю, — препятствуетъ тому, чтобы герцогъ на это неудобство обращалъ вниманіе». Въ мартѣ 1740 г. Зумъ прямо заболѣлъ отъ пребыванія въ манежѣ¹⁾. Кромѣ него, заболѣли отъ этого и другія лица: герцогиня Биронъ слегла въ постель; одного офицера вынесли изъ манежа въ довольно опасномъ состояніи.

Слѣдующія подробности о верховой ѣздѣ императрицы Анны Іоанновны и герцогини Биронъ не лишены интереса. Саксонскій дипломатъ доносилъ 9-го января 1840 года: «Биронъ принималъ членовъ дипломатическаго корпуса въ галереѣ, смежной съ манежемъ, гдѣ находилась ея императорское величество. Императрица съ нѣкотораго времени начала упражняться въ верховой ѣздѣ ради движенія (pour se donner du mouvement). Для нея было сдѣлано поперечное сѣдло (une selle de traverse); по обѣимъ сторонамъ чрезвычайно смирной лошади ходятъ конюхи; императрица ѣздитъ или шагомъ, или иногда мелкою рысью (quelquefois un petit trot propre au but de S. M. de prendre l'exercice). Я уже нѣсколько разъ имѣлъ честь видѣть верховую ѣзду ея величества, такъ какъ, однако, въ этотъ день при этомъ присутствовали всѣ иностранные министры (tout le ministère étranger), ея величество сказала намъ, что обращается съ нами не какъ съ чужими, но какъ съ людьми, вполнѣ свыкнувшимися съ обычаями русскаго двора (qu'Elle ne nous regardait plus comme des étrangers, mais comme étant déjà naturalisés à la cour)». Зумъ продолжаетъ свой рассказъ, говоря о супругѣ Бирона слѣдующее: «Герцогиня ѣздитъ верхомъ также регулярно, иногда перемѣняя въ день по четыре лошади, но она ѣздитъ верхомъ помужски (elle monte en cavalier), хотя въ юнкѣ (quoiqu'elle ne jure); такъ какъ герцогиня очень внимательна къ наставленіямъ берейторовъ и къ тому же отличается смѣлостью, она со дня на день становится болѣе ловкою и опытною въ этомъ дѣлѣ». Въ донесеніи отъ 12-го марта 1740 г. саксонскій дипломатъ сообщаетъ еще нѣкоторыя данныя о верховой ѣздѣ герцогини и о лошадяхъ, назначенныхъ подъ ея сѣдло. Тутъ упомянуто особенно объ одной лошади, замѣчательно дрессированной²⁾, а далѣе о другомъ конѣ, чрезвычайно роскошно убранномъ³⁾.

¹⁾ Un catarrhe, qui m'offusque la vue... par la terrible vapeur que nous y avons avalé pendant trois ou quatre heures. Въ донесеніи отъ 3-го января 1740 г. сказано: «J'ai été obligé de passer des matinées entières au manège»; 5-го января: «Hier matin je fus au manège» и т. п.

²⁾ Нѣмецкій терминъ для такихъ лошадей, по замѣчанію Зума, «Passagierer», тогда какъ во французскихъ манежахъ ихъ называли «Piattador»; «un cheval dressé à marcher avec beaucoup d'emphase sans presque faire de chemin et qui n'est monté hors du manège que pour faire parade. Celui que la duchesse monte est un vieux cap de More fort grand et fort épais qu'on mène à la tête des gardes cavalières passant en revue».

³⁾ «Il est pour lors superbement enharhuaché, par ce qu'il signifie le cheval que S. M. monterait elle-même à la tête de ce corps».

Изъ замѣчаній саксонскаго дипломата можно вывести заключеніе, что императрица Анна Иоанновна привыкла къ верховой ѣздѣ не раньше, какъ въ послѣдніе годы царствованія. Это показаніе подтверждается замѣчаніями княгини Иоганны Елизаветы Ангальтъ-Цербстской, матери императрицы Екатерины II. Княгиня прибыла въ Россію нѣсколько лѣтъ послѣ кончины Анны и успѣла собрать разныя, отчасти чрезвычайно любопытныя, данныя о характерѣ и частной жизни императрицы. Въ письмахъ княгини Ангальтъ-Цербстской къ нѣкоторому Пулли (Pouilly), заимствованныхъ изъ семейнаго архива Шампо (Champreaux) и очень недавно опубликованныхъ ¹⁾, мы встрѣчаемъ рассказъ, что императрица Анна Иоанновна, по совѣту врачей, начала упражняться въ верховой ѣздѣ, что для этой цѣли выбрали старую и смирную лошадь, и что несчастный случай въ манежѣ — стремя сѣдла императрицы лопнуло въ ту минуту, когда Анна Иоанновна садилась на лошадь — ускорилъ ея кончину. Княгиня Иоганна Елизавета относитъ этотъ случай къ лѣту 1740 года ²⁾.

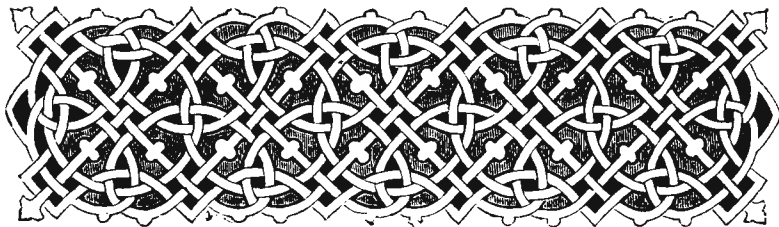
Изъ этихъ данныхъ видно, какую важную роль игралъ манежъ, благодаря страсти Бирона къ лошадямъ, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны Иоанновны. Въ донесеніи Зума отъ 23-го февраля 1740 года сказано: «при дворѣ бываетъ пріемъ два раза въ день: по утрамъ въ манежѣ, по вечерамъ во дворцѣ, гдѣ графа Ботта и меня приглашаютъ регулярно играть въ карты съ императрицею».

Въ манежѣ говорили и о текущихъ дѣлахъ. Саксонскій дипломатъ сообщаетъ въ своемъ донесеніи отъ 17-го мая 1740 г. о слѣдующей бесѣдѣ, которую онъ имѣлъ съ императрицею въ манежѣ. Анна Иоанновна обратилась къ Зуму съ просьбою ходатайствовать за Бирона предъ саксонскимъ курфирстомъ въ дѣлѣ іезуитовъ, проживавшихъ въ Курляндіи. Такъ какъ іезуиты были владѣльцами богатыхъ имѣній въ этомъ краѣ, а Биронъ желалъ отнять у нихъ эти имѣнія, императрица выразила желаніе, чтобы польскій король, считавшійся тогда леннымъ владѣтелемъ Курляндіи, при этомъ случаѣ отстаивалъ интересы герцога.

А. Врикнеръ.

¹⁾ Вильбасовъ, Исторія Екатерины II, нѣмецкое изданіе, приложенія къ I-му тому, стр. 87.

²⁾ «Un accident, dont on ne s'attendait pas, accéléra sa mort. Les médecins avaient conseillé à cette princesse l'exercice au cheval. On avait choisi un vieux cheval, sur lequel on plaçait cirémonieusement Sa Lourde Majesté. Un des jours de l'été de l'année 1740 elle voulut monter seule dans l'étrier. Il rompit. L'impératrice tomba et eut s'être considérablement blessée, démis les hauches. On trouva après sa mort que s'était une pierre des renis qui, déplacée par la chute, s'était jetée entre la jointure qui fait le mouvement des hauches. Je ne sais pas les termes de l'art; je me rends intelligible comme je puis. Elle languissait depuis ce temps jusqu'au mois de novembre qu'elle mourut gangrenée de tous les différents maux».

ИЗЪ ПРАВОВЪ НЕДАВНЯГО ВРЕМЕНИ.

I.

ВЪ ОДИНЪ изъ ясныхъ юньскихъ дней 1838 года необыкновенное оживленіе господствовало на знаменитой курской Коренной ярмаркѣ. Не смотря на ранній часъ, по трактирамъ гремѣла музыка, пѣли цыгане и русскіе пѣсенники, шли представленія въ циркѣ и балаганахъ. На ярмарочныхъ площадяхъ сновали толпы самой разношерстной публики. Такъ называемая Панская линія, представлявшая собою громаднѣйшую галерею магазиновъ, равной которой не знала ни одна русская ярмарка, не исключая и Нижегородской, была устлана зеленой травой и наполнена множествомъ нарядныхъ посѣтителей... По временамъ здѣсь раздавались звуки военнаго оркестра, а съ утра до ночи лились волшебныя трели многочисленныхъ соловьевъ, клѣтки съ которыми висѣли надъ магазинными витринами... Этотъ соловьиный концертъ-монстръ, подобнаго которому и найти трудно, представлялъ одну изъ приманокъ Панскѣй линіи...

Около блестящихъ, наполненныхъ галантерейными и модными товарами, магазиновъ, среди толпы прогуливались двѣ дамы, цигровскія помѣщицы: Екатерина Николаевна Ономасова и мать ея вдова Данова. Ономасова была замужемъ, но нѣсколько лѣтъ уже уѣхала отъ мужа и проживала въ имѣніи матери. Обѣ барыни, въ сопровожденіи свсихъ знакомыхъ, разсматривали выставленныя на показъ ярмарочными продавцами заманчивыя вещицы и весело болтали.

— Смотрите, смотрите, какія прелестныя шляпки въ этомъ магазинѣ,—замѣтила Екатерина Николаевна, обращая вниманіе своихъ спутниковъ на одну изъ витринъ:—давайте...

Но на этомъ словѣ рѣчь ея внезапно оборвалась, точно кто нибудь стиснулъ ей горло. Ономасова поблѣднѣла, какъ полотно, и отшатнулась въ сторону. Передъ нею выросъ, какъ изъ земли, мужъ, атлетическаго сложенія мужчина, а за нимъ стояли—свекоръ-старикъ и его племянникъ Огибаевъ.

— Стой, голубушка, попалась!..—закричалъ на всю галлерею мужъ:—теперь не уйдешь отъ насъ, мерзавка!..

И прежде чѣмъ Ономасова и ея спутники опомнились, трое сильныхъ мужчинъ схватили ее и повлекли къ выходу изъ Панскій линіи. Бѣдная женщина вступила съ ними въ отчаянную борьбу: кричала, царапалась руками, вырывалась, но напрасно... Въ пылу борьбы съ нею слетѣлъ на полъ головной уборъ, разорвалось платье, соскочила туфля съ одной ноги... Среди ярмарочной публики произошло замѣшательство... Всѣ засуетились, спрашивали: что случилось?.. Но замѣчательно, что никто не отозвался на вопли несчастной Екатерины Николаевны, не вырвалъ ея изъ рукъ злодѣевъ... Для нея лучше было бы, если бы нападеніе совершено было грабителями гдѣ либо въ глухомъ переулкѣ, тогда бы, быть можетъ, нашлись у нея защитники и спасители. А теперь мужъ былъ въ своемъ правѣ, онъ поймалъ бѣглую жену, скрывавшуюся отъ него у своей матери, и рѣшился водворить ее въ своей усадьбѣ.

Около ярмарочнаго гостиннаго двора Ономасовыхъ ожидалъ экипажъ. вмѣстѣ съ своею жертвою покатали они на квартиру, находившуюся на ярмаркѣ. А Огибаевъ, оказавъ помощь похитителямъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился въ Панскую линію, гдѣ публика, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, на всѣ лады обсуждала случившійся инцидентъ, а растерянная, расплакавшаяся мать Ономасовой громко осуждала самоуправство зятя и обѣщалась жаловаться... Но музыка грянула маршъ и заглушила жалобы обиженной вдовы...

II.

Вечерѣло... Надъ ярмаркой раздавался звенъ нѣсколькихъ десятковъ большихъ и малыхъ колоколовъ, привезенныхъ изъ Харькова и Воронежа на продажу. По большому Шигровскому тракту четверка дюжихъ коней помчала карету, въ которую посадили схваченную въ Панскій линіи Екатерину Николаевну. Съ нею сѣлъ свекоръ, а напротивъ мужъ съ сестрой своей, старой дѣвой Настасьей. Карета должна была привезти Ономасовыхъ въ деревню Песочную, въ домъ Огибаева, и не успѣла она еще сдѣ-

латъ нѣсколько верстѣ, какъ Ономасовъ принялся во время ѣзды учить свою жену уму-разуму и немилосердно хлесталъ ее по щекамъ, изливая потоки самой площадной брани... Екатерина Николаевна, сжавъ зубы, молча переносила муку... Лишь только мужъ прекратилъ рукоприкладство, какъ за несчастную женщину принялась невѣстка Настасья и, захлебываясь отъ ярости, также била ее по щекамъ до крови.

Приѣхали въ домъ Огибаева. Какъ въ берлогу дикихъ звѣрей, вошла въ него Ономасова... Мужъ съ своей сестрой сорвали свою злобу... Нужно было и свекру-батюшкѣ утолить свою ярость лютю... Схватилъ онъ пойманную бѣглянку и сталъ бить ее по распухшимъ щекамъ, затѣмъ дралъ за волосы «безо всякой пощады». На ночь свекоръ приказалъ невѣсткѣ остаться съ мужемъ.

На другой день въ домъ Огибаева изъ Коренной ярмарки наѣхала цѣлая компанія: самъ хозяинъ, жена его Аксинья, тетка Матрена и сестра Марѳа. Аксинья первымъ дѣломъ изругала Ономасову непристойными словами, а потомъ «щипала избитое и покрытое ранами тѣло страдальцы». Послѣ истязаній мужъ съ родными своими повезъ жену въ свою усадьбу. Тамъ ее посадили въ свинной хлѣвъ и приставили караулъ—днемъ трехъ женщинъ, а на ночь мужчинъ. Прошло нѣсколько дней такимъ образомъ. Наконецъ, явился свекоръ, вывелъ Екатерину Николаевну на свѣтъ Божій и предложилъ ей подписать какую-то «на гербовомъ листѣ» бумагу, не, читая, однако ея содержанія. Измученная женщина имѣла твердость духа и не подписалась.

Тогда начались новыя истязанія... Видя, что физическими мученіями не проймешь непокорной, свекоръ взялся за нравственную пытку.

— Ножницы сюда, ножницы давай!—заоралъ онъ.

Настасья подала ихъ.

Разъяренный старикъ отрѣзалъ косу... Мало того... передавъ невѣстку въ руки мужа, онъ остригъ ее подъ гребенку и во многихъ мѣстахъ изрѣзалъ до крови кожу на головѣ.

Между тѣмъ, мать Ономасовой подала уѣздному предводителю дворянства жалобу на дѣйствія своего зятя. Предводитель прислалъ къ Ономасовымъ письмо съ требованіемъ, чтобы свекоръ и мужъ явились къ нему для объясненій. Свекоръ написалъ предводителю, что онъ по болѣзни выѣхать изъ своей усадьбы не можетъ, а Ономасовъ, мужъ, вовсе ничего не отвѣчалъ. Онъ свою жену, съ обнаженной остриженной головой, показывалъ «для срама» своимъ же дворовымъ и крестьянамъ, а потомъ попрежнему спровадилъ въ хлѣвъ... Къ ночи нарядили, какъ обыкновенно, мужской караулъ.

Екатерина Николаевна въ хлѣву, на голой землѣ, проводила ночь въ полудремотномъ состояніи... Станный шумъ и чье-то прикосновеніе пробудили ее...

— Потише... тише, матушка-барыня, голубочка моя бѣлая...— прошепталъ надъ нею голосъ.—Идите за мною... Кажись, я опоздалъ; всю ночь провозился, едва прокопалъ; земь-то тутъ аспидная, твердая...

Ономасова узнала голосъ стараго преданнаго слуги Гаврилы, который данъ былъ ей матерью въ приданое и жилъ въ усадьбѣ ея мужа. Онъ явился ея спасителемъ. Цѣлую ночь рылъ онъ подкопъ подъ стѣну хлѣва и достигъ своей цѣли...

Понявъ, въ чемъ дѣло, заключенная, въ сопровожденіи Гаврилы, полѣзла изъ хлѣва. Уже разсвѣло, и солнце играло яркими лучами на востокѣ.

— Пѣшимъ намъ придется уходить,—прошамкалъ добрый старикъ,—лошадей нѣтути; гдѣ же было взять?

Задами, по огородамъ, бросились барыня съ крѣпостнымъ на дорогу, что есть мочи. Казалось, никто ихъ не замѣтилъ... Гаврило не могъ удержаться и, слѣдуя за Екатериной Николаевной, причиталъ жалобнымъ голосомъ... Часто оглядывались они назадъ, боясь погони... Вдругъ запылила вдали дорога.

— Господи,—раздался отчаянный вопль несчастной,—это они... Что мнѣ дѣлать? Это свекоръ, Аристархъ Петровичъ, съ дворовыми... Головушка моя грѣшная...

Гаврило, дрожа, какъ кленовый листъ, сталъ присматриваться... Погони пока не было. Бѣжали двое крестьянъ въ телѣгѣ...

— Сударыня, не они это, успокойтесь... Просто, мужички ѣдутъ... Посмотрите...

Но было поздно. Екатерина Николаевна запаталась на мѣстѣ и упала въ обморокъ. Вѣрный слуга поддержалъ ее, но не могъ привести въ чувство. Не долго думая, собравъ свои послѣднія старческія силенки, онъ поднялъ на руки барыню и поспѣшилъ, крехтя и охая дальше, по временамъ оглядываясь назадъ. Наконецъ, вдали увидалъ онъ и погоню. Скакали во весь опоръ трое всадниковъ. Кто они были, еще нельзя было различить, но Гаврило чутьемъ угадалъ, что гонится Ономасовъ съ дворовыми... Потемнѣло у бѣдняка въ глазахъ... Ноги какъ-то инстинктивно, безсознательно задвигались скорѣе, но къ чему могло повести это?

Видя, что бѣда близко, Гаврило съ драгоцѣнною ношею поспѣшилъ къ находившейся какъ разъ возлѣ дороги усадьбѣ помѣщика Добровскаго. Вскочилъ онъ во дворъ и положилъ Екатерину Николаевну на крыльцо... Выбѣжалъ къ нему самъ Добровскій, жена его дѣти, сбѣжалась дворня... Кое-какъ, впопыхахъ, рассказалъ Гаврило, въ чемъ дѣло. Добровскій зналъ Ономасовыхъ, даже бывалъ у нихъ... Нужно отдать справедливость этому доброму чловѣку. Не колеблясь ни минуты, велѣлъ онъ всѣ ворота усадьбы запереть, а дворнѣ вооружиться чѣмъ попало. Кстати, домъ его стоялъ въ усадьбѣ, а усадьба была обнесена заборомъ.

Вскорѣ къ дому Добровскаго подскакалъ Ономасовъ со своими спутниками и потребовалъ выдачи бѣглянки.

— Что вы меня встрѣчаете, какъ медвѣдя, съ рогатинами,— кричалъ онъ,—подавайте жену мою и крѣпостнаго человѣка Гаврюшку, и мы тотчасъ уѣдемъ...

Добровскій отказалъ. Да и надо было быть нечеловѣкомъ, чтобы согласиться на выдачу. Пришедшая въ себя, Екатерина Николаевна обнимала колѣни Добровскаго и молила его о защитѣ. Увидѣвъ, что дѣло не выгораетъ, Ономасовъ бросился опретью въ свою деревню за вспомогательными силами, и скорѣ сто человѣкъ на коняхъ съ ружьями и дрекольями въ рукахъ, предводительствуемые Ономасовымъ и Огибаевымъ, осадили усадьбу Добровскаго. А у него не было и половины «арміи» протівника. Возможно ли было при такихъ условіяхъ защищаться?

Гарцуя на конѣ передъ домомъ Добровскаго, Ономасовъ, какъ древній герой, отборною бранью вызывалъ своего протівника на бой. Тотъ не являлся. Чтобы побѣдить его хладнокровіе, Ономасовъ передъ всѣми величалъ Добровскаго презрѣннымъ трусомъ, котораго слѣдуетъ застрѣлить, какъ гадину... Въ это время Екатерина Николаевна, забившись въ заднюю комнатку, трепетала отъ страха и была «въ отчаяніи жизни». Ее успокоивали, какъ могли... Ломалъ въ отчаяніи руки и старый Гаврило, котораго Ономасовъ обѣщалъ жарить на медленномъ огнѣ и крючьями перервать ему жилы. Пока было свѣтло, Ономасовъ съ Огибаевымъ, повидимому, боялись брать приступомъ усадьбу и домъ Добровскаго; но къ вечеру они стали смѣлѣе, и кольцо всадниковъ, окружавшихъ усадьбу, становилось все тѣснѣе и тѣснѣе. Вступить въ бой со своими людьми протівъ врага Добровскій не смѣлъ, а между тѣмъ на небо нахлынулъ мракъ ночи. Спаслись Ономасовой отъ рукъ разъяреннаго мужа и свекра, казалось, не было возможности. Но вотъ среди ночной тишины понеслись звуки: донъ-донъ-донъ... Забилъ въ набатъ крѣпостной человѣкъ Добровскаго, сумѣвшій, по приказанію барина, пробраться сквозь цѣпь Ономасовскихъ всадниковъ и поднять тревогу въ ближнемъ къ усадьбѣ селѣ. Жители села всполошились. Тогда Ономасовъ съ Огибаевымъ, скрежеща зубами, ругаясь и бѣснуясь, поспѣшили удалиться отъ осажденной ими усадьбы... за ними послѣдовала вся ватага. Ономасова вздохнула свободнѣе.

IV.

На утро Добровскій поскакалъ въ уѣздный городъ къ предводителю дворянства и въ земскій судъ съ просьбой о защитѣ несчастной жены отъ изверга-мужа. Просьба его была принята, и для производства слѣдствія выѣхалъ въ тотъ же день въ усадьбу

Добровскаго земскій засѣдатель съ понятными. Когда онъ вошелъ въ домъ, то услышалъ въ одной изъ комнатъ чтеніе молитвъ. Это приглашенный священникъ исповѣдовалъ и приобщалъ избитую и измученную женщину. Слѣдомъ за засѣдателемъ подкатилъ къ усадьбѣ Ономасовъ и, не смотря ни на что, вломился въ комнаты. Засѣдатель старался урезонить его, но напрасно. Онъ вошелъ въ спальню, гдѣ находилась больная, и въ присутствіи засѣдателя, священника и другихъ людей, началъ ругать жесточайшимъ образомъ свою жену. Ругательства сопровождались такими жестами, которые угрожали новыми истязаніями Екатерины Николаевны. Засѣдателю пришлось прибѣгнуть къ угрозѣ вывести вонъ расходившагося мужа...

Послѣ долгихъ убѣжденій онъ уступилъ и покинулъ домъ Добровскаго, твердя о своемъ «законномъ правѣ» и о томъ, что онъ сумѣетъ возстановить его...

Послѣднія слова Ономасова заставили всѣхъ призадуматься. Добровскій боялся новаго нападенія Ономасовской «арміи»... Засѣдатель посовѣтовалъ отвезти Екатерину Николаевну въ уѣздный городъ, въ домъ уѣзднаго предводителя, гдѣ она могла бы найти вполне безопасное помѣщеніе. Такъ и поступили. Бѣдную измученную женщину повезли въ городъ, хотя ей было въ пору лежать въ постелѣ, а не трястись въ экипажѣ по проселочнымъ дорогамъ.

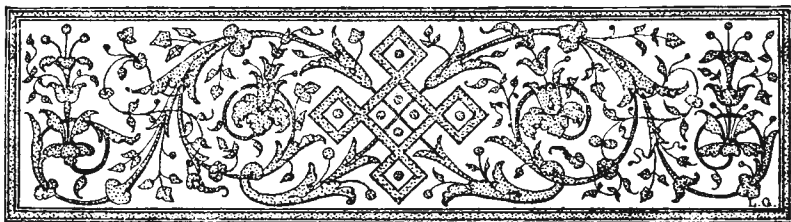
Вотъ какъ расправился Ономасовъ со своею женой. Кромѣ того, во время путешествія въ каретѣ съ Коренной ярмарки, онъ отобралъ у Екатерины Николаевны 2.000 рублей ея денегъ и, разумѣется, не подумалъ возвратить ихъ.

Уѣздный предводитель дворянства занялся дѣломъ, возникшимъ изъ столкновенія между Ономасовыми—мужемъ и женою.. По своей обязанности, онъ прежде всего попытался устроить примиреніе супруговъ и адресовалъ Ономасовой официальную бумагу, въ которой отечески внушалъ, что «если мужъ ея имѣетъ нравственность, несвойственную его званію, то старалась бы она добродѣтельными поступками своими его исправить, а всегдашнее отъ нея мужу уваженіе, конечно, можетъ подвинуть его къ благонаправію и лучшему образу жизни, что отнесется къ ея чести и спокойствію»...

.....
 Что же послѣдовало затѣмъ? Къ сожалѣнію, объ этомъ въ архивѣ, откуда мы почерпнули были изъ старинныхъ нравовъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній, ни одного лоскутка бумаги, который бы договаривалъ намъ о судьбѣ страдальцы Ономасовой.

А. Танковъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Томъ I-й. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ до учрежденія Виленскаго учебнаго округа, 1783—1803. Изданіе министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1893.

ТВЕРДОЕ ОСНОВАНІЕ дѣлу народнаго образованія положено у насъ въ царствованіе Екатерины II, когда были учреждены учебно-воспитательныя заведенія и «народныя» училища. Для завѣдыванія послѣдними въ 1782 г. была образована «комmissiя объ учрежденіи народныхъ училищъ», подъ предѣлательствомъ П. В. Завадовскаго. Дѣла и журналы этой commissiи, за все время ея существованія (1783—1802), хранятся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. «Это драгоцѣнное собраніе, — говоритъ редакторъ разсматриваемаго «Сборника», г. Корниловъ, въ вступительной статьѣ, — включаетъ въ себѣ матеріалы первостепенной важности для исторіи просвѣщенія въ Россіи съ 1782 по 1803 гг. Они заслуживаютъ самаго тщательнаго изученія и обнародованія. Мы извлекли изъ архива въ настоящемъ первомъ томѣ только то, что касается собственно западныхъ губерній, вошедшихъ въ 1803 году въ составъ Виленскаго учебнаго округа» (XLII). Томъ этотъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ; въ первомъ изъ нихъ помѣщены документы commissiи объ учрежденіи народныхъ училищъ, а во второмъ — документы со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія до открытія Виленскаго учебнаго округа (1802—1803).

Открытие народных училищ началось въ 1782 г. съ Петербурга и затѣмъ городовъ Петербургской губерніи. 5-го ноября 1786 г. былъ утвержденъ императрицею «уставъ народнымъ училищамъ», а 22-го сентября того же года, въ празднованіе коронаціи Екатерины II, главныя народныя училища были открыты одновременно въ 25-ти внутреннихъ губерніяхъ. Въ 1789 г. послѣдовало открытіе народныхъ училищъ въ другихъ 14 губерніяхъ, между прочимъ, въ Кіевѣ и въ губерніяхъ Полоцкой и Могилевской, составленныхъ изъ той части Бѣлоруссіи, которая перешла къ Россіи по первому раздѣлу Польши. Въ 1791 году учреждены малыя народныя училища въ уѣздныхъ городахъ Могилевского намѣстничества: Оршѣ, Копысѣ, Мстиславѣ, Чериковѣ и Чижвахъ, а въ 1794 г. открыто четырехклассное народное училище въ уѣздномъ городѣ Полоцкаго намѣстничества, Влтебекѣ. Въ губерніяхъ же Волынской, Подольской, Мнѣской и Литовской, присоединенныхъ къ Россіи по второму и третьему раздѣламъ Польши, русскихъ училищъ заведено не было.

Испрашивая предварительное согласіе императрицы на открытіе училищъ, коммиссія въ своемъ докладѣ говоритъ, что она избрала 22-е число сентября, «дабы сей день, въ блаженствѣ Россіи знаменитый, имѣлъ сугубую славу и по начавшемуся въ немъ всеобщему народному просвѣщенію». Нечего, конечно, говорить о томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ панегирической риторикой: отъ открытія нѣсколькихъ десятковъ школъ въ городахъ до «всеобщаго народнаго просвѣщенія», составляющаго *pinus desiderium* и нашего времени, очень далеко. Такими же преувеличеніями страдаютъ и отзывы другихъ современниковъ основанія народныхъ училищъ; напримѣръ, рѣчи, произнесенныя разными лицами (начиная съ восьмилѣтнихъ дѣтей и кончая архіереями) при открытіи училищъ въ разныхъ городахъ: дѣйствительное значеніе событія было несравненно меньше того, какое придаютъ ему ораторы. Но среди этихъ шумихъ попадаются и реальныя черты, могущія служить для характеристики эпохи. Напримѣръ, Георгій, Конисскій, архіепископъ могилевскій, въ рѣчи при открытіи могилевского главнаго народнаго училища (впервые здѣсь напечатанной), говоря о преимуществахъ новыхъ школъ, замѣчаетъ: «Были, правда, и въ наши молодыя времена по семинаріямъ и академіямъ ученія, какъ-то философія словесная, нравственная, естественная и вышеестественная, но такія, коихъ, не вздохнувши изъ глубины духа, нельзя не упомянуть. Мы въ нихъ многолѣтними трудами находили вмѣсто сокровища угляе, какъ пословица гласить... О, злополучныхъ нашихъ времянь молодыхъ! понеже и называвшимся никто не отвѣтствовалъ» (46—47). Изъ другихъ документовъ видно, что и въ самыхъ вновь основанныхъ училищахъ не все обстояло благополучно: они были недостаточно обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, учителя старались освободиться отъ обязательной службы, такъ что приходилось возвращать ихъ къ исполненію обязанностей подъ карауломъ..

Кромѣ данныхъ, относящихся къ открытію и исторіи русскихъ народныхъ училищъ, первый томъ «Сборника» знакомитъ насъ также съ состояніемъ польскихъ школъ въ западныхъ губерніяхъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтій. Послѣднія въ Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи состояли въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія, а въ Латвѣ, гдѣ еще не было приказовъ, — въ завѣдываніи учрежденной при польскомъ правительствѣ эдукаціонной коммиссіи. Обративъ свое вниманіе на польскія

школы (въ 1800—1801 г.г.), комиссія объ учрежденіи училищъ нашла нужнымъ: «во-первыхъ, описать положеніе главныхъ частей, составляющихъ оныя училища; во-вторыхъ, дать свое мнѣніе, какъ бы оныя учредить сходственно российскимъ сего рода заведеніямъ». Въ числѣ этихъ «главныхъ частей» означены «книги и учебныя пособія». Разсматривая ихъ, комиссія нашла, что «сныя изъ нихъ полезны, а другія, особливо историческія и толкуюція о правахъ, весьма вредны, заключающія мѣстами правила, монархическому образу правленія, совсѣмъ противныя». Такъ, въ одномъ учебникѣ древней исторіи говорится: «и въ Азіи, и въ Египтѣ, и у персовъ правленіе было самодержавное, безъ сомнѣнія, яко древнѣйшее, ибо долгое требуется время, чтобы люди пришли въ познаніе взаимныхъ правъ своихъ». Въ книгѣ о краснорѣчьи «стоитъ слѣдующее сочинителево умствование»: «иго тиранства и самодержавіе унижаютъ истинное краснорѣчіе, ибо оныя притупляютъ сильныя чувства и благородство духа и уменьшаютъ дѣла общественныя.. Но когда въ самодержавныхъ государствахъ появится уже истинно мужское краснорѣчіе, то тогда показывается свѣтъ мудрости и открывается сигналъ вольности...». Въ книгѣ «О наукѣ правъ», сочиненіи Стройновскаго, ректора Виленскаго университета, сказано, что законодательная власть «есть въ народѣ, отъ народа и для народа» (стр. 384—385) и т. д. Въ виду такого анти-монархическаго направленія преподаванія въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ, комиссія предполагала замѣнить употреблявшіеся въ нихъ учебники («яко писанные духомъ республканскимъ въ укоризну монархической власти») изданными для народныхъ училищъ, переведа послѣдніе на польскій языкъ, а самымъ школамъ «зависѣть отъ комиссіи о учрежденіи училищъ такъ, какъ они прежде въ зависимости у едукационной комиссіи были». Но этимъ предположеніемъ не было суждено получить практическое примѣненіе. Съ учрежденіемъ въ 1803 году Виленскаго учебнаго округа и съ назначеніемъ попечителемъ этого округа извѣстнаго польскаго патріота князя Адама Чарторыйскаго, не только польскія училища не были русифицированы, но и самыя русскія школы западныхъ губерній обратились въ оружіе полонизма. Слѣдующій томъ «Сборника» будетъ заключать въ себѣ матеріалы для исторіи Виленскаго учебнаго округа при Чарторыйскомъ. «Они,—говоритъ г. Корниловъ,—раскроютъ учебно-воспитательную систему, введенную польскими дѣятелями, и укажутъ, какія мѣры были ими приняты для искорененія въ Западномъ краѣ положенныхъ Екатерианою II основъ русской культуры» (LXIII).

Графъ П. В. Завадовскій, будучи назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, предложилъ Виленскому университету и военнымъ губернаторамъ западныхъ губерній доставить ему подробныя описанія всѣхъ учебныхъ заведеній этого края, кромѣ русскихъ народныхъ училищъ. Отвѣты на вопросныя пункты министра и составляютъ содержаніе второго отдѣла разсматриваемаго тома.

Въ концѣ книги приложенъ обстоятельный указатель. Вышняя сторона изданія не оставляетъ желать лучшаго.

М. С.

**П. Житецкій. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ.
Кіевъ. 1893.**

Литература, посвященная малорусскимъ народнымъ думамъ, не велика; тѣмъ замѣтнѣе является новый трудъ г. Житецкаго, поставившаго себѣ задачей анализировать составъ думъ и выяснитъ ихъ взаимныя отношенія съ виршами кантами и другими литературными произведеніями, бывшими въ большемъ почетѣ и распространеніи въ прошломъ вѣкѣ и ранѣе, въ эпоху процвѣтанія Кіево-Могилянскаго коллегіума, впоследствии Кіевской духовной академіи.

Въ изслѣдованіи г. Житецкаго мы находимъ еще цѣлый рядъ указаній на существованіе постоянной связи между литературой образованныхъ слоевъ южно-русскаго общества и народной поэзіей.

Народная малорусская дума есть наиболѣе сложное явленіе въ цѣломъ ряду другихъ произведеній народнаго безъ искусственнаго творчества. Въ ней сливаются тѣсно и неразрывно и общія поэтическія формулы, выработанныя вѣками, и творчество личной мысли, создавшее новые приемы, новыя средства для выраженія новыхъ оттѣнковъ чувства. «Это была работа вѣковъ, почти незамѣтная для смежныхъ поколѣній, едва пережитый моментъ, не отмѣченный именемъ своихъ представителей, не закрѣпленный письмомъ въ памяти потомства, быстро сливался съ прошедшимъ, увеличивая его поглощающую силу». Такимъ образомъ сглаживались въ поэтическомъ народномъ творествѣ всѣ промежуточные линіи и народная поэзія, по цѣлости міросозерцанія, по цѣлости языка, по одной идеѣ, проникающей ее, кажется не рядомъ слоевъ, налегшихъ въ разное время одинъ на другой, а цѣльнымъ сплошнымъ монолитомъ. И только кропотливое изслѣдованіе можетъ обнажить и сдѣлать ясной эту медленную, но крѣпко связывающую работу вѣковъ.

Но личная мысль не всегда опиралась лишь на субъективную почву личной жизни: «Нерѣдко она соприкасалась съ культурными вліяніями, проникавшими въ жизнь народной массы путемъ столкновенія ея съ другими народами, путемъ заимствованія разныхъ вѣрованій и преданій, которыя на чужой почвѣ имѣли уже литературную форму». Наконецъ, «съ теченіемъ времени на помощь къ личной мысли является организованная сила науки и школы». На примѣрѣ многихъ племенъ и народовъ, потерявшихъ самобытную поэзію, мы видимъ разрушающее вліяніе послѣднихъ двухъ факторовъ. Наука и школа совершенно вытѣсняють, не говоримъ уже, языческія преданія древности, но и народную пѣсню, игры, сказки, предлагая взамѣнъ свои, выработанныя личною творческою мыслью.

Надо много имѣть жизненной устойчивости и великую способность къ самостоятельному творчеству, чтобы не поддаться новымъ культурнымъ вліяніямъ и сохранить невредимой свою народную пѣсню. Многія славянскія племена окончательно лишились лучшаго изъ перловъ народной поэзіи—эпоса. Малоруссы же, благодаря поэтическому складу своей природы, не только не были побѣждены культурнымъ теченіемъ, но ассимилировали эти вліянія лачною творчества, школы и науки, ассимилировали до такой степени, что трудно сказать, гдѣ кончается народное и начинается новое, наносное.

На развалинахъ виршей «появились особенныя формы поэтическаго творчества, народныя по міровоззрѣнію и языку и въ то же время книжныя по особенному складу мысли и способамъ ея развитія и выраженія. Къ такому сложному роду поэзіи относятся народныя малорусскія думы. Онѣ представляютъ оригинальный плодъ народно-культурнаго творчества. Для обоснованія высказанныхъ мыслей авторъ обращается прежде всего къ изслѣдованію языка, поэтическаго строя и стилия думъ (гл. I).

Языкъ и стиль думъ смѣшанный; онъ является результатомъ книжныхъ вліяній на народную рѣчь; это обличаютъ прежде всего приема, церковно-славянскія слова и выраженія, риторизмъ. Далѣе приводятся параллели стилия думъ и современныхъ воспѣваемымъ въ нихъ событіямъ поученій и лѣтописей (стр. 34—38). На основаніи всего этого авторъ заключаетъ, что «въ старинной Малороссіи было живое общеніе между школой и народомъ. Много перекрестныхъ путей шло отъ народа къ школѣ и обратно, много людей двигалось по этимъ путямъ, внося въ школу народное міровоззрѣніе и вынося изъ нея научныя приемы мысли и рѣчи». Кто же были эти люди? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ въ слѣдующей II главѣ. Такими разносителями школьной науки были извѣстные и въ Западной Европѣ «странствующие школьники», «ваганты» или, какъ называли ихъ въ Малороссіи, «мандриванные дяки». Они переходили изъ города въ городъ, уча дѣтей шляхты и горожанъ и питаясь подаяніемъ (стр. 43—44). Г. Житецкій приводитъ затѣмъ біографію одного изъ нихъ, Ильи Турчиновскаго, замѣчательнаго по своимъ мытарствамъ и кончившаго жизнь священникомъ. «Бездѣльные шпаргалы», заключавшіе въ себѣ вирши и канты, были разносимы этими странниками во все концы Малороссіи и служили для учениковъ старинной школы «лакомой приправой къ изученію грамотки псалтыря и часословца» (стр. 56). Затѣмъ III главу авторъ посвящаетъ разсмотрѣнію содержанія вышеупомянутыхъ шпаргаловъ и обозрѣваетъ обширный виршевой матеріалъ правоучительнаго, правоописательнаго и историческаго содержанія, сближая данныя вирши съ сходными чертами думъ. Многія вирши по языку и стилю близки къ народнымъ пѣснямъ. Авторы вирши иногда подражали даже стихотворному размѣру пѣсенъ, имѣя въ виду мотивы ихъ. Такимъ образомъ, «мы видимъ передъ собою сліяніе виршеваго творчества съ народнымъ, причемъ въ отношеніи къ формѣ центръ тяжести перемѣщается изъ книжной среды въ народную. Мы присутствуемъ какъ бы при самомъ зарожденіи тѣхъ произведеній виршеваго искусства, которыя съ теченіемъ времени превратились въ народныя пѣсни» (стр. 127). Кромѣ этой, чисто внѣшней черты, было необходимо еще нѣчто иное, способствующее сліянію вирши съ народной пѣсней: «Поэтическія краски даетъ не школьная наука сама по себѣ, въ ея отвлеченіи отъ жизни, а именно эта самая жизнь, воспроизведенная въ чарующихъ звукахъ роднаго слова, которое стоитъ въ неразрывной связи съ естественнымъ методомъ народной мысли и народнаго чувства. Только тотъ могъ написать виршу, не оскорбляющую поэтическаго чувства, кто зналъ народную жизнь не понаслышкѣ, кто чувствовалъ ея трепетаніе въ собственномъ сердцѣ. Мы думаемъ, что къ этому болѣе всего способны были грамотные люди, входившіе, такъ сказать, во вкусъ народной жизни. Это были именно тѣ самые странствующие школьники и имъ подобные просвѣтители народа, о которыхъ мы говорили выше» (стр. 135). Эти люди

принимали живое участіе въ тревогахъ и радостяхъ народной жизни и на почвѣ этого общенія съ народомъ вдохновлялись иногда даже сюжетами исторической важности.

Слѣдующая глава (IV) изслѣдуетъ отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ. Творцы думъ охотно черпали матеріалъ изъ обширной области народнаго пѣснотворчества въ видѣ тѣхъ или другихъ поэтическихъ образовъ и цѣлыхъ картинъ; но этого мало—они вносили въ свои произведенія самый методъ народно-поэтического представленія, вытекающій изъ индивидуальныхъ особенностей малорусскаго племени. Только на почвѣ народнаго темперамента, соединяющаго въ себѣ и элегическое и сатирическое настроеніе, могли возникнуть думы, которыя самымъ названіемъ своимъ указываютъ на психическія свойства народа, среди котораго онѣ появились. Мы не видимъ въ думахъ разлада между рефлексивными свойствами мысли, которыми обладали творцы думъ и народно-поэтическими образами, въ которые они облекали эту мысль, ибо творцы думъ, всетаки, принадлежали къ этому народу, были тѣсно слиты съ нимъ, не смотря на видящуюся разницу въ культурномъ отношеніи. Потому-то въ поэтическомъ стилѣ думъ мы наблюдаемъ полную гармонію между природою и искусствомъ: самый языкъ думъ представляетъ удивительное приспособленіе книжныхъ стихій рѣчи къ народнымъ. «Не могло все это случиться само собою, въ безсознательномъ порывѣ наивнаго творчества,—говоритъ г. Житецкій,—думы не простыя пѣсни, навѣяныя мимолетными впечатлѣніями жизни ... Думы предназначались для широкаго круга слушателей, которые искали въ нихъ серьезнаго отвѣта на вопросы жизни семейной и общественной». Нѣсколько ниже, въ главѣ V-й, говоря о творцахъ и пѣвцахъ думъ, о «старцахъ», унаслѣдовавшихъ и разнесившихъ произведенія школьной мудрости въ народной средѣ, авторъ приводитъ фактъ, освѣщающій положеніе бандуриста и его политическую, общественную роль въ Украинѣ: Кодепскій судъ надъ гайдамаками смотрѣлъ на бандуристовъ, какъ на виновниковъ, какъ на подстрекателей народнаго восстанія: трехъ изъ нихъ онъ приговорилъ къ смертной казни (стр. 172). Пѣвецъ думъ, бандуристъ, часто немощный и слѣпой старецъ, порою казакъ, состарившійся въ бояхъ и походахъ и не могущій бороться обезсилившей рукою за свободу своего народа, служить послѣднюю службу этому народу, напоминая о давнихъ временахъ и призывая къ борьбѣ съ исконнымъ врагомъ.

Прошло бурная эпоха, настало новое время, надъ народомъ тяготѣютъ новые интересы жизни. Подъ давленіемъ ихъ «онъ не можетъ оторваться отъ угнетающихъ его заботъ о завтрашнемъ днѣ. Собственное прошлое его кажется ему сказкой. Онъ не понимаетъ его, онъ равнодушенъ къ нему. Поэзія думъ не трогаетъ его сердца». Теперь—эпоха не созданія думъ, а разрушенія ихъ или новой переработки. «Такъ изъ вѣка въ вѣкъ одиѣ формы жизни смѣняются другими, а за ними слѣдуютъ и формы поэзіи» (стр. 176).

Этимъ собственно и кончается изслѣдованіе г. Житецкаго. Последняя VI глава его заключаетъ въ себѣ описаніе рукописи старинныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ вариантовъ къ нимъ. Изъ 13 думъ, заключающихся въ этой рукописи, 3 совершенно были неизвѣстны доселѣ, такъ какъ въ народѣ не сохранились, и не находятся въ другихъ сборникахъ: это думы—«Атаманъ Матяшъ старый», «Вдова Сирка Ивана» и «Разговоръ Днѣпра съ

Дунаемъ». По мнѣнію г. Житецкаго, варианты къ извѣстнымъ уже думаемъ, изданные имъ, редактированы позже, чѣмъ многіе другіе варианты, записанные позже, а отсюда «не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и во второй половинѣ XIX вѣка не потухла еще въ пѣвцахъ народныхъ думъ поэтическая искра, въ которой довольно явственно можно различать отраженіе стариннаго поэтическаго творчества». С. Т.—скій.

П. Ковалевскій. Иванъ Грозный и его душевное состояніе. Харьковъ. 1893.

Въ нашей исторической литературѣ существуетъ масса попытокъ характеризовать, объяснить загадочную личность Ивана IV Грознаго. Карамзинъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Костомаровъ, Аксаковъ, Самаринъ и многіе другіе характеризовали его каждый по-своему. Нельзя сказать, чтобы каждая отдѣльная характеристика была вполне удовлетворительна, давала объясненіе всѣмъ фактамъ этого замѣчательнаго царствования. Каждый изслѣдователь отнѣнялъ какую нибудь одну сторону характера, пользовался далеко не всѣмъ матеріаломъ, смотрѣлъ съ одной какой нибудь стороны, а потому въ большинствѣ случаевъ и характеристики получались довольно одностороннія. Прежде всего, ни одинъ изъ историковъ не располагалъ специальными медицинскими познаніями, необходимыми для опредѣленія душевнаго состоянія царя. Съ большимъ интересомъ поэтому взялись мы за книгу г. Ковалевскаго, профессора психіатріи и нервныхъ болѣзней при Харьковскомъ университетѣ.

Книга распадается на двѣ части: въ первой, независимо отъ главнаго предмета изслѣдованія, говорится о душевно-болѣзныхъ, главнымъ образомъ о неврастеникахъ, вторая часть посвящена характеристикѣ Ивана Грознаго. Здѣсь авторъ пересказываетъ всѣ ужасныя исторіи изъ дѣтства и царствования Грознаго и въ концѣ концовъ заявляетъ, что, по его «убѣжденію», Иванъ IV былъ «большой человѣкъ», болѣзнь котораго «выражалась въ формѣ однопредметнаго помѣшательства (мономанія, параноя)» (стр. 202). Изъ самаго изслѣдованія, впрочемъ, можно заключить, что Иванъ Грозный страдалъ маніей величія, маніей преслѣдованія и многими другими маніями, такъ что уже въ силу одного этого характеризовать его, какъ человѣка, страдающаго мономаніемъ, помѣшательствомъ однопредметнымъ, — нельзя. Кромѣ того, неубѣдительно объясненія профессора Ковалевскаго уже и потому, что самый діагнозъ болѣзни Ивана IV поставленъ имъ далеко не точно. Авторъ, повидимому, отнесся очень легко къ тому, что сдѣлала историческая наука за послѣднее время относительно царствования Грознаго. Повидимому, послѣдній трудъ, которымъ воспользовался профессоръ Ковалевскій, былъ III томъ «Исторіи Россіи» г. Иловайскаго, составленный, какъ извѣстно, изъ Карамзина и Соловьева. Между тѣмъ, послѣ почтенныхъ работъ Карамзина и Соловьева сдѣлано очень много для характеристики Ивана Грознаго, притомъ много такого, что совершенно подрываетъ характеристику, написанную теперь профессоромъ Ковалевскимъ. Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ, что мысль о принятіи царскаго титула и обрядъ вѣнчанія на царствѣ было плодомъ болѣзненнаго воображенія Грознаго, возбужденнаго чтеніемъ «Исторіи, священнаго писанія, грече-

ских и римских исторій» (стр. 83). Если бы г. Ковалевскій познакомился съ изслѣдованіемъ г. Дьяконова «Власть московскихъ государей», онъ навѣрное этого не сказалъ бы. Впрочемъ, и въ извѣстной исторіи профессора Бестужева-Рюмина, съ которой авторъ также, повидимому, не знакомъ, довольно опредѣленно сказано, что царскій титулъ, не принятый официально, проскользнулъ уже и прежде въ дипломатическихъ сношеніяхъ при Іоаннѣ III и Василии, что и примѣръ царскаго вѣнчанія тоже былъ совершенъ раньше надъ Дмитріемъ, внукомъ Ивана III. Не сказалъ бы также г. Ковалевскій, что «во всемъ царствованіи Іоанна, не видно ни одной опредѣленной идеи», что царь «не имѣлъ своихъ убѣжденій, а поступалъ такъ, какъ ему внушали другіе» (стр. 93), если бы познакомился съ той же исторіей профессора Бестужева-Рюмина, а также съ изслѣдованіемъ г. Середонина «Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the russe common Wealth, какъ историческій источникъ». Изъ изслѣдованія г. Середонина онъ узналъ бы, что въ политикѣ Грознаго были опредѣленные принципы, что «опредѣленной мыслью», проходившей черезъ все царствованіе, была такъ называемая «борьба съ боярствомъ», уничтоженіе аристократическаго класса, тѣхъ потомковъ князей, которые жили еще старыми традиціями удѣльнаго времени, владѣли собственными войсками и крѣпостями внутри объединеннаго уже государства. Успѣшность же этой политики какъ нельзя лучше доказывается тѣмъ, что впоследствии, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, аристократическій классъ не могъ уже вернуть себѣ прежняго положенія. А изъ «Исторіи» профессора Бестужева-Рюмина г. Ковалевскій убѣдился бы, что и второе его положеніе несправедливо. Онъ отсюда узналъ бы, что Иванъ Грозный, вопреки настояніямъ всѣхъ своихъ приближенныхъ, вполне благоразумно, что доказывается неудачными походами на Крымъ XVII и XVIII вв., не захотѣлъ вести войны съ Крымомъ и началъ Ливонскую войну. Вообще нужно замѣтить, что много новаго узналъ бы почтенный авторъ, если бы ему удалось познакомиться болѣе основательно съ литературой своего предмета, приводить которую мы не считаемъ нужнымъ въ библиографической замѣткѣ, равно какъ не считаемъ для себя обязательнымъ долго останавливаться на неправильныхъ выводахъ автора. Думаемъ только, что при большемъ ознакомленіи съ предметомъ своего изслѣдованія авторъ не выставилъ бы недюжинной личности Ивана IV такимъ безмысленнымъ, бѣшенымъ звѣремъ, какимъ онъ изобразилъ его въ настоящей книгѣ. В. Б.

Исторія среднихъ вѣковъ. (Курсъ систематическій). Примѣнительно къ послѣдней программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, составилъ К. А. Ивановъ. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1893.

Названный систематическій курсъ средневѣковой исторіи въ одинъ годъ выдержалъ два изданія: первое появилось въ іюль 1892 г., а второе въ іюль настоящаго года. Такой успѣхъ выпадаетъ на долю немногихъ книгъ и, конечно, обусловливается крупными достоинствами ихъ. Курсъ средневѣковой исторіи г. Иванова, при нѣкоторыхъ маловажныхъ недостаткахъ, дѣйствительно обладаетъ несомнѣнными достоинствами, которыми вполне объ-

яняется и рекомендація этой книги (еще въ первомъ изданіи) ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, и большой успѣхъ ея.

Написанный, по совнанію самого автора, въ сравнительно короткій промежутокъ времени, курсъ этотъ представляетъ, по словамъ его, уменьшенную копию того объема учебно-исторической зрѣлости автора, который сложился годами его педагогической практики, когда автору ежегодно приходилось заниматься съ учениками средневѣковой эпохой, попеременно развивая въ бесѣдахъ тотъ или другой отдѣлъ послѣдней. Такимъ образомъ настоящее руководство выработывалось на дѣлѣ, путемъ многолѣтняго личнаго опыта, съ годами развиваясь и видоизмѣняясь, и потому оно является вполне пригоднымъ для предназначенной цѣли. Въ этомъ главное достоинство руководства г. Иванова.

При обзорѣ содержанія руководства, прежде всего пріятно поражаетъ то обстоятельство, что авторъ, распредѣливъ въ своемъ курсѣ матеріаль согласно послѣдней программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, вполне цѣлесообразно постарался выдвинуть на надлежащее мѣсто Византію. Исторія послѣдней вообще мало выступала въ учебныхъ руководствахъ и даже какъ-то тушевдалась среди изложенія исторіи другихъ странъ и народовъ. А между тѣмъ Византію по праву принадлежитъ выдающееся мѣсто въ исторіи, какъ хранительницѣ сокровищъ древняго образованія и въ частности — какъ первоисточнику нашей собственной образованности.

Не менѣе отраднo и то явленіе въ книгѣ г. Иванова, что авторъ, останавливаясь на важнѣйшихъ моментахъ въ исторіи славянскихъ народовъ, постарался изложить ихъ въ связи съ другими отдѣлами, благодаря чему исторія славянъ получаетъ важность, одинаковую съ прочими отдѣлами, и тѣмъ самымъ утрачиваетъ обычный въ руководствахъ подобнаго рода характеръ «придатка, представляющаго удобный соблазнъ для сокращенія» при прохожденіи курса.

Слѣдующая особенность разсматриваемаго руководства состоитъ въ томъ, что авторъ, въ заботахъ о сохраненіи законовъ перспективы, совсѣмъ почти выпускаетъ въ своемъ курсѣ факты второстепенные, или же указываетъ ихъ вскользь, останавливаясь исключительно на событіяхъ и лицахъ первостепенной важности. При этомъ имъ не игнорируется и внутренняя сторона исторіи. Но нельзя сказать, чтобы послѣдняя всюду одинаково освѣщалась авторомъ. Помѣшало этому илюлюбленное стремленіе его сохранить въ своемъ курсѣ законы перспективы, повлекшіе за собой игнорированіе такихъ второстепенныхъ фактовъ, которые въ своей совокупности значительно содѣйствуютъ уясненію связи и смысла важныхъ историческихъ событій. Нужно, впрочемъ, полагать, что автора въ данномъ случаѣ стѣснили и программа и учебный планъ.

Сравнительно съ первымъ изданіемъ настоящее изданіе руководства г. Иванова потерпѣло нѣкоторыя измѣненія. Измѣненія эти не касаются научной стороны руководства, и исключительно почти относятся къ исправленію, перестановкѣ и сокращенію текста. Въ общемъ они привели къ уменьшенію объема курса. Такъ, эпизоды, развивающіе общее положеніе главнаго отдѣла или иллюстрирующіе его, авторъ частью помѣстилъ въ примѣчанія, частью выпустилъ, частью заключилъ въ мелкій шрифтъ, указавъ тѣмъ самымъ на необязательность изученія ихъ при прохожденіи курса. Но, урѣ-

завъ текстъ, авторъ обогатилъ нѣкоторыми новыми, вполне цѣлесообразными примѣчаніями. Вообще педагогическая сторона дѣла теперь поставлена авторомъ гораздо шире. Желая, по возможности, облегчить изученіе исторіи, авторъ въ настоящемъ изданіи своего курса еще болѣе стѣснилъ и безъ того умѣренные размѣры номенклатуры перваго изданія, упразднивъ ее до послѣдней возможности, допускаемой школьными требованіями. Но, изгоняя усердно номенклатуру, авторъ въ то же время не поспешилъ на хронологическія даты, обиліе которыхъ часто является излишнимъ балластомъ для памяти учащихся. Авторъ, впрочемъ, и самъ сознаетъ это и въ предисловіи дѣлаетъ оговорку въ пользу необязательности нѣкоторыхъ датъ, по усмотрѣнію и выбору преподавателя. Заботы автора объ интересахъ вѣрности и прочности изученія исторіи выражаются также еще и въ томъ, что онъ дѣлаетъ въ текстѣ сопоставленія и сравненія разновременныхъ лицъ и событій, чѣмъ, несомнѣнно, способствуетъ повторенію пройденнаго, заставляя ученика часто обращаться къ нему, и слѣдовательно обезпечиваетъ успѣхъ въ изученіи исторіи. Наряду со всѣмъ этимъ авторъ повсюду старается сообщить живость и интересъ изложенію, употребляя для этого прекрасный педагогическій приемъ: именно онъ частью въ текстѣ, частью въ примѣчаніяхъ, указываетъ наиболѣе замѣчательные источники, а также — поэтическія и научныя произведенія (иногда въ выдержкахъ), которыя бы могли удовлетворить любознательности учащихся, дать пищу эстетическому чувству и сообщить любовь къ предмету. Вообще авторъ обратилъ чрезвычайное вниманіе на выработку текста и положилъ на это много труда, обнаруживъ умѣнье, знаніе и любовь къ своему дѣлу. Благодаря этому, книга г. Иванова производитъ очень пріятное впечатлѣніе и, по нашему мнѣнію, является однимъ изъ лучшихъ краткихъ курсовъ средневѣковой исторіи. Жаль только, что авторъ не снабдилъ своего руководства ни картами, ни рисунками, хотя бы въ видѣ отдѣльнаго приложенія. Положимъ, дѣло это требуетъ спеціальнаго изученія и интереса, и для этой цѣли существуютъ особые атласы, но тѣмъ не менѣе присутствіе картъ и рисунковъ въ рассматриваемомъ руководствѣ, какъ и вообще въ руководствахъ подобнаго рода, далеко не излишне, особенно въ виду тѣхъ педагогическихъ цѣлей, о которыхъ такъ ревниво заботится нашъ авторъ.

Съ внѣшней стороны, а также и въ типографскомъ отношеніи, книга издана весьма чисто и опрятно.

Н. Рыжковъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпуски XIII (съ 14-ю таблицами), XIV, XV и XVI. Тифлисъ. 1892—1893.

Изданіе «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» организовалось въ 1881 году по мысли попечителя Кавказскаго учебнаго округа, г. Яновскаго. Литературное предпріятіе, выразившееся за свое десятилѣтнее съ небольшимъ существованіе уже въ цѣломъ рядѣ солидныхъ по объему и содержанію выпусковъ, безспорно должно считаться весьма удачнымъ и заслуживающимъ вниманія. Изданіе «Сборника» представляется особенно симпатичнымъ по своей цѣли. Оно служитъ, какъ объ

этомъ заявлялось въ предисловіи къ первому выпуску, «средствомъ къ поддержанію духовной дѣятельности начальныхъ учителей, этихъ полезныхъ, но большею частію молодыхъ и неопытныхъ въ жизни тружениковъ, обремененныхъ иногда многіе годы оставаться въ средѣ сельскихъ обществъ, нерѣдко находящихся на весьма невысокой степени духовнаго развитія». И вотъ управленіе Кавказскаго учебнаго округа предложило учителямъ начальныхъ школъ заняться возможно-всестороннимъ изученіемъ мѣстностей, въ которыхъ они живутъ. Важное значеніе «Сборника» заключается также и въ томъ, что всѣ лучшія работы по описанію отдѣльныхъ мѣстностей и племенъ Кавказа современемъ могутъ послужить богатымъ матеріаломъ для общихъ изслѣдованій о Кавказѣ, однако и въ настоящемъ ихъ видѣ такіе труды во всякомъ случаѣ достаточно знакомятъ русскую публику съ краемъ малоизвѣстнымъ, но, безъ сомнѣнія, замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ.

Нашему разсмотрѣнію подлежатъ четыре выпуска «Сборника» за 1892 и 1893 годы. Мы скажемъ о содержаніи каждаго выпуска въ краткихъ чертахъ, рекомендуя лицамъ, вообще интересующимся Кавказомъ, а также специалистамъ по этнографіи, археологіи и другимъ отраслямъ науки, непосредственно обратиться къ самому изданію.

Выпускъ XIII «Сборника» по матеріалу, содержащемуся въ немъ, раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ сосредоточены изслѣдованія преимущественно, характера археологическаго («Памятники древности города Самшвилде»—г. Мажникова, «Пещера св. Оганеса»—г. Ѳедорова, «Древнія гробницы на рѣкѣ Индышъ»—г. Хурумова и др.); во второй же отдѣлѣ вошли статьи, представляющія интересъ этнографическій. Тутъ, напримѣръ, характеризуется бытъ имеретинъ: г. Ломинадзе сообщаетъ о «встрѣчѣ Нового года у имеретинъ» и даетъ описаніе примѣтъ, обрядовъ и предразсудковъ, какими сопровождается у нихъ этотъ торжественный и интереснѣйшій бытовой моментъ. Затѣмъ слѣдуютъ три имеретинскія сказки: первая изъ нихъ «Старикъ-нищій и три брата» говоритъ о человѣческой неблагодарности и о великомъ значеніи гостепріимства; сказка «Царь и черти» содержитъ въ себѣ забавный разсказъ о томъ, какъ нѣкій царь сильно желалъ помолодиться, а черти, пользуясь этой слабостью царя, зло подсмѣялись надъ нимъ; наконецъ, еще одна сказка «Нацаркекія» отвѣчаетъ на весьма популярную тему, какъ хитрость и ловкость побѣждаютъ физическую силу, не руководимую разумомъ. Далѣе, преданіямъ и повѣрьямъ абхазцевъ посвящены три статьи: «Озеро Папанцуръ» составляетъ одно изъ сказаній о провалившихся городахъ и селеніяхъ, а двѣ другія статьи «Абрскій» и «Ач—кы тыго» относятся къ сказаніямъ о Прометѣѣ. Кромѣ указанныхъ матеріаловъ и статей, въ томъ же отдѣлѣ помѣщены образцы грузинской народной словесности, армянскія преданія и легенды, татарскія пѣсни и сказки и проч. Не мѣшаетъ замѣтить, что тутъ же приводятся русская сказка «Чортъ и баба», принадлежащая къ обширному циклу сказаній «о злыхъ женахъ», и русская легенда «Исусъ Христосъ съ апостоломъ Павломъ въ гостяхъ у мужика», гдѣ высказывается мысль, что Богъ вознаграждаетъ за гостепріимство.

Выпускъ XIV «Сборника» не отличается такимъ разнообразіемъ содержанія, какъ предыдущій. Выпускъ этотъ исключительно посвященъ кавказскимъ горцамъ, описанію нравовъ, обычаевъ и произведеніямъ ихъ уст-

ной народной словесности. Въ XIV выпускѣ также два отдѣла. Въ числѣ статей перваго отдѣла заслуживаетъ вниманія небольшая замѣтка г. Бежанова о бытѣ немногочисленнаго нынѣ народа удиновъ, живущихъ въ двухъ-трехъ селеніяхъ Елизаветпольской губерніи, а нѣкогда занимавшихъ обширную территорію. Г. Бежановъ сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о свадебныхъ обрядахъ удиновъ, о погребеніи умершихъ, объ особомъ отношеніи этихъ инородцевъ къ рожденію дѣтей. Во второмъ отдѣлѣ выпуска собраны абхазскія, аварскія, хурклинскія и кюринскія сказки и пѣсни.

Въ выпускѣ XV «Сборника» предлагаются данныя о бытѣ, правахъ, воззрѣніяхъ и исторіи мѣстнаго великорусскаго и малорусскаго населенія, а главнымъ образомъ казаковъ Терской области, и также кавказскихъ горцевъ. Въ первой части этого выпуска собраны преимущественно пѣсни, причѣмъ приводятся не только тексты ихъ, но и мотивы, положенные на ноты. Пѣсни обрядовыя и бытовыя, являющіяся продуктомъ народнаго творчества, по возможности объяснены со стороны ихъ возникновенія. Значительное большинство пѣсенъ военно бытовыхъ и историческихъ, особенно тѣ, которыя связаны съ лицами и событіями позднѣйшаго времени (XVIII и XIX вв.), не суть народныя по своему происхожденію, а составляютъ продуктъ пѣснотворчества въ средѣ солдатъ и казаковъ. Эти пѣсни, хотя и лишены поэтическаго достоинства, однако, заслуживаютъ самаго серьезнаго изученія въ бытовомъ и историческомъ отношеніяхъ, какъ памятники извѣстнаго времени. Почти всѣ имена и событія въ этихъ пѣсняхъ, представляющія историческій, географическій и этнографическій интересъ, снабжены комментаріями. Во второй части XV выпуска напечатаны сказки, записанныя въ казачьихъ станицахъ, и сопровождаются необходимыми замѣчаніями.

Всѣ статьи XVI выпуска «Сборника», кромѣ трехъ небольшихъ замѣтокъ, относятся къ Сѣверному Кавказу—къ областямъ Терской и Кубанской и къ Ставропольской губерніи. По содержанію статей, XVI выпускъ, согласно принятому въ этомъ изданіи плану, распадается также на два отдѣла. Въ первомъ помѣщены статьи этнографическаго и экономическаго характера, напримѣръ, изслѣдованіе о станицѣ Ищерской, о станицѣ Терской, о селеніи Костекъ и др. Второй отдѣлъ посвященъ статьямъ о народной медицинѣ. Первыя двѣ статьи этого отдѣла, принадлежащія учителямъ Семенову и Живило, трактуютъ исключительно о народномъ акушерствѣ. Статья учителя С. Маноникова указываетъ цѣлый рядъ рецептовъ, употребляемыхъ знахарями.

Въ заключеніе намъ остается еще разъ указать на замѣчательное разнообразіе и обиліе матеріаловъ о Кавказѣ, сосредоточенныхъ въ книгахъ «Сборника», и пожелать успѣшнаго продолженія этого прекраснаго литературно-научнаго изданія. Желательно было бы, чтобы управленія и другія учебныя округа, расположенныя на окраинахъ нашего отечества, которыя нуждаются въ научномъ изслѣдованіи, послѣдовали благому примѣру Кавказскаго учебнаго округа.

Н. О.

Завѣщаніе отеческое. Сочиненіе И. Т. Посошкова. Новое изданіе, дополненное вновь открытою второю половиною «Завѣщанія». Издано подъ редакціей Е. М. Прилежаева Спб. 1893.

До настоящаго изданія г. Прилежаева «Отеческое завѣщаніе» Посошкова, было извѣстно только въ первой своей части, которую случайно нашелъ и издалъ въ 1872 г. А. Н. Поповъ. Благодаря такой же случайности, г. Прилежаеву удалось въ архивѣ св. синода, среди бумагъ секретнаго отдѣленія, найти вторую часть этого любопытнаго памятника, имѣющаго большое значеніе какъ для характеристики русскаго общества конца XVII, начала XVIII вѣка, во всѣхъ его слояхъ, такъ и для характеристики самаго Посошкова. Нѣкоторые ученые, сопоставляя отрывокъ «Отеческаго завѣщанія» съ другимъ замѣчательнымъ трудомъ того же автора «Книгой о скудости и богатствѣ», находили нѣкоторыя противорѣчія, на основаніи которыхъ обвиняли Посошкова въ двуличіи, находили въ немъ фарисейскій образъ мыслей и т. д. Противорѣчія эти казались на столько значительными, что позволяли характеризовать Посошкова, по одному его труду, какъ «умнаго, цивилизованнаго прогрессиста», а по другому, какъ «ограниченнаго представителя темной старины, ставящаго соблюденіе внѣшней религіозности на первомъ планѣ, рѣдко выходящаго изъ узкой рамки домостроевскихъ понятій». Вторая часть «Завѣщанія» даетъ возможность составить себѣ болѣе опредѣленное понятіе объ ея авторѣ. Е. М. Прилежаевъ въ обстоятельномъ предисловіи, заключающемъ въ себѣ исторію издаваемой рукописи, а также описаніе рукописей другихъ сочиненій Посошкова и полную его біографію, останавливается прежде всего на этомъ спорномъ вопросѣ и приходитъ къ заключенію, что фарисеемъ Посошковъ никогда не былъ. Къ такому выводу можно было, конечно, придти а priori, путемъ сличенія двухъ характеристикъ, упраздняющихъ одна другую. Г. Прилежаевъ доказалъ и вполне убѣдительно, что Посошковъ былъ человекъ въ высшей степени честный, до нѣкоторой степени идеалистъ, вполне искренній сторонникъ реформаторской дѣятельности Петра Великаго. Что же касается до того, что Посошковъ въ своемъ «Завѣщаніи» много говоритъ о внѣшнемъ Богопочтаніи, о наружныхъ выраженіяхъ православной религіозности, то не нужно забывать, что для Посошкова, какъ убѣжденнаго, искренно-вѣрующаго христіанина, «внѣшнія дѣйствія служили проявленіемъ нелицемѣрнаго внутренняго Богопочтенія». По мнѣнію Е. М. Прилежаева, Посошковъ «потому и оказался способнымъ написать «Книгу о скудости и богатствѣ», что не могъ, какъ цѣльный и убѣжденный христіанинъ, равнодушно видѣть «многое множество содѣвающихся неправды и всякихъ неисправностей въ Россійскомъ народѣ, яко во владущихъ, такъ и въ подвластныхъ», и пламенѣлъ желаніемъ «какъ бы насадить прямую правду и водрузить любовь». Кромѣ того, изъ всей его дѣятельности, очень обстоятельно охарактеризованной г. Прилежаевымъ, видно, что это былъ дѣйствительно прогрессистъ, человекъ по тому времени очень образованный. Положимъ, что онъ несочувственно относился къ западно-европейскому протестантизму, а открытіе Коперника называетъ «вымысломъ», но нужно принять во вниманіе, что даже образованнѣйшій человекъ того времени Теофанъ Прокоповичъ относился также скептически къ Копернику. «Всѣмъ извѣстно, — говорилъ онъ, — что солнце во-

кругъ земли ходитъ. Одному тому Копернику приснилось, что земля вокругъ солнца. Смѣются тому богословы». И дѣйствительно «смѣялись тому» многие не только у насъ, но и на Западѣ, такъ что для русскаго самоучки Посошкова это нисколько неудивительно. Въ общемъ, однако, онъ является противникомъ всякаго рода суевѣрій, требуетъ образованія, устройства академій, изученія иностранныхъ языковъ, совѣтуетъ пригласить даже иностранныхъ ученыхъ, пока собственныхъ нѣтъ, и т. д. Не останавливаясь на разнообразной дѣятельности этого русскаго Адама Смита, мы укажемъ только на то, что самой смертью своей онъ доказалъ всю несправедливость обвиненій его въ двулчїи, въ обскурантизмъ и т. д. Послѣ смерти Петра Великаго, 1725 г. 26-го августа, онъ «въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ ввѣять былъ подъ караулъ» обвиненный въ какой-то до сихъ поръ неизвѣстной «криминальной винѣ», посаженъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ 1-го февраля 1726 г. Такимъ образомъ, Посошковъ палъ жертвой мести тѣхъ «любителей неправды», противъ которыхъ, не смотря на ихъ высокое положеніе, онъ ратовалъ всю жизнь.

Помимо біографіи, г. Прилежаевъ даетъ въ своемъ обширномъ предисловіи сжатое изложеніе всего издаваемаго памятника, а также изложеніе всѣхъ проектовъ, которые представлялъ Посошковъ: «о денежномъ дѣлѣ и пошлинномъ сборѣ», «о ратномъ поведеніи», трехъ записокъ его къ Стефану Яворскому и о его полемическомъ трактатѣ, направленномъ противъ раскольниковъ «Зеркало» и др. Излагая содержаніе ихъ, авторъ даетъ свѣдѣнія о рукописяхъ названныхъ сочиненій Посошкова, даетъ также обстоятельныя библиографическія указанія. Къ сожалѣнію, г. Прилежаеву не удалось по независящимъ отъ него обстоятельствамъ познакомиться съ сочиненіемъ, приписываемымъ Посошкову: «О размѣреніи земли пашенной», и хранящимся здѣсь же, въ Петербургѣ, въ библиотекѣ академіи наукъ. «Независящимъ обстоятельствомъ», помѣшавшимъ сдѣлать это г. Прилежаеву, былъ, по всей вѣроятности, тотъ хаотическій беспорядокъ, въ которомъ находится русское отдѣленіе бібліотеки академіи наукъ.

В. Б.

Д. А. Столыпинъ. О существованіи научныхъ естественныхъ законовъ для общественныхъ явленій. Къ рѣшенію вопроса объ общинѣ. Москва. 1893.

Древніе называли исторію учительницею жизни, и нельзя отрицать, что прошлая жизнь человѣчества вообще и cadaго народа въ частности представляетъ много поучительнаго, много такого, съ чѣмъ мы должны считаться при устройствѣ своихъ политическихъ и социально-экономическихъ отношеній. У насъ въ настоящее время, подъ вліяніемъ тяжкаго экономического кризиса, ставится не мало вопросовъ социально-экономическаго характера; изъ нихъ едва ли не первое мѣсто принадлежитъ вопросу о формѣ землевладѣнія. Историческое прошлое завѣщало намъ общину, какъ наиболѣе обеспечивающую интересы большинства форму землепользованія. Но въ то время, какъ одни признаютъ общину полевою для нашего и будущаго времени, другіе смотрятъ на нее только, какъ на тормазъ для экономическаго развитія страны. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и г. Столыпинъ. На книжномъ рынкѣ время отъ времени появляются его брошюры по этому во-

просу. Авторъ—принципіальный противникъ общинной формы землевладѣнія и сторонникъ подворнаго, фермерскаго, хуторскаго хозяйства.

Сторонники нашихъ народныхъ устоевъ положили не мало труда, энергіи и таланта на изслѣдованіе общины, въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. Ихъ труды—общеизвѣстны. Съ чѣмъ же выступаетъ противъ нихъ г. Столыпинъ? Прежде всего, мы должны указать на его полное незнакомство съ литературою предмета. Такъ, характеризуя взгляды защитниковъ общины и противниковъ капитализма, онъ говоритъ: «современные возгласы противъ развитія крупнаго производства въ сущности полезнаго для общества и самихъ рабочихъ, а также возгласы противъ хотя мало-мальски порядочнаго крестьянскаго хозяйства (?)\», «должны бы логически открыто вести къ уничтоженію улучшенныхъ машинъ, къ уничтоженію науки и приниженію мысли»... Чтобы видѣть, на сколько далеко отъ истины авторъ, достаточно познакомиться, наприимѣръ, съ недавно вышедшими трудами гг. В. В. и Николая —она, самыхъ типичныхъ представителей той части нашего общества, которая отстаиваетъ въ литературѣ народные устои. Они не только ничего не говорятъ противъ техническихъ улучшеній въ сферѣ добывающей и обрабатывающей промышленности, но отъ всей души желаютъ, чтобы наука пришла на помощь нашему темному народу. Если противъ чего возражаютъ они, то противъ злоупотребленія наукою, противъ монополіи единичныхъ личностей во вредъ всему народу.

Далѣе читаемъ: «Главная сила и распространеніе ученія въ пользу общины заключается въ томъ, что ученіе это было поддержано нѣкоторыми профессорами права и политической экономіи и вошло въ учебники (sic). Все это ученіе построено на одномъ чистомъ метафизическомъ мышленіи (?) и полагается за научное, тогда какъ оно уже однимъ своимъ методомъ совершенно враждебно и противоположно наукѣ. Необходимо признать разность, существующую въ двухъ одинаково преподаваемыхъ классныхъ оффиціальныхъ ученіяхъ (?), отбросить метафизику и стать на твердую научную почву». Мы вполне согласны съ г. Столыпинымъ въ томъ, что при рѣшеніи социальна-экономическихъ проблемъ нужно держаться позитивнаго метода, согласны съ нимъ и въ признаніи естественныхъ законовъ для общественныхъ явленій; только не видимъ, чтобы признаніе этихъ положеній обязывало насъ также къ признанію ненормальности нашихъ національныхъ устоевъ и «естественности» только подворнаго владѣнія. Не убѣждаетъ насъ въ этомъ и краткая исторія развитія положительнаго мышленія, неизвѣстно зачѣмъ изложенная авторомъ, ни афоризмы (нельзя же ихъ назвать доказательствами) въ родѣ слѣдующихъ: «Община не существовала въ древней Россіи, и крестьяне жили односельями, что видно изъ писцовыхъ книгъ. Такая древняя форма селенія великоруссовъ односельями совпадаетъ съ формой селенія фермами или хуторами, что считается идеаломъ селенія въ сельско-хозяйственной наукѣ. Наука признаетъ такое селеніе при достаточномъ количествѣ земли нормальнымъ порядкомъ земледѣльческаго хозяйства. Факты доказываютъ на вѣрность (sic) положеній науки сельскаго хозяйства. Въ пользу общины и селенія деревнями одно время говорили: на западѣ люди съ голоду умираютъ, у насъ, въ Россіи, никто съ голоду не умираетъ, послѣ неурожая 1831 года и во многихъ мѣстностяхъ неурожая 1892 года такіа возрѣнія неумѣстны. Говорятъ также: дѣло не

въ улучшеніи земледѣлія, а въ улучшеніи быта народа. Это изреченіе, послѣ неурожаевъ, продолжавшихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ годами, должно быть также отброшено (будто?). Поднять плодородіе земли—вотъ въ чемъ насущная потребность настоящаго времени. Возвышеніе плодородія земли получается вложеніемъ капитала, улучшенными орудіями и методами производства. Возвышеніе это достигалось всегда личнымъ пользованіемъ и владѣніемъ землей».

М. Л.—скій.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями, библиографическими примѣчаніями и портретами. Издается подъ редакцію С. А. Венгерова. Выпускъ I. Спб. 1893.

Предпріятіе, первый выпускъ котораго появился въ свѣтъ, имѣеть цѣлью объединить въ одномъ цѣломъ всю русскую поэзію. Это—не хрестоматія, которая даетъ избранные отрывки лучшихъ произведеній, а, такъ сказать, все то, что произвела русская лира. Разумѣется, строгій скептицизмъ можетъ подать поводъ къ вопросу: стоятъ ли собирать всю російскую поэзію, въ которой такъ много плевель и такъ мало пшеницы? Такое собраніе имѣеть значеніе исключительно историческое. Оно даетъ возможность изучать исторію русскаго стихотворства во всѣхъ его деталяхъ, знакомя не только съ тѣми перлами, какіе внесли въ сокровищницу литературы истинные жрецы фантазіи и вдохновенія, но и съ плодами досужей метроманіи, съ явленіями литературнаго юродства и сумасшествія. По плану г. Венгерова, крупные поэты будутъ представлены цѣликомъ, меньшей величины—въ избранныхъ произведеніяхъ. Въ число послѣднихъ попадетъ масса такихъ, имена которыхъ (но не произведенія) извѣстны только самымъ записнымъ словесникамъ и библиографамъ. Тѣмъ не менѣе они-то и представляютъ наибольшій интересъ. Изученіе крупныхъ поэтовъ безъ изученія мелкихъ не полно. Нужно изучить фонъ, на которомъ вырисовались болѣе замѣтные представители эпохи. Въ этомъ отношеніи «Русская поэзія» можетъ оказать большую услугу. Кромѣ того, это изданіе будетъ полезно и какъ школьное пособіе. Собранію произведеній каждаго поэта предпосылается критико-біографическая статья, лучшая въ существующей литературѣ. Такъ первый выпускъ состоитъ изъ произведеній Кантемира, Тредьяковскаго и Ломоносова, о нихъ находимъ статьи В. Я. Стоюнина, И. И. Введенскаго и Н. Н. Булича. Названный выпускъ, заключающій собраніе стихотвореній трехъ писателей, стоитъ всего 1 рубль. Всѣхъ выпусковъ предположено двѣнадцать. Внѣшность изданія (форматъ in—4°) вполне удовлетворительна, и портреты,—чѣмъ чаще всего страдаютъ дешевыя изданія,—очень удачны.

М. М.

Въ память девятисотлѣтняго юбилея Волынской епархіи (992—1892). Городъ Владиміръ, Волынской губерніи въ связи съ исторіей Волынской іерархіи. Историческій очеркъ Н. И. Теодоровича. Съ 9-ю гравюрами. Почаевъ. 1893.

Объемистую книгу г. Теодоровича можно характеризовать вполне слѣдующими словами: въ ней, что ново, то не интересно, а что интересно, то не ново. Дѣйствительно, новымъ въ книгѣ является подробнѣйшее описаніе празднованія 900-лѣтія православія на Волыни. Описаніе это, занимающее почти 300 страницъ, заключаетъ въ себѣ церемоніалы крестныхъ ходовъ, рѣчи, произнесенныя разными лицами въ день юбилея, тексты телеграммъ, адреса разныхъ лицъ и учреждений и т. п. Все это, конечно, ново, но нельзя сказать, чтобы было интересно.

Что же касается до самой существенной части книги, до ея главнаго содержанія, т. е. до исторіи города Владиміра-Волынскаго въ связи съ исторіей волынской іерархіи, то здѣсь новаго авторъ даетъ очень мало. Исторія самого города—компиляція, рядъ хронологическихъ данныхъ, взятыхъ частью изъ лѣтописи, частью изъ другихъ пособій. Здѣсь нѣсколько страннымъ кажется, почему авторъ свою исторію города обрываетъ 1569 голомъ, годомъ Люблинской уни, затѣмъ сразу переходитъ къ раздѣламъ Польши (1793—1795 гг.) и въ концѣ концовъ перечисляетъ владиміро-волыньскихъ епископовъ. Кромѣ того, не давая почти ничего новаго, авторъ даетъ въ своемъ очеркѣ кое-что старое, которое можно было бы уже оставить. Такъ, напримѣръ, г. Теодоровичъ продолжаетъ повторять легенду о завоеваніи литовскимъ княземъ Гедиминомъ Волыни, о битвѣ при р. Ирпени въ 1321 г., хотя легенда эта давнымъ давно опровергнута проф. В. Б. Антоновичемъ, а два года тому назадъ М. Грушевскій въ своемъ изслѣдованіи: «Очеркъ исторіи Кіевской земли», еще разъ доказалъ ея несостоятельность. Затѣмъ, авторъ упорно нѣсколько разъ во всемъ своемъ сочиненіи годомъ крещенія кіевлянъ называетъ традиціонный 988 г. вопреки очень убѣдительнымъ доводамъ профессора Голубинскаго, изложеннымъ въ его «Исторіи русской церкви», доказывающимъ, что событіе это нужно приурочать къ 987 г. и т. д. Допущены также авторомъ нѣкоторыя неточности: такъ, напримѣръ, Владиміръ-Волыньскъ былъ разрушенъ татарами не въ 1240, а въ 1241 году (Ипат. лѣтоп., стр. 523—524). Все это мы привыкли видѣть въ учебникахъ, куда новые научные выводы попадаютъ не ранѣе, какъ черезъ сто лѣтъ, но въ трудѣ, приближающемся къ научнымъ, видѣть это нѣсколько странно. Списокъ волыньскихъ іерарховъ тоже не новъ. Онъ составленъ уже раньше О. И. Левицкимъ, который написалъ также сжатыя біографіи всѣхъ ихъ. Г. Теодоровичъ воспользовался этимъ спискомъ и біографіями, которыя разсказалъ подробнѣе, дѣлая дословныя выписки изъ лѣтописей. Стараясь расширить по возможности, дать возможно болѣе полныя біографіи іерарховъ X—XVIII вѣковъ, г. Теодоровичъ не приложилъ такого старанія относительно іерарховъ, можно сказать, современныхъ. Такъ, напримѣръ, онъ привелъ только сухой формулярный списокъ дѣятельности архіепископа Ага-еангела; онъ не только не указалъ на значеніе этой выдающейся личности, не только не попытался сдѣлать самостоятельной оцѣнки, что было бы очень важно, но даже не указалъ, что такую оцѣнку можно найти въ «Критико-біографическомъ словарѣ» г. Венгерова. Также точно поступилъ авторъ съ біографіями преосвященнаго Дмитрія, пользовавшагося большимъ значе-

ніемъ въ свое время, ректора Кіевской духовной академіи (1841—1851 гг.), Варлаама Шишацкаго и др. Мало самостоятельнаго представляютъ собой также историческія описанія православныхъ церквей и монастырей въ городѣ Владимірѣ-Волинскѣ. Г. Теодоровичъ въ основу своего описанія положилъ книгу О. И. Левицкаго: «Историческое описаніе Владиміро-Волинскаго Успенскаго храма», г. Дверницкаго: «Памятники древняго православія въ городѣ Владимірѣ-Волинскѣ», а также извѣстное изданіе Батюшкова «Волынь», изъ котораго взяты также и рисунки. Слѣдующее затѣмъ описаніе музея Свято Владимірскаго братства и перечень предметовъ, заключающихся въ немъ, перепечатаны г. Теодоровичемъ изъ отчета этого братства. Такимъ образомъ приходится констатировать фактъ, что книга г. Теодоровича не представляетъ собой никакого научнаго интереса и должна быть отнесена къ обыкновеннымъ юбилейнымъ изданіямъ, скоро забывающимся послѣ юбилея. Книга г. Теодоровича, впрочемъ, и здѣсь нѣсколько запазила, такъ какъ 900-лѣтіе православія на Волини, памяти котораго она посвящена, праздновалось въ прошломъ году.

В. Б.

La litterature russe. Notices et extraits des principaux depuis les origines jusqu'à nos jours. Par Louis Leger, professeur au Collège de France, Paris. 1893.

Извѣстный французскій славистъ, профессоръ славянскихъ нарѣчій въ Collège de France, Леже, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ составилъ хрестоматію по русской литературѣ изъ отрывковъ и небольшихъ цѣлыхъ произведеній русскихъ писателей, начиная съ XI вѣка и кончая нашимъ временемъ.

Книга Леже состоитъ изъ предисловія и трехъ частей: въ первую часть вошли писатели съ митрополита Иларіона до Петра Великаго; во вторую — писатели XVIII вѣка и въ третью — писатели XIX вѣка.

Въ предисловіи авторъ дѣлаетъ обзоръ исторіи русской литературы, а также объясняетъ характеръ и цѣль своего труда. «Извѣстно,—говоритъ онъ,—какой интересъ въ послѣдніе годы возбуждаютъ произведенія русской литературы. Сказать по правдѣ, этотъ интересъ сосредоточивается только на романѣ. На поэтовъ, историковъ, критиковъ, драматическихъ авторовъ, публицистовъ не обращаютъ никакого вниманія; не знаютъ совсѣмъ предшественниковъ, образовавшихъ то благородное орудіе, которымъ романисты пользуются». Поэтому авторъ, будучи убѣжденъ, что еще не наступило время во Франціи для изданія русской литературы, рѣшилъ ознакомить французское общество «съ русскими писателями, которые въ теченіе почти десяти вѣковъ (вѣрнѣе—деяти) выражали идеи и чувства русскаго народа», и выбралъ для этого форму хрестоматіи. «Эта книга,—говоритъ онъ,—не первое сочиненіе въ этомъ родѣ на нашемъ языкѣ: ей предшествовало извѣстное число аналогичныхъ изданій, но ни одно изъ нихъ не даетъ полной идеи о русской литературѣ въ ея историческомъ развитіи, ни одно не цитируетъ авторовъ, предшествовавшихъ XVIII вѣку». Авторъ выбиралъ преимущественно отрывки, которые могутъ освѣтить общественную жизнь и нравы русскаго народа, упованія его патріотизма, хотя бы этотъ патріотизмъ находился въ антагонизмѣ съ французскимъ. Большую часть этихъ отрывковъ авторъ самъ перевелъ; тѣ отрывки, которые онъ заимствовалъ изъ пе-

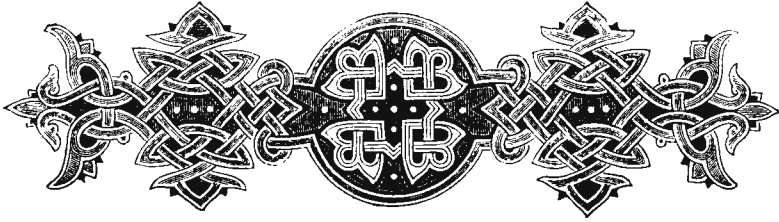
реводовъ уже существующихъ, снабжены имъ указаніемъ имени переводчика и издателя. «Для меня,—говоритъ Леже,—было большимъ счастіемъ позаимствовать нѣсколько отрывковъ у гг. de Vogué, Durru, Arvéde Barine, Durand Gréville, Legrelle, Derély». Авторъ, издавая свою книгу, руководился не только любовью ученаго къ русской литературѣ, какъ предмету своихъ постоянныхъ занятій, но также и политическимъ интересомъ, совершенно основательно полагая, что ознакомленіе французскаго общества съ русскою литературою въ ея историческомъ развитіи можетъ содѣйствовать скрѣпленію дружественныхъ узъ между двумя великими народами. «Да поможетъ намъ,—заключаетъ онъ свое предисловіе,—этотъ скромный опытъ лучше понять геній русскаго народа и скрѣпить отношенія, основанныя въ одно и то же время на инстинктивной симпатіи и общности политическихъ интересовъ».

Въ самой хрестоматіи помѣщены отрывки не только изъ писателей, изучаемыхъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, но также произведенія и отрывки изъ сочиненій Юрія Крижанича, маіора Давилова, князя Щербатова, Грибовскаго, Радищева, митрополита Платона, архіепископа Августина Виноградскаго, Рылѣева, Бѣлинскаго, Тургенева, Льва Толстаго, Достоевскаго, Салтыкова, Гончарова, Писемскаго, Островскаго, Хомякова, Тютчева, Некрасова, Аполлона Майкова, Полонскаго, Фета и Плещеева. Каждому писателю предшествуютъ замѣтки (notices). «Онѣ,—говоритъ авторъ,—не имѣютъ другой цѣли, какъ дать нѣсколько точныхъ справокъ, охарактеризовать талантъ авторовъ и роль, какую они играютъ въ интеллектуальной исторіи своей страны. Я прибавилъ къ нимъ нѣсколько библиографическихъ указаній объ ихъ сочиненіяхъ и важнѣйшихъ переводахъ этихъ сочиненій». Краткія замѣтки автора, дѣйствительно, представляютъ удачныя характеристики писателей за немногими, впрочемъ, исключеніями; къ такимъ исключеніямъ принадлежатъ, напримѣръ, характеристика Лермонтова, вышедшая очень блѣдною.

Само собою разумѣется, перлы русской поэзіи много потеряли въ переводѣ. Самъ авторъ сознаетъ это, говоря: «Къ несчастію, прелесть истинно національная исчезла въ переводѣ. Положительно необходимо читать ихъ въ подлинникѣ. Я былъ бы счастливъ, если бы небольшіе отрывки, которые привелъ въ этомъ сборникѣ, помогли нѣкоторымъ изъ нашихъ соотечественниковъ приступить прямо къ оригиналамъ, послѣ проникновенія въ тайны грамматики и словаря. Они не пожалѣютъ своего труда, если успѣютъ освоиться съ этимъ языкомъ, гармоническимъ и гибкимъ, однимъ изъ прекраснѣйшихъ языковъ, какіе только раздавались въ устахъ человѣческихъ». Дѣло не обшлось также безъ недосмотровъ, искажающихъ смыслъ произведеній. Леже, напримѣръ, такъ переводитъ первые четыре стиха «Пророка» Лермонтова: *Depuis que le juge éternel m'a donné l'omniscience d'un prophète dans les yeux des hommes, je lis des pages de malice et de vice.*

Книга Леже, очень полезная для французскаго общества, не бесполезна и для русскихъ. Преподаватели русской литературы найдутъ въ ней прекрасный обзоръ исторіи русской литературы, много хорошихъ характеристикъ писателей и примѣчаній къ ихъ произведеніямъ; для преподавателей же и преподавательницъ французскаго языка, которымъ приходится давать учащимся отрывки изъ русскихъ авторовъ для перевода на французскій языкъ, она можетъ служить, такъ сказать, справочнымъ ключомъ. Встрѣчающіеся въ ней недосмотры, въ родѣ указаннаго выше, легко исправить.

И. Жуковъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ТО БЫЛИ прародители народовъ Западной Европы? Историки и антропологи уже давно спорятъ о томъ, отъ кого происходятъ современные племена Западной Европы: отъ пелазговъ и этрусковъ, или отъ арійцевъ, которые заняли всю означенную мѣстность и считались доселѣ прародителями цивилизованныхъ европейцевъ. Итальянскій ученый Серджи ревностно отстаиваетъ первый тезисъ въ длинномъ рядѣ книгъ и журнальныхъ статей, изъ которыхъ послѣдняя появилась въ сентябрьской книжкѣ «Nuova Antologia». Она представляетъ въ ней подѣ заглавіемъ: «Этруски и пелазги», новые аргументы, основанные на произведенныхъ имъ научныхъ изслѣдованіяхъ. По его словамъ, со времени наплыва санскритскаго языка, всѣ взгляды ученыхъ сосредоточены на арійцахъ и въ нихъ полагаютъ найти ключъ къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ, касающихся происхожденія европейскихъ народовъ. Въ силу этого направленія, стали на всѣ лады утверждать, между прочимъ, что итальянцы являются народомъ индо-германскаго происхожденія, забывая все различіе въ физиологическихъ чертахъ, нравахъ и обычаяхъ. Точно также можно было бы доказывать индо-германское происхожденіе фригійцевъ, лидійцевъ и скивовъ потому только, что какой-то филологъ нашелъ бы нѣсколько общихъ словъ въ языкахъ тѣхъ и другихъ. Но достаточно освободиться отъ предвзятыхъ по этому предмету идей, чтобъ признать настоящее происхожденіе европейскихъ народовъ съ ихъ цивилизаціей гораздо древнѣйшимъ, чѣмъ индо-германское. Самые старыя обитатели береговъ Средиземнаго моря были египтяне, либійцы, фригійцы, лидійцы, лигурийцы, иберійцы и пелазги. Послѣдній, первобытный народъ африканской расы долго возбуждалъ споры историковъ и археологовъ насчетъ своего происхожденія, тогда какъ антропологическій методъ вполне разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Нѣтъ сомнѣнія для итальянскаго

ученаго, что существовала близкая связь между пелазгами и этрусками, которые были западными пелазгами, такъ какъ пелазгическая раса распространилась до Греціи и Средней Азіи. Первобытные обитатели береговъ Средиземнаго моря, представителями которыхъ были иберійцы, лигурийцы и либійцы, занимали Иберійскій полуостровъ, южную Францію, Италію съ Сициліей, Сардинію и Корсику со стороны Европы, а со стороны Африки они тянулись отъ Чермнаго моря до Гибралтара и Атлантическаго океана. Такимъ образомъ остается неизвѣстнымъ только, кто занималъ обширное пространство по Средиземному берегу отъ Италіи до Финикіи, и на этотъ вопросъ Серджи отвѣчаетъ, что несомнѣнно тамъ жили пелазги. Въ доказательство своего мнѣнія итальянскій ученый ссылается на Геродота и подкрѣпляетъ сообщаемыя древнимъ историкомъ свѣдѣнія своими собственными изслѣдованіями. Греки замѣнили пелазговъ, измѣнивъ языкъ страны, но въ Греціи сохранились пелазгическіе города, въ которыхъ остались первобытные обычаи и языкъ. Геродотъ приводитъ имена многихъ такихъ пелазгическихъ городовъ въ доказательство распространенія пелазгической расы. Мало-помалу произошло полное поглощеніе пелазговъ греками, и самое ихъ имя исчезло. Изгнаніе пелазговъ изъ Аѳинъ и постройка пелазгической стѣны — такіе факты, которыхъ, по мнѣнію Серджи, могутъ не признавать только люди съ предвзятыми идеями. Конечно, побѣжденная раса пыталась, но тщетно, возвратить себѣ потерянное положеніе; но зато несомнѣнно, что Греція заимствовала у пелазговъ нѣкоторыхъ изъ своихъ боговъ, именно: Юпитера, Нептуна, Вакха, Меркурія и проч. Точно также какъ пелазги подпали подъ влияніе грековъ, вполнѣдствіи лигурийцы и иберійцы были поглощены Римомъ. «Но, — замѣчаетъ итальянскій ученый, — вполнѣ неосновательно предполагать, чтобъ многолюдный народъ арійскаго происхожденія явился изъ Азіи, или съ сѣвера Европы, и занявъ Средиземный бассейнъ, уничтожилъ обитавшія тамъ племена». Примѣняя то же соображеніе къ этрускамъ, онъ приходитъ путемъ антропологическихъ аргументовъ къ заключенію, что обитатели Греціи и Италіи, древняго и новаго Египта, Эіопіи и Сѣверной Африки, имѣютъ общій физическій и антропологическій характеръ, хотя типическая форма измѣняется согласно условіямъ страны. Для достиженія этого результата Серджи произвелъ длинный рядъ ученыхъ изслѣдованій въ Италіи, Греціи и Египтѣ, сравнивая между собой черепа изъ древнихъ гробницъ съ современными обитателями береговъ Средиземнаго моря до восточной Африки, причемъ всегда оказывалось, что преобладаетъ элементъ либійскій.

— Открытіе Англій греками въ 330 г. до Р. X. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ издающагося въ Англій «Geographical Magazine», Клементъ Маркгамъ помѣстилъ любопытную статью о Питеѣ, впервые открывшемъ для древняго міра Великобританскія острова (Pytheas, the discoverer of Britain). Этотъ грекъ былъ бѣдный ученый, великій математикъ и астрономъ, а когда греческая колонія Массалія, теперешняя Марсель, поставила его во главѣ морской экспедиціи для изслѣдованія невѣдомыхъ сѣверныхъ странъ въ эпоху Александра Великаго, то онъ сдѣлался, по словамъ профессора Риса, «однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ путешественниковъ, когда либо видѣнныхъ на свѣтѣ». Подобно Колумбу, онъ приготовился къ разрѣшенію заданной ему тяжелой задачи серьезнымъ изученіемъ астрономической стороны вопроса, и только тогда отправился въ путь на суднѣ въ четыреста

тоннъ и сто пятьдесятъ футъ длины, гораздо лучшемъ и надежнѣйшемъ, чѣмъ маленькая «Santa Maria», на которой его знаменитый послѣдователь открылъ спустя восемнадцать столѣтій Новый Свѣтъ. Греческая экспедиція, дѣлая около пятидесяти миль въ день, вышла изъ Средиземнаго моря въ океанъ, еще невѣдомый древнему міру, и поднялась къ сѣверу, идя вдоль испанскихъ и французскихъ береговъ. Достигнувъ сѣверной Галліи, она пошла все прямо впередъ и послѣ нѣсколькихъ дней плаванія достигла берега страны, которую Пиеей назвалъ Cantion (Кантіонъ). Это былъ Cantium Цезаря и современный Кентъ. Тутъ предприимчивый грекъ остановился и не только вышелъ на берегъ, но прошелъ пѣшкомъ значительную часть Англій, которая въ то время была въ дикомъ состояніи и покрыта первобытными лѣсами, хотя занимавшія ее впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ кельтическія племена уже слѣдали нѣсколько шаговъ по пути цивилизаціи. По словамъ Пиеея, у нихъ были деревянные дома съ соломенными крышами, риги, гдѣ они молотили хлѣбные злаки, и военныя колесницы, хотя вообще ихъ предводители находились въ мирныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ. Подобно Колумбу открывшему табакъ, его предшественникъ Пиеей открылъ пиво, которое по его словамъ жители Кантіана приготовляли изъ ячменя, называли «спгті» и употребляли вмѣсто вина также, какъ другой напитокъ изъ меду. Вернувшись на свой корабль, смѣлый грекъ продолжалъ свой путь на сѣверъ до Оркнейскихъ острововъ. Тамъ онъ получилъ свѣдѣніе о полярной странѣ, носившей названіе Thule, отстоявшей на шесть дней пути и находившейся близъ замерзшаго океана. Онъ не рѣшился идти далѣе, но видѣлъ, вѣроятно, не въ далекомъ разстояніи отъ Шотландскихъ острововъ такой густой ледъ, что среди него нельзя было пройти. Поэтому онъ вернулся обратно въ Массалию послѣ пятилѣтняго, или шестилѣтняго плаванія.

— Королева Елизавета, какъ союзница турокъ и торговка невольниками. Въ лондонскомъ трехмѣсячномъ обзорѣніи «English Historical Review», Едвигъ Пирсъ напечаталъ очень оригинальный историческій очеркъ, подъ заглавіемъ: «Испанская Армада и Оттоманская Порта». На основаніи официальной переписки между Лондонскимъ и Константинопольскимъ дворами, онъ сообщаетъ совершенно новыя и доселѣ неизвѣстныя данныя о попыткѣ королевы Елизаветы заключить союзъ съ султаномъ противъ Испаніи, въ то время когда Англій угрожала Армада. Всего интереснѣе и характеристичнѣе въ этихъ переговорахъ, что основа аргументовъ за союзъ съ обѣихъ сторонъ заключалась въ одинаковой ненависти протестантовъ и мусульманъ къ «идолопоклонникамъ католикамъ». Англійскій посолъ Гербоуъ прямо говорилъ султану, что, благодаря этому союзу, «къ вящей славѣ Всемогущаго Бога, идолопоклонники, наши общіе проклятые враги, будутъ уничтожены громадною силою, дарованной Портѣ», и прибавлялъ: «Господь, храня только своихъ избранныхъ, такъ покараетъ идолопоклонниковъ нашими руками, что тѣ изъ нихъ, которые останутся въ живыхъ, послѣдуютъ нашему примѣру и будутъ поклоняться вмѣстѣ съ нами истинному Богу, а вы, сражаясь во славу Божию, пожнете не только побѣды, но и всякаго рода блага». Съ своей стороны турки были такъ убѣждены въ сходствѣ протестантства съ магометанствомъ; что Сянъ-паша сказалъ имперскому послу: «англичанамъ для обращенія въ мусульманъ достаточно поднять палецъ и произнести «Ешедь», то-есть, магометанскій символъ вѣры. Отношенія Елизаветы съ

Портой начались еще раньше Армады, и въ 1579 году она добилась разрѣшенія англичанамъ свободно торговать въ Оттоманской имперіи. Въ слѣдующія десять лѣтъ англійскія консульства были открыты въ Александріи, Каирѣ, Алеппо, Дамаскѣ, Триполи, и т. д. Первый англійскій посоль въ Константинополь, Гербонъ, отвезъ султану въ подарокъ девять бульдоговъ, стоявшихъ пять тысячъ дукатовъ, но такъ какъ въ то время Испанія была богаче Англійи, то онъ не имѣлъ возможности широко подкупать турокъ, а безъ этого ничего нельзя было сдѣлать. Поэтому онъ не могъ добиться отъ султана ничего болѣе, какъ обѣщанія послать большую армію на южные берега Испаніи, въ случаѣ нападенія на нее Англійи съ береговъ Атлантическаго океана, и всѣ дальнѣйшія дѣйствія какъ его, такъ и его преемника, сэра Эдуарда Бартона, заключались въ безуспѣшныхъ попыткахъ убѣдить Порту въ необходимости исполненія даннаго обязательства. Въ 1587 году англійскій посоль, настаивая на томъ, что заключенный трактатъ долженъ быть исполненъ, умолялъ султана, чтобъ онъ послалъ противъ Испаніи если не всю свою морскую силу, то хоть шестьдесятъ, или восемьдесятъ триремъ, такъ какъ, «пустуя иначе, — говорилось въ нотѣ, представленной турецкому правительству, — его величество навлечетъ на себя гнѣвъ Бога, сдѣлавшаго его могущественнѣйшимъ государемъ на свѣтѣ съ цѣлью уничтоженія идолопоклонства». Турки отвѣчали комплиментами и влялись въ дружескихъ чувствахъ султана къ королевѣ и въ его искреннемъ желаніи, чтобъ она всячески благоденствовала, потому что «она столь мудро и политично, особенно для женщины, править своимъ храбрымъ народомъ и, главное, ни она, ни ея народъ не поклоняются идоламъ, подобно другимъ христіанамъ, навлекающимъ на себя за это презрѣніе его и его народа». Вообще положеніе посла Елизаветы въ Царьградѣ было очень затруднительное: не имѣя денегъ, онъ не могъ побороть вліянія щедрой на подкупы Испаніи, и турки, слыша отовсюду о грозныхъ приготовленіяхъ Армады, были увѣрены, что она сотретъ съ лица земли Англійю. Хотя послѣ уничтоженія Армады, извѣстіе о чемъ пришло въ Константинополь только черезъ два мѣсяца, не было прямой необходимости въ помощи Турціи, но представитель Елизаветы продолжалъ свои усилія побудить Порту къ войнѣ съ Испаніей; однако, повидимому, всѣ эти дипломатическіе переговоры увѣнчались только полученіемъ королевой любезнаго письма отъ султана, въ которомъ онъ называетъ ее «славнѣйшей и мудрѣйшей изъ женщинъ, достойно занимающей мѣсто среди избранныхъ, ратующихъ подъ знаменемъ Иисуса Христа, и слѣдующей по стопамъ Дѣвы Маріи», а также сравниваетъ свою любовь къ Елизаветѣ съ «садомъ, переполненнымъ сладко поющими птицами».

Какъ ни странно, что христіанская королева является въ роли союзницы султана противъ другаго христіанскаго государя на основаніи идолопоклонства послѣдняго, но еще поразительнѣе открытіе англійскаго историка Фруда, что та же Елизавета одобрила установленіе торговли неграми и сама была однимъ изъ первыхъ торговцевъ невольниками. Этотъ любопытный историческій фактъ рассказывается Фрудомъ въ его очеркахъ: «Англійскіе моряки въ XVI вѣкѣ», которые печатаются въ «Longman's Magazine». Основателемъ англійской торговли неграми былъ сэръ Джонъ Гокинсъ, который, происходя отъ почтенной девонширской семьи средняго сословія, велъ торговлю съ испанскими портами на своихъ судахъ и слу-

чайно узналъ отъ туземныхъ торговцевъ на Канарскихъ островахъ, что можно извлечь большую выгоду изъ контрабандной продажи негровъ въ Вестъ-Индіи. Этотъ новаго рода торгъ составилъ тогда монополію испанскаго и португальскаго правительства, которыя, странно сказать, завели его, по совѣту знаменитаго филантропа, епископа Ласъ-Казаса, полагавшаго, что покупкой негровъ въ Африкѣ можно спасти ихъ отъ худшей доли и доставить имъ въ Индіи лучшую жизнь на плантаціяхъ, гдѣ, въ силу особыхъ узаконеній, должны были обходиться гуманно съ невольниками. Конечно, къ филантропической подкладкѣ новаго торга присоединился и фискальный интересъ, такъ какъ онъ производился лишь съ разрѣшенія правительства, и за cadaго невольника, при выгрузкѣ его, платилось 30 дукатовъ пошлины. Понятно, что контрабандная доставка невольниковъ въ Вестъ-Индію могла быть очень выгодной, и Гокинсъ, по совѣту знакомыхъ испанскихъ торговцевъ, составилъ изъ передовыхъ лондонскихъ купцовъ африканскую компанію въ 1562 году, вышелъ въ море съ тремя небольшими судами, купилъ триста негровъ въ Сіера-Леоне и продалъ ихъ съ громаднымъ барышемъ въ Санъ-Доминго. Испанское правительство, утрашенное этой смѣлой попыткой нарушить его монополію, конфисковало весь грузъ кожъ, которыя онъ купилъ на деньги, вырученныя за негровъ, и такимъ образомъ возникла между англичанами и испанцами борьба, которая продолжалась до правильнаго устройства открытаго торга Англіей невольниками съ испанской Индіей. Въ этой-то борьбѣ приняла участіе королева Елизавета, въ роли торговки неграми; она одолжила Гокинсу линейный корабль «Исусъ» съ 100 солдатами и взяла акціи въ новообразованной Гокинсомъ африканской компаніи. Эта вторая экспедиція смѣлаго моряка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и онъ продалъ въ Санъ-Доминго 400 невольниковъ, причемъ свой барышъ подѣлилъ съ королевой. Вотъ какво было начало торговли невольниками, которая существовала два столѣтія и возбудила столько заслуженныхъ проклятій, но, по замѣчанію Фруда, нельзя осуждать англичанъ и даже королеву за то, что они не сознавали всей гнусности торговли живымъ человѣческимъ товаромъ, когда такой святой человѣкъ, какъ Ласъ-Казасъ, придумалъ ее, а епископъ Бутлеръ не видѣлъ въ ней ничего дурнаго.

— Сподвижница Орлеанской Дѣвы. Культъ, питаемый современной Франціей къ Іоаннѣ д'Аркъ, которая, наконецъ, по словамъ самого папы, сказаннымъ надняхъ двумъ орлеанскимъ патерамъ, будетъ въ слѣдующемъ году причтена къ лику святыхъ католической церкви, переходить на скромную невѣдомую ея сподвижницу, по имени Перренаикъ. Это была простая бретонская посялка, и до сихъ поръ почти никто во Франціи не зналъ объ ея существованіи, но теперь о ней пишутъ книги, брошюры и журнальныя статьи, а также открыта подписка о постановкѣ ей памятника на бретонскомъ берегу, въ Менезъ-Врѣ. Одинъ изъ мѣстныхъ бретонскихъ литераторовъ Н. Кельенъ, посвящаетъ въ первомъ октябрьскомъ номерѣ «Revue Encyclopédique» нѣсколько восторженныхъ страницъ поэтическому разсказу о подвигахъ этой пламенной патриотки, заплатившей жизнью за свою любовь къ родинѣ и Орлеанской Дѣвѣ. Перренаикъ, дочь солдата, убитого англичанами, мирно жила съ своей подругой въ уединенномъ уголкѣ Бретани, когда до нея дошелъ слухъ, что французы побѣждаютъ своихъ враговъ подъ предводительствомъ удивительной Дѣвственницы, ниспосланной небомъ для спасенія не-

счастной роины. Молодая бретонка захотѣла также принять участіе въ этомъ спасеніи и отправилась съ своей подругой къ Іоаннѣ д'Аркъ, которую она уже не покидала до самой своей смерти. Кромѣ нея и ея подруги, всюду сопровождала Дѣвственницу еще одна женщина по имени Екатерина изъ Ла-Рошели, но это была самолюбивая интриганка, которая пыталась соперничать съ Іоанной въ дѣлѣ возбужденія патріотическаго подъема въ провинціяхъ, увѣряла, что ей также, какъ Іоаннѣ, являлись видѣнія, и во время процесса послѣдней совѣтовала ея судьямъ держать ее подъ крѣпкой стражей, такъ какъ она непременно убѣжитъ изъ темницы, хотя бы съ помощью чорта. Совершенно инымъ существомъ была скромная Перрина, какъ называли Перренаикъ вдали отъ родины; она страстно любила свою родную природу, питала мистическія стремленія къ заоблачному міру и также, какъ Іоанна, вполне искренно вѣрила въ являвшіяся ей небесныя видѣнія. Къ Дѣвственницѣ она питала самую преданную любовь, и хотя рѣдко слѣдовала за ней въ битвѣ, но постоянно была при ней въ остальное время и только по ея желанію разставалась съ ней, чтобъ исполнить какое нибудь важное порученіе. Такъ, въ апрѣлѣ 1430 года она отправилась въ Парижъ, гдѣ готовлялось возстаніе подъ руководствомъ патера Жюана Доле, но въ Карбелѣ она попала въ руки англичанъ, которые отдали ее на судъ католической церкви. Ея процессъ продолжался недолго, и на всѣ допросы судей она только отвѣчала, что присоединилась къ Іоаннѣ по волѣ Божіей, и что Іоанна дѣйствовала хорошо во славу Божію. Вѣдную молодую дѣвушку признали одержанной бѣсомъ и 3-го сентября сожгли на кострѣ въ Парижѣ передъ соборомъ Божіей Матери. Она умерла спокойно, стойко и, по словамъ мѣстныхъ бретонскихъ легендъ, пѣла на кострѣ поггическую балладу своей роины. И, по словамъ этихъ легендъ, при ея казни совершилось чудо: «поднялся сильный вѣтеръ, раздувая пламя костра, и всѣ покраснѣли словно залитые кровью—и судьи, и солдаты, и самая церковь съ своими колоколами». Эта роковая сцена въ Парижѣ предшествовала на девять мѣсяцевъ сожженію Орлеанской Дѣвственницы въ Руанѣ, и скромная бретонка такимъ образомъ указала ей путь къ мученической смерти.

— Столѣтняя годовщина смерти Маріи-Антуанетты. 16-го октября настоящаго года минуло ровно сто лѣтъ со дня казни Маріи-Антуанетты и «La Vie Contemporaine» посвятила весь свой номеръ отъ 1-го октября длинному ряду статей о злополучной королевѣ. Въ этихъ статьяхъ Маріи-Антуанетта рисуется со всѣхъ точекъ зрѣнія различными авторами, и хотя они не прославляютъ ея, какъ идеальную, святую женщину, невинную жертву преступной черни, но выраженію роялистскихъ писателей эпохи реставраціи и декабрьской имперіи, когда по странному капризу императрицы Евгеніи царилъ при Наполеоновскомъ дворѣ культъ Бурбонской королевы, но очевидная ихъ цѣль по возможности облѣпить ея память. При этомъ, конечно, они стараются доказать свое безпристрастіе, допуская въ своей героинѣ извѣстные недостатки. Жюль Симонъ въ общей характеристикѣ Маріи-Антуанетты, служащей вступленіемъ къ остальнымъ тринадцати статьямъ, заявляетъ, что цѣль редактируемаго имъ журнала при выпускѣ подобнаго спеціального номера заключается не въ желаніи устроить апофеозъ, создать поггическую легенду, или представить строго историческую оцѣнку, а только составить сборникъ любопытныхъ и наименѣе извѣстныхъ документальныхъ

свѣдѣній объ одной изъ трехъ легендарныхъ женщинъ, которыми обладаетъ Франція. Первая изъ этихъ героинь Іоанна д'Аркъ, по его словамъ, до сихъ поръ сіяетъ во всемъ блескѣ своего поэтическаго ореола, и исторія вполнѣ подтвердила составившуюся о ней легенду; насчетъ второй, Маріи Стюартъ, исторія мало поколебала возбуждаемый ею легендарный интересъ, такъ какъ ея патетическій образъ неизгладимо запечатлѣнъ въ памяти всѣхъ гениальными художественными произведеніями; но относительно послѣдней, Маріи-Антуанетты, исторія не даетъ простора легендѣ, и масса подлинныхъ документовъ, составляющихъ какъ бы ежедневный протоколъ всѣхъ ея дѣйствій, не позволяетъ уму предаваться мечтаніямъ. Если судить о Маріи Антуанетты съ высоты философскаго міросозерцанія, то Жюль Симонъ полагаетъ, что приговоръ о ней будетъ заключаться въ слѣдующихъ строго опредѣленныхъ выраженіяхъ: «какъ королева, не смотря на свои легкомысленные поступки, она была очаровательна, какъ общественный дѣятель, принимавшій участіе въ борьбѣ партій, она выказала недостатокъ проницательности и послѣдовательности, а вообще была ниже своего призванія, наконецъ, какъ мученица, она поражаетъ своимъ геройствомъ». Переходя къ развитію своего тезиса, французскій публицистъ признаетъ, что Марія-Антуанетта, сдѣлавшись французской королевой, не перестала быть австрійской принцессой, что она была олицетвореніемъ легкомыслія и страсти къ удовольствіямъ, что она въ политикѣ зло ошибалась и что она была врагомъ республиканской Франціи, но онъ выставляетъ цѣлый рядъ не только облегчающихъ обстоятельствъ, но прямо поводовъ къ извиненію, если не къ полному оправданію ея вредныхъ для Франціи, антипатріотическихъ дѣйствій. Эти дѣйствія, по его мнѣнію, объясняются ея воспитаніемъ въ монархическихъ принципахъ, полной свободой ея дѣйствій, популярностью въ первые годы пребыванія во Франціи, отсутствіемъ при ея молодости благоразумнаго руководства со стороны мужа, сначала лестью придворныхъ, а потомъ злобой враговъ, наконецъ, любовью къ семьѣ и хотя ложной, но искренней увѣренностью что, дѣйствуя противъ революціи и вооружая противъ французскаго народа чужестранныя государства, она исполняетъ свой королевскій долгъ на благо своихъ подданныхъ. Во всякомъ случаѣ Жюль Симонъ считаетъ, что Марія-Антуанетта не заслуживала своей ужасной участи, что взволнованныя на нее обвиненія были гнусными клеветами, что судъ надъ нею былъ незаконнымъ, и, что казнь ея, столь геройски ею перенесенная, дѣлаетъ ее вѣчнымъ предметомъ сожалѣнія и восторженнаго удивленія. Изъ авторовъ дальнѣйшихъ статей въ «La Vie Contemporaine» Пьеръ Нольякъ рисуетъ блестящую картину свадьбы Маріи-Антуанетты; Гастонъ Могра изображаетъ любовь королевы къ картежной игрѣ, къ скачкамъ и свѣтскимъ удовольствіямъ, въ которыхъ она съ необыкновеннымъ легкомысліемъ компрометировала и свое царственное достоинство и доброе имя женщины; Жерменъ Бабеть выставляетъ цѣлый рядъ аргументовъ въ пользу ея невинности въ знаменитомъ дѣлѣ ожерелья; герцогиня Фитцъ-Джемсъ старается доказать, что между ея дѣдомъ графомъ Фервеномъ и королевой существовали не постыдныя интимныя отношенія, но съ его стороны преданная платоническая любовь, а съ ея—искренняя дружба; Бушо и Ваноръ выставляютъ Марію Антуанетту, какъ замѣчательную красавицу, ни одинъ изъ портретовъ которой не передаютъ сотой доли ея очаровательной прелести, и какъ музыкантшу, прекрасно игравшую на клавикордахъ а также талантливо пѣвшую

въ операхъ на придворной сценѣ; наконецъ, Морисъ Турне и Робертъ Валье возбуждаютъ патетическій интересъ читателей рассказами о заточеніи и казни несчастной жертвы историческихъ событій, не ею вызванныхъ и которыхъ она не была способна ни предупредить, ни отворотить, хотя ея легкомысленность, конечно, значительно ихъ обострила. Все это представляетъ занимательное чтеніе, но не даетъ новаго историческаго матеріала, и гораздо болѣе документальное значеніе для дѣйствительно безпристрастной исторіи Маріи-Антуанетты имѣютъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ ей въ мемуарахъ генерала Тибо, отрывки изъ которыхъ помѣщены въ «Revue des deux Mondes» отъ 1-го октября.

Прибывъ въ Парижъ молодымъ человѣкомъ изъ Берлина, гдѣ его отецъ былъ профессоромъ въ военной школѣ и другомъ Фридриха Великаго, Тибо былъ пораженъ послѣ видѣннаго имъ апогея прусской монархіи, агоніей французской королевской власти въ Версалѣ, не смотря на весь ея вишній блескъ, и откровенно высказываетъ свои впечатлѣнія. «Многое,—говоритъ онъ, между прочимъ:—меня шокировало; конечно, я невольно сравнивалъ Людовика XVI съ Фридрихомъ и естественно не находилъ въ немъ ничего, что могло бы его поставить наравнѣ съ этимъ великимъ человѣкомъ. Французскій король положительно обнаруживалъ полное отсутствіе всякаго достоинства. Однажды, проходя мимо меня, онъ остановился и сталъ что-то говорить со смѣхомъ одному изъ придворныхъ, но онъ смѣялся такъ грубо, что походилъ скорѣе на пьянаго фермера, чѣмъ на государя. Тотъ же неприличный смѣхъ я слышалъ въ устахъ короля и въ другой разъ, когда онъ безжалостно переломалъ своей тяжелой палкой ребра маленькой собачки, которая попала къ нему на встрѣчу, и только хохоталъ при видѣ слезъ придворной дамы, собственницы собачки. Королева имѣла гораздо болѣе благородства въ манерахъ, поступи и осанкѣ, чѣмъ король, но я видѣлъ ее впервые въ такомъ простомъ и далеко не свѣжемъ бѣломъ колленкоровомъ платьѣ, что она казалась не французской королевой, а служанкой окружавшихъ ее придворныхъ дамъ. Но меня еще болѣе скандализировали и просто возмутили оскорбительныя замѣчанія молодыхъ вельможъ, пажей и королевскихъ тѣмохранителей о королевѣ, насчетъ которой и ея измятаго платья они позволяли себѣ выражать непристойныя мнѣнія и рассказывать неприличные анекдоты».

— Статуя Андреаса Гофера. 30 го сентября австрійскій императоръ открылъ въ Инсбрукѣ монументъ, воздвигнутый въ память тирольскаго патріота Андреаса Гофера. Уже давно Тироль и вся Австрія признавали необходимость такого публичнаго выраженія національной благодарности смиренному герою, который одинъ съ небольшою горстью своихъ соотечественниковъ возсталъ противъ Наполеона въ апогеѣ его величія и нѣсколько времени побѣдоносно отстаивалъ независимость своей родины. Хотя по ремеслу, скромный деревенскій трактирщикъ, Гоферъ пользовался громадной популярностью во всемъ Тиролѣ, когда въ 1809 году его призвали въ Вѣну и поручили ему организовать народное возстаніе въ его родныхъ горахъ противъ торжествующей французской арміи. Въ нѣсколько дней онъ вооружилъ и двинулъ на враговъ тысячу восемьсотъ храбрыхъ смѣльчаковъ, на помощь которымъ австрійскій генералъ, командовавшій войскомъ на Бреннерѣ, неохотно послалъ восемьсотъ солдатъ съ пятью пушками. Во главѣ этого отряда Гоферъ одержалъ двѣ побѣды при Изельской

горѣ и заставилъ французовъ снять осаду Инсбрука. Его родина была свободна, но по Знамскому перемирію, Тироль снова перешелъ въ руки враговъ, и маршалъ Лефевръ послѣ кровопролитныхъ стычекъ занялъ Инсбрукъ. Тогда Гоферъ вторично призвалъ къ оружію своихъ соотечественниковъ и уже безъ поддержки солдатъ или пушекъ, пошелъ съ тысячею восьмьюстами людьми, изъ которыхъ не всѣ были вооружены, на двадцатипяти тысячную армию французскаго маршала, имѣвшаго въ распоряженіи сорокъ пушекъ. Въ своемъ военномъ приказѣ, онъ просто объявилъ мужественнымъ тирольцамъ: «Завтра утромъ, съ помощью Божіей Матери, мы нападѣмъ на враговъ и разобѣмъ ихъ». Его увѣренность въ успѣхѣ оправдалась на дѣлѣ, и послѣ четырнадцатичасоваго упорнаго боя онъ заставилъ французовъ ретироваться во мракѣ ночи и вступилъ въ Инсбрукъ. Тамъ онъ оставался въ качествѣ регента два мѣсяца и благоразумно управлялъ страной, живя въ королевскомъ замкѣ, чеканя монету съ одноглавымъ орломъ, и оставаясь все тѣмъ же скромнымъ, честнымъ поселяниномъ, такъ что онъ ежедневно платилъ трактирщику за свой обѣдъ по нѣсколько грошей. Однако, вслѣдствіе Вѣнскаго мира баварская армія въ числѣ трехъ дивизій заняла Тироль. Гоферъ помимо своего желанія возобновилъ борьбу за независимость родины и понесъ страшное пораженіе на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде одержалъ побѣды. Онъ смиренно подчинился злой судьбѣ и попрежнему сталъ скромно жить въ своемъ сельскомъ жилищѣ въ Пассейерѣ. Но тирольцы не хотѣли дать ему покоя и вскорѣ побудили его снова взяться за оружіе. Онъ одержалъ двѣ ковыя побѣды, но потомъ его маленькій отрядъ былъ уничтоженъ многочисленнымъ непріателемъ, который безжалостно воспользовался своимъ торжествомъ. Тысячи тирольцевъ были избиты во всѣхъ частяхъ страны, и назначена большая награда за поимку Гофера, который скрылся съ своей семьей въ горахъ. Нѣсколько времени онъ спокойно жилъ въ хижинѣ, на одной изъ высшихъ горныхъ вершинъ, но, наконецъ, попалъ въ руки враговъ, благодаря измѣнѣ. Его отвезли въ Меранъ, и французскій генералъ Гюаръ послѣ краткаго допроса отправилъ его въ Мантую, гдѣ онъ былъ разстрѣлянъ. Передъ смертью онъ написалъ трогательное письмо, которое оканчивалось словами: «О, несчастный міръ! Мнѣ такъ мало стоитъ расстаться съ нимъ, что даже слеза не пробивается на моихъ глазахъ». Воздвигнутая въ честь тирольскаго героя статуя, работы извѣстнаго скульптора Налътера, возвышается на той самой Изельской горѣ, близъ Инсбрука, на которой онъ одержалъ двѣ побѣды, и въ своей рѣчи при открытіи памятника, австрійскій императоръ воздалъ должную честь памяти этого храбраго защитника своей родины. Хотя такимъ образомъ теперь слава Гофера официально закрѣплена бронзой и императорскимъ словомъ, но онъ въ этомъ нисколько не нуждался, такъ какъ весь Тироль уже давно поклонялся ему, какъ народному кумиру, и всячески прославлялъ его. Такъ съ прошлаго года въ Меранѣ на открытой сценѣ народнаго театра, устроеннаго на подобіе знаменитаго Оберамергаускаго театра, постоянно дается патриотическая драма, написанная Карломъ Вольфомъ, подъ заглавіемъ «Тироль въ 1809 году», въ которой изображается борьба Андреаса Гофера за свободу своей родины. Въ длинномъ рядѣ картинъ проходятъ передъ зрителями всѣ эпизоды этой борьбы, начиная отъ перваго момента, когда онъ развернулъ тирольское знамя и пошелъ на враговъ, до мрачнаго его слѣдованія узникомъ французовъ въ Мантую и расказа сельскаго учителя, присутствовав-

шаго при его казни, о послѣднихъ часахъ Гофера. По словамъ лицъ, видѣвшихъ эту пьесу, она очень интересна, игра актеровъ, исключительно жителей Мерана и окрестныхъ селеній, предки которыхъ сражались въ рядахъ арміи Гофера, очень эффектна по своему пламенному одушевленію, а естественная обстановка сцены, состоящая изъ тѣхъ самыхъ горъ, гдѣ боролся съ врагами и побѣждалъ ихъ тиролезскій герой, еще усиливаетъ впечатлѣніе этого вполне народнаго театральнаго представленія.

Мемуары Макъ-Магона. Только что умершій маршалъ Макъ-Магонъ оставилъ послѣ себя обширные мемуары въ пяти томахъ, и хотя еще не извѣстно, когда и какъ они будутъ напечатаны, но парижскія газеты представляютъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ содержаніи и приводятъ изъ нихъ нѣсколько отрывковъ. Каждый изъ томовъ носитъ особое заглавіе: первый—Алжиръ, второй—Крымская кампанія, третій—Итальянскій походъ, четвертый—война 1870—1871 г., и пятый—президентство. Однихъ этихъ названій достаточно, чтобъ возбудить любопытство, такъ какъ покойный маршалъ, хотя не былъ ни гениальнымъ полководцемъ, ни великимъ государственнымъ челоувѣкомъ, но, благодаря обстоятельствомъ, игралъ выдающуюся военную и политическую роль въ современной исторіи Франціи, а потому имѣлъ случай набрать много интереснаго матеріала для своихъ записокъ. Къ сожалѣнію, онъ писалъ ихъ на старости лѣтъ, а потому онѣ не могутъ имѣть свѣжести дневника, и кромѣ того, судя по отрывкамъ лицъ, которыя ихъ просматривали, записки имѣютъ исключительно личный и, такъ сказать, протокольный характеръ: это — просто сухое изложеніе фактовъ военной и политической карьеры маршала, написанное имъ для своего семейства, и онъ такъ старательно избѣгалъ всякой критики, оцѣнки событій, или характеристики лицъ, а также разоблаченій подкладки историческихъ фактовъ, что его трудъ не представитъ ни одного новаго невѣдомаго доселѣ историческаго документа и не броситъ новаго свѣта на извѣстныя всѣмъ событія. Всего подробнѣе Макъ-Магонъ рассказываетъ о своихъ молодыхъ годахъ, проведенныхъ въ Алжирѣ, и, даже, отрѣшаясь отъ своего сухого изложенія, приводитъ забавные, часто неприличные анекдоты. Онъ, повидимому, такъ дорожилъ этими характерными мелочами, что на совѣтъ друзей исключить слишкомъ прянные анекдоты отвѣчалъ: «Нѣтъ, это отголосокъ тогдашней военной жизни въ Алжирѣ; отчего не сохранить ея вѣрнаго образа?» Дальнѣйшіе томы о Крымской, Итальянской и Прусской кампаніяхъ отличаются преимущественно безцвѣтнымъ, строго официальнымъ тономъ, и въ нихъ не встрѣчается ни одной картинки, ни одного портрета, ни одного разсужденія, даже съ цѣлью облить свои собственные дѣйствія, а маршалъ могъ бы много рассказать живаго и глубоко интереснаго о своей безшабашной храбрости въ Крыму, гдѣ при взятіи Малахова Кургана онъ сказалъ свою знаменитую фразу, уже только повторенную въ послѣдній бурный періодъ его президентства: — «j'y suis j'y reste»; о своей отважной смѣлости въ Итальянскомъ походѣ, когда при Маджентѣ онъ пошелъ налѣво, вмѣсто направо, какъ было приказано императоромъ, и не только одержалъ славную побѣду, но и спасъ отъ плѣна Наполеона III; наконецъ, о причинахъ Седанскаго погрома, гдѣ онъ, можетъ быть, по словамъ Зола, «палъ жертвой дисциплины, такъ какъ во время сраженія онъ имѣлъ свиданіе съ императоромъ безъ свидѣтелей, и, что они говорили, никому неизвѣстно». Послѣдняя часть мемуаровъ Макъ-Магона, посвященная президентству, отли-

чается бѣльшимъ оживленіемъ и бѣльшей оригинальностью; тутъ попадаются интересныя страницы и если не новыя факты, то невѣдомыя подробности извѣстныхъ событій. Такъ, маршалъ доказываетъ, что онъ, вступивъ въ должность президента, вовсе не былъ интриганомъ, какъ его называлъ Тьеръ, или самолюбцемъ, какъ его характеризовалъ графъ Шамборъ, а сдѣлалъ это только изъ патріотическаго чувства и согласно просьбамъ предводителей большинства палаты, которые дали ему на размышленіе пять минутъ. Относительно своихъ отношеній къ графу Шамбору и къ Гамбеттѣ онъ рассказываетъ два любопытные эпизода. По его словамъ, во время неожиданнаго пріѣзда графа Шамбора въ Версаль, когда роялистское большинство палаты хотѣло провозгласить его королемъ и только отказалось отъ этого шага въ виду несогласія бурбонскаго претендента оставить трехцвѣтное знамя, одинъ изъ предводителей роялистовъ Блака явился къ Макъ-Магону и просилъ его назначить Шамбору тайное свиданіе, на что тотъ отвѣчалъ, что «готовъ въ случаѣ опасности, которая грозила бы графу Шамбору, защищать его до послѣдней капли крови, но что онъ не можетъ въ виду своего официального положенія относительно палаты и министровъ согласиться на тайное свиданіе». Такое же тайное свиданіе впоследствии просилъ Гамбетта у Макъ-Магона въ одной изъ кофеенъ Булонскаго лѣса или въ Версальскомъ паркѣ подъ покровомъ ночи, и онъ также въ этомъ отказалъ, не «находя возможнымъ допустить относительно Гамбетты то, что онъ нашелъ невозможнымъ въ отношеніи графа Шамбора». Друзья Гамбетты отрицаютъ достовѣрность этого факта и увѣряютъ, что онъ никогда не просилъ тайнаго свиданія съ президентомъ, а только заявилъ согласіе видѣться съ нимъ во время борьбы большинства палаты съ правительствомъ 16-го мая, по совѣту ихъ общаго пріятеля Дюклерка, но открыто и официально, что, однако, не могло устроиться. Но въ виду извѣстной наклонности Гамбетты къ тайнымъ переговорамъ нельзя питать полнаго довѣрія къ свидѣтельству его друзей и только на этомъ основаніи отрицать достовѣрность разказа Макъ-Магона, тѣмъ болѣе, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ отличался прямою, искренностью и честностью, благодаря чему его смерть на восемьдесятъ-шестомъ году жизни возбудила всеобщее сочувственное сожалѣніе во Франціи, не исключая радикальной партіи, выразившей единогласно въ самыхъ органахъ печати, что если маршалъ заблуждался и дѣйствовалъ противъ интересовъ республики, то лишь подъ влияніемъ консерваторовъ, увѣрявшихъ его, что онъ дѣйствуетъ на пользу Франціи, и благородно отказался отъ власти, какъ только понялъ, что находится, по его собственнымъ словамъ, «въ грязи по горло».

— Отчего Гуно не сдѣлался монахомъ? Всѣмъ извѣстно, что творецъ «Фауста», знаменитый французскій композиторъ, смерть котораго теперь оплакиваетъ его родина, Шарль Гуно, отличался религиозными стремленіями, строго исполнялъ церковныя требы, въ послѣдніе годы исключительно занимался духовной музыкой и такъ часто переходилъ въ прежнія времена отъ припадковъ мистической набожности къ веселымъ приключеніемъ въ области любви, что одинъ злобный критикъ назвалъ его «Фауста» «музыкой сластолюбиваго патера», но мало кто знаетъ, что Гуно дѣйствительно хотѣлъ сдѣлаться монахомъ, и ему въ этомъ помѣшалъ знаменитый французскій проповѣдникъ, отецъ Лакордеръ. Этотъ любопытный эпизодъ изъ жизни талантливаго музыканта игнорируется большинствомъ авторовъ

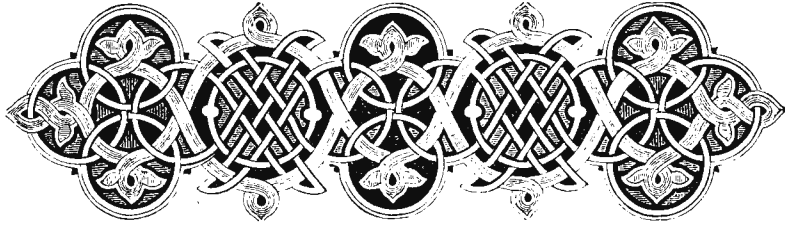
статей о немъ во французскихъ журналахъ, какъ Ренэ-де-Реси въ *Revue Bleue*, отъ 28-го октября, и Аргюромъ Тоженомъ въ *L'Illustration* отъ того же числа, и только въ *Journal de Debats* мы находимъ интересныя о немъ свѣдѣнія въ небольшой замѣткѣ подѣ заглавіемъ: «*La Vocation de Guano*». Гуно было тогда двадцатьвосьмь лѣтъ, и недавно вернувшись въ Парижъ изъ Рима, куда его послала французская консерваторія въ качествѣ «*premier-prix*» по музыкальнымъ сочиненіямъ, онъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, будущимъ, аббатомъ Гай, авторомъ «*Vertus chretiennes*», пылалъ желаніемъ поступить въ монастырь. Они оба цѣлыми часами играли навѣяныя религиозными идеями, сочиненія Баха и страстно обсуждали догматы католической церкви, но имъ этого было недостаточно и они желали въ уединенной келіи вкусить всѣ радости христіанскаго мистицизма. Подѣ вліяніемъ одной пламенной проповѣди Лакордѣра, они обратились къ нему съ просьбой принять ихъ въ обитель Флавины, настоятелемъ которой былъ этотъ краснорѣчивый доминиканецъ. «Я принимаю васъ съ радостью,—отвѣчалъ онъ: нашъ орденъ гордится многими артистами: Фра Анджелико, Савонаролой, Фра Джіовани. Продолжайте заниматься музыкой, но помните, что нашъ уставъ очень строгій, и, что малѣйшее нарушеніе, или разсѣянность влечетъ за собою серьезную кару». Такимъ образомъ друзья увидали себя въ стѣнахъ обители и съ восторженнымъ увлеченіемъ подверглись искусу, установленному для послушниковъ. Всѣ газеты оповѣстили о постриженіи въ монахи молодого композитора Гуно, а одна музыкальная фирма объявила о скоромъ выходѣ въ свѣтъ «Службы Святой Недѣли, сборникъ церковныхъ хоровъ, аббата Гуно». Но все это было преждевременно. Только Гай оказался дѣйствительно способнымъ переносить всѣ тяжести монастырской жизни, а Гуно послѣ пяти или шести дней сталъ все болѣе и болѣе засиживаться за игрой на органѣ въ часовнѣ, обнаруживая нервное волненіе и душ-вную тревогу. Лакордѣръ замѣтилъ его грустные взгляды и понялъ, что сильный энтузіазмъ сожалѣть о покинутомъ свѣтѣ, и рѣшился возвратитъ артиста искусству со всѣми его страстными порывами. Онъ позвалъ его къ себѣ и обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Другъ мой, я очень наслаждаюсь вашимъ талантомъ органиста, но надо вамъ сдѣлать выборъ между музыкой и религіей. Хотите вы, или нѣтъ, пострадать за Христа?»—«Хочу,—отвѣчалъ смѣло молодой человекъ, хотя внутренно страшился строгихъ умерщвленій плоти. Тогда Лакордѣръ подвергъ его испытанію власяницы и бичеваній. Этого не выдержалъ будущій творецъ столькихъ нѣжныхъ мелодій и, бросившись на колѣви передъ великимъ проповѣдникомъ, воскликнулъ: «Я хочу быть музыкантомъ, умоляю васъ, отпустите меня въ Парижъ». Монахъ добродушно улыбнулся и не удерживалъ ни минуты молодого музыканта въ мрачной области иноческаго аскетизма. Гуно поцѣловалъ своего товарища, который потомъ помогъ ему окончить его лучшее произведеніе «*Фауста*», и вернулся къ своей любимой музыкѣ. По словамъ извѣстной корреспондентки англійскихъ газетъ, мистриссъ Крофордъ въ ея статьяхъ по поводу смерти французскаго композитора, пользовавшагося большой популярностью въ Англии (*Illustrated London News* и *Daily News*) возвращенію его къ свѣтской жизни много помогла знаменитая пѣвица Біардо, которая настояла на томъ, чтобъ онъ явился въ парижскихъ салонахъ и поставилъ на театрѣ Большой Оперы свою первую оперу «*Сафо*».

— Французскіе журналы о Россіи. Какъ и слѣдовало ожидать посѣщеніе русскими моряками Тулона и Парижа возбудило цѣлую франко-русскую литературу, и всѣ октябрьскіе журналы переполнены статьями о Россіи, преимущественно историческаго содержанія. Конечно, первое мѣсто всюду занимаютъ очерки развитія русскаго флота и этому предмету посвящены статьи въ «Revue Bleue»: «Les Fastes de la Flotte Russe», Альфреда Рамбо; въ «Nouvelle Revue»: «Les Origines de la Flotte de la mer Noire», Валентина Горлова и въ «La Vie Contemporaine»—«La Marine Russe», Мориса Луара. Въ послѣднемъ журналѣ, Альфредъ Рамбо, извѣстный профессоръ въ Сорбоннѣ, рьяный ислѣдователь русской исторіи и литературы, началъ помѣщать другую свою длинную статью подъ заглавіемъ: «Le soldat Russe», въ которой онъ излагаетъ содержаніе старой, мало извѣстной даже въ Россіи, но очень любопытной книги, именно воспоминаній суворовскаго солдата, которыми пользовались Милютинъ и Петрушевскій въ своихъ сочиненіяхъ о Суворовскихъ походахъ. Въ «Revue Illustrée» напечатанъ небольшой эскизъ съ великолѣпными иллюстраціями русской императорской семьи, а «Revue de deux Mondes» отвелъ значительное мѣсто обширной статьѣ Артюра Дежардена подъ названіемъ: «Какъ Россія заняла свое мѣсто въ Европѣ» (Comment la Russie prit sa place en Europe), подробно разсказывающей, на основаніи документовъ, обнаруженныхъ Мартенсомъ въ его капитальномъ трудѣ «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами», исторію дипломатическихъ сношеній Россіи со временъ Ярослава до Екатерины II съ Англіей и Франціей, которыя постоянно вели борьбу за преемство въ дружескихъ сношеніяхъ съ Московіей, конечно, съ цѣлью ея эксплуатаціи въ пользу своихъ личныхъ интересовъ. «Revue Bleue», кромѣ статей о русскомъ флотѣ, познакомила французскую публику съ мнѣніями Пушкина о французской литературѣ, которая она заимствовала изъ записокъ Смирновой, и съ новой книгой Толстого «Le salut en vous», о которой даетъ сочувственный отзывъ извѣстный французскій критикъ Фагэ. Но, конечно, наиболѣе статей о Россіи мы находимъ въ «Nouvelle Revue», въ книжкѣ которой отъ 15-го октября изъ семнадцати статей, входящихъ въ ея составъ, семь прямо посвящены Россіи и двѣ относятся до нея косвенно, не говоря о стихотвореніи герцога Талейрана въ честь русскихъ моряковъ и политической хроникѣ самой редакторши, госпожи Адапъ, которая въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ высказываетъ свое сочувствіе къ тулоно-парижскимъ торжествамъ. Первая изъ этихъ статей всего интереснѣе, не смотря на то, что она занимаетъ всего двѣ страницы. Это до сихъ поръ неизданный, важный историческій документъ, именно письменный докладъ французскому королю Людовику XVIII герцога Ришелье, который былъ лишенъ портфеля перваго министра его врагами, упрекавшими его въ слишкомъ исключительной преданности русскому императору. «Меня обвиняютъ въ томъ, что я такъ безусловно преданъ русскому императору,—пишетъ Ришелье,—что готовъ принести ему въ жертву Францію и самые ея дорогіе интересы. Я не отрицаю, что глубоко привязанъ къ странѣ, въ которой я провелъ двадцать пять лѣтъ своей жизни и нашелъ убѣжище въ несчастныя времена, а также къ государю, который постоянно осыпалъ меня милостями и удостоилъ меня своимъ довѣріемъ. Но при какихъ обстоятельствахъ могъ бы я пожертвовать ему интересами Франціи, еслибъ даже я былъ способенъ на измѣну?»

Развѣ мы были когда нибудь въ состояніи оказать ему какія либо услуги, или онъ нуждался въ нихъ? Не къ его ли помощи мы должны были прибѣгать, чтобы оградить себя отъ жестокихъ требованій и безграничныхъ притязаній другихъ державъ? У меня хранится карта, которую я считаю для себя славой и честью; она дана мнѣ императоромъ Александромъ послѣ подписи трактата 20 го ноября, но онъ показывалъ мнѣ ее вѣскольکو разъ во время переговоровъ. На этой картѣ означены тѣ провинціи, которыя союзныя державы хотѣли отнять у Франціи, именно часть Франшъ-Конте, весь Эльзасъ, большая часть Лотарингіи и три епископства, Стенъ, Седанъ, Мезьеръ, Живъ, весь Генегау и французская Фландрія до моря, и только благодаря императору Александру дѣло обошлось извѣстными уступками. Потомъ ему же мы были обязаны сокращеніемъ окупационной арміи, устраненіемъ всѣхъ затрудненій при очищеніи иностранными войсками нашей территоріи и облегченіемъ платежа военной контрибуціи. А что мы сдѣлали для него въ видѣ вознагражденія за эти оказанныя намъ великія услуги? Ничего, ничего и ничего». Далѣе Ришелье говоритъ, что хотя въ то время не могло быть и рѣчи о другомъ союзѣ Франціи, кромѣ четырехъ дружественныхъ государствъ, но еслибъ этотъ союзъ когда нибудь распался, и Франціи пришлось выбирать союзникомъ Россію, или Англію, то онъ, не колеблясь ни минуты, совѣтовалъ бы заключить союзъ съ Россіей, такъ какъ Франція и Россія не имѣютъ никакихъ враждебныхъ интересовъ и соединеніе ихъ могущественныхъ силъ можетъ только послужить къ обезпеченію всеобщаго мира, тогда какъ союзъ съ Англіей, вѣковымъ врагомъ Франціи, будетъ вполне безплоднымъ. Остальныя статьи въ «Revue Nouvelle» не имѣютъ никакого значенія, а нѣкоторыя изъ нихъ просто курьезны. Такъ, въ «Эволюціи франко-русскихъ симпатій» разсказывается, что вся исторія Россіи со времени Петра Великаго ни что иное, какъ борьба между французскими и нѣмецкими вліяніемъ, что въ настоящее время нѣмцы окончательно потеряли всякую силу въ Россіи и, что нѣмецкая печать въ Россіи совершенно уничтожена, а журналы и газеты, издающіеся на французскомъ языкѣ, постоянно увеличиваютъ свое распространеніе; очеркъ рьянаго легитимиста герцога Валори подъ страннымъ заглавіемъ: «Александръ Великій, по поводу русскаго союза», имѣетъ цѣлю доказать, что Наполеонъ, старавшійся во всемъ подражать Александру Македонскому, величайшему изъ когда либо существовавшихъ людей, не послѣдовалъ его примѣру относительно русскихъ и потому погибъ, тогда какъ Македонскій герой при первомъ пораженіи, нанесенномъ ему скинами, пошелъ назадъ и самъ отказался отъ руки сестры скинскаго царя; пресловутая корреспондентка газеты «Figaro» въ Петербургѣ, но не покидающая Парижа, Лидія Пашкова, въ историческомъ разсказѣ «Жизнь русскаго героя» очень безцвѣтно и безтолково разсказываетъ нѣскольکو эпизодовъ изъ жизни кавказскаго генерала Котляревскаго и, вѣроятно, для большой картинности изображаетъ его въ юности скитальцемъ среди горъ въ поддѣвкѣ изъ бараньей шкуры; Бѣлаевскій, напечатавшій два года тому назадъ брошюру о сближеніи русскихъ съ французами посредствомъ единства ихъ языковъ, отстаиваетъ свою систему франко-русской азбуки на нѣсколькихъ страницахъ, которыя посвящены техническому изложенію основъ этой новой международной азбуки въ тридцать одну букву. Россіи еще непосредственно посвящены конецъ очерка Горлова о Черноморскомъ флотѣ и литературная хроника Леона Доде, сына знамени-

таго романиста, который представляет очень поверхностную характеристику русскаго романа. Кромѣ того, въ двухъ статьяхъ о совершенно другихъ предметахъ говорится, хоть вскользь, о Россіи; Ахмедъ Бей, авторъ ряда картинъ персидскаго общества («La société Persane»), доказываетъ, что Россія играетъ первенствующую роль въ Персіи и рано или поздно овладѣетъ ею, не смотря на всѣ интриги Англій, а Жанъ Дарженъ въ романѣ «Радуга» изъ современной японской жизни заставляеть одного изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ покуситься на жизнь русскаго наслѣдника изъ фанатической преданности старымъ порядкамъ, не допускавшимъ иностранцевъ въ Япвію. Въ «Revue Encyclopédique» помѣщены четыре франко-русскія статьи: рецензія книги Луи Леже «La littérature Russe» съ выдержками изъ сочиненій Нестора, Ломоносова, Фонвизина, Карамзина и Батюшкова, маленькая, но вѣрная картинка русской деревни неизвѣстнаго автора, бессмысленное описаніе русской кухни Лидіи Пашковой, которая серьезно увѣряетъ, что за русскимъ обѣдомъ супъ подается по капризу хозяйки въ началѣ, по срединѣ, или въ концѣ, а за неизбѣжной закуской выпивается нѣсколько чашекъ чая, послѣ чего уже начинается обѣдъ; затѣмъ слѣдуетъ очень обстоятельный, хотя краткій очеркъ изученія Россіи во Франціи, подписанный только буквами Л. Л., но, вѣроятно, принадлежащій компетентному перу Луи Леже. Изъ этой интересной статьи мы узнаемъ, что въ настоящее время русскій языкъ, исторія и литература преподаются въ Сорбоннѣ Альфредомъ Рамбо, въ «Collège de France» самимъ Луи Леже и въ школахъ политическихъ наукъ авторомъ «L'Empire des Tsars» Полемъ Леруа-Болье; кромѣ того, русскій языкъ преподается въ парижскомъ «Réunion des Officiers», въ Лилльскомъ университетѣ и въ Conseil Générale du Département du Nord. Кромѣ почтенныхъ трудовъ вышеназванныхъ французскихъ ученыхъ, лично изучавшихъ на мѣстѣ русскую исторію и литературу, знакомству французовъ съ Россіей въ послѣднее время много содѣйствовали и другіе французскіе публицисты, посвятившіе свою литературную дѣятельность этому предмету, въ особенности академикъ Воюэ, географъ Реклю и Эрнестъ Лэръ, написавшій на основаніи нѣмецкихъ матеріаловъ «Éléments du droit civil Russe».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Война будущаго года — по фантазіи англійскаго адмирала и европейская политика по измышленію нѣмецкаго шовиниста.—Айносы на Сахалинѣ и Іедзо, по рассказамъ туриста.—Прусскій офицеръ и шпіоны въ русской войнѣ 1877—1878 года.—Лѣтнія засѣданія англо-русскаго общества въ Лондонѣ.—Мемуары генерала Тума о войнѣ 1870—1871 года.

ПОСЛАВІЯ БУДУЩАГО являются съ фантастической или съ исторической подкладкой. Фантазія играетъ, впрочемъ, преобладающую роль не только въ картинахъ ожидающаго насъ развитія грядущихъ благъ культуры, благоденствія и изумительныхъ изобрѣтеній, но и въ мечтахъ о будущихъ событіяхъ въ международныхъ сношеніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ направленіи явилась въ Лондонѣ книга контръ-адмирала Коломба «и другихъ писателей», изображающая картины войны, которая должна вспыхнуть въ Европѣ еще до конца нынѣшняго столѣтія. Книга носитъ названіе: «Большая война 189— года. Обращеніе будущаго». (The great War of 189— a forecast. By rear admiral P. Colomb and others). Это картина столкновения, которое должно скоро произойти въ Европѣ между народами, вооруженными съ ногъ до головы и, конечно, не для того входящими въ неоплатные долги, чтобы, собравъ громадную армію и средства истребленія, не употребить ихъ въ дѣло. Вѣдь еще Мольтке говорилъ, что въ такомъ напряженномъ состояніи Европа не можетъ оставаться, и необходимо или уменьшить число армій, или пустить ихъ въ ходъ. А такъ какъ онѣ не уменьшаются, стало быть, остается только другой выходъ изъ ненормальнаго положенія. Авторы англійскаго сочиненія являются откровенными и непримиримыми врагами Россіи и поклонниками Пруссіи. Поэтому побѣда въ войнѣ принадлежитъ, конечно, нѣмцамъ, но даже снисходительная англійская критика находитъ, что авторъ-морякъ могъ бы хоть на сухомъ пути не такъ безпощадно разбивать рус-

скихъ и французовъ. Генераль Вольсей въ время высадокъ въ Варнѣ и Трапезундѣ совершаетъ такіе блистательные подвиги, какихъ не встрѣтишь ни въ какой сказкѣ. Шовинизмъ авторовъ доходитъ до того, что у нихъ англичане остаются вездѣ побѣдителями, но даже «Питтъ создалъ новый міръ чтобы возстановить равновѣсіе, нарушенное въ старомъ мірѣ». Всѣ державы играютъ съ книгѣ какую-то странную роль: Россія въ началѣ войны захватываетъ Варну, Австрія — Бѣлградъ; самая Англія хотя и остается нейтральной, не позволяетъ русско-французскому флоту напасть на нѣмецкій. Что же это за нейтралитетъ? Бельгія пропускаетъ прусскія войска вторгнуться во Францію, а когда французы вступаютъ въ Бельгію— это называется нарушеніемъ нейтралитета; занятіе Англіею Антверпена никакъ не называется. Все это такой сумбуръ, который трудно разяснить. Нѣмцы вторгаются въ Россію двумя арміями отъ Торна и Нейссы. Двѣ русскія арміи подъ начальствомъ генерала Гурко и великаго князя Владимира Александровича, разбитыя въ ночномъ сраженіи при электрическомъ освѣщеніи, отступаютъ къ Скерневицѣ. Австрійцы разбиваютъ русскія войска, командуемая генераломъ Драгомировымъ. Съ другой стороны, нѣмцевъ вторгнувшихся во Францію, разбиваетъ парижская армія, и они отступаютъ къ Мецу. И не смотря на это, къ концу войны Франція отказывается отъ Эльзаса и Лотарингіи. Какъ все это правдоподобно! Для чего пишутся подобныя книги и еще серьезными людьми?

— Даетъ просторъ своей фантазіи, по крайней мѣрѣ, въ политическихъ а не въ стратегическихъ выдумкахъ, и нѣмецкій писатель, Гейрихъ Гефкенъ, извѣстный издатель «Записокъ Фридриха III». Когда-то за обнародованіе этихъ записокъ авторъ подвергся сильному гоненію и долженъ былъ даже бѣжать изъ Германіи и поселиться въ Швейцаріи. Но времена переѣчивы, и теперь тотъ же самый Гефкенъ издаетъ въ Берлинѣ книгу, встрѣчаемую съ похвалою официальными лицами и учрежденіями. «Франція, Россія и тройственный союзъ, историческое обзорніе настоящаго времени» (*Frankreich, Russland und der Dreibund, geschichtliche Rückblicke für die Gegenwart*)—такъ называется это сочиненіе патриота своего отечества, прямо заявляющаго, что во Франціи союзъ съ Россіей считается несомнѣннымъ фактомъ, и поэтому замалчивается обо всемъ, что происходитъ въ Россіи: о затруднительномъ положеніи ея финансовъ, о голодѣ, о холерѣ. Но Гефкенъ горячо доказываетъ невозможность этого союза къ которому стремились, хотя и напрасно, всѣ русскіе монархи, начиная съ Петра I. Въ сужденіяхъ своихъ авторъ постоянно самъ себя противорѣчить. То онъ говоритъ, что Россія «заскиваетъ» у Франціи, стараясь, чтобы она смотрѣла на болгарскія дѣла съ русской точки зрѣнія, то увѣряетъ, что наша дипломатія совершенно отеклась отъ Болгаріи въ пользу Австріи, которая за это стала очень любезно относиться къ намъ. Нечего и говорить, что Гефкенъ не признаетъ внимательства Россіи въ намѣренія Пруссіи возобновить въ 1875 году войну съ французами и сохраненіе мира приписываетъ благодущію Вильгельма I. Обвиняя Россію въ самыхъ злокозненныхъ интригахъ на Востокѣ, авторъ приписываетъ ей Макіавелевскіе происки и на Западѣ и утверждаетъ, что въ 1886 году наша дипломатія предлагала Италіи Тріестъ за союзъ противъ Германіи и Австріи, а Франція въ то же время предложила Тріентъ. Болѣе, чѣмъ Францію, авторъ ненавидитъ Россію и не допускаетъ, чтобы она имѣла какіе нибудь международ-

ные интересы на Западѣ и Востокѣ. Французскія провинціи, захваченныя нѣмцами, онъ предлагаетъ раздѣлить между Пруссіей, Баваріей и Баденомъ и истребить въ нихъ французскій духъ принудительными мѣрами. Папу онъ обвиняетъ въ томъ, что Левъ XIII признаніемъ французской республики оскорбилъ всѣхъ католиковъ и допускаетъ такое преслѣдованіе римско-католической церкви въ Россіи, какого не было и въ царствованіе Николая I. По временамъ Гефкентъ, разъясняя взгляды прусской политики, дѣлаетъ откровенныя разоблаченія. Хвала Бисмарка за его намѣреніе новымъ разгромомъ Франціи совершенно изолировать Россію и подготовить войну съ нею, подрывая ея финансы боевыми пошлями, тройственнымъ союзомъ, онъ говоритъ, что старый канцлеръ былъ усерднымъ подстрекателемъ послѣдней войны Россіи съ Турціей и, пригласивъ къ себѣ нашего посла Убри, сказалъ ему:—«я слышалъ, что императоръ колеблется, но онъ пожалеетъ, если не начнетъ войну». Общій выводъ книги Гефкена слѣдующій: Россія мучится внутреннимъ безсиліемъ, о слабости ея знаетъ не только тройственный союзъ, но Константинополь и Софія. Изъ шумныхъ овацій во Франціи не выйдетъ никакого союза, тогда какъ положеніе среднеевропейскаго союза невыблемо, и присоединеніе къ нему Англии и Турціи обезпечено. Поэтому можно спокойно ожидать грядущихъ событій, хотя и не мѣшаетъ увеличивать силы тройнаго союза. Ясно, что именно для прославленія этого увеличенія написана и вся книга.

— Дугласъ Говардъ издалъ описаніе «Жизни съ засибирскими дикарями» (Life with trans-siberian savages). О племени айносовъ, живущихъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Сибири, на островахъ Сахалинѣ и Іедзо, писали профессоръ Рейнъ, капитанъ Блекистонъ, миссъ Бирдъ и другіе изслѣдователи. Теперь англійскому туристу русскіе начальники разрѣшили осмотрѣть островъ, назначенный мѣстомъ ссылки уголовныхъ преступниковъ, и Говардъ, отправившись изъ госпиталя Корсакова въ айносскую деревню, провелъ въ ней нѣсколько недѣль, изучая на мѣстѣ всѣдневную жизнь дикарей. Вмѣстѣ съ ними онъ охотился, ловилъ рыбу, ходилъ на медвѣдей. Чтобы дополнить свѣдѣнія объ айносахъ, Говардъ отправился черезъ Лаперузовъ проливъ на японскій островъ Іедзо, едва не погибъ при кораблекрушеніи, голодалъ, мерзнулъ, прошелъ сотню миль по пустыннымъ мѣстамъ. На обратномъ пути въ Хакодате судно, на которомъ ѣхалъ туристъ, было разбито тифономъ, причемъ погибли всѣ бумаги, записки, коллекціи, матеріалы, такъ что книгу свою авторъ писалъ по воспоминаніямъ безъ точныхъ указаній, чиселъ, безъ провѣрки извѣстій. И, не смотря на это, въ книгѣ, всетаки, много любопытныхъ свѣдѣній. Айносы, по мнѣнію Говарда, принадлежатъ къ арійскому племени. Разница между живущими на Сахалинѣ и Іедзо та, что за первыми смотрятъ русскія власти и не позволяютъ имъ напиваться, а вторые—страшные пьяницы. Въ книгѣ Говарда нѣтъ рисунковъ, хотя онъ снялъ фотографіи съ сахалинскихъ дикарей и ихъ жилищъ, но все это погибло при крушеніи корабля, а фотографическій аппаратъ айносы сожгли, испугавшись работы туриста. Онъ подтверждаетъ также наблюденія и другихъ этнографовъ, что тѣло айносовъ, какъ мужиновъ, такъ и женщинъ, покрыто, за исключеніемъ лица и кистей рукъ, не густыми, но длинными черными волосами. Письменности у нихъ нѣтъ вовсе.

— Относясь къ Россіи подозрительно и съ предубѣжденіемъ, англичане

тщательно собираютъ всё невыгодные отзывы о насъ, появляющіеся въ иностранной литературѣ, и съ удовольствіемъ перевели съ нѣмецкаго книгу прусскаго офицера графа Рихарда фон-Пфейля о службѣ его въ русской арміи въ войну 1877—1878 гг. (*Experiences of a prussian officer in the russian service during the turkish war of 1877—1878*). Авторъ этой книги, переведенной на англійскій языкъ полковникомъ Боудлеромъ, участвовалъ въ войнѣ Пруссіи съ Австріей и съ Франціею, но этого ему было мало, и онъ въ сентябрѣ 1877 года вступилъ въ русскую армію, чтобы сражаться съ турками. Что побудило его къ этому? Расположенія къ Россіи или славянамъ у него не было ни малѣйшаго, что видно изъ изложенія имъ военныхъ дѣйствій. Берлинскій корреспондентъ англійскихъ газетъ говоритъ, что Пфейль былъ шпиономъ прусскаго генеральнаго штаба и получилъ въ награду за оказанныя имъ услуги командованіе полкомъ въ Силезіи, на русской границѣ. О русскомъ солдатѣ авторъ вынужденъ отзываться съ похвалою, изъ которой исключаетъ только казаковъ, но о своихъ бывшихъ товарищахъ офицерахъ отзывы его не въ ихъ пользу. Онъ говоритъ прямо, что «вся нація, а потому и военные, стоятъ на гораздо низшемъ уровнѣ, чѣмъ нѣмцы». Онъ распространяется также о непопулярности войны и утверждаетъ, что «проповѣдуемый панславистами энтузіазмъ къ угнетеннымъ болгарамъ и сербамъ самый грубый обманъ, когда либо встрѣчавшійся въ исторіи». Прусскій герой доходитъ до такой наглости въ своихъ выдумкахъ, что говоритъ будто «въ сентябрѣ 1877 г. въ главной квартирѣ въ Горномъ Студѣ три четверти офицеровъ постановили: будетъ ли война или нѣтъ, вернуться въ Россію, предоставивъ братушкамъ заботиться самимъ о себѣ». При этомъ Пфейль слышалъ, какъ гвардейскіе офицеры часто повторяли: «ахъ, еслибъ я былъ такъ счастливъ, что могъ вернуться въ Петербургъ!»—или: «я далъ бы для этого порядочную сумму, еслибъ получилъ легкую рану». Даже критикъ англійской «Academy» возмущается такими выходками прусскаго шпиона. Онъ утверждаетъ также, что когда присоединился въ долину Ханкіюа къ 33-му Елецкому пѣхотному полку, командиръ его выразилъ свое нерасположеніе къ войнѣ. Пфейль пускается и въ интимныя подробности о разныхъ лицахъ, увѣряетъ, что въ Бухарестѣ Александръ Батенбергъ подтверждаетъ ему, что никогда не согласится быть болгарскимъ княземъ, рассказываетъ о генералѣ Радецкомъ, никогда не писавшемъ своей жёнѣ, о трехъ бракахъ своего начальника, князя Святополькъ-Мирскаго, на простой черкешенкѣ, на дочери послѣдняго грузинскаго царя и, наконецъ, на помѣщицѣ. Скобелевъ, по словамъ шпиона, обязанъ своей извѣстностью газетнымъ корреспондентамъ, которымъ онъ раздавалъ ордена. При переходѣ черезъ Балканы 9-го января 1878 г. «онъ поставилъ князя Мирскаго въ такое положеніе, что тотъ могъ быть разбитъ, а онъ сдѣлался бы героемъ дня». Это наглое обвиненіе, являющееся теперь, послѣ смерти Скобелева, опровергается съ негодованіемъ даже англійская критика, приводя свидѣтельство полковника Грина, въ его «исторіи войны 1877—1878 гг.». При такомъ возмутительномъ обвиненіи нечего упоминать о жестокости Скобелева, не приказывавшаго будто бы брать плѣнныхъ; хотя при взятіи Гривницкаго редута турки сдавались и просили пощады. Правдивы только рассказы Пфейля о продѣлкахъ трехъ жидовъ, съ которыми былъ заключенъ контрактъ на поставку продовольствія, да грабежъ арміи подрядчиками, но и это все уже давно извѣстно.

— Англо-русское общество въ Лондонѣ пріобрѣтаетъ все болѣе извѣстности и сочувствія со стороны англичанъ. Засѣданія его привлекаютъ много публики, съ большимъ интересомъ слѣдящей за рефератами членовъ. Недавно Артуръ Томсонъ, бывшій 14 лѣтъ пасторомъ англиканской церкви въ Петербургѣ, читалъ свою статью о русскихъ типахъ въ «Запискахъ Охотника». Въ изображеніи народныхъ типовъ лекторъ ставитъ Тургенева выше Эліота и Мередита, наравнѣ съ Дикенсомъ. Особенно типичны: Хоръ, Ермолай, мельничиха, горничная Арина, Федя, Гаврило. Капитанъ Фильморъ выразилъ по этому поводу удивленіе, какъ Тургеневъ, почти постоянно жившій за границей, такъ хорошо знаетъ Россію. Джемсъ Вильсонъ сообщилъ о довольно странномъ предложеніи какого-то русскаго автора и актера пріѣхать въ Лондонъ, чтобы играть пьесы Шекспира на англійской сценѣ съ англійскими актерами, но читая свою роль порусски. Вильсонъ привелъ примѣръ, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ Петербургѣ негръ Ольдриджъ игралъ Отелло съ нѣмецкой труппой, а самъ говорилъ поанглійски. Но и въ Петербургѣ это смѣшеніе языковъ подвергалось осужденію съ эстетической стороны, а въ Лондонѣ не встрѣтитъ никакого сочувствія. Полковникъ Дэвисъ читалъ рефератъ объ англо-русской кампаніи въ Гельдернѣ 1799 года, когда съ іюня по октябрь соединенныя англійскія и русскія войска сражались противъ французовъ и голандцевъ. Не смотря на непродолжительность совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій, англичане оцѣнили стойкость русскаго солдата и выносливость, съ какою онъ встрѣчалъ всякія лишения. Неуспѣхъ кампаніи произошелъ отъ того, что союзники повѣрили политическимъ интриганамъ, утверждавшимъ, что голандцы желаютъ избавиться отъ власти Франціи и признать монархомъ принца Оранскаго, тогда какъ они, напротивъ, желали остаться республиканцами. Союзъ Англій и Россіи былъ заключенъ 22-го іюня 1799 г. стараніями англійскаго посла въ Петербургѣ Вейтворта. Англія заплатила за содержаніе русскихъ войскъ 88.000 фунт. стерлинговъ одновременно и выдавала по 44.000 ежемѣсячно и провіантъ для русскихъ военныхъ судовъ. Англійскими войсками начальствовали генералы Аберкромби и Польшей, русскими—Германнъ, убитый впоследствии, и Седморадскій. Дельмаръ привелъ и другую кампанію, въ которой обѣ націи были союзницами: войну за освобожденіе Греціи въ 1827 году. Веселитскій-Божидаровичъ читалъ порусски записку объ исторіи православной церкви. Онъ доказывалъ, что въ древней Россіи эта церковь была лучше организована и гораздо болѣе, чѣмъ государство, имѣла вліяніе на народъ. Вильсонъ представилъ списокъ съ древнѣйшей русской грамматики, напечатанной въ Оксфордѣ въ 1640 году, то-есть гораздо раньше Ломоносовской. Президентъ общества Казалетъ сообщилъ о смерти члена В. Гауссена. Ему было 30 лѣтъ; какъ горный инженеръ, кончивъ образованіе въ Итонѣ и Кембриджѣ, онъ изслѣдовалъ въ Баку нефтяное производство и съ 1890 года жилъ въ Москвѣ, гдѣ, изучивъ русскій языкъ, перевелъ на англійскій рассказы Потапенка. Брайлей Годжетъ читалъ рефератъ «о герояхъ русскаго народа». Это свойство всего яснѣе обнаружилось во время послѣдняго голода. Другіе примѣры приводятся изъ исторіи Суворова, крымской войны и подвиговъ Скобелева. Въ частной жизни указывается на самоотверженіе писателей, на готовность интеллигенціи дѣлать съ народомъ его тяжелую жизнь. Д-ръ Джонъ Поллекъ разъяснялъ, какую огромную роль въ жизни «мужика» играетъ слово «аудъ». Герцогъ и гер-

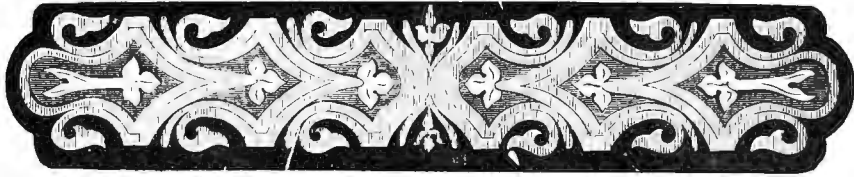
цогиня Единбургскіе приняли общество подъ свое покровительство, а русскій посольскій Сталь записался въ его члены. Графъ Милютинъ прислалъ письмо, въ которомъ сочувственно отзывался о цѣли общества и говорить, что если оно успѣетъ уничтожить нерасположеніе англичанъ къ Россіи, то окажетъ этимъ услугу миру и цивилизаціи. Мирваль читалъ записку о минеральныхъ богатствахъ Россіи, на основаніи книги проф. Менделѣева по тарифному вопросу, Поллекъ заявилъ, что англійская торговля можетъ найти обширный рынокъ въ Россіи, особенно по закупкѣ керосина и горныхъ продуктовъ. Сочувственные адреса обществу на русскомъ языкѣ прислали: Борзенко—московский адвокатъ, Кремлевъ—поэтъ и актеръ, и Сыромятниковъ, журналистъ, изслѣдователь скандинавской народной литературы. Морганъ прочелъ рефератъ «о промышленномъ искусствѣ въ Россіи» и остановился въ особенности на вліяніи татарскаго завоеванія, которое ввело восточныя украшенія въ русскую одежду и въ рѣзьбу на золотѣ и серебрѣ, чѣмъ такъ восхищался Чанселоръ въ московскомъ дворцѣ. Еще Иванъ IV просилъ королеву Елисавету, чтобъ она прислала ему аптекарей, архитекторовъ и другихъ полезныхъ людей. Лекторъ говорилъ и о современныхъ художникахъ: Верещагинъ, Семирадскомъ, Пясекомъ, выставившемъ панораму мѣстностей отъ Пекина до русской границы и Закаспійской желѣзной дороги. Онъ совѣтовалъ также русскимъ ученикамъ посѣщать школу и музей промышленныхъ искусствъ въ южномъ Кенсингтонѣ. Кинлокъ свидѣтельствовалъ объ искусствѣ русскихъ кустарей, хвалилъ лугутинскія издѣлія и деревянные ложки, изготовляемыя крестьянами, которые искусно расписываютъ ихъ рисунками своего изобрѣтенія и покрываютъ лакомъ, не сходящимъ отъ горячей воды. Общество поднесло привѣтственный адресъ наследнику цесаревичу по случаю его пріѣзда въ Лондонъ.

— Въ числѣ мемуаровъ, вышли посмертныя «воспоминанія генерала Тума» о войнѣ 1870—1871 года (*Souvenirs de la guerre de 1870—1871*). Авторъ не игралъ выдающейся роли въ событіяхъ этихъ лѣтъ и не выдвигался на первый планъ между современными дѣятелями, но былъ добросовѣстнымъ цѣнителемъ и безпристрастнымъ наблюдателемъ событий своей эпохи. Это былъ безличныи офицеръ, строгій исполнитель военной дисциплины, анонимная часть огромнаго цѣлага, называемаго арміею. Онъ былъ свидѣтелемъ и отчасти актеромъ исторической драмы нашего вѣка и подмѣтивъ многія закулисныя стороны ея, набросалъ мѣткіе портреты многихъ ея дѣятелей. Въ Крымскую войну онъ былъ артилерійскимъ капитаномъ и, командуя батареею, отличился въ сраженіяхъ при Инкерманѣ и Черной рѣчкѣ. Въ 1867 году онъ былъ сдѣланъ начальникомъ артиллерійской части въ министерствѣ Лебефа, смѣнившаго Ніеля. Новый военный министръ, любимецъ Наполеона III, такой же авантюристъ, какъ самъ императоръ, началъ съ того, что сталъ уничтожать все, что вводилъ его предмѣстникъ, хорошее или худое—все равно, лишь бы только дѣйствовать наперекоръ уже установленнымъ порядкамъ. Эта система ломки и передѣлки всего посвоему, составляющая конекъ всѣхъ выскочекъ, внесла въ артилерійское вѣдомство невообразимый сумбуръ, который Тума долженъ былъ устроить. Къ сожалѣнію, императоръ тоже считалъ себя знатокомъ артилеріи, вмѣшивался въ распоряженія по этой части и еще больше путалъ дѣло, изъ котораго, однако, каждый, не исключая самого Луи Наполеона, старался извлечь свои выгоды. Однажды,—говоритъ Тума,—въ сентябрѣ 1869 года, на

завтракъ во дворцѣ Сен-Клу, императоръ очень развязно сказалъ генералу Сюзану, начальнику всей артилеріи: не можете ли вы удѣлить мнѣ милліонъ изъ артилерійскихъ суммъ на улучшенія и опыты съ нововозбрѣтенными орудіями. Сюзанъ растерялся и сталъ говорить объ ограниченномъ бюджетѣ, недостаткѣ средствъ на необходимые расходы. Императоръ повернулся къ нему спиною, а первый министръ Руэрь сказалъ послѣ завтрака огорченному генералу: «начальникамъ отдѣльныхъ частей необходимо всегда имѣть въ запасѣ милліонъ на случай, если его потребуетъ императоръ». 4-го сентября 1870 года, по словамъ автора, печаль о пораженіи Франціи уравнивалась радостью паденія имперіи. Онъ надѣялся на осуществленіе мысли направить остатки арміи къ сѣверу для освобожденія Меца и соединенія съ Базеномъ, но онъ забылъ, что для такой перемѣны фронта былъ необходимъ такой полководецъ, какъ Наполеонъ I, бросившійся въ 1805 году изъ булонскаго лагеря на Дунай и разбившій Австрію при Ульмѣ и потомъ при Аустерлицѣ. А что же могъ сдѣлать нерѣшительный Мак-Магонъ съ жалкими остатками разстроенной арміи? Во время обложенія Парижа, Тума былъ отправленъ съ Кремье и Гле Бизуеномъ делегатомъ въ Туръ съ пѣлью сформированія 15-го корпуса. Но разстройство всякихъ запасовъ было полное, арсеналы пусты, на покупку оружія за границей не доставало средствъ, начальники вольныхъ стрѣлковъ силою захватывали ружья, купленные для регулярныхъ войскъ. На балконѣ дома архіепископа Кремье обнималъ при крикахъ восторженной толпы Гарибальди, явившагося на защиту Франціи, но его тотчасъ же отправили въ Вогезы, устроить оборону границы въ то время, когда Бисмаркъ издавалъ приказъ, въ случаѣ, если великій освободитель Италіи попадетъ въ плѣвъ—разстрѣлять его, какъ разбойника. Въ засѣданіяхъ совѣта народной обороны ораторствовалъ Кремье, нерѣдко пугавшійся отъ старости въ громкихъ, но пустыхъ фраззахъ. Прибытіе изъ Парижа Гамбетты на возушиномъ шарѣ оживило нѣсколько этотъ совѣтъ. Онъ сказалъ народу съ балкона префектуры краснорѣчивую рѣчь, возбуждившую энтузіазмъ. Но военные встрѣтили съ негодованіемъ рѣзкую прокламацію трибуна, въ которой онъ клеймилъ сдачу Меца и арміи, повиновавшейся измѣннику. Тума находить, что такое обвиненіе уничтожаетъ всякое значеніе арміи и наноситъ смертельный ударъ дисциплинѣ. Онъ хотѣлъ даже выйдти въ отставку, но послѣ свиданія съ Гамбеттою понялъ, что во время разгрома отечества каждый гражданинъ долженъ забывать личныя убѣжденія и оставаться на своемъ посту для поддержанія порядка. Гамбетта увлекъ его свѣтлыми взглядами, широкими планами, непоколебимою энергіею, хотя и сказалъ ему: «да, полковникъ, мы глубоко упали, и намъ остается теперь только выборъ пропасти, въ которую приходится окончательно свалиться. Но Франція должна, всетаки, выйдти изъ нея, чего бы это ни стоило». И въ такое-то время разные авантюристы надобдали министрамъ просьбами о производствѣ въ чины и назначеніи на доходныя мѣста. Кремье приставалъ къ Тума съ опредѣленіемъ своего родственника въ какую-то должность. Тотъ отказался, сообщивъ объ этомъ Гамбеттѣ. «И хорошо сдѣлали, что не послушались этого стараго дурака»,—отвѣчалъ трибунъ, не выбравшій выраженій и часто увлекавшійся пылкостью своего характера. Видя, что изготовленіе патроновъ на капсульномъ заводѣ въ Буржѣ идетъ очень медленно, онъ вскричалъ однажды: «я вѣду разстрѣлять начальника завода!».—Это не прибавитъ вамъ ни одного

патрона,—замѣтилъ Тума,—и гораздо лучше обѣщать начальнику награду, чѣмъ лишать его энергіи угрозами». Гамбетта послушалъ добраго совѣта. Они сблизились между собою и, Тума, видѣвшій, какъ Гамбетта плакалъ при потерѣ Орлеана, пишетъ: «что бы ни говорили объ этомъ человѣкѣ, я убѣжденъ, что онъ страстно любилъ свое отечество». Правительство переселилось изъ Тура въ Бордо, но дѣла шли все хуже: Бурбаки покушались на самоубійство, Жюль Фавръ вель съ Бисмаркомъ переговоры о перемиріи. Гамбетта приходилъ въ отчаяніе и въ бѣшенство. Изъ Парижа явились еще три члена правительства: Гарнье-Паже, Пельтанъ, Араго. Въ засѣданіяхъ совѣта обсуждался вопросъ о войнѣ до послѣдней крайности. На улицахъ волновался народъ. Въ совѣтъ врывались друзья Гамбетты, прося его сказать рѣчь народу; онъ отправлялъ ихъ къ чорту и продолжалъ настаивать на пожертвованіяхъ и вооруженіяхъ. Заключеніе постыднаго мира привело его въ мрачное отчаяніе. «Я видѣлъ его потомъ», — говоритъ Тума,— блестящимъ ораторомъ, главою министерства, ниспровергнутаго интригою, хотя онъ былъ лучшимъ правителемъ страны, но онъ не былъ никогда такъ великъ, какъ въ тяжелые дни обороны отечества». Обо всѣхъ другихъ дѣятеляхъ этой эпохи авторъ невысокаго мнѣнія. Тьеръ, генералы Сиссе, Лефло и др. думали больше о себѣ, чѣмъ о родинѣ. Уволенный въ отставку по окончаніи войны, генераль Тума долженъ былъ вмѣстѣ съ Сюзаномъ отвѣчать на допросѣ слѣдственной комисіи по ликвидаціи военныхъ расходовъ. Ихъ обвиняли въ утверженіи неправильныхъ подрядовъ, но они опровергли всѣ возведенныя на нихъ клеветы. Съ тѣхъ поръ Тума удалился въ частную жизнь и писалъ свои мемуары. Узнавъ о ранѣ, полученной Гамбеттою на его виллѣ, онъ бросился въ Жарди, но его не допустили къ умирающему «тѣ, въ чьихъ интересахъ было изолировать великаго трибуна и по смерти, какъ они изолировали его и при живни».

СМѢСЬ.

ТРЕХСОУЛѢТНЯЯ годовщина Донскаго монастыря. Москва праздновала трехсотлѣтній юбилей одной изъ замѣчательнѣйшихъ святынь своихъ: Донскаго монастыря. Торжество это — не только церковное, но и обще историческое. Лѣтопись Донскаго монастыря, въ первое столѣтіе его существованія, живое зеркало бѣдъ и напастей, которыя терпѣло государство Московское въ вѣковой борьбѣ съ «нечестивыми агарянами», то-есть съ полчищами крымскихъ хановъ, периодически наводившими въ XVII вѣкѣ украины нашего отечества. Объ основаніи обителя разсказываются слѣдующія легенды. Лѣтомъ 1591 г. крымскій ханъ Казы-Гирей, по предварительному уговору со шведскимъ королемъ, почти неожиданно появился подъ стѣнами Москвы «со многими ордами, съ ними же быша и турецкіе люди». Москва въ это время оставалась почти беззащитною. Главное войско было отвлечено частью въ Новгородскую область для наблюденія за шведами, частью—на Оку сторожить тѣхъ же татаръ; послѣднимъ удалось обмануть бдительность «береговой рати» и потаенными дорогами прокрасться къ русской столицѣ, Ханъ не шель, а летѣлъ на Москву—огромными перегонами, не давая своимъ ордамъ отдыха, измѣнивъ даже старинному обычаю татарскихъ набѣговъ грабить и полонить попутные города. Встрѣтить новаго Мамаю въ Москвѣ было некому кромѣ городовыхъ стрѣльцовъ, войска осаднаго и къ полю непривычнаго. Дали знать окской рати, чтобы она пятилась къ Москвѣ, а тѣмъ временемъ на скорую руку укрѣпляли городъ съ «татарской» (южной) стороны. Опорами импровизованной оборонительной линіи были привычныя къ такой службѣ по прежнимъ бѣдамъ столицы твердыни монастырей: Новоспасскаго, Симонова, Данилова, Новолѣвчяяго. Замоскворѣчье огородили деревянными завалами. На стѣны Вѣлаго города выдвинули пушечный нарядъ. Но огромный пустырь между Даниловымъ монастыремъ и Воробьевыми горами, т. е. между Тульской дорогой и Калужскою, мѣстность, откуда, собственно, и надо было ожидать натиска татаръ, можно было защитить лишь однимъ способомъ—грудью ратныхъ людей. Здѣсь разбили обозъ—главный станъ для собирающихся войскъ, укрѣпивъ его гуляй-городомъ, подвижною крѣпостцю-срубомъ, «иже нѣкоею мудростію

на колесницахъ устроенъ и къ бранному ополченію зѣло угоденъ». Правитель государства Борисъ Годуновъ истощилъ всю свою изобрѣтательность по части мѣръ защиты, а благочестивый царь Ѳеодоръ Ивановичъ, этотъ иннокъ на тронѣ, кому самъ грозный отецъ его говаривалъ: «пономаремъ бы тебѣ родиться, Ѳеда, а не царевичемъ»,—денно и ношно молился въ обозной церкви-палаткѣ, во имя св. Сергія. «Прежде же ему на память святой чудотворный образъ Пречистыя Богородицы, нарицаемый Донскій, яже древле прародителю его благовѣрному и христіюлюбивому великому князю Дмитрію Іоанновичу, отъ своихъ предивныхъ чудесъ, междорѣчіемъ Дономъ и Непрядвою, на нечестивыхъ агарянъ пособствуя, и всю силу ихъ низвергла и въ бѣгство претворила»... По царскому приказу, епископъ суздальскій Іовъ принесъ чудотворную икону съ крестнымъ ходомъ изъ Кремля въ обозъ, гдѣ и поставилъ ее временно въ походной церкви государя. 3-го іюля Казы-Гирей разбилъ на рѣкѣ Пахрѣ сторожевой отрядъ князя Бахтеярова и сталъ укрѣпленнымъ станомъ у села Котла, на Серпуховской дорогѣ. 4-го іюля весь день кипѣла битва между мелкими отрядами ханскаго авангарда и московскими аванпостами. «Прямого дѣла», т. е. генеральнаго сраженія, надобно было ждать назавтра. Но въ ночь съ 4-го на 5-е іюля ханъ бѣжалъ отъ Москвы съ еще большею вѣе запностью, чѣмъ пришелъ подъ ея стѣны По дорогѣ, въ спѣхѣ, онъ растерялъ весь свой обозъ, множество лошадей и прискакалъ въ Бахчисарай въ простой телѣгѣ; изъ ордъ Казы-Гирей не вернулось домой и трети. Со времени Сеннахерима не было болѣе страннаго пораженія! Москвичи приписали панику крымцевъ чуду, вызванному аступничествомъ Донской Богоматери. Благочестивый царь Ѳеодоръ воздвигъ на мѣстѣ своей обозной стоянки—черезъ полтора года послѣ этого событія—сперва каменную церковь во имя Богоматери, а затѣмъ и монастырь, названный въ честь чудотворной иконы Донскимъ. Официальное названіе обители въ XVII вѣкѣ было: монастырь Пречистыя Богородицы Донской, что въ Обозѣ. По смерти Ѳедора, за смутнымъ временемъ, за самозванщиной, лисовщиной, за «московскою разрухою» о Донскомъ монастырѣ совсѣмъ позабыли въ Москвѣ. Вспомнилъ о немъ «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ въ 1646 г., натолкнутый на воспоминаніе набѣгомъ крымскихъ татаръ. Затѣмъ усердствовалъ монастырю царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Но, не смотря на это, въ XVII вѣкѣ Донской монастырь былъ бѣденъ и незначителенъ; съ 1650 по 1678 г. онъ даже лишенъ былъ самостоятельности, числясь при Андреевскомъ монастырѣ. Прочувстваніе монастыря начинается съ 1683 г., когда, по ходатайству царевны Екатерины Алексѣевны, обитель возведена была на степень архимандріи. Въ 1747 г. Донской монастырь далъ пріютъ славяно-греко-латинской академіи, переведенной сюда изъ Заиконоспасскаго монастыря. Въ монастырѣ централизуется жизнь тогдашней духовной науки, церковнаго воспитанія. Въ кельяхъ появляются «ученые иеромонахи»; бібліотекаріусъ дьяконъ Стефанъ Савицкій командируется въ монастырь «для переводу книгъ Св. Отецъ»... Въ указѣ, опредѣляющемъ содержаніе («трактаментъ») Савицкаго и учителей академіи, сказано: «къ тому-жъ хлѣбъ и пиво и квасъ, какъ безъ оскуденія, такъ и безъ излишества»... Какъ развился и выросъ монастырь, доказываютъ сравнительныя цифры. Въ 1664 г. при Донскомъ монастырѣ числились: попъ, уставщикъ, два дьяка, пономарь, два работника, служка, имѣнія же у обители было—32 двора въ сельцѣ Семеновскомъ. А по табели 1762 г. въ Донскомъ монастырѣ значилось 4 приписныхъ монастыря, 1 архимандридъ, 4 намѣстника, 1 келарь, 17 иеромонаховъ, 14 иеродіаконовъ, 27 монаховъ служебныхъ и рядовыхъ,—и крестьянъ 6.957 душъ! Изъ дальнѣйшей исторіи монастыря заслуживаютъ вниманія—эпоха, когда въ его стѣнахъ сосредоточенъ былъ комитетъ духовной цензуры (1797—1827) и трагическій эпизодъ убіенія архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго въ время чумы 1771 г. «Немногіе изъ тѣхъ, кото-

рые провели большую часть жизни въ Москвѣ, — говоритъ Карамзинъ, — смотря равнодушно на Донской монастырь; почти всё приближаются къ нему съ умиленіемъ и слезами, ибо тамъ главное кладбище дворянства и богатаго купечества». Дворянства—въ особенности. Это—аристократическій погостъ, Сен-Жерменское предмѣстье мертвой Москвы, куда благородные трупы переселяются на вѣчный покой изъ своихъ дворянскихъ грѣздъ. Князья Вяземскіе, Горчаковы, Гагарины, Голицыны, Долгорукіе, Долгоруковы, Друцкіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Прозоровскіе, Салтыковы, Трубецкіе, Урусовы, Хилковы, Хованскіе, Черкасскіе, Шаховскіе, Щербатовы; графы Ефимовскіе, Зубовы, Орловы, Орловы-Денисовы, Панины, Протасовы, Строгановы; дворянскіе роды Васильчиковыхъ, Веневитиновыхъ, Глѣбовыхъ, Стрѣшневыхъ, Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, Зыбиныхъ и т. д.—имѣютъ здѣсь семейныя усыпальницы. Кромѣ Чаадаева, монастырь гордится литературными гробницами—А. П. Сумарокова, В. А. Пушкина (дяди А. С. Пушкина), баснописца-министра И. И. Дмитріева, Хераскова, Н. Н. Бантыш-Каменскаго, Я. П. Шаховскаго и др. На могилѣ Хераскова просторная эпитафія со слѣдующимъ финальнымъ четверостишіемъ:

Восплачьте—ужь повтъ не дышитъ:
На урнѣ лира возлежитъ!
Но, ахъ! Гордитесь! Слава пишетъ:
Онъ былъ и россъ, и былъ шитъ.

Присужденіе премій митрополита Макарія. Въ академіи наукъ 19-го сентября состоялось торжественное засѣданіе, на которомъ былъ прочитанъ отчетъ о пятомъ присужденіи премій митрополита Макарія. Въ засѣданіи присутствовали академики и много гостей. Мѣста на кафедрѣ заняли предсѣдательствующій К. С. Веселовскій, А. О. Бычковъ и непремѣнный секретарь академіи Н. О. Дубровинъ. На соисканіе наградъ митрополита Макарія въ настоящемъ году было представлено двадцать сочиненій. Изъ нихъ одно—отложенное отъ предыдущаго конкурса. Для разсмотрѣнія ихъ была назначена комісія изъ академиковъ. Полныя преміи по 1.500 рублей каждая были присуждены за слѣдующія сочиненія: Рукопись контръ-адмирала Ст. О. Макарова, подъ заглавіемъ: «Витязь и Тихій океанъ». Гидрологическія наблюденія, произведенныя офицерами корвета «Витязь» во время кругосвѣтнаго плаванія 1886—1889 г., и сводъ наблюденій надъ температурою и удѣльнымъ вѣсомъ воды Сѣвернаго Тихаго океана». Разсмотрѣніе этого труда было поручено А. М. Рыкачеву, который въ своемъ отзывѣ сообщилъ, что въ этомъ обширномъ трудѣ С. О. Макаровъ даетъ важныя для науки и полезныя для мореплаванія результаты гидрологическихъ наблюденій. Авторъ принялъ во вниманіе и обработалъ матеріалъ, доставленный всѣми судами нашего флота и учеными экспедиціями, снаряженными англичанами, американцами и нѣмцами за послѣднія двадцать лѣтъ. Сочиненіе Н. М. Бубнова: «Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ. Критическая монографія по рукописямъ». Рецензію объ этомъ трудѣ далъ академіи ректоръ университета св. Владиміра О. Фортинскій. Детальное изученіе содержанія писемъ Герберта въ связи съ извѣстіями другихъ современныхъ источниковъ дало возможность Н. М. Бубнову доказать, что рукописный порядокъ писемъ Герберта—почти всегда строго-хронологическій. Лучшимъ доказательствомъ высокаго научнаго значенія и результатовъ изслѣдованія автора можетъ служить почти полное совпаденіе ихъ съ выводами Аве, работавшаго надъ тѣмъ же вопросомъ и по тѣмъ же матеріаламъ одновременно съ Н. М. Бубновымъ, но независимо отъ него. Нынѣ загадочный вопросъ о хронологическомъ порядкѣ писемъ Герберта, такъ долго не поддававшийся разъясненію, можно считать разрѣшеннымъ, и на долю будущихъ изслѣдователей остается улучшать въ деталяхъ установленную авторомъ си-

стему датировки писемъ Герберта, но ни въ какомъ случаѣ не перестраивать ее заново. Не полныхъ премій, по 1.000 рублей каждая, удостоились слѣдующія лица: И. В. Мушкетовъ за сочиненіе: «Физическая геологія, ч. I. Общія свойства земли, вулканическія, сейсмическія и дислокаціонныя явленія». Разсмотрѣніе этого труда принялъ на себя академикъ А. П. Карпинскій, который нашелъ, что сочиненіе это представляетъ весьма обширный трактатъ по динамической геологіи, къ которому приближаются лишь весьма немногія изъ подобныхъ произведеній заграничныхъ ученыхъ и ни одно— изъ принадлежащихъ русскимъ авторамъ. Не малая часть заключающихся въ сочиненіи данныхъ нигдѣ еще не была опубликована и многіе выводы и матеріалы добыты личными изслѣдованіями автора. Если бы сочиненіе это сдѣлалось доступнымъ (напр., путемъ перевода) иностраннымъ геологамъ, то, вѣроятно, заняло бы у нихъ мѣсто среди необходимыхъ настольныхъ книгъ. Сочиненіе Мушкетова написано литературнымъ и общепринятымъ языкомъ. А. С. Ермоловъ—за сочиненіе: «Организація полевого хозяйства. Системы земледѣлія и сѣвооборота». Отзывъ объ этомъ трудѣ былъ данъ профессоромъ Петербургскаго университета А. В. Совѣтовымъ. Предметъ, избранный авторомъ для изслѣдованія, представляетъ высочайшій интересъ. Вопросъ о системахъ земледѣлія не есть вопросъ строго-агрономическій. Онъ вдается и въ область политической экономіи. А. С. Ермоловъ совмѣщаетъ въ себѣ и экономическую подготовку, и агрономическое образованіе, но больше онъ—агрономъ, чѣмъ экономистъ. Авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію развитіе исторіи наиболѣе типичныхъ системъ земледѣлія и соединяетъ, послѣднія въ три группы: системы первобытныя, паровыя (зерновыя) и интенсивныя. Книга А. С. Ермолова богата по содержанію, затрагиваетъ самыя существенныя потребности русскаго сельскаго хозяйства и полна указаніями къ ихъ удовлетворенію, имѣетъ по преимуществу практическій характеръ, но не лишена и научнаго значенія. Е. Р. Романовъ—за сочиненія: «Бѣлорусскій сборникъ», «Опытъ бѣлорусскаго народнаго снотолкователя», «Катрушницкій Лемевень» и «Очеркъ быта нищихъ Могилевской губерніи и ихъ условный языкъ». Отзывъ объ этихъ трудахъ далъ профессоръ Харьковскаго университета Н. Ѳ. Сумцовъ. По его словамъ, изъ обширныхъ и разнородныхъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ г. Романовымъ, самое крупное въ научномъ отношеніи мѣсто занимаютъ легенды, сказки, заговоры и условные языки. Матеріалы эти, обогащая бѣлорусскую этнографію, вносятъ также много и вообще въ русскую этнографію. Сборники автора успѣли завоевать себѣ извѣстность и бѣлорусскій его сборникъ можно поставить на ряду со сборниками Чубинскаго, Головацкаго и Кольберга. Почетные отзывы присуждены за слѣдующія сочиненія: доктора Э. Лейста—«О магнетизмѣ планетъ». Разборъ этой рукописи производили академики Г. И. Вильдъ и Ѳ. А. Бредихинъ. Авторъ въ своемъ трудѣ впервые сдѣлалъ попытку рѣшить научнымъ путемъ вопросъ: обладаютъ ли планеты свойствомъ магнетизма, и нашелъ, что ближайшія къ землѣ планеты до Юпитера включительно оказываютъ вліяніе на земной магнетизмъ и слѣдовательно обладаютъ имъ сами. П. А. Петрова—«Война Россіи съ Турціей. Дунайская кампанія 1853 и 1854 гг.». По отзыву рецензента, ген.-м Шильдера, описаніе событій 1854 года составляетъ болѣе разнообразную и поучительную часть сочиненія. Авторъ при изложеніи ихъ не останавливается на описаніи однихъ военныхъ дѣйствій, но отводитъ также широкое мѣсто политической сторонѣ дѣла. Н. М. Благовѣщенскаго—«Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры». Разсмотрѣніе этого труда было поручено М. П. Соловьеву. Имя покойнаго Н. М. Благовѣщенскаго принадлежитъ уже исторіи русскаго просвѣщенія и давно заняло видное мѣсто въ русской наукѣ и классическомъ мірѣ, благодаря цѣлому ряду изслѣдованій на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Разсмотрѣнная книга составляетъ по-

лезное приобрѣтеніе не только русской словесности, но и исторіи и искусства. Ив. Надинсестовъ—«Степи юга были ли искони вѣковъ степями и возможно ли облѣпать ихъ?» По словамъ производившаго оцѣнку этого сочиненія проф. В. В. Докучаева, лучшую часть его составляютъ довольно многочисленныя историческія данныя, которыя собраны авторомъ съ цѣлью реставрированія древнихъ лѣсовъ степной Россіи. И. Барсуковъ—«Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, официальнымъ документамъ, рассказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ». Реневаентъ, проф. П. Будицскій, въ своемъ отчетѣ академіи сообщаетъ, что взгляды автора на личность Муравьева и о дѣятельности его въ Сибири въ высшей степени пристрастны и съ ними невозможно согласиться. Но если отбросить эти пристрастныя характеристики и смотрѣть на трудъ г. Барсукова, какъ на матеріалы историческіе, то онъ имѣетъ высокое достоинство, представляемъ очень цѣнный вкладъ въ историческую науку и достоинъ поощренія.

Присужденіе премій графа Уварова. Въ академіи наукъ 25-го сентября происходило торжественное публичное засѣданіе, въ которомъ непремѣннымъ секретаремъ академикомъ Н. О. Дубровинымъ былъ прочитанъ отчетъ о 35-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Предсѣдательское мѣсто занялъ директоръ Публичной бібліотеки академикъ А. О. Бычковъ. На каедрѣ же помѣстились академики М. И. Сухомлиновъ и Н. О. Дубровинъ. На соисканіе наградъ гр. Уварова было представлено восемь сочиненій. Для ихъ разсмотрѣнія и оцѣнки была назначена комисиія. Два сочиненія отложены до слѣдующаго конкурса.

Большую уваровскую премію увѣнчано только одно сочиненіе, принадлежащее профессору университета св. Владиміра В. С. Иконникову подъ заглавіемъ: «Опытъ русской исторіографіи», т. I, кн. I и II. Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя академикъ А. О. Бычковъ. По его отзыву, въ русской исторической наукѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ощущается недостатокъ сочиненія, посвященнаго критическому изученію источниковъ и литературы русской исторіи въ ихъ постепенномъ развитіи. Пробѣлъ этотъ нынѣ пополненъ. Трудъ г. Иконникова могъ быть исполненъ только благодаря его замѣчательной начитанности, рѣдкому трудолюбію и настойчивости въ достиженіи однажды опредѣленной цѣли. Второй отдѣлъ сочиненія, посвященный исключительно обзору архивовъ, бібліотекъ и музеевъ, составляетъ заслугу автора, такъ какъ до него наша публика, даже ученая, имѣла смутное представленіе о многихъ бібліотекахъ и архивахъ. Трудъ этотъ является единственнымъ въ нашей литературѣ и въ высшей степени необходимымъ.

Малыя уваровскія преміи присуждены двумъ сочиненіямъ:

А. Карнѣевъ. Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи «Физиолога». Разсмотрѣніе этого труда было поручено академику И. В. Ягичу, который нашелъ, что трудъ этотъ представляетъ весьма отрадное явленіе въ нашей литературѣ, не богатой монографическими изслѣдованіями. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ достоинствъ сочиненія Ягичъ признаетъ то, что г. Карнѣеву удалось отыскать полный русско-славянскій списокъ «Физиолога» въ той редакціи, которую можно считать древнѣйшею.

Н. А. Бѣлозерская. Василій Трофимовичъ Нарѣжскій. Историко-біографическое изслѣдованіе. Оцѣнка этого труда была поручена академику К. Н. Бестужеву-Рюмину. По его рецензіи, изъ произведеній Нарѣжнаго читается только «Бурсакъ»; о біографіи его имѣются у насъ только краткія свѣдѣнія. Этотъ недостатокъ восполняется трудомъ Н. А. Бѣлозерской, представляющимъ плодъ обширной начитанности и результатъ неутомимыхъ розысканій.

Слѣдующія сочиненія были признаны также заслуживающими наградъ гр. Уварова, но за раздачею всѣхъ наградъ, бывшихъ въ распоряженіи комисиіи, присуждены почетные отзывы.

Александръ Филипповъ. О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою. Оцѣнку этого труда произвелъ профессоръ Петербургскаго университета Н. Д. Сергѣевскій. По его отзыву, эпоха Петра великаго и весь XVIII вѣкъ остаются и понынѣ неразработанными ни въ монографіяхъ, ни въ систематическихъ курсахъ уголовного права. Автору пришлось начинать новое дѣло и идти путемъ разработки сырого матеріала, котораго или вовсе не касалась, или очень мало касалась предыдущая литература,—и при этомъ авторомъ громадный матеріалъ исчерпанъ въ полнотѣ и совершенствѣ.

И. И. Шимко. «Новыя данныя для біографіи князя Антіоха Дмитріевича Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ». По порученію комисіи. сочиненіе это было разсмотрѣно академикомъ Л. Н. Майковымъ. Книга г. Шимко представляетъ опытъ обработки документовъ, найденныхъ авторомъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Оказывается, что братья князя Антіоха и ихъ потомство были людьми очень обыкновенными, безо всякихъ выдающихся достоинствъ. Но зато сестра Антіоха, княжна Марія Дмитріевна, обрисовывается, какъ личность очень замѣчательная. Г. Шимко поступилъ совершенно правильно, посвятивъ значительную часть своего сочиненія изображенію этой личности.

К. И. Арабажинъ. «Казиміръ Бродвинскій и его литературная дѣятельность. (1791—1835)». Сочиненіе это еще ранѣе было удостоено университетомъ св. Владиміра золотой медали и преміи имени Н. И. Пирогова.

Пятидесятилѣтній юбилей барона Ф. А. Бюлера. Въ Москвѣ съ большимъ торжествомъ отпраздновали въ сентябрѣ полувѣковой юбилей государственной службы почетнаго опекуна московскаго присутствія опекунскаго совѣта учрежденій императрицы Маріи, управляющаго московскими сиротскими заведеніями: Николаевскимъ институтомъ, реальнымъ и Александровскимъ училищами, директора московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, комисіи печатанія грамотъ и договоровъ и государственнаго древле-хранилища, почетнаго члена академіи наукъ и Публичной бібліотеки, члена археологической комисіи министерства народнаго просвѣщенія и разныхъ ученыхъ обществъ, барона Федора Андр. Бюлера. Къ дню правдovanja полувѣка юбиляру, родившемуся 3-го апрѣля 1821 года, исполнилось 72 года. Кромѣ занятій по служебнымъ обязанностямъ, Ф. А. еще на школьной скамьѣ, когда ему было 17 лѣтъ, началъ также литературную свою дѣятельность; первый его литературный опытъ «Воспоминанія о Лондонѣ» появился безъ его вѣдома въ 1838 г. въ «Сынѣ Отечества», редакторомъ котораго былъ тогда Н. А. Полевой. Съ 1845 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» помѣщенъ цѣлый рядъ статей барона Бюлера. Затѣмъ Ф. А. помѣщалъ свои статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ» съ 1870 г., въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», гдѣ, между прочимъ, имъ были сообщены съ поясненіями отысканныя въ архивѣ, неизданныя письма Вольтера. Кромѣ того, разные историческія изслѣдованія барона Бюлера разбросаны за тотъ же періодъ времени въ «Русской Старинѣ», «Древней и Новой Россіи» и «Русскомъ Архивѣ».

Двадцатипятилѣтній юбилей генерала Драгомирова. 30-го августа исполнилось 25 лѣтъ служебной дѣятельности въ генеральскихъ чинахъ Михалпа Ивановича Драгомирова, командующаго войсками кievскаго военнаго округа. Имя Драгомирова пользуется широкой популярностью. Какъ знатокъ военныхъ наукъ, М. И. давно уже приобрѣлъ извѣстность: Николаевская академія генеральнаго штаба еще въ 1858 г. отмѣтила выдающіяся знанія юбиляра, пригласивъ его въ качествѣ профессора по тактикѣ. Въ минувшую войну генераль Драгомировъ выдѣлился въ самомъ началѣ, во время переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай отъ Зимницы къ Систоу. Ояъ распоряжался переправой, самъ съ третьимъ рейсомъ переправился подъ

1/20*

сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ на непріятельскій берегъ и лично руководилъ боемъ, закончившимся блистательнымъ занятіемъ Сивова и окружающихъ высотъ. Его личный примѣръ благотворно дѣйствовалъ на солдатъ, а предварительный приказъ содѣйствовалъ сильному подъему духа въ войскахъ. На войнѣ Драгомировъ, помимо умѣлой распорядительности и храбрости, отличался заботливостью по отношенію къ нижнимъ чинамъ и получилъ отъ нихъ имя добраго «отца-командира». При оборонѣ Шипилинской позиціи отъ сильной арміи Сулеймана-паши Драгомировъ былъ раненъ въ ногу и, не смотря на рану, не пересталъ руководить боемъ, и только сильное кровотеченіе, лишивъ его памяти, заставило подчиненныхъ вынести генерала изъ сферы огня. Орденъ Георгія 3-й ст., объявленіе благодарности государя и производство въ генераль-лейтенанты были наградой боевой дѣятельности Драгомирова. Юбиларъ особенно выдвигается, какъ военный дѣятель, своимъ правильнымъ взглядомъ на солдата въ частности и вообще на русскія войска. Ставя нравственные качества солдата на первый планъ, онъ требуетъ отъ офицеровъ, чтобъ они «прежде всего вкоренили въ солдатъ чувство военного долга, развили въ немъ идеи чести и честности, укрѣпили его сердце». Требованія разумнаго отношенія къ солдатамъ неоднократно повторяются въ Драгомировскихъ приказахъ. «Не забывать сообщать передъ дѣломъ,—говоритъ онъ,—что намѣрены исполнять; послѣдній солдатъ долженъ знать, куда и зачѣмъ идетъ, для того, чтобы, если падеть начальникъ, его мысль продолжала жить». Его приказы по своему оригинальному стилю и выразительности почти всегда обращали на себя общественное вниманіе и печатались въ выдержкахъ или полностью, въ періодическихъ изданіяхъ. Драгомировъ любилъ бесѣдовать съ простымъ людомъ и солдатами, которые его очень уважаютъ. Имъ составленная «Солдатская памятка», представляя собой сводъ военныхъ заповѣдей, разошлась во многихъ тысячахъ экземпляровъ. Эта «Памятка», интересно изложенная, имѣетъ большое вліяніе на воспитаніе войсковой массы.

Генералу Драгомирову принадлежить, кромѣ «Памятки», нѣсколько обстоятельныхъ военно-литературныхъ работъ, посвященныхъ преимущественно тактикѣ. Имъ составлены и изданы: «Опытъ руководства для подготовки частей къ бою», «Учебникъ тактики», «Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей», «Обзоръ Итальянской кампаніи 1859 года», «Очерки австро-прусской войны въ 1866 г.», «Армейскіе фельетоны» (по поводу магазинныхъ ружей), «Ученіе о войнѣ». Масса его статей напечатана въ разное время главнымъ образомъ въ «Военномъ Сборникѣ». Нѣсколько его сочиненій переведено на иностранные языки.

М. И. происходитъ изъ дворянъ Черниговской губ. Родился онъ 8-го ноября 1830 года, воспитывался въ Дворянскомъ полку и закончилъ свое образованіе въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, изъ которой выпущенъ по первому разряду и награжденъ золотой медалью. Академія командировала его за границу и въ 1858 г. предложила занять профессорскую кафедру по тактикѣ. Съ 1861 г. по 1863 г. онъ читалъ курсы тактики и военной исторіи покойному цесаревичу Николаю и съ 1866 г. по 1868 г. тѣ же предметы государю и великому князю Владиміру Александровичу. Военное дѣло юбиларъ изучилъ не только теоретически, но и на практикѣ. Онъ находился во время итальянской войны 1859 г. при штабѣ сардинской арміи и во время австро-прусской войны 1866 г.—при главной квартирѣ Вильгельма I въ качествѣ русскаго военного агента.

Александровская публичная бібліотека въ Самарѣ. Къ 1-му января 1893 г., какъ видно изъ отчета, бібліотека состояла изъ 21.921 наименованія разнаго рода книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій. Читальню посѣщало ежедневно отъ 70 до 200 человекъ. Всѣхъ посѣщеній въ 1892 г. было 41.638 (меньше чѣмъ въ 1891 г. на 1898). Наибольше посѣщали бібліотеку: мѣщане,

ремесленники (11.823 посѣщ.), крестьяне (4.893) и воспитанники учебныхъ заведеній (4.884). Книги для чтенія на дому брали 1.083 человекъ, изъ нихъ 280 женщинъ. Ввиду ограниченности содержанія, учителя и учительницы городскихъ приходскихъ школъ получали книги для чтенія на дому бесплатно. Такое постановленіе не мѣшало бы сдѣлать комитетамъ и другихъ публичныхъ библиотекъ. Наибольше требовались книги по вязанной словесности (29.147), исторіи (1755), журналы и газеты. Изъ русскихъ писателей больше всего требованій было на сочиненія Л. Н. Толстого (989 разъ), Достоевскаго (792 раза), Михайловъ-Шеллеръ (773), Тургенева (667), Лѣскова (407), Гончарова (386), Салтыковъ (352), и др., меньше всего — Толстого А. (44). Изъ журналовъ — «Вѣстникъ Европы» (1.878), «Русская Мысль» (1.814), «Сѣверный Вѣстникъ» (1.436) и «Наблюдатель» (1.025). При библиотекѣ устраивается небольшой музей.

Классическое отдѣленіе Императорскаго Русскаго археологическаго общества. 18-го октября состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія Императорскаго Общества, подъ предѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Въ рѣчи, котораго вновь избранный управляющій этимъ отдѣленіемъ открылъ собраніе, И. В. Помяловскій, отъ лица отдѣленія высказалъ благодарность Н. И. Стояновскому, исполнявшему обязанности управляющаго втеченіе 19 лѣтъ; за этотъ періодъ времени отдѣленіе значительно разрослось и сильно развило свою дѣятельность. Въ настоящее время Н. И. Стояновскій, сложивъ съ себя обязанности управляющаго классическимъ отдѣленіемъ, избранъ его предводителемъ въ совѣтъ общества.

Въ томъ же засѣданіи прочитаны были рефераты С. А. Жебелевымъ — «о раскопкахъ американцевъ въ Аргосѣ» и Я. И. Смирновымъ — «о Зевсѣ Сирійскаго Геліополя и его идолѣ».

С. А. Жебелевъ, въ своемъ рефератѣ, сообщилъ подробныя свѣдѣнія о раскопкахъ, произведенныхъ въ Аргосѣ въ прошломъ 1892 году Американской школой въ Аѳинахъ. Раскопки эти опредѣлили расположеніе древняго храма Геры и попутно дали драгоценныя архитектурныя и скульптурныя обломки, среди которыхъ наиболѣе замѣчательнымъ памятникомъ древнегреческаго искусства время Поликлита и его школы является женская голова, относимая къ V-му вѣку до Р. Хр.

Я. И. Смирновъ исходной точкой своего обширнаго изслѣдованія сдѣлалъ открытый имъ, во время послѣдней экспедиціи въ Сирію, организованной Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, рельефъ съ изображеніемъ божества, сохранившійся въ стѣнѣ одной православной церкви (употребленный въ дѣло, какъ строительный матеріалъ) въ деревнѣ Ниха (на мѣстѣ древняго Геліополиса). Этотъ рельефъ даетъ типичное изображеніе того божества Сиріи (Ададь), которое, со времени покоренія Сиріи Александромъ Македонскимъ, превратилось въ мѣстнаго Зевса, культъ котораго, въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ римскаго владычества, разнесенъ былъ повсюду римскими солдатами.

† 30-го августа въ Харьковѣ на 75-мъ году ставропольскій губернской предводитель дворянства Иванъ Демидовичъ Понка. Въ апрѣлѣ нынѣшняго года онъ отпраздновалъ полулѣтнюю юбилей своей государственной и учено-литературной дѣятельности. Его труды въ области историческихъ изслѣдованій обратили вниманіе критиковъ, давшихъ самыя лестныя отзывы о немъ. Изъ болѣе выдающихся его произведеній лучшія: историческій очеркъ въ двухъ томахъ «Терское казачество съ стародавняго времени» Гребенское войско», «Кубанское войско», многія статьи, помѣщенные въ «Военномъ Сборникѣ», воспоминанія и эпизоды изъ послѣдней турецкой войны. И. Д. Понка родился 28-го августа 1819 г., получилъ образованіе въ Московской духовной академіи; въ военную службу поступилъ въ 1841 году, въ чинѣ хорунжаго произведенъ за боевыя отличія въ 1843 г., чинѣ вой-

скогого старшины получилъ также за боевыя отличія, какъ и чинъ генераль-лейтенанта. Служба его вся протекла на Кавказѣ. Съ 1864 по 1871 гг. онъ командовалъ Перекопскимъ полкомъ кубанскаго войска. Съ 1874 г. до конца жизни былъ ставропольскимъ предводителемъ дворянства. Попка принадлежалъ къ заслуженнымъ генераламъ нашей арміи, участвовалъ въ кампаніяхъ: 1841—1846, 1848, 1849, 1852—1855, 1877 годахъ.

† Докторъ медицины Владиміръ Тимоѣевичъ Сверчковъ погибъ ужасною смертію на «Русалкѣ». Онъ былъ одинъ изъ выдававшихся молодыхъ медиковъ морского вѣдомства. Переведенъ онъ былъ на службу во флотъ въ 1888 году младшимъ судовымъ врачомъ въ 7-й флотскій экипажъ изъ военнаго вѣдомства, гдѣ началъ службу врачомъ 97-го Лифляндскаго полка. До назначенія въ кампанію на «Русалку», на которой В. Т. плавалъ послѣ переформированія экипажей, когда онъ былъ переведенъ въ 16-й флотскій экипажъ, докторъ Сверчковъ совершилъ плаваніе въ 1890 году на фрегатѣ «Князь Пожарскій». Въ «Медицинскихъ прибавленіяхъ» къ «Морскому Сборнику», въ пятой и шестой книжкахъ за 1891 г. напечатанъ его медико санитарный очеркъ этого плаванія, крайне поучительный, такъ какъ онъ совершенъ былъ съ воспитанниками Морского корпуса. Въ томъ же журналѣ въ 1890 г. явились статьи В. Т. подъ заглавіемъ: «Гангэ и его купальни», «Военный для финскихъ войскъ лазаретъ въ Гельсингфорсѣ», «Матеріалы по вопросу о гигиеническихъ достоинствахъ воды для питья на судахъ русскаго флота». Этотъ послѣдній трудъ доставилъ В. Т. Сверчкову въ военно-медицинской академіи ученую степень доктора медицины.

† въ Костромской губерніи извѣстный эмбриологъ и естествоиспытатель, докторъ медицины Юлій Христіановичъ Кнохъ, первый опредѣлившій опасность трихинъ и обстоятельно изслѣдовавшій и изучившій трихинозъ — болѣзнь, вовсе неизвѣстную въ началѣ 60-хъ годовъ. Во время заграничной командировки онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ Вирхова по изслѣдованію эндемій, господствовавшихъ въ 40-хъ годахъ въ Ганноверѣ. Здѣсь онъ фактически доказалъ, что появившаяся въ Ганноверѣ эндемія была именно трихинная. Это открытіе надѣлало въ свое время много шума, сдѣлало имя Кноха извѣстнымъ и сблизило его съ лучшими европейскими профессорами. Съ тѣхъ поръ онъ занялся специально трихинозомъ, изслѣдованіемъ мышечныхъ и кишечныхъ трихинъ и изученіемъ средствъ убивать ихъ. Парижская академія наукъ присудила ему за сочиненіе «Die Naturgeschichte des breiten Bandwurms» — Монтіоновскую премію. Въ 1874 г. Кнохъ опредѣлилъ первый случай трихиноза въ Петербургѣ, въ слѣдующемъ году—въ Москвѣ, за что былъ пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ. Помимо открытія трихинъ въ организмѣ человѣка, Кнохъ извѣстенъ еще опытами искусственнаго оплодотворенія стерлядей и осетровъ, окончившимися полнымъ успѣхомъ и давшими возможность искусственно развести эту цѣнную рыбу въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она раньше никогда не водилась. Изъ Симбирска, въ которомъ произведены Кнохомъ эти опыты, была привезена въ Петербургъ впервые въ 1870 г. оплодотворенная икра и уже вышедшія изъ нея молодыя стерлядки. Помѣстивъ часть этого живого матеріала для дальнѣйшаго развитія на Никольскомъ рыбобаволномъ заводѣ, Кнохъ остальные ячки отослалъ въ Шотландію профессору Моррею, который акклиматизировалъ вышедшихъ стерлядокъ въ одномъ изъ озеръ владѣній герцога Сутерлава. Въ Пруссіи, также благодаря Кноху, стерляди разведены въ одномъ изъ Померанскихъ озеръ. Въ Вологдѣ Кнохъ искусственно развелъ въ 1877 г. не менѣе цѣнную рыбу «нельму». За представленныя на вѣвской всемірной выставкѣ препараты искусственно разведенныхъ имъ стерлядей, лососей, форелей и другихъ рыбъ онъ получилъ «Verdienst-Medaille», въ Берлинѣ—почетный отзывъ, на московской политехнической вы-

ставкѣ — большую серебряную медаль и дипломъ отъ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Покойный любилъ естествознаніе и съ увлеченіемъ занимался разнаго рода опытами и изслѣдованіями, особенно въ области рыбоводства, шелководства и пчеловодства. Онъ изслѣдовалъ болѣзнь шелковичныхъ червей «побрину» и при клиникахъ военно-медицинской академіи устроилъ особенный металлическій улей съ двойными стѣнками и съ отопленіемъ. Кнохъ родился въ 1828 г. въ Лифляндіи, медицинское образованіе получилъ въ Юрьевскомъ университетѣ. Первоначальная его дѣятельность была сосредоточена въ петербургскомъ клиническомъ отдѣленіи душевно-больныхъ. Въ 1865 г. онъ былъ ординаторомъ Николаевскаго военнаго госпиталя и экспертомъ по микроскопіи при петербургскомъ физикатѣ, затѣмъ служилъ главнымъ врачомъ въ Полтавѣ, Астрахани, Казани и Ригѣ. Ю. Х. состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій. Его перу принадлежатъ многія цѣнные спеціальныя сочиненія.

† 26-го сентября, въ Парижѣ одинъ изъ талантливейшихъ поэтовъ, Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ. Какъ писатель и человекъ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ, огромной популяренностью и не имѣлъ литературныхъ враговъ. Искусству онъ посвятилъ себя всецѣло съ тѣхъ поръ, какъ началъ сознавать себя, и служилъ ему до послѣдняго дня своей жизни. Эта любовь къ поэзіи была не только плодомъ высоко-эстетическаго образованія писателя, богато одаренной умственной организациі, но и вызывалась событіями, которыми была полна жизнь его. Алексѣй Николаевичъ родился 22-го ноября 1825 г., въ Костромѣ. Семья его принадлежала къ старинному дворянскому роду. Черезъ два года отецъ его поселился въ Нижнемъ Новгородѣ. Здѣсь покойный провелъ свое дѣтство. Рано пробудилось въ мальчикѣ поэтическое воображеніе, развилось мечтательное настроеніе и любовь къ красотамъ природы. Пятнадцати лѣтъ Плещеевъ былъ отправленъ въ Петербургъ и отданъ въ школу гвардейскихъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ. Но натура юноши не мирилась съ военнымъ режимомъ. Онъ вышелъ изъ военной школы и поступилъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ ему тоже не пришлось кончить курса вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ. Первое литературное произведеніе покойнаго, переводъ стихотворенія Риккерта, «Пѣсня странника», было напечатано пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ 1843 г. въ «Современникѣ», когда Плещееву еще не было 18 лѣтъ. Плетневъ, редактируя въ то время «Современникъ», замѣтилъ въ молодомъ поэтѣ недюжинное творческое дарованіе и всегда съ охотой отводилъ для его первыхъ произведеній видное мѣсто въ своемъ журналѣ. Съ 1845 г. стихотворенія Плещеева стали появляться и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ: въ «Иллюстраціи» Кукольника, въ «Репертуарѣ» и «Пантеонѣ». Въ 1846 г. вышелъ небольшой книжкой первый сборникъ его стихотворныхъ произведеній. Посѣщая университетскія лекціи и одновременно печатая свои стихотворенія въ передовомъ журналѣ 50-хъ годовъ, онъ вращался среди молодежи, мечтавшей играть видную роль въ политическомъ, противоправительственномъ движеніи. Въ 1849 году, въ Москвѣ, куда отправился по домашнимъ дѣламъ, онъ былъ арестованъ по дѣлу Петрашевскаго, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость и, вмѣстѣ съ двадцатью тремя сообщниками Петрашевскаго, приговоренъ военнымъ судомъ къ растрѣлянью. Приговоръ былъ смягченъ, и Плещеевъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и назначенъ рядовымъ въ оренбургскіе линейные баталіоны. Въ качествѣ простаго рядового онъ служилъ вначалѣ въ Уральскѣ, затѣмъ принялъ дѣятельное участіе въ коканской экспедиціи Перовскаго. При штурмѣ крѣпости Акмечетъ, Плещеевъ находился въ рядахъ передовыхъ войскъ, за храбрость и отвагу произведенъ въ унтеръ-офицеры и въ 1856 г. въ прапорщики. Въ слѣдующемъ году ему возвращено право потомственного дворянства, онъ переименованъ военный мундиръ на гражданскій оренбургской пограничной коми-

сія, женился; въ 1858 г. получилъ разрѣшеніе жить въ столицѣ и переселился въ Москву. По возвращеніи изъ ссылки, Плещеевъ вновь посвятилъ себя всецѣло литературной работѣ, печатая стихотворенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Вѣкѣ», «Словѣ» и другихъ изданіяхъ подъ псевдонимомъ А—П—ва. «Старыя пѣсни на новый ладъ»,—такъ назвалъ онъ свои стихотворенія.—были встрѣчены и критикой, и читателями радушно. Они отличались печальными мотивами, въ которыхъ сказывалось разочарованіе поэта въ жизни, его скорбь о дняхъ юности, объ отсутствіи добра, о малодушіи общества. Въ 1872 г. Плещеевъ переѣхалъ въ Петербургъ. Редакція «Отечественныхъ Записокъ» предложила ему завѣдовать отдѣломъ стихотвореній, которымъ и руководилъ покойный до прекращенія этого журнала въ 1881 г. Тогда Плещеевъ принялъ предложеніе редактировать стихотворенія и беллетристическія произведенія въ «Обверномъ Вѣстникѣ», въ которомъ и занимался до конца 1880-хъ годовъ. Одновременно онъ продолжалъ писать стихотворенія, изъ которыхъ многія пользуются огромной популярностью, переложены на музыку и сдѣлались достояніемъ учебныхъ хрестоматій; изъ нихъ лучшія: «Друзья! дадимъ другъ другу руки», «Впередъ безъ страха и сомнѣнья», «Призракъ», «На сердцѣ злоба накинѣла», «Доброй ночи! — ты сказала», «Отвѣтъ», «Отчизна», «Родина», «Тихо все, глядятся мѣсяць», «Когда мнѣ встрѣтится истерзанный борьбой», «Онъ шелъ безропотно» и др. Кромѣ стихотвореній, изданныхъ отдѣльными сборниками, выдержавшими нѣсколько изданій, Плещеевъ писалъ повѣсти, пьесы для сцены и занимался переводами. Его переводы художественны по обработкѣ, какъ «Вильямъ Радклифъ» Гейне, «Работница» Шевченка и рядъ стихотвореній Гервега, Пруцца и др. Въ 1860 хъ годахъ онъ перевелъ драму Гёббеля «Магдалина» въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ 1870-хъ годахъ трагедію Бюла «Струевзе». Покойный поэтъ всегда съ готовностью сочувствовалъ всякому доброму дѣлу и чужому горю. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ онъ принималъ участіе почти во всѣхъ устраиваемыхъ литературныхъ вечерахъ и чтеніяхъ. Публика съ восторгомъ встрѣчала поэта и съ глубокимъ вниманіемъ слушала, какъ онъ, убитый стѣдиною, кроткимъ и грустно задумчивымъ голосомъ, прекрасно мирившимся съ его типичною маслитой фигурой, возбуждалъ въ ней чувство любви, гуманности и братства. Въ 1890 г. онъ неожиданно получилъ крупное наслѣдство отъ одного изъ своихъ родственниковъ. Матеріальныя условія жизни поэта измѣнились, и для поправленія разстроеннаго здоровья онъ имѣлъ, наконецъ, возможность поѣхать за границу, гдѣ и провелъ два послѣднихъ года, на лѣто пріѣзжая въ Россію. Однако, «избавленіе» пришло слишкомъ поздно; силы начали покидать давно утомленнаго трудомъ старика, и не помогли ему ни климатъ Ниццы, гдѣ онъ провелъ двѣ послѣднихъ зимы, ни попеченія близкихъ, старавшихся сохранить дорогую жизнь. Послѣ проведеннаго въ Ораніенбаумѣ лѣта, Алексѣй Николаевичъ сталъ чувствовать себя еще хуже и собирался провести осень въ Висбаденѣ. Пріѣхавъ сперва въ Парижъ, онъ занемогъ здѣсь, и друзья и поклонники маслитого старца получили грустную вѣсть о печальной роковой развязкѣ Прахъ маслитого поэта преданъ землѣ въ Москвѣ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ успокоятся дорогіе для всей мыслящей Руси останки писателя, доброе сердце котораго заставляетъ оплакивать въ немъ не только одного изъ славныхъ ветерановъ нашей литературы, но и идеально-доблестнаго человѣка беззаветно преданнаго своимъ убѣжденіямъ гражданина. Даже умирая, Алексѣй Николаевичъ не забылъ, своихъ ближнихъ: онъ завѣщалъ нашему литературному фонду еще 25 тысячъ, что съ прежде пожертвованными (тридцатю тыс.) во всякомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе свидѣтельствуетъ о томъ, на сколько нашъ славный поэтъ былъ другомъ человѣчества вообще и другомъ всѣхъ трудящихся, всѣхъ нуждающихся въ частности.

словъ, которыя я слышалъ изъ его устъ. Еслибъ ты только видѣлъ, какъ онъ былъ внимателенъ, почти нѣженъ со мной! Когда я вошелъ, я былъ такъ смущенъ, что не могъ произнести ни одного слова. Онъ попросилъ меня сѣсть и спросилъ, не изъ Виллануэвы ли я. Видишь—какая внимательность? Я ему отвѣтилъ, что я уроженецъ Бадахоса. Тогда онъ спросилъ, каковъ тамъ урожай въ этомъ году, и я отвѣтилъ, что по свѣдѣнiямъ, получаемымъ мною, овесъ и рожь плохи, а пшеница хороша. Ты видишь изъ этого, какъ онъ интересуется земледѣиемъ. Потомъ онъ спросилъ меня, доволенъ ли я моимъ приходомъ, на что я отвѣтилъ утвердительно и прибавилъ, что мои прихожане необыкновенно набожны; говоря это, я не могъ удержаться отъ слезъ. Сейчасъ видно, что принцъ Годой интересуется религіозными вопросами. Затѣмъ я сказалъ ему, что занимаюсь латинской поэзiей и посвятилъ ему одну поэму. Услышавъ это, онъ сказалъ: «Прекрасно». Изъ этого видно, какъ онъ любитъ классиковъ. Когда мы поговорили съ нимъ минутъ десять, онъ ласково попросилъ меня уйти, ссылаясь на спѣшныя и важныя занятiя. Это доказываетъ, что онъ превосходный работникъ и лучшіе часы дня посвящаетъ на занятiя государственными дѣлами. Увѣряю тебя, я вышелъ отъ него совсѣмъ растроганный.

— И вы больше не собираетесь къ нему?

— Какъ не собираться! Я умолилъ его свѣтлость назначить мнѣ день, когда я могу прочесть ему поэму, и завтра я буду имѣть честь снова предстать предъ моимъ знаменитымъ другомъ.

— Въ такомъ случаѣ, я пойду съ вами, *padre* Челестино!—рѣшительно произнесъ я.—Мы отправимся вмѣстѣ, и вы попросите у вашего друга мѣстечка для меня.

— Да ты съ ума сошелъ!—въ ужасѣ воскликнулъ патеръ.—Я никогда не осмѣлюсь на подобную дерзость!

— Да и не надо; я самъ буду просить.

— Перестань болтать вздоръ, глупый мальчикъ. Какъ тебѣ могла прійти въ голову мысль, что я ни съ того ни съ сего представлю тебя *principe de la Paz*? Что я могу сказать ему о тебѣ? Знаешь ли ты, на примѣръ, хоть какое нибудь латинское стихотвореніе? Знаешь ли ты, кто былъ Гомеръ, Овидій? Нѣтъ, ты совсѣмъ съ ума сошелъ, если думаешь, что мѣста такъ и раздаются направо и налево!

— Вы только скажите, что я вашъ родственникъ, а остальное я беру на себя,—настаивалъ я.

— Мой родственникъ? Это будетъ ложь, а я никогда не лгу.

Поспоривъ съ нимъ довольно долго, мнѣ, наконецъ, удалось уговорить его взять меня съ собою къ *principe de la Paz*. Я настаивалъ на этомъ, находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ желанья этихъ отвратительныхъ Реквехо увезти къ себѣ Инезилью. Мое сердце сжималось отъ самыхъ ужасныхъ предчувствiй. Мнѣ

уже видѣлось, что ее мучать, тиранять, чуть не бьютъ... Я даль себѣ слово, во что бы то ни стало, вырвать ее оттуда. Но какъ это сдѣлать, не имѣя средствъ? Тогда-то мнѣ и пришла счастливая мысль добыть мѣсто; эта мысль въ то время кружила головы многимъ испанцамъ. Всякому хотѣлось утянуть себѣ кусокъ этого государственнаго пирога, тѣмъ болѣе, что многіе чувствовали, что въ мутной водѣ легче ловить рыбу, чѣмъ въ ясной.

Инезилья не скрыла отъ меня, что ея новые дядюшка и тетюшка внушаютъ ей отвращеніе, и высказала желаніе остаться въ Аранхуэсѣ съ дономъ Челестино, но патеръ повторилъ, что это дѣло его совѣсти, и молодая дѣвушка умолкла. Но я не переставая глумился надъ комичной парочкой, надъ ихъ хвастовствомъ, надъ ихъ манерой одѣваться и называть другъ друга этотъ и эта. Донъ Челестино спокойно сказалъ, что не слѣдуетъ смѣяться надъ честными тружениками, а Инезилья укладывалась, глотая слезы.

Вскорѣ не замедлили появиться вновь «честные труженики». Они очень расхваливали купленную землю и видимо были довольны, что Инезилья готова къ отъѣзду.

— Не торопись, малютка, мы еще успѣемъ,—сказалъ Мауро.

— Ей такъ хочется ѣхать съ нами,—прибавила донья Реститута,—что бѣдняжка готова на крыльяхъ улетѣть отсюда.

— Это ужъ нѣтъ,—сказалъ патеръ Челестино, самолюбіе котораго было уколото этими словами,—ея дядя никогда не обращался съ ней дурно, и она не можетъ торопиться разстаться съ нимъ.

Инезилья вся въ слезахъ бросилась къ нему на шею, и они долго плакали. Я лично очень желалъ, чтобъ Реквехо обращали на меня какъ можно меньше вниманія, это входило въ мои планы; поэтому, когда мы вышли съ Инезильей за какой-то забытой вещью, я шепнулъ ей:

— Сокровище мое, не говори со мной ни слова, не смотри на меня, не прощайся. Я останусь здѣсь, но будь покойна, мы скоро увидимся тамъ, въ Мадридѣ.

Наконецъ, наступилъ часъ отъѣзда; карета стояла у дверей церковнаго домика. Инезилья вошла въ нее вся въ слезахъ, а братъ съ сестрою сѣли по обѣ стороны молодой дѣвушки, какъ бы боясь, чтобъ она отъ нихъ не сбѣжала дорогой. Никогда еще я не видалъ ни одной женщины, которая была бы такъ похожа на ястреба, какъ донья Реститута. Карета уѣхала, и скоро на дорогѣ осталась только одна пыль. Патеръ Челестино, все время сдерживавшійся, теперь не выдержалъ и, уткнувшись въ платокъ, зарыдалъ, какъ ребенокъ:

— Ахъ, Габріэль! Ее увезли!..

Я былъ такъ взволнованъ, что ничего не могъ отвѣтить.

XXX.

На слѣдующій день донъ Челестино повелъ меня во дворець *principe de la Paz*.

У меня не было съ собой иного платья, кромѣ того, въ которомъ я ѣздилъ въ Аранхуэсъ, но патерь далъ мнѣ надѣть свою крахмальную сорочку и рѣшилъ, что въ такомъ видѣ я могу представиться хоть самому Наполеону Бонапарту. Дорогою патерь Челестино все вынималъ изъ кармана свою латинскую поэму и просматривалъ ее. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ:

— А, можетъ быть, его свѣтлость пожелаетъ, чтобы я прочелъ ему вслухъ.

Затѣмъ, спрятавъ, рукопись онъ сказалъ мнѣ:

— А знаешь ли, что болтаетъ нашъ ризничій Сантуріасъ? Онъ рассказываетъ, что *principe de la Paz* просуществуетъ не болѣе двухъ дней, что его схватятъ и отрубятъ ему голову... Конечно, этому нельзя вѣрить, Габріэлильо, но нельзя также не возмущаться подобными сплетнями. Теперь я узналъ навѣрное, что Сантуріасъ завзятый якобинецъ и въ большой дружбѣ съ кучерами инфанта дона Антоніо Паскуаль.

— Чтожъ онъ говоритъ еще?

— Какъ всегда, много глупостей. Онъ толкуетъ, что принцъ Годой боится, что Наполеонъ пришелъ свергнуть нашего короля, и поэтому онъ уговариваетъ короля и королеву отправиться въ Андалузію, а оттуда въ Америку.

— Вчера вечеромъ,—сказалъ я,—когда я шелъ на станцію дилижансовъ сказать, что я остаюсь здѣсь, я слышалъ то же самое: о вашемъ другѣ, землякѣ и, можетъ быть, даже родственникѣ говорили очень неодобрительно.

— Мало ли что болтаютъ, милый мой, тѣмъ болѣе, что теперь въ Аранхуэсъ очень много иностранцевъ. Этотъ глупый Сантуріасъ объявилъ мнѣ, что при малѣйшемъ волненіи народа онъ будетъ трезвонить во всѣ церковные колокола, но я ему сказалъ, что если онъ только посмѣетъ это сдѣлать, то я подамъ жалобу на него епископу.

Разговаривая такимъ образомъ, мы дошли до дворца Годоя, окруженнаго многочисленной стражей. У перваго министра и генералиссимуса была собственная конная и пѣшая гвардія, говорятъ, даже болѣе блестящая, чѣмъ королевская. Ни при входѣ, ни на лѣстницѣ насъ никто не задержалъ, но когда мы вошли въ обширную переднюю, находящуюся рядомъ съ пріемной залой, насъ остановилъ одинъ изъ жандармовъ и даже не особенно любезно спросилъ патера, по какому онъ дѣлу.

— Его свѣтлость, — отвѣтили прерывающимся отъ волненья голосомъ донъ Челестино, — имѣлъ честь назначить мнѣ... то-есть... имѣлъ честь просить его назначить мнѣ часъ пріема... и вотъ я пришелъ.

— Его свѣтлость во дворцѣ, и неизвѣстно, когда вернется, — сказалъ жандармъ, поворачиваясь къ намъ спиною.

Донъ Челестино бросилъ на меня робкій взглядъ и уже хотѣлъ уйти, какъ внизу послышался шумъ.

Но Годой поднялся по маленькой внутренней лѣстницѣ и прошелъ въ свои апартаменты.

— Вѣроятно, его свѣтлость не будетъ принимать сегодня, — сказалъ дону Челестино тотъ же жандармъ. — Конечно, вы можете подождать, если желаете, онъ скоро объявитъ, будетъ пріемъ, или нѣтъ.

Сказавъ это, онъ провелъ насъ въ большую смежную залу, переполненную посѣтителями. Здѣсь были и военные и элегантно одѣтыя дамы и скромные просители. Всѣ они съ недружелюбіемъ посматривали другъ на друга, очевидно думая, что министру трудно будетъ за разъ принять просьбы столькихъ людей. Дежурный адъютантъ подошелъ къ намъ и спросилъ дона Челестино, кто мы такіе; добрый патеръ отвѣтилъ ему:

— Мы патеры церкви... то-есть, я хочу сказать, что я патеръ церкви... а этотъ юноша... этотъ юноша получаетъ девяносто три дурро въ мѣсяцъ изъ тридцати одного дня; мы пришли... но я не намѣренъ просить за него сеньора принца, потому что этотъ негодяй (онъ указалъ на меня) не полѣзетъ за словомъ въ карманъ, чтобы попросить, что ему нужно.

Когда юдъютантъ отошелъ отъ насъ, я сталъ шептать патеру, что не слѣдуетъ такъ смущаться, что вовсе не для чего рассказывать всѣмъ, сколько я получаю въ мѣсяцъ, и зачѣмъ мы сюда пришли. Онъ сказалъ мнѣ въ свое оправданье, что такъ не привыкъ ходить по пріемнымъ и дворцамъ, что отъ смущенья готовъ сказать что нибудь еще похуже. Одинъ изъ сидѣвшихъ тутъ сеньоровъ узналъ патера и, подойдя къ нему, любезно произнесъ:

— Сеньоръ донъ Челестино, вы здѣсь какими судьбами?

— Я пришелъ къ его свѣтлости. Вѣдь вы знаете, что мы съ нимъ земляки и друзья. Мой отецъ и его дѣдъ вмѣстѣ ѣхали отъ Трухильо до Паленчіи, а дядя моей матери имѣлъ огромный паркъ, въ которомъ Годой иногда охотились. Мы съ нимъ друзья, и я очень ему благодаренъ, потому что, когда онъ узналъ, что я нуждаюсь, онъ далъ мнѣ мѣсто, такъ что мнѣ пришлось ждать только четырнадцать лѣтъ.

— Ясно, что принцъ хотѣлъ оказать вамъ личную услугу, — сказалъ нашъ собесѣдникъ. — Не всѣ такъ счастливы. Вотъ я ужъ ровно двадцать одинъ годъ добиваюсь мѣста бухгалтера. Но я не

отчаиваюсь до сихъ поръ, потому что я увѣренъ, что на будущей недѣлѣ...

— О, да, не всѣ такъ счастливы, какъ я! Видите ли, отъ нашей деревни до Бадахоса, гдѣ Годой...

— А скажите,—перебилъ его сенъоръ будущей недѣли, понижая голосъ:—что же короли уѣдутъ въ Андалузю, или не уѣдутъ?

— И вы вѣрите подобнымъ глупостямъ? Вѣдь этотъ слухъ распустилъ Сантуріасъ, причетникъ моей церкви. Я уже сказалъ ему, что если онъ только тронетъ колокола безъ моего позволенія, то я...

— Но вѣдь это общій голосъ. Вѣдь вы уже знаете, что изъ Мадрида пришло много войска, и на улицахъ ходятъ какія-то подозрительныя личности.

— Но какая же причина этого отъѣзда?

— Другъ мой, Наполеонъ ужъ прислалъ къ намъ почти сто-тысячную армію. Онъ назначилъ Мюрата генераль-аншефомъ, и говорятъ, что тотъ уже двинулся изъ Аранды въ Сомосьерру. Во всякомъ случаѣ зачѣмъ такая масса войска? Не послано ли оно, съ цѣлью свергнуть нашего короля? Или оно здѣсь мимоходомъ въ Португалію?

— Всѣ эти слухи не имѣютъ никакого основанія,—отвѣтилъ ему патеръ Челестино.—И что такое значить сто тысячъ человѣкъ? Два-три нашихъ полка, высланныхъ имъ навстрѣчу, разобьютъ ихъ въ пухъ и прахъ. Это путешествіе выдумали тѣ, кто недоволенъ принцемъ Годоемъ за то, что онъ не даетъ имъ должностей.

Но въ это время къ намъ подошелъ адъютантъ и сдѣлалъ знакъ, чтобы мы слѣдовали за нимъ. Когда просители увидали, что насъ принимаютъ прежде, чѣмъ ихъ, то между ними поднялся неодобрительный ропотъ. Донъ Челестино отъ смущенія раскланывался направо и налево, а я бросалъ по сторонамъ презрительныя взгляды.

Мы прошли нѣсколько богато убранныхъ залъ, увѣшанныхъ картинами, сюжеты которыхъ я не успѣлъ разсмотрѣть, потому что адъютантъ шелъ очень скоро. Наконецъ, мы очутились въ кабинетѣ Годоя и, входя, увидѣли, что онъ стоитъ у письменнаго стола и перебираетъ какія-то бумаги. Мы ждали довольно долго, пока онъ подыметъ на насъ глаза, наконецъ, онъ ихъ поднялъ.

Годой не былъ красавцемъ, какъ это многіе думаютъ, но онъ былъ въ высшей степени симпатиченъ. Ему было въ то время лѣтъ около сорока; въ выразительномъ лицѣ и живыхъ умныхъ глазахъ виднѣлось что-то открытое, прямодушное.

Онъ взглянулъ на насъ, какъ я уже сказалъ, и въ ту же минуту патеръ Челестино, дрожавшій, какъ десятилѣтній школьникъ, сдѣлалъ ему глубокой поклонъ, а за нимъ и я. У него выпала шляпа изъ рукъ, онъ поднялъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и прерывающимся голосомъ произнесъ:

— Такъ какъ ваша свѣтлость имѣли честь... нѣтъ... я имѣлъ

честь быть принятымъ вашей свѣтлостью... я пришелъ пожелать вашей свѣтлости добраго здоровья, чтобъ вы еще многіе годы управляли народомъ для блага страны...

Годой казался очень занятымъ и на это привѣтствіе отвѣтилъ только легкимъ кивкомъ головы. Затѣмъ онъ, какъ бы припоминая что-то, сказалъ:

— Вы, кажется, пѣвчій изъ каѳедральнаго собора въ Асторгъ и пришли, чтобы сказать...

— Позвольте, ваша свѣтлость,—прервалъ его донъ Челестино,—довести до вашего свѣдѣнія, что я не пѣвчій, а патеръ церкви въ Аранхуэсъ.

— Ахъ!—воскликнулъ принцъ,—теперь я припоминаю... еще недавно вы назначены патеромъ по рекомендаціи графини Х. (Амаранты). Вы уроженецъ Виллануэвы?

— Нѣтъ, сеньоръ, я изъ Сантосъ де Маймона. Развѣ ваша свѣтлость забыли этотъ городъ? Еще въ окрестностяхъ рождаются такія чудныя дыни... Такъ вотъ я пришелъ къ вашей свѣтлости по двумъ причинамъ: во-первыхъ, имѣю честь представить вашей свѣтлости этого юношу, который написалъ латинскую поэму... нѣтъ... я хочу сказать...

Донъ Челестино онѣмѣлъ въ то время, какъ Годой съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня, какъ будто не могъ допустить мысли, что я знаю классиковъ.

— Нѣтъ,—сказалъ патеръ, къ которому вернулся даръ слова:—поэму сочинилъ я и съ вашего позволенія приступлю сейчасъ къ чтенію.

Годой сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто желалъ отстранить отъ себя что-то непріятное и надоѣдливое. Но донъ Челестино не понялъ его и уже вынималъ изъ кармана свою рукопись. Въ это время Годой опять подошелъ къ столу и сталъ приводить въ порядокъ свои бумаги.

Донъ Челестино взглянулъ на меня, а я на него.

Такъ прошло минуты двѣ; наконецъ, принцъ, обратившись къ намъ и указывая на стулья, произнесъ:

— Садитесь, пожалуйста.

И онъ снова занялся своими бумагами. Мы сѣли, и патеръ началъ шептать мнѣ:

— Для того, чтобъ онъ исполнилъ твою просьбу, необходимо, чтобъ онъ выслушалъ мою поэму. Чтеніе продлится всего какихънибудь часа полтора. Поэма произведетъ на принца такое сильное и глубокое впечатлѣніе, что онъ немедленно исполнитъ все, о чемъ ты его попросишь.

Тутъ въ комнату вошелъ офицеръ и подалъ принцу депешу. Тотъ тотчасъ же распечаталъ ее и внимательно прочелъ; затѣмъ обратился къ дону Челестино:

— Извините мою разсѣянность,—произнесъ онъ.—Но сегодня я занятъ важными и неожиданными дѣлами. Я сегодня никого не хотѣлъ принимать, и если принялъ васъ, то потому, что зналъ, что вы не пришли просить мѣста.

Донъ Челестино склонился въ знакъ согласія и благодарности, а я сказалъ самъ себѣ: «Вотъ мы и остались съ носомъ!». Въ это время Годой, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Что же касается до латинской поэмы, написанной этимъ юношей, то до меня дошли слухи, что это прекрасная вещь. Помогайте ему въ его трудахъ, онъ въ будущемъ много общается. Я сегодня не могу выслушать, къ сожалѣнію, этой поэмы, но мнѣ очень хвалили васъ, молодой человѣкъ, и я постараюсь дать вамъ мѣсто въ дипломатическомъ корпусѣ, гдѣ ваше знанье языковъ будетъ очень кстати. Оставьте мнѣ вашу фамилію...

Донъ Челестино хотѣлъ было объяснить это недоразумѣніе, но слова не шли съ его языка. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, я подошелъ къ письменному столу и на первомъ попавшемся листѣ бумаги написалъ свою фамилію и почтительно подалъ принцу.

— Теперь я васъ попрошу оставить меня, потому что спѣшныя дѣла не позволяютъ мнѣ продолжать приемъ.

Мы снова раскланялись, причемъ патеръ Челестино забормоталъ какія-то извиненія, и удалились. Когда мы входили въ первую приемную, адъютантъ, обращаясь къ присутствующимъ, точно облилъ всѣхъ ушатомъ холодной воды, когда громко произнесъ:

— Приема не будетъ!

Выйдя на улицу, патеръ пришелъ въ себя, даръ слова вернулся къ нему, и онъ сказалъ мнѣ сердито:

— Почему ты не сказалъ ему, что поэма не твоя, а моя?

Вмѣсто отвѣта я только прыснулъ со смѣху.

XXXI.

На улицахъ была масса народу. Изъ всѣхъ оконъ и съ балконовъ выглядывали любопытные, желая узнать, что такое творится, потому что дѣйствительно подобная уличная суматоха въ Аранхуэсѣ казалась необычайной. Мы вернулись домой, и не успѣлъ патеръ Челестино стряхнуть пыль со своей сутаны и повѣсить на мѣсто шляпу, какъ дверь отворилась, и въ ней показалось желтое лицо съ живыми глазами, одно изъ тѣхъ лицъ, которыя кажутся или старше или моложе своихъ лѣтъ. Это былъ Сантуріасъ, церковный ризничій.

— Можно войти, сеньоръ патеръ?—спросилъ онъ со свойственной ему комической серьезностью.

— А, ты какъ разъ во время, Сантуріасъ,—сказаль патерь, сдвинувъ брови.—Имѣй въ виду, что я тобой очень недоволенъ, и такъ какъ я имѣю право тебя наказать, то... Ну, словомъ, я говорилъ и повторяю, что народъ вовсе не за тѣмъ собрался, зачѣмъ ты думаль... Этого еще не доставало.

— Сеньоръ патерь,—отвѣтилъ ризничій,—сегодня вечеромъ мнѣ придется таки поработать у большого колокола. Необходимо звонить и звонить, чтобы собрать народъ.

— Если ты только дотронешься до колокола безъ моего позволенія, то я... И къ чему тебѣ понадобился этотъ народъ?

— А это мы увидимъ!—самодовольно произнесъ ризничій.

— Убирайся отсюда! И зачѣмъ это все собрались въ Аранхузъ?—обратился ко мнѣ донъ Челестино.—Габріэль, мы съ тобой забыли предупредить *principe de la Paz* о томъ, что происходитъ, и посоветовать ему быть осторожнѣе. Какъ тронуть былъ бы онъ нашимъ вниманьемъ!

— А вотъ онъ узнаетъ объ этомъ по звону колоколовъ!—злорадствовалъ Сантуріасъ.—Если вы не знаете, такъ я вамъ скажу: народъ собирается для того, чтобы не допустить короля и королеву уѣхать въ Бразилію.

— Ха, ха, ха! Полно врать, Сантуріасъ!—расхохотался патерь.—Ты долженъ помнить, что я не ангель и умѣю сердиться, а если ужъ разсержусь, то плохо будетъ.

— А вотъ увидите, сеньоръ патерь, что я говорю правду. Если выйдетъ на мое, то вы должны вынуть изъ шкафа бутылку хорошаго стараго вина и угостить меня.

И Сантуріасъ громко расхохотался.

— Пьяница! И только подумать, что на твоихъ рукахъ церковь! Знаешь ли, Габріэль, нѣсколько дней тому назадъ мнѣ пришлось самому взять скобку и вычистить церковный полъ? Вѣдь этотъ негодяй ровно ничего не дѣлаетъ. Знаешь, до чего онъ дошелъ? Онъ воруетъ у меня церковное вино, приготовленное для причастія, и пьетъ! Представь себѣ, пьетъ! И такой-то человекъ имѣетъ дерзость разсуждать о достойнѣйшемъ, умнѣйшемъ, несравненнѣйшемъ, да, именно несравненнѣйшемъ *principe de la Paz*!..

— А вотъ подождите, вы скоро увидите, какъ мы этого несравненнѣйшаго потащимъ за ноги по улицамъ!—не унимался Сантуріасъ.

— Господи, что за ужасъ онъ говоритъ! Великій Боже! Вотъ что милый,—обратился ко мнѣ патерь Челестино,—ступай, походи по улицамъ и расскажи мнѣ, что тамъ творится. Если дѣйствительно опасность грозитъ принцу Годою, то я немедленно отправлюсь предупредить его. Какъ онъ будетъ мнѣ благодаренъ!

Не изъ одного повиновенія, а изъ желанья также удовлетворить мое любопытство, я вышелъ изъ дому и сталъ ходить взадъ

и впередъ по улицамъ Аранхуэса. Народъ все прибывалъ и особенно сгруппировался на площади San Antonio. Изъ долетавшихъ до меня отрывочныхъ фразъ и восклицаній я понялъ, что всѣ недовольны отъѣздомъ короля и королевы въ Андалузію, такъ какъ видятъ въ этомъ новую штуку Годоя, стакнувшася съ Наполеономъ.

Всѣ толковали о генералиссимусѣ, и я, не смотря на роскошную обстановку и могущество, которые видѣлъ нѣсколько часовъ тому назадъ, не хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ. Часа два я профланировалъ такимъ образомъ, очень сожалѣя, что не встрѣтилъ какого нибудь знакомаго, съ которымъ могъ бы поболтать. Я уже подходилъ къ церковному домику, какъ отъ одной изъ группъ отдѣлился молодой человѣкъ моихъ лѣтъ и окликнулъ меня по имени, освѣдомляясь о моемъ драгоцѣнномъ здоровьи. Въ первую минуту я его не узналъ, но затѣмъ вспомнилъ, что это поваренокъ съ королевской кухни, съ которымъ я познакомился во время моего недолгаго пребыванья въ Эскуриалѣ.

— Какъ ты не узнаешь того, кто каждый вечеръ кормилъ тебя ужиномъ?—сказалъ онъ мнѣ.—Ты не узнаешь того, кого ты осыпалъ безпрестанными вопросами?

— Ахъ, теперь я узнаю тебя, Лопито, но ты очень пополнѣлъ,—отвѣтилъ я ему.

— Отъ хорошей жизни, пріятель,—сказалъ онъ, старательно укутываясь въ плащъ.—Я уже больше не служу въ кухняхъ, я перешелъ на службу къ сеньору инфанту дону Антонио Паскуаль и живу припѣваючи. Вотъ теперь намъ велѣли скинуть ливреи и прогуливаться по городу для того, чтобы... но, впрочемъ, я не могу тебѣ этого сказать.

— А вѣдь я только три дня пробылъ во дворцѣ въ пажакъ у Амаранты, и этого съ меня довольно...

— Напрасно; во дворцѣ служить очень хорошо, тамъ прекрасно кормятъ и одѣваютъ, а иной разъ, вотъ какъ теперь, можно кое-что и заработать. Но пойдемъ лучше въ таверну, тамъ можно поговорить спокойнѣе.

Лопито принадлежалъ къ числу тѣхъ юношей, которые любятъ выдавать себя за мужчинъ; но въ общемъ онъ былъ очень симпатичный малый. Мы зашли поужинать въ таверну и вышли оттуда закадычными друзьями.

На слѣдующій день я также не могъ вернуться въ Мадридъ, потому что кондуктора дилижансовъ заламывали страшныя цѣны. Дѣлать мнѣ было положительно нечего, у Лопито также было мало свободнаго времени; мы съ нимъ цѣлый день прогуляли по городу, а къ вечеру опять зашли въ таверну. Сначала онъ былъ очень скрытенъ, но потомъ не выдержалъ.

— Если хочешь,—сказалъ онъ мнѣ,—то ты можешь заработать

нѣсколько кварто. Я тебя проведу къ сеньору Педро Кольадо, слугѣ принца Фердинанда, и ты увидишь, что онъ дастъ тебѣ заработокъ. Вотъ взгляни на этихъ оборванцевъ: каждый изъ нихъ получаетъ отъ восьми до двѣнадцати реаловъ въ день, да притомъ еще полное содержаніе и вволю вина.

— Что ты говоришь, Лопито!—изумился я.—А я-то думалъ, что весь этотъ народъ прогуливается для собственнаго удовольствія. Такъ значить за всѣ эти крики: «Да здравствуетъ король и смерть выскочкѣ», они получаютъ деньги?

— Нѣтъ, я тебѣ сейчасъ объясню. Всѣ испанцы поголовно ненавидятъ Годоя, а такъ какъ они оставляютъ свои дома и земли и прїѣзжаютъ сюда кричать противъ перваго министра, то надо же, чтобы кто нибудь заплатилъ имъ то, что они теряютъ въ хозяйствѣ въ такой чудный день. Всѣ мы, служащіе инфанту дону Антоніо Паскуаль и слуги принца Фердинанда, вызвали этихъ людей. Мы на столько опустошили нѣкоторые бѣднѣйшіе кварталы Мадрида, что тамъ остались только старыя женщины, даже мальчишекъ и тѣхъ Педро Кольадо перетасилъ сюда, чтобы они кричали и бунтовали народъ.

— Ну, что ты мнѣ толкуешь, братецъ!—возразилъ я.—Что въ томъ, что вся эта толпа будетъ кричать у дворца и просить то, чего король не хочетъ. Развѣ у его величества нѣтъ войска, съ помощью котораго онъ можетъ разогнать всѣхъ? Если какая нибудь кучка людей можетъ вынудить короля сдѣлать то, чего онъ не желаетъ, то послѣ этого для чего же онъ носить корону?

— Все это прекрасно, Габріэлильо,—отвѣтилъ онъ,—и конечно, еслибъ генералиссимусъ былъ увѣренъ, что войско на его сторонѣ, то онъ не допустилъ бы ничего подобнаго. Но дѣло-то въ томъ,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—что принцъ Астурійскій подкупилъ войско и можетъ все сдѣлать, потому что на его сторонѣ и гранды, и епископы, и генералы, и даже королевскіе министры.

— Вотъ это ужъ по-моему безсовѣстно,—возмутился я.—Министры всѣмъ обязаны королю, они должны повиноваться ему, а между тѣмъ они на сторонѣ принца Фердинанда, потому что увѣрены, что онъ рано или поздно вступить на престолъ.

А между тѣмъ въ тавернѣ было очень шумно; кричали, хохотали, бранились. Одни утверждали, что королевская семья сегодня же вечеромъ уѣзжаетъ, другіе—что королю и въ голову не приходила подобная мысль. Вскорѣ сомнѣнія разсѣялись, потому что прошелъ слухъ, что Карлъ IV напечаталъ прокламацію, вывѣшенную на всѣхъ перекресткахъ. Въ этой прокламаціи король говорилъ, что извѣстіе объ отъѣздѣ вымышлено, что намъ нечего бояться французовъ, такъ какъ это наши дорогіе друзья и сообщники, и что онъ лично исполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ среди преданнаго ему вѣрноподданнаго народа.

Когда я вернулся домой, я засталъ патера Челестино въ восторгѣ отъ этой прокламаціи. Бѣдный старикъ плакалъ отъ радости, думая, что его земляку, другу, а, можетъ быть, и родственнику, не грозитъ никакая опасность.

XXXII.

На другой день я также не могъ выѣхать въ Мадридъ, но я до такой степени сгоралъ нетерпѣніемъ увидать Инезилью и узнать, что съ ней, что рѣшилъ идти пѣшкомъ. Я разговаривалъ объ этомъ съ патеромъ, когда Лопито пришелъ за мною.

— Сегодня вечеромъ,—сказалъ онъ, спускаясь со мной съ лѣстницы,—у насъ будетъ праздникъ. Только смотри, не проговорись кому нибудь, Габріэлильо. Вѣдь бумага-то, которую вчера написалъ король, это—просто фарсъ... Я всегда говорилъ, что этому Карлу нельзя довѣрять.

— Такъ значитъ поѣздка состоится?

— Ясно, какъ Божій день. Но такъ какъ мы не хотимъ, чтобы они уѣзжали, потому что все это подстроилъ Наполеонъ для того, чтобы вмѣстѣ съ Годоемъ погубить Испанію, то отъѣздъ назначенъ тайно сегодняшней ночью. А еслибъ они въ самомъ дѣлѣ не собирались уѣзжать, то съ какой стати такая масса войска набралась бы въ Аранхуэсъ? Посмотри, вонъ еще новый полкъ входитъ въ Королевскую улицу.

Я покаялся ему, что я лично совсѣмъ равнодушенъ и къ войску, и къ королю, и къ первому министру, но онъ сказалъ мнѣ, что подобное равнодушіе даже преступно, и потащилъ въ таверну. Здѣсь была такая масса людей, и всѣ такъ громко кричали, не слушая другъ друга, что ничего невозможно было понять. Элементъ посѣтителей былъ вполне смѣшанный.

Мы просидѣли въ этой жарѣ и духотѣ почти весь день; къ вечеру я зашелъ не надолго домой успокоить патера Челестино и затѣмъ снова вернулся въ таверну, гдѣ меня ждалъ Лопито.

— Какъ я радъ, что ты пришелъ,—сказалъ онъ, увидя меня.—Здѣсь всѣ собрались... а тамъ, что будетъ, увидимъ.

Среди всеобщаго шума и гама какой-то пожилой человѣкъ, съ виду похожій на мастераваго, вскочилъ на стойку, и мгновенно воцарилась тишина. Онъ началъ громко говорить о томъ, что долѣе невозможно терпѣть подобное положеніе вещей, что надо свергнуть Годоя и просить короля уступить престолъ сыну, принцу Фердинанду Астурійскому. Народъ вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія, и необходимо сегодня же потребовать расплаты отъ того, кто втеченіе столькихъ лѣтъ притѣснялъ и обворовывалъ его.

Когда ораторъ спустился со стойки, его осыпали шумными аплодисментами, и толпа, какъ одинъ человѣкъ, высыпала на улицу.

— Полное молчаніе! — крикнулъ чей-то повелительный голосъ, и волненіе сразу стихло.

На дворѣ уже стояла ночь.

— Куда мы идемъ, Лопито? — шепнулъ я своему пріятелю.

— Куда насъ ведутъ, — отвѣтилъ онъ. — А ты знаешь, кто ведетъ насъ?

— Кто?

— Самъ графъ Монтихо!

Мы прошли нѣсколько улицъ. Въ полутьмѣ виднѣлись какія-то зданія. Лопито, указавъ мнѣ на нихъ, сказалъ:

— Это конюшни и оранжереи *principe de la Paz*.

Мы миновали ихъ, и уже впереди показались крыши дворца Годоя. Вскорѣ къ намъ примкнула еще группа людей. Лопито объяснилъ мнѣ, что это конюхи, повара и слуги инфанта дона Антонио Паскуаль и принца Астурійскаго.

— Но что-жъ будемъ мы здѣсь дѣлать? — спрашивалъ я моего пріятеля. — Что-жъ, мы будемъ просить короля выслушать насъ, или просто прогуляемся, да и только?

— А это мы сейчасъ узнаемъ, — отвѣтилъ онъ. — По правдѣ сказать, я и самъ хорошенько не понимаю, въ чемъ дѣло, потому что главный кучеръ Сальвадоръ только и велѣлъ мнѣ идти, куда всѣ идутъ, и кричать, что всѣ кричать. Вотъ видишь, мы ужъ около дворца, окна темны, и не слышно извнутри никакого шума.

Тотъ же повелительный голосъ крикнулъ въ это время: «стой!» — и всѣ словно замерли.

— Это удивительно, — снова шепнулъ я Лопито, — какъ это стража ни разу не остановила насъ и даже не спросила, куда мы идемъ.

— Стража теперь сидитъ въ казармахъ и выйдетъ только тогда, когда ей велятъ. Все это уже заранѣе обдуманно.

Все было тихо; слышался только шепотъ да сдерживаемый кашель. Красивыя окрестности и теплая весенняя ночь располагали скорѣе къ мечтательности, чѣмъ къ заговорамъ и осадамъ.

Вдругъ эта глубокая тишина была нарушена неизвѣстно откуда раздавшимся выстрѣломъ. Въ толпѣ послышались крики, и она рассыпалась въ равныя стороны. Словно какая-то электрическая искра охватила всѣхъ; всѣ побѣжали, и я также. Засверкали топоры и фонари; откуда-то появились ружья, и цѣлая груда камней полетѣла въ окна дома *principe de la Paz*.

Историческіе документы говорятъ, что нападеніе началось отъ того, что народъ увидалъ сеньору въ сопровожденіи двухъ гвардейцевъ, выѣзжавшую въ каретѣ изъ воротъ дома генералиссимуса. Многіе ее узнали... Нѣкоторые утверждаютъ, что въ одномъ изъ оконъ дворца появился слабый сигнальный свѣтъ, вслѣдъ за которымъ и раздался выстрѣлъ.

Выстрѣлъ и звукъ корнета я самъ слышалъ, но свѣта въ окнѣ не видѣлъ, хотя Лопито и утверждалъ, что свѣтъ былъ. Толпа съ каждой минутой все росла и росла. Скоро подъ напоромъ плечъ и ударами топоровъ дверь дворца подалась, и имя Годоя съ ненавистью и проклятіями стало срываться со всѣхъ устъ. Раздались крики:

— Смерть Годю! Гдѣ онъ? Растерзаемъ его!

Всѣ стремились проникнуть во дворецъ, но онъ уже былъ полонъ и не могъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ желающихъ войти. Сквозь настежь открытые балконы изнутри блестѣли топоры и ружья, слышался шумъ ломаемой мебели и звукъ разбиваемыхъ вазъ. Въ одну минуту огромный костеръ былъ разведенъ на улицѣ, и по всѣмъ церквамъ и монастырямъ звонили колокола, и звонъ ихъ казался не радостнымъ, а скорѣе погребальнымъ.

Лопито, вертѣвшійся, какъ бѣсъ передъ заутреней, подскочилъ ко мнѣ и воскликнулъ:

— Габріэль, ты не восторгаешься? Почему ты такъ холоденъ? Пойдемъ, проберемся во дворецъ, надо же и намъ побывать въ немъ. Тамъ не мало наворованнаго!

Онъ почти силою потащилъ меня по лѣстницѣ. Я прошелъ по заламъ, гдѣ еще такъ недавно проходилъ съ патеромъ Челестино, и проникъ даже въ кабинетъ Годоя и увидалъ тотъ самый письменный столъ, на которомъ я оставилъ бумагу съ моимъ именемъ и фамиліей. А дикая толпа рвала картины, ломала диваны и стулья, все переворачивала, все отодвигала, надѣясь за однимъ изъ этихъ предметовъ найти жертву своей мести; ни въ чемъ неповинныя чудныя японскія вазы и венеціанскія зеркала разбивались въ мельчайшіе куски. Въ столовой на столѣ еще стояли неостывшіе остатки ужина; ихъ хватили прямо руками и ѣли, а затѣмъ разбивали дорогія тарелки. Какое-то грубое, животное чувство овладѣло толпой, мявшей грязными ногами эти роскошныя шелковые диваны и готовой все разрушать на своемъ пути.

Не могу не сознаться, что меня очень радовало, что Годоя нигдѣ не находятъ; онъ исчезъ безслѣдно. И толпа, не находя своей жертвы, неистовствовала надъ вещами. Замѣчательно, что никому и въ голову не пришла мысль воспользоваться чѣмъ нибудь изъ этихъ вещей; единогласно рѣшено было все сжечь.

И вотъ въ открытыя окна и балконы со всѣхъ сторонъ стали выбрасывать стулья, диваны, ковры, картины, канделябры, зеркала, платья, бумаги, хрусталь. При этомъ воздухъ дрожалъ отъ громкихъ криковъ!

— Смерть вору и выскочкѣ! Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ принцъ Астурійскій!

Передъ началомъ этого погрома, когда всѣ узнали объ исчезновеніи Годоя, жена его *princesa de la Paz*, беременная, вышла

изъ своихъ комнатъ и стала молить о пощадѣ. Эта несчастная женщина вся дрожала отъ страха, такъ же, какъ и маленькая дѣвочка, дочь ея, вытиравшая слезы обоими кулаченками. Я не знаю, мольбы ли матери и дочери смягчили сердца толпы, или управляющіе этой толпой заступились за беззащитныхъ, только ихъ вывели изъ дома, посадили въ первый попавшійся экипажъ и отправили въ королевскій дворецъ. Ораторъ, говорившій рѣчь въ тавернѣ, взялся самъ отвезти ихъ.

Лопито подошелъ ко мнѣ съ какимъ-то драгоцѣннымъ фарфоровымъ сосудомъ въ рукахъ и сказалъ:

— Габріэлильо, смотри, не возьми чего нибудь себѣ! Педро Кольадо стоитъ вонъ тамъ въ дверяхъ и смотритъ на всѣхъ насъ; онъ держитъ въ рукахъ ружье и обѣщаль размозжитъ голову первому, кто осмѣлится взять что нибудь для себя.

Костеръ достигалъ все большихъ и большихъ размѣровъ; онъ обливалъ пламенемъ всю улицу и освѣщаль внутренность дворца. Мы казались какими-то огромными красными циклопами; я говорю—мы, потому что я тоже воодушевился и принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Я схватилъ большіе бронзовые часы артистической работы и, не задумываясь ни минуты, выбросилъ ихъ въ окно и видѣлъ, какъ ихъ тотчасъ же сунули въ огонь.

Между тѣмъ крики: «Смерть Годю!»—не прекращались ни на минуту; казалось, что министра хотятъ убить этими криками, если ужъ не могутъ убить иначе. Мы, испанцы, вообще крикуны и думаемъ, иногда, впрочемъ, и не безъ основанія, что крикомъ мы рѣшаемъ политическія дѣла.

Я самъ точно озвѣрѣлъ и безъ всякаго сожалѣнія кидаль въ огонь все, что попадалось мнѣ подъ руку. За часами послѣдовали раздушенныя перчатки, мраморная статуя, гравюры въ изящныхъ переплетахъ, вышитые туфли, военныя блестящія каски.

О, Фортуна, самая измѣнчивая изъ богинь, зачѣмъ ты такъ смѣешься надъ людьми!

XXXIII.

Въ одномъ изъ шкафовъ найдены были различные ордена и кресты; но мнѣ не позволили дотронуться до нихъ. Ихъ положили на серебряный подносъ и единогласно рѣшили отвести къ самому королю. Удивительнѣе всего то, что многіе стали спорить о томъ, кому достанется честь исполнить это порученіе. Наконецъ, побѣда осталась за однимъ изъ офицеровъ и, какъ мнѣ показалось, я узналъ въ немъ Маньяра.

Уже свѣтало, когда я хотѣлъ уйти домой, но Лопито остановилъ меня, сказавъ:

— Подожди, еще не все кончено. Ну, какъ тебѣ нравится;

Габріэль, дѣло нашихъ рукъ? Но мы сдѣлаемъ еще что нибудь лучше! Теперь ужъ король не дастъ намъ дурныхъ министровъ, нѣтъ! Клянусь честью, еслибъ я только встрѣтилъ Годоя въ какомъ нибудь углу дома, онъ не вышелъ бы живымъ изъ моихъ рукъ!

И, сказавъ это, храбрый поваренокъ вынулъ изъ-подъ плаща саблю и сталъ геройски махать ею въ воздухъ.

— А если мы пойдемъ во дворецъ, — продолжалъ онъ, пряча оружіе, — то я пойду къ королю и королевѣ и скажу имъ въ глаза, что если они не уступятъ престола принцу Фердинанду, то мы сами отдадимъ ему его. Королю я ничего не сдѣлаю, потому что это король, но королеву, хотя бы она на колѣняхъ умоляла меня, я ни за что не прощу.

Въ это время подошелъ отрядъ жандармовъ и оцѣпилъ со всѣхъ сторонъ домъ *principe de la Paz*. Народъ нехотя покинулъ залы и сталъ расходиться.

Наконецъ, и я пошелъ домой, потому что, кромѣ страшной усталости, я чувствовалъ еще и отвращеніе отъ всего видѣннаго, слышаннаго и сдѣланнаго. Трудно описать, въ какомъ положеніи засталъ я патера Челестино. Голова его была подвязана платкомъ, на плечахъ накинута старая сутана, на ногахъ надѣты ночные туфли. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ и, затыкая себѣ уши руками, разговаривалъ самъ съ собою. Увидя меня еще издали, онъ заговорилъ:

— Я съ ума схожу, Габріэлильо! Что такое творится? Ты слышишь звонъ церковныхъ колоколовъ? Всѣмъ святымъ клянусь... нѣтъ, клянусь грѣхъ... но обещаю, что Сантуріасъ заплатитъ мнѣ за все это! Ты видишь, какъ смѣется надо мной этотъ несчастный? Это вѣдь не онъ звонитъ... онъ убѣжалъ... Я только что забылся первымъ сномъ, какъ звонъ колоколовъ заставилъ меня вскочить съ постели. Плинъ-планъ, плинъ-планъ... такъ и загудѣло у меня въ ушахъ. Внѣ себя отъ негодованія я побѣжалъ на колокольную, но Сантуріаса тамъ не было: это его четверо сыновей изволили звонить! Я такъ разсердился, что крикнулъ на нихъ: «Негодяи, бездѣльники, убирайтесь вонъ отсюда!» — а они только засмѣялись мнѣ въ лицо и продолжали свое: плинъ-планъ, плинъ-планъ! Еслибъ ты только видѣлъ, съ какой радостью эти мальчишки дергали веревки! Старшій изъ нихъ такой хорошенькій и прислуживаетъ въ церкви. Я снова крикнулъ на нихъ; тогда самый маленькій отвѣтилъ мнѣ: «Папа убѣжай убивать Годоя, а намъ велѣй звонить сийно, сийно». И съ одиннадцати часовъ они не умолкаютъ ни на минуту. Но скажи мнѣ, что такое происходитъ? Я видѣлъ издали какое-то пламя и слышалъ крики. Я посылалъ служанку узнавать, она вернулась въ страшномъ испугѣ и говорить, что сожгли королевскій дворецъ весь дотла и пожгли всѣ казармы и даже сады.

Я рассказалъ ему о случившемся въ домѣ *principe de la Paz*, его друга и покровителя.

— Но теперь уже, вѣроятно, жандармы наказали эту негодную толпу,—сказалъ онъ мнѣ.

— О, нѣтъ, жандармамъ отданъ приказъ никого не трогать.

— Въ такомъ случаѣ его свѣтлость принцъ Годой теперь, вѣроятно, уже водворилъ порядокъ, онъ съ собой шутить не позволить. Какъ мнѣ грустно, что я не могъ во время предупредить его! Онъ могъ бы избѣжать всего случившагося. О, я несчастный! Это я виноватъ во всемъ этомъ!..

— Принцъ скрылся и, должно быть, теперь онъ ужъ далеко отъ Аранхуэса,—успокоилъ я его.

— Убѣжалъ! Не можетъ быть, не можетъ быть!—воскликнулъ онъ, возмущаясь.—Габріэль, зачѣмъ ты лжешь? Или и ты также вѣришь выдумкамъ этого отчаяннаго Сантуріаса?

Въ это время на крыльцѣ раздался чей-то грубый голосъ.

— Ахъ, мнѣ кажется, что это Сантуріасъ,—сказалъ патерь.— Теперь я ужъ не пощажу его... ты, пожалуйста, за него не заступайся, надо быть энергичнымъ...

Голосъ все приближался и что-то пѣлъ. Дверь отворилась, и ризничій предсталъ предъ строгія очи патера.

— Можете убираться, сеньоръ Сантуріасъ,—воскликнулъ тотъ.— Я не желаю васъ видѣть и не желаю васъ слышать.

Но ризничій, взглянувъ на насъ, расхохотался и заплетающимся голосомъ запѣлъ:

«El Kirie eleysón cantando,
«Viva el Principe Fernando!»

И онъ шатаясь прошелъ по корридору, стараясь изобразить губами барабанные звуки.

— Да онъ пьянъ!—проговорилъ патерь.— Несчастный, развѣ ты не понимаешь, что ты пьянъ?

Сантуріасъ остановился, оперся на свою палку, чтобъ не упасть, вытянулъ шею и, устремивъ на насъ свои красные глаза, сказалъ:

— Сеньоръ патерь, принцъ убѣжалъ... Да здравствуетъ король! Смерть Годою! Смерть вору!.. Попадись онъ мнѣ, то я искрошилъ бы объ него всю эту палку... Маршъ! Тра-та-та-та-та! Налѣво кругомъ! Тра-та-та!

— О жалкое зрѣлище! — воскликнулъ донъ Челестино. — Онъ совсѣмъ пьянъ. Завтра же, завтра же я выгоню его на улицу... Я скажу епископу... Ахъ, нѣтъ, вѣдь этотъ несчастный—вдовецъ съ четырьмя дѣтьми!..

А колокола между тѣмъ все звонили и звонили, ясно доказывая, что энтузіазмъ четырехъ мальчиковъ ничуть не уменьшился.

Пробормотавъ еще что-то, Сантуріасъ сказалъ намъ, что онъ расскажетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ.

— Замолчи, посрамленіе святой церкви, пьяница, богохульникъ! — говорилъ ему патеръ Челестино, толкая его, — увѣряю тебя, что еслибъ ты не былъ вдовцемъ съ четырьмя дѣтьми...

— Да, да,—бормоталъ Сантуріасъ,—то, что мы сдѣлали, это называется... революція! Да-съ! А теперь мы идемъ во дворець. Я иду просить короля отречься отъ престола...

— Какъ!—въ ужасѣ воскликнулъ патеръ.—Король Карлъ IV отрекся отъ престола!

— Нѣтъ, нѣтъ, еще... сеньоръ патеръ. Нѣтъ больше министра, потому что мы его... Смерть Годою!...

«El Kirie eleyson cantando,

«Viva el principe Fernando!»

— Я думаю, что теперь король уже подписалъ отреченье въ пользу принца Фердинанда,—сказалъ я,—потому что мнѣ говорили, что министры собрались во дворець просить его объ этомъ.

— Такъ... такъ... бѣжимъ во дворець... бормоталъ Сантуріасъ, пока не свалился на полъ и тутъ же громко не захрапѣлъ.

Я замѣтилъ, что донъ Челестино концемъ платка, бывшаго у него на головѣ, вытеръ навернувшуюся слезу.

Въ церковномъ садикѣ защебетали птицы. Утренній свѣтъ заглянулъ въ окно. Уходя къ себѣ въ комнату, патеръ сказалъ мнѣ:

— Скоро я буду служить обѣдно о спасеніи моего друга *principe de la Paz*... Ахъ, еслибъ я въ время предупредилъ его!... Но слышишь, слышишь? Эти проклятые колокола сведутъ меня съ ума!

И дѣйствительно четыре мальчика все звонили и звонили.

XXXIV.

Весь этотъ день я проспалъ. Вечеромъ я вышелъ посмотрѣть, что дѣлается на улицахъ, и встрѣтилъ около таверны Лопито.

— Какимъ храбрецомъ былъ я вчера вечеромъ, — началъ онъ, какъ только увидѣлъ меня.—Мнѣ уже обѣщали дать мѣсто на восемь тысячъ реаловъ въ департаментѣ торговли.

— Да вѣдь ты плохо пишешь...

— Ни хорошо, ни плохо, потому что вовсе не умѣю писать, но это и не нужно. Мнѣ говорилъ кучеръ Хуанъ, что какъ только принцъ Фердинандъ вступитъ на престолъ, то всѣхъ чиновниковъ, которымъ далъ мѣста Годой, согнать съ этихъ мѣстъ и отдадутъ ихъ другимъ. Насъ, конечно, не обидятъ. А мнѣ право, братецъ, надоѣло смотрѣть за собаками, я гожусь на чтонибудь и получше этого.

— Но, что же, взойдетъ принцъ Астурийскій на престолъ, или не взойдетъ?

— Конечно, войдетъ. Для чего же тогда Наполеонъ наслалъ сюда столько войска? Ахъ, какъ славно мы работали вчера вечеромъ! Говорять, что король дрожалъ, какъ школьникъ, и собирался уже прїѣхать успокоить насъ, но министры его не пустили. Королева говорила, что всѣхъ насъ слѣдуетъ перестрѣлять, чтобы въ Испаніи не случилось того же, что случается во Франціи, гдѣ королямъ рубятъ головы какимъ-то инструментомъ, который называется тетка Гильотина. Мы любимъ короля, потому что онъ король; когда онъ сегодня вышелъ на балконъ, мы кричали и привѣтствовали его. Онъ подносилъ платокъ къ глазамъ, чтобы вытереть слезы; а эта противная королева стояла, какъ палка, и даже и не поклонилась намъ. Говорять, что она сердится на насъ за то, что мы сдѣлали съ Годоемъ, и даже ходять слухи, что она спрятала его въ своей комнатѣ.

— Можетъ быть.

— А я опять отличился,—продолжалъ хвастаться Лопито.—Сегодня утромъ, когда арестовали дона Діего Годоя, брата министра, мы шли за нимъ цѣлой толпой и кричали, а я взялъ камень и запустилъ въ него.

— Да чѣмъ же виновать этотъ сеньоръ?

— А ты думаешь, что это мало быть братомъ такого негодяя? Онъ былъ жандармскій полковникъ, и его же солдаты и заключили его въ крѣпость.

Въ этотъ вечеръ ничего особеннаго не случилось, но на слѣдующее утро, съ быстротою молніи разнеслась по городу вѣсть, что *principe de la Paz* найденъ въ своемъ собственномъ домѣ. Таверна сразу опустѣла; всѣ бросились узнавать, какъ и что.

Скоро стало извѣстнымъ, что Годой спрятался въ погребѣ съ помощью одного изъ своихъ слугъ, но такъ какъ тотъ былъ арестованъ, то и не могъ освободить своего сеньора. Просидѣвъ тридцать шесть часовъ въ этомъ одиночномъ заключеніи, принцъ, мучимый голодомъ и жаждой, вышелъ наконецъ изъ своей тюрьмы и отдался въ руки жандармовъ.

Огромная толпа густой стѣною уже окружала домъ бывшего министра, когда мы подходили. Страшные крики, угрозы и проклятія такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ. Громче всѣхъ визжали женщины. Лопито, не помня себя отъ радости, размахивалъ своей саблей.

Вдругъ крики обратились въ какой-то единогласный ревъ. Въ дверяхъ дома появился человѣкъ средняго роста, съ взъерошенными волосами, смертельно блѣднымъ лицомъ и бессильно опущенными руками. Это былъ вчерашній министръ, шефъ сухопутнаго и морского войска, всесильный человѣкъ, близкій другъ королей, владыка всей Испаніи и испанцевъ, судьбою и благосостояніемъ которыхъ онъ располагалъ, какъ своими собственными; это былъ тотъ

самый двадцатипятилѣтній гвардеецъ, который изъ полка шагнулъ прямо къ трону и вскорѣ былъ сдѣланъ герцогомъ de la Alcutia, prince de la Paz и проч., и вдругъ въ одинъ день, можно сказать, въ одинъ часъ съ недосыгаемой высоты упалъ прямо въ бездну.

Когда онъ появился, сжатые кулаки поднялись ему на встрѣчу. Конные жандармы окружили тѣснѣе подъездъ, а гѣшіе заслонили Годоя отъ народа, обнаживъ свои сабли. Свергнутый фаворитъ окинулъ толпу умоляющимъ взглядомъ; но толпа еще болѣе ожесточилась, еще болѣе развирѣпла.

Цѣлый пикетъ жандармовъ долженъ былъ проводить Годоя на гауптвахту, но сдѣлать это было очень не легко. Чтобы толпа не растерзала принца, его повели между двухъ конныхъ жандармовъ, и онъ, чтобы не отстать отъ нихъ, долженъ былъ придерживаться за сѣдла. А толпа между тѣмъ всячески ухищрялась достать его и проскользнуть мимо лошадей; то тутъ, то тамъ протягивалась чья нибудь рука или нога или палка.

— Я былъ ловчѣе всѣхъ! — воскликнулъ Лопито, подбѣгая ко мнѣ. — Мнѣ удалось просунуть руку между ногъ лошади и кольнуть саблей этого негодяя.

Минутами изъ-за жандармовъ намъ виднѣлось измученное окровавленное лицо Годоя, его руки, опирающіяся о сѣдла, и разорванное платье. Онъ едва передвигалъ ноги, а идти приходилось въ одинъ шагъ съ лошадьми... Мнѣ казалось невѣроятнымъ, что это тотъ самый человѣкъ, къ которому еще такъ недавно я обращался съ просьбою о мѣстѣ. А мальчишки не переставая бросали въ него грязью и старались достать его длинными палками, женщины бранили нецензурными словами, а мужчины, если и не стрѣляли въ него, то только оттого, что боялись ранить солдатъ. Я думаю, что ни одинъ человѣкъ еще не переживалъ такого постыднаго паденія.

Фавориты, оставлявшіе на плахѣ свою голову, были менѣе мученики, чѣмъ Годой, шедшій по улицамъ среди криковъ, побоевъ, проклятій и насмѣшекъ этой ненавидѣвшей его толпы.

Наконецъ дошли до казармъ, и народъ, разогнанный солдатами и придворными слугами, не могъ проявить всей своей жестокости. Одинъ изъ самыхъ яростныхъ крикуновъ, нашъ причетникъ Сантуріасъ, поплатился за свою дерзость. Онъ приподнялся на цыпочки, чтобъ попасть комкомъ грязи въ лицо Годою, но въ эту минуту получилъ такой сильный ударъ въ голову прикладомъ ружья, что тутъ же упалъ безъ чувствъ. Къ счастью, я былъ по близости, и вмѣстѣ съ Лопито мы потащили его домой. Онъ жилъ стѣна обѣ стѣну съ патеромъ Челестино, и когда добрый старикъ его увидѣлъ, то всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Господь наказалъ клеветника по заслугамъ! Но теперь не время сердиться, — прибавилъ онъ мягко, — надо ему помочь, онъ хоть и негодяй, а, всетаки, ближній. Положите его на постель, я

сдѣлаю ему перевязку. Ну, что, Сантуріасъ, теперь, я думаю, ты не прочь попробовать винца, хранящагося въ моемъ шкафу? Подай-ка мнѣ, Габріэль, бутылку стараго вина; я волью ему въ ротъ, и это его оживить.

Дѣти обступили раненаго отца и ревѣли съ испуга.

— Не плачьте, мальчики, не плачьте,—обратился къ нимъ патеръ:—вашъ отецъ не умретъ, а если и умретъ, то я вамъ буду вмѣсто отца. Уйдите лучше отсюда, вы только мѣшаете. Ступайте играть... А чтобъ вы были чѣмъ нибудь заняты, я позволяю вамъ немножко позвонить въ колокола, негодяи... ступайте на колокольню, но только не звоните сильно, а такъ, какъ къ проповѣди или вечернѣ.

Мальчики не заставили повторять себѣ этого два раза и вылетѣли изъ комнаты.

Сантуріасъ потерялъ много крови и не скоро пришелъ въ себя. Открывъ, наконецъ, глаза, онъ обвелъ насъ мутнымъ взглядомъ и сталъ кричать:

— Пусть его повѣсятъ! Дайте его намъ, мы сами съ нимъ справимся! Надо прежде перебить жандармовъ, а потомъ и его... Пойдите-ка, я сейчасъ влѣплю ему этотъ комокъ прямо въ носъ! Пустите, черти! Я умеръ!..

— Нѣтъ, сорная трава, ты еще живъ, — сказала донъ Челестино, прикладывая ему компрессъ. — Вотъ тутъ стоитъ одна изъ тѣхъ бутылокъ, которыхъ ты добивался, пьяница; я дамъ тебѣ ее, если ты опомнишься и общаешься не говорить глупостей.

Затѣмъ патеръ сталъ разспрашивать насъ о случившемся. Мы съ Лопито, каждый по-своему, рассказали ему все.

— Сейчасъ, сію же минуту я бѣгу къ нему!—воскликнулъ онъ внѣ себя. — Это мой благодѣтель, мой землякъ, другъ и, кажется, даже родственникъ. Могу ли я покинуть его въ такомъ несчастіи?..

Какъ мы ни убѣждали патера удержаться отъ такого рискованнаго шага, онъ ничего не хотѣлъ слушать. Онъ сдѣлалъ Сантуріасу перевязку и, когда тотъ нѣсколько оправился, донъ Челестино поспѣшно одѣлся и вышелъ изъ дому.

— Не подвергайте себя опасности,—говорилъ я ему дорогой:—вѣдь эти варвары на посмотрятъ ни на ваши сѣдины, ни на вашу сутану, если вы имъ скажете, что вы другъ Годоя.

— Пусть меня убьютъ, пусть убьютъ!...—отвѣчалъ онъ.—Я хочу видѣть принца... Когда я только вспомню, какъ онъ меня любилъ!.. Ахъ, Габріэлильо, это преступленіе вопіетъ къ небу! Я еще понимаю, что его погибели могутъ желать тѣ, кто его не зналъ, но тѣ, которымъ онъ благодѣтельствовалъ, которыхъ онъ вывелъ изъ нищеты, которымъ онъ далъ мѣсто, которые ему писали хвалебныя латинскія оды... нѣтъ, тѣмъ Господь не проститъ ихъ черной неблагодарности...

Мы пришли къ казармамъ, двери которыхъ все еще осаждала толпа. Донъ Челестино съ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу.

— Куда идетъ этотъ патерь? — слышались недовольные вопросы черни.

— Я хочу видѣть этого несчастнаго, моего друга и благодѣтеля, — отвѣчалъ патерь, толкаясь направо и налево.

Эти слова были приняты далеко не дружелюбно, хотъ испанцы и привыкли уважать своихъ патеровъ.

— Дѣти мои, — зывалъ онъ къ нимъ, — будьте милосерды! Не будьте жестоки даже и къ врагамъ вашимъ!

У меня сердце замирало отъ страха, когда я видѣлъ его, пробирающагося сквозь эту недовольную, вооруженную толпу. Я успокоился лишь тогда, когда онъ скрылся въ воротахъ казармы.

А дѣти Сантуріаса между тѣмъ все звонили да звонили. Церковь стала наполняться богомольными старушками. Младшій причетникъ приготовлялъ ризы, зажигалъ свѣчи. Пробыло три часа, половина четвертаго, четыре, половина пятаго, а патера все не было, и старушки уже начинали приходить въ нетерпѣніе, младшій причетникъ не зналъ, что и думать, а четыре сына Сантуріаса все звонили.

Я также былъ въ церкви и ждалъ. Но наконецъ я замѣтилъ, что терпѣніе прихожанъ истощается, и пошелъ за патеромъ по направлению къ казармамъ. Онъ скоро попался мнѣ на встрѣчу. Лице его было смертельно блѣдно, голосъ дрожалъ.

— Ай, Габріэль, — сказалъ онъ мнѣ. — Я въ страшномъ горѣ. Тамъ на пучкѣ соломы, весь въ крови и призывая смерть, лежитъ тотъ, который вчера управлялъ цѣлой страной. И никто не сжадется надъ нимъ! Вчера сто тысячъ солдатъ повиновались ему, а сегодня надъ нимъ насмѣхаются даже сторожа. Я никогда не думалъ, что паденіе можетъ совершиться такъ быстро и ужасно, а теперь я вижу, что день паденія одного могущественнаго человѣка есть въ то же время день торжества для другихъ. Таковы люди.

— Успокойтесь, — сказала я ему. — Вы вѣрно забыли, что велѣли звонить къ проповѣди. Церковь полна народу. Вамъ остается только войти на каедрю.

— Я говорилъ съ нимъ, — продолжалъ онъ, не обращая вниманія на мои слова. — У меня сердце надрывается при воспоминаніи. Съ третьяго дня онъ сидѣлъ въ холодномъ, сыромъ погребѣ и томился голодомъ и жаждой. Съ нимъ сдѣлалась такая сильная лихорадка, что онъ предпочелъ смерть этимъ мукамъ. Поэтому-то онъ и рѣшился выйти. Я сказалъ ему: «Сеньоръ, еслибъ каждый, кого вы благодѣтельствовали, далъ вамъ одну каплю воды, то ваша жажда была бы утолена». Онъ взглянулъ на меня благодарнымъ взглядомъ и ничего не отвѣтилъ, а я заплакалъ. Все это дѣло рукъ принца Астурійскаго и его друзей; теперь это ясно.

Когда король выслалъ принца успокоить народъ, то его сразу послушали. Они хотятъ заставить короля подписать отреченье и думаютъ напугать его народнымъ волненіемъ. Около казармъ остановилась придворная карета, и народъ вообразилъ, что она пріѣхала за преступникомъ по приказанію короля. Какъ легко обмануть этихъ несчастныхъ! Карету распрягли и изломали, а толпа побѣжала къ дворцу и стала кричать вивать Фердинанду VII.

— Вы мнѣ потомъ все это хорошенько расскажете,—перебилъ я его,—а теперь надо идти въ церковь, васъ всѣ ждутъ.

— Что ты говоришь? Сегодня нѣтъ проповѣди...

— Да вѣдь вы же сами велѣли четыремъ мальчикамъ звонить въ колокола...

— Это правда... Какая неосторожность! Я не могу проповѣдовать.

— Но вы должны сдѣлать надъ собой усиліе.

— Да у меня ни одной мысли нѣтъ въ головѣ, я не знаю, о чемъ говорить. Я не могу опомниться отъ этой тяжелой сцены! Ахъ, какъ онъ меня любилъ! Еслибъ ты видѣлъ, какъ онъ пожалъ мнѣ руку. Я плакалъ навзрыдъ; вѣдь я всѣмъ ему обязанъ. И главное, я ничѣмъ не заслужилъ его благодарній... Нѣтъ, я не могу проповѣдовать! А эти негодяи все звонятъ... Попробую сдѣлать надъ собой усиліе.

Донъ Челестино, понимая, что не можетъ не исполнить своей обязанности, вошелъ въ церковь и помолился немного, чтобы успокоиться. Затѣмъ онъ вошелъ на кафедру и сказалъ проповѣдь на тему о неблагодарности.

Всѣ старушки плакали.

XXXV.

Уже вечерѣло, когда я узналъ, что въ десять часовъ отходить дилижансъ въ Мадридъ. Я прошелся по улицамъ, зашелъ въ таверну проститься съ Лопито и вернулся домой.

Я засталъ патера Челестино въ комнатѣ Сантуріаса. Онъ былъ занятъ совсѣмъ непривычнымъ для него дѣломъ укладыванья спать четверыхъ дѣтей ризничаго. Звонильщики такъ утомились, что совсѣмъ дремали. Надо было раздѣть ихъ и накормить супомъ, который старуха, служанка патера, принесла въ большой кастрюлѣ. Донъ Челестино держалъ самаго маленькаго на рукахъ и ложкой старался вливать ему супъ въ ротъ. Раздѣвая его, онъ рассказывалъ мнѣ:

— Еслибъ ты видѣлъ, Габріэлильо, какъ мучали меня эти маленькіе негодяи! Одинъ приклеивалъ мнѣ бумажки къ сутанѣ, другой привязалъ веревку отъ стола къ кровати, чтобъ я споткнулся на нее и упалъ; третій раскалилъ ключъ отъ шкафа, и я

обжегъ себѣ руки, когда открывалъ его, и въ концѣ концовъ они съ помощью моей шляпы сдѣлали чучело и говорили, что это *grin-sire de la Raz*. Они вытащили чучело въ садъ, били его и потомъ хотѣли сжечь въ печкѣ; къ счастію, служанка увидѣла вѣремя и отняла. Но чего же требовать отъ дѣтей, если теперь въ Испаніи всякій дѣлаеть, что хочеть? Если для того, чтобы свергнуть умнѣйшаго и великодушнѣйшаго министра, достаточно кучки челяди и придворныхъ кучеровъ, то мы увидимъ что нибудь еще и похуже. Конечно, принцъ Фердинандъ будетъ наказанъ за неповиновеніе своимъ родителямъ. А знаешь ли, я вѣдь узналъ, что Сантуриасъ былъ подкупленъ, и на эти-то деньги онъ и пилъ... Вѣрь мнѣ, что я охотно прогналъ бы этого негоднаго ризничаго, но какъ оставить безъ куска хлѣба вдовца съ четырьмя малолѣтними дѣтьми?

Выслушавъ его, я простился съ нимъ, при чемъ онъ заставилъ меня поклясться, что я увѣдомлю его о томъ, какъ живетъ Инезилья. Когда дилижансъ проѣзжалъ по площади *San Antonio*, до меня долетѣли радостные крики народа, собравшагося у дворца. Привѣтствовали новаго короля Фердинанда VII. Карлъ IV подписалъ, наконецъ, отреченіе отъ престола въ пользу сына, и народъ, нѣсколько часовъ тому назадъ съ дикими криками ненависти окружавшій домъ перваго министра, теперь не помнилъ себя отъ радости. Наконецъ-то осуществилось завѣтное желаніе! Но какъ чернь, такъ и гранды, ослѣпленные успѣхомъ, не понимали, что нація, съ такой легкостью передающая корону изъ однѣхъ рукъ въ другія, не можетъ быть опасна Наполеону, этому всемірному полководцу, побѣждавшему и не такія распатанныя государства.

Въ Мадридъ я пріѣхалъ рано утромъ, отправился къ себѣ домой, переодѣлся и пошелъ отыскивать Инезилью и ея родственниковъ. Дорогою мнѣ пришла въ голову мысль, что прежде, чѣмъ предстать предъ лицо этихъ сеньоровъ, хорошо было бы узнать ихъ привычки и характеръ.

Войдя въ улицу *de la Sal* и увидя передъ собой домъ Реквехо, я почувствовалъ, какъ сердце у меня замерло отъ сознанія, что Инезилья близко отъ меня. На зеленой вывѣскѣ желтыми буквами стояло: Мауро Реквехо. Магазинъ былъ угловой, и въ него вели двѣ двери—одна изъ улицы *de la Sal*, другая изъ Почтамтской, и обѣ эти двери были увѣшаны образцами полотень, готоваго бѣлья и цвѣтныхъ платковъ. Я заглянулъ внутрь и увидалъ за прилавкомъ высокаго человѣка, съ желтымъ лицомъ: это былъ, очевидно, приказчикъ. Онъ развертывалъ куски полотна передъ покупателями. Въ углу висѣлъ образъ *San Antonio* съ потухшей лампадкой. Въ сторонѣ за прилавкомъ сидѣлъ самъ Мауро Реквехо и записывалъ счета въ толстой книгѣ.

Я отошелъ отъ двери и взглянулъ на окно, надъ которымъ вывѣска гласила: «Закладъ золотыхъ вещей». Все окно было задер-

нута занавѣской. Я замѣтилъ руку, отодвигавшую эту занавѣску, и затѣмъ выглянуло лицо. Боже мой! Это была Инезилья. Она увидала меня, и мы переглянулись. Я прочелъ и испугъ, и радость въ ея глазахъ. Но это длилось лишь одно мгновеніе. Занавѣску задернули, и большіе я Инезилью не видалъ.

Тогда меня еще сильнѣе потянуло въ магазинъ. Но какъ войти безъ всякой необходимости. Я подошелъ къ городовому, стоявшему на углу, и на мои разспросы объ образѣ жизни Реквехо онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Эти Реквехо очень богаты; но, разумѣется, какъ же не быть богатымъ тѣмъ, кто живетъ впроголодь. Принимая въ закладъ вещи, они берутъ безбожные проценты. Говорятъ, что когда донья Реститута ходитъ въ церковь, то она воруетъ тамъ восковые огарки и зажигаетъ ихъ у себя по вечерамъ. Что они ѣдятъ, такъ это стыдно сказать! Разъ въ году они ходятъ въ ресторанъ и спрашиваютъ себѣ двѣ чашки кофе, но пьютъ они немного, а остальное донья Реститута подъ столомъ сливаетъ въ бутылку и, вернувшись домой, разбавляетъ водою и пьетъ цѣлую недѣлю. То же самое они дѣлаютъ и съ шоколадомъ. Донъ Мауро очень тщеславенъ, и ему иной разъ хочется покутить, но она держитъ его въ рукахъ. Она носитъ при себѣ всѣ ключи и никогда не выходитъ изъ дому, боясь, что ее обворуютъ. Говорятъ, что у нихъ въ подвалѣ стоитъ огромный сундукъ съ деньгами.

Эти свѣдѣнія огорчили меня. Ясно, что въ такомъ домѣ Инезилья живется очень плохо. Тутъ я вспомнилъ объявленіе, которое мнѣ не разъ приходилось набирать для «Дневника Мадрида»:

«Нуженъ молодой человѣкъ, лѣтъ семнадцати или восемнадцати, знающій счетную часть и умѣющій брить и причесывать, хотя бы мужчину. Необходимы хорошія рекомендаціи. Желающихъ просятъ обратиться въ улицу de la Sal, № 5, въ магазинъ мануфактурныхъ и полотняныхъ товаровъ Мауро Реквехо, гдѣ они и узнаютъ подробности».

Не колеблясь ни минуты, хотя и въ тайномъ страхѣ, что мѣсто уже занято, я отправился прямо въ магазинъ. Признаюсь, меня нѣсколько смущала мысль, что меня могутъ узнать, но я успокаивалъ себя тѣмъ, что въ Аранхуэсѣ, въ домѣ патера Челестино, Реквехо не обратили на меня никакого вниманія.

Когда я вошелъ въ магазинъ, я направился прямо къ дону Мауро и объяснилъ ему мой приходъ. Онъ отложилъ въ сторону свою счетную книгу и сказалъ:

— Посмотримъ, годишься ли ты намъ. Тутъ перебивало до пятидесяти человѣкъ, но всѣ просятъ большое жалованье. Нынче всякій хочетъ быть сеньорито.

Онъ позвалъ свою сестру, и донья Реститута, взглянувъ на меня такъ подозрительно, какъ будто подумала: «Какое знакомое лицо!» — сказала мнѣ:

— Ты знаешь наши условія? Мы даемъ двѣнадцать реаловъ въ мѣсяцъ на полномъ содержаніи. Въ другихъ мѣстахъ платять меньше и морять съ голоду. Такъ вотъ подумай, остаешься ли ты.

Я сдѣлалъ видъ, что мнѣ маловато такого жалованья, но затѣмъ сказалъ, что такъ какъ я теперь безъ мѣста, то готовъ согласиться и на это. Что же касается до рекомендаціи, то ее можно получить въ «Дневникѣ Мадрида».

— Двѣнадцать реаловъ въ мѣсяцъ и полное содержаніе,—повторила донья Реститута, думая, вѣроятно, что обогатила меня:—полное содержаніе—это самое главное.

Только впоследствии я понялъ весь комизмъ фразы: полное содержаніе.

— Конечно, здѣсь надо работать,—сказалъ Реквехо.—Посмотримъ, справишься ли ты со всѣмъ. А главное надо быть честнымъ. Взгляни на меня, я былъ такимъ же оборвышемъ, какъ ты, а моимъ честнымъ трудомъ я достигъ...

— Экономія, прежде всего,—прибавила его сестра.—А теперь, Габріэль, возьми щетку и вымети магазинъ. Потомъ ты пойдешь въ улицу Карnero и отнесешь вотъ эти покупки; затѣмъ перепишешь счета, вымоешь кухонную посуду, затопишь печку, и тебѣ еще останется времени размотать нитки, наклеить номера на полотно, оправить лампу, вытереть пыль, вычистить сапоги моего брата и вообще сдѣлать все, что понадобится.

XXXVI.

Немедленно принялся я за исполненіе моихъ многостороннихъ обязанностей и затѣмъ уже ознакомился съ домомъ, гдѣ я долженъ былъ жить.

Магазинъ былъ самой свѣтлой и просторной комнатою въ этомъ домѣ, стариннѣйшей архитектуры. За нимъ шла небольшая комната, гдѣ были сложены самые разнообразныя товары; она служила и столовой. Реквехо, кромѣ полотна, торговали еще и парфюмеріей. Въ столовой была масса ящичковъ и коробокъ съ мыломъ, пудрой, духами, клеємъ, помадой и т. д. Можно себѣ представить, какой аромать стоялъ въ этой низкой комнаткѣ, но Реквехо находили его пріятнымъ, и онъ ничуть не мѣшалъ ихъ аппетиту.

Изъ столовой шла лѣстница въ антресоли. Она была такъ узка и шатка, что надо было быть гимнастомъ, чтобы, спускаясь или подымаясь, не сломать себѣ шеи. Только одна донья Реститута умѣла не спотыкаясь ходить по ней; она продѣлывала это даже съ особенной ловкостью.

Поднявшись по этой винтовой лѣстницѣ, я попалъ въ длинный и темный корридоръ, а изъ него ошущью въ залу. Здѣсь стоялъ

столъ съ чернильницей, перомъ и запыленной бумагой. Комодъ, нѣсколько сундуковъ и соломенныхъ стульевъ довершали все ея убранство. Рядомъ съ залой помѣщалась крошечная спальня хозяйина дома.

Затѣмъ дверь изъ корридора вела въ другую комнату, называвшуюся рабочей, обстановка которой была такъ же невѣроятлива, какъ и зальная. Здѣсь Инезилья шила рубашки, скроенныя ея теткой. Съ пяти часовъ утра и до одиннадцати ночи Инезилья работала, не переставая. Донья Реститута не позволяла молодой дѣвухкѣ сдѣлать шагу изъ этой комнаты безъ позволенія. Она спускалась въ столовую только въ обѣденный часъ; ей запрещалось глядѣть въ окно, запрещалось пѣть и читать, запрещалось говорить о своемъ дядѣ-патерѣ, вспоминать покойную донью Хуану и говорить о чемъ либо иномъ, кромѣ честности и бережливости Реквехо.

Далѣе шла комнатка, похожая на чуланъ и служившая спальней для тетки и племянницы, а рядомъ съ кухней была моя комната въ три аршина длины и два ширины. Высоко въ стѣнѣ было окно величиною съ мою ладонь. Кроватью мнѣ служилъ мѣшокъ, набитый соломой. У окна стоялъ пустой ящикъ, служившій мнѣ письменнымъ столомъ, стуломъ, комодомъ и диваномъ. Иной мебелировки мнѣ не полагалось, да я и не чувствовалъ въ ней потребности.

Антресоль соединялся съ главной лѣстницей дома, выходившей на улицу. Пространство, занимаемое ею, было математически рассчитано на одного человѣка, такъ что если одинъ спускался въ то время, какъ подымался другой, то происходило въ нѣкоторомъ родѣ столкновение поѣздовъ, довольно непріятное въ этомъ мрачномъ туннелѣ. По справедливости ее можно было назвать лѣстницей вздоховъ.

Въ этой квартирѣ не было ни собакъ, ни кошекъ, ни какихъ либо иныхъ животныхъ, кромѣ крысъ, для которыхъ заботливый донъ Мауро имѣлъ желѣзную кошку, иначе говоря—крысоловку. И когда несчастныя созданья попадали въ нее, то они имѣли такой заморенный и тощій видъ, что на нихъ жалко было смотрѣть. Собаку пришлось бы кормить, кошка портила бы мебель, цвѣты стоять дорого, да еще ихъ надо поливать, а за воду тоже платять деньги. Фауна и флора были изгнаны изъ честнаго дома Реквехо, и если братъ и сестра желали любоваться красотой Божьихъ твореній, то они могли глядѣть другъ на друга.

Мнѣ осталось еще упомянуть о приказчикѣ, проводившемъ день въ домѣ Реквехо.

Хуанъ Диосъ былъ высокій, худой, широкоплечій человѣкъ, съ желтымъ лицомъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ тридцать но въ сущности было около сорока. Движенья его были медленны и машинальны. Онъ приходилъ по утру, отпиралъ магазинъ, мелъ

его, развѣшиваль у дверей товаръ, принималь покупателей, объясняль достоинство полотна всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, а вечеромъ считаль и провѣряль выручку, отдѣляя золото отъ серебра и мѣди. Эти обязанности онъ неукоснительно исполняль уже около двадцати лѣтъ.

Хуанъ Діосъ обѣдалъ вмѣстѣ съ хозяевами, и они смотрѣли на него, какъ на брата. Онъ относился необыкновенно честно къ своему дѣлу, и если они довѣряли кому нибудь на свѣтѣ, то это приказчику. Лѣтъ за пять до моего поступленія въ ихъ домъ Мауро Реквехо пришла въ голову гениальная мысль. Разъ вечеромъ, провѣряя дневную выручку, онъ подозвалъ къ себѣ сестру и сказалъ ей съ таинственнымъ видомъ:

— Знаешь ли, что я думаю? Я думаю, что ты должна выйти замужъ за Хуана Діосъ.

Донья Реститута скромно опустила глаза и задумалась.

— Да,— продолжалъ братъ,— Хуанъ Діосъ прекрасный работникъ, онъ понимаетъ торговое дѣло, что же касается его честности, то я думаю, что, кромѣ насъ съ тобой, ему нѣтъ равнаго на свѣтѣ. Я не думаю жениться вторично, а намъ не дурно было бы имѣть наслѣдника.

Этотъ проектъ былъ переданъ приказчику, и онъ его одобрилъ такъ же, какъ и донья Реститута. Безъ радости или неудовольствія, безъ всякаго волненія женихъ и невѣста цѣлыхъ пять лѣтъ не торопились свадьбой, въ полной увѣренности, что она скоро совершится. Они были вполне равнодушны другъ къ другу и видѣли въ женитьбѣ лишь коммерческую сдѣлку. Какъ женихъ, такъ и невѣста принадлежали къ числу тѣхъ людей, которые годами собираются жениться и въ концѣ концовъ женятся, когда ни люди, ни Богъ, ни они сами не знаютъ, для чего они это сдѣлали.

XXXVII.

По вечерамъ, послѣ ужина, хозяинъ дома мрачнымъ голосомъ читаль молитвы, послѣ чего часа полтора всѣ сидѣли въ столовой и разговаривали, а иногда заходилъ кто нибудь изъ сосѣдей и рассказываль, что дѣлается въ городѣ.

Въ первый же вечеръ моего пребыванія у Реквехо, когда въ столовой сидѣли донъ Мауро съ сестрой, Хуанъ Діосъ, Инезилья и я, едва только мы окончили послѣдній ога про nobis, какъ раздался звонокъ, и я пошелъ отворить дверь.

— Это сосѣдъ Лобо,—сказала моя хозяйка.

Каково же было мое удивленіе и смущеніе, когда, открывъ дверь, я увидаль передъ собою лицо того самаго пристава, который хотѣлъ арестовать меня въ Эскуриалѣ! Я страшно испугался, думая, что онъ

узнаеть меня, но, къ счастью, онъ не обратилъ на меня никакого вниманія. За эти полгода я значительно возмужалъ, и щеки мои покрылись густымъ пухомъ, обѣщавшимъ скоро превратиться въ бороду. Вѣроятно, поэтому Лобо и не узналъ меня.

— Сеньоры, — сказалъ Лобо, садясь на ящикъ съ помадой, — сегодня у насъ счастливый день. Новый король взопелъ на престоль. Развѣ вы не выходили на улицу? Какая иллюминація, какой фейерверкъ, какая масса народу!

— Намъ некогда ходить на иллюминаціи, — отвѣтилъ Реквехо, — у насъ и дома много дѣла. Ахъ, сеньоръ Лобо, еслибъ вы знали, какъ намъ приходится трудиться!

— Надо благодарить Бога, что такіе богатые люди, какъ Реквехо, благодаря своему терпѣнью...

— Честности, не чему иному, какъ честности! — перебилъ его патетически донъ Мауро.

— Да, хорошее дѣло торговля! — воскликнулъ Лобо. — Работая перомъ, донъ Мауро, не разбогатѣешь. Вотъ я служу двадцать два года, а все не могу выйти изъ бѣдности; другой разъ сапогъ не на что купить. Вотъ теперь надѣюсь получить мѣсто придворнаго письмоводителя.

— Но вѣдь вы были на сторонѣ фаворита.

— Нѣтъ... По правдѣ говоря, я всю жизнь по мѣрѣ силъ служилъ государству. Но вѣдь, другъ мой, иной разъ нельзя и не покривить душой. Когда я узналъ, что генералиссимусъ арестованъ, я подаль докладную записку принцу Астурийскому и написалъ восемь писемъ дону Хуану Оеноиквисъ ¹⁾, прося мѣсто письмоводителя. Конечно, я преслѣдовалъ ихъ во время заговора, но они забыли это, а на случай, если вспомнать, я уже приготовилъ бумагу, въ которой говорю, что меня принудили поступать такъ.

— Вотъ ужъ изворотливый-то человѣкъ — этотъ сеньоръ Лобо!

— А какъ народъ-то привѣтствуетъ новаго короля! — продолжалъ тотъ. — Просто трогательно видѣть, сеньора Реститута! Я съ женой и дѣтьми прошелся по улицамъ. Говорятъ, что сожгли дома Годоя, его матери и брата дона Діега — и подѣломъ! Мои еще гуляютъ, а я пришелъ къ вамъ поболтать. Но я и забылъ спросить: какъ поживаетъ Инезилья?

Молодая дѣвушка поблагодарила кивкомъ головы.

— Да вотъ все лѣнится, — отвѣтила Реститута, презрительно взглянувъ на племянницу. — Сегодня она сшила только полторы рубашки, это просто срамъ.

— А, мнѣ кажется, этого довольно.

— Ахъ, сеньоръ Лобо, не говорите этого! Моя мать рассказывала мнѣ, что моей бабушкѣ ничего не стоило сшить двѣ рубашки

¹⁾ Воспитатель и наставникъ принца Фердинанда.

въ день. А эта дѣвушка привыкла лѣниться... ея мать пріучала ее только къ бѣготнѣ по улицамъ.

— Да, необходимо работать, — сказалъ Реквехо. — Видишь ли, милая, кто хочетъ ѣсть, тотъ долженъ помнить, что хлѣбъ и картофель не падаютъ съ неба, а надо ихъ заработать.

— Она очень ловкая и умѣетъ хорошо шить, только не хочетъ, — продолжала Реститута. — Она ужъ не ребенокъ, слава Богу, ей скоро шестнадцать лѣтъ. Въ ея годы я была хозяйкой цѣлаго дома.

— А мнѣ кажется, что Инезита славная дѣвушка, — добродушно сказалъ Лобо. — Она такая молчаливая, скромная, что ее нельзя не любить.

— Когда мы привезли ее сюда, я объяснила ей, какія теперь трудныя времена. Она понимаетъ, что мы не можемъ ее содержать даромъ. Ахъ, еслибъ вы видѣли, сеньоръ Лобо, что за нищета въ домѣ этого патера въ Аранхуэсѣ, гдѣ жила наша племянница! Просто сердце надрывается отъ жалости! Я ей велѣла завтра выстирать все бѣлье. Не брать же намъ въ самомъ дѣлѣ прачку, когда у насъ въ домѣ племянница? А я общала ей за это надуть платокъ бергамотовыми духами, у меня есть одинъ разбитый пузырекъ. Что въ ней хорошо, такъ это то, что она безотвѣтна, конечно, она помнить, какъ мы ее облагодѣтельствовали... Ахъ, вы не можете себѣ представить, что за нищета въ домѣ этого патера въ Аранхуэсѣ!..

— Я его знаю, — сказалъ Лобо. — Этотъ бѣдняга все посвящалъ латинскіе стихи *principio de la Paz*. Ему тоже не поздоровится. Уже доказано, что донъ Челестино былъ довѣренное лицо фаворита, и черезъ его руки шла вся переписка съ Наполеономъ.

— Ахъ, какой ужасъ! Я всегда говорила, что мнѣ не нравится лицо этого человѣка.

— Его приходъ въ Аранхуэсѣ надѣется получить мой двоюродный братъ, и мы уже съ однимъ товарищемъ написали доносъ на патера Челестино, обвиняя его въ разныхъ политическихъ преступленіяхъ.

Во время этого разговора я дѣлалъ надъ собой страшныя усилія, чтобъ не выразить моего негодованія. Инезилья, изумленная вѣроломствомъ дяди и тетки, не рѣшалась произнести ни слова. Хуанъ Діосъ также молчалъ; но мнѣ показалось, что съ неподвижнаго лица приказчика исчезло его обычное равнодушіе.

— Да, такъ вотъ мы и сдѣлаемъ, — продолжалъ Лобо. — А почему же вы, донъ Мауро, откладываете все вашу свадьбу? Чего тутъ думать? Вотъ въ будущемъ мѣсяцѣ обвиняемъ донью Реституту съ Хуаномъ Діосъ и васъ съ Инезильей. Я думаю, она не дождется этого счастливаго дня.

Всѣ взглянули на Инезилью, а донъ Мауро широко разставилъ локти и сказалъ:

— Я ужъ говорилъ ей объ этомъ, но она что-то помалчиваетъ.

— Да чего же вы хотите? Неужели вы ждете, что хорошо воспитанная дѣвушка такъ и скажетъ вамъ: «Я хочу замужъ, дайте мнѣ мужа». Вѣдь это ужъ ихъ постоянная манера дѣлать видъ, что имъ даже и разговоръ о замужествѣ непріятенъ.

— Вѣдь я тебѣ говорила, братъ!—вставила донья Реститута.— Неужели она не понимаетъ, что выйти за тебя—это счастье, котораго добиваются многія дѣвушки Мадрида.

— Да, чтожъ, я готовъ хоть сейчасъ,—отвѣтилъ Мауро, нажавъ пружинку смѣха.— Племянница мнѣ нравится. Хоть на меня и многія засматриваются, но лучше жениться на ней, чтобъ все нажитое осталось въ домѣ... Еслибъ она только видѣла, какое колъе и какія серьги заказалъ я ей!..

— Полно, полно!—остановила его Реститута.— Къ чему говорить объ этихъ вещахъ? Нѣтъ никакого колъе и никакихъ серегъ! Какъ же ты хочешь, чтобъ племянница стирала бѣлье и шила рубашки, когда ты вбиваешь ей въ голову такія глупости?

— Ничего, ничего... Я ее люблю и уважаю. Почему-жъ и не побаловать ея? Когда мы женимся, то Инезилья если захочетъ, такъ пусть работаетъ, а не захочетъ, какъ захочетъ...

Донъ Мауро засмѣялся и, вытянувъ руку, тронулъ Инезилью за подбородокъ. Она вся вздрогнула и рѣзкимъ движеніемъ оттолкнула руку назойливаго дядюшки.

— Это что такое? Это что за новости?—сказалъ донъ Мауро, сдвигая брови.—Это послѣ того, что я хочу на тебѣ жениться?

— На мнѣ?—воскликнула она съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

— Да, на тебѣ.

— Оставь ее, Мауро; ты знаешь, что она дурно воспитана. Милая, такъ не отвѣчаютъ.

— Что же съ ней и пошутить нельзя?—отвѣтилъ сестрѣ донъ Мауро.

— Я не хочу выходить за васъ замужъ и никогда не выйду,—энергично произнесла Инезилья.

— Какъ?!..—не помня себя отъ злобы, прошипѣла Реститута.— Да гдѣ же ты найдешь такого мужа, какъ мой братъ? И это послѣ того, какъ мы вырвали тебя изъ нищеты!..

— Вы меня вырвали изъ достатка и счастливой жизни и заставили жить въ этой нищетѣ, въ этой кабалѣ,—со слезами отвѣтила сирота.—Но мой дядя пріѣдетъ за мной, и я уѣду и никогда больше не вернусь къ вамъ. Выйти замужъ за такого человѣка! Да я лучше умру!

Услышавъ такой рѣшительный отказъ изъ устъ своей жертвы, Реквехо такъ и опѣшили. Наконецъ, донъ Мауро всталъ, весь вспыхнувъ отъ гнѣва, и воскликнулъ:

— Какъ! Ты ѣшь мой хлѣбъ, живешь подъ моей кровлей и

смѣешь держать себя такимъ образомъ? Да что ты Реквехо, что ли, чтобы такъ гордиться? Помни, что здѣсь хозяинъ я, и что все будетъ такъ, какъ я пожелаю!

Сказавъ это, онъ дернулъ ее за руку и отбросилъ къ стѣнѣ, замахнувшись на нее кулакомъ. У меня въ рукѣ былъ столовый ножъ, еще минута, и я хватилъ бы имъ Реквехо, но приказчикъ и Лобо постарались его успокоить и, къ счастью, мнѣ не пришлось совершить преступленія.

Донья Реститута, желая положить конецъ этой сценѣ, сказала своему брату:

— Не волнуйся, Мауро. Я заставлю ее опомниться. Ты вѣдь знаешь, что она дурно воспитана. Пойдемъ наверхъ, милая, мы тамъ поговоримъ.

Хуанъ Диосъ простился и ушелъ домой, а донья Реститута съ племянницей поднялись на антресоли и я за ними. Онѣ вошли въ свою комнату, а я въ мою, но я не могъ спать спокойно; мнѣ все казалось, что между теткой и племянницей произойдетъ крупная ссора. Я вышелъ изъ моей коморки, притаивъ дыханіе, и подошелъ на цыпочкахъ къ двери спальни. Я услышалъ голосъ доньи Реституты:

— Не плачь, спи. Мой братъ очень добрый человекъ, только онъ вспыльчивъ. Онъ очень тебя любитъ, милая.

Эта ласковость тона меня очень поразила, я сталъ подозрѣвать, что это не спроста.

Въ это время снизу до моего слуха долетѣли звуки голосовъ слѣдователя Лобо и дона Мауро. Я сталъ тихо-тихо двигаться впередъ и около самой лѣстницы приложилъ ухо къ полу.

— Да даю же вамъ мое честное слово,—говорилъ приставъ.—Инезита была брошена, и донья Хуана взяла ее на воспитаніе. Мать Инезиты одна изъ самыхъ могущественныхъ статсдамъ при дворѣ, и теперь она хочетъ разыскать свою дочь. У меня есть бумаги, удостовѣряющія личность дѣвушки. Если вы женитесь на ней, то подумайте только, другъ мой, вѣдь графиня богатѣйшая женщина и все оставитъ своей дочери...

— Да вѣдь вотъ вы видѣли, сеньоръ Лобо, дѣвушка на меня и смотрѣтъ не хочетъ... я ее ласкаю, а она отворачивается.

— Другъ мой, вы такъ себя держите съ ней, что васъ трудно полюбить,—отвѣтилъ Лобо.—Вы съ ней грубо обращаетесь и заставляете ее работать цѣлый день. Гдѣ же это видано, чтобы такая принцесса стирала бѣлье? Такъ она не только не полюбитъ, а возненавидитъ васъ.

— И мнѣ тоже кажется, сеньоръ Лобо, я съ вами согласенъ. То же самое я говорилъ и сестрѣ, но она ничего слышать не хочетъ и готова удавиться изъ-за одного мараведи. Вѣдь мы богаты, сеньоръ Лобо? Къ чему же тогда богатство, если во всемъ себѣ от-

казывать? Не правда ли? Я уже рѣшилъ: какъ только сестра выйдетъ за Хуана Діосъ, я ей выдамъ ея часть, и пусть уходитъ. А Инезита больше работать не будетъ.

— Къ тому же постарайтесь быть съ ней любезнымъ,—училъ Лобо.—Надо побольше заниматься своей наружностью, донъ Мауро, какъ хотите, дѣвушки всегда дѣвушки...

— Я ужъ сколько разъ говорилъ объ этомъ. Еслибъ это отъ меня зависѣло... а то я хочу одѣться, а Реститута стаскиваетъ съ меня хорошій скюртукъ и прячетъ. Нѣтъ, теперь ужъ я ея не послушаю! Слава Богу, мнѣ не нужно прикрашиваться и примазываться, я и безъ того очень недуренъ, а черезъ мѣсяцъ я поведу Инезиту въ церковь.

— Это самое разумное, что можете сдѣлать, донъ Мауро. А угрозами и лишениями вы доведете дѣвушку до того, что она влюбится въ перваго встрѣчнаго.

Вскорѣ слѣдователь и коммерсантъ простились. Я поторопился скрыться, но какъ я ни сдерживалъ мои шаги, тонкій слухъ доньи Реституты уловилъ скрипъ половицы. Она въ безпокойствѣ встала съ постели и, выходя на встрѣчу брату, сказала:

— Мнѣ кажется, что я слышала какой-то шумъ. Ужъ не воры ли забрались къ намъ? Вчера обворовали одинъ домъ въ улицѣ Imperial.

Они осмотрѣли всѣ углы, въ то время, какъ я укрылся одѣяломъ и притворился спящимъ. Наконецъ, не найдя воровъ, они улеглись. Часа черезъ два донья Реститута снова обошла весь домъ. Передъ утромъ до меня долетѣлъ звукъ монетъ: это она считала свои деньги. Затѣмъ она снова вышла изъ своей комнаты, спустилась въ столовую, а оттуда въ подвалъ, гдѣ и пробыла около часу.

XXXVIII.

На другой же день донъ Мауро сталъ очень любезно относиться къ своей племянницѣ, но дѣлалъ это, какъ и все, съ своей обычной неловкостью.

— Реститута,—сказалъ онъ,—я не хочу, чтобъ Инезита работала. Слышишь, сестра? Инезита моя племянница и все для нея. Если надо шить, то для этого можно взять портниху. Да вынь мнѣ мой новый скюртукъ, я хочу носить его каждый день, и, пожалуйста, не вари супа изъ бычачьей головы, а покупай хорошаго мяса, что же касается до колья, то я его сегодня же куплю и подарю моей племянницѣ. Потомъ я куплю фортепяно, и пусть она учится играть, а завтра, если, какъ говорятъ, пріѣдетъ новый король, то я подъ ручку съ племянницей пойду его встрѣчать.

Реститута хотѣла протестовать противъ этихъ нововведеній, но донъ Мауро былъ упрямымъ, какъ волъ. Благолая упорной энергіи

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ОКТЯБРЬ 1893 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

- Аверниева, Е.** Бесѣды объ огородахъ для учащагося въ сельскихъ школахъ и грамотнаго народа. Съ 26 рис. Изд. 2-е. М. 1893 г. Ц. 25 к.
- Авенариусъ, В.** Сказка о пчелѣ мохнаткѣ. М. 1893 г. Ц. 50 к.
- Аленсѣвъ, А.** Воспоминанія актера. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Андерсенъ.** Полное собраніе сказокъ въ переводѣ С. Майковой. Т. III, изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. въ палкѣ 1 р. 75 к.
- Анненская, А.** Робинзонъ Крузе. Новая переработка темы Де-Фо. Съ 10-ю картинками и 35 политип. Изд. 4-е. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Антоновъ, М.** Сборникъ заграничныхъ санитарныхъ постановленій и учрежденій, съ 59 рис. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Арефа, Н.** Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ. Сост. по офиц. изд. 1892 г. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- «Артистъ».** Театральный, музыкальный и художественный журналъ. Годъ 5-й, № 30-й. М. 1893 г. Ц. 2 р.
- Барацъ, С.** Курсъ вексельнаго права въ связи съ ученіемъ о векселяхъ и вексельныхъ операціяхъ. Спб. 1893 г. Ц. 5 р.
- Барро, М.** Забытое. Первые произведенія Д. И. Писарева. Критическій очеркъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.
- Бекетова, М.** Друзья человѣчества (Сердечное слово, № 9). Спб. 1893 г. Ц. 10 к.
- Беранше, И.** Полное собраніе пѣсенъ въ переводѣ русскихъ писателей подъ ред. И. Тхоржевскаго. Выходъ выпусками. Вышли выпуски 27 и 28. Ц. каждаго выпуска 20 к.
- Библиографъ.** Журн. историко-литературный и библиографическій. Съ портретами, снимками съ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п. 1893 г. № 2—3-й. Ц. 25 к.
- * **Бичеръ-Стоу, Генр.** Хижина дяди Тома. Съ прилож. библиографіи этого произведенія Джоржа Буллена. 2 т. (Новая Библиотека Суворина, №№ 25 и 26) Ц. 1 р. 20 к.
- Боевыя пѣсни русскаго солдата.** Сборникъ 123 военно-историческихъ пѣсенъ. Собралъ и съ голоса на ноты положилъ 122 пѣх. Тамбовскаго полка поручикъ Г. Поповъ. (Для 4-хъ голоснаго мужскаго хора). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Богдановъ, М.** Мірскіе захребетники. Съ портретомъ автора. 3-е издан. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Боголюбовъ, М.,** д-ръ мед. Дезинфекція. М. 1893 г. Ц. 20 к.
- Боасъ, І.,** д-ръ. Діета при болѣзняхъ желудка и кишекъ. Перев. подъ ред. съ примѣч. и дополн. д-ра Финкельштейна. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.
- Бородинъ, М.** Краткій учебникъ ботаники. Съ 310 полит. въ текстѣ, 3-е исправл. изданіе. Спб. 1893. Ц. 1 р. 50 к.
- Боргманъ, И.** Основанія ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ. Ч. I. Электростатика и электрической токъ. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.
- Ботаническія Записки** проф. А. Бекетова и Х. Гоби, изд. при Ботаническомъ садѣ Имп. Спб. Унив. Т. IV. Вып. I. Съ 4 хром. табл. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Браунъ, М.** Какъ заражается человекъ паразитами. Перев. съ нѣм. Кіевъ. 1893 г. Ц. 15 к.
- Броуновъ, П.** Снѣжный покровъ въ бассейнѣ Днѣпра въ дек. 1892 г. и въ янв. 1893 г. Кіевъ, 1893 г. Ц. 20 к.
- Обзоръ состоянія посѣвовъ въ бассейнѣ Днѣпра въ началѣ іюня 1893 г. Кіевъ. 1893 г. Ц. 20 к.
- Основанія ученія о погодѣ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Брэмъ, А.** Жизнь животныхъ. Популярное изданіе (75 выпусковъ, 6 полутомовъ, 1.200 иллюстрацій въ текстѣ, 1 карта).

- Перев. со 2-го нѣмецк. изд. подъ ред. д-ра зоолога С. Перяславцевой. Одесса. 1893 г. Вышелъ вып. 3-й (Обезьяны). Ц. 25 к.
- Брэмъ, А.** Жизнь животныхъ. Со множествомъ политипажей и хромолитографіями. Въ 10-ти томахъ. Пер. съ 3-го нѣм. исправл. и дополн. изданія подъ ред. К. Сентъ-Илера. Томъ IV. Птицы. Спб. 1893 г. Ц. 6 р., въ перепл. 7 р.
- Брюнетьеръ, Ф.** Источники пессимизма. (Международн. Библіотека, № 1). Одесса. Ц. 15 к.
- Буличъ, С.** Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Часть I. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.
- * **Бульверъ, Эдв. лордъ Литтонъ.** Последние дни Помпеи (The last days of Pompeii). Романъ. Пер. съ англ. Л. Гей. Въ 2-хъ томахъ (Новая Библіотека Суворина, №№ 23 и 24). Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Бурже, П.** Въ безсонныя ночи. М. 1894 г. Ц. 50 к.
- Вагнеръ, К.,** д-ръ. Какъ приобрѣтаются болѣзни желудка. Публичн. лекція. Съ 7 рис. въ текстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.
- Васильевъ, В.** Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Исслѣдованіе. М. 1893 г. Ц. 2 р.
- Васильевъ, А.** Сборникъ памятниковъ византійск. литературы. Anecdota graecobyzantina Pars prior. М. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- В—въ.** Два дня въ дѣтской лечебной колоніи. (Напеч. въ огранич. кол. экз.). Ц. 20 к.
- Вахтинъ, В.** Объяснительный морской словарь. 2-е, значит. дополн. изд. Выходятъ выпусками, которыхъ будетъ приблизит. 6, по 75 к. каждый. Выш. вып. 2-й.
- Вессель, Н.** Отчего Государственный Банкъ не упрочилъ кредитной денежной системы и какъ ее упрочить. Спб. 1893 г. Ц. 30 к.
- Wetterstrand.** Гипнотизмъ и его примѣненіе въ практической медицинѣ. Перев. съ нѣм. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Водовозова, Е.** Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей. Изд. 6-е, съ рис. Спб. 1893. Ц. 1 р. 50 к.
- Воронцовъ-Вельяминовъ, И.** Сборникъ законоположеній о крестьянскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ въ губерніяхъ, на кои распространяется «Положеніе о земскихъ начальникахъ». Изд. 2-е, дополн. всѣми измѣненіями и правит. разъясненіями по 1-е сент. 1893 г. Тула. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Всеобщій желѣзнодорожный путеводитель и календарь.** Зимнее движеніе, сост. по офиц. свѣдѣніямъ подъ ред. Э. Горского. Ц. 20 к.
- Гартенбахъ, д-ръ.** Искусство приобрѣсти превосходную память. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Гельвихъ, Н.** Наблюденія надъ именами прилагательными у Платва. Съ прилож. Указателя. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гельмгольцъ, Г.** Счетъ и измѣренія.—**Кронекеръ, Л.** Понятіе о числѣ. Казань. 1893 г. Ц. 50 к.
- Гейнце, Н.** Въ тинѣ адвокатуры. Романъ конца вѣка, въ 2-хъ томахъ. I. «По группамъ».—II. «Въ царствѣ шантажа». Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- * **Геге, В. Фаустъ.** Драматическая поэма. Перев. Н. Холодковского. Изд. 2-е исправ. переводч. (Дешев. Библ. А. С. Суворина, № 114). Ц. 25 к.
- Г—инъ, Н.** Уходи за красотой. Какъ сохранить до старости природную красоту и какъ возстановить ее, въ случаѣ преждевременн. уграты. М. 1894 г. Ц. 25 к.
- Главани, Ксаверіо.** Описаніе Черкесіи 1729 г. Перев. и примѣчанія Е. Вейденбаума. Тифлисъ. 1893 г. Ц. 50 к.
- Глаголева, С.** Чудо и наука. 1893 г. Ц. 40 к.
- Голицынъ, Дм. князь (Муравлинъ).** Дѣти. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гольдгаммеръ, Д.** Еще о нашихъ свѣдѣніяхъ объ зѣврѣ. Казань. 1893 г. Ц. 30 к.
- Электромагнитная теорія свѣта. Естественное вращеніе плоскости поляризаціи свѣта. Казань. 1893 г. Ц. 75 к.
- Гольмстенъ, А.** Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Ученіе о правѣ кредитора опровергать юридическіе акты, совершенные должникомъ въ его ущербъ, въ современн. юрид. литературѣ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гротъ, К.** Магьяры и славяне въ прошломъ. Историч. справки о славизмѣ въ государств. жизни Угріи. Варшава. 1893 г. Ц. 25 к.
- Гурляндъ, И.** Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль. 1894 г. Ц. 1 р.
- Гурьевъ, А.** Прямые и косвенные налоги. Pro и contra. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.
- * **Гюго, В.** Труденики моря. Романъ въ 3-хъ томахъ. (Деш. Библиот. А. С. Суворина, №№ 240, 241 и 242). Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- * — Тоже на веленовой бумагѣ. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей, въ огранич. колич. экз.). Ц. 1 р. 50 к.
- * **Давыдовъ, Ден. Вас.** Стихотворенія. Съ биографіей и портретомъ автора. Изд. 2-е. (Дешевая Библіотека А. С. Суворина, № 78). Спб. 1893 г. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ изящн. кол. пер. 35 к.

- * **Даниловъ, И.** Положенія о сельскомъ состояніи, дополненныя всѣми позднѣйшими узаконеніями, съ разъясняющими ихъ извлеченіями изъ рѣшенія Правительствующаго Сената, циркуляр. минист. внутр. дѣлъ и др. распоряж. Правит. (Въ 4-хъ частяхъ). Часть I. Общее положеніе и положеніе о выкупѣ (прод. 1890—1891 гг.). Изд. 4-е, испр. и дополи. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Данте-Алигеріи.** Божественная комедія. Чистилище. Пер. стихами съ итал. А. Федорова. Съ объяснит. примѣчаніями и вступленіемъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дарьяль, А.** Мусульманское болото. Очерки кавказскихъ нравовъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Деревенскій календарь на 1894 годъ.** Съ прил. статей по сельскому хозяйству. М. 1893 г. Ц. 20 к.
- Динкенсъ, Ч.** Полное собраніе сочиненій. Томъ V-й. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дорошевичъ, В.** «Палилотки». Юмористической сборникъ. М. 1893 г. Ц. 60 к.
- Дройзень, І.** Исторія эллинизма. Т. III. Исторія эпитоновъ. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дюбарро, К.** Сборникъ легкихъ и занимательныхъ разсказовъ для перевода съ русскаго на франц. языкъ, спец. приспособленный къ знаніямъ средн. уч. завед. Со словаремъ и примѣчан. М. 1893 г. Ц. 60 к.
- Дюрингъ, Е.** Цѣнность жизни. Перев. съ нѣмецк. Ю. М. Антоновскаго. Съ биографіей и портретомъ Дюринга. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дьяконовъ, М.** Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Ждановъ, Г.** Краткое руководство къ исправленію дурнобѣжихъ и порочныхъ лошадей. Спб. 1893 г. Ц. въ перепл. 1 р.
- Житковъ, С.** Биографія инженеровъ путей сообщенія. Вып. 2-й. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Зальссній, В.** Ученіе о происхожденіи прибыли на капиталъ. Отдѣлъ I. Ученіе о цѣнности. Выпускъ II. Часть критическая. Казань. 1893 г. Ц. 2 р.
- Засодимскій, П.** Грѣхъ. Романъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Захарьинъ, Г.** Проф. Клиническія лекціи. Вып. 2-й. (Брюшная болѣзнь и функціонерныя разстройства.—О внутр. употребленіи минеральн. водъ). Изд. 3-е. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Зутноръ, Б.** Долой оружіе. Анти-милитарный романъ. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.
- Ивановъ, В.** Военскія зданія: б) казарменная постройка. Спб. 1893 г. Ц. съ атласомъ чертежей 8 р.
- Н. А. Д.** Сказки Феимиды. Шутки и пѣсни. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Казанскій, П.** Институтъ международнаго права (1873—1893). Казань. 1893 г. Ц. 65 к.
- Казоттъ.** Влюбленный дьяволъ. М. 1894 г. Ц. 80 к.
- Кантъ, И.** Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки. Перев. В. Соловьева (Труды Моск. Псих. Общ. Вып. II). Изданіе 2-е. М. 1893. Ц. 1 р. 20 к.
- Каръевъ, Н.** Философія культурной и социальной исторіи новаго времени (1300—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Кассовичъ, М.,** д-ръ. Лекціи по болѣзнямъ перваго дѣтскаго возраста. Перев. съ нѣм. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кауфманъ, М.** Календарь и настольная книжка для матерей и хозяекъ на 1894 годъ. Одесса. Ц. 20 к.
- Кауфманъ, И.** Государственный долгъ Англіи съ 1688—1890 г. Опытъ историко-статистической монографіи кредитныхъ операцій, производившихся въ Англіи въ связи съ экстра-ординарными финансами. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Наццолино, В.,** проф. Гигіена уха. Кіевъ. 1893 г. Ц. 15 к.
- Квитко, Гр. (Основьяненко).** Драматическія сочиненія. Кіевъ. 1893 г. Ц. 35 к.
- Кеттлеръ, І.** Что такое женская эмансипація? (Международная Библиотека, № 2). Одесса. 1893 г. Ц. 15 к.
- Китайскія снази.** Пер. съ франц. подъ редакціей В. Зелинскаго. М. 1893 г. Ц. 10 к.
- Кнейппъ, С.** Домашняя аптека и атласъ цѣлебныхъ растений. Съ нѣмецкаго, перевелъ Б. Зифферманъ. Кіевъ. 1893 г. Ц. 50 к.
- «Книжный Вѣстникъ».** Журналъ книжноторговой, издательской и литературной дѣятельности въ Россіи, № 9. Ц. 30 к.
- Ковальковскій, Н.,** проф. Дезинфекція и ея примѣненіе. Обзоръ дезинф. средствъ, съ указ. способовъ прав. прозв. дезинфекціи. Изд. 2-е, испр. и дополи. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.
- Ковалевскій, С.** Учебники физики для средне-учебныхъ заведеній. Изд. 3-е, пересмотрѣнн. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 20 к.
- Ковенская губернія за время 1843—1893 г.** Изданіе Ковенскаго губ. статист. ком. Ковно. Ц. 2 р.
- Корнетъ, Г.,** д-ръ. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ. 1893 г. Ц. 15 к.
- Коренблигъ, А.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вышелъ вып. XV. М. 1893 г. Ц. 40 к.
- Коровяковъ, Д.** Этюды выразительнаго чтенія художественныхъ литературныхъ произведеній. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

- Кочетова, О.** Краткая пластическая анатомія для начинающихъ. Съ 90 раб. на отдѣльной табл. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.
- Краткій обзоръ дѣятельности педагогическаго музея военно-учебн. заведеній за 1892—93 г.** Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Крижанничъ, Ю.** Собраніе сочиненій. Выпускъ III. М. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Критическій указатель дѣтской и педагогической литературы.** 1893 г. Вып. 1-й. Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе». Спб. 1893 г. Ц. 10 к.
- Крашевскій, О.** Талъ Бондарчукъ. (Моя Библ., № 37, 38, 39 и 40). Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.
- Круглевскій, Н.** Руководство къ топографической медико-хирургической анатоміи. Вып. I, съ 97-ю рис. въ текстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Кюллеръ, д-ръ.** Нервность и нервозы. Гигіена нервныхъ людей. Съ предисловіемъ прив.-доц. Имп. Военно-Мед. Академіи. С. Данило. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ландцертъ, В.** Спутникъ по Россіи, сост. по офиц. свѣдѣніямъ и одобр. Мин. Путей Сообщ. *Зимнее движеніе*. 1893—94 гг. Ц. 60 к.
- Лерхъ, Н.** Счетоводство для гостинницъ, рестораноу, трактирныхъ и т. п. заведеній. Съ прилож. Высочайше утвержд. 8-го іюня 1893 г. Положенія о трактирномъ промыслѣ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Лессингъ, Г.** Мина фонъ-Барнгельмъ. Ком. въ 5 ти дѣйств. Пер. съ нѣм. Кіевъ. 1893 г. Ц. 25 к.
- Молодой ученый. Комед. въ 3-хъ дѣйств. Пер. съ нѣмец. Кіевъ. 1893 г. Ц. 25 к.
- Лимбергъ, А., д-ръ мед.** Уходъ за зубами и леченіе ихъ. Необходимыя свѣдѣнія для страдающихъ зубами, особ. для родителей. Изд. Спб. Общ. дантистовъ и врачей. Съ 7-ю рис. въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Линдестремъ, В.** Чертежи миноносцевъ русскаго флота. Изд. е. и. в. вел. князя Александра Михайловича. Спб. 1893 г. Ц. въ перепл. 5 р.
- Лихачевъ, Н.** Новое родословіе князей Голыцкихъ. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Лѣтневъ, П.** На волоскѣ. Романъ. Кіевъ. 1893 г. Ц. 1 р.
- Львовъ, Т.** Картины изъ жизни въ разсказахъ. М. 1893 г. Ц. 30 к.
- Мартьяновъ, П.** Дѣла и люди вѣка. Отрывки изъ старой записной книжки, статьи и замѣтки. Спб. 1893. Ц. за 2 тома 3 р. 50 к.
- Цвѣтъ нашей интеллигенціи. Словарь-альбомъ русскихъ дѣятелей XIX вѣка въ силуэтахъ, краткихъ характеристикахъ, надписяхъ къ портретамъ и эпитафіяхъ. Изд. 3-е, вновь испр. и значит. дополнен. Спб. 1893. Ц. 2 р.
- Марьежоль, Ж.** Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени, 1270—1810. Перев. съ франц. Съ 111 рис. Спб. 1893. Ц. 2 р.
- Мѣбіусъ, д-ръ.** Гигіена, діета и леченіе нервныхъ людей. Пер. съ нѣм. подъ ред. д-ра мед. Ершова. Спб. 1894. Ц. 75 к.
- Мельниковъ, Н.** Чудеса выставки въ Чикаго 1893 года, съ 70-ю рис. Одесса. 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Мерсье.** Варажи съ солями золота (Вибл. фотографа, кн. 2-я). Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Миллеръ, В.** Акваріумъ. Краткое рук. къ уходу за аквар. и его населеніемъ (вод. растенія и рыбки). Спб. 1893 г. Ц. 75 к.
- Милютинъ, И.** Россія и Германія. Экономическія письма. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Миткевичъ, В.** Казачья лава. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Михневичъ, Н.** Вліяніе новѣйшихъ техническихъ изобрѣтеній на тактику войскъ, конспектъ лекцій, чит. въ Никол. Акад. Ген. Штаба. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Молотовъ, Ал.** Отголоски 60-хъ годовъ. Очерки и рассказы. Т. II. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Монтегацца, П.** Физиологія женщины. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Н. А.** Средневѣковые храмы въ Германіи. Цвѣтутевыхъ впечатлѣній. Спб. 1893 г. Ц. 10 к.
- Наказъ е. и. в. Екатерины Вторыя,** самодержицы всероссійскій, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.
- Н. О.** De gré ou de force. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Настольный энциклопед. словарь.** Вып. 72-й (Нажакъ—Насоновъ). 1 рис. М. 1893 г. Ц. 30 к., на велен. бум. 40 к.
- Вып. 73-й (Насосы—Пересовъ). 5 портретовъ и 4 рис. въ текстѣ. (Съ 1-го по 43-й вып. издавался Тов-мъ А. Гербель и Копп., съ 44-го выпуска издается Тов-мъ Гранатъ и Копп.). М. 1893 г. Ц. 30 к., на вел. бум. 40 к.
- Неверъ, Е. М.** Искусство быть красивой. Книга для женщинъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Незеленовъ, А.** Исторія русской словесности для среднихъ учебн. заведеній. Изд. 2-е, часть I (съ древѣйшихъ временъ до Карамзина). Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Исторія русской словесности для средн. учебн. заведеній, въ 2-хъ частяхъ.

- Изд. 2-е. Часть II (Карамзинскій и Пушкинскій періоды). Сиб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Никитскій, А.** Исторія экономического быта Великаго Новгорода. Исслѣдованіе. М. 1893 г. Ц. 2 р.
- Носенко, Д.** Производство дѣлъ объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей. М. 1893 г. Ц. 80 к.
- Оглоблинъ, Н.** Библіотека сибирскаго митрополита Игнатія 1700 г. Сиб. 1893 г. Ц. 30 к.
- Панченко, В., д-ръ.** Современное положеніе ученія о сперминѣ (sperminthrophel) на основаніи физиологическихъ данныхъ и наблюденій надъ больными. Сиб. 1893 г. Ц. 30 к.
- Пароменскій, А.** Дифференціальное и интегральное исчисленія, съ приложеніями къ анализу и геометріи. Сиб. 1893 г. Ц. 4 р.
- Пергаментъ, М.** Юридическая природа реальной уніи. Исслѣдованіе. Одесса. 1893 г. Ц. 1 р.
- Песковскій, М.** Въ глуши. Повѣсть въ 3-хъ част. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Поповъ, Н.** Паразиты Петербурга. Уголовный романъ изъ современной столичной жизни. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Попова, Е., и Пошехонова, А.** Грамотей. Азбука и первые уроки чтенія. Съ прилож. письм. упражненій. Сиб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Пренендовъ, А.** Учебникъ тактики для пѣхотныхъ юнкерскихъ училищъ. Части 1-я и 2-я. Изд. 3-е. Сиб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Протасевичъ, В.** Блокпрущіе приборы Годжсона и организационныя движенія поѣздовъ при употребленіи блокъ-аппаратовъ. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Пташицкій, С.** Къ исторіи литовскаго права послѣ 3-го статута. Сиб. 1893 г. Ц. 40 к.
- Рева, М.** Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство. Кіевъ. 1893 г. Ц. 50 к.
- Рибо, Т.** Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Пер. съ 8-го доп. франц. изданія. Сиб. 1894 г. Ц. 80 к.
- Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Пер. съ франц. Сиб. 1894 г. Ц. 80 к.
- Розенбергъ, Г.** Сверхъестественный кумиръ. (Серебряный вопросъ). Кіевъ. 1893 г. Ц. 25 к.
- Розмаицъ, Л., и Древновскій, С.** Ректификація и холодная очистка спирта. Съ 6-ю политни. Кіевъ. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Русскія народныя картинки.** Собралъ и описалъ **Д. А. Ровинскій.** Атласъ. Т. IV. Ц. 25 р., въ перел. 30 р.
- Саллюстій Криспъ.** Заговоръ Катилины. Перев. И. Семенова. М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Югуртинская война. Пер. И. Семенова. М. 1894 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ узаконеній** объ управленіи, охраненіи и сбереженіи *лесовъ* частныхъ владѣльцевъ. Изд. 2-е. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Севастополь** въ 1855—1856 гг. 25 фотографическихъ снимковъ съ рѣдкаго фотографическаго альбома. Издали П. Харитоненко и Н. Голубовъ. М. 1893 г. Ц. 5 р.
- «**Сельскій хозяинъ**». Еженедѣльное иллюстрированное изданіе К. И. Масленникова. № 50. Сиб. 1893 г. Ц. отд. № 20 к.
- * **Систематическій указатель статей** историч. журнала «Древняя и новая Россія». 1875—1881. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Сказки**, изложенныя по сборнику Бр. Гриммъ. Пять выпусковъ. М. 1893 г. Ц. каждого вып. 20 к.
- Сладновъ, В.** Бухгалтерія простая и двойная. 2 части. М. 1893 г. Ц. 2 р.
- Современный календарь** на 1894 г. А. Стушина. М. Ц. 15 к.
- Соколовъ, А.** Замѣчанія на 2-й выпускъ словаря, изд. Академіей Наукъ. Казань. 1893 г. Ц. 10 к.
- Сонни, С.** Теорія постановки голоса въ связи съ физиологіей органовъ дыханія и гортани. 3-е изд., пересмотр. и значит. доп. авторомъ. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Спиноза, Б.** Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Перев. съ латинк. Съ прил. главы изъ «Исторіи новой философіи» Куно Фишера. Одесса. 1893 г. Ц. 75 к.
- Старчевскій, А.** *Сибирскій переводчикъ* по линіи строящейся Сибирской и Уссурийской жел. дорогъ и по всѣмъ пароходнымъ сибирскимъ рѣкамъ. (Для объясненій съ нашими инородцами, живущими на прилегающихъ къ этимъ дорогамъ и рѣкамъ мѣстностяхъ). Сиб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Степановъ, А.** Электричество. Курсъ миннаго офицерскаго класса. Вып. II. Сиб. 1893 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Сувзйдисъ, П.** Уборка хлѣба по литовскому способу. Пермь. Ц. 20 к.
- Машины для распиловки дровъ. Пермь. 1893 г. Ц. 80 к.
- Способы сплава лѣса во время весенняго половодья. Пермь. 1892 г. Ц. 2 р.
- Тепловъ, Ф.** Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи. Историческій очеркъ. Сиб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Титъ Ливій.** Исторія послѣднихъ 3-хъ лѣтъ второй Пунической войны. XXX-я книга. Перев. съ лат. Я. Мищенко. Кіевъ. 1893 г. Ц. 80 к.

Тихомировъ, И. Атласъ по всеобщей и русской исторіи для среднихъ учебн. заведеній. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Толстой, А., гр. Драматическая трилогія. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Трусевичъ, Я. Матчевская система лѣченія слабонервныхъ и истеричныхъ, малокровныхъ и худощавыхъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Туриный, Н. Электрическое лучеиспускаеіе челоѵеческаго организма (съ фототипіями). М. 1893 г. Ц. 35 к.

Феноменовъ, Н., проф. Оперативное акушерство. Лекціи, чит. студентамъ Имп. Казанскаго Университета. Изд. 2-е, исправл. Казань. 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.

Фетъ, А. Ранніе годы моей жизни. М. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Флавицкій, Ф. Общая или неорганическая химія. Лекціи. Вып. 1. Съ 82 рис. Ц. съ подпиской на 2-й вып. 3 р. 50 к.

Фортуатовъ, А. Э., орд. проф. Петровской Академіи. Сельскохозяиственная статистика Европ. Россіи. М. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фриманъ, Л. Основы новѣйшаго прускаго способа овладѣнія большой крѣпостью. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Фудель, І., свящ. Наше дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. М. 1893 г. Ц. 30 к.

Фурнье, Альфредъ. Лечение сифилиса. Харьковъ. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Хвольсонъ, О. Ученіе о движеніи и о силахъ. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Zegner, d-g. Карманный терапевтическій словарь. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Чагинъ. Правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ. Съ примѣчаніями составителя, извлеченіями изъ циркуляровъ мин. юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, съ выдержками изъ рѣшеній Правит. Сената. Изданіе неофициальное. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **Чеховъ, Ант.** Каштанка. Разсказъ. Изд. 3-е. Съ рис. въ текстѣ. Сиб. 1893 г. Ц. 50 к.

Чешинъ, В. Краткія либретто. Содержаніе 100 оперъ современнаго репертуара. Рига. 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Чистяковъ, А. Меодическое руководство къ обученію танцамъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Съ 20 рис. въ текстѣ. Съ прил. руководства для дирижеровъ. Съ 157 фигурами для кадрили, мазурки, вальса, польки и котильона. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Шапиръ, Ольга. Вернулась!.. — Въ свободкѣ. — Дѣти отказали. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Шафиръ, М. Законы о судопроизводствѣ и взыскаіяхъ гражданскихъ (т. XVI, ч. 2-я, изд. 1892 г.), съ разъясненіями по рѣш. Гражд. Кас. Деп. и общ. собр. Пр. Сената, съ прилож. извлеченій изъ положеній объ управленіи Туркестанскаго края и степныхъ областей. Спб. 1893 г. Ц. 3 р. 60 к.

Шаховской, А., врачъ. Новыя изслѣдованія о причинахъ излечимости чахотки съ генеалогической точки зрѣнія. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.

Шестаковъ, П. Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности. Казань. 1893 г. Ц. 50 к.

Шиллеръ, Ф. Племянникъ-дядя. Ком. въ 3-хъ дѣйств. Кіевъ. 1893 г. Ц. 15 к.

Шефферъ, д-ръ. Карманный медицинскій атласъ. Т. I. Акушерство. Часть 1-я. Родовой актъ. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ, А. Миръ какъ воля и представленіе. Т. II. Дальнѣйшія доказательства основныхъ положеній пессимистической доктрины. Пер. Н. Соколова. Спб. 1893 г. Ц. 4 р.

Энцилеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Перев. съ нѣмецк., пересмотрѣнный д-ромъ А. Добровольскимъ. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Энциклопедическій словарь, начат. проф. И. Андреевскимъ, продолжается подъ ред. К. Арсеньева и Ѳ. Петрушевскаго. Изд. *К. Брокауза* и *И. Ефрона*. Томъ X, полутомъ 19-й (Давенпортъ — Десминъ). Ц. въ перепл. 3 р.

Этнографическое обозрѣніе. Изд. Эти. Отдѣла Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр., сост. при Моск. унив. Подъ ред. Н. Янчука, 1892, № 4. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юрѣвъ, Мих. Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. Часть I. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Языновъ, Д. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. VII. Русск. писатели, умершіе въ 1887 г. М. 1893 г. Ц. 1 р.

Ясинскій, Ф. Опытъ развитія теоріи производительнаго изгнба. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.

— **Примѣненіе** уравнишенныхъ фермъ къ желѣзнымъ строиламъ. Съ 7-ю листами чертежей. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Ѳаворовъ, Н. Очерки нравственнаго православно-христіанскаго ученія. Изд. 7-е. Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р.

Ѳеоктистовъ, И. Гансъ Эггеде. (Нашему юношеству. Разказы о хорошихъ людяхъ, № 10). Спб. 1893 г. Ц. 10 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ПРОДАЮТСЯ У ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ:

- Бестужевъ-Рюминъ, РУССКАЯ ИСТОРИЯ. Т. II, вып. I. Ц. 1 р. 50 к. (т. I рас-
проданъ).
- Бибиновъ, О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ДОБРЮЛЮБОВА. Ц. 50 к.
- Блунчли, ИСТОРИЯ ОБЩАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА И ПОЛИТИКИ
отъ XVI вѣка по настоящее время. Ц. 3 р.
- Гервинусъ, ИСТОРИЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА отъ времени Вѣнскаго кон-
гресса. Шесть томовъ. Ц. 14 р. (тома продаются и отдѣльно). Его же,
ВВЕДЕНИЕ ВЪ ИСТОРИЮ XIX ВѢКА. Ц. 75 к.
- Дрэперъ, ИСТОРИЯ УМСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ ЕВРОПЫ. Перев. А. Н. Пы-
пина. Изданіе четвертое. Два тома. Ц. 4 р.
- Нарновичъ, ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ ИЗЪ СТАРИННАГО БЫТА ПОЛЬШИ.
Ц. 2 р. 50 к.
- Ненанъ, СТЕПНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СИБИРИ. Ц. 1 р. 25 к.
- Ламанскій, ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИЗУЧЕНІИ ГРЕКО-СЛАВЯНСКАГО МІРА
въ Европѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Лессингъ, ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ. Перев. Вейнберга и Яхонтова. Со
статьей «Лессингъ какъ драматургъ». Ц. 2 р.
- Мольеръ, СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ переводѣ русскихъ писателей. Съ биогра-
фіей, составленной проф. Веселовскимъ. Три тома. Ц. 7 р. 50 к.
- Морозовъ, ФЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ КАКЪ ПИСАТЕЛЬ. Очеркъ изъ исторіи
русской литературы въ эпоху преобразования. Ц. 2 р. 50 к.
- Мэнэнзи-Уоллесъ, РОССІЯ. Два тома. Ц. 5 р.
- Нейманъ, ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ. Т. I.
Ц. 2 р. 50 к.
- Павинскій, ПОЛАВСКІЕ СЛАВЯНЕ. Историческое изслѣдованіе. Ц. 1 р. 50 к.
- Павловъ, ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ РОССІИ. Краткій очеркъ отечественной исторіи. Ц. 70 к.
Его же, ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ БОРИСА ГО-
ДУНОВА. Ц. 50 к. Его же, ОЧЕРКЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХОЗЯЙСТВЕН-
НОЙ СТАТИСТИКИ РОССІИ. Ц. 40 к.
- Пироговъ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО РИМСКОЙ ИСТОРИИ. Ц. 1 р.
- Прудонъ, ИСКУССТВО. Перев. подъ ред. Курочкина. Ц. 1 р. 25 к.
- Риттеръ, ИСТОРИЯ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ и отрывки по этому предмету. Ц. 1 р. 25 к.
- Росмеслеръ, ЛѢСЪ. Съ дополненіями Э. Арнольда и Н. Попова. Ц. 4 р. 50 к.
- Рущинскій, РЕЛИГИОЗНЫЙ БЫТЪ РУССКИХЪ по свѣдѣніямъ иностранныхъ
писателей XVI и XVII вв. Ц. 2 р. 50 к.
- Стэнли, КАКЪ Я ОТЫСКАЛЪ ЛИВИНГСТОНА. Путешествія и открытія въ
Африкѣ. Съ рисунками и картами. Ц. 3 р.
- Томекъ, ИСТОРИЯ ЧЕШСКАГО КОРОЛЕВСТВА. Перев. съ чешскаго. Ц. 2 р. 50 к.
- Тэнъ, КРИТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ. Ц. 1 р. 75 к.
- Уэтли, ОСНОВАНІЯ ЛОГИКИ. Перев. проф. Шимкова. Ц. 2 р.
- Фигге, ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Со многими рисунками. Ц. 1 р. 50 к.
- Фридендеръ, КАРТИНЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РИМСКИХЪ ПРАВОВЪ. Два тома. Ц. 3 р.
- Шерръ, ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. Третье изданіе. Два тома. Ц. 4 р.
- Штоль, ГЕРОИ ГРЕЦІИ ВЪ ВОЙНѢ И МИРѢ. Исторія Греціи въ биографі-
яхъ. Ц. 2 р. Его же, ГЕРОИ РИМА ВЪ ВОЙНѢ И МИРѢ. Исторія Рима
въ биографіяхъ. Ц. 2 р. 50 к. Его же, ВЕЛИКІЕ ГРЕЧЕСКІЕ ПИСА-
ТЕЛИ. Очеркъ классической литературы грековъ въ биографіяхъ. Ц. 2 р.
Его же, ВЕЛИКІЕ РИМСКІЕ ПИСАТЕЛИ. Очеркъ классической литера-
туры римлянъ въ биографіяхъ. Ц. 2 р.
- Яковлевъ, ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XII и XIII вв. Ц. 2 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 Г.

XV НИВА XV

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, со многими бесплатными приложениями и преміями.

Гг. подписчики «НИВЫ» получаютъ въ теченіе 1894 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала «НИВА», заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 книгъ соч. ѳ. м. достоевскаго,

выходящія въ началѣ каждаго мѣсяца, будутъ заключать въ себѣ слѣдующія сочиненія ѳ. м. Достоевскаго:

КНИГА I. Бѣдные люди, ром. Двойникъ, петерб. поэма. **КНИГА II.** Господинъ Прохарчинъ, рассказъ. Романъ въ девяти письмахъ. Хозяина, пов. Ползуновъ. Слабое сердце, пов. Чужая жена. Честный воръ. Елна и свадьба, пов. **КНИГА III.** Бѣлыя ночи, романъ. Неточка Незванова. Маленькій герой. На Европейскія событія 1854 г., стих. Дядюшкинъ сонъ, пов. **КНИГА IV.** Село Степанчиково и его обитатели. I и II часть, изъ записокъ неизвѣстнаго. **КНИГА V.** Записки изъ мертваго дома, ром. въ 2 част. Сиверный анекдотъ, рассказъ. **КНИГА VI.** Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Записки изъ подполья, повѣсть. Крокодилъ, повѣсть. Игрокъ, романъ. **КНИГА VII.** Униженные и оскорбленные, романъ въ 4-хъ частяхъ съ эпилогомъ. **КНИГА VIII.** Вѣчный мужъ, равск. **КНИГА IX.** Преступленіе и наказаніе, романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. Части I, II и III. **КНИГА X.** Преступленіе и наказаніе, романъ. Части IV, V и VI. **КНИГА XI.** Идиотъ, романъ въ 4-хъ част. Части I и II. **КНИГА XII.** Идиотъ, романъ. Части III и IV.

При первой книгѣ будетъ приложенъ портретъ Достоевскаго, гравир. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

Что касается остальныхъ произведеній ѳ. м. Достоевскаго: «Бѣсы», «Подростокъ», «Дневникъ писателя» и «Братья Карамазовы», то мы нынѣ же принимаемъ на себя обязательство дать ихъ, какъ бесплатное приложеніе при «Нивѣ» 1895 г., такъ что подписчики «Нивы» за 1894 и 1895 г. получаютъ бесплатно „Полное собраніе сочиненій“ ѳ. м. Достоевскаго.

12 выпусковъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, которыя будутъ выходить при «Нивѣ» въ средину каждаго мѣсяца, и будутъ содержать въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ бесплатно ежемѣсячнаго приложенія „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 №№ бесплатнаго ежемѣсячнаго приложенія рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выроекъ въ натуральную величину.

2 офорта проф. Ив. Ив. Шишкина: 1) „Дубовая роща Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ“ и 2) „Лѣсная рѣчка“.

2 картины 1) „Островъ Наргенъ“, проф. Ю. Ю. Клевера, отпеч. 15 краск. 2) „Неро-Фюрдъ въ Норвегій“, худ. Расмуссена, отпеч. 18 краск.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1894 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе «НИВЫ» со всеми вышеозначенными приложеніями:

Безъ доставки въ С.-Петербур. 5 р. — к. **6 р.**
Съ доставкой въ С.-Петербур. 6 р. 50 к. **7 р.**
ЗА ГРАНИЦУ **10 р.**

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Невскій просп., № 6.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

СЕДЬМОЙ ВЫПУСКЪ ИЗДАНІЯ

ПАЛЕСТИНА

СОЧИНЕНІЕ А. А. СУВОРИНА.

Рисунки А. Д. Кившенко и В. И. Навозова.

РИСУНКИ:

Монахъ-святогробецъ.	Бенедиктинскій монахъ.
Въ придѣлѣ св. Лонгина-сот- ника.	Абиссинскій монахъ.
Армянскіе монахи.	Башня Антонія.

Приложеніе на особомъ листѣ: „Св. Гробъ Господень“
въ 15 красокъ).

Выпускъ восьмой выйдетъ 5-го ноября.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.— Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дентфордѣ.—Императорскій титуль.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ въ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирияново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габриелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій просп., 38), за пересылку ничего не платятъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАВРЬ, 1893 г.

	СТР.	
I. Отжившіе типы. Кузина Катя. VIII—XII. (Окончаніе). Н. И. Мердеръ (Севернянъ)	627	
II. Наброски изъ прошлаго. II—III. Князя Д. Д. Оболенскаго Иллюстрація: Портретъ князя Владимира Александровича Черкаскаго.	659	
III. Типы современной деревни. VI. «Фармазонъ». А. В. Круглова	691	
IV. Изъ воспоминаній артиста А. А. Нильскаго. (Провинція). VII—X. (Окончаніе)	705	
V. Пограничная крѣпость. (Посвящается Ив. Ал. Ведрягѣ). XI—XV. (Окончаніе). А. И. Лемана	739	
VI. Листки изъ записной книжки. К. П. Ободовскаго	773	
VII. Борисъ Годуновъ. 1584—1605. (Опытъ характеристики). VI—XII. (Окончаніе). А. Е. Мерцалова	781	
VIII. Либеральный цензоръ и профессоръ-пессимистъ. (Биографическій очеркъ). III. Никитенко въ царствованіе Александра II. (Окончаніе). В. Р. Зотова	800	
IX. Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ и г-жа Адель Гоммеръ де-Гелль. П. К. Мартынова	833	
X. Иосифъ Сѣмашко и воссоединеніе униатовъ. В. Ф. Боцяновскаго Иллюстрація: Портретъ митрополита Иосифа Сѣмашко.	857	
XI. Воспоминаніе о Н. П. Синельниковѣ. Н. Кельша	876	
XII. Возобновленіе и охраненіе «забытыхъ могилъ». А. А. Ярцева	881	
XIII. Пятидесятилѣтіе дѣятельности А. Н. Неустроева. А. И. Фаресова	892	
XIV. Вохововскій Маріанскій женскій общежительный монастырь. С. В. Иллюстрація: 1) Странноприимный домъ монастыря. — 2) Церковь монастыря и келии.	900	
XV. Международный третейскій судъ. В. Т.	907	
Иллюстрація: 1) Зала, гдѣ собирався третейскій судъ. — 2) Баронъ Курсель, предѣдатель третейскаго суда. — 3) Вой котиковъ. — 4) Котики на Прибыловыхъ островахъ.		
XVI. Критика и библиографія	920	
1) Исторія 83-го пѣхотнаго Самурскаго е. и. в. великаго князя Владимира Александровича полка. Составилъ капитанъ А. Петровъ. Петровскъ (на Кавказѣ). 1893. Е. Нозубскаго. — 2) М. И. Михельсонъ. Мѣтки и ходячія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ пословицъ, изреченій и выраженій. Спб. 1894. М—на. — 3) Эдуардъ Фриманъ. Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 года, съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Главные періоды европейской исторіи. Шесть лекцій 1885 года, съ приложеніемъ статьи о греческихъ городахъ подъ римскимъ управленіемъ. Переводъ П. Николаева. Москва. 1893. С. — 4) А. Н. Чудиновъ. Лѣтопись Нестора со включеніемъ поученія Владимира Мономаха. Спб. 1893. (Русская классическая бібліотека, выпускъ XVI). С. Т—скаго. — 5) Каталогъ коллекціи древностей А. И. Поль въ Екатеринославѣ. Составилъ К. Мельникъ. Кіевъ. 1893. В. Б.		

См. слѣд. стран.

	СТР.
XVII. Историческія мелочи	931
1) Женщина-запа. — 2) Столѣтняя годовщина французской революціи и г-жа Роланъ. — 3) Наполеонъ по дорогѣ на св. Елену.	
XVIII. Заграничныя историческія новости	944
XIX. Смѣсь	952
1) Присужденіе Пушкинскихъ премій. — 2) Юбилей Д. В. Григоровича. — 3) Пятидесятилѣтній юбилей профессора Бекетова. — 4) Сорокалѣтній юбилей Н. Н. Обручева. — 5) Столѣтняя годовщина смерти Чулкова. — 6) Могила Богдановича. — 7) Некрологи: П. А. Каншинъ; М. Н. Раевскій; А. В. Потанина; О. Н. Каблицъ.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Бориса Феодоровича Годунова.—2) Дворъ Карла IV. (La corte de Carlos IV). Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго Е. I. Уманецъ. XXXIX—XLVIII. (Окончаніе).—3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1893 года. и гравюръ, помѣщенныхъ тамъ же. — 4) Объявленіе книжного магазина «Новаго Времени» А. С. Суворова.

При этой книжкѣ разсылается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ: 1) объявленіе о подпискѣ на журналъ «Новъ» въ 1894 году; 2) каталогъ журналовъ, газетъ и періодическихъ изданій на 1894 годъ, на которые можно подписываться въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ; 3) объявленія о подпискѣ на журналъ «Живописное Обзорѣніе» и газету «Сынъ Отечества» на 1894 годъ; 4) объявленія объ изданіи въ 1894 году газеты «Недѣля» и литературнаго ежемѣсячнаго журнала «Книжки Недѣли»; 5) объявленія о подпискѣ въ 1894 году на иллюстрированный журналъ «Нива» и «Иллюстрированную бібліотеку «Нивы»; 6) объявленія о подпискѣ въ 1894 году на ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ «Сѣверный Вѣстникъ».

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1893 г

А.

Абамелинъ, князь. *Статья* о ихъ родѣ: Пермскіе землевладѣльцы Лазаревы и ихъ преемники князя Абамеликь, т. LII, 425—447.

Абашидзе, князь, т. LI, 387.

Аббасъ I Великій, персидскій шахъ, т. LII, 426.

Абботъ, Эвелинъ, англійскій историкъ, т. LI, 638.

Абдуль-Меджидъ, турецкій султанъ, т. LI, 590.

Абердинъ, графъ, англійскій министръ, т. LII, 287.

Абрамовъ, Павелъ. *Замѣтка* его: Солдаты Нагиба, т. LII, 566—567.

Августа-Викторія, германская императрица, т. LIII, 830.

Августинъ, францисканскій монахъ, популярный проповѣдникъ въ Италіи, т. LI, 227.

Аверниевъ, Д. В. *Библиографическая замѣтка* о сочиненіи его: О драмѣ. Критическое разсужденіе. Съ приложеніемъ статьи: Три письма о *Пушкинѣ*. Т. LI, 904—905; т. LIV, 952.

Авраамій, игуменъ Воронежскаго Спаскаго монастыря. *Статья* о немъ: Очеркъ

монастырскаго быта конца XVII вѣка, т. LIII, 716—730.

Агаангель, архимандритъ, ректоръ Костромской семинаріи, впоследствии архіепископъ волынской, извѣстный публицистъ, т. LIV, 87.

Адамовичева, генеральша, т. LII, 716.

Адлербергъ:

— Начальница Смольнаго института, т. LIV, 531.

— Владиміръ Фед., графъ, генераль-адъютантъ, мин. двора, т. LIII, 447.

— Александръ Влад., графъ, генераль-адъют., мин. двора, т. LI, 751, 753; т. LIII, 447; т. LIV, 34, 39, 671, 814, 815.

— Н. В., графъ, финляндскій генераль-губернаторъ, т. LIV, 733.

Адріановы:

— С. А. *Статья* его: Забытый герой, т. LIV, 476—493. *Библиографическія замѣтки* его: Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Развѣіе культурныхъ и социальныхъ отношеній. Т. I. Переходъ отъ средн. вѣковъ къ новымъ. Т. II. Реформація. Т. LI, 612—616. Е. В. Кузнецовъ. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака.—Библиографія Ермака, т. LI, 619—620. В. И. Межовъ. Сибирская библиографія. Ука-

¹⁾ Въ „Указатель“ не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ къ „Историческому Вѣстнику“.

Указатель книгъ и статей на русск. яз. и книгъ на иностр. яз. за весь періодъ книгопечатанія, т. III. Т. LI, 623. В. Алексѣевъ. Хрестоматія по исторіи древней Греціи въ отрывкахъ изъ древне-классическихъ писателей. Вып. первый. Т. LI, 908. Историческое обозрѣніе. Сборникъ истор. общества при Сиб. университетѣ, издаваемый подъ ред. Н. Карѣева, т. IV. Т. LII, 267—268. К. Газеявникель. Книги разрядныя въ официальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири XVII в. Т. LII, 269—270. Исторія Бастили, Сем. Дм. Ахшарумова. Съ приложеніемъ вида и плана Бастили. Т. LII, 537. М. Масперо. Историческія чтенія. Древняя исторія. Египеть, Ассирія. Переводъ съ французскаго. Т. LII, 537. Гастонъ Буассе. Паденіе язычества. Изслѣдованіе послѣдней религіозной борьбы на Западѣ въ четвертомъ вѣкѣ. Переводъ съ французск. подъ редакціей и съ предислов. М. С. Корелина. Т. LII, 839—841. Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать восьмая. Переписка кн. М. С. Воронцова съ графами П. Киселевымъ, С. Уваровымъ, С. Сафоновымъ и другими лицами. Т. LIII, 239. Русская историческая библиографія. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и вспомогательнымъ наукамъ; за 1800—1854 г. включительно. Томы I и II. Составилъ В. И. Межовъ. Т. LIII, 524. Матеріалы къ изученію Пермскаго края. Постройка Кизеловскаго завода И. Лазарева. Н. Новокрещенныхъ. Т. LIII, 808—810. Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движеніи русскаго народа на Востокъ въ XVI в. Н. Новокрещенныхъ. Т. LIII, 814—815.

— Пав. Александр. *Библиографическая замѣтка о книгѣ*: Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго, подъ редакціей П. Адрианова. Томъ I, книги I—V. Т. LIV, 282—283.

Аксаковы:

— Сергій Тимоѳ., писатель, т. LII, 757.

— Ив. Серг., публицистъ. *Библиографическая замѣтка на книгу*: Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть I, томъ 3. Письма 1851—1860 гг. Поѣздка въ Малороссію, ополченіе, путешествіе за границу. Т. LI, 616; т. LII, 551.

Аксіотти, греческій гражданскій губернаторъ, т. LIII, 646, 648.

Александра Николаевна, великая княжна, т. LIII, 190.

Александра Теодоровна, императрица, т., LI, 44.

Александренно, В. Н., профессоръ Варшавск. университета. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Реляціи князя А. Д. Кантемира изъ Лондона (1732—1738). Томъ I. Т. LIII, 804—805; т. LII, 548.

Александръ I, Павловичъ, императоръ, т. LI, 635. Мысли его о крестьянскомъ вопросе. т. LI, 641—613; т. LII, 40, 52, 69—71, 235, 248—256, 259, 291—293, 854; т. LIII, 85, 328, 332, 337, 338, 344, 346—350. *Статья о немъ*: Императоръ Александръ I въ Вологдѣ, въ 1858 году, т. LIII, 731—749; т. LIV, 207, 366; т. LIV, 941.

Александръ II Николаевичъ, императоръ, т. LI, 247, 502—509, 750—751, 753, 821; т. LII, 295—297. *Замѣтка*: Закладка памятника Александру II, въ Москвѣ, т. LIII, 264—266. *Статья*: Императоръ Александръ II въ Вологдѣ, въ 1858 году, т. LIII, 446—454; т. LIV, 33, 36, 360—362, 662.

Александръ III Александровичъ, императоръ, т. LIV, 944, 949, 951.

Александръ, принцъ Гессенскій, братъ русской императрицы Александры Теодоровны, т. LI, 515, 604.

Алексѣевы:

— В. *Библиографическая замѣтка объ изданіи его*: Хрестоматія по исторіи древней Греціи въ отрывкахъ изъ древне-классическихъ писателей. Для старш. классовъ гимназій. Вып. 1-й. Т. LI, 908.

— Л. *Разсказъ его*: Дѣло подъ Иканомъ. Т. LI, 796—803.

— Семень, московскій купецъ, т. LII, 758.

— Василій Семеновичъ, т. LII, 754.

— Александръ Васильевичъ, т. LII, 754.

— Иванъ Вас., т. LII, 754.

— Сергій Влад., московскій купецъ, т. LII, 397.

Али-Бекъ, переводчикъ, т. LI, 74, 81.

Али-паша, Янинскій, угнетавшій грековъ, т. LIII, 329.

Алень, феній, т. LI, 302.

Аллилуевъ, Вас. Борнс., купецъ, т. LIII, 702.

Алябьевъ, Александръ Вас., дѣйствительный тайный совѣтникъ, т. LIII, 442.

Альбани, Федите, представитель республканской партіи въ Италіи, т. LI, 533.

Альбединская, т. LI, 46.

Аль-Бенръ, арабскій писатель, т. LI, 311.

Альберони, кардиналъ, т. LI, 312.

Альбицкій, Е. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей

заброшенныхъ, въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи, т. LII, 837—839.

Альбовъ, М. Н., писатель. *Статья о немъ*: т. LIV, 160—167.

Альбрехтъ, артистка, т. LIV, 734.

Альмеда, полковникъ, т. LIII, 643—648.

Альфонскій, проф. Московскаго университета, т. LI, 242.

Амвросій (Орнатскій), архіепископъ пензенскій, авторъ „Исторія російск. іерархіи“, т. LIII, 732, 739—742, 744—749.

Амуратъ III, турецкій султанъ, т. LI, 426.

Амфилохій, епископъ углицкій, ученый. *Некрологъ его*, т. LIII, 843—844.

Анагностопуло, Панаіотъ, грекъ, основатель гетеріи въ Одессѣ, т. LIII, 328, 632.

Анастасій, архимандритъ Яблочинскаго монастыря, т. LII, 159.

Анастасій, ватиканскій библіотекаръ, т. LIV, 932.

Анастасьевъ, подпоручикъ, т. LI, 380.

Ангальтъ, Фед. Евстаѣевичъ, графъ, директоръ 1-го Сухопутнаго шляхетск. корпуса, т. LI, 53.

Андреевскій, С. А., поэтъ и адвокатъ, т. LIII, 257.

Андріевскій, Э. С., докторъ, т. LI, 404.

Андропова, сестра А. В. Кольцова, т. LI, 189.

Андрониковы:

— Ревась, князь, т. LI, 55; т. LIII, 33—35, 54, 301, 310.

— Иванъ Малхаз, князь, т. LIII, 48, 303, 304, 322, 593.

Андроникъ II Палеологъ, византійскій императоръ, т. LI, 921.

Анзоръ, князь, племянникъ ех-султана Елисейскаго, т. LIII, 36.

Анисимовъ, Тимоѣей, школьный учитель, т. LIII, 148.

Аннастремъ, Яковъ - Юганъ, убійца шведскаго короля Густава III, т. LI, 560.

Анна, французская королева, дочь Ярослава Мудраго, т. LI, 558.

Анна Ивановна (супруга герцога Курляндскаго Фридриха - Вильгельма), русская императрица, т. LI, 635, 819; т. LII, 172; т. LIII, 57, 413, 433, 437, 441; т. LIV, 560.

Анна Павловна, великая княжна, т. LI, 246.

Анна Федоровна, принцесса Кобургская, жена великаго князя Константина Павловича, т. LI, 53.

Анненковы:

— И. В., слб. оберъ-полицеймейстеръ, т. LII, 101.

— Ник. Ник., председатель негласнаго цензурнаго комитета, т. LIV, 551.
Анофисъ, египетскій фараонъ, т. LI, 866.

Антонольскій, М. М., художникъ-скульпторъ. *Статья о немъ*: Двадцатипятилѣтіе художественной дѣятельности его, т. LI, 836—849.

Антоновичи:

— В. В., профессоръ Кіевск. университета. О его рефератахъ на Виленскомъ археолог. съѣздѣ, т. LIV, 305, 307.

— М. А., писатель, т. LI, 116.

Анучинъ, Вас., прапорщикъ, т. LIII, 73.

Аполлонія, настоятельница Воховскаго женскаго общежительнаго монастыря, т. LIV, 901.

Апостоль, Даниль, миргородскій полковникъ, т. LI, 775.

Аппони, графъ, австрійскій посланникъ, т. LII, 506.

Апраксина, Екатерина Владиміровна, графиня, статсъ-дама, т. LI, 42.

Апухтинъ, Алексій Ник., поэтъ, т. LIII, 257. *Некрологъ его*, т. LIV, 310—311.

Арабаиниъ, К. И., историкъ литературы, т. LIV, 619.

д'Араганъ, маркизъ, французскій писатель, т. LIII, 819.

Арапетовъ, Ив. Ив., артиллерій маіоръ, т. LI, 441.

Аргутинскіе-Долгорукіе:

— Иосифъ, князь-архіепископъ всѣхъ жившихъ въ Россіи армянъ, т. LI, 434.

— Давыдъ Борисовичъ, князь, почетный членъ армянскаго „Общества любителей древности“, т. LI, 441.

Арди, Ник. Ив., провинціальный актеръ, т. LIV, 721.

Аристовъ, Влад. Ник., учитель, т. LIV, 242.

Армстронгъ, Эдуардъ, англійскій историкъ, т. LI, 311.

Ароновъ, баронъ, т. LI, 72.

Арсеньевы:

— А. В. *Статья его*: Атаманъ Платовъ—завоеватель Індіи, т. LIV, 46 73.

— губернский предводитель дворянства Тульской губерніи, т. LIV, 667.

Архаровъ, Ник. Петр., негербургскій генераль-губернаторъ, т. LI, 82; т. LII, 61.

Арцимовичъ, Адамъ Антоновичъ, бывшій попечитель Одесскаго учебнаго округа. *Некрологъ его*, т. LI, 936.

Арчъ, Джозефъ, депутатъ-поселянинъ, т. LIII, 496—500.

Ассимани, грекъ, т. LIII, 333.

Астафьевъ, Петръ Евг., авторъ фило-софскихъ статей. *Некрологъ его*, т. LII, 879—880.

Асташевскій, извѣстный петиметръ, т. LII, 723.

Аустинъ, англійскій поэтъ, т. LI, 637.

Ахматовъ, цензоръ, т. LIV, 801.

Ахшарумовы:

— Ник. Дм., беллетристъ. *Некрологъ его*, т. LIV, 311.

— Сем. Дм. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: *Исторія Бастили*. Съ приложеніемъ вида и плана Бастили, т. LII, 537.

Ашиль, князь, сынъ сестры Наполеона I, т. LIV, 290.

Афанасій:

— митрополитъ московскій, жившій въ XVI в., т. LII, 466.

— (Кальнофобскій), монахъ Кіево-Печерской лавры, т. LII, 771.

— (Корчаковъ), епископъ пензенскій, т. LIII, 735.

— ректоръ Сиб. духовной академіи, т. LIV, 543.

Б.

Багговуть, Александръ Фед., генералъ, прославившійся въ польскую кампанію, т. LI, 384, 385; т. LIII, 50.

Баграновъ, вологодскій предводитель дворянства, т. LIII, 447

Багратіонъ:

— князь, драгунскій офицеръ, т. LI, 45, 48.

— княгиня, т. LI, 46.

Базень, генераль-лейтенантъ, т. LIII, 90.

Байронъ, англійскій поэтъ, т. LIII, 336.

Баклановъ, Яковъ Петровичъ, полковникъ, т. LI, 754; т. LIII, 670, 671.

Балабинъ, Викторъ Петровичъ, представитель русскаго двора въ Вѣнѣ, т. LI, 602, 603, 606.

Балашовъ, генераль - губернаторъ, т. LIV, 204.

Бальдиссера, итальянскій генераль, т. LI, 536.

Банштокъ, В. Л. *Замѣтка его*: Записка изъ казуснаго дѣла, т. LII, 867—871.

Барабашъ, майоръ, т. LII, 676.

Баранова, артистка Александринскаго театра, т. LIV, 437.

Барантъ, Просперъ, т. LIV, 850, 851.

Барба, свидѣтельница временъ „l'année terrible“, т. LI, 916—919.

Барретъ, Франкъ, англійскій писатель, т. LI, 922.

Барсуковы:

— А. П. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Родъ Шереметевыхъ, томъ VI, т. LIII, 223—227.

— Н. П. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга седьмая, т. LIII, 237—239.

Бартольдъ, В. В. *Замѣтка о его рефератѣ*, т. LII, 560.

Баршевъ, С. П., инспекторъ Александрійскаго спиртскаго института, т. L, 245.

Барынова, Анна Павловна, писательница. *Некрологъ ея*, т. LIII, 558.

Барятинскіе:

— А. П. князь, флигель-адъютантъ, т. LI, 366, 369, 373, 376, 379, 751; т. LII, 72, 358, 360; т. LIII, 672—682; т. LIII, 41, 50, 593; т. LIV, 33.

— Викторъ Ив., братъ А. И., морякъ, т. LIII, 41.

— Федоръ Серг., князь, оберъ-гофмаршалъ, т. LII, 53.

Басмановъ, воевода, приверженецъ Лжедмитрія I, т. LIV, 795, 797.

Бахтеяровъ, князь, начальникъ сторожеваго отряда, т. LIV, 615.

Бахчевановъ, Петръ. *Замѣтка его*: Домъ Лобкова, т. LII, 568.

Баяръ, рыцарь безъ страха и упрека, т. LIII, 826.

Бебутовъ, В. О., князь, т. LIII, 40.

Безбородно, Александръ Андр., князь, канцлеръ, т. LII, 53.

Безобразовъ, дворянинъ, т. LIV, 808.

Безсребрениновъ, Мих. Ив., членъ-сотрудникъ Сиб. археологическаго института. *Некрологъ его*, т. LI, 937.

Бекетовы:

— Николай Андреевичъ, проф. Московскаго университета, т. LI, 242.

— Александръ Ник., проф. С.-Петербургскаго университета. *Замѣтка о его пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ*, т. LIV, 957—958.

— цензоръ, т. LIV, 806.

Бенедиктовъ, Влад. Григ., поэтъ, т. LIV, 80, 86.

Бенкендорфы:

— Александръ Христ., графъ, шефъ жанармовъ, генераль-адъютантъ, т. LII, 440.

— Конст. Конст., графъ, командиръ полка, т. LI, 367.

— баронъ, русскій военный агентъ въ Берлинѣ, т. LI, 599.

Беранже, французскій поэтъ. *Библиографическая замѣтка о полномъ собраніи его писемъ въ переводѣ русскіихъ писателей*, т. LI, 620—621.

- Бервикъ**, герцогъ Лирійскій, т. LIV, 562.
- Бергамень**, актеръ-комикъ, т. LII, 65.
- Бергъ**:
— Н. В., поэтъ. *Воспоминанія его*: Графиня Ростопчина въ Москвѣ, т. LI, 691—708; т. LIV, 679.
— Фед. Фед., графъ, намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, т. LIV, 151, 154, 678, 681.
- Берендтъ**, Э., профессоръ Ярославскаго Демидовскаго лицея. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Меркантилисты и фискалы въ Швеціи въ XVIII столѣтіи, т. LII, 534—536.
- Беренсъ**, торговецъ шелковыми товарами, т. LIII, 672.
- Бернунтъ**, Евгенія, внучка К. Ф. Калайдовича. *Письмо ея въ редакцію*, т. LII, 304.
- Бернгартъ**, Саксенъ-Веймарскій, герцогъ, кандидатъ на греческій престолъ, т. LIII, 360.
- Бернардъ**, штабсъ-капитанъ, т. LI, 65, 67, 75.
- Берновиль**, французскій военный министръ, т. LII, 494.
- Берстъ**, Вальтеръ, англійскій историкъ, т. LI, 638.
- Бертола**, французскій химикъ, т. LIII, 534.
- Бертранъ**, маршалъ, т. LII, 276; т. LIV, 938.
- Берхманъ**, брацлавскій губернаторъ, т. LII, 742.
- Бершадскій**, С. А., проф. С.-Петербургскаго университета. *Библиографическая замѣтка* объ изслѣдованіи его: О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву, т. LIII, 810—811.
- Беръ**, кутаисскій вице-губернаторъ, т. LI, 385.
- Бестужевъ-Рюминъ**, Константинъ Ник., академикъ, историкъ, т. LIV, 954.
- Бибиковы**:
— П. А., писатель, т. LIV, 823.
— Дмитрій Гавр., кievскій генералъ-губернаторъ, т. LIV, 349, 355, 356—366, 682.
— М. Д., т. LIV, 664.
— Илья Гавр., видный генералъ-губернаторъ, т. LIV, 349, 355.
— Иванъ Пегр., т. LIV, 350, 353.
— Софья Гавр., т. LIV, 350, 353.
— адъютантъ шефа жандармовъ, т. LI, 310.
- Биджело**, Польтней, американецъ, писатель, т. LIII, 827.
- Биронъ**, Карлъ-Магнусъ, генер.-маіоръ, т. LIII, 66.
- фонъ-Биронъ**, Эрнстъ-Юганнъ, курляндскій герцогъ, регентъ Россіи, т. LIII, 433, 436—438. *Замѣтка* о его замкѣ, т. LIII, 841—842; т. LIV, 559—565.
- фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ**, Отто, германскій государственный канцлеръ, т. LI, 592, 594, 597, 598, 600.
- Бистромъ**, Густавъ, маіоръ, т. LII, 742.
- Битти**, англійскій кашиганъ, т. LIV, 940.
- Благовѣщенскій**, Н. М., проф., т. LIV, 617.
- Благосвѣтловъ**, Г. Е., писатель, т. LI, 248.
- Бланъ**, Эдуардъ, французскій писатель, т. LII, 285.
- Бле**, Викторъ, французскій писатель, т. LII, 866.
- Бленъ**, англійскій писатель, т. LI, 639.
- Блиндъ**, англійская драматическая писательница, т. LI, 638.
- Блудова**, графиня, т. LI, 43, 44.
- Блудовъ**, Ам. Ник., графъ, председатель государственнаго совѣта и комитета министровъ, писатель, т. LIV, 869.
- Блумфильдъ**, лордъ, англійскій повѣренный въ С.-Петербургѣ, т. LI, 588, 599.
- Блюмъ**, Робертъ, нѣмецкій социалистъ, т. LIII, 674.
- Бобринскій**, В. А., графъ, т. LIV, 664, 665.
- Бобровскій**, П. I., начальникъ военно-юридической академіи. *Замѣтка* о его юбилеѣ, т. LIII, 552.
- Богарнэ**, Ж. Зезфина, первая жена Наполеона I, т. LII, 231, 352.
- Богдановичъ**, Николитъ Федоровичъ, поэтъ, авторъ „Душеньки“. *Замѣтка* о его могилѣ, т. LIV, 959.
- Богуславскій**, Л., *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Исторія Аншеронскаго полка. 1700—1892 гг. Три тома, т. LIV, 270—276.
- Богушевичъ**, см. Эдеховская, Текля.
- Бодянский**, Огиль Макъ, профессоръ Московскаго университета, т. LI, 472.
- Бонъ**, В. Г., т. LIII, 840.
- Болинъ**, драматическая актриса, т. LII, 66.
- Болль**, Мэри, мать Д. Вашингтона, т. LIII, 539—542.
- Борель**, докторъ, т. LI, 626.
- Борисовъ**, Им. Пегр., кирасиръ, т. LII, 672; т. LIII, 52.
- Борисъ Годуновъ**, московскій царь. *Статья о немъ*, т. LIV, 460—475, 781—799; т. LI, 933.
- Борнсъ**, Джонъ, крайній радикаль, вождь рабочей партіи, т. LIII, 500—506.
- Боровикъ**, Онисьямъ; см. Онисифоръ.

- Бороздинъ**, Конст. Матв., почечитель Спб. учебного округа, т. LIV, 520.
- Бостанжоло**, Михайлъ, табачный фабрикантъ, т. LII, 757.
- **Василій Мих.**, сынъ фабриканта, т. LII, 758.
- Боткина**, Агрипина Петровна, жена поэта Фета, т. LI, 460.
- Боткинъ**, Василій Петровичъ, писатель, т. LI, 216, 250, 459, 704.
- **Петръ Петр.**, представитель московской фирмы, ведущей чайную торговлю, т. LI, 460.
- **Сергій Петровичъ**, проф., докторъ медицины, т. LI, 460.
- секретарь русскаго посольства въ Вашингтонъ, т. LII, 283.
- Ботта**, маркизъ, австрійскій дипломатъ, т. LIV, 563.
- Боцяновскій**, Вл. *Статьи его*: Николай Петровичъ Брусилловъ, биографія и характеристика. (Предисловіе къ Воспоминаніямъ Н. П. Брусилова), т. LII, 37—46. Новая теорія происхожденія Руса, т. LII, 468—472. Иосифъ Сѣмашко и возсоединеніе униатовъ, т. LIV, 857—875. *Библиографическія замѣтки его*: А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ второй. Т. LI, 297. Исторія Казанской духовной академіи за первый дореформенный періодъ ея существованія (1842—1870 го.ы), П. Знаменскаго. Тома I, II и III. Историческая записка о состояніи Казанской духовной академіи послѣ ея преобразованія. 1870—1892 г. С. А. Терновскаго, т. LI, 899—902. Павелъ Пирлингъ, Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софья Палеологъ. Т. LI, 906—907. Н. Н. Ойрсовъ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, т. LII, 271. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ пятый. Издавъ подъ редакціей Н. Дубровина. Т. LII, 531—532. Виленскій православный некрополь. Архимандрита, нинѣ епископа Иосифа, т. LI, 536—537. Родъ князей Голицыныхъ. Составилъ вн. Н. Н. Голицынъ. Томъ первый. Матеріалы родословные.—Родъ князей Мосальскихъ (XIV—XIX ст.). Н. Е. Бранденбургъ. Т. LII, 846—847. Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ Россійской имперіи съ библиографическимъ указателемъ. Томъ первый и второй. Составилъ и издалъ В. В. Звъринскій, т. LIII, 232—233. Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Составилъ Ар. Турцевичъ, т. LIII, 614. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). Новое полное изданіе, съ примѣчаніями, т. LIII, 815. Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей П. Адрианова. Томъ I. Книги I—V. Изданіе А. Г. Кузнецова, т. LIV, 282—283. Н. Д. Чечулинъ. Русскія деревянныя жилища постройки въ XVI вѣкѣ, т. LIV, 284. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѣи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевъ. Т. I. Выпускъ I. Т. LIV, 284—285. Проектъ новаго уложенія, составленный комиссіей 1754—1766 гг. Текстъ подъ редакціей В. Н. Латкина, т. LIV, 285. П. Ковалевскій. Иванъ Грозный и его душевное состояніе, т. LIV, 578—579. Завѣщаніе отеческое. Сочиненіе И. Т. Посошкова. Новое изданіе, дополненное вновь открытою второю половинкою „Завѣщанія“. Издаю подъ редакціей Е. М. Прилежаева, т. LIV, 584—585. Въ память девятидесятилетнего юбилея Волынской епархіи (992—1892). Городъ Владиміръ, Волынской губерніи, въ связи съ исторіей Волынской іерархіи. Историческій очеркъ Н. И. Теодоровича. Съ 9-ю гравюрами. Т. LIV, 588—589. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. Составила К. Мельникъ, т. LIV, 930.
- Брайлей**, членъ „Англо-русскаго литературнаго общества“, т. LII, 549.
- Браиловскій**, С. Н. *Разсказы его*: Атаманъ Кучинскій, т. LIII, 56—83. Могилевская церковная смута, т. LIV, 231—244.
- Бранденбургъ**, Н. Е. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Родъ князей Мосальскихъ (XIV—XIX ст.), т. LII, 846—847.
- Браницкая**, Елизавета Ксаверьевна, графиня, т. LI, 53, 58.
- Александра Васильевна, графиня, т. LII, 53.
- Браницкій**, Ксаверій Петр., графъ, бывший коронный гетманъ, т. LII, 53.
- Браунсъ**, преподаватель юнкерскаго училища, т. LII, 713.
- Браунъ**:
- *Ө. А.*, профессоръ Спб. университета, т. LII, 558.
- авторъ изслѣдованія The people of Finland in archaic times, т. LII, 862.
- Брашнѣвскій**, докторъ-хирургъ, т. LIII, 586, 589, 591.
- Бревертъ**, командиръ полка, т. LII,

- 686; т. LIII, 40, 303, 310, 313, 319, 320, 590.
- Брессанъ**, актеръ, т. LI, 310.
- Бриннеръ**, Алекс. Густав., профессоръ. *Статьи его*: Принцъ Гессенъ-Гомбургскій въ Россіи (1723—1745 гг.), т. LII, 168—176. Дипломатія въ манежѣ, т. LIV, 559—565. *Библиографическія замѣтки* объ изданіи его: Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина, т. LI, 288—289. Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина (1770—1857 гг.). Томъ седьмой. Т. LII, 517—520.
- Бринъ**, канониръ, авторъ записокъ, т. LI, 305.
- Брифо**, французскій романистъ, т. LI, 309.
- Бриаторо**, Анжело, гимназистъ, т. LI, 160, 161.
- Брунеръ**, командиръ Брестскаго полка, т. LIII, 43.
- Бруно**, французскій писатель, т. LIV, 948.
- Брусильовъ**, Ник. Петр., вологодскій губернаторъ, писатель начала XIX в. *Воспоминанія его*, т. LII, 46—71.
- Брюловъ**, Карлъ Павловичъ, извѣстный художникъ, т. LIV, 531.
- Брюмеръ**, Эдуардъ Влад., генералъ, т. LIII, 588.
- Буасье**, Гастонъ. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Паденіе язычества. Исслѣдованіе послѣдней релігіозной борьбы на Западѣ въ IV вѣкѣ. Переводъ съ французскаго под редакціей и съ предисловіемъ М. С. Корелина, т. LII, 839—841.
- Бубновъ**, Н. М., профессоръ Кіевскаго университета, т. LIV, 616.
- Будбергъ**, Богданъ Вас., баронъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, т. LI, 595, 599.
- Бунсгевденъ**, Фед. Фед., графъ, флигель-адъютантъ, т. LII, 56.
- Буланне**, французскій генералъ, т. LI, 490.
- Булахъ**, Иванъ, запорожскій атаманъ, т. LII, 781.
- Булгановъ**, Фед. И., писатель. *Статья его*: Двадцатипятилѣтіе художественной дѣятельности М. М. Антокольскаго, т. LI, 836—849. К. А. Трутовскій, т. LII, 448—464. *Объ его изданіи* картинъ Федотова, т. LIV, 252—254.
- полковникъ, т. LII, 788.
- Булганъ**, Иосифъ, униатскій митрополитъ, т. LIV, 864.
- Булгаринъ**, Ф. В., издатель «Сѣверной Пчелы», т. LI, 694; т. LIV, 516, 518, 539.
- Булле-Брахе**, датскій посланникъ, т. LI, 601.
- Булье**, Луи, французскій писатель, т. LII, 217.
- Буняновскій**, академикъ, т. LIV, 802.
- Бурдинъ**, Ф. А., артистъ Александринскаго театра, т. LII, 383; т. LIV, 122—128, 130—147, 435.
- Буренинъ**, Викторъ П., писатель. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Пѣтнікъ Византіи. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, т. LII, 834—835.
- Буртъ**, Томасъ, англійскій рабочій, т. LIII, 484—509.
- Буслаевъ**, Ф. И., академикъ, т. LI, 246.
- Бутковъ**, В. П., статсъ-секретарь, т. LIV, 805.
- Буцинскій**, П. Н., профессоръ Харьковскаго университета, т. LI, 646.
- Бушарди**, французскій писатель, т. LII, 214.
- Буше-Леклеркъ**, А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ*: Исторія эллинизма. Соч. I. Г. Дройзена. Переводъ М. Шелгунова съ французскаго, доп. авторомъ изданія, под редакціей А. Буше-Леклерка. Томъ II. Исторія діадоховъ. Т. LII, 847.
- Буяльскій**, Илья Васил., докторъ, заслуженный профессоръ медико-хирургической академіи, т. LIII, 33, 36—38.
- Быковскій**, К. М., профессоръ русскої архитектуры, т. LI, 644.
- Быковцева**, Е. Н., тетка Погожева, т. LII, 703.
- Бѣлинъ**, маіоръ, т. LII, 677.
- Бѣлинскій**, Виссаріонъ Григ., извѣстный критикъ, т. LI, 188.
- Бѣлицкій**, Алексѣй, кошевой атаманъ, т. LII, 777.
- Бѣлозерская**, Н. А., писательница, т. LIV, 618.
- Бѣлопытова**, тамбовская учительница, т. LIII, 165.
- Бѣлый**, Вас., запорожскій казакъ, т. LII, 777.
- Бѣльскій**, Богданъ, бояринъ, т. LIV, 789.
- Бѣлянинъ**, поручикъ, т. LIII, 458.
- Бѣлянинъ**, Лавръ Лавровичъ, художникъ, сотрудникъ «Газеты Гатчука», т. LI, 119, 120.
- Бюлеръ**, Ф. А., баронъ, директоръ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ. *Замѣтка о его пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ*, т. LIV, 619.
- Бюоль**, графъ, австрійскій министръ, т. LI, 596, 600—604.

В.

- Вагенеръ**, Германъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ высшаго управления въ Берлинѣ, т. LII, 288.
- Вагнеръ**, штабъ-офицеръ, т. LII, 681.
- Вадновскій**, И. Я., капитанъ гвардіи, т. LI, 80, 369—371.
- Ваксъ**, Отто, майоръ австрійской службы, т. LII, 544.
- Валевская**, графиня, т. LII, 241.
- Валишевскій**, К. *Библиографическая замѣтка о соч. его: Le roman d'une impératrice. Catherine II de Russie d'après ses memoires, sa correspondance et les documents inedits des archives d'etat*, т. LII, 826—831.
- Вальбенъ**, субалтернъ-офицеръ, т. LI, 85.
- Вальберхъ**, Иванъ Ив., балетмейстеръ, т. LII, 66.
- Вальполь**, Горасъ, англійскій политическій дѣятель, т. LIII, 537.
- Вальштонъ**, ярмарочный балаганщикъ, т. LI, 166, 167, 176.
- Вандаль**, Альбертъ, французскій писатель, т. LI, 290.
- Вардъ**, Гомфри, англійская писательница, т. LI, 639.
- Варенцовъ**, полковникъ, штабъ-офицеръ корпуса путей сообщенія, т. LIII, 86.
- Варлаамъ** Шишацкій, епископъ могилевскій. *Статья о немъ: Могилевская церковная смута*, т. LIV, 231—244.
- Варненъ**, магистръ естественныхъ наукъ, т. LIV, 549.
- Василій**, архіепископъ новгородскій XIV в., получившій бѣлый клубукъ, т. LI, 465.
- Васильевскій**, Василій Григ., академикъ, профессоръ Спб. университета, византинистъ. *Извлеченіе изъ его изслѣдованія: Русско-Византійскіе отрывки*. Вып. второй: Житія свв. Георгія Амастрядскаго и Стефана Сурожскаго, т. LI, 468—472; т. LIII, 840.
- Васильевы:**
- Александръ Ив., артистъ московской сцены, т. LI, 697; т. LII, 384.
 - Вас. Григ., актеръ, т. LIV, 128.
 - И. В., провинціальный актеръ, комикъ, т. LIV, 878.
- Васильчиновы:**
- Иларіонъ Вас., князь, предсѣдатель государственнаго совѣта, т. LI, 55.
 - Сергій Иларіоновичъ, князь, т. LI, 55, 71, 81.
 - Дмитрій Васил., князь, оберъ-егермейстеръ, т. LI, 55.
- Вастень**, т. LI, 56.
- Ватсонъ**, Вильямъ, англійскій поэтъ, т. LI, 637.
- Вашковъ**, Ив. Андр., литераторъ. *Некрологъ его*, т. LII, 562.
- Вашингтонъ**, Д., основатель Сѣверо-Американской республики. *Замѣтка о немъ: Невзданный рассказъ Вашингтона объ его первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ индѣйцевъ и французовъ*, т. LIII, 537—539. Мать Вашингтона, т. LIII, 539—542.
- Введенскій**, И. И., писатель, т. LI, 248; т. LII, 293—294.
- Вебстеръ**, Ричардъ, главный прокуроръ въ министерствѣ Сольсбери, т. LIV, 914.
- Вейнбергъ:**
- Л. Б. *Статья его: Къ біографіи Кольцова*, т. LI, 188—197.
 - Петръ Ис., пр. доцентъ. Спб. университета. О его 25-ти-лѣтнемъ юбилеѣ, т. LII, 876.
- Вейсбахъ**, графъ, генераль-аншефъ, т. LII, 776.
- Веннеръ**, докторъ, дѣлавшій операцію Гамбеттъ, т. LI, 626.
- Великопольскій**, Иванъ Ермолаевичъ, драматическій писатель, т. LIV, 532.
- Вельяминовъ**, Степ. Мих., подпоручикъ, т. LI, 85; т. LII, 732.
- Венгеровъ**, Сем. Ав., историкъ русской литературы. *Библиографическая замѣтка объ изданіяхъ его: Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ*, т. III; т. LI, 896—899. Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ съ важѣйшими критико-біографическими статьями, бібліографическими примѣчаніями и портретами. Выпускъ I, т. LIV, 587.
- Веневитиновъ**, М. *Замѣтка его: Е. Е. Скайлеръ*, т. LII, 563—566.
- Веревнинъ**, Влад. Ник., командиръ Екатеринбургскаго полка, т. LIV, 674.
- Веретенниковъ**, воронежскій городской голова, т. LI, 232.
- Вери**, Констанъ, камердинеръ Наполеона, т. LIII, 533.
- Вернадскій**, Иванъ Вас., профессоръ политической экономіи, т. LIV, 816.
- Верне**, Горасъ, французскій живописецъ, т. LI, 927; т. LII, 499.
- Верстовскій**, А. Н., композиторъ, т. LIV, 884.
- Верховень**, Абрагамъ, издатель газеты: „Nieuwe Tijdingen“, т. LIV, 257.
- Веселаго**, Ф. Ф. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Краткая исторія русскаго флота*, вып. I. Т. LII, 833.
- Веселовскіе:**
- Мих. Павл., сенаторъ. *Некрологъ его*, т. LIII, 556—557.

- Н. И., профессоръ Сиб. университета, т. LII, 559.
- Весселитскій-Боджидаровичъ**, русский корреспондентъ въ Лондонѣ, т. LII, 551; т. LIV, 600.
- Викентьевъ**, Вас. Петр., костромской помещикъ, т. LIII, 374.
- Викторъ-Эммануиль II**, король Италіи, т. LI, 209, 214, 215.
- Вилнскій, Д. Замѣтка его**: По поводу одного стихотворенія Т. Г. Шевченки, т. LI, 881—882; т. LIII, 559.
- Виллардъ**, Франсесса, председательница „Женскаго христіанскаго союза трезвости“, т. LI, 874—895.
- Виллисъ**, Эрнестъ, шведскій писатель, Переводъ статьи его: Смерть Густава III, т. LI, 559—581.
- Вильбуа**, композиторъ, т. LIII, 112.
- Вильгельмъ**:
— II, императоръ германскій, т. LI, 214; т. LII, 849.
— III, король нидерландскій, т. LI, 639.
- Вильде**, Оскаръ, англійскій писатель, т. LI, 639.
- Вильдерсъ**, графъ, французскій писатель, т. LIV, 949.
- Вильмесанъ**, основатель журнала „Figaro“, т. LIV, 265.
- Вильсонъ**, Джемсъ, членъ „Англо-русскаго литературнаго общества“, т. LII, 549; т. LIV, 610.
- Виндгетъ**, майоръ, англійскій историкъ, т. LI, 638.
- Виндишгрецъ**, князь, т. LI, 630—632.
- Винингамъ**, англійскій политико-экономическій писатель, т. LI, 639.
- Виноградовъ**, Вас. Нв., провинціальный актеръ, т. LIV, 718, 720—732.
- де-Виньи, А.**, французскій писатель, т. LII, 213.
- Висковатовы**:
— П. А., профессоръ, т. LIV, 833—835.
— Александръ Вас., прапорщикъ, т. LIII, 91.
- Висконта-Веноста**, графъ, итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. LIV, 914.
- Витковскій**, Николай Ивановичъ, консерваторъ музея восточно-сибирскаго отдѣла геогр. общества, т. LI, 320.
- Виттиеръ**, Джонъ Гринглифъ, англійскій поэтъ, т. LI (приложеніе), стр. 1—18.
- Витушешниковъ**, вологодскій купецъ, т. LIII, 447.
- Вишау**, англійскій писатель, т. LIII, 545.
- Віардо-Гарсія**, пѣвица, т. LI, 702; т. LIV, 539.
- Віельгорскій**, Матвей Юрьевичъ, графъ, любитель музыки, извѣстный меценатъ, т. LIV, 75.
- Владиміреско**, грекъ, предводитель возстанія за независимость, т. LIII, 331.
- Владиміровъ**, П. В., профессоръ Кіевск. университета. О его рефератѣ, т. LIV, 308.
- Владимиръ** (Сокальскій), запорожскій архимандритъ, т. LII, 772.
- Вогюэ**, Мельхиоръ, французскій критикъ, т. LIV, 948.
- Водзинскій, А.**, графъ, т. LIII, 821.
- Воейновы**:
— Петръ Петр., секундъ-майоръ, призеренецъ Петра III, т. LII, 47.
— редакторъ „Славянина“, т. LIV, 516.
- Воецкій**, Андрей Григ., офицеръ, т. LIII, 306, 313.
- Волестифъ**, англійскій писатель, т. LI, 639.
- Волковы**:
— Ѳеодоръ Григ., основатель русскаго театра, т. LIV, 890, 891.
— Т. Т., рогожскій дисконтеръ, т. LII, 755.
- Волконскій**, князь, Григ. Петр., почетель Сиб. учебнаго округа, т. LIV, 537.
- Волоцкій**, генералъ, помощникъ командующаго войсками кавказской линіи, т. LI, 375.
- Вольтеръ**, французскій философъ, т. LIV, 947.
- Вонярялрскіе**:
— Вас. Александр., романистъ, т. LI, 702.
— Евг. Петр., чиновникъ особыхъ порученій главноуправляющаго путями сообщенія, т. LIII, 108.
- Воробьевъ**, Яковъ Степ., извѣстный комикъ, т. LII, 66.
- Вороновъ**, А. С., вице-директоръ департамента просвѣщенія, т. LIV, 817.
- Воронцовы**:
— Елизавета Ксаверіевна, жена князя Мих. Сем., урожд. графиня Браницка, г. LI, 53, 372; т. LII, 78.
— Марія Васильевна, жена князя Сем. Мих., т. LIV, 42.
— Мих. Сем., князь, главнокомандующій, т. LI, 52, 53, 56—58, 81, 86, 379, 396, 403, 407, 723, 752; т. LII, 78, 358, 684; т. LIII, 40, 49, 51. *Библиографическая замѣтка* на книгу: Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать восьмая. Переписка князя М. С. Воронцова съ графами П. Д. Киселевымъ, С. С. Уваровымъ, С. В. Сафоновымъ и другими лицами, т. LIII, 239.
— Семень Михайловичъ, князь, т. LI, 54, 724—725; т. LII, 77, 84—87, 360, 363; т. LIII, 50, 598, 771.
— Сем. Ром., графъ, посоль въ Англію, т. LIII, 434.

- Вас., политико-экономъ, т. LIII, 832.
Воротынскій, Дм. О., князь, основатель Спасскаго монастыря, т. LIII, 718.
Воскресенскій, директоръ рязанской гимназіи, т. LI, 240.
Востоковъ, П. В., провинціальный актеръ, т. LIV, 449, 452.
Врангель, Карлъ, баронъ, генераль-лейтенантъ, т. LII, 672, 676, 677; т. LIII, 40.
Вресная, баронесса, сестра милосердія, т. LI, 360.
Вресскій, Пинполтъ, Алекс., баронъ, полковникъ, т. LI, 369, 370, 373, 379.
Врхлицкій, Ярославъ, чешскій писатель, т. LIII, 834.
Вульпюсъ, Христиана, жена Геге, т. LI, 928.
Вульфюсъ, Герм. Герм., русскій археологъ-классикъ. *Некрологъ его*, т. LII, 562.
Вышеславцевъ, Ив. Вас., тамбовскій помѣщикъ, т. LIII, 165.
- Г.**
- Гаазъ**, Фед. Петр., московскій филантропъ, т. LII, 390.
Гавриль:
 — вибронолтъ с.-петербургскій, т. LI, 62, 148.
 — архимандритъ, настоятель Ярошевскаго монастыря Толской Божіей Матери, т. LII, 711.
 — архимандритъ Заорельскій, т. LII, 777.
Гагарина, т. LI, 46.
Гагарины:
 — Александръ Ив., князь, начальникъ Гурійскаго отряда, т. LIII, 40, 585, 586.
 — П. П., князь, устроитель пріюта для сиротъ родителей, умершихъ отъ холеры, т. LI, 244.
 — Юрій, князь, т. LI, 55, 86.
Гагемейстеръ, Юлій Андреевичъ, экономистъ, т. LI, 315.
Гаевскій, П. И., цензоръ, т. LIV, 553.
Газенвинкель, К. Б. *Статки его*: Сибирскій губернаторъ Д. И. Чичеринъ, т. LI, 783—790. Обскіе пираты прошлаго вѣка, т. LIII, 455—468. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Книги разрядныя въ официальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири XVII вѣка, т. LII, 269—270, 509. Государево жалованье послужникамъ сибирскимъ, т. LII, 509. Систематическій перечень воеводъ, дяковокъ, письменныхъ головъ и подьячихъ съ приписью въ сибирскихъ городахъ и главнѣйшихъ острогахъ съ ихъ основаніемъ до начала XVIII вѣка, т. LII, 509—512.
Гайдебуровъ, П. А., редакторъ еженедѣльнаго журнала „Недѣля“, т. LI, 647.
Гайдуновъ, Ермолай, содержатель гостиницы въ Дрезденѣ, т. LIII, 663.
Ганей, миссъ, англійская писательница, т. LI, 638.
Галатери, графъ, чиновникъ особыхъ порученій при князѣ Воронцовѣ, т. LI, 55; т. LIII, 33, 35.
Галилей, извѣстный ученый. О его юбилеѣ, т. LII, 547.
Гальдось, Перестъ. Переводъ его романа: „Дворъ Карла IV“. (La corte de Carlos IV). Т. LIII—LIV (приложеніе), стр. 1—206.
Гамбетта, французскій патріотъ, т. LI, 624; т. LII, 855; т. LIV, 601, 612.
Ганень, лордъ, судья международнаго третейскаго суда, т. LIV, 914.
Ганнибаль, А. П., крестникъ Петра В., т. LI, 828.
Гарди, Керъ, англійскій рабочій, т. LIII, 506—509.
Гаретовскій, А. И., учитель словесности въ рязанской гимназіи, т. LI, 241.
Гарибальди, итальянскій патріотъ, т. LI, 209, 529, 607.
Гарике, англійскій политико-экономическій писатель, т. LI, 639.
Гарланъ, делегатъ Соединенныхъ Штатовъ, т. LIV, 914.
Гаршинъ, Евгеній Мих. *Библиографическая замѣтка его*: Переключка альманахамъ. Матеріалы для библиографіи русскихъ литературныхъ альманаховъ и сборниковъ конца XVIII и первой половины XIX вѣка. Составилъ графъ Е. Путятинъ, т. LIII, 237, 533.
Гастингсъ, Варренъ, правитель Индіи, т. LI, 638.
Гатень, Луи, французскій писатель, т. LIV, 256.
Гатцунъ, А. А., издатель „Газеты Гатцука“, т. LI, 117, 118, 121.
Гаузеръ, Каспаръ, т. LI, 591; т. LIII, 259.
Гауссенъ, В., членъ англо-русскаго литературнаго общества, т. LIV, 610.
Гацисскій, Александръ Серафимовичъ, председатель Нижегородской архивной коммисіи. *Некрологъ его*, т. LII, 880.
Ге, Иванъ Ник., драматическій писатель. *Некрологъ его*, т. LIII, 843.
Гейденъ:
 — Фрицъ, графъ, т. LI, 55.
 — Лонгинъ Петровичъ, графъ, адмиралъ, начальникъ русской эскадры, т. LIII, 354, 357.
Гейманъ, Робертъ, ротмистръ Гродненскаго гусарскаго полка. *О его сочиненіи*: A cheval de Varsovie à Constantinople, т. LII, 286.

- Гензельтъ, Адольфъ, извѣстный пианистъ, т. LIII, 369.
- Генкель-Донерсмаркъ, графъ, довѣренное лицо Бисмарка, т. LII, 856.
- Генрихъ IV, французскій король, т. LIV, 947.
- Георгани, грекъ, предводитель возстанія за независимость грековъ, т. LIII, 331.
- Георгиевскій, Сергій Мих., профессоръ Спб. университета. *Некрологъ его*, г. LIII, 844.
- Георгій Михайловичъ, великій князь. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи*: Русскія монеты, чеканенныя для Пруссіи (1759—1762), Грузія (1804—1833), Польши (1815—1841), Финляндіи (1864—1690). Съ 16 таблицами. Т. LIV, 276—278.
- Георгъ IV, король английскій, т. LIII, 630.
- Герановъ, полковникъ, т. LII, 705.
- Гербачевскій, Оед., священникъ. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Русскія древности и памятники Православія Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Сѣдлецкой губ.). Т. LI, 907—908.
- Гербель, Ник. Вас., писатель, т. LI, 704.
- Гербонъ, английскій посолъ, т. LIV, 593.
- Герне, Антонъ, учитель музыки, т. LIII, 369.
- Германъ, архіепископъ патрасскій, т. LIII, 331.
- Гермесь, Богданъ Андр., сенаторъ, пермскій губернаторъ, т. LII, 443.
- Гермогенъ, епископъ псковскій. *Некрологъ его*, т. LIV, 311—312.
- Герценъ, А. И., писатель-публицистъ, т. LIV, 814.
- Гейфенъ, Генрихъ, нѣмецкій писатель, т. LIV, 607.
- де-Гезръ, шведскій государственный дѣятель, т. LIV, 298.
- Гизо, французскій историкъ, т. LII, 505.
- Гильеминъ, французскій посланникъ въ Грецію, т. LIII, 658.
- Гильфердингъ, А. Ф., ученый, славянофилъ, т. LIV, 826.
- Геролифовъ, А. С., редакторъ-издатель газеты „Русскій Миръ“, т. LII, 93.
- Гіонъ, г-жа, авторъ соч.: Легчайшій способъ молиться, т. LI, 240.
- Гіулай, генераль, главнокомандующій австрійской арміи, т. LI, 604.
- Гладишь, подрядчикъ, т. LI, 821.
- Гладстонъ, английскій первый министръ, т. LIII, 485.
- Глинна:
- Авдотья Павловна, писательница, т. LI, 704.
- Мих. Ив., композиторъ. *Замѣтка по поводу пятидесятилѣтія „Руслана и Людмила“*, т. LI, 316.
- Сергій Никол., историкъ, т. LI, 255, 258.
- Оедоръ Ник., повѣренный въ дѣлахъ Россіи при Германскомъ союзѣ, стихотворецъ и публицистъ, т. LI, 704.
- Гловерь, Джонъ, секретарь англійскаго адмирала Кокбуерна, т. LIV, 937.
- Глѣбовъ, Михаилъ, адъютантъ командира Кавказскаго корпуса, т. LI, 46, 50, 51, 54, 58, 85, 384.
- Глѣбъ Константиновичъ, ростовскій князь, т. LIII, 762.
- Гнейстъ, английскій ученый, т. LI, 491—493.
- Говардъ, извѣстный филлигрозъ, т. LII, 874—875.
- Гогель, Ив. Ив., генераль-майоръ, т. LI, 384.
- Гогенлоз, Марія, княгиня, т. LI, 515.
- Гоголь, Николай Вас., писатель. *Разсказы о немъ*, т. LI, 35—38, 692, 700; т. LII, 210—211, 551; т. LIV, 524, 544, 553.
- Гогоцная, издательница „Кіевскаго Телеграфа“, т. LI, 109.
- Годметсъ, Брайдей, членъ „англо-русскаго литературнаго общества“, т. LII, 549; т. LIV, 610.
- Гозланъ, Леонъ, французскій писатель, т. LII, 214.
- Голенищевы-Кутузовы:
- А. А. графъ, поэтъ, т. LIII, 257; т. LIV, 953.
- Михаилъ Иларіоновичъ, князь Смоленскій, фельдмаршалъ, т. LIV, 356.
- Голенищевъ, В., ассиріологъ, т. LI, 921—922.
- Голицыны:
- Александра Борисовна, княжна, жена барона Григ. Ник. Строгонова, т. LII, 433.
- Александръ Влад., князь, т. LI, 85, 371.
- Алексан. Ник., князь, мин. просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, т. LIV, 208.
- Борисъ, князь, т. LI, 751, 755; т. LIV, 31.
- Валеріанъ Мих., князь, т. LIV, 392, 369.
- Вас. Вас., князь, т. LII, 775.
- Влад. Сергѣевичъ, князь, т. LI, 372, 392, 735—737.
- Димитрій Мих., князь, членъ Верховн. тайн. совѣта, т. LI, 815; г. LII, 171.
- Дм. Влад., князь, главнокомандующій г. Москвы, т. LIV, 354—355.

- Н. Н., князь. *Библиографическая заметка о книж его*: Родъ князей Голлицынхъ. Томъ первый. Матеріалы родословные. Т. LII, 846—847. *Некрологъ его*, т. LIII, 268.
- Сергій Влад., князь, т. LI, 372.
- Сергій Мих., князь, председатель московскаго онекунскаго совѣта, т. LII, 390.
- Юрій Ник., князь, тамбовскій предводитель дворянства, дирижеръ хора своей кашелы, т. LIV, 365.
- Головачева, Авдотья Яковл., писательница (Н. Станицкій). *Некрологъ ея*, т. LII, 563.
- Головинны:
- Елена Григ., писательница. *Некрологъ ея*, т. LIII, 844.
- А. В., министр народнаго просвѣщенія, т. LIV, 817.
- Головинъ, Александръ Гавр., русскій посолъ при версальскомъ дворѣ, т. LIII, 482.
- Головня, униатскій епископъ, т. LIV, 867.
- Голофѣевъ, баталіонный командиръ, т. LIII, 43.
- Голыгинъ, поручикъ, т. LI, 379.
- Гоммеръ де-Гелль, Адель, французская писательница. *Статья* о ней: Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ и г-жа Адель Гоммеръ де-Гелль, т. LIV, 833—856.
- Гончаровъ, Иванъ Александр., писатель. *Заметка* о его могилѣ, т. LII, 299. *Воспоминанія* о немъ, т. LIV, 777—778.
- Горбуновъ, К. П. *Статья его*: Неисполненный завѣтъ царя, т. LIII, 750—757.
- Гордонъ, сподвижникъ Петра Великаго, т. LII, 753.
- англійскій посланникъ въ Греціи, т. LIII, 658, 660.
- Горихвостовъ, Дм. Петр., основатель пріюта для вдовъ и сиротъ духовнаго вѣдомства, т. LI, 468.
- Горнъ Илась, владѣлецъ родоваго имѣнія въ Швеціи, т. LI, 559, 563—581.
- Городецкій, Мигрофанъ Ив. *Библиографическая заметка его*: Русскія древности и памятники православія Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Сѣдлецкой губ.). Соч. и изданіе любителя русской старины, священника Феодора Гербачевскаго, т. LI, 907—908. *Некрологъ его*, т. LIII, 270.
- Гортензія, королева, дочь Жозефины Богарнэ, т. LII, 236.
- Горчаковы:
- Александръ Мих., свѣтл. князь, канцлеръ, т. LI, 591, 594, 598, 599, 600.
- Мих. Дм., князь, генераль-фельдмаршалъ, т. LIV, 45.
- Гоферъ, Андреасъ, тиролюскій патриотъ. *Заметка* о его стагъ въ Инсбрукѣ, т. LIV, 598—600.
- Гофманъ, К. К., директоръ пріюта имени вел. кн. Александры Николаевны, т. LIII, 368.
- Граммъ, судья, делегатъ Норвегіи, т. LIV, 914.
- Грановскій, Т. Н., профессоръ Московскаго университета, т. LIV, 804.
- Гребенка, Евгенийъ Павл., писатель, т. LIV, 77, 80, 83.
- Гребницкій, польскій помѣщикъ, т. LIV, 858.
- Гревиль, англійскій адмиралъ, т. LI, 591.
- Грей, Екатерина, внучка Вашингтона, т. LIV, 290.
- Грейгъ, русскій адмиралъ, т. LIV, 946.
- Гренуловъ, генераль, т. LIII, 920, 584.
- Грениль, лордъ, англійскій министр иностранныхъ дѣлъ, т. LIV, 289.
- Гречна, Осипъ, воронежскій войтъ, т. LIII, 62.
- Гречневскій, А. Г., подпоручикъ, т. LI, 64—67, 69, 71, 80, 409.
- Гречь, Николай Ив., писатель, т. LII, 376; т. LIV, 516, 518, 523.
- Григорій, Бессарабскій, архіепископъ армянскій, почетный членъ армянскаго „Общества любителей древности“, т. LII, 441.
- патриархъ константинопольскій, сочувствовавшій грекамъ, т. LIII, 333.
- Григоровичъ, Дмитр. Вас., писатель. *Статья* о немъ: Художникъ-литераторъ, т. LIII, 680—700. *Упомин.* т. LI, 692. *Заметка* о его юбилеѣ, т. LIV, 954—957.
- Гриндонъ, англійскій насторъ, т. LIV, 938.
- Гринъ, Джонъ Ричардъ. *Библиографическая заметка* о соч. его: Исторія англійскаго народа, въ переводѣ П. Николаева, томъ третій, т. LI, 284—287.
- Громена, Степ. Степ., писатель, т. LIV, 808.
- Гротъ, Яковъ Карл., академикъ. *Некрологъ его*, т. LIII, 269—270. *О немъ*, т. LI, 603, 647.
- П. Я., писатель-философъ, т. LII, 285.
- Грузинскій, Ираклій, князь, т. LI, 55, 81.
- Грумъ-Грнимайло, А. Е. *Статя его*: Въ поискахъ перевала черезъ Тянь-Шань, т. LIV, 174—193. Баранта. Эпизодъ на большой дорогѣ въ Китай, т. LIV, 494—510.
- Гудовичъ, генераль-губернаторъ тамбовскій, т. LIII, 163.

Гулань-Артемовский, Сем. Степ., композиторъ, т. LII, 111; т. LIV, 547.

Гульдъ, Джей, извѣстный американскій миллионеръ, т. LI, 875—895.

Гумбертъ, итальянскій король, т. LI, 534.

Гуно, Шарль, извѣстный французскій композиторъ. *Замѣтка*: Отчего Гуно не сдѣлался монахомъ, т. LIV, 601—602.

Гурго, французскій генераль, т. LIV, 938.

Гурно, I. В., ген., варшавскій генерал-губернаторъ, т. LIV, 607.

Гуслистый, Григ. Як., ордinatorъ Обуховской больницы, т. LIV, 481, 483.

Гуссе, Арсенъ, французскій писатель, т. LII, 215.

Густавъ, сынъ Эрика XIV, короля шведскаго, т. LIV, 792.

Густавъ III, шведскій король, т. LI, 559—581.

Густавъ IV Адольфъ, шведскій король, т. LII, 60.

Гушинскій, капитанъ, т. LIII, 85.

Губбаръ, Гюставъ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дошпельмайеръ, т. LI, 905—906.

Гюго, Викторъ, французскій писатель, т. LI, 362, 926; т. LII, 212.

Гюго-Капетъ, король французскій, т. LIII, 240.

Гюи, Бернаръ, инквизиторъ, т. LIV, 932.

Гюлингъ, полковникъ, т. LI, 73.

Д.

Давидъ, Фердинандъ, профессоръ музыки, т. LIII, 666.

Давыдовъ, И. И., профессоръ Московскаго университета, т. LI, 242, 245, 254; т. LIV, 534, 557, 802.

— Ростиславъ, адъютантъ главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ, т. LI, 50; т. LII, 684.

Дайкинсъ, англійскій резидентъ въ Греціи, т. LIII, 646.

Даль, В. И. (Луганскій), писатель-этнографъ, т. LI, 195; т. LIV, 548.

Дама, К., помѣщика, т. LII, 725.

Данилевскій, Г. П. *Библиографическая замѣтка*: Сочиненія Г. П. Данилевскаго (1847—1890 гг.). Изданіе седьмое, посмертное, въ девяти томахъ, съ біографіей и портретомъ автора, т. LIII, 520—521.

Даниловы:

— генераль-лейтенантъ, т. LIII, 391.

— студентъ, судившійся за убійство ростовщика, т. LI, 792.

— Ник. Никанор., московскій миро-вой судья, т. LIII, 425.

Данненеръ, Иоаннъ, германскій скульпторъ, т. LIII, 190.

Дантонъ, дѣятель французской революціи, т. LII, 493; т. LIII, 245.

Дараганъ:

— Петръ, тульскій губернаторъ, т. LIV, 668, 673.

— Елена Петр., дочь его, бывшая замужемъ за В. Н. Веревкинмъ, т. LIV, 674.

Даргомыжскій, А. С., композиторъ, т. LIV, 780.

Д'Артуа, графъ, т. LII, 58.

Дате-Масамуне, японскій владѣтельный князь, т. LII, 821.

Дашкова, Екат. Ром., княгиня, писательница, т. LII, 53.

Дашковъ, Пав. Яковлев., собиратель гравюръ и документовъ, т. LI, 943.

Дзигубскій, И. А., профессоръ Московскаго университета, т. LI, 243.

Деблицевъ, штабс-капитанъ лейб-гвардіи Московскаго полка, т. LII, 708.

Девисъ, полковникъ, членъ «Англо-русскаго литературнаго общества», т. LII, 549; т. LIV, 610.

Дегуша, Демьянъ, заморожскій казакъ, т. LII, 777.

Денарденъ, Артуръ, французскій писатель, т. LIV, 603.

Дезюрсень, принцеса, бывшая шлюхою Франціи при испанскомъ дворѣ, т. LI, 312.

Депсъ, Джекобъ, англійскій публицистъ, т. LII, 864.

Деность, Франсуа, французскій писатель, т. LIII, 260.

Делавинъ, французскій писатель, классикъ, т. LII, 499, 545.

Делаво, Луи (Delavaud), французскій писатель, т. LI, 289.

Делануа, Евгеній, художникъ, т. LI; 912, 927.

Дельмаръ, членъ «Англо-русскаго литературнаго общества», т. LII, 549.

Деляновъ, Давыдъ Артемьевичъ, генераль-майоръ, отецъ нынѣшняго статс-секретаря, министра народнаго просвѣщенія, графа И. Д. Делянова, т. LII, 439, 441.

Демезонъ, графъ, начальникъ французскаго экспедиціонн. корпуса, т. LIII, 357.

Де-Местръ:

— Ксавіе, французскій писатель, т. LI, 309.

— Иосифъ, французскій писатель, т. LIII, 260.

Демидовъ, Прокоф. Акин., московскій чудакъ XVIII в., т. LII, 409—411, 748.

- Анатолий, т. LIII, 405—408.
 Демуленъ, Камилль, членъ конвента, т. LIV, 289.
 Демьяновъ, Г. П. *Статья его*: Т. Г. Шевченко въ Нязи-Новгородѣ (1857—1858 гг.), т. LI, 337—344.
 Деячио-Дайши, буддѣйскій священникъ, привезшій чай въ Японію, т. LII, 196.
 Депретисъ, политическій дѣятель Италіи, т. LI, 529.
 Де-Пуле, авторъ биографіи А. В. Кольцова, т. LI, 188.
 Державинъ, Гавр. Романовичъ, поэтъ, т. LII, 708; т. LIII, 156; т. LIV, 954.
 Дерингъ, Я. Я., предсѣдатель комитета пріюта принца Ольденбургскаго, т. LIV, 85.
 Де-Ріаль, Жираръ (de-Rialle), директоръ архива министерства иностранныхъ дѣлъ во Франціи, т. LI, 290.
 Дерионинскій, генераль, участвовавшій во взятіи Шипки, т. LIII, 249.
 Дерюгинъ, товарищъ предсѣдателя гражданской палаты въ Псковѣ, т. LIII, 102.
 Джансонъ, Андрю, президентъ Соединенныхъ Штатовъ, т. LIII, 542.
 Джамполо Бальоне, тиранъ Перуджии, т. LI, 909.
 Диеза, турецкій паша, т. LIV, 939.
 Джерардъ, Стивенъ, американскій миллионеръ, т. LI, 880.
 Дибичъ, баронъ, т. LII, 711; т. LIII, 248.
 Дидло, Карлъ, балетмейстеръ, т. LII, 66.
 Дизи, капитанъ, адъютантъ начальника феніевъ, т. LI, 301.
 Дисонъ, Фредерикъ, французскій историкъ, т. LIII, 823.
 Димитрій, царевичъ, сынъ Ивана Грознаго, т. LIV, 462, 471—475, 793.
 Дитятинъ, Иванъ Ивановичъ, докторъ государственнаго права. *Некрологъ его*, т. LI, 319—320.
- Дмитріевы:**
 — А. А. *Статья его*: Перыскіе землевладѣльцы Лазаревы и ихъ преемники князь Абамеликъ, т. LII, 425—447.
 — капитанъ гвардіи, адъютантъ главнокомандующаго, т. LII, 713.
 Добровольскій, Андрей, священникъ, т. LIV, 237.
 Добролюбовъ, Ник. Александр., критикъ, т. LI, 759.
 Добротворскій, А. Я., докторъ. *Замѣтка его*: Кто такой профессоръ Ивангофъ, т. LII, 302—303.
 Добрышинъ, генераль, разжалованный въ рядовые, т. LI, 398—399.
- Долгоруній-Аргутинскій, Моисей Захаровъ, князь, т. LI, 397.**
- Долгоруковы:**
 — Алексѣй Григорьевичъ, князь, помощникъ Остермана, воспитателя императора Петра II, т. LII, 172.
 — Вас. Андр., шефъ жандармовъ, князь, военный министръ, т. LIII, 600; т. LIV, 364.
 — Василій Влад., князь, т. LI, 815.
 — Василій Луквичъ, князь, т. LII, 171.
 — Влад. Андр., князь, московскій генераль-губернаторъ, т. LI, 432, 789.
 — П. В., князь, т. LIV, 666.
 Доможировъ, офицеръ, т. LI, 67, 69, 77.
 Дондуковъ-Корсаковъ, князь, т. LI, 55, 81, 385.
 Доппельмайеръ. *Библиографическая замѣтка* о переводѣ его: Гюставъ Гюббаръ. Исторія современной литературы въ Писаніи, т. LI, 907—906.
 Дорошенко, подпоручикъ, т. LI, 59—62.
 Дорошъ, запорожскій есаулъ, т. LII, 770.
 Достоевскій, Федоръ Мих., писатель, т. LI, 792; т. LII, 390, 551, 685; т. LIV, 160, 773—777.
 Драгомировъ, Мих. Ив., командующій войсками Кіевскаго военнаго округа. *Замѣтка* о его 25-ти-лѣтнемъ юбилеѣ, т. LIV, 619—620.
 Драшусовъ, цензоръ, т. LIV, 814.
 Дрентельнъ, кіевскій генераль-губернаторъ, т. LI, 515.
 Дризень, баронъ, кирасиръ, т. LI, 43.
 Дриссардъ, поручикъ, т. LIII, 86.
 Дробышевъ, подпоручикъ, т. LI, 85.
 Дройзень, I. G. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Исторія эллинизма. Переводъ М. Шелгунова съ французскаго, дополненаго изданія, подъ редакціей А. Буше-Леклерка. Томъ второй. Т. LII, 847.
- Дружинины:**
 — Вас. Григ., секретарь имп. археологическаго общества, т. LII, 558.
 — критикъ, т. LI, 692.
 Дуба, набобъ, т. LI, 74, 75, 78.
 Дубасовъ, И. И. *Статья его*: Первые опыты училищнаго дѣла въ Тамбовскомъ краѣ, т. LIII, 142—167.
 Дубенскій, Ник. Яковл., провинціальныи ученый, т. LI, 938 942.
 Дубровинъ, Н. Ф., академикъ, т. LI, 645.
Библиографическая замѣтка объ изданіи его: Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Величества Канцеляріи. Выпускъ пятый. Т. LII, 531—532.

Дугласъ:
— Говардъ, англійскій писатель, т. LIV, 608.
— Робертъ, англійскій писатель, т. LI, 865.
Дукмейеръ, Фридрихъ, писатель. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Der Arbeiter Kaiser. Trauerspiel in 5 Akten.* Т. LIII, 523—524.
Дурова, Надежда Александровна, кавалеристъ-дѣвица, т. LI, 157.
Дуровъ, Анатолій Леонидовичъ, русскій клоунъ. Воспоминанія его, т. LI, 156—187, 424—450.
Дюлу, Марья Гавр., т. LIV, 351.
Дюкре де-Сенъ-Моръ, французскій писатель, т. LIV, 947.
Дюма, А. (сынъ), писатель, т. LI, 309; т. LI, 208, 213, 499; т. LIII, 823.
Дюмурье, французскій генераль, т. LI, 493—494.
Дюпоръ, хореографическая знаменитость, т. LI, 66.
Дюранъ, актеръ, т. LI, 65.
Дю-Туа, авторъ сочиненія: *Божественная философія*, т. LI, 240.
Дьяковъ, Алексѣй, учитель чистописанія, другъ актера Мочалова, т. LI, 697; т. LIV, 707.

Е.

Евгенія, жена Луи-Наполеона, французская императрица, т. LI, 926, 928.
Евгенія Максимилиановна, принцесса, т. LIV, 955.
Европеусъ, Пав. Ив., помѣщикъ, т. LIV, 128.
Екатерина I Алексѣевна, императрица, т. LI, 171.
Екатерина II Алексѣевна, императрица, т. LI, 461, 635; т. LI, 52—63, 439. *Замѣтка* о ея галерѣ, т. LI, 561; т. LIII, 325. Разсказъ очевидца о путешествіи Екатерины II въ Крымъ, т. LIII, 819—821.
Екатерина Павловна, великая княгиня, т. LI, 235, 238.
Елагинъ, цензоръ, т. LIV, 801.
Елена Павловна, великая княжна, т. LI, 109; т. LIV, 669.
Еленевъ, Ф. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Ученіе о Финляндскомъ госуда: ствѣ*, т. LIII, 510—513.
Еленскій, Фома, ксендзъ, т. LIV, 858.
Елизавета Петровна, русская императрица, т. LI, 635; т. LI, 175, 566—567; т. LIII, 124, 433.
Елизавета, австрійская императрица, т. LIII, 829.
Елизавета, королева англійская XVI вѣка, т. LIV, 593—595.

Елизавета Фарнезе, испанская королева, жена Филиппа V, т. LI, 311.

Енгальчевы:

— князь, кадетъ, т. LI, 705.
— Григорій, князь, т. LIII, 144.
Енохинъ, Иванъ Вас., лейбъ-медикъ императора Александра II, главный начальникъ военно-медицинской части въ Россіи, т. LIII, 447.
Ермановъ, Фл. Як., московскій благотворитель, т. LI, 761.
Ермоловы:
— Алексѣй Петровичъ, главнокомандующій на Кавказѣ, т. LI, 49; т. LI, 361.
— Е. С., агрономъ, т. LIV, 617.
— Сергѣй Ник., тифисскій губернаторъ, т. LI, 55.
Еропкинъ, сургутскій воевода, т. LIII, 457.
Ефименко, А. Е., изслѣдовательница русскаго права. *О ея рефератѣ* на Виленск. археологич. съѣздѣ, т. LIV, 306.
Ефремовъ, унтеръ офицеръ, т. LI, 66.
Ефросіабъ, мненскій царь, основатель города Самарканда, т. LIII, 267.

Ж.

Жанлисъ, графиня, т. LI, 492.
Жанна д'Аркъ, Орлеанская дѣва, т. LIII, 816—819; т. LIV, 213. *Замѣтка:* Сподвижница Орлеанской дѣвы, т. LIV, 595—596.
Жданъ-Пушкинъ, капитанъ генеральнаго штаба, т. LI, 681.
Жебелевъ, С. А. *Замѣтка* о его рефератѣ „объ Амьклахъ“, т. LI, 558; т. LIV, 621.
Желтухинъ, юнкеръ, т. LI, 72.
Жемчужниковъ, А. М., поэтъ, т. LIV, 952.
Жераръ, генераль, командиръ французскаго экспедиціоннаго корпуса, т. LIII, 644.
Живонини, Вас. Игнатъевичъ, московскій актеръ, комикъ, т. LIV, 456—459.
Жиль-де-Рэ, маршалъ. *Статья о немъ:* Маршалъ Синяя Борода, т. LIV, 211—230.
Жирардотъ, инспекторъ Пажескаго корпуса, т. LI, 41.
Жиро:
— аббатъ, настоятель монастыря св. Елизаветы, т. LI, 299.
— Огюстъ, „распечатыватель писемъ“, т. LI, 309.
Житецкій, П. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Мысли о на-*

- родных малорусских думахъ, т. LIV, 575—578.
- Жихаревъ, С. П.** *Статья о немъ:* С. П. Жихаревъ и его записки, т. LII, 763—769; т. LIV, 813.
- Жоржъ-Зандъ,** писательница, т. LI, 927.
- Жоржъ,** знаменитая французская актриса, т. LII, 66.
- Жость де-Сень Жоржъ,** директоръ пансіона въ Рейхенау, т. LII, 495.
- Жоховъ, А. А.,** директоръ тамбовскаго губернскаго училища, т. LIII, 157.
- Жудра, П. И.** *Разсказъ его:* Катастрофа на Ладожскомъ озерѣ, т. LI, 122—155.
- Жуковскіе:**
— Вас. Андр., поэтъ, т. LI, 38, 692.
— В. А., профессоръ Сиб. университета, т. LIII, 840.
- Жуковы:**
— В. Г., русский писатель, т. LII, 376.
— И. *Библиографическая замѣтка его:* La littérature russe. Notices et extraits des principaux depuis les origines jusqu'à nos jours. Par Louis Leger, professeur au Collège de France, т. LIV, 589—590.
- Жюльвенкуръ,** французскій писатель, т. LIV, 947.
- З.**
- Завадовскіе:**
— Ник. Степ., генераль-отъ-кавалеріи, т. LI, 751.
— Петръ Вас., министръ народн. просвѣщенія, т. LII, 53.
- Завидовъ, Н. Я.,** рыбнскій режиссеръ, т. LIV, 137.
- Завитневичъ, В. З.,** проф. О его рефератѣ на Виленск. арх. съездѣ, т. LIV, 304.
- Загорѣцкій,** декабристъ, т. LIV, 368.
- Зазулинъ, Яв. Петр.,** театральн. антрепренеръ. *Некрологъ его,* т. LIII, 558—559.
- Заими, Ассимаки,** графъ, поднявшій восставіе за независимость, т. LIII, 331.
- Зайцевъ, вахмистръ кавалергардовъ,** т. LII, 56.
- Закревскій, Арс. Андр.,** графъ, московскій генераль-губернаторъ, т. LIII, 404; т. LIV, 352—353, 659, 660.
- Замбони, итальянскій пѣвецъ,** т. LII, 67.
- Замысловскій, Е. Е.,** профессоръ Сиб. университета, т. LII, 559. *Библиографическая замѣтка его:* Новгородскій музей древностей. Краткое описаніе Новгородскаго музея. Составлено В. Ласковскимъ и Н. Лашковымъ. Изданіе Новгородскаго губернскаго статистическаго комитета. Съ приложеніемъ 14 рисунковъ т. LIII, 807—808.
- Запѣчный, Аврамъ, монахъ,** т. LII, 777.
- Засодимскій, П. В.,** писатель. *Разсказъ его:* „Дѣдушка Павелъ Михайловичъ“, т. LI, 709—722.
- Захаровъ, Николай Захаровичъ,** воспитатель клоуна А. Дурова, т. LI, 158, 161, 162.
- Захорневскій, генераль-маіоръ,** т. LIII, 391.
- Збытневичъ, Прохоръ,** священникъ села Лясковичи, т. LIV, 859.
- Звѣринскій, Вас. Вас.,** старшій редакторъ центрального статистическаго комитета, библиографъ, т. LII, 301. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его:* Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ Россійской имперіи съ библиографическимъ указателемъ, т. I—II. Т. LIII, 232—234.
- Здеховскіе:**
— Цеприанъ, „маіоръ войскъ красныхъ“, т. LII, 733, 736—746.
— Текля (урожд. Богушевичъ), жена Цеприана, т. LII, 736—746.
- Зененно, С. И.,** докторъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ, изд. подъ его редакціей:* Очеркъ холерной эпидеміи 1892 года въ Нижегородской губерніи. Изданъ нижегородской губернской санитарно-исполнительной комиссіей, т. LIII, 231—232.
- Зильбольтъ, Фѣдоръ,** учитель музыки, т. LIII, 363.
- фонъ-Зинингенъ, Францъ,** т. LIII, 826.
- Зиль-эс-султанъ, сынъ шаха персидскаго,** т. LI, 312.
- Зиновьевъ, генераль,** т. LI, 41.
- Знаменскій, П.,** профессоръ Казанской духовной академіи. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его:* Исторія Казанской духовной академіи за первый дореформенный періодъ ея существованія. Томъ I, II и III. Т. LI, 899—902.
- Золотаревъ, Ив. Фѣд.,** дѣятель Славянск. комитета, т. LI, 35.
- Зо я. Эмиль,** французскій писатель, т. LI, 362.
- Зотовы:**
— Рафаилъ Михайловичъ, членъ репертуара Сиб. Императорскаго театра, писатель, т. LIV, 81.
— Вл. Рафаилофъ, писатель. *Статьи его:* Преступленія печати, т. LI, 829—835. Театральная цензура при Наполеонѣ III, т. LII, 207—218. Последній французскій король, т. LII, 490—506. Художникъ-лигертаторъ, т. LIII, 680—700. Либеральный цензоръ и профессоръ-нессимистъ, т. LIV, 194—210, 510—558, 800—832. *Библиографическія замѣтки*

его: Полное собраніе пѣсень Беранже въ переводѣ русскихъ писателей. 14 выпусковъ. Т. LI, 620 — 621. С. А. Венгеровъ. Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, томъ III. Т. LI, 896—899. Стратегическіе уроки морской исторіи Р. Зотова, т. LI, 902 — 903. Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ 1891—1892 гг. Второй годъ. Т. LII, 512 — 514. Всеобщая исторія литературы. Выпуски XVIII и XXVIII. Обзоръ литературы XIX столѣтія (окончаніе). Т. LII, 526 — 528. В. Буренинъ. Пябникъ Византии. Драма въ чегьрехъ дѣйствіяхъ. Т. LII, 834 — 835. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Составилъ А. Степовичъ. Т. LIII, 513—515. *Заграничныя историческія новости*, т. LI—LIV. *Мелкія замѣтки его въ отдѣлѣ Смысь*, т. LI—LIV. О немъ, т. LIII, 688; т. LIV, 81.

— Раф. Влад., редакторъ журнала: „Морской Сборникъ“. *Библиографическая замѣтка о сочиненіяхъ его*: Стратегическіе уроки морской исторіи, т. LI, 902—903. О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время, т. LII, 263—267. *Некрологъ его*, т. LIV, 312.

Зубаревъ, Петръ, тюменскій купецъ, т. LIII, 461.

Зубинъ, Георгій, митрополитъ казначей, т. LIII, 720.

Зубовы:

— П. А., князь, временщикъ, т. LII, 48, 53, 56, 60.

— Николай Александр., графъ, обер-шталмейстеръ, т. LII, 55, 61.

Зубровъ, Петръ Ив., аргистъ, т. LII, 384.

Зумъ, тайный совѣтникъ, саксонскій дипломатъ, т. LIV, 561—565.

Зутнеръ, баронесса, австрійская писательница, т. LIV, 918.

Зыновъ, Андрей, крещеный калмыкъ. *Статья о немъ*: Буйный калмыкъ, т. LIII, 193—201.

И.

Ибрагимъ-паша, Румили-бейлербей, зять султана, т. LII, 793; т. LIII, 338, 352 354, 357.

Ивановы:

— Александръ Влад., докторъ, т. LI, 626; т. LII, 302.

— К. А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Исторія среднихъ вѣковъ. (Курсъ систематическій). Примѣнительно къ послѣдней программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія.

Изданіе 2-е, исправленное, т. LIV, 579—581.

Иванъ IV Грозный, царь московскій, т. LII, 549; т. LIV, 785.

Игельстромъ, начальникъ русск. войскъ въ Варшавѣ, т. LIV, 478.

Игнатій, греческій митрополитъ, руководившій греками-переселенцами изъ Крыма въ Россію, т. LII, 776.

Игнатъевъ, генераль, участвовавшій въ осадѣ Шипки, т. LIII, 249.

Измайловы:

— А., писатель, т. LII, 40.

— Левъ Дм., извѣстный самодуръ, т. LIV, 371—374.

Иконниковъ, В. С., профессоръ Кіевского университета. *Библиографическая замѣтка о соч. его*: Опытъ русской исторіографіи, т. I, кн. 1—2. Т. LI, 608—611; т. LIV, 618.

Искусль, К. Д. *Разсказъ ея*: Женитьба моего дѣла, т. LII, 628—666.

Ильинъ, П. *Замѣтка его*: Къ статьѣ г. Покровскаго, т. LIII, 272.

Ильиченко, поручикъ, т. LI, 376—377.

Имбриани, депутатъ въ италіанскомъ парламентѣ, т. LI, 530, 537, 539.

Иннокентій (Смирновъ), епископъ пензенскій, т. LIII, 735.

Иноземцевъ, Фед. Ив., профессоръ Московск. университета, т. LIV, 90.

Испиланти:

— Констант., господарь валашскій, т. LIII, 327.

— Александръ Конст., генераль русской службы, т. LIII, 331, 332.

— Димитрій Конст., главовазставшихъ грековъ, т. LIII, 334, 342, 355.

Исаевъ, учитель російской грамматики въ Тамбовѣ, т. LIII, 161.

Исановы:

— Марья Дм., т. LI, 384.

— генераль-маіоръ, т. LII, 776.

Истоминъ, М. П. О его рефератѣ на археологич. съѣздѣ, т. LIV, 305.

Ито, графъ, президентъ верхней палаты японскаго парламента, т. LII, 808.

І.

Іановъ Стюартъ, послѣдній англійскій принцъ, т. LIII, 821.

Іедлинскій, эсаулъ линейнаго казацкаго войска, т. LI, 82, 373—376.

Іеронимъ, братъ Наполеона I, т. LII, 235.

Іоаннесь, Россійскій, архіепископъ армянскій, почетный членъ армянскаго „Общества любителей древности“, т. LII, 441.

- Іоаннъ Антоновичъ** [императоръ, т. LI, 814; т. LII, 174; т. LIII, 433.
- Іоаннъ:**
— архіепископъ новгородскій, жившій въ XII в., т. LII, 465.
— датскій герцогъ, братъ Христіана IV, короля датскаго, т. LIV, 792.
— VII, римскій папа, т. LIV, 931.
Іона, епископъ тамбовскій, т. LIII, 162.
Іосифъ II, императоръ австрійскій, т. LI, 432.
Іосифъ, виленскій епископъ. *Библиографическая замѣтка о его книгъ:* Виленскій православный некрополь, т. LII, 536—537.
Іосифъ Сѣмашко, митрополитъ литовскій, возсоединитель униатовъ. *Статья о немъ:* Іосифъ Сѣмашко и возсоединеніе униатовъ, т. LIV, 857—875.
Іошимитсу, правитель Японіи, жившій въ XIV в., т. LI, 870.
- К.**
- Каблицъ** (псевдонимъ), см. Юзовъ.
Кавалотти, депутатъ въ итальянскомъ парламентѣ, т. LI, 530.
Кавелинъ, Конст. Дмитріевичъ, историкъ-публицистъ, т. LI, 246, 247; т. LIV, 807, 814.
Кавешниковъ, офицеръ, т. LI, 79, 80, 737—739.
Кавуръ, графъ, итальянскій министръ, т. LI, 606.
Кадорна, генераль, т. LI, 208, 210.
Кажинскій, директоръ театральнаго оркестра, т. LIII, 81.
Казалеть, Э., предсѣдатель „Англо-русскаго литературнаго общества“, т. LII, 549.
Казанскій, К. К. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его:* Вблизи памяровъ. Путевыя впечатлѣнія. Съ картою, т. LII, 520—521.
Казасси, Антонъ Івъ, импрессарио итальянской оперы въ Спб., директоръ Малаго театра, т. LII, 67.
Казановъ, инженеръ-полковникъ, т. LI, 821.
Казы-Гирей, крымскій ханъ, т. LIV, 614.
Кайгородовъ, Івъ Івъ, корпусный поручикъ, т. LII, 710.
Кайроли, политическій дѣятель Італіи, т. LI, 529.
Калайдовичъ, К. Ф. *Статья*, посвященная его памяти, т. LI, 257—261. Поправка къ статьѣ о немъ, т. LII, 304.
Калюстро, фокусникъ, т. LII, 54.
Калмыновъ, директоръ 1-й Сиб. гимназій, т. LIV, 541.
- Калишевскій**, Петръ Івъ, запорожскій атаманъ, т. LII, 770.
Кальчъ-Али, капуданъ-паша, т. LII, 797.
Камбель, полковникъ, англійскій коммиссаръ, т. LII, 538.
Каменскіе:
— М. Ф., графъ фельдмаршалъ, тамбовскій генераль-губернаторъ, т. LIII, 156, т. LIV, 354.
Канарисъ, грекъ, участвовавшій въ борьбѣ за независимость, т. LIII, 335.
Каннингъ:
— Стразфордъ, лордъ, завѣдывающій вѣшними дѣлами Англій, т. LIII, 336, 340.
— Александръ, англійскій писатель-путешественникъ, т. LI, 639; т. LII, 549.
* **Каннъ**, Софи, подруга г-жи Роданъ, т. LIV, 934.
Кантемиръ:
— Анастасія Івъ, княгиня, урожд. кн. Трубецкая, т. LII, 172—175.
— Антиохъ, князь, сатирикъ, т. LIV, 947.
Каншинъ, Павелъ Алексѣевичъ, литераторъ. *Некрологъ его*, т. LIV, 959.
Каподистрія:
— Іоаннъ, графъ. *Статья о немъ:* Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи, т. LIII, 323—362, 626—661.
— Августинъ, графъ, предсѣдатель временнаго греческаго правительства, т. LIII, 643, 649.
Капустинъ, Платонъ Івъ, протоіерей, т. LI, 407.
Кара-де-Чезаре, римскій археологъ, т. LII, 866.
Каразинъ, Василій Назаровичъ, основатель Харьковск. университета, т. LIII, 349.
Каратскани, Георгій, предводитель греческаго отряда, т. LIII, 339, 342.
Каранозовъ, покушавшійся на жизнь Александра II, т. LIV, 823.
Карамзинъ, Ник. Мих., русскій историкъ, т. LII, 37, 38; т. LIV, 947.
Каратыгинъ, П. А., артистъ императорскихъ театровъ, т. LII, 769.
Караями, Яни, греческій полицейскій, убійца графа Каподистрія, т. LIII, 647, 651.
Каргановъ, Іосифъ Івъ, полковникъ, т. LIII, 43, 45.
Карль:
— герцогъ Зюдерманландскій, т. LII, 60; т. LIV, 786.
— II, король испанскій, т. LIII, 258.
— IV Красивый, послѣдній потомокъ Капетинговъ, т. LI, 921.
— IV, король испанскій, т. LII, 496.
— V, король французскій, т. LIII, 240.
— VI, императоръ австрійскій, т. LI, 312.
— герцогъ баварскій, т. LI, 626.

- Карль X**, французскій король, т. LI, 487, 588; т. LII, 432, 502, 503.
- **XII**, король шведскій. *Статья о немъ*: Противникъ Петра Великаго, т. LIII, 168—182, 751—757.
- Карно**, И., французскій министръ народнаго просвѣщенія, т. LII, 554.
- Карѣвы:**
- А., издѣлователь, т. LIV, 618.
- Алекс. Андр., скрипачъ, т. LIII, 388.
- харьковскій попечитель, т. LIV, 550.
- Карѣвъ**, Николай Ив., профессоръ Слб. университета. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: *Исторія Западной Европы въ новое время. (Развитіе культурныхъ и социальныхъ отношеній)*. Томъ I и II. Т. LI, 612, 932. О его опредѣленія исторіи, т. LII, 178—180. Историческое обозрѣніе. Сборникъ историческаго общества при Слб. университетѣ, издаваемый подъ ред. Н. И. Карѣва. Томъ четвертый; т. LII, 267—268.
- Каро-Киомеза**, японскій военачальникъ, страстный гонитель японскихъ христіанъ, т. LI, 872.
- Карпачіо**, Вигторе, художникъ, т. LI, 910.
- Карпинскій**, предсѣдатель земской управы, т. LI, 109.
- Карташевскій**, Григорій Иван., директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій, т. LIV, 864.
- Катенины:**
- Пав. Александр., писатель, т. LIII, 371, 372; т. LIV, 78—79.
- В. И., оренбургскій военный губернаторъ, т. LIV, 91.
- генераль-адъютантъ, т. LIII, 602.
- Катовъ**, Мих. Никифор., редакторъ-издатель газеты «Московскія Вѣдомости», т. LI, 118, 472—473, 787; т. LII, 551; т. LIII, 418.
- Наули**, лордъ, англійскій посланникъ, т. LI, 603.
- Наулинъ**, Ник. Ив., московскій миллионеръ, т. LI, 468.
- Науфманъ**, Константинъ Петров., инженеръ, штабсъ-капитанъ, т. LI, 52.
- Наченовскій**, М. Т., проф. Московскаго университета, т. LI, 242.
- Нашперовъ**, инженерный офицеръ путей сообщенія, т. LII, 725; т. LIII, 86.
- Назани-ди-Сермонета**, герцогъ, синдикъ г. Рима, т. LI, 532.
- Нваннонъ**, богиня милосердія, почитаемая въ Японіи, т. LI, 866.
- Найтна-Осмовьяненко**, Григ. Фед., малорусскій писатель, т. LIV, 399.
- Некинъ**, Алексѣй Дм., росговскій купецъ, т. LIII, 193.
- Неллерманъ**, французскій генераль, т. LII, 493.
- Нелли**, полковникъ, начальникъ феніевъ, т. LI, 301.
- Нельшь**, Н. *Статья его*: Воспоминаніе о Н. П. Синельниковѣ, т. LIV, 876—880.
- Нернъ**, Анна Петр., т. LIV, 514.
- Киплингъ**, Родейярдъ, англійскій поэтъ, т. LI, 67.
- Киприановичъ**, Г. *Статья о книгѣ его*: Жизнь Юсіфа Сѣмашки, т. LIV, 857—875.
- Кирпичниковъ**, А. И., профессоръ. *Библиографическія замѣтки его*: Гюставъ Гюббаръ. *Исторія современной литературы въ Испаніи*. Переводъ Ю. В. Доппельмайеръ. Т. LI, 905—906.
- Г. Веберъ**. Всеобщая исторія. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣнато и законченнаго послѣ смерти автора докторомъ Фридр. Веберомъ. Томъ пятнадцатый. Часть вторая. Съ портретомъ автора. Переводъ В. Невѣдомскаго. Т. LII, 528—530. *Исторія эллинизма*. Соч. I. Г. Дройзена. Переводъ М. Шелгунова съ французскаго, дополненнаго авторомъ изданія, подъ редакціей А. Буше-Леклерка. Томъ II. *Исторія діадоховъ*. Т. LII, 847—848. *Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзи, европейской и русской*. Изслѣдованіе И. Созоновича. Т. LIII, 799—803.
- Кирхманъ**, субалтернъ-офицеръ, т. LI⁴ 83; т. LIV, 39.
- Киселевъ**, Павелъ Дмитр., графъ, русскій посоль при французскомъ дворѣ, т. LI, 45, 83, 84; т. LII, 506; т. LIII, 597; т. LIV, 43.
- Кистяковский**, профессоръ Кіевскаго университета, т. LI, 112.
- Китаевъ**, товарищъ А. Дурова, т. LI, 166.
- Кихъ**, основатель богатой японской фирмы, поставляющей разныя припасы и матеріалы на русскія военныя суда, т. LI, 272, 274.
- Кичеевъ**, Н. П., редакторъ журнала «Будильникъ», т. LI, 115.
- Кларендонъ**, лордъ, министръ иностранныхъ дѣлъ въ Англіи, т. LI, 594.
- Клейгельсъ**, поручикъ, т. LIII, 86.
- Клейнмихель**, гр. Петръ Андр., генераль-адъютантъ, главноуправляющій путей сообщенія, т. LII, 369—379; т. LIII, 105, 370; т. LIV, 80, 536, 540, 542, 544, 803.
- Климентъ:**
- VIII, папа римскій, т. LIV, 932.
- XI, папа римскій, т. LIII, 821.

- Клиффордъ**, англійская писательница, т. LI, 639.
- Клозель**, французскій генераль, т. LIV, 542.
- Клостерманъ**, Ив. Герм., инспекторъ классовъ въ Пажескомъ корпусѣ, т. LII, 90.
- Клюшиниковъ**, Викторъ Петровичъ, беллетристъ, редакторъ жур. на ла „Нива“. *Некрологъ его*, т. LI, 318—319.
- Кнохъ**, Юлій Христіановичъ, докторъ медицины, извѣстный эмбриологъ. *Некрологъ его*, т. LIV, 622—623.
- Княжевичъ**, Александръ Макс., дѣятель шестидесятыхъ годовъ. *Замѣтка по поводу столѣтней годовщины его рожденія*, т. LI, 315; т. LIV, 826.
- Коббетъ**, Вильямъ, извѣстный радикаль, т. LIII, 484.
- Кобелевъ**, генераль, т. LIII, 448.
- Кобеляковъ**, инженеръ-капитанъ, LII, 712.
- Ковалевскіе**:
— Софья, професс. математики Стокгольмскаго университета, т. LIV, 298.
— Е. П., министръ народнаго просвѣщенія, т. LIV, 806.
— М. *О его статигельнаго собранія*, т. LIII, 796.
— П., профессоръ психіатріи въ Харьковскомъ университетѣ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Иванъ Грозный и его душевное состояніе, т. LIV, 578—579.
- Коваль**, Семенъ, запорожскій козакъ, т. LII, 770.
- Ковальновы**:
— Софья, т. LI, 44.
— Марья, т. LI, 44.
- Ковальчукъ**, солдатъ, т. LI, 69.
- Ковылинъ**, Иванъ Алекс., раскольникъ, т. LIII, 426—428.
- Кондрингтонъ**, англійскій адмираль, т. LIII, 352; т. LIV, 946.
- Козловскій**, Викентій Мих., генераль-майоръ, т. LI, 725, 727—729, 740; т. LII, 79, 87, 88.
- Козодавлевъ**, тульскій губернаторъ, т. LIV, 662.
- Козубскій**, Е. *Библиографическая замѣтка его*: Исторія 83-го пѣхотнаго Самурскаго е. и. в. великаго князя Владиміра Александровича полка. Составляль капитанъ А. Петровъ, т. LIV, 920—926.
- Козыревъ**, Плагонъ, пѣвчій, т. LIV, 87—89.
- Кобурнъ**, англійскій адмираль, т. LIV, 940.
- Кокони**, Георгій, кандіотъ, т. LIII, 639, 645.
- Коношина**, Марья Фед., дочь директора московскихъ театровъ, т. LII, 727, 729.
- Коншаровъ**, Николай Ивановичъ, членъ академіи наукъ. *Некрологъ его*, т. LI, 648.
- Коленнуръ**, французскій посоль въ Петербургѣ, т. LII, 236, 237, 251, 256.
- Колетти**, помощникъ президента греческаго національнаго собранія, т. LIII, 338, 355, 643.
- Коліны**, воронежскій полицеймейстеръ, т. LIV, 878.
- Колень**, Поль, французскій писатель, т. LIV, 948.
- Коллеръ**, баронъ, австрійскій комиссаръ, т. LII, 538.
- Коллинсъ**, Говардъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Философія Герберта Спенсера въ сокращенномъ изложеніи Говарда Коллинса. Переводъ съ англійскаго П. В. Мокіевскаго, т. LII, 532—533.
- Колонотрони**, грекъ, участвовавшій въ борьбѣ за независимость, т. LIII, 355, 643.
- Колосова**, Евгенія Ив., танцовщица, т. LII, 66.
- Колотнеча**, Федоръ, запорожскій козакъ, т. LII, 781.
- Колпакъ**, запорожскій козакъ, т. LII, 770.
- Коломбъ**, П., контръ-адмираль, англійскій писатель, т. LIV, 606.
- Кольцовъ**, Алексѣй Вас., поэтъ. Къ біографіи его, т. LI, 188—197; т. LII, 563—566; т. LIV, 531.
- Коменскій**, Янъ, извѣстный чешскій педагогъ, т. LII, 561.
- Коневецкій**, Авксентій, чиновникъ, т. LII, 299.
- Кони**, Анаст. Фед., сенаторъ, писатель, т. LI, 830.
- Коноли**, англійскій политическій агентъ, ѣздившій въ Центральную Азію, т. LI, 626.
- Константинъ Васильевичъ**, ростовскій князь, т. LIII, 762.
- Константинъ Николаевичъ**, великій князь, т. LI, 752.
- Константинъ Павловичъ**, великій князь, т. LII, 52, 58, 704.
- Контскій**, Антонъ Григ., придворный піанистъ, т. LII, 104—109.
- Копьевъ**, флигель-адъютантъ, т. LI, 723.
- Корвизаръ**, докторъ Наполеона I, т. LIII, 533.
- Кордэ**, Шарлота, убійца Марата, т. LIII, 530.
- Корелинъ**, М. С. *Библиографическая замѣтка о книгахъ его*: Гастонъ Буассе. Паденіе язычества. Исслѣдованіе послѣдней религіозной борьбы на Западѣ въ четвертомъ вѣкѣ. Переводъ съ француз-

- скаго подъ редакціей и съ предисловіемъ М. С. Корелина, т. LII, 839—841. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія, т. LIII, 229—231. *О немъ*, т. LI, 932.
- Корниовичъ**, В. К., тульскій уѣздный предводитель дворянства, т. LIV, 668.
- Короленко**, Владиміръ Галактіоновичъ, писатель, т. LI, 923; т. LIII, 832.
- Короткова**, Марѳа Ив., московская купчиха, т. LII, 761.
- Корсановы**:
— Д. А., проф. Казанскаго университета. *Статья его*: Графъ Минвихъ и его записки, т. LIII, 431. *Библиографическія замѣтки его*: Р. В. Зотовъ. О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодиду и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Изданіе археографической комиссіи. Т. LII, 263—267. К. Б. Газенвинкель: 1) Книги разрядныя въ официальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири въ XVII в.; 2) Государево жалованье послужившимъ сибирскимъ; 3) Систематическій перечень воеводъ, дялковъ, письменныхъ головъ и подъячихъ съ приписью въ сибирскихъ городахъ и главнѣйшихъ острогахъ съ ихъ основанія до начала XVIII вѣка. Т. LII, 509—512. А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, томъ шестой. Т. LIII, 223—227.
— П. А., цензоръ и писатель, т. LIV, 535.
- Коршъ**, Валент. Ѳеодоровичъ, редакторъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, т. LI, 473.
- Коссовичъ**, К. А., филологъ, т. LI, 504.
- Костомаровъ**, Николай Ивановичъ, историкъ, т. LI, 119; т. LII, 111; т. LIV, 547, 818.
- Костырно**, Ѳ. В., подполковникъ, т. LI, 63, 65, 409, 724—726.
- Костюшко**, Тадеушъ, глава польскаго восстанія, т. LIV, 477—493.
- Котельницкій**, инспекторъ студентовъ, т. LI, 243.
- Кохановскій**, унтеръ-офицеръ, LI, 741, 742.
- Кохрень**, англійскій адмиралъ, т. LIII, 342, 351.
- Коцебу**, генералъ-адъютантъ, т. LI, 55.
- Кочубей**, Сергѣй, графъ, т. LI, 56, 385.
- Кочубинскій**, А. А., проф. о его рефератѣ на Виленск. археолог. съѣздѣ, т. LIV, 308.
- Кошелевъ**, А. И., тульскій мировой посредникъ, т. LIV, 678, 682.
- Краевскій**, Андрей Александр., редакторъ журнала „Отечественныя Записки“, т. LI, 195, 246, 707; т. LII, 377; т. LIV, 824.
- Красовскій**, Іоаннъ, униатскій епископъ т. LIV, 864.
- Краузе**, І. И., т. LIII, 838.
- Крауфордъ**, англійскій писатель, т. LI, 639.
- Крачковскій**, Ю. Ѳ. О его рефератѣ на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ, т. LIV, 307.
- Кренке**, Викторъ Дан., генералъ-лейтенантъ. *Некрологъ его*, т. LIII, 557—558.
- Кривенко**, В. С. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Очерки Кавказа. Поѣздка на Кавказъ осенью 1888 г. Съ 41 рисункомъ, т. LII, 831—833.
- Кривцовъ**, Ник. Ив., флигель-адъютантъ, т. LIII, 166.
- Криспи**, министръ-президентъ Італіи, т. LI, 204, 529, 639.
- Кругловъ**, А. В. *Разказы его*: Типы современной деревни. Канюкъ, т. LII, 345—354. Фармазонъ, т. LIV, 691—704.
- Крузенштернъ**, т. LI, 56.
- Крутицкій**, Антонъ Вас., комическій актеръ, живописецъ, музыкантъ и писатель, т. LII, 66.
- Крыловъ**, Ив. Андр., баснописецъ, т. LIV, 524, 526, 825.
- Крюновскій**, атаманъ, т. LII, 357.
- Куанье**, капитанъ, авторъ записокъ, т. LI, 305.
- Кудрявцевъ**, П. Н., преподаватель сиротскаго института, вполнствіи профессоръ Московскаго унверс., т. LI, 245, 246.
- Кузнецовъ**, Е. В. *Библиографическая замѣтка о его книгахъ*: Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермарка и Библиографія Ермарка, т. LI, 619—620. Упоминается о немъ, т. LII, 784.
- Кукольникъ**, Ник. Вас., писатель, т. LIII, 372.
- Кулаковъ**, А. *Замѣтка его*: Могила Маріи Потоцкой въ Саратовѣ, т. LII, 303—304.
- Кулебанинъ**, Н. П., полковникъ, т. LI, 56, 384—387; т. LII, 681, 684.
- Кулишъ**, П., малороссійскій историкъ, т. LI, 117; т. LIV, 546.
- Кундуріотти**, Георгій, грекъ, президентъ греческаго національнаго собранія, т. LIII, 338, 355, 633.
- Купчинскій**, Вас., запорожскій атаманъ, т. LIII, 56—83.
- Нуранинъ**, Александръ Борис., князь государственный канцлеръ, т. LII, 435.
- Нурзонъ**, Джорджъ, публицистъ и путешественникъ, т. LI, 312.
- Нурочинъ**, Вас. Степ., издатель журнала „Искра“, LIV, 125.
- Нуррьеръ**, французскій писатель, т. LIV, 948.

Нурсель, баронъ, предсѣдатель международнаго третейскаго суда, т. LIV, 914.
 Нутайсовъ, Иванъ Павловичъ, графъ, оберъ-штаб-мейстеръ, т. LII, 715.
 Нутлеръ, офицеръ, т. LIII, 311, 319; т. LIV, 39.
 Ниторга, цензоръ, т. LIV, 551.
 Нутузовъ, М. Л., т. LII, 53.
 Нушелевъ-Безбородко, графъ, редакторъ журнала „Русское Слово“, т. LIV, 815.
 Нушелевъ, Григ. Григ., графъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегии, любимецъ Павла I, т. LII, 53.

Л.

Лабинцевъ, Ив. Мих., офицеръ, т. LIII, 46.
 Лабриола, итальянскій социалистъ, т. LI, 533.
 Лавинери, кардиналъ, т. LI, 63.
 Ладыженскій, В. В., тульскій мировый посредникъ, т. LIV, 678.
 Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ, романистъ, LI, 453.
 Лазаревы:
 — пермскіе землевладѣльцы. *Статья о нихъ*: Пермскіе землевладѣльцы Лазаревы и преемники ихъ князя Абамеликъ, т. LII, 425—447.
 — Мих. Петров., адмиралъ, главный командиръ Черноморскаго флота, т. LIV, 946.
 — композиторъ, авторъ ораторіи „Сотворение міра“, т. LII, 97.
 Лалли, полковникъ, т. LIII, 823.
 Ла-Любернь, Генри, французскій писатель, т. LIV, 286.
 Ламанинъ, Г. Я., духовный композиторъ, т. LIII, 376.
 Ламанскій, Вл. Ив., профессоръ Спб. университета, т. LII, 559.
 Ламбертъ, Жозефъ, графъ, генерал-майоръ, т. LI, 751, 753; т. LIV, 673.
 Ламорисьеръ, французскій посолъ въ Петербургъ, т. LI, 314.
 Ланской, С. С., министръ внутреннихъ дѣлъ, т. LIV, 362.
 Лаппо-Данилевскій, Александръ Серг., профессоръ Сиб. историко-филологическаго института, приватъ-доцентъ Сиб. университета, т. LII, 558.
 Лаппо-Старженецкій, нижегородскій полицеймейстеръ, т. LII, 338.
 Лаптевъ, капитанъ гвардіи, т. LIII, 88.
 Ларкинъ, феній, т. LI, 302.
 Ласковскій, В. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Новгородскій музей древностей. Краткое описаніе Новгородскаго музея. Съ приложеніемъ 14 рисунковъ, т. LIII, 807—808.

Ласъ Віуго, иностранннй ротмистръ XVI в., т. LIV, 796.

Латинны:

— В., профессоръ Сиб. университета. *Библиографическія замѣтки его*: В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ второй. Власть, т. LIII, 227—228. О. Еленевъ. Ученіе о Финляндскомъ государствѣ, т. LIII, 510—515. В. Г. Щегловъ. Государственный совѣтъ въ Россіи, въ особенности въ царствованіе Александра I, томъ I. Т. LIII, 515—520. В. Н. Александренко. Релігія князя А. Д. Кантемира изъ Лондона (1732—1733). Томъ I, т. LIII, 804—805. С. Л. Бершадскій. О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществвахъ по литовскому праву, т. LIII, 810—811. *Библиографическая замѣтка объ изданіи его*: Проектъ новаго уложенія, составленный комиссіей 1754—1765 гг., т. LIV, 285.

— Н. В. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее, т. LIII, 234—237.

Латышевы:

— В. В. *Библиографическая замѣтка объ изданіи его*: Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Сквіи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевъ. Томъ I. Выпускъ I. Т. LIV, 284—285.
 — директоръ Ларинской гимназіи въ С.-Петербургѣ, т. LIII, 449.

Лауданскій, ординарецъ, т. LI, 75.

Лаферьеръ, т. LI, 310.

Лашкевичъ, Алексѣй. *Замѣтка его*: По поводу стихотворенія Т. Г. Шевченки, т. LIII, 559—560.

Лашковъ, Н. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*. Новгородскій музей древностей. Краткое описаніе Новгородскаго музея. Съ приложеніемъ 14 рисунковъ, т. LIII, 807.

Лебедевъ, К. В., художникъ, т. LI, 288.

Лебланъ, командиръ французскаго фрегата „Юнона“, т. LIII, 629.

Лебцельтернъ, баронъ, австрійскій посланникъ, т. LIII, 346.

Левшина, С. Д., жена В. А. Полторацкаго, т. LI, 39.

Левъ XIII, папа римскій, т. LI, 225, 226, 518, 639.

Легалиенъ, англійскій поэтъ, т. LI, 637.

Легкій, Яковъ Андр., кривоъ запорожской церкви, т. LII, 778.

Легрель, французскій историкъ, т. LIII, 258.

Леже, Луи, крѣпостаръ въ „Collège de France“. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: La litterature russe. Notices et extraits des principaux depuis les ori-

gines jusqu'à nos jours, т. LIV, 589—590; т. LI, 291; т. LIV, 947.

Леманъ:

— А. И. *Повѣсть его*: Пограничная крѣпость, т. LIII, 561—582; т. LIV, 1—28, 375—405, 739—772. *Библиографическія замѣтки его*: Повѣсть изъ Новгородскаго быта XV вѣка, И. Привольева, т. LI, 296. Очерки Кавказа. Поѣздка на Кавказъ осенью 1888 года, В. С. Кривенко, т. LII, 831—833. Слѣпой Домрачей. Историческіе рассказы для юношества изъ русской, турецкой и молдаванской жизни. О. И. Роговой, т. LII, 848.

Ленскій, Дм. Тимоѣв., водевильщикъ и актеръ, т. LIV, 705—709, 890.

Леонидовъ, артистъ, т. LII, 384.

Леонова, Дарья Мих., русская артистка, т. LII, 90; т. LIII, 765.

Леонтій, епископъ тамбовскій XVII в., т. LIII, 144.

Леонтьевы:

— Пав. Мих., профессоръ Московскаго университета, т. LI, 472, 787; т. LIII, 418; т. LIV, 660.

— генералъ, сподвижникъ фельдмаршала Миниха, т. LII, 776.

Леопольдъ:

— Гогенцоллернъ-Зигмарин., принцъ, т. LII, 852.

— Кобургскій принцъ, кандидатъ на греческій престолъ, т. LIII, 360—362.

Леринье, французскій профессоръ, т. LI, 309.

Лермонтовъ, М. Ю., поэтъ, LI, 692; т. LIV, 295, 369. *Статья о немъ*: Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ и г-жа Адель Гоммеръ де-Гелль, т. LIV, 838—856.

Леруа-Болье, Анатолю, французскій писатель, т. LI, 291; т. LIV, 947.

Леруа, актеръ, т. LII, 65.

Леръ (Lehr), Эрнестъ, французскій писатель, т. LI, 290; т. LIV, 947.

Леснеръ, Фридрихъ, нѣмецкій рабочий, т. LII, 857.

Лэфлеръ, Анна Шарлота, шведская писательница, т. LIV, 298.

Лефортъ, Францъ Яковл., любимецъ Петра Великаго, т. LI 942.

Лещинскій, Станиславъ, король польскій, т. LIII, 179.

Ливень, графъ, русскій посланникъ въ Лондонъ, т. LIII, 357.

Лилъгорнъ, Адольфъ, графъ, начальникъ лейбъ-гвардіи шведскаго короля, т. LI, 561.

Линдонъ, Прослеръ, членъ „Англо-русскаго международнаго общества“, т. LII, 549.

Лисаневичъ, адъютантъ главнокомандующаго, т. LI, 55, 80, 81, 383.

Лисовскій, Ираклій, униатскій епископъ, т. LIV, 862, 870—871.

Листъ, извѣстный композиторъ, т. LI, 702; т. LIII, 677.

Литта, Ю. П., графъ, т. LII, 53.

Литтонъ, лордъ, англійскій поэтъ, т. LI, 637.

Лихачева, Е. Библиографическая замѣтка о соч. ея: Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1796—1828). Время императрицы Маріи Теодоровны, т. LII, 523—526.

Лихачевъ, Н. П. Библиографическія замѣтки его: Гр. П. И. Толстой. Древнѣйшія русскія монеты X—XI вѣка. Съ 2-мя таблицами, т. LIII, 803—804. Великій князь Георгій Михайловичъ. Русскія монеты, чеканенныя для Пруссіи (1759—1762), Грузіи (1804—1833), Польши (1815—1814), Финляндіи (1864—1890) съ 16-ю таблиц. Т. XIV, 276—273. Труды Московскаго нумизматическаго общества. Подъ редакціей В. К. Трутовскаго и В. А. Уляницкаго. Первый полутомъ. Т. LIV, 280—282. *О немъ,* т. LIII, 554.

Лобановы-Ростовскіе:

— Яковъ Ив., князь, т. LII, 442.

— А. Б., князь, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, т. LIV, 826.

Лобановы:

— Михайлъ Евграфовичъ, академикъ-поэтъ, т. LIV, 530.

— кадетъ, т. LI, 40.

Лобновъ, Алексій Ив., т. LII, 123.

Ловягинъ, А. М. Библиографическія замѣтки его: Исторія англійскаго народа, Джона Ричарда Грина. Томъ третій. Пуританская Англія. Революція. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Т. LI, 284—287. Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Изданіе А. Брикнера. Томъ шестой. Т. LI, 288—289. Н. А. Осокинъ. Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Изд. 2-е. Т. LI, 618—619. Русскіе путешественники-ислѣдователи. Русскіе мореплаватели арктическіе и кругосвѣтныя. М. А. Лялиной. Т. LI, 620. K. Waliszewski. Le roman d'une impératrice. Catherine II de Russie d'après ses memoires, sa correspondance et les documents inédits des archives d'état. Т. LII, 826—831. Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Критическое изслѣдованіе Михаила Корелина, т. LIII, 229—231. Историческія мелочи, т. LI, №№ 1, 2, 3.

Лодеръ, проф. Московскаго университета, т. LI, 242.

- Ломанъ**, Ник. Логиновичъ, педагогъ. *Некрологъ его*, т. LI, 649.
- Ломоносовъ**, Мих. Васильевичъ, поэтъ, т. LIV, 947.
- Лонгиновы**:
— Ник. Мих., секретарь императрицы Екатерины Алексѣвны, т. LIII, 435.
— М. Н., писатель, начальникъ главнаго управления по дѣламъ печати, т. LIV, 828.
- Лонто**, Андрей, грекъ, вождь возстанія за независимость, т. LIII, 331.
- Лопухина**, Евдокія Ѳеодоровна, жена Петра Великаго, т. LI, 815.
- Лореръ**, Николай Иван., декабристъ, т. LIV, 367.
- Лорисъ-Меликовъ**, графъ, Мих. Таріеловичъ, т. LII, 87.
- Лосевъ**, Александръ Вас., юридивый, т. LII, 153.
- Лоптусъ**, Августъ, лордъ, англійскій дипломатъ, т. LI, 583.
- Луазо**, Жанна, французская писательница, т. LI, 923.
- Лубяновскій**, Петръ Ѳед., пензенскій губернаторъ, т. LIII, 731, 747, 748.
- Луиза**, прусская королева, жена Фридриха-Вильгельма, т. LII, 853—855.
- Луиза-Аделаида**, жена Филиппа-Эгалиге, герцога Орлеанскаго, т. LII, 495.
- Луи-Филиппъ**, Орлеанскій, французскій король. *Статья о немъ*: Последній французскій король, т. LII, 490—506.
- Лѣсковъ**, Н. Ѳ. *Рассказъ его*: Двѣ рѣпины, т. LII, 690—699.
- Лысенко**, Ѳед. Ильичъ, офицеръ, взятый въ плѣнъ Косцюшку. *Статья о немъ*: Забытый герой, т. LIV, 476—493.
- Любарскій**, И. В., *Статья его*: Варшавскій дневникъ и его первый редакторъ, т. LIV, 148—159.
- Любовичъ**, Н., проф. Варшавскаго университета. *Библиографическая замѣтка его* о сочиненіи: *Mythologiae Lituanae Monumenta. Zródła do Mythologii Litewskiej od Tasyta do konca XIII wieku. Zebrał, ocenil i objasnil Antoni Mierzynski*, т. LII, 268—269.
- Людвигъ**:
— XIV, французскій король, т. LII, 280; т. LIII, 258.
— XVI, французскій король. *Замѣтка*: День Людовика XVI, т. LIII, 241.
— XVIII, французскій король, т. LI, 487; т. LII, 496, 498.
— Груно, принцъ Гессенъ-Гомбургскій. *Статья* о его пребываніи въ Россіи въ 1723—1745 гг., т. LII, 169—176.
- Люстихъ**, танцовщикъ, т. LII, 66.
- Лялина**, М. А. *Библиографическая замѣтка о ея книгѣ*: Русскіе путешественники-ислѣдователи. Русскіе мореплаватели арктическіе и кругосвѣтные, т. LI, 620.
- Лялинь**, майоръ, т. LII, 726, 728.
- Лясковскій**, Ник. Евграф., проф. агрономіи. *Некрологъ его*, т. LIV, 312.
- Лященко**, командиръ полка, т. LII, 686.
- Лященко**, Аркадій Іоакимовичъ, редакторъ изданій Императорскаго общества любителей древней письменности, т. LII, 300.
- Львева**, Елена Ник., художница, т. LI, 750.
- Львова-Синецкая**, М. Д., аргистка Московскаго театра, т. LIV, 884.
- Львовы**:
— Серг. Лавр., адъютантъ князя Потемкина, членъ военной коллегіи, т. LII, 53, 56.
— Алексѣй Ѳеодоровичъ, композиторъ церковнаго пѣнія и музыки, директоръ Имп. пѣвческой капеллы, т. LIII, 376.
— Леонидъ Ник., т. LI, 750.
— Петръ Серг., полковникъ, т. LIII, 602; т. LIV, 39—41.

М.

- Маврокордато**, Александръ, господарь валахскій, борецъ за греческую независимость, т. LIII, 327, 334, 335, 633.
- Мавромихали**, Петръ, глава аристократической майнотской партіи, т. LIII, 627.
- Георгій Петровичъ, убійца І. Каподистріи, т. LIII, 343, 355, 637—642, 647, 651, 657, 659.
- Константинъ, братъ Петра, убійца І. Каподистріи, т. LIII, 637—642, 647, 651, 657.
- Магницкій**, Мих. Леонтьевичъ, попечитель Казанскаго учебнаго округа, т. LIV, 550.
- Магометъ-паша**, турецкій визирь, т. LII, 795.
- Магэпръ**, Ѳома, феній, т. LI, 302.
- Мадзини**, Джузеппе, итальянскій республиканецъ, т. LI, 526—529, 531—533.
- Мазаевъ**, Михаилъ Николаевичъ, писатель. *Статьи его*: Алексѣй Дмитриевичъ Галаховъ, т. LI, 238—256. С. П. Жихаревъ и его записки, т. LII, 763—769. *Библиографическія замѣтки его*: А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ третій, т. LI, 622—623.
- Страховъ**, Н. Воспоминанія и отрывки, т. LII, 270—271. Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, томъ второй, т. LII, 521—523. Московскій біблиографическій кружокъ. Очеркъ дѣятельности за время съ 4-го октября 1890 г. по 1-е декабря 1891 г., т. LII, 841—842.

- Исторія русской словесности для средних учебных заведений, сочинение А. И. Незеленова, въ двухъ частяхъ, т. LIII, 522—523. Отчетъ Императорской публичной библиотеки за 1889 г., т. LIII, 811—813. Отчетъ Императорской публичной библиотеки за 1890 г., т. LIV, 283—284. Русская поэзія. Собрание произведеній русскихъ поэтовъ частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями, бібліографическими примѣчаніями и портретами. Издается подъ редакціей С. А. Венгерова. Выпускъ I, т. LIV, 587.
- Мазарини**, Ник. Сем., полковникъ, т. LIII, 43.
- Мазурина**, М. А., именитая московская гражданка, т. LI, 463.
- фонъ-Майдель**:
— Е. И., баронъ, генераль-отъ-инфантерія, т. LIV, 835.
— подполковникъ, т. LI, 380; т. LI, 74.
— баронъ, генераль-маіоръ; т. LIII, 302, 306, 308, 320.
- Майковъ**, Леонидъ Ник., вице-президентъ академіи наукъ, т. LI, 646.
- Макаріи**, митрополитъ московскій, жившій въ XVI в., т. LI, 466.
- Манаровъ**, П. С., композиторъ, редакторъ газеты «Биржевыя Вѣдомости», т. LI, 108.
— С. О., конгръ-адмиралъ, т. LIV, 616.
- Мандональдъ**, маршалъ, т. LI, 305.
- Маннинель**, Матильда, англійская писательница, т. LIV, 290.
- Максимовичъ**, Павелъ Павл., общественный дѣятель. *Некрологъ его*, т. LI, 649—650.
- Максимовъ**, А. М., артистъ, т. LI, 156.
- Максимовъ**, Тарасъ, тамбовскій сектантъ, т. LIII, 146.
- Максинъ**, Иванъ Алексѣевичъ, артистъ московской сцены, т. LI, 697, 698.
- Манъ-Магонъ**, французскій маршалъ, т. LIV, 600.
- Малеинъ**, А. I. *Библіографическая замѣтка его*: М. И. Михельсонъ. Мѣткія и ходячія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ пословицъ, изреченій и выраженій, т. LIV, 926—927.
- Малый**, Іеремія Макс., запорожскій казакъ, т. LI, 777.
- Мальшевичъ**, запорожскій казакъ, т. LI, 770.
- Малютинъ**, Павелъ Семен., извѣстный фабрикантъ, т. LIII, 417.
- Мальгинъ**, Иванъ Глѣб., архитекторъ, т. LIV, 83.
- Мальмсбюри**, лордъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи, т. LI, 602.
- Мальтиць**, баронъ, русскій консулъ въ Берлинѣ, т. LIII, 381.
- Мальяръ**:
— начальникъ банды, т. LI, 299.
— французская оперная актриса, т. LIV, 933.
- Мамченко**, солдатъ, т. LI, 67.
- Мандренъ**, предводитель французскихъ контрабандистовъ, т. LIII, 824—826.
- Мансурадъ**, оберъ-офицеръ, т. LI, 78, 377, 753.
- Мантейфель**, баронъ, первый прусскій министръ, т. LI, 595, 597.
- Манштейнъ**, Христ. Герм., генераль-адъютантъ фельдмаршала Миниха, авторъ «Записокъ», т. LIII, 438—445.
- Марать**, французскій революціонеръ, т. LIII, 530—532.
- Марилье**, Леонъ, профессоръ школы высшихъ научныхъ знаній въ Парижѣ, т. LIV, 933.
- Маріо**, пѣвецъ, т. LI, 702.
- Марія Аленсъевна**, царевна, т. LI, 815.
- Марія-Амалія**, дочь короля Фердинанда Неаполитанскаго, т. LI, 438.
- Марія-Антуанетта**, французская королева, супруга Людовика XVI. *Замѣтка*: Столѣтняя годовщина смерти Маріи-Антуанетты, т. LIV, 596—598.
- Марія-Луиза**, австрійская принцесса, жена Наполеона I, т. LI, 255—262.
- Марія Николаевна**, великая княгиня, т. LI, 44, 310; т. LIII, 600; т. LIV, 31.
- Марія Павловна**, великая княгиня, супруга герцога Саксенъ-Веймарскаго, т. LIII, 380—383.
- Марія Θεодоровна**, русская императрица, вторая супруга императора Павла I (Доротей-Софія-Августа-Луиза, принцесса вюртембергская), т. LI, 62, 252, 256, 259.
- Маригамъ**, Клементъ, англійскій ученый, т. LIV, 592.
- Маркевичъ**, Болеславъ, писатель, т. LIV, 353.
- Марніанъ**, игуменъ Кондинскаго монастыря, т. LIII, 466.
- Марновы**:
— Алексѣй Алекс., предсѣдатель департамента варшавской судебной палаты. *Некрологъ его*, т. LIII, 842.
— А. К. *Замѣтка* о его рефератѣ, т. LI, 560; т. LIII, 840.
— Мих. Александровичъ, писатель, т. LIV, 523.
- Марисъ**, Карлъ, извѣстный политико-экономическій писатель, т. LI, 857.
- Марльбору**, герцогъ, т. LIII, 258—259.
- Марсденъ**, Кетя, англійская сестра милосердія. *О ея сочиненіи*: On sledge and horseback to the outcast Syberian lepers, т. LI, 287.

- Марстонъ**, англійскій поэтъ, т. LI, 638.
- Мартенсъ**, Ф., профессоръ Сиб. университета. О немъ, т. LIII, 247.
- Мартусевичъ**, уніатскій епископъ къ Полюкъ, т. LIV, 867.
- Мартыновы:**
— А. Е., артистъ, т. LIV, 125, 140.
— Захаръ, запорожскій казакъ, т. LI, 777.
- Мартыновъ**, П. К. *Статья его:* Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ и г-жа Адель Гоммеръ де-Гелль, т. LIV, 833—856.
- Масальскій**, Василій, князь, т. LIV, 795, 796.
- Масловскій**, Д. О., генералъ-маіоръ, ординарный профессоръ Николаевской академіи. *Библиографическая замѣтка* объ изданіи его: Сѣверная война. Документы 1705—1708 гг., собранные генералъ-маіоромъ Д. О. Масловскимъ. Изданіе военно-учебнаго комитета главнаго штаба, т. LI, 281—284.
- Масловъ**, Ник. Дм., беллетристъ. *Хронологъ его*, т. LI, 320.
- Масонъ**, Фредерикъ, французскій историкъ, т. LIII, 532.
- Масперо**, М. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи:* Историческія чтенія. Древняя исторія. Египетъ, Ассирія. Перев. съ французскаго, съ 192 рисунками, т. LI, 537.
- Матвѣевы:**
— Артамонъ Серг., бояринъ, т. LI, 467.
— Фроль, денщикъ, т. LI, 75.
- Матвѣй**, тамбовскій протопопъ, т. LIII, 146.
- Матушевичъ**, инженеръ, генералъ-маіоръ, т. LIII, 92.
- Медвѣдскій**, К. П. *Статьи его:* Современныя литературныя дѣятели. I. I. Ясинскій, т. LI, 412—424. М. Н. Альбовъ.—И. А. Саловъ, т. LIV, 160—173.
- Медемъ**, членъ главнаго управленія по дѣламъ печати, т. LIV, 813.
- Медынцева**, Прасковья Ильинишна, московская купчиха, т. LI, 396.
- Мей**, Левъ Александр., поэтъ, т. LI, 701.
- Межовъ**, Вл. Изм., извѣстный библиографъ. *Библиографическая замѣтка объ изданіи его:* Сибирская библиографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однихъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ третій. Т. LI, 623.
- Русская историческая библиографія. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и вспомогательнымъ наукамъ: за 1800—1854 гг. включительно. Томы I и II. Изданіе И. М. Сибирякова, т. LIII, 524.
- Мейндорфъ**, баронъ, австрійскій дипломатъ, т. LI, 596.
- Меллеръ-Заномельскій**, П. П., баронъ, т. LI, 57—62, 64, 69, 71—73, 77—84, 368, 377, 383, 397, 408—410, 739; т. LII, 72, 87, 361, 362.
- Мельниковы:**
— Павелъ Ив. (Андрей Печерскій), писатель этнографъ, т. LII, 343.
— командиръ полка, любимецъ кн. Паскевича, т. LI, 395.
- Мельникъ**, А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ ее:* Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ, т. LIV, 930.
- Мельницкій**, Ник. Ив., предсѣдатель Псковской уголовной палаты, т. LIII, 102.
- фонъ-Менгденъ:**
— баронесса, фрейлиня Анны Иоанновны, т. LIII, 433.
— Влад. Мих., баронъ, т. LIV, 661.
- Мендельсонъ-Бартольди**, Феликсъ, извѣстный композиторъ, т. LIII, 376—378, 667—669.
- Менсдорфъ**, императорскій комиссаръ, т. LI, 631.
- Ментенонъ**, фаворитка Людовика XVI, т. LI, 244.
- Меншиковы:**
— Александръ Даниловичъ, свѣтлѣйшій князь, генералиссимусъ, т. LI, 170.
— Александръ Сергѣевичъ, князь, адмиралъ, главнокомандующій войсками въ Крыму, 1853—1855 г., т. LI, 81.
- Мердеръ:**
— К. К., генералъ-адъютантъ, дядька императора Александра II, т. LII, 708.
— Н. И., писательница. *Разсказъ ее:* Отжившіе типы. Кузина Катя, т. LIV, 313—348, 627—658.
- Мередитъ**, Джорджъ, англійскій поэтъ, т. LI, 637.
- Мережковскій**, Д. С., поэтъ, т. LIII, 257.
- Мерзляковъ**, А. О., проф. Московск. университета, т. LI, 764.
- Мерилинъ**, подпоручикъ, т. LI, 77, 377.
- Мерль**, Жанъ-Батистъ, французскій солдатъ, авторъ записокъ, т. LI, 306.
- Мертваго**, Дм. Борис., сенаторъ, т. LIII, 404.
- Мерцаловъ**, А. К. *Статья его:* Борисъ Годуновъ (1584—1605), т. LIV, 460—475, 781—799.
- Метанса**, Андрей, графъ, греческій депутатъ, т. LIII, 336.
- Меттернихъ**, князь, первый министръ Австріи, т. LI, 590, 602, 603; т. LII, 254—255; т. LIII, 332, 336, 347.
- Метохитъ**, Федоръ, великій логофетъ, т. LI, 921.
- Миддендорфъ**, Фед. Ивановичъ, академикъ, т. LIV, 802.

- Мишель-Анджело**, скульпторъ, т. LI, 909.
- Миллеръ**, Федоръ Богдановичъ, поэтъ, издатель сатирическаго журнала „Развлеченіе“, т. LI, 119; т. LII, 127.
- Милославскій**, Ник. Карл., провинціальный актеръ, т. LIV, 708—720.
- Милль**, Джонъ Стюартъ, знаменитый англійскій экономистъ, т. LI, 493—495.
- Милоуовы:**
— А. П., редакторъ журнала „Свѣточъ“, т. LIV, 815.
— П. Н., магистръ русской исторіи, т. LIII, 831.
- Милютинъ:**
— Дм. Алекс., графъ, бывшій военный министр, сподвижникъ Александра II. *Замѣтка* о его 60-лѣтнемъ юбилеѣ, т. LII, 557; т. LI, 46; т. LIII, 599.
— Николай Алексѣевичъ, членъ редакціонныхъ комиссій по освобожденію крестьянъ, т. LIV, 151, 669, 677, 684.
- Мининъ**, В. П., черныскій предводитель дворянства, т. LIV, 667.
- Минихъ:**
— Бурх. Христоф., графъ, фельдмаршалъ, т. LI, 819; т. LII, 174, 175; т. LIII, 432.
— Эрнстъ, графъ, авторъ „Записокъ“ *Статья о немъ*: Графъ Минихъ и его записки, т. LIII, 431—445; т. LIV, 559.
- Миницкій**, Степ. Ив., генералъ-губернаторъ Олонеккой, Вологодской и Архангельской губ., т. LI, 69.
- Минявицъ**, полковникъ, т. LI, 55, 385, 392.
- Минскій**, Н. М., поэтъ, т. LIII, 256.
- Мирабо**, дѣятель французской революціи, т. LIV, 290.
- Мирославскій**, генералъ, начальникъ мѣстныхъ войскъ въ Баденѣ, т. LI, 590.
- Мирскій**, т. LI, 373.
- Митрофанія**, игуменья, т. LII, 396.
- Михайловскій**, авторъ книги „Шаманство“, т. LIII, 257.
- Михаилъ Николаевичъ**, великій князь, намѣстникъ кавказскій, т. LI, 40, 44.
- Михаилъ Павловичъ**, великій князь, т. LI, 43, 747.
- Михаилъ**, архіепископъ черниговскій, т. LIV, 239.
- Михаилъ Федоровичъ Романовъ**, русскій царь. *Замѣтка*: Двухсотсемидесятилѣтняя годовщина воцаренія дома Романовыхъ, т. LII, 556—557; т. LIII, 441.
- Михельсонъ**, М. И. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Мѣткія и ходячія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ пословицъ, изреченій и выраженій, т. LIV, 926—927.
- Міаулисъ**, грекъ, предводитель гидріотской смуты, т. LIII, 633, 634.
- Модестовъ**, В. И., профессоръ Одесскаго университета. *Статья* его: Современная Италия. Королевство, папство, республика, т. LI, 199—230, 518—539.
- Можайскій**, Иванъ Павл., инспекторъ народныхъ училищъ въ Новгородѣ. *Хронологъ* его, т. LII, 301.
- Моніевскій**, П. В. *Библиографическая замѣтка* о его переводѣ: Философія Герберта Шенсера въ сокращенномъ изложеніи Говарда Коллинса. Переводъ съ англійскаго, т. LII, 532—533.
- Молинари:**
— дѣвица, актриса, т. LII, 720.
— политико-экономъ, т. LIV, 670.
- Моллеръ**, Эдуардъ, т. LI, 55.
- Молчановы:**
— Евграфъ Влад., откупщикъ и фабрикантъ, т. LI, 477.
— Петръ Степ., сотрудникъ многихъ журналовъ XVIII в., т. LII, 68.
- Мольскій**, майоръ, герой Крымской кампаніи, т. LIII, 448.
- Монаховъ**, И. И., артистъ, т. LII, 113.
- Монжуа**, графъ, т. LII, 495.
- Монпансье**, герцогъ, сынъ Филиппа-Эгалите, герцога Орлеанскаго, т. LII, 495.
- Монтолонъ**, французскій генералъ, т. LIV, 938.
- Морганъ**, членъ „Англо-русскаго литературнаго общества“, т. LII, 549; т. LIV, 611, 914.
- Мордвиновъ**, Александръ Ник., управляющій III Огдѣленіемъ Собств. Его Имп. Велич. канцелярій, т. LIV, 530.
- Мордовцевъ**, писатель, т. LI, 111.
- Морнингтонъ**, Д. Л., лордъ, т. LIV, 289.
- Морозовъ**, Викаулъ Елисеичъ, московскій купецъ, т. LII, 122.
- Мортъе**, маршалъ, т. LII, 505.
- Морфиль**, В. Р., англійскій писатель, т. LIII, 257.
- Моръ**, Ида, пѣвица, т. LIII, 665.
- Мосоловъ**, Сергѣй, командиръ Новгородскаго мушкатерскаго полка, т. LII, 742.
- Мочаловы:**
— другъ Островскаго, т. LI, 705.
— Павелъ Степ., взвѣстный трагикъ т. LIV, 884—888.
— Степанъ Фед., московскій актеръ, т. LIV, 885.
- Мошелесъ**, Игнатій, композиторъ, профессоръ музыки, т. LIII, 376—378, 386, 387, 663, 675.
- Муравьевъ-Амурскій**, Ник. Ник., гр. генералъ-губернаторъ, т. LII, 168, 338—340^а
- Муравьевы:**
— Александръ Мих., кавалергардскій офицеръ, т. LIV, 208.

— Андрей Цик., авторъ „Путешествія по святымъ мѣстамъ“, т. LIV, 521.
 — М. Н., виленскій генераль-губернаторъ, т. LIV, 871.
 Мурадъ III, турецкій султанъ, т. LII, 791—800.
 Муромцева, Варвара Гавр., т. LIV, 351.
 Муррей, шотландецъ, т. LIII, 822.
 Мурчисонъ, англійскій геологъ, т. LII, 288.
 Мусинъ-Пушкинъ, Ник. Мих., камергеръ, т. LII, 57.
 Мухановъ, субалтернъ-офицеръ, т. LI, 85.
 Мухранская, Анна Ив., княгиня, т. LI, 384, 388, 390.
 Мушкетовъ, И. В., профессоръ Спб. горнаго института, т. LIV, 617.
 Мѣржинскій, Антоанъ, бывшій профессоръ Варшавскаго университета. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Mythologiae Lituanae Monumenta. Zródła do Mythologii Litewskiej od Tacyta do konca XIII wieku*, т. LII, 268—269.
 Мэннатенъ, сэръ, британскій посолъ, т. LI, 627.
 Мюнстеръ, графъ, прусскій посланникъ въ Петербургъ, т. LI, 599.
 Мюнциъ, французскій ученый, т. LIV, 931.
 Мюрать, Каролина, сестра Наполеона I, т. LII, 236.
 Мясоѣдовъ, Ник. Ефим., дѣйствительный тайный совѣтникъ, т. LII, 442.

Н.

Нагиба, солдатъ, т. LII, 566—567.
 Надеждинъ, Н. И., издатель журнала „Телескопъ“, т. LI, 246; т. LIV, 526.
 Надиръ, персидскій шахъ, т. LII, 427.
 Найтъ, англійскій писатель, т. LIII, 545.
 Наполеонъ I Бонапарте, французскій императоръ, т. LI, 306, 314, 487, 695. *Статья о немъ: Второй бракъ Наполеона*, т. LII, 229—262, 498, 538, 553, 703; т. LIII, 344, 345, 347. *Замѣтки: День Наполеона въ Тюльери*, т. LIII, 532—535. *Наполеонъ послѣ смерти*, т. LIII, 535—537. *Портфель Наполеона*, т. LIII, 556; т. LIV, 231, 236—239. *Племянникъ Наполеона и внучка Вашингтона*, т. LIV, 290—291. *Наполеонъ по дорогѣ на св. Елену*, т. LIV, 937—943.
 Наполеонъ III (Луи), императоръ французскій, т. LI, 199, 200, 209, 483, 487, 488, 490, 526, 598, 599, 602, 605. *Статья: Театральная цензура при Наполеонѣ III*, т. LII, 207—219, 288—290; т. LIV, 156. *Замѣтка: Сынъ Наполеона III*, т. LIV, 291—293; т. LIV, 676.

Нарсесъ, Грузинскій, армянскій архіепископъ, членъ армянскаго „Общества любителей древности“, т. LII, 441.
 Нартовъ, прапорщикъ, т. LII, 706.
 Нарышкина, Ольга, т. LIV, 848.
 Нарышкинъ, Мих. Мих., т. LIV, 352, 368.
 Небольсинъ, Пав. Ив., ученый. *Некрологъ его*, т. LIV, 311.
 Неѣдомскій, В. *Библиографическая замѣтка о его переводѣ: Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Переводъ съ втораго изданія, пересмотрѣннаго и законченнаго послѣ смерти автора докторомъ Фридр. Веберомъ. Томъ пятнадцатый. Часть вторая. Съ портретомъ автора*, т. LII, 528—530.
 Неѣтровскій, полковникъ, т. LI, 59.
 Неѣтровъ, Январій Мих., членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія. *Некрологъ его*, т. LIII, 269.
 Неѣяровскій, А. П., польскій беллетристъ, т. LIV, 150.
 Незеленовъ, А. И., профессоръ Спб. университета. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Въ 2-хъ частяхъ*, т. LIII, 422—423.
 Ней, маршалъ, знаменитый Наполеоновскій полководецъ, т. LII, 275.
 Нейпергъ, австрійскій генераль, т. LII, 262.
 Ненлеса, Иванъ, запорожскій казакъ, т. LII, 781.
 Некрасовъ, Вас. Петр., т. LIII, 94.
 Неплюевъ, Ив. Ив. *Библиографическая замѣтка о книгѣ: Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). Новое полное изданіе съ примѣчаніями*, т. LIII, 815.
 Нерудъ, сестры, игравшія на скрипкѣ, т. LIII, 387.
 Нестеровъ, Петръ Петр., генераль-майоръ, т. LI, 397, 735, 740.
 Несторъ, лѣтописецъ, т. LIV, 947.
 Неустроевъ, А. Н., извѣстный библиографъ. *Статья о немъ: Пятидесятилѣтіе дѣятельности А. Н. Неустроева*, т. LIV, 892—899.
 Неѣловъ, субалтернъ-офицеръ, т. LI, 85.
 Нечаева, Федосья Дм., жена Жихарева, т. LII, 765.
 Никаноръ, архіеп. одесскій и херсонскій. *Замѣтка о немъ: Нѣсколько словъ о разказахъ изъ жизни высокопресвященнаго архіепископа Никанора*, т. LI, 651—656.
 Никитенно, А. В., профессоръ. *Статья о немъ: Либеральный цензоръ и профессоръ пессимистъ*, т. LIV, 194—210, 511—558, 800—832.

- Никитины:**
— кievскій актеръ, талантливый чтець, т. LII, 114.
— Иванъ Савичъ, поэтъ. т. LI, 197.
— П. А., артистъ императорскихъ театровъ, т. LIV, 877.
- Николаевъ, П. О его сочиненіи:** Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ, т. LII, 180—186. *Библиографическія замѣтки о переводахъ его:* Исторія англійскаго народа, третій томъ. Т. LI, 284—287. Эдуардъ Фриманъ: Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 года, съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Главные періоды европейской исторіи. Шесть лекцій 1885 года, съ приложеніемъ статьи о греческихъ городахъ подъ римскимъ управленіемъ, т. LIV, 927—929.
- Николай Николаевичъ, великій князь,** т. LI, 44.
- Николай I Павловичъ, императоръ,** т. LI, 41, 44, 310, 314, 395, 588, 592, 595, 597, 820; т. LII, 60, 288, 368, 506; т. LIII, 40, 340; т. LIV, 355, 513, 800, 946.
- Николай, православный епископъ въ Японіи,** т. LII, 810—813.
- Николаи:**
— Александръ, баронъ, т. LI, 378, 388; т. LIII, 671.
— Левъ, баронъ, т. LI, 404.
- Николаевъ, офицеръ,** т. LII, 678.
- Никольскій, Федоръ Калининъ, артистъ,** т. LII, 109.
- Никотера, министръ внутреннихъ дѣлъ въ Италіи,** т. LI, 207, 529.
- Нильскій, А. А., артистъ императорскихъ театровъ. *Воспоминанія его,*** т. LIV, 122—147, 435—459, 705—738.
- Ниродъ, Мих. Евстафьевичъ, графъ,** т. LII, 443.
- Новикова, О., русская писательница,** т. LIII, 254.
- Новиковъ. *Замѣтка о его сочиненіи:*** Les luttes entre sociétés humaines et leur phases successives, т. LII, 282.
- Новицкій, Иванъ Петровичъ, кievскій литераторъ,** т. LI, 111, 112, 115.
- Новиченновъ, московскій купецъ,** т. LII, 130.
- Новокрещенныхъ, Н. Н., *Библиографическая замѣтка о книгѣ его:*** Матеріалы по изученію Пермскаго края. Постройка Кизеловскаго завода Н. Д. Лазарева, т. LIII, 808—810. Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движеніи русскаго государства на Востокъ въ XVI столѣтій, т. LIII, 814—815.
- Новоселовъ, генераль,** т. LI, 115, 116.
- Новинскій, Адамъ Ивановичъ, тайный совѣтникъ. генераль-аудиторъ и дирек-**
- торъ аудиторіатскаго департамента военнаго министерства,** т. LIV, 552.
- Нординъ, Карлъ-Густавъ, шведскій историкъ,** т. LI, 563.
- Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ, министръ народнаго просвѣщенія,** т. LIV, 804.
- Норрисъ, англійскій писатель,** т. LI, 639.
- О.**
- Ободовскій, К. П. *Статьи его:*** Разсказы о Гоголѣ, т. LI, 35—38. Разсказы о И. С. Тургеневѣ, т. LI, 359—366. *Листки изъ записной книжки,* т. LIV, 773—780.
- Оболенскіе:**
— князь, т. LI, 65, 67.
— Д. Д., князь. *Статья его:* Наброски изъ прошлаго, т. LIV, 349—374, 659—690.
— Александръ Петр., т. LIV, 351.
— Евгенийъ Петр., декабристъ, т. LIV, 209, 351, 367, 368, 667.
- О'Бриенъ, феній,** т. LI, 302.
- Обручевъ, Н. Н. начальникъ главн. штаба, генераль-адъютантъ. *Замѣтка о его сорокалѣтнемъ юбилей,*** т. LIV, 958.
- Огаревы:**
— нижегородскій губернаторъ, т. LIV, 824.
— Н. Ив., московскій полицеймейстеръ, т. LI, 178—180; т. LIII, 324.
— Мих. Алекс., т. LII, 714.
- Оглоблинъ, Н. Н. *Разсказъ его:*** Наѣздъ (очеркъ изъ жизни Малороссіи конца XVIII в.), т. LII, 732—746.
- Оже, Ипполитъ, авторъ мемуаровъ,** т. LI, 308.
- Ожье, Эмиль, французскій писатель,** т. LII, 209.
- Окнобнію, подпоручикъ,** т. LI, 71; т. LII, 686.
- Оксеновъ, А. В. *Библиографическая замѣтка его:*** Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее. Очеркъ Н. В. Латкина, т. LIII, 234—237.
- О-Кума, японскій министръ иностранныхъ дѣлъ,** т. LII, 807.
- Оларъ, французскій историкъ,** т. LIII, 245.
- Олинъ, Валеріанъ Ник., писатель,** т. LIV, 522.
- Олифантъ, англійская писательница,** т. LI, 639.
- Ольденбургскіе принцы:**
— Александръ Петровичъ, т. LIV, 954.
— Петръ Александровичъ, т. LIV, 955.
— Петръ Георгіевичъ, т. LIV, 85.
— Георгій. т. LII, 238.

- Ольшевский, Милентій Яковлевич**, подполковник генеральнаго штаба, т. LI, 758; т. LII, 676.
- Омелянский, Л.** *Статья его*: Нападение постанцев на Яблочинскій православный монастырь въ 1-62 году, т. LII, 157—161.
- Омонъ, Генрихъ**, хранитель рукописей Парижской национальной библіотеки, т. LI, 921.
- Онисфоръ** (въ міръ Онисимъ Боровикъ), епископ вологодскій, т. LII, 69, 776.
- Орбеліани:**
— Вано, князь, т. LII, 361.
— Григорій, т. LIII, 35.
— Илько, т. LIII, 587.
- Орбинскій, Робертъ Вас.**, профессоръ Новороссійскаго университета и директоръ Одесскаго коммерческаго училища. *Некрологъ его*, т. LI, 650.
- Орельскій, А.** *Замѣтка его*: Мысли императора Александра I о крестьянскомъ вопросѣ, т. LI, 641—613.
- Орлова-Денисова, графиня**, т. LI, 746.
- Орловы:**
— Алексій Федоровичъ, князь, представитель Россіи на Парижскомъ конгрессѣ, т. LI, 593.
— Алексій Григ., графъ, т. LIII, 184.
— Григ. Григ., князь, т. LII, 429, 431; т. LIII, 186.
— Влад. Григ., графъ, генераль-поручикъ, директоръ академіи наукъ, камергеръ, т. LII, 442; т. LIII, 434.
— Н. *Библиографическія замѣтки его*: Сѣверная война. Документы 1705—1708 гг., (обращенные генераль маіоромъ Д. О. Масловскимъ, ординарнымъ профессоромъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Изданіе военно-учебнаго комитета главнаго штаба, т. LI, 281—284. Исторія Аяшеронскаго полка, 1700—1892. Составилъ Д. Вогуславскій. Три тома. Т. LIV, 270—276.
— Н. А., князь, посланникъ въ Бельгію, т. LII, 872.
- Орловъ - Давыдовъ, Вл. Петр.**, графъ, т. LIV, 669.
- Опочининъ, Фед. Петр.**, директоръ департамента податей и сборовъ, т. LII, 704.
- Осбоурнъ, англійскій писатель**, т. LI, 639.
- Осиповы:**
— Мартынь, пучечный мастеръ XVIII в., т. LIII, 556.
— Н. О. *Библиографическая замѣтка о брошюрѣ его*: Ритуалъ сибирской свадьбы, т. LIII, 805.
- Османъ-паша, турецкій полководецъ**, т. LIII, 249.
- Остерманъ:**
— Ив. Андр., графъ, вице-канцлеръ, т. LII, 53, 171.
— О. А., графъ, т. LIV, 369.
- Островскій, Александръ Ник.**, драматическій писатель, т. LI, 698, 699—701, 707; т. LII, 383; т. LIV, 123—124.
- Острогорскій, академикъ**, т. LIV, 812.
- Остроумовъ, Н. П.** *Замѣтка* о его рефератѣ, т. LII, 560.
- Отрепьевъ, Григорій**, первый самозванецъ, т. LIV, 790—794.
- Отто, балаганщикъ**, т. LI, 162.
- Оудеманъ, англійскій ученый**, т. LII, 555.
- Офросимова, старушка**, игравшая большую роль въ Московскомъ свѣтѣ, т. LII, 723.
- Оффрень, Жанъ**, актеръ, приглашенный въ Россію Екатериной II, т. LII, 65, 66.
- Павель I Петровичъ**, русскій императоръ, т. LI, 635, 820; т. LII, 61—62, 435; т. LIII, 421; т. LIV, 46—56, 371, 941.
- Павленковъ, Л. Н.** *Статья его*: Периодическая печать и книжное дѣло въ Россіи въ 1892 году, т. LII, 569—593, 883—901.
- Павлицевъ, Н. И.**, редакторъ газеты «Варшавскій Дневникъ». *Статья о немъ*: «Варшавскій Дневникъ» и первый его редакторъ, т. LIV, 148—159.
- Павлова, Каролина Павловна**, поэтесса, т. LIV, 557.
- Павловы:**
— М. Г., профессоръ Московскаго университета, т. LI, 242.
— Н. Ф., писатель-беллетристъ, т. LI, 702.
- Пагенъ де-ла-Бланшери, французскій писатель**, т. LIV, 935.
- Падучевъ, П.** *Письмо его* въ редакцію, т. LI, 943—944.
- Палимпсестовъ, Ив.**, писатель, т. LIV, 618.
- Панины:**
— Никита Петровичъ, графъ. *Библиографическія замѣтки на Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина*. Изд. А. Брикнера. Т. VI и VII-й. Т. LI, 288—289; т. LII, 517—520.
— В. Н., графъ, председатель редакціонныхъ комиссій по освобожденію крестьянъ, т. LI, 504; т. LIV, 670.
— П. И., графъ, т. LIII, 435.
- Парадовская, Маргарита**, писательница, т. LIII, 544.
- Пардо-Базанъ, Э.** *Переводъ исторической новеллы ея*: Дочь народа, LI (приложеніе), стр. 1—64; т. LII, 65—80; т. LIII, 81—108.

- Паренсовъ**, начальникъ выдѣла корабельныхъ роцъ, т. LIII, 447.
- Паскевичъ**, Иванъ Фед., князь Варшавскій, фельдмаршалъ, т. LI, 394; т. LII, 48.
- Паскъе**, Этьенъ-Денисъ, авторъ мемуаровъ, т. LIII, 547—550.
- Пассекъ**:
— Петръ Богд., генераль-аншефъ, т. LI, 53, 56.
— Татьяна Петр., писательница, т. LIV, 556.
- Пасхоловъ**, Викторъ Никандровичъ, казанскій композиторъ. *Замѣтка* о его могилѣ, т. LIII, 842.
- Патнулъ**, извѣстный лифляндскій агитаторъ, т. LIII, 181.
- Патранинъ**, Данила Андр., казачій полковой атаманъ, т. LI, 292.
- Патриносъ**, Андрей, грекъ, убійца графа Каподистрии, т. LIII, 647, 651.
- Пашнова**, Лидія, корреспондентка «Figaro», т. LIV, 604, 948.
- Пеленеико**, ротный командиръ, т. LI, 686; т. LIII, 313.
- Пеллионъ**, подполковникъ греческой службы, т. LIII, 634, 642, 644, 649.
- Пельгримовскій**, Илья, польскій гонецъ, т. LIV, 788.
- Пембровъ**, леи, т. LI, 71.
- Пенинскій**, Иванъ, издатель «Русской хрестоматии», т. LI, 253.
- Пеннъ**, Вильямъ, англійскій публицистъ, т. LIV, 910.
- Перевощиковъ**, Д. М., профессоръ Московскаго университета, т. LI, 242.
- Передольскій**, В. С. О его археологической выставкѣ, т. LI, 873.
- Перетцъ**, Вл. Ник. *Библиографическія замѣтки его*: И. С. Некрасовъ. О задачахъ изученія древне-русской литературы и народной поэзи, т. LI, 843—846. Былины. Русская классная библиотека, издаваемая подъ редакціей А. Н. Чудинова. Выпускъ XIII. Т. LIII, 525—526. П. Житецкій. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, т. LIV, 575—578. А. Н. Чудиновъ. Лѣтопись Нестора со включеніемъ поученія Владимира Мономаха (Русская классная библиотека, выпускъ XVI), т. LIV, 929, 930.
- Перовскій**, Левъ Алексѣевичъ, графъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. LIV, 75, 538.
- Перренаикъ**, сводвижн. Жанна д'Аркъ, т. LIV, 595—596.
- Персини**, авторъ законовъ о печати, т. LI, 830, 835.
- Перснй**, Мих. Степ., директоръ перваго кадетскаго корпуса, генераль-лейтенантъ, т. LI, 705, 708, 709.
- Перье**, Казимиръ, французскій министръ, т. LI, 499, 501, 505.
- Петерсонъ**, Елисавета, жена Иеронима Бонапарте, т. LI, 245.
- Пети**, Максимъ, французскій писатель, т. LI, 290.
- Петрашевскій**, Михаилъ Васильевичъ, т. LIV, 39, 41, 660.
- Петрова**, А. Я., пѣвица, т. LIII, 376.
- Петровскій**, Н. Ф. *Замѣтка* о его рефератѣ, т. LI, 560.
- Петровы**:
— А. Н. *Статья его*: Противникъ Петра Великаго, т. LIII, 168—182. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Исторія 83-го пѣхотнаго Самурскаго е. и. в. великаго князя Владимира Александровича полка, т. LIV, 920—926.
— Н. П., профессоръ. *О его рефератѣ* на Виленск. арх. съѣздѣ, т. LIV, 306.
— П. А., военный историкъ, т. LIV, 617.
- Петръ I Алексѣевичъ**, русскій императоръ, т. LI, 635, 808; т. LI, 170, 427, 549 (о его желаніи овладѣть Турціей); т. LIII, 146. *Статьи*: Противникъ Петра Великаго, т. LIII, 168—182, 325, 412. Неисполненный завѣтъ царя, т. LIII, 750—757; т. LIV, 945.
- Петръ II Алексѣевичъ**, императоръ, т. LI, 171; т. LIII, 432.
- Петръ III**, императоръ, т. LI, 635; т. LI, 62, 63.
- Печатинъ**, В. П., типографъ, т. LI, 647.
- Пикколомини**, Эннй Сяльвій, вполствіи римскій папа Пій II, т. LIV, 932.
- Пимъ**, капитанъ англійскаго судна, т. LIII, 635.
- Пирлингъ**, Павелъ. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Россія и востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софья Палеологъ, т. LI, 906—907. *О его соч.*: Un medecin diplomate, т. LI, 861.
- Пироговъ**, Николай Ивановичъ, извѣстный хирургъ, писатель, т. LIV, 29, 30.
- Пиронъ**, профессоръ, т. LI, 639.
- Пирсъ**, Эдвинъ, англійскій историкъ, т. LIV, 593.
- Писаревъ**, Д. И., извѣстный критикъ, т. LIV, 822.
- Пистолькорсъ**, А. В., прапорщикъ, т. LI, 379—381; т. LI, 674.
- Писей**, ученый грекъ, математикъ, открывшій Англію, т. LIV, 592.
- Пій IX**, папа римскій, т. LI, 208.
- Піотровскій**, майоръ бывшихъ польскихъ войскъ, т. LI, 736.
- Плавильщиковъ**, Петръ Алекс., извѣстный драматическій артистъ и писатель, т. LI, 66.

- Платовъ, Матв. Ив.,** казачій атаманъ. *Статья о немъ:* Атаманъ Платовъ—за-воеватель Индіи, т. LIV, 46—73.
- Платоновы:**
— аргистка, т. LII, 112.
— Александръ Платоновичъ, царско-сельскій предводитель дворянства, т. LIV, 900.
— Наталья Александровна, его дочь, т. LIV, 900.
- Плацъ-Бенумъ, генераль,** т. LI, 742.
- Плетневъ, Петръ Александровичъ,** писатель, редакторъ журнала „Современникъ“, т. LI, 692; т. LIV, 802.
- Плещеевы:**
— Н. Ѳ., т. LI, 44.
— Алексій Николаевичъ, поэтъ. *Некрологъ его,* т. LIV, 623—624, 660.
- Плиха, Лаврентій,** запорожскій казакъ, т. LII, 781.
- Пнинъ, И. Н.,** писатель, т. LII, 40.
- Побѣдоносцевъ, П. В.,** профессоръ Московскаго университета, т. LI, 242.
- Погодинъ, Михаилъ Петръ,** профессоръ Московскаго университета, издатель журнала „Москвитянинъ“, т. LI, 243, 699.
- Погожевы:**
— Н. В., инженеръ-маіоръ. *Воспоминанія его:* т. LII, 700—731; т. LIII, 84—111, 363—383, 662—679; т. LIV, 74—95.
— Вѣра, т. LII, 700; т. LIII, 97, 364, 370, 669, 670; т. LIV, 81, 85, 93—95.
— Наталья, т. LII, 700; т. LIII, 97, 364, 370, 662, 669, 670; т. LIV, 81, 85, 89—93.
— Левъ Даниловичъ, т. LII, 701, 704.
— Николай Даниловичъ, т. LII, 701.
— Александръ Львовичъ, т. LIII, 89.
- Погребнякъ, Якимъ,** мастеръ, т. LII, 779.
- Подлолудный, унтеръ-офицеръ,** т. LI, 68.
- Покровскіе:**
— Александръ Евлампіевичъ, протоіерей, т. LIII, 404.
— Д. А. *Статья его:* Очерки Москвы, т. LI, 451—480, 778—795; т. LII, 116—132, 339—411, 747—762; т. LIII, 112—141, 402—430. *Замѣтка къ его статьѣ,* т. LIII, 270—272.
— Н. В. *О его рефератѣ* на Виленскомъ археологич. съѣздѣ, т. LIV, 304.
- Полевые:**
— Петръ Николаевичъ. *Историческій романъ его:* Подъ неотразимою десницей, т. LI, стр. 1—34, 321—358, 657—690; т. LII, 1—36, 305—336, 595—627; т. LIII, 1—30, 273—300. *Биографическая замѣтка его:* Царь-работникъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ Фридриха Думейера. (Der Arbeiter-Kaiser. Trauerspiel in 5 Akten), т. LIII, 523—524. *Биографическія замѣтки о соч. его:* Историческіе рассказы и повѣсти. Съ 65 рис. К. В. Лебедева, т. LI, 287—288. О немъ, т. LII, 859.
— Николай Алексѣевичъ, журналистъ, т. LI, 245, 254; т. LIV, 522, 529.
- Полиньянъ, князь,** т. LI, 688.
- Полень, докторъ, членъ „Англо-русскаго литературнаго общества“,** т. LII, 549.
- Половневскій, учитель тамбовскаго губернскаго училища,** т. LIII, 157—159.
- Полонскій, Я. П.,** поэтъ, т. LI, стр. 35, 359—366; т. LIII, 771; т. LIV, 775, 953.
- Полтавцевъ, Корн. Ник.,** московскій трагикъ, т. LIV, 437, 441, 888.
- Полтининъ, генераль,** т. LI, 398.
- Полторановъ, генераль-аудиторъ въ Москвѣ, университетѣ,** т. LIV, 679.
- Полтораціе:**
— Софья Борисовна, т. LI, 46—49.
— В. А., генераль-маіоръ. *Воспоминанія его,* т. LI, 39—86, 366—410; т. LII, 72—89, 355—372, 667—689; т. LIII, 31—55, 301—322, 583—602; т. LIV, 29—45.
— Алексій Марковичъ, предводитель дворянства Тверской губ., т. LI, 39.
— Анаг. Влад., сынъ автора воспоминаній, т. LI, 40.
— Александръ Ѳеодоровичъ, т. LI, 401—403.
— Константинъ Марковичъ, дядя автора воспоминаній, т. LI, 46, 85.
— Павелъ Александровъ, племянникъ автора „Воспоминаній“, т. LI, 398; т. LII, 673, 674, 677.
- Поль, А. Н.,** составитель богатой археологической коллекціи, т. LIV, 930.
- Помяловскіе:**
— Николай Герасимовъ, писатель, т. LIV, 778—779.
— Ив. Вас., профессоръ Сиб. университета, т. LIII, 840.
- Пониау, наставникъ принца Людовика Гессенъ-Гомбургскаго,** т. LII, 171.
- Пономаревъ, Александръ Ефимовичъ,** т. LII, 66.
- Понсеръ, т. LI, 55.**
- Полна, Ив. Демид.,** историкъ. *Некрологъ его,* т. LIV, 621—622.
- Поплавскій, Василій Осиповъ,** студентъ Московскаго университета. *Некрологъ его,* т. LII, 300.
- Поповы:**
— А. В., приказчикъ Вас. Кольцова, т. LI, 191.
— Александръ Гавр., канцеляристъ, т. LIII, 702.

- Гавр. Степ., статья-секретарь, т. LIV, 552.
- Порожня, Григ. Ив., священникъ, т. LII, 778.
- Постниковъ, сенаторъ, т. LII, 726, 728.
- Потанина, Александра Виктор., путешественница. *Некрологъ ея*, т. LIV, 960.
- Потаповъ, Архизъ, солдатъ, т. LIII, 704.
- Потемкина, Татьяна Вас. См. Жукова, Татьяна Вас.
- Потемкинъ, Ювъ, племянникъ князя Г. А. Потемкина, т. LII, 776.
- Потемкинъ-Таврическій, Григ. Александр., свѣтлѣйшій князь, генераль-фельдмаршалъ, новороссійскій генераль-губернаторъ, т. LIII, 820.
- Потоцкая, Марія, жена графа Михаила Потоцкаго. *Замѣтка о ея могилѣ въ Саратовѣ*, т. LII, 303—304.
- Потоцкій, Михаилъ, графъ, сосланный въ Саратовъ, т. LII, 303.
- Поццо ди-Борго, русскій посланникъ въ Парижъ, т. LIII, 658.
- Предтеченскій, Андрей Ив., профессоръ Спб. духовной академіи. *Некрологъ его*, т. LIII, 268—269.
- Премысль Оттонаръ, чешскій король, т. LI, 311.
- Пржецлавскій, членъ главнаго управленія по дѣламъ печати, т. LIV, 813.
- Призовьевъ, И. *Библиографическая замѣтка о соч. его: Халдей. Повѣсть изъ новгородскаго быта XV в.*, т. LI, 296.
- Прилежаевъ, Е. М. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Завѣщаніе отеческое. Сочиненіе И. Т. Посошкова. Новое изданіе, дополненное вновь открытою второю половною «Завѣщанія»*, т. LIV, 584—585.
- Прворова (Кейтъ), Христиана Вас., начальница Василеостровскаго дѣтскаго пріюта, т. LIII, 363.
- Прозоровскій, А. А. *Статья его: Игуменъ Спасскаго монастыря Авраамій*, т. LIII, 716—730.
- Прокешъ, австрійскій посланникъ, т. LIII, 631.
- Прокоповичъ-Антонскій, А. А., ректоръ Московскаго университета, т. LI, 242.
- Протасова, Анна Степ., графиня, камеръ-фрейлина Екатерина II, т. LII, 53.
- Протопоповъ, Ст. Тим., протоіерей, т. LII, 117—119.
- Прудко, Иванъ, запорожскій казакъ, т. LII, 781.
- Пуаро, Огюстъ, балетмейстеръ, т. LII, 66.
- Пуль, мистрисъ, англійская писательница, т. LII, 863.
- Путатины:
— Е., графъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Перекичка альманахамъ. Матеріалы для библиографіи русскихъ литературныхъ альманаховъ и сборниковъ конца XVIII и первой половины XIX столѣтія*, т. LIII, 237.
— П. А., князь, т. LIII, 838.
- Пушнарева, Н. Л., редакторъ журнала «Свѣтъ и тѣни», т. LI, 121.
- Пушкины:
— Александръ Серг., поэтъ, т. LI, 692; т. LIII, 123, 543; т. LIV, 514, 524, 526—528, 835, 946.
— Николай, графъ, т. LI, 40, 41.
— Ив. Ал., членъ тульскаго комитета, т. LIV, 668.
- фонъ-Пфейль, Рихардъ, графъ, прусскій офицеръ, т. LIV, 609.
- Пыпинъ, А. Н. писатель, т. LIII, 832; т. LIV, 823, 827.
- Пьянчани, графъ, предсѣдатель Societa primaria Romana per gli interessi cattolici, т. LI, 226.

Р.

- Рабо, Шарль, французскій писатель, т. LI, 290.
- Рагланъ, лордъ, т. LI, 599.
- Радецкий, генералъ, герой послѣдней турецкой войны, т. LIII, 252.
- Радини-Тедески, Джакомо, руководитель центральной исполнительной коммиссіи по устройству празднованія юбилея папы Льва XIII, т. LI, 226.
- Радзивилль, Софья, т. LI, 373.
- Раевскіе:
— Ив. Ар., предводитель дворянства Тульской губерніи, т. LIV, 663, 664.
— Мих. Ник., генералъ, авторъ книгъ по садоводству. *Некрологъ его*, т. LIV, 959.
- Разумовскій, Алексій Кирилл., гетманъ малороссійскій, т. LI, 458; т. LII, 748.
- Рамазановъ, скульпторъ, т. LI, 701.
- Рамбо, Альфредъ, французскій публицистъ, т. LI, 290; т. LIII, 247; т. LIV, 603, 944, 947.
- Рамполи, кардиналъ, т. LI, 639.
- Рамсай, Джонъ, англійскій историкъ, т. LI, 638.
- Рапацкій, литераторъ, т. LIV, 159.
- Рашель, артистка, т. LI, 702, 927.
- Реадъ, генералъ, т. LIII, 593.
- Реброва, Пина Александровна, дѣвица, нравившаяся М. Ю. Лермонтову, т. LIV, 834, 839, 840—843.
- Регель, В. Е., приватъ-доцентъ Спб. университета, т. LII, 557.
- Рейнахъ, т. LIII, 834.

- Рейола, Генрихъ, членъ «Англо-русскаго литературнаго общества», т. LII, 549.
- Рейсъ, англійскій историкъ, т. LI, 638.
- Ренне, баронъ, т. LIII, 315, 317.
- Ренодо, Теофрастъ, первый французскій журналистъ, т. LIII, 252; т. LIV, 257.
- Рехбергъ, графъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Австрiи, т. LI, 604, 605.
- Ржевусскій, графъ, т. LII, 676.
- Риббингъ, Адольфъ-Людвигъ, графъ, т. LI, 561—581.
- Рибопьеръ, графъ, русскій посланникъ въ Константинополь, т. LIII, 352.
- Рига, грекъ, одинъ изъ клефтовъ, поднявшій возстаніе за независимость, т. LIII, 326.
- Ридеръ, докторъ, т. LIV, 90—91.
- Рикманъ, баронъ, русскій резидентъ въ Греціи, т. LIII, 633.
- Ринордъ, контръ-адмиралъ, начальникъ русской эскадры, т. LIII, 633, 634, 650.
- де-Риньи, французскій адмиралъ, т. LIII, 352, 629; т. LIV, 946.
- Рингуберъ, Лаврентій, нѣмецкій авантюристъ XVII в., т. LII, 861.
- Ритчи, дочь Текерея, т. LI, 638.
- Рихтеръ:
— профессоръ Московскаго университета, т. LI, 242.
— Фридрихъ, учитель музыки, т. LIII, 378.
- Ричардсонъ, докторъ, т. LI, 633.
- Ришаръ, кардиналъ, парижскій архіепископъ, т. LIV, 933.
- Робеспьеръ, членъ французскаго конвента, т. LIV, 289.
- Робинзонъ, братья-гимнасты, т. LI, 178—182, 184.
- Рогова, *Библиографическая замѣтка о книгѣ ея*: Слѣпой Домрачей. Историческіе рассказы для юношества изъ русской, турецкой и молдаванской жизни, т. LII, 348.
- Роговскій, Палладій, кievскій ученый XVII в., т. LIII, 144.
- Родзевичъ, А. И., авторъ воспоминаній о Т. Г. Шевченкѣ, т. LII, 338, 340.
- Родзянко, Аделаида Алексѣевна, начальница Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, писательница. *Некрологъ ея*, т. LII, 301.
- Родсъ, Сесиль, англійскій историкъ, т. LI, 638, 639.
- Ромерсонъ, лейбъ-медикъ при дворѣ императрицы Екатерины II, т. EII, 61.
- Розенталя, Марія Христ., гувернантка, т. LIII, 363.
- Розень, баронъ, т. LII, 678; т. LIII, 54.
- Роланъ, героиня французской революціи. *Замѣтка о ней*: Столѣтняя годовщина французской революціи и г-жа Роланъ, т. LIV, 933—937.
- Романовы:**
— Никита Ром., бояринъ, т. LIV, 463.
— Э. Р., этнографъ, т. LIV, 617.
- Росиньоль, французскій генералъ, т. LIII, 527.
- Россель, Вилліамъ, военный корреспондентъ газеты "Times", т. LII, 272.
- Россеръ, Чарльсъ, англійскій юристъ, т. LIV, 914.
- Россоловскій, В. *Библиографическая замѣтка его*: La Russie geologique, ethnologique, historique, administrative, economique, religieuse, litteraire, artistique, scientifique, etc., т. LI, 289—292.
- Ростовцовъ, Я. И., генералъ-адъютантъ, т. LI, 247, 254, 503.
- Ростопчины:**
— Евдокія Петровна, графиня, поэтесса. *Статья о ней*: Графиня Ростопчина въ Москвѣ, т. LI, 691—708; т. LIV, 546.
— Андрей Фед., графъ, т. LI, 691, 695.
- Ротчевъ, писатель, т. LII, 303.
- Роундъ, англійскій историкъ, т. LI, 638.
- Руанъ, баронъ, французскій резидентъ въ Греціи, т. LIII, 642, 643, 646—649, 659.
- Рубинштейнъ, А. Г., извѣстный пианистъ и композиторъ, т. LII, 104.
- Руденко, подпоручикъ, т. LI, 77, 85, 377; т. LII, 686; т. LIII, 585.
- Румянцевъ, Александръ Ив., генералъ-аншефъ, т. LIII, 80.
- Рудъ, запорожскій казакъ, т. LII, 770, 771.
- Рулье, Карлъ Франц., профессоръ зоологіи въ Московскомъ университетѣ, т. LI, 246, 697.
- Румянцевъ, Ник. Петр., графъ, государственный канцлеръ, т. LII, 236, 252, 253.
- Румянцевъ-Задунайскій, Петръ Александровичъ, графъ, т. LI, 467.
- Руниевичъ, Стефанъ. *Статья о книгѣ его*: Исторія Минской архіепископіи, т. LIV, 857—875.
- Русановъ, прапорщикъ, т. LI, 83, 84.
- Рѣдминъ, П. Г., инспекторъ Александринскаго сиротскаго института, т. LI, 245.
- Рѣпина, Н. В., артистка московскаго театра, т. LIV, 884.
- Рѣпининъ, Ник. Вас., князь, фельд-маршалъ, т. LIII, 184.
- Рыбаковъ, Ник. Хрисановичъ, трагикъ, т. LIV, 716.
- Рыжковъ, Н. *Библиографическая замѣтка его*: Исторія среднихъ вѣковъ. (Курсъ систематическій). Примѣнитель-

но къ послѣдней программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, составилъ К. А. Ивановъ. Изданіе 2-е, исправленное, т. LIV, 579—581.

Рылѣвъ, К. Ѳ., поэтъ, т. LII, 551; т. LIV, 206, 208.

Рындина, Наталья Яковл., помѣщица, т. LIII, 97.

Рябошайка, Никифоръ, запорожскій казакъ, т. LII, 777.

С.

Сабинина, Марѳа Степ. *Статья*, посвященная ея памяти, т. LI, 510—517.

Сабининъ, Стефанъ, протоіерей, извѣстный славянофилъ, т. LIII, 383, 386.

Савасъ, грекъ, предводитель въ возстаніи за независимость, т. LIII, 331.

Савицкій, Стефанъ, дяконъ, переводчикъ XVIII в., т. LIV, 615.

Сада, татаринъ, т. LII, 673.

Садовскій, П. М., артистъ московской сцены, т. LI, 697.

Самбула, набѣ, т. LI, 82, 370.

Сантовъ, Вл. Ив., библиографъ, т. LII, 37.

Сапсъ, англійскій археологъ, т. LI, 921.

Санень, графъ, главнокомандующій, т. LII, 712.

Санни, Бартоломео, ватиканскій библиотекаръ, т. LIV, 931.

Саловъ, И. А. *Статья о немъ*, т. LIV, 160—173.

Салтыкова, Дарья, извѣстная изувѣрка, прошлаго вѣка, т. LI, 461, 463.

Салтыковъ (Щедринъ), М. Е., писатель, т. LIII, 798—799.

Сальванди, графъ, т. LII, 500.

Сальери, извѣстный композиторъ, т. LIII, 663.

Сальмъ - Кирбургскій, принцъ, т. LII, 852.

Самарины:

— Ив. Вас., артистъ московскихъ театровъ, т. LIV, 454—456.

— Ю. Ѳ., славянофилъ, т. LIV, 356, 666, 667, 672, 678.

— П. Ѳ., членъ Тульскаго губернскаго комитета, т. LIV, 666, 667, 678.

Самойловы:

— Александръ Ник., графъ, т. LII, 53.

— Вас. Мих., извѣстный пѣвецъ и драматическій артистъ, т. LII, 66.

— Вас. Вас., артистъ слѣб. театра, т. LII, 721.

Сапѣга, Левъ, литовскій вице-канцлеръ, т. LI, 933; т. LIV, 787.

Сацердотовъ, М. И. *Статья его:* Императоръ Александръ I въ Пензѣ, т. LIII, 731—749.

Сверчковъ, Владиміръ Тимоѳ., докторъ медицины. *Некрологъ его*, т. LIV, 622.

Свинборнъ, англійскій драматическій писатель, т. LI, 639.

Свининъ, Павелъ Петровичъ, писатель, издатель журнала „Отечественныя Записки“ т. LI, 195.

Свистунова, т. LI, 43.

Свѣчинъ, Дм. Ив., капитанъ генеральнаго штаба, т. LI, 391.

Святловскій, В. *Замѣтка его:* Эпизодъ изъ жизни И. И. Введенскаго, т. LII, 293—294.

Святополкъ, чехъ, журналистъ, т. LIII, 834.

Седжвинъ, профессоръ, англійскій писатель, т. LI, 639.

Сейнсъ, Артуръ, членъ „Англо-русскаго литературнаго общества“, писатель, т. LII, 549, 551.

Селенцій, Михаилъ, повѣренный, т. LII, 744.

Селивановъ, самозванецъ (Петръ III), скопецъ, т. LI, 825.

Селимъ-паша, т. LIII, 306.

Селинъ, А. И., профессоръ русской словесности въ Кіевскомъ университетѣ, т. LII, 113—114.

Семевскій, Вас. Ив. *О его статьѣ:* Изъ исторіи крестьянскаго вопроса, т. LIII, 796, 798.

Семеновы:

— А. Ѳ. *Замѣтка о его рефератѣ*, т. LII, 560.

— Николай Петр., сенаторъ. *Статья о немъ:* Лѣтописецъ крестьянскаго освобожденія, т. LI, 502—509; т. LI, 645.

— Хрисановъ Ив., штабсъ-капитанъ инвалидной команды, т. LIII, 707.

Семитновскій, Р. И. *Статья его:* Къ исторіи либерализма, т. LI, 481—501.

Библиографическая замѣтка его: Сборникъ правовѣднѣя и общественныхъ знаній. Труды юридическаго общества при Московскомъ университетѣ. Томъ I. Т. LIII, 794—799.

Сенневичъ, польскій писатель, т. LIII, 833.

Сенновскій, редакторъ журнала „Библиотека для Чтенія“, т. LIV, 520, 523.

Серапионъ, епископъ антиохійскій, т. LI, 302.

Сербиновичъ, Кодрст. Степ., цензоръ, т. LIV, 516.

Сергіевскій, протоіерей, профессоръ богословія въ Московскомъ университетѣ, LIV, 689.

Сергѣевичъ, В. И., профессоръ слѣб. университета, т. LI, 931. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его:* Рус-

- скія юридическія древности, т. LIII, 227—228.
- Сердни**, итальянскій ученый, т. LIV, 591.
- Середонинъ**, С. М., магистръ русской исторіи, т. LIII, 266.
- Сига**, А. А., православный японецъ, т. LI, 266, 546.
- Сигизмундъ III**, король польскій, т. LIV, 786.
- Сидонскій**, священникъ, философъ, т. LIV, 522.
- Сивевичъ**, В. М., писатель. *Очеркъ его: Былыя встрѣчи*, т. LI, 758—777; т. LII, 90—115, 373—388.
- Сикстъ V**, римскій папа, т. LIV, 932.
- Симашко**, Юліанъ Ив., ученый и педагогъ. *Некрологъ его*, т. LII, 878—879.
- Симонъ**, Жюль, французскій писатель, т. LII, 280.
- Синанъ-паша**, великій визирь, т. LII, 795.
- Синельниковъ**, Николай Петровичъ, сенаторъ, генераль-отъ-инфантеріи. *Воспоминанія о немъ*, т. LI, 231—237; т. LIV, 876—880.
- Сиповскій**, Вас. Дм., редакторъ журнала „Образованіе“. *Замѣтка о его двадцатипятилѣтнемъ юбилеѣ*, т. LIV, 309.
- Сипягины:**
— Март. Ник., помѣщикъ, т. LIII, 89.
— Н. М., генераль-адъютантъ, т. LII, 717.
- Славушъ-паша**, турецкій визирь, т. LII, 795.
- Славронскіе:**
— Екатер. Вас., графиня, урожд. Энгельгардтъ, т. LII, 53.
— Павелъ Мартиновичъ, графъ, т. LII, 53.
- Снайлеръ**, Евг. Егор., сѣверо-американскій консулъ въ Москвѣ. *Замѣтка о немъ*, т. LI, 196; т. LII, 563—566.
- Снальновскій**, Конст. Ап., директоръ горнаго департамента. *Замѣтка о его юбилеѣ*, т. LIII, 552.
- Сворцовъ**, профессоръ, т. LI, 633.
- Скобелевъ**, Мих. Дм., герой послѣдней турецкой войны, т. LIV, 687.
- Скорняковъ-Писаревъ**, смотритель надъ работами при прорытіи Ладожскаго канала, т. LI, 818.
- Скроботова**, Евгенія Васильевна, писательница, т. LIII, 842.
- Скуфа**, Николай, учредитель греческой гетеріи въ Одессѣ, т. LIII, 328.
- Слезинскій**, А. Г. *Статья его: Бунтъ военныхъ поселенъ въ холеру 1831 года*, т. LIII, 390—402.
- Слетовъ**, П. С., подрядчикъ. *Воспоминаніе его о Н. П. Синельниковѣ*, т. LI, 231—237.
- Слюзбергъ**, т. LI, 829.
- Слѣпцовъ**, Н. П., командиръ полка, т. LI, 81; т. LII, 76—77, 80—83.
- Смирновы:**
— А. Н., русская писательница, т. LIII, 255.
— А. П. *Разсказъ его: Пугачевецъ*, т. LIII, 603—625.
— Вас. Андр., извѣстный театр. антрепренеръ, т. LIV, 134.
— С. А., профессоръ Московскаго университета, т. LI, 242.
— Яковъ Ив. *Замѣтка о его рефератѣ*, т. LIV, 621.
- Смолювъ**, Оед. Конст., театральнй антрепренеръ, т. LIV, 437, 712, 716.
- Снегиревъ**, И. М., профессоръ Московскаго университета, т. LI, 242.
- Снѣжневскій**, В. И. *Статья его: Крѣпостные промышленники и головные тати*, т. LIII, 701—715.
- Соболева**, Прасковья Сем., бабушка клоуна Дурова, т. LI, 162.
- Соболевскіе:**
— А. И., профессоръ Спб. университета, т. LII, 558.
— С. А., писатель, т. LI, 702.
- Соборновъ**, А. *Замѣтка его: Волющее убожество*, т. LIII, 844—848.
- Собѣская**, Марія-Клементина, внучка польскаго короля Яна Собѣскаго. *Замѣтка о ея бракѣ*, т. LIII, 821—823.
- Созоновичъ**, И. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской*, т. LIII, 799—803.
- Сокоревичъ**, священникъ-благочинный Волынской губ., т. LIV, 871.
- Соколовы:**
— Александръ Мих., докторъ, т. LI, 393.
— В. Т., композиторъ, т. LIV, 780.
— Мих. Петр., актеръ, т. LIV, 707.
— Оед. Оед., профессоръ Спб. университета, т. LII, 558.
- Сокоревъ**, полковникъ, т. LIV, 371, 373.
- Солнцева**, т. LI, 46.
- Сологубъ**, Владиміръ, графъ. Собиралъ матеріалы для исторіи Кавказск. войны, т. LI, 46, 53, 54, 692; т. LIII, 320, 584; т. LIV, 839.
- Сопѣликинъ**, Влад. Андр., московскій купецъ, т. LIII, 419.
- Сорокины:**
— М., фельетонистъ „Русскаго Инвалида“, т. LIV, 539.
— Н. В. *Разсказъ его: На новыяхъ мѣстахъ*, т. LIV, 96—120, 406—434.
- Сосницкій**, И. И., актеръ, т. LIII, 688; т. LIV, 81.

- Софокль**, греческій драматургъ. *Замѣтка*: Смертныя останки Софокла, т. LIV, 294.
- Спенсеръ**, Гербертъ, англійскій социологъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ*: Философія Герберта Спенсера въ сокращенномъ изложеніи Говарда Коллинса. Переводъ съ англійскаго П. В. Мокіевскаго. Т. LIV, 532—533; т. LIV, 950.
- Спиридовъ**, Григ. Григ., адмиралъ, т. LIII, 184.
- Спицынъ**, А. А., т. LIII, 839.
- Сребрянскій**, поэтъ, другъ Кольцова, т. LI, 196.
- Срезневскій**, П. И., академикъ, т. LIV, 802.
- Стангопъ**, лордъ, англійскій филантропъ, т. LI, 591.
- Станкевичъ**, Николай Владиміровичъ, писатель, т. LI, 193—195.
- Стасозъ**, Владим. Вас., тайный совѣтъ, бібліотекаръ Имп. Публичной Библиотеки, т. LI, 316.
- Стевенсонъ**, англійскій историкъ, т. LI, 638, 639.
- Степовичъ**, А. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ, т. LIII, 513—515.
- Стефанія**, великая герцогиня Баденская, т. LI, 591.
- Стодартъ**, англійскій полковникъ, ѣздившій въ Бухару, LI, 627.
- Стоинскій**, Ф. Сем., вологодскій губернаторъ, т. LIII, 447.
- Столыпинъ**, Д. А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: О существованіи научныхъ естественныхъ законовъ для общественныхъ явленій. Къ рѣшенію вопроса объ общинѣ, т. LIV, 585—587.
- Сторожено**, В. Н. О его рефератѣ, т. LIV, 303.
- Стояновскій**, Н. И., членъ государственнаго совѣта, т. LIV, 955.
- Странфордъ**, лордъ, англійскій посланникъ, т. LIII, 334.
- Страннолюбскій**, Александръ Ив. *Замѣтка о его 25-ти-лѣтней литературно-педагогической дѣятельности*, т. LIV, 309.
- Стратфордъ де-Редиллифъ**, лордъ, англійскій посолъ въ Константинополь, т. LI, 590.
- Страховъ**, Н. Н., писатель. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Воспоминанія и отрывки, т. LI, 270—271.
- Стрелаловъ**, Степ. Фед., сенаторъ, статсъ-секретарь Екатерины II, т. LI, 53.
- Строгановы**:
— Александра Борис., см. Голицына, А. Б.
— Юлія Петровна, графиня, т. LIII, 365—369.
- Александръ Ник., баронъ, т. LII, 433.
- Александръ Серг., графъ, президентъ академіи художествъ, т. LII, 53.
- Серг. Григ., графъ, членъ редакціонныхъ комиссій по освобожденію крестьянъ, т. LIV, 669, 671.
- баронъ, русскій посланникъ въ Константинополь, т. LIII, 334.
- Студитскій**, Федоръ Дм., извѣстный педагогъ. *Некрологъ его*, т. LI, 936—937.
- Стэдъ**, Вильямъ, англійскій писатель, т. LIII, 816.
- Суворины**:
— Алексѣй Алексѣевичъ. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Палестина. Рисунки А. Д. Кившенко и В. И. Навозова. Выпуски 1—4. Т. LII, 507—509.
- А. С., издатель газеты „Новое Время“, т. LI, 115, 473; т. LVI, 828.
- Суворова**, Наталья Александр. гр., дочь А. В. Суворова-Рымнинскаго, т. LII, 55.
- Суворовъ-Рымнинскій**, гр., Александръ Вас., князь Италійскій, генералиссимусъ, т. LII, 54—55.
- Суворовъ**, Александръ Аркадьевичъ, свѣтлѣйшій князь, петербургскій генералъ-губернаторъ, т. LI, 773; т. LII, 377.
- Сугаваръ-Мимизанъ** (Тень-джинъ), знатокъ китайской философіи и литературы, поэтъ, т. LI, 872.
- Сулейманъ-паша**, защитникъ Шипки, т. LIII, 249.
- Сультъ**, маршалъ, т. LII, 505.
- Суперанскій**, Мих. Фед. *Статья его*: Новое направленіе въ исторической наукѣ, т. LII, 177—186. *Библиографическія замѣтки его*: Историческіе очерки и рассказы С. Н. Шубинскаго. Третье изданіе, исправленное и дополненное. Т. LI, 617. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Время императрицы Маріи Феодоровны. Е. Лихачевой. Т. LII, 523—526. Философія Герберта Спенсера въ сокращенномъ изложеніи Говарда Коллинса. Переводъ съ англійскаго П. В. Мокіевскаго. Т. LII, 532—533. Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ въ связи законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи. Е. Альбицкаго и А. Ширгена. Т. LII, 837—839. Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія, томъ I-й. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ до учрежденія Виленскаго учебнаго округа, 1783—1803. Изданіе министерства народнаго просвѣщенія. Т. LIV, 572—574. Эдуардъ Фриманъ. Методы

изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 года, съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Шесть лекцій 1885 года, съ приложеніемъ статьи о греческихъ городахъ подъ римскимъ управленіемъ. Переводъ П. Николаева. Т. LIV, 927—929.

Сусанинъ, Иванъ, крестьянинъ, спасшій жизнь царя Михаила Фёдоровича, т. LII, 556.

Сусловы:

— Александръ Алекс., подполковникъ, т. LI, 728, 729—735.

— В. В., т. LIII, 839.

Сухоцкій, капитанъ, т. LI, 73.

Суховъ, салонникъ, сотрудникъ журнала „Развлеченіе“, т. LII, 128.

Сушиновъ, Сергій Петровичъ, главный редакторъ „Правительств. Вѣстника“. *Некрологъ его*, т. LII, 300.

Стѣрцовъ, ученый натуралистъ, т. LI, 702.

Стровъ, Александръ Ник., композиторъ, т. LII, 95—103.

Строцинскій, униатскій епископъ, т. LIV, 867.

Сюлли, французскій министръ, т. LIV, 947.

Т.

Таганцевъ, Н. С., профессоръ, т. LI, 830.

Талейранъ, Шарль-Морисъ, гр. Перигоръ, кн. Дино, отенскій епископъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, въ послѣдствіи посланникъ въ Лондонъ, т. LII, 236, 237.

Талызинъ, Александръ Фёд., дѣйствительный камергеръ, т. LIII, 165.

Тальма, извѣстный французскій актеръ, т. LIII, 534.

Тамберликъ, артистъ, т. LII, 109—110.

Танновъ, А. А. *Разсказъ его*: Изъ нравовъ недавняго времени, т. LIV, 566—571.

Танти, клоунъ, т. LI, 166.

Тарананова, княжна (монахиня Досіея), т. LI, 461.

Тарбелль, Ида, американская писательница, т. LIV, 933.

Тарловскій, Кирилль Никол. „дикий попъ“, т. LII, 776.

Татаринновъ, Ив. Мих., директоръ рязанской гимназіи, т. LI, 240.

Татищевъ, Леонидъ, т. LI, 43.

Тванева, см. Платонова.

Тваневъ, гвардейскій офицеръ, т. LII, 112.

Тейналь, миссъ, англійская поэтесса, т. LI, 638.

Тениссонъ, Альфредъ, поэтъ, т. LI (приложеніе), стр. 1—18, 637.

Тедоровичъ, Н. И. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Въ память девятистлѣтняго юбилея Волынской епархіи (992—1892). Городъ Владиміръ, Волынской губерніи, въ связи съ исторіей Волынской іерархіи. Историческій очеркъ, т. LIV, 588—589.

Тепловы:

— В. А. *Статьи его*: Турецкое придворное празднество XVI вѣка, т. LII, 791—800. Графъ Іоаннъ Калодистрія, президентъ Греціи, т. LIII, 323—362, 626—661.

— В. П., воспитатель Павла I, т. LIV, 807.

Терещенко, Иванъ, запорожскій казакъ, т. LII, 781.

Тернеръ, лекторъ англійскаго языка въ Спб. университетѣ, т. LII, 860.

Терновскій, Сергій Алексѣевичъ, профессоръ Казанской духовной академіи. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Историческая записка о состояніи Казанской духовной академіи послѣ ея преобразования, 1870—1892, т. LI, 899—902.

Терпигоревъ, Сергій Никол. (Сергій Атава). *Разсказъ его*: Потровоженныя тѣни. Дворянинъ Евстигней Чарыковъ, т. LI, 86—108; т. LII, 284.

Теть-бу-де-Марини, французскій генеральный консулъ и писатель, т. LIV, 845, 851.

Тилло, Эдуардъ Ив., инженеръ-генераль. *Некрологъ его*, т. LI, 650—651.

Тимирязевъ, В. А. *Статьи его*: Два поэта, прилож. къ журналу „Историческій Вѣстникъ“, т. LI, 1—18. Воспоминанія англійскаго дипломата XIX в., т. LI, 582—607. Американскіе контрасты, т. LI, 875—895. Секретарь человечества, т. LII, 220—228. Второй бракъ Наполеона, т. LII, 229—262. Депутаты рабочіе въ Англии, т. LIII, 484—509. Парижская печать, т. LIV, 255—269. Международный третейскій судъ, т. LIV, 907—919. Историческія мелочи, т. LII, LIII и LIV.

Тимковскій, Романъ Фёд., профессоръ Московскаго университета, т. LI, 258.

Тимовевъ, Н. П., дѣйств. статск. сов. *Письмо его* въ редакцію, т. LII, 568.

Титовъ, А. А. *Статьи его*: Буйный калмыкъ, т. LIII, 193—201. Богословская деревянная церковь XVII вѣка въ Ярославской губерніи, т. LIII, 758—763. *Библиографическая замѣтка* объ изданіи его: Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ второй, т. LI, 297. Рукописи славянскія

- и русскія, принадлежашія Н. А. Вахрамѣеву. Вып. третій, т. LI, 622—623.
- Титовъ, В. П.**, членъ государственнаго совѣта, т. LIV, 826.
- Тихачекъ, пѣвецъ**, т. LIII, 664.
- Тихменевъ, М. А.**, членъ Тульскаго губернскаго комитета, т. LIV, 668, 678.
- Тихоновъ, капитанъ**, т. LI, 377—379.
- Тихонравовъ, Н. С.**, профессоръ Московскаго университета, т. LI, 255.
- Товаро-Года-Хидезато**, японскій народный мифическій герой, т. LII, 188.
- Токаревъ, т. LI, 56.**
- Тонвиль, А.**, французскій публицистъ, т. LI, 313—314.
- Толинская, т. LIV, 476, 492.**
- Толочановъ, А. А.**, тульскій мировоѣ посредникъ, т. LIV, 678.
- Толстые:**
- Левъ Николаевичъ, графъ, извѣстный писатель, т. LI, 633; т. LII, 285, 551, 565, 673—675; т. LII, 860—861.
- графъ, русскій посланникъ во Францію въ 1808 г., т. LII, 237.
- Алексѣй Конст., графъ, писатель, т. LIV, 823.
- И. И., графъ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Древнѣйшія русскія монеты X—XI вѣка. Съ 2-мя табл., т. LIII, 803—804.
- Д. А., графъ, министр народнаго просвѣщенія, т. LIV, 823.
- Толь, графъ**, главнокомандующій путями сообщенія, т. LIII, 99, 100.
- Томпсонъ, Артуръ**, пасторъ, членъ „Англо-русскаго литературнаго общества“, бывшій капеланъ въ Петербургѣ, т. LII, 549; т. LIV, 610.
- Томсонъ:**
- Грезель, мистрисъ, англійская поэтесса, т. LI, 638.
- Джонъ, канадскій первый министр, т. LIV, 914.
- Торнвемада**, великій пиквизиторъ. *Замѣтка*: Испанская легенда о смерти Торнвемады, т. LIV, 286—288.
- Тотлебенъ, генералъ**, севастопольскій герой, т. LII, 273.
- Трайонъ, англійскій адмиралъ**, т. LIII, 542.
- Тредьяковскій, Василій Кирилловичъ**, т. LIV, 947.
- Третьякъ, запорожскій казакъ**, т. LII, 770.
- Трипуни, грекъ**, членъ греческаго министерства, т. LIII, 355.
- Трифоновъ, Василій**, старшій городскоѣ священникъ города Чембара, т. LIII, 738.
- Тришатные:**
- Константинъ, т. LI, 399, 724; т. LII, 685.
- Троицкій, Н. П.** О его рефератѣ, т. LIV, 305.
- Тронтонъ, капитанъ**, членъ „Англо-русскаго литературнаго общества“, т. LII, 549.
- Трубачевъ, С. С.** *Статья* его: Лѣтописецъ освобожденія, т. LI, 502—509. *Библиографическія замѣтки* его: Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга седьмая, т. LIII, 237—239. Сочиненія Г. П. Данилевскаго (1847—1890). Изданіе седьмое, посмертное, въ девяти томахъ, съ біографіей и портретомъ автора, т. LIII, 520—521.
- Трубецкой, Сергѣй**, князь, т. LII, 171, 355.
- Труворовъ, А. Н.**, директоръ археологическаго института, т. LI, 930.
- Трусокъ, графъ**, прусскій комиссаръ, т. LII, 538.
- Трунская, Анна Львовна**, т. LI, 46.
- Трутовскіе:**
- Конст. Александр., академикъ, художникъ - бытописатель Малороссіи. *Статья о немъ*, т. LII, 448—464.
- В. К. *Библиографическая замѣтка о книгѣ*: Труды Московскаго нумизматическаго общества. Подъ редакціей В. К. Трутовскаго и В. А. Уляницкаго. Первый полутомъ, т. LIV, 280—282.
- Труцци, директоръ цирка**, т. LI, 183.
- Тсуда-Санцо**, японскій полицейскій, покушавшійся на жизнь наслѣдвика цесаревича Николая Александровича, т. LII, 188.
- Тума, французскій генералъ**, авторъ воспоминаній, т. LIV, 611.
- Тумановъ, Александръ**, князь, т. LI, 56; т. LII, 360.
- Тураевъ, В. А.** *Замѣтка* о его рефератѣ, т. LII, 560.
- Тургеневы:**
- Иванъ Сергѣевичъ, писатель: *Разсказы* о немъ, т. LI, 359—366, 692; т. LII, 551, 564; т. LIV, 160—162. *Замѣтка* по поводу десятилѣтней годовщины со дня его смерти, т. LIV, 308—309; т. LIV, 553, 610, 775, 776.
- Мих., поручикъ драгунскаго полка, т. LIII, 57.
- Турминадзе, имеретинецъ-знахарь**, т. LIII, 586.
- Турцевичъ, Ар.** *Библиографическая замѣтка о книгѣ* его: Хрестоматія по исторіи Западной Россіи, т. LIII, 814.
- Турчаниновъ, артистъ Московскоѣ сцены**, т. LI, 697.
- Тучковъ, московскій генералъ-губернаторъ**, т. LIV, 675.

- Тышневичъ:**
— Агнешка, графиня, т. LII, 734—746.
— Фердинандъ, графъ, т. LII, 735—746.
— Гонорій, т. LII, 737—746.
Тюменевъ, И. Ф. *Разсказы его:* По пути изъ „Варягъ въ Греки“, т. LI, 804—828; т. LII, 133—156.
Тютчевъ, Фед. Ив., поэтъ, председатель комигета иностранной цензуры, т. LIV, 826.
Тэнь, Пиполитъ, французскій ученый, историкъ-философъ. *Статья о немъ:* Секретарь человѣчества, т. LII, 220—228.

У.

- Уваровъ, Ал.,** археологъ, т. LIV, 552.
Уляницкій, В. А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ*, изд. подъ его редакціей. Труды Московскаго нумизматическаго общества. Первый полутомъ, т. LIV, 280—282.
Уманецъ, Е. I. *Переводы ея:* Дочь народа. Историч. новелла Э. Пардо-Базанъ. Съ испанск., т. LI (приложенье), 1—32, 33—64; т. LII, 65—80, 81—108. Дворъ Карла IV, историческій романъ Переса Гальдоса, т. LIII—LIV, стр. 1—206 (приложенье).
— С. И. *Статья его:* Театръ въ Турціи, т. LIII, 764—794. *Библиографическія замѣтки его:* О драмѣ. Критическое разсужденіе Д. В. Аверкіева. Съ приложеньемъ статьи: Три письма о Пушкинѣ, т. LI, 904—905. К. К. Казанскій. Вблизи Памировъ. Путевыя впечатлѣнія, т. LII, 520—521.
Унковскій, Фед. Сем., костромичъ, т. LIV, 89.
Урениусъ, инженеръ-поручикъ, т. LIII, 100.
Успенскій, Глѣбъ Ив., писатель, т. LI, 634—635; т. LII, 284.
Устряловъ, историкъ, т. LIV, 802.
Ушановъ, майоръ, т. LI, 43, 80, 85.
Ушерь:
— Томасъ, англійскій адмиралъ, т. LII, 538.
— французскій капитанъ, т. LIV, 937.

Ф.

- Фанни-Эльснеръ,** танцовщица, т. LI, 703.
Фаресовъ, А. И. *Статья его:* Пятидесятилѣтіе дѣятельности А. Н. Неустроева, т. LIV, 892—899. *Библиографическія замѣтки его:* Триумфы женщины, т. LI, 292—295. Систематическій указатель литературы о евреяхъ, на русскомъ языкѣ, т. LI, 618. Н. Г. Черны-

шевскій: 1) Очерки Гоголевскаго періода русской литературы; 2) Критическія статьи; 3) Эстетика и поэзія, т. LII, 514—517. Сборникъ трудовъ врачей С.-Петербургскаго родовспомогательнаго заведенія, издаваемый подъ редакціей помощника директора И. М. Тарновскаго, выпускъ I. Т. LII, 836—837. К. Каблицъ (I. Юзовъ). Основы народничества, часть II. Т. LIV, 278—280.

Фельспъ, американскій посланникъ въ Берлинъ, т. LIV, 914.

Фердинандъ:

- I, императоръ австрійскій, т. LII, 505.
— король неаполитанскій, т. LII, 498.
Ферзень, генералъ, т. LIV, 481, 483.
Фетъ, Аванасій Аванасьевичъ, поэтъ. *Некрологъ его,* т. LI, 318, 460.
Фидлеръ, Ф., переводчикъ, т. LIV, 295.
Филаретъ, митрополитъ, т. LI, 251, 310, 458, 464, 468—471, 477, 708; т. LII, 118, 124, 391—392, 709; т. LIV, 522.

Филипповы:

- Александръ, профессоръ, т. LIV, 619.
— И. М., придворный пекарь, т. LI, 789.
Филиппо, тамбовская учительница, т. LIII, 165.
Филиппъ-Эгалите, герцогъ Орлеанскій, т. LII, 494—495.
Филиппъ V, испанскій король, т. LI, 312.

Философовъ, Мих. Мих., русскій министръ при датскомъ дворѣ, т. LII, 63.
Фирсонъ, Эдвардъ, англійская писательница-путешественница, т. LI, 639.
Фицтумъ, баронъ, т. LI, 599.
Фишгофъ, Адольфъ, австрійскій революціонеръ, т. LI, 543.

Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, Александръ Григорьевичъ, профессоръ-зоологъ, т. LI, 242.

Фласна, Смиль, чешскій писатель, т. LI, 311.

Флери, графъ. *О его рефератъ* на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ, т. LIV, 306.

Фойницкій, Гв. Яковл., профессоръ, т. LI, 830. *Замѣтка* о его юбилейѣ, т. LIII, 551—552.

Фольвейеръ, Карлъ, учитель музыки, т. LIII, 369.

Фонвизинъ, Д. И., писатель, т. LII, 762.

Фонтонне, членъ «Англо-русскаго литературнаго общества», т. LII, 549.

Форбесъ, Арчибальдъ, англійскій военный корреспондентъ, т. LI, 638; т. LIII, 249; т. LIV, 291.

Фордъ, Кларенсъ, англійскій писатель, т. LIII, 543.

Форсетъ, англійскій историкъ, т. LI, 638.

Фофановъ, Конст., поэтъ, т. LIII, 256.
Франсъ, Анатоли, французскій критикъ и романистъ, т. LIII, 818.

Францъ-Иосифъ, императоръ австрійскій, т. LI, 605.

Францъ II, императоръ австрійскій, т. LII, 255.

Фратти, депутатъ, защищавшій дѣло итальянскихъ республиканцевъ, т. LI, 533.

Фредеринсъ, баронесса, устроительница общины сестеръ милосердія, т. LI, 512.

Фрейгангъ, цензоръ, т. LIV, 802.

Фрейтагъ, Р. К., начальникъ 20-й дивизіи, т. LI, 59, 63, 69, 368, 373, 376—379, 383, 406—408; т. LIII, 40, 41.

Фридериче, Вениаминъ, итальянскій живописецъ, т. LIV, 305.

Фридрихъ II, король прусскій, т. LI, 636.

Фридрихъ III Яковъ Гессенъ-Гомбургскій, принцъ, т. LII, 169.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV, прусскій король, т. LI, 583, 589, 595, 599.

Фридрихъ, Оранскій принцъ, кандидатъ на греческій престолъ, т. LIII, 360.

Фридрихъ-Оттонъ, Баварскій, король греческій, т. LIII, 652.

Фринассъ, сержантъ, авторъ записокъ, т. LI, 305.

Фриманъ, Эдуардъ. *Библиографическая заметка о книгѣ его*: Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 года, съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора европейской исторіи. Главные періоды европейской исторіи. Шесть лекцій 1885 года съ приложеніемъ статьи о греческихъ городахъ подъ римскимъ управленіемъ. Переводъ П. Николаева, т. LIV, 927—929; т. LI, 638.

Фроловъ, вице-директоръ департамента искусственныхъ дѣлъ, полковникъ, т. LIII, 98, 103, 106, 108.

Фрудъ, англійскій историкъ, т. LI, 638.
Фуа, французскій генералъ, т. LII, 499.

Фуксъ, Яганъ, пасторъ, т. LIII, 155.
Фулонъ, Конст. Пегр., учитель франц. языка, т. LIII, 91.

Футтъе, Франсуа, родоначальникъ фамиліи Я. Анкарстрема, убійца шведскаго короля Густава III, т. LI, 560.

Фушъ, начальникъ французской полиціи, т. LII, 236.

Фьезаль, докторъ, т. LI, 626.

Фэтъ-Али-ахундъ-заде, мирза, турецкій писатель, т. LIII, 771.

Х.

Хаджи-Муратъ, начальникъ горцевъ, известный своей храбростію, т. LII, 73, 85; т. LIII, 36—38.

Хастатовъ, Акимъ Акимычъ, кавказскій помещикъ, т. LI, 397, 731—733.

Хашинура-Ронуюмонъ, японскій посланникъ XVII в., т. LII, 821.

Хвостовъ, графъ, пѣта, т. LII, 44.

Хидари Джингоро, японскій художникъ, рѣзчикъ на деревѣ, т. LI, 540—543.

Хидеёши Тайкосама, правитель Японіи, жившій въ XVI в., т. LI, 861, 867.

Хиньянъ, запорожскій казакъ, т. LII, 771.

Хлудовы:

— Герасимъ Ив., московскій купецъ, т. LII, 395.

— Мих. Алексѣевичъ, ординарецъ генерала Черняева, т. LII, 395—396.

Ходани, ксендзъ, профессоръ пастырскаго богословія въ Виленской семинаріи, т. LIV, 863.

Хомутовы:

— Мих. Григ., генералъ-адъютантъ, т. LI, 745.

— Николай, т. LII, 72.

Хомяковъ, писатель, славянофилъ, т. LIV, 779.

Хордина, Дарья, бѣглая каторжница, т. LIII, 462.

Хохоловъ, Александръ Ив., князь, т. LII, 762.

Храповъ, подполковникъ, капитанъ кавалергардовъ, т. LII, 56.

Хрисановъ, послушникъ, учитель монастырской школы, т. LII, 160.

Христианъ IV, король датскій, т. LIV, 792.

Христофоръ (Эммаусскій), архіепископъ вологодскій, т. LII, 448.

Хрушновъ, капитанъ, т. LIII, 458.

Хруцова, Вѣра Гавр., т. LIV, 351.

Хруцовъ-Сокольниковъ, Гаврилъ Александровичъ, писатель, издавалъ журналъ „Московское Обозрѣніе“, т. LI, 120.

Худобашевъ, Александръ Макаровичъ, статскій совѣтникъ, членъ армянскаго «Общества любителей старины», т. LII, 441.

Ц.

Цаналовъ, Аѳанасій, грекъ, основатель гетеріи въ Одессѣ, т. LIII, 328.

Цѣтрчаневичъ, А. М., баронъ, редакторъ газеты „Dziennik Warszawski“, т. LIV, 150.

Цѣтѣевъ, Дм., профессоръ Варшавскаго университета. *Библиографическая заметка его*: В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, т. I, к. 1—2; т. LI, 608—611.

Цебриковъ, Ник. Романовичъ, т. LIV, 352, 366.

Цертелевъ, Д. Н., князь, поэтъ, т. LIV, 952.

Циммерманъ:

— Р., сотрудникъ англійскаго журнала «Атенеумъ», т. LIV, 294.

— офицеръ генеральнаго штаба, т. LIII, 40.

Цокни (padre Zocchi), главный ораторъ іезуитскаго ордена, т. LI, 224, 225.

Цыновичъ, капитанъ, нѣмецкій шпионъ, т. LIII, 827.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ, писатель, т. LIV, 353.

Чавчавадзе, князь, т. LI, 56; т. LII, 684.

Чайковский, Петръ Ильичъ, композиторъ, т. LIV, 948.

Чайльдъ, Т., американскій публицистъ, т. LIV, 256.

Чаплицъ, генералъ, т. LI, 392.

Часни, кардиналъ, папскій нунцій въ Парижѣ, т. LII, 857.

Чацкій, Фаддей, основатель кременецкаго лицея и другихъ учебныхъ заведеній, т. LIV, 863.

Чевининъ, министръ путей сообщенія, т. LIV, 806, 813.

Чевскій, В. Р. *Статья* его: Императоръ Александръ II въ Вологдѣ въ 1858 году, т. LIII, 446—454.

Чекуановъ, поручикъ, т. LI, 377.

Челини, Джентиле, художникъ, т. LI, 910.

Челищевъ, директоръ московской акцизной каморы, т. LIII, 149.

Челяевъ, т. LI, 56.

Ченерестъ, Степанъ, запорожскій казакъ, т. LII, 777.

Ченнель, миссъ, воспитательница принцессы Зейнебы, дочери египетскаго хедива, т. LII, 863.

Черевнова, А. А., женщина - врачъ. *Статья* ея: Изъ воспоминаній о Японіи, т. LI, 262—280, 540—558, 850—874; т. LII, 187—206, 473—489, 801—825; т. LIII, 202—222, 468—483.

Чернасовъ, Ив. Ив., баронъ, генералъ-крюгсъ-коммиссаръ, т. LII, 433.

Чернассій, Владиміръ Александровичъ, князь, т. LIV, 665, 669, 674, 678, 681—687.

Чернинова, Прасковья Петровна, актриса, т. LII, 66.

Чернышевскій, Николай Гавриловичъ, критикъ-публицистъ, т. LI, 759; т. LII, 303; т. LIV, 814. *Библиографическая записка о сочиненіяхъ* его: 1) Очерки голевскаго періода русской литературы.

2) Критическія статьи. 3) Эстетика и поэзія. Т. LII, 514—517.

Чернышевъ, Захаръ Григорьевъ, графъ, т. LII, 433.

Черняевъ, Валеріанъ Вас., извѣстный своей сельско-хозяйственной дѣятельностью. *Некрологъ* его, т. LI, 649.

Чертковы:

— Евграфъ Александровъ, дѣйствительный камергеръ, т. LII, 56.

— Федоръ Дмитріевичъ, помѣщикъ Воронежской губ., т. LI, 191, 193—195.

— секундъ-майоръ, ростовскій городничій, т. LIII, 195.

Чечулинъ, Н. Д., магистръ русской исторіи. *Библиографическая записка о книгѣ* его: Русскія деревянныя жилища постройки въ XVI вѣкѣ, т. LIV, 284.

Чичачевъ, Н. Н., т. LII, 676.

Чичаговъ, Павелъ Васил., адмиралъ, т. LIII, 345.

Чичеринъ, Денисъ Ив., сибирскій губернаторъ. *Статья* о немъ: Сибирскій губернаторъ Д. И. Чичеринъ, т. LII, 783—790.

Чудиновъ, А. Н. *Библиографическія записки о изданіи* его: Былины. Русская классная бібліотека. Выпускъ XIII. Т. LIII, 525—526. Лѣтопись Нестора со включеніемъ поученія Владиміра Мономаха. (Русская классная библ., вып. XVI). Т. LIV, 929—930.

Чулковъ, Михаилъ Дмитріевичъ, писатель Екатерининскаго времени. *Записка*: Столѣтняя годовщина смерти Чулкова, т. LIV, 958—959.

Чуманъ, Иванъ, запорожскій казакъ, т. LII, 781.

Чупятовъ, Вас. Анис., извѣстный чудакъ XVIII в., т. LII, 48.

Ш.

Шадъ, піанистъ, т. LIII, 380.

Шамиль, т. LI, 50, 79, 83, 740; т. LII, 73, 361; т. LIII, 33.

Шампюнь, Эдмъ, французскій историкъ, т. LI, 923.

Шанъ-Гирей, Э. А., знакомая М. Ю. Лермонтова, т. LIV, 841.

Шапошниковъ, кулець, арестованный по дѣлу Петрашевскаго, т. LIV, 660—661.

Шаплъ д'Отрошъ, французскій писатель, т. LIV, 947.

Шапталъ, авторъ мемуаровъ, т. LIII, 545.

Шарль, Ипполитъ, французскій офицеръ, любовникъ Жозефины Богарнэ, т. LII, 232.

Шарпентье, Антуанетта, жена Дантона, т. LIII, 247.

- Шафрасовъ**, армянинъ, продавшій Екатеринъ II самый крупный бриллиантъ, т. LII, 429.
- Шаховская**, Н. Б., княгиня, известная филантропка, т. LIII, 414.
- Шварценбергъ**, князь, австрийскій по- соль въ Парижъ, т. LII, 254.
- Швахгеймъ**, офицеръ, т. LI, 79, 377; т. LII, 685; т. LIII, 53.
- Шевляковъ**, М. В. *Предисловіе* его къ воспоминаніямъ А. А. Нильскаго, т. LIV, 121.
- Шевченко**, Тарасъ Григ., украинскій поэтъ. *Статья о немъ*: Т. Г. Шевченко въ Нижнемъ Новгородѣ, т. LII, 337—344, 881—882; т. LIII, 559—560; т. LIV, 547.
- Шевыревъ**, С. П., профессоръ исторіи литературы въ Моск. университетѣ, т. LI, 243, 253, 700.
- Шейлеръ**, Е., см. Скайлеръ, Е. Е.
- Шекспиръ**, известнѣйшій англійскій писатель, т. LII, 212.
- Шелгуновъ**, М. *Библиографическая замѣтка о переводѣ его*: Исторія эллинизма, соч. І. Г. Дройзена. Переводъ съ французскаго дополненаго авторомъ изданія подъ редакціей А. Буше-Леклерка. Т. второй. Т. LII, 847—848.
- Шенрокъ**, В. И., *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Матеріалы для біографіи Гоголя. Томъ второй. Т. LII, 521—523.
- Шереметевы**:
— графъ, известнѣйшій своей капеллой, т. LIII, 376.
— Ник. Петр., оберъ-камергеръ, т. LIV, 199, 208.
- Шидловскіе**:
— начальникъ по дѣламъ печати, т. LIV, 826.
— поручикъ, т. LI, 72, 78.
- Шилингъ**, генераль, т. LI, 394.
- Шиловъ**, А. И., раскольникъ-скопеецъ, т. LI, 824.
- Шимановскій**, польскій повстанецъ, т. LI, 237.
- Шимно**, И. И., т. LIV, 619.
- Шиповъ**, Алексѣй Павл., костромичъ, т. LIV, 89.
- Шипулинскій**, писатель, т. LIV, 519.
- Ширгенъ**, А. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи, т. LII, 837—839.
- Ширинскій-Шихматовъ**, кн. министръ народнаго просвѣщенія, т. LIV, 551, 555.
- Ширяевъ**, Н. Л. *Статьи его*: Памяти К. О. Калайдовича, т. LI, 257—261.
- Историческіе памятники въ г. Царскомъ Селѣ, т. LIII, 183—192.
- Шиховскій**, профессоръ, т. LIV, 549.
- Шишовскій**, Иванъ Осип., частный при- ставъ, т. LIII, 138—141, 425.
- Шиховъ**, министръ народнаго просвѣ- щенія, т. LIV, 79.
- Шляпкинъ**, И. А., приватъ-доцентъ Спб. университета. *Замѣтка* о найденныхъ имъ псакахъ Петровскаго времени, т. LI, 317, 933; т. LIII, 553.
- Шмановъ**, А. П., гофшурьеръ, т. LII, 61.
- Шмидтъ**, Ник., ученикъ 3-й Спб. гим- назіи, т. LIII, 366, 370.
- Шнитцлеръ**, французскій писатель, т. LIV, 947.
- Шодо Шонинъ**, японскій святой, т. LIII, 202.
- Шрандманъ**, Гедвига, т. LI, 43.
- Штанельбергъ**, графъ, русскій посоль при вѣнскомъ дворѣ, т. LIII, 345.
- Штальцманъ**, Яковъ, придворный ско- роходъ, т. LIII, 156.
- Штейнъ**, Шарлога, подруга Гете, т. LI, 928.
- Штилингъ**, Юнгъ, авторъ соч.: При- ключенія послѣ смерти, т. LI, 240.
- Штокманъ**, генераль-майоръ, т. LII, 776.
- Шубинскій**, Сергѣй Николаевичъ, ре- дакторъ „Историческаго Вѣстника“. *За- мѣтка его*: Біографія В. А. Полторацкаго (предисловіе къ воспоминаніямъ), т. LI, 39. *Библиографическія замѣтки его*: Историческіе рассказы и повѣсти П. Н. Полевого. Съ 65 оригинальными рисунк. К. В. Лебедева, т. LI, 287—288. Палестина, А. А. Суворина. Рисунки А. Д. Кившенко и В. И. Навозова. Выпуски 1—4. Т. LII, 507—509. Краткая исторія русскаго флота О. Веселаго. Выпускъ I. Т. LII, 833—834. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Историческіе очерки и рассказы. Третье изданіе, дополненное и исправленное. Съ 52 портретами и иллюстраціями, т. LI, 617.
- Шуваловъ**, графъ, русскій комиссаръ, т. LII, 538.
- Шуджи-Шахъ**, управлявшій Авганиста- номъ, т. LI, 627.
- Шуйскіе**:
— Василій Ивановичъ, царь московскій, т. LIV, 782—784.
— Дмитрій, князь, т. LIV, 795, 796.
— подпоручикъ, т. LI, 725.
- Шульга**, запорожскій казакъ, т. LII, 771.
- Шульгинъ**, И. П., педагогъ, т. LI, 248.
- Шульгофъ**, композиторъ, т. LI, 702.
- Шушеринъ**, актеръ, т. LII, 66.

Щ.

Щегловъ, В. Г. *Библиографическая замѣтка* о сочиненіи его: Государственный совѣтъ въ Россіи, въ особенности въ царствованіе Александра I. Томъ I. Т. LIII, 515—520.

Щепкины:

— Мих. Сем., извѣстный московскій артистъ, т. LI, 700; т. LII, 344; т. LIV, 450—453.

— П. С., проф. Московскаго университета т. LI, 242.

Щербановы:

— Яковъ Ѳед., московскій купецъ, т. LIII, 422.

— штабсъ-капитанъ, т. LIII, 43.

Щербатовы:

— князь, попечитель Сиб. учебнаго округа, т. LIV, 805.

— князь, московскій генераль-губернаторъ, т. LIV, 659.

Щербачевъ, артиллерійскій прапорщикъ, т. LI, 673, 676, 677.

Щербина, поэтъ, т. LI, 703.

Щербининъ, т. LI, 81.

Щукаревъ, А. М., привагъ-доцентъ Сиб. университета, т. LIII, 840.

Э.

Эвансъ, миссъ, англійская писательница, т. LIII, 259.

Эварницкій, Д. И. *Статья* его: Церковные памятники Запорожья, т. LI, 770—782.

Эггеръ, Артуръ Ѳед., инженеръ-полковникъ, т. LI, 50, 51.

Эдмонъ, Шарль, французскій писатель, т. LI, 213.

Эдуардъ, Согерландъ, англійская переводчица сочиненій Пушкина, т. LIII, 543.

Экзельгейеръ, нѣмецкій коммерсантъ, т. LI, 629.

Эли, французскій гражданинъ, т. LIII, 529.

Эллиотъ, Генри, американскій публицистъ, т. LIV, 914.

Энгельгардтъ:

— Александръ Николаевичъ, ученый и сельскій хозяинъ. *Некрологъ* его, т. LI, 935—936.

— Екат. Вас., см. Скавронская, Екат. Вас.; Александра Вас., см. Браницкая, Алекс. Вас., Татьяна Вас., см. Юсупова, Татьяна Вас.

Энманъ, А. Ѳ. *Замѣтка* о его рефератѣ, т. LII, 560.

Эристъ, Отто, авторъ поемы „Sibirien“, т. L, 636.

Эриштедтъ, В. К., профессоръ Сиб. университета, т. LII, 558.

Эстергази, Валентинъ, графъ, т. LII, 53.

Ю.

Юдинъ, П. *Замѣтка* его: Царскій подарокъ, т. LII, 291—293.

Юзефовичъ, генераль, т. LIV, 206.

Юзовъ, I. (Каблицъ). *Библиографическая замѣтка* о сочиненіи его: Основы народничества. Часть II, т. LIV, 278—280. *Некрологъ* его, т. LIV, 960.

Юлій II, римскій папа, т. LI, 909.

Юматовъ, комедіантъ, т. LI, 171.

Юргенсонъ, Карль, субалтернъ-офицеръ, т. LI, 85, 377; т. LII, 687.

Юсуповы:

— Татьяна Вас., княгиня, урожд. Энгельгардтъ, т. LII, 53.

— Ник. Борис., князь, т. LII, 53.

Я.

Яблочковъ, А. А., режиссеръ Александринскаго театра, т. LIV, 720.

Ягужинскій, первый генераль-прокуроръ сената, т. LII, 170.

Яноби, товарищъ германскаго императора Вильгельма II, т. LII, 850.

Яковлевы:

— Алекс. Сем., трагическій актеръ и писатель, т. LII, 66.

— Сава, золотопромышленникъ, т. LI, 80.

— Сергій, камергеръ. Письмо его въ редакцію, т. LII, 270—272.

Ямагата, графъ, японскій министр-президентъ, т. LII, 809.

Яновъ, Иванъ, князь, т. LIII, 762.

Янсонъ, Ю. Э., профессоръ Сиб. университета, т. LI, 646. *Некрологъ* его, т. LI, 937—938.

Янь, Вас. Ѳед., чиновникъ особыхъ порученій при Новгородскомъ губернаторѣ, т. LIII, 93.

Ярославцевъ, цензоръ, т. LIV, 815.

Ярославъ Мудрый, великій князь русскій, т. LII, 558, 875.

Ярцевы:

— А. А. *Статья* его: Возобновленіе и охраненіе забытыхъ могилъ, т. LIV, 881—891.

— поручикъ, т. LI, 62, 66.

Ясинскій, I. I., писатель. *Очерки* его: Преддверіе литературы. Страницка изъ воспоминаній, т. LI, 108—121. Не въ Жоржъ-Зандіи, т. LI, 411—423. Маршалъ Синяя Борода, т. LIV, 211—230. *Статья*

о немъ: Современные литературные дѣятели: I. I. Ясинскій, т. LII, 412—424.

Ячевскій, Аполлонъ Ив., полковникъ, врачъ, т. LIII, 428.

Яшвилъ, князь, начальникъ артиллеріи, т. LII, 712.

Ө.

Өедоровы:

— Борисъ Мих., авторъ дѣтскихъ книгъ, т. LIV, 545.

— Пав. Степ., управл. петерб. театра-ми; т. LII, 92.

— Филиппъ, запорожскій кошевой атаманъ, т. LII, 776.

— Терентій заштатный пономарь, т. LII, 155.

Өедоръ Юанновичъ, московскій царь, т. LI, 933; т. LIV, 463, 781.

Өедотовъ, Пав. Андр., художникъ. *Статья о немъ*, т. 245—254.

Өеодорикъ, Нимскій, папскій секретарь, т. LIV, 932.

Өеодоритъ, русскій архимандритъ XVI в., т. LII, 538.

Өеофиль, епископъ тамбовскій, т. LIII, 162.

Өирсовъ, Н. Н. *Библиографическая записка о брошюрѣ его: Царь Иванъ Васильевичъ Грозный*, т. LII, 271.

Өома, Ститный, богословъ, т. LI, 311.

УКАЗАТЕЛЬ
ГРАВЮРЪ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1893 г.

Портреты:

- Аннастремъ, капитанъ, убійца Густава III, т. LI, 565:
— у позорнаго столба, т. LI, 573.
— везомый къ мѣсту казни на позорной колесницѣ, т. LI, 577.
Анна Павловна, великая княгиня (на *отдѣльномъ листѣ*), т. LII, февраль.
Антокольской, М. М., художникъ, т. LI, 837.
Арчъ, Джозефъ, англійскій рабочий, т. LIII, 486.
Борнсъ, Джонъ, англійскій рабочий, т. LIII, 485:
— за письменнымъ столомъ, т. LIII, 501.
— за работой, т. LIII, 505.
Буртъ, Томасъ, англійскій рабочий, т. LIII, 493.
Виллардъ, Франсесса, миссъ, предсѣдательница женскаго христіанскаго союза трезвости въ Америкѣ, т. LI, 893.
Виттиеръ, Джонъ Гриплифъ, англійскій поэтъ, т. LI (приложение), стр. 9.
Галаховъ, Алексѣй Дмитриевичъ, историкъ русской литературы (на *отдѣльномъ листѣ*), т. LI, январь.
Гарди, Керъ, англійскій рабочий, т. LIII, 507.
Григоровичъ, Дмитрій Васил., писатель (на *отдѣльномъ листѣ*), т. LIII, сентябрь.
Гульдъ, Джей, американскій миллионеръ, т. LI, 879.
Густавъ III, шведскій король, т. LI, 561.
Дуровъ, Анатолій Леонидовичъ, русскій клоунъ, т. LI, 161.
Евдонія Θεодоровна, царица, (на *отдѣльномъ листѣ*), т. LI, февраль.
Жихаревъ, Степанъ Петровичъ. Съ весьма рѣдкаго портрета, рисованнаго съ натуры П. А. Каратыгиннымъ. Изъ собранія П. Я. Дашкова (на *отдѣльномъ листѣ*), т. LII, июнь.
Жозефина, императрица, жена Наполеона I, т. LII, 239.
Юсифъ Съмашко, т. LIV, 865.
Каподистрия, Иванъ Петровичъ, президентъ Греціи (на *отдѣльномъ листѣ*), т. LIII, августъ.
Карлъ XII, король шведскій (на *отдѣльномъ листѣ*), т. LIII, июль.
Курсель, баронъ, предсѣдатель международнаго третейскаго суда, т. LIV, 911.
Лефортъ, Францъ Яковлевичъ. Съ весьма рѣдкаго портрета, гравированнаго въ Амстердамѣ въ 1698 году Шенкомъ (на *отдѣльномъ листѣ*), т. LI, мартъ.

- Луи-Филиппъ, послѣдній французскій король, т. LII, 497.
 Лысенно, Оедоръ Ильичъ, взявшій въ плѣнь Косцюшку (*на отдѣльномъ листѣ*), т. LIV, ноябрь.
 Людвигъ, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, т. LII, 178.
 Марія-Луиза, императрица, жена Наполеона I, т. LII, 249.
 Наполеонъ I. Съ портрета, нарисованнаго во время эрфуртскаго свиданія, съ натуры, адъютантомъ великаго князя Константина Павловича, Килемъ. Подлинникъ принадлежитъ П. Я. Дашкову, т. LII, 233.
 Платовъ, Матвѣй Ивановичъ, казацкій атаманъ (*на отдѣльномъ листѣ*), т. LIV, октябрь.
 Сабинина, Марѳа Степановна, сестра милосердія, т. LI, 513.
 Семеновъ, Николай Петровичъ, сенаторъ, участвовавшій въ разработкѣ проекта освобожденія крестьянъ, т. LI, 505.
 Теннисонъ, Альфредъ, англійскій поэтъ, т. LI (приложеніе), стр. 15.
 Трутовскій, Константинъ Александровичъ, художникъ, т. LII, 449.
 Тэнъ, Ипполитъ, извѣстный французскій ученый, т. LII, 223.
 Ясинскій, Геронимъ Геронимовичъ, беллетристъ (*на отдѣльномъ листѣ*), т. LII, май.
 Федоровъ, Павелъ Андр., художникъ, LIV, 249.

Копіи съ картинъ:

- Антокольскаго, томъ LI:
 — Иванъ Грозный, 838.
 — Петръ Великій, 839.
 — Голова Ермака, 841.
 — Христосъ передъ судомъ народа, 843.
 — Послѣдній вздохъ, 844.
 — Голова Іоанна Крестителя, 845.
 — Смерть Сократа, 846.
 — Спиноза, 847.
 — Голова Мефистофеля, 849.
 Трутовскаго, томъ LII:
 — Помѣщики-политики, 150.
 — Сладкая дремота, 151.
 — Свиданіе, 453.
 — Богомолка, 455.
 — Малороссіянка, брѣющая своего мужа, 457.
 — Заблудившіеся, 459.
 — Базаръ въ узднѣ городѣ, 460.
 — Гарбузь, 461.
 — Рисунокъ къ баснѣ Крылова: „Ручей и водопадъ“, 462.
 — Рисунокъ къ баснѣ Крылова: „Слонъ и Моська“, 463.
 — Рисунокъ къ баснѣ Крылова: „Левъ и Комаръ“, 464.
 Федотова, П. А., томъ LIV:
 1) Свѣжій кавалеръ, 249.
 2) Сватовство маіора, 249.
 3) Капиталисты, 249.
 4) Квартальный и взвозчикъ, 249.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій:

- Вохоновскій Маринскій женскій монастырь, томъ LIV:
 — Страннопріимный домъ монастыря, 903.
 — Церковь монастыря и келія, 905.
 Ладога, томъ LII.
 — Новая Ладога, 143.
 — Старая Ладога, 144.
 — Старо-Ладожская крѣпость, 147.
 — Ладожскій Никольскій монастырь, 149.

- Новая Ладога, городъ, т. LII, 143.
 Полтава. Шведская могила близъ Полтавы, т. LIII, 753.
 Самара (въ Запорожьѣ), томъ LII:
 — Запорожскій монастырь, 775.
 — Запорожскій соборъ, 779.
 Черное, село на каналѣ Александра II, т. LII, 141.
 Шлиссельбургъ:
 Томъ LI:
 — Крѣпость, 806.
 — Набережная въ Шлиссельбургѣ, 809.
 Томъ LII:
 — Устье канала Александра III, 133.
 Томъ LIII:
 — Могила А. И. Шилова на Преображенской горѣ близъ Шлиссельбурга, 813.
 — Крестъ и колодезь близъ Шлиссельбурга, 817.
 Японія:
 Томъ LI:
 — Японскій домъ, 262.
 — Храмъ Суна, покровителя города Нагасаки, 367.
 — Храмъ Киомидзу-Дера, 865.
 Томъ LII:
 — Храмъ бога войны Хачимана, 483.
 — Бронзовая статуя Будды, 485.
 — Карасани, древнѣйшая сосна въ мирѣ, 191.
 — Гостинница, 194.
 — Могила Іезу, 217.
 Томъ LIII:
 — Бронзовые фонари на одномъ изъ дворовъ храма Шогуна Іезу, 209.
 — Священное озеро Чиузенжи и гора Нантай-занъ, 205.
 Ярославск. губ., Богословская деревянная церковь XVII, т. LIII, вѣка, 761.

Бытовыя и другія изображенія:

- Бой котиковъ, т. LIV, 913.
 Зала, гдѣ собрался третейскій международный судъ, т. LIV, 909.
 Намзоль, бывшій на Густавѣ III въ моментъ покушенія на его жизнь, т. LI, 570.
 Китай:
 Томъ LIV:
 — Китайскій лавочникъ, 177.
 — Нашъ бивуакъ, 185.
 Томъ LIV:
 — Китайскій солдатъ Зеленаго знамени, 505.
 — Китайскій оберъ-офицеръ, 501.
 — Китайскій постоянный дворъ, 497.
 Котики на Прибыловыхъ островахъ, т. LIV, 915.
 Наказаніе Анкарстрема розгами, т. LI, 575.
 Пистолеть, бывшій у Анкарстрема при совершеніи имъ убійства Густава III, т. LI, 568.
 Разводъ Наполеона I съ императрицей Жозефиной, т. LII, 243.
 Рулевой на баркѣ, т. LII, 136.
 Японія:
 Томъ LI:
 — Японскія няньки, 269.
 — Японскій обѣдъ, 273.
 — Гейши (японскія танцовщицы), 275.
 Томъ LII:
 — Посадка риса, 202.
 — Сборъ чая, 199.
 Убійство графа Колондистрин. Съ литографіи Камилла де-Фальо 1832 года, т. LIII, 641.

БОРИСЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГОДУНОВЪ.

Съ портрета находящагося въ Эрмитажѣ.

дозв. ценз. спб., 24 ноября 1863 г.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1894 году
(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1894 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія четырнадцать лѣтъ (1880—1893).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1893 года).

	СТР.
Пограничная крѣпость. (Посвящается Ив. Ал. Ведрягѣ). А. И. Лемана	5, 375, 739
Воспомянанія В. А. Полторацкаго. XVIII. (Окончаніе) . . .	29
Атаманъ Платовъ—завоеватель Индіи. А. В. Арсеньева . . .	46
Воспомянанія В. Н. Погожева. XIX—XXII. (Окончаніе) . . .	74
На новыхъ мѣстахъ. (Изъ записной книжки). Н. В. Сорокина	96, 406
Изъ воспомянаній артиста А. А. Нильскаго. (Провинція).	121, 435, 705.
«Варшавскій Дневникъ» и первый его редакторъ. И. В. Любарскаго.	148
Современные литературные дѣятели: М. Н. Альбовъ; И. А. Саловъ. К. П. Медвѣдскаго.	160
Въ поискахъ перевала черезъ Тянь-Шань. (Изъ дневника). А. Е. Грумъ-Гржимайло.	174
Иллюстраціи: 1) Китайскій лавочникъ.—2) Нашъ бивуахъ.	
Либеральный цензоръ и профессоръ-пессимистъ. (Биографическій очеркъ). В. Р. Зотова	194, 511, 800
Маршалъ Синяя Борода. I. I. Ясинскаго	211
Могилевская церковная смута. С. Н. Браиловскаго	231
Павель Андреевичъ Ѳедотовъ (1815—1852 гг.). М—е.	245
Иллюстраціи: 1) Портретъ П. А. Ѳедотова.—2) Его картины: «Свѣжій кавалеръ» и 3) «Сватовство маіора».—4) Рисунки: «Капиталесты» и «Квартальный и извозчикъ».	
Парижская печать. В. Т.	255
Наброски изъ прошлаго. I—III. Князя Д. Д. Оболенскаго.	349, 659
Иллюстрація: Портретъ князя Владиміра Александровича Черкаскаго.	
Борись Годуновъ. 1584—1605. (Опытъ характеристики). А. Е. Мерцалова.	460, 781

	СТР.
Забутый герой. С. А. Адрианова.	476
Баранта. Эпизодъ на большой дорогѣ въ Китаѣ. (Изъ дневника). Г. Е. Грумъ-Гржимайло.	494
Иллюстраціи: 1) Китайскій постоялый дворъ.—2) Китайскій оберъ-офицеръ.—3) Китайскій солдатъ Зеленаго знамени.	
Дипломатія въ манежѣ. (По документамъ, заимствованнымъ изъ саксонскаго архива въ Дрезденѣ). А. Г. Брикнера.	559
Изъ нравовъ недавняго времени. А. А. Танкова.	566
Типы современной деревни. (Продолженіе). VI. «Фармазонъ». А. В. Круглова.	691
Листки изъ записной книжки. К. П. Ободовскаго	773
Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ и г-жа Адель Гоммеръ де-Гелль. П. К. Мартыанова	833
Иосифъ Сѣмашко и воссоединеніе униатовъ. В. Ѳ. Боцяновскаго.	857
Иллюстрація: Портретъ митрополита Іосифа Сѣмашко.	
Воспоминаніе о Н. П. Синельниковѣ. Н. Кельша	876
Возобновленіе и охраненіе «забытыхъ могилъ». А. А. Ярцева.	881
Пятидесятилѣтіе дѣятельности А. Н. Неустроева. А. И. Фаресова	892
Вохоновскій Маріинскій женскій общежительный монастырь. С. В.	900
Иллюстраціи: 1) Страннопріимный домъ монастыря.—2) Церковь монастыря и келіи.	
Международный третейскій судъ. В. Т.	907
Иллюстраціи: 1) Зала, гдѣ собирался третейскій судъ.—2) Баронъ Курсель, предсѣдатель третейскаго суда.—3) Бой котиковъ.—4) Котики на Прибыловыхъ островахъ.	

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

1) Исторія Апшеронскаго полка, 1700—1892 гг. Составилъ Л. Богуславскій. Три тома. Спб. 1892. Н. Орлова.—2) Великій князь Георгій Михайловичъ. Русскія монеты, чеканенныя для Пруссіи (1759—1762), Грузіи (1804—1833), Польши (1815—1841), Финляндіи (1864—1890). Спб. 1893. Съ 16 таблицами. Н. Лихачева.—3) І. Каблицъ (І. Юзовъ). Основы народничества. Часть II. Спб. 1893. А. Фаресова.—4) Труды Московскаго нумизматическаго общества. Подъ редакціей В. К. Трутовскаго и В. А. Уляницкаго. Первый полутомъ. Москва. 1893. Н. Лихачева.—5) Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго, подъ редакціей П. Адрианова. Томъ I. Книги I—V. Изданіе А. Г. Кузнецова. Москва. 1893. В. Б.—6) Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1890 г. Спб. 1893. М. М.—7) Н. Д. Чечулинъ. Русскія деревянныя жилища постройки въ XVI вѣкѣ. Спб. 1893. В. Б.—8) Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѣи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевъ. Томъ I. Вып. I. Спб. 1893. В. Б.—9) Проектъ новаго уложенія, составленный комиссіей 1754—1766 гг. Текстъ подъ редакціей В. Н. Латкина. Спб. 1893. В. Б.—10) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Томъ I. Учебныя заведенія

въ западныхъ губерніяхъ до учрежденія Виленскаго учебнаго округа, 1783—1803. Изданіе министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1893. М. С.— 11) П. Житецкій. Мысли о народныхъ малорусскихъ думяхъ. Кіевъ. 1893. С. Т— снаго.— 12) П. Ковалевскій. Иванъ Грозный и его душевное состояніе. Харьковъ. 1893. В. Б.— 13) Исторія среднихъ вѣковъ. (Курсъ систематическій). Примѣнительно къ послѣдней программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, составилъ К. А. Ивановъ. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1893. Н. Рышкова.— 14) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпуски XIII (съ 14 таблицами), XIV, XV и XVI. Тифлисъ. 1892—1893. н. о.— 15) Заѣзжаніе отеческое. Сочиненіе И. Т. Посошкова. Новое изданіе, дополненное вновь открытою второю половиною «Заѣзжанія». Издано подъ редакціей Е. М. Прилежаева. Спб. 1893. В. Б.— 16) Д. А. Столыпинъ. О существованіи научныхъ естественныхъ законовъ для общественныхъ явленій. Къ рѣшенію вопроса объ обществѣ. Москва. 1893. М. Л— снаго.— 17) Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями, бібліографическими примѣчаніями и портретами. Издается подъ редакціей С. А. Венгерова. Выпускъ I. Спб. 1893. М. М.— 18) Къ память девятилѣтняго юбилея Волынской епархіи (992—1892). Городъ Владимиръ, Волынской губерніи, въ связи съ исторіей Волынской іерархіи. Историческій очеркъ Н. И. Теодоровича. Съ 9-ю гравюрами. Почаевъ. 1893. В. Б.— 19) La littérature russe. Notices et extraits des principaux depuis les origines jusqu'à nos jours. Par Louis Leger, professeur au Collège de France. Paris. 1893. И. Жукова.— 20) Исторія 83-го пѣхотнаго Самурскаго е. и. в. великаго князя Владиміра Александровича полка. Составилъ капитанъ А. Петровъ. Петровскъ (на Кавказѣ). 1893. Е. Козубскаго.— 21) М. И. Михельсонъ. Мѣткія и ходячія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ пословицъ, изреченій и выраженій. Спб. 1894. М—нь.— 22) Эдуардъ Фриманъ. Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 года, съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Главные періоды европейской исторіи. Шесть лекцій 1885 года, съ приложеніемъ статьи о греческихъ городахъ подъ римскимъ управленіемъ. Переводъ П. Николаева. Москва. 1893. С.— 23) А. Н. Чудиновъ. Лѣтописи Неетора со влюченіемъ поученія Владиміра Мономаха. Спб. 1893. (Русская классная бібліотека, выпускъ XVI). С. Т— снаго.— 24) Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Составила К. Мельникъ. Кіевъ. 1893. В. Б. 270, 572, 920

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

1) Испанская легенда о смерти Торевемады.— 2) Уничтоженіе королевскихъ гробницъ въ Сентъ-Дени въ 1793 году.— 3) Отзывъ современника о засѣданіяхъ французскаго учредительнаго собранія въ 1790 году.— 4) Племянникъ Наполеона и внучка Вашингтона.— 5) Сынъ Наполеона III.— 6) Смертные останки Софокла.— 7) Кто были прародители народовъ Западной Европы.— 8) Открытіе Англіи греками въ 330 г. до Р. Хр.— 9) Королева Елизавета, какъ союзница турокъ и торговка невольниками.— 10) Сподвижница Орлеанской Дѣвы.— 11) Столѣтняя годовщина смерти Маріи-Антуанетты.— 6) Статуя Андреаса Гофера.— 12) Мемуары Макъ-Магона.— 13) Отчего Гуно не сдѣлался монахомъ.— 14) Французскіе журналы о Россіи.— 15) Женщина-папа.— 16) Столѣтнія годовщины французской революціи и г-жа Роланъ.— 17) Наполеонъ по дорогѣ на св. Елену 286, 588, 931

СМѢСЬ:

1) Археологическій съѣздъ въ Вильнѣ.—2) Десятилѣтняя годовщина кончины Тургенева.—3) Пятидесятилѣтіе смерти Квитки. — 4) Двадцатипятилѣтняя годовщина дѣятельности двухъ педагоговъ-писателей.—5) Четырехсотлѣтіе первой славянской книги.—6) Трехсотлѣтняя годовщина Донскаго монастыря.—7) Присужденіе премій митрополита Макарія.—8) Пятидесятилѣтній юбилей барона Э. А. Бюлера.—9) Двадцатипятилѣтній юбилей генерала Драгомирова.—10) Александровская публичная бібліотека въ Самарѣ.—11) Классическое отдѣленіе Императорскаго Русскаго археологическаго общества.—12) Присужденіе Пушкинскихъ премій.—13) Юбилей Д. В. Григоровича. — 14) Пятидесятилѣтній юбилей профессора Бекетова.—15) Сорокалѣтній юбилей Н. Н. Обручева.—16) Столѣтняя годовщина смерти Чулкова.—17) Могила Богдановича.—18) Некрологи: А. Н. Апухтинъ; Н. Д. Ахшарумовъ; П. И. Небольсинъ; епископъ Гермогенъ (Добронравинъ); Н. Е. Лясовскій; Р. В. Зотовъ; И. Д. Попка; В. Т. Сверчковъ; Ю. Х. Кнохъ; А. Н. Плещеевъ; П. А. Кавшинъ; М. Н. Раевскій; А. В. Потанина; О. И. Каблиць 303, 614, 952

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: графа Матвѣя Ивановича Платова, Э. И. Лысенка и Бориса Годунова.—2) Дворъ Карла IV. (La corte de Carlos IV). Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго Е. Г. Уманецъ. XXII—XLVIII. (Окончаніе).—3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1893 года, и гравюръ, помѣщенныхъ тамъ же.—4) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ОТЖИВШІЕ ТИПЫ ¹⁾.

Кузина Катя.

VIII.

НЯ ЗА ТРИ до нашего отъезда я пошла послѣ обѣда съ Костей въ лѣсъ.

Онъ долженъ былъ отъ насъ уѣхать вскорѣ послѣ нашего возвращенія въ городъ, и мы наговориться не могли передъ разлукой.

Увлечшись бесѣдой, мы шли все дальше и дальше подъ зелеными сводами, не замѣчая, что солнце садится, и тогда только вспомнили, что пора домой, когда очутились въ совсѣмъ незнакомомъ намъ мѣстѣ.

— Да мы, кажется, съ тобой заблудились, — сказалъ Костя, когда передъ нами развернулась продолговатая полянка, съ высокими стогами недавно скошеннаго сѣна. — Это не наша земля, мы въ чужія владѣнія зашли, — прибавилъ онъ весело, съ любопытствомъ оглядываясь по сторонамъ.

Шагахъ въ двухъ стахъ отъ насъ сверкала рѣчка, но мы этого мѣста совсѣмъ не знали, ни разу еще не доплывали мы сюда на нашей лодкѣ.

Я немножко испугалась.

— Какъ же мы домой попадемъ? Лѣсомъ ужъ нельзя, тамъ и теперь темно, а обходить кругомъ далеко.

— Не безпокойся, мы телѣгу найдемъ. На берегу народъ, видишь?

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIV, стр. 313.

Я стала всматриваться туда, куда онъ указывалъ, и увидѣла маленькую толпу людей на берегу, передъ покачивающейся на водѣ, вѣроятно, привязанной къ колу, лодкой.

— Чья эта земля? — продолжалъ Костя, всматриваясь вдаль и соображая въ умѣ планъ мѣстности.

А я залюбовалась пейзажемъ. Косые лучи заходящаго солнца золотили полянку и переливались въ темной листвѣ деревьевъ, окружающихъ ее съ трехъ сторонъ, яркими, изумрудными пятнами; небо было синее, безъ облачка. Загоралась мѣстами пурпуромъ заката и голубая зыбь рѣчки и необозримыя поля, разстлавшіяся за нею.

— Пойдемъ къ лодкѣ, эти люди намъ скажутъ, гдѣ найти телѣгу съ лошадыю, — сказалъ Костя.

Онъ взялъ меня подъ руку, и мы побѣжали къ берегу.

Пространство, представлявшееся намъ издали ничтожнымъ, оказалось съ полверсту, по крайней мѣрѣ, и когда, запыхавшись отъ усталости, мы приблизились къ цѣли, глазамъ нашимъ предстала такая картина: на травѣ, между кустами расположилось цѣлое общество, нѣсколько молодыхъ дѣвокъ въ сарафанахъ, съ накинутыми на голову яркими, цвѣтными платочками, и между ними какая-то фигура въ черномъ, съ выющимися густой шапкой, короткими волосами, черными, какъ смоль.

Всѣ они, громко и весело болтая между собой, увязывали что-то такое въ плетенки, перекрикиваясь съ людьми на противоположномъ берегу, гдѣ виднѣлась телѣга и нѣсколько лошадей.

— Ей вы, бабы! Нельзя ли намъ у васъ лошадкой попользоваться? — закричалъ имъ еще издали Костя.

— А кто вы такіе? — раздался голосъ изъ толпы.

И надъ головами въ пестрыхъ платочкахъ, точно по командѣ обернувшихся въ нашу сторону, поднялось вдругъ во весь ростъ то странное существо, которое я издали приняла за мальчика.

— Березовскіе, — отвѣчалъ Костя.

— Заблудились?

— Заблудились. Дайте лошадку доѣхать, мы вамъ заплатимъ...

Мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ впередъ, и вдругъ Костя, какъ вкопанный, остановился и, отступивъ на шагъ, снялъ фуражку и почтительно нагнулъ голову.

Еслибъ не сумерки, сгущавшіяся вокругъ насъ, мы давно бы замѣтили, что съ нами говоритъ не мальчикъ, а дѣвушка, и очень красивая дѣвушка, высокая, стройная, съ большими, выразительными глазами, такими же черными, какъ и короткіе кудри, спадывавшіе ей на лобъ. Глаза эти съ какимъ-то страннымъ пытливымъ любопытствомъ были устремлены на насъ. Она ихъ шурила, чтобъ лучше насъ разглядѣть, и тонкія брови ея сдвигались, точно отъ усилія что-то припомнить или сообразить.

Я взглянула на брата, онъ сдѣлался вдругъ очень серьезенъ, весь какъ-то подтянулся и смолкъ въ нерѣшительности, видимо не зная, что дѣлать дальше.

А я между тѣмъ продолжала разсматривать незнакомку. Она была въ черной суконной амазонкѣ, ловко охватывавшей ея тонкій, стройный станъ; въ одной рукѣ она держала хлысть, другой придерживала длинную юбку и стояла, выпрямившись во весь ростъ, откинувъ горделивымъ движеніемъ назадъ кудрявую головку, не спуская съ насъ пристальнаго, вызывающаго взгляда. Когда Костя ей поклонился, она вспыхнула, но на поклонъ его даже кивкомъ не отвѣтила, только тонкія ея губы тронулись улыбкой. Это длилось съ полминуты, не больше, и вдругъ рѣзкимъ движеніемъ повернулась она къ намъ спиной, стремительно кинулась къ лодкѣ и, прыгнувъ въ нее, взялась за весла. Бабы, забравъ свои кузовки, поспѣшили за нею, и лодка поплыла къ противоположному берегу.

Все это произошло такъ быстро, что мы опомниться не успѣли.

Мы не трогались съ мѣста. Когда лодка отчалила, Костя, крѣпко прижимая къ себѣ мою руку, прошепталъ:

— Кузина Катя!

И, улыбнувшись изумленію, выразившемуся на моемъ лицѣ, онъ прибавилъ:

— Мы забрели въ ея владѣнія. Тамъ ея домъ, видишь?

Онъ указывалъ рукой вдаль на чернѣвшіяся очертанія строевій, но я не въ силахъ была оторвать глазъ отъ быстро удалявшейся лодки и отъ женской фигуры въ черномъ, которая гребла одна съ правой стороны, такъ ловко и съ такой силой, что двумъ бабамъ, работавшимъ веслами противъ нея, трудно было за нею поспѣвать.

Она, кажется, нарочно этимъ занялась, чтобъ насъ не видѣть и не смотрѣть на насъ. Ни разу не обернулась она въ нашу сторону; ея гибкій станъ, плотно обтянутый чернымъ сукномъ, то и дѣло пригибался и выпрямлялся подъ усиліемъ тонкихъ рукъ, въ узкихъ, длинныхъ рукавахъ, рѣзко выдѣляясь на прозрачной синевѣ наступавшей ночи.

Когда лодка доплыла до середины рѣки, она знакомъ подозвала дѣвочку, примостившуюся къ подругѣ, правившей рулемъ, и что-то ей сказала.

Дѣвочка тотчасъ же обернулась въ нашу сторону, и ея звонкій голосъ прорѣзалъ воздухъ.

— Пождите маненько, сейчасъ назадъ лодку пришлемъ!

— Спасибо!—закричалъ въ отвѣтъ Костя и, снявъ фуражку, замахалъ имъ.

Съ лодки раздался смѣхъ и восклицанія, но смѣялась не Катя, она продолжала гребти, отвертываясь отъ насъ.

А Костя ужъ оправился отъ своего замѣшательства; его кра-

сивое, открытое лицо приняло обычное веселое и добродушное выражение.

— Какова у насъ кузина? — сказалъ онъ, не спуская смѣющихся глазъ съ лодки.

— Но какъ же мы домой попадемъ?—спросила я.

— Очень просто, черезъ плотину у мельницы. Она верхомъ уѣдетъ, а намъ телѣгу, вѣрно, оставить. Бабы и пѣшкомъ добредутъ.

Лодка причалила къ берегу. Молодой малый, конюхъ, вывелъ изъ кустовъ осѣдланную лошадь, и кузина Катя, не оглядываясь въ нашу сторону, надѣла мужскую шляпу съ длиннымъ зеленымъ вуалемъ, которую ей подаль кто-то изъ окружавшей ее толпы, не дожидаясь посторонней помощи, вскочила, держась одной рукой за луку, на сѣдло и, смѣлымъ движеніемъ поднявъ хлысть, пустила свою лошадь въ галопъ.

Не прошло и минуты, какъ она уже скрылась у насъ изъ виду. За нею пустился рысцей конюхъ, а когда мы стали искать глазами бабъ, ихъ ужъ тутъ не было, какъ букашки, расплозились онѣ по темнѣющему, необозримому полю. На берегу осталась одна телѣга съ двумя мужиками. Одинъ изъ нихъ сѣлъ въ лодку и поплылъ въ нашу сторону.

— Барышня приказали васъ перевезть и до Березовки на лошади доставить,—объявилъ онъ, причаливая къ берегу.

Мы сѣли въ лодку, Костя сталъ грести вмѣстѣ съ парнемъ, и минутъ черезъ пять мы очутились на противоположномъ берегу. Тутъ, давъ на водку нашему проводнику, мы пересѣли въ телѣгу и поѣхали домой.

Дорога шла полями и лѣсочками. Совсѣмъ стемнѣло, сверкали однѣ звѣзды. Ихъ было множество, но онѣ плохо освѣщали путь; хорошо, что мужику, который насъ везъ, была извѣстна мѣстность, одни мы непременно бы всю ночь проплутали.

Мы съ Костей молчали. Такъ много хотѣлось сказать, что словъ не находилось для выраженія мыслей. Наконецъ онъ заговорилъ, но не со мной, а съ везшимъ насъ мужикомъ.

— Ты здѣшній?—спросилъ онъ у него.

— Здѣшній. Егора кузнеца сынъ, Вахрушкой меня звать. Мы вашу Березовку во какъ знаемъ! Потому сосѣди вы съ нами, межа къ межѣ,—прибавилъ онъ, весело тряхнувъ кудрями.

И, обернувъ къ намъ свое широкое, рябое лицо, онъ прибавилъ, лукаво подмигивая:

— Вы нашей барышнѣ родня.

Костя улынулся.

— Кто тебѣ это сказалъ?

Вахрушка присвистнулъ.

— Эвона! Да всѣ говорятъ. Какъ вы сюда пріѣхали, такъ и заговорили: барышнина родня въ Березовку пріѣхала.

— И барышня говорила?—съ живостью спросилъ Костя.

— И барышня говорила.

Братъ на меня глянулъ.

— Слышала? — сказалъ онъ мнѣ пофранцузски. — Она нами точно также интересуется, какъ и мы ею, — прибавилъ онъ шепотомъ.

— Какая она красавица!—замѣтила я.

— Да, красавица,—согласился онъ.

И, помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Ну, вотъ мы ее и увидѣли наконецъ, эту заколдованную принцессу нашихъ дѣтскихъ грезъ. Такой ты ее себѣ представляла?

— Да, точно такой,—не задумываясь отвѣчала я.

— Ну, и я тоже,—произнесъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

Я пристально на него посмотрѣла. Глаза его весело смѣялись, какъ всегда, когда онъ былъ чѣмъ нибудь очень доволенъ. Мы придумали особое выраженіе для этихъ его смѣющихся глазъ и, когда который нибудь изъ насъ говорилъ: «у Кости мальчики въ глазахъ пляшутъ», мы ужъ понимали, что это значить.

— А она, какъ она насъ себѣ представляетъ, какъ ты думаешь?—спросила я.

Мальчики заплясали еще веселѣе.

— Да и она тоже, я думаю, такъ много про насъ слышала, что не могла насъ не узнать,—отвѣчалъ онъ.

Дома объ насъ безпокоились и разослали людей въ разныя стороны, чтобъ насъ искать. Намъ встрѣтился верховой, кучеръ Никитка, возвращавшійся изъ лѣсу, а немного дальше огородникъ Павелъ, доходившій вплоть до мельницы, чтобъ про насъ узнать. Оба обрадовались, что мы нашлись. Павла мы посадили къ себѣ въ телѣгу, а Никитку послали сообщить радостную вѣсть домой.

— Мы заплутались,—начала было я рассказывать Павлу, но Костя мнѣ такъ стиснулъ руку, что я въ недоумѣніи смолкла на полусловѣ.

— Да, въ лѣсу,—подхватилъ онъ мою недоконченную фразу.— Хорошо, что мы нашли мужиковъ, которые перевезли насъ черезъ рѣку, да вотъ онъ взялся насъ домой доставить,—поспѣшно продолжалъ онъ, кивая на Вахрушку:—до утра бы намъ пѣшкомъ-то не дойти, тѣмъ болѣе, что мы и дороги не знаемъ.

— Ты чей будешь?—спросилъ Павелъ у нашего возницы.

Но Костя и Вахрушкѣ не далъ отвѣтить.

— Какъ мы перепугались, еслибъ ты только видѣлъ! — продолжалъ онъ распространяться, сбиваясь отъ поспѣшности и волнуясь.—Ночь, волки...

— Ну, какіе же у насъ, сударь, волки! Волковъ у насъ нѣтъ,—возразилъ Павелъ.

— Почемъ ты знаешь, что нѣтъ? А я такъ увѣренъ, что есть,—

съ неестественнымъ оживленіемъ заспорилъ съ нимъ братъ. — Маничка проголодалась и такъ устала, что пѣшкомъ бы ей ни за что не дойти, — поспѣшно прибавилъ онъ, точно чему-то обрадовавшись.

— Это что говорить, съ обѣда вѣдь не кушамши, — согласился Павелъ. — Маменька очинно беспокоилась. Хватились васъ еще за свѣтло, а тутъ и ночь наступила, а васъ все нѣтъ...

Мы подъѣзжали къ воротамъ нашего дома. Костя приказалъ остановиться, соскочилъ съ телѣги, высадилъ меня и, сунувъ Вахрушкѣ всю мелочь, что была у него въ карманѣ, сталъ настоятельно гнать его домой.

— Поѣзжай... нечего проклажаться... ужъ поздно, — съ несвойственнымъ ему нервнымъ раздраженіемъ повторялъ онъ, въ то время, какъ Вахрушка, ощутивъ въ ладонѣ цѣлую горсть мелочи, снималъ шапку и низко кланялся.

Наконецъ, онъ повернулъ лошадь и поѣхалъ рысцою назадъ. Тогда Костя нагнулся къ самому моему уху, хотя подслушать насъ было некому, и прошепталъ:

— Пожалуйста, Маничка, не рассказывай никому, что мы ее встрѣтили. Пойдутъ толки, знаешь, распросы, это очень непріятно...

— А если отъ когонибудь другаго узнають? — спросила я, озадаченная такимъ страннымъ требованіемъ.

— Полно, пожалуйста, отъ кого имъ узнать! Оттуда никто къ намъ не ходитъ. И, наконецъ, мы же послѣзавтра уѣзжаемъ въ городъ. Пожалуйста, Маничка, цыпочка ты моя, лапочка, сдѣлай то, что я тебя прошу, ну, что тебѣ стоитъ! А мнѣ это очень, очень важно...

Я обѣщала исполнить его просьбу, и отъ восторга онъ чуть не задушилъ меня поцѣлуями.

Весь слѣдующій день прошелъ въ сборахъ къ отъѣзду.

Пользуясь суматохой, послѣ завтрака Костя куда-то исчезъ и вернулся назадъ только къ обѣду, взволнованный и чрезвычайно веселый.

На немъ былъ свѣжій китель и перчатки. Усики свои онъ нафиксатуарилъ, высоко взбилъ кокъ густыхъ волосъ, и отъ него пахло духами.

При первомъ же взглядѣ на него, мнѣ вскочила въ голову мысль: «неужели онъ былъ у Кати?».

Но я тотчасъ же сообразила, что быть этого не можетъ.

— Что это ты сегодня такимъ франтомъ? — спросила у него съ улыбкой маменька, любуясь имъ.

— Софроновской попадѣ визитъ сдѣлалъ, — отвѣчалъ онъ, тоже смѣясь и усаживаясь за столъ рядомъ со мной.

— Вотъ это хорошо, мнѣ очень жаль, что не удалось у нихъ побывать, — сказала маменька.

— Я ей сказала, что вы имъ кланяетесь и желаете всего лучшаго... Ахъ, какая она отличная хозяйка, мамочка! Еслибъ вы видѣли ея коровъ! Такихъ коровъ во всей губерніи нѣтъ, особенно одна, черная, съ бѣлой звѣздой на лбу, что это за прелесть! Она даетъ два ведра молока въ день, можете себѣ представить? Два ведра,—съ восхищеніемъ повторялъ онъ, точно его дѣйствительно занимали коровы попадаи.

— Однако, ты, братецъ, начинаешь, кажется, втягиваться не на шутку въ хозяйство,—замѣтилъ папенька.—Чтожъ, это хорошо, послужишь до чина покрупнѣе, да выходи въ отставку и садись на землю.

— А какое вы мнѣ тогда имѣніе дадите, папенька?—спросилъ шутливымъ тономъ Костя.

— Да хоть Березовку, если она тебѣ нравится,—отвѣчалъ папенька.

— Березовка мнѣ очень, очень нравится, вѣкъ бы съ нею не разстался, по-моему нѣтъ лучше мѣста на всемъ земномъ шарѣ,—дурашливымъ тономъ объявилъ Костя.

— А самъ отъ радости, что мы отсюда уѣзжаемъ, козломъ чуть не прыгаешь,—усмѣхнулась маменька.

Послѣ обѣда, улучивъ первую удобную минуту, я у него спросила:

— Ты былъ у кухни Кати, да?

Я была увѣрена, что онъ на это отвѣтитъ: «съ чего ты это взяла?» или что нибудь въ этомъ родѣ, но онъ, утвердительно кивнувъ, вымолвилъ отрывисто:

— Да какъ же иначе?... Она намъ оказала вчера услугу, надо же было ее поблагодарить, нельзя же быть свиньей даже и передъ врагомъ тетеньки Людмилы,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

Я пристала съ разспросами, разумѣется, но онъ отвѣчалъ на нихъ неохотно.

— Послѣ, послѣ, все тебѣ расскажу когда нибудь, а теперь неудобно, еще, пожалуй, догадаются, о чемъ мы шепчемся. Ты знаешь, я не хочу, чтобъ знали, что мы познакомились съ нею.

Но и послѣ онъ не хотѣлъ о ней говорить, такъ и уѣхалъ, оставивъ меня въ неизвѣстности насчетъ того, что произошло между нимъ и Катей.

X.

Мы вернулись въ городъ. Вскорѣ Костя уѣхалъ въ Петербургъ, и жизнь наша потекла прежнимъ порядкомъ. Разница была только въ томъ, что отъ брата стали приходиться странные письма, которыми родители наши сильно тревожились.

Его послали на службу въ Оренбургскую губернію, и онъ тамъ ужасно тосковалъ. Жаловался на климатъ, на людей, на то, что онъ не чувствуетъ ни малѣйшаго влеченія къ военной службѣ, и умолялъ отца позволить ему выйти въ отставку и заняться хозяйствомъ.

— Задурилъ совсѣмъ нашъ молодой человѣкъ,—говорилъ папенька.—Ну, гдѣ-жъ это видано, чтобъ съ такихъ лѣтъ въ деревню запереться?

— Но если онъ дѣйствительно чувствуетъ себя не хорошо,—возражала маменька, которой очень улыбалась перспектива имѣть старшаго сына къ себѣ поближе, тѣмъ болѣе, что меньшихъ двухъ предстояло черезъ годъ везти въ Петербургъ въ университетъ.

-- Вадоръ, моя милая, въ его лѣта рано хворать.

Она не настаивала, но черезъ мѣсяцъ отъ Кости опять пришло письмо все съ тѣми же жалобами и просьбами.

Передавая это письмо маменькѣ, папенька отрывисто сказалъ:

— Вотъ читай, все ту же пѣснь поеть.

А пока она читала, онъ прохаживался большими шагами по комнатѣ, пощипывая бакенбарды, что было у него признакомъ сильнаго душевнаго волненія.

— Что ты на это скажешь?—спросилъ онъ, останавливаясь передъ маменькой, когда, дочитавъ письмо до послѣдней строчки, она сложила его и опустила въ рабочій ящикъ.

— Чтожъ мнѣ тебѣ сказать, mon cher, ты самъ лучше меня знаешь, что дѣлать, и какъ ты пожелаешь, такъ и будетъ,—проговорила она, съ трудомъ сдерживая слезы.

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею на диванчикъ и нѣжно ее обнялъ.

— Да вѣдь это же безразсудство, мой ангель.

Вмѣсто отвѣта, маменька прижалась губами къ его рукѣ и поцѣловала ее нѣсколько разъ.

— Онъ вѣдь самъ потомъ будетъ жалѣть,—нерѣшительно вымолвилъ папенька.

— Не думаю,—чуть слышно возразила она.

Онъ поднялся съ мѣста и опять зашагалъ по комнатѣ. И опять минуты на три воцарилось молчаніе. Она взяла работу и, низко пригнувшись надъ нею, чтобъ скрыть слезы, наvertsывавшіяся на глаза, считала крестики на узорѣ, а онъ все ходилъ взадъ и впередъ, насупившись.

— Онъ могъ бы сдѣлать хорошую карьеру, у него есть состояніе, онъ ловокъ, уменъ, красивъ,—началъ снова папенька.

— Но если его все это не прельщаетъ, мой другъ? Если онъ желаетъ непремѣнно быть къ намъ поближе? У насъ имѣнія раскиданы, такъ далеко одно отъ другаго, тебѣ невозможно за всѣмъ самому усмотрѣть, почему бы ему не поручить этого дѣла? Пусть

Володя съ Сережей карьеру дѣлають и дослуживаются до генеральскаго чина, а ужъ Костя...

— А Костя пусть у тебя подъ юбкой сидить? Да?—полушутя, полусердито прервалъ ее отецъ.

— Да развѣ у него здѣсь мало будетъ дѣла?

— Ну, хорошо, дай мнѣ объ этомъ подумать. Во всякомъ случаѣ въ отставку я ему выйти не позволю, пусть возьметъ продолжительный отпускъ по семейнымъ обстоятельствамъ, увидимъ, какъ у него дѣло пойдетъ.

Маменька бросилась его обнимать.

Она была такъ увѣрена, что въ концѣ концовъ папенька сдѣлаетъ то, что ей и Костѣ хочется, что ужъ обнадежила своего любимца въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ нему.

Костя пріѣхалъ къ намъ ранней весной и дня черезъ два отправился въ Березовку, чтобъ начать свою хозяйственную дѣятельность, подъ руководствомъ опытнаго бурмистра, Ивана Савельича. Мы въ тотъ годъ въ деревню не поѣхали.

Раза два въ мѣсяцъ пріѣзжалъ Костя съ отчетами къ папенькѣ и, толкуя съ нимъ и съ другими о хозяйствѣ, высказывалъ такую любовь и способность къ этому дѣлу, что оставалось только радоваться.

— Изъ него дѣйствительно отличный выйдетъ хозяинъ,—говорилъ папенька.

Маменька торжествовала.

— Я тебѣ говорила! А какой у него здоровый и счастливый видъ! На него весело смотрѣть.

— Да, да, онъ очень возмужалъ за послѣднее время. А все-таки, совсѣмъ безъ службы молодому человѣку нельзя, пусть хоть по выборамъ служить. Мнѣ ужъ многіе намекали на то, что дворяне на него имѣютъ виды. Года черезъ два его уѣзднымъ предводителемъ, можетъ быть, выберутъ, Иванъ Семеновичъ врядъ ли захочетъ второе трехлѣтіе эту лямку тянуть, не по силамъ она ему, тутъ человѣкъ молодой нуженъ.

Маменька ничего противъ этого не имѣла, но, чтобъ баллотироваться въ предводители, надо было имѣть свое имѣніе, и рѣшено было Костю выдѣлить, дать ему Березовку въ полную, неотъемлемую собственность.

Онъ былъ внѣ себя отъ радости, и всѣ ликовали.

Всѣ, кромѣ меня.

Въ тотъ годъ я чувствовала себя пренесчастной, обиженной и забытой. Мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, и подъ тѣмъ предлогомъ, что вывозить въ свѣтъ меня еще рано, маменька совсѣмъ мною не занималась, такъ мнѣ казалось по крайней мѣрѣ. Цѣлый день

должна я была проводить наверху, съ гувернанткой, за уроками и за фортопианами. Кромѣ учителей, я никого не видѣла: когда у насъ внизу были гости, меня не звали и болѣе чѣмъ когда либо придирались къ моимъ манерамъ и ко всякому моему слову, но въ выговорахъ, которыми меня преслѣдовали, было такъ мало послѣдовательности, что я не могла ими не возмущаться: то мнѣ говорили: «совсѣмъ взрослая дѣвушка и такая легкомысленная!» то: «въ твои лѣта о такихъ вещахъ и думать не слѣдуетъ, у тебя должны быть на умѣ одни уроки».

Съ братьями я совсѣмъ разошлась. У Володи съ Сережей, которые были меня старше одинъ на годъ, другой на два, завелись какіе-то свои интересы, въ которые они меня не посвящали, подѣ тѣмъ предлогомъ, что женщины въ этомъ ничего не понимаютъ. У нихъ только и разговору было, что про Петербургъ, про то, какъ они тамъ будутъ жить студентами, совсѣмъ, какъ взрослые, деньгами будутъ сами распоряжаться, заведутъ себѣ знакомыхъ, къ которымъ будутъ ходить, ни у кого не спрашивая позволенія, и т. п. Къ нимъ повадились ходить по праздникамъ какіе-то длинноногіе юноши въ гимназической формѣ, съ грубыми голосами, гадкими манерами, совсѣмъ не интересные, и съ которыми у меня не было ровно ничего общаго.

Что же касается до Кости, онъ мнѣ теперь доставлялъ только огорченіе и досаду. Онъ не только пересталъ со мною откровенничать и повѣрять мнѣ свои любовныя и другія тайны, но даже замѣтно избѣгалъ меня. Не зная, чему это приписать, я приходила въ отчаянье и всячески старалась возобновить наши прежнія отношенія, но напрасно ласкалась я къ нему и рассказывала ему про себя, ничего изъ этого не выходило. Онъ слушалъ меня разсѣянно видимо думая о другомъ, не замѣчалъ моей печали и на всѣ вопросы отвѣчалъ уклончиво или вовсе не отвѣчалъ. Онъ третировалъ меня, какъ ребенка, и иногда мнѣ казалось, что ему досадно, что онъ былъ такъ друженъ со мной въ прошломъ году.

Разъ какъ-то, воспользовавшись минутой когда мы остались наединѣ, что случалось очень рѣдко, я ему напомнила про ту даму, въ которую онъ былъ влюбленъ въ Петербургѣ.

— Переписываешься ты съ нею? Все ли она тебя любитъ попрежнему? А ты ее?

Онъ не вдругъ понялъ, про кого я говорю, и, когда я ему это объяснила, звонко расхохотался.

— И ты повѣрила этой сказкѣ? Какая же ты наивная!

— Такъ это все была ложь?!—вскричала я, краснѣя отъ негодованія.

— Разумѣется,—преспокойно отвѣчалъ онъ, даже не оскорбившись словомъ «ложь», которому я постаралась придать особенно обидное выраженіе.

А когда въ другой разъ, среди лѣта, я у него спросила, видится ли онъ съ кузиной Катей, онъ съ презрительной гримаской передернулъ плечами и небрежно отвѣтилъ:

— Очень нужно! Мало у меня въ деревнѣ дѣла, чтобъ съ дѣвчонками время тратить.

Никакихъ, значить, общихъ интересовъ у меня съ нимъ не осталось. Не для чего было и искать съ нимъ свиданій наединѣ, все равно намъ говорить было не о чемъ.

Онъ теперь былъ все съ старшими, относился ко мнѣ свысока и не находилъ никакого удовольствія въ моемъ обществѣ, это было ясно, какъ день. Я была слишкомъ горда, чтобъ навязываться, и мнѣ ничего больше не оставалось, какъ примириться съ одиночествомъ, но это было очень тяжело.

Такъ прошло лѣто и осень. Меня даже не радовало ожиданіе бала въ дворянскомъ собраніи, на который меня должны были въ первый разъ вывезти въ свѣтъ, и обѣщаніе тетеньки Елизаветы Васильевны прислать мнѣ къ этому торжественному дню бѣлое газовое платье съ цвѣтами изъ Петербурга.

Костя все больше и больше отдалялся отъ меня.

Впрочемъ, онъ и съ другими былъ не любезенъ, терпѣть не могъ, когда его спрашивали про его жизнь въ деревнѣ, говорилъ охотно только про хозяйство, и надо было почти силой заставлять его исполнять долгъ вѣжливости не только передъ самыми почтенными лицами въ городѣ, но даже и передъ бабушкой, которая постоянно жаловалась на то, что онъ рѣдко у нея бываетъ и не хочетъ разговаривать съ дамами и дѣвицами, съ которыми она его знакомитъ. Пріѣзжалъ онъ въ городъ не надолго и всегда находилъ предлогъ днемъ или двумя уѣхать раньше срока, имъ же самимъ назначеннаго.

Всѣ это приписывали его увлеченію новымъ дѣломъ и находили весьма естественнымъ.

— Поостынетъ, не беспокойтесь, это онъ такъ на первыхъ порахъ усердствуетъ,—говорили маменькѣ, когда она жаловалась на то, что Костя дичаетъ въ деревнѣ, отсталъ отъ общества и навѣрное даже танцовать разучился.

VIII.

Когда наступило время отвозить Володю съ Сережей въ Петербургъ, это поручили Костѣ, и онъ пріѣхалъ за ними въ концѣ ноября, пользуясь первымъ саннымъ путемъ.

Наканунѣ ихъ отъѣзда, давая наставленія меньшимъ братьямъ, какъ они должны поступить тотчасъ по пріѣздѣ въ столицу, маменька, между прочимъ, приказала имъ на другой день пойти къ тетенькѣ Елизаветѣ Васильевнѣ.

— Не забудьте къ ней къ первой отправиться,—говорила она.

— И у тетеньки Людмиллы не мѣшаетъ вамъ побывать съ визитомъ,—вставилъ отецъ.

Я смотрѣла въ эту минуту на Костю, и меня удивило выраженіе злобы, показавшееся на его лицѣ при имени тетеньки Людмиллы. Глаза его сверкнули ненавистью, и онъ закусилъ себѣ нижнюю губу, точно для того, чтобъ сдержать восклицаніе бѣшенства, готовое сорваться съ его языка.

— Ахъ, непременно,—подхватила маменька.—Мы съ Людмилой теперь не совѣмъ въ ладу, и каждое невниманіе съ вашей стороны будетъ истолковано въ самомъ дурномъ смыслѣ, помните это, пожалуйста.

— Бывать у нея часто нечего, но явиться по пріѣздѣ необходимо,—сказалъ папенька.

А маменька, обращаясь къ Костѣ, прибавила къ этому:

— Она на насъ сердится за то, что мы стоимъ за Андрея Гавриловича и одобряли его заботы о томъ, чтобъ старшая ея падчерица сохранила свое состояніе. Эта дѣвушка ведетъ себя очень дурно, но это не причина, чтобъ ее обижать.

Костя, уткнувшись носомъ въ газету, ни слова на это не возражалъ, но я спросила:

— Развѣ она себя дурно ведетъ?

— Очень дурно. Она бравируетъ общественнымъ мнѣніемъ и всѣхъ порядочныхъ людей отъ себя этимъ отталкиваетъ.

— Но что-жъ она именно дѣлаетъ?

— Ужъ одно то, что она живетъ совершенно одна, крайне неприлично. У нея есть родственники, очень почтенные люди, у которыхъ она могла бы жить, или, наконецъ, взять къ себѣ какуюнибудь старушку изъ благородныхъ, но она этого не хочетъ, и это доказываетъ, что она не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о свѣтскихъ приличіяхъ. Да, и вообще она скачетъ, какъ сумасшедшая верхомъ по лѣсамъ и полямъ, принимаетъ мужчинъ, слушаетъ, глупости, которыя они ей врутъ, хохочетъ съ ними и даже, говорятъ, изъ ружья выучилась стрѣлять и на охоту ходитъ, однимъ словомъ ведетъ себя такъ, какъ дѣвушка изъ хорошей семьи вести себя не слѣдуетъ.

Я опять взглянула на Костю. Онъ, повидимому, интересовался гораздо больше политическими статьями въ «Сѣверной Пчелѣ», чѣмъ нашимъ разговоромъ, и мнѣ стало на него досадно. У насъ теперь положительно ничего не было общаго, ни въ мысляхъ, ни въ чувствахъ.

Когда братья уѣхали, въ домѣ стало очень пусто и грустно. Маменька объявила: теперь надо Маничкой заняться. Меня перевели внизъ, въ комнату рядомъ съ диванной, нарядно убрали

ее розовымъ ситцемъ и бѣлой кисеей и сказали, что я здѣсь могу принимать молодыхъ дѣвушекъ, которыя будутъ прїѣзжать ко мнѣ въ гости.

Задолго до бала, на которомъ меня должны были въ первый разъ показать свѣту, тетенька Елизавета Васильевна выслала мнѣ обѣщанный подарокъ: бѣлое ваперевое платье на атласномъ чехлѣ и букеты розоваго душистаго горошка на голову и къ корсажу.

Маменька была недовольна этимъ подаркомъ и все повторяла что Лиза неисправима:

— Они и тамъ также мотають, какъ и здѣсь. Ну, прислала бы одни цвѣты, если ей ужъ непремѣнно захотѣлось доставить Мачикѣ удовольствіе, но зачѣмъ еще платье?

Меня стали готовить къ балу. Для этого надо было непремѣнно познакомить меня заранѣе съ нѣкоторыми изъ городскихъ дамъ, официально представить меня, такъ сказать, обществу. Мнѣ сдѣлали визитное платье изъ легкаго шелка, лиловое съ бѣлыми полосками, такую же шляпу и повезли съ визитами.

Никакого праздника въ тотъ день не было, но я должна была быть нарядна, такъ какъ это былъ мой первый выѣздъ въ свѣтъ, мой первый экзамень, такъ сказать.

Маменька очень волновалась и всю дорогу въ каретѣ напоминала мнѣ, какъ я должна себя держать и какъ отвѣчать на вопросы, которые мнѣ стануть предлагать.

Сама я, разумѣется, не смѣла ни съ кѣмъ изъ старшихъ заговаривать, въ то время это считалось крайне неприличнымъ для молодой дѣвушки.

Должно быть, я все исполнила такъ, какъ она желала, потому что, возвращаясь домой, она крѣпко меня расцѣловала, замѣтивъ при этомъ, что я теперь совсѣмъ взрослая и должна къ ней относиться, какъ къ другу.

Въ какой восторгъ привели меня эти слова! Я чуть не расплакалась отъ радостнаго волненія.

Въ наше время родители ласками не злоупотребляли; я до сихъ поръ помню поцѣлуй, которыми меня награждали въ особенныхъ случаяхъ, это была дѣйствительно награда, выше которой и ничего не могла себя представить.

Гувернантка мнѣ больше не была нужна; ее предупредили заранѣе, и она вскорѣ отъ насъ уѣхала на другое мѣсто.

Ко мнѣ все еще продолжали ходить учителя, но я съ ними занималась ужъ одна и все свободное время проводила либо за роялемъ, либо въ гостинной съ маменькой. Мы вмѣстѣ читали и работали. Съ утра должна я была быть тщательно одѣта и причесана, потому что помогала маменькѣ принимать гостей, а когда она куда нибудь ѣхала, то всегда брала меня съ собой.

Такимъ образомъ прошла зима.

Отъ братьевъ каждую недѣлю получались извѣстія. Меньшіе выдержали экзаменъ и поступили въ университетъ, а Костя, который долженъ былъ, устроивши ихъ, вернуться назадъ, замѣшкался въ Петербургѣ. Папенька надавалъ ему порученій по процессу, который онъ, ужъ Богъ знаетъ, сколько лѣтъ велъ съ сосѣдомъ въ Вологодской губерніи, гдѣ у насъ было имѣніе, и дѣло это задержало Костю до масляницы. Онъ былъ въ отчаяніи, что не можетъ вернуться скорѣе къ себѣ въ деревню, но папенька въ каждомъ письмѣ рекомендовалъ ему терпѣніе и чтобъ онъ отнюдь не уѣзжалъ, обстоятельно не кончивъ порученнаго ему дѣла.

На масляницѣ я каждый день танцовала, и дома, и у знакомыхъ, но не скажу, чтобъ была въ особенномъ восторгѣ отъ этихъ удовольствій. Мнѣ надо было дѣлать надъ собою усиліе, чтобъ не скучать въ большомъ обществѣ.

— Она въ тебя, душа моя, такая же домосѣдка, — замѣчалъ мой отецъ, когда маменька бранила меня при немъ за то, что я не довольно весела и любезна въ обществѣ.

— Не втянулась еще, — говорила бабушка, которая не въ состояніи была понять, чтобъ можно было не обожать баловъ и рядовъ.

Когда наступилъ великій постъ, я обрадовалась, упростила маменьку говѣть на первой недѣлѣ и никогда еще не молилась съ такимъ увлеченіемъ, какъ въ этотъ годъ. Въ рѣзкомъ переходѣ отъ шумнаго веселья къ мирному настроенію, отъ земныхъ и грѣшныхъ помысловъ къ возвышающимъ душу чувствамъ и мыслямъ, я находила особенную прелесть.

Отъ братьевъ ужъ недѣли двѣ не было извѣстій, и маменька начинала тревожиться.

— Да вѣрно, Костя ужъ назадъ ѣдетъ, вотъ и не пишутъ, — говорилъ папенька.

Однако прошла еще недѣля, и ни писемъ, ни Кости не было. Во всемъ домѣ стали поговаривать: ужъ не случилось ли чего съ молодыми господами? Но вѣдь въ случаѣ какойнибудь бѣды, храни Богъ, Николай Васильевичъ непремѣнно приказалъ бы Мишкѣ отписать объ этомъ барину.

Николай Васильевичъ былъ старый дядька меньшихъ братьевъ, онъ долженъ былъ при нихъ остаться въ Петербургѣ, а Мишка былъ камердинеръ Кости, большой его любимецъ. Баринъ его грамотѣ выучилъ и никогда съ нимъ не разставался.

Успокоивали себя у насъ въ домѣ также и тѣмъ соображеніемъ, что наступила распутица, и очень можетъ быть, что Костя ждетъ на какойнибудь станціи проѣзда, чтобъ навели мостъ, размытый дождями, или чтобъ починили ему экипажъ. Въ распутицу экипажи всегда ломаются.

И вотъ однажды въ сумерки папенька занимался у себя въ

кабинетѣ, маменька отдыхала въ спальнѣ, а я въ большой залѣ, съ припертыми кругомъ дверями, чтобъ ея не разбудить, играла на фортепіано, какъ вдругъ я услышала, что меня зовутъ.

— Барышня! Барышня!

Я узнала голосъ дѣвочки Ленки, но видѣть ее не могла: въ дверяхъ корридора, изъ котораго она не осмѣливалась переступить въ залу, было совсѣмъ темно, и я встала, чтобъ подойти къ ней.

— Что тебѣ?

— Барышня, золотая, пожалуйста въ сѣнцы, васъ тамъ спрашиваютъ... очень, очень нужно... Да вы тише, чтобъ никто не видѣлъ... тетенька Прасковья Лукинишна заснула, всѣ дѣвушки побросали работу, сумерничаютъ, мы черезъ буфетную пройдемъ, насъ никто не увидитъ...

Она говорила это торопливымъ шепотомъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ и по пятамъ слѣдуя за мной по темнымъ комнатамъ и переходамъ, черезъ которые надо было пройти, чтобъ достичь до двери въ черныя сѣни.

Мнѣ тоже было жутко, и предчувствіе чего-то страшнаго защемило мнѣ сердце.

Когда мы подошли къ тяжелой двери на блокѣ, Ленка, прежде чѣмъ растворить ее, накинула мнѣ на плечи свой платокъ.

— Холодно тамъ, милая барышня, не простудитесь.

— Да кто тамъ? Позови лучше сюда,—сказала я.

— Нельзя, милая барышня, никакъ нельзя... Ужъ будьте добренькая, сдѣлайте вашу милость, выйдите къ нимъ сами. Здѣсь могутъ увидѣть...

И вдругъ, съ сдавленнымъ возгласомъ: «Ай, батюшки! идетъ кто-то!»—она быстрымъ толчкомъ пріотворила дверь и вытолкнула меня на площадку лѣстницы.

Тутъ было такъ темно, что въ первую минуту, кромѣ женской фигуры въ черномъ, прижимавшейся къ бѣлой стѣнѣ, я ничего не могла различить.

При моемъ появленіи она рванулась впередъ и, схвативъ мои руки, проговорила прерывающимся шепотомъ: «Что Костя? Лучше ему? Живъ онъ еще? Вы получили письмо... ради самого Господа, скажите мнѣ! Милая моя, дорогая Маничка, скажите мнѣ!»—повторяла она въ какомъ-то изступленіи, сжимая до боли мои руки въ своихъ тонкихъ и, какъ ледъ, холодныхъ пальцахъ.

Я ничего не понимала. Женщина эта, называвшая меня по имени и обращавшаяся со мной такъ фамиллярно, точно она давно меня знаетъ, казалась мнѣ то привидѣніемъ какимъ-то, то сумасшедшей, вырвавшейся изъ дома умалишенныхъ, и я въ ужасѣ отступила отъ нея, на сколько могла.

— Кто вы такая?—спросила я дрогнувшимъ голосомъ.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1893 г., т. LIV.

— Я... я—Катя,—проговорила она съ усиленіемъ, выпуская мои руки изъ своихъ.

И смолкла. Я тоже молчала.

Катя, кузина Катя!

Она спрашивала про Костю... стало быть, она его знаетъ? Но какъ же это? Какъ же? И что такое ей нужно отъ меня? Про какое письмо она говорить?—спрашивала я себя, не будучи въ силахъ произнести ни слова отъ изумленія.

Она раньше меня оправилась и собралась съ духомъ.

— Вы получили отсюда письмо, что про него пишутъ?—спросила она робкимъ, умоляющимъ тономъ.

Мое молчаніе видимо пугало ее; она отступила назадъ, къ самой лѣстницѣ, и я слышала ея тяжелое, прерывистое дыханіе. Мнѣ ее стало жалко, и я почувствовала къ ней нѣжность. Хотѣлось ее успокоить и приласкать, но я не знала, какъ это сдѣлать.

— Мы никакого письма не получали и ничего не знаемъ про Костю. Развѣ съ нимъ что нибудь дурное случилось?—спросила я.

— Да, онъ заболѣлъ. Первое время Мишка мнѣ каждый день писалъ по его порученію, а потомъ, какъ ужъ бредъ начался, онъ ужъ отъ себя... тоже каждый день... Я переѣхала въ городъ, чтобъ скорѣе получать письма, сама каждый день два раза хожу на почту, вѣрнѣе знаете, и вотъ ужъ пять дней отсюда ничего нѣтъ... Силь моихъ нѣтъ больше терпѣть, я боюсь съ ума сойти... Ради Бога, скажите мнѣ, на почтѣ я узнала, что вашему папенькѣ есть письмо изъ Петербурга, это вѣрно объ Костѣ... Можетъ быть, ему хуже, онъ, можетъ быть...

Страшное слово замерло въ глухомъ стонѣ, и она закрыла лицо руками.

Глаза мои привыкли къ темнотѣ, и я теперь различала черты ея лица. Она очень похудѣла съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись, но была все такая же красивая.

— У насъ письма приносятъ только вечеромъ,—сказала я.

— О, Господи! Я, значить, ничего не узнаю сегодня!—вскричала она съ отчаяніемъ.

Я взяла ея руку.

— Не плачьте, я вамъ дамъ знать...

— Спасибо, спасибо! Черезъ Ленку, да? О, какая вы добрая, хорошая, недаромъ онъ васъ такъ любитъ!

И, быстрымъ движеніемъ нагнувшись къ моимъ рукамъ, она стала ихъ цѣловать, а я ее обняла.

Какъ могло все это случиться? Какъ поняла я вдругъ, что за отношенія существуютъ между моимъ братомъ и этой дѣвушкой, и какъ осмѣлилась я не только разговаривать съ нею, но еще выказывать ей сочувствіе?

До сихъ поръ не могу себѣ этого объяснить.

Во мнѣ проснулось новое существо, толкавшее меня на такіе поступки, возбуждавшее во мнѣ такіа чувства, на которыя нѣсколько минутъ тому назадъ я ни за что не была бы способна.

— Да, я вамъ пришлю сказать съ Ленкой,—повторила я.

— Она знаетъ, гдѣ я живу,—начала Катя и хотѣла еще что-то прибавить, но дверь за мной пріотворилась, и мы услышали испуганный голосъ Ленки.

— Барышня, идите скорѣе, васъ по всему дому ищутъ, маменька зоветъ.

— Идите, идите, спасибо вамъ, спасибо...

Что сказала еще Катя, я не слышала, бѣгомъ кинулась я въ гостиную.

Еслибъ въ эту минуту въ комнатѣ было свѣтлѣе, и маменька, замѣтивъ мое волненіе, спросила бы, что со мной, я, безъ сомнѣнія, во всемъ бы ей созналась, но въ гостиной было пусто и темно, только сквозь спущенныя драпировки проникала сюда узкая полоса свѣта изъ спальни.

Неслышно ступая по ковру, подошла я къ двери и, прежде чѣмъ войти, заглянула въ комнату. Маменька сидѣла на диванѣ съ папенькой и держала въ рукѣ исписанный листъ почтовой бумаги.

Это было письмо, о которомъ приходила узнавать Катя, безъ сомнѣнія.

— Это ты, Маничка?—спросила маменька, когда я вошла.

И, не дожидаясь отвѣта, она весело прибавила.

— Отъ нашихъ письмо. Костя былъ очень боленъ, но теперь, слава Богу, выздоровѣлъ и надняхъ пріѣдетъ. Мы съ тобой завтра въ монастырь поѣдемъ, благодарственный молебень отслужить.

— Онъ совсѣмъ выздоровѣлъ?—спросила я.

— Совсѣмъ.

— Самъ пишетъ, чего же вамъ больше,—замѣтилъ папенька.

— Они раньше насъ ни о чемъ не увѣдомили, чтобъ не испугать.

— И прекрасно сдѣлали,—подхватилъ папенька.

Я должна была сѣсть и выслушать содержаніе письма, которое для меня нарочно сызнава стали перечитывать, но я и слушала, и спрашивала все какъ-то машинально, умъ и сердце были полны другимъ.

Скорѣе дать знать Катѣ, чтобъ она успокоилась. Но какъ это сдѣлать? Подъ какимъ предлогомъ уйти? Какъ приступить съ щекотливымъ порученіемъ къ Ленкѣ? И вдругъ она насъ съ Катей выдастъ? Разболтаетъ нашу тайну? Какая досада, что я этого раньше не сообразила! Теперь ужъ ничего больше не оставалось, какъ положиться на волю Божию, что будетъ, то будетъ...

— Прикажи въ гостиной лампу зажечь, душа моя,—сказала маменька.

Я поспѣшно встала и пустилась бѣжать въ дѣвичью, но дальше коридора мнѣ идти было не для чего, Ленка меня тутъ ждала.

— Ну что, барышня?

— Ты знаешь, гдѣ она живетъ?

— Да вѣдь онѣ все еще здѣсь, на лѣстницѣ.

— Такъ бѣги къ ней скорѣе, скажи, что все хорошо.

— Молодой баринъ нашъ выздоровѣлъ?

Оказывается, что дѣвчонка эта была посвящена во всѣ тайны.

— Да, да, выздоровѣлъ, надняхъ пріѣдетъ.

— Ну, слава тебѣ, Господи!

И Ленка, крестясь, побѣжала въ сѣни, а я, исполнивъ порученіе маменьки, вернулась въ спальню.

Х.

Съ этой минуты внутреннюю мою жизнь можно было раздѣлить на двѣ эпохи: когда я еще ничего не знала про Костинъ романъ съ Катей и когда я о немъ узнала.

Съ виду я была, какъ всегда, занималась музыкой, работала, читала одна и съ маменькой, разговаривала съ гостями, но въ душѣ моей свершился сильный переворотъ. Въ однѣ сутки развилась я больше, чѣмъ въ нѣсколько лѣтъ при обычномъ теченіи жизни. Всѣ заботы, горести и несчастья, которыми я мучилась до сихъ поръ, казались мнѣ теперь сущимъ вздоромъ, на который не стоитъ и вниманія обращать. То ли бываетъ съ людьми въ жизни!

И образъ Кати, съ блѣднымъ, искаженнымъ отчаяніемъ и страхомъ лицомъ, всюду меня преслѣдовалъ.

Но еще больше болѣло у меня сердце по Костѣ. Какъ они должны были оба страдать! А я еще позволяла себѣ на него сердиться за то, что онъ недоволенъ ко мнѣ внимателенъ и избѣгаетъ оставаться со мной наединѣ.

Ихъ тайна мучила меня ужасно, но еще мучительнѣе было думать о томъ, что произойдетъ, когда родители наши ее узнаютъ. А что рано или поздно кончится тѣмъ, что они узнаютъ, въ этомъ невозможно было сомнѣваться.

Когда ужъ Ленка знаетъ!

Что-то будетъ, когда Костя вернется?

Неужели ему позволять жениться на Катѣ? Ахъ, какъ это было бы хорошо! Она мнѣ была близка, какъ родная, эта дѣвушка. Какъ она его любитъ! Вотъ это настоящая любовь. Переѣхать въ городъ только для того, чтобъ днемъ или двумя раньше получать о немъ извѣстія! А сколько надо было храбрости, чтобъ къ намъ прійти! Вѣдь она подвергалась всевозможнымъ опасностямъ, ее могли встрѣтить на лѣстницѣ, узнать ее, донести папенькѣ. Попадись она,

напримѣръ, на глаза Ивану или Павлу, экономкѣ или маменькиной Софѣ, непремѣнно бы донесли.

Она прибѣжала ко мнѣ, она знала, что я ея не оттолкну. Милая, милая Катя! Какъ я ее люблю!

И какъ я теперь понимала переменѣну въ обращеніи со мной Кости! Онъ любилъ и вѣрилъ мнѣ все попрежнему, но узналъ, что мнѣ будетъ тяжело жить, зная то, что я теперь узнала, и изъ жалости ко мнѣ скрывалъ и отъ меня свою тайну.

Но теперь, когда ужъ мнѣ все извѣстно, онъ долженъ мнѣ сказать, какъ они думаютъ поступить. Вѣдь маменька очень дурнаго мнѣнія о Катѣ. Ее въ особенности смущаютъ Катины манеры. Она представляетъ ее себѣ какой-то безстыдной и отчаянной.

А какія у Кати манеры?

Какъ ни старалась я себѣ это представить, мнѣ это не удавалось.

Видѣла я ее всего только два раза; въ первый она показалась мнѣ чрезвычайно красивой и интересной, настоящей героиней романа, а во второй такой жалкой, что я вспомнить не могла про нее безъ слезъ. Робкое что-то такое и приниженное было въ ней. Еслибъ мнѣ сказали, что та самая дѣвушка, которая въ прошломъ году такъ надменно отъ насъ отворачивалась въ своей лодкѣ, будетъ черезъ полтора года трепетать передо мной и со слезами цѣловать мои руки, я ни за что бы этому не повѣрила.

Послѣ того, что произошло, мнѣ было непріятно встрѣчаться съ Ленкой, да и она отъ меня бѣгала. Боялась, вѣрно, меня столько же, сколько и я ее.

Однако, нѣсколько дней спустя, встрѣтившись съ нею въ коридорѣ, и замѣтивъ что у нея глаза вспухли отъ слезъ, я не вытерпѣла, чтобъ не заговорить съ нею, и спросила, что съ нею случилось.

— Прибили тебя, вѣрно? За что?

— Тетенька Афросимовна выдрала,—отвѣчала она потупляясь. Тетенька Афросимовна—это была наша няня.

— За что?—повторила я мой вопросъ.

Она опустила еще ниже голову и прошептала чуть слышно:

— За Катерину Федоровну.

— Да развѣ она знаетъ?—вырвалось у меня.

Ленка, утвердительно кивнувъ, пустилась бѣжать отъ меня.

Положеніе усложнялось. Хорошо, что скоро должна была наступить развязка. Костю ждали съ часу на часъ.

Наконецъ онъ пріѣхалъ. Очень блѣдный и худой. Сильно, должно быть, былъ боленъ. Выѣхалъ онъ, не совѣмъ оправившись, докторъ боялся рецидива и уговаривалъ его еще съ недѣлку пробыть въ Петербургѣ, но онъ не могъ послѣдовать этому совѣту, слишкомъ тянуло его въ Березовку.

— Полевья работы начались безъ меня, такая досада!

Впрочемъ, дорогой онъ чувствовалъ себя прекрасно.

— И чѣмъ ближе я сюда подъѣзжалъ, тѣмъ мнѣ становилось все лучше и лучше, теперь я совсѣмъ здоровъ и могу опять за дѣло приняться.

— Но вѣдь ты, всетаки, у насъ поживешь, — сказала маменька.

— Разумѣется, мнѣ бы только къ посѣву не опоздать, — отвѣчалъ онъ, цѣлуя ея руки. — Да боюсь я, чтобъ они не такъ вспахали, какъ я имъ приказывалъ. Вы представить себѣ не можете, какъ нашъ русскій мужикъ упрямъ, всѣ они, до одного — самые отчаянные рутинеры. Я, папенька, хочу начать клеверъ у себя сѣять. Скота у меня осенью прибавится, а клеверомъ можно самую лядящую коровенку на славу откормить.

Папенька слушалъ его, съ улыбкой и весело потирая руки.

Теперь онъ столько же, сколько и маменька, былъ доволенъ тѣмъ, что Костя хозяйствомъ занялся.

Костя много рассказывалъ про Петербургъ, про братьевъ, про тетеньку Елизавету Васильевну съ мужемъ.

— А тетку Людмиллу ты видѣлъ? — спросилъ отецъ.

— Не удалсъ, былъ у нея два раза и все не заставалъ, но братья ее видѣли.

— Хорошо, что хоть они ей вѣжливость оказали, — замѣтила маменька. — Чтожъ это она совсѣмъ поселилась въ Петербургѣ?

— Совсѣмъ, кажется, у нея постоянная квартира тамъ нанята, впрочемъ, вѣроятно, она на лѣто пріѣдетъ въ Зобовку, — отвѣчалъ Костя самымъ равнодушнымъ и спокойнымъ тономъ.

Онъ отлично владѣлъ собой, но теперь отъ меня не ускользали ни разсѣянность его, ни задумчивость, ни усилія, которыя онъ надъ собой дѣлалъ, чтобъ скрывать и то и другое. Я теперь знала, о чемъ онъ думаетъ, и о комъ у него болитъ душа въ то время, когда онъ съ притворнымъ восхищеніемъ распространялся съ папенькой о новомъ плугѣ и о клеверѣ, а маменькѣ описывалъ обстановку братьевъ и рассказывалъ про тетю Лизу и про ея мужа.

Съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждала я, чтобъ онъ заговорилъ со мной про Катю. Ужъ онъ, вѣрно, знаетъ о томъ, что произошло между ею и мной.

Но онъ молчалъ. Только передъ самымъ отъѣздомъ, обнимая меня на прощаніе, шепнулъ онъ мнѣ на ухо:

— Молись за насъ, Маничка.

— Я ее очень люблю, — отвѣчала я ему точно также тихо.

Онъ крѣпко пожалъ мою руку. Тутъ стояли папенька съ маменькой и дворовые, сбѣжавшіеся провожать молодого барина, и ни слова нельзя было больше сказать.

Прошло еще съ мѣсяцъ. Я начала успокоиваться насчетъ влюбленныхъ. Имъ, можетъ быть, удастся сохранить еще долго,

долго свою тайну, а, можетъ быть, случится какая нибудь счастливая переменѣна, вслѣдствіе которой все отлично устроится. Вѣдь стоитъ только маменькѣ познакомиться съ Катей, чтобъ полюбить ее...

И у няни видѣ былъ ужъ не такой угрюмый, какъ прежде, стало быть, и она успокоилась.

Мы только трое во всеѣмъ домѣ, няня, Ленка и я, были посвящены въ Костину тайну, но мы и виду не показывали, что она намъ извѣстна. Хотѣлось замаять этотъ фактъ, увѣрить себя, что онъ не существуетъ, и намъ это отчасти удавалось.

У Кости былъ съ няней разговоръ передъ отъѣздомъ—про Катю, я была въ этомъ убѣждена. Я видѣла это по ея разстроенному лицу, когда она выходила изъ его комнаты, пробывши тамъ съ нимъ болѣе получасу. Встрѣтившись со мной, она угрюмо нахмурилась и отрывисто мнѣ сказала:

— Не ходи къ нему, ему не до тебя.

Вѣроятно, при этомъ свиданіи они условились обращаться со мной такъ, какъ будто я ничего не знаю.

Разумѣется, это было самое лучшее, что только можно было придумать. Воображеніе мое, не находя себѣ пищи въ разговорахъ, должно было мало-по-малу успокоиться.

Правда, что все тому способствовало. Про Катю у насъ въ семьѣ совсѣмъ точно забыли. Андрей Гавриловичъ ни разу въ тотъ годъ не пріѣзжалъ въ городъ, тетенька Людмила оставалась въ Петербургѣ съ дѣтьми и съ меньшимъ пасынкомъ, бабушка съ нею за что-то поссорилась и избѣгала говорить про нее и про дѣтей покойнаго Федора Николаевича, однимъ словомъ, гроза, надвигавшаяся на насъ, пріостановила на время свое роковое шествіе и разразилась только въ началѣ іюня.

XI.

Какъ именно и черезъ кого все открылось, никогда мы не могли достовѣрно узнать.

Можетъ быть, тетенька Людмила, проѣздомъ черезъ нашъ городъ въ маѣ мѣсяцѣ, рассказала кому нибудь про Костю съ Катей, а, можетъ быть, ея вѣрная Варька насплетничала про нихъ бабушкинымъ людямъ, а эти передали нашимъ, такъ или иначе, но въ одно прекрасное утро няню позвали въ спальню и такъ ее бранили, что она вышла оттуда съ красными отъ слезъ глазами. А потомъ за меня принялись.

Оказалось, что все стало вдругъ извѣстно, все, начиная отъ нашей первой встрѣчи съ Катей на берегу рѣки и кончая послѣднимъ моимъ разговоромъ съ нею на черной лѣстницѣ.

Разумѣется, я поступила очень дурно и сдѣлала большой грѣхъ, скрывъ все это отъ маменьки, и я заслужила, чтобъ на меня сердились, но, должно быть, маменька вообразила себѣ нѣчто еще болѣе ужасное, потому что, убѣдившись, что это все, что никакихъ другихъ сношеній съ гадкой дѣвчонкой Катькой у меня не было, и что мы съ Костей никогда про нее не говорили, она успокоилась на мой счетъ, особенно послѣ того, какъ я по ея требованію дала ей слово никогда больше ничего не скрывать ни отъ нея, ни отъ папеньки, и всѣми силами стараться забыть, что я видѣлась и говорила съ потерянной дѣвушкой, позорившей семью.

— Никогда не должна ты про нее думать, никогда! Ты должна забыть про ея существованіе,—повторяла она внѣ себя отъ гнѣва.

Папенька тоже былъ очень разсерженъ и огорченъ, но онъ старался ее успокоить и просилъ не предаваться отчаянью.

— Мы отправимъ его въ Петербургъ, пусть поступаетъ опять на службу и тогда онъ все забудетъ,—говорилъ онъ.

— Да вѣдь и она туда за нимъ можетъ поѣхать, такая отчаянная, отъ нея все станется,—возражала маменька.

— Ну, это мы еще увидимъ. На такихъ вѣдь тоже уѣмъ найдется. За безпутство-то и въ монастырь запираютъ. Я его самъ поселю въ Петербургъ, назначу ему, съ кѣмъ видѣться и съ кѣмъ нѣтъ. Можно попросить дяденьку Дмитрія Николаевича за нимъ присматривать.

— Ахъ, скорѣе бы вырвать его изъ ея сѣтей, пока она его еще не совсѣмъ испортила! Какъ онъ сталъ лгать, это ужасно! Такой былъ прежде честный, правдивый, откровенный, а теперь! Какъ подумаешь, что онъ почти два года насъ обманывалъ, притворялся передъ нами!

За Костей послали верхового.

Онъ долженъ былъ пріѣхать не раньше, какъ черезъ четыре дня. До Березовки, проселочными дорогами, было верстъ триста.

Всѣ эти четыре дня мы провели въ томительной агоніи. Маменька не выходила изъ спальни, папенька сидѣлъ со мной вдвоѣмъ за обѣдомъ, не говоря ни слова и не раздвигая бровей. Никого изъ чужихъ не приказано было принимать, но бабушка, разумѣется, прискакала и еще больше разстроила маменьку своими совѣтами и замѣчаніями.

При ихъ бесѣдѣ я не присутствовала, но, проходя мимо гостиной, услышала, между прочимъ, такую фразу:

— Еслибъ онъ еще могъ на ней жениться!..

Значитъ, онъ этого не могъ сдѣлать, если всѣ были въ такомъ отчаяннн!..

Я побѣжала къ нянѣ за разрѣшеніемъ этого сомнѣнія: не въ силахъ я была оставаться дольше въ неизвѣстности на этотъ счетъ.

Няня тоже второй день лежала за своей занавѣской съ сильной головной болью, обвязанная тряпкой, намоченной въ уксусѣ.

— Няня, почему Костя не можетъ жениться на Катѣ? Скажи мнѣ, ради Бога,—спросила я, усаживаясь у нея въ ногахъ, на перину, накрытую ситцевымъ, изъ лоскутковъ, одѣяломъ.

— Да какъ же онъ на ней женится-то, вѣдь она ему сестра двоюродная. Ни одинъ попъ вѣнчать не станетъ.

Да, она ему черезъ тетеньку Людмиллу доводилась родственницей.

— Что-жъ теперь съ ними будетъ? И какъ это они могли влюбиться другъ въ друга, когда имъ нельзя обвѣнчаться? — продолжала я допрашивать мою старушку.

— Потому что безстыжая она, вотъ почему, — угрюмо отрѣзала няня.

Правда, надо было быть совсѣмъ безстыжей, чтобъ полюбить человѣка, за котораго нельзя выйти замужъ, съ этимъ я была вполне согласна, но, всетаки, мнѣ ихъ обоихъ было очень жаль.

— Ленку въ деревню, поди чай, сошлютъ, — замѣтила няня, помолчавъ немного, и глубоко вздохнула.

— Надѣлали дѣловъ, сдѣлали насъ всѣхъ съ праздникомъ, нечего сказать.

— Да что-жъ это будетъ, няня? Они такъ любятъ другъ друга, вѣдь она будетъ ужъ совсѣмъ несчастная, если его въ Петербургъ отправятъ.

— И подѣломъ, не паялся, куда не слѣдуетъ, — злобно пропищѣла няня.

— Они отъ отчаянья умрутъ, няня!

— Не твоя эта, матушка, забота, — сердито возразила она. — Ты и безъ того совсѣмъ не кстати въ это дѣло впуталась. Ну, что если, Боже храни, да прознаютъ въ городѣ, что ты къ ней на лѣстницу выходила, да разговаривала съ нею? Какая про тебя молва пойдетъ? Страмъ! Замужъ никто не захочетъ взять, въ старыхъ дѣвкахъ засидишься, вотъ какъ Симоновскія барышни.

Я сознавала, что она права, и чувствовала себя очень несчастной. Папенька съ маменькой меня долго не простятъ, цѣлый годъ, можетъ быть, или даже дольше. Вина моя передъ ними казалась мнѣ огромной. Развѣ я не скрывала отъ нихъ, что два раза видѣла Катю и разговаривала съ нею? Развѣ я не помогала Костѣ ихъ обманывать? Когда маменька, рыдая, повторяла: «онъ весь изолгался, вотъ что мнѣ всего прискорбнѣе», я не могла не принимать этого горькаго упрека и на свой счетъ.

Вышло такъ, что я была одна въ залѣ, когда Костя пріѣхалъ, и я кинулась къ нему со словами:

— Все открыто! Маменька больна...

— Больна? — отрывисто прервалъ онъ.

Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, губы его дрожали, а глаза такъ ввалились, точно съ нимъ опять была горячка.

— Да, она лежитъ. Когда она узнала про Катю...

При этомъ словѣ онъ сдвинулъ брови и, слегка оттолкнувъ меня отъ себя, направился къ гостинной.

— Куда ты?—спросила я съ испугомъ, хватая его за руку.

— Пусти, мнѣ надо ее видѣть...

— Константинъ Сергѣевичъ, пожалуйста къ папенькѣ,—раздался за нами голосъ стараго камердинера, Павла.

Я убѣжала въ свою комнату и, зарывшись лицомъ въ подушку, разрыдалась.

Мнѣ надо было выплакаться, слишкомъ наболѣло сердце.

До завтрака не выходила я изъ моей комнаты, боялась попасться маменькѣ на глаза съ распухшимъ отъ слезъ лицомъ. Она терпѣть не могла внѣшнихъ проявленій горя, и мнѣ часто доставалось за слезы.

За полчаса до завтрака няня сама пришла меня одѣвать.

— Оправься, сейчасъ въ столовую позовутъ,—сказала она.

И, не глядя на меня, начала все готовить у туалетнаго стола.

— Что тамъ, няня, дѣлается?—спросила я, когда она стала снимать съ меня папильотки.

— Извѣстно что. Маменька плачетъ, папенька туча тучей.

Я видѣла въ зеркалѣ, передъ которымъ сидѣла, ея угрюмое лицо, и мнѣ было жутко ее разспрашивать, но, кромѣ какъ отъ нея, мнѣ не отъ кого было что либо узнать и, собравшись съ духомъ, спросила про Костю.

— Видѣлъ онъ маменьку?

Но на вопросъ этотъ она только махнула рукой и допрашивать я ее больше я не рѣшилась.

— Ну, бѣги скорѣе,—сказала она, одѣвши меня, — да веселѣе будь, ты, какъ барышня, ни во что не должна вмѣшиваться, твое дѣло сторона. Ты сама себя соблюдать должна, чтобы не сказали про тебя, что ты дурные примѣры видѣла, такъ-то.

Когда я вошла въ столовую, тамъ еще никого не было, но изъ гостинной слышались голоса, и, къ моему удивленію, довольно спокойные. Папенька говорилъ про новаго вице-губернатора, а маменька про бабушку, что Костя теперь не застанетъ ея дома, если къ ней поѣдетъ, потому что она хотѣла до обѣда въ монастырѣ побывать, у своей пріятельницы, игуменьи.

Что отвѣтилъ на это Костя, я не разслышала, но замѣтила, что голосъ его звучалъ какъ-то глухо.

Впрочемъ, это единственная перемѣна, которую со стороны можно было въ немъ замѣтить. Когда они вошли, онъ поздоровался со мною такъ, какъ будто мы раньше не видѣлись. Забылъ вѣрно про нашу встрѣчу въ залѣ тотчасъ послѣ его приѣзда.

За столомъ разговоръ не клеился. Папенъка былъ молчаливъ и задумчивъ, маменька давала порученія Костѣ въ Петербургъ и, по-видимому, совершенно спокойно относилась къ его отъѣзду. Еслибъ глаза у нея не были красны отъ пролитыхъ слезъ, да еслибъ Костя не былъ такъ блѣденъ, можно было бы подумать, что между ними ничего особеннаго не произошло. Но я слишкомъ хорошо ихъ знала, чтобъ не видѣть, какъ они всѣ страдаютъ, и, глядя на нихъ, сердце раздиралось.

Послѣ завтрака я ушла играть на фортопіанахъ въ большую залу, папенъка уѣхалъ на службу, а маменька заперлась съ Костей въ спальнѣ. Но не прошло и часу, какъ онъ вошелъ въ залу, подошелъ ко мнѣ и нѣжно меня обнялъ.

— Это за Катю,—сказалъ онъ, цѣлуя меня.

— Что съ нею будетъ, Костя? Она такъ тебя любитъ, ей не вынести разлуки съ тобой,—прошептала я, обвивая руками его шею и прижимаясь къ нему.

— Никогда я съ нею не разстанусь, Маничка, никогда,—возразилъ онъ.

— Да вѣдь ты жениться на ней не можешь?

— Она ужъ и теперь моя жена передъ Богомъ, а скоро будетъ ею и передъ людьми.

— Да какъ же это, Костя?

— Насъ обвѣнчаютъ. Мы до тѣхъ поръ будемъ хлопотать, пока не добьемся этого, и тогда родители насъ простятъ и примутъ Катю, какъ дочь.

Онъ говорилъ съ такою увѣренностью, что вѣра его и мнѣ передалась. Однако, я нерѣшительно замѣтила, что вѣдь она ему двоюродной сестрой приходится.

— Вадоръ, она падчерица, а не родная дочь нашей тетки, кровнаго родства нѣтъ. Мнѣ разрѣшать на ней жениться, надо только похлопотать.

— Но вѣдь хотятъ, чтобъ ты въ Петербургъ ѣхалъ?

— И отлично, тамъ всѣ эти дѣла и обдѣлываются.

— Ты это имъ сказалъ?—спросила я, указывая на дверь въ гостинную.

— Нѣтъ, съ ними нельзя объ этомъ говорить. Они не вѣрятъ, что у насъ хватитъ терпѣнія ждать, они надѣются, что стоитъ насъ только разлучить, чтобъ мы разлюбили другъ друга, но вѣдь это же невозможно! Я не могу бросить Катю! Это была бы подлость съ моей стороны!

А я все повторяла:

— Да ты имъ это скажи, заставь ихъ понять! О, пожалуйста, умоляю тебя, скажи имъ! Ради самого Господа, не обманывай ихъ. Вѣдь все узнается, и какъ имъ будетъ тяжело тогда!

— Да пойми же ты, что они слишкомъ противъ нея возбу-

ждены, чтобъ съ ними объ ней говорить. Маменька ее иначе какъ... Нѣтъ, не могу я повторить, какъ она ее называетъ, мнѣ это слишкомъ больно! Бѣдная, бѣдная моя Катя! О, какой я мерзавецъ! Какъ я съ нею подло, низко поступилъ! И хотятъ еще, чтобъ я ее бросилъ, чтобъ я оставилъ ее одну, несчастную, опозоренную... когда у нея никого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ меня, о Господи, Господи!

Онъ упалъ на первый попавшійся стулъ и зарыдалъ, сжимая голову руками.

Я стояла передъ нимъ ни жива, ни мертва. Каждую минуту могъ войти кто нибудь и помѣшать ему высказать все, что у него накопилось на душѣ, а ему высказаться было такъ нужно.

— Слушай, Маня,—началъ онъ, немного успокоившись и при­тягивая меня къ себѣ,—пойми хоть ты, что я не могу ее покинуть, даже еслибъ разлюбилъ ее, а она дороже мнѣ жизни! Пойми ты это, ради самого Бога! И скажи мнѣ, что ты этого отъ меня не потребуешь! Я буду знать, что у меня есть поддержка въ семьѣ, что мы съ Катей не совсѣмъ одни на свѣтѣ! Дай ты намъ это утѣшеніе, мы вѣдь такъ несчастны, пожалѣй насъ.

Могла ли я отказать ему, оттолкнуть его отъ себя въ такую тяжелую для него минуту? Разумѣется, нѣтъ, и я со слезами ему сказала, что люблю Катю и всегда буду ихъ обоихъ любить, что бы ни случилось съ ними.

— Спасибо! Спасибо! Теперь я спокойнѣе. И она будетъ рада. Хоть одну хорошую вѣсточку привезу я ей.

— Такъ ты ее еще увидишь передъ отъѣздомъ?

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ.

— Она съ тобой поѣдетъ?—спросила я.

— Боже мой, Маня, да какъ же иначе-то? Вѣдь мы же на всю жизнь связаны другъ съ другомъ, я ужъ это тебѣ сказалъ!—вскричалъ онъ, начиная раздражаться моимъ испугомъ и непонятливостью.—Ты точно маленькая, право,—прибавилъ онъ стихая.

Но я продолжала на него смотрѣть, выпуча глаза отъ недоумѣнія. Какъ же это они будутъ вмѣстѣ путешествовать? Она молодая дѣвушка, и всѣ ихъ будутъ видѣть вдвоемъ, да вѣдь это верхъ неприличія? Мнѣ съ молодыми людьми даже въ комнатѣ не позволяли ни минуты оставаться наединѣ. У насъ была въ городѣ одна дѣвица, которая развѣзжала въ саняхъ одна со своимъ двоюроднымъ братомъ, и, Боже мой, чего-чего про нее только не говорили!

— Да, мы связаны на всю жизнь,—повторилъ онъ,—и если ты этого не понимаешь, то умоляю тебя вѣрить мнѣ на слово, что я буду величайшій подлецъ на свѣтѣ, если разстанусь съ нею,—прибавилъ онъ, рѣзко отчеканивая слова.

Никогда еще не видѣла я его такимъ. Возмужалъ онъ какъ-то вдругъ, въ эти нѣсколько часовъ, въ глазахъ свѣтилось несвойственное ему выраженіе мрачнаго упорства, брови онъ сдвигалъ также строго, какъ папенька въ минуты сильнаго гнѣва или огорченія.

Мнѣ стало жутко. Я чувствовала себя совсѣмъ маленькой дѣвочкой передъ нимъ. Крупное что-то такое и важное вставало между нами, что-то такое таинственное, надъ чѣмъ мнѣ никогда еще не приходилось задумываться и что давно ужъ, вѣроятно, ему было извѣстно, если онъ говорилъ объ этомъ съ такой увѣренностью, какъ о Богѣ.

— Отецъ меня понимаетъ,—вымолвилъ онъ отрывисто, послѣ небольшого молчанія,—вотъ только маменька, она, какъ женщина...

И онъ смолкъ, не кончивъ фразы. Но я догадывалась, что ему еще что-то такое надо мнѣ сказать, и оглянулась на двери, со страхомъ ожидая, что вотъ-вотъ сейчасъ которая нибудь изъ нихъ растворится, и сюда войдутъ, чтобъ намъ помѣшать.

Онъ догадался, о чемъ я думаю, и поспѣшилъ меня успокоить.

— Не бойся, сюда никто не войдетъ, я сказалъ маменькѣ, что хочу съ тобой поговорить передъ отъѣздомъ, а нянѣ приказалъ никого сюда не пускать.

— Да развѣ ты ужъ сегодня ѣдешь?!

— Разумѣется, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Развѣ мнѣ здѣсь легко! Еще у бабушки надо побывать, цѣлый часъ притворяться веселымъ и спокойнымъ, вѣдь это пытка.

— И ты прямо въ Петербургъ ѣдешь? А какъ же она-то?

Лицо его исказилось такимъ страданіемъ, что я пожалѣла, что предложила ему этотъ вопросъ.

— Не спрашивай, Маничка, не мучь еще больше и себя и меня. Ты и такъ слишкомъ много для насъ сдѣлала. Вѣдь я знаю, какъ тебѣ досталось за то, что ты была къ ней добра! Не могу я больше злоупотреблять твоей любовью ко мнѣ, мнѣ теперь отъ тебя одно только нужно, чтобъ ты меня увѣдомила, если тутъ у васъ что нибудь непріятное безъ меня произойдетъ, если, Боже сохрани, маменька заболѣетъ или папенька. А, кромѣ того, вѣдь можетъ случиться, что они перестанутъ мнѣ писать, и не захотятъ читать моихъ писемъ...

— Костя, что ты говоришь!

— Да, да, это очень можетъ быть. Я и самъ поступилъ бы такъ на ихъ мѣстѣ. Ну, тогда ужъ я на тебя рассчитываю, сестренка, ты имъ не дашь сомнѣваться въ томъ, что я ихъ люблю и чувствую мою вину передъ ними, вѣдь не дашь, не правда ли? Адресъ мой всегда братья будутъ знать. Мнѣ, можетъ быть, запретать съ ними видѣться, но, гдѣ я живу, они будутъ знать.

XII.

Въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ, и Катя съ нимъ.

Потомъ открылось, что она съ нимъ пріѣхала изъ деревни, и ждала его у родственницы Андрея Гавриловича, у которой она и раньше останавливалась, когда пріѣзжала сюда во время Костиной болѣзни.

У насъ въ домѣ люди, конечно, не могли этого не знать, но тайна была такъ хорошо сохранена, что до господъ она долго не доходила.

Впослѣдствіи все открылось, конечно, и маменька слегла въ постель отъ горя.

Бабушка все толковала о томъ, какъ бы силой разлучить влюбленныхъ, и упрекала папеньку въ слабости характера. На его мѣстѣ она давно бы поскакала въ Петербургъ и выхлопотала бы въ III отдѣленіи, чтобъ эту потерянную выслали изъ Петербурга, а если сопротивляться станетъ, засадили бы куда нибудь.

И обѣ онѣ съ тетенькой Людмилой выставляли примѣры: такую-то, по просьбѣ отца, усмирили, такую-то за границей словили и съ переодѣтыми жандармами привезли въ деревню къ мужу. Что ужъ тамъ съ нею было, можно себѣ представить!

Разговоры эти нагоняли на меня неописанный ужасъ. День и ночь дрожала я за судьбу бѣдной Кати, на которую сваливали вину во всемъ. Костю всѣ только жалѣли, виновата была только она одна. Онъ же поступилъ такъ, какъ всякій мужчина поступилъ бы на его мѣстѣ. Дѣвушка въ подобныхъ случаяхъ всегда виновата. Чего ужъ отъ такой ждать, которая стыдъ потеряла?

Всѣ были такого мнѣнія, кромѣ папеньки. Онъ утверждалъ, что сынъ его виноватъ столько же, сколько и Катя, если не больше, и маменьку это очень огорчало, а бабушка съ тетенькой Людмилой пожимали плечами, утверждая, что онъ всегда былъ фантазеръ.

Положеніе самымъ неприятнымъ образомъ осложнилось еще тѣмъ, что Катѣ минуло двадцать одинъ годъ, и что она могла распорядиться своимъ состояніемъ по своему усмотрѣнію. До насъ дошло, что она тратитъ пропасть денегъ на то, чтобъ имъ дали разрѣшеніе обвиняться, и папеньку стала мучить мысль, что Костя не принимаетъ участія въ этихъ издержкахъ.

— Того, что мы ему даемъ, хватаетъ только на жизнь,—говорилъ онъ маменькѣ,—надо ему прибавить содержаніе, нельзя иначе.

Но маменька, которая такъ ненавидѣла Катю, что была бы очень рада, еслибъ она совсѣмъ разорилась, возставала противъ прибавокъ, увѣряя, что чѣмъ имъ будетъ хуже жить вмѣстѣ, тѣмъ они скорѣе разстанутся.

Но въ концѣ концовъ папенька, все-таки, поставилъ на своемъ и послалъ Костѣ нѣсколько тысячъ на непредвидѣнные расходы.

Самыя вѣрныя о нихъ свѣдѣнія намъ давала тетенька Елизавета Васильевна, у которой Костя бывалъ. Она, можетъ быть, и Катю бы принимала, еслибъ мужъ ея не служилъ.

Тетенька Елизавета Васильевна писала отцу, что врядъ ли Костѣ удастся скоро выхлопотать разрѣшеніе жениться. Она просила мужа разузнать, въ какомъ положеніи это дѣло, и ему сказали, что оно еще не начиналось. А между тѣмъ они ужъ второй годъ его вели, и Катя заложилъ въ опекунскій совѣтъ свое имѣніе, чтобъ платить, кому нужно было.

Прошелъ еще годъ въ томительномъ ожиданіи какойнибудь развязки. Папенька посѣдѣлъ и постарѣлъ за это время лѣтъ на десять, а маменька еще больше.

Всего тяжелѣе было то, что, не взирая на наше горе, надо было вести обычный образъ жизни, ѣздить въ гости и принимать у себя. Что за мука были для меня эти балы и вечера, на которые маменька считала своимъ долгомъ меня возить! Съ какимъ восторгомъ отказалась бы я отъ нихъ! Но это было невозможно.

Володя съ Серезей кончили университетъ и пріѣхали къ намъ передъ поступленіемъ на службу. Оба были пріятные и симпатичные, всѣ дѣвицы въ нихъ влюблялись, и въ первое время ихъ появленія въ здѣшнемъ свѣтѣ только про нихъ въ городѣ и говорили, но насъ это не радовало; глядя на нихъ, любуясь ими, мы вспоминали Костю, и намъ съ маменькой дѣлалось такъ тоскливо, что большого труда стоило удержаться отъ слезъ.

А какво было воздерживаться отъ вопросовъ про ихъ старшаго брата! Да и имъ было тяжело про него не говорить, и со мной они не выдерживали, тѣмъ болѣе, что я первая стала спрашивать про него и про Катю.

И тутъ ужъ я во всѣхъ подробностяхъ узнала, какъ живутъ въ Петербургѣ наши опальные. У родныхъ они не бывали, въ семейныхъ домахъ тоже. Заходили къ нимъ только нѣкоторые изъ прежнихъ товарищей Кости, большею частью днемъ, чтобъ не стѣснять его, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что онъ живетъ съ особой, которая въ обществѣ показываться не можетъ. Но они все также любили другъ друга, и маменькинъ расчетъ на то, что отъ скуки они надоѣдаютъ другъ другу, не оправдывался.

Разспрашивала Серезю съ Володей и няня, разумѣется.

Съ нею они были гораздо откровеннѣе, чѣмъ со мной, и послѣ ихъ отѣзда маменька узнала, что у Кости съ Катей есть ребенокъ, дѣвочка, которую они называли ея именемъ, Софьей.

Чтобъ объявить ей это, няня дождалась великаго поста.

Въ день исповѣди, часа за полтора до пріѣзда священника, который долженъ былъ, передъ тѣмъ какъ насъ исповѣдывать, отслу-

жить всенощную, няня прошла въ кабинетъ отца и долго съ нимъ тамъ бесѣдовала. Потомъ онъ отправился къ маменькѣ и оставался съ нею, запершись въ ея спальнѣ до тѣхъ поръ, пока не пришли имъ доложить, что батюшка пріѣхалъ. Она была такъ блѣдна, входя въ залу, что я испугалась, но папенька приказалъ мнѣ знакомъ воздержаться отъ разспросовъ, и я сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаю.

Исповѣдывалась маменька очень долго и, выходя изъ кабинета, гдѣ стоялъ аналой, казалась совсѣмъ успокоенной, а когда наступилъ мой чередъ исповѣдываться, и я подошла къ ней, чтобъ просить ее меня простить, она крѣпко меня обняла и нѣжно поцѣловала.

Тутъ только почувствовала я себя вполне прощенной.

Давно ужъ не напоминали мнѣ про мою вину и попрежнему были со мною ласковы, но тѣмъ не менѣе, между мною и маменькой оставалось еще что-то такое, горькій осадокъ какой-то, отравлявшій даже и тѣ рѣдкія радости, что выпадали на мою долю въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ.

Да, пять съ половиной лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Костя уѣхалъ въ Петербургъ, а мы и приблизительно не знали, когда намъ придется съ нимъ свидѣться.

Мнѣ шель двадцать четвертый годъ. За меня сватались женихи, все черезъ бабушку, которую очень заботила мысль, что я до сихъ поръ не замужемъ, но мнѣ никто не нравился, или, лучше сказать, въ томъ удрученномъ нравственномъ состояніи, въ которомъ я находилась, мнѣ было не до того, чтобъ интересоваться кѣмъ бы то ни было изъ чужихъ, да и самая мысль ввести посторонняго человѣка въ нашу семью мнѣ была до высочайшей степени непріятна. Съ тѣхъ поръ, какъ на насъ обрушилась бѣда, чужіе намъ были въ тягость, и кругъ нашихъ знакомыхъ годъ отъ году все суживался. Запросто мы ужъ теперь никого не принимали, и у насъ было такъ скучно, что никто на это и не сѣтовалъ.

Мнѣ ужъ потому трудно было выйти замужъ, что я не могла себя представить, чтобъ нашелся человѣкъ, которому мнѣ не будетъ ни тяжело, ни стыдно говорить про Костю и про Катю.

Съ маменькой я сближалась все больше и больше.

Она ужъ не стѣснялась говорить со мной про Костю, хотя и вспоминала про него, какъ про дорогаго покойника, никогда не касаясь его настоящей жизни, а только перебирая подробности изъ его дѣтства и изъ того времени, когда онъ былъ офицеромъ, и она могла имъ гордиться и не должна была скрывать свою любовь къ нему, но и это доставляло намъ большую отраду.

Разъ какъ-то мы сидѣли съ нею вдвоемъ, она вышивала, а я ей читала вслухъ, какъ вдругъ она меня прервала.

— Ступай къ папенькѣ, скажи ему, чтобъ онъ ему написалъ, что я его благословляю,—проговорила она съ усилиемъ и не поднимая глазъ съ работы.

Я опустилась передъ нею на колѣни и стала цѣловать ея руки.

— А ее, маменька, а ихъ маленькую Соню?—прошептала я сквозь слезы.

Она молчала. Но я не отчаивалась и продолжала смотрѣть на нее умоляющимъ взглядомъ.

— Она такъ его любитъ и такъ несчастна, благословите и ее, маменька, дайте ей эту радость, первую настоящую радость съ тѣхъ поръ, какъ она его узнала... И дѣвочку ихъ тоже благословите,—говорила я, прерывая мою рѣчь поцѣлуями.

Она сидѣла все также неподвижно и не поднимая на меня глазъ, но я чувствовала, какъ руки ея холодѣютъ подъ моими губами, по ея опущеннымъ вѣкамъ пробѣгалъ трепеть, а губы слегка дрожали. И я догадалась, что она просто не въ силахъ произнести ни слова.

— Я скажу папенькѣ, что вы ихъ всѣхъ благословляете, да?

И я смолкла, съ замирающимъ сердцемъ ожидая отвѣта, словомъ или знакомъ.

Наконецъ, она все также молча кивнула.

О, какъ я была счастлива! И какъ папенька обрадовался!

Что же касается до Кости, я узнала, какъ онъ отнесся къ радостному извѣстію, сообщенному ему нашимъ отцомъ, только много лѣтъ спустя, когда послѣ смерти маменьки я начала перебирать нашъ семейный архивъ. Мнѣ попало въ руки его письмо, написанное по поводу вышеописанной сцены. Маменька даже мужу не показала этого письма и столько разъ одна его перечитывала, и такъ много потихоньку плакала надъ нимъ, что оно совершенно истерлось на сгибахъ, и разобрать начертанныя на немъ слова можно было только по догадкамъ.

Маменька скончалась лѣтъ пять спустя послѣ того, какъ она благословила Костю съ Катей и ихъ ребенка.

У ея постели собралась вся семья, Сережа съ женой и двумя дѣтьми, Володя тоже съ женой и трехлѣтнимъ сынишкой и Костя, но одинъ, онъ не былъ еще обвинчанъ съ Катей и не могъ ни ее, ни своихъ двухъ дочерей ввести въ родительскій домъ.

Сережа съ Володей приѣхали только за нѣсколько минутъ до кончины маменьки, и она только успѣла ихъ перекрестить, но Костя прискакалъ раньше и цѣлую недѣлю помогалъ мнѣ за нею ходить. Она много съ нимъ говорила, спрашивала про его дѣло, и когда онъ сказалъ, что ему черезъ мѣсяцъ можно будетъ обвинчаться съ Катей, она ужасно обрадовалась и все повторяла:

— Ну, слава Богу, слава Богу!

Сыновья несли ея гробъ до монастыря, гдѣ нашъ фамилный склепъ, а мѣсяца три спустя, когда мы съ отцомъ служили панихиду надъ ея могилой, возлѣ насъ, рядомъ съ мужемъ стояла Катя и ея двѣ дочери, девятилѣтняя Соня и восьмилѣтняя Маруся.

Папенька очень любитъ Катю. Мнѣ даже кажется, что онъ всегда ее любилъ, даже и тогда, когда ея имя не смѣли произносить въ нашемъ домѣ.

Мы живемъ вмѣстѣ съ Костей и съ его семьей. Бабушкины опасенія оправдались, замужъ я такъ и не вышла.

Костино дѣло слишкомъ затянулось. Когда оно кончилось, и мнѣ не нужно было больше мучиться ни о немъ, ни о Катѣ, ни о маменькѣ, потребность личнаго счастья во мнѣ изсякла, и я не чувствую больше желанія сдѣлаться женой и матерью, будетъ съ меня и старика отца, за которымъ никто лучше меня не умѣетъ ухаживать, да племянниковъ съ племянницами.

Н. И. Мердеръ (Северинъ).

НАБРОСКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО ¹⁾.

Тяжелый 1848 годъ.—Графъ С. Г. Строгановъ и купецъ Шапошниковъ.—Открытие памятника на мѣстѣ Куликовской битвы.—Вліяніе слона на улучшение дорогъ.—Русское общество передъ эмансипаціей.—Князь В. А. Черкасскій.—Освобожденіе имъ своихъ крѣпостныхъ.—Князь П. В. Долгоруковъ.—Тульскій комитетъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ.—Борьба партій.—Вызовъ князя Черкаскаго въ Петербургъ для участія въ трудахъ Редакціонной Комиссіи.—Н. А. Милютинъ.—Анекдоты о графѣ В. Н. Панинѣ.—Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.—Графъ Ламбергъ.—Крестьянскія волненія въ Тульской губерніи.—Дѣятельность князя Черкаскаго въ должности мирового посредника.—Волненія въ Московскомъ университетѣ.—Польское возстаніе.—Посылка князя Черкаскаго и Н. А. Милютина въ царство Польское.—Дѣятельность Черкаскаго въ Польшѣ.—Объѣдъ московскихъ студентовъ въ Варшавѣ.—Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ.—Анекдотъ о немъ.—А. И. Кошелевъ.

II.

ВЪ МОЮ ДѢТСКУЮ память особенно врѣзался, тяжелый во всѣхъ отношеніяхъ, 1848 годъ. Была сильнѣйшая холера. Мимо нашихъ оконъ непрерывно носили покойниковъ; въ одной нашей деревнѣ умерло отъ холеры до 90 человѣкъ. По улицамъ Москвы, по случаю Венгерской кампаніи, тянулись войска, чтобы проливать кровь за чуждые для насъ интересы. Кромѣ этого, случилась исторія Петрашевскаго, въ сущности ребяческая выходка, но ее раздули и возвели въ заговоръ, благодаря смутамъ на Западѣ—во Франціи и Германіи. Виновики исторіи были строго наказаны. Много было арестовъ и въ Москвѣ, куда на мѣсто кн. Щербатова присланъ былъ гр. Закревскій; подозрѣвали почему-то крамолу именно въ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIV, стр. 349.

Москвѣ. Впрочемъ, гр. Закревскій болѣе преслѣдовалъ славянофиловъ, брилъ бороды, напимѣръ, у Аксакова, и т. п. Изъ знакомыхъ нашего круга былъ арестованъ Плещеевъ (поэтъ) и Н. С. Кашкинъ, бывший съ нами въ дальнемъ родствѣ.

Про Петрашевскаго рассказывали, что онъ уговаривалъ дворниковъ не мести улицъ въ Петербургѣ, доказывая имъ равноправность ихъ съ господами. Одинъ дворникъ слушалъ, слушалъ Петрашевскаго, да какъ замахнется на него меглою...

— Ахъ ты, с.... с..., что же ты хочешь, чтобы меня въ части выдрали?—закричалъ дворникъ, и проповѣдникъ бѣжалъ отъ разгнѣваннаго блюстителя чистоты Петербургскихъ улицъ.

Въ концѣ 1850-хъ годовъ гр. Строгановъ смѣнилъ гр. Закревскаго. Почувствовалось новое вѣяніе. Только что вернулись декабристы; начали прощать и Петрашевцевъ, виновныхъ въ сущности лишь въ томъ, что читали запрещенныя книги.

Между вернувшимися изъ сосланныхъ по дѣлу Петрашевскаго былъ нѣкто купецъ Шапошниковъ, который попался въ исторію, какъ куръ во щи. У него была вблизи университета, въ Петербургѣ, лавочка, гдѣ студенты покупали папирсы. Въ лавку заходилъ и Петрашевскій поболтать съ студентами. Когда разыгралась вся исторія, донесли и на Шапошникова, будто онъ зналъ Петрашевскаго. На допросѣ Шапошниковъ (въ родѣ Цебрикова) самъ на себя наболталъ, что былъ близокъ съ Петрашевскимъ, что Петрашевскій первѣющій человекъ и т. д. Кончилось тѣмъ, что злосчастнаго купца засадили въ арестантскія роты, а лавку его конфисковали. По возвращеніи, Шапошниковъ, оставшись безъ дѣла и состоянія, поступилъ къ Каткову въ типографію наборщикомъ. Его, какъ человекъ грамотнаго, замѣтилъ П. М. Леонтьевъ и принялъ въ немъ участіе. Узнавъ, что лавка съ товаромъ у Шапошникова пропала, что онъ виноватъ только въ томъ, что въ этой лавкѣ бывалъ и разглагольствовалъ Петрашевскій, Леонтьевъ поѣхалъ къ гр. Строганову и просилъ его, какъ генераль-губернатора, принять участіе въ разорившемся Шапошниковѣ. Графъ приказалъ Шапошникову явиться лично. Черезъ нѣсколько дней тотъ предсталъ предъ генераль-губернаторомъ.

— За что былъ сосланъ?—спросилъ его графъ.

— За то,—отвѣчалъ бойко Шапошниковъ,—что желалъ въ Россійской имперіи водворить республиканскій образъ правленія.

Графъ Строгановъ осмотрѣлъ чуйку и удивленно сказалъ:

— Что ты съ ума сошелъ? Что ты за вздоръ мелешь!

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство.

— Убирайся вонъ!

Шапошниковъ вернулся сконфуженный и рассказалъ Леонтьеву про свою неудачу. Леонтьевъ спросилъ, что онъ сказалъ графу; тотъ объяснилъ. Павелъ Михайловичъ всплеснулъ руками.

— Да ты и въ самомъ дѣлѣ съ ума сошелъ! Самъ же толкуешь о своей невинности и такой вздоръ отвѣтил!

— Помилуйте,—оправдывался Шапошниковъ:—вѣдь я сколько лѣтъ былъ въ арестантскихъ ротахъ... Тамъ, всякій разъ, какъ начальство спрашивало, обязательно было отвѣчать всякому, за что онъ наказанъ. Мнѣ и было приказано отвѣчать, какъ въ сентенціи суда сказано. Въ теченіе многихъ лѣтъ я отвѣчалъ такъ, какъ отвѣтилъ графу, что, молъ, желалъ въ Россійской имперіи водворить республиканскій образъ правленія. Такъ начальство приказывало...

Леонтьевъ самъ поѣхалъ къ гр. Строганову и выяснилъ происхожденіе страннаго отвѣта Шапошникова. Графъ разсмѣялся и, благодаря его хлопотамъ, Шапошникову вернули сумму его конфискованнаго имущества.

Въ 1849 году мать моя вышла вторымъ бракомъ замужъ за барона Владиміра Михайловича фонъ-Менгденъ. Для меня, если и не началась другая жизнь, то во всякомъ случаѣ въ домѣ пошли другіе порядки. Жить было не хуже; но мы уже совсѣмъ поселились въ деревнѣ. Въ Москву ѣздили на самое короткое время. Ѣздили также къ роднымъ моего вотчима, въ Костромскую губернію. Все это меня интересовало: новыя мѣста, города, лица. Путешествіе брало много времени. Ѣхали на почтовыхъ, но, все-таки, долго: на Троицу, Ростовъ, Ярославль, Кострому, или на Владиміръ, Суздаль, Шую, Кинешму, гдѣ было имѣніе стариковъ Менгденъ.

Меня, молодого, конечно, забавляли новые города, особенно богатый край, съ богатыми селами, Шереметьевскими. Тамъ любой крестьянскій дворъ стоилъ усадьбы мелкопомѣстныхъ нашихъ помѣщиковъ, а избы были дворцами въ сравненіи съ убогими строениями Тульскихъ селеній. Народъ былъ совсѣмъ другой—богатый смышленный, трезвый; отношенія тоже другія, особенно раскольниковъ. Они приходили къ своему помѣщику по дѣлу, но считали за грѣхъ пить или ѣсть изъ одной съ нимъ посуды, что было причиною оригинальныхъ сценъ и разговоровъ.

Старики Менгденъ, родные моего вотчима, были очень умные люди, особенно старая баронесса, урожденная Фелькерзамъ, дочь Рижскаго губернатора, барона Фелькерзама. Сестра ея была за Валуевымъ (мать министра внутреннихъ дѣлъ Валueva); она пользовалась огромнымъ уваженіемъ всего округа.

Мы часто ѣзжали, особенно лѣтомъ, къ роднымъ моей матери, дѣдушкѣ и бабушкѣ, а также къ Раевскимъ, въ Елифанскій уѣздъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ имѣнія Раевскаго находится памятникъ Куликовской битвы; онъ стоитъ на землѣ, мнѣ принадлежавшей.

Въ день открытія этого памятника было торжество, на коемъ

присутствовали губернаторъ, архіерей, губернский предводитель. Съѣхались не только всѣ мѣстные помѣщики, но крестьянъ собралось нѣсколько тысячъ. Народу вообще было видимо-невидимо.

Въ народѣ уже тогда бродили разные слухи о милостяхъ, которыя будутъ оказаны; какъ, почему, въ чемъ эти милости, никто, конечно, не могъ сказать. Однако, благодаря этимъ слухамъ, торжество окончилось очень печально. Послѣ молебствія въ устроенной палаткѣ былъ сервированъ обѣдъ. Собрались туда губернаторъ, архіерей, вся знать и дворянство. Во время обѣда губернаторъ Козодавлевъ всталъ и громко провозгласилъ тостъ за здоровье государя императора. Но только что онъ вскрикнулъ «ура!», какъ толпы народа бросились на палатку, моментально свалили ее, растащили и разграбили буквально все—тарелки, ложки, посуду, серебро: ничего не осталось... Расходившіяся толпы народа успѣли разбить бочки съ виномъ. Сцена вышла самая безобразная: вино разлилось, народъ пилъ его въ лужахъ... Что могли сдѣлать нѣсколько полицейскихъ противъ тысячной толпы людей, хотя и крѣпостныхъ, но которымъ кто-то внушилъ, что царь все прислалъ для нихъ. Когда губернаторъ крикнулъ «ура!», они и подняли все, какъ называется, на ура... Сумятица была невообразимая, особенно вслѣдствіе своей неожиданности.

Это было въ 1852 году. Затѣмъ идутъ годы непопулярной Крымской кампаніи.

Никто не сочувствовалъ войнѣ; необыкновенная апатія овладѣла интеллигентнымъ обществомъ въ послѣдній годъ царствования императора Николая I. Тотчасъ послѣ смерти государя почувствовалось новое вѣяніе. Посѣщеніе императоромъ Александромъ II Севастополя коментировалось на всѣ лады. Слова государя всюду повторялись, начали поговаривать о мирѣ; чувствовалось, что мы не одолѣемъ коалиціи; дороги наши оказались совершенно непролазными. Войска шли мѣсяцами и тонули дорогою въ грязи.

Въ ополченіе никому не хотѣлось идти изъ людей нашего круга, ибо все были помѣщики съ малыми чинами, а потому никому не хотѣлось идти подъ команду разныхъ ротныхъ и дружинныхъ командировъ болѣе изъ среды такъ называемыхъ бурбоновъ (людей безъ образованія, но фронтовиковъ). Вѣсти изъ дѣйствующей арміи приходили одна хуже другой; всѣ падали духомъ; въ деревняхъ стоялъ стонъ и плачъ отъ непрерывныхъ наборовъ. Тяжелое было время, плохо жилось. Везли изъ Рязани ядра, вылитыя на заводѣ Яблочкова; они прибыли черезъ 3 мѣсяца въ Севастополь, и ни одно не годилось. Ошиблись размѣромъ.

Въ 1855 году всѣ знакомые нашего круга и общества поѣхали на выборы въ ополченіе по ужасной дорогѣ. Было начало марта, распутица полная... На знаменитой Упской Гати пришлось сидѣть въ ожиданіи перевоза, такъ какъ пошелъ ледъ, а беспорядокъ

былъ полнѣйшій, и нельзя было перебраться черезъ Упу. Пьяные перевозчики творили не вѣсть что. Безобразіе было такъ велико, что Ив. Ар. Раевскій, предводитель дворянства, своею властью, приказалъ высѣчь на берегу одного изъ главныхъ буяновъ-первозчиковъ; только этимъ положенъ былъ конецъ безпорядку, и установленъ правильный перевозъ.

Про Упскую Гать въ тѣхъ же годахъ прошлаго столѣтія Болотовъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ, какъ о чемъ-то ужасномъ, почти безпроездомъ, и вотъ чрезъ сто лѣтъ сообщеніе остается такое же, какъ тогда. Мостъ всегда былъ невозможный, берега топкіе. Сосѣдніе крестьяне жили особымъ промысломъ — вытаскиваніемъ экипажей изъ грязи, и получали съ проѣзжихъ хорошія деньги, такъ какъ Воронежскій трактъ, шедшій на Дѣдилово, былъ необычайно проѣзжій; въ интересахъ крестьянъ было держать дорогу въ ужасномъ видѣ...

Начальство, въ лицѣ всемогущаго тогда становаго, смотрѣло сквозь пальцы на творимое безобразіе. Лишь особому случаю мы, жители Тульской губерніи, обязаны были серьезнымъ исправленіемъ Упскаго моста и даже возведеніемъ новаго на большой Воронежской проѣзжей дорогѣ. Шахъ персидскій подарилъ государю нашему какого-то удивительнаго, огромнаго слона, котораго, со всякими предосторожностями, и вели въ Петербургъ, направляясь на Воронежъ и Тулу. Дошедши до моста Упской Гати, слонъ поставилъ было одну ногу на мостъ, но, учуявъ инстинктивно ветхость и непрочность моста, рѣшительно отказался ввѣрять свою особу утлымъ доскамъ Упскаго моста и круто повернулъ назадъ. Какъ корнакъ его ни попукалъ, слонъ былъ непоколебимъ. Земская полиція встревожилась, какъ бы подобный скандалъ не достигъ до Петербурга, и пришлось лѣлать новую настилку. Губернаторъ Дараганъ распекъ дорожный комитетъ и велѣлъ составить смѣту новаго моста. Когда перемѣнили настилку, слонъ спокойно перешелъ мостъ. Послѣ этого случая перестроили и весь мостъ. Такъ на Руси часто совершенно постороннее вліяніе даетъ возможность осуществить то или другое предпріятіе или дѣло, которое тормозятъ прямо-таки изъ личныхъ или иныхъ цѣлей. Во время проведенія первыхъ телеграфныхъ линій, всѣ значительные города хлопотали о томъ, чтобы правительство устраивало станціи у нихъ. Такъ же, въ началѣ 1860-хъ годовъ, к—ой губернаторъ затѣялъ театръ и послалъ подписку на это во всѣ значительные, коммерческіе центры губерніи. Самый богатый уѣздъ Кинешемскій, съ массою фабрикъ, хлопоталъ объ устройствѣ у себя телеграфной станціи. Подписка на театръ также была отправлена въ Кинешму съ расчетомъ получить хотя бы 10.000 рублей на сей предметъ отъ купцевъ-милліонеровъ. Но подписка совершенно неожиданно потерпѣла полное фiasco: купцы не дали ни единой копейки. Въ свою очередь и телеграфная станція была устроена не

въ Кинешмѣ, а въ Нерехтѣ, вдали отъ фабрикъ и заводовъ. Купцы взвыли и обратились къ одному нашему родственнику, барону М., дипломату, только что прибывшему изъ-за границы гостить въ Кинешемскій уѣздъ. Купцы къ нему: «Батюшка, помоги, обездолили насъ!»—«Отчего же вы не дали на театр?» — «Да мы не только 10.000, мы больше бы дали губернатору на благотворительность, да не на театр; этого не можемъ: мы всѣ старообрядцы, считаемъ за грѣхъ!». Баронъ М., узнавъ, что кн. Орловъ, тогда посланникъ въ Брюссель, находится въ Петербургѣ, написалъ ему обо всемъ. Князь Орловъ поѣхалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ вняли его вѣскимъ доводамъ, и, къ великому удивленію мѣстной администраціи, изъ Петербурга было приказано: открыть телеграфную станцію въ Кинешмѣ.

Уже въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ, въ средѣ интеллигентныхъ людей все болѣе и болѣе развивалась мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права. Къ тому же отношенія помѣщиковъ, особенно мелкопомѣстныхъ, все болѣе усложнялись; все чаще и чаще возникали процессы объ убійствѣ крѣпостными своихъ помѣщиковъ. Крупныя состоянія дѣлились на мелкія; разные чиновники, при первой возможности, покупали себѣ имѣнія и крѣпостныхъ, которыхъ заваливали работою...

Я помню хорошо крѣпостное право, во всей его силѣ. Вотъ ужъ именно—«свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Какъ тяжело жилось всѣмъ... Лучшій помѣщикъ не былъ гарантированъ въ томъ, что его приказчикъ, или староста, не дѣлаетъ Богъ вѣсть чего у него съ народомъ; вѣчныя жалобы, вѣчное нытье!.. Масса дворовыхъ ничего, въ сущности, не дѣлала и только плодила толпу тунеядцевъ. Положеніе для крѣпостныхъ было невозможное, для интеллигентныхъ людей—такъ же!.. Откупщики спаивали народъ не виномъ, а какою-то отравою... Невозможность положенія чувствовалась во всемъ.

Въ это время въ западныхъ губерніяхъ вводились уже инвентари.

Въ 1848 г. въ Тулѣ группа помѣщиковъ пришла къ заключенію о необходимости улучшить бытъ крестьянъ. Группѣ этой разрѣшено было написать Положеніе только для ихъ собственныхъ крестьянъ, чтò и было начато. Въ Тулѣ, въ одной изъ гостинницъ, именно въ Петербургской, собирались нѣкоторые помѣщики и писали Положеніе объ улучшеніи быта своихъ крестьянъ. Къ группѣ этихъ господъ принадлежали: графъ В. А. Бобринскій, И. А. и В. А. Раевскіе, М. Д. Бибииковъ, князя Владиміръ и Константинъ Черкасскіе, Муравьевъ и еще нѣсколько лицъ. Еще Положеніе не было готово, какъ разразилась въ Петербургѣ исторія Петрашевскаго. Немедленно было повелѣно: закрыть комитетъ въ Тулѣ, а лицамъ, пишущимъ проектъ освобожденія для своихъ крестьянъ, прекратить эти занятія. Графъ В. А. Бобринскій хотѣлъ было протесто-

вать; но ему губернаторъ Муравьевъ повторилъ повелѣніе, и графъ, хотя недовольный, выѣхалъ изъ Тулы.

Графъ В. А. Бобринскій былъ большой оригиналъ и, недовольный всѣми непорядками, постоянно фрондировалъ. Онъ тогда все бранилъ дворянство; а когда въ 1858 г. начались дѣятельныя работы по проекту освобожденія, графъ началъ говорить, что ограбили дворянъ, и сталъ на сторону крѣпостниковъ, бывшихъ противъ освобожденія крестьянъ.

Я уже выше сказалъ, что въ гостиной моей матери можно было встрѣтить цвѣтъ тогдашней интеллигенціи. Чаше другихъ бывалъ у насъ князь Владиміръ Черкасскій, почему я его хорошо помню. Въ 1848 году онъ былъ душею комитета, занятаго освобожденіемъ своихъ крестьянъ. Когда въ томъ же году всѣ члены разъѣхались изъ Тулы, князь Черкасскій одинъ остался, повидимому, вѣрнымъ своему принципу. Онъ тогда же заявилъ, что задуманное дѣло будетъ проводить у себя въ имѣніи, что всякій, внесшій за себя сто рублей, т. е. стоимость выкупа «души» изъ Опекунскаго Совѣта, можетъ считать себя свободнымъ. Многіе дворовые воспользовались этимъ правомъ и купили себѣ свободу. Мнѣ очень памятенъ одинъ пріѣздъ князя къ намъ въ деревню. Садясь обѣдать, князь сказалъ:

— Вотъ результаты моихъ нововведеній: поваръ мой учился въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ и только что кончилъ учиться, пріѣхалъ и вручилъ мнѣ сто рублей за себя выкупа! Вотъ я и безъ повара теперъ.

Такъ же и крестьяне нѣкоторыхъ деревень (Пригори и Клинь, Веневского уѣзда) князя Владиміра Александровича купили себѣ личную свободу, а землю нанимали у князя.

Въ уѣздѣ помѣщики были недовольны; они говорили, что князь В. А. Черкасскій либеральничаетъ, что это ни на что не похоже, что это ужасный примѣръ и пр. Когда же, чрезъ 12 лѣтъ, въ 1861 году, правительство освободило всѣхъ крестьянъ, тѣ же помѣщики опять стали ругать князя, говоря, что все это онъ предвидѣлъ (за 12-то лѣтъ!?), что онъ оттого и либеральничаетъ, что самъ своихъ людей раньше освободилъ безъ земли. И то, и другое не вѣрно. Хотя князь и предложилъ идти всѣмъ на волю, вышли у него всего двѣ или три деревни, остальные не захотѣли; изъ этого видно, что имъ не особенно худо жилось у князя Затѣмъ, въ 1861 г., когда была объявлена воля, князь предложилъ своимъ, ранѣе откупившимся, крестьянамъ воспользоваться землею; затрудненіе было не со стороны князя, а скорѣе — правительства, относительно выкупа. Мнѣ это близко было извѣстно, ибо одно мое имѣніе было въ участкѣ князя Черкаскаго, когда онъ былъ мировымъ посредникомъ, въ Веневскомъ уѣздѣ, послѣ обнаруженія Положенія 19-го февраля 1861 года (коего онъ и былъ отчасти

авторомъ, съ Ю. О. Самаринымъ и Н. А. Милотинымъ). Къ тому же князь Владиміръ Александровичъ былъ моимъ попечителемъ; не имѣя отца, котораго, какъ я уже сказалъ, я лишился въ годъ моего рожденія, я избралъ князя моимъ попечителемъ. И поэтому мнѣ, еще студентомъ, пришлось писать уставныя грамоты подъ его руководствомъ и съ его санкціи.

Князь, преслѣдовавшій мысль объ освобожденіи еще со дня выхода изъ университета, принялъ, конечно, главное участіе въ вопросѣ объ освобожденіи, вмѣстѣ съ Ю. О. Самаринымъ, когда вопросъ этотъ вступилъ на официальную почву. Въ 1858 г. былъ собранъ комитетъ по вопросу освобожденія.

Князь В. А. Черкасскій принадлежалъ къ московскому славянофильскому кружку и былъ близокъ къ братьямъ Аксаковымъ, Самарину, А. С. Хомякову и др. Онъ принадлежалъ къ той плеядѣ славныхъ, которые составляли прелесть московскаго передоваго общества 1840-хъ и 1850-хъ годовъ. Князь былъ магистръ Московскаго университета и готовился къ одной изъ кафедръ юридическаго факультета. Но обстоятельства сложились иначе: онъ сталъ общественнымъ дѣятелемъ и, главное, администраторомъ. Онъ принималъ горячее участіе въ изданіи «Русской Бесѣды» и редактировалъ, или завѣдывалъ, ея политическимъ отдѣломъ. Его занятія по вопросу объ освобожденіи крестьянъ не могли не обратить на него вниманія общества и правительства. Когда начались работы въ губернскихъ комитетахъ, князь Черкасскій назначенъ былъ членомъ, совмѣстно съ П. О. Самаринымъ, въ Тульскій губернский комитетъ отъ правительства.

Какъ Черкасскій, такъ и Самаринъ принадлежали къ вышеупомянутому кружку русской интеллигенціи. Но вѣдь не всѣ въ Россіи раздѣляли этотъ взглядъ на освобожденіе, и какъ никто не пророкъ дома, такъ было и съ Черкасскимъ. Не было небывлицы, которой бы про него не говорили: и что онъ продалъ дворянъ, и что идетъ противъ дворянъ, ибо освободилъ своихъ крестьянъ давно, и т. д.

Мы проводили зиму 1858—1859 г. въ Тулѣ, такъ какъ вотчимъ мой попалъ въ Тульскій комитетъ по выбору. Зима эта была крайне интересна, ибо въ Тулѣ постоянными гостями нашими были: братья Самарины, Левъ и Сергѣй Толстые, Григоровичъ, Васильчиковы, А. С. Хомяковъ, Тургеневъ и многіе другіе, въ томъ числѣ князь Петръ Владиміровичъ Долгорукій, будущій эмигрантъ.

Визитъ князя П. В. Долгорукаго особенно мнѣ памятенъ, потому что, не заставъ моего вотчима дома, онъ долго бесѣдовалъ со мною, вспоминая про моего дѣда (grand oncle), декабриста, Евгенія Оболенскаго.

— Его мемуары, писанные въ Сибири, такъ же интересны, какъ Сильвіо Пелико, писанные въ Венеціи sous les plombs; у меня они были въ рукахъ,—прибавилъ князь.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Тулы (князь былъ тульскій помѣщикъ) онъ эмигрировалъ и сталъ издавать «Будущность», журналъ, запрещенный въ Россіи; къ великому неудовольствію князя Евгенія Петровича Оболенскаго тамъ напечатаны были отрывки изъ его записокъ. Это было тѣмъ болѣе непріятно, что не прошло еще трехъ лѣтъ, какъ декабристы, въ томъ числѣ и князь Е. Оболенскій, были возвращены, а въ запискахъ говорились вещи, оглашеніе коихъ не могло быть пріятно въ то время, когда князь Евгеній Петровичъ былъ еще живъ. Князь П. В. Долгорукій былъ человѣкъ страшно вспыльчивый; во время выборовъ въ Чернскомъ уѣздѣ въ 1858 г. чуть не до драки доходило между дворянами, вслѣдствіе расходившихся страстей...

Тульскій комитетъ состоялъ изъ 24 членовъ по выбору, по два отъ каждаго уѣзда, и двухъ членовъ отъ правительства. Комитетъ собирався подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, тогда Арсеньева, человѣка честнаго, но безхарактернаго, который хотѣлъ угодить и партіи, бывшей за освобожденіе, и партіи, шедшей противъ. Тульскій комитетъ сразу раздѣлился на двѣ партіи: большинство не желало освобожденія крестьянъ съ землею. Во главѣ этого большинства стоялъ чернскій предводитель Мининъ. Во главѣ же меньшинства, желавшаго надѣлить крестьянъ землею, были — князь В. А. Черкасскій и П. О. Самаринъ. Засѣданія происходили въ малой залѣ Тульскаго дворянскаго собранія. Взгляды помѣщиковъ на обсуждавшійся вопросъ и ихъ отношенія были до того различны и такъ обострились, что совмѣстное составленіе одного проекта стало невозможнымъ. Каждая партія писала свой проектъ отдѣльно, такъ что къ шестимѣсячному сроку, времени, данному для написанія проекта, появились два проекта. Большинство составило проектъ, совершенно неудобоисполнимый и не улучшавшій быта крестьянъ. А меньшинство тотъ, который легъ въ основаніе будущаго Положенія 19-го февраля 1861 года; лишь надѣлъ земли былъ нѣсколько меньше, чѣмъ принято послѣ; затѣмъ предполагалась вотчинная полиція. Главными составителями проекта были, конечно, князь В. А. Черкасскій и братья Самарины.

Самая зима прошла не только интересно, но и бурно. Дворянскіе выборы 1858 г. были чрезвычайно многочисленны и шумны. Стѣхалась масса дворянъ. Всѣ были, конечно, очень возбуждены; часть не вѣрила еще въ возможность осуществленія эмансипаціи. Эта часть злилась на меньшинство комитета, особенно на князя Черкаскаго, за то, что онъ такъ энергично проводилъ мысль объ освобожденіи, да еще хотѣлъ надѣлить крестьянъ землею. Нападки на князя Черкаскаго были страшны; дворянство требовало, чтобы его вывели изъ залы собранія, исключили изъ собранія. Къ этому еще прибавилось то, что Аксаковъ въ издаваемомъ имъ журналѣ сказалъ, что стыдно нападать на Черкаскаго, который борется

съ грубымъ невѣжествомъ; это подлило масла въ огонь. Шумъ въ собраніи былъ невообразимый. Нѣсколько уѣздовъ, имѣвшихъ своими представителями депутатовъ меньшинства въ комитетѣ, заступились за Черкаскаго и протестовали противъ требованія объ исключеніи князя изъ собранія. Протестъ этотъ выразился выходомъ изъ залы тѣхъ уѣздовъ въ полномъ составѣ. Къ тому же, самъ губернскій предводитель Арсеневъ вынужденъ былъ удалиться, не имѣя возможности вести пренія. Съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ не могъ продолжать предсѣдательства до конца выборовъ, тѣмъ болѣе, что его неувѣренность, его желаніе угодить обѣимъ партіямъ, лишили его поддержки и той, и другой. Онъ временно былъ замѣненъ тульскимъ уѣзднымъ предводителемъ, В. К. Корковичемъ, предсѣдательствовавшимъ до конца собранія. Затѣмъ выбранъ былъ губернскимъ предводителемъ В. П. Мининъ, который много лѣтъ потомъ предводительствовалъ тульскимъ дворянствомъ.

Изъ всего этого шума въ тульскомъ собраніи, конечно, ничего не вышло. Губернаторъ Дараганъ вызвалъ всѣхъ предводителей и въ длинной рѣчи высказалъ имъ, на сколько въ Петербургѣ недовольны ходомъ выборовъ, и что, если умы не успокоятся, то собраніе будетъ закрыто. Послѣ этого стало тише, хотя постоянно шикали, когда говорилъ членъ меньшинства, какъ Ив. Ал. Пушкинъ, или мой вотчимъ, баронъ Менгденъ.

Отношенія между большинствомъ и меньшинствомъ продолжали быть на столько натянутыми, что ежедневно ожидалось столкновенія. Члены большинства только и искали случая оскорбить словами князя Черкаскаго, что и случилось, такъ что князь Черкасскій вынужденъ былъ вызвать на дуэль каширскаго предводителя Волоцкаго. Дуэль должна была состояться, часъ и мѣсто были назначены; но П. Θ. Самарину удалось заставить противниковъ пойти на примиреніе. Такъ какъ непріятный разговоръ, бывшій причиною вызова, имѣлъ чисто дѣловой характеръ, касаясь вопросовъ эмансипаціи, то противники склонились къ тому, чтобы обмѣняться записками, гдѣ высказывалось, что обѣ стороны не хотѣли оскорбить другъ друга.

У моего вотчима была большая квартира; поэтому у насъ въ домъ чаще всего собирались члены меньшинства комитета; а раза два, три и весь комитетъ. Типы были крайне интересны. Въ числѣ членовъ меньшинства бывали уже названные мною: кн. В. А. Черкасскій, П. Θ. Самаринъ, затѣмъ—баронъ В. М. фонъ-Менгденъ, И. А. Пушкинъ, М. Д. Бибииковъ, М. А. Тихменевъ, Л. Л. Карбоньеръ, баронъ И. И. Черкасовъ и Н. А. Елагинъ (братъ Кирѣевскихъ), еще А. А. Ушаковъ, который, однако, подъ конецъ перешелъ къ большинству: надѣленіе землею крестьянъ не входило въ его расчеты.

Князя Владиміра Александровича я видалъ ежедневно. Иногда мнѣ приходилось, во время спѣшныхъ работъ, переписывать проекты меньшинства и раза два подѣ диктовку князя, у насъ въ домѣ, гдѣ нерѣдко шли пренія по различнымъ статьямъ проекта. Тогда же князь составилъ проектъ земельного банка, осуществленіе коего было бы, конечно, благодѣяніемъ, ибо многихъ избавило бы отъ разоренія, а Россію отъ золотого займа. Тогда еще, въ 1858 году, возможенъ былъ расчетъ на кредитную валюту, а не на золотую монету, какъ впослѣдствіи, когда помѣщеніе закладныхъ листовъ лишь золотыхъ, то-есть металлическихъ, стало возможно; бумажекѣ не вѣрили... и кредитныхъ закладныхъ листовъ впослѣдствіи за границую не брали и дома нельзя было ихъ реализовать.

Часть членовъ комитетскаго меньшинства были впослѣдствіи не только дѣятелями по крестьянскому дѣлу и вводу Положенія, но многіе изъ нихъ, съ кн. Черкасскимъ, поѣхали въ Польшу и тамъ служили тому же дѣлу освобожденія польскихъ крестьянъ и надѣленія ихъ землею...

По окончаніи дѣлъ тульскаго комитета, князь В. А. Черкасскій былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ редакціонныхъ коммисіяхъ по освобожденію крестьянъ. Тамъ роль князя стала уже очень видною. Онъ и Ю. Ѳ. Самаринъ съ Н. А. Милютинымъ становятся, такъ сказать, руководителями всего дѣла подѣ прелѣдательствомъ Я. И. Ростовцева. Если тульское дворянство относилось враждебно къ кн. Черкасскому, то тѣмъ паче Петербургъ возненавидѣлъ его. Его всегда звали «архи-краснымъ». Если бы не великая княгиня Елена Павловна, принявшая его подѣ свое покровительство и предложившая князю даже помѣщеніе въ своемъ дворцѣ, ему пришлось бы плохо въ Петербургѣ. Озлобленіе было такъ велико, что, когда П. А. Васильчиковъ, шуринъ князя, женился на гр. Орловой-Давыдовой, то графъ Вл. Петр. Орловъ-Давыдовъ не рѣшился позвать кн. Владиміра Александровича, близкаго родственника своего будущаго зятя, на свадьбу. Вся аристократія была противъ него¹⁾. То же было относительно Н. А. Милютина, если еще не больше. Впослѣдствіи это такъ усилилось, что на балѣ-маскарадѣ у великой княгини Елены Павловны одна маска подошла и сказала Н. А. Милютину: «Марать! я желала бы быть Шарлотою Корде, чтобы тебя зарѣзать!»,—на что Милютинъ очень хладнокровно отвѣчалъ: «Совсѣмъ нѣтъ, чтобы меня видѣть въ ваннѣ». (Извѣстно, что Марата зарѣзала Шарлота Корде въ ваннѣ).

¹⁾ Графъ С. Г. Строгоновъ обратился къ Черкасскому, говоря, что еще освобожденіе не наступило, а у него, графа, уже 90.000 рублей недоимки оброка за мужиками.—Это очень мало,—отвѣчалъ князь Черкасскій:—это все равно, еслибъ у меня было 900 рублей, ибо при тысячѣ душъ у меня всегда больше, а у васъ, графъ, сто тысячъ душъ.

Труды редакціонной комиссіи слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться; къ тому же Н. П. Семеновъ напечаталъ подробное о нихъ изслѣдованіе. Вызванные отъ всѣхъ губерній депутаты ничего ровно не сдѣлали, такъ же и второй ихъ призывъ. Имъ не дали даже, такъ сказать, высказаться, хотя голосъ у нихъ и былъ совѣщательный, но онъ былъ голосъ «вопящаго въ пустынь».

Князь Черкасскій еще потому игралъ видную роль въ редакціонной комиссіи, что лучше другихъ зналъ тогдашнее положеніе крестьянъ, ихъ отношеніе къ помѣщикамъ и вообще ихъ быть не только въ Великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ самъ былъ помѣщикомъ, но и въ Малороссіи, гдѣ имѣлъ возможность, благодаря великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, изучать въ Карловѣ любимое имъ дѣло, а также живя въ херсонскихъ имѣніяхъ В. Кромѣ того, владѣя хорошо языками, князь былъ кладомъ для комиссіи въ этомъ отношеніи, ибо аристократическая партія ничѣмъ не стѣснялась въ своей враждѣ противъ воротилъ въ редакціонной комиссіи и даже выставила противъ нихъ европейскія знаменитости, которыя являлись въ это время въ Петербургъ трактовать о правѣ собственности. Въ числѣ ихъ былъ, если не ошибаюсь, извѣстный Молинали. Онъ доказывалъ, что надѣленіе землею крестьянъ въ ущербъ владѣльцевъ-собственниковъ и экспроприація въ силу выкупа крестьянскихъ надѣловъ есть прямое нарушеніе права собственности; онъ доказывалъ еще, что это не согласно съ законами политической экономіи и т. д. Въ публичномъ засѣданіи князь Черкасскій возражалъ ему пофранцузски и, владѣя мастерски языкомъ, по общему отзыву даже враговъ князя, разбилъ его окончательно, основываясь на вполне русскихъ правовыхъ и бытовыхъ доводахъ. Европейскій экономистъ, выходя изъ засѣданія и обтирая лившійся со лба потъ, не могъ не сознаться, что онъ разбитъ вдребезги доводами князя Черкаскаго. «Je suis batu à plate couture»,— вотъ подлинное его выраженіе, сказанное лицамъ, думавшимъ поздравить съ успѣхомъ.

Въ редакціонной комиссіи было много умныхъ людей, но всѣ были болѣе или менѣе чиновниками, почему практическія знанія и опытность князя Черкаскаго брали верхъ. Значеніе его еще болѣе увеличилось, когда на одномъ балѣ, увидя его, государь Александръ II около часа бесѣдовалъ съ нимъ.

Въ 1860 году мы имѣли полную возможность слѣдить за ходомъ крестьянскаго дѣла въ Петербургѣ, благодаря князю Черкасскому; онъ высылалъ моему вотчину журналы редакціонной комиссіи. Смерть Ростовцева и назначеніе графа В. Н. Панина, какъ извѣстнаго крѣпостника, на его мѣсто были не особенно пріятны партіи освобожденія. Бывая въ обоихъ лагеряхъ, мнѣ приходилось постоянно слышать въ аристократическихъ кружкахъ о томъ, что дѣло эмансипаціи отлагается, олагодаря шанину, надолго.

Члены редакціонной комиссіи, впрочемъ, не замедлили поста-

вить графа В. Н. Панина, хотѣвшаго обращаться съ ними, какъ съ новичками, на надлежащее мѣсто. Графъ Панинъ заставилъ было нѣкоторыхъ долго ждать въ приѣмной у себя. Князь Черкасскій услышалъ про это и, приѣхавъ проситься въ отпускъ въ Тулу, вызвалъ камердинера графа Панина, нѣмца, и сказалъ ему, вынимаемая часы:

— Передайте, прошу васъ, графу, что у меня только пять минутъ свободнаго времени и, если меня не примутъ сейчасъ, я уѣду.

Камердинеръ, не привыкшій къ подобнымъ рѣчамъ, опрометью побѣжалъ, и къ князю Черкасскому немедленно вышелъ удивленный графъ Викторъ Никитичъ, тоже не привыкшій къ такому требованію вѣжливости. Графъ Панинъ, любившій цвѣты, обратился къ князю съ вопросомъ, указывая на геліотропъ:

— Не правда ли, какой прелестный цвѣтокъ? Вы, вѣроятно, любите цвѣты?

— Терпѣть не могу,—холодно отвѣчалъ князь Черкасскій.

— Какое странное явленіе, чтобы образованные люди не любили цвѣтовъ!—еще болѣе удивился Панинъ.

Князь Черкасскій въ короткихъ словахъ переговорилъ о дѣлѣ и немедленно уѣхалъ.

Графу Панину положеніе 19-го февраля 1861 г. обязано статьёй объ отрѣзкѣ одной трети надѣла у крестьянъ въ пользу помѣщика, если до обнародованія положенія вся земля была въ пользованіи крестьянъ и если у помѣщика нѣтъ болѣе въ 12 верстахъ другого имѣнія (даже если отрѣзка оставляла крестьянамъ земли меньше указаннаго закономъ количества). Статью эту и назвали послѣ Панинской. У графа Виктора Никитича было много имѣній малоземельныхъ въ 16 и 20 верстахъ другъ отъ друга; крестьяне пользовались всею землею, платя графу оброкъ. При этой статьѣ оставалось одна треть земель, а крестьяне получали уменьшенный надѣлъ.

Изъ работъ редакціонной комиссіи выяснялось все болѣе, что крестьяне будутъ надѣлены землею, вслѣдствіе чего сторонники личнаго освобожденія стали уклоняться отъ участія въ преніяхъ комиссіи, указывая, что тамъ дѣйствуютъ по предвзятой цѣли. Трудъ комиссіи клонился къ концу, не смотря на то, что графъ Панинъ тормозилъ дѣло. Выработанный проектъ былъ переданъ въ государственный совѣтъ; а тамъ началась серія засѣданій подъ предсѣдательствомъ государя императора Александра II. Большинство государственнаго совѣта было противъ проекта, который вошелъ въ положеніе 19-го февраля 1861 года, такъ что государь былъ постоянно въ меньшинствѣ двухъ или трехъ голосовъ, съ коими и соглашался. Во время преній постоянно за проектъ былъ графъ Серг. Гр. Строгановъ, а противъ говорилъ графъ Адлербергъ; а при голосованіи выходило, наоборотъ: графъ Строгановъ голосовалъ противъ проекта освобожденія, а графъ Адлербергъ

не рѣшался голосовать противъ, зная, что государь за. Когда потомъ спрашивали графа Строгонова, почему онъ голосуетъ противъ проекта, которому онъ, какъ гуманный человекъ, сочувствуетъ, то графъ, очень не довольный этими вопросами, отвѣчалъ:

— Мнѣ подъ старость не приходится ссориться съ дворянствомъ.

1860 годъ былъ самымъ тяжелымъ временемъ для помѣщиковъ, ибо много было всюду безпорядка. Князь Черкасскій и Ю. Ѳ. Самаринъ не унывали. На мой вопросъ какъ-то князю Черкасскому насчетъ того, что всюду въ Петербургѣ увѣряютъ, что дѣло освобожденія отложено въ дальній ящикъ, князь категорически отвѣтилъ:

— Не вѣрь ничему. Ежели и весь государственный совѣтъ будетъ противъ, то государь однимъ своимъ голосомъ утвердитъ выработанное положеніе редакціонной комиссіи.

Въ началѣ 1861 года Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ написалъ проектъ манифеста. Въ немъ особенно указывалось на жертвы, приносимыя дворянствомъ. Князь Черкасскій и Самаринъ говорили, что это необходимо для сохраненія добрыхъ отношеній между крестьянами и ихъ бывшими господами, чтобы крестьяне себя чувствовали обязанными своимъ освобожденіемъ дворянству, тѣмъ болѣе, что самый проектъ былъ написанъ и выработанъ дворянами. Но на это не согласились, въ особенности противъ проекта былъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Составленіе манифеста было поручено митрополиту Филарету, а проектъ Самаринскаго манифеста сохраняется лишь въ рукописи.

Но 19-е февраля пришлось на масляницѣ, и государя уговорили отложить объявленіе манифеста на 5-е марта. Я былъ въ Москвѣ и, не смотря на всѣ предсказанія, что будутъ безпорядки, все прошло тихо-мирно. Слушавшіе по церквамъ чтеніе манифеста, особенно въ селахъ, не поняли и половины, такъ что скорѣе было недоразумѣніе, чѣмъ радость или неудовольствіе. Не обошлось, конечно, и безъ массы анекдотовъ.

Я въ этомъ году поступалъ въ университетъ, и потому мнѣ, признаться сказать, было гораздо болѣе до экзаменовъ, чѣмъ до чего либо другаго. Помню только, что какъ-то, выходя изъ своей квартиры, я встрѣтилъ нашу прачку (крѣпостную) съ дѣтьми, которая на Тверской (и—о ужасъ—на улицѣ, при молодежи, со мной шедшей) подошла къ барской ручкѣ и со слезами спросила: «куда же я теперь воспослѣдую?». Я рѣшительно не зналъ, что ей сказать, и куда она должна воспослѣдовать. Вообще, всюду обошлось, можно сказать, болѣе или менѣе мирно, по крайней мѣрѣ, въ нашей Тульской губерніи. Но, всетаки, были командированы, съ особыми полномочіями, генералъ и флигель-адъютанты, для принятія мѣръ чрезвычайныхъ, въ случаѣ надобности. Эти господа дѣйствительно принесли пользу тамъ, гдѣ были люди умные и внимающіе, но не вездѣ это было такъ, поэтому во многихъ мѣ-

стахъ не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ, какъ, на примѣръ, въ Казанской губерніи и др.

Къ намъ въ Тулу былъ присланъ свиты его величества генераль-маіоръ графъ Ламбертъ. Онъ такъ же, какъ и самъ тульскій губернаторъ Дараганъ, были въ сущности люди добродушные, а главное—слушались добрыхъ совѣтовъ. Кой-гдѣ пришлось, однако, при открытіи волостей приводить войска и пускать въ ходъ розги, отъ коихъ особеннаго несчастія еще не было и которыя являлись необходимымъ устраниемъ.

Въ имѣніи г. Войта взбунтовались крестьяне. Гр. Ламбертъ послалъ туда роту, или батальонъ, и самъ поѣхалъ на мѣсто. По дорогѣ онъ остановился у какого-то помѣщика и въ его коляскѣ пріѣхалъ въ село, гдѣ былъ собранъ сходъ и гдѣ также ждали солдаты. Кучеръ, привезшій графа прямо къ сходу, оказался изъ той же деревни; отъѣхавъ, онъ сталъ за толпою крестьянъ, къ которымъ графъ обратился съ рѣчью, и началъ подговаривать крестьянъ не слушать графа.—«Не отъ царя онъ,—толковалъ кучеръ съ козелъ:— это переодѣтый жандармъ, я его везъ, онъ въ сосѣдней рощѣ переодѣлся генераломъ» и т. д. На бѣду кучера, графъ Ламбертъ забылъ носовой платокъ въ пальто и послалъ становаго взять забытую вещь. Подходя къ коляскѣ сзади, не замѣченный кучеромъ, становой услышалъ рѣчь его къ крестьянамъ и побѣждалъ къ графу Ламберту сообщить, что ему не удастся уговорить крестьянъ, ибо кучеръ вотъ что проповѣдуетъ мужикамъ. Графъ велѣлъ солдатамъ немедленно снять съ козелъ кучера, котораго и притащили.

— Вотъ тебѣ рубль за ѣзду, а за твои рѣчи я тебя передъ сходкой выпорю!

И тутъ же велѣлъ разложить и жестоко высѣкъ его. Наказаніе такъ подѣйствовало, что сходъ на колѣняхъ просилъ прощенія, и немедленно порядокъ и повиновеніе были водворены.

Но подобныхъ случаевъ въ губерніи было немного. Для Тульской губерніи было большое счастье, что губернаторъ Дараганъ былъ гуманенъ, иначе не обошлось бы безъ несчастій. Помѣщики были страшно возбуждены; всякое малѣйшее неповиновеніе или нерадивое исполненіе работъ они признавали за бунтъ и раздували. Но иногда столкновенія прямо таки истекали изъ прежнихъ патріархальныхъ отношеній. Такъ, на примѣръ, у насъ во вѣки вѣковъ крестьяне гоняли свою скотину по господскимъ парамъ. Мой нѣмецъ управляющій усмотрѣлъ въ этомъ грубое нарушеніе правъ, и началось цѣлое дѣло. А между тѣмъ старики-крестьяне явились ко мнѣ, и мы, переговоривъ, пришли къ мирному соглашенію: «отчего намъ не гонять скотину, когда всегда гоняли и работали, и теперь будемъ гонять и работать». Конечно, для стариковъ, привыкшихъ къ раболѣпству и безпрекословному повиновенію, тяжело было видѣть, что то и другое дѣлалось не попрежнему. Многие не

пережили этого времени; но людямъ сороковыхъ годовъ и особенно молодому поколѣнію открылась новая блестящая дѣятельность. Все, что только было способнаго и развитаго, пошло въ мировые посредники; изъ предводителей уѣздныхъ и губернскихъ шли въ посредники, почему первый призывъ и былъ такъ хорошъ. Вотчимъ мой былъ назначенъ членомъ тульского губернскаго присутствія и пріѣхалъ жить на зиму въ Тулу, а князь В. А. Черкасскій былъ мировымъ посредникомъ въ Веневскомъ уѣздѣ... Уѣздъ этотъ отличался, въ самомъ дѣлѣ, составомъ мировыхъ посредниковъ: князь Е. А. Черкасскій былъ предсѣдателемъ мирового съѣзда, какъ предводитель дворянства, посредниками — братъ его князь Вл. Алекс. Черкасскій, князь Д. О. Шаховской, Левъ Ник. Волковъ, П. Сем. Ржевскій—все люди, изъ ряду вонъ выходящіе по своему уму и образованію.

Какъ я уже выше сказалъ, князь Вл. Черкасскій былъ моимъ попечителемъ и мировымъ посредникомъ по моему Веневскому имѣнію. Все, что князь Вл. Ал. Черкасскій вообще дѣлалъ, онъ дѣлалъ удивительно умно, поэтому и посредникомъ былъ замѣчательнымъ. Работы въ редакціонной комиссіи сильно потрясли его здоровье, и ему докторами предписано было отдохнуть въ деревнѣ и пить минеральныя воды. Послѣднее онъ и дѣлалъ, но все же былъ занятъ дѣлами своего участка. Съѣзды мировые въ Веневѣ представляли большой интересъ, и, какъ веневскій помѣщикъ, хотя и студентъ, я просто иногда ѣздилъ, интереса ради, посмотрѣть, какъ идетъ новое дѣло. Въ Веневѣ я останавливался у князя Е. Черкаскаго, гдѣ утромъ, передъ и послѣ мирового съѣзда, съѣзжались помѣщики и посредники. Душею дѣла былъ, конечно, князь Вл. Ал., который утромъ еще диктовалъ своему секретарю доклады къ съѣзду или редактировалъ журналы вчерашняго съѣзда въ окончательной формѣ. Журналы тѣхъ съѣздовъ были бы интересны и теперь, если бы можно было ихъ извлечь изъ архивной пыли 1860-хъ годовъ.

Еще собирались въ Веневѣ у зятя губернатора Дарагана, Владиміра Николаевича Веревкина; онъ командовалъ Екатеринбургскимъ полкомъ, который стоялъ въ Веневѣ. Веревкинъ былъ женатъ на красавицѣ Ел. Пет. Дараганъ. Самъ Владиміръ Николаевичъ Веревкинъ (нынѣ комендантъ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ) былъ молодъ, герой Севастополя, любезный хозяинъ, хлѣбосоль, такъ что у него бывало превесело, и опять таки цвѣтъ мѣстнаго общества обѣдалъ и весело проводилъ время послѣ мирового съѣзда, особенно, когда полковой командиръ въ садъ при своемъ домѣ, который онъ построилъ въ центрѣ города, приглашалъ полковую музыку.

Лѣто проходило въ усиленныхъ занятіяхъ по устройству отношеній съ крестьянами, въ писаніи уставныхъ грамотъ. У меня, бла-

годаря добрымъ отношеніямъ съ крестьянами, все обошлось благополучно, и не было ни одного серьезнаго столкловенія, напротивъ все составилось по добровольному соглашенію. Въ венежскихъ деревняхъ князь Вл. А. Черкасскій мнѣ, конечно, помогъ въ этомъ. Онъ прожилъ, при введеніи грамоты, у меня трое сутокъ съ землемѣромъ; согласилъ крестьянъ между собою, такъ какъ была чрезполосица между деревнями, и также согласилъ меня съ крестьянами. Его авторитетъ и довѣріе, коимъ онъ пользовался, а также знаніе крестьянина были, конечно, главными двигателями въ этихъ случаяхъ. Вотъ примѣръ: надо было одной деревнѣ взять участокъ земли у другой, а крестьянамъ этого не хотѣлось. Пошли дѣлать осмотръ; крестьяне, которымъ приходилось брать землю, увѣряли, что она плоха. Мы шли полемъ, за нами толпа крестьянъ. Вдругъ князь Черкасскій остановился и, показывая вдаль, спросилъ сельскаго старосту:

— Что это растеть вонъ на той десятинѣ?

— Чечевица, ваше сіятельство,—отвѣтилъ староста.

Князь разсердился и началъ, къ моему удивленію, ругать старосту.

— Что растеть?—громко повторилъ князь.

— Виновать, ошибся,—промолвилъ староста:—горохъ.

— Не ошибся, а совралъ; ты думаешь, я не понимаю, что горохъ растеть на лучшей землѣ, а чечевица на плохой! Нечего и толковать, земля прекрасная, берите ее,—обратился князь къ крестьянамъ:—а тебя, староста, ежели ты еще разъ соврешь, я на семь дней посажу подъ арестъ, да и смѣню; ты разбилаешь дѣло.

Крестьяне такъ были поражены этимъ незначительнымъ эпизодомъ, что, вернувшись въ усадьбу, не поднимали больше разговора, что земля плоха.

Писаніе уставной грамоты задержало меня въ деревнѣ, такъ что мнѣ не пришлось во время пріѣхать къ слушанію лекцій, и этимъ я избѣгъ участія въ университетскихъ исторіяхъ 1861 года, столь прискорбныхъ. Уже въ 1860 году среди студентовъ началось броженіе, выразившееся въ постоянныхъ исторіяхъ и столкловеніяхъ съ полиціей; но въ 1861 году оно достигло высшей кульминаціонной точки. Всѣ стремленія къ упорядоченію отношеній къ университетскому начальству не пошли въ прокъ, и студенты отправились на могилу Грановскаго и сожгли тамъ матрикулы, недавно введенные. Мое мнѣніе тогда же было, что это чисто польское дѣло, а не русское. Особенно на медицинскомъ факультетѣ была масса поляковъ: они-то и подбили нашихъ — идти подавать жалобу толпою генераль-губернатору Тучкову. А на самой площади остались одни русскіе, которыхъ и побили казаки, да и народъ, коему шепнули, что это господа пришли требовать, чтобы отдали назадъ крѣпостныхъ.

Я прїѣхалъ уже въ октябрѣ и нашелъ большинство товарищей арестованными; многихъ, впрочемъ, скоро выпустили. Затѣмъ, по университетскому суду, стали многихъ исключать изъ университета. При объявленіи, уже зимою, въ февралѣ 1862 г., рѣшенія университетскаго суда, опять чуть не произошли беспорядки.

— Мы всѣ виноваты!—кричали студенты:—если исключать, такъ всѣхъ исключать!

И дѣйствительно многіе добровольно оставили Московскій университетъ и уѣхали въ Петербургъ; но и тамъ университетъ былъ закрытъ, и многіе изъ нихъ, пропатавшись безъ дѣла и занятій, не миновали своей участи—попали въ крѣпость...

Меня сильно уговаривали товарищи выйти изъ университета, но, какъ ни былъ я молодъ (мнѣ было всего 17 лѣтъ, я поступилъ въ университетъ 16), я не рѣшился. Не знаю, попалъ ли бы я въ движеніе; но судьба задержала меня съ уставными грамотами въ деревнѣ, я фактически не участвовалъ въ исторіяхъ, и вообще мнѣ не хотѣлось уходить изъ университета. Я, съ своей стороны, напротивъ, уговаривалъ многихъ остаться, доказывая имъ, что правленіе университета и власти очень будутъ рады ихъ уходу, такъ какъ всѣ знаютъ, что уходящіе теперь изъ университета главнымъ образомъ заварили кашу и что они-то главные виновники беспорядковъ. Но мы ничего не подѣлали: всякій остался при своемъ убѣжденіи.

Несомнѣнно, что движеніе было главнымъ образомъ польское, и поляки этого не скрывали. Польское движеніе еще болѣе выяснилось въ 1862 году. Масса студентовъ уѣзжала въ Польшу и Литву и открыто заказывала оружіе въ Тулѣ подъ предлогомъ якобы охоты и вооруженія лѣсниковъ. Въ 1863 году мы видѣли многихъ студентовъ, которыхъ везли въ кунтушахъ и венгеркахъ назадъ съ театра повстанія въ ссылку, или заключеніе. Многіе были ранены, но и они дѣлали видъ, что насъ не узнаютъ. Тяжелое было время броженія. Польская молодежь вѣрила въ успѣхъ; а главнымъ образомъ на устахъ всѣхъ была фраза, что Наполеонъ III поможетъ, и всюду циркулировалъ слухъ, что крестьянъ освободили по настоянію Наполеона, что это секретный параграфъ Парижскаго договора, а что теперь Наполеонъ освободитъ Польшу и т. д. Уныніе было всеобщее, пока наконецъ не раздались могучія слова М. Н. Каткова и Аксакова, поднявшія духъ патріотизма. Москва, а за нею и провинціи заговорили, посыпались адреса, покрытые тысячами самыхъ разнообразныхъ подписей дворянъ, купцевъ, мѣщанъ, крестьянъ, вчера еще крѣпостныхъ. Эти тысячи адресовъ съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, гдѣ твердо и безъ фразъ ясно сказалась мощь народная, болѣе, чѣмъ дипломатическая нота князя Горчакова, подѣйствовали на западныя державы.

Не прошло двухъ лѣтъ, что князь В. А. Черкасскій былъ мировымъ посредникомъ, какъ его потребовали въ Петербургъ. Возстаніе въ Польшѣ наружно было подавлено, безъ нарушенія европейскихкихъ отношеній, не одними войсками, но еще болѣе выразившимся общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи и массою адресовъ, которые поддержали въ правительствѣ силу и энергію. Интересенъ былъ адресъ изъ Веневского уѣзда, посланный отъ всѣхъ сословій; было болѣе 9.000 подписей! Это было первое сильное проявленіе русскаго общественнаго мнѣнія, весьма сознательнаго. Въ Веневѣ мужики толпами въ базарный день ходили его подписывать. Какъ-то, ѣдучи въ свое имѣніе, встрѣчаю сельскаго старосту на большой Каширской дорогѣ.

— Ты куда, Давидъ Петровъ?

— Въ городъ, ваше сіятельство.

— Зачѣмъ?—спрашиваю я.

— Къ рукоприкладству, насчетъ заявленія царю!

— Что такое?

— Да вотъ полякъ, слышь, забунтовалъ, потому думаетъ, что мы теперь съ господами изъ-за воли вздоримъ. Ну, такъ вотъ весь уѣздъ нашъ подписуется, что это не такъ, чтобы сумленія не было: мы домашнимъ дѣломъ разберемъ, а ужъ ихъ не пожалѣемъ, всѣ пойдемъ...

Въ такомъ духѣ говорилъ Давидъ Петровъ и, признаюсь, поразили меня простотою рѣчи и яснымъ пониманіемъ дѣла, и это черезъ два года послѣ объявленія манифеста 19-го февраля 1861 года. Мнѣ очень памятна эта встрѣча, ибо тогда же говорили, что раздували писаніе этихъ адресовъ, и т. д.

Этотъ разъ я вообще какъ-то напалъ на смышленныхъ мужиковъ.

— Разыскалъ я ваше краденое сѣно,—заявляетъ мнѣ по приѣздѣ староста другой деревни.

— Гдѣ же?

— Да въ Сосновкѣ мужики со своимъ перемѣшали, ну, да я свое узналъ, ну, и покаялись.

— Какъ же ты узналъ перемѣшанное?

— Ну, этого не расскажешь, да по примѣтамъ я наше сѣно знаю, къ тому же у нихъ луговое, а наше лѣсное, такъ разница большая.

Курьезно, но я увѣренъ, что ни одинъ нѣмецъ управляющій не узналъ бы своего сѣна, перемѣшаннаго съ чужимъ, для этого нужна смышленность русскаго мужика.

Не на шуточное дѣло былъ вызванъ князь Черкасскій въ Петербургъ. Онъ, съ своими товарищами по редакціонной комиссіи, Н. А. Милютинымъ и Ю. О. Самаринимъ, былъ посланъ въ Польшу; имъ поручено было сдѣлать въ родѣ *enquête parlementaire*, дать

заключеніе о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, въ политическомъ, экономическомъ отношеніи, а главное о положеніи крестьянъ, которые считались угнетенными панами... хотя у крестьянъ и была личная свобода.

Записка, представленная ими, была полна, конечно, интереса. Она выяснила угнетенное положеніе польскихъ крестьянъ у пановъ, которые пользовались ими, какъ хотѣли, а главнымъ образомъ противъ Россіи. Въ земельномъ устройствѣ крестьянъ видѣли оплотъ для обрусенія края и уменьшенія политическаго вліянія пановъ. Рѣшено было надѣлить и польскихъ крестьянъ землею на подобіе русскихъ... Статсъ-секретаремъ царства Польскаго былъ назначенъ Н. А. Милютинъ, а министромъ или директоромъ внутреннихъ дѣлъ царства князь В. А. Черкасскій; на него главнымъ образомъ легла вся тяжесть крестьянской реформы, принятой, конечно, враждебно въ Польшѣ и столько же, если еще не больше, враждебно въ Петербургѣ. Петербургская аристократія, не успокоившаяся еще отъ реформы 19-го февраля 1861 года, подготавливала реакцію, высказывая всюду симпатію польскимъ панамъ, или скорѣе польской аристократіи. Князю Черкасскому и Милютину пришлось опять таки болѣе бороться съ Петербургомъ, нежели съ самою Польшею, гдѣ довольно мирно вводилось новое крестьянское положеніе. Ю. О. Самаринъ не поѣхалъ въ Польшу; князь же Черкасскій предложилъ всѣмъ мало-мальски извѣстнымъ дѣятелямъ по крестьянской реформѣ ѣхать съ нимъ въ Польшу. Изъ Тульской губерніи поѣхали всѣ видные дѣятели по крестьянскому дѣлу, всѣ люди близкіе князю Черкасскому, въ томъ числѣ и мой вотчимъ, баронъ Менгденъ (и матушка моя, конечно, съ семейю). Поѣхали такъ же всѣ лучшіе мировые посредники; поѣхалъ и братъ Ю. О. Самарина, Петръ Ѳедоровичъ Самаринъ, М. А. Тихменевъ, В. В. Ладыженскій, А. А. Толочановъ, А. И. Кошелевъ и многіе другіе, особенно много князь Черкасскій набиралъ людей въ военной и университетской молодежи.

Я былъ студентомъ и потому не служилъ еще; но въ 1864 году поѣхалъ гостить къ матушкѣ, въ Варшаву, посмотреть на ихъ житье-бытье. Мятежъ утихъ, но шла усиленная борьба польской аристократіи и духовенства противъ Черкаскаго и Милютина, и это ежедневно выказывалось во всемъ. Въ Петербургѣ уже забыли 1863 годъ, и имя Черкаскаго и Милютина было ненавистно. Намѣстникъ, графъ Бергъ, также ненавидѣлъ Черкаскаго, державшаго себя независимо и пользовавшагося сильной поддержкой Н. А. Милютина.

Пребываніе мое въ Варшавѣ въ концѣ 1864 и началѣ 1865 гг. оставило во мнѣ много интересныхъ воспоминаній. Циркулировала карриатура, гдѣ графъ Бергъ былъ изображенъ судьей на скакчѣ, а князь Черкасскій въ видѣ скакуна, берущаго препят-

ствія. Препятствія были изображены въ лицахъ, и все дѣятели царства; изъ нихъ выбита уже была одна фигура Черкасскимъ, это былъ баронъ Ф., удаленный по требованію князя Черкаскаго. Дѣятельность князя была изумительна; мнѣ кажется, что нельзя было больше и плодотворнѣе работать, чѣмъ онъ. Но зато какимъ подвергался онъ искушеніямъ, съ одной стороны, и преслѣдованіямъ—съ другой! Гоненіе шло изъ Петербурга и отъ графа Берга, а со стороны поляковъ все, чѣмъ только можно измыслить подкупъ. Введеніе крестьянскаго положенія 19-го февраля 1864 года явно переносило значеніе крестьянскаго населенія, угнетеннаго панами, на сторону русскаго правительства; а потому паны всѣ усиленно употребляли къ тому, чтобы при введеніи реформы побольше себѣ выгодать. Князю В. А. подсылали и большія деньги подъ всякими предлогами и видами, наконецъ была въ ходъ пущена и женская красота, но и это не удалось. Князь былъ не подкупенъ, и поляки кончили тѣмъ, что про него сказали: «это дьяволъ, а не человѣкъ!». Насчетъ русскаго языка не мало было затрудненій. Какъ директоръ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ царства, онъ не допускалъ незнанія русскаго языка. Какъ-то къ нему явился епископъ, не помню только какой; это было во время моего пребыванія въ Варшавѣ. Онъ оказался совсѣмъ не знающимъ русскаго языка и заговорилъ попольски; но князь его остановилъ и заставилъ говорить полатыни, на этомъ языкѣ и шелъ разговоръ.

Въ началѣ 1865 года я еще былъ въ Варшавѣ, у матушки своей, и въ средѣ русской колоніи явилась мысль въ первый разъ устроить въ Варшавѣ студенческой объѣдъ 12-го января въ память Московскаго университета. Сколько лѣтъ Московскій университетъ ежегодно выпускалъ изъ стѣнъ своихъ поляковъ, окончивавшихъ курсъ, но до 1865 года никто никогда не вспомнилъ Московскаго университета. 1865 года, 12-го января, собрались всѣ русскіе въ Варшавѣ, бывшіе студенты Московскаго университета, за скромною трапезою въ гостинницѣ Ангельской, содержимой Букерелемъ. Я былъ единственный наличный студентъ, я кончалъ курсъ, меня посадили, какъ младшаго, противъ старшаго—А. И. Кошелева, который вмѣстѣ съ генераль-аудиторомъ Полторановымъ былъ еще воспитанникомъ московскаго университетскаго пансіона конца 1820 годовъ. На этомъ объѣдѣ были: старикъ Драшусовъ, князь Черкасскій, поэтъ Н. В. Бергъ и до 25 человѣкъ, все служащіе. Объѣдъ прошелъ весело, и въ своей застольной рѣчи Драшусовъ не могъ не сказать съ нѣкоторою горечью, что никогда поляки не поминали доселѣ нашей «Alma mater», хотя десятки ежегодно кончаютъ курсъ въ Москвѣ, а вотъ горсть русскихъ собралась и вспомнила вдали отъ дорогой Москвы и т. д. Бергъ импровизировалъ стихи, которыхъ я помню только начало:

«Насъ впервой здѣсь столько сбилось
 «Изъ Москвы, не вѣсть отколь,
 «И въ первой намъ такъ случилось
 «Бѣсть Варшавскую хлѣбъ-соль.
 «Довѣряясь лучшей силѣ,
 «Отстранивъ слегка штывки,
 «Мы теперь лишь раскусили,
 «Что такое поляки»...

и т. д.

За обѣдомъ былъ лишь одинъ старикъ полякъ, лингвистъ, другъ Леонтьева; я его фамилію забылъ. Онъ былъ учителемъ латинскаго и греческаго языка въ гимназіи и очень любилъ Московскій университетъ. Онъ все спрашивалъ про университетъ, но такъ какъ онъ уже болѣе 40 лѣтъ кончилъ курсъ, то, конечно, кромѣ Каткова и Леонтьева, я никого не могъ знать изъ его знакомыхъ. Обѣдъ кончился рано: всѣ были люди занятые и тотчасъ послѣ обѣда спѣшили къ занятіямъ.

Меня интересовало введеніе уставныхъ грамотъ въ Польшѣ; поэтому я воспользовался первою поѣздкою во внутрь Варшавской губерніи моего вотчина, чтобы ѣхать съ нимъ. Мы отправились въ коляскѣ пугомъ (англійская упряжь) на почтовыхъ. Баронъ Менгенъ былъ президентомъ Варшавской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, которая соотвѣтствовала губернскому присутствію въ Россіи. Въ другомъ экипажѣ ѣхали комиссаръ и секретарь; за нашею коляскою скакалъ конвой казаковъ. Оригинальное явленіе: освобожденіе у насъ, въ Россіи, и въ цивилизованной Польшѣ!.. Дороги, великолѣпное шоссе, обсаженное густыми деревьями, отлично обстроеныя фольварки, господскія усадьбы—все напоминало Европу... самый нашъ экипажъ въ шорахъ, почтарь съ рожкомъ въ европейскомъ костюмѣ и тутъ же казаки... Странное чувство овладѣвало мною... Ничто, кромѣ казаковъ, не напоминало о недавней междоусобной войнѣ. Я думалъ: если иностранца привезти въ Польшу, а потомъ въ Россію, и показать ему ту и другую страну, сказавъ, что одна благоденствуетъ, а въ другой была война междоусобная, партизанская, и что вотъ въ ней кричать о всеобщемъ разореніи, то врядъ ли бы онъ призналъ нашу матушку Русь православную съ ея завалившимися заборами за край благоденствующій, а Польшу за угнетенную. На меня, во всякомъ случаѣ, Польша произвела впечатлѣніе далеко не разоренной страны; а пановъ я не могъ не признать гораздо богаче насъ и потерявшими гораздо меньше насъ отъ освобожденія хлоповъ. Послѣдніе смотрѣли вполне угнетенными. Не лучшее впечатлѣніе производили сами паны, а того болѣе ихъ лукавые приказчики. Мой вотчимъ остановился со свитою въ домѣ богатаго графа, вслѣдствіе безконечной просьбы послѣдняго, повидимому, весьма низкопоклонной. Нельзя было отказаться отъ предложеннаго чая, о коемъ возвѣстилъ французъ

maître d'hôtel. За чаемъ президентъ сидѣлъ около хозяйки, но гордая графиня и не подумала подать чашку чая гостю, а подозвала дворецкаго и, наливъ чашку, взмахомъ головы указала, кому подать ее. Гордое ея поведеніе не могло не вселять уваженія; она и не скрывала, что ей дѣятельность пріѣхавшей комиссіи не по сердцу. Но зато графъ, Боже, какой былъ жалкій!.. Онъ на новый годъ пріѣзжалъ поздравить президента комиссіи съ новымъ годомъ, а затѣмъ, нѣсколько дней послѣ, когда уже миновала надобность, грамоты были введены, графъ въ театрѣ уже не узналъ ни президента комиссіи, ни ея членовъ.

Князь Черкасскій былъ такъ занятъ, что его только и можно было видѣть за обѣдомъ. У меня были до него кое-какія дѣла, какъ къ попечителю, и я могъ только въ обѣденное время съ нимъ видѣться и поговорить. Передъ отъѣздомъ моимъ князь В. А. послалъ за мною.

— Вотъ пакеты очень серьезные,—сказалъ мнѣ князь:—прошу ихъ лично доставить въ Петербургъ, Н. А. Милютину. Я на тебя надѣюсь, ибо почтою ничего не могу серьезнаго посылать: всѣ мои письма вскрываютъ.

Я съ удовольствіемъ исполнилъ порученіе князя.

Когда княгини Черкасской не было въ Варшавѣ, князь также писалъ ей чрезъ знакомыхъ, почтою же извѣщалъ только о своемъ здоровьѣ, «ибо,—прибавлялъ онъ всегда,—ты знаешь, кто интересуется моими письмами, а для того я писать не желаю». Конечно, все это сердило тѣхъ, къ кому это относилось. Графъ Бергъ не могъ простить князю его независимаго положенія и того, что многіе доклады шли помимо его, намѣстника, прямо къ государю чрезъ статсъ-секретаря царства Польскаго Милютину.

Въ мою бытность въ Варшавѣ рассказывали интересный эпизодъ про одного изъ губернаторовъ царства Польскаго, котораго, какъ русскаго, графъ Бергъ, конечно, не любилъ. У губернатора вышло столкновеніе съ мѣстнымъ прокуроромъ, который не хотѣлъ писать ему порусски и не исполнялъ какого-то приказа, такъ какъ онъ писанъ былъ порусски. Губернаторъ вызвалъ прокурора къ себѣ и спросилъ его, почему онъ не исполняетъ его требованія. «Потому,—отвѣтилъ пофранцузски прокуроръ полякъ,— что оно враждебно моему отечеству (hostil à mon pays)». Это было слишкомъ; губернаторъ до того вспылалъ, что выбранилъ прокурора и вытолкнулъ его изъ кабинета, изъ коего прокуроръ скорѣе вылетѣлъ, чѣмъ вышелъ. Придя въ себя, губернаторъ понялъ, что забылся, и послалъ прокурору предложеніе—дать ему всякое удовлетвореніе, даже, если онъ захочетъ, оружіемъ, выѣхавъ за границу, такъ какъ австрійская граница кстати была подъ рукою. Но прокуроръ не внялъ ничему, а полетѣлъ въ Варшаву съ доносомъ къ графу Бергу. Какъ католикъ и не русскій ни по духу, ни по сердцу, графъ

Бергъ былъ радъ насолить русскому, а тѣмъ паче губернатору, протѣгѣ князя Черкаскаго. Онъ назначилъ строжайшее слѣдствіе, которое было поручено двумъ сенаторамъ полякамъ, и сообщилъ объ этомъ князю Черкасскому. Но тотъ немедленно явился въ замокъ и заявилъ графу Бергу, что, въ виду важности случая, онъ, какъ директоръ внутреннихъ дѣлъ, а потому прямой начальникъ губернатора, ѣдетъ самъ на мѣсто, произведетъ строжайшее слѣдствіе надъ губернаторомъ и изслѣдуетъ причины столкновенія. Этого было довольно, чтобы прокуроръ взялъ назадъ свою жалобу и ограничился просьбою перевести его въ другое мѣсто. Тѣмъ дѣло и кончилось. Иначе губернатора затерли бы несомнѣнно...

Я уѣхалъ изъ Варшавы не подъ особенно пріятнымъ впечатлѣніемъ. Что могла сдѣлать эта горсть русскихъ дѣятелей особенно при такой оппозиціи, какъ намѣстникъ и другіе сильные міра сего. Всѣхъ чиновниковъ русскихъ на все число служащихъ въ царствѣ было 2^о/о, и то кричали, что это слишкомъ много. А затѣмъ многіе ли изъ нихъ не подверглись искусу, или не отказались отъ своихъ убѣжденій? Мало... Даже такой завзятый славянофилъ, какъ А. И. Кошелевъ, приглашенный на постъ директора финансовъ, то-есть министра финансовъ царства, если не отрекся отъ своихъ славянофильскихъ идей, то испыталъ на себѣ силу ополяченія. Онъ окружилъ себя одними почти поляками и только имъ вѣрилъ. А. И. Кошелевъ дошелъ до того, что говорилъ, когда спрашивали про одного его чиновника: «прекрасный чиновникъ, хотя русскій!». Зато, когда его уволили, все общество польское провожало его, и не было ни одного почти русскаго. Съ княземъ Черкасскимъ онъ совершенно разошелся, также какъ и съ Н. А. Милютинымъ, почему и лишился возможности оставаться въ Варшавѣ. И много было такихъ.

III.

Дѣятельность князя В. А. Черкаскаго въ дѣлахъ земства.—Враждебныя отношенія къ нему англійскаго консула въ Варшавѣ.—Мысль Черкаскаго объ учрежденіи въ Вильнѣ русскаго земельного банка.—Препятствія, встрѣченныя этимъ проектомъ, и учрежденіе «Золотого Банка».—Выборъ Черкаскаго московскимъ городскимъ головой.—Вывозъ его въ Болгарію въ 1877 году.—Его кончина.

Я особенно долго останавливался въ своихъ воспоминаніяхъ на личностяхъ Д. Г. Бибикова и князя В. А. Черкаскаго. Эти два государственные мужа играли значительную роль въ вопросахъ освобожденія крестьянъ въ Россіи. Такъ какъ эмансипація была колоссальной реформой для нашего отечества, то нельзя пройти молчаніемъ тѣхъ, кто въ суровое, дореформенное время имѣлъ силу и храбрость не только высказаться, но рискнуть своимъ положе-

ніемъ, зная напередъ, что пріобрѣтетъ ненависть тогдашняго общества, переполненнаго крѣпостниками. Такія лица шли прямо къ намѣченной цѣли: то были люди и слова, и дѣла.

Намъ, дѣятелямъ шестидесятыхъ годовъ, на плечахъ которыхъ въ сущности прошла реформа крестьянская, земская и судебная, хорошо памятно дореформенное время и вся его ненормальность. Теперь хорошо людямъ, ничего не видавшимъ изъ прошлыхъ ужасовъ, говорить и выхвалять порядки тогдашняго режима и анализировать его теперь, но врядъ ли бы они захотѣли возвращенія его, если бы только могли понять, что это былъ за порядокъ. Конечно, я не говорю про ту категорію чиновниковъ, которые думаютъ, что когда имъ хорошо, то и всѣмъ хорошо. Лучшимъ отвѣтомъ на тогдашній режимъ была Крымская кампанія: вся Россія, разъединенная несуществовавшими путями сообщенія, не могла одолѣть стотысячной арміи союзниковъ. Что можно отвѣтить на это, возможно ли нѣчто подобное въ наше время?

Д. Г. Вибиновъ и князь В. А. Черкасскій были, въ полномъ смыслѣ слова, люди ума государственнаго. Они предвидѣли то, что другимъ не приходило еще въ голову, или то, о чемъ ихъ головы боялись думать, или о чемъ неприятно было думать. Теперь не вѣрится даже, что можно было дѣлать столько глупыхъ возраженій, какъ въ 1858 г., когда заговорили вдругъ о неотложности крестьянской реформы. Натянутость отношеній въ пятидесятыхъ годахъ между помѣщиками и крестьянами достигла высшаго кульминаціоннаго пункта. Какъ я уже говорилъ, князь Черкасскій былъ душею дѣла освобожденія и редакціонной комиссіи; зная хорошо, что ему грозитъ ненависть всего дворянскаго сословія, онъ все-таки твердо шелъ по намѣченному пути. Его образованіе, его глубокое знаніе Россіи и народа давали ему права и огромное преимущество предъ другими, какъ я и указалъ въ предыдущей главѣ очерка о немъ. Но кто забудетъ 1861 годъ? Все, что было маломальски развитаго и образованнаго, все это было въ числѣ мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Подъемъ духа былъ всеобщій, вся русская интеллигенція сплотилась по мановенію царя, своего освободителя; прежніе счета господъ съ крестьянами были забыты, а мелкія домашнія столкновенія казались на столько ничтожными, что о нихъ не стоитъ даже упоминать. Но князь Черкасскій очень хорошо понималъ, что за подобнымъ подъемомъ духа неминуемо послѣдуетъ реакція... Она не долго заставила себя ждать. По окончаніи трудовъ въ редакціонной комиссіи, измученный, онъ хотѣлъ отдохнуть въ своихъ тульскихъ имѣніяхъ Веневскаго уѣзда, проживая лѣта 1861 и 1862 годовъ въ скромномъ званіи мирового посредника. Я уже имѣлъ случай сказать, что князь былъ однимъ изъ лучшихъ мировыхъ посредниковъ губерніи. Вся молодежь, новое поколѣніе шестидесятыхъ годовъ, къ которому я

и себя причисляю, иначе уже смотрѣла на князя Черкаскаго; она съ уваженіемъ относилась къ его дѣятельности. На первыхъ же выборахъ, въ 1862 году, отношеніе къ князю дворянской молодежи было совсѣмъ другое, чѣмъ стариковъ, которые не могли простить ему эмансипацію, ибо его, какъ ближайшаго къ себѣ дѣятеля, они считали главнымъ виновникомъ отобранія крестьянской собственности.

Я упомянулъ о нѣкоторыхъ чертахъ дѣятельности князя Черкаскаго въ Польшѣ. Но какъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, такъ и тутъ реакція не дремала. Пока во главѣ польскаго дѣла стоялъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ, все шло своимъ чередомъ, и русское дѣло начинало пускать корни, какъ вдругъ нервный ударъ сразилъ Милютина.

Тутъ умѣстно, мнѣ кажется, вспомнить одинъ эпизодъ, случившійся въ 1866 г. въ Варшавѣ. Самыми великими ненавистниками русскихъ успѣховъ были несомнѣнно англичане. Когда они начинаютъ нападать или ругать русское дѣло или русскаго дѣятеля, то это вѣрный признакъ, что дѣло идетъ хорошо, и дѣятель полезенъ. Либеральнымъ англичанамъ, конечно, не могло нравиться, что князь Черкасскій такъ успѣшно освобождаетъ польскихъ крестьянъ отъ панскаго гнета и дѣлаетъ изъ нихъ русскихъ вѣрноподданныхъ. Англійскій генеральный консулъ въ Варшавѣ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, дѣлалъ непріятности князю Черкасскому. Послѣ покушенія Каракозова, въ 1866 году, на одномъ изъ официальныхъ обѣдовъ, консулъ, который дружилъ съ панами и пѣлъ съ ними въ унисонъ, что князь Черкасскій красный, позволилъ себѣ сказать, обращаясь къ князю:

— Говорятъ, что это близкій родственникъ вашъ стрѣлялъ въ императора 4-го апрѣля? Правда это?

Но князь былъ не изъ тѣхъ, которые лезутъ въ карманъ за словомъ. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ очень громко:

— Я нисколько не удивляюсь тѣмъ глупостямъ, которыя про меня сочиняютъ, но удивляюсь, что находятся дураки, которые ихъ повторяютъ.

Эффектъ получился громадный, а англійскій консулъ позеленѣлъ отъ злости.

Болѣзнь Н. А. Милютина сильно подѣйствовала на князя Черкаскаго, который, зная при томъ же, на сколько его ненавидитъ намѣстникъ графъ Бергъ, тотчасъ подалъ въ отставку.

Не смотря на то, что лицо, замѣнившее Н. А. Милютина въ званіи статсъ-секретаря царства Польскаго, не раздѣляло взглядовъ князя Владиміра Александровича Черкаскаго, основы были положены, и по дорогѣ, проложенной княземъ и его сподвижниками, тѣмъ, кто хотѣлъ служить русскому дѣлу, уже легче было работать.

Князь Черкасскій не могъ сидѣть, сложа руки. Вопросъ русскаго землевладѣнія въ царствѣ и въ Западномъ краѣ, конечно, былъ ему близокъ къ сердцу и вполне поглощалъ его вниманіе. Князь Владиміръ Александровичъ въ русскомъ землевладѣніи какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ Западномъ краѣ видѣлъ залогъ русской силы и вліянія, но указывалъ на трудности, сопряженныя съ его водвореніемъ; особенно послѣ повстанія это дѣло стало еще труднѣе. Кто не помнитъ всего того, что приходилось переносить русскимъ, и не столько въ Польшѣ, сколько въ Литвѣ, отъ сосѣдей пановъ.

Было приказано продавать конфискованныя польскія имѣнія въ русскія руки; но гдѣ же тѣ русскіе дѣятели, которые послѣ 1861 года имѣли свободныя деньги, чтобы покупать земли въ Сѣверо и Юго-Западномъ краѣ? Многимъ казалось не подъ силу и дома-то справиться. Князь Черкасскій представилъ въ Петербургъ проектъ объ учрежденіи въ Вильнѣ русскаго земельного банка, который имѣлъ бы цѣлью исключительно поощрять русское землевладѣніе въ Западномъ краѣ, однимъ словомъ русскій банкъ съ дѣйствительно русскимъ направленіемъ, который бы давалъ возможность солиднымъ русскимъ людямъ приобрѣтать въ Западномъ краѣ земли и осѣлости, и въ особенности тѣмъ, которые тамъ бы поселились. Во главѣ этого крупнаго русскаго земельного банка становился самъ князь съ значительными полномочіями. Проектъ этотъ удостоился высочайшаго одобренія, и указъ о назначеніи князя Владиміра Александровича въ Вильно предсѣдателемъ банка и сенаторомъ уже готовъ былъ къ подписи, но петербургскіе враги князя поняли, какую силу русское землевладѣніе и люди получаютъ при князѣ Черкасскомъ въ Западномъ краѣ. Были пущены въ ходъ всѣ пружины, чтобы не дать осуществиться этому истинно русскому начинанію. Невольно при этомъ опять вспоминаются слова Д. Г. Бибикова: «не съ поляками, съ Петербургомъ приходилось бороться!».

Тогда только что возникло «Общество взаимнаго поземельнаго кредита» для помѣщиковъ землевладѣльцевъ—это доброй памяти «золотой банкъ», дѣятелямъ котораго тотъ же князь Черкасскій говорилъ не разъ, что учрежденіе взаимнаго кредита для землевладѣльцевъ полезно, такъ какъ опекунскій совѣтъ закрыли, но Боже сохрани его дѣлать на золотую валюту: при первомъ паденіи курса положеніе землевладѣльцевъ будетъ безвыходное. Такъ впоследствии и случилось. Русскіе дѣятели «золотаго банка», т. е. «взаимнаго поземельнаго кредита», и взялись хлопотать усиленно, чтобы въ Вильнѣ не учреждался особый русскій земельный банкъ, а что они возьмутъ въ свои руки дѣло русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ, если имъ только дадутъ въ распоряженіе тѣ пять милліоновъ золотой ренты или 0/0 бумагъ, кои предназначены въ

распоряженіе Виленскаго земельнаго банка, сирѣчь князю Черкасскому. Они обѣщали при этомъ, что всякому русскому покупщику земли въ Западномъ краѣ будетъ дана двойная ссуда, то-есть: изъ «золотаго банка» при оцѣнкѣ имѣнія, согласно уставу, и изъ пятимилліоннаго фонда столько же. Казалось, чего бы лучше?! И вотъ пять милліоновъ были успѣшно отвоеваны у князя Черкаскаго, вмѣстѣ съ его сенаторствомъ, или, лучше сказать, отъ возникавшаго русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ пять милліоновъ перешли въ кассу «золотаго банка», а изъ нея—увы!—не на русское дѣло, а въ карманъ Юханцева! Да, изъ этикъ-то пяти милліоновъ Юханцевъ выхватилъ 2.800.000.

Удалившись отъ государственной дѣятельности, князь Черкасскій продолжалъ, однако же, служить въ томъ же, какъ и прежде, смыслѣ русскому дѣлу. Не было въ Тулѣ земскаго или иного какаго собранія, гдѣ бы мы не слышали умнаго, руководящаго слова князя Владиміра Александровича. При немъ и при Самаринѣ земскія собранія получили небывалый интересъ.

Князь Владиміръ Александровичъ, занимаясь земскими нашими уѣздными и городскими дѣлами, изучилъ и муниципалитетные вопросы и городское благоустройство въ Берлинѣ и за границую. Въ Берлинѣ князь Бисмаркъ, познакомившись съ княземъ Черкасскимъ, не могъ удержаться, чтобы не сказать: «какое обиліе должно быть въ Россіи государственныхъ дѣятелей, если такой замѣчательный человѣкъ, какъ князь Черкасскій, безъ дѣла?!»... Тьеръ также высказался приблизительно въ этомъ смыслѣ.

Чуткая тогда еще ко всему русскому, Москва постѣпила vybrать князя Черкаскаго, вернувшагося изъ-за границы, въ городскіе свои головы, послѣ перваго трехлѣтія князя Щербатова. Князь Черкасскій былъ избранъ единогласно. Значеніе его было очень вѣское, и представителемъ Москвы онъ былъ блестящимъ! Но не долго...

Уничтоженіе Парижскаго трактата въ 1871 году и манифестъ о томъ, что мы возстановляемъ свои права на Черномъ морѣ, дали поводъ Москвѣ, то-есть московской думѣ съ княземъ Черкасскимъ во главѣ, подать адресъ на высочайшее имя. Адресъ этотъ былъ истолкованъ во вредъ князю Владиміру Александровичу, и онъ, къ сожалѣнію многихъ своихъ друзей, вышелъ въ отставку и оставался частнымъ дѣятелемъ до турецкой кампаніи 1877 года.

Намъ хотѣлось выяснитъ личность князя Владиміра Александровича, какъ мы ее понимали всегда. Это былъ человѣкъ высокихъ принциповъ и съ раннихъ лѣтъ служилъ имъ. Онъ съ юношескаго возраста принадлежалъ къ партіи лучшихъ русскихъ людей сороковыхъ годовъ, то-есть къ славянофильскому кружку Хомякова, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русской Бесѣды» и остался до дня своей смерти вѣренъ этимъ принципамъ. Онъ понималъ,

что безъ освобожденія крестьянъ никакая дѣятельность на Руси не мыслима. Когда онъ достигъ шагъ за шагомъ, какъ мы это видѣли, освобожденія крестьянъ, онъ немедленно принялся и за осуществленіе завѣтныхъ помысловъ своихъ собратій, славянофиловъ. Его блестящая рѣчь на юбилейномъ обѣдѣ М. П. Погодину была подтвержденіемъ славянофильской его программы.

Князя Черкаскаго обыкновенно выставляютъ человѣкомъ безсердечнымъ, эгоистомъ, который и крѣпостныхъ освободилъ изъ корыстныхъ цѣлей: это одно изъ главныхъ обвиненій. Я князя зналъ съ дѣтства и не раздѣляю этихъ взглядовъ на моего бывшего попечителя. Въ матеріальномъ отношеніи я ничѣмъ не обязанъ Черкасскому, но обязанъ ему многимъ въ смыслѣ взглядовъ его на жизнь государственную и народную, на политику и проч., которыхъ ученикъ не можетъ не усвоить себѣ отъ учителя, которому вѣрить и котораго уважаетъ.

Если бы князь Черкасскій былъ своекорыстный эгоистъ, то, конечно, оставилъ бы послѣ себя громадное состояніе; онъ же напротивъ оставилъ весьма мало. Онъ не претерпѣвалъ бы столько гоненій въ жизни за свои принципы, не умеръ бы на томъ посту, который ему указывала его именно славянофильская дѣятельность. Умереть, какъ онъ—19-го февраля 1878 года, въ день С.-Стефановскаго договора, не изуродованнаго еще Берлинскимъ конгрессомъ, въ моментъ освобожденія и обновленія новаго славянскаго государства, послѣ побѣдъ русскихъ орловъ за Балканами,—что можетъ быть завиднѣе для человѣка, служившаго всю жизнь славянофильской идеѣ!

Нареканія, сыпавшіяся на князя Владиміра Александровича, вполне не заслуженныя, и мнѣ, близко стоявшему къ нему человѣку, всѣми силами хотѣлось бы, по мѣрѣ возможности, освѣтить его личность. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы все, что людская злоба и ненависть навалили на этого замѣчательнаго дѣятеля, болѣе изъ-за личныхъ неудовольствій, исчезло, чтобы личность князя не перешла въ потомство безъ того, чтобы не сказано было слово правды о немъ и въ защиту его. Другой, безвременно погибшій герой русскій, Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, познакомившійся съ княземъ В. А. во время турецкой кампаніи 1877 г., близко сошелся съ нимъ, восхищался княземъ Владиміромъ Александровичемъ и проводилъ съ нимъ свободное время. И это тогда, когда князь В. А. Черкасскій уже былъ не только на склонѣ своихъ лѣтъ, но и своей дѣятельности, когда онъ уже угасалъ и отъ его быстрого, всестороннаго ума оставалось—увы!—немного. М. Д. Скобелевъ понималъ князя Черкаскаго и жалѣлъ, что поздно съ нимъ познакомился.

Въ 1877 г. я хотѣлъ бросить предводительство и ѣхать съ княземъ Черкасскимъ въ Болгарію, куда всѣ тогда рвались. Но князь не разъ мнѣ говаривалъ:

— Меня берутъ на службу, когда нужно, а послѣ выкинуть, какъ выжатый лимонъ; такъ было и со всѣми тѣми, кто при мнѣ находился. Поэтому не совѣтую тебѣ со мною ѣхать, ты можешь быть полезень дома во время войны... Меня оставили послѣ крестьянскаго дѣла, послѣ польской дѣятельности, такъ будетъ и теперь... Подожди: когда будетъ дѣло серьезное въ Болгаріи, пріѣзжай, тогда побесѣдуемъ...

Много-много перестрадалъ князь Владиміръ Александровичъ во время кампаніи за свои убѣжденія, вѣрованія... Я не буду отвѣчать на всѣ тѣ нареканія, которыя сыпались на него во время войны. Тотъ же М. Д. Скобелевъ выражался на мои вопросы о князѣ Черкасскомъ: «Его задразнили, онъ былъ боленъ и не перенесъ этого; а какъ его изводила польская партія!!... Чуяли поляки, что со взятіемъ Константинополя конецъ и польскому вопросу, и знали, что Черкасскій мощный дѣятель—они его и задразнили...». Да, задразнили: князь Владиміръ Александровичъ умеръ отъ разлитія желчи...

— Князь Черкасскій,—прибавилъ Скобелевъ поэтично,—«паль подъ стѣнами Царьграда подъ ударами Польши!»

Интересный эпизодъ передавалъ мнѣ М. Д. Скобелевъ о князѣ Черкасскомъ. 30-го августа 1877 года, въ день знаменательнаго штурма Плевны, Скобелевъ увидалъ въ моментъ самаго жаркаго боя не вдалекѣ отъ себя, въ сферѣ огня, князя Черкаскаго.

— Что вы тутъ дѣлаете, зачѣмъ вы тутъ?—вскрикнулъ, обращаясь къ князю, удивленный Скобелевъ.

Красный отъ ѣзды верхомъ, будучи не важнымъ ѣздокомъ, князь Черкасскій подѣхалъ ближе къ Скобелеву, не смотря на свистъ пуль.

— Сегодня рѣшается судьба кампаніи, да и славянства, какъ же мнѣ не быть здѣсь, хоть посмотрѣть пріѣхалъ, что дѣлають мои санитары.

Князь В. А. былъ главный уполномоченный Краснаго Креста и генераль-губернаторъ Болгаріи. Скобелевъ немедленно велѣлъ подъ уздцы взять лошадь князя и вывести его изъ сферы огня. Но Черкасскій опять-таки вернулся, такъ что М. Д. до трехъ разъ долженъ былъ заставлять князя В. А. удаляться изъ-подъ неприятельскихъ выстрѣловъ.

Много еще въ жизни, несомнѣнно, повредилъ князю Владиміру Александровичу его умный, но часто насмѣшливый и даже злой языкъ. Говорилъ онъ отлично, мастерски; слушать его было пріятно; онъ говорилъ чрезвычайно ясно; но горе было попасть, что называется, ему на язычекъ! Въ земскихъ и другихъ собраніяхъ онъ умѣлъ увлекать своими доводами и словомъ противниковъ...

Въ 1878 году въ Москву былъ доставленъ гробъ съ останками

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЧЕРКАССКІЙ

доев. ценз. слѣ., 24 ноября 1893 г.

князя Владиміра Александровича, и въ церкви Московскаго университета отгѣвали его, бывшаго студента того же университета сороковыхъ годовъ. Въ церкви замѣчательное слово сказалъ, передъ гробомъ князя, нашъ заслуженный профессоръ богословія, протоіерей Сергіевскій; мнѣ досадно, что я тогда не записалъ его дословно. О. Сергіевскій, между прочимъ, сдѣлалъ прекрасное сравненіе, а именно:

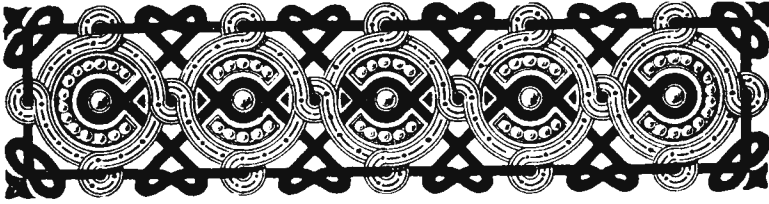
— Кому неизвѣстна,—сказалъ онъ,—знаменитая картина, на которой изображены два борца за свободу своей родины, графы Горнъ и Эгмонтъ, казненные герцогомъ Альба! На картинѣ оба мученика изображены лежащими рядомъ, съ спокойными лицами, на коихъ какъ бы написано, что они исполнили твердо христіанскій долгъ свой передъ родиной. И всякій, взирающій на нихъ, проникается чувствомъ уваженія и умиленія къ подвигу ихъ, и внутренно сознаетъ, что эти люди исполнили свой святой долгъ въ отношеніи своего отечества. То же чувство, вмѣстѣ со скорбію, овладѣваетъ нами теперь, при видѣ стоящаго передъ нами гроба съ останками человѣка, положившаго животъ свой за отечество...

Я уже говорилъ, что князь В. А. Черкасскій, съ виду не привѣтливый, имѣлъ доброе сердце и былъ хорошимъ родственникомъ, чему могу представить доказательство. У князя В. А. была старушка мать княгиня Варвара Семеновна Черкасская. Каждое ея слово, каждое желаніе, были для князя В. А. закономъ. Жила она лѣтомъ недалеко отъ имѣнія сына, села Васильевскаго, въ селѣ Горбатовѣ, а зимою въ Москвѣ, и князь В. А. постоянно навѣщалъ мать. Я случайно провожалъ въ Москвѣ князя В. А., когда онъ ѣхалъ въ Польшу. Передъ отъѣздомъ на желѣзную дорогу, заѣхали къ старушкѣ-матери, княгинѣ Варварѣ Семеновнѣ. Надо было видѣть, какъ трогательно княгиня крестила сына, стоявшаго передъ ней на колѣняхъ, какъ благословляла его на тяжелый трудъ. У княгини слезы были на глазахъ, и у князя, стоявшаго на колѣняхъ передъ матерью, глаза были влажны... Я еще очень тогда былъ молодъ, но сцена эта глубоко врѣзалась у меня въ память, и я невольно былъ самъ взволнованъ. У князя былъ еще братъ, Константинъ, красавецъ собою, умный, веселый, смѣлый. Онъ былъ очень увлекающійся человѣкъ и, къ несчастію, въ душѣ игрокъ. Не разъ братья, то-есть князья Владиміръ и Евгений Александровичи, платили за брата своего Константина, выручали его, но ничего не помогало. Онъ игралъ, и разъ проигрался до того, въ Москвѣ, въ шайкѣ игроковъ, что выдалъ на себя обязательства, которыя грозили ему большими неприяностями. Дѣло было лѣтомъ, денегъ ни у кого не было, а надо было спѣшить, и князь В. А. заложилъ свое имѣніе, лишь бы выручить горячо любимаго брата. Но, увы, и эта жертва не помогла, такъ какъ братъ, всетаки, погибъ, вслѣдствіе своей несчастной страсти. Я помню другой случай: на выборахъ въ Тулѣ занемогъ

князь Евгений Александрович довольно опасно. Оказался карбункулъ. Не довѣряясь тульскимъ докторамъ (1860-хъ годовъ), князь Владиміръ немедленно послалъ на свои средства за очень хорошимъ врачомъ, Детерсомъ, жившимъ за сто верстъ отъ Тулы и имѣвшимъ огромную репутацію. Приѣхавъ въ Тулу, Детерсъ скоро помогъ больному. Многое еще могъ бы я сказать о добромъ сердцѣ князя В. А., но всего не перескажешь.

Князь Д. Д. Оболенскій.

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ¹⁾.

VI.

«Фармазонъ».

I.

АЛЮБИЛЪ ѣздить въ Толинскую церковь. Отецъ Петръ служилъ съ той величавой простотой, которая не часто встрѣчается въ нашихъ сельскихъ священникахъ, да и дьячекъ Пахомычъ читалъ внятно, не гналъ «на почтовыхъ». Пѣли если и не особенно хорошо, то, всетаки, изрядно, и не безъ чувства. Вотъ почему я ѣздилъ въ Толино, хотя въ верстѣ отъ усадьбы была своя церковь.

Только что отошла обѣдня. Я взялъ у церковнаго старосты свою просфору и вмѣстѣ съ другими направился къ выходу. На крыльцѣ я столкнулся съ толинскимъ старшиной, котораго зналъ еще тогда, когда онъ и не думалъ «сидѣть въ старшинахъ». Иванъ Спиридоновичъ, такъ звали его, былъ мужикъ умный, что называется, хозяйственный, не изъ мироѣдовъ, хотя своего не упускалъ, умѣлъ пользоваться минутой и, благодаря смѣткѣ, сколотилъ небольшой капитадецъ.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. III, стр. 345.

Иванъ Спиридоновичъ поздоровался со мной и пригласилъ меня закусить и напиться чайку. Я охотно согласился. День былъ жаркій, до усадьбы ѣхать не близко, да и торопиться не стоило: мой пріятель съ женою уѣхалъ въ городъ, и мнѣ предстояло праздникъ провести одному.

— А у меня и пирожокъ вашъ любимый, — усмѣхнулся старшина:— съ сижкомъ... вѣдь уважаете?

— Люблю.

— Я ужъ знаю. Кстати подошло, потому я, какъ только васъ увидѣлъ, сейчасъ же и подумалъ: позову-ка къ себѣ Ликсандра Василича.

— Спасибо.

Домъ старшины недалеко отъ церкви, и черезъ какія нибудь пять минутъ мы уже подымались по чистой лѣстницѣ, устланной дорожкой.

Въ просторной свѣтлой комнатѣ, стѣны которой были увѣшаны разными «патретами», а въ углу висѣлъ кіотъ съ образами и передъ нимъ лампадка, уже былъ накрытъ столъ, и въ тотъ самый моментъ, когда мы вошли въ комнату, полная румяная работница внесла пузатый самоваръ, блестящій, какъ каска пожарнаго, явившагося на смотръ. Работница поставила самоваръ на столъ, поправила камфорку и вышла, сильно стуча босыми ногами.

— Какъ есть въ самую пору, — произнесъ хозяинъ, помолясь на иконы и кланяясь мнѣ. — Милости просимъ, — прибавилъ онъ, поглаживая свою широкую, русую бороду. — Сейчасъ хозяйшка...

Она уже входила въ комнату.

Это была высокая, полная, красивая женщина лѣтъ тридцати; здоровый румянецъ заливалъ все лицо. Голубые глаза глядѣли весело, привѣтливо. Въ ушахъ блестяли серьги. На рукахъ кольца. Синее платье съ разводами было спито съ претензіей на моду. Иванъ Спиридоновичъ недавно женился во второй разъ, любилъ молодую жену и баловалъ ее порядкомъ. Татьяна Павловна была сирота, совсѣмъ не имѣла «скруты», и если бы не красота, вполне отвѣчавшая деревенскому вкусу, Татьяна, конечно, никогда не была бы замужемъ за старшиной. Пятидесятилѣтній Иванъ Спиридоновичъ влюбился въ деревенскую красавицу и взялъ ее безъ всякаго приданаго. Тогда ей было всего двадцать лѣтъ. «Мнѣ что скрута, — говорилъ Иванъ Спиридоновичъ: — слава Богу, есть во что одѣть жену, а была бы изъ себя видной, да слава хорошая шла — вотъ это важно». Татьяна Павловна была хорошая хозяйка, рукодѣльница и отличалась «смиренствомъ» и степенностью.

Она поклонилась мнѣ, промолвивъ пріятнымъ груднымъ голосомъ: «съ праздникомъ», и принялась хозяйничать около самовара. Подали пирогъ, большой, пухлый, видимо, только что вынутый изъ печки.

— Милости просимъ,—произнесъ старшина:—откушайте любимаго пирожка. А гдѣ же водочка, Татьяна?

— Сейчасъ,—промолвила жена, смутившись:—я и забыла про водку.

— Вотъ ужъ это не ладно, — мягко упрекнулъ мужъ: — праздникъ, пирожокъ съ рыбкой и вдругъ безъ водки.

— Развѣ нельзя?—спросилъ я.

— Какъ можно! Передъ рыбнымъ пирожкомъ ужъ безпремѣнно надо рюмочку пропустить. И сижку пріятнѣе,—сострилъ хозяинъ:—рыбка воду любить.

— Но не водку.

— Эфто все единственно, безъ воды и водки не было бы.

На столѣ появился синенькій графинъ съ водкой. Мы чокнулись, обмѣнявшись поклонами и пожеланіями, и выпили. Хозяйка подала мнѣ большой кусокъ пирога. Я только что хотѣлъ похвалить ея искусство стряпать, какъ вдругъ наружная дверь отворилась, и въ комнату вошелъ какой-то оборванецъ, высокій, широкоплечій, съ лицомъ краснымъ, одутловатымъ, выраженіе котораго было нѣсколько вызывающе и нахально. Вздернутый носъ придавалъ лицу еще болѣе вызывающій видъ. Снявъ шапку, надѣтую на бекрень, вошедшій поправилъ одной рукой бѣлокурые, курчавые волосы и промолвилъ, слегка кривя чувственные губы:

— Съ праздникомъ, честь имѣю! Какъ разъ въ пору. Ждали ли?

Хозяинъ измѣнился въ лицѣ, его рука, взявшая вилку, дрогнула.

— Какъ не ждать... не хотѣли и садиться безъ такого дорогаго гостя!

Иванъ Спиридоновичъ злобно засмѣялся.

— Откуда изволилъ пожаловать? Надолго ли? — добавилъ онъ съ тою же насмѣшкою въ голосѣ.

— Да изъ Микулина прямо.

— Что рано? Али въ кабакахъ водки не осталось?

— Зачѣмъ обижать добрыхъ людей, — улыбнулся вошедшій: — водки еще и на твою долю осталось... можешь, пожалуй, писаря съ помощникомъ прихватить.

— Ну, мнѣ незачѣмъ ходить по кабакамъ. У меня и дома есть что выпить.

— Вижу, вижу. Чать, для праздника и мнѣ поднесетъ невѣстушка... Аль такой милости не будетъ?

Татьяна вспыхнула и потянула руку къ графину, но мужъ остановилъ ее.

— Чего еще! Поди, онъ со вчерашняго не проспался, какая ему водка.

Онъ бросилъ на оборванца презрительный взглядъ и обратился ко мнѣ:

— Вотъ, Ликсандръ Василичъ, позвольте вамъ рикоминдовать:

мой возлюбленный братецъ, Василиій Спиридоновичъ, первый что ни на есть красавецъ въ деревнѣ и видный женихъ. Посмотрите, какое одѣяніе на немъ, хошь сейчасъ на смотрины ѣхать. Первѣйшая славнуха заинтересуется...

— Что-жь, и вѣрно,—дерзко возразилъ братъ:—не все же красавицамъ на капиталы зариться, да старикамъ свою молодость отдавать...

Старшина побагровѣлъ при этихъ словахъ.

— Ты это что, пропойца? а?—крикнулъ онъ, стукнувъ по столу кулакомъ.—Пришелъ въ чужой домъ, да еще дерзничать вздумалъ? Въ холодную захотѣлъ?

— Подождать надо.

— Замолчи, говорю! А то, право слово, для праздника въ холодную засажу.

— За что это? Что я сдѣлалъ? Не въ чужой домъ, а въ свой пришелъ.

— Ишь хозяйнѣ нашелся. Когда строилъ-то? Али деньги платилъ? Кому только?

— Отъ тятеньки...

— Ну, это ты оставь: отъ тятенькинаго-то дома и бревешка не осталось. Этотъ домъ я на свои денежки построилъ, я въ немъ одинъ и хозяйнѣ.

— На какія деньги? Гдѣ ты ихъ взялъ?

— Не тебѣ считать, не ты давалъ. Ты вотъ моихъ денегъ сколько перебралъ, а гдѣ онѣ? Всѣ въ кабаки посѣяны. Одной одѣжи сколько куплялъ. Другой бы молчалъ, да въ ноги кланялся, а онъ на-ка что: фу-ты, ну-ты. Анаралъ золотой роты!

— Тебѣ же честь: старшій братъ въ старшинахъ, а младшій по людямъ ходить.

— Ахъ, ты, пьяная харя!—закричалъ Иванъ Спиридоновичъ:—онъ же еще меня и конфузить. Да мало я изъ-за тебя сраму испыталъ! Честнымъ людямъ глазъ показать стыдно. Извольте-ка рассудить, Ликсандръ Василичъ,—обратился опять ко мнѣ хозяйнѣ,—есть тутъ моя вина: куды я его ни пристраивалъ, нигдѣ не держать. Просишь за него, кланяешься, а потомъ тебѣ же и пеняютъ: ну, спасибо, Иванъ Спиридоновичъ, за братца-то. Тамъ деньги впередъ заберетъ и уйдетъ. Вона одинова съ дѣвкою связался и чуть ригу не сжегъ въ пьяномъ видѣ. У Карелкина жилъ, дерзничать сталъ, въ шею вытурили... и онъ же еще меня срамить, паскудець эдакій!

Иванъ Спиридоновичъ вдругъ повернулся лицомъ къ брату и крикнулъ, видимо охваченный приливомъ гнѣвнаго чувства.

— Ну, чего стоишь? Зачѣмъ пришелъ? Али думаешь, опять приму? Нѣтъ тебѣ у меня мѣста, такъ и знай! Поди, срами меня, сколько хочешь, а я къ себѣ тебя не пущу. Только помни, Васька:

будешь много бурлить, я тебя упеку. Ничего не пожалѣю, а будешь поселенцемъ: общество приговоръ дастъ.

— Ну, это еще мы посмотримъ,—огрызнулся Василій.—А ты, вотъ что,—съ усмѣшкой произнесъ онъ: — чѣмъ бранить меня да костить при чужихъ людяхъ, лучше угости-ка водкой: праздникъ, чай. Самъ пьешь, а у меня во рту росинки маковой не было съ утра, и душа горить. Вспомни Бога-то, сейчасъ вѣдь изъ церкви пришелъ.

Эти неожиданныя слова озадачили старшину. Онъ какъ-то не то смутился, не то смягчился.

— Бога-то зря нечего поминать,—произнесъ онъ отрывисто, но уже нѣсколько смягченнымъ тономъ:—не твоими устами имя Божіе произносить, цѣлый день ругаешься, пьянствуешь, а тутъ и Богъ. Росинки маковой не было, говорить... а кто виноватъ? Чего ушелъ отъ Маркова?

— Самъ бы тамъ пожилъ.

— И жилъ бы... чѣмъ худо?

— Гнилую капусту ѣсть да тухлую солонину. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ помирать не хочется.

— Ишь князь какой! Другіе ѣдятъ, да не мрутъ.

— Хорошо тебѣ говорить-то, а самъ, небось, вотъ какіе пироги ѣшь.

— И тебѣ никто не мѣшаетъ. Хошь вдвое больше пирогъ испеки да и ѣшь.

— Я ему налью, Иванъ Спиридоновичъ,—тихо обратилась къ мужу Татьяна.

Старшина молча посмотрѣлъ на нее, какъ бы что-то соображая, и произнесъ:

— Налей, да не полный, куда ему!

Молодая женщина налила стаканъ водки и отрѣзала кусокъ пирога.

— Вотъ спасибо, невѣстухка. Спасибо, что пожалѣла,—промолвилъ Василій. — Ну, будьте здоровы, съ правникомъ,—добавилъ онъ, залпомъ выпилъ водку и съ жадностью началъ ѣсть пирогъ.

— Эхъ, другую бы еще, вотъ то-то было бы славно,—произнесъ Василій уже повеселѣвшимъ голосомъ.

— Я знаю, ты весь графинъ готовъ выпить,—сказалъ старшина.—А ну-ка, хозяйюшка, наливай чай. А то съ этимъ дорогимъ гостемъ мы и о чаѣ-то забыли. Вы ужъ извините, Ликсандръ Василіичъ, что такъ-то все случилось, словно нарочно. Я вѣдь не ждалъ, не гадалъ, что братъ явится.

— Да будетъ тебѣ костить-то меня,—перебилъ Василій:—господинъ ужъ и такъ довольно слышалъ. Ты лучше ради праздничка угости меня еще. Вели-ка поднести второй стаканчикъ, и я, ей-Богу,

сейчасъ уйду. Не чужой я тебѣ, а братъ единоутробный. Вспомни родителей-то.

— Дайте ему,—шепнуть я старшинѣ.

Онъ побарабанилъ пальцами по столу и кинулъ женѣ:

— Налей ему еще стаканъ, да и пусть убирается!

— Иванъ Спиридоновичъ,—тихо промолвила жена:—у Лахова кучеръ вѣдь ушелъ.

— Ну?

— Вотъ бы Василию, онъ вѣдь это дѣло знаетъ.

— А водку еще лучше. Нѣтъ, ужъ покорно благодаримъ, я его рикоминдовать больше не буду. Чего надумала? Али хочешь, чтобъ мнѣ за него въ лицо наплевали?

— Развѣ у Лахова ушелъ Степка?—вмѣшался Василій.

— Ушелъ,—отвѣтила невѣстка, поднося стаканчикъ.

Василій выпилъ его, какъ и первый, залпомъ, обтеръ губы рукавомъ рубахи и промолвилъ, откусывая кусокъ пирога:

— Вотъ бы попасть къ нему. Житье у Лахова чудесное, а до лошадей я охотникъ и умѣю ходить за ними.

— Навѣдайся,—сказала Татьяна не смѣло.

— Эхъ, невѣстухка любезная, да какъ же я пойду въ такомъ одѣяньи, кто меня приметъ!

Молодая женщина ничего не сказала на это и только посмотрѣла на мужа.

— На мѣсто тоже надо идти въ настоящемъ видѣ,—заговорилъ опять Василій.

Старшина продолжалъ молчать.

— Вотъ кабы одежонку теперь, вотъ это дѣло другое. Я бы безпремѣнно попалъ къ Лахову, онъ баринъ хорошій, взялъ бы. Да гдѣ-жъ ее раздобыть, одежу-то,—закончилъ Василій, вздохнувъ.

— Ты не пой Лазаря-то, — произнесъ, наконецъ, старшина: — я вижу, куда подбираешься-то, да нѣтъ, братъ, шалишь, играй назадъ. Будетъ съ тебя!

— Да что будетъ-то? Нѣшто я чего особливаго прошу? Дай ты мнѣ хошь твой сапоги старые да жулетку. Мнѣ больше ничего и не надо, а тамъ баринъ мнѣ, извѣстно, весь нарядъ дастъ.

— Сперва сядь за столъ, а ужъ потомъ ложку бери... Еще не попалъ на мѣсто, а ужъ нарядѣ говорить.

— Отчего же не попасть-то? Дѣла, што-ль, не знаю? Не чета Степкѣ... сморчку! Какую угодно тройку осажу. Небось у Маркова никто другой, а я же «Буйнаго» обѣзжалъ. Лошадь-то продавать задарма хотѣли, а я ее, что послушницу, усмирилъ... Теперь барченокъ на ней ѣздитъ!

— Что говорить, молодецъ, да и только!—усмѣхнулся старшина.

— Извѣстно, дѣло знаю. Въ рукахъ моихъ перебивало сколько ихъ... лошадей-то!

— Бывало! Эхъ, ты! Руки-то у тебя, може, и золотыя, да глотка поганая, языкъ паскудный... Карактеръ твой больно ужъ хорошъ!— сказалъ Иванъ Спиридоновичъ, допивая съ блюдечка чай и ставя на него стаканъ.

— Кто не пьетъ нынче,—отвѣтилъ братъ:—всѣ пьютъ!

— Да не такъ... до фармацевта такого не доходятъ. Ты вѣдь посмотри на себя... что ты такое? Кого ни спроси... всѣ фармацевтомъ тебя зовутъ... да оно такъ и есть...

— Это ты оставь,—возразилъ Василій, и губы его опять искривились:—кого какъ зовутъ, ты это брось... Слыхалъ я... а ты вотъ лучше дай мнѣ сапоги да жулетку!

— Ну, шалишь, братъ, не жди этого!

— Аль жалко?

— Извѣстно, жалко.

— Для брата-то роднаго?

— Что я за поставщикъ кабацкій? Знаю, гдѣ очутится мое добро! Все снесешь къ Митричу... извѣстно ужъ!

— Заладилъ! Да что оно стоитъ-то? Рубля больше никто и не дастъ! А я мѣсто получу.

— Не возьметъ тебя Лаховъ.

— Почему это?

— Слава дурная... Кто тебя не знаетъ? Нѣшто Марковъ-то не бываетъ у Лахова? Не сказалъ?

— Что сказалъ-то?

— А то, что ты за гусь лапчатый, вотъ что!

— Э-э,—тряхнулъ головою Василій:—да я про Маркова-то еще почище расскажу... Я его такъ самого охажу, что онъ не радъ будетъ! Фармазонъ! Да онъ хуже всякаго фармацевта! Тоже баринъ, а торгуется, какъ цыганъ, и считаетъ каждую картофелину, словно жидъ...

— Своему добру всякъ хозяинъ, въ этомъ нѣтъ срама. Да что съ тобой болтать зря... ты всѣхъ облаешь и обнесешь, вѣдь вотъ опять меня просишь, а какъ лонись меня костилъ-то.

— Когда?

— Когда? Думаешь, не знаю? Все, братъ, знаю. Не вертись!

— Я и не верчусь. Може, что съ сердцевъ-то и сказалъ!

— Съ сердцевъ? Съ какихъ это? Что я тебѣ сдѣлалъ? Что распинался за тебя, да одѣвалъ не одинава? За это самое?

— Зачѣмъ? Я за это всегда спасибо скажу... потому понимаю... а мало ли что... люди всѣ... кто Богу не грѣшенъ... а я тебя вотъ ради праздника прошу... что тебѣ сапоги стоятъ да жулетка? Я черезъ это мѣсто получу... Вотъ-тѣ крестъ, что не пропью... черезъ недѣлю все обратно принесу.

— Дай, Иванъ Спиридоновичъ,—вмѣшалась жена.

— Чего ты-то? Мало ты заступалась? Хорошо онъ тебя отблагодарилъ!

— Я что же... я про невѣстухку слова худого не говорилъ,— поспѣшно произнесъ Василій.

— Молчи ужъ!—остановилъ старшина:—знаемъ тоже!

Онъ икнулъ громко, почесалъ бороду и, какъ бы поборая себя, промолвилъ, не глядя на брата:

— Слушай, Василій: это въ послѣдній разъ... и то ужъ потому, что Ликсандръ Василичъ тутъ, пусть не думаетъ, что я брата и знать не хочу... но только знай, пропъешь, на версту къ дому не подходи... собакъ выпущу, такъ и знай!

— Это ты напрасно, не разбойникъ же я какой!

— Хуже! Ну, да брось это... Татьяна,—обратился Иванъ Спиридоновичъ къ женѣ:—дай ему изъ чулана мои сапоги старые да жулетку полосатую, съ пуговицами-то стеклянными... знаешь? Ее вотъ! А только просить я за тебя не стану... не жди!—закончилъ Иванъ Спиридоновичъ.

— Да я и такъ попаду, увидишь,—увѣренно сказалъ Василій:—я Лахова знаю.

Татьяна принесла вещи и подала ихъ деверю.

— Вотъ спасибо,—сказалъ онъ:—теперь я сейчасъ же и махну. Эхъ, невѣстухка, пошли тебѣ Богъ здоровья да всякаго благополучія! Спасибо, братъ! Авось на томъ свѣтѣ сквитаемся!

Василій засмѣялся и вышелъ изъ комнаты.

— Фармазонъ, какъ есть фармазонъ!—произнесъ старшина, махнувъ рукою. — Вѣдь вотъ со стороны посудить если: меня же, пожалуй, осудятъ, а если бы вы, Ликсандръ Василичъ, все знали... сколько я на него просадилъ денегъ, непріятностейъ что я изъ-за него вынесъ! Еслибъ не братъ, въ шею бы выгналъ. А то, окромя жалости, и срамно: братъ, говорятъ, старшины, а такъ-то... а что я съ нимъ подѣлаю? Дѣло знаетъ, это вѣрно, да пьяница и озорникъ... Ему помогаешь, а онъ же тебя и костить. Вотъ и теперь: думаете, онъ благодарить будетъ? Какъ же! Напъется и меня же изругаетъ... Къ Лахову пошелъ... возьметъ, говоритъ. Не вѣрится этому, да и возьметъ, такъ не надолго: прогонитъ! Гдѣ ему ужиться? Эхъ, Господи! Не стало страха, избаловались люди! Жалиться некому, воля пошла... говорилъ какъ-то мировому: да что-жъ, за что судить? Не укралъ! Да-а!

Онъ вздохнулъ, побарабанилъ пальцами въ раздумьи по столу и промолвилъ, обращаясь къ женѣ:

— Ну-ка, заступница, налей еще чайку.

Въ его голосѣ не было злобы, въ немъ звучала только одна добродушная иронія.

II.

Спустя мѣсяца три послѣ описаннаго въ предъидущей главѣ, литературныя дѣла вызвали меня въ Москву. Я выѣхалъ изъ усадьбы такъ, чтобы попасть къ почтовому поѣзду. Но дорогою сломалась ось, мы провозились съ нею и опоздали на поѣздъ. До слѣдующаго поѣзда приходилось ждать четыре часа слишкомъ. Что дѣлать? Куда дѣваться? На вокзалѣ буфета нѣтъ, только на время прохода поѣзда на платформѣ открываются шкафики съ продажей водки, дешевыхъ винъ и бутербродовъ. Я вспомнилъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи есть трактирчикъ «Лондонъ», и отправился туда. Въ первой же комнатѣ, уставленной маленькими столиками, сидѣло нѣсколько посѣтителей. Кто пилъ чай, кто водку. Какой-то субъектъ въ потертомъ пиджакѣ съ аппетитомъ уничтожалъ селянку. Я сѣлъ въ уголокъ, за круглый столикъ, и потребовалъ себѣ чаю.

— Можеть, газету прикажете?—предложилъ половой:—«Петербургскую Газету» и «Новое Время»-съ, еще «Будильникъ» съ картинками?

— Дайте «Новое Время».

Онъ подалъ мнѣ газету и побѣжалъ въ буфетъ.

Еще онъ не вернулся, какъ въ комнату вошли два новые посѣтителя и сѣли за столикъ вблизи меня. Въ одномъ изъ вошедшихъ я сразу узналъ Василия. Онъ былъ одѣтъ въ порывѣвшій казINETОВЫЙ пиджакъ, изъ-подъ котораго виднѣлась красная ситцевая рубашка. Нанковые брюки были заправлены въ сапоги, кажется, въ тѣ самые, что подарилъ ему братъ. Другой посѣтитель, лѣтъ на пятнадцать старше Василия, одѣтый не то въ женскую кацавейку, не то въ кофту изъ чортовой кожи, оказался мѣстнымъ кузнецомъ. Онъ покашливалъ и безпрестанно плевалъ.

Половой подалъ мнѣ чайный приборъ и подошелъ къ новымъ гостямъ.

— Ну, Федоръ, что же мы будемъ пить?—произнесъ Василій:—чай, что ли?

— Давай чай, пожалуй,—согласился кузнецъ.

— А то не выпить ли намъ спервоначала водочки, какъ думаешь, а?

— Можно и водочки.

— А потомъ и чайкомъ побалуемся. Ладно?

— Ладно.

— Чудесно. Такъ вотъ что, милый человекъ,—обратился Василій къ половому:—дай-ка намъ бутылочку водочки, селедочку, да чайку на двоихъ, какъ полагается.

— Можно-съ.

— И лимончику, все, какъ слѣдуетъ.

Половой кивнулъ головою и побѣжалъ въ буфетъ, который находился внизу.

Василій почесалъ голову, зѣвнулъ и, отодвигая шапку къ стѣнкѣ, промолвилъ, видимо, продолжая раньше начатый разговоръ:

— Такъ вотъ такъ-то, Федорюшка, и кончилось все дѣло. Покричалъ онъ, покричалъ, а, всетаки, отдалъ мнѣ все жалованье и пачпортъ: потому я правъ... вѣшто я погубилъ лошадь, самъ виновать.

— Это вѣстимо,—согласился Федоръ:—его воля.

— А то чья же? Онъ—баринъ, его лошадь, а я что? Я человекъ подневольный. Ну, а всежь кричать да ругаться не могли. Что ни что, а я и сдачи дамъ. Не любь, не держи, подай расчетъ, да и прощайте... не такъ ли?

— Это извѣстно, дѣло полюбовное, не прежнее время.

— Еще бы! Ну, я ему это и говорю, а онъ въ горячку: и то, и другое, а я ему: вы, баринъ, не кричите, потому я не крѣпостной вашъ, а человекъ вольный. Не гожусь, пожалуйста расчетъ. И далъ. Всѣ денежки выдалъ, только за потерянный фонарь вычелъ. Ну, да это плевать: полтина всего ему цѣна.

— Какъ же ты это потерялъ? выпимши былъ, что ли?

— Былъ такой грѣхъ. Барыню на вокзалъ отвозилъ, да на обратномъ пути и потерялъ.

Половой принесъ водку и селедку.

Василій налилъ два стаканчика. Пріятели чокнулись и выпили: Василій залпомъ, а кузнецъ медленно, причемъ Василій сейчасъ же принялся закусывать, а его товарищъ сплюнулъ въ сторону, сдѣлалъ такую гримасу, словно принялъ самое невкусное лекарство, почмокалъ губами и, уже спустя нѣкоторое время, отломилъ кусочекъ хлѣба и закусилъ имъ.

— Селечки-то, что же, Федоръ?—сказалъ Василій.

— Да вотъ сейчасъ. Пускай водочка хорошенько все нутро прожжетъ да согрѣетъ.

Онъ взялъ кусокъ селедки и началъ жевать на переднихъ зубахъ.

— А еще?—предложилъ Василій.

— Можно.

Выпили по другому стаканчику.

— А что же твой-то?—произнесъ Федоръ, отламывая кусокъ хлѣба.

— Ванька-то Каинъ?—засмѣялся Василій.

Кузнецъ промычалъ утвердительно.

— Что ему дѣется, живеть да балуется съ молодою женою. Я у него давненько не былъ. Чорта ли дѣлать-то тамъ?

— Богатѣетъ,—промолвилъ кузнецъ.

— Жирѣетъ,—злбно проговорилъ Василій.—Гляди, какое брюхо отростилъ. Старшина: есть на что жирѣть-то. А и жила же!

— Скупъ?

— Чаво спрашиваешь, нѣшто не знаешь?

— Ну, а все же принимаетъ тебя и подмогаетъ?

— Эво!—засмѣялся Василій:—да какъ же онъ не подможетъ?

Я ему такую лиминацію устрою, что любо-дорого. Я, братъ, Ѳе-
дюха, всѣ штучки его знаю. Онъ меня боится... А и дуракъ же
онъ, право слово, дуракъ! Тоже кичится, что старшина. А нѣшто
онъ годенъ для старшины-то?

— А вотъ же его выбираютъ. Смотри, кой годъ служить,—за-
мѣтилъ кузнецъ.

— Такъ что же, потому и выбираютъ, что бараны безмозглые.
Да задолжались у него—вотъ и не смѣютъ. Какой онъ старшина!
Дай-ка мнѣ сѣсть на его мѣсто, я бы показалъ, какъ надо стар-
шиной быть. А онъ какъ есть дуракъ, баба его, куда умнѣе, да
и добрѣе!

— Она, кажись, жалостлива до тебя,—улыбнулся Ѳедоръ.

— Ничего, добра.

— Може, ты по сердцу ей пришелся, а? Мужъ-то ужъ старъ, а?

Кузнецъ тихо засмѣялся.

— Ну, это наше дѣло,—двусмысленно улыбнулся Василій.—
А баба красивая, что говорить. Не по купцу товаръ.

— Славная баба,—подтвердилъ кузнецъ.

— Да. А что ежели, Ѳедюха, по третьей?

— Можно.

Они опять выпили.

— Ты что же теперь,—промолвилъ кузнецъ, тыкая вилкой въ
селедку:—опять къ брату, что ли?

— Зачѣмъ?—отвѣтилъ Василій:—погуляемъ, ну, а тамъ какъ
будетъ чисто въ карманахъ, такъ и къ братцу любезному. Чать,
не грѣхъ, да и не убыточно младшаго брата покормить. Эхъ, Ѳе-
дюха, вѣдь ежели все говорить, такъ онъ, Ванька-Каинъ, въ долгу
у меня.

— Ну?

— Какъ передъ Богомъ! Вѣдь отъ родителей-то капиталъ
остался, да и домъ былъ. А гдѣ все? Онъ же все прибралъ. Я
былъ что? Малышъ несмышленный. Ну, онъ все это ловкимъ ма-
неромъ и обдѣлалъ.

— А, ишь ты какой!

— А ты думалъ какъ? Вотъ потому-то я теперь ему и говорю:
не смѣй, должонъ меня кормить.

Василій нахально вралъ. Отъ отца никакихъ денегъ не оста-
лось, а домишка былъ полуразвалившійся и почти ничего не стоилъ.
Это я хорошо зналъ, да зналъ и кузнецъ, но молчалъ и поддаки-
валъ Василію. А тотъ продолжалъ:

— Ты не смотри, что онъ такой тихоня, да угостительный. Онъ, братъ, такая выжига, что поискать на рѣдкость.

До сихъ поръ я сидѣлъ, нарочно закрываясь газетой, чтобы Василій не увидѣлъ меня. Но теперь я съ шумомъ положилъ газету на столъ, чтобы обратить вниманіе: мнѣ хотѣлось пристыдить Василю. Но я еще не успѣлъ ему сказать и слова, какъ невдалекѣ отъ меня раздалось восклицаніе:

— Кого вижу!

Я повернулъ голову. Изъ сосѣдней комнаты ко мнѣ подходилъ земскій врачъ.

— Какимъ манеромъ?

— Въ Москву ѣду, да вотъ опоздалъ на поѣздъ,—отвѣтилъ я:—а вы?

— Къ больному вытребованъ и тоже опоздалъ.

Онъ подсѣлъ ко мнѣ.

Василій только теперь замѣтилъ меня. Онъ что-то шепнулъ кузнецу, и оба засмѣялись. Половой принесъ имъ чай.

— А что, милый человѣкъ, задняя комнатка у васъ слободна?— обратился къ нему Василій.

— Слободна.

— Снеси-ка, миляга, все туда; поудобнѣй тамъ будетъ.

Онъ поднялся со стула, взялъ шапку и, сдѣлавъ видъ, что только что сейчасъ замѣтилъ меня, поклонился мнѣ и промолвилъ:

— Здравствуйте, господинъ!

— Здравствуй.

— Уѣзжать изволите?

— Да, ѣду. А ты это что же: уже отошелъ отъ Лахова-то?

— Расшелся.

— Недолго пожилъ. Братъ-то, стало быть, правду говорилъ?

— Да ежели жить нельзя.

— Не ты ли самъ хвалилъ Лахова?

— Не живучи, не узнаешь. Да оно что же: баринъ еще ничего, съ нимъ можно ладить, да ужъ барыня-то зато настоящая вѣдьма кievская.

— Ну, это ты врешь,—вмѣшался докторъ.—Ольга Петровна— барыня славная, всѣ работники ею довольны. Вѣдь и я ее хорошо знаю, что ты рассказываешь.

— Можетъ быть, какъ до кого,—пожалъ плечами Василій.

— А вотъ что,—сказалъ я:—зачѣмъ ты брата порочишь? Я вѣдь все слышалъ, не стыдно тебѣ.

— Чего-жъ стыдно, когда правда.

— И опять-таки врешь,—не утерпѣлъ докторъ.—Такихъ старшинъ мало, какъ твой братъ, и человѣкъ онъ хорошій.

— Ты вотъ насчетъ дома говорилъ да денегъ послѣ отца,—сказалъ опять я:—вѣдь это тоже неправда.

— Ну, это намъ лучше знать,—задорно возразилъ Василій, хлопнуль кузнеца по плечу и вышелъ изъ комнаты.

Федоръ заковылялъ за нимъ.

— Каковъ?—указаль докторъ на Василія глазами:—вы его хорошо знаете?

— Нѣтъ, не скажу, я у брата его встрѣтилъ... того знаю. А вы?

— О, я его очень хорошо знаю... во всѣхъ подробностяхъ.

— Ну, и что же?

— Что? А вотъ что... Вы вѣдь меня не считаете за мракобѣса и крѣпостника.

— Нѣтъ.

— Ну, а я его съ великимъ удовольствіемъ отпоролъ бы, да такъ, какъ мой дѣдушка не парываль, а ужъ на что былъ специалистъ по этой части.

— Вотъ какъ!

— Да!

Докторъ досталь изъ кармана портсигаръ и, чиркая спичкой о каменную спичечницу, произнесъ:

— Вотъ онъ про Лахова говорилъ. А я у Лаховыхъ на этой недѣлѣ былъ... Тамъ только и разговору, что про этого гуся... Знаете, что онъ надѣлалъ?

— Нѣтъ, но онъ что-то говорилъ кузнецу о лошади.

— Вотъ именно въ лошади и дѣло... Вы видали у Лахова его Риту?

— Не видѣлъ, но слыхаль... Красивая лошадь?

— Красивая! Лошади цѣны нѣтъ. А онъ ее, негодяй, погубилъ... Пьяный ѣхаль и угодилъ въ ровъ. У лошади двѣ ноги переломлены.

— Онъ на барина сваливаетъ все!

— Еще бы! Его послали довести барышню Засѣцкую, еще свѣтло было. А онъ на постоялый заѣхаль, напился, да ночью и поѣхаль домой. Кикъ еще самъ не убится! Да, туда бы ему и дорога!

— Почему же Лаховъ простилъ его?

— Ну, батюшка, онъ ужъ теперь боится ихъ, эдакихъ рыцарей-то! Его вѣдь два раза поджигали... Въ третьемъ году хлѣба сожгли сколько... десять лошадей купить можно. Вы думаете, Васька побойтся поджечь? Не задумается... Брата же обокралъ!

— Какъ?

— Не знали.

— Нѣтъ.

— Какъ же! Сломаль замокъ у комода, да и вытащилъ пятьдесятъ рублей.

— Иванъ Спиридоновичъ не говорилъ ничего.

— Стыдится... Братъ же всетаки... Ахъ, мнѣ Ивана Спиридоновича отъ души жалко... Сколько онъ изъ-за него вынесъ... Какъ ни какъ, а братъ. Ну, и покрываль, помогаль... Въ лавку разъ его

къ себѣ посадилъ, такъ Васька его обчистилъ ловко, чуть было не подвелъ совѣтъ. Иванъ Спиридоновичъ ужасно разсердился тогда и прогналъ его... Болѣе года не пускалъ... А потомъ опять... Иванъ Спиридоновичъ вѣдь добрый, да только что же сдѣлаешь съ эдакимъ молодцомъ! Сколько разъ старшина мнѣ говорилъ: развѣ мнѣ жалко куска? Пусть бы жилъ, да работалъ, да и работать не надо, а только бы жилъ смирно... Но Васька не можетъ! Если не одно, такъ другое.

— А красивъ онъ, — замѣтилъ я.

— Теперь-то не то ужъ, опухъ, а былъ очеѣь красивъ. Не даромъ вѣдь и бабы зарились на него... Сколько дѣвокъ онъ испортилъ. Въ Ельцовкѣ Дунька была красивая дѣвка: изъ-за него повѣсилась. Да не далеко ходить: въ моей больницѣ и теперь лежить беременная отъ него... Дура! Онъ ее билъ чѣмъ попало, а она ему все тащила отъ господъ... И теперь о немъ плачетъ. А вѣдь ей всего семнадцать лѣтъ еще...

— Между нами, докторъ: онъ что-то тутъ вралъ о невѣсткѣ, вѣдь не можетъ быть этого?

— Не думаю, Татьяна баба разумная, а что на нее дѣйствуетъ его смазливая рожа, очень можетъ быть. Женщины, батюшка, всѣ на одну стать. Я смотрю, какъ реалистъ. Да что же, это вѣрно.

Онъ досталъ часы, посмотрѣлъ на нихъ и воскликнулъ:

— Фу, какъ время идетъ тихо. Хотѣлъ было отправиться на вокзалъ соснуть, да ужъ не пойду. Вы что чайкомъ балуетесь? Налейте-ка мнѣ стаканчикъ. Кстати: видѣлъ вчера Софью Петровну. Король дама!

И онъ заговорилъ о Софьѣ Петровнѣ, къ которой былъ неравнодушенъ.

Я поѣхалъ въ Москву всего на нѣсколько дней, но мнѣ предложили редакцію одного журнала, и я остался въ Бѣлокаменной.

Недѣли черезъ двѣ пріятель, въ усадьбѣ котораго я прожилъ лѣто, посылая мнѣ мои книги и сообщая въ письмѣ о деревенскихъ новостяхъ, сдѣлалъ слѣдующую приписку: «Послѣдняя самая новость: у Ивана Спиридоновича сгорѣлъ амбаръ съ хлѣбомъ. Несомнѣнно поджогъ, всѣ указываютъ на Василю, который накануне поссорился съ братомъ. Но Иванъ Спиридоновичъ отрицаетъ, такъ заявилъ и становому... Я думаю, что онъ скрываетъ правду, не желая срама... По-моему сослать Ваську лучше всего. А онъ смотритъ иначе на дѣло. «Братъ-арестантъ» — это ему кажется позоромъ. Да вѣдь все равно Васька этимъ кончить. Докторъ то же говорить. Онъ вамъ кланяется».

Сбудутся или нѣтъ предсказанія моего пріятели и доктора, это для характеристики «фармазона» безразлично.

А. Кругловъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

VII.

Еще изъ своихъ и чужихъ воспоминаній.—Д. Т. Ленскій.—Н. К. Милославскій.—
Свиданіе съ нимъ въ Одессѣ.

С ОВОРЯ о московскихъ артистахъ, нельзя не вспомнить объ извѣстномъ водевилистѣ и актерѣ Дмитріѣ Тимоѣевичѣ Ленскомъ, снискавшемъ себѣ славу острымъ языкомъ и большимъ литературнымъ дарованіемъ.

Ленскій былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей моего отца и во время моего ранняго дѣтства бывалъ постоянно, чуть не ежедневно въ нашемъ домѣ. Я былъ тогда очень юнымъ, а потому не могу, конечно, передать того, что въ моемъ присутствіи говорилось и читалось Ленскимъ, но болѣе или менѣе интересныя подробности и анекдоты изъ жизни Дмитрія Тимоѣевича я слышалъ впоследствии отъ его знакомыхъ и сослуживцевъ.

Ленскій былъ весьма посредственный актеръ и въ то же время самый остроумнѣйшій и талантливый переводчикъ и передѣльватель французскихъ пьесъ. Кромѣ того, онъ писалъ прекрасныя стихи и чрезвычайно злыя эпиграммы.

Не одинъ разъ въ нашемъ домѣ онъ на пари переводилъ экспромтомъ à livre ouvert извѣстнѣйшія французскія стихотворенія на не менѣе прекрасныя русскія стихи. Считаю излишнимъ говорить о досто-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIV, стр. 435.
«истор. вѣстн.», декабрь, 1893 г., т. LIV.

инствѣ переведенныхъ имъ пьесъ и куплетовъ: они хорошо извѣстны. Кто видѣлъ его передѣлку французской комедіи «Le règne de la debutante» на водевилъ «Левъ Гурычъ Синичкинъ», не повѣритъ, чтобы эта шутка не была чисто русскою, изъ нашей провинціальной жизни. Всѣ куплеты его отличаются граціознымъ сарказмомъ, точно такъ же какъ переводы Беранже—близостью къ подлиннику и блескомъ стиха.

По свойству своего характера Дмитрій Тимоѣевичъ былъ оригинальнымъ человѣкомъ. Напримѣръ, онъ не придавалъ почти никакого значенія своему литературному таланту и наоборотъ о своемъ сомнительномъ сценическомъ дарованіи былъ высокаго мнѣнія. За черезчуръ строгую критическую оцѣнку своихъ сочиненій онъ никогда особенно не обижался, за то сказанное о немъ, какъ объ актерѣ, непохвальное слово приводило его въ бѣшенство. Доказательствомъ этого можетъ служить одинъ изъ его куплетовъ въ водевилѣ «Левъ Гурычъ Синичкинъ»:

«Онъ не для славы, говорятъ,
 «А для товарищей трудится.
 «Когда за дѣло побранятъ,
 «Смѣшно бы Ленскому сердиться.
 «Когда же стая пачкуновъ
 «По пустякамъ браниться стануть,
 «Онъ вспомнитъ, что сказалъ Крыловъ:
 «Полаютъ, да отстануть».

Это всецѣло относится къ Ленскому-писателю, и это дѣйствительно взглядъ самого Ленскаго писателя.

Въ эпиграммахъ своихъ онъ былъ рѣзокъ и золъ. Самыя лучшія изъ нихъ, къ сожалѣнію, не могутъ быть преданы гласности по нецензурности ихъ.

Дмитрій Тимоѣевичъ былъ очень нервный, взбалмошный и вспыльчивый; переходъ отъ гнѣва къ шуткѣ и наоборотъ совершался въ немъ моментально. Одѣвался всегда изысканно франтовски и очень любилъ шампанское. Былъ весьма не красивъ, хотя подвизался въ роляхъ любовниковъ и молодыхъ людей. Первостепеннымъ актеромъ онъ сдѣлался, исключительно благодаря только своимъ литературнымъ способностямъ. Передѣлывая пьесы для бенефисовъ товарищей, онъ обставлялъ ихъ лучшими артистами и по праву автора требовалъ и назначалъ себѣ одну изъ видныхъ ролей.

Ленскій, какъ я уже говорилъ, былъ рѣзокъ и золъ въ своихъ эпиграммахъ и насмѣшкахъ; въ доказательство можно привести нѣсколько заключительныхъ строкъ одного его стихотворенія на нѣкоего театральнаго московскаго начальника, который не брезгалъ, по его словамъ, взятками и для спасенія своей души

« вѣдитъ даже
 « На богомолье о грѣхахъ
 « Всегда въ казенномъ экипажѣ
 « И на каменныхъ лошадяхъ».

На одного изъ своихъ сослуживцевъ, извѣстнаго актера Н., ученика еще болѣе извѣстнаго артиста, которыхъ обоихъ не долюбивалъ Ленскій, онъ написалъ въ уборной экспромптомъ:

«Достойный ученикъ мошенника издревле,
«Слеза котораго дешевле,
«Кто въ гробъ Рязанцева, Мочалова низведъ..
«Но ты вѣдь и его въ интригѣ превзошелъ.
«Фамилія твоя хотя и въ русскомъ духѣ,
«Но ты спроси у матери старухи,
«Не согрѣшила ли, несчастная, съ жидкомъ:
«Ты смотришь, говоришь израильскимъ сыномъ.
«Такая бестія—наплюй тебѣ въ глаза,
«Утреешься и кричишь, что Божія роса».

Про актрису Л—вину, жившую въ Москвѣ близъ церкви Рождества въ Столешниковомъ переулкѣ, онъ какъ-то сказалъ:

«У Рождества, въ Столешникахъ,
«Мадонна Л—вина
«Все молится о грѣшникахъ
«И все грѣшить сама».

Въ Москвѣ проживалъ стихотворецъ во вкусѣ Баркова, нѣкто Дьяковъ. Его вдругъ съ чего-то стали беспокоить успѣхи и лавры трагика Мочалова. Онъ сталъ выпрашивать себѣ дебюта на сценѣ Малаго театра. Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, наконецъ, это ему удается. Онъ выступилъ въ бенефисъ Л. Л. Леонидова, въ мелодрамѣ «Жизнь игрока». На репетиціяхъ Дьяковъ былъ очень смѣль и развязенъ, а на спектаклѣ до того оробѣлъ, что передъ выходомъ на сцену чуть не убѣжалъ изъ театра. Игралъ онъ, разумѣется, изъ рукъ вонъ плохо и портилъ сцены всѣмъ остальнымъ участвующимъ. Ленскій былъ за кулисами. Къ нему подходитъ актриса, игравшая жену Дьякова Амалію, и пожаловалась, что дебютантъ мѣшаетъ ей играть. На это Дмитрій Тимоѣевичъ отвѣтилъ ей:

«Тервайся, плачь, Амалія,
«Покорствуя судьбѣ,
«Какая же ракалія
«Достался мужъ тебѣ».

Однажды на репетиціи, во время перерыва, актеры собрались группой и завели разговоръ относительно того, какъ, кто и что чувствуетъ передъ выходомъ на сцену въ новой роли. Примѣры были чрезвычайно разнообразны. Когда по этому поводу высказались первачи, вступаетъ въ разговоръ весьма посредственный актеръ Мих. Петр. Соколовъ.

— На меня новая роль производитъ удручающее впечатлѣніе, — сказалъ онъ. — Когда я служилъ въ Нижегородскомъ театрѣ, публика меня просто обожала, и я, всетаки, постоянно ощущалъ робость передъ выходомъ на сцену. Ужъ, кажется, чего мнѣ было

бояться, успѣхъ обезпеченъ, а между тѣмъ въ тотъ день, когда приходилось выступать въ новой роли, меня все время тошнило.

— А ты, Миша, не замѣчалъ,—спросилъ его Ленскій,—послѣ спектакля и твоей обожаемой игры съ публикой того же не бывало?

Какъ-то привелось Дмитрію Тимоѣевичу побывать по дѣламъ у нѣкаго московскаго вельможи. Его ввели въ пріемную, гдѣ уже было нѣсколько человѣкъ и между ними два генерала. Время шло по обыкновенію томительно медленно. Вельможа не выходилъ, а просители отчаянно и откровенно зѣвали. Самымъ нетерпѣливымъ изъ всѣхъ бывшихъ въ пріемной оказался старенькій генералъ, раздражительно колотившій своей трехъуголкой съ султаномъ по колѣнямъ до того усердно, что изъ нея выпадали перья и разлетались по комнатѣ.

Ленскій поднялъ одно изъ нихъ и, внимательно его разсматривая, процѣдилъ сквозь зубы:

— Вишь какъ замучилась публика, даже генералы линять начали.

Въ подтвержденіе того, что Ленскій былъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ и раздражителенъ, можно привести слѣдующій случай.

Дмитрій Тимоѣевичъ получилъ откуда-то необыкновенную телятину, которой хвастался передъ знакомыми, и специально на нее приглашалъ нѣкоторыхъ. Въ извѣстный часъ собрались къ Ленскому приглашенные гости и съ нетерпѣніемъ дожидались отвѣдать лакомаго блюда. Послѣ закуски чинно усѣлись за столъ и стали ожидать телятину, о которой такъ много говорилъ Ленскій. Наконецъ, вносятъ громадное блюдо въ столовую, и не успѣли его поставить на столъ, какъ вдругъ Дмитрій Тимоѣевичъ срывается съ мѣста, отчаянно вскрикиваетъ, выбиваетъ изъ рукъ изумленной прислуги телятину и начинаетъ топтать ее ногами.

Общее удивленіе.

— Что вы? Что съ вами?

— Подлецы! Свиньи! Скоты!—кричалъ Ленскій. — Испортили! Пережарили!..

Такимъ образомъ, обѣдъ кончился весьма плачевно какъ для хозяина, такъ равно и для гостей.

Отъ остроумнаго анекдотиста Ленскаго вполнѣ естественъ переходъ къ остроумному анекдотисту Николаю Карловичу Милославскому, одному изъ популярнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ талантливейшихъ провинціальныхъ актеровъ 1850-хъ, 1860-хъ и 1870-хъ годовъ. Правда, онъ стяжалъ себѣ довольно своеобразную славу, какъ анекдотистъ, благодаря тому, что все его остроуміе сводилось къ собственному матеріальному благополучію, ради чего онъ не останавливался даже иногда предъ завѣдомымъ плутовствомъ, однако всѣ его продѣлки носятъ характеръ до того наивно безобидный, что достойны вниманія по своей исключительности. Онъ

умѣлъ удивительно ловко комбинировать обстоятельства, которыя какъ бы ни были первоначально далеки отъ его интересовъ, въ концѣ концовъ складывались вполнѣ въ его пользу. Его изворотливость и находчивость въ трудныя минуты жизни были изумительны и до сихъ поръ служатъ нескончаемой темой потѣшныхъ разсказовъ въ артистической семьѣ.

Очень хорошо повѣствованіе про Николая Карловича, какъ онъ «обошелъ» нѣкоего антрепренера N., который обыкновенно самъ всѣхъ «обходилъ», и такъ искусно, что въ этомъ не имѣлъ соперниковъ. Дѣло было такъ. Пріѣзжаетъ Николай Карловичъ въ Казань и отправляется къ мѣстному импрессарио съ предложеніемъ своихъ актерскихъ услугъ.

— Хорошо! — отвѣтилъ N. — Я подумаю... за отвѣтомъ навѣдайтесь завтра...

Во время спектакля антрепренеръ собралъ «родъ вѣча», т. е. пригласилъ въ режиссерскую всю труппу и объявилъ, что пріѣхалъ Милославскій и напрашивается служить. Всѣ единогласно запротестовали.

— Интриганъ!.. Невозможный!.. Онъ всѣхъ насъ взбаломутить, и самому вамъ не сдобровать...

Вообще провинціальныя закулисныя дѣятели почему-то не долюбивали Николая Карловича и всегда были вооружены противъ него.

На другой день является къ антрепренеру Милославскій и спрашиваетъ:

— Ну, что? Подумали?

— Я-то подумалъ, но вотъ вся моя труппа съ чего-то противъ васъ...

— При чемъ труппа? Вы хозяинъ.

— Такъ-то оно такъ, но, всетаки, какъ-то неловко идти наперекоръ всѣмъ. Согласитесь, что одинъ въ полѣ не воинъ, одного васъ я держать не могу, а всѣ остальные вмѣстѣ съ вами служить не хотятъ и грозятъ меня покинуть...

— Успокойте ихъ, пожалуйста, скажите, что поперекъ дороги я имъ не стану... Я теперь такъ нуждаюсь, что за пустяки играть останусь. Хлѣбъ отбивать ни у кого не буду... Въ настоящемъ своемъ положеніи я согласенъ служить у васъ за пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Кажется, такой-то суммы я стою?

— Еще бы, но, право, я не знаю, какъ поступить...

— Не торговаться ли хотите?

— Нѣтъ... я посоветуюсь... я долженъ посоветоваться... рѣшительный отвѣтъ получите завтра.

На репетиціи N. созвалъ «совѣтъ», которому передалъ приниженный тонъ Милославскаго и его скромныя желанія пятидесятирублеваго жалованья.

— Ага! Гордыню-то посбили! — торжествующимъ тономъ заговорили актеры. — Такъ ему и надо!.. Подрѣзали-таки ему хвостъ! Превосходно!.. Прежде на сотни зарился, а теперь рублями довольствуется.

Непріязненное актерское чувство къ коллегѣ ослабѣло при видѣ его упадка и униженія, и они согласились принять его въ свою компанію. Антрепренеръ, очень довольный этимъ обстоятельствомъ, а еще болѣе тѣмъ, что пріобрѣтаетъ большаго и дорогаго артиста за грошовое вознагражденіе, на другой день встрѣчаетъ Николая Карловича съ распростертыми объятіями.

— Уговорилъ! Мнѣ много стоило уговорить эту бунтовавшуюся свору, однако уговорилъ...

Милославскій дебютируетъ. Успѣхъ колоссальный. На второй дебютъ театръ былъ переполненъ, и опять громаднѣйшій успѣхъ. Третьей дебютъ былъ повтореніемъ первыхъ двухъ вмѣстѣ. Антрепренеръ радостно потиралъ руки и въ душѣ называлъ своего новаго актера «простофилей».

Однако, Николай Карловичъ не такъ былъ простъ, какъ казался съ виду. Послѣ третьяго дебюта онъ отправляется въ ресторанъ, гдѣ обыкновенно собирались студенты и вся театральная молодежь, какъ всегда преисполненная энтузіазма и крайне пристрастная. Заводитъ какъ будто кстатѣ разговоръ о театрѣ и, между прочимъ, говоритъ, что его служба въ Казани только и ограничится тремя прошедшими дебютами.

— Это почему? — изумляются собесѣдники.

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

— Что такое? Объяснитесь толкомъ.

— Извольте, антрепренеръ возымѣлъ безсовѣстное намѣреніе эксплуатировать меня. Предлагаетъ остаться у него играть съ платою пятидесяти рублей въ мѣсяцъ.

— Что вы? Не можетъ быть!

— Честное слово!.. Согласитесь, что въ наше время приличный лакей имѣетъ большій заработокъ?!

— Да... это съ антрепренерской стороны подлость... мерзость...

Возмущившіеся юноши на другой день громогласно разсуждали объ этомъ по всему городу. Вскорѣ слухъ о мнимой эксплуатаціи актера антрепренеромъ дошелъ до губернатора, отнесшагося очень сочувственно къ Милославскому, на дебютахъ котораго присутствовалъ, и отъ игры котораго былъ въ восторгѣ. Недолго думая, губернаторъ призываетъ къ себѣ антрепренера и бесѣду съ нимъ начинаетъ прямо нотаціей.

— Я много слышалъ о васъ дурного... Меня крайне возмущаютъ ваши наклонности къ эксплуатаціи служащихъ...

— Ваше превосходительство, я не знаю повода, который даетъ вамъ возможность обвинять и обижать меня совершенно незаслуженно?

— Такъ поступать съ артистами, какъ поступаете вы съ ними, нельзя. Считаю своимъ долгомъ предупредить васъ, что не потерплю этого. Какъ вамъ не стыдно было предложить такому выдающемуся актеру, какъ г. Милославскій, пятьдесятъ рублей? Я вамъ совѣтую ангажировать его на лучшихъ условіяхъ, въ противномъ случаѣ вы никогда не увидите меня у себя въ театрѣ, а моему примѣру послѣдуетъ и вся городская интеллигенція.

Антрепренеръ, ничего не понимая, прямо отъ губернатора ѣдетъ къ Милославскому и притворно равнодушнымъ голосомъ спрашиваетъ его:

— Что-жъ вы намѣрены у меня служить или уѣзжаете?

— Уѣзжаю.

— Какъ? — не выдержалъ антрепренеръ и отчаянно вскрикнулъ. — Куда? Зачѣмъ? Вздоръ!

— Думаю путешествовать изъ города въ городъ. Это будетъ, пожалуй, значительно выгоднѣе.

— Ну, чего тамъ выгоднѣе! Лучше ужъ я вамъ жалованье увеличу—рубликовъ сто положу.

— Мало... Пораскинувъ мозгами, я пришелъ къ убѣжденію, что меньше тысячи рублей въ мѣсяцъ взять не могу.

— Какъ тысячи? — опять вскрикнулъ антрепренеръ и отъ ужаса, какъ ужаленный, подскочилъ на мѣстѣ.

— Да такъ, что меньше тысячи не возьму.

— Ну, что за глупыя шутки! Рубликовъ полтора ста достаточно вполнѣ...

Началась ожесточенная торговля. Антрепренеръ чуть не со слезами на глазахъ умолялъ Милославскаго сжалиться надъ его безвыходнымъ положеніемъ и въ концѣ концовъ покончилъ съ нимъ на шестистахъ рубляхъ. Когда былъ подписанъ контрактъ, Николай Карловичъ внушительно замѣтилъ своему импрессарио:

— Напредки будь самостоятельнѣе! Какой же ты антрепренеръ, если безъ актерскаго разрѣшенія не осмѣливаешься ангажировать артиста?... Вотъ если бы ты со мной толкомъ съ самаго начала поговорилъ, не совѣтуясь съ своими служащими, то я согласился бы на триста и даже на 250 рублей, ну, а теперь пеняй на себя.

— Стыдно, Николай Карловичъ, такъ поддѣвать бѣднаго челоуѣка.

— Это для тебя наука, а въ особенности наука для тѣхъ моихъ милыхъ товарищей, которые хотѣли было меня въ дураки вырядить и которые, къ стыду своему, сами дураками остались.

Изобрѣтательность и ловкость Милославскаго во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ была неподражаема. Очень часто его продѣлки были далеко не похвального свойства, но онъ умѣлъ ихъ облекать въ такую остроумную форму, что никто не рѣшался бы обвинять его въ предосудительности. Очень часто бывало, что сами

«жертвы» вмѣстѣ съ нимъ хохотали надъ собой и нисколько не претендовали на Николая Карловича, умѣвшаго при случаѣ искусно прикрываться наивностью.

Характеренъ про него другой анекдотъ, любопытный прежде всего потому, что въ немъ фигурируетъ главнымъ образомъ Смольковъ, всегда осторожный, дальновидный и тоже искусный во всѣхъ подобныхъ исторiяхъ. Является какъ-то къ нему Милославскій и проситъ ссудить его деньгами.

— Нѣтъ у меня денегъ! — быстро, не задумываясь, отвѣтилъ Ѳедоръ Константиновичъ. — Откуда онѣ у меня? Я вѣдь ихъ не ворую...

— Врете! — перебилъ его обычную тираду Милославскій. — Денегъ у васъ много.

— Кто ихъ считаль?

— Это и безъ счета видно.

— Какъ видно? Почему видно?

— Во-первыхъ, замѣтно изъ того, что вы скряга, во-вторыхъ, у васъ отлично дѣла идутъ...

— Хорошо. Я скряга, дѣла хороши, а денегъ, всетаки, не имѣю.

— Врете!

— Нѣтъ-съ, не вру.

— Да чего тутъ спорить, когда можно сейчасъ же узнать, есть у васъ деньги, или нѣтъ...

— Какъ же это вы узнаете?

— Очень просто: сію минуту я возьму васъ за горло и стану душить. Если вы дѣйствительно нищій, сопротивляться не станете, а если богачъ, заорете на весь городъ.

— Ну, и глупо-съ... совсѣмъ глупо...

— Чѣмъ же это глупо, позвольте узнать, чортъ васъ возьми?

— А тѣмъ, что вѣдь и нищему на то голосъ данъ, чтобъ «карауль» кричать.

Милославскій разсмѣялся и послѣ недолгаго молчанія сказалъ:

— Ну, полно, Ѳедоръ Константиновичъ, сквалыжничать! Кромѣ шутокъ: снабдите-ка меня деньжонками. До зарѣзу нужны...

— Не могу... если бы вы у меня служили, ну, тогда, можетъ быть, какъ нибудь и раздобылся бы для васъ, а такъ какъ вы гость, проѣзжающій только, то ничѣмъ для васъ полезнымъ быть не могу...

— Если же вы сомнѣваетесь во мнѣ, хотя это съ моей стороны и незаслуженно, то я могу вамъ оставить залогъ...

— Какой?

— Вотъ почтовая повѣстка на посылку. Ко мнѣ пришли часы. Видите, оцѣнка двѣсти рублей...

— Ну, подъ нихъ-то я одолжить могу. Вамъ сколько надобно?

— Да, ужъ никакъ не меньше полутораста рублей...

— Много, ну, да ужъ что дѣлать съ вами. Вотъ вамъ — получайте.

Милославскій взялъ деньги, оставилъ квитанцію и ушелъ. На другой день Смольковъ пошелъ на почту, получилъ пакетъ съ часами, распаковалъ его и ужаснулся. Въмѣсто ожидаемаго дорогаго золотого хронометра онъ обрѣлъ старенькіе, истасканные серебряные часы.

— Ограбилъ! — воскликнулъ дрожащимъ голосомъ Смольковъ и побѣждалъ къ виновнику этого происшествія.

— Что это вы такой запыхавшійся? — спокойно спросилъ Милославскій.

— Безстыжій! Разбойникъ! Душегубъ! Кровопійца! — вмѣсто отвѣта взвылъ Ѳедоръ Константиновичъ, потрясая полученными съ почты часами. — Что это?

— Какъ что? Развѣ не видите? Это часы!

— Часы? А какіе часы? Золотые?

— Нѣтъ... серебряные.

— Значитъ, ты меня обманулъ, ограбилъ... Они ровно ничего не стоятъ, грошъ имъ цѣна... Давай назадъ полтора ста цѣлковыхъ...

— Да я ваши деньги уже извелъ безъ остатка...

— Извелъ?! Ахъ, ты губитель!

— Да вы, добрѣйшій Ѳедоръ Константиновичъ, о чемъ убиваетесь-то? Что васъ тревожитъ?

— Ну, не азіать ли ты? Заложилъ ихъ мнѣ за полтора ста цѣлковыхъ, а имъ, оказывается, никакой цѣны нѣтъ.

— Это правда: они безцѣнны.

— Да ты еще никакъ и смѣешься?

— Говорю совершенно серьезно. Часы эти для меня страшно дороги, какъ единственная память о моемъ покойномъ дѣдѣ... Вы спрячьте ихъ подалеже и относитесь къ нимъ съ такимъ же почтеніемъ, каковымъ окружалъ ихъ я...

— Но вѣдь ты меня обманулъ?

— Нисколько. Ихъ драгоцѣнность я вамъ уже пояснилъ, и вы должны понять, что дѣйствительно эти часы необыкновенные...

Въ концѣ концовъ, разумѣется, Смольковъ такъ ни съ чѣмъ и остался. Милославскій уѣхалъ изъ Нижняго и вскорѣ забылъ про свой «драгоцѣнный» залогъ... Про эту продѣлку Николая Карловича говорили двояко: одни увѣряли, что онъ собственноручно подправилъ на почтовой повѣсткѣ цифру 20 на 200, другіе — сообщали, что этотъ заемъ у нижегородскаго антрепренера имъ былъ предусмотрѣнъ заранѣе, и онъ послалъ въ Нижній дрянненькіе часики самому себѣ, оцѣнивъ ихъ чуть не въ пятьдесятъ разъ болѣе ихъ настоящей стоимости.

Ловкость, сообразительность и находчивость Николая Карловича очень рельефно выразились въ Самарѣ «на кумысѣ», гдѣ

онъ одно время проживалъ чуть ли не для поправленія здоровья, а, можетъ быть, и просто для отдыха. «На кумысѣ» существовала лотерейная лавочка, уставленная различными, очень дорогими и очень дешевыми вещами, съ привѣшенными къ нимъ номерами. Всѣ онѣ разыгрывались, и ни одна изъ нихъ не продавалась. Торговля билетами постоянно была бойкая, однако ни одному пробовавшему счастью не удавалось никогда выиграть ничего цѣннаго. По какому-то секрету изобрѣтателя лучшіе предметы оставались все время неприкосновенными, и ни одинъ изъ нихъ не выпадалъ ни на чью долю. Милославскому приглянулись двѣ роскошныя вазы, и онъ сталъ на нихъ засматриваться. Нѣсколько разъ самъ бралъ билеты, слѣдилъ за другими бравшими и крайне удивлялся, что заинтересовавшія его вазы никому не достаются. Въ концѣ концовъ онъ понялъ мошенничество торговца и задумалъ его перехитрить, рѣшившись выиграть прельстившія его вещи во что бы то ни стало. Замѣтилъ онъ номеръ, красовавшійся на нихъ, сдѣлалъ собственноручно лотерейный билетъ и явился въ лавочку въ то время, когда въ ней толпилось много публики. Дождавшись своей очереди, полѣзъ онъ въ колесо и къ общему изумленію достаетъ номеръ вазъ. Торговецъ сперва смутился, потому что лучшихъ-то номеровъ въ колесо у него не было положено, но потомъ поспѣшилъ оправиться и выдалъ Милославскому выигрышъ.

— Наконецъ-то!—сказалъ Николай Карловичъ.—Долго же этотъ счастливый билетъ никому у тебя не доставался.

— Да-съ, вы счастливчикъ...

— Да еще какой! Вотъ погоди, всѣ лучшія вещи я у тебя отберу.

Захватилъ «счастливецъ» вазы и отправился домой. Не успѣлъ онъ отойти отъ лотерейной лавки и десяти сажень, какъ нагоняетъ его торговецъ и говоритъ:

— Г. Милославскій, мнѣ не жаль вазъ, но скажите, пожалуйста, какъ вы ихъ выиграли?

— Очень просто: заплатилъ вамъ двугривенный, полѣзъ въ колесо и вытащилъ изъ него десятый номеръ.

— Не можетъ этого быть?

— Почему?

— Потому что, признаюсь вамъ откровенно, этого номера у меня въ колесѣ не было.

— Откровенность за откровенность! Такъ ужъ и быть, тоже признаюсь: этотъ номеръ я поддѣлалъ.

— Но вѣдь это подлость!

— А съ твоей-то стороны развѣ не подлость выставить на соблазнъ хорошія вещи и не пустить ихъ въ лотерею?!

— Я про нихъ случайно забылъ.

— Ну, а я тебѣ умышленно о нихъ напомнилъ.

Милославскій былъ очень остроумень. Въ особенности же неистощимъ онъ былъ на сценѣ, гдѣ велъ себя совершенно запросто, подомашнему. Въ извѣстной мелодрамѣ «Графиня Клара д'Обервиль» онъ постоянно игралъ героя Жоржа Морица. Во время его гастролей, кажется, въ Саратовѣ роль доктора Жереро поручили одному изъ маленькихъ, неопытныхъ актеровъ. Въ четвертомъ актѣ Жоржу - Милославскому объявляютъ о приходѣ доктора. По ре-маркѣ онъ идетъ къ нему на встрѣчу и, при выходѣ того на сцену, произноситъ:

— Вы удивлены, добрый мой докторъ, что видите меня на ногахъ? и т. д.

Милославскій же выдумалъ игру на паузахъ. Встрѣчаетъ онъ доктора въ глубинѣ сцены, схватываетъ его за руки и дружески пожимаетъ ихъ.

Неопытный актеръ съ чего-то оробѣлъ. Ему показалось, что Николай Карловичъ не знаетъ роли и не слышитъ суфлера. Онъ преисполнился храбрости и, чтобы скрасить мнимо-неловкую паузу, брякнулъ невпопадъ:

— Здравствуйте, докторъ!

Милославскій ухмыльнулся. Потомъ спокойно вывелъ его на аванъ-сцену и спросилъ:

— Вы практикуете гдѣ? Не въ лечебницѣ для душевнобольныхъ?

Актеръ растерялся окончательно. Милославскій же продолжалъ, разглядывая въ упоръ застѣнчиваго коллегу:

— Вы сказали мнѣ: «здравствуйте, докторъ!», а вѣдь по афишѣ-то вы сами докторъ и есть, а я—Жоржъ Морицъ, вашъ пациентъ... Однако, приступимъ къ разговору по пьесѣ,—закончилъ «отсебятину» Николай Карловичъ и тотчасъ же вошелъ въ роль словами: «вы удивлены, добрый мой докторъ», и т. д.

Во время этой импровизированной сцены публика хохотала до истерики и послѣ того не могла равнодушно взглянуть на несчастнаго доктора Жереро. Каждое его появленіе возбуждало въ зрительномъ залѣ неудержимый смѣхъ. Въ пятомъ актѣ, въ самомъ патетическомъ мѣстѣ, когда Жоржъ умираетъ, выходитъ на сцену докторъ. Публика, до его появленія чуть не рыдавшая надъ трогательнымъ положеніемъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, вдругъ начинаетъ проявлять веселость, и вскорѣ сталъ слышаться довольно откровенный хохотъ.

Милославскій взглянулъ на сконфуженнаго доктора и подзвалъ его къ себѣ. Тотъ послушно подошелъ.

— Милый докторъ!—торжественно сказалъ ему Николай Карловичъ, не выходя изъ тона своей роли.—Я знаю ваше доброе сердце. Я знаю, что вы не откажете просьбѣ умирающаго чело-вѣка. Не правда ли? Вѣдь да?

— Да, да,—поспѣшилъ согласиться докторъ, недоумѣвающе смотря на Милославскаго.

— Уйдите вонъ... Оставьте меня умереть спокойно!..

Нечего и прибавлять, что весь театръ разразился долго несмолкавшимъ смѣхомъ, а несчастный Жереро удалился за кулисы, потому что дальнѣйшее его пребываніе на сценѣ уже внушало опасность. Очень легко могло случиться, что спектакль не окончился бы, благодаря демонстративной веселости зрителей.

Въ подтвержденіе его «простоты отношеній» на сценѣ можно привести еще такой анекдотъ, имѣвшій мѣсто опять таки у приснопамятнаго Ѳедора Константиновича Смолькова. Милославскій часто жаловался ему, что слишкомъ холодно въ театрѣ и въ уборныхъ. Смольковъ, соблюдавшій экономію на дровахъ, всегда отвѣчалъ Николаю Карловичу, что «вотъ соберется публика—будетъ тепло». Однажды въ день представленія «Горе отъ ума» Милославскій категорически заявляетъ антрепренеру, что если театръ къ вечеру не будетъ согрѣтъ, то онъ не будетъ играть.

— А неустойка-то?—точасъ же нашелся отвѣтомъ Ѳедоръ Константиновичъ.

— Плевать мнѣ на неустойку! Многіе ужъ съ меня ее взыскивали, да никому еще ни копейки получить не приходилось...

Наступаетъ вечеръ. Вѣрный своимъ экономическимъ расчетамъ, Смольковъ театра, всетаки, не отопилъ.

— Ну, я его проучу,—сказалъ Милославскій и въ третьемъ актѣ, во время бала у Фамусова, вышелъ на сцену въ енотовой шубѣ и въ большой бобровой шапкѣ.

По окончаніи акта, вбѣгаетъ къ нему въ уборную Смольковъ и кричить:

— Публика ропщеть-съ... это неуваженіе къ ней... Такъ-съ нельзя...

— А театра не отопливать можно? На это публика не ропщеть...

— Про это нѣтъ рѣчи, а васъ бранять... Такъ нельзя-съ... совершенно нельзя-съ...

— Почему нельзя? Не правда, все можно. На свѣтѣ ничего нѣтъ невозможнаго. Вонъ Енохъ на небо живымъ былъ взятъ...

— То Енохъ.

— А я Милославскій.

— Ну, а всетаки въ шубѣ на балъ не являются...

— Смотри по тому, гдѣ балъ. Если у тебя въ театрѣ, то нужда заставить даже и валенки надѣвать...

Милославскій служилъ вмѣстѣ съ знаменитымъ трагикомъ Николаемъ Хрисанеовичемъ Рыбаковымъ, который однажды игралъ трагедію «Заколдованный домъ», а Милославскій сидѣлъ въ зрительномъ залѣ и созерцалъ товарища въ одной изъ любимыхъ своихъ ролей. По окончаніи спектакля, Николай Карловичъ вошелъ въ

уборную Рыбакова, и между ними завязалась слѣдующая бесѣда.

— Ну, какъ я сегодня игралъ?—освѣдомился трагикъ, не спѣша разгримировываясь.

— Очень хорошо, придраться не къ чему... Только вотъ развѣ одно...

— Что такое?

— Анахронизмъ въ гримѣ.

— Какой анахронизмъ?

— Людовикъ XI бороды никогда не носилъ.

— А ты его видѣлъ?

— Я-то его не видалъ, конечно, но это, тѣмъ не менѣе, вѣрно, что онъ былъ безбородымъ.

— А почему ты это знаешь?

— По исторіи это извѣстно, кромѣ того, сохраняются его портреты...

— По исторіи? Такъ вотъ я тебѣ что на это скажу: можетъ быть, этого самаго Людовика-то и не было вовсе.

— А если не было Людовика, то слѣдовательно не было и бороды его,—шутя замѣтилъ Милославскій.—А если не было бороды, то съ какой стати ты ее теперь привязываешь?

Рыбаковъ сразу не сообразилъ насмѣшливости товарища и пресерьезно отвѣтилъ:

— А и въ самомъ дѣлѣ, какъ это я сразу не догадался!

Во времена существованія знаменитаго московскаго артистическаго кружка, какъ-то сижу я съ Николаемъ Карловичемъ въ ресторанѣ и обѣдаю. Къ нашему столу подходитъ юркій молодой человѣкъ и развязно начинается съ Милославскимъ разговоръ.

— Вы г. Милославскій?

— Угадали.

— Я имѣю къ вамъ дѣло.

— Какое?

— Не хотите ли имѣть приличный заработокъ?

— Отчего не хотѣть!—хочу.

— Сыграйте нѣсколько спектаклей въ нашемъ артистическомъ кружкѣ.

— Могу, но, долженъ предупредить, я дешево не беру...

— О, вы вполне будете удовлетворены, но, разумѣется, на столько, на сколько вы понравитесь публикѣ.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Я хочу сказать, что наши условія чрезвычайно симпатичны: вы сыграете безъ вознагражденія семь спектаклей, а восьмой будетъ вашимъ бенефисомъ.

— Увы! Мои условія еще симпатичнѣе: послѣ каждаго спектакля, сыграннаго мною даромъ, долженъ быть данъ мнѣ бене-

фисъ. Такъ оно правильнымъ чередомъ и пойдетъ: гастроль—бенефисъ, гастроль—бенефисъ, гастроль—бенефисъ...

— Нѣтъ, такія условія невозможны!

— А вы думаете, что ваши возможны? Прощайте!

Такъ и не состоялись его гастроли въ артистическомъ кружкѣ.

По возвращеніи изъ Парижа, гдѣ Милославскій подвизался въ русской труппѣ, вывезенной изъ Россіи Т., Николай Карловичъ рассказывалъ:

— Ужасныя были дѣла. Актеры и въ особенности актрисы чувствовали себя очень нехорошо. Полнѣйшая безденежность дѣйствовала на всѣхъ удручающимъ образомъ, хотя, впрочемъ, про себя я этого сказать не могу. Мнѣ было довольно весело и жилъ я очень недурно, благодаря умѣнью заводить хорошія знакомства... Мои товарищи и самъ г. Т. выдумали ставить «Русскую свадьбу», но она парижанъ не интересовала. Такъ ни съ чѣмъ и уѣхали на родину, а все потому, что не слушали меня. Я совѣтовалъ имъ играть «Парижскихъ нищихъ», а они не хотѣли. Между тѣмъ пьеса къ ихъ положенію была очень подходящая...

Какъ-то въ Харьковѣ Милославскій вмѣстѣ съ Виноградовымъ игралъ «Свадбу Кречинскаго». Первый считалъ своею коренною ролью—роль Кречинскаго, второй имѣлъ большой успѣхъ въ роли Расплюева. Виноградовъ, будучи по природѣ комикомъ-буффъ, имѣлъ склонность къ фарсу и часто, ради пушлага комизма, уснащалъ пьесы собственнымъ дешевымъ остроуміемъ и безпощадно переиначивалъ слова автора. На этотъ разъ онъ тоже не воздержался и въ послѣднемъ актѣ на репетиціи произносилъ свой монологъ такъ:

— Я, исполнивши ваше порученіе, завернулъ въ Троицкій. Сѣлъ, подперся на диванъ и говорю: «давай уши, растегаевъ, два поросенка»...

Но тутъ его перебилъ Николай Карловичъ:

— Зачѣмъ вы говорите: «два поросенка». Этого въ пьесѣ нѣтъ...

— Пожалуйста, не учите!—обидѣлся Виноградовъ. — Я знаю, какъ нужно мнѣ говорить! Я всегда такъ эту роль играю...

— Ахъ, вы всегда такъ играете? Превосходно! Продолжайте...

Виноградовъ повторилъ:

— ... Сѣлъ, подперся на диванъ и говорю: «давай уши, растегаевъ, два поросенка»...

Милославскій на это отвѣчаетъ ему въ тонъ:

— Какая же ты свинья, Расплюевъ! Все-то ты врешь, каналья! Не могъ ты спросить двухъ поросятъ, потому что въ пьесѣ значится всего одинъ.

— Позвольте-съ?!—накинулся на него Виноградовъ.—Зачѣмъ вы это прибавляете?

— Затѣмъ же, вѣроятно, зачѣмъ и вы.

- Но вѣдь этого въ вашей роли нѣтъ?
 — Пожалуйста, не учите! Я знаю, какъ нужно мнѣ говорить!
 Я всегда такъ эту роль играю...
 — Съ какой стати вы передразниваете меня? Это нехорошо.
 — Точно такъ же, какъ несправедливо то, что вы позволяете себѣ «отсебятину», а на меня за такую же претендуете... Лучше всего давайте-ка придерживаться автора, въ противномъ случаѣ мы будемъ играть комедію не Сухово-Кобылина, а Милославскаго и Виноградова.

Въ концѣ концовъ послѣдній согласился отрѣшиться отъ фарса въ этой пьесѣ и игралъ безъ всякихъ прибавленій. Это было не похоже на Милославскаго, однако онъ выдержалъ менторскую роль и не допустилъ въ любимой пьесѣ никакихъ измѣненій.

Милославскаго я зналъ съ малолѣтства. Еще во времена директорства моего отца въ калужскомъ театрѣ, Николай Карловичъ актерствовалъ и занималъ видное положеніе въ калужской труппѣ, имѣвшей такихъ видныхъ и извѣстныхъ покровителей, какъ супругу губернатора А. О. Смирнову, уважаемую многими корифеями литературы за свою образованность и выдающійся умъ. Милославскій былъ большимъ пріятелемъ моего отца и почти проживалъ у насъ въ домѣ. Тогда я былъ совершеннымъ ребенкомъ и воспоминаній о немъ въ ту пору его жизни никакихъ не сохранилъ, хотя и въ то раннее время онъ уже заявлялъ себя «ловкимъ», «изворотливымъ» и «умѣлымъ».

Завязались же наши товарищескія съ нимъ отношенія, разумѣется, гораздо позже, когда уже я значился артистомъ императорскихъ театровъ. Мнѣ приходилось встрѣчаться съ нимъ неоднократно и въ большинствѣ случаевъ въ Москвѣ или же изрѣдка въ Петербургѣ. Это былъ весьма образованный, воспитанный, остроумный и въ высшей степени изящный господинъ. Онъ обладалъ замѣчательною способностью располагать всѣхъ въ свою пользу и дѣлать изъ своихъ «добрыхъ» знакомыхъ все, что было ему угодно. Не смотря ни на какіе о немъ рассказы, въ которыхъ онъ выставлялся обыкновенно антипатичнымъ, безпардоннымъ, безобразнымъ, его всѣ продолжали любить и искать съ нимъ дружбы. Въ этомъ отношеніи онъ былъ необычайнымъ счастливецемъ. При своемъ выдающемся сценическомъ дарованіи онъ не смогъ сдѣлать себѣ карьеры, но въ этомъ виновата исключительно молва, компрометировавшая, часто даже заслуженно, вѣчно шаловливаго Николая Карловича. Его продѣлки, разумѣется, доходили до століцъ, къ нимъ прислушивалось чуткое начальническое ухо, и всѣ блестящіе дебюты этого многообѣщавшаго актера не повели къ приглашенію его на службу въ императорскіе театры...

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, при своемъ возвращеніи изъ Тифлиса въ Петербургъ, я проѣхалъ моремъ до Одессы и остано-

вился погостить у Милославскаго, въ то время тамъ антрепренерствовавшего.

Онъ принялъ меня очень радушно, подробно знакомилъ меня съ положеніемъ его театральныхъ дѣлъ и, кажется, искренно признавался, что «игривость» его натуры много повредила ему въ достиженіи обезпеченной старости.

— Какъ и гдѣ я окончу свое существованіе, и представить себѣ не могу. Что значить моя долгая закулисная дѣятельность въ провинціи? Ничего. Столичному актеру послѣ смерти хотя итогъ подводить, а нашему брату такъ въ безвѣстности пропадать и придется. Вы не можете понять этого мучительнаго чувства. Что можетъ быть ужаснѣе забвенія для человѣка, пользовавшагося когда-то успѣхомъ, обращавшаго на себя вниманіе толпы, слышавшаго по своему адресу грома апплодисментовъ, царившаго въ мірѣ искусства и сознававшего въ себѣ силу и мощь, которыя заставляли народъ преклоняться предъ твоимъ талантомъ и завидовать твоему дарованію... Я не хочу дожить до старости, не хочу жить воспоминаніями и терзаться въ безплодныхъ поползновеніяхъ возстановить въ памяти современниковъ свое имя. Это будетъ похоже на нищенство, на нахальное требованіе подаенія...

Вообще въ Одессѣ Милославскій былъ настроенъ пессимистически. Было слишкомъ замѣтно, что онъ начиналъ старѣть въ то время, когда еще хотѣлось новаго притока жизни, освѣженія силъ для выполненія какихъ-то большихъ завѣтныхъ проектовъ. Бодрость его начинала покидать, но онъ старался казаться все еще крѣпкимъ, энергичнымъ, неустаннымъ. Въ его боязни забвенія сказался пѣликомъ провинціальный актеръ. Эти слова объективны, они принадлежатъ не одному Николаю Карловичу: ихъ говорятъ всѣ. Каждый старѣющійся актеръ поглощенъ именно такими мыслями...

VIII.

Приглашеніе Яблочкина въ Тифлисъ на гастроли. — Отъѣздъ изъ Петербурга съ Н. И. Арди. — Харьковъ. — В. И. Виноградовъ. — Виноградовъ въ домашней обстановкѣ. — Его самодурство. — Анекдоты про него. — «Ловля мазуриковъ». — Отъѣздъ. — Азовское море. — Пароходный капитанъ. — Морская болѣзнь. — Городъ Поті. — Прогулка Виноградова въ халатѣ по городу. — Отъѣздъ въ Тифлисъ.

Въ 1873 году режиссеръ Александринскаго театра А. А. Яблочкинъ пригласилъ меня и сослуживца моего Василія Ивановича Виноградова гастролить въ Тифлисскій театръ, который въ лѣтніе мѣсяцы находился подъ его режиссерскимъ управленіемъ. Мы охотно согласились на эту далекую и интересную прогулку и свое путешествіе рѣшили предпринять въ раннемъ періодѣ лѣта, для

того, чтобы удобнѣе было ѣхать на пароходѣ. Дорогу водою мы выбрали исключительно ради удовольствія взглянуть на море и имѣть о немъ понятіе. До того же ни я, ни Виноградовъ никогда на морѣ не бывали и, конечно, не испытывали тѣхъ ощущеній, о которыхъ обыкновенно такъ много говорятъ и въ которыя неопытные люди не вѣрятъ впредь до того, пока сами въ морѣ не побываютъ и, по русской поговоркѣ, «усердно не помолятся Богу».

Тотчасъ же съ наступленіемъ теплой погоды я сталъ собираться въ отъѣздъ. Мой путь лежалъ черезъ Харьковъ, куда я долженъ былъ заѣхать за Виноградовымъ, отправившимся туда ранѣе меня, такъ какъ у него былъ тамъ собственный домъ, и ему нужно было сдѣлать какія-то распоряженія. Быть моимъ попутчикомъ до Харькова вызвался Николай Ивановичъ Арди, отправлявшійся на побывку куда-то въ родныя степи. Всегда веселый, симпатичный и привѣтливый, все время нашего путешествія до Украйны онъ провелъ въ непрерывныхъ шуткахъ и такъ быстро умѣлъ ориентироваться въ средѣ пестраго элемента пассажировъ, наполнявшихъ нашъ вагонъ, что къ концу дороги со всѣми перезнакомился и возстановилъ такую общность, какъ будто всѣ присутствующіе были давнишніе пріятели. Арди былъ душою общества и энергично поддерживалъ веселый характеръ разговора. Когда, подъѣзжая къ Москвѣ, наши новые знакомые стали прощаться, то одинъ, повидимому, купецъ, съ добродушной улыбкой подошелъ къ Арди и, ласково потрепавъ его по плечу, не безъ попопозновенія на любезность произнесъ:

— Молодецъ! Благодарю!

— За что?—удивился Николай Ивановичъ.

— Ловко работаешь!

— То-есть какъ это «ловко работаю»?

— Съ большой пользой разговоръ ведешь.

— Я васъ не понимаю.

— Лучше всякаго заговорщика дѣйствуешь. Зубъ-то у меня ужаси какъ нылъ, когда я въ вагонъ садился, а теперь въ полное спокойствіе пришелъ. Это ты его заговорилъ...

Потомъ Арди шутя замѣтилъ:

— О, я непременно напишу маленькую автобіографическую повѣсть «о томъ, какъ я сдѣлался зубнымъ врачомъ».

Въ Харьковѣ я съ нимъ разстался. Онъ отправился дальше, а я остановился въ гостинницѣ, гдѣ проживалъ Василій Ивановичъ Виноградовъ, пребывавшій тамъ на правахъ петербургской знаменитости. Онъ пользовался въ Харьковѣ почетомъ, и это удовлетворяло его не особенно требовательное самолюбіе. Василій Ивановичъ чрезвычайно важничалъ своимъ положеніемъ въ столицѣ и на всю провинціальную интеллигенцію смотрѣлъ комически свысока, что, однако, ему охотно прощалось, благодаря тому, что всѣ

отлично знали его за талантливаго самородка, не получившаго ни малѣйшаго образованія, даже просто-таки вовсе не знавшаго грамоты. Его мозги вообще не были отягощены никакими познаніями, на основаніи чего онъ позволялъ себѣ иногда большую простоту въ обращеніи. Впрочемъ, во время своей службы на императорской сценѣ Виноградовъ началъ значительно облагораживаться и пріобрѣтать доскъ.

Василій Ивановичъ былъ неглупый человѣкъ вообще и въ особенности въ практической жизни. Онъ зналъ счетъ деньгамъ и умѣлъ ихъ беречь, что, однако, было весьма не легко для его жены, на попеченіи которой лежало все хозяйство и которая, въ силу экономическихъ соображеній супруга, была самою большою рабочею силою въ домѣ. И не смотря на это, онъ былъ, всетаки, въ обхожденіи съ нею очень суровъ и даже деспотиченъ. Кромѣ неусыпнаго надзора за хозяйствомъ, она обязана была ухаживать за нимъ, какъ за маленькимъ ребенкомъ. Дома Виноградовъ не утруждалъ себя буквально ничѣмъ. Руки, бывало, не протянетъ, чтобы достать себѣ что либо со стола,—все ему подай. Онъ лѣнился даже размѣшать сахаръ въ стаканѣ съ чаемъ, или закурить сигару, что также лежало на обязанности жены. Та съ видимымъ отвращеніемъ обрѣзала и закуривала сигары, отъ дыма которыхъ мухи на лету дохли, такъ онѣ были ароматичны. Василій Ивановичъ не имѣлъ обыкновенія баловать себя дорогимъ «куревомъ» и потому пріобрѣталъ сигары за какую-то баснословно дешевую цѣну, чуть ли не по полтиннику за сотню.

Свою наружность онъ считалъ привлекательною, хотя это было сомнительно. Онъ обладалъ толстымъ, рябоватымъ лицомъ съ приплюснутымъ носомъ и громадной массивной фигурой. Впрочемъ, онъ былъ очень симпатиченъ, и это искупало всю его некрасивость. Въ особенности же у него былъ пріятенъ голосъ, подкупавшій всякаго своимъ рѣдкимъ тембромъ и мягкостью.

Онъ любилъ выпивать и въ хмельномъ видѣ былъ неукротимъ; самодурствовалъ тогда съ особымъ удовольствіемъ и не терпѣлъ никакихъ препятствій. Однажды мнѣ привелось быть свидѣтелемъ его неукротимости, когда онъ былъ въ градуссахъ. Дѣло происходило въ Харьковѣ. Мы ѣхали съ нимъ въ коляскѣ изъ гостей часу въ третьемъ ночи. На одной изъ центральныхъ улицъ встрѣчается намъ группа музыкантовъ-жидовъ, возвращавшихся съ какого-то бала. Василій Ивановичъ приказываетъ кучеру остановиться.

— Эй, вы, нехристи!—крикнулъ онъ музыкантамъ.—Сюда!

Тѣ приблизились.

— Играйте!

— Ночью-то?

— А неужели мнѣ интересно васъ, дураковъ, днемъ слушать?! Вали сейчасъ!

- Да какъ-же это можно, помилуйте: на улицѣ, да ночью?..
- А вотъ такъ и можно: играйте, или я вамъ зубы повыбью.
- Что вы, что вы, г. Виноградовъ!
- Приказываю играть и жарьте! Не разстраивайте меня, подлецы вы этакіе!
- Квартальный насъ заберетъ.
- Я заступлюсь, никто не тронетъ.
- Лучше потомъ...
- Чего? Потомъ?—рявкнулъ Виноградовъ и съ угрожающимъ видомъ сталъ выльзать изъ коляски.

Жиды перетрусили и схватились за инструменты. Василий Ивановичъ обвелъ ихъ сокрушающимъ взглядомъ, сталъ въ позу и началъ дирижировать. Оркестръ грянулъ какой-то маршъ. Моментально вся улица всполошилась. Всѣ обыватели въ испугѣ пробудились отъ сна и бросились къ окнамъ. Черезъ нѣсколько минутъ все населеніе улицы можно было увидѣть въ дезабиле черезъ открытыя окна и ставни.

Насладившись жидовской музыкой, Виноградовъ спокойно усѣлся въ коляску и поѣхалъ домой. По дорогѣ, будучи еще подъ впечатлѣніемъ аккордовъ, Василий Ивановичъ наивно сказалъ мнѣ:

- Въ сущности я не по своему пути иду. Мнѣ бы не актеромъ надлежало быть, а музыкантомъ.
- Почему вы такъ думаете?
- Легко руками размахиваю. Каждому капельмейстеру насчетъ маханья-то могу носъ утереть.

Вообще Виноградовъ былъ анекдотистомъ. Про него существуетъ много курьезныхъ разсказовъ, изъ которыхъ въ памяти моей сохраняется, впрочемъ, очень не много.

Особенно забавна его встрѣча съ сослуживцемъ своимъ И. Ѳ. Г—вымъ въ какомъ-то ресторанѣ. Солидно выпившій Василий Ивановичъ подходитъ къ Г—ву и, долго всматриваясь въ него, произноситъ:

- Извините, ваше лицо мнѣ нѣсколько знакомо...
- Очень можетъ быть, — серьезно отвѣтилъ И. Ѳ., едва сдерживая улыбку.
- Точно я васъ гдѣ-то видѣлъ?
- Вполнѣ возможно.
- Вы вѣдь актеръ?
- Актеръ.
- Гм... Не служилъ ли я вмѣстѣ съ вами въ Кіевѣ, Харьковѣ, Ростовѣ?

Г—въ, продолжая мистифицировать коллегу, съ которымъ утромъ видѣлся на репетиціи и дружно бесѣдовалъ, отвѣтилъ, что служить съ нимъ вмѣстѣ нигдѣ не служилъ, но случайно встрѣчался съ нимъ въ Москвѣ.

— Выпьемъ!—предложилъ Виноградовъ и почти насильно усадилъ Г—ва за столъ.

Послѣ получасовой бесѣды Василій Ивановичъ вдругъ срывается съ мѣста и радостно восклицаетъ:

— Ваня! Голубчикъ! Да неужели же ты меня не могъ узнать?! Гдѣ это тебѣ помогло такъ нагрузиться?!

Однажды при Виноградовѣ разговаривали о музыкѣ. Кто-то рассказывалъ про какого-то молодого скрипача, подающаго большія надежды.

— Я слышалъ, какъ онъ сыгралъ одну изъ самыхъ труднѣйшихъ пьесъ à livre ouvert, — закончилъ рассказчикъ съ пафосомъ, — и, признаюсь, вынесъ такое восторженное впечатлѣніе, какого уже давно не испытывалъ отъ игры даже знаменитостей...

Василій Ивановичъ, всегда любившій прихвастнуть своими мнимыми познаніями, ввязался въ разговоръ и сказалъ:

— Я это самое тоже слышалъ.

— Что «это»?

— Да вотъ эту самую пьесу, о которой вы разсуждаете...

— Какую?

— Ну, вотъ эту... какъ ее? Аливу уверь...

У Виноградова была красивая собака, изъ породы черныхъ пуделей, и называлась она Отелка. Онъ ее очень любилъ и возилъ повсюду съ собой, какъ бы ни была велика дорога. Во время его гастролей въ Кіевѣ, одинъ изъ актеровъ, ставившій въ свой бенефисъ полуоперную пьесу «Кетли» и игравшій роль Сенъ-Вилля, просить Василія Ивановича уступить ему на одинъ вечеръ Отелку.

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ Виноградовъ.

— Для эффекта. Я выйду съ ней на сцену, и это произведетъ фуроръ.

— Она у меня не очень дрессирована, такъ что я не довѣряю ея артистическимъ способностямъ. Наврядъ выполнитъ она свою роль.

— Я съ ней пройду ея партію, — замѣтилъ актеръ и попросилъ, чтобы собака ему была вручена тотчасъ же для того, чтобы она попривыкла къ нему заблаговременно.

На репетиціи Отелка вель себя превосходно. Смѣло выходилъ на сцену и цѣльности впечатлѣнія не нарушалъ ни однимъ лишнимъ движеніемъ. Собачье подчиненіе бенефициантъ гордо приписывалъ своему умѣнью обращаться съ животными и заранѣе предвкушалъ успѣхъ явленія съ собакой.

Наступилъ день спектакля. Подошла эффектная сцена выхода бенефицианта съ Отелкой. При появленіи виновника торжества раздался громъ аплодисментовъ. Отелка, не ожидавшій такой торжественной встрѣчи, попятился было назадъ, но во-время былъ остановленъ. Ярко освѣщенный залъ такъ же угнетающе подѣй-

ствовалъ на него. Онъ началъ пугливо озираться по сторонамъ и при пѣннн бенефицианта взвылъ на весь театръ. Напрасно пѣвецъ сдерживалъ анти-музыкальную собаку,—она еще пуще заливалась на высокихъ нотахъ и такъ развеселила публику, что гомерическій смѣхъ не прекращался до тѣхъ поръ, пока не опустили занавѣса. Такъ, къ полному огорченію несчастнаго бенефицианта, эффектная сцена, на которую онъ возлагалъ большія надежды, и пропала окончательно ¹⁾).

Теперь возвращаюсь къ моему приѣзду въ Харьковъ. Только что я вошелъ въ гостинницу, какъ Виноградовъ съ торжественнымъ видомъ произнесъ:

— А вотъ и прекрасно, что нынче приѣхали. Такимъ зрѣльцемъ угощу, что пальчики оближете.

— Что же это за зрѣлище?

— Невиданное!

— Однако, любопытно?

— Сегодня ночью пойдемъ въ городской садъ и посмотримъ, какъ полиція будетъ мошенниковъ ловить.

— Помилуйте, какое же это зрѣлище?

— Восхитительное. Мы тоже поможемъ начальству...

— Что вы, что вы, Василій Ивановичъ!—съ ужасомъ воскликнулъ я.—Да намъ тамъ шею свернуть.

— Эво! А руки-то намъ на что даны?!

— Во всякомъ случаѣ не для того, чтобы заниматься ловлей бродягъ...

— Такъ, значить, отказываетесь?

— Отказываюсь.

— Жаль! Пропускаете случай полюбоваться на «типиковъ».

Вечеромъ, когда я пошелъ въ свой номеръ спать, Виноградовъ отправился въ городской садъ на охоту за мошенниками.

Утромъ, встрѣтясь съ нимъ, я, разумѣется, прежде всего поспѣшилъ освѣдомиться о результатахъ его ночныхъ наблюдений.

— Очень хорошо, многихъ словили, только у меня что-то правый бокъ побаливаетъ...

— Ужъ не вступали ли въ борьбу съ кѣмъ нибудь?

¹⁾ Почти то же самое предѣлала и собака артиста В. Н. Давыдова, у котораго одинъ изъ сослуживцевъ такъ же «для эффекта» попросилъ одолжить ее на сцену. Въ то время В. Н. жилъ вмѣстѣ на одной квартирѣ съ суфлеромъ Жуковскимъ. Этого Жуковского за постоянную ласку собака очень любила. Во время спектакля (кажется, шла мелодрама «Хижина дяди Тома») выпущенная на сцену собака прямо подбѣжала къ суфлерской будкѣ и радостно завизжала, увидя Жуковского. Тотъ началъ было ее отгонять и замахнулся книгою. Она это приняла за «заигрыванье» и съ громкимъ лаемъ стала набрасываться на суфлера. Видя тщетность возстановить на сценѣ порядокъ, режиссеръ распорядился убрать разыгравшуюся не во-время собаку за кулисы. «Эффектъ» такъ же не удался.

— Вступать не вступалъ, но какой-то глупый хожалый чуть меня не усадилъ въ кутузку.

— За мошенника принялъ?

— Н-да! Я было рванулся отъ него, а онъ драться началъ. Конечно, я сдался. Чуть не связаннаго доставили меня къ полицеймейстеру...

— И охота вамъ...

— Но вы не безпокойтесь,—перебилъ меня Виноградовъ,—тому хожалому былъ нагоняй. Здорово ему попало!

Черезъ нѣсколько дней мы собрались въ дорогу и поѣхали въ Таганрогъ, куда заранѣе были отправлены всѣ наши вещи. Виноградовъ поѣхалъ всей семьей: съ женой и воспитанницей своей, тогда очень маленькой дѣвочкой ¹⁾).

По приѣздѣ въ Таганрогъ, мы сѣли на пароходъ и поплыли въ Керчь по Азовскому морю.

Насъ изрядно покачало, и въ Керчь мы приѣхали разслабленные, измученные, однако продолжительнаго отдыха себѣ не позволили и, пересѣвъ на пароходъ «Великій князь Михаилъ», отправились черезъ Сухумъ въ Поти.

Городъ Поти произвелъ на насъ самое отвратительное впечатлѣніе. Начать съ того, что мы не нашли тамъ ни одного экипажа. Нашъ багажъ тащили въ гостинницу рабочіе на рукахъ, и сами мы послѣ утомительной дороги должны были идти пѣшкомъ. Поти — это гнѣздо знаменитой кавказской лихорадки. При страшной жарѣ тамъ царитъ постоянная сырость, слѣдствіемъ которой является такая масса лягушекъ, что весь вечеръ и всю ночь городъ наполненъ звуками ихъ противнаго кваканья, удручающе дѣйствующаго на нервы не только приѣзжихъ, но даже и коренныхъ обывателей.

Въ гостинницѣ насъ встрѣтили тоже не гостепріимно. Свободною оказалась одна только маленькая и грязная комната, въ которой, конечно, и помѣстили Виноградова съ его семействомъ, а я принужденъ былъ устроить себѣ ночлегъ въ корридорѣ, на импровизированной постели, составленной изъ нѣсколькихъ стульевъ. Избѣжать ночлега въ Поти никакъ было нельзя, потому что поѣздъ въ Тифлисъ отправлялся только одинъ разъ въ сутки, а именно въ 4 часа утра.

Часовъ въ 6—7 вечера, когда дѣловая жизнь города смѣняется отдыхомъ и когда по городу начинаются «прогулки», служившія тогда единственнымъ развлеченіемъ для жителей, Виноградовъ одѣлся въ свой истасканный сѣрый халатъ, ноги обулъ въ туфли и отправился «сдѣлать променажъ» по бульвару, предварительно убѣдивъ меня составить ему компанію.

¹⁾ Впослѣдствіи не безызвѣстная танцовщица петербургскаго балета Виноградова, скончавшаяся года два тому назадъ.

— Въ халатѣ-то?—изумился я.

— Ничего не значить, — серьезно отвѣтилъ Василій Ивановичъ. — Это городъ иностранный, и меня примутъ за своего.

— Но вѣдь вы здѣсь еще никого не видѣли въ такомъ эксцентричномъ костюмѣ?

— Это все равно. Если и не носятъ здѣсь халатовъ, то подумаютъ, что у насъ въ Петербургѣ такъ одѣваются.

— Но неужели вы думаете, что здѣшніе жители не знакомы съ столичными модами?

— Эво! Конечно, нѣтъ, здѣсь вѣдь глушь.

Мы вышли на городской бульваръ. Тамъ было очень много народа. Всѣ насъ не безъ удивленія разсматривали, и до слуха моего донеслось одно изъ характерныхъ замѣчаній:

— Должно быть, этотъ господинъ сумасшедшаго отца водить!

Въ ту же ночь мы выбрались изъ Поти. Тогда только-что строившаяся еще Поти-Тифлисская желѣзная дорога не имѣла ни вокзала, ни станціи, вмѣсто которой стояли убогіе шалаши. И прежде, чѣмъ добраться до полотна дороги, намъ пришлось переправляться на паромѣ, при крайне неудобныхъ условіяхъ. Не легче было и на самой желѣзной дорогѣ, гдѣ намъ нѣсколько разъ приходилось перебираться изъ вагона въ вагонъ, благодаря тому, что не вся линія была пригодна для прохода одного поѣзда. Въ силу какихъ-то сомнѣній насъ заставляли пересаживаться.

IX.

Въ Тифлисъ.—Персіянинецъ Жозефъ, поваръ Виноградова.—Анекдоты.—Тифлисская труппа.—Театральныя дѣла.—Ссора Виноградова съ актеромъ Воковымъ.—Армянскій взглядъ на актеровъ.—Разговоръ съ армяниномъ.—Герой Бучкиевъ.

Тифлисъ произвелъ на насъ тоже грустное впечатлѣніе. Городъ крайне скучный, сѣрый и дикій. Въ немъ все какъ-то чуждо, неуклюже и рѣзко до непріятности. Невыносимая жара дѣйствуетъ на организмъ расслабляюще и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражающе. Къ довершенію всего, тифлисская прислуга такъ убійственна, до того груба, лѣнива и алчна, что въ состояніи довести до бѣшенства самаго спокойнаго, миролюбиваго человѣка. До такой степени все это отравило мое спокойствіе, что я имѣлъ поползновеніе уѣхать обратно, не дожидаясь дебюта. Но меня чуть не насильно удержали...

Виноградовъ тоже не вынесъ жизни въ гостинницѣ; онъ нанялъ меблированную квартиру и съ большимъ комфортомъ въ ней помѣстился. Отчасти будучи гурманомъ, онъ обзавелся своимъ собственнымъ хозяйствомъ и нанялъ повара, молодого персіяннина, по имени Жозефъ, который въ первый же день своей службы сумѣлъ

не угодить своему господину. Василий Ивановичъ является съ репетиціи домой и требуетъ подавать обѣдъ.

— Еще не готово!—отвѣчаетъ поваръ.

— А когда же будетъ готово?

— Часа черезъ два.

— Что-о?—закричалъ Виноградовъ, не долюбивавшій пребыванія впроголодь.—Какъ черезъ два часа? Да ты съ ума сошелъ!.. Вотъ самъ и жри тогда, а я отправлюсь въ ресторанъ.

Ушелъ Виноградовъ въ сосѣдній ресторанъ и, плотно пообѣдавъ тамъ, возвратился домой въ мирномъ состояніи духа. Послѣ обѣда человѣкъ всегда бываетъ добрѣе. Позвалъ онъ къ себѣ въ кабинетъ повара и внушительно ему сказалъ:

— Если хочешь у меня служить, то готовъ обѣдъ какъ можно раньше. Я люблю обѣдать рано. Понялъ?

— Понялъ.

На слѣдующее утро, часовъ въ 8, сообразительный персіянинъ будитъ Василю Ивановича.

— Что ты?—удивляется Виноградовъ.

— Обѣдъ готовъ!

— Какъ готовъ?

— Всю ночь стряпалъ и сготовилъ...

— Ахъ, ты дуракъ! Да кто же въ восемь часовъ утра обѣдаетъ?

— Не мое дѣло, сами приказали.

— Когда?

— А вчера-то сказали, что любите обѣдать рано.

Вспыльчивый Виноградовъ такъ разсердился, что вскочилъ съ постели, взялъ повара за шиворотъ и выбросилъ его на дворъ. Вслѣдъ за поваромъ туда же полетѣли котлеты, дичь и кастрюля съ бульономъ.

Въ тифлисской труппѣ тогда служили: Яблочкина (жена Александра Александровича), ихъ дочь Яблочкина 2-я, Баранова, Журинъ, Градовъ-Соколовъ, Воронковъ, Колосова, Осетровъ и др. Всѣ они очень нравились публикѣ и пользовались большимъ успѣхомъ, въ особенности покойный Градовъ-Соколовъ, искусный исполнитель комическихъ куплетовъ.

Дѣла были блестящія. Каждую пьесу повторяли 2—3 раза и всегда при полномъ сборѣ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ, въ матеріальномъ отношеніи, сезоновъ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что А. А. Яблочкинъ совсѣмъ не прибѣгалъ къ обстановочнымъ пьесамъ.

Безпокойный характеръ Василю Ивановича сказался въ одномъ изъ спектаклей. Шла комедія «Тетеревамъ не летать по деревьямъ». Въ послѣднемъ актѣ актеръ Во—ковъ безъ всякаго умысла перебилъ Виноградова на сценѣ. Виноградовъ вспылить, зарычалъ и началъ чуть не вслухъ говорить дерзости. Во—ковъ хотѣлъ было

возражать, но это было не совсѣмъ удобно, такъ какъ это еще болѣе обозлило Василю Ивановича, и онъ, разгорячась, сквозь зубы проговорилъ:

— Дуракъ!

Послѣ этого происшествія, вечеромъ все обошлось по возможности благополучно, такъ какъ В—въ, успокоенный и уговоренный товарищами, скорѣе ушелъ изъ театра, не выдавши въ этотъ вечеръ Виноградова. Но обидѣ послѣдняго не было границъ. Василий Ивановичъ на другое утро, встрѣтясь со мной въ саду около театра, жалуется на Во—кова:

— Каковъ? Совсѣмъ нигилистъ! Другой бы на его мѣстѣ извинился, а онъ чуть не въ драку полѣзъ.

— Наоборотъ, — отвѣчаю, — онъ все время сдерживался. Другой бы на его мѣстѣ за вашу дерзость посчитался бы чувствительно...

— Ну, вы вѣчно все взваливаете на меня. Вы обязаны вникнуть въ дѣло и разобрать, кто изъ насъ началъ первымъ.

— Да вы же и начали.

— Какъ? — изумился Виноградовъ.

— Да такъ: вы начали, значитъ, во всемъ вы и виноваты.

— Да онъ меня-то перебилъ въ самомъ патетическомъ мѣстѣ!

— Ну, такъ что-жъ? Вѣдь не умышленно, нечаянно. Онъ бы извинился, и вамъ слѣдовало тотчасъ же объ этомъ забыть, а вы между тѣмъ начали горячиться, возвысили голосъ. Нельзя давать такой неудержимый просторъ гнѣву... въ особенности на сценѣ.

— Ага! Вотъ оно что! Такъ, значитъ, вы тоже противъ меня! Благодарю, очень благодарю!.. Все, что угодно могъ отъ васъ ожидать, но не этого... Можете отправляться къ своему любезному Во—кову и цѣловаться съ нимъ... А я-то, дуракъ, сколько разъ васъ дорогой домашнимъ вареньемъ угощалъ!

Послѣдняя фраза меня размѣшила. Василий Ивановичъ съ недоумѣніемъ остановился изрыгать свое неудовольствіе по моему адресу и послѣ недолгаго раздумья самъ расхохотался отъ души.

Однако, этимъ дѣло не кончилось; мои увѣщанія не произвели на него никакого впечатлѣнія, и онъ отправился къ Яблочкину «поставить ультиматумъ: онъ или Во—ковъ». Конечно, Яблочкинъ успѣшилъ его успокоить и далъ ему слово отстранить Во—кова отъ всѣхъ послѣдующихъ спектаклей. И дѣйствительно Во—ковъ на другой же день покинулъ Тифлисъ. Яблочкинъ далъ ему отпускъ съ сохраненіемъ жалованья впредь до отъѣзда Виноградова.

Преобладающій элементъ зрителей, на сколько я сумѣлъ замѣтить, состоялъ изъ «восточныхъ человѣковъ», которые имѣютъ своеобразный взглядъ на актеровъ. Они не признаютъ никакого болѣе амплуа, какъ *ingénue* и любовникъ. По ихъ мнѣнію, на «стариковъ и уродовъ» они могутъ насмотрѣться сколько угодно и въ жизни, тогда какъ «красивыхъ и молодыхъ» имъ удается встрѣ-

чать весьма рѣдко. Поэтому молодые исполнители въ Тифлисѣ всегда пользовались наибольшимъ успѣхомъ. Кромѣ того, армяне требуютъ, чтобы актрисы были непременно блондинками, а актеры брюнетами. Это ихъ вкусъ.

По этому поводу у меня былъ продолжительный разговоръ съ какимъ-то армяниномъ, остановившимъ меня въ саду послѣ представленія водевиля «У страха глаза велики», въ которомъ я игралъ въ гримѣ и въ рижемъ парикѣ.

— Господынь Нильскій, позволь тебѣ одинъ малынкова вопросъ задавать?

— Что вамъ угодно?—не безъ удивленія переспросилъ я его.

— Хочешь ты намъ по праву быть?

— То-есть какъ это?

— Успѣхъ имѣть?

— Ну, конечно.

— Въ такомъ разѣ позволяй тебѣ малынкова советъ давать?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Играй въ своемъ видѣ.

Я нѣсколько смутился и поспѣшилъ увѣрить моего незнакомца, что я всегда бываю «въ своемъ видѣ» и что я вовсе не пьющій человѣкъ.

— Нѣ то.

— А что же?

— Я тебѣ про голову советъ даю.

— Да и голова моя всегда свѣжа... Я не знаю, откуда вы взяли, что я позволяю себѣ быть невмѣняемымъ на сценѣ.

— Нѣ то.

— Да что же, наконецъ, я васъ не понимаю?

— Выходы, пожалста, безъ парика. У тебѣ свой волосъ очень красивъ. Да и лицо свое разной краской нѣ мажь...

— Ну, это не всегда возможно. Иныя роли требуютъ непременно грима.

— Вздоръ.

— Какъ вздоръ? Помилуйте. Изъ этого можетъ утратиться характеръ роли и смыслъ всей пьесы.

— Нычаво нѣ значить, за то самъ красивѣй будешь... Этакъ мы болше любимъ. А ужъ эсли никакъ нѣльзя, лучше такихъ ролей нѣ играй.

Это значитъ, что городъ—то норовъ, что деревня—то обычай.

Въ Тифлисѣ я познакомился съ севастопольскимъ героемъ Бучкѣевымъ, который въ приснопамятную кампанію 1850-хъ гг. былъ однимъ изъ лучшихъ развѣдчиковъ. Пребывая въ Тифлисѣ на покой, почтенный старецъ отличался необычайнымъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ. У него ежедневно обѣдало нѣсколько десятковъ человѣкъ безъ всякихъ приглашеній. Къ нему въ домъ каждый

знакомый «имѣлъ право» вводитъ кого ему угодно, и прямо къ обѣду, послѣ котораго введенный ознакомился поближе съ хозяиномъ и уже хотъ на другой же день могъ ввести къ Бучкиеву своихъ знакомыхъ и т. д. до безконечности. На обѣдъ къ этому севастопольскому ветерану я попалъ такимъ же «простымъ» образомъ. Одинъ изъ тифлисскихъ обывателей, съ которымъ я успѣлъ какъ-то сойтись въ театрѣ, сталъ неотступно просить съѣздить пообѣдать къ «пріятелю». Я долгое время уклонялся отъ этого, аргументируя совершенно логично неудобный визитъ къ обѣду въ незнакомый домъ, но мой тифлисскій другъ наговорилъ такихъ анекдотовъ про Бучкиева, что я въ концѣ концовъ согласился поѣхать къ нему непрощенымъ и прямо къ обѣду.

По своему обыкновению, онъ встрѣтилъ чрезвычайно радушно какъ моего знакомаго, такъ точно и меня.

— Ужасно люблю, когда со мной обходятся безъ церемоніи!— сказалъ Бучкиевъ, дружески похлопывая по плечу.

— Ужъ чего безцеремоннѣе,—отвѣтилъ я, все еще продолжая конфузиться,—при первомъ же визитѣ прямо за обѣденный столъ.

— Э, батенька, это мое правило! Сытый гость веселѣе выглядывать и, кромѣ того, не такъ скоро меня забудеть. Скорѣе заглянетъ къ старому солдату.

— Помилуйте, вы такой добрый и любезный, какъ всѣ единогласно о васъ отзываются, что вѣчно будете памяты для каждаго васъ знающаго.

— Ну, вы этого не говорите! Не покормишь, такъ никто никогда и не заглянетъ

— Простите, но я не думаю, чтобы ваши друзья поддерживали съ вами знакомство только ради обѣденныхъ расчетовъ.

— Разумѣется, нѣтъ. Всѣ они очень хорошіе люди, но только, всетаки, «сухая ложка ротъ дереть»...

Когда набралось достаточное количество гостей, Бучкиевъ приказалъ подать обѣдъ, во время котораго занималъ присутствующихъ своими севастопольскими воспоминаніями. Между прочимъ, съ свойственнымъ ему комизмомъ онъ сказалъ:

— А ужъ какъ врутъ эти военные корреспонденты, такъ просто одинъ срамъ.

— Развѣ?

— Чего они только про меня не писали, и все ерунду.

— Бранили они васъ, что ли?

— Какое! Такимъ необычайнымъ героемъ разрисовывали, что у самого меня при чтеніи душа расплывалась, а на самомъ-то дѣлѣ ничего особеннаго не было.

— Ну, это вы скромничаете.

— Нѣтъ, честное слово, я вовсе не такой, какимъ меня представляли въ корреспонденціяхъ. Про меня писали, будто я такой

безстрашный человѣкъ, что съ лихостью забирался къ непріателямъ и все досконально вынюхивалъ, а на самомъ-то дѣлѣ я ужасно трусиль и часто отъ робости забывалъ свою миссію и обязанности. И откуда корреспонденты знали мою храбрость, просто даже удивительно.

— Ну, на такія-то сообщенія претендовать не слѣдуетъ.

— Да я и не претендую, а такъ только къ слову коснулся. Это-то даже мнѣ было полезно: меня отличали, награждали, и я теперь сталъ даже обезпеченнымъ человѣкомъ.

— Ну, вотъ видите!?

— Въ этомъ-то отношеніи, дай имъ Богъ здоровья...

Послѣ обѣда, не зная обычая, существовавшего въ домѣ Бучіева, я подошелъ къ хозяину и поблагодарилъ его за гостеприимство.

— Пожалуйста, безъ китаищины!—воскликнулъ онъ, отстраняя мою руку.—У меня, сударь, будьте, какъ въ ресторанѣ, безъ всякихъ благодарностей. Я чрезвычайно люблю простоту, а то вы меня самого заставите прежде благодарить васъ за сдѣланную мнѣ честь.

Пришлось, конечно, подчиниться оригинальному требованію милого и веселаго хозяина.

X.

Гастроли. — Антреприза въ Гельсингфорсѣ. — Александровскій театр. — Неудачи. — Неопытность. — Финскій театр. — Его достоинства. — Финская артистка Альбрехтъ. — Отношеніе финляндцевъ къ русскимъ. — Цѣны на мѣста. — Завѣдующій театромъ. — Его распоряженія. — Раннее окончаніе спектаклей. — Оркестръ. — Зрители «въ долгъ». — Подарки. — Нравственная сторона антрепризы. — Второй сезонъ въ Гельсингфорсѣ. — Актеры — Ихъ отношеніе къ дѣлу и слову. — Актеры изъ бывшихъ антрепренеровъ.

Скучая отъ бездѣйствія, во время моей отставки, я иногда соблазнялся приглашеніями антрепренеровъ и не одинъ разъ, хотя весьма не долго, игралъ въ провинціи, такъ же какъ и на частныхъ театрахъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Изъ провинціальныхъ городовъ мнѣ случилось посѣтить Харьковъ и Одессу, а въ Москвѣ я игралъ у Корша, въ Петербургѣ у Казанцева въ театрѣ Неметти и у Зазулина въ Панаевскомъ.

Въ 1889 году въ первый и, конечно, послѣдній разъ въ жизни я имѣлъ смѣлость принять на два сезона антрепризу русскаго Александровскаго театра въ Гельсингфорсѣ, которымъ и кончаю свои провинціальныя воспоминанія.

Вотъ какъ это сдѣлалось. Гельсингфорсская театральная администрація, познакомившаяся со мной, какъ съ актеромъ, во время

моихъ гастролей въ дни антрепризы Луковича, относилась ко мнѣ чрезвычайно симпатично и на поданное мною заявленіе о намѣреніи взять на себя постановку спектаклей въ слѣдующемъ сезонѣ отвѣчала полнѣйшимъ радушіемъ. Не знаю, почему г. Луковичъ разошелся съ дирекціей, но антреприза, какъ мнѣ сообщили, была свободна и ожидала претендентовъ, въ число которыхъ вздумалось попасть и мнѣ. Началась въ Гельсингфорсѣ сортировка и, не смотря на притязанія многихъ другихъ, не менѣе меня достойныхъ стать во главѣ театральнаго предпріятія, администрація выбрала охотно меня и предложила субсидію въ 14.000 марокъ (на нѣсколько тысячъ менѣе, однако, чѣмъ получалъ мой предшественникъ Луковичъ). Я согласился, и бразды правленія вручены мнѣ были, противъ обыкновенія, безъ всякаго залога...

Русскій Александровскій театръ въ Гельсингфорсѣ построенъ при генераль-губернаторствѣ графа Н. В. Адлерберга. Это одно изъ самыхъ граціозныхъ и изящныхъ зданій въ городѣ, могущее служить украшеніемъ даже столицы. Размѣромъ театръ, дѣйствительно, не великъ, но по чистотѣ, отдѣлкѣ, удобствамъ можетъ считаться вполне образцовымъ. Какъ наружнымъ, такъ и внутреннимъ своимъ видомъ онъ напоминаетъ придворный театръ: та же миниатюрность и то же изящество, граничащее съ роскошью. Декорации прекрасныя, рисованныя лучшимъ художникомъ, выписаннымъ графомъ Адлербергомъ изъ Берлина. Уборныхъ достаточное количество, всюду проведена вода, хорошее газовое освѣщеніе, электрическіе звонки и телефонъ. При графѣ Адлербергѣ, который очень любилъ театръ, не было антрепренеровъ, а завѣдывала всѣмъ сама дирекція, и все тогда, говорятъ, процвѣтало въ лучшемъ видѣ. Театральный гардеробъ былъ безподобный, такъ какъ его часто обновляли и улучшали. Я же засталъ только остатки прежняго великолѣпія.

Не зная мѣстныхъ условій, я обязался по контракту пріѣхать съ труппой и платить всѣ расходы по театру, за что весь сборъ шелъ въ мою пользу вмѣстѣ съ субсидіей въ 14.000 марокъ. Мнѣ казалось, что это выгодно, а главное интересно играть въ труппѣ, собранной въ большинствѣ изъ молодыхъ, начинающихъ силъ. Но, увы, вышло многое не такъ, какъ ранѣе предполагалось.

Не удачи начали преслѣдовать меня по первому же абцугу: обязавшись артистамъ платить русскою монетою, я въ первую же раздачу жалованья принужденъ былъ переплатить весьма чувствительную цифру, благодаря тому, что русскій рубль поднялся, а финская марка упала. Между тѣмъ мнѣ субсидія выплачивалась безъ всякаго курса. Вторая неудача та, что во время нашего пріѣзда чуть не весь городъ болѣлъ отъ свирѣпствовавшей тамъ инфлюэнцы, которая не миновала, конечно, нѣкоторыхъ и изъ артистовъ. Сборы были плачевные.

А какого труда стоило собрать труппу! Волей-неволей приходилось удовлетворяться исполнителями мало опытными, потому что заправскихъ актеровъ выискивать было тяжело для такого маленькаго сезона, какъ Гельсингфорскій, гдѣ онъ начинается 15-го ноября и кончается первымъ днемъ великаго поста, то-есть около двухъ съ половиной мѣсяцевъ. Самаго посредственнаго провинціального актера или актрису трудно уговорить ѣхать въ Гельсингфорсъ.

— Помилуйте, а что же я буду дѣлать до 15-го ноября?—резонно мотивируютъ они свой отказъ.—Во всѣхъ провинціяхъ, при самой сомнительной, въ смыслѣ платежа, антрепризѣ, сезонъ начинается 1-го сентября, и худо ли, хорошо ли, а я что нибудь получаю. Тутъ же, подписавъ даже выгодное условіе, приходится чуть не голодать до отъѣзда въ Финляндію. Пробавляться скудной платой за участіе на клубныхъ сценахъ дѣло тоже рискованное, а ужъ о выгодѣ и говорить нечего. До 15-го ноября со мной нигдѣ не заключать условія и не отпускать въ разгаръ сезона.

Въ былое время русскіе спектакли давались въ Гельсингфорсѣ и великимъ постомъ. Они пользовались огромнымъ успѣхомъ и дѣлали превосходные сборы, благодаря тому, что антрепренеръ имѣлъ возможность приглашать лучшихъ артистовъ, въ это время всюду свободныхъ. При мнѣ же въ посту играть уже воспрещалось. Впрочемъ, свои спектакли я прекратилъ даже раньше времени: въ первый день масленицы, которую никакъ не могъ назвать широкой въ смыслѣ прибыли.

Русскихъ въ Финляндіи не особенно жалуютъ, а потому русскій театръ въ Гельсингфорсѣ никакъ не можетъ конкурировать съ финскимъ или шведскимъ. Всѣ симпатіи мѣстной интеллигенціи обращены къ послѣднему, а финскій существуетъ преимущественно для простонародья и дѣлаетъ хорошіе сборы по причинѣ своей необычайно дешевой цѣны на мѣста, а также и потому, что финскій языкъ въ Гельсингфорсѣ считается господствующимъ. Кромѣ того, этотъ скромный театръ славится обиліемъ талантливыхъ личностей, отличающихся художественной передачей какъ бытовыхъ, такъ и историческихъ ролей. Своимъ ансамблемъ они могутъ гордиться. Къ обстановкѣ любой, даже иностранной пьесы, они замѣчательно пунктуальны и внимательны. Все это создаетъ такую сценическую правду, получается такая иллюзія, что, совершенно не понимая финскаго языка, съ наслажденіемъ слѣдишь за ходомъ дѣйствія и внимательно прислушиваешься къ каждому слову.

На крошечной сценѣ этого театра я видѣлъ «Ромео и Джульету» съ г-жей Альбрехтъ въ заглавной роли и получилъ такое сильное впечатлѣніе, какого не оставляли по себѣ многія видѣнные мною европейскія знаменитости. Г-жа Альбрехтъ замѣчательно талантливая артистка, пользующаяся громкою извѣстностью не только въ Фин-

ляндіи, но даже и въ Германіи. Въ Берлинѣ она произвела сенсацію, а про Стокгольмъ и говоритъ нечего. Она считается тамъ звѣздой первой величины. Г-жа Альбрехтъ играетъ на трехъ языкахъ: на нѣмецкомъ, шведскомъ и финскомъ.

Присутствуя на представленіи какой-то комедіи изъ мѣстныхъ нравовъ, я, не понимая ни слова, хохоталъ до упаду, такъ заразительно весело проводили свои роли финскіе лицедеи. Очень сожалью, что мнѣ не привелось посмотреть ихъ переводы съ русскаго. Они съ большимъ успѣхомъ играютъ «Ревизора» и «Василису Мелентьеву».

Говоря, что русскихъ не любятъ въ Финляндіи, однако не могу не оговориться и не исключить изъ общаго списка финскихъ актеровъ и ихъ антрепренера. Одновременно, когда шведскій театръ, помѣщающійся на лучшемъ мѣстѣ, на эспланадѣ Гельсингфорса, не позволялъ даже вывѣшивать въ мѣстности, прилегающей къ нему, аннонсы русскаго театра, финскій антрепренеръ любезно открывалъ бесплатный входъ русскимъ артистамъ, за что, конечно, въ свою очередь и я предоставилъ въ ихъ распоряженіе лучшія мѣста въ партерѣ. Финскіе коллеги ходили на наши спектакли усердно. Единственная пьеса, на которую приходили и шведы, это—«Смерть Іоанна Грознаго».

Цѣны на мѣста въ русскомъ театрѣ, по контракту съ дирекціей, были дешевле, какъ говорится, пареной рѣпы. Не имѣя права ихъ увеличивать ни при какихъ экстраординарныхъ обстоятельствахъ, я часто стѣснялся позволить себѣ лучшую обстановку, не рассчитывая ее окупить даже и полнымъ сборомъ. О второмъ же представленіи трудно было мечтать. Кромѣ того, много мѣстъ въ театрѣ бесплатно отводилось лицамъ, такъ или иначе прикосновеннымъ къ театральному управленію. Самъ завѣдующій театромъ засѣдалъ всегда въ большой (какъ въ нашихъ императорскихъ театрахъ—министерская) ложѣ и имѣлъ при ней отдѣльный кабинетъ для своихъ распоряженій.

Эти распоряженія часто касались и меня. Напримѣръ, однажды мнѣ подають счетъ въ нѣсколько марокъ за исправленіе безъ моего вѣдома разбитаго піанино. Я протестую и отказываюсь отъ уплаты. Меня приглашаютъ въ ложу къ завѣдующему.

— Пощадите,—говорю.—Почему я долженъ платить за поправку не мною испорченнаго піанино? До него еще никто не касался для моихъ спектаклей.

— Это все равно.

— Далекое не все равно. Испортилъ его не я, а потому нахожу, что не долженъ и платить за его починку.

— У насъ такіе порядки!—отвѣтилъ мнѣ завѣдующій.—Вамъ ихъ не передѣлывать! Хотя и не вы его испортили, но все равно онъ можетъ вамъ понадобится. Вы должны заплатить, въ противномъ случаѣ эти расходы будутъ удержаны изъ субсидіи.

И такимъ образомъ приходилось оплачивать многое, для меня совершенно излишнее.

Предъ открытіемъ сезона призываетъ меня завѣдующій къ себѣ и говоритъ:

— Спектакли не должны кончатся позже десяти часовъ вечера. Это непремѣнное условіе.

— Почему такъ рано?—удивляюсь я.—Куда же дѣваться публикѣ съ такого ранняго часа?

— Это меня не касается. Это мнѣ все равно. Я прошу въ силу того, что самъ люблю въ это время быть уже дома и пить чай. Я, батюшка, человекъ старый...

Какъ ни было трудно, а пришлось окончивать представленія къ назначенному часу. Начинались они тоже чрезвычайно рано— въ 7 часовъ, хотя это было крайне неудобно. Въ концѣ концовъ я «выпросилъ» разрѣшеніе поднимать занавѣсъ на полчаса позже, то-есть въ 7^{1/2} часовъ. Къ семи никогда не имѣла возможности попасть военная публика, въ особенности пріѣзжающая изъ Свеаборга.

Антрепренеру вмѣнялось по контракту также имѣть приличный и непремѣнно струнный оркестръ. Нанять таковой и въ особенности по дешевой цѣнѣ не было никакой возможности. Кромѣ оркестра г. Каянуса, который существуетъ въ Гельсингфорсѣ для специальныхъ концертовъ въ залѣ пожарнаго депо, гдѣ за одну марку входной платы, два или три раза въ недѣлю, можно встрѣтить массу публику, которая, важно возсѣдая за столиками и съ достоинствомъ распивая шведскій пуншъ и пиво, слушаетъ «музыку по разнообразной программѣ»,—другаго оркестра не существовало. Военной же музыки, которая обошлась бы гораздо дешевле, завѣдывающій не допускалъ. Дѣлать было нечего, пришлось обратиться къ Каянусу и взять за 100 марокъ поспектакльной платы десятирыхъ свободныхъ его музыкантовъ, наводившихъ тоску, благодаря своей малочисленности. Кромѣ того, Каянусъ потребовалъ, чтобы оркестръ этотъ участвовалъ не менѣе 28 разъ въ сезонъ. Что дѣлать? Принужденъ былъ плясать подъ его дудку.

Черезчуръ скромные сборы въ русскомъ театрѣ объясняются тѣмъ, что богатый людъ изъ шведовъ русскихъ спектаклей не посѣщаетъ вовсе, а русская публика, состоящая преимущественно изъ небогатаго офицерства мѣстныхъ войскъ, не имѣетъ возможность бывать часто въ театрѣ, благодаря скромности своихъ достатковъ. Въ виду этого существовалъ такой «облегченный» порядокъ продажи билетовъ, практиковавшійся успѣшно при мнѣ, до меня, вѣроятно, и послѣ меня: антрепренеръ выдавалъ полковому казначею или адъютанту книжки съ контрамарками, которыя въ продолженіе мѣсяца и разбирались гг. офицерами. Послѣ же получки жалованья 20 числа антрепренеру вручались отъ казначея слѣдующія ему за мѣста деньги со скидкой 15^{0/0}. Это было

большимъ удобствомъ для военныхъ зрителей и прямой выгодой для антрепризы. Безъ этого, можно съ увѣренностью сказать, театръ пустовалъ бы постоянно.

Гельсингфорсская публика въ мое время не была расточительна на подарки актрисамъ, а про актеровъ въ этомъ отношеніи и рѣчи быть не можетъ. Чтобы подать какой нибудь любимицѣ-бенефицианткѣ букетъ, стоящій 15 марокъ, собирали иногда подписку съ 15 особъ, а изъ цѣнныхъ подарковъ подносили чайныя ложечки. И это считалось уже выдающимся событіемъ, о которомъ разговаривала чуть ли не вся русская колонія...

До сихъ поръ я все говорю о матеріальной сторонѣ антрепризы; что же сказать о нравственной и артистической?

Послѣ сезона неудачъ и оплошностей я пришелъ къ убѣжденію, что съ моимъ характеромъ трудно антрепренерствовать вообще и въ Гельсингфорсѣ въ особенности. Нужно было приложить много старанія, чтобы ужиться со взглядами ближайшихъ къ театру лицъ, такъ же какъ сохранять миролюбивыя отношенія съ нѣкоторыми актерами, халатно относившимися къ своимъ обязанностямъ, и въ особенности съ актрисами. Распорядители прежде всего требовали видимаго поклоненія ихъ власти и всякой угодливости. Требовали, чтобы спектакль шелъ, какъ на почтовыхъ, и кончался, какъ можно раньше. Дѣлались очень любезныя замѣчанія, если антрактъ затягивался почему либо на лишнія 5 минутъ. Къ положенію антрепренера было полнѣйшее равнодушіе. Я терпѣлъ убытки, и никто на нихъ не обращалъ вниманія. На мои просьбы объ облегченіи непроизводительныхъ расходовъ завѣдывающій театромъ отвѣчалъ однажды съ улыбкой:

— Полноте, батюшка! У васъ толсть карманъ.

Онъ слышалъ, что я когда-то выигралъ въ лотерею 75.000 рублей.

Въ первый сезонъ я потерялъ своихъ 1.500 рублей и, не смотря на согласіе дирекціи уничтожить контрактъ, остался и на второй годъ, рассчитывая возратить убытокъ и предполагая на будущее время устроиться съ антрепризой гораздо распорядительнѣе. Дѣйствительно во второй разъ я не понесъ убытковъ, но потеряннаго, однако, не вернулъ...

Теперь два слова объ артистахъ.

Они обыкновенно кричатъ о недобросовѣстности антрепренеровъ, эксплуатирующихъ ихъ актерскій трудъ, но надо иногда войти и въ положеніе антрепренера, съ которымъ гг. артисты поступаютъ безцеремонно и слишкомъ недобросовѣстно. Напримѣръ: одна актриса, довольно уже пожилая и нѣкогда извѣстная въ провинціи на роляхъ ingénue, сама напросилась ко мнѣ на службу и подписала контрактъ мѣсяца за три до отъѣзда въ Гельсингфорсъ, причемъ получила авансомъ мѣсячное жалованье и дорожныя

деньги. Наканунѣ же отъѣзда, поздно вечеромъ, является она ко мнѣ и проситъ увольненія отъ службы, такъ такъ она по семейнымъ дѣламъ не можетъ отлучиться изъ Петербурга.

— Что же вы думали раньше, сударыня,—сказалъ я.—Черезъ пять дней надо открывать спектакли,—гдѣ же я найду сейчасъ актрису на ваше мѣсто?

— Не могу... Дѣлайте, что хотите, но я ѣхать не могу...

— Ну, дѣлать нечего, Богъ съ вами! Пожалуйте обратно деньги...

— Денегъ у меня нѣтъ.

— И ѣхать не можете, и денегъ нѣтъ!.. Вотъ такъ сюрпризъ! Что же мнѣ-то прикажете дѣлать? Вѣдь другая тоже спроситъ съ меня авансъ.

— Ну, относительно послѣдняго вы не беспокойтесь!—вскричала она.—Я вамъ сію же минуту могу привести такую актрису, которая приметъ мой долгъ на себя и съ удовольствіемъ поѣдетъ къ вамъ служить. Она, конечно, не такой талантъ, какъ я, но ничего себѣ, а главное выгодно для васъ въ томъ отношеніи, что вы можете не давать ей бенефиса.

— Поѣзжайте сейчасъ же за вашей актрисой,—сказалъ я торопливо.—Теперь разсуждать не приходится. Завтра вѣдь уѣзжать надо.

Черезъ часъ дѣйствительно она доставила мнѣ актрису, которая взялась за нее поѣхать; но, увы, я-то съ ней далеко не уѣхалъ. Хорошо еще, что публики бывало мало въ театрѣ. Значитъ, нѣтъ худа безъ добра!

Во второй сезонъ антрепризы самъ я почти не участвовалъ, какъ актеръ, а ограничился только обязанностями режиссера. Меня ужасно занимала постановка пьесъ съ молодыми актерами, изъ которыхъ иные въ настоящее время играютъ въ провинціи и пользуются успѣхомъ. Приѣзжалъ ко мнѣ на гастроли Дарскій, выписывалъ я по желанію публики П. И. Вейнберга, но ни тотъ ни другой сборовъ не сдѣлали...

Въ числѣ служившихъ у меня артистовъ были люди, занимавшіеся сами когда-то антрепризой, и да избавить Богъ каждаго антрепренера приглашать подобныхъ господъ. Все, что только возможно представить себѣ непріятнаго въ омутѣ театральныхъ болотъ, всего можно ожидать отъ нихъ. Эти субъекты мучили артистовъ, вооружали публику противъ меня, и я отъ всего сердца перекрестился, когда судьба порвала мои съ ними отношенія.

По оставленіи гельсингфорсской антрепризы, у меня свалился съ плечъ камень, и я далъ себѣ слово никогда уже болѣе не связываться съ этимъ мучительнымъ дѣломъ.

А. А. Нильскій.

ПОГРАНИЧНАЯ КРѢПОСТЬ ¹⁾.

(Посвящается Ив. Ал. Бедрягѣ).

ХІ.

СВИНЯРЫ было глухое еврейское мѣстечко въ одной изъ южныхъ польскихъ губерній, на столько глухое, что рѣдко кто о немъ слышалъ за предѣлами уѣзда. Однако оно было довольно многочисленно. Въ немъ насчитывалось болѣе тысячи домовъ. Оно было сплошь населено той ортодоксальной темной, невѣжественной массой, которая является лучшимъ и надежнѣйшимъ орудіемъ для ревнителѣй талмуда. Мѣстечко ничего не производило и жило на счетъ окрестныхъ деревень, обитатели которыхъ свозили сюда въ базарные дни всякіе припасы и пригоняли скотъ, продавая все это не слишкомъ дорого евреямъ.

Торговля здѣсь поставлена была на такихъ же основаніяхъ, на какихъ она производилась всюду въ еврейскихъ центрахъ. Скупщики никогда не выходили изъ стачки, дружно сбивая цѣны. Сдержатели шинковъ и корчмари спаивали крестьянъ. Въ общемъ получалось то, что мѣстечко богатѣло, а уѣздъ разорялся. Но, не смотря на это, бѣдняковъ и въ мѣстечкѣ между евреями было очень много, потому что вся власть въ немъ принадлежала нѣсколькимъ богачамъ, стоявшимъ во главѣ кагала. Богачи и владычествовали тутъ, какъ хотѣли. По своему усмотрѣнію они давали заработокъ бѣдняку, или отнимали его.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIV, стр. 375.

Всѣ выгодныя должности передавались и тщательно охранялись лицами, уже пріобрѣтшими почетное положеніе. Выбится изъ-подъ ярма богача для нищаго было почти невозможно. Для этого было только два пути: или жениться на дочери богатаго человѣка и такимъ образомъ породниться съ нимъ, или пріобрѣсти званіе талмудъ-хахама (знатока въ талмудѣ), которое открывало обладателю его всѣ сердца и двери. Породниться съ богачемъ было трудно, но сдѣлаться талмудистомъ было еще труднѣе. Для этого надо было одолѣть богословскую науку, то-есть выучить по возможности наизусть молитвы, тору, библию, Шулханъ-Арухъ, Хошень-Гамшпотъ (сборникъ гражданскихъ законовъ), избранные трактаты талмуда и знать его со всѣми комментаріями.

Въ Свиныхъ было нѣсколько хедеровъ и талмудъ-тора. Одной изъ лучшихъ начальныхъ школъ считался хедеръ Самуэля.

Самуэль былъ много выдавшій на своемъ вѣку человѣкъ. Онъ побывалъ и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ, и въ Бердичевѣ. Онъ преподавалъ законъ не только въ хедерѣ и талмудъ-торѣ (бесплатная школа), но въ одномъ изъ іешиботовъ (школа съ общежитіемъ), считающихся рассадникомъ высшей талмудической науки. Побывалъ онъ и въ казенномъ еврейскомъ училищѣ перваго разряда и даже въ раввинскомъ училищѣ. Но нигдѣ онъ не удержался. Опускаясь все ниже и ниже, онъ попалъ въ Свины, гдѣ и открылъ хедеръ. У него было достаточно учениковъ не только для того, чтобы сводить концы съ концами, но и откладывать про черный день.

Дюжій, рыжій бегельферъ, помощникъ его, Сруль каждое утро обходилъ ближайшіе дома хедера и собиралъ малолѣтнихъ учениковъ. Однихъ онъ велъ за руку, а самые крошечные усаживались къ нему на плечи или на шею.

Обвѣшанный маленькими, кудрявыми, лохматыми созданіями, согнувъ спину, онъ приходилъ съ этимъ страннымъ грузомъ въ школу и, бережно опустивъ его на полъ, отправлялся снова въ путь.

Ребе Самуэль размѣщалъ учениковъ по группамъ, смотря по ихъ возрасту и развитію. Ученіе у него производилось часовъ съ шести утра и до девяти вечера, какъ вообще во всякомъ хедерѣ.

Самуэль не безъ ропота несъ свою тяжелую меламедскую обязанность. Онъ не безъ основанія полагалъ, что судьба могла бы удѣлить ему лучшую долю, ниспославъ ему, напримѣръ, такой домъ, какимъ владѣлъ Берахія Генделе, или такую заботливую хозяйку, какой была Фейга, или даже такую красавицу цурку, какова была Зельда, не говоря уже о ея братѣ Рафаилѣ, считавшемся украшеніемъ его хедера.

Сидя въ это тихое, туманное утро на порогѣ своей хаты, Самуэль наслаждался тишиною и спокойствіемъ. Мѣстечко только что начало пробуждаться, но большинство домовъ и лавокъ еще

заперто, и лишь около корчмы Аврума-Беръ-Зелига замѣчается нѣкоторое оживленіе. Самуэль знаетъ, что тамъ со вчерашняго дня остановились два прїѣзжіе богатые пана, около которыхъ есть что заработать бѣдному человѣку. Свѣжая новость уже успѣла облетѣть мѣстечко, и всякій факторъ спѣшитъ туда попытать свое счастье. Самуэль мечтаетъ о томъ, что, можетъ быть, фортуна улыбнется и ему. Въ какой формѣ придетъ она, онъ не знаетъ, но вѣра въ свою звѣзду еще не умерла въ немъ. Ему вспоминается горькая еврейская поговорка: «нищенствовать и меламедствовать всегда успѣешь», которою обмолвился вчера проходившій Берахія Генделе. Его слова оскорбили Самуэля, но онъ теперь готовъ забыть о нихъ. Утро такъ тихо и такъ хорошо. Ничто не мѣшаетъ свободному полету его фантазіи. Эти утренніе часы онъ считаетъ лучшими въ своей жизни.

Но вотъ бегельферъ стучитъ своими тяжелыми башмаками, отправляясь въ путь за малолѣтними учениками. Вотъ онъ возвращается съ кучей малютокъ. Мальчики побольше сами сбредаютъ со всѣхъ сторонъ, и Самуэль начинаетъ свои занятія.

Въ сосѣдней улицѣ отворяется дверь большого двухъэтажнаго каменнаго дома, и оттуда выходитъ крошечный, кудрявый, черно-волосый мальчуганъ. Это маленькій Рафаиль, братъ Зельды. Онъ важно засовываетъ руки въ карманы брюкъ и бѣжитъ въ хедерь. Вотъ старая покривившаяся лачуга, которую меламедъ Самуэль нанимаетъ у глухой Руфи, вотъ кусть бузины у входной двери, изъ-за которой несетъ жужжаніе дѣтскихъ голосовъ.

Рафаиль подходитъ ближе. Теперь явственно слышится сильный старческій голосъ меламеда:

— Первая буква нашего алфавита—алефъ.

— А-а-лефъ,—тянутъ тоненькіе голоса.

— Вторая—бетъ.

— Бе-еть,—выводитъ кто-то барашкомъ.

Въ углу раздается смѣхъ. Меламедъ сердито стучитъ по лавкѣ.

— Ну, еще рано, не опоздалъ,—думаетъ Рафаиль. Онъ слышитъ, что Самуэль занимается съ маленькими. Пользуясь свободной минутой, Рафаиль бросается на качели, состоящія изъ веревки, привязанной однимъ концомъ къ шесту въ стрѣхѣ хаты, а другимъ къ толстой рябинѣ, и, покачавшись немножко, торопливо соскакиваетъ на землю.

Къ нему подходитъ Сауль, сынъ перваго богача мѣстечка Цевигирша.

Сауль его сверстникъ и одноклассникъ.

Онъ молча подходитъ къ нему и смазываетъ его по лицу.

— Масюгинесь (полуумный)!—вскрикиваетъ раздраженный Рафаиль.

Но Сауль и не думаетъ обижать его. Онъ лѣзетъ за пазуху и

достаеъ красный мучнистый пряникъ, который ломаетъ пополамъ, передавая половину своему пріятелю. Въ окно высовывается беззубое желтое лицо меламеда, и онъ кричитъ, грозя рукой:

— Я васъ!

Оба говарища испуганно спѣшаютъ на свои мѣста.

Меламедъ надѣваетъ очки и, поднимая палець кверху, говоритъ важнымъ голосомъ:

— Есть четыре стороны изученія святаго писанія. Онѣ обозначены четырьмя знаками: П, Р, Д, С.—П—пешать, состоитъ въ простомъ пониманіи текста. Это главная сторона, ибо ни одинъ стихъ писанія не содержитъ въ себѣ ничего болѣе, кромѣ буквального смысла. Р—ремезъ, раскрытіе намековъ, заключающихся въ писаніи. Д—дерумъ, притчи и иносказанія. С—содь, тайна...

Меламедъ кашляетъ и утираетъ ротъ клѣтчатымъ платкомъ, продолжая говорить. Рафаиль устремляетъ глаза на карманъ куртки Саула, откуда выглядываетъ соблазнительный кусокъ булки. У него мелькаетъ мысль, какъ бы отвѣдать ее. До него долетаютъ слова учителя:

— Только немногіе были посвящены въ дѣла «Творенія» и «Колесницы».

Самуэль вновь кашляетъ, стучитъ по столу, требуя вниманія, и переходитъ къ примѣрамъ. Самуэль опытный педагогъ. Онъ знаетъ, чего требуетъ живой дѣтскій умъ. Изъ его хедера вышелъ не одинъ раввинъ.

— Что значитъ пешать?—повторяетъ Самуэль:—слушайте.—Нѣкогда рабби Эліезеръ по смерти своей явился ученикамъ, которые спросили его, что дѣлаетъ теперь Авраамъ на небѣ. Рабби Эліезеръ отвѣтилъ имъ, что Авраамъ теперь прилегъ на колѣнахъ Сары, и Сара ищетъ въ головѣ его. Когда одинъ изъ учениковъ Эліезера осмѣлился предположить тутъ иносказаніе, то по общему приговору за эту дерзость подвергся отлученію.

Меламедъ обводитъ кругомъ торжествующимъ взглядомъ. Юные слушатели его поражены. Наболѣе впечатлительные даютъ себѣ обѣтъ никогда не сомнѣваться въ словахъ писанія.

— Какъ вы сказали?—спрашиваетъ Рафаиль, считающійся однимъ изъ самыхъ острыхъ учениковъ.

Меламедъ подзываетъ его къ себѣ и ногтемъ отмѣчаетъ въ трактатѣ Баба-Батра въ 58 гл. сказанное мѣсто.

Когда Рафаиль пробѣжалъ глазами жирно напечатанныя строки текста, меламедъ, остановивъ на немъ любовный взоръ, спрашиваетъ, прерывая свое объясненіе о четырехъ сторонахъ писанія:

— Что вамъ сказано о загробной жизни?

— Въ загробной жизни,—бойко отвѣчаетъ Рафаиль:—нѣтъ ни яствъ, ни питья, ни любви, ни труда, ни зависти, ни ненависти, ни споровъ. Но праведные сидятъ съ коронами на головахъ и освѣщаются блескомъ величія Божія.

— Такъ,—говорить меламедь:—тамъ нѣтъ страстей. А для чего нужны страсти на землѣ?

— Если бы не было на землѣ страстей,—бойко продолжаетъ Рафаиль цитировать слова талмуда:—никто не строилъ бы дома, не взялъ бы себѣ жены, не занимался бы никакой работой.

— Ступай,—говорить ему,—вполнѣ имъ довольный меламедь.

Рафаиль садится на свое мѣсто и видитъ, что по улицѣ, боязливо оглядываясь по сторонамъ, быстро проходитъ Зельда.

«Куда это идетъ она?»—думаетъ онъ.

Но монотонный голосъ Самуэля вновь призываетъ его ко вниманію. Рафаиль подпираетъ подбородокъ ладонями и весь отдается талмудической премудрости. Проходитъ часъ, другой. Солнце поднимается высоко. Туманъ разсѣивается. Въ мѣстечкѣ кипитъ суетливая, полная мелкихъ интересовъ, жизнь. Рафаиль, усталый, съ головой, погруженной въ тайны талмуда, медленно возвращается домой. Пройдя по комнатамъ, наполненнымъ орѣховыми шифоньерками, дубовыми и ясеневыми шкапами и мягкой мебелью, онъ поднимается въ мезонинъ и мимоходомъ заглядываетъ въ свѣтелку Зельды.

Тамъ она неподвижно сидитъ у стола. Руки ея сложены, глаза устремлены въ даль. О чемъ мечтаетъ она?

Но объ этомъ Рафаиль не думаетъ.

Послѣ безпокойной ночи, проведенной въ корчмѣ у Аврума-Беръ-Зелига въ отличномъ помѣщеніи, какъ выражался Селецкій, а на самомъ дѣлѣ представлявшемъ тѣсную, загаженную клопами клѣтшукку, Султановъ всталъ съ легкой головной болью. Но мысль о Зельдѣ заставила забыть о всѣхъ непріятностяхъ ночлега. Селецкій еще съ вечера сказалъ хозяину, что у него есть клѣббъ для продажи, и этого было достаточно, чтобы съ ранняго утра у корчмы собралась цѣлая полпа оборванныхъ факторовъ съ веснучатыми лицами, въ длинныхъ кафтанахъ, съ обтрепанными полами, въ ермолкахъ, въ рыжихъ башмакахъ, подбитыхъ гвоздями. Весь этотъ торговый народъ допоталъ на исковерканномъ еврейско-нѣмецкомъ языкѣ и проявлялъ величайшее возбужденіе. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ факторовъ были сѣдобородые старики, они суетились и кричали не менѣе безусыхъ юношей. Весь этотъ шумъ и гамъ разбудилъ Султанова, который, выглянувъ изъ окна сначала никакъ не могъ понять причины всей этой кутерьмы.

Самъ Аврумъ-Беръ-Зелигъ, толстый, грузный и грязный еврей, не смотря на свою тяжесть и неповоротливость, тоже заразился общимъ волненіемъ. Онъ нѣсколько разъ подходилъ къ двери комнаты, въ которой остановились пріѣзжіе, и просовывалъ туда свою круглую голову въ черной вытертой ермолкѣ и, почтительно вздыхая, повторялъ про себя:

— Ай-ай, сколько времени паны спать.

Султановъ едва могъ дожидаться назначеннаго Зельдой часа. Селецкій еще не просыпался, когда онъ вышелъ на улицу. Молочно-бѣлый туманъ наполнялъ воздухъ. Мѣстечко давно суетилось, какъ муравейникъ. Но туманъ заглушалъ звуки и скрадывалъ, всю неприглядность еврейскаго гнѣзда. Погруженный въ свои мечты, Султановъ шелъ мимо домовъ, изъ которыхъ, по своему обычаю, жидавки выносили перины, бѣлье, домашнюю рухлядь, шубы и развѣшивали провѣтриваться, это онъ продѣлывали каждое утро. Въ своемъ усердіи онъ, кажется, готовы были бы вынести на улицу рѣшительно всю свою утварь, забывая только о своихъ дѣтяхъ. Грязныя, полунагія, осыпанныя пухомъ, они кучами ползали по полу и взлѣзали на скамьи, прося ѣсть. Но всѣ эти Сары, Ревекки, Хаи, Юдиои были чрезвычайно бережливы и заблаговременно приучали свое потомство къ величайшей умѣренности, и здѣсь не рѣдкость было встрѣтить семью въ пять, шесть человѣкъ, дневное пропитаніе которыхъ обыкновенно составляла селедка и нѣсколько кусковъ чернаго хлѣба. Только при этихъ условіяхъ и было возможно откладывать кое-что изъ тѣхъ грошей, которые удавалось заработать какому нибудь Шлемкѣ или Гершкѣ шныряніемъ по базарной площади и фиктивной перепродажей чужаго товара.

Зоркіе и беспокойные обитатели мѣстечка, знавшіе тутъ всѣхъ наперечетъ, встрѣчаясь съ Султановымъ, съ изумленіемъ останавливались и глядѣли ему въ слѣдъ. Ихъ нескрываемое любопытство побудило его ускорить шаги, и онъ съ облегченіемъ вздохнулъ, когда мѣстечко осталось позади.

Отыскавъ калитку въ оградѣ, онъ отворилъ ее и вошелъ въ садъ. Деревья и кусты стояли осыпанные блестящими каплями росы. Желтые неубранные листья покрывали дорожки. Матовой широкой полосой бѣлѣлъ впереди прудъ. Кругомъ было такъ тихо и глухо, что лучшаго мѣста для свиданія, казалось, нельзя было бы выбрать. Султановъ увидалъ маленькую старую бесѣдку и быстро направился къ ней. Еще издали онъ замѣтилъ въ ней Зельду.

Съ чувствомъ живой признательности и съ огромной радостью въ душѣ онъ привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ. Яркій румянецъ облилъ ея щеки. Она отстранилась и проговорила:

— Мнѣ не слѣдовало приходить сюда. Вы навѣрно осуждаете меня. Я кажусь вамъ дурной легкомысленной дѣвушкой.

— Совсѣмъ нѣтъ,—съ жаромъ вскричалъ онъ:—вы такъ добры, что уступили моимъ просьбамъ. Это я виноватъ, что причиняю вамъ столько беспокойствъ.

Онъ сталъ рассказывать, какъ мечталъ о ней, какъ едва могъ дожидаться утра, какъ боялся, что она не сдержитъ своего слова и не придетъ сюда. Онъ не искалъ словъ для выраженія своего чув-

ства, изливавшася въ пылкихъ взорахъ, которыми онъ сопровождалъ свою рѣчь, въ трепетныхъ и жаркихъ пожатіяхъ рукъ, прерывистомъ голосѣ и вздохахъ, вздымавшихъ его грудь. Страсть его передалась ей, и она тяжело вздыхала, и на ея нѣжныхъ щекахъ яркій румянецъ смѣнялся блѣдностью. О чемъ шелъ разговоръ, они не отдавали себѣ отчета. Они находились другъ около друга, и никто не былъ свидѣтелемъ ихъ свиданія, ничто не мѣшало имъ, и сама природа, окутывая ихъ туманомъ, какъ легкимъ покрываломъ, казалось благословляла союзъ этихъ двухъ сердець.

Но Зельда не могла долго оставаться тутъ. Она сказала, что должна идти домой. Тщетно Султановъ умолялъ ее побыть съ нимъ еще нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—обо мнѣ будутъ беспокоиться.

— Но когда я васъ увижу опять?—говорилъ онъ.

— Вы сегодня ѣдете,—отвѣтила она:—въ слѣдующую субботу мы будемъ въ крѣпости; тогда мы можемъ тамъ встрѣтиться.

Съ этими словами она поцѣловала отуманеннаго офицера и быстро выскользнула изъ бесѣдки, сдѣлавъ ему знакъ, чтобы онъ не слѣдовалъ за ней.

Когда Султановъ вернулся въ корчму, онъ нашелъ Селецкаго въ общей комнатѣ, окруженнаго толпой жидовъ. Помѣщикъ былъ не въ духѣ и уснащалъ свою рѣчь крупной бранью, которая принималась, какъ нѣчто должное. Жиды безъ умолку лопотали и юлили около него. Наконецъ, Селецкій, пославъ всѣхъ къ чорту, отправился съ Султановымъ въ клѣтушку, которую они занимали.

— Ну, что ваши покупатели?—спросилъ Султановъ, не замѣчая раздраженнаго состоянія своего пріятеля.

— Да что, вещь извѣстная. Стакнулись мошенники, и ничего съ ними не подѣлаешь. Должно быть, придется ни съ чѣмъ уѣхать.

Но Селецкій зналъ, что ни съ чѣмъ ему никакъ нельзя будетъ уѣхать, что «мошенники» возьмутъ свое, и сознаніе въ своей безпомощности еще болѣе омрачало расположеніе его духа.

И покупатели нисколько не сомнѣвались въ исходѣ коммерческихъ переговоровъ. Они продолжали стоять у корчмы и лопотать на неизвѣстномъ нарѣчій. Беръ-Зелигъ попрежнему время отъ времени просовывалъ въ дверь свою хищную круглую голову и даже самъ подалъ панамъ обѣдъ и досталъ нѣсколько бутылокъ хорошаго вина. Послѣ обѣда переговоры возобновились и стали быстро приближаться къ концу, чему способствовало то, что наступалъ вечеръ, и что жидовская суматоха до тошноты надоѣла Селецкому. Дѣло кончилось тѣмъ, что Селецкій продалъ хлѣбъ вдвое дешевле той цѣны, за которую намѣревался уступить его, и, получивъ хорошей задатокъ, началъ собираться въ путь.

Но послѣднее обстоятельство уже никакъ не входило въ расчеты Аврума-Беръ-Зелига, и онъ приложилъ всѣ усилія, чтобы задер-

жать своихъ гостей. Для этой цѣли онъ сбѣгалъ за другимъ какимъ-то удивительнымъ виномъ и соорудилъ пышную закуску, въ которой щука и селедка, совершая поистинѣ Овидіевы превращенія, появлялись то въ видѣ салата, то пирожнаго. Пиршественный столъ былъ накрытъ въ одной изъ общихъ комнатъ, откуда Беръ-Зелигъ выпроводилъ всѣхъ остальныхъ посѣтителей. Къ величайшему удивленію Султанова, тутъ появились музыканты: скрипка, виолончель, цимбалы и флейта. Что играли эти артисты, не разобралъ бы никто, но смычки яростно дергали струны, флейта заливалась на всѣ голоса, а цимбалистъ столь ожесточенно колотилъ молоточками по своимъ цимбаламъ, что по быстротѣ движеній они могли соперничать лишь развѣ съ лопотавшими языками утреннихъ покупателей, которые исчезли всѣ до одного, уступивъ мѣсто новымъ, еще болѣе обтрепаннымъ и темнымъ личностямъ, которыя, принавъ къ окнамъ корчмы, не отрывали жадныхъ, разгорѣвшихся глазъ отъ двухъ богатыхъ пановъ.

Безъ сомнѣнія, планы Беръ-Зелига увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ, еслибъ Султановъ не думалъ о Зельдѣ. Ему казалось теперь постыднымъ предаться пошлomu кутежу со всѣми его обычными послѣдствіями, и онъ наотрѣзъ отказался остаться еще на ночь въ Свинярахъ. Охмелѣвшій Селецкій говорилъ, что онъ плюетъ на все и нисколько не жалѣетъ жидовскихъ денегъ, которыя противно держать въ рукахъ, и что лучше будетъ, если онѣ перейдутъ къ своимъ прежнимъ обладателямъ. Онъ не понималъ причины упрямства Султанова и возмущался имъ. Но тотъ настоялъ на своемъ.

Лошади были поданы, Беръ-Зелигъ все получилъ по счету и, провожая разочарованнымъ взоромъ удалявшихся пановъ, вздыхалъ объ увезенныхъ ими карбованцахъ.

XII.

Игнатовичъ выздоровѣлъ, и Султанову пришлось отказаться отъ обладанія казенной лошадыю и вновь посвятить свое время занятіямъ въ батальонной учебной командѣ. Онъ аккуратно началъ посѣщать школу, но благоразумно уклонялся отъ преподаванія, предоставляя своимъ опытнымъ и расторопнымъ унтеръ-офицерамъ проходить военныя науки съ молодыми солдатами. При этомъ онъ довольствовался тѣмъ, что только наблюдалъ, какъ ведется преподаваніе, не мѣшаясь въ мелочи. Такое отношеніе къ дѣлу онъ выработалъ самъ изъ опыта, и его ученики оказывали столь блестящіе успѣхи, что начальству оставалось только радоваться.

Но, тѣмъ не менѣе, время до субботы тянулось для него очень медленно. Въ крѣпости каждый день былъ похожъ на другой: утромъ занятія, въ два часа обѣдъ въ военномъ собраніи, въ четыре опять занятія (на которыя, впрочемъ, никто не ходилъ) и

затѣмъ вечеръ, проведенный въ томъ же собраніи или у когонибудь изъ офицеровъ.

Размышляя о Зельдѣ, Султановъ не разъ спрашивалъ себя, чего собственно онъ отъ нея хочетъ. Онъ сознавалъ, что его влечетъ къ ней болѣе серьезное чувство, чѣмъ желаніе на досугѣ отъ бездѣлія поволочиться за хорошенкой дѣвочкой. Онъ понималъ, что Зельда не принадлежитъ къ тѣмъ, кто поощряетъ подобное ухаживаніе. Она произвела на него впечатлѣніе чистой, наивной, нѣсколько романтической и мечтательной дѣвушки, стоящей по развитію выше своей среды.

— А если жениться на ней? — спрашивалъ онъ себя, но эта мысль пугала его, и онъ отгонялъ ее прочь. Но такъ какъ онъ часто думалъ о Зельдѣ, то эта столь странная въ началѣ мысль стала казаться ему болѣе простой.

— И въ самомъ дѣлѣ, — думалъ онъ: — что я изъ себя представляю? Почему она мнѣ не пара? Я незначительный армейскій офицеръ съ темнымъ будущимъ, одинокій, заброшенный на окраину, откуда врядъ ли когда выберусь. Она еврейка, хорошей породы, красивая, умная. Родные ея богаты, но, конечно, они ничего ей не выдадутъ, да мнѣ и не нужно ея денегъ.

Онъ представлялъ себѣ ея матовое лицо, темные, неподвижные глаза, тонко очерченныя розовыя губы, стройную, гибкую фигуру и вздыхая говорилъ:

— Почему мы не можемъ быть счастливы?

Отправляясь на занятія, бродя по крѣпости, сидя на гласисѣ, онъ думалъ о Зельдѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ субботы.

— Васъ мальчикъ какой-то спрашиваетъ, — сказалъ Орѣшкинъ Султанову, вернувшемуся послѣ обѣда изъ клуба и расположившемуся отдыхать.

Поручикъ вспомнилъ о Зельдѣ и проговорилъ:

— Веди его сюда.

Вошелъ маленький, кудрявый, быстроглазый жиденокъ. Его длинный черный балахончикъ придавалъ ему смѣшной видъ. Онъ подалъ Султанову письмо. Тотъ разорвалъ его и съ удовольствіемъ убѣдился, что оно было отъ Зельды. Она назначала ему свиданіе въ сосновой рошѣ на гласисѣ. Это было любимое мѣсто для прогулокъ крѣпостныхъ обитателей, замѣнявшее имъ и паркъ, и садъ.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ Султановъ.

— Рафаилъ Генделе, — важно отвѣтилъ мальчуганъ.

— Ты братъ Зельды? Ну, что-жъ ты стоишь; вотъ тебѣ стулъ, садись.

Султановъ смѣрилъ глазами малолѣтняго посланника и, подумавъ, чѣмъ бы его угостить, отправилъ Орѣшкина въ военное собраніе за пряниками.

— Я сейчасъ дамъ отвѣтъ, — сказалъ онъ Рафаилу, съ любопытствомъ осматривавшему казематъ.

Поручикъ написалъ Зельдѣ, что онъ непремѣнно придетъ, и благодарилъ ее за вниманіе къ нему.

Затѣмъ онъ опять взялъ письмо Зельды и снова прочелъ его. Ея тонкій, ровный, красивый почеркъ удивилъ его.

— Гдѣ училась твоя сестра?—спросилъ онъ Рафаила.

— Нигдѣ, — отвѣтилъ тотъ, — но она ходила въ генеральскую усадьбу и тамъ занималась съ барышней. Папа всегда бранилъ ее за это, но она не слушала его.

— Какъ вы живете?—спрашивалъ Султановъ:—кажется, твой отецъ богатый человѣкъ?

— О, да,—важно произнесъ еврейчикъ:—нашъ отецъ богачъ. И я буду богачъ. А вотъ Іейковъ будетъ нищимъ.

— Кто это Іейковъ?

— Мой старшій братъ. Когда онъ жилъ съ нами, отецъ его очень любилъ, и всѣ его считали илуемъ (образцовымъ молодымъ человѣкомъ). Ахъ, какъ онъ зналъ талмудъ!—воскликнулъ Рафаиль, и глаза его заблестѣли. — Потомъ онъ уѣхалъ въ Варшаву, и его постигло несчастіе. Теперь мы его не знаемъ,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

Султановъ понялъ, какого рода несчастіе постигло Іейкова. За-мѣчаніе Рафаила о талмудѣ заинтересовало его, и онъ спросилъ:

— Въ вашихъ хедерахъ изучаютъ только талмудъ?

— Только талмудъ. Развѣ можетъ быть что выше талмуда? Въ талмудѣ всѣ науки, которыя были, есть и будутъ,—съ глубокимъ убѣжденіемъ произнесъ юный ученый.

— И ты учишь талмудъ, и ходишь въ хедеръ?—спросилъ Султановъ:—у васъ, кажется, туда посылаютъ самыхъ маленькихъ дѣтей?

Рафаиль принялъ глубокомысленный видъ и, не считая нужнымъ отвѣчать на первый вопросъ, проговорилъ:

— Въ талмудѣ сказано, что изучать талмудъ ребенокъ начинаетъ еще во чревѣ матери. Но при рожденіи ангелъ бьетъ его по устамъ, и младенецъ забываетъ все.

Султановъ выслушалъ съ улыбкой это объясненіе, наглядно свидѣтельствовавшее о богословскихъ познаніяхъ его посѣтителя.

— Мнѣ кажется, что тебѣ рано еще знать чтонибудь о рожденіи дѣтей,—сказалъ весело онъ.

— Почему это?—возразилъ Рафаиль:—вы не знаете нашихъ обычаевъ, господинъ. У насъ дѣвочка въ девять лѣтъ можетъ выйти замужъ? Развѣ это дурно, если она въ шесть будетъ знать обязанности матери?

Разговоръ становился все болѣе и болѣе любопытнымъ для Султанова.

— Пусть такъ,—сказалъ онъ:—но вѣдь ты, кажется, не дѣвочка, а мальчикъ.

— Что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ моя голова хуже устроена,

чѣмъ у женщины? И откуда же ей получать свои знанія, какъ не отъ мужчинъ?

Въ это время появились пряники, и «мужчина», не мѣняя своего солиднаго вида, принялся уписывать ихъ.

— Я очень радъ,—говорилъ Султановъ:—что познакомился съ тобой. Пожалуйста, когда будешь въ крѣпости, заходи. Мы еще потолкуемъ съ тобой. А теперь передай сестрѣ это письмо, да захвати себѣ побольше пряниковъ на дорогу.

Рафаилъ подалъ ему руку и, не взглянувъ на Орѣшкина, большими шагами вышелъ изъ комнаты.

Солнце ярко и весело свѣтило. Деревья стояли въ своемъ, не тронutomъ рѣзкимъ дыханіемъ мороза, зеленомъ убранствѣ. Только кое-гдѣ въ пышной листвѣ мелькалъ золотистый или багряный листъ. Было такъ тепло, что, казалось, возвращалось лѣто.

— Какая осень, какая осень,—повторялъ Султановъ, быстро и легко шагая по кустарнику, направляясь къ роцѣ, гдѣ уже по его расчету должна была находиться Зельда. Онъ чувствовалъ себя полнымъ силъ. Грудь его дышала легко. И ясно, и бодро онъ смотрѣлъ впередъ.

Зельда, задумавшись, сидѣла на скамейкѣ. Увидавъ Султанова, она стремительно поднялась, и густой румянецъ, какъ всегда, залилъ ея прелестное, нѣжное лицо. Онъ взялъ ее за руки и, цѣлуя и шепча слова любви, усадилъ ее опять на скамейку.

— Зельда, опять я вижу васъ! Какъ вы хороши! Я не налюбуюсь вами!

Часъ свиданія пролетѣлъ, какъ мигъ.

— Я къ вамъ скоро приѣду,—сказалъ Султановъ:—опять остановлюсь у Беръ-Зелига и дамъ вамъ знать.

— Приѣзжайте,—тихо и мечтательно проговорила она, устремляя свѣтящіяся счастьемъ взоры въ голубоватую даль.

Тамъ между деревьями виднѣлись бѣлыя мазанки мѣстечка. Дымъ клубился кое-гдѣ надъ маленькими черными трубами. Вѣтерокъ на своихъ легкихъ крыльяхъ приносилъ по временамъ звонъ бубенчиковъ и людскіе голоса.

Ей было теперь такъ хорошо, ея сердце билось такъ ровно и спокойно.

Легкій шорохъ слышался сзади.

— Кто-то идетъ,—сказалъ быстро Султановъ, пронизывая своими зоркими глазами кустарникъ.

И мысль, что нижніе чины могутъ застать его тутъ съ еврейской дѣвушкой, обожгла его. Онъ порывисто всталъ и осмотрѣлся. Кругомъ было пусто и тихо.

— Это мнѣ такъ показалось,—промолвилъ онъ и сѣлъ. Но спокойствіе Зельды было уже нарушено. Она боязливо прижалась къ молодому офицеру.

Они медленно пошли по рощѣ. Сухія вѣтки ломались и трещали подъ ногами. Каждый разъ ихъ трескъ заставлялъ вздрагивать Зельду. Ей все казалось, что кто-то идетъ сзади. Они приблизились къ крѣпостному рву, вдоль котораго по рощѣ тянулась утоптанная тропинка. Изъ-за кустовъ направо показалась дерновая верхушка и розовая кирпичная стѣнка каземата, глядѣвшаго огромнымъ, точно итальянскимъ окномъ, во всю длину этой стороны рва.

Между деревьями показались Хаимъ-Аронъ, ребе Дувидъ (Давидкой ужъ никакъ нельзя было теперь назвать этого молодого человѣка, выступавшаго съ такимъ важнымъ видомъ въ коричневомъ лапсердакѣ, шуршавшемъ по травѣ, и темносинемъ бархатномъ картузѣ, надвинутомъ на самыя уши), еще какой-то пожилой еврей, три еврейки и нѣсколько малолѣтнихъ израильтянъ, шедшихъ съ такою же степенностью, какъ и старшіе, со спокойной совѣстью вкушавшихъ тайнымъ (праздничное удовольствіе), которому они теперь предавались.

Зельда порывисто сжала руку Султанова и проговорила:

— Я пойду къ нимъ.

Онъ вошелъ въ кусты, а она направилась на встрѣчу своимъ родственникамъ.

Никто изъ нихъ не спросилъ, съ кѣмъ она была тутъ, и все общество вернулось на дровяной дворъ. На другой день Зельда уѣхала въ Свиняры.

Иудейская вѣра въ томъ видѣ, въ какомъ преподають ее раввины, почти не измѣнилась со временъ Христа и апостоловъ. Раввины не допускають никакихъ отступленій въ религиозныхъ обрядахъ, исполняемыхъ въ синагогахъ и домашнемъ быту, и строго придерживаются законовъ, изложенныхъ въ Шульханъ-Арухъ, сборникъ правилъ и постановленій, относящихся по большей части ко времени знаменитыхъ школъ Галлея и Шамоа, процвѣтавшихъ двадцать вѣковъ назадъ.

Выросшая въ семьѣ, насквозь проникнутой ортодоксальными возрѣніями, Зельда знала, что ей придется подчиниться своей участи и пройти тотъ тяжелый жизненный путь еврейской женщины, въ которомъ она, завися на каждомъ шагу отъ произвола мужа, обезличивается и обращается въ простое орудіе въ его рукахъ. Предоставленная самой себѣ она, вѣроятно, помирилась бы со своей долей и не пыталась бы искать лучшей. Но встрѣча съ генеральской дочерью произвела въ ней полный переворотъ. Передъ ней открылся новый міръ. Она узнала то, что было недоступно для ея родныхъ. Она выучилась читать и писать порусски— это была неслыханная вещь въ глухомъ мѣстечкѣ. Встрѣча съ Султановымъ довершила тотъ толчекъ, который отдѣлилъ ее отъ родной почвы, и, не думая ни о чемъ, Зельда беззавѣтно отдалась своему чувству. Она смутно сознавала, что не останется въ

мѣстечкѣ, что здѣсь все чуждо ей, и что тутъ ничто уже не привлекаетъ и не привлекаетъ ея. Что будетъ внѣ мѣстечка, она себѣ также не представляла, но Султановъ казался ей такимъ добрымъ и хорошимъ. Она твердо вѣрила, что онъ не захочетъ причинять ей горе и позаботится объ ея счастья.

Мысль о крещеніи не пугала ея. Ей было хорошо извѣстно, что послѣ этого раскроется широкая пропасть между ней и ея родными, какъ это было съ ея братомъ Гейковымъ. Но когда она оглядывалась назадъ, то говорила себѣ, что и теперь уже пропасть такъ широка, что врядъ ли когда сомкнется.

Султановъ сдержалъ свое обѣщаніе и нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Свиныяры. Свиданія его съ Зельдой происходили не въ саду и не въ корчмѣ у Беръ-Зелига, куда она никакъ не соглашалась прійти, а въ домѣ одной изъ ея подругъ, жившей со своей матерью въ отдаленномъ концѣ мѣстечка. Всякій разъ Султановъ старался избрать какой нибудь предлогъ для своей поѣздки. То онъ пріѣзжалъ за вещами для себя, то съ какимъ нибудь порученіемъ отъ Селецкаго. Ему казалось, что никто не догадывается объ истинной цѣли его пріѣздовъ.

Мало-по-малу эти путешествія стали казаться ему стѣснительными, и онъ началъ подумывать о томъ, какъ бы ему устроить дѣло иначе. Но этотъ вопросъ можно было разрѣшить только однимъ путемъ. Надо было увезти Зельду и помѣстить ее въ крѣпости.

— Куда ее спрятать тутъ? — думалъ онъ. — Жиды поднимутъ гвалтъ. Можетъ выйти непріятная исторія.

Но, можетъ быть, онъ долго продолжалъ бы колебаться, если бы не пришло письмо отъ Зельды, въ которомъ она извѣщала его, что день ея свадьбы съ Дувидомъ назначенъ. Султановъ потерялъ голову. Онъ отправился въ Свиныяры и уговорилъ ее уѣхать къ нему. Было условлено, что она вечеромъ выйдетъ за кладбище и здѣсь встрѣтится съ Султановымъ.

Въ назначенный часъ Султановъ позднимъ вечеромъ подѣхалъ къ кладбищу въ коляскѣ Селецкаго, который самъ правилъ своей горячей четверкой. Кучера на этотъ разъ съ ними не было. Зельда не заставила себя долго ждать. Взволнованная и трепещущая, одѣтая подорожному, она поспѣшила къ коляскѣ. Вѣрная Маріамъ несла за ней вещи. Султановъ, внѣ себя отъ радости, усадилъ Зельду въ коляску, и лошади помчались.

Надвигалась темная ночь. Небо было густо покрыто тучами. Никто не былъ свидѣтелемъ этого похищенія. Селецкій не жалѣлъ лошадей, и коляска, сильно качаясь на рессорахъ, быстро неслась по лѣсу. Скоро миновали сторожку и вѣхали на гору, откуда была прямая дорога до крѣпости.

Впереди небо было точно покрыто заревомъ.

— Что это такое?—съ недоумѣніемъ спросила Зельда.

Съ каждой верстой зарево увеличивалось, но когда подъѣхали совсѣмъ близко, оно порѣдѣло.

Шипящій и рѣзкій шумъ стоялъ теперь въ воздухѣ. Одна за другой, описывая длинныя, кривыя линіи, поднимались вверхъ исполинскія огненные змѣи, ракеты. Онѣ звонко лопались наверху и разсыпались снопомъ яркобѣлыхъ звѣздочекъ, которыя тихо опускались на землю, тая и погасая одна за другой. Ракеты взлетали безостановочно, и вся окрестность была освѣщаема ими. Надъ самымъ полемъ струился синеватый, колеблющійся свѣтъ, который точно не касался земли, обливая сильными яркими лучами четырехугольныя щиты, разставленные въ разныхъ мѣстахъ, и всякій разъ, когда вылеталъ особенно густой снопъ ракетъ, поля сотрясались отъ тяжелаго залпа крѣпостныхъ орудій.

Шумъ отъ бороздящихъ небо ракетъ, отъ лопающихся снарядовъ и грохота орудій былъ такъ великъ, что нельзя было разговаривать.

— Это ночная стрѣльба,—сказалъ Султановъ Зельдѣ, взволнованной неожиданнѣмъ величественнымъ зрѣлищемъ.

Стрѣльба продолжалась. Электрическій свѣтъ лился съ гласиса, освѣщая снизу щиты, изображавшіе непріятельскія войска. Тающія въ воздухѣ звѣздочки озаряли ихъ сверху свѣтлыми лучами, и цѣль для орудій была совершенно открыта.

Селецкій наткнулся на сторожевую цѣпь и взялъ далеко въ сторону, чтобы не попасть подъ выстрѣлы. Послѣ этого коляска благополучно достигла крѣпости, и Султановъ ввелъ Зельду въ свой казематъ.

— Надѣлаетъ она вамъ хлопотъ, какъ вы думаете? — сказалъ Селецкій благодарившему его за услугу Султанову.

Тотъ уклонился отъ отвѣта и распрощался съ пріятелемъ.

Зельда сидѣла въ бурнусѣ, не снимая шляпки и перчатокъ, какъ гостя. Чемоданы и вещи ея лежали на полу. Теперь, когда не надо было спѣшить, дѣйствовать, Султановъ ощутилъ въ груди гнетущую тяжесть. Тайственный видъ Орѣшкина, поминутно входившаго въ комнату, раздражалъ его. Султановъ приказалъ приготовить себѣ кровать въ сосѣднемъ пустомъ казематѣ, уступивъ свою комнату Зельдѣ.

Всю эту ночь онъ провелъ безъ сна въ размышленіяхъ о ней. На душѣ у него было смутно и тяжело. Ему казалось, что онъ совершилъ дурное дѣло. Онъ вспомнилъ слова Якутова: «изъ этого не выйдетъ ничего хорошаго: вы и себѣ и ей причините много бѣды. Она, навѣрно, будетъ несчастна».

— Не будетъ,—упрямо заключилъ Султановъ и завтра же рѣшилъ объясниться съ полковникомъ.

На другой день онъ поднялся рано.

Чувство порядочности не позволяло ему оставлять Зельду у себя. Это значило бы прямо уронить ее въ глазахъ всей крѣпости. Онъ вспомнилъ о Ремешковѣ и рѣшилъ обратиться къ Домнѣ Филипповнѣ за совѣтомъ.

Старушка участливо выслушала его и сказала:

— Это, значить, та самая, что ѣздитъ къ Хаимъ-Арону. Охъ, и красива она, и привѣтлива. И отецъ у нея какой богатѣй. Вѣдь ежели вы законнаго брака желаете, такъ вамъ окрестить ее надо будетъ. Согласится ли она?

— Она согласна,—говорилъ Султановъ, увѣренный въ Зельдѣ.

— Ну, чтожъ, тутъ дурного я ничего не вижу, — продолжала старушка.—Дѣло ваше молодое. Вы благородный человекъ, и она не простая какая нибудь. Только вотъ что, какъ посмотреть на это ваше начальство. Вѣдь вамъ безъ позволенія командира никакъ жениться нельзя.

— Я это улажу,—отвѣтилъ Султановъ.

— Ну, если такъ,—произнесла Домна Филипповна: — и слава Богу. А меня она ничѣмъ не стѣснитъ. Пусть себѣ поживетъ до поры до времени.

— Но вы, конечно, позволите мнѣ, сколько тамъ будетъ стоять,—замаялся Султановъ.

— Ну, ну, батюшка, вы ужъ это оставьте. Какіе тамъ счеты. Что она меня объѣстъ, обопьетъ что ли? А мнѣ что понадобится, я сама къ вамъ приду. Въ другой разъ вы мнѣ поможете.

Отъ Домны Филипповны Султановъ отправился къ полковнику, но, не заставъ его дома, вернулся къ себѣ.

Зельда уже встала. Въ казематѣ было все прибрано. На столѣ сіялъ блестящій самоваръ. Орѣшкинъ принесъ сухарей и сливокъ. Зельда въ изящномъ розовомъ платѣ покойно и дружелюбно привѣтствовала Султанова. Ея видъ тотчасъ успокоилъ его и разогналъ его сомнѣнія. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ принялся за чай, который она налила ему.

Разговоръ шель о крѣпостныхъ порядкахъ и о службѣ. Ни однимъ словомъ Зельда не коснулась своихъ отношеній къ Султанову, хотя этотъ вопросъ былъ для нея теперь важнѣе всего. Онъ видѣлъ ея деликатность, но, такъ какъ не могъ ничего самъ сказать положительнаго, то предпочиталъ говорить о постороннихъ вещахъ.

Когда чай былъ убранъ, онъ послалъ Орѣшкина узнать, вернулся ли полковникъ.

— Дорогая Зельда,—сказалъ онъ.—Для того, чтобы мы могли обвѣнчаться, надо исполнить нѣкоторыя формальности. Это отниметъ нѣсколько времени, а пока (онъ покраснѣлъ) вамъ неудобно будетъ оставаться у меня. Это можетъ набросить тѣнь на васъ.

Зельда вспыхнула и потупилась.

— Но я не хочу,—горячо продолжалъ Султановъ,—чтобы могли

хоть въ чемънибудь упрекнуть васъ. У меня есть одна почтенная дама, которая охотно приметъ васъ къ себѣ. Я уже переговорилъ съ ней, и можно прямо отправиться туда. Я думаю, это лучше будетъ сдѣлать сегодня же.

Зельда съ признательностью взглянула на Султанова и проговорила:

— Я исполню все, что вы хотите.

Въ это время возвратившійся Орѣшкинъ доложилъ, что полковникъ дома. Султановъ надѣлъ пашку и отправился къ нему. Квартира полковника помѣщалась надъ канцеляріей и состояла изъ нѣсколькихъ свѣтлыхъ казематовъ, убранныхъ хорошей мебелью.

Съ чувствомъ непривычнаго волненія и съ неровно бьющимся сердцемъ, Султановъ вошелъ сюда. Онъ сознавалъ, что ему предстоитъ трудное дѣло.

— Что скажете? — спросилъ полковникъ, окидывая Султанова проницательнымъ взглядомъ.

На немъ была сѣрая широкая домашняя тужурка, изъ-подъ которой виднѣлся бѣлый жилетъ. Онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и курилъ изъ трубки съ большимъ янтарнымъ чубукомъ.

Путаясь и сбиваясь, поручикъ объяснилъ цѣль своего прихода. Когда онъ кончилъ, полковникъ, помолчавъ, проговорилъ:

— На сколько я могу судить, вы увезли некрещеную еврейку, можетъ быть, красивую, но во всякомъ случаѣ совершенно необразованную и невоспитанную, и желаете вступить съ ней въ бракъ. Что скажетъ отецъ и ея родные, объ этомъ вы не заботитесь. Да это и понятно, потому что на некрещеной нельзя жениться, а родители ужъ, конечно, никогда не согласятся, чтобъ она приняла крещеніе. Матеріальная сторона васъ также не интересуетъ, потому что вы можете сами внести реверсъ. Итакъ, вы становитесь семейнымъ человѣкомъ. Число нашихъ крѣпостныхъ дамъ увеличивается еще одной, быть можетъ, самой интересной и привлекательной.

Иронія, звучавшая въ голосѣ полковника, показалась Султанову оскорбительной, и онъ перебилъ его съ горячностью:

— Я понимаю, на что вы намекаете. Но во всякомъ случаѣ дѣвушка, на которой я остановилъ свой выборъ, ничѣмъ не ниже по рожденію и воспитанію большей части тѣхъ дамъ, съ которыми я имѣю честь быть знакомымъ.

— Вы это говорите? Прекрасно. Но вотъ проходить нѣсколько времени. Ко мнѣ являются отецъ и мать, заваривается цѣлая каша, жиды кричатъ: гевальт. Послушайте, голубчикъ, — вдругъ мѣняя тонъ, произнесъ полковникъ: — да вы это все серьезно? Вы слишкомъ молоды. Кровь у васъ горячая. Такіе вопросы нельзя рѣшать съ одного

маху. Тутъ дѣло идетъ о цѣлой жизни. Въ третьемъ году капитанъ Бончъ-Осмоловскій тоже увлекся хорошенькой еврейкой и увезъ ее къ себѣ, такъ дѣло до губернатора дошло. А что касается нашихъ дамъ, то онѣ наотрѣзъ отказались принять ее въ свою среду. Впрочемъ, правду сказать, на это имѣлись резоны. Ну, что тутъ долго толковать. Вотъ что я обо всемъ этомъ думаю: дѣвушку вы отправьте къ родителямъ. Впрочемъ, они сами не замедлятъ пріѣхать въ крѣпость, такъ это сдѣлать будетъ и очень удобно. Затѣмъ всякія глупости изъ головы выкиньте, а, если вамъ нужно провѣтриться, берите мѣсячный отпускъ и отправляйтесь въ Варшаву. Если у васъ нѣтъ денегъ, возьмите изъ офицерскаго капитала. Въ крайнемъ случаѣ я вамъ могу выдать рублей полтора изъ батальонныхъ суммъ. А когда вы поразсѣетесь, то тогда увидите, что я былъ правъ. Подумайте, вы только начинаете жить. Вся служба у васъ впереди. Вамъ надо идти въ академію. Чортъ побери, какъ нынче молодые люди не самолюбивы. Да если бы я былъ въ вашихъ годахъ, сталъ бы я думать о женитьбѣ! Вѣдь теперь для васъ это цѣпи. Ну, будь вы посолондѣе, я отъ души былъ бы радъ, что вы хотите завести свое гнѣздо. Но теперь, въ двадцать съ лишнимъ лѣтъ, это безуміе!

— Пусть такъ,—возразилъ упрямо Султановъ:—ваши доводы весьма убѣдительны, и я благодарю васъ, что вы говорите со мной не какъ начальникъ, а какъ расположенный ко мнѣ человѣкъ. Это самое даетъ мнѣ возможность отвѣтить вамъ вполнѣ откровенно и чистосердечно. Прежде всего, моя невѣста принадлежитъ къ сравнительно интеллигентной семьѣ, и по этому самому она мнѣ пара. Если она крестится и выйдетъ за меня, то крѣпостное общество должно признать ее моею женою. Кто хочетъ, будетъ со мной знакомъ, а кто не хочетъ, къ тому я насильно не пойду. Если вы будете совершенно противъ этого брака, то я уѣду въ отпускъ, женюсь и буду хлопотать о переводѣ. Во всякомъ случаѣ я гляжу на дѣло совершенно серьезно. Капитанъ Бончъ-Осмоловскій могъ увлекаться и могъ поступать, какъ ему было угодно. Но я вовсе не намѣренъ слѣдовать его примѣру.

Полковникъ, нахмурившись, выслушалъ это объясненіе.

— Признаюсь, я не ожидалъ отъ васъ ничего подобнаго. Разумѣется, все это возможно. Но теперь вы ставите вопросъ ребромъ: если будетъ по моему, останусь съ вами, а не будетъ, такъ уѣду. Это логично.

Полковникъ замолчалъ. вмѣсто прежняго волненія, Султановъ почувствовалъ въ себѣ твердость и готовность идти на всякія жертвы безъ уступокъ.

— Вотъ что я могу предложить вамъ,—сказалъ подумавъ полковникъ.—Я передамъ этотъ вопросъ на обсужденіе всѣмъ нашимъ офицерамъ. Я не хочу брать на себя никакой отвѣтственности. Мой

взглядъ вамъ уже извѣстенъ. Я считаю всякій бракъ для васъ преждевременнымъ, потому что вы слишкомъ молоды, а бракъ съ еврейкой совершенно невозможнымъ. Вѣроятно, такого же мнѣнія будутъ и ваши товарищи, хотя, разумѣется, я попрошу ихъ обсудить дѣло совершенно самостоятельно и ничуть не соображаясь съ моими воззрѣніями. Еще я долженъ предупредить васъ, что если ко мнѣ явятся жидаы, я принужденъ буду доложить обо всемъ коменданту. Дѣвушка у васъ?

Султановъ покраснѣлъ и проговорилъ:

— Нѣтъ, она здѣсь, у одного семейнаго резервнаго офицера.

— А, резервнаго. Ну, хорошо.

Полковникъ всталъ и протянулъ ему руку. Султановъ откланялся.

На возвратномъ пути онъ зашелъ къ Ремешковымъ и сообщил Домнѣ Филипповнѣ, что сейчасъ придетъ съ Зельдой.

— Ахъ, батюшки,—захлопотала старушка,—такъ надо ей все приготовить.

Султановъ поблагодарилъ ее за участіе и ушелъ.

Дома онъ засталъ Зельду въ слезахъ.

— О чемъ вы плачете? — спрашивалъ онъ, утѣшая ее: — все идетъ очень хорошо.

— Ахъ,—отвѣчала Зельда:—я очень устала. Когда вы ушли, мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ скучно, и я почувствовала себя совсѣмъ одинокой. Не думайте, что я дурная дочь. Я оставила свой домъ только ради васъ. Я знаю, что намъ трудно будетъ обвѣнчаться. Вамъ надо просить разрѣшенія начальника. Жены вашихъ товарищей будутъ гнушаться мною. Повѣрьте мнѣ, обо всемъ этомъ я столько разъ передумала. Не считайте меня пустой и легкомысленной. Чтобы сохранить сердце, я разбила душу. Если въ васъ нѣтъ твердости идти на встрѣчу препятствіямъ, лучше оттолкните меня теперь. Мнѣ будетъ легче.

— Нѣтъ, ни за что!—вскричалъ онъ:—да и какія это препятствія? Кому, въ самомъ дѣлѣ, я нуженъ? И кому какое дѣло, какъ сложится моя жизнь! Вы мнѣ ближе всѣхъ, и я съ вами не разстанусь.

Мало-по-малу ему удалось успокоить Зельду, послѣ чего онъ отправился вмѣстѣ съ ней къ Ремешковымъ.

Тамъ приняли ихъ очень привѣтливо. Султановъ провелъ въ этой радушной семьѣ весь остальной день.

XIII.

— Ну, заварили кашу,—сказалъ Игнатовичъ, входя утромъ къ Султанову:—я сейчасъ только изъ мѣстечка. Тамъ на площади у дома раввина собралась огромная толпа жидаовъ. Они шумятъ, гал-

дять. А больше всѣхъ Пейсахъ Залманъ и Хаимъ-Аронъ. На площади мнѣ говорили, что еще вчера прибыли сюда родители увезенной вами дѣвуши, которымъ уже извѣстно, что она въ крѣпости. Я посиѣшилъ уѣхать. Кажется, жида отправились сюда за мной слѣдомъ.

— Ну, чтожъ, — взволнованнымъ голосомъ возразилъ Султановъ:— пусть себѣ идутъ. Надо было ожидать этого. Я уже былъ у полковника, и ему все извѣстно.

— А, были. Это вы хорошо сдѣлали. Что же онъ вамъ сказалъ?

— Онъ сказалъ, что доложить коменданту въ случаѣ крайности, а, кромѣ того, предложить этотъ вопросъ на обсужденіе офицерамъ нашего батальона.

— Да, да,— проговорилъ торопливо Игнатовичъ:— у насъ сегодня будетъ засѣданіе, нѣчто въ родѣ офицерскаго суда. Можетъ быть, васъ позовутъ. Семейные офицеры очень возстаютъ противъ вашего поступка, что же касается до большинства, то оно за васъ. Голубчикъ, скажите откровенно, неужели вы въ самомъ дѣлѣ хотите жениться на ней?

— Извините меня, Игнатовичъ, я объ этомъ теперь вовсе не расположенъ говорить.

— Вѣрю, вѣрю. Смотрите, не моя ли правда? Вотъ жида.

По двору двигалась безпорядочная куча евреевъ, которымъ удалось пройти въ ворота крѣпости. Они направлялись къ канцеляріи сапернаго батальона. Впереди виднѣлись шохеть и дровяникъ. Евреи шли молча. Какая-то отчаянная рѣшимость была написана на ихъ возбужденныхъ лицахъ.

— Я совѣтую вамъ не показываться имъ на глаза, — сказалъ Игнатовичъ:— до свиданія, голубчикъ. Побѣгу въ канцелярію. Вѣроятно, тамъ произойдутъ интересныя вещи.

Съ этими словами онъ взялъ свою фуражку и торопливо вышелъ.

Вѣсть о появленіи еврейской депутаціи уже распространилась по крѣпости, въ которой всѣ знали о похищеніи еврейки. Кучки артиллеристовъ, саперовъ и резервистовъ собрались передъ казармами сапернаго батальона. Полковникъ приказалъ впустить евреевъ. Писаря съ улыбкой переглядывались между собой. Кромѣ полковника, тутъ находились: завѣдующій хозяйствомъ, адъютантъ, щеголеватый, жидкій юноша, дѣлопроизводитель, классный чиновникъ, выслужившійся изъ судейскихъ писцовъ, и два ротныхъ командира.

Когда Игнатовичъ вошелъ, полковникъ обратился къ адъютанту и сказалъ ему:

— Подите и узнайте, что имъ нужно.

Едва адъютантъ показался на порогѣ, евреи зашумѣли. Хаимъ-Аронъ выступилъ впередъ и, лихорадочно размахивая руками, быстро забормоталъ:

— Господинъ адъютантъ! А гдѣ же это видано? А развѣ можно такъ? Намъ надо до самого полковника. Увезли цурку почтеннаго человѣка, и такъ обидѣли его, такъ обидѣли его, что и сказать нельзя. А онъ же и самъ тутъ. Вотъ этотъ бѣдный человѣкъ. Что съ нимъ теперь будетъ? Ей было пятнадцать лѣтъ, и она считалась украшеніемъ его дома. Ужь, пожалуйста, доложите полковнику. Пусть онъ прикажетъ отдать дѣвушку. А больше намъ ничего не нужно. И уйдемъ мы тихо и смирно и никуда не будемъ жаловаться, и никто объ этомъ ничего не узнаетъ.

— Замолчите, — проговорилъ адъютантъ, ошеломленный потокомъ гортанныхъ звуковъ, плохо складывавшихся въ слова:—кто тутъ отецъ дѣвушки?

— Вотъ онъ, вотъ онъ,—загудѣли въ толпѣ, и толстый приземистый старикъ съ плѣшивой головой, прикрытой на затылкѣ сизой ермолкой, приблизился къ адъютанту.

— Это я,—проговорилъ онъ.

— Ваша фамилія?

— Берахія Генделе.

— Чего же вы хотите?

Еврей пришелъ въ неописанное волненіе.

— Добрые люди!—воскликнулъ онъ:—а еще меня спрашиваютъ, чего же я хочу. Чего можетъ хотѣть отецъ, у котораго взяли его дочь? Чего можетъ желать мать, у которой отняли ея ненаглядное дитя? Собака и та воеетъ, когда унесутъ у нея щенка. А, стало быть, мы хуже псовъ? Вы такъ думаете?

Толпа сзади заволновалась и зашумѣла.

Адъютантъ нашель, что всякіе дальнѣйшіе переговоры излишни, и вернулся къ полковнику.

— Тамъ отецъ этой дѣвушки съ родственниками. Они требуютъ выдачи ея.

— Ну, конечно,—проговорилъ полковникъ:—позовите сюда ея отца. Только его одного.

Адъютантъ, полуотворивъ дверь, крикнулъ:

— Берахія Генделе! Пожалуйста сюда.

Послѣ нѣкотораго колебанія еврей медленно вошелъ въ комнату. Онъ поклонился офицерамъ и молча остановился передъ столомъ, за которымъ сидѣлъ полковникъ.

— Вы за дочью?—кратко спросилъ тотъ.

— Разумѣется, такъ. А то за чѣмъ же бы я отправился въ крѣпость? Я торговый человѣкъ, и мнѣ время дорого. И какъ я могъ думать, что случится такое необыкновенное происшествіе. Это нигдѣ не слыхано. Хватаютъ дѣвушку и увозятъ ее. Я спрашиваю: кто? Мнѣ говорятъ: саперный офицеръ изъ крѣпости. Что же я дѣлаю? Я запрягаю лошадей и ѣду въ крѣпость. Я не хочу жаловаться. Я старый больной человѣкъ. Мнѣ никакъ невозможно

ходить по судамъ. Я прошу только отдать мое родное дитя. Я подхожу съ родственниками къ крѣпостнымъ воротамъ, и солдатъ говоритъ: никакъ нельзя войти. Я прошу его и двигаюсь впередъ. Онъ мнѣ даетъ такъ по лицу. Я ему говорю: ты меня бьешь, а мнѣ больно. Вотъ на тебѣ два рубля и пропусти насъ. И я ему далъ эти два рубля. Я ихъ не укралъ, я ихъ заработалъ. Онъ насъ пропустилъ. А развѣ это правильно? Днемъ до девяти часовъ еврей могутъ входить въ крѣпость. Прикажите отнять у него эти два рубля и отдать ихъ мнѣ.

Полковникъ постучалъ карандашомъ по столу и обратился къ адъютанту:

— Сейчасъ поплите узнать, кто дневальнымъ у воротъ.

— Ну, господинъ, Берахія Генделе, что же я могу для васъ сдѣлать?

Еврей необыкновенно удивился и развелъ руками.

— Вы? Вы? Что вы можете сдѣлать? Да развѣ вы не господинъ полковникъ? Вы можете послать за черноволосымъ, молодымъ, красивымъ офицеромъ и сказать ему: поручикъ, вы обидѣли этого старика, а потому поскорѣе возвращайте ему его цурку. Пусть онъ сажаетъ неразумную въ телѣжку и везетъ ее къ себѣ домой. Есть много русскихъ и польскихъ паненнокъ, которыя еще лучше. Стоить только доѣхать до Варшавы. Вѣдь, когда вамъ надоѣстъ бѣдная еврейка, вы выгоните ее въ толчки, и она скажетъ: гдѣ скрою позоръ мой?

Толпа не проронила ни одного слова Берахіи и, когда онъ кончилъ свою краснорѣчивую рѣчь, шумно заволновалась, выражая одобреніе.

Письмоводитель притворилъ плотнѣе дверь.

— Ну, вотъ я выслушалъ все, что вы мнѣ сказали, — произнесъ полковникъ, — и опять спрашиваю, что я могу для васъ сдѣлать?

Лицо Берахіи налилось кровью.

— Такъ вы не отдадите цурки? — трясаясь отъ гнѣва, шепотомъ проговорилъ онъ.

— Развѣ ваша цурка чернильница или вотъ этотъ карандашъ, которые можно взять и отдать кому угодно. Она сама знаетъ, что дѣлаетъ, и, кажется, не маленькая, совершеннolѣтняя.

Пылкій еврей не могъ сдержатъ своего раздраженія

— Конечно, не карандашъ! Конечно, не чернильница! — закричалъ онъ рѣзкимъ голосомъ, перебивая полковника. — Всякій мальчишка знаетъ, что такое цурка! Видно, вы хотите просто посмѣяться надъ бѣднымъ человѣкомъ. Я думалъ, что найду справедливость, а вижу совсѣмъ не то. Да, можетъ быть, я не такъ началъ. Не надо было требовать должнаго, а просить, какъ я просилъ тогда въ воротахъ, когда солдатъ билъ меня по лицу!

Намекъ былъ слишкомъ ясенъ. Полковникъ вспыхнулъ, но удержался. Офицеры зароптали.

— Жидъ, кажется, забывается,—послышался голосъ капитана Ерша.

— Господинъ Берахія Генделе, вы держите себя неприлично,—проговорилъ полковникъ:—мы, разумѣется, понимаемъ, что вы очень огорчены поступкомъ вашей дочери, котораго я съ своей стороны не могу одобрить. Дѣйствительно, она находится въ крѣпости. Но все это она сдѣлала по своему желанію. Я переговорю съ ней. Если она захочетъ, то пусть идетъ куда угодно.

— А вы велите ей сейчасъ прійти сюда.

— Это мое дѣло, когда послать за ней. Вы теперь можете идти.

— Что-же такое выходитъ? — воскликнулъ Берахія Генделе. — Я прихожу за цуркой, а мнѣ говорятъ: вы можете идти. Развѣ такъ бываетъ? Какъ же теперь я поѣду назадъ?

Онъ рѣзко покачалъ головой сверху внизъ и продолжалъ, поднимая указательный палецъ кверху:

— И все это я раньше зналъ. Но я такъ этого дѣла не оставлю. Я пойду къ коменданту, я пойду къ генераль-губернатору. Я не отступлюсь до тѣхъ поръ, покауда не отдадутъ мнѣ ея назадъ. Вы думаете, что мы не любимъ дѣтей нашихъ. Вы презираете и угнетаете насъ. Пусть, на то воля Божья. Наши испытанія еще не кончились. Но если дѣло безчестно, оно, всетаки, безчестно, кто бы его ни совершилъ, русскій или еврей.

Полковникъ, разговаривавшій съ Берахіей хладнокровно, вдругъ потерялъ терпѣніе и, вставъ, топнулъ ногой и крикнулъ:

— Сейчасъ вонъ!

Берахія изогнулся и еще выше поднялъ указательный палецъ:

— А почему вонъ?

Но офицеры уже его не слушали. Адъютантъ и Игнатовичъ повернули его за плечи и вытолкнули въ писарскую. Онъ дико вскрикнулъ. Толпа разразилась неистовымъ **вошемъ**.

Солдаты безъ приказанія полковника оцѣпили евреевъ и вытѣснили ихъ на дворъ. Здѣсь шумъ и беспорядокъ еще больше увеличились. Евреи гурьбой направились къ комендантскому дому. Но тутъ были предупреждены объ этомъ, и плацъ-адъютантъ приказалъ ихъ вывести изъ крѣпости, употребивъ въ случаѣ надобности силу. Все это было тотчасъ исполнено.

Когда крѣпостныя ворота захлопнулись за ними, они разразились бранью, посылая яростныя угрозы обитателямъ крѣпости. Затѣмъ они двинулись къ мѣстечку.

Подъ вечеръ Хаймъ-Аронъ вернулся одинъ въ крѣпость и, пользуясь своимъ правомъ поставщика, явился къ полковнику, который принялъ его очень сухо. Хаймъ-Аронъ говорилъ, что Зельда обручена съ его сыномъ, что Берахія Генделе ему родственникъ.

Онъ снова просилъ выслать изъ крѣпости бѣглянку. Но всѣ его просьбы не привели ни къ чему, такъ какъ полковникъ рѣшительно заявилъ, что самъ переговорить съ Зельдой, и въ ея волѣ будетъ—вернуться въ мѣстечко или остаться здѣсь.

Султановъ видѣлъ, какъ прошла еврейская депутація и какъ была выпровожена солдатами изъ крѣпости. Юркій Орѣшкинъ, сбѣгавшій въ роту, принесъ ему свѣжія свѣдѣнія, о томъ, что произошло въ канцеляріи. Султановъ сталъ беспокоиться за Зельду, такъ какъ ему хорошо были извѣстны злопамятность и мстительность евреевъ. Но онъ надѣялся, что крѣпостныя стѣны крѣпки, а ворота прочны, и что евреямъ трудно будетъ учинить какое нибудь насиліе надъ Зельдой. За себя же онъ не боялся. Онъ давно усвоилъ привычку не выходить за гласисъ безъ пашки и револьвера. Такъ это было принято и остальными офицерами.

На другой день распространился слухъ, что Ирмія Мурмисъ бѣжалъ съ гауптвахты, куда былъ посаженъ за кражу патроновъ. Въ этомъ происшествіи Султановъ увидѣлъ какое-то зловѣщее предзнаменованіе. Нервы его были разстроены, и вообще онъ былъ склоненъ видѣть и воображать то, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Между тѣмъ состоялся офицерскій судъ. Большинство изъ судей видѣло Зельду, которая прогуливалась съ Домной Филипповной и Ремешковымъ по крѣпостному бульвару. Она была хорошо одѣта и казалась застѣнчивой и скромной. А главное съ ней не было Султанова, который изъ чувства такта не рѣшался открыто показываться съ ней. Офицеры знали, что она принадлежитъ къ достаточной семьѣ. Она была красива и интересна. Нашлись охотники, которые даже позавидовали Султанову.

«Офицерскій судъ» состоялся въ квартирѣ завѣдующаго хозяйствомъ. Полковника тутъ не было. Офицеры пришли въ сюртукахъ и пашкахъ и съ официальными лицами. Всѣ усѣлись молча. Но тутъ подали чай, и когда предсѣдатель предложилъ перейти къ обсужденію извѣстнаго «инцидента», какъ выразился онъ, разговоръ принялъ тотъ домашній характеръ, который отличалъ всѣ семейныя собранія офицеровъ. Споровъ почти не было. Капитанъ Ершъ первый объявилъ, что онъ лично оправдываетъ Султанова, но только не знаетъ, что скажутъ батальонныя дамы. Къ этому заявленію присоединились и остальные.

Тѣмъ временемъ услужливый хозяинъ приказалъ подать закуску и вина, и когда бутылки съ разноцвѣтными ярлыками показались на столѣ, кто-то предложилъ послать за Султановымъ, что и было тотчасъ исполнено. Тотъ не замедлилъ явиться. Онъ былъ взволнованъ. Его матовое лицо казалось блѣднѣе обыкновеннаго.

— Судъ ли это?—спросилъ онъ вполголоса Игнатовича и адъютанта, съ которыми встрѣтился у дверей.

— Судъ, судъ, — проговорили они, и это хоромъ подтвердили остальные молодые офицеры.

— Что вы скажете, поручикъ Султановъ? — обратился къ нему председатель, пожилой, лысый подполковникъ съ окладистой бородой и живыми, темными блестящими глазами: — что побудило васъ къ такому поступку?

— Господа, — дрожащимъ голосомъ произнесъ поручикъ: — я хочу жениться на ней. Какъ вашъ товарищъ и сослуживецъ, прошу васъ помочь мнѣ.

Едва онъ кончилъ, офицеры тихо заговорили между собой, постепенно возвышая голосъ. Мало-по-малу поднялся страшный шумъ, за которымъ нельзя было слышать, что говорилъ председатель. Но когда молодые офицеры стали пожимать Султанову руку и поздравлять его, онъ понялъ, что его дѣло выиграно.

Послѣ этого хлопнули пробки, вино полилось рѣкой, и судейская трибуна мигомъ превратилась въ пиршественную залу. Султановъ сѣлъ за столъ вмѣстѣ съ другими. Оправдательный приговоръ подалъ поводъ къ веселымъ тостамъ.

Между тѣмъ полковникъ, дожидавшійся у себя въ квартирѣ рѣшенія суда, потерялъ терпѣніе и послалъ за адъютантомъ. Тотъ немедленно отправился къ нему и доложилъ о рѣшеніи офицеровъ.

— Я очень радъ, — сказалъ полковникъ: — будьте такъ любезны, сходите къ Ремешковымъ, у которыхъ находится эта молодая дѣвушка, ее зовутъ, кажется, Зельда Борисовна, и попросите ее пожаловать ко мнѣ. Я надѣюсь, она не откажется пойти съ вами. Но во всякомъ случаѣ вы ей скажите, что это необходимо для рѣшенія вопроса объ ея дальнѣйшемъ пребываніи въ крѣпости. Я задержу ее не больше десяти минутъ. Такъ я васъ жду, голубчикъ.

Адъютантъ бодро отправился въ путь. Зельда любезно приняла его, но Домна Филипповна пришла въ безпокойство.

— Ахъ, ты, Боже мой, нельзя не идти, а, упаси Боже, командиръ разгнѣвается да накричитъ на васъ. Я слышала, онъ чловѣкъ горячій.

Адъютантъ увѣрялъ, что ничего подобнаго не будетъ. Зельда надѣла шляпку, накинула тальму и пошла съ нимъ.

До квартиры полковника было всего нѣсколько шаговъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ Зельда вошла въ кабинетъ, въ которомъ принялъ ее полковникъ. Онъ усадилъ ее въ кресло и плотно затворилъ дверь въ залу, гдѣ остался адъютантъ, который долженъ былъ отвести ее обратно. О чемъ полковникъ говорилъ съ Зельдой, онъ не слышалъ, но, когда она вышла, лицо ея обличало сильное внутреннее волненіе, и въ глазахъ у нея блистали счастливыя слезы. Она крѣпко пожимала полковнику руку и повторяла:

— Вы такъ добры, такъ добры. Я этого никогда не забуду.

И самъ полковникъ казался растроганнымъ.

— Какая прелестная и милая дѣвушка,—сказалъ онъ вполголоса адъютанту, провожая его до дверей.

Покинувъ своихъ товарищей, Султановъ поспѣшилъ къ Зельдѣ и съ радостью узналъ отъ нея о радушномъ приѣмѣ, оказанномъ ей полковникомъ. Такимъ образомъ главное препятствіе было устранено. Теперь оставалось переговорить со священникомъ о крещеніи Зельды и найти воспріемниковъ.

На слѣдующій день Султановъ принялся хлопотать объ этомъ. Крестнымъ отцомъ пожелалъ быть самъ полковникъ. Но когда Султановъ зашелъ къ крѣпостному священнику, то тутъ ему встрѣтилось неожиданное затрудненіе. Благообразный, сѣдой старичекъ, настоятель крѣпостнаго собора, съ ласковой улыбкой выслушавъ Султанова, сказалъ ему:

— Окрестить вашу невѣсту я съ великой радостью окрещу, но какъ же я обвиняю васъ?—вѣдь со вчерашняго дня начался Филипповскій постъ.

— Какъ постъ?—воскликнулъ Султановъ съ стѣсненной душой.

— Ну, да, Рождественскій шестинедѣльный постъ. Придется обождать. Въ мясоѣдъ и справите свадьбу.

— Полтора мѣсяца,—размышлялъ пораженный Султановъ:—и какъ я могъ упустить это изъ виду?

Однако дѣлать было нечего. Надлежало покориться обстоятельствамъ. Зельда продолжала жить у Ремешковыхъ. Такъ прошло нѣсколько времени.

Однажды къ Зельдѣ подъ видомъ фактора изъ мѣстечка явился посланный отъ свинярскаго кагала. Онъ сообщилъ, что кагалъ требуетъ, чтобы она добровольно возвратилась въ родительскій домъ, а иначе на нее будетъ наложена шамта (временное отлученіе).

— Госпожѣ извѣстно, — прибавилъ онъ: — что, кого не покоряетъ ниуду¹⁾, на того возлагаютъ херемъ.

Зельда, ничего не отвѣтивъ, вышла изъ комнаты. Посланный удалился.

XIV.

У Хаимъ-Арона было торжественное собраніе. Въ кагальной комнатѣ засѣдали раввинъ, предводитель мѣстечка, равно какъ и почтенные члены общины. Они рѣшали вопросъ о способахъ взиманія поголовнаго налога со всѣхъ еврейскихъ жителей кагальнаго района. Сборъ, который долженъ былъ получиться, предназначался для особой цѣли. За нѣсколько времени передъ тѣмъ въ край было командировано административное лицо, облеченное могущественной властью и извѣстное своимъ нерасположеніемъ къ

¹⁾ То же, что шамта.

евреямъ. Съ его прибытіемъ начались для нихъ стѣсненія, которымъ не предвидѣлось конца. Въ виду этого экстраординарный соединенный съѣздъ представителей еврейскихъ общинъ всего края постановилъ учредить особый налогъ и полученные деньги отослать въ Петербургъ для необходимыхъ и немедленныхъ подкуповъ.

Вопросъ, подвергнутый обсужденію этого почтеннаго собранія, былъ не изъ легкихъ. Не смотря на всю свою изобрѣтательность и изворотливость, мудрые предводители часто становились втупикъ, что взять у того или другаго неимущаго жителя мѣстечка. И тутъ-то открывалось широкое поле для того, кто желалъ показать свое ораторское искусство и всю тонкость коммерческаго соображенія. Какъ всегда это бываетъ, искомый выходъ находится, и почтенные мужи постепенно приближали дѣло къ концу.

Когда списокъ евреевъ, обложенныхъ новымъ налогомъ, былъ весь пройденъ, то по знаку раввина соферъ всталъ и, раскрывъ новую бумагу, прочелъ:

«Отъ рабби Зевъ-Вольфа, сына рабби Цеви-Гирша, отъ рабби Іоиль-Фойтеля, сына рабби Арона, рабби Осеи, сына рабби Эмакумъ-Геца, отъ рабби Дувида, сына Іерухима (затѣмъ чтець произнесъ еще нѣсколько еврейскихъ именъ членовъ кагала), мудрецамъ, представителямъ іешивотовъ ¹⁾ и старѣйшинамъ привѣтъ! Мы увѣдомляемъ васъ, что дочь почтеннаго богача ребе Берахія Генделе Зельда изъ Свиляръ самовольно скрылась изъ родительскаго дома и пренебрегла посланными ей отъ насъ увѣщаньями, равно какъ и наложеннымъ на нее за это тридцатидневнымъ нидуемъ, который не покорилъ ея. Поэтому мы возложили на нее херемъ и просимъ васъ о томъ же: и вы возлагайте на нее херемъ ежедневно, объявляйте публично, что хлѣбъ ея есть хлѣбъ не еврея, вино ея—вино «несехъ» идолослуженія ²⁾, овощи ея осквернены, книги ея суть книги волшебниковъ. Оторвите ея мезызе. Вы не должны ни ѣсть, ни пить съ нею, ни совершать обрѣзанія надъ ея сыномъ, ни обучать дѣтей ея закону, ни хоронить ихъ, ни принимать въ братства. Чашу, которую она опорожнитъ, должны выполоскать и вообще обращаться съ ней, какъ съ каждымъ нахри (неевреемъ)».

Когда соферъ кончилъ, Хаимъ-Аронъ всталъ и предложилъ почтеннымъ мужамъ и предводителямъ въ назиданіе прочимъ совершить обрядъ произнесенія херема при особой, торжественной обстановкѣ, и собраніе дало на это свое согласіе.

Въ тотъ же вечеръ синагога мѣстечка представляла мрачный фантастическій видъ. Со всѣхъ сторонъ къ ней стекались, мель-

¹⁾ Высшихъ талмудическихъ учебныхъ заведеній.

²⁾ Вино, къ которому прикоснулся нееврей, есть вино «несехъ» идолослуженія.

кая, какъ призракъ, люди въ темныхъ одеждахъ, держа въ рукахъ черныя, восковыя свѣчи. Они молча становились вокругъ большого чана. Трепетный, багровый свѣтъ падалъ на стѣны, не проникая въ углы, которые тонули во мракѣ. Грозное средневѣковое таинство, еще ни разу не совершавшееся здѣсь при такой торжественной обстановкѣ, леденило мистическимъ ужасомъ сердца присутствующихъ.

Вотъ выступилъ раввинъ, держа въ рукахъ страшный актъ херема, и суровымъ голосомъ началъ произносить священныя слова, которыя по временамъ сопровождались звуками трубъ стоявшихъ поодаль трубниковъ:

«Силою міра и священнаго слова мы уничтожаемъ, заклинаяемъ, истребляемъ, позоримъ и проклинаяемъ во имя Бога, кагала и этого священнаго завѣта, во имя 613 завѣтовъ Божіихъ, изложенныхъ въ этомъ завѣтѣ. Херемомъ, которымъ Иисусъ Навинъ проклиналъ городъ Іерихонъ; проклятіемъ, которымъ Елисей встрѣтилъ преслѣдовавшихъ его мальчиковъ и слугу Гіезію, уничтоженіемъ, которому Баракъ обрекъ морозъ; шамтою, которая была употреблена членами великаго собора и равви Іудюю, сыномъ Езекииля, противъ нѣкоего служителя; всѣми херемами, проклятіями, заклинаньями, изгнаньями и уничтоженьями, которыя были употребляемы со временъ Моисеевыхъ до сего дня. Во имя Бога Акатриеля, Бога Цабаота, во имя архангела Михаила, великаго начальника, во имя Метатрона, который нареченъ именемъ своего равви ¹⁾, во имя Сандалфона, который плететь вѣнки для своего равви ²⁾, во имя того Бога, которое составлено изъ 42 буквъ; именемъ, которымъ Моисей раздѣлилъ море, именемъ Эе. Тайнственною силою имени Бога, силою буквъ, которыми написаны были скрижали завѣта; именемъ Бога Цабаота, Бога Израиля, сидящаго на херувимахъ: именемъ колесницы святой и всѣхъ живущихъ въ небесахъ, силою именъ всѣхъ ангеловъ, служащихъ Богу, и всѣхъ святыхъ архангеловъ, обитающихъ въ вышнихъ, каждаго сына и дочь Израиля, который нарушитъ наше постановленіе.

«Да будетъ проклята она отъ Бога Израиля, сидящаго на херувимахъ. Проклята она будетъ отъ священнаго и страшнаго имени Бога, которое произнесено было первосвященникомъ въ судный день. Проклята она будетъ небомъ и землею. Проклята она будетъ высшею силою. Проклята она будетъ великимъ начальникомъ Михаиломъ. Проклята она будетъ Метатрономъ, который нареченъ именемъ своего равви. Проклята она будетъ Богомъ Акатриеля, Богомъ Цабаота. Проклята она будетъ Серафимами, Колесницами и всѣми обитателями неба и пресвятыми и пречистыми служителями Всевышняго.

¹⁾ Бога.

²⁾ Бога.

Если она родилась въ мѣсяцѣ Нисана, въ которомъ господствуетъ архангелъ Уріель, то будь она проклята отъ этого архангела и въ всѣхъ ангеловъ его. Если она родилась въ мѣсяцѣ Айора, въ которомъ управляетъ архангелъ Цзапніль, то будь она проклята отъ этого архангела и всѣхъ ангеловъ его. Если она родилась въ мѣсяцѣ Сиванъ, которымъ управляетъ архангелъ Амриель, и т. д. Если она родилась въ мѣсяцѣ Тамузъ, которымъ управляетъ архангелъ, Пеніель и т. д. Если она родилась въ мѣсяцѣ Аббъ, которымъ управляетъ архангелъ Баркиель, и т. д. Если она родилась въ мѣсяцѣ Елюль, которымъ управляетъ архангелъ (тутъ имени архангела нѣтъ), и т. д. Если она родилась въ мѣсяцѣ Тисрѣ, которымъ управляетъ архангелъ Цуриель, и т. д. Если она родилась въ мѣсяцѣ Хешвонъ, которымъ управляетъ архангелъ Базкриель, и т. д. Если она родилась въ мѣсяцѣ Кисловъ, которымъ управляетъ архангелъ Адуніель, и т. д. Если она родилась въ мѣсяцѣ Тейветъ, которымъ управляетъ архангелъ Еноель, и т. д. Если она родилась въ мѣсяцѣ Швотъ, которымъ управляетъ архангелъ Габриель, и т. д. Если она родилась въ мѣсяцѣ Адоръ, которымъ управляетъ архангелъ Руміель, то будь она проклята отъ этого архангела и всѣхъ ангеловъ его. Будь она проклята отъ семи архангеловъ, управляющихъ семью днями недѣли, и отъ всѣхъ ангеловъ ихъ. Будь она проклята отъ четырехъ архангеловъ, управляющихъ четырьмя временами года, и отъ всѣхъ ангеловъ ихъ. Будь она проклята отъ семи храмовъ. Будь она проклята отъ всѣхъ началъ закона именемъ короны и печати. Будь она проклята устами Бога великаго, сильнаго и страшнаго. Да поспѣшитъ къ ней несчастіе Божіе. Создатель, истреби и уничтожь ее! Боже Создатель, сокруши ее! Боже Создатель, покори ее! Гнѣвъ Божій да разразится грозою чадъ ея головою. Дьяволы да встрѣтятъ ее. Будь она проклята, гдѣ она обрѣтется. Духъ ея да улетитъ скоростижно, нечистая смерть да схватитъ ее, и мѣсяца она не окончитъ. Да накажетъ ее Господь чахоткою, горячкою, воспаленіемъ, помѣшательствомъ и мечемъ, язвою и желтухою. Мечемъ собственнымъ да пронзитъ она грудь свою, и сокрушатся ея стрѣлы. Да будетъ она, какъ мякина, которою вѣтеръ играетъ, и ангелъ Божій да преслѣдуетъ ее. Путь ея да будетъ опасенъ, покрытъ тьмою, и ходящій по нему да будетъ гонимъ ангеломъ Божіимъ. Да встрѣтитъ ее необыкновенное отчаяніе, и попадетъ она въ сѣть, поставленную ей Богомъ. Да будетъ она изгнана изъ царства свѣта въ царство тьмы и изъ міра извержена. Несчастіе и печаль пугать ее будутъ. Глазами своими она зрѣть будетъ удары, постигающіе ее, и насытится она гнѣвомъ Всемогущаго, проклятіемъ она облечется, какъ ризою, сама она себя уничтожитъ, и Богъ сокрушитъ ее на вѣки. Не дастъ ей Богъ прощенія. Напротивъ, гнѣвъ и месть Божія разольются на нее, и вселятся въ ней всѣ проклятія, написанныя въ законѣ. И сотрется

имя ея изъ поднебесной, и обречь ея Богъ на несчастія вѣсь всѣхъ колѣнъ Израиля по проклятiямъ союза, написаннымъ въ законѣ. Вы же, которые Бога вашего держитесь, живите всѣ¹⁾»).

Когда чтенiе этого ужаснаго акта кончилось, каждый бросилъ свою свѣчу въ чанъ. Горящiй фитиль съ шипѣнiемъ потухалъ, и надъ чаномъ заклубился удушливый дымъ. Наступилъ мракъ, среди котораго съ величайшей торжественностью раввинъ громогласно изрекъ:

— Аминь!

— Аминь, аминь!—дикими голосами повторяли присутствующiе, и, казалось, изрыгнутое проклятiе, воплотившись въ какой-то мрачный образъ, продолжало носиться въ воздухѣ.

Потрясенные и взволнованные фанатики медленно разошлись по домамъ.

XV.

Приближалось Рождество. Стояла мягкая, безснѣжная зима съ постоянными оттепелями и легкими утренниками. Въ крѣпости все шло по заведенному порядку. Зельда приняла крещенiе и продолжала жить у Ремешковыхъ. Теперь ея всѣ здѣсь считали своей. Иногда она даже появлялась въ военномъ собранiи и посѣщала семейства офицеровъ.

Вѣсть объ ея измѣнѣ религiи предковъ, дошедшая до Свиняръ, ужаснула и привела въ ярость фанатическое населенiе, среди котораго отступничество являлось неслыханною вещью. Какъ потомъ оказалось, рѣшено было подвергнуть ея жестокой карѣ. Но въ крѣпость было проникнуть не легко, и потому словесныя угрозы херема оставались пока лишь пустыми звуками. Но, тѣмъ не менѣе, оскорбленные родственники учредили тайный строгiй надзоръ надъ Зельдой и сторожили каждый ея шагъ. Но она не догадывалась объ этомъ и думала, что евреи оставляютъ ея въ покоѣ, такъ какъ, по ихъ ученiю, всякiй, измѣнившiй закону, считался умершимъ.

Султановъ не могъ дождаться дня свадьбы. Время тянулось для него невыносимо медленно. Онъ не раздѣлялъ возрѣнiй Зельды на евреевъ и мысленно порѣшилъ ѣхать съ ней при первой возможности въ Петербургъ, гдѣ предполагалъ поступить въ академiю.

Однажды онъ засидѣлся у Ремешковыхъ. Тутъ собралось небольшое общество. Были дамы и нѣсколько саперныхъ и артиллерiйскихъ офицеровъ. Всѣмъ было очень весело. Игнатовичъ, нахо-

¹⁾ Здѣсь изложено каноническое проклятiе, составляющее самую могущественную силу въ рукахъ раввиновъ противъ слѣпой ортодоксальной толпы. При такой дѣйствующей на воображенiе обстановкѣ херемъ произносится лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и точно такъ, между прочимъ, было произнесено проклятiе Спинозѣ, какъ видно изъ книги «An Account of the life Writings of Spinoza, London, 1720».

дившіяся въ числѣ гостей, предложилъ даже устроить танцы, что по недостатку мѣста оказалось рѣшительно невозможнымъ. Послѣ сытнаго ужина, на которомъ Домна Филипповна показала себя, гости хотѣли уже разойтись, какъ вѣстовой Ремешкова явился съ извѣстіемъ, что въ мѣстечкѣ сильный пожаръ.

— Такъ жарко горитъ,—говорилъ онъ:—близко подойти нельзя.

— Поѣдьте на пожаръ,—предложилъ кто-то.

Мысль эта тотчасъ встрѣтила общее сочувствіе. Офицеры бросились хлопотать о лошадяхъ, и черезъ нѣсколько времени двѣ казенныя коляски съ грохотомъ выѣхали изъ крѣпости.

Была черная ночь. Зловѣщее зарево стояло надъ мѣстечкомъ. Яркій сношъ огня вырывался изъ нѣсколькихъ домовъ, находившихся на площади. Какъ на бѣду, дулъ порывистый вѣтеръ, вихремъ взметая огненные искры, которыя, высоко поднявшись, медленно сыпались внизъ. Издали неслись отчаянные вопли обезумѣвшихъ жителей и крики о помощи. Изъ крѣпости былъ уже высланъ пожарный обозъ. Солдаты самоотверженно работали насосами и растаскивали баграми охваченныя огнемъ постройки. Не смотря на позднюю пору, никто въ мѣстечкѣ не спалъ. Въмѣсто того, чтобы помогать солдатамъ, евреи разбѣгались, когда ихъ звали качать воду.

Выбирались изъ всѣхъ домовъ, даже стоявшихъ за вѣтромъ. Плача и причитая, старыя безобразныя еврейки костлявыми руками беспорядочно набрасывали въ сундуки и комоды свою рухлядь и при помощи мужей и братьевъ вытаскивали вещи въ поле. Тѣ, кто успѣлъ вынести всѣ пожитки, присоединялись къ охваченной безумнымъ любопытствомъ и страхомъ толпѣ, собравшейся на площади.

По мѣрѣ того, какъ коляски приближались къ пожару, все ярче и нагляднѣе выражалась та паника, которая охватила мѣстечко. Какъ стадо барановъ, евреи бросались съ мѣста на мѣсто, то перебѣгая дорогу, то съ плачемъ кидаясь въ пустыри, то падая въ судорожныхъ рыданіяхъ на перины и подушки, выброшенныя изъ домовъ.

Еще ни разу въ жизни Султановъ не видалъ такихъ паразитическихъ сценъ отчаянія и малодушія, какія представлялись здѣсь на каждомъ шагу. Тутъ молодая мать, вытащивъ послѣднюю убогую скамью изъ избы, къ которой приближался пожаръ, безучастно садилась на грудь своего имущества, закрывъ лицо руками и позабывъ о малолѣтнихъ дѣтяхъ, оставленныхъ въ хатѣ и испускавшихъ отчаянные крики. Тутъ старый еврей съ красными воспаленными глазами, какъ привидѣніе, хромяя, шелъ по дорогѣ, обвѣшанный связками чеснока, которыя опускались у него съ плечъ до земли и волочились по ней. Эти связки походили на исполинскія плети, усаженныя луковицами. Огонь еще далеко не

достигъ его лачуги, но онъ уже помѣшался отъ отчаянія, хотя успѣлъ спасти весь свой товаръ, которымъ торговалъ, и весь капиталъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ рублей, зашитыхъ въ потайной исподній карманъ. Тутъ толстый шинкаръ умолялъ солдатъ отстоять его заведеніе, въ окнахъ котораго виднѣлись соблазнительныя стекляницы съ живительной влагой съ разноцвѣтными ярлыками, столь часто возбуждавшими зависть въ прохожихъ. И какой великолѣпный видъ имѣли теперь эти стекляницы! Кровавые лучи огня дробились на нихъ, и онѣ казались состоящими изъ драгоценныхъ камней и чистаго золота. Но вотъ длинный красноватый языкъ лизнулъ прилавокъ и взвился по стѣнѣ. Одна изъ бутылей лопнула, выбросивъ потокъ жидкости, охваченной голубымъ пламенемъ. Въ тотъ же мигъ звонъ стекла и трескъ разбитой посуды слились въ одинъ адскій, оглушительный концертъ— послѣдній, которому суждено было раздаваться въ стѣнахъ этого веселаго заведенія.

Между тѣмъ солдаты выбились изъ силъ. Напрасно Султановъ и другіе офицеры обращались къ толпѣ, убѣждая ее взяться за насосы. Евреи отбѣгали прочь съ визгливыми криками. Потерявъ терпѣніе, Султановъ самъ схватилъ багоръ и принялся за работу. Его примѣру послѣдовали и другіе офицеры. Дамы вышли изъ колясокъ, которыя принуждены были отъѣхать, такъ какъ лошади пугались огня.

Пламя перекинуло черезъ нѣсколько домовъ. Суматоха и паника еще болѣе усилились. Среди гула пожара и треска падавшихъ балокъ Султановъ вдругъ различилъ громкій молящій крикъ. У него сжалось сердце. Тяжелое предчувствіе охватило его. Бросивъ багоръ, онъ поспѣшилъ къ коляскѣ, призывая Зельду. Ея нигдѣ не было. Безумный страхъ овладѣлъ имъ. Игнатовичъ и другіе офицеры кинулись на розыски. На дорогѣ показалась полурота, отряженная на пожаръ. Султановъ упросилъ командира дать ему нѣсколькихъ солдатъ и съ ними перерылъ всѣ дома мѣстечка. Зельда точно канула въ воду. Никто изъ офицеровъ не сомнѣвался въ томъ, что ее похитили мстительные евреи. Но дѣлать было нечего. Игнатовичъ, не дождавшись конца пожара, отвезъ убитаго отчаяніемъ Султана домой.

Вся крѣпость была поражена неслышанною еврейскою дерзостью. По требованію каменданта, вся мѣстная полиція была поднята на ноги. Тотчасъ телеграфировали о случившемся губернатору, немедленно поручившему слѣдствіе особо назначенному чиновнику. Но всѣ розыски не привели ни къ чему.

Султановъ не зналъ результатовъ ихъ: онъ лежалъ въ нервной горячкѣ.

Черезъ нѣсколько времени въ крѣпости распространился слухъ, что Зельду подвергнули безчеловѣчнымъ истязаніямъ, среди кото-

рыхъ она умерла. Другіе утверждали, что ее просто обрекли на вѣчное заточеніе, но какъ бы тамъ ни было, съ этихъ поръ всякія вѣсти о Зельдѣ прекратились.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Султановъ благополучно миновалъ Сциллу и Харибду академіи и вышелъ на ту дорогу, о которой такъ много и бесплодно мечтаютъ армейскіе офицеры, и которая и тутъ въ концѣ концовъ бываетъ иной разъ обманчивой. На службѣ ему повезло. Онъ остался въ Петербургѣ. Мѣсто было у него покойное и на виду. Онъ любилъ общество, но охотнѣе всего посѣщалъ только нѣсколько домовъ, гдѣ его принимали, какъ своего. Однажды онъ отправился на одинъ изъ тѣхъ большихъ блестящихъ баловъ, которые устраиваются два, три раза въ сезонъ, которыми гордится Петербургъ, и которые на самомъ дѣлѣ представляютъ изъ себя выставку сомнительныхъ костюмовъ и сомнительныхъ лицъ всѣхъ сортовъ.

Скучая и избѣгая тѣсноты, Султановъ ушелъ въ дальнюю залу. Тамъ онъ встрѣтилъ высокаго, пожилаго господина съ бѣлыми усами подъ руку съ молодой, стройной, темноглазой дѣвушкой. Онъ узналъ ихъ. Это былъ генералъ Гауптъ съ дочерью. Генералъ очень обрадовался встрѣчѣ съ нимъ.

— Мы тутъ, какъ въ лѣсу,—говорилъ онъ:—знакомыхъ нѣтъ. Мои сослуживцы или умерли или разъѣхались кто куда. Мы пріѣхали сюда повеселиться, а вмѣсто того сидимъ взаперти въ гостинницѣ по цѣлымъ днямъ и никуда носа не показываемъ. Вы ужъ, пожалуйста, безъ церемоніи къ намъ. Вотъ надумали мы отправиться сюда. Афиши саженыя. Въ газетахъ пишутъ, что балъ будетъ и блестящій, и электрическій, и художественный, а на самомъ дѣлѣ, кажется, собрались сюда только горничныя да лакеи. То ли дѣло въ мое время. Вотъ тогда точно были балы. Если французскій, такъ русскаго слова не услышишь. Если польскій, такъ точно попалъ въ самое варшавское пекло. И веселиться же умѣли, не нынѣшнимъ чета.

Александра Матвѣвна молчала. Она казалась утомленной и, сославшись на головную боль, вскорѣ уѣхала съ отцомъ.

Черезъ нѣсколько дней Султановъ посѣтилъ ихъ. Генерала не оказалось дома. Александра Матвѣвна приняла его съ нѣкоторой холодностью. Разговоръ не вязался. Султановъ собрался уже уѣзжать, какъ она сказала ему:

— А помните Зельду?

— Помню,—тихо проговорилъ онъ.

Воспоминанія охватили его. Ему представилась далекая крѣпость, затерянная въ болотистой равнинѣ, безмолвная, могучая рѣка, тѣсныя казематы...

— А вѣдь я не знаю, что съ ней стало, — помолчавъ, прибавилъ онъ.

— И мы все не знаемъ, — съ живостью проговорила Александра Матвѣевна: — но, кажется, ея не пощадил. Думаете ли вы когданибудь о ней?

— Мнѣ объ этомъ тяжело говорить. Я до сихъ поръ не могу забыть тѣхъ страшныхъ минутъ, которыя я пережилъ, когда ее похитили.

— Знали ли вы, — спросила Александра Матвѣевна: — что она была близка мнѣ?

— Нѣтъ, не зналъ.

— Послѣдніе два года она почти каждый день приходила къ намъ и проводила со мной цѣлыя часы. Мы вмѣстѣ работали, занимались. Ахъ, у нея было прекрасное сердце! Она была искренне расположена ко мнѣ. Она всегда, какъ живая, стоитъ предо мной.

— На какія печальныя размышленія вы меня навели: это одна изъ самыхъ ужасныхъ страницъ въ моей жизни. Кто виноватъ тутъ? Я, она? Или вправду надобно такъ сдерживать себя, чтобы исполнять только то, что совершается по разъ заведенному порядку, и малѣйшее отступленіе влечетъ за собой жестокое наказаніе?

— Я не знаю, кто виноватъ, но во всякомъ случаѣ вы хоть отчасти могли догадываться, что могло угрожать вамъ и ей. Но нѣтъ, виноваты мы сами: наша вина въ томъ, что мы забываемъ, что все люди братья, и что всехъ надо любить и призывать къ любви. Подобно тому, какъ огонь тушится только водой, а не огнемъ же, такъ и зло погашается лишь любовью. Конечно, евреи дурны, алчны, корыстолюбивы и угнетаютъ тѣхъ, кто попадаетъ имъ въ руки. Но развѣ ихъ нельзя сдѣлать лучшими? Развѣ нельзя посѣять въ ихъ сердцахъ сѣмена любви и добра? И вотъ гдѣ таится истинная причина того, что произошло. Бѣдная Зельда!

— У меня есть ея портретъ, — сказалъ помолчавъ Султановъ: — она мнѣ подарила свою карточку, и вотъ здѣсь въ Петербургѣ я заказалъ съ нея портретъ масляными красками въ натуральную величину. Сходство удалось вполне.

— Я хотѣла бы взглянуть на него.

— Я вамъ привезу.

Спустя нѣсколько времени, онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Александра Матвѣевна долго смотрѣла на портретъ, и слезы показались на ея глазахъ.

— Да, она очень похожа. И какъ странно, художникъ схватилъ именно то выраженіе наивной довѣрчивости и чистоты, которое было такъ свойственно ей.

Зельда была изображена въ бѣломъ платьѣ, и въ пышныхъ волосахъ ея, собранныхъ греческой прической на затылкѣ, была

воткнута палевая роза. Сложивъ руки на груди, она кротко и задумчиво глядѣла, какъ живая, на полотнѣ.

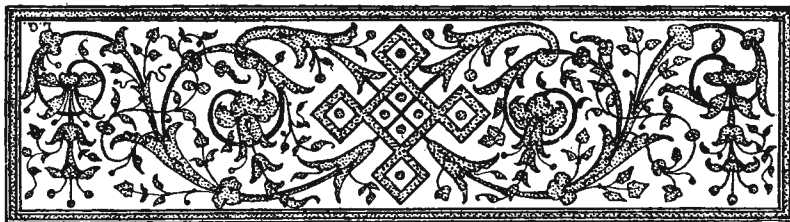
Послѣ этого Султановъ сталъ часто бывать у Гауптъ. Александра Матвѣевна относилась къ нему дружелюбно. Они подолгу разговаривали между собой. И по мѣрѣ того, какъ они ближе узнавали другъ друга, воспоминаніе о Зельдѣ блѣднѣло. Но въ немъ устранилась лишь яркая, живая реальность совершившагося факта, и сохранилось то настроеніе, которое неизмѣнно являлось у обоихъ при имени Зельды. Александра Матвѣевна подмѣтила это и однажды выразилась такъ:

— Точно краски перешли въ музыку.

Султановъ пришелъ въ восхищеніе отъ этого опредѣленія. Но теперь онъ былъ вообще склоненъ восторгаться своей увлекательной собесѣдницей. Ея поэтическая, богато одаренная натура становилась ему ясной. Онъ сознавалъ, что любить ее. Весною Гауптъ переѣхали на дачу въ Павловскъ, и здѣсь Султановъ сдѣлалъ Александрѣ Матвѣевнѣ предложеніе, которое было принято. Въ ту же осень состоялась ихъ свадьба.

Анатолій Леманъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

ВТЕЧЕНИЕ моей жизни мнѣ приходилось встрѣчаться съ нѣкоторыми изъ извѣстныхъ дѣятелей литературы и искусства. Впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ этихъ встрѣчъ, я заносилъ въ записную книжку, отмѣчая въ ней также и все то, что казалось мнѣ заслуживающимъ вниманія изъ рассказовъ другихъ лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ тѣмъ или другимъ изъ выдающихся русскихъ дѣятелей. Замѣтки мои о вышеупомянутыхъ лицахъ не имѣютъ характера воспоминаній, написанныхъ въ формѣ послѣдовательнаго разсказа, и излагаются мною безъ всякой системы и внутренней связи, иногда почти въ той формѣ, какъ онѣ были первоначально записаны подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго или слышаннаго. Это ничто болѣе, какъ выбранныя изъ записной книжки листки, только нѣсколько пополненные и приведенные въ нѣкоторый порядокъ, которые я позволяю себѣ выпустить въ печать въ виду того, что изложенные въ нихъ факты и данныя, можетъ быть, прибавятъ нѣкоторыя черты къ характеристикѣ времени или біографіи того или другаго изъ замѣчательныхъ русскихъ людей.

Покойнаго *Ф. М. Достоевскаго* я встрѣтилъ впервые у поэта *Я. П. Полонскаго* въ 1879 году.

Видѣть его мнѣ удалось всего раза три-четыре, но, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, вынесенное мною о нравственной личности по-

койнаго писателя, является вполне цѣльнымъ и до такой степени свѣжимъ и живымъ, какъ будто я видѣлъ его только вчера.

Дѣйствительно, встрѣтившій его разъ надолго, если не навсегда, запечатлѣвалъ образъ его въ своей памяти. Когда онъ начиналъ говорить, то походилъ на ветхозавѣтнаго пророка и, казалось, былъ созданъ для того, чтобы «глаголомъ жечь сердца людей». Каждое слово его было проникнуто такою глубокою вѣрою въ то, что онъ говорилъ, что вѣра эта неволью сообщалась слушателямъ, часто рѣзко расходившимся съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Эта глубокая вѣра и искренность писателя, не преклонявшася ни предъ людьми, ни предъ обстоятельствами, въ сопоставленіи съ тѣмъ, что онъ вынесъ втеченіе своей многотрадальной жизни, возбуждали къ нему чувства глубокаго уваженія и симпатіи даже среди самыхъ страстныхъ противниковъ его идей.

Первая встрѣча моя съ покойнымъ *Θ. М.* произошла, какъ я уже сказалъ, у Полонскихъ въ одну изъ пятницъ 1879 года. Полонскіе жили тогда на углу Николаевской и Звенигородской улицъ. Изъ оконъ ихъ квартиры открывался видъ на Семеновскій плацъ, вдаль виднѣлся шпицъ егерской церкви. Когда я вошелъ, Достоевскій стоялъ у окна и вглядывался въ мигавшую огоньками площадь. «Вотъ,—сказалъ онъ,—то мѣсто, гдѣ 30 лѣтъ тому назадъ меня вели на казнь, и я, поднявъ глаза на церковь, перекрестился, прощаясь съ жизнью».

Съ этими словами онъ отошелъ отъ окна. Яковъ Петровичъ представилъ меня писателю. Мы сѣли. Разговоръ зашелъ о злобѣ дня, событіяхъ того времени. Описываемое время было одною изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ въ русской исторіи.

Всѣ ужасы этого времени производили неотразимое впечатлѣніе на *Θ. М.* и побуждали его доискиваться ихъ причинъ.

По убѣжденію писателя, высказанному имъ въ тотъ вечеръ, основную причину событій слѣдовало искать въ давно прошедшемъ русской исторіи, а именно въ Петровской реформѣ. Петръ круто сломалъ тѣ устои, на которыхъ покоилась Московская Русь, и внесъ измѣненія въ обычаи и нравы противъ воли народныхъ массъ. Много въ этихъ реформахъ было свѣта и правды, но, всетаки, онѣ шли въ разрѣзъ съ идеями громаднаго большинства населенія и породили глухое, но, тѣмъ не менѣе, энергическое сопротивленіе государственной власти. Послѣдняя, съ своей стороны, конечно, уже не могла довѣрять и обращаться къ содѣйствию, не сочувствовавшихъ проводимымъ ею реформамъ, народныхъ массъ, и вотъ отсюда начало обоюднаго недовѣрія земли и власти, создавшее почву для разныхъ темныхъ силъ, стремящихся къ ниспроверженію государственнаго порядка и полной анархіи. Ближайшую причину событій *Θ. М.* видѣлъ въ упадкѣ религіи и, между прочимъ, указывалъ на значительный процентъ въ рядахъ нигилистовъ изъ числа

бывшихъ, попреимуществу недоучившихся, воспитанниковъ семинарій. По высказанному писателемъ убѣжденію, лица изъ среды духовнаго сословія, въ случаѣ если они не обладаютъ достаточнымъ нравственнымъ развитіемъ для пониманія истиннаго духа религіи, имѣютъ болѣе шансовъ придти къ отрицанію и сдѣлаться атеистами, чѣмъ свѣтскіе люди. Последнее объясняется тѣмъ, что названныя лица, находясь, такъ сказать, въ постоянномъ общеніи съ религіею, часто перестаютъ видѣть ея духовную сущность, и, въ концѣ концовъ, религія въ ихъ глазахъ до того вульгаризируется, что они видятъ лишь одну сухую, обрядовую формулу, безъ всякаго внутренняго содержанія въ томъ, что для свѣтскихъ людей представляется святынею. Ближайшимъ послѣдствіемъ такого взгляда является равнодушіе къ религіи, дискредитированной, такъ сказать, въ глазахъ лицъ, наиболѣе близко стоящихъ къ ней,—равнодушіе, которое въ дальнѣйшемъ ведетъ къ полному отрицанію религіи, а вмѣстѣ съ нею и всѣхъ устоевъ, на которыхъ зиждется современная общественность.

Вскорѣ послѣ описанной встрѣчи, мнѣ пришлось опять увидѣть Ѳ. М. Это было на извѣстномъ литературномъ вечерѣ въ благородномъ собраніи, на которомъ долженъ былъ читать И. С. Тургеневъ, только что пріѣхавшій изъ Москвы, гдѣ его встрѣчали восторженно. Такой же пріемъ ожидалъ И. С. и въ Петербургѣ, причемъ самый вечеръ былъ устроенъ съ цѣлью выразить писателю глубокія общественныя симпатіи, казалось, одно время ослабѣвшія среди извѣстной части общества послѣ появленія его «Отцевъ и дѣтей».

Не стану описывать этого вечера, на который также трудно было попасть, какъ грѣшнику въ царство небесное, и на которомъ мнѣ удалось быть, благодаря любезности одной знакомой, взявшей билеты задолго до выпуска газетныхъ объявленій о вечерѣ. Скажу одно, что это былъ триумфъ не только И. С. Тургенева, но и другихъ участвовавшихъ въ чтеніи первоклассныхъ представителей литературы: Достоевскаго, Полонскаго, Щедрина, Плещеева и Потѣхина.

Достоевскій избралъ для чтенія отрывокъ изъ «Братьевъ Карамазовыхъ» и именно главу романа «Разсказъ по секрету», въ которой Дмитрій Карамазовъ рассказываетъ Алешѣ о томъ, какъ онъ далъ 5.000 рублей своей будущей невѣстѣ (Катеринѣ Ивановнѣ), явившейся къ нему, чтобы продать себя для спасенія отца.

Трудно описать, что это было за чтеніе. Очевидно, писатель читалъ не для публики, о существованіи которой онъ вовсе забылъ. Онъ читалъ для самого себя. Его чтеніе производило до того потрясающее впечатлѣніе, что, какъ говорится, морозъ по кожѣ пробѣгалъ. Когда онъ кончилъ, всѣ были опеломлены. Съ полминуты длилось молчаніе, и затѣмъ громъ аплодисментовъ, не смолкавшій $\frac{1}{4}$ часа, потрясъ залу.

Въ этотъ вечеръ встрѣтились два литературные врага—Тургеневъ и Достоевскій, то-есть собственно справедливость требуетъ сказать, что Тургеневъ не относился враждебно къ покойному Θ . М. Послѣдній же не могъ простить И. С. его западничества и романа «Дымъ», на который онъ отвѣтилъ романомъ «Бѣсы», гдѣ Тургеневъ былъ выведенъ въ каррикатурномъ видѣ.

И вотъ литературные противники сошлись лицомъ къ лицу. Казалось, наступилъ моментъ для примиренія, но вышло иначе. Произошелъ прискорбный случай, который могъ бы въ значительной мѣрѣ испортить впечатлѣнiе этого, памятнаго для всѣхъ присутствовавшихъ на немъ, вечера, если бы онъ тотчасъ же сдѣлался извѣстнымъ публикѣ: Тургеневъ подошелъ къ Достоевскому и протянулъ ему руку, Достоевскій не подалъ ему руки и отвернулся.

Не рѣшаюсь судить побужденій, заставившихъ Θ . М. поступить такъ. Страстность убѣжденій, громадная нервозность и впечатлительность служатъ ему оправданіемъ, но повторяю, что этотъ эпизодъ, когда онъ впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ, прозвучалъ болѣзненнымъ диссонансомъ въ общемъ торжественномъ хорѣ. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, описанный случай прошелъ незамѣченнымъ публикою, такъ какъ писатели встрѣтились не въ общей залѣ, гдѣ происходило чтеніе, а въ одной изъ комнатъ, въ которой постороннихъ почти не было, и я услышалъ о происшедшемъ отъ двухъ-трехъ лицъ, пріѣхавшихъ со мною послѣ литературнаго чтенія къ Я. П. Полонскому.

Послѣ рассказаннаго мною прошелъ почти годъ. Мракъ современныхъ событій, казалось, началъ разсѣиваться. Во главѣ управленія сталъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Темныя силы, возмущавшія преступленіями Русскую землю, были, казалось, подавлены; въ русской жизни повѣяло умиротвореніемъ.

Въ это время мнѣ опять пришлось встрѣтиться у Полонскихъ съ покойнымъ Θ . М. Онъ былъ полонъ жизни, не смотря на недуги, и вѣрилъ въ свѣтлое будущее Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ это время въ немъ окончательно укоренилась идея, выраженная ими въ послѣднемъ номерѣ «Дневника писателя», о томъ, что «въ грядущихъ судьбахъ нашихъ Азія-то и есть нашъ главный исходъ». Помнится мнѣ, съ какой ироніею онъ обратился къ одному молодому человѣку, котораго ему представили въ тотъ вечеръ, когда я съ нимъ встрѣтился у Полонскихъ: «вы вѣдь европеецъ, конечно?», спросилъ онъ его насмѣшливо. Дѣйствительно, въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни, Θ . М. до такой степени извѣрился въ культурномъ значеніи для Россіи Западной Европы, что предлагалъ прекратить съ нею всякія сношенія, отозвавъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ. Ничто въ то время не предвѣщало близкой кончины писателя. Онъ былъ, по крайней мѣрѣ на мой взглядъ,

гораздо бодрѣе и оживленнѣе, чѣмъ годъ тому назадъ, когда я встрѣтилъ его въ первый разъ. Какъ же всѣ были поражены, когда вѣсть о томъ, что Достоевскій скончался, разнеслась 28-го января 1881 года по Петербургу.

Покойный жилъ тогда въ небольшой квартирѣ на углу Кузнечнаго переулка и Ямской улицы. Когда я пришелъ на панихиду, то посѣтителей была такая масса, что въ залъ, гдѣ было выставлено тѣло, попасть не было возможности. Мнѣ хотѣлось проститься съ покойнымъ, но толпа была такъ велика, что, даже полчаса спустя по окончаніи панихиды, я не могъ проникнуть въ залъ, и долженъ былъ уйти. Поздно, часовъ около 11, я опять пришелъ. Со мной вошли 2—3 человѣка. Прислуга провела насъ въ ту комнату, гдѣ было выставлено тѣло. Писатель лежалъ въ гробу, какъ живой, черты лица его не измѣнились. Смерть пощадила ихъ, казалось, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ пришедшихъ могъ отдать послѣдній долгъ покойному, унеся съ собою живое воспоминаніе о тѣхъ чертахъ, которыя ранѣе запечатлѣлись въ памяти. Я поцѣловалъ руку писателя и, поклонившись тѣлу, вышелъ, навсегда сохранивъ въ душѣ образъ того человѣка, съ которымъ можно было рѣзко расходиться въ идеяхъ и убѣжденіяхъ, но къ которому нельзя было не питать глубочайшей симпатіи и уваженія, какъ къ великому человѣку и гражданину.

Съ покойнымъ И. А. Гончаровымъ мнѣ пришлось встрѣтиться всего одинъ разъ. Это было въ одну изъ пятницъ 1880 г. у Полонскихъ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка крайне апатичнаго и съ сильно разстроенными нервами.

Помню, какъ за чайнымъ столомъ, гдѣ мнѣ пришлось сидѣть противъ него, одинъ изъ ближайшихъ къ нему сосѣдей завелъ, между прочимъ, разговоръ о томъ, что его сочиненія слѣдовало бы издать вновь, такъ какъ ихъ нѣтъ въ продажѣ, и они становятся библиографическою рѣдкостью.

Какъ только И. А., до сихъ поръ почти не принимавшій участія въ общемъ разговорѣ, услышалъ эти послѣднія слова, онъ чуть было изъ-за стола не выскочилъ.

— Какъ, къ чему это дѣлать, зачѣмъ вновь издавать мои сочиненія? ихъ теперь никто не будетъ читать!—воскликнулъ онъ съ раздраженіемъ.

Отчего могъ такъ сильно раздражиться такимъ, повидимому, вполне естественнымъ вопросомъ писатель, сочиненія котораго всегда и всѣми признавались перлами русской литературы, можетъ быть объяснено, кажется, только его разстроенными нервами. Послѣднее находить подтвержденіе въ слѣдующемъ, слышанномъ мною отъ Полонскихъ, рассказѣ.

Гончаровъ часто бывалъ у нихъ одно время. Это было въ шестидесятыхъ годахъ. Они жили тогда на Обуховскомъ проспектѣ. Разъ какъ-то И. А. засидѣлся у нихъ дольше обыкновеннаго. Было уже за полночь, а писатель все еще не уходилъ, причемъ въ немъ начало обнаруживаться какое-то странное безпокойство и замѣпательство. Наконецъ причины этого безпокойства выяснились. Оказалось, что И. А. почудилось, что когда онъ шелъ къ Полонскимъ, за нимъ слѣдовалъ какой-то человѣкъ, показавшійся ему подозрительнымъ. И вотъ ему жутко стало одному идти домой, тѣмъ болѣе, что путь его лежалъ чрезъ пустынную Сѣвную площадь. Дѣлать нечего, пришлось дать писателю провожатаго, который и слѣдовалъ за нимъ до самыхъ дверей его квартиры.

Послѣ кончины И. А. было высказано много разныхъ предположеній о причинахъ почти полнаго прекращенія имъ его литературной дѣятельности по написаніи романа «Обрывъ». Между прочимъ, упрекали его даже въ лѣни и обломовщинѣ. На основаніи изложеннаго выше, мнѣ кажется, можно предположить, что бездѣйствіе писателя и его апатія какъ къ своей литературной дѣятельности, такъ и ко всему окружающему обусловливалась не чѣмъ инымъ, какъ совершенно разстроенною нервною системою.

Несчастный Помяловскій, какъ извѣстно, страдалъ ужасною болѣзью — запоемъ. Болѣзнь эта до такой степени овладѣла имъ, что онъ впалъ въ бѣлую горячку и былъ отвезенъ для излеченія въ больницу. Вотъ какъ онъ самъ рассказывалъ объ одномъ эпизодѣ своей болѣзни А. П. Полонскому.

«Свезли меня въ больницу, положили на кровать. Прошло нѣсколько минутъ или часовъ, не знаю, я потерялъ понятіе о времени. Вдругъ вижу, циферблатъ стѣнныхъ часовъ, которые висѣли напротивъ меня, принимаетъ видъ человѣческаго лица и начинаетъ корчить гримасы, рожи, дразнить меня, высовывая языкъ. Я лежу молча и закрываю глаза, чтобы не видѣть этихъ гримасъ. Тогда со всѣхъ коекъ начинаетъ долетать до меня какой-то шепотъ. Вслушиваюсь, оказывается, меня зовутъ: Помяловскій, Помяловскій. Я не обращаю вниманія. Шепотъ обращается въ крики; всѣ больные встаютъ съ своихъ кроватей и окружаютъ меня, грозно наступая и пересчитывая все, что я сдѣлалъ въ жизни дурнаго. Но это еще все ничего. Вдругъ начинаю я чувствовать, что полъ подо мною колеблется, колебаніе это идетъ все crescendo, и наконецъ я проваливаюсь въ адъ. Шумъ, гамъ, грохотъ, сонмы чертей и разныхъ чудовищъ. Я хочу бѣжать и скрыться куда нибудь отъ этихъ ужасныхъ видѣній, но тщетно—я не въ силахъ пошевелиться, такъ какъ связанъ по рукамъ и ногамъ.

«Отчаянье и ужасъ овладѣваютъ мною, я начинаю молиться. Вотъ я вижу, подходитъ ко мнѣ высокій, бѣлобородый, сѣдой какъ

лунь старикъ.—Читай,—говоритъ онъ мнѣ,—читай сейчасъ 500 разъ «Господи помилуй», иначе ты погибнешь. Я начинаю читать, старикъ пристально глядитъ на меня, кажется, въ душу мою проникнуть хочетъ. Скоро, однако, повтореніе одного и того же меня утомляетъ, наконецъ оно дѣлается для меня невыносимымъ. Довольно, кричу я, не хочу больше молиться, лучше погибнуть. Старикъ исчезаетъ. Раздается страшный грохотъ, черти и чудовища окружаютъ меня. Я впадаю въ безпамятство».

Много другихъ видѣній было несчастному Помяловскому въ періодъ его болѣзни, на примѣръ, ему чудилось, что вся его жизнь въ картинахъ проходитъ передъ нимъ.

Объ извѣстномъ славянофилѣ Хомяковѣ мнѣ пришлось слышать отъ Я. П. Полонскаго, который познакомился съ нимъ въ то время, когда жилъ въ Москвѣ. По описанію Я. П., это былъ человекъ небольшого роста, черноволосый, черноглазый, очень похожій по наружности на цыгана. Весь ensemble лица его былъ необыкновенно симпатиченъ. Ходилъ онъ всегда въ русскомъ платьѣ, что было подвигомъ съ его стороны, такъ какъ въ Николаевское время русскіе костюмы были строжайше запрещены и подвергались безпощадному гоненію.

Хомяковъ былъ образованъ такъ, какъ немногіе, и въ высшей степени начитанъ, причемъ, обладая колоссальною памятью, онъ удерживалъ въ ней все прочитанное въ такой мѣрѣ, что чрезъ много лѣтъ по прочтеніи какой нибудь книги помнилъ ту или другую встрѣчающуюся въ ней фразу и могъ указать, на какой именно страницѣ она находится. Особенную способность имѣлъ онъ къ изученію языковъ, и въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ вполне усваивалъ тотъ или другой языкъ, который онъ положилъ себѣ усвоить. Въ высшей степени сангвиникъ, онъ былъ не только самъ полонъ жизни, но и обладалъ способностью оживлять и то общество, въ которомъ бывалъ, какъ бы апатично оно ни было. Можно сказать, что онъ вносилъ тепло и свѣтъ повсюду, гдѣ ни появлялся. Тотчасъ по его приходѣ все, точно по мановенію палочки волшебника, приходило въ движеніе: начинались оживленные разговоры, переходившіе въ горячіе диспуты, причемъ Хомяковъ былъ душою всеобщаго движенія. Самъ онъ говорилъ очень хорошо, но въ особенности увлекательною становилась рѣчь его, когда разговоръ переходилъ на тему о славянахъ и славянскомъ движеніи. Тогда черные глаза его сверкали, и самъ онъ, трактуя о любимомъ предметѣ, походилъ на апостола во время проповѣди. Вообще оторванныя историческими судьбами отъ общей ихъ матери Россіи, страдающія подъ иноземнымъ игомъ, славянскія племена составляли предметъ наиболѣе близкій сердцу великаго славянофила. Онъ хорошо ознакомился съ славянскими землями и народностями во

время своих поѣздокъ въ тѣ края и постоянно поддерживалъ сношенія со многими изъ извѣстныхъ дѣятелей, на примѣръ, съ Шафарикомъ. Отличительною чертою Хомякова была его набожность. Онъ былъ христiанинъ въ истинномъ значеніи этого слова, и притомъ строго православный: соблюдалъ посты, постоянно посѣщалъ церковныя службы и неуклонно держался обрядовъ, установленныхъ православною церковью. Онъ очень любилъ вступать въ богословскіе споры, особенно съ раскольниками. Послѣднихъ было много въ Москвѣ, гдѣ жилъ Хомяковъ, и его состязанія съ ними происходили иногда на Кремлевской площади. Я. П. Полонскій самъ былъ свидѣтелемъ такихъ публичныхъ состязаній, на которыхъ Хомяковъ, вдохновенный какъ апостоль, поражалъ своихъ противниковъ силою своего пламеннаго краснорѣчія.

Покойный В. Т. Соколовъ, талантливый авторъ многочисленныхъ, чрезвычайно мелодичныхъ романсовъ, былъ очень друженъ съ знаменитымъ композиторомъ А. С. Даргомыжскимъ. Интересныя воспоминанія Соколова о покойномъ композиторѣ были помѣщаемы имъ въ музыкальныхъ журналахъ, если не ошибаюсь, въ первой половинѣ 1880-хъ годовъ. Въ своихъ запискахъ о Даргомыжскомъ Соколовъ не помѣстилъ, между прочимъ, если память мнѣ не измѣняетъ, одного разсказа, имѣющаго отношеніе не столько къ самому композитору, сколько къ характеристикѣ эпохи 40-хъ годовъ.

Въ то время Даргомыжскій, еще только что начинавшій свою музыкальную дѣятельность и написавшій первую свою оперу «Эсмеральда», состоялъ на службѣ въ какомъ-то департаментѣ.

Разъ во время присутствія, — разсказывалъ Даргомыжскій Соколову, — въ кабинетъ начальника того отдѣленія, гдѣ я занимался, приходитъ другой начальникъ отдѣленія. Я сидѣлъ у самыхъ дверей и невольно слышалъ отъ слова до слова весь разговоръ двухъ почтенныхъ начальниковъ.

— Знаете, что я вамъ скажу? — спросилъ пришедшій начальникъ: — вѣдь у васъ въ отдѣленіи композиторъ завелся.

— Что вы! — съ выраженіемъ какого-то ужаса послышался голосъ моего начальника: — да кто же бы это могъ быть, скажите, пожалуйста.

— Нутка, угадайте, поломайте-ка голову.

— Право, не могу придумать, да не томите же, скажите, ради Бога, скорѣе, кто это?

— Ну, такъ слушайте же, это вашъ чиновникъ Даргомыжскій, онъ написалъ оперу «Эсмеральда».

— Что вы! — раздался негодующій возгласъ моего начальника: — а вѣдь я его за порядочнаго человѣка считалъ.

К. Ободовскій.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ ¹⁾.

1584—1605.

(Опытъ характеристики).

VI.

НАРЬ ФЕОДОРЪ Ивановичъ пережилъ своего младшаго брата только на шесть съ половиною лѣтъ. Болѣзненность склонила его къ преждевременной смерти: онъ скончался въ январѣ 1598 года на 41-мъ году отъ рода. Когда патріархъ спрашивалъ его: кому оставляетъ онъ боярѣ и царство?—Феодоръ отвѣчалъ такъ: «въ боярахъ и царствѣ воленъ Богъ; что онъ похочетъ, то и будетъ». Этотъ отвѣтъ вполнѣ согласенъ съ характеромъ Феодора, который, по выраженію Карамзина, «былъ рожденъ болѣе для келліи, чѣмъ для власти державныя», и потому мы имѣемъ основаніе не довѣрять извѣстіямъ о передачѣ имъ власти царицѣ Иринѣ или Феодору Никитичу Романову. Онъ такъ и умеръ, не разрѣшивъ вопроса о престолонаслѣдіи, которымъ, вѣроятно, никогда не задавался. Рѣшить его пришлось боярамъ, и они постановили, что правленіе остается въ ихъ рукахъ. Если бы Годуновъ былъ такъ всеиленъ и такъ рьяно стремился къ царскому вѣнцу, какъ говорятъ, то развѣ онъ допустилъ бы своихъ завѣдомыхъ враговъ разсуждать о вопросѣ, отъ котораго зависѣла его судьба? Трудиться цѣлые годы надъ упроченіемъ своего властнаго положенія, всевозможными способами

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIV, стр. 460.

расчищать себѣ дорогу къ трону, не брезгая даже преступленіемъ, и вдругъ, въ рѣшительную минуту, покорно отдаться на волю враговъ? Это такъ неестественно, что становится невѣроятнымъ, а мы должны допустить, что боярскіе дебаты объ устройствѣ правленія объясняются лишь тѣмъ, что со смертію Θεодора значеніе Годунова сразу умалилось, и обаяніе его исчезло. Дьякъ Василій Щелкаловъ вышелъ на площадь и предложилъ народу присягнуть на имя боярской думы. Бояре находили это весьма естественнымъ, ибо каждый изъ нихъ, въ силу своей родовитости, мнилъ себя достойнымъ царства. Однако народъ запротестовалъ, и раздались крики: «не знаемъ ни князей, ни бояръ; знаемъ только царицу!». Когда Щелкаловъ объявилъ, что царица уже постриглась, то народъ воскликнулъ: «буди здравъ Борисъ Θεодоровичъ!». Костомаровъ говоритъ, что народная толпа состояла въ большинствѣ изъ доброжелателей Бориса; но почему же не нашлось такихъ доброхотовъ у Шуйскаго?... Мы знаемъ, что эта княжеская фамилія имѣла много приверженцевъ въ средѣ московскихъ торговыхъ и отчасти служилыхъ людей, которые въ данный моментъ могли бы оказать ей хорошую поддержку. Если они этого не сдѣлали, то значитъ симпатіи большинства оказались дѣйствительно на сторонѣ Годунова. Народъ зналъ его, какъ правителя царства; втеченіи пятнадцати лѣтъ видѣлъ его полезную дѣятельность и въ то же время не забылъ о близкомъ родствѣ его съ Θεодоромъ. Ничего подобнаго не было у Шуйскаго, а его происхожденіе отъ Александра Невскаго, составлявшее такое важное преимущество въ глазахъ бояръ, было уже забыто народомъ. Желаніе народа имѣть Бориса царемъ было поддержано патріархомъ и служилыми людьми. Бояре негодовали, «говорили съ укоризной о низкомъ происхожденіи Годунова, о томъ, что не ему слѣдуетъ царствовать, а другому изъ древняго великокняжескаго рода»¹⁾, «но были не въ силахъ противиться общему желанію»²⁾ и вмѣстѣ съ патріархомъ, духовенствомъ и толпою народа отправились въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ съ сестрою находился Борисъ, просить его о принятіи царства. Годуновъ не сдался на многократныя просьбы и увѣщанія Іова и отказался отъ такой высокой чести. Тогда патріархъ объявилъ народу, что надо созвать земскій соборъ и просить Бориса Θεодоровича всею землею. Очевидно, Годуновъ не желалъ быть выкрикнутъ на царство одними жителями Москвы, какъ это впоследствии сдѣлалъ Василій Шуйскій, удовольствовавшійся даже выкричкой небольшой толпы своихъ сторонниковъ. Поступая такъ, какъ поступилъ Борисъ, нужно или быть увѣреннымъ въ своемъ избраніи, или оставаться равнодушнымъ къ власти. Мы думаемъ,

¹⁾ Исторія о велик. княж. Московскомъ Петрея; 1867 г., стр. 170.

²⁾ Н. И. Костомаровъ, Русская исторія, т. I, стр. 591.

что у него не могло быть полной увѣренности во всеобщемъ къ себѣ расположеніи и въ безсиліи вліятельныхъ враговъ, а потому сомнѣніе съ его стороны представляется весьма естественнымъ. Мы не будемъ также утверждать, что Годуновъ былъ чуждъ стремленія къ престолу: какъ человѣкъ, привыкшій ко власти, онъ не могъ равнодушно разстаться съ нею. Однако онъ ясно видѣлъ, что только при выборѣ всею землею власть его будетъ и прочна, и крѣпка. Въ виду этого, онъ могъ подавить въ себѣ стремленіе къ ней и рѣшилъ взойти на престолъ лишь въ качествѣ всенароднаго избранника.

Выборные люди собрались въ Москву къ половинѣ февраля 1598 года, а соборъ былъ открытъ 17 февраля. Онъ состоялъ изъ 512 членовъ, въ составѣ которыхъ «нельзя подмѣтить слѣда выборной агитаціи или какойнибудь подтасовки»¹⁾. Это обстоятельство очень важно для насъ, такъ какъ до послѣдняго времени умышленный подборъ членовъ этого собора признавался чуть ли не всѣми историками. Установленная же теперь безыскусственность состава выборныхъ людей проливаетъ новый свѣтъ на избраніе Бориса и представляетъ его не въ видѣ хорошо разыгранной комедіи, а какъ всенародный, исполнѣ осмысленный актъ.

Годуновъ принялъ этотъ выборъ и сталъ государемъ—царемъ и великимъ княземъ всея Русіи.

Никому не было такъ горько и обидно это избраніе, какъ князю Василию Шуйскому, этому рьяному приверженцу старыхъ родовыхъ традицій. Не только дома толпа единомышленниковъ, высокошапочныхъ, укутанныхъ въ мѣха и золото, родовитыхъ бояръ, но даже въ Польшѣ знали, что наслѣдство московскаго престола приходится на домъ Шуйскихъ²⁾... И вдругъ, ему, прямому потомку св. Владиміра, предпочли потомка какого-то татарскаго мурзы! Дѣйствительно, это—фактъ замѣчательный въ нашей исторіи. Въ первый разъ всенародный выборъ палъ на человѣка, выдвинувшагося не родовыми преимуществами, а личными заслугами, и впервые же бояре почувствовали силу народной воли, которая пошла въ разрѣзъ съ ихъ взглядами на зна-

¹⁾ «Составъ представительства на земскихъ соборахъ», В. О. Ключевскаго («Русская Мысль», 1891 г., кн. 1). Костомаровъ, вмѣстѣ съ Соловьевымъ и Павловымъ, принимаетъ 474 человѣка выборныхъ. Изъ нихъ 99 духовнаго чина, 153 изъ высшаго служилаго класса, 119 изъ низшаго и 103 отъ торговыхъ и посадскихъ людей. Такимъ образомъ, на долю духовенства и народа приходилось 321 депутатъ, а отъ высшаго класса 153, то-есть почти половина; слѣдовательно онъ не только не былъ обдѣленъ, но представленъ даже съ избыткомъ. Между тѣмъ извѣстно, что именно въ этой средѣ и находились недоброжелатели Бориса.

²⁾ Рѣчь Займойскаго на сеймѣ въ февралѣ 1605 г. (Русская исторія, Костомарова, т. 1, стр. 603).

ченіе правительственнаго класса. Мы думаемъ, что въ эти минуты озлобленія и тяжкой душевной невзгоды, выпавшія на долю Шуйскаго, въ его умѣ невольно бродила мысль: нельзя ли отдѣлаться отъ Бориса и самому занять его мѣсто?...

VII.

1-го сентября 1598 года, въ новолѣтіе ¹⁾, Борисъ короновался и началъ свое царствованіе обильными милостями. Весь тяглый народъ былъ освобожденъ отъ платежа педатей на одинъ годъ; торговымъ людямъ дано право безошлинной торговли на два года, а служилымъ людямъ выданъ не въ зачетъ годовой оклады жалованья. Сидѣвшіе въ тюрьмахъ за маловажные проступки были выпущены; обвиненные въ душегубствѣ и разбоѣ избавлены отъ смертной казни. Вдовамъ и сиротамъ служилыхъ людей дано вспоможеніе, а бѣднымъ и неимущимъ всякаго званія выданы отъ царя кормы и одежда. Вообще нищелюбіе было характерною чертою Бориса. Правда, оно искони было присуще всѣмъ русскимъ людямъ, ибо въ этомъ видѣли исполненіе евангельской заповѣди; при прежнихъ царяхъ также остатки кушаній съ государева стола ежедневно выносились нищимъ на площадь, но это было простое исполненіе обычая. Годуновъ же широко развилъ кормленіе бѣдныхъ и дѣлалъ это во все свое царствованіе, не оскудѣвая въ милостынѣ. Всякій бѣднякъ, просившій его о помощи, получалъ ее; всякій обиженный, обращавшійся къ царю, находилъ въ немъ скорого защитника и отмстителя. Всѣ жалобы и челобитныя онъ принималъ, тщательно сохранялъ и прочитывалъ, чтобы быть знакомымъ съ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ. Въ восходившихъ до него тяжёбныхъ дѣлахъ онъ дѣйствовалъ всегда примирительно и всѣмъ просителямъ давалъ отвѣты, исполненные отческой любви и высокаго доброжелательства; строго слѣдилъ за отправленіемъ правосудія и неустанно стремился къ искорененію всякой неправды ²⁾. Въ годъ вступленія на престолъ Борису было 48 лѣтъ; обладая красивою наружностью, онъ находился въ полномъ развитіи мужественныхъ силъ и въ занятіяхъ государственными дѣлами не зналъ утомленія. Необыкновенная память служила ему при этомъ хорошимъ подспорьемъ: никогда не забывалъ онъ того, что разъ видѣлъ или слышалъ, такъ что всегда узнавалъ людей, видѣнныхъ имъ за много лѣтъ назадъ. При большомъ природномъ

¹⁾ Въ то время новый годъ на Руси начинался съ 1-го сентября, такъ что вѣнчаніе Бориса по тогдашнему счету приходилось въ первый день новаго 7107 (1599) года.

²⁾ «Временникъ» дьяка Тимошеева въ «Сказ. и пов. о Смутномъ времени XVII вѣка», С. О. Платонова. Сказаніе Массы, стр. 50 и 54.

умѣ онъ отличался замѣчательнымъ даромъ слова и способностью оцѣнивать такія явленія, которыя стояли внѣ кругозора современныхъ ему русскихъ людей. По своей симпатіи къ западному просвѣщенію, онъ по справедливости можетъ быть названъ предтечею Петра Великаго въ такую эпоху, когда даже наиболѣе развитые русскіе умы не находили ничего хорошаго у европейцевъ, не понимали ни строя тамошней жизни, ни наукъ, ни художествъ. Достаточно вспомнить, что Иванъ Грозный не принялъ въ подарокъ стѣнныхъ часовъ, посланныхъ ему королемъ датскимъ, считая ихъ бѣсовскою забавою. Ни одинъ изъ прежнихъ русскихъ государей не ласкалъ такъ иностранцевъ, какъ Борисъ. Онъ призывалъ ихъ къ себѣ на службу въ качествѣ знатоковъ воинскаго дѣла, художниковъ и врачей, и щедро одарялъ. Мы знаемъ, что Иванъ Грозный жестоко истязалъ ливонскихъ нѣмцевъ, попадавшихъ въ плѣнъ; Годуновъ же нѣкоторымъ изъ нихъ далъ помѣстья, инымъ— право безошпинной торговли и всѣмъ вообще—льготы отъ податей и позволеніе построить въ Московской нѣмецкой слободѣ протестантскую церковь. Стремленіе Бориса къ просвѣщенію было такъ велико, что онъ задумалъ основать въ Москвѣ школу для изученія западныхъ наукъ и искусствъ, пригласивъ для того учителей европейцевъ. Духовенство воспротивилось этому изъ опасенія, что вмѣстѣ съ иноземною наукою проникнуть на Русь иновѣрные еретическія ученія и повредятъ древнее благочестіе. Тогда царь рѣшился осуществить свою мысль другимъ путемъ: именно послать нѣсколько русскихъ молодыхъ людей въ иностранныя земли «для науки разныхъ языковъ и грамотъ»¹⁾. Для той эпохи это было тоже новое и смѣлое дѣло; однако Годуновъ не остановился передъ брюзжаніемъ тѣхъ дворянскихъ семей, которыя должны были разстаться со своими сыновьями. Въ 1601—1602 годахъ, молодые люди, въ числѣ 18 человекъ, были посланы въ Англію, Германію (Любекъ) и Францію на шесть лѣтъ. Тамъ они выучились всему, что имъ было наказано, но Борису не привелось дожидаться своихъ молодыхъ ученыхъ: онъ скоро умеръ, а затѣмъ въ Россіи все измѣнилось, и хотя о заграничныхъ студентахъ вспомнили при Шуйскомъ и Михайлѣ Ѳеодоровичѣ, но домой они не вернулись. Дѣтямъ своимъ Годуновъ далъ прекрасное, рѣдкое по тому времени образованіе, какъ бы желая сочетать отличавшую ихъ тѣлесную красоту съ духовной. О царевичѣ Ѳеодорѣ современники говорятъ, что «онъ былъ изученъ всякаго философскаго естествословія». Безъ сомнѣнія, этими словами они хотѣли сказать, что Ѳеодоръ въ своихъ познаніяхъ шагнулъ далеко за книгу Галена Пергамскаго «О большомъ и маломъ мірѣ», переведенную по-

¹⁾ А. В. Арсеньевъ, Исторія посылки русскихъ студентовъ за границу при Борисѣ Годуновѣ, 1887 г.

русски еще въ XVI вѣкѣ и заключавшую въ себѣ всѣ тѣ космографическія и естественно-историческія свѣдѣнія, какія были доступны русскому грамотному человѣку того времени ¹⁾. Царевна Ксенія, по свидѣтельству хронографа, также была «писанію книжному искусна» ²⁾.

Не смотря на свое расположеніе къ иностранцамъ, Борисъ былъ очень сдержанъ съ ними въ вопросахъ, касавшихся интересовъ своего государства, и не поощрялъ ихъ излишнихъ претензій. Въ мартѣ 1601 г. прибыло посольство англійской королевы Елизаветы, находившейся издавна въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ Годуновымъ, съ дарами и поздравленіемъ по случаю вступленія на престолъ. Царь принялъ его весьма любезно, но когда посольство стало просить о воспріятіи голландцамъ производить торговлю въ Московскомъ государствѣ, то онъ отвѣчалъ, что люди всѣхъ націй для него равно любезны, и онъ со всѣми желаетъ жить въ дружбѣ; что и другіе иностранцы исправно платятъ пошлины, составляющія государственнй доходъ, и потому могутъ торговать, какъ и англичане. Для англичанъ же, — замѣтилъ Борисъ, — довольно уже и того, что они освобождены отъ всякой пошлины, и потому немудно, даже неприлично, съ ихъ стороны завидовать своимъ сосѣдямъ ³⁾. Въ 1603 году явились послы Ганзеатическаго союза съ богатыми дарами и просили освободить ихъ отъ платежа торговыхъ пошлинъ. Борисъ отвѣчалъ, что Ганза достаточно богата, и для нея не можетъ быть затруднителенъ платежъ пошлины; они должны быть довольны и тѣмъ, что во всемъ его царствѣ пользуются полною свободою относительно своей религіи и торговли, а также и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ⁴⁾.

Со своими ближайшими сосѣдями, шведами и поляками, Борисъ держался политики, усвоенной въ годы правленія: сохранять миръ, если не будутъ затронуты существенные интересы Московскаго государства. Въ Швеціи въ то время происходила внутренняя борьба между Сигизмундомъ III, королемъ польскимъ, наслѣдовавшимъ отъ своего отца Іоанна шведскую корону, и его дядею Карломъ, герцогомъ Зюдерманландскимъ, котораго шведы предпочли племяннику, ревностному католику, оказывавшему явное пренебреженіе къ ихъ правамъ и религіи. Эта война была очень выгодна для интересовъ Московскаго государства: она заставляла обѣ стороны искать союза съ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляла обоихъ сильнѣйшихъ его враговъ. Годуновъ хорошо понималъ это и не могъ желать скорого прекращенія этой борьбы. Не вмѣши-

¹⁾ Памятникомъ образовательныхъ занятій царевича остались нарисованныя имъ ландкарты.

²⁾ «Русскія историческія женщины», Мордовцева, 1874 г., стр. 225.

³⁾ «Сказанія Массы», стр. 76.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 95.

ваясь въ распрю своихъ сосѣдей, онъ зорко слѣдилъ за нею и не хотѣлъ, чтобы кто либо помогалъ той или другой сторонѣ, въ особенности же Польшѣ, такъ какъ въ случаѣ побѣды Сигизмунда онъ соединилъ бы подъ своей властью оба государства и сталъ бы вдвое сильнѣе и опаснѣе для Россіи. Въ виду этого понятно неудовольствіе Годунова, когда онъ узналъ, что англійскіе корабли перевозятъ войска Сигизмунда въ Швецію. Онъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе правительству королевы Елизаветы, которая отвѣчала, что дѣйствительно нѣсколько англійскихъ купеческихъ кораблей перевозили въ Швецію войска короля польскаго, но дѣлали это безъ ея согласія и вѣдома ¹⁾. Мы привели этотъ эпизодъ въ доказательство дипломатической дальновидности Бориса, въ которой такъ рѣшительно отказываетъ ему Н. И. Костомаровъ, видящій коварство тамъ, гдѣ была только здравая политика.

Польское посольство, во главѣ котораго стоялъ извѣстный канцлеръ Левъ Сапѣга, прибыло въ Москву въ ноябрѣ 1600 года и поднесло царю богатые подарки, но самъ посолъ держалъ себя довольно надменно и предъявлялъ неисполнимыя домогательства: между прочимъ, требовалъ права строить на Руси костелы. Вслѣдствіе этого возникли большіе споры и пререканія. Масса ²⁾ рассказываетъ, что Сапѣга былъ у царя по крайней мѣрѣ разъ двадцать, и они разставались то друзьями, то врагами. Переговоры затянулись на девять мѣсяцевъ и кончились заключеніемъ перемирія на двадцать лѣтъ. Борисъ отпраздновалъ это событіе богатымъ пиромъ, на которомъ члены посольства угощались съ утра до глубокой ночи, и затѣмъ поторопился выпроводить ихъ изъ Москвы: до него дошли слухи о подозрительныхъ сношеніяхъ Сапѣги съ враждебными ему боярами. Это была первая капля горечи, упавшая на царское сердце Бориса, первое предвѣстіе ожидавшей его грозы... Вслѣдъ за отъѣздомъ Сапѣги закатывается солнце его счастья, и надъ его вѣнчанной головой появляются мрачныя тучи.

VIII.

Левъ Сапѣга былъ въ Москвѣ уже не первый разъ. При воцареніи Феодора, онъ же правилъ посольство къ новому царю и первый заговорилъ въ Польшѣ о его духовной немощи. Выше мы уже говорили, что это обстоятельство, въ связи съ воспоминаніемъ о недавнихъ побѣдахъ Баторія надъ Грознымъ, возбудило въ полякахъ надежду достигъ преобладанія надъ Москвой и еще болѣе урѣзать въ свою пользу ея западныя области. Годуновъ, высту-

¹⁾ Чарыковъ, Посольство въ Англію Григорія Микулина въ 1600—1601 годахъ; 1878 г., стр. 14—16.

²⁾ Сказ., стр. 74.

пившій въ качествѣ правителя, помѣшалъ осуществленію этихъ надеждъ. Благодаря его разумному управленію, Московское государство скоро оправилось отъ внутреннихъ нестроений и на столько окрѣпло, что могло дать отпоръ польскимъ притязаніямъ. При всемъ своемъ миролюбіи Борисъ далъ это ясно почувствовать панамъ Рады и тѣмъ вызвалъ ихъ озлобленіе. Извѣстно, что бессильная злоба—самая жгучая, и мы не сомнѣваемся, что она сильнѣе, чѣмъ другими, овладѣла Сапѣгой, вѣдавшимъ, въ качествѣ канцлера, иностранную политику Польши. Весьма естественно допустить, что именно въ его дипломатической головѣ возникла мысль выставить самозванца на погибель Годунова, и что Мнишекъ и Вишневецкіе были только орудіями, а не инициаторами этого замысла ¹⁾. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ лучше всѣхъ въ Польшѣ зналъ о загадочности смерти Димитрія и о враждѣ бояръ къ Годунову. Проживая такъ долго въ Москвѣ съ своимъ посольствомъ, Сапѣга имѣлъ полную возможность еще ближе ознакомиться съ этой средой и получить свѣдѣнія и указанія, необходимыя для подготовки претенданта, который, какъ кажется, былъ уже имъ намѣченъ. По крайней мѣрѣ, Масса ²⁾ передаетъ извѣстіе, что незадолго до заключенія мирнаго договора изъ Польши прибылъ королевскій гононецъ, по имени Илья Пельгримовскій, для предупрежденія царя о появленіи тамъ челоуѣка, выдающаго себя за сына Ивана Грознаго. Быть можетъ, въ виду затянувшихся переговоровъ, нашли необходимымъ оказать этимъ давленіе на Бориса и въ то же время поставить себя внѣ всякихъ подозрѣній въ сочувствіи къ самозванцу, хотя и оказавшемуся на польской территоріи. Какъ бы то ни было, только вслѣдъ за отъѣздомъ польскаго посольства, въ Москвѣ начали ходить темные слухи, что царевичъ Димитрій спасся отъ смерти въ Угличѣ и живетъ за польскимъ рубежомъ. Усиленіе этихъ слуховъ и подозрительныя сношенія бояръ съ Сапѣгой убѣдили Годунова, что стихшая на время боярская крамола вновь ожила и выдвигаетъ противъ него весьма опасное орудіе. Тогда Борисъ рѣзко измѣняется, становится подозрителенъ и жестокъ. Н. И. Костомаровъ говоритъ, что Борисъ никогда не былъ добродушенъ и милосердъ и только казался такимъ для утвержденія себя и своего рода на престолѣ; и когда убѣдился, что кроткія средства не удались, далъ волю своимъ естественнымъ чувствамъ, то-есть сталъ мраченъ и свирѣпъ ³⁾. Съ этимъ нельзя согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, Борисъ, занимающій престолъ, какъ всенародный избранникъ, вдругъ убѣждается, что люди, близко стоящіе къ

¹⁾ Первый Лжедимитрій, Д. И. Иловайскаго (Историческій Вѣстникъ, 1891 г., кн. XII, стр. 639).

²⁾ Сказ., стр. 75.

³⁾ Русская исторія, т. I, стр. 596—597.

трону, начинаютъ интриговать противъ него, своего законнаго государя; входятъ въ подозрительныя сношенія съ иноземнымъ посломъ и распускаютъ въ столицѣ опасныя слухи... Какой государь можетъ быть добродушенъ и милосердъ при этихъ условіяхъ? Поэтому неудивительно, что Годуновъ принялся за подозрительныхъ бояръ и прежде всего за Богдана Бѣльскаго. Если мы припомнимъ, что этотъ бояринъ, какъ опекунъ Дмитрія, ретивѣе всѣхъ отстаивалъ его право на престолъ, то будетъ вполне понятно, почему Борисъ скорѣе другихъ заподозрѣлъ его въ новой крамолѣ, тѣмъ болѣе, что и дальнѣйшее поведеніе Бѣльскаго было не вполне безукоризненно. Возвращенный Годуновымъ изъ ссылки, онъ былъ посланъ строить въ украинныхъ стѣняхъ городъ Царевъ-Борисовъ; зажилъ тамъ богато, на свой счетъ содержалъ ратныхъ людей и кичась своимъ богатствомъ и знатностію, открыто говорилъ, что Борисъ—царь въ Москвѣ, а онъ въ Царевѣ-Борисовѣ. Иностранные писатели передаютъ даже, что онъ объявилъ себя тамъ самостоятельнымъ царемъ ¹⁾, и хотя этому нельзя довѣрять, тѣмъ не менѣе его кичливость и похвальба отлично характеризуютъ общее настроеніе бояръ въ отношеніи Годунова. Очевидно, они только терпѣли его, но не могли примириться съ его властью и искренно подчиниться ей; не смотря на всенародный выборъ, онъ представлялся имъ узурпаторомъ, худороднымъ бояриномъ, мѣсто котораго не на престолѣ, а на дальнемъ воеводствѣ. Бѣльскаго привезли въ Москву, допрашивали и скоро сослали въ низовскую землю. Затѣмъ Борисъ набросился на бояръ Романовыхъ. Одинъ изъ ихъ холоповъ, Бартенева, бывшій казначеемъ у Александра Никитича Романова, подалъ доносъ, что Романовы замышляютъ извести царя ²⁾. Борисъ поручилъ слѣдствіе околичному Салтыкову, который въ кладовой Романовыхъ нашель мѣшокъ съ какими-то кореньями, привезъ его на дворъ къ патриарху и здѣсь высыпалъ коренья передъ собравшимся народомъ, сюда же привели всѣхъ почти братьевъ Романовыхъ. Замѣчательно при этомъ, что другіе бояре, по всей вѣроятности, Шуйскій со своими сторонниками, сильно нападали на Романовыхъ: «аки звѣри, пыхачу и кричачу на нихъ». По своему близкому родству съ царемъ Феодоромъ, этотъ боярскій родъ могъ въ будущемъ соперничать съ ними за престолъ: потому-то Шуйскіе были рады обвинить ихъ, чтобы отдѣлаться отъ опасныхъ конкурентовъ. Романовы были сосланы въ отдаленныя мѣста, причѣмъ Феодоръ Никитичъ былъ насильно постриженъ въ Сіискомъ монастырѣ. Пострадали также ихъ родственники и свойственники: Черкасскіе, Сицкіе, Репнины, Кар-

¹⁾ Исторія государства Россійскаго, Карамзина, изданіе 1842—1844 гг., т. XI, стр. 58.

²⁾ Никон. лѣтоп., т. VIII, стр. 42—43.

повы, Шестуновы, Пушкины и многіе другіе, разосланные по разнымъ украиннымъ городамъ. Между тѣмъ слухи о Димитріи продолжали ходить въ Москвѣ и проникали въ народъ. Опасеніе и тревога Бориса возрастали, тѣмъ болѣе, что въ самыхъ близкихъ къ себѣ людяхъ онъ замѣчалъ измѣну и шатость и прямо высказывалъ боярамъ, что считаетъ ихъ виновниками появленія самозванца. До чего была ненадежна окружавшая его среда, показываетъ между прочимъ слѣдующій случай. Крестовый дьякъ патриарха Іова, Григорій Отрепьевъ, проговорился въ пьяной компаніи, что Димитрій царевичъ живъ и находится въ Польшѣ. Борису донесли, и онъ приказалъ заточить болтуна въ Соловки. Однако дьякъ Смирной-Васильевъ не только не поспѣшилъ исполнить это повелѣніе, но даже забылъ о немъ, и Отрепьевъ ушелъ за польскій рубежъ, гдѣ скоро объявился у Димитрія. Этотъ человѣкъ былъ вхожъ въ дома враждебныхъ Годунову бояръ, замѣтившихъ его бойкость, грамотность и житейскую опытность, качества очень пригодныя для роли посредника между измыслившими самозванца польскими панами и тѣмъ московскимъ кружкомъ, который сочувствовалъ этой затѣѣ. Потому-то ему такъ мирволили въ Москвѣ и дали возможность ускользнуть въ Литву.

Ожесточенный коварствомъ своихъ враговъ, царь окружилъ себя шпионами и доносчиками, которые часто злоупотребляли его довѣріемъ и изъ личныхъ видовъ оклеветывали людей невинныхъ. Вслѣдствіе этого смутное настроеніе умовъ въ столицѣ усиливалось, и атмосфера вокругъ Бориса все болѣе и болѣе сгущалась. Онъ видимо терялъ душевное равновѣсіе, такъ необходимое для всякаго правителя, а между тѣмъ въ это самое время другое бѣдствіе обрушилось на Русь и потребовало отъ него великаго труда и неусыпныхъ попеченій.

IX.

Мы говоримъ о страшномъ голодѣ вслѣдствіе неурожая хлѣба въ 1601 и 1602 годахъ. Хлѣбъ пропалъ отъ сильныхъ лѣтнихъ дождей и раннихъ осеннихъ заморозковъ. Нельзя сказать, что неурожай былъ повсемѣстный; напротивъ, были мѣста, гдѣ хлѣбъ уродился прекрасно, напримѣръ, въ Курской сторонѣ, въ Сѣверской землѣ и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ украинскихъ городовъ; но, къ сожалѣнію, всѣ урожайныя полосы находились на окраинахъ государства, и потому доставка оттуда хлѣба въ центральныя, наиболѣе пострадавшія, мѣстности была очень затруднительна при тогдашнихъ первобытныхъ путяхъ сообщенія. Запасы хлѣба въ зернѣ и немолоченнаго въ скирдахъ и одоньяхъ имѣлись и внутри государства — у богатыхъ вотчинниковъ и зажиточныхъ крестьянъ, а также у торговыхъ людей находились большія заготовки зерна для продажи. Но всѣ они, «межъ себя сговорясь, для своей корысти,

хотя хлѣбною дорогою цѣною обогатѣти, тотъ весь хлѣбъ у себя затворили и затаили»¹⁾, а которые и продавали—такъ только оптомъ, четвертей по сту и больше, а не въ розницу. Кромѣ того, многіе скупщики заблаговременно «въ дешевую пору роздали и иззадачили на хлѣбъ многія деньги и нынѣ ѣздятъ задатчить, и закупаютъ и отсылаютъ въ отвозъ, и тотъ закупной хлѣбъ продаютъ по большей цѣнѣ, и всякимъ людямъ такою дорогою цѣною учинили въ хлѣбѣ тѣсноту великую и скудость». Иные изъ скупщиковъ выходили изъ городовъ на дороги, версты за двѣ и за три, и подстерегали крестьянъ, ѣдущихъ съ хлѣбомъ, чтобы откупить его и не пропускать «на торгъ для вольные дешевые продажи». Царь приказывалъ такихъ людей сыскивать, «бить кнутѣмъ нещадно» и «метать въ тюрьмы», а хлѣбъ у нихъ переписывать и продавать по указной цѣнѣ: «четы ржи по полтинѣ²⁾, овесъ по полуполтинѣ, ячмень по четыре гривны», и непремѣнно въ розницу, небольшимъ количествомъ: «по чети, по двѣ и по три челоувѣку». Свой собственный хлѣбъ Борисъ пустилъ въ продажу ниже установленной цѣны, а бѣднякамъ, у которыхъ не на что было купить хлѣба, сталъ выдавать деньги. Такъ какъ эта послѣдняя мѣра скоро вызвала злоупотребленія со стороны раздатчиковъ царской милостыни и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовала большому скопленію въ Москвѣ голоднаго народа, то Борисъ вынужденъ былъ прекратить выдачу денегъ и взамѣнъ ея учредилъ общественныя работы, чтобы дать возможность заработка стянувшемуся въ столицу голодному люду. Такою именно работою была постройка колокольни Ивана Великаго. Для упорядоченія же продовольственнаго дѣла внутри страны, царь послалъ довѣренныхъ лицъ, которыя должны были отбирать у землевладѣльцевъ молоченный и немолоченный хлѣбъ, платя за него по указной цѣнѣ, и отправлять въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности. Тѣмъ не менѣе, бѣдствіе было чрезвычайно велико. Не смотря на энергическія мѣры Бориса, направленные къ прокормленію народа, многіе бѣдняки, всетаки, не имѣли возможности добыть себѣ хлѣба и ѣли собакъ, кошекъ, мышей, сѣно, солому и даже человѣческое мясо. Масса рассказываетъ, что онъ видѣлъ въ Москвѣ, противъ своего дома, мальчика, который въ продолженіе четырехъ дней ѣлъ сѣно и наконецъ умеръ отъ истощенія. «Я,—говоритъ онъ,—охотно далъ бы ему поѣсть, однако, опасаясь, что меня замѣтятъ и нападутъ на меня, не посмѣлъ исполнить своего намѣренія»³⁾.

¹⁾ Указъ царя Бориса Годунова отъ 3 ноября 1601 г., о мѣрахъ противъ голода («Русская Старина» за 1891 г., кн. XI, стр. 499).

²⁾ Рубль въ началѣ XVII вѣка равнялся 12 нашимъ рублямъ. (Исслѣдов. г. Ключевского).

³⁾ Сказаніе Массы, стр. 78.

Въ то самое время, когда Борисъ былъ удрученъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ и глубоко встревоженъ слухами о самозванцѣ, ему суждено было перенести и семейное несчастье. Не раздѣляя общаго предубѣжденія тогдашнихъ русскихъ людей къ иностранцамъ, онъ рѣшилъ женить сына на иноземкѣ, а дочь выдать за иностраннаго принца. Первая его попытка пристроить Ксенію за Густава, сына Эрика XIV, короля шведскаго, не имѣла успѣха, такъ какъ онъ совершенно разочаровался въ характерѣ жениха, наслѣдовавшаго отъ отца фантастическое сумасбродство и неуживчивость нрава. Тогда Годуновъ обратился къ датскому двору и получилъ согласіе герцога Іоанна, брата короля Христіана IV, сдѣлаться его зятемъ. Въ августѣ 1602 года, принцъ съ большою свитою прибылъ въ Москву и очень понравился Борису, такъ какъ былъ юноша красивый, благоправный и скромный. Желая, чтобы его будущій зять имѣлъ возможность присмотрѣться къ русскимъ обычаямъ, Борисъ не спѣшилъ свадьбой. Герцогъ жилъ на особомъ подворьѣ и пользовался чрезвычайнымъ вниманіемъ и искреннимъ расположеніемъ царя; но вдругъ, въ октябрѣ 1602 года, онъ заболѣлъ горячкой и черезъ двѣнадцать дней скончался. Борисъ былъ въ отчаяніи, и вмѣстѣ съ нимъ горевала его семья. Замѣчательно, что даже эта скорбная утрата дала поводъ къ злословію его врагамъ: они пустили слухъ, будто Борисъ самъ отравилъ принца изъ боязни, чтобы русскіе, полюбивши его, не выбрали царемъ вмѣсто его сына.

Х.

Нельзя отрицать, что ужасный голодъ 1601 года сильно содѣйствовалъ возбужденію умовъ на Руси. Немногіе изъ подданныхъ Бориса знали его искреннюю заботливость о народѣ въ это тяжелое время; не до всѣхъ доходили и его обильныя щедроты. Между тѣмъ, тяжкія послѣдствія бѣдствія были у всѣхъ передъ глазами и невольно подрывали народную вѣру въ благость и могущество царя. Тѣмъ не менѣе, это была только накипь народнаго горя, которая исчезла бы вмѣстѣ съ голодомъ, если бы другія темныя силы не выступили противъ Годунова. Мы уже знаемъ, что внутри была сильная боярская ненависть къ нему, едва прикрытая холопской покорностью, а внѣ, въ Польшѣ, съ трудомъ скрывали озлобленіе и зависть. Эти двѣ равнодѣйствующія силы усердно работали теперь во мракѣ, стремясь пока къ одной общей цѣли—низверженію Бориса. Далѣе цѣли ихъ расходились: въ то время, какъ московскіе Рюриковичи мечтали только о возвращеніи себѣ наслѣдія предковъ—царскаго престола, польскіе паны были не прочь превратить Москву въ вассальное княжество. Орудіе для достиженія завѣтныхъ цѣлей было у нихъ также общее: это—призракъ угличскаго Дмитрія, выдвинутый въ расчетъ на преданность народа къ угасшему

царскому роду. Этотъ расчетъ былъ вѣренъ, ибо Бориса дѣйстви-тельно можно было свергнуть только самозванцемъ ¹⁾. Все, что намъ извѣстно о личномъ характерѣ перваго Лжедмитрія, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о его польскомъ происхожденіи, а это, въ свою очередь, указываетъ, что инициатива самозванческой интриги принадлежала польскимъ панамъ, а не русскимъ боярамъ. Эти послѣдніе только сочувствовали ей, въ надеждѣ, что отъ самозванца будетъ легко очистить престолъ.

И вотъ, въ то время, когда будущій названный Дмитрій переходилъ въ Польшу отъ одного пана къ другому, ища себѣ покровительства, и успѣлъ уже заручиться негласною поддержкою короля, слухи о его появленіи продолжали идти на Русь и становились все настойчивѣе. Въ началѣ 1604 года было перехвачено письмо одного иноземца изъ Нарвы, въ которомъ сообщалось, что у казаковъ явился сынъ царя Ивана Васильевича. Затѣмъ пришли въ Москву люди, взятые казаками въ плѣнъ подъ Саратовомъ и отпущенные ими, которые говорили, что казаки грозятся скоро придти въ Москву съ царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ. Тогда Борисъ приказалъ поставить на польскомъ рубежѣ крѣпкія заставы и не пропускать никого ни туда, ни оттуда. 19-го іюля 1604 года, посланникъ германскаго императора Рудольфа II, кавалеръ Логау, представлялся Борису, и отъ имени своего государя просилъ его быть предусмотрительнымъ и осторожнымъ, такъ какъ принявшій имя Дмитрія нашелъ уже много приверженцевъ въ Польшѣ, готовыхъ оказать ему значительную помощь въ войнѣ ²⁾. Прикрывая внутреннюю тревогу наружнымъ спокойствіемъ, Борисъ поблагодарилъ императора за содѣлскую дружбу и заявилъ, что въ Польшѣ явился какой-то обманщикъ, который ему не страшенъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ составить описаніе событій, сопровождавшихъ смерть царевича Дмитрія, и передалъ его послу для врученія императору. Однако Борисъ скоро понялъ, что сохранять презрительное молчаніе о самозванцѣ становилось неудобнымъ, и нужно было объяснить народу, кто принялъ на себя имя умершаго Дмитрія? Несомнѣнно, что Борисъ не зналъ ничего достовѣрнаго о личности самозванца; въ противномъ случаѣ, онъ не сталъ бы тайно допрашивать мать Дмитрія: живъ ея сынъ, или нѣтъ? ³⁾. Какъ видно,

¹⁾ Соловьевъ, томъ VIII, стр. 85.

²⁾ Сказ. Массы, стр. 104.

³⁾ Весьма замѣчательнъ отвѣтъ Марѣ: «Мнѣ говорили, — сказала она, — будто сына моего тайно увезли безъ моего вѣдома». Разумѣется, этотъ двусмысленный отвѣтъ былъ продиктованъ только ея злобою, ибо она не могла сомнѣваться въ смерти Дмитрія. Если эта женщина могла такъ лгать въ глаза Годунову изъ желанія уязвить его, то весьма естественно допустить, что она не стѣснилась въ свое время приписать смерть Дмитрія царскимъ приставамъ, своимъ завѣдомымъ врагамъ, желая погубить ихъ. Если же допустить, что у нея дѣйствительно было сомнѣніе въ смерти сына, то это представило бы угличское событіе въ совершенно новомъ освѣщеніи.

на него находило даже сомнѣніе въ смерти Димитрія. Изъ заявленія же его боярамъ, при первыхъ слухахъ о самозванцѣ, что это ихъ дѣло, становится также понятнымъ, что Годуновъ не подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ и польской интриги. Среди своихъ тяжелыхъ сомнѣній, онъ остановился на мысли—выдать за самозванца Григорія Отрепьева, ушедшаго въ 1602 году за польскій рубежъ при помощи бояръ. Возможно даже допустить, что ихъ несомнѣнное участіе въ этомъ дѣлѣ подкрѣпляло предположеніе Бориса и ввело его въ грубую ошибку. И вотъ послѣдовала патриаршая грамота, въ которой оповѣщалось народу, что называющій себя Димитріемъ царевичемъ есть Гришка Отрепьевъ, бѣглый монахъ Чудова монастыря, ушедшій въ Литву вмѣстѣ съ чернецами Варлаамомъ, Мисаиломъ и Пименомъ; послѣдній дошелъ съ ними только до рубежа и теперь свидѣтельствовалъ объ этомъ передъ патриархомъ. Затѣмъ указывалось на свидѣтельство какого-то Венедикта и ярославскаго иконника Степана, которые видѣли Гришку въ Кіевѣ и знаютъ, что онъ назвался царевичемъ. Патриархъ извѣщалъ, что онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ проклялъ Гришку за его богомерзкій умыселъ, и повелѣвалъ во всѣхъ церквахъ предавать анаѣмѣ его и всѣхъ тѣхъ, которые станутъ называть его Димитріемъ. Однако, эта мѣра не произвела желаемаго воздѣйствія на народъ и не убѣдила его въ тождествѣ названнаго Димитрія съ Гришкой Отрепьевымъ. Она только затемнила вопросъ о личности перваго самозванца, прикрывъ русскимъ именемъ какого-то невѣдомаго польскаго шляхтича, и, по странной ироніи судьбы, какъ бы содѣйствовала желанію поляковъ тщательно скрыть тотъ источникъ, откуда вытекла самозванческая интрига ¹⁾).

Вслѣдъ затѣмъ Борисъ сдѣлалъ попытку дипломатическимъ путемъ добиться выдачи самозванца, и послалъ въ Польшу Постника-Огарева и подьячаго Языкова съ грамотою, въ которой выражалъ королю свое удивленіе, что онъ, будучи въ мирѣ съ Москвою, даетъ помощь вору и предателю, и требовалъ его выдачи. Король Сигизмундъ далъ лживый и казуистическій отвѣтъ, полный въ то же время злой ироніи. Онъ, допустившій къ себѣ Лжедимитрія въ мартѣ 1604 года и давшій ему изъ собственной шкатулки 40 тысячъ золотыхъ годоваго содержанія и разрѣшеніе пользоваться содѣйствіемъ своихъ подданныхъ, отвѣчалъ Борису, что не оказывалъ ни помощи, ни заступничества называющемуся Димитріемъ, котораго нѣтъ уже въ Польшѣ, и достать де его теперь легче въ Московскомъ государствѣ, чѣмъ въ королевскихъ владѣніяхъ.

¹⁾ См. эпиграфъ, взятый Н. И. Костомаровымъ къ своему Смутному времени: «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ тайныхъ умысленіяхъ, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятеля». (Слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ въ 1611 году). Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII вѣка, 1868 г.

ХІ.

Дѣйствительно, въ началѣ октября 1604 года, самозванецъ съ войскомъ, состоявшимъ изъ поляковъ и казаковъ, перешелъ русскую границу и двинулся къ Чернигову, который занялъ почти безъ боя, а затѣмъ къ Путивлю, довольно многолюдному городу, производившему тогда значительную торговлю. Этотъ городъ также скоро покорился ему, и онъ сдѣлалъ его базисомъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Здѣсь находились его оружіе и съѣстные припасы, а также всѣ принадлежности временного управленія. Одинъ за другимъ сдались ему города: Брянскъ, Рыльскъ, Сѣвскъ, Курскъ и Карачевъ, а тамошніе служилые люди перешли къ нему на службу. Понимая, что для дальнѣйшаго движенія необходимо сначала завоевать Сѣверскую землю, Лжедмитрій рѣшился идти къ Новгороду-Сѣверскому, гдѣ засѣлъ съ войскомъ и окопался царскій воевода Басмановъ. Въ ноябрѣ онъ осадилъ этотъ городъ, но Басмановъ такъ стойко отбивался, что осада затянулась. Царское войско, подъ главнымъ начальствомъ князя Мстиславскаго, однако, не спѣшило на выручку Басманова. Въ то время, какъ онъ началъ страдать отъ недостатка провіанта и дѣлалъ отчаянныя вылазки, чтобы завладѣть непріятельскимъ обозомъ, одинъ изъ московскихъ подначальныхъ воеводъ, князь Дмитрій Шуйскій, стоялъ весьма близко, у Брянска, и не думалъ идти къ нему на помощь. Только въ исходѣ декабря Мстиславскій подошелъ наконецъ къ Новгороду-Сѣверскому. Прежде, чѣмъ этотъ медлительный воевода приготовился къ бою, самозванецъ быстро атаковалъ его войско и обратилъ въ бѣгство. Такимъ образомъ геройскія усилія Басманова принесли мало пользы. Въ какомъ настроеніи находились тогда царскіе начальныя люди, показываетъ слѣдующій характерный эпизодъ. Борисъ отправилъ съ княземъ Василиемъ Масальскимъ 80 тысячъ талеровъ въ подарокъ своему войску, чтобы поощрить его вѣрность; но князь не нашелъ туда дороги и пришелъ съ деньгами къ Лжедмитрію, который, разумѣется, принялъ его съ почетомъ ¹⁾. Вообще, послѣ этой побѣды дѣла самозванца быстро улучшились: число перебѣжчиковъ изъ служилыхъ людей увеличилось, и жители Сѣверщины открыто стали на его сторону. Между тѣмъ раненый Мстиславскій, въ помощь которому данъ былъ князь В. Шуйскій, въ качествѣ второго главнаго воеводы, стянулъ свои войска къ деревнѣ Добрыничамъ, близъ Сѣвска. Собравъ все свое войско, Лжедмитрій напалъ на нихъ, однако потерпѣлъ на этотъ разъ, 21-го января 1605 года, рѣшительное пораженіе. Онъ потерялъ почти всю свою пѣхоту, оставивъ на мѣстѣ до 6 тысячъ, кромѣ плѣнныхъ ²⁾. Если бы москов-

¹⁾ Петрей, стр. 196.

²⁾ Сказ. соврем. о Дмитріи Самозванцѣ, 1859 г.; Маржеретъ, 1, 125.

скіе воеводы преслѣдовали его разбитое войско, оно все было бы истреблено, и самъ онъ былъ бы, вѣроятно, схваченъ ¹⁾. Однако Мстиславскій и Шуйскій этого не сдѣлали, и самозванецъ успѣлъ уйти въ Путивль, куда изъ Польши прислали ему и людей, и денегъ; помогли также и взятые имъ русскіе города, такъ что онъ скоро оправился и снова могъ выставить хорошее войско. Между тѣмъ царская рать, не предпринимая ничего рѣшительнаго, безцѣльно двигалась съ одного мѣста на другое и къ половинѣ марта расположилась лагеремъ подъ крѣпостцю у Кромъ, стоявшей на горѣ. Лѣтомъ эта крѣпостца была почти недоступна, такъ какъ гору окружали болота, теперь замерзшія: на нихъ-то и стало московское войско. Было очевидно, что нужно непремѣнно занять эту крѣпость. Однако Мстиславскій не только этого не сдѣлалъ, но, когда одинъ изъ подначальныхъ ему иноземныхъ ротмистровъ, Ласъ Віуго, занялъ ее своимъ отрядомъ и водрузилъ знамя, онъ приказалъ ему оставить крѣпость и зажечь ее. Какъ разъ въ это время подходилъ передовой отрядъ самозванца, состоявшій изъ двухъ тысячъ пѣшихъ казаковъ. Увидя, что Кромъ горятъ, а отрядъ Ласа Віуго возвращается въ лагерь, казаки съ необыкновенною ловкостію и быстротою овладѣли ими; потушили пожаръ, заняли крѣпостной ровъ, вырыли траншеи и могли обстрѣливать московскій лагерь, оставаясь неуязвимыми. Вскорѣ, благодаря перебѣжчикамъ, число ихъ возросло до четырехъ тысячъ, и передъ этой горстью отважныхъ удалцовъ стали Мстиславскій и Шуйскій съ трехсотъ-тысячнымъ войскомъ и равнодушно созерцали, какъ казаки, благодаря своей мѣткой стрѣльбѣ, ежедневно убивали у нихъ отъ 30 до 40 человекъ. Ясно, что въ московскомъ лагерѣ уже начиналась измѣна. Военачальники не только дѣйствовали вяло, но даже замѣтно поддерживали сношенія съ Лжедмитріемъ, хотя открыто перейти на его сторону еще не рѣшались.

ХІІ.

Въ то время, когда Мстиславскій и Шуйскій стояли у Кромъ, «гдѣ кучка казаковъ смѣялась имъ изъ-подъ гнилой огады» ²⁾, царь Борисъ томился и страдалъ въ Москвѣ. Онъ видѣлъ шатость главныхъ своихъ воеводъ и открытую измѣну тѣхъ, которымъ онъ довѣрялъ; въ то же время онъ съ ужасомъ замѣчалъ всеобщее колебаніе умовъ, и передъ нимъ раскрывалась пропасть, въ которую должно было рухнуть его личное высокое положеніе и счастье любимой семьи. Подъ гнетомъ великихъ испытаній онъ сталъ суевѣренъ и, какъ сынъ своего вѣка, желалъ, при помощи кудесниковъ и гаданій, заглянуть въ будущее, въ надеждѣ найти тамъ нѣкото-

¹⁾ Сказ. Массы, стр. 125.

²⁾ Слова изъ Пушкинскаго «Бориса Годунова».

рое успокоеніе своей душевной тревогѣ. Между тѣмъ, въ Москву ежедневно прѣзжалъ одинъ гонецъ за другимъ, и каждый съ дурными вѣстями. Одинъ говорилъ, что такой-то перешелъ къ самозванцу; другой—что большое войско идетъ изъ Польши; третій—что всѣ царскіе начальники измѣнили... Тогда Борисъ рѣшился испытать послѣднее средство: отозвать Мстиславскаго и Шуйскаго и ввѣрить свое войско Басманову, единственному человѣку, на котораго онъ могъ еще надѣяться. Упорная защита Новгорода-Сѣверскаго возвысила Басманова въ глазахъ царя, осыпавшаго его своими милостями; кромѣ того, онъ былъ человѣкъчъ хутородный и потому естественно чуждъ боярскихъ традицій. Призвавъ его къ себѣ, Борисъ заклиналъ не вѣрить самозванцу и добыть его живаго или мертваго. Въ награду царь обѣщаль выдать за него свою дочь и въ приданое за ней дать царства Казанское и Астраханское. Басмановъ поклялся или пожертвовать своею жизнію, или захватить и убить Лжедмитрія. Однако судьба была такъ жестока къ Борису, что даже этотъ искренній человѣкъчъ измѣнилъ ему въ душѣ, не выйдя изъ дворца. Встрѣтивъ въ передней Семена Никитича Годунова, Басмановъ разсказаль ему объ обѣщаніяхъ царя, а тотъ, движимый завистью, замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ— не истинный ли царевичъ этотъ Димитрій? Эти слова самаго близкаго къ царю человѣка заронили глубокое сомнѣніе въ сердце Басманова и поколебали его. Однако Борису не было суждено испытать послѣднее огорченіе и пережить измѣну Басманова; прежде, чѣмъ тотъ отправился къ войску, царь скончался...

Трехлѣтнее душевное томленіе, въ которомъ держала Бориса самозванческая интрига, подточило его организмъ. Онъ видимо изнемогалъ, но еще бодрился и принималъ участіе въ необходимыхъ дворцовыхъ церемоніяхъ. Въ воскресенье, 13-го апрѣля 1605 года, былъ праздничный обѣдъ въ золотой палатѣ, за которымъ царь казался веселѣе обыкновеннаго. Послѣ обѣда онъ поднялся на высокій дворцовый теремъ, съ котораго часто обозрѣваль всю Москву. Но вдругъ онъ поспѣшно сошелъ оттуда и жаловался на колотье и дурноту. Бросились за врачами и духовенствомъ. Между тѣмъ Борису становилось все хуже и хуже: у него пошла кровь изъ ушей и носа, и онъ сталъ терять сознание... Очевидно, его поразили ударъ съ кровоизліяніемъ въ мозгъ. Едва успѣли причастить царя св. тайнъ и наскоро совершить постриженіе въ схиму, съ именемъ Боголѣпа, какъ онъ испустилъ духъ. Такъ скончался Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ на 55 году отъ рожденія, покинувъ престоль и семью въ роковую для нихъ минуту. На слѣдующій день останки его были погребены въ Архангельскомъ соборѣ, общей усыпальницѣ московскихъ государей. Однако людская злоба преслѣдовала Бориса и за гробомъ. Не признавая при жизни права на престоль, бояре не хотѣли ему и мертвому дать мѣсто среди

другихъ властителей Московскаго государства. Спустя два мѣсяца, когда сынъ его былъ свергнутъ съ престола и убитъ вмѣстѣ съ матерью, изъ Архангельскаго собора вынули гробъ Бориса и зарыли съ тѣлами жены и сына на «убогомъ домѣ»¹⁾ близъ Варсонофьевскаго монастыря. Но и здѣсь кости Бориса не нашли еще себѣ вѣчнаго успокоенія. Воцарившійся Шуйскій, желая примириться съ прошлымъ, приказалъ въ сентябрѣ 1606 года перевезти гробы бывшаго царя, его жены и сына и похоронить въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ. Здѣсь, противъ сѣверо-западнаго угла Успенскаго собора, начатаго Грознымъ и достроеннаго благодѣтелемъ Бориса, царемъ Феодоромъ, подъ особою каменною палаткою, покоится долгимъ сномъ вѣчности вся царственная семья Годуновыхъ²⁾.

Годуновъ, выдвинувшись своимъ необыкновеннымъ умомъ и замѣчательными способностями изъ незнатнаго служилаго рода, по всенародному избранію, занялъ царскій престолъ въ такую эпоху, когда въ московской боярской средѣ были еще очень сильны родовыя традиціи. Среди тогдашняго боярства находились близкіе потомки удѣльныхъ князей, ведшіе свои роды прямо отъ Рюрика и потому считавшіе упраздненный престолъ своимъ естественнымъ достояніемъ, прямымъ наслѣдіемъ предковъ. И вотъ, тогда въ силу народной воли, которой они не признавали, на немъ является незнатный чужеродецъ, ихъ родовая гордость глубоко оскорбляется и унижается «святая святыхъ» ихъ фамиліальной славы... Ихъ возмущенное чувство ищетъ исхода. Не имѣя ни силъ, ни возможности открыто возстать противъ Годунова, они изопряются въ тайныхъ козняхъ: ропускаютъ про него дурныя слухи, обвиняютъ во всемъ, что дѣлается на Руси худаго, и всячески чернятъ передъ народомъ. Однако ихъ коварныя усилія остаются безплодными: русскій народъ также охотно повинуется своему избраннику, какъ и прирожденнымъ государямъ, тѣмъ болѣе, что онъ правитъ имъ разумно и попечительно. Тогда къ боярамъ приходитъ помощь извнѣ, изъ Польши, откуда шепчутъ, что Годунова можно свергнуть воскресшимъ Димитріемъ. Изнывшіе въ безсильной злобѣ, бояре прилѣпляются всѣмъ сердцемъ къ этой иноземной затѣѣ... И вотъ вы-

¹⁾ Въ древней Руси убогими домами назывались особыя кладбища, на которыхъ ставились одна или нѣсколько кѣттей съ ямами, въ которыхъ складывались, отпѣвались и потомъ зарывались въ общую могилу тѣла людей, умершихъ внезапною смертію. Надъ ними совершалась въ семикъ общія панихида.

²⁾ Описаніе Троицко-Сергіевой лавры — въ «Свѣдѣніи о существ. въ Россіи лаврахъ и монастыряхъ», 1850 г., стр. 28. Царевна Ксенія, въ иночествѣ Ольга, скончалась въ 1622 году, «отходя сего свѣта», она была челомъ царю Михаилу Феодоровичу, чтобы онъ пожаловалъ—тѣло ея велѣлъ похоронить у Живоначальныя Троицы, въ Сергіевѣ монастырѣ, съ отцомъ ея и матерью вмѣстѣ. Желаніе царевны было исполнено. («Русскія историческія женщины», Мордовцева, стр. 234).

ростаеъ могучій призракъ, воскресаеъ умершій царевичъ и привлекаеъ къ себѣ народное сердце. Передъ порывомъ народной любви и преданности къ древнему царскому роду не устоялъ тронъ Годунова: онъ пошатнулся и рухнулъ...

Съ тѣхъ поръ прошли вѣка, но хитросплетенія и ложь, посѣяныя боярской кривдой, все еще чернятъ память лучшаго изъ правителей до-Петровской Руси. Будемъ надѣяться, что окончательный приговоръ исторіи не обвинитъ Годунова на основаніи однихъ пристрастныхъ показаній его враговъ, и тогда, быть можетъ, оправдается мнѣніе Константина Аксакова¹⁾, видѣвшаго въ Борисѣ «одно изъ величавыхъ лицъ» нашей исторіи.

А. Мерцаловъ.

¹⁾ «Русская Бесѣда» за 1858 г., т. II, стр. 24.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНЗОРЪ И ПРОФЕССОРЪ-ПЕССИМИСТЪ ¹⁾.

(Биографическій очеркъ).

III.

Никитенко въ царствованіе Александра II.

МЫ ОСТАНОВИЛИСЬ долѣе, чѣмъ слѣдуетъ въ журнальномъ очеркѣ, на царствованіи Николая I, рассказанномъ въ дневникѣ Никитенки, но сдѣлали это по двумъ причинамъ: исторіи этого царствованія у насъ нѣтъ, кромѣ описанія разныхъ подвиговъ, очень мало интересныхъ для настоящей исторіи. Нѣтъ ея и у Никитенки, пропускающаго многія важныя явленія и смотрящаго на все съ пессимистской точки зрѣнія. Но онъ приводитъ за то такое множество неопровержимыхъ фактовъ, что по нимъ можно составить если не полную, то вѣрную характеристику этого безотраднaго времени, какъ его характеризуетъ авторъ дневника. И потомъ, самъ этотъ авторъ принадлежитъ къ числу выдающихся дѣятелей, и близкое знакомство съ этимъ самобытнымъ чиновникомъ-либераломъ даетъ богатый матеріалъ для изученія и оцѣнки петербургскаго общества той эпохи.

Новую эпоху встрѣтилъ авторъ безъ особенно радужныхъ надеждъ. По поводу похоронъ Николая I онъ говоритъ: «Какой урокъ человѣческому высокоумію!.. Безъ рѣшительной готовности мужественно встрѣтить всякую случайность судьбы и жизни—нѣтъ не-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIV, стр. 511.

зависимости дѣйствій: человѣкъ будетъ всегда колебаться, какъ ладья среди выби морей». Размышленіе это онъ высказываетъ по поводу государственныхъ дѣлъ, но тотчасъ же переходитъ отъ нихъ къ своимъ собственнымъ и, недовольный самимъ собою, заподозрѣваетъ своего министра въ томъ, что онъ склоняется на сторону его враговъ, и что «канцелярія одолѣваетъ разумъ». Но онъ не знаетъ, происходитъ ли дурное настроеніе его отъ моральныхъ или отъ физическихъ причинъ, такъ какъ онъ долго хворалъ, а «человѣкъ въ болѣзни дѣлается ужаснымъ подлецомъ. Онъ чувствуетъ себя прииженнымъ передъ страшнымъ могуществомъ природы и готовъ пресмыкаться передъ нею, вымаливая себѣ минуту облегченія». Это же положеніе диктуетъ ему такія мизантропическія мысли: «господствующій порокъ людей нашего времени — казаться, а не быть. Все и во всемъ ложь: ложь въ сапогѣ, который жметъ ногу вмѣсто того, чтобы служить ей обувью, ложь въ шляпѣ, которая не защищаетъ головы отъ холода; ложь въ кургузомъ, недѣльномъ фракѣ, который покрываетъ задъ и оставляетъ открытымъ передъ, ложь въ умѣ, который обманываетъ и обманывается; ложь въ языкѣ, въ образованіи наружномъ, поверхностномъ, безъ глубины, безъ силы, безъ истины. Безконечная цѣпь лжей. И всего удивительнѣе въ этомъ порядкѣ вещей то, что онъ самъ ложь и въ то же время перядокъ. Толкуйте тутъ о необходимости истины, когда и безъ нея можно обходиться такъ хорошо и съ такою пользою для себя... Есть люди великіе величіемъ своего положенія, а не величіемъ генія или характера. Такія лица — пародія настоящихъ великихъ людей, они бросаютъ современникамъ пыль въ глаза, а потомкамъ даютъ уроки своего ничтожества». Авторъ не говоритъ, къ кому онъ относитъ эту послѣднюю фразу, и переходитъ къ необходимости составить инструкцію цензорамъ, о чемъ его просилъ Норовъ. «Пора положить предѣлъ этому страшному гоненію мысли, этому произволу невзгодъ, которыя дѣлали изъ цензуры съѣзжую и обращались съ мыслями, какъ съ ворами и пьяницами». И, всетаки, нужно было дожидаться новой эпохи, чтобы высказать эти рѣзкія, но правдивыя слова. О своихъ товарищахъ по цензурѣ Никитенко выражается съ безпощадною рѣзкостью. Норовъ замѣтилъ, что нынѣшніе цензора не въ состояніи будутъ слѣдовать новымъ правиламъ. «Неужели же вы думаете ихъ оставить на службѣ? — спросилъ Никитенко и потомъ прибавляетъ: да и кто велѣлъ этимъ господамъ принимать на себя бремя не по силамъ? Жалованье хорошее! Но вѣдь сколько надѣлано гадостей, глупостей и, что хуже всего, подлостей. И ни малѣйшаго сожалѣнія не чувствуешь ко всѣмъ этимъ Елагинымъ, Ахматовымъ, Пейкерамъ, Шидловскимъ. Ихъ набрали Шихматовъ и Мусинъ-Пушкинъ. Елагинъ завѣдовалъ конюшнею у Шихматова, Ахматовъ сдѣлался цензоромъ потому, что ему долженъ его начальникъ Мусинъ-Пушкинъ. Изъ старыхъ

остался одинъ Фрейгангъ, когда-то самый мелочной и придирчивый, а теперь онъ лучшій, хотя самъ нисколько не перемѣнился къ лучшему».

Въ 1855 году Никитенко избранъ ординарнымъ академикомъ, что, однако, не мѣшало ему говорить правду о своихъ товарищахъ по академіи наукъ. Онъ недоволенъ борьбою партій русской и нѣмецкой, выразившеюся въ выборѣ непремѣннаго секретаря. Изъ двухъ кандидатовъ Миддендорфа и Буяковскаго авторъ подалъ голосъ за послѣдняго потому, что тотъ «очень хорошій человѣкъ», но при этомъ самъ же говоритъ, что было основаніе предпочесть перваго, потому что Буяковскій не знаетъ иностранныхъ языковъ, на которыхъ производится переписка академіи съ ученою Европою. Миддендорфа выбрали большинствомъ двухъ шаровъ, и Никитенко объясняетъ, что нѣмцы должны были побѣдить, потому что они трудолюбивѣе, всегда дружно стремятся къ достиженію общей цѣли, «а мы, во первыхъ, стараемся сдѣлать все какъ нибудь, по казенному, чтобы только начальство было довольно и дало намъ награду; во вторыхъ, гдѣ трое или четверо нашихъ соберутся для какого нибудь общаго дѣла, тамъ непремѣнно на другой или третій день они перессорятся и нагадятъ другъ другу. Одно спасеніе во вмѣшательствѣ начальства». Все это вѣрно, но ужь будто и нѣмцы ничего не дѣлаютъ какъ нибудь и не стараются угодить начальству? О своихъ русскихъ товарищахъ по академіи Никитенко отзывается не слишкомъ благосклонно: «С—ій готовъ быть всѣмъ, чѣмъ угодно сильнѣйшему; Давыдовъ и П. терпѣть не могутъ другъ друга за то, что одинъ хорошо поставленъ при дворѣ, а другой получилъ раньше владимірскую звѣзду (кажется, черезъ сорокъ лѣтъ можно было возстановить въ дневникѣ эти инициалы П. да С.—это Плетневъ и Срезневскій). Устряловъ, если хорошо пообедалъ и выспался, то ему ни до чего нѣтъ дѣла; Острогорскій—хитрый хохоль, который втихомолку подсмѣивается и надъ русскими и надъ нѣмцами, а любить деньгу, лѣнность и комфортъ. И все это — идетъ врознь. Конечно, между нашими есть много людей со способностями, но имъ не дана способность хорошо употребить свои способности».

«Императоръ видимо удрученъ войною,—пишетъ Никитенко:— дѣла, относящіяся не къ ней, слушаетъ не съ полнымъ вниманіемъ, спѣшитъ и многого не рѣшается брать на себя, боясь ошибиться. Онъ хоть и благоволяетъ къ министерству просвѣщенія, но не съ излишкомъ, какъ въ послѣднее время и покойный». Онъ утвердилъ, однако, по этому вѣдомству двѣ важныя мѣры—возвращеніе профессорамъ и учителямъ пенсіона на службѣ и несовмѣстимость званія попечителя учебнаго округа съ генераль-губернаторствомъ. Но проектъ автора наставленій цензорамъ, гдѣ «былъ обузданъ произволъ цензоровъ, а литературѣ данъ просторъ», встрѣтилъ пренебреженія, повидимому, ничтожныя, и однако проектъ, переданный

въ канцелярію министерства для переписки, лежалъ тамъ цѣлый мѣсяць. Затѣмъ слѣдовали другія болѣе спѣшныя работы по министерству: годовой отчетъ, ревизія гимназій, и авторъ пришелъ къ убѣжденію, что хотя «цензура составляетъ самый деликатный и наболѣвшій нервъ нашей общественной жизни, но до него надо дотрогиваться осторожно». Паденіе Севастополя встрѣтилъ онъ горькими фразами: «Боже мой! Сколько жертвъ! Какое гибельное событіе для Россіи. Бѣдное человѣчество. Одною мгновеніемъ... было достаточно, чтобы съ лица земли исчезло столько цвѣтущихъ жизней, пролито столько крови и слезъ. Мы не два года ведемъ войну, мы вели ее тридцать лѣтъ, держа милліонъ войскъ и безпрестанно грозя Европѣ. Къ чему все это? Какія выгоды, какую пользу приобрѣла отъ этого Россія?.. Москвичи провозгласили, что Европа гниетъ, что она уже сгнила, и процвѣтаютъ только славяне. А вотъ теперь Европа доказываетъ нашему невѣжеству, нашей апатіи, нашему высокомерному презрѣнію, какъ она сгнила!» Далѣе онъ еще разъ отзывается о дѣятеляхъ прошлаго царствованія: «теперь только открывается, какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администрація въ хаосѣ, нравственное чувство подавлено, умственное развитіе остановлено, злоупотребленія и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это плоды презрѣнія къ истинѣ и сильной вѣры въ одну матеріальную силу. По случаю пріѣзда государя въ Москву Погодинъ написалъ статью, въ которой много самохвальства: мы первый народъ въ мірѣ, да мы лучше другихъ и т. п. Но въ ней есть одно замѣчательное мѣсто, потому что оно выражаетъ общее чувство: авторъ говоритъ о Петрѣ, Екатеринѣ, Александрѣ, и ни слова о Николаѣ. Говорятъ, государь самъ пропустилъ эту статью въ печать, Мусинъ-Пушкинъ не велѣлъ перепечатывать ее въ газетахъ. А развѣ это тоже не произволь?.. Отчего у насъ такъ мало способныхъ государственныхъ людей? Оттого, что отъ каждаго изъ нихъ требовалось одно — не искусство въ исполненіи дѣлъ, а повиновеніе и такія энергическія мѣры, чтобы всѣ прочіе повиновались; гражданственность наша еще не сложилась, потому что у насъ нѣтъ главнаго, безъ чего бываетъ сожитіе, но не гражданственность, а именно — духа общественности, законности и честности, и также мало нравственности».

О двухъ отставленныхъ министрахъ высказывается не очень лестное мнѣніе: Бибииковъ могъ быть только начальникомъ пожарной команды или управы благочинія; по случаю паденія Клейнмихеля «всеобщая радость, всѣ поздравляли другъ друга съ побѣдою, которая за недостаткомъ настоящихъ побѣдъ составляетъ общественное торжество. Ума у него на столько, чтобы быть надзирателемъ тюремнаго замка, но онъ не волю отъ природы; зло заключалось въ его положеніи, сдѣлавшемъ изъ него всевластнаго вельможу въ насмѣшку русскому обществу. Но онъ не виноватъ въ

томъ, что его безжалостно опаивали почестями и лестью. Мудрено ли, что онъ совсѣмъ опьянѣлъ, голова его закружилась, и онъ потерялъ голову». И это все надгробное слово павшему фавориту, у котораго Никитенко прослужилъ больше двадцати лѣтъ въ ненавистной ему Аудиторской школѣ, не разъ обѣдая у него и восхищаясь любезностью его супруги. По цензурнымъ дѣламъ авторъ отстоялъ новое изданіе «Конька Горбунка», котораго «безтолковая цензура не пропускала, и Елагинъ говорилъ въ своемъ докладѣ, что въ этой сказкѣ излагаются несбыточные происшествія». Ему удалось также провести въ цензоры Гончарова: «это спасетъ его отъ канцеляризма, въ которомъ онъ погибаетъ». Смерть Грановскаго вызвала въ авторѣ горькія сожалѣнія. «Это человѣкъ, котораго можно было вполне уважать, вѣрить безусловно въ правоту его ума и сердца. Онъ былъ чистъ, какъ лучъ солнца, отъ всякой скверны нашей общественности. Это былъ Баярдъ мысли, рыцарь безъ страха и упрека». Въ концѣ этого года авторъ относится нѣсколько мягче къ своему времени: «въ обществѣ начинается прорываться стремленіе къ лучшему порядку вещей, но этимъ еще не слѣдуетъ обольщаться. Все, что до сихъ поръ являлось у насъ хорошаго или дурного, являлось не по самобытному, свободному движенію общественнаго духа, а по указанію, по волѣ высшей власти, которая одна всѣмъ распоряжалась и вела куда хотѣла. Замѣчательныя личности, отдѣльные факты мало значатъ въ общей массѣ застоя—это пузыри, выскакивающіе на поверхность сонной влаги, взволнованной паденіемъ въ нее какой нибудь тяжести... У насъ начинаютъ даже толковать о законности и гласности... Лишь бы все это не испарилось въ словахъ. Русскій умъ удивительно склоненъ довольствоваться словами вмѣсто дѣла. Теперь намъ предстоитъ собрать всѣ свои силы и дружно сосредоточить ихъ на благія дѣла. До сихъ поръ мы изображали въ Европѣ только огромный кулакъ, которымъ грозили ея гражданственности, а не великую силу, направленную на собственное усовершенствованіе и развитіе».

Въ слѣдующемъ году авторъ дневника назначенъ былъ редакторомъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», и государь согласился сдѣлать его членомъ главнаго правленія училищъ. Но Норову непремѣнно хотѣлось, чтобъ онъ былъ членомъ ученаго комитета, и Никитенко волнуется отъ жалкой безхарактерности министра, отъ того, что у Норова нѣтъ твердости ни въ умѣ, ни въ волѣ. «Онъ боится зависѣть отъ другихъ и готовъ каждую минуту попасть въ руки подьячаго, въ родѣ Кисловскаго, который испугаетъ его формою. И странное дѣло: эти люди, боящіеся зависимости, всегда попадаютъ въ руки плутовъ, потому что не въ состояніи прочно сойтись съ честными людьми. Имъ непремѣнно надо быть обманутыми». Но всего хуже то, что Норовъ началъ увѣрять, что представлялъ Никитенку въ члены правленія, и государь не согласился на это,

потому что тотъ еще недавно произведенъ въ четвертый классъ. «Норовъ все лжетъ и лгаль, когда передавалъ мнѣ слова государя»,—возмущается авторъ и въ то же время старается по возможности обдѣлать Мусина-Пушкина, уволеннаго въ отставку. Онъ уважалъ науку, вступался за студентовъ, не пресмыкался передъ сильными, не выслуживался, былъ вѣренъ своему слову, но не умѣлъ сдерживать себя, осыпалъ ругательствами подчиненныхъ и неподчиненныхъ, «въ цензурѣ былъ просто нелѣпъ, да, правду сказать, съ такими цензорами нельзя было и дѣло дѣлать (но вѣдь онъ же ихъ назначалъ). Система эта была, однако, не его: она была установлена свыше. Литературу онъ не уважалъ». Не лучше отзывается пессимистъ и о другихъ правящихъ лицахъ, говоря о князѣ Вяземскомъ: «этотъ сановникъ, пожалуй, и хорошо понимаетъ вещи, да чортъ ли въ этомъ пониманіи, когда и изъ него, какъ изъ сухого песку, нельзя слѣпить никакой формы. Всѣ они таковы—эти правители русскихъ судебъ».

Авторъ въ немногихъ, но меткихъ строкахъ дѣлаетъ характеристику государственныхъ людей. Статсъ-секретарь В. П. Бутковъ «говоритъ бойко и легко, и это было одной изъ причинъ его быстрого возвышенія. Судить онъ очень либерально, но сужденія его очень поверхностны, на нихъ очевидные слѣды слегка прочитаннаго или слышаннаго. Ничего глубокаго, основательнаго, государственнаго въ немъ не замѣтно. Умъ бѣглый и легкій, носить печать незрѣлости и чего-то навѣяннаго, а не выросшаго изъ глубины собственныхъ убѣжденій и соображеній». Авторъ почему-то недоволенъ попечителемъ княземъ Щербатовымъ: онъ дѣйствуетъ странно, хочетъ уничтожить пансіоны при гимназіяхъ и стипендіи бѣдныхъ студентовъ. Въ университетѣ издаются два рукописные журнала, наполненные всяческими ругательствами: «Вѣстникъ свободныхъ мыслей» и другой, въ подражаніе Герцену—«Колоколь». Попечитель это знаетъ и дозволяетъ. Но въ избѣжаніе скандала онъ объявилъ студентамъ, что самъ будетъ ихъ цензоромъ. «Они и приносятъ ему пять-шесть невинныхъ статей, а потомъ прибавляютъ къ нимъ другія, являющіяся также подъ фирмой попечительской санкціи. Онъ поощряетъ заниматься пустяками, которые могутъ имѣть пагубныя послѣдствія для всего заведенія». Въ 1857 году Никитенко ѣздилъ лечиться лѣтомъ за границу и не велъ дневника втеченіе 5½ мѣсяцевъ. Относительно толковъ объ освобожденіи крестьянъ онъ замѣчаетъ, что опасаются волненій въ народѣ, но «приступъ уже сдѣланъ и назадъ идти нельзя».

Въ оцѣнкѣ общественныхъ дѣятелей, какъ во всемъ и всегда, Никитенко остается вѣренъ духу правдивости и безпристрастія. Только что обрисовавъ князя Щербатова съ невыгодной точки зрѣнія, онъ выслушиваетъ отъ него разъясненіе его поступковъ и вы-

ставляетъ его съ хорошей стороны. Норовъ хотѣлъ отставить лучшаго цензора Бекетова за пропускъ имъ въ «Сынъ Отечества» положенія объ остзейскихъ крестьянахъ. Щербатова не было въ это время въ Петербургѣ, но вернувшись онъ настоялъ, чтобы Бекетовъ не былъ отстраненъ отъ должности. Все это была работа Кисловскаго, желавшаго сдѣлать непріятное князю, но тотъ не далъ подбѣжимъ восторжествовать надъ справедливостью. О новомъ министрѣ путей сообщенія Чевкинѣ авторъ выражается такъ: «сей государственный мужъ доказываетъ, что нынѣшнее направленіе литературы, заключающееся въ преслѣдованіи всяческихъ крадствъ вредно. Да и многимъ изъ нынѣшнихъ главныхъ начальствъ не нравится литературное бичеваніе мерзостей, совершающихся въ ихъ вѣдомствахъ. Они находятъ, что это поселяетъ неуваженіе къ правительству, а гласность въ общественныхъ дѣлахъ находятъ вредною, тогда какъ она самая дѣятельная помощница противъ зла, съ которымъ правительству слѣдуетъ бороться. Но эта простая истина недоступна такимъ лицамъ, какъ Панинъ, Брокъ, Чевкинъ, которые, «кажется, помѣшались на томъ, что всѣ революціи на свѣтѣ бываютъ отъ литературы. Они не хотятъ понять, что литература только эхо образовавшихся въ обществѣ мнѣній и убѣжденій, и что, обращая вниманіе правительства на административныя безпорядки, она оказываетъ ему этимъ услугу. Графъ Панинъ—врагъ мысли, всякаго гражданскаго и нравственнаго усовершенствованія, пылаетъ такою ненавистью къ просвѣщенію, что безпрестанно предлагаетъ новыя стѣснительныя цензурныя мѣры. Напримѣръ, чтобы побудить цензоровъ къ вящей строгости, онъ предлагаетъ за всякое упущеніе подвергать ихъ немедленно взысканію, а потомъ уже изслѣдовать, точно ли дѣло стоило взысканія. Это особенно прилично министру правосудія». Брокъ и Норовъ были, впрочемъ уволены въ 1858 году. Министромъ просвѣщенія назначенъ Е. П. Ковалевскій. «Всеобщее мнѣніе: хуже того, что было, быть не можетъ. Бѣдный Авраамъ Сергѣевичъ! вотъ къ чему его привели всѣ его шатанія!». Никитенкѣ опять поручили написать цензурный уставъ. «Горько становится,—говоритъ онъ,—когда подумаю, сколько разъ уже моя работа по этому вопросу пропадала даромъ, а все не хочется отстать». Князь Вяземскій, подавшій также въ отставку вмѣстѣ съ Норовымъ, представилъ государю записку о направленіи литературы. «Къ нѣкоторымъ мѣстамъ ея государь отнесся какъ будто недовѣрчиво, и въ замѣчаніяхъ его проглядываетъ какъ бы нерасположеніе къ литературѣ и сомнѣніе въ ея благонамѣренности. Вообще онъ считаетъ необходимымъ бдительное цензурное наблюденіе за нею. Теперь новый министръ сказалъ, что государя склонили не въ пользу литературы, и онъ требуетъ со стороны цензуры ограниченій, хотъ и не желаетъ стѣснить печать». «Какъ это согласить?—спрашиваетъ Никитенко. Дѣло въ томъ,

что, не смотря на ожиданія однихъ и на заботы другихъ, вещи все-таки пойдутъ къ концу, какъ угодно Творцу. Ясно одно: стѣсненіями не удержишь и не поправишь умовъ, очнувшихся отъ вѣковой дремоты. Это силы нестройныя, не отрезвляемыя преданіями, ни вѣрованіями, стремящіяся дѣйствовать безъ твердыхъ убѣжденій, безъ сознательной цѣли и потому разнузданныя. Противодѣйствіе эти силы могли бы встрѣтить въ той же литературѣ, которая, предоставленная самой себѣ, конечно, выдвинула бы противъ нихъ изъ своей среды нужныхъ борцовъ и обуздателей». Какъ вѣрны всѣ эти сужденія, заканчивающіяся слѣдующими словами: «да, трудно, очень трудно обезпечить свободу мысли. Мы хотимъ улучшеній и думаемъ, что можемъ достигнуть ихъ безъ помощи общественнаго мнѣнія, посредствомъ той же бюрократіи, которая погрязла въ крадствѣ. Литературѣ необходимо дать болѣе простора. Въ другомъ духѣ и думать нельзя писать цензурнаго устава, этого требуетъ и справедливость и политическое благоразуміе. Иначе пойдетъ въ ходъ непечатная литература, слѣдить за которой нѣтъ никакой возможности».

Но и на этотъ разъ трудъ Никитенки, какъ и прежнія работы его по этой части, пропалъ даромъ. Прошло больше трехъ мѣсяцевъ, и о цензурѣ всѣ какъ будто забыли... Авторъ цензурнаго устава отправился къ министру и—«Евграфъ Петровичъ превзошелъ мои ожиданія. Это тотъ же Норовъ, онъ самъ весь со своею шаткостію, безхарактерностію, неспособностію къ какой либо мѣрѣ, выходящей изъ канцелярской рутины и, наконецъ, съ отрицаніемъ того, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ онъ утверждалъ торжественно и горячо. вмѣсто имъ же выработанной мысли—объяснить государю состояніе цензуры, онъ отдаетъ проектъ на истязаніе главнаго управленія цензуры, къ большинству членовъ котораго онъ, по его же собственнымъ словамъ, не имѣетъ никакого довѣрія». Мудрено ли, что при такой «норовщинѣ» цензурные курьезы не уменьшались. Комедію Львова «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей» запретили въ Москвѣ, а въ Петербургѣ велѣно давать ее рѣже. Возмущались особенно высказанною въ ней мыслью, что «правдою нельзя нажитья на службѣ». Въ «Современникѣ» явилась статья Кавелина «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта». Цензура не пропустила ее, но Щербатовъ позволилъ печатать. За это ему сдѣланъ высочайшій выговоръ со внесеніемъ въ формулярный списокъ. Онъ вышелъ въ отставку. Уволенъ также В. П. Тепловъ отъ должности воспитателя наслѣдника, и Кавелинъ отъ должности преподавателя. Генераль-губернаторъ напалъ на листки, продававшіеся на улицахъ Петербурга. Никитенко вступается за эту уличную литературу: «конечно, это вздоръ, пустая болтовня, но она приучаетъ грамотныхъ людей къ чтенію. Все-таки, это лучше кабака и харчевни. Отъ вздорнаго листка могутъ перейти и къ дѣльному, вѣдь и

хлѣбъ вырастаетъ изъ навоза. Да и что это за система — все запрещать? Къ чему только протянетъ руку русскій человѣкъ самымъ невиннымъ образомъ, тотчасъ и бить его по рукамъ. Вѣдь и въ старину для народа издавались лубочныя картины, но наши великіе администраторы во всемъ видятъ опасность». Запрещено употреблять въ печати слово прогрессъ. «Утописты обѣщаютъ, что нашъ вѣкъ родитъ чудеса прогреса. Хорошъ прогрессъ, когда Европа среди современныхъ политическихъ бурь, черезъ потоки крови, добралась наконецъ до Наполеона III, который 37 миліоновъ прогресивнаго народа отдалъ подъ надзоръ полиціи». Еще раньше авторъ говоритъ, что этотъ авантюристъ вступилъ на тотъ самый путь, который привелъ къ гибели его дядю, — это путь военного деспотизма и ослѣпленія своимъ могуществомъ. «И у насъ тоже хорошъ прогрессъ своего рода, когда даже запрещается употреблять это слово».

Оберъ-прокуроръ св. синода отнесся къ министру просвѣщенія съ заявленіемъ, что русская литература посягаетъ на вѣру. Онъ набралъ кучу отрывочныхъ фразъ и на этомъ основалъ свое обвиненіе. Министръ отвѣчалъ, что изъ оборванныхъ фразъ и стиховъ нельзя вывести никакого заключенія. «Искра» въ объявленіи о своемъ журналѣ напечатала виньетку, которую III Отдѣленіе нашло злонамѣренною. Дѣло доходило до государя, но оставлено безъ послѣдствій за недостаткомъ ясныхъ доказательствъ въ возмутительности виньетки. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» отставленъ цензоръ за статью Громеки «О полиціи внѣ полиціи» и за помѣщеніе протокола по дѣлу Безобразова. Этотъ крѣпостникъ отказывался принять отъ думы грамоту на званіе городского обывателя, говоря, что «онъ принадлежитъ къ древнему московскому дворянству и не хочетъ состоять въ числѣ людей средняго рода». Онъ пожаловался даже генераль-губернатору, и тотъ препроводилъ его жалобу въ думу. Дума привела всѣ законы, по которымъ она была вправѣ сдѣлать такъ, какъ она поступила, и напечатала для гласныхъ свой протоколъ, поставившій Игнатъева и могикана крѣпостничества въ неловкое положеніе. Катковъ тиснулъ протоколъ въ своемъ журналѣ. Въ концѣ декабря 1859 года въ дневникѣ отмѣчено: «Обѣдалъ у Д. И. Блудова. Графъ находитъ нелѣпымъ литературный протестъ, напечатанный въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ защиту жидовъ, обруганныхъ «Иллюстраціею» В. Зотова». Замѣчу, что «Иллюстрація» жидовъ не ругала, а говорила только, что если ихъ распустятъ по Россіи, то они сядутъ на шею русскому народу и пролѣзутъ во всѣ слои общества. Втеченіе тридцати пяти лѣтъ, прошедшихъ со времени этой статьи и нелѣпаго протеста, мы имѣли достаточно случаевъ увѣриться въ томъ, сколько зла и вреда принесло намъ во всѣхъ отрасляхъ нашей общественной жизни эти паразитное племя.

Въ совѣтѣ министровъ государь изъявилъ свое неудовольствіе за сопротивленіе, которое встрѣчалось въ комитетѣ по освобожденію крестьянъ. Онъ прямо указалъ на Муравьева и Буткова, которые, во время своихъ поѣздокъ лѣтомъ по Россіи, вездѣ распускали слухи, что проектъ освобожденія существуетъ только для вида: поговариваютъ де, да тѣмъ и кончится. «Но странное же дѣло! Государь видитъ въ нѣкоторыхъ лицахъ прямое противодѣйствіе своимъ великодушнымъ намѣреніямъ, а между тѣмъ лица эти крѣпко сидятъ на своихъ мѣстахъ». Къ Меншикову, который залегъ на покои въ Москвѣ, какъ вельможа Екатерининскаго вѣка, заѣхалъ М. А. Корфъ, передавшій князю, что учреждено много новыхъ комитетовъ, и къ каждому изъ нихъ приобщаютъ Ростовцова.—Вы Якова-то Ивановича приобщаете,—замѣтилъ Меншиковъ,—да жаль, что не исповѣдуете его. Хотѣли литографировать какую-то записку по крестьянскому комитету, чтобы членамъ было удобнѣе читать ее, но государь этого не велѣлъ, сказавъ: только литографируй, а тамъ она и появится въ «Колоколѣ». Никитенко, усердно читавшій этотъ журналъ, сильно возстаетъ противъ него, вступаетъ за Екатерину, говоритъ, что Россія многимъ ей обязана, не смотря на фаворитизмъ. Она обязана ей внесеніемъ въ нравы, въ законодательство, въ управленіе человѣчныхъ началъ, не оставшихся безслѣдными. Онъ защищаетъ и своего бывшего друга Ростовцова отъ нападковъ Герцена, утверждая, что, донося на декабристовъ, онъ не могъ имѣть въ виду неблагородныхъ и макиавелевскихъ цѣлей. Но вообще, во взглядахъ своихъ, авторъ остается тѣмъ же пессимистомъ, какъ и при Николаѣ I. «Никто въ Россіи не выноситъ своего величія,—говоритъ онъ:—это грустно, но несомнѣнно. Во всемъ у насъ хаосъ, великое нестроеніе и неурядица. Русское общество похоже теперь на большое озеро, въ глубинѣ котораго дѣйствуютъ подземные огни, а на поверхности безпрестанно вскакиваютъ пузыри, лопаются и опять вскакиваютъ. Совершенное отсутствіе всякаго организующаго начала, отсутствіе характеровъ и высшихъ нравственныхъ убѣжденій. Всякій тянетъ въ свою сторону, бьется не о томъ, чтобы было лучше, а о томъ, чтобы вещи существовали, какъ ему хочется. Всякій народъ,—говоритъ Лютеръ,—имѣетъ своего дьявола. Дьяволъ русскаго народа есть разногласіе во всемъ, что касается общественныхъ интересовъ, страсть все мѣрить собою. Это и мелкое самолюбіе мѣшаетъ у насъ духу асоціаціи».

Въ слѣдующемъ году продолжались тѣ же цензурныя патанія. «Парусъ» запретили на второмъ номерѣ, и одно лицо, обозначенное у автора тремя звѣздочками, хлопотало, чтобы Аксакова спровадили въ Вятку.

Учредили новый негласный комитетъ изъ трехъ лицъ; Никитенко называетъ ихъ только инициалами: А., М. и звѣздочки. М. совершенно пустой человѣкъ, говоритъ общія избитыя мѣста,

съ видомъ высокаго уваженія къ своимъ словамъ. Это «троемужіе» обратилось къ министру съ требованіемъ, чтобы дали знать кому слѣдуетъ, что цензора и литераторы должны являться въ комитетъ по его приказанію для объясненій и вразумленій. Имъ дано право задерживать билеты на выпускъ книги или журнала изъ типографіи. «Да вѣдь это хуже Бутурлинскаго негласнаго комитета! Даже императоръ Николай Павловичъ не посягалъ на это. Вотъ они забрались въ какое болото!». Однако, въ это самое болото Никитенко вступилъ «директоромъ дѣлопроизводства». М. объяснялъ ему, что комитетъ не имѣетъ никакихъ ретроградныхъ намѣреній, и въ немъ нѣтъ ничего похожего на комитетъ 2-го апрѣля, что государь слишкомъ далекъ отъ подобнаго учрежденія. Никитенко отвѣчалъ: «меня лично не смущаетъ мысль о комитетѣ 2-го апрѣля. Даже думать о его возможности я считалъ бы противнымъ духу нашего времени и оскорбительнымъ для духа нашего просвѣщеннаго государя. Но общественное мнѣніе сильно предубѣждено противъ новаго комитета». Призванный въ засѣданіе членовъ, онъ заявилъ, что считаетъ главными основаніями всѣхъ улучшеній—гласность, законность и развитіе народнаго воспитанія и образованія, и потребовалъ себѣ въ комитетѣ право голоса. «Это ихъ смутило, и они отвѣчали, что такъ какъ государь утвердилъ уже положеніе комитета, то трудно ввести въ него новое начало. Никитенко, однако, настаивалъ и подалъ записку о томъ, что литература не питаетъ никакихъ революціонныхъ замысловъ, и подавлять ее нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ, что для нея вполне достаточно обыкновенныхъ цензурныхъ мѣръ, и стѣснять ее посредствомъ правительственныхъ мѣропріятій невозможно и не должно, а комитету слѣдуетъ развѣ только наблюдать за движеніемъ умовъ и направлять къ общему благу не литературу, а общественное мнѣніе. Онъ понималъ, однако, затруднительность своего положенія и говоритъ: «многіе станутъ меня упрекать за то, что я рѣшился съ моимъ чистымъ именемъ засѣдать въ трибуналѣ, который признается гасительнымъ, но я хочу парализовать его гасительныя вождельнія. Будетъ возможно дѣйствовать благородно—буду, нельзя—пойду прочь». Намѣреваясь противиться стѣснительнымъ мѣрамъ, онъ находилъ, что литература не должна въ данную минуту расторгать связь съ правительствомъ и стать открыто во враждебное отношеніе къ нему. «Если я правъ, прибавляетъ онъ, то необходимо, чтобы ктонибудь былъ представителемъ этой связи, взялъ на себя роль связующаго звена. Попробую быть этимъ звеномъ. Можетъ быть, мнѣ удастся растолковать комитету, что ему не слѣдуетъ враждовать ни съ мыслью, ни съ литературой, не слѣдуетъ раздражать умы, что онъ долженъ видѣть въ литературѣ силу, которая можетъ сдѣлать много добра обществу». Утвержденный директоромъ дѣлопроизводства комитета по дѣламъ печати и собираясь дѣйствовать на

пользу мысли и литературы «въ духѣ соглашенія и примиренія», онъ, однако, остается непримиримымъ порицателемъ прежнихъ порядковъ и говоритъ по поводу запрещенія газеты Огрызко и заключенія его въ крѣпость: «Главный недостатокъ царствованія Николая Павловича тотъ, что все оно было ошибкой. Возставая цѣлыя 29 лѣтъ противъ мысли, онъ не погасилъ ея, а сдѣлалъ оппозиціонною правительству».

Никитенко представлялся государю послѣ своего назначенія. Государь говорилъ ему: «желательно, чтобы вы дѣйствовали вліяніемъ вашимъ на литературу такимъ образомъ, чтобы она, согласно съ правительствомъ, дѣйствовала для блага общаго, а не въ противномъ смыслѣ. Есть стремленія, которыя не согласны съ видами правительства, надо ихъ останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ. Я очень желалъ бы, чтобы важные вопросы разсматривались и обсуждались научнымъ образомъ; наука у насъ еще слаба. Но легкія статьи должны быть умѣренны, особенно касающіяся политики. Не надо думать, что дѣло ваше легко. Я знаю, что комитетъ не пользуется расположеніемъ и довѣріемъ публики. Но опять повторяю, что мое желаніе не употреблять никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, и если комитетъ понимаетъ мои виды, то, не смотря на трудности, можетъ, всетаки, что нибудь сдѣлать». При этихъ словахъ государь значительно взглянулъ на графа Адлерберга, все время стоявшаго сбоку возлѣ Никитенки. Онъ прибавляетъ: «въ лицѣ государя, въ каждомъ словѣ какая-то искренность и простота, безъ малѣйшаго усилія произвести эффектъ, показаться не тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго напускнаго, царственнаго величія. О, подумалъ я: сколько бы можно дѣлать съ тобою добра, сколько бы ты сдѣлалъ его, еслибъ былъ окруженъ людьми, болѣе достойными тебя и болѣе преданными тебѣ и благу Россіи! Въ немъ не было слишкомъ высокаго тона, который былъ бы похожъ на приказаніе, говорилъ бы, что все можно, что велѣно. Онъ только изъявлялъ свои желанія, свои виды, а не высочайше повелѣвалъ». Ковалевскій, при передачѣ ему разговора съ государемъ, также много говорилъ о его добротѣ и только прибавилъ: «О, если бы ему побольше твердости да лучшихъ помощниковъ!».

Въ первомъ же засѣданіи комитета «М. свирѣпствовалъ противъ «Искры» и бредилъ все гауптвахтой. Я, говоритъ Никитенко, довольно сильно выражалъ сопротивленіе на сильныя мѣры и особенно налегъ на то, что государю неуютны мѣры стѣснительныя. Но М. не способенъ внимать ни голосу разсудка, ни голосу сердца; у него одна мысль въ головѣ—имѣть вліяніе. Я признаю литературныхъ людей нашихъ за лучшихъ людей въ Россіи. Въ нихъ больше образованія и, слѣдовательно, больше, чѣмъ у другихъ, стремленія къ лучшему. Это умъ общества, болѣе развитая часть нашихъ нрав-

ственныхъ силъ. Настоящіе сѣятели на почвѣ сельскаго люда—это люди наши, дѣйствующіе печатнымъ словомъ, и мыслямъ ихъ необходимо дать больше простора». Авторъ даже думалъ, что ему удалось уничтожить въ комитетѣ мысль о возможности дать направленіе литературѣ и поколебать покушенія на нее. «Десятки мелочей, проскользнувшихъ въ печати, никогда не сдѣлаютъ столько вреда, сколько одно поднятое на нихъ гоненіе. Мелочи эти на минуту заставляютъ поговорить и исчезнуть, тогда какъ всякое гоненіе возбуждаетъ негодованіе и держитъ умы въ постоянномъ раздраженіи». Одинъ изъ членовъ комитета, обозначенный звѣздочками (что за секретъ черезъ 35 лѣтъ!), оказался гораздо либеральнѣе, чѣмъ объ немъ говорили. Онъ прямо сказалъ, что правительство не пользуется довѣріемъ, и что это довѣріе можетъ быть приобрѣтено уступками общественному мнѣнію, а не его насилуваніемъ. Другой членъ комитета А., человекъ и съ умомъ и съ хорошими наклонностями, «на сколько онѣ могли сохраниться отъ разсѣянной жизни. Но бѣда съ нашими вліятельными людьми! Они неспособны къ труду мысли, мало образованы и чужды всякой глубины взгляда». Третій членъ М. доказываетъ, что общественнаго мнѣнія у насъ нѣтъ, да оно и невозможно, а толки, какіе мы ежедневно читаемъ въ газетахъ, не составляютъ его. «Трудно въ этихъ головахъ, подъ этими блестящими мундирами, зародиться мысли объ общественномъ благѣ, о которомъ, если въ эту минуту, ктонибудь и думаетъ, то именно одинъ государь. Имъ некогда заняться этою мыслью: они всѣ поглощены заботою о выставленіи себя впередъ, о мѣстахъ, лентахъ, наградахъ, представленіяхъ».

Въ концѣ седьмого мѣсяца комитетъ самъ убѣдился, что онъ ни къ чему не служитъ, ничего не значить, что онъ больше ничего, какъ ошибка. М. высказалъ мысль, что имъ остается только слиться съ министерствомъ просвѣщенія. «Этого я только и ждалъ», говоритъ Никитенко, и составилъ проектъ превращенія комитета въ главное управленіе цензурою, съ допущеніемъ въ него цензоровъ и литераторовъ. Болѣе другихъ членовъ комитета закрытію его противился М., не желавшій сознаться въ его непригодности, хотя всѣ злоупотребленія нашей печати, вмѣстѣ взятыя, не сдѣлали столько вреда, какъ употребленное противъ нихъ это средство. Лекарство было хуже болѣзни, но оно просуществовало всего восемь мѣсяцевъ, какъ всѣ учрежденія, основанныя съ неясною цѣлью или съ такою, которую не хотятъ обнаружить открыто. Чтобы работать въ этомъ комитетѣ, авторъ отказался отъ засѣданій въ другомъ, театральномъ, гдѣ не только читались пьесы для казенной сцены, но и обсуждались избранными членами реформы театральнаго управленія. Ни то, ни другое занятіе не приносило никакой пользы. По поводу чтенія пьесъ авторъ приводитъ инцидентъ, характеризующій наши нравы. Членамъ комитета за труды

ихъ присланы были брилліантовые перстни. Не получилъ своего перстня только одинъ Дружининъ, уѣзжавшій лѣтомъ за границу. Предсѣдатель комитета С. П. Жихаревъ спряталъ подарокъ, назначенный члену, и мѣсяцевъ шесть все забывалъ отдать его по назначенію. Оказалось, что онъ заложилъ его и только послѣ письма отъ имени комитета принужденъ былъ возвратить подарокъ. Для этого литератора, тайнаго совѣтника и кавалера разныхъ орденовъ, были не новостью подобныя продѣлки: онъ не разъ «въ минуту жизни трудную» не только закладывалъ, но и продавалъ эти ордена. По преобразованію театровъ, въ документахъ указывались только огромные дефициты, плутовство и тщетныя усилія правительства отвратить и то и другое. Авторъ удивляется, что содержаніе нашей балетной труппы стоитъ 114 тысячъ рублей сер. въ годъ, кромѣ монтаровки балетовъ, и что въ ней 222 лица, тогда какъ въ парижской 150, а въ берлинской 70. Но если бы онъ взглянулъ въ Гедеоновскіе расходы Николаевскаго времени, то имѣлъ бы еще больше причинъ изумляться и ужасаться.

Въ началѣ 1860 года Никитенко былъ сильно боленъ. Вотъ что онъ говоритъ о смерти: «жизнь цѣнимъ мы высоко по инстинкту, который питаетъ непреодолимое отвращеніе къ смерти. Но если инстинктъ имѣетъ свои права, то имѣетъ ихъ и разумъ, также составляющій часть нашего существа. А разумъ говоритъ, что вещь, которой мы должны неминуемо лишиться и которой можемъ лишиться ежеминутно, вещь такая преходящая и ненадежная не заслуживаетъ цѣны, какую мы ей даемъ. Люди храбрые такъ обыкновенно объ ней и думаютъ, трусы трепещутъ отъ одной мысли потерять ее. Въ жизни такъ много эфемернаго и разочаровывающаго, что давать ей высокую цѣну почти смѣшно въ глазахъ разсудка. Много въ ней прекраснаго—въ дѣятельности мысли, въ возрѣннн на природу, въ сознаніи, что живешь и дѣйствуешь. Но выбкость и ненадежность почвы, на которой она движется, случайность ея даровъ и опасеній, дѣлаютъ ее чѣмъ-то похожимъ на сновидѣнія, даже на насмѣшку надъ нашими стремленіями и надеждами, такъ что излишнія заботы объ ней и страхъ потерять ее становятся малодушіемъ, непростительнымъ для человѣка съ умомъ и характеромъ. «Въ февралѣ авторъ, однако, является уже членомъ главнаго управленія цензуры, хотя еще въ концѣ прошлаго года писалъ въ дневникѣ, что не хочетъ поступать въ новый комитетъ, составляемый Корфомъ. Мнѣнія его о своихъ сочленахъ и объ отношеніяхъ, вносимыхъ въ главное управленіе, такъ же откровенны. «Чевкинъ такъ свирѣпствуетъ противъ литературы, что даже Панина оставляетъ за собою; Медемъ толкуетъ что-то о неприкосновенности власти, но его никто не слушаетъ, такъ какъ онъ самъ никого не слышитъ; Пржецлавскій заявляетъ себя отъявленнымъ поборникомъ тьмы и безгласія, и Никитенко сказалъ

ему въ глаза, что мнѣніе его о гласности считаетъ и неблагороднымъ и неумнымъ. Тройницкій открылъ промахи въ «Московскомъ Вѣстникѣ» и въ «Развлеченіи»; Адлербергъ и Пржецлавскій требовали, чтобы цензоръ Драшусовъ былъ уволенъ формально. Но я, Мухановъ и Ковалевскій настояли, чтобы ему предложено было подать въ отставку; Пржецлавскій предлагалъ самыя жестокія мѣры и дышитъ ненавистью къ печати и ко всякой мысли. Я сказалъ ему: не думайте дѣйствовать терроромъ. Ни правительственный, ни другой какой терроръ никогда не приводили къ добру». О представителяхъ прогрессивной партіи онъ отзывался не менѣе рѣзко: Кавелинъ большой либераль, онъ допускаетъ и проповѣдуетъ докрасна свободу, съ правомъ безпрекословнаго повиновенія его мнѣнію. Онъ безспорно очень даровитый человѣкъ, а между тѣмъ въ умѣ его чего-то не хватаетъ, и онъ часто судитъ ни здраво, ни точно. Онъ вѣчно увлекается, но не столько страстностью своей натуры, сколько неспособностью останавливаться и углубляться въ вещи. Ему непремѣнно хочется быть первымъ между передовыми людьми, онъ готовъ шумѣть, волноваться и волновать другихъ, чтобы его замѣтили. Ему кажется, что онъ подвизается за истину, за право, за свободу, а онъ подвизается больше всего за свою популярность. Богато одаренный природой, онъ не выработалъ себѣ характера. У Чернышевскаго есть умъ, дарованіе, но они затемнены у него крайнею нетерпимостью. Онъ считаетъ себя первымъ умникомъ и публицистомъ въ Европѣ. Герцена онъ считаетъ чрезвычайно талантливымъ публицистомъ, но утратившимъ свое вліяніе въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ «Колоколъ» сталъ наполняться рѣзкими ругательствами, безъ которыхъ легко можно было обойтись. Себя Никитенко называетъ доктринеромъ, умѣреннымъ прогрессистомъ, плебеемъ съ головы до ногъ, но не допускаетъ мысли, что народу надо дать власть.

И въ этомъ году Никитенко ѣздилъ со своей семьей лечиться за границу, гдѣ провелъ больше пяти мѣсяцевъ. Жилъ онъ въ Германіи, въ Швейцаріи, во Франціи, дышалъ горнымъ воздухомъ, купался въ морѣ, восхищался природой, сокровищами цивилизаціи.

Но и среди чудесъ природы и культуры неутомимый работникъ обдумывалъ планы будущихъ занятій и своихъ лекцій о Пушкинѣ, котораго онъ называетъ социальнымъ писателемъ, говоря: «у литературы двойное призваніе: она въ одно и то же время служитъ идеаламъ и дѣйствительности. Тѣ только произведенія вполне отвѣчаютъ истинному назначенію литературы, въ которыхъ идеальное не противно дѣйствительности и дѣйствительность не уничтожаетъ идеала. Таковы произведенія Пушкина. Онъ не только образователь эстетическаго чувства своей эпохи, но и общественный дѣятель, развивавшій нравственные принципы, склонявшій общество къ извѣстнымъ задачамъ и вопросамъ жизни, дававшій на-

правление мыслямъ и чувствамъ своего поколѣнія». Вернувшись въ Петербургъ, авторъ тотчасъ же попалъ въ засѣданіе главнаго управленія цензуры, гдѣ отрѣшили цензора Ярославцева отъ должности за пропускъ въ «Русскомъ Словѣ» статьи о Гоголѣ, гдѣ было сказано, что этотъ писатель пользовался уваженіемъ публики до тѣхъ поръ, «пока не началъ воскурять еиміамъ царю небесному и царю земному. Говорятъ, государь сказалъ по этому случаю министру: «что обо мнѣ говорятъ, я на это не обращаю вниманія. Нельзя всѣми быть любимымъ: одни любятъ, другіе нѣтъ. Цари земные бываютъ съ ошибками, но о царѣ небесномъ нельзя такъ отзываться». Издателю журнала, графу Купелеву-Безбородко, сдѣланъ строжайшій выговоръ, хотя за статью слѣдовало отвѣчать редактору «Русскаго Слова» Благосвѣтлову. Незадолго передъ тѣмъ хотѣли отдать подъ судъ редактора «Свѣточа» Калиновскаго, хотя онъ не былъ виноватъ въ промахахъ своего журнала, редактируемаго А. П. Милоковымъ. Управленіе цензуры толковало о новомъ изданіи стихотвореній Некрасова. Оно было запрещено еще Норовымъ, и теперь большинство членовъ было того же мнѣнія, находя, что стихотворенія носятъ черезчуръ демократическій характеръ. Никитенко стоялъ, конечно, за пропускъ, «хоть и трудно вразумить такихъ господъ, какъ Пржецлавскій, Берте и друг.» Берте докладывалъ, что въ «Сѣверной Пчелѣ», въ статьѣ о Сѣверо-Американскихъ штатахъ, слишкомъ распространяются о правѣ народа контролировать злоупотребленія администраціи и измѣнять ея формы. «Это факты, возразилъ Никитенко, и факты, то и дѣло совершающіеся въ Европѣ и Америкѣ. Намъ значитъ остается запретить газетамъ упоминать и о самыхъ фактахъ, то-есть мы должны закрыть глаза и уши на то, что дѣлается въ мірѣ». Приходилось ему опровергать и еще болѣе непостижимыя мнѣнія: «съ великимъ прискорбіемъ слушалъ я сужденія графа А. В. Адлерберга, обнаружившаго невообразимое незнаніе и непониманіе самыхъ простыхъ вещей въ умственной и государственной жизни. Неужели многіе такъ думаютъ и столько же знаютъ? Это невѣроятно, невозможно. Графъ упорно отстаиваетъ мысль, что ничего не должно позволять писать о предметахъ финансовыхъ, политико-экономическихъ, судебныхъ, административныхъ, потому что все это означаетъ посягательство на права самодержавія и тогда даже, когда въ сочиненіяхъ этого рода вопросы рассматриваются съ общей точки зрѣнія и не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на желаніе какихъ либо измѣненій. А если у кого зародится мысль объ улучшеніяхъ, тотъ можетъ отъ себя писать въ то вѣдомство, котораго касаются эти улучшенія. Словомъ, въ печати нельзя обсуждать ни одного общественнаго вопроса».

И въ главномъ управленіи цензуры, какъ въ цензурномъ комитетѣ, поднимались по временамъ такіе страхи и опасенія, что по-

неводѣ становишься втупикъ. Въ «Искрѣ» была помѣщена слѣдующая шутка: слышно, будто появится новая планетная система, новое солнце съ 14-ю спутниками главными и 208 малыми, что каждый мѣсяцъ по четыре раза будетъ падать на землю и именно въ Россію такое количество печатныхъ листовъ, что они покроютъ все наше отечество. Досужіе люди тотчасъ объяснили это такъ: 14 спутниковъ главныхъ — члены высокопоставленной семьи, 208 малыхъ — столько же флигель-адъютантовъ и генераловъ; печатные листы — это кредитные билеты. Между тѣмъ все это относилось къ новому изданію русскаго энциклопедическаго словаря, гдѣ было дѣйствительно 14 редакцій и 208 сотрудниковъ. «Баронъ Медемъ написалъ инструкцію цензорамъ. Говорятъ, тунисскій бей вводитъ либеральныя учрежденія въ своемъ государствѣ. Это будетъ, конечно, смѣшная карикатура на свободныя учрежденія. Вотъ, такую-то либеральную реформу предлагаетъ и баронъ». Другой, баронъ Бюлеръ, доложилъ, что Вернадскій, возставая противъ цензуры въ своемъ экономическомъ журналѣ, «дошелъ наконецъ до того, что началъ ясно говорить о необходимости конституціи въ Россіи. Его призвали въ главное управленіе и объявили, что журналъ его будетъ прекращенъ, если онъ не будетъ осторожнѣе. Вернадскій былъ смущенъ и оправдывался довольно неловко». По докладу Берте то же запрещеніе объявлено «Современнику», если онъ не переимѣнитъ направленія. «Страшная путаница въ понятіяхъ нашихъ главъ цензуры: мнѣ удалось, однако, помочь графинѣ Салиасъ. В. Зотову только уже никакъ не могу помочь: ему, кажется, придется оставить редакцію «Иллюстраціи». Да, правду сказать, онъ таки безпрестанно ссорился съ цензорами». Но вѣдь не съ такими же, какъ Никитенко, и кто же могъ хладнокровно выносить Елагиныхъ, Фрейганговъ, Пейкеровъ, Ахматовыхъ? Я былъ отстраненъ отъ редакціи, но, конечно, только номинально и продолжалъ завѣдывать журналомъ, въ которомъ только вмѣсто подписи моей фамиліи явилась другая. Финалъ этого инцидента былъ въ слѣдующемъ засѣданіи главнаго управленія цензуры. Никитенко говоритъ: «я опять возбудилъ пренія о Зотовѣ, стараюсь доказать, что нельзя такъ легко лишать писателя права быть редакторомъ. Берте, главный виновникъ этого рѣшенія, утверждалъ, что Зотовъ его заслужилъ, нарушивъ цензурныя правила. Я возразилъ, что, всетаки, не слѣдовало постановлять такого суроваго рѣшенія, не испытавъ прежде болѣе умѣренныхъ средствъ. Кончилось тѣмъ, что, не отмѣняя уже постановленнаго рѣшенія, согласились дать Зотову возможность оставаться редакторомъ неопредѣленное время, въ которое онъ можетъ поправить свою ошибку».

Великій день освобожденія крестьянъ авторъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ немногими словами, предпославъ имъ описаніе сцены, происходившей въ государственномъ совѣтѣ. Засѣданіе продолжа-

лось 5¹/₂ часовъ. Въ рѣчи своей государь сказалъ: «Самодержавная власть утвердила крѣпостное право въ Россіи, она же должна и прекратить его». И онъ съ большою твердостью выражалъ свою непремѣнную волю о томъ, хотя нѣкоторые члены протестовали противъ главныхъ основаній свободы, и между ними одинъ выразилъ скорбь о прекращеніи нѣжныхъ патріархальныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, а Клейнмихель сказалъ государю: ваше величество изволили обѣщать предоставить помѣщикамъ полицейскую вотчинную власть надъ крестьянами. На противной сторонѣ былъ и просвѣщенный либеральный графъ Строгоновъ. Видно, не далеко ушли его либерализмъ и просвѣщеніе. «Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ,—говоритъ Никитенко,—прочелъ я манифестъ о свободѣ крестьянъ, этотъ драгоценный актъ, важнѣе котораго врядъ ли что есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить какъ можно понятнѣе сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему навѣки въ своемъ сердцѣ имя Александра-освободителя». Дневникъ приводитъ слухи, часто преувеличенные, о безпорядкахъ въ провинціи по случаю дурно понятыхъ и не ясно опредѣленныхъ правительственныхъ распоряженій, но больше всего распространяется о смутахъ, возникшихъ въ университетахъ. Въ дневникѣ этого года очень много пропусковъ, и онъ о многомъ умалчиваетъ. О самомъ себѣ Никитенко говоритъ немного, и только въ двухъ строкахъ сообщаетъ о своемъ назначеніи редакторомъ правительственной газеты «Сѣверная Почта». А между тѣмъ перемѣнъ было много: закрытіе нѣкоторыхъ университетовъ и реформы въ нихъ, новый министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ и просвѣщенія Путятинъ. О послѣднемъ «нѣтъ возможности составить себѣ, по толкамъ, опредѣленное понятіе. У насъ въ обществѣ вообще рѣдко являются съ ясно очерченною фізіономіею. Репутаціи устанавливаются на лживыхъ данныхъ; возвышаются, падаютъ безъ достаточныхъ причинъ, или, по крайней мѣрѣ, безъ причинъ основательныхъ и справедливыхъ». Новый министръ просвѣщенія—шестой при Никитенкѣ, впрочемъ, очень скоро опредѣлился: студентскимъ волненіямъ онъ не положилъ конца, а по министерству не могъ обойтись безъ Кисловскаго и своихъ фаворитовъ. Не понравился ему вице-директоръ департамента просвѣщенія, честнѣйшій человекъ А. С. Вороновъ, и онъ вздумалъ сплавить его въ Вильно. Директоръ департамента не согласился на это, тѣмъ болѣе, что и у Воронова даже не спросили согласія на перемѣненіе. Путятинъ, по видимому, уступилъ, но тайкомъ сдѣлалъ докладъ государю, и Воронова отправили въ Вильно. Прямодушный директоръ Д. горячо объяснился съ министромъ и вышелъ въ отставку.

Съ 1862 года явился седьмой министръ просвѣщенія—А. В. Головинъ. Путятинъ не просидѣлъ и четырехъ мѣсяцевъ. Никитенко

очень не долюбиваетъ Головнина, хотя и не приводитъ ни одного факта для обвиненія его. Онъ характеризуетъ его четырьмя эпитетами: «сухъ, холодець, уменъ и изворотливъ». Валугевъ издалъ циркуляръ генераль-губернаторамъ, чтобы они, посредствомъ полиціи, заставляли подписываться на «Сѣверную Почту», «такъ какъ эта газета правительственная и должна противождать русскою прессѣ». Никитенко написалъ протестъ на эту мѣру и за подписью своею и двухъ своихъ помощниковъ отправилъ къ министру. «Отвѣтъ доказывалъ, что министръ почувствовалъ неприличіе своего поступка, но изворачивается, такъ какъ поправить его трудно, и обѣщалъ дать благопріятное поясненіе циркуляру». Тринадцать тверскихъ дворянъ вздумали выразить протестъ противъ «Положенія 19-го февраля». Ихъ взяли, посадили въ Петропавловскую крѣпость и предали суду сената. Профессора Павлова за рѣчь на публичномъ чтеніи въ пользу литераторовъ выслали въ Ветлугу подъ надзоръ полиціи. Между университетскими профессорами, читавшими лекціи въ думѣ, и бывшими студентами послѣдовало соглашеніе о прекращеніи лекцій. Съ этимъ не согласились Благовѣщенскій и Костомаровъ. Послѣдній, явившись въ положенный часъ на лекцію, сказалъ рѣчь собравшейся толпѣ и объявилъ, что онъ не намѣренъ быть гладиаторомъ на потѣху тѣмъ, кто собирается для зрѣлищъ и демонстрацій, а не для науки, и что онъ не намѣренъ угождать ихъ пустому либеральничанью. Раздались крики, свистки, ругательства, но Костомаровъ удалился, не трогаясь этими выраженіями уличнаго негодованія. Уходя онъ сказалъ: вы, господа, начинаете свое поприще Репетиловыми, а кончите его Расплюевыми. Это жесткія, но справедливыя слова. Неуваженіе мнѣній такого человѣка, какъ Костомаровъ, принесшаго столько пользы наукѣ, пострадавшаго за свои убѣжденія, доказываетъ нетерпимость и грубость извѣстной части молодежи. «Мнѣ кажется, говоритъ Никитенко, Головнинъ сдѣлалъ большую ошибку, открывъ университетъ въ думѣ. Онъ этимъ только утвердилъ въ юношахъ мысль, что учиться можно налегкѣ, на бѣгу, въ публичныхъ собраніяхъ, это опасный шагъ къ поверхностному знанію, вмѣсто серьезной науки, въ которой мы чувствуемъ такую настоящую потребность». Дальше онъ высказываетъ далеко не утѣшительныя мысли о характерѣ народа: «Силы характера, господствующей надъ всѣми другими понятіями и чувствами, во имя одной систематической идеи, можетъ не доставать цѣлымъ націямъ, какъ и отдѣльнымъ лицамъ. Движеніе, волненіе тогда полезны, когда въ потокѣ ихъ вырабатываются твердыя, опредѣленныя начала, на которыхъ впослѣдствіи можетъ построиться лучшее положеніе вещей. Настоящее поколѣніе признаетъ одно начало — оппозицію противъ всякой власти, всякаго нравственнаго авторитета. Оно признаетъ только за самимъ собою безусловную свободу. Есть ли

это начало плодотворное? Быть способнымъ къ одному отрицанію значить быть ни къ чему неспособнымъ. Сперва надо быть чѣмъ нибудь, чтобы внести что нибудь на мѣсто отринутаго... А у насъ развѣ не случается сплошь и рядомъ: человекъ, прекрасно образованъ, толкуеть о честности, истинѣ, свободѣ; получилъ видное мѣсто—смотришь, сдѣлался деспотомъ и воромъ. Изъ кого же все выработывается, какъ не изъ народа, не изъ общества? Не есть ли они плоть отъ плоти и кость отъ костей ихъ?».

Въ мартѣ главное управленіе цензуры окончательно уничтожено, и она перешла въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Никитенко всего полгода оставался редакторомъ «Сѣверной Почты», недовольный ни своими помощниками Ржевскимъ и Арсеньевымъ, ни веденіемъ дѣлъ въ газетѣ, которую Валуевъ лишилъ всякой самостоятельности. Пессимизмъ профессора еще усилился отъ закрытія университета, отъ петербургскихъ пожаровъ и выражается «въ глубокомъ презрѣніи ко всему окружающему» и въ патетическихъ тирадахъ: «нѣтъ! всѣ наши государственные люди рѣшительно ниже посредственности; люди бездарные, не способные ни къ какой свѣтлой, широкой мысли, ни къ какому благородному усилію воли. Какая нравственная сила въ состояніи поддержать администрацію, состоящую изъ такихъ гнилыхъ элементовъ, изъ этихъ бюрократическихъ ничтожествъ». Пессимизмъ его высказывается и въ жалобахъ на свою далеко не плачевную судьбу: «безпрерывный трудъ (но не подневольный, а набранный со всѣхъ сторонъ, чтобы получать за него больше вознагражденія), болѣзнь (но не такая же опасная, такъ какъ онъ прожилъ больше 75-ти лѣтъ), враги (но друзей и покровителей было у него больше), необезпеченная будущность» (это при профессорской-то пенсіи и жалованьи изъ министерства, не считая платы за лекціи въ разныхъ учрежденіяхъ). Такія жалобы едва ли основательны. И въ это лѣто онъ былъ съ семьей за границей, вѣроятно, съ сохраненіемъ содержанія или съ пособіемъ отъ министерства.

1863 годъ авторъ начинаетъ съ описанія новогодняго бала во дворцѣ: «Все было чинно, но когда пошли къ ужину, при входѣ въ залы, гдѣ были накрыты столы, поднялась страшная суматоха, толкотня, давка. Можно было подумать, что всѣ эти звѣздо- и лентоносцы выдержали жестокой постъ, съ такою неудержимою алчностью спѣшили они, толкая другъ друга, занять мѣста за столами. Государь ходилъ вокругъ и просилъ не вставать при его приближеніи, когда же его не послушались, съ неудовольствіемъ, возвысивъ голосъ, почти крикнулъ: да сидите же!». О польскомъ возстаніи онъ говоритъ не много, находитъ, что мы сами во многомъ помогали ему, перечисляетъ подвиги повстанцевъ, покушенія на убійства, «рѣшительныя распоряженія» Муравьева, разстрѣлявшаго ксендзовъ въ Вильнѣ, графа Платера въ Динабургѣ, графа Моля въ Ковнѣ,

упоминаетъ и объ отказѣ генераль-губернатора Суворова участвовать въ поднесеніи образа Муравьеву, ибо «не можетъ оказать этой чести такому людоеду». Безпокоитъ автора вмѣшательство Англіи, Франціи и Австріи въ польскія дѣла; онъ увѣренъ въ неизбежности войны, но надѣется на нашу твердость, хотя и на собственно наши и на европейскія дѣла смотритъ съ точки зрѣнія самаго крайняго пессимиста. Привожу сущность главныхъ мыслей его, заканчивающихъ дневникъ этого года.

«Чему научаетъ знаніе жизни? не слишкомъ довѣрять жизни. Чему научаетъ знаніе людей? не слишкомъ довѣрять людямъ. Чему научаетъ вообще знаніе? не слишкомъ довѣрять знанію. Большая часть нашихъ бѣдствій и неустроеній происходитъ отъ разлада нашей мысли съ жизнью. Мысль всегда стремится къ идеалу, не къ тому, что есть, а къ тому, что можетъ и должно быть, а дѣйствительность не покоряется этому и мысль, насилуя ее, возбуждаетъ борьбу. Современная цивилизація есть искусство, посредствомъ котораго люди могутъ жить вѣками, не впуская когтей другъ въ друга, а только держа ихъ наготовѣ въ мягкой шерсти. Человѣкъ по своей натурѣ врагъ другого человѣка, но онъ, какъ разумное существо, понимаетъ, что непрерывно нападать на другого значило бы въ то же время самому непрерывно подвергаться нападеніямъ, и потому онъ старается скрыть свою вражду. Какимъ бы широкимъ полетомъ ума вы ни пожили, но должны приблизиться къ старой Соломоновой мысли, что все, что вы знали, любили, чего желали, все, что считали великимъ, и вы сами, все это—тѣнь, сонъ, ничто. Къ чему приведетъ насъ эта страшная деморализація сверху до самаго низу? Внизу, конечно, ея меньше, но тамъ глубина невѣжества, совершенно варварское состояніе, полное отсутствіе всякихъ понятій о долгѣ, справедливости, законѣ, особенно о законѣ. Надо очень любить Россію, чтобы не чувствовать отвращенія ко всей безалаберности нашей, къ умственному и нравственному разврату такъ называемаго образованнаго общества, къ глубокому невѣжеству и дикости массъ, къ отсутствію вообще законности и честности. Когда и какъ мы изъ этого выйдемъ?».

Въ 1864 году Никитенко не захотѣлъ балотироваться, чтобы остаться еще на новое пятилѣтіе профессоромъ университета, и согласился остаться еще только на годъ, до окончанія семестра. Онъ сознается, что устарѣлъ уже для новаго поколѣнія, и что для развитія его философскихъ и эстетическихъ выводовъ ему много мѣшаетъ незнакомство съ иностранными языками. Его избрали почетнымъ членомъ университета.

Освободившись отъ чтенія лекцій въ университетѣ, Никитенко въ этомъ году является членомъ совѣта по дѣламъ печати, хотя не говоритъ ни слова, какъ онъ попалъ въ него, и что это за совѣтъ. Онъ упоминаетъ только о трехъ засѣданіяхъ, въ одномъ онъ

излагалъ свое мнѣніе о статьѣ «Русскаго Вѣстника», гдѣ приводятся сцены первой холеры 1831 года. «Московскій цензурный комитетъ не хотѣлъ пропустить статьи потому, что въ ней много страшныхъ сценъ разсказывается о возстаніи крестьянъ, что возбуждаетъ сословный антагонизмъ. Я возразилъ, что исторія не обязана льстить сентиментальнымъ наклонностямъ, а обязана быть правдивою. О сословномъ же антагонизмѣ теперь не можетъ быть и рѣчи. Совѣтъ согласился съ моимъ мнѣніемъ». Въ другомъ засѣданіи совѣта толковали объ исторіи съ книгою Шедо-Фероти, написанной въ защиту управленія въ Польшѣ. Головинъ повсюду разсылалъ ее, но Московскій университетъ, получивъ 20 экземпляровъ изъ департамента просвѣщенія, для раздачи, кому сочтеть нужнымъ, опредѣлилъ: такъ какъ книга эта не что иное, какъ паксвилъ на русское правительство, то университетъ не считаетъ умѣстнымъ заботиться о ея распространеніи и возвращаетъ всѣ экземпляры оной въ департаментъ. Говорили потомъ, что Головинъ сознался въ своей ошибкѣ, писалъ государю и даже просилъ увольненія, если навлекъ на себя неудовольствіе, но государь, хоть и выразился, что ему оказали медвѣжью услугу, но отвѣчалъ, чтобы министръ не беспокоился. Въ третьемъ засѣданіи совѣта Пржецлавскій читалъ записку «о злокозненности Московскихъ Вѣдомостей», присвоившихъ себѣ право, дозволенное только въ государствахъ конституціонныхъ, порицать дѣйствія правительства и правительственныхъ лицъ. Члены совѣта объявили, что они не могутъ согласиться съ безусловнымъ осужденіемъ московской газеты, хотя и не отвергаютъ, что она вышла изъ предѣловъ, дозволенныхъ у насъ въ печати. Положено представить записку на распоряженіе министра. Новый законъ о судахъ авторъ называетъ великолѣпнымъ монументомъ нашего времени и ставитъ это дѣло рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ. «Но объ немъ очень мало думаютъ и говорятъ въ обществѣ, гдѣ какая нибудь журнальная сплетня производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ это безсмертное дѣло. Пробовалъ онъ заговорить объ этомъ хоть съ нѣкоторыми товарищами по академіи, но нашелъ мало сочувствія. Пессимизмъ автора не уменьшился по оставленіи имъ професорской каѳедры. Такъ онъ говоритъ: «многіе, кому удалось сдѣлать какое нибудь порядочное дѣло, считаютъ, что это уже даетъ имъ право на множество пакостныхъ дѣлъ. Если есть что нибудь достовѣрное на свѣтѣ, такъ это то, что нѣтъ ничего достовѣрнаго. Всякая радость въ жизни является похищеніемъ у судьбы. Есть что-то незаконное въ такъ называемомъ счастьи, особенно если вспомнить, какъ много людей страдаютъ и умираютъ, не ощутивъ въ жизни ничего, кромѣ скорби. Неужели одни несправедливые въ состояніи пользоваться благами жизни? почему это такъ? Нужна ли значительная доля легкомыслія, или высокая степень мудрости, чтобы выносить жизнь. Сверху

неустановившіеся нравы испорченной общественности, снизу почти дикое состояніе неразвитой народности: трудно идти по узкому, темному пространству между тѣмъ и другимъ. Надобно, чтобы наша народность подтверждала свое право на преобладаніе не одною силою и грубою численностью, но своимъ развитіемъ, своими умственными, нравственными и общественными успѣхами». Но этотъ же пессимистъ по временамъ превращается въ патриота и говоритъ: «удивительный этотъ русскій народъ! Ума не приложишь къ нему. Теперь онъ заворовался, записался, заплутовался, такъ что, серьезно говоря, тяжело съ нимъ жить. А между тѣмъ чувствуешь, что въ немъ есть что-то, которое такъ и тянетъ къ нему, что-то до того доброе, умное, подкупающее, что никакой нѣмецъ, французъ или англичанинъ не могутъ съ нимъ справиться. Вотъ и бьешься съ нимъ, какъ рыба объ ледъ. Чортъ знаетъ, что это такое!».

Послѣднія тринадцать лѣтъ жизни Никитенки вошли въ третій томъ его дневника. Мы приведемъ изъ него только главные выводы. Разсказъ о поступкахъ и мысляхъ нашего ученаго литератора переданъ нами въ двухъ статьяхъ, взятыхъ изъ одного тома. Теперь приходится сжать два тома въ одну статью. Впрочемъ, и самъ авторъ при третьемъ царствованіи даетъ болѣе сжатые характеристики общественныхъ дѣятелей и пускается больше въ размышленія по поводу разныхъ событій, чѣмъ въ изслѣдованіе ихъ. Въ сентябрѣ Валуевъ уволилъ Никитенку въ отставку и далъ ему три тысячи пенсіи и чинъ тайнаго совѣтника. Онъ продолжалъ однако слѣдить за дѣлами печати, получая свѣдѣнія объ ней отъ членовъ главнаго управленія Гончарова, Тютчева и др., гдѣ предсѣдатель «совершенное ничтожество». Такъ, онъ отмѣчаетъ судъ надъ П. А. Бибиковымъ въ уголовной палатѣ за книгу «Критическіе этюды». Авторъ былъ приговоренъ къ шестидневному тюремному заключенію. Большинство судей, однако, находили, что его нельзя осудить за тѣ вины, которыя формулированы министромъ внутреннихъ дѣлъ, и только по настоянію прокурора и состоялся приговоръ.

Система предостереженій, сочиненія Персиньи, вошедшая въ силу въ 1866 году, встрѣчаетъ сильнаго противника въ лицѣ Никитенки. Онъ находитъ, что Валуевъ уже слишкомъ щедръ на эти предостереженія. «Русскому Слову» дано уже второе, за статью Писарева объ ученіи Конта. Это уже придирка. Мы, значить, поверачиваемъ назадъ къ прежнему архицenzурному времени. Писаревъ обвиняется за «косвенное намѣреніе дать практическое приложеніе позитивизму». Это одно слово: косвенное, способно привести въ отчаяніе всякаго пишущаго, ибо, чего нельзя представить въ видѣ косвеннаго нападенія на Бога, царя и т. д. «Вѣсти» дано предостереженіе за статью объ общемъ земскомъ собраніи. Но вѣдь объ этомъ было уже печатано не разъ во время земскихъ

собраний въ Петербургѣ. Краевскій отданъ подъ судъ, угрожающій ему ни болѣе ни менѣе, какъ каторгою, а между тѣмъ когда въ «Голосѣ» говорилось о притѣсненіи администраціею раскольниковъ, то въ основаніе приводились слова государя, выразившаго свою волю, чтобы раскольники не подвергались преслѣдованіемъ за свои вѣрованія. Послѣ предостереженія, даннаго «Московскимъ Вѣдомостямъ», но не принятаго ими, онѣ приостановлены на два мѣсяца.

Главное событіе этого года—покушеніе Каракозова, занимаетъ, конечно, первое мѣсто въ дневникѣ. Авторъ часто возвращается къ фактамъ, вызваннымъ этимъ событіемъ, къ его значенію, къ толкамъ и впечатлѣніямъ, возбужденнымъ имъ. Онъ говоритъ, между прочимъ: «Чѣмъ больше я вдумываюсь въ это происшествіе, тѣмъ мрачнѣе оно становится въ моихъ глазахъ. На немъ лежитъ роковое начало тѣхъ опасеній, какія должна вытерпѣть Россія, пока она не упрочитъ и не опредѣлитъ своего нравственнаго и политическаго существованія». Съ особенной горечью отзывается онъ о своихъ сочленахъ-академикахъ, выбранныхъ въ комисію для присужденія уваровскихъ премій. Онъ написалъ рецензію пьесы «Смерть Іоанна Грознаго» и требовалъ для автора полной преміи. Изъ семи членовъ онъ, Веселовскій, Гротъ и Устряловъ подали голосъ въ пользу А. Толстого. Срезневскій, Пекарскій и Куникъ были противъ—и трагедія не была увѣнчана. «Вышло дѣло постыдное и забавное: наибольшіе невѣжи въ литературѣ помѣшали наградѣ, ибо по уставу требовалось двѣ трети голосовъ. Вообще объ академіи и «нѣмчизмѣ» предсѣдателя Литке авторъ отзывается весьма несочувственно, обвиняя ихъ въ интригахъ и ничего-недѣланіи. Вторая судебная инстанція, рѣшая дѣло Пыпина и Жуковскаго, признала обвиненіе ихъ въ томъ, что статья «Вопросъ молодого поколѣнія» оскорбляетъ дворянство,—неправильнымъ, но осудила того и другого на трехдневный арестъ на гауптвахтѣ (по крайней мѣрѣ, теперь сажали на гауптвахту хоть по суду, а не по произволу) и ко взносу по сту рублей съ cadaго—за бранчивыя выраженія. «Итакъ, Валуевъ, настаивавшій именно на оскорбленіи дворянства, всетаки, не добился полнаго торжества. Онъ жаловался министру юстиціи и предлагалъ прокурору Ланге начать искъ противъ «Московскихъ Вѣдомостей», но получилъ отказъ по недостатку поводовъ къ обвиненію. Словомъ уязвленный печатью онъ мечется, какъ угорѣлый, и право, кажется, хотѣлъ бы задушить всю русскую мысль и литературу».

Въ другомъ министрѣ, о которомъ Никитенко отзывался съ особой похвалою, онъ также скоро разочаровался. «Первые шаги графа Д. А. Толстого на новомъ поприщѣ, говоритъ онъ, начинаютъ возбуждать какія-то странныя впечатлѣнія. Что министръ благоговѣлъ передъ «Московскими Вѣдомостями», это было уже извѣстно. Онъ сдѣлалъ также юношескую ошибку въ Саратовской рѣчи, гдѣ,

говоря о дурномъ направленіи учащейся молодежи, выразился такъ: при мнѣ этого не будетъ! Но надняхъ онъ отнесся къ Валуеву официальною бумагою, въ которой, говоритъ, что государь возложилъ на него наблюдать за чистотою нравовъ юношества и преграждать путь въ школѣ дурнымъ идеямъ, а такъ какъ журналы «Дѣло» и «Женскій Вѣстникъ» выдаются лицами, принадлежавшими къ «Русскому Слову» и «Современнику» и придерживающимися направленія этихъ журналовъ, то графъ и проситъ обратить на это вниманіе, дабы они вновь не заражали молодыхъ умовъ. Но, во-первыхъ, оба эти журнала отданы уже подъ цензуру, и она не нашла въ нихъ ничего зловерднаго. Потомъ Ѡ. И. Тютчевъ справедливо замѣтилъ въ засѣданіи совѣта, что литература существуетъ не для гимназистовъ и школьниковъ, и нельзя ей давать дѣтскаго направленія». Замѣчанія свои Никитенко заканчиваетъ выходкою, полною пессимизма, прибавивъ, что П. А. Шуваловъ и Валуевъ стремятся къ тому, чтобы вдвоемъ управлять Россіею полицейскимъ образомъ: «если между нашими правительственными лицами есть кто нибудь, искренно желающій блага Россіи, то это одинъ государь». «Голосъ» остановленъ на три мѣсяца за статьи о полиціи, но Краевскому «оказано снисхожденіе: онъ подвергнутъ вмѣсто гауптвахты или съѣзжей домашнему аресту, всетаки, на два мѣсяца. Нижегородскій губернаторъ Огаревъ издалъ циркуляръ, по которому всѣхъ женщинъ, коротко остриженныхъ, въ круглыхъ шляпахъ и синихъ очкахъ, слѣдуетъ забирать въ полицію, гдѣ имъ обязательно предлагаютъ надѣть кринолины. Калужскій губернаторъ представилъ высшему начальству о необходимости выселить изъ Калуги предсѣдателя гражданской палаты, «за его неблагонадежность, въ случаѣ могущаго послѣдовать въ Калужской губерніи возмущенія».

Дневникъ 1867 года начинается сѣтованіями на закрытіе петербургскаго земскаго собранія и прекращеніе его дѣйствій и на будущее время. Никитенко называетъ эту мѣру губельною. Краузе, предсѣдатель земской управы, сосланъ въ Оренбургъ, предводитель дворянства, графъ Шуваловъ—въ Парижъ, сенатору Любощинскому велѣно подать въ отставку. Авторъ прибавляетъ: «25 лѣтъ правилъ нами страхъ, и что же вышло? Пагубная Крымская война, закончившаяся постыднымъ миромъ, польская революція, страшное разстройство финансовъ и вообще всякое разстройство, деморализація всѣхъ сословій, нигилизмъ съ гнуснымъ посягательствомъ на царевубійство».

Въ теченіе цѣлаго года Аксаковская газета «Москва» боролась съ Валуевскими предостереженіями, но, наконецъ, послѣ третьей пріостановки на три мѣсяца объявила, что прекращаетъ свое существованіе. Она возражала на каждое предостереженіе «съ замѣчательнымъ презрѣніемъ», осуждала необходимость спрашивать

соизволенія на проявленіе всякаго общественнаго чувства, даже религіознаго, какъ на панихиды по убитымъ кандіотамъ; говорила объ остзейскихъ нѣмцахъ, угрожавшихъ возстаніемъ въ союзѣ съ Германіей, за то, что имъ предписывали чуть ли не въ сотый разъ признать русскій языкъ государственнымъ въ балтійскихъ провинціяхъ. За нѣмцевъ же дано было предостереженіе «Голосу», а онъ отражалъ только нападки нѣмецкихъ газетъ, грозившихъ намъ отложеніемъ Балтійскихъ провинцій, если мы осмѣлимся обрусить ихъ. Это Валуевъ назвалъ «предосудительнымъ направленіемъ». Другое предостереженіе дано «Голосу» за нападки на правительство Наполеона III. Французскій посланникъ жаловался канцлеру на «Голосъ», и газета получила предостереженіе. «Мы же благоговѣйно и смиренно молчимъ, когда французскія газеты взапуски ругаютъ насъ гнуснѣйшимъ образомъ. Онѣ изъясняли свои симпатіи и злодѣю Березовскому. Право, мы очень смиренны». За «Голосъ» вступились даже «Московскія Вѣдомости» и возстали противъ «Сѣверной Почты».

Дневникъ 1868 года начинается разсказомъ о Крыловскомъ юбилеѣ. Академія рѣшила праздновать этотъ день только одному второму отдѣленію, а не всей академіи, такъ какъ Крыловъ былъ не ученый, а только литераторъ. Напрасно Никитенко доказывалъ, что великій баснописецъ часть нашей всенародной славы и что хоть не былъ ни филологъ, ни лингвистъ, но оказалъ огромную услугу родному языку своими произведеніями. Этого, однако, не признали академическіе нѣмцы и ученые буквоѣды, всѣ труды которыхъ, вмѣстѣ взятые, никогда не достигнутъ славы Крыловскихъ басенъ. Никитенко утѣшился тѣмъ, что привелъ надпись Шумахера къ памятнику Крылова въ Лѣтнемъ саду: «Лукавый дѣдушка съ гранитной высоты глядитъ, какъ рѣзвятся у ногъ его ребята, и думаетъ: милѣйшія звѣрята, какіе выросши вы будете скоты!» Слухи о голодѣ въ Россіи проникли наконецъ въ печать: въ «Голосѣ» Розенгеймъ помѣстилъ по этому поводу превосходную статью, и Валуевъ не успѣлъ дать за нее предостереженіе. Онъ увѣрялъ печатно, что голода нѣтъ, «что народъ терпитъ только нужду». Но когда учрежденъ былъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ наслѣдника, приглашавшій всѣхъ къ пожертвованіямъ, министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ наконецъ покинуть постъ, на которомъ составилъ себѣ такое громкое, хоть и не завидное имя. Послѣднимъ подвигомъ его было запрещеніе газеты «Москвичъ», въ котораго превратилась съ новаго года Аксаковская «Москва». Въ статьѣ возродившейся газеты нашли дерзкіе нападки на администрацію за ея поступки съ Данковскими крестьянами. Вторая книжка «Всемирнаго Труда» М. Хана была конфискована за повѣсть Боборыкина «Жертва вечерняя», гдѣ онъ вывелъ лица изъ высшаго круга и въ числѣ ихъ одного писателя, юбилей котораго праздновался недавно, въ очень

непристойномъ видѣ. «Ни въ одно царствованіе не раздавалось у насъ столько наградъ чинами и орденами. Въ Николаевское время обыкновенная пропорція наградъ составляла во всей имперіи отъ четырехъ до пяти тысячъ въ годъ, въ нынѣшнее же время доходить до 10 и 11-ти тысячъ».

Государственный совѣтъ запретилъ Аксакову изданіе его газеты. «Только два члена подали голосъ противъ этого опредѣленія: В. П. Титовъ и А. М. Княжевичъ. Они видятъ въ газетѣ только неловкость, рѣзкость сужденія, но не признаютъ вреднымъ ея направленіе, за чтò газета только и можетъ подлежать запрещенію. Погодинъ такъ характеризуетъ обоихъ братьевъ Аксаковыхъ: оба лѣзутъ на ножъ, но одинъ какъ слѣпой, а другой, публицистъ,—съ открытыми глазами. Судъ оправдалъ Павленкова по дѣламъ печати и совершенно согласно съ законами, но его выслали изъ Петербурга административнымъ порядкомъ. Академія отличилась и въ 1869 году: второе отдѣленіе ея выбрало въ адъюнкты извѣстнаго славянофила Гильфердинга, но общее собраніе академикомъ, въ которомъ преобладаютъ нѣмцы, забалотировало его за защиту славянскихъ интересовъ. Даже старикъ Тютчевъ разразился противъ этихъ нѣмцевъ стихами въ «Голосѣ». Тамъ, гдѣ человѣкъ не заслуживаетъ презрѣнія, онъ возбуждаетъ сожалѣніе,—говоритъ Никитенко. Управление по дѣламъ печати затѣяло процессъ по поводу биологіи Спенсера, переведенной на русскій языкъ, за то, что въ книгѣ есть мѣста, подлежащія будто бы духовной цензурѣ, на примѣръ, мысли о твореніи, принятыя, однако, геологіею. Спросили духовную власть: подлежатъ ли такія мѣста ея цензурѣ? Она отвѣчала: конечно, подлежатъ. Издатель преданъ былъ суду за то, что не послалъ ей этихъ мѣстъ. Судъ оправдалъ его. Д. А. Толстой не въ ладахъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и поэтому представилъ записку о распущенности нашей печати, приписавъ это слабому смотрѣнію за нею. На это, въ отсутствіе Тимашева, отвѣчалъ товарищъ его А. Б. Лобановъ-Ростовскій, что распущенности и зловредности въ печати никакой нѣтъ, а если онѣ гдѣ и существуютъ, то въ головахъ профессоровъ и учителей, за которыми худо смотреть графъ Толстой. Начальникъ по дѣламъ печати Похвисневъ смѣнень, и на это мѣсто назначенъ военный генералъ Шидловскій. Принимая своихъ чиновниковъ, онъ для перваго знакомства сдѣлалъ имъ замѣчаніе, что они явились къ нему въ вицмундирахъ, а не въ мундирахъ, какъ бы слѣдовало, что нѣкоторые изъ нихъ съ бородами. «Бородъ не надо, я ихъ не потерплю. У нѣкоторыхъ—усы, и ихъ не надо; усы подобають носить военнымъ. Даже и округлые бакены, напоминающіе бороду, не должны быть. Я буду строго наблюдать чиновочитаніе. Затѣмъ прощайте».

О войнѣ 1870 года говорится немного: «Пруссія нашъ естественный врагъ уже по одному тому, что мы ее дважды спасали. Въ

высшихъ сферахъ обнаруживается симпатія къ прусакамъ, между тѣмъ какъ во всемъ обществѣ господствуетъ такая же сильная неприязнь къ нимъ. Мы дали Пруссіи усилиться и, конечно, дадимъ еще больше усилиться, пока она наконецъ и намъ не дастъ испытать свой гнетъ. Франція — страна умственныхъ и политическихъ успѣховъ, изъ которыхъ вырабатывается матеріалъ для преобразованія другихъ народовъ; прусаки на вѣчныя времена закрѣпили ненависть къ себѣ французовъ, и въ случаѣ столкновенія съ ними, что надо въ будущемъ считать неизбѣжнымъ, французы будутъ нашими естественными союзниками». Онъ впрочемъ иронически отзывается о прогресѣ, въ которомъ прежнія пушки замѣняются нарѣзными, а Наполеониды Гогенцоллернами и Габсбургами, хотя всѣмъ имъ предсказываетъ одну и ту же участь, когда «сами нѣмцы опомнятся и поймутъ, что вовсе не лестно возить камни для постройки, по плану Бисмарка, своей собственной тюрьмы. Впрочемъ, изъ-за чего горячиться! Родъ человѣческій управляется такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ. Не будь глупцовъ, негодяевъ и эгоистовъ, не было бы ни Наполеоновъ, ни Бисмарковъ». Много меткихъ мыслей по обыкновенію разсѣяно и въ дневникѣ этого года: «Тотъ ничего не сдѣлалъ для людей, кто не далъ имъ средствъ меньше страдать или легче переносить страданія. Настоящій, глубокой смыслъ движенія нашей интеллигенціи въ наше время есть, безъ сомнѣнія, вопіющая необходимость ограниченія произвола и утвержденія законности, какъ въ умахъ, такъ и на дѣлѣ: безъ этого, конечно, все, даже самое благодѣтельное будетъ строиться на пескѣ. Обманывать людей можно и съ не большимъ умомъ, но просвѣщать ихъ трудно и съ большимъ. Въ продолженіе моей жизни я видѣлъ много запретительныхъ мѣръ противъ печати, но ни одна не достигла своей цѣли, то-есть не останавливала потока мыслей. Да не смущается сердце ваше: вѣрьте въ живучесть и производительную силу мысли; если бы не такъ, то давно бы погасили эту силу». О введеніи у насъ классической системы образованія Никитенко говоритъ, что въ государственномъ совѣтѣ большинство было противъ нея. Милютинъ произнесъ блистательную рѣчь противъ исключительнаго классицизма, съ нимъ за одно были Головинъ, Горчаковъ, Гагаринъ, даже Панинъ. «Нигилизмъ думаютъ устранить классическими гимназіями. Наше время слагается изъ невѣжества, заносчивости естествоиспытателей, самонадѣянности поборниковъ классицизма, изъ деморализаціи и безтолковости общества». Академія наукъ избрала въ адъюнкты по русской исторіи Пыпина, позабывъ о заслугахъ Костомарова. Но Пыпинъ не приверженецъ классицизма, поэтому наряжена комисія для изслѣдованія, имѣетъ ли Пыпинъ право на академическое кресло. Комисія не знала, какъ сладить съ этимъ дѣломъ, и признала за лучшее, чтобы Пыпинъ самъ отказался отъ званія члена академіи. Онъ такъ и сдѣлалъ,

и сѣно пѣло и козы сыты. «На мѣсто Шидловскаго назначенъ М. Н. Лонгиновъ, извѣстный, какъ отъявленный противникъ освобожденія крестьянъ, земскихъ учреждений и всѣхъ вообще реформъ, почему и ожидаютъ отъ него враждебныхъ дѣйствій противъ печати. Въ литературѣ онъ извѣстенъ, какъ собиратель историческихъ и библиографическихъ мелочей. Особенно же онъ прославился стихотвореніями самаго... страннаго содержанія. Есть его непечатная поэма «Отецъ ***», въ которой онъ доходитъ до *pes plus ultra*. Самъ Барковъ покраснѣлъ бы отъ стыда, читая эту поэму. Но стихи въ ней замѣчательно хороши».

Въ 1872 году Никитенко еще сильнѣе возстаетъ противъ классической системы. «Самое великое зло, которымъ страдаетъ наше общество, говоритъ онъ, это почти повальная деморализація. Классики полагаютъ, что противодѣйствіе этому злу мы найдемъ въ изученіи древнихъ языковъ. Это ужасная нелѣпость. Можно ли въ языческой образованности найти нравственныя основы для нашего міра? Развѣ потребности у насъ и у древнихъ, какъ бы они ни были развиты, однѣ и тѣ же? Не надобно было провозглашать эту систему съ такимъ азартомъ, какъ это сдѣлалъ графъ Толстой. Однимъ почеркомъ пера нельзя произвести крутого поворота въ понятіяхъ общества. Наконецъ, разумно ли лишить среднеучебныя заведенія—общеобразовательнаго характера, превративъ ихъ почти въ ремесленныя? Мудрено ли, что въ государственномъ совѣтѣ нашлось 29 голосовъ противъ 19-ти Толстовскаго или лучше сказать Катковскаго проекта?». Обрушивается Никитенко и на нашу исторію, говоря: «Мы отъ предковъ унаслѣдовали значительную долю рабскаго страха передъ властями. Вѣдь не могли же безъ послѣдствій пройти по исторіи ни Петръ Великій со своими благими видами, но и со своимъ кнутобойствомъ и застѣнками, ни Биронъ, ни милосердая Елисавета съ рѣзаньемъ языковъ и битьемъ кнутомъ своихъ придворныхъ дамъ, ни Павелъ I, ни верховный визирь Аракчеевъ. Клейма, наложенныя ими на наши нравы и духъ, долго не изгладятся». По случаю сожженія Лонгиновымъ двухъ книжекъ «Бесѣды» онъ говоритъ: «такимъ администраторамъ присвоивался прежде титулъ гасителей, теперь ихъ надобно уже называть сожигателями». Фельетонъ Незнакомца въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» отличался умомъ и остроуміемъ. Цензура сдѣлала на него такой натискъ, что онъ долженъ былъ прекратить свою литературную дѣятельность по этой части. Пострадалъ и обреченъ сожженію календарь А. Суворина за то, что въ некрологѣ онъ помѣстилъ такое лицо, какъ Мадзини, а главное за то, что высчиталъ въ статьѣ о государственныхъ расходахъ и тѣ оклады, которые получаютъ высокопоставленныя лица. Надъ календаремъ, впрочемъ, смиловались и приказали только перепечатать нехорошія страницы. «Голосъ», только что отбывшій трехмѣ-

еячный срокъ приостановки, опять получили предостереженіе за статьи: «о безобразіяхъ остзейскихъ нѣмцевъ» и «о безобразіяхъ евреевъ». Сказали, что «Голосъ» ссоритъ населеніе имперіи. Выводъ: нѣмцевъ и жидовъ можно только хвалить.

Съ 1873 года дневникъ является новинкою для читателей: онъ не печатался уже въ «Русской Старинѣ» и является въ первый разъ. Но событія послѣднихъ пяти лѣтъ жизни автора переданы въ еще болѣе сжатомъ и отрывочномъ видѣ. Онъ не теряетъ ни энергіи, ни смѣлости взгляда, но въ передачѣ фактовъ у него все чаще встрѣчаются инициалы да иксы. Вопреки обыкновенія онъ даже о выдающихся покойникахъ, какъ Плетневъ, Бенедиктовъ, Сидонскій, Максимовичъ, не высказываетъ своихъ сужденій и произноситъ только пессимистическіе афоризмы: «какъ примирить мысль о провидѣніи съ безконечнымъ числомъ золъ, удручающихъ человѣчество? Надо отказаться или отъ вѣры въ благость провидѣнія, или отъ сочувствія къ страданіямъ нашихъ братьевъ. Вѣра— вѣрой, но вѣдь и любовь къ людямъ что нибудь значить».

1874 годъ начинается такими же мрачными афоризмами: «Рѣдко власть принадлежитъ умнѣйшимъ, еще рѣже честнымъ людямъ. Но людямъ того и другого рода вмѣстѣ— почти никогда». «Остерегайтесь слишкомъ горячо провозглашать о вашемъ усердіи къ общему благу. Васъ заподозрятъ въ неискренности, а если повѣрятъ, то станутъ преслѣдовать, какъ пророка, который идетъ наперекоръ всѣмъ и каждому, и хорошо еще, если не побьютъ камнями, а посмотрятъ, какъ на жалкаго юродиваго. Не мечите бисера»... «Россія похожа на мальчика, который росъ въ сквернѣйшей школѣ исторіи, гдѣ его били не на животъ, а на смерть. Потомъ онъ попалъ въ другую, менѣе тяжелую школу, гдѣ его начали меньше бить. Онъ запалился, къ нему приставили гувернеровъ для исправленія. Но бѣда въ томъ, что сами гувернеры большею частью люди ненадежные, и толку выходитъ мало». «Величайшая, насущная потребность для насъ состоитъ въ нравственности. Но гдѣ ее взять? Въ религіи, но къ ней чувствуется всеобщее охлажденіе. Въ греческомъ языкѣ, въ классицизмѣ? Но къ нему привлекаютъ насильно. Какой же въ этомъ прокъ?».

Въ 1875 году все тотъ же пессимизмъ въ сужденіяхъ о людяхъ и событіяхъ. Скептически отзываясь авторъ о комисіи, созванной для устройства отношеній рабочихъ и наемщиковъ. Предсѣдателемъ ея Валуевъ, и потому, конечно, «изъ комисіи ничего не выйдетъ». Интеллигенцію нашу онъ ставитъ ниже мужиковъ. «Мужикъ русскій почти совершенный дикарь,—говоритъ онъ.— Онъ грубъ, невѣжественъ, лишень понятія о правѣ и законѣ; религія у него состоитъ въ киваніи головою и отмахиваніи направо и налево рукою. Онъ пьяница и воръ, но онъ не въ примѣръ лучше такъ называемаго образованнаго русскаго человѣка. Мужикъ

искренень, онъ не старается казаться тѣмъ, чѣмъ онъ не есть; онъ не лжетъ ни на себя, ни на другихъ, ни на вещи. Но человѣкъ образованный фальшивъ съ головы до ногъ, онъ плутъ по убѣжденію, либераленъ на словахъ и низокъ, работѣнъ на дѣлѣ, готовъ на всякія нивости за чинъ или крестикъ, воръ по вкусу къ широкому житію. Но главное и хуже всего— онъ лжецъ во всемъ, что ни думаетъ, что ни говоритъ, что ни дѣлаетъ». По поводу поджога Овсянниковымъ мукомольной мельницы и процесса Сѣдовой, поддѣлавшей духовное завѣщаніе, онъ говоритъ: «Поддѣлки бумагъ, подлоги всякаго рода, кражи казенныхъ и общественныхъ денегъ, огромнѣйшія плутовства по желѣзнымъ дорогамъ, которыми приобрѣтаются изъ ничего громадныя капиталы, все это самыя обыкновенныя явленія нашихъ дней. А между тѣмъ только капиталы и пользуются уваженіемъ общества, почетомъ, и владѣльцы ихъ занимаютъ высокія мѣста».

Въ 1876 году Никитенко ѣздилъ опять лечиться за границу. Президентъ академіи, министры просвѣщенія и финансовъ дали ему на это средства. Былъ онъ въ Италіи и Швейцаріи, но замѣтки его объ этихъ странахъ мало интересны. Онъ больше разсуждаетъ о политикѣ и за границей отзывается гораздо мягче о своемъ отечествѣ. «Много недостаетъ Россіи изъ того, что создано общею образованностью—умомъ, наукою, искусствомъ, и много надо ей дѣлать, чтобы сравняться съ другими народами въ этомъ! Но это-то самое и налагаетъ обязанность на каждого честнаго русскаго служить ей горячѣе и вѣрнѣе, не смотря на препятствія, представляемыя то ея учрежденіями, то нравами, то отдѣльными лицами. Все это налагаетъ на людей мыслящихъ и честныхъ обязанность служить ей ревностнѣе во всемъ, что касается ея благосостоянія, ея нравственныхъ и умственныхъ успѣховъ». Пессимизмъ выражается, однако, попрежнему во всѣхъ сужденіяхъ автора. «Если допустить со Спинозою, говоритъ онъ, что міръ существуетъ только въ силу одной необходимости, безъ всякой разумной цѣли, что Богъ не принимаетъ никакого участія въ судьбахъ и въ управленіи міра, то жизнь будетъ не что иное, какъ пустая, грубая, даже не остроумная шутка. Ибо какое остроуміе тамъ, гдѣ безпрестанно льется кровь живыхъ существъ, между которыми человѣкъ—самое злосчастное, потому что онъ одаренъ способностью мыслить и сознавать свой жребій... Что же такое жизнь? Драма безъ развязки. И какая тутъ возможна развязка? Неужели все дѣло только въ томъ, чтобы вотъ, какъ этой птичкѣ, родиться, пропѣть лѣто, а затѣмъ уступить мѣсто другой, которая тоже пропѣетъ лѣто и исчезнетъ. А человѣкъ!... Не лучше ли просто—явиться, пропѣть и пропасть? Это было бы хорошо, если бы человѣку суждено было только пѣть, но онъ еще и мыслить. А мысль не можетъ быть безъ вопросовъ: зачѣмъ, почему и для чего?». То же

мрачное настроеніе преобладало въ немъ, когда онъ вернулся въ Петербургъ. Цитируя стихи Ал. Толстого: «Заплаталася голубушка моя, запилася, заворовалася», онъ говоритъ: «Мы держава не слабая, но и не сильная. Мы грозимъ и постоянно уступаемъ. Мы играемъ въ образованность и цивилизацію, но не прогрессируемъ ни въ чемъ, что касается благоустройства, общественнаго быта и правовъ. Народъ нашъ одаренъ способностями и добродушіемъ, но въ то же время образомъ жизни и нравами онъ не далеко отходитъ отъ дикарей. Мы надѣлали у себя и свободу, и суды, и улепетываемъ отъ нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Чортъ знаетъ, что это такое. Мы не европейская и не азиатская держава; у насъ пороки и европейцевъ, и азиатцевъ, а своихъ добродѣтелей мы еще не выработали».

1877 годъ Никитенко начинаетъ жалобами на свою болѣзнь, но съ прежнимъ вниманіемъ слѣдитъ за политическими, общественными и литературными явленіями, смѣется надъ конституціей, сочиненной англичанами для Турціи и тотчасъ же отмѣненной, говоритъ о запрещеніи новой газеты «Собесѣдникъ». Въ февралѣ мысль о смерти кажется ему утѣшительною, но онъ тутъ же прибавляетъ: «есть двѣ вещи, съ которыми трудно примириться человѣку—это всероссійская администрація и медицина». Посмѣивается онъ и надъ исторіей, говоря, что «вся она основана на умышленномъ или неумышленномъ обманѣ людей, стремившихся возвыситься надъ другими, на недостовѣрныхъ преданіяхъ, на недоразумѣніяхъ и на теоріи объясненій необъяснимаго». Почти четыре мѣсяца онъ не вноситъ ничего въ свой дневникъ. 25-го мая переѣзжаетъ на дачу Громовой, въ Павловскъ; въ іюнѣ вноситъ двѣ короткія замѣтки о холодной погодѣ и объ интересахъ Англіи въ современной политикѣ; въ іюлѣ также двѣ: 19-го, «здоровье гнусное, прегнусное, лѣто гнусное, прегнусное, человечество гнусное, прегнусное, потому что попускаетъ туркамъ жечь людей, а Европа занимается дипломатіей, Англія своими интересами. Трудно уберечься отъ глубокаго презрѣнія ко всему, что живетъ и мыслить». 20-го іюля: «Побѣды за побѣдами при вторженіи въ Турцію, это былъ для насъ медовый мѣсяцъ войны. Теперь—неудачи въ Малой Азіи, проиграно сраженіе при Плевнѣ, и какое-то мрачное молчаніе, лишающее насъ свѣдѣній объ арміи»...

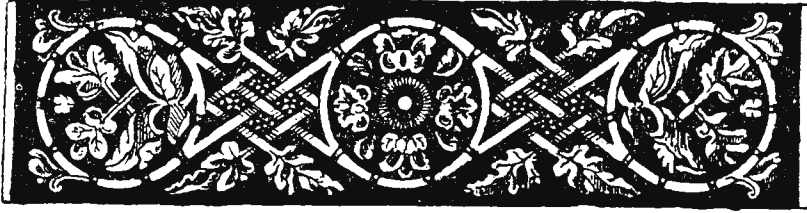
Эти строки, написанныя дрожащимъ почеркомъ, были уже послѣднія. На слѣдующее утро перо выпало навсегда изъ рукъ автора. Болѣзнь его была—грудная жаба. Онъ тяжело страдалъ, но смерть его была безмятежна: онъ буквально заснулъ. Наканунѣ вечеромъ онъ горячо бесѣдовалъ съ окружающими, поражая ихъ бодростью духа и ясностью мысли. Послѣ ночи, проведенной спокойно, онъ проснулся усталый, но безъ страданій, сказалъ, что попробуетъ еще подремать, скоро заснулъ, а спустя полчаса изъ груди его вы-

рвался послѣдній предсмертный вздохъ. Похороненъ онъ на Павловскомъ кладбищѣ.

Только черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ его смерти общество наше могло вполнѣ ознакомиться, въ его дневникѣ, съ этимъ рѣдкимъ человѣкомъ, даровитымъ писателемъ, глубокимъ мыслителемъ, честнымъ гражданиномъ. Не много такихъ цѣльныхъ, устойчивыхъ натуръ въ нашемъ обществѣ и въ нашей литературѣ. Никто такъ твердо и упорно не отстаивалъ передъ всевозможными препятствіями интересы здравой мысли, свободнаго слова, русской печати. На своемъ невидномъ посту писателя, профессора, ученаго, онъ сдѣлалъ гораздо больше для своихъ согражданъ, чѣмъ лица, поставленныя руководителями въ области знанія, образованія, просвѣщенія. Одна уже истинная, непоказная, не официальная характеристика этихъ руководителей, безпристрастная оцѣнка ихъ дѣйствій даетъ право Никитенкѣ стоять въ первомъ ряду лицъ, принесшихъ дѣйствительную пользу своему отечеству. Больше полвѣка боролся онъ съ врагами правды, законности, прогреса, и борьба его не осталась безслѣдной. Мы скоро забываемъ нашихъ лучшихъ дѣятелей, но если нашъ очеркъ этой самобытной, симпатичной личности побудитъ читателей ближе ознакомиться съ нею по ея запискамъ, цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута.

Вл. Зотовъ.

ПОЭТЪ М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ И Г-ЖА АДЕЛЬ ГОММЕРЪ ДЕ-ГЕЛЛЬ.

ВСТРѢЧА нашего гениальнаго поэта съ красивой, изящной и экспансивной французенкой на Кавказѣ въ 1840 году и увлеченіе ею составляютъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ и яркихъ эпизодовъ въ его разнообразной, но весьма тяжелой и скучной жизни въ изгнаніи, которую можно обрисовать однимъ изъ его типичныхъ опредѣленій: «все люди, да люди,—такая тоска, хоть бы черти для смѣха попадались». Нашей публикѣ эпизодъ этотъ почти неизвѣстенъ, такъ какъ біографы поэта отнеслись къ нему весьма пренебрежительно, въ особенности П. А. Висковатовъ, а въ нашихъ литературныхъ ежемѣсячникахъ нигдѣ никогда ничего о немъ не появлялось. Г. Висковатовъ въ біографіи М. Ю. Лермонтова ¹⁾ говоритъ только: «Лермонтовъ въ это время (въ августѣ 1840 года) получаетъ разрѣшеніе побывать въ Пятигорскѣ. Мы его встрѣчаемъ тамъ 14 августа, въ компаніи съ французской писательницей Адель Гоммеръ де-Гелль, весьма красивой и умной женщиной ²⁾. Легкомысленная французенка вполне оцѣнила умъ и талантъ поэта, а Лермонтовъ, поклонникъ и тонкій знатокъ женской красоты, конечно, не упустилъ случая показаться во всемъ блескѣ своего ума и поэтиче-

¹⁾ Собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова, изданіе Рихтера, 1891 года, т. VI, стр. 350 и 351.

²⁾ Изъ приведенныхъ ниже писемъ де-Гелль видно, что встрѣча съ поэтомъ состоялась не 14-го августа въ Пятигорскѣ, а въ двадцатыхъ числахъ въ Кисловодскѣ.

скаго дарованія, такъ что м-ше Адель пришла отъ него въ восторгъ и стала ревновать къ поэту дѣвицу Реброву, за которою въ прежніе свои пріѣзды сильно ухаживалъ Михайль Юрьевичъ ¹⁾). Говорили даже, что онъ на ней женится. Изъ Пятигорска вся веселая компанія переѣзжаетъ въ Кисловодскъ». Затѣмъ, приведя нѣсколько фразъ изъ писемъ м-ше Гоммеръ де-Гелль о знакомствѣ съ поэтомъ къ Кисловодскѣ, почтенный біографъ высказалъ предположеніе, что нѣкоторые эпизоды съ француженкой отразились въ романѣ «Герой нашего времени» ²⁾). Далѣе, упомянувъ, что г-жа де-Гелль не на шутку полюбила поэта, встрѣтась съ нимъ еще разъ, черезъ два мѣсяца въ Ялтѣ, г. Висковатовъ повѣствуетъ такъ: «Подъ обаяніемъ увлеченія и поэтической обстановки, они обмѣнялись стихотвореніями. Лермонтовъ написалъ ей лирическую піеску на французскомъ языкѣ, описывая случай, когда оба стоворились идти гулять изъ Мисхора въ Симеизъ, и м-ше де-Гелль нашла поэта на мѣстѣ назначеннаго свиданія спящимъ подъ березою. Михайль Юрьевичъ страшно дурачился съ интересною иностранкой, весьма легко относившеюся къ жизни, но все же понимавшею значеніе нашего поэта лучше многихъ изъ его соотечественниковъ. Она называла Михаила Юрьевича «Бульбуль», что потатарски означаетъ соловей, и въ письмахъ во Францію высказывала, что «это новое свѣтило, которое возвысится и далеко выйдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи». Г-жа де-Гелль посвятила нашему поэту стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Соловей. Лермонтову», и помѣстила его тогда же въ «Одесскомъ Журналѣ». Взаключеніе же г. Висковатовъ пишетъ: «Какимъ образомъ вскорѣ послѣ экспедиціи Лермонтовъ оказался въ Ялтѣ съ г-жею Гоммеръ де-Гелль — непонятно. Намъ не удалось опредѣлить, когда и на сколько времени былъ ему данъ отпускъ, и вообще былъ ли даваемъ таковой... Трудно

¹⁾ Г-жа де-Гелль къ Ребровой Лермонтова не ревновала, а ревновала къ одной петербургской красавицѣ.

²⁾ Онъ пишетъ: «Стоитъ сравнить разсказъ г-жи Гоммеръ де-Гелль съ тѣмъ, что сказано въ «Княжѣ Мери» (т. V, стр. 303—305), напримѣръ, сцена ночнаго нападенія, отъ котораго Печоринъ успѣваетъ скрыться въ домѣ, и нынѣ въ Кисловодскѣ именуемомъ домомъ Ребровой (стр. 300 и 327), сцены, когда Печоринъ говоритъ княжѣ Мери, что не любитъ ея (стр. 294), сцена, гдѣ Вѣра ревнуетъ Печорина къ Мери, когда дошелъ до нея слухъ, что онъ женится на этой дѣвушкѣ. Даже ботинки «souleur russe» на стр. 253, обувавшіе изящную ногу Мери, именно того цвѣта, коимъ щеголяла маленькая ножка француженки въ «изящномъ башмачкѣ». Но это все произвольныя натяжки, подобранныя случайности: въ то время, когда поэтъ познакомился съ м-ше Адель, романъ «Герой нашего времени» не только былъ оконченъ, но даже и отпечатанъ. Въ «Сѣверной Пчелѣ» 3-го, 11-го и 25-го мая 1840 года, №№ 98, 105 и 116, мы находимъ объявленія книгопродавцевъ о продажѣ въ ихъ магазинахъ этого романа, а въ 4 части журнала «Маякъ», о выходѣ которой въ свѣтъ сдѣлана публикація въ «Сѣверной Пчелѣ», 5-го іюня 1840 года, за № 124, появилась уже первая о немъ критическая статья г. Бурачка.

предположить, чтобы поэтъ увлекся такъ, что поѣхалъ въ Крымъ безъ разрѣшенія».

Коротко и... не ясно. Какое понятіе можетъ составить себѣ читатель, прочитавъ вышеприведенное повѣствованіе біографа, и къ какимъ выводамъ онъ придти долженъ! А эпизодъ во всякомъ случаѣ весьма интересный; постараемся разяснить и дополнить его на сколько возможно какъ опущенными біографомъ, такъ и слышанными нами отъ другихъ лицъ нѣкоторыми подробностями.

Во-первыхъ, постараемся опредѣлить, кто была и что такое изображала изъ себя въ началѣ сороковыхъ годовъ г-жа Гоммеръ де-Гелль. По словамъ покойнаго генерала отъ инфантеріи, барона Е. И. фонъ-Майделя, лично знавшаго ее въ молодости, это была супруга французскаго консула въ Одессѣ Ксавье Гоммеръ де-Гелля, извѣстнаго автора статей: «*Les frères Moraves à Sarepta*», «*Kichnev, capitale de la Bessarabie*» и другихъ, молодая, красивая и обаятельная дама, кружившая головы своихъ многочисленныхъ поклонниковъ и видѣвшая въ томъ едва ли не цѣль своей жизни. Она имѣла живой и веселый характеръ, много путешествовала по Россіи и была извѣстна, какъ поэтесса и авторъ сочиненія: «*Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie meridionale*». Въ разговорахъ она поражала большой начитанностью и знаніемъ русской исторіи и литературы. Ея опредѣленія и характеристики извѣстныхъ лицъ были типичны, злы и мѣткі. Поэта А. С. Пушкина она считала гениальнымъ поэтомъ, но въ отношеніи дуэли съ Дантесомъ становилась на сторону послѣдняго и называла Александра Сергѣевича «ревнивымъ русскимъ мавромъ»; о Лермонтовѣ говорила: «Это — Прометей, прикованный къ скаламъ Кавказа... коршуны, терзающіе его грудь, не понимаютъ, что они дѣлаютъ, иначе сами себѣ растервали бы груди...», или «Лермонтовъ — золотое руно Колхиды, и я, какъ Язонъ, стремилась найти его и овладѣть имъ...».

П. А. Висковатовъ, въ біографіи М. Ю. Лермонтова, называетъ г-жу Гоммеръ де-Гелль легкомысленной французенкой, но подобное мнѣніе едва ли справедливо. Вотъ какъ она сама обрисовываетъ свой внутренній міръ, свое прошлое и свои душевные порывы къ исходу изъ тягостнаго положенія въ стихотвореніи «*Elisa Mercœur, chant du Cygne*», напечатанномъ въ «*Journal d'Odessa*», 20-го сентября 1840 года, № 76 ¹⁾.

Enfin, j'ai donc atteint ce terme de la vie,
Qui sans cesse apparait au fond de l'horizon;

¹⁾ То-есть, во время первой встрѣчи съ Лермонтовымъ на Кавказѣ; но оно написано, вѣроятно, нѣсколько раньше и передано въ редакцію «*Journal d'Odessa*» до отъѣзда ея на Кавказъ.

Cette borne fatale où s'éteint le génie,
 Ce fantôme qui veille au bout de la prison.
 Je vais aller à Dieu bien légère d'années.
 Mon front est lisse et blanc; mes cheveux longs et noirs;
 Je vais offrir à Dieu mes jeunes destinées
 Comme l'encens qui sort riches encensoirs!

Rien ne me fait, hélas! regretter l'existence,
 J'ai lutté tant de fois contre un malheureux sort!
 Tant de fois j'ai rêvé d'avenir, d'espérance,
 Qui maintenant pour moi, l'avenir c'est la mort!
 Ma force s'est lassée à suivre des chimères,
 J'ai besoin d'un repos qui ne soit plus troublé:
 J'ai besoin d'échapper à mes longues misères,
 Aux tourmens dont mon cœur fut toujours accablé!

La route où j'ai passé, triste, aride et sans ombre,
 N'a jamais à mes pas offert un doux abri;
 J'ai marché, j'ai pleuré... mais le ciel était sombre,
 Et tout, devant mes yeux, était déjà flétri!
 En vain mon cœur brisé demandait à la terre,
 Un moment de repos, un parfum du printemps;
 Hélas! je n'ai connu dans ma détresse amère
 Que les jours de douleur, qui durent si longtemps!

Aucun doux souvenir ne brille en ma pensée,
 Aucun rayon d'amour ne vient me ranimer:
 Et pourtant j'étais belle... et mon âme insoufflée
 A souvent vu des traits qui vinrent l'alarmer;
 Alors il me fallait, pauvre et craintive fille,
 Commander à ma voix, à mon cœur, à mes yeux;
 Je n'avais point de dot; point de riche famille;
 Point de titre brillant; point de nobles aïeux:

Je n'avais rien, hélas! qu'une timide lyre;
 Que les chants, écho d'un cœur découragé,
 Qu'un stérile besoin d'aimer et de le dire;
 Qu'un seul désir à l'âme... un amour partagé:
 Mais c'était trop encor... Dieu m'avait destinée
 A vivre en étrangère au milieu des humains:
 Pour me garder à lui, chaste et prédestinée;
 Une auréole au front et la lyre à mes mains!

C'est pour cela sans doute, et je le remercie,
 Qu' il a borné ma vie à si peu de printemps;
 Mon sein est plein encor d'amour et d'harmonie,
 Ma beauté ne craint rien des outrages du temps!
 Je quitte sans regret cette terre où l'on pleure,
 Où l'on vieillit si vite, où le cœur se flétrit;
 Où le plaisir s'effeuille et dure à peine une heure;
 Où l'amour n' est qu'un mot, la gloire qu' un vain bruit!

Où l'espoir n'a jamais accompli ses promesses;
 Où les illusions s'en vont rapidement;
 Où nul cœur ne comprend vos profondes tristesses,
 Vos rêves, vos désirs et votre isolement;

Où l'on rit sans pitié de la voix du poète,
Où les riches ont seuls le droit d'être joyeux;
Où celui qui n'a rien pour reposer sa tête
Trouve à peine une main pour lui fermer les yeux!

Mais avant de franchir ce terme où tout arrive,
Arrête-toi, mon âme, encore quelques instants:
Laisse errer ma pensée ardante et fugitive
Sur les flots, dans les airs, au souffle du printemps.
Laisse moi jusqu' au soir m'enivrer des caresses
De la brise, qui court à travers le chemin;
De la voix de Bulbul, qui chante ses tendresses,
Des tristes voluptés d'un jour sans lendemain!

Ce sont les seuls amours que j'ai connus sur terre:
J'aimais un beau nuage, une fleur, un oiseau;
J'aimais un papillon, un vague légère,
Une étoile isolée, une voile sur l'eau:
J'aime surtout à voir les ombres indécises
Monter rapidement jusqu' aux sommets des monts,
Envelopper les cieux, les forêts, les églises,
Les glaciers suspendus, les torrens, les vallons!

Et ses bruits infinis qui courent dans l'espace,
Accens mystérieux, empreins des voluptés:
Cris d'attente, d'amour, de bonheur et d'audace,
Murmures de plaisir, de longue anxiété:
Le vent, la mer, les voix, tout devient harmonie;
Tout obéit alors à des instincts charmants:
Le flot cherche le flot; l' oiseau sa fleur chérie;
Tout s'appelle et se mêle en doux embrassements!

Que de fois ma pensée a plongé dans ses mondes,
Qui roulent lentement, dans une mer d'azur:
Que de fois j'ai cherché dans ces vagues profondes
Un petit point brillant... mon asile futur!
Mais l'heure sonne enfin; mon âme, ouvre ton aîle;
Aspire le bonheur, l'amour, la liberté;
Va rejoindre ton Dieu dont la voix te rappelle;
Va... tu cours maintenant à l' immortalité!

(Переводъ. Наконецъ я достигла той грани жизни, на горизонтѣ которой можно видѣть предѣлы, положенный для генія и его освобожденія изъ плѣна. Во двѣтъ лѣтъ я должна предстать предъ Богомъ. Мое чело гладко и бѣло, мои волосы длинны и черны. Я принесу въ даръ Богу мою молодость, какъ емиамъ кадильницы. Ничто не заставляеть меня сожалѣть о жизни. Увы! Я такъ много боролась съ моей несчастной судьбой, такъ много мечтала о будущемъ и надѣялась. И что же? будущее мое—одна смерть. Я изнемогла въ погонѣ за химерами и чувствую потребность въ отдыхѣ, нуждаюсь въ освобожденіи отъ бесконечныхъ несчастій и страданій, которыми сердце мое переполнено. Путь, мною пройденный, печалень, пустыненъ и былъ лишенъ всякой тѣни. Нигдѣ я не могла найти себѣ тихаго убѣжища, я пла, я плакала, но небо было мрачно, все, на что устремлялся мой взоръ, казалось мнѣ поблекшимъ, и тщетно разбитое сердце мое просило у земли минуты отдыха, расцвѣта весны. Въ моемъ безвыходномъ горѣ, улы! я знала только дни страданій, такъ долго продолжающіеся... Ни одно дорогое воспоминаніе не освѣщаетъ моихъ мыслей, ни одинъ

лучъ любви не будить во мнѣ жизни... Однакожъ я была красива, и въ мою жаждущую душу западали черты, которыя ее волновали... Тогда я, бѣдная и предоставленная самой себѣ дѣвушка должна была молчать, воспрещать моему сердцу биться, моимъ очамъ смотрѣть. У меня не было приданого, не было богатой родни, ни блестящаго титула, ни благородныхъ предковъ. Я имѣла только, увы! одну робкую застѣнчивую лиру, безъ отклика пѣсни разбитаго сердца, безутѣшную потребность любить и высказаться, да желаніе взаимной любви; но и это было уже слишкомъ: Богъ назначилъ мнѣ жить одинокой среди людей, чтобы взять къ себѣ чистой и непредѣленной, съ ореоломъ вдохновенія на челѣ и лирою въ рукахъ! Поэтому я, вѣроятно, и благодарю Его за то, что Онъ не судилъ мнѣ жить долго... Въ моемъ сердцѣ царить любовь и гармонія, моя красота не знаетъ еще обидъ времени, и я безъ сожалѣнія оставляю землю, гдѣ плачуть, гдѣ старѣются и сердце вянетъ такъ скоро, гдѣ удовольствіе, блеснувъ на мигъ, исчезаетъ, гдѣ любовь—только слова, а слова—пустой звукъ, гдѣ надежда не исполняетъ своихъ обѣщаній, гдѣ иллюзіи такъ быстро исчезаютъ, гдѣ ни одно сердце не пойметъ вашей глубокой печали, вашихъ мечтаній, желаній и одиночества, гдѣ безъ жалости смѣются надъ пѣсню поэта, гдѣ одни богачи имѣютъ право радоваться, гдѣ тотъ, кому негдѣ преклонить голову, едва найдетъ руку, которая закроетъ ему глаза!.. Но раньше, чѣмъ перейти за тотъ предѣлъ, къ которому все стремится, остановись, душа моя, на нѣсколько мгновений, дозвожь мнѣ насладиться ласками вѣющаго по дорогѣ вѣтерка, трелями поющаго о своихъ чувствахъ соловья, всей роскошью жизни послѣдняго дня, за которымъ не послѣдуетъ утра!.. Это единственные предметы, которые я любила на землѣ. Моей душѣ были близки эфирное облако, цвѣтокъ и птичка, легкокрылая бабочка и легкая волна, и звездочка на небѣ одинокая, и парусъ одинокій на водѣ. Но я особенно любила смотрѣть, какъ слабыя, чуть видимыя тѣни мгновенно поднимались на вершины горъ и застигали небо, лѣса, храмы, висячіе ледники, потоки и долины! И этотъ безконечный шумъ, раздающійся въ пространствѣ, и эти таинственные звуки, выражающіе наслажденіе: крики ожиданія, любви, счастья, смѣлости, шепотъ упоеній, долгихъ ожиданій; вѣтеръ, море, голоса, все сливается въ общей гармоніи, все подчиняется инстинкту очарованія: волна ищетъ волну, птичка свой любимый цвѣтокъ, все объединяется и утопаетъ во взаимныхъ объятіяхъ! Какъ часто я слѣдила мыслью за этими тихо плывущими въ пространствѣ неба мірами, какъ часто искала я въ его лазури маленькую блестящую точку, мое будущее убъжище!.. И, наконецъ, часъ насталъ: распусти крылья, душа моя, вдохновись счастьемъ, любовью, свободой, иди на соединеніе съ Богомъ, голосъ котораго тебя призываетъ, иди!.. путь открытъ тебѣ къ безсмертію).

Вникнувъ въ смыслъ этого стихотворенія, мы поймемъ, почему эта восторженная женщина искала встрѣчи съ поэтомъ и увлеклась имъ. Она знала его по стихотвореніямъ, ходившимъ тогда повсюду въ рукописныхъ спискахъ, и по вышедшимъ въ 1840 году первому сборнику его стиховъ и роману «Герой нашего времени». Чуткая сердцемъ, она поняла его геній и оцѣнила его по достоинству. Въ то время, когда соотечественники поэта и близко стоявшіе къ нему люди не умѣли или не хотѣли отдать ему должнаго, игнорировали его талантъ и унижали значеніе ¹⁾, она, какъ уви-

¹⁾ «Entre nous soit dit,—говорилъ одинъ изъ его друзей:—я не понимаю, что о Лермонтовѣ такъ много говорятъ, въ сущности онъ былъ препустой малый, плохой офицеръ и поэтъ не важный. Въ то время мы всѣ писали такіе стихи. Я жилъ съ Лермонтовымъ въ одной квартирѣ, я видѣлъ не разъ, какъ онъ

димъ изъ нижеприведенныхъ писемъ ея, указала его мѣсто въ русской поэзіи и опредѣлила его будущность. Первый симпатичный отзывъ о Лермонтовѣ она услышала отъ Нины Александровны Ребровой, дочери извѣстнаго въ то время владѣльца Владиміровки на Кумѣ, основавшаго тамъ, по словамъ г-жи Гоммеръ-де-Гелль, шелковичное производство, фруктовые сады и винодѣліе¹⁾, и, какъ говорили, влюбленной въ поэта, съ которымъ она въ предыдущіе годы познакомилась въ Кисловодскѣ, гдѣ ея отецъ, имѣя собственный домъ, проводилъ обыкновенно лѣто²⁾. Отзывы влюбленной дѣвушки о поэтѣ нашли, вѣроятно, откликъ въ жаждавшемъ страсти сердцѣ французенки, и она задается мыслию «найти свое золотое руно въ Колхидѣ». Дѣйствительно, первымъ дѣломъ, по при-

писалъ. Сидитъ, сидитъ, изувѣчить множество перьевъ, наломаетъ карандашей и напишетъ нѣсколько строкъ. Ну, развѣ это поэтъ?» («Русская Старина», 1845 г. т. XLV, стр. 476). Графъ В. А. Сологубъ, въ повѣсти «Большой свѣтъ», изобразилъ Лермонтова неловкимъ армейскимъ офицеромъ, жалкимъ спутникомъ великосвѣтскаго дэнди и личностью весьма ничтожною («Отечественныя Записки», 1840 г., т. IX). Князь А. И. Васильчиковъ, не упускавшій никогда случая выдать себя за его друга, считалъ Лермонтова заносчивымъ и задорнымъ человѣкомъ, героемъ своего вѣка и времени, отъявленнымъ шалуномъ, бичевавшимъ порокъ и ничтожество потому только, что сознавалъ ихъ («Русскій Архивъ», 1872 года, № 1). Въ статьѣ, помѣщенной въ газетѣ «Голосъ» 1875 г., № 15, онъ горячо протестовалъ противъ высказаннаго В. М. Маркевичемъ, въ повѣсти «Двѣ сказки», мнѣнія, что поэтъ былъ прежде всего представитель тогдашняго поколѣнія великосвѣтской молодежи, говоря, что онъ отдѣлился отъ него при самомъ появленіи его въ немъ стихомъ: «а вы, надменные потомки», и былъ только его обличителемъ и противникомъ. Въ бесѣдѣ же съ П. А. Висковатовымъ, по поводу дуэли, онъ отозвался такъ: «мнѣ было 22 года, и всѣ мы тогда не сознавали, что такое Лермонтовъ» (Биографія поэта, стр. 420). Князь П. П. Вяземскій говоритъ, что Лермонтовъ, вступая за поруганную честь Пушкина чувствовалъ себя неловко «въ родственной компаніи» («Русскій Архивъ», 1887 г., № 9). Н. С. Мартыновъ, по отзыву И. А. Арсеньева, о поэтическомъ геніи Лермонтова надлежащаго понятія не имѣлъ, относился къ нему презрительно и судилъ о немъ свысока («Нива», 1885 г., № 27). П. А. Плетневъ писалъ въ 1845 году: «О Лермонтовѣ я не хочу говорить потому, что и безъ меня говорятъ о немъ гораздо болѣе, нежели онъ того стоитъ. Это былъ послѣ Байрона и Пушкина фокусникъ, который гримасами своими умѣлъ толпѣ напомнить своихъ предшественниковъ. Въ толпѣ стоялъ Краевскій. Онъ раскричался въ «Отечественныхъ Запискахъ», что вотъ что-то новѣе и слѣдовательно лучше Байрона и Пушкина. Толпа и пошла за нимъ взвизгивать то же. Не буду же я пока противорѣчить этой ватагѣ, ни вторить ей. Придетъ время, и о Лермонтовѣ забудутъ, какъ забыли о Полежаевѣ». («Русскій Архивъ», 1877 г., № 12). Эмилія Шанъ-Гирей, сознавая П. А. Висковатову, что находившіяся у ней рисунки и наброски Лермонтова были изорваны дѣтьми, говорила: «если бы тогда мы смотрѣли на Михаила Юрьевича, какъ теперь, то этого бы не было. Онъ для насъ былъ молодымъ человѣкомъ, какъ всѣ» (Биографія поэта, стр. 429). Вотъ какъ смотрѣли на поэта и цѣнили его современники!

¹⁾ Статьѣ г-жи Гоммеръ-де-Гелль «Владиміровка на Кумѣ», напечатанная въ «Journal d'Odessa» 26 апрѣля 1840 года, въ № 34.

²⁾ Н. А. Реброва вышла впоследствии замужъ за жандармскаго генерала Юрьева.

ѣздѣ ея въ августѣ 1840 года въ Пятигорскѣ на воды, было освѣдомиться о Ребровой и Лермонтовѣ, но ихъ, къ сожалѣнію, въ городѣ не оказалось: они только что уѣхали въ Кисловодскѣ. Тогда находчивая французенка пишетъ къ Нинѣ Александровнѣ письмо, и та приѣзжаетъ за ней въ своемъ экипажѣ и увозитъ ее въ Кисловодскѣ, гдѣ она останавливается въ ея домѣ и знакомится съ Лермонтовымъ.

Вотъ что писала объ этомъ впечатлительная французенка къ одной изъ своихъ подругъ во Францію¹⁾.

а) Въ письмѣ изъ Пятигорска отъ 14-го августа 1840 года. «Я справлялась о Ребровой²⁾. Мнѣ сказали, что она только что за нѣсколько дней уѣхала въ Кисловодскѣ съ большой компаніей. Говорятъ, что на ней женится Лермонтовъ, замѣчательный русскій литераторъ и поэтъ. Пари держатъ, что онъ на Ребровой не женится. Я вмѣшалась тутъ въ разговоръ и сказала, что я отца и дочь знаю. Дѣвчонка довольно взбалмошная и готова за всѣхъ выйти замужъ, но отецъ ея, очень богатый помѣщикъ, не отдастъ ее за литератора, лишившагося всякой карьеры...

«... За мной приѣхала дѣвица Реброва и зоветъ насъ въ Кисловодскѣ. Она очень милая дѣвушка, немножко взбалмошная, но очень красивая, съ черными глазами, ея зрачки очень расширились вслѣдствіе ея болѣзни. Можно утонуть въ нихъ. Она мнѣ созналась, что влюблена въ Лермонтова, что Лермонтовъ ее любитъ, но не хочетъ сознаться. Она все очень мила со мною, не смотря на свою любовь. Та же, какъ я ее знала во Владиміровкѣ на Кумѣ...

«... Реброва приѣхала за мной, и я спѣшу приодѣться. Ея туалетъ былъ очень шикаренъ, и я не хотѣла сдѣлать дурное впечатлѣніе на новыхъ знакомыхъ въ Кисловодскѣ. Она была одѣта въ платье *chamois, demidécollété*, въ короткихъ рукавахъ, въ черномъ кружевномъ платкѣ, который сходилъ крестъ-на-крестъ на груди и въ ботинкахъ цвѣта рисе. Я декольтировалась вполнѣ и надѣла мои бронзовые башмаки. Она мнѣ дала свой кружевной платокъ, потому что русскія дамы считаютъ неприличнымъ декольтироваться въ дорогѣ. Ея дормезъ стоитъ у подъѣзда»...

¹⁾ Переписка г-жи Гоммеръ-де-Гелль напечатана княземъ П. П. Вяземскимъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1887 года, № 9. Мы беремъ изъ нея только то, что касается М. Ю. Лермонтова.

²⁾ Одинъ изъ біографовъ поэта полагаетъ, что письма эти касаются м-ше Ребровой, дочери старшаго врача Пятигорскаго госпиталя Реброва. Но это не вѣрно. У доктора Якова Федоровича Реброва, какъ сообщила намъ вдова бывшаго его помощника, доктора Ивана Ефремовича Дроздова, Марѳа Николаевна, была дѣйствительно дочь Екатерина Яковлевна, но она жила при матери въ Москвѣ, гдѣ и вышла замужъ за Дементьева. По временамъ она съ матерью приѣзжала къ отцу, въ Пятигорскѣ, но въ лѣто 1840 года на Кавказѣ не была. Да и сама г-жа Гоммеръ-де-Гелль говоритъ, что м-ше Реброва, ея пріятельница, была дочь владѣльца Владиміровки на Кумѣ, то-есть Нина Александровна Реброва.

б) Въ письмѣ изъ Кисловодска отъ 26-го августа 1840 года.

«Пріѣхавъ въ Кисловодскъ, я должна была переодѣться: такъ мой туалетъ измялся дорогою. Мы ѣдемъ на балъ, который даетъ общество въ честь моего пріѣзда. Мы очень весело провели время. Лермонтовъ былъ блистателенъ, Реброва очень оживлена. Петербургская франтиха старалась аффишировать Лермонтова, но это ей не удавалось. Въ часъ мы пошли домой. Лермонтовъ заявилъ Ребровой, что онъ ея не любитъ и никогда не любилъ. Я ее, бѣдную, уложила спать, и она вскорѣ заснула. Было около двухъ часовъ ночи. Я только что вошла въ мою спальню... Вдругъ: тукъ-тукъ въ окно, и я вижу моего Лермонтова, который у меня просилъ позволенія скрыться отъ преслѣдующихъ его непріятелей. Я, разумѣется, открыла дверь и впустила моего героя. Онъ у меня всю ночь остался до утра. Бѣдная Реброва лежала при смерти. Я около нея ухаживала. Я принимаю только одного Лермонтова. Сплетнямъ не было конца. Онъ оставилъ въ ту же ночь свою военную фуражку съ краснымъ околышемъ у петербургской дамы. Всѣ говорить, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ ту же ночь rendez-vous съ Ребровой. Петербургская франтиха проѣзжала верхомъ мимо моихъ оконъ въ фуражкѣ Лермонтова, и Лермонтовъ ей сопутствовалъ. Меня это очень взорвало, и я его болѣе не принимала, подъ предлогомъ моихъ заботъ о несчастной дѣвушкѣ. На пятый день мой мужъ пріѣхалъ изъ Пятигорска, и я съ нимъ поѣду въ Одессу совершенно больная».

в) Въ письмѣ изъ Кисловодска, отъ 30-го того же августа.

«... Изъ Одессы я ѣду въ Крымъ, куда меня зовутъ Нарышкины... Я правды такъ и не добила. Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такова его система. Всѣ знакомые, имѣвшіе съ нимъ сношенія, говоря съ его словъ, рассказывали все разное. Обо мнѣ онъ ни полслова не говорилъ. Я была тронута и ему написала очень любезное письмо, чтобы благодарить его за стихотвореніе, которое для русскаго очень не дурно. Я обѣщала ему доставить въ Ялтѣ мои стихи, которые у меня бродятъ въ головѣ, съ условіемъ, однако, что онъ за ними пріѣдетъ въ Ялту»...

Вотъ канва романа. Бойкая французенка сумѣла одурачить «взбалмошную дѣвушку» и похитить у нея свое «золотое руно». Нужно ли говорить, что ея письма болѣе чѣмъ откровенны, но въ нихъ нужно отличать то, о чемъ говорится, какъ о фактѣ, отъ того, что записано со словъ другихъ. Извѣстная своимъ роковымъ вмѣшательствомъ въ послѣдніе дни жизни Михаила Юрьевича Э. А. Шанъ-Гирей, прочитавъ появившуюся въ печати переписку г-жи Гоммеръ-де-Гелль, поспѣшила заявить¹⁾, что все написанное ею по поводу дѣвицы Ребровой есть чистѣйшая выдумка, такъ

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1887 года, № 11, стр. 437.

какъ Н. Я. Реброва, которую она знала лично, всегда слыла за самую благоразумную, весьма скромную и солидную особу. При этомъ, въ видѣ доказательства, что Лермонтовъ не могъ быть на балѣ и танцовать съ дамами, говорить: «вспомнила я и балъ въ Кисловодскѣ 22-го августа (въ день коронаціи). Офицеры должны были быть въ мундирахъ. А такъ какъ молодежь, отпускаемая изъ экспедицій на самое короткое время отдохнуть на воды, мундировъ не имѣла, то и участвовать на парадномъ балѣ не могла. Поэтому молодежь, и въ томъ числѣ Лермонтовъ, стояли на балконѣ у окна, стараясь установить свои головы такъ, чтобы вышла пирамида. А какъ Лермонтовъ по росту былъ ниже всей компаніи, то голова его приплась въ первомъ ряду совѣмъ на подоконникѣ, и его большіе выразительные глаза выглядывали такъ насмѣшливо. Это всѣхъ очень забавляло, и знакомые подходили къ нимъ разговаривать»¹⁾. Прежде всего необходимо замѣтить, что женщины, платя дань капризамъ сердца, для свѣта остаются благоразумными, весьма скромными и солидными особами, чему можетъ служить примѣромъ сама г-жа Шанъ-Гирей. Но, независимо отъ этого, ничего предосудительнаго или неправдоподобнаго о Нинѣ Александровнѣ m-ше Адель и не писала. Если въ письмахъ ея говорится, что дѣвица Реброва была влюблена въ Михаила Юрьевича, что Лермонтовъ ее любитъ, но не хочетъ сознаться, то это сказано съ ея словъ, когда авторъ писемъ еще не видѣлъ Лермонтова. Далѣе говорится, что Лермонтовъ послѣ бала заявилъ Нинѣ Александровнѣ, что онъ ея не любитъ и никогда не любилъ, вслѣдствіе чего она заболѣла. Но вѣдь это должны быть факты, писать объ этомъ что нибудь ложное не было никакой надобности, такъ какъ письма писались интимныя для подруги и увидѣли свѣтъ Божій въ печати по прошествіи 46-ти лѣтъ послѣ совершившихся событій, совершенно слу-

¹⁾ П. А. Висковатовъ, въ біографіи Лермонтова (стр. 353), пишетъ: «не могу не указать на одно показаніе г-жи Шанъ-Гирей, кажущееся мнѣ противорѣчивымъ. Въ «Новомъ Времени» 5-го сентября 1881 года и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» того же года, т. VI, стр. 449, Эмилія Александровна утверждаетъ, что Лермонтовъ познакомился съ нею въ маѣ 1841 года, а въ «Русскомъ Архивѣ», 1887 года, № 11, стр. 437, защищая г-жу Реброву отъ разсказа г-жи Гоммеръ де Гелль, утверждаетъ, что помнить балъ въ Кисловодскѣ, данный 22-го августа 1840 г., и какъ Лермонтовъ стоялъ въ окнѣ съ другими офицерами. Если въ 1840 г. Эмилія Александровна знала Лермонтова по виду, то почему же онъ не могъ ее знать и выставить въ своемъ романѣ?». Г. Висковатову ужасно хочется видѣть въ лицѣ г-жи Шанъ-Гирей прототипъ княжны Мери, но это совершенно наивное предположеніе. Г-жа Шанъ-Гирей могла знать въ лицо Михаила Юрьевича въ 1840 году, какъ поэтѣ или офицера, выписаннаго изъ гвардіи за дуэль, но не быть съ нимъ знакомой лично. Познакомился съ нею поэтъ лично только въ послѣдній прїездъ свой на Кавказъ въ 1841 году, а если и встрѣчалъ ее въ сезонъ 1840 года въ Кисловодскѣ, то никакъ не могъ уже рисовать съ нея княжны Мери потому, что романъ «Герой нашего времени», какъ выше сказано въ примѣчаніи, отпечатанъ еще въ началѣ 1840 года.

чайно. Что же касается фразы, что Лермонтовъ имѣлъ rendez-vous съ Ребровой, то она передана, какъ слухъ; въ письмѣ ясно написано: «сплетнямъ не было конца», и говорилось то-то... Г-жа Шанъ-Гирей присвоила себѣ право,—на какомъ, впрочемъ, основаніи, не извѣстно,—опровергать, или истолковывать посвоему все, что появлялось въ печати о пребываніи Лермонтова на кавказскихъ водахъ, и злоупотребляла этимъ правомъ. Въ данномъ случаѣ, какъ доказательство своего опроверженія, она привела то обстоятельство, что молодежь, по неимѣнію мундировъ, не могла быть на балу 22-го августа. Но приведенное доказательство не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ г-жа Гоммеръ-де-Гелль пишетъ не объ официальномъ балѣ въ день коронаціи, а о балѣ, который «дало общество въ честь ея приѣзда», гдѣ «Лермонтовъ былъ блистателенъ», а «Реброва очень оживлена». Балъ этотъ, очевидно, былъ данъ на другой или на третій день послѣ официального бала нетанцовавшей на немъ молодежи, поспѣшившей, въ отплату за это, повеселиться на славу въ честь приѣхавшей красивой и обаятельной французенки, такъ какъ письмо ея объ этомъ помѣчено 26-мъ числомъ августа. Можетъ быть, г-жа Шанъ-Гирей и не знала объ этомъ послѣднемъ балѣ, она жила въ Пятигорскѣ и, вѣроятно, приѣзжала въ Кисловодскъ только на официальный балъ 22-го августа, или же память ей измѣнила, и она, спустя 46 лѣтъ послѣ событія, вспомнила только объ официальномъ балѣ. Во всякомъ случаѣ, балъ въ честь французенки не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ сближеніе Михаила Юрьевича съ м-ме Адель состоялось въ ночь послѣ бала и завершилось его поѣздкой въ Крымъ для дальнѣйшихъ ухаживаній за интересной иностранкой.

Письма ея проливаютъ намъ нѣкоторый свѣтъ на жизнь поэта на кавказскихъ водахъ въ сезонъ 1840 года, о чемъ въ его біографіяхъ ничего не говорится, да и другихъ источниковъ почти совсѣмъ нѣтъ, кромѣ трехъ писемъ самого поэта¹⁾, въ которыхъ также объ этой жизни ничего не говорится. Увлечшись очаровательной французенкой, Лермонтовъ отвернулся отъ Н. А. Ребровой, но, не желая въ то же время, чтобы его «случайный выпадъ счастья попалъ на зубки водяныхъ вѣстовщиковъ и пересмѣшниковъ», онъ предался усиленному ухаживанію и развлеченіямъ съ другими, приѣхавшими на воды, дамами. М-ме Адель пишетъ, что она принимаетъ только одного Лермонтова. Но увидя, что онъ увивается вокругъ какой-то петербургской львицы, развѣзжавшей въ его фуражкѣ, и сопутствуетъ ей въ поѣздкахъ, рассердилась и, подъ предлогомъ заботъ о здоровьѣ Нины Александровны, не хотѣла принимать его. Но сердце, видно, не камень. Послѣдовали новыя встрѣчи

¹⁾ Помѣщенныхъ въ Собраніи сочиненій поэта, изданіе Рихтера, 1891 года, т. V, стр. 423—431.

и объясненія, влюбленная женщина удовлетворилась ими, но по свойственной всѣмъ ревнивицамъ логикѣ бросила поэту упрекъ во лжи. «Я правды такъ и не добились,—пишетъ она въ письмѣ:—Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такова его система». Обыкновенная исторія всѣхъ женскихъ увлеченій со временъ Еввы до нашихъ дней. Но не такъ взглянулъ на это почтенный біографъ поэта П. А. Висковатовъ. Выдѣливъ изъ письма м-ше Адель и приведя одни эти слова, безъ надлежащихъ объясненій¹⁾, онъ придалъ имъ совершенно иное значеніе и обрисовалъ поэта, какъ обманщика и лгуна. Въ дѣйствительности же ничего подобнаго нѣтъ. Изливъ свою досаду, г-жа Гоммеръ-де-Гелль тутъ же сознается въ несправедливости высказаннаго ею упрека. Болѣе всего она боялась распространенія молвы объ ея отношеніяхъ къ поэту, но убѣдившись, что Лермонтовъ нигдѣ ничего не говорилъ о ней, была этимъ тронута и написала ему очень любезное письмо, которое примирило ихъ и вновь сблизило. Изъ письма отъ 30-го августа видно, что м-ше Адель благодарила Михаила Юрьевича за присланное ей стихотвореніе, которое, по ея мнѣнію, было «для русскаго совѣмъ не дурно». Въ отвѣтъ на это она обѣщала ему доставить въ Ялтѣ свои стихи, которые, какъ она выразилась, «бродили у ней въ головѣ», но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ за ними самъ пріѣхалъ въ Ялту. Это письмо положительно удостовѣряетъ, что поѣздка поэта въ Ялту въ концѣ октября того же года была совершена Михаиломъ Юрьевичемъ по сдѣланному имъ съ г-жей Гоммеръ-де-Гелль уговору въ Кисловодскѣ, а не была дѣломъ простой случайной встрѣчи, какъ заявилъ П. А. Висковатовъ въ біографіи поэта, удивляясь его неожиданному появленію на южномъ берегу Крыма²⁾. Оно удостовѣряетъ также, что къ примиренію поэта съ г-жей Гоммеръ-де-Гелль и ея приглашенію его для новаго свиданія въ Крымъ послужили написанные ей Лермонтовымъ стихи. Они не дошли до насъ. М-ше Адель не привела ихъ въ подлинникѣ, какъ сдѣлала впоследствии съ стихотвореніемъ, написаннымъ ей Михаиломъ Юрьевичемъ въ Мисхорѣ 28-го октября, и въ бумагахъ поэта ихъ послѣ смерти его не оказалось. Очевидно, они были написаны прямо набѣло, какъ написано прямо набѣло и стихотвореніе въ Мисхорѣ 28-го октября, черновой котораго въ бумагахъ поэта также не найдено. Обстоятельство это, вѣроятно, и подало поводъ П. А. Висковатову предполагать, что это одно и то же стихотвореніе, чего никакъ нельзя допустить, такъ какъ въ письмѣ г-жи Гоммеръ-де-Гелль отъ 30-го августа положительно говорится о присылкѣ стиховъ въ Кисловодскъ, за отвѣтомъ на которые она обязала его пріѣхать въ Крымъ. Возврѣнія г. Висковатова вообще

¹⁾ Біографія поэта, стр. 352.

²⁾ Тамъ же, стр. 353 и 356.

отличаются непростительной поверхностностью и легкомыслиемъ выводовъ. Онъ игнорируетъ даже написанное въ Мисхорѣ 28-го октября стихотвореніе, находя его «наброскомъ, недостаточно отдѣланнымъ и циничнымъ, навѣяннѣмъ случаемъ никакъ не возвышеннаго характера»¹⁾, и противопоставляетъ ему «вновь отдѣланное», найденное записаннымъ въ тетрадь, подаренную Лермонтову княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ передъ послѣднимъ отъѣздомъ поэта изъ Петербурга на Кавказъ въ 1841 году. Въ своемъ мѣстѣ мы не преминемъ указать на неосновательность подобныхъ опредѣленій почтеннаго біографа поэта, а пока будемъ продолжать обзоръ событій, случившихся осенью того же года въ Крыму.

Вотъ что писала о нихъ г-жа Гоммеръ-де-Гелль къ своей пріятельницѣ во Францію.

а) Въ письмѣ изъ Ялты отъ 29-го октября 1840 года.

«Оставивъ позади насъ Алупку, Мисхоръ, Коренсъ и Оріанду, мы позабыли скоро всѣ волшебные замки, воздвигнутые тщеславіемъ, и вполнѣ предалися чарующей насъ природѣ. Я ѣхала съ Лермонтовымъ, по смерти Пушкина величайшимъ поэтомъ Россіи. Я такъ увлеклась порывами его краснорѣчія, что мы отстали отъ нашей кавалькады. Проливной дождикъ настигъ насъ въ прекрасной роцѣ, называемой потатарски Кучукъ-Лампадъ. Мы пріютились въ билліардномъ павильонѣ, принадлежащемъ, повидимому, генералу Бороздину, къ которому мы ѣхали. Кіоскъ стоялъ одинокъ и пустъ, дорога къ нему заросла травой. Мы нашли билліардъ съ лузами, отыскиали шары и выбрали кіи. Я весьма порядочно играю въ русскую партію. Затаившись въ павильонѣ и желая окончить затѣянную нами игру, мы спокойно смотрѣли, какъ насъ искали по роцѣ. Я, подойдя къ окну, замѣтила бѣгавшаго по всѣмъ направленіямъ Теть-Бу-де-Мариньи²⁾ подъ прикрытіемъ своего рифлара. Окончивъ преспокойно партію, когда люди стали приближаться къ павильону, Лермонтовъ вдругъ воскликнулъ: «Они насъ захватятъ! ай, ай, вашъ мужъ! Скройтесь живо подъ билліардомъ!» и выпрыгнулъ въ окно, въ виду собравшихся людей, сѣлъ на лошадь и ускакалъ изъ лѣсу. На меня нашель столбнякъ, я ровно ничего не понимала. Мнѣ и въ умъ не приходило, что это была импровизированная сцена изъ водевиля. Я очень была рада, что тутъ вошелъ столько же встревоженный, сколько промокнувшій Теть-Бу-де-Мариньи и увидалъ меня держащую кій въ рукахъ и ничего не понимающую. Онъ мнѣ объяснилъ это взбалмошнымъ характеромъ Лермонтова. Г. Гоммеръ-де-Гелль спокойно сказалъ,

¹⁾ «Русская Старина», 1887 года, кн. 12, стр. 735.

²⁾ Французскій генеральный консулъ и писатель. Изъ его сочиненій и трудовъ извѣстны: 1) Портуланъ Чернаго и Азовскаго морей; 2) Планы, порты и рейды этихъ морей; 3) Гидрографія тѣхъ же морей; 4) Атласъ этихъ же морей, и 5) Путешествіе къ черкесамъ.

что monsieur de Lermontove, очевидно, школьникъ, но величайшій поэтъ, какихъ въ Россіи еще не бывало. Богъ знаетъ, что они могли бы подумать! Мужъ мой имѣлъ невозмутимое довѣріе ко мнѣ. Я поспѣшно отправилась къ владѣльцу Кучукъ-Лампада, Бороздину, гдѣ веселая компанія насъ ожидала и съ громкимъ смѣхомъ привѣтствовала глупую шутку Лермонтова...

«... Я потребовала отъ Теть-Бу-де-Мариньи, чтобы онъ пригласилъ Лермонтова ѣхать съ нами на его яхтѣ. Лермонтовъ по секрету говорилъ, что онъ торопится въ Анапу, гдѣ снаряжается экспедиція. «Онъ не прочь и въ Анапу, но только вмѣстѣ со мною», — сказала я Теть-Бу-де-Мариньи. Онъ тутъ не на шутку разсердился... и уѣхалъ, не простившись ни съ кѣмъ, а на другой день снялся съ якоря и отправился на Кавказъ стрѣляться съ Лермонтовымъ...

«... Между тѣмъ Лермонтовъ явился въ Ялтѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ былъ у меня, пока г. де-Гель ходилъ уговаривать Теть-Бу остаться съ нами еще нѣсколько дней. Мы даже дали другъ другу слово предпринять на его яхтѣ «Юлія» поѣздку на кавказскій берегъ къ немирнымъ черкесамъ. Я на Лермонтова во все не сердилась и очень хорошо понимала его характеръ: онъ свои фарсы дѣлалъ безъ злобы. Съ нимъ какъ-то весело живетъся. Я всегда любила то, чего не ожидаешь. Но я была взбѣшена на г. де-Гелль и особенно на Теть-Бу. Г. де-Гелль слишкомъ вошелъ въ свою роль мужа. Оно просто смѣшно. Вотъ ужъ второй годъ, какъ я дурачу Теть-Бу и собираюсь его мистифицировать на третій. Ужъ онъ у меня засвищетъ соловьемъ; ужъ заплатится онъ мнѣ, и не за себя одного! Лермонтовъ меня увѣряетъ очень серьезно, что только три свиданія съ обожаемою женщиною цѣнны: первое — для самого себя, второе — для удовлетворенія любимой женщины, а третье — для свѣта. «Чтобы разгласили, не правда ли?» — сказала я и отъ всей души разсмѣялась; но, не желая съ нимъ встрѣтиться въ третій разъ, я его попросила дать мнѣ свой автографъ на прощаніе. «Да я уже съ вами вижусь въ шестой разъ. Фатальный срокъ миновалъ. Я вашъ навсегда»...

«... А Теть-Бу, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ отправится на своей яхтѣ въ погоню за Лермонтовымъ. Вотъ комедія! Мнѣ жаль Лермонтова: онъ дурно кончить. Онъ не для Россіи рожденъ. Его предокъ вышелъ изъ свободной Англій со своей дружиною при дѣдѣ Петра Великаго. А Лермонтовъ великій поэтъ. Онъ описалъ наше первое свиданіе очень мелодичными стихами... Хотя ты мало цѣнишь стихотворенія, я все же тебѣ его перепишу.

A Madame Hommaire de Helle.

Près d'un bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant,
Tout dénudé par les vents d'autan,
Je m'assois, fatigué, sur la route.

Attentif, —longuement, —j'écoute
La grande voix du silence.

De loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement,
Son tiède parfum distillant.
Elle vient à moi en courant;
Puis disparaît subitement,
Et se perd dans la nuit sombre.

C'est la poussière qui poudroie,
Un tas de feuilles qui tourne;
La chaude bouffée qu'exhalait
Le vent parfumé de la nuit,
En s'avancant à petit bruit,
Un serpent glissait sur les galets.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse.
Las d'attendre, je m'endors soudain.
Tout-à-coup tremblant je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Son pied effleurait le mien ¹⁾.

¹⁾ Въ собраніи сочиненій поэта, составленномъ П. А. Висковатовымъ, т. I, стр. 378, стихотвореніе это помѣщено въ примѣчаніяхъ и даже безъ подстрочнаго перевода, что въ отношеніи другихъ стихотвореній на иностранныхъ языкахъ неукоснительно исполнялось. Поэтому прилагаемъ сдѣланный нами переводъ, для восполненія пробѣла, въ стихотворной формѣ.

Г-жѣ Гоммеръ де Гелль.

У склона дороги, къ березкѣ опалой,
Согбенной въ порѣ увяданья,
Съ надеждой на встрѣчу, сажусь я, усталый,
Подъ жгучія вѣтра лобзанья,
И внемлю, любуясь зарей блѣдною,
Могучимъ глаголамъ молчанья.

Смотрю, въ отдаленіи какъ будто мелькнула
Тѣнь женщины милой неожиданно,
Подходить, склонилась, о счастья шепнула,
О страсти и нѣгѣ желанной,
Тепломъ, ароматомъ на душу пахнула
И скрылася въ дымкѣ туманной.

Степь дремлетъ, лишь вѣтеръ, съ утесистой кручи
Срываясь, въ долину рѣвится,
Взвивается пыль надъ дорогою тучей
И клубомъ листь палый кружится,
Да въ рытвинѣ змѣйка подъ травкой пахучей
Безшумно скользнуть и таятся.

Печальный и грустный, объятый тоскою,
Заснулъ я въ травѣ сиротливо,
Вдругъ слышу какъ будто шаги за собою,—
Я вздрогнулъ, проснулся, — о, диво!
Склоняется робко она надо мною,
Чуть ножкой касаясь стыдливо.

«Не правда ли, стихи очень звучны? Они такъ и льются въ душу. Я ихъ ставлю выше стиховъ, которые мнѣ посвятилъ Альфредъ Мюссе...

«...Лермонтовъ сидитъ у меня въ комнатѣ, въ Мисхорѣ, принадлежащемъ Ольгѣ Нарышкиной, и поправляетъ свои стихи. Я ему сказала, что онъ въ нихъ долженъ упомянуть мѣста, сдѣланныя намъ дорогими. Я между тѣмъ пишу мое письмо къ тебѣ. Какъ я къ нему привязалась! Мы такъ могли быть счастливы вмѣстѣ! Не подумай чего дурного, у тебя на этотъ счетъ большой запасъ воображенія. Между нами все чисто. Мы оба поэты. Я сговорилась идти гулять въ Симеизъ и застала его спящимъ непробуднымъ сномъ подъ березой. Вотъ вся канва, по которой онъ вышивалъ. Мы полюбили другъ друга въ Пятигорскѣ. Онъ меня очень мучилъ... Онъ сблизился со мною за четыре дня до моего отъѣзда изъ Кисловодска и бросилъ меня изъ-за старой рыжей франтихи, которая до смерти всѣмъ въ Петербургѣ надоѣла и пріѣхала попробовать счастья на кавказскихъ водахъ. Они меня измучили, и я выѣхала изъ Кисловодска совсѣмъ больная. Теперь я счастлива, но не надолго. Я ему передала на другой день мое стихотвореніе «Соловей».

Bulbul, à Lermontove.

Le souffle d'un amant a glissé dans ta voix,
Oiseaux mystérieux, qui chantes dans les bois.
Tu sais tout emprunter à son delire extrême.
Larmes, désirs confus, soupir qui dit: je t'aime...
Tes accents sont l'écho des vagues voluptés,
Qu'il entrevoit au fond de ses anxiétés.
En accords douloureux tu redis ses tristesses,
En notes de plaisir, ses ardentes tendresses.
L'amour t'a rélévé ses secrets les plus doux,
Et devant toi, Bulbul, tout poète est jaloux ¹⁾.

¹⁾ Стихотвореніе это напечатано г-жей Гоммеръ де Гедль полностью въ «Journal d'Odessa», 31-го декабря 1840 г., въ № 104; вотъ въ какомъ видѣ оно появилось въ печати.

Le Rossignol,

à L e.

Le souffle d'un amant a glissé dans ta voix,
Oiseaux mystérieux, qui chantes dans les bois;
Tu sais tout emprunter à son délire extrême,
Larmes, désirs confus, soupir qui dit: je t'aime...
Tes accens sont l'écho des vagues voluptés
Qu' il entrevoit au fond de ses anxiétés:
En accords douloureux tu redis ses tristesses,
En notes de plaisir ses ardentes tendresses:
L'amour t'a rélévé ses secrets les plus doux,
Et devant toi, Bulbul, tout poete est jaloux.
Hélas! en t'écoutant, il sent sont impuissance;

«Не даромъ я его назвала Bulbul, что означаетъ потатарски соловья. Это новое свѣтило, которое возвысится и далеко взойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи. Его выслали за дуэль съ Ба-

Il voudrait résister à ta douce influence;
 Il sent que la nature a placé dans ton chant
 Ce charme qu'a sa lyre il demande souvent,
 Sans pouvoir obtenir de ses cordes rebelles
 Ce souffle d'harmonie où tu baignes tes ailes!
 Mais aussi dans ta voix quelle molle langeur!
 Quels sons remplis d'espoir, de regrets ou d'ardeur!
 Que de soupirs voiles! que de mélancholie!
 Comme tous tes accordes sont pleins de mélodie!
 Comme on aime rêver en t'écoutant chanter!
 Comme tous nos bonheurs reviennent nous charmer!
 Comme tous ces rayons qui doraient notre vie
 De mille espoirs perdus, de tant de poésie,
 Font encor resplendir au fond de notre coeur,
 Tel qu' un riche joyau, l'image du bonheur!
 Oui, Bulbul, à ta voix, cette image secrète
 Si souvent effacés au vent de la tempête,
 Revient encor flotter devant nos yeux surpris,
 Et d'un nouvel espoir relever nos esprits!

Dis-moi donc où tu prends tes divines romances,
 Tes rapides accords, tes suaves cadences,
 Tes repos prolongés si pleins de volupté,
 Ton rythme où se confond la force et la beauté?
 Tes plaintes, tes douleurs, tes plaisirs, tes folies,
 Qui vibrent dans ta voix en tant de mélodies?
 Dis-moi qui t'a donné ce secret enchanteur
 Qui te rend en tout temps l'écho de notre coeur?
 Réponds-moi, rossignol; où puises-tu cette âme
 Qui te révèle, hélas! tout ce que je réclame,
 Tout ce que je demande au Dieu qui mit en moi
 L'instinct de l'harmonie, et l'amour, et la foi.
 Sans m'accorder ce don que tout poète envie
 De verser dans ses vers et son âme et sa vie!
 Hélas! combien de fois, tes ravissans accordes
 Ont fait naître dans moi de doux et longs transports!
 Combien de fois, la nuit, mon âme caressée
 A-t-elle dans tes chants retrouvé sa pensée!
 Alors autour de moi l'air devenait plus doux;
 Le ciel s'illuminait des mille astres jaloux;
 Les senteurs des forêts étaient plus enivrantes;
 Le lac plus parsemé d'étoiles seintillantes;
 Tout les bruits de la nuit devenaient moins distincts
 Pour laisser dans l'espace errer tes chants divins!
 Oui, Bulbul, oui, c'est toi, c'est ta douce magie
 Qui dans mon coeur troublé versa la poésie,
 Qui fit éclore en moi l'ange mélodieux
 Dont la voix est si pure et le front si joyeux!
 Oh! merci, mon poète! à toi tout ce que l'âme

рантомъ... Лермонтовъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ княгиней П(ербатовой), а дуэль вышла изъ-за сплетни, переданной г-жѣ Бахарахъ»... ¹⁾.

Dans ses secrets replis peut renfermer de flamme!
 A toi l'attrait si doux des lointains souvenirs
 Et les rêves de gloire où tendent mes desirs!
 A toi tout ce qui sort de ma lyre ignorée,
 Tout ce qui peut flatter ma jeunesse enivrée,
 Tout ce que ma pensée a d'éclat, de fraîcheur;
 Tout ce que l'harmonie éveille dans mon coeur!

(Переводъ. Соловей. Л.. у. Шепотъ влюбленнаго звучитъ въ твоихъ пѣсняхъ, очаровательный пѣвецъ лѣсовъ, ты изливаешь въ нихъ все, что таится въ увлеченіи страсти: слезы, неясныя желанія, вздохъ, говорящій: люблю тебя! Въ звукахъ твоихъ пѣсенъ—эхо волнъ желанныхъ наслажденій, предвосхищенныхъ съ тоской. Грустными аккордами ты передаешь его печали и веселыми нотами—горячія чувства. Любовь посвятила тебя въ свои тайны, и каждый поэтъ тебѣ, соловей, завидуетъ. Слушая тебя, онъ сознаетъ, увы! свое безсиліе, онъ не можетъ противостать твоему обаянію, онъ сознаетъ въ твоемъ пѣніи ту прелесть, которую желалъ бы исторгнуть изъ своей лиры, не имѣя возможности извлечь изъ мятежныхъ струнъ ея той чудной гармоніи, которой ты, рѣя, касаешься своими крылами. Въ твоемъ пѣніи такъ много пѣжной томности, оно полно надеждъ, печали, страсти, скрытыхъ вздоховъ и задумчивости. Всѣ аккорды его мелодичны и пѣвнителины. Слушая твое пѣніе, пріятно мечтать: радости прежнихъ дней вновь возстаютъ въ лучахъ, золотившихъ нашу жизнь, и вновь насъ радуютъ и восхищаютъ тысячами потерянныхъ надеждъ, и вновь наполняютъ глубину нашего сердца поэзіей, этой безцѣнной драгоценностью и ореоломъ счастья! Ореолъ этотъ, унесенный вихрями бурь, съ твоей пѣснью, соловей, опять возстаетъ передъ нашими изумленными очами и пробуждаетъ въ душѣ новыя надежды!.. Скажи мнѣ: откуда почерпаешь ты тѣ божественныя строфы, тѣ чудные аккорды, тотъ ласкающій слухъ размиръ, тѣ изумительныя паузы, полныя нѣги, тотъ ритмъ, въ которомъ совмѣщается и сила, и красота, тѣ радости, жалобы, печали и страсть, которыми дышатъ твои мелодіи? Скажи, кто сообщилъ тебѣ непостижимую тайну, посредствомъ которой ты становишься эхомъ нашего сердца? Повѣдай мнѣ, соловей, какъ ты могъ узнать, увы! мои сокровенныя мысли и все то, о чемъ я только молю и прошу Бога, давшаго мнѣ инстинктъ гармоніи любви и вѣры и надѣлявшаго меня даромъ изливать въ стихахъ свою душу и жизнь? Какъ часто, увы! твои восхитительныя мелодіи увлекали меня. Какъ часто въ ночное время, ласкаемая твоей дивной пѣснью, я слышала въ ней отголосокъ моихъ чувствъ! и, казалось, тогда воздухъ вокругъ становился упительнѣй, небо вспыхивало тысячами ревнивыхъ и завистливыхъ свѣтилъ, лѣса дышали ароматичнѣй, надъ озеромъ горѣло больше звѣздъ и тишина ночи ниспадала на землю, для того, чтобы твои божественныя пѣсни звучнѣй раздавались въ поднебесьи! Да, это ты, соловей, твои упоительныя чары исполнили поэзіей мое взволнованное сердце, онѣ пробудили во мнѣ гений мелодій, голось котораго такъ чисто и чело такъ радостно!.. О, благодарю тебя, мой поэтъ, тебѣ я обязана огнемъ, который наполняетъ тайники моей души, ты воспламенилъ въ ней живую прелесть давнихъ воспоминаній и мечты о славѣ, къ которой стремятся всѣ мои желанія; ты пробудилъ въ ней все то, что льется со струнъ моей безвѣстной лиры, все то, что даетъ мысли свѣжесть, блескъ и гармонію, замкнутые въ сердцѣ!).

¹⁾ Супруга русскаго консула въ Гамбургѣ, урожденная Струве.

в) Въ письмѣ со шкуны «Юлія» 5-го ноября 1840 года.

«...Теть-Бу доставилъ насъ на своей яхтѣ «Юлія» въ Балаклаву... Онъ помѣстилъ меня въ Мисхорѣ, на дачѣ Нарышкиной. Но на сушѣ, какъ ты скоро увидишь, я уже была готова увѣнчать его пламя, но пріѣхалъ Лермонтовъ и, какъ бурный потокъ, увлекъ всѣ вѣнки, которые я готовила бѣдному Теть-Бу. Это выходило изъ моихъ расчетовъ, но я была такъ счастлива! Поѣздка въ Кучукъ-Лампадъ была рѣшительнымъ кризисомъ. Я уговорила г. де-Гелль, ложась спать, чтобы онъ сходилъ на другой день посмотреть на Ялтинскомъ рейдѣ, что тамъ происходитъ. Я приказала моей дѣвушкѣ съѣздить въ ту же ночь въ моей коляскѣ, которая тутъ же стояла у подъѣзда, въ Ялту и провѣдать Лермонтова. Она вернулась къ утру и сказала мнѣ, что Лермонтовъ еще не уѣхалъ въ Петербургъ и будетъ у меня со своими объясненіями все же, что ни говори, возмутительнаго поступка въ Кучукъ-Лампадѣ. Я ожидаю его и готовлюсь простить его шалость...

«...Лермонтовъ мнѣ объяснилъ свою вчерашнюю выходку. Ему вдругъ сдѣлалось противнымъ видѣть меня, садящуюся между генераломъ Бороздинымъ и Теть-Бу-де-Мариньи. Ему стало невыносимо скучно, что я буду сидѣть за обѣдомъ вдаль отъ него. Онъ не могъ выносить приторныхъ ласокъ этого приторнаго франта временъ Реставраціи. Я сильно упрекнула его въ раздражительности, въ нетерпѣннн. «Что же мы должны дѣлать при томъ гнетѣ, который тяготѣетъ на насъ ежеминутно? Развѣ много одинъ часъ потерпѣть? Вы не великодушны». У него такое поэтическое воображеніе, что онъ все это видѣлъ въ билліардномъ павильонѣ, когда мы тамъ были вдвоемъ, и выпрыгнувъ въ окно, увидавъ своего «венеціанскаго мавра». Его объясненіе очень мило, сознайся; я его слушала и задыхалась. Онъ, вообрази себѣ, такъ ревнивъ, что становится смѣшно, если бы не было такъ жаль его...

«...Лермонтовъ торопится въ Петербургъ и ужасно боится, чтобы не узнали тамъ, что онъ заѣхалъ въ Ялту. Его карьера можетъ пострадать. Графиня В(оронцова) ему обѣщала объ этомъ въ Петербургъ не писать ни полслова. Не говори объ этомъ съ Просперомъ Барантъ: онъ сейчасъ напишетъ въ Петербургъ, и опять пойдутъ сплетни. Онъ, можетъ быть, даже вынужденъ будетъ сюда пріѣхать, потому что дуэль еще не кончена. Выстрѣлъ остался за Лермонтовымъ, онъ это сказалъ передъ судомъ и здѣсь повторяетъ во всеуслышаніе ту же пѣсню. Я это все тебѣ рассказываю, и мнѣ въ мысли только теперь пришло, что Лермонтовъ, его поэтическій талантъ, все это для тебя то же самое, что говорить тебѣ о бѣломъ волкѣ...

«...Я заходила въ Ялтѣ сказать, что мнѣ нынче не нужно лошади. Мы вернулись въ половинѣ шестаго, и мнѣ г. де-Гелль разсказалъ, какъ Теть-Бу отправился къ черкесамъ. «Это не можетъ

быть: онъ далъ мнѣ слово ѣхать съ нами вмѣстѣ». Это неожиданное извѣстіе меня смутило, и я велѣла сказать Теть-Бу, что если черезъ три дня онъ не прійдетъ со своей яхтой, мы съ нимъ навѣрное на вѣки разсоримся. Моя горничная дѣвушка вернулась изъ Ялты и мнѣ донесла, что Теть-Бу будетъ меня ожидать на рейдѣ, какъ было условлено. На четвертый день я увидѣла шкуну и простилась съ моимъ поэтомъ на станціи. Я долго оставалась въ раздумьи, пока я слышала звонъ его колокольчика, и затѣмъ поспѣшила сѣсть на катеръ, доставившій меня на яхту. Съ пушечной пальбой я встрѣчена была г. Теть-Бу-де-Мариньи, который дожидалъ меня внизу лѣстницы. Де-Гелль уже ожидалъ меня на «Юліи»...

Женскія письма вообще нужно читать не въ обыкновенномъ порядкѣ слѣва направо, поеврейски, справа налево. Тогда только можно уразумѣть суть, что женщина сказать хотѣла. Если прочитать, такимъ образомъ, письма г-жи Гоммеръ-де-Гелль и перевести ихъ на обыкновенный человѣческій языкъ, то сдѣлается вполне яснымъ, что она нашла въ Лермонтовѣ свое «золотое руно» и, боясь потерять его, сильно ревновала поэта къ другимъ бывшимъ на водахъ дамамъ. Слова ея, что «онъ ее очень мучилъ», или, что «они ее измучили», значатъ, что она сама себя безразсудно мучила, а упреки поэта во лжи есть не что иное, какъ недоумѣніе къ увѣреніямъ его, что все это дѣлается съ цѣлію огражденія ея же репутаціи. Но мы не будемъ вдаваться въ подробный разборъ подобныхъ экзальтированныхъ брѣвъ, давшихъ поводъ П. А. Висковатову сдѣлать въ біографіи поэта два-три нелестныхъ о немъ отзыва, мы скажемъ только, что Лермонтовъ былъ сильно увлеченъ г-жей Гоммеръ-де-Гелль. Стѣсненный свѣтскими отношеніями къ бывшимъ на водахъ петербургскимъ дамамъ, онъ, конечно, не могъ предаться всецѣло обворожительной француженкѣ. Но желая дать ей доказательство своей привязанности, онъ принялъ ея предложеніе пріѣхать для свиданія съ нею на южный берегъ Крыма. Возвратясь 18-го октября изъ экспедиціи въ Большую Чечню, онъ поспѣшилъ взять 14-ти дневный отпускъ и въ концѣ октября появился въ Ялтѣ. М-ме Адель, очевидно, не была увѣрена, что поэтъ исполнитъ сдѣланное обѣщаніе, и начала кокетничать съ Теть-Бу. Но Михаилъ Юрьевичъ совершенно неожиданно пріѣхалъ и, по ея сознанію, «какъ бурный потокъ, увлекъ всѣ вѣнки, которые она готовила для увѣнчанія страсти Теть-Бу». На этотъ разъ пылкая француженка была въ восторгѣ отъ своего «Потокъ-богатыря». Одно, что озадачило ее, это школьническая шалость поэта въ Кучукъ-Лампадѣ, но и она была прощена герою, примчавшемуся на свиданіе съ нею чуть не изъ-за тысячи верстъ. Объясненія, данныя поэтомъ, удовлетворили влюбленную женщину, но біографу поэта не слѣдовало бы буквально понимать и выдавать за непреложную

истину слова французенки, что «Лермонтовъ торопится въ Петербургъ и ужасно боится, чтобы не узнали тамъ, что онъ заѣзжалъ въ Ялту», и дѣлать по нимъ нелѣпыя заключенія. Очевидно, Лермонтову нужно было замаскировать передъ тамошнимъ обществомъ свой прїѣздъ въ Ялту для свиданія съ французенкой другими мотивами, и онъ сталъ говорить, что ѣдетъ въ Петербургъ, а въ Ялту завернулъ мимоѣздомъ. Доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что отпускъ ему въ Петербургъ данъ только въ началѣ 1841 года. Самое бѣгство его въ Кучукъ-Лампадѣ можно объяснить болѣе серьезнымъ значеніемъ: поэтъ, вѣроятно, пожелалъ избавиться встрѣчи съ приглашенною къ генералу Бороздину, куда ѣхала г-жа Гоммеръ-де-Гелль, княгиней Е. К. Воронцовой, супругой тогдашняго новороссійскаго генералъ-губернатора, князя М. С. Воронцова, передъ которой не совсѣмъ удобно было повторить, что онъ получилъ отпускъ и ѣдетъ въ Петербургъ. Что можно сказать, въ видѣ бравады или шутки, предмету страсти или ея друзьямъ и знакомымъ, того нельзя повторить передъ супругой властной особы. Слова эти отдаленнымъ эхомъ могли докатиться до Петербурга, и поэту пришлось бы плохо. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ, въ предвидѣніи подобной непріятности, рѣшился на неумѣстную шутку съ влюбленной женщиной.

Письма г-жи Гоммеръ-де-Гелль вполнѣ краснорѣчиво говорятъ, какъ влюбленные провели счастливые дни съ 28-го октября по 5-е ноября, и мы возвращаться къ нимъ не будемъ. Для насъ гораздо существеннѣе то, какую оцѣнку сдѣлала поэту эта проникательная и дальновидная иностранка. Не стѣсняясь слышанными ею о немъ мнѣніями лицъ, высоко стоявшихъ въ обществѣ, она приходитъ къ заключенію, что Михаилъ Юрьевичъ «замѣчательный русскій литераторъ и поэтъ», что онъ «по смерти Пушкина величайшій поэтъ Россіи»... «новое свѣтило, которое возвысится и далеко взойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи». Она говоритъ, что «ей жаль Лермонтова: онъ дурно кончитъ. Онъ не для Россіи ¹⁾ рожденъ. Его предокъ вышелъ изъ свободной Англии со своей дружиной при дѣдѣ Петра Великаго», и кончаетъ: «а Лермонтовъ великій поэтъ». Стихи его, ей посвященные, она признала мелодичными и звучными, прямо льющимися въ душу, и поставила ихъ выше стиховъ, посвященныхъ ей знаменитымъ въ то время Альфредомъ де-Мюссе.

Выше, въ примѣчаніи, приведены нами воззрѣнія и отзывы о Лермонтовѣ его друзей и лицъ, близко стоявшихъ къ нему; если сопоставить ихъ съ этою, отчасти восторженной, но безусловно вѣрной и точной оцѣнкой поэта случайно встрѣтившеюся съ нимъ иностранкой, сочувствіе общества будетъ на сторонѣ послѣдней.

¹⁾ Разумѣя тогдашнюю Россію.

Не смотря на всѣ неблагоприятныя для того времени вѣянія, она сумѣла отличить истину отъ царившей въ свѣтѣ лжи и нареканій, сумѣла понять и опредѣлить по достоинству геній поэта, предугадать его будущее значеніе, его славу и его роковую кончину. Это дѣлаетъ ей большую честь и вполне оправдываетъ то вниманіе, которое оказалъ ей Михаилъ Юрьевичъ.

По словамъ барона Е. И. фонъ-Майделя, Лермонтовъ, при свиданіи съ нимъ въ 1841 году, вспоминалъ о ней съ большой живостью и чувствомъ.

— Знаете ли, баронъ,—говорилъ онъ:—я прошлой осенью ѣздилъ къ ней въ Ялту. Я въ телѣжкѣ проскакалъ до двухъ тысячъ верстъ, чтобы нѣсколько часовъ побыть наединѣ съ нею. О, если бы вы знали, что это за женщина! Умна и обольстительна, какъ фея. Я ей написалъ французскіе стихи.—И онъ сталъ припоминать ихъ, но прочитавъ не могъ и, разсмѣявшись, сказалъ: — Ну, вотъ подите-жъ! забылъ... а стихи ей понравились, она очень хвалила ихъ.

Въ альбомѣ, подаренномъ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ М. Ю. Лермонтову, при послѣднемъ отъѣздѣ его на Кавказъ въ 1841 году, въ числѣ записанныхъ въ немъ посмертныхъ стихотвореній поэта, находится также перифразъ французскаго стихотворенія, посвященнаго г-жѣ Гоммеръ-де-Гелль.

Je l'attends dans la plaine sombre...
 Au loin je vois blanchir une ombre,
 Une ombre qui vient doucement —
 Eh non! trompeuse espérance,
 C'est un vieux bouleau qui balance
 Son tronc desséché et luisant.

Je me penche et longtemps j'écoute,
 Je crois entendre sur la route
 Le son qu'un pas léger produit.
 Non, ce n'est rien! c'est dans la mousse
 Le bruit d'une feuille que pousse
 Le vent parfumé de la nuit.

Rempli d'une amère tristesse,
 Je me couche dans l'herbe épaisse
 Et m'endors d'un sommeil profond.
 Tout-à-coup, tremblant je m'éveille:
 Sa voix me parlait à l'oreille,
 Sa bouche me baisait au front.

(Переводъ. Я жду ее въ темной долині, въ отдаленіи вижу, блѣдетъ призракъ, призракъ тихо приближается, но, нѣтъ! обманчивая надежда, то старая берега колеблетъ свой иссохшій блестящій стволъ. Я склоняюсь и долго прислушиваюсь, мнѣ дается, я слышу по дорогѣ звукъ легкаго шаговъ... Нѣтъ, не то! Это шумъ отъ листа, гонимаго ароматнымъ ночнымъ вѣтромъ. Полный горькой тоски, опускаюсь я на густую траву и засыпаю глубокимъ сномъ. Но вдругъ просыпаюсь, вздрагивая: голосъ ея шепталъ мнѣ на ухо, уста лобызали чело).

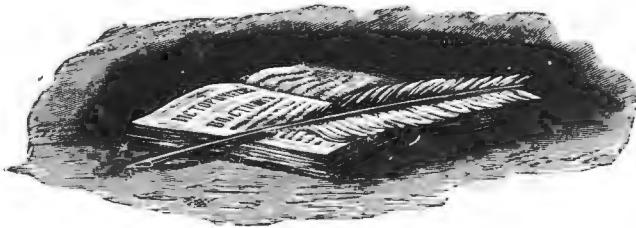
Г. Висковатовъ въ статьѣ своей «Еще о французскихъ стихахъ Лермонтова» ¹⁾ говоритъ, что это отдѣланный текстъ посланія г-жѣ де-Гелль и представляетъ его позднѣйшій вариантъ. По его мнѣнію, текстъ этотъ—произведеніе красоты, искренности и чувства, тогда какъ сообщенный г-жею де-Гелль текстъ врученнаго ей лично Лермонтовымъ посланія отзывается наброскомъ, недостаточно отдѣланнымъ, даже, пожалуй, циничнымъ, навѣяннымъ случаемъ невозвышеннаго характера. Въ подтвержденіе сказаннаго біографъ поэта ссылается на князя П. П. Вяземскаго, который будто бы видѣлъ, что Михаилъ Юрьевичъ въ зиму 1840—1841 гг. работалъ надъ этими стихами и, совладавъ съ ними и давъ имъ совершенно иной колоритъ, внесъ ихъ передъ послѣднимъ роковымъ выѣздомъ на Кавказъ въ альбомъ, подаренный ему княземъ В. Ѡ. Одоевскимъ.

О вкусахъ, конечно, не спорять, г. Висковатовъ можетъ находить одинъ текстъ посланія произведеніемъ красоты, искренности и чувства, другой—наброскомъ неотдѣланнымъ и циничнымъ: мнѣніе его въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ оно явно пристрастно въ пользу имъ отысканнаго и напечатаннаго послѣдняго, по его словамъ, «отдѣланнаго» текста. Но есть ли это дѣйствительно «отдѣланный» текстъ, еще вопросъ. Приведенная выше ссылка на князя П. П. Вяземскаго, что онъ видѣлъ, какъ Лермонтовъ работалъ надъ этимъ стихотвореніемъ и, совладавъ съ нимъ, внесъ его въ подаренный ему княземъ Одоевскимъ альбомъ,—не вполне точна. Князь Вяземскій въ статьѣ своей «Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ-де-Гелль» говоритъ, что онъ помнитъ, какъ въ зиму 1840—1841 гг. Лермонтовъ набрасывалъ свои статьи то карандашемъ, то перомъ, но относительно того, что поэтъ, совладавъ съ новымъ текстомъ посланія къ г-жѣ де-Гелль, внесъ его въ альбомъ, подаренный княземъ Одоевскимъ, ничего не упоминаетъ. Да и самые факты тому противорѣчатъ. Альбомъ Лермонтову подаренъ, какъ видно изъ собственноручной надписи князя Одоевскаго, 13-го апрѣля 1841 года, то-есть почти передъ самымъ выѣздомъ поэта на Кавказъ, и въ него ничего писаннаго въ Петербургѣ не внесено. Въ альбомѣ этомъ, какъ извѣстно, заполненномъ на Кавказѣ, такъ называемыми предсмертными стихотвореніями, значится: на 1-й страницѣ—адресъ; на 2-й—«Погодину», «Кашинцевъ», да «Кто ты такой!», на оборотѣ начато и окончено на 5-й страницѣ стихотвореніе «Пророкъ»; на 6-й—«Лилейной рукой поправляя»; на 7-й—«На буркѣ, подъ сѣнью чинары»; на 8-й—ничего не написано. 9-я и 10-я заняты стихотвореніемъ: «Мнѣ снилась разъ долина Дагестана»; на страницахъ 11-й—13-й—«Тамара» и «Они любили другъ друга»; на 14-й—«У Россіи нѣтъ про-

¹⁾ «Русская Старина», 1887 года, № 12.

шедшаго»; на 15-й—«Зеленый листокъ оторвался»; страницы 16—19 заняты стихотвореніемъ: «Ужь за горой дремучею», и только на 20-й страницѣ находится французское стихотвореніе — перифразъ посланія къ г-жѣ Адель Гоммеръ-де-Гелль. Изъ этого слѣдуетъ, что послѣднее стихотвореніе, какъ и другія, занесенныя въ альбомъ, было написано и занесено въ альбомъ на Кавказѣ лѣтомъ 1841 года. Самый текстъ этого стихотворенія, нужно думать, не составляетъ, какъ заявилъ г. Висковатовъ, отдѣланнаго текста посланія г-жѣ де-Гелль, но является скорѣе сколкомъ съ него, появившимся вслѣдствіе вышеприведенной бесѣды Михаила Юрьевича съ барономъ Е. И. фонъ-Майделемъ, когда поэту, очевидно, пришла въ голову мысль возстановить его, но въ точности онъ, на память, повторить его не могъ и поэтому записалъ въ альбомъ такъ, какъ вылилось оно подъ перомъ въ это время. Во всякомъ случаѣ, оно по силѣ и образности далеко уступаетъ первоначально написанному тексту посланія, лично переданнаго поэтомъ г-жѣ Адель Гоммеръ-де-Гелль.

Петръ Мартьяновъ.

ЮСИФЪ СЪМАШКО И ВОЗСОЕДИНЕНІЕ УНІАТОВЪ.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ году, 23-го ноября, исполнилось двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ наиболѣе видный дѣятель по возсоединенію уніатовъ, литовскій митрополитъ Юсіфъ Сѣмашко. Какъ само возсоединеніе, такъ и личности дѣятелей, принимавшихъ въ немъ участіе, въ томъ числѣ и личность Юсіфа Сѣмашки, не могутъ считаться вполнѣ выясненными, изслѣдованными. Появляются отъ времени до времени попытки характеризовать отдѣльные факты этого событія, отдѣльныхъ дѣятелей, но все это лишь попытки, характеристики самаго общаго и притомъ спорнаго характера. Къ числу такихъ попытокъ нужно отнести вышедшія надняхъ изслѣдованія Стефана Рункевича: «Исторія минской архіепископіи» и г. Кипріановича: «Жизнь Юсіфа Сѣмашки». Авторъ первой монографіи, г. Рункевичъ, собралъ массу новаго матеріала, хранившагося до сихъ поръ въ архивахъ петербургскихъ, московскихъ, кіевскихъ и многихъ другихъ, принялъ во вниманіе всю литературу предмета и такимъ образомъ далъ очень обстоятельную картину изъ исторіи уніи, къ сожалѣнію, только за время съ 1793—1832 годъ. Возсоединеніе уніатовъ съ православными въ 1839 году, событія, предшествовавшія этому факту и послѣдующія, остались такимъ образомъ неизслѣдованными. Пропускъ этотъ отчасти восполненъ авторомъ другой книги, г. Кипріановичемъ, который вмѣстѣ съ очень обстоятельной біографіей Сѣмашки сообщаетъ не мало интереснаго и для исторіи возсоединенія уніатовъ. Такимъ обра-

зомъ, два названныхъ изслѣдованія даютъ довольно определенное понятіе о судьбахъ уніи въ Польшѣ и Россіи, начиная съ XVIII вѣка, о фактѣ воссоединенія уніатовъ съ православными и о главномъ дѣятелѣ этого воссоединія—Іосифѣ Сѣмашкѣ.

«Съ тѣхъ временъ,—говоритъ Н. И. Костомаровъ,—какъ историческія судьбы повлекли русскія земли къ сближенію и, наконецъ, къ соединенію съ Польшей, выступаетъ въ нихъ наявь борьба между греческимъ и римскимъ богослуженіемъ». Борьба эта, начавшись на чисто-религіозной почвѣ, мало-по-малу принимала политическій характеръ. Въ ней приняли участіе не только богословы, не только духовныя лица, но и люди государственные, свѣтскіе, начиная съ королей и кончая послѣднимъ польскимъ магнатомъ. Политическое положеніе государства отражалось на ходѣ борьбы, обуславливало ея страстность. Вражда между двумя вѣроисповѣданіями, начавшаяся еще въ XV вѣкѣ, никогда не доходила до такой ожесточенности, какъ въ XVIII вѣкѣ, когда началась уже агонія Польскаго государства, и къ вопросамъ религіознымъ прикнули вопросы національные. Бѣшеная жажда развлеченій, глубокій развратъ, продажность, никогда не достигали въ Польшѣ такого развитія, какъ теперь. Низшіе классы населенія стонали подъ гнетомъ разнаго рода поборовъ, требовавшихся для удовлетворенія потребностей панской жизни, были экономически разорены. Крѣпостное право никогда не ложилось такимъ тяжелымъ бременемъ на крестьянъ, какъ въ это время. Разнаго рода несправедливости, обиды, были явленіемъ зауряднымъ. Нигдѣ нельзя было найти управы. Особенно страдала православная часть польскаго населенія, искавшая, время отъ времени, защиты въ единовѣрной Россіи. «Поляки,—говоритъ г. Рункевичъ,—не могли не чувствовать, что въ этомъ безповоротномъ тяготѣннй значительной части ихъ подданныхъ къ другому государству, постоянно обновляемомъ напоминаніями послѣдняго, таится неизлѣчимая рана Польскаго государства, рана, которая рано или поздно должна привести къ смертельному исходу» (стр. 6).

Поляки-латиняне не могли быть спокойны, пока въ ихъ государствѣ оставалось православіе, и для его искорененія они не останавливались ни передъ чѣмъ. Унія вводилась самымъ жестокимъ образомъ. О перевоспитаніи, о дѣйствіи путемъ убѣжденія не было и рѣчи. Задачей Польскаго государства было возможно скорѣе уничтожить православіе, и здѣсь могла имѣть значеніе только сила. Факты, впрочемъ, говорятъ лучше всего. Такъ, напримѣръ, въ 1748 году слѣдующимъ образомъ водворялась уніа въ Петриковской волости: «Помѣщикъ Гребницкій, руководимый ксендзомъ Фомою Еленскимъ, потребовалъ отъ всѣхъ православныхъ священниковъ

Петриковской волости предьявленія документовъ, на основаніи которыхъ они занимали приходы; когда же священники предьявили ставленныя грамоты, выданныя имъ отъ слущкаго архимандрита, то Гребницкій объявилъ ихъ недѣйствительными, поносилъ ругательствами православную іерархію и, въ заключеніе, объявилъ, что онъ не признаетъ ея, и что впредь священники будутъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ исключительно отъ суда экономіи. На слѣдующій же день онъ потребовалъ въ присутствіе этого суда, составленнаго изъ него самого и ксендза Еленскаго, шестидесятилѣтняго старика, приходскаго священника села Лясковичъ, о. Прохора Збытневича; обвинивъ послѣдняго голословно въ обращеніи въ православіе 20 человекъ униатовъ, не дозволивъ ему ни объясниться, ни привести свидѣтелей, не выслушавъ даже отвѣта, онъ тутъ же приговорилъ священника къ наказанію, которое должно было состоять въ слѣдующемъ: священникъ обязанъ былъ, въ замѣнъ за мнимыхъ униатовъ, отчислить изъ своего прихода 20 человекъ въ унию; затѣмъ священнику втеченіе года запрещалось исполнять требы и входить въ церковь; сверхъ того, онъ долженъ былъ 6 недѣль сидѣть въ экономической тюрьмѣ, вмѣстѣ съ заключенными въ ней за разныя преступленія евреями, и втеченіе этого времени его трижды въ день подъ стражею выводили въ костелъ, гдѣ подвергали бичеванію «дисциплинами». Приговоръ Гребницкаго былъ немедленно приведенъ въ исполненіе. Когда на другой день явилась къ нему депутація, состоявшая изъ православныхъ священниковъ и почетныхъ мѣщанъ, просить о помилованіи о. Прохора, то Гребницкій, прогнавъ ее отъ порога съ ругательствами, приказалъ переловить ея членовъ, отвести въ костелъ и подвергнуть тамъ разнымъ унизительнымъ наказаніямъ. Вслѣдъ затѣмъ Гребницкій распредѣлил жителей своего имѣнія на приходы, причемъ большее число церквей и селъ отписалъ въ унию и назвалъ въ нихъ на приходы униатскихъ священниковъ; когда крестьяне отказались ходить къ новымъ пастырямъ, то послѣдовала общая экзекуція: слуги и челядинцы изъ экономіи и костела ходили толпою по селамъ; они виновныхъ людей били и истязали безъ милосердія, и, наконецъ, всѣхъ поголовно съ женами и дѣтьми погнали въ петриковскій замокъ, гдѣ принуждали ихъ богохульствовать и плевать на свою православную вѣру. Оставшимся еще въ имѣніи православнымъ священникамъ панъ Гребницкій запретилъ принимать въ церковь крестьянъ изъ отчисленныхъ имъ въ унию селъ, или являться для исполненія требъ въ эти села подъ опасеніемъ потери здоровья и жизни. Въ села эти наѣхали униатскіе священники, которые гнали насильно крестьянъ въ церкви и заставляли ихъ присягать на унию, въ случаѣ отказа они тутъ же ихъ истязали собственноручно. Одинъ изъ нихъ, Григорій Яроц-

кій, понуждалъ къ присягѣ ударами толстой восковой свѣчи, которую онъ въ запальчивости схватилъ изъ алтаря». Въ 1737 году, одинъ изъ князей Вишневецкихъ праздновалъ свадьбу своей дочери. По предложенію хозяина, выпившіе гости сѣли на коней и во главѣ отряда гайдамаковъ сдѣлали наѣздъ на три православныхъ монастыря, разграбили ихъ, избили монаховъ и объявили ихъ обращенными въ унию. Кромѣ того, православнымъ въ Польшѣ запрещалось возобновлять старыя и строить новыя церкви. Католики всѣми силами старались лишать приходо́въ православныхъ священниковъ, замѣняя ихъ униатами. Для этого православныхъ священниковъ «лишали земли—главнаго источника ихъ скуднаго пропитанія, оставляя, такимъ образомъ, безъ куска собственнаго хлѣба и заставляя питаться подаянiемъ; отнимали послѣднее имущество, выгоняли изъ церковныхъ домовъ, подвергали побоямъ; и если, все-таки, православные священники, не смотря на это, удерживались на приходо́хъ, ихъ просто изгоняли насилiемъ. «Подобными жалобами священниковъ на притѣсненія,—говоритъ г. Рункевичъ,—положительно переполненъ кiевскій консисторскій архивъ, гдѣ сосредоточены жалобы южно-украинскаго духовенства». Жалобы эти, однако, оставались гласомъ вопiющаго въ пустынѣ, не находили никакого удовлетворенія, и православные волей не волей должны были принимать унию.

Унія, однако, не была сама по себѣ цѣлью для польскаго дворянства и католическаго духовенства. Она была лишь мостомъ для перехода въ католичество, для окончательнаго слиянiя съ нимъ. Поэтому, лишь только унія, введенная всякими правдами и неправдами, получила значительное распространеніе, поляки и особенно католическое духовенство пошло дальше. Здѣсь практиковался тотъ же прiемъ, что и раньше. Униатовъ презирали, паны и ксендзы не упускали случая унизить униатскаго священника, насмѣяться надъ нимъ. Ксендзы въ проповѣдяхъ доказывали, что унія хуже вѣры турецкой, еврейской и лютеранской, что униатское церковное гнѣніе похоже на вой собакъ, и т. д. Чтобы доказать превосходство католичества болѣе нагляднымъ способомъ, ксендзы запрещали въ день св. Пасхи звонить въ униатскихъ церквахъ въ колокола, если Пасха приходилась раньше католической, устраивать торжественныя процессіи, похороны и т. п. Священникъ, послушавшійся такого приказанія, былъ арестованъ, посаженъ вмѣсто тюрьмы въ склепъ, находившійся подъ костеломъ, и въ обществѣ покойниковъ провелъ всю ночь. Однажды нѣсколько униатскихъ священниковъ приглашено было для участія въ погребальной процессіи въ кармелитскій монастырь. Послѣ погребенія католическое духовенство приглашено было къ обѣду въ монастырскую столовую, а униатскимъ священникамъ монахи выслали закусить на конюшню. Кромѣ такихъ частныхъ мѣръ,

предпринимавшихся отдѣльными личностями для униженія униатскаго духовенства, существовали мѣры, вытекавшія изъ общаго зранѣе обдуманнаго плана. Къ числу этихъ мѣръ нужно отнести лишеніе униатскаго духовенства матеріальнаго обезпеченія и научнаго образованія. Какъ можно видѣть изъ коллективной жалобы униатскихъ священниковъ, поданной въ 1776 году и обоснованной документальными данными, базилианскій орденъ забралъ въ свои руки богатѣйшія церкви, а на долю бѣлаго униатскаго духовенства оставилъ только «тѣ церкви, изъ коихъ фундушей честный человѣкъ пропитать себя былъ бы не въ состояніи». Минская семинарія для униатскаго духовенства была уничтожена базилианами, а въ семинаріи Свѣржанской, находившейся въ вѣдѣніи ордена, по словамъ жалобы, «ни одного клирика не воспитали такъ, чтобы въ епархіи могъ быть полезнымъ, ибо употребляя оныхъ къ собственнымъ услугамъ, старались удержать ихъ въ темотѣ, дабы тѣмъ самымъ пресѣчь распространеніе просвѣщенія между бѣлымъ духовенствомъ». Помѣщики-ктиторы угрожали подвѣдомственнымъ имъ священникамъ, что, въ случаѣ не примутъ католичества, не только отнимутъ у нихъ приходы, но и лишатъ послѣдняго куска хлѣба. Если же переимѣняютъ религію, то обѣщали разнаго рода блага и помощь во всякихъ нуждахъ. Все это, конечно, не оставалось безъ результатовъ. Униаты совращались въ католицизмъ очень успѣшно. Сначала совращенія были единичными, потомъ принимали католицизмъ цѣлыя деревни, цѣлыя приходы, и въ концѣ концовъ католики завладѣвали греко-униатскими церквами и принадлежавшими послѣднимъ, нерѣдко очень значительными, фундушами.

Раздѣлы Польши и присоединеніе къ Россіи западнорусскихъ областей нисколько не улучшили положенія униатовъ. О послѣднихъ въ русскомъ обществѣ существовали самыя смутныя представленія. На нихъ смотрѣли, какъ на какую-то странную смѣсь православія съ латинствомъ, считали униатовъ скорѣе латинянами, чѣмъ православными, и потому законодательство русское скорѣе толкало униатовъ къ соединенію съ латинянами, нежели съ православными. Униатамъ какъ бы напоминалось, что они тѣсно связаны съ латинянами, имѣютъ съ ними общіе законы, постановленія. Латинская церковь имъ даже ставилась какъ будто въ образецъ. Такое же невѣдѣніе относительно униатовъ господствовало и въ первой четверти XIX вѣка. «Очевидно, — говоритъ г. Бобровскій, — что правительство того времени не давало себѣ отчета въ униатскомъ вопросѣ, не знало, что такое греко-униатское духовенство, и повидимому чистосердечно принимало греко-униатовъ за римскихъ католиковъ. Кочубей, Лопухинъ, Завадовскій, Разумовскій, Голицынъ и другіе государственные люди того времени благопріятствовали іезуитамъ и латино-польской партіи и въ ихъ интересахъ направляли всѣ дѣла въ западныхъ гу-

берніяхъ»¹⁾. Результатомъ такого отношенія къ униатамъ было то, что и сами униаты, самой судьбой сближенные съ католиками, мало-по-малу начали считать себя больше католиками, нежели православными, а догматы римской церкви болѣе правильными. Находились лица, протестовавшія противъ такого положенія, въ родѣ епископовъ Ираклія Лисовскаго, Красовскаго и др., но ихъ требованія оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Были, конечно, униатскія семьи, сознававшія свою близость къ православію, но ихъ было немного и чѣмъ дальше, тѣмъ становилось меньше. Къ числу такихъ послѣднихъ могижанъ православныхъ униатовъ нужно отнести семью Сѣмашекъ, изъ которой вышелъ извѣстный дѣятель по воссоединенію униатовъ.

Іосифъ Сѣмашко родился 25-го декабря 1798 года, въ селѣ Павловкѣ, Кіевской губерніи. Отецъ его, потомственный дворянинъ, не обладалъ особенными достатками и потому собственноручно воздѣлывалъ принадлежавшія ему 50 десятинъ земли, занимался извозомъ, нерѣдко даже самъ «чумаковалъ», то-есть ѣздилъ въ Крымъ за солью, на Донъ за рыбой и т. д. Во всѣхъ этихъ трудахъ дѣятельное участіе принималъ старшій сынъ его Іосифъ. Въ свободное отъ учебныхъ занятій время мальчикъ Іосифъ пасъ воловъ и стерегъ ихъ въ ночное время. Здѣсь онъ сближался съ крестьянскими мальчиками, отъ которыхъ учился малороссійскимъ пѣснямъ, разнаго рода разсказамъ и которымъ онъ главнымъ образомъ обязанъ своей любовью къ Украинѣ и нерасположеніемъ къ ея постояннымъ врагамъ — полякамъ. Впрочемъ, тѣ же чувства развивала въ немъ и семейная обстановка. По праздникамъ вся большая семья Сѣмашекъ собиралась вмѣстѣ и распѣвала малороссійскія пѣсни, изъ которыхъ больше всего врѣзались въ его памяти «выразительныя, унылыя, полныя преданій родной старины, чумацкія» пѣсни, часто дышавшія непримиримой ненавистью ко всему польскому. Судьба, однако, поставила его въ довольно близкія отношенія къ этому польскому, такъ какъ въ 1811 году отецъ его принялъ санъ униатскаго священника «на вакансъ», то-есть, за неимѣніемъ самостоятельнаго прихода, на время устроилъ въ католическомъ костелѣ боковой престолъ, на которомъ и служилъ, пока ксендзы его оттуда не устранили. Не смотря на это, мальчикъ Сѣмашко посѣщалъ православную церковь, даже читалъ и пѣлъ на клиросѣ. Такимъ образомъ, уже въ дѣтствѣ онъ обнаружилъ ту склонность къ православію, тѣ симпатіи къ русской народности, искренность которыхъ признаютъ въ немъ даже люди, несочувственно къ нему относящіеся²⁾.

¹⁾ Бобровскій, П. О. Русская греко-униатская церковь въ царствованіе императора Александра I, Спб., 1890 г. Акты, изданные Виленской арх. комиссіей, т. XVI.

²⁾ E. Likowski, Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku, Poznań, 1880, стр. 278.

Способный отъ природы мальчикъ, получившій первоначальное образованіе подъ руководствомъ своего отца, окончившаго гимназію, и дьячка Бочковского, учившагося нѣкогда въ іезуитской школѣ, онъ въ 1809 году поступилъ въ Немировскую гимназію, которая, находясь въ завѣдываніи Ѳаддея Чацкого, по своему характеру была чисто польскимъ учебнымъ заведеніемъ. Преподаваніе шло на польскомъ языкѣ, и даже Законъ Божій всѣ должны были слушать у католическаго ксендза. Въ 1816 году Сѣмашко окончилъ курсъ первымъ, и въ августѣ того же года поступилъ въ главную духовную семинарію при Виленскомъ университетѣ. Семинарія эта въ то время была очень хорошо обеспечена съ матеріальной стороны и по составу преподавателей стояла очень высоко. Здѣсь, помимо наукъ чисто богословскаго характера, преподавали церковную исторію, каноническое право, логику, ботанику, зоологію, краснорѣчіе, поэзію, словесность латинскую, русскую, польскую, языки греческій, еврейскій и французскій. Кромѣ того, не смотря на то, что профессора были главнымъ образомъ поляки, семинарія отличалась религіозной терпимостью. Латиняне и униаты, по словамъ воспитанниковъ семинаріи, уживались здѣсь мирно. Между ними не было никакого антагонизма. Тѣсная связь семинаріи съ университетомъ, знакомство со свѣтскими науками, преподававшимися въ послѣднемъ, дѣлали и преподаваніе въ семинаріи строго научнымъ. На этой почвѣ одинаково сходились какъ униаты, такъ и латиняне, относившіеся съ уваженіемъ къ религіознымъ убѣжденіямъ другъ друга. Всѣ воспитанники семинаріи, въ томъ числѣ Іосифъ Сѣмашко, сохранили о времени своего ученія въ семинаріи самыя хорошія, теплыя воспоминанія на всю жизнь.

Пребываніе Сѣмашки въ этой семинаріи не только не уничтожило въ немъ впечатлѣній дѣтства, не только не ослабило любви къ родной Украинѣ и вѣрѣ, но дало этому чувству еще болѣе сильныя основанія. Сѣмашко получилъ по тому времени очень хорошее образованіе въ семинаріи, основательно изучилъ исторію русской церкви, познакомился обстоятельнѣе съ судьбами уни, русской литературой, которая была предметомъ его специальныхъ занятій. Вообще нужно замѣтить, что Сѣмашко отличался большой начитанностью. Онъ такъ усиленно занимался, что нѣкоторые не безъ опасенія смотрѣли на такое прилежаніе юнаго студента. Ксендзъ Ходани, профессоръ пастырскаго богословія, публично говорилъ о Сѣмашкѣ: «онъ такъ усердно трудится, что или возведетъ римскую церковь въ Россіи на высшую степень могущества, или до основанія разрушитъ ее, опираясь на свою превратную (?) ученость». Въ 1820 году Сѣмашко окончилъ семинарію и за диссертацию на тему: «*de christiana cura bonorum temporalium*», получилъ степень магистра богословія.

По окончаніи семинаріи, Сѣмашко возвратился въ родную Во-

лынъ, гдѣ принялъ священство безъ вступленія въ супружество и былъ назначенъ ассесоромъ (засѣдателемъ) мѣстной консисторіи, а въ 1822 году, возведенный въ санъ протопресвитера, былъ посланъ своимъ епархіальнымъ епископомъ въ Петербургъ для засѣданія въ уніатскомъ департаментѣ римско-католической коллегіи, гдѣ сосредоточивалось тогда высшее управленіе всей уніатской церкви. Депутаты, съѣзжавшіеся сюда, съ уніатскимъ митрополитомъ Іосафатомъ Булгакомъ во главѣ, обыкновенно мало знакомые съ русскимъ языкомъ, на которомъ велось дѣлопроизводство, мало занимались дѣлами, до сихъ поръ обыкновенно безъ возраженій подписывали рѣшенія, напередъ составленныя въ католическомъ департаментѣ, отъ котораго они зависѣли. Молодой, энергичный Сѣмашко рьяно принялся за дѣла коллегіи, внимательно изучалъ каждое дѣло, самъ писалъ резолюціи, которыя только подписывались остальными членами. Онъ ревниво оберегалъ интересы уніатовъ, смѣло отстаивалъ свои мнѣнія. Такъ онъ одинъ поднималъ голосъ въ защиту епископа Красовскаго, несправедливо обвиненнаго въ различныхъ неблаговидныхъ поступкахъ, и, не смотря на то, что противъ Красовскаго былъ самъ митрополитъ Булгакъ, мнѣніе Сѣмашки одержало верхъ: Красовскій, не нравившійся католикамъ за свои православныя убѣжденія, не былъ лишенъ сана, какъ это предполагалось, а только переведенъ въ другую епархію. Свободное отъ занятій время Сѣмашко, какъ и раньше, посвящалъ чтенію книгъ и въ первый же годъ прочелъ изъ бібліотеки Глазунова 400 книгъ. Чтеніе, частныя сношенія съ образованными православными лицами, знакомство съ русской исторической и богословской литературой, сдѣлали Іосифа Сѣмашку православнымъ вполне, сдѣлали очевидными для него всѣ уклоненія католической церкви отъ апостольской вѣры. Свои новыя убѣжденія изложилъ Сѣмашко въ неоконченномъ сочиненіи «О православіи восточной церкви». Скоро пришлось обнаружить ему эти убѣжденія болѣе осязательнымъ образомъ.

На престолъ вступилъ императоръ Николай Павловичъ, круто измѣнившій политику предшествовавшаго царствованія. Въ 1826 году онъ издалъ распоряженіе, воспрещавшее постройку римско-католическихъ капицъ среди русскаго населенія, а въ 1827 г. указъ, предписывавшій принимать въ базилианскіе монастыри только уніатовъ и основать школы для приготовленія уніатскаго юношества къ духовному званію. Замѣтивъ новыя вѣянія, Сѣмашко ждалъ только случая, чтобы высказать свои душевныя желанія. Случай скоро представился. Мѣсяць спустя послѣ послѣдняго императорскаго указа, Сѣмашкѣ нужно было объясняться съ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій Карташевскимъ по поводу возвращенія уніатовъ въ латинство, бывшаго въ Волинской губерніи. Воспользовавшись этимъ поводомъ, Сѣмашко такими яркими кра-

Митрополитъ Іосифъ Свѣшско.

сками изобразилъ бѣдственное положеніе современнаго греко-уніатскаго духовенства, исторію уніи, что, живо заинтересованный разсказомъ, директоръ попросилъ его изложить все это на бумагѣ.

Черезъ три дня записка была готова. Изложивъ подробно исторію уніи, тѣ способы, какими она была введена, особенно характеризовавъ ту роль, какую игралъ въ этомъ дѣлѣ базилианскій орденъ, и обычай ктиторства (патроната), Сѣмашко изобразилъ современное положеніе уніатскаго духовенства. «Уніатское духовенство,—писалъ онъ,—должно считать скорѣе низшимъ разрядомъ римскаго, нежели самостоятельнымъ сословіемъ. Оно имѣетъ ту же самую одежду, тѣ же наружные знаки отличія; оно служитъ въ однѣхъ церквахъ, на однѣхъ алтаряхъ и въ тѣхъ же священныхъ облаченіяхъ; оно ввело, вмѣсто греческихъ обрядовъ, большую часть римскихъ, вмѣсто внятнаго для народа богослуженія—тихіа мши; вмѣсто громогласнаго пѣнія—органы; иконостасовъ также нѣтъ въ большей части церквей. Даже употребляемый при ежедневномъ богослуженіи славянскій языкъ ежедневно искажается и неохотно употребляется, многіе же добиваются чести замѣнить его латинскимъ языкомъ при богослуженіи». Во второй части записки Сѣмашко изложилъ мѣры для воссоединенія уніатовъ съ православіемъ. Для этого, по его мнѣнію, нужно было учредить отдѣльныя школы для воспитанія дѣтей греко-уніатскаго духовенства, удалить его отъ сближенія съ римлянами, сократить по возможности количество базилианскихъ монастырей, высшее управленіе уніатской церкви отдѣлить отъ римско-католической коллегіи, сдѣлавъ его самостоятельнымъ, и т. д. Духъ и тонъ записки согласовались съ видами правительства, съ желаніями Николая I и, по докладу графа Влудова, разсматривавшаго записку, Іосифъ былъ пожалованъ брилліантовымъ наперстнымъ крестомъ «за отличныя способности, ревность и примѣрное благонравіе». Кромѣ того, предписано было Іосифу представить болѣе подробный планъ для приведенія въ исполненіе мѣръ, изложенныхъ въ запискѣ. Черезъ 2¹/₂ мѣсяца планъ былъ готовъ, одобренъ Николаемъ I и легъ въ основаніе Высочайшаго указа 22-го апрѣля 1828 года, положившаго начало воссоединенію уніатовъ. Сейчасъ же была учреждена для греко-уніатскихъ дѣлъ самостоятельная коллегія, состоявшая изъ уніатскаго митрополита (Булгака), 1 епископа и 1 архимандрита, назначенныхъ правительствомъ и 4 протоіереевъ—по избранію мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ и консисторій; изъ четырехъ уніатскихъ епархій было составлено двѣ—Литовская и Бѣлорусская, въ м. Жировицахъ была открыта литовская семинарія для уніатовъ (такая же семинарія въ Полоцкѣ была открыта еще при митрополитѣ Лисовскомъ), сокращалось количество базилианскихъ монастырей; самъ Іосифъ, посвященный въ 1829 г. въ санъ епископа, назначался викарнымъ въ Полоцкѣ для помощи или вѣрнѣе для

противодѣйствія полоцкому униатскому епископу Мартусевичу, воспитаннику іезуитовъ и врагу православія.

Въ 1830 г., посвященный въ санъ епископа, Іосифъ отправился для ревизіи семинарій и преобразованныхъ въ 1828 году духовныхъ училищъ. Главное вниманіе при этихъ обзрѣніяхъ обращалъ Іосифъ на знаніе учащими и учащимися русскаго языка и былъ очень обрадованъ, когда знаніе это нашель удовлетворительнымъ, особенно въ Жировицкой семинаріи, точно исполнявшей всѣ его предписанія. Кроме того, во время ревизіи Іосифъ знакомился съ состояніемъ униатскаго духовенства и пришелъ къ заключенію, что на первыхъ порахъ не слѣдуетъ «касаться слишкомъ сильно, обрядовъ и другихъ внѣшностей», съ которыми успѣло свыкнуться униатское духовенство и народъ. Польскій мятежъ, вспыхнувшій въ 1830 г., на время остановилъ начинанія Сѣмашки. Правительство занято было усмиреніемъ мятежа и потому на время оставило униатовъ въ покоѣ. Но лишь только дѣла этого рода окончились, Іосифъ съ прежней энергіей принялся за дѣло. Прежде всего, онъ подалъ въ синодъ заявленіе, что «уже шесть лѣтъ онъ принадлежалъ православнои церкви по своимъ убѣжденіямъ, но не принималъ православія для того, чтобы ему было удобнѣе подѣйствовать на присоединеніе къ православію болѣе полутора милліона своихъ единовѣрцевъ. Между тѣмъ независіяція отъ него обстоятельства (намекъ на бездѣйствіе правительства) лишаютъ его надежды быть нѣкогда участникомъ общаго присоединенія униатовъ къ православію, и онъ будетъ въ простой кельѣ инока молиться о скорѣйшемъ совершеніи этого дѣла». Правительство, конечно, вполне поняло Сѣмашку и немедленно приступило къ выполненію его предположеній. Въ томъ же 1833 году послѣдовала отмѣна ктиторства помѣщиковъ, по которому присваивалось помѣщикамъ право представлять въ своихъ имѣніяхъ кандидатовъ на открывшіяся мѣста православныхъ священниковъ, учреждены уѣздныя и приходскія униатскія училища, упразднены многіе базилианскіе монастыри, а богатые фондуши ихъ обращены «на болѣе полезныя учрежденія» православнаго вѣдомства. Упраздненіе монастырей велось такъ энергично, что черезъ два года было закрыто 36 монастырей, то-есть почти половина всѣхъ, существовавшихъ въ то время.

Сама судьба помогала Іосифу. Въ 1831 г. умерли противники униі—епископы Головня и Сѣроцинскій, въ 1833 г.—Яворскій и Мартусевичъ, управлявшій Полоцкой епархіей. Сѣмашко, отказавшійся занять послѣднюю, зная о видахъ на нее митрополита Булгака, былъ назначенъ епископомъ Литовской епархіи, которая считалась болѣе ополяченной, и лѣтомъ 1833 г. отправился для ея осмотра. Еще будучи въ Петербургѣ, онъ потребовалъ отъ литовской консисторіи доставить ему точнѣйшія свѣдѣнія о состояніи

епархіи, о каждом отдѣльномъ священникѣ, точныя описанія церквей, ихъ утвари, книгъ и т. д. Ознакомившись такимъ образомъ съ епархіей, онъ приступилъ къ очищенію своей многолюдной епархіи (800 приходовъ) отъ неблагонадежныхъ элементовъ, посредствомъ упраздненія 130 малоприходныхъ униатскихъ церквей. Прибывъ въ м. Жировицы, Іосифъ ревизовалъ семинарію, въ кафедральномъ соборѣ уничтожилъ органы, оркестръ музыкантовъ и вмѣсто нихъ устроилъ хоръ, затѣмъ издалъ распоряженіе, чтобы въ богатѣйшихъ приходахъ его епархіи были устроены иконостасы, запретилъ униатскимъ священникамъ служить въ католическихъ костелахъ, имѣть женъ-католичекъ. Униатскіе «ставленники», по распоряженію Іосифа, присягали теперь на вѣрность не папѣ, какъ было раньше, а государю, и т. д.

Возвратившись въ Петербургъ, Іосифъ узналъ здѣсь о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ его вѣдома началось обращеніе униатовъ въ православіе, какъ духовными, такъ и гражданскими властями. Такъ, напримѣръ, преосвященный Смарагдъ, прибывъ въ Полоцкъ, втеченіе одного мѣсяца обратилъ въ православіе до 4.000 душъ и писалъ оберъ-прокурору св. синода, что напрасно полагають, «якобы униаты могутъ чинить безпокойства при обращеніи ихъ въ православіе», что стоитъ только рѣшительнѣе предложить, и всѣ они будутъ православными. Конечно, такіе факты не входили въ расчетъ Іосифа, который якобы «стоялъ всегда за медленное, постепенное перевоспитаніе всего униатское народонаселенія черезъ самое униатское духовенство». Такъ какъ случай воссоединенія, произведеннаго епископомъ Смарагдомъ, былъ далеко не единичнымъ, то «чтобы избѣжать на будущее время противоположности въ системахъ воссоединенія и дать этому дѣлу безповоротное направленіе», Іосифъ, опасаясь, какъ бы воссоединеніе не произошло помимо него, предложилъ подчинить греко-униатскую коллегію св. синоду на первый разъ въ гражданскомъ или административномъ отношеніи. Предложеніе это, однако, не было принято. Іосифъ, «опасаясь за судьбу униатскаго дѣла, колеблемаго частными воссоединеніями, предложилъ въ торжественномъ засѣданіи греко-униатской коллегіи, въ которомъ участвовали всѣ іерархи греко-униатской церкви (7 февраля 1834 г.), «вмѣсто печатанія особаго служебника для униатскихъ церквей, принять для нихъ въ руководство служебникъ и книги молебныхъ пѣній, печатаемые въ Московской синодальной типографіи, заняться устройствомъ иконостасовъ, утвари, облаченій и всего церковнаго чина православной церкви, вмѣнить всякому архіерею въ обязанность стараться всѣми силами о возстановленіи богослуженій и постановленій греко-восточной церкви, а также и объ искорененіи вкрапившихся злоупотребленій и нововведеній». Всѣ, знавшіе о принципѣ «медленнаго и постепеннаго перевоспитанія», о которомъ говорилъ раньше

Іосифъ, были удивлены этимъ постановленіемъ. Графъ Блудовъ «очень встревожился», московскій митрополитъ Филаретъ тоже «вначалѣ усомнился», но Іосифъ убѣдилъ ихъ, что такъ нужно, и «все прошло», а затѣмъ, объѣзжая епархію, настоятельно требовалъ примѣненія этихъ постановленій, не принимая никакихъ отговорокъ. Священниковъ, не умѣвшихъ пользоваться новыми служебниками, консисторія вызывала въ Жировицы и учила славянскому чтенію и пѣнію. Священниковъ, не свѣдущихъ въ духовныхъ наукахъ и постановленіяхъ униатской церкви, ниводили въ дьячки. Духовенство, «направляемое такими благоразумными назидаціями и распоряженіями Іосифа, начинало чувствовать свою самобытность» и привыкало къ мысли предстоящаго преобразованія, всѣ чувствовали, что де «рано или поздно, какъ говорилъ Сѣмашко, а нужно быть намъ православными». Дѣйствительно, вводились православные служебники, иконостасы, уничтожались боковые престолы, католическія монстранціи, пушки, исповѣдальни, амвоны, выводились изъ употребленія священныя облаченія, заимствованныя отъ латинянъ, облатки, литаніи, супликаціи и т. д. Кромѣ того, въ январѣ 1837 года вышелъ указъ о завѣдываніи всѣми дѣлами греко-униатской церкви оберъ-прокуроку св. синода, и начала собираться отъ греко-униатскаго духовенства подписка о его готовности присоединиться къ православію. Въ 1838 году умеръ униатскій митрополитъ Булгакъ, не сочувствовавшій дѣлу Іосифа. Сѣмашко сдѣланъ былъ предсѣдателемъ греко-униатской коллегіи и повелъ дѣло еще энергичнѣе. Заявленія о желаніи присоединиться къ православію поступали все больше и больше, такъ что 1 декабря 1838 года Іосифъ имѣлъ возможность представить записку о необходимости безотлагательнаго присоединенія униатовъ къ православной церкви, а въ 1839 году 12 февраля въ Полоцкѣ послѣдовало и самое возсоединеніе—состоялось соборное постановленіе о возсоединеніи униатовъ съ православной церковью, составлено прошеніе на высочайшее имя, а также извѣстный актъ, подписанный 24 духовными лицами. Актъ этотъ, положившій конецъ уни въ Россіи, былъ цѣлю и вѣнцомъ всей дѣятельности Сѣмашки. Съ 1839 года до самой смерти Сѣмашко доканчивалъ нѣкоторые штрихи этого дѣла, проводилъ его въ жизнь, и потому, если оцѣнивать значеніе этой личности, то нужно имѣть въ виду исключительно его дѣятельность по возсоединенію униатовъ, приведшую къ акту 1839 года.

Здѣсь прежде всего нужно поставить вопросъ, на сколько дѣло Сѣмашки было дѣломъ новымъ, лично ему принадлежащимъ? Авторъ изслѣдованія, положеннаго въ основу настоящей статьи, на основаніи главнымъ образомъ «Записокъ» самого Іосифа Сѣмашки, склоненъ признать за нимъ большую самостоятельность и оригинальность сравнительно съ тѣмъ, что до него было сдѣлано униат-

скими епископами Лисовскимъ и Красовскимъ. Стоитъ, однако, сравнить проектъ реформъ Лисовскаго съ запиской Сѣмашки, приведенной нами выше, для того, чтобы не согласиться съ г. Кириловичемъ. Вотъ программа Лисовскаго: 1) нужно отдѣлить греко-уніатскую церковь отъ латинской, возстановить значеніе митрополита, съ цѣлью ослабленія папской власти, и возстановить чистоту греческихъ обрядовъ. 2) Нужно стремиться ослабить силу и вліяніе на дѣла въ церкви базилианскаго ордена, подчинивъ ихъ надзору епархіальныхъ архіереевъ. 3) Необходимо поднять и распространить богословское образованіе бѣлаго духовенства въ семинаріяхъ, употребивъ для этой цѣли: а) фондуши и капиталы базилианскихъ монастырей, неправильно ими присвоенные, и б) фондуши и капиталы тѣхъ монастырей, которые незаконно обращены изъ приходскихъ церквей. 4) вмѣстѣ съ назначеніемъ представителей отъ бѣлаго духовенства засѣдателями въ особый департаментъ коллегіи и съ устройствомъ епархіальныхъ консисторій и кафедральныхъ соборовъ, всѣми мѣрами должно способствовать къ поднятію благосостоянія бѣлаго духовенства, назначать образованныхъ и болѣе просвѣщенныхъ прелатовъ и канониковъ къ замѣщенію высшихъ должностей въ епархіяхъ и допускать достойнѣйшихъ канониковъ безбрачныхъ и вдовыхъ, имѣющихъ ученые степени, къ занятію архіерейскихъ кафедръ. 5) Слѣдуетъ уничтожить ктиторство¹⁾. Если же принять во вниманіе, что Сѣмашко располагалъ гораздо большимъ количествомъ данныхъ, находившихся въ архивѣ 2-го департамента коллегіи²⁾, то самостоятельность его въ составленіи записки можетъ быть окончательно отвергнута. Сѣмашко, значить, не пошелъ дальше Лисовскаго. Если же дѣятельность перваго увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ, а послѣдній не успѣлъ ничего сдѣлать, то это объясняется чисто внѣшними обстоятельствами. Въ то время, какъ Лисовскій не встрѣчалъ ничего, кромѣ противодѣйствія, парализовавшаго всѣ его начинанія, Сѣмашко находилъ только одно содѣйствіе и сочувствіе. Первый выступилъ съ проповѣдью своихъ реформъ, не думая о томъ, какъ отнесутся къ этимъ реформамъ, встрѣтятъ ли онѣ сочувствіе у правительства, Сѣмашко же высказался только тогда, когда Николай I задумалъ «возсоединеніе уніатовъ» и сказалъ Блудову, что «нужно поискать такого человѣка, который могъ бы быть орудіемъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ». Стоило только Сѣмашкѣ подать прошеніе объ увольненіи его на покой (что онъ дѣлалъ разъ пять), и всѣ его предложенія приводились въ исполненіе. Будучи митрополитомъ въ Вильнѣ, онъ пользовался большимъ довѣріемъ государя, чѣмъ генераль-губернаторъ. По докладамъ

¹⁾ Бобровскій, Греко-уніатская церковь при Александрѣ I, стр. 56—57.

²⁾ Ibid., стр. 365.

Іосифа послѣднихъ смѣщали, не смотря на связи и значеніе, пока не былъ назначенъ извѣстный М. Н. Муравьевъ, которому Сѣмашко очень симпатизировалъ. Такимъ образомъ, идея реформъ принадлежала Лисовскому, а успѣшное проведеніе ихъ—зависѣло отъ времени и обстоятельствъ.

Второй заслугой Іосифа г. Кипріановичъ, а также многіе другіе, считаютъ не только то, что онъ возсоединилъ униатовъ съ православными, но что возсоединеніе это произошло «тихо и мирно», путемъ убѣжденія, увѣщаній и т. д. Факты, однако, простодушно приводимые г. Кипріановичемъ, говорятъ иногда другое. Начать съ того, что Сѣмашко совершенно не думалъ о томъ, чтобы у простаго народа могли быть какія нибудь религиозныя убѣжденія, привычки и т. д., съ которыми нужно было считаться. Требованіе согласія на присоединеніе предполагало бы возможность и несогласія, а потому, по мнѣнію Сѣмашки, не спрашивая никакихъ мнѣній, народъ считать православнымъ, устроить для него православные храмы, дать православныхъ священниковъ, и онъ будетъ православнымъ. Между тѣмъ, народъ далеко не такъ безучастно отнесся къ реформѣ. Это видно, напримѣръ, изъ того «характернаго» преданія, которое сообщаетъ г. Кипріановичъ. Въ Супрасльскомъ монастырѣ сняты были боковые престолы и вынесены органы изъ церкви. Передъ этимъ народъ толпами наполнялъ церковь, которая день и ночь стояла открытой. На органахъ играли нѣсколько дней почти непрерывно, а народъ «крыжемъ» (ницъ) лежалъ въ церкви. Внутри церкви и на монастырскомъ погостѣ народъ, со слезами на глазахъ, громогласно распѣвалъ пѣсни изъ любимаго имъ богогласника,—въ послѣдній разъ подъ звуки органовъ (стр. 99). Въ мѣстечкѣ Ратнѣ (Волынской губерніи) до 30-ти крестьянъ, послѣ совершенія обѣдни по православному обряду, павъ передъ Іосифомъ на колѣни, просили его оставить богослуженіе въ ихъ церкви въ прежнемъ видѣ. Не получивъ отъ него согласія, черезъ мѣсяць самовольно придвинули престолъ къ стѣнѣ, по латинскому обычаю, и сняли завѣсу съ царскихъ вратъ (стр. 86). Прихожане села Березова горой стояли за своего униатскаго священника; благочиннаго, пріѣхавшаго за этимъ священникомъ, они начали ругать и въ концѣ концовъ повели на колокольню и взяли съ него росписку въ томъ, что онъ не пріѣдетъ къ нимъ въ церковь и не будетъ отнимать священника. То же почти происходило и въ Чижевскомъ приходѣ (стр. 124). Въ селѣ Пацинкахъ, Овручскаго уѣзда, послѣ литургіи, отслуженной благочиннымъ Сокеревичемъ по православному обычаю, крестьяне заперли церковь, взяли ключи къ себѣ, сказавши, что больше не пустятъ его въ церковь. Не обращая вниманія на такія заявленія народомъ своихъ симпатій, Сѣмашко также мало обращалъ вниманія на болѣе ясныя и положительныя протесты униатскаго духовенства. Согла

сились дать подписки на воссоединеніе 1.305 униатскихъ священниковъ, не согласились, не смотря на лишеніе мѣстъ—593 человекъ¹⁾). Кромѣ того, съ увѣренностью можно сказать, что едва ли четвертая часть давшихъ подписки дала ихъ по убѣжденію, остальные же давали по другимъ совершенно внѣшнимъ побужденіямъ. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ факты, сообщаемые г. Киприановичемъ.

Съ протестами такого рода пришлось столкнуться Сѣмашкѣ, лишь только онъ рѣшительно приступилъ къ реформѣ—ввелъ православные служебники. Не смотря на угрозы, что священники, отказавшіеся употреблять новый служебникъ подѣтъ или другимъ предлогомъ, будутъ вызываться въ м. Жировицы для испытанія и обученія, что неспособные, т. е. упорствующіе, будутъ лишены приходовъ, низведены въ причетники и т. д., протесты все-таки были. Такъ, въ г. Новогрудкѣ Минской губерніи 60 униатскихъ священниковъ подали коллективное прошеніе Сѣмашкѣ, въ которомъ, ссылаясь на постановленія прошлыхъ лѣтъ, просили освободить ихъ отъ употребленія новыхъ служебниковъ. Сѣмашко приѣхалъ въ Новогрудокъ, собралъ «протестантовъ» и заставилъ читать послavianски. «Читали они плохо и за это получили строгій выговоръ, съ присовокупленіемъ, что просьба этихъ полуграмотныхъ лицъ едва ли можетъ заключать въ себѣ что нибудь основательное». Кромѣ того, призвалъ благочиннаго, сдѣлалъ ему выговоръ и сказалъ, что если онъ черезъ три дня не представитъ письменнаго отреченія 60 священниковъ, онъ сошлетъ его въ монастырь и лишитъ прихода. Угроза подѣйствовала (стр. 82). Подобный случай былъ также въ Клецкѣ. Нѣкоторые священники въ подпискахъ, даваемыхъ консисторіи, дѣлали оговорки, что они принимаютъ служебникъ московской печати за исключеніемъ мѣстъ, несогласныхъ съ греко-униатскимъ вѣроисповѣданіемъ. Литовская консисторія не принимала подобныхъ условныхъ подписокъ, «какъ составленныхъ не по формѣ», а лицъ, давшихъ такія подписки, вызывала въ Жировицы для вразумленія. Въ этомъ Сѣмашко усматривалъ «самонадѣянность» со стороны духовенства, какъ «осмѣливавшаяся разсуждать и осуждать то, что сдѣлано къ пользѣ и благоустройству греко-униатской церкви митрополитомъ и всѣми епископами».

Непокорныхъ, по распоряженію Іосифа, лишали приходовъ, низводили въ дьячки, ссылали въ монастыри, гдѣ они должны были наравнѣ съ монастырской прислугой исполнять разнаго рода черныя работы, пользуясь однимъ и тѣмъ же столомъ и помѣщеніемъ, «до совершеннаго ихъ раскаянія, исправленія ихъ образа мыслей и характера» (95). Бывали случаи и болѣе дѣйствительнаго

¹⁾ Likowski, Dzeje kosciolu unickiego, 329

«исправленія образа мыслей». Такъ, напримѣръ, Іосифу донесли, что іеромонахъ Бытепскаго монастыря Викторъ Босяцкій отказался рѣшительно дать заявленіе о желаніи присоединиться къ православной церкви, по закоренѣлой ненависти ко всему русскому. По распоряженію епископа Антонія, онъ отданъ былъ подъ надзоръ настоятеля Жировицкаго монастыря, посаженъ на голодный столъ. Черезъ полтора дня протестующій базилианинъ согласился отслужить православную обѣдню и былъ освобожденъ отъ эпитиміи (120). По поводу протеста нѣсколькихъ базилианскихъ монаховъ Сѣмашко высказался въ томъ смыслѣ, что «понуженіе свѣтскаго начальства было бы для нихъ даже благодѣяніемъ» (стр. 181). «И дѣйствительно,—замѣчаетъ г. Кипріановичъ,—ровно черезъ три мѣсяца Д. Г. Бибииковъ препроводилъ къ Іосифу 15 письменныхъ обязательствъ на присоединеніе къ православію, полученныхъ однимъ расторопнымъ чиновникомъ отъ наиболѣе непокорныхъ иноковъ Любарскаго монастыря». Въ чемъ выражалось такого рода «понуженіе», можно видѣть изъ одной жалобы униатскихъ прихожанъ на комиссію, пріѣзжавшую ихъ воссоединять... «когда мы сказали,—пишутъ они,—что хотимъ умереть въ нашей вѣрѣ, что никогда не хотѣли и теперь не хотимъ ее измѣнять, насъ начали таскать за волосы, бить до крови по зубамъ, по головѣ, вязать и высылать изъ села»... ¹⁾. Кромѣ того, когда такими мѣрами число «протестантовъ» доведено было до ничтожной цифры, то Сѣмашко распорядился не требовать отъ послѣднихъ обязательствъ на присоединеніе къ православной церкви на томъ основаніи, что «они принадлежатъ къ ней по общему присоединенію къ православію». Изъ этихъ примѣровъ, число которыхъ можно было бы еще значительно увеличить, вполне ясно видно, какъ дѣйствительно тихо и мирно происходило воссоединеніе, какъ отторженное насиліемъ возвращалась любовью, на сколько велика въ этомъ дѣлѣ заслуга Іосифа, который, по словамъ г. Кипріановича, «сумѣлъ силою своего высокаго нравственнаго авторитета и посредствомъ искусно подобранныхъ имъ сотрудниковъ привлечь на свою сторону и заставить дѣйствовать даже противниковъ, раскаявшихся въ своихъ старыхъ заблужденіяхъ».

Главное было сдѣлано, оставалось только добиться окончательнаго слиянія бывшихъ униатовъ съ православными. Для ознакомленія съ догматами православной вѣры, по распоряженію Сѣмашки, былъ изданъ на польскомъ языкѣ православный катихизисъ, духовенству предписано было обязательно говорить въ церкви проповѣди и вести катихизическія бесѣды на русскомъ языкѣ, освящались новые храмы какъ въ Вильнѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Обѣзжая епархію, Іосифъ вездѣ совершалъ торжественныя архіе-

¹⁾ Likowski, Dzeje koscioła unickiego, 314.

рейскія богослуженія, говорилъ проповѣди, привлекавшія въ церковь даже католиковъ. Въ 1842 году, по предложенію Сѣмашки, уничтожена была греко-уніатская коллегія, и возсоединенныя церкви непосредственно подчинены св. синоду. Въ 1845 г., послѣ нѣкоторыхъ сомнѣній, Іосифъ перенесъ изъ м. Жировиць въ Вильну, «самое сердце латинства», епархіальное управленіе и духовную семинарію, которая составляла главный предметъ ея заботъ. Онъ нерѣдко являлся среди воспитанниковъ, часто и подолгу бесѣдовалъ съ ними, самъ присутствовалъ на экзаменахъ. Понимая, какое значеніе можетъ имѣть воспитаніе юношества въ извѣстномъ направленіи, Сѣмашко не мало поработалъ для усиленія образованія въ своей епархіи. Не говоря уже о семинаріи, его дѣтищѣ, духовномъ училищѣ, онъ предполагалъ открыть въ Вильнѣ духовную академію, желаніе до сихъ поръ не исполненное; благодаря его настойчивости, при 222 церквахъ Литовской епархіи открыты были училища, заведены были церковныя братства. Кромѣ того, по инициативѣ Іосифа былъ основанъ журналъ «Литовскія Епархіальныя Вѣдомости»; газета «Виленскій Вѣстникъ» встрѣтила въ немъ большую поддержку. Для дѣвиць духовнаго званія устроилъ въ 1861 г. епархіальное училище съ 90 казенными воспитанницами.

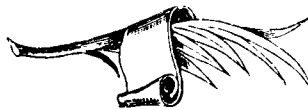
Понимая, какъ важно было въ то время, чтобы православное духовенство было болѣе или менѣе обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, не такъ рѣзко выдѣлялось своей бѣдностью отъ богатаго католическаго духовенства, Іосифъ Сѣмашко нѣсколько разъ ходатайствовалъ объ этомъ у св. синода, и ходатайства эти не остались безъ результата, особенно послѣ 1862 года, когда духовенству пришлось не мало вынести отъ польскихъ мятежниковъ. Въ 1863 г. отпущено было на пособіе духовенству Литовской епархіи 42.000 рублей, а въ слѣдующемъ году 400.000 рублей для ежегодной прибавки къ жалованью. Живя въ «сердцѣ латинства», Іосифъ зорко слѣдилъ за католиками, требовалъ возвращенія въ православіе соvrращенныхъ, не оставлялъ безъ вниманія новыхъ соvrращеній. Гражданскія власти, начиная съ генераль-губернаторовъ, нерѣдко не исполнѣ понимая планы правительства, а также поддаваясь вліянію окружавшихъ ихъ поляковъ, въ большинствѣ случаевъ не только не оказывали Сѣмашкѣ никакого содѣйствія для борьбы съ польскимъ элементомъ, но даже какъ бы противодѣйствовали, выказывая ему свое нерасположеніе. О такихъ лицахъ Сѣмашко доносилъ въ Петербургъ, гдѣ жалобы его всегда находили удовлетвореніе. Въ 1858 году онъ, видя, что среди поляковъ не совсѣмъ спокойно, указывалъ оберъ-прокурору св. синода на весь вредъ для русскаго владычества въ Западномъ краѣ отъ преобладанія здѣсь чиновниковъ польскаго происхожденія. Данныя, добытыя секретно Іосифомъ, показывали, что при генераль-губернаторѣ состояло 84

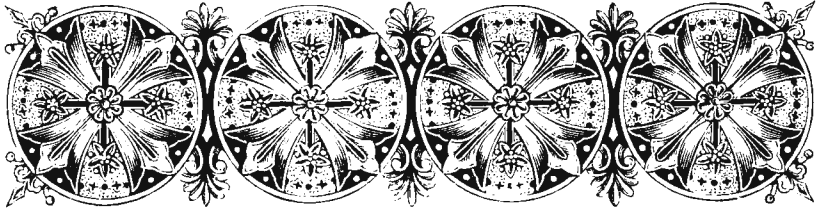
старшихъ чиновника изъ иновѣрцевъ и только 27 православныхъ. Высшая исполнительная власть въ уѣздахъ представлялась 165 иновѣрцами и 47 православными, а судебная власть—141 иновѣрцемъ и только 10 православными. Всѣхъ старшихъ чиновниковъ было 723 иновѣрца, преимущественно католиковъ, и только 140 православныхъ. Письмо это, такъ какъ около этого времени умеръ Николай I, осталось, можно сказать, безъ послѣдствій, равно какъ и другія предупрежденія Сѣмашки относительно польскаго мятежа.

Труды Іосифа Сѣмашки, за которые въ 1852 году онъ возведенъ былъ въ санъ митрополита и получилъ всѣ высшія награды, подорвали его здоровье. Еще въ 1856 году, возвращаясь въ Вильну изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ для присутствія на коронаціи императора Александра II, Іосифъ заболѣлъ ревматизмомъ. Польскій мятежъ, непріятности, которыя приходилось испытывать отъ враговъ и отъ друзей, окончательно подорвали здоровье митрополита. Больной, слабый, почти не выѣзжая изъ дому, онъ попрежнему занимался епархіальными дѣлами, внимательно выслушивалъ доклады своего секретаря Григи, который подъ его диктовку писалъ резолюціи. Дрожащей рукой подписывался митрополитъ подъ этими революціями: «Іос. митр. Лит.».

23-го ноября 1868 года, въ 35 минутъ перваго по полудни, большой колоколь Свято-Духова монастыря извѣщалъ жителей города Вильны о смерти митрополита Іосифа. Черезъ недѣлю тѣло митрополита перенесено было изъ Николаевскаго собора въ Свято-Духовъ монастырь и опущено въ склепъ, устроенный Сѣмашкой еще при своей жизни, подъ ракой святыхъ виленскихъ мучениковъ. Склепъ закрыли чугунной доской съ надписью: «Помяни, Господи, во царствіи твоємъ святителя Іосифа».

В. Боцяновскій.

ВОСПОМИНАНИЕ О Н. П. СИНЕЛЬНИКОВЪ.

ВЪ КОНЦѢ пятидесятихъ годовъ, воронежскимъ губернаторомъ былъ генераль-маіоръ Николай Петровичъ Синельниковъ, оставившій по себѣ добрую память. Замѣчательный администраторъ, человѣкъ въ высшей степени дѣятельный и энергичный, честный до корней волосъ, строгій преслѣдователь лихоимства и всякой неправды, словомъ рыцарь безъ пятна и упрека. Какъ городъ Воронежъ, такъ и вся губернія, немало были обязаны благоустройствомъ и благосостояніемъ его неутомимой и честной дѣятельности. Постройка черезъ рѣку Воронежъ Митрофаніевскаго моста, соединяющаго города съ пригородною слободою Преидачею, черезъ которую пролегла большая дорога, совершена Синельниковымъ хозяйственнымъ образомъ, на что онъ имѣлъ разрѣшеніе, необычайно дешево, помимо смѣты инженеровъ и строительной комиссіи, составленной на все сооруженіе не болѣе 12 тысячъ рублей.

Будучи человѣкомъ небогатымъ, губернаторъ вель самый простой образъ жизни, не допуская себѣ никакой роскоши и излишествъ. Въ официальной сферѣ онъ исключительно посвящалъ себя интимной семейной жизни: былъ любящимъ супругомъ и нѣжнымъ примѣрнымъ отцомъ. Ни торжественныхъ обѣдовъ, ни званныхъ вечеровъ, у него никогда не происходило, что нѣкоторые воронежскіе аристократы относили совершенно, впрочемъ, несправедливо къ его будто бы скупости, тогда какъ онъ былъ всегда

готовъ великодушно помочь изъ собственныхъ средствъ истинной нуждѣ и несчастію.

И лѣтомъ и зимою вставалъ онъ одинаково рано и цѣлый день неутомимо работалъ, не покладая рукъ. Часто рано утромъ онъ отправлялся пѣшкомъ на рынокъ, гдѣ тщательно осматривалъ привозимые изъ деревень въ Воронежъ предметы первой необходимости, жизненные продукты, и горе было крестьянамъ, если продукты оказывались дурнаго качества, несвѣжіе или грязные: все тотчасъ вываливалось съ возовъ, тутъ же уничтожалось, а виновные отправлялись въ заключеніе на съѣзжую. Всякія злоупотребленія какъ на службѣ, такъ и въ торговлѣ онъ непреклонно и строго преслѣдовалъ, чѣмъ нажилъ себѣ немало враговъ среди мѣстнаго купечества. Особенно непріязненно относился къ дѣйствіямъ губернатора тогдашней городской голова купецъ В—ковъ, отстаивавшій злоупотребленія своей братіи.

Забываясь о чистотѣ и порядкѣ въ городѣ, губернаторъ строго запретилъ не въ урочное время и безъ надзора выпускать домашній скотъ на улицу и, если таковой попадался, приказывалъ немедленно забирать его въ полицію и возвращать хозяевамъ не иначе, какъ только по уплатѣ установленнаго штрафа. Такимъ образомъ однажды Н. П. заарестовалъ собственную свою корову, встрѣтивъ ее бродившей по плацъ-парадному мѣсту около кадетскаго корпуса, и, узнавъ вечеромъ о пропажѣ своей коровы, заставилъ свою супругу отослать въ полицію установленный имъ штрафъ, а при-слугѣ за небрежность сдѣлать выговоръ.

Единственное развлеченіе, которое позволялъ себѣ генералъ Синельниковъ, было посѣщеніе театра: онъ принялъ на себя званіе его почетнаго директора и любилъ проводить тамъ вечерніе досужіе часы. Актеры почему-то въ своемъ кружкѣ звали его «дядею» и, хотя любили его, но и крѣпко побаивались: онъ и къ нимъ относился весьма строго, какъ истый пуританинъ. Разъ, артистъ императорскихъ театровъ П. А. Никитинъ, бывшій тогда премьеромъ воронежской труппы, читалъ на сценѣ стихотвореніе Тургенева «Помѣщикъ», въ которомъ хотя и не заключалось ничего особенно шокирующаго, но Никитинъ сильными подчеркиваніями нѣкоторыхъ мѣстъ въ стихотвореніи придалъ своему чтенію нѣсколько скабрёзный характеръ. Генералу чтеніе не понравилось: онъ въ антрактѣ позвалъ къ себѣ въ ложу Никитина, сдѣлалъ ему внушеніе о томъ, что театръ долженъ быть школою высокой нравственности, а не пошлаго гаерства, и послѣ спектакля отправилъ его на сутки подъ арестъ. Другой разъ, актеръ Онѣгинъ, пропустивъ въ буфетѣ рюмочки три коньячку, позволилъ себѣ на сценѣ какую-то не совѣмъ приличную выходку. По окончаніи пьесы Синельниковъ такъ на него прикрикнулъ, что бѣдняга почувствовалъ разстройство желудка.

Давали «Бойкую барыню», сцены изъ военнаго быта, Турбина; извѣстный провинціальный актеръ И. В. Васильевъ, комикъ, игравшій роль батальоннаго командира, большого волокиты, искусно загримировался воронежскимъ полицеймейстеромъ полковникомъ Колинѣи, въ жизни такъ же большимъ селадомомъ. Васильевъ до тонкости усвоилъ всѣ его манеры, такъ что публика видѣла въ театрѣ двухъ полицеймейстеровъ: одного въ креслѣ въ партерѣ, другаго на сценѣ.

Губернаторъ остался очень недоволенъ, и Васильеву не избѣжать бы ареста, если бы самъ полковникъ Колинѣи, больше всѣхъ смѣявшійся и аплодировавшій Васильеву, не явился передъ генераломъ его горячимъ заступникомъ.

Однажды, въ самый разгаръ масляницы, шелъ бенефисъ тогдашней любимицы воронежской публики, драматической актрисы и пѣвицы Фабіанской. Давали излюбленную пьесу «Материнское благословеніе» (*La nouvelle fanchon*), переведенную съ французскаго Перепельскимъ (псевдонимъ Некрасова). Театръ былъ буквально полнехонекъ, какъ говорится, некуда было и яблоку упасть. Въ одной изъ боковыхъ литерныхъ ложъ бенуара сидѣла стройная, красивая брюнетка, лѣтъ 23, весьма роскошно одѣтая въ бархатное темно-гранатнаго цвѣта платье, съ цѣнными на рукахъ браслетами, такой же брошкой и цѣпью. По временамъ въ ея ложѣ появлялись и исчезали молодые люди, съ которыми красавица довольно громко разговаривала, смѣялась, вообще держала себя непринужденно и замѣтно кокетничала. Отъ зоркаго глаза губернатора не ускользнула хорошенькая и такъ шикарно разряженная дама, которую видѣлъ онъ теперь только въ первый разъ. Пригласивъ въ свою ложу полицеймейстера полковника Колинѣи, губернаторъ поручилъ ему узнать, кто была эта очаровательная незнакомка. Черезъ четверть часа, Колинѣи доложилъ Синельникову, что дама, обратившая на себя его вниманіе, жена столоначальника воронежскаго губернскаго правленія, коллежскаго регистратора С—кова.

— Вотъ какъ! — иронически промолвилъ Синельниковъ. — Богато же живутъ у насъ столоначальники губернскаго правленія.

На другой день утромъ С—ковъ былъ потребованъ къ губернатору.

— Вы столоначальникъ губернскаго правленія, коллежскій регистраторъ С—ковъ?—встрѣтилъ его вопросомъ генераль.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Скажите, пожалуйста, вы имѣете большое состояніе?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Чѣмъ же вы живете?

— Жалованьемъ, которое получаю по должности.

— Однако-жь,—поставилъ ребромъ губернаторъ,—я нѣсколько побольше васъ получаю жалованья, но у моей жены нѣтъ такихъ роскошныхъ нарядовъ, въ какомъ я видѣлъ вчера въ театрѣ вашу супругу. По какому отдѣленію вы служите?

— По строительному, ваше превосходительство.

— Ну, понятно. Значить, безбожно берете взятки, немилосердно обираете каждаго просителя.

Юный столоначальникъ совсѣмъ растерялся, чуть не заплакалъ, съ божбою сталъ увѣрять губернатора, что никогда ни съ кого не бралъ ни одной копейки, что у жены его есть нѣсколько поклонниковъ изъ богатой золотой молодежи, которые и дѣлаютъ ей очень часто цѣнные подарки.

Генераль громко расхохотался.

— Такъ вотъ оно что,—промолвилъ онъ.—Ну, хотя и не красиво въ такихъ молодыхъ годахъ быть рогоносцемъ, все же лучше быть имъ, чѣмъ взяточникомъ. Дѣло ваше. Можете идти... Только вотъ что, любезнѣйшій, не показывайте супруги своей въ многолюдной публикѣ, соблазна ради, чтобы, глядя на нее, и другимъ не повадно было...—генераль не докончилъ фразы и махнулъ рукой, давая знать, что аудіенція кончена.

Постояннымъ преслѣдованіямъ полиціи во времена Синельникова подвергались босоножки, воронежскія уличныя фрины, сновавшія при наступленіи сумрака по городу, безъ чулокъ, въ однихъ башмакахъ на босую ногу: ихъ безъ разговоровъ и безъ церемоніи препровождали въ частный домъ, а на другой день подъ наблюденіемъ пожарныхъ служителей заставляли мести улицы. Такъ заботился губернаторъ о чистотѣ нравовъ ввѣреннаго ему края.

Въ августѣ 1860 года, въ Воронежѣ, иждивеніемъ мѣстныхъ дворянъ, воздвигнуть памятникъ Петру Великому, въ воспоминаніе пребыванія его въ Воронежѣ въ 1686 году и основанія имъ здѣсь корабельной верфи, для постройки судовъ, долженствовавшихъ отправиться въ походъ къ Азову.

Статуя Петра Великаго, вылитая изъ бронзы и утвержденная на мраморномъ пьедесталѣ, изображаетъ царя лѣвою рукою опирающимся на якорь, смотрящимъ впередъ и правую рукою указывающимъ вдаль по направленію къ Азову. Памятникъ окруженъ скверомъ.

Случайно противъ сквера находилось тогда помѣщеніе какой-то комиссіи, провіантской или строительной, хорошенько не припомню. Фигура Петра какъ будто прямо туда смотритъ, правая же рука протянута къ тому мѣсту, гдѣ за городомъ расположенъ тюремный замокъ.

Такая случайность подала поводъ какому-то воронежскому остряку, намекая на не безгрѣшные доходы чиновника въ ком-

мисіи, пустить въ ходъ повторявшееся тогда между воронежцами четверостишіе:

«Смотрите, русское дворянство,
«Петръ и по смерти очень строгъ:
«Онъ смотритъ прямо въ интендантство,
«А пальцемъ кажетъ на острогъ».

Н. Кельшь.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ И ОХРАНЕНИЕ «ЗАБЫТЫХЪ МОГИЛЬ».

I.

НЕРЪДКО, а особенно въ послѣдніе годы, въ печати и въ обществѣ слышатся сѣтованія на заброшенность могилъ знаменитыхъ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Одно это уже отчасти доказываетъ, что у насъ сознается нравственная обязанность чтить память великихъ и выдающихся людей охраненіемъ отъ запустѣнія мѣсть ихъ вѣчнаго покоя. Однако, эти жалобы на свою собственную забывчивость и небрежность такъ и остаются отдѣльными голосами, и если вызываютъ иногда общее сочувствіе, то только на словахъ, а практически, по большей части, не завершаются положительными результатами. Увлекаемое сложной и хлопотливой жизнью, общество скоро забываетъ даже выдающихся людей, сошедшихъ въ могилу. Присущее человѣку чувство почтенія къ памяти умершихъ и къ мѣсту ихъ погребенія ослабляется до совершеннаго уничтоженія легкомысленнымъ отношеніемъ къ жизни, какъ къ слишкомъ мимолетному существованію, безъ оглядокъ на прошлое, безъ упованій въ будущемъ. «Жизнью пользуется живущій» особенно неумѣренно въ «нашъ матеріальный вѣкъ» и забываетъ о великихъ покойникахъ, въ полной увѣренности, что и безъ того «спящій въ гробѣ мирно спитъ».

На отдѣльныхъ лицъ и на все общество, какъ на безличную массу, надежда плохая въ дѣлѣ охраненія «забытыхъ могилъ». Эту заботу должно взять на себя какое нибудь учрежденіе или общество. Но пока не создано у насъ, даже и въ проектѣ, Общество охраненія историческихъ могилъ, надо найти другое болѣе или менѣе вѣрное средство для врачеванія этой болѣзни

забвенія. Цѣль достигалась бы почти въ полной мѣрѣ, если бы эту заботу взяли на себя тѣ существующія у насъ общества, задачи которыхъ сводятся къ тому, чтобы разрабатывать вопросы и помогать живымъ труженикамъ науки, литературы, искусства и другихъ отраслей человѣческаго знанія и общественной дѣятельности. Разныя научныя общества, литературныя (Литературный фондъ, Общество любителей Россійской словесности и др.), артистическія (Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, вспомогательныя кассы артистовъ, музыкантовъ и проч.), военныя, медицинскія, художественныя и т. д., могли бы и должны бы заботиться о могилахъ выдающихся людей, подвизавшихся когда-то на поприщѣ той же дѣятельности, которой посвящаютъ себя члены этихъ обществъ.

Матеріальныя затраты на это потребуются самыя ничтожныя: во-первыхъ, потому, что людей, заслужившихъ память потомства сравнительно немного, а, во-вторыхъ, расходы на исправленіе и охраненіе могилъ, вообще говоря, незначительны, и каждая единовременная затрата идетъ на нѣсколько лѣтъ. А съ нравственной точки зрѣнія такая мѣра имѣетъ чрезвычайно важное значеніе не только по прямой своей цѣли, но и какъ общественное начинаніе, какъ идея, проведенная въ жизнь общими усиліями и получившая широкое распространеніе.

Названныя выше общества могли бы образовать при своихъ кассахъ особые фонды на исправленіе и охраненіе забытыхъ и разрушенныхъ могилъ. Нашлись бы, конечно, и жертвователи на благое дѣло, разъ оно приметъ строго опредѣленную и цѣлесообразную форму, будетъ вестись гласно и находится всегда подъ контролемъ самой же публики. Слѣдить за исправленіемъ могилъ и поручать ихъ кладбищенскому надзору могли бы члены тѣхъ обществъ, которыя введутъ въ свою дѣятельность и это реальное выраженіе почтенія къ памяти умершихъ дѣятелей и къ ихъ заслугамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ на кладбищахъ, гдѣ охраняются извѣстными обществами могилы, могли бы, хотя разъ въ году, совершаться общія панихиды по умершимъ историческимъ, замѣчательнымъ и выдающимся дѣятелямъ, похороненнымъ тамъ.

Нѣтъ надобности говорить о нравственной обязанности общества не «забывать» могилъ прославившихся когда-то людей, внесшихъ свою долю блага и въ жизнь послѣдующихъ поколѣній; нѣтъ надобности распространяться по этому поводу въ доказательствахъ: эта нравственная обязанность сознается всѣми, а воспитательное значеніе ея для общества еще болѣе несомнѣнно.

II.

Осуществить на дѣлѣ эту мысль и очень возможно, и очень просто. Это понятно само собою и, кромѣ того, подтверждается опытомъ, о нѣкоторыхъ подробностяхъ котораго я и хочу рассказать. Починъ охраненія забытыхъ могилъ въ той формѣ, какъ сказано выше, уже сдѣланъ. Онъ можетъ быть названъ «скромнымъ», сообразно тѣмъ средствамъ и условіямъ, при которыхъ его пришлось произвести. Но этотъ починъ дорогъ, какъ благое начинаніе, которое современемъ можетъ развиться до широкихъ размѣровъ.

Честь инициативы въ дѣлѣ общественнаго возобновленія и охраненія «забытыхъ могилъ» принадлежитъ Обществу для пособія нуждающимся сценическимъ дѣтелямъ, которое возобновило и охраняетъ уже нѣсколько могилъ извѣстныхъ сценическихъ дѣтелей въ Петербургѣ и Москвѣ ¹⁾.

Такъ уже вѣрно опредѣлено судьбою, что самыя забытыя изъ забытыхъ могилъ принадлежатъ писателямъ и артистамъ. О могилахъ артистовъ стало заботиться Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣтелямъ. Кому же, какъ не Литературному фонду позаботиться о могилахъ писателей? При тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ это учрежденіе, что бы значила для него ежегодная затрата 100 — 200 рублей на исправленіе и охраненіе могилъ писателей. Въ нѣсколько лѣтъ «забытыя могилы» были бы приведены въ порядокъ, и ежегодная затрата уменьшилась бы до ничтожной суммы. Врядъ ли кто сочтетъ такую заботу о мертвыхъ за роскошь или за баловство своего рода потому только, что мертвые срама не имутъ и что у писателей есть болѣе надежныя памятники — ихъ творенія. Такіе взгляды являются, къ счастью, въ нашемъ обществѣ, какъ исключеніе. Всѣ возмущаются, когда указываютъ на заброшенность могилъ такого писателя, какъ, наприкладъ, Фонвизинъ, но «всѣ» не пойдутъ сами исправлять могилу, и тутъ-то дѣло Литературнаго фонда.

Среди другихъ забытыхъ могилъ въ Москвѣ есть могилы артистовъ. Заброшенность мѣстъ упокоенія общественныхъ дѣтелей, когда-то двигавшихъ сердца тысячъ зрителей, производила самое угнетающее впечатлѣніе. Такъ какъ Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣтелямъ уже охраняло въ Петербургѣ могилу знаменитаго Мартынова, то мое предложеніе объ охраненіи и

¹⁾ Мнѣ случилось уже проводить въ печати мысль объ охраненіи «забытыхъ могилъ» («Моск. Вѣд.», 1890, № 323), а затѣмъ, какъ члену этого Общества, пришлось предложить объ исправленіи могилъ въ Москвѣ и явиться исполнителемъ постановленій совѣта Общества по этому дѣлу, и потому подробности его мнѣ извѣстны.

возобновленіи полуразрушенныхъ могилъ московскихъ актеровъ, сдѣланное года три тому назадъ, не было новостью въ дѣятельности Общества. На первыхъ порахъ предложено было исправить въ Москвѣ могилы Мочалова и Полтавцева. Смѣта на возобновленіе могилы Мочалова была утверждена совѣтомъ Общества, и лѣтомъ 1892 года можно было приступить къ дѣлу.

Мочаловъ похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Въ послѣднія 4—5 десятилѣтій кладбище это сдѣлалось въ Москвѣ излюбленнымъ мѣстомъ вѣчнаго покоя для актеровъ, отчасти для писателей и другихъ дѣятелей свободныхъ профессій. Изъ артистическаго міра здѣсь погребены Д. Т. Ленскій, Н. В. Рѣпина, М. Д. Львова-Синецкая, С. В. Шумскій, А. Н. Верстовскій, И. В. Самаринъ, В. И. Живокини, Л. П. Никулина-Косицкая, П. Г. Степановъ, Рѣшимовъ и много другихъ; изъ умершихъ недавно: Л. И. Градовъ-Соколовъ, Н. П. Кирѣевъ, Н. И. Новиковъ, М. П. Васильевъ-Гладковъ, В. А. Охотинъ, В. И. Родонъ и др. Есть тутъ и семейныя артистическія могилы: Сабуровыхъ, Лавровыхъ и Васильевыхъ (всѣ близкіе родные между собою), Рыкаловыхъ, Колосовыхъ, Рябовыхъ, Акимовыхъ. Тутъ похоронены и нѣкоторые изъ старинныхъ сценическихъ дѣятелей: С. Ѳ. Мочаловъ, М. С. Синявская (отъ ея могилы нѣтъ слѣдовъ) и др. ¹⁾ Вообще Ваганьковское кладбище—настоящій артистическій некрополь Москвы.

Одна изъ почтенныхъ представительницъ далекаго прошлаго московскаго театра рассказывала мнѣ, что хоронить актеровъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ вошло почти въ правило со временъ московскаго оберъ-полицеймейстера, не безъизвѣстнаго Шульгина. Онъ очень способствовалъ упорядоченію этого кладбища, пристроилъ къ главной церкви придѣлъ во имя св. Акилины и вообще покровительствовалъ кладбищу. А такъ какъ онъ былъ близокъ къ театральному мірку, то закулисные дѣятели и стали предпочитать Ваганьковское другимъ кладбищамъ.

Можетъ быть, оно отчасти и такъ, но навѣрное тутъ причина и въ томъ, что Ваганьковское кладбище ближе къ центру города и наиболѣе благоустроенное изъ всѣхъ остальныхъ, исключая монастырскихъ. Погребать актеровъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ на столько вошло въ обычай, что нынѣшняя администрація кладбища отводитъ для нихъ даже особое мѣсто, группируя артистическія могилы въ свободной юго-западной части кладбища, не подалеку отъ колонны, воздвигнутой надъ прахомъ артиста С. В. Шумскаго.

Геніальный трагикъ Павелъ Степановичъ Мочаловъ (род. 3-го ноября 1800 года, † 16-го марта 1848 года) похороненъ въ сѣверо-

¹⁾ Большинство этихъ могилъ указалъ мнѣ любитель театра В. Ѳ. Тихомировъ.

восточномъ углу кладбища. По нынѣшнему плану, тутъ третій разрядъ могилъ. Рядомъ съ Мочаловымъ лежатъ: его отецъ, Степанъ Ѳедоровичъ, извѣстный въ свое время актеръ на роли драматическихъ любовниковъ († 28-го іюня 1823 года), жена трагика, Настасья Ивановна, братъ его Платонъ (тоже актеръ) и, вѣроятно, другіе родные.

Общій видъ, который представляли собою могилы Мочаловыхъ свидѣтельствовалъ о полной ихъ заброшенности и запустѣніи: ничѣмъ неогороженные, безъ крестовъ, памятники покривились, плита надъ Платономъ Мочаловымъ вросла въ землю, бурьянъ и мусоръ покрывали могилы.

Надъ прахомъ геніальнаго трагика два памятника. Одинъ изъ нихъ, сердобольскаго гранита, былъ поставленъ дочерью покойнаго артиста, Е. П. Мочаловой, первоначально на могилѣ Мочалова. Но когда почитатели таланта и памяти трагика собрали по подпискѣ деньги на второй памятникъ, то памятникъ дочери, съ ея разрѣшенія, былъ отодвинутъ на могилы другихъ родственниковъ. На этомъ памятникѣ надпись: «Павелъ Степановичъ Мочаловъ, родился въ 1800 году, 3-го ноября, скончался въ 1848 году, марта 16-го дня, въ 9 часовъ по полудни».

Памятникъ, воздвигнутый въ началѣ 1860-хъ годовъ почитателями, представляетъ собою колонну финляндскаго гранита, которая прежде была увѣнчана особой эмблемой. Она состояла изъ треножника съ зажженнымъ свѣтильникомъ; наискось былъ прикрѣпленъ кинжалъ съ крестообразной рукояткой, лавровый вѣнокъ обвивалъ треножникъ и крестъ, а нѣсколько ниже лежали маска и свитокъ. Какъ ни прочно была прикрѣплена желѣзными толстыми штырями чугунная эмблема, но и ее обломали и украли, и постепенно могилы Мочаловыхъ приняли печальный видъ. Лучше всего сохранился памятникъ надъ могилою С. Ѳ. Мочалова. На памятникѣ П. С. Мочалова, поставленномъ въ 1860-хъ годахъ отъ почитателей таланта, сохранилась слѣдующая эпитафія:

«Ты слылъ безумцемъ въ мірѣ этомъ
 «И бѣднякомъ ты опочилъ
 «И лишь предъ избраннымъ поэтомъ
 «Земное счастье находилъ.
 «Такъ спи, безумный другъ Шекспира,
 «Оправданъ вѣчности Отцомъ...
 «Вѣщаль Онъ, что премудрость міра
 «Безумство предъ Его судомъ...
 «Коринѣ. 3, 14».

Неизвѣстно, кому принадлежатъ эти строки. Вполнѣ возможно, что Д. Т. Ленскому, который особенно усердно хлопоталъ о постановкѣ памятника Мочалову. Рассказываютъ, что онъ хотѣлъ возбудить вопросъ о забытой могилѣ Мочалова при такомъ торжественномъ случаѣ, какъ юбилей покойнаго М. С. Щепкина (въ

1855 году). Ленскій написалъ для этого стихотвореніе, которое собирався произнести на юбилеѣ, но почему-то не рѣшился. Это было прочувствованное воззваніе о забытой могилѣ Мочалова къ гостямъ на Щепкинскомъ юбилеѣ ¹⁾).

Возобновленіе могилъ Мочаловыхъ заключалось въ томъ, что памятники были приведены въ порядокъ, промыты, увѣнчаны крестами, надписи на нихъ вызолочены, и вся могильная площадка Мочаловыхъ ограждена прочной и довольно изящной желѣзной рѣшеткой. На все это, а также на чествованіе памяти Мочалова торжественнымъ заупокойнымъ служеніемъ, израсходовано, какъ видно изъ отчета Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, 169 рублей. Деньги эти были истрачены изъ средствъ Общества.

Впрочемъ, и публика приняла въ этомъ дѣлѣ участіе своими пожертвованіями, но въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ, что объ этомъ стоитъ упомянуть.

Сдѣланный въ московскихъ газетахъ призывъ къ пожертвованіямъ на возобновленіе могилы знаменитаго Мочалова остался почти что гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Пожертвованій поступило всего лишь 12 рублей, въ томъ числѣ 5 рублей отъ театрального журнала «Артистъ», 1 рубль отъ провинціального актера, а остальные «отъ публики». Кстати сказать, что въ то время былъ съѣздъ въ Москвѣ провинціальныхъ актеровъ на великопостный сезонъ, и къ нимъ было отдѣльное обращеніе съ просьбой о пожертвованіяхъ, имѣвшее результатомъ внесеніе одного рубля, да и то случайно. Нѣкоторые изъ провинціальныхъ лицедѣевъ не стѣняясь выражали ту мысль, что гораздо пріятнѣе и полезнѣе приносить жертвы на стойку буфетчика, нежели на возобновленіе могилы покоящагося непробуднымъ сномъ Мочалова.

Но трудно винить невѣжественную въ массѣ толпу провинціальныхъ актеровъ, погруженныхъ въ самые мелкіе интересы борьбы изъ-за куска хлѣба, за ихъ равнодушіе, когда такъ же холодно отнеслись къ памяти трагика его преемники, жрецы искусства на той же сценѣ, гдѣ проходила и его блестящая карьера. Призывъ къ пожертвованіямъ, обращенный въ артистическую среду драматической труппы Малаго театра, остался совершенно безъ всякаго отклика. Впослѣдствіи мнѣ случилось слышать по этому поводу, будто причина такого индифферентизма заключалась въ томъ, что не изъ закулиснаго муравейника идетъ инициатива этого дѣла. Но кто же мѣшалъ членамъ муравейника додуматься самимъ до этого раньше, и развѣ не все равно, кто бы ни предпринялъ бла-

¹⁾ Стихотвореніе это и его исторія напечатаны В. И. Родиславскимъ въ Антрактѣ, 1864 г., 3 и 12 января.

гое дѣло? Отговорка была, очевидно, неосновательная. Да и во всякомъ начинаніи приходится всегда сталкиваться съ равнодушіемъ отдѣльныхъ лицъ. При какомъ общественномъ дѣлѣ не заявляютъ себя люди, не признающіе ничего, кромѣ своихъ личныхъ интересовъ, покоящихся въ блаженствѣ самодовольства и ограниченности своего кругозора!

4-го сентября 1892 года исполнилось 75 лѣтъ со дня перваго дебюта П. С. Мочалова на московской сценѣ въ роли Полиника, въ трагедіи «Эдипъ въ Аѳивахъ». Въ этотъ день всего умѣстнѣе было почтить память великаго артиста. Для бѣльшей торжественности заупокойнаго служенія хотѣлось, чтобы въ пѣніи участвовалъ оперный хоръ. Но режиссеръ оперной труппы императорскихъ театровъ, подъ разными предлогами, не нашель этого возможнымъ, хотя бывшій въ то время въ Москвѣ директоръ императорскихъ театровъ И. А. Всеволожскій отнесся къ чествованію памяти Мочалова очень сочувственно и выразилъ свое желаніе, чтобы панихиду пѣлъ хоръ русской императорской оперы. Но желаніе—не приказаніе, и пришлось пригласить обыкновенный пѣвческій хоръ, такъ какъ и директоръ частной оперы тоже, по разнымъ причинамъ, не отпустилъ своего хора на панихиду по Мочаловѣ.

Прекраснымъ осеннимъ утромъ, 4-го сентября 1892 года, Ваганьковское кладбище наполнилось такимъ количествомъ публики, какое рѣдко здѣсь бываетъ. Трудно было даже ожидать такой отзывчивости на первый предпринятый починъ. Тутъ были артисты императорскихъ и частныхъ театровъ, получившіе приглашеніе черезъ своихъ режиссеровъ, и была большая толпа посторонней публики, прочитавшей въ газетахъ извѣщенія о торжествѣ. Всего собралось нѣсколько сотъ человѣкъ. Подъ яркими лучами солнца, окруженная группами публики, чисто прибранная и блестящая новизною отдѣлки могила Мочалова и вся картина производила въ эти минуты торжественно-умилительное впечатлѣніе. Памяти знаменитаго человѣка воздавалось должное и въ этомъ хотѣлось видѣть забвеніе, хоть на одинъ моментъ, житейскихъ мелочей, удаленіе толпы, хоть на моментъ, въ сферу духовныхъ интересовъ. И когда послѣ заупокойной обѣдни священнослужители въ полномъ облаченіи направились къ могилѣ, а памятникъ Мочалова утонулъ въ цвѣтахъ и зелени вѣнковъ, настроеніе публики стало еще сосредоточеннѣе и торжественнѣе ¹⁾).

¹⁾ Для исторической достовѣрности перечислю тѣ учрежденія и тѣхъ лицъ, которые возложили вѣнки на памятникъ П. С. Мочалова: 1) Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ; 2) труппа императорскаго Малаго театра; 3) труппа императорской русской оперы; 4) труппа и директоръ драматическаго театра Корша; 5) труппа театра «Скоморохъ»; 6) редакція журнала «Артистъ»; 7) «отъ Н. А. Полевого» и 8) М. В. Лентовскій. Въ тотъ же день лента съ одного изъ вѣнковъ была украдена. Остальныя ленты съ надписями

По окончаніи панихиды долго не расходилась толпа отъ могилы Мочалова. Кто ждалъ рѣчей, кто интересовался подробностями возобновленія могилы, а старые театралы вспоминали Мочалова и его игру и лишній разъ подтверждали, что впечатлѣніе отъ игры гениальнаго трагика оставалось неизгладимымъ навсегда въ тѣхъ, кто видѣлъ артиста въ минуты его высокаго вдохновенія.

Могилы П. С. Мочалова и его родныхъ содержатся теперь въ полномъ порядкѣ и чистотѣ на средства Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ. По словамъ кладбищенской администраціи, могила Мочалова очень часто навѣщается посѣтителеми. Всѣ вѣнки остались на памятникѣ, и нынѣшней весной въ плотной массѣ слежавшихся листьевъ отъ засохшихъ вѣнковъ свиль себѣ гнѣздышко пѣвецъ любви и весны—соловей, и неумолчно раздавались его страстныя и нѣжныя пѣсни надъ прахомъ артиста-поэта.

III.

Въ томъ же году, 7-го ноября, чествовалась память артиста Полтавцева на его возобновленной могилѣ. Корнелій Николаевичъ Полтавцевъ (род. 1823 года, † 29-го декабря 1865 года) принадлежалъ къ числу очень извѣстныхъ и даровитыхъ актеровъ московскаго театра 1850—1860 годовъ на трагическія и драматическія роли. Не останавливаясь здѣсь на біографическихъ свѣдѣніяхъ о немъ, можно сказать, что, какъ талантливый артистъ и какъ прекрасной души человекъ, Полтавцевъ оставилъ по себѣ самую свѣтлую память.

Могила его, на Пятницкомъ кладбищѣ, была совершенно заброшена. Впрочемъ, это не совсѣмъ точно: вѣрнѣе сказать, что могила Полтавцева совершенно затеряна, и памятникъ ему воздвигнуть теперь не надъ его прахомъ. Это произошло, какъ передавали мнѣ современники-очевидцы, такимъ образомъ.

Минуло много лѣтъ со времени смерти Полтавцева, но могила его не была отмѣчена не только памятникомъ, но даже и крестомъ, а если и было на ней что нибудь и когда нибудь поставлено, то давно уже разрушилось. Въ артистическихъ кружкахъ собирались деньги на памятникъ Полтавцеву, но ничего изъ этого для его могилы не вышло, и деньги эти ушли невѣдомыми путями. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ вопросъ о памятникѣ Полтавцеву возникъ

отправлены въ Петербургъ, въ совѣтъ Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, какъ знакъ общественнаго уваженія къ памяти замѣчательнаго русскаго актера, для храненія до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не возникнетъ историческій театрално-музыкальный музей.

за кулисами одного частнаго московскаго театра. Дѣло грозило ограничиться и здѣсь одними разговорами, но вдругъ приняло неожиданнѣйшій оборотъ. Одному изъ закулисныхъ служащихъ (кажется, машинисту или декоратору) надоѣли, вѣроятно, бесплодныя толки, а, можетъ быть, онъ и дѣйствительно чувствовалъ уваженіе къ памяти Полтавцева. И вотъ онъ соорудилъ изъ театральнаго матеріала огромный крестъ, самой топорной работы, и водрузилъ его на могилѣ, только не Полтавцева, а неизвѣстнаго лица. Не зналъ ли онъ, гдѣ находится могила Полтавцева, или случайно ошибся, неизвѣстно, но могила покойнаго артиста оказалась, благодаря этому происшествію, рядомъ съ площадкой, на которой похоронены Т. Н. Грановскій, М. С. Щепкинъ, Н. Х. Кетчеръ, А. Н. Афонасьевъ, дѣти Щепкина, Барсовъ, члены семьи Коршъ и др. Могила же Полтавцева, говорятъ, была дальше къ сѣверо-восточному краю кладбища.

Крестъ, высоко возвышавшійся надъ небольшимъ могильнымъ холмикомъ, сильно накренился въ послѣдніе годы и угрожалъ паденіемъ. На немъ была и эпитафія, написанная, повидимому, тѣмъ же усерднымъ почитателемъ памяти Полтавцева. Передаю эту надпись съ буквальною точностью: «Корнелій Николаевичъ Полтавцевъ. Ахъ, твои померкли очи, но не угаснешь ты, и во мракъ могильной ночи жизнь не закатится твоя, не оплаканъ ты не будешь, гробъ травой не заростетъ, и пыльныхъ камней груды бурный вихрь не разнесетъ. Деш ти люди, деш та правда, забытыи всѣми истинный Симонъ-Сиротинка»¹⁾.

Могила Полтавцева была исправлена также на средства Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ. На это и на исправленіе памятника Д. Т. Ленскому было ассигновано 50 рублей.

7-го ноября 1892 года, въ день исполнившагося 50-ти-лѣтія со дня вступленія Полтавцева на службу въ императорскихъ театрахъ, былъ освященъ скромный памятникъ на его могилѣ,— простого камня, съ чугуннымъ крестомъ ажурной работы,—и совершена торжественная заупокойная литургія и панихида. На этотъ разъ публики собралось очень мало, а артистовъ еще меньше. Присутствовавшіе поговорили между собою о людской забывчивости и разошлись, всетаки, радуясь, что память талантливаго артиста и хорошаго человѣка почтена, и могила его уже теперь не «забытая».

¹⁾ Симонъ-Сиротинка одна изъ лучшихъ ролей К. Н. Полтавцева въ водевилѣ того же названія, въ которомъ въ молодости онъ выступалъ съ шумнымъ успѣхомъ на Одесской сценѣ.

Вмѣстѣ съ могилою Полтавцева на средства того же Общества былъ возобновленъ осенью 1892 года памятникъ на могилѣ Дмитрія Тимоѣевича Ленскаго, извѣстнаго водевилиста, переводчика Беранже и актера московскаго театра (род. 1805 года, † 9-го декабря 1860 года). Ленскій похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилы Мочалова и еще ближе къ семейнымъ могиламъ Сабуровыхъ, Лавровыхъ и Васильевыхъ. На его могилѣ былъ поставленъ, вскорѣ послѣ его смерти, такой же гранитный цилиндрической памятникъ, какъ и на могилѣ Мочалова, и тоже съ эмблемою, изображавшею лиру, свитокъ и сову, сгруппированныхъ около урны. Эмблема была давно уже, конечно, сбита съ памятника, а этотъ послѣдній казался заброшеннымъ. Теперь онъ возобновленъ, на немъ поставленъ массивный крестъ. На памятникѣ Ленскаго вырѣзана слѣдующая надпись:

«Объ этотъ камень лишь ступилось перо,
«Которымъ онъ писалъ не злобно, но остро».

Могилы и памятники Мочаловыхъ, Полтавцева и Ленскаго не только возобновлены, но и охраняются на средства Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ. Чистота и порядокъ, окружающіе теперь эти могилы, производятъ самое отрадное впечатлѣніе ¹⁾.

Забываясь объ охраненіи и возобновленіи существующихъ могилъ замѣчательныхъ сценическихъ дѣятелей, то же Общество возымѣло благую мысль отмѣтить одну изъ тѣхъ историческихъ могилъ, слѣды которой давно уже исчезли,—именно могилу основателя русскаго театра, Ф. Г. Волкова (род. 9 февраля 1729 года, † 4 апрѣля 1763 года).

Извѣстно, что Волковъ погребенъ на кладбищѣ Спасо-Андроніевскаго монастыря, въ Москвѣ, но мѣста его могилы никто нигдѣ и никогда не указалъ. Неизвѣстно также, стоялъ ли когда на его могилѣ какой нибудь памятникъ. Судя потому, что похороны Волкова были торжественныя и самъ онъ при жизни пользовался вниманіемъ императрицы Екатерины II, можно думать, что мавзолей ему былъ воздвигнутъ, но слѣдовъ отъ него никакихъ не осталось. Можетъ быть, слѣды эти уничтожены въ разореніе двѣнадцатаго года, когда отъ французовъ немало пострадалъ и Андроніевскій монастырь ²⁾.

¹⁾ Въ Петербургѣ то же Общество содержитъ въ порядкѣ могилы И. А. Дмитревскаго, А. С. Яковлева, И. И. Сосницкаго, А. Е. Мартынова, Ю. Н. Липской и П. И. Григорьева. Въ провинціи дѣятельность Общества по возобновленію и охраненію могилъ артистовъ начинается съ могилы извѣстнаго комика В. Н. Андреева-Бурака, погребеннаго въ Казани. На его «забытой могилѣ» будетъ поставленъ памятникъ.

²⁾ Въ надгробныхъ надписяхъ Спасо-Андроніевскаго монастыря, собранныхъ въ «Древней Россійской Вивліювикѣ», 1791, XIX, и въ «Путеводителѣ къ древностямъ и достопамяностямъ московскимъ», 1792, нѣтъ и намека на то, что на монастырскомъ кладбищѣ погребенъ Волковъ.

Церковныхъ книгъ монастыря за прошлый вѣкъ тоже не сохранилось, и такимъ образомъ мѣсто погребенія Волкова остается неизвѣстнымъ. Рассказываютъ, впрочемъ, что могила Волкова была около южной стѣны соборнаго Спасскаго храма, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Успенскій придѣлъ собора.

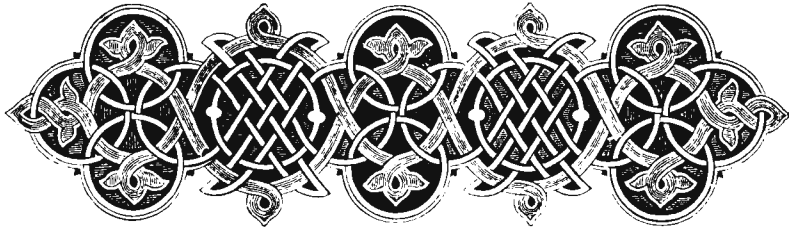
Заслуги основателя русскаго театра на пользу русскаго просвѣщенія на столько велики, что память его слѣдовало бы почитать и монументомъ, поставивъ его хотя на родинѣ Волкова, въ Ярославлѣ. Но если это когда и случится, то до этого долго ждать. А теперь приходится удовольствоваться памятной мѣдной доской, прибитой на одной изъ церквей Спасо-Андроніевскаго монастыря. На доскѣ надпись:

«Памяти перваго русскаго актера Ѳедора Григорьевича Волкова, погребеннаго на семь кладбищъ. Род. 1729, скончался 1763 г. Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ».

4-го апрѣля 1893 года исполнилось 130 лѣтъ со времени смерти Ѳ. Г. Волкова, и этотъ день былъ выбранъ для чествованія его памяти и освященія памятной доски. На этотъ разъ, благодаря содѣйствію мѣстнаго театральнаго начальства, панихиду пѣла часть хора русской императорской оперы. Въ числѣ почтившихъ память основателя русскаго театра русскіе актеры, по выраженію репортерскихъ отчетовъ, «блистали своимъ отсутствіемъ». Зато посторонней публики была масса, были и представители обществъ драматическихъ писателей и любителей россійской словесности, были и артисты иностранныхъ труппъ. На другой день, въ нѣкоторыхъ газетныхъ отчетахъ о торжествѣ было заявлено, что публика собралась въ Андроніевскій монастырь, 4-го апрѣля, слушать оперный хоръ, но откуда же это слѣдовало, и почему не подозрѣвать въ нашемъ обществѣ искренней отзывчивости на хорошее дѣло, — на это найдется не мало доказательствъ и помимо настоящаго случая.

Пусть судятъ читатели, на сколько починъ Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ является благимъ дѣломъ, и заслуживаетъ ли онъ подражанія и широкаго примѣненія по отношенію ко всѣмъ «забытымъ» историческимъ могиламъ. Автору хотѣлось указать на то, что мысль, высказанную въ началѣ этой статьи, можно приводить въ исполненіе. А если это такъ, то всякій пожелаетъ, чтобы бѣльшая и лучшая часть нашего общества признала эту мысль правильной и осуществитъ ей. Тогда вопросъ объ охраненіи и возобновленіи «забытыхъ могилъ» рѣшится во всей его полнотѣ.

А. Ярцевъ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. НЕУСТРОЕВА.

СОБИРАТЕЛЕЙ книгъ въ Россіи всегда было не много, и притомъ, дѣйствуя на свой страхъ, они не имѣли, такъ сказать, преемственности и программы. Случалось даже, что плоды, собранные усиліями одного лица, погибали безслѣдно, такъ какъ ближайшими наслѣдниками богатыхъ книжныхъ сокровищницъ являлись люди, смотрѣвшіе на книги безъ должнаго къ нимъ уваженія. Такимъ образомъ, рукописи, книги и поврежденныя изданія легко терялись и совершенно были бы уничтожены временемъ, еслибъ не существовали усердные и самоотверженные библиографы, подобные Александру Николаевичу Неустроеву, котораго пятидесятилѣтній юбилей книгособирательной и книго-жертвовательной дѣятельности исполнится 28-го декабря текущаго года.

Сознавая всю важность возможно полнаго собранія отечественныхъ древностей, книгъ, рукописей и охраненія ихъ для дальнѣйшей исторической разработки, г. Неустроевъ задумалъ своими личными силами и средствами основать библиотеку, которая вмѣстала бы въ себѣ полное собраніе книгъ, гдѣ и когда либо напечатанныхъ на русскомъ и славянскомъ языкахъ, а также рукописей, гравюръ, лубочныхъ картинъ, монетъ и другихъ отечественныхъ памятниковъ. Къ осуществленію этой мысли онъ приступилъ съ 1843 года.

«Я не сознавалъ,—говорилъ мнѣ г. Неустроевъ,—сей трудности ея исполненія и лишь тогда почувствовалъ слабость силъ и средствъ одного лица, когда собраніе мое на столько подвинулось впередъ, что уже одна бібліотека достигла цифры 6.000 названій. Какъ я былъ радъ, когда нѣсколько позднѣе, въ 1849 году, къ собиранію печатныхъ памятниковъ приступило государство въ лицѣ покойнаго графа Модеста Андреевича Корфа, перваго директора Императорской Публичной Библіотеки. Тѣмъ не менѣе я не бросилъ своего дѣла и сталъ строить въ Петергофѣ специально для музея домъ на свои собственные средства; но, въ ожиданіи и не имѣя мѣста для массы накопившихся пріобрѣтеній, я обратился въ февралѣ 1849 года къ петергофскому начальству съ просьбою отвести мнѣ временно для склада книгъ и другихъ предметовъ одинъ изъ незанятыхъ нумеровъ гостиннаго двора, находящагося въ вѣдѣніи Петергофскаго дворцоваго правленія. Управляющій въ то время Петергофомъ, инженеръ генераль-маіръ С. М. Лихардовъ, и завѣдующій городскими дѣлами совѣтникъ правленія, А. П. Кожевниковъ, сдѣлали распоряженіе объ отдачѣ мнѣ въ гостинномъ дворѣ бесплатно просимаго нумера. Получивъ помѣщеніе, я сложилъ въ немъ всю бібліотеку, пополняя ее новыми пріобрѣтеніями и не сомнѣваясь въ ея цѣлости, такъ какъ лавки и самый гостинный дворъ охранялся съ одного конца часовымъ, а съ другого конца сторожемъ зданія, изъ солдатъ инвалидной команды. Но, не смотря на всю эту охрану, въ ночь съ 20-го на 21-е декабря 1856 года, произведенъ былъ взломъ занимаемаго мною помѣщенія и грабежъ книгъ, гравюръ, серебряныхъ монетъ и крестовъ, мѣдныхъ складней, чернильницъ и другихъ старинныхъ вещей, свыше трехъ сотъ штукъ. Мало того, грабители, чтобы удобнѣе выбрать годныя, по ихъ мнѣнію, вещи, рвали пополамъ драгоцѣнныя гравюры и дѣлали изъ нихъ факелы, которыми свѣтили себѣ при грабежѣ. Затѣмъ, для сокрытія слѣдовъ преступленія, они подожгли оставшееся имущество, но пожаръ почему-то не распространился. О грабежѣ этомъ я просилъ произвести слѣдствіе петергофскую полицію и, видя ея безучастіе, обратился къ С.-Петербургскому генераль-губернатору П. Н. Игнатьеву, отъ котораго получилъ отвѣтъ, что кража произведена не въ Петербургѣ, и что онъ слѣдствія производить не можетъ, помимо мѣстной власти. Мѣстная же власть г. Петергофа о производствѣ слѣдствія мнѣ ничего не сообщила, а выдала открытый листъ съ поименованіемъ украденныхъ вещей на случай, если бы онѣ гдѣ оказались, и при этомъ возвратила мнѣ нѣсколько книгъ, найденныхъ проѣзжающими по петербургскому шоссе на шестой верстѣ отъ Петергофа. Этотъ грабежъ разрушилъ всѣ мои планы и предположенія объ основаніи въ Петергофѣ музея, и начатый постройкой специально для него домъ былъ остановленъ и не оконченъ. Я пришелъ къ мысли о сліянніи своей

дѣятельности съ дѣятельностью Императорской Публичной Библиотеки. Продолжая розыскивать и скупать книги и осиротѣвшія библиотеки, я не только держалъ ихъ у себя, но дѣлалъ вклады по специальностямъ въ Публичную Библиотеку, а равно и другія казенныя учрежденія, при которыхъ могли бы возникнуть публичныя библиотеки и музеи, организуя специальные отдѣлы и пополняя имѣющіеся въ нихъ пробѣлы».

На сколько крупны книжныя пожертвованія, сдѣланныя Александромъ Николаевичемъ разнымъ учрежденіямъ и обществамъ въ Россіи, втеченіе съ 1852 по 1893 годъ, можно видѣть изъ слѣдующаго краткаго перечня:

Библиотеки и музеи:

- 1) Императорская Публичная Библиотека получила вклады рукописей, книгъ и т. д.—17.071 томъ.
- 2) Московскій Публичный и Румянцовскій музеи—12.732 тома.
- 3) Русскій этнографическій Дашковскій музей—2.346 томовъ.
- 4) Публичныя библиотеки въ городахъ: Бѣлевѣ, Вильнѣ, Вяткѣ, Симбирскѣ, Ташкентѣ и Чертковская библиотека въ Москвѣ—2.259 томовъ.

Художественныя учрежденія:

- 5) Императорская Академія художествъ, Общество любителей художествъ въ Москвѣ, Московское архитектурное общество, Общество древне-русскаго искусства при Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ и С.-Петербургское архитектурное Общество—503 тома.

Императорскіе университеты:

- 6) Варшавскій, Новороссійскій и Харьковскій—895 томовъ.

Историческія и археологическія общества.

- 7) Археографическая коммиссія, императорское русское археологическое Общество въ С.-Петербургѣ, Московское археологическое Общество, императорское Общество исторіи и древностей въ Москвѣ, Одесское Общество исторіи и древностей и церковно-археологическое Общество—1.354 тома.
- 8) Географическія, естественныя и медицинскія Общества въ разныхъ городахъ—7.054 тома.
- 9) Земледѣльческія и сельско-хозяйственныя общества въ разныхъ городахъ—12.432 тома.
- 10) Техническія учрежденія—12.048 томовъ.
- 11) Петербургскій комитетъ грамотности, Славянскій благотворительный комитетъ, Московскій губернский статистическій комитетъ, Московское юридическое Общество, вѣдомства учрежденій императрицы Маріи дѣтскіе пріюты—2.609 томовъ.
- 12) Петербургскія городскія начальныя училища свѣтопечатный портретъ Н. И. Новикова, изданный г. Неустровымъ—300 экз. Итого 71.603 тома.

Если бы оцѣнить на деньги приведенный списокъ вкладовъ, около 72 тысячъ томовъ, считая и отправку ихъ въ отдаленные углы Россіи (Иркутскъ, Кавказъ) на собственные средства, то онъ выразилъ бы собою цѣлое состояніе. Пересылка книгъ иногда стоила дороже самыхъ книгъ, а принимая во вниманіе трудность, преодолеваемую въ этомъ дѣлѣ, и многочисленныя огорченія, сопряженныя съ нимъ, слѣдуетъ признать, что пятидесятилѣтнее книголюбіе г. Неустроева представляетъ собою рѣдкій примѣръ безкорыстія и трудолюбія. Огорченія въ этомъ дѣлѣ выпали не малыя. Г. Неустроевъ жаловался на нихъ печатно и устно, и эти жалобы ярко иллюстрируютъ халатность и безучастное отношеніе къ книжному дѣлу многихъ лицъ и учреждений. Такъ, въ газетѣ «Русскій Міръ» за 1872 годъ, № 2, г. Неустроевъ помѣстилъ большое «Заявленіе по поводу отчета Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1867—1869 годы», въ которомъ, между прочимъ, говорится:

«На стр. 36—41, упомянутаго отчета мы прочли описаніе принесенныхъ нами рукописей и церковно-славянскихъ книгъ; послѣднихъ значится только 8 названій, тогда какъ ихъ поступило слишкомъ 100 названій.

«Въ отчетѣ по отдѣленію библіотеки (стр. 84—102), въ числѣ лицъ, сдѣлавшихъ приношеніе книгами для музея, на стр. 90 показано:

«Почетный корреспондентъ музеевъ А. Н. Неустроевъ пожертвовалъ втеченіе этого трехлѣтія 4.217 томовъ (и 16 атласовъ плановъ и картъ). Въ ряду ихъ почетнѣйшее мѣсто занимаютъ книги по части земледѣлія и этнографіи, особенно довольно многочисленныя путешествія, на иностранныхъ языкахъ, а затѣмъ русскія оригинальныя и переводныя изданія конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, отчасти послужившія къ пополненію нѣкоторыхъ пробѣловъ этого отдѣла библіотеки».

«По оставшимся по этому предмету у меня въ копіяхъ документамъ видно, что мною по 1870 годъ пожертвовано было музеямъ не 4.217 томовъ и 16 атласовъ плановъ и картъ, какъ говоритъ отчетъ, а 11.393 тома; кромѣ этого, до 1.000 нумеровъ отдѣльныхъ указовъ прошлаго столѣтія и собраніе плановъ, картъ и портретовъ. Въ числѣ оныхъ книгъ находится библіотека покойнаго извѣстнаго классика И. И. Мартынова, состоящая изъ изданій, начиная съ половины XVI по первую половину XVIII столѣтія, на латинскомъ языкѣ, въ пергаментныхъ переплетахъ, въ форматѣ in folio и in quarto, а также книгъ, изданныхъ Эльзивирами, и собраніе *Ros-sica*, о которыхъ отчетъ вовсе не упоминаетъ.

«Въ отчетахъ музеевъ встрѣчается не впервые умаленіе приношеній моихъ. Такъ, въ отчетѣ за 1864 годъ, напечатанномъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», часть СХХV, отд. II, стр. 583 (онъ былъ и отдѣльно изданъ), я нашелъ свое приношеніе. Тамъ значится: «отъ г. Неустроева 7 раскрашенныхъ

гравюръ, изображающихъ часть ложъ Рафаэля, и 2 гравюры русскихъ гравировъ»; на самомъ же дѣлѣ принесено было первыхъ 7, а вторыхъ не двѣ, а 47. Значить, показано на 45 гравюръ менѣе, въ томъ числѣ былъ хорошій оттискъ гравюры Н. И. Уткина: *Иоаннъ Креститель*».

Въ большинствѣ случаевъ эти заявленія и жалобы не достигали своей цѣли и никого не исправляли. Разказы г. Неустроева по этому поводу поражаютъ многочисленностью случаевъ утратъ книжныхъ вкладовъ, которые были имъ сдѣланы въ тѣ или другія ученые Общества. Эти огорченія не ослабили, однако, энергіи нашего библіофила, и онъ остался вѣренъ разъ намѣченной имъ цѣли до преклоннаго возраста. Но, кромѣ книжныхъ вкладовъ, обогатившихъ наши общественныя библіотеки, г. Неустроевъ сдѣлалъ своими трудами цѣнныя вклады и въ русскую литературу.

Вотъ перечень этихъ трудовъ, разумѣется, мало извѣстныхъ публикѣ, но весьма цѣнныхъ специалистами:

1) «Санктпетербургскія Ученныя Вѣдомости» на 1777 годъ Н. И. Новикова. Изданіе второе. Спб., 1873 г. (350 экз.).

2) Библіографическое описаніе первыхъ LIV частей «Трудовъ» Императорскаго вольно-экономическаго Общества, Спб., 1874 г. (150 экз.).

3) «Экономическій Магазинъ», сельско-хозяйственный журналъ, издававшійся въ 1780—1789 гг. Библіографическое описаніе. Спб., 1874 г. (100 экз.).

4) Библіографическій указатель академическаго журнала «Новыя ежемѣсячныя сочиненія» 1786—1796 гг. Спб., 1874 г. (100 экз.).

5) «Древняя Россійская Вивлюэика» (второе изданіе 1788—1791 гг.). Библіографическое описаніе. Спб., 1874 г. (150 экз.).

6) Алфавитный указатель «Словаря Историческаго», періодически по листу при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» изданнаго въ 1790—1798 гг. Спб., 1874 г. (150 экз.).

7) Библіографическое указаніе «Политическаго Журнала» за 1790—1802 гг. Спб., 1874 г. (150 экз.).

8) Описаніе рѣдкаго нынѣ журнала «Россійскій Магазинъ», изданнаго въ 1792—1794 гг. Ѳ. Туманскимъ. Спб., 1874 г. (150 экз.).

9) Первый русскій медицинскій журналъ «Санктпетербургскія Врачебныя Вѣдомости» 1793 (1792)—1794 гг. Библіографически описанный. Спб., 1874 г. (150 экз.).

10) «Библіотека ученая, экономическая» и проч., издававшаяся П. П. Сумароковымъ въ 1793—1794 гг. въ Тобольскѣ. Библіографически описана. Спб., 1874 г. (150 экз.).

11) «Пріятное и полезное препровожденіе времени», литературный журналъ издававшійся въ 1794—1798 гг. въ Москвѣ. Библіографически описанъ. Спб., 1874 г. (150 экз.).

12) «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ» за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ. Спб., 1874 г. (600 экз.).

13) «Письма И. М. Снегирева къ В. Г. Анастасевичу (1828—1831 гг.). Спб., 1892 г. (100 экз.). Помѣщены были въ «Древней и Новой Россіи».

14) «Указатель (А—В) всѣхъ именъ и статей, встрѣчающихся въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг. и въ историческомъ розысканіи о нихъ. Спб., 1892 г. (100 экз.). Прилагались къ «Древней и Новой Россіи».

15) «С.-Петербургская Городская Дума, справочный сборникъ на 1884 г.». Спб., 1884 г. (Совмѣстно съ М. И. Семевскимъ).

16) «Письма митрополита Евгенія къ В. Г. Анастасевичу изъ Калуги и Пскова (1813—1818 гг.) съ примѣчаніями. Напечатаны въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» за 1880 г. Томъ XVIII, стр. 336—363 и 611—640.

17) Свѣтопечатная копія съ портрета, находящагося въ Императорской Публичной Библиотекѣ, съ автографомъ и слѣдующею надписью: «Николай Ивановичъ Новиковъ родился 26-го апрѣля 1744 года, умеръ 31-го іюля 1818 года. Основатель первыхъ начальныхъ школъ въ С.-Петербургѣ для бѣдныхъ дѣтей 24-го ноября 1777 года». Спб., 1882 г. (300 экз.).

Кромѣ того, А. Н. Неустроевъ помѣстилъ рядъ статей, замѣтокъ и корреспонденцій въ «Русской Старинѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Мирѣ» и «Голосѣ».

Въ настоящее время имъ приготовлено и частію уже приступлено къ печатанію слѣдующихъ сочиненій:

1) «Указатель (полный) всѣхъ именъ и статей, встрѣчающихся въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг. и въ историческомъ розысканіи о нихъ».

2) «Письма митрополита Евгенія къ В. Г. Анастасевичу изъ Калуги и Пскова (1813—1818 гг.), съ примѣчаніями».

3) «Василій Григорьевичъ Рубанъ и его литературные труды 1761—1796 гг., библиографическое изысканіе».

Между этими трудами наиболѣе самостоятельнымъ и виднымъ слѣдуетъ признать «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ въ 1703—1802 годахъ» и «Указатель» всѣхъ именъ и статей, встрѣчающихся въ означенныхъ изданіяхъ и сборникахъ. Самъ г. Неустроевъ говоритъ объ этомъ трудѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Отъ желанія — имѣть подъ руками полную хронологическую роспись нашихъ повременныхъ изданій XVIII вѣка, многіе были не прочь. Но такъ какъ подобный трудъ не могъ быть дѣломъ частнаго лица, по невозможности отыскать если не около, то, во всякомъ случаѣ, и не вдали себя всѣ необходимые матеріалы, способствующіе къ разъясненію, — прибавимъ къ тому же рѣдкость и самыхъ періодическихъ изданій прошлаго столѣтія, изъ которыхъ нѣкоторыя и вовсе не сохранились, или уцѣлѣли только въ одномъ, двухъ или трехъ экземплярахъ; все это успѣшную возможность историческаго розысканія о старинныхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ обусловливало почти исключительно лишь для какого нибудь правительственнаго учрежденія, владѣющаго, сравнительно съ частнымъ человѣкомъ, неизмѣримо большими къ тому средствами. А какъ у каждаго подобнаго учрежденія отыщется всегда

масса специально своихъ, необходимыхъ и нетерпящихъ отлагательствъ, нуждъ и дѣлъ, то такого исторически-библиографическаго копотливаго и неблагодарнаго изданія едва ли можно было бы ожидать. Не смотря на всѣ эти неудобства и препятствія, которыми обставленъ былъ трудъ по историческому розысканію о русскихъ повременныхъ изданіяхъ, мы въ 1868 году, всетаки, приступили къ этому розысканію, съ устойчивою увѣренностью — довести нашу работу до предположеннаго конца. Во всей нашей книгѣ, въ очеркѣ каждаго повременнаго изданія или сборника, вмѣстѣ съ личнымъ составомъ редакціи, равно какъ и издателей, мы старались опредѣлить направленіе изданія. Для этой послѣдней цѣли мы поставили себѣ въ необходимость прочитывать если не все, то большую часть самаго изданія, и его внутреннюю, основную идею опредѣлять уже впечатлѣніемъ личнымъ. Не касаясь здѣсь общаго вопроса о значеніи, которое имѣло въ свое время все печатавшееся въ этихъ изданіяхъ, мы не можемъ не сказать, что историкъ русской литературы не долженъ игнорировать совершенно этотъ періодъ развитія русской мысли. Отъ него, конечно, будетъ зависѣть — почерпнуть для своего труда изъ всего періодически издававшагося въ то время то, что указывало бы болѣе или менѣе выдающіяся формы развитія русской мысли, но для такого выбора онъ долженъ имѣть передъ глазами полную картину этого развитія, со всѣми ея недостатками и излишествами. Если онъ будетъ удовлетворенъ нашею книгою, то мы можемъ сказать, что наше изданіе достигло своей главной цѣли».

Разборъ «Историческаго розысканія» былъ сдѣланъ по порученію Императорской Академіи Наукъ академикомъ А. О. Бычковымъ, и г. Неустроеву присуждена восемнадцатая премія имени графа Уварова.

Но премія этой г. Неустроевъ не взялъ, а назначилъ ее тому, кто составитъ розысканіе, подобное его собственному, о русскихъ повременныхъ изданіяхъ первой половины нынѣшняго столѣтія. Извѣстно, что до сихъ поръ эта премія никому не присуждена, и послѣдователя г. Неустроеву не имѣется. Между тѣмъ самое сочиненіе г. Неустроева сдѣлалось въ свою очередь библиографической рѣдкостью, и въ продажѣ его не всегда можно найти за повышенную цѣну.

Не менѣе полезна общественная дѣятельность А. Н. Неустроева, какъ гласнаго Петербургской думы.

Съ 1874 по 1886 годъ, онъ былъ членомъ исполнительной комиссіи по завѣдыванію городскими начальными училищами, причѣмъ лично завѣдывалъ 14 городскими школами; членомъ комиссіи по назначенію городскихъ стипендіантовъ въ учебныя заведенія; членомъ комиссіи для организаціи дѣла ремесленнаго образованія; членомъ подготовительной комиссіи для обсужденія во-

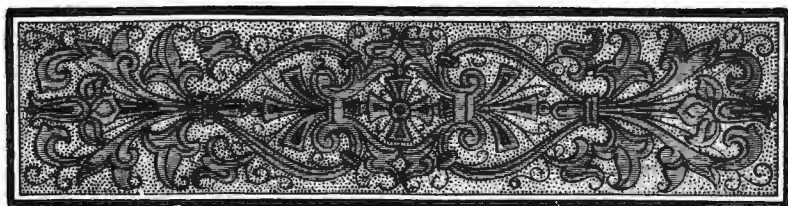
проса объ увеличеніи въ С.-Петербургѣ числа среднихъ учебныхъ заведеній; членомъ исполнительной комиссіи для устройства ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ и завѣдыванія ими, причѣмъ лично завѣдывалъ женскою учебною мастерскою; окружнымъ санитарнымъ попечителемъ; членомъ исполнительной комиссіи для завѣдыванія дѣломъ призрѣнія сиротъ; кандидатомъ къ членамъ въ правительственныя комиссіи по наблюденію за С.-Петербургскими мѣстами заключенія, состоящими въ вѣдѣніи главнаго тюремнаго управленія; принималъ участіе въ устройствѣ библиотеки при городской думѣ, въ составленіи изданія «Справочный сборникъ С.-Петербургской городской думы» и т. д.

Относясь съ любовью къ народному образованію, А. Н. Неустроевъ былъ инициаторомъ основаннаго въ началѣ 1881 года перваго въ Петербургѣ общества для пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ училищахъ. Въ первый же годъ существованія общества А. Н. былъ выбранъ въ члены правленія. Общество имѣло 9.791 рубль капитала при 302 членахъ; а по отчету за 1891 годъ капиталъ его возросъ до 45.580 рублей при 483 членахъ. Ссуды на бѣдныхъ дѣтей простирались до 14.267 рублей 86 коп.

Приведенныя нами краткія данныя достаточно характеризуетъ полувѣковую, въ высшей степени полезную и почтенную дѣятельность А. Н. Неустроева. Отъ души желаемъ, чтобы онъ могъ еще долгіе годы столь же безкорыстно и плодотворно служить дѣлу просвѣщенія и науки.

А. Фаресовъ.

ВОХОНОВСКІЙ МАРИНСКІЙ ЖЕНСКІЙ ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ.

В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ уѣздѣ, Петербургской губерніи, въ 8 верстахъ отъ станціи Елисаветино, Балтійской желѣзной дороги, близъ деревни Вохонова, среди сосноваго бора, на небольшомъ участкѣ земли, ютится мирная женская обитель. Она не поражаетъ глазъ паломника величіемъ храмовъ съ золочеными куполами, нѣтъ въ ней обширныхъ палатъ и многочисленныхъ келій, нѣтъ никакой внѣшней роскоши, но жизнь въ ней полна труда, молитвы и утѣшенія. Тяжелымъ, неустаннымъ трудомъ снискиваютъ себѣ монахини обители дневное пропитаніе.

Первое основаніе обители было положено въ 1884 году, когда мѣстный землевладѣлецъ, бывшій царскосельскій предводитель дворянства, Александръ Платоновичъ Платоновъ, и дочь его, Наталья Александровна Платонова, пожертвовали въ даръ Петербургскому Воскресенскому женскому монастырю (извѣстному подъ именемъ Новодѣвичьяго) шесть съ половиною десятинъ сосноваго лѣса для устройства небольшого скита.

Надо замѣтить, что Воскресенскій монастырь, нѣкогда бывшій за городомъ, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ расширенія столицы, очутился не только въ городской чертѣ, но оказался окруженнымъ обширными зданіями, разными фабриками, скотопригоннымъ дворомъ и т. д., и вслѣдствіе этого для больныхъ инокинь было настоятельно необходимо имѣть загородную собственность, чтобы дышать свѣжимъ воздухомъ. Пожертвованный семействомъ Платоновыхъ земельный участокъ какъ нельзя болѣе подходилъ для этой

цѣли; чистый воздухъ, сосновый лѣсъ, тихая мѣстность, лучше всякихъ лекарствъ могли подкрѣпить слабѣющія силы.

Сооруженіе скита произошло съ необыкновенною быстротою: 4-го февраля 1884 года распланированъ участокъ, а 16-го сентября того же года уже освящена церковь, во имя св. Маріи Магдалины.

По обѣ стороны церкви было выстроено по небольшому бревенчатому корпусу съ пятью комнатами въ каждомъ, для жилья сестеръ; неподалеку были устроены коровникъ, молочная, конюшня, баня и прачешная. Своею привѣтливостью и готовностью отозваться на каждую просьбу, помочь каждому горю, скитянки не замедлили пріобрѣсти къ себѣ расположеніе и довѣріе всего окрестнаго населенія.

Въ 1889 году, въ исторіи скита наступаетъ событіе первостепенной важности: по опредѣленію святѣйшаго синода «принадлежащій С.-Петербургскому Воскресенскому женскому монастырю скитъ возводится въ самостоятельный общежительный женскій монастырь съ наименованіемъ этого монастыря Вохоновскимъ-Маріинскимъ общежительнымъ женскимъ монастыремъ».

Не задолго передъ тѣмъ, въ октябрѣ 1888 года, послѣдовало усиленіе личнаго состава скитянокъ, вслѣдствіе переѣзда въ скитъ нѣсколькихъ новыхъ инокинь Воскресенскаго монастыря, съ заслуженною казначеею монастыря монахинею Аполлоніею во главѣ. Здѣсь не мѣсто касаться причинъ, по которымъ тринадцать монахинь покинули монастырь, гдѣ онѣ приняли постриженіе и прожили большую часть своей жизни, положивъ въ его устройство, развитіе и украшеніе всѣ свои силы и денежныя средства, а монахиня Аполлонія сложила съ себя почетное званіе казначеи, послѣ годоваго самостоятельнаго, вслѣдствіе смерти игуменьи, управленія всѣмъ монастыремъ. Достаточно сказать, что изъ богатаго, вполне устроеннаго монастыря, изъ удобныхъ, обширныхъ келій въ каменныхъ зданіяхъ, монахини въ глубокую осень переходили на вѣчное жителство въ отдаленный скитъ, въ которомъ едва доставало помѣщенія для уже проживавшихъ въ немъ скитянокъ. Къ довершенію невзгодъ, скитъ оказался безъ всякихъ средствъ, такъ какъ съ переѣздомъ монахинь изъ монастыря были порваны съ нимъ всѣ связи, и только впослѣдствіи, при возведеніи скита въ самостоятельную обитель, синодомъ была установлена ежегодная уплата изъ монастырскихъ средствъ въ пользу скита по 1.200 рублей въ годъ; кромѣ того, былъ назначенъ небольшой капиталъ на единовременныя строительныя нужды скита.

Мать Аполлонія бодро приступила къ устройству своей новой обители. Прекрасно образованная, происходя изъ богатой помѣщичьей семьи, дочь заслуженнаго генерала, мать Аполлонія точно забыла себя, свои преклонные годы (ей тогда было шестьдесятъ лѣтъ), свое бывшее высокое положеніе намѣстницы перваго мона-

стыря во всей митрополи и взялась за черный трудъ, какъ обыкновенная рядовая монахиня.

Заботамъ не было конца: надо было увеличивать помѣщеніе, заботиться о пищѣ себѣ, монахинямъ и всѣмъ приходившимъ искать въ монастырѣ пріютъ. Мать Аполлонія сразу установила тотъ строгій монастырскій порядокъ, который является неразлучнымъ спутникомъ всѣхъ истинно преданныхъ своему долгу монашествующихъ. Выставивъ знаменемъ своей дѣятельности «молитва и трудолюбіе», она ни разу не измѣнила ему, являясь для всѣхъ личнымъ примѣромъ примѣненія этихъ высокихъ началъ.

По своему внутреннему устройству, Вохоновскій Маріинскій монастырь представляетъ собою вѣрный снимокъ съ древнихъ общежительныхъ монастырей: всѣ монахини, за исключеніемъ больныхъ, слабыхъ или занятыхъ особыми послушаніями, обязаны участвовать въ общемъ богослуженіи и общей трапезѣ; всѣ монахини имѣютъ простую черную одежду, не исключая старшихъ и самой настоятельницы. Весь день монахини проводятъ въ молитвѣ или трудѣ; въ полдень общая трапеза изъ двухъ-трехъ самыхъ незатѣливыхъ блюдъ; вечеромъ ужинъ изъ остатковъ отъ обѣда. Даже въ настоящее время средства монастыря на столько скудны, что рыба подается только по самымъ торжественнымъ днямъ.

Промежуточные между богослуженіями часы заняты работою такъ какъ только работа даетъ монастырю средства къ существованію, и общимъ упорнымъ трудомъ достигается то, что почтенныя инокини кормятъ не только себя, но и многихъ призрѣваемыхъ въ монастырѣ, а также и всѣхъ входящихъ богомольцевъ и странниковъ.

Монастырь имѣетъ всего шесть съ половиною десятинъ усадебной земли и никакихъ болѣе угодій или капиталовъ, кромѣ ежегодно получаемыхъ изъ средствъ Воскресенскаго монастыря 1.200 рублей и добровольныхъ приношеній. Остальное добывается собственнымъ трудомъ монахинь. Между тѣмъ въ монастырѣ проживаетъ теперь до 80 лицъ, которыхъ надо накормить и одѣть, и которыхъ не имѣютъ никакихъ личныхъ средствъ; кромѣ того, надо заводить полное хозяйство, надо содержать церковь и причтъ. Только подведя итогъ этимъ нуждамъ, можно представить себѣ, хотя бы приблизительно, количество труда и усилій, которое требуется отъ монахинь, чтобы свести концы съ концами; не надо также забывать, что ни одинъ странникъ не уходилъ голоднымъ, никому нѣтъ отказа въ бесплатномъ убѣжищѣ.

Почтенная игуменья Аполлонія—первая труженица; талантливая художница, она съ пользою употребила природный даръ и создала въ монастырѣ образцовую иконописную мастерскую. Это было ей не ново; еще въ бытность ея въ Воскресенскомъ монастырѣ, подъ ея руководствомъ, создались и работали живописная

и золотопшейная мастерскія, доставившія этому монастырю все-россійскую извѣстность. То же самое сдѣлала она и въ своей новой обители, но здѣсь опять приходилось начинать сызнова: обучать ученицъ, постепенно расширять дѣло, добывать заказы и самой трудиться отъ зари до зари, прерывая работу только для молитвы и для иной работы.

Страннопримный домъ монастыря.

На ряду съ живописной мастерской было положено основаніе и другимъ отраслямъ иконописнаго искусства, а именно мастерствамъ: чеканному, шпаклевальному и золотильному. Въ настоящее время старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ какъ въ отношеніи художественномъ, такъ и въ матеріальномъ. Заказы поступаютъ со всѣхъ сторонъ: изъ столицъ, Архангельска, Воронежа, Японіи, Рима и т. д. Монастырь дѣлаетъ отдѣльныя иконы и цѣлыя ико-

ностасы; изготовленные имъ образа безукоризненны: лики выпи-саны отъ руки вполнѣ художественно, чеканная позолота наводится прочно и изящно, и эти качества соединяются съ дешевойною издѣльей.

Кромѣ того, въ мастерской изготовляются хоругви и ризы; между прочимъ золоченыя ризы, вмѣсто парчевыхъ: обыкновенная шелковая матерія золотится тѣмъ же способомъ, какъ золотятъ металлическіе предметы, напримѣръ, крышу; въ результатѣ получается очень кра-сивая, очень прочная и очень легкая, мягкая риза, ниспадающая на священнослужителяхъ эффе́ктными складками и не обременяю-щая ихъ своею тяжеловѣсностью, подобно парчевымъ.

Монастырь все дѣлаетъ себѣ самъ; особая швейная и руководѣль-ная мастерская готовитъ необходимую одежду; нѣсколько мона-хинь и послушницъ, подъ руководствомъ особой сестры, заняты въ башмачной мастерской, запасая обувь на всѣхъ проживающихъ въ монастырѣ. Издѣлія эти не отличаются утонченнымъ изяще-ствомъ цеховыхъ мастеровъ, но прочны и покойны; всѣ онѣ равны въ этомъ отношеніи. Въ трудѣ только проводится неизбежное раз-личіе, заставляя, для пользы самого дѣла, специализироваться однѣхъ и тѣхъ же труженицъ по одному и тому же дѣлу, такъ что иконо-писцы не работаютъ уже въ башмачной или въ руководѣльной и наоборотъ.

Для усиленія своихъ средствъ монастырь арендуетъ у крестьянъ ближайшаго села небольшое поле, которое обрабатываютъ сами мо-нахини; также точно убираютъ онѣ и сѣно съ арендуемыхъ за деньги луговъ. Въ самомъ монастырѣ разведенъ, трудами же мо-нахинь, довольно большой огоро́дь, снабжающій обитель всѣми не-обходимыми овощами и ягодами. Развести плодовой садъ не позво-ляютъ климатическія условія.

Монастырь имѣетъ нѣсколько рабочихъ лошадей и десятокъ ко-ровъ; постановка молочной отрасли хозяйства можетъ служить образ-цомъ и для богатыхъ помѣщичьихъ хозяйствъ: такъ умѣло, такъ старательно ведется дѣло. Коровникъ представляетъ отдѣльное зда-ніе, съ особымъ просторнымъ стойломъ для каждой отдѣльной ско-тины; небольшія окна пропускаютъ достаточно свѣта и воздуха, не выбирая необходимаго тепла. Вода изъ близъ вырытаго колодца проведена въ самый коровникъ, вслѣдствіе чего обезпечивается правильный водопой даже въ снѣжные и морозные зимніе дни. Деревянный полъ даетъ возможность ежедневно перебирать под-стилку, и коровы содержатся въ необыкновенной чистотѣ и опрят-ности, отъ чего, въ свою очередь, увеличивается молочность ко-ровъ; особый дворикъ подъ навѣсомъ предназначенъ для выгона скотины зимою въ менѣе холодные дни. Молочная занимаетъ осо-бую комнату, стѣны которой уставлены рядомъ блестящихъ чи-стоюю горшковъ и посуды. Вслѣдствіе дороговизны рыбы и ску-

дости монастырскихъ средствъ, молочная пища, въ дозволенные дни, является единственнымъ подспорьемъ къ хлѣбу, картофелю и кашѣ. Продавать ничего не приходится, такъ какъ почти ежедневно имѣется до сотни обѣдающихъ въ монастырской трапезѣ и въ страннопріимномъ домѣ.

Положено начало и пчеловодству; въ саду имѣется уже нѣсколько ульевъ, но для развитія пчеловодства, вслѣдствіе условій

Церковь монастыря и келліи.

природы, нуженъ посѣвъ медоносныхъ травъ, слѣдовательно новые расходы, новые труды, и по необходимости приходится отложить это занятіе до болѣе благопріятнаго времени.

Много трудятся въ Вохоновскомъ Маріинскомъ монастырѣ, но заботы о средствахъ къ жизни не поглощаютъ собою всѣхъ помысловъ и всего времени его монахинь. Еще больше вниманія обращено въ монастырѣ на служеніе церкви, и молитвѣ монахини удѣ-

ляютъ не меньше времени, чѣмъ труду. Небольшой деревянный храмъ сосредоточиваетъ на себѣ заботливыя попеченія всѣхъ инокинь; онъ является олицетвореніемъ связующейъ весь монастырь невидимой внутренней силы; въ немъ по нѣсколько разъ въ день сходятся монахини для общей молитвы, въ немъ онѣ полнѣе отстраняются отъ житейскихъ заботъ, и, надо отдать справедливость, никакія затраты не показались обременительными, чтобы увеличить благолѣпіе монастырской церкви.

Царящее въ церкви благолѣпіе достигается не безъ труда и лишеній, такъ какъ на содержаніе, освѣщеніе и постоянное украшеніе, храма тратится значительная часть монастырскаго дохода, въ очевидный ущербъ личнымъ удобствамъ монахинь. Но онѣ не сожальютъ объ этомъ; ихъ настоятельница удалось укрѣпить въ душѣ каждой отрѣшеніе отъ міра и стремленіе не въ его радостяхъ искать себѣ утѣшенія.

Въ дѣятельности настоятельницы, въ существующемъ между нею и сестрами добромъ согласіи и въ воодушевляемой ею твердой вѣрѣ и кроется та великая нравственная сила, которая одна способна была создать изъ скромнаго монастырскаго скита тотъ домъ молитвы, труда и утѣшенія, какимъ и долженъ быть каждый монастырь.

При монастырѣ имѣется школа, въ которой десятокъ проживающихъ въ обители сиротъ обучается не только грамотѣ и закону Божію, но и начальнымъ свѣдѣніямъ по ариѳметикѣ, географіи и отечественной исторіи; кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, дѣвочки обучаются рукодѣльямъ и башмачному ремеслу.

Страннопріимный домъ занимаетъ двухъэтажное зданіе около самой ограды. Незатѣйливое устройство его комнатъ окупается необычайнымъ радушіемъ. Въ нѣкоторые дни число богомольцевъ насчитывается десятками, напримѣръ, въ храмовой праздникъ (въ день св. Маріи Магдалины), въ день св. Пантелеймона (особо чтимаго въ монастырѣ); втеченіе великаго поста было до семисотъ исповѣдниковъ, почти исключительно бѣдныхъ богомольцевъ; и всѣ они нашли себѣ бесплатный пріютъ и пищу.

Вотъ въ немногихъ строкахъ общая картина внутренней и внѣшней жизни Вохоновскаго Маріинскаго монастыря; здѣсь многое не досказано, такъ какъ несомнѣнно много хорошаго и заслуживающаго подражанія ускользаетъ отъ вниманія посторонняго посѣтителя.

С. В.

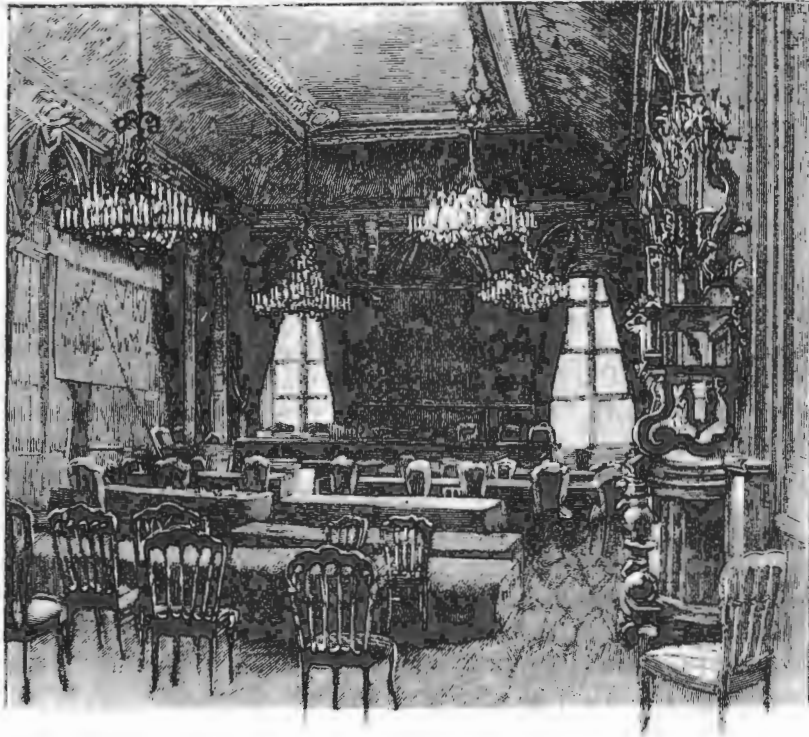
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРЕТЕЙСКИЙ СУДЬ.

ИЗВѢСТНО, какую важную роль играютъ въ исторіи громкія фразы, но нѣтъ, не было и не будетъ фразы, которая стоила бы столько бѣдствій человѣчеству, какъ злополучное и нелѣпое латинское изреченіе: «*si vis pacem, para bellum*». Благодаря этимъ пяти словамъ мертвого, отжившаго языка, положеннымъ въ основу европейской политики, съ того времени, какъ ею стала руководить Бисмарковская теорія, что сила господствуетъ надъ правомъ, создано то несчастное положеніе вооруженнаго мира, въ которомъ находятся уже болѣе четверти вѣка всѣ европейскія государства, приходящія въ результатъ только все къ большему и большему разоренію. Что дѣйствительно современная Европа желаетъ мира, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: всѣ правительства, какъ находящіяся въ тройственномъ или двойственномъ союзѣ, такъ и сохраняющія пока одиночество, громко распространяются о своей преданности миру, хотя на повѣрку выходитъ, что этотъ миръ вооруженный, всѣ органы печати единогласно посвящаютъ краснорѣчивыя статьи на прославленіе того же немирнаго мира, а всѣ народы безмолвно вздыхаютъ о мирѣ, но настоящемъ, а не о томъ перемиріи, которое стоитъ имъ такъ дорого и ведетъ только къ усиленію общей бѣдности, къ увеличенію международной ненависти. Почему же этотъ миръ, предметъ всеобщихъ желаній, получаетъ воинственный характеръ и служитъ лишь къ умноженію золь, а не благъ среди человѣчества? По той простой причинѣ, что всѣ государства держатся пресловутаго латинскаго изреченія и, желая мира, готовятъ войну на колоссальной ногѣ. Дѣйствительно, въ настоящее время вся

Европа представляет громадный военный лагерь въ 3.417.000 солдатъ, стоящихъ 4 миллиарда рублей и число которыхъ при мобилизации возросло бы до 22 миллионъ съ расходомъ въ 25 миллиардовъ; а если подвести итогъ, во что обошелся Европѣ этотъ способъ обезпеченія мира въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, то получится цифра въ 38 миллиардовъ, къ которой надо прибавить еще ту сумму дохода, котораго лишаются государства, держа лишннихъ полмилліона солдатъ, а именно 27 миллиардовъ, а всего получится общая цифра въ 65 миллиардовъ. Но это только расходъ на излишекъ европейскихъ армій противъ основной ея цифры въ 1865 году въ 2 миллиарда, и прибавляя сумму этого расхода за двадцать семь лѣтъ, т. е. 54 миллиарда, мы получимъ невѣроятную цифру въ 119 миллиардовъ, уже не говоря о томъ, что стоили войны, происходившія въ это время и служившія естественнымъ результатомъ подобнаго вооруженнаго мира. Надо ли еще прибавлять, что европейскія государства, благодаря этой политикѣ—«*si vis pacem, para bellum*», платятъ ежегодно процентовъ по займамъ 3 миллиарда 120 миллионъ и вообще «расходуютъ 75% живыхъ богатствъ странъ, по мѣткому выраженію французскаго публициста Пасси, на мертвое дѣло, т. е. на вооруженія, тогда какъ всего 25% посвящается на живое дѣло, т. е. на улучшение человѣческой доли». Такимъ образомъ мы видимъ, что, желая мира и готовя для этого войну, Европа нисколько не обезпечиваетъ себѣ мира, пользуется лишь непрочнымъ перемиріемъ, разоряется въ конецъ и поддерживаетъ международныя ненависти, которыя усиливаются такъ называемыми тройственными и двойственными лигами мира. Пора Европѣ задать себѣ вопросъ: не слѣдуетъ ли для достиженія всѣми желаемаго мира замѣнить нелогичную и ложную въ самой своей основѣ систему обезпеченія мира военными способами другой единственно логичной, единственно разумной системой, обезпеченія мира мирными средствами. Но въ чемъ заключаются эти мирныя средства? Очевидно, ихъ существуетъ только два: общее разоруженіе и международный третейскій судъ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ между государствами. Долго то и другое признавалось одинаково не осуществимой утопией, но въ послѣдніе годы, хотя первое средство кажется попрежнему невысказаннымъ въ виду общаго лихорадочнаго усиленія армій и флотовъ, второе все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ право гражданства, и одинъ международный вопросъ за другимъ исполнѣ удовлетворительно разрѣшается путемъ приговора избранныхъ тяжущимися сторонами третейскихъ судей. Конечно, отъ этого еще далеко до установленія общаго постоянного международного третейскаго суда, что само собой привело бы если не къ всеобщему разоруженію, то къ постепенному уменьшенію военныхъ силъ, но это большой шагъ по единственно прямому, вѣрному пути къ обезпеченію того настоящаго мира, о

которомъ всѣ говорятъ, котораго всѣ желаютъ и для достиженія котораго только цѣлесообразно работаютъ наравнѣ съ его теоретическими сторонниками, подготавливающими своей проповѣдью мира общественное мнѣнiе, доселѣ, по словамъ Мольтке и Каприви, стоящее болѣе правительствъ за вооруженія, практическіе его бойцы, государственные люди, созывающіе международные третейскіе суды для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ между различными странами. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія не-

Зала, гдѣ собирався третейскій судъ.

давно засѣдавшій въ Парижѣ международный третейскій судъ мирно разрѣшившій спорный между Англiей и Американскими Соединенными Штатами вопросъ о котиковомъ промыслѣ въ Беринговомъ морѣ. Этотъ знаменательный фактъ въ исторіи нашего времени приобретаетъ тѣмъ большую важность, что онъ совершился во время преній германскаго рейхстага о пресловутомъ военномъ законѣ, и доказываетъ воочию, что не поэтическую утопію, а прозаическую дѣйствительность составляетъ разрѣшеніе международныхъ распрей третейскимъ судомъ даже въ эпоху лихорадочныхъ

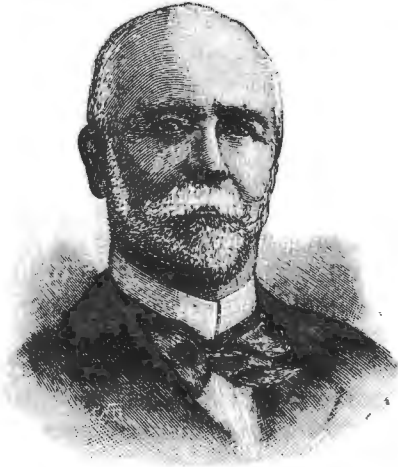
вооруженій. Поэтому представляется далеко не лишнимъ краткій очеркъ дѣятельности международного третейскаго суда о котиковомъ промыслѣ въ Беринговомъ морѣ въ связи съ прежними примѣрами подобнаго мирнаго разрѣшенія распрей между государствами и новѣйшими результатами частной пропаганды этого единственнаго рациональнаго способа обезпеченія мира, котораго жаждетъ вся Европа.

Ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ, знаменитый Вильямъ Пеннъ напечаталъ небольшую брошюру подъ заглавіемъ «Очеркъ настоящаго и будущаго мира въ Европѣ» (Essay on the present and future peace of Europe), въ которой онъ предлагалъ учрежденіе общаго конгресса для разрѣшенія международныхъ споровъ, и доказывалъ осуществимость своей идеи существованіемъ «великаго проекта» Генриха IV и примѣромъ Нидерландскихъ Генеральныхъ Штатовъ. Хотя до сихъ поръ такой постоянный международный третейскій судъ не установленъ, но мысль славнаго филантропа не разъ практически приводилась въ исполненіе по отдѣльнымъ вопросамъ и преимущественно Соединенными Американскими Штатами, одинъ изъ которыхъ былъ основанъ самимъ Пенномъ и названъ по его имени Пенсильваніей. Конечно, еще ранѣе Швейцарія во всѣхъ своихъ трактатахъ съ сосѣдними державами ставила условіемъ, что возникающіе между ними споры должны быть разрѣшены третейскимъ судомъ, но, слѣдуя этому примѣру маленькой республики Старога Свѣта, ея болѣе крупная американская сестра, по совѣту своихъ основателей Франклина, Вашингтона, Джеферсона и Адамса, впервые примѣняла на широкой ногѣ означенный принципъ въ своихъ сношеніяхъ съ европейскими и американскими государствами. Въ 1794 году былъ разрѣшенъ третейскимъ судьей, избраннымъ Соединенными Штатами и Англіей, спорный вопросъ о сѣверо-западной границѣ между ихъ территоріями по трактату 1783 года, а въ 1822 году этими же государствами былъ избранъ третейскимъ судьей русскій императоръ Александръ I для миролюбнаго окончанія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ по примѣненію Гентскаго трактата 1814 года, и его приговоръ былъ безпрекословно исполненъ обѣими сторонами. Такимъ же образомъ разрѣшены третейскою комиссіей распри между Соединенными Штатами и Англіей въ 1853 году насчетъ вознагражденія за захватъ англійскими судами американскихъ кораблей и по поводу Пюджетскаго пролива. Французскій императоръ Наполеонъ III разрѣшилъ, въ качествѣ третейскаго судьи, давнишній споръ между Соединенными Штатами и Португаліей объ убыткахъ за сожженный англичанами въ 1814 мексиканскій корабль въ Фаяльскомъ портѣ, а распри между Соединенными Штатами и Мексикой, Чили, Новой Гренадой, Коста-Сикой и Перу были мирно покончены третейскими приговорами прусскаго короля, бельгійскаго короля и

международной комиссіи. Примѣру Соединенныхъ Штатовъ слѣдовали и европейскія государства по нѣкоторымъ спорнымъ между ними вопросамъ, преимущественно колониальнаго характера: препирательство между Франціей и Англіей по поводу захвата англійскихъ коммерческихъ кораблей французскими крейсерами у Мароккаго берега въ 1854 году было разрѣшено третейскимъ приговоромъ прусскаго короля, а распря между Англіей и Бразиліей въ 1863 году—подобнымъ же приговоромъ бельгійскаго короля. Наконецъ, въ послѣдніе годы разрѣшены международнымъ третейскимъ судомъ столкновение Франціи съ

Голландіей по поводу границъ между ихъ владѣніями въ Гвіанѣ, и Германіи съ Испаніей, относительно Филиппинскихъ острововъ, а вопросъ объ Архипелагѣ Самоа, возбудившій серьезныя препирательства между Англіей, Соединенными Штатами и Германіей, мирно поконченъ конгрессомъ представителей этихъ державъ въ Берлинѣ. Но самымъ важнымъ и знаменательнымъ до сихъ поръ международнымъ вопросомъ, который мирно окончено третейскимъ судомъ, былъ Алабамскій, на столько возбудившій національныя страсти въ Англии и Соединенныхъ Шта-

тахъ, что едва дѣло не дошло до войны. Хотя Англія въ этомъ случаѣ была кругомъ виновата, а Америка совершенно права, но втеченіе многихъ лѣтъ шла между ними ожесточенная дипломатическая борьба, и только Гладстонъ, сдѣлавшись впервые премьеромъ, согласился на заключеніе Вашингтонскаго трактата о третейскомъ судѣ, не смотря на то, что по его собственнымъ словамъ, третейское разбирательство не улыбалось Англій, и изъ четырнадцати подобныхъ примѣровъ лишь въ четырехъ случаяхъ рѣшеніе было въ пользу ея. Онъ прямо заявилъ, что имѣетъ въ виду интересы мира и справедливости, а не финансовыя расчеты, а потому когда третейскій судъ въ Женевѣ изъ представителей Англии, Соединенныхъ Штатовъ, Итали, Бразиліи и Швейцаріи, подъ предсѣдательствомъ графа Склописа, присудилъ Англію уплатить Америкѣ три милліона фунтовъ стерлинговъ за убытки, нанесенныя американцамъ во время борьбы Сѣвера съ Югомъ южнымъ крейсеромъ Алабамой, вышедшимъ изъ англійскаго порта, подъ англійскимъ флагомъ и имѣвшимъ англійскій экипажъ, въ

Баронъ Курсель, предсѣдатель третейскаго суда.

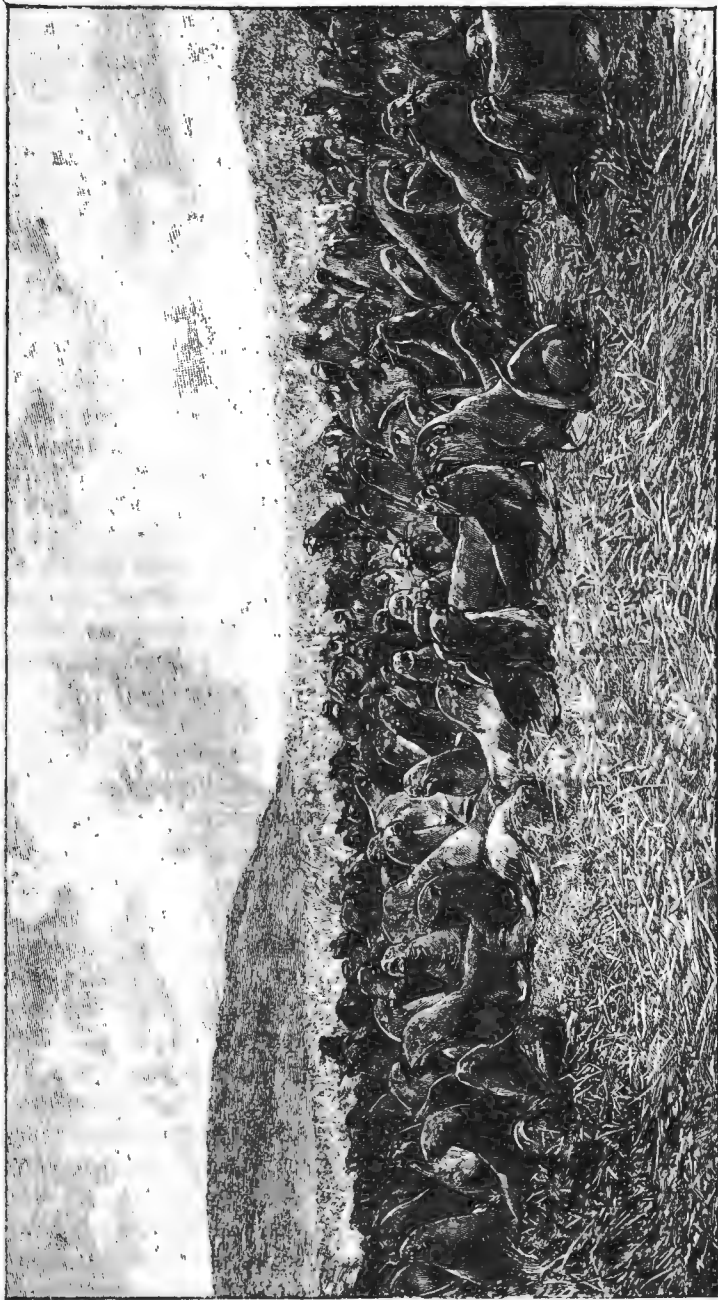
томъ числѣ нѣсколько матросовъ, получавшихъ жалованье отъ англійскаго правительства, то онъ безпрекословно заплатилъ эту крупную сумму. Хотя популярность Гладстона на его родинѣ временно пострадала отъ такого благороднаго измѣненія обычной корыстной внѣшней политики Англiи, весь свѣтъ, а черезъ нѣсколько времени и сама Англія, признали, что онъ оказалъ тогда человечеству великую услугу, прекрасно имъ самимъ охарактеризованную въ словахъ, произнесенныхъ въ нижней палатѣ: «Какъ ни тяжела наложенная на насъ пеня, но она теряетъ всякое значеніе въ сравненіи съ нравственнымъ величіемъ того примѣра, который дали всему свѣту двѣ великія націи, рѣшившіяся, не смотря на всю ревнивую охрану своей національной чести, явиться передъ третейскимъ судомъ вмѣсто того, чтобъ по обычаю разрѣшить мечемъ распрю между собою». Естественно, что, образовавъ свое четвертое министерство въ то время, когда между Англіей и Соединенными Штатами возникъ новый, также длившійся годами спорный вопросъ о котиковомъ промыслѣ въ Беринговомъ морѣ, Гладстонъ не упустилъ случая дать свѣту второй примѣръ мирнаго разрѣшенія международныхъ распрей, и по его инициативѣ собрался въ Парижѣ лѣтомъ нынѣшняго года международный третейскій судъ, блистательно окончившій долговременныя столкновенія между обѣими странами на строго научныхъ и правовыхъ началахъ. Это послѣднее обстоятельство, то-есть подкладка приговора, выработанная извѣстными, исполнѣ компетентными юристами и всесвѣтными естествоиспытателями, еще болѣе возвышаетъ значеніе дѣятельности парижскаго трибунала, такъ какъ онъ не только подтвердилъ возможность разрѣшенія международныхъ распрей подобнымъ путемъ, но и указалъ на самую соотвѣтственную форму для осуществленія этого мирнаго обезпеченія мира.

Фактическая сторона вопроса о котиковомъ промыслѣ въ Беринговомъ морѣ заключается въ томъ, что американское правительство, купивъ у Россіи въ 1867 году ея американскія владѣнія, то-есть Аляску и принадлежащія къ ней острова, отдало въ аренду монополію ловли котиковъ въ этихъ мѣстностяхъ, а такъ какъ за эту аренду оно получило въ нѣсколько лѣтъ всю уплоченную Россіи сумму въ 7.200.000 долларовъ, то ревниво охраняетъ исключительныя права арендаторовъ. Съ другой стороны, Англія, основываясь на принципѣ свободы морей, не признаетъ Берингова моря закрытымъ и считаетъ, что ея соотечественники, преимущественно канадцы, имѣютъ полное право производить ловлю котиковъ въ водахъ какъ Тихаго океана, такъ и Берингова моря. Естественно, что подобная ловля, называемая американцами контрабандой, причиняетъ имъ громадный убытокъ, тѣмъ болѣе, что арендаторы котикова промысла не имѣютъ права убивать въ годъ болѣе 100.000 этихъ животныхъ, и то на Прибыловыхъ островахъ, гдѣ котики

Бой котиковъ.

собираются ежегодно лѣтомъ для размноженія, а контрабандисты производятъ свою ловлю въ открытомъ морѣ безъ всякаго счета и разбора. Результатомъ такого огульнаго избіенія драгоцѣнной по ея мѣху породы тюленей было быстрое уменьшеніе ея, грозящее совершеннымъ уничтоженіемъ, а потому американское правительство начало принимать крутыя мѣры. Въ 1886 году американскія таможенныя власти захватили безъ всякаго предупрежденія три англійскія судна, производившія ловлю котиковъ въ Беринговомъ морѣ, и Ситхинскій судъ подвергъ капитановъ значительному штрафу и тюремному заключенію. Англійское правительство протестовало, и возникли безконечныя дипломатическія пререканія, которыя окончились тѣмъ, что былъ заключенъ такъ называемый *modus vivendi*, то-есть временное соглашеніе о томъ, что ловля котиковъ запрещена въ восточной части Берингова моря, и американцы ограничили свое право убивать котиковъ на Прибыловыхъ островахъ опредѣленной цифрой въ 7.500 штукъ ежегодно до окончательнаго разрѣшенія спорнаго вопроса. Для послѣдней цѣли и созванъ въ Парижѣ международный третейскій судъ изъ представителей тяжущихся сторонъ, Франціи, Италіи и Норвегіи. Составъ этого суда оказался вполне компетентнымъ и со всѣхъ точекъ зрѣнія образцовымъ. Предсѣдателемъ избранъ по всегдашнему обычаю представитель той страны, гдѣ созванъ третейскій судъ, именно баронъ Курсель, извѣстный французскій дипломатъ и знатокъ международного права; делегатами Англіи явились—судья лордъ Ганенъ и канадскій первый министръ, сэръ Джонъ Томсонъ, а отъ Соединенныхъ Штатовъ—судья Гарланъ и сенаторъ Морганъ; со стороны же Италіи и Норвегіи были назначены бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Висконта-Веноста и судья Граммъ. Такъ какъ созванный въ Парижѣ международный трибуналъ имѣлъ вполне характеръ суда, то интересы Англіи и Соединенныхъ Штатовъ поддерживались лучшими адвокатами той и другой страны, а самыя засѣданія происходили публично въ одной изъ залъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ; во главѣ враждебныхъ группъ защитниковъ находились талантливѣйшіе юристы Англіи: сэръ Чарльсъ Россель, нынѣшній генераль-атторней (главный прокуроръ), и сэръ Ричардъ Вебстеръ, бывшій генераль-атторней въ министерствѣ лорда Сольсбери, а также Америки—Фельпсъ, бывшій посланникъ въ Берлинѣ, сумѣвшій обойти Бисмарка на конгрессѣ по вопросу объ архипелагѣ Самоа, Кудертъ и Картеръ. Хотя третейскій судъ не вызывалъ экспертовъ, но въ виду научной, чисто технической стороны подлежаващаго ему разбирательству вопроса подготовлена была обширная литература, разсматривавшая его съ точекъ зрѣнія естествознанія и международного права; въ этой литературѣ первое мѣсто занимали подробный, основательный отчетъ Генри Эллиота, посланнаго американскимъ конгрессомъ въ 1890 году для изслѣдо-

Котика на Прибыловых островах.

ванія на мѣстѣ въ Беринговомъ морѣ ловли котиковъ, и письменныя мнѣнія о научной сторонѣ этой ловли первоклассныхъ, всесвѣтныхъ естествоиспытателей: англичанина Гексли, французовъ Мильтъ-Едуардса и Бланшара, итальянцевъ Салвадари и Джиглиоли, русскихъ Мидендорфа и Шренка, нѣмца Неринга и т. д. При такомъ составѣ и съ такими матеріалами въ рукахъ парижскій международный судъ обсуждалъ со всѣхъ сторонъ предложенный ему вопросъ въ продолженіе трехъ съ половиной мѣсяцевъ и, наконецъ, 15-го августа объявилъ свой приговоръ, составляющій образецъ для послѣдующихъ международныхъ трибуналовъ. Но чтобы исполнѣ оцѣнить всю цѣлесообразность, основательность и справедливость этого приговора, дополнимъ уже приведенныя свѣдѣнія о спорномъ вопросѣ картинкой котикова промысла въ Беринговомъ морѣ, какъ онъ выяснился изъ матеріаловъ, предъявленныхъ суду, краснорѣчивыхъ рѣчей адвокатовъ обѣихъ сторонъ и мотивовъ самаго приговора.

Морскіе коты, или котики, составляютъ особый видъ пушистыхъ тюленей, называемыхъ поанглійски *fur-sials*, пофранцузски *rhoque à fourrure* и *loutres*, а полатыни *calorinus ursinus*, которые даютъ высокоцѣнный въ торговлѣ мѣхъ, преимущественно отдѣлываемый въ Англіи, превосходящій красотой и прочностью лучшей бархатъ и стоящій отъ 1.200 до 1.500 марокъ на дамское пальто. Въ прежнія времена они были очень распространены въ различныхъ моряхъ, но теперь они почти исключительно водятся въ Тихомъ океанѣ, и главными ихъ сосредоточеніями служатъ въ Беринговомъ морѣ принадлежащія Россіи острова Командорскіе и Тюленьи, а въ особенности проданныя Америкѣ Прибыловы острова: тутъ ежегодно въ іюнѣ мѣсяцѣ собираются котики, плавающіе въ остальное время года въ открытомъ морѣ, для размноженія и остаются въ своихъ ложбищахъ до ноября, когда снова исчезаютъ. Число ихъ на этихъ двухъ маленькихъ островахъ достигаетъ ежегодно до 4.700.000 штукъ, но съ давнихъ поръ какъ при русскомъ, такъ и при американскомъ владычествѣ ихъ убивали такое множество и безъ всякаго разбора, что естественно ихъ численность значительно понижается, и необходимо принять мѣры для сохраненія этой драгоцѣнной породы. Собственно на Прибыловыхъ островахъ, по постановленію американскаго правительства, убивали не болѣе 100.000 котиковъ, и то исключительно молодыхъ холостяковъ, которыхъ загоняютъ въ особыя мѣста и осторожно избиваютъ палками, сохраняя въ цѣлости шкурки; эти цифры и этотъ способъ уничтоженія признаются всѣми научными авторитетами вполне соответственными для сохраненія породы, такъ какъ лишь ловля котиковъ въ открытомъ морѣ, производимая такъ называемыми контрабандистами, среди которыхъ, однако, рядомъ съ канадцами встрѣчается много и американцевъ, дѣйствуетъ губительно потому, что

при этомъ стрѣляютъ безъ разбора въ самокъ съ дѣтенышами и истребляютъ зря кого ни попало. Противъ этой-то ловли единогласно высказались всѣ ученые, представившіе свои мнѣнія въ качествѣ экспертовъ. Такимъ образомъ, международному третейскому суду предстояло съ одной стороны высказаться относительно притязаній Америки на исключительное право, будто бы переданное ей Россіей на пользованіе водами въ Беринговомъ морѣ, а съ другой — урегулировать ловлю котиковъ въ такомъ смыслѣ, чтобъ обезпечено было сохраненіе этой наиболѣе замѣчательной породы тюленей. Надо отдать справедливость, что его приговоръ блестяще разрѣшаетъ такую трудную, повидимому, безъисходную дилему. Теоретически онъ рѣшаетъ дѣло въ пользу Англій, а практически въ пользу Америки: въ первомъ отношеніи постановлено, что Соединенные Штаты не могли получить отъ Россіи такихъ правъ, которыхъ послѣдняя не имѣла, а слѣдовательно они не имѣютъ никакого права внѣ трехмильной береговой границы на собственность или охрану котиковъ въ Беринговомъ морѣ, входящемъ по силѣ трактатовъ въ общій терминъ Тихаго океана, а въ послѣднемъ признано единственно правильной и законной ловля котиковъ по американскому способу на сушѣ, а не въ открытомъ морѣ. Для практическаго осуществленія послѣдней стороны своего рѣшенія судъ выработалъ цѣлый рядъ правилъ, регламентирующихъ ловлю котиковъ на сушѣ въ извѣстныя времена года и при извѣстныхъ условіяхъ, а, напротивъ, воспрепятствующихъ ихъ ловлю въ открытомъ морѣ, особенно посредствомъ огульнаго избіенія несчастныхъ животныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Конечно, какъ всегда бываетъ, обѣ стороны остались недовольны приговоромъ: англичане, въ особенности канадцы, считаютъ, что отнынѣ вся торговля котиками перейдетъ въ руки американцевъ, и признаніе права всѣхъ на свободное пользованіе морями останется безплоднымъ, а американцы жалуются, что ихъ несомнѣнныя права нарушены. Но всѣ благомыслящіе, безпристрастные люди какъ въ той, такъ и въ другой странѣ признали, что своимъ вполне правильнымъ приговоромъ парижскій третейскій судъ оказалъ громадную услугу не только Англій и Соединеннымъ Штатамъ, но и всему человѣчеству, такъ какъ личные интересы двухъ націй, или, лучше сказать, частныхъ лицъ, принадлежащихъ къ двумъ націямъ, ступшевыаются передъ тѣмъ значительнымъ шагомъ, который сдѣлалъ весь свѣтъ на пути къ мирному обезпеченію мира.

Вся важность въ этомъ отношеніи парижскаго международного третейскаго суда, конечно, всего болѣе оцѣнена друзьями мира во всѣхъ странахъ Европы и ихъ лучшими представителями, членами бюро международной парламентской конференціи, недавно собиравшейся въ Брюсселѣ. Такъ какъ Гладстонъ былъ душою этого великаго гуманнаго дѣла, и въ то самое время, когда засѣдалъ тре-

тейскій судъ въ Парижѣ, онъ еще побудилъ англійскую палату общинъ принять многознаменательную резолюцію о вступленіи въ переговоры съ Соединенными Штатами для заключенія трактата съ цѣлью постояннаго разрѣшенія спорныхъ между обѣими странами вопросовъ третейскимъ судомъ, то бюро послало ему благодарственный адресъ, въ которомъ излагаются его великія услуги дѣлу обезпеченія мира мирнымъ путемъ. Означенный адресъ ясно обнаруживаетъ характеръ дѣятельности международныхъ парламентскихъ конференцій, основанныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, засѣдающихъ попеременно въ главнѣйшихъ европейскихъ столицахъ и служащихъ могущественнымъ орудіемъ пропаганды идей мира, такъ какъ члены ихъ, депутаты различныхъ парламентовъ, распространяютъ поддерживаемое ими движеніе во всѣхъ законодательныхъ собраніяхъ. Такъ, въ Венгріи депутатъ Пазменди, въ Италіи депутатъ Пандольфи, а въ Румыніи министръ иностранныхъ дѣлъ недавно публично высказались въ пользу практическаго осуществленія пропагандируемыхъ ими идей. Не меньшую пользу въ этомъ же направленіи приносятъ многочисленныя, частныя усилія друзей мира на Западѣ, во главѣ которыхъ съ нѣкоторыхъ поръ стоитъ извѣстная баронесса Зутнеръ, австрійская писательница, авторъ романа «Долой Оружіе» и редакторша журнала подъ тѣмъ же заглавіемъ. Въ ея статьѣ, помѣщенной въ парижскомъ журналѣ «*Vie Contemporaine*», эта пламенная проповѣдница мира указываетъ вполне основательно, что парижскій третейскій судъ, практически подтверждая возможность мирнаго обезпеченія мира, «роетъ могилу роковой системѣ *si vis pacem, para bellum* и подготавливаетъ раннее или позднее, но неизбѣжное при теперешней фазѣ цивилизаціи созваніе всеобщаго конгресса представителей всѣхъ государствъ для выработки союза не трехъ противъ двухъ, или пяти противъ шести, а всѣхъ образованныхъ націй съ цѣлью водворенія всеобщаго мира, вмѣсто теперешняго всеобщаго военнаго лагеря». Надняхъ благотворная пропаганда друзей мира ознаменовалась тремя важными фактами: въ Бернѣ началъ выходить новый журналъ, посвященный специально распространенію идеи мира подъ заглавіемъ «*Monatliche Friedens Korrespondenz*», издаваемый постояннымъ бюро «Конгресса Мира» и бесплатно высылаемый всѣмъ желающимъ; въ Цюрихѣ основанъ университетскій союзъ мира, къ которому, по всей вѣроятности, вскорѣ примкнутъ профессоръ и студенты другихъ швейцарскихъ университетовъ, наконецъ въ Берлинѣ образовалось «общество мира», въ числѣ учредителей котораго находятся люди, пользующіеся общей извѣстностью, какъ романистъ Шпильгагенъ, профессоръ Вильгельмъ Ферстеръ, графъ Батмеръ и т. д. Въ особенности послѣднее обстоятельство составляетъ знаменье времени, такъ какъ до сихъ поръ въ Германіи, этой родинѣ милитаризма и зловредной теоріи: «*si vis pacem, para bellum*», не су-

ществовало ничего подобного многочисленнымъ лигамъ мира другихъ европейскихъ странъ; указывая на этотъ фактъ, воззваніе къ германскому народу, напечатанное новымъ обществомъ въ нѣмецкихъ газетахъ, прямо говоритъ, что именно это общество основано съ цѣлью уничтожить право образованныхъ людей утверждать, что германскій народъ менѣе миролюбивъ, чѣмъ другія націи. вмѣстѣ съ тѣмъ авторы этого воззванія заявляютъ, что цѣль ихъ усилій исполнѣ практична, такъ какъ, въ случаѣ широкаго распространенія пропагандируемой ими идеи, они будутъ имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе, а такъ какъ борьба съ общественнымъ мнѣніемъ, которое служитъ выраженіемъ народной воли, долго немыслима даже въ Германіи, то наконецъ исчезнетъ тотъ страхъ передъ войной, который тяготѣетъ надъ всей Европой и заставляетъ держать подъ ружьемъ цѣлыя массы населеній. Всѣ эти факты даютъ полное право друзьямъ мира, которыхъ такъ долго осыпали насмѣшками политическіе дѣльцы, считать свою пропаганду не утопией, а великимъ практическимъ дѣломъ, и потому съ усиленной энергіей продолжать успѣшно распространяемое ими движеніе, служащее самой лучшей, самой достойной связью между оканчивающимся XIX вѣкомъ и уже быстро надвигающимся XX вѣкомъ. «Въ первой трети нашего столѣтія, краснорѣчиво замѣчаетъ одинъ изъ пламенныхъ апостоловъ мира, испанскій сенаторъ Маркоарту, въ недавнемъ письмѣ къ Жюлю Симону, также энергичному бойцу мира, какъ доказываетъ, между прочимъ, его горячая статья подъ заглавіемъ «Миръ» въ первой ноябрьской книжкѣ «La Vie Contemporaine»,—царь сказалъ землѣ: «нѣтъ болѣе горь», и желѣзнодорожные рельсы уничтожаютъ всѣ преграды къ взаимнымъ сношеніямъ народовъ; во второй трети столѣтія электричество сказало водѣ: «нѣтъ болѣе океана», и человѣческая мысль безпрепятственно пробѣгаетъ изъ стараго свѣта въ новый; пора же наконецъ, чтобъ въ послѣдней трети оканчивающагося вѣка разумъ сказалъ людямъ: «нѣтъ болѣе войны».

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія 83-го пѣхотнаго Самурскаго Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича полка. Составилъ капитанъ А. Петровъ. Петровскъ (на Кавказѣ). 1893.

ИСТОРИЯ полковъ,—говоритъ одинъ приказъ по военному вѣдомству,—служить однимъ изъ вѣрныхъ залоговъ нравственной силы частей войскъ». Сознвая всю важность этого дѣла, военное министерство еще въ 1833 г. поручило составленіе хроники пѣшей арміи особой комиссіи; въ 1881 г. дѣло составленія войсковыхъ хробыло передано въ главный штабъ. Независимо отъ того, войсковыя части нерѣдко издавали свои исторіи, которыя помимо спеціальнаго назначенія, указаннаго приведеннымъ приказомъ, могли иногда служить подспорьемъ и для общей исторіи. Такое значеніе имѣютъ особенно нѣкоторыя сочиненія объ исторіи войсковыхъ частей Кавказа, какъ по тѣсной связи его исторіи въ последнее столѣтіе съ исторіей Кавказской войны, такъ и по своимъ достоинствамъ (напримѣръ сочиненія гг. Казбека, Зиссермана, Бобровскаго, Потто). Недавно вышедшая книга капитана Петрова, представляющая объемистый томъ въ 728 страницъ текста и 87 стр. приложений, посвящена исторіи Самурскаго пѣхотнаго полка. Хотя и молодой (онъ сформированъ только въ 1846 г.), этотъ полкъ принималъ выдающееся участіе во многихъ походахъ и экспедиціяхъ, почему исторія его не лишена интереса и для неспециалиста. Мы намѣрены сдѣлать нѣсколько замѣчаній на трудъ и по поводу труда г. Петрова.

Исторія всякой войсковой части должна, между прочимъ, служить однимъ изъ элементовъ для исторіи всей арміи, какъ одного изъ факторовъ общественной жизни, слѣдовательно должна дать матеріаль и вообще исто-

рику государства и общества. Конечно, такую услугу она может оказать, при возможном соблюденіи научныхъ требованій, описывая не только участіе части въ военныхъ дѣйствіяхъ, но обращая главнымъ образомъ вниманіе на бытовую ея жизнь, на тѣ факты, повидимому, нерѣдко мелочные, которые только и могутъ доставить матеріалъ для характеристики того или другаго общественнаго организма. Описанія, при томъ самыя подробныя различныхъ войнъ и сраженій мы найдемъ во многихъ общихъ и специальныхъ сочиненіяхъ, но какъ жилъ солдатъ, какъ онъ думалъ, чувствовалъ, каковы были его отношенія къ обществу и т. п. вопросы, на которые можетъ отвѣтить исторія полка, не только охарактеризуютъ прошлое воинской части, но и создадутъ богатый матеріалъ для исторіи арміи и государства.

Съ другой стороны исторія полковъ имѣютъ значеніе вслѣдствіе того обстоятельства, что онѣ составляются преимущественно на основаніи архивнаго, не всѣмъ доступнаго матеріала. Сторона эта налагаетъ на составителей войсковыхъ исторій требованія, которыя, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ не выполняются. Большею частью малодоступный архивный матеріалъ, легшій въ основаніе подобныхъ трудовъ, вслѣдствіе способа обработки его гг. полковыми историками, лишается своей цѣнности. Большинство составителей полковыхъ исторій очень скупо на указанія матеріала, которымъ они пользовались; они рѣдко снабжаютъ свои книги предисловіями, изъ которыхъ можно было бы видѣть, чѣмъ они пользовались, каково ихъ отношеніе къ источникамъ и пособіямъ и т. п. важныя методологическія указанія, часто опредѣляющія сразу цѣнность книги.

Книга г. Петрова является довольно отряднымъ исключеніемъ, хотя и она не лишена недостатковъ, вообще присущихъ подобнаго рода трудамъ. Во многихъ мѣстахъ своей исторіи г. Петровъ обращается къ описанію внутренняго состоянія полка, его быта и т. п., сообщаетъ свѣдѣнія о мелкихъ стычкахъ, характеризовавшихъ жизнь стараго Кавказа, даетъ относительно устройства штабъ-квартиры, ея условій жизни и т. п. нѣсколько интересныхъ данныхъ, могущихъ занять мѣсто въ исторіи Кавказа вообще и Дагестана въ частности. Таковое же значеніе могутъ имѣть и тѣ главы его труда, которыя посвящены участію Самурскаго полка въ подавленіи возстаній 1866 г. въ Табасарани и 1877 г. въ Дагестанѣ и въ восстановленіи спокойствія въ 1886 г. въ Терской области. Всѣ эти событія почти не попали въ печать; о возстаніи 1887 г. намъ извѣстна лишь небольшая статья г. Кривенко. Такъ какъ эти главы основаны исключительно на архивномъ матеріалѣ, то важно выяснить вообще способъ пользованія автора подобнымъ матеріаломъ, чтобы опредѣлить степень довѣрія, какую можетъ имѣть къ нимъ будущій историкъ Кавказа. Къ сожалѣнію, нѣсколько примѣровъ, взятыхъ нами на удачу изъ другихъ частей его труда, гдѣ его можно было контролировать посредствомъ архивнаго матеріала, уже напечатаннаго (о чемъ г. Петровъ не говоритъ), показываютъ, что г. Петровъ съ нѣкоторою вольностью распоряжается съ архивнымъ матеріаломъ. Укажемъ на стр. 15 его книги и рапортъ князя Аргутинскаго отъ 16 іюля 1846 (Акты Кавк. археогр. комм., X, 423); на стр. 25 и «Акты», X, 318—319, 440, и т. д. Изъ этихъ примѣровъ, которые можно умножить, видно, что архивными дѣлами г. Петровъ пользуется не совсемъ точно и неполно, что, конечно, умаляетъ значеніе тѣхъ главъ его книги, которыя основаны на одномъ архивномъ, неизданномъ еще, матеріалѣ. Осторожное отношеніе къ такимъ главамъ

которое естественно ляжется у читателя, не может не усиливаться отъ ошибокъ въ названіяхъ и именахъ мѣстностей, которыя перѣдки у автора.

Предисловіе даетъ намъ указаніе на источники г. Петрова: это преимущественно архивы полка и окружнаго штаба; «Кавказскій сборникъ служилъ большимъ подспоріемъ»; «не прошли безъ вниманія и другія произведенія нашей военной литературы, гдѣ имѣлись какія либо указанія дѣятельности полка», наконецъ, авторъ пользовался «записками» четырехъ однополчанъ (изъ нихъ, впрочемъ, одна — перечень боевой жизни пока — едва ли можетъ быть отнесена къ разряду собственно записокъ) и «нѣсколькими воспоминаніями». Какъ относится авторъ къ архивному матеріалу, мы уже отчасти видѣли; посмотримъ его отношеніе къ литературѣ.

«Кавказскій сборникъ», это почтенное, основанное на документахъ архива окружнаго штаба, изданіе, служилъ дѣйствительно г. Петрову «большимъ подспоріемъ», ибо почти все, что относится къ кавказской войнѣ въ его книгѣ, составляетъ пересказъ или сокращеніе статей «Сборника», причемъ ссылки на него или отсутствуютъ или сдѣланы неопредѣленно, на томы. Дополненіемъ къ перифразу статей «Сборника» у г. Петрова являются извѣстія объ отличіяхъ и наградахъ самурцевъ, заимствованныя изъ приказовъ по полку. Стоитъ сравнить изложеніе г. Петрова съ соответствующими статьями «Кавказскаго сборника», чтобы убѣдиться, что добрая треть его книги составляетъ просто пересказъ содержанія послѣднихъ.

Отношеніе г. Петрова къ «военной литературѣ» видно далѣе изъ того, что ему послужили скрытымъ источникомъ сочиненія гг. Романовскаго (Кавказская война, Спб., 1860) и Казбека (Курицы въ Чечнѣ и Дагестанѣ, Тифлисъ, 1885). У втораго изъ нихъ онъ заимствуетъ (не называя его) описаніе характера населенія и войны въ Дагестанѣ, сокращая и пересказывая (стр. 12—13) иногда довольно страннымъ образомъ. Такъ, г. Казбекъ (стр. 174) приводитъ отрывокъ изъ записки Пассека, оканчивающійся такъ: «на позиціяхъ же некрѣпкихъ или удобообходимыхъ дагестанцы защищались слабѣе», г. же Петровъ оканчиваетъ тотъ же отрывокъ изъ записки Пассека такъ: «на позиціяхъ же не крѣпкихъ или удобообходимыхъ быстро укрѣплялись». Извѣстное сочиненіе г. Гродекова дало г. Петрову также обширный матеріалъ для извлеченія и пересказа. Но далеко не всей «военной литературой» воспользовался г. Петровъ. Сдѣлаемъ только 2—3 указанія. Въ статьяхъ гг. Глиноецкаго (Потѣдка въ Дагестанѣ, Военный Сборникъ, 1862, № 2) и Гольдмана (Подъ Гунибомъ, *ibid.*, 1864, № 1) онъ нашелъ бы далеко не безъинтересный матеріалъ объ участіи самурцевъ въ штурмѣ Гуниба. Записки г. Зиссермана (Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ, Спб., 1879, II, *passim*) дали бы ему матеріалъ для описанія штабъ-квартиры полка въ началѣ 50-хъ годовъ, для характеристики полковаго командира и т. д. «Акты, изданныя кавказскою археографическою коммисією» (X, 579—583; XI, 399, 410; X, 536 и др.) расширили бы данныя автора объ участіи его полка въ разныхъ экспедиціяхъ. О князѣ Аргутинскомѣ, которому Самурскій полкъ много обязанъ, и память о которомъ сохраняется даже въ названіи одного зданія въ его штабъ-квартирѣ, г. Петровъ могъ бы найти свѣдѣнія у Анучина (Защита укрѣпленія Ахты и Самурскаго округа, Спб., 1858, 31—32), Зиссермана (о. с., II, 5), въ «Кавказскомъ сборникѣ» (XIV, 507, примѣч.) и т. д.

Въ концѣ своего предисловія г. Петровъ общается: «съ одинаковою по-

дробностью и ясностью изложить всё периоды (sic) боевой жизни полка, удѣливъ внутреннему быту все, что было извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ», и выражаетъ опасеніе, «что исторія Самурскаго полка составлена, можетъ быть, слишкомъ обширно». Опасеній автора относительно внутреннего быта мы не раздѣляемъ; напротивъ, онъ могъ бы еще сообщить много интереснаго въ этомъ отношеніи, напримѣръ, о санитарномъ, нравственномъ и пр. состояніи полка; справедливыя мысли и указанія г. Петровъ нашель бы въ статьѣ г. Луганина (Замѣтки по поводу составленія полковыхъ исторій, Военный Сборникъ, 1884, № 4, 310—312); но скажемъ ему спасибо и за то, что онъ далъ, ибо многіе историки полковъ и того не даютъ. Но къ опасеніямъ автора мы вполне присоединяемся относительно боевой жизни полка. Дѣйствительно, описывая участіе полка въ томъ или другомъ походѣ, г. Петровъ слишкомъ подробенъ; даетъ описанія того, въ чемъ полкъ непосредственнаго участія не принималъ, вдается въ выясненіе причинъ военныхъ дѣйствій, сообщаетъ документы (манифесты, приказы и т. п.), прямого отношенія къ полку не имѣющіе и притомъ много разъ изданные и т. д. Вообще ему можно сдѣлать тотъ же упрекъ, какой генералъ Карцевъ дѣлаетъ г. Зиссерману по поводу его исторіи Кабардинскаго полка, безспорно, одной изъ лучшихъ между полковыми исторіями: «писать исторію полка, говорить г. Карцевъ («Русская Старина», 1884, № 7), и писать такъ, чтобы она была интересна каждому военному читателю, далеко не такъ легко, какъ это думаютъ многіе, берущіеся за подобный трудъ. Онъ (г. Зиссерманъ) очень часто вдается въ подробныя описанія такихъ дѣйствій, распоряженій и даже политическихъ комбинацій и выводовъ, которые не касаются взятой имъ на себя задачи. Для общей связи полковыхъ дѣяній, конечно, невозможно умалчивать о томъ, что ихъ вызвало и какія отношенія они имѣли къ ходу общихъ событій, но надо было бы по возможности удерживаться отъ того, что для полка совершенно чуждо. Поводъ описывать постороннія дѣйствія крайне соблазнителенъ, но еслибъ всё авторы исторій полковъ поступали такимъ образомъ, то каждому изъ нихъ пришлось бы повторять описанія всевозможныхъ походовъ, а читателямъ трудно было бы совладать съ многотомными твореніями сочинителей». Слова генерала Карцева, которыя вообще не мѣшало бы полковымъ историкамъ вспоминать почаще, вполне приложимы и къ труду г. Петрова. Правда, онъ какъ бы укрывается (стр. 727) за авторитетомъ приказа по полку, который говоритъ: «Опытъ многихъ лѣтъ показалъ, что сухое заповиваніе перечня отличій мало приноситъ пользы, да и забывается скоро; нерѣдко солдаты, бойко перечисливъ всё отличія, затрудняется отвѣтить на вопросъ: какое они имѣютъ значеніе, или какъ отличился полкъ?» Мы позволимъ себѣ усомниться въ возможности разъяснить солдату не только отличіе полка, что само по себѣ возможно, но и значеніе его, очевидно, въ ряду другихъ событій войны; и офицеры могутъ выяснитъ себѣ это только при знаніи исторіи вообще и военной исторіи въ частности, но для приобрѣтенія такихъ знаній существуютъ другіе способы и средства, ибо не могутъ же всё исторіи полковъ обратиться въ курсы военной исторіи. Мало того, что нашъ авторъ нерѣдко излагаетъ съ излишнею подробностью ходъ походовъ и т. п., онъ, подобно, впрочемъ, большинству полковыхъ историковъ, любитъ дѣлать обзоры театровъ войны, событій и т. п. Подобныя обзоры никакой цѣли не достигаютъ и составляютъ лишній балластъ по своей краткости, неточностямъ и ошиб-

камъ; къ тому же въ большинствѣ случаевъ они составляютъ не что иное, какъ плагиатъ. Еще Окольничій, почтенный трудъ котораго, кстати сказать, военные историки очень любятъ, хотя обыкновенно тщательно скрываютъ это, замѣтилъ, что сухіе, краткіе описанія и перечни ни къ чему не ведутъ, а должны замѣняться хорошою картою (Окольничій: Перечень послѣднихъ событій въ Дагестанѣ, Военный Сборникъ, 1859, № 12, 123). Чтобы не показаться голословными, остановимся на «Очеркѣ Дагестана и событій въ немъ до 1845 года», которымъ «для лучшаго уясненія» дальнѣйшаго изложенія г. Петровъ начинаетъ свою книгу (стр. 1—6).

Этотъ очеркъ незнакомому съ предметомъ ничего не выяснитъ, или, что еще хуже, дастъ ложное понятіе, знакомаго же поразитъ массою ошибокъ и неточностей. Если авторъ считалъ необходимымъ и возможнымъ ознакомить читателя съ страной и природою Дагестана, то онъ гораздо лучше сдѣлалъ бы, если бы вмѣсто ничего не объясняющихъ нѣсколькихъ строкъ, которыми онъ начинаетъ свой очеркъ, просто перепечаталъ относящуюся къ Дагестану часть статьи: «Общій очеркъ Кавказскаго края» (Военный Сборникъ, 1858, № 8). На эту статью, хотя и старую, мы указываемъ потому, что она прекрасно характеризуетъ природу Дагестана, что неудивительно, ибо она принадлежитъ или перу Д. А. Милютина, или составлена по его лекціямъ въ военной академіи; въ лекціяхъ же этихъ, по словамъ такого знатока Кавказа, какъ покойный генералъ Ходзько, мы находимъ: «самое лучшее, сколько мнѣ извѣстно, изображеніе общей картины Кавказскаго края» (Ходзько: Общій взглядъ на орографію Кавказа, Записки Кавк. отдѣл. географ. общества, VI, 250). Едва ли справедливо думаетъ г. Петровъ, что Кавкумукское Койсу раздѣляетъ Дагестанъ на 2 части, внутренней и нагорной; впрочемъ, вина въ этомъ, кажется, принадлежитъ нецитированному руководителю г. Петрова—Романовскому (о. с., 265). «Различіе въ свойствахъ мѣстности,—продолжаетъ г. Петровъ,—рѣзко отразилось на составѣ и бытѣ народонаселенія». На бытѣ—понятно, хотя объ этомъ различіи авторъ далѣе ничего не говоритъ, но какимъ образомъ на составѣ? Далѣе: «главную массу народонаселенія внутренняго Дагестана составляютъ лезгинъ и аварцы». Въ высшей степени странное дѣленіе; неужто г. Петровъ не знаетъ, что аварцы входятъ въ условное понятіе лезгинъ, которое нисколько не есть этническое? Смѣшеніе понятій простительно еще въ 1859 г., когда писалъ Романовскій, но непонятное у историка дагестанской войны въ наше время! Что значить дальнѣйшая фраза: «аварцы болѣе развиты политически»? «Въ прибрежной полосѣ,—говоритъ г. Петровъ,—кромѣ лезгинъ, живутъ: кумыки, татары и персы». Именно къ жителямъ прибрежья Дагестана не относилось названіе лезгинъ. Какіе татары и гдѣ? Живутъ ли всѣ указанные народы вмѣстѣ? Персы живутъ только въ г. Дербентѣ, да и число ихъ очень незначительно. «Большихъ населенныхъ пунктовъ,—утверждаетъ г. Петровъ,—въ Дагестанѣ нѣтъ». Напрасно г. Петровъ говоритъ это такъ положительно. Во-первыхъ, это утверженіе не можетъ относиться ко всему Дагестану, во-вторыхъ, простая справка въ «Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ», т. VI, показала бы г. Петрову его ошибку. «Въ настоящее время» г. Петровъ, ссылаясь на трудъ г. Соловьева, считаетъ въ Дагестанѣ 527.000 душъ. Но г. Соловьевъ, какъ онъ самъ заявляетъ, пользуется данными 1882 г.; въ «настоящее» же время считается гораздо болѣе: 588.770 душъ по «Списку насел. мѣстн. Дагест. обл.» (Петровскъ, 1888) или

даже 590.356 по «Своду статистич. данныхъ о Дагест. обл.» (Тифлисъ, 1890). Да и для чего историку Самурскаго полка приводить цифру населенія Дагестанской области въ настоящее время; это было бы еще понятно въ отношеніи 40-хъ—50 хъ годовъ. Далѣе слѣдуетъ тирада, въ которой что ви слово, то ошибка: «Магометанство, появившись здѣсь въ VII и VIII вѣкахъ, долго ограничивалось однимъ приморскимъ Дагестаномъ; вліяніе христіанской Грузіи препятствовало его распространенію. Только съ упадкомъ Грузинскаго царства горскія общества понемногу стали привыкать къ обрядамъ исламизма, но держались его далеко не въ равной степени». Исламъ въ Дагестанъ проникъ только въ концѣ VIII в. и распространился первоначально въ Карикумухъ и Аваріи, а развѣ это побережіе? Говорить такъ положительно о христіанствѣ въ Дагестанѣ и особенно о вліяніи Грузіи, по крайней мѣрѣ, слишкомъ смѣло (см. Усларъ: Начало христ. въ Закавказ., въ «Сборникѣ свѣд. о кавк. горцахъ», II, 15, 20; Комаровъ: Азаты и судопр. по нимъ, *ibid.*, I, 43, примѣч.; Берже: Горныя племена Кавказа въ «Живописной Россіи», IX, 73; доводы г. Ковалевскаго — Законъ и обычаи на Кавказѣ, I, 147—148, — мало убѣдительны). Поэтому никакого отношенія паденіе Грузіи къ утвержденію мусульманства въ Дагестанѣ не имѣло. Да и что это за «упадокъ» Грузіи? Раздробленіе ли царства, или присоединеніе къ Россіи?

Вѣдь между этими событіями протекли вѣка; страданія же Грузіи отъ лезгинъ начались въ XVII в. Наконецъ, горцы держались «не въ равной степени» не исламизма, а его обрядовъ. Мюридизмъ возникъ совсѣмъ не «впервые на Кавказѣ въ 1823 г.», какъ говоритъ далѣе г. Петровъ, и «создателемъ» его не былъ «мулла Магометъ, избранный имамомъ, то-есть наместникомъ Магомета»; вѣроятно, авторъ разумѣетъ Магомета Ярагларскаго, слово же имамъ не имѣетъ такого значенія. Вообще, можно сказать, что г. Петровъ совершенно не отдалъ себѣ отчета въ развитіи и значеніи мюридизма, поэтому весь его экскурсъ въ эту область переполненъ ошибками, которыя слишкомъ долго было бы указывать. Неточенъ г. Петровъ и тогда, когда говоритъ, что «опытъ 1843 г. и Даргинская экспедиція окончательно заставили насъ отрѣшиться отъ прежней системы набѣговъ (экспедицій)». При чемъ тутъ опытъ 1843 года? Развѣ осады Гергебиля и Салтовъ не доказываютъ, что отрѣшеніе это произошло совсѣмъ не окончательно, не сразу? Неточенъ г. Петровъ и тогда, когда говоритъ о «приморскомъ городѣ Петровскѣ» и «областномъ городѣ Темиръ-Ханъ-Шурѣ» въ 1846 году. Укрѣпленіе Петровское сдѣлалось городомъ Петровскомъ лишь въ 1857 году, область была учреждена въ 1860 году, слѣдовательно въ 1846 году Шура не могла быть областнымъ городомъ, а просто была укрѣпленіемъ, гдѣ жилъ съ 1847 года командующій войсками и управляющій гражданскою частью въ Прикаспійскомъ краѣ.

На этомъ мы остановимся. Цѣль нашихъ бѣглыхъ замѣтокъ не заключалась въ указаніи только слабыхъ сторонъ книги г. Петрова; она имѣетъ и свои хорошія стороны, на которыя мы указали, и которыя отвѣдутъ ей не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ полковыхъ исторій. Намъ хотѣлось главнымъ образомъ, чтобы наша замѣтка имѣла значеніе въ смыслѣ «*saveant consules*», чтобы не только не стало, по словамъ г. Карцева, трудно разбираться въ многотомныхъ и многолистныхъ твореніяхъ полковыхъ историковъ, но чтобы не дискредитировались совсѣмъ подобныя творенія, на

составленіе и изданіе которыхъ войсковыя части тратятъ не мало денегъ. Пусть домашними средствами и силами доморожденныхъ (часто окончившихъ юнкерское училище) историковъ издаются «боевыя хроники», «памятки» и т. п. для достиженія важныхъ, конечно, въ нравственномъ отношеніи для арміи результатовъ. Но составленіе «исторій», отъ которыхъ мы въ правѣ ждаль большаго, не пора ли поручать болѣе подготовленнымъ, болѣе компетентнымъ лицамъ? Вѣдь находятъ же нѣкоторые полки возможность поручать составленіе своихъ исторій такимъ лицамъ, какъ гг. Зиссерманъ, Бобровскій, Потто.

Напечатаная книга г. Петрова весьма прилично въ г. Петровскѣ (Дагестанской обл.), хотя цѣна ей, думается, назначена нѣсколько высокая (5 р.)

Е. Козубекій.

М. И. Михельсонъ. Мѣткія и ходячія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ пословицъ, изреченій и выраженій. Спб. 1894.

У всякаго народа есть масса своихъ спеціальныхъ поговорочныхъ выраженій, смыслъ которыхъ всѣмъ ясенъ, а происхожденіе иногда бываетъ очень темно. Съ давнихъ поръ, еще со временъ классической древности (Плутархъ), эти «крылатыя слова» собирались въ отдѣльные сборники, перелистываніе которыхъ можетъ доставить большое удовольствіе въ часы досуга. Много есть такихъ сборниковъ въ иностранной литературѣ, но не всѣмъ обдѣлена ими и наша: такъ, можемъ указать прекрасную въ общемъ, хотя и не всѣмъ удачную въ частности, книгу С. В. Максимова «Крылатыя слова» и сборникъ цитатъ г. Рѣдникава, выдержавшій даже два изданія. Подобный же характеръ носитъ и разбираемая книга г. Михельсона. Авторъ ея не вдаетъ, подобно С. В. Максимова, въ детальный разборъ происхожденія той или другой поговорки, но зато даетъ сближеніе нашихъ поговорочныхъ выраженій съ аналогичными иностранными, что, несомнѣнно, придаетъ его книгѣ большой интересъ. Укажемъ для примѣра на любопытное сближеніе всѣмъ извѣстнаго «и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ» съ Одиссеей и Понтійскими письмами Овидія, или Грибоѣдовскаго же: «счастливые! часовъ не наблюдаютъ» съ Шиллеровскимъ «die Uhr schlägt keinem Glücklichen». Конечно, при крайней разсѣянности и разбросанности матеріала собирателю удалось провести такія параллели далеко не вездѣ: такъ, для извѣстнаго выраженія «мокрая курица», гдѣ г. Михельсонъ даетъ всего одну ссылку на «Помпадуръ» М. Е. Салтыкова, онъ могъ бы указать нѣмецкое *begossener Hund, gebadete Katze* и французское *poule mouillée*; такое же значеніе имѣетъ и Петровіевская «мокрая лисица» (*volpis uda*, гл. 58), ведущая свое начало, вѣроятно, отъ Эзоповыхъ басенъ. Точно также для выраженія «попался на удочку» авторъ могъ бы привести весьма много параллелей изъ Марціала, напримѣръ, V, 59: «подарки похожи на рыболовные крючки: всякому извѣстно, что лакомая рыбка ловится на проглоченную мушку». Далѣе, наша поговорка: «одна паршивая овца все стадо портитъ», находитъ себѣ прекрасную параллель у Ювенала (Сат. 2, 79): «такъ цѣлое стадо на полѣ падаетъ, отъ одной свиньи заразившисъ коростой». Можно затѣмъ указать собирателю и много пропусковъ, что опять вполнѣ понятно при такой мозаичности работы; кажется, г. Михельсонъ весьма мало или совсѣмъ не привнималъ во вниманіе указанной выше книги С. В. Макси-

мова и обстоятельной рецензіи на нее Д. Никольскаго въ «Филологическихъ Запискахъ»: такъ, напримѣръ, г. Михельсономъ оставлены безъ вниманія всѣмъ извѣстныя ходячія слова, въ родѣ сходная цѣна, спустя рукава и т. п. Встрѣчается въ книгѣ и обратный недостатокъ, т. е. кое что указано излишне, напримѣръ, извѣстное «по всей деревнѣ Катенькѣ...». Правда, г. Михельсонъ пользуется этимъ выраженіемъ для объясненія слова шарманка, но объясненіе это довольно сомнительно. Есть въ книгѣ и прямо невѣрные толкованія: такъ, введеніе слова «нигилистъ» въ нашу литературу приписывается Тургеневу, тогда какъ его употреблялъ уже Надеждинъ (см. статью о послѣднемъ въ «Очеркахъ Гоголевскаго періода»); въ стихѣ Горация *et mundus victus non deficiente crumena—mundus victus* переводится авторомъ: «и свѣтъ побѣжденъ», тогда какъ на самомъ дѣлѣ это значить: довольство, благосостояніе. Въ Грибоѣдовской цитатѣ «счастливые! часовъ не наблюдаютъ» (слова Софьи Лизѣ) послѣ слова «счастливые» нужна, конечно, интерпункція, которой г. Михельсонъ не даетъ и этимъ извращаетъ смыслъ цитаты. Встрѣчаются, наконецъ, и курьезы: такъ, извѣстный Даниилъ Заточникъ сближается съ митрополитомъ Данииломъ сосланнымъ въ малолѣтство Іоанна IV, и является пишущимъ князю Григорію (sic) Долгорукому (стр. 131); нѣкій мудрый совѣтъ продается тиранну Діонію за 400 гульденовъ (стр. 493); знаменитая Миньона Гете превращается въ простую Мину (стр. 509). Не всегда вѣрны и ссылки: такъ, выраженіе «у торгоша семь пятницъ на недѣлѣ» показано заимствованнымъ изъ сочиненія А. С. Пушкина «Неизвѣстные годы» (вѣроятно, вмѣсто «Отрывки изъ неизвѣстныхъ годовъ»). Встрѣчаются и досадныя опечатки, напримѣръ, тотъ же А. С. Пушкинъ является пишущимъ князю А. М. Гончарову. Особенно плоха корректура цитатъ изъ древнихъ авторовъ; многія изъ нихъ, очевидно, записывались собирателемъ по памяти, почему часто онъ, желая привести стихъ, приводитъ прозу и т. п. Можно указать еще и на кое-какія историко-литературныя ошибки въ отношеніи древнихъ: напримѣръ, Ювеналь (стр. 184) прожилъ, по свидѣтельству древнихъ біографовъ, 80 лѣтъ, поэтому нельзя считать годами его жизни 47—113 (нужно 127). Но конечно, всѣ указанныя ошибки, число которыхъ можно и умножить, пропадаютъ въ массѣ собраннаго матеріала, и въ общемъ досужіе для чтенія настоящей книги читатели не могутъ не принести благодарности человѣку, принесшему имъ въ жертву столько своихъ досужныхъ часовъ.

М—нъ.

Эдуардъ Фриманъ. Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 года, съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Главные періоды европейской исторіи. Шесть лекцій 1885 года, съ приложеніемъ статьи о греческихъ городахъ подъ римскимъ управленіемъ. Переводъ П. Николаева. Москва. 1893.

Г. Николаевъ, желая познакомить русскихъ читателей съ историко-философскими воззрѣніями Фримана, сдѣлалъ удачный выборъ, остановившись на лекціяхъ, читанныхъ знаменитымъ историкомъ въ Оксфордскомъ университетѣ въ 1884 и 1885 годахъ. Эти лекціи, по словамъ самого Фримана, служатъ «введеніемъ къ изученію исторіи». «Собственно говоря,—замѣчаетъ онъ,—въ нихъ я не училъ ничему, я намѣренно излагалъ свой

предметъ такимъ образомъ, чтобы возбудить въ умахъ нѣкоторыхъ своихъ слушателей воспоминанія, а другихъ поощрить къ изслѣдованіямъ». Первый курсъ лекцій представляетъ рядъ мыслей, недостаточно систематизированныхъ, съ нерѣдкими повтореніями, — о сущности историческаго изученія, о родственныхъ исторіи наукахъ, о затрудненіяхъ, которыя приходится преодолевать человѣку, изучающему исторію, о сущности доказательствъ при изученіи историческихъ истинъ и о сущности свидѣтельствъ, на которыхъ эти доказательства основываются. Принципы, намѣченные въ первомъ курсѣ, примѣняются во второмъ рядѣ лекцій къ изученію нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ періодовъ европейской исторіи.

Не имѣя въ виду подробнаго изложенія предмета, авторъ дѣлится съ читателями результатами своего сорокалѣтняго изученія исторіи человѣчества, сообщаетъ главные выводы, къ которымъ онъ пришелъ послѣ продолжительнаго занятія этой наукой. Разсматриваемыя лекціи—не полный обзоръ методовъ изученія исторіи, не обстоятельное изложеніе исторіи Европы, а рядъ глубокихъ мыслей, которыя освѣщаютъ предметъ съ новой и оригинальной точки зрѣнія. Авторъ—врагъ рутинны, но онъ врагъ также и скороспѣлыхъ теорій, будто бы объясняющихъ сущность историческаго процесса. Съ одной стороны, онъ энергично возстаетъ противъ общепринятаго дѣленія исторіи на древнюю и новую и настаиваетъ на единствѣ исторіи Европы: «Я не признаю отличій, предполагаемыхъ выраженіями: «древняя» и «новая» исторія... Во все время моего научнаго поприща, посвященнаго одинаково и тому, что называютъ «древнимъ», и тому, что называютъ «новымъ», я никогда не могъ понять отличій, будто бы существующихъ между этими двумя дисциплинами. Я никакъ не могъ угадать, гдѣ кончается «древняя» исторія и гдѣ начинается «новая». И когда я спрашивалъ объ этомъ другихъ, когда я изучалъ работы другихъ ученыхъ, я всегда встрѣчалъ такія разногласія въ этомъ отношеніи, что ничему не могъ выучиться у нихъ». Это искусственное раздѣленіе на «древнее» и «новое» мѣшаетъ изложенію великаго центральнаго факта европейской исторіи во всей его полнотѣ и единствѣ, а именно изложенію роста и развитія могущества Рима. Между тѣмъ центръ изслѣдованій, пунктъ, къ которому ведутъ всѣ дороги, находится въ Римѣ и его всемірномъ могществѣ. Кончающій свое изученіе 476 годомъ и начинающій свое изученіе этимъ годомъ никогда не могутъ понять умирающей жизненности Рима во всей его полнотѣ, не могутъ понять значенія обычнаго названія Рима «вѣчнымъ городомъ», и никто, кромѣ людей, вполне уяснившихъ себѣ значеніе Рима во всемірной исторіи, не можетъ вполне понять самаго важнаго историческаго факта нашего времени: мы живемъ въ вѣкъ, когда Римъ исчезъ, или по крайней мѣрѣ, потерялъ свое главенство, и этотъ міръ представляется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ возвращеніемъ къ старому міру, когда Рима еще не было. А потому Фриманъ дѣлитъ исторію Европы на три большіе и опредѣленные періода: первый періодъ—это исторія Европы до владычества Рима; второй—исторія Европы подъ владычествомъ Рима, хотя бы это владычество было иногда спорнымъ и неполнымъ, и, наконецъ, третій періодъ—исторія Европы съ того времени, когда владычество Рима совершенно исчезло.

Съ другой стороны, авторъ высказывается противъ увлеченія поверхностнымъ отношеніемъ къ предмету, противъ мнимо-широкихъ взглядовъ и обобщен-

ній, не основанныхъ на непосредственномъ изученіи источниковъ. «Историческое изслѣдованіе, не основанное на оригинальныхъ источникахъ, не имѣетъ никакой цѣнности». И въ другомъ мѣстѣ: «Въ наше время самая остроумная и самая краснорѣчиваѣ историческая лекція должна представлять собой только комментарий къ источникамъ, къ текстамъ». Исторія, по его опредѣленію, есть наука о человѣкѣ, какъ о существѣ политическомъ. При этомъ рядомъ съ исторіей, наукой повѣствовательной, можетъ существовать другая наука о человѣкѣ, какъ существѣ политическомъ, которая, будучи основана на результатахъ повѣствованія, можетъ и не имѣть повѣствовательной формы. Для такой науки многое, что занимаетъ видное мѣсто въ повѣствовательной исторіи, будетъ второстепеннымъ, случайнымъ. Характеръ и дѣятельность отдѣльныхъ личностей, битвы, переговоры, пренія въ общественныхъ собраніяхъ и многое другое, что обязательно входитъ въ историческое повѣствованіе, въ нее можетъ войти лишь случайно, какъ примѣръ, иллюстрація, указывающія, какое направленіе, прогрессивное или регрессивное, имѣло въ данное время человѣческое мышленіе.

Но и эта высшая наука не есть конечная цѣль историческихъ изслѣдованій. Историкъ долженъ имѣть передъ собою цѣль болѣе высокую, чѣмъ самое стремленіе къ истинѣ ради истины. Такою цѣлью можетъ быть только «надежда, что изученіе прошлаго можетъ оказаться полезнымъ для настоящаго»,—стремленіе внести въ современную жизнь знаніе прежнихъ формъ общественной жизни, изъ которыхъ развилась жизнь современнаго общества, такъ какъ исторія есть политика прошлаго, а политика—исторія настоящаго. Содѣйствіе прогрессу свободы и гуманности выше самаго «достойнаго движенія на пользу науки». Такихъ началъ держится Фриманъ и при изложеніи историческихъ событій, нимало не раздѣляя ложнаго преклоненія предъ имѣвшимъ успѣхъ преступленіемъ, не присоединяясь «къ тѣмъ подлымъ и презрѣннымъ насмѣшкамъ, которыми даже великіе ученые осыпаютъ иногда великихъ патріотовъ, стоявшихъ цѣлой головой выше ихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ».

Къ сожалѣнію, лекціи Фримана предлагаются русской публикѣ не въ особенно удовлетворительномъ переводѣ. Языкъ совершенно не литературный: построеніе фразъ часто не русское, грамматическія формы сплошь и рядомъ употребляются неправильно. Нерѣдко встрѣчается искаженіе собственныхъ именъ; напримѣръ, систематически пишется «Вифанія» вм. «Вининія», арійскій вмѣсто аріанскій и т. п. Корректурѣ изъ рукъ вонъ плохо.

А. Н. Чудиновъ. Лѣтопись Нестора со включеніемъ поученія Владимира Мономаха. Спб. 1893. (Русская классная бібліотека, выпускъ XVI).

Классная бібліотека А. Н. Чудинова быстро увеличивается: передъ нами уже XVI выпускъ, посвященный лѣтописи Нестора. Лѣтопись издана по Лаврентьевскому списку и достигаетъ 1.110 года, кончаясь припиской игумена Сильвестра. Къ тексту лѣтописи сдѣланы примѣчанія, частью принадлежащія издателю, въ общемъ же онъ представляетъ собой воспроизведеніе текста, даннаго въ изданіи археографической комиссіи, и повторяетъ ошибки и недосмотры послѣдняго. Варіанты изъ другихъ списковъ не вошли въ настоящее изданіе, такъ какъ являлись бы лишь новымъ грузомъ для учащихся. Текстъ воспроизведенъ буква въ букву, раскрыты лишь титла,

гласныя: Оу, Ш, Ѡ, Іа и Іѣ. замѣнены у, о, я, е, и разставлены знаки препинанія такъ, какъ показалось болѣе удобнымъ г. издателю. Кромѣ того, внесены изъ другихъ списковъ пропущенныя мѣста и «исправлены мѣста, явно испорченныя, и восстановлены слова и выраженія искаженныя». Вотъ послѣдняго-то именно мы и не совѣтовали бы дѣлать г. Чудинову, такъ какъ «изданіе» или перепечатка памятника и «исправленіе» его—вещи, требующія различной подготовки, и порой, исправляя въ текстѣ сомнительныя мѣста, можно впасть еще въ большую ошибку. Да, кромѣ того, многія кажущіяся ошибки—вовсе по изслѣдованію не оказываются ошибками, когда мы, изучивъ языкъ эпохи, къ которой относится древнѣйшая часть лѣтописи, приступимъ къ разбору и критикѣ текста.

Впрочемъ, для гимназій и другихъ среднеучебныхъ заведеній, гдѣ въ программѣ значится исторія русской словесности, это изданіе лѣтописи будетъ небезполезно, равно какъ и для занимающихся дома.

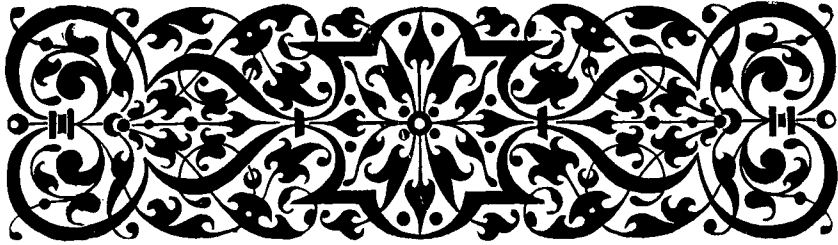
Къ тексту лѣтописи приложенъ словарь и три объяснительныя статьи, извлеченныя изъ изслѣдованій и статей Ф. А. Терновскаго, М. И. Сухоплинова и С. Протопопова.

С. Т—скій.

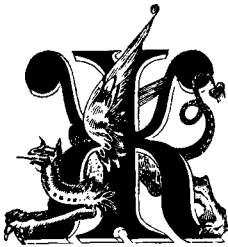
Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. Составилъ К. Мельникъ. Кіевъ. 1893.

Печальна судьба нашихъ частныхъ библиотекъ, музеевъ, равнаго рода коллекцій. Со смертію владѣльцевъ въ большинствѣ случаевъ прекращаются свое существованіе и собранія ихъ, на которыя потрачено не мало средствъ, труда и времени. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить коллекція древностей, собранная А. Н. Полемъ. А. Н. Польш, человекъ образованный, извѣстный общественный дѣятель, оставилъ послѣ себя богатѣйшую археологическую коллекцію—результатъ равнаго рода раскопокъ и занятій археологіей. Музей этотъ, описанный въ настоящее время вполне научно г-жей Мельникъ, заключаетъ въ себѣ вещественныя памятники древности, относящіяся преимущественно къ южно-русскому и Новороссійскому краю. Здѣсь собраны памятники каменнаго и бронзоваго вѣковъ, древности греческія и скифскія, предметы запорожской и южно-русской старины, оружіе, монеты, медали и мн. др. Все это, вполне научно описанное, расположенное въ системѣ, несомнѣнно имѣетъ большое значеніе, и очень многимъ изслѣдователямъ южно-русской старины приходилось пользоваться богатымъ собраніемъ А. Н. Поля. Неприятно поэтому на первой же страницѣ этого ученаго описанія, иллюстрированнаго многими снимками съ наиболѣе важныхъ предметовъ старины, читать, что богатыя «коллекціи, описанныя въ настоящемъ каталогѣ, предназначены къ продажѣ», видѣть выставленныя въ каталогѣ цѣны и думать, что музей, собраніе котораго стоило столько трудовъ его владѣльцу, будетъ раскупленъ, разойдется по разнымъ рукамъ, потеряетъ все свое значеніе... А между тѣмъ это судьба всѣхъ частныхъ собраній. Рѣдкое исключеніе представляетъ собой извѣстная картинная галлерія Третьякова, который еще при жизни, не полагаясь на своихъ наслѣдниковъ, подарилъ свое собраніе картинъ Москвѣ и этимъ спасъ его отъ распродажи. Было бы желательнымъ, если бы и всѣ вообще обладатели библиотекъ, коллекцій поступали такимъ же образомъ. Очень жаль, что А. Н. Польш не предусмотрѣлъ этихъ превращеній дальнѣйшей судьбы своего музея и допустилъ, такимъ образомъ, его распродажу.

В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ЖЕНЩИНА-ПАПА. Парижскіе журналы и газеты сообщают докладъ академика Мюнца отдѣленію надписей и беллетристики Французскаго Института о легендарной женщинѣ, будто бы возсѣдавшей на престолѣ св. Петра подъ именемъ папы Іоанна VII. Почтенный ученый считаетъ эту легенду баснословной сказкой, сочиненной въ средніе вѣка и тѣмъ болѣе не имѣющей основанія, что не было никакого междуцарствія въ Римѣ въ тотъ періодъ IX столѣтія, когда предполагаемый Іоаннъ VII, или, по другимъ источникамъ, Іоаннъ VIII, управлялъ католической церковью. Но, не смотря на фактическое опроверженіе мѣста о папѣ Іоаннѣ, Мюнцъ находитъ значительный интересъ въ изслѣдованіи развитія означенной легенды въ художественныхъ произведеніяхъ, которыя еще болѣе, чѣмъ литература, выражаютъ народныя вѣрованія, а потому онъ составилъ подробный каталогъ всякаго рода иллюстрацій, касающихся папы Іоанны. Онѣ, повидимому, начали возникать съ XIII вѣка, и всего болѣе ихъ произвели Италія и Германія, что, впрочемъ, не удивительно, такъ какъ тогдашніе художники и издатели не останавливались передъ созданіемъ и продажей портретовъ лицъ, никогда не существовавшихъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы теперешніе историки и ученые ни относились съ презрѣніемъ къ легендѣ о женщинѣ-папѣ, но она долгое время представляла чрезвычайно темный вопросъ, и до сихъ поръ нѣкоторыя ея стороны остаются необъясненными, а потому она все еще возбуждаетъ немалый интересъ. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, существуетъ цѣлая литература за и противъ папы Іоанны. Защитники ея существованія основываются главнымъ образомъ на авторитетѣ Бартоломео Сакки, ватиканскаго бібліотекаря, который, въ своей «Исторіи папъ», на-

печатанной по приказанію Сикста IV въ 1479 году, рассказываетъ, что послѣ папы Льва IV, въ 855 году, одна англичанка, пользовавшаяся громадною извѣстностью, благодаря своимъ замѣчательнымъ знаніямъ, пріобрѣтеннымъ въ Афинахъ и Римѣ, была избрана въ наслѣдники св. Петра и царила въ Ватиканѣ два съ половиной года, послѣ чего она во время торжественной, религіозной процессіи изъ Колизея въ церковь св. Климента родила ребенка и умерла въ родахъ. Этотъ рассказъ выдается его авторомъ за вполне достоверный фактъ, и онъ прибавляетъ, но не ручаясь за полную достоверность этого послѣдняго свѣдѣнія, что съ тѣхъ поръ при выборѣ папы каждаго избраннаго кандидата сажали на извѣстное кресло въ Латеранской часовнѣ и убѣждались въ томъ, принадлежитъ ли онъ къ мужскому полу. Другой ватиканскій бібліотекаръ, Анастасій, въ первомъ изданіи своей «Liber Pontificalis» въ 1602 г. подтверждаетъ фактъ существованія папы Иоанны, но въ дальнѣйшихъ изданіяхъ этой книги пропущена страница, касающаяся ея. Еще ранѣе, именно въ XI вѣкѣ, Маріанъ Скотъ первый упоминаетъ о женщинѣ-папѣ, а за нимъ то же дѣлаетъ цѣлый рядъ авторитетныхъ писателей: Годфридъ Витербскій, инквизиторъ Бернаръ Гюи, Мартынъ Польскій, капеланъ папы Климента IV, Пикколомини, сдѣлавшійся впоследствии Піемъ II, и т. д. Вообще до конца XVI столѣтія существованіе женщины-папы признавалось всѣми, и никто его не опровергалъ, а, напротивъ, существуютъ другого рода свидѣтельства въ пользу популярной легенды: Теодорикъ Нимскій, секретарь нѣсколькихъ папъ, и св. Антоніанъ видѣли въ Римѣ статую, изображавшую Иоанну съ ея дочерью, и только впоследствии эта компрометирующая папство статуя была брошена въ рѣку по приказанію Сикста V, а въ XII вѣкѣ въ Сіенскомъ соборѣ въ числѣ бюстовъ папъ находился бюстъ Иоанны съ надписью «Joannes VIII, femina», который уничтоженъ лишь по распоряженію папы Климента VIII. Этотъ бюстъ и пресловутое кресло въ Латеранской часовнѣ видѣлъ Мабильонъ, о чемъ и свидѣлствуетъ въ своей извѣстной книгѣ. Первый изъ противниковъ папы Иоанны былъ Флоримондъ Ремонскій, который въ 1587 году напечаталъ особое сочиненіе подъ названіемъ «Народное заблужденіе насчетъ папы Иоанны» и главнымъ образомъ опровергаетъ популярную легенду словами современника Иоанны, Гинкмара Реймсакаго, который въ своей хроникѣ записалъ, что отправленные въ Римъ императоромъ Лотаремъ послы услышали по дорогѣ о смерти Льва IV, а, прибывъ въ Римъ, застали уже на папскомъ престолѣ Венедикта III. Затѣмъ реакція противъ дотолѣ всѣми признаваемаго факта продолжала увеличиваться, и въ XVIII вѣкѣ уже никто не вѣрилъ въ существованіе папы Иоанны, при чемъ замѣчательно, что въ числѣ писателей, опровергавшихъ эту легенду, находились люди, естественно расположенные вѣрить всякому скандалу въ католической церкви, именно протестантъ Блондель, Бейль, Вольтеръ и т. д. Что касается до фактическихъ доказательствъ существованія женщины-папы, то ея противники доказываютъ, что ея статуя была остаткомъ классической старины, которому только народъ придалъ названіе Иоанны, что бюстъ ея въ Сіенскомъ соборѣ доказываетъ лишь увѣренность въ ея существованіи тѣхъ лицъ, которыя поставили бюстъ, и что, наконецъ, хотя существовалъ обычай сажать вновь избранныхъ папъ на скандальное кресло въ Латеранской часовнѣ, но это дѣлали не для того, чтобъ убѣдиться въ ихъ мужскомъ полѣ, а для того, чтобъ доказать наслѣднику св. Петра, что онъ, всетаки,

человѣкъ, подвергающійся самымъ унижительнымъ потребностямъ природы. Вотъ въ какомъ положеніи находился вопросъ о женщинѣ-папѣ, когда онъ въ наше время снова былъ поставленъ на очередь и, какъ видно изъ доклада академика Мюнца, окончательно разрѣшенъ учеными въ отрицательномъ смыслѣ.

— Столѣтнія годовщины французской революціи и г-жа Роланъ. Чѣмъ болѣе приближается къ концу нынѣшній годъ, тѣмъ чаще повторяются столѣтнія годовщины выдающихся событій французской революціи: 31-го октября минуло сто лѣтъ казни двадцати двухъ жирондистовъ, которые, по краснорѣчивому выраженію Ламартина въ его известной книгѣ «Histoire des Girondins», «унесли съ собою молодость, красоту, иллюзію, гений и античное краснорѣчіе изъ своей родины, потерявшей съ ними цвѣтъ своихъ гражданъ, также какъ свобода потеряла съ ними свой престижъ, а революція свою весну»; 7-го ноября прошелъ ровно вѣкъ съ того дня, какъ герцогъ Орлеанскій, носившій прозвище «Philippe Egalité» и тщетно старавшійся сохранить свою жизнь отреченіемъ отъ монархическихъ идей изъ будто бы патріотической преданности республикѣ, погибъ на эшафотѣ, а 8-го ноября наступила такая же вѣковая годовщина казни другой жертвы революціонной гильотины, но совершенно иного рода, г-жи Роланъ, умершей съ историческими словами на устахъ: «О, свобода, сколько преступленій совершается твоимъ именемъ»; наконецъ, 10-го ноября прошло столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ Конвентъ официально установилъ въ соборѣ Парижской Божьей Матери религію разума вмѣсто католической вѣры. Всѣ эти годовщины, кромѣ послѣдней, подали поводъ только къ появленію многочисленныхъ историческихъ и политическихъ статей въ парижской и даже иностранной прессѣ, но столѣтіе «оскверненія» собора Парижской Божьей Матери вызвало со стороны католическаго духовенства религіозную церемонію съ цѣлью искупленія совершеннаго нѣкогда святотатства. Сто лѣтъ тому назадъ парижане, безумно радуясь своему освобожденію отъ вѣкового свѣтскаго и духовнаго ига, устроили въ соборѣ торжество въ честь богини Разума, и представлявшая эту богиню оперная актриса Мальяръ, въ древнемъ классическомъ костюмѣ, была посажена на алтарь, у подножья котораго лежала статуя Мадонны и передъ которымъ Шометъ, окруженный членами Конвента и Парижской Коммуны, въ качествѣ первосвященника новаго культа, кадилъ богинѣ, держа въ рукахъ священную кадилицу. Теперь же въ этотъ самый день и въ той же церкви кардиналъ архіепископъ Ришаръ совершилъ торжественное богослуженіе, прочелъ такъ называемый актъ «d'amende honorable» и совершилъ вокругъ всего собора крестный ходъ, во главѣ котораго несли мощи св. Клотильды, св. Людовика, св. Женевьевы и св. Дени, сохраненныя набожными людьми во время революціи и затѣмъ возвращенныя въ ризницу собора.

Изъ всѣхъ журнальныхъ статей, напечатанныхъ по случаю этихъ революціонныхъ годовщинъ, самая интересная посвящена г-жѣ Роланъ и появилась въ ноябрьской книгѣ американскаго журнала «Scribners Magazine». Ея авторъ, Ида Тарбелль, имѣла въ своемъ распоряженіи, кромѣ семи томовъ неапечатанныхъ писемъ г-жи Роланъ и ея мужа, хранящихся въ Парижской національной бібліотекѣ, еще обширную неизданную ея корреспонденцію, которая относится до ея молодости и принадлежитъ ея правнуку, профессору Школы высшихъ научныхъ знаній въ Парижѣ, Леону Марилье,

а потому составленный ею біографическій очеркъ жирондистской героини представляет большой интерес и пополняет ея симпатичный образ новыми, характерными чертами. Въ особенности рельефно выступает передъ нами образъ г-жи Роланъ въ дѣтствѣ и въ юности, когда она, дочь богатаго представителя парижской буржуазіи XVIII вѣка Филиппона, жила въ одномъ изъ старинныхъ домовъ противъ Новаго моста, мимо котораго впоследствии ей пришлось проѣхать въ роковой повозкѣ, снабжавшей жертвами революціонную гильотину. «Природа сдѣлала меня впечатлительной,— писала г-жа Роланъ мужу, говоря о первомъ періодѣ своей жизни: — мое уединенное воспитаніе, концентрируя мои чувства, дѣлало ихъ болѣе глубокими и живыми; я испытала счастье и горе прежде, чѣмъ понимала эти слова; я думала и мечтала въ такіе годы, когда другія дѣти играютъ въ куклы». Съ очень ранняго возраста она жадно пожирала всѣ книги, которыя попадались ей подъ руку, воображала себя героиней Телемака или Танкреда и носила съ собою въ церковь вмѣсто молитвенника Плутарха, надъ которымъ часто плакала, сожальѣя, что не родилась за двѣ тысячи лѣтъ передъ тѣмъ въ Спартѣ, или Аѣнахъ. Естественно, что пламенная, восторженная натура прежде всего привела ее къ религіозному энтузіазму, и она упросила родителей отдать ее въ женскій монастырь для приготовленія къ первому причастью. Но строгое исполненіе религіозныхъ требъ въ мирной обители «*Dame de la congrégation*» скоро успокоило ея набожный пылъ, и она вышла изъ монастырскихъ стѣнъ съ философски, скептически настроеннымъ умомъ, такъ какъ она, читая по совѣту патеровъ христіанскихъ апологетиковъ, изъ чувства справедливости читала и тѣхъ философовъ, которыхъ они старались опровергнуть, а ея независимый, свѣтлый умъ не могъ въ концѣ концовъ не отдать первенства послѣднимъ. «Я отвергла,—говоритъ она въ указанномъ уже письмѣ къ мужу, теперь впервые напечатанномъ:—авторитетъ, обязывавшій меня вѣрить жестокимъ нечестностямъ, и, выйдя на эту дорогу, я уже ко всему стала относиться подозрительно, все подвергала критикѣ». Однако, въ молодой, восторженной дѣвушкѣ религіозное чувство не могло совершенно исчезнуть и приняло только идеальный, возвышенный характеръ вѣры въ верховнаго Творца. Она быстро усвоила себѣ всѣ идеи передовыхъ мыслителей XVIII вѣка; по стопамъ Бернардена Сен-Пьера она сдѣлалась натуралисткой и пламенно восторгалась красотами природы, а по примѣру Руссо стала субъективно анализировать свое внутреннее «я». Вмѣстѣ съ тѣмъ она зачитывалась Плутархомъ, изучала англійскую конституцію, слѣдила за развитіемъ только что основанныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и въ результатѣ, подобно тысячамъ представителямъ тогдашней французской молодежи, превратилась въ республиканку, обожающую республиканскіе идеалы простоты, справедливости, добродѣтели, а главное свободы и равенства всѣхъ людей. «Еслибъ,—писала она, когда ей было двадцать лѣтъ, своей горячо любимой подругѣ по монастырю Софи Канне:—прежде чѣмъ я родилась, мнѣ дали бы выбрать правительственную систему своей родины, то, конечно, я и дала бы предпочтеніе республикѣ, но желала бы, чтобъ эта республика представляла нѣчто совершенно невѣдомое теперь въ Европѣ». Письмо, въ которомъ находятся эти строки, входитъ въ составъ обширной, напечатанной въ двухъ томахъ, корреспонденціи между Манонъ Филиппонъ и ея подругой, замѣчательной и единственной въ всеобщей литературѣ переписки двухъ юныхъ жалкихъ сердецъ, и будущая г-жа Роланъ въ

ней искренно, всецѣло обнаруживаетъ свой рѣдкій умъ, чрезвычайную впечатлительность, блестящее воображеніе, пламенный идеализмъ и твердую увѣренность въ себя. Естественно, что молодая дѣвушка съ такой воспримчивой, восторженной натурой недолго довольствовалась обожаніемъ своей подруги, а стала влюблять въ себя и сама влюбляться въ окружающихъ ее поклонниковъ. Первый побѣдившій ея сердце былъ молодой писатель Пагенъ-де-ла-Бланшери, авторъ описанія путешествія въ Америку, отличавшійся болѣе смѣлыми выходками, чѣмъ талантомъ, и хотя отецъ Манонъ отказалъ ему въ ея рукѣ, но она поклялась, что никогда не выйдетъ замужъ ни за кого другаго; однако очень скоро забыла эту клятву. Спустя годъ, когда ей было уже двадцать шесть лѣтъ, она вышла замужъ за Ролана, который былъ почти вдвое ея старше и, занимая мѣсто промышленнаго инспектора въ Амьенѣ, пользовался репутаціей человѣка античной добродѣтели и компетентнаго писателя по экономическимъ вопросамъ. Хотя впоследствии, въ своихъ знаменитыхъ мемуарахъ, написанныхъ подъ впечатлѣніемъ ея тогдашней и самой пламенной во всей ея жизни любви къ Бюво, г-жа Роланъ увѣряла, что она вышла замужъ, уважая своего будущаго мужа, но не питая къ нему никакой страсти, но изъ ея неизданныхъ писемъ къ нему до и послѣ свадьбы ясно видно, что эта увлекающаяся энтузіастка питала къ нему тогда самую горячую любовь. Въ продолженіе девяти лѣтъ, т. е. до 1789 года, будущая героиня революціи спокойно, мирно жила въ провинціи, прежде въ Амьенѣ, а потомъ въ Виль-франшѣ и Ліонѣ. дѣятельно помогала своему мужу въ составленіи книгъ, статей и академическихъ докладовъ, такъ какъ онъ былъ членомъ Ліонской академіи, заботилась о своей дочери и постоянно поддерживала переписку съ нѣсколькими друзьями, въ томъ числѣ съ Бриссо, парижскимъ журналистомъ и уже пламеннымъ реформаторомъ. Изъ ея тогдашнихъ писемъ видно, что она была очень недовольна положеніемъ политическихъ дѣлъ, считала Неккера шарлатаномъ, ничего не ожидала хорошаго отъ дѣятельности парламента и безнадежно говорила: «Нѣтъ, приходится только прозябать подъ игомъ тирана и ждать, благословлять Америку и плакать на берегахъ Вавилонской рѣки».

Взятіе Бастиліи, бывшее первымъ шагомъ революціи, произвело коренную перемѣну въ г-жѣ Роланъ и въ ея судьбѣ. Она увидала возможность практическаго осуществленія всѣхъ своихъ идеальныхъ мечтаній, сдѣлалась пламеннымъ апостоломъ революціи, основала съ помощью мужа революціонную партію въ Ліонѣ и стала помѣщать статьи въ газетахъ, издаваемыхъ ея друзьями: Бриссо въ Парижѣ и Шампаньё въ Ліонѣ. Въ этой первоначальной революціонной дѣятельности она является самой яркой якобинкой и энергично возбуждаетъ политическихъ дѣятелей къ болѣе рѣшительнымъ шагамъ, прямо упрекая національное собраніе въ недостаткѣ рѣшительности, сожалея пролитіе крови, но считая его необходимымъ и заявляя, что «не Палэ-Рояль, а парижане въ своихъ секціяхъ должны дѣйствовать». Въ февралѣ 1791 года передъ ней открылось болѣе широкое поле дѣятельности: ліонскій муниципалитетъ послалъ ея мужа въ Парижъ, чтобы выхлопотать помощь національнаго собранія, и онъ вмѣстѣ съ женою провелъ семь мѣсяцевъ въ центрѣ революціоннаго движенія. Гостинная г-жи Роланъ въ Британскомъ отелѣ сдѣлалась средоточіемъ патріотовъ, въ томъ числѣ Петіона, Бюво и Робеспьера; они собирались у нея четыре раза въ недѣлю и вскорѣ совершенно подпали подъ ея вліяніе, что не трудно объясняется

твердостью ея политическихъ принциповъ, энергичнымъ стремленіемъ къ осуществленію идеаловъ и, наконецъ, необыкновенной силой ея личныхъ чаръ. Въ послѣднемъ отношеніи согласны всѣ современники, наперерывъ распространяясь объ ея молодости, красотѣ, блестящемъ умѣ и необыкновенномъ краснорѣчіи. Хотя, по словамъ ея новаго американскаго біографа, семейныя традиціи, сохранившіеся доселѣ среди ея потомковъ, изображаютъ ее толстой женщиной, невысокаго роста, одѣвавшейся безъ всякаго вкуса, и далеко не красивой, но онѣ же признаютъ за ней такую живую, симпатичную фязіономію и такой мелодичный проникавшій въ самое сердце слушателей голосъ, что она невольно производила чарующее впечатлѣніе. Однако, не смотря на все свое вліяніе на передовыхъ патриотовъ, г-жа Роланъ была недовольна слишкомъ медленными шагами революціи, съ обращеніемъ перестала посѣщать національное собраніе, которое, по ея словамъ, потеряло всякую инициативу, была возмущена новой конституціей, сначала сомнѣвалась въ искренней преданности короля новымъ идеямъ, а послѣ его неудачной попытки бѣгства открыто проповѣдывала необходимость учрежденія республики, хотя даже Робеспьеръ спрашивалъ ее съ иронической улыбкой, что она разумѣла подъ республикой. Наконецъ, совершенно разочарованная и считая необходимымъ вторую революцію для осуществленія своихъ идеаловъ, она уѣхала изъ Парижа въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Но вскорѣ она снова вернулась туда, такъ какъ ея мужъ потерялъ мѣсто въ Лионѣ и отправился искать счастья въ Парижѣ, гдѣ друзья его приобрѣли первенствующее значеніе въ только что собравшемся Законодательномъ Собраніи. Подъ названіемъ жирондистовъ и подъ предводительствомъ Бриссо, они вступили въ союзъ съ крайней лѣвой, вожаками которой были Дантонъ и Робеспьеръ, образовали по порученію короля новое министерство и дали Ролану портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Это было въ мартѣ 1792 года, и, поселившись въ министерскомъ домѣ, г-жа Роланъ, наконецъ, сдѣлалась душою всего, что дѣлалось тогда въ Франціи. Она энергично руководила всей партіей жирондистовъ и всѣмъ министерствомъ, присутствовала при всѣхъ совѣщаніяхъ мужа съ его товарищами по власти, вела всю обширную министерскую корреспонденцію, лично писала многіе министерскіе циркуляры и доклады въ національное собраніе, вдохновляла прессу и до такой степени всецѣло отдавала себя политической дѣятельности, что никогда не дѣлала визитовъ и не принимала гостей, исключая необходимыхъ въ политическомъ отношеніи людей, которыхъ она постоянно собирала за своимъ обѣденнымъ столомъ. Главной ея заботой при всемъ этомъ было поддерживать республиканскій духъ въ ея добронамѣренномъ, но слабохарактерномъ мужѣ и энергію въ жирондистахъ, которые были преимуществу непрактичными идеалистами. Она всячески старалась предохранить министерство отъ вліянія двора и ближайшихъ совѣтниковъ короля, въ которыхъ она видѣла измѣнниковъ Франціи. Когда, наконецъ, по ея настоянію, была объявлена война противъ Австріи, но дѣла, всетаки, шли неуспѣшно, то она побудила министерство потребовать отъ короля двухъ рѣшительныхъ мѣръ, именно образованія вокругъ Парижа лагеря въ двадцать тысячъ человекъ, на вербованныхъ во всѣхъ парижскихъ общинахъ и поголовнаго изгнанія патеровъ, отказывавшихся присягать конституціи. Людовикъ отказалъ въ томъ и другомъ. Тогда г-жа Роланъ написала отъ имени всего министерства письмо, въ томъ смыслѣ, что если онъ не измѣ-

нить своего veto, то всѣ министры выйдутъ въ отставку, но товарищи ея мужа не рѣшились подписать этого письма, и она настояла, чтобы онъ одинъ подалъ его. Прямымъ слѣдствіемъ этого была, конечно, его отставка, а затѣмъ паденіе короля, которое хотя и совершено якобинцами, но при нравственной поддержкѣ жирондистовъ, выработавшихъ въ гостинной г-жи Роланъ планъ республики. Съ учрежденіемъ исполнительнаго совѣта Роланъ получилъ обратно свой министерскій портфель, но ему и его друзьямъ пришлось теперь бороться съ новой силой—съ парижской коммуной. Эта борьба оказалась не подъ силу ни имъ, ни даже г-жѣ Роланъ, тѣмъ болѣе, что единственный человѣкъ, который могъ быть посредникомъ между якобинцами и жирондистами, Дантонъ, былъ до того ненавистенъ ей, что она отвергла прямо предлагаемый имъ союзъ и тѣмъ погубила не только себя и свою партію, но даже ту идеальную, мирную республику, о которой она всегда мечтала. Сентябрьская рѣзня ясно доказала ея беспомощность, и уже 9-го числа она писала: «Мой «другъ» Дантонъ вѣзмъ руководить, Робеспьеръ маріонетка въ его рукахъ, а Маратъ держитъ его факель и кинжалъ; всѣ знаютъ мой энтузіазмъ къ республикѣ, но мнѣ теперь стыдно за нее; она осквернена позоромъ и стала отвратительной, такъ что просто унижительно оставаться у власти». Но ея мечты были слишкомъ соблазнительны, чтобы отъ нихъ отказаться; по ея настоянію Роланъ оставался министромъ до 22-го января 1793 года, а она сама энергично поддерживала жирондистовъ въ ихъ борьбѣ съ Горой, прямо говоря: «Если повдно спасти насъ самихъ, то спасемъ то, что осталось отъ нашей родины». Но преслѣдованія ея мужа все увеличивались, его обвиняли во всякихъ злоупотребленіяхъ и чрезмѣрномъ самолюбіи, называя его королемъ Роланомъ, а ее королевой Роланъ. Наконецъ, 31-го мая, былъ изданъ приказъ объ его арестѣ, но онъ успѣлъ скрыться изъ Парижа и жить тайно въ Руанѣ до казни жены, послѣ чего съ отчаянія самъ наложилъ на себя руку. Г-жа Роланъ не принадлежала къ числу лицъ, которыя ищутъ спасенія въ бѣгствѣ; ее арестовали, она просидѣла четыре мѣсяца въ тюрьмѣ, спокойно писала тамъ письма къ Бюзо, поддерживая въ немъ энергію для дальнѣйшей борьбы, свои интересные мемуары и «Замѣтки о революціи» и наконецъ мужественно съ улыбкой на устахъ вошла 8-го ноября 1793 года на эшафотъ. По дорогѣ на казнь она гордо отвѣчала на крики парижскихъ простолоудинокъ, громко восклицавшихъ: «на гильотину, на гильотину!».—«Я буду на гильотинѣ черезъ минуту, но тѣ, которые меня посылаютъ туда, послѣдуютъ за мною; я умираю невинная, а они умрутъ запятанные кровью, и вы будете одинаково рукоплескать тогда, какъ рукоплещете теперь». Ея слова дѣйствительно сбылись, и вскорѣ Дантонъ, а потомъ Робеспьеръ, были преданы той же смерти, при такихъ же радостныхъ крикахъ толпы.

— Наполеонъ по дорогѣ на св. Елену. Мемуары и воспоминанія о Наполеонѣ растутъ, какъ грибы, не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ: въ началѣ года американскій журналъ «Century Magazine» напечаталъ любопытный рассказъ капитана Ушера о томъ, какъ онъ отвезъ Наполеона на островъ Эльбу въ 1814 году, а теперь въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ того же журнала помѣщенъ еще болѣе интересный дневникъ Джона Гловера, секретаря англійскаго адмирала Кокбурна, который въ свою очередь отвезъ Наполеона на островъ св. Елены въ 1815 году. Въ этомъ дневникѣ записано день за день все, что случилось, а главное все,

что говорил Наполеонъ во время долговременнаго плаванья отъ Плимута до св. Елены, которое продолжалось два мѣсяца и шесть дней. Собственно самое путешествіе не представляло ничего замѣчательнаго, и во время его не произошло никакого знаменательнаго событія, или даже любопытнаго эпизода; все шло обычнымъ чередомъ съ пунктуальностью всегдашней рутинны военныхъ судовъ на адмиральскомъ кораблѣ «Нортумберландъ», который сопровождали девять другихъ судовъ; то была хорошая погода, то дурная, и по временамъ ощущалась сильная качка, отъ которой страдалъ Наполеонъ. Англичане обращались съ нимъ, по распоряженію правительства, какъ съ пассажиромъ генеральскаго званія, и авторъ дневника не только постоянно называетъ его генераломъ, или Бонапартомъ, но и смѣется надъ раболѣпьемъ его французской свиты, состоявшей изъ трехъ генераловъ: Вертрана, Монтолона и Гурго, графа Ласказаса съ сыномъ, графини Бертранъ и графини Монтолонъ съ дѣтьми, трехъ офицеровъ, доктора и двѣнадцати слугъ. Самъ Наполеонъ велъ себя очень спокойно, съ большимъ достоинствомъ, не обращалъ никакого вниманія на отсутствіе придворнаго этикета, очень любезно и добродушно разговаривалъ съ англійскимъ адмираломъ, интересовался всѣми подробностями жизни на военномъ суднѣ, расспрашивалъ у офицеровъ и пастора всю подноготную ихъ обязанностей, весело обѣдалъ за общимъ столомъ, а по вечерамъ игралъ въ шахматы, пикетъ или «vingt et un», не хмурился, проигрывая своимъ партнерамъ. Хотя Гловеръ и пытается въ концѣ своего дневника, который онъ писалъ для себя и своихъ друзей, но не для печати, нарисовать физическій портретъ Наполеона и набросать его характеристику, но то и другое ниже всякой критики; такъ, онъ увѣряетъ, что Наполеонъ былъ лишенъ всякаго чувства, не отличаясь величіемъ души, или характера, не обращалъ никакого вниманія на причиняемыя другимъ неприятности и вообще думалъ только о томъ, чтобъ пустить пыль въ глаза слабымъ людямъ, обмануть тщеславныхъ, забить скромныхъ и пользоваться всѣми, какъ своими слѣпыми орудіями. Далѣе этихъ грубыхъ общихъ мѣстъ, англійскій авторъ дневника не идетъ, а въ рисуемомъ имъ портретѣ Наполеона онъ только повторяетъ всѣмъ извѣстныя его физическія черты и пресловутыя подробности его одежды. Такимъ образомъ, этотъ дневникъ, напечатанный съ рукописи, хранящейся у англійскаго пастора Гриндона, тестя котораго былъ женатъ на вдовѣ Гловера, представляетъ интересъ только въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ приведены разговоры Наполеона съ адмираломъ Кокбурномъ; эти разговоры не только возбуждаютъ любопытство, но имѣютъ историческое значеніе, такъ какъ Наполеонъ касался въ нихъ самыхъ разнообразныхъ фазъ своей удивительной жизни, начиная отъ осады Тулона, которой въ нынѣшнемъ декабрѣ минетъ сто лѣтъ, и до битвы при Ватерло. Мы передадимъ вкратцѣ самыя интересныя черты изъ этихъ разговоровъ, въ особенности останавливаясь на томъ, что касается до отношеній Наполеона къ Россіи.

По словамъ Наполеона, только благодаря недостатку офицеровъ началъ революціонныхъ войнъ, его, тогда молодого артиллерійскаго капитана, послали съ сѣверной границы къ Тулону, гдѣ ему поручили командовать артиллеріей; тотчасъ по прибытіи на мѣсто онъ совѣтовалъ генералу Карно сосредоточить всѣ свои силы для взятія форта, называемаго англичанами Мульгрефскимъ, такъ какъ вслѣдъ за этой побѣдой англичане очисти́ли бы Тулонъ, но Карно не хотѣлъ объ этомъ слышать, и осада не-

успѣшно продолжалась, пока не явился въ армию изъ Парижа представитель народа, который побудилъ главнокомандующаго принять планъ Бонапарта. Этотъ планъ вполнѣ удался, и его авторъ былъ награжденъ чиномъ бригаднаго генерала. Послѣ этого будущій императоръ перешелъ съ частью французской армии въ Савою, но назначенный командовать пѣхотой, онъ уѣхалъ въ Парижъ и, въ виду неудачныхъ хлопотъ вернуться въ ряды артиллеріи, покинулъ дѣйствительную службу и, нося мундиръ члена Французскаго института, которымъ онъ только что былъ избранъ, благодаря его математическимъ трудамъ, онъ ждалъ событій. Когда австрійцы начали тѣснить французовъ въ Италиі, то Комитетъ общественной безопасности вспомнилъ о Бонапартѣ и, призвавъ его, поручилъ ему составить планъ военныхъ дѣйствій, а по увѣнчаніи успѣхомъ этого плана и послѣ значительныхъ услугъ, оказанныхъ Бонапартомъ Конвенту при усмиреніи уличныхъ беспорядковъ въ Парижѣ 13-го вѣндемера, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ парижской армии, а тотчасъ затѣмъ посланъ въ Италию въ томъ же званіи. Только послѣ побѣды при Лоди, согласно его собственному признанію, онъ впервые сталъ думать о возможности рано, или поздно принять участие въ управленіи Франціи, хотя не имѣлъ еще никакого опредѣленнаго плана, но, вернувшись изъ Италиі съ ореоломъ военной славы, онъ возбудилъ противъ себя зависть директоріи, которая всячески хотѣла его удалить, а потому предложила ему или вести дипломатическіе пѣреговоры съ Австріей, или принять начальство надъ десантомъ въ Англию, или, наконецъ, отправиться въ Египетъ во главѣ военной экспедиціи. Отъ двухъ первыхъ предложеній онъ отказался, а за послѣднее ухватился съ удовольствіемъ, такъ какъ рассчитывалъ на полный успѣхъ этой экспедиціи, которая только могла увеличить его популярностъ и проложить ему дорогу къ дальнѣйшему возвышенію, когда настанетъ къ тому удобная минута. Относительно этой легендарной экспедиціи, Наполеонъ сообщилъ своему англійскому собесѣднику два любопытныя свѣдѣнія: съ одной стороны, онъ опровергнулъ легенду объ отравленіи имъ въ Яфѣ больныхъ чумой французовъ и призналъ, что дѣйствительно былъ принятъ въ Египтѣ въ число мусульманъ. Онъ нисколько не отрицалъ, что, видя необходимость очистить Яффу, которую тотчасъ заняли бы турки подъ предводительствомъ жестокаго Джебзы-паши, постоянно подвергавшаго самымъ мучительнымъ истязаніямъ своихъ плѣнниковъ, онъ созвалъ совѣтъ изъ всѣхъ докторовъ французской армии и предложилъ имъ на разрѣшеніе вопросъ: не гуманнѣе ли ускорить посредствомъ опиума смерть нѣсколькихъ несчастныхъ французовъ, одержанныхъ чумой, если ихъ выздоровленіе невозможно, а взятіе ихъ съ собой грозило опасностью всей армии? На это доктора послѣ публичнаго совѣщанія единогласно отвѣчали, что чумные французы не могли выздороветъ, что увезти ихъ съ собой значило заразить всю армию, что принять на себя отвѣтственность въ отравленіи, хотя бы приговоренныхъ къ смерти больныхъ, они не считали себя въ правѣ, и что, наконецъ, по ихъ мнѣнію, лучше всего было продержаться въ Яфѣ еще двое сутокъ, въ продолженіе которыхъ несчастные должны были непремѣнно умереть. На основаніи этого доклада, Бонапартъ остался самъ въ Яфѣ двадцать четыре часа, а затѣмъ, удалившись съ своей арміей, оставилъ тамъ аррьергардъ еще на сутки, по окончаніи которыхъ дѣйствительно всѣ чумные умерли, за исключеніемъ двухъ или трехъ, вполнѣ безнадежныхъ. Передавая

этотъ разсказъ Наполеона, авторъ англійскаго дневника прибавляетъ, что капитанъ Битти, находившійся въ экипажѣ «Нортуберланда», а прежде служившій на «Тезеѣ», который овладѣлъ Яффою прежде турокъ, удостовѣрялъ его, что дѣйствительно въ Яффѣ оказались только три, или четыре француза въ послѣдней степени чумы, и что онъ на мѣстѣ ничего не слышалъ объ отравленіи больныхъ Бонапартомъ, а только по возвращеніи въ Англію до него дошли слухи объ этой надѣлавшей столько шума легендѣ. Впрочемъ, Наполеонъ и черезъ столько лѣтъ продолжалъ настаивать, что предложенная имъ мѣра была достойна сочувствія, а не порицанія, и что еслибъ онъ самъ находился въ числѣ зачумленныхъ французовъ, то поблагодарилъ бы того, кто отравой освободилъ бы его отъ излишнихъ страданій, а тѣмъ болѣе отъ турецкой пытки. Что касается до разсказа Наполеона, какъ онъ сдѣлался мусульманиномъ, то онъ объяснилъ свой поступокъ желаніемъ расположить въ свою сторону туземцевъ Египта, что ему и удалось, а потому всѣ попытки турокъ подослать къ нему убійцы были тщетны, благодаря своевременному предупрежденію его объ этомъ туземцами. Какое важное значеніе имѣла популярность главнокомандующаго среди туземцевъ, вполне было доказано печальной судьбой преемника Бонапарта, Клебера, который убитъ туземцемъ. Относительно самаго обращенія его въ исламъ Наполеонъ юмористически разсказалъ англійскому адмиралу, что шейхи долго совѣщались о всѣхъ подробностяхъ подобнаго важнаго событія и согласились дозволить ему пить вино, уже сдѣлавшись мусульманиномъ, лишь подъ условіемъ, чтобъ при началѣ каждой битвы онъ давалъ обѣщаніе совершить какое либо доброе дѣло, именно построить мечеть, выкопать колодезь въ пустынѣ и т. д. Вообще, по мнѣнію Наполеона, дѣла пошли бы совершенно иначе въ Египтѣ, еслибъ онъ тамъ остался, хотя чума, жертвой которой онъ былъ временно и самъ, наводила панику на всю армію, но вмѣстѣ съ тѣмъ на вопросъ адмирала Кокбуерна, остался ли бы онъ тамъ при тогдашнемъ оборотѣ политическихъ дѣлъ во Франціи, даже еслибъ его экспедиція увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, императоръ искренно отвѣчалъ, что ничто не удержало бы его отъ возвращенія во Францію, какъ только сдѣлался возможенъ государственный переворотъ. Объ этомъ краеугольномъ камнѣ, на которомъ онъ основалъ все зданіе своего могущества, Наполеонъ говорилъ очень немного и только упомянулъ, что хотя онъ подвергался личной опасности, благодаря общему смятенію, но всѣ мѣры были имъ приняты къ увѣнчанію успѣхомъ его смѣлаго предпріятія, и Франція не могла тогда не подчиниться его власти. Переходя къ обвиненію его въ коварномъ убійствѣ герцога Ангіенскаго, Наполеонъ оправдывалъ свои дѣйствія въ этомъ случаѣ тѣмъ, что герцогъ составлялъ заговоръ противъ Франціи, а потому, овладѣвъ такъ или иначе его особой и перевезя его на французскую территорію, онъ обязанъ былъ судить его по закону и подвергнуть смертной казни; легенда же о томъ, что его приказъ о помилованіи герцога пришелъ слишкомъ поздно, была чистѣйшимъ вымысломъ; что же касается до нарушенія при арестѣ герцога Баденской территоріи, то по его мнѣнію на это могъ претендовать только герцогъ Баденскій, а никто иной.

Во время его консульства, Наполеонъ, по его собственнымъ словамъ, получилъ семь или восемь собственноручныхъ писемъ отъ русскаго императора Павла, который настаивалъ на заключеніи союза между Россіей и Франціей, съ цѣлью ослабить Англію, и предлагалъ, если Бонапартъ одобритъ

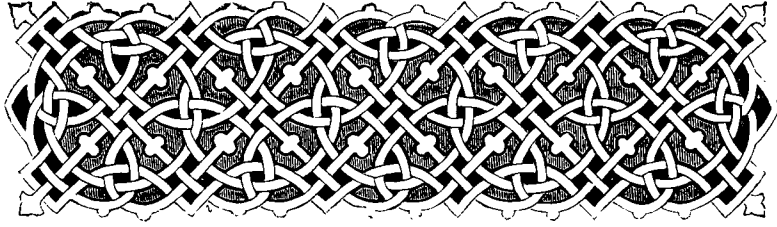
этотъ планъ, тотчасъ послать значительную русскую армію въ Индію. Наполеонъ уже собирався отправить конфиденціального посла къ императору для принятія необходимыхъ мѣръ къ осуществленію предлагаемаго союза, когда получилъ извѣстіе о его смерти. Къ этому Наполеонъ прибавилъ, что смотрѣлъ на эту смерть, какъ на очень неблагоприятное для Франціи событіе, потому что императоръ Павелъ былъ бы для нея весьма полезнымъ союзникомъ, а въ виду довѣрія, которое, повидимому, питалъ къ нему императоръ, онъ могъ бы побудить его къ измѣненію своей внутренней политики. Относительно императора Александра мнѣніе Наполеона было очень категоричное, онъ считалъ его болѣе умнымъ и энергичнымъ человѣкомъ, чѣмъ всѣ другіе государи Европы, изъ числа которыхъ прусскій король былъ просто «бѣдный дуракъ» (*un pauvre bête*), а австрійскій императоръ отличался слабостью характера, но упрекалъ его въ чрезмѣрной двуличности. Насчетъ ихъ двухъ знаменитыхъ свиданій въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ онъ рассказывалъ нѣкоторыя характеристичныя подробности. По его словамъ, еслибъ прусская королева пріѣхала въ Тильзитъ ранѣе, то, по всей вѣроятности, она успѣла бы въ своемъ намѣреніи сохранить Магдебургъ Пруссіи, такъ какъ онъ былъ тогда расположенъ исполнить на сколько возможно всѣ желанія императора Александра, который очень уваживалъ за королевой и пользовался ея милостями, но именно по этой причинѣ мужъ изъ ревности долго удерживалъ ее отъ поѣдки въ Тильзитъ, а вызвалъ ее туда лишь въ послѣднюю минуту, когда трактатъ былъ уже составленъ, и прусскіе министры отчаивались безъ ея присутствія добиться уступки отъ французовъ. Не смотря на свою привлекательную наружность, изящныя манеры и предупредительную любезность, королева не плѣнила Наполеона, и всѣ ея мольбы о сохраненіи за Пруссіей Магдебурга, чѣмъ онъ заслужилъ бы, по ея словамъ, вѣчную благодарность всей ея семьи, не повели ни къ чему, и, чтобъ отдѣлаться отъ ея просьбъ, онъ на слѣдующее же утро приказалъ подписать трактатъ безъ просимой ею уступки. Повидимому, императоръ Александръ не очень искренно поддерживалъ просьбы королевы, хотя питалъ къ ней тогда такое сильное расположеніе, что Наполеонъ удержалъ при себѣ на цѣлый день прусскаго короля, съ цѣлью дать возможность Александру провести этотъ день съ королевой. По крайней мѣрѣ, такъ рассказывалъ Наполеонъ англійскому адмиралу и, смѣясь отъ всей души, прибавилъ: «*Mais tout cela n'était pas Magdeburg*». Что касается до эрфуртскаго свиданія, то Наполеонъ увѣрялъ, что Александръ тамъ прямо совѣтовалъ ему развестись съ Жозефиной и предлагалъ ему руку своей сестры, великой княжны Анны, но, зная двуличный характеръ Александра и не думая тогда еще о новомъ бракѣ, онъ не обратилъ на эти слова никакого вниманія. Когда же внослѣдствіи онъ захотѣлъ дѣйствительно жениться на сестрѣ русскаго императора и началъ объ этомъ переговоры, то русскія требованія, между прочимъ, устройства православной часовни въ Тюлерійскомъ дворцѣ, возбудили противодѣйствіе многихъ изъ его приближенныхъ и въ особенности Богарна, при содѣйствіи которыхъ бракъ съ австрійской принцессой былъ устроенъ въ нѣсколько часовъ, а для Наполеона тогда главное было быстрое покончить съ этимъ щекотливымъ вопросомъ. Вообще, говоря о Россіи, Наполеонъ признавалъ, что русскіе и поляки самыя храбрыя народы во всей Европѣ, за исключеніемъ французовъ и англичанъ; по его словамъ, еслибъ ему удался походъ на Россію, то онъ потребовалъ бы только независимости Польши, которой

онъ предоставилъ бы выбрать какого угодно короля, хотя указалъ бы на Понятовскаго, какъ на достойнаго кандидата, и обязательства со стороны русскаго императора стойко поддерживать континентальную систему до тѣхъ поръ, пока англійское правительство не согласилось бы на «независимость морей». Но въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ высказалъ, что разослалъ изъ Москвы эмиссаровъ для возбужденія русскихъ мужиковъ противъ ихъ правительства, съ цѣлью объяснить имъ все ужасы того рабства, въ которомъ они находились, и предложить имъ свободу, если они окажутъ ему поддержку; онъ даже увѣрялъ, что многіе русскіе были расположены въ его пользу и входили съ нимъ въ сношенія, такъ что, еслибъ онъ дольше удержался въ странѣ, то большинство народа оказалось бы на его сторонѣ. Что касается до неудачнаго результата русской кампаніи, то онъ объяснялъ его сожженіемъ Москвы и наступленіемъ неожиданно раннихъ морозовъ. Онъ намѣренъ былъ только дать отдыхъ своей арміи въ Москвѣ, въ продолженіе четырехъ или пяти дней, а затѣмъ идти на Петербургъ, но видя, что его планы были уничтожены московскими пожарами, и опасаясь окончательной гибели арміи, онъ повернулъ назадъ, и тогда началось то роковое отступление изъ Москвы, страшнѣе котораго онъ никогда ничего не видалъ, такъ какъ въ продолженіе многихъ дней онъ двигался какъ бы среди огненнаго моря. благодаря поджигаемымъ со всехъ сторонъ самими жителями селеніямъ.

Много еще другаго рассказывалъ Наполеонъ англійскому адмиралу, но частью его слова были повтореніемъ того, что онъ говорилъ годъ передъ тѣмъ капитану Ушеру, по дорогѣ на островъ Эльбу, а частью они не выражали ничего новаго, такъ что заслуживаютъ вниманія только его замѣчанія насчетъ неуспѣшной Булонской экспедиціи въ Англію, оригинальная оцѣнка его военныхъ сподвижниковъ и взглядъ на послѣднія событія его царствованія, а также на тогдашнее положеніе Европы, въ особенности Франціи. По его словамъ, задуманное имъ вторженіе въ Англію не удалось только благодаря неспособности командировъ французскаго флота и неисполненію ими его приказаній, потому что они, сдѣлавъ по его распоряженію фальшивое движеніе въ Атлантическомъ океанѣ и заманивъ туда англійскія эскадры, зашли въ Кадиксъ, гдѣ англичане ихъ блокировали, вмѣсто того, чтобъ поспѣшить въ Ламаншъ къ Наполеону, который ждалъ ихъ съ десантнымъ корпусомъ въ 200.000 человекъ и уже началъ грузить багажъ на транспортныя суда. Такимъ образомъ, по вину своихъ морскихъ сподвижниковъ, онъ вынужденъ былъ отказаться отъ осуществленія своей любимой идеи, которая должна была непременно удалась, и онъ, по его мнѣнію, высадился бы въ 24 часа на англійскій берегъ близъ Чатама, а затѣмъ тотчасъ направился бы на Лондонъ, легко овладѣлъ имъ и предписалъ бы Англіи миръ на умѣренныхъ условіяхъ, въ числѣ которыхъ, однако, былъ бы неизбежно отказъ со стороны Англіи отъ права досмотра на морѣ нейтральныхъ судовъ. Что касается до его военныхъ сподвижниковъ, Наполеонъ выразилъ совершенно своеобразное мнѣніе: признавая храбрость и исполнительность Сульта и другихъ его маршаловъ, онъ отдалъ преимущество надъ всеми ими, генералу Клозелю, котораго онъ считалъ самымъ способнымъ военачальникомъ послѣ самого себя, какъ для составленія плана общихъ военныхъ дѣйствій, такъ и для осуществленія этого плана. Насчетъ ста дней бывший императоръ отозвался очень сдержанно, но увѣрялъ, что онъ на Эльбѣ не получалъ отъ своихъ сторонниковъ никакихъ приглашеній вер-

нуться и явился въ Францію только на основаніи газетныхъ извѣстій о недовольствѣ всей страны Бурбонами, что онъ ввелъ либеральную конституцію не изъ убѣжденія въ ея благотворности, но изъ желанія увеличить бездну, отдѣлявшую новую Францію отъ Бурбоновъ, и, что причиной пораженія его подъ Ватерлоо, а слѣдовательно и его паденія, были измѣны генераловъ и офицеровъ, такъ какъ онъ, быстро формируя новую армию, долженъ былъ допустить въ нее людей, которые одолжены были королю своимъ возвышеніемъ по службѣ и жаждали возвращенія. При этомъ онъ отвергалъ, чтобъ принять во время битвы прусскую армию за французскій корпусъ Груши, и объяснялъ превращеніе побѣды, явно склонявшейся въ его пользу въ продолженіе всего дня, въ пораженіе, когда наступили сумерки, только тѣмъ, что многіе враждебные ему офицеры, пользуясь наступавшей темнотою, подняли крикъ: «sauve qui peut», и возбудили тѣмъ панику во всей арміи. По этому случаю Наполеонъ высказалъ очень характерное мнѣніе насчетъ всей французской націи, именно, что низшіе классы отличаются искренностью и твердостью, какихъ не встрѣтить въ другихъ на родахъ, но начиная съ буржуазіи французы такъ легкомысленны и неустойчивы, что на нихъ нельзя положиться. По этой причинѣ и по коренной ненависти всей страны къ Бурбонамъ, которые вернулись съ помощью иностранныхъ войскъ, Наполеонъ считалъ, что они не долго удержатся на престолѣ, и что неизбежно было во Франціи общее кровавое возстаніе. Точно также онъ полагалъ, что и въ другихъ европейскихъ государствахъ вскорѣ произойдутъ серьезные внутренніе безпорядки, которыхъ не предотвратитъ прусскому королю и австрійскому императору конституціонными уступками, потому что континентальныя страны не были зрѣлы для представительной системы, какъ въ Англіи. Наконецъ, на вопросъ адмирала Кокбуерна, почему онъ отдался въ руки Англіи, а не Австріи, гдѣ его родственныя связи съ императоромъ могли обезпечить ему лучшій пріемъ, Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ не хотѣлъ просить милости у родственника, который такъ неблагоприятно поступилъ съ нимъ, и что хотя Англія, отказавъ ему въ свободномъ убѣжищѣ, поступила не только несправедливо и жестокосердно, но не политично, такъ какъ онъ никогда не нарушилъ бы своего слова не покидать Англіи безъ согласія правительства, онъ, всетаки, чувствуетъ себя теперь подъ покровительствомъ англійскихъ законовъ, тогда какъ во всякой другой странѣ его судьба зависѣла бы отъ каприза одного человѣка.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Статьи Рамбо о русской армии и флотѣ. — Петръ I въ Парижѣ. — Пушкинъ о французской литературѣ. — Изученіе Россіи во Франціи. — Русская деревня и русская кухня во французской оцѣнкѣ. — Книги о русской поэзіи. — Священный союзъ. — Современная Россія съ роялистско-клерикальной точки зрѣнія.

ФРАНКО-РУССКОЕ сближеніе, окончательно скрѣпленное тулонскими и парижскими праздниками, выразившими горячія симпатіи къ намъ всей Франціи, не могли не отразиться на ея печати, принимавшей дѣятельное участіе во всѣхъ торжествахъ, съ какими народъ, правительство и всѣ учрежденія встрѣчали русскихъ гостей. Вся французская журналистика въ послѣднее время только и говорила, что о Россіи. Альфредъ Рамбо помѣстилъ объ ней цѣлый рядъ статей въ журналѣ «Revue bleue»: «Армія царя Александра III въ 1893 году: ея наборъ, составъ, мобилизація» (*L'armée de tzar Alexandre III en 1893: recrutement, organisation, mobilisation*). Авторъ говоритъ прямо, что кронштадтскій визитъ доказываетъ сердечное согласіе націй, но тулонскія и парижскія событія означаютъ союзъ, и этотъ союзъ возбуждаетъ безпокойство. Нѣмецкія газеты стыдятъ Францію, что она вступаетъ въ союзъ съ варварской націей, толкуютъ объ опасности для цивилизаціи. Рамбо приводитъ имена выдающихся русскихъ писателей, живописцевъ, скульпторовъ, композиторовъ, прославившихъ свою страну въ послѣднее тридцатилѣтіе, говоритъ, объ освобожденіи крестьянъ, о развитіи женщинъ, для которыхъ въ Россіи основано 250 учреждений, а во Франціи — ни одного. «А почему же диктатура конвента, Наполеона, лучше русскаго самодержавія? Да и что такое парламентаризмъ Германіи, какъ не плохая декорация личнаго управленія? Вѣдь заключили же не со вчерашняго дня Сѣвероамериканскіе Штаты, эта великая республика, сердечный союзъ съ сѣвер-

нымъ самодержцемъ. Повтому нашъ союзъ съ Россіей совершенно законенъ, и польза его неоспорима. Даже во внутреннихъ дѣлахъ Франціи онъ оказалъ ей услугу, соединивъ всѣ политическія партіи. Даже роялисты и реакціонеры преклонились передъ республиканскимъ знаменемъ, встрѣченные въ Кронштадтѣ громомъ русскихъ пушекъ и слушавшіе стоя «Марсельезу», исполняемую русскою военною музыкою. Присутствіе итальянскаго наслѣдника въ Лотарингіи, этой французской Ломбардіи, было оскорбленіемъ Франціи, но чѣмъ отвѣчала она на маневры, гдѣ только и говорилось о германскомъ мечѣ и ужасахъ войны? — небывалами, восторженными праздниками мира въ честь русскаго войска. Говорятъ, что войско это не можетъ скоро мобилизоваться, но забываютъ при этомъ, что Россія 1893 года не та что была въ 1877 году. И въ доказательство этого Рамбо приводитъ главныя цифры нашихъ силъ, ихъ организацію, по официальнымъ источникамъ Европейская Россія въ одиннадцать разъ больше Франціи, но населеніе въ ней превосходитъ французское всего въ 2¹/₂ раза. Железныхъ дорогъ въ ней всего 33.000 верстъ, во Франціи 38.000. И однако же мобилизація совершается въ предѣлахъ Россія съ достаточной быстротою. Армія состоитъ изъ 21 корпуса. Въ статьѣ авторъ приводитъ еще дислокацію этихъ корпусовъ, правила образованія кадровъ и резервовъ, мобилизація и пр. Общій выводъ тотъ, что, обезпечивая Европѣ миръ, предупреждая войну, союзъ Франціи и Россія кладетъ конецъ нѣмецкой гегемоніи и ея стремленію на востокъ.

Другая статья Рамбо описываетъ пребываніе Петра I въ Парижѣ въ 1717 году (*Les russes à Paris. Pierre le Grand*). Новыхъ подробностей объ этомъ посѣщеніи статья не приводитъ. Визитъ русскаго монарха безпокоилъ регента и его министра потому, что Петръ былъ другомъ матросовъ и рабочихъ и не соблюдалъ правилъ придворнаго этикета, но еще болѣе потому, что онъ не держался англофильской политики тогдашней Франціи. Эта причина заставила его и во время своего перваго путешествія по Европѣ въ 1697 году, когда онъ посѣтилъ Германію, Австрію, Голландію, Англію, миновать Францію, хотя онъ былъ уже на ея границѣ. Отъ этого визита, по словамъ Сен-Симона, его отклонилъ Людовикъ XIV. Въ XXXIV томѣ Сборника русскаго историческаго общества помѣщена дипломатическая переписка, предшествовавшая этому посѣщенію, и статья приводитъ изъ нея извлеченія. Съ царемъ было 60 человекъ свиты, все его министерство съ вице-канцлеромъ Шафировымъ, даже съ протопопомъ, «большимъ охотникомъ выпить, развѣзжавшимъ со своими свѣчами, которая прислуга его продавала всѣмъ желающимъ», говорилъ Дюбуа, отправленный для встрѣчи высокаго гостя. Въ Парижѣ Петръ пробылъ отъ 7 мая по 20 іюня. «Онъ увезъ изъ Франціи будущую цивилизацію Россіи», говоритъ въ заключеніе статья.

— Двѣ статьи Рамбо посвящены описанію подвиговъ русскаго флота (*Les fastes de la flotte russe*). Авторъ начинаетъ описаніемъ «дѣдушки русскаго флота» и дѣйствій Петра на Балтійскомъ морѣ, затѣмъ говоритъ нѣсколько словъ объ упадкѣ флота до царствованія Екатерины II. Рассказавъ подробно о сраженіи при Чесмѣ и особенно о морскомъ дѣлѣ въ послѣдующія царствованія, онъ останавливается на Наваринѣ, гдѣ русскіе корабли бокъ-о-бокъ съ французскими дрались противъ турецкаго флота. Сражались противъ нихъ и англичане, но британскій кабинетъ на другой же день назвалъ Наваринскую битву «недоразумѣніемъ и печальнымъ событіемъ»

и уволил въ отставку храбраго адмирала Кодрингтона, которому, вмѣстѣ съ французскимъ адмираломъ Риньи, Николай I послалъ лестныя, благодарственныя письма. Отдѣльная глава посвящена черноморскому флоту и адмиралу Лазареву. Чтобы показать, что за человекъ былъ Михайль Петровичъ, авторъ приводитъ черты его жизни изъ воспоминаній о немъ его друга Хрипова, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 года. «Можно описать его военные подвиги, его служебную, административную дѣятельность, но какъ передать изумительную твердость, независимый его характеръ, громадное вліяніе на всѣхъ подчиненныхъ? Уже послѣ Наварина Николай I поручилъ ему произвести слѣдствіе объ одномъ сгорѣвшемъ кораблѣ. Недовольный рапортомъ адмирала, императоръ сказалъ ему: «а корабль сожгли!»— «Нѣтъ, государь, онъ сгорѣлъ», отвѣчалъ Лазаревъ.— «Я тебѣ говорю, что его сожгли!»— вскричалъ раздраженно Николай I.— «Я сказалъ въ своемъ рапортѣ вашему величеству, что корабль сгорѣлъ, но не говорилъ, что его сожгли»,— повторилъ адмиралъ, а кто не знаетъ, что значило противорѣчить императору. Въ другой разъ, встрѣтивъ адмирала, Николай I сказалъ ему: «Ты обѣдаешь у меня сегодня, старикъ».— «Никакъ не могу, государь»,— отвѣчалъ Лазаревъ,— я уже обѣщалъ адмиралу Грейгу быть у него». И это говорилось въ странѣ, гдѣ Дюмурье, опоздавшій на нѣсколько минутъ явиться къ Павлу I и извинявшійся тѣмъ, что его задержала одна важная особа, получилъ въ отвѣтъ: «знайте, государь мой, что важная особа въ Россіи тотъ, съ кѣмъ я говорю и покажеться я говорю съ нимъ». Лазаревъ любилъ государя, но понималъ, что царь существуетъ для Россіи, а не Россія для царя, и говорилъ Хрипову: «Николай мой благодѣтель, но я не промѣняю Россіи на Николая». Императоръ зналъ, что адмиралъ отдастъ за него свою жизнь, и самъ, какъ патріотъ, еще больше уважалъ его за непреклонный характеръ. Этотъ человекъ расходовалъ милліоны на черноморскій флотъ и умеръ бѣднякомъ. Перель смертью адмиралъ Корниловъ выхлопоталъ для него авансомъ годовое содержаніе.— «Этого мнѣ не нужно»,— сказалъ Лазаревъ:— въ моемъ положеніи я проживу не больше двухъ мѣсяцевъ, возьмите за нихъ деньги, остальные возвратите». И онъ ничего не оставилъ послѣ смерти, за то оставилъ такихъ учениковъ, какъ Корниловъ, Нахимовъ, Истомина.

— «Мнѣнія Пушкина о французской литературѣ» (*Les opinions de Pouchkine sur la literature française*) взяты изъ воспоминаній Смирновой, печатающихся для чего-то въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» на французскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ. Эта бывшая фрейлина сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о великомъ поэтѣ, но, къ сожалѣнію, приписываетъ ему много такихъ сужденій, которыя гораздо больше похожи на смировскія, чѣмъ на пушкинскія, заставляя его говорить о такихъ произведеніяхъ, которыя появились послѣ его смерти (такъ Пушкинъ, умершій въ 1837 году, говоритъ о «Рюи-Блазѣ» Гюго, появившемся въ концѣ 1838 года), путаетъ русскихъ авторовъ, приводя невѣрные данныя изъ ихъ сочиненій и біографій, смѣшиваетъ повѣшеннаго подпоручика Бестужева-Рюмина съ Бестужевымъ-Марлинскимъ и т. п. И еще издатели ея воспоминаній, мѣстами интересныхъ, но наполненныхъ скучною болтовнею, обижаются, когда имъ указываютъ промахи писательницы. Для французозъ эти промахи незамѣтны, но мы нисколько не обязаны принимать на вѣру все, что угодно приписывать Пушкину его поклонницамъ, пускающимся въ авторство.

— «Revue encyclopedique» наполнено статьями о Россіи, иллюстраціями русской жизни, портретами русскихъ людей. Къ журналу приложенъ даже франко-русскій календарь, съ 1-го (13) октября 1893 по ноябрь 1894 г., съ указаніемъ празднованія всякій день православнаго святого и съ пожеланіемъ, чтобы календарную рознь въ 12 дней наконецъ урегулировали. Любопытна въ журналѣ статья «Изученіе Россіи во Франціи» (Les études russes en France). Въ ней, на основаніи изданія нашей публичной бібліотеки, указаны главныя сочиненія о Россіи на французскомъ языкѣ, начиная съ 1607 года. Ни Генрихъ IV, ни его министр Сюлли не считали тогда «скинскихъ князей» (knes scythien), какъ называли московскихъ царей, европейскими монархами. Дипломатическія сношенія съ Московіей начались при Людовикѣ XIV и Петрѣ I. Вольтеръ написалъ исторію Россіи въ двухъ томахъ, но черезъ пять лѣтъ послѣ его книги, другу его Екатеринѣ II пришлось уже опровергать Шаппа д'Отрошъ, рассказывающаго ужасы о Сибири и крѣпостничествѣ. Русскія исторіи Лавова и Левлерова нѣсколько лучше Вольтеровской. Во время консульства явились секретныя записки Массона о Павлѣ I. Исторія Карамзина переводилась пофранцузски въ теченіе 8-ми лѣтъ (1819—1826), потомъ вышли исторіи Россіи Сегюра, д'Эно, Шопена. Лѣтопись Нестора переведена пофранцузски въ 1834 и въ 1884 году. Въ 1839 г. вышелъ памфлетъ Кюстина, утверждающаго, что между Европой и Россіей существуетъ та же китайская стѣна и Сибирь начинается за Вислой. Русскую имперію принялись затѣмъ объяснять французамъ съ кафедры Мицкевичъ и Ходзько, а вѣдь никому не приходило въ голову изучать Англію по сочиненіямъ ирландцевъ. Съ появленіемъ книги Шницлера «Имперія царей» (1866 г.) началось серьезное изученіе Россіи. Правда, въ томъ же году явилась книга Мартена «Россія и Европа», доказывавшая, по теоріи патера Духинскаго, что русскіе—не арійцы, а туранцы. Но это уже было послѣднимъ проявленіемъ партійности и невѣжества: въ 1863 году Луи Леже получилъ докторское званіе, защищая двѣ диссертациі о Несторѣ и о крещеніи славянъ, и началъ свои лекціи въ Сорбоннѣ о русскомъ языкѣ. Въ 1872 году онъ посѣтилъ Россію со своимъ ученикомъ Альфредомъ Рамбо и Анатоліемъ Леруа-Волье. Послѣдній началъ печатать въ «Revue des deux Mondes» очерки имперіи царей, вышедшіе въ трехъ томахъ въ 1881 году. Въ то же время Рамбо издалъ «Эпическую Россію» и «Исторію Россіи», выдержавшую три изданія и переведенную на англійскій языкъ. Леже написалъ «Славянскій міръ» (1872), «Славянскіе этюды» (три тома, 1886), «Россія и славяне» (1891). Элизе Реклю составилъ хорошую географію Россіи, Эрнестъ Леръ «Основы русскаго гражданскаго права». Параллельно съ учеными трудами шло знакомство французовъ съ русской литературой. Сатиры Кантемира были переведены въ 1749 году. Первый сборникъ «избранныхъ образцовъ русской литературы до царствованія Екатерины II» вышелъ въ 1800 году. Тутъ помѣщены и весьма плохіе переводы изъ Ломоносова, Тредьяковскаго, Сумарокова. Въ 1823 году вышла «Русская антологія» Дюкре де-Сен-Мора. Онъ же издалъ восемь томовъ описанія Россіи. Въ 1846 году князь Мещерскій перевелъ въ стихахъ нѣсколько пьесъ русскихъ поэтовъ. Въ 1837 г. Жюльевекеръ перевелъ уже Пушкина, конечно, не такъ поэтически, какъ Мармье. Въ 1867 году Сен-Маркъ Жюларденъ, въ книгѣ своей «Лафонтенъ баснописецъ», даже не упоминаетъ имени Крылова, хотя многія басни его были уже давно переведены. Мериме

первый познакомилъ французовъ съ сочиненіями Гоголя, Костомарова, Тургенева. Лермонтова изучилъ Сен-Рене. Куррьеръ издалъ въ 1875 году весьма недурную «Исторію современной литературы въ Россіи». Съ 1886 года, когда явилась книга Мельхиора Вогюэ «Русскій романъ», французы начали изучать и переводить всѣхъ нашихъ выдающихся писателей. Къ сожалѣнію,—замѣчаетъ авторъ статьи,—далеко не всѣ переводы эти удовлетворяютъ эстетическимъ требованіямъ. Это происходитъ оттого, что за нихъ берутся, съ единственною цѣлью наживы, польскіе евреи, плохо знающіе русскій языкъ и не имѣющіе никакого литературнаго образованія.

— Въ томъ же журналѣ какой-то Бруно описываетъ русскую деревню (Le village russe). Онъ начинается съ того, что, не говоря уже объ окраинахъ Россіи, пейзажи ея внутреннихъ провинцій чрезвычайно разнообразны и живописны. Но самая деревня съ ея единственной улицей, покосившимися, бѣдными домами, съ грязными дворами, не понравится европейцу. Впрочемъ, во всемъ свѣтѣ крестьяне живутъ одинаково,—прибавляетъ авторъ. Описавъ избу съ ея неважѣйливой обстановкой, онъ говоритъ о воздержности мужика, только въ праздники отправляющагося въ кабакъ (хорошо, еслибъ только въ праздники, хотя ихъ больше въ году, чѣмъ рабочихъ дней). Кабатчикъ почти всегда еврей и ростовщикъ, торгуетъ, кромѣ того, всѣми предметами, необходимыми въ крестьянскомъ быту. Затѣмъ, слѣдуетъ изображеніе физическихъ свойствъ мужика, его наружности, устройство «мира», общественнаго управленія, деревенской жизни. Все это довольно вѣрно, хотя мѣстами проскальзываютъ промахи, въ родѣ извѣстія, что мужикъ «любитъ играть на гармоникѣ (гармонка), двухструнномъ инструментѣ, изъ котораго извлекаются изумительные мелодическіе эффекты. Больше всего онъ боится лѣшихъ (Lieshai)».

— Болѣе или менѣе извѣстная Лидія Пашкова помѣстила статью о русской кухнѣ (La cuisine russe). Здѣсь нѣтъ неясностей, такъ какъ кулинарное дѣло, конечно, столько же знакомо автору, какъ и литература. Не знаемъ только, на какихъ обѣдахъ, какъ увѣряетъ г-жа Пашкова, супъ, по прихоти хозяйки, подается въ срединѣ или въ концѣ обѣда, и гдѣ, послѣ закуски, пьютъ чай и потомъ уже садятся обѣдать. Въ статьѣ описаны всѣ сорта суповъ и похлебокъ, ботвинья, борщъ, щи, рыбный столъ, жаркіе, селянки, описанъ способъ приготовленія наливокъ, консервовъ и т. п. Ортография русскихъ блюдъ также сильно хромаетъ.

— Въ Парижѣ вышелъ еще одинъ сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, помѣченный уже 1894 годомъ: «Тридцать русскихъ стихотвореній Поля Коллена» (Trente poesies russes). Переводчикъ придавъ своему труду названіе «подражательныя мелодіи» (mélodies imitées) и увѣряетъ, что, «не удаляясь отъ мысли своихъ образцовъ, онъ только перефразировалъ ее для того, чтобы продлить удовольствіе (?), и потому также, что точность русскаго языка не можетъ быть вполне воспроизведена». Но при невозможности передать «очаровательную форму» русскихъ стиховъ, Колленъ передаетъ, по крайней мѣрѣ, основную мысль девяти пьесъ Алексѣя Толстого, пяти Плещеева, пяти Сурикова, двухъ Полонскаго, двухъ Мережковскаго и по одной Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Апухтина, Грекова, Мицкевича. Колленъ говоритъ, что съ русскойю поэзіей познакомилъ его Чайковский, погибшій безвременно для искусства и для Россіи, почтившей память перваго послѣ Глинки русскаго композитора торжественнымъ

погребеніемъ. Чайковскій поручилъ переводить свои романы Коллену, и французъ невольно увлекся русскими стихами даже помимо всякаго франко-русскаго единенія.

— Единеніе это, выразившееся такими блестящими, небывалыми торжествами во всей Франціи, не могло, конечно, не отразиться и въ политической литературѣ. Графъ де-Вильерсъ издалъ подъ названіемъ «Священный союзъ» (*La sainte alliance*) книгу, въ которой доказываетъ невыносимость современнаго положенія Европы, вслѣдствіе непосильныхъ расходовъ, какіе ей приходится нести для поддержанія вооруженнаго мира. Авторъ убѣжденъ въ неизбежности войны, которая только одна и можетъ привести къ желаемому всѣми разоруженію. Онъ приводитъ и цифры, подтверждающія это убѣжденіе: въ 1870 году Европа истратила на войну около трехъ миллиардовъ. Теперь, во время мира, она тратитъ на военные расходы больше пяти миллиардовъ. До войны 1870 года на мирномъ положеніи въ Европѣ было до двухъ милліоновъ солдатъ, теперь же $3\frac{1}{2}$ милліона. Въ военное время при напряженіи силъ могли выставить до семи милліоновъ солдатъ, теперь готовятъ къ войнѣ $12\frac{1}{2}$ милліоновъ, а въ случаѣ приведенія въ исполненіе военныхъ законовъ объ ополченіи и разныхъ ландштурмахъ это число можетъ быть доведено до 22-хъ милліоновъ. Такъ какъ Германія ни за что не возвратитъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи, то при такомъ невыносимомъ положеніи война, по мнѣнію автора, дѣлается даже желательною, ибо безъ нея невозможно всеобщее умиротвореніе. Въ этой войнѣ всѣ шансы на сторонѣ Франціи и Россіи: вся Германія недовольна милитаризмомъ и гегемоніей Пруссіи; въ ней развивается социализмъ; ружья Лева у нѣмецкой арміи очень плохи; Австрія расплывается по швамъ, подкапываемая славянами; разоренная Италія на краю гибели. Объ Англіи авторъ не говоритъ, однако, ничего. Высказываетъ онъ нѣсколько желаній и по отношенію къ внутренней политикѣ Франціи, какъ, на примѣръ, о томъ, чтобы президента республики выбирали всеобщю подачею голосовъ. Эльзасъ-лотарингцамъ, выражается, конечно, полное сочувствіе, а отъ республиканской формы правленія ожидается и въ будущемъ полное процвѣтаніе Франціи.

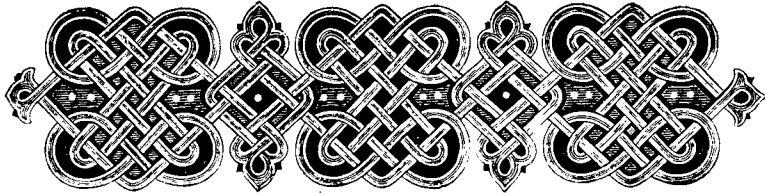
— Даже такіе монархическіе и клерикальные органы, какъ «*Correspondant*», считаютъ необходимымъ подносить своимъ читателямъ статьи о Россіи. Въ этомъ журналѣ какой-то Федоръ Захаровъ посвящаетъ двѣ статьи обзорнью современной Россіи (*La Russie actuelle*). Статьи подраздѣляются на слѣдующія главы: Александръ III и императорская фамилія.—Дворъ.—Народъ.—Бояре и мужики.—Петербургъ.—Православная религія.—Земледѣліе.—Евреи.—Желѣзныя дороги.—Нигилизмъ. Но съ первыхъ же строкъ этой компіляціи русское происхожденіе автора становится весьма подозрительнымъ, и французское верхоглядство проскальзываетъ въ ней весьма замѣтнымъ образомъ. Такъ, онъ увѣряетъ, что лучшіе русскіе авторы: Ломоносовъ, Гоголь, Пушкинъ, переведены пофранцузски, что во время приѣзда моряковъ эскадры адмирала Жерве въ Петербургъ «крымскіе ветераны, стоявшіе на часахъ у подножія статуи Николая, кричали: *Vive la France!*» и пр. Статистическія цифры автора также весьма сомнительны: онъ насчитываетъ три милліона евреевъ въ Россіи (увы! ихъ, по крайней мѣрѣ, вдвое больше) и 175.000 волковъ, съѣдающихъ ежегодно 840.000 животныхъ и 125 человѣкъ. При постройкѣ Петербурга погибло полтораста тысячъ мужиковъ, но зато Петръ выстроилъ новую столицу

въ 600 верстахъ отъ старой—Новгорода!! О Петрѣ I рассказываются далеко еще болѣе изумительныя вещи: во время путешествія по Европѣ «онъ очень затруднялся, какую религію ему принять» (il hésitait beaucoup d'adopter une religion). Голландскій король Вильгельмъ посовѣтовалъ ему принять титулъ главы русской религіи. Но, желая «сохранить для своихъ дѣтей возможность перейти въ католицизмъ», онъ отправилъ къ папѣ князя Куракина. Три года князь велъ переговоры безъ всякаго результата, и «Петръ провозгласилъ себя главою православной церкви». Не смотря, однако, на такія историческія фантазмагоріи, картина современной Россіи у автора выходитъ достаточно вѣрна съ подлинникомъ. Онъ описываетъ безъ особенныхъ промаховъ придворныя балы, бытъ крестьянина, голодъ 1891 года, положеніе духовенства, пріѣздъ бухарскаго хана, даже жизнь среднихъ круговъ общества, передавая ихъ съ большими подробностями, ея неизбежными винтомъ, закусками, «необходимыми, какъ увертюра въ оперѣ, прологъ въ драмѣ, предисловіе въ книгѣ». О нигилистахъ авторъ говоритъ только, что эта секта разрушителей въ Россіи никогда не обратится въ легіонъ. У нея нѣтъ корней въ народѣ, который относится къ ней враждебно. Всѣ рассказы англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ объ открытіи складовъ динамитныхъ бомбъ, объ арестахъ злоумышленниковъ—чистая выдумка. Соблюдаются только необходимыя предосторожности во время поѣздокъ августѣйшихъ лицъ, и если Times говоритъ, что во время послѣдней охоты на островѣ Гвевнѣ, куда Оскаръ II пригласилъ царственныхъ гостей, островъ былъ наполненъ шведскими охранителями, а вокругъ береговъ его крейсировали датскія шкуны, то нельзя же было запретить сосѣднимъ державамъ принимать мѣры предосторожности.

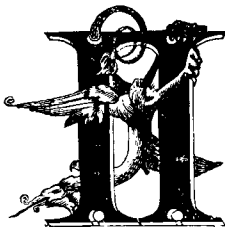
Положеніе евреевъ въ Россіи опредѣлено вѣрно. Это племя «враждебное всякому прогрессу, ненавидящее народъ, среди котораго оно находитъ средства своего существованія», само вызвало своею наглостью антиеврейскіе беспорядки на югѣ Россіи. Въ Стародубѣ, въ концѣ 1891 года евреи не захотѣли закрыть своихъ лавокъ въ день народнаго праздника, и народъ разграбилъ ихъ. Стѣснительный для евреевъ законъ 1882 года установленъ, чтобы положить конецъ слишкомъ частымъ нарушеніямъ прежнихъ законовъ и слишкомъ благодушнымъ отношеніямъ къ евреямъ въ прошлое царствованіе. Не имѣющіе права жить въ Москвѣ, они наводнили древнюю столицу до такой степени, что этому жидовскому нашествію долженъ былъ положить конецъ сенатскій указъ. Въ 1892 году изъ Одессы пришлось выслать десять тысячъ жидовъ. Тогда же въ Петербургѣ учреждено отдѣленіе комитета, основаннаго Ротшильдомъ и Гиршемъ, обязавшееся переселить изъ Россіи 3.250.000 евреевъ въ теченіе 25-ти лѣтъ, но ни эти обѣщанія, ни этотъ комитетъ ненадежны, какъ и попытки водворить ихъ въ Аргентинѣ, гдѣ еврейскихъ выходцевъ пришлось усмирять силой, такъ какъ они не хотѣли работать, привыкнувъ ничего не дѣлать, а только эксплуатировать русскихъ. Вѣнскіе жиды подняли крикъ объ оскорбленіи челоуѣчества. Лондонскій лордъ-меръ началъ устроить митинги негодованія противъ Россіи. Русская печать отвѣчала спокойно: «земля наша пока еще не англійская колонія». Въ Лондонѣ вышелъ журналъ «Дремучая Россія» (Darkest Russia), въ которомъ знаменитый социологъ Гербертъ Спенсеръ выражаетъ такія пожеланія: «моя надежда въ томъ, что русскій деспотизмъ, проявившійся въ преслѣдованіи евреевъ и другихъ мѣрачъ, и имѣвшій слѣдствіемъ сосредото-

ченіе силъ сопротивленія, приведетъ къ катастрофѣ, которая раздѣлитъ на полдюжины государствъ эту огромную варварскую имперію». На выставкѣ въ Чикаго, Гарриону подана петиція о выселеніи русскихъ евреевъ въ Палестину, на основаніи тѣхъ же принциповъ, по которымъ Болгарія возвращена ей законнымъ владѣльцамъ. На этомъ основаніи въ настоящее время остановился еврейскій вопросъ, подробно изложенный авторомъ статьи. Прибавимъ, что Іерусалимскій раввинъ отсовѣтовалъ своимъ соотечественникамъ переселяться въ Святую Землю, гдѣ положеніе ихъ будетъ невыносимо. «Въ прежнее время изъ 12-ти корпусныхъ командировъ было 8 нѣмцевъ, 3 русскихъ и одинъ шведъ, русскіе законы введены въ Балтійскія провинціи только въ 1835 году, русскій языкъ въ 1-67 году. Со времени царствованія Александра III Россія сдѣлалась дѣйствительно русскою, и очищеніе ея отъ иноземныхъ элементовъ одно изъ блестящихъ подвиговъ императора. Въ 1893 году закрылась послѣдняя нѣмецкая гимназія въ Гольдингенѣ, а эстляндское дворянство закрыло само свою Ritter und Domschule, существовавшее 600 лѣтъ. Въ Ригѣ судъ посадилъ на 8 мѣсяцевъ въ тюрьму пастора, обвинявшаго въ безбожіи правительство, сблизившееся съ французскою республикой. Дерптскій университетъ превратился въ Юрьевскій. Статья оканчивается данными по среднеазиатскимъ владѣніямъ и по желѣзнымъ дорогамъ. Авторъ ждетъ многого отъ закаспійской и сибирской дороги, но сожалѣетъ, что нынѣшнія дороги не топятъ паровозовъ нефтью, а безжалостно истребляютъ лѣса, необходимые для процвѣтанія страны. Сто лѣтъ назадъ на cadaго жителя въ Россіи приходилось 15 десятинъ лѣса, теперь только двѣ.

СМѢСЬ.

ПРИСУЖДЕНИЕ Пушкинских премій. Первые строки отчета Академіи Наукъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1893 году были, посвящены памяти покойнаго вице-президента академіи Я. К. Грота, много потрудившагося по филологіи и исторіи отечественной литературы. Въ послѣдніе годы жизни академикъ трудился надъ новымъ изданіемъ словаря русскаго языка; имъ занимался онъ даже наканунѣ неожиданной кончины и, не смотря на свои многочисленныя и важныя труды, находилъ возможность принимать живое и дѣятельное участіе въ присужденіи пушкинскихъ премій. Онъ всю жизнь свою стоялъ за все прекрасное и полезное. Въ текущемъ году на соисканіе премій имени А. С. Пушкина было представлено одиннадцать трудовъ. Одно сочиненіе за непредставленіемъ къ сроку рецензій отложено до будущаго года. Изъ числа десяти оставшихся сочиненій шесть рассмотрѣно въ средѣ самого отдѣленія, а къ оцѣнкѣ четырехъ были приглашены члены-корреспонденты отдѣленія и сторонніе ученые. По баллотировкѣ удостоено половинной преміи сочиненіе Д. В. Аверкіева «О драмѣ» и признаны заслуживающими похвальнаго отзыва «Стихотворенія» А. М. Жемчужникова, «Стихотворенія» князя Д. Н. Церетелева и исполненный Л. И. Поливановымъ переводъ въ стихахъ комедіи Мольера «Мизантропъ».

Разборъ труда «О драмѣ» сдѣланъ А. И. Введенскимъ. Д. В. Аверкіевъ, кромѣ своей публицистической и литературно-критической дѣятельности, извѣстенъ нѣсколькими драматическими произведеніями, изъ которыхъ «Каширская Старина» до сихъ поръ не сходитъ съ репертуара. Сочиненіе, представленное имъ на премію имени Пушкина и составляющее отдѣльное переработанное изданіе статей, появившихся въ русскаихъ журналахъ еще въ 1877—1880 гг., имѣетъ цѣлью дать основательныя, свободныя отъ господствующихъ въ русской критикѣ тенденцій, болѣе научныя воззрѣнія на драматическое искусство. По словамъ рецензента, г. Аверкіевъ признаетъ только одну теорію драмы, именно теорію Аристотеля въ томъ видѣ какъ она истолкована Лессингомъ въ его «Гамбургской драматургіи». Въ этомъ, однако, нельзя не видѣть односторонняго увлеченія. Въ теченіе вѣка, протекшаго отъ кончины Лессинга, возникла цѣлая литература по

вопросамъ эстетики и, отказываясь отъ ея помощи, г. Аверкіевъ обрѣкъ свой трудъ на узость и неполноту. Въ доказательство этого рецензентъ приводитъ нѣсколько примѣровъ. Изложеніе теоріи г. Аверкіевъ сопровождаетъ горячей полемикой противъ ложнаго классицизма, противъ французской и испанской драмы и т. п., а также разборами художественныхъ произведеній съ пѣлю оправданія теоріи. Полемика составляетъ самую слабую сторону книги г. Аверкіева, и не потому только, что она явленіе ненужное, запоздалое, но потому, главнымъ образомъ, что можетъ создавать ложные взгляды на историческія явленія, которыя въ развитіи міровой мысли имѣли и исполнили свое опредѣленное назначеніе. Разборы художественныхъ произведеній, напротивъ, занимаютъ въ трудѣ г. Аверкіева важное мѣсто. Руководимый теоріей, строго опредѣленною, хотя и односторонне принятою, г. Аверкіевъ владѣлъ надежнымъ орудіемъ для оцѣнки художественныхъ произведеній. Особеннаго вниманія заслуживаютъ разборы Пушкинскихъ «Донъ Жуана», «Бориса Годунова» и отдѣльно сцены у фонтана въ послѣднемъ, затѣмъ «Макбета» и «Короля Лира»; менѣе улачны разборы Корнелевскаго «Сида» и вообще тѣхъ произведеній, къ которымъ авторъ относился съ точки зрѣнія своей теоріи отрицательно. Статья «Три письма о Пушкинѣ», составляющая дополненіе къ разсужденію о драмѣ, носитъ ту же печать увлеченія аристотеле-лессинговской теоріей. Въ общемъ же трудъ г. Аверкіева, представляющій къ тому же почти единственное въ своемъ родѣ явленіе въ русской литературѣ, вообще крайне бѣдной сочиненіями по вопросамъ эстетики, въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ сочувствія.

Разборъ стихотвореній князя Д. Н. Цертелева принялъ на себя членъ-корреспондентъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Представленный на соисканіе преміи сборникъ стихотвореній князя Цертелева не первый плодъ его музы; тому назадъ десять лѣтъ, въ 1883 г., имъ была издана книжка стихотвореній, обратившая на себя вниманіе. На всѣхъ произведеніяхъ князя Цертелева обнаруживается вліяніе графа А. К. Толстого, прямымъ послѣдователемъ и ученикомъ котораго онъ и является въ русской литературѣ. Цертелевъ равнодушенъ къ окружающей его русской современной жизни и вдохновляется почти исключительно событіями и героями временъ давно миновавшихъ. Особенную склонность онъ питаетъ къ древне-арійскимъ и буддѣйскимъ преланіямъ и мѣамъ, олицетворяющимъ религіозно-философское міросозерцаніе древняго Востока. Такая склонность, равно какъ и нѣкоторыя другія черты творчества кн. Цертелева, объясняются основнымъ свойствомъ его: онъ не поэтъ художникъ, а поэтъ-мыслитель. Въ поэмахъ кн. Цертелева мы находимъ нѣрѣдко музыкальныя строфы, что заставяетъ протять поэту нѣкоторые техническіе недочеты и промахи въ его стихахъ. Лирическая поэзія — поэзія думъ и душевныхъ настроеній — гораздо болѣе соответствуетъ характеру таланта кн. Цертелева, нежели поэзія эпическая.

Почетный отзывъ комісія также присудила представленнымъ на соисканіе Пушкинской преміи стихотвореніямъ А. М. Жемчужникова. Подробный и обстоятельный разборъ ихъ написалъ членъ-корреспондентъ Я. П. Половскій. Выступивъ на литературное поприще въ эпоху реформъ, въ эпоху освобожденія миллионновъ людей отъ крѣпостной зависимости, г. Жемчужниковъ въ своихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ это время, весь отдаетъ искреннему прославленію мѣръ, которыя должны были обновить Россію, на нихъ возлагаетъ свои надежды, отъ нихъ жлетъ великихъ благъ. Онъ принималъ сердечное участіе въ развитіи русской жизни. По духу своей поэтической дѣятельности онъ во многомъ сходился съ Некрасовымъ и несомнѣнно ему поклонялся, какъ и вся молодежь того времени. Встрѣчаются стихотворенія, написанныя въ юмористическомъ тонѣ, болѣе свойственномъ Жемчужникову; они блещутъ талантомъ, не смотря на всю смѣлость по отношенію къ формѣ. Жемчужниковъ глубоко чувствовалъ, но это чувство

никогда не доходило въ немъ до порывистой страсти; въ его лучшихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ сельскому быту и русской природѣ, проходитъ поэтическая струя, чувствуется и слышится задушевное доброе чувство, которое трогаетъ. Жемчужниковъ не богатъ образами. Онъ, дѣйствительно, какъ бы и не нуждается въ фантазіи, описывая только то, что видитъ и слышитъ.

Стихотворный переводъ Л. И. Поливанова комедіи Мольера «Мизантропъ» разсмотрѣнъ доцентомъ Петербургскаго университета Ѳ. Д. Батюшковымъ. Г. Поливановъ, какъ добросовѣстный и опытный переводчикъ, прежде всего старался сохранить не только образы (сравненія, метафоры и т. п.), но и движеніе рѣчи въ переводимомъ произведеніи. Въ общемъ, переводъ г. Поливанова удовлетворителенъ: въ немъ нѣтъ ни грубыхъ промаховъ, ни рѣзкихъ отступленій отъ подлинника, и многія мѣста переданы весьма удачно, хотя не разъ въ его переводѣ встрѣчаются неточности, приводящія къ затемненію мысли или къ вялому, безцвѣтному выраженію мѣткой, энергичной фразы оригинала.

Академія присудила золотыя медали гг. Батюшкову, Введенскому, Голевищеву-Кутузову и Я. П. Полонскому.

Послѣ отчета о присужденіи премій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ прочелъ «Поминку о Гавріилѣ Романовичѣ Державинѣ», по случаю полуторавѣковаго юбилея дня его рожденія. Во времена Екатерины II Державинъ, одинъ изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ, занималъ по праву первое мѣсто среди писателей. Не смотря на блистательную характеристику Державина сдѣланную Гоголемъ, не смотря на громадный трудъ, употребленный вице-президентомъ Я. К. Гротомъ, для выясненія поэта, Державинъ, востакъ, недостаточно оцѣненъ и извѣстенъ въ нашемъ обществѣ. Еще недавно раздавались голоса, осуждавшіе восторженный тонъ его одъ, какъ еще недавно осуждали весь вѣкъ за его будто бы только искусственный блескъ. Державинъ непонятенъ безъ своего вѣка, и вѣкъ непонятенъ безъ Державина. Дмитріевъ, хорошо знавшій поэта, говорить о немъ: «Державинъ, какъ поэтъ и какъ государственная особа, имѣлъ только въ предметѣ нравственность, любовь къ правдѣ, честь и потомство». Здѣсь въ немногихъ словахъ весь нравственный обликъ Державина. Между великимъ родоначальникомъ новой русской литературы Ломоносовымъ и Державиннымъ есть одна общая черта: оба приходятъ въ восторгъ отъ высшаго значенія Россіи, оба воспеваютъ его въ гиперболическихъ образахъ. Этотъ восторгъ, эти тирболы понятны. Знакомство съ живью Державина вполне оправдываетъ впечатлѣніе, выносимое изъ его произведеній. Державинъ всегда былъ искреннимъ, на сколько искренность допускалась условіями его времени: и Фелицу онъ не всегда могъ воспѣвать, а относительно другихъ онъ никогда не умѣлъ держаться панегирическаго тона. Конечно, не всѣ произведенія Державина сохраняютъ до нашего времени эстетическое достоинство, что легко объясняется и временемъ ихъ появленія, и отсутствіемъ въ самомъ Державинѣ чувства мѣры, какъ по свойству его пылкой природы, такъ и по отсутствію образованія. Зато всѣ они должны быть изучаемы, ибо въ нихъ отражается вѣкъ и встаетъ передъ нами въ высокой степени сочувственный образъ неустаннаго борца за правду.

Юбилей Д. В. Григоровича. Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея литературной и художественной дѣятельности Д. В. Григоровича происходило въ Обществѣ поощренія художествъ, гдѣ юбиляръ былъ секретаремъ и директоромъ музея. Въ новоотдѣланной залѣ Общества была поставлена эстрада. Противъ нея въ группѣ растений, бронзовый бюстъ юбиляра. Кругомъ на хорахъ размѣстились представительницы институтовъ, женскихъ гимназій и учебныхъ заведеній. За сидящей публикой плотной стѣной стояли гимназисты и ученики. Въ первыхъ рядахъ заняли мѣста принцы Александръ Петровичъ и

Петръ Александровичъ Ольденбургскіе, члены государственнаго совѣта Н. И. Стояновскій, А. Ѳ. Бычковъ, И. А. Вышнеградскій, М. Н. Островскій, министр народнаго просвѣщенія, министръ финансовъ, государственный контролеръ, адмиралъ Поповъ, сенаторъ Таганцевъ, генераль Кармалинъ, В. Д. Спасовичъ и др. Въ 2 часа оркестръ пріюта заигралъ петровскій маршъ, и въ залу, среди рукоплескавій, вошелъ Дмитрій Васильевичъ подъ руку съ принцессою Евгеніею Максимилиановною, председателницею Общества поощренія художествъ. На встрадѣ заняли мѣста ея высочество, рядомъ — юбиляръ, далѣе Я. П. Полонскій, А. А. Потѣхинъ, А. Н. Исаковъ, П. И. Вейнбергъ; по другую сторону принцесы—гг. Куинджи, Венуа (А. Н.) и Собко. Когда смолкли звуки марша, принцеса Евгенія Максимилиановна встала и объявила, что государь императоръ пожаловалъ по случаю юбилея Д. В. Григоровичу орденъ св. Станислава I степени и усиленіе пенсіи. «Ура» — возгласила принцеса, и тысяча голосовъ вторили ея голосу, оркестръ заигралъ «Боже, царя храни». Затѣмъ П. И. Вейнбергъ прочиталъ телеграммы отъ великихъ князей Владиміра Александровича, Константина Константиновича и принцесы Маріи Баденской.

Послѣ чтенія телеграмъ начался пріемъ депутацій—ихъ было до 40. Первымъ былъ прочитанъ адресъ отъ почитателей, покрытый сотнями подписей, заглавное обращеніе его «Дмитрій Васильевичъ» исполнено акварелью, буквами старорусскаго стиля на золотомъ фонѣ. Адресъ покрытъ подписями министровъ, ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, артистовъ и т. д.

Затѣмъ привѣтствовали юбиляра: академія наукъ (академики: Бычковъ, Сухомлиновъ, Дубровинъ), академія художествъ (гр. Толстой), Петербургскій университетъ (проф. Незеленовъ), Александровскій лицей (г. Вулихъ), Николаевская инженерная академія и училище (генераль Шуляченко), институтъ гражданскихъ инженеровъ императора Николая I (директоръ Соколовъ). Попечитель петербургскаго учебнаго округа отъ имени учебныхъ заведеній привѣтствовалъ юбиляра теплою рѣчью. Общество поощренія художествъ поднесло адресъ въ художественной рѣзной рамѣ изъ дерева и съ художественной же акварелью. Отъ Московскаго Общества любителей россійской словесности прочитана телеграмма г. Полонскимъ. Послѣ этого продолжались поздравленія депутацій: литературный фондъ (проф. Сергѣевичъ), Русское литературное общество, Московское общество драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, товарищество передвижныхъ художественныхъ выставокъ, Петербургское общество архитекторовъ (гг. Жиберъ, Китнеръ), Русское общество акварелистовъ (А. Н. Венуа). Московское общество драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ прислало серебряный вѣнокъ. Артисты русской оперы и драматической труппы (адресъ читалъ В. А. Крыловъ) г-жи Савина, Жулева и г. Сазоновъ поднесли серебряный вызолоченный вѣнокъ на бархатной подушкѣ, на листьяхъ котораго написаны названія литературныхъ трудовъ юбиляра. Отъ русской оперы привѣтствовали гг. Д. В. Мельниковъ, Фигнеръ и Карякинъ. Артисты московскаго Малаго театра также прислали привѣтствія, затѣмъ подходили депутаціи: Общества поощренія женскаго художественно-промышленнаго труда, Столичнаго литературно-артистическаго кружка, редакція журналовъ «Русская Мысль» и «Русскій Вѣстникъ». Адресъ отъ «Новаго Времени» прочиталъ г. Буренинъ. За «Новымъ Временемъ» шли депутаціи: отъ «Петербургской Газеты», «Свѣта», журналовъ: «Всемирная Иллюстрація», «Новъ», «Осколки», преподаватели рисовальной школы императорскаго Общества поощренія художествъ (адресъ написанъ на серебряной доскѣ съ facsimile преподавателей), нынѣшніе и бывшіе ученики рисовальной школы, депутаціи отъ женскихъ педагогическихъ курсовъ, женской гимназіи Гедда, учительницъ харьковской женской воскресной школы, археологической комисіи. Затѣмъ прочитаны получен-

ныя изъ разныхъ мѣстъ телеграммы; отъ университетовъ: св. Владиміра, отъ совѣта и отдѣльно отъ студентовъ, Новороссійскаго отъ профессоровъ, Юрьевскаго (отъ совѣта), Радищевскаго музея въ Харьковѣ, харьковскихъ: общества распространенія грамотности и комисиі народныхъ чтеній, редакціи «Кіевскаго Слова», «Екатеринбургской Недѣли» и др. Чтеніе закончилось телеграммой главнаго командира Кронштадтскаго порта вице-адмирала Казнакова, гдѣ говорится, что семья моряковъ всегда съ глубокимъ сочувствіемъ вспоминаетъ и чувствуетъ автора корабля «Ретвизана». Послѣ телеграммъ было прочитано письмо графа Л. Н. Толстого. По окончаніи пріема депутацій и чтенія телеграммъ, Д. В. Григоровичъ, глубоко растроганный и со слезами на глазахъ, обратился къ собранію съ горячимъ словомъ благодарности. «Я всегда скромно относился къ моей литературной и художественной дѣятельности,—говорилъ онъ,—и, признаюсь чистосердечно, не ожидалъ такой чести. Я не могу приписать ее исключительно себѣ; главная ея доля принадлежитъ литературѣ и художеству, которые всегда выдвигаютъ изъ толпы тѣхъ, кто служитъ имъ не изъ корысти, не изъ задней мысли, не изъ желанія сдѣлать себѣ карьеру, но служить имъ искренно, всѣмъ сердцемъ, отдастъ имъ свою жизнь. Я уже вполне счастливъ тѣмъ, что могъ быть поводомъ къ чествованію въ моемъ лицѣ литературнаго и художественнаго труда, былъ поводомъ для подтвержденія лишній разъ въ нашемъ обществѣ, что, служа литературѣ и художеству, служишь въ то же время съ пользою и своему отечеству. Полный такой вѣры, желаю всѣми своими чувствами роста, развитія и полнаго процвѣтанія русской литературѣ и русскому художеству».

Вечеромъ состоялся въ честь юбиляра обѣдъ въ ресторани Кюба. Многие, оповдавшіе записаться заранѣе, не могли попасть за неимѣніемъ мѣстъ. Не только большая зала ресторана была полна, но и сосѣднія комнаты. Здѣсь также присутствовалъ весь цвѣтъ петербургской литературы, журналистики, міра искусствъ и художествъ. Юбиларъ занялъ мѣсто въ серединѣ между министромъ финансовъ и товарищемъ министра путей сообщенія генераломъ Петровымъ. Въ числѣ лицъ, занимающихъ выдающіеся посты были члены государственнаго совѣта и почти всѣ депутаты, которые были на утреннемъ поздравленіи. Первый тостъ провозгласилъ самъ юбиляръ за высокаго покровителя искусства и литературы—государя императора. Затѣмъ юбиляръ поднялъ бокалъ за принцессу Евгенію Максимилиановну Ольденбургскую. А. Н. Майковъ, какъ предсѣдатель обѣда и старѣйшій изъ литераторовъ, провозгласилъ тостъ за юбиляра. Всѣ встали. Громъ рукоплесканій пошелъ по всѣмъ заламъ. Д. В. долго откланивался. Слѣдующіе тосты были за русскую литературу, вѣру въ живучесть которой всегда высказывалъ юбиляръ, и за все доброе, честное и благородное въ ней, и да идетъ она всегда впередъ и впередъ и да проявляетъ всегда такихъ дѣятелей, какъ юбиляръ, которымъ можетъ вѣчно гордиться русская жизнь и русская культура (г. Вейнбергъ); затѣмъ былъ тостъ за русское искусство (графъ Толстой). Полковникъ Черноцкій припомнилъ, что въ инженерномъ училищѣ, гдѣ воспитывался юбиляръ, старшими товарищами его были знаменитый защитникъ Севастополя Тотлебенъ, герой минувшей турецкой войны Радецкій и Достоевскій. «Юбиларъ—четвертый въ этой славной семьѣ: если первые двое одерживали побѣды надъ нашими врагами, то послѣдніе двое побѣдили врага еще болѣе лютаго—невѣжество». Г. Татищевъ высказалъ, что французскіе литераторы и художники, узнавъ о 50-ти-лѣтнемъ юбилеѣ Д. В. Григоровича, обратились къ нему съ просьбой быть предъ юбиляромъ выразителемъ ихъ чувствъ; они такъ же, какъ и мы, чтутъ одно изъ почетныхъ именъ русской литературы, которая призвана служить источникомъ духовнаго обновленія и возрожденія художественной правды и красоты. И. Ф. Горбуновъ сказалъ слово отъ имени генерала Дитятина, напомниваго, какъ до Григоровича

идиллически изображали въ книжкахъ русскаго селянина, отдыхающаго послѣ труда и умѣреннаго обѣда въ объятіяхъ жены и дѣтей и невѣдающаго никакихъ заботъ и огорченій. Григоровичъ вопелъ не въ «хижину», а въ избу русскаго мужика и вывелъ его на свѣтъ божій, со всей нуждой, съ его горестями.

А. А. Потѣхинъ разсказалъ, что «Антонъ Горемыка», освобожденный отъ оковъ рабства, живетъ теперь свободнымъ и привѣтствуетъ того, кто первый обратилъ на него вниманіе, но теперь «Антонъ Горемыка» является уже въ трехъ видахъ—литераторомъ, самоучкой поэтомъ и свободнымъ гражданиномъ. Г. Потѣхинъ и прочиталъ письма къ юбиляру отъ крестьянина-писателя, крестьянина-поэта-самоучки и свободнаго селянина.

Сообщена масса полученныхъ телеграмъ и привѣтствій. На всѣ многочисленныя рѣчи, растроганный юбиляръ отвѣчалъ краткимъ словомъ, сказавъ приблизительно слѣдующее:

«Позвольте васъ благодарить за великое ваше сочувствіе. Я не придавалъ своимъ трудамъ такого значенія, я не хотѣлъ совсѣмъ такого чествованія, но мнѣ сказали, что это нужно для русской литературы, для ея значенія. Для меня всего важнѣе значеніе русской литературы, и я согласился тогда. Я имѣю единственную гордость и великую честь—это считать себя русскимъ литераторомъ и отъ всей своей души, отъ всего сердца желаю полнаго процвѣтанія русскому искусству, русскому художеству и русской литературѣ». Снова много и долго рукоплескали юбиляру.

Пятидесятилѣтній юбилей профессора Бекетова. 9-го октября праздновалось пятидесятилѣтіе со дня вступленія на поприще общественной дѣятельности ботаника, профессора Петербургскаго университета Андрея Николаевича Бекетова. Юбиляръ пользуется большою популярностью. Его дѣятельность отличается равнообразіемъ и цѣнными результатами, обогатившими естествознаніе. Онъ былъ впродолженіе семи лѣтъ, съ 1876 по 1883 годъ, ректоромъ Петербургскаго университета, устроилъ въ Петербургѣ Ботаническій садъ и явился въ Россіи однимъ изъ первыхъ популяризаторовъ научныхъ свѣдѣній по естественной исторіи. Юбиларомъ особенно подробно разработана ботаника и органографія растений. Съ раннихъ лѣтъ А. Н. отличался наклономъ терпѣливо наблюдать окружающій насъ растительный міръ. Когда ему пришлось учительствовать въ Тифлисѣ, передъ нимъ открылась роскошная флора Кавказа. Это было въ началѣ пятидесятихъ годовъ, и въ 1853 году явился въ печати его первый научно-литературный трудъ, подъ заглавіемъ: «Очеркъ тифлисскаго флоры». Съ тѣхъ поръ прошло ровно 40 лѣтъ, и юбиляромъ издано много цѣнныхъ работъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ обширный и полный «Курсъ ботаники для университетскихъ слушателей», затѣмъ «Ботаническіе очерки» и др. Профессорскую кафедру въ Петербургскомъ университетѣ Бекетовъ занимаетъ съ 1863 года. т. е. 30 лѣтъ. Онъ участвовалъ въ разработкѣ университетскаго устава 1863 года. Общественная дѣятельность юбиляра столь же достойна вниманія и богата результатами, какъ и его профессорская дѣятельность. Онъ былъ однимъ изъ учредителей высшихъ женскихъ курсовъ, дѣятельно устраивалъ ихъ вмѣстѣ съ академикомъ К. Н. Бесгузовымъ-Рюминымъ, прискивалъ помѣщеніе, завѣдывалъ ими до ихъ преобразования и председательствовалъ въ комитетѣ для доставленія средствъ курсамъ. Кромѣ того, онъ работалъ въ географическомъ обществѣ, въ качествѣ редактора «Вѣстника» этого общества, былъ предсѣдателемъ общества естествоиспытателей при Петербургскомъ университетѣ, редактировалъ «Труды» этого общества, въ настоящее время состоитъ вице-президентомъ и редакторомъ «Трудовъ» вольно-экономическаго общества. Занимаясь впродолженіе десяти лѣтъ въ вольно-экономическомъ обществѣ, Бекетовъ всегда держался того мнѣнія, что улучшеніе земледѣльческой промышленности въ Россіи зави-

сить, главнымъ образомъ, отъ распространѣнія образованія въ народныхъ массахъ, и настаивалъ на необходимости организациі изслѣдованій, имѣющихъ связь съ сельскимъ хозяйствомъ. Бекетовъ дѣятельный популяризаторъ научныхъ знаній. Въ свое время онъ сотрудничалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», редактировалъ «Русскую Газету», издававшуюся въ Москвѣ въ 50-хъ годахъ, также печаталъ общедоступныя статьи въ «Солдатской Бесѣдѣ» покойнаго А. Ф. Погосскаго. Эти статьи вышли отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ «О землѣ, водѣ и тваряхъ, на ней живущихъ», которой была присуждена большая киселевская медаль. Вторая часть книги «О звѣряхъ» издана комитетомъ грамотности и разошлась въ народъ болѣе, чѣмъ въ 20 тысячахъ экземпляровъ.

А. Н. Бекетовъ родился 26-го ноября 1825 года и получилъ хорошее домашнее воспитаніе подъ наблюденіемъ отца, находившагося въ дружбѣ съ повтомъ Баратынскимъ, княземъ Вяземскимъ, Д. В. Давыдовымъ и другими лицами литературнаго круга. Службу началъ въ л.-гв. Егерскомъ полку и 9-го октября 1843 года былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Чувствуя себя неспособнымъ къ военной службѣ, А. Н. поступилъ на физико-математическій факультетъ Казанскаго университета, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1849 году и затѣмъ блестяще защитилъ диссертацию на степень магистра ботаники и доктора естественныхъ наукъ. Читая лекціи въ университетѣ, онъ преподавалъ ботанику великому князю Павлу Александровичу. Въ настоящее время юбиляръ еще далеко не старый дѣятель и энергично работаетъ для общественной пользы.

Сорокалѣтній юбилей Н. Н. Обручева. 28-го сентября чествовалось сорокалѣтне учено-литературной дѣятельности почетнаго члена академіи наукъ и конференціи Николаевской академіи генеральнаго штаба, начальника главнаго штаба, генерала-отъ-инфантеріи и генералъ-адъютанта Н. Н. Обручева. Принадлежа къ древнему русскому дворянству, Н. Н. родился 21-го ноября 1830 года и первоначально воспитывался въ петербургскомъ первомъ кадетскомъ корпусѣ, бывъ выпущенъ въ 1848 году на военную службу въ Измайловскій полкъ съ производствомъ въ офицеры, а высшее образованіе получалъ затѣмъ въ военной академіи, блестяще окончивъ курсъ по первому разряду. Въ 1853 году началась и учено-литературная дѣятельность Н. Н. изданіемъ въ свѣтъ его солиднаго изслѣдованія «Очеркъ военной литературы въ Россіи съ 1606 года по 1725 годъ». Изъ множества статей, замѣтокъ и рефератовъ Н. Н. въ журналахъ «Военный Сборникъ», «Оружейный Сборникъ», «Русскій Инвалидъ» и др. отмѣтимъ лишь обширный трудъ «Военно-статистическое описаніе Россійской имперіи» (1866—1863), въ пяти томахъ.

Столѣтняя годовщина смерти Чулкова. 14-го октября исполнилось сто лѣтъ со дня смерти Михаила Дмитриевича Чулкова, извѣстнаго писателя Екатерининскаго вѣка, имѣвшаго несомнѣнное вліяніе на развитіе отечественной литературы и журналистики. Чулковъ написалъ болѣе десятка весьма полезныхъ книгъ, значеніе которыхъ не утратилось. Особенно важны его труды по разработкѣ произведеній народной словесности. Онъ первый также обратилъ вниманіе на уцѣлѣвшіе въ народѣ памятники старинныхъ суевѣрій. Въ своихъ сатирическихъ журналахъ: «И то, и се» и «Парнаскій Щепетильникъ», онъ напечаталъ нѣсколько статей, касающихся отечественной исторіи, но главная цѣль его была осмѣять непризнанныхъ и бездарныхъ стихотворцевъ, которыхъ тогда расплодилось слишкомъ много. Интересна цѣна журнала Чулкова—по двѣ копейки за номеръ или одинъ рубль четыре копейки за цѣлый годъ. Каждый номеръ состоялъ изъ полулиста или 8 страницъ. Большой успѣхъ имѣлъ и нравоописательный романъ Чулкова «Пригожая повариха». Этотъ романъ при каждомъ удобномъ случаѣ былъ испещренъ мѣтками пословицами и приправленъ пряностями во вкусѣ Ка-

зановы и Бокаціо. Капитальнымъ трудомъ Чулкова считаются «Историческое описание российской торговли» въ 7 частяхъ; «Собрание разныхъ прѣсень», 4 части; «Сказки русскія народныя»; «Абевега русскіхъ суетѣрій»; «Словарь юридическій» и нѣкоторые другіе. Чулковъ извѣстенъ своими стихотворными пародіями и какъ авторъ комедіи: «Какъ хочешь назови», имѣвшей тоже успѣхъ въ придворномъ театрѣ. Чулковъ воспитывался въ Московскомъ университетѣ и былъ питомцемъ Хераскова. Немного онъ состоялъ и придворнымъ актеромъ, учителемъ его въ послѣднемъ искусствѣ былъ извѣстный Ѳ. Г. Волковъ. Чулковъ умеръ въ Москвѣ, въ чинѣ надворнаго совѣтника и сенатскаго секретаря.

Могила Богдановича. 23-го декабря исполнится 150 лѣтъ со дня кончины автора «Душеньки», Богдановича. Вотъ въ какомъ положеніи находится его могила на Всесвятскомъ кладбищѣ, въ Курскѣ.

Въ 1834 г. на могилѣ Богдановича тогдашнимъ курскимъ губернаторомъ, П. И. Демидовымъ, былъ поставленъ художественный памятникъ изъ бѣлаго мрамора, изображающій плачущую психею («Душеньку»). Теперь голова статуи отбита и украдена, сама статуя повреждена; золоченныя буквы надписи выковырены и украдены. Такъ чтить русская публика память своихъ писателей. Въ настоящее время въ Курскѣ, среди интеллигенціи, возникла мысль о возобновленіи памятника и ко дню полуторавѣковой годовщины смерти поэта, повидимому, осуществится.

† 14-го октября, извѣстный своими переводами Шекспира, Гюго, Байрона и др. Павелъ Алексѣевичъ Каншинъ на 65 году. По профессіи онъ былъ врачъ, но вскорѣ послѣ окончанія образованія всецѣло протѣялъ медицину на литературу. Его переводы отличаются точностью передачи подлинника и хорошимъ литературнымъ языкомъ. Онъ получилъ домашнее образованіе и основательно изучилъ почти всѣ европейскіе языки. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ, онъ занялся врачебною практикой, но недолго. Когда закончилась Крымская война, П. А. вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя литературной работѣ. Первые его какъ переводныя, такъ и самостоятельныя произведенія были посвящены сценѣ. Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько пьесъ вмѣстѣ съ Бѣгичевымъ. Его переводы печатались преимущественно въ «Иллюстраціи» и «Живописномъ Обзорѣніи». Для послѣдняго журнала онъ перевелъ Шекспира. Какъ человѣкъ, П. А. имѣлъ симпатичный характеръ и доброе, отзывчивое сердце. Среди знакомыхъ и друзей онъ пользовался уваженіемъ за свои неподкупныя убѣжденія и замѣчательное трудолюбіе.

† Въ Севастополѣ 10-го октября генераль Михаилъ Николаевичъ Раевскій. Онъ пользовался заслуженной извѣстностью знатока садоводства и плодородства. Эти двѣ отрасли сельскаго хозяйства составляли любимое занятіе Раевскаго, и имъ онъ посвящалъ не мало времени и труда. Занимая до 1884 г. должность директора департамента земледѣлія, М. Н. произвелъ подробное изслѣдованіе положенія садоводства въ Россіи. Его сочиненіе: «Плодовая школа и садъ», напечатанное въ 1884 г., получило широкое распространеніе, какъ лучшее руководство для юга Россіи, и недавно вышло четвертымъ изданіемъ. Онъ былъ сторонникомъ возможно большаго размноженія сельско-хозяйственныхъ школъ съ необходимымъ практическимъ курсомъ. При помощи этихъ школъ, открываемыхъ не только на средства казны, но и частными лицами, онъ считалъ возможнымъ широкое распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній среди народа. Въ послѣдніе два года Раевскій былъ президентомъ общества садоводства и постоянно посѣщалъ засѣданія этого Общества, не смотря на угнетавшій его недугъ. Имъ сдѣлано много цѣнныхъ сообщеній. За одно изъ такихъ сообщеній: «О плододствѣ въ Крыму», Общество присудило ему премію имени президента Грейга. Покойный родился въ 1841 г., образованіе получилъ въ Мо-

сковскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Поступивъ на военную службу въ 1863 г. въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, онъ быстро выдвинулся, какъ дѣловой и образованный офицеръ. Въ 1876 г. былъ флигель-адъютантомъ и принималъ дѣятельное участіе въ послѣдней русско-турецкой войнѣ. За храбрость получилъ въ награду золотое оружіе.

† Александра Викторовна Потанина — жена извѣстнаго путешественника Г. Н. Потанина. Она почти всегда сопровождала своего мужа при его изслѣдованіяхъ глухихъ и малоизвѣстныхъ мѣстностей, помогала ему собирать цѣнныя коллекціи и переносить трудности путешествій. Съ особеннымъ интересомъ слѣдила она за жизнью женщинъ разныхъ странъ и подробно характеризовала бытъ и нравы китайскихъ женщинъ. Ея этнографическіе очерки печатались въ «Русскомъ Богатствѣ», «Трудѣ» (прил. къ «Всемирной Иллюстраціи»), «Восточномъ Обзорѣніи» и др. изданіяхъ.

† 4-го октября Осипъ Ивановичъ Наблицъ, авторъ «Русскихъ диссидентовъ» (1881 г.), «Интеллигенція и народъ» и «Основъ народничества» (второе изданіе 1893 г.). Онъ занималъ въ нашей литературѣ опредѣленное и крупное положеніе. «Народничество», любимый терминъ его, было символомъ внимательнаго отношенія къ народу, прислушиванія не къ одной только нуждѣ его, но и къ его думамъ, чувствамъ, всему нравственному и умственному міросозерцанію. Наблицъ родился 30-го іюня 1848 г. въ селѣ Требешовѣ, Поневѣжскаго уѣзда, Ковенской губерніи, и былъ сынъ отставнаго поручика; крещенъ былъ «по опасности», въ 1850 г., въ римско-католическую вѣру, но десять лѣтъ перешелъ въ евангелическо-лютеранскую. Образование получилъ въ Кіевской второй гимназіи и въ Кіевскомъ университетѣ, откуда, не окончивъ курса, принужденъ былъ выйти по горячности и пылкости характера. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ разныхъ кружкахъ 70-хъ годовъ и одно время, задумавъ изучить, сравнительно съ русскимъ, бытъ американскаго рабочаго, безъ всякихъ средствъ и преодолѣвая всѣ затрудненія, пробрался въ Соединенные Штаты. Какъ это и бываетъ нерѣдко съ нашими эмигрантами, онъ скоро возвратился на родину. Былъ нѣкоторое время наборщикомъ въ одной изъ здѣшнихъ типографій, и этому, быть можетъ, слѣдуетъ приписать слабость его зрѣнія, на которую онъ иногда жаловался; позднѣе, онъ опредѣлился на государственную службу; началъ писать въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, сперва подъ псевдонимомъ Юзова и позднѣе подъ собственнымъ именемъ Каблица. Отдѣльныя статьи мало-по-малу закруглялись, заканчивались въ развитіи своего содержанія; такъ выросли его сборники въ цѣлыя книги. Всегда скромный и неискательный, онъ довольствовался занятіями въ одномъ изъ здѣшнихъ департаментовъ, далеко не отвѣчавшими его умственнымъ силамъ и обширной ознакомленности со всѣми почти практически важными вопросами нашей государственной жизни. Товарищи относились къ нему съ уваженіемъ, для многихъ бесѣда съ нимъ доставляла живую помощь. Послѣ него осталось двое малолѣтнихъ дѣтей, двухъ и четырехъ лѣтъ, безъ всякихъ средствъ къ существованію.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ НОЯБРЬ 1893 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

- Авдановъ, Н. С.** О перевозкахъ по южнымъ ж. д. продуктовъ горнозаводской промышленности и хлѣба. X. 1893 года. Ц. 40 к.
- Русская горная промышленность и русско-германская таможенная война. X. 1893 г. Ц. 60 к.
- Авенариусъ, В.** Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. 10 автобиографическихъ рассказовъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р.
- Адриановскій, Л. П.** Сельско-хозяйственная орудія и машины. В. I и II. Изд. 2-е, дополн., съ 209 рис. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Александровъ, Д. А.** Что читать и что пѣть? Собраніе монологовъ, дуэтовъ, сценъ, куплетовъ, пѣсень и стихотвореній. Вып. IV. М. 1893 г. Ц. 60 к.
- Царь Иродъ и царица Маріамна. Хроника трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ съ эпилогомъ и 9-ти картинахъ. М. 1893 г. Ц. 2 р.
- Александровъ, Влад.** Драматическія сочиненія. Т. I. Съ портретомъ автора. М. 1894 г. II. 2 р.
- Альбомъ узоровъ** для вышиванія по канвѣ, составленн. по оригинальн. рисункамъ Ю. Дремлюга. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Андерсенъ, Г.** Повѣсти и сказки. (Ил. Библ. „Крестнаго календаря“). Выходить выпусками по 25 коп. каждый. Вышли выпуски 1-й, 2-й и 3-й.
- Аристотель.** Политика. Переводъ съ греческаго, съ примѣч. Н. Скворцова. Изд. 2-е. М. 1893 г. Ц. 2 р.
- Ахшарумовъ, И. Д.** Собраніе сочиненій. Т. I. Повѣсти и рассказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Батеньковъ, М.** Счетоводство для магазиновъ и лавокъ по двойной бухгалтеріи. 2-е, исправленное изданіе. Общедоступное изложеніе. Нижн.-Новгородъ. 1894 г. Ц. 2 р.
- Беллами, Э.** Чудный сонъ. Казань. 1893 г. Ц. 40 к.
- Бердниковъ, И.** Отвѣтъ проф. Павлову на его „продолжающіяся недоумѣнія по вопросу о воспріимчивостѣ“. Казань. 1893 г. Ц. 50 к.
- Беранже.** Полное собраніе пѣсень въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. И. Тхоржевскаго. Выходитъ выпусками по 20 к. каждый. Вышелъ выпускъ 29-й.
- Бершадскій, С.** Литовскій статутъ и польскія конституціи. Историко-юридическое изслѣдованіе. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Библиографъ.** Журналъ историко-литературный и библиографическій. Съ портретами, снимками съ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п. Годъ 9-й. 1893 г. Вып. 2--3. Ц. 1 р.
- Больш, Т.** Страна звѣздъ. Луна. М. 1894 г. Ц. 20 к.
- Страна звѣздъ. Солнце. М. 1894 г. Ц. 20 к.
- Борисовъ, Н.** Фритіофъ. Древне-скандинавское преданіе, изложенное для юношества. Спб. 1893 г. Ц. въ перепл. 1 р.
- Браненгеймеръ, П.** Тургенева. Одесса. 1893 г. Ц. 35 к.
- 'Αλεξίου Κορυνηού Ποίημα Παρακετιχόν въ сравненіи съ русскимъ Домостроемъ. Одесса. 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Будаевскій, С.** Начала механики. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Бузеснуль.** Научная литература по греческой исторіи за послѣдніе годы (1880—1892) въ ея главныхъ явленіяхъ. I. Общія соч. по исторіи Греціи. М. 1893 г. Ц. 40 к.
- Будинскій, П. Н.** Къ исторіи Сибири: Сургутъ, Нарымъ и Ветекъ до 1645 г. X. 1893 г. Ц. 1 р.

- Буцинскій, П. Н.** Крещеніе остояновъ и вогуловъ при Петрѣ Великомъ. X. 1893 г. Ц. 1 р.
- Бѣлосоръ, А.** Мои мѣ друзья мѣ. Разказы для дѣтей младшаго и старшаго возраста. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ванцовъ, С. Н.** Полный карманный техникъ. Справочная книжка для инженеровъ, механиковъ, архитекторовъ, фабрикантовъ и студентовъ. Съ 192 чертеж. Спб. 1893 г. Въ кож. пер. Ц. 2 р. 50 к.
- Васильевъ, Ф.** Картинки Италіи. Письма изъ Рима и Флоренціи. Съ фотографіями О. Ренаръ. М. 1894 г. Ц. 3 р.
- Вахтинъ, В.** Объяснительный морской словарь. 2-е значит. дополн. изданіе. Выходятъ выпусками по 75 к. каждый. Вышелъ вып. 3-й.
- Вейде и Вейнертъ.** Исполненіе чертежей. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вейтцель, Н.** Торжество мира. Бѣсѣда по поводу торжественнаго приѣма русскихъ моряковъ во Франціи. Спб. 1893 г. Ц. 10 к.
- Верещагинъ.** Наставленіе, какъ имѣть всегда хорошей, изобильный урожай хлѣба и овошей. Казань. 1894 г. Ц. 20 к.
- Веретенниковъ, И. В.** Общественное и частное землевладѣніе въ Землянскомъ и Задонскомъ уѣздахъ, Воронежской губерніи. Воронежъ. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Веривовскій, Ф.,** инж.-техн. Хромолит. проектъ воловни для откорма бардой (6 рис. въ описаніи). Ц. 60 к.
- Верига, В.** Переплетчикъ. Полное практическ. руководство къ переплетному дѣлу для желающихъ вполнѣ ознакомиться съ переплетными работами. Съ 86 рис. Изд. 4-е пересмотрѣна. и дополи. Спб. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вирениусъ, А.** Причины половыхъ аномалій въ дѣтскомъ возрастѣ и мѣры къ предупредженію ихъ и устраненію въ семьѣ и школѣ. Спб. 1893 г. Ц. 20 к.
- Витлокъ, В.,** инж.-технологъ. Хромолитографир. проектъ завода сухой перегонки дерева (11 рис. въ описаніи). Ц. 1 р.
- Всеобщій календарь на 1894 годъ.** Изданіе Г. Гоппе. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 50 к.
- Волховской, М. Г.** Святые мѣста на Руси. Описаніе главнѣйшихъ монастырей и ихъ святыхъ. Съ рис. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Вундтъ.** Связь философіи съ жизнью за послѣдніи 100 лѣтъ. (Международная Библ., № 3). Одесса. 1893 г. Ц. 15 к.
- Въ часы досуга.** Десять избранныхъ разсказовъ извѣстныхъ французскихъ писателей: Мопассана, Мейдеса, Кларети, Мирбо и др. Одесса. 1893 г. Ц. 40 к.
- Гейне Генрихъ.** Книга пѣсенъ. Въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакц.
- Н. В. Быкова.** Иллюстраціи Поля Тумана. Спб. 1893 г. Ц. 2 р., въ перепл. 3 р.
- Гейсманъ, П.** Оборона Севастополя. Спб. 1893 г. Ц. 30 к.
- Германъ, Ф. Л.,** врачъ. Теофрастъ Рендо. Историко-биографическій очеркъ. X. 1893 г. Ц. 25 к.
- Гольдгаммеръ, Д.** Профессоръ Слугиновъ и „электромагнитная теорія свѣта“. Казань. 1893 г. Ц. 30 к.
- Гольмстенъ, А. X.** Юридическія изслѣдованія и статьи. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
- * **Гофманъ, Э. Т. А.** Житійскія воззрѣнія кота Мурра. Переводъ съ нѣмецкаго Бальмонта (Дешевая Библиотека А. С. Суворина, №№ 244, 245, 246). Спб. 1893 г. Ц. 70 к.
- Горшеневъ, А.** Учебникъ практической стенографіи. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гнѣдичъ, П.** Кавказскіе разказы. Съ 71 рисунк. М. Далькевича. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Грейтцеръ, Е.** Медицинскій задачникъ. 53 типическихъ случая изъ области гинекологіи и акушерства. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Гусевъ, А.,** проф. Религіозность, какъ основа нравственности. Противъ автономистовъ. 2-е, вновь переработанное и значит. д. полн. изданіе. Казань. 1894 г. Ц. 1 р.
- Hütte.** Справочная книга для инженеровъ, архитекторовъ, механиковъ и студентовъ, съ дополненіями для русскихъ техниковъ. Подъ редакц. инж. Занберга, 2-е изд., вполнѣ переработанное, исправленное и дополненное. Больше 1.000 чертежей. М. 1893 г. Ц. за 2 т. 6 р.
- Давидъ, Царевичъ Грузинскій.** Краткая исторія Грузіи. Съ предисл. В. Вѣгичева. Тифлисъ. 1893 г. Ц. 80 к.
- Данилевскій, Г.** Не вытанцовалось. Повѣсть. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Дементьевъ, Е.** Фабрика. Что она даетъ населенію и что она у него беретъ. М. 1893 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Дерюжинскій, В.** Замѣтки объ общественномъ нравствѣнн. М. 1893 г. Ц. 50 к.
- Диссе, I.,** донт. Очеркъ общей гистологіи (гистологія тканей). Съ 57 рис. X. 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Домбровский, И.** Смерть. Этюдъ. Переводъ съ польскаго. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Домогоаровъ, Ар.** О свободномъ движеніи гироскопа. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дорнблитъ, д-ръ.** Гигіена школьнаго возраста. Для родителей и воспитателей. Съ 4 рис. Пер. съ нѣм. Спб. 1894 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
- Дѣловой календарь стѣнной на 1894 г.** Изд. А. Тюфиевой-Толънцовой. Годъ XI. Ц. 1 р. 25 к.
- Ждановъ, А. В.** Сборникъ статей и при-

мѣровъ для разбора, диктанта и друг. граммат. упражненій. Х. 1893 г. Ц. 30 к.

Желиковская, В. П. Мое отрочество. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Живая старина. Період. изданіе отд. Этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общ. подъ ред. В. Ламанскаго. Вып. 2-й. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Баронъ Н. А. Корфъ. — А. Д. Кантемиръ. — А. Сѣровъ. — П. Федотовъ. Съ 15-ю снимками произвед. — Д. Писаревъ. (Биографическая библ. Ф. Цавленкова). Ц. каждой книги 25 к.

Житновъ, С. М. Защитная торговая система. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Зайонновскій, А., кап. ген. шт. Наступательный бой по опыту дѣйствій генерала Скобелева въ сраженіяхъ подъ Ловчей, Плевной и Шейново. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Записная книга на 1894 годъ. К. Рикера. 1-е изд. съ дѣлой стр., въ коленк. черепл. 1 р. 20 к., въ кож. пер. 1 р. 50 к. и въ 2 стр. на день 1 р. 80 к. 2-е изд. съ 1/2 стр. вдоль въ коленк. пер. 1 р., въ кож. пер. 1 р. 30 к. — 3-е изд. съ 1/2 стр. поперекъ, въ коленк. пер. 1 р., въ кож. 1 р. 30 к. — 4-е изд. съ 1/4 стр. въ коленк. пер. 80 к., въ кож. 1 р. 10 к. — 6-е и 7-е изд. по 1/4 и 1/6 стр. 75 к., въ кожен. пер. 1 р. 5 к.

Заховскій, Х. Д. Вѣглые очерки болгарской Кобургіады. Одесса. 1893 г. Ц. 20 к.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Ч. 2-я. 1842—1855 гг. М. 1893 г. Ц. 1 р.

Ивановъ, А. Краткія свѣдѣнія о стали и ея закалкѣ. Киевъ. 1893 г. Ц. 25 к.

Ивановъ, А. Л. Указатель статей, помещенныхъ въ артилер. журн. за 1888—1892 гг. Киевъ. 1893 г. Ц. 25 к.

Исаевъ, А. А. Начала политической экономіи. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Іагерн, Мах., д-р. Руководство къ изученію кожныхъ болѣзней. Для врачей и студентовъ. Переводъ съ нѣмецк. д-ра Гольберга, подъ редакц. приватъ-доцента И. Маева. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.

Каминскій, Н. Р. Свѣтокопированіе. Практическое руководство размноженія чертежей, плановъ и т. д. посредствомъ свѣта. Съ 7 рис. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Календарь для фельдшеровъ на 1894 г., въ 2 частяхъ. Редакція и изданіе д-ра В. Окса. Ц. 1 р.

Карасевъ, А. Музыкальная хрестоматія. Дошолн. къ методикѣ и урокамъ пѣнія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. Сборникъ упражненій и свѣтскихъ напѣвовъ. Ц. 40 к.

Карта палестины въ масштабѣ 1:700000. Обработанная І. Фишеромъ и Г. Гуте. Издан. Императ. Палест. Общ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. Съ приложеніемъ 1 р. 50 к.

Карышевъ, Н. Экономическія бесѣды. Изд. 3-е, исправл. М. 1893 г. Ц. 60 к.

Кауфманъ, А. А. Община и успѣхи сельскаго хозяйства въ Сибири. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Кирхнеръ, В., д-ръ. Руководство къ молочному хозяйству на научныхъ и практич. основахъ. Съ 20 рис. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ковалевскій, Е. Образовательный цѣнзъ руководителей русскихъ фабрикъ и заводовъ. Спб. 1893 г. Ц. 15 к.

Ковалевская, А. Наташино хозяйство. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ рисунками. М. 1893 г. Ц. 30 к.

Коганъ, А. Стихотворенія. Киевъ. 1893 г. Ц. 1 р.

Коновниковъ, Г. Отчеты о русской зоологической литературѣ. Вып. I. Отчетъ о литературѣ по позвоночнымъ. Систематика, географія, распространеніе, образъ жизни, прирученіе, домашнія животныя (1585—1889 гг.). М. 1893 г. Ц. 3 р.

Кочаровъ, В. С. Руководство для обученія телеграфированію. 4-е дополн. изд. Орель. 1893 г. Ц. 50 к.

Комстадіусъ, Н. Забѣтки туриста. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Кондратьевъ, И. Сѣдая старина Москвы. Историческое обозр. и подный указатель ея достопамятностей. М. 1893 г. Ц. 2 р.

Константинова, А. I. Руководство для выжиганія по дереву, кожѣ, бархату и сукну. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.

Консіанъ Гендрикъ. Сѣбная Роза. Мятушка Товъ. (Моя бібліотека, №№ 68, 69). Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

Коппе, Франсуа. Генріетта. Еврейская бібліотека, № 3. Спб. 1893 г. Ц. 25 к.

Корендиль А. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Выходитъ выпусками по 40 к. каждый. Вышелъ вып. 16-й.

Короленко, Влад. Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія, замѣтки. (Изъ дневника). Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Костомаровъ, Н. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главѣйшихъ дѣятелей. Т. II. Вып. VII. (Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II). Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 90 к.

Кленце, д-ръ. Молочное хозяйство. Практическое руководство къ уходу за молочнымъ скотомъ, къ обработкѣ молока и приготовлен. масла и сыра. Изд. 2-е исправл. и дополн., съ 148 рис. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

«Книжный Вѣстникъ». Журналь книжно

торговой, издательской и литературной дѣятельности въ Россіи. 1893 г. № 10-й. Ц. 30 к.

Косуновичъ, Л. Н. Стихотворенія. Кіевъ. 1893 г. Ц. 1 р.

Красногорскій, П. Учебный курсъ синтаксиса русскаго языка (для средне-учеб. заведеній). Изд. 3-е, исправи. и дополи. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Круглый годъ. Календарь и записная книга на 1894 годъ. Ц. въ пер. 75 к.

Кузинъ, М. В. Справочныя свѣдѣнія по теоріи словесности. Х. 1893. Ц. 25 к.

Кулинь, М. Мшукъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. М. 1893 г. Ц. 30 к.

Куликова, В. Илюша Горбунчикъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. М. 1893 г. Ц. 30 к.

Кучинскій, Л. Медицинскій терминологическій словарь на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и русскомъ языкахъ. Для врачей, аптекарей, переводчиковъ. Часть 1-я, отъ А до К. Спб. 1893 г. Ц. 4 р.

Леметръ, Жюль. Этюды о русскихъ писателяхъ (Достоевскій. — Островскій). (Между. Вибл., № 4). Одесса. 1893 г. Ц. 15 к.

Леруа-Болье, А. Евреи и антисемитизмъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Либъ, Г. Мѣры къ поднятію плодоводства въ Россіи. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

Лидовъ, А. П. Химическая технология волокнистыхъ веществъ. Х. 1893 г. Ц. 3 р.

Любавскій, М. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута. Историч. очерки съ картою Лят.-русск. государства въ концѣ XV и началѣ XVI в. М. 1893 г. Ц. 5 р.

Любошицъ, С. И. С. Тургеневъ. Этюдъ. Одесса. 1893 г. Ц. 35 к.

„Лѣсъ шумитъ“. Опера. Музыка В. Ребикова. Слова по легендѣ В. Короленко. С. Пляксина. Одесса. 1893 г. Ц. 30 к.

Майновъ, Л. Н. Полное собраніе сочиненій. Въ трехъ томахъ. Изд. 6-е, дополненное. Съ портретомъ. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.

Маниевскій, А. Д-ръ. Домашняя химія, Простые домашніе способы опредѣленія свѣжести пицевъ, продуктовъ и открытіе примѣсей и подмѣсей къ нимъ. М. 1893 г. Ц. 25 к.

Мангуби, И. О спиртовомъ броженіи. Составлено по Пастеру, Джекю и друг. трудамъ франц. литературы. Съ 17 рис. М. 1893 г. Ц. 60 к.

Мартинсонъ, Т. Уксусъ. Скорая и медленная его фабрикація. Съ 8-ю рис. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Мачетъ, Гр. Силуэты. Т. 2-й. Новыя повѣсти и разсказы. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мещерскій, И. Какъ устраивать сады

при народныхъ школахъ? Наставленіе для учителей, земскихъ дѣятелей и друг. Съ прил. Наставленій по устройству школьн. пасѣкъ, шелководствъ и показательныхъ полей. Изд. 3-е дополненное. Спб. 1893 г. Ц. 30 к.

Митте, М. Пароструйные насосы (инжекторы и эжекторы). Ихъ теорія, устройство и работа. Съ 4-мя табл. чертежей. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Михайловъ, Вал. Руководство къ различнымъ родамъ живописи для любителей. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

Monteuuis, A. д-ръ. Уходъ за ранеными и больными по правиламъ асептики и антисептики. Бесѣды въ дамскомъ комитетѣ франц. общ. «Краснаго Креста». Пер. съ франц. Л. Бабичевой. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

Мопассанъ, Гюи де. Сочиненія, избранныя Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. М. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мопассанъ и Норманъ. Красотка. Драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ небольшими измѣненіями для русской сцены. О Мижуевой. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

Морисъ, Л. Каучукъ бассейна Ориноко. Его добыча и свойства. Перев. съ франц. Спб. 1894. Ц. 1 р.

Мосновичъ. Практическое руководство для начинающихъ. Спб. 1893 г. Ц. 25 к.

Мысли о богослуженіи православной церкви. Изъ дневника кронштадскаго протоіерея Іоанна Ильича Сергіева. М. 1894 г. Ц. 1 р.

На каждый день. Записная книжка и календарь на 1894 г. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

Навроцкій, М. Испытанія составныхъ деревянныхъ балокъ на переломахъ и ихъ расчетъ на основаніи опытныхъ данныхъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Надсонъ, С. Я. Стихотворенія. Съ портретомъ, факсимиле и биографическимъ очеркомъ. Изд. 12-е. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Народный сельско-хозяйственный календарь на 1894 г. Ц. 35 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 74-й. Ц. на обмкнов. бум. 30 к., на лучшей 40 к.

Наставленіе о Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго) при совершеніи таинства покаянія. Спб. 1893 г. Ц. 10 к.

Наумовъ, Н. Въ глухомъ мѣстѣ. Разсказъ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Нейштубе, С. Производство маргарина и маргаринового масла за границею и въ Россіи. Спб. 1894 г. Ц. 15 к.

Новая Хрестоматія для старшаго отдѣленія начальныхъ училищъ и низшихъ классовъ средн. учебн. зав. Составлена Кружкомъ учительницъ подъ ред. В. Воскресенскаго. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.

Новое положеніе о трактирномъ промислѣ. (Высоч. утвержд. 8-го іюня 1893 г.). Спб. 1893 г. Ц. 10 к.

Новый медицинскій календарь на 1894 г. съ приложеніемъ сборника новѣйшихъ рецептовъ. Сиб. Ц. 1 р. 50 к.

Нордау, М. «Вырожденіе». Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. Р. Сементковскаго. Въ это русское изданіе вошли 2 книги нѣм. подлинника. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Объ основаніяхъ геометріи (Гауссъ, Бельтрами, Риманъ, Гельмгольцъ, Ли, Пуанкаре). Изданіе физико-математическаго общества къ столѣтнему юбилею Н. Лобачевскаго. Казань. 1893 г. Ц. 1 р.

Орловъ и Будаговъ, С. Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи. Матеріалы для фабрично-заводской статистики. Составл. по офиц. свѣдѣніямъ. Изд. 3-е испр. и значит. дополн. Спб. 1894 г. Ц. 5 р.

Памятнику древней письменности. Изъ исторіи русской литературы XVII в. Сочиненіе «О Царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ». Сообщеніе Е. В. Пѣтухова. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

Перетцъ, В. Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.

Петровский, А. Деревенскія сестры милосердія. Спб. 1893 г. Ц. 10 к.

Петлинь, Н. С. Опытъ описанія губерній и областей Россіи въ статистическомъ и экономическомъ отношеніяхъ въ связи съ дѣятельностью въ нихъ Государственнаго Банка и частныхъ кредитныхъ учреждений. 3 части. Спб. 1893 г. Ц. 15 р.

Поваренное руководство. Вып. XIII (Слоеное тѣсто, пироги, торты и т. д.). Вып. XIV (Росписъ обѣдовъ на 7 дней). Вып. XV (Приготовл. дичи). Вып. XVI (Говядина.—Баранина.—Нѣмецкая кухня). Ц. каждому выпуску 10 к.

Познякъ, Д. Новые повѣсти и рассказы. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Полный нарманный путеводитель для жел. дорогъ, пароход. и почт. прямыхъ сообщеній. Зима и весна. 1893—94 гг. Ц. 50 к.

Половой, П. Н. Два друга—двѣ дороги. Повѣсть для юношества. Съ рис. М. 1893 г. Ц. 30 к.

„Польза“. Календарь и записная книжка на 1894 г. Спб. 1893 г. Ц. 45 к.

Полное собраніе сочиненій Нозымы Прутонова. Съ портретомъ, fac-simile и біографическими свѣдѣніями. 3-е изд. Спб. 1894 г. Ц. въ папкѣ 2 р.

Поповъ, М. Пятигорскъ и его цѣлебные источники. Харьковъ. 1893 г. Ц. въ пер. 1 р.

Поповъ, Л. Навигація. Составлено по программѣ мореходныхъ классовъ по предл. Имп. Общ. для сод. русск. торг. и

морех. Изд. 2-е, значит. испр. и дополн. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пославскій, М. Низшая геодезія. Популярное руководство къ съемкѣ и вивелировкѣ. Саратовъ. 1893 г. Ц. 2 р.

Постниковъ, А. Основанія электротехники. Часть III. Динамомашини переменнаго тока и многофазныя. — Трансформаторы. М. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

*** Плавтъ, Т. М.** Трехгрошевый день. Древне-латинская комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ въ прозѣ, со статьей о Плавтѣ С. Эйгсъ. (Дешевая бібліотека А. С. Суворина, № 253). Спб. 1893 г. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к., въ перелл. 35 к.

Риббингъ, С., д-ръ. Вракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса. 1894 г. Ц. 30 к.

Рубанинъ, Н. Рассказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. (Изд. Сиб. Ком. Грам., № 39). Спб. 1893 г. Ц. 30 к.

Русскій, М. Матеріалы къ изученію птицъ Казанской губ. Съ 1 литографир. таблицей. Казань. 1893. Ц. 3 р. 50 к.

Руневичъ, С. Исторія Минской архіепископіи (1793—1832 гг.). Спб. 1893 г. Ц. 4 р.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біограф. статьями, біограф. примѣчаніями и портрет. Издается подъ ред. С. Венгерова. Вып. II (Сумароковъ-Майковъ-Костровъ-Петровъ). Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. Вып. III (Хемницеръ-Херасковъ-Богдановичъ). Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Русскій Сельскій Календарь на 1894 г. Изд. И. Сытина. Ц. 25 к.

Русскія сказки для маленькихъ дѣтей. Составлено по сборникамъ Аванасьева, Дяля, Сахарова, Пыпина, Эрленвейна и др. Состав. О. Роговой. Съ рис. М. 1893 г. Ц. въ перелетѣ 1 р 15 к.

Самойловичъ, Г. О правахъ ремесленниковъ-евреевъ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Свѣдѣнія о жизни и твореніяхъ св. священномученика Меводія. Спб. 1893 г. Ц. 20 к.

Селифоновъ, Н. Н. Подробная опись 142 рукописямъ XVII до XIX столѣтій третьяго (Лосевскаго) собранія Ливенскаго Архива, съ 8-ю приложеніями. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.

Семеновъ, Н. П. Освобожденіе крестьянъ въ царств. Императора Александра II. Указатель. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

*** Сенена, Л. А.** Избранныя письма къ Людилію. Переводъ съ латинскаго Краснова. (Дешевая Библ. А. С. Суворина, № 250). Ц. 30 к., въ папкѣ 38 к., въ перелл. 50 к.

- Сенниковъ, Г.** Путевые очерки. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Серебровскій, С., архит.** Хромолитограф. проектъ сельскаго зернохранилища-элеватора. Ц. 50 к.
- Сигель, С.** Преступная толпа. Опыт коллективной психологіи. Сиб. 1893 г. Ц. 30 к.
- Сидоровъ.** Драматическія сочиненія. Т. IV. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скорбилинъ, М.** Драматическія сочиненія. Бердянск. 1893 г. Ц. 3 р.
- Смирновъ, А.** По родной землѣ. Очерки и рассказы для русскаго юношества. Съ 28 рис. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.
- Сорокинъ, В.** Охрана дѣтства. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Спасовичъ, В. Д.** Сочиненія. Т. V. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Стахѣвъ, Д. И.** Неугасающій свѣтъ. Романъ. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Старчевскій, А.** Посредникъ - переводчикъ между Сибирскою жел. дорогою и иностранными судами, приходящими изъ разныхъ портовъ въ Владивостокскій портъ, на 22 языкахъ. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.
- * Суворинъ, А. А.** Палестина. Иллюстрированное изданіе съ рисунк. А. Д. Квашенко и В. И. Навозова. Выходитъ выпусками. Ц. по подпискѣ на полное изданіе 35 р. Вышли выпуски VII, VIII и IX. Ц. каждому выпуску 2 р. 50 к.
- Суттнеръ, Б. фонъ.** Противъ войны. Пер. съ нѣмецк. подъ ред. и съ вступленіемъ Э. Булгакова. Сиб. 1894 г. Ц. 60 к.
- Тополусть, З.** Сказки. Изд. 3-е, дополн., съ 24 рис. Сиб. 1893 г. Ц. въ перепл. 2 р.
- Торнау, Н. Н., баронъ.** Учебный историческій атласъ. 72 карты по всеобщей исторіи съ объяснит. текстомъ и указателемъ. Одобренъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебн. пособ. для всѣхъ среднихъ учебн. завед. М.—ва. Сиб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Торговля въ 1892 г.** Вып. 2-й. Винокурение и торговля спиртомъ. Вып. 3-й. Торговля лѣсомъ. Сиб. 1893 г. Ц. каждого вып. 75 к.
- Уроки благодатной жизни.** По руководству о. Іоанна Кронштадтскаго. М. 1894 г. Ц. 1 руб.
- Успенскій, Н.** Религіозно-нравственные наставленія и рассказы. (Для народн. чт.). Сиб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Ученіе св. отца нашего Іоанна Златоуста противъ роскоши.** Составлено по твореніямъ сего святителя И. Жиловымъ. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Фельдманъ, Ф.** Наблюденія изъ скотоводственной практикки на фермѣ Петровской сельско-хозяйственной академіи за послѣднее двадцатилѣтіе (1870—1889) съ критич. замѣтками о скотоводственной литературѣ и русскомъ скотоводствѣ. Съ 22 табл. и 13 рис. Сиб., 1893 г. Ц. 3 р.
- Фламмаріонъ, Н.** Свѣтопреставленіе. Астрономическій романъ. Съ иллюстраціями. Сиб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Хананскій, М.** Южно-славянскія сказанія о кралевицѣ Маркѣ, въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса. Сравнительное наблюденіе въ области героическаго эпоса южныхъ славянъ и русскаго народа. Варшава. 1893 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Цезаревскій, П. Б.** Очерки гигиеническихъ и бытовыхъ условій желѣзнодорожной профессіи. Ц. 1 р.
- * Черный, А.** Черный капитанъ (морская легенда).—Азартная игра (рассказъ матроса).—Фрегатъ въ огнѣ (рассказъ очевидца).—Выходъ въ океанъ (корабельный бунтъ).—Помощь съ берега (прибрежный романъ).—Морская быль.—Какъ люди тонуть.—Подарокъ на Рождество. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Честный трудъ дорожне золота.** Воспоминаніе стараго фельдфебеля. Изд. 2-е. Сиб. 1893 г. Ц. 15 к.
- Ччинадзе, Д.** Уставъ о питейномъ оборѣ, сост. по послѣднему оффиц. изданію. Съ указателями. Сиб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Шаховъ, А.** Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекція, читанная по исторіи франц. литер. на высш. женск. курс. въ Москвѣ. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шольцъ, Фр.** Недостатки въ характерѣ ребенка или вторая золотая книжка. Педагогич. наставленія для дома и для школы. Кіевъ 1893 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Шпильгагенъ, Фр.** Загадочная натура. Романъ. Изд. 4-е, исправл. и дополн. Сиб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Штеблеръ и Лауръ.** Борьба съ безкормичей при помощи воздѣлыванія добавочныхъ кормовыхъ растений. М. 1894 года. Ц. 20 к.
- Энциклопедическій словарь** (Брокгауза и Ефрона). Полутомъ XX. Т. X. Сиб. 1893 г. Ц. 3 р.
- Языковъ, Д. Д.** Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскіихъ писателей. Вып. 7-й. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Якубовичъ, В. О** пьанствѣ дѣтей. Сиб. 1894 г. Ц. 25 к.
- Ярошевскій, С. Ф.** Выходцы изъ Межеполя. Романъ въ 3-хъ част. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

хозяйина дома, въ этотъ день въ столовой подавались такія кушанья, какихъ до сихъ поръ и не видано было. Но Реститута, не менѣе упрямая, чѣмъ ея братъ, не дотронулась ни до одного изъ нихъ.

— Сестра, — говорилъ за обѣдомъ донъ Мауро, — довольно нищенства, довольно работы. Видишь эту курицу, Инезилья? Такъ вотъ ты должна съѣсть ее всю до одной капельки, для этого за нее плочены деньги. Я для тебя приготовилъ зеленую юбку съ желтыми полосами, и ты надѣнешь ее завтра, если мы пойдемъ встрѣчать короля. Не забудь также надѣть голубые сафьяновые ботинки, а на голову я выберу тебѣ въ магазинѣ шелковый платокъ, пестрый, на немъ мушки четырнадцати цвѣтовъ... Ты должна быть хорошенькой, я этого хочу.

— Хорошимъ вещамъ ты учишь дѣвушку, нечего сказать! — недовольно ворчала Реститута...

Доброта донна Мауро была такъ безалаберна и назойлива, что Инезелья страдала отъ нея больше, чѣмъ отъ скудости.

— Сегодня вечеромъ, — продолжалъ заботливый дядюшка, — я позову двухъ слѣпыхъ музыкантовъ, и ты можешь танцевать, Инезита, сколько хочешь. Я хочу, чтобъ ты танцевала три часа подъ рядъ, и ты это сдѣлаешь, потому что я приказываю. А эти серьги, что остались у насъ невыкупленными, ты будешь носить въ твоихъ хорошенькихъ ушкахъ.

— Ахъ, какъ онѣ къ ней пойдутъ! — ехидно воскликнула Реститута. — Опомнись, братъ! Вѣдь эти массивныя золотыя серьги заложила камеристка королевы донны Изабеллы Фарнезіо.

— Здѣсь приказываю только я! — крикнулъ донъ Мауро и съ такой силой хлопнулъ кулакомъ по ящику, изображавшему столъ, что посуда зазвенѣла.

Инезилья, конечно, отказалась одѣться такимъ попугаемъ, говоря, что на улицѣ на нее всѣ будутъ пальцами показывать. Донъ Мауро ужасно разсердился и весь этотъ день, не переставая, кричалъ, что въ этомъ домѣ хозяйинъ только онъ.

Какъ это ни странно покажется, но втеченіе первыхъ трехъ дней мнѣ не удалось ни разу поговорить наединѣ въ Инезильей. Каждый разъ, какъ донья Реститута спускалась съ антресолей внизъ, она запирала Инезилью на ключъ, который клала въ карманъ. Это приводило меня въ отчаянье, и я уже терялъ надежду спасти бѣдную сироту. Но въ этотъ вечеръ какіе-то покупатели дольше обыкновеннаго задержали внизу хозяйку магазина. Я воспользовался удобной минутой, подошелъ къ двери рабочей комнаты и тихонько постучалъ. Я услышалъ шелестъ платья Инезильи и ея голосъ, спрашивавшій меня:

— Габріэль, это ты?

— Да, Инезилья, сокровище мое. Поговоримъ немножко, только

не возвышай голоса. Я буду стучать щеткой, чтобы насъ не услышали внизу твои тираны.

— Какъ ты попалъ сюда? Скажи, Габріэлильо, ты увезешь меня когда нибудь отсюда?

— Дорогая моя, еслибъ тебя стерегли сто тысячъ Реквехо и восемьдесятъ тысячъ Реститутъ, то и тогда я спасъ бы тебя. Не плачь, не огорчайся. Но скажи, ты меня меньше любишь, чѣмъ прежде?

— Нѣтъ, Габріэль,—отвѣтила она.—Я тебя люблю больше, гораздо больше прежняго.

Я застучалъ щеткой и сталъ цѣловать замочную скважину.

— Постучи тихонько въ дверь, чтобы я чувствовалъ, что ты здѣсь,—попросилъ я.

Инезилья постучала и затѣмъ спросила:

— Ты еще не скоро освободишь меня? Напиши моему дядѣ, чтобъ онъ за мной пріѣхалъ.

— Твой дядя ничего не подѣляетъ съ этими скрягами. Надѣйся на меня и вѣрь мнѣ. Я тебя освобожу изъ этого дома, или я не буду Габріэлемъ. Постарайся не раздражать ихъ. Если они захотятъ взять тебя на гулянье, то иди. Слышишь? Остальное поручи мнѣ. Прощай, вонъ идетъ эта рысь.

— Прощай, Габріэль. Я буду ждать.

Мы оба поцѣловали съ разныхъ сторонъ замочную скважину двери, и я тотчасъ же отскочилъ отъ нея, потому что изъ магазина ушли жертвы честности Реституты, и она поднималась наверхъ, повидимому, очень довольная выгодной продажей.

XXXVIII.

Въ этотъ вечеръ послѣ ужина пришла къ Реквехо моя старая знакомая донья Амброзія, хозяйка галантерейной лавочки, у которой я забиралъ товаръ, когда служилъ у актрисы Пепы Гонзалесъ. Оказалось, что покойный мужъ доньи Амброзіи когда-то торговалъ вмѣстѣ съ Реквехо, и она до сихъ поръ сохранила съ ними отношенія. Она меня узнала, но не сказала ничего такого, что могло бы меня скомпрометировать въ глазахъ моихъ новыхъ хозяевъ.

— Ахъ, какъ это вы, Реститута, и вы, донъ Мауро, не вышли посмотрѣть на вѣздъ французовъ?—затараторила она.—Вотъ ужъ было на что полюбоваться! Красавецъ на красавцѣ... Еслибъ вы только видѣли, донъ Мауро, какъ они одѣты! Какія у нихъ каски, какія сабли, какіе кресты! Я глазъ не могла оторвать... Есть такія каски, что блестятъ, какъ зеркало. Позади всѣхъ ѣхалъ генералъ, говорятъ, что онъ женатъ на сестрѣ Наполеона. Мнѣ называли его фамилію, да я позабыла... Да, да, вспомнила: Мюратъ!

Ну, что же это за красавецъ, я вамъ скажу! И какъ онъ улыбается, негодяй, посматривая на балконы, гдѣ сидятъ сеньоры... Я была въ домѣ моихъ двоюродныхъ сестеръ, и мнѣ показалось, что онъ взглянулъ на меня. Ахъ, что за глаза! Я вся такъ и вспыхнула... Многіе теперь ходятъ по городу и ищутъ квартиръ; ко мнѣ ни одинъ не приходилъ, а я право жалѣю, потому что эти сеньоры мнѣ очень нравятся.

— Ну, слава Богу, что мы дождались новаго короля,—сказалъ Реквехо.—А вы, донья Амброзія, хорошо торговали эти дни?

— Ни одной пуговки не продала,—отвѣтила лавочница.—Ахъ, милые мои, теперь при новомъ королѣ пойдетъ совсѣмъ другая торговля! Что за тяжелыя времена, Реститута! А вы не знаете главную-то новость?

— Какую?

— Что завтра будетъ торжественный въѣздъ въ Мадридъ молодого короля Фердинанда VII?

— Это весь городъ знаетъ!

— Мы непременно пойдемъ смотрѣть въѣздъ,—объявилъ Реквехо.—Слышишь, Реститута? Слышишь, Инезилья? Завтра мы не работаемъ.

— Да я скорѣй рѣшусь повѣситься, чѣмъ не пойду смотрѣть короля,—сказала донья Амброзія.—Мои двоюродные братья вышли на Аранхуэсскую дорогу встрѣчать его. Ахъ, какая радость, донъ Мауро! Еслибъ мой покойный мужъ дожилъ до этого! Я буду сидѣть на балконѣ и бросать цвѣты на улицу.

— Значить, рѣшено!—воскликнулъ Реквехо,—если эта не хочетъ идти, то она можетъ оставаться въ магазинѣ, Инезилья зашьетъ мнѣ рукавъ, который вчера лопнулъ у меня, когда я снималъ сюртукъ. Габріэль меня причешетъ, посмотримъ, мастеръ ли онъ на это... А ты, Инезилья, если хочешь надушиться, то можешь взять вотъ этотъ флаконъ. Все для тебя.

Наступилъ памятный день 24-го марта 1808 года. Я напоядилъ широкую голову дона Мауро и изобразилъ на ней артистическую, но въ сущности пребезобразную прическу. Донья Реститута сдалась, наконецъ, на просьбы своего брата, умылась и такъ долго терла полотенцемъ свое темно-желтое лицо, что оно заблестѣло, какъ сапогъ. Не смотря на то, что донъ Мауро былъ «одинъ хозяинъ въ своемъ домѣ», но ему не удалось заставить Инезилью надѣть зеленую юбку съ желтыми полосами и голубые башмаки; она одѣлась въ свое обычное праздничное платье и отказалась отъ серегъ камеристки королевы Изабеллы Фарнезіо. Хуану Діосъ было поручено стеречь домъ, а мнѣ донъ Мауро сказалъ:

— Габріэль, сегодня день отдыха. Ты пойдешь съ нами и поправишь мнѣ прическу, если понадобится, да кстати помочи мнѣ надѣть перчатки, когда будетъ проѣзжать его величество, потому

что я не хочу заранѣе надѣвать эти орудія инквизиціи. Ну, какъ тебѣ кажется, я недурно одѣтъ? Потяни-ка вотъ эту фалду... Вотъ такъ, довольно...

Я взялъ мою фуражку, и мы отправились. Puerta del Sol, Главная улица и улица Alcala были буквально запружены народомъ. Съ балконовъ развѣвались цвѣтныя ткани, спускались ковры. Теплый и тихій мартовскій день былъ похожъ на іюньскій; казалось, что природа такъ же радуется, какъ и люди.

Въ этой несмѣтной толпѣ были всѣ сословія, всѣ возрасты. И старые инвалиды, опиравшіеся на свои палки, и старухи, по цѣлымъ годамъ не покидавшія своихъ теплыхъ угловъ, и молодежь, и школьники, и монахи, и нищіе, и папиросницы съ табачной фабрики, и мастеровые, и крестьяне—всѣ хотѣли видѣть и встрѣтить новаго короля, на котораго возлагались такія блестящія надежды.

Было до того тѣсно, что не видно было движенія отдѣльныхъ лицъ, а вся толпа двигалась и колыхалась то въ ту, то въ другую сторону. Слышались веселые и радостные возгласы и рядомъ съ ними стоны тѣхъ, кому отдавливали ноги или, задѣвъ нечаянно, срывали шляпы. Мальчишки ловко стрѣляли въ головы франтовъ апельсиновой кожей, нищіе просили милостыню, показывая свои изуродованныя руки и ноги.

Живая волна заставила насъ остановиться въ Puerta del Sol, затѣмъ двинула къ улицѣ Карменъ и снова къ Puerta del Sol, причемъ я долженъ былъ крѣпко держаться за дона Мауро, чтобъ эта волна не отнесла меня куда нибудь въ сторону.

Я радовался этому напору толпы, надѣясь, что я наконецъ останусь вдвоемъ съ Инезильей, вдали отъ Реквехо, но дядошка такъ крѣпко держалъ руку племянницы въ своей рукѣ, какъ будто это было неопѣненное сокровище.

Какія-то двѣ беззубыя старушки шамкали подлѣ насъ.

— Ай, донья Гумерзинда,—говорила одна,—Господь и святые угодники не допустили меня умереть прежде, чѣмъ увидѣть восшествіе на престолъ нашего новаго короля!

— Ай, донья Марія Фасунда! — отвѣтила другая. — На этомъ самомъ мѣстѣ я стояла въ тотъ день, когда изъ Неаполя вернулся покойный король Карлъ III; съ тѣхъ поръ до нынѣшняго дня въ Мадридѣ не было такой радости. И вы не плачете?

— Ахъ, развѣ вы не видите, донья Гумерзинда, что я плачу? Теперь можно умереть спокойно, Испанія будетъ счастлива съ такимъ королемъ... Святая Дѣва услышала, наконецъ, наши грѣшныя молитвы.

— А вы не видали короля Фердинанда VII, донья Марія Фасунда? Это—самый красивый мужчина во всей Испаніи! Я видѣла его въ день принятія присяги и какъ сейчасъ вижу его передъ собою.

— Нѣтъ, я его не видѣла. Вѣдь вы знаете, донья Гумерзинда, что съ тѣхъ поръ, какъ я разошлась съ мужемъ, я не смотрю ни на одного мужчину.

— Пойдите, пойдите, говорятъ, король ѣдетъ!

И дѣйствительно вдали послышались радостные крики. Отрядъ французской императорской гвардіи съ Мюратомъ во главѣ показался въ улицѣ Arrenal. Представьте себѣ, что нога хочетъ войти въ сапогъ, гдѣ уже есть другая нога. Тщеславный Мюратъ хотѣлъ непременно пройти тамъ, гдѣ долженъ былъ проходить нашъ король; въ этомъ нѣтъ еще ничего особенно дурного, но онъ дѣлалъ это съ такимъ независимымъ видомъ, его драгуны такъ нагло и насмѣшливо оглядывали народъ, что историки говорятъ, что будто съ этого дня и часа возникла антипатія испанцевъ къ французамъ...

Одно русло не можетъ вмѣстить въ себѣ двухъ рѣкъ, поэтому, когда французы вступили въ улицу, запруженную народомъ, ихъ сжали со всѣхъ сторонъ и встрѣтили пронзительными недружелюбными свистками. И чѣмъ длиннѣе вытягивалась линія войска, тѣмъ сильнѣе становилась давка. Донъ Мауро пыхтѣлъ, какъ быкъ, донья Реститута выпускала изъ своей узкой груди пронзительные стоны.

Но толпа забыла все на свѣтѣ, потому что вдали уже показался король на бѣломъ конѣ, съ трудомъ подвигающемся впередъ. Король уже подѣзжалъ къ Puerta del Sol; зашевелились вѣтра, цѣлый дождь цвѣтовъ полился на улицу, фуражки летѣли въ воздухъ, развѣвались въ знакъ пріветствія платки и даже плащи.

Тогда толпа, въ которой мы стояли, двинулась впередъ. Донъ Мауро и Реститута вонзили свои ногти въ рукавъ Инезильи, но еще напоръ, и клочекъ рукава остался въ ихъ рукахъ, а молодая дѣвушка въ моихъ объятіяхъ. Я оглянулся и увидаль, что народная волна отнесла отъ насъ дядюшку съ тетушкой. Мы остались вдвоемъ.

— Мы одни, Инезилья,—сказалъ я.—Теперь мы можемъ поговорить спокойно.

Мы дѣйствительно были одни. Я не видѣлъ ни короля, ни народа, ни императорской гвардіи, ни балконовъ, ни вѣровъ, ни фуражекъ, ни цвѣтовъ, ничего. Я видѣлъ только одну Инезилью, и Инезилья видѣла только меня одного. Мы забыли о существованіи короля и этого ликующаго народа, мы думали лишь другъ о другѣ.

— Слава Богу, что намъ удалось, наконецъ, остаться однимъ,—сказала Инезилья, прижимаясь ко мнѣ.

— Инезилья, дорогая моя,—сказалъ я ей,—какъ мнѣ хотѣлось поговорить съ тобою! Сколько мнѣ нужно тебѣ сказать! Твои мучители ушли и не вернуться, а если бы и вернулись, то они не

найдутъ насъ здѣсь. Мы свободны; слушай же, что я тебѣ скажу. Мы уйдемъ изъ этого проклятаго дома, моя Инезилья, и ты будешь счастлива, богата, могущественна, ты получишь все, что тебѣ принадлежитъ.

— Да у меня ничего нѣтъ,—отвѣтила она.

— Нѣтъ есть; ты многого не знаешь, и моя новость и пугаетъ и радуешь меня въ то же время.

— Что такое ты толкуешь?

— Что ты не то, чѣмъ кажешься. Я верну тебя твоимъ родителямъ, они очень богаты.

— Родителямъ? Да развѣ у меня есть родители?

— Да; ты не дочь доньи Хуаны. Но я объясню тебѣ это въ другомъ мѣстѣ. Ахъ, дорогая моя, я и радъ этому и не радъ, потому что я, конечно, желаю, чтобы ты была богата, счастлива, герцогиня, графиня, но я боюсь, что когда ты всего этого достигнешь, то ты разлюбишь меня.

— Я не понимаю ровно ни одного слова изъ всего того, что ты говоришь,—произнесла она.

— Посмотримъ. Ты меня разлюбишь. Какъ можешь ты любить сироту безъ средствъ, безъ образованія? Ты будешь меня стыдиться, вѣдь я слуга... Но не бойся, я всетаки сдѣлаю, что ты будешь тѣмъ, чѣмъ должна быть. Мнѣ ничего не надо. Скажи мнѣ только, ты позволишь мнѣ быть твоимъ слугой и жить въ твоемъ домѣ на тѣхъ же правахъ, на какихъ я живу у твоихъ проклятыхъ родственниковъ?

— Нѣтъ, увѣряю тебя, что ты сходишь съ ума, Габріэль. Это мнѣ напоминаетъ то время, когда ты намѣревался быть министромъ, генералиссимусомъ, принцемъ. Мнѣ и въ голову не приходитъ ничего подобнаго.

— Нѣтъ, это совѣмъ не то же самое. Тогда я просто фантазировалъ, а теперь это правда. Мы больше не вернемся къ Реквехо. Мы пойдемъ по улицѣ Alcala, когда схлынетъ толпа, и скроемся въ Аранхуэсѣ. Я знаю, что ты не сдержишь твоей клятвы, но поклянись, что ты всегда будешь меня любить.

— Мнѣ не нужно клясться. Общай лучше ты не говорить глупостей,—отвѣтила она.

— Это вовсе не глупости. Вскорѣ ты убѣдишься въ этомъ. Но ты всегда меня будешь любить такъ, какъ теперь? Ты не будешь стыдиться меня, не будешь презирать? Всегда ли я останусь для тебя единственнымъ другомъ?

— Всегда, всегда.

Произнеся эти слова, Инезилья почувствовала, что кто-то схватилъ ее за ногу...

Она взглянула внизъ, я также, и мы увидѣли смуглую руку, протянутую къ намъ изъ-за массы чужихъ ногъ, и рука эта при-

надлежала донѣ Реститутѣ... Братъ и сестра очень долго искали насъ, расталкивая толпу и, въ свою очередь, получая толчки и пинки. Они издали замѣтили меня по моей фуражкѣ, но такъ торопились къ намъ навстрѣчу, что Реститута упала, и въ то время, какъ донъ Мауро старался приподнять ее за одну руку, другою она схватила ногу Инезильи, боясь, что племянница снова скроется изъ виду.

Увы, нашъ проектъ бѣгства былъ разрушенъ въ самомъ основаніи, и Реквехо подхватили Инезилью подъ обѣ руки.

— Бѣдняжка моя!—сказалъ донъ Мауро.—Я думалъ, что мы тебя потеряемъ. Если бы не ты, Габріэль, мы бы ее потеряли.

Братъ и сестра имѣли такой несчастный видъ, что, право, на нихъ жалко было смотрѣть. Изъ пиджака моего хозяина вышло два безъ стараній какого либо портного, а шелковая юбка его сестры была вся въ клочьяхъ.

— Видишь?—говорила, идя домой, Реститута своему брату.—Видишь, что вышло изъ того, что мы пошли, куда насъ не звали? Ты потерялъ перчатку... а вѣдь она денегъ стоитъ! А посмотри на мою юбку, мнѣ теперь въ ней на три дня работы... На что похожа шелковая матерія? А ты, Инезилья, ничего не потеряла? Ахъ, гдѣ это мой носовой платокъ?.. Гдѣ платокъ? Я его потеряла!.. Господи, какая жалость! А я еще надушила его тремя каплями бергамотовыхъ духовъ!..

XXXIX.

Прошло не мало дней со времени торжественнаго вѣзда короля въ Мадридъ, но въ домѣ Реквехо не произошло никакой перемѣны. Не смотря на то, что я жилъ такъ близко отъ Инезильи, мнѣ не удавалось сказать съ ней слова наединѣ. Реститута съ каждымъ днемъ все строже и тщательнѣе оберегала свою племянницу, а донъ Мауро при всемъ своемъ желаніи не могъ добиться ея расположенія. Еслибъ этотъ человѣкъ не былъ до такой степени поглощенъ мыслью о наживѣ, если бы онъ былъ воспитанъ и не такъ грубъ, то его любезность и ласки принимались бы племянницей съ большей терпимостью, но при данномъ положеніи вещей онъ не только не располагалъ ея къ себѣ, а наоборотъ отталкивалъ и дѣлался ей отвратительнымъ.

Благодаря неусыпной бдительности Реституты, освободить Инезилью оказывалось положительно невозможнымъ. Тогда я, все еще не теряя надежды, старался войти въ довѣріе къ Реквехо, но и это было дѣломъ не легкимъ. Я увѣрилъ донью Реституту, что соръ, выметаемый мною изъ комнатъ, можно продать одному французскому садовнику для разведенія какихъ-то рѣдкихъ растений. Сначала она изумилась, но когда я, выбросивъ кулекъ мусору въ по-

мойную яму, принесть ей четыре кварто, она была въ восторгѣ и сказала мнѣ:

— Ты далеко не глупъ, Габріэль; я не встрѣчала такого опытнаго слуги, какъ ты.

Когда истекъ мѣсяцъ моей службы, и мнѣ выдали заработанные мною десять реаловъ, то я попросилъ Реституту спрятать ихъ для меня.

— Теперь, благодаря вашей добротѣ,—сказалъ я ей,—я ни въ чемъ не нуждаюсь, а прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ вашемъ домѣ, я по крайней мѣрѣ скоплю себѣ что нибудь.

— Ахъ, Габріэль!—воскликнула она внѣ себя отъ восторга,—я никогда не встрѣчала такого человѣка, какъ ты. Вѣдь знаешь ли, если ты прослужишь десять лѣтъ, то у тебя уже скопится капиталъ въ шестьдесятъ дурро, тыпустишь его въ оборотъ и безбѣдно проживешь до конца дней. Да, кто поживетъ въ этомъ честномъ домѣ, тотъ многому научится.

Подобными поступками я дѣйствительно завоевалъ себѣ нѣкоторое довѣріе, но мнѣ, всетаки, не удалось добиться того, чтобы мои хозяева, выходя изъ дому, поручали мнѣ Инезилью: Увы, въ тѣ рѣдкіе случаи, когда они покидали ненадолго свое насиженное гнѣздо, они оставляли ключи не мнѣ, а приказчику.

Но тутъ я долженъ остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся Хуана Діосъ. Этотъ молчаливый, угрюмый человѣкъ всегда казался мнѣ непонятнымъ. Я смотрѣлъ на него, какъ на машину, двигающуюся въ извѣстномъ направленіи и по развѣ заведенному порядку.

Съ нѣкоторыхъ поръ донъ Мауро и Реститута не безъ удивленія стали замѣчать въ приказчикѣ какую-то перемѣну. Хуанъ Діосъ втеченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ велъ безукоризненно торговое дѣло, а теперь онъ съ трудомъ соображалъ, сколько надо дать сдачи, и походилъ на новичка въ торговлѣ. Но было еще нѣчто болѣе ужасное. Хуанъ Діосъ ходилъ по магазину, ничего не дѣлая, а это было необычайнѣе столкновенія двухъ планетъ. Хуанъ Діосъ, спросивъ покупателя, какой товаръ ему требуется, шелъ за нимъ, но, подойдя къ полкѣ, забывалъ, что надо достать. И въ то же время его желтое, серьезное лицо казалось еще желтѣе, еще серьезнѣе, а грустный взглядъ ясно говорилъ, что въ душѣ этого человѣка таятся какое-то горе.

Разъ наши хозяева вмѣстѣ вышли изъ дому, поручивъ его по обыкновенію приказчику. Я поговорилъ съ Инезильей черезъ дверь и въ полномъ отчаяніи, при мысли, что мнѣ, вѣроятно, никогда не удастся вырвать ее изъ этой тюрьмы, я рѣшился разжалобить сердце Хуана Діосъ и умолять его помочь нашему бѣгству. Спустившись въ магазинъ и поговоривъ съ приказчикомъ о разныхъ незначительныхъ вещахъ, я сказалъ ему:

— Не правда ли, донъ Хуанъ, какъ тяжело видѣть эту дѣвушку, страдающую въ неволѣ? Почему они не выпускаютъ ея изъ комнаты? Вѣдь это не звѣрь какой нибудь.

Я замѣтилъ, какъ онъ вздрогнулъ, и какъ краска выступила сквозь желтизну его щекъ.

— Ты правъ, Габріэль,— сказалъ онъ.— Зачѣмъ они запираютъ ее, вѣдь она такая скромная... Она будетъ свободна...— прибавилъ онъ, какъ бы говоря съ самимъ собою.

Слова эти сильно возбудили мое любопытство, и я рѣшился заставить его высказаться, показавъ ему равнодушіе къ молодой дѣвушкѣ.

— Правда,— проговорилъ я,— что она такъ дурно воспитана, что...

— Дурно воспитана!— воскликнулъ онъ съ живостью.— Ты самъ дурно воспитанъ и къ тому же осель. Когда я вижу ее такую тихую, такую хорошенькую, то мнѣ ужасно жаль ее... Здѣсь такъ обращаются съ нею, что она невольно возбуждаетъ сочувствіе.

— Но вѣдь наши хозяева очень добры къ ней; они купили ей новое платье, а донъ Мауро хочетъ на ней жениться.

Услышавъ это, Хуанъ Діосъ такъ измѣнился въ лицѣ, что я даже испугался.

— Жениться на ней!— вскричалъ онъ.— Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть!

— Понятно, если дѣвушка не хочетъ, то зачѣмъ же ее принуждать къ этому?

— Совершенно вѣрно. Нѣтъ, они не принудятъ.

Я понялъ, что надо перемѣнить тактику, выказывая больше интереса къ плѣнницѣ.

— Если она не хочетъ,— сказалъ я,— то было бы добрымъ дѣломъ помочь ей уйти отсюда.

— И ты такъ же думаешь?

— Конечно. Мнѣ такъ жалко бѣдняжку, что еслибъ это отъ меня зависѣло, я давно отперъ бы клѣтку и выпустилъ птичку.

— Габріэль,— сказалъ торжественно Хуанъ Діосъ, положивъ руку мнѣ на плечо,— если бы ты былъ скромный и разумный малый, то я рассказалъ бы тебѣ одинъ проектець...

Оставалось возмутиться поведеніемъ Реквехо, что я тотчасъ же и сдѣлалъ, говоря:

— О, вы можете вполне положиться на меня, особенно, когда дѣло касается этой дѣвушки. Я не могу спокойно видѣть, какъ съ ней обращаются, и если хозяинъ еще разъ посмѣетъ схватить ее, какъ тогда, то я...

— Наши хозяева очень жестоки,— сказалъ онъ съ такой серьезностью, какъ будто открывалъ мнѣ величайшую тайну.

— Что вы говорите—жестоки! Они настоящіе варвары! Они готовы Христа продать за двѣ квартиры.

На лицѣ Хуана Діосъ выразилось нѣчто въ родѣ энтузіазма. Онъ, видимо, колебался съ минуту, затѣмъ приложилъ обѣ руки къ сердцу и произнесъ:

— Габріэль, я влюбленъ, я совсѣмъ съ ума схожу.

— Въ кого?

— Не спрашивай этого, догадайся самъ. Только тебѣ одному я признался въ этомъ, и ты мнѣ поможешь. Вижу, что ты добрый малый и ненавидишь притѣснителей Инезильи. Но ты не вглядѣлся въ нее. Развѣ тебя не плѣняетъ ея подчиненіе, ея скромность? Развѣ ты встрѣчалъ когда нибудь болѣе красивую дѣвушку?

— Инезилья обворожительна, — сказалъ я.—Вы прекрасно дѣлаете, что любите ее, и сдѣлаете еще лучше, если вырвете ее отсюда. Но развѣ это неправда, что вы женитесь на донѣ Реститутѣ?

— Я? ты съ ума сошелъ... Прежде я еще думалъ, что я способенъ на такую глупость, но теперь... Встрѣчалъ ли ты болѣе отвратительную женщину, чѣмъ эта?

— Нѣтъ, такой, какъ она, не отыщешь на всемъ земномъ шарѣ. Но поговоримъ объ Инезильѣ, вѣдь она васъ интересуется.

— Да, поговоримъ. Ахъ, ты не поймешь, какъ я облегчаю себя, признаваясь тебѣ въ этой тайнѣ! Мнѣ необходимо было поговорить съ кѣмъ нибудь. Съ тѣхъ поръ, какъ Инезилья пріѣхала сюда, я самъ себя не узнаю. Знаешь, я часто слышалъ разговоры о любви, но я не понималъ, что такое любовь... Лѣтъ двадцать тому назадъ я сошелся съ одной женщиной, жившей у насъ въ домѣ, но это длилось всего три дня. Я родился во Франціи отъ испанскихъ родителей, воспитывался въ монастырѣ и, когда двадцати лѣтъ вышелъ оттуда, я всѣхъ женщинъ считалъ дьявольскимъ наважденіемъ, потому что такими считали ихъ наши монахи. Когда женщина проходила мимо меня, я опускалъ глаза, чтобы ея не видѣть. Я всегда былъ склоненъ къ грусти и никогда не былъ ни на одномъ балу, ни на одномъ вечерѣ. Когда я въ первый разъ увидѣлъ Инезилью, она показалась мнѣ совсѣмъ непохожей на другихъ. Сколько разъ потомъ я мысленно разговаривалъ съ нею, отвѣчалъ на ея вопросы. Она ни разу даже не взглянула на меня... Только разъ вечеромъ, когда мы ужинали, у меня такъ дрожали руки, что блюдо выпало изъ нихъ на полъ и разбилось. Реститута раскричалась на меня, донъ Мауро началъ ругаться, тогда Инезилья ласково взглянула на меня.

— Да, нечего сказать, дѣвушка очень красива и добра,—сказалъ я.—Освободите ее отсюда.

— Конечно, освобожу! Какъ же мнѣ ея не освободить?—съ рѣшимостью воскликнулъ онъ.—Я ужъ все обдумалъ. Но мнѣ хочется

высказать тебѣ, Габріэль, все, что я чувствую къ ней. Какъ ты думаешь, отвѣтитъ ли она на мое чувство?

— Да если вы хотите съ ней поговорить, то кто-жъ вамъ мѣшаетъ войти къ ней въ комнату? Развѣ хозяйева не оставляютъ вамъ ключей?

— Я много разъ хотѣлъ поговорить съ нею, я подымался по лѣстницѣ, подходилъ къ двери, но возвращался, не осмѣлившись произнести: «Инезиля, выслушайте словечко».

— Ну, такъ вы ничего не добьетесь, — отвѣтилъ я ему. — Ахъ, знаете, что я придумалъ? Я возьмусь за это дѣло. Вы мнѣ дадите ключъ, я войду, скажу ей, что вы ее любите, и мы вмѣстѣ обсудимъ планъ побѣга. Какъ вамъ нравится моя мысль?

— Ты очень ошибаешься, если думаешь, что у меня хранится ключъ отъ ея комнаты. Мнѣ оставляютъ все, кромѣ этого.

— Въ такомъ случаѣ все пропало.

— Нѣтъ, не все, потому что я пойду къ слесарю и закажу ему ключъ по образцу, снятому посредствомъ воска. Такъ какъ ты хочешь мнѣ помочь, то я ужъ во всемъ тебѣ признаюсь. Вотъ тутъ у меня спрятанъ букетикъ фіалокъ, который я купилъ сегодня утромъ. Возьми его и просунь въ щель надъ ея дверью и скажи ей: «это присылаетъ вамъ тотъ, кто васъ любитъ», но не говори, кто именно. А потомъ, когда хозяйева снова уйдутъ изъ дому, ты снесешь ей письмо, которое я написалъ ей дома на восьми страницахъ. Ты сдѣлаешь это?

— Я сдѣлаю все, что вамъ угодно.

— Ахъ, Габріэль, съ тѣхъ поръ, какъ она живетъ здѣсь, я просто самъ не свой. Но скажи мнѣ, какъ ты думаешь, полюбитъ ли она меня. Я готовъ былъ бы отдать цѣлую жизнь, еслибъ она любила меня хоть на одинъ день! Клянусь тебѣ, я умру, если она меня не полюбитъ. Она должна меня полюбить; я увезу ее на какойнибудь необитаемый островъ, и тамъ, когда мы будемъ вдвоемъ, она меня полюбитъ. Только вотъ я не знаю дороги на эти необитаемые острова, а, говорятъ, они существуютъ... Я увезу ее отсюда, Габріэль; и если это случится, то я способенъ на все, я могу убить перваго, кто помѣшаетъ мнѣ въ моемъ дѣлѣ! Такъ ты снесешь ей этотъ букетикъ? Самъ я какъ-то боюсь идти... Ну, какъ ты думаешь, она меня полюбитъ?

Страсть Хуана Діосъ имѣла въ себѣ что-то дикое. Этотъ застѣнчивый и нерѣшительный человѣкъ способенъ былъ на огромный подъемъ энергіи въ крайнемъ случаѣ. Тайна, которая только что сорвалась съ его устъ, нѣсколько пугала меня, потому что любовь приказчика къ Инезилѣ могла помочь мнѣ въ моемъ планѣ, но могла и помѣшать. Размышляя объ этомъ, я поднялся въ антресоли и постучалъ въ дверь рабочей комнаты.

— Инезилья,—сказалъ я, просовывая ей въ дверную щель букетикъ фіалокъ,—возьми эти цвѣты, я купилъ ихъ для тебя.

— Благодарю тебя,—отвѣтила она.

— Дорогая моя,—попросилъ я,—спрячь ихъ у себя на груди, чтобы эта старая колдунья, твоя тетка, не увидала ихъ. Ты ужь спрятала?

— Я прячу,—отвѣтилъ мнѣ изъ-за двери нѣжный голосокъ.— Теперь готово, успокойся.

— Слушай, Инезилья, положи руку на сердце и поклянись мнѣ, что ты никого не полюбишь, кромѣ меня; ни дона Мауро, ни Хуана... то-есть, я хочу сказать... никого!

— Что такое ты толкуешь?

— Поклянись мнѣ! Ты скоро будешь свободна. Но когда ты сдѣлаешься сеньорой, богатой и графиней, будешь имѣть дворецъ, лакеевъ и много земли, ты меня забудешь? Ты съ презрѣніемъ отнесешься къ бѣдному Габріэлю? Поклянись, что ты не отнесешься ко мнѣ съ презрѣніемъ.

Молодая дѣвушка засмѣялась.

— Ну, прощай,—сказалъ я.—Посмотри въ замочную скважину, чтобъ я могъ тебя увидѣть... Ахъ, какая ты хорошенькая! Прощай, кажется, твои превосходные родственники вернулись. Да, я слышу голосъ этого ястреба, дона Мауро. Прощай.

XL.

Въ этотъ вечеръ насъ снова посѣтили донья Амброзія и слѣдователь Лобо. Лавочница очень жаловалась на плохую торговлю и негодовала на французовъ, которыхъ еще такъ недавно расхваливала. Реквехо вторили ей и увѣряли, что если торговля пойдетъ такъ тихо, то имъ придется остаться нищими.

Когда гости разошлись, Реститута съ племянницей ушли къ себѣ въ комнату, приказчикъ съ дономъ Мауро остались внизу подводить дневные счета, а я поднялся въ свою комнату и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ. Въ полночь я былъ разбуженъ какими-то криками; прислушавшись, я узналъ взволнованный голосъ Реституты.

— Вѣрно, въ домъ забрались воры,—проговорилъ я про себя и всталъ.

Реститута звала къ себѣ брата. Донъ Мауро выскочилъ изъ своей спальни съ желѣзной палкой въ рукахъ.

— Гдѣ воры? — крикнулъ онъ. — Гдѣ эти негодяи? Я покажу имъ, какъ пробираться въ домъ честныхъ тружениковъ!

— Это не воры,—проговорила Реститута дрожавшимъ отъ гнѣва голосомъ,—это не воры, а нѣчто еще похуже...

— Такъ что же это такое, чортъ побори?

— А это вотъ что... — чуть не задыхаясь, говорила Реститута,

обращаясь къ брату и ко мнѣ, такъ какъ и я также выбѣжалъ въ корридоръ съ палкой,—Инезилья... правду я говорила, что эта дѣвчонка дастъ намъ себя знать... Ахъ, какая она дрянъ, ахъ, какая негодяйка!...

— Да что-жъ такое она сдѣлала?

— Видишь ли, я ложилась спать, а она спала и вдругъ начала разговаривать во снѣ. Ай, я не знаю, какъ я ея не задушила! Сначала она произнесла нѣсколько словъ, которыхъ я не могла понять, а затѣмъ я слышу, она говоритъ: «Клянусь, что я тебя всегда буду любить; клянусь, что не разлюблю тебя, когда буду графиней и богатой. Но я ничего не хочу безъ тебя». Съ минутку она помолчала и затѣмъ начала опять: «Какъ мнѣ не любить тебя! Ты меня вырвешь изъ дома этихъ животныхъ... Ахъ, прощай, я слышу голосъ этого ястреба, моего дядюшки»... А потомъ, этой отвратительной дѣвчонкѣ какъ будто мало показалось этихъ словъ, она поднесла руку къ губамъ и стала посылать во снѣ кому-то воздушные поцѣлуи... Какъ тебѣ это покажется, братъ? Я не знаю, какъ я ея не задушила!... Не въ силахъ удержаться, я бросилась на нее, она проснулась въ испугѣ, приподнялась и при этомъ съ ея груди упалъ на полъ букетикъ фіалокъ.

Сказавъ это, Рестигута показала намъ цвѣты, какъ явное доказательство возмутительнаго преступленія. Донъ Мауро схватилъ его, бросилъ объ полъ, и братъ и сестра неистово стали топтать бѣдный букетикъ ногами.

— Такъ она говоритъ, что я ястребъ!—воскликнулъ донъ Мауро, въ бѣшенствѣ размахивая руками.— Ястребъ! Назвать ястребомъ такого кабальеро, какъ я! Прекрасное средство заплатить мнѣ за мою хлѣбъ-соль! Я ей дамъ себя знать!... Откуда эти цвѣты? Кто далъ ей эти цвѣты?

— Но, Мауро...

— Но, Рестигута...

И они, перебивая другъ друга и захлебываясь отъ злости, начали спорить. Наконецъ, гениальная догадка освѣтила тупую голову Реквехо, и онъ сказалъ:

— А! она, вѣроятно, завела любовь съ какимъ нибудь уличнымъ проходимцемъ! Входилъ сюда кто нибудь? Это просто съ ума можно сойти! Габріэль, Габріэль, поди сюда!

Я тотчасъ же понялъ, что если подозрѣніе падетъ на меня, то меня выгонять изъ дому, и я буду лишень возможности когда либо освободить Инезилью. Я сообразилъ, что надо придумать что нибудь такое, что отвлекло бы отъ меня подозрѣніе.

— Сеньоръ,—обратился я къ моему хозяину,—я ждалъ, когда вы кончите говорить, и намѣревался объяснить вамъ, какъ все это случилось. Вечеромъ, когда я вышелъ изъ дому, чтобы купить хлѣба къ ужину, я замѣтилъ на улицѣ какого-то сеньорито, и мнѣ пока-

залось, что онъ смотритъ на наши балконы... а потомъ, когда онъ думаль, что я его не вижу, онъ бросилъ что-то...

— Это и былъ вѣнокъ!—воскликнулъ донъ Мауро.

— Я хотѣлъ сказать вамъ объ этомъ вчера же вечеромъ, но такъ какъ у насъ были гости, а потомъ вы стали съ Хуаномъ Діосъ подводить счеты въ столовой...

— А она высовывалась на балконъ?—спросила Реститута.

— Вотъ этого я не могу утверждать, потому что становилось темно, и я не могъ ничего разглядѣть. Еслибъ вы поручили мнѣ наблюдать за дѣвушкой, то ничего не укрылось бы отъ моего вниманія. Еслибъ вы довѣрили мнѣ ее, то она въ другой разъ не посмѣялась бы такъ надъ нами.

— Этого невозможно долѣе выносить!—снова загорячился донъ Мауро.—Теперь ступайте спать, а завтра я съ ней расправлюсь.

Я ушелъ въ мою комнату и слышалъ оттуда, какъ Реквехо говорилъ сестрѣ:

— Ничего, ничего, я на этой же недѣлѣ обвиняюсь съ ней. Если она не хочетъ добромъ, такъ я заставлю ее силой. Завтра она узнаетъ, что такое Мауро Реквехо. Мы запремъ ее въ подвалъ и не дадимъ ей ѣсть. Мы скажемъ ей, что она не получитъ ни куска хлѣба, ни капли воды, пока не согласится быть моею женою... тогда увидимъ... А если не захочетъ, то испробуемъ палокъ... И эта негодяйка смѣетъ назвать меня ястребомъ!... И чтобъ я послѣ этого позволилъ ей принимать букеты отъ уличныхъ проходимцевъ! Она выйдетъ за меня замужъ, выйдетъ, или я не выпущу ея отсюда живой!

Реквехо былъ такъ раздраженъ, что всю ночь не ложился спать и ходилъ изъ угла въ уголъ.

Со слѣдующаго же дня началось настоящее гоненіе на Инезилью. вмѣсто прежней любезности и вѣжности, рекомендованныхъ ему Лобо, онъ сталъ выказывать къ племянницѣ такую жестокость, что перещеголялъ свою сестру. Ему необходимо было идти на сходку, устроенную коммерсантами, боровшимися противъ упадка торговли въ странѣ. Уходя онъ не позволилъ Инезильѣ спуститься внизъ даже въ обѣденный часъ, закрылъ ставнями окна, забилъ ихъ гвоздями и поручилъ Реститутѣ строго-на-строго слѣдить за племянницей.

Теперь ужъ не только не было возможности видѣться съ Инезильей, но нельзя было даже поговорить съ нею черезъ дверь. Положеніе бѣдной дѣвушки было на столько критическое, что я рѣшился во что бы то ни стало освободить ее. Донъ Мауро, занятый своимъ торговымъ договоромъ, выходилъ довольно часто, но Реститута буквально не выходила изъ рабочей комнаты и не вставала съ своего стула.

Моя обворожительная хозяйка имѣла обыкновеніе присутствовать на всѣхъ аукціонахъ и распродажахъ, гдѣ она за безцѣнокъ покупала мебель и затѣмъ распродала ее негласно въ мебельныхъ магазинахъ. Около 15-го апрѣля въ газетахъ появилось объявленіе, гласившее, что на площади Afligidos распродается очень дешево богатая обстановка квартиры. Она отправилась туда, рассмотрѣла все и предложила свою цѣну, за которую хозяйка квартиры не соглашалась ей продать. Реститута вернулась домой не въ духѣ, видно было, что ей очень хочется купить мебель. На этомъ обстоятельствѣ я и построилъ мой планъ выпроводить ее изъ дому на нѣсколько часовъ.

Было воскресенье 1-го мая. Я съ утра ушелъ со двора и направился на квартиру, гдѣ я жилъ раньше. Тутъ я подговорилъ одну женщину исполнить одно порученіе къ доньѣ Реститутѣ. Моя хозяйка сидѣла въ рабочей комнатѣ, когда подосланная мною женщина пришла къ ней и сказала, что сеньора съ площади Afligidos согласна уступить ей всю обстановку за предложенную цѣну.

Донья Реститута такъ и подпрыгнула на стулѣ, представивъ себѣ всю выгоду, которую она извлечетъ изъ этой покупки. Она торопливо одѣлась, заперла балконъ и комнату Инезильи, дала мнѣ на сбереженіе ключъ отъ главной выходной двери и, поручивъ квартиру Хуану Діосъ, вышла.

Когда я увидалъ, что она уходитъ, я вздохнулъ съ невыразимымъ облегченіемъ. Я не могъ терять ни минуты и крикнулъ моей подругѣ въ дверь:

— Инезилья, приготовься. Собери всѣ твои вещи и жди меня.

Теперь меня страшила только мысль, что Хуанъ Діосъ откроетъ интригу и задержитъ насъ. Я спустился въ магазинъ, но увидѣлъ, что приказчикъ разговариваетъ съ какими-то двумя французами. Одинъ изъ нихъ оказался землякомъ Хуана Діосъ и съ большимъ оживленіемъ что-то рассказывалъ ему на ломаномъ испанскомъ языкѣ.

Наконецъ они ушли, обмѣнявшись рукопожатіями, а я, не теряя ни минуты, сказалъ Хуану Діосъ:

— Теперь какъ разъ удобное время вручить молодой дѣвушкѣ ваше любовное письмо.

— Да, да, вотъ оно, — сказалъ онъ, развертывая передо мной цѣлую рукопись. — Ужъ какъ я старался! Какъ я выводилъ каждую букву! Тутъ всего только восемь страницъ, но мнѣ кажется, что на первый разъ и этого довольно.

— Конечно. Иногда двумя словами можно многое высказать. Но дѣло въ томъ, что надо поскорѣе передать ей это письмо, она съ нетерпѣніемъ ждетъ его.

— Какъ ждать? Развѣ ты ей сказалъ что нибудь?

— Нѣтъ... видите ли... Она, должно быть, догадалась. Когда я

отдалъ ей букетъ, я сказалъ, что его посылаетъ ей тотъ, кто ее любить, и она поцѣловала цвѣты...

— Поцѣловала! — вскричалъ приказчикъ и такъ растрогался, что слезы выступили у него на глазахъ. — Она поцѣловала! Значить, она поднесла его къ своимъ чуднымъ губкамъ. Ахъ, Габріэль, думаешь ли ты, что она меня полюбитъ?

— Не только думаю, но увѣренъ въ этомъ, — рѣшительно отвѣтилъ я. — Дайте же скорѣе письмо. Воображаю, какъ она обрадуется! Теперь я попрошу васъ дать мнѣ ключъ, который вамъ сдѣлалъ слесарь, потому что такое письмо необходимо передать изъ рукъ въ руки; неудобно перебрасывать его черезъ дверь.

— Нѣтъ, ключа я тебѣ не дамъ, — отвѣтилъ онъ, — потому что тебѣ не нужно входить. Я хочу, чтобъ она одна прочла это письмо. Такъ ты думаешь, она меня полюбитъ?

— Да дайте же ключъ, ключъ...

— Нѣтъ, ключа я тебѣ не дамъ. погоди, найдется человѣкъ, который освободитъ ее. Ахъ, еслибъ я самъ рѣшился пойти къ ней, но я не могу... Въ этомъ письмѣ я говорю ей о моей любви и о моихъ планахъ; я пишу, что скоро освобожу ее изъ этого рабства и женюсь на ней... Не знаешь ли ты, Габріэль, дорогу на эти необитаемые острова, о которыхъ такъ много толкуютъ? Мы отправимся туда, потому что вѣдь я богатъ, Габріэлильо; цѣлыя двадцать лѣтъ я копилъ мое жалованье, жаль только, что оно находится въ рукахъ Реквехо... Но я возьму свое... Этой же ночью я приведу въ исполненіе мой планъ. А хозяину я оставилъ письмо; когда онъ его прочтетъ, то... впрочемъ, это тайна.

— Такъ вы не дадите мнѣ ключа!

— Нѣтъ, не дамъ. Для чего? Я не хочу, чтобъ ты ее видѣлъ, я не хочу, чтобъ ты съ ней говорилъ, когда я не могу ни видѣть ее, ни говорить съ ней. При одной мысли, что она взглянетъ на тебя, я уже чувствую ревность... Ахъ, я просто умираю отъ любви, Габріэль, я не сплю, не ѣмъ. Я ни на минуту не перестаю думать о ней, я мысленно постоянно разговариваю съ ней, я сжимаю ее въ моихъ объятіяхъ, цѣлую ее, я ношу ее на рукахъ, когда она устааетъ, я пою ей колыбельныя пѣсни, когда она засыпаетъ, и одѣваю ее, когда она пробуждается...

— Такъ что вы мысленно счастливы, — сказалъ я, — но еслибъ вы дали мнѣ ключъ, вы могли бы сами сказать ей все это.

— Нѣтъ, я скажу ей это завтра, или вѣрнѣе сегодня ночью, — съ возбужденіемъ отвѣтилъ мнѣ Хуанъ Діосъ. — Неужели ты думаешь, что я способенъ долго выносить подобныя пытки! Ну, Габріэль, такъ и быть, я тебѣ откроюсь: сегодня ночью Инезилья будетъ свободна! Не знаешь ли ты дороги на необитаемые острова? Ты знаешь, Габріэль, вѣдь я каждый день утромъ хожу въ церковь и молю Бога и Пресвятую Дѣву, чтобъ Они помогли мнѣ

освободить Инезилью. Я никогда ничего не просилъ у Бога, а теперь прошу... Возьми же письмо и передай его скорѣе той, для которой я готовъ пожертвовать жизнью.

Въ это время въ магазинъ вошелъ донъ Мауро съ двумя товарищами. Хуанъ Діосъ тотчасъ же передалъ ему письмо, о которомъ раньше намекалъ мнѣ, и какъ только хозяинъ прочелъ его, онъ измѣнился въ лицѣ. Онъ сію же минуту послалъ приказчика съ какимъ-то неотложнымъ порученіемъ, а я поднялся наверхъ. Хотя Хуанъ Діосъ и не далъ мнѣ ключа, но я не хотѣлъ отступать отъ принятаго мною рѣшенія и былъ намѣренъ выломать дверь въ комнатѣ Инезили. Реквехо занятъ оживленнымъ разговоромъ съ своими пріятелями и, главное, не знаетъ объ отсутствіи сестры.

Я мысленно призвалъ Бога на помощь, предупредилъ Инезилью, чтобъ она была готова, взялъ изъ кухни острый, желѣзный брусокъ и принялся за работу. Я такъ боялся, что внизу услышатъ шумъ, что принужденъ былъ работать, не напрягая всѣхъ силъ, и замокъ не поддавался. Я громко пѣлъ, чтобъ заглушить стукъ и, наконецъ, при помощи Инезили съ внутренней стороны, одна планка двери выскочила, и я подхватилъ ее налету, чтобъ она съ грохотомъ не упала на полъ.

— Теперь ты свободна, Инезиля, бѣжимъ,—сказалъ я ей, весь дрожа отъ волненія и страха.—Бѣжимъ, не медля ни минуты, иначе мы погибли!

Мы направились къ выходной лѣстницѣ. Я отперъ дверь, и мы вышли. Смеркалось. Какой-то человѣкъ спускался съ верхнихъ ступенекъ и остановился на площадкѣ. Я замѣтилъ, что онъ съ удивленіемъ смотритъ на насъ; я также, въ свою очередь, взглянулъ на него и задрожалъ съ головы до ногъ, узнавъ въ немъ... слѣдователя Лобо. Онъ протянулъ руки, какъ бы для того, чтобъ удержать насъ, и спросилъ:

— Куда это вы идете?

— А вамъ какое дѣло?—въ бѣшенствѣ воскликнулъ я, увидавъ передъ собою это неожиданное препятствіе.

Затѣмъ, сообразивъ, что грубостью съ нимъ ничего не подѣлаешь, я пустился на хитрость и прибавилъ:

— Донья Рестигута велѣла намъ придти за ней. Она пошла къ одной знакомой...

— Ты отъявленный негодяй, — отвѣтилъ онъ мнѣ. — Куда ты идешь съ этой дѣвушкой? А, бездѣльники, вы бѣжите изъ этого честнаго дома! Вотъ я вамъ задамъ! Сейчасъ же ступайте назадъ, если вы не хотите, чтобъ я отправилъ васъ въ тюрьму.

Мое отчаяніе не имѣло границъ, и какъ я жалѣлъ тогда, что у меня не было въ рукахъ кинжала, я пырнулъ бы имъ этого отвратительнаго человѣка.

— Ахъ, негодный воришка, я тебя знаю, я знаю, кто ты такой,—продолжалъ онъ.—Именно сегодня вечеромъ я собирался свети съ тобой старые счеты... Я знаю, какова ты птица! Теперь ты не выскользнешь изъ моихъ рукъ!

И дѣйствительно онъ такъ крѣпко ухватилъ меня, что удивляюсь, какъ не сломалъ мнѣ руки.

— Какъ я вѣремя вышелъ, негодяй!—восклицалъ онъ.

Я сдѣлалъ невѣроятное усиліе и вырвался изъ его рукъ. Тогда онъ закричалъ:

— Они убѣгаютъ! Помогите! помогите!...

Донъ Мауро показался на лѣстницѣ, со всѣхъ сторонъ выскочили жильцы, Реститута только что вернулась, и оба Реквехо подхватили меня подъ руки. Инезилья безъ чувствъ упала въ объятія Лобо.

XLI.

— Я едва вѣрю своимъ глазамъ!—воскликнула моя хозяйка.—Такъ наша сеньорита хотѣла убѣжать съ Габріэлемъ! А какимъ праведникомъ онъ прикидывался!.. Куда это ты отправлялся съ Инезильей, чудовище? Въ тюрьму его, сейчасъ же въ тюрьму! Но скажи, ты хотѣлъ украсть Инезилью?

— Да, старая вѣдьма!—проворчалъ я.—Я хотѣлъ бѣжать съ ней.

— А теперь мы тебя выбросимъ съ балкона на улицу!—крикнулъ донъ Мауро, загребая меня въ свои лапы.

Откровенно говоря, я думалъ, что приходитъ мой смертный часъ, до такой степени эти три фурии накинудись на меня. Изъ всѣхъ сыпавшихся на меня побоевъ больнѣе всего мнѣ были щипки Реституты, которая, казалось, хотѣла вырвать изъ меня кусочки мяса.

— И конечно, это ты подослалъ ко мнѣ женщину, чтобы заставить меня уйти изъ дому. Мебель, которую я хотѣла купить, давнымъ давно продана. Этотъ негодяй достоинъ висѣлицы, сеньоръ Лобо, висѣлицы!

— А эта святоша, моя племянница-то, была вѣдь очень довольна побѣгомъ!—воскликнулъ Реквехо, заперевъ Инезилью въ ея прежней комнатѣ.

— Да это мы какого-то демона взяли къ себѣ въ домъ!—горячилась Реститута.—Висѣлицу ему, сеньоръ Лобо, висѣлицу! Къ такому негодяю нельзя имѣть никакого состраданія, его надо отправить къ алькаду. Скажите, пожалуйста, какъ онъ умѣлъ прикидываться честнымъ и преданнымъ! Да это можно умереть отъ злости!

Тогда слѣдователь повелъ свою рѣчь.

— Умѣрьте на минуту вашъ справедливый гнѣвъ, сеньоры,—сказалъ онъ.—Я уже рассказывалъ вамъ, что въ данное время мы

занимаемся отыскиваніемъ всѣхъ тѣхъ личностей, которымъ покровительствоваль Годой, это чудовище, воръ и фаворитъ... Слава Богу, что теперь, когда его свергли, мы можемъ спокойно бранить его! Такъ вотъ, какъ я вамъ говорилъ, теперь липаютъ должностей всѣхъ его клеветовъ, если они не попали въ тюрьму или не заплатились жизнью. Еслибъ вы видѣли, друзья мои, какъ я тружусь и какъ много благодарностей получилъ я отъ высокопоставленныхъ лицъ...

— Но къ чему весь этотъ разговоръ?—нетерпѣливо произнесъ Реквехо.—Что же тутъ общаго...

— А вотъ увидите, — перебилъ его Лобо. — Что вы скажете, сеньоры, донъ Мауро и донья Реститута, когда узнаете, что вотъ этотъ здѣсь стоящій негодяй принималъ покровительство *principe de la Raz*, и что мы тщетно разыскиваемъ его уже цѣлыхъ двѣ недѣли? Реквехо въ ужасѣ переглянулись.

— Выслушайте же меня со вниманіемъ, — продолжалъ тотъ.— Наканунѣ дня своего паденія Годой послалъ ко двору вѣстоваго съ просьбою опредѣлить этого молодца въ драгоманское училище. Каково? И знаете ли—за какія услуги? Я вамъ сейчасъ скажу. Видите ли, этотъ юноша будто бы знаетъ латинь и написалъ латинскую поэму, которую и посвятилъ Годою, а тотъ и вообразилъ, что это замѣчательный лингвистъ. Когда въ придворной канцеляріи получили эту бумагу, то всѣ возмутились, потому что *principe de la Raz* въ то время былъ уже сверженъ, и всѣмъ захотѣлось хоть посмотрѣть на этого индивидуума. Конечно, прежде всего я попросилъ помѣстить въ драгоманское училище моего племянника, очень способнаго, а затѣмъ принялся за розыски. Узналъ я, что онъ жилъ въ Аранхуэсѣ съ патеромъ дономъ Челестино дель Мальварь, что каждый день они вмѣстѣ ходили въ домъ къ Годою, что этотъ молодецъ писалъ ему письма и возилъ по воскресеньямъ письма отъ него къ французскому посланнику въ Мадридъ, что онъ ходилъ въ одну всѣмъ извѣстную таверну, подслушивалъ тамъ, что говорятъ, и затѣмъ передавалъ кому слѣдуетъ и т. д.

— Всемогущій Боже!—воскликнула Реститута.—Только одной святой Дѣвѣ мы обязаны тѣмъ, что во время открыли, кого приняли къ себѣ въ услуженье!

— Само собой разумѣется, что знаніе латинскаго языка было наглою ложью...

— Но съ этимъ негодяемъ ничего трять попусту время,—сказалъ мой хозяинъ.—Надо отдать его въ руки правосудія.

— Это ужъ мое дѣло, — отвѣтилъ Лобо.—Теперь ужъ онъ не увернется отъ насъ, какъ сообщникъ аранхуэскаго патера, котораго мы не успѣли захватить, такъ какъ онъ исчезъ изъ Аранхуэса. Теперь мы узнали, что онъ бѣжалъ въ Мадридъ, и здѣсь онъ ужъ не уйдетъ отъ насъ.

— Ахъ, сеньоръ Лобо, поручите мнѣ этого подлеца, эту змѣю, притаившуса въ моемъ честномъ домѣ!—воскликнулъ донъ Мауро.— Я мигомъ покончу съ нимъ! Я внѣ себя отъ бѣшенства. Ахъ, что за денекъ выдался, что за денекъ!

— Нѣтъ, я ужъ самъ справлюсь съ нимъ,—сказалъ Лобо.— Единственно о чемъ я буду васъ просить: это оставить его у васъ дозавтра.

— Дозавтра?

— Этого каторжника невозможно оставить здѣсь дозавтра, нѣтъ, сеньоръ!—рѣшительно произнесла Реститута.

— А нѣтъ ли у васъ какого нибудь вѣрнаго мѣста, куда его можно было бы запереть?

— О, вы можете быть покойны; если мы спрячемъ его въ подвалъ, то онъ будетъ, какъ въ могилѣ, — сказалъ Реквехо. — Выбраться оттуда невозможно, и я могу уйти спокойно.

— А ты развѣ уходишь, братъ? Куда же это ты ночью?

— Какъ куда, чортъ побори! Куда же мнѣ ѣхать, какъ не въ Navalcarnero? Развѣ вы не знаете, что случилось? Развѣ я вамъ не рассказывалъ?

— Нѣтъ, ты ничего не рассказывалъ. Правда, что у тебя голова идетъ кругомъ съ этой безсовѣстной племянницей...

— Я только что получилъ письмо, въ которомъ меня увѣдомляютъ, что обокрали мой магазинъ въ Navalcarnero. Видишь, сестра? Это просто съ ума можно сойти... Да, донъ Ракве пишетъ мнѣ объ этомъ подробно и умоляетъ сегодня же пріѣхать, если я не хочу, чтобъ все погибло.

— И вы отправляетесь?

— Сію же минуту я иду на станцію дилижансовъ. Видите, несчастія такъ и сыплются на меня со всѣхъ сторонъ. Ай, Реститута, сколько разъ я говорилъ тебѣ, что надо зажигать лампадку передъ образомъ! Видишь, вотъ мы и наказаны!

— На небѣ не нуждаются въ подобныхъ глупостяхъ. Такъ ты отправляешься туда? А какъ же я останусь дома съ этимъ разбойникомъ? Онъ еще, пожалуй, убьетъ меня.

— Да мы его сейчасъ запремъ въ подвалъ, а завтра утромъ сеньоръ Лобо придетъ за нимъ. Развѣ ты не знаешь, что подвалъ все равно, что могила? Только одинъ Богъ можетъ освободить его оттуда.

— Но какъ же я останусь одна!

— Хуанъ Діосъ вернется часамъ къ десяти. Я сказалъ ему, чтобъ онъ ночевалъ здѣсь.

Разговоръ этотъ кончился тѣмъ, что меня, раба Божьяго, спустили въ подвалъ. Въ столовой приподняли половицу и столкнули меня внизъ съ узкой лѣстницы. Смѣясь дьявольскимъ смѣхомъ, донъ Мауро захлопнулъ входъ, заперъ его на замокъ, и я остался

впотьмахъ. Да, Реквехо былъ правъ, увѣряя, что подвалъ похожъ на могилу. Только одинъ Богъ могъ освободить меня оттуда.

Для того, чтобъ имѣть настоящее понятіе о моей тюрьмѣ, довольно знать, что мои хозяева хранили въ ней свое состояніе. Если они рѣшились запретить меня тамъ, гдѣ находятся ихъ деньги, то понятно, что они были вполне увѣрены, что я не могу оттуда выбраться.

Я очутился въ одномъ изъ тѣхъ подземелій, которыя служатъ фундаментомъ почти во всѣхъ домахъ Мадрида старой и новой постройки. Оконъ здѣсь совсѣмъ не было. Толстыя сваи тамъ и сямъ пересѣкали низкій потолокъ; сырости особенной я не ощущалъ, хотя новеллисты, сажаящіе своихъ героевъ въ мрачныя подземелья, и любятъ толковать о ней. Могильная тишина царила во кругъ; только изрѣдка долеталъ до моего слуха какъ бы отдаленный звукъ проѣзжающихъ экипажей. Пытаться выбраться отсюда было бы прямо безразсудно; оставалось покориться своей участи, что я и сдѣлалъ. Въ страшномъ утомленіи я легъ на земляной полъ и сталъ размышлять.

Мнѣ надо было о многомъ подумать, но въ усталой головѣ возникла только мысль о Богѣ. Я понималъ, что только надежда на Его милосердіе можетъ поддержать меня, и по мѣрѣ того, какъ я лежалъ, я начиналъ чувствовать физическое и нравственное успокоеніе. Я уснулъ или вѣрнѣе задремалъ. Какіе-то неясные образы стали мелькать въ моемъ разстроенномъ воображеніи.

Такъ прошло довольно много времени. Вдругъ невдалекѣ отъ меня показалась полоса свѣта. «Сплю я, или не сплю?» — задалъ я себѣ вопросъ, но не умѣлъ на него отвѣтить. Свѣтъ становился все яснѣе, и долетѣвшій до моего слуха металлическій звукъ заставилъ меня вздрогнуть. Я приподнялся и сталъ осматриваться; я увидалъ стѣны подвала, нѣсколько пустыхъ и заколоченныхъ ящичковъ, налѣво дверь въ другое отдѣленіе подвала, направо лѣстница откуда шелъ поразившій меня свѣтъ. Теперь я понималъ, что я не сплю. Я взглянулъ по направленію къ лѣстницѣ и замѣтилъ, какъ со ступеньки на ступеньку спускаются двѣ ноги. Свѣтъ фонаря ослѣпилъ меня; но скоро я разглядѣлъ желтое лицо. Это былъ Хуанъ Діосъ своей собственной персоной.

XLII.

Когда онъ увидалъ меня, онъ такъ испугался, что фонарь едва не выпалъ изъ его рукъ. Молча и весь дрожа, смотрѣлъ онъ на меня, какъ смотрятъ на призракъ или на какое нибудь дьявольское наважденіе. Представьте себѣ положеніе человѣка, который, спускаясь въ склепъ, думаетъ увидѣть тамъ могилу и вдругъ видитъ живое, движущееся существо. Хуанъ Діосъ перекрестился

и уже готовъ былъ бѣжать отъ меня, когда я заговорилъ, чтобы разсѣять его страхъ.

— Хуанъ Діосъ, это я. Развѣ вы не знали, что я здѣсь?

— Габріэль, я вижу тебя, но не вѣрю своимъ глазамъ. Какъ ты сюда попалъ?

— Развѣ вы не знаете, что донъ Мауро заперъ меня сюда? Онъ поймалъ меня въ ту самую минуту, когда я перебрасывалъ ваше письмо Инезильѣ. Вы только что ушли.

— Я сейчасъ только вернулся. И тебя заперли здѣсь? Какая случайность! Я изумленъ. А письмо?..

— Оно у нея; будьте покойны. Когда я передалъ его ей, мнѣ захотѣлось сказать ей нѣсколько словъ. Я постучалъ въ дверь, и въ это самое мгновеніе появилась донья Реститута!.. Остальное вы можете себѣ представить. Слава Богу, что вы пришли сюда освободить меня! Это Самъ Господь послалъ васъ.

— Выслушай меня, Габріэлильо,—сказалъ онъ уже спокойнѣе.— Я уже говорилъ тебѣ, что всѣ мои деньги находятся у Реквехо. Если я попрошу ихъ отдать мнѣ все сразу, то это покажется имъ подозрительнымъ, и они не отдадутъ ихъ мнѣ. Такъ видишь ли, я хочу взять ихъ самъ. Посмотри-ка сюда.

И онъ указалъ мнѣ на огромный кованный сундукъ, стоявшій у стѣны, затѣмъ продолжалъ:

— У меня совѣсть спокойна. Я возьму только мое, я не трону чужой квартиры. Богъ видитъ чистоту моего намѣренія, и я прошу Бога простить мнѣ только два большіе грѣха, совершенные мною.

— Какіе же это грѣхи?

— Мнѣ тяжело говорить о нихъ, но я покаюсь въ нихъ, потому что это послужитъ къ искупленію. Вотъ мои грѣхи: во-первыхъ, я написалъ подложное письмо дону Мауро и этимъ принудилъ его ѣхать въ Navalcarnero, а, во-вторыхъ, я поддѣлалъ ключъ къ комнатѣ Инезильи и къ денежному сундуку. Письмо было написано артистически, да и ключи сдѣланы не хуже.

— Такъ, значитъ, ужъ все готово? А Инезилья?

— Сегодня ночью я ее увезу. Ахъ, теперь она прочла письмо, знаетъ, что я ее люблю, что я ее освобожу, и навѣрное волнуется! Черезъ какой нибудь часъ она будетъ моею. Такъ я могу на тебя рассчитывать?

— Во всемъ, въ чемъ вамъ угодно,—отвѣтилъ я, и у меня мелькнула мысль обмануть и Реституту и ея будущаго мужа.

— Ахъ, я весь дрожу, какъ вспомню, что скоро я вырву ее изъ власти этихъ звѣрей! Она ужъ, вѣрно, меня ждетъ. Я у многихъ спрашивалъ, гдѣ находятся эти необитаемые острова, и никто не можетъ мнѣ на это отвѣтить. Какъ ты думаешь, Канарскіе острова обитаемы? Но какъ до нихъ добраться?

— Этого я не могу вамъ объяснить. Но какимъ же образомъ вы намѣрены обмануть Реституту?—спросилъ я.

— Это меня не тревожить. Мы свяжемъ ее и заткнемъ ей ротъ, только, разумѣется, не дѣлая вреда; она добрая женщина, но не умѣетъ воспитывать племянницъ. Все-таки, я цѣлыхъ двадцать лѣтъ ѣлъ хлѣбъ въ этомъ домѣ, и еслибъ не такой случай, то...

— Какъ вы думаете, не подкрасться ли мнѣ на ципочкахъ, чтобы узнать, спитъ, или не спитъ донья Реститута?—спросилъ я, притворяясь преданнымъ ему.

— Прекрасно придумано. Еще лучше, если ты будешь сторожить въ столовой и предупредишь меня, какъ только услышишь малѣйшій шумъ. Тутъ я одинъ справлюсь.

Я не заставилъ повторять себѣ этого два раза и съ быстротою молніи поднялся по лѣстницѣ. Принявъ извѣстное рѣшеніе, я, не задумываясь, направился въ спальню Инезильи. Когда Реститута услышала мои приближающіеся шаги и увидѣла меня въ дверяхъ своей комнаты, ея ужасъ не имѣлъ границъ. Она не понимала физической возможности моего выхода изъ подвала и при свойственной ей суевѣрности приняла меня, вѣроятно, за самого демона или, по крайней мѣрѣ, за человѣка, которому покровительствуютъ всѣ силы ада. Она сидѣла, онѣмѣвъ отъ страха, хотѣла говорить и не могла, хотѣла кричать, но вмѣсто крика изъ ея груди вырвался какой-то протяжный стонъ. Не желая терять ни минуты, я воскликнулъ прерывающимся отъ торопливости голосомъ:

— Сенбора, моя дорогая хозяйка!.. Выслушайте меня, я невинень... Простите меня... Я не могъ вамъ всего сказать, мнѣ тогда не дали говорить. Не я хотѣлъ украсть у васъ Инезилью, а ея возлюбленный. Вы не знаете—кто? Хуанъ Діосъ, Хуанъ Діосъ!.. Ай, сенбора, и вы могли сомнѣваться въ моей преданности!

Ужасъ въ этой женщинѣ смѣнился удивленіемъ, а удивленіе недовѣріемъ.

— Хуанъ Діосъ!..—воскликнула она.—Хуанъ Діосъ, мой... Нѣтъ этого не можетъ быть... ты демонъ! *Jesus, Maria y José!*

— Такъ вы хотите доказательства? Вотъ вамъ письмо, которое вашъ женихъ вручилъ мнѣ для передачи Инезильѣ,—сказалъ я подавая ей письмо приказчика.

Реститута взяла его холодными и дрожащими руками, развернула его, прочла подпись и сказала мнѣ:

— Не сонъ ли все это? Ты... Габріэль? Нѣтъ, я съ ума схожу! Этотъ несчастный, котораго мы кормили и поили столько лѣтъ...

— Вы и теперь еще сомнѣваетесь? Ну, такъ знайте же, что именно въ эту минуту Хуанъ Діосъ въ подвалѣ обкрадываетъ вашъ денежный сундукъ!—сказалъ я.

Я не сумѣю описать прыжка, который сдѣлала Реститута, услышавъ эти слова.

— Пойдемте, и вы увидите его вашими собственными глазами,— воскликнулъ я, увлекаая ее за собой.

Она пошла за мной; дорогою она нѣсколько разъ спотыкалась и, вцѣпившись руками въ свои длинные распустившіеся волосы, рвала ихъ. Лицо ея было такъ страшно, что, признаюсь, я самъ побаивался этой женщины.

Мы подошли ко входу въ подвалъ; слабый свѣтъ мерцалъ оттуда, и слышался звонъ золотыхъ монетъ. Это Хуанъ Діосъ отсчитывалъ свое жалованье. Когда до слуха Реституты достигъ этотъ металлическій звонъ, она вся задрожала и со всѣхъ ногъ бросилась внизъ по лѣстницѣ, крича:

— Проклятый! Такъ-то ты платишь намъ за хлѣбъ, который двадцать лѣтъ ѣлъ въ нашемъ домѣ!

Она не успѣла еще ступить въ подвалъ, когда я захлопнулъ его крышку. Ключа не было; Хуанъ Діосъ унесъ его съ собою, но въ одно мгновеніе ока я надвинулъ на дверь огромный ящикъ съ помадой, за нимъ другой, третій, потомъ тяжелые ящики съ ситцами, и въ какихъ нибудь пять минутъ входъ въ мою бывшую тюрьму былъ заваленъ такими тяжестями, которыхъ снизу не отвалить было и четверемъ сильнымъ людямъ.

Покончивъ съ подваломъ, я поднялся въ антресоли. Инезилья проснулась, не понимая, что такое творится.

— Ты свободна, Инезилья!—радостно воскликнулъ я.—Одѣвайся скорѣе, и бѣжимъ. Нельзя терять ни минуты; хозяинъ можетъ вернуться.

Она вскочила съ кровати и стала поспѣшно одѣваться; стараясь не смотрѣть на нее, я помогалъ ей надѣвать чулки, башмаки, юбки. Мы вышли изъ дому и со всѣхъ ногъ пустились бѣжать къ Puerta del Sol. Я все боялся погони Лобо или дона Мауро. Наконецъ мы выбились изъ силъ и остановились отдохнуть. Мы присѣли на ступеняхъ подъѣзда около Mariblanca. На площади царилъ полнѣйшая тишина. Мадридъ спокойно спалъ. Невдалекѣ отъ насъ двѣ собаки грызлись за какую-то кость; слышалось журчаніе фонтана.

— Теперь ты свободна,—проговорилъ я, прижимая къ себѣ Инезилью.—Я никогда не забуду этого мучительнаго дня и этой счастливой ночи.

Усталые, но веселые, мы посидѣли такъ съ полчаса. Начинало свѣтать; улицы понемногу оживлялись. Когда мы поднялись со ступенекъ, на востокѣ заалѣбла яркая кровавая полоса. Наступалъ памятный для испанцевъ день—понедѣльникъ, 2-е мая.

XLIII.

Когда я привелъ Инезилью ко мнѣ, то-есть въ тотъ домъ, гдѣ я нанималъ маленькую комнатку, я засталъ у себя патера Челестино. Онъ пріѣхалъ наканунѣ, вечеромъ. Уже съ недѣлю назадъ я писалъ ему о тѣхъ мукахъ, которыя его племянница терпитъ у Реквехо, и онъ намѣренъ былъ взять ее обратно, хотя, кажется, не совсѣмъ довѣрялъ мнѣ.

— Дѣти мои, Господь не оставитъ насъ,—сказалъ онъ намъ.— Вы бѣжали отъ притѣсненій родственниковъ, и я бѣжалъ также, потому что меня преслѣдуютъ, какъ преступника.

Говоря это, добрый патерь прослезился. Мы стали его утѣшать и со смѣхомъ, перебывая другъ друга, начали рассказывать о всѣхъ козняхъ Реквехо.

— Богъ не оставитъ насъ,—повторилъ патерь Челестино.— Надо только обдумать, какъ намъ выбраться изъ Мадрида. О, какое постыдное преслѣдованье! Меня обвиняютъ въ дружбѣ съ *príncipe de la Paz*. Ну, конечно, я былъ ему другомъ, не только другомъ, но, кажется, даже и родственникомъ. Тебя также обвиняютъ, Габріэлильо... Говорятъ, что мы писали письма, что ты ихъ передавалъ... Правда, что я навѣщалъ принца Годоя, но вѣдь я давалъ ему только добрые совѣты для управленія странною... Я узналъ, что меня хотятъ арестовать, и тайкомъ отправился въ путь; думаю представиться патриарху, онъ меня защититъ. Но слушай дальше. Повѣришь ли ты, что вѣдь это ризничій Сантуріасъ донесъ на меня и представилъ даже фальшивыхъ свидѣтелей для обвиненья. Я ни въ чемъ не виноватъ, только развѣ въ томъ, что, помнишь, въ день сверженія принца Годоя я сказалъ проповѣдь о неблагодарности. Ну, кто могъ думать, что ее истолкуютъ дурно?

— Теперь, радге, мы должны думать только о томъ, какъ намъ выпутаться изъ всего этого? Куда мы дѣнемся?

— Дитя мое, Богъ насъ не оставитъ. Надѣйся на Него, а пока выслушай меня. Съ недѣлю тому назадъ въ Аранхуэсъ пріѣзжала маркиза * *, очень набожная сеньора. Она нѣсколько разъ была у меня, и я былъ у нея. Она очень спрашивала меня объ Инезильѣ, высказывала желанье познакомиться съ ней и просила, чтобы я когда нибудь взялъ ее съ собою во дворецъ. Она повторяла мнѣ это нѣсколько разъ, и мнѣ это даже показалось страннымъ.

— И мнѣ также,—отвѣтилъ я.—Я знаю сеньору маркизу, въ ея домѣ я принималъ участіе въ спектаклѣ, да и донья Хуана жила въ ея же домѣ.

— Но теперь маркиза живетъ съ своимъ братомъ въ окрестностяхъ Мансанареса. Вотъ я и думаю, почему бы намъ и не искать у нея защиты? Она не разъ повторяла, что можетъ быть полезной мнѣ и моей племянницѣ.

— Самъ Богъ посылаетъ намъ эту сеньору!—воскликнулъ я.— Мы расскажем ей, что съ нами случилось, какъ насъ преслѣдуютъ, и когда она увидитъ Инезилью... Мнѣ кажется, что въ ея желаніи познакомиться съ вашей племянницей кроется не одно любопытство. Словомъ, сегодня уже необходимо повидаться съ ней, а тамъ что Богъ дастъ.

— Но, я боюсь выйти на улицу.

— Да и я также, но надо выйти. Если хотите, я пойду одинъ, маркиза меня знаетъ, я скажу ей, что вы послали меня.

— А если тебя увидятъ?

— Я пойду по глухимъ переулкамъ, а въ случаѣ чего, такъ могу и убѣжать.

Я былъ такъ взволнованъ, что ощущалъ потребность двигаться. Инезилья также не въ состояніи была отдыхать. Она высунулась въ окно, выходившее въ улицу San José противъ артиллерійскаго парка. Изъ окна видѣнъ былъ казарменный дворъ, уставленный пушками и симметрически разложенными ядрами.

— Это артиллерійскій паркъ, милая,—сказалъ ей донъ Челестино.— Вотъ эти длинныя зданія—это артиллерійскія казармы. Вонъ видишь, нѣсколько повозокъ выѣзжаютъ изъ воротъ? Это онѣ отправляются за провіантомъ.

— А эти красивыя черныя горки, что это такое?—съ любопытствомъ спросила дѣвушка.

— Это пушечныя ядра, милая,—отвѣтилъ патеръ.— Люди выдумали ихъ для того, чтобъ убивать другъ друга.

— Эти ядра вкладываютъ въ пушки,—объяснилъ я, желая выказать свое знаніе военнаго дѣла,—пушки начинаютъ порохомъ, подносятъ къ нему фитиль и—пафъ!.. Можно просто оглохнуть отъ выстрѣла. Еслибъ ты видѣла, какъ я отличался въ битвѣ при Трафальгарѣ!.. Я убилъ, по крайней мѣрѣ, тысячу англичанъ.

— Замолчи, ради Бога!—съ ужасомъ воскликнулъ патеръ Челестино.— Одна мысль объ этомъ пугаетъ меня.

Мы отошли отъ окна. Я посоветовалъ Инезильѣ прилечь отдохнуть, а самъ, напутствуемый благословеніями патера, отправился исполнять возложенное на меня порученіе.

Глухими переулками добрался я до дворцовой площади, буквально запруженной народомъ. Боясь встрѣтить тутъ слѣдователя Лобо, я хотѣлъ поскорѣе пройти, но живая волна не позволяла мнѣ сдѣлать это. Я такъ былъ занятъ моими личными дѣлами, что не обратилъ особеннаго вниманія на эту толпу, вѣроятно, опять добивавшуюся чего-то. Я спросилъ кого-то у стѣнъ дворца:

— Чего это хочетъ народъ?

— Они уѣзжаютъ, ихъ отсылаютъ,—отвѣтили мнѣ,—а мы не хотимъ на это соглашаться.

Въ ту минуту мнѣ было рѣшительно все равно, уѣдутъ, или

останутся тѣ, кого народъ не хочетъ отпускать. Я сталъ проталкиваться впередъ, когда почувствовалъ, что мой локоть сзади схватила чья-то рука; я весь задрожалъ отъ страха, думая, что попался слѣдователю Лобо, но мой испугъ былъ напрасенъ, я обернулся и увидѣлъ Чинитаса.

— Такъ это правда, что инфантовъ отсылаютъ?—спросилъ онъ.

— Говорятъ, что да, но увѣряю тебя, Чинитасъ, что это меня вовсе не интересуеть.

— А меня наоборотъ. Это ужъ черезчуръ, этого мы не можемъ допустить. Ты еще молодъ, думаешь о забавахъ, оттого это тебя и не интересуеть.

— По правдѣ говоря, Чинитасъ, у меня слишкомъ много собственныхъ дѣлъ.

— Ты не испанецъ,—сказалъ мнѣ серьезно точильщикъ

— Нѣтъ, я испанецъ,—отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ у тебя нѣтъ сердца, и ты ни къ чему не годенъ.

— Нѣтъ, у меня есть сердце, и я годенъ, когда нужна моя энергія.

— Такъ почему же ты стоишь, какъ столбъ? Почему у тебя нѣтъ оружія? Возьми камень и разбей имъ голову первому появившемуся французу.

— Но, вѣроятно, случилось что нибудь, чего я не знаю? Я нѣсколько дней не выходилъ изъ дому.

— Пока ничего еще не случилось, но случится. Ахъ, Габріэль, мои слова-то исполняются! Всѣ ошиблись, а я нѣтъ. Всѣ насъ покинули, и мы остались одни съ французами. Король уѣхалъ во Францію, и теперь Богъ вѣсть, что будетъ.

Я пожалъ плечами, въ сущности не понимая, почему мы остались безъ короля.

— Габріэль,—продолжалъ точильщикъ, помолчавъ съ минуту.— Какъ тебѣ понравится, если французы будутъ приказывать тебѣ сдѣлать то или другое, если мы должны будемъ присягнуть Наполеону, если Испанія перестанетъ быть Испаніей, словомъ, если Бонапартъ сдѣлаетъ изъ насъ все, что ему угодно?

— Что-жъ тутъ хорошаго! Но это не болѣе, какъ твои фантазіи. Чтобы французы командовали нами? Нашъ король, гдѣ бы онъ ни былъ, не позволитъ этого.

— У насъ нѣтъ короля.

— Но развѣ въ королевской семьѣ не найдется другого, кто могъ бы замѣнить его?

— Да вѣдь всѣ инфанты уѣзжаютъ.

— Но найдутся же въ Испаніи гранды, министры, генералы, которые могутъ сказать французамъ: «Ну, сеньоры, довольно; ни шагу далѣе!».

— Всѣ эти гранды и генералы уѣхали въ Байону и пронохиваютъ тамъ, кому повиноваться—отцу или сыну.

— Но здѣсь войска, которыя не согласятся..

— Король велѣлъ войскамъ считать французовъ друзьями и дѣлать то, что они прикажутъ.

— Испанцы во всякомъ случаѣ не покорятся этому варварству. И неужели, если французы начнутъ нами командовать кто нибудь изъ насъ покорится?

— Мы бы и рады не покориться, но на каждого испанца найдется двадцать французовъ. Они незамѣтно все прибывали да прибывали, а теперь ихъ набралось такъ много, что даже, кажется, земля, на которой мы съ тобой стоимъ, принадлежит Наполеону.

— Ты меня просто пугаешь, Чинитасъ. Если дѣла въ такомъ положеніи, какъ ты говоришь, то вѣдь тогда каждый изъ насъ возьмется за оружіе.

— У насъ нѣтъ оружія.

— Что же намъ дѣлать тогда? Я думаю, что мы, всетаки, справимся съ французами.

— Полно! Наполеонъ побѣдилъ много странъ.

— Въ такомъ случаѣ намъ остается только горько плакать и запереться у себя дома.

— Плакать?—воскликнулъ точильщикъ и сжалъ кулаки.—Видишь ли, я человекъ спокойный, но когда я вижу, что французы расхаживаютъ по улицамъ, выдавая себя за нашихъ друзей, когда всѣмъ ясно, что они обманываютъ короля, когда я вспомню, что они шутя могутъ справиться съ нами, то мнѣ хочется не плакать, а убивать, убивать, убивать.. Французы хороши, но только тамъ, въ своей землѣ.

XLIV.

Во время этого разговора я замѣтилъ, что толпа все росла. Тутъ уже были не одни мужчины, но также женщины и дѣти. Не было формальнаго заговора, всѣ шли, какъ бы движимые собственнымъ чутьемъ. Началось съ того, что остановили французскаго офицера, пересѣкавшаго площадь Armeria. Къ нему подошелъ испанскій офицеръ, и между ними завязалась ссора, въ которой тотчасъ же приняла горячее участіе и мужчины и женщины. Вдругъ до насъ долетѣлъ отдаленный шумъ.

— Артиллерія! Артиллерія!—слышалось со всѣхъ сторонъ.

Но прежде чѣмъ мы увидали артиллерію, толпа бросилась къ Новой улицѣ. Я не успѣлъ опомниться, какъ на насъ посыпалась картечь, и вокругъ меня стали падать раненные. Трудно описать весь ужасъ этой картины. Народъ до того озвѣрѣлъ, что казался страшнѣе непріятельской артиллеріи. Атака была до такой сте-

пени неожиданна, что многіе падали отъ страха и давили другъ друга. Всѣ бѣжали по направленію къ Главной улицѣ.

— Оружія! оружія! оружія!—кричали со всѣхъ сторонъ.

Всѣ балконы были переполнены людьми, и если за минуту до этого они вышли на балконы изъ любопытства, то теперь всѣ принимали дѣятельное участіе въ битвѣ. Всякій бѣжалъ къ себѣ домой или къ сосѣду и хваталъ первое оружіе какое только попалось въ руки. Здѣсь все годилось, ничѣмъ не брезгали.

Результатъ вышелъ поражающій. Я никакъ не могъ понять, откуда вдругъ взялась такая масса оружія. Можно было подумать, что заранѣе готовился заговоръ, и оно было припасено, но въ сущности арсеналомъ въ этой непредвидѣнной войнѣ служили кухни, погреба, оружейныя лавки.

Главная улица представляла собой такое ожесточенное поле битвы, что тому, кто не видалъ ея въ этотъ часъ, трудно составить себѣ надлежащее понятіе. Потомъ мнѣ говорили, что всѣ улицы Мадрида напоминали ту же картину. Женщины гурьбами нападали на французовъ и дрались яростнѣе мужчинъ. Это не была обыкновенная битва: тутъ двадцать человѣкъ нападали на одного и наоборотъ. Французы защищались оружіемъ, а мы чѣмъ попало: ножами, сѣчками, ухватами, утюгами, полѣньями. Когда непріатели съ особенной силой нападали на нашихъ, то отворялись двери или ворота какого нибудь дома и укрывали своихъ.

Я бѣжалъ вмѣстѣ съ другими къ Puerta del Sol съ ружьемъ въ рукахъ. Кто далъ мнѣ его? Откуда я его взялъ? Ничего не помню. Вѣроятно, я на бѣгу поднялъ его, когда оно вывалилось изъ рукъ какого нибудь раненаго или убитаго.

Толпа рѣдѣла, французовъ почти не было видно.

— Гдѣ же французы? Неужели мы всѣхъ перебили? Смерть Наполеону! Да здравствуетъ Испанія! Да здравствуетъ король Фердинандъ!—слышались крики нашихъ.

Но настоящая драма еще не началась. Вдругъ изъ улицы San Filipo раздались звуки барабановъ, кларнетовъ, конскій топотъ. Всѣ пріостановились на мгновенье, какъ бы взвѣсивая свои силы. До сихъ поръ несчастнымъ мадридцамъ приходилось драться съ непріятельскими солдатами, и они какъ бы забыли, что Мадридъ окруженъ кавалеріей. На насъ со всѣхъ сторонъ мчались артиллеристы Аустерлица...

Какъ только непріятельскія войска подступили къ Puerta del Sol, они осыпали насъ градомъ картечи. Началась страшная битва или, вѣрнѣе сказать, рѣзня. Стрѣльба прекратилась, и на насъ бросились знаменитые мамелюки. Мы отвѣтили имъ выстрѣлами. Съ балконовъ также стрѣляли и кидали въ войско кастрюлями, молотками, утюгами, часовыми гирями. Мы посылали мамелюкамъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, но приносили этимъ сравнительно очень мало вреда, такъ какъ число ихъ росло съ каждой минутой.

Женщины хватали за головы лошадей и стаскивали съ нихъ солдатъ. На помощь товарищамъ спѣшили пять, десять, двадцать человѣкъ, и начиналась кровавая, яростная свалка. Кавалерія, наконецъ, побѣждала и галопомъ двигалась впередъ, но когда толпа бросалась къ Puerta del Sol, цѣлый дождь картечи встрѣчалъ ее на пути.

Были страшныя минуты, когда насъ рубили безъ всякой пощады. Какая-то женщина вырвала у меня изъ рукъ ружье. Толпа притиснула меня къ стѣнѣ такъ сильно, что чуть не раздавила; но, быть можетъ, этимъ-то я и обязанъ тому, что меня не достигли выстрѣлы.

Скоро мы отхлынули къ какому-то высокому дому, двери котораго гостеприимно открылись передъ нами. Мы наполнили собою всѣ этажи, стрѣляли изъ оконъ и бросали чѣмъ попало. Во второмъ этажѣ старикъ отецъ, поддерживаемый двумя красивыми дочерьми, кричалъ намъ:

— Стрѣляйте, стрѣляйте! Вотъ вамъ мои охотничьи ружья... Бросайте въ непріятели мебель! Лучше всѣ погибнемъ, чѣмъ оставимъ въ живыхъ хоть одного изъ этихъ каналій!.. Да здравствуетъ Фердинандъ! Да здравствуетъ Испанія! Смерть Наполеону!..

Эти слова воодушевили дѣвушекъ, и младшая изъ нихъ провела насъ въ угловую комнату, изъ которой намъ удобнѣе было стрѣлять. Но у насъ вышелъ весь порохъ, и не прошло и четверти часа, какъ мамелюки уже ломали наружныя двери.

— Зажигайте рогожи и бросайте ихъ на улицу!—кричалъ намъ старикъ, затѣмъ, обращаясь къ дочерямъ, говорилъ имъ:— Не плачьте, не плачьте, дѣти мои. Въ такой день слезы постыдны даже для женщины. Да здравствуетъ Испанія! Вы знаете, что такое Испанія? Это наша земля, наши дѣти, могилы нашихъ отцовъ, наши дома, наши короли, наши войска, наше богатство, наша исторія, наше величіе, наша слава, наша религія! Всего этого насъ хотятъ лишить... Смерть Наполеону!

А между тѣмъ французы ворвались въ домъ въ то время, какъ ихъ товарищи дѣлали всякія безчинства на улицѣ, у нашихъ оконъ.

— Французы идутъ! Они перехватываютъ насъ, и мы погибли!— въ ужасѣ восклицали наши, когда до насъ сталь долетать изъ перваго этажа шумъ борьбы мамелюковъ съ нашими.

— Ступайте на чердакъ!—крикнулъ намъ старикъ.—Влѣзайте на крышу, рвите съ нея желѣзо и забросайте имъ всю внутреннюю лѣстницу. Вѣдь лошади этихъ чудовищъ не поскачатъ за вами на верхъ!

Обѣ молодыя дѣвушки, полумертвыя отъ страха, бросились въ объятія отца, умоляя его бѣжать отсюда.

— Бѣжать?—воскликнулъ старикъ.—Нѣтъ, тысячу разъ, нѣтъ! Мы покажемъ этимъ кровопійцамъ, какъ у насъ защищаютъ се-

мейный очагъ! Дайте скорѣ огня! Пусть они найдутъ только наши обугленные трупы!

Мамелюки подымались. Мы погибли. Я вспомнилъ о бѣдной Инезильѣ и рѣшился попытаться спастись. Я побѣжалъ на верхъ за кучкой нашихъ; мы взобрались на крышу, а оттуда на чердакъ сосѣдняго дома. Намъ кричали оттуда, чтобъ мы не боялись, шли спокойно, что мы найдемъ тамъ вѣрный пріютъ. Когда мы пробирались на сосѣднюю крышу, во второмъ этажѣ защищаемаго нами дома раздался выстрѣлъ, а за нимъ мучительный крикъ одной изъ дѣвушекъ... Мамелюки и гренадеры начинали свои изувѣрства...

Съ чердака сосѣдняго дома мы попали въ небольшую полутемную комнату, въ которой находились два человѣка, съ ужасомъ смотрѣвшіе на насъ. Я былъ напуганъ не менѣе ихъ, такъ какъ въ одномъ узналъ слѣдователя Лобо, а въ другомъ Хуана Діосъ.

Мы находились, къ немалому моему удивленію, въ домѣ Реквехо, въ квартирѣ, занимаемой коварнымъ слѣдователемъ. Увидя насъ, онъ въ ужасѣ закричалъ:

— Французы идутъ! Они близко! Бѣжимъ!

Хуанъ Діосъ былъ такъ блѣденъ, что его трудно было узнать.

— Габріэль!—воскликнулъ онъ, бросаясь ко мнѣ.—Ахъ, ты негодяй! Что ты сдѣлалъ съ Инезильей?

— Французы! Французы!—кричалъ Лобо, чуть не кувыркою скатываясь съ узкой лѣстницы.

Жена слѣдователя и его три дочери въ беспорядкѣ метались по комнатѣ, хватая то ту, то другую вещь.

Не время было спорить съ Хуаномъ Діосъ и давать ему объясненія о всемъ случившемся наканунѣ. Мы всѣ бросились на улицу, боясь, что мамелюки ворвутся въ этотъ домъ по нашимъ слѣдамъ.

Приказчикъ не отходилъ отъ меня, въ то время, какъ Лобо, занятый мыслію о собственномъ спасеніи, не обращалъ на меня ровно никакого вниманія.

— Куда мы идемъ?—спросила, выйдя на улицу, одна изъ молодыхъ дѣвушекъ.—Не въ улицу ли San Pedro къ двоюроднымъ сестрамъ?

— Что вы съ ума сошли? къ артиллерійскому парку?

— Тамъ теперь идетъ страшная рѣзня,—сказалъ Хуанъ Діосъ.— Говорятъ, что наша артиллерія не хочетъ уступить парка.

— Господи! Я бѣгу туда!—воскликнулъ я, будучи не въ силахъ удержаться.

— А, несчастный!—заревѣлъ Хуанъ Діосъ, хватая меня за руку.—Ты тамъ ее спрячалъ?

— Да, да, тамъ!—отвѣтилъ я, не колеблясь.—Побѣжимъ!

И мы бросились бѣжать съ нимъ, какъ помѣшанные.

XLV.

Въ нашемъ бѣгствѣ мы не могли обращать вниманія на опасности, представлявшіяся на каждомъ шагу, и бѣжали безъ остановки самыми отдаленными улицами. Долгое время ни я не говорилъ ни слова моему спутнику, ни онъ мнѣ, наконецъ Хуанъ Діосъ не выдержалъ и, съ трудомъ переводя дыханье, сказалъ мнѣ:

— Но ты увезъ Инезилью для того, чтобы потомъ вручить ее мнѣ, или ты самъ негодный воръ и достоинъ того, чтобы тебя разстрѣляли французы?

— Сеньоръ Хуанъ Діосъ,—отвѣтилъ я, ускоряя шагъ,—теперь не время и не мѣсто ссориться... Надо торопиться, потому что французы сейчасъ проберутся къ Инезильѣ...

— Какъ она испугается, бѣдняжка! Но скажи мнѣ, зачѣмъ ты меня заперъ въ погребѣ съ этой проклятой женщиной? Инезилья испугалась, когда увидѣла тебя? Она не спрашивала обо мнѣ, не просила позвать меня? Но кто ты? Подлецъ или хорошій человѣкъ? Ахъ, когда я увидалъ въ подвалѣ Реституту... Господи, она исцарапала мнѣ всѣ руки! Я онѣмѣлъ отъ испуга, когда увидалъ ее... Я думаю, что это было Божьимъ наказаніемъ за мои грѣхи, о которыхъ я тебѣ говорилъ... Она бранила меня, называла воромъ, а я обливался холоднымъ потомъ. Потомъ мы попробовали выйти... Дверь заперта... Реститута металась по подвалу, какъ бѣшеная кошка... Видишь у меня рубецъ на лицѣ,—это она мнѣ сдѣлала... Но, Господи, я задыхаюсь отъ усталости! Скоро ли мы добѣжимъ? Но остановись немножко, скажи мнѣ, Инезилья ждетъ меня? Она послала тебя за мной? Знаетъ ли она, что она мнѣ обязана свободой? Ахъ, когда я увидалъ Реституту... Это все за грѣхи Богъ меня наказываетъ... надо исповѣдаться...

А я все бѣжалъ рядомъ съ нимъ, не произнося ни слова; это, повидимому, удивляло его.

— Но что-жъ ты молчишь? Онѣмѣлъ что ли?—продолжалъ онъ.—Инезилья ждетъ меня? Скажи мнѣ откровенно, не мучь меня. Теперь я въ первый разъ поговорю съ ней. Но, знаешь ли, я боюсь... Увѣренъ ли ты, что она прочла мое письмо? Если она его прочла, то она меня ждетъ и со слезами благодарности бросится въ мои объятія. Но почему ты все молчишь? Не говорила ли она тебѣ о той страницѣ моего письма, гдѣ я пишу, что моя любовь такъ же чиста, какъ любовь ангеловъ небесныхъ? Ахъ, Габріэль, знаешь, вѣдь я богатъ! Я взялъ мое, хотя Реститута своими когтями и ободрала мнѣ всѣ руки. Какъ мы боролись!... Утромъ донъ Мауро отперъ подвалъ, чтобы вывести тебя... А вмѣсто тебя вышли мы съ ней... Когда ея братъ насъ увидѣлъ, Господи, что съ нимъ было! Онъ сталъ насъ бранить и сказалъ, что мы должны обвиняться въ тотъ же день. А когда онъ узналъ, что Инезилья убѣ-

жала съ тобой, онъ сталь рвать на себѣ волосы и грозился убить сестру... Я ничего не сказалъ и поднялся въ квартиру Лобо, когда началась стрѣльба... Всѣ перепугались... французы, французы! Къ намъ стали ломиться въ дверь, и вдругъ вижу тебя... Но добѣжимъ ли мы, наконецъ? Бѣдняжка, я думаю, она измучилась, ждавши... Какъ ты думаешь, заговорить ли она со мною? Если нѣтъ, то я почти увѣренъ, что буду стоять, какъ столбъ.

Я ни слова не отвѣчалъ на весь этотъ діалогъ Хуана Діосъ, потому что я весь былъ поглощенъ мыслью объ опасности, которой теперь подвергаются Инезилья и ея дядя. Намъ нѣсколько разъ приходилось возвращаться назадъ, потому что баррикады преграждали дорогу. Я замѣтилъ, что многіе бѣжали по направленію къ парку. До насъ уже долетали крики сражавшихся.

Было около двухъ часовъ по полудни. Сдѣлавъ большой крикъ, мы наконецъ попали въ улицу San Jose, и я издали увидѣлъ окна моей комнаты въ облакахъ порохового дыма.

— Намъ не удастся войти въ домъ, если мы не захотимъ сунуться въ самый огонь,—сказалъ я Хуану Діосъ.

— Сунуться въ огонь? Какой ужасъ!—воскликнулъ онъ.—Зачѣмъ же подвергать жизнь опасности? Вонъ видишь, тамъ стрѣляютъ съ балкона? Спрячемся, Габріэль!

— Нѣтъ, пойдемъ впередъ. Стрѣльба стихаетъ.

— Да, это правда. Выстрѣлы становятся рѣже. Мнѣ кажется, что я слышу, какъ кричатъ: «Побѣда! побѣда!».

— Да. Посмотрите, это не французы бѣгутъ къ улицѣ de la Palma? Я вижу кожаныя фуражки нашихъ.

— Побѣдимъ туда. Взгляни, какъ съ балкона машутъ фуражками.

— Инезилья, тамъ Инезилья, вонъ на верхнемъ балконѣ... Она взглянула въ сторону парка и скрылась... А вонъ и донъ Челестино. Побѣжимъ скорѣе, теперь нетрудно будетъ войти въ домъ.

Послѣ легкой перестрѣлки отрядъ французовъ отступалъ отъ парка. Но если этимъ маневромъ былъ обмануть народъ, то наши офицеры не довѣряли ему и готовились къ защитѣ.

Когда мы подымались по лѣстницѣ въ мою комнату, мы уже слышали гулъ приближавшагося войска.

Приказчикъ спотыкался на каждой ступенькѣ; посторонній наблюдатель приписалъ бы это страху, но я зналъ, что это отъ волненія. Когда патеръ Челестино и Инезилья увидали меня цѣлымъ и невредимымъ, они страшно обрадовались, и она указала мнѣ образъ святой *Virgin*, передъ которымъ горѣли двѣ свѣчи. Хуанъ Діосъ сталъ въ дверяхъ, со шляпой въ рукѣ, блѣдный и смущенный, не смѣя заговорить и не рѣшаясь уйти, между тѣмъ какъ Инезилья, занятая мной, не обращала на него никакого вниманья.

— Мы видѣли здѣсь геройскія сцены,—обратился ко мнѣ патеръ Челестино.—Французовъ прогнали. Должно быть, весь Мадридъ возсталъ противъ нихъ.

Только что онъ это сказалъ, какъ страшный залпъ выстрѣловъ потрясъ весь домъ.

Хуанъ Діосъ все стоялъ въ дверяхъ, и мои друзья, повидимому, не замѣчали его присутствія.

— Кажется, опять начинается!—воскликнула Инезилья, отскочивъ отъ окна.—А мы думали, что все кончено. Ахъ, какъ много стрѣляли, Габріэль! Пушки такъ грохотали, что я думала, что приходитъ конецъ міра. Сначала нѣсколько солдатъ стали стучать въ ворота казармъ, затѣмъ пришло много женщинъ и мужчинъ и стали просить оружія. Внутри казарменнаго двора испанецъ въ зеленомъ мундирѣ спорилъ о чемъ-то съ другимъ въ голубомъ мундирѣ, затѣмъ они обнялись и тотчасъ же отворили ворота. Господи, какой крикъ поднялся! Дядя даже прослезился и сталъ кричать: «Да здравствуетъ Испанія!»—но я просила его перестать, чтобы не обратить на насъ вниманія. Въ это время начались выстрѣлы изъ ружей и пушекъ. Тотъ, въ голубомъ мундирѣ, держалъ фитиль, а другой заряжалъ пушки порохомъ. Я такъ и задрожала и бросилась къ образу молиться, но любопытство и опасность снова потянули меня къ окну. Ахъ, какой ужасъ! Сквозь столбы дыма я увидала французовъ, ихъ ружья съ пиками на концахъ такъ и сверкали, такъ и сверкали...

Второй ружейный залпъ загремѣлъ въ воздухъ. Инезилья взглянула на образъ Богоматери, а патеръ Челестино, подойдя къ нему, сталъ молиться вслухъ.

— Владычица! Помоги твоимъ испанцамъ! Будь имъ Царицей и Покровительницей! Дай имъ силы бороться съ врагами и прими на небо тѣхъ, которые падутъ въ битвѣ за свою дорогую отчизну!

Я хотѣлъ открыть окно, но Инезилья не позволила мнѣ. Хуанъ Діосъ въ это время отлипъ отъ порога и присѣлъ на край стула у самой двери. Только тогда Инезилья замѣтила его. Она хотѣла обратиться къ нему съ вопросомъ, но я предупредилъ ее, объяснивъ:

— Это сеньоръ Хуанъ Діосъ; онъ провожалъ меня.

— Я... я...—пробормоталъ приказчикъ чуть слышно.—Габріэль уже, вѣроятно, предупредилъ васъ...

— Вы не можете говорить отъ страха,—сказала ему Инезилья.— Я также очень боюсь. Но вы дрожите, вамъ нехорошо...

Дѣйствительно Хуанъ Діосъ весь дрожалъ отъ волненія и протянулъ впередъ руки, какъ бы желая заключить молодую дѣвушку въ свои объятія. Она смутилась, не зная, подойти ли ей къ нему на помощь, или бѣжать отъ него. Но я самъ былъ такъ возбужденъ, что, не обращая вниманія на то, что происходило около меня, бросился къ окну и смѣло отворилъ его. Отсюда я могъ слѣдить за

ходомъ битвы. Работали только четыре пушки, пятую зарядили въ самомъ концѣ. Артиллеристовъ было немного, но мадридцы представляли собою несмѣтную толпу. Самый яростный бой сосредоточился въ улицѣ San Pedro, переименованной впоследствии въ улицу Второго Мая. Здѣсь императорскіе гренадеры стояли цѣлой стѣной.

Когда французы старались захватить площади съ пиками въ рукахъ, густая толпа мадридцевъ напала на нихъ съ бритвами, и это наводило панику на героевъ Иены. Испанцы, по натурѣ дуэлисты, слишкомъ свыклись съ холоднымъ оружіемъ, и раны скорѣе раздражали, возбуждали ихъ, чѣмъ пугали. Раздраженные, кромѣ того, холоднымъ отношеніемъ къ дѣлу нашихъ артиллеристовъ, мадридцы дрались съ невѣроятной энергіей. Силы были далеко не равны, мы были почти безоружны, но надо признаться, что и французы не уступали въ храбрости мадридцамъ. Но отряды Наполеона начали слабѣть, и скоро на помощь имъ подошло цѣлое войско.

До его появленія рѣзня временно затихла. Слышались только отдѣльные крики нѣсколькихъ женщинъ. Я обернулся посмотрѣть, что дѣлается въ комнатѣ, и увидалъ, что Хуанъ Діосъ почти лишился чувствъ. Инезилья стояла подлѣ него со стаканомъ воды въ рукахъ.

— Онъ, кажется, въ обморокѣ,—сказала мнѣ она.—Бѣдняга, какъ онъ испугался! Положимъ, что не безъ основанія. Я сама вся дрожу отъ отраха. Что, Габріэль, все кончилось? Выстрѣловъ не слышно. Кончилось? Кто побѣдилъ?

Громъ пушекъ прогремѣлъ снова. Инезилья выронила стаканъ изъ рукъ. Донъ Челестино прибѣжалъ изъ сосѣдней комнаты съ крикомъ:

— Это французская артиллерія! Они привезли больше двѣнадцати пушекъ, я все время смотрѣлъ изъ окна. Jesus, Maria y José, они хотятъ превратить въ пыль нашихъ соотечественниковъ! Virgen Maria, помилуй насъ грѣшныхъ!

Хуанъ Діосъ открылъ глаза и устремилъ ихъ на Инезилью, а она въ это время со слезами молилась передъ образомъ.

— Наши ослабѣваютъ съ каждой минутой, многіе уже перебиты, а французы все подступаютъ и подступаютъ. Ахъ, Габріэль, еслибъ мнѣ было семнадцать лѣтъ, то я не сидѣлъ бы здѣсь, сложа руки!.. Я бы бросился на встрѣчу опасности и умеръ за свое отечество...

Я никогда еще не видалъ патера Челестино въ такомъ возбужденномъ состояніи. Онъ подошелъ къ окну и, то выглядывая на улицу, то оборачиваясь къ намъ, восклицалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Слышите, слышите, выстрѣлы!.. О, еслибъ мнѣ было семнадцать лѣтъ!.. Но я старикъ и признаюсь, мнѣ страшно, я никогда

еще не видалъ вблизи порохового дыму. Но я не поручусь за себя, я готовъ схватить ружье и бѣжать защищать родину... Посмотрите, посмотрите, у нихъ нѣтъ картечи, нѣтъ пороху, они вырываютъ камни изъ мостовой и заряжаютъ ими пушки... О, Испанія стойте за себя! Но вонъ опять надвигаются французы. Наши такъ и валятся... Съ балконовъ стрѣляютъ... но это не помогаетъ. Ахъ, Габріэль, еслибъ мнѣ было семнадцать лѣтъ!.. Знаешь ли ты, что такое долгъ, Габріэль? Знаешь ли, что значитъ честь? Неужели ты можешь равнодушно слышать эти стоны, эти вопли?.. Я дрожу при каждомъ выстрѣлѣ, но я сейчасъ же побѣгу на улицу и буду драться, повторяя латинскій стихъ: *Dulce et decorum est pro patria mori!* (Хорошо и достойно умереть за отечество!).

Эти слова старика заставили меня опомниться. Мнѣ вдругъ стало совѣстно, стыдно, что я сижу здѣсь и не стрѣляю въ враговъ, не кидаю въ нихъ камнями. Конечно, не будь здѣсь Инезилья, я ни минуты не остался бы дома. Когда я увидѣлъ, что патеръ спускается съ лѣстницы, любовь и страхъ мгновенно отошли у меня на второй планъ, и я почувствовалъ въ себѣ огромный подъемъ энергіи и энтузіазма.

Инезилья сдѣлала движеніе, какъ бы желая удержать меня, но она, вѣроятно, поняла, на сколько я палъ бы въ ея мнѣніи, еслибъ остался здѣсь, и ничего не сказала. Хуанъ Діосъ, очевидно, всецѣло занятый собственными дѣлами, ничего не понималъ и даже не желалъ вникать въ окружающее. Онъ нѣсколько оправился послѣ дурноты, всталъ съ мѣста и, подойдя къ Инезильѣ, сказалъ ей:

— Габріэль вѣдь говорилъ вамъ обо всемъ... Не оскорбилъ ли я васъ чѣмънибудь? Мнѣ кажется, вы понимаете...

— Этотъ кабалеро весь дрожитъ отъ страха и не можетъ идти съ тобою,—сказала Инезилья, обращаясь ко мнѣ, и затѣмъ, повернувшись къ нему, прибавила:—не хотите ли вы пройти въ кухню?

— Отъ страха? Это я-то дрожу отъ страха?..—весь вспыхнувъ воскликнулъ приказчикъ.—Куда ты идешь, Габріэль?

— На улицу!—отвѣтилъ я, выходя.—Сражаться за Испанію! Я ничего не боюсь.

— И я также,—рѣшительно отвѣтилъ Хуанъ Діосъ и побѣжалъ вслѣдъ за мною.

XLVI.

Мы вышли на улицу въ самую критическую минуту. Масса убитыхъ лежала на мостовой. Съ большимъ трудомъ мы добрались до парка. Здѣсь на кучкѣ раненыхъ лежалъ точильщикъ Чинитасъ. Увидя меня, несчастный проговорилъ слабѣющимъ голосомъ:

— Габріэль, я умираю... я уже ни къ чему не годенъ...

— Полно, Чинитасъ, вставайте,—сказаль я, подавая ему выпавшее изъ его рукъ ружье.

— Вставать?.. Да вѣдь у меня оторваны ноги... Есть у тебя порохъ? Подойди ко мнѣ, я тебѣ заряджу ружье. Нѣтъ, не могу, не хватаетъ силъ... Видишь эту лужу крови, это все моя кровь... Господи, хоть бы не дожить до той минуты, когда возьмутъ паркъ!..

Я сталъ усердно стрѣлять въ французовъ. До меня долетали возгласы умиравшаго точильщика:

— Прощай, Мадридъ... Габріэль, прицѣливайся прямо въ голову этимъ негодяямъ! Господи, не оставь меня, прости меня... Не отдавайте парка! Пусть каждая капля нашей крови обратится въ ружья... Габріэль, если у тебя нѣтъ бритвы, возьми мою... вонъ она лежитъ около моей оторванной ноги... Когда все кончится, Габріэль, дай мнѣ немножко воды... Но что это за страшный шумъ? Что за дымъ? Я ничего не вижу...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ скончался. Битва становилась все болѣе и болѣе неравной; непріятельская артиллерія надвигалась на насъ. Французы снова открыли пушечный огонь. Все смѣшалось, и я почувствовалъ, какъ чья-то тяжелая рука опустилась мнѣ на плечо. Это былъ нашъ храбрый капитанъ Даоисъ. Онъ былъ раненъ въ ногу и ухватился за меня, какъ за перваго попавшагося, чтобъ не упасть. Я поддержаль его за талию и отвелъ въ сторону, между тѣмъ какъ онъ сквозь зубы испускалъ страшныя проклятія.

Затѣмъ раздались слухи о сдачѣ на капитуляцію. Французскій полковникъ подошелъ къ нашимъ офицерамъ и заговорилъ, но не вѣжливымъ и спокойнымъ тономъ, а вызывающе и дерзко. Тогда нашъ артиллеристъ Даоисъ произнесъ свою знаменитую фразу:

— Еслибъ вы были способны разговаривать вашей саблей, то вы не обращались бы такъ со мною.

Французъ, не дослушавъ его, подозваль своихъ, и въ ту же минуту цѣлая толпа непріятелей бросилась на кучку нашихъ. Капитанъ Даоисъ палъ однимъ изъ первыхъ, сраженный въ грудь пикой. Мы отступили въ глубь парка. Французы не преслѣдовали насъ, они убивали оставшихся на улицахъ, и видно было, что они такъ же измучены и утомлены, какъ и мы. Къ счастью, я былъ только контуженъ въ голову, но не раненъ.

Оставивъ около парка небольшой гарнизонъ, французы отступали. Тогда я рѣшилъ пробраться домой, взглянуть, что дѣлаетъ Инезилья. Но я замѣтилъ, что гренадеры снова заряжали пушки и бережно относили своихъ раненыхъ вглубь парка.

Я былъ уже недалеко отъ моего дома, когда увидѣлъ, что какой-то человекъ, какъ сумасшедшій, бѣжитъ черезъ улицу. Онъ невольнo привлекъ мое вниманіе. Это былъ Хуанъ Діосъ, ободран-

ный, грязный, съ растрепанными волосами; правая рука его висѣла на окровавленной перевязкѣ.

— Ее увели!—воскликнулъ онъ, завидя меня издали, и безнадежно махнулъ рукою.

— Кого?—спросилъ я, предчувствуя новое несчастье.

— Инезилью!... Ее увели французы вмѣстѣ съ этимъ несчастнымъ патеромъ...

Я былъ такъ пораженъ этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, что замеръ на мѣстѣ.

— Какъ только взяли эту часть парка,—сказалъ Хуанъ Діосъ,—то сейчасъ же забрали всѣхъ жильцовъ въ твоемъ домѣ и въ со-сѣднемъ. Я зашелъ въ таверну, чтобы примочить руку холодной водой, зашелъ и вдругъ увидѣлъ, что ведутъ Инезилью!... Бѣдняжка плакала, какъ ребенокъ, и смотрѣла во всѣ стороны, вѣроятно, ища меня. Я подошелъ и сталъ пофранцузски просить сержанта, чтобы онъ ее отпустилъ, но онъ такъ толкнулъ меня, что я едва не лишился чувствъ. Ахъ, еслибъ ты видѣлъ, какъ она оглядывалась и искала меня!... Я просто съ ума схожу, Габріэль. А этотъ добрый патеръ спускался съ лѣстницы съ ножомъ въ рукахъ, когда его взяли. Въ этомъ домѣ всѣхъ забрали. Французы увѣряютъ, что отсюда изъ оконъ на нихъ выливали цѣлыя кастрюли кипятку. Ахъ, Габріэль, если не освободятъ Инезилью, то я попрошу французовъ, чтобы меня разстрѣляли.

Когда я слушалъ этотъ разговоръ, горячія слезы выступили у меня на глазахъ; потомъ онѣ смѣнились такимъ жгучимъ негодованіемъ, такой злобой на все окружающее, что я разразился бранью и сталъ кричать, какъ сумасшедшій. Я все еще не вѣрилъ своимъ ушамъ, я поднялся по лѣстницѣ, но моя комната была пуста: Хуанъ Діосъ сказалъ правду. Я выбѣжалъ изъ дому, но не понималъ, куда идти, куда дѣться. Къ кому мнѣ обратиться теперь за помощью, когда меня самого такъ несправедливо преслѣдуютъ? Минутами я начиналъ надѣяться, что французы освободятъ моихъ друзей. Вѣдь оба они невинны, и непріатели не захотятъ же напрасно погубить ихъ.

Хуанъ Діосъ слѣдовалъ за мною и плакалъ, какъ женщина.

— Здѣсь говорятъ,—сказалъ онъ мнѣ,—что ихъ повели въ курьерскія казармы. Пойдемъ туда, Габріэль, и посмотримъ, можетъ быть, мы еще можемъ ихъ спасти.

Мы побѣжали къ Puerta del Sol. Всюду слышались стоны и жалобы на то, что братья, сестры, мужья, отцы, жены были безвинно арестованы. Говорили, что въ курьерскихъ казармахъ производился военный судъ; но затѣмъ прошелъ слухъ, что члены народнаго собранія составили съ Мюратомъ договоръ, которымъ рѣшено было все уладить и примириться. Это насъ обрадовало, хотя и не успокоило, потому что на всѣхъ главныхъ улицахъ го-

рода стояла французская артиллерія съ пушками. Часа въ четыре, вмѣсто арестованныхъ, изъ воротъ курьерскихъ казармъ выѣхалъ дежурный офицеръ и поскакалъ къ тюрьмѣ Retiro. Наше безпокойство росло съ каждой минутой; всѣмъ хотѣлось знать настоящее положеніе дѣлъ.

Скоро разнесся слухъ, что на улицахъ читаютъ воззваніе къ народу. Всѣ бросились къ улицѣ Arenal, но не было никакой возможности услышать, что читаютъ. Мы спрашивали, но не получали отвѣта, потому что никто ничего не слышалъ, никто ничего не могъ объяснить. Мы снова вернулись къ курьерскимъ казармамъ, у воротъ которыхъ стояли императорскіе гренадеры. Тогда всѣ стали придумывать способы, какъ спасти своихъ.

Въ полномъ отчаяніи мы съ Хуаномъ Діосъ пошли по улицамъ поминутно натываясь на жерла французскихъ пушекъ. Дорогою намъ попадались группы испанцевъ, шедшихъ съ низко опущенными головами между французскими сержантами. Тутъ были и сеньоры, и солдаты, и мѣщане. Нѣсколько разъ мы видѣли, какъ осматриваютъ нашихъ соотечественниковъ, нѣтъ ли при нихъ оружія, и отбираютъ даже перочинные ножи. Въ моемъ карманѣ лежала бритва Чинитаса, и я былъ такъ убитъ горемъ, что не догадался даже ее выбросить. Но, къ счастью, насъ не обыскивали.

Къ вечеру на улицахъ почти не видно было народу. Тогда мнѣ пришла въ голову мысль отправиться въ домъ маркизы и просить ее заступиться за Инезилью. Я сообщилъ этотъ проектъ моему спутнику, онъ сказалъ мнѣ, что думаетъ въ свою очередь обратиться за помощію къ одному своему пріятелю, члену народнаго собранія. Мы рѣшили разойтись и черезъ часъ снова встрѣтиться у Puerta del Sol.

Я пришелъ къ дому маркизы, и привратникъ сказалъ мнѣ, что она, два дня тому назадъ, уѣхала въ Андалузію. Тогда я вспомнилъ о сеньорѣ Амарантѣ, но узналъ, что и она также въ Андалузіи. Снова вернулся я къ курьерскимъ казармамъ, напрасно умоляя стражу впустить меня во дворъ. Нѣсколько времени спустя я увидалъ, что Хуанъ Діосъ выходитъ изъ воротъ весь блѣдный и взволнованный. Я задрожалъ, предчувствуя новое несчастіе.

— Ея нѣтъ тамъ?—спросилъ я его.—Ихъ освободили?..

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, вытирая потъ, градомъ катившійся съ его лба. — Всѣхъ арестованныхъ здѣсь передали французамъ. Ихъ увели въ тюрьмы Buen Suceso, въ Retiro, не знаю куда... Но ты слышалъ воззваніе? Всѣ, кто имѣетъ при себѣ оружіе, будутъ разстрѣляны... Всѣ, кто собирается въ группу больше восьми человекъ, будутъ разстрѣляны... Всѣ, которые причинятъ хоть какойнибудь вредъ французамъ, будутъ разстрѣляны... Всѣ, которые похожи на агентовъ Англіи, будутъ разстрѣляны...

— Но гдѣ же Инезилья?—воскликнулъ я внѣ себя.—Гдѣ она?

Если эти палачи способны разстрѣлять невинную дѣвушку и бѣднаго старика, то небо да разразится надъ ихъ головами! Если Господь допуститъ такую несправедливость, то я перестану вѣрить въ Него! Такъ вы говорите, что они въ Retiro?

— Или въ Buen Suceso, или въ Moncloa... Габріэль, я спасу Инезилью отъ смерти или отдамъся въ руки французовъ, чтобъ они также разстрѣляли меня! Я хочу вмѣстѣ съ нею попасть на небо. Габріэль, я тебѣ отдамъ все, что имѣю, если ты поможешь мнѣ отыскать ее. Если мы ее найдемъ, и я женюсь на ней, то тамъ, на этихъ необитаемыхъ островахъ, намъ не надо будетъ денегъ. У меня еще есть надежда, а у тебя?

— И у меня также,—отвѣтилъ я, подумавъ о Богѣ.

— Такъ вотъ что, милый; ты ступай въ Retiro, а я отправлюсь въ Buen Suceso, пройду черезъ больницу, гдѣ я знаю одного больного. Я знакомъ также съ двумя французскими офицерами. Помнишь, они приходили къ намъ въ магазинъ? Можетъ быть, они что нибудь сдѣлають для нея. Теперь уже десять часовъ. Ай, ты слышишь ружейный залпъ?!

— Да, у меня вся кровь застыла въ жилахъ... Я бѣгу туда. Прощайте и счастливаго пути. Въ случаѣ чего приходите ко мнѣ домой.

Я побѣжалъ со всѣхъ ногъ къ улицѣ San Jeronimo. Ночь была темная и холодная. На каждомъ шагу мнѣ попадались люди, разыскивающіе своихъ между ранеными и убитыми; раздирающіе душу вопли доносились со всѣхъ сторонъ. Вдали виднѣлись французскіе патрули, и время отъ времени слышались ружейные залпы.

XLVII.

Трудно описать всѣ ужасы этой ночи. Когда я остановился около церкви Святого Духа, рядомъ съ дворцомъ Мединачели, я увидѣлъ, какъ французы разстрѣляли группу нашихъ... Сержанты съ фонарями въ рукахъ сновали по улицамъ; около тюрьмы Retiro былъ разложенъ костеръ.

Народъ бросился къ разстрѣляннымъ; всякій искалъ между убитыми и ранеными своихъ родственниковъ. Я также пересмотрѣлъ ихъ одного за другимъ, ища дорогихъ мнѣ лицъ. Здѣсь была убитая женщина, но она не имѣла никакого сходства съ Инезильей. Не слушая криковъ о помощи, не обращая вниманія на опасность, грозившую со всѣхъ сторонъ, я направился къ тюрьмѣ.

У воротъ, выходившихъ на первый дворъ, меня остановила стража. Офицеръ выступилъ впередъ.

— Сеньоръ!—воскликнулъ я, скрестивъ руки въ позѣ безутѣшнаго отчаянія.— Я разыскиваю двухъ членовъ моей семьи, кото-

рыхъ схватили по ошибкѣ. Инезилья ни на кого не выливала изъ окна кипятку, и патерь не убилъ ни одного француза! Увѣряю васъ, сеньоръ офицеръ, что если кто обвиняетъ ихъ въ этомъ, тотъ нагло лжетъ!

Офицеръ не понималъ меня и сдѣлалъ движеніе, чтобъ оттолкнуть, но я бросился передъ нимъ на колѣни и снова сталъ умолять:

— Сеньоръ офицеръ, неужели вы будете такъ безчеловѣчны, что допустите разстрѣлять невинныхъ? Вѣдь ей всего шестнадцать лѣтъ, а старику шестьдесятъ!.. Позвольте мнѣ войти, я вамъ ихъ укажу, и вы ихъ освободите. Они ни въ чемъ не виноваты. Разстрѣляйте меня, потому что я убивалъ французовъ, но освободите дѣвушку и патера! Сеньоръ офицеръ, вы не захотите быть палачемъ! Эти кресты на вашей груди говорятъ о храбрости и благородствѣ... Я не повѣрю, чтобъ вы захотѣли убить невинную женщину! Сеньоръ офицеръ, быть можетъ, у васъ тамъ, во Франціи, остались мать, отецъ, сестры, сжальтесь ради нихъ! Господь васъ вознаградитъ за это. Господь вамъ зачтетъ это въ сей жизни и въ будущей. Позвольте мнѣ войти, сердце подсказываетъ мнѣ, что они здѣсь...

Ружейный залпъ заставилъ меня умолкнуть... Я былъ близокъ къ обмороку. Слова замерли у меня на губахъ, но я сдѣлалъ надъ собой усиліе и снова сталъ умолять. Вѣроятно, мои мольбы, высказываемыя прерывающимся голосомъ, тронули офицера; онъ отстранился и сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я вошелъ. Какъ сумасшедшій, пробѣжалъ я первый, второй дворы. Здѣсь я увидалъ только однихъ французовъ. На землѣ лежали еще теплыя, стонущія жертвы, а у одной изъ стѣнъ я замѣтилъ несчастныхъ, ожидающихъ своей очереди умереть. Они стояли на колѣняхъ, близко другъ къ другу, одни спиною, другіе лицомъ къ солдатамъ. Одни съ угрозой махали руками своимъ палачамъ, другіе рыдали на груди сосѣда. Но гренадеры были неумолимы и, какъ машины, исполняли свое дѣло, равнодушныя къ слезамъ и агоніи.

Многіе умирали сразу, но многіе были только смертельно ранены и молили пристрѣлить ихъ. Какъ я узналъ впоследствии, были случаи, что нѣкоторые доживали до утра 3-го мая, и сами французы потомъ относили ихъ въ больницы. Одного испанца разстрѣливали два раза, и онъ, всетаки, остался живъ и выздоровѣлъ. Надо признаться, что нѣкоторые изъ императорскихъ гренадеръ сами съ отвращеніемъ относились къ этому звѣрскому акту, исполняя его по обязанности.

Я осмотрѣлъ всѣхъ убитыхъ. Фонари, разставленные передъ каждой группой, зловѣщимъ свѣтомъ освѣщали кровавую сцену. Но ни среди убитыхъ, ни среди осужденныхъ на смерть я не находилъ Инезильи и патера Челестино, хотя мнѣ часто казалось, что я слышу ихъ голоса и узнаю ихъ лица.

Помню, что во время этого осмотра, холодѣющая рука хватала мою руку, и, наклоняясь, я видѣлъ страдающее незнакомое мнѣ лицо. Мнѣ приходилось толкать руки и ноги многихъ несчастныхъ, и я дѣлалъ это съ какимъ-то холоднымъ равнодушіемъ. Собственное горе заглушило во мнѣ всякое состраданіе къ чужимъ мукамъ.

Нѣсколько французовъ, подойдя ко мнѣ, просили уйти отсюда, такъ какъ выстрѣлы могли задѣть и меня. Но въ ту минуту я не боялся смерти и не пересталъ бы нагибаться надъ каждымъ тѣломъ, хотя бы мнѣ грозили сто разъ разстрѣлять меня. Я побѣжалъ на другой конецъ двора, откуда раздавались предсмертные стоны, когда какой-то старикъ схватилъ меня за руку.

— Кого вы ищете?—спросилъ я.

— Моего сына, моего единственнаго сына!—отвѣтилъ онъ.— Гдѣ онъ? Развѣ ты мой сынъ? Развѣ ты мой Хуанъ? Тебя разстрѣляли? Ты вышелъ изъ этой кучи мертвыхъ?

По его взгляду, по его словамъ я понялъ, что этотъ старикъ съ ума сошелъ отъ горя, и пошелъ впередъ. Еще какой-то человѣкъ подошелъ ко мнѣ и въ свою очередь спросилъ, кого я ищу. Я въ короткихъ словахъ разсказалъ ему мою исторію.

— Тѣхъ, которыхъ арестовали близъ парка, не приводили ни сюда, ни въ курьерскія казармы,—сказалъ онъ мнѣ.— Они въ тюрьмѣ Монклоа. Сначала ихъ повели въ San Bernardino, а теперь перевели... Пойдемъ туда. У меня есть пропускной видъ отъ одного французскаго офицера, и насъ выпустятъ.

Мы дѣйствительно вышли, но онъ такъ скоро побѣжалъ отъ меня, что я потерялъ его изъ виду. Я также побѣжалъ, на сколько хватало силъ, и бѣжалъ долго-долго, не помня улицъ, не видя кровавыхъ сценъ. Меня не интересовало окружающее, я думалъ только о моихъ. Наконецъ, обезсилѣвъ, я прислонился къ какой-то стѣнѣ и вытеръ струившійся съ лица потъ. Ноги отказывались мнѣ служить; въ головѣ была страшная пустота. Я попытался идти, но въ глазахъ потемнѣло, все завертѣлось вокругъ меня, и я упалъ безъ чувствъ...

Когда я понемногу началъ приходить въ себя, въ моемъ воображеніи возсталъ свѣтлая картина жизни въ Аранхуэсѣ. Пѣли какія-то птицы, а я гулялъ по берегу Уарамы въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сливается съ Тахо. Я видѣлъ чистенькій церковный домикъ патера Челестино и какъ будто слышалъ крики его старой служанки, сердившейся на куръ, зачѣмъ онѣ выскочили изъ курятника. Слышался звонъ колоколовъ, дергаемыхъ четырьмя мальчиками Сантуріаса. И надъ всѣмъ этимъ виталъ чистый образъ моей Инезильи и сливался съ моимъ существомъ, какъ сливаются Уарама и Тахо. Я былъ счастливъ, будущее не пугало меня.

Изъ этого блаженнаго состоянія меня вывели какіе-то пинки. Я съ изумленіемъ открылъ глаза. Меня окружалъ народъ, и кто-то, взглянувъ на меня, произнесъ:

— Онъ пьянъ!

Мнѣ показалось, что я узнаю слѣдователя Лобо, но я не могъ бы утверждать, что именно онъ сказалъ эти слова. Рядомъ съ нимъ я увидалъ Хуана Діосъ.

— Это ты, Габріэль?— воскликнулъ онъ.— Какъ ты очутился здѣсь?.. Хорошій способъ разыскивать дѣвушку! Ея нѣтъ ни въ Retiro, ни въ Buen Suceso. Сеньоръ слѣдователь помогаетъ мнѣ въ моихъ поискахъ, и мы надѣемся найти ее и даже спасти.

Я слышалъ эти слова, какъ въ туманѣ, и снова остался одинъ, или вѣрнѣе сказать въ обществѣ уличныхъ мальчишекъ, толкавшихъ меня со всѣхъ сторонъ. Я началъ припоминать и, припомнивъ все, вскочилъ и снова побѣжалъ. Теперь я уже не чувствовалъ прежней онѣмѣлости въ членахъ, и скоро передо мною уже были ворота тюрьмы Монклоа.

Масса народу стояла у воротъ. Всѣ жаловались на свои несчастія и ждали рѣшенія судьбы заключенныхъ. Съ великимъ трудомъ добрался я до стражи. Слезами, мольбами, доводами, даже угрозами я сталъ просить, чтобы меня впустили. Но всѣ мои усилія были напрасны; чѣмъ упорнѣе я просилъ, тѣмъ рѣзче меня отталкивали. Наконецъ, внѣ себя отъ отчаянія, я въ бѣшенствѣ закричалъ стражѣ.

— Пустите меня! Я хочу, чтобы меня разстрѣляли!

Солдаты съ сожалѣніемъ взглянули на меня и отстранили прикладами ружей.

— А, вамъ жаль меня,—крикнулъ я,—а не жаль тѣхъ, кого я ищу! Нѣтъ, нечего меня жалѣть! Я хочу войти! Я хочу быть разстрѣленнымъ вмѣстѣ съ ними.

Меня снова оттолкнули. Но я до того стремился войти, что моя собственная жизнь казалась мнѣ ничтожной въ сравненіи съ дорогими мнѣ существами. Со двора до меня долеталъ жалобный стонъ. Я отскакивалъ отъ воротъ и снова ломился въ нихъ; я стучалъ объ нихъ головою, царапалъ ногтями, но французы были неумолимы.

Тогда я сталъ наговаривать на себя всякіе ужасы.

— Почему вы меня не разстрѣляете?—кричалъ я.—Почему вы не хотите дать мнѣ умереть съ моими? А, разбойники, мадридскіе убійцы! Вы думаете, я очень боюсь вашего императора? Да я на него плевать хотѣлъ!

И я съ бѣшенствомъ плюнулъ подъ ноги солдатамъ, вѣроятно, считавшимъ меня за сумасшедшаго. Тогда въ моей головѣ блеснула мысль, показавшаяся мнѣ спасительной; я сталъ шарить въ карманахъ съ такимъ видомъ, какъ будто у меня тамъ было спрятано сокровище, и, вынувъ бритву Чинитаса, воскликнулъ съ лихорадочною веселостью:

— А, вы видите, что у меня есть? Бритва, ножъ, обрызганный кровью! Я имъ перерѣзалъ много французовъ и зарѣжу самого Наполеона I. Вѣдь вы арестуете всѣхъ, у кого есть оружіе, такъ вотъ оно у меня... Дураки, вы хватаете невинныхъ, а меня оставляете на свободѣ!.. Вотъ я самъ отдаюсь въ ваши руки... Посмотрите, посмотрите на ножъ, съ него каплетъ французская кровь...

Эти доводы убѣдили стражу; меня толкнули внутрь двора. Едва сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ, какъ сердце мое забилося отъ радости: я увидалъ Инезилью и патера Челестино, но въ какомъ видѣ, Боже мой!.. Въ ту минуту, какъ я входилъ, ихъ связывали другъ съ другомъ и поставили въ линію осужденныхъ на разстрѣлянье. Я бросился къ нимъ и крѣпко сжалъ ихъ въ моихъ объятіяхъ... Мы долго не могли опомниться. Отъ чего? Отъ горя или радости?.. Инезилья горько заплакала, а патерь Челестино сохранилъ свое обычное спокойствіе.

— Какъ только Инезилья увидала тебя, она взволновалась,— сказала онъ серьезно.—Мы уже не принадлежимъ землѣ. Господь ждетъ своихъ мучениковъ, и чтобы получить вѣнецъ на небѣ, мы должны забыть все земное.

— Инезилья!—воскликнулъ я, въ первый разъ въ жизни, чувствуя себя дѣйствительно несчастнымъ. — Инезилья! Послѣ того, какъ я увидѣлъ тебя въ такомъ ужасномъ положеніи, что же мнѣ остается, какъ не умереть?

И, быстро обернувшись къ французамъ, я ощутилъ въ себѣ необыкновенный, нечеловѣческой подъемъ духа и крикнулъ имъ:

— Мерзавцы, каналы, палачи! Вы думаете, что я боюсь смерти? Стрѣляйте скорѣе, чтобы разомъ покончить съ нами!

Моя брань раздражила французовъ, неторопливо готовившихся къ своему звѣрскому дѣлу. Меня отвели къ офицеру, тотъ сказалъ мнѣ нѣсколько словъ, которыхъ я не понялъ, и отправилъ къ другому, рѣшившему наконецъ мою участь. Минуту спустя меня поставили рядомъ съ патеромъ. Его рука сжала мою руку.

— Когда тебя схватили? При тебѣ нашли какое нибудь оружіе, несчастный?—спросилъ онъ меня и затѣмъ прибавилъ:—Но теперь не время выказывать негодованіе, надо покориться. Мы переходимъ въ новую, лучшую жизнь. Богу было угодно лишить насъ жизни въ этотъ день и дать намъ лавровый вѣнецъ, какъ мученикамъ за отечество; не многіе такъ счастливы, какъ мы. Габріэль, взгляни на небо. Ты свободенъ отъ всѣхъ грѣховъ, и я тебя разрѣшаю. Дитя мое, этотъ путь ужасенъ, но за нимъ идетъ вѣчное блаженство. Слѣдуй примѣру Инезильи. А ты, дочь моя, ты невинна, какъ ангелъ Божій, помолись за насъ, потому что ты раньше насъ удостоишься вѣчнаго блаженства...

Но я плохо слушалъ проповѣдь патера; мнѣ хотѣлось говорить съ Инезильей, просить ее не думать о Богѣ, а обо мнѣ, не смо-

трѣтъ на небо, а на меня; безъ этого я готовъ былъ ослабѣть духомъ.

Французскій офицеръ обошелъ насъ, какъ бы ревизуя.

— Къ чему вы длите наши муки?—воскликнулъ я, не въ силахъ удержаться. — Мы всё испанцы, мы всё дрались съ вами. На мѣсто одной жизни, загубленной вами, родится тысяча жизней, которыя покончатъ съ вами, и ни одинъ изъ васъ не увидитъ своего роднаго дома.

— Габріэль, успокойся, прости ихъ, какъ я прощаю,—остановилъ меня патерь.—Какое тебѣ дѣло до этихъ людей? Къ чему ты ихъ упрекаешь? У нихъ на это есть своя совѣсть. Что за бѣда умереть? Дитя мое, убивъ наше тѣло, они не тронуть нашей души, Господь приметъ ее въ свою обитель. Простимъ; поступай, какъ я поступаю. Я молюсь за враговъ *principe de la Paz*, моего друга и, кажется, даже родственника; за Сантуріаса, за слѣдователя Лобо, за родныхъ Инезильи и даже за французовъ, которые хотятъ отнять у насъ нашу родину. Моя совѣсть чище, чѣмъ это небо надъ нашими головами и на горизонтѣ котораго загорается заря новаго дня. Такъ же и наши души, Габріэль; и въ нихъ зарождается свѣтъ новаго, безконечнаго дня.

— Уже свѣтаетъ,—произнесъ я, взглянувъ на востокъ.—Инезилья, не опускай глазъ, ради Бога, и смотри на меня; прижмись ближе къ намъ.

— Постарайся приобрести спокойствіе совѣсти, дитя мое,—продолжалъ патерь Челестино.—Моя совѣсть спокойна. Я не обагривъ моихъ рукъ кровію, потому что я патерь; меня встрѣтили съ ножомъ, но вѣдь это былъ чужой ножъ. Я исполнилъ мой долгъ, возбуждая храбрость моихъ соотечественниковъ, и, если бы теперь меня освободили, я сталъ бы ходить по улицамъ и проповѣдовать: *Dulce et decorum est pro patria mori!* Единственно въ чемъ я раскаиваюсь, такъ это въ томъ, что я во время не предупредилъ *principe de la Paz*. Ахъ, еслибъ онъ тогда же засадилъ въ тюрьму этихъ оглашенныхъ, то онъ управлялъ бы нами, принцъ Фердинандъ не былъ бы королемъ, и Наполеонъ не прислалъ бы къ намъ французовъ... Но такъ было угодно Богу... Конечно, еслибъ я предупредилъ Годоя, который меня такъ любилъ... Ахъ, будемъ лучше помнить только о томъ, что надо умирать и прощать! Габріэль, бери съ меня примѣръ, и ты спокойно встрѣтишь смерть. Взгляни на Инезилью; она полна ангельскаго спокойствія.

— Инезилья!—воскликнулъ я, не умѣя найти въ себѣ спокойствія, о которомъ проповѣдовалъ патерь.—Ты не должна умереть, ты не умрешь. Сеньоръ офицеръ! Разстрѣляйте насъ всѣхъ, разстрѣляйте цѣлый свѣтъ, но освободите эту дѣвушку, она ничего не сдѣлала. Клянусь, что я убилъ пятьдесятъ французовъ, но кля-

нусъ также, что Инезилья никого не обливала кипяткомъ изъ окна, какъ увѣряють.

Французъ взглянулъ на Инезилью. Ея скромность, покорность судьбѣ и милое личико видимо тронули его. Донъ Челестино, увидя мягкое выраженіе его лица, заплакалъ и произнесъ:

— Всѣ мы грѣшили, но Инезилья невинна.

Эти старческія слезы успокоительнѣе словъ подѣйствовали на меня.

— Она невинна!—воскликнулъ я снова.—Развѣ вы не видите ея лица! Ахъ, сеньоры офицеры, вы слишкомъ благородные люди, чтобъ рѣшиться убить этого ребенка!..

— Мы ничего не стоимъ,—сказалъ патеръ прерывающимся голосомъ.— Убейте насъ, мы мужчины, но она, сеньоры военные... она... ахъ, Инезилья невинна!.. Вѣдь у васъ есть же совѣсть; неужели она не говоритъ вамъ, что эта дѣвушка невинна?

Офицеръ былъ почти растроганъ. Онъ приблизился и съ любопытствомъ взглянулъ на Инезилью.

Она прижалась къ намъ, когда гренадеры стали равнять линію осужденныхъ. Я смотрѣлъ на это, какъ бы ничего не понимая. Я видѣлъ, что къ намъ подходилъ другой офицеръ, въ сопровожденіи двухъ человѣкъ; одинъ изъ нихъ пристально всматривался во всѣхъ стоявшихъ и, подойдя къ Инезильѣ, сказалъ:

— Вотъ эта.

Это былъ Хуанъ Діосъ вмѣстѣ съ слѣдователемъ Лобо и тѣмъ самымъ французомъ, котораго я видѣлъ у насъ въ магазинѣ. То, что потомъ случилось, я помню смутно, какъ въ горячечномъ бреду.

Вновь прибывшій офицеръ поговорилъ съ минутою съ осматривавшимъ насъ французомъ. Затѣмъ они развязали Инезилью и подвели ее къ Хуану Діосъ. Она вскрикнула, не желая разставаться съ нами, подбѣжала и заключила насъ въ свои объятія. Страшный эгоизмъ овладѣлъ мною. Я схватилъ ее и съ нетерпѣливой жадностью сталъ ждать выстрѣла направленныхъ на насъ ружій...

Но ее вызвали у меня... Она кричала мнѣ что-то, чего я не слышалъ, и я отвѣчалъ ей что-то, чего я не помню. Но ее увели. Я видѣлъ, какъ ее уводили, почти безъ чувствъ, и какъ Хуанъ Діосъ поддерживалъ ее. Не понимаю, какъ я не сошелъ съ ума въ эту минуту.

Я весь задрожалъ. Какой-то страшный холодъ, а потомъ невыносимый жаръ разлился по моимъ членамъ; сердце мучительно забилось, въ глазахъ потемнѣло. Мнѣ казалось, что какая-то горячая волна качаетъ меня изъ стороны въ сторону. Образъ Инезильи двоился, троился, десятился въ моихъ глазахъ...

Раздался ружейный залпъ...

к о н е ц ъ .

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

ВОСЬМОЙ И ДЕВЯТЫЙ ВЫПУСКИ ИЗДАНІЯ

ПАЛЕСТИНА

СОЧИНЕНІЕ А. А. СУВОРИНА.

Рисунки А. Д. Кившенко и В. И. Навозова.

РИСУНКИ:

Восьмого выпуска:

Яффскія ворота.	Вивозда.
Лавка на улицахъ Иерусалима.	Водоносъ.
Евреи въ Иерусалимѣ.	Арка «Ессе Ното».
Старикъ еврей.	Консульскій домъ въ Иерусалимѣ.

Девятаго выпуска:

Русскій домъ возлѣ храма Св. Гроба.	Большой камень въ городской стѣнѣ Иерусалима (Камень, который отвергли строители, тотъ самый сдѣлался главою угла).
Порогъ Судныхъ воротъ въ русскомъ домѣ въ Иерусалимѣ.	Часть стѣны у Дамасскихъ воротъ.
Дерево Готфрида Бульонскаго.	
Портретъ патріарха Герасима.	

Приложеніе на особомъ листѣ: Плачь евреевъ у Соломоновой стѣны.

Выпускъ десятый выйдетъ 5-го декабря.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.— Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Деупфордѣ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ въ 1722 году.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирияново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габріелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій просп., 38), за пересылку ничего не платятъ.

4 р. за 12 книгъ
со всеми прилож.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на ежемѣсячный литературно-историческій

ГОДЪ IV.

ЖУРНАЛЬ

Вѣстникъ Иностранной Литературы.

ВЫХОДИТЬ КАЖДОЕ 1-Е ЧИСЛО, ВЪ КАЖДОЙ КНИГѢ НЕ МЕНѢЕ 400 СТРАНИЦЪ БОЛЬШАГО ФОРМАТА.

Въ «ВѢСТНИКѢ» 1893 г. помѣщено болѣе ДВАДЦАТИ ТОМОВЪ выдающихся произведеній иностранной беллетристики:

РОМАНЫ: „Докторъ Паскаль“ *Эмиля Зола*; „Шарль Демальи“ братьевъ *Гюккюръ*; „Космополиты“ *Поля Бурже*; „Частная жизнь парламентарнаго дѣятеля“ *Эдуарда Рода*; „Осень женщины“ *Марселя Прево*; „Африканская ферма“ *Ральфа Айронъ (Олмы Шреймеръ)*; „Бездѣлицы“ *Луиса Коломы*; „Счастливычичъ“ *Шпиллгегена*; „Сцены изъ жизни парижской богемы“ *Апри Мюрже* и „Свѣтопреставленіе“ *К. Фламмаріона (СО МНОЖЕСТВОМЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ)*.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ: „Носъ нѣкоего нотариуса“ *Эдмона Абу*; „Заупокойная обѣдня атеиста“ и „Пьеръ Грассу“ *Бальзака*; „Маринза“ *Жоржъ Зандъ*; „Коробейничъ“ *Гюи де-Мопасана*; „Запахъ вербы“ *Франсуа Котте*; „Золотыя глаза“ *Поля Перрэ*; „Сестра Марта“ *Эфера (Ш. Рише)*; „Банковый билетъ въ 1.000.000 фунтовъ стерлинговъ“ *Марка Твена*; „Живъ онъ или умеръ?“ *его же*; „Сафо съ Зеленыхъ Ключей“ *Бретъ Гарта*; „Наслѣдникъ Мэкъ-Гулишей“ *его же*; „Дневникъ паломника“ *Джерома К. Джеромъ*; „Мое matinee“ *Спейта*; „Салюдадоръ“ *Хозе Селмаса*; „Ребенокъ“ *Шалькъ де-ла-Фаври*; „Сонъ, навѣянный дикими пчелами“ *Олмы Шреймеръ*; „Женщина или тигръ?“ *Стоктона*; „Тайна профессора Бранкеля“ *Юма*.

Сверхъ того, **ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:** „Сѣти Фенизы“, комедія *Лопе-де-Вега*; „Анна де-Кервиле“, комедія *Эрнеста Лемуве*; „Нармозина“, драма *Альфреда де-Мюссе*.

Изъ ЛИРИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ: *Георги Шерера, Ленау, Свиберна, Сюлли-Прюдома, Гейне, Верлена.*

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: Историческія повѣсти: „Испанскіе братья“, (изъ временъ инквизиціи XVI в.). — „Романъ роялиста временъ французской революціи“ *Коста де-Борегаръ*. Историческіе очерки, разказы и анекдоты.

Мысли знаменитыхъ людей. — Всесвѣтное остроуміе (анекдоты и изреченія). — Изъ заграничной хроники—общественной и литературной.

Сверхъ всего перечисленнаго, при «ВѢСТНИКѢ» 1893 г. было дано приложение отдѣльною книгою, „ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ и ОТКРЫТІЕ АМЕРИКИ“, со множествомъ иллюстрацій, снимковъ съ рѣдкихъ гравюръ, портретовъ и картъ.

Въ 1894 г. „ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ томъ же объемѣ и по той же программѣ, какъ и въ предыдущіе три года.

Годовые подписчики и по разсрочкѣ изъ казенныхъ и частныхъ учреждений, за ручательствомъ гг. казначеевъ, при январской книгѣ 1894 г. получаютъ бесплатное приложение отдѣльнымъ изданіемъ „ДВАДЦАТЫЙ ВѢКЪ“ (*Электрическая жизнь*), СО МНОЖЕСТВОМЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ РОБИДА.

Подписная цѣна на 1894 г. прежняя:

съ дост. и перес. 4 руб., безъ дост. и перес. 3 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: — въ Конторѣ Редакціи „Вѣстника Иностранной Литературы“, Гостинный дворъ, Зеркальная линія, № 63, магазинъ *П. О. Пантелеева* (противъ Пажескаго Корпуса), въ Москвѣ — въ конторѣ *Н. Н. Печковской*, Петровскія линія и въ книжномъ магазинѣ „Нового Времени“, а гг. иногородніе благоволятъ адресоваться въ Редакцію журнала, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 16, собственный.

Подписка на 1893 годъ продолжается по той же цѣнѣ.

Редакторъ *О. И. Булановъ*.

Издатель *Г. Ф. Пантелеевъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1894 годъ
(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)
НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выходящій въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, перваго числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ — 15 руб., на полгода — 7 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца — 8 руб. 75 коп., на 1 мѣсяць — 1 руб. 25 коп.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военного сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ — 12 руб., 6 мѣс. — 8 руб., 3 мѣс. — 8 руб., 1 мѣс. — 1 руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: Москва, редакция „Русскаго Обозрѣнія“ (Тверская ул., д. Спиридонова).

Редакторъ-Издатель *А. Александрова.*

Открыта подписка на 1894 годъ

НА

**Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей
россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.**

Годовое изданіе состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 35 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленны сроки. Въ «ЧТЕНІЯХЪ» помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ 7 руб. въ Москвѣ и 8 руб. 50 коп съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Св. Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ) или въ книжные магазины И. Глазунова (и Кузнецкомъ Мосту), Карбасникова и Ѳ. А. Богданова (въ Петровскихъ линіяхъ).

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ
 Ежедневная политическая и литературная газета
 (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)
„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“
 выходитъ ежедневно въ двухъ изданіяхъ.
Второе изданіе
 ВЫХОДИТЪ СЪ ПОРТРЕТАМИ
 ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ, ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ И ДРУГ. ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ
 (ВЪ ГОДЪ 360 НУМЕРОВЪ).

Во второе изданіе газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ входятъ всѣ выдающіяся новости изъ придворной, духовной, администр., военной, ученой, политической и общественной жизни, рецензіи, судебные отчеты, спортъ, торговые и биржевые бюллетени, телеграммы, корреспонденціи и т. п. Въ каждомъ номерѣ помѣщаются переводныя статьи, обсуждающія различные вопросы столичной и провинціальной жизни, въ интересахъ всѣхъ сословій, а также внутреннія и иностранныя событія.

Весьма важнымъ для гг. читателей второго изданія газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ является то, что она выходитъ въ свѣтъ ежедневно листами, даже въ дни, слѣдующіе за праздниками, что дастъ подписчику въ годъ 360 номеровъ, сообщаящихъ своевременно всѣ интересн. свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся явленіяхъ русской жизни, также и злобы дня всего міра.

НА ГОДЪ

4р.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ газеты помѣщаются оригинальные романы, повѣсти, рассказы, историческіе анекдоты, мемуары, стихотворенія, а также разныя, полезныя въ сельской жизни, научныя, врачебныя и хозяйственныя совѣты, календарныя, хронологическія, метеорологическія и справочныя свѣдѣнія, загадки, шарады, игры и т. п.

Кромѣ того, на страницахъ ВТОРАГО изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ Особъ, современныхъ русскихъ, иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, какъ-то: министровъ, администраторовъ разныхъ вѣдомствъ, писателей, художниковъ, артистовъ, ученыхъ и знаменитыхъ историческихъ лицъ, сцены событій изъ русской исторіи, виды мѣстностей, зданій (памятники, дворцы, монастыри, церкви и проч.), сосредоточивающія на себѣ, въ вѣстные моменты, особый интересъ общества.

Помимо этого, наше новое изданіе имѣетъ то громадное и неоспоримое преимущество передъ другими подобными дешевыми изданіями, что можетъ въ тотъ же день сообщать всѣ интересныя новости и злобы дня

ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНИЯМИ, не исключая и nocturnыхъ извѣстій, такъ какъ ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ печатается безъ предварительной цензуры и на новѣйшей ротационной машинѣ, печатающей и складывающей въ часъ отъ 15 до 18 тысячъ номеровъ.

Подписная цѣна (съ доставкою въ Спб. и пересылкою):

На годъ 4 р. На полгода 2 р. На три мѣсяца 1 р.

ПРЕМІИ

- 1) ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, желающіе получить новыя художественныя изданія: „БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ“, акварель въ 20 красокъ, съ картины профессора Е. Рѣпина или новыи альбомъ большихъ акварелей съ картинъ „Императорскаго Эрмитажа и Академіи Художествъ“, уплачиваютъ одинъ рубль за каждый экземпляръ (картины или альбома) съ доставкою, безъ доставки 75 коп.
- 2) Кромѣ того, ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ предоставляется право получать, на выборъ, прежнія наши художественныя изданія (гравюры, картины и альбомы), а также и книги, за половинную ихъ стоимость. Подробный списокъ изданій высылается по требованію бесплатно.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 68 — 40.

Годъ изданія 59-й

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1894.

НА БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1894 ГОДА ВЫДАЕТЪ:

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА изящной литературы, состоящихъ изъ 3—4 листовъ большаго формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ 7—10 рисунками и копіями съ картинъ выдающихся художниковъ.

КРОМЪ ТОГО ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ БЕЗПЛАТНО:

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПРИЛОЖЕНІЙ:

12 КНИГЪ литературныхъ произведеній. Книжки выходятъ ежемѣсячно (отъ 240 до 300 страницъ).**40** НУМЕРОВЪ „Иллюстрирован. романы“. (Новые романы и повѣсти современныхъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ).**24** НУМЕРА „Парижскихъ модъ“ извѣстнѣйшихъ парижскихъ модныхъ мастерскихъ. Выходятъ ДВА раза въ мѣсяцъ.**20** НУМЕРОВЪ „Жизнь и хозяйство“ (цѣлководство, огородничество, птицеводство, парфюмерія и кулинарія).**20** НУМЕРОВЪ „Забавы для юношества“ (физическіе и химическіе опыты, работы, ребусы, задачи и проч.).**12** НУМЕРОВЪ „Образцовъ дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“. (вышивки для бѣлья, платковъ и костюмовъ).**12** ВЫКРОЕКЪ въ натуральную величину съ костюмовъ, обращающихъ вниманіе своею практичностью.**12** „НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ“ извѣстныхъ композиторовъ для фортепіано и фпѣя (романсы и танцы).**5** НУМЕРОВЪ „Образцовъ для вышиванія“ разныхъ изящныхъ предметовъ полезныхъ въ хозяйствѣ.**1** СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ отпечатанный въ нѣсколько красокъ и золотомъ. Размѣляется при первомъ номерѣ.

Въ числѣ книгъ литературныхъ произведеній, будутъ выданы ДВА весьма цѣнные изданія, а именно:

1) ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЛОРДА БАЙРОНА.

2) ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ РАЗСКАЗОВЪ ШЕХЕРЕЗАДЫ

„ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ“.

Предлагаемыя ДВА большія и цѣныя иллюстрированныя изданія, въ новомъ переводѣ, съ послѣднихъ англійскихъ изданій, ВЫДАЮТСЯ намѣ ПОЛНОСТІЮ въ наступающемъ подписномъ году, не смотря на то, что стоимость ихъ въ отдѣльной продажѣ превышаетъ ВТРОЕ подписную цѣну нашего журнала.

ДВѢ ПРЕМІИ БЕЗПЛАТНО

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, получаютъ ДВѢ прозрачныя картины, замѣняющія живопись на стеклѣ:

1) «ПѢСНЯ ЛЮБВИ» и 2) «РѢШИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ»

Новыя большія картины, благодаря интереснымъ сюжетамъ изъ средневѣковой жизни и богатству красокъ, весьма художественны и эффектны.

Кромѣ бесплатной преміи годовые подписчики могутъ получить еще слѣдующія художественныя изданія:

1) **БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ**. БОЛЬШАЯ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА **И. Е. РѢПИНА** (Размѣръ картины безъ полей: длина 22 вершка, высота 14 вершковъ).2) **НОВЫЙ АЛЬБОМЪ АКВАРЕЛЕЙ** СЪ КАРТИНЪ Императорскаго Эрмитажа и Академіи Художествъ. Картины альбома большаго формата, отпечатаны въ 18 красокъ, вложены въ изящную папку.3) **МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ** РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ, ПИСАТЕЛЕЙ И КОМПОЗИТОРОВЪ. Цѣна бюста изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ ТРИ руб. (безъ доставки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

НА ГОДЪ: безъ доставки въ Спб. 6 р. 60 к. Съ пересылкою по Имперіи 8 р.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ журнала, желающіе получить, кромѣ бесплатной преміи, еще новыя художественныя изданія—картину или альбомъ, уплачиваютъ за каждый экземпляръ: безъ доставки 75 к., съ дост. 1 руб.

Адресъ Конторы: Спб., Невскій пр., у Аничкова м., д. 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается, по требованію, БЕЗПЛАТНО.

Открыта подписка
на литературно-политическій журналъ
„НАБЛЮДАТЕЛЬ“
въ 1894 году (годъ тринадцатый).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, въ томъ же прогрессивно-національномъ направленіи, какъ и въ первое десятилѣтіе.

Въ журналѣ, за 1894 г., будутъ напечатаны романы и повѣсти: *Н. Ѳ. Бажина, А. И. Виницкой, А. В. Крулова, К. В. Назарьевой, Вас. Ив. Немировича-Данченко, Ф. Д. Нефедова, В. Свѣтлова, Д. И. Стахѣва, А. К. Шеллера (А. Михайлова), I. I. Ясинскаго* и мн. др. — Фельетоны изъ общественной жизни („И смѣхъ и горе“) *Ефима Протосердова* будутъ попрежнему помѣщаться въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Въ научномъ и публицистическомъ отдѣлахъ журнала примутъ участіе: *П. В. Безобразовъ, М. И. Венюковъ, Н. П. Дружининъ, А. О. Дукмасовъ, В. Р. Зотовъ, А. Н. Котельниковъ, К. П. Медвѣдскій, Л. Н. Ниссоловичъ, А. П. Пятковский, И. О. Фесенко, В. Е. Чешихинъ, С. Ѳ. Шарповъ* и мн. др.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: за годъ безъ доставки 12 р.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ 13 р.; съ пересылкою внутри Россіи 14 р.; за границу — 17 р. За полгода безъ доставки 6 р.; съ доставкой 6 р. 50 к.; съ пересылкою въ Россіи 7 р.; съ пересылкою за границу 9 р. Условія разсрочки иногороднымъ подписчикамъ: 5 р. при подпискѣ (непремѣнно черезъ Главную Контору), къ 15 апрѣля — 5 р. и къ 15 августа — 4 р. Библиотеки для чтенія пользуются разсрочкою платы наравнѣ съ прочими подписчиками; выписывающія же не менѣе 10-ти годовыхъ экземпляровъ и вносящія полностью подписную плату пользуются 50 к. скидки съ каждаго экземпляра. Книгопродавцамъ — 50 к. уступки съ годоваго экземпляра (безъ разсрочки). Служащимъ — разсрочка (мѣсячная и по третямъ года) за поручительствомъ гг. казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ, С.-Петербургѣ, Пушкинская, близъ Невскаго пр., д. № 11, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Главная контора открыта съ 1-го октября по 1-е мая — отъ 12 до 4 часовъ по полудни; въ остальное же время года — до 3 часовъ, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней.

Редакторъ-издатель **А. П. Пятковский.**

1894 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ 55-й г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

И

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го января 1894 г. «НУВЕЛЛИСТЪ» вступаетъ въ пятьдесятъ пятый годъ своего существованія.

Въ 1894 г. «НУВЕЛЛИСТЪ» будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадами отъ 30 до 35 страницъ, большаго нотнаго формата.

Каждая тетрадь «НУВЕЛЛИСТА» будетъ содержать въ себѣ отъ 7—8 музыкальныхъ номеровъ средней трудности и двѣ пьесы для дѣтей съ обозначеніемъ аппликатуры.

Годовой экземпляръ «НУВЕЛЛИСТА» составитъ обширный томъ въ 400 страницъ и дастъ подписчикамъ до 100 музыкальныхъ сочиненій: салонныхъ пьесъ въ двѣ или четыре руки; легкихъ пьесъ для дѣтскаго возраста, новыхъ танцевъ, русскихъ романсовъ.

Въ теченіе 1894 г. въ «НУВЕЛЛИСТЪ» будутъ помѣщены нѣсколько фантавій изъ выдающихся новыхъ оперъ, какъ, напр., „Манонъ-Леско“ Пуччини, „Сигуръ“ Рейера, „Вертеръ“ Массеня, „Медичи“ Леонковало и др.

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА будетъ выходить въ продолженіе музыкальнаго сезона и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области музыки и театра.

 ПРЕМІЯ!

Каждый подписчикъ на «НУВЕЛЛИСТЪ» получитъ бесплатно премію ПОЛНУЮ ОПЕРУ въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти номеровъ и ДВА ПОРТРЕТА выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна на годъ 5 руб.

Съ пересылкой или доставкой . . . 6 руб.

 Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ «НУВЕЛЛИСТА» при Музыкальномъ Магазиנѣ М. Бернарда, Большая Морская, № 26.

Въ Москвѣ у П. И. Юргенсона, Неглинный, № 10.

ОТЖРЫГА ПОДПИСКА на 1894 годъ
на ИЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛЫ

„ПРИРОДА И ОХОТА“ И „ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА“.

Объявленіи

(ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Подписки получаютъ въ теченіе года 12 книгъ журнала „Природа и Охоты“ съ картинами (выходъ ежемѣсячно) и 50 №№ „Охотничьей Газеты“ съ рисунками и чертежами (выходъ еженедѣльно).

ПРОГРАММА: Природа; бытъ и охота русскихъ народностей.—Статьи зоологическаго содержанія.— Повѣсти, очерки и рассказы изъ охотничьей жизни.—Способы охоты на звѣря и птицу.—Способы равненія полевой дичи и уничтоженія хищниковъ.—Собаки борзая, гончая, легавая, породы, воспитаніе, дрессировка, леченіе.—Примѣненіе новаго закона объ охотѣ. Дѣятельность охотничьихъ обществъ.—Выставки, садки, полевая испытанія собакъ, стрѣльба на призы. Ружья и охотничьи принадлежности (системы, выборъ, пристрѣлка, чистка).— Рыболовство и уженье. Удочки, принадлежности уженья. Жизнь рыбъ и способы уженья.— Вопросы и отвѣты охотниковъ.—Новости изъ русской и иностранной охотничьей жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ пересылкой и доставкой на годъ 15 руб. На полгода 7 руб. 50 коп.

Лица, приславшія годовую подписную плату непосредственно въ Редакцію до 15-го ноября 1893 года, получаютъ немедленно безплатно книгу: «Новыя правила объ охотѣ» съ рисунками всѣхъ звѣрей и птицъ.

Издатели-редакторы: { Л. П. Сабантѣевъ.
Н. В. Турнинъ.

Адресъ Редакціи: Москва, Большая Дмитровка, д. Демисовой.

1894. — **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** — 1894.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ 59-й)

Въ 1894 году будетъ выходить ежедневно листами въ форматъ
большихъ столичныхъ газетъ

съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложениями

въ видѣ иллюстрированнаго журнала и книжекъ «Романы и Повѣсти». Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи, совершенно реформирована, увеличена въ форматъ и дополнены всѣ отдѣлы. Въ каждомъ номерѣ газеты помѣщаются руководящія статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ общественною жизнью, а также внутренними и иностранными событиями. Всѣ свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ сообщаются при посредствѣ репортеровъ, специальныхъ корреспондентовъ и телеграммъ—одновременно съ другими дорожными столичными изданіями, а потому газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» по обилію материала вполне замѣняетъ собою дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ, годовые подписчики получаютъ:

- 1) 52 **НОМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ** въ видѣ еженедѣл. иллюстрированнаго журнала
- 2) **КНИЖКИ «РОМАНЫ И ПОВѢСТИ»** Каждая книжка содержитъ 160—200 страницъ.
- 3) 12 **НОМЕРОВЪ «МОДЫ И РУКОДѢЛІЯ»**, замѣняющихъ для семьи «Модный журналъ»
- 4) «**СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ**» (съ картою Россіи), отпечатанный въ ТРИ краски и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На годъ 8 р. На полгода 4 р. 50 к. На три мѣс. 2 р. 50 к. На одинъ мѣс. 1 р.
(съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою по Имперіи).

Гг. ГОДОВЫЕ подписчики газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, могутъ получить въ 1894 г. слѣдующія новыя художественныя изданія:

- 1) **БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ.** БОЛЬШАЯ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕС. И. Е. РЪПИНА
Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, хранящимся во дворцѣ и составляющимъ собственность Е. И. В. Великаго Князя Владимира Александровича.
- 2) **НОВЫЙ АЛЬБОМЪ АКВАРЕЛЕЙ** СЪ КАРТИНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА И АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ. Картины альбома большого формата, отпечатаны въ 18 красокъ и вложены въ изящную папку.
- 3) **МЕТАЛЛИЧЕСКЕ БЮСТЫ** РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ, ПИСАТЕЛЕЙ И КОМПОЗИТОРОВЪ. Первую серію составляютъ: 1) Е. И. В. Гос. Имп. АЛЕКСАНДРЪ III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. МАРІЯ ФЕОДОРОВНА. 3) Е. И. В. Гос. Имп. АЛЕКСАНДРЪ II (въ Вѣзѣ почившій). 4) Прот. ЮАННЪ СЕРГІЕВЪ (Кронштадтскій). Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій 10) Графъ Л. Толстой и 11) Композиторъ Глинка. Цѣна бюста, для подписчиковъ на выборъ, ТРИ р. (безъ пересылки).
- 1) ПОДПИСЧИКИ газеты, желающіе получить новыя художественныя изданія — картину или альбомъ, уплачиваютъ за каждый экземпляръ: безъ доставки 75 к., съ доставкою ОДИНЪ РУБЛЬ
- 2) Подписавшіеся одновременно на газету „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ (первое изданіе) и журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ съ доставкою и внесшіе сполна годовую подписную сумму за оба изданія, могутъ получить, на выборъ, альбомъ или картину **БЕЗПЛАТНО**.
- 3) Кромѣ того **ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ** газеты предоставляется право получать, на выборъ, **ЗА ПОЛОВИННУЮ СТОИМОСТЬ**, по одному экземпляру изъ нашихъ художественныхъ изданій (гравюръ, картинъ или альбомовъ), а также и книгъ, помпенованныхъ въ „Спискѣ изданій“.

АДРЕСЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ: СПБ., НЕВСКІЙ ПР., У АНИЧКИНА МОСТА, Д. 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается, по требованію, **БЕЗПЛАТНО**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 Г.

XV НИВА XV

еженедельный иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни, со многими бесплатными приложениями и премиями.

Гг. подписчики «НИВЫ» получают въ течение 1894 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала «НИВА», заключающаго въ себѣ въ течение года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 книгъ соч. Ѳ. М. Достоевскаго,

выходящія въ началѣ наждаго мѣсяца, будутъ заключать въ себѣ слѣдующія сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго:

КНИГА I. Бѣдные люди, ром. Двойникъ, петерб. поэма. **КНИГА II.** Господинъ Прохарчинъ, рассказъ. Романъ въ девяти письмахъ. Хозяина, пов. Ползунковъ. Слабое сердце, пов. Чужая жена. Честный воръ. Елка и свадьба, пов. **КНИГА III.** Бѣлая ночь, романъ. Неточка Незванова. Маленькій герой. На Европейскія событія 1854 г., стих. Дядюшкинъ сонъ, пов. **КНИГА IV.** Село Степанчиково и его обитатели. I и II часть, изъ записокъ неизвѣстнаго. **КНИГА V.** Записки изъ мертваго дома, ром. въ 2 част. Северный анекдотъ, рассказъ. **КНИГА VI.** Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Записки изъ подполья, повѣсть. Крокодилъ, повѣсть. Игрокъ, романъ. **КНИГА VII.** Униженные и оскорбленные, романъ въ 4-хъ частяхъ съ эпилогомъ. **КНИГА VIII.** Вѣчный мужъ, разск. **КНИГА IX.** Преступленіе и наказаніе, романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. Части I, II и III. **КНИГА X.** Преступленіе и наказаніе, романъ. Части IV, V и VI. **КНИГА XI.** Идіотъ, романъ въ 4-хъ част. Части I и II. **КНИГА XII.** Идіотъ, романъ. Части III и IV.

При первой книгѣ будетъ приложенъ портретъ Достоевскаго, гравир. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

Что касается остальныхъ произведеній Ѳ. М. Достоевскаго: «Бѣсы», «Подростокъ», «Дневникъ писателя» и «Братья Карамазовы», то мы нынѣ не принимаемъ на себя обязательство дать ихъ, какъ бесплатное приложеніе при «Нивѣ» 1895 г., такъ что подписчики «Нивы» за 1894 и 1895 г. получаютъ бесплатно „Полное собраніе сочиненій“ Ѳ. М. Достоевскаго.

12 выпусковъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, которыя будутъ выходить при «Нивѣ» въ середины наждаго мѣсяца, и будутъ содержать въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ бесплатно ежемѣсячнаго приложенія „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 №№ бесплатнаго ежемѣсячнаго приложенія рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертеней выкроекъ въ натуральную величину.

2 офорта проф. Ив. Ив. Шишкина: 1) „Дубовая роща Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ“ и 2) „Лѣсная рѣчна“.

2 картины 1) „Островъ Наргенъ“, проф. Ю. Ю. Клевера, отпеч. 15 краск. 2) „Неро-Фюрдъ въ Норвегій“, худ. Расмуссена, отпеч. 18 краск. „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1894 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе «НИВЫ» со всѣми вышеозначенными приложеніями:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ.	5 р. — в.	Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) . . . 8 р. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 7 , ЗА ГРАНИЦУ 10 .
Съ доставкою въ С.-Петербургъ.	6 , 50 ,	

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Невскій просп., № 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
 XXV г. НА 1894 г. XXV г.

Принявъ на себя въ 1893 году изданіе «Русской Старины», новая редакція заявила, что, преслѣдуя тѣ начала, которыя легли въ основу изданія, начавшагося еще въ 1870 году, она употребитъ все усилія къ тому, чтобы журналъ не только не утратилъ своего прежняго интереса, но, напротивъ, оживился бы еще болѣе и давалъ бы какъ можно менѣе сыраго матеріала и какъ можно болѣе матеріала литературно-разработаннаго. Съѣмъ думать, что наши подписчики не могутъ упрекнуть насъ, что мы не сдержали своего обѣщанія. Не трогая драгоцѣннаго и обширнаго архива, собраннаго покойнымъ издателемъ «Русской Старины» и пріобрѣтеннаго редакціею, благодаря благосклонному содѣйствію многихъ достойныхъ лицъ, намъ удалось дать втеченіе года не мало интересныхъ статей, которыя составили солидный вкладъ въ отечественную историческую литературу. Мы тѣмъ смѣлѣе можемъ надѣяться на дальнѣйшее улучшеніе журнала, что втеченіе одного года мы пріобрѣли много цѣнныхъ произведеній: воспоминаній и обширныхъ записокъ разныхъ лицъ, за весьма долгій періодъ времени. Съ нѣкоторыми изъ этихъ произведеній наши читатели имѣли уже случай познакомиться; къ числу ихъ принадлежатъ, между прочими, записки А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, воспоминанія В. А. Панаева, записки М. Я. Ольшевскаго, начатыя печатаніемъ въ книжкахъ текущаго года.

Кромѣ того, втеченіе 1894 года будутъ печататься, между прочими, слѣдующія произведенія: Записки В. А. Инсарскаго.—Автобіографія архимандрита Фотія.—За подполковника, мемуары доктора А. И. Ильинскаго.—Записки П. Н. Глѣбова.—Записки С. Н. Глинка.—Изъ записокъ принца Евгенія Виртембергскаго.—Воспоминанія А. А. Харитонова.—Изъ прошлаго А. И. Ильинскаго.—Записки А. Т. Болотова.

Такия важныя пріобрѣтенія втеченіе одного года новыхъ историческихъ вполне обработанныхъ матеріаловъ, устанавливая связь редакціи съ интеллигентнымъ обществомъ лицъ, интересующихся отечественною исторіею, даютъ намъ надежду, что и на будущее время редакція въ состояніи будетъ удовлетворять любознательность лицъ, интересующихся историческими событіями въ равныя эпохи русской жизни.

Въ 1893 году редакція начала новый отдѣлъ «Обозрѣніе историческихъ журналовъ». Давая краткое содержаніе помѣщаемыхъ въ нихъ статей, редакція «Русской Старины» имѣетъ полную возможность знакомить и на будущее время своихъ читателей съ цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, разбросаннымъ по разнымъ изданіямъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книжкахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ 9 Р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору редакціи журнала «Русская Старина», Спб., Фонтанка, 145. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Казани, Киевѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныя городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

